

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- [ИСТОРИЯ СИОНИЗМА В ИЗРАНЕТЕ](#) Обзор Анны Фейн
- [ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ: ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО](#)
- [ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ: ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ \(ALTENEULAND\)](#)
- [Н. Арарат, Еврейство и сионизм](#) Учебник от [Judaicaru](#)
- [Зеев Жаботинский. СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ](#)
- [Зеев Жаботинский, Повесть моих дней](#)
- [Зеев Жаботинский, Слово о полку](#)
- [ИСТОРИЯ СИОНИЗМА](#) от Еврейского Агенства
- [ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ](#)
- [История Израиля](#) от сайта "Израиль для вас"
- [Леон Урис, "Экходус"](#)
- [ХАНА СЕНЕШ, Ее жизнь, миссия и героическая смерть.](#)
- [Операция "Свадьба"](#)
- [Рина Неер, Улицы хранят память](#)

ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ

- [М. Ларкин, ШЕСТЬ ДНЕЙ ЯД - МОРДЕХАЯ](#)
- [Зеев Гейзель, Политические структуры государства Израиль](#) от центра им. р. Дж. Лукштейна
- [АhАВАТ ИСРАЭЛЬ!](#)
- [Голда Меир, Моя жизнь](#)
- [Моше Даян, Жить с Библией](#)
- [Б. Нетаниягу, Место под солнцем.](#)
- [Ш. Кац, Земля раздора](#)

- [Ливанская война - 2006 год. Подборка материалов.](#)
- [Ури Дан, Операция Энтеббе](#)
- [Ицхак Шамир](#)
- [Б. Хашиш, Кто убил Рабина](#)

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ И СИОНИЗМ

- [Хафец Хаим, Открою уста притче](#)
- [АВРААМ-ИЦХАК ГА-КОГЕН КУК](#)
- [рав Меир Кахане](#)
- [Мартин Бубер](#)

АНТИСИОНИЗМ

- [И. Шахак, "Еврейская история, еврейская религия", тяжесть трех тысяч лет](#)

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

ИЗРАНЕТ ОБ ИСТОРИИ СИОНИЗМА

Подготовила Анна Фейн
Сайт Центра им. Лукштейна

= [НА ГЛАВНУЮ](#)= [ТРАДИЦИИ](#)= [ИСТОРИЯ](#)= [ХОЛОКОСТ](#)= [ИЗРАНЕТ](#)= [НОВОСТИ](#)= [УРОКИ](#)=

- [Статья "Еврейский книжный шкаф"](#) - глава "Национальное возрождение еврейского народа" (перемотать статью в конец)
- [Книга Зеева Гейзеля "Политические структуры государства Израиль.](#)
- [Программа "История еврейства".](#) Глава "Право еврейского народа на страну Израиля" - история возвращения еврейского народа в страну с древнейших времен до наших дней
- ["Новый антисемитизм и реакция на него - сионизм"](#)
- Из материалов по [подготовке к Всемирной Викторине по еврейской самоидентификации - Игра "Алия".](#) Игровое занятие для детей на уроке истории или для внеклассной работы

Сайт "История и традиции еврейского народа"

- Книга [П. Арарата "Еврейство и сионизм"](#)
- Источники сионизма: [Владимир \(Зеев\) Жаботинский](#)
- Источники сионизма [Работы Теодора Герцля](#)

Сайт ["Израиль для вас"](#).

- Здесь надо выбрать раздел "Факты об Израиле" - "История" - "Под чужеземным владычеством". В этих материалах вы найдете прекрасные иллюстрации, фотографии, карты.

Сайт "Jewish.ru"

- [Бен-Цион Тавгер "Мой Хеврон". История борьбы за Хеврон.](#)

Маханаим:

- П. Полонский ["Эволюция идеологии сионизма"](#)
- П. Полонский ["Религиозная основа сионизма"](#)
- П. Полонский ["Три вида сионизма"](#)
- П. Полонский ["Зачем нам нужен Хеврон"?](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

Еврейский вопрос.

Основы антисемитизма

Влияние антисемитизма.

План.

Палестина или Аргентина?

Потребности и торгово-промышленные учреждения.

ЕВРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Цель еврейского общества.

Недвижимость.

Покупка земли.

Постройки.

Помещения для рабочих.

Чернорабочие.

Рабочие организации.

Семичасовой рабочий день.

Рынки.

Другие виды построек.

Некоторые виды ликвидации.

Орепации общества.

Деятельность Общества.

Поощрение промышленности.

Распределение ремесленников по поселениям.

Денежные источники.

ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ.

Распределение групп.

Наше духовенство.

Доверенные лица групп.

Распланировка местности.

Переселение среднего класса.

Численность переселенцев.

Наши способности.

ЕВРЕЙСКИЙ СОЮЗ И ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Ввод во владение.

Конституция.

Язык.

Теократия.

Законы.

Войско.

Знамя

Взаимная солидарность и международные договоры.

Выгоды от переселения евреев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

КНИГА ПЕРВАЯ: ОБРАЗОВАННЫЙ И ОТЧАЯВШИЙСЯ ЮНОША

- =I= =II= =III= =IV= =V= =VI=

КНИГА ВТОРАЯ: ХАЙФА. 1923 ГОД

- =I= =II= =III= =IV= =V= =VI=

КНИГА ТРЕТЬЯ: ЦВЕТУЩАЯ СТРАНА

- =I= =II= =III= =IV= =V= =VI=

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ: СВЯТАЯ ПАСХА

- =I= =II= =III= =IV= =V= =VI=

КНИГА ПЯТАЯ: ИЕРУСАЛИМ

- =I= =II= =III= =IV= =V=

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

mail.ru	1102
3685080	121

HotLog
1048156 +140

jewish.ru
1 КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ЕВРЕИ И РОССИЯ

1. РЕЧЬ К УЧИТЕЛЯМ

2. РЕЧЬ В ОБЩЕСТВЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ МЕЖДУ
ЕВРЕЯМИ В ОДЕССЕ

3. В ТРАУРНЫЕ ДНИ

4. ЕВРЕЙСКАЯ КРАМОЛА

ЧЕТЫРЕ СТАТЬИ О «ЧИРИКОВСКОМ ИНЦИДЕНТЕ» (1909)

I. ДЕЗЕРТИРЫ И ХОЗЯЕВА

II. АСЕМИТИЗМ

III. МЕДВЕДЬ ИЗ БЕРЛОГИ

IV. РУССКАЯ ЛАСКА

ВАШ НОВЫЙ ГОД

5. О «ЕВРЕЯХ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

СИОНИЗМ И МОРАЛЬНОЕ ПРАВО

ЧЕТЫРЕ СЫНА

АКТИВИЗМ

[ТЕЛЬ-ХАЙ](#)

[СОЦИАЛЬНЫЙ ЩИТ](#)

[ЭТИКА ЖЕЛЕЗНОЙ СТЕНЫ](#)

[«ЛЕГИОН»](#)

[О ЖЕЛЕЗНОЙ СТЕНЕ](#)

[СИЛА ДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ](#)

[ОБРАЩЕНИЕ К МОЛОДЕЖИ](#)

[«ШААТНЭЗ ЗАПРЕЩЕН ЕВРЕЮ...»](#)

[ЕВРЕИ И АРАБЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФОНЕТИКИ](#)

[ОБ АВАНТЮРИЗМЕ](#)

[СИОНИЗМ И КОММУНИЗМ](#)

[ГЛАВЫ ИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ БИБЛИИ](#)

[ИДЕЯ БЕЙТАРА](#)

[ВЫСШИЙ СИОНИЗМ](#)

[ВЕРА](#)

[О ЧЕМ ПОВЕДАЛА МОЯ ПИШУЩАЯ МАШИНКА](#)

[АРАБСКАЯ ПРОБЛЕМА – БЕЗ ДРАМАТИЗАЦИИ](#)

[КЛАСС](#)

[КОРОЛЕВСКИЕ ДЕТИ](#)

[БАБИЙ УМ](#)

[БЕЛЫЙ ПЕРЕДЕЛ](#)

[НАШЕ БЫТОВОЕ ЯВЛЕНИЕ](#)

[ВМЕСТО АПОЛОГИИ](#)

[ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ШКОЛЫ](#)

[О ЯЗЫКАХ И ПРОЧЕМ](#)

[УРОК ЮБИЛЕЯ ШЕВЧЕНКО](#)

[СТРАННОЕ ЯВЛЕНИЕ](#)

[НА ЛОЖНОМ ПУТИ](#)

[ИЗ «ХРОНИКИ ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ»](#)

[ЕВРЕЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ](#)

[АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ](#)

[ЧЕРНАЯ СОТНЯ](#)

[СИОНИЗМ](#)

[«ВОСТОК»](#)

[ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА В СИОНИЗМЕ](#)

[«ЛЕВЫЕ»](#)

[ВРАГ РАБОЧИХ](#)

[БУНТ СТАРИКОВ](#)

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ
ДНЕЙ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир (Зеев) Жаботинский. И. Недава.

Мое родословие.

Отрочество.

Берн и Рим.

Журналист.

Кишинев.

Конгресс.

Петербург.

Кочевник.

В грозах российской "весны".

Выборы, свадьба, Вена.

Константинополь.

На перепутье.

перевел с иврита Н. Бартман

из-во "Библиотека-Алия", 1985 г.

---

mail.ru	1102
3685080	121

HotLog
1048156 +140

jewish.ru
1 КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава 1. [Как зародилась мысль о легионе.](#)
- Глава 2. [Первый опыт - ZION MULE CORPS.](#)
- Глава 5. [Провал за провалом.](#)
- Глава 4. [Против всех.](#)
- Глава 5. [Как делается политика.](#)
- Глава 6. [Между казармой и кабинетом министра.](#)
- Глава 7. [Победа.](#)
- Глава 8. [Зигзаги государственной мудрости.](#)
- Глава 9. [Лагерь и штаб-квартира.](#)
- Глава 10. [Праздник еврейской палестины.](#)
- Глава 11. [Первый фронт.](#)
- Глава 12. [В двух шагах от Содома и Гоморры.](#)
- Глава 13. [За Иорданом.](#)
- Глава 14. [Почему было спокойно в Палестине.](#)
- Глава 15. [Наши офицеры.](#)
- Глава 16. [Наши солдаты.](#)
- Глава 17. [Каста главного штаба.](#)
- Глава 18. [Заключение.](#)

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

---

mail.ru	1102
3685080	121

HotLog
1048157 +141

jewish.ru
1 КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

СОДЕРЖАНИЕ

[Титл](#)

[От издательства](#)

[От общественного комитета по истории российского сионистского движения](#)

[Слово к читателю \(Александр Эзер\)](#)

[Предисловие - 1](#)

Часть I - Сионизм в России до Герцля

Глава I - Зачинатели национального возрождения

1. [Стремление народа Израиля к освобождению](#) - 5
2. [Перец Смоленский и "Хашахар"](#) - 6
3. [Элиэзер Бен-Иехуда](#) - 8
4. [Годы реакции в царствование Александра III](#) - 9

Глава II - Основание движения Хибат-Цион

1. [Моше-Лейб Лилиенблюм и Леон Пинскер](#) - 12

Глава III - Первая алия

1. [Алия билуйцев](#) - 20
2. [Катовицкий съезд](#) - 23
3. [Съезд в Друскениках](#) - 26

Глава IV - Одесский комитет

1. [Запрет алии](#) - 29
2. [Новые преследования российских евреев и изгнание их из Москвы](#) - 31

Часть II - Политический сионизм с момента его зарождения и до смерти Герцля

Глава V - Появление Герцля на общественной арене

1. [Дело Дрейфуса](#) - 35
2. ["Еврейское государство"](#) - 39
3. [Отклики евреев России на появление Герцля на политической арене](#) - 42
4. [Приготовления к Первому конгрессу](#) - 47
5. [Первый конгресс](#) - 49
6. [Сионисты России о Первом конгрессе](#) - 60
7. [Герцль о евреях России](#) - 66

Глава VI - Сплочение сионистов России и их деятельность

1. [Навстречу Второму конгрессу](#) - 69
2. [Первый съезд сионистов России в Варшаве](#) - 70

3. [Второй конгресс](#) - 72

4. [Нахман Сыркин и "Еврейское социалистическое государство"](#) - 76

Глава VII - Период усиленной дипломатической деятельности

1. [Попытка ориентации на Германию и последующее разочарование](#) - 84

2. [Третий конгресс](#) - 89

3. [Четвертый конгресс](#) - 96

4. [Демократическая фракция](#) - 101

5. [Пятый конгресс](#) - 108

Глава VIII - Продолжение внутренних споров

1. [Основание Мизрахи](#) - 117

2. [Навстречу Второму съезду сионистов России](#) - 120

3. [Минский съезд](#) - 122

4. [Книга Герцля "Альтнойланд"](#) - 130

Глава IX - Кишиневский погром

1. [Характер погрома](#) - 132

2. [Защищались ли кишиневские евреи?](#) - 135

3. [Становление самообороны](#) - 137

4. [Месть Пинхаса Дашевского](#) - 142

5. [Реакция еврейской молодежи на поступок Дашевского](#) - 145

Глава X - Русское правительство и сионизм

1. [Циркуляр Плеве о сионизме и еврейском национальном движении](#) - 147
2. [Приезд Герцля в Россию](#) - 152
3. [Беседы Герцля с Плеве](#) - 154
4. [Завершение визита Герцля в Петербург и его встреча с евреями Вильно](#) - 161

Глава XI - Кризис в стане сионистов

1. [План Уганды](#) - 166
2. [Шестой конгресс](#) - 168
3. [Полемика вокруг Уганды](#) - 174
4. [Уход Ционей Цион](#) - 184
5. [Смерть Герцля](#) - 191

Часть III - Сионизм в период после смерти Герцля и до Первой мировой войны

Глава XII - Еврейство России между Шестым и Седьмым конгрессом

1. [Погром в Гомеле](#) - 195
2. [Евреи в годы русско-японской войны](#) - 199
3. [Еврейская самооборона и участие в ней сионистов](#) - 202
4. [Погром в Житомире и доблесть участников самообороны](#) - 206

Глава XIII - Ционей Цион продолжают борьбу

1. [Разброд в движении после смерти Герцля](#) - 208

2. ["Наша программа" - 214](#)

3. [Полемика перед Седьмым конгрессом - 217](#)

4. [Съезды в Вильно \(Ционей Цион\) и Варшаве \(территориалисты\) - 220](#)

5. [Совещания перед Седьмым конгрессом - 222](#)

6. [Седьмой конгресс - 224](#)

Глава XIV - В дни революции 1905 года и после нее

1. ["Манифест" и погромы в дни революции - 229](#)

2. [Реакция российских сионистов на октябрьские погромы - 232](#)

3. [Гельсингфорский съезд - 238](#)

Глава XV - "Синтетический сионизм"

1. [Четвертый съезд сионистов России - 244](#)

2. [Восьмой конгресс в Гааге - 248](#)

3. [Резолюции Восьмого конгресса и выборы правления - 255](#)

4. [Халуцим Второй алии - 260](#)

Глава XVI - Период президентства Давида Вольфсона

1. [Поражение революции и усиление реакции в России - 266](#)

2. [После Восьмого конгресса. Приезд Вольфсона в Петербург - 268](#)

3. [Пятый съезд сионистов России - 275](#)

4. [Девятый конгресс - 279](#)

5. [Примирение на Ежегодной конференции - 287](#)

6. [Десятый конгресс](#) - 292

Глава XVII - Политическая реакция накануне Первой мировой войны

1. [Участие российских сионистов в общественной жизни в диаспоре](#) - 297

2. [Сионистская студенческая организация Хехавер](#) - 299

3. [Дискуссия с "политической оппозицией" в преддверии Одиннадцатого конгресса](#) - 304

4. [Совещание российских делегатов во время Одиннадцатого конгресса](#) - 307

5. [Одиннадцатый сионистский конгресс](#) - 309

6. [Ухудшение положения российских евреев с началом Первой мировой войны](#) - 316

Часть IV - Сионизм в годы войны и революции

Глава XVIII - В первые военные годы

1. [Высылка евреев из прифронтовых районов](#) - 321

2. [Сионистское руководство в начале войны](#) - 326

3. [Иосиф Трумпельдор и "Отряд погонщиков мулов"](#) - 330

4. [Политическая деятельность сионистов в Лондоне](#) - 335

5. [Спор вокруг плана Жаботинского](#) - 340

Глава XIX - Падение монархии

1. [Февральская революция](#) - 343

2. [Подъем сионистского движения во время революции](#) - 343

3. [Седьмой съезд сионистов России](#) - 348

4. [Прения на Седьмом съезде](#) - 355

5. [Вторая конференция Цеирей Цион](#) - 360

6. [Радикал-социалистическая партия Поалей Цион](#) - 366

Глава XX - От февраля до октября

1. [Сионисты России в борьбе с антисионистами](#) - 368

2. [Декларация Бальфура](#) - 376

3. [Еврейские войсковые части](#) - 388

4. [Начало Хехалуца и деятельность Иосифа Трумпельдора](#) - 399

Глава XXI - Под властью большевиков

1. [Начало Третьей алии](#) - 412

2. [Начало послеоктябрьских гонений в России](#) - 423

3. [Сионистское движение в подполье](#) - 432

[Послесловие](#) - 439

[Указатель имен](#)

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

1975 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- [Предисловие](#) - 5
- [М. Бреславский - наша Хана Сенеш](#) - 7
- [Дневник](#) - 11
- [1934 - 1937](#)
- [1938](#)
- [Наш народ](#). (Набросок (из литературного наследия Ханы Сенеш), написанный, примерно, в это время.)
- [1939, о нашей семье](#)
- [1940, первые стихи](#)
- [1941](#)
- [1942](#)
- [Праздник жатвы](#), (Из литературного наследия. Видимо, выступление в честь праздника жатвы в лагере трудовой молодежи.)
- [1943](#)
-

[Письма - 225](#)

[Стихи - 275](#)

[Р. Дафни - Миссия, к последней черте - 283](#)

[Катерина Сенеш - Моя дочь Анико - 302](#)

Перевели с иврита А. Белов, И. Лапидот

OCR Nina & Leon Dotan ldnleon@yandex.ru (12.2002)

ldn-knigi.narod.ru ldn-knigi.russiantext.com

{00} - № страниц, наши примечания - текстом меньше, курсивом.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

Йосеф Менделевич.

Операция "СВАДЬБА"

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Вступление р. Зеева Мешкова](#)

[Предисловие к украинскому изданию](#)

ВСТУПЛЕНИЕ

глава первая: [ПРЕДЫСТОРИЯ "СВАДЬБЫ"](#)

глава вторая: [СЛЕДСТВИЕ И СУД](#)

глава третья: [ЛАГЕРЯ](#)

глава четвертая: [ЭТАПОМ В СТУДЕНЬ ЕГИПЕТ](#)

глава пятая: [ПЕРЕД ИСХОДОМ](#)

[Биография](#)

[ПРИМЕЧАНИЯ](#)

[ФОТОГРАФИИ](#)

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Маргарет Ларкин, **ШЕСТЬ ДНЕЙ ЯД - МОРДЕХАЯ**

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ =СИОНИЗМ =

О книге

Предисловие -----	3
Слово автора -----	4
Начало -----	5
Рост -----	15
Осада -----	28
Накануне сражения -----	45
19 мая 1948 года -----	56
20 мая 1948 года -----	80
21-22 мая 1948 года -----	96
23 мая 1948 года -----	109
Отступление -----	122
Жизнь в изгнании и возвращение -	133
Послесловие -----	146

рав Меир Кахане

= ПРАЗДНИКИ = ГЛАВНАЯ = ТРАДИЦИИ = ИСТОРИЯ = АТЛАС = ХОЛОКОСТ = ИЗРАНЕТ =
НОВОСТИ = СИОНИЗМ =

АНАВАТ ИСРАЭЛЬ!

Что означают эти слова? Они означают любовь к еврею, к каждому еврею, включая самого себя. Они означают, что еврей обязан любить свой народ.

Об этом забыли американские евреи, хранившие молчание в дни Катастрофы. Об этом забыли те, кто пытались избавиться от своей национальной сущности, чтобы стать настоящими американцами. Это понятие чуждо тем левым и либералам, которые готовы бороться за что угодно, но только не за интересы своего народа. Ахават Исраэль забыта теми, кто осуждает организаторов самообороны в кварталах еврейской бедноты. Те, кто называют Израиль "империалистическим агрессором" и заявляют, что судьба советских евреев это "не их дело", тоже не имеют представления о том, что такое Ахават Исраэль.

= ПРАЗДНИКИ = ГЛАВНАЯ = ТРАДИЦИИ = ИСТОРИЯ = АТЛАС = ХОЛОКОСТ = ИЗРАНЕТ =
НОВОСТИ = СИОНИЗМ =

Моше Даян

МОЯ ЖИЗНЬ

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [НА ГЛАВНУЮ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) = [ОГЛАВЛЕНИЕ](#) =

[Биография](#)

[Титул](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

[ДЕТСТВО](#)

[ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОТРОЧЕСТВО](#)

[Я ВЫБИРАЮ ПАЛЕСТИНУ](#)

[НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ](#)

[ПИОНЕРЫ И ПРОБЛЕМЫ](#)

["МЫ БУДЕМ БОРОТЬСЯ ПРОТИВ
ГИТЛЕРА"](#)

[БОРЬБА ПРОТИВ БРИТАНЦЕВ](#)

[У НАС ЕСТЬ СВОЕ ГОСУДАРСТВО](#)

[ПОСЛАННИК В МОСКВЕ](#)

[ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ](#)

[ДРУЖБА С АФРИКОЙ И ДРУГИМИ](#)

[СТРАНАМИ](#)

[МЫ ОДИНОКИ](#)

[ПРЕМЬЕР-МИНИСТР](#)

[ВОЙНА СУДНОГО ДНЯ](#)

[КОНЕЦ ПУТИ](#)

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [НА ГЛАВНУЮ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) = [ОГЛАВЛЕНИЕ](#) =

Моше Даян

ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [НА ГЛАВНУЮ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) = [ОГЛАВЛЕНИЕ](#) =

[Биография](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

[ПРОЛОГ](#)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПАТРИАРХИ

1. [САМИ СЕБЕ ВЛАДЫКИ](#)

2. [ОБЕТОВАНИЕ](#)

3. [МУДРЫЙ БЕДУИН](#)

4. [НЕИСКУПИМЫЙ ГРЕХ](#)

5. [МИХАЛЬ В ПЕЩЕРЕ МАХПЕЛА](#)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ОТ РАБСТВА К СВОБОДЕ

6. [ПРИНЦ ЗЕМЛИ ЕГИПЕТСКОЙ](#)

7. [ДЕТИ ПУСТЫНИ](#)

8. [БОРЬБА ЗА ИСТОЧНИКИ](#)

9. [ЗАКОНОДАТЕЛЬ](#)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

[10. МЕЧ И ПЛУГ](#)

[11. ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ](#)

[12. ЦАРСКОЕ НАСЛЕДИЕ](#)

[13. ПЕСНЬ ДЕВОРЫ](#)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: ОТ СОЮЗА ПЛЕМЕН К ЦАРСТВУ ИЗРАИЛЬСКОМУ

[14. ДОЧЕРИ ШИЛО](#)

[15. ОТКРОВЕНИЕ](#)

[16. ПЕРВЫЙ ЦАРЬ](#)

[17. МЕРТЬ ГЕРОЯ](#)

ЧАСТЬ ПЯТАЯ: ДОМ ДАВИДОВ

[18. НА ГУМНЕ](#)

[19. ЕДИНОБОРСТВО В ДОЛИНЕ ЭЛА](#)

[20. БРАТ ПРОТИВ БРАТА](#)

[21. ОБЪЕДИНЕННАЯ НАЦИЯ](#)

Перевел с английского Н. Бартман Редактор А. Гинзай

ISBN 965-320-005-4

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [НА ГЛАВНУЮ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) = [ОГЛАВЛЕНИЕ](#) =

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [НА ГЛАВНУЮ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАИЛ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) = [ОГЛАВЛЕНИЕ](#) =

[Титл](#)

[Предисловие](#)

- [- Введение](#)

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ СИОНИЗМА

- [- Общественное мнение на стороне евреев](#)
- [- Чья это земля?](#)
- [- Мечта о Возвращении](#)
- [- Начало начала](#)

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРЕДАТЕЛЬСТВО

- [- Отказ Британии от выполнения своих обязательств](#)
- [- Переориентация. Предупреждения](#)
- [- Британия и арабы переходят к совместным действиям](#)
- [- Черчилль](#)
- [- Начало арабского шантажа и насилия](#)
-

- После Второй мировой. Нефть

•

- Решающий удар по британскому правлению в Эрец-Исраэль

•

- Война за независимость

•

- Изменения в геополитической обстановке

•

- Арабы переписывают историю

•

- ООН и новая империя (СССР) - союзники арабов

•

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА

•

- Хищники Ближнего Востока

•

- Существует ли палестинский народ?

•

- Экспансия и диктатура

•

- Отношение арабов к национальным меньшинствам

•

- Неразборчивость в средствах насилия. Террор

•

- Двойной стандарт ООН

•

- Корни нестабильности

•

- Панарабизм - мечта о реванше

•

- Исламский фундаментализм

•

- Корни ненависти арабов к Израилю

•

- Третий фактор - комплекс неполноценности

•

- Реальная угроза всему миру - Саддам Хусейн

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ВОПРЕКИ ЛОГИКЕ

- - Основные этапы истории попыток арабов уничтожить Государство Израиль
- - "Новый подход" арабов: Израиль - агрессор!
- - "Проблема беженцев" - в чем ее суть и откуда она взялась?
- - Обновление демагогии - "Право палестинского народа на самоопределение"
- - Истинная причина конфликта
- - "Палестинский принцип"
- - "Палестинский принцип" на вооружении гитлеровской Германии
- - Подъем жизненного уровня арабов в условиях неопределенности
- - Первая интифада или "Как волка ни корми..."
- - Мировое сообщество - политика "тройных стандартов"
- - Обновление демагогии и верх цинизма - "вопрос о поселенцах"

ГЛАВА ПЯТАЯ. ТРОЯНСКИЙ КОНЬ ПО ИМЕНИ "ООП"

- - Откуда взялась Организация освобождения Палестины и каковы ее цели?
- - Палестинская хартия
- - Главные действующие лица и исполнители. Великий Муфтий
- - Расцвет нацизма на Ближнем Востоке после войны
- - Убийцы выходят на работу. Создание ООП
- - ООП в Иордании (1956-1970 гг)

- ООП в Ливане (1970-1982 гг)

•

- Переход ООП к тактике международного террора

•

- Ложь, большая ложь и ... политика

•

- Начало понимания сути терроризма и необходимости борьбы с террором

•

- Первые признаки предательства израильских левых

•

- Реанимация ООП

•

- Оживший монстр принимается за свое дело.

•

- Поэтапный план уничтожения Израиля, принятый ООП 8 июня 1974 года.

•

- «Право на возвращение... беженцев»

•

- Стратегическая концепция ООП

•

- Могут ли они измениться?

•

- Осло

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ДВА ВИДА МИРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ГОРНЫЙ ЩИТ ИЗРАИЛЯ

•

- Уязвимость границ 1967 года

•

- Опасность создания палестинского государства в Иудее и Самарии

•

- Последний аргумент левых "миротворцев" - ядерная дубина

•

- Совместим ли политический суверенитет ПА с военным контролем над ПА и наоборот?

•

- Водные ресурсы Израиля - основа его жизнеспособности

-
- - Невозможность отступления с Голанских высот
- - Резолюция №242 - кто ее должен выполнять?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ УГРОЗА?

- Неточная наука демография

- Ложь, большая ложь и статистика

- Что происходит на самом деле

- Алия - надежда Израиля

- Алия и арабы

- Алия - кто еще против?

- Политэкономическое болото. Что делать?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ПУТЬ К ПРОЧНОМУ МИРУ

Первое: Арабы должны признать право Израиля на существование

Мусульманская антиеврейская пропаганда

Какую выгоду сулит арабам мир с Израилем?

Страх

"Пока они явятся спасать Израиль, уже не будет никакого Израиля"

Иерусалим

Возможен ли компромисс с арабами?

[Европа нам поможет?](#)

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

[Легко ли быть евреем?](#)

КАРТЫ

- [1.Относительные размеры Государства Израиль](#)
- [2.Сравнительная площадь Израиля](#)
- [3.Еврейский национальный очаг под Британской Администрацией](#)
- [4.Еврейский национальный очаг после создания Трансиордании](#)
- [5.ООН](#)
- [6. Израиль после Войны за Независимость](#)
- [7. После Шестидневной войны](#)
- [8. Израиль в нынешних границах](#)
- [9. Уязвимость Израиля \(1\)](#)
- [10. Уязвимость Израиля \(2\)](#)
- [11. Что такое "территории"](#)

ПРИЛОЖЕНИЯ

- [1.Арабо-еврейское соглашение в Версале, 1919 г.](#)
- [2.Из переписки Фейсала с Франкфуртером](#)
- [3.Мандат Лиги Наций на Палестину](#)

[4.Обещание Риббентропа муфтию уничтожить еврейский национальный очаг в Палестине](#)

•
[5.Хартия Организации освобождения Палестины \(ООП\)](#)

•
[6.Резолюция 242 Совета Безопасности ООН](#)

•
[7.План Пентагона](#)

•
[8.Резолюция 338 СБ ООН](#)

•
[9.Поэтапный план ООП](#)

•
[10. Доля евреев в общем населении к западу от реки Иордан](#)

[= ПРАЗДНИКИ](#) = [НА ГЛАВНУЮ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) = [ОГЛАВЛЕНИЕ](#) =

ШМУЭЛЬ КАЦ

ЗЕМЛЯ РАЗДОРА

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ФАНТАЗИИ
ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ

= ПРАЗДНИКИ = НА ГЛАВНУЮ = ТРАДИЦИИ = ИСТОРИЯ = ХОЛОКОСТ = ИЗРАНЕТ =
НОВОСТИ = СИОНИЗМ = ОГЛАВЛЕНИЕ =

Титул

Предисловие к русскому изданию

Менахем Бегин, Предисловие

Вступительное слово

1. Война до войны

2. Беженцы

3. Корень конфликта

4. Еврейское присутствие в Эрец Исраэль

5. Начало возрождения Эрец Исраэль

6. Венок легенд

7. Причины конфликта

8. Роль Израиля в современном мире

9. После войны Судного дня

10. Гарантии мира

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Приложение 1 - Соглашение между доктором Вейцманом и эмиром Фейсалом
[3 января 1919]

Приложение 2 - Меморандум Сионистской организации Парижской мирной
конференции [3 февраля 1919]

Приложение 3 - Переписка Фейсал - Франкфуртер

Приложение 4 - Официальные границы

Приложение 5 - Введение к мандату на Палестину

= ПРАЗДНИКИ = НА ГЛАВНУЮ = ТРАДИЦИИ = ИСТОРИЯ = ХОЛОКОСТ = ИЗРАНЕТ =
НОВОСТИ = СИОНИЗМ = ОГЛАВЛЕНИЕ =

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

ЛИВАНСКАЯ ВОЙНА - 2006

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ВОЙНА

Причины арабской ненависти

"Самым эффективным оружием "Хизбаллы" были российские противотанковые ракеты".

Израильско-ливанский конфликт: после перемирия - передача "Эхо Москвы"

Мирон Я. Амусья, - "Что-то неладно в консерватории!"

ПРЕСС-СЛУЖБА МИДА ИЗРАИЛЯ: РЕЗОЛЮЦИЯ 1701 СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

ОСОБОЕ МНЕНИЕ - Е.Киселев о войне и не только...

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ ГАЗЕТЫ "ВЕСТИ" Я. ШАУС "ГЕРОИЗМ, КОТОРЫЙ МЫ НЕ УТРАТИЛИ"

М. ЗАЙЧИК: "БУШ СКАЗАЛ, ЧТО ИЗРАИЛЬ РАЗГРОМИЛ "ХИЗБАЛЛУ". И ЭТО ПРАВДА!"

Мюнхен - 2006, А.Пионтковский

ЛИВАН - 2006: ЕЩЕ ОДНА НЕПОНЯТНАЯ ВОЙНА

Такое впечатление... М. Гила

СИСТЕМНАЯ ОШИБКА ИЗРАИЛЯ, Ари Шавит

[Депутат "Аводы": "Это был выбор между проказой и холерой!"](#)

[Их оружие — наши либеральные ценности](#)

[ПРЕСС-СЛУЖБА МИДА ИЗРАИЛЯ: Вопросы и ответы о наступлении ЦАХАЛа и Резолюции ООН](#)

[За день до перемирия "Хизбалла" выпустила по Израилю 250 ракет](#)

[Корни терроризма на Ближнем Востоке – в невыполнении решений ООН](#)

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

[НАЧАЛЬНИК АРМЕЙСКОЙ РАЗВЕДКИ: "СЛЕДУЮЩАЯ ВОЙНА - ЛИШЬ ВОПРОС ВРЕМЕНИ"](#)

[3. Ханин, ВТОРАЯ ЛИВАНСКАЯ ИЛИ ПЕРВАЯ ИРАНСКАЯ?](#)

[Проиграл ли Израиль войну?](#)

[Кто разоружит "Хизбаллу"?](#)

[Ливанский "буфер" - дураков нет?](#)

[Тогда считать мы стали раны](#)

[Израилю придется остановить Иран в одиночку?](#)

[ПРЕСС-СЛУЖБА МИДА ИЗРАИЛЯ: Под обстрелом средств СМИ](#)

["Мир без Израиля", Джозеф Фара](#)

[Из пещеры в пещеру](#)

[Участие Human Rights Watch в ближневосточном конфликте неуместно и безнравственно](#)

[Die Welt: Перемирие в Ливане - только передышка](#)

[Посол Сирии в России Хасан Рише: "Даю честное посольское!"](#)

[Привет из 1968 года](#)

ВОЙНА В СМИ

[Ближневосточный конфликт и позиция России: мнения](#)

[Резолюция против Анелевича - В. Новодворская](#)

[Война в Ливане и мировые СМИ: мнения экспертов](#)

[Отношение к Израилю - смесь неприязни и чувства вины](#)

[ПРАВДА О "ХИЗБАЛЛЕ", ИЛИ С КЕМ ВОЮЕТ ИЗРАИЛЬ](#)

[Как воюет «Хизбалла»](#)

[Агентство «Рейтер» признает подделку второй фотографии](#)

[Война фотографий](#)

[REUTERS опубликовало сфабрикованный снимок бомбардировки Бейрута](#)

[Мир начинает догадываться о подоплеке событий в Кафр-Кане](#)

[Кадры из деревни Кана – постановка режиссера](#)

[ТВ ПРОТИВ ИЗРАИЛЯ](#)

[Кому война, кому мать родна](#)

[Осуждая Израиль, весь мир подвергает себя опасности](#)

[Нацистская тактика «Хизбаллы»](#)

[Утка по-ливански: разбор полетов](#)

[ИЗРАИЛЬ, ЛИВАН, СИРИЯ, ИРАН, США, РОССИЯ...](#)

[Одни Чемберлены - Е. Боннэр](#)

[Иран и Сирия перевооружают "Хизбаллу"](#)

[К. БОЛТАНСКИ : "НАСРАЛЛА ВСЕХ НАС ВЗЯЛ В ЗАЛОЖНИКИ. ЭТО ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ".](#)

[М. Бехе - "К МОМЕНТУ АТАКИ ИЗРАИЛЯ ЛИВАНА УЖЕ НЕ БЫЛО"](#)

[Ливанцы громко винят Израиль, а потихоньку – Хизбаллу](#)

[Террор был тут раньше](#)

["УДАР ДОЛЖЕН БЫЛ БЫТЬ НАНЕСЕН ПО СИРИИ"](#)

[Аспирин для Ливана](#)

[Премьер Ливана: "Необходимо немедленно прекратить это безумие"](#)

[ООН, Израиль и "Хизбалла"](#)

[ПОДАРОК для ШЕЙХА](#)

[Агентство АІА: анализ российского участия в ливанском кризисе](#)

["Президент России понимает, что мы – по одну сторону баррикад"](#)

["Мюнхенский дух" над Галилеей](#)

[В последнее время российские СМИ предпочитают представлять Израиль агрессором](#)

[Российские следы в Ливане](#)

•

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАИЛ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

---

mail.ru	1119
3685097	122

HotLog	
1048157	+141

Ури Дан.

ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ

= ПРАЗДНИКИ = НА ГЛАВНУЮ = ТРАДИЦИИ = ИСТОРИЯ = ХОЛОКОСТ = ИЗРАНЕТ =
НОВОСТИ = СИОНИЗМ = ОГЛАВЛЕНИЕ =

Предисловие

ВСТУПЛЕНИЕ

ГДЕ РЕЙС "139"?

АФРИКАНСКИЙ ДИКТАТОР ВСТУПАЕТ В
ИГРУ

ТЕРРОРИЗМ И БЕЗУМНЫЕ РЕЖИМЫ
ВАРИАНТЫ

ГДЕ ЭТА ЧЕРТОВА УГАНДА?

УЛЬТИМАТУМ ТЕРРОРИСТОВ

ПЛАН "А": СДАВАТЬСЯ?

ПЕРЕХОД К ПЛАНУ "Б": НАПАДЕНИЕ

ДОКТОР ХАДАД - ОРГАНИЗАТОР

ТЕРРОРА

РАЗВЕДКА СОБИРАЕТ СВЕДЕНИЯ

АМИН - МАРИОНЕТКА ООП

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ РАССМАТРИВАЕТ

ПЛАН "Б"

НЕВИДИМКИ

НОЧЬ РЕПЕТИЦИИ

"ГИППО" СОБИРАЮТСЯ В ПУТЬ

ОПЕРАЦИЯ "МОЛНИЯ". "ДОБРО!"

В АФРИКЕ

ИОННИ РАНЕН!

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДОРЫ БЛОХ

ЗАПРАВКА В НАЙРОБИ!

ИДИ УЗНАЕТ О НОВОСТЯХ ИЗ ТЕЛЬ-

АВИВА

Я СКОРБЛЮ О ТЕБЕ, МОЙ БРАТ ИОНАТАН
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перевела Лидия Варшавская,
Редактор Рут Зернова
Иерусалим, 1980,
Издание 2-е, исправленное,
ISBN 965-320-027-5 OCR,
вычитка: vvoblin@hotmail.com

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [НА ГЛАВНУЮ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) = [ОГЛАВЛЕНИЕ](#) =

ИЦХАК ШАМИР

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [НА ГЛАВНУЮ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) = [ОГЛАВЛЕНИЕ](#) =

Биография

Влюбленный в Эрец-Исраэль

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [НА ГЛАВНУЮ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) = [ОГЛАВЛЕНИЕ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Предисловие.

Введение

Глава 1. Возникновение версии о заговоре

Глава 2. Игаль Амира готовят к убийству

Глава 3. Преступления и сделки

Глава 4. Телевидение как политический инструмент

Глава 5. Каким образом ШАБАК мог упустить Амира из виду?

Глава 6. Предыдущая провокация

Глава 7. Гилон, Кало и другие

Глава 8. Неиспользованный план

Глава 9. Фильм Кемплера

Глава 10. Заговор начинает распутываться

Глава 11. Лея Рабин в вечер убийства

Глава 12. Экспертное заключение Баруха Гладштейна

Глава 13. "Праведный суд"

Глава 14. Йорам Рубин, лжец

Глава 15. Говорит Игаль Амир

Глава 16. Обструкция дает мне новых свидетелей

Глава 17. Параллельное расследование

Глава 18. Пистолет

Глава 19. Ранение в грудь

Глава 20. Очевидец покушения

Глава 21. Различные загадки

Глава 22. Преступники

Глава 23. Недостающие звенья цепи

[Эпилог.](#)

Дополнение:

[Прыгающий раненый, А. Лорд](#)

[Новое об «Убийстве Рабина», М. Бронштейн](#)

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

Хафец Хаим - "Жаждающий жизни" ОТКРОЮ УСТА СВОИ В ПРИТЧЕ

= ПРАЗДНИКИ = ГЛАВНАЯ = ТРАДИЦИИ = ИСТОРИЯ = АТЛАС = ХОЛОКОСТ = ИЗРАНЕТ =
НОВОСТИ = СИОНИЗМ =

О книге

Предисловие

Краткое содержание притч

Словарь имен и терминов

Глава 1. ОТЧЕТ ПЕРЕД СОБОЮ

1. Самый примечательный день

2. Торговец, проверяющий свое имущество

3. Сын, потерявший весь данный ему пенсион

4. Что ставят в прихожей, а что — во внутренних комнатах

5. Обходи опасную дорогу

6. Можно ли измерить вечность?

Записная книжка лавочника и счетные книги государства

8. Целесообразно ли уменьшение прихожей за счет зала

9. Едущие на ярмарку

10. Далекое путешествие за понюшкой
табаку

11. Посев на большом поле

12. Во время ярмарки важна каждая
минута

13. Царя, который переоделся в
простого человека, не узнали

14. Должник вернул деньги, не
воспользовавшись ими

15. Кошелек в конце концов опустеет

16. Работа постоянная и работа
временная

17. Подарок, который не пришелся по
душе жениху-сироте

18. Царская дочь, которая вышла замуж
за деревенского жителя

19. Дорогим одеждам - свое место

20. Во время пожара спасайся

21. Ошибка восстающих против царя

22. Оправдания восставшего против
царя

23. Пьяница - трезвый и во хмелю

[24. Страх перед царской полицией](#)

[25. В доме больного](#)

[26. Два компаньона](#)

[27. Нашедший жемчужину на берегу](#)

[28. Обманщик пригласил знакомого
покушать в трактир и сбежал перед
расплатой](#)

[29. Слуга, который растратил чужие
деньги](#)

[30. Тот, кто задержался в далекой стране
и потратил время впустую](#)

[31. "Все, что есть у него, отдаст за душу
свою"](#)

[32. Царские постройки](#)

[33. Стоимость товара, купленного на
огромный капитал](#)

[Краткое содержание притч](#)

Глава 2. ИЗУЧЕНИЕ ТОРЫ

[34. Смертельно заболевший сын богача](#)

[35. Книги с недостатками](#)

[36. Бедняк на ярмарке](#)

[37. "Ибо кровь - это душа"](#)

38. Возвращение в этот мир после смерти

39. Срывание царских одежд

40. Дырявый сосуд

41. Что значат деньги для бедного и богатого

42. Бедняк, нашедший жемчужину

43. "Золотая лихорадка"

44. Бережное отношение ко времени на ярмарке

45. Человек не работает без прибыли

46. Слепой, шагающий по опасной дороге

47. Купец, отказавшийся от легкой поездки

48. Дележ военной добычи

49. Просьбы бедного и богатого

50. Как ищут клад?

51. Невежественные крестьяне не смогли понять ценности царской короны

52. Путник, добравшийся зимой до постоялого двора

53. Как подыскивают помещения для министров государства

54. Ученик считается сыном

55. Взыскивающий заработную плату

56. Министр велел убрать комнату кочегаров на корабле

57. Каков порядок расстановки вещей в доме

58. Как ухаживают за тяжелораненым?

59. Сын, которому осталось немного дней быть вместе с отцом

60. Царь, который послал своего сына в далекую страну, чтобы купить жемчужины

61. Дорогая машина не стоит без дела

62. Много мудрости, денег и сил нужно вложить в поиски клада

63. Погоня за пропитанием

64. Как поступает человек, отец которого не оставил ему в наследство денег?

65. Проверка счетных книг

66. Кто понимает ценность долговых расписок?

[67. Ущерб, причиненный войной](#)

[68. Пьяница в позорном положении](#)

[69. Властитель, ставший золотарем](#)

[70. Богач, который не нашел должности,
соответствующей его положению](#)

[71. Поиски холодной воды](#)

[72. Слуга, который не выполнил
распоряжений](#)

[73. В обычае продавца украшать свой
товар](#)

[74. Боль разлуки](#)

[75. Укус змеи](#)

[76. Купивший поддельные долговые
расписки](#)

[Краткое содержание притч](#)

Глава 4. НАГРАДА И НАКАЗАНИЕ

[77. Рабочий, действующий от имени
хозяина](#)

[78. Заключение, вынужденный есть
собственную плоть](#)

[79. Плата рабочему, прервавшему
работу на середине](#)

[80. Приговор подделывающему](#)

[долговые расписки и жене его](#)

[81. Как узнают, что дом сгорел?](#)

[82. Купец вернулся домой, проведя
много лет в дальних краях](#)

[83. Трапеза крестьян перед свадьбой](#)

[84. Как повесили царского министра](#)

[85. Повозка, едущая в неверном
направлении](#)

[86. Как богача выслали в пустыню](#)

[87. Вор, вырывавший деревья](#)

[88. Того, кто перенес жестокое
наказание, не утешить](#)

[89. Украшения дороже всех товаров](#)

[90. Бедняк, выигравший в лотерею](#)

[91. Человек, который захотел стать
зятем богача](#)

[92. Купец, который предложил царю
поддельные жемчужины](#)

[93. Царь, приехавший со свитой в
маленький городок](#)

[Словарь имен и терминов](#)

[Краткое содержание притч](#)

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [ГЛАВНАЯ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [АТЛАС](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) =

---

mail.ru	1123
3685101	122

HotLog
1048157 +141

рав Кук

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [ГЛАВНАЯ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [АТЛАС](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) =

Краткая биографическая справка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ВЕРА

БЕСЕДА I. [ВЕРА В НАШЕМ ПОКОЛЕНИИ](#)

БЕСЕДА II. [СУЩНОСТЬ ВЕРЫ](#)

БЕСЕДА IV. [АГАДА \(ТАЛМУДИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ\)](#)

БЕСЕДА V. [СМЫСЛ ЗАПОВЕДЕЙ](#)

БЕСЕДА VI. [НОВАЯ НАУКА И ТОРА](#)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

БЕСЕДА I. [ЧЕЛОВЕК](#)

БЕСЕДА II: [ЧЕЛОВЕК И ЕГО МОРАЛЬНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ](#)

БЕСЕДА III. [ОСНОВА ПРОГРЕССА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ](#)

БЕСЕДА IV. [ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧЕНИЕ РАВА КУКА](#)

БЕСЕДА V. ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ. 1. [ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО](#)

БЕСЕДА VI. ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ 2. [ИСКУССТВО](#)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ИЗРАИЛЬ И ЕГО ЗЕМЛЯ

БЕСЕДА I. [НАЦИОНАЛИЗМ](#)

БЕСЕДА III. [ЕДИНСТВО И РАЗОБЩЕННОСТЬ НАРОДА](#)

БЕСЕДА IV. [ТЕРПИМОСТЬ И СВОБОДОМЫСЛИЕ](#)

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [ГЛАВНАЯ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [АТЛАС](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) =

mail.ru	1124
3685102	122

HotLog
1048157 +141

рав Меир Кахане

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [ГЛАВНАЯ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) = [НОВОСТИ](#) =
[СИОНИЗМ](#) =

Биография

Никогда больше:

- [Предисловие.](#)
- [Посвящение.](#)
- [АhАВАТ ИСРАЭЛЬ!](#)
- [Никогда больше.](#)
- [МОРАЛЬНОЕ БАНКРОТСТВО ЕВРЕЙСКОГО ИСТЭБЛИШМЕНТА](#)
- [УТРАТА ЕВРЕЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ](#)
- [АНТИСЕМИТЫ](#)
- [ОТХОД МОЛОДЕЖИ ОТ ЕВРЕЙСТВА](#)
- [ЕВРЕЙСКАЯ ГОРДОСТЬ](#)
- [СИОНИЗМ](#)
- [ЕВРЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ](#)
- [ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ](#)
- [АhАВАТ ИСРАЭЛЬ](#)

- [ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ](#)
- [ЭПИЛОГ](#)

[Покончить с Ханукой](#)

[ГАЛУТ... ГЕУЛА...](#)

[Уроки Иракского вторжения в Кувейт](#)

[ДО СВИДАНИЯ, СТЕНА!](#)

[«ШМА, ИСРАЭЛЬ» ПРОТИВ «АЛЛАХ АКБАР»](#)

[Правда освобождает!](#)

[Обращение к жителям Земли](#)

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [ГЛАВНАЯ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) = [НОВОСТИ](#) =
[СИОНИЗМ](#) =

МАРТИН БУБЕР

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [ГЛАВНАЯ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [АТЛАС](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) =

[ДЕСЯТЬ СТУПЕНЕЙ](#), Хасидские высказывания, собранные и изданные М.Бубером

[Путь человека по хасидскому учению](#)

[Образы добра и зла](#)

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [ГЛАВНАЯ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [АТЛАС](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) =
[НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) =

Израэль Шахак

"Еврейская история, еврейская
религия",

тяжесть трех тысяч лет

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#)
=[НОВОСТИ](#) =[СИОНИЗМ](#) =

От издательства

Глава 1. Закрытая Утопия?

Глава 2. Предубеждение и увертки

Глава 3. Ортодоксия и толкование

Глава 4. Тяжесть истории

Глава 5. Законы против неевреев

Глава 6. Политические выводы. Примечания.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#)
=[НОВОСТИ](#) =[СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ПРЕДИСЛОВИЕ. _

Мысль, которую я хочу изложить в этом сочинении, уже очень стара. Я говорю о восстановлении еврейского государства. Мир, преисполненный негодования против евреев, будит уснувшую мысль, вызывая ее на рассуждение. Я ничего не выдумываю, в чем легко можно убедиться, так сказать, воочию из всего моего исследования в общем и в каждом пункте его в частности. Я не выдумываю ни положения евреев, ставшего достоянием истории, ни средств для спасения их. те данные, которые я предпосылаю, на самом деле всем ясны и могут быть осязаемы чуть ли не руками. Но если б я хотел обозначить каким-нибудь именем эту попытку разрешения еврейского вопроса, то я назвал бы ее не фантазией, а «Комбинацией» в высшем смысле этого слова. Относительно же такого понятия, как утопия, я должен предварительно сказать несколько слов, чем собственно и хочу предохранить поверхностных исследователей от ошибки, в которую они могут впасть. На самом-то деле, ведь нет никакого стыда в том, что пишут человеколюбивые утопии. Напротив, мне удалось бы таким образом еще легче справиться со своим желанием, если бы я своим читателям, – кому это, понятно, будет интересно, – изложил свой план в виде неизвинительного описания какого-нибудь романа и это все-таки была бы не такая любовная утопия, какую обыкновенно представляли себе до и после Томаса Мора. Я глубоко убежден, что положение евреев в различных странах достаточно печально, даже слишком печально, чтобы из него делать какие-нибудь безделушки. Чтобы понять разницу между моей конструкцией и какой-нибудь утопией, я укажу на очень интересную книгу последних лет, сочинение доктора Т. Герцка, «Свободная страна». Это целый ряд довольно осмысленных фантазий, предложенных вполне современным национал-экономическим умом, но так же применимых к жизни, как и горы экватора, на которых расположена эта воздушная община. «Свободная страна» есть механизм со многими колесиками и зубчиками, сцепленными друг с другом, но ничто мне не указывает на то, что ими можно пользоваться; даже и в том случае, когда я увижу это общество «Свободной

страны» уже основанным, я все-таки буду считать это за шутку.

Таким образом, вся несостоятельность этих фантазий ясно видна из предыдущего. В проэkte же, предложенном мною, заключается в сущности ходатайство предупредительной силы. Я только начерчиваю колесики и зубчики для постройки машины исключительно в той надежде, что найдутся лучшие механики, чем я, которые, положившись вполне на мою долголетнюю опытность и воспользовавшись предложенным мною материалом, исполнят это дело лучше моего.

Я вполне надеюсь на принудительную силу, как на лучшего двигателя, ибо в данном случае эта сила может многое сделать. А что является лучшим двигателем, лучшей силой, как не еврейская нужда? Ведь голь на выдумки хитра! Кто же станет отрицать, что эта сила не основательна? Стоит только вспомнить о паре, который образуется в котле благодаря нагреванию, чтобы понять все значение принудительной силы. Накопившись в котле, он приподнимает крышку его и даже разрывает, если не находит для себя выхода. Этот пар есть те палестинские и другие общества, которые создаются с целью бороться против антисемитизма. Итак, намереваясь этим вопросом заняться подробнее в главе о причинах антисемитизма, я здесь повторяю только, что эта сила, имея любой какой угодно ей вид, но разумно направленная, достаточно могущественна, чтобы двигать большую машину, требуя при этом людей и богатства. Я глубоко убежден в том, что я прав, но я не знаю, признают ли мою правоту. Первые, кого коснется это движение, едва ли увидят свой, полный славой, конец, но уже чутьем достигнется возвышенная уверенность и счастливое сознание внутреннего свободного существования. Но чтобы в этом проэkte нельзя было заподозрить утопии, я хочу быть также аккуратным и в главных деталях обрисовки. Я вполне при этом подготовлен к тому, что бессмысленная насмешка попытается карикатурно ослабить все, предпосланное мною; в даже за примером недалеко ходить. Так, один еврей, довольно унылый во всем остальном, еврей, которому я объяснил все вышеизложенное мною, сказал: «все представленное, как будущее благо, есть только признаки утопии», но это ошибочно. Всякий министр, например, финансов имеет дело в своих бюджетах с предполагаемыми цифрами, и не только с такими, прототип которых он имеет уже в прошлых годах, но и с такими цифрами, которые он надеется получить при введении какого-нибудь нового налога, ибо нельзя рассуждать о бюджете, не зная приблизительно цифры его доходов и расходов, но будут ли поэтому все финансовые предприятия считаться утопиями, когда известно, что нельзя в точности определить итога? Но я ставлю своим читательницам и читателям более суровое, и если хотите, странное требование. Я прошу образованных людей, к которым я, главным образом, обращаюсь и которым дороги интересы еврейского народа, вспомнить и изучить некоторые старые мысли; я обращаюсь к лучшим евреям, которые деятельно занимались

разрешением еврейского вопроса, предлагая им категорически признать свои попытки ошибочными и недействительными. При изложении своей идеи мне придется бороться с опасностью, ибо если я скрою все, что предстоит в будущем, то покажется, что я сам не верю в возможность их осуществление, если же я буду говорить против действительности, то все это, пожалуй, покажется бессмыслицей, пустой мечтой; поэтому я утверждаю что верю в возможность исполнение своей мысли, если даже я не окажусь в состоянии найти конечную форму ее. Еврейское государство – это мировая потребность и, следовательно, она будет создана. Но если эта мысль будет достоянием только одного лица, то она на самом деле покажется странной, а если с этим согласятся одновременно многие евреи, то это окажется вполне возможным, и исполнение не будет представлять собой особенных трудностей. Все дело зависит от числа последователей, так что, может быть, наши молодые люди или подростки, наше молодое поколение, которым уже и теперь закрыты все пути, и которые в новом государстве найдут полную возможность достигнуть чести, свободы и счастья, может быть, говорю я, они позаботятся о распространении этой идеи.

С опубликованием этой работы я лично считаю свою задачу исполненной, и опять возьмусь за перо только в том случае, если к этому меня принудят мои противники, или если снова придется опровергнуть или устранить ошибки. Если то, что я сейчас здесь пишу, еще не подтверждается; если страдания евреев, может быть, еще не так велики, и я опередил свое время, то поживем и посмотрим. От самых евреев теперь зависит, чтобы это сочинение не оказалось только выдумкой. Если теперешнее поколение еще слишком глухо, то придет другое, более возвышенное, лучшее. Евреи, которые того захотят, будут иметь свое государство, вполне его заслуживши.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ВСТУПЛЕНИЕ. _

Политико-экономический взгляд людей, стоящих в центре практической жизни, часто нам мало понятен, и только таким образом можно объяснить, почему евреи верят в свою неспособность и слепо повторяют за антисемитами: «мы же... живем благодаря нашим соседям-земледельцам; если бы их около нас не было, нам пришлось бы голодать». Это один из тех несчастных пунктов, на который указывает наше ослабленное самосознание при своих несправедливых жалобах. как же в самом деле обстоит дело с этими соседями? Насколько указывает старая физиократическая ограниченность, оно покоится на том детском заблуждении, что в деревенской жизни подобные вещи встречаются сплошь и рядом. Мы не так далеки от жизни, чтобы не знать, что мир постоянно меняется благодаря непрекращающимся завоеваниям в области знаний и техники. В наше удивительное время всевозможных технических успехов, и духовно неразвитый, умственный бедняк уже может вокруг себя наблюдать своими закрытыми глазами новые владения – плоды предприимчивого духа. Работа без предприимчивости – работа стационарная, работа старая, типическим примером которой является земледелие, остающееся в том же положении, в каком оно находилось много тысячелетий тому назад при наших дедах. Во многих случаях материальное благополучие было осуществлено единственно благодаря предприимчивости. Теперь же чуть ли не стыдятся сознаться в такой банальной истине, но если бы мы все были исключительно предпринимателями, нам не нужно было бы совершенно земледельцев. Нам не указан ряд постоянных владений и мы с каждым днем завоевываем все новые и новые. У нас появились рабы, обладающие сверхъестественной силой, вызвавшие своим появлением в культурном мире смертельную конкуренцию ручному труду, – я говорю о машинах. Правда, нам нужны и работники, чтобы приводить машины в движение, но для этих потребностей у нас достаточно рук, даже слишком много. Только тот осмелится утверждать, что евреи не способны к ручному труду, или не желают им заниматься, кто незнаком с положением их во многих местностях

Восточной Европы. Я не хочу в этом сочинении предпринять какую-нибудь защиту евреев, ибо все благоразумное, равно как и все сантиментальное по этому вопросу уже высказано. Теперь недостаточно иметь верные доводы для ума и сердца; слушатель должен быть способен прежде всего понимать сказанное, иначе это будет гласом, вопиющим в пустыне, но если слушатели уже очень далеко ушли вперед, то вся проповедь напрасна. Я верю, что люди могут в жизни успевать, достигая высших ступеней, но думаю, что это удастся только после медленной и отчаянной борьбы. Если бы мы захотели ждать, пока средний класс облагородится, о чем мечтал Лессинг, когда писал своего «Натана Мудрого», то не хватило бы ни нашей жизни, ни жизни наших детей, внуков и правнуков, но тут совсем с другой стороны нам приходит на помощь дух времени. Последнее столетие принесло нам массу ценных открытий, при помощи технических данных, приобретенных трудом, и этот сказочный успех еще не утратил своего значения для человечества. Хотя отдаленность расстояний на земной поверхности уже устранена, однако мы еще страдаем от неудобств, вызываемых теснотой. Не смотря на то, что найдены теперь способы быстро и безопасно плыть на гигантских пароходах по незнакомым дотоле морям и строить надежные железные дороги, привозящие нас к вершине горы, которой мы раньше едва ли могли достигнуть при сильной усталости в ногах; не смотря на то, что нам в настоящее время известно все, что происходило в странах, которые еще не были открыты, когда Европа держала евреев, заключенными в «гетто», и просвещенное время наступило еще столетие тому назад, мы все-таки страдаем и терпим, не находя средств к разрешению еврейского вопроса. Не есть ли это анахронизм?

Итак, я думаю, что электрический свет был найден не для того, чтобы повсюду освещать некоторые украшения пышных комнат, а чтобы при его свете могли разрешаться мировые вопросы человечества, из которых одним, и далеко немаловажным, является еврейский. Разрешая его, мы делаем благое дело не только для себя самих, но и для многих других тружеников, обремененных невзгодами жизни.

Еврейский вопрос существует, и было бы безумием его не признавать. Это несчастное наследие средних веков, с которым культурным народностям едва удастся теперь справиться при всем своем великодушном желании, обнаружившемся в том, что они дали нам эмансипацию, но она не была в состоянии устранить существующего порядка вещей, и еврейский вопрос неминуемо возникает там, где только мы скопляемся в значительном количестве, где же его нет, туда привозят его эмигрирующие евреи. Мы, конечно, стремимся туда, где нас не преследуют, но с нашим появлением наступают и преследования. Это будет продолжаться даже в таких высокопросвещенных странах, как Франция, до тех пор, пока еврейский вопрос не будет политически разрешен. Несчастные евреи ввозят теперь антисемитизм в Англию, как они

ввезли его в Америку. Я хотел бы разобрать и уяснить себе антисемитизм, который оказывается слишком запутанным явлением, в рассматриваю его как еврей, но без всякой тени ненависти или страха. Я хотел бы понять, что в антисемитизме – голая насмешка, общая зависть, врожденное предубеждение, религиозная нетерпимость, и что – мнимо-необходимая оборона; считая вместе с тем еврейский вопрос – вопросом социальным и вопросом религиозным, насколько в нем есть мотивы на подобное название, я, чтобы разрешить этот национальный вопрос, нахожу необходимым и предлагаю сделать его мировым вопросом с политическим оттенком, и тогда пусть разрешат его культурные народы.

Мы народ своеобразный, народ особый.

Мы повсюду вполне честно пытались вступить в сношения с окружающими нас народами, сохраняя только религию наших предков, но нам этого не позволили. Напрасно мы верны и готовы на все, а в некоторых странах даже чрезмерные патриоты; напрасно жертвуем мы им своею кровью и достоянием, подобно нашим согражданам; напрасно трудимся мы, стремясь прославить наши отечества успехами в области изящных искусств и знаний; напрасно трудимся мы, стремясь увеличить их богатства развитием торговли и промышленности, все напрасно. В наших отечествах, в которых мы живем столетия, на нас смотрят, как на чужестранцев, очень часто даже те, родоначальники которых еще не думали о той стране, в которой уже слышались стоны наших предков и за которую проливали свою кровь. Кого считать скорее чужими в стране, может, конечно, решить большинство. Подобный вопрос вообще решает сила, как все вопросы, возникающие при массовых народных сношениях. Я же ни во что не ставлю наше доброе насиженное право, когда я все это должен высказать, как личность, стоящая вне закона. В настоящее время и насколько можно видеть в будущем, сила господствует над правом. Мы, значит, напрасно повсюду стараемся быть ревностными патриотами, какими были Гугеноты, которых принуждали выселяться. Если бы нас оставили в покое...

Но я уверен, что нас не оставят в покое. Нас не хотят оставить в покое, а притеснениями и преследованиями нас нельзя истребить. Ни один народ в истории не перенес столько мучений и страданий, сколько мы. Лица, насмехавшиеся над евреями, избирали, конечно, наши слабости мишенью для своих насмешек, и евреи с твердой волей напрасно возвращались к своему корню, к своему стволу, когда возникали преследования, что можно было наблюдать сейчас же непосредственно за эмансипацией, ибо евреи, стоящие духовно и материально значительно выше, представляли себе эмансипацию совсем иначе. При некотором продолжительном, политически благоприятном, положении мы, вероятно, все ассимилировались бы повсюду, но я думаю, что это было бы непохвально. Гражданин, желающий для блага своей нации

уменьшение еврейской расы, должен прежде всего подумать о продолжительности нашего политически благоприятного положения, ибо только в таком случае может произойти ассимиляция, в противном же случае никакие государственные узаконения не в силах этого изменить: так глубоко засели в народе старые причины и неудовольствие против нас. Кто хочет об этом подумать, кто хочет в этом убедиться, тот пусть только поближе познакомится с духом народа, у которого все сказки и пословицы пропитаны антисемитизмом. Правда, народ прежде всего большое дитя, которое, конечно, можно перевоспитать, но на это перевоспитание, в лучшем случае, потребуется довольно продолжительного времени, так что мы, как я уже сказал, другим образом значительно скорее сможем найти помощь.

Ассимиляция, под которой я разумею не только внешние изменения, например, платья, языка или привычек и манер жизни, но и уравнивание в мыслях, в чувствах, в понимании искусств, может произойти при смешении, что может быть допущено большинством только как необходимость. Ни в коем случае нельзя привить подобную меру путем предписаний, циркулярно. И тут же налицо примеры. Венгерские либералы, поступившие недавно таким образом, находятся теперь в очень интересном заблуждении, достойном внимания; предполагаемое же смешение может, опять-таки, быть иллюстрировано первым попавшимся случаем: крещенный еврей женится на еврейке. Борьба, которая велась в последнее время относительно браков, значительно обострила отношение между христианами и евреями в Венгрии, так что она скорее повредила, чем принесла пользу смешению рас. Кто на самом деле желает уничтожение евреев, тот может видеть возможность этого в кровосмешении, но чтобы евреи могли так поступать, они должны приобрести столько экономических сил, чтобы этим победить старый общественный предрассудок. Примером является аристократия, где смешение наблюдается наичаще в известной пропорции. Старое дворянство зопотит свои гербы, постаревшие от времени, еврейским золотом, и при этом еврейские фамилии уничтожаются, но каким представляется это явление в средних классах, где главным образом сосредоточивается еврейский вопрос, так как евреи народ с преобладающим средним элементом? Здесь необходимое достижение власти, равносильное имущественному цензу евреев, уже находится в ложном положении, а если теперешняя власть евреев уже вызывает такие крики опасности и ярости со стороны антисемитов, то каких выходов надо ждать с их стороны при дальнейшем росте этой власти. Уступок в данном случае нельзя ждать, ибо это было бы порабощением большинства меньшинством, которого недавно еще ставили ни во что, и которое никакого значения не имеет ни в административном, ни в военном ведомствах. Итак, я думаю, что поглощение евреев невероятно даже при большом успехе со стороны остальных граждан. В этом со мной тот час согласятся там, где господствует антисемитизм, там же, где евреи в настоящую минуту чувствуют себя относительно хорошо, там, вероятно,

будут жестоко нападать и оспаривать, не соглашаясь с моими предположениями. Они только тогда им поверят, когда их снова посетят насмешки и притеснение и, чем дольше антисемитизм заставит себя ждать, тем он проявится более суровым. Скопление эмигрирующих евреев, которых протягивает очевидная безопасность, равно как и движение, возникающее среди местных евреев, купно подействуют тогда, вызывая бурную реакцию. и ничего нет проще подобного заключение. Но что я не желаю кого-либо огорчать, говорю только на основании известных, обоснованных данных, да позволено мне будет объяснить ниже, коснувшись предварительно тех возражений и той вражды, которые могут возникнуть ко мне среди евреев, живущих в данную минуту при благоприятных условиях. Насколько это, конечно, касается частных интересов, представители которых чувствуют себя удрученными, исключительно, вследствие ограниченности своего ума или трусости; то мимо них можно пройти только с презрительной насмешкой, ибо интересы бедных и притесненных значительно важнее. Но я постараюсь разъяснить каждому подробно его правоспособность и выгоду, желая предотвратить возможность какого-нибудь ложного представление, из-за которого, например, евреи пользующиеся теперь всеми благами и преимуществами хорошей жизни, могли бы потерпеть некоторый вред, если мой план будет приведен в исполнение. Серьезные будут возражение, что я препятствую ассимиляции евреев там, где хотят привести ее в исполнение и врежу дальнейшей ассимиляции там, где она уже совершилась, настолько, насколько я, как единичный писатель, в силах изменить или ослабить ее. Это возражение возникнет главным образом во Франции, хотя я жду его и в других местах, но я хочу прежде всего ответить именно французским евреям, так как они представляют собой самый наглядный пример.

Как сильно я ни преклоняюсь перед индивидуальностью, которая создает выдающихся граждан: художников, философов, изобретателей или полководцев, равно как и общую историческую группу людей, которую мы называем народом, как сильно, повторяю я, я ни преклоняюсь перед индивидуальностью, я все-таки не противлюсь и не оплакиваю ее исчезновение. Кто может, хочет или должен погибнуть, тот пусть погибает, но индивидуальность евреев не может, не хочет и не должна погибнуть. Она не может погибнуть потому, что внешние враги ей препятствуют, не хочет погибнуть, – что она доказала в течении 2000 лет, в целом ряде притеснений и, наконец, не должна погибнуть, что я попытаюсь доказать в этом сочинении многим евреям, потерявшим, повидимому, уже всякую надежду. Целые ветви еврейства могут отпасть или умереть, но само дерево останется жить. Если таким образом некоторые или все французские евреи будут протестовать против только что сказанного, так как они уже ассимилировались, то я им очень просто отвечу, что это дело их мало интересует. Вы – французские «израэлиты», превосходно, а дело, которое я предлагаю, касается исключительно евреев. Таким образом, вновь образующееся движение в пользу основание еврейского государства, о котором я говорю, так

же мало повредит французским «израэлитам», как и ассимилированным евреям других стран. Напротив, все мною предложенное принесет им только пользу, да, только одну пользу, ибо им больше не станут мешать в их «хроматической функции», выражаясь словами Дарвина. Они могут смело ассимилироваться, ибо теперешний антисемитизм навсегда умолкнет. Им даже поверят, что они ассимилировались до глубины своей души, если они, когда на самом деле образуется новое еврейское государство с его лучшим управлением, все-таки останутся там, где они теперь живут. Эти ассимилированные евреи извлекут еще большую пользу, чем христиане, от ухода евреев, верных своему началу, своему корню, ибо они будут тогда освобождены от беспокойной и неизбежной конкуренции еврейского пролетариата, который вследствие политических притеснений и имущественной нужды принужден был перекочевывать из страны в страну, с места на место. Этот блуждающий пролетариат, наконец, прочно усядется, и христианские общественные деятели, известные больше под именем антисемитов, смогут успокоиться насчет поселения иностранных евреев. Еврейские же общественные деятели, *horribile dictu*, этого сделать не могут, несмотря на то, что они поставлены в гораздо худшие условия. Стремясь уменьшить домашнее зло, ассимилированные евреи только импонируют антисемитизму или даже обостряют уже существующий, ибо, подыскивая различные средства, они останавливаются на «благодетельных» предприятиях и учреждают эмиграционные комитеты для приезжающих евреев. Казалось бы, что это явление ясно противоречит моим словам, и было бы странно, если бы граждане не заботились о нуждающихся и притесненных собратьях. Но дело то в том, что некоторые из этих вспомогательных обществ действуют совсем не в пользу гонимых евреев. Заботясь якобы о них, они на самом деле думают о том, как бы как можно быстрее и как можно дальше удалить бедных и несчастных скитальцев. Таким образом, при более внимательном обсуждении данного вопроса, выясняется, что иной очевидный друг я благодетель еврейства есть не больше, как замаскированный антисемит. Что же касается колонизации как таковой, то, будучи сама по себе очень интересным и удобным опытом разрешения еврейского вопроса, она до сих пор велась очень странно. Я не хочу и не могу допустить, чтобы тот или другой еврейский деятель смотрел на занятие колонизацией, как на приятное времяпрепровождение, что тот или другой деятель и благодетель, давая евреям возможность странствовать и переселяться, смотрит на это как на спорт какой-нибудь, где лошадям, например, дают возможность прыгать и скакать. Ведь дело очень серьезное и, к несчастью, очень печальное. Если же я назвал эти опыты интересными и удобными, то я имел в виду это постольку, поскольку они и в больших размерах представляют собой практического предвестника идеи еврейского государства; и постольку они полезны для нас, поскольку мы, воспользовавшись ошибками, происшедшими при колонизации, сможем избегнуть их при разрешении нашей идеи в больших размерах. Распространение антисемитизма в новых странах, являясь необходимым следствием искусственного скопления евреев, кажется

мне самым ничтожным злом; значительно хуже по моему мнению то, что результаты у эмигрировавших явно неудовлетворительны, ибо они таким образом вызывают сомнение или даже убеждение в непригодности еврейских масс. Это сомнение при разъяснении можно, положим, уничтожить целым рядом совершенно простых, следующих друг за другом аргументаций в роде, например, того, что безцельное или неисполнимое в «малом» еще не гарантирует такого же результата и в «большом», что маленькое предприятие при известных условиях может причинить убытки, в то время как большое предприятие при тех же условиях приносит доходы, что челнок, плывший не раз в ручье, тонет в реках, где плывут железные гиганты, что никто не богат и не силен настолько, чтобы переселить народ с одного места в другое, что подобное переселение может произойти только во имя идеи. Но важно то, чтобы существовала идея, чтобы идея учреждение государства имела свою обаятельную силу, свое значение, а это имеется. с того самого момента, как закатилось солнце для евреев, они в течении всей ночи своей истории не переставали и не перестают мечтать о государстве. «В будущем году в Иерусалиме!» Это старое, но вечно живое желание, не оставляющее еврея ни на одну минуту дня и ночи. Теперь кажется ясно, как из мечты может осуществиться светлая мысль. Нужно только всем вычеркнуть из своей памяти различные старые предубеждения, сбивчивые, недалёковидные представления, иначе ограниченные умы могут легко подумать, что переселение будет совершаться из культурной страны в некультурную, невежественную. Напротив, наше переселение именно стремится к культуре, поднимаясь все выше и выше по ступеням развития, а не возвращаясь к прежним ступеням. Наши эмигранты перейдут на жительство не в мазанки, а в прекрасные дома, построенные по всем современным требованиям; они не потеряют своего благоприобретенного имущества, но только, превращая его в капитал, сменяют хорошее положение на лучшее, они не разлучатся с своим облюбованным местожительством, пока не найдут его снова, не оставят старого дома, пока новый не будет готов, наконец. В новую страну отправятся только те, кто вполне убежден, что благодаря этому его положение улучшится. Сначала, значит, отправятся уже отчаявшиеся, затем бедные, затем средний класс, а там уже и богатые люди, и таким образом, первые мало по малу достигнут обеспеченного положения и сравняются с теми, кто придет впоследствии. Переселение en masse всегда можно сравнить с течением, где все попавшее, увлекаясь, уносится вперед. Этим уходящим евреям не угрожают никакие сельскохозяйственные или имущественные кризисы или неприятности, напротив, их ждет период благополучия; а для оставшихся граждан-христиан наступит период переселения в места, оставленные евреями. Таким образом этот могущественный отток больших масс произойдет без всякого сотрясения, и его начало уже есть конец антисемитизма. Евреи уйдут, как уважаемые друзья, и, если впоследствии единичные личности вернулись бы обратно, их в цивилизованных странах, вероятно, примут так же хорошо, как и других иностранцев. Это переселение не будет каким-нибудь бегством, а, напротив,

вполне организованным переходом под контролем общественного мнения.

Но подобное движение не может быть приведено в исполнение одними только частными средствами, а требует для своего осуществления дружественного соучастия теперешних правительств, которые от этого получают только существенную пользу. Что же касается идейной чистоты дела в средств для его выполнение, то их можно найти в обществах, образующих собой так называемый «моральную» или «юридическую» особь; и вот эти-то оба понятие, которые в юридическом смысле очень часто смешиваются, я хочу разъединить. Моральную особь я хочу видеть в Еврейском Союзе, который будет заведывать всеми сторонами дела, а рядом с ним я поставлю Еврейское Общество, которое будет заведывать исключительно торговлей в промышленностью страны. Что же касается тех единичных личностей, которые показывают вид, что намерены были-бы предпринять подобное исполинское дело, то они могут быть или неблагонамеренными, или ограниченными людьми. Таким образом, моральная особь нашей идеи слагается из характера деятельности ее членов, достаточность же средств юридической особи обрисовывается ее капиталами.

Итак, при помощи вышеизложенного я хотел в очень кратких словах предотвратить ту массу возражений, которая будет вызвана уже одним словом «еврейское государство», а там я с большим спокойствием постараюсь ответить на другие возражения, а кое-что, уже обваруживавшееся, изложу подробнее, остановившись на нем подольше, даже в том случае, если это будет не в интересах сочинение, мысль которого должна развиваться, по возможности, быстрее и, главным образом, кратко. Но если я на старом фундаменте хочу строить новый дом, то прежде всего я должен попробовать его, а затем уже строить. Признавая подобный порядок вещей вполне разумным и справедливым, я буду придерживаться его, и сначала в общей части разъясню идею, устранив при этом старые и нелепые понятие, изложу план и твердо установлю политико-экономические и национальные условия. Затем, в специальной части, распадающейся на три главных отдела: Еврейский Союз, образование новых поселений и Еврейское Общество, я поговорю о способах выполнения нашей идеи, и, наконец, в заключении я скажу еще несколько слов об остальных вероятных возражениях.

Мои еврейские читатели могут сохранить терпение и прочесть это сочинение до конца, и чье сомнение будет благоразумно побеждено, тот пусть поближе станет к нашему делу.

Затем я обращаюсь исключительно к разуму, хотя отлично сознаю, что этот последний сам по себе недостаточен. Старые заключенные ведь неохотно оставляют места своего заключения. Мы узнаем, наконец, подросла ли юность, в которой мы так нуждаемся, юность, идущая рука об руку со старостью, юность,

твёрдо выступающая, юность, умозаключение которой превращаются в воодушевленную решимость.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ОБЩАЯ ЧАСТЬ. _

Еврейский вопрос. _

Никто не станет отрицать, что положение евреев более, чем незавидное. Во всех тех странах, где они живут в большом количестве, их в большей или меньшей степени преследуют. Равноправие, если даже подобное и признано законодательством, почти везде к их несчастью значительно сокращено, Уже средние должности в войсках ипи различных общественных и частных ведомствах для них недоступны. Стараются даже вытеснить их из торговли, пропагандируя повсюду: «не покупайте у евреев!». Нападки в парламентах, собраниях, прессе, на церковных соборах, на улице или во время путешествий, при выезде из известных гостиниц, наконец, в местах их постоянного жительства, увеличиваются с каждым днем. Преследования эти в различных странах и в различных собраниях носят различный характер: в России, например, выселяют из сел и деревень; в Румынии дело обыкновенно кончается убийством некоторых евреев; в Германии при случае бьют их; в Австрии бушуют антисемиты, терроризируя всю общественную жизнь; в Алжире странствуют лица, проповедывающие травлю людей; в Париже, так называемое, лучшее общество смыкается, чуждаясь евреев, – словом вариации бесчисленны. Но пусть не подумает благосклонный читатель или прелестная читательница, что я хочу их утруждать излишним перечислением всех ограничений, которые практикуются по отношению к этим несчастным людям; я не буду также останавливаться пред единичными случаями, как тяжелы они бы ни были; я не думаю также вызвать к нам сочувствие, – все это напрасно, неосновательно и не достойно. Я удовольствуюсь только опросом самих евреев: правда ли, что в странах, где мы живем в большем количестве, положение наших врачей, адвокатов, инженеров, техников, учителей и представителей других знаний и искусств действительно невыносимо; что весь средний класс у евреев в ужасном, угрожающем положении; что несчастья простого народа происходят из-за наших

богатств; что наши бедняки терпят гораздо больше, чем всякий другой пролетариат?

Я думаю, что гнет везде имеется; но, проявляясь в высших зажиточных слоях евреев только как неприятность, он в средних слоях общества уже выражается тяжелым глухим стеснением, а в низших слоях есть уже ничто иное, как только отчаяние, бьющее в глаза своей наготой. Во всяком разе, как ни проявлялся бы этот гнет в различных слоях общества, он везде оканчивается одним и тем же, сливаясь в общий крик берлинцев: «долой евреев!». Я постараюсь поэтому формулировать еврейский вопрос в самых сжатых и самых ясных выражениях: должны ли мы уже уйти? и куда? или мы можем еще оставаться? И как долго? Остановлюсь прежде всего на втором вопросе: можем ли мы надеяться на лучшие веяния, набраться терпение и с Божьей помощью ждать, что цари и народы на земле смилостивятся над нами? К несчастью я должен ответить, что нет никакой надежды. А почему? Да потому, что цари, если бы даже мы были близки их сердцу, как и остальные граждане, не могут нас защитить. Они только усилят ненависть к евреям, если окажут последним слишком много предпочтения, хотя бы под этим «слишком» нужно было разуметь значительно меньшее, чем то, на что имеет право всякий обыкновенный гражданин или всякий народ.

Все народы, у которых живут евреи, явные или замаскированные антисемиты.

Обыкновенно толпа не имеет никакого понятия об историческом развитии, да она и не может иметь его; она не знает, что европейские народности платятся теперь за грехи средних веков, что мы теперь являемся тем, чем сделало нас «гетто», что мы приобрели особенную способность к денежным операциям только потому, что нас оттеснили к ним; она не знает, что и теперь повторяется тоже самое, что нас оттесняют к денежным операциям, или выражаясь специальным термином, опять толкают на биржу, закрывая пред нами все другие пути. Но наше присутствие на бирже, наши торговые операции опять таки служат мишенью для новых нападок, новым источником для ненависти. к тому же мы неутомимы и производим средний интеллигентный класс, которому нет никакого исхода, и который поэтому является таким же опасным элементом для общества, как в возрастающие капиталы. Образованные, но неимущие, евреи теперь все становятся в ряды социализма, и социальная борьба во всяком случае должна теперь отразиться на наших же спинах, ибо мы как и в социальном, так и в капиталистическом лагере занимаем очень видное место.

Новейшие попытки, предпринятые для разрешения еврейского вопроса.

Искусственные приемы, которые применялись до сего времени для улучшения

и изменения несчастного и бедственного положения евреев, были или незначительны, как например, эмиграция и колонизация их в различных странах, или ложно понимаемы, как например, попытки превратить их в крестьян на полях их теперешней родины, т.е. в местах их постоянного жительства. и чего мы в самом деле достигнем, если какой-нибудь тысяче евреев дадим другое положение, переведем в другую страну? Либо эта тысяча погибнет, или, если она начнет процветать. то во всей своей силе встанет антисемитизм со всеми своими средствами. к тому же мы уже раньше говорили о всех этих попытках, практиковавшихся и практикующихся еще до сих пор, переселять бедных евреев в другие страны. Эмиграция во всяком разе неудовлетворительна и бесцельна, если не прямо противна цели; и благодаря этим приемам разрешение интересующего нас вопроса только тормозится, затягивается и, может быть, даже затрудняется.

Кто думает и хочет превратить евреев в земледельцев тот удивительным образом заблуждается.

Крестьянство есть собственно историческая категория, в чем легко и удобно можно убедиться из привычек и забот крестьянина, в большинстве случаев однообразных и старых, и его земледельческих орудий. те и другие совершенно примитивны, ничем не отличаясь от привычек или земледельческих орудий его предков. Он пашет еще тем же плугом, он сеет еще рукой, он косит еще допотопной косой и молотит допотопными цепями, несмотря на то, что для всего этого имеются уже очень давно превосходные земледельческие орудия и машины. Сельскохозяйственный вопрос есть в тоже время и машинный вопрос и на этом пути Америка, подобно крупному хозяину, пожирающему мелкого, победила Европу. Крестьянин таким образом на общем фоне вполне определенная фигура. Если его искусственно оберегают, то это совершается на счет политических интересов, которым он призван служить. Если же создавать новых крестьян по старому рецепту, то это только безумное и не выполнимое желание. Никто настолько не силен и не богат, чтобы насильственно отодвинуть назад ход культуры, и даже при всех могущественных средствах самостоятельных государств уже одна задержка культуры в прежнем состоянии есть необыкновенная и необычайная задача. и вот, при таких-то обстоятельствах, хотят еврея, интеллигентность которого нельзя отрицать, принудить сделаться крестьянином старого покроя. Это так же возможно, как сказать еврею: вот тебе лук и отправляйся на войну! Как, впрямь воскликнуть он, с одним луком отправляться на войну, когда другие снабжены малокалиберными ружьями и крупновскими пушками! Евреи, которых хотят омужичить, вполне правы, если они при таких обстоятельствах не трогаются с места. Лук прелестное оружие, но все таки ему место только в музее.

Существуют, конечно, страны, где ненавистные еврею приходят на полевые

работы и могут ходить на заработки, занимаясь земледелием, но тут-то и замечается главный антисемитизм, тут-то и зарождается главный источник вражды и ненависти.

Мировые филантропы, заботящиеся о евреях и посылающие их пахать землю, совершенно упускают из виду мнение последних, а они, эти будущие крестьяне, имеющие полное право высказать свое мнение, могли бы очень многое сказать. Земельная подать, неурожай, экономический гнет крупных земледельческих хозяйств, работающих дешевле, а особенно американская конкуренция делают жизнь крестьянина достаточно горькой. Вместе с тем, необходимо иметь в виду и фабричного, или мастерового, которого нельзя заставить голодать, оставляя без необходимого хлеба, ибо его политическое значение все возрастает, и цены на зерно не могут бесконечно увеличиваться. Все эти затруднения очень хорошо известны всем, и я привожу их здесь только потому, что хотел напомнить, как ничтожны попытки прежние и попытки, предпринятые в настоящем с известной, в большинстве случаев похвальной целью, разрешить столь наболевший и вполне назревший вопрос. Ни эмиграция, ни искусственное омуживание духовно развитых сил нашему пролетариату помочь не может, точно также как и чудное средство ассимиляции, о котором я уже говорил выше.

Таким образом почти невозможно осилить антисемитизм; он не может быть уничтожен, пока его основы не будут уничтожены, – а можно ли последние уничтожить?

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Основы антисемитизма _

Я не хочу здесь говорить о нравах и обычаях, или о старых предрассудках и глупостях, я хочу только коснуться политических и имущественных основ. Наш теперешний антисемитизм ни в коем случае не должно смешивать с ненавистью и враждой к еврейской религии, наблюдавшимися в прежние времена. Эта ненависть и вражда, основанные на различии исповеданий, еще и до сих пор наблюдаются в единичных странах. Другое дело то сильное движение, которое наблюдается теперь, – оно совершенно иного характера. В больших государствах, где антисемитизм главным образом свил себе гнездо, он является следствием эмансипации евреев. Когда культурные народы, заметивши всю бесчеловечность ограничений, освободили нас, последнее явилось уже слишком поздно. Не будучи по закону эмансипированы в тех странах, где мы жили, мы в наших «гетто» превратились странным и непонятным образом в какой-то средний класс, явившись вместе с тем для всех остальных сильными конкурентами, внушающими ужас. Очутившись затем вдруг, после эмансипации, в круге буржуазии, мы должны были выдержать давление с двух сторон, с внешней и внутренней. Наконец, ведь и нельзя узаконенное уже равноправие, в каком бы оно виде теперь не находилось, еще больше расширить, не только потому, что оно грешит против умеренности, но также и потому, что тогда все евреи, богатые и бедные тотчас разделятся на различные пагубные партии. Но, если посмотреть на обратную сторону медали, то, собственно, против нас особенно существенного ничего нельзя сделать. Вот в прежние времена у евреев поотнимали их украшения, бриллианты, золото и пр.; но каким образом теперь заполучить их движимое имущество? Оно все в бумажках, блуждая по белу свету, или, может быть, схороненное в христианских кассах. Правда можно ценность всех этих железнодорожных, банковых и др. акций, или бумаг разных строительных обществ и других крупных предприятий легко побить понижением и, где окажется самое большее поступление доходов и налогов, там сосредоточится и вся масса движимого имущества. Но все

подобные попытки могут отразиться не только на евреях, но и на христианах; где это уже испробовали, там тотчас переживали очень тяжелые имущественные кризисы, ни коим образом не ограничивающиеся одними евреями, в которых главным образом метили; эти стрелы менее всего в них попадали, а следствием такой невозможности уничтожить еврея является то, что ненависть к нему только увеличивается и растет. Антисемитизм в соседях растет не по дням, а по часам, и будет расти потому, что причины, вызывающие его, очень прочно усвоены народом и не могут быть поколеблены.

Отдаленная причина, или *causa remota* подобного порядка вещей есть отсутствие в средние века возможности ассимиляции, ближайшая же причина всего этого, или *causa proxima* есть наш продуктивный излишек среднего интеллигента, не имеющего никакого выхода ни вниз, ни вверх, т.е. не имеющего собственно никакой здоровой возможности превратиться в низший класс, или подняться в высшие слои общества. Беднея, мы образуем пролетариат и создаем разрушителей, т.е. низший персонал руководителей разных революционных партий, а одновременно с этим вверху увеличивается наша денежная сила, которая опять-таки внушает страх.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Влияние антисемитизма. _

Гнет, в котором мы находимся, не делает нас лучшими. Мы кажется ничем не отличаемся от других людей, хотя правда не любим своих врагов и притеснителей, – это совершенно верно; но только тот нам может это поставить в вину, только тот нас может в этом укорять, кто сам остается победителем в подобной борьбе чувств. Этот гнет естественно вызывает в нас ненависть, враждебное отношение к нашим притеснителям, что с своей стороны снова вызывает гнет, притеснения, и, не будучи в состоянии выйти из этого круговорота, мы вертимся как белка в колесе.

«Все-таки, скажут мягкосердечные фанатики, этого всего можно достигнуть при помощи всеобщей любви».

Нужно ли мне еще в самом деле доказывать, что это за сентиментальная болтовня? Кто хочет, при теперешней борьбе за существование, создать улучшенное состояние только во имя всеобщей любви людей, тот по меньшей мере утопист. Не отрицая, конечно, всего блага идеи всеобщей любви, я не могу однако не согласиться с тем мнением, что всеобщая любовь возможна только при светопреставлении; что же касается ассимиляции, то, поговоривши уже о ней выше, я все таки на на одно мгновенье не соглашусь сказать, что желал бы ее. Наше своеобразное Я достаточно известно и определено, в вопреки всем унижениям слишком высоко, чтобы желать его гибели, его уничтожения. Но, может быть, мы могли бы повсюду среди народов, нас окружающих, незаметно разрослись, или, напротив, рассеявшись, не оставить после себя и следа, если бы нам только в течении двух поколений дали полный покой. Но нас не оставляют, а напротив каждый раз через короткие промежутки времени из-за терпимости к нам возникает все большая и большая вражда. Наше благополучие, кажется, включает в себе нечто раздражающее, ибо свет уже в течении многих веков привык видеть в нас самых жалких бедняков, среди остальных, не желая при

этом по своему ли незнанию, или из-за злого характера понять, что наше благополучие ослабляет нас, а наша отчужденность уничтожает. Только гнет приводит нас к прежнему состоянию, только ненависть наших соседей заставляет нас чуждаться их, только притеснения побуждают нас volens – nolens составлять ту историческую группу, которую так легко узнать по роковым ее признакам. Мы – особый народ, но быть таким заставляют нас обстоятельства; мы составляем государство в государстве, но к этому нас побуждают; враг делает нас таким против нашего желания, и это мы наблюдаем сплошь и рядом в истории. В несчастьи мы сплачиваемся и неожиданно обнаруживаем нашу силу. Да, у нас есть эта сила, чтобы создать государство, и, чего доброго, даже образцовое! Мы имеем все физические и материальные средства, необходимые для подобного дела, но прежде, чем поговорить об этом подробно, прежде чем коснуться наших умственных деятелей, нашего духовного материала, не лучше ли было бы познакомиться с главными пунктами плана, по которому все это создается.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

План. _

Всякий план в своем основном виде прежде всего должен быть прост, иначе он не будет удобопонятным всякому, знакомящемуся с ним. Наш план в сущности таков: если бы нам дали достаточную территорию на началах сюзеренства для нашей справедливой необходимости, предоставив обо всем остальном позаботиться уже нам самим, то все создалось бы само собой. Возникновение нового сюзеренства не смешно и не невозможно; ведь на наших же глазах создавалось подобное, мы это переживали и наблюдали даже у народов, менее зажиточных, менее образованных, и к тому же значительно слабее. Этим вопросом могли бы заняться правительства тех стран, которые свободны от антисемитизма.

Чтобы исполнить эту задачу, очень простую в принципе, необходимо создать два общества: Союз из евреев и Еврейское Общество. Союз должен быть органом созидательным, а Общество – органом исполнительным. Общество могло бы заведывать ликвидацией дел лиц, эмигрирующих из каких-нибудь стран, а с другой стороны оно могло бы организовать на местах нового поселения необходимый движимый и недвижимый инвентарь, не допуская однако эмиграции евреев быть сплошной и быстрой. Нет! эмиграция должна совершаться медленно и продолжаться десятки лет, имея своими пионерами сначала самых бедных, строящих по заранее обдуманному плану города, улицы, мосты, железные дороги, телеграфы, регулирующих пути и, наконец, заботящихся о собственных домах в городах, которые они избрали бы своим постоянным местом пребывания, обрабатывая эту страну.

Их работа создала бы спрос и предложение, эти вызвали бы к жизни рынки, а последние привлекли бы новых поселенцев, причем каждый являлся бы туда добровольно, на собственный риск и издержки. Труд, который тратился бы на обработку земли, поднимал бы ценность страны. Евреи быстро поняли бы, что

для их предприимчивости, которую до сих пор так ненавидят и позорят, открылась бы новая сфера деятельности, открылись бы новые владения. Но если хотят создать государство, то переселять необходимо не en masse, что веками и тысячелетиями считалось единственно возможным. Странно и неразумно возвращаться к старой культуре, о чем мечтают некоторые сионисты. Если бы нам, например, пришлось очистить страну, в которой кишат дикие звери. разве мы поступали бы так, как поступал европеец в пятом столетии. Мы не вышли бы на медведя в одиночку с одним копьём и мечом. но, устроивши правильную облаву, чтобы загнать зверя в одно место, послали бы ему мелинитовую бомбу. Или, если бы мы захотели что-нибудь построить, разве мы делали бы так, как делали раньше? Мы строили бы смелее и изящнее, чем это делали раньше, так как у нас имеются все средства, о которых в пятом, примерно, столетии даже и не мечтали.

Когда все таким образом, благодаря нашему бедному классу, было бы готово, средний более зажиточный и имущественный класс, пошел бы на смену во главе с средним интеллигентом, имеющимся у нас в большом избытке. Итак пусть вопрос о переселении евреев будет поставлен на очередь и пусть каждый выскажется, но это ничуть не значит, что должно произойти разногласие, так как в этом случае все дело может погибнуть. Кто не согласен, тот может остаться, равно как и безразличны возражения отдельных личностей; кто же согласен, тот пусть станет под наше знамя, содействуя успеху дела словом и делом. Евреи, согласившиеся и присоединившиеся к нашей идее о государстве, составят Еврейский Союз, который получит уполномочие и первенство в правлении и сможет говорить и действовать от имени евреев. Он составит как бы зерно государства и тем самым государство уже будет основано, а раз остальные государства окажутся настолько подготовленными, чтобы отдать евреям в сюзеренство какую-нибудь нейтральную страну, то о принятии этой страны и ее устройстве опять таки позаботился бы Союз.

На мысль в данном случае приходят две территории, достойные внимания, Аргентина и Палестина, на которых остановились еще раньше колонизационные попытки, но так как при колонизации господствовал принцип выбора поселенцев, при котором немедленно обнаруживался ряд притеснений, ужасавший многих эмигрантов и отклонявший их от переселения, останавливая таким образом дальнейший приток евреев, – то и попытки эти всегда кончались неудачно. Только в том случае эмиграции имеет и будет иметь свой *raison d'etre*, когда в основе будет надежная верховная власть.

А тем временем, пока устав для этого Еврейского Союза будет вырабатываться нашими теперешними государственными властями и пока эти последние уяснят себе суть дела, Союз сможет находиться под покровительством европейских государств. Мы могли бы поручиться нынешним правительствам за огромные

выгоды, мы могли бы взять на себя часть их государственных долгов, заключить торговые договоры, которые нам самим также очень нужны и т. п. От возникновения такого государства соседи могли бы только выиграть, ибо как в большом, так в в малом государстве, культура всегда увеличивает значение сношений.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Палестина или Аргентина? _

Куда идти в Палестину или в Аргентину? Союз Еврейский будет благодарен за всякий клочек земли, который ему дадут, лишь бы только мнение и мысли евреев могли бы там свободно в беспрепятственно высказываться в созреть. Аргентина одна из естественных богатейших стран, огромнейшая равнина с незначительным населением и умеренным климатом, более всего, конечно, подходит для наших целей. Аргентинская республика должна быть очень заинтересована в том, чтобы уступить нам часть своих обширных территорий. Правда теперешнее переселение евреев произвело там свое неудовольствие, но нужно объяснить аргентинскому правительству существенную разницу теперешней эмиграции от предполагаемой.

Что же касается Палестины, этой нашей незабвенной исторической родины, то одно имя ее уже имеет само по себе большое значение для еврейского народа вообще в для эмиграции и колонизации в частности. Если бы турецкий султан захотел отдать нам Палестину, то мы могли бы обязать привести финансы Турции в полный порядок. Для Европы же мы образовали бы там нечто в роде оплота, преграды против Азии, мы заботились бы о распространении культуры среди невежественных народов Азии. Оставаясь вместе с тем со всеми государствами Европы в союзе в качестве нейтрального государства, – мы таким образом были бы гарантированы за наше существование. Что же касается священных для христиан городов, то, будучи изолированы, они в нас могли бы только найти почетную стражу, которая своим существованием ручается за исполнение своего обещания. Эта почетная стража была бы великим символом решения еврейского вопроса после восемнадцати столетий, полных мучений, страданий в притеснений.

mail.ru	1133
3685111	122

HotLog
1048157 +141

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Потребности и торгово-промышленные учреждения. _

В предыдущей главе я сказал, что «Еврейское Общество организует в новой стране торговые сношения». Теперь я думаю сделать некоторые пояснения, ибо подобная фраза, брошенная вскользь, может быть уничтожена или по крайней мере поколеблена в своей основе, если практики-комерсанты и финансисты выскажутся против нее. а между тем, практические люди будучи очень узкими рутинерами и совсем не способны выйти из своего узкого круга старых понятий, своими возражениями очень сильно могут повредить всякому новшеству, по крайней мере на столько, что пока оно еще не окрепло, рутинеры с их дряхлыми понятиями могут его погубить, уничтожить.

Когда железная дорога появилась в Европе, нашлись люди, признававшие некоторые пути нелепыми потому де, что и «почтовая карета» там никогда не имела достаточного количества пассажиров. Не знали еще тогда той истины, которая для нас теперь так понятна без всяких пояснений, а именно, что не путешествующие вызывают к жизни железную дорогу, а, напротив, железная дорога создает путешествующих, и, конечно, дремавшая дотоле потребность должна была очнуться.

к категории подобных железнодорожных практиков и их рассуждений нужно отнести и то, что некоторые не могут себе представить, как это в новой стране, которую надо будет только добывать в культивировать, пришельцами смогут быть созданы торговые сношения. Практический человек при этом должен был бы приблизительно так выразиться: «Допустим, что теперешнее положение евреев во многих местах невозможно, и с каждым днем становится все хуже и хуже; допустим дальше, что может возникнуть страсть к переселению; допустим также, что евреи уже перекочевали в новую страну, – из каких же источников

они будут там черпать свои заработки? На какие средства они будут жить? Не могут же искусственно в один день быть созданы сношения между целыми массами!» и я могу на это только ответить, что об учреждении искусственных торговых сношений не может быть и речи, и тем менее еще в один день. Но если даже мы не сможем урегулировать эти сношения, то все таки можно их поощрять. Каким образом? При помощи торгово-промышленных учреждений, заведующих специально потребностями населения. Раз потребности существуют, они непременно должны вызвать к жизни и учреждения, которые заведывали бы ими, а этим самым создастся и обмен, создадутся сами собой и торговые сношения.

Если потребность в лучших условиях для евреев насущна, если предполагаемое учреждение к удовлетворению подобной потребности, т.е. Еврейское Общество, достаточно необходимо, то и торговые сношения в новой стране должны быть создаваемы и производимы в изобилии. Конечно, это дело будущего, как и развитие железнодорожных сношений было делом будущего для лиц тридцатых годов но тем не менее железные дороги строились, и слава Богу, что не обратили внимание на рассуждение различных критиков, мнящих себя очень умными и знающими людьми, иначе мы еще надолго были бы лишены тех удобств и выгод, которые связаны с проведением железных дорог.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ЕВРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО. _

Цель еврейского общества. _

Еврейское Общество следует отчасти рассматривать, если позволено будет так выразиться, как большое благотворительное предприятие, которое, не ограничиваясь одними только задачами колонизации, не имеет, однако, прерогатив высшей власти, предоставленной исключительно Еврейскому Союзу, о котором я поговорю впоследствии. Будучи собственно основано, как акционерное учреждение, по образцу английских, наше Общество может вместе с тем подчиняться и законам Англии, и быть под ее покровительством. Как велик должен быть акционерный капитал, я теперь не в состоянии сказать. Впрочем, об этом могут подумать и вычислить наши опытные финансисты; но чтоб выразиться определеннее, я обозначу его в один миллиард марок (500.000.000 рублей), хотя может статься в действительности понадобится или меньше или больше, что вполне будет зависеть от финансовых источников Общества. Тогда же определится, какую сумму надо будет внести каждому наличными деньгами при его открытии. Вместе с тем нужно всегда помнить, что Общество есть только временное учреждение. Будучи чисто коммерческим предприятием и резко отличаясь от Еврейского Союза, оно прежде всего должно позаботиться о ликвидации недвижимости эмигрирующих евреев. При этом способы ликвидации, которые будут применяться, вполне гарантируют от кризиса, обеспечивают каждому его собственность и вместе с тем способствуют тому переселению христиан-граждан, о котором я уже говорил.

mail.ru	1133
3685111	122

Hotlog
1048157 +141

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Недвижимость. _

Под словом недвижимость я разумею дома, имения и местные торговые учреждения. Еврейское Общество, заботясь о реализации недвижимостей, прежде всего познакомится со способами продажи их, а затем начнет производить и самую реализацию, которая на первых порах будет, конечно, довольно легка и безубыточна. Но при расширении деятельности Общества может случиться, что цены упадут, и в конце концов реализация затормозится. Тогда Общество выступит в качестве посредников и, с одной стороны, сделается управителем оставленных недвижимостей, а, с другой стороны, станет выжидать удобного момента для продажи. Оно будет взимать наемную плату за квартиры, отдавать в аренду имения, и назначать управляющих в торговые предприятия, а если возможно, или необходимо, то сдавать их в аренду; при этом Общество повсюду старается облегчать и давать возможность этим арендаторам-христианам приобретать в собственность арендуемое. Затем оно постепенно заменяет своих служащих в еврейских учреждениях христианскими чиновниками и лицами свободных профессий (адвокатами и пр.), опять таки исключительно из христиан, без того однако, чтобы эти последние были как бы служащими у евреев. Они, так сказать, будут отдавать только отчет христианским жителям и свидетельствовать о том, что все ведется правильно, честно, добросовестно и что ничто не угрожает благосостоянию населения. Одновременно с этим Еврейское Общество покупает или вернее обменивает также имущества, устроенные «на новосёле» если только возможно, как они были «на старосёле»: за дом, например, отдавая дом, за имение имение же. В этом обмене для Общества открывается обширное поле для извлечения вполне правильных и разрешенных громадных выгод, ибо, отдавая, например, «на новосёле» новый красивый дом со всеми удобствами, построенный по последним требованиям гигиены, или отличные имения за известную плату, оно выгадывает потому, что ему самому все это стоит значительно дешевле, и потому, что землю оно приобрело очень дешево.

---

mail.ru	1133
3685111	122

HotLog
1048157 +141

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Покупка земли. _

Как Еврейский Союз может в силу международного права рассчитывать на известную территорию, так он может естественно приобретать ее и на правах частной собственности. Но в данном случае не идут в счет приготовления к поселению единичных личностей. Обществу нужны большие территории для наших надобностей и своих собственных, и оно обеспечит себя необходимой землей, скупивши главным образом земельные территории из числа теперешних государственных имуществ. Цель этого конечно та, чтобы воспрепятствовать «на новосёле» искусственному повышению земельной ценности; равно в «на старосёле» недвижимости будут продаваться на льготных условиях, чтобы, напротив, способствовать более скорой реализации ее. Раз Общество руководит поселением, то ему нет надобности заботиться о разорительном и бесплодном увеличении земельной ценности, которая в без того увеличится, правда при согласии надзирающего за всем Еврейского Союза, заботящегося и о том, чтобы с этим предприятием не повторилась панамская история.

Общество отведет своим служащим на льготных условиях, землю для постройки на ней хороших домов, разрешив им для этого кредит с постепенным погашением долга, который будет покрываться или вычетом из их жалования или теми суммами, которые должны были набавляться к жалованию. Кроме уважения, которое их ожидает, это будет в некотором роде вознаграждением за их честную и усердную службу.

Что же касается всей огромной выгоды от этой земельной спекуляции, то, по моему мнению, она должна всецело быть предоставлена Обществу, ибо последнее за свой риск, как и всякий свободный предприниматель имеет право с своей стороны на известную выгоду, ибо участников рискованных предприятий следует вознаграждать; но в нашем деле риск только терпим. Во взаимном соотношении риска с выгодой заключается финансовая нравственность.

mail.ru	1133
3685111	122

HotLog
1048157 +141

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Постройки. _

Итак, Общество будет обменивать дома и имения, причем непременно должно выгадывать на земле. Это каждому понятно, кто где-либо или когда-либо наблюдал повышение ценности земли благодаря культурной обработке ее. Самым лучшим и наглядным образом это можно проследить на чрезуполосном владении, т.е. на земле включенной в другую, в городах и деревнях. Необработанная равнина поднимается в цене, по мере культурной обработки, которой она подверглась. Подобной гениальной земельной спекуляцией является «Парижское общество увеличения городов», которое, скупая смежные куски земли, застраивало их внешний круг, начиная не с крайнего ряда городских домов, а с противоположной стороны купленной земли. Благодаря такому обратному ходу построек, неизмеримо быстро росла в земельная ценность небольших домовых участков; так что вместо того, чтобы прекращать работу по мере того, как они заканчивали круг своих построек, они снова начинали строить, но тогда уже их постройки оказывались в центре города, т.е. на дорогах участках.

На вопрос же, будет ли Общество само строить или поручит это свободным архитекторам, не трудно ответить, что оно может сделать и то в другое, и конечно сделает, так как в его распоряжении будет неизмеримый запас рабочих сил, поставленных в счастливые и удобные условия жизни, так что им не придется платить арендной платы или какой-нибудь другой. О строительном же материале позаботятся уже наши геологи, когда будут выбирать землю для постройки городов. Итак, какой будет принцип при постройках?

---

mail.ru	1133
3685111	122

HotLog
1048157 +141

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Помещения для рабочих. _

Помещения для рабочих, под которыми я разумею жилища для всякого рода ремесленников, должны быть построены собственными силами. Я отнюдь не думаю о тех мрачных рабочих казармах, которые мы встречаем в европейских городах, равно как и о жалких хижинах, окружающих повсюду фабрики. Наши помещения для рабочих должны быть правда тоже однообразны, ибо Общество должно заботиться о том, чтоб постройки эти обошлись как можно дешевле, раз им предстоит производить их в большом количестве, но эти отдельные домики, с их садиками кругом, будут в каждом месте объединены в красивую группу. Естественные красоты местности воодушевят свободный дух наших молодых архитекторов, не пропитанных старой рутинной, и народ наш, если даже не поймет всего величия нашего предприятия, будет по крайней мере легко в свободно себя чувствовать в этой милой и приятной обстановке. Храм будет выделяться, на общем фоне, далеко кругом, подобно тому, как в тяжелую годину наша старая вера ярко выделялась, соединяя нас воедино и сохраняя нас; кругом же будут высокие, светлые и здоровые школы со всеми новейшими пособиями для наших детей. а там дальше – общеобразовательные школы с ремесленными классами, которые приучат простых ремесленников к известным специальностям, дадут им возможность приобретать технические знания и ближе познакомиться с машинами; а еще дальше места – для разумного развлечения народа, о котором Еврейский Союз должен будет позаботиться, охраняя его нравственность; впрочем, теперь следует говорить только о постройках, а не о том, что в них будет происходить.

Итак, я говорю, что помещения для рабочих не будут дорого стоить не только потому, что все строительные материалы имеются здесь в огромном количестве, не только потому, что земля, на которой будут производиться постройки, принадлежит Обществу, но и потому, что ему не нужно будет платить рабочим за работу.

---

mail.ru	1133
3685111	122

Hotlog
1048157 +141

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Рабочие организации. _

Помощь рабочим, как она существует теперь в Париже и других городах Франции, Англии, Швейцарии и Америке, есть нечто жалкое, мизерное, между тем как из него можно было бы сделать действительно грандиозное. В чем состоит собственно принцип вспомоществования через доставку работы, принцип Общества «Assistance par le travail» в Париже? Он состоит в том, чтобы каждому нуждающемуся чернорабочему дать легкую работу, не требующую особенных знаний; так например, пилить дрова, собирать хворост, при помощи которого в парижских хозяйствах раскладывается огонь. Это как бы своего рода тюремная работа, но только до совершения преступления и не влекущая за собою бесчестия. Никому поэтому не следует прибегать к преступлению из-за нужды, если он хочет работать, никому не нужно лишать себя жизни из-за голода. Последнее есть самое позорное пятно для культурной страны, где со стола богатых бросают даже собакам самые вкусные куски.

Итак, рабочие организации дают всем работу. Но имеют ли они возможность сбывать продукты этой работы? Нет. По крайней мере не вполне. Вот причина постоянной нужды существующих организаций, вот почему они постоянно работают себе в убыток. Во всяком разе они подготовлены к этим убыткам, ибо у них имеются специальные суммы, составляющиеся из взносов, которые и покрывают разницу между стоимостью данной работы и продажной платой. Вместо того, чтобы нищему дать два су (одну копейку) они лучше дают ему какую-нибудь работу, на которой потеряют эти два су. Что же касается несчастного нищего, обратившегося в интеллигентного рабочего то он заработает теперь один франк 50 сантимов (60 коп.). За 10 сантимов – 160! Это значит приличную и разумную благотворительность увеличить в пятнадцать раз. Это значит из одного миллиарда сделать пятнадцать миллиардов.

Но в то время как рабочие организации, без сомнения, теряют эти десять

сантимов, Еврейское Общество не потеряет этих миллиардов, но напротив извлечет колоссальные выгоды, так как оно имеет возможность вполне сбывать продукты трудов этих рабочих. к тому же присоединяется моральная сторона дела. Уже теперь мы наблюдаем, что существующие небольшие рабочие организации поднимают и исправляют нравственность рабочего, пока он, свободный или лишенный работы, ищет себе новой или какого-нибудь другого занятия. Ежедневно после работы предоставляется ему несколько часов для приискывания постоянной, и в этом деле рабочие организации с своей стороны помогают ему, являясь посредником. весь недостаток однако теперешних маленьких организаций состоит в том, что они конкурируют с торговцами лесом и др., которые поднимают вполне справедливо крик. Эта конкуренция ни в коем случае не должна быть терпима, равно как не следует конкурировать и с работами в местах заключения, так как государство должно ведь заботиться о своих преступниках и давать им какую-нибудь работу. Впрочем, в старом обществе вообще трудно установить рамки деятельности для подобных рабочих организаций, но в нашем новом – это вполне возможно. При наших первых земельных работах, при устройстве улиц, рассадке растительности, обработке земли, при устройстве железных дорог и телеграфов и пр., которые будут совершаться по правильному и твердо установленному плану, с первого же момента работы необходимо будет огромное число рабочих рук, так что некому будет, да и не для чего будет, конкурировать.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Семичасовой рабочий день. _

Обыкновенным рабочим днем считается семичасовой. Но это не значит, что ежедневно только в продолжение 7 часов будут рубить деревья, копать землю, возить камень и производить всякие другие работы. Нет, работа будет производиться в течение 14 часов, но рабочие группы будут сменять друг друга через каждые 3 1/2 часа. Организация будет совсем военная: с чинами, повышениями и пенсиями. Откуда возьмутся средства для пенсий, изложено ниже.

В продолжение 3 1/2 часов, без перерыва, здоровый человек может работать усиленно. После перерыва в 3 1/2 часа, посвященного отдыху, семье, дальнейшему образованию (о котором будут заботиться), он опять вполне бодр. Такие рабочие силы могут совершать чудеса.

Семичасовой рабочий день! Он дает возможность работать в общем 14 часов — больше и невозможно требовать за день.

Нам нужен семичасовой рабочий день как всемирный лозунг для собирания наших людей, которые ведь по собственной воле должны приходить к нам. Это должна быть в самом деле обетованная страна.

Тот, кто работает более 7 часов, получает за добавочные часы и добавочное вознаграждение в деньгах. Так как все его потребности удовлетворены, а о неспособных к труду членах его семьи заботятся те филантропические учреждения, которые туда переселились, то он может и скопить себе кой-что. Мы хотим поощрять и без того присущую нашим соплеменникам склонность к сбереганию, так как этим облегчается повышение рабочего в высшие слои общества, и так как мы таким образом приготовим себе громадный запасный капитал для будущих займов.

Работа сверх положенных 7 часов не должна продолжаться более 3 часов, и то только после медицинского осмотра рабочего. В новой обстановке наши соплеменники набросятся на работу, и тогда только мир увидит, какой мы работающий народ.

Как будет организована Trucksystem у поселенцев я теперь так же мало распространяюсь, как и о бесчисленных других подробностях, для того, чтобы не запутать в мелочах. Женщины вообще не будут допускаться к тяжелой работе и не должны работать сверх нормального времени.

Беременные женщины освобождаются от всякой работы, и их питание должно быть лучше обыкновенного. Ибо в будущем нам необходимы здоровые поколения.

Дети воспитываются с самого начала так, как мы желаем. Об этом я теперь не стану распространяться.

То, что я говорил сейчас, начав с рабочих жилищ, о чернорабочих и их образе жизни, так же мало утопия, как и все остальное. Все это встречается и в действительности, только в бесконечно малых размерах, незамеченным, непонятым. Для решения еврейского вопроса большие услуги оказала мне «Assistance par le travail», с которой я познакомился и которую научился понимать когда был в Париже.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Рынки. _

Вместе с тем как мы начнем в новой стране наши работы, мы одновременно с этим вызываем к жизни и рынки; причем в начале конечно будет спрос только на необходимые житейские продукты, как например: скот, хлеб, рабочее платье, инструменты, оружие, которое придется покупать в соседних странах или в Европе, а там постараемся, по возможности скорее, самим это вырабатывать. Еврейские предприниматели и промышленники только диву дадутся от тех надежд и оборотов, которые там откроются им. Вслед за тем постепенно будут проявляться более утонченные потребности чиновников, например, или служащих у Общества, к которым отношу также и офицеров милиции, составляющей десятую долю всего мужского население и необходимой против бунтовщиков и негодных людей, хотя нужно надеяться, что все, или большинство по крайней мере, будут вполне миролюбивы. Эти утонченные потребности служащих, поставленных в лучшие условия жизни, вызовут, конечно, новый, постоянно увеличивающийся, спрос на изящные и удобные вещи. Семейные люди выпишут свои семейства, а холостые своих родных и сестер, как только «на новосёле» будут для них готовы дома. И это опять-таки увеличит спрос и рынки. А что евреи, уже поселившиеся в новой земле, не преминут выписывать своих родных, это мы очень легко наблюдаем при эмиграции евреев же в Северо-Американские Соединенные Штаты. Лишь только ктонибудь из них заручился куском хлеба, он тотчас выписывал к себе своих. Семейные узы у евреев вообще очень крепки, а Еврейский Союз в Еврейское Общество совместно еще более будут способствовать, чтобы узы скреплялись и семейства сближались. Но я здесь главным образом имею в виду материальную сторону дела, обходя совершенно моральную, которая подразумевается сама собою. Итак, с увеличением населения, увеличится и число браков и численность детей, будущих работников, ибо нам нужны люди. Охотно принимаем мы тех, кто уже там, и тех, кто намерен туда поехать. Все там нужны, все пригодятся, все найдут себе «на новосёле» работу и давно желанное

отечество.

---

mail.ru	1133
3685111	122

HotLog	
1048157	+141

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Другие виды построек. _

Говоря о постройке помещений для рабочих, я умышленно упустил главный вид построек в поселениях. Теперь же я возвращаюсь назад к ним и хочу поговорить о других видах построек для деревень, например, для мелких хозяев, для городов и пр. Построив при помощи своих архитекторов около ста типов домов и приготовив большое количество подобных для окончательного переезда, Общество назначит цены на них, чтобы потом или продавать за деньги или обменивать. Эти прекрасные образцы будут с одной стороны как бы способствовать пропаганде, ибо всякий лично сможет убедиться в доброкачественности их и в том, что Общество ничего не желает заработать при их постройке; а с другой стороны, они будут способствовать более быстрому переселению, раз заранее будет приготовлено все готовое и удобное. Да, но где же будут стоять эти дома? Об этом я поговорю в главе о «Распланировке территорий для поселений». Так как Общество ничего не желает при этих постройках заработать, но только на земле, то было бы желательно, чтобы многие свободные архитекторы строили дома по частным предположениям. Таким образом увеличится ценность поселения, и в стране появится роскошь, которая необходима нам для различных целей, а именно, для искусства, для промышленности, а впоследствии для раздробления больших капиталов. те богатые евреи, которые теперь принуждены робко скрывать свои богатства и тайком справлять, как бы при опущенном занавесе, свои скучные праздники, будут «на новосёле» свободно наслаждаться всем. Когда же это переселение прочно установится и наши капиталы снова прочно реабилитируются, тогда мы из беспримерных дел ясно поймем и увидим, на сколько они необходимы; а когда богатые евреи начнут «на новосёле» строить свои замки, на которые в Европе смотрят уже с такой злобой и завистью, то будет почти вполне современно поселяться «на новосёле» и в великолепных домах.

mail.ru	1133
3685111	122

HotLog
1048157 +141

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Некоторые виды ликвидации. _

Итак, на Еврейское Общество следует смотреть, как на преемников или, вернее, правителей еврейских недвижимых имуществ «на старосёле». Впрочем, эту задачу очень легко можно исполнить при управлении домами или имениями, но как поступить при управлении торговыми делами? здесь могут быть разнообразные виды, которых нельзя сгруппировать в одно целое; тем не менее однако это не создает каких-нибудь особенных затруднений, так как в каждом единичном случае владелец торгового предприятия, раз он решился окончательно переселиться, может заключить с филиальным отделением Общества его округа такой вид ликвидации, который для него является самым удобным в выгодном. Что же касается самых мелких торговцев, у которых главным образом играют роль личное занятие и небольшое количество товара или необходимое при его деле устройство, то в данном случае переселение может опять-таки совершиться самым легким способом. Для личных занятий таких переселенцев Общество создает надежную сферу деятельности, а именно продажу машин или других орудий, при которой их небольшие материальные средства могут «на новосёле» послужить основой для первоначального кредита. Новый род деятельности, в начале совершенно неизвестный, скоро может быть изучен ими, так как евреи вообще легко все изучают; и таким образом все торговцы легко и быстро превратятся в мелких промышленников земледельческими орудиями. Общество охотно должно согласиться принимать недвижимое имущество бедняков, в роде торговли и пр., хотя бы с очевидными убытками для себя, так как только таким образом достигается быстрая и свободная культивировка отдельных участков, а благодаря этому поднимается и ценность остальных участков.

Что же касается среднего класса, в котором торговое устройство так же важно, как и личная деятельность владельца, если не важнее, и кредит которого является очень затруднительным, то там опять-таки применимы различные виды

ликвидации, при чем главным образом играет роль продажа или передача в аренду христианам. Это вызовет внутреннее переселение христиан, о котором я уже говорил. Всякий уезжающий еврей, оставляя «на старосёле» под охраной Общества дело, либо чтобы продать его, либо передать в аренду, получает «на новосёле» личный кредит. Открывая ему «жиро-контто», Общество тем самым имеет возможность выждать более удобного момента для продажи его прежнего дела или выгодной передачи какому-нибудь управляющему или арендатору, который с своей стороны сможет впоследствии приобрести, либо внесши сразу всю причитающуюся сумму, либо постепенно выплачивая по частям. Таким образом, Общество уже само заботится через своих служащих и адвокатов о правильном ведении оставленной торговли и об аккуратном поступлении подлежащих плат, являясь в некотором роде кураторами за отсутствующих. Но если какой-нибудь еврей не может продать своего дела или не желает никому поручать или передавать, тогда он остается на своем прежнем месте, ничуть не ухудшая своего положения, ибо, благодаря отъезду многих собратьев, конкуренция уменьшится, и антисемитизм с его пресловутым «не покупайте у евреев!» прекратится. Если же с другой стороны какой-нибудь торговец «на новосёле» желает открыть и заняться своим прежним делом, то он может это легко и свободно сделать.

Так например, некто X, владея большим модным и галантерейным магазином, хочет переселиться. Он заявляет об этом ближайшему отделению Общества, указав на новое желательное место для жительства, передает образцы своего товара, клиентами которого «на новосёле» будут бедные первые поселенцы; но постепенно туда переселяются лица, нуждающиеся в лучших модных и галантерейных товарах, тогда X посылает более новые товары и, наконец, самые новые; и таким образом X оказывается владельцем двух магазинов, из которых он старый продаст или передаст в управление своему христианскому преемнику, а новый оставляет за собой, если только Общество находит этот новый магазин вполне устроенным.

Вот другой, несколько более крупный пример: «У и сын» владеют обширными угольными копями с горными мастерскими и фабриками. Как ликвидировать подобное большое и сложное дело? Тут есть несколько способов: во-первых, копи со всем, что при них находится, могут быть выкуплены тем государством, в котором они находятся; во-вторых, Еврейское Общество может само приобрести их, уплатив частью наличными деньгами, частью землю «на новосёле»; в третьих, можно ликвидировать, основавши собственное акционерное общество «У и сын»; в четвертых, можно продолжать производство тем же порядком, как и раньше, с тем, однако, чтобы переселившиеся владельцы, когда они найдут для себя нужным вернуться обратно для обревизования своих владений, явились бы туда, как иностранцы, пользуясь теми же правами и защитой в этой цивилизованной стране, как и все остальные. Все это мы сплошь в рядом видим

в повседневной жизни. Наконец, пятым и особенно выгодным и хорошим способом, по моему мнению, мог бы быть нижеследующий, который я поместил последним собственно потому, что в жизни он мало применяется, несмотря на то, что он очень близок в симпатичен нашему современному сознанию, «У и сын» передают безвозмездно свое дело теперешним служащим; эти, вступив во владение с круговой порукой – уплачивают им необходимую сумму, которую они могут достать или в общественной кассе, или в каком-нибудь другом месте, а затем постепенно погашают свой заем.

Таким образом Еврейское Общество ликвидирует как малые, так и большие дела, и одновременно с тем, как евреи свободно эмигрируют, основывая себе новое отечество, оно, как большая юридическая особа, незыблемо стоит «на старосёле», способствуя переселению, охраняя покинутые имения, отвечая всем огромным наличным имуществом за правльную ликвидацию и, наконец, продолжая устраивать уже эмигрировавших.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Операции Общества.

Каким же образом Общество будет производить свои операции без того однако, чтобы в покидаемых странах наступили обеднение или экономический кризис? Несколько выше уже было сказано, что следует привлечь к этому делу христиан, с одной стороны для того, чтобы гарантировать себе полную и достойную независимость, а с другой стороны, чтобы в их лице иметь национальных контролеров. Но всякое государство имеет кроме того фискальные интересы, которые могут пострадать. Теряя известный класс подданных, неважных в социальном смысле, но очень важных, как финансовую категорию, вносящую крупную подать и пошлину, оно может себе потребовать вознаграждение. Охотно мы представим его, но только косвенным путем. Разве не недостаточное вознаграждение то, что мы оставляем в стороне торговые предприятия, вполне благоустроенные благодаря нашему еврейскому остроумию, благодаря нашему еврейскому прилежанию, что мы передаем христианам наши насиженные места, а затем беспримерными жертвами способствуем быстрому увеличению благосостояния огромных масс? Еврейское же Общество, напротив, готово принести явную пользу отдельным государствам, ибо продажа оставленных евреями имуществ и имений может быть упрочена на самых выгодных условиях за правительствами тех государств, которые (т. е. правительства) с своей стороны могут воспользоваться оставленными земельными собственностями для крупного социального улучшения.

Еврейское Общество также охотно придет на помощь и правительствам и парламентам, покровительствующим внутреннему переселению христиан, равно как будет уплачивать большие неустойки.

Местом главного правления следует выбрать Лондон, так как Общество,

будучи частным предпринимателем должно непременно находиться под покровительством и защитой большого государства, свободного от антисемитизма; но после того, как его официально признают готовым к функционированию, оно широко разрастется, захватив как можно большее поле деятельности. Устраивая повсюду отделения и подотделения, Общество станет функционировать там, где только возможно будет, без того однако, чтобы чем-нибудь повредить своему существованию. Повсюду оно конечно вступит в сношения с министерствами финансов, которые охотно помогут им и облегчат пути проведения и исполнения их огромного и сложного предприятия, раз они убедятся в добрых намерениях его.

Затем Общество озаботится транспортировкой людей и имущества. Тут конечно опять есть два пункта, а именно: где железные дороги находятся в руках правительства, там дело очень просто и ясно, где же они в руках частных предпринимателей, там Общество получает уступку, как и всякий крупный отправитель. Таким образом эмигрирующие будут иметь возможность проехать на собственный счет и перевести багаж как можно дешевле. Общество, конечно, могло бы очень много выгадать на фрахте и на проездной плате, если бы перевозило за свой счет, но в основе этого дела должен быть принцип, чтобы исключительно вернуть потраченное. Тут возникает вопрос об экспедиционных конторах, находящихся большей частью в руках евреев. Будучи главным, что понадобится Обществу и вместе с тем главным же, что окажется ненужным в будет ликвидировано, эти конторы, конечно, затрагивают интересы их владельцев, но эти последние могут либо поступить на службу к Обществу, либо совершенно освободиться от них и поселиться «на новосёле», занявшись каким-нибудь другим делом. Без сомнения, в желающих открывать экспедиционные конторы недостатка не будет, так как это очень хорошее и выгодное дело; впрочем, нет надобности подробно описывать всякую мелочь этого массового переселения, так как все связано между собой, вытекая друг из друга; к тому же этим вопросом займутся специалисты, которые изыщут пути для лучшего и удобнейшего исполнения его.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Деятельность Общества. _

Вся разнообразная деятельность Общества находится в тесной связи между собой. Так, в начале для наших бедных переселенцев нужны будут мануфактурные изделия, платье, белье, обувь и пр., ибо на конечных европейских пунктах отправление они все будут вновь обмундированы, но на это не следует смотреть как на подарок. Сменивши им старое платье на новое, Общество ничего не потеряет, а если и будут кое-какие убытки, то оно может их списать в счет предприятия, или, в крайнем случае, неимущие сделаются должниками его в выплатят рабочими часами сверх нормы, если это им будет разрешено в награду за хорошее в примерное поведение. И ныне существующие уже эмиграционные комитеты, продолжая свою деятельность по отношению к эмигрирующим евреям нашего Общества, могут оказать также существенную пользу, а за способами совместной помощи недалеко ходить: их легко можно изыскать.

Пусть в перемене одежды уезжающие эмигранты увидят символ, что отныне для них наступает новая жизнь! Пусть, облакаясь в новые одежды, они вспомнят, что готовятся пойти навстречу новой жизни! а Еврейский Союз с своей стороны уже позаботится о том, чтобы при помощи публичных лекций и бесед познакомить уезжающих далеко еще до отъезда, а также и в пути, с целями предприятия, давать советы относительно гигиенических условий новых мест для жительства, давать наставления для предстоящих работ, словом, Еврейский Союз позаботится о том, чтобы повсюду замечалось серьезное, но и ликующее настроение, ибо обетованной страной может быть только страна труда. Вместе с тем Союз позаботится о том, чтобы наши эмигранты, при вступлении на новую землю, убедились, что им не надо завоевывать эту хваленную обетованную землю, чтобы эти бедные, несчастные люди увидели, что они уже у себя дома.

С другой стороны Общество должно позаботиться о том, чтобы развитие

мануфактурной промышленности и фабричного производства не совершалось зря, без определенного плана; а этого легко достигнуть, если Еврейский Союз, которому отдельные группы, отдельные поселения будут доставлять необходимые сведения, в свою очередь будет заблаговременно извещать Еврейское Общество о числе эмигрирующих, о дне их прибытия и об их потребностях, ибо только в таком случае возможно заблаговременно о них позаботиться и приготовить все необходимое.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Поощрение промышленности. _

В данном вопросе очень трудно отделить задачи Еврейского Общества от задач Еврейского Союза, ибо фактически эти два органа будут идти рука об руку. Если Общество постоянно будет пользоваться нравственным авторитетом Союза и его покровительством, то забота второго – постоянно изыскивать средства для него. В разумном развитии, например, мануфактурной промышленности можно видеть некоторый намек на опыт избежать промышленного кризиса. и подобным принципом следует руководиться в каждой отдельной отрасли, в которой Общество выступит, как промышленник; но рядом с этим Общество не должно пользоваться превосходством своих сил, стесняя частную предприимчивость. Мы ни что иное, как коллективная корпорация, где того требуют непреодолимые трудности задачи; в остальном же мы должны способствовать в поощрять единичную предприимчивость со всеми ее правами. Частная собственность должна у нас так же свободно развиваться, как и основы независимого земледельческого труда. Ведь мы же допускаем наших чернорабочих на первых же порах превратиться в собственников? Пусть же дух предприимчивости царит в каждом нашем деле в пусть промышленность у нас развивается, благодаря введению разумной пошлины, дешевой доставки сырья в правильной статистики с ее официальными отчетами.

А дух предприимчивости легко может быть поставлен на здоровую почву, и тогда бессмысленная спекуляция исчезнет. Каким образом? – Возникает новая отрасль промышленности. Об этом Общество своевременно объявляет, так что предприниматель почему либо решившийся только через некоторое время подыскать себе какой-нибудь вид промышленности, может легко за него взяться, не вызвав никакого кризиса. Раз цель всякого нового начинания будет объявляться Обществом, значит и условие получения данного предприятия могут каждому быть известны во всякое время. Впоследствии к услугам предпринимателей будут также предоставлены и сконцентрированные рабочие

силы. Так например, предприниматель, обратившись по телеграфу в «бюро, подыскивающее занятие для рабочих», и представив при этом требуемую известную плату в кассу «Самосохранения», заявляет, что ему нужны назавтра, на три дня, три недели или три месяца пятьсот чернорабочих. и завтра же на его полях или фабрике уже работают эти требуемые пятьсот человек, которых центральное бюро сзывает отовсюду, где они только что оставили свою работу. Само собою разумеется, что в их лице не следует видеть каких-нибудь рабов, а людей работающих в течение дня только 7 часов и сохраняющих за собой свою рабочую организацию так, что при перемене ими места, время службы с ее наградами, преимуществами и пенсией протекает по прежнему.

Правда, свободный предприниматель может, если он хочет, и другим путем найти себе рабочих, но это ему будет несколько трудновато, так как Союз следит за тем, чтобы в страну не привлекались рабочие из числа неевреев, и постарается, благодаря ли строгому внушению непослушным и упрямым промышленникам или благодаря затруднению обмена и проч., достигнуть своей цели, так что поневоле придется обращаться к семичасовым рабочим и привыкнуть к семичасовому труду, следовательно, в конце концов он все таки будет введен, хотя с некоторым трудом.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

Распределение ремесленников по поселениям. _

Совершенно ясно, что то, что удастся чернорабочему, еще легче удастся ремесленнику и фабричному рабочему, так что о них опять таки позаботится центральное бюро.

Что же ждет тех самостоятельных ремесленников и мелких мастеров, которых мы так хотели познакомить с успехами техники, которых мы хотели ввести в круг технических знаний, даже если они уже в пожилом возрасте, и которым следовало бы передать в заведывание двигательную силу рек и электричество. Этим самостоятельным работников можно было бы распределить в устроить при помощи того же центрального бюро Союза. Различные поселения, нуждаясь в подобных ремесленниках, обращаются в центральное бюро с заявлениями, что им нужно столько-то столяров, столько-то стекольщиков, столько-то слесарей и т. д. Бюро оповещает об этом – и подходящие люди тотчас заявляются, и немедленно же отправившись со своими семьями в те места, где в них нуждаются, остаются там на постоянном жительстве, не теснимые никакой конкуренцией. Там наконец они найдут давно желанную дорогую родину.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Денежные источники. _

Какова же должна быть сумма, необходимая акционерному Еврейскому Обществу? Может быть феноменальная сумма?

Действительная необходимая сумма будет конечно точно вычислена и установлена финансистами, но во всяком случае она огромна. Каким же образом и где достать ее? Для этого имеются три источника, и Еврейский Союз конечно примет их в соображение.

Еврейский Союз, эта великая моральная особь, этот руководитель евреев будет состоять из наших лучших идеальнейших людей, которые не превратят это дело в общественный пирог, извлекая себе из него материальную выгоду. Они не будут в этом нуждаться и не могут этого сделать. Хотя обязанность Союза только влиять своим авторитетом, однако он также будет следить за тем, кому из еврейского народа можно и должно оказать доверие, указывая на это Обществу, которое только в том случае и будет иметь право разрешать какое-нибудь предприятие в благоприятном смысле, когда его, так сказать, уполномочит Союз. Это Общество, значит, не есть компания нескольких денежных тузов, собравшихся полакомиться общественным пирогом. Общество будет осторожно выбирать, пробовать, и наконец только решит, что и как необходимо приготовить и сделать для скорого и успешного выполнения плана. Опыты с неудовлетворительными недостаточными силами ни в коем случае не должны быть допущены; ибо это предприятие с первого же шага должно встречать полный успех, иначе неудачи на первых же порах могут скомпрометировать всю идею на десятки лет, или даже совершенно погубить, сделав ее навсегда невозможной, неисполнимой.

Эти три источника, благодаря которым можно достать необходимую сумму, суть: государственный банк, общественный банк и всеобщая подписка. Из них,

конечно, самым удобным источником является государственный банк, где деньги могут быть получены в самый короткий срок, легко и быстро, если поручителями будет синдикат крупных финансистов. Главная выгода и преимущество состоит в том, что миллиарды можно будет получать в несколько приемов, хотя общая сумма будет выставлена сразу в один прием; затем еще выгода в том, что кредит этих крупных финансистов обеспечит предприятие. В еврейских финансовых силах дремлет еще много политической способности, которой не воспользовались. Враги еврейства, конечно, представляют наши финансовые силы такими, какими они могли бы быть и пожалуй, должны были бы быть, но в действительности ничего подобного нет. Бедные евреи чувствуют только ненависть, которая возникает благодаря этой злосчастной финансовой силе, но их страдания не уменьшаются, они не получают той пользы, того облегчения, которые они могли бы получить благодаря ей. Следовало бы наконец, чтобы крупные финансисты – евреи воспользовались своим политическим значением и оказали бы своему несчастному племени какую-нибудь услугу, послужили бы национальной идее хоть чем-нибудь. Но если несмотря на это, могут найтись лица, совершенно довольные своим настоящим положением и пальцем о палец не намеренные ударить, чтобы помочь своим несчастным собратьям, несправедливо терпящим из-за сконцентрирования огромных средств в руках единичных личностей, то разрешение нашего плана даст возможность провести грань между ними и остальным еврейством. Нельзя же в самом деле требовать от государственного банка, чтобы он реализовал такую огромную сумму исключительно только во имя благотворительности. Это было бы, наконец, безумным требованием или даже предложением. Основатели и акционеры Еврейского Общества гораздо большего достигли бы, если бы, выпустивши известное число акций, таким образом создали бы капитал. Впрочем, Еврейский Союз сам основательно обсудит и разберет все доводы и необходимые средства, при помощи которых легко можно будет познакомиться с планами и соображениями Общества. В особенности же Союз обратит внимание на то, как начать еврейскую эмиграцию и подробно изложит Обществу весь план и ход действий, в которых им придется принять участие, и все те обстоятельства, с которыми им придется встретиться и считаться.

При помощи новейшей статистики о евреях, охватывающей все, касающееся последних, Союз позаботится о доставке Обществу трудов лиц, специально изучавших давний вопрос, подобно тому, как это практиковалось во Франции, когда намеревались составлять бюджет какого-нибудь крупного предприятия.

Пожалуй, со стороны наших крупных денежных магнатов наше дело и не найдет денежной поддержки, а напротив эти последние еще попытаются, через своих тайных агентов и рабов, вызвать борьбу против еврейского движения; тогда мы с беспощадной жестокостью примем вызов и поведем ее, как и всякую другую, которую нам пришлось бы вести.

Пожалуй, эти денежные магнаты удовольствуются, отнесшись только с презрительной улыбкой к нашему делу. Но разве этим они уже освободились? Ничуть!... Затем на сцену выступает второй источник: евреи с средним состоянием. Еврейский общественный банк во имя национальной идеи должен из себя составить вторую грандиозную денежную силу в противовес государственному банку. Но в этом заключается тот недостаток, что в начале оно будет только банковым делом, ибо миллиарды должны быть уплачены полностью, иначе не следует и начинать дела; но так как деньги будут поступать постепенно, а не сразу, не в один срок, то на первых порах, т.е. в первые годы существования можно было бы производить различного рода банковые операции. Это не значит, что следует забывать о главном, что люди с средним состоянием нашли себе новое крупное дело, и проэкт еврейского переселения должен провалиться. Всякий отлично сознает и понимает, что подобный денежный источник не фантазия. Много раз уже испытывали в испробовали противопоставить государственному банку собранные католические деньги; но что можно ему противопоставить еврейские деньги, до этого никто не додумывался.

Но какие последствия этого? Какие кризисы! Какой материальный вред потерпят все те страны, где производится подобная денежная игра? как сильно при этом увеличится антисемитизм? Мне лично все это крайне не симпатично, и я предлагаю это только потому, что оно вытекает из логического разбора данного вопроса. Впрочем, я даже не знаю, воспользовалось ли бы наше Общество подобным общественным банком, если бы он даже образовался. Во всяком случае, тем, что общественные банки не подходящие, вопрос еще не исчерпывается. Напротив, третий источник может быть даже самым лучшим и самым удачным, так как Еврейский Союз не состоит из торговых людей, то он может попытаться основать Общество через всеобщую подпись, имея весь народ членами его, и необходимый акционерный капитал Общества, таким образом может получиться без содействия различных синдикатов из государственных или общественных банков. Не только мелкий бедняк-еврей, но и христиане, которых евреи хотят покинуть и освободить, примут участие в этой подписке. Это будет своеобразный и новый вид плебесцита, где каждый желающий сможет через условную подписку высказаться о видах и способах разрешения еврейского вопроса. и в этом условии лежит вся сила обеспечения. Уплата полностью только в том случае может быть начата и произведена, когда обозначена будет вся сумма, в противном случае будут возвращены поступившие уже деньги. При этом необходима точная и решительная помощь заинтересованных правительств.

mail.ru	1133
3685111	122

HotLog
1048158 +142

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ. _

Переселение.

До сих пор я говорил и указывал только на то, как привести в исполнение такую массовую эмиграцию без того, чтобы вызвать экономические колебания, совершенно упустив из виду такие факторы, как старые привычки, душевные волнения или глубокие воспоминания, связанные с известной местностью. Тут находятся наши колыбели, которые впрочем мы возьмем с собой, ибо в них дремлет с улыбкой на устах наша розовая будущность, но тут же и наши гробы, в которых покоится прах нашего прошлого, наших дедов. Их мы должны будем оставить; с ними нам, алчному и жадному народу, хотя с трудом, но придется расстаться, ибо так должно быть... Кто не знает, как дороги эти гробы еврейскому сердцу, с каким трудом еврей решается с ними расстаться. Но оставить их, удалиться из наших постоянных мест для жительства, побуждают нас экономическое положение и нужда, политический гнет и общественная ненависть. Уже и теперь евреи каждый день кочуют из страны в страну. Каждый день мы можем наблюдать усиленное переселение через океан в Соединенные Штаты; но и там, к несчастью, нас не охотно терпят. Впрочем, где нас будут терпеть, доколе у нас не будет собственного отечества? Пора евреям подумать и поискать, но не так, чтобы насильственно оторваться от земли, на которой они выросли и с которой свыклись, а, напротив, осторожно окопав корневище, пересадить его в новую лучшую почву. Подобно тому как нам желательно создать новые политические и экономические отношения, так мы будем свято помнить даже при лучших условиях и обстоятельствах нашей жизни обо всем старом. Однако мимо. Здесь наибольшая опасность, что наш план может кануть в лету.

Тем не менее, все сказанное мною не химера, не фантазия, а совершенно исполнимое, возможное; оно только кажется чем-то туманным, даже

беспомощным по своей грандиозности, но при правильной организации все может быть правильно осуществлено.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Распределение групп. _

Эмиграция должна происходить по группам, состоящим из членов родственных фамилий и друзей. Никого не следует стеснять или требовать, чтобы он участвовал именно в той, а не в другой группе. Покончивши все счета с старыми пенатами, всякий может ехать, куда он хочет и когда хочет, ибо он едет на собственный счет и риск в том классе железной дороги и парохода, в каком ему удобно и угодно. Впрочем, легко может статься, что наши железнодорожные поезда и пароходы будут состоять из одного только класса. Такая продолжительная поездка, благодаря имущественной разнице, очень обременительна для бедных, так что если мы не можем поставить их в одинаковые условия, то по крайней мере постараемся не отравлять их поездки. Во всяком случае одиноким никто не поедет. Уже задолго до выселения сговорятся друг с другом, как соединиться вместе и сообща переехать, так как при лучших даже условиях пройдет еще не один год, пока тронется эта массовая волна из различных классов. Ни для кого не тайна, что за исключением богатых, почти все евреи не имеют никаких сношений с христианами. Во многих странах бывает даже так, что еврей предпочитает скорей быть окруженным лизоблюдами и бездельниками из евреев, только бы не знаться с христианами; так глубоко гетто положило между ними свою роковую грань.

Итак, в среднем классе к этому переселению будут готовиться и собираться очень долго в заботливо. Каждая местность образует свою группу, а в больших городах эти группы будут составляться по участкам, причем члены одной группы, как я уже говорил, могут свободно переходить в другую, так как деление по участкам не есть нечто обязательное. Я собственно рекомендую подобное деление исключительно с той целью, чтобы легче могли составляться группы и чтобы уезжающие, видя себя как бы у себя дома, окруженными знакомыми все лицами, не чувствовали особенной тоски или грусти. Но всякий, повторяю я, свободен в может ехать, куда ему угодно и как угодно, или

приписаться в какую угодно группу. Условия, подразделенные на классы, для всех одинаковы. Когда же соберется достаточное число уезжающих, общество им тотчас даст отдельный поезд и пароход, и затем позаботится о том, чтобы для бедных были приготовлены специальные квартиры; впоследствии же к услугам переселяющихся свободными предпринимателями будут открыты гостиницы, в которых они смогут удовлетворить все свои потребности. Впрочем почти все будут иметь свои дома заранее построенными и приготовленными, так что они прямо с старого пепелища смогут переехать во вновь построенные дома. Что же касается наших интеллигентов, то им объяснять наши чаяния и надежды нам нет надобности. Всякий из них, кому знакомо национальное чувство, всякий, кто задумывался над нашей участью, отлично понимает и знает свое место в общем плане работ, отлично знает, чем способствовать осуществлению в процветанию их. Особенно же я позволяю себе возлагать надежды на наше духовенство.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

Наше духовенство. _

В каждой группе должен непременно быть раввин, вокруг которого и собираются лица, желающие переселиться. Хотя группировка, как я уже говорил раньше, совершенно произвольна и составляется по собственному желанию, тем не менее однако групп может быть столько, сколько всех раввинов, которые, познакомившись с сущностью дела, станут потом другим проповедывать идею переселения, для чего не нужно специально устраивать собраний, в которых бы больше болтали, чем дело делали, а всякий раз, во время богослужений, раввин пусть знакомит всю паству с целями нашего дела, в пусть вера наших отцов опять соединит нас воедино, как соединяла нас во все время наших странствований, ибо только благодаря ей мы знаем друг друга, несмотря на то, что давным давно уже безвозвратно переняли языки тех национальностей, у которых мы нашли приют.

Итак, раввины, получая своевременно сведения от Общества и Союза, будут об этом оповещать свою паству и делиться полученными сведениями.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Доверенные лица групп. _

Когда отдельная группа уже образовалась, члены ее выбирают из своей среды доверенных лиц, которые составляют небольшую комиссию под председательством раввина. Здесь обсуждаются все вопросы с практической стороны и твердо устанавливаются потребности каждой группы.

Благодаря этим же группам быстро разрастутся богоугодные и благотворительные учреждения, которые «на новосёле» будут основаны на тех же началах, на каких они существовали «на старосёле». Поэтому, на мой взгляд, не следует продавать имеющиеся благотворительные учреждения, а прямо передать во владение нуждающимся из христиан покидаемых городов. Общество примет это во внимание при разделении земельных территорий, и, уступив безвозмездно землю для постройки, предоставит всякие другие льготы и облегчения.

Но так как наша теперешняя частная благотворительность сравнительно с теми средствами, которые она тратит, приносит очень мало пользы, а скорее даже вредит, то для блага всего человечества да позволено будет произвести опыт, когда будут основываться новые благотворительные учреждения, а именно, объединив их, выработать особую систему. Конечно, в старых странах, где все ведется по одному образцу спокон веков, очень трудно ввести что-нибудь новое, но в новой стране это не так трудно сделать; и все может быть создано на основании новейших требований и данных политической и социальной наук. Мы особенно должны интересоваться этим вопросом, так как у нас очень много нищих и бедняков, которых главным образом создает наша теперешняя благотворительность. Слабея мало по малу в борьбе за существование, более малодушные падают, сраженные неумолимой судьбой, и пополняют ряды пролетариата, привлеченные туманными подачками богача, польза которых очень и очень сомнительна. Союз наш, конечно, приложит все старание и

позаботится о том, чтоб пересоздать наш народ; и в этом ему охотно помогут все заинтересованные в этом деле.

Для тех, кто мог бы быть полезным, но нищенствуют, будет создано обширное поле деятельности, и у кого только доброе и благое желание трудиться, тот найдет применение своему труду. Нищие не будут терпимы. Кто будет лениться и не захочет на свободе работать, того попросят в рабочий дом. Что же касается стариков, то они не будут помещены в богадельни, которые для них являются позорной тюрьмой, а не благотворительным учреждением. и действительно, богадельни – это самое ужасное зло, которое оставила нам в наследие благотворительность. Там старик страдает, чувствуя себя заживо похороненным и желает себе действительной смерти. Мы должны постараться как можно дольше оставить их в приятном неведении и не давать им чувствовать, что они отжили свой век. Кто не способен к физическому труду, тому надо дать легкую службу. Что делать? Надо стремиться к тому, чтобы вместе с исчезновением этого слабого и вымирающего поколения были покончены все счеты с прошлым, но пока они имеются, с ними, конечно, приходится считаться, но за то следует позаботиться о подрастающем поколении и постараться, чтобы оно воспитывалось иначе уже в духе свободы и ради свободы.

Мы постараемся, чтобы всякий трудящийся, к какому бы возрасту он ни принадлежал, всегда находил в своем труде нравственное удовлетворение. и, таким образом, наш народ в новой стране снова почувствует свою пригодность.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

Распланировка местности. _

Каждая группа отправит своих делегатов, предоставив им все полномочия для выбора места, так как на это будет обращено особое внимание при распределении земли. В распоряжении делегатов и их групп будут все планы местностей, так что они в состоянии будут легко и свободно выбирать себе место для жительства, зная наперед, куда им надо будет направиться, где будут расположены их города и дома, в которых они будут жить. Но я выше коснулся уже планов, пояснительных рисунков и чертежей, которые нужно будет передать отдельным группам и которые будут конечно заготовлены в большом количестве. Как при управлении необходима строгая централизация, так при образовании и распределении групп – полнейшая автономия, так как только в таком случае переселение может совершиться беспрепятственно и успешно.

Но не закрывая глаза пред действительностью и отлично сознавая всю трудность нашего предприятия, я, тем не менее, твердо убежден, что его не следует представлять себе слишком трудным или неисполнимым.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

Переселение среднего класса. _

Средний класс невольно тронется в путь, незаметно вовлеченный в общее движение, так как у одних сыновья служат в Обществе или состоят при Союзе, у других дочери замужем; одни пошлют за своими семьями, другие за своими родителями и сестрами; там юристы, врачи, техники различных специальностей, инженеры, молодые купцы и все те, кого негостеприимное отечество заставило на чужбине искать знаний или счастья, соберутся, надеясь в новой многообещающей стране найти свое отечество. Словом, в среднем классе каждый переселенец потянет за собой другого, и более энергичный, конечно, достигнет лучшего в новой стране.

Итак, если нам на самом деле удастся разрешить еврейский вопрос; если, затем из всего вышеизложенного действительно явствует, что еврейское государство есть мировая необходимость; наконец, если мы при помощи нынешних правительств получим в сюзеренство некоторую территорию, – удастся ли нам тогда перевести евреев без труда и принуждений из их теперешних мест для жительства в эту новую страну? Можно ли допустить, что переселение будет не принужденное, вольное?

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Численность переселенцев. _

Мне кажется, что совершенно лишнее приохочивать и принуждать кого-либо к переселению. Сами антисемиты об этом позаботились и позаботятся. Стоит им только продолжать свою деятельность в том же духе и виде, как было до сих пор, и охота к переселению быстро проснется в евреях там, где ее еще не было, и окрепнет там, где она уже существовала. Если же евреи останутся теперь в антисемитических странах, то это случится главным образом потому, что даже незнакомые с историей отлично знают, что мы ничего не достигли в своих бесчисленных переселениях, продолжавшихся веками. Пусть случится страна, где евреям дали бы значительно меньше того, что сулит им Еврейское Государство или в действительности ждет их, когда оно будет основано, лишь бы только их оставили в покое, и я убежден, что туда двинулась бы моментально могучая волна. Сначала потянутся, конечно, бедные, которым нечего терять. Но я уверен, и всякий со мной согласится в том, что и в высших и средних сферах существует решение переселиться, вызванное исключительно гнетом, тяготеющим над нами.

По мере того, как наши несчастные бедняки и нищие, потерявшие всякую надежду на лучшую будущность, появятся в новой стране и поднимут земельную ценность, благодаря потраченному труду, мало помалу совершенно исчезнет и мысль о том, чтобы покинуть новое отечество, а для высших классов возникнет интерес к переселению. Конечно, Союз и Общество будут руководить первым потоком – первой партией, состоящей из беднейших евреев, и придут им на помощь. Но как направить такую массу без принуждения, без приказа, именно в одно место, в один пункт?

Должно быть, те единичные еврейские благотворители и благодетели, которые хотели помочь им или облегчить их страдания различными опытами, занимались этим вопросом и, исходя из того положения, что «я плачу с тем, чтобы они туда

пошли», заключили, что если они дадут переселяющимся деньги на руки, то помогут им.

Но никакими деньгами в мире нельзя этого достигнуть.

Общество же будет руководиться следующим принципом: «мы не платим им, но заставляем их платить; на первых же порах мы приходим им только на помощь, мы будим их». Я хочу объяснить это на примере. Допустим, что один из таких благотворителей и благодетелей рода человеческого, которого мы, примерно, назовем Z, захотел в одно прекрасное воскресенье после обеда, когда солнце сильно парило, собрать на полях близ Парижа огромную толпу, обещая каждому по десяти франков. Он за 200.000 франков может собрать толпу несчастных людей в 20.000 человек, которые, потев под палящими лучами солнца, терпя от неимоверной давки и глотая целые столбы пыли, будут проклинать его, так как он выдумал им эти мученья.

Я же с своей стороны, поставив эти 200.000 франков призом лучшей лошади, устроил бы скачки на тех же полях, которые были в распоряжении Z, и впускал бы только тех из желающих, кто уплатил один, пять или двадцать франков, смотря по состоянию. Конечно, поглядеть собралась бы огромная масса, так что я мог бы смело рассчитывать на полмиллиона людей. Сам президент республики удостоил бы скачки своим посещением. Толпа все время шумела и веселилась бы сама собой, забыв совершенно про зной и пыль. Приятное зрелище и масса всегда магически действуют на толпу; и я за свои 200.000 франков собрал бы с продажи входных билетов и за право играть на тотализаторе кругленькую цифру в один миллион рублей. Мало того, я эту самую толпу могу снова собрать, если захочу, а Z не может... даже ни за какие деньги.

Вот другой пример, указывающий каким образом можно собрать без принуждения целые массы народа. Однажды на улицах большого города пробовали объявлять, что тот получит 4 франка, 2 рубля или что ему угодно, кто, стоя целый день на ногах в открытом, железном павильоне в не взирая на сильнейшие зимние морозы или летний зной, будет предлагать проходящим различные товары, рыбу или овощи. Как вы думаете, на какое количество людей можно там рассчитывать? Или если их туда голод и погнал, то много ли дней они выдержат эту пытку? Наконец, если они уже выдержат эту пытку, то с каким усердием они будут исполнять свои обязанности, предлагая проходящим рыбу, овощи и пр.?

Я с своей стороны видоизменил бы этот опыт. На площади, где имеется большой рынок, а такую площадь легче найти, чем самому создать рынок, где нам вздумается, я построил бы несколько павильонов, которые и назовем

базарами. Несмотря на то, что эти павильоны были бы хуже построены и более вредны для здоровья, хотя я постараюсь устроить их как можно удобнее и красивее, словом, сделать все, что только возможно будет, и несмотря на то, что я им ничего не обещал, – ибо не могу этого, – все таки народ устремится туда, и эти бодрые в веселые люди создадут такой оживленный базар, о котором никто и не мечтал. Без устали они будут зазывать покупателей и предлагать им товары. Они целый день будут стоять на ногах и не устанут. Они не только ежедневно будут спешить сюда, чтобы попасть первыми, но употребят все возможное, чтобы беспрепятственно добывать себе свой заработок. И если по окончании недели они в итоге этой молодецкой работы подсчитают только три франка за день, полтора рубля, то они с надеждой будут ожидать следующей недели, авось она окажется лучшей.

Кто же одарил их этой надеждой? Кто научил их надеяться? Кто вселил им веру в лучшее будущее?

Мы... Мы одарили их... «Блажен кто верует!»

Но меня могут спросить, откуда появятся потребности? Кто будет потребителями на этих базарах?... Следует ли еще об этом говорить?...

Раньше я указал на то, что, благодаря вспомоществованию через доставку работы, замечается, что 10 су превращается в 150, что заработок увеличивается в пятнадцать раз. Проследим же теперь, верно ли это тоже и в большом, как и в малом. Обыкновенно говорят, что, чем капитал больше, тем прогрессивно меньше барыш, получаемый с него. да, если капитал бездеятелен или робко упрятан, то действительно так, но капитал, который работает, всегда приносит большой барыш; в этом-то и замечается вся суть социального вопроса. Но прав ли я, мы сейчас увидим. Я приглашаю для этого в качестве свидетелей богатейших евреев в покорнейше прошу их объяснить мне, почему они занимаются столькими делами, почему они за ничтожную плату посылают в недра земли людей рисковать своей жизнью и подвергаться различным опасностям, добывая уголь. Я думаю, что наши богачи делают это не для удовольствия рудокопов. Я далек от обвинения капиталистов в бессердечности и даже не допускаю этого. Я также не намерен шутить, так как я искренно желаю, чтобы между всеми евреями существовали мир и согласие, но...

Так вот, нужно ли мне еще разьяснить толпе цель нашего переселение и указывать на средства, как привлечь ее в одно место?

Я никого не стану и не хочу в чем-либо уверять; ибо если я стану лгать, то ложь сама всплывет, в истине же новых слов только со временем убедятся. Я хочу

только напомнить и указать, какое значение имеет для могометанина путешествие в Мекку, или для католика в Лурд и другие места, – а таких пунктов очень много, где люди находят утешение во имя веры. – Постараемся же указать и нашим собратьям конечный пункт их вековых страданий и странствований, пункт, где бы они могли утешиться. Наше духовенство нас поймет и пойдет с нами рука об руку.

Пусть всякий задается целью найти свое новое отечество, создать государство и сохранить в нем необходимый порядок, который будет зависеть не от прихоти одного или нескольких лиц, а твердо будет покоиться в установлениях и законах, и можно с уверенностью сказать, что такой пункт будет найден. Итак, если согласятся с моими примерами, что толпа может быть побуждаема к переселению только во имя веры в нечто лучшее, только во имя веры в приобретении спокойствие и свободы, то мотивы данного переселения очень просты. Подобная цель может только соблазнить толпу и способствовать тому, чтобы соединить ее воедино. Все это, взятое вместе, образует одно великое целое, именно свободное отечество, которого наш народ не переставал искать, для которого наш народ перенес все лишения и притеснения. Когда движение начнется, одних перевезут, другие сами поедут, третьи пристанут, четвертые будут вовлечены по необходимости и общим потоком, а пятых заставят; и кто отправится в новую страну с верой, с воодушевлением, кто из первых примется энергично за работу, того ждет блестящая будущность.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Наши способности. _

Ни об одном народе не распространено столько ложных и неправдоподобных мнений, как об еврейском. Нас до того угнетали и притесняли; благодаря историческому ходу вещей, мы до того упали духом, что сами теперь уверовали в свою неспособность и в справедливость прочих обвинений, и повторяем об этом ежедневно. Между тем, если бы наши притеснители, обвиняя нас, например, в неспособности к труду и стремлении к торговле, должны будут согласиться в том, что там, где только есть возможность, евреи уже давно стараются и наперерыв спешат избежать торговли. Еврейские купцы в большинстве случаев дают своим детям среднее образование, а также посылают в университеты, вызывая новые нарекания и обвинения в том, что они переполняют все высшие и средние учебные заведения. Но даже и в более мелких сельско-хозяйственных классах наши стремление к торговле никоим образом не так велики, как о том думают. В восточных странах Европы имеется огромное количество евреев, не занимающихся никакой торговлей и тем не менее не избегающих тяжелой физической работы. Стоит только Еврейскому Союзу собрать статистические данные о наших евреях, и он убедится, что всякие виды фабрично-заводской деятельности, которые ждут евреев в новой стране, вполне удовлетворят теперешних ремесленников и мигом превратят многих мелких теперешних торговцев в отличных работников. Еврей вообще очень бережлив, находчив, исполнительен и быстро свыкается со всякой работой и специальностью, так как он предан своему семейству и готов для него пойти хоть в огонь и в воду.

Мне кажется, что разнощик, бродящий целую неделю по окрестностям с тяжелой ношей на плечах, не чувствует себя так хорошо, как о том думают его преследователи, а между тем он очень честный и порядочный человек, которого только обстоятельства и нужда заставили «гандлевать». Все эти люди легко и охотно займутся каким-нибудь ремеслом, если им дадут возможность сбывать

продукты своей работы, и Еврейскому Союзу удастся совершенно уничтожить эту мелочную торговлю и превратить в добрых и честных тружеников-ремесленников всех разносчиков и лиц без определенных занятий, давши им постоянный заработок. к тому же мелкая торговля вообще начала падать, теснимая крупными универсальными магазинами и складами, возникновение которых следовало бы нам в новых странах поощрять, так как они способствуют более легкому удовлетворению необходимых требований быстро растающего населения.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ЕВРЕЙСКИЙ СОЮЗ И ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО. _

Глава государства.

Еврейскому народу для внутренних и внешних сношений и тому подобных надобностей необходим, конечно, какой-нибудь правитель, какой-нибудь глава, который бы вершил все дела его. Но таким главой не может быть одна личность; здесь необходима известная моральная особь, которой может быть только Еврейский Союз. Этот созидательный орган народного переселения, задачи и обязанности которого мы уже неоднократно излагали и изъясняли, тем более имеет все преимущества пред остальными видами правления, что составить его очень легко и просто, ибо, возникнув из среды тех английских евреев, заслуживающих полного доверия, которым я в Лондоне взложил свой план и соображения, он в явится центром предпринятого переселение евреев.

Задавшись учеными и политическими целями, Союз прежде всего, по моему мнению, должен будет познакомиться с современными научными данными и предположениями, ибо переселение не может совершиться так просто, как это было в доброе старое время, когда наши предки выходили из Египта. Собравши все данные относительно численности и силы еврейского народа, он будет для евреев тем же, чем некогда был наш великий старец, Моисей, избавитель наш от ига египетского, исход которого так же напоминает нам наше теперешнее переселение, как прелестная старая музыка – современную оперу. Наше переселение будет так же покоиться на научных соображениях, данных статистики и других ценных приобретениях наук, как современную оперу сопровождает блестящая обстановка, электрическое освещение, чудные декорации, где тот же мотив исполняется с огромным числом скрипок, флейт, арф, с прекрасными хорами и первоклассными артистами.

Пусть это сочинение возбудит ученые исследования и споры относительно

еврейского вопроса; пусть этим вопросом займутся друзья и недруги – и я надеюсь, что исчезнут все сантиментальные защиты и злые нарекания, лишённые всякого основания; я надеюсь, что споры перейдут на научную почву, где нет места голословным обвинениям, что спорящие будут искренно обмениваться своими соображениями, вооружившись научными и политическими данными. Союз же, собрав и изучив все эти речи и мысли, высказанные в парламентах и собраниях, на митингах и сходках, все напечатанное в газетах и в книгах, основательно решит, хотят ли и должны ли евреи переселиться в собственную страну. Он займётся теми данными о численности евреев на всем земном шаре и их имущественном и политическом значении, которые добыты точной статистикой.

Последующие же задачи Союза, как то: научные исследования новой страны и ознакомление с ее естественными богатствами, выработка общего плана переселения и поселения, подготовительные работы для составления законов и управления и т. п. будут, конечно, исполняться постепенно, по мере того, как в них почувствуется надобность. Но прежде всего, как я уже говорил в «Общей части», Союзу предстоит, с одной стороны, попытаться, чтобы теперешние правительства признали его известным органом, созидающим государство, что может произойти только при быстром и свободном присоединении многих евреев к его плану, ибо только в таком случае он может приобрести известный авторитет в глазах нынешних правительств, с другой же стороны, т.е. по отношению к еврейскому народу, явиться тем необходимым на первых порах учреждением или, выражаясь научным термином, тем зародышем, тем зачатком, из которого впоследствии образуются официальные учреждения еврейского государства. Следовательно, первой, так сказать, заботой его будет приобретение неотъемлемых прав на достаточную земельную территорию, необходимую для наших справедливых надобностей.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Ввод во владение. _

Когда исторические народы странствовали, они шли без определенной цели, без определенного плана и пути, куда, так сказать, глаза глядели. Не зная географического положения земного шара, они блуждали, располагаясь там, где застигала их ночь, или где они находили для себя удобным. Но в наше время, когда все покоится на научных данных, эмиграция не может происходить зря, а должна и будет руководиться точными научными основаниями.

Еще недавно, сорок лет тому назад, в странах, где добывалось золото, переселение совершалось примитивным способом. Как странно, например, происходило оно в Калифорнии? На основании одной только молвы толпы людей стекались туда со всех концов земного шара, разоряли почву, воруя золото, как попало, и тут же теряя его подобным же разбойническим образом в проигрышах в попойках. Но теперь! Может ли подобное случиться в наше время? Наблюдая сейчас, например, как в Трансваале добывается золото, мы видим повсюду опытных инженеров и геологов, изучающих почву в заведующих этой отраслью промышленности, мы видим превосходные машины, очищающие золото из добытых жил.... Случайности здесь не играют никакой роли.

Не следует пропускать мимо ушей этот пример, но напротив, надо руководствоваться им в поступать при исследовании и культивировке новой страны для евреев таким же точно образом, как поступали в Траасваале, а не так как в Калифорнии.

Как только территория будет указана и назначена к передаче, туда выезжает специальный пароход с уполномоченными от Союза, Общества и отдельных групп, задачи которых будут, во-первых, произвести научные исследования естественных богатств страны, во-вторых, организовать центральное управление

и, в третьих, распланировать и разделить землю на участки. Все эти задачи тесно связаны между собой и ведут к одной определенной цели, о которой мы уже достаточно говорили. Остается еще говорить только о том, каким образом земельная собственность будет разделена между отдельными группами. В Америке, например, очень странно и даже смешно овладевают территорией, которая должна перейти в чье-либо владение. Уполномоченные собираются на границе и врываются в нее в определенный час, одновременно и насильно. Но в новой стране евреям нет надобности так поступать. Раз земельные участки в провинциях и городах будут продаваться с аукциона, правда не за деньги, но за известные повинности, для чего же врваться? Все работы будут распределены по провинциям, по заранее составленному всеобщему плану, затем будет строго установлено, где нужно строить улицы, мосты, водопроводы и прочее, необходимое для правльных сношений, и представители отдельных групп возьмут на себя обязательство все выполнить в точности, на собственный, конечно, счет. Союз позаботится только о том, чтобы отдельные группы не должны были много тратиться и жертвовать на общественные учреждения. Таким образом, небольшие группы получают небольшие участки, большим же группам или целым обществам будут отданы большие участки. Сообразно с этим, конечно, небольшим группам придется носить меньше повинностей при постройках общественных учреждений; большие же группы будут носить и большие повинности; что же касается государственных учреждений, в роде университетов, специальных или общеобразовательных школ, различных ученых комиссий и институтов, которые могут и не быть в главном городе, но будут распределены и построены по всей стране, то в данном случае Союз придет на помощь своими средствами. Гарантией же за правильное исполнение предпринятого является собственный интерес владельцев, и, в крайнем случае, местные власти, ибо, не будучи в состоянии, да и не желая считаться с каждым в отдельности, мы охотно будем ведаться с отдельными группами. Все создастся и устроится таким образом само собой; все благоприобретенные права будут защищаться, а всякое новое начинание – поощряться и получать достаточное поле для своей деятельности. Впрочем, все условия будут хорошо известны всем и каждому, и мы не обманем самих себя, подобно тому, как не хотим обижать или подводить других; все будет создаваться по плану, который, насколько я в единственном числе в силах обнять его, – будет выработан и составлен нашими опытными специалистами, юристами, учеными и купцами. Не будут забыты, конечно, и успехи, достигнутые в социальных и технических науках по сию пору и ожидаемые в будущем, когда наш план будет только приводиться в исполнение; все будет употреблено с пользой. Не будут, конечно, забыты и все счастливые в удачные изобретения и открытия, которые нам уже известны, и которые ученый мир еще готовится обнародовать. Таким образом и культивировка страны и основание городов сможет произойти с небывалыми шансами на успех.

mail.ru	1133
3685111	122

HotLog
1048158 +142

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Конституция. _

Союз значительно облегчит себе задачу устройства государства, если поручит комиссии из опытных юристов составить образцовую и умеренную конституцию в современном духе, ибо только такая, по нашему мнению, может быть самой лучшей. Что же касается формы правления, то лучшей нужно признать либо демократическую монархию либо аристократическую республику, так как форма правления должна вполне соответствовать принципу управления.

Я лично большой поклонник в друг монархического правления, ибо только в таком случае возможна более или менее постоянная политика, связанная своими интересами с одним, исторически прославленным, родом, члены которого рождены и воспитаны для власти. Но наша история, к сожалению, претерпела такую массу превратностей, что думать о каком-нибудь царском роде невозможно, да и было бы смешно, если бы мы попытались его отыскивать. Демократическое же правление без полезного противовеса со стороны монарха, кроме того что страдает во время решения каких-нибудь вопросов, вследствие своей огромности и массы противоречивых мнений, к тому же всегда ведет в парламентах к бесплодному переливанию «из пустого в порожнее» и создает постыдную клику досужих «политиков по обязанности». Современные народы, впрочем, и не способны к неограниченному демократическому правлению, и я думаю, что и в будущем они не будут способны к нему. Настоящая демократия всегда требует простых нравов, между тем как наши нравы созданы культурой и зависят от сношений с соседями. «Le ressort d'une democratie est la vertu» сказал мудрый Монтескье. Но где же найти эту добропорядочность, конечно, политическую? Я думаю, что не в нас, ибо мы ничем не отличаемся от остальных современников, и, на первых же порах, мы будем так же петушиться от избытка свободы, как и всякий другой народ. к тому же я не допускаю, чтобы масса решала различные вопросы, подлежащие докладу, так как в политике нет таких односложных вопросов, которые можно было бы решать одним только

«да» или «нет», как это было в древности. Если парламент нельзя признать одним из лучших видов конституционного правления, то тем менее можно массу признать способной здраво решать политические вопросы, массу, которая очень часто подвержена ложным слухам и ошибкам и которая очень легко поддается на удочку всякому крикуну. Тем менее можно требовать разумного ведения внешней и внутренней политики от народа, собранного со всех концов света. Этим должны заниматься высшие классы, что во всяком разе, не устраняет низший класс, так сказать, от управления. Раз в еврейском государстве никто не будет поработен и всякому будет предоставлена полная свобода к самоусовершенствованию, то, следовательно, всякий еврей будет иметь право надеяться и также сможет сделаться спицей в главном колесе государственного механизма. Всякий и каждый в отдельности, следовательно, будет думать только о том, как себя самого усовершенствовать, а тем самым и весь народ *in toto* будет совершенствоваться, в нравственном смысле, на пользу государства и на благо нашей народной идеи. Итак, я склоняюсь скорее в пользу аристократической республики, тем более, что оно вполне согласуется с честолюбивым сознанием нашего народа, принужденного теперь влачить жалкое существование. Мне, правда, приходят на память некоторые учреждения Венеции, благодаря которым она погибла, но ведь это все можно будет изменить. Воспользовавшись историческими ошибками, мы тем самым избегаем их, а наш народ, которому Союз дает новую страну, с благодарностью примет и его конституцию. Всякое же сопротивление будет строго преследоваться и уничтожаться, ибо не может же Союз давать волю различным единичным личностям, недовольным или несогласным.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

Язык. _

Может быть – кому-нибудь приходит на ум, что затруднения произойдут от того, что у нас нет единого языка, на котором бы все могли изъясняться, ибо древне-еврейским языком мы не можем пользоваться. Разве есть кто-нибудь, кто, пользуясь им, мог бы купить себе, например, хотя бы железнодорожный билет? Ведь нет!

Тем не менее все очень легко и исполнимо. Всякий сохранит тот язык, которому он научился в своем отечестве. Стоит только вспомнить Швейцарию, в которой нет господствующего языка, что не мешает ей между тем быть самостоятельным государством, и всякий тотчас согласится, что с этой стороны не может быть препятствий. Мы останемся «на новосёле» тем же, чем мы были до сих пор, подобно тому как, затаив боль в сердце, мы не перестанем любить своего отечества, из которого нас вытеснили, из которого мы принуждены были уйти. Что же касается того жалкого в несчастного жаргона, которым мы теперь пользуемся; того проклятого языка, который мы приобрели, заключенные в наших смрадных гетто, то наши народные учителя, конечно, уже обратят все свое внимание и приложат все старания, чтобы изгнать его, а тем временем приобретет права гражданства и сделается главным языком тот, который мало по малу окажется самым полезным и общеупотребительным. Наш народ, поистине, какой-то своеобразный и особый, познающий своих единоверцев только благодаря единой церкви, благодаря единой религии своих предков.

---

mail.ru	1133
3685111	122

HotLog	
1048158	+142

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

Теократия. _

Но может быть в конце концов у нас будет теократическое правление? На это, положим, можно ответить отрицательно. Религия нас соединяет, но совесть – освобождает. Мы не дадим даже возникнуть бессильным желаниям нашего духовенства. Предоставив им наши храмы, как предоставляем нашей милиции казармы, мы настолько уделим им права и уважения, насколько того заслуживают в требуют обязанности того и другого.

Всякий может свободно исповедывать какую ему угодно религию, или вовсе никакой не исповедывать подобно тому, как он ничем не связан с той или другой национальностью. И если случится, что среди нас будут жить лица других исповеданий, или других национальностей, то они будут также пользоваться всеми правами в покровительством государства, как и аборигены страны. Нас в Европе научили терпимости, в самом серьезном смысле этого слова; говоря это, я не думаю иронизировать. Рассматривать же наш теперешний антисемитизм, как религиозную нетерпимость, можно только в некоторых странах; в большинстве же случаев он является для культурных народов только орудие, при помощи которого они хотели бы предотвратить грозный призрак их собственной старины.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

Законы. _

Когда мысль об образовании государства постепенно перейдет из области предположений в область фактов, Союз поручит коллегии юристов приготовить предварительные работы для составления свода законов, а эмигрирующие тем временем будут подчиняться и руководствоваться законами своего отечества. Вскоре, впрочем, будет составлен и кодекс, заключающий в себе законы, вполне соответствующие современным требованиям.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

Войско. _

Так как предполагается создать еврейское государство нейтральным, то для охраны порядка извне и изнутри ему необходима только милиция, вооруженная, тем не менее, по всем современным требованиям военного искусства.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

Знамя _

Знамени у нас нет никакого, между тем как мы в таковом нуждаемся, ибо если собирают огромное число людей, то над их предводителями или начальниками должен развиваться какой-нибудь символический знак. В данном, именно, случае я предложил бы белый флаг с семью золотыми звездами, где белое поле символически обозначало бы собою новую светлую жизнь, а звезды – наш семичасовой рабочий день, ибо во имя труда евреи идут в новую страну.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Взаимная солидарность и международные договоры. _

Стремясь к тому, чтобы еврейское государство, созданное как можно лучше, пользовалось в будущем всемирным уважением, мы должны позаботиться о том, чтобы все обязательства были исполнены «на старосёле» со всевозможной точностью, ибо дешёвый проезд в всякие другие льготы и удобства для поселения будут предоставлены Еврейским Союзом и Обществом только тем из эмигрирующих, кто будет снабжен свидетельством от прежнего начальства, что «все в порядке в переезд разрешен». Что же касается частных требований, могущих возникнуть там и сям «на старосёле», то и их мы охотно в новом государстве станем удовлетворять, не дожидаясь даже взаимной солидарности, ибо мы стремимся заслужить уважение и доверие. Из всего предыдущего само собой понятно, что до того момента, когда наш кодекс будет принят и мы станем пользоваться такими же законами, как и всякий другой цивилизованный народ, мы сможем легче, чем какое-либо другое государство, получить и своих преступников. Чтобы избавить наших преступников от заслуженного наказания, мы воспользуемся этим переходным временем даже и в том случае, если они уже потерпели наказание за свою вину. Мы примем их и дадим возможность начать среди нас обновленную жизнь, так что для многих евреев переселение явится счастливым исходом. Ужасные внешние условия жизни, которые, испортив их характер, может быть, были причиной их гибели, теперь будут устранены, и погибшие или погибающие смогут спастись.

Мне вспоминается один случай из жизни золотоискателей, который я позволю себе здесь вкратце изложить. Однажды на золотые прииски явился какой-то человек; попытал счастья то в том, то в другом, но не в добывании золота, и, наконец, устроил фабрику льда, которая стала очень успешно работать. Очень скоро, благодаря своей благотворительности и другим качествам, он приобрел всеобщее уважение, как вдруг через некоторое время его арестовали, обвиняя в том, что, будучи во Франкфурте банкиром, он что-то сплутывал, кого-то

обманул, затем исчез. И вот, явившись сюда под чужим именем, начал новую жизнь. Но когда его арестованного провезли по городу и доставили на вокзал, туда явились самые уважаемые люди приисков, дружески с ним расстались и на прощанье пожелали ему искреннего, «до свидания!», ибо они были уверены, что он воротится назад.

Какой же отсюда вывод? А тот, что новая жизнь очень часто исправляет преступников, превращая их в полезных граждан. Впрочем, у нас вообще очень мало преступников, в чем легко можно убедиться из интересной статистики д-ра П.Натана в Берлине «Уголовность евреев в Германии», составленной на основании официальных данных, по поручению комитета «для защиты против антисемитических нападок». Эта работа, переполненная цифрами, увидела свет, как и многие другие «защиты», только благодаря тому ошибочному мнению, что можно опровергнуть и уничтожить антисемитизм, опираясь на статистику. Не отрицая всей ценности, которую она будет иметь в истории уголовности евреев, я тем не менее сомневаюсь, чтобы она в данном случае принесла какую-нибудь пользу. Нас одинаково ненавидят и презирают, как за наши успехи и преимущества, так и за наши ошибки.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Выгоды от переселения евреев. _

Я надеюсь, что нынешние правительства, добровольно ли, или принужденные своими антисемитами, непременно обратят внимание на этот проект. Может быть, с самого начала он там и сям будет радушно встречен, особенно в тех странах, где теперь господствует антисемитизм, ибо не опасность угрожает экономическому состоянию государств от переселения евреев согласно моему проекту, но, напротив, их ждет продолжительное благополучие. Тот вред, которого так боятся и который имел произойти, либо совершенно не случится, или в крайнем случае, будет очень незначителен.

Мысль, что должно наступить обеднение в покидаемых евреями странах, лишена всякого основания, чтобы не сказать больше... Нельзя же в самом деле сравнить отъезд вследствие травли, – когда всякий бежит, как во время войны, куда глаза глядят, покидая свое имущество, как попало, вследствие чего наступает опустотение и бедность, – с правильным и добровольным переселением мирных колонистов, когда все совершается при полном сохранении благоприобретенных прав, вполне законно, открыто и свободно, среди бела дня, на глазах начальства и под контролем общественного мнения; к тому же ведь начнется то внутреннее переселение, о котором я уже говорил, и христиане постепенно и в полном порядке займут торговли и другие предприятия, оставленные евреями. Легко теперь понять, что таким образом выселение христиан-бедняков в другие страны прекратится, так как для них откроется поле деятельности в местах, покинутых евреями. Следовательно, если только нам не будут препятствовать, а напротив покровительствовать и помогать, то переселение наше будет иметь безусловно благотворное влияние.

Кроме того, европейские государства ждет еще та выгода, что чрезвычайно увеличится вывоз товаров, так как переселившиеся евреи, привыкшие к европейскому образованию, еще долго будут «на новосёле» льнуть к Европе и,

по необходимости, выписывать отсюда все нужное для удовлетворения своих потребностей. Правда, представители отдельных групп позаботятся о местной выработке продуктов, для правильного и своевременного удовлетворения возникающих потребностей, но все-таки потребности, к которым привыкли, еще долго должны будут быть удовлетворяемы из тех мест, откуда мы вышли.

Но самой существенной и самой важной выгодой будет, без сомнения, разрешение социального вопроса, или, по крайней мере, облегчение его на продолжительное время, во всяком случае, лет на двадцать или даже больше, словом, до тех пор, пока будет продолжаться еврейское переселение и долго еще потом. Ведь причины возникновения социального вопроса зависят только от развития технических пособий. Так например, отовсюду пар стянул людей к машинам на фабриках, где давит их и делает несчастными, так как продукты фабричной деятельности огромны, предложение превышает спрос, все делается без определенного плана, без предварительного ознакомления с статистическими данными, никто не справляется с тем, требуется или не требуется данный продукт в таком огромном количестве, а следствием подобного положения дел являются тяжелые крахи и экономические кризисы, влекущие за собою неминуемо и ужасную пропасть нищеты и невежества и несчастных рабочих. Пар сдавил их, а электричество их, вероятно, опять рассеет и поставит, может быть, в лучшие условия рабочей жизни. Во всяком случае технологи, эти благодетели рода человеческого, будут работать и при переселении евреев, и да позволено нам будет надеяться, что они откроют еще много чудесного, как и до сих пор, или даже еще более чудесное. Уже близко то время, когда исчезнет из языка технологов слово «невозможно». и если бы встал из гроба современник прошлого столетия, то он был бы очарован, назвав вашу теперешнюю жизнь целым рядом волшебных картин. Где мы, современные люди, появляемся с нашими пособиями, там пустыня превращается в роскошный сад, а тряское, гниущее болото в плодороднейшие поля. Чтобы создать города, теперь нужны только годы, в то время как в прежние исторические эпохи требовались века, примером чему служит Америка. Громадные пространства и огромные моря теперь уже не служат помехой при сообщении. Современные духовные богатства уже теперь огромны, каждый новый день еще умножает; сотни тысяч людей ежедневно думают, ищут, исследуют во всех концах земного шара, и, что один открывает или изобретает, то в самое непродолжительное время делается достоянием всего мира. а так как в мы имеем право производить опыты и исследовать, усовершенствовать и быть полезными человечеству, то произведем на первых порах опыт с семичасовым рабочим днем, на пользу и благо всего человечества, и позаботимся о лучшей организации общественной благотворительности.

Все, что было заведено и устроено евреями, останется «на староселе», конечно, так, как оно было. Еврейская предприимчивость будет витать там, где ей будут

рады; и еврейские капиталы будут себе искать применение там, где благополучно обретаются их владельцы. и если теперь повсюду презирают наши деньги, заставляя их искать на чужбине самых неподходящих помещений, то при мирном и благополучном разрешении еврейского вопроса, при помощи предлагаемого проекта, все изменится, и они будут способствовать дальнейшему процветанию теперешнего местопребывания евреев.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. _

Как много еще недосказано, сколько недостатков, вредных колебаний и бесполезных повторений заключается в этом сочинении, несмотря на то, что я очень долго обдумывал и часто переделывал его.

Искренний и сочувствующий читатель, понимающий и недосказанное, не оставит этой книжки из-за ее недостатков и недомолвок, но напротив сам постарается их исправить и принять участие своими умственными и нравственными силами в деле, которое принадлежит не одному лицу. Что же касается меня, то я кажется вполне выяснил суть дела и главные условия для его удачного выполнения.

Некоторые возражения я правда предвидел, но я знаю, что есть еще очень много других, менее важных и более важных, из которых довольно видное место занимает возражение, что на свете существует не одна только нужда в бедственном положении евреев; – но я думаю, что о своих мы обязаны как можно скорее позаботиться, ибо, если мы сами не будем стремиться к самостоятельности и заботиться о себе, кто же посторонний позаботится о нас? Впрочем, нам могут сказать, что лучше сгладить или, вернее сказать, стереть с лица земли границы, отделяющие нас от остальных людей, чем заботиться о том, чтобы создать еще более резкие отличия, но я думаю, что так могут говорить только милые мечтатели, память о которых давно исчезнет с лица земли, когда идея об отечестве будет еще в полном расцвете. Всеобщее братство есть только приятная мечта, а вражда необходима, хотя бы для высших эгоистических целей. Но как же? Раз евреи не будут иметь врагов в своем собственном государстве, то они сделаются слабыми, постепенно станут вымирать, еврейской нации в скором времени угрожает совершенное исчезновение? – Я думаю, что евреи, как и всякая другая нация, будут всегда иметь достаточное количество врагов и недругов, но, как только у них будет своя собственная земля, они уже не смогут

снова рассеяться по всему свету. Не может государство быть предано уничтожению, раз будет существовать всемирная культура. Нынешняя же культура достаточно могущественна и обладает всем необходимым для своей самозащиты, так что только ограниченный человек может в наше время страшиться за благосостояние государства и бояться его уничтожения.

Что же касается менее важных возражений, то им числа нет, подобно тому, как нет числа заурядным людям в сравнении с выдающимися; но некоторые из них я все таки попытаюсь опровергнуть. Всякий, кто хочет стать под белым знаменем с семью звездами, должен мне помочь в этом, ибо очень легко может случиться, что придется бороться с злыми, малодушными и ограниченными людьми, к сожалению, с нашими же собратьями.

Но, может быть, скажут, что а даю антисемитам оружие в руки, потому ли что я подношу голую правду, или потому, что я не провозглашаю, что мы все без исключения превосходные люди и что между нами нет дурных? Или, может быть, скажут, что я указываю антисемитам путь, благодаря которому нам могут вредить? Так я решительным образом отрицаю это. Все, что я предлагаю, может быть исполнено только в том случае, если евреи охотно и в огромном числе примкнут к моему проекту. Можно говорить против единичных личностей и вредить обществам, составленным нынешними могущественными евреями, но никто никогда и ни в коем случае не станет говорить против целого государства и всех евреев. Равноправие евреев в том виде, в каком оно теперь существует и санкционировано законом, не может быть увеличено; неоднократно мы в этом убеждались хотя бы из того, что подготовительные работы и попытки к увеличению их прав уже обрекают всех евреев, бедных и богатых, произволу различных губительных партий; официальное же уменьшение их прав повсюду имело своим следствием экономические кризисы. Следовательно, ничего существенного против нас нельзя предпринять, если не желают причинить самому себе вреда. Между тем ненависть все растет и растет. Богачи очень мало это замечают и чувствуют, но наши бедняки! Пусть спросят их, увеличивающих собой ряды пролетариата пропорционально возникновению и увеличению антисемитизма, и тогда все станет ясно. Но, может быть, некоторые из тех, кто пользуется теперь благосостоянием, думают, что гнет не столько велик, чтобы нужно было эмигрировать, и укажут на то, что евреи не охотно уходят даже при насильственном изгнании их? Так это происходит оттого, что они не знают куда идти; что они принуждены переходить из одной чужбины в другую! Мы же им указываем путь в давно-желанную страну, хотя при этом не скрываем, что могущественной силе воодушевления придется бороться с страшной силой привычки.

Могут сказать, что преследования далеко не такие ужасные, как это было в средние века? Да, оно-то так, но за это время наша чувствительность возросла

настолько, что мы не видим никакого уменьшения наших страданий. Долгие, многовековые преследования слишком расстроили наши нервы.

Наконец, могут сказать, что предприятие это бесцельно и безнадежно, даже в том случае, если мы уже получим страну и самостоятельность, так как туда последуют только бедняки! Но они то нам и нужны! Отчаявшиеся и потерявшие надежды только и годятся для завоеваний и приобретений. Нам может еще кто-нибудь заметить, что если бы это было возможно, то давным-давно бы сделали это? Так ведь раньше этого нельзя было сделать, а теперь возможно. Только сто, пятьдесят лет тому назад на это посмотрели бы, как на несбыточную мечту, на пустую бредню, теперь же это все – насущная необходимость. Богатые люди отлично сознают, что с деньгами все можно сделать, и те бедняки и простолюдины, которые и не подозревают всего значения естественной силы человека, без сомнения, уверуют в новую миссию, так как они не потеряли еще надежды на получение новой страны.

Так оно, братья! Не сказка в не обман! Всякий может в этом легко убедиться, так как всякий из нас носит в себе мысль об этой давно желанной стране и составляет часть обширного государственного механизма, кто своими умственными силами, кто физическими, а кто материальными. Но, может быть, кто-нибудь думает, что это дело очень продолжительное, что на образование государства потребуется, даже в лучшем случае, очень много лет, а тем временем над евреями будут насмехаться, евреев будут теснить, обирать, грабить, убивать, – тот глубоко заблуждается. Лишь только мы решимся выполнить наш план, как тотчас утихнет и исчезнет антисемитизм, так как это решение принесет с собой и окончательный мир.

Весть об основании Еврейского Союза, как молния, облетит по телеграфу весь мир, а одновременно с этим наступит и облегчение. Тотчас уедет излишек нашей интеллигенции, в лице которого мы будем иметь необходимый состав наших первых организаций. Тут будут начальники в чиновники, учителя в юристы, техники и врачи, и дело наше будет подвигаться вперед поспешно, без каких-либо опасных экономических сотрясений. за успех нашего дела будут молиться не только в синагогах, но и в церквях, ибо это есть освобождение от старого гнета, от которого равно терпели в терпят все.

Но прежде всего с нашим проектом должны близко познакомиться те, кому дороги интересы еврейства; мысль об основании государства должна проникнуть в самые отдаленные места, где только живут наши братья, и все евреи, наконец, откажутся от своего бесполезного выжидания, так как наша жизнь вступит в новую фазу. Всякий будет заботиться о самом себе, и число желающих само собою возрастет. Какая слава ждет самоотверженных борцов за наше правое дело! И я убежден, что из земли явятся необходимые люди.

Маккавеи снова воскреснут, и дух их и отвага будут витать над нами!

Еще раз я повторяю, что евреи, которые захотят, будут иметь свое отечество. Пора уже нам, наконец, жить, как свободным гражданам в своей собственной стране, в умереть в своем собственном отечестве. Нашей свободой освободится мир, нашими богатствами он обогатится. Все, что мы будем предпринимать для своего собственного благосостояния, будет принадлежать всему человечеству и способствовать его процветанию.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Если захотите, это не будет сказкой...

КНИГА ПЕРВАЯ. ОБРАЗОВАННЫЙ И ОТЧАЯВШИЙСЯ ЮНОША

I

Д-р Фридрих Левенберг в печальном раздумье сидел в кофейне за круглым мраморным столом. Это была одна из старых уютных кофеен на Альзергрунде, которую он посещал еще будучи студентом. Он приходил туда ежедневно, около пяти часов, в течение многих лет, с неизменной аккуратностью ретивого чиновника. Бледный, болезненный кельнер почтительно кланялся ему. Левенберг вежливо кланялся такой же бледной кельнерше, с которой никогда не разговаривал. Затем он садился за круглый стол, пил свой кофе и читал все газеты, которые кельнер предупредительно подавал ему.

Просмотрев ежедневные и еженедельные газеты, юмористические листки и технические журналы, что отнимало у него обыкновенно часа полтора, он возобновлял нескончаемые беседы с приятелями или же мечтал.

Но приятные дружеские беседы уже отошли в область воспоминаний, и в настоящее время ему оставались на смену чтению лишь одинокие мечты. Оба приятеля, в течение долгих лет, проводившие с ним в этой кофейне незабвенные вечерние часы, умерли в последние месяцы.

Оба были старше его, и один из них, Генрих, перед тем, как пустил себе пулю в лоб, писал Левенбергу, что и «хронологически, так сказать, вполне естественно, что они раньше его разочаровались в жизни» – второй, Освальд, уехал в Бразилию, чтобы принять участие в устройстве колонии для еврейского пролетариата и вскоре умер там от желтой лихорадки.

И вот, несколько месяцев уже Фридрих Левенберг сидел один за старым столом, ни с кем не разговаривал и, одолев ворох газет, уходил в свои одинокие мечты Он

чувствовал себя слишком утомленным жизнью, чтобы заводить новые знакомства, точно был не двадцатитрехлетний молодой человек, а старик, много раз уже терявший близких людей.

И он сидел один и неподвижно смотрел в голубоватый туман, застилавший далекие углы зала.

Вокруг бильярда, в задорных позах, с длинными киями в руках, стояло несколько молодых людей. Вид у них был далеко не угнетенный, хотя они были в таком же положении, как и Левенберг: это были начинающие врачи, новоиспеченные юристы, только что дипломированные инженеры. Все они прошли высший курс наук, а делать нечего было. Большинство из них были евреи, и если они не играли на бильярде или в карты, то обыкновенно вели сокрушенные беседы о том, как трудно в «наше время» устроиться. И в ожидании счастливой перемены судьбы убивали «наше время» беспрерывной игрой.

Левенберг и сожалел и завидовал этим беспечным молодым людям. Это были в сущности те же пролетарии, но на другой ступени общественной иерархии; жертвы ошибочного взгляда, царившего лет двадцать, тридцать тому назад в средних слоях еврейства: сыновья не должны уже быть тем, чем были их отцы. Дальше, дальше от торговли, от афер!

И новые поколения устремились к свободным профессиям. В результате получился плачевный переизбыток людей с высшим образованием, которые не находили занятий; для скромной трудовой жизни они уже не годились, на чиновнические карьеры, как их товарищи-христиане рассчитывать они не могли и представляли собою, словом, товар, на который не было спроса. При этом у них были сословные обязанности, кичливое сословное самосознание и совершенно бесценные титулы. Те, у кого были какие либо средства, постепенно проживали их или жили на средства отцов. Другие высматривали для себя «хорошую партию» с приятной перспективой рабского существования на жаловании у тестя. Третьи пускались в беспощадную и не всегда опрятную конкуренцию в профессиях, создающих якобы людям более видное положение, чем торговля и ремесла. И получалось странное и печальное зрелище: люди, не желавшие быть обыкновенными купцами, пускались в качестве «университетских» во всякие аферы; лечили секретные болезни, вели темные процессы. Многие хлеба ради стали заниматься журналистикой и торговали общественным мнением. Другие толкались в народных собраниях, метали фейерверки звонких боевых фраз, с целью обратить на себя внимание и завязать партийные связи, которые могли бы пригодиться позднее.

Левенберг не избрал ни один из этих путей. «Ты не годишься для жизни» – говорил ему однажды Освальд, перед отъездом в Бразилию – ты слишком брезглив. Надо уметь проглотить какую-нибудь мерзость, грязь! А ты... ты благородный

осел! Ступай в монастырь, Офелия! Все равно, никто не поверит тебе, что ты порядочный человек, потому что ты еврей... Так и важничать нечего! Свои наследственные гроши ты съешь раньше, чем получишь право практики, И тогда тебе все таки придется начать с того, что тебе претит – или повеситься. Прошу тебя, купи себе веревку, пока у тебя есть еще гульден. На меня тебе рассчитывать нечего. Во-первых, меня скоро здесь не будет, во-вторых, я тебе друг».

Освальд уговаривал его ехать с ним в Бразилию, но у Левенберга не хватило решимости уехать из Вены. Истинную причину отказа он своему другу не объяснил, и друг его уехал один в чужую страну, где ждала его преждевременная смерть.

Это была белокурая причина, милая и прелестная... Но Левенберг ни разу не отважился говорить со своими друзьями и об Эрнестине. Он боялся шуток над своим робким, едва распутившимся чувством. А теперь обоих друзей уже нет, и он не мог, если бы даже хотел, спросить у них совета и участия. Это была сложная, сложная история... И он старался представить себе, что бы они сказали, если бы сидели здесь на своих местах, за круглым столом. Он закрыл глаза и воображал себе разговор:

– Друзья мои, я влюблен... нет, я люблю

– Несчастный, сказал бы Генрих. А Освальд сказал бы:

– От тебя всякая глупость станется.

– Это даже не глупость, дорогие друзья, это безумие. Ее отец, господин Леффлер, вероятно, высмеял бы меня, если бы я попросил у него руку дочери. Я всего только кандидат прав с сорока гульденами месячного жалованья. У меня ничего, ничего больше нет. Последние месяцы окончательно разорили меня. Несколько сот гульденов, оставшихся от моего наследства, истрачены. Я знаю, это было безрассудно так транжирить... Но я хотел быть подле нее, видеть ее лицо, слышать ее милый голос... И я все лето ездил в курорт, где она жила. Потом театры, концерты. И чтобы бывать в ее обществе, я должен был прилично одеваться. А теперь у меня ничего нет, а люблю я ее по прежнему, нет... нет, больше чем когда бы то ни было.

– Что же ты намерен делать? – спросил бы Генрих.

– Я хочу сказать ей, что я люблю ее и просить ждать меня года два, пока я создам себе какое-нибудь положение.

И он услышал, как наяву насмешливый хохот Освальда:

– Как же! Как же! Станет Эрнестина Леффлер ждать тебя, голь перекатную – ха, ха, ха!

Но кто-то действительно громко смеялся подле Фридриха Левенберга и он изумленно отрыл глаза. Перед ним стоял Шифман, молодой человек, служащий в банке, с которым Фридрих познакомился в доме Леффлеров, и смеялся от всего сердца:

– Вы, верно, поздно легли вчера, доктор, и плохо выспались – вас уже клонит ко сну...

– Я не спал – смущенно сказал Фридрих.

– Сегодня опять засидимся. Вы ведь пойдете к Леффлерам?

Шифман непринужденно сел за стол. Фридрих не питал большой симпатии к этому молодому человеку, но терпел его, потому что мог говорить с ним об Эрнестине и часто узнавал от него, в какой театр она намерена пойти. Шифман в известном отношении был незаменим, и им очень дорожили во многих домах: он был хорошо знаком с театральными кассиршами и ухитрялся доставать билеты на самые недоступные представления. Фридрих ответил ему:

– Да, я сегодня также приглашен к Леффлерам.

Шифман взял в руки газету и воскликнул:

– Но, это удивительно!

– Что именно?

– Да вот, это объявление!

– А, вы и объявления читаете – сказал Фридрих, иронически улыбаясь.

– Как это «и объявления»? – ответил Шифман. – Я читаю преимущественно объявления. – Это самое интересное в газете после биржевых известий...

– Да? Я ни разу в своей жизни не читал биржевых известий...

– Ну да, вы!.. Но я! Мне достаточно только взглянуть на курс и я опишу вам положение всей Европы... А затем, объявления... Вы и представить себе не можете, что иной раз можно в них вычитать... Словно, вы на рынок какой-то

приходите. Продаются вещи, продаются люди... Да! В жизни, собственно говоря все продается, цена только не всегда и всем доступна. Когда я просматриваю отдел объявлений, я всегда узнаю всевозможные новости... Надо все знать. На всякий случай... Но вот это объявление я вижу уже дня два и-и... ничего не понимаю!

– На иностранном языке?

– Да вот, прочитайте!.. – Шифман протянул ему газету и указал на коротенькое объявление, гласившее:

«Ищут образованного, разочарованного в жизни молодого человека, согласного сделать последний опыт над своей неудавшейся жизнью. Предложения адресовать в главный почтамт Н.О.Боди».

– Да, в самом деле – сказал Фридрих – странное объявление. Образованный и разочарованный в жизни молодой человек.. Таких, вероятно, не мало! Но следующая фраза осложняет дело. До какого отчаяния должен дойти человек, чтобы подвергать свою жизнь последнему опыту.

– И он, очевидно, не нашел еще такого человека, этот господин Боди. Я вижу объявление уже не в первый раз. Хотел бы я однако знать, кто такой этот Боди.

– Это никто.

– Как... никто?

– Н.О.Боди – Нободи. Никто по-английски.

– Ах, да... По-английски... Мне и в голову не пришло... Надо все знать, на всякий случай... Однако, нам пора идти к Леффлерам, если мы не хотим опоздать... Сегодня надо явиться во время.

– Почему именно сегодня? – спросил Левенберг.

– Не могу, к сожалению, сказать... Для меня скромность – вопрос чести! Но во всяком случае, готовьтесь к сюрпризу... Кельнер, получите!

Сюрприз? У Фридриха сердце сжалось тоскою смутного предчувствия...

Выходя вместе с Шифманом из кофейни, он заметил в подъезде мальчика лет десяти. Он был в легоньком сюртучке и плотно прижав руки к туловищу, топал ногами по снегу, залетевшему под навес. В его прыжках было даже что-то веселое и смешное, но Фридрих видел, что он в дырявых сапогах и весь дрожит от холода.

Подойдя к фонарю, Левенберг вынул из кошелька три медных крейцера и дал их мальчику. Мальчик взял деньги, тихим дрожащим голосом сказал: «благодарю» – и мгновенно исчез из виду.

– Как? Вы даете милостыню уличным попрошайкам? – негодующим тоном воскликнул Шифман.

– Не думаю, чтоб этот мальчик удовольствия ради торчал на улице в декабрьскую ночь... И мне кажется, что это был еврейский мальчик.

– Тогда пускай обращается в еврейский комитет, в общину, а не бродит по вечерам, вокруг кофеен.

– Не волнуйтесь, Шифман, ведь вы ему ничего не дали.

– Милый доктор – внушительно ответил Шифман – я член общества борьбы с нищенством и плачу ежегодный взнос – целый гульден.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

II

Леффлеры занимали второй этаж большого дома на Гонзагассе. Внизу помещались суконные склады фирмы «Морис Леффлер и К°».

Войдя в переднюю, Фридрих и Шифман поняли по множеству пальто и ретонд на вешалке, что общество в этот вечер несравненно многочисленнее обыкновенного.

– Целый магазин готовых платьев – заметил Шифман.

В гостиной было несколько человек, которых Фридрих уже знал. Незнаком ему был только лысый господин, который стоял у рояля, подле Эрнестины, и как показалось Левенбергу, улыбался и разговаривал с ней с непринужденностью, недопустимой при простом хорошем знакомстве. Молодая девушка приветливо протянула руку новому гостю:

– Доктор Левенберг, позвольте вас познакомить. Леопольд Вейнбергер...

– Шеф фирмы Самуэль Вейнбергер и сыновья, в Брюнне, – торжественно и сияя от удовольствия добавил папаша Леффлер.

Молодые люди любезно пожали друг другу руки и Фридрих заметил при этом, что шеф брюннской фирмы заметно косит и руки у него потные. Наблюдение это несколько не огорчило Фридриха, потому что мгновенно рассеяло мысль, мелькнувшую в его голове, когда он только вошел. Эрнестина и этот человек – это была дикая мысль!

Она стояла перед ним стройная, изящная, грациозно склонив прелестную головку и никогда еще не казалась ему такой обворожительной... Но он должен был отойти от нее, так как приходили новые гости и она встречала их. Только Леопольд из Брюнна назойливо торчал все время подле нее.

Фридрих решил навести справку у Шифмана.

– Этот Вейнбергер, вероятно, старый знакомый Леффлеров?

– Нет – ответил Шифман – они всего четырнадцать дней знакомы... Но.. это прекрасная суконная фирма.

– Что же прекрасно, Шифман, сукно или фирма? – спросил Фридрих, обрадованный и утешенный словами Шифмана, потому что человек, с которым Эрнестина всего четырнадцать дней знакома, не может же, очевидно, быть ее женихом.

– И то... и другое – сказал Шифман. – Самуэль Вейнбергер может достать денег сколько бы ни пожелал и за четыре процента... Первый сорт, понимаете! Вообще, здесь сегодня отборное общество! Видите, вот этот худощавый, пучеглазый, это доверенный барона Гольдштейна. Отвратительнейший господин, но весьма уважаемый.

– За что же?

– Как, за что? За то, что он доверенный барона Гольдштейна. А этого с седыми бакенбардами вы знаете? И этого не знаете? Да что вы, с луны свалились? Это известный спекулянт Лашнер, один из крупнейших биржевиков. Какая-нибудь пара тысяч акций для него – самое пустяшное дело. Теперь он очень богат. Я б охотно поменялся с ним мошной. Но будет ли у него что-нибудь через год я ручаться не могу.. Сегодня же, супруга его в огромных бриллиантах, и все дамы завидуют ей.

Фрау Лашнер и еще несколько ослепительно разряженных дам сидели в другом углу гостиной и страстно спорили о шляпах. Мужчины были еще в сдержанном, предшествующем закуске, настроении. Некоторые, по-видимому, знали что-то о предстоящем сюрпризе, на который намекал в кофейне Шифман и таинственно перешептывались. Фридриху было тяжело на душе... В этом обществе он играл после Шифмана самую незначительную роль. Обыкновенно он этого не замечал, потому что Эрнестина всегда сидела подле него, когда он приходил. В этот же вечер, она ни словом, ни взглядом не обращалась к нему. Шеф брюннской суконной фирмы был, очевидно, весьма занимательный собеседник. И еще одно обстоятельство угнетало Фридриха. Он и Шифман были единственные мужчины, явившиеся не во фраках и смокингах, а в сюртуках, и это внешнее отличие выделяло их, как париев из блестящего сонма гостей. Он охотно совсем ушел бы отсюда, но у него не хватало решимости...

Большая гостиная была уже переполнена. Но, по-видимому, еще ждали кого-то. Фридрих обратился с вопросом к своему товарищу по несчастью. Шифман и на

этот счет был вполне осведомлен, так как слышал объяснение из уст самой хозяйки.

– Ждут еще Грюна и Блау – ответил он.

– Это что за птицы? – спросил Фридрих.

– Как! Вы не знаете Грюна и Блау? Самые остроумные люди в Вене! Ни одно собрание, ни одна вечеринка не обходится без Грюна и Блау. Одни говорят – Грюн остроумнее, другие говорят – Блау. Грюн сильнее в каламбурах, Блау мастер высмеивать людей. Он получил уже за что немало пощечин на своем веку, но это его не смущает. Его щеки от пощечин не пухнут. Их обоих очень любят в высшем еврейском обществе... Но друг друга они терпеть не могут. Да это и понятно – конкуренты!

В гостиной движение.

Приехал Грюн, длинный, худощавый мужчина с огромными, далеко отстоящими от головы ушами, которые Блау назвал «необрубленными», потому что верхние края их не сгибались к ушной раковине, а плоско торчали в пространстве.

Мать Эрнестины встретила остряка приветливым укором:

– Почему так поздно?

– Поздней никак не мог! – с юмором ответил он. Гости, слышавшие эту фразу, рассмеялись. Но лицо юмориста мгновенно омрачилось: в гостиную вошел Блау. Это был человек лет тридцати, среднего роста, с гладко выбритым лицом и большим дугообразным носом, на котором плотно сидело пенсне.

– Я был в оперетке – заявил он на первом представлении. И после, первого акта ушел.

Сообщение вызвало заметное оживление. Дамы и мужчины окружили Блау, который докладывал:

– Первый акт сверх всякого ожидания не провалился.

Фрау Лашнер властно крикнула мужу: «Морис, я хочу завтра же посмотреть ее».

Блау продолжал:

– Друзья либреттистов прямо в восторге...

– Так хороша оперетка? – спросил Шлезингер, доверенный барона Гольдштейна.

– Напротив, так она плоха – пояснил Блау – друзья авторов тогда только радуются, когда пьеса плоха.

Сели за стол. Большая столовая едва вмещала собравшихся в этот вечер гостей. В течение нескольких минут звон посуды, стук вилок и ножей совершенно заглушал голоса. Наконец, Блау крикнул через стол своему сопернику:

– Грюн, не кушайте так громко! Можно подумать, что у вас зубы от лихорадки стучат.

– Вернее, от страха за вас, как бы вы не подавились от зависти.

Поклонники Грюна смеялись. Поклонники Блау нашли остроту бледной.

Но внимание гостей было неожиданно отвлечено от остряков. Пожилой господин, сидевший подле г-жи Леффлер, возвысив немного голос, говорил:

– У нас в Моравии положение евреев не лучше. А в маленьких городках евреи прямо в опасности. Немцы недовольны чем-нибудь – о ни бьют у евреев окна. У чехов что-нибудь не ладится – они врываются к несчастным евреям. Бедняки начинают выселяться, но не знают куда, им ехать.

– Мориц, – громко произнесла в это время г-жа Ляшнер, – я хочу после завтра в Бургтеатр!

– Оставь меня в покое, небрежно ответил ей муж. – Д-р Вайсс рассказывает нам, каково там у них в Моравии... фи, как это не хорошо!

Самуил Вейнберг, отец Леопольда Вейнберга, присоединился к разговору:

– Вы как раввин, доктор Вайсс, смотрите на все слишком мрачно.

– Вайсс... Белому все представляется черным – сказал один из остряков.

Острота, однако, прошла незамеченной.

– На своей фабрике я прекрасно себя чувствую, – продолжал Самуил Вейнбергер – В тех случаях, когда у меня затевают скандалы, я прибегаю к содействию полиции, или местного гарнизона. Как только чернь завидит это, она проникается уважением.

– Но ведь это все же печальное положение вещей, – кротко заметил раввин Вайсс. Адвокат, доктор Вальтер, носивший прежде фамилию Фейглсток, заметил:

– Я не помню кто сказал, что со штыками все можно сделать; только усесться на них нельзя.

– Я думаю, что все мы принуждены будем снова носить желтый значок! – воскликнул Ляшнер.

– Или же выселиться, – добавил раввин.

– Куда? я вас спрашиваю? – воскликнул Вальтер – Разве в другом месте нам будет лучше? Даже в свободной Франции неистовствуют антисемиты!

Д-р Вайсс, бедный раввин из небольшого моравского городка, не знавший в какое общество он попал, нерешительно заметил:

– Уже несколько лет существует движение, – его называют сионистским. Еврейский вопрос решается путем грандиозной колонизации. Все те евреи, которые не могут больше вынести настоящего положения, должны направиться в Палестину, нашу старую родину.

Он говорил совершенно серьезно и не заметил, что на лицах, окружавших его, стала играть улыбка; он поэтому был страшно ошеломлен, когда при слове «Палестина», раздался дружный хохот. Смех звучал на всевозможные лады. Дамы хихикали, мужчины гоготали и издавали звуки, похожие на ржание. Только Фридрих Левенберг находил смех этот грубым и неприличным по отношению к старику.

Блау воспользовался первой паузой во всеобщем смехе и заявил:

– Если бы в оперетке была хоть одна подобная шутка, было бы отлично!

Грюн крикнул:

– Я буду посланником в Вене.

Новый взрыв хохота.

– И я, и я – вставляли некоторые. Тогда Блау серьезно заметил:

– Господа! Все не могут быть посланниками! Я думаю австрийское правительство

не признало бы такого многочисленного еврейского дипломатического корпуса Вы должны подыскать себе иные посты!

Смущенный раввин не отводил глаз от тарелки. Между тем юмористы Грюн и Блау ожесточенно набросились на пригодный для их юмора материал... Они обозревали новое государство и описывали его порядки: в субботу биржа будет закрыта, король станет жаловать «орденом Давида» или «мясного щита» тех, кто имеет заслуги перед отечеством или же на бирже.

Кому же однако быть королем?

– Во всяком случае барону Гольдштейну, – заявил шутник Блау.

– Прошу вас не втягивать в дебаты имя барона Гольдштейна, по крайней мере в моем присутствии, – с презрением протестовал Шлезингер, доверенный знаменитого банкира.

Кивком головы все выразили ему свое одобрение. Блау действительно позволял себе иной раз бестактности; втягивать в дебаты личность барона Гольдштейна... это было уже слишком... но Блау продолжал: – Министром юстиции будет доктор Вальтер. Он получить дворянство с титулом фон Файглшток. Дворянин Вальтер фон Файглшток!

Опять смех. Адвокат покраснел за имя своего отца и бросил остряку:

– По вашей физиономии давно не гуляла чужая рука.

Грюн, не менее остроумный, но более осторожный, шептал на ухо своей соседке акростих, начальные буквы которого составляли слово: «Файглшток».

Фрау Лашнер осведомилась:

– А театры там будут? Если нет, то я не поеду

– Конечно, сударыня – ответил Грюн. – И на парадных спектаклях в императорском Иерусалимском театре будет присутствовать весь цвет еврейства.

Раввин Вайс тихо заметил:

– Над кем вы смеетесь, господа? Над собой?

– Я горжусь тем, что я еврей – заявил Лашнер – потому что если б я не гордился этим, все равно, я был бы евреем. И я предпочитаю гордиться.

В это время обе горничные вышли за новым блюдом. Хозяйка дома заметила:

– В присутствии слуг не следовало бы говорить о евреях.

Блау подхватил ее слова:

-Виноват! Я не знал, сударыня, что ваша прислуга не знает, что вы евреи.

Некоторые засмеялись.

– Так-то так, но ведь и в колокола звонить об этом не приходится – авторитетно протянул Шлезингер.

Внесли шампанское. Шифман толкнул локтем своего соседа, Фридриха Левенберга.

– Сейчас начнется!

– Что начнется? – Вы все еще не догадываетесь, в чем дело?

Нет, Фридрих еще не догадывался, но в следующую минуту ему все стало ясно.

Леффлер стукнул ножом о свой бокал и встал. Наступила тишина. Дамы выжидательно прислонились к спинкам стульев. Остряк Блау запихнул в рот последний кусок и усердно жевал, а папаша Леффлер говорил:

– Мои высокоуважаемые друзья! С неизъяснимым удовольствием спешу сообщить вам о радостном событии, свершившемся в моей семье. Дочь моя Эрнестина помолвлена с Леопольдом Вейнбергером, шефом фирмы «Самуэль Вейнбергер и сыновья» в Брюнне. За здоровье жениха и невесты. Ура!

Ура! Ура! Ура! Все встали. Зазвенели бокалы. Потом гости подходили к обрученным, поздравляли их и чокались с ними.

Фридрих Левенберг тоже подошел к ним, хотя глаза его застлала влажная пелена, и он едва различал дорогу.

Он стоял перед Эрнестиной долгую минуту и дрожащей рукою чокался с ней.

Она едва взглянула на него.

Общество оживилось. Один тост следовал за другим. Шлезингер произнес блестящую речь. Грюн и Блау оказались на высоте своего призвания. Первый играл словами, второй делал бестактные намеки. Настроение было возбужденно-радостное.

Фридрих смутно слышал, что говорится вокруг него, и ему казалось, что шум и голоса несутся откуда-то, издалека, и что его окружает непроницаемый туман, который застилал ему глаза и спирал дыхание.

Ужин приближался к концу. У Фридриха была одна только мысль – уйти, убежать как можно дальше от этих людей. Он чувствовал себя лишним в этой комнате, в городе, вообще, на свете. Когда все встали из-за стола, он хотел воспользоваться этим моментом и уйти незамеченным, но Эрнестина неожиданно подошла к нему и остановила его ласковым вопросом:

– Доктор, что же вы ничего не сказали мне?

– Что я могу оказать вам, Эрнестина? Я желаю вам счастья... Да... да... я желаю вам полного, безмятежного счастья.

Но в эту минуту жених опять очутился подле нее, уверенным жестом законного обладателя обнял ее за талию и увел ее.

Она улыбалась.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ
ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

III

Как только Фридрих Левенберг очутился на холодном зимнем воздухе, перед ним огненными буквами вспыхнул вопрос: что противнее было – движение, которым Вейнбергер из Брюнна обнял молодую девушку или ее улыбка, которую он до тех пор находил очаровательной.

Этот шеф суконной фирмы всего четырнадцать дней знал девушку и уже обнимал ее своей потной рукой. Какая гнусная сделка! Это была гибель прекрасной иллюзии...

Но шеф, очевидно, был богат, а Левенберг был беден. В этом кругу, где ценились только наслаждения и успех, деньги были – все!

Но этот круг еврейской буржуазии был ему необходим. Он должен был жить с этими людьми и к несчастью зависит от них, так как они представляли клиентуру для будущей адвокатской практики. В лучшем случае, он может быть юрисконсультom какого-нибудь Лашнера, о счастливой возможности поймать клиента, вроде барона Гольдштейна, он и мечтать не смел. Христианское общество и христианские клиенты недоступнее звезд...

Что же остается делать?

Или войти в круг Леффлеров, проникнуться их низменными идеалами, защищать интересы какого-нибудь сомнительного дельца и в награду за такое достойное поведение по истечении стольких-то лет тоже получить контору в свое управление и всеми признанное право на руку и приданое девушки, которая выходит за первого встречного, после четырнадцатидневного знакомства.

С этими мыслями Левенберг опять пришел к своей кофейне. Ему жутко было оставаться теперь одному в своей тесной уютной комнатке. Было всего десять

часов. Лечь спать? Да, если б можно было не просыпаться больше...

У дверей кофейни он чуть не споткнулся о какое-то маленькое существо На ступеньке подъезда, скорчившись, сидел мальчуган. Фридрих узнал его; это был тот самый, которому он несколько часов назад подал милостыню – Что это? Ты опять попрошайничаешь здесь! – напустился он на него.

И мальчик дрожащим от холода голосом ответил ему: «Я жду отца». – Он встал и опять стал подпрыгивать и бить одной рукой о другую, чтобы согреться. Но Фридрих был очень несчастен, и в душе его не дрогнуло сострадание к мерзнувшему ребенку.

Он вошел в душный накуренный зал и сел на свое обычное место за круглым столом с газетами Народу было уже немного. Только в углах чернели фигуры засидевшихся игроков, которые не в силах были расстаться друг с другом и снова и снова объявляли последнюю партию, потом прощальную, заключительную и начинали новую.

Нисколько мгновений Фридрих неподвижно смотрел в пространство. Когда к столу подошел словоохотливый знакомый, Фридрих взял в руки газету, и сделал вид, что читает. Но как только он взглянул на столбцы, взгляд его случайно остановился на объявлении, о котором Шифман говорил несколько часов тому назад «Ищут образованного разочарованного в жизни молодого человека, согласного сделать: последний опыт над своей неудавшейся жизнью. Предложения адресовать в главный почтамт Н.О.Боди».

Как странно! Теперь он может откликнуться на этот призыв! Последний опыт! Жизнь стала бременем для него. Прежде, чем покончить счеты с ней, как несчастный Генрих, отчего бы и не сделать последний опыт.

Он спросил у кельнера бумагу и чернила и написал Н. О. Боди следующие слова:

«Я в вашем распоряжении. Доктор Фридрих Левенберг. IX Ангасса, 67».

Когда он запечатывал письмо, к нему подошел кто-то сзади и проговорил:

– Зубные щетки, подтяжки, запонки, не угодно ли?

Фридрих раздражительно оборвал назойливого разносчика. Тот со вздохом отступил назад и бросил жалкий умоляющий взгляд на кельнера, который мог выгнать его за приставанье к гостям. Фридриху тотчас же совестно стало своего окрика и подозвав бедняка, он бросил ему в ящик серебряную монетку. Но разносчик протянул ему деньги обратно:

– Я не нищий. Купите что-нибудь. Так я денег принять не могу.

Чтобы отделаться от него, Фридрих взял из ящика запонку. Тогда только разносчик поблагодарил его и ушел. Фридрих равнодушно глядел ему вслед и видел, как, поравнявшись с кельнером, он дал ему только что полученную монету, а кельнер взял из корзины несколько черствых булок и дал их разносчику, который набил ими карманы своего пальто.

Фридрих встал и направился к выходу. В подъезде он опять заметил мерзнущего мальчика, на этот раз с разносчиком, который отдавал ему черствые булки.

– Что вы здесь делаете? – спросил Фридрих.

– Да вот, я даю ему сухари – ответил разносчик – чтобы он отнес их жене моей. – Это вся моя выручка за целый день.

– Правда ли? – недоверчиво сказал Фридрих.

– Правда ли это? – с удивлением повторил бедняк. – Боже мой, как бы я хотел, чтоб это не было правдой. – Куда бы я ни пришел с товаром, везде меня гонят. Еврею одно только остается – камень на шею и в воду.

Фридрих, только перед тем покончивший все счета с жизнью, увидел вдруг случай сделать что-то, быть полезным кому-то. Мысли его мгновенно приняли другое направление. Он опустил письмо в ящик и пошел рядом с разносчиком и его мальчиком. Бедняк на его распросы, рассказал ему свою повесть.

– Мы приехали сюда из Галиции. В Кракове я жил еще с тремя семьями в одной комнате. Мы там питались воздухом. И я себе подумал – ведь хуже этого быть не может, и поехал с женой и детьми в Вену. Здесь не хуже, но, и не лучше.

– Сколько у вас детей?

Разносчик начал всхлипывать.

– У меня было пятеро... С тех пор, как мы здесь умерло трое... Теперь у меня только этот остался и маленькая девочка; грудная еще... Давид, не ходи так шибко.

Мальчик обернулся. – Мама была очень голодна, когда я принес ей три крейцера, что дал мне этот господин.

– Так это... так это вы ему дали? – сказал разносчик и, схватив руку Фридриха,

хотел было поцеловать ее. Но Фридрих быстро отдернул руку: «Что вы... что вы! ...» – Что же мать ваша сделала с этими тремя крейцерами? – обратился он к мальчику.

– Она купила молока для Мариам – ответил маленький Давид.

– Мариам – наш второй ребенок – пояснил разносчик.

– А мама все голодает? – спросил Фридрих, потрясенный до глубины души.

– Вероятно! – ответил Давид. У Фридриха было еще несколько гульденов. Итог своей жизни он уже подвел, и для него было совершенно безразлично, оставит ли он у себя эти деньги или отдаст их кому-нибудь. А этим людям он мог, хотя бы на короткое время, облегчить горькую нужду.

– Где вы живете? – спросил он разносчика.

– На Бригитенауэр, мы там снимаем каморку... Но нас уже гонят оттуда...

– Хорошо, я хочу убедиться, правду ли вы говорите – я пойду с вами на вашу квартиру.

– Пожалуйста! – сказал разносчик. – Но большого удовольствия вы не получите – мы и сидим и, спим на соломе. Я хотел пойти еще в другие кофейни, но если вам угодно, я поведу вас к себе.

Они пошли по Аугартенскому мосту к Бригитенауэр. Давид, тихо шедший рядом с отцом, спросил шепотом:

– Папаша, можно мне съесть кусок хлеба?

– Ешь, ешь! – ответил отец. – Я тоже съем кусок, здесь и для матери хватит.

И отец с сыном стали громко жевать черствые булки.

Они остановились перед высоким, недавно выстроенным домом, от которого сильно несло сыростью и характерным острым запахом свежей постройки. Разносчик дернул звонок. Прошло несколько минут; ни один звук не нарушил тишину. Он опять позвонил и сказал:

– Привратник знает уже, кто звонит и не торопится открывать. Я часто целый час жду у ворот. Это большой грубиян. Когда у меня нет нескольких крейцеров для него, я и звонить не решаюсь.

– Что же вы тогда делаете? – спросил Фридрих.

– Тогда я шатаюсь до утра, пока не откроют ворота.

Фридрих сам взялся за звонок и раза два дернул его изо всех сил. Из-за ворот послышались наконец какие-то звуки, шлепанье туфель, звяканье ключей; в щелях мелькнул свет. Ворота открылись. Привратник поднял фонарь и крикнул:

– Кто это так дергает звонок? Кто это? Жидовское отродье?

Разносчик стал оправдываться:

– Это не я, это господин звонил! Привратник стал ругаться:

– Какое нахальство! Какое нахальство!...

– Молчать, грубиян! – прикрикнул на него Фридрих и швырнул ему серебряную монету, которая со звоном покатила по каменным плитам.

Привратник мгновенно стал ниже травы, тише воды.

– Я не про вашу милость, сударь – я про них... про этих жидов.

– Молчите! – повторил Фридрих, и посветите мне по лестнице.

Привратник нагнулся и поднял деньги. Целая крона! Должно быть, какой-то важный барин.

– Это в пятом этаже – сказал разносчик. – Быть может вы одолжите нам огарочек – заискивающими тоном обратился он к привратнику.

– Вам я ничего не дам – ответил тот – но если господин пожелает...

И он вынул из фонаря огарок свечи, подал его Фридриху и, не переставая ворчать, исчез куда-то.

Фридрих с Литваком и Давидом поднялись на пятый этаж. Огарок оказался не лишним; их окружал глубокий мрак. В комнатке Литвака, с одним окном, то же не было огня, хотя жена его не спала и, сидя на соломенной подстилке, кормила дряблой грудью маленькое плачущее дитя. При тусклом свете огарка Фридрих увидел, что в комнате нет никакой мебели. Ни стула, ни стола, ни шкапа. На

подоконнике стояло несколько пузырьков и разбитые горшки. Картина глубокой, безысходной нужды. Женщина встретила их изумленным тоскливым взглядом.

– Кто это? – испуганно спросила она. – Хороший человек – успокоил ее муж.

Давид подошел к ней.

– Мама, вот хлеб – сказал он и отдал ей сухари. Она с усилием отломала кусок и медленно поднесла его ко рту. Она была очень слаба, худа, но истощенное лицо носило еще следы минувшей красоты.

– Вот здесь мы живем – с горьким смехом сказал Литвак. – Но я не знаю, будем ли мы еще здесь послезавтра. Нам уже отказали от квартиры...

Женщина громко вздохнула. Давид опустился на солому подле матери и прижался к ней.

– Сколько вам надо денег, чтобы вы могли остаться здесь? – спросил Фридрих.

– Три гульдена! – объяснил Литвак. – Гульден двадцать крейцеров за квартиру, а остальное я задолжал хозяйке. Где же я могу достать в один день три гульдена. Придется пойти на улицу с женой и детьми.

– Три гульдена! – тихо и безнадежно протянула женщина. Фридрих опустил руку в карман. При нём было восемь гульденов. Он отдал их разносчику.

– Милосердый Бог! Возможно ли это? – воскликнул Хаим, и по лицу его побежали слезы.

– Восемь гульденов! Ревекка! Давид! Бог помог нам!.. Да будет благословенно имя его.

Ревекка тоже совершенно растерялась. Она привстала на колени и подползла к спасителю. Правой рукой она поддерживала спящее дитя, а левой искала руку Фридриха, чтобы поцеловать ее.

Он резким движением уклонился от ее благодарности.

– Оставьте! Что за глупости! Для меня эти восемь гульденов ничего не значат... Мне все равно, будут ли они у меня или нет. Не посветит ли мне Давид?

Женщина опять опустилась на свою постель и зарыдала от радости. Хаим Литвак шепотом читал древнееврейскую молитву. Фридрих вышел в сопровождении

Давида и стал спускаться вниз. Когда они были уже во втором этаже, Давид, державший свечу, остановился и сказал:

– Господь поможет мне сделаться хорошим сильным человеком. Тогда я уплачу вам долг.

Фридрих тоже остановился, изумлённый словами и твердым серьезным тоном этого малыша.

– Сколько тебе лет? – спросил он его.

– Кажется, одиннадцать.

– Кем ты хочешь быть?

– Я хочу учиться... Много учиться.

Фридрих невольно вздохнул:

– Ты думаешь, что это приносит счастье...

– Да! – сказал Давид – я слышал, что человек, который много знает, силен и свободен. Бог поможет мне и сделает так, чтобы я мог учиться. Тогда я уеду с родителями и с Мариам в Палестину.

– В Палестину? – с изумлением повторил Фридрих.

– Что ты там будешь делать?

– Это наша родина. Там мы можем быть счастливы.

Бедный мальчуган, решительно изложивший в двух словах программу будущего, нисколько не казался ему смешным. Он вспомнил пошлых остряков Грюна и Блау, изощрявших по поводу сионизма свое плоское остроумие. Давид добавил еще:

– И если у меня будет что-нибудь, я верну вам эти деньги.

– Да, позволь, милый мой, ты вовсе не мой должник – сказал Фридрих, улыбаясь.
– Я дал деньги твоему отцу.

– То, что делают для моего отца, делают и для меня. И я за все уплачу – за хорошее и за дурное... – Давид сжал руку в кулак и при последнем слове

энергичным жестом указал на помещение привратника, мимо которого они проходили.

Фридрих положил руку на голову мальчика.

– Да поможет тебе Господь, Бог отцов наших! И он сам удивился произнесенным словам. С далеких дней детства, когда он ходил еще с отцом в синагогу, он не думал больше о «Богe отцов наших». Эта удивительная встреча пробудила в нем что-то родное, забытое, и сердце заняло тоской по глубокой вере юности и невозвратной поре, когда он в молитвах обращался еще к Господу, Богу отцов наших.

Привратник, шлепая туфлями, подошел к воротам.

Фридрих сказал ему:

– Советую вам оставить этих несчастных в покое или вам придется считаться со мной!.. Поняли?

Так как слова эти сопровождались вторичной подачкой, то брюзга в ответ проворчал только «покорно благодарю» и распахнул ворота. Фридрих пожал мальчику руку и вышел на пустынную улицу.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ
ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

IV

В письме, которое Фридрих получил от Н.О.Боди, местом свидания указан был фешенебельный отель на Рингштрассе. В назначенный час он явился туда и спросил мистера Кингскурта. Ему указали номер в первом этаже. Когда он вошел в комнату, навстречу ему поднялся высокий широкоплечий господин.

– Вы доктор Левенберг?

– Да.

– Садитесь, пожалуйста, доктор.

Они сели. Фридрих внимательно смотрел на незнакомца и ждал от него объяснений. Мистер Кингскурт был человек лет пятидесяти, с проседью в бороде, и густыми темными волосами, в которых уже блестели серебряные нити. Он не спеша закурил толстую сигару.

– Вы курите, доктор?

– Нет! – ответил Левенберг.

Мистер Кингскурт осторожно выпустил струйку дыма, внимательно проследил направление волнистой линии, и, когда она совершенно растаяла в воздухе, сказал, не глядя на своего гостя.

– Отчего вам надоела жизнь? – На этот счет я никаких объяснений вам дать не могу – спокойно ответил Фридрих. Мистер Кингскурт посмотрел ему прямо в лицо, одобрительно кивнул головой, смахнул пепел с сигары и сказал:

– Черт возьми, да вы правы. Это меня и не касается вовсе. Когда мы сблизимся с

вами, вы раньше или позже расскажете мне. А тем временем, я сообщу вам, кто я такой. Настоящее имя мое: Кенигсгоф. Я немецкий дворянин. В молодости был офицером, но мне тесно было в военном мундире. Я не выношу чужой воли над собою, хотя бы это была сама кротость и великодушие. Словом, дальше двух лет я не вытерпел... и вышел из полка. Если б я этого не сделал, меня раньше или позже взорвало бы и я наделал бы беды и себе и другим... Я уехал в Америку, назвал себя Кингскуртом и за двадцать лет упорного кровного труда составил себе состояние. И когда я добился этого... я женился... Что вы сказали, доктор?

– Ничего, мистер Кингскурт.

– Хорошо. Вы не женаты?

– Нет, мистер Кингскурт, но... я полагал, что вы объясните мне, в чем состоит этот последний опыт, который вы предложили мне.

– Я подхожу к этому, доктор. Если нам суждено не расставаться с вами, я расскажу вам подробно, как я начал новую жизнь, и какую школу я прошел, пока приобрел свои миллионы. Потому что надо вам знать, я миллионер... Что вы сказали, доктор?

– Ничего, мистер Кингскурт.

– Энергия, доктор, это все! В этом вся суть! Чего человек сильно захочет, то он непременно получит; это верно, как смерть. Я только там, в Америке, понял, как европейцы ленивы и безвольны. Случаю угодно было, чтобы один Кенигсгоф, сын моего брата, набедокурил на службе. Я взял молодца к себе, как раз в то время, когда возымел намерение жениться. Да, я хотел обзавестись домом, семьей, женой, на которую мог бы навешивать драгоценности, как всякий другой выскочка. Мне страстно хотелось иметь детей, дабы я знал, для чего, в сущности, я столько лет тянул лямку труда. Я сделал предложение бедной девушке и, полагал, что начало сделано великолепное. Она была дочь одного из моих служащих. Я много сделал для нее и для ее отца. Она, конечно, сказала – да. Я принял это за любовь, но она согласилась быть моей женой из благодарности или из трусости. Она не посмела мне отказать. И мы поженились, и мой племянник жил у меня. Вы скажете, это было безрассудство – старику жить между двумя молодыми людьми, которые неизбежно должны были встречаться ежедневно. Когда я прозрел, я и сам ругал себя ослом. Но если бы не он, все равно – был бы другой.

Словом, они оба обманывали меня и, вероятно, с первого дня.

Когда я понял это, я первым делом, схватился за револьвер. Но в то же мгновение мне пришла в голову мысль, что ведь виноват я один. И я махнул на них рукой. Пошлость – свойство человеческое, и каждый случай – сводница. Людей надо

избегать или вы всегда рискуете погибнуть из-за них. Ну, вот, видите ли, я потерпел крушение. Приходила мне также в голову мысль, что одной пулей я могу прекратить жалкую комедию жизни. Но застрелиться я всегда успею, подумал я. Дальнейшая нажива, конечно, потеряла для меня смысл. Я утратил всякий интерес к делам... Семейной жизни с меня было довольно. Оставалось еще одиночество, как последний опыт. Но великое, неслыханное одиночество... Ничего не знать о людях, об их жалкой борьбе, об их низости, вероломстве... Истинное, безусловное глубокое одиночество, без желаний, без стремлений... Полное возвращение к природе! Такое одиночество – рай, который люди утратили из-за грехов своих. И я нашел такое одиночество...

– Да? Вы его нашли? – спросил Левенберг, не догадываясь еще, к чему клонит американец.

– Да, доктор. Я ликвидировал свои дела и вторично исчез для всех своих знакомых. Никто не знает, куда я делся. Я выстроил себе отличную яхту и, что называется, в воду канул. Я долгие месяцы шатался по морю. Эти чудесная жизнь на море, надо вам знать. Хотели бы вы познакомиться с ней, или вы знаете ее?..

– Нет, мне не приходилось еще ездить по морю... Но я не преминул бы воспользоваться случаем...

– Отлично, доктор!.. Жизнь на яхте – уже свобода, но еще не одиночество. Необходимо иметь экипаж, надо входить в пристани за углем, опять неизбежные соприкосновения о людьми, а люди грязнят.

Но я знаю один остров в Тихом океане, где возможно полное одиночество. Это маленькое горное гнездо в Кукском Архипелаге. Я купил его и жители Раротонги выстроили мне комфортабельный дом. Здание со всех сторон закрыто горами и совершенно не видно с моря. Да и корабли впрочем редко проезжают там. Остров мой кажется необитаемым...

Я живу там с двумя слугами, немым негром, который еще в Америке служил у меня, и одним таитянином, которого я вытащил из воды в гавани Аваруа... Несчастный бросился в воду из за какой-то любовной неудачи. Теперь я приехал в последний раз в Европу за необходимыми покупками для дальнейшего пребывания там. Мне нужны книги разные, физически приборы, оружие. Провизию мой таитянец доставляет с соседнего обитаемого острова. Каждое утро они с негром переправляются туда в электрической лодке. Все, что нужно, словом, можно за деньги достать в Раротонге, как во всяком другом месте... Понимаете?

– Да... Я не понимаю только, зачем вы это рассказываете мне.

– Зачем?.. Потому что я ищу сожителя, собеседника, чтобы не забыть человеческую речь, и затем, я хочу иметь при себе человека, который закрыл бы мне глаза, когда я помру. Угодно вам разделить со мной одиночество?

Фридрих подумал о минуте и твердо отвечал:

– Да.

Кингскурт весело кивнул головой и добавил:

– Но имейте в виду, что выберете на себя долготетнее обязательство. По крайней мере, пока я буду жив, вы не имеете права нарушить его. Если вы уедете со мной, вам возврата больше нет. И вы должны порвать все нити, связывающие вас с жизнью. Фридрих ответил:

– Меня ничто не связывает. Я совершенно одинок и вполне располагаю своей жизнью.

– Вот такого человека мне и надо, доктор. Фактически вы расстаетесь с жизнью, если пойдете со мной. Вы ничего не услышите ни о добре, ни о зле, совершающемся в этом мире. Вы умерли для мира, и мир умер для вас. Согласны?

– Согласен.

– Тогда мы с вами сойдемся. Вы мне нравитесь.

– Но я должен сказать вам еще, что я еврей. Это вас не смущает?

Кингскурт рассмеялся:

– Слушайте! Ваш вопрос смешон. Вы человек, это не подлежит сомнению. И, по видимому, образованный человек. Жизнь надоела вам, это говорит за благородство ваших вкусов. Там, куда мы едем, все остальное страшно безразлично... Итак, по рукам?..

Фридрих взял протянутую ему руку и крепко пожал ее.

– Когда вы можете быть готовы в путь, доктор?

– В любую минуту.

– Превосходно. Завтра, скажем. Мы поедem в Триест. Там ждет нас моя яхта...

Вам надо, быть может, еще сделать какие-нибудь покупки?

– Я не знаю, какие – сказал Фридрих. – ведь это разлука с жизнью.

– Непременно, доктор! Вам надо, быть может, денег на покупки? Располагайте моей кассой.

– Благодарю вас, мистер Кингскурт. Мне ничего не нужно.

– Нет ли у вас долгов, доктор?

– У меня ничего нет, и я никому ничего не должен.

– У вас нет родных, друзей, которым вы бы хотели оставить что-нибудь?

– Никого!

– Тем лучше! Мы едем, значит, завтра!.. Но мы и сегодня уже могли бы вместе пообедать.

Кингскурт позвонил. Кельнеры по его приказанию накрыли в номере стол и принесли изысканный обед. Дальнейшая задушевная беседа совершенно сблизила их. Фридрих, тронутый откровенностью и доверчивостью Кингскурта, почувствовал потребность рассказать ему что-нибудь про себя. И он в немногих словах изложил ему свою повесть. Когда он кончил, американец сказал:

– Теперь я уверен, что вы от меня не убежите. Несчастливая любовь, мировая скорбь, антисемитизм – этого совершенно достаточно, чтобы и у молодого даже человека явилось желание уйти из мира навсегда! Из мира, где надо жить с людьми... Даже когда вы делаете людям добро, они обманывают вас, терзают вас. Благодетели человечества – величайшие глупцы. Вы не согласны со мною?

– Мне кажется, м-р Кингскурт, что делать добро приятно. Это дает известное удовлетворение. И мне пришла в голову одна мысль. Вы спрашивали меня, не желаю ли я оставить кому либо денег перед разлукой с жизнью. Я знаю одну семью, которая страшно нуждается и очень хотел бы ей помочь... Вы позволите?..

– Это глупо, но отказать вам я не могу. Располагайте своим жалованьем, как вам заблагорассудится. Пять тысяч гульденов довольно?

– О, вполне – ответил Фридрих. – И для меня очень утешительно сознание, что моя разлука с жизнью не совсем бесцельна...

mail.ru	1175
3685153	124

HotLog	
1048159	+143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ
ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

V

Комната Литваков днем имела еще более убогий вид, чем ночью. Но тем не менее Фридрих Левенберг застал этих несчастных чуть ли не в розовом настроении.

Давид стоял у окна, на котором лежала раскрытая книга и читал, уплетая в то же время огромных размеров бутерброд. Отец и мать сидели на полу. Крошечная Мариам играла подле них соломинками.

Хаим Литвак быстро поднялся навстречу своему благодетелю, жена его тоже хотела встать, но Фридрих помешал ей. Он опустился подле нее на колени и приласкал малютку, которая ласково улыбалась ему из своих лохмотьев.

– Ну, как вы себя чувствуете? – спросил Фридрих.

Несчастливая тщетно ловила его руку.

– Лучше, лучше – сказала она – у нас есть хлеб и молоко для девочки.

– И за квартиру мы тоже уплатили – сияя от радости, добавил Хаим.

Давид положил свой бутерброд на подоконник, прижал к груди руки, и остановившись перед Левенбергом, в упор смотрел ему в лицо.

– Что ты так уставился на меня, Давид?

– Я хочу запомнить ваше лицо. Я читал однажды историю про человека, который помог больному льву.

– Андрокл! – улыбнулся Фридрих.

– Он уже много читал, мой Давид – слабым, нежным голосом сказала мать.

Фридрих встал и положил руку на круглую головку мальчика.

– Что же, ты лев, что ли? У Иуды был лев...

– Иуда может вернуть то, что было у него – почти дерзко ответил мальчуган – верю, наш древний Бог еще жив!

Фрау Литвак жалобно воскликнула:

– Боже мой, мы даже стула не можем предложить вам.

– Да и не нужно. Я зашел только проведать вас и передать вам это письмо. Вы его вскрыете, когда я уйду... Это... рекомендация, она пригодится вам в жизни. Вы должны хорошо питаться, фрау Литвак, чтобы вы в силах были вырастить свою дочку и сделать из нее такую же хорошую женщину, как вы сами.

– Дай Бог, чтоб она была счастливее меня...

– А этому милому мальчику доставьте возможность учиться! Дай мне свою руку, мальчуган! Обещай мне, что ты будешь честным человеком!

– Я обещаю вам это.

«Какие удивительные глаза у этого мальчугана!» – думал Фридрих, пожимая маленькую руку. Затем он положил объемистый пакет на подоконник и шагнул к дверям.

– Простите, пожалуйста – остановил его Литвак – это быть может рекомендательное письмо в еврейский комитет.

– Да, конечно – ответил Фридрих. – Оно и там вам пригодится.

Он вышел, и сбежав с лестницы вниз, точно за ним гнался кто-то, быстро вскочил в фиакр, ждавший его у ворот, и крикнул кучеру:

– Скорей, как можно скорей.

Лошади тронули. Минуту спустя из ворот, задыхаясь, выскочил Давид, растерянно посмотрел во все стороны и, убедившись, что благодетеля и след простыл, горько зарыдал. Фридрих видел это в маленькое отверстие в задней стенке

кареты, и был очень рад, что ему удалось избежать излишней благодарности. Эти пять тысяч, вероятно, выручат несчастную семью из когтей нужды.

Кингскурт встретил его громким добродушным смехом:

– Ну что, совершили свое доброе дело, доктор?

– Вы могли бы с большим правом назвать его своим – это были ваши деньги, мистер Кингскурт!

– Ого! От этой чести решительно отказываюсь! Я ни одним крейцером не пожертвовал бы для людей. Я могу мириться с тем, что вы разыгрываете глупую комедию человеколюбия, но я – слуга покорный! Это было ваше жалованье, вы могли распорядиться им по своему усмотрению...

– Пусть будет так, мистер Кингскурт, не все ли равно?

– Вот если бы вы сказали мне, что затеваете какое-нибудь полезное учреждение для собак, для лошадей или других приятных животных – вы, быть может, заинтересовали бы меня и даже увлекли... Но для людей?.. нет, нет, подальше, подальше от них... Это гнилой товар. А пресловутый разум человеческий сводится к гнусности... Как-то я недавно прочитал в газете, что одна старуха все свое состояние отказала кошкам. Составила формальное завещание и распорядилась, чтобы весь ее дом разделен был на столько-то помещений для кошек, для прислуги, ветеринаров и т. д. И безмозглый репортер счел своим долгом добавить, что старуха, вероятно, была не в своем уме. Осел! Это была, несомненно, женщина исключительного ума. И завещание было, конечно, вполне сознательной демонстрацией против человеческого рода, и в частности против жалкой, хищной родни... Животным – да, это я понимаю, только не людям! Вот, доктор, этой старухе я сочувствую всей душой, царство ей небесное!

Это была излюбленная тема Кингскурта, на которую он развивал с увлечением самые неожиданные и неисчерпаемые парадоксы.

Сборы Фридриха Левенберга были не долги. На следующий день он уже был готов. Своей квартирной хозяйке он сказал, что отправляется на прогулку, в горы. И она ответила ему:

– Зимой! Там, говорят, чуть ли не каждый день несчастные случаи.

– Прекрасно! – с грустной улыбкой сказал Левенберг – если я через восемь дней не вернусь, можете заявить в полицию о моем исчезновении. А меня, вероятно, подберут в каком-нибудь ущельи и, надо думать, позаботятся обо мне. Все мои

вещи я завещаю вам.

– Побойтесь бога, доктор! Это грешно так говорить... – Да ведь я шучу! – ответил он

Он уехал с Кингскуртом в тот же день, вечерним поездом. В кофейню на Альзергрунде он больше не ходил и не знал, что маленький Давид Литвак ежедневно караулит его у подъезда до поздней ночи.

В Триестской гавани качалась на волнах нарядная яхта мистера Кингскурта. Они сделали еще кой-какие покупки и в один солнечный декабрьский день снялись с якоря и направили путь на юго-восток.

При других обстоятельствах такая поездка наполнила бы Фридриха восторгом и счастьем. Теперь он ждал от нее лишь возможного облегчения своей безысходной тоски. Человеконенавистничество м-ра Кингскурта проявлялось лишь в парадоксах и философских рассуждениях. На самом деле, это был добродушнейший человек; задушевный и отзывчивый. Когда он замечал, что Левенберг в угнетенном настроении духа, он всячески старался его развлечь и возился с ним, как с больным ребенком.

И Фридрих говорил тогда:

– У матросов, вероятно, сложилось совершенное ложное представление о наших взаимоотношениях. Они бесспорно считают меня хозяином, а вас гостем, которого я пригласил с собой для развлечения. Ах, мистер Кингскурт, право, вы могли бы найти более веселого спутника, чем я!..

– Милый мой, да у меня выбора не мало! – отвечал мистер Кингскурт. – Мне нужен был разочарованный в жизни человек, а таковой не может быть веселым собеседником. Но я вас вылечу. Когда жалкое человечество останется далеко, далеко за нами вы у меня совсем другое запоете. Вы будете такой же довольный и бодрый человек, как и я. Конечно, пока мы не покинем наш благословенный остров. Черт меня побери, если я вас обманываю!

Яхта обставлена была очень удобно, с полным американским комфортом. У Фридриха была такая же отличная каюта, как и у Кингскурта. Общая столовая отделана была с ослепительной роскошью. После обеда, они, обыкновенно, долго сидели за столом, освещенным ровным светом всяческой электрической лампы, и вечера незаметно проходили в занимательных оживленных беседах.

На яхте была и прекрасная библиотека из книг избранных авторов, но к ним никто не прикасался: время всецело поглощалось разнообразными впечатлениями

морского путешествия.

Кингскурт прилагал все свои усилия, чтобы отвлекать Левенберга от печальных мыслей.

При небольшой качке миновали они и остров Крит, как вдруг Кингскурт предложил Фридриху:

– Не хотите ли перед окончательной разлукой с миром, повидать свою родину?

– Мою родину? – с удивлением спросил Фридрих. – Вы намерены вернуться в Триест?

– Боже избави! – вскрикнул Кингскурт. – Перед нами ваша... ваша родина – Палестина.

– А, вот что! Но вы ошибаетесь. У меня нет ничего общего с Палестиной. Я никогда там не был. И она меня не занимает. Мои предки восемнадцать веков тому назад ушли. оттуда. Что мне там делать? Я думаю, только антисемиты могут утверждать, что Палестина наша родина...

При этих словах он вспомнил Давида Литвака и добавил:

– Кроме антисемитов, я слышал еще только от одного еврейского мальчика, что Палестина наша родина. Вы хотели подтрунить надо мною, мистер Кингскурт?

– Порази меня гром, если я хотел обидеть вас. Я совершенно серьезно сказал это. Откровенно говоря, я вас, евреев, не понимаю. Если б я был евреем, я страшно гордился бы этим. А, вы, евреи, стыдитесь своего происхождения. Что же вас удивляет, когда другие вас презирают, присутствующие, разумеется, исключаются...

– Господин фон Кенигсгоф, вы, быть может, антисемит? – с негодованием воскликнул Левенберг.

Он в первый раз и совершенно безотчетно назвал Кингскурта его немецким именем.

Кингскурт улыбнулся.

– Только не волнуйтесь, милый мой! С моей ненавистью ко всему роду человеческому вы примирились... А если я и племя Израилево не обожаю – так сейчас на дыбы! Утешьтесь, миленький... я ненавижу евреев не более и не менее,

чем христиан, магометан и огнепоклонников. Все они ни к черту не годятся! Я вполне сочувствую Нерону: в одну бы голову их всех и отрубить ее одним ударом! Или нет: пусть остаются на земле, пусть поедают друг друга и умирают медленной смертью.

Фридрих успокоился: Конечно, это глупо с моей стороны. ведь то, что вы взяли меня о собой лучшее доказательство вашей терпимости.

– Я вспомнил сейчас – сказал Кингскурт – одно столкновение с одним из ваших соплеменников или единоверцев или – черт меня побери – ну, словом с евреем. Это было в полку. У нас был один вольноопределяющийся... Кон, его была фамилия... Плюгавенький такой... Простите! Этот Кон был несчастный кривоногий малый, самим Богом сотворенный для кавалерии... И вот однажды на уроке верховой езды, я приказал им, мерзавцам, скакать через барьер. То есть, я хотел, что бы они скакали, а они не хотели, или не умели. Барьер был довольно высокий. Ну, я и обращался с ними, как и следует обращаться с такими, прохвостами! Тогда я умел еще ругаться, черт меня побери! Теперь я уже перезабыл... Я и дал им понять отборными такими словечками, что, мол, считаю их самой трусливой дрянью...

И свое раздражение я больше всего вымещал на Коне.

– Что, делишки, векселишки, никак, скорей делаются! – говорю ему. – Еврейчик мой, как вспыхнет, до корней волос и в одно мгновенье перескочил через барьер. Но упал и сломал руку. Прескверно было у меня тогда на душе. И зачем такой дряни чувство достоинства!

– Вы полагаете, что для евреев это излишняя роскошь?

– Ну, полноте... Вы придираетесь к моим словам... Впрочем, если у евреев есть чувство достоинства, зачем они допускают такие издевательства над собой?

– Что же евреи должны делать, м-р Кингскурт?

– Что? Ну, этого я не знаю... Но что-нибудь такое, что сделал мой Кон. Я стал больше уважать его с той минуты.

– Потому что он сломал себе руку?

– Нет, потому что он показал мне, что у него есть сила воли. Если б я был на вашем месте, я затеял бы что-нибудь великое, смелое до безумия – перед чем все враги еврейства остолбенели бы от изумления. Всегда, милый мой, будут предрассудки. Человечество питается предрассудками от колыбели до гроба. И если предрассудки нельзя уничтожить, то надо их победить.. Положительно, в наше

время интересно, верно, быть евреем. Именно потому, что против вас весь мир.

– Ах, если бы вы знали, как это тяжело!

– Верю, верю! Могу себе представить... Ну, как же будет с Палестиной? Давайте, посмотрим ее, прежде чем исчезнем с лица земли.

– Мне все равно, мистер Кингскурт!

Яхта взяла курс по направлению к Яффе.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

VI

Они пробыли несколько дней в древней стране евреев.

Яффа произвела на них тяжелое впечатление. При всей красоте местоположения, общий вид города был удручающий. Жалкая гавань, неудобная высадка. Узенькие грязные улицы, в которых спирало дыхание от вони и какого-то тленного могильного запаха. На каждом шагу пестрая восточная нищета. Оборванные турки, грязные арабы, робкие, забитые нуждой евреи вяло, безнадежно бродили по городу, вымаливая подаяние...

Кингскурт и Левенберг поспешили уехать дальше. Они отправились по отвратительной железной дороге в Иерусалим. Но и на этом пути все говорило о страшном упадке страны.

Плоская, местами песчаная, местами болотистая равнина. Темные нивы, точно спаленные огнем или солнцем. Черные деревушки арабов. Угрюмые туземцы с хищными разбойническими лицами. На улицах, в кучах мусора копошились голые грязные ребятишки.

Вдали, на горизонте, засерели холмы Иудеи. Поезд въехал в долину, закованную в темные обнаженные горы. Ни малейшего следа былой или современной культуры...

– Если это наша страна – с грустью заметил Фридрих – то она в таком же страшном упадке, как и наш народ.

– Да, это ужасно, это прямо гнусно... – горячился Кингскурт. А между тем здесь много можно сделать! Первым делом надо насадить леса. Какой-нибудь миллион молодых елей – они быстро растут – как спаржа. Стране нужна только вода и леса – и перед ней откроется будущее, и кто знает, какая великая будущее.

– Что же вода и лес дадут этой стране?

– Евреев! Черт возьми! Вода и лес приведут сюда евреев.

Была уже ночь, когда они приехали в Иерусалим, дивная лунная ночь...

– Тысяча чертей! Как хорошо! – воскликнул Кингскурт. Он велел остановить экипаж, который вез их с вокзала в отель и сказал комиссионеру:

– Оставайтесь на козлах и скажите вашему кучеру, чтобы ехал за нами шагом. Мы пойдем немного пешком. Доктор, хотите?.. Как называется эта местность?

Коммисионер почтительно ответил:

– Долина Иосафата, господин.

– Да черт меня побери, так она действительно, существует! А я думал это так только... в Библии... По этим самым местам ходил Спаситель!... Доктор! Доктор! Что вы скажете на это!... Ах да!... Но вам... но вашему сердцу эти места тоже что-нибудь говорят. Эти старые стены, эта долина...

– Иерусалим! – произнес Фридрих тихим дрожащим голосом. Он совершенно не мог объяснить себе, почему его так волнуют эти смутные очертания незнакомого города... Быть может, воспоминанья о словах, слышанных в раннем детстве? О молитвах, которые шептал его отец? Картина вечернего пасхального служения вспыхнула в его памяти. Одна из немногих древнееврейских фраз, которые он помнил еще, прозвенела в его душе: «Лешуна або Берушалаим»... Через год в Иерусалиме!... И он увидел себя маленьким мальчиком, идущим в синогогу со своим отцом. Ах! Нет больше веры, нет юности, нет отца...

Перед ним в сказочном лунном сиянии стояли стены Иерусалима. Глаза его подернулись влагой и сердце обожгла горячая волна. Слезы медленно покатались по его щекам. Он остановился.

Кингскурт выразительным жестом приказал кучеру остановиться и беззвучно отошел на несколько шагов от Фридриха, чтобы не мешать его скорбно благоговейному раздумью...

Фридрих глубоко вздохнул и очнулся от грез.

– Простите, м-р Кингскурт, – сказал он – я заставил вас ждать. Я был... я так странно чувствую себя... Я не понимаю даже, что со мной происходит...

Но Кингскурт взял его под руку и сказал необычным мягким тоном.

– Слушайте, Фридрих Левенберг, я вас очень люблю!..

И в великом безмолвии лунной ночи христианин и еврей шли рука об руку к древнему священному Иерусалиму...

Днем вид города был менее привлекателен.

Крики, вонь, мелькание пестрых грязных тканей, суета, беготня оборванных людей в тесных душных улицах, нищие, больные, голодные плачущие дети, визгливые голоса женщин, резкие крики разносчиков.

Некогда царственный Иерусалим глубже пасть не мог!

Кингскурт и Фридрих осматривали знаменитые площади, здания, развалины. Пришли они и в грустную улицу со скорбной стеной древнего иудейского храма. Группа нищих, деловито и назойливо вымаливавших подачки у священных развалин, производила отталкивающее впечатление. . .

– Вы видите, мистер Кингскурт – сказал Фридрих – еврейство, действительно, погибло, и мечтать о возрождении – безумие. От еврейской нации остались только развалины древнего храма.

И сколько бы я ни копался в своей душе с этими жалкими, несчастными, торгующими национальной скорбью – я ничего общего иметь не могу...

Он говорил довольно громко, полагая, что кроме Кингскурта его здесь никто не поймет. Но кроме нищих и проводников перед скорбной стеной стоял еще один человек в европейском платье. На слова Фридриха он обернулся и сказал вполне литературным немецким языком, но с заметным иностранным акцентом:

– Судя по вашим словам, вы еврей или еврейского происхождения.

– Да – с удивлением ответил Фридрих.

– В таком случае позвольте мне заметить вам, что вы очень ошибаетесь – продолжал незнакомец. – От еврейства остались не одни только старые плиты и несчастные попрошайки. В настоящее время еврейскую нацию нельзя судить ни по ее нищим, ни по богачам.

– Я не богач – сказал Фридрих.

– Я вижу, кто вы: вы чужой своему народу. Если бы вы приехали к нам, в Россию, вы убедились бы, что еврейский народ еще существует. Для нас жива еще легенда нашего могущества, мы сохранили еще любовь к прошлому и верим в будущее. У нас самые лучшие евреи, самые образованные остались верны еврейству, как нации. Мы не желаем принадлежать ни к какой другой. Мы остались тем, чем были наши отцы.

– Это очень хорошо! – горячо одобрил мистер Кингскурт.

Фридрих слегка пожал плечами, но сказал еще несколько вежливых слов незнакомцу и пошел с Кингскуртом дальше.

Когда они были на другом конце улицы и огибали угол, они оглянулись. Русский еврей стоял еще перед скорбной стеной, погруженный в беззвучную молитву.

Вечером они опять увидели его в английском отеле, в котором остановились. Он сидел за столом с молодой женщиной, очевидно, дочерью. После обеда они встретились в общей гостиной.

Предобеденный разговор тотчас же возобновился. Русский назвал свою фамилию: Д-р Айхенштам.

– Я по профессии врач – сообщил он. – Моя дочь тоже. – Как? Ваша дочь врач? – заинтересовался Кингскурт.

– Да, она изучала медицину в Париже. Это целая бездна премудрости, моя Саша.

Девушка вспыхнула до ушей.

– Что ты, папа! – скромно отклонила она похвалу.

Д-р Айхенштам провел рукой по длинной седеющей бороде:

– Отчего же не сказать правду... Но мы здесь не удовольствия ради живем. Мы лечим глазные болезни. К прискорбию, здесь тьма больных. Грязь и запущенность мстят за себя. А как хорошо могло бы быть здесь! Ведь эта страна – золотая страна.

– Эта страна? – недоверчиво спросил Фридрих. Но ведь сказка о медовых реках и кисельных берегах – не больше как сказка.

– Нет, это правда! – горячо воскликнул Айхенштам. – Здесь только люди нужны, и тогда все будет здесь.

– Ну! От людей добра ждать нельзя! – решительно вставил Кингскурт.

Саша обратилась к отцу:

– Ты бы посоветовал им посмотреть колонии.

– Какие колонии? – спросил Фридрих.

– Наши еврейские поселения, – ответил врач. – Вы и про это ничего не знаете? Ведь это одно из самых замечательных явлений в современной жизни евреев. В разных городах Европы и Америки образовались общества, так называемые «Почитатели Сиона», с целью создать из евреев здесь, в нашем старом отечестве, земледельцев. В настоящее время есть уже множество таких еврейских деревень. Некоторые богатые жертвователи ассигновали на это дело довольно крупные суммы. Непременно посетите эти колонии, прежде чем оставите Палестину.

Кингскурт сказал:

– Можем осмотреть их, если вам угодно, Левенберг.

Фридрих поспешил согласиться.

На следующий день они отправились в сопровождении Айхенштама и Саши на оливковую гору. В нескольких саженьях от вершины они проезжали мимо нарядной виллы одной английской дамы.

– Видите, – сказал русский еврей, – на старой земле можно очевидно воздвигать современные дворцы. Чудесная мысль – поселиться здесь. Это и моя мечта!

– Или, по крайней мере, глазную лечебницу построить здесь, – сказала Саша с милой улыбкой.

С оливковой горы они любовались видом холмистого города и каменными волнами горного хребта, который тянулся до самого моря.

Фридрих стал задумчив.

– Как хорош, вероятно, был когда-то Иерусалим! Быть может, потому отцы наши и не могли его забыть. Быть может, оттого в них и не умирало желание вернуться сюда?

Айхенштам мечтательно заметил:

– Мне этот вид напоминает Рим. На холмах можно было бы выстроить мировой город, нечто поразительное по величии и красоте! Представьте себе картину, которая открывалась бы отсюда! Великолепнее чем с Гвианикуло! Ах, если бы мои старые глаза еще увидели это!..

– Мы не доживем до этого, – печально сказала Саша.

Кингскурт в душе удивлялся этим мечтателям и, оставшись вдвоем с Фридрихом, заметил:

– Это удивительная пара, отец с дочерью. Так практичны и так наивны. Я представлял себе евреев совершенно другими.

На следующий день они простились с ними и, следуя их совету, поехали в земледельческие колонии. Они осматривали Ришон-ле-Сион, Рехобот и другие поселения, имевшие вид оазисов в этой истощенной местности. Много прилежных рук должны были работать здесь, пока эта пустыня вновь ожила. Они видели прекрасно возделанные поля, превосходные виноградники, роскошные лимонные рощи.

– Все это появилось за каких-нибудь десять, пятнадцать лет, – говорил им представитель колонии Рехобот, к которому Айхенштам дал им письмо. После гонений на евреев в России в восьмидесятых годах и началось это движение. Но есть колонии, несравненно лучше нашей. Например, Катра. Она основана образованными людьми. Они оставили свои книги и стали обрабатывать землю. Таких крестьян нет, вероятно, нигде. Люди с высшим образованием, и пахут, сеют, жнут... – Вот так штука, черт побери! – воскликнул мистер Кингскурт.

Но когда, представитель колонии Рехобот предложил молодым людям сесть на коней, он не находил уже достаточно крепких слов, чтобы выразить свое изумление. Молодежь разыграла перед гостями какую-то дикую арабскую фантазию верховой езды. Сначала они, как стрелы, помчались в поле, распустили своих коней, с криком и гиканьем опять вскочили на них, на всем бегу бросали вверх и ловили шапки, кувыркались, ломались и, наконец, поскакали все в ряд и запели древнееврейский гимн.

Кингскурт был вне себя от восторга.

– Гром, молния и тысяча чертей! Да они скачут, как демоны!

Но Фридриха не занимали эти проявления здоровой жизнерадостности, и он торопил Кингскурта в обратный путь.

Из колонии они той же дорогой вернулись в Яффу. Яхта уже готова была к отъезду, и в последних числах декабря они отчалили от Палестины и взяли курс на Порт-Саид. Здесь они пробыли два дня и поехали дальше через Суэцкий канал. Вечером 31 декабря 1902 года они вошли в Красное море Левенбергом опять овладела глухая гнетущая тоска. В таком настроении он бывал равнодушен ко всему.

После заката солнца Кингскурт позвал его на палубу.

– Сегодня, доктор, мы с вами кутнем. – Взгляните-ка на меню. И несколько серебряных головок нам заморозят!

– Разве сегодня какой-нибудь исключительный день, мистер Кингскурт?

– Да неужели вы не знаете? последний день года. Это вовсе не пустой звук это число – если вообще времяисчисление имеет какой либо смысл...

– Для нас оно не имеет никакого значения – нехотя сказал Фридрих. – Ведь для нас начинается новая жизнь, вне времени...

– Конечно, конечно! А все-таки это прелюбопытный денек. В полночь мы швырнем в море время, и когда, волны унесут век, в который мы присуждены были к жизни, мы будем думать о чем-нибудь великом, прекрасном!.. Я прикажу приготовить хороший пунш!.. Как-никак, это одна из приятнейших вещей в юдоли земной жизни.

И программа была в точности исполнена. Кингскурт пил за десятерых и весь вечер был бодр и свеж и говорил без умолку, тогда как Фридрих после первых же рюмок почувствовал туман в голове, и, когда било двенадцать, уже как во сне слышал слова Кингскурта:

– Полночь! – воскликнул он громовым голосом. – Исчезни, время! Я поднимаю бокал за смерть твою! Чем ты было? Позором, кровью, гнусностью и ложью! Выпьем, человек, муж, изолированный современник!

– Я не могу больше – заплетающимся языком сказал Фридрих.

– Дитя! Встаньте-ка, на цыпочки поднимитесь... Классическая местность. Здесь ваш старый Моисей показал один из своих фокусов... Они прошли море, не замочив ног... верно, тогда был отлив.. А стада фараона пошли за ними и потонули. Ничего удивительного! Попали в прилив... Вполне естественно! Но мне это именно импонирует! Самая простая вещь! Но надо уметь воспользоваться ею! Подумайте только, какое это было жалкое время, и что сумел сделать, тем не менее, ваш

старый Моисей. Если б он теперь опять явился и увидел бы все эти чудеса – железные дороги, телеграфы, телефоны, машины, пароходы, яхты с электрическими рефлекторами. Он ничего бы не понял. И пришлось бы дня три, быть может, все это объяснять, ему... Но после трех дней, он все понял бы. И знаете, что он тогда сделал бы? Расхохотался! Страшно, злобно хохотал бы! Потому что люди не знают, что делать со всеми сказочными открытиями, завоеваниями в области техники, науки!

В отдельных личных, так сказать, случаях мы сознаем, что люди злы. Но при объективном наблюдении, мы убеждаемся, что они только глупы. Безгранично глупы, глупы, глупы!

Мир никогда не был так богат, как теперь, и никогда не было так много бедных. Люди мрут с голоду, а неиспользованные хлеба гниют. Меня это несколько не сокрушает. Чем больше людей погибнет, тем менее останется лживых, бесчестных, вероломных... Фридрих сделал над собой усилие и промолвил:

– А вам не кажется, мистер Кингскурт, что люди были бы гораздо лучше, если бы им легче жилось?

– О, нет! Если бы я так думал, я не бежал бы на пустынный остров, а пошел бы к людям и сказал бы им, научил бы их, что надо делать, чтобы жилось легче, чтоб дышалось вольней! Не через тысячу, сто, пятьдесят лет, мог бы совершиться переворот... Сегодня же! В один день! С теми идеями, знаниями, средствами, которыми человечество обладает сегодня, 31-го декабря, 1902 года можно сделать все! Нет никакой надобности ни в философском камне, ни в воздушных экипажах. Есть же уже все необходимое для того, чтобы создать иную, лучшую жизнь? И знаете, кто должен проложить к ней путь? Вы! Вы, евреи! Именно потому, что вам так плохо живется. Вам нечего терять. Вы могли бы сделать великий опыт, показать пример всему человечеству и там, где мы были с вами... на старой земле, создать новую страну. И это будет вашим возрождением!

Последние слова Фридрих Левенберг слышал уже во сне. Он уснул и убаюканный мечтами плыл на встречу неведомому будущему.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ
ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

КНИГА ВТОРАЯ. ХАЙФА. 1923 ГОД

I

Яхта Кингскурта опять плыла по Красному морю, но в обратном направлении.

Борода и волосы Кингскурта побелели, как снег. И на висках Фридриха уже заблестели первые серебряные нити.

Старик позвал его на палубу.

– Ола! Фритц! Поднимитесь-ка наверх!

– Что скажете, Кингскурт? – сказал Левенберг, выходя из каюты.

– Черт побери! Ничего не понимаю! С тех пор, как мы едем по Красному морю, не вижу почти пассажирских судов. Грузовых много. А, помните, двадцать лет тому назад, в 1902 году. Какое тогда было движение! Ост-индские пароходы, китайские! А эти неуклюжие грузовые суда идут только в африканские гавани и в Мадагаскар. Я спрашивал у этого идиота, у лоцмана, про каждый проходящий пароход. Оказывается, в этих водах теперь нет ни японцев, ни китайцев, ни ост-индийцев: ходят только торговые суда. Очевидно, Англия за эти двадцать лет утратила свои. Индийские владения. Но кому же они принадлежат теперь, черт возьми!

– Спросите у лоцмана, если это вас интересует.

– Ничего больше спрашивать не буду. Приеду в Европу – узнаю. Я не любопытен – а вы, Фритцхен?

– Я тем менее, Кингскурт. Для меня все безразлично. За эти двадцать лет я утратил всякий интерес ко всем событиям вне нашего милого острова. У меня нет в

живых ни друзей, ни родных. О чем мне узнавать? Про кого мне спрашивать?

Кингскурт удобно уселся в глубоком мягком кресле и закурил толстую сигару.

– А ведь пребывание на пустынном острове пошло вам в прок, Фритц! Когда я вспомню только, какой вы были двадцать лет назад, зеленый, худенький еврейчик, с впалой грудью... А теперь – красавец-мужчина, богатырь! Мне кажется, вы теперь опаснейший для женщин человек.

– Вы с ума сошли, Кингскурт! – сказал Фридрих смеясь. – К чести вашей, я хочу думать, что в Европу вы тащите меня не с тем, чтобы меня женить?

Кингскурт громко расхохотался: – Экая скотина! Женить! Дурак я, что ли, по вашему? Чтобы я стал тогда делать с вами?

– Быть может, вы рассчитываете таким путем отделаться от меня. Ведь я вам порядком-таки надоел.

– Эта скотина еще напрашивается на комплименты! – воскликнул старик; чем благодушнее он бывал настроен, тем охотней и сильнее он обыкновенно, ругался. – Вы прекрасно знаете, Фритцхен, что я без вас не мог бы жить больше. И все это путешествие я затеял только ради вас. Чтобы вы развлеклись, и согласились потом провести со мной еще несколько лет.

– Послушайте, Кингскурт, я не умею так крепко выражаться, как вы, но это... это, чтоб не сказать больше...

– Ослиная глупость?

– Нечто в этом роде? Выказал я хоть раз малейшее недовольство? Я был счастлив на нашем острове, совершенно счастлив. Эти двадцать лет прошли для меня, как сон. Слово вчера только, в этом же Красном море, обращались с прощальной речью ко времени? Я никогда не уехал бы с этого благословенного острова, никогда! И теперь вы уверяете меня, что ради меня едете в Европу! И вам не стыдно прибегать к таким уловкам. Вам хочется знать, что делается на свете, вас тянет к людям, вас – но не меня! Лучшим доказательством моего полнейшего равнодушия к миру и к людям, служит то, что я ни разу за все эти годы не брал в руки газет.

– Не говорите глупостей: ведь у нас их не было. Это у меня первое правило нравственной гигиены – не читать газет.

– Вы ошибаетесь! Несколько лет тому назад мы получили посылку из Раротонга.

Все вещи были завернуты в английские и французские газеты. Меня чуть было не одолело искушение прочитать их. Если это даже были старые, очень старые номера – я-то, во всяком случае, мог вычитать в них много нового. Это было в 1917 году и я пятнадцать лет ничего не слыхал о мире, и о людях. Но я собрал все газеты и сжег их, не читая. А вы говорите, что я соскучился по Европе.

Старик ухмыльнулся.

– Ну, раз вы уличили меня во лжи – ничего не поделаешь, надо сознаться. Да, я хочу знать, что стало с гнусным миром? И все так же ли злы люди и глупы, как двадцать лет тому назад?

– Мой добрый Кингскурт, держу пари – мы с радостью уедем опять на наш тихий остров.

– Я даже в этом не сомневаюсь. И за неимением партнера – ваше пари следовательно, состояться не может.

Яхта прошла Суэцкий канал. В Порт-Саиде они сошли на сушу. В гавани шла оживленная выгрузка и нагрузка товаров, но на городских площадях не было уже прежнего оживления и пестрой разнородной толпы, составлявшей когда-то оригинальность этого города. Здесь, в прежнее время, скрещивались пути всех судов, шедших с запада на восток и с востока на запад. Когда-то здесь можно было встретить представителей всех стран, блестящее яркое разнообразие типов, нравов, костюмов. Теперь перед грязными кофейнями болтались лишь редкие группы полупьяных матросов.

Кингскурт и Фридрих вошли в лавку купить сигары. Им показали несколько коробок. Они спросили лучшие сорта. Но лавочник, грек, уныло ответил:

– Не держим. Никто не спрашивает. Хороших сигар здесь некому теперь покупать. Только матросы приходят за дешевыми папиросами да за махоркой.

– Ничего не понимаю! – сказал Кингскурт. – Неужели теперь никто не едет в Индию, в Австралию, в Китай?

– Давным-давно уже едут другим путем.

– Другим путем! – воскликнул Фридрих. – Какой же может быть другой путь? Не вокруг же мыса Доброй Надежды!

Лавочник раздражительно ответил:

– Вам угодно подсмеяться надо мной. Каждому ребенку известно, что теперь в Азию не едут уже на Суэцкий канал.

Кингскурт и Левенберг обменялись изумленными взглядами. Старик проворчал:

– Конечно, это каждому ребенку известно. А мы вот такие невежды и ничего про этот проклятый новый, канал не знаем.

Грек гневно стукнул кулаком по столу:

– Вон убирайтесь! Нашли над кем потешаться! То сигар им дорогих подавай, то о каналах им рассказывай! Вон!

Кингскурт бросился было на грека с кулаками, но Фридрих удержал его и поспешно увел из лавки.

– Очевидно, в нашем отсутствии произошли великие события, о которых мы не знаем, Кингскурт.

– Черт меня побери, – очевидно! Надо разузнать, в чем дело.

Вернувшись в гавань, они обратились с расспросами, к капитану одного немецкого купеческого судна. Сообщение между Европой и Азией поддерживалось теперь другим путем: на Палестину.

– Но разве там имеются гавани, железные дороги? – спросил Фридрих.

Капитан от всего сердца рассмеялся:

– Имеются ли в Палестине гавани и железные дороги? Вы что же с луны свалились? Или вы никогда не видали газет, путеводителей?

– Нет, когда-то видали... Мы и Палестину знаем немного, но как запущенную бедную страну...

– Ха, ха, ха! Запущенная страна! Если вы называете Палестину запущенной страной, то вы должно быть... очень избалованы.

– Послушайте, капитан, – сказал Кингскурт, мы, так и быть, скажем вам всю правду. Мы оба страшные невежды. Мы лет двадцать жили себе в свое удовольствие и ни о чем не думали, ничем не интересовались. Расскажите нам, пожалуйста, что случилось с этой Палестиной?

– О, это отняло бы больше времени, чем поездка туда. Если вы временем своим располагаете, пожертвуйте двумя днями и съездите. Если бы вы пожелали оставить свою яхту, то в Яффе и Хайфе вы найдете самые быстроходные пароходы во все европейские и американские гавани.

– Нет, яхту мы не оставим – но в Палестину съездить можно. А, Фритцхен, вы как полагаете? Давайте, посмотрим опять страну ваших предков.

– Меня так же мало тянет туда, как в Европу. Мне все равно...

И они поплыли в Хайфу.

В яркое весеннее утро, после мягкой теплой ночи, они увидели перед собой побережье Палестины; Оба стояли на капитанском мостке и пристально смотрели в бинокли.

– Я поклясться готов, что это бухта Акка – заметил Фридрих.

– Трудно сказать, – возразил Кингскурт. – Я отлично помню вид этой бухты. Двадцать лет тому назад она была пустынна, безлюдна. Но здесь, направо, никак Кармель, а по ту сторону налево очевидно Акка.

– Как все изменилось! – воскликнул Фридрих. – Положительно, здесь какое-то чудо свершилось.

Когда они подплыли ближе, они стали различать подробности развернувшейся перед ними картины. На рейде между Аккой и подножием Кармеля стояли огромные суда, какие начали строить уже в конце девятнадцатого столетия. За этим флотом выступала красивая линия бухты. На северной вершин Акка поднимались темные здания старо-восточной архитектуры, огромные купола храмов и стройные минареты, прелестно выделявшиеся на воздушном фоне лазури. В общем эта часть побережья мало изменилась. Но на южной стороне, на изгибе береговой линии возникло истинное чудо. Из моря пышной зелени выступали изящные белые виллы. Вся местность от Акки до Кармеля казалась одним роскошным садом, и вершина холма сверкала короной прелестных зданий.

Так как они подъезжали с юга, то выступ горы некоторое время закрывал от них вид гавани и города Хайфы. Но когда и эта картина открылась перед ними, Кингскурт пришел в необузданный восторг и ругался всеми духами преисподней.

Дивный город раскинулся над беспредельной лазурью моря.

Далеко в море тянулся великолепный мол, и путешественники с первого взгляда

убедились, что перед ними прекраснейшая, лучшая гавань на всем Средиземном море. Корабли всевозможных типов и размеров красовались в этом удобном надежном убежище.

Кингскурт и Фридрих не могли придти в себя от изумления.

На той морской карте, которую они знали и намека не было на эту гавань. Точно волшебством каким-то создалась она у этих берегов. Очевидно, мир эти двадцать лет не дремал.

Яхта стала на якорь. Они пересели в лодку и сквозь строй судов, шум, гул и веселый говор матросов подъехали к пристани.

В ту же минуту какой-то господин спускался в электрическую шлюпку, которая, очевидно, его ждала. При виде Кингскурта и его спутника, он остановился; как вкопанный и, широко раскрыв глаза, уставился на Фридриха.

Старик заметил это и проворчал:

– Что это с ним? Должно быть никогда культурных людей не видал!

Фридрих улыбнулся:

– Ну, это трудно предположить. Эти люди как будто культурнее нас с вами. Вернее, у нас вид не вполне современный. Поглядите-ка наверх – какая красота! Какие изящные костюмы! И я думаю, наши платья вышли уже из моды!

Они сказали лодочнику, чтоб он подождал их на том же месте и пошли по лестнице вверх, в город, об оживлении и великолепии которого они уже на набережной получили некоторое представление. О незнакомце, так странно и пристально разглядывавшем их, они совершенно забыли. Но он шел за ними. Он старался уловить звуки языка, на котором они говорили. Наконец, подошел совсем близко, опередил их шага на два и остановился перед ними.

– Милостивый государь! – сказал Кингскурт, – что вам нужно от нас?

Незнакомец, не отвечая ему, обернулся к Фридриху и спросил мягким, дрожащим от волнения голосом:

– Вы доктор Фридрих Левенберг?

Фридрих вздрогнул от изумления, услышав свое имя в этом чуждом далеком городе, и ответил:

– Да, это я.

Тогда незнакомец бросился к нему на грудь и горячо расцеловал его в обе щеки. Затем он отступил на шаг и вытер слезы, дрожавшие на его ресницах. Это был цветущий стройный молодой человек лет тридцати со смуглым лицом, обрамленным небольшой черной бородкой.

– А вы кто? – спросил Фридрих, придя в себя от бурного приветствия.

– Я! Вы наверно забыли меня. Мое имя – Давид Литвак.

– Маленький мальчик из кофейни на Альзергрунде?...

– Да, доктор... Тот самый, которого вы спасли когда-то от голодной смерти...

– Ах, не говорите об этом – прервал его Фридрих.

– Напротив! Мы еще много будем об этом говорить. Своим положением, своим настоящим, всем, всем я обязан вам... Но к этому мы еще вернемся... Пока же вы мой гость, и если этот господин ваш друг, то я буду счастлив видеть его у себя.

– Это мой лучший единственный друг в мире – мистер Кингскурт.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Ш

Фридрихсгайм представлял собою высокий приветливый замок, окруженный большим парком. Перед белым крыльцом лежал огромный каменный лев. И Фридрих опять вспомнил слова маленького сынишки разносчика, когда зашла речь про льва Иегуды. Мальчуган сказал тогда: Иегуда опять может вернуть то, что было у него. Наш старый Бог еще жив!.. И мечта его исполнилась...

Когда Давид с своими гостями вошел в ворота, привратник нажал кнопку звонка, и на крыльце их встретили два лакея.

– Попросите барыню и барышню вниз – распорядился Давид, и один из лакеев тотчас пошел вверх по широкой устланной коврами лестнице. Второй лакей распахнул перед гостями двери из светлого обширного вестибюля в гостиную. Они вошли в большую высокую комнату, украшенную великолепными произведениями искусства. Стены обтянуты были розоватым шелком; живописными группами стояла мебель тонкой художественной работы. С потолка, играя золотом и хрусталем, спускалась электрическая люстра. В зеркальные стекла окон широкими волнами вливался яркий свет. За окнами мягко зеленела лужайка с цветочными клумбами вплоть до мраморной балюстрады, за которой ласково голубело безбрежное море; По обеим сторонам входной двери стояли два серебряных канделябра величиною в человеческий рост. В узком простенке висела большая картина, изображающая старика и старуху в простых темных платьях...

– Это мои родители! – сказал Давид, заметив, что Левенберг смотрит на картину.

– Я никоим образом не узнал бы их ответил Фридрих улыбаясь.

– А это кто? – он указал на висевший над камином писанный масляными красками портрет молодой женщины поразительной красоты.

– Это сестра моя, Мириам. Вы сейчас же убедитесь, схож ли портрет с оригиналом.

В то же мгновение в дверях показалась Мириам и цветущая молодая женщина, жена Давида.

– Сара, Мириам – взволнованным голосом обратился к ним Давид. – У нас дорогой неожиданный гость, и этот день принес мне величайшую радость в моей жизни. Угадайте, какое счастье послала нам судьба! Угадайте, кого вы видите перед собою! Того, кого мы считали умершим, нашего благодетеля, нашего спасителя.

Дамы с недоумением смотрели на гостей.

– Неужели... неужели Фридрих Левенберг? – нерешительно спросила молодая девушка...

– Он сам. Мириам! Он сам! Вот он!

Она быстро подошла к гостю и протянув ему обе руки, радостно и сердечно приветствовала его, как старого доброго друга.

Ему и странно и отрадно было слышать свое имя в этих милых девичьих устах. И ему показалось на миг, что это все сон, что он в грезах очутился в этом волшебном месте, среди этих чудесных людей.

– А это мистер Кингскурт, друг доктора, следовательно и наш друг и драгоценный гость. Давид в нескольких словах рассказал дамам, как он в гавани обратил внимание на двух иностранцев и тотчас узнал Фридриха. Он мальчиком еще глубоко запечатлел в своей памяти его черты, и к тому же Фридрих в сущности мало изменился. В отель, разумеется, они ни в каком случае не переедут, весь его дом в их распоряжении.

Сара хотела тотчас же проводить гостей в отведенные им комнаты. Но Давид не хотел ни на минуту расставаться с ними и сам повел их наверх.

– Пойдемте! Я хочу вам показать молодого человека, которого также зовут Фридрихом.

Все пятеро поднялись в первый этаж. Перед последней дверью в коридоре Давид остановился.

– Здесь помещается сия особа – сказал он с счастливой улыбкой.

Это была большая белая комната. Посередине восседал на высоком детском стуле

румяный, толстощекий мальчуган. Он сбросил с ножек туфельки и усердно болтал толстыми ножками, надеясь очевидно, таким способом сбросить и чулочки. Перед ним стояла пожилая няня с тарелкой молочной каши, и ребенок плескал по ней ложкой, считая это занятие, вероятно, и важнее и занимательнее самого процесса еды.

– Этот глупыш – мой сын Фридрих – честь имею представить! – сказал Давид, и в первый раз еще гости уловили в его голосе горделивые нотки.

Но Фридрих младший уронил ложку. Внимание его всецело поглотила белая борода Кингскурта. Он радостно вскрикнул и потянулся к старику обеими ручонками, Кингскурт протянул ему указательный палец, и малыш решительно и крепко ухватился за него.

Все направились обратно к двери, только Кингскурт не трогался с места.

– Что же вы, мистер Кингскурт!

– Да, этот озорник меня не пускает! – ответил он, видимо польщенный вниманием малыша, и битый час еще пробыл в его комнате..

С этого мгновенья между старым человеконенавистником и юным Литваком завязалась тесная дружба. В какой форме проявлялось взаимное расположение, никто о точности сказать не мог, потому что ребенок говорить не умел, а Кингскурт, отчаянно ругаясь, уверял, что никакой нежности к ребенку не питает. Но потом из сообщений предательницы-няни узнали, что Кингскурт часто прибегал в детскую, когда знал, что никого там не застанет и проделывал перед мальчиком самые невероятные штуки. Сажал его к себе верхом на плечи и скакал с ним по комнате, или ложился на пол, и изображал собою мост, по которому малыш шествовал с шумной радостью. Когда же ребенок капризничал, Кингскурт делал какие-то странные прыжки, должно быть, европейские танцы и пел старинные немецкие песни, причем делал заметные усилия, чтобы придать своему резкому голосу приятную благозвучность.

В первый день своего знакомства с мальчиком, Кингскурт явился к обеду с смущенным лицом. Но его тайные опасения оказались напрасными. За столом все время шел перекрестный оживленный разговор о Палестине, и его внезапная слабость к ребенку этот раз не подвергалась обсуждению.

Они сидели в изящной, выложенной деревом столовой, и с аппетитом ели вкусный обед. Вина привели Кингскурта в отличное расположение духа. Он тут же к изумлению своему узнал, что это исключительно палестинские вина и частью из виноградников Давида. Еще в восьмидесятых годах прошедшего столетия местные

колонисты начали культивировать здесь виноград. Они разводили самые лучшие дорогие сорта, которые все отлично привились.

Мириам, извинившись перед гостями, встала из за стола, до окончания обеда. Ей надо было уходить в школу.

Когда она вышла, Давид ответил на вопрос Левенберга:

– Да, Мириам учительница. Она преподает в женской гимназии. Ее специальность: французский и английский языки.

Кингскурт грубовато заметил:

– Вот как! Она принуждена, бедная, давать уроки. В этих словах был прозрачный укор Давиду, на который он ответил с добродушной улыбкой.

– Она не ради хлеба делает это. Настолько-то я, слава Богу, обеспечен, чтобы сестра моя ни в чем нужды не знала. Но у нее есть обязанности, которые она и исполняет, потому что у нее есть и права. В нашей новой общине женщины и мужчины совершенно уравниены в правах.

– Черт побери!

– Право голоса им, разумеется, предоставлено. Они работали рука об руку с нами при созидании новых учреждений, и их страстное отношение к делу окрыляло и вдохновляло мужчин. С нашей стороны было бы черной неблагодарностью замкнуть их интересы в пределах семейной только жизни или позорного сераля.

– Вы говорили по дороге – вставил Левенберг, – что Решид-бей член вашей общины. Ваши слова подсказывают мне один вопрос.

– Я его угадываю, доктор.

Мы никого не принуждаем вступать в нашу общину, а для членов вовсе не обязательно пользоваться своими правами. Это всецело предоставляется на их усмотрение. Разве вы и в старой Европе не знавали людей, которые нисколько не интересовались выборами и никогда не решились бы подойти даже к урне? Так же обстоит дело с избирательным правом женщин в нашей общине. Вы не думайте только, что семейные, материнские обязанности страдают от общественного положения женщин. Моя жена, например, никогда не бывает ни в одном собрании.

– В этом только Фритцхен виноват – сказала Сара, улыбаясь. Кингскурт представил себе детскую, с толстощекимым шалуном и мечтательно заметил;

– Да, я думаю... Давид продолжал:

– Сара сама кормила нашего мальчика и, благодаря этому обстоятельству, немного отстала от общественных интересов. Раньше она принадлежала к радикальной оппозиции. Я и познакомился с ней, как с противницей. Теперь она только дома делает мне оппозицию, но, разумеется, самую мирную.

Кингскурт громко расхохотался.

– Да это чертовски остроумный способ сближения с оппозицией. И как это упрощает разные политические конфликты...

– Женщины у нас настолько благоразумны продолжал Давид, – что не жертвуют собою и своим личным счастьем во имя общественных интересов. Да в нормально устроенной общине и надобности в этом нет. Правоспособность женщин определилась еще в прошедшем столетии. Во многих странах женщины уже пользовались правом голоса и допускались в качестве избирателей и выборных в разные общества. Они проявили много деловитости и серьезного отношения к делу. Словом, опыты предоставления женщинам прав удались вполне и мы, конечно, не преминули воспользоваться ими. Впрочем, у нас политика ни для женщин, ни для мужчин не существует, как занятие или призвание. От этого зла мы сумели себя оградить.

Мы тотчас распознаем людей, которые рассчитывают жить не трудом, а краснбайством; мы их презираем и стараемся обезвредить их. И в судебных разборах слова «профессиональный общественный деятель» квалифицируются, как оскорбление чести. Один этот факт, кажется, достаточно характеризует наш общественный строй.

– Как же вы распределяете общественные должности? Ведь судя по зданиям, которые вы показывали нам, и у вас, очевидно, должны быть разные должности, раз имеются общественные учреждения.

– Конечно. У нас есть платные и почетные должности. На первые назначаются обыкновенно люди, по характеру своих профессиональных знаний пригодные для исполнения тех или иных обязанностей. Приверженцы партий, каких бы то ни было, в общественные учреждения, в качестве ответственных служащих не допускаются, и чиновники не имеют права принимать участие в публичных прениях общественно-политического характера. Что касается почетных должностей, то в этом отношении мы придерживаемся чрезвычайно простой системы. Мы со всевозможной деликатностью обуздываем политический пыл разных честолюбцев и карьеристов, и на почетные должности приглашаем лиц,

которые совершенно их не добиваются. Мы все ставим себе в гражданский долг отмечать истинные заслуги и охранять нравственные устои нашей общины. Нынешний президент наш – старый русский окулист. Он очень неохотно принял эту честь, так как принужден был отказаться от своей практики.

– Разве она была так доходна? – спросил Кингскурт.

– О, нет, он лечил преимущественно бедных. Он передал свою практику дочери. Она тоже очень знающий врач. Теперь она заведует глазной лечебницей. Чудесная женщина. Не вышла замуж и всю свою жизнь посвятила бедным больным. Она представляет собою блестящее доказательство огромной пользы, которую могут приносить в разумно устроенном обществе старые девушки, одинокие женщины. Когда-то их вышучивали, тяготились ими. У нас они подвизаются на многих поприщах, на пользу себе и другим. Вся общественная благотворительность в руках таких женщин. И в деле благотворительности мы ничего нового не создали. Мы только усовершенствовали существовавшие уже в Европе типы учреждений и централизовали их. Больницы, санатории, детские сады, летние колонии, дешевые кухни, словом, все благотворительные учреждения, какие вы знавали уже в Европе, объединены у нас общим управлением. Благодаря такой организации есть возможность помочь каждому нуждающемуся, каждому больному. Правда, у нас к благотворительности не предъявляются такие тяжелые требования, как в европейских странах, потому что у нас экономическое положение народа гораздо нормальнее. Но и у нас есть нуждающиеся, потому что совершенно пересоздать людей мы, конечно, не могли. Слабости, беспечность, вольные и невольные проступки и у нас, конечно, не проходят безнаказанно. Мы больным помогаем медицинским уходом, а нуждающимся – доставкой работы. У нас каждый гражданин имеет право на работу, следовательно, и на хлеб, Но зато он сознает и исполняет свой долг труда. Нищенства у нас не допускается, и здоровый человек, протягивающий руку за подаванием подвергается, в виде наказания, самой тяжелой черной работе. Неимущий больной должен только сделать заявление в благотворительный комитет. В помощи никогда никому не отказывают. Все больницы соединены, разумеется, телефонами с главным госпиталем и, благодаря своевременным переговорам, предотвращается возможность отказа больному в приеме, за неимением свободных кроватей. У нас немыслимо, например, чтобы больной скитался из одной больницы в другую, как это бывало в прежнее время в Европе. Если больница переполнена, то во дворе имеется дежурная карета, которая отвозит больного в ближайшую больницу, где место его уже ждет.

– Но, ведь, это требует, вероятно, огромных затрат? – сказал Фридрих.

– Нет. Целесообразным распределением сумм государственного бюджета достигается большая экономия. Европейские страны уже в конце прошедшего и начале нынешнего столетия были достаточно богаты, но там не было системы, не было разумной организации. Европа была переполненной сокровищницей, в

которой могло не оказаться, например, такой простой вещи, как суповая ложка, если бы в ней встретилась надобность. Люди не были ни глупее, ни хуже нас или, если хотите, мы несколько не умнее и не лучше тех людей. Причина успеха нашего социального опыта совершенно другая. Мы создали наше государство, так сказать, помимо исторических, наследственных традиций. Правда, мы воспользовались плодами многовекового политического опыта, но все общественно-политические учреждения мы значительно видоизменили и обновили. Народы с непрерывной государственной жизнью должны нести бремя, которое взяли на себя их отцы. Мы от этой необходимости избавлены. Возьмите, например, государственный бюджет в какой-нибудь знакомой вам европейской стране. Какую огромную статью составляют проценты и погашения давно просроченных долгов. Наше новое государство с самого начала очутилось в более благоприятных условиях. Я подробно ознакомлю вас с экономическим строем нашей страны. Теперь я отвечаю только на ваш вопрос о расходах на благотворительные учреждения. Хотя эти учреждения оказывают безусловно всем больным и нуждающимся своевременную, целесообразную помощь, они обходятся нам все-таки несравненно дешевле, чем в бывшее время Европе. Расходы на постройку зданий и обзаведение ассигнуются из общественных сумм, как это и прежде делалось в культурных странах, если, конечно, расходы не покрываются кружковыми сборами и частными пожертвованиями. Затем, служащий персонал, кроме заведующих учреждениями, у нас даровой. Все члены Новой Общины, мужские и женские, обязаны посвящать два года общественной службе. Но к исполнению своих обязанностей они допускаются только по окончании своего образования, в возрасте от восемнадцати до двадцати лет. И надо вам знать, что для детей наших членов обучение обязательно и притом со включением университетского курса. Таким образом, благодаря этой двухлетней общественной службе, в нашем распоряжении огромная армия даровых интеллигентных работников, которые исполняют в благотворительных учреждениях самые разнообразные обязанности. Жалованье, как я вам уже говорил, получают очень немногие.

– Я понимаю – сказал Фридрих. – Ваша армия состоит из действительных офицеров и добровольцев.

– Допускаю это сравнение, – ответил Давид. – Но это не больше, как красивое сравнение. В нашей общине боевой армии нет.

– Ой, ой! – насмешливо протянул Кингскурт. Давид улыбнулся.

– Чего вы хотите, мистер Кингскурт! Совершенства нет на земле; нет его и в нашей общине. У нас нет государства, как у европейцев в ваше время. Мы составляем общину из граждан, которые путем труда, знаний стараются создать себе светлую радостную жизнь. У вас обращают большое внимание на физическое развитие подрастающего поколения. У нас много гимнастических стрелковых обществ, какие уже были много лет назад у швейцарцев. Культивируем и разные

виды английского спорта: крокет, гонки, футбол. Все это мы переняли от Европы. Когда-то еврейские дети были бледные, хилые, робкие. А теперь!.. И эта поразительная перемена объясняется чрезвычайно просто. Из подвалов, из лачуг, из зараженных нуждою помещений мы вытащили их на свет Божий. Растения гибнут без солнца, люди тоже. Растения можно спасти, пересадив их на родную почву, людей тоже. Евреи очутились на родной почве и они ожили. Фридрих Левенберг задумчиво сказал:

– Слушая вас и припоминая то, что вы нам показали и обещаете показать – приходится верить, что это не утопия, что это действительность. Я начинаю понимать и размеры, и характер вашей общины. Все это меня пока не поражает. Меня другое смущает. Я допускаю даже, что вы нас ничем невиданным не удивите, потому что приблизительно в тех же чертах мы видели эти формы общественно-политической жизни в Европе. Но я гляжу и слушаю – и не понимаю... не понимаю, как это могло случиться. Как бы мне выразиться ясней? Я понимаю настоящее положение, но каким путем вы добились его? Этот переход от того положения еврейства, которое я знал, к теперешнему – для меня совершенно непонятен. Если бы сегодня явился на свет, просто, без рассуждений, взглянул бы на весь этот порядок вещей, словом, отнесся бы к нему так, как в свое время относился к существовавшему тогда порядку вещей. Быть может, если бы я тогда вернулся в Европу после двадцатилетнего отсутствия, мне и там многое показалось бы странным, невероятным. Если бы мы, например, уехали в 1880 году и вернулись в 1900, нас, наверно, еще больше поразили бы такие завоевания в области науки, как электричество, телефон, фонограф и проч. Вы же ничего нового нам, кажется, показать не можете, и все таки... Я не верю своим ушам, своим глазам. Для меня этот переход – тайна, загадка.

– Об этом мы еще много будем говорить, – ответил Давид. – Я расскажу вам историю моей жизни, в которой вы сыграли такую значительную роль. Только не здесь, не теперь. Вы устали с дороги. Отдохните первым делом. Вечером, если вам угодно будет, мы пойдем в какой-нибудь театр, в оперу или в немецкий, английский, французский, итальянский, испанский театр!

– Черт побери! – воскликнул Кингскурт, – и все это имеется здесь! Как в Америке, в мое время! Там тоже гастролировали артисты из всех стран света. Но найти такое обилие развлечений здесь...

– Нисколько не удивительно. Из Европы сюда гораздо ближе, чем в Америку. Многие, наконец, потому уже ездят в Палестину, что не переносят морской болезни. Сеть мало-азиатских дорог, начатая еще в прошлом столетии, давно уже проведена. Теперь идут поезда в Дамаск, Иерусалим, Багдад. С тех пор, как закончен железнодорожный мост через Босфор, можно ехать в Иерусалим без пересадки из Петербурга, Одессы, Берлина, Вены, Амстердама, Кале, Парижа, Мадрида, Лиссабона. Все европейские экспрессы примыкают к иерусалимским, а

палестинские ветви соединяются с египетскими и североафриканскими. Северо-южноафриканская линия, которой очень интересовался германский император еще в девяностых годах, и сибирская дорога к границам Китая дополняют эту железнодорожную сеть Европы. Мы находимся на отличном пункте этой сети.

– Штука, черт возьми!

– Дороги вы уже видели. В этом тоже ничего удивительного нет. Русско-китайская дорога была уже двадцать лет тому назад готова, багдадская строилась, Нильско-Капская проектировалась. Было бы чему удивляться, если б Палестина, при своем положении в центре скрещивающихся дорог между Европой, Азией и Африкой, еще дольше оставалась бы в тени.

– Нет, дорогой хозяин, я не этому удивляюсь. Меня удивляет то, что... я не решаюсь даже сказать... то... что вы, евреи, сделали это. Вы не обижаетесь на меня?

Фридрих заметил:

– Откровенно говоря, я тоже постичь этого не могу. От нас, евреев, я ничего подобного не ждал. Давид спокойно ответил:

– Только евреи могли это сделать. Только мы. Только мы в силах были создать это государство и этот центр международного общения. Наша трагическая судьба, наши нравственные страдания были так же необходимы для этого, как наш экономический опыт и наш космополитизм. Но довольно на этот раз. Отдохните, развлекитесь. Завтра по пути в Тибериаду мы вернемся к нашему разговору.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

IV

С момента приезда в Хайфу, о дальнейшем путешествии в Европу не было еще речи.

Фридрих Левенберг, правда, из деликатности предложил своему другу продолжать путь, полагая, что его вряд ли может искренне интересовать судьба еврейского народа. Но старик решительно заявил, что останется до тех пор, пока не заметит, что им тяготятся. С еврейством произошла удивительная метаморфоза. И это д-р Левенберг может равнодушно относиться к своему народу, а у него, Кингскурта – сердце не каменное...

Словом, когда с яхты пришел штурман, Кингскурт заявил ему, что он остается в Хайфе, велел ему доставить вещи в Фридрихсгейм и экипажу дать полную свободу.

Комнаты, отведенные гостям в Фридрихсгейм, были смежные. Кингскурт стоял в нижней рубахе на пороге общей двери и, широко жестикулируя, резюмировал все виденное и слышанное до сих пор. Фридрих сидел в удобном глубоком кресле и мечтательно смотрел в открытую балконную дверь на море. Более красивую местность он представить себе не мог. И какие чудные люди обитали в этом изящном уютном доме! Давид, уравновешенный и энергичный, уверенный в своих силах и скромный в то же время. И рядом с ним его жена – прелестное воплощение молодого счастливого материнства. А эта милая, благородная девушка, с таким трогательным увлечением отдающая свое время серьезному трудному делу. Когда-то у молодых девушек из богатых еврейских семейств были совершенно другие интересы. После долгих лет, он вспомнил об Эрнестине Леффлер, которую так безумно любил и благодаря которой так легко расстался с жизнью. Могла ли бы Мариам согласиться на такое замужество, как Эрнестина? И он невольно улыбнулся неожиданности этой мысли. Конечно, нет, это была другая девушка и весь их круг резко отличался от несимпатичного круга Леффлеров. Кто знает, не лучше ли было бы тогда, честнее, достойнее – работать и бороться, чем трусливо бежать от жизни?

– Кингскурт! – закончил он вслух свои размышления. – Кажется, наша яхта взяла неверный курс, когда мы уезжали искать этот блаженный остров. Как я провел двадцать лучших лет жизни?... Охотился, удил рыбу, ел, пил, спал, играл в шахматы...

– Со старым ослом, а?... – обиженным тоном буркнул Кингскурт.

– Я за ваши слова не отвечаю, – смеясь, ответил Фридрих. – Без вас я не мог бы и не хотел бы жить. Но жаль, жаль, что годы прошли так бесплодно. Жизнь шла вперед, совершалось великое мировое событие, а я в нем никакого участия не принимал, своей лепты труда не внес...

– Вот так раз! Человек пробыл двадцать лет в моей школе и еще носится с такими бреднями! Да скажите прямо, чего вы желаете вступить в Новую Общину.

– Я этого не говорю, потому что мало еще знаю ее.. Во всяком случае, в ней, кажется, менее непривлекательных сторон, чем в том обществе, от которого мы бежали.

– Конечно! Конечно! Сделайте одолжение, примыкайте к этому обществу! – Горячился Кингскурт. – Я и без вас могу уехать, и сделаю это преспокойнейшим образом уеду...

– Не волнуйтесь только, Кингскурт! Я не останусь здесь дольше вас...

– И вы говорите это...

– Вполне серьезно... И будьте спокойны, я не вступлю в эту общину. Разве в том случае...

– Если бы?.. – Если бы, – протянул Фридрих, улыбаясь своей мысли, – если бы вы тоже вступили.

Левенберг давно уже не слышал такого хохота.

– Фритц, ха, ха, ха, что... что вы сказали? О-го, о-о, ха, ха, ха... – заливался Кингскурт, корчась от смеха. – Я член еврейской общины! Я, Адальберг фон Кенигсгоф, христианин, прусский офицер, потомок старинного дворянского рода! Ну, Фритц, это... это великолепно, ха, ха, ха!

– Прусский юнкер заговорил в вас?...

– А вы сейчас же и в обиду? На мой взгляд, вы исключение... Но исключения, ведь обобщать нельзя!...

– А в чем вы можете упрекнуть Давида Литвака? – Ни в чем! Кажется, очень толковый малый...

Разговор прерван был стуком в дверь. Хозяин дома пришел осведомиться, как они решили провести вечер; желают ли они отправиться в театр или в концерт, и указал им на последней странице газеты длинный список зрелищ.

Кингскурт, не глядя на газету, спросил:

– А этой лжи еще много на свете?

– Столько, сколько читатели требуют...

– Значит, очень много! – презрительно сказал Кингскурт.

– Да как вам сказать? Артельные газеты в общем, правдивы и вполне приличны.

– Какие газеты?!

– Артельные. При нашем мутуалистическом экономическом строе и ежедневные газеты, разумеется, должны были получить такой же характер.

Кингскурт прервал его:

– Погодите, погодите! Не так скоро. Какой у вас экономический строй?

– Мутуалистический. Не представляйте себе только, пожалуйста, каких-нибудь строгих правил, драконовых законов, постановлений, вообще ничего тяжелого, сухого, доктринерского... Это самый безобидный и отлично привившийся способ ведения государственного хозяйства. И это уже было в ваше время, как и многое другое, что вы видите у нас. Были разные промышленные и земледельческие артели. Все это имеется теперь и у нас. Вся заслуга нашей Новой Общины лишь в том, что она содействовала образованию и успеху артелей кредитом и, что еще важнее, руководством масс. В науке прошедшего столетия значение артелей было и выяснено и оценено. В практической же жизни артели редко налаживались, потому что члены артели не имели материальной возможности дожидаться успеха, который раньше или позже, но должен был придти. Кроме того, им приходилось вести борьбу с тайными и открытыми противниками, интересы которых страдали от успешного развития артелей. Торговцы съестными припасами опасались конкуренции потребительных обществ; мебельные фабриканты видели своих

врагов в столярных артелях. И общественная косность, и стачки, и всякие экономические кризисы тормозили развитие артелей. А между тем, ведь это средняя форма между индивидуализмом и коллективизмом. Отдельная личность не лишается привилегий частной собственности, и в то же время имеет возможность в союзе с товарищами бороться с подавляющей силой капитала. У нас бедные люди не могут роптать, что, производя, они зарабатывают меньше капиталистов и, истребляя, платят дороже их. У нас барыш на съестных продуктах немыслим. У нас хлеб так же дешев для бедных, как и для богачей. В прежнем обществе тысячи торговцев разорились бы при таком условии. Мы же сразу учредили потребительные общества, и торговцев старого типа у нас вовсе нет. Вот опять преимущество отсутствия традиций, прошлого в нашей стране. Для того, чтобы помочь бедным, у нас никакой надобности не было кого бы то ни было разорять, нарушать чьи либо интересы.

– Но газета? – спросил Фридрих. – Мы говорили о газетах. Каким образом могли создаваться артельная газеты! Они принадлежат нескольким издателям, редакторам, что ли?

– Очень просто. Артельная газета принадлежит подписчикам. Подписная плата – это взнос членов, которые на самую газету никаких притязаний не предъявляют. Чем шире круг читателей, тем значительнее доходы от объявлений. И эти доходы принадлежат читателям или, по крайней мере, подписчикам, и в конце года членам артели рассылаются отчеты. Так что, при полном успехе дела, подписчики целиком получают обратно свои взносы. Но бывали случаи, когда они и больше получали.

– Черт побери! Прямо, невероятно! – воскликнул Кингскурт. – За усердное чтение газеты выдается, значит, премия.

– Да разве вы никогда не слыхали, какие доходы приносили газеты в Европе и в Америке? Газеты даже дешевели, хотя расходы на телеграммы, корреспонденции и гонорары достигали баснословных цифр, а издатели богатели, разумеется, на счет подписчиков. У нас же львиная доля издателя распределяется между членами газетной артели. Редакция – это заведующий делом выборный комитет, и, уверяю вас, она и шире понимает свою задачу, и серьезнее относится к своим обязанностям, чем журналисты в старой Европе. Она собственно и зарабатывает деньги для подписчиков, и в этом каждый легко может убедиться. Читатели выражают редакции свою признательность за прекрасные симпатичные статьи, которые поджимают умственный и нравственный уровень народной массы. Наши газеты неустанно дополняют народное образование, они поучают, но и развлекают в то же время; они служат практическим потребностям взаимного общения, торговли и промышленности не менее усердно, чем искусству и наукам. И какой нравственный подъем испытывают журналисты, работающие в сознании своего общественного значения и полезности. И как добросовестно, серьезно подходят они к задаче, возлагающей на них такую ответственность.

– Значит, это все обольстительно. – Вставил Фридрих. – Но мне кажется, что такие артельные газеты должны быть рабски подчинены настроению толпы. Редакция, существование которой зависит исключительно от подписчиков, наверно, и заискивает, и угодничает перед публикой, и потворствует ее вкусам.

– Если бы так и было, – ответил Давид, – то разве это было бы ново? В прежнее время сплошь и рядом встречались такие явления. Редакторы напряженно следили за настроениями публики, замалчивали одно и преувеличивали другое, полагая, что облажают этим своих читателей. И при этом, они не всегда еще были уверены, что действуют вполне успешно. Совершенно иное дело теперь. В ежегодных собраниях читаются отчеты деятельности редакции, но сообщаются также сведения и о публике, которую эта газета читается.

– Но это ужасно! – воскликнул Кингскурт. – Собрание ста тысяч подписчиков! – Как можно! Подписчики выбирают сто, двести доверенных лиц, которые и являются в собрание. Это очень просто делается. В самой газете выставляются кандидатуры на эту кратковременную должность. Подписной билет служит избирательным листком. Человек пятьсот или тысяча передают свои избирательные листки доверенному лицу на общее собрание. И такие лица обыкновенно даже печатают в газете: «Я намерен отстаивать на общем собрании такое-то положение. Кто согласен со мной, пусть пришлет мне свой листок»

– Хорошо. – сказал Фридрих, – публике дается подробный отчет в деятельности редакции. Но я в этом не вижу большой выгоды для народа. Новые мысли и веяния не скоро получают веерную оценку в широкой публике. Детей можно учить, лишь когда они хотят учиться, и читающую публику можно поучать лишь в том случае, если она желает облагородить и расширить свои взгляды. Ваша же артельная газета как выразительница известных мнений, может скорее привести, я думаю, к реакции или к революции. Люди, вероятно, с трудом понимают значение нового и разучиваются ценить старое. Вы лишены поддержки духовного воздействия на толпу, которого можно ждать лишь от исключительных по таланту отдельных личностей.

– Вы не дали мне докончить, доктор. Я не говорил, что артельная газета – единственная форма периодической печати. Такие газеты заменяют только те литературные предприятия, которые по размерам издания, расходам на печатание и корреспонденции, носили характер крупных промышленных предприятий. Но у нас есть и газеты, которые издаются и ведутся отдельными лицами. У меня самого есть такая газета. Она необходима в борьбе; за то, что я хочу ввести в нашу Новую Общину. И мой главный противник, раввин, д-р Гейер, тоже имеет свою газету. Лишь только вопрос этот решится, я прекращу свое издание. Гейер же, вероятно, свое будет продолжать, так как он живет этими общественными распрями. И есть еще много разных газет, составляющих собственность отдельных лиц, которые

служат различным целям. Каждое новое направление, новая творческая личность немедленно заявляют о себе в печати. Разумеется, выдающимся людям, как и в прежнее время, приходится выдерживать тяжелую борьбу, в которой, впрочем, закаляется только сила их убеждения, отвага и стойкость. Поверьте мне, благодаря нашему мутуализму, мы не беднее, а богаче стали крупными индивидуальностями. Отдельные личности не кромсаются у нас жерновами капитализма и не обезличиваются социализмом. Мы понимаем и ценим отдельную личность, точно так же, как уважаем его экономическое положение, его частную собственность, и всячески ее защищаем.

– Ну слава Богу! – сказал Кингскурт. – Я думал, что вы уничтожили уже границы между моим и твоим.

– Тогда не было бы всего того, что вы уже видели и увидите еще, – ответил Давид. – Нет, мы не более неблагоприятны. Мы не уничтожили стимула к работе, усилиям, открытиям и изобретениям. И дарования, и труд должны получать соответствующее вознаграждение. Нам нужно богатство, как приманка отчасти и как необходимая обстановка для развития чистого искусства. Я сам человек с порядочными средствами. Я судопромышленник. Такие предприятия, как мое, до сих пор удавались только частным предпринимателям или акционерным обществам, Главное преимущество мутуализма в том и состоит, что он не исключает существования и новообразования других экономических форм. В моей фирме, например, вы найдете весьма интересное смешанное устройство. Я собственник фирмы. Мои рабочие сплотились в артель, которая при моей же поддержке завоевывает все более и более независимое положение. В начале моего предприятия и их артели у них было только потребительное общество, вслед затем они учредили сберегательную кассу. Надо вам знать что наши рабочие в качестве членов Новой Общины и без того застрахованы от несчастных случаев, болезни, старости и смерти. Но это несколько не мешает им участвовать и в сберегательных кассах. Я, с своей стороны, уделю их кассе известный процент с общей прибыли. И делаю я это не из великодушия, а исключительно из эгоизма, потому что, помимо преданности рабочих, я обеспечиваю себе выгодную продажу предприятия, на тот случай, когда я захочу удалиться от дел. Тогда я превращу свое предприятие в акционерное общество, при чем предоставлю уже моим рабочим преимущественное право приобретения моей собственности, с небольшим, разумеется, барышом для меня. Поэтому мои рабочие и лучшие мои друзья. Между нами никаких недоразумений не бывает. Это, если хотите, вполне патриархальные отношения, но вылившиеся в новейшие экономические формы. Если бы среди моих рабочих явился подстрекатель, мне совершенно нечего было бы беспокоиться: они просто высмеяли бы его. Они чувствуют под собою твердую почву, и всякие посторонние воздействия на них будут безуспешны.

Кингскурт добродушно проговорил:

– Однако, вы молодой, да ранний!...

– Я рано начал жить. Мы были первыми эмигрантами. Меня сильно увлекло движение, поднявшееся в то время среди еврейства. Но об этом я расскажу вам обстоятельно в Тибериаде.

– Почему же в Тибериаде? – спросил Фридрих.

– Вы там уже поймете – почему, – вероятно вы и не догадываетесь, какой праздник у нас теперь... Ну, а теперь решите, наконец, куда поехать сегодня вечером – или, быть может, вам угодно узнать репертуар театров из устной газеты? – Он снял со стены две трубки и протянул их гостям.

Кингскурт рассмеялся:

– Нет, ваша милость, этим вы нас не удивите. Эту штуку мы знаем. Такая телефонная газета еще пятьдесят пять лет тому назад существовала в Будапеште.

– Да я ничего нового и не хотел вам показать. Впрочем, и эта устная газета – тоже артельная.

– Но она, вероятно, никакого дохода не дает, раз в ней нет объявлений?

– Напротив. Такие извещения оплачиваются очень дорого. Объявления в печатной газете читатель может и не заметить, не обратить на них внимания. Тогда как против рекламы, исходящей из телефона, он совершенно безоружен. Послушайте, быть может, какая-нибудь газета как раз говорит теперь!

Они поднесли трубки к ушам. Сперва, они услышали известие о пожаре на верфи в Йокогаме, потом краткое сообщение о первом представлении в Париже, затем о последних колебаниях цен на шерсть в Нью-Йорке и, наконец, громче и отчетливее раздалось:

– У Самуэля Кона можно приобрести благороднейшие благородные камни, настоящие и фальшивые, за дешевые цены и с полным ручательством. У Самуэля Кона. Большая галерея, 47.

Все трое рассмеялись.

– Это проделывается часто очень остроумно, – сказал Давид, – так что слушатель и не догадывается, что все эти известия закончатся рекламой. Доход такая газета приносит колоссальный. Вначале подписчики платили шекель в месяц, но получали гораздо больше. У такой газеты нет расходов ни на бумагу, ни на печать, ни на

рассылку номеров подписчикам. Но город Хайфа и Новая община обложили эти предприятия налогом. Кроме того, он состоит под особым надзором. На центральной телефонной станции дежурят чиновники Новой общины, которые следят за тем, чтобы не совершались какие либо бесчинства, чтоб в аппарат не говорилось неприличных слов, не сообщалось ложных или тревожных известий.

– Обложили налогом? – удивился Фридрих. – Но как же ваша Новая община, об устройстве которой вы ничего еще нам не рассказали, может облагать налогом частные предприятия!

– Это совершенно исключительный случай. Телефонная газета должна, ведь, где-нибудь проложить свой кабель. У нас имеются под улицами пространства, в которых проведены и проводятся новые всевозможные проволочные линии, газовые трубы, водопроводные и сточные. Под мостовой тянется туннель, из которого к каждому дому подходят линии и трубы, проникающие в дома через подземный ход. Для того, чтобы ввести туда новые, нет надобности разрывать мостовую. Большие города, которые вы знали, создавались случайно, без предварительного плана. Освещение, водоснабжение, стоки, электрические провода неизбежно вели за собой ломку мостовых и при этом никогда не было точно известно, в каком состоянии находятся отдельные подземные ветви; обыкновенно об этом узнавали после несчастных случаев, взрывов. Мы же строили наши города, имея в своем распоряжении опыт и технические средства старой культуры, и прокладывали все улицы с обширным туннелем по середине. Это обошлось не дешево, но расходы возвращаются с лихвой. Если вы сравните бюджет Хайфы с бюджетом Парижа или Вены, вы убедитесь, какие сбережения мы делаем, благодаря этим подземным каналам. Там же проведены вместе с другими линии телефонной газеты, и за это взимается абонентная плата, пропорциональная доходу газеты. И, разумеется, налог этот опять-таки идет в общую пользу.

Кингскурт сказал:

– Вот, наконец, первая вещь, которая мне импонирует здесь: а именно, что вы умудрились вымостить улицы благороднейшими камнями Самуэля Кона. Вы чертовски хитрый народ. Мне это никогда не пришло бы в голову.

– От такой похвалы не поздоровится, м-р Кингскурт! – ответил Давид, смеясь. – Но, быть может, вы будете иначе судить о нас, когда поживете у нас некоторое время!

– Хорошо! Вообще, я, надо вам знать, принципиально готов сознаться, что я, старый осел, но мне нужны доказательства!... Ну-с, а теперь ведите нас, во имя Вельзевула, в театр.

– В какой хотите, дорогой Литвак? – добавил Фридрих.

– Так как вы ни на чем остановиться не можете, то, я думаю, лучше всего предоставить дамам решить этот вопрос.

Кингскурт и Левенберг охотно приняли его предложение.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

V

Дамы уже были одеты и ждали их. Сара, жена Давида, сказала:

– Я думаю, нашим гостям неинтересно будет смотреть у нас вещь, которую они могут видеть и в любой европейской столице. У нас гастролируют теперь превосходные труппы – французская и итальянская. Но для вас занимательнее будет еврейская пьеса.

– Разве есть еврейские пьесы? – удивленно осведомился Фридрих.

Кингскурт шутливо заметил:

– Разве вы не слыхали и не читали в свое время, что театр совершенно ожидал?

Сара взглянула на газету.

– Сегодня в национальном театре идет библейская драма – «Моисей», – сказала она.

– Это прекрасная пьеса! – добавил Давид. – Но слишком уж серьезная для вечернего времяпровождения. В опере сегодня идет «Сабатай Цви». В народных театрах идут комедии и фарсы на еврейском жаргоне. Я предлагаю отправиться в оперу. – За оперу высказалась и Мириам. «Сабатай Цви» считался в Палестине наилучшим музыкальным произведением за последние годы... Но надо поторопиться, потому что до оперного театра не менее полчаса езды.

– Найдем ли мы еще места? – спросил Кингскурт.

– В кассе билетов, наверно, уже нет теперь, – ответил Давид, – потому что большинство членов артели воспользуется сегодня своими местами. Но у нас с

самого основания театра своя ложа.

– И опера – артель? – удивился Левенберг. – Абонемент, Фритц! Они это называют здесь артелью. Вероятно, на таких же началах, как и газета

– Совершенно на таких же началах со смехом ответил Давид. И удивляться вам решительно нечему – у нас ничего нового нет, м-р Кингскурт!

Он взял с камина пару белых перчаток и стал их надевать.

– Перчатки! Да еще белые!

Ни у Кингскурта, ни у Фридриха никаких перчаток не было. На пустынном острове в Тихом океане за двадцать лет ни разу не представилась надобность в белых перчатках. Но раз судьба возложила на них тяжелую обязанность сопровождать двух дам в театр, надо же с честью выдержать испытание. Кингскурт спросил, проедут ли они по дороге мимо перчаточного магазина? Нет. Таких магазинов у них даже не имеется. Старик начал злиться:

– Вы смеетесь надо мною? Вы же напялили на себя перчатки! Вы сами их делаете, что ли? Или вы участвуете и в артели перчаточников?

Недоразумение разъяснилось среди общего смеха. Специальных перчаточных магазинов не было, потому что перчатки, как и другие туалетные принадлежности, можно было приобрести в больших торговых домах.

Перед подъездом виллы стояли два автомобиля. В первый сели Сара, Мириам и Фридрих, во второй – Кингскурт и Давид. Стоял мягкий южный вечер, напоминавший волшебные ночи Ривьеры. Вдали светилось море. В гавани и на рейде до самой Акки фонари многочисленных судов отражались в воде и дрожали, играли в волнах, словно горящие мотыльки.

Когда они проезжали мимо дома Решид-Бея, они услышали пение. За неосвещенными окнами пел великолепный женский голос.

– Это поет жена Решид-Бея, – сказала Мириам. – Она приятельница наша, очень милая, прекрасно образованная женщина. Мы часто видаемся с ними, но только в ее доме. Магометанские обычаи, которые Решид-Бей строго соблюдает, запрещают женщинам посещать своих знакомых.

– Но вы не думайте, что Фатьма тяготеет своим затворничеством, – добавила Сара. – Это вполне счастливый брак. У них прелестные дети. Но Фатьма ведет строго-замкнутую жизнь. Это то же счастье в своем роде. Я вполне понимаю такое

счастье, хотя я полноправный член Новой общины. И я ничего не имела бы против такого образа жизни если бы только муж мой пожелал этого.

– Да, я понимаю, – задумчиво заметил Фридрих. – В этой Новой общине вашей каждый может жить так, как ему нравится и может быть счастливым...

– Да, доктор! – ответила Сара. – Каждый и каждая.

Они въехали в ярко освещенные улицы города. Перед огромным зданием, из широких зеркальных окон которого лились потоки света, автомобили остановились.

Неужели это опера? Конечно, нет. Это был большой многоэтажный дом, сверху до низу представлявший собою один магазин.

– Да, ведь, это – Bon-Marche! – воскликнул Кингскурт.

Давид улыбнулся:

– Нечто в этом роде. У нас имеются только такие торговые дома – небольших магазинов у нас вовсе нет.

– Как? А несчастных мелких торговцев – вы взяли да погубили?

– Нисколько, м-р Кингскурт! Мы их не губили, потому что их не было у нас, мы не допустили их появления.

Фридрих, остановившийся с дамами перед выставленными модными новинками, при последних словах Литвака, вмешался в разговор.

– Как? Вы запретили мелкую торговлю? Так вот она ваша хваленая свобода!

– У нас каждый гражданин пользуется свободой и правом делать то, что ему угодно. У нас караются только те преступления и нарушения законов, которые карались и в культурных европейских странах. Никаких новых запретов мы не выдумали. И мелкую торговлю мы считаем делом не преступным, а невыгодным, неблагоразумным. Это была одна из проблем, которые должна была решить наша община. Это было крайне важно, и именно вначале, когда сюда нахлынула масса евреев, занимавшихся в Европе мелкой торговлей. И мой отец – вы помните, доктор, – зарабатывал свой скудный черствый хлеб в качестве разносчика, а это самый жалкий вид мелкой торговли. Он ходил с своим лотком из кабака в кабак.

– Послушайте, Литвак! Да вы, по-видимому, нисколько этого не стыдитесь? – проговорил Кингскурт.

– Что вы? Нисколько не стыжусь этого. Он бился, как рыба об лед, мучился ради меня же. Я был бы последним человеком, если бы стыдился своего отца.

– Дайте мне пожать вашу руку! – и Кингскурт энергично потряс руку Литвака,

Когда они входили в перчаточное отделение, Фридрих спросил:

– Каким же образом вы разрешили вопрос о мелкой торговле, если не законом и запретом?

– Очень просто! Путем устройства больших магазинов. Эти огромные базары и склады с филиальными отделениями во многих местах должны были появиться в эпоху паровых машин и железных дорог. И своим появлением они были обязаны не случаю, не гениальному проекту даровитого дельца, в развитии их лежала крайняя необходимость. Массовое производство требовало такого же сбыта. Разумеется, мелкие торговцы должны были сойти со сцены, как ямщики с появлением железных дорог. Только последние обыкновенно скорее предугадывали свою судьбу, чем недалёковидные лавочники с их мнимым лукавством. Да эти, впрочем, были и беспомощнее, так как они в дело вкладывали все свое состояние, которое надо было считать погибшим уже в тот момент, когда только повеяло надвигающейся грозой. Мелкие лавочники погибли не по своей вине. Новые формы экономической жизни победили их, не объявив им даже войны. У нас же – и в этом главная причина нашего успеха – даже не дошло до образования пережитых экономических форм. Мы с самого основания нашего государства ввели у себя новый порядок вещей. И, конечно, не нашлось ни одного глупца, который решился бы устроить себе маленькую лавчонку бок о бок с большим торговым домом, или завести лоток с товаром и ходить с ним по дамам, так как он понимал, что разные фирмы своими прейскурантами, объявлениями и рассылками образчиков несомненно, его предупредят. Мелкая торговля не сулила никакой выгоды и наши евреи, очутившись в новых условиях, вовсе не брались за нее. В старой Европе, которой приходилось отстаивать законы, изданные в разные времена – это был тяжелый вопрос. Низший слой купеческого сословия, благодаря появлению больших магазинов, очутился в безвыходном положении. И что можно было против этого предпринять? Запретить большие магазины?... Но как определить размеры торговли, при которых запрещение могло быть применено? Ввести новые налоги? Но от этого казна выиграла бы немного, а мелким торговцам от этого ни тепло, ни холодно не было бы. Публике же нужны были такие магазины в которых, не теряя много времени, можно приобрести всевозможные предметы по общедоступной цене. Фабрикант большим фирмам делает несравненно большую уступку, чем мелким торговцам. Словом, производство и потребление требовали современных магазинов. У нас они никому ущерба, разумеется, не принесли. С ними связана была для нас социально-политическая задача: мы таким путем могли уберечь многих наших сограждан от старых не экономных и вредных форм

торговли.

Дамы стали выражать нетерпение в делах Давиду выразительные знаки, но Кингскурт не унимался и предлагал вопрос за вопросом, на которые Литвак предупредительно отвечал:

– Нет, вы мне толком все это объясните – говорил старик, протягивая свои огромные красивые руки продавщице, которая с геройским усилием натягивала на его пальцы тонкую белую кожу.

– Теперь я вижу у вас широкую крупную торговлю. Но, ведь, не сразу же это сделалось? Не по мановению же волшебного жезла появились в пустынной стране эти великолепные пассажи, магазины и не с неба же туда устремились тысячи локупателей?

– Конечно, нет, мистер Кингскурт. Это создалось постепенно, в течение нескольких лет. Когда переселение евреев в Палестину приняло грандиозные размеры, с каждым днем сильно выросла потребность в товарах. Мы ничего еще не производили, а потребности были бесчисленные. Положение вещей было известно всему миру, потому что переселение евреев было в то время событием, интересовавшим весь культурный мир. Собственники многих европейских торговых домов поспешили открыть отделения в наиболее значительных центрах Палестины. Не одни только евреи воспользовались возможностью сбыть свои запасы. С сказочной быстротой создались немецкие, английские, французские и американские магазины. Вначале это были только железные бараки. Когда потребности стали увеличиваться и утончаться, когда первые бедные пришельцы, удовлетворявшиеся тем, что им давали, стали заявлять о своих вкусах и желаньях – тогда постепенно бараки преобразовались в каменные торговые дома. Новая община ни в чем не стесняла их роста и развития. Напротив, она поощряла их, так как видела в них двойную пользу: во-первых, они быстро и по доступным ценам доставляли необходимые товары в страну, во-вторых, благодаря им, наш народ сознал бесполезность и невыгоду мелкой торговли.

– Так что, помимо крупных фирм, у вас нет вовсе торговцев? – спросил Фридрих.

– Как нет? – ответил Давид. – У нас никаких запретительных законов нет. Каждый волен заниматься тем делом, которое ему нравится. Самыми драгоценными и самыми дешевыми вещами, например, торгуют отдельные лица.

Но этим занимаются не одни только евреи. Наибольший контингент этих торговцев составляют греки, левантинцы, армяне, персы. Меньше всего среди этих торговцев евреев, состоящих членами нашей общины.

– Как? Разве есть евреи, которые не состоят членами вашей общины?

– Конечно... Однако, как мы заговорились. Мы опоздаем. Пойдемте! Что стоят эти две пары перчаток? – спросил Давид у продавщицы.

– Шесть шекелей.

Кингскурт оделалал большие глаза.

– Черт возьми! Это еще что такое?

Давид, смеясь, ответил:

– Это наш денежный знак. Мы восстановили древнееврейскую монету. Шекель то же, что французский франк. Так как при вас местных денег нет, позвольте мне заплатить за вас.

Он дал кассирше золотую монету, получил сдачу серебром и затем дамы и за ними мужчины направились к выходу.

Кингскурт взял Давида под руку и лукаво подмигивая, сказал ему:

– А деньги вы все-таки не уничтожили! На это у вас мужества не хватило.

– Нет, мистер Кингскурт! – в тон ответил ему Давид. – С деньгами мы расстаться не могли. Во-первых, потому что мы чертовски жадный народ. Во-вторых, потому что деньги – отличная вещь. Если бы их не было уже, пришлось бы их изобрести.

– Милый мой, позвольте вас отблагодарить. Я всегда это говорил: деньги прекрасная, превосходная вещь. Но люди испортили ее.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

VI

Увертюра уже приближалась к концу, когда они вошли в ложу. Появление их привлекло внимание партера, и дамы поспешно заняли места. Фридрих и Кингскурт были поражены великолепием оперного здания; правда, постройка, как сообщил им Давид, продолжалась пять лет и субсидировалась Новой общиной.

В соседней ложе сидели две дамы в ярких туалетах, увешанные бриллиантами и драгоценными камнями, одна пожилая и одна молодая, и между ними седой господин. Все трое с заискивающей любезностью поклонились Литвакам, но эти едва ответили им. Пожилая дама и седой господин показались Фридриху знакомыми. Он как будто видел их где-то, но давно, очень давно.

– Кто это? – тихо спросил он Давида.

Тот пожал плечами:

– Некий Лашнер с женой и дочерью.

– Лашнер! Богатый венский биржевик! – Фридрих вдруг с поразительной ясностью вспомнил последний вечер в доме Леффлеров. Это было и тяжелое и забавное воспоминание.

– Ну, этих я, признаться, не ожидал встретить здесь.

– Да они и приехали сюда, когда у нас уже выстроены были театры, – ответил Давид. – Теперь и у нас можно найти все возможные удобства, развлечения, как в богатых европейских городах. Но какой-нибудь Лашнер и здесь встретит такое же презрение, какое он встречал в Европе. Мы не уничтожили, дорогой Кингскурт, значения денег, но у нас деньги не определяют значения их обладателей – члены Новой общины в материальном отношении настолько независимы, что у нас немислимо прежнее раболепное отношение к богатым людям. Лашнер может

тратить, швырять деньгами направо и налево, – почета он себе этим не приобретет. Вот, если бы он был порядочным человеком, тогда мы, конечно, иначе относились к нему. А этот господин даже не изъявил желаний вступить в Новую общину. Не хотел брать на себя обязательств. Ну вот он и живет здесь, как чужой. Он пользуется, конечно, полной свободой и правами, как и всякий иностранец, но на чье либо уважение ему рассчитывать здесь нечего. Могу вас уверить!..

– Я думаю! – проговорил Кингскурт бросив презрительный взгляд в соседнюю ложу.

Занавес взвился. На сцене, изображавшей площадь в Смирне, волновалась толпа, и новоявленный пророк убеждал в чем-то речитативом окружавших его последователей. Кингскурт спросил у своей соседки, Мириам, объяснений насчет героев оперы.

И девушка шопотом ответила:

– Этот Саббатай Цви был лже-пророк, появившийся в Турции в начале семнадцатого столетия. Он увлек своим учением восточных евреев, но позднее сам отпал от еврейства и позорно окончил свою жизнь.

– Словом, – добавил Кингскурт, – был отъявленный негодяй. Самый подходящий для оперы сюжет!

Сцена изображала площадь перед смирнской синагогой. Партия возмущенных против Саббатая раввинов хором пела что-то свирепое, после чего лже-пророк со своими приверженцами сочли нужным ретироваться. Молодая девушка, увлеченная Саббатаем, отважилась выступить против возбужденной толпы с предлинной арией. Тогда ярость толпы обратилась против защитницы, и без вмешательства вернувшегося кстати лже-пророка ей, вероятно, пришлось бы очень плохо. Обаяние силы, таившейся в личности Саббатая, действовало и на врагов его. Самые ожесточенные противники робко отступали назад, когда он выводил свои фиоритуры. Девушка бросилась к его ногам. Он нежно поднял ее и, назло всем врагам, великолепно пропел с нею дуэт. А затем последовал эффектный финал: раввины предали Саббатая анафеме, и пророк заявил, что после такого аффронта и он и его друзья покинут Смирну. Молодая девушка стала его умолять взять ее с собой, она желает быть там, где он, и разделять с ним невзгоды жизни. И на этом занавес опустился.

В антракт в ложе Литвака болтали о героях оперы, расцвеченных авторской фантазией.

– А этот плут чего-нибудь добьется, – сказал Кингскурт. – Многообещающий

господин! Сара заметила:

– В начале своей деятельности это был, кажется, искренний мечтатель. Его испортил успех.

– Но удивительно то, – сказал Фридрих, – что такие авантюристы могли возбуждать доверие.

Давид ответил:

– Мне кажется, в этом – глубокий смысл. Народ верил не тому, что они говорили; они говорили то, чему верил народ. Они являлись навстречу тоскливой мечте. Или, вернее, их порождала тоска. Да. Тоска создает пророков. Представьте себе, что это было за темное, жалкое время, когда такие Саббатаи могли увлекать толпу. Наш народ не жил еще тогда сознательной жизнью, и такие личности поражали его воображение. Позднее, уже в конце девятнадцатого столетия, когда все остальные народы достигли облагораживающего самосознания, и наш народ пришел, наконец, к сознанию, что спасения он может ждать не от чудотворцев, а от собственных духовных сил. Не один какой-нибудь человек, но пробужденная сильная народная индивидуальность должна подготовить великое дело освобождения. И фанатичные евреи приняли, наконец, что в таких взглядах нет ничего противного религии. Gesta Dei per Francos – говорили когда-то французы. Деяния Господа да совершатся чрез евреев! – говорят истинно благочестивые евреи, которых пристрастные раввины не сбили еще с толку. Зачем людям знать, какими орудиями угодно пользоваться Господу для своих неисповедимых целей? Так разсуждали благочестивые евреи, когда решили посвятить себя национальному делу. И таким образом вновь воспрянул еврейский народ.

– Bravo – проговорил Кингскурт. В то же мгновение кто-то постучался в ложу. На отклик Давида, дверь осторожно приоткрылась и в ложу как-то бочком вошел господин во фраке, с седой бородой и заискивающей улыбкой на лице. Это был тот самый, которого Фридрих видел в первый день приезда, подле пристани, Шифман из кафе на Альзергрунде.

– Простите меня за смелость. – извинился он перед Литваком. – Я увидел снизу одного старого знакомого. Не знаю, помнит ли еще меня доктор.

– Конечно, Шифман, конечно, – сказал Фридрих, улыбаясь, и протянул ему руку. – Но это удивительно, честное слово, это прямо удивительно! Так вы, значит, не умерли?

– Как видите. А вы тотчас узнали меня?

– Нет, честное слово, нет. Мне кто-то пришел на помощь. Одна дама, которую вы когда-то хорошо знали. Угадайте кто? – он многозначительно улыбнулся. Фридрих застыл от испуга. Он внезапно понял, кто его узнал, но не решался произнести ее имя.

– Ну? Вы не можете угадать, доктор! Вы забыли своих старых друзей и приятельниц?

Фридрих холодно ответил:

– У меня здесь, кажется, нет друзей, кроме семьи Литвака.

– Ее имя Эрнестина! – подсказал ему Шифман, лукаво улыбаясь.

– Как? Фрейлейн Леффлер?

– Нет, фрау Вейнбергер. Неужели вы забыли? Вы, ведь, были на помолвке? И я видел вас тогда последний раз. После этого вечера вы исчезли.

– Да, да, припоминаю. И фрейлейн... фрау Вейнбергер тоже здесь живет?

– Конечно! Она сидит внизу, рядом со мной. Я вам покажу ее...

Он наклонился над самым ухом Фридриха и заговорил шопотом:

Между нами говоря, ей не очень-то хорошо живется. Ее муж, Вейнбергер, неудачник. В Брюнне он обанкротился, потом занимался в Вене агентурой и, наконец, приехал сюда, но ему и здесь не везет. Если бы я не принял участия в них, им солоно пришлось бы. А ведь, она, как вам известно, привыкла к шелковым платьям, к ложам, к балам. Ну а теперь, если бы я не доставал ей от времени до времени билетов, она сидела бы дома и хандрела вечно. Времена меняются.

Фридриху надоела эта болтовня и он хотел как-нибудь прекратить излишние Шифмана.

– Я буду очень рад, – сказал он – видеть Эрнестину. Где она сидит?

– В предпоследнем ряду, с краю. Если вы наклонитесь немного, вы увидите ее. Впрочем, я сейчас сяду на свое место. Подле меня сидит ее дочь, потом она... Я очень рад, доктор, встрече с вами, Надеюсь, вы останетесь у нас? Во всяком случае, на некоторое время?

– Не знаю, Шифман. Это зависит от разных обстоятельств.

– Прекрасно, прекрасно! Если пожелаете видеть меня, окажите мне только два слова по телефону. Честь имею кланяться...

И он с почтительными заискивающими поклонами скользнул в полуоткрытую дверь.

– Ни малейшего желания не имею видеть его вторично, – тихо сказал Кингскурт Фридриху, который только пожал плечами в ответ.

Начался второй акт. Субботай находился уже в Египте. Сцена изображала великолепный праздник с пением и танцами. Но Фридрих почти ничего не видел и не слышал. Старые мечты вновь вспыхнули в нем. Там, подле Шифмана сидела она. Но как странно! Не сон ли это? Та же странная, тонкая фигура, те же милые нежные черты! Это была та же Эрнестина Леффлер, которую он знал двадцать лет тому назад? Неужели двадцать лет прошли бесследно для нее?.. Но в то же мгновение он понял свою ошибку. Эта молодая девушка была дочь Эрнестины. А фрау Вейнбергер была сидевшая с ней рядом полная поблекшая дама, в пестром безвкусном наряде. Она смотрела наверх и, когда Фридрих поклонился ей, дружески закивала головой и улыбалась ему.

В этот миг что-то нежное и дорогое, жившее в нем целых двадцать лет, разбилось и рассеялось, как пыль. В своем одиночестве, на далеком острове он часто с грустью думал об Эрнестине. Злобная тоска вскоре сменилась чувством тихой печали, и в последние годы его любовь рисовалась ему в затуманенных временем мягких розовых тонах. Но, когда он мечтал об Эрнестине, он представлял ее себе такой, какой он ее знал и любил. И, увидев внезапно яркие следы прожитых двадцати лет, он поразился и не мог прийти в себя от неприятного изумления. Он чувствовал и стыд и облегчение. И он мог терзаться двадцать лет из-за этой женщины!....

Задушевный милый голос вывел его из раздумья.

– Понравилось вам? – спросила Мириам.

– Слава Богу, это кончилось, наконец! – рассеянно ответил он.

– Что же! Неужели вы так недовольны исполнением?

Он смутился.

– Нет, я не о втором акте говорил, фрейлейн Мириам: я думал о чем то старом. Я думал, что оно еще живет, но, слава Богу, оно умерло.

Она удивленно взглянула на него и больше не расспрашивала.

В ложу вошел незнакомый господин. Давид Литвак представил его своим гостям. Д-р Веркин, секретарь президента. Это был худощавый человек с короткой бородкой, с заметной проседью, и пытливыми умными глазами под светлыми блестящими очками. Доктор Веркин пришел по поручению президента, который приглашал Кингскурта и Левенберга в свою ложу.

Кингскурт был поражен: – Нас! И что это за президент? И откуда он знает нас, несчастных отшельников!

– Это президент нашей Новой общины, – ответил Давид, улыбаясь. – Он сидит вот там, напротив, в ложе... старик с белоснежной бородой.

Они посмотрели в ту сторону куда Литвак указал им.

– Черт возьми, и мне кажется, что я где-то видел его! Где только? – говорил Кингскурт. Фридрих вспомнил:

– Глазной врач из Иерусалима... доктор...

-Доктор Айхенштам! – подсказал Давид – Вот его мы и выбрали себе в президенты.

– И он узнал нас двадцать лет спустя после единственной встречи? – удивлялся Кингскурт.

Доктор Веркин сказал:

– Дочь его узнала вас и обратила на вас внимание президента.

Давид обратился к секретарю:

– Можно и мне с вами?

– Конечно! Президент хотел, чтоб вы сами рассказали ему про вашу борьбу с Гейером.

Доктор Веркин повел их в ложу президента. Д-р Айхенштам, опираясь на палку, ждал их в маленькой изящной гостиной, отделенной драпировкой от открытой части ложи – Какое неожиданное свидание, не правда ли? – дрожащим голосом сказал старик и сердечно пожал руки гостям.

– Да, президент!... Черт меня побери...я этого не ждал!... – ответил Кингскурт на приветствие.

– Сядем, сядем, господа! Прежних сил у меня уже нет! – говорил президент, улыбаясь, и опустился в кресло, подвинутое ему лакеем. – Для нашего народа наступило теперь лучшее время, для меня – то время было лучшим... *senectus ipsa morbus*. Ничего не поделаешь. С этим надо мириться.

Он указал на стоявшую с ним рядом женщину в черном платье, без всяких украшений, и добавил:

– Дочь моя, Саша, узнала вас и напомнила мне нашу встречу перед скорбной стеной... Да, это уже далекое прошлое!.. Ах, эта бывшая скорбная стена!..

– Бывшая? – спросил Фридрих. – Разве ее нет уже? Даже этого последнего воспоминания?

Президент покачал головой:

– Из ваших слов я заключаю, что вы не были еще в Иерусалиме?

– Нет, господин президент! – скромно вставил Давид. – Они сегодня только приехали и очень мало еще видели у нас. Президент приветливо положил руку на его плечо.

– Я очень рад видеть вас, дорогой Литвак... я всегда рад вам, и особенно теперь. Не падайте духом, – и вы выйдете победителем из этой борьбы. Вы правы, Гейер неправ. Моими прощальными словами к нашим евреям будут: пусть всем, без исключения, дышется легко в нашей стране... А вам, Литвак, дай вам Бог сил на работу и на борьбу... Вы говорите, дорогие гости, что мало еще видели в нашей стране? Но вы знаете одного из лучших людей. Я горжусь этим Давидом Литваком, как если бы он был моим созданием... Но он всем обязан самому себе.

Давид зарделся густым румянцем, смущенно опустил голову и пролепетал:

– Что вы, господин президент!...

– Нет, уж вы позвольте мне, Литвак, похвалить вас в лицо. Я – старик, и меня в подобострастии заподозрить нельзя... Видите ли, дорогие мои гости, я – уходящая волна, а он – приходящая. Дай-ка и мне чашку чаю, Саша!

Чай был сервирован по-русски. Когда Кингскурт и Левенберг коснулись в разговоре того, что они прожили двадцать лет вдали от культурного мира, Саша спросила их:

– Вам не жаль потерянного времени? Вы могли бы содействовать великому делу, быть полезным огромной массе людей.

– Нет, несколько не жаль! – ответил Кингскурт. – Мы оба отъявленные враги человечества и заботимся только о личном нашем благополучии. В этом вся наша жизненная программа. А, Фритц?

– Вы шутите! – сказала Саша. – Я понимаю, что вы шутите. Ведь, делать добро – счастье, несравненное счастье.

Давид вмешался в разговор:

– Фрейлейн Айхенштам говорит на основании личного опыта – ей знакомо это счастье. Она заведует наибольшей глазной лечебницей во всем мире. Если позволите, фрейлейн, я поведу наших гостей в вашу клинику, как только мы, приедем в Иерусалим. Там многим уже спасено зрение и вновь возвращено. Эта клиника – великое благодеяние для востока. Сюда приходят больные из Азии, из северной Африки. Наши лечебные заведения создали нам несравненно больше друзей и в Палестине, и в соседних странах, чем все наши технические и промышленные учреждения.

Саша отклонила похвалу:

– Господин Литвак преувеличивает мои заслуги. Я ничего нового не сделала. Но у нас есть один великий человек, это Штейнек, бактериолог. Вы непременно ознакомьтесь с его институтом. Вы будете поражены.

– У вас уже составлен маршрут? – спросил д-р Айхенштам.

– Я первым делом повезу моих гостей в Тибериаду, господин президент. Мы едем завтра к моим родителям.

– Чтобы провести с ними первые дни пасхи, да? – сказал президент. – Передайте мой привет вашим старикам, Литвак! А когда вы будете со своими друзьями в Иерусалиме, приведите их ко мне. Я буду ждать вас.

Он пожал всем троим руки и они вышли из ложи, так как звуки оркестра возвестили уже начало третьего акта. Когда они проходили пустое фойе, Кингскурт сказал:

– Чудесный человек, повидимому, ваш президент. Но очень уж стар, дряхл. Почему вы выбрали именно его?

– По очень простой причине – ответил Давид. – Мы избрали его потому, что он этого не хотел.

– Час от часу не легче!

– Да! Мы покорно следуем совету наших мудрецов: да воздаются почести тому, кто их не добивается!

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ
ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

КНИГА ТРЕТЬЯ. ЦВЕТУЩАЯ СТРАНА

I.

В назначенный день поездки в Тибериаду солнце в небо и вся природа улыбались прелестными душистыми улыбками весны. К подъезду виллы подкатил огромных размеров автомобиль, который мог вместить человек двенадцать.

– Черт побери! – весело воскликнул Кингскурт. – Да, ведь это Ноев ковчег. Он вместит весь грешный скот и род человеческий.

– Нас будет только одиннадцать человек. – сказал Давид.

– Одиннадцать? Я вижу только девять. Вы очевидно, считаете Фритцхен за трех? Великолепная идея, ведь, – взять с собою мальчугана.

Фритцхен, находившийся на руках у кормилицы, догадался, что речь идет о нем, и, громко сообщив что-то на ему одному понятном языке, вожаделенно протянул ручонки к белой бороде Кингскурта.

– Мы по дороге захватим еще двух друзей, – сказала Сара. – Решид-бея и архитектора Штейнека.

Слуга вынес вещи и уложил их в приспособленное для этого пространство под сиденьем, Только корзинка с провизией и молоком для Фритцхен осталась наверху. Сзади уселись истопник и слуга. На переднем мягком сиденье разместились Мириам, Сара и Фридрих. Кингскурт изъявил желание сесть в отделение, защищенное стеклянной стеной для того будто бы, чтобы укрыться от возможного в дороге ветра, в действительности же только потому, что там должен был поместиться маленький Фритц.

Он сел под навес и попросил подать ему ребенка. Но мальчуган, очутившись на

колених Кингскурта, вцепился в него ручонками и выразительной мимикой и жестами отказался перейти опять на руки к кормилице. Давид попытался воздействовать на него отеческой строгостью, но потерпел полную неудачу.

Кингскурт сделал недовольное лицо и сыпал сердитыми словами:

– Какой невоспитанный мальчуган! Да оставишь ли ты меня в покое?

– Дайте его мне! – сказал Давид. – Он поплачет немного и утихнет! Давайте его!

Но у Кингскурта ни малейшего желания не было отдавать мальчика. Он удобно усадил ребенка и стал щекотать его в грудь и в шейку, пока тот не начал заливаться веселым заразительным смехом.

– Пострел этакий! Ему и горя мало, что старый Кингскурт станет посмешищем всей Хайфы. Хорошо еще, что меня здесь никто не знает.

Автомобиль выехал из двора при общем возбужденно-радостном настроении пассажиров и вскоре стал спускаться вниз по горе Кармель. Решид-бей уже поджидал их у ворот своего дома, в дорожном костюме. Последовал обмен сердечных приветствий. За деревянной решеткой окна в первом этаже показалась стройная женская фигура в белом и махнула платком.

Сара, смеясь, крикнула невидимой женщине:

– До свиданья, Фатьма! Мы доставим тебе обратно мужа целым и невредимым. Будь совершенно покойна.

Вещи Решид-бея уложили в экипаж. Мусульманин сел рядом с Давидом. Дамы бросили белой фигуре за решеткой еще несколько прощальных приветствий и автомобиль опять запыхтел.

Фридрих наклонился к Мириам и тихо сказал ей:

– А бедная женщина осталась одна дома!

– О, она такой жизнерадостный человек! И нисколько не тоскует в своем одиночестве. Я убеждена, что она от души рада поездке мужа. И он не поехал бы, если бы мог предполагать, что это доставит ей хотя бы малейшее огорчение... Они оба – прекрасные, милые люди!

– Но я вообще не понимаю, как можно добровольно сидеть за решеткой в такое дивное утро!

– Не правда ли, дивное утро? – с сияющим лицом встала Сара. – Такие весенние дни бывают только в нашей стране. Здесь жизнь лучше и краше, чем где бы то ни было И Фридрих чувствовал себя проникнутым счастьем и не мог себе объяснить своего настроения, Он опять был молод, бодр и весел, ему хотелось смеяться, шутить.

Он обратился к Мириам и, изобразив на своем лице строгий укор, сказал ей:

– А как же ваша школа, фрейлейн Мириам? Вот как вы относитесь к своим священным обязанностям!

Мириам рассмеялась.

– Ничего, ничего он не знает! И это еврей! Имею честь сообщить вам, милостивый государь, что сегодня у нас началась Пасха. Мы поэтому и едем к родителям, в Тибериаду, где хотим отпраздновать первый вечер. Неужели Давид ничего не сказал вам?

– Брат ваш несколько раз намекал на то, что в Тибериаде мы узнаем подробности о переселении евреев. Так вот в каком смысле надо было это понимать? Но историю переселения евреев из Египта я знал еще в раннем детстве.

– Быть может, Давид и на что-нибудь другое намекал. – задумчиво сказала девушка.

Автомобиль повернул направо от улицы, ведущей к центру города, и вскоре выехал в предместье, где протекал Кишон. Экипаж покотился по набережной, окаймленной зелеными шпалерами деревьев, и остановился перед небольшой прелестной виллой. На ступеньках подъезда стоял господин с седыми усами и, откинув голову назад, смотрел вверх своего пенсне на подъехавший автомобиль и энергично жестикулировал.

– Я на вашем месте вовсе не приехал бы! – крикнул он им навстречу. – Я уже полчаса караулю здесь. Никогда в моей жизни не буду больше аккуратен.

Давид вместо ответа поднес к его глазам свои часы.

– Это ничего не доказывает! – горячился Штейнек. – Ваши часы отстают. Да я вообще не верю часам. Вот возьмите, пожалуйста, мои планы. Но не мните их, ради Бога!.. Так! Ну теперь я сяду.

Он передал Давиду три больших картонных свертка, которые он держал под

мышкой, и, кряхтя, влез в экипаж. Но, едва лишь автомобиль тронулся, Штейнек закричал благим матом:

– Стой, стой! Назад, я забыл свой саквояж.

– Его пришлют вам с большим багажом, – успокаивал его Давид. – Я распорядился, чтоб весь наш багаж послали по железной дороге прямо в Тибериаду, потому что мы, ведь, сделаем значительный крюк.

– Это невозможно! – вопил архитектор. – Моя речь лежит в саке. Мы должны вернуться.

Они вернулись. Когда заветный сак очутился, наконец, в экипаже, Штейнек облегченно вздохнул и внезапно пришел в отличное расположение духа. В сравнительно тесном пространстве автомобиля сказалось два величайших крикуна в мире. Штейнек, как и старый человеконенавистник, имел обыкновение сопровождать самые обычные простые слова отборной руганью. Как только их представили друг другу, оба тотчас загудели, как иерихонские трубы. Давид и Решид слушали их и улыбались. Но вдруг Кингскурт поднес палец к губам и этим жестом заставил и Штейнека замолчать.

– Хотя вы и говорили очень громко, – сказал он архитектору, – Фритцхен, однако, уснул под музыку вашего голоса.

И при общем смехе он бережно поднял ребенка и положил его на руки кормилицы.

– Мистер Кингскурт, – обиженно проговорил Штейнек, – неужели я говорил громче вас?

Улица, по которой они ехали теперь, вызывала частые удивленные вопросы Кингскурта и Левенберга. Движения здесь было, конечно, меньше, чем в городе, но оживления и тут было достаточно.

Взад и вперед катили велосипеды, автомобили. На широкой немощеной тропинке, параллельной шоссе, мелькали всадники, одни в живописной одежде арабов, другие в европейских костюмах. Встречались и верблюды, в одиночку или несколько в ряд, напоминавшие караваны, живописный пережиток далеких времен. По обеим сторонам дороги красовались небольшие домики с садиками, вдали зеленели поля. Кингскурт обратил внимание на проведенные от проводов, тянувшихся на столбах вдоль улиц, ответвления к маленьким домикам.

– Это телефонные проволоки? – спросил он. – И что здесь за народ живет?

Решид-бей ответил ему:

– Здесь большей частью живут ремесленники. В этой деревушке живут сапожники. В эти проволоки проводят электрические токи для их маленьких машинок. Разве это ново для вас?

– О, нет, это уже в мое время было известно. Но практически еще оно не применялось. А откуда проводится электричество?

– У нас имеется много электрических обществ. Но эти жители получают токи преимущественно из горных рек Гергона и Ливана или из канала, отведенного из Мертвого моря.

– Невозможно! – изумленно воскликнул Кингскурт.

– Да! – убедительно прогремел Штейнек в ответ.

– Эти ремесленники также отчасти крестьяне, – сказал Давид. – Свою работу они сбывают артелью в большие магазины, склады или за границу. Но они составляют также сельскохозяйственные союзы, характер которых зависит от условий топографических. Вблизи больших городов преобладает ремесленная деятельность, и земледелие незначительно, так что в таких местностях ремесленник, кроме продуктов, необходимых для него самого, очень мало добывает из земли, разве немного фруктов и овощей для городских рынков. В местностях, лежащих в прибрежной полосе, напоминающей по климату Ривьеру, разводят томаты, артишоки, дыни, *petits pois haricots verts* и тому подобные овощи. Самые ранние овощи мы посылаем по железной дороге в разные города Европы, в Париж, Берлин, Москву, Петербург. Но есть и такие местности, где преобладает сельскохозяйственная деятельность, а ремесленная очень ограничена, и при подспорье новейших технических приспособлений производит только самое необходимое для домашнего употребления. Таковы наши деревни, рассеянные по всей цветущей стране. Надеюсь, вы не представляете себе какие-нибудь гнезда грязи и нищеты, которые в прежнее время назывались деревнями. Мы сегодня же увидим такую деревню, общий тип, повторяющийся в Палестине в бесчисленных видах на восток и на запад от Иордана.

Они проехали мост через Кишон и экипаж быстрее покотился меж двумя рядами лимонных и апельсиновых рощ. Из зелени листвы весело выглядывали красные и золотистые плоды.

– Черт меня побери, ведь это Италия! – сказал Кингскурт. – Культура – великое дело! – громко ответил Штейнек, словно возражая кому-то. – Мы, евреи, ввели здесь культуру.

Решид-бей мягко улыбнулся:

– Простите, милейший человек! Это было еще до вас. Еще отец мой разводил апельсины, и в большом количестве.

Он обратился к Кингскурту и указал ему, пальцем на сад по правую сторону от дороги.

– Я это знаю лучше нашего милого Штейнека. Вот это сад моего отца; теперь он принадлежит мне.

Общество залюбовалось прелестным садом с цветущими деревьями и золотившимися на ветках плодами.

– Да я не отрицаю того, что у вас уже до нас было кой-какое производство, но сбывать его вы можете только теперь.

Решид-бей утвердительно кивнул головой.

– Совершенно верно. Наши доходы значительно поднялись. Вывоз апельсинов увеличился в десять раз с тех пор, как у нас имеются хорошие пути сообщения. Да вообще с вашим переселением в Палестину страна стала неузнаваемой.

– Один вопрос! – вставил Кингскурт. – Надеюсь, он никого не обидит, для этого мои новые друзья слишком умны. Переселение евреев в Палестину не принесло несчастья прежним жителям. Это не вынудило их уехать отсюда? Я разумею массовую эмиграцию. То, что несколько человек нашли нужным обратиться по добру, по здорову – в счет ведь нейдет.

– Что за вопрос! – ответил Решид. – Это было благословением для всех нас. Прежде всего, разумеется, для землевладельцев, которые продавали свои участки еврейской общине; за высокие цены. Многие вначале воздерживались от продажи и выжидали еще большего повышения цен. Я, с своей стороны, считал для себя выгодным продать свою землю.

– Да, ведь, вы говорили, что сады, мимо которых мы проезжали – ваши?... – Конечно! Я их продал, и тотчас взял их в аренду,

– Зачем же вы продали их?

– Потому, что это было выгоднее для меня. Так как я хотел примкнуть к Новой общине, то я должен был подчиниться: ее уставу. А члены общины не имеют

никакой земельной собственности.

– Значит, Фридрихсгейм не вам принадлежит, Литвак?

– Земля – нет. Я ее арендовал только до ближайшего юбилейного года, как и Решид-бей свои сады.

– Юбилейный год? Объясните, пожалуйста, точнее, что это за штука! Я, кажется, много вещей проспал на своем острове.

– Юбилейные года не новость – сказал Давид. – Это очень старинное постановление нашего пророка Моисея. После семью-семь лет, значит, на пятидесятом году, проданные земли без убытка возвращаются к первоначальному владельцу. У нас земли вновь возвращаются общине. Уже Моисей имел в виду справедливое распределение земли; он хотел предупредить сосредоточение земельной собственности в одних руках. Вы убедитесь, что мы не хуже служим этой цели. Возрождение земли обогащает не частных лиц, а всю общину.

Штейнек счел нужным предупредить возражение Кингскурта:

– Вы, быть может, скажете, что тогда ни у кого охоты не будет улучшать почву, которая ему не принадлежит, и строить на ней красивые здания?

– О, нет, нет, этого я не скажу. Вы напрасно считаете меня таким дураком. Я думаю, что в Лондоне многие строят свои дома на чужой земле, которая арендуется на 99 лет. Это, ведь, то же самое... Но я хотел спросить, что стало с прежними обитателями страны, у которых не было никакой собственности... с многочисленными аравийским магометанами.

– Тем, у которых ничего не было, и терять нечего было – они могли только выиграть. И они действительно получили больше, чем могли ожидать: работу, пропитание и, наконец, достаток. Трудно представить себе, что-нибудь более жалкое и плачевное, чем арабская деревня в конце девятнадцатого столетия. Крестьяне жили в нищенских лачугах. Дети, грязные, безпризорные, валялись на улицах и росли, предоставленные воле судьбы. Теперь же совсем не то. Великолепные благотворительные учреждения немедленно занялись их положением, даже не справляясь с тем, желательно это им или нет, примкнули они к Новой общине или не примкнули. Когда стали осушать болота, проводить каналы и разводить эвкалипты, оздоравливающие почву, местные человеческие силы, бездеятельные и инертные, тотчас нашли себе применение, и труд – прекрасное вознаграждение. Взгляните-ка на эти поля. А я помню еще, когда я был ребенком, здесь стояли болота. Эту землю Новая община приобрела за бесценок, как негодную почву, и путем усовершенствований довела до высокой стоимости

наилучшей пахотной земли. Посевы принадлежат деревне, которая белеет вон на том холме. Вы видите, где маленькая мечеть... Народ этот стал несравненно счастливее; он теперь хорошо питается, дети растут в хороших условиях, учатся кой-чему. На их религиозные верования, на их обычаи никто не посягает – они получили то, о чем и мечтать не дерзали.

– Презабавный вы народ, магометане! Неужели же вы не смотрите на евреев, как на людей, которые вторгнулись в ваши владения и утвердились здесь в роли хозяев?

– Господи, как странно слушать теперь такие слова! – ответил Решид-бей. – Разве вы смотрели бы, как на разбойника, на человека, который не только ничего не отнимает у вас, но дает вам то, что нужно и полезно вам. Евреи обогатили нас – что же мы можем иметь против них? Они живут с нами, как братья с братьями – за что же нам не любить их? Среди моих единоверцев у меня нет ни одного такого друга, как Давид Литвак. Он может притти ко мне днем и ночью и потребовать от меня все, что он пожелает, и он все получит. И я, с своей стороны, знаю, что могу рассчитывать на него, как на брата. Он молится в другом доме тому же Богу, которому молюсь и я. Но храмы наши стоят рядом, и я всегда думаю, что молитвы наши, поднимаясь к небесам, сливаются где-то в вышине, и совершают последний путь к Господу Богу, слитые в одно пламенное обращение.

Искрениый серьезный тон его слов растрогал слушателей. Кингскурт закашлял..

– Гм!.. Гм!.. Так, конечно! Это звучит очень красиво!.. Но, ведь, это говорите вы, образованный человек. Вы учились в Европе. Ведь, эти слова исходят не от простолюдья, от крестьян, от рабочих..

– Скорее именно от них, мистер Кингскурт. Вы простите меня, пожалуйста, но веротерпимости я на западе не научился. Мы, магометане, издавна лучше сживались с евреями, чем вы, христиане. Уже в то время, когда здесь появились первые еврейские колонисты, в конце прошедшего столетия, часто случалось, что спорящие арабы избирали в судьи еврея, или же обращались к представителю еврейской колонии за помощью, советом или решением спорного вопроса – при таких условиях, разумеется, полное сближение было вполне осуществимо. До тех пор, пока направление доктора Гейера не получит перевеса, до тех пор и будет длиться счастье нашей общей родины.

– А что это за Гейер, о котором я столько слышал?

Штейнек побагровел и заговорил громовым голосом:

– Проклятый ханжа, краснобай, подстрекатель, богохульник! Он хочет отравить нашу отрану ядом нетерпимости, этот негодяй! Я, по природе, очень сдержанный и

спокойный человек, но, когда я вижу такого нетерпимого лицемера, мною овладевает непреодолимое желание его задушить.

– Ах, так вы толерантный? – со смехом спросил Кингскурт. – Ну, воображаю, какой у вас сдержанный народ нетолерантные.

– У этих господ, обыкновенно, очень кроткий вид, – пошутил Давид.

Автомобиль оставил за собою равнину и повернул на восток, в холмистую местность. Склоны холмов были застроены до самых вершин, каждый клочок земли использован. На более крутых уступах возвышались террасы, как во времена царя Соломона здесь росли гранаты, фиги и виноград. Множество рассадников говорило об усилиях и просвещенном старании населения культивировать эту неблагодарную почву. На гребнях гор темнели силуэты пиний и кипарисов, красиво и отчетливо выделявшиеся на светлом фоне лазурного неба. Экипаж въехал в прелестную долину, поразившую путешественников изобилием цветов. Пред ними словно раскинулся яркий ковер, раскрашенный белыми, желтыми, красными, голубыми и зелеными тонами. Им казалось, что они очутились в каком-то душистом море. Легкий ветерок поминутно приносил новые волны ароматов, которые сливались с игрою красок и неуловимой нежной мелодией, дрожавшею в воздухе, в одну дивную, чарующую симфонию. На изумленные вопросы Кингскурта и Левенберга, Давид и Решид-бей объяснили им, что здесь разведено огромное цветоводство для парфюмерных фабрик. Вся долина представляла собой один сад, в котором росли в несметных количествах розы, нарциссы, туберозы, жасмин, герань и фиалки. Крестьяне, работавшие близ проезжей дороги, встречали проезжавших радостными приветствиями, на которые Литвак, Решид-бей и Штейнек любезно отвечали. У всех трех, повидимому, было много знакомых среди этих бодрых, крепких крестьян. В поселке, называвшемся Сефорис, автомобиль в первый раз остановился. На площади, перед греческой церковью, Давид вышел из экипажа, и, извинившись перед своими друзьями, вошел в нарядный церковный домик; он должен был навестить своего друга, русского священника. Остальные тоже вышли из автомобиля и подошли к недалекому холму, на котором находились развалины старинной церкви. Отсюда открывался великолепный вид на цветущую равнину, вплоть до самого Кармеля. И Мириам рассказала, что когда-то здесь был христианский храм в честь Иоахима и Анны, родителей пресвятой Марии, которые жили здесь. Новая греческая церковь принадлежит колонии русских христиан, основавшейся вокруг Сефориса. Давид в очень хороших отношениях со священником и хочет пригласить его с собою в Тибериаду на первые дни еврейской пасхи. Скоро появился и Давид в сопровождении благообразного, высокого попа, который очень сожалел, что не может сейчас же ехать с ними. Он мог поехать только после обеда электрической дорогой на Назарет, и рассчитывал, тем не менее, раньше их быть у родителей Литвака.

Компания сердечно простилась с симпатичным священником, и автомобиль

покатил на север, к широкой равнине.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

II

Стеклянная стенка между передним и средним отделениями экипажа была спущена для облегчения разговора с Кингскуртом. После Сефориса пришлось еще остановиться перед железнодорожной рогаткой, так как в эту минуту по полотну мчался курьерский поезд. Кингскурт и Левенберг удивились отсутствию трубы при локомотиве и им объяснили, что этот поезд, как на всех почти палестинских дорогах, приводится в движение электричеством. Это было одно из преимуществ введения новой культуры в этой стране. Именно потому, что до конца девятнадцатого столетия она была в полном запущении, в каком-то первобытном состоянии, можно было сразу воспользоваться всеми новейшими завоеваниями в области техники. То же самое было при постройке городов, проведении каналов и железных дорог, в сельском хозяйстве и промышленности. В распоряжении еврейских переселенцев, хлынувших сюда со всех концов света, имелся многолетний опыт всех культурных народов. Образованные люди, которые явились сюда из университетов, технических, сельскохозяйственных и коммерческих школ цивилизованных государств, были вооружены всевозможными знаниями. И вот эта бедная, молодая интеллигенция, силам которой не было никакого применения в антисемитских странах, которая там представляла собою безнадежный, вечно протестующий пролетариат – эта образованная и преждевременно разочарованная еврейская молодежь была благословением для Палестины, потому что она принесла с собою новейшие знания во всех областях науки.

Фридрих вспомнил слова, сыгравшие такую видную роль в его жизни, и обратился к своему другу с непонятным для других вопросом:

– Образованный, разочарованный жизнью молодой человек, вы помните, Кингскурт? Ничего удивительного, что явился еврей. В то время среди нас было много таких, мы все почти были такие.

– Но вы чертовски хитрый народ, – сказал Кингскурт. – Нам вы оставили старое железо, а вы сами катите на новых машинах.

Штейнек загудел в ответ:

– Да с какой же стати нам было пользоваться старым, когда мы за те же деньги могли получить новейшие лучшие машины. Впрочем, то, что вы видите здесь, уже в девяностых годах. прошедшего столетия было в Европе и Америке, в особенности в Америке. Американцы значительно опередили Старый свет, и мы, разумеется, многое позаимствовали у них.

– Для нас, – добавил Давид. – Переход к лучшим новейшим путям сообщения не связан был с такими крупными денежными жертвами, как в других странах, потому что нам нечего было уничтожать. У нас не было нужды пользоваться плохими машинами до тех пор, пока они не стали бы совершенно негодными. Наши вагоны снабжены всевозможными удобствами: вентиляцией, ярким светом ; в них нет ни дыма, ни пыли, и при очень значительной скорости вы почти не ощущаете тряски. Вагоны рабочих поездов не напоминают собою хлева, как в прежнее время. Народное здоровье для нас – вопрос большой важности. Вам, вероятно, не безинтересно знать, что стоит у нас пользование железными дорогами. Для пассажирских поездов мы установили ту же тарифную систему, которая введена была в Бадене, в правление доброго и мудрого великого герцога Фридриха. Мы хотели всячески облегчить в общих интересах поиски работы. У нас немыслимо, чтобы по причине высокой проездной платы катили пустые поезда из одного места, где людям нужен хлеб, в другое место, где нужны рабочие силы. От Ливана до Мертвого моря и от побережья Средиземного моря до Джолана и Гаурана тянутся рельсы, обогащающие страну. Разумеется, грузовой тариф, как внутренний, так и транзитный, весьма повышенный, так как у нас имеются житницы и гавани в Малой Азии и северной Африке... Но об этих социальных и экономических преимуществах железных дорог я теперь говорить не буду. Все, это вещи вам известные, хотя вы провели двадцать лет вне мира. Все это люди знали уже двадцать лет тому назад.

– При всей своей глупости, – любезно вставил Штейнек.

Давид продолжал:

– Но чего никто не, знал, так это красоты нашей дорогой страны. Много, правда, создано здесь культурным трудом, но природная красота, данная ей Богом, целые столетия никому не была известна. Найдете ли вы в мире другую страну, в которой во все времена года вы могли бы наслаждаться весной. У нас есть теплые, умеренные, холодные пояса, лежащие недалеко друг от друга. На юге Иорданской долины почти тропический пейзаж, на всем морском побережье благодать итальянской и французской Ривьеры и недалеко от великолепной цепи Ливанских и Антиливанских гор – покрытый снегами гордый Гермон. И все эти места на расстоянии нескольких часов езды друг от друга. Господь благословил страну нашу.

– Да, – сказал Решид, – у нас езда большое удовольствие. Я часто, без всякой цели, сажусь в вагон и езжу только для того, чтобы любоваться пейзажем из окон вагона.

– Любезнейший хозяин! – сказал Кингскурт Давиду, – отчего же вы нам не предложили этого удовольствия вместо сего удивительного Ноева Ковчега? И, по правде сказать, я не нахожу, чтобы мы мчались с особенной быстротою...

Давид стал извиняться:

– Я по двум причинам не предложил вам поехать по железной дороге. Во-первых, потому, что из автомобиля вы имеете возможность видеть больше интересных для вас вещей. Во-вторых, потому что в пасхальные дни на линии Хайфа-Назарет-Тибериада масса иностранцев, прямо несметные количества паломников, едущих поклониться Святым местам. Правда, эта космополитическая, пестрая, разноплеменная толпа представляет собою в высшей степени интересное зрелище. Но я хотел ознакомить вас раньше с органической жизнью нашей страны.

– Ну а как же вы разрешили вопрос о Святых местах? – спросил Фридрих.

– Очень просто, – ответил Давид. – Когда сионистское движение в конце прошедшего столетия выдвинуло этот вопрос, многие евреи считали его неустрашимым препятствием к достижению желанной цели. И вам, доктор, благодаря вашему долгому отшельничеству вопрос этот кажется, по-видимому, неразрешимым. Но печать, обсуждавшая этот вопрос, и влиятельные государственные деятели и иерархи выяснили, что препятствие существует только в воображении мнительных евреев. Святые места, ведь, с незапамятных времен находятся в государственном владении не христиан. Так как крестовые походы давно прекратились, то постепенно создался другой и более идеальный взгляд на подвластное положение освященных верою мест. Готфрид Бульонский и его добрые рыцари терзались мыслью о том, что Палестина находится в руках мусульман. Таких чувств у рыцарей девятнадцатого века уже не было. А как относились к этому вопросу правительства? Отважился ли какой-нибудь парламент предложить экстренную ассигновку на завоевание Святой Земли? Положение дела было таково, что такая война велась бы скорее против других христианских держав, чем против султана. Это был бы крестовый поход не против Турции, а против другого креста. И, таким образом, пришли к общему соглашению, что для общего мира необходимо удержать так называемый status quo. Но это было только практическое политическое соображение. В то же время шла также эволюция духовного взгляда на вещи. О фактическом владении кем-либо Святой Землею не могло быть и речи. Религиозное чувство могло скорее удовлетвориться сознанием, что Святая Земля не принадлежит никому, не подчинена никакой земной власти. По положению, заимствованному из римского права, все священные места объявлены были, как *res sacra, extra commercium*. Это было единственное,

вернейшее средство сделать их навеки общим достоянием правоверных христиан. И когда вы будете в Назарете Иерусалиме или Вифлееме, вы увидите вполне мирные толпы богомольцев. Меня, убежденного еврея, эти картины самозабвенного преклонения перед святыней трогают и волнуют до глубины души.

– Когда вы приезжаете в Вифлеем или Назарет, вы невольно вспоминаете описания Лурда, – сказал Штейнек. – Такая масса народу, множество монастырей, новых отелей, постоялых дворов!

Увлеченные разговором, они и не заметили, как проехали значительную часть равнины. Это было огромное пространство, засеянное пшеницей, ячменем, маисом и хмелем, маком и табаком. В долине и на склонах гор белели деревушки и выделялись размерами хозяйственные службы.

На пышных сочных лугах паслись стада коров и овец. Здесь и там сверкало железо сельскохозяйственных машин. И в лучах весеннего солнца весь пейзаж делал впечатление картины полного, безмятежного счастья. Они проехали несколько деревень, заглядывали в крестьянские дворы, видели мужчин и женщин за работой, резвившихся ребят и стариков, гревшихся на солнышке перед домами своих детей. Кингскурт и Левенберг обратили внимание на то, что чем дальше они ехали, количество пешеходов увеличивалось. Все направлялись, по-видимому, к югу, к расположенной на холме обширной колонии. Они обгоняли пешеходов, мужчин и женщин, которые кланялись им и кричали «Гедад!» Некоторые же кланялись неприветливо, или же вовсе отворачивали голову в сторону. Оживление на дороге возрастало. Из каждой попутной деревушки выходили люди и быстро следовали за автомобилем, некоторые даже бежали. Было много всадников несколько велосипедистов старались обогнать автомобиль. Гости Давида скоро сообразили, что жители этой местности, очевидно, предупреждены почему-то об их приезде и встречают их. Так оно в действительности и было. Колония, с превосходными службами, великолепным скотом, отлично возделанными полями, называлась Нейдорф. И все говорило здесь о высокой культуре и полном достатке. Перед нарядным домом местного управления ждала группа людей, и, когда автомобиль остановился, раздалось дружное и громкое «гедад» сотни голосов.

– «Гедад» – это то же, что «ура», – объяснил Решид Кингскурту, когда они выходили из экипажа.

– Я тотчас подумал, что это означает «ура» или «долой» – ответил старик.

Они хотели было войти в дом, когда небольшой хор чистенько одетых школьников, под управлением учителя затянул древнееврейскую приветственную песнь. Они молча выслушали приветствие. Фрицхен повеселел и, подпрыгивая на руках своей кормилицы, храбро подтягивал. Затем выступил представитель общины, Фридман, крепкий и коренастый крестьянин, лет сорока, и произнес

небольшую речь, в которой приветствовал гостей, особенно предводителей партии Литвака и Штейнека. Он говорил на русско-еврейском диалекте.

– Черт побери! – сказал Кингскурт на ухо Давиду. – Я и не знал, что вы предводитель партии.

– Временно только, мистер Кингскурт, недели на две, не больше; это не моя профессия.

В это мгновение из толпы вышел другой крестьянин, тоже плотный человек, с загоревшим здоровым лицом. Он несколько смущенно мял шляпу в своих мозолистых руках и нетвердым голосом произнес:

– Господин Литвак, господин Штейнек, быть может, вы и мне позволите что-нибудь сказать!

Несколько пар кулаков протянулись к неожиданному оратору:

– Нет, не надо! Менделю слова не давать!

Но Мендель упрямо отоял на своем месте, протест, по-видимому, только усилил его решимость.

– Я буду говорить!

Поднялся шум. «Нет! нет!» – кричало большинство. Приверженцы Менделя кричали: «Да, да! пусть говорит!» – Давид поднял руку. Толпа притихла.

– Конечно, – сказал он, – пусть говорит!

Мендель с насмешливой улыбкой обратился к своим противникам:

– Видите, господин Литвак, умнее вас! Ну вот... я хотел только сказать... Фридман не говорил от имени всей общины.

Опять шум и крики: «Да! да! Он представитель общины».

Мендель невозмутимо продолжал:

– Он может приветствовать гостей, да! Это он должен делать. И он приветствовал их от имени всех жителей Нейдорфа. Мы люди вежливые. Но как предводителей партии он не может приветствовать их. У нас есть еще другая партия и это далеко

не партия господина Литвака. Это все, что я хотел вам сказать, господин Литвак и господин Штейнек!

Волнение улеглось. Повидимому, многие согласились с Менделем, так как, признавая долг гостеприимства, он требовал только соблюдения принципа партийности.

– Ого! – заметил Кингскурт. – Да мы никак попали во враждебную страну.

– Во всяком случае нас здесь не съедят, – ответил архитектор. – Мы приехали сюда, чтобы обратить их. Уж я как-нибудь справлюсь с этими мужицкиии башками... Но, ради Бога, где же моя речь! Он перерыл свой ручной сак. – Ее здесь нет! – С отчаянием заявил он.

Сара рассмеялась...

– Да, ведь, вы говорили, что она в саквояже! – Я вспомнил сейчас, что положил ее в корзину

– Говорите тогда экспромтом! – посоветовала Мириам, лукаво улыбаясь. Штейнек был вне себя. Его импровизации никогда не имели успеха. Вдруг толпа расступилась перед кем-то... «Рабби Шмуль идет! Рабби Шмуль идет!» крикнули несколько человек и почтительно дали дорогу старому согбенному человеку с привлекательным кротким лицом. Он взял руку Давида в свои старческие дрожащие руки, и по той сердечности, с какой он пожал ее, сразу ясно стало, на чьей он стороне

Мириам полушопотом рассказывала гостям историю седого рабби. Он приехал в Палестину с первыми эмигрантами, когда эта цветущая равнина представляла собою бесплодную пустыню, равнина Асочи, вот под теми северными холмами – одно сплошное болото, и широкая Израильская долина на юге – тоже далеко не отрадную картину. Рабби Самуэль был утешителем и духовным пастырем жителей Нейдорфа, большей частью выходцев из России, которые начали культурную борьбу с древней родною страной. Он до глубокой старости оставался сельским раввином, хотя его не раз приглашали к себе общины больших городов. Так как благодаря своей праведной мудрой жизни он пользовался широкой известностью и уважением, восточная часть колонии, где находился домик раввина, называлась садом Самуэля. И в праздничные дни, когда рабби Самуэль говорил проповеди в Нейдорфской синагоге, богомольные люди из дальних мест приходили послушать его. Представитель общины предложил гостям закусить и освежиться. На лужайке перед домом правления сооружен был на скорую руку шатер. На высоких шестах и деревьях натянули длинные полосы парусного полотна, которое вполне защищало от солнца.

Толпа направилась к шатру. Легкие подмости служили ораторской трибуной. Перед нею стоял ряд стульев для рабби Самуэля и гостей. Затем шли ряды скамей для остальных присутствующих. Фридман говорил первым и убеждал публику не прерывать оратора, даже в случае полного несогласия с ним. Этого требует добрая слава Нейдорфа. Затем он предоставил слово архитектору. Штейнек взошел на возвышение, откашлялся несколько раз и начал, запинаясь сначала, но с каждой минутой все больше оживляясь:

– Дорогие товарищи! Со мною...гм...гм... Со мной случилось несчастье...гм... гм... в дороге. Я, видите ли...гм...гм... потерял свою речь... Я, надо вам знать, гм... гм... приготовил для вас речь. Это была...гм... прекрасная, превосходная речь. Можете мне поверить на слово, потому что все равно вы ее не услышите.

Слушатели смялись. Штейнек продолжал:

– Наша община переживает теперь гм... гм... серьезный момент. Гм...гм...я повторяю – серьезный момент. Оратор вытер пот.

– Вам желательно, друзья мои, чтобы я развил свою мысль. Но прежде, чем остановиться на этом, гм... гм... я хотел бы напомнить вам прошлое. Что это было за прошлое... ваше, наше прошлое? Гм... Гетто!

Крики: «Верно! верно!». – Кто вывел вас из этого гетто?.. Кто?.. Кто?..

Мендель громко ответил:

– Мы сами!

Штейнек мгновенно загорелся:

– Кто? Кто мы сами? Мендель, или кто либо другой?

Мендель опять крикнул:

– Народ!

– Прошу меня не прерывать! Впрочем, я понимаю Менделя. Народ – да!.. Конечно, народ. Гм... гм... Но народ один не мог этого сделать. Наш народ рассеян был по всему миру небольшими беспомощными группами. Надо было прежде объединить его для того, чтобы он мог сам себе помогать.

Мендель опять зашумел:

– Да, да! вожди!.. Эту сказку мы знаем.

Но тут Фридман крикнул громовым голосом:

– Молчать, сказано тебе! Прошу вас, господин Штейнек, продолжайте.

– Гм... да, я продолжаю. Вожди, говорит Мендель. И, кажется, не без иронии. Но это правда. Гм... Чем был тогда ваш Гейер, который теперь подстрекает вас? Я могу вам это сказать. Ваш доктор Гейер был тогда антисионистский раввин. Я его знал. Он был даже тогда нашим ярким противником, но отстаивал другие идеалы, совершенно другие. В одном только он остался неизменен. Я вам скажу, чем он был, что он и чем он будет всегда. Он всегда был, есть и будет карьеристом. Когда мы, первые сионисты, поставили себе первую целью разыскать наш народ и нашу страну, доктор Гейер нас ругал... да, доктор Гейер ругал нас глупцами и обманщиками.

Молодой крестьянин, лет двадцати пяти, подошел к трибуне и вежливым тоном заговорил:

– Извините, господин Штейнек, это невозможно. Ведь, всегда известно было, что мы евреи – народ, что Палестина – наша страна. Быть не может, чтобы доктор Гейер когда-либо утверждал противное.

– Нет! Он это утверждал! – кипятился Штейнек. – Он отрицал существование народа и не признавал в Палестине нашу родину. Он читал слово «Сион» в священном писании и ложно его толковал своим слушателям. Под словом Сион – надо понимать не Сион, а что-то другое! Какое угодно толкование можно, мол, придать ему, но только не настоящее, не истинное! Сион, по его мнению, был, везде, но только не в Сионе!

Несколько человек крикнули:

– Нет, нет! Гейер этого не говорил. Это невозможно!

Но в эту минуту встал рабби Самуэль. Опираясь одной дрожащей рукою на палку, он поднял другую и толпа мгновенно затихла.

– Это правда! – сказал он. – Такие раввины были. Быть может, и Гейер был таким. Я этого не знаю. Но раз Штейнек говорит, я ему верю! Такие раввины были, были...

Штейнек взволнованно и горячо продолжал:

– Проповедники «ближайшей выгоды» в то время тормозили народное дело, и этот Гейер продолжает здесь то же дело. В то время он и слушать не хотел о Палестине. Теперь он страстный поборник палестинской идеи. Он патриот, он преданный слуга своей родины, а мы льнем к иностранцам, мы плохие евреи и, пожалуй, даже чужие в его родной Палестине. Да, он желает рассорить нас с общиной. Он сеет недоверие между нами. Он благочестиво смотрит на небо и в то же время зорко высматривает ближайшую выгоду. Прежде, во времена гетто, богатые члены еврейской общины были влиятельнейшими лицами, и он говорил то, что могло быть угодным богачам. Богачи не сочувствовали национальной палестинской идее, и он излагал роль еврейства с точки зрения их буржуазных интересов. Он говорил, что еврейскому народу незачем возвращаться на родину, потому что это нарушило бы идиллическое благополучие коммерции советников и банкиров. И он и ему подобные придумали басню о миссии еврейства. Еврейство должно, мол, быть рассеянным по всему миру, чтобы поучать народы. Если бы народы и без того не презирали и ненавидели нас, они уже за одно такое наглое самомнение должны были поднять нас на смех. В действительности же, мы никого не поучали, но сами получали уроки, изо дня в день, кровавые, жестокие – пока мы не взяли за ум и не стали искать вновь в насши выход из неволи. Ну да, тогда, конечно, и д-р Гейер явился сюда со своей ханжеством и наглостью. А наши еврейские общины, слава Богу, не похожи на еврейские общины в Европе, у нас не богачи создают законы, а весь народ. Представительство в общинах уже не служит патентом на выгодные аферы, как в прежние времена. В представители избираются не богатые, а дельные и честные люди. При таких условиях надо, разумеется, льстить инстинктам толпы. И, следовательно, надо сочинить какую-нибудь теорию о ближайшей выгоде народа. И вот, он начал войну против допущения в страну иностранцев. Неевреи не должны приниматься в общину. Чем меньше народу садятся за стол, тем больше достается на долю каждого. Вы думаете, быть может, что в этом ближайшая ваша выгода? Но тогда вы глубоко ошибаетесь. Страна обеднеет и придет в упадок, если вы проведете свою глупую бездушную политику. Мы стоим на том, чтобы каждый, послуживший общине честно и добросовестно два года, мог стать членом общины, какой бы, национальности и вероисповедания он не был. И я убеждаю вас не отступать от того, что создало вашу силу, от свободомыслия, веротерпимости и человеколюбия. Только при соблюдении верности этим заветам Сион останется Сионом. Вы будете выбирать делегата на конгресс. Выбирайте человека, который думает не о ближайшей выгоде, но о будущем нашей родины. Если же вы выберете гейерианца, то вы не стоите того, чтобы вас освещало солнце нашей священной страны. Да! Я все сказал, что хотел вам сказать!

Успех был невелик. Моментами оратор достигал довольно значительного впечатления на слушателей, но конец, по-видимому, расхолодил их. Одному только слушателю понравились заключительные слова речи и он сказал это архитектору, когда тот, обливаясь потом, опустился подле него. Это был мистер Кингскурт, но у него не было права голоса в Нейдорфе.

mail.ru	1184
3685162	124

Hotlog	
1048159	+143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Ш

– Кто еще желает говорить? – спросил Фридман, председатель собрания.

– Я! – крикнул Мендель, и одним прыжком очутился –на трибуне.

– Господин архитектор Штейнек говорил нам речь. Конечно, это была прекрасная речь – спору нет, но это была и грубая речь.

Фридман прервал его:

– Слушай, Мендель! Не смей оскорблять никого: этого я не позволяю!

Но Мендель ответил:

– Оскорблять? Кто оскорбляет?! Он нас оскорбил. Он сказал, что. мы не стоим того, чтоб нас солнце освещало. Почему мы этого не стоим? Потому что мы не хотим пустить сюда всяких проходимцев. Кто здесь трудился? Кто здесь работал в поте лица? – Мы! Кто сушил болота, рыл канавы, сажал деревья? Кто мерз здесь и бедствовал, пока достигнуто было то, что есть теперь? – Мы, мы, мы! И вдруг это все будет не наше? Ну, это еще что такое? Когда мы приехали сюда, здесь ничего не было, ничего. Теперь здесь образцовое хозяйство. Но это создано нашим потом, нашей кровью, нашим трудом. В этих умничаниях о ближайшей и продолжительной выгоде я ничего не понимаю. Быть может, вы это понимаете лучше моего? До того, что доктор Гейер раньше говорил, до того мне тоже никакого дела нет. Теперь он прав. Это я знаю! То, что мы создали своими руками, должно остаться нашим. Этого мы никому не отдадим, никому! Вот! Больше мне нечего сказать!

Несколько человек робко выразили ему свое сочувствие; очевидно, из уважения к гостям слушатели воздерживались от более шумного выражения одобрения. После Менделя на трибуну взошел Давид Литвак. Лицо его было очень серьезно. Он

заговорил твердым, звучным голосом:

– Друзья мои, выслушайте меня! Вы знаете – я ваш по плоти и крови. Я работал на поле, как и вы, бок-о-бок с моим отцом. Я живу теперь в других условиях, но мне знакомы заботы и нужды крестьянской жизни. Я понимаю ваши опасения и тревоги, но говорю вам: Мендель не прав! Во-первых, никто не хочет отнимать у вас что-либо. Если бы кто-либо на это посягнул, я до последней капли крови боролся бы за ваши права. Нет! Дело вовсе не в том. Об ограничении ваших прав и речи быть не может. Плоды трудов ваших останутся у вас и будут только умножаться. На чеку у нас совершенно другой вопрос. Мендель заблуждается. Во-первых, он заблуждается, полагая, что все, что у нас есть, дело только ваших рук. Ваши руки трудились над этим, но не ваши головы это выдумали. Правда, вы, слава Богу, не так невежественны, как крестьяне в прежние времена, в других странах, но вы не знаете истории тех счастливых условий, в которых вы теперь живете. Что такое Нейдорф? Кто не знает истории колоний, может только изумиться, встретив по старой древнеримской дороге в Тибериаду, в Wadi Rummanc эту цветущую местность. Я выехал сегодня из дому с двумя чужеземными гостями; я с гордостью показывал им наши поля, на которых цветет теперь ячмень, наши луга и садоводства, наши зеленые сады и уютные дома; наш скот и машины, наше орошение и побежденные болота. Я говорю «наши», хотя мне лично ни одна голова скота, ни одна пядь земли не принадлежит. Все ваше. Но я чувствую себя здесь дома и могу говорить «наше». И если меня мои гости спросят: «Кто создал это здесь в короткий двадцатилетний срок?» – я отвечу, как Мендель: «Мы, мы, мы!» Да, но каким образом? Неужели мы так просто пришли и стали работать нашими руками, как говорит Мендель? Нашими руками, непривычными дотоле к полевой работе? Как могли мы достигнуть таких результатов, какие никогда раньше не достигались? По крайней мере, они никогда не достигались до тех пор, пока немецкие протестантские крестьяне не явились сюда в конце девятнадцатого столетия и основали отдельные колонии. И мы последовали примеру этих трудолюбивейших из трудолюбивых и даже их превзошли. Как это свершилось? Правда, вы работали со всем восторженным увлечением, которым окрыляла нас, евреев, любовь к нашей святой земле. Для всех других это была бесплодная почва для нас – это была наилучшая, потому что мы удобряли ее своей любовью. Наши первые знаменитые колонисты еще тридцать лет тому назад это доказали. И все же, те колонии не представляли собою мало-мальски интересного явления, так как основаны были на ложных принципах. Со всеми своими новейшими машинами, они все же могли повторить только тип старой деревни. У вас же новейший тип деревни, и это дело не одних только ваших рук, друзья мои. Если я скажу вам, что Нейдорф создан вовсе не в Палестине, а в другом месте, вы примете слова мои за шутку. Нейдорф создан в Англии, Америке, Франции и Германии. Он создан из книг, из опыта и грез. Неудачные опыты разных деятелей и мечтателей сослужили вам великую службу. Вы этого вовсе не знаете. И раньше были крестьяне, не менее трудолюбивые, чем вы, но труды их были безуспешны, Крестьянин старого типа не знал своей собственной земли, он не знал, что содержит в себе его земля, так как

представления не имел о том, что ком земли можно подвергнуть химическому исследованию. Он обливался потом, тратил больше сил, чем нужно было, не умея выбрать ни подходящего места, ни подходящих средств. Труд прежних крестьян не мог быть производителен, как ваш труд, потому что он жил, как в тумане. Если ему нужен был кредит для разных улучшений, он входил в долги, отягощавшиеся процентами, и наилучший урожай уже на корню был собственностью его кредиторов. Поля его не были застрахованы ни от града, ни от вредных насекомых. Создать искусственное орошение и осушение своей земли он, разумеется, бессилён был один. При недороде он впадал в нищету, и хороший урожай его не обогащал, потому что он не мог найти рынок для сбыта. У него было или слишком много, или слишком мало рабочих сил. Он не имел возможности учить своих голодных детей, и они вырастали в такой же темноте, в таком же невежестве, как он и его предки. И когда появлялись новые пути сообщения, то казалось, что они все придуманы были только на погибель старых крестьян. Крупных землевладельцев машины обогащали, мелкие же ещё более беднели. Явилось новое рабство. Свободный крестьянин надевал ярмо зависимости от помещика, а его дети уходили в фабричную неволю. Обнищание крестьянства было для старого общества самым серьёзным и грозным симптомом надвигающейся опасности. Люди, преданные своей родине, очень скорбели об этом, изучали историю, трудились и придумывали средства, чтобы предотвратить общий экономический кризис. На помощь призывался многовековой опыт, наука. Все сознавали, что в эпоху машин условия человеческого существования зависят от познания природных сил и победы над ними. Деятнадцатый век был несчастной эпохой в истории человечества. В начале этого замечательного века верили безумным фантазерам и практических изобретателей считали сумасшедшими. Великий Наполеон не верил в полезность парового судна Фультона. Стефенсон и Табэт, икарыйский мечтатель – были современники. Я мог бы привести вам ещё много имен, которых вы никогда ещё, быть может, не слышали...

Все спокойно и внимательно слушали это вступление, имевшее скорее характер лекции, чем народной речи. Но Мендель воспользовался минутной паузой, которую сделал Давид и, встав, вежливо и громко сказал: – К делу, пожалуйста! Какое отношение это имеет к Нейдорфу?

Давид спокойно ответил:

– Это вы увидите из моих дальнейших слов, друзья мои... Каждой новой машине в этом удивительном девятнадцатом веке являлась навстречу новая социалистическая мечта. Это столетие всегда представлялось мне огромной фабрикой, в которой колесами, винтами, поршнями служили несчастные люди. Из фабричных труб поднимались к синему небу дымные облака. Но эти расплывчатые, причудливые и неуловимые по очертаниям облака олицетворяли собою пленительные упования социалистов на будущее. И когда люди с тоскою смотрели на небо, они видели не прежнюю бездонную лазурь, а дымное серое небо будущей

страны. Но были и более светлые облачка, как, например, знаменитое облако американца Беллами, который в своей книге «Через сто лет» – изобразил благородную идеальную коммуну. Там каждый может есть из общей чаши столько, сколько ему угодно. Там волк пасется бок о бок с овцой. Это прекрасно, это упоительно. Но тогда волки перестанут быть волками и люди – людьми. После Беллами явился романтик Герцка и написал свою утопию «Страна будущего», блестящую волшебную вещицу, напоминающую бездонную шляпу фокусника. Это были прекрасные мечты или, если хотите, воздушные замки, потому что гуманные авторы этих интересных трудов все одинаково заблуждались. Образованнейшие из вас – я знаю, что и в Нейдорфе, как тридцать лет назад в Катра, есть образованные крестьяне – поймут меня, если я скажу, что авторы этих утопий совершали *pehtio rincipi*. Они говорили только о том, что требовало еще доказательств, а именно: что у людей была уже зрелость и свобода суждений, необходимые для создания нового государственного строя. Они, быть может, не сознавали этого и они только не могли найти той точки, на которой Архимед хотел поставить свой рычаг. Они полагали, что машина – это самое необходимое, чтобы создать что-нибудь новое. Нет, для этого нужна только сила, всегда, во все времена только сила. Конечно, если я обладаю силой, я, при подспорьи новейших изобретений, наилучшим образом использую машинное производство. Мы обладали этой силой. Что нам дало ее? Нам дал ее жестокий повсеместный гнет, нам дали ее преследования, нам дала ее нужда. Это собрало рассеянных по всему миру и скрепило в союз. Потому что среди них были не только бедняки, но и богачи; не только юноши, но и старики; не только энтузиасты, но и образованные деятели; не только сильные руки, но и мыслящие головы. Народ, целый народ собрался, вернее, собрался вновь. И мы создали новую общину не потому, чтобы мы были лучшими людьми, но потому что мы были людьми с обыкновенными человеческими потребностями воздуха и света, здоровья и чести, свободы и спокойствия. И так как мы первым делом должны были строиться, то мы, разумеется, построили новейшие дома, а не подражали типам построек 1800 или 1600 года. Все это вполне ясно и понятно. В этом нет большой заслуги, мы ничего необыкновенного не совершили, мы делали только то, что в наших условиях было исторической необходимостью.

Запас терпения у Менделя снова истощился и он закричал:

– К делу, к делу!

– Я скоро кончу, – мягко ответил Давид. – Я хочу только описать начало нашей государственной жизни. Она невозможна была бы без того огромного социально-политического труда, сделанного в 19-м столетии. Многие евреи принимали участие в этом труде, но не одни только евреи. И то, что явилось плодом общих соединенных усилий, ни один народ не может считать своей собственностью. Люди, благодарные или любознательные, вероятно, пожелают узнать что-либо о пионерах на этом счастливом пути. Пальма первенства принадлежит англо-саксонской расе, потому что у англичан мы нашли самые совершенные в то время

формы жизни, которые мы приняли и развили. Немецкая наука тоже сослужила нам большую службу. Кто желает получить более обстоятельные сведения, тому я советую прочитать историю кооперации в Англии, Германии и Франции.

Один молодой крестьянин высоко поднял руку, заявляя тем о своем желании говорить. Фридман заметил этот жест и громко спросил:

– Что скажешь, Яков?

Юноша покраснел, по-видимому, испугавшись своей смелости, и скромно ответил:

– Я хотел только сказать господину Литваку, что у нас в библиотеке есть история пионеров Рогдаля.

– Дайте ее прочитать Менделю, – ответил Давид. – Это прекрасная поучительная книга. Отважные рогдальские пионеры, как их называли, много сделали для вас, т. е. они сделали много для человечества, хотя они думали только о себе. Тем, что вы имеете возможность получать в ваших потребительных обществах наилучшие товары по самым низким ценам, вы обязаны рогдальским пионерам. Если ваш Нейдорф представляет собою теперь цветущую сельскохозяйственную производительную артель, то вы обязаны бедным мученикам из Рахалины в Ирландии. Они тоже не сознавали, какое великое мировое дело они совершали, когда они в 1831 году, при помощи своего помещика, мистера Вандалера, основали первую новую деревню в мире. Да, прошло много десятилетий, пока ученые и умнейшие поняли идею Рахалины. Рогдаль со своими потребительными обществами гораздо скорее был оценен, чем рахалинская деревня на артельных началах. Когда мы основывали нашу Новую общину, мы, разумеется, ввели у себя тип новой деревни. Здесь, в Нейдорфе, нет ничего такого, чего не было уже в Рахалине. Вся разница том, что вместо мистера Вандалера стоит огромный союз, членами которого состоите и вы, а именно – Новая община.

Молодой крестьянин опять поднял руку. И когда оратор удивленно замолк, он тихо и скромно сказал:

– Не расскажете ли вы нам, господин Литвак историю о Рахалине и Вандалере? – С удовольствием, друзья мои!.. В то время Ирландия была бедная страна с несчастным населением. Фермеры были полунищие, доходили даже до воровства и убийства. Но был один помещик, которого звали Вандалер, Его фермеры были самые беспокойные, распущенные в стране люди. В начале 1831-го года бедствие было очень велико. Поселяне из нужды совершили несколько ужасных преступлений. У мистера Вандалера был управляющий, которого рабочие ненавидели за его строгость; при одном столкновении он был убит ими. Что же сделал Вандалер? Нечто великое. Ему пришла в голову сверхчеловеческая мысль:

не наказывать, не мстить, а сделать людям добро. Он созвал ожесточенных, измученных нуждою крестьян, соединил их в одну рабочую артель и отдал артели свое имение Рахалину в аренду. Цель этого союза состояла в том, чтобы они пользовались общим капиталом, поддерживали друг друга, жили в лучших условиях и прилично воспитывали своих детей. Хозяйственные принадлежности до тех пор должны были составлять собственность мистера Вандалера, пока артель выплатила бы стоимость ее. Для этого артель должна была свои чистые доходы вносить в запасной фонд. Артель имела собственное управление. Члены выбирали комитет из девяти человек.. Каждый из них заведывал особым отделом: один – сельским хозяйством другой – промышленностью, третий – торговлей, четвертый – воспитанием детей и т. д. Ежедневные работы распределялись комитетом. Работать обязан был каждый, соразмерно своим силам. Рабочая

плата, которую члены получали от артели, была очень скромная, причем из нее еще вычитывался известный процент на больничный фонд и пр. Они как будто были поденными рабочими фермера, но фермером они были сами. Мистер Вандалер оставил только за собою право высшего надзора за своим опытом. И опыт удивительно удался. Не говоря уже о том, что доходы у мистера Вандалера значительно увеличились, рабочие, жившие дотеле в огромной нужде, стали вдруг обогащаться точно по мановению волшебного жезла. Они работали с увлечением и успехом. Сознание, что они работали для себя, окрыляло их могучею силой. Те же рахалинские рабочие, которые убили своего фохта, без надсмотрщиков быстро и успешно справляли самые тяжелые работы. Они друг за другом присматривали. О ловкости и трудолюбии каждого рабочего велась запись, и в конце недели каждый получал то, что он действительно заслужил. Никакого равенства в зарплатке! Трудолюбивому больше, ленивому меньше!

– Bravo! – крикнул кто-то в толпе, и несколько человек рассмеялось. Давид продолжал:

– Скоро установлено было, что рахалинские рабочие средним числом работают вдвое больше, чем рабочий из окрестных местностей. Между тем это была та же самая земля, те же люди, но они нашли спасительные средства: сельскохозяйственную производительную артель. Рабочая плата выдавалась не деньгами, а марками, которые имели меновую ценность в рахалинском магазине. Но все, что им нужно было, они получали в своем магазине, который тоже принадлежал артели. В магазине имелись товары лучшего качества по оптовым ценам. Историки пишут, что рахалинские жители получали в своем магазине все на пятьдесят процентов дешевле, чем в других магазинах. Каждый член артели был всегда уверен в зарплатке, а следовательно, в хлебе и в теплом угле. Инвалиды и больные получали поддержку и уход. По смерти отца артель принимала на себя заботы о его детях. Впрочем, я не стану излагать вам то, что вы можете узнать из книг. Я лучше пошлю вам для вашей библиотеки книги Веб-Потеро, Оппенгеймера, Леферта, Губера и других авторов.

Молодой крестьянин опять решился вставить вопрос:

– Господин Литвак, что же стало с Рахалиной?

Давид ответил:

– В течение двух лет Рахалина достигла цветущего состояния. Жилища и мебель, пища, платья, образ жизни и воспитание детей говорили о достатке и благосостоянии здоровых, сытых людей. Ежегодные доходы превышали уже арендную плату, и рахалинская артель через несколько лет, вероятно, стала бы собственностью имения, если бы мистер Вандалер сам не погубил свое дело. Вандалер потерял все свое состояние за игорным столом в Дублине и бежал в Америку. Его кредиторы продали Рахалину, артель разогнали и блаженный остров опять потонул в море нужды. Но пример рахалинской артели не прошел бесследно, он был оценен в науке. И когда мы опять привели наш народ, в дорогую родину, мы основали тысячи таких Рахалин. Один Вандалер, разумеется, не в силах был сделать это: для этого нужно было могучее собирательное лицо. И это собирательное лицо – ваша Новая община. Она – ваш помещик, она дала вам землю и машины и ей вы обязаны теперешним благосостоянием. Но и Новая община не сама это сочинила, не основатели ее, не народные вожди это придумали. Новая община зиждется на идеях, составляющих общее духовное достояние всех культурных народов. Вы поняли меня, наконец, друзья мои? С нашей стороны было безнравственно отказывать человеку, откуда бы он ни явился, какой бы национальности, какого бы вероисповедания он ни был – в участии в нашей успешной работе, потому что мы воспользовались знанием и опытом всех культурных народов. И если кто-нибудь к нам примыкает, признает наш государственный строй, принимает на себя общественные обязанности, то он пользуется и нашими правами. Всем, чем мы обладаем, мы обязаны работникам, предшествовавшим нам и, поэтому, мы обязаны выплатить наш долг. А для этого есть один только путь: полнейшая терпимость. Нашим девизом должно быть теперь и всегда: человек, ты брат мой!

Старый рабби Самуэль встал и дрожащими руками захлопал оратору. Толпа последовала его примеру и устроила Давиду шумную овацию. Литвак хотел уже сойти с трибуны, когда Мендель громко крикнул:

– Тогда иностранцы отнимут у нас наш хлеб! Давид остановился и жестом дал понять толпе, что желает еще говорить.

– Нет, Мендель, нет! Вы ошибаетесь! Вновь прибывающие не отнимают у вас хлеб, но обогащают вас. Богатство страны составляют его рабочие силы, – это вы уже знаете. Чем больше будет рабочих, тем больше будет хлеба, при том справедливом и нормальном общественном строе, который существует у нас.

Конечно, вы не отдадите новым эмигрантам ни ваших плодородных полей, ни ваших завоеванных прав. Но если для Нейдорфа желательно, чтобы кругом него появлялись новые колонии, то это желательно для всей страны. Каждый должен создать достаток, которым он желал бы пользоваться, и чем больше у нас будет возделанных земель, чем шире будет промышленность, тем богаче мы будем. Старший из вас, сам принимавший участие в основании Нейдорфа знает это по собственному опыту. Вначале здесь было не более двадцати семейств. Ну, скажите мне, разве плохо было для них, когда явились сюда еще тридцать, еще пятьдесят, еще сто семейств! Я спрашиваю: первые поселенцы разбогатели или обеднели от этого? Слушатели, теперь только понявшие смысл его речи, ответили бурными восторженными криками:

– Литвак прав! Теперь всем лучше живется, лучше, лучше!..

Давид закончил:

– Вот вам мой ответ. Чем больше у нас будет людей, желающих работать, тем лучше будет для всех. Поэтому, не только из любви к ближнему вы должны говорить: «человек, ты брат мой!» – но также из корыстных соображений. Человек, брат! Добро пожаловать! Старшие из вас знают, как пустынна и печальна была эта местность двадцать лет тому назад. Первые поселенцы получили наилучшую землю. Следующие получили землю похуже и сделали ее хорошей. Каменистая почва отала плодородной, болота осушали, потому что на границе цветущей колонии и плохая земля имеет притягательную силу. Теперь Нейдорф представляет собою один огромный сад, один большой великолепный сад, в котором легко и радостно живется. Но все ваши колонии ничего не стоят, и они погибнут, если вы нарушите принципы веротерпимости, великодушия и человеколюбия. Вы должны лелеять их и холить, и свет их будет озарять вашу жизнь. И так как я уверен в вас и жду от вас, я говорю: да здравствует, да здравствует, да здравствует Нейдорф!

Восторг слушателей переходил в экстаз.

– Да здравствует Литвак! Да здравствует Нейдорф! – кричали мужчины и женщины.

Они подняли на плечи оратора, который смеялся и тщетно сопротивлялся, и обнесли его вокруг трибуны.

В этот день доктор Гейер потерял все голоса в Нейдорфе.

mail.ru	1185
3685163	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ
ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

IV

Путешественники осмотрели затем образцовые сельскохозяйственные заведения Нейдорфа. Мистер Кингскурт особенно интересовался химической лабораторией и складом земледельческих орудий. Левенберг дольше оставался в народной школе и в библиотеке с богатыми научно-популярными трудами. Мириам, бывшая в курсе дела в качестве учительницы, давала ему подробные объяснения. Но по мере того, как он узнавал о прекрасных и полезных нововведениях в деле духовного и физическою воспитания подрастающей молодежи, его радостное удивление постепенно сменялось печалью. Он глубоко вздохнул.

– Что с вами, доктор? – участливо спросила Мириам.

– Мне очень тяжело, фрейлейн Мириам. Я вижу, что я не исполнил священного своего долга. Я мог работать, содействовать этому великому делу народного возрождения. Я был образованный человек и должен был понять тогдашнее брожение в еврействе. Но я был занят своим личным горем; я бежал от жизни. Я провел двадцать лет в позорном бездействии. Я сказать вам не могу, как тяжело мне на душе. Мне стыдно.

Она хотела было утешить его.

– Нет, фрейлейн Мириам! Не пытайтесь утешать меня. Ваши слова не могут быть искренни, потому что ни одна минута вашей жизни не пропала бесплодно. Вы из сострадания, разве, можете меня утешать. Мне стыдно моей бездеятельности, моего эгоизма. Образованный еврей моего времени обязан был работать для своего народа. Я позорно бежал от этого долга. Сожалейте меня, фрейлейн Мириам! По крайней мере, не презирайте меня!

– Презирать! Что с вами, доктор? – мягко ответила она. – Презирать вас, благодетеля нашей семьи?

– Ах, пожалуйста, не говорите об этом, – сказал он – Вы только унижаете меня своей похвалой. Я прекрасно понимаю, что никакой похвалы не заслуживаю. Есть известный долг у людей интеллигентных, как в давние времена noblesse oblige. Долг каждого интеллигентного человека содействовать по мере сил своих совершенствованию человечества. При всей вашей доброте, фрейлейн Мириам, вы не можете убедить меня в том, что мне не в чем упрекать себя.

– Но разве теперь поздно? – ответила она. – Вы можете еще поступить в Новую общину и стать полезнейшим членом. Мы искренне рады новым рабочим силам. Вы слышали это уже от моего брата. И как охотно приняли бы вас!

– В самом деле, фрейлейн Мириам? – сказал он с радостным волнением. – Теперь еще не поздно? Я мог бы еще быть полезным человеком?

– Конечно! – ответила она с улыбкой.

В нем вспыхнули, как зарницы, светлые надежды. Он почувствовал себя вдруг помолодевшим. Перед ним заалела заря новой жизни. Но в то же мгновение лицо его омрачилось тенью тяжелого воспоминания, и он опять тяжело вздохнул.

– Ах нет, фрейлейн Мириам! Это было бы слишком хорошо, но я не располагаю собой, я не могу остаться здесь. Я не свободен.

Мириам едва заметно побледнела и спросила едва уловимо-дрожащим голосом:

– Вы не свободны?

– Нет! Я на веки связан с другим человеком.

Она беззвучно сказала:

– Можно спросить, кто это?

– Мистер Кингскурт!

Я он рассказал ей о своих отношениях к старику. Он обязался честным словом никогда его не оставлять. И он может, следовательно, оставаться в Палестине до тех пор, пока любопытство Кингскурта не будет совсем удовлетворено. Лицо Мириам прояснилось. Она спросила:

– А если мистер Кингскурт вернет вам ваше слово?

– Он этого не сделает, если я его об этом не попрошу. Даже одна такая просьба

была бы изменой и неблагодарностью в отношении этого милого человека. У меня нет лучшего друга на свете, и у него нет никого, кроме меня. Что с ним будет, если я оставлю его?

– Он тоже останется у нас, – сказала Мириам. Но Фридрих, насколько он знал старика, считал это совершенно невозможным. В лучшем случае Кингскурт будет ездить по стране еще дня два, или даже недели две, осматривать достопримечательности, но затем, несомненно, отправится дальше в Европу.

Между тем остальные спутники окончили осмотр Нейдорфа. В доме представителя общины Фридмана гостям был предложен скромный завтрак. Они довольно долго сидели за столом, но время прошло незаметно в разговорах о прошлом и будущем Нейдорфа. Большинство поселян, тотчас после собрания, вернулись домой или к прерванной работе. Лишь небольшая группа крестьян, живших в самом центре Нейдорфа, перед отъездом гостей опять собралась вокруг автомобиля и долго махала вслед отъезжавшим гостям шляпами и платками.

Направо и налево дороги тянулись прекрасно возделанные поля, винные и табачные плантации, садоводства. На всем пространстве не было ни одной пяди необработанной земли. Вдали, на клеверном поле, двигалась косилка. Время от времени мимо них проезжали огромные возы с свежим душистым сеном. Мириам объясняла непосвященному в дело Фридриху естественные и экономические условия местности, через которую они проезжали. Здесь и там уже цвели яровые поля, маис и кунджут, чечевица и горох.

По паровым землям ходили электрические плуги и вспахивали еще чуть влажную после зимы почву, подготавливая ее для ближайшего зимнего посева. Табак уже высоко поднялся над землей, и крестьяне заботливо вырывали один из двух ростков, которые предусмотрительно сажаются один подде другого. Хмель уже был в полном цвету, и поселяне подпирали лозы сучьями эвкалипта; другие пользовались для той же цели проволоками. Те, которые подпирали лозы сучьями эвкалипта, не подрезали ветвей для того, чтобы хмель мог пышнее переплетаться и имел защиту от солнца. Архитектор Штейнек вмешался в разговор и пропел хвалебный гимн эвкалипту, этому великолепному австралийскому дереву, которое в несметных количествах и безчисленных видах привезено было в Палестину, когда там началась культурная правильная работа. Без эвкалипта, который, помимо своей красоты, во многих отношениях чрезвычайно полезное дерево и с волшебной быстротой осушает болота, – без этого эвкалипта, быть может, и сделать ничего нельзя было бы и, наверное, не удалось бы достигнуть таких быстрых блестящих результатов.

– Да, да, – шутливым тоном сказала Сара – Штейнек из благодарности даже увековечил эвкалипт. Его излюбленные орнаменты на домах это – ствол и ветви эвкалипта.

Настроение у всех было приподнятое, радостное. Был чудесный весенний день. На лугах пестрели ковры цветов, здесь были тюльпаны и незабудки, и лилии, и великолепные орхидеи. Местами росли на полях разбросанными группами миндальные и шелковичные деревья.

Дорога пошла романтическим ущельем. По обеим сторонам громоздились скалы с зияющими пещерами, в которых скрывались когда то от врагов защитники еврейского народа. Давид несколькими грустными словами напомнил это давно-минувшее время.

Дорога обогнула темные каменные горы, и перед ними внезапно развернулась залитая солнцем прелестная Генисаретская долина и Генисаретское озеро. Фридрих не мог удержать крика восторга при виде этой неожиданной дивной картины.

По зеркальной глади озера скользили большие и малые судна, оставляя за собою светящиеся борозды. Паруса нежно белели, как крылья чаек, а медные части электрических лодок ярко сверкали на солнце.

По ту сторону озера, светлели на лесистых холмах хорошенькие виллы. На том берегу, которым они ехали, расположен был новенький нарядный городок Магдала, весь потонувший в пышной душистой зелени. Но они, не останавливаясь, спешили дальше, по направлению к Тибериаде. Они видели перед собою картины счастливой богатой жизни, напоминавшие блестящие сезоны в Канне, в Ницце. Мимо них проносились элегантные модные экипажи, автомобили, велосипедисты, всадники, и на гладкой панели вдоль берега гуляла нарядная оживленная толпа. Это была интернациональная публика какого-нибудь модного европейского курорта. Давид объяснил своим гостям, что Тибериада, благодаря своим целебным горячим источникам и живописному местоположению, стала излюбленным местом многих европейских и американских богачей, искавших прежде вечного солнца и тепла в Сицилии или в Египте. Как только в Тибериаде выстроены были хорошие отели, сюда тотчас хлынули иностранцы. Ловкие швейцарцы первые оценили климатические преимущества этой местности, понастроили отели и нажили состояния.

Автомобиль в эту минуту проезжал мимо одного из этих отелей. На балконе сидели дамы и мужчины и любовались пестрым оживлением на улицах и видом сверкающего озера. На лужайках за отелями юноши и девушки в белых платьях играли в лаун-теннис. На террасах играла музыка, венгерские, румынские и неаполитанские хоры в национальных костюмах. Проезжая Тибериаду с севера на юг, путешественники восхищались чистыми широкими площадями и улицами, изящными зданиями и пестрой шумной гаванью. Они видели по дороге стройные мечети, церкви с латинскими и греческими крестами, и великолепные каменные

синогоги. Достигнув южной части города, они несколько минут ехали меж двумя рядами вилл и отелей, окруженных густыми роскошными садами.

Наконец, автомобиль остановился у ворот прелестной дачи, обвитой со всех сторон диким виноградом.

– Мы приехали! – сказал Давид, выходя из экипажа.

Калитка открылась. На улицу вышел седой господин и, приветствуя гостей, спросил дрожащим от радости голосом:

– Где он, Давид, где он?

Левенберг не мог притти в себя от волнения. Его ждали здесь с нетерпением и встречали с восторгом. Давид еще накануне сообщил старикам по телефону, какого гостя он им везет.

И этот благообразный, приветливый, крепкий старик – тот самый несчастный разносчик, которому Фридрих хотел когда-то подать милостыню в венской кофейне! Какая удивительная, какая волшебная перемена! Но она свершилась самым естественным путем. Литваки были одними из первых эмигрантов, которые вынесли на своих плечах первую труднейшую борьбу с дикой некультурной страной. Теперь они пожинали плоды своих трудов.

Но в семье было и горе. Мать Давида и Мириам страдала тяжелой неизлечимой болезнью. Фридриха тотчас же повели к ней. Она лежала в кресле на веранде, с которой открывался чарующий вид на Генисаретское озеро. Она протянула Левенбергу свою худую желтую руку, и ее страдальческие глаза с бесконечной благодарностью смотрели на него.

– Да, да, доктор, – сказала она после первого приветствия, – Тибериада хороша и озеро хорошо, но сюда надо приезжать пока еще не поздно. Я приехала поздно, поздно...

Мириам стояла подле нее и ласково водила рукой по ее волосам.

– Mamochka, – говорила она, – ты поправилась с тех пор, как ты здесь. Тебе лечение пошло впрок. Ты это почувствуешь лишь тогда, когда вернешься домой.

Госпожа Литвак грустно улыбнулась:

– Дитя мое, конечно, конечно, мне хорошо... Я точно в раю. Поглядите, доктор, что я вижу перед собой... Разве это не рай?..

Фридрих подошел к балюстраде веранды и посмотрел в даль. Озеро отливало светлой лазурью, в которой отражались длинными тенями крутые уступы Джалана. На севере озеро сливалось с Иорданом, за которым гордо выступал покрытый снегами Гермон. Левее, зеленой бархатной лентой тянулись берега, светлыми пятнами врезались в побережье маленькие бухты, и, словно драгоценная игрушка, играл и блестел городок Тибериада. И везде, со всех сторон зелень и цветы, наполнявшие воздух упоительным ароматом.

– Да, это рай – тихо проговорил Фридрих и, когда Мириам подошла, он сильно схватил ее руку и пожал ее, словно благодаря ее за то, что жизнь еще так хороша.

Больная смотрела на них с своего кресла. И материнское сердце дрогнуло смутным радостным предчувствием.

– Дети! – беззвучно прошептала она и забылась в пленительных для нее счастливых мечтах.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

V

В маленькой вилле, которую старые Литваки наняли на время лечебного сезона, гости поместиться не могли. Только Мириам осталась у своих родителей. Для себя и своих друзей Литвак заказал комнаты в отеле, подле бальнеологических заведений. Багаж их доставлен был еще до их приезда. И когда они, простившись со стариками, ушли в отель, чтобы переодеться, их уже ожидали комнаты, обставленные с полным комфортом и удобствами. В гостиной отеля их встретили двое мужчин и одна пожилая дама. Давид познакомил с ними своих гостей. Дама была еврейка из Америки, мистрисс Готланд. В ней было какое-то неотразимое очарование, и лучистое доброе лицо, под белоснежными волосами еще полно было молодой прелести. Из двух мужчин один, в черном, длинном сюртуке, был английский иерусалимский пастор. У него была длинная, белая борода патриарха, голубые мечтательные глаза и, к великому удивлению Кингскурта, он нисколько не обиделся, когда тот его принял за еврея. Второй был брат архитектора, бактериолог, профессор Штейнек. Веселый, живой, рассеянный человек, который говорил всегда так громко, точно излагал какую-то теорию о микробах перед аудиторией глухих. При встрече с братом он обыкновенно после первых приветствий вступал в ожесточенный спор с ним. Так было и теперь. Архитектор Штейнек предложил гостям посмотреть институт Штейнека с его знаменитыми лабораториями. Но профессор решительно воспротивился этому:

– Что за фантазия? Там нечего смотреть. И труда не стоит. Большой дом, много комнат и много морских свинок, и в каждой комнате стоит человек и производит опыты. Вот и все. Поняли? Брат мой всегда ставит меня в смешное положение. Мистрисс Готланд улыбнулась.

– Да все равно никто вам не поверит; ваш институт известен, как достопримечательность. Профессор Штейнек расхохотался.

– Ах, Господи! Да что вы желаете видеть – микробов? Поймите же: да в том и особенность микробов, что их видеть нельзя, т. е. простым глазом.

Достопримечательности, нечего сказать. И, откровенно говоря, я в микробов не верю, хотя и воюю с ними. Поняли?

– Нет – смеясь ответил Кингскурт: – ни слова. Это, повидимому, нечто в роде химической кухни. Что же вы там стряпаете, профессор?

Бактериолог предупредительно ответил:

– Чуму, холеру, дифтерит, туберкулез, родильную горячку, малярию, бешенство...

– Тьфу, черт побери!

– Вернее, средства борьбы с этими врагами человечества, – сказала мистрисс Готланд. – Мы его спрашивать не будем, и без него пойдем. Выдадим себя за знатных иностранцев, и нам там все покажут.

– Ну, ну ладно. Так и быть – пойду с вами! – крикнул профессор – Еще нападете на какого-нибудь дурака ассистента, который покажет вам стрептококка и скажет вам, что это холерная бацила. Поняли?

– Ни слова! – ответил Кингскурт. Компания рассыпалась. Архитектор привез для мистера Гопкинса планы новой английской больницы, которую решено было выстроить близ Иерусалима. Сарра хотела первым делом выкупать Фритца. Давид извинился перед гостями и отправился в францисканский монастырь за патером Игнатием, который тоже был приглашен на вечернее торжество. Все условились встретиться вечером на вилле старого Литвака. Мистрисс Готланд, Фридрих, Кингскурт, Решид-бей и профессор поехали в бактериологический институт, находившийся в четверти часа езды от отеля, на южном берегу озера. Это было небольшое строгое здание, упиравшееся одним фасадом в зеленый холм. Профессор Штейнек сказал своим посетителям:

– Нам большого здания и не надо: микробы много места не занимают. А стойла находятся вот в этих пристройках. У нас много лошадей и других животных. Вы понимаете?

– Ага, вы много выезжаете? – спросил Кингскурт. – Понимаю, понимаю... конечно, в такой чудесной местности...

– Да при чем тут местность? – удивился профессор Штейнек. – Мне нужны лошади, и ослы, и собаки, словом, весь этот зверинец для добывания сыворотки. Мои конюшни тянутся вот до фабрики, где добывается очищенный воздух.

– Что-о?! – воскликнул Кингскурт. – Почтеннейший отравитель животных, вы,

кажется, желаете убедить меня, что здесь фабрикуется воздух? У вас, кажется, воздуху довольно и, кажется, даже воздух самого отменного качества.

– Но я говорю о газах, мистер Кингскурт. Вы понимаете?

– О, да, это я понимаю. Об этом я слышал еще, когда я уехал из Америки, лет двадцать тому назад.

– А в производстве льда мы пользуемся даже широкой известностью, нам нужно много льду потому, что у нас жаркая теплая страна. По крайней мере, здесь и на всем побережье Иордана круглый год довольно тепло, и мы много стараний положили на усовершенствование производства льда. Вы понимаете? Самые лучшие печи бывают обыкновенно в холодных странах. Мы же должны заботиться о запасах льда на жаркие месяцы. Если вы, например, в это жаркое время войдете в любой дом среднего достатка, вы увидите посреди комнаты глыбу льда. Кто в состоянии платить побольше, приобретает букет во льду и ставит его на стол.

– Знаю, знаю, – сказал Кингскурт, – эту штуку со свежими цветами в ледяной глыбе показывали еще на Парижской выставке в 1900 году.

– Да я ничего нового и не хотел вам сообщить. Мы использовали и применили к жизни все, что существовало уже раньше. У нас лед – насущная потребность, и, благодаря конкуренции, добывается за баснословно дешевую цену. Люди среднего достатка не могут уезжать на лето в Ливанские горы. То же самое было в Европе. Люди богатые уезжали в горы, а небогатые томились летом в душных городах. Мы же научились сделать пребывание приятным везде и для всех. Вы понимаете? Благодаря энергичным предпринимателям и множеству знающих молодых техников, мы развили в нашей стране все производства. И как было не ухватиться за это, раз это выгодно? В нашей стране таились сокровища, над которыми стоило потрудиться. Химическое производство развилось раньше других. Вы изучали химию в каком-нибудь университете в прошедшем столетии, мистер Кингскурт?

– Нет, к прискорбию...

– Жаль. Тогда вы, вероятно, знали бы, что уже тогда в ученых кругах понимали значение Палестины. Вот Решид-бей получил в Германии степень доктора химии и может вам сообщить по этому поводу много интересного.

Решид-бей скромно сказал:

– Вы меня ставите в очень неловкое положение, профессор, заставляя говорить в вашем присутствии о науке. Впрочем, двадцать лет тому назад каждый студент-химик знал уже, что Палестина заключает в себе непочатые сокровища. О

природных богатствах Иорданской долины и побережья Мертвого моря говорилось даже в учебниках. Один немецкий химик писал в конце прошедшего столетия о Мертвом море: «Это самое низменное из всех морей представляет единственную по своей конденсации соляную массу и выделяет огромное количество асфальта.» Когда вы ознакомитесь с применением водяных сил в Палестине, вы узнаете, как мы использовали разницу в уровне между Мертвым морем и Средиземным. Но к этому мы еще вернемся. Могу вам только сказать, что вода Мертвого моря почти в такой же степени насыщена солью, как Штассфуртское озеро. Вы, вероятно, слышали о Штассфуртских соляных вещах, наводнявших европейские рынки. У нас вдоль побережья Мертвого моря это производство и шире и значительнее...

– Прямо, невероятно! – воскликнул Кингскурт. – Нисколько, – сказал, улыбаясь, Решид-бей, – это вполне естественно; наши воды богаче всех вод в мире. Положительно вспоминаются старые сказки, в которых говорится о кладе, лежавшем на дне морском. Дети думают, что такой клад состоит из золотых монет, жемчужных ожерельев, драгоценных камней. Но вода Мертвого моря то же золото. Количество брома, заключающееся в этой воде, нигде больше не повторяется в такой степени. Вы знаете, ведь, как высоко ценится бром. И чего только еще мы не добываем в этой плодотворнейшей местности Палестины, бывшей раньше мертвой пустыней! В Иорданской долине и вдоль Мертвого моря имеются залежи смолистой извести, из которой делается признанный всеми лучший в мире асфальт. Немецкий химик Эльшнер давно еще писал, что геологические строения нашей почвы указывают на присутствие нефти. И действительно, до нее докопались. Кроме того, у нас имеются несметные массы серы и фосфорита. Значение фосфорита для удобрения почвы вам, конечно, известно. Наши фосфориты успешно конкурируют с тунисскими и алжирскими, причем добывание их гораздо дешевле, чем добывание, например, фосфоритов в американской Флориде. Благодаря дешевизне искусственных способов удобрения, и возможен был у нас такой пышный расцвет сельского хозяйства... Но я боюсь, что мистрисс Готланд, наконец, соскучится, слушая наши сухие разговоры.

– Нисколько, нисколько, – любезно успокоила она его.

– В современной жизни, – добавил профессор, – между промышленностью и сельским хозяйством существует тесная связь. Вы понимаете? Это неизбежно. Раз налицо предприимчивость и знание, то должна непременно создаться тесная связь между промышленностью и сельским хозяйством. Вот я, например, как будто только ученый колпак, а между тем я работаю тоже для промышленности и сельского хозяйства.

– Не могли бы вы мне объяснить это точнее? – сказал Кингскурт.

– С удовольствием ответил Штейнек. – Бактериологам давно уже известно было, что вкус разных сыров и аромат табака зависит от микроорганизмов, с которыми я

все вот вожусь. И мы в этом институте постарались создать целую культуру этих маленьких созданий и продаем их сыроварам и табачным плантаторам. Наши сыры соперничают теперь с лучшими швейцарскими и французскими сырами, а в теплой Иорданской долине разводится табак, нисколько не уступающий гаванским сортам.

Я он повел своих гостей в лаборатории заведения, построенного по образцу парижского института Пастера. Многочисленные ассистенты невозмутимо продолжали работать и, вежливо отвечая на предлагаемые вопросы, не отрывались от своих луп и микроскопов. Только один из них добродушно и грубовато ответил Штейнеку:

– Вы бы меня оставили в покое, профессор. У меня нет времени для этих разговоров: этот негодяй опять от меня улизнет.

Штейнек тотчас же увел своих гостей в другую комнату, говоря:

– Он прав. Этот негодяй – это его бацила. Поняли?

Он повел их затем в свой кабинет, обставленный с такой же простотой, как и комнаты его молодых помощников.

– Здесь я работаю.

– Над чем, осмелюсь спросить? – сказал Левенберг.

Взгляд ученого принял мечтательное выражение.

– Над оздоровлением Африки, – сказал он.

Посетители удивленно переглянулись. Они не расслышали? Или почтенный профессор не в своем уме? Кингскурт, пытливо глядя на него, повторил:

– Вы сказали: над оздоровлением Африки?

– Да, мистер Кингскурт. Я надеюсь найти средство против малярии. У нас, в Палестине, благодаря осушению болот, канализации, эвкалипту это зло совсем побеждено. Но в Африке оно еще очень сильно. Но там эти затраты немыслимы, потому что трудно предвидеть скорый приток населения. Белый человек, колонизатор, гибнет там. Африка лишь тогда станет ареной культурной работы, когда малярия будет обезврежена. Лишь тогда огромные пространства земли станут доступны для переизбытка населения в европейских странах. Тогда лишь массы пролетариата найдут здоровое убежище. Поняли?

Кингскурт рассмеялся.

– Вы хотите, значит, отправить белых людей в черную часть света?

Но Штейнек серьезно ответил:

– Не только белых, но и черных. Существует неразрешенный народный вопрос, ужас которого может понять только еврей. Это вопрос о положении негров. Не смейтесь, мистер Кингскурт. Подумайте о кровавых ужасах торговли рабами. Люди, хотя бы черные люди, похищаются, как звери, увозятся продаются. Дети их вырастают на чужбине только потому, что кожа их другого цвета. И не постыжусь сказать, хотя рискую подвергнуть себя насмешкам: пережив переход евреев в Палестину, я стал мечтать о возвращении негров в их родную страну.

– Вы ошибаетесь, – сказал Кингскурт. – Я не смеюсь, я нахожу эту идею великолепной, черт меня побери! Вы открываете мне горизонты, каких я и во сне не видал!..

– И поэтому я мечтаю об оздоровлении Африки. Все люди должны иметь родину. Тогда они будут лучше относиться друг к другу. Между ними будет больше любви и взаимного понимания. Вы поняли?

И мистрисс Готланд тихо и взволнованно сказала то, что думали остальные спутники:

– Профессор Штейнек, благослови вас Бог!

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

VI

Они вышли из института Штейнека в возбужденно-радостном настроении. Когда они проезжали мимо кургауза, Решид-бей предложил посидеть немного в саду и послушать музыку. Они вышли из экипажа и вошли в большой сад, разбитый на аллеи и газоны. На эстраде играл оркестр. Под пальмами сидели мужчины и разряженные дамы и разглядывали гуляющих, болтали и злословили.

Кингскурт сделал гримасу:

– А, вот они, наконец, еврейки в шелках и драгоценных камнях! А я, было, уже стал думать, что все это мистификация и что мы вовсе не в Иудее. Но теперь я вижу, что мои сомнения были напрасны. Вот они, вот они ошеломительные шляпы, яркие платья, бриллианты, жемчуг... Oh, la, la... Вы не обижаетесь, надеюсь, мистрисс Готланд. Вы совершенно другой пробы.

Мистрисс Готланд поспешила его успокоить, а профессор Штейнек хохотал во все горло.

– Пожалуйста, не стесняйтесь, м-р Кингскурт! Такие замечания в прежнее время могли казаться нам обидными, но не теперь. Поняли? Прежде, в разных фатах, надутых снобах и увешанных камнями еврейках видели представителей еврейства. Теперь знают уже, что есть и другие евреи. Теперь можете трунить, сколько душе вашей угодно, благородный иностранец. С превеликим удовольствием вас поддержу.

Оживленная компания обращала на себя внимание. Профессора, повидимому, все знали, и незнакомцы, находившиеся в его обществе, явно интересовали публику. Желая избегнуть назойливо любопытных взглядов, Штейнек увлек своих спутников в боковую аллею, но тут-то они и очутились в кругу, от которого хотели бежать.

Из группы оживленно беседовавших мужчин и женщин быстро вышел один господин и, подбежав к Фридриху, громко заговорил: .

– Доктор, доктор! Угадайте-ка, угадайте, о ком мы говорили сейчас! Ну? О вас! О вас! Как я рад, что встретил вас опять!

Этот экспансивный господин был Шифман. Он потащил Фридриха к своим знакомым, шумно представил его, подвинул ему стул и усадил его. Все это он проделал с таким натиском и быстротой, что Фридрих, если бы и не растерялся от изумления, не в силах был бы оказать какое-либо сопротивление. Но он совершенно растерялся, потому что вдруг увидел перед собою предмет своей юношеской любви, Эрнестину Леффлер. Она приветствовала его глазами и улыбками, и он не находил слов.

Шифман между тем вернулся к Штейнеку, с которым был знаком. Он стал приглашать и его с остальными спутниками с настойчивостью лавочника, зазывающего покупателей в свою лавочку. У профессора никакого желания не было принять приглашение, но Кингскурт заметил, что нельзя же, мол, оставить Фридриха одного в этой компании. Раз он попался, они должны разделить его судьбу.

Шифман ответил на эту сомнительную любезность заискивающей улыбкой. Затем он притащил стулья и назвал фамилии своих знакомых: m-r, m-me и m-lle Шлезингер, доктор Вальтер с женой, Вейнберг с женой и дочерью, Грюн и Блау.

Фридрих смотрел и слушал, как во сне. Прошлое, как в тумане, вставало перед ним. Он опять видел себя на помолвке, в доме Леффлера. Вот оно опять, это несносное общество, от которого он тогда в отчаянии бежал. Все состарились, но все те же. Только обе молодых девушки принадлежат к другому поколению. Эта тоненькая, стройная, как ковыль, – вылитый портрет Эрнестины. Он был оглушен своими воспоминаниями и едва различал голоса и слова, которые говорились вокруг него. Лишь когда кто-то обратился с вопросом прямо к нему, он пришел в себя. С ним заговорил Грюн, знаменитый некогда в Вене юморист:

– Ну что, д-р Левенберг, нравится вам наша страна? А? Что же вы медлите ответом? Или вы находите, что здесь слишком много евреев?

Послышался смех. Фридрих ответил:

– Откровенно говоря, вы первый, наведший меня на эту мысль.

– Это прелестно, ха, ха, ха! – захохотал Шифман. Остальные дружно поддержали его. И по этому общему смеху Фридрих понял, что слова его приняты были за одну

из грубых шуток, принятых в этом обществе.

Но Грюн несколько не обиделся. А другой остряк, Блау, счел долгом сделать к словам Левенберга язвительное добавление:

– Грюн в состоянии был бы и здесь обратить людей в антисемитизм.

– Ваши остроты не современны, – вставил д-р Вальтер. – Теперь, слава Богу, нет больше нигде антисемитов.

– Если бы я в этом был уверен, – ответил Блау, – я занялся бы этим делом, антисемитизмом, не опасаясь конкуренции.

Кингскурт нагнулся к Штейнеку и шепнул ему на ухо:

– Дорогой профессор, я не советую вам прыгать перед этими господами – вас высмеют.

– Да это и не входит в мои планы, – ответил Штейнек. – Такого пошиба люди прежде всего видят во всем забавную сторону, более или менее благодарный сюжет для балагурства.

– Так что теперь нет уже в Европе прежней ненависти к евреям? – спрашивал кто-то Левенберг.

– Да ее вовсе нет! Теперь ненависть к евреям перешла уже в область преданий, – ответил Шлезингер.

– На этот счет никто не может дать вам таких точных сведений, как доктор Файгльшток. Он держал себя, как капитан погибающего судна, и Европу оставил последним, – задорно сказал Блау.

– Послушайте, Блау, прошу вас запомнить раз навсегда: меня зовут Вальтер! Вальтер! – горячился адвокат. – Я никогда не стыдился почтенного имени своего отца, и это всем известно. В прежнее время, приходилось, во избежание насмешек, считаться с некоторыми предрассудками.

– А теперь в этом нет больше надобностей? – спросил Фридрих.

– Нет. Блау единственный раз в своей жизни оказал правду. Я недавно только переехал сюда. Но из этого можете только заключить, что я не по нужде приехал сюда, а по доброй воле.

Д-р Вальтер, повидимому, ощутив в себе прилив красноречия, принялся рассказывать о последствиях, которые повлекла за собою эмиграция евреев. Для него, д-ра Вальтера, с самого начала было ясно, что сионистское движение как для уезжающих, так и для остающихся евреев будет иметь самые благоприятные последствия.

Он был один из первых, оценивших значение этого движения, и если тогдашнее общественное положение и не позволяло ему открыто высказывать свои убеждения, то он все таки незаметным скромным путем содействовал успеху национальной идеи. И в доказательство он привел тот факт, что у него служил писцом бедный студент, еврей, который посещал собрания сионистов, и он, Вальтер, ему, однако, от места не отказал. И мало того, он и в национальный фонд внес свою скромную лепту, в которой он, быть может, и не нуждался, так как в начале двадцатого столетия фонд этот насчитывал уже несколько миллионов фунтов стерлингов.

Блау подтрунивал над размерами этой лепты, но д-р Вальтер, делая вид, что не слышит его язвительных вопросов, невозмутимо продолжал свое повествование. Теперь каждый знает и видит, что эмигранты нашли в Палестине счастливую родину. Но и евреи, которые остались там, где жили, не могут жаловаться на свою судьбу. С прекращением конкуренции со стороны огромного количества евреев – торговцев, ремесленников, людей свободных профессий, прекратились и нападки на евреев.

Прежде всего эмигрировали те, которым нечего было терять, которые могли только выиграть, уехав в страну, где был спрос на рабочие силы. И так как эмиграция была добровольная, то уезжали те, которые надеялись путем эмиграции улучшить условия своей жизни.

Безработные, измученные нуждой устремились туда, где открывалось широкое поле труда и надежд. И при том, известно было, что при существовавших тогда в Палестине условиях крупные предприятия должны были иметь успех. Затем, манила свобода. Никаких ограничений из-за вероисповедания и национальности. Уже это одно было большой приманкой. Тогда же соединились еврейские благотворительные общества всех стран.

До тех пор все капиталы тратились на бездомных, гонимых бедняков, и это были непроизводительные траты, потому что притеснения и гонения не прекращались, а с ними росла нищета. Когда же началась эмиграция евреев в Палестину, соединенный комитет поставил себе главной целью дать возможность желающим эмигрировать, В первое время были голоса, выражавшие сомнения в том, чтоб слабый духом пролетариат сумел проявить энергию, силы, необходимые для создания новой культуры. Но на всем протяжении истории человечества новые поселения создавались только голодными. Сытым не зачем искать новые места.

Сытые остаются там, где живут в довольстве и достатке. Но дали, широкие мир принадлежит голодным. Пуритане, спасавшие свою веру, основались в Северной Америке. Искатели счастья селились в Индии или Южной Африке. И была ли еще одна колония, созданная такими печальными элементами общества, как Австралия, огромная, цветущая, гордая Австралия. В начале девятнадцатого столетия это была колония преступников, и в несколько десятилетий она разрослась в мощную, здоровую государственную общину.

В конце девятнадцатого столетия она была драгоценнейшим украшением в английской Королевской Короне. Но такие люди, как д-р Вальтер и ему подобные, конечно, понимали, что раз колония, в роде Австралии, могла создаться несчастными преступниками, то тем более могли осуществить эту задачу пионеры еврейского народа, тем более, что в этой геройской борьбе за честь и свободу нации весь израильский народ сулил им поддержку. Масса рабочих рук и интеллигентных сил вдруг нашла широкое применение, тогда как до того еврейская молодежь, не говоря уже о людях, не вооруженных знаниями и профессиями, по окончании университетов, академий, высших технических школ беспомощно и безнадежно взирала на свое будущее. В самых просвещенных европейских странах антисемитизм не давал евреям свободно дышать.

Изменилось и положение тех евреев, которые остались там, где жили. Так как торговля стала падать с уходом евреев, то во многих местах введены были запретительные меры против полного выселения евреев, точно желали удержать этим необходимые элементы брожения. Затем терпимость, которую выказывали с самого начала евреям в Палестине, вызывала такое же отношение к евреям со стороны христианских народов.

– Поэтому, – заключил д-р Вальтер свою речь, бросая благожелательный взгляд в сторону профессора Штейнека, – я приверженец я поборник идей, отстаиваемых партией Штейнека и Литвака. И за эту идею я буду бороться до последней капли крови.

Блау заметил с сардонической усмешкой:

– Не забудьте передать это вашему брату, профессор. Раз д-р Вальтер на вашей стороне, значит, за вас большинство.

Адвокат побагровел.

– Что вы хотите этим сказать, скоморох? – прошипел он.

– Ничего, ничего я этим не хотел сказать, – ответил остряк, делая невинное лицо.
– Я всегда видел вас там, где находится большинство, поэтому можно только

поздравить людей, к которым вы примыкаете.

– Если вы этим намекаете на то, что я меняю свои взгляды, то я не считаю даже нужным оправдываться. Каждый человек умнеет с течением времени. Суть только в том, чтобы оправдывать делом свои убеждения.

Другой остряк тоже хотел было, метнуть какую-то остроту, но Шлезингер, в качестве поверенного барона Гольдштейна, все еще пользовавшийся авторитетом в этом кругу, счел нужным положить конец этим препирательствам.

– Да что это, господа? Разве мы в народном собрании? Зачем эти пререкания? Я признаю только две вещи; дела и развлечения.

– Bravo! – сказал Кингскурт. – Но прежде всего, конечно, дела!

– Непременно! Но здесь мы собрались, чтоб развлечься, так? Ну и избавьте нас, пожалуйста, от этих споров и объяснений.

– Верно, верно, вы совершенно правы – льстиво смеясь, уверял его Шифман и, обращаясь к Фридриху и Кингскурту, сообщил:

– Не даром он пользуется таким неограниченным доверием барона Гольдштейна. Ведь, он представитель этой фирмы в Яффе.

– Быть не может! – воскликнул Кингскурт, делая удивленные глаза. Шлезингер молчал с скромным видом знаменитого человека, которого показывают толпе.

Дамы, между тем, вернулись к прерванному разговору о новых парижских шляпах. Тон беседы давала г-жа Лашнер, которая получала все принадлежности туалета непосредственно из Rue de la Paix.

Но Эрнестина Вейнбергер знаком пригласила Фридриха подвинуться к ней и тихо заговорила с ним.

– Это моя дочь. Как время бежит! Как вы находите ее? Красива, дурна?

– Вся в мать! – машинально ответил он.

– Значит, дурна! Ах, какой вы злой – сказала она и кокетливо вскинула на него глаза.

Ему было очень тяжело смотреть на эту поблекшую женщину и ее смешные претензии нравиться и пленять. Он увидел причину своих мук и терзаний в

совершенно ином свете и его точило раскаяние о двадцати безцельно прожитых годах.

Но она не подозревала того, что происходило в его душе, и продолжала шутливо допрашивать его: что он намерен теперь делать? Останется ли он здесь или поедет в Европу? И если он останется, то, вероятно, он обзаведется семьей, женится...

– Я? В мои годы? – удивленно ответил он. – Нет, это я прозевал, как и многое другое, более важное.

– Вы не искренни, – сказала г-жа Вейнбергер. – Вы еще не стары и кажетесь на вид даже моложе своих лет. Вы отлично сохранились на своем уединенном острове... Позвольте, позвольте, вот спросите ее... Она про вас ничего не знает... Фифи, как ты полагаешь, сколько лет д-ру Левенбергу.

Фифи Вейнбергер взглянула на него и, опустив глазки, пролепетала:

– Около тридцати!

– О, нет, милая барышня! Вы плохо разглядели меня!

– Нет, я второй раз уже вижу вас, – краснея, сказала девушка. – Я вас на-днях видела в опере, вы были с Мириам Литвак.

– А propos, – заметила Эрнестина. – как вам нравится Мириам Литвак? Я не про внешность спрашиваю. Она очень недурна. Но она, кажется, рисуется немного своей серьезностью. Она играет в педагогию. Это теперь в моде здесь.

– Насколько мне известно, – резко ответил он, – Мириам Литвак не играет в педагогию. Она с искренним увлечением занимается своим делом.

– Скажите, скажите! Какого защитника приобрела себе Мириам! – трунила Эрнестина.

– М-р Кингскурт делает мне знаки, – сказал Фридрих, вставая. – Мы засиделись здесь.

Он простился и ушел со своими друзьями. Кингскурт взял его под руку и сказал ему:

– Фритц, угадайте, о чем я думал все время, когда мы находились в этом милом обществе?

– Не могу знать.

– Я думал о том, что нам пора убраться подальше, по-здорову. Ведь, мы не шулера, не убийцы какие-нибудь, чтобы кончить свое существование в компании господ Шлейзингеров. Или вы намерены навсегда здесь застрять?

– Что за вопросы, Кингскурт? Вы прекрасно знаете, что я вам принадлежу, и пойду с вами, куда и когда бы вы ни пожелали.

Старик остановился и крепко пожал ему руку.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

II

По совершении всех обрядов и молитв, все общество перешло в гостиную, где на столе уже стоял фонограф. Мужчины и дамы уселись в креслах и на диванах. Давид передвинул какую-то кнопку в аппарате и шутливо сказал:

– Слово за Иосифом Леви.

В фонографе что-то зашипело, зажужжало и, наконец, сильный мужской голос отчетливо заговорил:

«Милостивые государи!

Я буду рассказывать историю нового переселения евреев. Все это очень просто было. Мне кажется, что действительность теперь раскрашивается и раздувается.

Политической стороны дела я касаться не буду. Я не политический деятель, – к счастью, никогда им не был и не буду. У меня была своя задача, и я ее провел. Наше общество основано было под названием «Новое общество для колонизации Палестины». Оно заключило с турецким правительством колонизационный договор, условия которого известны всему миру. Когда меня спрашивали, в состоянии ли мы будем выплачивать ежегодно турецкой государственной казне суммы, которые мы обязались платить, я уклончиво молчал. При заключении договора мы должны были уплатить турецкому правительству два миллиона фунтов стерлингов, затем ежегодно, в течение тридцати лет, пятьдесят тысяч фунтов стерлингов и четвертую часть суммы чистых доходов «Нового Общества для колонизации Палестины». По истечении первых тридцати лет мы обязались делить чистый доход «Нового общества» пополам с турецким правительством. И на этих условиях нам предоставлены были для заселения земли, верховная власть над которыми все же оставалась за султаном.

Обязательства, которые мы взяли на себя, были очень тяжелые, и у многих

являлись сомнения, сумеет ли мы выполнить их. Страна была крайне бедна, и первые партии колонистов представляли собою пролетариат из всех стран. Хотя было много крупных учреждений, содействовавших успеху национального дела, и общий фонд их в конце 1900 г. равнялся двенадцати миллионам фунтов стерлингов. Но, кроме платежей турецкому правительству, покупка земли, обработка, усовершенствование, постройка домов, переезды неимущих колонистов требовали еще огромных сумм. Где их было взять? Мои ближайшие друзья и я не сомневались в победе и смело смотрели в будущее. Мы понимали, что при дружной упорной работе свободных людей можно всего достигнуть. А людей мы сами должны были создать, дисциплинировать их, приучить к труду и новым условиям жизни. И это нам удалось. Мальчики, которых мы привели сюда, через десять лет стали взрослыми, уже приспособленными к новым условиям, людьми. А нам, ведь, только это и нужно было. Нам нужны были люди.

Затем, мы возлагали большие надежды на предприимчивость, свойственную всем народам, и особенно евреям.

Когда в конце девятнадцатого столетия в Клондике нашли золотую руду, в Аляску устремились толпы алчущих и жаждущих. Я говорю не о золотоискателях, а о предпринимателях, которые шли по пятам золотоискателей. Туда потянулись транспорты кроватей, столов, стульев, белья, сапог, платья, консервов, напитков, врачей, учителей, певцов, – словом, в Клондике оказались все нужные и не нужные атрибуты культуры потому только, что несколько человек пожелали искать там золота. Я привел этот пример, как яркое доказательство того, что одно предприятие всегда влечет за собою другое. Каждый практический человек инстинктивно знает это и в таких случаях не совещается с профессорами политической экономии. Евреи искони веков были искусными предпринимателями. Только насчет собственной будущности мы не лелеяли экономических надежд. Почему? Потому что не было почвы под ногами. Но как только евреи очутились на родной земле, они, конечно, проявили и здесь ту же ловкую предприимчивость, что и в других странах. И на основании этих соображений вопрос о деньгах менее всего нас беспокоил.

Ну вот, договор был заключен. Условленная сумма внесена. И я выговорил тогда первым условием, чтобы договор этот не был опубликован. Я боялся, что народ будет сбит с толку цифрами и получит превратное представление о значительности национального фонда и о требованиях, которые будут предъявляться к колонистам. Я боялся излишней радости наших несчастных собратьев. Надо было подготовить их к новой жизни. Да и над собою пришлось тоже поработать. Выбрана была дирекция «Нового Общества», и дирекция меня назначила главным руководителем всего дела на пять лет. Тогда же я получил на первые расходы кредит на миллион фунтов стерлингов. Один из моих инженеров находил, что этого мало...»

– Ужасно мало! – сказал Кингскурт и крикнул Давиду: – Заткните ему,

пожалуйста, глотку!

Давид закрыл фонограф.

– Объясните мне, ради Бога, толком, что это за «Новое Общество», – заговорил Кингскурт. – Это то же, что и эта община, о которой была речь в Нейдорфе... И что это за дирекция была? И каким путем вы собрали капиталы, хотя бы и небольшие?

– Я понимаю ваши вопросы, – сказал Давид. – Иосиф Леви полагал, что на этот счет ему распространяться нечего, так как это каждый ребенок знает. Основанное вначале «Общество» то же, что и теперешняя Община, и в то же время то и другое совершенно разные вещи. Я вам это объясню. Вначале было акционерное общество, а теперь это артель. Но в имущественном отношении артель – прямая наследница акционерного общества.

– Ничего не понимаю! – с отчаянием в голосе промолвил Кингскурт. – Что же акционеры подарили вам свои деньги? Но, ведь, это сказка.

– Ничего в этом сказочного нет, – ответил Давид. – Вы поймите – у нас здесь три, так сказать, юридических личности. Первая – учреждения, которые в конце 1900 года обладали капиталом в двенадцать миллионов фунтов стерлингов, вторая – акционерное общество, основанное преданными нашему делу лондонскими финансистами с капиталом в десять миллионов фунтов, и третья – артель колонистов, представителями которой были выбираемые на конгрессах вожди партии. Вожди же тогда только дали ход эмиграционному движению, когда они окончательно спелись с акционерами насчет передачи в будущем их капиталов.

– Я поражен, мой сказочный принц! – сказал Кингскурт. – Что же это были за люди – благородные герои нравоучительных романов?

– Нисколько. Это были живые люди, умные дельцы, удовлетворившиеся скромным доходом. Заключена была сделка между капиталом и трудом. Сами по себе ни капитал, ни труд желанных результатов дать не могли. И капиталисты, и работники должны были иметь известное обеспечение. Если бы этот вопрос тогда не был выяснен, осложнения были бы неминуемы позднее: или народ стал бы притязать на права акционеров, или последние поработили бы народ. Далее, артель колонистов выговорила себе право выкупить акции общества по истечении десяти лет. И выкупная сумма должна была быть не меньше основного фонда общества вместе с процентными деньгами, считая по 5%.

– Но это кажется совершенно невыполнимым условием. Каким образом колонисты могли добыть такие капиталы для приобретения акций? – скромно заметил Левенберг.

– Ну теперь я начинаю понимать, – сказал Кингскурт. – Если колонизация удалась, то вопрос о деньгах не мог смущать колонистов. При успехе дела, они, ведь, могли получить необходимые деньги займы.

– Совершенно верно, – ответил Давид. – Доходы общины росли с каждым годом и по истечении десяти лет она сделала заем в двадцать пять миллионов.

Акции она приобрела за двадцать миллионов, а остальные остались у нее еще на разные усовершенствования.

– Молодцы! – воскликнул Кингскурт. – Но каким же образом удвоился капитал акционерного общества?

– Потому что земли, которые оно скупило, страшно поднялись в цене, – сказал Давид. – Но своей ценностью земли обязаны своим работникам. Они же, конечно, должны были пожинать плоды своих трудов. Вы видите отсюда, каким образом земля стала общим достоянием. Она стала собственностью артели, которая с тех пор носит официальное название Новой Общины.

– Изумительно, изумительно, – промолвил Кингскурт. – Ну послушаем, что дальше было. Заведите-ка вашу шарманку.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

III

Давид поставил фонограф, и опять зазвучал голос Иоэ, повторивший прежние последние слова:

«Дирекция меня назначила главным руководителем всего дела на пять лет. Тогда же я получил на первые расходы кредит на миллион фунтов стерлингов. Один из моих инженеров находил, что этого мало. Но для начала, по моему, было достаточно. Я составил план. Это было осенью. После зимнего сезона я предполагал открыть организованную эмиграцию. Оставалось всего четыре месяца для подготовительной работы. Нельзя было терять ни одной минуты. Учредив главную контору в Лондоне, я назначил директорами отделений в наиболее значительных центрах людей мне знакомых, или которых мне рекомендовали друзья. Смиту я поручил перевозку пассажиров, Рюбенцу транспорт товаров, Штейнеку – постройку зданий, Варшавскому – покупку машин, Алладино – покупку земель, Кону и Браунштейну – заботы по продовольствию, Гамбургеру – покупку семян и рассад, в ведении Леонкина был счетный отдел; Вельнер был моим главным секретарем. Главным моим помощником и главным инженером был Фишер, которого смерть уже похитила у нас. Это был честный, серьезный, даровитый человек.

Первым делом я послал Алладино в Палестину с поручением купить столько земли, сколько возможно будет. Это был испанский еврей, хорошо знавший арабский и греческий языки, надежный и умный человек, принадлежавший к одному из тех знатных семейств, которые вели свой род еще от евреев, изгнанных некогда из Испании. До публикации договора цены на земли были довольно умеренные. На покупку земли было ассигновано два миллиона фунтов стерлингов. Так как при заключении договора я заручился обещанием турецкого правительства, что до поры, до времени не уничтожены будут запретительные меры в отношении иммигрантов, я этим путем временно задерживал иммиграционное движение европейских и американских евреев. Предо мной в конторе всегда находился план Палестины, разделенной на нумерованные квадратики. Копия плана находилась у Алладино. Он должен был только сообщать мне по телеграфу номера участков,

которые он покупал. И я каждый день знал, каким количеством и какими участками мы располагаем, и сообразно с этим мог давать дальнейшие распоряжения. В то же время я послал Гамбургера в Австралию для покупки эвкалиптовых деревьев. У него было также секретное полномочие на приобретение рассадников средиземной флоры, которую он найдет нужным пересадить в Палестину пользы ради или для красоты. Алладино и Гамбургер уехали вместе в Марсель. Там они расстались. Алладино отправился первым пароходом в Александрию; Гамбургер ездил вдоль Ривьеры, останавливался в намеченных местах и делал заказы в садоводствах к наступавшей весне. Неделю спустя он уехал из Неаполя в Порт-Саид, и я услышал о нем, когда он был уже в Мельбурне. Инженера-механика Варшавского я отправил в Америку для покупки новейших сельскохозяйственных орудий машин, всякого рода ваторов и пр. Варшавский, как и другие директора отделов, получил полномочие приобретать все нужное и практичное, не придерживаясь точно предписанной мною программы. Я сказал Варшавскому, прощаясь с ним: «Не покупайте старья!» – И он понял меня, как и другие сподвижники мои. Мы привезли в Палестину из всех областей промышленности и техники все наилучшее, все новейшее и в этом был залог наших будущих преуспеваний. У Варшавского было еще одно поручение: он должен был подготовить переселение еврейских эмигрантов из Америки в Палестину. Этому элементу населения мы придавали наибольшее значение. Это были люди, вырвавшиеся уже однажды из тяжелых условий жизни и прошедшие затем хорошую американскую школу борьбы за существование.

В конце девятнадцатого столетия ни в одном городе в мире не было столько евреев, сколько в Нью-Йорке. Такие огромные массы европейских беглецов не могли, конечно, создать себе безбедное существование. Они жили скученно, грязно, теснили друг друга, и, в сущности, положение их было такое же печальное, как в Европе. Удаление излишка населения было таким же спасением для них, как и для евреев восточной Европы. Таким же путем должно было быть и здесь подготовлено эмиграционное движение в Палестину. Варшавскому поручено было войти в переговоры с представителями американских сионистских кружков. «Основалось крупное общество, – заявил он им, – и получило в Палестине концессии на сельскохозяйственные и промышленные предприятия. В феврале месяце понадобятся дельные, образованные и необразованные работники. Приготовьте мне списки членов, принадлежащих вашим общинам, и о каждом члене дайте нам подробные сведения под рубриками: имя, возраст, месторождение, профессия, семейное и имущественное положения. Между необразованными предпочтение получают безработные; между ремесленниками – женатые. Каждая община берет на себя нравственную ответственность за рекомендуемых ею людей. Если рекомендованные какой-либо общиной члены не оправдают ожиданий, окажутся негодными и нежелательными в рабочей среде элементами, то эта община теряет впредь право рекомендации. Для общин должно быть вопросом чести давать искусных в работе, честных людей». Такое же предписание мы разослали сионистским кружкам в Россию, Румынию, Галицию и Алжир. С этой

целью я отправил Леонкина в Россию, Браунштейна, бывшего родом из Ясс, – в Румынию, Кона – в Галицию и Смита – в Алжир. Леонкин вернулся в Лондон через три недели, другие – через две. Во всех пунктах они заручились надежными корреспондентами. Дело это должно было просто и живо централизоваться, в противном случае мы потонули бы в море корреспонденций.

Представители общин нескольких областей выбирали один комитет. Представители областных комитетов выбирали из своей среды представительный комитет данной страны и только этот последний имел непосредственное сношение с моей лондонской конторой.

В прежнее время часто высказывалось мнение, что ожидание предстоящего переселения должно иметь на людей деморализующее влияние. У них не будет ни желания работать, ни исполнять свои обязанности в виду предстоящей перемены условий жизни. На деле оказалось совсем другое. Так как общины в собственных же интересах должны были рекомендовать самых трудолюбивых самых порядочных, то началось похвальное соревнование между общинами ради чести попасть в этот список. Для того, чтобы попасть в обетованную страну, ведь, стоило потрудиться. Откровенно говоря, я и сам не ожидал, что наш план даст такие блестящие результаты. Люди подтянулись, взяли себя в руки. Пред бездольными слабыми людьми засверкала мечта, окрылявшая их неожиданными силами.

В первые недели после отъезда Алладино, Варшавского и других, я остался в Лондоне только с главным инженером Фишером, Штейнеком и Вельнером. Тогда мы начертили впервые широкие технические планы. Многие из них теперь уже осуществлены. От некоторых мы должны были отказаться; другие же выполнены гораздо блестящее, чем мы могли ожидать. Я не говорю, что мы создали что-нибудь такое, чего не было до той поры. Американские, английские, французские, немецкие инженеры предупредили нас в техническом искусстве. Но на Востоке мы были первыми носителями культуры.

Штейнеку я поручил составить планы рабочих домов и станционных зданий. Для первого времени довольно было нескольких дешевых типов. Суть была только в том, чтобы быстро соорудить их. И о красоте внешней отделки тоже в первое время нельзя было думать. Грациозные, изящные и великолепные здания, сооруженные Штейнеком, относятся уже к позднему времени.

По его совету, я заказал во Франции пятьсот железных барачков новейшей разборной системы, которые могли быть поставлены в один час. Барачки в половине февраля должны были быть доставлены в Марсель, где Рюбенц должен был их принять. Когда преобладающий тип домов был окончательно выработан, я предоставил Штейнеку скупать строительный материал и собрать персонал помощников и рабочих по собственному усмотрению. Я сказал ему: «Поезжайте

немедленно туда на место...» – А он ответил мне: «Я первым делом поеду в Швецию и Финляндию...» Я изумился. Разве путь в Палестину лежит на Швецию и Финляндию? Но он, не пускаясь в дальнейшие объяснения, поехал в Швецию закупать строевой лес.

Затем он объехал Швейцарию, Австрию и Германию и вербовал в высших технических школах молодых людей, заканчивавших свои курсы.

Шесть недель спустя у него уже была в Яффе своя контора, около сотни архитекторов и чертежников, из которых некоторые вскоре выделились своими исключительными способностями. Слух о неожиданном спросе на еврейских техников быстро распространился, благодаря студенческим союзам, по всем высше-учебным заведениям Старого и Нового света. Перспектива свободного применения своих знаний и сил окрыляла рвением еврейскую молодежь. Восторженная мечта о содействии великому делу возрождения родного народа утраивала их энергию, и они поражали профессоров своими быстрыми успехами.

Лес, который Штейнек закупил в Швеции и Финляндии, и партии железа, заказанного в Австрии и Германии, Рюбенц немедленно отправил в Палестину. Этот человек проявил изумительную находчивость и практичность. Он пользовался самыми неожиданными обстоятельствами, чтобы дешево доставить материалы, пользовался испанскими, греческими, северо-американскими судами, и казалось, что он увлекается своим экспедиционным делом, как спортом каким-то. Иной раз он отправлял груз с пароходом, уходившим Бог знает куда, чуть ли не в кругосветное путешествие, но к назначенному сроку необходимый материал всегда был на месте.

Рюбенцу же принадлежит мысль о соглашении с крупными торговыми домами Англии, Франции и Германии. В этих магазинах имелись массы залежалого товара и владельцы их, конечно, рады были возможности сбыть их. Для нас же это было значительным облегчением, так как избавляло нас от необходимости заботиться о первых потребностях наших переселенцев. Дела предвиделось много, и экономия времени была для нас существенным вопросом. Поставка кроватей, столов, шкапов, матрацов, подушек, одеял, тарелок, горшков, белья, платьев, обуви – была для нас слишком сложной задачей и мы предоставили ее конкурирующим крупным предпринимателям, которые желали извлечь выгоду из этого дела. Конечно, они не ждали большой наживы от бедных переселенцев. И притом, последние могли покупать необходимые для первого обзаведения вещи только на выплату. Но Новая Община дала им обеспечение, обязавшись вычитывать известную часть из жалованья служащих и рабочих для уплаты их долгов. Затем наш финансовый комитет тогда только подписал договор с этими торговыми домами, когда они представили обязательный для всех точный и подробный прейскурант.

Таким образом, устранена была, возможность эксплуатации бедных людей, и

торговые дома без всякого риска делали огромные обороты. В истории не было еще примера, когда бы поставщики с такой вероятностью могли вычислить количество товара и свои доходы. Несмотря на широкие размеры поставки, конкуренция не прекращалась и все предметы дешевели. В том случае, если бы какие-либо магазины нарушили условие и повысили бы цены сверх установленной нормы, мы сложили бы с себя заботы об уплате долгов. Они жестоко поплатились бы за такую попытку.

В то время, как во всех странах европейские общины выбирали лучших своих членов, английские, немецкие и французские фирмы основывали свои отделения в Хайфе, Яффе, Иерихоне и у врат Иерусалима. Туземное население с изумлением глазело на заморские вещи, выставленные в магазинах. Старики неодобрительно качали головами, но магазины, тем не менее, осаждались покупателями, и весть о новых базарах быстро распространилась по Востоку до Дамаска и Алеппо, до Багдада и Персидского залива. Торговля закипела. В виду блестящих результатов, которые дали уже первые месяцы, большие фирмы стали производить наиболее ходкие товары тут же в Палестине; они много выгадывали таким путем, так как местное производство исключало транспортные расходы.

Это было начало нынешней цветущей промышленности. Позднее меня упрекали в том, что я покровительствовал обогащению предпринимателей. Меня за это и в газетах бранили. Но я к этому был совершенно равнодушен. Иначе повести дела нельзя было, и на всякое чиханье не наздравствуешься. Гораздо важнее было, по моему, установить такой порядок вещей, при котором каждый чиновник Новой Общины не получал бы ничего, сверх положенного ему жалованья. И в этом я был беспощаден. Всем известно, что я тоже состояния себе не составил. Но обогащение частных предпринимателей могло только послужить нашим интересам. Деньги – великая приманка для людей. Я не отрицаю идеальных побуждений человеческих, но и материальные слишком значительны и с ними нельзя не считаться.

После отъезда Штейнека я занялся планами уже покойного ныне, незабвенного Фишера. Его проекты улиц, водоснабжения, железных дорог, каналов и гаваней – были прямо классические. Тогда же он представил мне проект канала от Средиземного до Мертвого моря и остроумной эксплуатации разницы уровня морей. Один швейцарский инженер, христианин, увлекшийся сионизмом и перешедший в еврейство, был его ближайшим помощником. Великолепные географические карты английского генерального штаба, особенно карты Палестины, изданные Армстронгом, сослужили нам неоценимую службу. В то же время я поднял вопрос об основании первых железнодорожных обществ. Жалкая Яффо-Иерусалимская дорога, конечно, не могла удовлетворить нашим потребностям. Первым делом мы заручились концессией на береговую линию от Яффы на юг – в Порт-Санд, на север – в Хайфу, Тир, Сидон и до самого Дамаска. Затем мы наметили ветвь в Иерусалим, Иорданскую дорогу с западными и восточными ответвлениями у Генисаретского озера, Ливанские дороги. Капиталы

собраны были Варшавским в Америке и Леонкиным в России. Мне пришлось воевать с дирекцией из-за гарантий. Меня объявили, было, безумцем, так как я предложил гарантировать доходность линий. Но я настоял на своем, и в расчете своем не ошибся, как всем известно теперь. Мы быстро проводили одну дорогу за другой, и в настоящее время они все уже перешли в собственность Новой Общины.

Одним из вопросов первой важности была также закупка рабочего скота. В мою программу входило устройство сельского хозяйства в очень широких размерах. Планы Браунштейна о покупке скота в Австрии и транспорте в Палестину не улыбались мне. Гораздо симпатичнее была мне мысль привести скот из Египта. Но и это связано было с очень большими затруднениями. В течение первых недель я не мог уехать из Египта. Но, узнав, что в Германии появились новые электрические пилы, я немедленно отправился туда. И как только увидел эти пилы, пришел в неописуемый восторг, закупил весь имевшийся у фабрики запас и заказал еще несколько партий. Я считаю электрический пил самый ценный подарок, который сделал человечеству девятнадцатый век. Не могу забыть до сих пор моей встречи с Браунштейном, когда я вернулся из Германии. Я был вне себя от радости и едва лишь увидел его, говорю ему: «Вы теперь лишний, нам не надо уже быков». – Он растерялся, бедняга. И я только по смеху присутствующих при этой сцене понял, что сказал неловкость, и извинился перед ним.

Но мои слова, конечно, сказаны были в пылу радостного увлечения. Услуги Браунштейна и теперь еще были нужны. Предстояла еще закупка лошадей, коров, овец, домашней птицы и всевозможного корма. И я отправил опять Браунштейна в Голландию, Швецию и Венгрию с полномочием покупать самый лучший дорогой скот.

Вместо волов нам нужно было позаботиться об угле для пил. Но это уже касалось Рюбенца. Тогда азиатский уголь не был так доступен, как теперь. Рюбенц по телеграфу заказал уголь в Англии, и в двадцать четыре часа он с этим вопросом покончил. Теперь нам и уголь уже не нужен. И локомотив, который стоит с краю поля, для нас уже остаток старины. В то время еще не было у нас водяной силы – канала Мертвого моря. Теперь же, путем проволоки, проведена к пилам сила Иорданских вод, – канала, отведенного от Мертвого моря, Ливанских и Гермонских озер.

Это были в общих чертах первые мои...

Тут профессор Штейнек шумно попросил слова. Давид закрыл фонограф.

– Я хочу сказать несколько слов, – сказал он. – Это скорее литературное, мало относящееся к делу замечание, и я прошу на меня не пенять. Знаете, что мы слушали сейчас? Новую Хад-Гадью. Вы понимаете?

Из присутствующих только один Кингскурт не понял профессора и ему объяснили его слова.

Хад-Гадья, овечка – это последняя полушутливая полуфилософская история в книге, которая читается за пасхальной трапезой. Кошка съедает ягненка, собака разрывает кошку, палка убивает собаку, огонь пожирает палку, вода гасит огонь, вол вышивает воду, мясник умерщвляет вола, ангел смерти уводит мясника, и всеми правит Бог, начиная от ангела смерти и кончая маленьким ягнёнчком.

– Тоже – сказал профессор, – и с этой водяной силой. Вол вытесняет уголь, уголь вытесняет вода... И старый Литвак благоговейно повторил:

– И всеми правит Бог, начиная от ангела смерти и кончая ягнёнчком.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

IV

Уже было поздно. Слушатели устали и единодушно решили дальнейшую повесть фонографа отложить до следующего дня. Гости разошлись. Была светлая лунная ночь.

Дорога от виллы старых Литваков к отелю лежала вдоль озера. Кингскурт шел рядом с профессором Штейнеком и предлагал ему вопрос за вопросом. История этого великого переворота в судьбе еврейского народа увлекала его, хотя он при всяком удобном случае подчеркивал, что его интересует, главным образом, только широкое применение культуры старого и нового света. Самая же судьба людей, будь то евреи, христиане или язычники, его нисколько не занимает. Он был и остается человеконенавистником и заботы о ближнем считает величайшей глупостью. Но это переселение евреев ему нравится, как весьма любопытное, массовое, идейное предприятие. И он ждет с нетерпением продолжения фонографической повести. Остальные гости шли парами и группами и оживленно болтали между собой. Сарра, жена Давида Литвака, шла с Фридрихом, который был задумчив, рассеян и невпопад отвечал своей милой спутнице. Она заметила его рассеянность и стала подтрунивать над ним. Тогда он очнулся и сказал:

– Какая ночь! Смотрите, как дробится лунный свет на Генисаретском озере! Сказкой веет от этой волшебной ночи – и это действительность! И я мог бы спросить: «Чем отличается эта ночь от других ночей?» – Я понимаю – свободой, в которой человек становится человеком... Ах, фрау Литвак, если бы и я... если бы и я мог внести в это дело лепту своего труда!..

– Почему же вам этого не сделать?

– Это невозможно. Кингскурт скоро уедет.

– Ну что там, – ответила она, смеясь. – Это мы устроим. Вы оба нам принадлежите. Вы – как спаситель нашей семьи, он – как ваш друг. Нет, нет,

доктора Левенберга мы отсюда не выпустим, а этого старого ворчуна я постараюсь привязать к Палестине любопытными цепями.

Фридрих расхохотался:

– Да вы никак его женить замышляете?

– Что же, если бы я задумала, я б это устроила. Я б его женила, например, на мистрисс Готланд или на Мириам.

– Ну в отношении старика это шутка несколько злая...

– Мужчина, – серьезно ответила она, – никогда не бывает слишком стар для брака. Это преимущество всегда останется за вами. Впрочем, вашего мистера Кингскурта я удержу другими любовными цепями. Он без ума от моего Фрица.

– Меня это нисколько не удивляет, потому что другого такого Фрица нет. Это, ведь, необыкновенный ребенок.

Фридрих с улыбкой слушал ее наивный панегирик Фрицу и поддакивал ей:

– Конечно, конечно, – удивительный мальчик.

– Он не только красив, – продолжала она, – он и умен, и ласков, и послушен. И вы полагаете, что если я часто буду оставлять Кингскурта с Фрицом, он не привяжется к нему всем сердцем. Увидите, он не в силах будет расстаться с ним и, конечно, не уедет отсюда!

Фридриха трогали до глубины души откровенные материнские восторги этой, обыкновенно очень скромной, умной и тактичной женщины. Но сынишка ее в действительности был премилое создание, и мать, в сущности, даже и не преувеличивала влияние его чар на старого ворчуна. На следующее же утро Фридрих, заглянув случайно в детскую, увидел такую картину: старик полз по полу на четвереньках, а малыш сидел верхом на его спине.

– Он будет кавалерист, отличный кавалерист! – смущенно говорил он, вставая с помощью Фридриха на ноги. – А теперь ступай к своей няне, или я с тобой посчитаюсь, пострел ты этакий!

Но он предпослал своей угрозе такую нежную, милую улыбку, что Фриц только весело взвизгнул и крепко обвил ручонками его колени. Мальчуган не подозревал, что он имеет дело с ярым человеконенавистником, и безопасно отдавал ему всю нежность своего маленького сердца. Когда его хотели послать в гости к старикам, и

Кингскурт оставался в отеле, он поднял такой рев, что матери пришлось просить старикае сжалиться над ребенком.

Кингскурт с напускным неудовольствием уступил просьбам матери, что-то ворчал, но когда Фриц при виде его просветлел, он не мог дольше выдерживать роль я радостно разсмеялся.

Давид и Сара вышли из дому вслед за ним и видели, как старик, шагая за спиною няни, дурачился и смешил мальчика, который подпрыгивал и вскрикивал: «Отто! Отто!»

Пока Фридрих бодрствовал, старый «Отто» ни делать ничего не мог, ни с кем-либо говорить. И лишь когда маленький деспот уснул, он заявил о своем желании услышать продолжение доклада Иоэ Леви. На этот раз слушателей было меньше. Мистрис Готланд, стоявшая во главе общины сестер милосердия, была у больного. Священник из Сефориса еще утром вернулся домой. Патер Игнатий тоже не был свободен в этот день. Братья Штейнеки должны были притти поздней. Давид распорядился, чтобы фонограф перенесли в гостиную, примыкавшую к комнате больной матери. Ей было немного лучше, и кресло ее выкатили в гостиную. Она сидела и слушала с грустной улыбкой на восковом лице. У ног ее, на низеньком пуфе сидела Мириам, и ласково гдадила ее руку. Старый Литвак и Кингскурт удобно уселись в широкие мягкие кресла. Решид-бей помог Давиду установить фонограф, и оба заняли места за столом. М-р Гопкинс и Фридрих примостились на маленьком диванчике в углу. Отсюда Фридрих видел перед собою изящную фигуру Мириам, ласкавшую глаз красотой линий, а дальше, в окна – волнистые очертания холмов, громоздившихся над блестящим озером.

Давид вставил валик, и голос Иоэ Леви начал опять с той фразы, на которой он остановился накануне:

«Таковы, в общих чертах, первые мои начинания.

Машина была пущена в ход. Алладино сообщал о покупке земель самые благоприятные сведения. Штейнек писал, что в марте он откроет кирпичный завод новейшей системы и цементную фабрику. Варшавский и Леонкин извещали, что в еврейских общинах России и Америки бодрое настроение растет. Броунштейн и Кон тем временем запасались семенами и скупали рабочий скот.

«Надо было подумать также о том, как привлечь в Палестину, кроме неимущих бедствующих масс, и высшие, в экономическом отношении, слои еврейства.

Этих – трудовая помощь или непосредственная денежная поддержка не могли прельщать. Для них надо было придумать другую приманку. Я воспользовался

идеей египетского хедива, Измаила. Каждый, кто брался выстроить дом стоимостью не менее тридцати тысяч франков, получал данный участок земли в полную собственность. Тоже сделал и я, но выговорив обратный переход земельной собственности к общине пятьдесят лет спустя. Египет обязан своим прелестным Каиром только остроумной мысли хедива. Как только идея льготы распространена была нашими доверенными, со всех концов света стали поступать в нашу лондонскую контору заявления о желании строиться. Главный секретарь Вельмер, вместе с главным инженером Фишером, выработали строительный устав. Планы Хайфы, Яффы, Тибериады и других городов утверждены были дирекцией еще до отъезда Штейнека. Архитектор наш представил и несколько типов изящных изданий. Мы эти планы вместе с прејскурантами разослали во множестве экземпляров во все страны, всем изъявлявшим о желании основаться в Палестине. Впрочем, планы эти ни к чему их не обязывали. Они по ним могли во всяком случае, получить представление о том, что и за какие деньги можно выстроить. Первое распределение земельных участков должно было состояться весной, 21-го марта. При чем должны были быть удовлетворены заявления, поступившие только до первого марта. Главным условием такого договора было вступление приобретающего землю членом в общую артель наших иммигрантов и взнос в кассу Новой Общины третьей части стоимости постройки наличными деньгами или ценными бумагами. Если он сам не мог явиться к этому дню в Палестину, то он должен был указать представителя своих интересов. Взнос мог быть возвращен, как только начата будет постройка. Земельные участки распределял комитет, выбранный прибывшими в Палестину и желавшими строиться из своей же среды. Некоторые приобретали землю группами, и таким отдавалось предпочтение перед отдельными личностями, так как первые брали на себя более значительные обязательства, как проведение улиц, дорог, канализация, освещение, водоснабжение. На случай всяких недоразумений и протестов со стороны иммигрантов, учреждено было бюро из пятидесяти юристов и молодых кандидатов прав из разных стран. Нам нужно было такое космополитическое бюро еще в виду обильной корреспонденции, которая велась на всех языках.

«Самой главной частью корреспонденции были сведения, которые приходилось сообщать разным предпринимателям и крупным промышленникам. Юридическое отделение Цельнера работало рука об руку с техническим департаментом Фишера. Мы напечатали в газетах всех стран, что предприниматели, пожелавшие основать с некоторым капиталом какое-либо предприятие в одной приморской стране, получат самые подробные справки насчет условий производства и сбыта, советы, указания и даже машины в кредит. Каждая почта привозила нам вороха писем. Первое время ответы были несложные, так как большинство писем заключало только вопросы о географическом положении страны... Но вскоре из многих тысяч корреспондентов выделилось несколько сот серьезных дельцов. Среди них были не только евреи. Вначале евреев вовсе не было, а преимущественно протестантские немцы и англичане, так как они – самые сильные и самые смелые колониальные предприниматели в мире. Вопросы о национальности или вероисповедании для нас

в данном случае не существовало. Мы шли навстречу каждому, изъявлявшему желание трудиться в стране израильской. Техническое бюро и справочная контора немедленно и добросовестно отвечали на все запросы.

«Разумеется, и мы собирали сведения насчет тех лиц, с которыми мы решались войти в какие-либо соглашения. Предприниматели, обращавшиеся в нам, избегали рискованных попыток.

«Они узнавали от нас, на каких пунктах существует или предвидится сильная конкуренция. В интересах нашей Новой Общины было, чтобы все предприятия, которые затевались в нашей стране, удавались. Поэтому мы оказывали свободным предпринимателям такую поддержку, точно они радели о наших интересах. Из этих запросов и ответов создалась целая статистика, которой мы очень многим обязаны. Благодаря ей, мы достигли теперешнего экономического состояния – свободы промышленности без перепроизводства, и благоустройства без гнета и принудительных мер.

«Когда я наладил это дело и много других первой важности, я затеял одну преинтересную штуку...»

В это мгновенье больная фрау Литвак сделала знак сыну. Давид тотчас же остановил фонограф и подбежал к матери. Она устала и хотела лечь. Давид и Мириам с заботливой осторожностью выкатили ее кресло в смежную комнату.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

V

Давид скоро вернулся и спросил друзей: желательно ли им слушать продолжение повести. Все ответили утвердительно. Он опять завел фонограф, и невидимый Иоэ Леви опять заговорил:

«... я затеял одну преинтересную штуку. Вначале на это смотрели, как на потеху, как на спорт, и всячески критиковали. Я снарядил «Корабль мудрых». Я хотел послать его впереди возвращающихся евреев в старую, новую нашу страну. Уже одно появление его в средиземных водах должно было ознаменовать наступление новой эпохи. Устройство такой поездки было делом не трудным. Я обратился к директору одного английского общества по устройству круговых путешествий, и через две недели он сообщил мне подробный план, приблизительную стоимость такой поездки и все подробные условия. По его же совету я нанял в одном итальянском судоходном обществе элегантный пароход, «Будущность», совершавший обыкновенно рейсы между Неаполем и Александрией. Пароход должен был прибыть в Геную к 15-му марта и на шесть недель поступал в наше распоряжение. Затем я заказал комнаты для пятисот пассажиров в лучших отелях итальянских, египетских, малоазиатских и греческих городов. На пароход можно было сесть и в Генуе, в в Неаполе. Билеты пассажиров давали им право проезда по всем итальянским железным дорогам и пребывания в первоклассных отелях. Экспедиция эта имела как будто характер увеселительной поездки на Восток. Но значение ее было гораздо глубже. Дамы и мужчины, которых мы пригласили, принадлежали к высшей интеллектуальной аристократии культурного мира. Комитет из писателей и художников составил список этих почетных гостей. Мы пригласили самых выдающихся, самых значительных людей всего мира, разумеется, без различия национальности и вероисповедания. И все откликнулись на наше приглашение, не потому только, что их пленяла эта поездка на восток; главным образом, всем улыбалось продолжительное пребывание в обществе интересных и близких по духу людей. На «Будущности» встретились поэты и философы, изобретатели и открыватели, исследователи и художники, социологи, экономисты, политические деятели и журналисты. Они, конечно, окружены были всеми доступными в то время удобствами и комфортом. Ничего не было забыто – начиная от оркестра музыки

и до ежедневной газеты, издававшейся тут же на пароходе. О том выдающемся интересе, который представляла эта газета, я распространяться не стану. За это говорит уже состав пассажиров, из которых большинство принимало участие в этой газете. Во всех гаванях на «Будущность» доставлялись телеграммы со всех концов мира. На следующее же утро все эти телеграммы уже были в газете. Но интереснее всего был литературный отдел, потому что все пережитое за день, все виденное, описывалось талантливейшими людьми. В газете же появлялись ежедневно беседы, которые велись за столом; их называли новейшими диалогами Платона. В них разбирались величайшие проблемы. Даровитейшие, ученейшие люди высказывали свои взгляды на все вопросы, волновавшие тогда культурное человечество. Я приведу только некоторые темы этих бесед. Говорили об устройстве общины, которая отвечала бы всем требованиям современной культуры и справедливости, о воспитательном значении искусства, об организации благотворительности, об обеспечении рабочих, о роли женщины в современном обществе, о развитии научной и практической техники. Эти беседы на «Будущности» давно уже стали драгоценностью мировой литературы. Я познакомился с ними уже в печати, потому что лично присутствовать при этих беседах у меня не было возможности. Я давно уже был в Хайфе, когда «Будущность» находилась еще в Генуе. Но газету, издававшуюся на пароходе, я читал с восторгом, с увлечением. Я не философ, не поэт, и в то время отвлеченные вопросы меньше всего меня занимали.

«Но то, что можно было извлечь из бесед на «Будущности» для практического осуществления, я находил и с успехом это применял, потому что мне представлялось, что с «Будущности» гений человечества дает советы еврейскому народу, начинавшему новое существование. Особенно поучительны стали эти беседы, когда наши высокие гости прибыли в Палестину. Путешественники разбились на группы, ездили по стране, делали наблюдения, и затем взаимно делились впечатлениями. Разные группы посвящали свое внимание разным предметам.

«Геологи интересовались одним, электротехники – другим. Ботаники изучали флору страны, художники, пейзажисты и жанристы искали ландшафтов и типов. Экономисты изучали экономические условия страны, другие – местное население, нравы, обычаи.

«Не трудно представить себе, сколько глубины ума и блеска было в беседах, когда группы пассажиров опять сходились за общим столом на пароходе. Я их до сих пор еще почти слово в слово на память знаю. На меня большее впечатление оказали советы художников, вероятно, потому, что я сам совершенно лишен художественного чутья. Художникам «Будущности» я обязан мыслью о культивировании красоты в нашей стране. Она должна была быть, красива, прежде всего красива, потому что красота – величайшая отрада для

человеческой души.

«Когда «Будущность» была уже у наших берегов, я находился в средней области Палестины. Фишер, Штейнек и Алладино приветствовали в Хайфе гостей от имени Новой Общины. Я хотел представиться нашим гостям, как только покончу с самыми неотложными делами. Это было горячее время, и работать приходилось без перерыва. Я дни и ночи был в разъездах и часто даже ночь проводил в своем автомобиле, перевозившем меня с одного места на другое. Везде шли спешные работы, и везде нужен был присмотр. Хотя все делалось по точно разработанному плану, и люди у нас были надежные, но я желал лично убедиться, все ли предписания исполняются.

«В то же время я поддерживал постоянное сообщение с моей главной квартирой в Хайфе. Оттуда я получал известия, которые заставляли меня совершать самые непредвиденные экскурсии. Бывали и недоразумения с рабочими, которые мне приходилось разбирать. При распределении земельных участков запутывались часто гордиевы узлы, которые я один мог разрубать.

«На полях, приобретенных Новой Общиной, уже шли деятельные полевые работы. Мы основали сельско-хозяйственную производительную артель по образцу Рахалинской артели, но для наших переселенцев дело было еще новое, и нужна была авторитетная импонирующая сила, для того, чтобы удержать в движении заведенную машину. Задача эта была не сложная, но требовала неустанной бдительности.

«Сеять пшеницу, ячмень, овес, маис – хоть искусство не Бог вещь какое, но и тут затруднений было не мало. Приходилось, первым делом, бороться с почвой. Но у нас были новейшие технические средства и упорная человеческая воля, и мы победили ее, и она стала нашим другом.

«Рабочий день равнялся всего семи часам, но это были часы упорного интенсивного труда. Одни проводили дороги, другие рыли каналы, третьи очищали землю от камней, четвертые строили дома, пятые сажали деревья, и так дальше. И каждый знал, что он работает для всех и все работают для него. Работа кипела. Пробуждалась природа от зимнего сна, пробуждались люди от долгого рабства, и все, что они делали и создавали, вдохновлялось надеждой на свободную светлую жизнь. Успехи росли с каждым днем, и с каждым днем расширялась область работ.

«Первым делом, я начал проводить телеграфную и телефонную сеть. Для всеобщего пользования она, конечно, еще не скоро могла быть готова, но для служебных целей мы в самом непродолжительном времени уже стали

пользоваться ею. Ежедневно стали прибывать во все города от Хайфы и до Бейрута партии иммигрантов количеством в пятьсот, тысячу, две тысячи человек. На следующий же день их отправляли в намеченные уже раньше пункты, и они тотчас же принимались за работу. Для одних железнодорожных работ требовались десятки тысяч людей. Не меньше и для постройки общественных зданий, как: административных, торговых учреждений, школ, больниц и проч. За работы по проведению дорог, каналов, постройке общественных зданий рабочие получали не только вознаграждение, за вычетом долгов, выплачивавшихся Общиной магазинам, за приобретенные переселенцами вещи, но и право на позднее обзаведение домами и хозяйством. Человек, по прибытии в Палестину прямо из гавани отправлявшийся на какие-либо работы, к осени уже мог поселиться в выстроенном для него домике в какой-нибудь колонии и выписать свою семью. Задача, как я говорил уже, была не сложная, – нужен был только план, нужна была организация. Европейские военные державы разрешали в девятнадцатом столетии и не такие задачи. Они должны были заботиться о миллионах людей, которые не всегда доверчиво и доброжелательно относились к правительственным мерам. Нам же до осени предстояло устроить только полмиллиона народа; до того же времени пора была горячая, страдная – мы работали все рука об руку, на родной земле, земле наших предков, окрыленные все одними мечтами и желаниями. В виду отсутствия запретительных мер, широко стала развиваться промышленность и торговля. По всей стране частные предприниматели строили фабрики, которые должны были быть закончены к осени.

«Каждый разумный человек понимал, какие блестящие перспективы открываются для промышленности, в виду предвидевшегося многочисленного населения, сбыта, географического положения страны и обилия предполагавшихся портов. И когда я после первой жатвы, которая не была еще вполне удовлетворительной по результатам, сделал обзор всему положению вещей, я не нашел надобности остановить осенью иммиграционное движение, как предполагалось раньше. Я телеграфировал об этом во все страны главным представителям сионистских кружков, и сообщение вызвало энтузиазм в еврейских общинах. Нашу первую жатву я считаю первой победой нашей Новой Общины; потом были жатвы богатые, обильные, но никогда уже мы не пожинали так много, как в первый год. Потому что мы пожинали тогда доверие наших братьев. Едва двенадцать месяцев прошло с тех пор, как я учредил в Лондоне свой генеральный штаб, и мог уже сказать друзьям в нашей квартире в Хайфе, что первый год дал хорошие результаты.

«Здание для главного правления в Хайфе к осени уже было готово, но внутри еще не было отделано; перейти туда из временной квартиры предполагалось только весной.

«Очередным вопросом было в то время применение водяных сил, не говоря уже о водоснабжении и проведении каналов. Канал Мертвого моря и его ответвления достаточно красноречиво говорят о том, что наши инженеры даром времени не теряли.

«В то же время и другой благодетельный поток хлынул в нашу страну: капитал и кредит. Вместе с сельскохозяйственными производительными артелями мы ввели у нас также земельный кредит. Раньше полагали, что мы истощим наш фонд, если дадим нашим иммигрантам дома и службы, поля, машины, лошадей, коров, овец, птицу, экипажи, орудия, съестные припасы и семена. Устройство каждой семьи, взятой средним числом из пяти членов, обходилось в шестьсот фунтов стерлингов. На потребности тысячи таких семейств требовалось сто двадцать миллионов марок. Но те, которые высказывали сомнение насчет успеха нашего дела, упустили из виду, что переселенцы сами по себе представляют огромную экономическую ценность, и что наличность ценностей открывает кредит. Словом: чем более прибывало иммигрантов, тем более мы получали денег.

«Но я, однако, уклоняюсь от того времени, о котором хотел вам рассказать. В то время «Будущность» еще стояла у наших берегов. Я рвался к ней всей душой и мечтал, наконец, в Яффо осуществить свою мечту и познакомиться с нашими избранными гостями. Вдруг получаю известие, требовавшее моего немедленного отъезда в Константинополь для переговоров с турецким правительством. Там дела задержали меня дольше, чем я предполагал, и, когда я возвращался в Палестину на своей яхте, я заметил, когда мы огибали остров Кипр, голубой дымок на горизонте. У меня сжалось сердце, я подумал, что это убегает на север «Будущность» и я так и не увижу ее. Моя догадка подтвердилась. Я узнал об этом с глубоким сокрушением уже в Бейруте! И с тех пор я лелею заветное желание присутствовать, по крайней мере, при вторичном ее приезде. Потому что тогда решено было, что через двадцать пять лет «Будущность» опять будет у наших берегов. Но это будет уже новое великолепное судно с тем же названием. И гости будут не все те же, так как многие из первых гостей уже умерли; а кроме оставшихся в живых, мы пригласим еще тех, что за это время оказали крупные культурные услуги человечеству. И каждые двадцать пять лет «Будущность» будет привозить к нам такой ареопаг, советы и мнения которого мы будем принимать с благодарностью и благоговением. Мы будем показывать им всю нашу страну, и гости «Будущности» будут нашими судьями. И если они опять приедут, и Господь на этот раз сподобит меня увидеть их, и они найдут, что Иосиф Леви свою простую, но трудную задачу более или менее добросовестно выполнил, – тогда я выйду в отставку.

«И когда я умру, похороните меня рядом с моим незабвенным другом Фишером, там, на Кармельском кладбище, откуда открывается вид на дорожную мою родину... мое любимое море».

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

VI

Голос замолк. Последние слова глубоко растрогали слушателей.

Кингскурт громко откашлялся и сказал:

– Должно быть, чудесный малый, ваш Иоэ! Чудесный малый! Жаль, что его нет здесь. С удовольствием пожал бы ему руку, – но надеюсь все-таки удастся повидать его до отъезда... вот этим каналом-то Мертвого моря он прямо меня ошарашил. Это никак восьмое чудо мира, а? Как бы нам на него поглазеть, на этот сказочный канал?...

Давид обещался показать им его в первые дни после пасхальной недели. Пасху они проводили в Тибериаде в оживленных беседах, прелестных прогулках и с каждым днем все ближе сходились друг с другом. Кингскурт с отчаянной решимостью уплетал опресноки, не переставая ворчать на то, что ему христианину и немецкому дворянину, грозит совершенно ожидочет среди этих варваров, к которым он попал. Целые потоки ворчливых фраз он изливал и на маленького Фрица, притязания которого на «Отто» с каждым днем принимали все более деспотический характер. Этот общий маленький баловень полагал, что Кингскурту на старости лет ничего больше делать не остается, как исполнять прихоти маленького повесы. Но старый ворчун разрешал себе, однако, споры, прогулки, осмотры достопримечательностей, лишь когда Фриц спал, и все планы откладывались на неопределенный срок, как только тоненький голосок призывал к себе своего «Отто». Когда по истечении пасхальной недели стали проектировать поездку в Иерихон чрез Иорданскую долину, и Давид предложил жене оставить на это время ребенка у стариков, Кингскурт решительно этому воспротивился и заявил, что если мальчика не возьмут в эту поездку, то он вовсе откажется от удовольствия видеть канал Мертвого моря. При этом он со свирепым видом уверял, что ему совершенно безразлично: останется ли Фриц в Тибериаде или пойдет с ними, но он не понимает такого варварского отношения к ребенку. Решено было взять и мальчика.

Архитектор Штейнек и Решид-бей тем временем вернулись в Хайфу. Решид хотел повидать своих, но пообещал друзьям в Иерусалиме опять примкнуть к ним. Архитектору предстояло много дела на приближавшихся выборах делегатов на конгресс. Как сообщали газеты и люди, осведомленные о ходе дела, партия д-ра Гейера делала невероятные усилия, чтобы заручиться голосами. И архитектору необходимо было быть в Хайфе, где сосредоточивались нити агитационной деятельности и откуда ежечасно по телеграфу и по телефону сообщались указания местным комитетам. Давиду же надо было съездить по личным делам, и он предложил своим гостям поехать вместе с ним, благо они и там могли увидеть немало интересного. Фридрих охотно принял предложение, тем более, что к Давиду присоединились Мириам и профессор Штейнек. Кингскурт же решил остаться в Тибериаде, потому что, по его мнению, Сара и м-с Готланд не могли одни уехать в Безон. Все поняли его трогательное желание остаться подольше с маленьким Фрицом, но сделали вид, что вполне разделяют его мнение.

Через два дня все общество опять должно было встретиться в Иорданской долине. Решено было, что Сара, м-с Готланд и мальчик с няней поедут в автомобиле в Джолан и там будут ждать своих спутников.

Электрический нарядный катер перевозил остальных участников поездки на противоположный берег Генисаретского озера. Был мягкий весенний день. Вода тихо рябила. Светлые виллы Тибериады уменьшались и бледнели; подвигались крутые обрывы восточного берега. На северной части сверкал Гермон со своими вечными снегами, всевозможные суда легко и живописно скользили по озеру. Катер вошел в небольшую бухту и причалил к берегу, До железнодорожной станции было всего несколько шагов, и через несколько минут электрический поезд мчал их в Эль-Кунетру. У Давида были там какие-то дела. Поезд делал заметный подъем, так как до Эль-Кунетры он должен был одолеть высоту в тысячу метров над уровнем моря. Этот город, как узловая станция железных дорог в восточно-иорданской области, достиг крупного значения.

Когда Давид вышел со своими друзьями из вагона, они увидели стоявший на другом пути поезд, отходивший в Бейрут. Из окон одного вагона неслись хор юношеских голосов. Это были мальчики в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет.

– Очевидно, летняя экскурсия? – спросил Фридрих.

– Да-с, экскурсия! Маленькая экскурсия – вокруг света, – ответил профессор Штейнек.

И Мириам объяснила изумленным слушателям, что это была за школьная поездка. Идея этих поездок была заимствована у французских бенедиктинцев, которые еще

в конце прошедшего столетия посылали группы учеников под присмотром учителей в чужие страны. Там молодые люди изучали языки и иноземную жизнь. Эта молодежь была развитее и содержательнее молодежи прежних лет. Образование, которое они получали, было не только основательное, но и экономное. Община получала совершенно готовых, приспособленных к жизни людей, и затраты на эти путешествия быстро окупались. В состав таких поездок включались самые лучшие ученики всех учебных учреждений страны, потому что тратиться на ленивых и мало даровитых мальчиков не имела смысла. Но для подрастающих поколений надежда попасть в школьную поездку стала высшим стимулом к усердию. Ведомство народного просвещения безупречно урегулировало устройство этих поездок. Новая Община имеет во многих городах различных посещаемых стран отличные школьные здания, снабженные всеми необходимыми приспособлениями для обучения и содержания детей. Выбираются для местопребывания обыкновенно небольшие тихие города вблизи столиц, или предместья. Во Франции, например, ученики наши живут в Версале. Это во всех отношениях лучше жизни в крупных центрах. Каждое из этих учреждений находится под ведением директора, который всегда остается на месте службы, группы же учеников со своими классными наставниками через каждые три месяца меняют местопребывание.

Таким образом мальчики знакомятся с миром, не прерывая хода занятий. – А девушки? – спросил Фридрих.

– Девушки в этих путешествиях не участвуют, – сказала Мириам. – Мы полагаем, что место подрастающих девушек – в семье, на родине, где они могут исполнять свои общественные обязанности.

Пока Давид занимался своими делами, Мириам, Фридрих и профессор Штейнек совершили прогулку по оживленному городу, осмотрели базары, на которых восточный колорит отразился очень мало, – они были, в сущности, отделениями европейских торговых домов. Когда они пришли поужинать в английский отель, Фридрих не удивлялся больше изысканному комфорту, который они встречали на каждом шагу. Они разошлись довольно рано, так как решили на следующий день подняться пораньше и поехать осмотреть хлебные амбары.

Было чудесное утро, с мягкими теплыми тонами. Электрический поезд вынес их в чарующий ландшафт. Фридрих почувствовал в себе весенние переживания ранней юности. Новая жизнь загоралась в нем при виде мирного труда на полях. Он едва решался признаться себе, что и близость красивой Мириам счастливо влияла на его настроение. Она предупредительно и чутко объясняла все, на чем останавливалось его внимание. Давид и Штейнек давали ему обстоятельные технические объяснения. Они находились в этой части восточно-иорданской области на своеобразной водораздельной линии. Фридрих, изучавший в свое время юриспруденцию, стоял, как и большинство среднеобразованных людей той эпохи,

вдали от технического движения девятнадцатого столетия. Деятельность закрытых и открытых фабрик была ему совершенно незнакома. «Открытыми фабриками» Штейнек называл новейшие сельскохозяйственные машины, которыми они любовались из окон вагона. Эта местность представляла собою водораздельную линию, потому что здесь встречались воды с севера и с юга.

Фридрих думал, что старый ученый шутит, говоря о воде, бежавшей вверх. Но он скоро убедился, что на этот раз он говорит вполне серьезно. Сила волн гнала воду вверх: теперь не было больше надобности ставить мельничные колеса прямо под водяным стоком. Река, стремившаяся по уклону на протяжении пятнадцати, двадцати миль, двигала колеса, потому что ее сила вводилась в проволоки электрическим током. В конце девятнадцатого столетия эта задача была почти решена. В Америке водяная сила уже двадцать лет тому назад широко применялась. От Ниагары проведен был электрический ток на протяжении 162 километров. От Сен-Бернардинских гор шел ток в город Лос-Анджело в южной Калифорнии.

– Мы не преминули и эту мудрость позаимствовать у американцев и стали эксплуатировать водяные силы южного канала Мертвого моря и горных источников Ливана и Гермона. .

– Истинными основателями нашей страны, – продолжал Давид – были водяные техники. Осушение болот, орошение бесплодных пространств и система водяных путей – вот что было основанием нашей культуры.

Через полтора часа езды они приехали к месту образцового хозяйства, которое велось на большие средства благотворительным учреждением под высшим присмотром Общины. Директор этого огромного богатого предприятия водил их по великолепным отделениям усадьбы и давал объяснения. Особенное удивление Фридриха вызвала центральная электрическая станция подле директорского дома. Все стены покрыты были пуговками, углублениями, номерами и дощечками. Две молодые изящные дамы совершали над ними какие-то манипуляции по указанию господина, стоявшего за пультом и поминутно подносявшего к ушам телефонную трубку. Фридрих вспомнил, что видел уже такой зал в центральной телефонной станции. Директор объяснил ему, что посредством управляемых проволок отсюда направляется во все места хозяйства водяная сила. Из этого зала снабжаются водяной силой не только лоды, но и все входящие в хозяйство промышленные отделения: сахарный завод, пивоварня, винокурный завод, мельница, крахмальная фабрика и проч.

Хозяйственные службы, которые они осматривали, дороги, поля, фабрики, устроены были по последнему слову сельскохозяйственной науки, везде царили чистота и порядок, и вся огромная хозяйственная машина работала ровно и бесшумно. Фридрих остановил свое внимание на группе рабочих, проходивших

мимо. Они были все одинаково одеты, у одних лица были хмурые, у других вид был робкий, угнетенный. За ними шли надсмотрщики, которые отдали директору честь по военному.

– Мы до сих пор столько удивлялись и восхищались, – сказал Фридрих, – что, быть может, вы сообразовали выслушать и критическое замечание.

– Конечно, – ответил Давид, – в чем дело?

– Мне эти рабочие кажутся очень угнетенными, словно великолепные машины, которым они служат, подавляют их. И к чему вся эта блестящая постановка дела, если люди не чувствуют себя счастливыми в этих условиях? Я вспомнил при виде людей – фабричных рабочих прежних времен. Правда, у этих вид не такой печальный и, во всяком случае, более здоровый, но какое-то сходство меж ними есть. И меня это удручает. Тем более, что эта усадьба принадлежит благотворительному обществу. Мне кажется, что люди здесь должны глядеть веселей. Откровенно говоря, я несколько разочарован.

Директор о удивлением взглянул на него и обратился к остальным спутникам.

– Разве доктор Левенберг не знает, где он находится?

– Нет, – сказал Давид. – Мы умышленно утаили это от него, для того, чтобы невольное пробуждение не ослабило впечатления. Мы хотели изумить его тем, что это образцовое хозяйство – только колония для преступников.

– Возможно ли? – воскликнул Фридрих. – Это колония для преступников? Это, конечно, меняет мой взгляд на дело. Какие же у вас результаты наблюдаются?

– Преступники выздоравливают здесь и нравственно, и физически, – ответил директор. – Большинство начинает любить деревенскую жизнь и не желает возвращаться к другой. Отбыв наказание, они охотно остаются здесь и переходят в разряд платных рабочих, или же поселяются на вновь приобретаемых ими участках земли. Чистый доход с предприятия идет на покупку этих колоний, которые уже через несколько лет начинают погашать затраченные на них суммы. Мы из отбросов общества вновь создаем людей...

Из Безана они уже всем обществом отправились дальше в автомобиле. Дорога их лежала через южную часть Иорданской долины. Отличное шоссе часто огибало извилистое русло реки. Иорданская долина была вся в весеннем цвету, поля покрывала яркая пышная зелень. С восточных и западных холмов блестели живописные колонии и больше и маленькие города. От времени до времени проносились поезда. Движение по шоссе было довольно оживленное. Большинство

иностранцев, проводивших зиму в известном на весь мир курорте, Иерихоне, в это время уже возвращались оттуда. Здесь, в Иорданской долине было уже слишком тепло для баловней судьбы, убежавших из Европы от суровой зимы. Навстречу часто попадались автомобили с оживленными элегантными пассажирами. Они ехали в противоположную сторону, на север, потому что самым модным местом в весеннем сезоне считался Ливан. В конце апреля эта изысканная публика уезжала в Бейрут и оттуда возвращалась в Европу, если не предпочитала более короткий путь на Константинополь в курьерских поездах мало-азиатской дороги.

Но в Иорданской долине, которую покидали избалованные жуиры, оставалось еще много жизни, сверкающей и ликующей.

Иорданские поля, отлично обрабатываемые, благодаря искусному ведению хозяйства, приносят наибольшие доходы. Рис, сахарный тростник, табак и хлопчатая бумага дают на этой почве великолепные урожаи.

Водяные техники блестяще применили здесь свое искусство. В печальные времена забвения этой отраны, дождевые ручьи, стекавшие с восточных гор, пропадали бесплодно. Благодаря простой, хорошо известной в культурных странах системе шлюзов, получилась возможность каждую каплю, падающую с неба использовать для общего блага. И, таким образом, в старой-новой родине евреев опять потекли молочные и медовые реки, и она опять стала тем, чем была: Обетованною землей.

Кингскурт и Левенберг не уставали восторгаться и любоваться пышными садами, парками, прелестными дачами и мраморными виллами, тянувшимися на всем протяжении пути в Иерихон. И когда они приехали, наконец, в этот элегантный городок, – вечно брюзжащий, вечно критикующий и резонирующий Кугель замер в немом восхищении перед великолепием и обилием отелей, вилл и дворцов, выступавших из пальмовых рощ и прелестных групп тропических деревьев. Красота этой климатической станции превзошла все его ожидания.

Перед одним из отелей они остановились. Кингскурт, не выходя из автомобиля, просил Давида показать ему в тот же день канал Мертвого моря. Дамы, с уснувшим, к счастью Кингскурта, мальчиком, вышли из экипажа, а мужчины поехали дальше. Перед ними расстилалась светло-синяя гладь Мертвого моря. Уже на значительном расстоянии от главной станции водяной силы слышен был оглушительный шум: воды канала, проводимые через туннели из Средиземного моря, пенящимися каскадами падали вниз. Давид давал своим гостям краткие объяснения. Мертвое море, как известно, считалось самым глубоким местом на земном шаре; его поверхность находилась на 394 метра ниже уровня Средиземного моря. Воспользоваться этой огромной разницей в уровне для источника водяной силы было самой простой мыслью в мире. На всем протяжении пути от Средиземного моря канал терял всего каких-нибудь восемьдесят метров. Оставалось еще свыше трехсот метров высоты падения, при ширине в десять и

глубине в три метра. Канал давал около пятидесяти тысяч лошадиных сил.

Кингскурт заметил: – В этом нет ничего для меня удивительного. Водопад Ниагары уже в мое время давал сорок тысяч лошадиных сил.

– С Ниагарой канал Мертвого моря никоим образом сравнивать нельзя, – ответил Давид. – В Ниагаре имеются огромные массы воды. Но мне кажется, что снабжение разных станций Иорданской долины и вдоль Мертвого моря полумиллионом лошадиных сил кое-чего стоит.

– Все это очень мило, – сказал Кингскурт – я одного только не понимаю. Теперь в Мертвое море вливаются, стало быть, воды, не имеющие истока. Что же, у вас тут и законы испарения другие?

– Вопрос неглупый. – ответил ему Штейнек. – Надо вам знать, что мы столько же отнимаем у Мертвого моря воды, сколько вводим в него. Мы выкачиваем, например, пресную воду и употребляем ее для орошения почвы, где она в такой же степени необходима, в какой здесь излишня. Теперь вы поняли?

– Понял, понял! – крикнул в ответ Кингскурт, стараясь перекрыть шум водопада, к которому они приближались. – Вы дьявольски ловкий народ, – одно могу вам сказать.

Когда они подъехали к станции, перед ними открылся вид на Мертвое море. широкое и голубое, как Женевское озеро. На правом берегу, где они стояли, с правой стороны тянулась узкая полоса земли до скалы, с которой слетали воды водопада. Внизу находились турбины, наверху длинный ряд фабричных зданий. Водяные силы служили всевозможным видам производства. Канал оживил все побережье Мертвого моря. При виде железных труб, из которых воды падали на колеса турбин, Кингскурт вспомнил устройство водяных станций на Ниагаре здесь, на Мертвом море было около двадцати колоссальных железных труб, выступавших из скалы на одинаковых расстояниях друг от друга. Трубы стояли отвесно над турбинами и казались фантастическими дымовыми трубами. Но оглушительный гул и белая пена воды говорили о циклопической работе, совершавшейся в ней. Фридрих был поражен, изумлен этой картиной, Кингскурт же выкрикивал восторженные замечания и на этот раз был по-видимому вполне удовлетворен. Отсюда дикая укрощенная сила природы переходила в провода электрического тока, в проволоки и развивалась по всей возрожденной стране, и создала из нее сплошной сад, ликующую родину для людей, несчастных некогда, слабых, беспомощных и бездомных....

– Я подавлен этим величием! – вымолвил наконец Фридрих.

– Вас раздавила великая сила, – серьезно ответил Давид – нас она возродила!

---

mail.ru	1188
3685166	124

Hotlog	
1048159	+143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

КНИГА ПЯТАЯ. ИЕРУСАЛИМ

I

Когда-то Фридрих и Кингскурт прехали в Иерусалим ночью и с запада, теперь они приехали днем и с востока. Когда-то они видели на этих холмах грустный заброшенный город, теперь перед ними лежал обновленный, сверкавший великолепием. Когда-то здесь был мертвый, теперь возрожденный Иерусалим.

Они приехали из Иерихона и вышли на оливковой горе, на старой дивной горе, с которой открывался вид на далекие пространства. Это были еще священные места человечества, еще высились памятники, созданные верою разных времен и народов, но ко всему этому прибавилось еще что-то новое, мощное, радостное: жизнь! Иерусалим стал огромным телом и дышал жизнью. Но старый город, насколько можно было видеть с этой горы, мало изменился. Они видели церковь у гроба Господня, мечеть и другие купола и крыши старинных зданий. Но рядом с ними выросло что-то новое, великолепное. Это новое, сверкающее, огромное здание, был так называемый дворец мира. От старого города веяло безмятежным покоем. Но вокруг него развевывалась совершенно иная картина. Здесь вырос современный город, изрезанный электрическими дорогами; широкие, окаймленные деревьями улицы, сады, бульвары, парки, учебные учреждения, торговые ряды, и великолепные общественные и театральные здания. Давид объяснял назначение выступавших из общей массы зданий.

Это был мировой город, по последнему слову культуры двадцатого столетия.

Но взгляды путешественников невольно обращались поминутно к старому городу. Он лежал по другую сторону кедровой долины, весь залитый солнечным блеском, и было что-то торжественное в этом безмолвном сиянии. Кингскурт, получив от Давида ответы на все вопросы, спросил про огромное роскошное здание, сверкавшее золотом и ослепительно белым мрамором. Это был целый лес мраморных колонн с золотыми капителями, поддерживавшими купол. И Фридрих с

глубоким волнением услышал из уст Давида слова:

– Это храм!

В пятницу вечером Фридрих Левенберг в первый раз отправился в Иерусалимский храм. Фридрих шел с Мириам впереди, за ними шли Давид и Сара. По мере приближения к старому городу, шум и оживление замирали. Количество экипажей заметно уменьшалось, магазины закрывались. Над шумным городом медленно и торжественно спускался субботний покой. В синагоги шли толпы людей. Кроме большого храма, как в старом, так и в новом городе еще рассеяны были многие храмы невидимого Бога, дух которого израильский народ свято оберегал в своей душе, в своих долговечных скитаниях. Лишь только они переступили вековую ограду старого города, ими овладело благоговейное настроение. В этих стенах следа не было той неопрятности и суеты, которую Кингскурт и Левенберг видели здесь двадцать лет тому назад. Тогда богомольцы разных вероисповеданий чувствовали себя глубоко-оскорбленными, когда они, после долгой езды, достигали цели своих стремлений, такую удручающую картину представлял тогда вид запущенных улиц. Теперь все улицы и переулки были вымощены новыми гладкими плитами. Частных домов в старом городе теперь не было. Все здания заняты были богоугодными и благотворительными учреждениями. Здесь были подворья для богомольцев разных вероисповеданий. Христиане, магометане и евреи имели здесь свои благотворительные учреждения, больницы, санатории, тянувшиеся пестрыми рядами. Торжественный величавый дворец мира занимал огромное четвероугольное пространство, в котором собирались конгрессы друзей мира и ученых. Старый город стал интернациональным местом, родным углом для всех народов, потому что здесь нашло себе приют «самое человеческое»: – страдание.

И здесь сосредоточены были все виды помощи, которыми человечество облегчало страдания: вера, любовь и наука.

Мириам и Фридрих опередили старика, который, опираясь на палку, с трудом передвигал ноги. Мириам поклонилась ему, и старик примкнул к отставшей паре, к Давиду и Саре, которые ради него замедлили шаги.

– Этот старик тоже здесь обрел душевный мир, – сказала Мириам своему спутнику, – Попросите как-нибудь Давида, чтобы он рассказал вам его историю. Они случайно познакомились в Париже. Давид ездил туда по своим делам. Как вы успели уже, вероятно, убедиться, Давид умеет очаровывать людей. Этот несметно богатый в то время Арман Эфраим тоже почувствовал к нему большую симпатию и привязался к нему более, нежели к своим родным, которые только выжидали его смерти, рисовавшей им приятную перспективу наследства. Арман Эфраим всю свою жизнь только зарабатывал деньги и тратил их на свои утехы. Но, наконец, он состарился. Наслаждения больше не прельщали. А в его утомленном мозгу не зарождалась ни одна мысль о том, куда девать свои капиталы.

Одно только он сознавал: своих веселых наследников он наследством не порадует. Тогда Давид внушил ему поехать в Иерусалим. Старик приехал сюда, и Давид повел его во дворец мира. Это великолепное здание с течением времени стало центральным пунктом обсуждения общечеловеческих интересов, не одних только еврейских. Нам удалось разрешить несколько проблем, которые не мало смущали человечество в прежние времена. Но на земле еще слишком много скорби, и облегчать ее можно лишь соединенными нравственными усилиями. Во дворце мира вы можете наблюдать эту дружную мировую работу. Когда где-нибудь на свете совершается катастрофа – пожар, наводнение, голод, эпидемия, – то немедленно телеграфируют об этом сюда. Помощь оказывается всегда в широких размерах, так как сюда стекаются как просьбы о помощи, так и все нужные для нее денежные суммы. Постоянная комиссия, члены которой выбираются из разных стран, наблюдает за справедливым и целесообразным распределением помощи. Сюда же обращаются также за поддержкой изобретатели, художники, артисты и ученые. Всех привлекает надпись над воротами храма: Nil humani a me alienum puto.» – И они, действительно, получают возможную поддержку, если оказываются достойными ее...

И здесь Арман Эфраим нашел удовлетворение которое сулил ему Давид. Он с удовольствием посещает заседания комиссии, в которых докладывается о вновь поступивших извещениях о требующейся помощи и оставляет каждый раз зал заседаний с облегченным карманом. После его смерти все его состояние перейдет на дела благотворительности.

Фридрих, смеясь, заметил:

– В таком случае, его родственники, пожалуй, искренне будут горевать.

Они остановились, чтобы подождать следовавших за ними. Старик, покашливая, рассказывал Саре и Давиду. «А пятьсот фунтов стерлингов я уделил одному приюту для брошенных лондонских детей. В общем сто тысяч франков сегодня – ха, ха, ха – недурной денек! – Если бы я не был здесь, один из моих племянников быть может столько же проиграл бы на скачках сегодня. По крайней мере, я получил удовольствие, и наследники мои не будут ликовать, ха, ха, ха... Смеюсь я, – ха, ха, ха... И лондонские малыши будут смеяться. Несчастные детишки.»

Они подходили в эту минуту к Иерусалимскому храму. Он был восстановлен во всем своем древнем великолепии. Сара и Мириам прошли в женское отделение. Фридрих и Давид стояли в задних рядах.

Под мощными сводами торжественно звучало пенье и звуки лютней; глубокое волнение охватило Фридриха. Как во сне проносились перед ним картины его

собственной жизни и прошлого его родного народа. Молящиеся вокруг него шептали молитвы. Он вспомнил «еврейские мелодии Генриха Гейне». Да, Гейне, как истинный поэт чувствовал сколько романтизма в судьбе его народа. И вдохновенное проникновение в народную немецкую поэзию нисколько не мешало ему находить красоту в еврейских мелодиях. Фридрих вспомнил позорное время, когда евреи стыдились всего еврейского. Они полагали, что выигрывают в чужих глазах, скрывая свое происхождение. Но именно этот скверный стыд бросал на них тень лакейства и позорной приниженности. И они еще удивлялись презрению, с которым к ним относились, когда у них самих не было ни капли уважения к себе. Они пресмыкались перед другими, и презрение к ним было возмездием за самоунижение. И в своем странном ослеплении они этого не замечали. Те, которые пробивали себе дорогу, устраивались, делали дела, отпадали от веры своих отцов и скрывали свое происхождение, как позорное пятно. И если отпавшие от еврейства стыдились отцов и матерей своих, то очевидно, это еврейство должно было быть чем-то очень постыдным. На них смотрели как на беглецов из прокаженной местности, и держали их в карантине. В средние века крещеных евреев звали в Испании беглыми...

И еврейство падало все глубже и глубже. Оно воплощало собою весь ужас несчастья, страдания и унижения!..

И теперь это еврейство возродилось! Возродилось потому, что евреи перестали стыдиться его. Не только бедные, слабые, неудачники слились в одном чувстве солидарности. Нет, и сильные, свободные, даровитые вернулись на родину и получили больше, чем дали. Другие народы были им благодарны за то великое, что они давали человечеству. Еврейство же желало от них только верности своему племени. Человечество благодарно каждому великому за его лепту в духовную сокровищницу человечества; он должен вносить свою лепту. Лишь отчий кров ждет сына, одного его присутствия, и счастлив одним этим...

И Фридрих, погруженный в размышления, навеянные еврейскими мелодиями, постиг значение этого храма. Когда-то, в царствование царя Соломона, храм, разукрашенный золотом и драгоценными камнями, олицетворял собою гордость и силу Израиля. Храм отделан был кедровым, кипарисовым, оливковым деревом и бронзой и был дивной отрадой для глаз. Но как это ни было великолепно по понятиям того времени, не об этом же здании евреи скорбели в течение восемнадцати веков. Нет, они скорбели о чем-то невидимом, что собою лишь символизировал великолепный храм. И это невидимое Фридрих чувствовал в восстановленном иерусалимском храме. Светло и радостно было у него на душе.

Вернувшиеся сыновья древнего народа господина Бога стояли на родной земле и возносили свои души к невидимому.

Они молились с большим или меньшим благоговением во многих храмах земного

шара, в богатых и скромных. Но их невидимый Бог, вездесущий, везде должен был быть им одинаково близок или далек. Но храм был все-таки лишь здесь.

Почему?

Потому что лишь здесь они могли сплотиться в свободную общину и сообща стремиться к благороднейшим целям человечества. В прежние времена они знали солидарность лишь под гнетом преследований, в гетто. Позднее они узнали свободу, когда культурные народы признали за ними человеческие права.

Когда-то они были бесправные, лишние, униженные. И когда они вернулись из улиц гетто, они перестали быть евреями, и стали опять людьми. И тогда они опять воздвигнули храм Невидимому, Всемогущему, Которого дети иначе представляют себе, нежели мудрецы, но Который присутствует везде и всегда. Когда они по окончании службы, вышли из храма, и здоровые, спокойные, свободные люди приветствовали друг друга с наступившим праздником, Фридрих Левенберг сказал Давиду:

– Да, конечно, вы были правы, указав мне с Масличной горы это здание. Это – храм!..

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

II

В ближайшее воскресенье во всей стране происходили выборы делегатов.

Давид в ночь с субботы на воскресенье уехал в Хайфу, чтобы руководить оттуда движением. Партия Гейера ни перед чем не останавливалась для достижения успеха. Газеты Гейера ежедневно сообщали в нескольких добавочных листках результаты голосования, причем к сообщению присовокуплялись разные смутные намеки. Одна из этих нечистоплотных газеток особенно преследовала главного директора Новой общины, Иосифа Леви. Говорилось о неограниченной власти этого человека над миллионами членов новой общины. Автор статьи подчеркивал, что он ничуть не желает обвинить в чем-нибудь Иосифа Леви; вопрос идет только об общем благе, о достатке, добытом тяжелым трудом народа, о существовании дорогой нам общины. Все это писалось в слащавом тоне и приправлялось библейскими изречениями. Профессор Штейнек, получивший этот листок в присутствии Кингскурта, побагровел при чтении и стал неистово ругаться:

– О, ты, скотина!.. Негодяй!.. Ты... Ты... Коршун!.. Этот негодяй прекрасно знает, что наш Иоэ воплощенная честность. Он знает, что Иоэ всю свою душу вложил в наше дело. И этот мерзавец смеет еще упоминать его имя своими нечистыми устами – и это все ввиду предстоящих выборов – вы понимаете? Чтобы повлиять на избирателей...

Он гневно разорвал листок на куски и вышвырнул их в окно.

Кингскурт рассмеялся:

– Понимаю ли я! Дорогой профессор, как же не понимать! Слава Богу, пожили немного, и прекрасно понимаем, что за подлые скоты эти люди: откровенно говоря, я многому не верил из всего, что я слышал здесь и что мне рассказывали – слишком уже сказочной представлялась мне вся эта история. Но теперь я вижу, что у вас есть и мерзавцы. А это меняет дело – стало быть, всего понемножку. Тогда я и в

хорошее готов поверить.

В доме Литвака, впрочем, немного говорили о политике, как ни трудно было избегать этой злободневной темы.

Семья Давида и его друзья жалели его за его увлечение политической борьбой. Но он уверял, что после выборов опять вернется к своим обычным занятиям.

По предложению Мириам весь кружок в день выборов отправился в одну художественную мастерскую. Ателье художника Изака находилось в тихой восточной окраине нового города и известно было своими драгоценными произведениями искусства. Иzaak любил изящное интеллигентное общество, и праздники, которые он часто давал на своей вилле, славились своей изысканностью. В вестибюле, стеклянную крышу которого поддерживали мраморные колонны с золочеными капителями стены покрыты были старинными гобеленами. Здесь же стояло несколько превосходных копий античной скульптуры. Мраморный портик с видом в прелестный сад, в котором из зелени пальм под пышными клумбами цветов белели прелестные мраморные группы, навеял на посетителей воспоминания о сказках Шехеразады. Посреди вымощенного широкими плитами круга, живописно уставленного изящной и разнообразной гнутой мебелью, играл фонтан, и вода с тихим плеском падала в широкий бассейн. Из портика вели во внутренние комнаты высокие резные двери. В ту минуту, когда они любовались волшебной картиной, двери мастерской открылись, и оттуда, в сопровождении красивой изысканной пары, вышел художник, которому доложили о приезде гостей. Профессор Штейнек представил Фридриха, а Иzaak назвал господина и даму, которые находились у него: лорд Судбюри и леди Лилиан, его жена, с которой художник рисовал портрет. Изаку было на вид лет сорок. Он держал себя с приятной непринужденностью и достоинством, во всех его движениях сквозила изящная простота, обнаруживавшая в нем привычку к хорошему обществу.

На прежней своей родине художник Иzaak был забитым, несчастным еврейским мальчиком и только благодаря своему таланту достиг настоящего положения.

Слуга принес освежительные напитки. Мужчины закурили сигары из чудесного душистого табаку, и художник не без гордости сообщил, что это палестинский табак, известный под названием «Цветы Иордана».

Леди Лилиан меж тем подошла к Мириам, с которой уже раньше была знакома, и о чем-то тихо попросила ее. Мириам как будто уклонялась от исполнения какой-то просьбы и милой улыбкой смягчала свой отказ. Фридрих не мог отвести глаз от этих двух женских фигур, стоявших у золоченой решетки сада. Мириам, небольшого роста, с темными волосами, тонкая, стройная несколько не проигрывала при сравнении с высокой изысканно одетой английской леди. И

Фридрих с удовольствием и гордостью переводил глаза с знатной английской дамы на милую еврейскую девушку. Они обе медленно вышли в сад, и Фридрих с радостью пошел бы за ними, если бы беседующие не обращались преимущественно к нему. Ему говорили о вещах, о которых он еще не знал: о роли искусства и философии в новой общине.

Лишь теперь, слушая красивый, звучный голос художника, Фридриху пришло в голову, что на самые важные вопросы ему еще никто до сих пор ответа не давал. Он видел храм и электрические машины, старый народ и новые формы его общественной жизни. Но какое место занимали, и каково было здесь значение искусства и науки? Еще в прежние времена многие усматривали в сионическом движении тормоз для проявления художественных сил еврейского народа и потому считали движение это реакционным, противным прогрессу. Из слов художника Фридрих убедился, насколько близоруки были эти предположения. В Новой Общине царила прежде всего свобода совести. Каждый мог молиться своему Богу и искал ли он единения с Ним в храме иудейском, в церкви, в мечети, в художественных музеях или филармонических концертах, до этого Община совершенно не касалась.

На средства одного богатого американца, находившегося в качестве гостя на корабле «Будущность», учреждена была академия по типу французской. Число членов, как и во дворце Мазарини, было сорок, и если за смертью одного из них кресло освобождалось, то остальные члены выбирали достойнейшего преемника. Члены получали содержание, которое совершенно освобождало их от всяких житейских забот, и они могли спокойно предаваться занятиям искусством, философией или наукой.

И разумеется, эти сорок членов совершенно свободны были от национального шовинизма. Когда этот институт был учрежден, первыми его членами были люди разных стран, разных культур, и они здесь встретились и сблизились, как братья по духу.

Первым положением устава еврейской академии было:

«Еврейская академия ставит себе задачей отмечать заслуги выдающихся людей перед человечеством». Сорок членов еврейской академии составляли также орденский капитул в Иерусалиме.

Фридрих на многих уже видел этот значок, но не обратил на него внимания.

– Вы не думайте, милый доктор, – сказал художник – что глупого тщеславия ради учредили этот орден. Чести нужна обменная монета, это понимали законодатели всех времен. И мы в свою очередь не пренебрегли этим отличием, имеющим такое

значение в глазах большой толпы.

– Высшие степени отличия даются очень редко. Президент нашей академии – гроссмейстер, сорок членов, составляющих также орденский капитул, далекие от всяких частных, партийных и политических интересов. Так что, как видите, какие-либо выгоды из своего положения они извлекать не могут. За удачные аферы мы нашим орденом не награждаем.

– Цвет значка должен напоминать нам о тяжелых временах, пережитых нашим народом. Из желтого пятна, которым клеймили наших несчастных и стойких в несчастьи отцов, из позорного знака, мы сделали почетное отличие.

– Вы поняли? – воскликнул Штейнек. Фридрих задумчиво кивнул головой. В эту минуту слуга доложил о приходе доктора Маркуса. Художник быстро встал и пошел навстречу старику с длинной белой бородой.

– Вы явились, доктор, как волк в басне, – сказал он и представил Фридриха и лорда Судбюри. – Доктор Маркус – президент академии... Я сейчас только рассказывал моим дорогим гостям про нашу академию. Лорд Судбюри был уже несколько осведомлен, но для доктора Левенберга, хотя он и еврей, все это ново.

Доктор Маркус удивился.

Фридрих в нескольких словах изложил ему свою биографию.

Президент академии внимательно выслушал его, и, покачивая головой, добавил:

– Двадцать лет тому назад! Да, да, я понимаю ваше изумление. А между тем все, что вы видите у нас, уже существовало. Вы помните слова Коэлета:

«Что случилось? То, что случится потом. Что здесь сделали? То, что сделано будет потом. И нет ничего нового под солнцем»...

– Позвольте, дорогой президент! – воскликнул Штейнек. – Да ведь это понимать надо только *cum grano salis*. Не все же, что есть, уже было. И не все уже за нами, что еще ждет нас впереди. Я напомню вам не Коэлета, а Стоктон-Дарлингтон. Вы понимаете?

– Стоктон-Дарлингтон? – повторил англичанин. – Вы говорите по-видимому о первой железнодорожной ветке, которую построил Стефенсон сто лет тому назад?

– Конечно, милорд! – ответил профессор. – Мы несколько дней тому назад решили в академии предложить всему цивилизованному миру достойным образом

отпраздновать в 1925 году столетнюю годовщину со дня проведения Стефенсоном первой железной дороги. В ту минуту, когда исполнится сто лет, все паровозы всех железных дорог земного шара должны дать три сигнальных свистка. И на всем земном шаре, все люди, которые будут сидеть в эту минуту в вагонах, будут думать о Стефенсоне... Вы согласитесь, дорогой президент, что мудрость Коэлета меркнет на расстоянии между Стоктоном и Дарлингтоном.

Доктор Маркус ласково ответил:

– Охотно соглашаюсь, тем более, что я этого и не оспаривал. Меня только радует мысль, что все то что было хорошего, конечно, я вижу и в настоящее время. И будущее уже существует, и я его знаю: хорошее, одно хорошее. Эта мысль – это отрада моих последних дней. Я из одних и тех же предпосылок прихожу к другому заключению, нежели сын Давида, древний царь иудейский. Но быть может и у царя Соломона была та же мысль, хотя он говорил, что все суета, и хотя он задавал себе вопрос, какую награду получает человек за все свои труды и печали.

– Все суета, несомненно, если смотреть на мир с роковой точки зрения нашей собственной личности. Но все важно, все значительно, если мы нашу личность выделим из круга обобщений. Тогда и мечты мои вечны, потому, что, когда меня уже не будет, другие о том же будут мечтать. Красота и мудрость никогда не умирают, даже когда умирают те, которые вошли с ними в жизнь. Мы должны проникнуться верой в вечность красоты и мудрости, как убедились уже в вечности энергии. Разве погребло искусство жизнерадостных эллинов? Нет, оно возрождается в другие эпохи. Разве устарели афоризмы наших мудрецов? Нисколько, хотя бы и в свете более счастливого времени они не выделялись так ярко, так заметно, как во мраке несчастья. В этом отношении они равны всем огням... И что же из этого следует? А то, что мы должны стремиться к увеличению суммы красоты на земле до последнего мгновения. Потому что земля – это мы сами. «Земля еси и в землю отыдеши»...

Все замолкли после слов доктора Маркуса. Каждый думал свою думу. И вдруг из закрытых дверей вторгнулись в тишину красивые широкие звуки. Чей-то женский голос пел.

– Кто это поет? – тихо спросил Фридрих.

– Как? неужели вы не знаете? – изумился художник. – Да ведь это Мириам. – Он встал и безшумно открыл двери в зал, в который перед тем ушли обе дамы. Мириам, не подозревавшая, что ее слушают, пела лэди Лилиан и Шумана, и Рубинштейна, и Вагнера, Верди, и Гуно. Одна за другой лились дивные мелодии, и Фридрих Левенберг почувствовал себя счастливым среди этих сильным духом людей, которые просто и благородно осуществляли благороднейшие цели жизни: мудрость и красоту.

И когда Мириам запела его любимую, мечтательно грустную песню Миньоны:

«Kenst du das Land, wo die Citronen bluhn...» Фридрих прошептал:

– Здесь, здесь эта страна!

Дома Мириам и Фридрих ждал неприятный сюрприз. Общий баловень и любимец, маленький Фриц опасно заболел. Больше всех растерялся и волновался Кингскурт. В течение нескольких дней и ночей, несмотря на все увещевания и просьбы, он не отходил от кровати больного ребенка. И когда, наконец, в одну ночь мальчик уснул спокойным, ровным сном, старый ворчун отвел Левенберга в угол и сказал:

– Фриц, если эта крошка выздоровеет, я останусь здесь навсегда. Даю вам торжественную клятву. Это мой обет...

И он сдержал слово. Как только ребенок стал поправляться, и все домашние начали приходить в себя, Кингскурт первый заговорил об осуществлении своего решения, по своему обыкновению неловко и трогательно объясняя его. Фридрих со смехом его прервал.

– Да мотивировка, Кингскурт, дело второстепенное. Важен факт. Когда же мы заявим о нашем желании вступить в новую общину?

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Ш

Они решили сделать это немедленно. И так как они давно хотели навестить президента Айхенштама, который еще при первой встрече в Хайфе их приглашал, то и отправились к нему, имея главным образом в виду спросить у него совета относительно вступления в новую общину. Дом, в котором он жил, напоминал палаццо генуэзских патрициев. Почти одновременно с их экипажем у подъезда остановился автомобиль, из которого вышли два пожилых господина и профессор Штейнек. Профессор поднимался уже по лестнице, когда услышал голоса обоих друзей, вступивших в какие-то переговоры с швейцаром. Он кивнул им головой, и это приветствие имело магическое действие; швейцар тотчас же предупредительно открыл перед ними двери. Штейнек исчез во внутренних комнатах. Кингскурт и Фридрих спросили доктора Веркина, секретаря президента.

Слуга провел их в контору и попросил их там обождать. Прошло несколько минут. Кингскурт начал выражать нетерпение. Молодой человек, переписывавший что-то на машинке, сообщил им, что доктор Веркин уже часа два у президента, который внезапно опасно занемог.

– Вот он что! Потому-то и Штейнек так быстро исчез! – воскликнул Кингскурт. – А не знаете ли, драгоценнейший, кто эти господа, с которыми приехал Штейнек?

– Да это профессора Сионского университета.

– Я думаю, Кингскурт, – сказал Фридрих, – нам лучше бы уйти. Мы оставим визитные карточки доктору Веркину и придем опять, когда президент в состоянии будет нас принять.

Они ушли. В городе еще ничего о болезни президента не знали. На улицах царило обычное оживление. Обогнув один из бульваров, они вышли к большому английскому парку, к которому примыкало большое здание с надписью: «Департамент здоровья».

Кингскурт громко рассмеялся.

– Поглядите-ка, это опять должно быть что-то очень интересное. Очевидно, это подражание немецкому министерству народного здоровья. Тут и расспрашивать не о чем. Ясно, как день. Это мозаика – моисеевская мозаика. Удачная острота, э?

– Как все ваши остроты, м-р Кингскурт; не хуже, и не лучше других. – Но мне кажется, что величие «Обновленной земли» нисколько не умаляется тем обстоятельством, что все, что мы видим здесь, уже существовало раньше. Силы природы были достаточно исследованы. Существовали и технические средства; точно так же каждому образованному человеку 1900 года были уже известны социальные проблемы, которые мы видим здесь осуществленными. Точно также были уже известны формы артельного производства и потребления, и все же из всего старого создалось нечто совершенно новое. Эта возрожденная страна больше, несравненно больше, нежели объединение всех социальных и технических успехов.

– Почему? Я нахожу, что и это одно уже очень мило, – вставил Кингскурт.

– Как юрист, как европеец конца девятнадцатого столетия я спрашиваю себя, каким образом это общество удерживает равновесие.

– Ну, это меня нисколько не удивляет. Меня больше всего удивляют деревья! Этим деревьям не меньше сорока-пятидесяти лет. Каким образом они сюда попали?

Он так громко говорил, что проходивший мимо господин, слышавший его слова, улыбнулся и остановился. Кингскурт, конечно, тотчас заговорил с ним:

– Я вижу, что мои слова привели вас в отличное настроение духа. Не будете ли вы так любезны ответить мне на мой вопрос?

– С удовольствием – ответил тот. – Вам, несомненно, известно, что можно рассаживать и подростные деревья. В Кельне, например, где я раньше жил, в одном народном саду, посадили сорокалетние деревья. Это, конечно, стоит недешево, но у нас, вообще, на нужды и потребности населения денег не жалеют. Такие расходы окупаются будущими поколениями. Впрочем, мы не везде сажали старые и дорогие деревья. Мы выписали из Австралии много молодых деревьев, много эвкалиптов, которые растут очень быстро.

– Благодарю вас, – сказал Кингскурт. – Это мне многое уяснило. Не можете ли вы также объяснить мне, откуда все эти детишки, играющие на лужайках. Он указал на многочисленных девочек и мальчиков, игравших в лаун-теннис, крокет и серсо.

Незнакомец предупредительно ответил:

– Это воспитанники институтов, примыкающих своими зданиями к этому парку. Все классы попеременно выводятся сюда для атлетических игр, которые мы считаем такой же важной статьей воспитания, как и учение.

– Но это, повидимому, лишь дети состоятельных людей? – спросил Фридрих. – Они все такие нарядные, опрятные.

– Нет, ничуть! В наших школах нет никаких отличий меж воспитанниками, кроме степеней таланта и трудолюбия, и каждому воздается должное по его заслугам. Но условия для всех одинаковы. В прежние времена дети отвечали за неудачи своих родителей, не имевших возможности давать им образование... У нас всем представлена возможность учиться. И во всех наших учебных заведениях, начиная от начальных школ и кончая университетом, обучение даровое, и до получения аттестата зрелости все воспитанники носят одинаковое платье... Однако, я заговорился с вами, простите, меня ждут дела. И, вежливо поклонившись им, он удалился.

Фридрих и Кингскурт еще любовались несколько минут веселой и резвой толпой детей. Кингскурт не прочь был бы принять участие в играх, если бы Левенберг не увлек его домой. Вести о здоровье Айхенштамма были печальные. Штейнек прислал Давиду Литваку краткое сообщение: «Безнадежен», И, когда он пришел вечером, все по лицу его догадались о случившемся.

– Он умер, как умирают великие люди, – сказал профессор Штейнек. – Я был подле него до последней минуты. Он говорил о смерти. Он говорил, что смерть не страшна тому, кто так часто, как он, видал ее перед собою. «Я чувствую, – говорил он, – что теряю сознание. Я еще слышу свой голос, но все слабее и слабее. Я буду еще быть может думать, когда не буду уже в силах говорить. Я уже простился с собою, как жаль, что я не могу проститься со всеми, кого я любил». Потом он замолк, и неподвижно глядел в пространство. Вдруг он опять остановил глаза на мне. «У меня были друзья, – сказал он. – Много друзей. Где они? Друзья – это богатство жизни. У меня было много, много друзей. Где они»? Они замолк, и мне казалось, что его затуманенные глаза говорили: ты видишь, я не могу уже говорить, но я еще думаю. И, наконец, он сделал последнее усилие и отчетливо произнес слова, которые я часто слышал от него: «И чтоб каждый иностранец чувствовал себя у нас, как дома»!...

– Затем глаза его остановились. Я их ему закрыл. Так умер Айхенштамм, президент новой общины.

mail.ru	1196
3685174	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

IV

На восьмой день после торжественных похорон Айхенштамма, созван был конгресс для выборов президента новой общины. Почти все четыреста делегатов, и женщины в том же числе, прибыли еще накануне назначенного дня. В клубах и отелях велись горячие обсуждения. В предшествовавший выборам вечер у доктора Маркуса, президента академии и у Иоэ Леви, директора новой общины, было почти одинаковое количество голосов.

Иосиф Леви еще не вернулся из Европы, но его ждали с минуты на минуту. Некоторые говорили, что в случае избрания его, он от этой чести откажется. Другие утверждали, что слухи эти распространяются сторонниками д-ра Маркуса.

Словом, как везде и всегда, вокруг выборных интересов возникла борьба, интрига, споры и пререкания. Кингскурта это очень занимало.

В упомянутый день, утром Давид Литвак с взволнованным лицом вошел в комнату Фридриха и сообщил, что получил известие об осложнившейся болезни матери.

– Вы без меня пойдете на конгресс. Я тотчас же уезжаю в Тибериаду с Мириам. Жена и Фрицхен приедут поздней.

– Не поехать ли и нам с вами? – участливо спросил Левенберг

– Ах, вы ничем ей не поможете... Я думаю, что никто тут не поможет... Оставайтесь ради конгресса – для вас это будет интересное зрелище. А я теперь ко всему равнодушен, пусть выбирают, кого им угодно.

Кингскурт сказал:

– Мы проводим вашу жену и Фрицхен до Тибериады.

– Благодарю вас! – Не говорите только пожалуйста никому о моем отъезде. Бывают в жизни моменты, когда и друзья лишние. Меня будут осаждать выражениями участия. Я хочу быть один... Прощайте!

После отъезда Давида и Мириам друзья отправились в дом конгресса. Над огромным зданием развевались белые флаги, окаймленные черным флером, по случаю недавней кончины Айхенштамма.

Выборы должны были происходить в большом высоком, строгого стиля мраморном зале с матово-стеклянным плафоном. Скамьи еще были пусты, потому что делегаты еще совещались в кулуарах и примыкавших к ним комнатах.

Но галереи уже были переполнены. В ложах было более дам, нежели мужчин. Туалеты, по случаю национального траура, преобладали темные. Только в одной ложе подле Кингскурта и Левенберга сидели несколько дам в очень светлых платьях и огромных ярких шляпах. Здесь были обе Вейнбергер, Шлезингеры, доктор Вальтер, молодая и старая Лашнер, Шифман и неперменные члены этого кружка, остряки Грюн и Блау. Фридриху очень хотелось уйти в другую ложу, но нигде больше места не было. Кингскурта, впрочем, эта компания забавляла, и он не хотел искать другого места.

– Когда я слушаю этих господ – шепнул ему Фридрих на ухо, – у меня является желание вернуться с вами на наш остров.

– О, о, о!.. Ну, я умнее вас. Я знаю, что в лучшем зверинце есть также клетка обезьян. Ну и в людском обществе есть такая же клетка.

В зале началось оживление. Делегаты занимали места. С правой стороны, в группе женских делегатов ораторствовала м-с Готланд. Она принадлежала к партии доктора Маркуса. Архитектор Штейнек агитировал в пользу Иоэ Леви. Он стоял у подножия трибуны, и в возраставшем гуле голосов резко выделялись его вскрикивания: «Ио, Ио!»

Решид-бей зашел в ложу Кингскурта и Фридриха и сообщил им последний результат совещаний в кулуарах. Перевес голосов был на стороне Иоэ Леви. Он был очень популярен во всей стране, столь обязанной ему своим процветанием, и делегаты считались с этим, между тем как доктор Маркус был близок и дорог главным образом наиболее интеллигентной части общества. Иосиф Леви, впрочем, уже вернулся и наверно скоро придет на собрание.

– Вы нам тотчас же укажите его, если он придет – сказал Кингскурт. Должно быть очень интересный господин. Любопытно посмотреть, как он себя будет держать.

В клетке обезьян плоско и пошло острили, злословили и судачили.

Прозвенел звонок, возвещавший открытие конгресса. На галереях разговоры мгновенно стихли. Делегаты наполнили зал.

– Вот Иоэ Леви! – сказал Решид-бей. – Вот этот с седыми, щетинистыми усами, с лысиной. Вот, он подает руку архитектору Штейнеку.

Это был худощавый человек, среднего роста, очень смуглый, быстрый и энергичный в движениях. Делегаты окружили его плотным кольцом. Десятки рук с приветствиями протягивались к нему. Он держался очень непринужденно, и вид у него был совсем не торжественный.

Раздался второй продолжительный звонок, все заняли места. В то же мгновение распахнулись на трибуне золоченые двери, и оттуда вышел председатель конгресса со всем своим штатом.

Первым делом, он почтил память покойного президента прекрасной речью, которую все выслушали молча.

Потом он объявил:

– Мы собрались сюда для выборов нового президента.

– Я прошу слова! – ко всеобщему изумлению крикнул Иосиф Леви. – Слово за Иосифом Леви, – сказал председатель.

Иосиф Леви быстро и легко взошел на трибуну и начал:

– Многоуважаемые члены конгресса! Я должен сказать только несколько слов. В моем отсутствии некоторые мои друзья выставили мою кандидатуру, не спросив меня, следует ли это делать.

Шум восклицаний покрыл его слова.

– К порядку – крикнул архитектор Штейнек. Иосиф Леви повторил:

– Я должен сказать только несколько слов. Это слишком большая честь для меня. И я хочу избавить конгресс от номинальных выборов и потери времени. Потому что, если вы удостоите меня чести избрания в президенты, я от этой чести откажусь. Это решено.

– Но почему? Почему? – раздалось со всех сторон.

– По очень простой причине. Я еще чувствую в себе силы работать, и если вы довольны мною, предоставьте мне возможность работать. Если вы выберете меня, вы этим самым дадите мне отставку. Я думаю что для этого, я, несмотря на свои седые волосы, еще слишком молод. Доктор Маркус вам обстоятельнее изложит мое мнение. Мы с ним уже столкнулись. Но решение мое неизменно. Благодарю вас, друзья, за ваши добрые намерения. Многоуважаемые члены конгресса, не выбирайте меня.

В зале возбуждение возрастало. Слышны были восклицания неудовольствия, изумления, разочарования. Иоэ Леви забрасывали вопросами. Он улыбался и пожимал плечами. В клетке обезьян пошло и плоско острили.

– Он мне нравится, – сказал Кингскурт. – Говорить он не мастер, но нет сомнения, это честный человек.

Председатель громко позвонил. В зале опять воцарилась тишина, и на трибуну без труда вошел престарелый доктор Маркус.

– Почтенное собрание! – начал он. – Мой друг Леви говорил уже о необходимой экономии времени. Первым делом, надо столкнуться, и тогда мы легко придем к какому-нибудь решению. Мы здесь собрались не для выборов главы государства. Мы не государство, мы община. Мы просто одна большая артель, вмещающая в себе множество других меньших специальных артелей. И этот конгресс не более, как общее собрание артели, называемой Новой Общиной. Но мы все чувствуем, что вопрос идет не о чисто-материальных интересах производительной или хозяйственной артели. Мы создаем парки, школы, мы заботимся столько же о полезности вещей, сколько об их мудрости и красоте. Мы понимаем, что для общины людей, идеал – это польза, выгода, скажем ясней – он необходим. Идеал – залог прогресса. Это старо, как мир. То, что для отдельного индивида хлеб и вода, то для общины – идеал. И наш сионизм, который привел нас сюда и поведет нас еще выше, в неведомую область добра, это ничто иное, как бесконечный, бесконечный идеал.

– Вы полагаете, вероятно, что я уклоняюсь от сути дела? Нисколько. Я говорю о настоящих выборах. Тот, кого мы выберем главою нашей общины, должен быть хранителем идеала. Это должен быть уравновешенный, честный, умный человек, далекий от страстей злободневных интересов. Мы выбираем его на семь лет. Иосиф Леви отказался от этой чести, потому что надеется оказать нам своей деятельностью большую услугу, чем в роли президента. Я того же мнения, что и он. Но я снимаю свою кандидатуру. Я слишком стар. Я не надеюсь прожить еще семь лет. Частые выборы не хороши уже тем, что возбуждают страсти, ожесточенную партийность. Не выбирайте меня, я слишком стар. И быть может, я

перестая понимать идеалы молодого поколения. Потому что и идеалы подвержены законам вечного обновления.

– Но мы с Леви решили предложить вам кандидата. Это еще молодой человек. Это один из тех людей, которые возделывали и оплодотворяли нашу землю. Он шел за плугом рядом со своим отцом, но он и над книгами сидел. У него много здравого смысла и твердой воли. Я не вижу его в зале, но если он и здесь, то уж, конечно, менее всех принимает на свой счет мои слова. Избрав его, трудом, умом и волей пробившего себе дорогу в жизнь, мы в глазах всей молодежи этим отличием оценим значение в общественной жизни нравственных качеств и бескорыстной честной души. Каждый сын Венеции мог быть дожем. Каждый член Новой Общины должен надеяться на достижение высшего положения.

Шумные выражения одобрения покрыли слова старика.

– Имя! Имя! – кричали многие.

– Его имя, – сказал доктор Маркус, – я не могу произнести с трибуны, потому что избирательный закон запрещает навязывать с трибуны кандидата. Я попрошу председателя прервать на несколько мгновений заседание.

Делегаты в сильном возбуждении повскакали с мест и окружили Леви и Маркуса. Они назвали имя своего кандидата. Стоявшие ближе к ним крикнули его другим, и через минуту имя облетело весь зал: Давид Литвак, Давид Литвак.

– Тысяча чертей! – воскликнул Кингскурт.

– Не известить ли его об этом телеграммой? – взволнованно сказал Фридрих.

– Нет. У него и без того теперь достаточно волнений. Кто еще знает, чем это кончится. Мы лучше сейчас же поедem в Тибериаду. Ко времени окончания выборов, мы уже будем там. Мы войдем в дом и спросим: здесь живет Литвак, президент Новой Общины?

Они посвятили Решид-бея в свой план, и он обещал им об исходе выборов немедленно телеграфировать в Тибериаду.

В клетке обезьян шло состязание в плоских и пошлых шутках и остротах.

mail.ru	1197
3685175	124

HotLog	
1048159	+143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

V

Когда Кингскурт и Фридрих вернулись в отель, то не застали уже там жены Давида. Она уехала тотчас вслед за мужем. Кингскурт и Левенберг уехали в Тибериаду ближайшим экспрессом.

В вагоне между ними опять завязался оживленный разговор о всем перевиденном в возрожденной стране.

И у Фридриха вдруг вырвались изумившие Кингскурта слова:

– Я хочу поехать в Европу.

– Что вы, вы, взбалмошный чудака! Вам уже надоела страна ваших предков?

– Нет, мой дорогой Кингскурт. Я счастлив, что вы решили остаться здесь, и что я могу по крайней мере попытаться сделаться полезным членом Новой Общины. Быть может, я сумею как-нибудь применить свои юридические познания! Но я хотел побыть некоторое время в Европе и убедиться, насколько там изменились условия жизни. Я не могу себе представить, чтобы за двадцать лет и там не произошли большие перемены. Меня навели на эту мысль слова академика Маркуса. Он сказал:

– Мы не государство, а большая артель...

– Артель с великими идеалами! – ухмыляясь добавил Кингскурт.

– Мне приходила в голову мысль, – серьезно продолжал Левенберг. – Не стоим ли мы здесь перед ответом на многие вопросы прежних времен. Тогда много говорили о будущих формах государственной жизни. И так называемые практичные люди эти проекты будущей жизни вышучивали, высмеивали, они забывали, что мы всегда живем в будущем, потому что сегодняшний день – будущее вчерашнего дня.

Невозможное будущее государство мнилось лишь на невозможных развалинах существовавших доселе учреждений. Словом, для возможности желанных перемен, считалась необходимой катастрофа. Но тот же Маркус бросил недавно несколько слов, о которых я не перестаю думать – о преемственности вещей. Вовсе нет необходимости, чтобы гибло старое, для того, чтобы создалось новое. С тех пор, как я убедился здесь, как из старых материалов можно создать совершенно новое здание, я не верю больше ни в полное уничтожение, ни в полное обновление учреждений, я верю – как бы это сказать – в постепенную перестройку общества. Я думаю также, что таковая совершается не по программе, а случайно. Потребность – это строитель. На перемену полов, лестницы, стены, крыши, водопровода, освещения, решаются, когда является необходимость или побеждает новое изобретение. Но дом остается таким же, каким он был...

– Когда мы двадцать лет тому назад ушли из культурного мира, уже тогда мерцали новые формы жизни. Я понимаю юбилей первой железнодорожной линии. Это празднование начала новой эпохи. Границы остались неизменными, но люди и предметы производства стали перевозиться по всему миру. К чему только ни привели машины и железные дороги!

– К другим экономическим, к другим финансовым условиям. Старое еще жило, и рядом с ним пробуждалось к жизни что-то новое. Артель слабых, сильных – мы знали и то и другое. Почему бы и артелям не объединяться, если это могли делать отдельные фабриканты?..

Уже и прежде разумные предприниматели добровольно принимали на себя заботы о своих рабочих и их семьях. Каждая большая фабрика имела свои благотворительные учреждения. Синдикаты могли, если хотели, лучше обставлять своих рабочих, нежели одинокий фабрикант. Я знаю это из ваших же рассказов, мистер Кингскурт. Вы познакомили меня с американскими трестами.

– Совершенно верно. Но что же из всего этого следует?

– Я думаю, что производительная артель, уничтожившая единичные предприятия, была необходимая переходная форма развития... Основной капитал был вначале слабой стороной этой артели, но возможность организовать контингент потребителей, была ее сильной стороной, и артели должны были расти с общим ростом культуры. Я думаю, наконец, что влияние больших трестов было благотворное, потому что они проложили путь к организации труда. Артели должны были образоваться по типу трестов, Новая Община на мой взгляд не более как синдикат артелей.

– Вы хотите быть может сказать, что такая община и в другой стране была бы возможна?

– Да, несомненно. Такая новая община везде могла бы существовать, в каждой стране, да, в каждой стране могло бы существовать несколько таких артелей. Переход к такой экономической форме возможен, когда существуют артели и синдикаты. Но для этого вовсе не необходимо уничтожение прежнего государственного строя: он существует и обеспечивает развитие новой общины, которая в свою очередь служит ему поддержкой. Это преемственность вещей, и я верю в это...

Они приехали в Тибериаду. С вокзала они отправились прямо на виллу старых Литваков. Слуга, встретивший их у подъезда, на вопросы о здоровье матери Давида, ответил только грустным вздохом. Кингскурту он передал только что полученную на его имя телеграмму. Кингскурт вскрыл ее, бросив Фридриху значительный взгляд и прочитал:

«Давид Литвак большинством 363 голосов против 32 выбран президентом Новой Общины». Они быстро поднялись по лестнице и вошли в комнату, смежную с комнатой, где лежала больная. Двери были открыты, и они могли видеть больную, ее бледное лицо едва выделялось на фоне белых подушек, но она еще жила. Ее кроткие глаза с невыразимой любовью смотрели на детей, которые стояли подле нее и тихо разговаривали с ней.

Кингскурт молча протянул телеграмму старому Литваку. Тот безучастно взял ее, взглянул на нее и внезапно вздрогнул всем телом. Он протер глаза и опять прочитал. Затем он дал ее жене Давида и дрожащим голосом сказал:

– Сара, прочти мне это...

Сара пробежала телеграмму глазами и зарделась ярким румянцем, на глазах ее выступили слезы, и она сдавленным голосом прочитала телеграмму старику, потом вскочила, подбежала с бумажкой к дверям смежной комнаты и вызвала оттуда Давида. Давид осторожно и тихо шагая, вышел в гостиную. Заметив в глубине комнаты Кингскурта и Левенберга, он молча кивнул им головой и, повернувшись к Саре, спросил:

– В чем дело?

Отец его встал и нетвердыми шагами подошел к нему.

– Давид, сын мой... Давид! – Жена протянула ему телеграмму. Он равнодушно прочитал ее и нахмурился.

– И вздумалось же теперь Решиду шутить. Мне, право, совершенно не до того.

– Это не шутка! – сказал Фридрих и сообщил все, что знал о ходе выборов.

– Нет! нет! – ответил Давид. – Это невозможно. Я даже кандидатуры своей не выставял. Я этого и не добивался.

– Вот потому именно вас и выбрали! – сказал Кингскурт.

– Но я для этого совершенно не гожусь. Есть много других, достойнее меня. И я не приму этой чести; пожалуйста, телеграфируйте доктору Маркусу, что я отказываюсь.

Но отец его твердо сказал:

– Нет, Давид, ты не откажешься! ты должен согласиться – матери ради! Это последняя радость, которую ты можешь доставить ей.

Давид закрыл лицо руками. Из комнаты больной вышла Мириам.

– Что случилось? – спросила она. – Мать волнуется, она хочет знать, в чем дело.

Они подошли к кровати умирающей.

– Мать! – сказал старый Литвак, – доктор Левенберг принес нам добрую весть.

– Да? – чуть слышно прошептала больная. – Где он? Я хочу его видеть. Позовите его сюда.

Врач позвал из гостиной Фридриха, а Давид и Мириам приподняли мать и обложили ее подушками. Когда Фридрих приблизился к ее кровати, она ласково взглянула на него и прошептала:

– Я... я тотчас же подумала.. еще тогда... когда вы на балконе... там... дети... – Она провела рукою в воздухе. – Мириам мне ничего не сказала... Но мой... видит... Дети! Вы... вы должны... Дайте руки... друг другу... я вас благословляю.

И Мириам и Фридрих протянули руки друг другу. Но они сделали так медлительно и смущенно, что это не ускользнуло и от умирающей; она тоскливо взглянула на них и спросила:

– Или... или...

– Да, да – сказал Фридрих и крепко пожал руку девушки.

– Да! – тихо повторила Мириам.

Умиряющая мать нашла еще в себе силы устроить счастье своих детей.

Она опустила голову на подушки, обессиленная волнением. Грудь ее едва заметно поднималась. И старик вздрогнул при мысли, что она может уснуть, прежде чем он успеет сообщить ей про избрание Давида в президенты.

– Мать! – громко крикнул он. Она подняла ресницы. И во взгляде ее пробежало как будто сожаление о том, что нарушили ее прекрасный сон, ее грезы, которые она хотела унести в другую жизнь.

– Мать – крикнул старик. – Знаешь, кто теперь президент Новой Общины? Наш Давид – президент! Наш Давид, мать!

И Давид опять стоял на коленях перед больной матерью, как тогда, когда был маленьким и горько рыдая, целовал ее холодеющие руки. Но она высвободила свою руку и кротко провела ею по его волосам, словно утешая его.

– Мать! – с тоскою повторил старик. – Ты слышала? – Да! – прошептала она, – мой... мой Давид... И глаза ее сомкнулись,

.....

Ее похоронили.

Над могилой ее пели древнееврейские гимны, и старый рабби Самуэль из Нейдорфа читал молитвы. Надгробных речей не было. Давид этого не хотел.

Но когда он вернулся с кладбища домой со своими друзьями, он сам заговорил:

– Она была моей матерью. Она была для меня любовью и страданием. Любовь и страдание воплощены были в ней, и у меня затуманивались глаза каждый раз, когда взгляд мой останавливался на ней. Я больше не увижу ее, мою мать. Она была домом нашим и родиной нашей, когда у нас не было еще ни своего угла, ни родины. Она поддерживала нас в несчастье, потому что она была любовью. Она учила нас смирению, когда Бог помог нам, потому что она была страданием.

В черные и светлые дни она была честью и гордостью нашего дома.

Когда мы были нищенски бедны и спали на соломе, мы все же были богаты, благодаря ее близости. Она думала всегда о нас и никогда о себе. В доме у нас было

грустно и бедно, но он хранил сокровище, какое редко можно найти во дворце. Это была она, мать. Она была благородная страдальца, страдание не сокрушило, но укрепило ее. Она казалась мне символом еврейства в его тяжелые времена. Она была моей матерью, и я никогда больше не увижу ее. Никогда, друзья мои! Никогда! И я должен мириться с этим...

Друзья слушали его скорбные излияния и молчали. Потом пришли еще несколько человек, близких к дому Литваков.

Д-р Маркус заговорил о том, о другом. Ясно было, что он старается рассеять гнетущие думы Давида. Ему удалось навести разговор на возвышенную, серьезную тему.

Фридрих Левенберг, охваченный общим настроением, поставил вопрос, на который все присутствующие дали ответы.

Он спросил:

– Мы видим новую, счастливейшую форму совместного сожительства людей. Кто это сделал?

Старый Литвак сказал: «Нужда!»

Архитектор Штейнек сказал: «Вновь объединенный народ!»

Кингскурт сказал: «Новые пути сообщения»!

Доктор Маркус оказал: «Наука»!

Иоэ Леви сказал: «Воля!»

Профессор Штейнек сказал: «Силы природы!»

Английский пастор Гопкинс сказал: «Взаимная веротерпимость!»

Решид Бей сказал: «Самоуважение!»

Давид Литвак сказал: «Любовь и страдание»!

А старый рабби Самуэль торжественно встал и сказал: «Бог!»

mail.ru	1198
3685176	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ "ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ" (ALTENEULAND)

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА.

...Но если не хотите, пусть будет и останется сказкой все, что я вам рассказал.

В этой книге, – скажут одни – больше фантазии, чем поучения! Больше поучения, чем фантазии – скажут другие, Теперь, после трех лет работы, мы должны расстаться, дорогая моя книга, и долгий ряд мытарств тебя ждет впереди, тяжел будет твой путь, сквозь строй искажений и недоброжелательных споров пойдешь ты, как сквозь дремучий бор.

Но когда придешь к доброжелательным людям, передай им мой привет. Скажи им от моего имени, что и мечты заполняют время, которое суждено нам провести на земле. Мечта вовсе не так далека от действительности, как это кажется многим. Все деяния людские были некогда мечтами и в будущем мечтами будут вновь.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ЕВРЕИ И РОССИЯ

РЕЧЬ К УЧИТЕЛЯМ

Что есть национальное воспитание?

Было время, когда еврейская молодежь не только не рвалась к просвещению так усердно, как теперь. но когда отдельным лицам приходилось напрягать все усилия, чтобы приручить еврейскую массу к просвещению. Эта масса боялась просвещения и выставляла против него фанатический предрассудок преувеличенной самобытности – отчасти религиозной, отчасти национальной. Ясно. что людям, желавшим спасти эту массу от невежества, пришлось напасть на предрассудок. И они это исполнили. Они внушали массе, что надо быть прежде всего человеком, что наука равно хороша для всех, что несть эллина и несть иудея и так далее. Эта проповедь менее, чем и полвека. произвела в еврейской массе коренную перемену, совершила огромный переворот: насколько евреи прежде боялись гуманитарного просвещения, настолько они теперь жаждут его. так что не хватает ни школ. ни учителей, ни пособий: и по распространенности этой жажды знания среди беднейших слоев мы, российские евреи, может быть. являемся первой народностью в мире.

Но теперь эпоха уже настала другая, и другие нужны для нее слова и дороги. Любовь к гуманитарному просвещению уже вызвана раз навсегда и не только не может ослабеть, но будет все распространяться в ширину и глубину среди еврейских масс. Стараясь пробудить эту любовь, просветителям прежней эпохи, конечно, не было никакой нужды настаивать на национальном оттенке воспитания, потому что он сам собой разумелся: ведь тогда только о том пока и можно было мечтать, чтобы внести в слишком узкое национальное и религиозное воспитание гуманитарную струю. Но теперь, когда это достигнуто, и достигнуто блестяще, повторилось то явление, которое всегда сопутствует

успеху какой угодно идеи, даже самой полезной, самой благородной: добежав до цели, мы с разбегу пронесли дальше.

Цель была – создать еврея, который, оставаясь евреем, мог бы жить общечеловеческой жизнью: мы теперь сплошь прониклись жаждой культуры, но так же сплошь забыли о том, что надо оставаться евреями. Или, вернее, не забыли (есть веские причины, мешающие забыть), но наполовину перестали быть евреями, потому что перестали дорожить своей еврейской сущностью и начали тяготиться ею: и именно в том, что, с одной стороны, мы не можем забыть о своем еврействе, а с другой – тяготимся им, – и скрыта главная горечь нашего положения; и из этого положения необходимо выйти. Чтобы выйти из него, есть, может быть, разные средства, но только одно из них в наших руках: это средство – сделать так, чтобы мы перестали тяготиться своим еврейством и научились дорожить им.

Таким образом задача еврейского народного просвещения в настоящее время является диаметрально противоположной задаче прежней эпохи. Тогдашним девизом было: «стремитесь к общечеловеческому!» – ибо стремление к национальному (тогда выражались – «религиозному») уже имелось в обилии. Теперешним должно быть: «стремитесь к национальному!», ибо стремление к общечеловеческому уже имеется. В результате оба противоположных девиза ведут к одной цели, как оба радиуса диаметра к одному центру: к созданию еврея-гуманиста. Но, ведя к той же цели, новый девиз, однако, требует коренной перемены, полного перемещения центра тяжести воспитательной системы. Во дни оны центром тяжести еврейского воспитания надо было сделать гуманитарный элемент, чтобы скорей выжить дух нетерпимости и узости; но теперь центром всей системы воспитания еврейской молодежи должен стать национальный элемент, ибо надо выжить дух самопрезрения и возродить дух самосознания.

Вот реформа, необходимая ныне: надо перевернуть душу преподавания, произвести революцию в самом принципе системы.

Нельзя больше так жить, как мы живем: мы жалуемся на то, что нас презирают, а сами себя почти презираем. И это не мудрено, если подумать, что еврей, воспитанный по-нынешнему, знает о еврействе, т.е. о самом себе, только то, что видит вокруг, то есть картину, не могущую польстить чувству национального достоинства. Если бы ему была известна колоссальная летопись еврейского величия и еврейского скитания, он мог бы почувствовать, сколько благородных сил кроется в этом маленьком и непобедимом племени, и ощутил бы гордость, и приучился бы радоваться при мысли, что он еврей; и тогда все неприятности еврейского существования показались бы ему гораздо легче, потому что терпеть

неприятности за нечто любимое гораздо легче, нежели за нечто ненавистное или почти ненавистное. Но еврей, воспитанный по-теперешнему, совершенно не знает величавой перспективы еврейской истории, а знает только сегодняшний момент и свой уголок – Пружаны или Голту, – и ни в этом моменте, ни в этом уголке нет, конечно, ничего величавого, а есть зато много забитого и приниженного.

По этому образцу он знакомится с еврейством, и вне этого образца ничего не знает о еврействе; и у него создается очень жалкое и тяжелое представление об этом еврействе, ему неприятно, что он тоже еврей, и иногда, ложась спать, он тайком думает: ах, если бы завтра утром оказалось, что все это был дурной сон, что я – не еврей! Но «завтра» приходит, и он просыпается евреем, и тащит за собой, почти с проклятиями, свое еврейство, как каледонский каторжник ядро. При каждом испытании судьбы он морщится и горько спрашивает: «Да во имя чего же, наконец, все это? Разве я еврей? Что такое еврей? Где-то там во Франции, в Марокко, в Румынии есть люди, которых тоже называют этим именем: разве я им брат? Я даже не знаю, сколько их, как им живется, о чем они мечтают, я не имею о них понятия, – а должен быть евреем...» И его охватывает злоба против этого имени, и он начинает употреблять его, как ругательное: и окружающие замечают все это и говорят друг другу: да как же нам не презирать его, если он сам презирает и свое племя настолько, что ничего о нем не знает, и себя самого настолько, что ругается своим собственным именем?

Мы, евреи нынешнего переходного времени, вырастаем как бы на границе двух миров. По ею сторону – еврейство, по ту сторону – русская культура. Именно русская культура, а не русский народ: народа мы почти не видим, почти не прикасаемся – даже у самых «ассимилированных» из нас почти никогда не бывает близких знакомств среди русского населения. Мы узнаем русский народ по его культуре – главным образом, по его писателям, то есть по лучшим, высшим, чистейшим проявлениям русского духа. И именно потому, что быта русского мы не знаем, не знаем русской обыденщины и обывательщины, – представление о русском народе создается у нас только по его гениям и вождям, и картина, конечно, получается сказочно прекрасная. Не знаю, многие ли из нас любят Россию, но многие, слишком многие из нас, детей еврейского интеллигентного круга, безумно и унижительно влюблены в русскую культуру, а через нее в весь русский мир, о котором только по этой культуре и судят.

И эта влюбленность вполне естественна, потому что мир еврейский, мир по ею сторону границы не мог в их душе соперничать с обаянием «той стороны». Ибо еврейство мы, наоборот, узнаем с раннего детства не в высших его проявлениях, а именно в его обыденщине и обывательщине. Мы живем среди этого гетто и видим на каждом шагу его уродливую измельчалость, созданную веками гнета, и оно так непривлекательно, некрасиво... А того, что поистине у нас высоко и

величаво, еврейской культуры – ее мы не видим. Дети простонародья кое-как еще видят ее в хедере, но там она дается в такой нелепой форме и обстановке, что полюбить ее немислимо.

Дети же среднего круга и того лишены. Сплошь и рядом нет у них даже отдаленного понятия об истории еврейского народа. Они не знают о его исторической роли просветителя народов белой расы, о его несокрушимой духовной силе, которая не поддалась никаким гонениям: они знают о еврействе только то, что видят и слышат. А что они видят? Видят они запуганного человека, видят, как его отовсюду гонят и всюду оскорбляют, и он не смеет огрызнуться. А что они слышат? Разве слышат они когда-нибудь слово «еврей», произнесенное тоном гордости и достоинства? Разве родители говорят им: помни, что ты еврей, и держи выше голову? – Никогда. Дети нашего народа слышат от своих родителей слово «еврей» только с оттенками приниженности и боязни. Отпуская сына из дому на улицу, мать говорит ему: – Помни, что ты еврей, и иди сторонкой, чтобы никого не толкнуть...

Отдавая в школу, мать говорит ему: – Помни, что ты еврей, и будь тише воды, ниже травы... – Так поневоле связывается у него имя «еврей» с представлением о доле раба, и ни о чем больше. Он не знает еврея – он знает жида; не знает Израиля, а только Сруля; не знает гордого сирийского коня, каким был наш народ когда-то, а знает только жалкую нынешнюю «клячу». Роковым образом он узнает еврейский мир только по его изнанке – и русский мир только по его лицевой стороне.

И он вырастает влюбленным во все русское унижительной любовью свинопаса к царевне. Все его сердце, его симпатии все на той стороне: но ведь он все-таки еврей по крови, и об этом никто не хочет забыть: и он несет на себе свое проклятое еврейство, как безобразный прыщ. как уродливый горб, от которого нельзя избавиться, и каждая минута его жизни отравлена этой пропастью между тем, чем бы хотелось ему быть. и что он есть на самом деле... – Отравлена? – усомнятся многие, а про себя подумают, что чересчур уже сильно это сказано. Ибо они сами все это испытали, и было оно. действительно. весьма неприятно в иные минуты: но ведь вот они. слава Б-гу. живы и здоровы, едят и холят, и ведут свои дела: значит, не так уж оно все опасно. чтобы стоило кричать об отраве. –

А я думаю, что здесь именно отравка, отравка всего организма. Она не приводит нас к самоубийству, потому что она затяжная. изо дня в день. Мы с нею свыкаемся, как свыкается человек со своей хромотою. Я видел однажды хромую девочку, которая была очень весела, и, глядя на нее, я подумал: эта девочка уже свыклась и ничуть не страдает от своего недостатка. – Но тогда я уловил взор ее матери, устре мленный на нее. и мне стало страшно больно. Я понял. что мать лучше меня читала в душе этого ребенка. и видела ясно. как на самом дне этой

души. даже в минуту хохота и резвости, таилась и теплилась какая-то искорка обиды за свое убожество. И мать понимала, что никогда не погаснет та искорка, и девочка пронесет ее с собою через всю жизнь, и как бы она звонко ни хохотала, как бы шибко ни выучилась бегать, все-таки вечно будет она чувствовать себя на крохотный волосок ниже других, потому что они как все люди, а у нее хромая нога. Так будет насквозь отравлена вся ее жизнь, и никогда не узнает она ни в чем полного счастья в той мере, в какой оно доступно другим людям, потому что она ниже их.

Мать это понимала, и во взоре ее был траур по этой девочке. Если есть у нас чуткие матери, то и они должны тосковать о нашей судьбе, потому что драма хромой девочки, резвящейся рядом с другими детьми и все-таки хромой, есть драма еврея, влюбленного в чуждую культуру и все-таки еврея. Со стороны покажется, будто он рад и весел и забыл о своем уродстве; но кто умеет заглянуть в глубь души, тот и в самые счастливые минуты найдет на дне ее вечно болезненную точку обиды. Он может свыкнуться со своим горбом, но не может забыть. И потому вся жизнь его отравлена, и никогда и ни в чем он не будет переживать ее так же свободно и полновесно, как другие, ибо вечно, самому себе наперекор, будет себя чувствовать на волосок ниже других...

Я вспоминаю один случай. Мы в одном городе Юга ждали как-то погрома. Я был в числе дозорных и обходил с двумя товарищами базары – понаблюдать, не начинается ли где-нибудь беда. При этом, проходя среди русской толпы, мы инстинктивно старались придавать себе «русское» выражение лица и говорить с московским акцентом. Мне кажется, что не из трусости и даже не из каких-либо особенных конспиративных соображений, а чисто по инстинкту: мы бессознательно чувствовали, что теперь удобнее стусевать наше еврейство и не привлекать внимания. На одном из базаров, где было много народу, мне бросился в глаза старый еврей, в пейсах и долгополом кафтане. Он пробирался среди толпы осторожно, и по лицу его чувствовалось, что он понимает опасность и боится.

Но мне при взгляде на него пришло в голову, что он хоть и боится, а не делает и не может сделать попытки затушевать свои еврейские признаки. Он знает, что внешность его бросается в глаза и привлекает внимание враждебной толпы, но ему даже не могло прийти в голову, что следовало бы не казаться евреем. Он от малых лет сроднился с мыслью, что он – еврей и должен быть евреем, и теперь не мог бы даже вообразить, как это он да станет непохож на еврея, хотя бы и в минуту крайней опасности. Оттого он, который боялся, чувствовал себя в эту минуту внутренне свободнее нас, которые, может быть, не боялись в простом смысле этого слова, но все-таки инстинктивно прятали то, что он выставял напоказ. Ибо мы от малых лет сроднились с мыслью, что мы, правда, евреи, но не должны быть евреями. Он – Б-жию милостью еврей; мы – осужденные на

вечное еврейство. Я, вероятно, очень бледно и невразумительно рассказал все эти переживания, потому что говорю по отдаленным воспоминаниям. Для нас (я говорю о людях моего политического лагеря) уже давно прошла пора, когда мы так чувствовали. Мы подошли к еврейству и взгляделись в него, и нашли в нем столько величия и красоты, что под их обаянием душа выпрямилась, подняла голову и ощутила до глубины всю гордость сознания: «я еврей». Так же невольно, как мы прежде смотрели на ту сторону униженно влюбленными глазами, так же невольно смотрим мы теперь и на «ту», и на все другие стороны глазами равного на равного – даже, быть может, глазами высшего на младшего.

Мы переродились, потому что прежде мы терпели свое еврейство поневоле, а теперь мы им горды, мы ему радуемся, как радуется женщина своей красотой. На Западе есть поговорка: *aus der Not eine Tugend*. По-русски это значит: возводить необходимость в добродетель, в заслугу. Эта поговорка насмешливая, но в основе ее лежит верно подмеченный психологический факт: человеку становится легче, если он *aus der Not* сделает себе *eine Tugend* – если тем, за что его преследуют, сам он будет гордиться, а не гнушаться. И если мы хотим, чтобы нашим детям было легче, если хотим избавить их от той драмы хромого, которую пережили сами, то мы должны воспитать их так, чтобы сознание своего племени было для них не неволей, а радостью и гордостью.

Но для этого надо с первых лет очаровать их той величавой красотой, которую мы, их старшие братья, узнали так поздно, уже в мучительном переломе юности. Надо поверх нашей мизерной обыденщины, поверх согбенной спины жалкого Сруля, показать им Израиля, его царственный дух во всем его могуществе, его трагическую историю во всем ее грандиозном великолелии. Только это исцелит нашу душу. Мы должны честно вдуматься во все это, ибо так больше жить нельзя. Мы стоим перед огромной задачей, потому что почти ежедневно прибывают новые рекруты культуры из нашего племени, и мы должны спасти их от той внутренней горечи, которую так обильно и сытно испытали сами.

Мы должны дать подрастающим поколениям гуманитарную культуру, но мы должны прежде всего гарантировать еврею мир с самим собою и уважение к самому себе. Мы прежде всего должны дать ему летопись нашей народности, чтобы он хорошо вник в то, как она жила с первых дней пути своего, сколько мощи проявила, сколько послужила братьям-иноплеменникам: чтобы он мог радостно улыбнуться, приосаниться и полюбить ее. Но эта летопись огромна, обширнее истории всякого другого народа, потому что древнее и потому что вторая половина ее разбита на отдельные поэмы скитания во многих чужбинах. Он должен узнать всю эту книгу книг, должен узнать о настоящем быте своих соплеменников иного подданства столько же, сколько о прошлом величии Иерусалима, чтобы чувствовать истинное братство. Он должен знать и прошлое, и нынешнее духовное творчество нашего племени, и не должны родные

писатели оставаться для него неизвестными именами. Все это не может быть изучено между прочим: весь этот огромный материал требует огромного внимания: оттого ему должна быть отведена главная роль. ради него должно слегка потесниться, если нужно, все прочее, а не наоборот: наука об еврействе должна стать для нас центром науки.

Наша главная болезнь – самопрезрение, наша главная нужда – развить самоуважение: значит, основой нашего народного воспитания должно быть отныне самопознание. Так воспитывается на земле всякий здоровый народ, всякая нормальная личность. Вам часто, вероятно, говорят, что быть сторонником национализации воспитания значит быть сионистом. и я знаю, что многих этот довод пугает.

Но это ошибка. Здесь спор идет не между сионистом и несионистом: спор гораздо глубже. На одной стороне стоят те, кто, сознательно или бессознательно, потеряли надежду или желание сохранить еврейство не прикосновенным и ведут его к исчезновению со сцены; на другой те, которые ко дню будущего международного братства хотят сберечь живым и того брата, имя которому Израиль, и сберегут его – во что бы то ни стало. Дело не в споре партии и партии: здесь спорят между собою тенденция жизни и тенденция смерти. Этим решается и вопрос о «древнееврейском языке. Сегодня и здесь я не намерен говорить о нем. как о языке преподавания: это вопрос совсем особый, очень сложный и спорный. Я рассматриваю сейчас еврейский язык лишь как предмет преподавания и хочу в этом смысле определить его место и роль.

Мне кажется возможным сделать это в немногих строках, ибо после всего, что выше сказано, сам собою напрашивается вывод: несомненно, что при таком перенесении воспитательного центра тяжести на самопознавание – еврейский язык совершенно неизбежно и естественно становится главным орудием воспитания. Когда человек интересуется французской литературой. он прежде всего изучает французский язык, а не полагается на переводы. Но мы ведь не просто «интересуемся», для нас это не есть вопрос любознательности – для нас вопрос идет об исцелении и перерождении исковерканной еврейской души, и еврейская культура стала для нас прибежищем единственного спасения.

На ее изучении должны мы построить всю нашу новую систему воспитания, и начать волей-неволей придется с того наречия, на котором записаны все творения израильского духа. Наш язык – это порог, мимо которого нет доступа в школу национального воспитания, а проникнуть в эту школу стало для нас вопросом жизни или смерти. Нас упрекают в мечтательстве и романтизме, нам говорят, будто мы ведем свою национальную проно ведь из какой-то эстетической прихоти – потому, что нам нравится еврейская культура и еврейский язык. Да, не спору, нравится, но не в том дело.

Если бы еврейская культура была еще ниже клевет Лютостанского, если бы еврейский язык был хуже скрипа немазаной телеги, то и тогда возвращение к этой культуре через посредство этого языка было бы для нас совершенно непреодолимой реальной потребностью, от неудовлетворения которой мы реально страдаем, – было бы властной исторической необходимостью. Нас национализирует сама история, и тех, кто ей противится, она тоже рано или поздно повлечет за собою. Но они поплетутся тогда за нею в хвосте, как связанные пленники за колесницей покорителя. Благо тому, кто вовремя поймет ее дух и пойдет в первых рядах ее победоносного течения. И первым из первых должен пойти тот, в чьей власти душа народа – народный учитель.

1903.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

РЕЧЬ В ОБЩЕСТВЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ МЕЖДУ ЕВРЕЯМИ В ОДЕССЕ _

Как относиться к идее ассимиляции еврейства? Все зависит от обстоятельств, от эпохи и потребностей, выдвигаемых эпохой. Есть моменты, когда ассимиляция представляется безусловно желательной, когда она есть необходимый этап прогресса. Это можно видеть даже на примере отдельного человека. Представьте себе ребенка с задатками живописца. В будущем, конечно, желательно, чтобы живописец был вполне индивидуален, вполне самобытен в своем творчестве. Но начинать с самобытного творчества нельзя: воспитание художника по необходимости начинается с усвоения чужого опыта, с подражания чужим образцам – словом, с «ассимиляции». Только по завершении этого этапа возможно здоровое развитие своеобразных начал, заложенных в натуре художника.

Это самое применимо и к нелому народу в тот момент, когда он впервые (или после большого перерыва) выступает на поприще гражданской самодеятельности. Как ни сильны, даже как ни ценны были бы его специфические, индивидуальные, «национальные» отличия, как бы пышно ни предстояло им развиваться в будущем, но начать он должен все-таки с подражания готовым образцам, с копирования, с «ассимиляции». Эту стадию прошел и такой огромный, самостоятельный народ, как русские: было время, когда даже дворянские барышни, вроде пушкинской Татьяны, умели писать только по-французски.

С евреями в России повторилось то же самое. Когда изменившиеся условия жизни вызвали распад патриархального гетто и детям его пришлось вмешаться. волей-неволей, в окружающую сутолоку, им прежде всего необходимо было овладеть тем орудием борьбы за существование, которое называется современной культурой. Это естественным образом заставило нарождавшуюся

еврейскую интеллигенцию с жадностью наброситься на языки окружающей среды. При этом ею руководило далеко не стремление порвать с еврейством, а напротив – в основе тогдашнего «ассимиляционного» течения лежали ясные и определенные побуждения национального интереса.

Яркий памятник того настроения нарисован Левандой в романе «Горячее время». Герой этого романа – «просветитель», действующий в Вильне, в эпоху непосредственно перед 1863 годом, когда на Литве начиналась борьба, двух культур – русской и польской. Свой выбор он останавливает на первой, не из внутренних симпатий (обе ему чужды), а из холодного расчета: этот шаг, по его мнению, более соответствует интересам еврейства, как третьей нации, очутившейся между двух станов. Правильно ли решил герой Леванды этот вопрос или нет – дело не в том; но важно установить, что ассимиляция в ту эпоху была и объективно, и в глазах ее деятелей не отречением от еврейского народа, а напротив – первым шагом еврейской национальной самодеятельности, первой ступенью к обновлению и возрождению нации.

В эту эпоху возникло общество распространения просвещения. Заслуги его пред еврейством огромны – именно потому, что создатели его поняли основную нужду эпохи и пришли ей на помощь. Основной нуждой эпохи было – открыть еврею доступ к европейской культуре, внушить ему любовь и интерес к этой культуре. Это и стало задачей общества.

Никакой другой задачи у него тогда и быть не могло. Смешно было бы в то время (общество учреждено было в 60-х годах) потребовать, чтобы оно «насаждало» еврейскую культуру: еврейская культура тогда и без того насаждалась, хотя нерационально, хотя наперекор всем правилам педагогики и даже гигиены, но в таком обильном количестве, что не нуждалась ни в каких поощрениях извне. Наоборот, к европейской культуре и ее ближайшему проводнику – русскому языку – существовало еще пренебрежительное и враждебное отношение, и приходилось с великим трудом добиваться, чтобы рядом с национальными элементами воспитания уделялось хоть какое-нибудь место общеобразовательным предметам. Такова была эпоха, такова была ее нужда, и такова должна была быть ее основная идея, воплотившаяся в «обществе просвещения».

Но с тех пор прошло полвека, и многое, слишком многое резко изменилось как вне, так и внутри еврейства. Главным образом внутри. Если взять верхний и даже средний слой теперешнего российского еврейства и сравнить его с поколением шестидесятых годов, нам представится картина совершенно обратная. Смешно, теперь «насаждать» жажду к просвещению: она у евреев так сильна, напор в гимназию, в университет, в институты так ретив, что в этом отношении никакие «общества» ничего прибавить не могут. Русский язык

распространен так основательно, что черта оседлости считается одним из лучших районов русского книжного сбыта. Публичные библиотеки, лекции, театры посещаются евреями с беспримерным рвением.

При этих условиях делать и дальше из идеи «просвещения» боевой лозунг значило бы ломиться в открытую дверь. Если что теперь нуждается в заботливом «насаждении», то это. в силу диалектической игры судеб, еврейская культура, еврейские начала в воспитании подрастающих поколений. Ибо от этих начал остались одни лохмотья.

Доказывать, что это правда, что национальный элемент воспитания у высших и средних классов еврейства давно уже в загоне, – значило бы тоже ломиться в открытую дверь. Кто не знает, кто не видит? И не со вчерашнего дня это началось. Поэт Гордон, один из лучших деятелей просветительной эпохи, еще в 1862 г. воспевавший – на языке Библии – преимущества русского языка, уже в начале 70-х гг. с горестным разочарованием заметил, что его последователи и ученики в своем усердии забежали слишком далеко. «Братья мои, просветители, стали пренебрегать старой матерью, – написал он тогда в стихотворении «Для кого я тружусь?», – они провозглашают: покиньте этот дряхлый язык. и пусть каждый сольется с наречием своей страны...

А сыновья наши? Они с детства становятся нам чужды. Вот они подвигаются вперед, с каждым годом, и кто знает предел? и кто знает доколе? Быть может, до черты. откуда нет возврата»... Так на глазах еще у первых поколений «просветителей» совершилась метаморфоза: первоначальная идея – усвоить чужое, чтобы затем с новой силой развивать свое – выродилась в стремление ликвидировать свое и бесследно раствориться в чужом; ассимиляция из фактора национального прогресса стала фактором национального распада.

А ведь со дня, когда вождь того поколения «просветителей» написал эти горькие слова разочарования, прошло 40 лет, и процесс распада проник еще гораздо глубже. И должно же, наконец, еврейство дать себе отчет: желает или не желает оно продолжать линию распада? «Сыновья наши с каждым днем уходят – быть может, к той черте, откуда нет возврата»... Горькое пророчество давно стало правдой. На еврейской ниве почти не осталось интеллигентных работников: наша интеллигенция в громадном большинстве ушла. Можно различным образом понимать нужду еврейского народа, различным образом представлять себе идеал его будущности, начиная с сионизма и кончая полной денационализацией; но и для первой, и для последней цели надо. прежде всего, работать с народом и для народа. Прежде так понимали свою задачу и ассимиляторы: они жили с народом, волновались его заботами, трудились для него и, проповедуя свой идеал, все же стояли обеими ногами на реальной почве еврейства. А теперешние – просто уходят в сторону, просто бросают на произвол

судьбы: пропадайте, мол, сами. как знаете.

И масса, покинутая в своем тупике, в лабиринте своего бедствия, бьется, мечется и не видит исхода: ей нужны просвещенные вожди, так нужны, так необходимы, как никакому другому народу на свете. – а между тем ее просвещенные дети служат всем народам на свете, только не ей. Нет работников ни для какого еврейского дела. от большого до самого малого, старые устают и сходят со сцены, а новых не видно. И мы знаем стариков, поседевших на службе ассимиляции, которые со скорбным недоумением смотрят на эту надвигающуюся пустоту и горько спрашивают себя: – Для этого мы работали? Для того. чтобы из ассимиляции родился индифферентизм?!

Думаю, что на этот горький вопрос правда жизни откликается горьким ответом: да. вы для этого работали. Ибо для того, чтобы из подрастающих поколений выходили работники для еврейства, надо преданность еврейству положить в центр и основу их воспитания. Окружающий мир слишком прекрасен, приволен и богат по сравнению с неприглядностью и бедностью еврейского существования: и для того. чтобы эта красота не сманила человека, не соблазнила его отвернуться от родной лачуги, нужно развить в его душе прочные, нерасторжимые идеальные связи. Этих связей не создать одними словесами. Чтобы сковать такие связи, надо распахнуть перед подрастающим поколением все то великое и красивое, что есть в еврейской сокровищнице, ввести в нее. провести по всем ее углам, растолковать ценность каждой жемчужины, научить дорожить и гордиться. Красоте, манящей извне, надо противопоставить собственную красоту, чтобы не выпускать на житейскую улицу санкюлотов, убежденных в нищете и никчемности своего народа и спасающихся, куда глаза глядят.

Углубление в национальные ценности еврейства должно стать главным, основным, преобладающим элементом еврейского воспитания. Это необходимо не для того, чтобы потешить националистов. Это необходимо для того. чтобы удержать на еврейской ниве ее разбегающихся пахарей, чтобы еврейская масса не осталась без руководителей, еврейское дело без работников, «народ Книги» – страшная ирония судьбы – без интеллигенции! «Уходят за черту, откуда нет возврата»... Почему уходят? Почему уходят, особенно в последнее время. такими густыми массами, с такой циничной легкостью, без намека на колебания, на сожаления, выбрасывая балласт еврейства, словно ненужный песок, по первому требованию невзгоды? Почему? Кто виноват? Кто довел до этой черты?..

Мне пришлось недавно писать об этом новом «бытовом явлении» еврейской современности, и после того я получил несколько писем от молодых людей,

перешагнувших туда, «откуда нет возврата». Письма были разные. были и грубые, и циничные, и грустные, но во всех. без исключения, на первом плане стоял один и тот же довод: что нам еврейство? Мы о нем ничего не знаем. нас никто не учил понимать и любить его: ничего удивительного, если мы ушли. – И они совершенно правы. Ничего удивительного. Что мы посеяли, то и пожали... 1910.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

В ТРАУРНЫЕ ДНИ _

... Вот уже сколько прошло погромов, а я никак не могу себя пропитать внутренним интересом к событиям этого рода. Конечно, я не умаляю их разрушительной силы, не обесцениваю человеческого горя. что они приносят, но внутреннего интереса не могу в себе вызвать. Как я ни стараюсь себя расшевелить. мне все кажется, что над нами совершается большая кровавая бессмыслица, по поводу которой можно плакать, кто еще не разучился, но не стоит и не о чем размышлять. Я писал об этом недавно – в погромах есть ведра крови и пуды человеческого мяса, но нет в них для еврейского сознания того сокрытого урока – mussar Elohim, который возвысил бы их до степени трагедии. В трагедии обязательно должна содержаться некая неведомая правда, новое слово, которое познается в этих муках и открывает народу новые пути. А что и кому из нас открыли эти погромы. кого из нас и чему могли научить? Только кишиневская резня сыграла крупную роль в нашем общественном сознании, потому что мы тогда обратили внимание на еврейскую трусость.

Но остальные погромы свелись просто к огромной, животной и бессмысленной уголовщине – больше ничего. Мы истекаем кровью и не знаем, во имя чего и какие выводы сделать из наших страданий. В октябре 1905 г. нас громили разные слои русского общества и народа, но мы и раньше знали, что мы окружены врагами; к этому знанию ни октябрь, ни Белосток ничего не прибавили. В Седлеце нас громили официально, по-видимому без участия общественных элементов, – но ведь даже хасиды Седлеца давно знают цену пану уряднику. Так меняется обстановка погромов, список участников и форма ран, но по существу остается одно и то же – остается вещее слово Бялика: «нет смысла в вашей смерти»...

Когда мне рассказывают подробности погромов, мое внимание помимо воли отрывается и ускользает на другие пути. Мне хочется уяснить себе вопрос:

хорошо, допустим, что я дослушаю до конца и буду знать, где, как и кого они убили, но ведь не в этом дело, а вот как быть дальше, что можно сделать против погромов? Самооборона – вряд ли об этом можно говорить серьезно. Она не принесла нам в итоге никакой пользы; вначале страх перед нею действительно предотвратил несколько погромов, но теперь, когда те ее испытали на деле и сравнили количество убитых евреев и погромщиков, кто с ней считается? Итоги самообороны надо подводить по общим результатам, и эти итоги ясно говорят: когда им угодно, они устраивают погром и убивают столько евреев, сколько им нужно, а самооборона тут ни при чем.

Конечно, в самообороне есть утешение. Но ее практический итог равен нулю и нулем останется, и пора спокойно признать это вслух, чтобы люди даром не надеялись. Некоторые господа в последнее время придумали новое средство – антипогромную пропаганду. Одна моя знакомая девочка уверяет, что белок ловят очень просто: надо к ней подойти на полшага расстояния и насыпать ей соли на хвост, и готово – белка в плену. Я всегда об этом вспоминаю, когда мне говорят об антипогромной агитации. Старая песня, давно знакомая иллюзия – эти люди будут печатать статьи и брошюры, устраивать лекции, и они думают, что русские станут их читать или слушать. Еще бы. держите карман. Я помню жалкий восторг евреев, когда в 1905 г. в «Сыне Отечества» появилась большая и скверная статья «Трагедия шестимиллионного народа».

Им казалось, что вся Россия читает и умиляется. А на самом деле только евреи одни и расхватали этот знаменитый номер газеты, памятник нашей глупости, и на русских она никакого впечатления не произвела просто потому, что у каждого есть свои заботы и ему не до чужих, особенно в наше время. Еще ярче выказалась наша глупость, когда после октября в Петербурге устроили от имени союза союзов «русский» митинг протеста и приложили все старания, чтобы евреи сидели дома. а русские пришли: оказалось, конечно, что русские остались дома, а ораторам пришлось ломать комедию перед сплошной еврейской публикой, призывая ее протестовать от благородного русского сердца.

И это вполне понятно – русские не пришли вовсе не по злобе, а из самого законного равнодушия, потому что каждый человек, в особенности серьезный и дельный человек, естественно уделяет внимание своим насущным интересам и не обязан его уделять интересам других. Я знаю, теперь эта идея многих увлекает, и образовались даже нарочитые книгоиздательства для печатания классических апологий, над которыми сами евреи зевают, а неевреям, без сомнения, даже и зевать не приходится. Образовались также в разных местах досужие комиссии, которые рассылают такую словесность направо и налево, по случайным адресам, или даже при газетах... Сыпьте, сыпьте белке соль на хвост! Получит еврей брошюрку – позевает, но прочтет; получит русский – посмотрит: а, это про евреев? – и отложит в сторону. У него своих хлопот довольно. Что, – он, по-

вашему, обязан досконально знать и про армян, и про чукчей?

Все эти верующие господа думают, что если русская масса охотно читает юдофобскую литературу, она столь же охотно будет читать и юдофильскую.

Большая и наивная ошибка. Прежде всего надо помнить о тех элементах, которые в данном случае стоят на первом плане – о черной сотне в простейшем смысле, которая хочет погрома ради грабежа и обещанной мзды: им не нужна даже погромная литература, а пронять их еще антипогромной проповедью – ведь это была бы совсем уж глупая мечта.

Наши проповедники, несомненно, имеют в виду другую часть массы – среднюю, обывательски-честную, ту самую, которую действительно почти так же легко будет в надлежащую минуту послать на баррикады, как и на погром. Но эта масса и есть именно та, которая психологически не может заняться чтением брошюр о еврейских добродетелях. Погромную брошюру она жадно читает по той самой причине, почему она жадно читает и летучий листок революционеров – если он, конечно, изложен понятным языком: здесь ей говорят о причинах ее собственных страданий, указывают ей средства к облегчению ее собственных бед. Разница только в том, что погромная брошюра во всем винит жида, революционный листок – урядника, но и здесь, и там ей прежде всего говорят не о жидах и не об урядниках, а о ней самой, об ее кровных интересах.

Совершенно другое дело – антипогромная литература. В самом ее назначении коренится абсолютная невозможность ее успеха: она вся посвящена доказательству именно того, что к страданиям русской массы жил нисколько не причастен, что не он виноват, не в нем причина – словом, что ей, русской массе, от еврея ни тепло, ни холодно...

Но тогда с какой же стати будет она тратить время на чтение о том, от чего ей ни тепло, ни холодно? Массовому человеку чтение дается нелегко: он не умеет «пробегать» строки, он вчитывается и вникает. И именно поэтому он берет в руки только ту книжку, о которой ему доподлинно известно, что тут – верно или неверно, другой вопрос – объяснены причины его нужды и горя. Не может он, органически не может и по совести даже не обязан интересоваться какими-то евреями, как таковыми.

С того самого момента, как они перестают быть причиной его бед, они для него теряют всякий интерес. Сказать ему, что в этой брошюре доказывается невинность евреев, значит сказать ему, что эта брошюра до него не касается. Русская масса глотает и будет глотать погромную литературу, потому что это литература о ней, и не будет читать антипогромных брошюр, потому что это литература о

евреях. Моя знакомая девочка очень наивная девочка. Она не соображает, что прежде чем насыпать белке соли на хвост, надо подойти к белке, а в этом и вся загвоздка... Я прекрасно понимаю те добрые побуждения, которые заставляют разных господ измышлять все эти проекты спасения, но ничего из этого не выйдет.

Спасения нет. Не злая воля подстрекателей, не темнота народной толпы, но сама объективная сила вещей, имя которой чужбина, обратилась ныне против нашего народа, и мы бессильны и беспомощны. Молодежь наша будет честно защищаться, но лавина разгрома с хохотом погребет эти хрупкие дружины и даже не замедлит своего хода. Кратеры голуса разверзлись, буря сорвалась с цепи, и чужбина сотворит над нами все, что ей будет угодно. Вы будете корчиться от бешенства и подымать яркие знамена борьбы, вы напряжете все силы духа, чтобы найти тропинку спасения, и сами себе поверите на миг. будто нашли ее, – но я не верю и гнушаюсь утешать себя сказками, и говорю вам со спокойным холодом в каждом атоме моего существа: нет спасения, вы в чужой земле, и до конца свершится над вами воля чужбины!

Один еврей-журналист воспользовался недавно Бе-лостоком, чтобы сунуть мне в душу свои пальцы и пощупать там, какова моя «погромная философия». И нашел, что я равнодушен к еврейскому горю. Я ему не ответил – я слишком хорошо понимаю настроение людей этого типа, чтобы гневаться на них за несправедливость или обиду. Здесь было повторение старой еврейской истории – человек отдал лучшие соки своей жизни на то, чтобы распахать чужую ниву, и в последнюю минуту хозяева убили его братьев и трупами их удобрили свое поле: и человек пошатнулся от оскорбления, и судорожно хватается за соломинки, и злится на всех людей за каждое слово правды, и хочет непременно что-то такое кропотливо и мелочно доказать или опровергнуть – даже нельзя понять, что именно.

Я не стал ему отвечать. да и нечего мне было ему ответить: у меня нет никакой погромной философии... У меня нет погромной философии. Я не из тех, которым она необходима, чтоб было чем заштопать прорехи, было за что ухватиться, когда чужой ураган опрокинет их вместе с их истуканами. Я ничему не учусь на погромах нашего народа, и ничего мне сказать не могут они такого, чего бы я раньше не знал. И я не ищю понапрасну лекарственной травы против отдельных нарывов голуса, потому что я в нее не верю. У меня нет ни погромной философии, ни погромной медицины.

Я люблю мой народ и Палестину: это моя вера. это ремесло моей жизни, и ничего мне на свете больше не нужно. И когда разражается гром и арабские души мечутся с жалобным воем и ищут пластыря для скорой помощи, я стискиваю зубы, собираю мои силы и делаю дальше работу моего ремесла. Я

хочу торговать шекелями среди погрома, я клею голубую марку на список убитых: в этом моя гордость. Вы сунули пальцы в мою душу и не нащупали в ней ничего, кроме равнодушия – видно, толстая кожа стала на ваших пальцах от чуждой работы. Но что бы ни творилось у меня на душе, – никогда не приду я на страшное пожарище моего народа с заплаканным носовым платком в руках, и ни его. ни себя не оскверню надругательством жалких утешений.

У меня нет лекарств от погрома – у меня есть моя вера и мое ремесло: не из погромов я вынес эту веру, и не ради погрома я оставлю даже на час это ремесло.

Вера моя говорит, что пробьет день, когда мой народ будет велик и независим, и Палестина будет сверкать всеми лучами своей радужной природы от его сыновнего рабочего пота. Ремесло мое – ремесло одного из каменщиков на постройке нового храма для моего самодержавного Бога, имя которому еврейский народ. Когда молния режет насквозь черное небо чужбины, я велю моему сердцу не биться и глазам не глядеть: я беру и кладу очередной кирпич. и в этом мой единственный отклик на грохот разрушения.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ЕВРЕЙСКАЯ КРАМОЛА

1906 _

Наше движение пробивает себе дорогу в атмосфере непонимания и клеветы. Кто близко видел жизнь разных партий и следил за их враждою, знает, что ни против одной из них не пущено в ход столько ненависти, сколько против нас. Сделано все, чтобы нас изолировать. Свежий человек из среднего круга, примкнувший к нашему лагерю, замечает, как понемногу от него ускользают старые связи, падает общественное признание, вместо уважения в глазах окружающих мелькают искорки пренебрежительного недоумения. С поразительной быстротой создается вокруг него – за пределами партийной жизни – холод одиночества.

В этом нет ничего странного. Так было и всегда будет. Когда на улице праздник, люди требуют, чтобы все были в брачных одеждах; среди еврейской интеллигенции до сих пор еще держится вера, что праздник относится и к нашей улице; и когда между ними проходит человек с траурной повязкой на руке и с кличем: «не верьте!» – они раздраженно отворачиваются. Это вполне естественно, роптать против этого бесполезно. Навстречу недружелюбию, навстречу злобе и клевете надо нести нашу горькую правду без прикрас и без смягчений.

Я хочу начать сегодня с самого горького зерна этой горькой правды, и не только потому, что оно горше всех остальных, но еще больше потому, что в этом вопросе главный корень упрямой ненависти, которой окружено наше движение. Флаг надо поднимать сразу над тем местом, куда направлен самый жестокий натиск противника. Это – вопрос о еврейской роли в русских событиях.

Почти уже десять лет, как люди нашего лагеря ведут настойчивую проповедь

осторожного и сдержанного отношения к этой роли. Может быть, эта проповедь была ошибкой с их стороны, потому что она тактически много нам повредила, а практически не принесла результата: все, в ком только было достаточно задору, все побежали на шумную площадь творить еврейскими руками русскую историю. Раз оно так случилось, значит и не могло быть иначе, и наша проповедь осуждена была на бесплодие, и было бы расчетливее совсем не тратить нашей силы на этот спор. В этом смысле мы, быть может, сделали действительно ошибку, но только в этом. Есть и другой смысл – смысл исторической правды, которая не всегда вовремя проникает в сознание людей, но всегда остается правдой. Эта правда была за нами. И теперь, когда накоплен еврейством России неслыханный, чудовищно-богатый опыт, когда пережито все, что можно было пережить на быстром пути между верхом восторга и пропастью отчаяния, теперь мы подводим итог и спрашиваем: кто был прав?

Нам до сих пор стараются втолковать, что дело России есть общее дело, как будто против этого кто-нибудь спорил. Суть спора в том, что на общее дело надо и расходовать сообща, а сообща значит пропорционально. Затраты каждой общественной группы должны быть точно соразмерены и с ее интересами, и с ее силами. Больше должен тратить на общее дело тот, кто получит большую выгоду от его осуществления: больше должен тратить тот, у кого силы и средств больше.

Пропорциональное представительство в революции! – Наша еврейская затрата на дело обновления России не была соразмерна ни с нашими интересами, ни с нашим значением, ни с нашими силами. Даже в моменты наибольшего опьянения надеждами не было в рядах еврейской армии ни одного глупца настолько бессовестного, чтобы ждать от успеха борьбы полного ответа на еврейский вопрос, – ни одного, кто в глубине души не понимал бы, что в обновленной России нам придется жить с теми же соседями, а психология соседей в этом отношении еще нигде и никогда не перерождалась от политической реформы, и суть неравенства не меняется от замены казенного гнета общественным непризнанием.

Это все понимали. Все понимали, что нам обновление России даст меньше, непомерно меньше, и все же мы заплатили больше, непомерно, безумно больше того, что могли заплатить, и того, что стоило заплатить. В течение пятнадцати лет мы собственной волей систематически вносили на алтарь общего дела удешевленную живую подать, а когда взошел посев, судьба взыскала с нас уже помимо нашей воли неслыханную доплату... Кто же был прав? Или все это теперь окупится? Или не разумнее было бы для раздавленного и опустошенного племени уступить переднее место в бою сильнейшим? И если даже поверить, что от этого, по чужой косности, ход событий растянулся бы на более долгие годы. Кто решится сказать, что не лучше было бы для нашего народа встретить

обновление позже, но не за такую цену?

Наши политические плясуны в ответ на все это кричат о психологии лавочника, о мелочных расчетах, достойных мещанской глуши. Да. Над народным достоянием и благом честный человек должен стоять на страже скупой и расчетливой, как лавочник над своей кровной кассой. Семь раз отмерь и один раз отрежь – это правило мещанина, но политическая партия совершает низкое и нечестное дело, если она хоть на мгновение забывает об этом правиле. Звать массу на трудный подвиг, не взвесив раньше до золотника, во что это ей обойдется, не разорит ли ее непомерное бремя и стоит ли вся игра свеч. – это значит быть в худшем случае предателем, в лучшем случае болтуном. – Но тут есть и другая сторона расчета. Наши затраты не окупятся для нас, но окупятся ли они хоть для общего дела? Правда ли то, что еврейская энергия облегчила и ускорила восход русской свободы?

За каждым из нас должно быть признано право, на исходе определенного периода истории, в такие дни затишья, как нынешние, сесть за стол и подсчитать итоги, подсчитать все то хорошее и все то дурное, что произошло от участия нашего народа в революции. Я хочу это сделать. Попытаюсь это сделать исключительно с помощью трезвого рассудка, намеренно сухо, без всяких апелляций к чувству. Речь идет о подсчете, об итоге, и я хочу действовать, как безличный и добросовестный бухгалтер, у которого, быть может, не все данные в руках, но одна только прямая цель – получить, насколько это в его силах, правильный баланс.

Хотя бы представление так формулирует роль, сыгранную в освободительном движении евреями.

Революции не было. Надо было вызвать ее. И это взяли на себя евреи. Они – легко воспламеняющийся материал, они – грибок фермента, который призван был возбудить брожение в огромной, тяжелой на подъем России. И так далее. Все это много раз уже сказано, много раз писано черным на белом и считается большой истиной. Но я, счетовод, над этой затратой еврейского народа останавливаюсь в нелегком раздумьи и не знаю, окупилась и окупится ли она.

О, бесспорно, это заманчивая задача: быть застрельщиками великого дела, разбудить политическое сознание в 150-миллионном народе, поднять красное знамя на Литве так высоко, чтоб увидал и Тамбов, и Саратов, и Кострома – чтоб увидели и сказали друг другу: «Пойдем за ним». И, конечно, все это было сделано, поскольку оно зависело от еврейских революционеров: знамя было поднято, и так высоко, и с таким шумом, что Кострома, несомненно, увидела. Но какое действие произвело это на политическое сознание Костромы?

Я вспоминаю, отмечаю, подсчитываю, и вижу ясно, что действие было двоякого рода. С одной стороны. Кострома, бесспорно, вводилась и искушение. Эта борьба на другом конце России не могла не вызывать у нее, Костромы, соблазнительной мысли: значит, можно и у нас попробовать тем же манером? В то же время отдельные евреи добирались и до самой Костромы и лично старались там претворить эту соблазнительную мысль в действие. Все это вело, конечно, к пробуждению политического сознания. Но... А с другой стороны?

Я вспоминаю потемкинские дни в одесском порту. Огромная толпа гаванских и заводских рабочих, самодельная трибуна и ораторы на этой трибуне. Днем толпа еще не была пьяна, даже не подозревала, что через несколько часов она же будет лизать ликер с булыжника мостовой и жечь пакгаузы. Днем толпа эта была настроена несколько торжественно и необычайно, благодаря присутствию мертвеца в палатке и вообще всей обстановке того странного дня. Толпа была в том состоянии неопределенного подъема. когда из нее можно сделать все. что угодно: и мятеж, и погром. Речистый молодец, с открытым славянским лицом и широкими плечами, мог бы ее повести за собой штурмом на город.

И ораторов, действительно, слушали с захватывающим вниманием. Но речистый добрый молодец не появлялся, а выходили больше «знакомые все лица» – с большими круглыми глазами, в большими ушами и нечистым «р». И в толпе всякий раз, со второго слова каждого оратора, слышалось замечание: А он жид? Именно замечание, а не возглас, не окрик: в этом, сохрани Боже, не чуялось никакой злобы – это просто, так сказать, принималось к сведению. Но ясно в то же время ощущалось, что подъем толпы гаснет. Ибо в такие минуты, как та, нужно, чтобы «толпа» и ее «герой» звучали в унисон, чтобы оратор был свой от головы до ног, чтобы от голоса, от говора, от лица, от всей повадки его веяло родным – деревней, степью. Русью.

Тут были ведь не спропагандированные люди. которых можно взять резонами, – тут была масса, не подготовленная, но ко всему готовая, если ее схватить за душу. Но чтобы схватить за душу. надо иметь доступ к душе, а чтобы уметь проникать в душу народа. нужно принадлежать к этому народу. Нужно тогда, чтобы ничто, ни одна нотка, ни один жест не по коробили, не оттолкнули стихийного чутья толпы. Здесь этого сродства не было. Выходили евреи и говорили о чем-то, и толпа слушала их без злобы, но без увлечения; чувствовалось, что с появления первого оратора-еврея у этих русаков и хохлов мгновенно создалась мысль: жида пошла – ну, значит, все это, видимо, их только, жидов, и касается. Создалось впечатление чужого, не своего дела, раз о нем главным образом радеют чужие. И больше ничего. Да и этого было довольно: расплылось и упало настроение, толпа стала разбредаться, появились награбленные бутылки, и беспомощные агитаторы ушли в город. Оставив порт и

босячество на волю судьбы.

Я далек от того, чтобы медленный рост политического сознания в русских массах объяснять всецело обилием евреев-агитаторов. Но я не сомневаюсь в одном: подымать народную новь может только свой. У чужого – если он не Лассаль, но ведь Лассаль был гений агитации, а гении не повторяются. – у чужого нет того обаяния, которое в таких случаях необходимо. Народ чует чужака и особенно чужаков, если их много, и инстинктивно сторонится.

А враги этим пользуются. Из двадцати процентов евреев они делают девяносто и кричат народу: берегись, это еврейское дело! И народ им верит, или, по крайней мере, долго и упорно верил, и мы это чувствовали на своей спине. Когда невоготу становились страдания русского народа, и вот-вот готов был прорваться его гнев, – кто сосчитает, сколько раз в такие моменты реакция спасала себя искусной игрою на этой слабой струнке стихийного существа – на недоверии к революции, предводимой инородцами?

Я прекрасно знаю, что еврейские революционеры несколько не ответственны за то, как освещала реакция их роль в освободительном движении. Да я никого и не виню, я только подсчитываю результаты. И говорю, что если с одной стороны еврейская революция будила политическое сознание русских масс, то с другой стороны преизобилие евреев в рядах крамолы давало реакции ценный и богатый материал для затемнения политического сознания этих масс. Отрицать это значило бы лгать самим себе. И пусть не думают, что это был слабый или недействительный фактор затемнения! В 1863 году реакция сыграла такую же спекуляцию на польском повстании, и успех этой спекуляции всем известен. Недоверие к чужаку всегда было и долго еще будет могучим тормозом для правды, приходящей извне.

И я, бухгалтер, не знаю, что мне делать с этой статьей баланса, на какую страницу вписать ее. Революционный пыл еврейских социалистов будил политическое сознание остальной России, но он же способствовал и затемнению этого сознания. Он давал топливо для революции и пищу для реакции. Что же было сильнее: первое или второе? Иными словами: ускорила или замедлила еврейская крамола наступление всероссийской революции? И если даже ускорила, то на великий ли срок? И стоит ли этот срок той крови стариков, и женщин, и детей, которой нас заставили заплатить, под ножами предателей, за крушение старого строя? Не выгодней ли было для народа подождать еще несколько лет – ведь и без евреев, наконец, не погибла бы Россия, – но дешевле заплатить за свободу?

Пусть, положи руку на сердце, отвечает, кто может, – я не могу, потому что не

знаю ответа.

Я написал недавно в одной русской газете, что еврейская кровь на баррикадах лилась «по собственной воле еврейского народа», и меня упрекали за эту фразу. Но я именно так думаю. Я считаю невежественной болтовнёю все модные фразы о том, что у евреев нет народной политики, а есть классовая. У евреев нет классовой политики, а была и есть (хотя только в зародыше) политика национального блока, и тем глупее роль тех, которые всегда делали именно эту политику, сами того не подозревая. Они делали ее на свой лад, с эксцессами и излишествами, но по существу они были все только выразителями разных сторон единой воли еврейского народа. И если он выделил много революционеров – значит, такова была атмосфера национального настроения. Еврейские баррикады были воздвигнуты по воле еврейского народа. Я в это верю, и раз оно так, я преклоняюсь и приветствую еврейскую революцию.

Но на пользу ли народу пошла эта революция? Не знаю. Воля народа не во всякий отдельный момент ведет к его благу, потому что не всегда народ способен верно учесть объективные шансы за и против себя. И в особенности легко ошибиться тогда, когда весь расчет основан на вере в сильного союзника, на вере в то, что он поймет, он откликнется, он поможет, – а на деле никто из нас этого союзника не знает, и Бог весть еще, как он нас отблагодарит...

Только там, где на себя самого и ни на кого больше не должен рассчитывать народ, – только там воля народа всегда ко благу его. Таково наше движение. Мы не звали народ ни к кому в объятия, не сулили ему ничьей благодарности за услуги и заслуги: мы строили и скрепляли народное единство, и воспитывали сознание национальных задач. И потомки благословят нас за наши суровые призывы к эгоизму, за наше открытое и явное неверие в чужую помощь, и скажут: благо тем, которые в то смутное время, полное миражей и обольщений, умели выбрать прямую дорогу и повели свой народ навеки прочь от чужой помощи и чужого предательства.

Мы – партия национального зодчества – никогда не хотели играть вслепую, и в этом вся разница между нами и другими. Мы всегда знали, что работа на поле, где не мы хозяева, есть игра с завязанными глазами и ничем иным не может быть, и мы протестовали против вовлечения народной массы в эту безумную авантюру. И теперь, после новых и решающих опытов, мы с полным сознанием остаемся на старой позиции.

Мы честно и дружно пойдем с освободительным движением, ибо вне свободы немислимо национальное сплочение, но самая сила вещей отвела евреям место во вторых рядах, и мы оставляем первые шеренги представителям нации

большинства. Мы отклоняем от себя несбыточную претензию вести: мы присоединяемся – это все, что объективно под силу нашему народу. В этой земле не нам принадлежит созидательная роль, и мы отказываемся от всяких притязаний на творчество чужой истории.

Поле нашего творчества внутри еврейства. Мы служим еврейскому народу и не желаем другого служения. Здесь мы не слепы, здесь не ведем народ в неизвестную темноту, на добрую волю союзников, которых не знаем, за которых не вправе ручаться. Здесь мы даем народу цель и говорим: у тебя нет союзников – или сам за себя, или нет спасения. Никто на свете не поддержит твоей борьбы за твою свободу. Верь только в себя, сосчитай свои силы, измерь свою волю, и тогда – или иди за нами, или да свершится над тобою судьба побежденных.

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ =СИОНИЗМ =

ЧЕТЫРЕ СТАТЬИ О «ЧИРИКОВСКОМ ИНЦИДЕНТЕ»

1909 _

Инцидент, наделавший в свое время много шума, заключался в том, что два прогрессивных писателя – г-да Чириков и Арабажин – высказали в одном кружке взгляды, которые были потом в печати истолкованы как протест против наплыва евреев в русскую литературу

I. ДЕЗЕРТИРЫ И ХОЗЯЕВА _

Из всей обстановки любопытного случая, разыгравшегося на чтении новой драмы г. Шолома Аша, и из всех разговоров, которые затем последовали, неопровержимо вытекает одна неприятная правда: что г. Чириков высказал коллективные мысли. Об этих щекотливых предметах наши соседи, по-видимому, уже давно шушукуются. Мы найдем, конечно, утешителей, которые станут божиться, по обыкновению, что г-да Чириков и Арабажин совершенно одиноки в своем образе мыслей; при этом случае кстати вспомнить, что г. Чириков не особенно талантлив, и даже его пьесу «Евреи» не пощадят, а г-на Арабажина, который мало известен, и совсем низведут до нуля; и получится, как всегда, что только нули осмеливаются ворчать против евреев, а «лучшая часть интеллигенции неизменно стоит за нас». Что и требовалось доказать.

Но неприятная правда все-таки в том, что г. Чириков высказал общие мысли, и это в его лице русская интеллигенция начинает показывать коготки. Насколько талантлив г. Чириков, предоставляю судить тем счастливым, которые читали этого писателя: я, кроме «Евреев», никаких плодов его пера не вкушал. Но если правду говорят, что г. Чириков и по таланту, и по всем другим качествам посредственность, то тем характернее этот выпад.

«Инцидент», наделавший в свое время много шума, заключался в том, что два прогрессивных писателя – г-да Чириков и Арабажин – высказали в одном кружке взгляды, которые потом были в печати истолкованы как протест против наплыва евреев в русскую литературу.

Тут перед нами, очевидно, человек как все, т.е. самый ценный тип для изучения массовой психологии: в свое время, когда надвигалась весна и «все» были добродушно настроены, он от чистого сердца написал юдофильскую пьесу, а теперь, когда «все» начали морщиться, он опять-таки от чистого сердца запретестовал против нашествия кашерных блюд на стол русской литературы. Тогда действовал без умысла и теперь инстинктивно отражает свою среду.

И столь же симптоматично выступление г. Арабажина. Большая публика, особенно еврейская, совсем его не знает, и потому надо ей сказать, что это один из тех людей, которые всю жизнь ужасно заботятся, как бы не подмарать и не подмочить свою передовую репутацию. В этой заботе чуть ли не главный момент их политической психологии. В свое время г. Арабажин редактировал «Северный Курьер», выступивший в защиту евреев после скандала

с «Контрабандистами».

Теперь он, хотя с оговорками, осторожно, копчиком мизинца, поддержал г. Чирикова в том смысле, что вот, действительно, есть и такое мнение, и хотя мое дело сторона, а вы, евреи, все-таки приутихните. «До сих пор вы имели дело только с отбросами общества. теперь будете иметь дело с настоящей русской интеллигенцией», предсказывает г. Арабажин. И будьте уверены – раз г. Арабажин об этом говорит, значит об этом уже можно говорить: отлучение от передового лагеря не последует. Люди этой категории выступают только тогда, когда чувствуют за собою молчаливый мандат многих. Конечно, г да Чириков и Арабажин люди не крупные, но ведь никогда первачи не бывают застрельщиками, и никогда не только генералы, но и вообще большие люди не бегут перед полком, отправляющимся в поход. Впереди бежит. обыкновенно, городское отрочество и вообще элементы менее ценные и зато более подвижные, а настоящая серьезная сила идет сзади, и, быть может, не сейчас.

В данном случае даже очень вероятно, что не сейчас. Политический момент все-таки неудобен для открытого разрыва между русской передовой интеллигенцией и евреями. Главные органы передовой печати постараются замазать всю эту историю (они упорно молчат о ней), а потом и в еврейской среде подымут голос утешители, оправившиеся от ошеломления, и запоют старую песню, что все обстоит благополучно, – старую песню, приниженную, льстивую, неискреннюю, – старую песню, на которую не стоит отвечать, ибо авторы ее лгут и сами знают, что лгут и что никто им не верит. А под шумок этих успокоительных заверений будет делаться тихое, незаметное дело: все те отрасли русской умственной жизни, которые теперь «заполнены» евреями, начнут потихоньку избавляться от этого услужливого, дешевого, но непопулярного элемента.

Лозунг «judenrein!» проникнет понемногу и в передовую прессу, и в издательства, и в передовой театр; для этого совсем не потребуется, чтобы во главе учреждений стали антисемиты – напротив, найдутся и еврейские редакторы или антрепренеры, даже некрещеные, которые, считаясь с настроением потребителя, сами позаботятся об уменьшении процента евреев. Создадутся вполне приличные литературные общества, куда евреям будет затруднен доступ, конечно, в самой благородной форме, без подчеркиваний, без явного антисемитизма. Вообще до антисемитизма, в грубом смысле этого слова, у передовой интеллигенции дело еще не скоро дойдет, а просто захочется ей пока по быть наедине с собою, без постоянного еврейского свидетеля, который слишком акклиматизировался. чувствует себя чересчур по-домашнему, во все вмешивается, всюду подает голос...

Что этот процесс вытеснения евреев из последних убежищ некогда неудержимо начнется, можно предсказать без всякой робости. Лично я предсказываю это не только без всякой робости, но и без всякого сожаления. Реальной потери для еврейства тут не предвидится, кроме той, что несколько сот душ из еврейского умственного пролетариата останутся без заработков. Но что значат несколько сот душ при нашей повальной нищете? А больше ничего, кроме хлеба для нескольких сот душ, эта еврейская эмиграция в русскую литературу, прессу и театр нам не давала.

Популяризация наших Игреков и Имяреков не принесла нам никакой пользы, кроме разве той, что расшатала в русской публике предрассудок о поголовной талантливости евреев. Популяризация Шолом Аша привела только к тому, что он (а за ним и другие жаргонисты) стал писать не для нас, а для них. Да достаточно характерен и тот мелкий факт, что на первую читку новой пьесы г. Ш.Аша приглашаются рецензенты всех русских газет и ни одной души от еврейских изданий. В этом вся писательская психология нашего поэта, пригретого на русском рынке. А меньше всего дала нам эта эмиграция на русский рынок в смысле политическом.

Передовые газеты, содержимые на еврейские деньги и переполненные сотрудниками-евреями, до сих пор, несмотря на все наши вопли, игнорируют еврейские нужды и молчат в ответ

на юдофобскую травлю. Очевидно, даже при обилии евреев свято соблюдается принцип – не портить русских газет еврейскими темами, и сами еврейские сотрудники и редакторы ничего против этого правила не имеют. Обидно, конечно, если в награду за такое бескорыстное самозабвение им теперь начнут постепенно указывать на дверь. Но что теряет еврейство, если в русской печати не будет этих людей, которые пальцем о палец не ударили в его защиту в эту эпоху неслыханной травли? Ничего не теряет, ни одного заступника, ни одного учителя.

Мы, настаивавшие всегда на концентрации национальных сил, требовавшие, чтобы каждая капля еврейского пота падала на еврейские нивы. – мы только со стороны можем следить за развитием этого конфликта между нашими дезертирами и их хозяевами, – со стороны, как зрители, в лучшем случае безучастно, в худшем случае с горькой усмешкой.

Щелчок, полученный дезертирами, нас не трога ет, и когда он разовьется даже в целый град заушений, – а это будет, – нам тоже останется только пожать плечами, ибо что еврейскому народу в людях, которых высшая гордость была в том, что они, за ничтожными исключениями, махнули на него рукою?

Мы не видим повода горевать. Не видим и повода изумляться. Во всем этом нет для нас ничего нового. Когда евреи массами кинулись творить русскую политику, мы предсказали им, что ничего доброго отсюда не выйдет ни для русской политики, ни для еврейства, и жизнь доказала нашу правоту. Теперь евреи ринулись делать русскую литературу, прессу и театр, и мы с самого начала с математической точностью предсказывали и на этом попроще крах.

Он разыграется не в одну неделю, годы потребуются для того, чтобы передовая русская интеллигенция окончательно отмахнулась от услуг еврейского верноподданного, и много за эти годы горечи наглотается последний: мы наперед знаем все унижительные мытарства, какие ждут его на этой наклонной плоскости, конец которой в сорном ящике, и по человечеству и по кровному братству больно нам за него. Но не нужен он ни нам, ни кому другому на свете. вся его жизнь недоразумение, вся его работа – пустое место, и на все приключения его трагикомедии есть у нас один только отзыв: туда и дорога.

II. АСЕМИТИЗМ

Некоторые органы большой передовой прессы Петербурга решили, очевидно, совсем замолчать случай с г-дами Чириковым и Арабажиным. Это можно было предвидеть заранее. В эпоху ассимиляции немецких евреев кто-то пустил в обращение следующую формулу: лучший способ проявить юдофильство. это – не говорить ни слова ни о евреях, ни об их противниках. Лучший ли, не знаю, но, несомненно, удобнейший способ. В нравы и традиции русской печати ввела его почтенная и заслуженная московская газета, декан и образец русского прогрессизма. Эта газета выдвинулась в эпоху самой отчаянной травли еврейского племени и стойко молчала в течение 25 лет на сию щекотливую тему: не обмолвилась ни одним звуком ни о евреях, ни об их литературных гони телях.

Пример не остался без подражателей, и с тех пор замалчивание считается высшим шиком прогрессивного юдофильства. Такой шик задают теперь «Наша Газета» и «Речь» по поводу чириковского при ключения. Как раз в тех кругах, которые весьма близки обоим редакциям, об этом случае говорят очень много, а обе газеты молчат и, несомненно, думают, что у них это выходит очень эффектно и многозначительно: сама, дескать, истина молчит нашими устами!

С последним я вполне согласен и даже попытаюсь разобраться в таинственном содержании этого мно гозначительного безмолвия. В самом деле, о чем мол чит истина устами почтенных органов? Что знаменует их немота в этом случае?

Но тогда надо начать с другой догадки: что знаменует самый случай, каков его общественный смысл? Московские газеты дают бесхитростный и грубоватый ответ: культурный антисемитизм. Кто-то как-то предсказывал, что вместо д-ра Дубровина восстанет у нас когда-нибудь д-р Люэгер, и это будет куда страшнее; и вот московские газеты полагают, что момент уже близок, и гг. Чириков и Арабажин возве стили скорое пришествие нового д-ра Дубровина, в исправленном и очищенном издании.

Вряд ли оно так. Прежде всего надо заступиться за гг. Чирикова и Арабажина: когда они уверяют, что ничего антисемитского не было в их речах, то они оба совершенно правы. Из-за того, что у нас считается очень *distingue* помалкивать о евреях, получилось самое нелепое следствие: можно попасть в антисемиты за одно слово «еврей» или за самый невинный отзыв о еврейских особенностях. Я помню, как одного очень милого и справедливого господина в провинции объявили юдофобом за то, что он прочел непочтительный доклад о литературной величине Надсона. Когда г. Чуковский констатировал тот неопровержимый факт, что евреи, подвизающиеся в русской изящной литературе, ничего стоящего ей не дали, очень недалеко было от того, чтобы и г. Чуковского ославили антисемитом.

То же самое теперь с г. Чириковым. Хороши или плохи русские бытовые пьесы последних лет. я судить не берусь: но г. Чириков совершенно прав, когда говорит, что глубоко прочувствовать их может только русский, для которого Вишневый Сад есть реальное впечатление детства, а не еврей. Если бы г. Чириков сказал: «а не поляк». никто бы в этом не увидел ничего похожего на полонофобию. Только евреев превратили в какое-то за претное табу, на которое даже самой безобидной критики нельзя навести, и от этого обычая теряют больше всего именно евреи, потому что. в конце концов, создается такое впечатление, будто и самое имя «еврей» есть непечатное слово, которое надо пореже произносить...

Кого особенно несправедливо обижают, это г. Арабажина. Если оставить в стороне его выпады в печати против сионизма, которые не стоят внимания прежде всего потому, что г. Арабажин в этом вопросе некомпетентен, то именно он уж совсем ничего греховного не сказал. Он и вообще (судя даже по тем пересказам, против которых он печатно протестует, и тем более по его собственной передаче) не выразил в этом споре никаких собственных взглядов. Он только констатировал, что настроение, звучавшее в словах г. Чирикова, свойственно не одному лишь последнему, а имеет или может иметь сторонников в кругах, прикосновенных к русской литературе и русскому театру.

Г. Арабажин сделал даже оговорку, что лично он этого настроения не разделяет, но что оно все-таки есть, и он считает долгом обратить на это серьезное внимание товарищей-евреев. Может быть, все это было высказано им и г. Чириковым в более мешковатой форме (нельзя же забывать, что спор был в частной товарищеской компании, где половина собравшихся друг с другом на ты), но по существу ничего антисемитского, реакционного и по всем прочим статьям преступного эти нашумевшие речи не содержали. Одно только в них было: симптоматическое.

Именно с этим всего неохотнее согласятся юдофилы-замалчиватели. С их точки зрения уж лучше записать гг. Чирикова и Арабажина в список отлученных от прогресса, чем признать, что в речах этих писателей звучал смягченный отголосок некоего общего настроения, пробивающего себе дорогу в среднем кругу передовой русской интеллигенции. Спорить тут невозможно, документальных доказательств не добудешь – наличие такого настроения можно установить пока только на ощупь, и не всякий захочет признаться, что уловил в других или в самом себе нечто подобное.

Но если быть искренним, то ведь ни для кого не тайна, что это так. Из всех бесчисленных толков, вызванных чириковским инцидентом, явственно звучал один общий мотив: «это» не новость, об «этом» уже давно и много поговаривают. Есть, конечно, люди, которые в

таких случаях нарочно затыкают уши – и не только себе, но и другим, в том числе и заинтересованной стороне; и пойдет эта заинтересованная сторона доверчиво дальше по старому пути, не слыша надвигающегося грома, и потом будет захвачена врасплох. Это считается шиком прогрессивного образа мыслей, и ничего не поделаешь с людьми, которым такая тактика по вкусу. Я и не намерен их переубеждать. Пусть притворяются оглохшими и незрячими. А все-таки назревает какое-то облачко и невнятно доносится далекий, еще слабый, но уже неприветливый гул... Повторяю – то, что назревает в некотором слое русской интеллигенции, не есть еще антисемитизм. Антисемитизм очень крепкое слово, а крепкими словами зря не следует играть.

Антисемитизм предполагает активную вражду, наступательные намерения. Разовьются ли эти чувства когда-нибудь в русской интеллигенции, предсказать нелегко: но пока до них еще, во всяком случае, далеко. То, чем веет теперь, чем так сильно пахнуло из-за завесы, чуть-чуть приподнятой гг. Чириковым и Арабажиным, то не антисемитизм, а нечто отличное от него, хотя родственное и, быть может, служащее предтечей антисемитизму. – Это асемитизм. В России это слово мало известно, зато за границей, где куда лучше знают толк в разных оттенках жидоморства, оно давно в ходу. Это не борьба, не травля, не атака: это – безукоризненно корректное по форме желание обходиться в своем кругу без нелюбимого элемента. В разных профессиональных сферах оно разное проявляется. В сфере литературно-художественной, с которой у нас «началось», оно приняло бы форму такого рассуждения: я пишу свою драму для своих и имею право предпочитать, чтобы на сцене ее разыграли свои и критику писали свои. Этак мы лучше пойдем друг друга.

Если хотите, не вижу в этом еще невнятном веянии ничего нового. Ново только, что об этих вещах начинают говорить: прежде считалось, что «эти вещи» сами собою понятны, вслух о них не болтали и просто осуществляли асемитизм на практике. И не со вчерашнего дня, а искони. Ибо что есть двадцатипятилетнее величавое молчание «Русских Ведомостей»? Что есть теперешнее молчание передовых органов? Вот уже пять лет прошло с кишиневского погрома; за это время Россию наводнили книжками и, листками, проповедующими племенную резню, десятки уличных газет разносят по всем углам зажженную паклю ненависти к евреям; чуть ли не вся идеология реакционного движения сводится к этой ненависти, казалось бы, уже хоть потому, если не из рыцарской потребности заступиться за угнетенного, полагалось русской передовой печати бороться против этой пропаганды. Русская передовая печать ничего в этом смысле не сделала.

Да простится мне резкое слово: больше вбитых гвоздей я нашел в мертвых глазницах одной из жертв погрома в Белостоке, чем статей об этом погроме в русской передовой печати. Были постановления каких-то съездов, чтобы газеты энергично боролись с юдофобской пропагандой, и тоже не помогло. Не помогло даже изобилие сотрудников евреев: знаю по горькому опыту, что самое страстное желание поднять голос в защиту своей народности разбивалось, за кулисами даже самых смелых и боевых органов, обо что-то неуловимое и неосязаемое. Много интересного можно было бы рассказать на эту тему... Да к чему? Кто этого не знает?

Теперь образовалось несколько издательств для борьбы с антисемитизмом; оставим в стороне вопрос, много ли могут они сделать: но любопытно то, что их руководители очень близко стоят к влиятельной передовой печати и хорошо понимают, что статья в распространенной газете гораздо полезнее брошюры, которая Бог весть еще попадет ли в настоящие руки. И, однако, они вынуждены возиться с этими брошюрами и не смеют мечтать о борьбе с пропагандой погрома через оппозиционную прессу. Почему?

Как-то я прямо задал этот вопрос руководителям одной редакции и выжал после множества уклонений такой ответ: нас читает интеллигенция, а она в таких поучениях не нуждается. Было это в 1906 году. Хорошо. Но теперь у нас 1909 г. Что-то новое начинает прокрадываться в русскую интеллигентскую психологию. Если и правда, что

тогда русская интеллигенция была иммунизирована от юдофобских предрассудков, то хватит ли у кого-нибудь отваги ручаться. что иммунитет сохранился и ныне?

О, да, очень многозначительно это безмолвие. Советую очень глубоко вдуматься в него читателя обеих национальностей. Твердой рукой подписываюсь под словами г. Арабажина: здесь есть предостережение и вам. и нам. Предостережение тем более серьезное, что поветрие, первые симптомы которого теперь нас так переполошили, далеко не такая новость на нашей улице, как это может показаться наивному. – ибо зародыши той асемитической тенденции, на которую так бесхитростно вслух указали гг. Чириков и Арабажин. давно молчаливо таились во всей тактике русской интеллигенции по одному из самых трагических вопросов российской жизни.

III МЕДВЕДЬ ИЗ БЕРЛОГИ

«Ныне отпускаеши», могут сказать г-да Чириков и Арабажин: подходит, кажется, момент, когда небо исполнит, наконец, заветное желание этих двух писа телей – их оставят в покое. Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan – der Mohr kann gehen. (Мавр сделал свое дело – мавр может уходить.) Не потому, чтобы инцидент был исчерпан: напротив. инцидент только начинает завариваться по-настоящему, и, если не будет войны или чего-нибудь другого очень сенсационного, не скоро еще уляжется в газетах эта любопытная история. Но дело в том. что г-да Чириков, Арабажин, Аш, другой Аш и вообще все участники той знаменитой беседы вдруг отошли на второй план – их заслонили более крупные фигуры.

На сцену выступили г-да Струве и Милюков и, как свойственно крупным фигурам, сразу взяли быка за рога и поставили точку над і. Пока перессорившиеся между собой совозлежатели мирной трапезы, отныне бессмертной в летописях еврейского дезертирства, обидчиво препирались на разных языках о том, какое кто слово сказал и какого не сказал, г-да Струве и Милюков просто перешагнули через это скаредное крохокопательство и перенесли вопрос на единственно стоящую почву. Они поняли, что дело совсем не в том, проштрафился или не проштрафился тот или другой маленький человек в ночь на такое-то число в частной квартире такого-то, – а важно установить только один момент: что тут было – случайная шальная пуля, залетевшая неведомо от куда, или первый, пусть и преждевременный, выстрел из сильного и уже недалекого от перехода в боевое настроение лагеря?

Мнение по этому вопросу г. Струве – не новость. В разгаре выборов во вторую Думу он заявил одному интервьюеру, что настоящий антисемитизм – интеллигентский – еще впереди. Было это напеча тано в газете «Русь» и, конечно, не удостоилось ни перепечатки, ни комментария в других передовых органах. Теперь г. Струве иными словами повторяет ту же мысль. Скрывать русское «национальное лицо» – «безнужно и бесплодно, ибо его нельзя прикрыть».

А в чем оно состоит? Это – не раса. не цвет кожи и т.д., это есть «нечто гораздо более несомненное и в то же время тонкое. Это – духовные притяжения и отталкивания... Они живут и трепещут в душе». И в том числе – «сила отталкивания от еврейства в самых различных слоях (!) русского населения фактически очень велика». Конечно, в области государственной с этими «отталкиваниями» считаться не следует, т.е. равноправие все-таки нужно дать. «Но государственная справедливость не требует от нас национального безразличия. Притяжения и отталкивания принадлежат нам, они наше собственное достояние, в котором мы вольны...

И я не вижу ни малейших оснований для того, чтобы отказываться от этого достояния в угоду кому-либо и чему-либо... «Я полагаю, евреям полезно увидеть открытое национальное лицо той части русского, конституционно и демократически настроенного общества, которая этим лицом обладает и им дорожит.

И, наоборот, для них совсем не полезно предаваться иллюзии, что такое лицо есть только у антисемитического изуверства». Все это напечатано в газете «Слово» от 10 и 12 марта и ни в каких пояснениях и подчеркиваниях не нуждается. Но г. Милюков все-таки нашел, что маслом каши не испортишь, и не то с сокрушением, не то с иронией подливает (в «Речи» от 11 марта) свою толику масла: «Г-н Ж. может торжествовать: он выманил медведя из берлоги... добился того, что молчание кончилось, и то страшное и грозное, что прогрессивная печать и интеллигенция старались скрыть от евреев, наконец обрисовалось в своих настоящих размерах».

Впрочем, это еще сказано полуиронически, и в конце статьи идут, конечно, заверения, что означенное настроение у русской интеллигенции скоро пройдет. Но зато без всякой иронии и совершенно всерьез делается следующее, вполне новое и очень пикантное разоблачение: «Я тоже думаю, что старой русской интеллигенции, святой и чистой в своем блаженном неведении, наступил конец в России с началом новой политической жизни. Я тоже уверен, что многие жизненные утопии, созданные этой интеллигенцией на почве той старой святости, скоро отомрут, чтобы уже не возрождаться больше».

Но я уверен также и в том, что наивный «асемитизм» и «антисемитизм», предъявляющий нам свои национальные права на существование, есть тоже один из последних пережитков (!) нашей блаженной интеллигентской невинности». Вот это, в самом деле, ново. «Пережитком» называется нечто такое, что уцелело со старых времен. Значит, и у старой русской интеллигенции, святой и чистой и пр. тоже имелись антиеврейские «отталкивания»? Значит, медведь-то давно сидел в берлоге? Любопытно. Вслух еще в этом никто не признавался, особенно никто столь авторитетный. А еще любопытнее то, что присутствие медведя в берлоге не мешает г. Милюкову аттестовать ту старую русскую интеллигенцию «святой и чистой», а «наивный асемитизм или антисемитизм» числится у него в списке настроений, созданных «на почве той старой святости». Очень у г. Милюкова мягкое отношение к медведю в берлоге. Это уже не в первый раз:

Мы еще помним его надгробную статью о Иоллосе, в которой даже верноподданные евреи из «Свободы и Равенства» усмотрели неосторожное обращение со словом «жид». Очевидно, в некоторых русских интеллигентах еще весьма живы пережитки старой чистоты и святости...

Итак, медведь выглянул из берлоги. Торжествует ли г. Ж., это мы оставим в стороне. По моему, торжествовать ему нечего: к статье Струве сделано примечание, что она была написана и сдана до появления в «Слове» других статей на чириковскую тему. Никто медведя нарочно не выманивал, а сам он, повидимому, учуял в воздухе нечто родное и по собственной инициативе решил подать сочувственно голос. И эта собственная инициатива – еще один любопытный штрих для характеристики настроения. И вызывать не надо – сами откликаются!

После этого блестящего выхода первачей мы считаем окончательно выясненным основной вопрос, в котором для нас сосредоточен весь общественный смысл инцидента: вопрос о симптоматичности. Кому не противно, пусть и дальше разоряется на клятвенные заверения, что «ничего подобного нет». Г.Винавер в той же «Речи» от 13 марта все-таки предлагает и на будущее время еврейские услуги, согреты взаимной любовью, «именно любовью».

На здоровье. Ласковый теленок двух маток сосет. Предоставляем г. Винаверу и прочим ласковым людям прожить мафусаиловы годы в этой курьезной позиции, когда они, заглядывая пану в очи, умильно говорят: «а все-таки вы нас любите!» – а г-да Струве и Милюков отвечают: – «Мм... не очень». – Для нас спор в этой части исчерпан. Да в сущности, и для возражателей наших, особенно из евреев, дело так же ясно, как и для нас. Все они про себя знают и с глазу на глаз сознаются, что медведь давно начал ворочаться в берлоге и, того и гляди, высунет морду. Лицемерием, неискренностью, малодушием и искательством пропитана их ласковая декламация, и оттого она так непроходимо бездарна, и нет в ней

даже пафоса умелой лжи. Люди сами себе не верят и почти вслух говорят, что не верят, и им никто не верит. Что же с вами спорить? Ступайте себе с миром дальше и повторяйте in's Vlaue свои казенные слова.

Гораздо искреннее те публицисты из «Новой Руси» и «Нашей Газеты», которые простодушно спрашивают: «своевременно ли? Не лучше ли раньше вместе решить общегосударственную задачу?» – Это мы понимаем. Это, по крайней мере, практическая постановка вопроса. И нельзя не согласиться, что правда, действительно, несвоевременна – с русской точки зрения. Ибо одно из двух: раз медведь выглянул, надо или бороться с ним, или признать его полноправным гостем. Бороться? Это значило бы открыть свои газеты для систематической защиты еврейского равноправия, для систематического отпора на юдофобскую травлю.

Мерси боку – только этого, в самом деле, и недоставало почтенным газетам, на кото рых и так стопудовым бременем тяготеет подозрение в недостаточном «асемитизме». А признать медведя тоже неудобно. Гораздо удобнее было бы сохранить до поры до времени старую иллюзию, что в «святом и чистом» климате этой прекрасной страны зоологический вид *ursus judaeophagus intellectualis* вообще не водится...

Но это с русской точки зрения, да еще с точки зрения еврейской прислуги русского чертога. Мы благо дарим за любезное приглашение идейно приютиться в той же людской и через ее стекла выглядывать на Божий свет, благодарим за столь лестное мнение о нашей готовности к собачьему самозабвению. – но честь эту решительно от себя отклоняем. Мы прекрасно понимаем, что для вас удобнее сохранить блаженное неведение до дня, когда будет решена общегосударственная задача. – потому что оно вас ни к чему не обязывает и сохраняет к вашим услугам всю полноту усердия и расторопности верноподданного Израиля; а когда общегосударственная задача будет решена и медведя, наконец, выпустят на волю. – тогда вы-то ровно ничего не потеряете.

Но мы? Нам тоже полезно не видеть и не слышать? Нам тоже полезно удариться в славянофильство и грезить, что хорошо нам знакомый зоологический экземпляр, вдоволь посвирепствовавший в самых культурных заграницах, – только здесь, только в этой обетованной стране, только у этого богоизбранного русского народа почему-то не родится? Нам тоже выгодно будет, если, одураченные этой грезой, мы доверчиво разоружимся, распустим свою моральную самооборону, заложим и перезаложим в ваших ломбардах все свои ценности, – и тогда, в один прекрасный день, вы с душевным прискорбием объявите нам, что медведя не устерегли и он, к глубокому вашему сожалению, вырвался из берлоги?

Нет, милостивые государи, не тогда, а теперь должны вы выложить на стол все, что у вас за душою: и кто бы ни выболтал нам эту правду, – ваши илоты, как это было до сих пор, или ваши дураки, как это случилось недавно, или ваши разумники, как это происходит в последнем фазисе, – мы ставим и будем ставить каждое лыко в строку, и кричим глупому старому еврею, что зажмурил глаза и идет, улыбаясь до ушей, приложиться к панской ручке: – помни о берлоге!

Много характерного проглянуло в этой истории, но всего характернее этот резон о несвоевременности. Никогда еще эксплуатация народа народом, не заявляла о себе с таким невинным цинизмом...

IV РУССКАЯ ЛАСКА _

*...Ко мне постучался
презренный еврей...*

Пушкин.

И пошло! В учебнике сказано, что тихая стоячая вода может остыть иногда ниже нуля. не замерзая, но достаточно бросить в нее камень, чтобы она мгновенно покрылась льдом. Это часто наблюдается и в делах человеческих. Теперь имеем случай любоваться этим занимательным явлением природы по милости инцидента с «национальным лицом». На днях еще за стыд и срам считалось русскому интеллигенту выго ворить этакое слово без презрительной гримасы, а теперь даже такая заскорузлая, стерилизованная не виновность, как «Наша газета», через номер усердно склоняет и спрягает «национальные» словеса. И оказывается, что они, видите ли, всегда дорожили национальными моментами, всегда понимали, что правильное национальное чувство есть вещь безупречнопрогрессивная, и чуть ли не за то, главным образом, и серчали на русское начальство, что оно унижает национальное величие!

Поистине трогательное открытие. Кто подозревал о присутствии такой контрабанды под спудом, а особенно в «Нашей газете», в этом классическом образчике русско-интеллигентской передовитости, в этом бесполом органе строго выдержанного направленчества без направления, в этом щепетильно отгороженном и чистенько подметенном пустом месте, на котором группа тщательно подобранных бесцветностей, не моргая, при всем честном народе смотрит тебе в пуп? Такая была идеальная тихая и стоячая вода, но, видно, крепко прохватило ее окружающей температурой; попал в нее камень, да еще брошенный неумной и, может быть, нетрезвой рукою, – и пошло!

Многих из нас это ошеломило – потому что мы плохие наблюдатели. Конечно, тот тонкий слой, который носит имя передовой русской интеллигенции и задает искони тон в печати, до последнего времени просто не интересовался своей великорусской национальностью, как здоровый человек не интересуется своим здоровьем, особенно когда у него других хлопот полон рот, хата не топлена и сквозь крышу небо плачет.

Сытый кашей каши не просит, особенно когда у самого сапоги просят каши. Но мы, по еврейской нашей склонности подчеркивать и размалевывать, а еще больше по надобности оправдать ассимиляцию, прицепили к этой особенности русского интеллигента бесконечный хвост распространительных толкований. Из настроения, обусловленного только национальной сытостью великоросса, мы сделали чуть ли не элементарную черту его характера: мы шумели на разные лады, что именно русские, не в пример немцу и всякому другому бусурману органически на «это» не способны, что им от роду присуще некое вселенское начало и отменно теплые чувства по всем направлениям, без различия веры и племени.

И, как всегда, мы самих себя гипнотизировали своим шумом и победоносно пролетали мимо самых ярких фактов, не достаивая на них оглянуться. Даже мимо погромов попробовали сгоряча проскакать без оглядки, свалив всю беду на подстрекателей сверху и «отбросы общества» снизу, как будто оглушительный успех подстрекателей сам по себе не характерен для данной среды, или как будто отбросы не характерны для выделяющего их организма. Но был еще факт, мимо которого мы пробежали с зажмуренными глазами; и даже не мимо него, а насквозь, проникая внутрь и ничего не замечая, глядя и не видя. смакуя и не чувствуя дегтя, анализируя тонкости и не натываясь на оглоблю. Этот факт – русская литература. та самая, что со времен еще Радищева славилась свободой и милостью к падшим призывала, та самая, что так сильно проникнута идеями подвига и служения? та самая, которая устами своих лучших ни одного доброго слова не сказала о племенах, угнетенных под русскою державой, и руками своих первых пальцем о палец не ударила в их защиту; та самая, которая зато руками своих лучших и устами своих первых щедро обделила ударами и обидами все народы от Амура до Днепра, и нас больше и горше всех.

На днях праздновали юбилей Гоголя, и немало евреев использовали, конечно, этот

случай лишний раз «поплясать на чужой свадьбе». Должно быть, в некоторых еврейских училищах черты устроили и еще устроят после каникул гоголевские торжества, учитель русского языка скажет прочувствованное слово, учитель физики покажет в волшебном фонаре картинки из «Тараса Бульбы», а потом ученики или ученицы, картавя, пропоют перед бюстом: «Николаю Васильевичу сла-а-ва». И девяти десятым из устроителей и участников не придет в голову задуматься, какова с нравственной точки зрения ценность этого обряда целования ладони, которой отпечаток горит на еврейской щеке: не придет в голову, какой посев компромисса, бесхарактерности, самоунижения забрасывается в сознание отрочества этим хоровым поклоном в ноги единственному из первоклассных художников мира, воспевшему, в полном смысле этого слова, всеми красками своей палитры, всеми звуками своей гаммы и со всем подъемом увлеченной своей души воспевшему еврейский погром.

Стоило бы, может быть, в честь юбилея тут переписать слишком забытые несколько страниц из того же «Тараса Бульбы». Ничего подобного по жестокости не знает ни одна из больших литератур. Это даже нельзя назвать ненавистью, или сочувствием казацкой расправе над жидами: это хуже, это какое-то беззаботное, ясное веселье, не омраченное даже полумыслью о том, что смешные дрыгающие в воздухе ноги – ноги живых людей, какое-то изумительно цельное, неразложимое презрение к низшей расе, не снисходящее до вражды.

Стоило бы процитировать, да не хочется. Все равно, кому нужно усердствовать, тех не остановишь. Нет такой хитрой преграды, чтобы под нею не прополз кабцан, которому дали входной билет погреться у людей на солнышке. И не хочется еще потому, что нет никакой причины останавливаться на одном Гоголе, делать выписки из него и не делать выписок из его братьев по этой великодушной литературе. Чем он хуже их, и чем они лучше?

Веселая картина получится, если взять и на память, не выискивая, не докапываясь, просто, как го врят репортеры, au hazard подсчитать ласку, что мы видели в разные времена от разных великанов русского художества. Для Пушкина понятие еврей тесно связано с понятием шпион (это в заметке о встрече с Кюхельбекером). В «Скупом рыцаре» выведен еврей-ростовщик, расписанный всеми красками низости, еврей, подстрекающий сына отравить папашу – а яд купить у другого еврейчика, аптекаря Товия. У Некрасова «жиды» на бирже уговаривают проворовавшегося русского купца: «нам вы продайте паи, деньги пошлите в Америку», а сам пусть бежит в Англию:

«На катере –

К насей финансовой матери.

И поживайте, как царр!»

Так говорили жиды –

Слог я исправил для ясности...

У Тургенева есть рассказ «Жид», неправдоподобный до наивности: читая, видишь ясно, что автор нигде ничего подобного не подсмотрел и не мог подсмотреть, а выдумал, как выдумывал сказки о призраках, – и что выдумал, и с каким чувством нарисовал и раскрасил! Старый жид, конечно, шпион, а кроме того, продает еще офицерам свою дочку. Зато дочь, конечно, красавица. Это понятно. Нельзя же совсем обездолить несчастное племя. Надо ж ему хоть товар оставить, которым он мог бы торговать.

По Достоевскому – от жидов придет гибель России. Это, казалось бы, давало жидам известное право на внимание: однако ни одного цельного еврейского образа у Достоевского нет. насколько сейчас могу припомнить. Но если правда, что битый рад, когда бьют и соседа,

то мы можем утешиться, припоминая польские типы Достоевского, особенно в «Карамазовых» и в «Игроке». «Полячок» – это обязательно нечто подлое, льстивое, трусливое, вместе с тем спесивое и наглое: и даже те затаенные в польской душе надежды, к которым самый заклятый враг должен отнестись с уважением, о которых сам Бюлов. защищая враждебный полякам закон, говорил недавно в рейхстаге с шапкой в руках. – коробит и вспоминать. какой желчной слюною облиты эти надежды разгромленного народа у тонкого, многострадального автора «Карамазовых».

Чехов? Еврейские критики ужасно любят цитировать из «Моей жизни» мимоходом оброненную фразу, что библиотека провинциального городишки пустовала бы, если бы не девушки «и молодые евреи». Это глубоко трогает еврейских критиков, это им очень льстит, они в этом видят явную агитацию за беспроцентное допущение евреев к образованию. Добрый мы народ, и самая добрая наша черта, это – что и малым довольны...

По существу же был Чехов наблюдатель, не ведавший ни жалости, ни гнева и не любивший ничего, кроме увядающей красоты «вишневого сада»; поэтому еврейские фигуры, изредка по падающиеся в «Степи», «Перекасти-поле». «Иванове». написаны с обычным для этого художника правдивым безразличием. И с таким же правдивым безразличием нарисовал Чехов своего Иванова, одного из несчетных Ивановых, составляющих фонд русской интеллигенции, и с таким же правдивым безразличием засвидетельствовал, что Иванов, когда в дурном настроении, вполне способен обругать свою крещеную жену жидовкой. Но Чехов сам был во многих отношениях Ивановым, русским интеллигентом до мозга костей, и случилось и ему однажды выругаться по адресу жидовки.

Тогда он написал свою «Тину». Это анекдот еще более нелепый и неправдоподобный. чем тургеневский «Жид», настолько пошлый по сюжету, что и двух строк не хочется посвятить его передаче. Где это Чехову приснилось? Зачем это написалось? – Так, прорвало Иванова, одного из несчетных Ивановых земли русской.

Кого еще назвать? Лескова? Н. Вагнера (КотМурлыка)? Из одних имен можно было бы составить длинное стихотворение, как у того французского поэта:

Jeannette, Nine, Alice, Aline, Leda, Julie –

Et j'en oublie...

Ничего в противовес этому списку не может назвать русская литература. Никогда ни один из ее крупных художников не поднял голоса в защиту правды, растоптанной на нашей спине. Даже в публицистике не на что указать, кроме одной статейки Щедрина и одной статейки Чичерина. В беллетристике нечем похвастать, кроме сладенького. нестерпимо-бездарного мачетовского «Жида», да еще где-то за порогом художества красуется шедевр г. Чирикова. Те из нас. которые малым довольны, восторгаются еще «Судным днем» Короленко, ибо там доказано, что иной хохлацкий шинкарь еще прижи мистее шинкаря-еврея.

Лестно. Если за это полагается мерси, то у Лескова есть гораздо более обстоятельные рассказы на тему о том, что хотя жид и мошенник, но румын еще того хуже. а русский помещик, купец и мужичок тоже не промах по части вороватости... Но ничего настоящего, ничего такого, что если не по силе, то хоть по настроению, по проникновению в еврейскую душу могло бы стать рядом с «Натаном Мудрым» или с Шейлоком, русская литература не дала. Да и зачем такие высокие образцы: рядом у поляков есть Элиза Ожешко, есть знаменитый Янкель из «Пана Тадеуша», написанный Мицкевичем в то самое время, когда Пушкин малевал своего жида Соломона из «Скупого рыцаря»...

Не сомневаюсь: как всегда, найдется где-нибудь газетный пошляк, который во всем этом

увидит ненависть к русской литературе. Если это случится, я возражать не буду – надоело спорить с пошляками. возиться с людьми внутренне недобросовестными. которые давно сами знают о своем банкротстве и еще все-таки заывают бедную публику с ее нищенскими сбережениями к своему подгнившему прилавку. Между прочим, русскую литературу я очень ценю. включая и этого самого Гоголя, потому что литература должна быть прежде всего талантлива, и русская литература – далеко не в пример иным прочим отраслям русской национальной жизнедеятельности – этому условию удовлетворяет.

Но вместе с тем надо помнить, что философию народа, его настоящую, коренную философию выражают не философы и публицисты, а художники, и в данном вопросе характер этой философии для всякого, кто не слеп и не глух, ясен без малейшей двусмысленности. Может быть, мало на свете народов, в душе которых таятся такие глубокие зародыши национальной исключительности. Мы проглядели, что родоначальная страница русской классической драмы – «Горе от ума» – насквозь пропитана обостренным националистическим чувством, до краев полна протестом во имя национальной самобытности, выходками против французско-нижегородской ассимиляции, проповедью «премудрого незнания иноземцев».

Мы проглядели, что Пушкин в разгаре таланта написал потрясающее по энергии и силе стихотворение «Клеветникам России», где трепещет подлинный нерв того настроения, которое в Англии теперь называют джингоизмом. Мы проглядели, что в пресловутом, и нас захватившем культе «святой и чистой» русской интеллигенции, которая – лучше всех заграничных и супротив которой немцы и французы просто мешане, – что во всем этом славословии о себе самих, решительно вздорном и курьезном, гулко звучала нота национального самообожания. И когда началось освободительное движение и со всех трибун понеслась декламация о том, что «мы» обгоним Европу, что Франция реакционна, Америка буржуазна, Англия аристократична, а вот именно «мы», во всеоружии нашей неграмотности, призваны утереть им нос и показать настоящее политическое зодчество, – наша близорукость и тут оплошала, мы и тут не поняли, что пред нами взрыв непомерно вздутого национального самолюбия, туманящий глаза, мешающий школьни кам учиться уму-разуму у Европы, у Америки, у Австралии, у Японии, у всех, потому что все их обогнали.

Я говорю только о зародышах. Они еще надолго останутся зародышами. Несмотря на все призывы Струве, великорусскому национализму еще некуда и не во что развиваться, кроме как по черносотенной тропинке, по которой серьезная часть интеллигенции, должно быть, не пойдет. В национальном смысле у великоросса ни в чем нет недостатка, а напротив – в колоссальных доходах, которые приносит ему его национальная культура, большую роль играют инородческие подати, особенно еврейская. Кто сочтет, в какой мере хотя бы нынешние модные книгоиздательства обязаны своим ростом руссифицированному инородческому потребителю, и в первую очередь еврею? Русскому национализму не за что бороться – никто русского поля не занял, а на против: русская культура, бессознательно опираясь на казенное насилие, расположилась на чужих полях и пьет их материальные и нравственные соки. Для развития зародышей нет еще почвы, и она явится только в тот момент, когда среди народностей России подыметесь национальное движение всерьез, и борьба против руссификации проявится не на словах. как теперь, а в фактическом разрыве с великорусскою культурой. Мы тогда увидим, кто наши могучие соседи и есть ли у них национальная струнка, и тогда, может быть, лучше пойдем некоторые забытые страницы из Некрасова, Пушкина и Гоголя.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ВАШ НОВЫЙ ГОД (Письмо на родину)

Вена, 1 января 1908.

Между Одессой и Петербургом ходит скорый поезд. В полдень ему дают третий звонок на перроне одесского вокзала, а приходит он в столицу на вторые сутки в девять утра; обратно он выходит вечером и прибывает в Одессу около шести часов после обеда. Если вы сосчитаете, то увидите, что по дороге туда он встречает первую полночь около Бердичева, а вторую несколько дальше Двинска; на обратном пути первая полночь у него приблизительно в Луге, а вторая где-то не доезжая Ровно. По обе стороны его полотно расстилается многоземельная, но тесная страна – черта еврейской оседлости.

Я встретил первое января 1904 года в вагоне близ станции Луга. Первое января 1905 года в вагоне за Двинском. Первое января 1906 года в вагоне около Бердичева. Первое января 1907 года в вагоне где-то не доезжая Ровно. – Я немного устал.

В этот раз я никуда не поехал и никуда не пошел. Люди Вены ждут первой январской полночи на площади у собора св. Стефана, веселятся и шумят; но я никуда не пошел. Я устал, я слишком много шуму переслышал за эти четыре года.

У меня горела на столе моя лампа и в печке рдели угольки, у меня был чай, диван, книги, опущенные занавесы и тепло в комнате. Это было, вероятно, то самое, что люди зовут мещанским уютом. Ну, и пусть. Я заработал свое право один раз дожидаться новогодней полночи в ласке домашнего тепла. Иногда надо жить, как все живут. Если носишь постоянно не такие галоши, как у всех, то наконец душа не вытерпит. Перетянутым нервам лучшее лекарство шаблон. И, кроме того, после такой жизни именно шаблон представляет все очарование

НОВИЗНЫ.

Добрый австрийский Бог понял меня и устроил все как полагается в книжках для хорошего зимнего вечера в укромном уголке: на улице гудел ветер, выла от времени до времени проволока трамвая, а дома было тихо, все ушли, печка не дымила и лампа не коптила, ветчина и масло попались хорошие. Завтра я нахлобучу шапку, подыму воротник и пойду своей дорогой по жесткому ветру, но один вечер можно провести в мягко-нагретой ванне своего собственного, беззлобного, безмятежного эгоизма.

Так я сидел и праздновал сам не знаю что. Люди Вены праздновали свой Новый год: вы отстали от них на тринадцать дней (говоря вообще, для вас это совсем немного) и празднуете свой Новый год на две недели позже. Мне все равно, я люблю все народы на свете и праздники всех народов; когда они ликуют о своих годовщинах и мне случится быть неподалеку, я просто рад тому, что людям весело, и праздную в душе их веселый час – если только нет у меня в тот самый день собственных траурных поминок.

Так я сидел и омывал запыленную душу покоем и воспоминаниями о далеких людях и пробежавших днях, об умирающем годе и обо всей грустной аллее лет, рожденных и ушедших за мою память. Где я в последний раз пил в эту полночь шампанское и желал соседям несбыточных вещей? А, это было у вас, в вашем городе, в то милое наивное время пять лет назад. Помните ли вы, как было все тогда по-другому? Город ваш был тогда веселым и красивым городом, братоубийство еще не обезобразило его улиц и не обратило в пустыри, по которым, озираючись, проשמывивают редкие тени. Сами вы ждали каждый день чего-то великого и радостного. Как дети перед елкой, вы много суетились и волновались. Внутренний огонь ваш нарастал, что день. то жарче, и не было такой мелочи, для которой у вас не хватило бы пылу и о которой вы не спорили бы с увлечением и страстью. Все вам казалось страшно важным, все играло роль в вашей жизни. Новая книжка толстого журнала была событием. Удачная статья производила впечатление большой политической победы. Не в тон сказанное слово называлось изменой. Пять лет ссылки на поселение считались драконовской жестокостью. Когда по улице проходил актер, художник или писатель, вы толкали друг друга в бок и шептали: смотри, кто идет!

Теперь не то. Захолустный небывальщина, которого легко было удивить, переродился. Не знаю. стал ли он умней и лучше, но он навидался видов – навидался таких вещей, которые, быть может, из десяти поколений одному показывает история. Так же. как это было нетрудно в те времена, трудно теперь овладеть его пресыщенным вниманием, разбудить его исчерпанный энтузиазм, задеть за одну из немногих еще не лопнувших у него струн. Максим Горький мог бы теперь свободно показаться в фойе театра, это не собрало бы толпы.

Коренные римляне редко ходят глазеть на нового папу или на приезжего заграничного монарха, они это предоставляют новоселам города: им самим уже неинтересно, они за тридцать веков видали и царей, и пап куда большего калибра, вообще видали события, пред которыми все величие первосвященников и королей подобно свечке под лучами солнца. На это немного похожа теперь ваша психология. Когда теперь оглядываешься на те еще недавние годы, кажется, что пред тобою детски счастливая молоденькая девушка с ясными глазами, нарядная в своем незатейливом ситцевом платьице, и хочется сказать: — Какое простенькое время.

Просто жилось и верилось тогда, и простые пожелания к Новому году делали мы друг другу в невозвратимые вечера юношеских надежд. Я еще помню, чего я пожелал своим соседям в тот последний канун, я им сказал: не пожелаю вам ни счастья, ни здоровья; ничего. У меня для вас нет сегодня пожеланий. Но между нами только что невидимо явился некто новый, годом зовут его люди, и не вам, а ему я хочу принести свое пожелание. Я ему желаю запечатлеть четыре цифры своего имени на вечные времена в памяти России и человечества: я ему желаю свершить великое. Оттого я не пожелаю вам, людям, ни счастья, ни здоровья, ничего. Ибо счастье людей помеха величию года. Чтобы стать великим, он должен перешагнуть через ваше счастье. И сколько бы ни было между вами тех, кому суждено схоронить свое счастье и самую жизнь под стопами победоносного года, и как бы они близки ни были моему сердцу — да свершится.

Я разучился теперь говорить такие слова. Мне все чаще кажется, что я вообще разучился говорить с вами. Если бы я сидел сегодня за вашим столом, я бы не стал пить ваше вино и не сказал бы вам ни одного слова.

Я молчал бы с вами не потому, что не верю больше в «великое». Напротив, я не сомневаюсь в его неизбежности. Но душа моя холодна.

Я молчал бы оттого, что мне чуждо ваше завтра, чужда ваша вера и чужды вы сами. Вы — единственные на свете, чьих праздников я не делю. Ни одна ваша радость не задевает меня. ваши горести кажутся мне мелкими, ваши надежды жалкими и вся жизнь ваша ничтожною. Когда вы плачете о своих увечьях, мне противно, потому что вы разменяли на полушки большую трагедию. Надо играть ее со стиснутыми зубами, с бледными лицами, сухими глазами: вы ее ведете в тоне плаксивой жалобы, и мне тяжело смотреть на ваше надругательство. Когда же вы радуетесь или надеетесь, непреодолимая волна отвращения подымается к моему горлу, потому что я вижу. за какие гроши вы продаете свою радость, на какие мелкие крючки можно поймать вашу надежду. Я думал, что вам больше цена.

Оттого одно только мог бы я сказать вам сегодня, будь я сегодня с вами: мне вам нечего желать, потому что мне безразличен ваш завтрашний день. Для меня существует только мое завтра, только моя заря. в которую верю всем трепетом моего существа, и ничего мне больше не нужно. Не могу я сказать: желаю вам счастья в наступившем году. – это было бы неискренно. Ибо если вам на минуту покажется, будто вы счастливы, я надену траур и приду на ваш праздник, осмею ваше легковерие, вышучу ваши тосты, прокаркаю над вами злую правду и отравлю каждую каплю вашего благодушества. Это единственное, что меня еще связывает с вами: я хочу колоть правдою ваши глаза, опрокидывать ваши карточные домики. тушить ваши волшебные фонари с пестрыми картинками, чтобы вы ясно видели пред собою глухую стену и вокруг себя унылую безнадежность: и сколько станет моей силы, я вам не дам ни на день забыться, я вам не дам тешить себя и мечтать.

Больше мне с вами не о чем говорить: все остальное, чем вы живете, не интересует меня, только насильно могу я сосредоточить свои мысли на ваших вещах и делах, лишенных для меня всякой ценности, – и это мне с каждым днем становится труднее. С каждым днем растет отдаление между мною и вашим миром: я уже с трудом различаю, что у вас там копошится, и скоро, может быть, совсем перестану различать.

Я не служу и не хочу служить ничему из всего того, что вам дорого. У вас там есть свои идеалы: я их очень ценю, но в руках у вас они смешны и бесплодны; поэтому я издеваюсь над ними и над вами и буду бороться с ними и с вами, для торжества моей веры, всеми путями и всеми орудиями, во что бы то ни стало.

Я когда-то сильно чувствовал красоту свободного. нерядового человека, «человека без ярлыка», человека без должности на земле, беспристрастного к своим и чужим, идущего путями собственной воли через головы ближних и дальних. Я и теперь в этом вижу красоту. Но за себя я от нее отказался. В моем народе был жестокий, но глубокий обычай: когда женщина отдавалась мужу. она срезала волосы. Как общий обряд, это дико. Но воистину бывает такая степень любви, когда хочется отдать все, даже свою красоту. Может быть, и я бы мог летать по вольной воле, звенеть красивыми песнями и купаться в недорогом треске ваших рукоплесканий. Но не хочу. Я срезал волосы, потому что я люблю мою веру. Я люблю мою веру, в ней я счастлив, как вы никогда не были и не будете счастливы, и ничего мне больше не нужно.

Поздравляйте друг друга с Новым годом, если вам это не надоело. Я не вижу для вас разницы между вчерашним и нынешним днем и не имею для вас ничего, ни доброго, ни худого слова.

mail.ru	1205
3685183	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

О «ЕВРЕЯХ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

1905

В «Свободных Мыслях» была помещена статья г. Чуковского о евреях в русской литературе; потом появилась на ту же тему статья г. Тана, больше похожая на лирическое письмо, чем на статью. Последнее обстоятельство дает и мне повод высказаться по этому вопросу. Будь это спор, я бы не принял участия в нем... Другое дело обмен личными настроениями, по лирическому примеру г. Тана, и я прошу позволения последовать этому примеру.

Кое в чем наши личные настроения сходны. Меня весьма тронуло, например, что г. Тан пишет всеми буквами черным по белому: «мы, евреи». Это нововведение; насколько знаю, это в русской печати второй случай. Обыкновенно еврейские сотрудники русских газет пишут о евреях не «мы», а «они»; местоимение первого лица приберегается для более эффектных случаев, например: «мы, русские», или «наш брат русак» (я сам читал). Расстрогало меня и то, что г. Тан отказывается считаться с пресловутым доводом, будто не следует «в такое время» задевать «такой вопрос», Мы с г. Таном прекрасно знаем, что дело тут не в задавании вопроса, а в упоминении лишней раз слова «еврей», чего многие терпеть не могут; в этом смысле «такое время» было и год, и два, и пять лет, и пятнадцать лет тому назад. Но вслух, конечно, приводятся самые благородные мотивы – что не надо, мол, «играть в руку». Выеденного яйца не стоят эти благородные мотивы.

Из-за них не было еврейскому публицисту никакой возможности поговорить с евреями, читающими по-русски, об их делах или об их недостатках – например, о множестве рабских привычек, развившихся в нашей психологии за время обрусения нашей интеллигенции. Эта интеллигенция не читала ни «Восхода», ни древне-еврейских и жаргонных газет, а читала больше всего провинциальную

прессу черты оседлости – которую, кроме нее, почти никто не читал, в которой, кроме нее почти никто не писал, и которая в общем не печатала ни одного слова о еврейских делах. Порою хотелось рвать на себе волосы от бешенства, и знаете ли, теперь тоже нередко хочется. Лучше бы тысячу раз «сыграть на руку» черным людям, которые от этого не стали бы черные, чем так наглухо запереть все пути к среднему еврейскому интеллигенту, чем так упорно приучать его к забвению о себе самом и о долге самокритики, чем так обидно воспитывать в нем унижительное невнимание к себе и своему делу...

По существу предмета наши настроения зато вряд ли совпадают. Обсуждать, хороши или плохи евреи в чужих литературах, я не стану – это было бы уже спором, от которого я отказался. Замечу только, что дело совсем не в том, чувствует ли себя г. Тан, как сам утверждает, неразрывно привязанным к русской литературе, или не чувствует. Г. Чуковский отнюдь и не собирался оторвать его или других от русской литературы; он только задал себе вопрос, велика ли польза русской литературе от этих неразрывных привязанностей, и пришел *sine ira et studio* к печальным выводам. Чтобы не прятать даже мимоходом своего мнения, прибавлю, что с г. Чуковским совершенно согласен; прошу г. Тана не принять это с моей стороны за щелчок по его адресу – я его, г. Тана, кроме газетных статей, право не читал и судить не могу; но вообще нахожу, что евреи пока ничего не дали русской литературе, а дадут ли много впереди – не ведаю. Однако не сомневаюсь, что против г. Чуковского был уже в печати, как водится, выдвинут длинный список «еврейских замечательных людей», блистательное доказательство наших великих заслуг перед отечеством и человечеством. «Рассвет» остроумно заметил, что в этих случаях докапываются чуть ли не до девиц, окончивших гимназию с золотой медалью. Таковых, слава Богу, не мало, и честь Израиля нетрудно спасти, ибо мы люди маленькие и малым довольны.

За границей наши онемеченные или офранцуженные братья чувствуют себя на вершинах радости, когда кого-нибудь из них в кои веки примут в высшем туземном обществе; они делают важные лица и говорят многозначительно: ого! А у нас однажды г. Горнфельд, я помню, печатно выразил свой восторг по поводу того, что «в одном рассказе Елпатьевского больше интереса к евреям, чем во всех сочинениях Успенского», – из чего явствует прогресс гуманности и благого просвещения. После этого почему же не удовлетвориться гордым сознанием, что нашего такого-то печатают в лучших журналах – так сказать, принимают в высшем туземном обществе? При малом честолюбии и на запятках уютно...

Если г. Тану или другим уютно в русской литературе, то вольному воля. Я, например, не только не стал бы их манить назад, но даже не выражу сомнения, точно ли так им уютно, как они рассказывают. Напротив, признаю и не

сомневаюсь. Но я это иначе объясняю, иначе освещаю. Г. Тан объясняет свои родственные чувства к русской литературе, между прочим, и тем, что деды его захватили жаргон, проходя через Ахен, а ему, г. Тану, какое дело до Ахена? Это резон, но я советовал бы г. Тану употреблять его пореже и с осторожностью; ибо мы на своем пути прошли не только через Ахен, но и через Вильну, Киев, Одессу, отчасти через Петербург и Москву, и если мы начнем так небрежно отмахиваться от попутных городов, то нам с г. Таном могут со стороны предъявить вопрос: – Что это такое? *Cuis regio, eius religio*? Где переночевали, там и присягнули, а выйдя вон – наплевали? Эх, вы, патриоты каждого полустанка...

Я бы лично этого окрика не хотел, и потому предпочитаю не плевать на Ахен и не лобызать торцов Петербурга. Свои гражданские обязанности несусь там, где я приписан и ем хлеб, и несусь их корректно; в сердце же к себе я чужих людей не пускаю; в том, какой я город люблю и к какому городу равнодушен, никому давать отчета не желаю, и принципиально демонстрирую совершенно одинаковое благорасположение к Ахену и Москве. Будь у меня всамделишный свой город, я бы тогда стал говорить о любви; и это, быть может, была бы такая любовь, какую сорок тысяч людей на запятках любить не в силах. Но при нынешнем моем положении воздаю кесарево кесареви, а божие держу про себя. Исповедую лояльный космополитизм, и ни на сантиметр больше.

Самый же вопрос о жаргоне я беру не с точки зрения Ахена, да и вопрос о том, в какую литературу идти еврейскому писателю, беру не с точки зрения жаргона. С жаргоном я считаюсь потому, что на нем фактически говорит народ, и, следовательно, для того, чтобы работать в народе и с народом, надо работать и на жаргоне. Это ясно, как дважды два четыре, и совершенно при этом не важно, где, когда и из чьих рук мы подобрали это наречие. Но вопросом о языке еще не решается вопрос о том, куда идти, в какую литературу. Часть евреев (по переписи 1897 года три процента, теперь должно быть больше) вырастает, не владея жаргоном, и некоторым из этого числа очень трудно потом овладеть. Это большая помеха для работы в еврейском переулке, это заставляет писать по-русски, но писать по-русски еще само по себе не значит уйти из еврейской литературы.

В наше сложное время «национальность» литературного произведения далеко еще не определяется языком, на котором оно написано. Это ясно в особенности по отношению к публицистике. «Рассвет» издается на русском языке, но ведь никто не отнесет его к русской печати.

Так же точно к еврейской, а не к русской литературе относятся наши бытописатели О. Рабинович и Бен-Ами или поэт Фруг, хотя их произведения написаны по-русски. Решающим моментом является тут не язык, и, с другой

стороны, даже не происхождение автора, и даже не сюжет: решающим моментом является настроение автора – для кого он пишет, к кому обращается, чьи духовные запросы имеет в виду, создавая свое произведение.

Шутник может спросить, не относится ли в таком случае погромная прокламация «К жидам г. Гомеля» тоже в вертоград еврейской литературы; но если не оперировать курьезами и брать вопрос серьезно, то «национальность» литературного произведения в таких спорных случаях устанавливается, так сказать, по адресату. Если пишете для евреев, то много ли, мало ли вас прочтут, но вы остаетесь в пределах или хоть на окраинах еврейской литературы. Можно поэтому не знать жаргона и все-таки не дезертировать, а служить по мере сил и данных своему народу, говорить к нему и писать для него. Дело тут не в язык, а в охоте.

Я прекрасно понимаю, что нелегко требовать этой охоты от писателя, знающего по-русски. Он может писать для русской публики, это гораздо заманчивее – и аудитория неизмеримо больше, и жизнь шире, многообразнее, богаче. Искушение слишком велико. Оторваться от этого простора и сосредоточить свои мысли на переживаниях еврейства – это жертва, для некоторых и большая жертва. Из малороссов, одаренных сценическим талантом, большинство пока уходит на великорусские подмостки, и причина та же: аудитория шире и культурнее, репертуар лучше, общественное признание куда серьезнее... Одного заметного столичного публициста недавно убедили стать во главе органа, посвященного еврейским интересам; и он через месяц ухватился за первый повод и ушел, высказавшись так: – У меня все время было такое чувство, точно я из громадного зала попал в чулан...

Не виню совершенно ни его, ни ему подобных; но, с другой стороны, нечем тут и гордиться. Человеческая мысль очень лукава и умеет раскрасить в багрец и золото какой угодно поступок; и в этих случаях она подсказывает уходящим из чулана красивые речи о том, что широкое лучше узкого, общечеловеческое (русское называется общечеловеческим) важнее национального, интересы ста миллионов с лишним важнее интересов пяти миллионов, и так далее.

Но все это пустые словеса перед тем фактом, что наш народ остается без интеллигенции и некому направлять его жизнь. Оттого я сказал, что иначе все это освещаю, в иную меру оцениваю, и могу вам назвать совершенно искренно, в какую именно меру. В грош я это оцениваю, эти раззолоченные узоры на халате дезертира, эти пошлости на тему об узком, широком и общечеловеческом, потому что это неправда. Если человек уходит из чулана в большой зал, значит он пошел по линии своей выгоды, и больше ничего. Не поймите меня банально, я не говорю о денежной выгоде; но идти по линии своей выгоды значит идти туда, где человеку легче удовлетворить свои аппетиты и

запросы, где атмосфера тоньше, среда культурнее, резонанс шире, подмости прочнее и вообще все пышнее и богаче.

Только потому они и уходят, и ничего нет в этом возвышенного, ибо всякий средний человек предпочитает Рим деревне и согласен даже быть в Риме сто пятнадцатым, лишь бы ходить по мрамору, а не по деревенской улице. Может быть, в том то и дело, что только средние люди так рассуждают, и потому Бялик и Перец у нас, а в русской литературе подвизается г. Тан и еще не помню кто; но оттого народу не легче, если у него остаются генералы и нет офицеров, и дезертирство, остается дезертирством. Я этим никого не ругаю, я человек трезвый и не вижу в дезертирстве никакого позора, а простой благоразумный расчет: на этом посту мне, интеллигенту, тяжело и тесно, а там мне будет легче и привольнее – вот я и переселяюсь. Вольному воля. Мало что в чулане осталась толпа без вождей и без помощи – ведь никто не обязан быть непременно хорошим товарищем. Счастливой дороги. Но не рядите расчета в принципиальные тряпки, не ссылайтесь на возвышенные соображения, которых не было и не могло быть у людей, что покинули нас в такой неслыханной бездне и перетанцевали на ту сторону к богатому соседу. Нас вы этими притчами не обманете: мы хорошо знаем, в чем дело, знаем, что мы теперь культурно нищи, наша хата безотраднa, в нашем переулке душно, и нечем нам наградить своего поэта; мы знаем себе цену... но и вам тоже!

Опять-таки настаиваю на прежнем: мой набросок получил оттенок беседы с г. Таном, и г. Тан может принять это все на свой счет, а мне бы не хотелось. Ей-Богу, я в точности не знаю, перекочевал ли он или нет, говорю не о нем и вообще не о ком-нибудь, а так. Обмениваюсь личными настроениями. И раз это личное настроение, то хочу вам указать еще одну его деталь: нашу окаменелую, сгущенную, холодно-бешеную решимость удержаться на посту, откуда сбежали другие, и служить еврейскому делу чем удастся, головой и руками и зубами, правдой и неправдой, честью и мезтью, во что бы то ни стало. Вы ушли к богатому соседу – мы повернем спину его красоте и ласке; вы поклонились его ценностям и оставили в запустении нашу каплицу – мы стиснем зубы и крикнем всему миру в лицо из глубины нашего сердца, что один малыш, болтающий по древне-еврейски, нам дороже всего того, чем живут ваши хозяева от Ахена до Москвы.

Мы преувеличим свою ненависть, чтобы она помогла нашей любви, мы натянем струны до последнего предела, потому что нас мало и нам надо работать каждому за десятерых, потому что вы сбежали и за вами еще другие сбегут по той же дороге. Надо же кому-нибудь остаться. Когда на той стороне вы как-нибудь вспомните о покинутом родном переулке, и на минуту, может быть, слабая боль пройдет по вашему сердцу, – не беспокойтесь и не огорчайтесь, великодушные братья: если не надорвемся, мы постараемся отработать и за вас.

---

mail.ru	1206
3685184	124

Hotlog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

СИОНИЗМ И МОРАЛЬНОЕ ПРАВО _

(Эта статья была опубликована в 1916 году – Ред.)

Существует мнение, что у еврейского народа нет «морального права» претендовать на управление в Эрец-Исраэль. Это аморально, поскольку еврейское население Эрец-Исраэль насчитывает всего 100 000 человек, тогда как арабское – 600 000, а это значит – требовать власти меньшинства над большинством. Евреи не имеют права рисковать и вредить себе, настаивая на подобных несправедливых требованиях. Единственное, на что мы имеем право, – это «свободная репатриация и поселенческая деятельность», но не более того.

Давайте внимательно рассмотрим эти доводы. Прежде всего, мы должны уяснить для себя, что «свобода репатриации и поселенческой деятельности», по существу, лишь пустая фраза, не несущая никакого юридического содержания. Даже если бы эта фраза была занесена формально в решения международной мирной конференции, то и тогда реально она имела бы то же значение и ту же законную силу, что и знаменитый параграф Берлинского договора, по которому евреям Румынии «было обещано» равноправие. В 1878 на конгрессе в Берлине был подписан договор, 44-й параграф которого гласил о том, что Румыния обязуется предоставить равноправие всем нациям в стране, в том числе и евреям.

Мы не будем здесь говорить о принципах, зафиксированных в договоре. Вопрос заключается в том, кому будет передана власть фактически. Если власть будет находиться в руках правительства, враждебно относящегося к самой идее еврейского поселения, то такое правительство сможет свести на нет любой параграф и без всяких на то усилий. И для этого не будет необходимости запрещать репатриацию и поселенческую деятельность прямо, что попросту

противоречило бы условиям параграфа. Для этой цели существуют тысячи других средств. Так, например, можно, ни словом не упоминая евреев, учредить законы о праве на владение имуществом, или о принятии гражданства, или же муниципальные и политические законы для репатриантов, и так далее. Таким образом, можно привести к тому, что поселенческая деятельность сама по себе (так или иначе) натолкнется на железный барьер. В конце концов, с помощью всякого рода «провозглашений» и «административных процедур», можно сделать с тем или иным параграфом все, что душе угодно.

Посему, параграф, касающийся свободной репатриации, не дает никаких гарантий. Отсюда следует, что нам необходимо отказаться от идеи гарантий и привыкать к другой идее, суть которой заключается в том, что судьба поселения в Эрец-Исраэль зависит от доброй воли того или иного правительства. Или же мы должны идти прямо к цели и требовать реальных и истинных гарантий. Наиболее надежная гарантия следующая: предоставить нам власть в виде «чартера» или в любом другом виде.

Именно этого и требует «Базельская программа». Но люди, подписавшие ее двадцать лет тому назад, вдруг опомнились и решили, что она аморальна. И сейчас они пытаются найти средство, с помощью которого можно одновременно и капитал накопить, и невинность сохранить. Один из них не так давно написал мне: «Я бы предложил такое соглашение, которое являлось бы и справедливым, и даже демократичным: не «чартер» мы должны требовать для себя, а просто автономию для Эрец-Исраэль. Парламент должен избираться всем населением, как еврейским, так и арабским. Избирательное право нужно предоставить всем, кто умеет читать и писать, не взирая на национальность и пол. По этой системе мы получим примерно следующие цифры: еврейское население Эрец-Исраэль составляет всего 100 000 человек, но при этом все взрослые мужчины и женщины умеют читать и писать; таким образом, еврейское население, обладающее правом голоса, составит примерно 40 000 человек. Количество арабов достигает 600 000 человек, но зато почти все женское население не отвечает поставленному условию, то есть половина населения немедленно отпадает; да и среди мужского населения, особенно в селах, не очень-то распространено искусство письма и чтения. А если мы продолжим и пойдем по этому пути, то можно будет ввести и систему образовательного ценза. Эта система существует в Англии и Бельгии. Она основана на том, что люди, скажем, со средним образованием имеют право на два голоса, люди с высшим образованием – на три голоса. Если ввести такую систему, то у нас, евреев, будет абсолютное большинство в первом парламенте. Первый парламент должен быть избран через 10 лет, и в течение этого времени мы сможем как следует укрепить свои позиции и в количественном отношении. Как Вам нравится этот план?» Я не знаю, как ответить на такой вопрос. Возможно, это действительно премудрый план, но есть в нем слабая сторона, а именно: в глубине его скрыта мысль, суть

которой в том, что такое идеалистически-справедливое дело, как передача Эрец-Исраэль в руки гонимого еврейского народа, с тем чтобы он мог создать там свой национальный очаг, такое глубоко этическое дело выглядит настолько аморальным и несправедливым, что его необходимо прикрывать всяческими выдумками.

Характерен и заслуживает внимания и тот факт, что с подобными претензиями на «этичность» приходят только к евреям. Никому и в голову не придет серьезно требовать от Англии отказаться от Египта только лишь потому, что в Египте проживают одиннадцать миллионов арабов и только двадцать тысяч англичан. А Южной Африке есть четыре миллиона «черных» и один миллион «белых» – но у власти находятся «белые». В Индии – двести миллионов индусов (в четыре раза больше количества англичан в Англии), но у власти англичане, хотя их всего приблизительно сто тысяч. В Алжире четыре с половиной миллиона арабов и полмиллиона французов, но власть в руках меньшинства. Кажется, только от евреев требуют быть супер-этичными. Более того, наши моралисты сами вовсе не желают, чтобы в Эрец-Исраэль у власти находились местные арабы. Они хотят, чтобы страной управляла какая-нибудь держава, относящаяся с симпатией к еврейскому поселению и его деятельности. Одни считают, что такой державой может быть Турция, другие предпочитают Англию. Но и тем и другим кажется, что крайне «справедливо» будет, если в Эрец-Исраэль у власти будут англичане или турки, хотя численность их достигает примерно тридцати тысяч. Такая ситуация, как видите, будет справедливой. Но когда евреи требуют права управления в Эрец-Исраэль, то в этом нет справедливости, так как их всего лишь сто тысяч человек.

Что касается Египта, Индии, Алжира и так далее, то этому находятся оправдания, так как управляют ими не те маленькие группы англичан или французов, которые проживают в этих колониях, а весь английский или французский народ; европейские колонисты являются не более чем представителями, власть, как таковая, не принадлежит им лично, а принадлежит сорока пяти миллионам англичан или сорока миллионам французов. Таким образом, справедливость спасена. Это вполне справедливо и, в частности, верно и в нашем случае. Никто не требует, чтобы «чартер» был выдан тем ста тысячам евреям, которым удалось пробраться в Эрец-Исраэль, несмотря на заграждения колючей проволоки, которые ставит перед ними турецкий режим. Эрец-Исраэль нужно передать всему еврейскому народу. А этот народ насчитывает одиннадцать или двенадцать миллионов человек: то есть фактически в двадцать раз больше, чем те шестьсот тысяч арабов, живущих на сегодняшний день в Эрец-Исраэль. В течение четырех лет еврейский народ может переправить через океан более шестиста тысяч новых репатриантов. А если брать в расчет весь запас его «эмиграции», то есть всю ту массу, которую без боязни ошибиться можно считать потенциальными репатриантами, то мы получим население

равное во:ыми или даже девяти миллионам человек.

Мы требуем Эрец-Исраэль от имени этих масс, а не от имени «ишува», существующего на сегодняшний день. И наше стремление – это не добиться «чартера» только для тех поселенцев, которые уже находятся в стране, а для всего еврейского народа. Этот народ в силу совершенства будет управлять поселением на святой земле, будет насаждать на ней культуру, притянет к ней вкладчиков капитала; та горстка нынешних жителей Эрец-Исраэль – как евреев, так и арабов, – по сравнению с этим народом ничтожное меньшинство.

Иногда евреи производят забавное впечатление, несмотря на то, что лица их выражают честность и сентиментальность. Они любят вздыхать о горькой судьбе своих противников, а иногда даже и врагов. Я знаком с десятками евреев, которые даже сейчас, после всего того, что произошло, испытывают чувство жалости по отношению к бедным полякам за то, что господь Бог поставил их в неловкое положение и навлек на них такое несчастье, как еврейский вопрос. Слава Богу, наши отношения с арабами лучше, чем отношения с поляками. И поэтому мы вздыхаем о их судьбе гораздо чаще и с большим упоением. Несчастный народ – говорим мы – ведь Эрец-Исраэль, в сущности, является частью арабской территории, ведь они живут на этой земле уже много-много лет, и вдруг прибыли мы и желаем стать там хозяевами. Я смотрю на моральную сторону сложившейся ситуации несколько другими глазами. Племена, говорящие на арабском языке, населяют Сирию, Аравийский полуостров, Йемен, Египет, Триполи, Тунис, Алжир, Марокко и Месопотамию. На территории, площадь которой (без Аравийского полуострова) столь же велика, как и площадь всей Европы (без России), и вполне достаточна, чтобы прокормить миллиард человек, на этой территории проживает всего одна раса – тридцать пять миллионов человек. С другой стороны, существует еврейский народ, народ, гонимый, лишенный родины, у которого во всем мире нет своего угла. Он стремится в Эрец-Исраэль, потому что нет у него иного дома и в силу того, что все, принесшее славу Эрец-Исраэль в мировой истории, все то великолепие, которое было и есть в ней, все те сверхчеловеческие функции, которые страна выполняла, все это – плод духовного развития народа Израиля. По сравнению со всей той огромной терририей, заселенной арабскими народами, Эрец-Исраэль составляет всего лишь сотую часть.

Я не знаю, можно ли в наше время говорить об этике, когда обсуждают такие вопросы. Но если все-таки можно, позвольте мне спросить, что же такое, в сущности, этика? Основывается ли она на том, что у одного должно быть много, у другого – мало? Основывается ли она на том, что земля, являющаяся основой жизни, в больших количествах сосредоточена в руках одного народа, который даже не в состоянии обрабатывать ее, а другой народ, изгнанный и скитающийся как собака в чужих краях, с великой завистью смотрит из-за забора на

заманчивую пустыню? Откуда взялась такого рода этика? И как это вообще можно назвать этикой? Если бы пришли с мечом в руках отбирать Эрец-Исраэль, мы были бы правы перед лицом Бога и людей точно так же, как прав нищий, берущий у богатого. Этика, касающаяся земельных отношений между народами, – это, по сути дела, та же этика, принятая среди людей, о которых сказано в Библии: время от времени есть большой урожай и тогда тот, у которого нет земли, требует свою долю у того, у кого есть земля в избытке. Вместо двух миллионов квадратных километров арабы будут заселять территорию в миллион восемьсот тысяч квадратных километров. И благодаря этому будет на земле существовать еврейское государство, и одна из самых наболевших проблем истории приблизится к своему решению.

Совершенно ясно, что у арабов, живущих на территории Эрец-Исраэль, есть полное право требовать, чтобы их оттуда не изгоняли. Это другое дело. Это вне всяких дискуссий и никто не собирается выгонять их оттуда. В Эрец-Исраэль есть достаточно места. Плотность населения в Эрец-Исраэль на сегодняшний день составляет примерно двадцать душ на квадратный километр. В соседнем Ливане на квадратный километр приходится семьдесят душ, в Германии – сто двадцать, в Италии – сто двадцать четыре, в Бельгии – двести пятьдесят семь, а в некоторых густозаселенных районах Египта – триста шестьдесят два. Здесь не место заниматься разгадыванием ребусов и подсчитывать, сколько человек могут проживать на одном квадратном километре в Эрец-Исраэль в приемлемых условиях.

Но если мы возьмем в качестве примера Ливан, природные условия которого намного хуже условий в Эрец-Исраэль, то и тогда, подсчитав, мы найдем, что в Эрец-Исраэль есть место, по крайней мере, еще пятидесяти жителям на каждый квадратный километр. Отсюда следует, что мы не претендуем на двадцать занятых мест, а на пятьдесят свободных, или на те пустынные и заброшенные места, которые, если только попадут они в наши руки, мы сможем своими трудами, приложив все наши способности, превратить в экономически развитый район и приблизить плотность населения в Эрец-Исраэль к уровню цивилизованных европейских стран. И таким образом решится вопрос о законных интересах ныне проживающего населения Эрец-Исраэль.

Если возникнет необходимость в предоставлении гарантий существования их религии, языка, имущества, личных прав и тому подобное, гарантий перед возможным произволом или гонениями с нашей стороны, то мы готовы их предоставить независимо от того, будет ли защита их прав передана в руки особой международной комиссии или же в руки консулов великих держав. Но никакая этика не может признать ни того, что есть у них право вето против еврейского поселения, ни того, что у кучки полудиких людей есть право держать в своих руках территорию, которая может прокормить миллионы, превратить ее

в пустыню и закрыть ее ворота.

Я не отношусь к тем людям, которые считают, что в нынешней ситуации наивно, да и излишне высказывать свое мнение в политике о моральной стороне вопроса. Понятно, что сильные мира сего не считаются с моральной стороной, но еврейскому народу нельзя, да и не может он отказаться от своих требований. Мы стоим на своем и требуем от мира, чтобы в наши руки передали землю нашего будущего, во имя всей нашей истории и во имя всех наших страданий. Во имя той бесконечной вины, отягощающей совесть мира. И странно слышать, что есть люди, непонимающие этого. Но еще более странно, что люди, у которых возникают сомнения по поводу этичности «Базельской программы», почти все – евреи.

Мне самому довелось во время войны беседовать о сионизме с политическими деятелями в Англии, Франции, Италии, Греции – и я никогда и ни от кого не слышал таких заявлений. Люди, которые постоянно находятся в контакте с правительственными кругами Англии по вопросам сионизма, и они никогда не сталкивались с подобными отговорками. Здоровый политический разум здорового народа решает просто и ясно: нельзя представить себе поселение без реальной власти; если «этичен» сам факт поселения, то и власть этична; если в отношении таких стран, как Англия, Франция, Италия, у которых помимо колоний есть достаточно своей земли, если для них этично заселять колонии, то тем более это этично в отношении народа, лишенного какой-либо земли вообще. И только со стороны евреев слышатся крики протеста. Отсюда можно сделать вывод, что в данном вопросе речь идет вовсе не о моральном праве, а о страхе перед самой идеей.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ЧЕТЫРЕ СЫНА

1911

По еврейскому обряду полагается, рассказывая в пасхальный вечер об исходе из Египта, применяться к психологии четырех типов детей. Один – умный, другой – нахал, третий – простак, а четвертый – «такой, что даже спросить не умеет». И надо ответить каждому по порядку, каждому по его вкусу и по мере его понимания.

Умный мальчик пытливо морщит выпуклый лоб, всматривается большими глазами и хочет понять, в чем было дело. Почему его предков сначала любили в Египете, приняли с раскрытыми объятиями, а потом начали притеснять и мучить; и так странно – притесняли притесняли, мучить мучили, мальчиков в воду бросали, а выпустить ни за что не хотели. Как это понять, папа? – спрашивает умный.

«Видишь-ли, сын мой, философия исхода из Египта заключается в двух фразах, которые записаны в Вечной книге.

Эти две фразы – как альфа и омега в азбуке, начало и конец благополучия твоих прадедов в Египте; и еще можно сравнить их с двумя полюсами, между которыми проходит ось, а вокруг этой оси вращается весь еврейский вопрос в Египте. И не в одном Египте. Когда вырастешь и будешь читать много книг, ясно тебе станет, что во всех скитаниях твоего народа, в каждом этапе есть и эта альфа, и эта омега; что каждый этап с того же начинается и тем же кончается, чем начался и кончился в Египте; и что полюсы, между которыми судьба швыряет твое племя, с той незапамятной поры не изменились и не передвинулись.

«Что же это за две фразы? Одну ты найдешь в книге Бытия, где рассказывается, как Иосиф представил фараону своих братьев и что им перед этим советовал. Умный и хитрый человек был Иосиф, истинный сын отца своего Иакова, того самого, который так ловко обошел и собственного родителя, и брата, и тестя, что антисемиты – об этом ты в свое время узнаешь – называют его «первым жидом на земле». Ты, кстати, этого не стыдись, потому что умел Иаков и хитрить, умел и бороться – с самим Богом боролся лицом к лицу всю ночь до зари, и остался непобежденным; умел и любить, и четырнадцать лет служил батраком за любимую женщину. Был это удалой человек, на все руки мастер, и купец, и боец, и рыцарь, и судья, хищный и благородный, осторожный и отважный, расчетливый и сердечный – настоящий человек, широкий, с великими доблестями и недостатками, с душой, как семицветная радуга, или как арфа, на которой все струны.

Жизнь его была и осталась самой увлекательной поэмой, какая только рассказана была на земле, и ты читай ее почаще и учись из нее уму-разуму. Учись и любить, учись и бороться, учись и хитрить, ибо земля есть волчье царство, где нужно владеть всеми орудиями защиты и натиска, «Сын его Иосиф был тоже умен и хитер. Знал он хорошо все дела египетские, знал, что египтянам недостает, а особенно хорошо знал душу фараона и его людей. И вот дал он своим братьям, которые просились в Египет, такой совет: скажите, что вы скотоводы. И прибавил фразу, которую ты, сын мой, затверди на память, ибо в ней скрыта главная мудрость нашего народного скитания: «Ибо мерзость для египтян всякий пастух».

«Вторую фразу ты найдешь в книге Исхода. Прошло уже много лет, одни говорят – 400, другие меньше, но, во всяком случае, давно умер и Иосиф, и братья его, и все то поколение, и тот фараон, который знал Иосифа. Воцарился новый царь и нашел, что потомки Иосифа черезчур сильно расплодились. Тогда и произнес он вторую фразу, которую надо тебе затвердить на память, ибо с тех пор и поныне замыкается этой фразой каждый привал, каждая передышка твоего народа на пути его скитаний, и как только прозвучит эта фраза, приходится ему опять укладывать пожитки в дорожную торбу. «Давайте ухитримся против него, чтобы он не умножился», сказал новый фараон.

«Из этих двух фраз, сын мой, складывается, в сущности, вся философия наших кочеваний. Ты спросишь: как так? Зачем велел Иосиф своим братьям назваться скотоводами, если скотоводы – мерзость в глазах египтян? А в том-то и дело. Заниматься пастушеским делом египтяне считали непристойным, но скота-то у них было много, и творог они ели с удовольствием. Потому и нужны были им скотоводы. Сам фараон, когда услышал то, что сказали ему сыновья старого Иакова, по мудрому совету Иосифа, очень обрадовался и тотчас распорядился назначить их смотрителями царских табунов и стад. И вообще, должно быть, не

малая радость. была в Египте, что, вот, нашлись добрые люди, которые за нас сделают то, чего мы сами делать не любим...

«Что же произошло за те годы, что отделяют эпоху первой фразы от эпохи второй? Почему вдруг стали так обременительны потомки ханаанских скотоводов? Неужели решено было во всем Египте не держать более скота? Напротив. Скота было много и египтяне очень им дорожили: одной из самых чувствительных казней оказался для них, по преданию, падеж скота. В чем же дело? Ты не понимаешь? Сын мой, если бы ты знал историю наших новых скитаний, ты бы легко догадался, в чем причина охлаждения.

– Очевидно, египтяне сами за это время привыкли к скотоводству. Сначала стеснялись и гнушались, а потом научились у евреев же, начали делать на первых порах робкие, единичные попытки, а потом приободрились, вошли во вкус занятия – и в один прекрасный день вдруг нашли, что теперь евреев слишком много, и можно бы уже и без них смело обойтись. Конечно, не сразу: массового ухода фараон не хотел допустить, ибо тогда все-таки еще могла бы остаться без присмотра известная часть отечественной скотины. Но по-маленьку, по-легоньку, через постепенное вымирание – это дело другое, перспектива приятная и не грозящая никакими неудобствами, ибо тем временем коренное население окончательно приберет к своим рукам всю захваченную чужаками отрасль отечественного хозяйства. И вот, «давайте ухитримся»...

«Так, сын мой, с тех пор и пошло. Будешь ты потом изучать историю наших скитаний по белому свету и увидишь, что всюду было то же самое. Начиналось с того, что «мерзость для египтян всякий пастух», и потому опальные профессии охотно предоставляли нам.

«У египтян был своеобразный вкус, и им не нравилось именно скотоводство. А, например, у европейских народов был вкус другой, и им долго не нравилась торговля. Быдло пахало землю, а знатные господа пили вино и разбойничали по большим дорогам, грабя проезжих купцов. Грабить купца считалось вполне приличным, но быть купцом считалось очень неприличным. Это была «мерзость для египтян». И эту «мерзость» отмежевали нам, да еще как охотно. Давали привилегии, защищали от дворян и черни; от времени до времени грабили нас и жгли, но потом опять задабривали привилегиями.

Один ученый немец Зомбарт, хорошо изучивший все это дело, утверждает, что вместе с евреями шел по Европе из страны в страну всякий хозяйственный прогресс, что они, собственно, дали миру ту международную торговлю, без которой величайшие столицы земли по сей день остались бы грязными захолустьями, они развили кредит и банковое дело, они снарядили Колумба на

открытие Америки. И пока они все это делали и, зарабатывая для себя тысячи, клали десятки миллионов в ненасытную утробу фараоновых карманов, – европейцы приглядывались, учились, стали пробовать и свои силы, привыкли, приободрились, вошли во вкус «мерзости» – и, конечно, вдруг увидели, что евреев развелось что-то слишком много. «Давайте ухитримся»... Когда мальчик научился грамоте, гувернера выбрасывают на улицу. Так это и повторялось с твоими предками в каждой стране. Примут, окажут покровительство, возьмут, что надо, а потом начнут «ухищряться, чтобы он не умножился...»

«Ты не думай, сын мой, что слово «мерзость» надо понимать в буквальном смысле. Часто египтяне чуждаются пастушества не потому, что оно мерзко в их глазах, а потому, что руки у них короткие, или страшно обжечься. Тогда они очень бывают рады, если найдется пришелец, у которого руки подлиннее и пальцы не боятся ожога, – и станет таскать для них каштаны из огня. Так бывало, например, при некоторых революциях. В 1848 году в Вене первую революционную речь произнес еврей Фишгоф; а в Берлине тогдашний король издавал прокламации, где уверял, что все это евреи бунтуют, и когда хоронили убитых, то, действительно, много работы по отпеванию выпало на долю тамошнего раввина. Зато и ласковы были с нами тогда египтяне. А потом – вымерло то поколение египтян, и дети его снова нашли, что слишком много осталось потомства от Иосифа, так недавно обжигавшего для них пальцы горячими каштанами...

«Так было, так есть, так будет».

Второй мальчик – «нахал» – сидит, развалиясь, заложив ногу на ногу, иронически скалит зубы и спрашивает: – что это у вас за курьезные какие-то обычаи и воспоминания? Пора бы давно забыть старые глупости!

Расскажите ему, в ответ на уасмешку, что были уже такие, как он, были и в старом Египте. Скалили зубы на все надежды своего племени и предпочитали лгнуть к стороне фараона. Об одном из них уцелела память и в Библии. Юноша Моисей заступился за еврея, которого бил египтянин, и убил того египтянина, а другой еврей это видел и вознегодовал на Моисея. Можно ли поднять руку на хозяина? И на завтра он, или другой из его породы, начал показывать зубы Моисею. «Кто тебя поставил начальником и судьей над нами?»

А потом еще кто-то из этой породы донес фараону, что явился такой опасный фантазер и занимается перевоспитанием еврейской воли. В те времена мир был устроен просто, общественного мнения не существовало, и потому доносчик обратился прямо во дворец; будь это в наше время, он, вероятно, как человек приличный, избрал бы другие пути, постарался бы очернить Моисея не перед

личным, а перед коллективным фараоном – перед просвещенным обществом Египта. Про убийство насильника он, как человек приличный, умолчал бы, но обрушился бы на ту психологию, которая побудила Моисея обратить внимание, изо всего множества насилий, несомненно чинимых ежедневно в Египте, только на эту расправу египтянина с евреем.

Мало ли вообще было рабов в Египте? Зачем такой человек, как Моисей, тратит свои силы на эмансипацию какой-то горсти пастухов, а не на преобразование и обновление всего Египта? И куда это он их зовет? Господи! Да разве не грех оторваться от этой богатой страны, где есть в изобилии всякая всячина: и хлеб, и горшки с мясом, и лук, и чеснок, и много папирусов, исписанных мудрыми иероглифами, тогда как родичи Моисея – бедняки без собственности и культуры? «Что это у вас за выдумки?» – иронически спрашивал тот человек у Моисея и Аарона, развалясь, заложив ногу на ногу и оскалив зубы. «Притупи ему зубы» – советует относительно этого сына ритуал пасхальной вечера.

Но я сомневаюсь, чтобы можно было притупить ему зубы. Он слишком хорошо вооружен, ибо ведь нет ничего более непобедимого, чем равнодушие. Ничем вы его не прошибете; раз он уже научился говорить о своем народе: «у вас» – пиши пропало. Он вас высмеет, а материалу для насмешки у него сколько угодно. Над побежденными нетрудно издеваться, особенно, когда издевающийся – свой человек и знает все раны и прорехи. Шишек на лбу у нас много, спина порядком сгорбилась, от векового перепугу руки трясутся; скарб наш убог и сделан по старой моде... есть над чем посмеяться при желании, унижительно сравнивая нашу скудость с богатством Египта. Правда, сынок этот и сам-то Египту приходится седьмой водой на киселе; но ведь известно, что с наибольшим презрением к бедному родичу барина относится не сам барин, а его лакей. Оскалит на вас зубы, и ничем вы их не притупите.

Да и не надо вам притуплять зубы этого сына. Пусть идет своей дорогой с крепкими зубами. Бедняга, они ему еще понадобятся там, в стане ликующих, куда его тянет. Твердые орехи придется ему там разгрызть: из них самый твердый – орех презрения. И много, много раз придется ему молча глотать пинки в ответ на любовные признания и плевки в ответ на лесть, – и смиряться, и стискивать зубы. И в конце жизненного пути, когда он увидит, что весь этот путь был притворством и ложью перед людьми и собственной душой, и если сама душа и поверила этой лжи, то люди ни на минуту не поверили, – тогда бросится, быть может, в отчаянии беглый сын ваш лицом вниз, и будет ломать руки, рвать на себе полосы и грызть землю – теми самыми зубами, что теперь оскалены насмешкой над нашими святынями. Пусть сохранит свои зубы, они ему еще понадобятся и для фальшивых улыбок, и для скрежета бессильной злобы...

А третий мальчик – простака. Глаза у него честные, ясные, прямые. Он не из тех, которые допытываются, доведываются, копаются в противоречиях. Мир для него прост и непререкаем; он любит верить и благоговеть ясной верой примитивного человека. В таком роде был простаком и Самсон: любил драться, любил и шутить, и острить, и загадки загадывать, и проказничать, и вкусно поесть, и сладко выпить, а доверчив был до того, что после трех обманов опять уснул на груди у Далилы. У сегодняшнего сына-простака нет, конечно, той полнокровной жизнерадостности, что была у Самсона – времена не те, – но основа типа та же самая – безхитростная, прямодушная доверчивость.

– Папа! – спрашивает он, и кладет локти на стол, прижимается грудью, вытягивает шею и весь тянется к вам, словно к источнику в день жажды, и уже заранее верит во все, что скажут ему, ибо хочет верить: – папа! Когда станет лучше?

И вы расскажите ему просто и тихо про все, что делается теперь в великой, необъятной диаспоре. Расскажите ему, как в тысяче мест тысячами рук строится вновь рассыпанная храмина бессмертного племени. Расскажите ему, как постепенно снова на наших глазах сростается распыленная доньше народная воля, как снова из обломков складывается настоящий народ, настойчивый, эгоистичный, исключительный, как все здоровые нации, расскажите ему, как рушатся одна за другою последние кафедры, с которых еще недавно раздавалась проповедь национального самоубийства. Расскажите про еврейскую молодежь университетов Берлина, Вены, про этих сыновей онемеченных коммерциентов, про то, как они гордо носят на груди еврейский цвет:

Белый – как снег в этом крае печали;

Синий – как вы, о влекущие дали;

Желтый – как наш позор.

Расскажите, как повсюду с каждым днем растет гордость, уважение к собственной самобытности и горькая ненависть к ренегатству; как научились и парижский драматург, избалованный успехами, и нищий шинкарь в галицийском местечке, дрожащий перед паном, кричать в лицо всему свету: я еврей! Расскажите про то, какие дивные поэты пишут теперь на нашем языке, и как прекрасен и могуч этот язык, и что за великое счастье для народа – обладать таким языком. И еще расскажите ему, как бойко и весело щебечут на этом языке дети палестинского колониста, и как шаг за шагом, по малому камушку, с великим трудом, сквозь строй тысячи препятствий, начиная с жгучего солнца и кончая пулей бедуина, воздвигается там и растет нечто новое, точка опоры для

самых грандиозных замыслов и пророчеств. Расскажите простой и верующей душе все это и многое другое. Он возьмет ваши слова полными пригоршнями и бережно сложит их в открытом сердце, и с той минуты одним борцом больше станет в нашем полку.

Четвертый мальчик не умеет спрашивать. Сидит на вечере чинно, делает, что полагается, и не приходит ему в голову расспрашивать, как и что, отчего и почему, Ритуал велит не ждать его вопроса и рассказать ему по собственному почину. Я в этом несогласен с ритуалом. Ценная вещь – любознательность; но есть иногда высшая мудрость, высшее чутье и в том, что человек берет нечто из прошлого, как должное, и не любопытствует ни о причинах, ни о следствиях. Такую мудрость надо беречь и не спугивать ее лишними словами.

Такою мудростью мудр бывает серый, массовый человек. Это – тот невзрачный горемыка, что тачает сапоги, шьет платья, разносит яйца, скупает старые вещи, переписывает свитки завета, торгует в мелких лавченках, бегаёт на посылках, тянет все те полунадорванные лямки, от которых его еще не прогнали, кряхтит, а по пятницам вечером наполняет дома молитвы. Это он, знаменитый Бонця-Молчальник из сказки Леона Переца, несет на своем горбу все бремя диаспоры, поставляя из своей среды человеческое мясо и для эмиграции, и для погромов; он агонизирует и не умирает, гибнет и не погибает, и творит исконный обряд, как творили деды, почти машинально, почти равнодушно, с той подсознательной верой, которая, быть может, в глазах Божьих прочнее всякого экстаза. Он, этот серый массовый молчальник, «не умеющий спросить», он есть ядро вечного народа и главный носитель его бессмертия.

Ритуал велит рассказать этому сыну про все то, о чем он не спрашивает. А по моему, пусть и отец промолчит и молча поцелует в лоб этого сына – самого верного из хранителей той святыни, о которой молчат его уста.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

АКТИВИЗМ

1915 (Статья была написана в 1915 году, в тот период, когда Жаботинский начал свою деятельность по созданию легиона. Он вел свою борьбу практически в одиночку, бойкотируемый сионистским руководством, которое предписывало политику негопралитета в войне, дабы «не подвергать опасности» положение евреев в воюющих странах по обе стороны баррикад. В этой статье Жаботинский объясняет идеологию «самоотстранения». – Ред.)

Активизм – это именно то, чего не хватает сионистскому движению. В течение последних лет оно превратилось, особенно в России, в организацию, которая не перестает заниматься дискуссиями и чрезмерным копанием в мелочах. Что бы ни случилось, оно видит свою единственную обязанность в том, чтобы определить свою собственную позицию по отношению к новому явлению или событию и тем самым успокоиться на некоторое время. Но и с определением своей позиции оно всегда приходит с опозданием. Целых пять лет еврейский мир был взбудоражен «войной языков», а движение продолжало хранить молчание. Делая вид, что вообще не замечает распространившейся дискуссии и не придает никакого значения ее важности, движение удовлетворилось пустыми заумными фразами.

В конце концов, благодаря лишь оппозиции, которой удалось поставить на утверждение комитета некоторые решения проблемы языков, были предприняты все средства для того, чтобы, не дай Бог, не выйти за пределы чисто теоретической «позиции», и вопреки воле комитета до сих пор не создана ни одна школа, не издан ни один учебник. Но еще более удручает то, что мы наблюдаем в вопросе отношений между поляками и евреями. Наше руководство с самого начала совершенно замалчивало весь этот конфликт – «активно замалчивало», поскольку не разрешало ни писать о нем, ни касаться его с трибуны русского конгресса. Затем, слава Богу, наконец-то разрешили писать о

нем, но не более того. Никаких действий, никакой добровольческой активности, никакой программы самообороны. И за это жестоко поплатились.

Можно привести целый ряд подобных фактов. И напротив, крайне трудно, или почти невозможно, найти хотя бы один факт, свидетельствующий об иной ситуации. Единственное исключение – Эрец-Исраэль (Палестина). Там, на месте, каким-то образом было сделано кое-что существенное – да и то только после упорной борьбы. Но, помимо Эрец-Исраэль, нам просто не давали возможности заниматься какой-либо общественно-политической деятельностью. Движение, которое насчитывает тысячи евреев, в рядах которого находятся торговцы, учителя, ремесленники, юношество – все элементы, необходимые для активной деятельности, это движение принуждают заниматься одним лишь критиканством. Но постепенно критиканство надоело и исчерпало себя. В тех случаях, когда дело касалось критики на еврейскую действительность, критика превращалась в психоз, когда же критика шла со стороны других еврейских течений, то принимала характер ссор. И вот прошло уже десять лет, а нас все еще продолжают воспитывать в том же духе.

К нашему счастью, эта болезнь и подобный метод воспитания принципиального безделья не получили отклика в нашем всемирном движении. На конгрессах господствовали организации стран центральной Европы, привыкшие к здоровой деятельности в своих странах. Но когда началась война и весь мир разделился на два лагеря, то принцип бездеятельности взял верх именно в той части мира, с которой были связаны наши лучшие шансы и надежды. В четырех странах Антанты единственная сильная сионистская группа – российская, которая ныне ратует за «политически-дипломатическую деятельность». Вполне естественно, что эта деятельность почти равна нулю. И если, на наше счастье, все еще можно сказать «почти», то в этом личная заслуга одного человека из Манчестера. Благодаря ему была подготовлена почва в некоторых влиятельных кругах Англии. Если бы не он, то положение в Англии было бы такое же, как и в других странах Антанты: состояние полного бездействия.

В качестве доказательства тому, как действует движение в странах Антанты, можно привести несколько примеров. Не так давно я провел два месяца в России и встречался там со многими русскими политическими деятелями. Никто не может поручиться, будет ли после войны у этих политических деятелей прямое влияние на вопросы международной политики. Напрасно искал я в их политической психологии что-либо, отдаленно напоминающее контакт с сионистскими функционерами. Несмотря на то что живут они в том же городе, по соседству с нашим руководством, большинство политиков просто ничего не слышали о сионизме, продолжает ли он существовать, намеревается ли выдвинуть какие-либо требования. А если что-нибудь и слышали, то, во всяком

случае, не от наших функционеров, а из русской прессы, в которой на эту тему писал Амфитеатров.

Один из этих политиков спросил меня: «У вас, конечно же, есть книга, в которой указаны все ваши требования, итоги поселенческой деятельности, финансовое положение и тому подобное. Я бы хотел прочитать ее». Я немного замаялся, но в конце концов ответил, что такой книги на русском языке нет... Но нам ведь известно, что подобной книги не существует ни на французском, ни на английском, ни на каком другом языке (я не говорю о брошюрах, с помощью которых сейчас ничего не говорю о брошюрах, с помощью которых сейчас ничего и никому невозможно доказать). До сих пор нет ни приличной монографии, ни веского меморандума, которые можно было бы предложить человеку, привыкшему к чтению политической литературы. А собственно говоря, к чему все это? Кому мы предложим такую книгу, если мы ни с кем не ведем переговоры? Во Франции о нас не знают и смотрят на нас с удивлением, лишь только слышат слово «сионизм», или, в лучшем случае, нас принимают за что-то вроде «Армии спасения» или приверженцев эсперанто или вегетарианства. Та же ситуация в Италии.

Но печальнее всего не то, что мы бездействуем, а то, что не существует вообще никаких планов, даже целей нет. Наше руководство довольствуется той мерой деятельности, которую они сами разрабатывают, и раздражается, когда другие не испытывают подобного удовлетворения. В последний период некоторые группы выдвинули три-четыре основных требования, которые должны были внести живительную струю в аппарат, переставший функционировать. Эти требования следующие: создание коалиционного руководства (с участием оппозиции, так называемой политической оппозиции); создание дипломатических представительств во Франции и Италии; опубликование на французском языке «Бело-голубой книги».

Люди, которые пришли к нам недавно, вообще не могли понять, как можно в такой час не согласиться на столь важные основные требования. Но у нас они наткнулись на бурю гнева и резкое сопротивление. Наше руководство довольно, и посему мы тоже должны быть довольны.

Речь не идет только об отсутствии талантливых людей, в данном случае имеет место какой-то патологический страх перед всякого рода действием, что-то вроде отвращения перед созидательным шагом, каким бы ничтожно маленьким он не был. Нужно быть слепым, чтобы не видеть в этом болезни. Я не воспринимаю ее как болезнь органическую, скорее это не что иное, как результат влияния определенного воспитания, оставившего глубокий след. И сейчас, в этот исторический момент, который может никогда в жизни больше не повторится, в этой болезни есть нечто катастрофическое. Мне часто кажется, что

она уже принесла нам несчастье, что уже поздно исправлять нанесенный ущерб, что мы уже не в состоянии угнаться за событиями. И все же, пока есть у нас единицы, которые еще не погублены сознанием собственного бессилия, они должны бороться. И я надеюсь, что они будут бороться во имя того, что столь трагическим образом не достает нам – за активность.

2

Что же касается тех немногих искренних людей, следящих за событиями в Эрец-Исраэль с самого начала войны и не желающих допустить, чтобы их водили за нос, то им совершенно ясно, что сейчас происходит.

Турецкое правительство использовало войну и отмену капитуляций для того, чтобы начать кампанию против сионизма и поселенческой деятельности. Эта «кампания» продолжалась три месяца и по четкому плану ее организаторов должна была завершиться погромом. Но в последний момент турки были вынуждены воздержаться от погромов и весь этот «поход» пришел к концу. Они были вынуждены поступить подобным образом, потому что в это дело вмешалась Америка, которая оказала серьезное дипломатическое давление на Берлин и Константинополь. Вмешательство Америки было не случайным и не само собой разумеющимся. Оно произошло по двум причинам.

Первая причина – посол Моргентау, который всегда считался «хорошим правителем» в глазах поселенцев, с самого начала чувствовал большую опасность. И все же до его дворца в Константинополе не дошло и сотой доли того, что в действительности происходило в Эрец-Исраэль. Посему важную роль сыграл второй фактор, приведший к вмешательству Америки – Александрийский комитет, постоянно находившийся в контакте с американскими должностными лицами, которые собирали сведения о положении в Эрец-Исраэль. Александрийский комитет довел до сведения американской и европейской прессы некоторые шаги, предпринятые турецкими властями, не давая им возможности скрыть их от общественного мнения. И наконец, когда в его руки попал напечатанный черным по белому манифест о погроме, комитет обратился к президенту Вильсону с просьбой о помощи. «Не для того, чтобы защитить жизни и имущество наших близких, просим мы вашей помощи, – было сказано в телеграмме, – а ради высшего принципа, во имя которого они трудятся». Через две недели после этого призыва Джамаль-паша получил из Константинополя соответствующий совет и прибыл в Тель-Авив, чтобы восстановить мир, и ненавистным гонениям пришел конец.

В качестве благодарности за столь важную роль, которую сыграл Александрийский комитет в этом деле, его не перестают обвинять во всяческих

грехах и преследуют бессовестными оскорблениями. В комитет входили люди рассудительные, старожилы Эрец-Исраэль, опытные функционеры и преданные друзья Турции. Все они находились в том возрасте, когда убеждения меняются только лишь вследствие острой необходимости момента и важности событий. Александрийский комитет не сделал ни одного неверного шага.

Он действовал осторожно и только на основании действительно хорошо проверенных фактов. И даже если бы он сделал сто неверных шагов, обвинять его было бы просто бессовестно, особенно учитывая тот факт, что обвинения эти были со стороны тех людей, которые в то страшное время спокойно сидели в своих уютных домах, читали телеграммы из Александрии и высказывали свое мнение вместо того, чтобы прибыть в Александрию через Румынию и Салоники – путешествие, которое можно совершить за 18 дней! Почему же эти господа не приехали в Александрию? Мы их там ждали, мы были уверены, что после прочтения первых телеграмм, они сдвигнутся наконец с места и приедут к нам. Они приедут, они возьмут в свои руки политическое руководство, они будут следить за сообщениями, составят телеграмму в Америку, они, вооруженные умом и опытом, позаботятся о том, чтобы не было сделано ошибочных шагов. Почему же никто из них не прибыл?

И есть еще одна интонация, которая, к величайшему сожалению, слишком часто и слишком громко слышится в то время, когда говорят о происходящем в Эрец-Исраэль. Ввиду того, что погром в конце концов не произошел и турки были вынуждены приостановить изгнание евреев, посему добросердечные люди решили, что все это дело выеденного яйца не стоит.

Кампания против поселенческой деятельности, продуманная кампания, систематичная, целью которой было одним ударом уничтожить все основы ишува – независимое руководство, язык, школу, охрану, прессу, банк, – все это в их глазах выглядит ерундой, так как нас не избили, а до тех пор, пока нас не бьют, мы не в обиде. Для того чтобы думать и чувствовать таким образом нужно смотреть на гражданскую жизнь странными глазами, по всей видимости теми особенными глазами, о которых Бялик говорит: «глаза избиваемых рабов». Я признаюсь, что не отношусь к тому сорту людей, которых Господь наделил такими глазами. Я запрещаю не только резать мой народ, но и не желаю, чтобы в него плевали даже самый мизерный плевок. Я запрещаю относиться к моему народу с пренебрежением, к его языку, к его банку и особенно к его идеалам, в частности и в Эрец-Исраэль. Тот, кто делает это, ненавидит меня, и я ненавижу его, безотносительно к каким-либо причинам, по которым можно было бы простить, и несмотря на то, что в стихотворении Бялика упоминаются гораздо худшие вещи.

Я так считаю, и я верю, что так считают многие. Особенно важна такая позиция

в Эрец-Исраэль, где мы стоим перед лицом всего мира и требуем наши права. Ни один человек не может защищать свое право до того, как он сам поверит, что право его неуязвимо. Ишув священен в той же степени, как священна Тора. Тот, кто поднял на него руку, – преступник. Мы когда-нибудь еще будем нуждаться в суде народов. Не давайте им привыкнуть к мысли, что если нас бьют слабо, всего лишь носком сапога, то мы не обижаемся, мы привыкли к этому. Все это касается всего Израиля, и особенно Эрец-Исраэль.

Все это написано не с целью пробудить ненависть по отношению к туркам. Мне совершенно безразлично, будем ли мы их любить или ненавидеть. Важно, чтобы глаза наши открылись и мы поняли суть и значение событий, происходивших в Эрец-Исраэль. А мораль проста: под любым турецким правительством у сионизма в Эрец-Исраэль нет надежды. В сущности я не понимаю, почему столь трудно внедрить в наше сознание эту истину. Кто из сионистских функционеров не знает этого? Кто не знает, что с начала 90-х годов «старое» турецкое правительство запрещало евреям-иностранцам оставаться в Эрец-Исраэль более трех месяцев, и до сегодняшнего дня «младотурки» не желают отменить этот запрет? Кто не знает, что вся наша деятельность в Эрец-Исраэль существовала и развивалась только благодаря капитуляциям, которые лишали турецкого чиновника власти над «приезжими»? Началась война, исчезли капитуляции, и все остальное произошло чисто механически. Турки ясно объяснили нам, что они нас не хотят и, следовательно, нам с ними не о чем больше разговаривать.

И еще довелось нам услышать такой многозначительный вопрос: «А откуда нам знать, что турки в один прекрасный день не изменят свою точку зрения?» Никто не может поручиться за то, что может произойти в будущем. Кто знает, может быть, в один прекрасный день и румыны предложат нам равноправие, а поляки даже предложат национальные права! В политике не занимаются решением ребусов. Если в течение тридцати трех лет люди бьются головой об стенку и ничего из этого не выходит, значит, есть необходимость искать другие, новые пути. Были Ховевей-Цион, был Герцль, сейчас прошло уже одиннадцать лет со дня смерти Герцля. Три периода, три поколения сионистов стучались в турецкую дверь: и в дверь «старого» турецкого правительства, и в дверь «младотурков»; всеми способами доказывалось, что Оттоманская империя может только выиграть от сионизма (и это святая правда). И вот результат. Я думаю, что на этом мы можем поставить точку. Хватит!

3

Из того, что было сказано выше, можно сделать два вывода: Первый – не в наших интересах, чтобы Эрец-Исраэль продолжала оставаться в руках Турции. Второй – если Турция против нас, нам необходимо искать других союзников и

друзей. И ввиду того, что сейчас, в 1915 году, политические дела ведутся только на основе точного и открытого расчета, так, что все видят, кто кому друг и кто кому враг, то и нам придется подписать новый союз в открытую, на глазах всего общественного мнения.

На это наши «пассивисты» отвечают: «По нашему мнению, политический поворот связан с большим риском. Во-первых, война может закончиться таким образом, что Эрец-Исраэль останется в руках турков еще на продолжительный период; во-вторых, турки вообще могут рассердиться и вырвать с корнем все наши поселения».

По поводу риска можно дискутировать двумя способами. Во-первых, нужно выяснить для себя, существует ли реальная опасность. На это можно отвечать пространно. Но вопрос о риске можно, и даже нужно, представить в более широком объеме. Поскольку это поможет четко, хотя и косвенным образом, выявить глубокое противоречие между двумя мировоззрениями, мы поднимем этот вопрос и будем обсуждать его.

Пытаться же отгадать, кто выиграет, – занятие абсолютно лишнее. Но одно нам ясно: если Эрец-Исраэль останется в руках нашего врага, то тогда вдвойне важно, чтобы были у нас в мире друзья и союзники. Нам прекрасно известен неписанный закон по этому поводу: еврею нельзя искать себе каких-либо союзников за границей. Иначе, раздражение его «хозяина» по отношению к нему только возрастет. Следуя этому многозначительному указанию, польские евреи все время будут продолжать обещать своим «хозяевам», что они не будут добиваться, не дай Бог, какого-либо вмешательства вне Польши. И они никогда и никоим образом не будут действовать заодно с внешними политическими силами. И к чему же привел этот метод? Купили ли мы этой тяжелой ценой хотя бы одного поляка, удостоились ли мы его дружбы? Спасли ли мы таким путем наше население от польской ненависти? Мы добились только одного: поляки полностью прекратили считаться с нами. Едва лишь исчезла угроза, перед которой поляки действительно трепетали, и немедленно евреи в их глазах превратились просто в мелкое насекомое, да к тому же не ядовитое насекомое, которое можно раздавить босыми ногами.

Против этой многозначительной, но обанкротившейся сто раз политики мы выставляем другой принцип: если против нас поднимается враг, мы должны искать себе союзника, и искать его нужно именно среди врагов врага нашего. Если мы поступим таким образом, то ясно, что наш враг усилит свою ненависть. Возможно, если обстоятельства позволят ему, он в первый период даже усилит преследования. Это неизбежно в любой борьбе, в любой момент разжигания страстей. Всегда и везде первый период связан с эскалацией преследований.

Нельзя принимать в расчет этот фактор момента, если нет намерения полностью отказаться от политической активности. Но по стопам такой бури приходит черед второго момента: и к этому времени с вами уже начинают считаться.

Именно потому, вы враг и союзник врага, именно потому, что вы не позволяете, чтобы они вас топтали, к вам относятся с уважением и считаются с вами. К сильному врагу прислушиваются больше, к слабому – меньше. Но к «безвредному» не прислушиваются вообще. Поэтому самая большая опасность – остаться в одиночестве и беззащитными; в ситуации, когда есть враги, но нет ни единого друга. Тот, кто не понимает эту простую истину в политике, продолжает плестись по старому пути. Мы этого не желаем и не допустим. Мы хотим, и в конце концов добьемся, чтобы всякий, кому взбретет на ум уничтожить ишув, – будь то Дамовский или Глаат будет знать, что хотя бы часть еврейского народа всеми своими силами постарается отомстить за его деяния и будет помогать его врагу.

Совершенно понятно, что немедленно припоминают знакомый с давних времен припев: «мы слабые, мы маленькие, мы беспомощные и бессильные; нас можно пальцем растереть, нас никто не боится», и так далее. И этот старый напев выглядит в наших глазах пустой болтовней, выражением праздного скептицизма, ставшего в последнее время основным мотивом галутской критики. И действительно, человек должен был сделать из своего скептицизма увлекательный спорт, чтобы не увидеть, что, несмотря ни на что, еврейство представляет собой некую международную политическую силу и что более всего ценят эту силу именно его враги.

И мы подтверждаем, что именно они более близки к истине, чем сочинители песенок о нашем бессилии и ничтожности. Если мы ноль, то вообще не нужно вмешиваться в политику, не нужно погружаться в мечты ни о наших правах, ни о территории; не нужно бороться, нужно просто закрыть лавочку и отослать самих себя домой. Мы работаем, боремся, прокладываем себе дорогу вперед шаг за шагом именно потому, что представляем собой мировую силу. Такую мощь трудно мобилизовать и сконцентрировать, но она существует, и враги наши – поляки, турки и другие – верят в нее. Они только не верят в то, что она будет мобилизована против них. Так давайте же объясним им это раз и навсегда.

Именно в том случае, если сложится так, что Эрец-Исраэль останется в руках турков, решающее значение будет иметь для нас наличие союзников, которых боится Турция. Это единственное средство упрочить наш статус в Эрец-Исраэль, или, что более точно, это то, что останется от нашего статуса там.

Много ли останется от наших позиций в Эрец-Исраэль, никто не может нам

гарантировать. Сам я считаю, что Эрец-Исраэль – это не Армения, и уничтожить ишув дело не такое легкое, как думали в первые годы войны генералы «младотурков». Если говорить откровенно, я считаю, что саранча представляет собой гораздо более серьезную опасность, так как она не считается ни с влиянием евреев Нью-Йорка, Берлина, Вены или Будапешта, ни с дипломатами и конвоем. Но «младотурки» давно считаются со всеми этими факторами. Хотя и нет гарантии тому, что они вновь не попытаются устроить погром в Эрец-Исраэль. И зависеть это будет от того, как поведут себя евреи там.

Не следует из всего этого делать вывод, что ощущение возможной опасности должно связывать нас по рукам и ногам. Что касается нас, то нам, намеревающимся поставить ишув в положение «опасности», – нам ишув не менее дорог, чем «пассивистам». Мы были среди тех, кто сказал «нет» на 6-м конгрессе, мы активно участвовали в борьбе за практическую работу в Эрец-Исраэль, голосовали за новый исполнительный комитет. И сейчас мы должны признаться, что в своих усилиях «перегнуть палку в другую сторону» мы чересчур согнули ее. В последние годы исчез из нашего движения политический пафос, и сейчас мы платим за это дорогой ценой.

Нам не хватает политического подъема. Нет смысла, нет интереса и даже необходимости в политической работе, нет никакого плана и нет людей. Те, кто был с Герцлем, находятся за бортом, а у людей, которые «руководят» нами сейчас, обнаружились слабые политические нервы. Я утверждаю это не только от своего имени, но и от имени многих других: не этого мы ожидали и не этого желали. Мы никогда не рассматривали ишув как самоцель. В наших глазах его основное достоинство заключалось в том, что мы видели в нем одно из сильнейших средств политического сионизма. Мы видели в нем один из путей, по которым можно добиться «чартера» или какой-нибудь замены «чартера»; короче говоря, политическую власть над Эрец-Исраэль. И если бы не это, мы бы и пальцем не пошевелили ради «практической деятельности». Для нас ишув был дорог, как одна из наилучших «выигрышных карт» в политической игре в будущем. И мы не можем дать согласие на то, чтобы ишув внезапно превратился в препятствие в этой решающей политической игре.

Сейчас стало понятно, чего опасался Герцль, когда отнесся с некоторым недоверием к ограниченному проекту поселений. Как-то раз, в частной беседе, он сказал: «В Торе сказано, что человек, который только что построил себе дом, не годен в солдаты», Герцль опасался, что этот дом превратится в самоцель; его мебель, его обои, постельное белье и все «домашнее», подобранное с такой гармонией, станут в его глазах более ценными, чем сама конечная цель, и, когда придет решающий момент (а решающий момент и опасность – суть синонимы), выяснится, что все «домашнее» превратилось в свинцовый груз, отягощающий наши ноги, и веревку, связывающую наши руки. Нет, на это мы не согласны,

ишув – это средство и только средство, и не более того. Если мы любим его, если нам дороги его зеленеющие сады, золотящиеся поля, его гордые бойцы и рабочие – все это не имеет отношения к сути дела. В наших глазах они – авангард. Иногда авангард должен нести большие потери, мы посылаем ему наше благословение и продолжаем идти своим путем.

Конечно же, будет очень больно думать, что той работе, которую проделали несколько поколений сионизма, грозит опасность. Но когда нам говорят, что «у нас нет никакого морального права», увеличим опасность, позволим себе с этим не согласиться. Этот довод менее всего подходит сионистам. Именно мы всегда обосновывали наши права на том, что не нужно считаться с опасностью. Когда политический сионизм только вышел на политическую сцену, то и тогда европейские ассимиляторы испугались «опасности». Их речи, в конечном счете, не были настолько уж глупыми: «Наши предки, родители и все мы сто лет трудились для того, чтобы достичь и укрепить равноправие, основанное на принципе, что евреи не чужаки, «свои», и нет у них никакой другой родины и нации. А сейчас приходите вы и хотите расшатать самую основу равноправия; вы заявляете, что у евреев есть другая родина и другая нация. Есть ли у вас моральное право подвергать опасности плоды трудов многих поколений?» На это сионисты обычно отвечали: «Да, у нас есть такое право», и, конечно же, были правы, поскольку у них была цель, ради которой стоило жертвовать.

То же самое было в Турции. Турецкие евреи говорили нам, что они живут в мире с турками, к ним относятся не так, как к грекам и болгарам, пытающимся захватить у Турции кусок земли. А сейчас приходите вы и хотите сказать туркам, что вы претендуете на часть турецкой империи. Знаете ли вы, что это значит? Есть ли у вас моральное право подвергать нас опасности? Мы ответили им: «Да, есть», и были правы.

А сейчас наша очередь. Я вновь повторяю: «Я считаю все эти разговоры об опасности на 3/4 пустой болтовней». Турки, возможно, попытаются спровоцировать что-нибудь в гневе, но от попытки до результатов расстояние огромное. Один раз они уже пытались, да ничего не вышло. А когда возникла необходимость и пришлось обратиться за помощью к президенту Вильсону, то трусы говорили, что именно сейчас начнутся настоящие преследования. Но все было наоборот. Только после этого пришел конец страшному периоду гонений. И когда наконец был создан в Александрии легион бойцов Эрец-Исраэль, то и тогда не реализовались самые черные страхи и предположения. Даже сейчас я считаю их бессмысленными на 3/4. Но даже если они и имеют какой-то смысл, мы все равно должны идти своим путем – путем активной политики.

mail.ru	1209
3685187	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ТЕЛЬ-ХАЙ

(8 марта 1920)

Последние слова Иосефа Трумпельдора в тот момент, когда увидел он печаль друзей своих перед лицом близкой утраты, последние слова его были: «Ничего, хорошо умереть за нашу родину». Всякий, кто знал его, мог представить тихую улыбку, пробежавшую по его устам, когда он произносил эти слова. Он не был склонен произносить высокие фразы. Присущие ему основательность и глубокая серьезность находили свое выражение в делах, а не в формулировках. А когда он был вынужден высказаться, он смущался и прикрывал свои речи покровом и присказкой, характерной для всех скромных людей: «Ничего».

Тот, кому была знакома и эта улыбка, и это «ничего», действительно знал Трумпельдора. Шестнадцать лет тому назад, когда он очнулся в военном госпитале в Порт-Артуре и увидел, что его левая рука ампутирована почти до плеча, он прошептал с улыбкой: «Ничего – правая важнее левой». Когда он узнал, что из полка, который он создал в Александрии с целью завоевания Эрец-Исраэль, правительство решило создать вспомогательный отряд «погонщиков мулов в Галлиполи», и многие отчаялись, он только сказал: «Ничего, начнем с этого, а дальше дела будут развиваться сами по себе». Кроме основного ядра из Эрец-Исраэль, к полку был присоединен и всякий народ из египетского гетто, многие сомневались в них и шептали ему на ухо предупреждения, что этот «сброд» может запятнать имя полка. И тогда он сказал: «Ничего, у них есть недостатки, но, в конце концов, и они хорошие ребята», – и был прав. В Галлиполи, в тяжелые для полка минуты, в дни упадка, когда каждую ночь приходили к нему в отчаянии лучшие из его друзей с жалобами, он отвечал им: «Ничего, это пройдет». В тревожные часы, во время бомбежек с холма Ачи-баба,

когда отдавал он приказ всем спрятаться в траншеи, сам он всегда оставался на виду. Позже он объяснял друзьям причину: «Хотя и нельзя оставаться снаружи в такой ситуации, так как настоящий солдат должен быть осторожен, но мы там должны были выдержать что-то вроде экзамена. Я хотел показать этим англичанам..!» Но и эти свои слова он прикрывал покровом иронической улыбки. И еще помнят все его солдаты постоянный рефрен в те минуты, когда и земля, и воздух сотрясались от грохота орудий у самого порога лагеря, «Ничего, это далеко». А когда он был ранен, то не хотел отправляться в палатку для раненых, и, улыбаясь своей особенной улыбкой, повторял: «Ничего».

В этом слове были заложены и глубокая идея, и возвышенный смысл, и всеобъемлющая философия. Решающим фактором является воля, случайности же – не что иное, как вздор. Из горького всегда можно получить сладкое, если только живы воля и желание. Желание и стремление – это вечный Тель-Хай, а все остальное – жертвы, унижения, поражения – «ничего».

Таков был путь Трумлельдора – героя духа среди героев силы, и это его политическое завещание всем нам. Если бы прорицательница из Аин-Дор была жива и если бы мы пришли к ней в эти бурные ночи и сказали бы ей: «Пожалуйста, яви глазам нашим однорукого героя» – и спросили бы мы у скромной тени: «Какой выход есть у нас в этот тяжелый момент? Куда нам идти и что делать в этом сумраке?», то и тогда ответом была бы та же улыбка и те же слова веры, сокрушающие скалы. Одно слово, а в нем и успокоение, и мировоззрение, и планы. Таков был его путь, таков будет и наш путь.

Нет, павшие в пустыне не умерли в нашем сердце. Место их захоронения известно. Между Тель-Хаем и Гилади похоронено шестеро из этого семени. Евреи и еврейки Божьей милостью. И с изумлением стоим мы в тишине и вглядываемся в представшую перед нашим взором картину: вот мужи, которые не знали отступления, вот верные до смерти девушки. Есть еще такие на земле Израиля. Они не одиноки, так как вся страна от Метулы до Синайской пустыни усеяна костями героев. И какая разница между теми, кто пал или был ранен, и теми, кого но воле случая пуля еще не затронула? Тот же дух властвовал над всеми, та же песня бунта, идущая от поколений древности, звучала в их ушах. И голова, опущенная в скорби, поднимается перед этим молчаливым приказом. Нет, не вдовец еще Израиль, не сирота, не бесплодный.

Благословенны будьте росой и дождями, горы верхней Галилеи, Тель-Хай и Кфар-Гилади, Хамра и Метула. Ничего, нашими вы были, нашими будете.

mail.ru	1210
3685188	124

HotLog	
1048159	+143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

СОЦИАЛЬНЫЙ ЦИТ

1923

В Библии мы находим не только идею протеста против социальной несправедливости, но и изложение системы, схемы социального уклада. Идеи эти не изложены систематически. Они вклинены в разные тексты, но если собрать их воедино, они составят цельный план. Он не детализирован, но, по моему, это совершенный, конкретный и мудрый план общественного преобразования. Он содержит три пункта: принцип субботы, принцип «колоска» и идею юбилейного года.

Принцип субботы исходит из той же основы, что и социальные законы нашего времени, охраняющие права и положение рабочего. Кроме закона о субботнем отдыхе, в Библии есть еще несколько законов, защищающих наемного рабочего, говорящих о времени выплаты заработка (каждый вечер), и другие. Все это можно отнести к понятию «суббота». Смысл этого понятия в том, что общество не может предоставить рабочего на милость работодателя, который может вынудить рабочего делать все, что ему вздумается. Библия не признает «свободного договора». Библия не признает знаменитого «закона» экономистов девятнадцатого столетия, закона, который определяет, что единственным критерием для рабочего является мера утомления и голод, которые рабочий способен выдержать и не умереть.

В узком смысле принцип субботы относится только к понятию времени, то есть к количеству работы. В широком смысле, как уже сказано выше, суббота – начало и источник всех тех реформ, которые сумели осуществить в течение многих лет борцы за социальные улучшения в разных сферах защиты прав работающего. Эта идея впервые появилась в Библии, и не только как одно из 613 предписаний образа жизни еврея, но и как один из десяти заветов, как одна из

социальных основ жизни человека. Суббота означает, что отношения между работодателем и работником не их личное дело, а дело Господа Бога, они диктуются высшей инстанцией совести человека и не должны зависеть от аппетита той или другой стороны, а от морального и материального уклада общества.

Идея колоска относится к сбору урожая. Нельзя убрать с поля весь урожай, часть его нужно оставить на поле или на винограднике для бедного пришельца, сироты и вдовы. И это не акт благотворительности, это приказ «сделать», нечто вроде налога на класс собственников в пользу неимущих. (Закон, в котором заложена колоссальная идея и начало которого тоже в Библии. Суббота и идея «колоска» не известны ни в римской, ни в греческой конституции.) Вся сфера социальных схем в наши дни, от налогов на доходы до налогов на наследство, исходит из законов «колоска».

Венский еврей Попер Линкиус написал книгу «Долг общего прокорма». Эта книга – попытка вывести из закона «колоска» соответствующие выводы. В соответствии с планом Линкиуса государство обязано освободить всех своих граждан, богатых и бедных, от трех главных забот: пищи, одежды и жилья. Государство обязано обеспечить каждому человеку пищу, одежду и жилье. План разработан детально, в нем даны точные расчеты количества людей, которые должны будут трудиться для осуществления «Долга обеспечения пропитания для всех», чтобы создать необходимое количество пищи, материалов и домов.

Я не специалист в этой области и не знаю, правильны ли его расчеты, но я верю, что суть этого плана, каким утопичным он не выглядит сейчас, станет когда-нибудь реальной. Общество обеспечит минимальные материальные потребности каждого индивидуума, как оно это делает в духовной сфере: общее начальное образование. Голод и холод, отсутствие крова исчезнут, как исчезли в некоторых культурных странах безграмотные люди, что считалось утопией сто лет тому назад. Я верю со всей серьезностью, что не пройдет и ста лет и это станет фактом. Возможно, даже сейчас, если бы огромные налоги, накладываемые государством на своих граждан, не тратились на пушки и военные корабли, они могли бы служить нуждам населения – как минимум Попера Линкиуса (одно из условий его плана).

Прежде чем «долг общего прокорма» мог быть осуществлен, нужно отменить закон обязательной военной службы. И эта идея ясна в Библии. Я думаю, что и это осуществится через сто лет, и, возможно, дети людей нашего поколения доживут до эпохи без войн.

Но различие между богатыми и бедными останется. Оно всегда будет

«стимулом» для Человека, всегда будет толкать его к соревнованию, двигать общество, которое стремится к равенству, чтобы неравенство не осталось навсегда и не превратилось бы в несправедливость. Эту проблему пытались решить двумя путями. Один из них – социалистический, согласно которому различие между бедными и богатыми должно исчезнуть в будущем. Это достигалось путем лишения граждан возможности накопления «богатства», Но вместе с этой возможностью исчезала возможность проявить личную инициативу, а общество тем самым лишалось важного стимула творить и проявлять свои способности. Совсем другое решение предлагает Библия.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ЭТИКА ЖЕЛЕЗНОЙ СТЕНЫ

1923

I

Вернемся к упомянутой уже в прошлой статье Гельсингфорской программе. Как один из ее авторов, я менее всего, конечно, склонен сомневаться в ее справедливости. Она гарантирует и гражданское равноправие, и национальное самоуправление. Твердо уверен, что каждый беспристрастный судья признает ее идеальной основой для мирного и добрососедского сожительства двух народностей.

Но нет большего безумия, как требовать психологии беспристрастного судьи от тех самых арабов, которые в этом споре – одна из сторон, а не судьи. Прежде всего, если бы они даже и верили в добрососедское сожительство, остается ведь еще первый и главный вопрос – хотят ли они иметь «соседей», хотя бы и добрых, внутри страны, которую они считают своею. Что одноплеменность удобнее многоплеменности – этого ведь и самые сладкогласные из наших заклинателей не решатся отрицать. С какой стати народу, который вполне доволен своим уединением, добровольно пускать к себе добрых соседей в таком серьезном количестве? «Не хочу я ни вашего меду, ни вашего жала» – вот его естественный ответ.

Но и помимо этого основного затруднения требовать именно от арабов веры в Гельсингфорскую программу – или вообще в какую бы то ни было программу разноплеменной государственности – значит требовать невозможного. Всей теории Шпрингера едва 30 лет от роду. До сих пор ни один народ, даже самый культурный, не согласился честно применить ее на практике. Даже чехи, под руководством самого Масарика – учителя всех автономистов, – не сумели или не

пожелали ее осуществить. Что касается арабов, то и интеллигенция их об этой теории никогда не слыхала. Но зато она знает, что меньшинство всегда и всюду страдало: христиане в Турции, мусульмане в Индии, ирландцы под властью англичан, поляки и чехи прежде под властью немцев, немцы теперь под властью чехов и поляков, и так далее без конца. Надо опьянить себя словами до полного дурмана, чтобы после этого требовать от арабов веры в то, что именно евреи способны (или хоть искренно намерены) осуществить план, который другим, гораздо более авторитетным народам не удался.

Настаиваю на этом не потому, чтобы и нам следовало отказаться от Гельсингфорской программы, как основы будущего *modus vivendi*. Напротив, по крайней мере мы, – пишущий эти строки – верим и в нее, и в нашу способность провести ее в жизнь, несмотря на провал всех прецедентов. Но расхваливать ее теперь арабам бесполезно: не поймут, не поверят и не оценят.

II

А если бесполезно, то и вредно. Политическая наивность еврея баснословна и невероятна: он не понимает того простого правила, что никогда нельзя «идти навстречу» тому, кто не хочет идти навстречу тебе.

Был типичный случай, когда один из подчиненных народов старой России весь, как один человек, пошел крестовым походом против евреев под лозунгами бойкота и погрома. В то же время этот самый народ добивался для себя автономии, открыто при этом заявлял, что он намерен использовать автономию для еще большего угнетения евреев. Но, несмотря на это, еврейские публицисты и политики, даже из националистов, считали своим долгом всячески поддерживать автономные стремления своих врагов; ибо, видите ли, автономия есть вещь святая. Мы вообще, как я писал уже раз на этих столбцах, считаем своим долгом, как только заслушим «Марсельезу», застыть на вытяжку и кричать ура – хотя бы играл эту мелодию сам Гаман, и хотя бы в шарманке его при этом трещали еврейские кости. Это мы считаем политической моральностью.

Это не мораль, а разврат. Человеческое общежитие построено на взаимности; отнимите взаимность, и право становится ложью. Тот господин, который в эту минуту проходит за моим окном на улице, имеет право на жизнь лишь потому и лишь постольку, поскольку он признает мое право на жизнь; если же он хочет убить меня, то никакого права на жизнь я за ним не признаю. Это относится и к народам. Иначе мир станет звериным бегом взапуски, где погибнет не только слабейший, но именно кротчайший. Мир должен быть миром круговой поруки. Если жить, то всем поровну; и если погибать, то всем поровну; но нет такой этики, по которой жадному полагается есть досыта, а скромному сдохнуть под

забором.

Практический вывод из этой этики, которая есть единственная возможная этика человечности, гласит в нашем случае вот что: даже если бы имелись у нас, помимо гельсингфорской программы, еще полные карманы всяких других уступок, вплоть до согласия стать участниками какой-то фантастической арабской федерации *od morza do morza*, – то и тогда заговорить о них можно было бы только на завтра после того, как с арабской стороны будет изъявлено согласие на еврейскую Палестину.

Деды наши это понимали. В Талмуде есть поучительный юридический казус. Двое идут по дороге и находят кусок сукна. Один говорит: это я нашел его, он весь принадлежит мне. Второй говорит: неправда, нашел я, сукно мое. Тогда судья разрезает сукно пополам, и каждому из упрямец достается половина. Но вообразить казус, когда только один из них упрямец, а другой, напротив, решил удивить мир джентльменством. Он говорит: мы нашли сукно вместе, я претендую только на половину, вторая половина полагается г-ну Б. Зато другой твердо стоит на своем: нашел я, сукно мое. В таком случае Талмуд рекомендует судье решение мудрое, но для «джентльмена» грустное. Судья говорит об одной половине спора нет, г. А. сам признает, что она принадлежит г-ну Б. Спор идет только о второй половине – следовательно, разрежем ее пополам. Итого упрямец получает три четверти, а «джентльмен» только четверть. И поделом. Ибо джентльменом быть хорошо, но фофаном быть не следует. Деды наши это понимали, но мы забыли.

Следовало бы нам это помнить особенно потому, что в нашем случае дело с уступками обстоит особенно печально. Объем уступок арабскому национализму, на которые мы можем согласиться, не убивая сионизма, чрезвычайно скромны. Отказаться от стремления к еврейскому большинству мы не можем, допустить арабский надзор за нашей иммиграцией не можем, допустить парламент с арабским большинством не можем и ни в какую арабскую федерацию никогда не пойдем; более того, так как все арабское движение нам пока враждебно, то мы не только не можем его поддерживать, но сердечно радуемся (все, даже арабофильствующие декламаторы) каждому провалу его не только в соседней Иордании или в Сирии, но даже в Марокко. И так оно будет, ибо иначе быть не может, пока железная стена не заставит арабов примириться с сионизмом раз навсегда.

III

Станем на минуту на точку зрения тех, которым кажется, что это все имморально. Разберемся. Корень зла заключается, конечно, в том, что мы хотим

колонизировать страну против воли ее теперешнего населения, т. е. следовательно, колонизировать ее насильно. Все остальные неприятности вытекают из этого корня с автоматической неизбежностью. Что же остается делать?

Простейший выход – поискать другую страну для колонизации. Например, Уганду. Но при ближайшем рассмотрении и тут окажется та же беда. И в Уганде есть туземное население; и оно, конечно, по примеру всех других туземцев в истории будет инстинктивно или сознательно противиться наплыву колонизаторов. Тот факт, что эти туземцы – чернокожие, существа дела не меняет: если колонизировать страну против воли туземцев имморально, то ведь мораль должна быть одна и та же для черных и белых. Конечно, есть надежда, что эти чернокожие еще не настолько развиты, чтобы посылать делегации в Лондон; надежда слабая, ибо всюду найдутся добрые друзья белого цвета, которые их научат; но если даже так, если эти туземцы, слава Богу, окажутся беспомощными детьми, то дело еще хуже. Раз колонизация без согласия туземцев подобна грабежу, то ведь преступнее всего грабить беспомощных детей. Следовательно, и Уганда «имморальна». Следовательно, «имморальна» и всякая другая территория, как бы она ни называлась. Необитаемых островов на свете больше нет. В какой оазис ни сунься – всюду сидит уже туземец, сидит с незапамятных времен и не хочет пришлого большинства или даже просто большого наплыва пришельцев.

Следовательно, если есть на свете безземельный народ, для него даже самая мечта о национальном доме есть мечта имморальная. Безземельные должны навсегда остаться безземельными; вся земля на свете уже распределена, и кончено. Так требует этика.

В нашем случае эта этика особенно любопытно «выглядит». Нас на свете, говорят, 15 миллионов; из них половина живет теперь в буквальном смысле жизнью гонимой бездомной собаки. Арабов на свете 38 миллионов; они занимают Марокко, Алжир, Тунис, Триполитанию, Египет, Сирию, Аравию и Месопотамию – пространство (не считая пустынь) величиною с пол-Европы. В среднем на этой огромной территории приходится по 16 арабов на квадратную английскую милю; для сравнения полезно напомнить, что в Сицилии на кв. милю приходится 352 человека, а в Англии 669. Еще полезнее напомнить, что Палестина составляет приблизительно одну двухсотую часть этой территории. Но когда бездомное еврейство, требует Палестину себе, это оказывается «имморальным», потому что туземцы находят это для себя неудобным.

Такой этике место у каннибалов, а не в цивилизованном мире. Земля принадлежит не тем, у кого ее слишком много, а тем, у кого ее нет. Отсудить участок у народа-латифундиста для того, чтобы дать очаг народу скитальцу, есть

акт справедливости. Если народ-латифундист этого не хочет – что вполне естественно, – то его надо заставить. Правда, проводимая в жизнь силой, не перестает быть святой правдой. В этом заключается единственная объективно возможная для нас арабская политика; а о соглашении будет время говорить потом.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

«ЛЕГИОН»

1923

В настоящее время вооруженная охрана Палестины находится всецело в руках гарнизона (включая ирландскую жандармерию), который состоит из нееврейских солдат. Огромные неудобства, вытекающие из этого положения вещей, ясны каждому добросовестному наблюдателю. Резюмируем эти неудобства кратко:

В политическом отношении этот статус Schutzjuden принес сионизму неисчислимый вред в глазах общественного мнения Англии. Весь рост антисионистского настроения в Англии за последние четыре года произошел под лозунгом: «мы не хотим ни платить лишних налогов, ни подвергать опасности сыновей ради еврейских интересов».

В практическом отношении полезность гарнизона, состоящего из неевреев, оказалась для охраны евреев весьма проблематичной, Английским солдатам и офицерам глубоко несимпатична мысль о вооруженном вмешательстве в еврейско-арабский спор. Арабам известно это настроение войск, и потому в арабской среде неискоренимо держится убеждение, будто – если только не трогать англичан – нападения на евреев не встретят серьезного противодействия. Вот почему в 1920 и 1921 годах в Иерусалиме и Яффе произошли трехдневные погромы, несмотря на присутствие в непосредственной близости (очень крупных тогда) британских контингентов. Между тем, весной 1919-го года, в очень опасный момент, когда в соседнем Египте было восстание и почти все британские и индусские батальоны были оттянуты в Египет, спокойствие в Палестине не было нарушено ни разу, ибо в стране тогда стояло 5000 еврейских солдат, о настроении которых у арабов не могло быть никаких сомнений.

Наконец, в моральном отношении статус Schutzjuden унижает нас и роняет наш престиж и в глазах англичан, и в глазах арабов. Англичане, зная из собственной истории, что настоящие колонизаторы никогда не пользовались чужой защитой, приучаются смотреть на евреев, как на элемент, для настоящей колонизации не совсем пригодный, а потому и на всю нашу работу как на предприятие искусственное и тепличное. У арабов же складывается впечатление для нас еще более унижительное. И, так как наша главная политическая сила – в нашей моральной потенции, в том уважении к нам и нашему идеалу, какое мы можем внушить внешнему миру, то положение «подзащитных» должно в конечном итоге неизбежно привести к ослаблению наших политических позиций.

То, что за последние два с половиной года в Палестине не было погромов, не опровергает, а скорее подтверждает все вышесказанное. Погромов не было не потому, что арабы стали «бояться»: напротив, гарнизон за эти годы колоссально уменьшился – с 17 тысяч в 1921 г. до 3-х тысяч; не было эксцессов потому, что еврейская иммиграция пала до полной и явной ничтожности. В 1920 и 1921 годах арабы еще боялись, что готовится крупный наплыв еврейских поселенцев, а потому они устроили две резни. Но в 1922 году в Палестину приехало 7254, уехало 3466, итого прибыло 3788. Арабский же естественный прирост равняется, по подсчету доктора Руппина, 6-ти тысячам в год. Понятно, что такая еврейская иммиграция даже самых крайних арабских националистов не тревожит. Администрация г.Самюэля предупреждает погромы не защитными своими мерами, а своей антииммиграционной тактикой. Если же иммиграция возрастет, то возрастает и опасность; и английско-ирландско-индусский гарнизон, ныне низведенный до количества около 3 тысяч и настроенный «нейтрально», мало гарантирует от этой опасности. Это, к сожалению, непреложно, как таблица умножения.

II

Все это, в сущности, ясно и представителям так называемого вегетарианского направления. О том, что английская защита не защита, в сионистской среде двух мнений нет. Даже вегетарианцы стоят за организованную, постоянную самооборону.

Это обстоятельство надо иметь в виду при чтении всего дальнейшего нашего изложения. Спор идет не о том, должны или не должны евреи иметь свои вооруженные силы. Спор локализовался только на вопрос: «самооборона» или «легион» ?

Сторонники первой видят в ней, во-первых, совершенно достаточное средство для охраны еврейской жизни, труда и имущества. Во-вторых, они находят, что

она не будет раздражать арабов, тогда как присутствие еврейских войск было бы для арабов постоянной «провокацией». В-третьих, они считают несправедливым требовать, чтобы в Палестине были еврейские вооруженные силы, но не было бы арабских, – а в самообороне (но их мнению) этого элемента несправедливости нет. В-четвертых, солдатчину они считают нежелательной, так как она отрывает людей на несколько лет от производительной работы и воспитывает в них кастовый милитаристический дух, тогда как при самообороне люди остаются на своих хозяйственных постах и смотрят на себя, как на обыкновенных граждан.

Разберемся.

Если «самооборона» противопоставляется «солдатчине», то очевидно, что имеется в виду нечто совершенно лишнее военного характера. Члены самообороны не могут жить в лагере или в казармах, а должны жить на частных квартирах. Они не могут посвящать все свое время обучению военной техники – они могут заниматься ею только в часы, свободные от продуктивных занятий. Они не могут быть связаны военной дисциплиной и не могут носить однообразной форменной одежды.

На основании российского и палестинского опыта должен сказать, что защитительная ценность такой самообороны чрезвычайно ничтожна. Военное дело есть вообще трудное искусство; но дело защиты рассыпанного меньшинства еще в десять раз труднее. Правильно поставленная самооборона должна включить следующие отрасли военного знания: строй сомкнутый и в особенности рассыпной; стрельбу из огнестрельных орудий разного сорта; умение владеть холодным оружием, начиная с палки, – так как порох надо пускать в ход только в исключительных случаях; устройство баррикад, траншей и проволочных заграждений; сигнализацию на близком и на дальнем расстоянии; умение делать топографические съемки и чертить планы; элементарную военную тактику; наконец, умение следить за оружием и починять его. Это – минимум, без которого все дело вообще превращается в ребячью игру. Но думать, будто всему этому, или хоть начаткам всего этого, можно научиться между прочим, урывками, в минуты досуга, когда человек к тому же устал от работы, – это смешно. Все понимают, что халуц должен еще до приезда обучиться своему ремеслу, пахать или столярничать, ибо импровизированный земледелец или ремесленник не годится. Но ведь ясно, что импровизированный стрелок еще хуже. Более того: он опасен.

Дело не только в самой технике, хотя и она очень сложна. Еще важнее психика человека, у которого в руках очутился опасный инструмент. Оружие действует на новичка опьяняюще – в особенности когда он принадлежит к расе нервной и к этому делу непривычной. Если он – солдат, то его личная психика играет третьестепенную роль. Во-первых, солдата уже в течение месяцев приучали

обращаться с опасными инструментами, он свыкся, он не так волнуется. Во-вторых, он привык считать себя машиной в руках унтера, унтер в руках поручика и т. д. Поэтому при «солдатчине» есть гарантия, что опасный инструмент будет пущен в ход только тогда, когда найдет сие необходимым инстанция старшая, опытная и имеющая возможность обозреть всю картину положения вещей, – иными словами, гарантия, что инструменты не «заговорят сами собой». Без унтера, без машинной психики, без муштры и привычки, да еще при наследственной нервности, да еще в обстановке переполоха – такой гарантии нет. А что это значит и к чему может принести, о том предпочтительно не рассказывать.

Столь же опасно отсутствие организации, Нелепо думать, будто обычные у нас формы организации – комитеты, лидеры и пр. – могут обеспечить действительное единство действий в исключительный момент физической опасности, коллективной и личной. Даже в армиях в этом случае полагаются не на сознание солдата, а на его привычку подсознательно, автоматически инстинктивно слушаться человека с таким-то значком на рукаве. Кто бывал в переделках этого рода, знает, что в такие минуты у среднего человека сознательные импульсы неизбежно отступают на второй план, а главную роль играют инстинкты. Иногда это инстинкт – лезть в огонь, чаще – бежать; но и тот и другой плохи, а потому надо противопоставить им новый инстинкт: автоматическую дисциплину. Но этот новый инстинкт не врожденный. Автоматичность военной дисциплины достигается только продолжительной муштровкой, когда человек на долгие месяцы оторван от обыденщины, окружен особой атмосферой и ежедневно подвергается гипнозу этой самой автоматической дисциплины. Только при такой подготовке можно рассчитывать на то, что каждый средний человек пойдет куда надо и сделает что надо, а не натворит нелепых и опасных отсебятин.

В придачу ко всем своим недостаткам, неофициальная самооборона лишена главного достоинства армии: она не имеет почти никакой профилактической ценности. Войско, с его формой, парадами и официальным обаянием, импонирует; если численность его достаточна – и если солдаты настроены твердо, и население в этом не сомневается, – тогда по большей части, и не понадобится пускать в ход силу. Но незримая самооборона импонировать не может. Если и удастся ей иногда подавить плохо организованный погром, то главного она сделать не может: предотвратить самую возможность погромов, уничтожить в корне само искушение. Нам в Палестине нужна не расправа с убийцами и поджигателями – нам нужно спокойствие, такое спокойствие, при котором до расправы и дело не дойдет. Неофициальная самооборона этого дать не может.

Это с практической стороны. Со стороны политической – неофициальная

самооборона, как постоянное учреждение, в более или менее правовом государстве *ala longue* невозможна, невозможна ни в форме подпольной организации, ни в форме легального института.

Подпольная самооборона означает: тайный ввоз оружия, конспиративную организацию, тайное обучение в подвалах. Все это – в правовом государстве неизбежно должно привести к столкновениям с правительством. Неизбежно должны последовать обыски, конфискации, аресты и процессы. Когда же дело дойдет до необходимости выступления, официальные войска и официальная полиция, в девяти случаях из десяти, будут эту же самооборону разгонять – не по злой только воле, а просто потому, что в правовом государстве таким явлениям, как тайные отряды вооруженных штатских граждан, действительно нет места.

Поэтому, если говорить о самообороне серьезно, то надо стремиться к ее целой легализации – и при этом, понятно, к запрещению и искоренению всяких «контрборон». Это была бы единственно правильная постановка дела. Но за этим первым шагом неизбежно должны были бы последовать и другие. Если правительство открыто разрешает существование вооруженной организации, оно принимает на себя большую ответственность. Поэтому организация эта должна будет подчиниться той системе контроля, которая всегда и всюду применяется к постоянным вооруженным силам: это – иерархия, военная дисциплина, награды и наказания, тщательное обучение (при котором ни для какого производительного труда времени не останется) и, наконец, единственные радикальные средства надзора – обязательное общежитие и однообразная одежда. Иными словами, легальная самооборона в правильной постановке и есть еврейский полк. Все остальное – суррогаты, практически бесполезные, политически вредные, юридически немыслимые и во всех отношениях опасные.

Принцип самообороны я ценю высоко; с историческими заслугами этого принципа знаком, и вполне согласен с тем, что – где и покуда невозможно образование еврейских войск – нужна хотя бы плохо организованная самооборона. Нужна прежде всего по причинам моральным, для защиты нашей чести. Но в Палестине задача наша не в том, чтобы с честью пасть, а в том, чтобы не пасть ни при каких условиях. Поэтому на вопрос надо смотреть не со стороны подвига, а со стороны практической пользы и добиваться такой формы самоохраны, которая соответствовала бы следующим условиям:

1. Совершенно легальное положение, исключаящую всякую опасность войны на два фронта.
2. Полная возможность усовершенствования в технике охранного дела.

3. Экипировка настолько усовершенствованная, чтобы за нею не могла угнаться никакая тайная контр-организация.

4. Импозантность, которая действовала бы на все население «профилактически».

5. Система дисциплины и контроля, которая гарантировала бы и нас, и соседей от возможной бестактности или нервозности отдельных лиц.

Этим условиям удовлетворяет только одна организация – военная.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

О ЖЕЛЕЗНОЙ СТЕНЕ

(Мы и арабы 1923).

Вопреки доброму правилу – начинать статью с существа – приходится начать эту с предисловия, притом еще личного. Автора этих строк считают недругом арабов, сторонником вытеснения и т. д. Это неправда. Эмоциональное мое отношение к арабам – то же, что и ко всем другим народам: учтивое равнодушие. Политическое отношения – определяется двумя принципами. Во-первых, вытеснение арабов из Палестины, в какой бы то ни было форме, считаю абсолютно невозможным; в Палестине всегда будут два народа. Во-вторых – горжусь принадлежностью к той группе, которая формулировала Гельсингфорскую программу. Мы ее формулировали не для евреев только, а для всех народов; и основа ее – равноправие наций. Как и все, я готов присягнуть за нас и за потомков наших, что мы никогда этого равноправия не нарушим и на вытеснение или притеснение не покусимся. Credo, как видит читатель, вполне мирное, но совершенно в другой плоскости лежит вопрос о том, можно ли добиться осуществления мирных замыслов мирными путями. Ибо это зависит не от нашего отношения к арабам, а исключительно от отношения арабов к сионизму.

После этого предисловия перейдем к существу.

I

О добровольном примирении между палестинскими арабами и нами не может быть никакой речи, ни теперь, ни в пределах обозримого будущего. Высказываю это убеждение в такой резкой форме не потому, чтобы мне нравилось огорчать добрых людей, а просто потому, что они не огорчатся: все эти добрые люди, за исключением слепорожденных, уже давно сами поняли полную невозможность

получить добровольное согласие арабов Палестины на превращение этой самой Палестины из арабской страны в страну с еврейским большинством.

Каждый читатель имеет некоторое общее понятие об истории колонизации других стран. Предлагаю ему вспомнить все известные примеры; и пусть, перебрав весь список, он попытается найти хотя бы один случай, когда колонизация происходила с согласия туземцев. Такого случая не было. Туземцы – все равно, культурные или некультурные – всегда упрямо боролись против колонизаторов – все равно, культурных или некультурных. При этом образ действий колонизатора нисколько не влиял на отношение к нему туземца.

Сподвижники Кортеса и Писарро или, допустим, наши предки во дни Иисуса Навина вели себя, как разбойники; но английские и шотландские «отцы-странники», первые настоящие пионеры Северной Америки, были на подбор люди высокого нравственного пафоса, которые не то что краснокожего, но и мухи не хотели обидеть, и искренно верили, что в прерии достаточно места и для белых, и для красных, но туземец с одинаковой свирепостью воевал и против злых, и против добрых колонизаторов. Никакой роли при этом не играл и вопрос о том, много ли в той стране свободной земли.

На территории Соединенных Штатов в 1921 году считалось 340 тысяч краснокожих; но и в лучшие времена их было не больше 3/4 миллиона на всем колоссальном пространстве от Лабрадора до Рио Гранде. Не было тогда на свете человека с такой сильной фантазией, чтобы всерьез предвидеть опасность настоящего «вытеснения» туземцев пришельцами. Туземцы боролись не потому, что сознательно и определенно боялись вытеснения, а просто потому, что никакая колонизация, нигде, никогда и ни для какого туземца не может быть приемлема.

Каждый туземный народ, все равно, цивилизованный или дикий, смотрит на свою страну, как на свой национальный дом, где он хочет быть и навсегда остаться полным хозяином; не только новых хозяев, но и новых соучастников или партнеров по хозяйству он добровольно не допустит.

Это относится и к арабам. Примирители в нашей среде пытаются уговорить нас, будто арабы – или глупцы, которых, можно обмануть «смягченной» формулировкой наших истинных целей, или продажное племя, которое уступит нам свое первенство в Палестине за культурные и экономические выгоды. Отказываюсь наотрез принять этот взгляд на палестинских арабов. Культурно они отстали от нас на 500 лет, в духовном отношении они не обладают ни нашей выносливостью, ни нашей силой воли; но этим вся внутренняя разница и исчерпывается. Они такие же тонкие психологи, как и мы, и так же точно, как и

мы, воспитаны на столетиях хитроумного пилпула: что бы мы не рассказывали, они так же хорошо понимают глубину нашей души, как мы понимаем глубину их души. И к Палестине они относятся по крайней мере с той же инстинктивной любовью и органической ревностью, с какой ацтеки относились к своей Мексике или сиуксы к своей прерии.

Фантазия о том, что они добровольно согласятся на осуществление сионизма о обмен за культурные или материальные удобства, которые принесет им еврейский колонизатор, – эта детская фантазия вытекает у наших «арабофилов» из какого-то предвзятого презрения к арабскому народу, из какого-то огульного представления об этой расе, как сброду подкупном, готовом уступить свою родину за хорошую сеть железных дорог. Такое представление ни на чем не основано. Говорят, что отдельные арабы часто подкупны, но отсюда не следует, что палестинское арабство в целом способно продать свой ревнивый патриотизм, которого даже папуасы не продали. Каждый народ борется против колонизаторов, пока есть хоть искра надежды избавиться от колонизационной опасности. Так поступают и так будут поступать и палестинские арабы, пока есть хоть искра надежды.

II

Многие у нас все еще наивно думают, будто произошло какое-то недоразумение, арабы нас не поняли, и только потому они против нас; а вот если бы им можно было растолковать про то, какие у нас скромные намерения, то они протянули бы нам руку. Это ошибка, уже неоднократно доказанная. Напомню один случай из множества. Года три тому назад г-н Соколов, будучи в Палестине, произнес там большую речь об этом самом недоразумении. Он ясно доказал, как жестоко арабы ошибаются, если думают, будто мы хотим отнять у них собственность, или выселить их, или угнетать их; мы даже не хотим еврейского правительства, мы хотим только правительства, представляющего Лигу Наций. На эту речь арабская газета «Кармель» ответила тогда передовицей, смысл которой передаю на память, но точно. Сионисты напрасно волнуются: никакого недоразумения нет. Г-н Соколов говорит правду, но арабы ее и без него прекрасно понимают.

Конечно, сионисты теперь мечтают ни о выселении арабов, ни об угнетении арабов, ни о еврейском правительстве; конечно, они в данный момент хотят только одного – чтобы арабы им не мешали иммигрировать. Сионисты уверяют, что они будут иммигрировать лишь в таких количествах, какие допускаются экономической емкостью Палестины. Но арабы и в этом никогда не сомневались: ведь это трюизм, иначе и не мыслимо иммигрировать. Арабский редактор готов даже охотно допустить, что потенциальная емкость Палестины очень велика, т. е., что в стране можно поселить сколько угодно евреев, не

вытеснив ни одного араба. «Только этого» сионисты и хотят, и именно этого арабы не хотят. Потому что тогда евреи станут большинством, и тогда судьба арабского меньшинства будет зависеть от доброй воли евреев; а что меньшинством быть неудобно, про то сами евреи очень красноречиво рассказывают. Поэтому никаких недоразумений нет. Евреи хотят только одного – свободы иммиграции; а арабы именно этой еврейской иммиграции не хотят.

Это рассуждение арабского редактора так просто и ясно, что его следовало бы заучить наизусть и положить в основу всех наших дальнейших размышлений по арабскому вопросу. Дело вовсе не в том, какие слова – герцлевские или сэмноэлевские – будем мы говорить в объяснение наших колонизационных усилий. Колонизация сама в себе несет свое объяснение, единственное, неотъемлемое и понятное каждому здоровому еврею и каждому здоровому арабу. Колонизация может иметь только одну цель; для палестинских арабов эта цель неприемлема; все это в природе вещей, и изменить эту природу нельзя.

III

Многим кажется очень заманчивым следующий план: получить согласие на сионизм не от палестинских арабов, раз это невозможно, но от остального арабского мира, включая Сирию, Месопотамию, Геджас и чуть ли не Египет. Если бы это и было мыслимо, то и это не изменило бы основного положения: в самой Палестине настроение арабов по отношению к нам осталось бы то же самое. Объединение Италии было в свое время куплено той ценой, что между прочим Тренто и Триест остались под австрийской властью; но итальянские жители Тренто и Триеста не только не примирились с этим, а, напротив, с утроенной энергией продолжали бороться против Австрии, если бы даже можно было (в чем сомневаюсь) уговорить арабов Багдада и Мекки, будто для них Палестина только маленькая несущественная окраина, то и тогда для палестинских арабов Палестина осталась бы не окраиной, а их единственной родиной, центром и опорой их собственного национального существования. Поэтому и тогда колонизацию пришлось бы вести против согласия палестинских арабов, т. е. в тех же условиях, что и теперь.

Но и соглашение с непалестинскими арабами есть тоже фантазия неосуществимая. Для того, чтобы арабские националисты Багдада, Мекки, Дамаска согласились уплатить нам такую серьезную цену, какой был бы для них отказ от сохранения арабского характера Палестины, т. е. страны, которая лежит в самом центре «федерации» и режет ее пополам, мы должны предложить им чрезвычайно крупный эквивалент. Ясно, что есть только две мыслимых формы такого эквивалента: или деньги, или политическая помощь, или то и другое вместе. Но мы не можем им предложить ни того, ни другого. Что касается денег, то смешно даже думать о том, будто мы сможем финансировать Месопотамию

или Геджас, когда у нас и на Палестину не хватает.

Для ребенка ясно, что эти страны, с их дешевым трудом, найдут капиталы просто на рынке, найдут гораздо легче, чем мы их найдем для Палестины. Всякие разговоры на эту тему о материальной поддержке суть или ребяческий самообман, или недобросовестное легкомыслие. И уже совсем недобросовестно с нашей стороны было бы всерьез говорить о политической поддержке арабского национализма. Арабский национализм стремится к тому же, к чему стремился, скажем, итальянский до 1870-го года: к объединению и государственной независимости.

В переводе на простой язык это означает изгнание Англии из Месопотамии и Египта, изгнание Франции из Сирии, а потом, быть может, также из Туниса, Алжира и Марокко. С нашей стороны хотя бы отдаленно помогать этому было бы и самоубийством, и предательством. Мы опираемся на английский мандат; под декларацией Бальфура в Сан-Ремо подписалась Франция. Мы не можем участвовать в политической интриге, цель которой отогнать Англию от Суэцкого канала и Персидского залива, а Францию совершенно уничтожить как колониальную державу. Такую двойную игру не только нельзя играть: о ней даже и думать не полагается. Нас раздавят – и с заслуженным позором, – прежде чем мы успеем шевельнуться в этом направлении.

Вывод: ни палестинским, ни остальным арабам мы никакой компенсации за Палестину предложить не можем. Поэтому добровольное соглашение немислимо. Поэтому люди, которые считают такое соглашение за *conditio sine qua non* сионизма, могут уже теперь сказать; *non*, и отказаться от сионизма. Наша колонизация или должна прекратиться, или должна продолжаться наперекор воле туземного населения. А поэтому она может продолжаться и развиваться только под защитой силы, независимой от местного населения, – железной стены, которую местное население не в силах прошибить.

В этом и заключается вся наша арабская политика: не только «должна заключаться», но и на самом деле заключается, сколько бы мы ни лицемерили. Для чего декларация Бальфура? для чего мандат? Смысл их для нас в том, что внешняя сила приняла на себя обязательство создать в стране такие условия управы и охраны, при которых местное население, сколько бы оно того ни желало, было бы лишено возможности мешать нашей колонизации административно или физически. И мы все, все без исключения, каждый день понукаем эту внешнюю силу, чтобы она эту свою роль исполняла твердо и без поблажек. В этом отношении между нашими «милитаристами» и нашими «вегетарианцами» никакой существенной разницы нет. Одни предпочитают железную стену из еврейских штыков, другие из ирландских; третьи,

сторонники соглашения с Багдадом, готовы удовлетвориться багдадскими штыками (вкус странный и рискованный); но все мы хлопочем денно и нощно о железной стене. Но при этом мы же сами зачем-то портим свое дело декламацией о соглашении, внушая мандатной державе, будто дело не в железной стене, а в еще новых и новых разговорах. Эта декламация губит наше дело; поэтому дискредитировать ее, показать и ее фантастичность, и ее неискренность – это есть не только удовольствие, но и долг.

IV

Вопрос не исчерпан, я еще вернусь к некоторым его сторонам в следующей статье. Но считаю нужным здесь же вкратце сделать еще два замечания.

Во-первых: на избитый упрек, будто выше изложенная точка зрения неэтична, отвечаю: неправда. Одно из двух: или сионизм морален, или он не морален. Этот вопрос мы должны были для себя решить раньше, чем взяли первый шекель. И решили положительно. А если сионизм морален, т.е. справедлив, то справедливость должна быть проведена в жизнь независимо от чьего бы то ни было согласия или несогласия. И если А, В или С хотят силой помешать осуществлению справедливости, ибо находят ее для себя невыгодной, то нужно им в этом помешать, опять-таки, силой. Это этика; никакой другой этики нет.

Во-вторых, все это не значит, что с палестинскими арабами немыслимо никакое соглашение. Невозможно только соглашение добровольное. Покуда есть у арабов хоть искра надежды избавиться от нас, они этой надежды не продадут ни за какие сладкие слова и ни за какие питательные бутерброды, именно потому, что они не сброд, а народ, хотя бы и отсталый, но живой. Живой народ идет на уступки в таких огромных, фатальных вопросах только тогда, когда никакой надежды не осталось, когда в железной стене не видно больше ни одной лазейки. Только тогда крайние группы, лозунг которых «ни за что», теряют свое обаяние, и влияние переходит к группам умеренным. Только тогда придут эти умеренные к нам с предложением взаимных уступок; только тогда станут они с нами честно торговаться по практическим вопросам, как гарантия против вытеснения, или равноправие, или национальная самобытность; и верю и надеюсь, что тогда, мы сумеем дать им такие гарантии, которые их успокоят, и оба народа смогут жить бок о бок мирно и прилично. Но единственный путь к такому соглашению есть железная стена, т. е. укрепление в Палестине власти, недоступной никаким арабским влияниям, т. е. именно то, против чего арабы борются. Иными словами, для нас единственный путь к соглашению в будущем есть абсолютный отказ от всяких попыток к соглашению в настоящем.

mail.ru	1214
3685192	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

СИЛА ДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

1925 (?)

В этот момент тысячи сынов нашего народа, и в Эрец-Исраэль и в диаспоре, делают усиленные попытки предугадать, что за человек наш новый губернатор и каково его отношение к нам. Склонится ли его сердце к идее создания национального дома или же, наоборот, будет «равнодушен».

Неделю назад мне довелось побывать в Лондоне и там тоже увидел, что никто не знает отгадки этого ребуса. И все-таки всем тем, кто сидит и высчитывает решение, кажется, что этот сугубо личный вопрос – вещь, чрезвычайно важная, именно то самое главное, от чего зависит в большой степени политическое положение, которое будет господствовать в Эрец-Исраэль в течение ближайших лет. В противовес этой точке зрения, позвольте мне высказать иную: отношение губернатора к нашим политическим правам не зависит ни в коей мере от его личного мировоззрения, и это говорится не в том банальном смысле, который в нашем лагере превратился в привычную отговорку, оправдывающую нашу политическую безалаберность: «степень нашего политического влияния прямо пропорциональна степени нашей общественной работы». Этот марксистский пафос – наполовину пустая болтовня, наполовину – заблуждение. Истина заключается в следующем: отношение правительства к нам зависит в первую очередь от нашего собственного отношения к правительству.

Все, что мы проиграли в политическом смысле, мы проиграли именно в то время, когда были здесь губернаторы, которые, вне всякого сомнения, питали склонность к сионистской идее. Вполне вероятно, что нет у нас в лагере христиан друга более верного, чем Ллойд Джордж, но все же именно в его время, а не во времена Болдуина появилась «Белая книга» 1922 года, и в самой стране у власти находился министр, сионистские взгляды которого признают

даже его противники. Каким же образом и почему это произошло?

Вероятно, наши «марксисты» скажут: «Это случилось потому, что тогда наша экономическая деятельность не была в достаточной мере развитой, сильной и плодотворной...» Предположим на долю секунды, что они правы и экономический фактор действительно является решающим. Но давайте внимательно посмотрим, что происходит в текущий момент. Строительство в Эрец-Исраэль развивается в полную силу и вызывает изумление. И человеческий материал есть, и капитал, национальный и частный, и созидательная энергия, и Тель-Авив, и Эмек, и Афула, и так далее. Во главе министерства по делам колоний стоят два наших друга с давних пор: Эмри и Ормсби-Гур, и оба, в особенности первый, видели нашу строительную деятельность во всем ее нынешнем блеске. И если есть среди читателей этих строк еще всецело верящие, еще не раскаявшиеся в своем энтузиазме по поводу празднеств, устроенных на горе Скопус, на полсекунды пойдем на уступку и им, возьмем в расчет и Скопус, который «показал при свете солнца, как велико влияние волшебства сионистской идеи на все народы мира и как много у нас друзей во всех уголках земного шара.

И все-таки, несмотря на все это, несмотря на дружеское отношение к нам губернаторов, несмотря на экономическую деятельность, ценностью которой никто не пренебрегает, несмотря на вид чужеземных министров, бьющих земные поклоны в Сионе, что же произошло с нами на политической арене, какой вывод можно сделать из всех этих превосходных факторов? Две речи Эмри – второе, испорченное, издание «Белой книги», два важных назначения (нового губернатора и его заместителя), смысл и пророчество которых понимает каждый еврей в глубине своей души.

Каким образом и почему наше политическое положение ухудшается, несмотря на все факторы, духовные и материальные, которые, по принятой у нас логике, должны были, наоборот, повлиять к лучшему? Но результата без причины нет, а причиной является один из законов природы, основной закон, железный, господствующий во всей живой и неживой природе, обладающий властью, не знающей границ и не признающей никакого сопротивления. И имя ему: закон силы действия и противодействия .

И все в природе, любой неодушевленный или одушевленный предмет – от камня в поле до души губернатора, если на него оказывают определенное давление с одной стороны, в конце концов должен подчиниться толчку и двигаться по направлению оказанного на него давления, если не придет с другой стороны нечто, что в физике называется «силой противодействия» – сила, оказывающая сопротивление первой и действующая с той же мощью, что и первая. Самый крепкий ливанский кедр в конечном счете покорится ветру, если

ветер будет дуть все время с одной стороны. И ливанские скалы могут превратиться в пыль под напором струйки воды, идущей даже из самого-самого маленького источника, при условии, что она будет капать непрерывно. То же верно и в отношении человеческой души – будь то душа губернатора или чистильщика обуви; то же происходит и с мировоззрением, и с волей, и с любовью. Этот закон мы не поняли, и потому испортили даже тех, кто нам симпатизирует.

Масличная гора – это один из самых больших центров давления во всем мире. И говоря это, я не имею в виду только давление жителей Эрец-Исраэль, сопротивляющихся нашим стремлениям. И из Лондона дуют ветры, и из Рима. И все же еще более важным является объективное давление, постоянное давление, созданное самой обстановкой, которое не прекратится даже в том случае, если каким-то чудом прекратится людская пропаганда. Это сила инерции. Губернатору, стоящему на месте, легче, чем губернатору, находящемуся в движении.

Если бы не еврейская репатриация, то должность наместника в Эрец-Исраэль была бы так же проста, как губернатора Гвианы или острова Борнео. Медленное установление порядка, естественное движение вперед карликовыми шагами, без вопросов и загадок, без мук творчества. Но трудно строить и трудно помогать строительству, особенно такому быстрому и лихорадочному, как строительство нашей страны. Губернатора, который захочет искренне и со всей серьезностью помочь нам проложить дорогу, ждет тяжелый и изнурительный труд. Что ни день – то новая головоломка, что ни день – то какие-то изменения, хлопоты, приспособление законов к постоянно меняющейся ситуации, постоянная дискуссия – то есть все то, что англичане называют «трабел»,

Это слово, естественно, вызывает неприязнь у любого человека, а особенно у англичанина, и, в частности, у любого английского чиновника. Сила инерции – это самая опасная и страшная сила, какая только может быть. Инерция перекрывает путь строителю. И к ней добавляется еще субъективное давление общественной воли, оказывающей сопротивление этому строителю. Он теряется, и нет у него надежды, – будь он богат, как Монте-Кристо, и трудолюбив, как муравей, – если не умеет он прежде всего оказывать давление со своей стороны, давить с удвоенной силой, изо дня в день, с утра и до утра, и не как буря, которая налетает часа на два и прекращается, а как осенний проливной английский дождь, которому нет конца и нет от него спасения до тех пор, пока снова не появится солнце.

Если бы я писал для диаспоры, я бы пояснил мои слова примерами и объяснениями. Но мои слова предназначены для ушей многоопытного «ишува», И несмотря на все разочарования, постигшие меня пока что, я все еще хочу

верить, что не напрасен был этот опыт и не забыты уроки последних пяти лет. Нет хорошего министра и нет плохого: любой правитель, в сущности, – воспитанник своей среды, а воспитатели его – его подданные.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ОБРАЩЕНИЕ К МОЛОДЕЖИ

(31 октября 1926)

Не знаю, сумею ли я оправдать выраженные здесь надежды, смогу ли я указать молодежи какой-либо иной путь, отличный от пути, который я указываю самому себе. Да и вообще мне кажется, что нет никакого различия между путем, по которому идет юношество, и путем, по которому идет вся остальная нация. Нет никакой разницы в функциях. Те же функции предназначены и старому, и молодому, бабушке и внучке. Но я рад, что в конце концов перед самым моим отъездом из Эрец-Исраэль, я смог встретиться с вами. Я, однако, надеялся, что наша встреча произойдет сразу же после моего приезда. В течение всей моей жизни в качестве общественного деятеля меня обвиняли в том, что я плохо влияю на молодежь, я подстрекаю и совращаю ее, поднимаю ее против родителей и воспитателей. И вполне возможно, что те, кто обвиняет меня в этом, правы. Перед тем как прийти в этот зал я пытался восстановить в памяти все мои встречи с молодежью, и я вспомнил, что да, действительно, так оно и есть: я всегда «портил» ее. Но мне также вспоминается, что великий Сократ был приговорен к смерти именно за то, что «дурно влиял» на молодежь Афин, И все великие, кому наше поколение и в подметки не годится – Галилео Галилей, Джордано Бруно, Байрон, Шелли, Гарибальди, – все они всегда обвинялись в том, что «совращали» молодежь и побуждали ее к протесту и бунту.

И все-таки, еще по дороге в Эрец-Исраэль, на пароходе, я думал, что здесь найду другую атмосферу. Там, размышляя, я, есть педагоги, которых я помню с незапамятных времен, педагоги в полном смысле этого слова, стремящиеся создать новое поколение людей, обладающих широкой и всеобъемлющей душой. Они захотят, чтобы подрастающее поколение в Эрец-Исраэль смогло

услышать и узнать обо всем, что происходит в еврейском мире; они откроют передо мной двери школ, по крайней мере двери старших классов. И я, приехавший в Эрец-Исраэль как представитель одного из течений сионистского движения, я думал, что они придут ко мне и скажут: «Расскажите нам, пожалуйста, так же, как рассказывают на уроках географии, литературы и истории, о чем Вы мечтаете, какие у Вас планы, какие надежды?» В мечтах этих, безусловно, был элемент наивности. Ну что ж, думал я, в конце концов эти педагоги в какой-то мере мои коллеги. Хотя я никогда не занимался преподавательской деятельностью, но тем не менее считал, что величайшая роль еврейского преподавателя заключается в распространении живого языка иврит. И в те времена, когда все вы были еще детьми, младенцами, я, в России, находился в одних рядах с теми, кто боролся за введение обучения на иврите для еврейских детей в этой стране. Я считал, что педагоги в Эрец-Исраэль вспомнят и примут в расчет этот мой вклад. В последнее время я занимался и другой воспитательной деятельностью. Я видел, что нет атласа. Посоветовавшись с педагогом-специалистом, мы составили атлас.

Я думал, что педагоги дадут мне возможность прийти к вам. Но я ошибся. И я в свое время был учеником, и среди моих учителей большинство были не педагоги, а «чиновники от воспитания». Только один из десяти был настоящим педагогом. И в Эрец-Исраэль, как и в любой другой стране, есть те же два вида: педагоги и «чиновники от воспитания». Эти последние довольно быстро поняли, что в Эрец-Исраэль приехали не их коллеги, а люди совершенно чужие... и потому надежды мои не оправдались. Я уже решил было, что так и не встречу с вами. Но вот благодаря тому, что какая-то часть молодежи подняла шум, мне была предоставлена такая возможность. Я исполню свой долг, покорюсь своей судьбе и еще раз «испорчу», «совращу». «дурно повлияю» на молодежь.

В психологии воспитателя, даже самого хорошего, есть одно недопонимание. В каждом предрассудке всегда присутствует доля истины и доля заблуждения. Существует мнение, что в обязанности молодежи входит только подготовка к жизни, и молодому человеку не дано, и даже запрещено, вмешиваться в развитие событий. Юноша не знает, что хорошо, а что плохо, и лишь только тогда, когда он повзрослеет, созреет и познает правильный путь, лишь только тогда разрешено ему вмешиваться. Доля истины в этом есть.

Семилетний ребенок не может вмешиваться в ход жизни. И, возможно, семнадцатилетний юноша тоже не может. Но о чем, собственно говоря, идет речь? О жизни нормальной нации в нормальное время и в нормальных условиях. Молодежь готовится, впитывает какие-то факты, усваивает Чьи-то мысли, ранее уже обработанные в лаборатории общественного мышления. Но и в нормальном обществе, в Англии, Германии, Франции, отношение к молодежи меняется, когда наступает «ненормальное» время. В обычное время нет необходимости не

только в ученике, но и в студенте, так как есть у них умудренные опытом политики. Но в исключительных случаях, например, во время войны, отношение меняется. Молодежь вступает в бой, она выступает в роли спасителя.

Мы видели это в последней войне. Кто спас честь наций? Восемнадцатидвадцатилетние, которым всегда говорили: «Не вмешивайтесь, пожалуйста», и на выборах им не было предоставлено право голоса. Но в «ненормальное» время молодежь проголосовала самым простым образом: она подняла руку – сила против силы. И для этого она была достаточно взрослой и зрелой. Но я спрашиваю вас: настоящий период в жизни нашего народа вообще и в Эрец-Исраэль особенно – нормальное это время или исключительное? Мне кажется, что исключительное, и ошибкой будет сказать, что ученик, даже ребенок, должен в данный период только готовить себя к жизни. В такой момент трудно сказать молодежи: готовьтесь, только готовьтесь! Но вместе с тем вы не можете уклониться от того, чтобы помогать своему народу, принимать участие в создании и строительстве страны. Это ненормальное, нездоровое состояние, но таково сейчас положение вещей.

Но у меня имеются претензии и по отношению к этой подготовке. Молодежь, которой сейчас говорят: «Готовьтесь. Настанет время, и вы окажете нам помощь в борьбе», молодежь, которой мы даем все и для которой делаем все, – действительно ли она готовит себя к жизни? Я не знаю. Я задам этот вопрос вам. Вы учите историю, а в старших классах, вероятно, и социологические дисциплины И о течениях, существующих и в еврейском обществе, и в других обществах. Но я опасюсь того, что главное забыто... я боюсь, что вы не готовитесь.

И еще один вопрос я должен затронуть и «испортить» нравы. Еще будучи вдали от Эрец-Исраэль, я слышал, что среди местной молодежи есть «очень хорошая часть» и часть – любители скандалов. И эта часть использует разного рода лозунги в целях пропаганды. Возьмем, к примеру, «лозунг языка»: идет по улице человек и разговаривает со своей дамой не на иврите, а на каком-нибудь иностранном языке, подходит «хулиган» и мешает им, «морочит голову». Эти люди также пользуются лозунгом «сделано в Эрец-Исраэль».

Мне вспомнилось одно движение, движение суфражисток за равноправие женщин. Это происходило в Англии, у англичан, говорящих нам: тихо, нельзя кричать! Учитесь у них. Не знаете ли вы, что за «общественное спокойствие» господствовало тогда в Англии? Десять-пятнадцать лет тому назад женщины шли и демонстрировали перед парламентом; они вливали серную кислоту в почтовые ящики и сжигали письма, среди которых были важные документы и чеки и тому подобное; они вливали чернила в карманы Ллойд-Джорджа и Эсквита. Мне кажется, что наш уважаемый гость, полковник Вэджибур, тоже

был среди тех, кто устраивал скандалы, а если я и ошибаюсь в данном случае, то уж Кэнворт точно был. В парламенте сейчас находится не менее ста бывших участников этих скандалов, да и в палате, лордов есть некоторые из них.

Среди них и женщины с титулом «леди» – такие аристократические женщины, как леди Панкхэрст, у которой есть уже внуки и внучки. Когда ее спросили, почему женщины использовали такую смешную форму войны, она ответила: «Все то время, когда наши противники утверждали, что вообще нет никакой необходимости в женском равноправии, и все время, пока проблема существовала на уровне дискуссии, мы принимали в ней участие, произносили речи, писали статьи, вели борьбу спокойно и с достоинством. Но потом у наших противников появились ответы. Они заявили: «Да, у вас, женщин, действительно есть право на равноправие, но это не срочно, Англия подождет еще несколько лет. Пока над удобно настоящее положение, зачем же менять его сейчас? Тогда леди Панкхэрст сказала: «Посмотрим, будет ли вам удобно, когда женщины покажут англичанину кто мешает». Когда он вставал утром и одевался, карманы его одежды были полны чернил, письма свои он не получал, не мог заседать в парламенте и издавать законы. И кто мешал? Англичане, англичанки. И, таким образом, выходит, что есть времена, когда невозможно сидеть тихо, и слова леди Панкхэрст нужно выполнять от начала до конца.

Все то время, пока ведутся дискуссии, и вам отвечают отказом и аргументируют свои ответы, вы можете сопротивляться только силой своего мышления. Но если вам скажут, что вы правы, но мы не желаем это ваше право претворить в действие, поскольку это нам удобно и без этого, то тогда мы можем создать такую атмосферу, «чтобы удобно больше не было». Так нужно вести себя и в отношении проявления фанатизма во имя иврита, и в отношении «сделано в Эрец-Исраэль». Нельзя быть умеренными, но нужно знать меру. Так как и это точная наука. Нужно пользоваться известным планом в меру, и не всегда так поступают в Эрец-Исраэль. И не только молодежь делает это. Не смейтесь над тем, кто говорит на корявом иврите: он еще не выучил его как следует. А ведь на собрании делегатов, когда выступили там некоторые из моих друзей и произнесли свои речи на плохом иврите, над ними смеялись и подшучивали. Насмешки и издевки – это оружие скандала. Я видел, как ведут себя распространители английского языка. В Америке, например, человека учат английскому языку, а затем, когда он встанет и произнесет свою первую речь, ему будут аплодировать. И то же самое во Франции, в Англии и Германии; они будут радоваться каждому продвижению, так как они понимают, что приобрели новую душу; там они не скандалят. Здесь одна дама сказала мне: «Я бы говорила на иврите с большим удовольствием, но надо мной смеются». И я говорю вам: любой иврит хорош, ясен и чист. Любой иностранный язык – проклятие. Человек, который говорит запинаясь на иврите, не менее велик, чем Цицерон. Так аплодируйте тем, кто запинаясь, так как можете считать, что нашего полку

прибыло. Когда придется встретиться вам с «чиновником от воспитания», научите его, каким образом следует защищать язык. И если вы услышите, что я говорю на улице на иностранном языке, – бросьте в меня первый же камень!

Я постараюсь ответить на вопрос: что вы собой представляете по моему мнению? Что такое молодежь? Молодежь – это не понятие возраста, как нельзя сказать, что весна – это еще не созревшее лето. Молодость – это нечто другое: особый огонь, особое электричество. Отсюда не следует, что если у человека седина на висках, то он не относится к молодежи. Поскольку Нордау всегда был молод, и Герцль, умерший в возрасте сорока четырех лет, был молод, и Гарибальди, и Данте были молоды. Молодежь – это пружина рычага, предназначенная для того, чтобы приводить в действие механизм общества, которое находится накануне кризиса в состоянии застоя.

Это определение верно и относительно общества. Предположим, что общество стоит перед выбором между двумя путями своего развития. Есть старый путь, плохой, но, с другой стороны, приходят люди, которые предлагают прокладывать новый путь, объясняют его суть, ценность его идеалов, Этот путь выглядит опасным, но идти нужно именно по нему. Сначала возникает дискуссия, а затем находят сторонники этого пути. Такое же положение существует сейчас и в Эрец-Исраэль. «Механизм» общества стоит на «мертвой точке». Что в такой ситуации будет делать механик? Он устранит неполадки и выведет машину с «мертвой точки» – и огонь горит, пар выходит, образуется давление... и машина работает.

Пружиной механизма в жизни общества является молодежь.

Если в обществе есть сомнения относительно выбора пути и если есть в этом обществе молодежь, она встанет, даст толчок – и все общество пойдет по этому пути. В этом заключается огромная роль молодежи в революционном движении. Но не подумайте, что я пришел рассыпать комплименты еврейской молодежи. Хороша ли она, эта молодежь? Знает ли она все, что положено ей знать? Нет, насколько мне известно, еврейская молодежь не так уж хороша и не знает всего. Молодежь – это не штурман нации, но компас в руках штурмана. Как стрелка компаса, которая всегда указывает в сторону вечной звезды, так и молодежь – это компас совести штурмана корабля, и горе тому кораблю, штурман которого не слушается указаний компаса, и горе той молодежи, которая потеряла ориентир магнитной стрелки, указывающей в сторону вечной истины.

Я закончу легендой: есть кавказская легенда, повествующая о бродяге, бредущем в горах Кавказа и внезапно услышавшем вздох среди скал. Несколько раз слышал он этот вздох, пока удалось ему различить слова. Голос спросил его

на древнегреческом языке: «Есть ли еще огонь на земле?» Тогда бродяга понял, что это Прометей, титан, принесший на землю первую искру огня, которая дала начало развитию нашей цивилизации, и был за это наказан Зевсом, заковавшем его в железные цепи на скале в горах Кавказа. Каждый из нас выполняет или выполнит эту роль Прометея в силу своих возможностей. И я нахожусь в числе тех, кто взял на себя наследие Прометея, и я считаю себя частицей тех, кто продолжает зажигать искру. И каждый из нас наказан за это и известным образом сослан в пустыню и закован в железо. И в качестве одного из тех, кто зажигает дух молодежи в Эрец-Исраэль, во имя которой я тружусь и буду трудиться всю оставшуюся жизнь, я обращаюсь к молодым евреям и еврейкам именно здесь, в Тель-Авиве, и спрашиваю «Есть ли у вас этот огонь? Молодежь ли вы?» У меня нет необходимости услышать ваш ответ в виде аплодисментов. Вы ответите на него всею своей жизнью, и следующее поколение увидит, дали ли вы на него ответ или нет. Вы должны дать ответ.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

«ШААТНЭЗ ЗАПРЕЩЕН ЕВРЕЮ...»

Мысли о монизме Бейтара. 1929

Что такое Брит Трумпельдор? Чем он отличается от других юношеских сионистских организаций?

Я не намерен порицать другие молодежные организации. Наоборот, у них много достоинств; но я уверен, что они идут по ложному пути, и поэтому надеюсь, что они постепенно распадутся и Брит Трумпельдор, достигнув совершенства, займет их место.

Разница между ними и Бейтаром выражается в трех пунктах.

1. Брит Трумпельдор стремится воспитывать молодежь в герцлинианском духе. Известно, что в последние годы сионизм «разбавлен». Идеал еврейского государства от стремления спасти миллионы страдающих евреев и создать им государство, разрешить проблему «еврейских бед» превратился в стремление дать избранному меньшинству возможность наслаждаться климатом земли Израиля и говорить на иврите. Эта поверхностная концепция сионизма пустила корни в самых важных молодежных организациях. В них проповедуют гротескную и искаженную идею Ахад Га-Ама. (Ахад Га-Ам горько жаловался мне и другим, что его учение было искажено, что он всегда ратовал за еврейское большинство в Палестине, и он ясно предложил это в статье «Три стадии».) В их рядах распространяют доктрину Мартина Бубера, типичного провинциала, мелкого мыслителя третьего ранга, у которого можно выискать одну идею, не его, не имеющую ценности из девяти цветастых и закрученных фраз. Эту молодежь учат видеть в сионизме только мечту, которая никогда не осуществится. Брит Трумпельдор учит молодежь верить в большие идеи Герцля и Нордау о государстве, массовой иммиграции, решении еврейской проблемы в

смысле политическом, материальном и духовном.

2. Второе различие состоит в том, что Брит Трумпельдор хочет обучить молодежь самообороне. Что это необходимо, нет в среде евреев сомнения, но, к сожалению, и логика отсутствует у евреев. Они представляют себе, что это особое ремесло среди других: но другие ремесла следует изучать, а это приходит само по себе, из энтузиазма и героизма, храбрости, готовности умереть. Это детский подход к вещам, ибо речь идет не о смерти, наоборот, цель – не умереть и не дать другим евреям умереть или даже страдать. И им не овладевают благодаря энтузиазму. Это ремесло, как и всякое другое, но более сложное и бесконечно ответственное. Поэтому ему надо обучаться и тренироваться долго, нужно ему обучаться со спокойной гордостью, глубоко и систематично и, не стесняясь, относиться к этому с желанием и любовью.

3. Но самое главное отличие – третье. Брит Трумпельдор не терпит идеологического суррогата.

2

Шаатнзз – это ткань, сотканная из смешанных волокон: половина лен, половина шерсть; в Торе есть четкий запрет к его употреблению. Есть и причина запрета. В те древние времена мировое хозяйство было разделено на две важные отрасли: обработка земли и выращивание домашнего скота. Между обеими господствовала естественная и неутихающая вражда (нашедшая выражение еще в споре между Каином и Авелем), так как пастуху нужны были большие участки земли. Естественно, что земледелец обычно носил одежду из льна, а пастух из шерсти, по их одежде можно было определить, чем они занимаются. Но человек, носивший одежду из смешанных волокон, был ни тем, ни сем, ни друг, ни враг. И это Библия считает аморальным. Брит Трумпельдор стремится покончить с душевной раздвоенностью.

Сионизм нынешней молодежи «куцый и разбавленный» и он не может быть их единственным и господствующим идеалом, Нельзя черпать вдохновение от чего-то половинчатого, и поэтому приходят к поискам другого идеала! И так становятся левыми и пропагандируют социальные реформы и социальные революции, и хотят найти их связь с сионизмом. И сионизм становится ограниченным. Цель спасти еврейский народ – только средство служить другим народам, учить их морали и так далее, И поэтому национальный дом для евреев нужно строить на новых началах, в виде кооператива или по-другому, но без капитализма и без эксплуатации. Все это прекрасно, но что делать, когда оказывается, что это невозможно? Жизнь уже доказала это, ибо строительство Эрец-Исраэль невозможно без частного капитала, а капитал не придет, если его

не ждут доходы (которые, согласно марксизму, являются следствием эксплуатации). Вывод неизбежен: раз невозможно условие, невозможно и предприятие. И это уводит от сионизма.

Таков конец всякого идеологического суррогата. Когда начинают открывать, что прежний идеал не хорош и его нужно припудрить и украсить элементами других идеалов, то приходят к признанию, что другие идеалы красивее, величественнее, свежее, и мы начинаем оправдываться и извиняться, подчеркивать второстепенное, пока не приходим к выводу, что, если второй идеал выше идеи сионизма, нужно стать его последователем без всяких условий, ибо «два идеала» – это абсурд.

И это так: два идеала – абсурд, как два Бога или два разных алтаря в одном храме. Я никого не хочу обидеть, но душа, которая может вместить два идеала и оставаться при этом счастливой, душа ущербная. Цельная душа может быть только монистической. Слово «идеал» по своему смыслу не имеет множественного числа. Здоровая душа, у которой есть один идеал, не может освободить место для второго. Если сионизм – идеал, рядом с ним нет места другим идеалам. Один идеал исключает все другие, как бы прекрасны, чисты и святы они не были. Но при этом он не осуждает другие благородные и прекрасные идеалы. Может быть, социализм действительно вершина справедливости. Я лично в это не верю, но допустим, что это так. Дело не в этом. Когда мы в юности вели борьбу против ассимиляции, мы не сомневались в национальных ценностях других народов, которые ассимиляторы хотели приобрести, в их благородстве, но мы требовали от юношества: не служить другим ценностям, кроме еврейских; и если это трудно, ибо ты влюблен в чужие традиции, ты можешь доказать, здоровая у тебя душа или мелкая, ибо для здоровой души служение идеалу не безделка, а жертва.

Суть движения Бейтар, которое сейчас формируется и находит свое выражение в трудностях, – идеологический монизм. Большинство его членов, если им разрешат поселиться в Палестине, будут рабочими. Они это знают, гордятся этим и готовы к этому. Но они готовы еще к чему-то: всегда помнить, что их долг, связанный с материальной стороной и строительством страны, не должен влиять на их души. Он может быть каменщиком или учителем, инженером или полицейским, но прежде всего он пионер; это звание более высокое, чем рабочий, или промышленник, или даже солдат. Пионер может выполнять разные должности, он может менять их, но никогда его не могут привлекать классовые интересы той части общества, к которой он принадлежит. В собственных глазах он всегда останется как бы актером, выполняющим роль, данную ему режиссером в пьесе, названной «Создаем еврейское государство», а имя режиссера – идеал государственности. Сегодня он исполняет свою роль с лопатой в руке, завтра – учитель, затем – легионер. Он исполняет свою роль

искренне и с чистой совестью. Но на деле он не учитель, не солдат, не буржуй, не пролетарий. Он все вместе. Он пионер.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ЕВРЕИ И АРАБЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФОНЕТИКИ

1930

Теперь невозможно догадаться, как звучала еврейская речь в дни наших древних предков; одно ясно – их выговор отличался изысканной точностью, Они не знали скороговорки, не проглатывали слогов, не путали гласных, короче, не знали того неряшливого произношения, которое мы теперь слышим на улицах Тель-Авива. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть в одну строку еврейской книги, напечатанной полной пунктуацией. Система «никкуд» была установлена нашими учеными тогда, когда еще не совсем вымерла традиция живой еврейской речи; если они и ошиблись в чем-нибудь, то, само собою понятно, не в сторону преувеличенной точности, наоборот, в их эпоху, быть может, уже позабылись некоторые тонкости древнего произношения: могли, например, стереться некоторые оттенки в выговоре гласных, еще отличавшихся друг от друга во дни Давида и Соломона. И тем не менее, как велико звуковое богатство, о котором свидетельствует никкуд (вокализация) масоретов! Три знака для «а», четыре для «о», четыре для «э», два знака для «у», два для «и». Обилие этих знаков доказывает слух, чрезвычайно заостренный и утонченный. Наши предки говорили на языке, исключительно богатом звуковыми оттенками, тщательно отмечали малейшее различие между звуками, отчеканивали каждый слог; можно сказать, что «коклетничали» своим произношением. Грешно портить такой язык тем монотонным треском, который приходится слышать не только на улице и в собрании, но, к сожалению, иногда и в школе, и со сцены театра.

Язык – это ядро и основа национальной музыки. Как скрипач или пианист работают над сонатой, которую завтра они будут играть публично, так должен работать каждый из нас над улучшением своего произношения.

Но откуда взять законы для улучшения произношения? Где найдем мы опору и

пример для «правильного» произношения согласных и гласных?

Естественно, каждый из нас склонен придавать «своему» ивриту звуковой облик того иностранного языка, к которому он привык с детства: идиш, эспаньольский, русский, немецкий, польский, арабский, английский. Само собою понятно, что эта «система» не система. Наоборот: первой нашей заботой да будет стремление избавиться от всех этих «акцентов».

Некоторые авторитеты считают, что следует приблизить наше произношение к арабскому. И это ошибка. Конечно, иврит и арабский – оба «семитические» языки, но из этого не следует, что наши предки говорили «с арабским акцентом». Французский и итальянский языки тоже – близкие родственники, но звуковой эффект их – совершенно разный. В итальянском алфавите имеются звуки, которых нет во французском, и, наоборот: есть те же буквы, например, «R», которые совсем по разному произносятся. Русский и польский тоже родственные языки: однако, польский акцент в русской речи чрезвычайно режет слух, и наоборот. Лексическая и грамматическая близость не свидетельствуют о близости произношения. Ибо произношение языка не зависит от его структуры: оно зависит от «музыкального» вкуса народа, пользующегося этим языком, от того, что приятно или неприятно для коллективного слуха того или иного племени. Есть примеры даже одного языка, произношение которого совершенно меняется под влиянием климата, природы или расы. Кому неизвестна громадная разница между английским и американским произношением? Еще значительная разница в произношении между датским и «норвежским» – хотя, как известно, язык Ибсена и язык Андерсена – один и тот же язык (датский).

Во дни расцвета нашего языка в древней Палестине у нас не было почти никакого контакта с арабами. Слово «араб» редко встречается в Библии. Язык арабов развивался в климатических и природных условиях резко непохожих на условия нашей страны: в безграничном просторе, а не в тесной полосе между Даном и Беер-Шевой: на равнине, а не в долинах; в тропической жаре Аравии, а не в прохладяном Иерусалиме; в одиночестве пустыни, а не в толкотне перепутья между Ассирией и Египтом. И расовое происхождение различно. В начале еврейского завоевания Ханаан кипел самыми различными племенами: иевуситы, хиттиты, амореи, филистимляне и многие другие; некоторые из них – осколки народов Европы и Анатолии, другие хамиты. Но к концу периода Царей эти племена уже исчезли, или почти исчезли: большинство из них растворилось в коленах израильских, так создалась еврейская раса: «средиземная» раса, в крови и в душе которой смешаны и слиты черты и вкусы целого ряда северных и западных народов.

Достаточно заглянуть в учебники еврейского и арабского языков: даже человек, который никогда ни того, ни другого не слышал, просто из первых же глав

поймет, что у таких двух языков не может быть схожего звукового облика. В еврейском – ударение почти всегда на последнем слоге, очень редко на предпоследнем; в арабском – самое излюбленное ударение падает на третий с конца слог. Одно это доказывает, как сильно отличался музыкальный вкус народа, создавшего арабский язык, от музыкального вкуса народа, создавшего еврейский. Или возьмем вокализм: чистый арабский язык зиждется на трех гласных – а, и, у, – да и они выговариваются ясно лишь под ударением – во всех других случаях их произношение глухо, и трудно отличить «а» от «э», «о» от «у».

Иврит строго придерживается своих пяти главных гласных – а, э, и, у, – и обозначает с большой точностью малейшее изменение в произношении каждой из них. Ясно, что развитие слуха у этих двух народов, в эпоху возникновения их языков, пошло по разным направлениям.

Из этого следует, что учиться произношению у арабов нам нет смысла. Правда, и у них есть буквы «цади», «куф», «тет», «аин»; но отсюда совершенно не вытекает, что произношение этих букв и устах наших предков было похоже на произношение арабов в наши дни. Арабское произношение тут так же мало показательно, как зубное итальянское «R» не показательно для гортанного «R» по-французски.

Существует еще мною доказательств тому, что весь «музыкальный строй», вся «просодия» еврейского языка не являются, и никогда не были, строем и просодией арабского. Так, например, в арабском отсутствуют две наиболее характерные черты нашего языка, первая – так наз. «вкрадчивый патах» (звук «а», «вкрадывающийся» перед гортанно-придыхательной согласной), вторая – переход «б» в «в», «к» в «х» и т. д. Обеих этих особенностей арабский язык не знает.

Интересно отметить, что фонетические явления, аналогичные этим двум, встречаются как раз в западных языках. «Вкрадчивое» а, например, – характерная особенность английского произношения *roof, door, deer, fair* – произносятся вроде «пуа, доа, диа, феа» – с намеком на «аин» в конце. – Феномен «к – х» и т. д. известен итальянскому языку в его наиболее совершенных наречиях – тосканском и римском. Флорентиец превращает «к» в «х» точно в тех же случаях, когда это полагалось бы по-еврейски. Он произносит «вакка» (сильный дагеш), «арка» (слабый дагеш), но вместо «амико» скажет «амихо». То же с буквами б, т, д – они выговариваются твердо, в тех случаях, где по-еврейски был бы в них «дагеш», и переходят в придыхательные между двумя гласными.

Я остановился на этих подробностях в качестве введения к мысли, являющейся

выводом из всего вышеизложенного: если для установления законов обновленного еврейского произношения мы вынуждены искать точек опоры в других языках, будем искать их не в арабском, а в языках Запада, особенно в тех, которые тоже родились или развивались на берегах Средиземного моря. Я, например, уверен, что общий звуковой облик, «просодия» древне-еврейского языка, была гораздо более похожа на фонетизм языков Греции и Рима, нежели на арабский.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ОБ АВАНТЮРИЗМЕ

1932

Язык идиш очень богат, иногда даже сверх меры. Он может иногда вместо одного иностранного слова создать два слова с тройным смыслом, так что трудно дойти до подлинного смысла того, что ты сам произнес. Возьмем, например, слова «приключение» и «авантюра». В Польше под словом «авантюра» подразумевают «скандал», публичную драку. Слово «авантюир» (приключение) я слышал как раз в Бердичеве. Какое из этих двух слов на идиш подходит к тому, что я имею в виду. А я имею в виду положительный смысл этого слова, проповедь в пользу авантюризма, защиту того, что ненавидят серьезные люди и о чем мечтает молодежь. Примеры этому мы можем найти в романах Жюль Верна и Александра Дюма-отца. Что кроется за этим понятием?

Во-первых, это действия одиночек, и даже всего одного лица на собственный страх и риск, ибо большое количество людей не может участвовать в аванюре часто, а только в редких случаях. Во-вторых, это опасное предприятие, у которого больше шансов на провал, чем на успех. И поэтому каждый серьезный человек считает авантюру глупостью и легкомыслием. Но я намерен защитить право авантюры на существование. Серьезный расчет часто имеет меньше шансов на успех, чем авантюризм,

Пример тому мы видим в истории сионизма в последние годы: он был продуманным, избегал риска, всего, что связано с авантурой, но что вышло из этого? – «Белая книга» Пасфильда С другой стороны, мы помним времена, когда серьезные люди называли Герцля авантюристом, а до Герцля награждали этой кличкой других выдающихся людей – Гарибальди, Вашингтона, Колумба. Несомненно, еврей, который грозил донести на Моше из-за убийства

надсмотрщика в Египте, тоже говорил ему: «Ты авантюрист». Не просто определить границы, где начинается приключение и кончаются осторожные расчеты. Один мыслитель сказал: «Всякое начало выглядит как авантюра до того как оно превращается в успех».

Понятие авантюризма было очень расширено, так что в конце концов слово потеряло четкость. Поэтому я не обязуюсь всегда защищать его и оставляю за собой право в соответствующее время обвинить человека в авантюризме, что я не раз и делал. Все зависит от многих обстоятельств: обстановки, момента, конъюнктуры и от типа авантюры. Иногда авантюризм явление положительное, иногда – вредное, в данный момент я считаю нужным защитить авантюризм, ибо он неизбежно займет свое место. И ничего не поможет, даже если мы будем кричать: «тихо». Тишины, покоя не будет, ибо евреи не умерли, мы живой царод, и сионизм жив, он даже усилился, слава Богу. Поэтому стоит подумать и взвесить, не лучше ли дать ему ход, как нормальному явлению в ненормальных условиях.

А теперь поговорим проблемах репатриации в Палестину. Она запрещена. Как она повлияет на душевную гигиену народа, ведь речь идет о душевном здоровье молодежи. Глаза десятков лучших сынов народа были обращены к репатриации. 2000 человек молодежи были готовы к репатриации, изменить направление в своем образовании, оставить учебные заведения, отказаться от карьеры, связанной с учебой, вступить в конфликт с родителями. Пока была надежда на репатриацию, по крайней мере для двух тысяч молодых людей в год, была жива искра надежды. А что теперь? Никакого утешения даже если в следующем году выдадут несколько тысяч сертификатов, ясно, что власти Палестины не разрешат большой алии, и 90 процентов из тех, кто собирался принять участие в строительстве страны, не имеют и тени надежды приблизиться к желанной цели (пока у власти находятся нынешние правители).

Какой же выход из этого положения? Выход политический я не стану затрагивать в этой статье. Сейчас меня интересует другая сторона этой проблемы. Представьте, что перед вами сидит молодой человек или девушка, ваш сын или дочь, и спрашивает вас: «Что мне делать? Не всем а мне лично; должен ли я смириться с этим запретом репатриации со стороны англичан? Склонить голову и сказать «хорошо, я выполню приказ, и, до тех пор пока я не получу разрешения, я буду паинькой, останусь дома и помогу тебе, папа, торговать овощами в лавке. Но существует опасность, папа, что это положение затянется и развитие пойдет по другому пути, не ведущему к Сиону, и поэтому не следует ли искать других путей – авантюрных? Где написано, что в страну можно проникнуть только с разрешением в руках? Разве ты не рассказывал мне о временах когда вы нарушали границу?»

Будем осторожны, отвечая молодым людям. Объясним им, что в Палестине гораздо труднее перейти границу, чем в бывшей России. В Палестине есть сложные границы: с одной стороны море, с другой – Суэцкий канал, с третьей и четвертой – враждебное арабское население. Это знает даже спрашивающий молодой человек. Но главная опасность состоит в том, что в результате молодой человек может лишиться последней надежды, его собственной мечты, и предстанет перед альтернативой, упомянутой выше: выбрать другие пути, которые не ведут в Сион. Но не стоит переоценивать надежность обдуманных действий. Я хорошо знаю границы Палестины. Они не легки, но не все, что тяжело, непреодолимо. Я не стану входить в детали, но эта авантюра не хуже других, у нее есть как шансы на провал, так и на успех. Одно ясно: народ, и особенно молодежь, не смеют склонять головы и говорить с вздохом: полиция запретила нам стремиться к избавлению откажемся же от него и будем сидеть послушно дома.

Конечно, мы продолжим борьбу за избавление, и где написано, что доказывает, что во имя избавления нельзя использовать авантюру как средство? Уроки истории говорят об этом. История свидетельствует, что даже неудавшаяся авантюра становится иногда средством борьбы, особенно если это предприятие не одиночки, а группы людей. Совсем не страшно, если бы англичанам пришлось бы хватать каждое утро молодых евреев, сажать их в тюрьмы и высылать за пределы Палестины, и повторять это раз за разом. Может, это совсем не опасно, если англичане обнаружат вдруг, что у нас есть организация «контрабандистов», переправляющая нелегально евреев в их национальный дом, и вследствие этого возникнет ряд судебных процессов против этих нарушителей. Кто знает, может, эти суды превратятся в международный суд против самой Англии.

Но я больше не молод и не могу дать совет молодежи. Но если бы я был молод, наплевал бы я на их разрешения и запреты. Вы скажете, что это невозможно. Расскажите своей бабушке, а не мне. Трудно? Да. Очень трудно. Но в этом и есть смысл авантюры. Горы высоки для того, чтобы на них взбираться. Если бы я был молод, я бы избрал новый вид пропаганды и обзавелся бы соответствующим символом: свистком, простым копеечным оловянным свистком, который помогал бы мне освистывать все их законы и запреты. Англия потеряла право требовать уважительного отношения к ее законам на земле Израиля. Вся ее деятельность в Палестине представляет нарушение морали; как мы презирали царские законы, так мы отнесемся и к английским властям в стране. У Англии есть все возможности и средства осуществить свою власть, но она потеряла моральное право продолжать свое господство здесь. Прошло время, когда мы были уверены, что должны поддерживать английские власти, оказывая им моральную поддержку, даже когда это давалось нам нелегко.

В последнее время немногие в Палестине готовы принять участие в аванюре, но их число будет расти, как и само предприятие будет разрастаться в силу обстоятельств и его важности. Ибо не мыслимо, чтобы общество, насчитывающее три поколения людей, одержимых национальной идеей, станет покорно кивать головой в знак согласия с деятельностью банды чужестранцев, право властвовать которой в земле Израиля основано на том, что они не выполняют возложенного на них долга. Они сделали нашу жизнь Палестине невыносимой. Ясно, что в Палестине неизбежно найдутся евреи, которые найдут пути превратить и жизнь англичан в невыносимую, может быть, еще более невыносимую, чем наша. Число таких людей в начале будет не велико, их ряды займет молодежь, и их назовут авантюристами, одного за другим их заключат в тюрьмы Акко, Иерусалима за неуплату налогов, за вызывающее отношение по отношению к полицейским.

Но аресты не такая уж трагедия для сидящих в тюрьме. В одном из журналов «Массуот» я прочел интересное описание ареста членов Бейтара из Рош-Пины, отправленных в тюрьму в Акко за пропаганду бойкота переписи населения. Просто удовольствие читать об этом в наши дни, когда «протест» совершается по указанию свыше, Стучат в дверь и спрашивают: «Вы готовы получить бланк переписи населения?» Им отвечают: «Нет». И тогда следует вопрос:

«Не вы ли тот, кто распространяет прокламации против переписи населения?» – «Да, и еще как». О какой силе духа говорит этот короткий рассказ. И после этого их посылают чистить туалеты в тюрьмах; и эти молодые люди надевают праздничные одежды и идут выполнять работу, каждое пятно на их одеждах клеймит их тюремщиков. Две молодые девушки, Шошана Шиманович и Рая Берман, отказались работать, ибо эту работу могли бы понять как «сотрудничество». Их отправили в тюрьму Бейт-Лехем. Вслушайтесь в звучание названий этих городов: Акко, Бейт-Лехем, связанных с их арестами; даже грязные рабочие не могут уменьшить силу звучания святых слов Иерусалима, горы Скопус. Аресты не трагедия для тех, кто сидит в тюрьме, иногда это трагедия для тех, кто посылает честных людей в тюрьмы.

Англия дошла до того, что господствует на подчиненных ей территориях, сажая в тюрьму честных людей. Каждый патриот Индии стесняется того, что остается дома. «Кто я, – спрашивает он себя, – предатель, не подвергающийся аресту?» А корреспонденты «Таймс» и «Ниар Ист» облизывают пальчики и радуются: «Какие мы сильные». Повремените еще год, слепцы, и увидите, где ваша сила. В наше время это признак не силы, а беспомощности, когда культурный народ пытается удержать власть, только надевая наручники на выдающихся людей культуры подчиненного ей народа. Каждый ребенок в Англии знает, как растет ежедневно влияние Ганди. Каждый день его заключения – победа в битве за его идею.

И то же самое будет на земле Израиля, если мы еще живой народ.

---

mail.ru	1219
3685197	124

HotLog	
1048159	+143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

СИОНИЗМ И КОММУНИЗМ

1932

Заметка эта представляет собой ответ на частное письмо, содержание которого приблизительно таково: «Я хотел бы задать Вам один прямой вопрос и получить на него такой же ответ и совет, хотя я не могу поручиться, что последую ему. В течение пяти лет я принимал активное участие в деятельности одной молодежной сионистской организации, но в последний год существенно изменились мои взгляды на общество. Я больше не верю в существующий режим и питаю отвращение к социал-демократам. Они напоминают мне сионизм у нас, в котором надеются на эволюцию, занимаются социализмом в миниатюре и, хоть и против желания, предательством. А раз так, коммунизм выглядит намного привлекательней. Но прежде всего я хотел бы видеть свой народ, обосновавшийся и пустивший корни в Израиле, или, по крайней мере, в начале этого процесса; тогда я мог бы посвятить себя борьбе за новый режим. Когда я рассказал об этих своих мыслях товарищам по организации, это только привело к трениям, о которых я не стану рассказывать. Какой совет Вы можете мне дать? Имею ли я право оставаться в сионистской организации с такими взглядами или мне следует оставить ее? Что Вы думаете об этом?»

Вопрос действительно прямой. И он знаменателен для нашего времени. От него нельзя отмахнуться. Тот, кто потерял надежду на осуществление целей сионизма и перестал в душе быть сионистом, не должен совершать лишних усилий для понимания их, а встать и пойти по зову своего сердца.

Человек либо родился сионистом, либо нет. Сионизм воплощает гордость и признание права на госу-дарственный суверенитет, и эти черты не могут разрешить ему принять положение, при котором еврейская проблема отодвигается с первого места и уступает дорогу другим, как бы велики и

значительны в мировом масштабе они не были. Для человека, который так чувствует, даже спасение всего мира неактуально пока у еврейского народа нет своей страны, как у всех народов; даже если ему скажут, что для достижения сионизма необходимо временно отсрочить спасение мира на целое поколение, на сто лет, он скажет: «Пусть мир подождет, ибо мы часть его, важная и святая, ждущая спасения». Такие ощущения нельзя внушить человеку. Бывает, что человек считал себя сионистом, особенно после провозглашения Декларации Бальфура, когда сионизм стал модой и казалось, что вот-вот он осуществится, и без особых трудностей.

Но вскоре всплыли трудности, он вышел из моды, и человек, считавший себя сионистом, видит, что он ошибся, он может существовать и без спасения Израиля и может удовлетвориться спасением остального мира. Такому человеку следует сказать: если так, иди с миром, и чем скорее, тем лучше. Был период в семидесятые годы, когда было принято покидать лоно еврейства массами. Почти каждый молодой человек, который вступал в общеобразовательную школу, был кандидатом в духовного изгоя; но мы преодолели это явление. И слава Богу, удостоились быть свидетелями первых пионеров Билу, Герцля, Нордау и других. Нам нечего бояться покидающих. Мы бесконечно богаты. Я говорю со всей серьезностью всем сионистским молодежным организациям: открывайте двери всем сомневающимся; каждому: взглядишь в свою душу, может, ты ошибаешься, и в душе твоей сионизм не господствует над другими мировоззрениями. Если это так, дорогой друг, не теряй ни минуты, иди с миром, не поведая, что ты думаешь о нас, – мы обойдемся без тебя.

Но юноша, написавший мне письмо, принадлежит к другому типу людей, и такие юноши типичны для нашего времени. Он в душе не отвергает сионизм, он только хочет совместить его с другим идеалом; он даже говорит о том, что прежде он хочет видеть еврейский народ, обосновавшийся в земле Израиля. Такому человеку надо ответить честно: не может быть прежде и после, а только то, что служит одному идеалу, ибо не только нет места другому идеалу, а возникает необходимость против него, если он мешает первому. И речь идет не о теории.

У каждого образованного человека есть разные точки зрения на всевозможные жизненно важные вопросы. Он может быть пацифистом, поклонником эсперанто, приверженцем арабского народа, ратовать за получение им арабской федерации от Марокко до Ирака. Он может восхищаться Англией и поддерживать ее право на сохранение колонии Индии или, наоборот, испытывать ненависть к Англии и мечтать об освобождении Индии. Он может быть врагом существующего режима и верить, что самый справедливый режим – социализм. Он может даже верить, что для завершения социализма больше подходят коммунистические методы, чем социал-демократические. Многие

глубокомыслящие и серьезные люди придерживаются подобных взглядов в разных областях. Но это всего лишь взгляды, не идеалы. Идеал – это особый вид мировоззрения, которому верны; и всякий раз, когда возникает противоречие между идеалом и другими мировоззрениями, служат первому и отбрасывают остальное.

В каждом движении есть внутренние проблемы совести. Особенно это относится к так называемым «революционным» движениям. В принципе они против кровопролития, но они не следуют этому принципу, когда идеал вынуждает их. Гарибальди был одним из первых, кто мечтал о создании Лигии Наций, которая покончит со всеми войнами; но всю свою жизнь он воевал. Я готов поверить, что русские коммунисты против принципа милитаризма, но они создали самую большую армию в мире. Можно привести множество примеров из всех сфер жизни. Но есть одно железное правило: человек не может достигнуть чего-то, не будучи готов привести в жертву другие мировоззрения, когда есть в этом необходимость. Отсюда святая нетерпимость идеала. Идеал не терпит никакого соперничества.

Отсюда мы приходим к принципиальной дилемме: можно ли, как надеется мой молодой друг, совместить активную деятельность в пользу сионизма с последовательным служением коммунизму. Если это возможно – нет никаких противоречий, но если нет, тогда...

Давайте посмотрим беспристрастно на действительность, забудем, что пишу эти строки не только против коммунистических методов, но и против коммунистического режима; более того, забудем об отношении коммунистов к сионистам в странах, где их преследуют. Выразим свое мнение о коммунизме на основе двух его основополагающих принципов.

Отношение к капиталу: финансирование строительства в Палестине исходит на девяносто процентов из кармана людей среднего класса. Все фабрики в Палестине созданы на их деньги. Деньги на строительство Тель-Авива дал средний класс. И самые старые в стране сельскохозяйственные поселения созданы на деньги мелкой буржуазии и большого капитала, другая группа поселений, более поздняя (Месха, Седжера и другие), на деньги барона Гирша; новые поселения на деньги Керен-га-есод (основного фонда).

И снова это деньги буржуазии, факт этот может быть неприятным или нет, но факт на лицо. А одним из ведущих принципов коммунизма является классовая борьба пробив буржуазии и цель ее покончить с буржуазией после победы пролетарской революции, реквизируют всю ее собственность, большую и малую. А это означает уничтожить единственный источник капитала для

строительства Израиля. Коммунизм в силу своей природы стремится настроить народы Востока против европейских стран. Он видит европейские страны как «империалистические и эксплуататорские» режимы.

Совершенно ясно, что коммунисты станут натравлять народы Востока против Европы. И сделать это они могут только под лозунгом национального освобождения. Он говорит им: «Ваши страны принадлежат вам, а не чужим». То же они неизбежно скажут и арабам, особенно арабам Палестины. Ибо в соответствии со стратегическим законом, нельзя пренебрегать никакой армией, никаким борющимся движением, и бить противника в его слабом месте. Еврей слабее англичан, французов и итальянцев.

И снова я хочу подчеркнуть: я не говорю, что коммунизм злонамерен. Наоборот, я знаком с несколькими русскими коммунистами, которые питают симпатию к сионистам. Но симпатия не может изменить объективного отношения к сионизму. Принципиально коммунизм против сионизма. Коммунизм не может не подкапываться под сионизм и не предоставить арабам возможность превратить Палестину в часть большого арабского государства. Он не может вести по-другому. Коммунизм стремится подточить и уничтожить единственный источник строительного фонда – еврейскую буржуазию, ибо основа его – принцип классовой борьбы с буржуазией. И поэтому оба эти движения несовместимы даже теоретически. Тот, кто хочет служить сионизму, не может не бороться против коммунизма. Весь процесс строительства коммунизма, даже если он происходит где-то там, на другом конце планеты, в Мексике или в Тибете, наносит ущерб строительству Земли Израиля. Каждый провал коммунизма в пользу сионизма. Редко встречаются в жизни два так резко несовместимых движения.

Нет места понятиям «прежде» и «после». Если мы хотим прежде всего создать еврейскому народу государство по обе стороны Иордана, мы не можем оставаться нейтральными. Как человек не может дышать в воде (любит он воду или нет), так сионизм не может существовать в атмосфере коммунизма. Если сионизм занимает в сердце первое место, нет в нем места прокоммунистическим тенденциям, ибо для сионизма коммунизм, как удушающий газ, и только как к такому можно к нему относиться. Или – или.

У каждого интеллигентного человека можно обнаружить массу всяких взглядов и вер. Поэтому, посиди, подумай и выбери, какую из них ты предпочитаешь, какой хочешь служить, а ко всем остальным отнесись, как советская власть к идее пацифизма: если можно дать ему ход, почему бы и нет, если нет – создает сильную армию; склони голову перед одним идеалом. Человек может жить и без идеала – заработкам это не мешает, но с двумя идеалами может мириться только болтун.

Если ты выбрал коммунизм – иди с миром, если еврейское государство на земле Израиля, то твоя симпатия к коммунизму лишена смысла, и ты должен бороться с этим, покончить с этим, как и я. Но я это делаю с удовольствием, а ты с сожалением, вот и все различил между нами. Есть только две возможности. Третьей не дано.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВЫ ИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ БИБЛИИ

А. Диспут с Богом

1933

Самая главная часть социальной философии Библии – объяснение имени «Израиль», приведенного в 32 главе Бытия, в которой рассказано, как наш праотец Яков сражался со Всемогущим. Всю ночь ангел боролся с Яковом и не смог его победить. Потому ангел благословил его и назвал Израилем, ибо он спорил с Богом, Таким образом, смысл имени не был порицанием, а, наоборот, почетным званием. Это подтверждается также тем фактом, что традиция превратила это имя в имя всей нации. О чем это говорит? Какая философия выражена в этом имени?

Ясно одно, это имя учит нас тому, что, согласно Библии, спор со Всевышним не является грехом. Бог, однако, создал мир таковым, как он есть, но человек не может смириться с его несовершенством. Он должен постоянно пытаться исправить его, устранить его недостатки, которые Бог допустил в мироздании. Он оставил в нем множество дефектов, с которыми человек должен бороться и стремиться к усовершенствованию мира. Можно подвести научные обоснования рассказу о борьбе Якова с ангелом до восхода солнца и видеть в этом борьбу Якова со своей совестью в ту ночь. На следующее утро он должен был встретить своего старшего брата Исава, которого он, Яков, обманул. Мрачные мысли одолевают его. Ангел, находящийся в его сердце, спрашивает его: «Яков, Яков! Ты обманул своего брата Исава и тестя, арамейца Лавана.

Может быть, вся твоя жизнь всего лишь сплошной длительный обман?» Он говорит или, вернее, думает: «Неужели было бы лучше и справедливее, если бы Исава, этот бессердечный ребенок, получил бы от тебя, Господь мира, все

большие секреты, которые ты передал нашему праотцу Аврааму? Или если бы Лаван, этот хитрый купец, которому никогда не снились чудесные сны, остался бы навсегда моим господином, и я, который беседовал и спорил с ангелом, остался бы на всю жизнь бедным и нищим и зависел бы от моего тестя? Тайны, которые ты, Господин Вселенной, открыл моему деду, глубоки и священны, Но мир нуждается в практическом порядке, и я посмел совершить кое-что именно в практической сфере. А теперь, скажи мне, кто прав: ты или я. И как ответил ему ангел, поместившийся в его сердце: «Я благословляю тебя, борющегося и исправляющего мир».

В связи с этим вспоминается комментарий к главе 28 Книги Бытия. В ней Яков видит в своем сне лестницу, достигшую неба, и ангелы поднимаются по ней и опускаются. Та же идея. Небо может быть достигнуто, и наоборот. Есть постоянная связь между Богом и человеком. Иногда человеческая интуиция доходит до высшего уровня, и человек имеет право изменить мировой порядок. Известно, что идея о возможности и обязанности человека изменить мир представляет главное различие между еврейской и арийской традицией. Римляне и греки верили в «золотой век», который был в далеком прошлом, еврейская вера связана с идеей мессии, вера во всеобщее благоденствие в мире и справедливость, которые наступят только в будущем, после страданий и борьбы многих поколений, а мессией будет человек. Эта идея, в которую вложено понятие «прогресс», была чужда религиозной логике римлян и греков. Согласно их мировоззрению, наоборот, каждое новое поколение отдаляет человечество все больше от «золотого века» и движется от него к серебряному, бронзовому и, наконец, железному.

Мы тоже видим начало человечества в раю, но он не похож на золотой век арийской легенды. Латинский поэт передал арийское понимание точным описанием: первое поколение, дети золотого века придерживались прямоты и справедливости не в силу закона и не из страха перед наказанием, а по своей доброй воле (Овидий, Метаморфозы). В еврейской традиции Адам и Ева, находясь в раю, не знают, что такое добро и зло, но в тот миг, когда они узнали различие между ними и превратились из прекрасных животных в людей, они вынуждены покинуть рай; первое поколение человечества развивалось в диком мире, полном опасностей и бед, мире, который нужно исправить.

Главная основа социальной философии Библии: Бог создал мир, но человек должен содействовать его исправлению. И для этой цели он должен бороться, даже «объявить войну небесам», чтобы искоренить все, что мешает установлению справедливого порядка в мире. Его оружие в этой борьбе: умение различить добро и зло, его дух и его интеллект.

Если мы продолжим углубляться в этом вопросе, то найдем в Библии намеки

Не только на исправление мира в моральном плане, но и в практическом, почти в техническом. Изворотливость праотца Яакова в отношении овец Лавана пример тому. Не знаю, возможно ли в действительности повлиять на цвет овцы теми средствами, которые применил Яаков, но не это важно, а сама идея, чисто «израильская». В соответствии с законом, который определил Бог в Бытии, от белых овец рождаются белые овцы, а от черных – черные. Но тут вмешался Яаков в пути природы и изменил ее. В истории белой расы это первая попытка овладеть природой, завоевать ее, диктовать ей, как и что создавать, – начало всему, что на нашем языке сегодня называют рационализацией и организацией процесса производства, даже если это не ведет прямо к началу машиностроения. И разве машина не результат изобретения нашего предка Яакова, выраженный в железе.

В связи с этим интересно разобраться в споре между Каином и Авелем. Современные ученые видят в этом споре древнюю битву между земледельцем и пастухом. Существовала всегда вражда между земледельцем и пастухом. Крупный и мелкий рогатый скот нуждался в земле. Домашний скот топтал злаки, козы грызли кору молодых деревьев. Каин был земледельцем, Абель – пастухом. Отсюда вражда между ними и последовавшее за этим убийство. Все это всем известно. Но интересно отношение Бога к Каину. Сначала Бог принял дары Авеля и отверг дары Каина. В этом старое отношение создателя к «знанию».

Человек не должен пробовать плоды древа познания: ты хочешь быть умным, вспахать мою землю, вынудить природу служить тебе, поэтому я отвергаю твои жертвы. Но вдруг после ужасного преступления Каина, убийства брата, выяснилось, что Творец не хочет уничтожить преступника, он ведет с ним переговоры, оказывает ему защиту от других убийц. Каин уходит от него и продолжает возделывать землю и «строит город», первый город в истории. И разве не выступает тут ясная мысль, что традиция ратует тут за все, что мы называем «техника», «культура», и даже «интенсивная культура», – за право человека овладеть природой, отказываться от низших форм экономики в пользу высших. Даже если в этом процессе прольется кровь, Бог готов простить грех.

Очень важно запомнить это отношение в еврейской традиции к социальному и финансовому прогрессу в наше время, особенно потому, что в последнее время в мире ощущается горечь по отношению к техническому прогрессу и овладению природой. Тысячи серьезных мыслителей говорят совершенно серьезно о необходимости прекратить «безумную гонку за новыми изобретениями», ибо в противном случае вскоре рабочие будут без работы и умрут от голода. С тех времен, когда более ста лет тому назад в Англии начались восстания ткачей против владельцев фабрик, пытавшихся ввести механизацию, не видел мир такой ненависти к машине, как сейчас. Поэтому не стоит удивляться, если в

ближайшем будущем мы увидим организованные движения с лозунгами закрыть большие фабрики и возвратиться к ручному труду. Эти перепуганные существа чувствуют, что мир становится слишком «еврейским» и перешел границу в своем стремлении соревноваться с Создателем Вселенной, ее Творцом. Кризис нашего времени – это не кризис «капитализма», а в первую очередь пролетариата. Машина делает пролетариат все более лишним.

Многочисленный класс, хорошо организованный, владеющий политической силой и, кроме того, считающий себя самой важной частью общества, находится в опасности потерять свое социальное и финансовое право на существование; и большая часть его уже потеряла это право. Он страдает от этого положения, но и все общество страдает от этого, и в этом, видно, причина мирового кризиса. И это так, но отсюда не следует, что выход из него – «прекратить открытия». Излишними становятся не часть рабочих, а часть рабочего времени. Было бы ошибкой сказать, что вместо ста рабочих можно удовлетвориться сегодня семьдесятю пятью. Нужно сделать другой расчет. Вместо того чтобы 100 рабочих работали 8 часов, как раньше, они должны работать 6 часов, и производство останется без изменений. Количество выпускаемой продукции останется без изменений, не изменится и зарплата. Если так поставить вопрос, то пример праотца Яакова останется в силе.

Подлинное социальное освобождение не наступит в результате классовой борьбы, Он наступит в результате интеллекта, гения, технических изобретений и рационализации. Это путь, который сделает возможным превратить труд в удовольствие, «оплаченное рабство» в «оплаченный спорт»,

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ИДЕЯ БЕЙТАРА

1934

Движение «Бейтар» (Союз имени Иосефа Трумпельдора) возникло в 1923 году в Риге по инициативе местной молодежи. Почти в то же время были созданы отделы Бейтара в других странах. Первый съезд всех руководителей движения собрался в Варшаве в январе 1928 года; первый международный съезд представителей Бейтара произошел в Данциге в июле 1931 года. Сейчас, в 1934 году, движение насчитывает около 40 000 членов из 24 стран.

Некоторые части программы Бейтара тождественны с политическим принципом программы международного союза сионистов-ревизионистов и с основами, принятыми на конференции в Данциге. Но мировоззрение Бейтара находится в процессе формирования. Сама жизнь медленно создает его в ответ на проблемы, ожидающие своего решения. На наших глазах появляется и расцветает новое растение, еще слабое, доселе невиданное, подобно которому мы не найдем в еврейских садах. Еще не ясно, какую оно примет форму, когда созреет, какие даст плоды. Душа Бейтара все еще «тайна» для его последователей, для массы бейтаровцев и ее вождей так и для автора этой брошюры. В ней я могу наметить только ее основные линии, намеченные в Данциге. Во второй части я могу привести только свои собственные соображения и надежды: рассказать о том, что я чувствую и предвижу в связи с энтузиазмом Бейтара.

Эта брошюра состоит из двух частей. В первой читатель найдет те моменты, которые нашли свое выражение в принятой программе Бейтара. Во второй части попытка найти решения проблем, поставленных самой жизнью перед бейтаровцем. Если первая часть – официальная программа Бейтара, то вторая – взгляды автора.

1. Миссия Бейтара

Роль Бейтара проста и нелегка: создать новый тип еврея, в котором нуждается нация для создания еврейского государства в возможно более короткий срок и в наиболее совершенной форме. Иначе говоря: создать «нормального» и «здорового» гражданина. И в этом таится вся сложность, ибо еврейская нация в данное время «ненормальная» и «нездоровая», и вся система отношений в диаспоре противоречит воспитанию нормального и здорового гражданина. За две тысячи лет рассеяния еврейский народ потерял способность направлять все свои стремления на выполнение одной целенаправленной цели, отучился действовать, как одна нация, потерял способность защищать себя с оружием в руках в случае опасности. Он привык больше орать, чем действовать; беспорядок и отсутствие организации, небрежность стали привычными для него в общественной и личной жизни. В связи с этим воспитание занимает первое место в движении Бейтара, и каждый шаг в этом направлении поднимает его на вершину, хотя достижение совершенства в поведении займет много времени у каждого члена Бейтара. Но все члены Бейтара стремятся достигнуть этих вершин.

2. Еврейское государство

В основу мировоззрения Бейтара положена идея создания еврейского государства. Но уже в основе этой простой идеи кроется мировоззрение Бейтара. В чем смысл существования каждой нации? Смысл его в том, что каждая нация вносит свой вклад в общую культуру всего человечества, вклад, который характеризуется духовными особенностями каждой нации. Нация не может удовлетвориться только идеями и советами: она должна быть живым примером, осуществить свои идеи и идеалы на деле, выразить их не только в книгах, но и в формах коллективной жизни народа. Но народу необходима собственная «лаборатория», страна, в которой он «хозяин», в которой он может свободно жить коллективной жизнью в соответствии с его мировоззрением, будь оно положительным или отрицательным; такой лабораторией может быть только независимое государство.

В течение многих лет часть евреев считала, что если миссия евреев – распространять свои идеалы в цивилизованном мире, то наилучший способ для выполнения этой миссии – рассеяние среди народов земного шара, ибо, по их мысли, так легче распространять идеи среди других народов и способствовать тому, что народы последуют их советам в своей общественной жизни. Но это грубая ошибка. Нечего давать советы другим народам, мир учится не на советах, а на практических примерах, даже если речь и идет о восприятии новых идей. Англия, например, обогатила мир большой социальной идеей – самоуправлением свободных граждан, то есть парламентарным государством.

Но как «учила» Англия другие народы воспринять идею и установить парламентский режим? Не путем рассеяния среди других народов, наоборот, английский народ сам подготовил и создал парламентарный режим в своей стране и, таким образом, дал миру живой пример, которому мир и последовал. Подобным образом и французы выполнили свою миссию и обогатили мир идеей свободы и равенства только после победы Великой французской революции. Самый лучший путь показать человечеству хороший пример – осуществить его на деле, а не на словах.

Сионисты не отвергают идеи «миссии» еврейского народа, наоборот, мы уверены, что мир еще воспримет от нас многие вещи, еще неизвестные до сих пор, но единственный путь к этому – создание еврейского государства.

3. Еврейское большинство в Палестине

В чем практический смысл понятия «еврейское государство». Когда мы можем сказать, что наша страна перестала быть «Палестиной» и превратилась в Эрец-Исраэль (Земля Израиля)? Только тогда, когда в ней будет больше евреев, чем неевреев. Первое условие для национального государства – национальное большинство.

Долгое время многие евреи, даже сионисты, не соглашались с этой простой истиной. Они считали, что достаточно занять в Палестине важные позиции (поселения, города, школы), и мы сможем жить свободной «национальной жизнью», даже если большинство жителей в ней будут чужими; и это грубая ошибка. История учит нас, что такие «национальные позиции», пусть они будут сильными и важными, не могут быть надежными пока народ, захвативший их, не составит большинства в той или другой стране. Пример тому немцы, которые создали более чем за 500 лет богатую немецкую культуру в Эстонии и Латвии, но никогда не были там большинством. И в результате, Рига – латвийский город, университет в Дерпте – эстонский. В Малой Азии греческая культура господствовала более 3000 лет, но в конце концов турецкое большинство не только разрушило греческую цивилизацию, но и изгнало всех греков с земли.

Первейшая цель сионизма – создание еврейского большинства на земле Израиля, Но это не окончательная цель. После создания в ней большинства нужно ввести управление на широких демократических началах, и тогда откроется еще более важная задача: возвращение в Сион, то есть создание таких условий, которые дадут возможность каждому еврею, который не может и не пожелает оставаться в диаспоре, поселиться в еврейском государстве, найти в нем хлеб насущный и самоуважение, Число возвращающихся, вероятно, дойдет до нескольких миллионов, В то время как для создания еврейского большинства

нам понадобится миллион или полтора миллиона репатриантов. И после этого перед нами встанет еще одна задача, может быть, самая главная: превращение земли Израиля в государство, возглавляющее весь культурный мир, в страну, обычаи и законы которой послужат примером всем странам мира. «Ибо из Сиона выйдет Тора». «Тора» не только в религиозном смысле слова.

Роль сионизма огромна, и возможности его наше поколение не может предвидеть; но первый шаг в сионизме – создание еврейского большинства, без которого не мыслимы ни сионизм, ни еврейское государство, ни истинная еврейская нация. В земле Израиля по обе стороны реки Иордан.

4. Иврит

Движение Бейтар видит в языке иврит единственный и вечный национальный язык еврейского народа. На земле Израиля он должен превратиться в единственный язык, господствующий во всех сферах еврейской жизни. В странах рассеяния он должен стать языком обучения, начиная с детских садов и кончая средней школой, а затем и в университете, если когда-нибудь мы доживем до еврейского университета в диаспоре. В воспитании каждого еврейского ребенка язык должен стать началом и основой всего. Еврейский ребенок, который не знает иврита, не совсем еврей, даже если он член Бейтара.

Мы относимся с уважением ко всем другим языкам, на которых говорит наш народ, особенно идиш, к их литературе и прессе. Более того, мы ценим народную и национальную роль, которую сыграл идиш (у сефардов – ладино) до сегодняшнего дня в борьбе с ассимиляцией. Но язык национальный – это нечто особое; им не может быть язык, который народ получил от чужой расы и приспособил его для себя. Нельзя обойти тот важный факт, что величайшие бессмертные создания нашего национального гения были созданы на иврите, а не на арамейском в древние времена или на идиш в наше время. Как бы ни была велика роль этих языков, они не могут быть нашим национальным языком. «Национальный язык» – это язык, который родился вместе с народом и сопровождал его в том или другом виде на всем его пути, и язык это – иврит.

5. Монизм. Хад нес

И тут мы обращаемся к единому принципу, на котором основано мировоззрение Бейтара: создание еврейского государства с еврейским большинством по обе стороны реки Иордан. Бейтар особенно гордится своим монизмом, который отличает его от всех других юношеских еврейских организаций. Движение Бейтар – это новое поколение юношей, посвятивших свою жизнь единственной идее – построению еврейского государства – и не

признающие других идеалов.

Это не значит, что бейтаровцы должны отрицать другие идеи, их значение, величие в преобразовании мира, идеи, которые вдохновляют массы человечества. Наоборот, член Бейтара должен быть человеком открытым, с ясным умом и благородным сердцем, человеком, уважающим другие стремления своего поколения, тем более, что большая часть из них исходит из еврейских источников (Пятикнижие), таких, как, например, пацифизм или борьба за социальные справедливости. И мы надеемся, что настанет время, когда еврейское государство покажет всему человечеству истинный путь к миру и общественной справедливости на земле. Но для этого еврейский народ должен прежде всего создать еврейское государство, а роль эта трудная и сложная, требующая от него сил целого поколения, а может, и не одного. И нынешнее поколение евреев должно посвятить себя этой единой цели; все другие цели, как бы красивы и благородны они не были, могут восприниматься до тех пор, пока они не отвлекают нас от идеи строительства еврейского государства.

Как только одна из идей становится камнем преткновения (даже косвенного) на пути создания еврейского государства, мы должны без всякой жалости отказаться от нее в пользу одного единственного идеала, ибо идей есть много, и мы можем все их признавать, но идеал может быть только один. Все остальные идеи должны отступить перед этим идеалом, и рядом с ним не может существовать никакой другой, ибо два идеала – это абсурд, как два Бога, а поклоняться можно только одному. Все остальное, как бы мы ни симпатизировали ему, всегда имеет второстепенное значение, как только оно угрожает нашему делу.

Это основной критерий, отличающий движение Бейтар от всех других сионистских юношеских движений. Для них характерна тенденция соединять два идеала одновременно, например сионизм и социализм. В результате возникает слияние понятий, которое искажает правильный подход к ним. Как сионисты, они должны приветствовать тот факт, что частный капитал может извлекать доходы в земле Израиля, ибо он привлекает дополнительный капитал и способствует созданию новых предприятий и еврейской иммиграции, но, как социалист, он должен отнестись к идее доходов, как к «эксплуатации». В результате такого слияния понятий они не могут выпутаться из этой ситуации: в области сионизма они не смеют произнести «еврейское государство» или «еврейское большинство», ибо это означает развитие «капиталистов», а без этого не может быть значительной иммиграции рабочих; в области социализма эта молодежь носится с идеей чистого, не сионистского социализма, который напугает сионистов, что их действия противоречат пролетарским принципам. И поэтому мы видим, что многие из них отказываются от идеи сионизма, ибо «два идеала» невозможны и один исключает другой.

Такое слияние двух идеалов, отрицаемое Бейтаром, можно назвать библейским словом «Шаатнэз», на иврите Хад-нес (одно знамя). У Бейтара нет двух душ. Все, что мешает строительству еврейского государства, связано ли оно с личными интересами, групповыми или классовыми, должно безоговорочно отступить перед одним знаменем, самым высоким идеалом – еврейским государством.

6. Классовая борьба

Идея классовой борьбы содержит мысль, что рабочий-еврей должен считать себя вечным врагом капиталиста-еврея, даже если он пользуется своим капиталом для создания новой фабрики или нового цитрусового сада и дает работу только еврейским рабочим. И несмотря на то что владелец капитала увеличивает таким образом возможность абсорбции и этим приближается к созданию еврейского большинства, он остается врагом еврейского пролетариата, а пролетарий-еврей должен все время стремиться к единению с пролетариями других народов (в Палестине – это арабы) и бороться с ними плечом к плечу против еврейской буржуазии, без помощи которой не могли бы существовать три четверти еврейского хозяйства.

Такое отношение к действительности – бессмысленный абсурд и, что еще хуже, пустая и опасная ложь. Только в «совершенном», «построенном» обществе могут существовать классы. Когда осуществляется процесс колонизации и общество только формируется, класс – не класс, пролетарий – не пролетарий, а буржуазия – не буржуазия. Все они – «пионеры», участвующие каждый по-своему в общем и очень тяжелом процессе. Они всего лишь пешки на шахматной доске сионизма: один может быть «королем», другой – «ладьей», но все они ведут игру, направляемую лучшим игроком. Они музыканты в одном оркестре, исполняющие концерт под управлением одного дирижера. И главный дирижер – идея еврейского государства.

Никто не станет отрицать факт, что и в земле Израиля интересы рабочего не совпадают с интересами работодателя: первый хочет заработать побольше, второй заплатить поменьше, как в Италии или во Франции. Но в земле Израиля рабочий, если он сионист, не может помогать закрытию фабрики, ибо это уменьшит возможности поселения. И наоборот, владелец фабрики, если он сионист, не может согласиться с тяжелыми условиями для рабочего-еврея, ибо фабрика не выполнит свою роль в колонизации. Иначе говоря, в Палестине общий интерес построения сионистского государства выше классовых интересов. Поэтому нет места классовой борьбе, ибо ее тенденция – угроза забастовок и локаутов. В Палестине все конфликты должны разрешаться национальным арбитражем. Поселенческий период имеет свои социальные

законы, отличные от законов других стран.

7. Дисциплина в движении Бейтар

Структура Бейтара основана на принципе дисциплины. Цель наша – превратить Бейтар в международную организацию, члены которой будут способны выполнять одновременно во всех странах указания центра. Способность действовать сообща и точно – высшее достижение коллектива свободных людей. На такое единство поступков способны только свободные люди с высоким уровнем культуры. Члены Бейтара присоединяются к движению по своей воле и готовы действовать в гармонии с другими во имя общей цели. Избавление еврейского народа наступит только тогда, когда еврейский народ научится действовать сообща, как одно целое, а для всего мира, когда он научится превращать враждующие между собой части в единую семью мира.

Смысл дисциплины в том, что большинство подчиняется своему лидеру, и нет тут никакой рабской зависимости. Лидером может быть отдельная личность, или коллектив, или комитет. Они действуют на демократических началах до тех пор, пока руководство действует в соответствии с желанием большинства, выраженном в желании бейтаровцев выбрать свободно высшее руководство движения – главу Бейтара.

Структура Бейтара и его отношение к дисциплине – удачное и здоровое соединение свободы и сионизма.

8. «Гадар» Бейтара

«Гадар» ивритское понятие, почти неподдающееся переводу на другие языки. Оно включает с десятков разных понятий: внешнюю красоту, гордость, вежливость, преданность. Но точный перевод этого понятия должен выражаться в действиях члена Бейтара в повседневной жизни – в его поступках, речах, мыслях. Мы еще далеки от достижения Гадара и невозможно достичь его в одном поколении. Но Гадар должен стать повседневной целью для каждого из нас; каждый шаг, каждое движение руки, каждое слово, действие, даже идея должны совершаться с упрямством в соответствии с требованиями Гадара.

Гадар важен для всех людей, но особенно для нас, евреев. Жизнь в диаспоре ослабила значительно здоровье и инстинкты нормального народа. Особенно пострадали из-за этого внешние выражения нашей жизни. Как известно, обычный еврей считает излишним заботиться о своей внешности и поведении, Но это не пустяк. Это элемент самоуважения. Как человек должен заботиться о чистоте своего тела из чувства собственного достоинства, даже если он

находится на безлюдном острове, так же он должен приучить себя говорить и жестикулировать соответствующе, ибо каждый человек обладает королевским достоинством, и еврей особенно. Если в слове «аристократ» есть какой-то смысл, то он следующий: наши отцы и праотцы в течение поколений принадлежали к культурному слою, были людьми высоких идей и были способны подчинить этим идеям всю свою жизнь. А если это так, то мы, евреи, самый аристократичный народ во всем мире. Даже самая древняя династия в мире насчитывает не более 20 – 30 поколений культуры в далеком прошлом, а в начале их существования они были полудикими земледельцами и пиратами. Что до евреев, то за ними 70 поколений отцов, которые умели читать и писать, говорили о Боге и об истории, о королевствах, идее справедливости, человеческих проблемах и о будущем. В известном смысле каждый еврей – «принц». И как горько насмеялась над нами диаспора, в которой евреев считали невеждами.

Только невежда может утверждать, что вопрос Гадара личное дело, внутрисемейное. Мы знаем, как отличается отношение к человеку, который выглядит небрежно, малокультурно, оттого, вид которого свидетельствует о благородстве, даже если он бедно одет. Если бы евреи поняли это даже в диаспоре, антисемитизм не уменьшился бы, но к ненависти бы присоединилось уважение и наше положение было бы другим. Дисциплина Бейтара – одно из средств воспитания Гадара. Но к этому каждый бейтаровец должен работать над собой, укреплять хорошие навыки. Гадар состоит из тысячи мелочей, все они вместе составляют смысл нашей повседневной жизни. Кушай бесшумно И медленно, не выставляй локти на стол по время еды, не хлебай громко суп. Поднимаясь ночью по лестнице, не разговаривай, чтобы не разбудить соседей. Уступи на улице дорогу женщине, пожилым, ребенку. Каждому человеку, даже если он груб, ты не груби, ибо эти моменты и другие составляют Гадар Бейтара.

Особую роль играет мораль Гадара. Ты должен быть великодушным, когда это не нарушает твои принципы. Не спорь по пустякам, уступи, но будь тверд в принципиальных вопросах. Каждое твое слово должно вызывать уважение.

Наступит день, когда каждый еврей, который захочет похвалить честность или вежливость, не скажет: «он истинный джентльмен», а «он настоящий бейтаровец».

mail.ru	1222
3685200	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ВЫСШИЙ СИОНИЗМ

1935 (Из вступительной речи на конгрессе в Вене в сентябре 1935 года, во время которого была основана Новая Сионистская Организация. – Ред.)

Семьсот тысяч избирателей государственного сионизма решили организовать преданное идее Сиона еврейство заново, на новой основе. И поэтому собрались здесь представители огромного количества избирателей. Такого количества избирателей не было за всю историю сионистских парламентов. И поэтому мы обязаны вникнуть в суть вещей как следует и понять: почему такое большое количество людей требует новых путей, и каких именно новых путей они требуют?

Мы собрались как раз в момент окончания трех разных периодов. Сто лет гражданскому равноправию; пятьдесят пять лет национальному движению, две трети которых приходится на долю государственного сионизма; и пятнадцать лет нашего сотрудничества с Британией в силу того, что ей принадлежит мандат на Эрец-Исраэль. Из опыта всех трех периодов мы можем сейчас делать выводы.

Только такой человек, как Макс Нордау, был способен должным образом подвести итог последним результатам эмансипации. Я могу только сказать кратко: этот огромный опыт, исключая трагедию еврейской действительности, т. е. законное равноправие и культурную ассимиляцию, опыт этот провалился во всех областях. Безусловно, есть разные степени трагедии; в диаспоре есть места более удобные и менее удобные, но надежды нет уже нигде. И решающий момент заключается, может быть, в том факте, что от прагматичной ассимиляции, от ассимиляции по убеждению не осталось даже жалких остатков. Нам нечего проливать слезы по этому поводу: это была теория, обреченная на провал, бесчестная и вредная, но, по крайней мере, оптимизм и надежда в ней были.

Хотя есть еще ассимиляторы, но они перестали уже проповедовать: последняя иллюзия испарилась. И это не временное явление, и причины его большей частью коренятся в злой воле правительств и народа. Кроме, пожалуй, одного случая, о котором я скажу позднее, мы страдаем сегодня не от субъективного антисемитизма индивидуумов, а от «антисемитизма» реальной действительности. Мы будем защищать свои права в любом месте, в большинстве стран, и я надеюсь, что мы преуспеем в этом. Но у прав этих нет смысла, когда уменьшаются и исчезают шансы реально насладиться какими-то ни было правами, сегодня в большей степени, чем вчера, а завтра больше, чем сегодня. Жизнь в диаспоре не оставляет надежды, что когда-нибудь в обозримом будущем будет в ней место для евреев. И в этом заключается значение столетнего периода (я упомяну два имени, разных по своей ценности, но с одинаково большим символическим содержанием), который начался со смерти Моше Мендельсона и закончился смертью Альфреда Дрейфуса.

И из юбилея национального движения мы извлекаем сегодня определенный и четкий урок: «движение» или «организация» – это понятия устаревшие, миниатюры нации. Не в их возможностях взять на себя гигантскую роль. Ведь это только расширенные «союзы» или «партии», собирающие себе «товарищей» и дающие им членские билеты за наличные деньги. Они не являются инструментами, достаточными для решения огромной проблемы.

Третий период, наиболее короткий, – это господство британского мандата в Эрец-Исраэль. И за этот столь краткий период мы успели накопить опыт. Его главное свойство – отсутствие всякого плана. Между системой управлений в Эрец-Исраэль и целями мандата нет никакой связи. Земельные законы, таможенная система и система налогов, повседневное управление – все это никак не направлено на нужды еврейского поселения. Решение вопроса восточного Заиорданья и вопроса репатриации находится в полном противоречии с интересами евреев. И эта тенденция достигает своей вершины в проекте «Учредительного собрания», скрытую антисионистскую сущность которого не отрицают даже в правительственных кругах.

И все-таки все эти препоны и опасности не встретили серьезного сопротивления со стороны евреев. Нет никакого признака на какую-нибудь политическую акцию, даже на акцию оборонительную, и тем более никакого намека на протест. То, что подразумевается под словом политика, – всего лишь дипломатические беседы без свидетелей и без ответной реакции, безрезультатные меморандумы, которых, по всей видимости, никто и не читает. Все это создает впечатление (и именно в той среде, которая симпатизирует евреям), что сионисты в сущности довольны политическим положением в Эрец-Исраэль.

Я подвожу итог. Мы находимся сейчас, по всей видимости, на пороге пропасти, накануне катастрофы мирового гетто, в период, который в еврейской традиции называют «днями прихода мессии» или, по крайней мере, «днями ужасных мук, предшествующих приходу мессии». И перед лицом этой мировой катастрофы еврейство стоит безоружное со всех точек зрения: мелкие цели, карликовые организации, цепь препятствий и политическая ничтожность сионизма.

Все это привело нас сюда, в Вену.

Когда несколько месяцев назад впервые прозвучал призыв к созданию новой, народной основы сионизма, многие сомневались в том, отзовется ли народ на этот призыв, так как именно сейчас все опасности и трудности, существующие в реальной жизни Эрец-Исраэль, спрятались за завесой золотого дождя «просперити». Сегодня мы можем ответить сомневающимся одной лишь цифрой: 700 000. Еврейская общественность не дает преходящему блеску ослепить себя. Она послала нас сюда с великой миссией: не с целью критики, не с целью соперничества, не для того, чтобы «улучшить положение». И миссия эта – «Альтнау"! Высшей сионизм – равный по своей силе буре в ее апогее, глубине страданий перед приходом миссии.

Не улучшение положения в странах рассеяния, а полное искоренение диаспоры – «исход из Египта» для всех, стремящихся обрести родину, и в завершение должен наступить конец рассеянию. И может быть, это только самая скромная цель – нормализация еврейского народа. Чтобы был он таким же нормальным, как и многочисленная французская нация, как и малочисленная датская нация: все в своих странах, все свободные.

С одной стороны, цель эта чрезвычайно сложная, но это цель с большой буквы, объем ее определяется реальностью, и не в наших силах вносить изменения. Создание еврейского государства не является конечной целью: еврейское государство – это только первый шаг в процессе осуществления высшего сионизма. После первого шага наступит очередь второго – возвращение нации в Сион, исход из рассеяния, решение еврейского вопроса. Истинная, конечная цель проявится только на третьем этапе, то, во имя чего, в сущности, существуют великие нации – создание национальной культуры, которая будет излучать свой свет на весь мир, ибо сказано: «Тора выйдет из Сиона».

mail.ru	1223
3685201	124

HotLog	
1048159	+143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ВЕРА

1935

Поколение, к которому я отношусь, – плод ассимиляции евреев в южной области России, в которой не селились евреи старого поколения и нет традиций. Это поколение не было в целом атеистичным. Атеизм – это утверждение, мировоззрение, даже если оно и отрицает, когда провозглашает: «Я утверждаю, что Бога нет». Мое поколение вообще ничего не утверждало: «Может, есть Бог, может, нет, какое это имеет ко мне отношение?» Полное душевное равнодушие, без горечи, без ярости и злости, отношение, как к прошлогоднему снегу.

Это не значит, что это поколение может быть поколением грабителей и преступников. Может быть, даже наше поколение дало еврейскому народу не меньше порядочных людей, чем каждое из предыдущих поколений. Есть люди, для которых музыка или поэзия «не существуют». Они могут быть вполне интеллигентными натурами, но вопрос в том, было ли их развитие полноценным. Может ли такая натура быть цельной, зрелой и совершенной, если она не способна воспринять очарование музыкальных звуков, или та, для которой самая прекрасная поэзия всего лишь набор рифмованных слов.

Музыка и поэзия – две могучие человеческие эмоции; человек, у которого отсутствует одна из них или обе, человек душевно скудный, обойденный судьбой. Но что такое поэзия и музыка по сравнению с той эмоцией, из которой, может быть, исходят музыка и поэзия? Эта эмоция – томление души человеческой, которое побудило нас еще во времена первого человека наполнить небо и землю, реки и леса тайнами жизни, которое повергло человека на колени перед силой, которую он никогда не лицезрел, ввергло человечество в войны, вызвало к жизни палачей и героев, привело к созданию архитектуры, живописи, искусства, скульптуры и философии. Из всех духовных факторов мировой

истории вера всегда была самым сильным фактором, особенно в средневековье. И вот ныне, после всего, появилось поколение, для которого вообще «не существует проблемы», вопросы веры – недоразумения, отношение – как к прошлогоднему снегу. И все это несколько странно. Как попытка отрицания океана, или Америки, или Австралии, или стратосферы, или знаков Зодиака – никогда не видели и нет жажды или попытки увидеть.

У полноценного, высоко развитого человека не может отсутствовать эта мощная эмоция. Человек будущего – натура цельная, у которой в наличии все эмоции, будет человеком верующим. Не знаю, как будет выражаться его вера, но связь между его душой и бесконечностью будет сопровождать его во всех его поступках.

Нам, евреям, давно бы следовало пересмотреть наше интеллигентское отношение к вере. Даже если оно и честное, оно неадекватное. Иногда оно носит характер сделки: ввиду того что пожертвование в какой-то фонд исходит из карманов ортодоксальных евреев, то поэтому... Я бы скорее одобрил непосредственную борьбу против религии.

Положительное отношение к религии должно выражаться другими путями: в официальных церемониях, на национальных торжествах, конгрессах, съездах, собраниях, например, можно начинать их с богослужения, независимо от того, «верят» ли члены и его участники или нет.

Положительное отношение должно выражаться и в воспитании. Религиозное мировоззрение нельзя навязать, да это и не может быть эффективным ни для детей, ни для Торы. Знание обрядов – это другое дело. И я сомневаюсь, что отсутствие их в наших программах является действительно достоинством всех наших систем воспитания. Будет ли ученик выполнять эти обряды – это его дело, но он должен их знать так же, как он должен знать историю и литературу, ибо это и история, и литература, и, кроме того, часть души народа, сложившееся воодушевление многочисленных деяний многих поколений, познавших горести, надежды, радость.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

О ЧЕМ ПОВЕДАЛА МОЯ ПИШУЩАЯ МАШИНКА

1939

В жизни каждого человека наступает поворотный момент, когда ему следует остановиться и оглянуться назад: подвести итог всем своим грехам и, если это в его возможностях, пообещать Богу и человечеству и самому себе, Что постарается избегать их в будущем.

В былые времена писатель, погружаясь в размышления, грыз свое перо, и это усилие как бы приносило ему облегчение, вдохновляло на новые идеи, возбуждало воспоминания. Но все это в прошлом, а ныне, попробуй погрызть пишущую машинку. Она, ко всему еще, твоя подруга, товарищ по работе, надежный и верный, на что не способно было перо, ибо оно не могло служить тебе в течение 10 лет, как твоя пишущая машинка. Подумать только, десять лет! Ведь ясно, что она делила со мной немало моих грехов за эти десять лет, а о грехах прежних, совершенных до ее появления в моей жизни, слыхала от меня не раз. Конечно, ее нельзя погрызть, но, в конечном счете, она более близка к живому существу, чем перо, хоть и оно изготовлено из той же стали, и если писатель иногда разрешал перу, пробегая по бумаге, высказать все, что у него на душе, почему он не может это сделать с помощью его старой подруги, пишущей машинки.

В ее металлических исповедях можно услышать и меланхолию и пессимизм. Она рассказывает писателю, что нет ничего нового в том, что поносят его имя. Это случалось и раньше, она говорит: «Так было всегда. Ты забыл об этом? – спрашивает она, – Хорошо, тогда, дорогой друг, я тебе напомню об этом. Помнишь ли ты, – говорит она, – события 25-летней давности, еще до моего рождения, предвыборную борьбу в русскую Думу где-то там на Волыни? Предвыборный митинг в Ровно, список кандидатов, и среди них твое имя; зал,

полный людей, которые поносили твое имя, а были это люди из всех слоев общества, всех направлений, среди них «главы» города – врачи, купцы, юристы, а также «плотники» – бедная и лучшая часть окраин; и все они в гневе на тебя и не хотят твоего избранил на Думу. В чем был твой грех в то время? Очень простой: ты был сионистом. Ты не был даже членом ни одной сионистской партии, а просто сионистом, избранным центральным комитетом генеральной сионистской организации в России кандидатом в Думу.

А что орала толпа? Что ты хочешь нанести ущерб еврейскому народу, внести в Думу сионизм и помешать борьбе за равноправие. И кого хотят избрать вместо тебя? Социал-демократа или бундовца, который представляет интересы этих плотников? Что за чушь. Они предпочитают буржуазного кадета, еще менее радикального, чем ты (ты сидел, по крайней мере, в русской тюрьмой несколько раз). Но они не хотят сиониста. Плотники тоже хотят кадета, а не тебя, поэтому они орут: «Долой». И ты, всего лишь юноша в то время, ты, для которого влияние окружающей среды и мнение людей еще значат так много, ты потрясен и спрашиваешь: «Неужели грешно быть сионистом?» Чуть позже. Прошло несколько лет.

На сей раз место действия – Одесса. Снова выборы, на сей раз в еврейскую организацию «Общество распространения знаний», в то время крепость ассимиляции евреев. «Националисты» представили план умеренных реформ и назвали его «Две пятых», смысл плана в том, что в еврейских школах нужно выделить 2/5 учебного времени для изучения иврита и еврейской истории. В списках кандидатов имена известных людей: Усышкина, Бялика, Друянова во главе; но ты умеешь кричать сильнее других и тебя объявляют главным крикуном, и вся ненависть обращается на тебя. В зале присутствует «избранное общество», популярные и уважаемые господа Одессы. Около полуночи, после концертов и театров, появляются их расфуфыренные жены. Суть спора им неинтересна, но они пришли отдать свои голоса против «националистов», и они смотрят на тебя с ненавистью и хлопают каждому оратору, доказывающему, что ты враг культуры, религиозный фанатик, проповедующий ненависть к русскому народу и европейской культуре. Перед рассветом ты покидаешь собрание, глотаешь слюну и стоишь в одиночестве на берегу моря и спрашиваешь себя: «Я ненавижу русский народ? Я представитель черной сотни? Я, который совсем недавно помогал в организации самообороны? Я враг культуры и сторонник религиозной нетерпимости?»

И прошло еще несколько лет, я уже появилась на свет, ибо я очень устаревшая модель, но мы еще не встретились с тобой. Год 1913. Вена. Конференция русских делегатов на втором международном сионистском конгрессе. Ты стоишь на трибуне и вносишь предложения: ввести обучение иврита во всех еврейских школах России, как в Палестине. И слушатели твои не ассимиляторы,

и речь не идет о каком-то кадете. Это конференция таких же сионистов, как и ты. Но ты помнишь, как приняли твоё предложение. «Глупость», – кричали делегаты с мест. «Детские штучки», «фельетонист», «По какому праву ты вмешиваешься в педагогические дела?» И ты снова чувствуешь, что они не просто не согласны с тобой (как они могут не поддерживать такое дело!), но ты им помеха, ты вызываешь их гнев, какая-то часть из них ненавидит тебя; пусть немногие, но ненависть их так же сильна, как и у тех «плотников» и тех расфранченных дамочек; но на сей раз ненависть исходит от твоих единомышленников, и от этого тебе еще более горько.

И еще какое-то время спустя. Лондон. Уайтчепел. Война. Конечно, ты не забыл об этом, хотя И не хотел писать об этом. Помнишь ли ты о Уайтчепеле? В чем был тогда твой грех? Что ты предложил? «Братья, так как в любом случае вам придется служить в армии, то заявите, что вы вступите только в еврейский легион, который будет бороться за освобождение земли Израиля» Помнишь их реакцию? Помнишь их дикие крики? «Милитарист», «Убийца», «Провокатор. Ты помнишь град камней, который встретил тебя на улице, и пораженные лица твоих немногочисленных друзей, которые бросились защищать тебя от дикой ненависти? И ни один солидный сионист не хотел общаться с тобой, ибо в твоей родной Одессе тебе объявили бойкот с кафедры известной сионистской организации «Явне». Помнишь ли ты долгие месяцы, в течение которых ты был окружен ненавистью утром, днем и вечером, и разделял ее с десятком друзей, ненавидимых почти с той же силой, а ведь ты боролся за святое дело, но в глазах всех оно выглядело злом».

«Стоит ли продолжать? – спрашивает моя старая железная машинка, – и напомнить тебе о национальной ассамблее в Тель-Авиве, где сотни пар глаз, принадлежащих лучшей части молодежи, когда-либо существовавшей со времен Бар-Кохбы, смотрели на тебя с ненавистью и кричали: «Позор», «Уничтожить его, как Де Гана!», «Поломать ему кости.» В чем был твой грех в то время? Где корень их гнева? Ты снова вместе с десятком товарищей, которых ненавидят так же, как и тебя, и ты пытаешься защитить суверенитет организации Герцля. И лучшая часть еврейской молодежи ответила на это предложение с ненавистью. И это я, твоя подруга, помню совершенно ясно, ибо мы были уже тогда вместе, и ты приходил ко мне и изливал свою горечь перед твоими читателями».

«Почему же ты поражаешься сейчас? – спрашивает моя железная подруга, – что тут нового? Каждый человек получает при рождении свою долю приданого, и оно сопровождает его всю жизнь. И такова, видно, твоя участь. Нет смысла восставать против нее, ведь ты не можешь ничего изменить. Участь твоя – быть вечным грешником; ты всегда полон мрачных идей, тебя всегда ненавидят, и имя твое звучит как проклятие. И поэтому прими мой совет, единственный возможный совет для такого человека, как ты. Ты помнишь, очевидно, только

начало, не забывай и конец. И тогда ты вспомнишь, что сделали твои волынские выборщики через полтора года на следующих выборах в Думу. Они послали тебе коллективную просьбу быть их делегатом, а в школах общества «Распространение знаний» в Одессе иврит стал языком обучения в соответствии с программой русских сионистов, школы стали национальными, и сионисты теперь настаивают на введение этой программы во всех странах восточной Европы, куда их забросила судьба. А портные Уайтчепеля, которые забросали тебя камнями, стали лучшими солдатами легиона».

«Так всегда было в конце. Помни всегда конец и постарайся забыть начало. А что до ненависти, есть у меня и другой совет: постарайся убедить себя, что ненависть всего лишь первый шаг к дружбе и признанию. Не могу поклясться, что это всегда так, но постарайся поверить в это. И когда ты стоишь перед твоими новыми слушателями со своей тяжелой ношей, данной тебе при рождении, забудь о ней, о том, что среди твоих слушателей есть ненавистники, и скажи им: «Мир вам, братья!»»

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

АРАБСКАЯ ПРОБЛЕМА – БЕЗ ДРАМАТИЗАЦИИ

1940 (опубликовано 1942)

Превращение земли Израиля (в еврейское государство) может быть осуществлено без лишения крова арабов. Все противоречащие этому заявления неправильны. Территория, занимающая около 100 000 квадратных километров и плотность заселения которой равна плотности Франции (87 жителей на кв. километр), может прокормить 8 миллионов жителей, или в соответствии с плотностью населения Швейцарии (104) – более 10 миллионов, или Германии и Италии (140) – 14 миллионов. Сегодня она кормит, если учесть всех ее жителей: арабов, евреев и живущих в Заиорданье, немногим более чем 1,5 миллиона душ. Остается еще свободное место в земле Израиля для абсорбции большей части восточного и центрального европейского гетто – то есть большую часть из 5 миллионов душ, и не приблизиться даже к средней плотности Франции. Если арабы не предпочтут по своей воле покинуть страну, у них нет в этом никакой необходимости.

Другое ложное утверждение, Что, если арабы станут меньшинством в стране с еврейским большинством, они будут преследуемы и подавлены. Меньше всего имеют право на это утверждение авторы «Белой книги» 1939 года. Если они уверяют нас, что евреи, обреченные оставаться меньшинством в земле Израиля (1:2), не будут подавлены, а, наоборот, будут пользоваться преимуществами «Национального дома для евреев», какое у них основание предполагать, что в обратном положении это означает катастрофу для арабов. Авторы «Белой книги» вели бы себя более логично, если бы предложили арабскому меньшинству те же гарантии, которые они считают достаточными для обеспечения интересов еврейского меньшинства. Абсурдно утверждать, что этническое меньшинство всегда, в любом месте подавлено. Шотландцы, которые оставили Шотландию и уэльсцы, покинувшие Уэльс, разбросаны по всей

Англии, и нет никаких признаков, что они ущемлены в своих правах. А что вы думаете о католическом меньшинстве, говорящем на французском, в смешанном районе Онтарио в Канаде, они там не ущемлены совершенно. В Советской России живут греки, но никто не может отрицать, что это этническое меньшинство не пользуется статусом равенства, насколько это возможно в том политическом климате.

Конечно, ничего не совершенно на этой Земле, и, безусловно, приятнее быть большинством, чем меньшинством, даже при самых лучших условиях, которые можно себе представить; но это не значит, что положение меньшинства всегда трагическое. У каждого большого народа есть осколки, представляющие меньшинство в других странах: англичане в Южной Африке, французы в Канаде, бельгийцы в Швейцарии, немцы во всех уголках мира. Положение их зависит от режима. Если государственный уклад порядочный, меньшинство может существовать, чувствуя себя достаточно удовлетворенным. У мира нет никакого права допускать, что еврейское государство не сможет создать режим, подобный тому, что существует в Англии, Канаде или Швейцарии. В конечном счете, мир почерпнул из еврейских источников, как отнестись к «чужестранцу, стоящему у твоего порога».

Только в одном случае быть меньшинством – трагедия: это случай, когда народ составляет меньшинство всегда и везде, разбросан среди чужих рас и нет у него ни одного собственного уголка на всем земном шаре, ни родины, которая может дать ему укрытие. Но это не относится к арабам. Есть у них четыре арабских государства к востоку от Суэцкого канала и еще пять других к западу от Суэца. Некоторые из них уже достигли независимости, другие еще нет, но во всех арабское большинство и каждое из них – национальный дом для арабов.

Было бы праздным развлечением на данном этапе создавать проект будущего еврейского государства. Но, возможно, некоторые люди искренне обеспокоены, что произойдет с правами палестинских арабов, если в стране будет создано еврейское государство. Автор этих строк может дать некоторое представление о том, что евреи намерены делать, когда они станут большинством, и в Палестине будет собственное правительство; может, они успокоятся, когда узнают суть конституции будущего государства Израиль, подготовленную крайним сионистским крылом. Отрывки, которые я ниже приведу, подготовлены ревизионистской исполнительной в 1934 году, так что можно сказать, что в ней можно найти самые худшие перспективы для палестинских арабов. Следующие отрывки приведены из наброска неофициального черновика, и автор не готов защищать все ее аспекты. Но план этот был тщательно подготовлен после изучения множества документов. В нем приведены цитаты из заявления автора перед Палестинской королевской комиссией, в котором автор утверждает, что евреи готовы гарантировать арабскому меньшинству в еврейской Палестине

максимум прав, на которые они не претендовали и никогда не получали в других странах.

А. Гражданское равенство

1. Принцип равных прав для всех граждан, всех рас, вер, языков и положений будет установлен без каких-либо ограничений во всех сферах общественной жизни, при условии, что не будет нарушено право евреев других стран репатрироваться в Палестину и получить гражданство.

2. В каждом кабинете, в котором еврей будет главой правительства, должность заместителя будет предложена арабу, и наоборот.

3. Евреи и арабы будут пользоваться в пропорциональном соотношении обязанностями и преимуществами государства в парламентских выборах, гражданской и военной службе, в субсидиях и бюджете.

4. Это правило распространяется и на смешанные муниципалитеты и сельские советы.

Б. Языки

1. Иврит и арабский будут пользоваться равными правами и будут в употреблении в равной мере.

2. Ни один государственный закон, манифест или указ, ни одна монета или денежная единица, марка, публикация или запись, выпущенная за счет государственных фондов, не будут иметь законную силу, если не будут выпущены на иврите и арабском.

3. Иврит и арабский должны употребляться на равных правах в парламенте, в школах, в любом учреждении или государственном органе.

4. Все государственные учреждения должны отвечать на направленные к ним обращения на том языке, на котором написано обращение, будь то иврит или арабский.

В. Культурная автономия

1. Этнические группы – еврейские и арабские – должны быть признаны автономными политическими единицами, равными перед законом.

2. Государство обязано предоставить им автономию в следующих сферах:

а) религия и личный статус.

б) образование на всех его ступенях, особенно начальное обязательное.

в) государственная поддержка, включая все виды социальной помощи.

г) улаживание обычных судебных дел, связанных с вышеуказанными сферами,

3. Каждая национальная группа выберет свое национальное собрание, которое сможет выпускать указы и накладывать налоги в пределах его автономии, назначить национальную исполнительную власть, которая будет отчетливо перед этим собранием.

4. Министр, партийно независимый, будет представлять каждую этническую группу в правительстве, Г. Святые места

1. Соответствующие части старого города в Иерусалиме будут находиться под покровительством Лиги Наций и пользоваться в одинаковой степени экстерриториальностью, как посольства.

2. Подобный же статус получают и другие святы места в стране.

3. За исключением военного времени будет разрешен свободный доступ паломникам любой страны.

4. Представитель Лиги Наций, на положении посла, будет представлять интересы соответствующих сторон.

Д. Земля

1. Будет создан израильский суд по делам земельных участков, в который войдут судьи, сельскохозяйственные эксперты из обеих этнических групп.

2. Все свободные земли будут реквизированы для образования Государственного Земельного запаса.

Посчитают ли арабы эти условия достаточными, чтобы остаться в еврейском государстве – это другой вопрос. Но если они не захотят остаться, автор отказывается видеть трагедию или катастрофу в их готовности эмигрировать.

Палестинскую Королевскую комиссию это не испугало. А смелость заразительна. И это дает нам моральное право холодно предвидеть исход 350 000 арабов из одного края Палестины, мы не должны ужасаться, если эта цифра достигнет 900 000. Я не вижу в этом необходимости: это даже нежелательно со многих точек зрения, но, если окажется, что арабы предпочитают эмигрировать, мы можем обсудить это спокойно.

С 1923 года в течение нескольких месяцев 400 000 греков были переселены в Македонию, 350 000 турок в Тракию и Анатолию. Теоретически идея массового перераспределения меньшинств становится все больше популярной и больше не существует табу по этому вопросу. Но существуют этические различия между Палестиной и другими полиэтническими районами по вопросу иммиграции меньшинств. Во всех других районах трения между группами вызваны амбициями: одна группа хочет доминировать или по крайней мере другая, слабая, опасается этого. Но это всего лишь амбиция, не нужда, здоровый «аппетит», а не «голод».

В Палестине все неудобства, испытываемые местным населением от притока иммигрантов, возникают из трагической необходимости этих иммигрантов найти себе дом. Их иммиграция не связана с амбицией, во многих случаях она совершается вопреки личному желанию остаться в старом доме. Она вызвана подлинным голодом, ностальгией людей по единственному месту, где может быть их дом. Если арабы предпочтут эмигрировать, сам факт такого выбора доказывает, что у них есть «другое место», где они могут построить новый дом.

Это не имеет ничего общего с военными целями. В Палестине есть достаточно места для миллиона арабов, еще для миллиона их потомков и нескольких миллионов евреев, и для мира, для мира, который будет в избытке, так что он перебросится в Европу,

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

КЛАСС

Я не вижу существенного различия между коммунизмом и любой разновидностью социализма, опирающегося на классовую идеологию. Отличительная черта социализма характерна и для коммунизма. Суть ее в том, что, согласно ей, класс наемных рабочих, особенно рабочих физического труда, – единственный знаменосец идеи улучшения общества. И путь исправления в победе этого класса над другими классами общества, что может быть достигнуто только путем так называемой социальной революции насильем, а не путем договора. И поэтому я не вижу ни тени намека на малейшее различие между теорией коммунизма и социализма. Различие между ними только в темпераменте, одни спешат, а другие медлят, и различие это не стоит даже той капли чернил, которые нужно потратить на описание этого различия... И те и другие стремятся к созданию общества, в котором будет господствовать меньшинство, которому должны будут покориться все остальные члены общества. На деле коммунизм всего лишь сокращенное изложение классовой идеи пролетариата, все остальное – лишь попытка компромисса, а компромисс – дело временное. Всякий, кто борется с коммунизмом, борется с идеей классовой борьбы; кто готов принять идею классовой борьбы, принимает коммунизм.

2

Пишущий эти строки не верит в преимущество социалистического режима, то есть в идею национализации средств производства. Я убежден, что социалистический режим, если он будет установлен и утвердился в одной стране или во всем мире, окажется ужасающим режимом, худшим, чем существующие. Таково мое мнение, хотя многие не согласны с ним; они верят, или по крайней мере питают надежду, что социалистический режим будет иметь больше достоинств, чем недостатков. Не стану спорить с ними. Идея социализма может быть хороша сама по себе, а может и нет, мы не обсуждаем ее достоинства, а

только ее классовую теорию, которая гласит, что исправление мира может быть достигнуто только в результате победы пролетариата над всеми другими классами.

Эта теория «реакционна» по своей сути. В мире принято придавать значение звучанию понятий, не вникая в их смысл, и поэтому то, что произошло в России осенью 1917 года, назвали «революцией». И каждый, кто будет бороться с ее последствиями, получит клеймо «контрреволюционера», даже если ратует за свободу слова в России, право выборов и равноправия для всех граждан. Клеймо – это плод путаницы понятий. Смысл слова «революция» имеет смысл технический и идеологический.

Первый: любое изменение государственного порядка, совершенное путем массового насилия, – революция. Если один король изгнал другого в Афганистане и захватил его место, и это вылилось в значительное кровопролитие, то нет существенного различия между старым режимом и новым. И это тоже называют революцией, что делать предосудительно, ибо сказано: «не называй имя мое всуе». Подлинный смысл слова «революция» – идеологический. Совершение восстания и его победа еще не все, главное – цели лагеря повстанцев. Слово «революция» означает только такое восстание, которое освобождает, а освобождение без свободы слова, собраний, свободы личности, свободы выборов не может быть полным. Нет освобождения без права каждого гражданина влиять на власти, иметь возможность свалить существующую и заменить ее новой; нет «освобождения» без равноправия для всех граждан, всех рас, всех вероисповеданий, всех классов. В этом идеологический смысл слова «революция»; в противном случае и победу фашистов в Италии можно назвать «революция» (как это делают сами фашисты). И поэтому меньше всего подходит слово революция той гнусности, которая произошла в России: фашисты, нарушив принцип свободы, по крайней мере не ущемили принципа равенства.

Идея классовой борьбы органически связана с реакцией. Она может быть осуществлена только вооруженным путем, реакцией. И нечего вопить, что советские правители России жестокие убийцы, наслаждающиеся картинами тюрем и виселиц. Это глупость и ложь. Большая часть их – дети русской интеллигенции, испытывающей отвращение ко всякому насилию, впитавшие с молоком матери ненависть к подавлению, оно чуждо им и сейчас. Если бы можно было создать и сохранить режим классовой диктатуры без тюрем и убийств в Бутырке! Но это практически невозможно, хотя бы они этого или нет. Ибо нет другой основы для власти одного класса. Он может удержаться, только опираясь на реакцию, все, что не реакция, – яд для его власти, смертельная опасность.

Равноправие граждан? Ведь сама идея власти одного класса над другими противоречит ему. Свобода мнений? Но ведь мнение большинства направлено против власти одного класса, ибо он в меньшинстве и никогда не превратится в большинство (особенно сейчас, когда машины все больше заменяют рабочих физического труда). Свобода объединений? Но это означало бы объединение большинства граждан против правящего класса, что недопустимо. Насилие, подавление, все средства реакции – не случайные ошибки режима, не садистские наклонности своры волков; они суть и душа классовой борьбы, и даже в государстве ангелов не смог бы существовать режим классовой диктатуры, но опираясь на реакцию и только благодаря ей он может сохраниться.

3

Все вышесказанное не означает, что стремление решить проблему бедности, ликвидировать ее, привести к ее исчезновению с лица земли – реакционно. Наоборот, это стремление прогрессивное, святое дело. Весь пафос священных писаний вложен в это стремление. Из всех моральных заветов, которые народы мира получили от Израиля, этот, пожалуй, самый значительный, ибо он учит мир ненавидеть бедность, искать пути ее устранения. Но нет ничего общего, никакой связи между этим стремлением и классовым мировоззрением пролетариата. «Бедняк» и «рабочий» – не тождественные понятия. Не все бедняки – рабочие. И не каждый рабочий – бедняк. Прошли времена Карла Маркса, когда наемный рабочий был символом всяких страданий. Тринадцатичасовой рабочий день, нищенская зарплата, запреты забастовок, объединений, отсутствие защиты со стороны законов.

В тех условиях ошибка Маркса была естественной и понятной, ибо он увидел в бедности наемного рабочего символ бедности всего мира и мечтал, спасая рабочего, спасти заодно всех бедняков. Но те времена прошли. В странах экономического прогресса в годы, предшествовавшие нынешнему кризису, положение пролетариата было далеко от бедности. Бедняками были крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, государственные служащие. Работа чернорабочих, каторжная во времена Карла Маркса, стала в большинстве случаев более легкой, ибо рука стала управлять рычагом, а палец нажимать на кнопку, часы работы в два раза короче часов работы крестьянина или домохозяйки с шестью детьми; защищающие их рабочие профсоюзы владеют значительным капиталом, банками, складами, больницами, библиотеками, клубами; велико их политическое влияние, их законы защищают интересы рабочих, зарплата разрешает им существовать и экономить на случай кризиса.

Я не говорю, что положение рабочих идеально, в нем еще много недостатков, и предстоит борьба за улучшение положения, но заявлять, что наемный рабочий – «символ бедности», – ложь. Из всех бедняков мира наемный рабочий самый

защищенный из всех. Если во времена Маркса он был самым подавленным, в наше время он класс привилегированный.

Ложно также утверждать, что каждый, кто против власти класса пролетариата, тот против спасения бедных и ратует за режим голода для бедняков, забывает заповедь «жалости». Все это ложь. Мир всегда стремился бороться с бедностью и не перестанет это делать до конца, пока не исчезнет на земле сама по себе память о голоде и холоде, об отсутствии крова, и, кто знает, может, возрождение еврейского государства будет «социальной лабораторией» для той расы, которая была соавтором идеи социального улучшения и которая покажет миру подлинный пример общества, основанного на справедливости, общества без бедности и бедняков. Нет ничего общего между спасением «бедняков» и требованиями класса пролетариев. Не каждый пролетарий – бедняк, особенно на земле Израиля, и не все бедняки – рабочие, наоборот, в наше время большинство бедняков не рабочие.

4

А теперь обратимся к сионизму. Сионизм не может принять идею классовой борьбы. Между ними не может быть никакого компромисса; сионизм должен окончательно отказаться от идеи классовой борьбы в израильском обществе в течение всего периода строительства государства, в противном случае сионизм не может быть осуществлен.

Долг сионизма на деле – расселение на ограниченной территории в ограниченный отрезок времени такого количества евреев, которое составит еврейское большинство в Палестине, не сгоняя с земель нееврейское население страны. В условиях Палестины это означало интенсивную колонизацию. Не знаю, были ли в истории примеры, когда иммигранты сумели заселить такое количество поселенцев на таком маленьком пространстве, уже до этого плотно заселенном. Сионистское поселение, то есть поселение, ведущее к еврейскому большинству, прежде всего поселение интенсивное, это единственная в своем роде колонизация.

Однако и обычная колонизация – процесс, требующий особые условия, противоречащие нормальному порядку в нормальном государстве. Колонизация нарушает порядок во всех сферах общественной жизни. При колонизации нет места подлинному парламентаризму, ибо он означает власть большинства, но большинство еще не успело прибыть в страну. Но особенно сильно отражаются нарушения на национальной экономике, в нормальных условиях экономика развивается сама по себе естественным путем, создаются новые учреждения, новые формы экономики возникают из существующих.

Колонизация нарушает характер «национального» развития. Она вносит нечто новое, множество новых поселенцев относятся к более высокой культуре, у них более высокие запросы, и, чтобы их удовлетворить, государство обязано создавать новые формы экономики, не дожидаясь, когда возникнет «естественная потребность». В результате колонизации экономика будет развиваться искусственно.

Возможно, классовая борьба допустима или даже полезна в нормальном обществе. Но обсуждение этого вопроса не входит в аспекты моей статьи. Одно совершенно ясно: если забастовка происходит в Германии или Италии, или владельцы предприятий объявляют локаут и это может привести к закрытию ста или тысячи фабрик в Германии или Италии, это ничего не изменит ни в Германии, ни в Италии. Но если будут парализованы еврейские фабрики в Тель-Авиве, мы потеряем колонизаторский фактор и это отодвинет или совсем разрушит наши планы на достижение еврейского большинства в Палестине.

Вывод из всего этого: нет места классовой борьбе в период колонизации. Кто стремится к строительству государства, должен принять особые условия.

Есть еще одна сторона классовой философии, также ложная в условиях сионистских целей, и это лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Как убежденный либеральный буржуа, более того, как еврей и потомок Исаяи, я верю, что наступит день и все человечество объединится в лик своего Создателя. Эта мечта более возвышенна, чем частичное «объединение» рабочих физического труда, которые хотят подчинить себе все человечество. Я презираю лозунг частичного единения взамен всеобщего.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

КОРОЛЕВСКИЕ ДЕТИ

1940

Когда я ищу истоки новой еврейской ментальности, ярче всего выраженной в мировоззрении Бейтара, я прихожу к идее «королевского достоинства» в человеке. В том смысле, поскольку эта идея относится к еврейскому пароду, я передал в гимне Бейтара:

Еврей даже в бедности принц,

Будь он рабом иль бродягой,

Он создан был принцем,

Увенчанным короной Давида.

И в свете, и в мраке

Помни о короне,

Символе гениальности

Когда я писал эти строки, я имел в виду всех людей: и греков, и банту, и северянина, и эскимоса. Ибо все они были созданы по образу Божию, о чем мы узнаем из первой главы Библии. Но Библия не ограничивается этим сообщением, она намекает на то, что люди почти Боги, или дети Бога. Но эти высокие понятия неуместны в нашей дискуссии, и я ограничусь понятием «королевского достоинства». Во всяком случае, привилегия высшего аристократизма, дана

человеку в соответствии с еврейской традицией с рождением первого человека. Наша еврейская традиция солидаризуется в этом вопросе с принципом человеческого достоинства, выражающего дух Бейтара. Пусть унижен, покорен, подавлен, я король и требую полагающихся мне королевских прав. Суть этого королевского права: я никому не подвластен.

Теперь давайте разберемся по мере возможности, как идея королевского достоинства, которая коренится в нашей древней традиции и в современной ментальности, ведет к логической концепции государства, общества; наметим общий теоретический аспект, а затем перейдем к его практическому применению по отношению к будущему еврейского государства и его социальной системе.

Первый вывод из утверждения «каждый человек – король» – всеобщее равенство: смысл твоего или моего королевского достоинства в том, что никто не может быть выше тебя ни по своему достоинству, ни по своему положению. Второй вывод: свобода личности, ибо король никому не подчиняется. Евреям присуща естественная ненависть к подчинению, нежелание получать от кого-либо указания. Жалобы на эти черты характера известны и в наши дни, и в древние времена, в Библии евреев называют «жетоковыйным народом». В священных текстах мы находим поразительные нападки на самый принцип государственности, на идею централизованной власти, власти подавления.

Ссылки на это мы находим в книге Шмуэля 1, глава 5. В ответе посланца племени, пришедшего к Шмуэлю с предложением создать государство во главе с Королем: «...И будет у вас суд королевский, который будет управлять вами, ваши сыновья будут бежать перед его колесницами И собирать его урожай, а ваши дочери будут его стряпухами, он ограбит вас и обложит вас налогами, и будете вы его слугами, и придет день, и заплачете вы из-за своего короля, которого избрали себе сегодня». Это, очевидно, первое в истории письменное свидетельство о столкновении стремления к свободе с необходимостью установления власти закона. И что особенно интересно в этом библейском рассказе – сам Бог склонит Шмуэля защитить свободу личности от власти. И сказал Бог Шмуэлю: «Это не тебя не отвергли, а меня они не хотят, чтобы я больше не властвовал над ними».

Так представляется нам в принципе отношение наших праотцов к рабству. Они вынуждены склониться перед необходимостью коллективной защиты перед внешним вторжением, установлением порядка в их среде, что подразумевает образование государства и монархии, но они ненавидели власть и считали «что сам Господь Бог ненавидит ее, и они предпочитают подчинение только к Богу, что означало бы, по крайней мере теоретически, подчинение собственной совести.

Самое яркое выражение того, какое значение Библия придает Свободе, мы видим в том, какое место в ней отведено пророкам. В наше время пробным камнем демократии является пресса: самое либеральное законодательство может оказаться бессильным, если пресса ограничена; но там, где пресса свободна, есть надежда на ее сохранение, несмотря на все дефекты законодательства. В те древние времена не было прессы – были только пророки, публичные ораторы на торговых площадях, публичные ораторы, но не «пропагандисты». Было бы неправильно видеть в пророках служителей храма, провозглашающих проповеди с амвона, – они были просто гражданами, обращающимися к другим гражданам по вопросам государственным и международным, затрагивающим мировые события и социальные проблемы. Большая часть их речей звучала как оппозиционные выступления в современном смысле слова: они обличали королей, судей, правительство, религиозных деятелей и богачей. Их речи были настолько резкими, что никакой цензор не пропустил бы их, если бы они были нашими современниками, проживающими в одной из стран, в которых существует цензура. В свое время их преследовали власти, богачи, толпа, но их речи были очно записаны и сохранены. Наши священные писания – монументальный памятник святости свободы и революционным речам.

И отсюда два принципиальных критерия, определяющих особенности каждого государственного режима, демократии или диктатуры. Если вы хотите знать, является ли та или другая страна подлинной демократией, не ищите тому доказательств в ее законодательстве. Великобритания с ее наследственной палатой лордов, как бы отрицает демократию, Франция, половина населения которой составляют женщины, лишает их избирательного права, что еще хуже; в Соединенных Штатах вся исполнительная власть находится в руках президента, и конгресс не может лишить его власти, что могло бы вызвать критику со стороны европейцев, предпочитающих кабинет, который может быть смещен в любой день голосованием в парламенте. Но все это не существенно. Решают два критерия. Первый: или перед вами государство, в котором индивидуум – суверен, и его свобода обеспечена законом, который ограничивает только в крайних случаях, или это государство, в котором индивидуум прежде всего вассал, и государство берет на себя право направлять его жизнь и деятельность. Второй: или это государство, в котором каждый гражданин может публично критиковать существующий режим, или это запрещено. Оба эти критерия дают полную возможность различия между демократическим государством и диктатурой, независимо от того, что записано в его конституции.

Эти два критерия дают возможность определить основную и истинную тенденцию нашей древней традиции по отношению к государственной власти. Наша традиция осуждает идею государственной власти, она признает ее в той мере, в какой она является неизбежной и необходимой. Жизнь и деятельность

каждого человека – его личное дело, они должны оставаться в известной степени вне сферы вмешательства государства; самое лучшее правило: пока один «король» не нарушает «суверенитет» соседа нельзя его беспокоить, но если это невозможно, ибо, к сожалению, существует опасность извне, требуются коллективные усилия, приходится смириться с минимальной властью, без которой невозможно обойтись. И это вкратце суть мировоззрения, для которого тоталитарное государство – анафема, ее подлинный идеал – нечто похожее на умеренную анархию, но так как это невозможно, то по крайней мере (простите за неуклюжее выражение) на минимилитаристское государство.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

БАБИЙ УМ

Речь на дамском банкете

Когда мужчина выступает в роли крайнего феминиста – враги скажут: в роли «суффражистки», – это всегда выходит смешно. Причины я не знаю, но оно так. Поэтому в подобных случаях мы, мужчины, стараемся придать такой речи или статье тон отменно легковесный: чтобы можно было потом отречься – «это я не всерьез». Мы, так сказать, заранее готовим себе нравственное алиби. Я, малодушный, сегодня тоже последую этому осторожному обычаю; есть у меня на то еще одна причина и еще один предлог. Причина, что я в истории человек неученный; а предлог – что вообще на банкетах принято оратору глубокомыслия избегать, а за то блистать остроумием. Я, однако, принимаю на себя выполнить только первую часть этой двусторонней программы. Но прошу верить: при всем малодушии, алиби я себе не готовлю. Несмотря на фельетонный оттенок предстоящей застольной речи – это всерьез. Я действительно верю, что в роли государственного деятеля женщина больше на своем месте, чем мужчина.

Спор о праве женщины на политические права можно считать законченным. Но остается спор о том, годится ли она для этой функции, способна ли она использовать эти права так же хорошо, как мужчина. В этой области спорить гораздо труднее: тут нужны не доводы от разума, а факты из опыта, фактов же этих мало. Политическое равноправие женщины – дело вчерашнего дня. Тот небольшой опыт, какой уже накопился, говорит как будто не в вашу пользу. Дамы, очевидно, сами не склонны добиваться парламентской карьеры, иначе их было бы в разных палатах много больше. Те, которые прошли в народные представительства, пока особенно не выдвинулись. Найдутся, конечно, утешители, которые вам скажут, что начало ничего не доказывает. Я же, напротив, склонен думать, что в этом мало блестящем и малообещающем начале есть нечто характерное и даже органическое. Парламентское дело есть дело

борьбы, притом борьбы публичной, на глазах у всего народа. Женщина, я думаю, действительно не любит проталкиваться локтями, и еще на площади, под тысячами биноклей.

Но вопрос в том, является ли депутатская деятельность главной формой политической деятельности. Я бы, например, с этим не согласился. Наполеон, вероятно, оказался бы далеко не блестящим членом конвента; г. Муссолини, пока был просто депутатом, тоже, кажется, никаких лавров не пожинал. Тут перед нами два лица, которым Бог дал великий талант именно проталкиваться локтями; и даже именно на площади; а все-таки – не на трибуне. Дело в том, что главное поле государственной деятельности – совсем не трибуна, а кабинет. Хороший государственный деятель – это не тот, кто умеет спорить, а тот, кто умеет править.

По вопросу же о том, способна ли женщина править, исторический опыт имеется, хотя о нем часто забывают, Все мы со школьной скамьи знаем о женщинах, сидевших на престоле, точнее, о женщинах, сидевших на престоле не в качестве мужниных жен, а в качестве самостоятельных государынь. Это мы все знаем; но одно, когда мы были на школьной скамье, нам забыл сказать учитель истории. Именно – простую статистическую справку: процент «великих» цариц среди цариц, по сравнению с процентом «великих» царей среди царей.

Попробуем наскоро и наизусть вспомнить старый наш учебник. Это, между прочим, дело не легкое. Бог его знает, зачем нас обучают всем наукам в гимназиях: ведь к двадцати пяти годам никто ничего не помнит, Как то в старом Петербурге, вечером, в очень молодой компании, при мне кто то устроил повальный экзамен по всему курсу средней школы. Были там барышни и мужчины; некоторые окончили курс с медалями. Среди барышень была одна учительница; она, конечно, выдержала допрос, но ведь она не в счет. Все остальные, обоего пола, срезались; абсолютно, чудовищно, гомерически срезались. Доказать пифагорову теорему не сумел никто; но половина даже не помнила, о чем эта теорема.

Династия Романовых была представлена в пяти вариантах, и в лучшем из них была пропущена Анна Иоанновна. На вопрос: «Что такое гидростатический парадокс?» ответил лишь один, а именно: «броненосец железный – а не тонет», Ответы были частью письменные, так что экзамен правописания получился сам собою, и тоже безотрадный. Все это я упоминаю не в скобках, а с умыслом: тут я, действительно, заранее готовлю себе если не алиби, то смягчающую вину обстоятельства. Мы решили вспомнить учебник, и вспоминать буду я – а помню плохо. Это именно я тогда представил список Романовых без Анны Иоанновны, и то лет двадцать пять назад. Поэтому за абсолютную точность моей статистики

не ручаюсь. Но за вывод – вполне.

Да будет мне позволено начать с истории моего собственного народа. Цариц-правительниц было во Израиле всего две: Аталия (на языке синодального перевода Гофолия) в глубокой древности, и Александра-Саломея в конце маккавейской династии, лет за семьдесят до христианской эры. Аталия была, вероятно, женщина замечательная, но царица плохая; или так, по крайней мере, говорит библейский летописец, который явно ее не любил. Но Саломея была чрезвычайно хорошая царица; в позднейшие времена такую прозвали бы если не великой, и то «доброй», или «справедливой», или «благословенной», хотя процарствовала она всего только десять лет.

Читаешь у Иосифа Флавия историю этих последних маккавейских царей – словно уголовный роман: братоубийства, отцеубийства, яд, поджоги, измены, смута, гнет... И вдруг – десять страничек оазиса: Саломея. В стране покой, у власти прочно стоит одна и та же партия, притом самая толковая: фарисеи, по психологии нечто вроде консерваторов английского типа; процветает правосудие и благочестие; несколько войн в Иордании кончаются удачно – царица, очевидно, с толком выбирала не только министров, но и генералов. Об экономическом положении страны во дни Саломеи есть такая справка в Талмуде, характерная и по своей наивной образности, и по тому, что вообще Талмуд очень редко сочувствует женщине в роли начальствующего лица: во дни царицы Саломеи маслины были величиною с грушу. Или в этом роде. Может быть, фрукты не те, но пропорция та. – Саломея умерла, и опять началась уголовщина, и от царя-мужчины к царю-мужчине так и докатились династия и страна до гибели.

Одна из двух цариц: пятьдесят процентов. Среди царей-мужчин, от Саула до Аристовула, пропорция дельных правителей во Израиль далеко не столь же лестная.

Перейдем теперь к русской истории. Правящих цариц было в России, собственно, четыре: Екатерина первая, та самая Анна Иоанновна, Елизавета и Екатерина. Анна Леопольдовна, регентша в течение нескольких месяцев, не в счет. Собственно не в счет и Екатерина первая – она провела на перстолу два года. По настоящему в России царствовали только три женщины, и одна из них была Екатерина вторая. Но я согласен, для статистики нашей признать четырех; согласен даже на пятерых. В ряду царей-мужчин московских и российских того не бывало, чтобы не только тридцать три с третью, но и двадцать процентов из них заслужили всемирно-признанный титул «великих».

Стоит остановиться тут еще на одной стороне вопроса: очень любопытные и,

по-моему, показательные получаются выводы, если бегло сравнить «величие» Екатерины с «величием» Петра. Петр был человек гениальный в полном смысле слова. Из таких, как он, вырабатываются большие вожди народные, даже если родится такой человек не во дворце, а в лачуге. Екатерина была женщина бесспорно способная, но ни в каком смысле не гениальная. В ее пьесах нет не только ни проблеска таланта, но и заметной какой либо индивидуальности нет. Знаменитый «Наказ» – хорошая компиляция, но по существу ничего «своего». У Петра в каждом слове, поскольку сохранились его слова, дразнящая самоличность «звенит и блещет, как червонец», даже когда содержание слов – абсурд. Может быть, одно из различий между гением и даровитостью – то, что талант выражает мнение своей среды и эпохи, а гений мыслит наперекор эпох и сред.

Об этом я говорю потому, что, быть может, в разнице между государственным творчеством Петра и Екатерины отразилась общая разница между великими царями и великими царицами: нечто вроде слушанного раньше – что женщина не любит проталкиваться локтями. Петр это любил и умел. Он был гениален, как разрушитель; он был столь же гениален и в одной из областей положительного зодчества – он обухом вколотил в заплывшие московские мозги сознание, что надо жить по-новому. Но вряд ли кто назовет его гением в смысле оформления этого «нового».

Когда в далекой древности, я проходил историю русского права, меня помню поразило, до чего часто неуклюже, иногда и совсем нелепо было органическое законодательство Петра; как много из его законов, из созданных им учреждений пришлось с головы до ног перестроить чуть ли не на завтра после его смерти; перестроить не в интересах реакции, а просто потому, что в петровском виде они бы не могли функционировать.

И из того же курса помню, что совсем иное впечатление получаешь от законодательства Екатерины. Оно обдуманно, продумано, благоразумно; и ее учреждения просуществовали гораздо дольше – некоторые, если память не изменяет, сто лет и больше... Можно это объяснить, конечно, тем, что первый опыт никогда сразу не удается; можно также видеть в этом различии случайность – чисто личное несходство двух темпераментов; или несходство расовое – между великороссом и немкой. Настаивать не буду, но мне все же кажется, что тут есть и общий урок. Я бы его так выразил: в качестве низвергателя и завоевателя, мужчина выше женщины; а вот кто сильнее в качестве организатора – это еще вопрос.

Династию австрийских Габсбургов я, слава небу, никогда подробно не проходил; но вряд ли ошибусь, если напомним, что австрийский правящий дом, за все восемь столетий своего бытия, знал только одну императрицу-

правительницу; и это была Мария-Терезия, т. е. вообще одно из двух-трех лучших имен во всей длинной цепи коронованных Габсбургов. Это – все сто «процентов»! И, опять-таки, главная заслуга ее есть заслуга организатора. Это она, если не всю империю, то, по крайней мере, немецкую и чешскую области ее вывела на путь цивилизации. Будь у нас сегодня время, стоило бы провести параллель между нею и сыном ее, Иосифом вторым. *Toutes proportions gardes*, есть в этой параллели нечто родственное с только что проведенной – Екатерина и Петр. Иосиф был человек с блеском и фантазией; не гений, конечно, но – искатель новых путей; только пути его никуда не годились. Мария-Терезия была просто очень толковая женщина, дельная барыня-помещица на троне, но ни 1848, ни 1867 год далеко не все то смел, что она построила.

В Англии мы должны снять со счета Викторию: хотя, по мнению современников и биографов, это была замечательная правительница, конституционные монархи обоего пола нас теперь не интересуют – ход правления в странах парламентского режима определялся не ими. Английская летопись расцвета парламентаризма упоминает четырех самостоятельных королей: и одна из них была Елизавета. Пред нами лучшая, самая блестящая, самая плодотворная эпоха английской истории, и при этом в каждом углу тогдашнего государственного быта – в ведении войн, в основании Ост-Индской компании, в почине городского самоуправления, в народном образовании, в расцвете литературы – явное, непрерывное, ревнивое личное влияние королевы. Опять-таки, мужчины на британском престоле очень далеки от двадцати пяти «процентов» величия.

Список этот, вероятно, можно и очень удлинить, если хорошо знать историю мира сего. Даже в странах, о которых я упомянул, были – кроме «великих» правительниц – просто хорошие правительницы, тоже лучше среднего типа царя-мужчины. Царствование Анны английской, в самом начале восемнадцатого века, считается одной из блестящих эпох королевства; а сама Анна была и совсем заурядная женщина. Русская Анна (как я выяснил, устыженно пополнял свое образование после того конфуза) тоже дала России десять лет сравнительного благополучия и несомненного прогресса. О Елизавете Петровне и говорить нечего. Если бы можно было составить сводку не великих, а просто дельных царей и цариц, то пропорция в пользу женовластия получилась бы, вероятно, еще более яркая.

Еще одно замечание: только одна из моих героинь, Екатерина, добилась власти при помощи переворота. Остальные получили трон в нормальном порядке наследования, точь в точь как большинство тех царей, императоров и королей, которые этим женщинам и в конюшие не годились. Нельзя, поэтому, сказать (кроме как об Екатерине), что «великие» царицы уже по самому способу своего появления у руля являются исключениями, и что сравнение, таким образом,

неуместно. Вполне уместно.

При всем моем вышеупомянутом «суфражетничестве», мне бы не хотелось создать впечатление, будто я в этих замечаниях говорю дамам комплименты, а свое собственное мужское сословие обвиняю в бездарности. Напротив: как уже сказано, ни одна из этих цариц не кажется мне гениальной (Елисавета английская еще гораздо меньше, нежели Екатерина); а Петр или Фридрих Прусский или Наполеон были подлинные гении. Более того: я подозреваю, что среди царей-мужчин, правивших десятки лет без следа и славы, были нередко люди, гораздо более даровитые, чем Мария-Терезия, или Саломея-Александра; даже наверное были. В том то, по-моему, и все дело, к этому я и веду свои доводы, что великие правительницы были, в сущности, хоть, конечно, недюжинные, но ничуть не исключительные личности.

А вывод из этих доводов? Да будет разрешено изложить его в форме нарочито-преувеличенной, намеренно-парадоксальной, именно для того, чтобы суть вывода врезалась в память – а то, что прибавлено, для пряности, само собой отшелушится:

– Чтобы стать великим государем, мужчина должен быть гениален; но великая государыня может получиться из обыкновенной дамы.

В этом выводе (если отбросить нарочитую его пряность) тоже нет никакого комплимента особенностям женской природы. Сведенный к надлежащим своим границам и степеням, вывод этот означает только вот что: во-первых, полезная государственная деятельность выражается, или может иногда выражаться, в двух совершенно различных функциях – одна из них «буря и натиск», а другая – организаторство; во-вторых, для бури и натиска нужны личные качества гораздо более редкие, чем для организаторства; и в третьих – если для бури и натиска, по причинам совершенно понятным, годятся почти исключительно мужчины, и притом только лучшие из них, которые на трон попадают редко, то функция организаторства, очевидно, легче и лучше удается женщинам – и по причинам, мне кажется, тоже вполне понятным.

Возвращаясь опять к воспоминаниям о школьной скамье, хочу сослаться на один из сократовских диалогов. За точность опять не ручаюсь: сам я этого диалога и в школе не читал, нам его рассказал учитель, и ответственность на нем. К Сократу пришел будто бы однажды юноша и заявил:

– Я готовлю себя к государственной деятельности.

– Похвальная цель, – сказал Сократ. – А знаешь ли ты, сколько у нас вдоль

границы сторожевых постов?

– Мм... – ответил юноша, – ...много. – Верно. А сколько может сразу причалить кораблей к пристани Пирея? – Мм... – ответил юноша. – Правильно. А почему теперь мера маслин на рынке? – Но я же не в ключницы готовлюсь.

– Правильно, – сказал Сократ, – а потому и не годишься пока в градоправители. Ступай поучись у ключницы; ибо, да будет тебе известно, управление домом и управление страной суть только низшая и высшая ступени одной и той же лестницы.

Если действительно Сократ так выразился, то сказал он только половину правды. Но это, по-моему, главная половина. Развитие государства идет иногда скачками и переломами, иногда спокойным строительством. И то и другое необходимо; но для скачков и переломов не всегда нужен верховный руководитель – французская революция прекрасно обошлась без своего Петра или хотя бы своего Муссолини, – тогда как строительство невозможно без главного директора. И, хотя директора всегда и всюду кроме случаев исключительных, мужчины, я не уверен, что это разумно. Может быть, следовало бы во всяком предприятии иметь директора для «инициативы» и директоршу для текущего управления – а также для приведения в порядок той неразберихи, которая нередко получается в результате даже самой удачной «инициативы».

Тут, повторяю, есть нечто органическое. Пропорциональный подсчет, который мы здесь проделали, при всей его поверхности – факт; отрицать его нельзя; приписать его случайности было бы просто неумно. История тронов несомненно доказывает, что женщина больше мужчины приспособлена к функции государственного правления в области организации и строительства.

Ничего удивительного в этом нет. В свете того, что сказал Сократ (даже если бы оказалось, что он этого не говорил), нужно только вспомнить, что с первых времен человечества мужчина всегда был добытчик, а организатором хозяйства была женщина. Так оно было у пещерных людей; так оно было у первых эллинов – Улисс шатался по свету, Пенелопа сидела дома и правила дворцом, вероятно и всем островом. Во времена Сократа «ключница», т. е. каждая мать семейства в Афинах, несла на себе, в миниатюре, почти все функции целого кабинета министров: составляла бюджет в пределах средств, отпускаемых ей мужем, вела счет запасам, изучала цены на рынке, закупала во время и с выбором, управляла штатом прислуги, распределяла между ними работу, посылала детей в школу, драла кого следует – все министерства тут в зародыше на лицо, кроме военного, иностранных дел и того департамента министерства

финансов, который ведает взысканием налогов.

Только для этих последних производств нужен был добытчик, налетчик, насильник, т. е. мужчина. В нашем современном быту положение это не только не изменилось, но еще ярче, по-моему, выявилось. Вспомните, из какого круга теперь набираются государственные деятели. Это, по большей части, лица либеральных профессий; особенно много среди них адвокатов и публицистов – два ремесла, только в редких случаях связанные с управлением организованными предприятиями. Жены их, между тем, «сидят дома», т. е. правят королевством о пяти комнатах с кухней... Словом: с незапамятных времен, делу организованного управления обучается только малое меньшинство из мужчин – зато все женщины, по крайней мере все замужние женщины.

Может быть, тут играет привходящую роль еще одно обстоятельство: женщина не так легко, как мужчина, поддается той категории импульсов, которые принято называть страстями; во всяком случае, она реже мужчины дает «страстям» такую степень власти над собою, при которой они могли бы серьезно нарушить порядок внутри дома. Это многие отрицают, и охотно ссылаются на любовников Екатерины второй. Но прав был Апухтин, когда вложил в уста Екатерины гордый ответ: я много любила, но это не влияло на подбор моих министров. «Когда Тавриды князь, наскуча пылом страсти, надменно отошел от сердца моего, – не пошатнула я его могучей власти, и Русь по-прежнему цвела у ног его», Цвела или не цвела Русь у ног Потемкина, это вопрос другой; но о себе, о природе своих государственных критериев Екатерина тут говорит правду: они у нее были сами по себе, а критерии сердечные – тоже сами по себе... Но нет нужды восходить так высоко, чтобы найти подтверждение преимуществу самообладания, которым, по-моему, одарена женщина.

Помните довоенную Россию, по воскресеньям? «Руси есть веселие пити»... Если это – расовая черта, то нет причины, почему она была бы свойственна только Ивану, а не Марье. Но по воскресеньям Иван сидел в кабаке, а Марья плакала за дверью, умоляя варвара пощадить детей и сберечь хоть огрызок вчерашней получки. Я считаю несомненным, что предрасположение к алкоголизму, если оно в данном племени имеется, распределено между обоими полами поровну. Но один пол ему поддается легче, другой меньше. Причины тому разные, есть и бытовые, и социальные, но главная, по-моему, та, что у женщин начало внутренней дисциплины несравненно сильнее, чем у мужчин,

Я кончил. Заключение из всего сказанного можно сделать какие угодно, далеко не только «эмансипаторские». Поклонник Домостроя мог бы, например, сказать, что, раз самый талант управления у женщин связан с историческим их домоседством, то – именно в интересах развития этого таланта – пусть и дальше сидят дома... Но уж это не мое дело: я только представил справку и кончил.

---

mail.ru	1223
3685201	124

Hotlog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

БЕЛЫЙ ПЕРЕДЕЛ

Принято думать, будто корни социализма – в Ветхом Завете; но это не совсем так. Ветхий Завет полон, конечно, социального протеста ненависти к общественному порядку, при котором богатому живется широко за счет страданий бедняка. Но социализм – не только протест: социализм есть конкретный план законодательного разрешения социальной проблемы, и именно такой план, какого в Ветхом Завете нет. Напротив: конкретный план социальной революции (вернее, набросок такого плана) имеется в Ветхом Завете, но тот план не только не есть социализм, а есть, по основному своему замыслу, нечто резко противоположное социализму, Библейское средство против социального неурядка называется «юбилейный год» и изложено в главе 25-ой книги Левита. Коренное различие между ним и социализмом есть различие между двумя понятиями: пресечение зла и предупреждение зла.

Социализма есть попытка предупреждения социального зла; проект такого общественного устройства, при котором неравенство в распределении благ станет раз навсегда и автоматически невозможным. Самая социальная проблема, как мы ее теперь понимаем, должна исчезнуть после тщательного проведения социалистического строя. Человечество будет организовано таким образом, что сосредоточение крупного количества благ в руках частного лица станет немислимым. Все равно, как немисливо копить воздух, так немисливо будет тогда копить богатства. Это не обязательно означает, что государство будет платить одну и ту же меру вознаграждения за труд профессора и дровосека, хотя бы потому, что умственная работа требует некоторых условий покоя и комфорта, без которых дровосек может обойтись. Разряды жалованья, как в советской России, могут стать не только временной, но и постоянной чертой социализма.

Более того, можно думать, что некоторые исключительные виды духовного

труда, зависящие от таланта, будут в те дни оплачиваться вне разряда: удачный роман, например, разойдется в миллион экземпляров, и автор «разбогатеет»; или «разбогатеет» гениальный пианист, объездив полмира с концертами (хотя еще неясно, не вытеснит ли радио и концерт, и книгу). Но все это мелочи. Социальная проблема коренится не в том, что случайный счастливец найдет в море большую жемчужину. Горе начинается с того часа, когда он эту жемчужину обменяет на большой участок земли, или на завод с десятками станков, и получит возможность покупать труд своих соседей задешево и продавать плоды его дорого. Эту опасность социализм устраняет, раз навсегда изъяс средства массового производства из сферы частного владения.

Библейский проект не имеет ничего общего с этой профилактической системой, исключаяющей самое зарождение социального неравенства, эксплуатации, хозяйственного соперничества и борьбы. Ветхий Завет хочет сохранить экономическую свободу, но в то же время обставить ее поправками и противоядиями. Некоторые из библейских поправок (как раз наименее радикальные) общественны. Главная из них – отдых субботний, упомянутый еще на скрижалях десяти заповедей, Затем есть закон об окраине поля: при жатве собственник не имеет права подбирать колосья упавшие близ межи – это подберут безземельные чужеродцы, вроде нищенки Руфи. Есть еще закон о «десятине» в пользу храма, Из этих рудиментов развилась впоследствии вся сложная нынешняя система социальной охраны, общественной взаимопомощи, обложения богатых в пользу бедных. Ничего общего с социализмом она, конечно, не представляет, хотя многие из входящих в нее законодательных мероприятий проведены были в жизнь под прямым влиянием социалистических партий; все это – лишь поправки к строю экономической свободы; начала свободы они не затрагивают. – Но самая радикальная и революционная из намеченных Ветхим Заветом поправок к режиму экономической свободы гораздо менее известна.

Мысль о юбилейном годе изложена в третьей части Пятикнижия приблизительно так: отсчитай семь семилетий, а всего сорок девять лет; на седьмом месяце после этого, в десятый день того месяца – Судный день – пройдите с трубным звуком по всей вашей земле. «Этот пятидесятиый год считайте святым; провозгласите Свободу в стране; годом Юбилея будет вам тот год». Если вынужден был человек продать за долги свою землю, и не хватило у него средств выкупить ее, то в год Юбилея земля вернется к нему без выкупа. Так же будет и с домом, кроме домов городских. Так же будет и с братом твоим, который обеднел и продан тебе на службу: обращай с ним не как с рабом, а как с наемником, и то только до юбилейного года, а в год юбилея он опять свободен, он и вся его семья, и они вернутся в свое прежнее имение.

Больше ничего о юбилейном годе в Ветхом завете, кажется, не сказано; тем не

менее, тут пред нами изумительно смелый размах реформаторской мысли. Это, в сущности, попытка установить начало обязательности периодических социальных революций. В России ранее народничество мечтало когда-то о «черном переделе», т. е. о насильственном перераспределении всей земли в интересах чернорабочего люда. В наше время такую мысль назвали бы красным переделом. Библия имеет в виду, так сказать, белый передел: узаконенный. Но главное отличие ветхозаветного передела от переделов социалистических в том, что эти – «раз на всегда», а тот – обязательно и периодически повторяем.

По плану Библии хозяйственный быт сохраняет и после Юбилея полную свободу дальнейшей перетасовки. Люди будут по-прежнему измышлять, изловчаться, бороться, соперничать; одни будут богатеть, другие обеднеют; жизнь сохранит свой облик ристалища, где возможны поражение и победа, почин и провал, и награда. Эта свобода будет ограничена только двумя поправками. Одна поправка, вернее целая система поправок, действует постоянно и непрерывно: раз в неделю работа запрещена, край поля и виноградника принадлежит бедным, десятая часть дохода взимается в пользу «храма»; в перевод на современный язык, это означало бы нормировку рабочего времени и вообще все законы об охране труда, все формы государственного страхования рабочих, все виды социального налога. Вторая поправка, или скорее противоядие против режима экономической свободы – «Юбилей». От времени до времени над человеческим лесом проносится огромный топор и срубает все верхушки, переросшие средний уровень; аннулируются долги обедневшему возвращается потерянное имущество, подневольный становится самостоятельным; снова устанавливается равновесие; начинайте игру сначала, до нового передела.

Лучше ли это, чем социализм, или хуже – оставим оценку на минуту в стороне; важно пока установить, что это – полная противоположность социализму. Идея повторных социальных переделов есть попытка пресечения зла, а не предупреждения. Напротив; она, очевидно, зиждется на вере в то, что свобода экономического соперничества есть незыблемая основа человеческого быта. Пусть люди борются, теряют и выигрывают. На арене борьбы нужно только снизу подстлать много мягкой травы, чтобы и упавший не слишком больно ушибся: эта «подстилка» есть суббота, край поля, десятина, весь тот переплет приспособлений, при помощи которых государство пытается помешать превращению эксплуатации в кровопийство, бедности в нищету. А от времени до времени на арене раздастся свисток судьи: победители и побежденные возвращаются к исходной черте и выстраиваются в одну ровную шеренгу. Именно потому, что борьба должна продолжаться.

Что лучше, предупреждение или пресечение, – это вопрос старый. Он возникает пред каждой матерью, когда дети еще крошки: что лучше – лечить их,

если простудятся, или не выпускать на улицу, чтобы не простудились? Когда подросток дочери, вопрос принимает новую форму: что лучше – не выпускать их на прогулку со студентами без надзора, или рискнуть, что иной роман зайдет слишком далеко и придется принимать чрезвычайные меры? Или, в масштабе государственном: что лучше – предварительная цензура или меры против вырождения безцензурности в нецензурность? Воспрещение уличных манифестаций или отряд полиции за углом, на случай, если полетят камни? Вообще говоря, что лучше: прививка против всех болезней, или хирурги и аптеки? Говорят, если бы можно было привить человеку иммунитет от всех возможных болезней на свете, человек бы стал кретином. Я не знаю медицины и судить не могу, но...

Будь я царем, я бы перестроил царство по мысли Юбилея, а не по мысли социализма. Конечно, прежде всего пришлось бы найти подходящих мудрецов и поручить им разработку библейского намека. В той неуклюжей, первобытной ребяческой форме он неприменим к нашему сложному быту; некоторые историки сомневаются даже в том, соблюдался ли действительно юбилейный год и в древние времена Израиля, не остался ли мертвой буквой с самого начала. Но мало ли что в билиях мира сего осталось поныне мертвой буквой? Мечей на сошники мы еще тоже не перековали; но когда-нибудь перекуем. Мертвая буква не есть смертный приговор.

Мертвая буква иногда есть признак истинного идеала. Я посадил бы мудрецов за разработку ветхозаветного намека в переводе на язык современности. В наказе моем этой комиссии было бы написано так: благоволите приспособить мысль о повторных, и притом узаконенных, социальных революциях к условиям нынешнего хозяйственного быта. Имейте при этом в виду, что предложенный в Ветхом Завете пятидесятилетний срок – деталь несущественная. Вы можете предпочесть другие промежутки. Более того: можете вообще устранить хронологический признак, можете заменить его признаком целесообразности. Можете, например, установить, что «Юбилей» наступает тогда, когда за это выскажется некое специально поименованное учреждение, парламент, сенат, верховный совет хозяйственных корпораций, или, наконец, плебисцит, большинством простым или квалифицированным, как найдете полезнее. Тогда «переделы» совпадут приблизительно с эпохами глубоких и затяжных кризисов – что, в сущности, и нужно.

Главное – утвердите в вашем проекте раз навсегда законность того явления, которое теперь называется социальной революцией; отнимите у этого понятия страшный привкус насилия и крови, нормализуйте его, сделайте его такой же частью конституции, как, скажем, созыв чрезвычайного национального собрания для пересмотра этой конституции – мерой исключительной, мерой особо-торжественной, но вполне предусмотренной. Затем благоволите предусмотреть,

как отразится введение этого начала на обыденном хозяйственном обороте, особенно же на той его основе, которая называется кредитом.

В той же главе Левита вы найдете оговорку, что в промежутках между двумя Юбилеями ценность поля, например, исчисляется по количеству годовых урожаев, оставшихся до ближайшего «предела»: этого, конечно, недостаточно, это даже не подойдет при отмене хронологического признака, но, идя по этой линии, ваша мудрость и ученость поможет вам найти необходимые поправки для сохранения жизнеспособности кредитного начала. Словом, подумайте и устройте; только дайте каждому человеку в нашем царстве возможность жить, производить, торговать, изобретать, стремиться, добиваться без предварительной цензуры – и в то же время знать, что от времени до времени будет Юбилей, и трубный глас по всей стране, и «провозглашение Свободы»,

Я, однако, не царь, а напротив – член того сословия, самое имя которого стало бранью: буржуазия. Еще хуже: я не принадлежу и к распространенному в этом сословии крылу кающихся буржуа. Я ничуть не каюсь. По-моему, почти вся культура, которой мы дышим, есть порождение буржуазного строя и его древних прототипов римских, эллинских, израильских, египетских; и я верю, что этот строй одарен беспредельной гибкостью и растяжимостью – что он способен вместить огромные дозы социальных поправок и все же остаться в основе самим собою. Я верю, что общественный распорядок, получивший кличку буржуазного или капиталистического, постепенно выработает систему мер, при которой исчезнет явление бедности, т. е. падение заработка ниже уровня сытости, гигиены и самоуважения; если бы не военные бюджеты, во многих странах это было бы осуществимо и теперь.

Более того: если правда, что буржуазный строй – как все живое – вырабатывает попутно яды и потому сам для себя создает неизбежность периодических потрясений, – то я верю, что он способен не только вынести, не пошатнувшись, эти потрясения, но способен и их включить в свою систему: узаконить и упорядочить свои само пересмотры, обеспечить пред собою бесконечные возможности усовершенствования через этапы повторных социальных переворотов, предусмотренных, обдуманых, планомерных – и, между прочим, бескровных.

Словом – верю не только в прочность буржуазной системы, но и в то, что система эта объективно содержит в себе семена некоторого социального идеала: идеала в обычном смысле, т. е. видения, о котором стоит мечтать и за которое стоит бороться. То, что в наше время никто еще субъективно не проникся этим видением, ничего не доказывает: было время когда и пролетариат субъективно не ощущал никакого социалистического идеализма. Римское общество эпохи принципата несомненно томилось по новым идеалам; но, если бы не Павел,

Европа еще пятьсот лет не знала бы христианства. Слово буржуа стало бранью, буржуазия сама себя стыдится, извиняется за свое существование; а я все-таки думаю, что придет еще новый Маркс и напишет три тома о ее идеале, и, быть может, озаглавит их не «Капитал», а «Юбилей». И родится он, вероятно, в Москве.

Иногда я задумываюсь вот о чем: у социализма есть энтузиазм и мечтатели, и в этом, быть может, главная сила его. Но в том мировоззрении, символом которого кажется мне мысль о юбилейном годе, заключено видение гораздо более привлекательное для человеческой мечты. Ни один социалист не отрицает, что в мировой коммуне хоть сытно будет житься, но скучно: волновать людей будут только вопросы духовные или научные (я лично думаю, что громадная будущность предвидится в ту пору для крестословицы), но истинная, опьяняющая, возвышающая горечь надрыва и подвига уйдет из жизни навсегда... Впрочем, это, или что-то в этом роде, прекрасно изложил когда-то поэтический обыватель Надсон; и, конечно, нельзя считаться с эстетикой, когда речь идет об устранении голода.

Но в видение общества, построенного по плану Юбилея, тоже входит устранение голода; зато остается весь авантюризм игры и борьбы, вся романтика прыжка и погони, все обольщение свободы творческого каприза; и, главное, остается то, что социализм поклялся вытравить и без чего, быть может, и жить не стоит, – вечная перспектива переворота, вулканическое начало в общественном быту; поприще, а не пастбище.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

НАШЕ БЫТОВОЕ ЯВЛЕНИЕ _

Недавно по поводу одной моей газетной статьи я удостоился получить несколько писем от молодых людей, обиженных замечанием, что еврейские дезертиры, принимающие христианскую веру ради выгод, засоряют ту христианскую общину, к которой приписываются. Молодые люди находят, что это напраслина. Во-первых, они не дезертиры: «разве переход из иудейского вероисповедания в другое обуславливает собою переход в другую национальность?» Во-вторых, они ничего не засоряют. «Разве окропивший нас водою священник водрузил нас тем на ниве своей общины? Нет, он нас только вписал в метрическую книгу. Что ж мы засоряем?» А в другом письме идут еще дальше: если дезертир даже «водружается» на чужой ниве, то он ее не только не «засоряет», а даже напротив – украшает: в доказательство цитируется несколько имен из книги Когута «Знаменитые евреи и еврейки». Вообще же молодые люди находят, что писать о них неделикатно: «существует круг таких явлений, которые являются делом личной совести и куда человек интеллигентный не должен залезать руками».

Это пишет одна сторона. А вот любопытный отклик с другой стороны: письмо одного популярного хулигана. Оно напечатано в «Земщине» и гласит:

«В главной палате русского народного союза имени Михаила Архангела почти ежедневно получают письма от евреев на мое имя с просьбой:

«будьте мне крестным отцом – хочу креститься». Письма рву. взглянув на подпись жида, но на завтра новое. Сегодня получил такое: «Ваше высокопревосходительство! Я еврей г. Винницы. Желая принять православие, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство стать моим крестным отцом. Бер Закс. 17 сентября 1910 г. Винница. Почтовая ул.. д.Шерра», – Вступить в какую бы то ни было переписку с жидами не намерен, посему, в

целях сберечь время и бумагу тем, которые пожелали бы последовать примеру Закса, считаю нужным уяснить мою принципиальную точку зрения на этот вопрос и полагаю, что жидкам она будет ясна из следующей телеграммы, посланной мною в ответ юркому Заксу: «Винница, Почтовая ул., д. Шерра. Беру Зак-су. Для евреев крещение – вид гешефта: окончивший гимназию крестится, дабы попасть в университет, купец, чтобы устроиться вне черты оседлости, и так далее. Отказываюсь быть пособником неблагоприятных поступков, предпочитая еврея некрещеного выкрестившемуся из-за побуждений, чуждых душевным запросам, а наличности таковых у евреев не имеется».

Конечно, мнение этого лица не может служить этическим мерилom: привожу его не как аргумент, а просто для характеристики настроений. Что и говорить. с пощечиной Полишинеля можно не считаться. Но да будет позволено напомнить по этому поводу старую басню Федра. Там изображен умирающий лев, к которому приходят разные звери, и каждый норовит его как-нибудь обидеть. И лев все терпит: но когда напоследок явился *asinus, asini*, второго склонения, и тоже лягнул в больное место, лев не выдержал и заплакал, сказав: «Твой пинок, о срам природы. усугубляет для меня горечь смерти». А уж на что лев – гордый зверь. Очевидно, во времена Федра еще полагали, что такой пинок – это уже самое последнее дело, предел надругательства. Но мы теперь умные, и предрассудки давно ликвидированы.

Предрассудки до того начисто ликвидированы. душа человека превращена в такое идеально гладкое, зеркально лысое пустое место, что сплошь и рядом чувствуешь себя беспомощным и безответным пред этой абсолютною плетью, где не осталось ничего со вчерашнего дня – ни одного раз навсегда вбитого гвоздя, ни одной глубоко вросшей былинки, ни тра диций, ни аксиом, ни простой брезгливости, даже ни чего похожего на доску с надписью: «здесь воспрещается». И когда вы пытаетесь напомнить, что все таки должно же быть на свете нечто воспрещенное, нечто такое, от чего сама собой отдергивается рука, вас огорошивают вопросом: А почему нельзя? – И вы вдруг постигаете, растерянный, что, в сущности, ответа у вас нет. Ибо есть вещи, которые доказать невозможно. И, как назло, жизнь так глупо устроена, что именно те щекотливые вещи. которые невозможно доказать, – именно они делают разницу между человеком порядочным и человеком покладистым.

Кто скитался за последние годы по так называемой «еврейской улице», тому хорошо знаком этот убийственный вопрос: «А почему нельзя?» Стал он раздаваться недавно. Прежде было совсем другое время: прежде, в эпоху подъема и до него было всем ясно само собою, что на человеке лежит некий долг и что не все ему дозволено: каждый понимал этот долг по-своему, но атмосфера некоторой нравственной дисциплины ощущалась повсюду, на каких угодно общественных задворках. И если кому уж приходилось нарушить эту

дисциплину, сделать что-нибудь такое, чего совесть не позволяла, то он старался стусеваться, а не выступал гоголем на площади и не спрашивал:

А почему бы нет? – но прошел подъем, и все это изменилось. Нравственная дисциплина лопнула, и значительная часть молодежи пустилась в погоню за своей долей, грациозно прыгая через какие угодно препятствия. При этом они держат голову гордо и высоко, пишут письма в редакцию и требуют: одно из двух – или докажи им осязательно, как дважды два, почему нельзя перепрыгивать через некоторые препятствия, или сними шапку, расшаркайся и признай их полноправными джентльменами.

Конечно, для себя, для своей души, каждый из нас хорошо знает, «почему нельзя». Когда мы себя об этом спрашиваем, то оглядываемся назад, и нашему духовному взору открывается картина, которая лучше всякого ответа.

Перед нами расстилается необозримая равнина двухтысячелетнего мученичества; и на этой равнине, в любой стране, в любую эпоху, видим мы одно и то же зрелище: кучка бедных, бородатых, горбоносых людей сгрудилась в кружок под ударами, что сыплются отовсюду, и цепко держится нервными руками за какую-то святыню. Эта двадцативековая самооборона, молчаливая, непрерывная, обыденная, есть величайший из национальных подвигов мира, пред которым ничтожны даже греко-персидские войны, даже история Четырех Лесных Кантонов, даже восстановление Италии.

Сами враги наши снимают шапку пред величиим этого грандиозного упорства. В конце концов, люди забыли все наши заслуги, забыли, кто им дал единого Б-га и идею социальной правды; нас они считают изолгавшимся племенем, в душе которого ничего не осталось, кроме коллекции уловок и уверток, наподобие связки отмычек у вора: и если перед чем-нибудь еще преклоняется даже злейший из клеветников, если в чем-нибудь еще видит, не может не видеть символ и последний остаток великой, исполинской нравственной мощи, – это только в уцелевшей, ни на миг доселе не дрогнувшей способности страдать без конца за некое древнее знамя. В этом упорстве наша высокая аристократичность, наш царский титул, наше единственное право смотреть сверху вниз. И теперь, над могилами несметного ряда мученических поколений разорвать этот круг, распустить самооборону, выдать старое знамя старьевщикам? Что же нам останется? Как это мыслимо? Как это возможно?!

– Так ощущаем мы, еще не ликвидировавшие предрассудков. Но ведь это ощущение, а не доказательство.

Не знаю, как другие, которые умнее меня, но я должен сознаться, что не все

могу доказать. В 1907 г. пришел ко мне (было это в Одессе) один юноша, когда-то мой протеже, и изложил мне обычный в те дни план устройства личной жизни: он напишет банкиру такому-то письмо с требованием дать столько-то тысяч, а если не даст, то его подстрелят. Я возмутился, заволновался, стал его отговаривать, а он меня срезал вопросом:

– А почему нельзя? Докажите! И со своей стороны изложил мне свои аргументы. Он голодает, мать голодает... А банкир богат. И так далее – эту аргументацию все мы слышали, и у всех она жива еще в памяти. И сколько мы с ним ни спорили, верх оставался за ним, потому что по логике он был логичен, – а все-таки есть вещи, которые не доказываются.

Другие молодые люди пошли дальше. Они увидели, всмотревшись поглубже, что если «можно» экспроприировать у банкира, то «почему нельзя» у лавочницы предместья? Богатство – понятие относительное и гибкое. Богат для меня тот, кто в данную минуту богаче меня: если у лавочницы в кассе лежит 80 копеек выручки, а я голоден, она для меня богачка, и я имею полное право... А потом другие пошли еще дальше. Почему я для этого непременно должен быть голоден в грубом смысле слова, физически голоден? А если желудок мой полон, но душа голодна, если мне тоже хочется прифрантиться, сходить в театр, покататься с барышнями, то почему я должен страдать, за что должна увядать без блеска и радости моя молодость, когда один удачный налет может распахнуть предо мною всю полноту жизни? И опять приходилось разводить руками и молчать, не находя ответа. Потому что неприменима таблица умножения в социальных отношениях.

Те молодые люди, что в памятную эпоху налетов срамили и топтали наше народное доброе имя, что хуже черной сотни с ее резинами терзали и разоряли нашу нищую массу, были, по большей части, ловкие диалектики и по таблице умножения очень искусно доказывали свою высшую правоту. Но в то же время настерпимый чад гнусной, неслыханной деморализации разливался от них вокруг, и было ясно, что, наперекор всякой диалектике, все-таки есть вещи недозволенные, и должна быть в человеке внутренняя брезгливость, которая без слов, непосредственно подсказывала бы ему, «почему нельзя». Этическое познается не рассуждениями, а ощупью, и в ком этого таланта ощупи нет – тот калека.

Бывают, конечно, калеки разной степени. Из примеров, которые приведены только что, не следует заключать, что я ставлю дезертиров на одну доску с кем-либо из перечисленных героев. Понятно, нет. Но, с другой стороны, я не награжден от Б-га и той снисходительностью, которая считает переход в чужую веру ради голой выгоды за нечто невинное. Думаю, что этот акт ясно и непреложно говорит о нравственной глухоте субъекта. И в особенности тогда,

когда он совершается в наших здешних условиях, над поверженным и израненным телом затравленного, окруженного повсюду врагами и беззащитного российского еврейства.

В эпоху студенческих волнений был однажды такой случай. Десять студентов посадили в одну небольшую камеру: им было там невыносимо тесно, душно и грязно. Одного из них пристав знал, так как игрывал в карты с его отцом: он вызвал этого студента и предложил перевести его в камеру вестового.

– И вам будет удобнее, и товарищам все-таки легче. – сказал любезный пристав. Но студент отказался. Собственно говоря, почему было ему не согласиться? Ведь от него за то никаких «услуг» не требовали, и товарищам его отказ никакой видимой пользы не принес – напротив, если бы один выбыл, все же стало бы просторнее. Но студент отказался, потому что у него было этическое чутье. Он понял, или, вероятнее, просто почувствовал, что его переход на привилегированное положение, когда товарищи по беде остаются в яме, посеял бы в атмосфере какую-то неуловимую, невесомую деморализацию, которая гораздо ядовитее спертого воздуха. – То был маленький случай, и беда была сравнительно маленькая.

Теперь мы стоим перед великим национальным горем, в глубокой яме копошатся не десять человек, а шесть миллионов, целая Португалия, две Норвегии, и вопрос о том, есть ли у нас это чутье невесомых преград, разрастается до размеров огромной национальной трагедии. Перед лицом этой трагедии человек, которому дано перо в руки, не имеет права считаться с личными переживаниями отдельных дезертиров. Он должен напомнить во всеуслышание старую истину, через которую вы слишком цинично преступили: что именно талант внутренней брезгливости, и именно чутье невесомых святынь и преград, создает то, что мы называем порядочностью, *sittlicher Ernst* и у кого в такую тяжелую эпоху медленной пытки, затяжного погрома не оказывается в наличности этого чутья, тот должен сам понять себе цену и не удивляться, если другие называют ее вслух.

Хочется говорить об этом как можно более сдержанно, и оттого главным образом приходится настаивать на невесомых моментах. Ведь с той стороны это – главный довод: «живя согласно со строгой моралью, я никому не сделал в жизни зла». Хочется напомнить людям, что если даже допустить, будто и в самом деле «никому не сделано зла», это еще само по себе далеко не отворяет двери в ту комнату, где у Б-га помещены джентльмены, – люди, которым можно доверять, люди, с которыми можно вместе страдать и которые не вылезут в окошко... Но, в конце концов, этот вечный припев каждого дезертира, что он «никому не сделал зла», тоже неправда.

Когда люди еще верили в Государственную Думу, в одном городе черты оседлости была выставлена кандидатура бывшего еврея, популярного местного деятеля. Националисты были против этого, и один из них сказал меткое слово: – Вам нужен в Думе человек, который отстаивал бы ваше равноправие. Так не посылайте в Думу человека, который сам является живым доказательством того, что можно великолепно обойтись и без равноправия.

Сейчас выборов нет, и больше о таких кандидатурах не слышно, и все эти безобидные молодые люди, которые «никому не делают зла», идут представлять о нас не в Думу, а на самое торжище жизни. Но тем глубже политическое влияние этого массового представительства, и мы, остающиеся в яме, еще учтем его плоды на своей шкуре. Ибо никогда еще мы не выпускали в мир с такой легкостью такого множества живых доказательств, что можно при желании обойтись и без равноправия.

В Германии, например, уже давно знают, что «ренегатство, оказывая губительнейшее нравственное влияние, кроме того, еще тормозит борьбу германского еврейства за фактическое осуществление его политических и гражданских прав. Теперь, когда немецкое еврейство ведет упорную борьбу за свои конституционные права, ренегаты, добиваясь этих прав при помощи «Taufzettel», наносят общему делу еврейства непоправимый ущерб» (резолуция съезда германских еврейских деятелей в 1910 г.). Тем хуже положение в России.

На глазах у врагов и равнодушных наша молодежь с такой легкостью меняет религию, что у зрителя возможен только один вывод: раз это так легко и просто, то, очевидно, те, которые этого не проделывают, далеко не так страшно угнетены, и особенно о них беспокоиться нечего. Этот вывод естественно складывается и оседает не только у врагов, но, что гораздо важнее, у равнодушных, т.е. именно в том кругу, от которого зависит дать перевес друзьям или врагам. Как, какими доводами, бороться тут за отмену еврейского бесправия, за создание выхода из ямы, когда нам ответят: позвольте, но ведь выход уже есть, и очевидно вполне для вас приемлемый! Как, какими словами отстаивать эмансипацию общины, из которой сотнями дезертирует ее «цвет», ее молодая интеллигенция, и самым фактом своего массового бегства кричит на всю Россию:

монастырь оставлен на вымирание, стоит ли о нем еще думать!

В конце концов все это выливается в подстрекательство к новому гнету. Светская власть, может быть, и не особенно рада этому новому устремлению строптивного племени и склонна его рассматривать (не без основания), как новый массовый «обход закона», новую «еврейскую уловку», по беззастенчивому

цинизму превосходящую все прежние. Но ведь есть в России и духовная власть, очень влиятельная, в иные периоды даже всемогущая.

Духовенство господствующей церкви нигде и никогда не оставалось безучастным к приросту своей паствы: призванное блюсти интерес церкви, оно всегда и всюду смотрело на такой прирост, как на явление положительное, и не особенно допытывалось о причинах и внутренних побуждениях, справедливо рассуждая, что, каковы бы ни были эти побуждения, во втором поколении от них не останется ни следа, а останется только чистый прирост... Так рассуждала и по сей день рассуждает господствующая церковь всюду на Западе и на Востоке. Как отнесется она в России к этому еще небывалому урожаю неофитов, предсказать не берусь. Но очень боюсь, что мы даем в могущественные, очень могущественные и принципиально враждебные нам руки сильнейший довод в пользу не только сохранения, но и усиления висящего над нами Гнета.

Зато молодые люди нас утешают, что «выход из религии не есть выход из национальности». Нация наша, значит, и впредь будет почтена их присутствием. Лестно. Но тут опять сказывается нечуткое резонерство. неспособность ощутить то важное, что невесомо. Говоря вообще, это – совершенно справедливый принцип: национальность сама по себе, а религия сама по себе. В дни свободы, когда мы еще мечтали о созыве «национального собрания», многие даже среди сионистов и националистов провозглашали, что «членом еврейской национальной общины является каждое лицо, признающее свою принадлежность к еврейской национальности, без различия вероисповедания».

Но – нашим мечтам тогда рисовалась совершенно другая картина, чем то, что видим теперь. Нам рисовался большой праздник свободы, когда еврейский народ на радостях амнистировал бы старых дезертиров за старый грех, а впредь уже крещения могли бы происходить только по убеждению. Это было бы совсем, совсем другое дело. Перемена веры из внутреннего убеждения в превосходстве новой религии – это к чести человека, а не к стыду... Но когда эти сегодняшние молодые люди. только что ради голой выгоды с легкостью вальса увильнувшие от той круговой поруки, которой только и может нация держаться, милостиво предлагают и впредь числиться по нашему национальному списку – то уж это с их стороны любезность чрезмерная и излишняя. Нет уж. молодые люди, скатертью дорога, а нам в утешение останется умное слово Герцля: «мы теряем тех, в лице которых мы ничего не теряем».

«Выход из еврейской религии не обуславливает выхода из еврейской национальности»... Если эти молодые люди искренно так думают, то они горько обманываются. До сих пор уходившие из нашей религии уходили и из нашей национальности. И больше того: в Европе существует формула: «дед ассимилятор, отец крещен, сын антисемит».

Это вполне естественно. У «отца» еще все-таки что-то теплое осталось в душе от воспоминаний детства, связанных с субботой, или хоть от слез матери в тот день, когда он пошел к священнику. Но уж у его сына не может быть ничего, кроме глухой досады на всех евреев за то, что его еще все-таки иногда поругивают Judenbubom'ом. Забыть о еврействе ему не дадут, любить еврейство он не может – остается одно: ненавидеть, и это одно с неизбежностью, в той или иной степени, повторится и в России. Еврейский народ не новичок в этом вопросе – он уже привык, глядя вдогонку уходя тему дезертиру, горестно думать о том, что, может быть, ровно через одно поколение новый камень с улицы ударится в его окошко. Кто знает, еще может быть, их дети некогда будут выселять из Киева наших детей.

Множество софизмов пущено теперь по улице, чтобы оправдать эту вакханалию бегства, и все софизмы гнилые и неискренние. Самый ходкий тот, что, мол, крестятся вовсе не «для голой выгоды», а ради науки. Это болтовня. Науку юридическую, философскую, историческую и т.п. можно получить в публичной библиотеке, и еще бесплатно. А науку медицинскую или инженерную можно получить за границей, в крайнем случае голодая, как голодают тысячи наших юношей и девушек в разных Бернах и Женевах, предпочитающие мучиться, но не креститься. Крестятся ради диплома, т.е. ради выгоды, ради того, чтобы вести потом сравнительно привольную жизнь адвоката, инженера или врача, а не быть вынужденным (о, ужас!) пасть, например, до приказчика. Я понимаю, что страшно больно бросить посередине раз намеченное русло жизни, ликвидировать мечты: но если люди не чувствуют, что дезертирство – это еще страшнее, еще больнее, если из всех тяжелых перспектив им представляется наиболее приемлемой именно та, которая для здорового чутья должна казаться самой ужасной – отступничество, то какое подыщешь имя, кроме нравственной глухоты?

Да, наконец, разве только ради университета крестятся в наше просвещенное время? Больно перечислять в печати, пред чужими людьми, из-за каких пустяков это проделывается на каждом шагу... Ибо зачем терпеть даже малое неудобство, когда есть такой легкий выход, понимаете ли, такой легкий?! Эта легкость, необыкновенная, беспримерная, еще неслыханная в еврейской истории – это и есть главная особенность теперешней эпидемии, придающая последней совершенно своеобразный характер полного паралича высших этических центров. Где-то в яме копошатся шесть миллионов, голодают, стонут, рвут на себе волосы; сто тысяч ежегодно берут в руки посох, пробираются через границу, иногда без паспорта, под выстрелами, – едут на край света бороться за кусок хлеба, и все это для них оказывается легче, чем отступничество! Дураки – они еще не поняли, что отступничество-то легче всего...

При всем том эти молодые люди находят, что, пуская корни на новой ниве, они оную ничуть не «засоряют». Это дело вкуса, судить об этом, в конце концов, могут только сами новые единоверцы наших беглецов. Что-то, однако, не слышно, чтобы неофиты из евреев где-либо, в какой бы то ни было христианской общине слыли украшением. Еврейству, впрочем, все равно, как и где акклиматизируются те, которые от него уходят. Но что не «все равно» это самый факт, что нам, сидящим в яме, назначена премия за отступничество, и что в этом растлевающем сознании вырастает наша молодежь.

В конце концов, ничего мудреного, если в ее душе развивается такая готовность к дезертирству по первому востребованию жизни. Она с детства знает – и ей не дают ни на минуту забыть, – что все запретное станет дозволенным, если только согласишься, с ложью в душе, поклониться чужим алтарям. Это сознание расшатывает характеры, ослабляет задерживающие центры. вытраивает нравственную брезгливость. А что может наша молодежь противопоставить этому соблазну? Из современного еврейского воспитания выброшено все, что могло бы закрепить в ее душе положительные связи с еврейством. Чуда нет, если в результате остается голая, плешивая, пустая душа.

Пусть это иным покажется жестокостью, но, мне думается, лучше было бы российскому еврейству остаться совсем взаперти, без выхода, чем иметь перед собою этот один выход, эту развращающую перспективу уплаты наличными за самое отвратительное из лицемерии. Одно время долго держался слух, будто этих молодых людей так и не примут в университет. Сознаюсь, я бы очень мало этим огорчился. И еще менее огорчился бы, если бы это стало правилом, распространяющимся на все области полноправия. Ибо личная судьба нескольких «юрких Заксов» интересует нас, как прошлогодний снег: но для народа нашего, для подрастающих детей наших не было ли бы здоровее, если бы во мраке нашего бытия перестали мерцать эти тридцать серебрянников равноправия, покупаемые таким путем...

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ВМЕСТО АПОЛОГИИ

1911

Если вникнуть как следует во вкус ритуального обвинения, возникает ощущение очень тяжелое, для впечатлительного человека нестерпимое. Вы вдумайтесь: ведь это про нас – про меня, вас, вашу мать! Каждый из нас, говоря с иноверцем, должен, значит, помнить, что тот, быть может, в эту самую минуту ежится и думает: «а кто тебя знает, не хлебнул ли когда-нибудь и ты из ритуальной рюмочки?» Попробуйте во все это вникнуть! В сущности, ведь это ужаснее, чем все остальное, что мы переносим в этой тюрьме. Я себе представляю, что впечатлительный человек, вдумавшись в это обвинение как следует, во всю глубину, может сойти с ума от обиды и отчаяния, или, по крайней мере, должен рыдать и рвать на себе волосы. Человек менее слабонервный, но зато наивный, должен выбежать на улицу, хватать там прохожих за полу или за пуговицу и доказывать им, пока не охрипнет горло, что это клевета, что мы ни в чем подобном не виноваты. Наконец, человек слепорожденный (среди нас таких очень много) поступит иначе. Он себя успокоит обычными успокоительными фразами: что в такую нелепость никто в сущности не верит; что сами обвинители в нее не верят; что это просто политический маневр; что вся благоразумная часть христианского населения (а таковая, конечно, в подавляющем большинстве) слушать не желает подобной клеветы, даже возмущена ею; что, словом, все обстоит благополучно и на Шипке спокойно.

Я не принадлежу ни к впечатлительным, которые охают, ни к наивным, которые оправдываются, ни к слепорожденным, которые не видят, что у них под носом происходит. Особенно резко должен отмежеваться от последней категории. Конечно, очень удобно и очень приятно воображать, будто все твои враги просто мошенники и сознательные обманщики; но такое упрощенное

понимание неприятельской психологии всегда в конечном итоге приводит к величайшим поражениям. Ибо оно неправильно и несправедливо. Среди наших врагов далеко не все лыком шиты и далеко не все сознательные лжецы. Очень советую одноплеменникам моим не заблуждаться на этот счет.

Среди правых есть и вполне искренние люди. Эти люди совершенно искренно верят, что евреи действительно употребляют в пищу кровь христианских младенцев; по крайней мере, что среди евреев есть такая секта. Эти люди могут также совершенно искренно думать, что убийство Ющинского в этом смысле подозрительно и что надо его расследовать с особенной тщательностью, иначе богатые евреи подкупят отечественную Фемиду, и дело будет замазано. Они совершенно искренно считают евреев богатыми, а отечественную Фемиду покладистой. Поэтому отделаться от них будет не так легко и не так просто, как это думают многие из нас. Вообще все это дело гораздо сложнее.

Оно особенно сложно потому, что вера в ритуальные убийства распространена не только среди правых. В нейтральной, беспартийной массе, даже интеллигентной, тоже далеко еще не искоренилось это подозрение. Смешно и глупо замалчивать это обстоятельство. Мало ли раз всякий из нас, кому только приходилось встречаться с христианами, слышал от самых милых людей откровенные признания в этом сомнении? Конечно, милые люди выражают это сомнение не в такой грубой форме. Они обыкновенно говорят так: «Конечно, мы не сомневаемся, вы и ваши близкие об этом не знаете.

Но... может быть, ваши раввины знают? Мало ли таких древних религий, в которых высшие таинства известны только немногим посвященным?». Другие еще добрее, они идут еще дальше по пути уступок и ставят вопрос так: «Может быть, это какая-нибудь особенная секта? Можете ли вы поручиться, что знаете наперечет все секты в лоне еврейства и все тайны каждой секты? Вот и у нас есть изуверы – хлысты и скопцы – разве мы за них в ответе? Зачем же вам так волноваться и огулом отрицать то, что все-таки, быть может, имеется в действительности?» Так говорят многие, очень многие из самых милых наших соседей! причем я их называю милыми без всякой иронии. а серьезно. Есть вполне порядочные, совершенно благожелательные люди, которые, однако, высказываются именно в этом смысле.

Кто скажет, будто таких нет, тому я просто отвечу, что он говорит неправду. Они есть, и всякий из нас имел случай их видеть и слышать. А сколько таких, которые не высказывают вслух, но думают то же или еще хуже? И больше: спрошу: где гарантия, что это подозрение так цепко держится только в беспартийной.нейтральной среде? Неужели для того, чтобы стать кадетом, надо раньше искоренить в себе все предрассудки, даже взрощенные веками? Неужели в рядах трудовиков нет места человеку, который подписывается под всей

партийной программой, но все-таки еще не может, положила руку на сердце, поручиться, что в Талмуде, который знать он не обязан, нет параграфа о ритуальном убийстве? Не хочу вести это рассуждение дальше налево, только напомню, что главный материал, из которого строятся или должны бы строиться русские левые партии, это – или крестьянство или фабричные, вчера вышедшие из деревни. Наши слепорожденные горько ошибаются, и суждено им еще горько разочароваться.

Ошибаются во многом и наивные – те, что по всякому поводу становятся в позу и начинают защитительную речь. Их доводы так же однообразны, как обвинения противной стороны. Одно и то же из века в век. Сначала доказывается, что еврейская вера воспрещает употребление крови: затем идет доказательство, что самые знаменитые ритуальные процессы всегда кончались торжеством истины, оправданием невиновных и посрамлением клеветников.

И толпа этих доводов не слушает, и никто в толпе с ними не считается. На перечень оправдательных приговоров отвечают: жида подкупили суд. На перечень текстов, запрещающих употребление крови, отвечают: значит, есть еще один текст, который разрешает, и его-то вы нам не хотите процитировать. Вся аргументация пропадает даром, как вода в дырявой бочке. Я не вообще отрицаю полезность документальной защиты, но она полезна только в свое время и на своем месте. Место ей – на суде. место ей – в настоящем парламенте, но только в настоящем, где происходит действительно серьезное рассмотрение серьезных вопросов. Когда вместо парламента имеется митинг, чтобы не сказать хуже, – митинг, где с трибуны несутся ругательства, оскорбления, призывы «бей», где резонов никто не слушает и документами никто не интересуется, – тогда защитительное красноречие не имеет никакой ценности и никакого смысла.

Двести раввинов (в который раз) печатно побожились, что евреи не пьют крови младенцев, – и никто этого не заметил, даже черносотенная пресса не огрызнулась как следует: просто прошла мимо, не оглянувшись. То же самое впечатление произвели и произведут все бывшие и будущие речи на эту тему еврейских депутатов. С документами и доводами считаются там, где собрались люди с намерением спокойно и беспристрастно исследовать. В атмосфере свалки, бешенства, битья чем попало – все оправдательные словеса неуместны.

Может быть, даже вредны. Вот уже несколько лет, как евреи в России плотно сидят на скамье подсудимых. Это не их вина. Но вот что бесспорно их вина: они себя держат, как подсудимые. Мы все время и во все горло оправдываемся. Мы божимся, что мы совсем не революционеры, не уклоняемся от воинской повинности и не продавали Россию японцам.

Выскочил Азеф – мы начинаем божиться, что мы не виноваты, что мы совсем не такие, как он. Выскочил Богров – и опять нас за шиворот ташут на скамью подсудимых, и опять мы входим в навязанную роль и начинаем оправдываться. Вместо того, чтобы повернуть обвинителям спину, ибо не в чем и не перед кем нам извиняться, мы опять божимся, что мы тут ни при чем, и для пущей убедительности начинаем усердно отплевываться от памяти Багрова, хотя над этим – каков бы он ни был – несчастным юношей, в час изумительной его кончины, и без нас достаточно надругались те десять хамов из выгребной ямы киевского черносотенства. Теперь подняли гвалт о ритуальном убийстве – и вот уже мы опять вошли в роль подсудимых, мы прижимаем руки к сердцу, перебираем дрожащими пальцами старые кипы оправдательных документов, которыми никто не интересуется, и божимся на все стороны, что мы этого питья не потребляем, отродясь ни капельки во рту не бывало, разрази меня Бог на этом месте...

околе? Скажите, друзья мои, неужели вам эта канитель еще не надоела? И не время ли, в ответ на все эти и на все будущие обвинения, попреки, заподозривания, оговоры и доносы, просто скрестить руки на груди и громко, отчетливо, холодно и спокойно, в качестве единственного аргумента, который понятен и доступен этой публике, заявить: убирайтесь вы все к черту? Кто мы такие, чтобы пред ними оправдываться, кто они такие, чтобы нас допрашивать? Какой смысл во всей этой комедии суда над целым народом, где приговор заранее известен? С какой радости нам по доброй воле участвовать в этой комедии, освящать гнусную процедуру издевательства нашими защитительными речами? Наша защита бесполезна и безнадежна, враги не поверят, равнодушные не вслушаются. Апологии отжили свой век.

Наша привычка постоянно и усердно отчитываться перед всяким сбродом принесла нам уже огромный вред и принесет еще больший. Население привыкло к этому, привыкло слышать из наших уст жалобный тон обвиняемого. Положение, которое создалось в результате, трагически подтверждает известную поговорку: *quo s'excuse s'accuse*. Мы сами приучили соседей к мысли, что за всякого проворовавшегося еврея можно тащить к ответу целый древний народ, который законодательствовал уже в те времена, когда соседи еще и до лаптя не успели додуматься.

Каждое обвинение вызывает среди нас такой переполох, что люди невольно думают: как они всего боятся! Видно, совесть нечиста. Именно потому, что мы согласны в любую минуту вытянуть руки но швам и принести присягу, развивается в населении неискоренимый взгляд на нас, как на какое-то специально вороватое племя. Мы думаем, будто наша постоянная готовность безропотно подвергнуться обыску и выворотить карманы, в конце концов убедит человечество в нашем благородстве: вот мы, мол, какие джентльмены – нам

нечего прятать! Но это грубая ошибка. Настоящие джентльмены – это те, которые никому и ни за что не позволят обыскивать свою квартиру, свои карманы и свою душу. Только поднадзорные готовы к обыску во всякий час. И мы себя ставим именно в такое положение, не считаясь с самой ужасной опасностью: а что, если нам подбросят краденую вещь?

До сих пор ритуальные убийства подбрасывались нам почти всегда неумелыми, топорными руками. Но я считаю вполне возможным, чтобы и в этой области сказался однажды общий технический прогресс нашего времени. Может найтись виртуоз, который так умно и тщательно разработает план, учтет и предусмотрит все неожиданности, что эффект получится самый ослепительный. В этом предположении нет ничего невероятного. Среди антисемитов теперь есть очень культурные люди, а с другой стороны – очень богатые и могущественные люди, которым доступны самые верные средства фальсификации.

Не так трудно теперь найти и еврейчика-лжесвидетеля: этого добра и в прежние времена было немало, а теперь особенно. В результате могут пред нами в один прекрасный день разыграть такую правдоподобную комедию ритуального убийства, что самый честный, самый беспристрастный судья поколеблется. Что же мы скажем тогда – мы, которые чуть не всю свою оборону строим на том, что судьи нас по большей части оправдывали? Но я считаю возможным, даже вполне вероятным и другой, гораздо более ужасный случай. Еврейство сильно изнервничалось; кажется, мы один из первых народов по количеству душевнобольных. В той атмосфере травли, которую создает вокруг нас басня о ритуальном убое, могут в конце концов у нас народиться и маньяки, помешавшиеся на этой басне.

Если не ошибаюсь, в Падуе в XVI веке был такой случай: еврей Давид Морпурго впал в безумие и стал кричать, чтобы к нему привели 3-летнюю дочь соседа-католика – он ее зарежет и окропит ее кровью опреснок. Раввины связали его и выдали властям: но счастью, безумие его оказалось очевидным, и дело не кончилось погромом. Но за 400 лет наши нервы сильно расшатались, и теперь не будет чудом, если явится более утонченный маньяк, который кричать не станет, а просто возьмет и сделает. Я считаю странным счастьем, что этого до сих пор не случилось. Не забудьте, среди какого кошмара мы живем, под каким ужасом воспитывается наша молодежь.

Мы уже видели таких, которые помешались на революции, на терроре, на экспроприациях: в эпидемии самоубийств есть несомненная примесь психического расстройства: недавнее половое поветрие тоже выдвинуло заметный элемент явных маньяков. И вот, если разразится такая беда, что мы скажем, какие тексты вытащим? Будем ждать реабилитации своего народного имени от суда и экспертов: если они признают, что это сумасшедший, то наша

честь спасена: а если маньяк попадется вроде Джека-потрошителя. трезвый и уравновешенный во всем, кроме своей мании, и покажется экспертам здоровым, тогда мы, значит, признаем себя обесчещенными навек? Ибо таков будет неотвратимый вывод из нашей мании – реагировать на каждый попрек, принимать всенародно ответственность за каждый проступок еврея, оправдываться перед кем попало – в том числе и черт знает перед кем.

Я считаю эту систему ложной до самого корня. Нас не любят не потому, что на нас возведены всяческие обвинения: на нас взводят обвинения потому, что не любят. Оттого этих обвинений так много, они так разнообразны и так противоречивы. Сегодня нам кричат, что мы эксплуатируем бедных, завтра кричат, что мы сеем социализм, ведем бедных против эксплуататоров. Одна польская газета на днях уверяла, что евреи расчленили Польшу и отдали ее России. а 100 русских газет уверяют, что евреи хотят расчленить Россию и восстановить Польшу. Итальянцы уверяют, что нападки на них во всей европейской прессе – дело евреев, а турецкая оппозиция утверждает, что на захват Триполи подбили Италию евреи.

Что же. на весь этот визг и лай со всех сторон надо откликаться, божиться, уверять, присягать? Немыслимо и бесполезно. Если даже опровергнем одно, родится другое. Человеческая злоба и глупость неистощимы. С оправданиями можно выступать только в редкие, исключительно важные моменты, когда есть полная уверенность, что сидящий пред тобою ареопаг действительно имеет справедливые намерения и надлежащую компетенцию. Но делать из апологии систему для каждого дня, выносить ее на улицы, на трибуну митинга, хотя бы и именуемого парламентом, на летучие столбцы газеты – это значит унижать себя до равенства с лающей псарней.

Нам не в чем извиняться. Мы народ, как все народы; не имеем никакого притязания быть лучше. В качестве одного из первых условий равноправия, требуем признать за нами право иметь своих мерзавцев, точно так же. как имеют их и другие народы. Да, есть у нас и провокаторы, и торговцы живым товаром, и уклоняющиеся от воинской повинности, есть, и даже странно, что их так мало при нынешних условиях. У других народов тоже много этого добра, а зато еще есть и казнокрады, и погромщики, и истязатели, – и, однако ничего, соседи живут и не стесняются.

Нравимся мы или не нравимся, это нам, в конце концов, совершенно безразлично. Ритуального убийства у нас нет и никогда не было; но если они хотят непременно верить, что «есть такая секта» – пожалуйста, пусть верят, сколько влезет. Какое нам дело, с какой стати нам стесняться? Краснеют разве наши соседи за то, что христиане в Кишиневе вбивали гвозди в глаза еврейским младенцам? Нисколько: ходят, подняв голову, смотрят всем прямо в лицо, и

совершенно правы, ибо так и надо, ибо особа народа царственна, не подлежит ответственности и не обязана оправдываться. Даже тогда, когда есть в чем оправдываться. С какой же радости лезть на скамью подсудимых нам, которые давным-давно слышали всю эту клевету, когда нынешних культурных народов еще не было на свете, и знаем цену ей. себе. им? Никому мы не обязаны отчетом, ни перед кем не держим экзамена, и никто не дорос звать нас к ответу. Раньше их мы пришли и позже уйдем. Мы такие, как есть, для себя хороши, иными не будем и быть не хотим.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ШКОЛЫ

1910

Почитать передовые газеты – выходит так, будто в законопроекте о всеобщем обязательном обучении, который теперь обсуждается в Государственной Думе, одно большое горе: земства и городские самоуправления отстранены от заведования проектируемой начальной школы. Если бы не эта беда, то со всем остальным, сделав маленькие поправки, можно было бы примириться. Так выходит по газетам, особенно по столичным.

Несомненно, что устранение земств и городских дум – большая беда: хотя, с другой стороны, нельзя забывать и о том, что при нынешних порядках возможны такие составы земских управ и городских муниципалитетов, которые, пожалуй, куда свирепее самого свирепого столонячка. Но дело в том, что и при передаче школ в самое полное и безграничное ведение местных самоуправлений – этот законопроект остался бы абсолютно неприемлем без малого для двух третей населения России, т.е. для той его части, которая не принадлежит к великорусской народности. Ибо вопрос о всеобщей школе есть прежде всего вопрос о языке преподавания.

У «нас» об этом всегда забывают. Либералы-то «мы» либералы, радикалы-то «мы» радикалы, а в некоторых важных отношениях «наше» мирозерцание вполне направляется и диктуется начальством. Начальство принципиально не признает разницы между понятиями «русское» и «российское», и «мы» тоже в конце концов игнорируем эту разницу.

Между тем она очень почтенна: «русское» означает свойственное одной из

народностей, населяющих Империю, а «русское» означает свойственное всей России. Конечно, русская народность – величайшая в государстве, богатейшая по культурной силе – по крайней мере, в количественном отношении: она своим трудом и талантом создала это громадное государство, и она при каких угодно политических реформах, в силу своего удельного веса, останется здесь «первой среди равных».

Но – среди равных, а это у «нас» даже радикалы забывают. Забывают, пользуясь тем, что вековое казенное насилие культурно обесплодило почти все эти национальные меньшинства, задушило в корне их творческие попытки и заставило – или отказаться от просвещения, или искать его в чужом источнике. В конце концов, это забвение, это замалчивание самой наличности гигантского иноязычного большинства незаметно и (надеюсь) бессознательно превращается у «нас» в косвенное содействие казенной руссификации. Создается такое впечатление, словно все уже обрусели, а те, которые еще не успели, только о том и мечтают, чтобы обрусеть: следовательно, давайте им помогать в этом похвальном стремлении и насаждать русскую культуру в качестве всероссийской. А инородцы удовольствуются теми трагедиями для простонародья – конечно, в такое время, когда сцена не занята под «серьезные» спектакли.

Между тем в действительности это все обстоит далеко не так. Большая публика мало знакома даже с элементарной арифметикой государства – с официальной статистикой населения. А не мешало бы знать. В 1897 году правительством была произведена всероссийская однодневная перепись, результаты которой были официально опубликованы лет 56 тому назад. По этой переписи население России в отношении родного языка распределяется следующим образом:

Великороссы.....	43.30 проц. всего населения
Украинцы.....	17.41
Поляки.....	6.17
Белоруссы.....	4.57
Евреи.....	3.94
Киргизы.....	3.18
Татары.....	2.91
Немцы	1.40
Литовцы	1.29
Латыши.....	1.12
Башкиры.....	1.12
Грузины.....	1.05
Армяне	0.91
Молдаване	0.87
Мордва.....	0.79
Эсты	0.78

Остальные народности, насчитывающие меньше миллиона членов, опускаю для краткости. Надо иметь в виду, что под этими скромными на вид процентами скрываются громадные абсолютные цифры. Украинцев, например, 22 с половиной миллиона – на 4 миллиона больше, чем, например, испанцев в Испании. «Каких-нибудь» литовцев – 1.658.000 тысяч: в Норвегии в то же время насчитывалось немногим больше 2 миллионов населения, а между тем норвежская культура поставляет модных писателей на весь цивилизованный мир.

Иными словами, все это крупные народы, которые при других условиях могли бы создать свою самобытную культуру, прославить имя свое и, в конце концов, принести общему отечеству России несметно больше пользы, чем те перь, когда они прозябают почти все на задворках, в качестве бесплатного приложения к великорусской народности. При этом следует отметить еще одно обстоятельство: количество великороссов в переписи несомненно преувеличено, так как на русском языке говорит – особенно в городах Малороссии, западного края, юга, Поволжья, северного Кавказа – множество руссифицированных инородцев, которые, однако, признают себя членами других национальностей и при первой возможности воспитали бы своих детей на другом языке. Таких элементов особенно много среди украинцев, а также евреев и армян.

Несомненно, были крупные ошибки в пользу великорусского элемента и при переписи в сельских местностях Поволжья, где мордва, черемисы и чуваша сильно перемешаны с русскими. Не рискуя впасть в грубую ошибку, можно сказать наверняка, что действительное количество великороссов в России вряд ли многим выше одной трети всего ее населения. Это, приблизительно, то же место, которое занимают немцы в Австрии.

Конечно, дело не в одних цифрах, дело главным образом в психологии: есть ли у всех этих народностей воля к национальной жизни, или они, быть может, уже примирились с перспективой растворения в котле чужой культуры? У «нас» часто уверяют, будто уже примирились особенно настойчиво утверждают это по отношению к украинцам и белоруссам. Какие, мол, они украинцы, какие белоруссы! Они сами только о том и мечтают, как бы скорее разучиться говорить по-мужичьи и перейти к господской речи. Сюда обыкновенно пришпиливается «филологическая» справка о том, что украинский (а тем более белорусский) язык не язык даже, а просто наречие, один из говоров великорусского.

Эта филологическая справка есть простая болтовня: испанский и итальянский, норвежский и датский, немецкий и голландский языки еще ближе друг к другу,

чем русский и украинский, а все-таки это особые языки с особыми культурами, потому что самостоятельность языка определяется не филологами, а сознанием народов. Впрочем, и с филологической стороны дело обстоит не так плохо: в 1905 году Петербургская академия наук в ответ на запрос комитета министров составила докладную записку, где обстоятельно доказывалось, что украинский язык сам по себе, а русский сам по себе и что замена первого вторым в народных школах Малороссии привела к понижению культурного уровня.

– Но помимо всего этого, самостоятельное развитие украинской культуры есть факт неоспоримый и, так сказать, официальный – и двух шагах отсюда, в Галиции. Нечего уже говорить о литературе, театре и печати; но на этом языке – несмотря на все стеснения и препятствия со стороны шляхты, хо зяйничавшей в крае, – там ведется и преподавание в народных школах и в нескольких гимназиях: в львовском университете на этом языке читаются не только лекции, и на очереди стоит вопрос об учреждении специально-русского университета: наконец, на этом языке обязаны судить и рядить судьи и чиновники в восточной Галиции. Всему этому из России помешать нельзя, и потому вопрос о том, «может» ли и «должен» ли украинский язык создать особую культуру, есть вопрос праздный. Какие там разговоры, какое там «может» или «должен», когда есть на лицо?

Вопрос же о том, есть ли у многочисленных народов России воля к национально-самобытной жизни, решается тоже не рассуждениями, а фактами, опытом жизни. Ясный ответ дает недавно вышедшая книга «Формы национального движения в современных государствах». Там в ряде отдельных очерков, написанных такими специалистами, как проф. Грушевский, Л. Крживицкий, С.Дубнов, член Думы Булат, прив.-доц. Авалов, Л.Штернберг, изображено на строение главнейших народностей европейской и азиатской России в эпоху освободительного движения. Выводы получаются очень любопытные. Оказывается, при первом ветерке свободы все они, без исключений, потребовали эмансипации от чуждой им русской культуры и права на свою национальную школу.

Вот несколько примеров. В сентябре 1906 года епархиальный съезд духовенства (!) Подольской губернии возбудил перед синодом ходатайство о введении в начальных школах губернии преподавания всех предметов на украинском языке, а также о введении обязательного изучения украинского языка, истории и литературы в каменец-подольской духовной семинарии. Полтавская городская дума постановила вести в школе имени Котляревского преподавание на украинском языке. Во множестве сельских школ эта реформа была введена «явочным порядком» – не только на крамольном левом берегу Днепра, но и в благонамеренной правобережной Украине, напр., в Брацлавском уезде.

– Съезд белорусских учителей, собравшийся в мае 1907 года, постановил о необходимости вести все преподавание в начальных школах на белорусском языке. Вслед за этим образовалась «Белорусская национальная хэура» – союз учащихся в Глуховском учительском институте (Черниговской губ.): союз тоже ставит своей целью национализацию школы. Автор статьи, г. А.Новина, сообщает: «Нам известен ряд школ – конечно, частных, где обучение детей ведется по-белорусски (в Могилевской, Минской и Виленской губ.). Спрос на учителей для таких школ растет».

– У евреев требование национальной школы, с преподаванием всех предметов на еврейском языке выставлено было всеми, без исключения, еврейскими партиями: и сионистами, и Бундом, и даже петербургской обруселой буржуазией. – У литовцев борьба за родной язык осложнялась борьбой за родной алфавит: до 1904 было запрещено печатать литовские книги иначе, как русскими буквами.

Однако «литовские родители считали и считают своей обязанностью хоть тайно обучать своих детей, по крайней мере, чтению на литовском языке». В дни свободы началась в сельских школах повальная замена чужих учителей литовскими. Возникли разного рода культурно-просветительные общества. Одно из них, «Светило», основало ряд школ, где преподавание велось на литовском языке: другое, «Свет», с 18 отделениями, 10 библиотеками, организовало театральную группу и тоже учреждало школы.

В 1905 году образовался «союз учителей-литовцев», требовавший национализации всех школ Литвы и возрождения виленского университета, но уже не в качестве польского, а литовского.

– Латыши требовали латышского языка в школе, суде и самоуправлении, латышского городского театра в Риге (частные театры у этого в высшей степени культурного народа есть в изобилии), даже латышских надписей на улицах, трамваях и т.д.

– У армян «под влиянием новых условий жизни и новых идейных факторов национальная идея не только не ослабевает, но приобретает более широкий и ясный характер». Некоторые остатки национальной школы у армян еще сохранились, благодаря церковной автономии, так что в этом отношении им в 1905-1906 году пришлось требовать не реформы, а только упрочения и развития существовавшего порядка.

– У калмыков и башкир в 1907 году возникли «учительские союзы» с национально-культурной программой. Буряты «категорически требуют введения

родного языка в школе, суде и самоуправлении»: они же учреждают издательство учебников и переводных книг. В апреле 1904 г. состоялся в Чите с разрешения губернатора съезд бурят и тунгусов Забайкалья, выработавший проект реформы управления краем, а в том числе всеобщего обязательного обучения на монгольском языке. Якуты учредили в Якутске национальный театр, где ставились «не только драмы, но даже оперы» и т.д.

Всех не перечислишь, да и не нужно. Все ведь это смела реакция, уничтожила большую часть драгоценных культурных ростков. Но приведенные факты остаются фактами и непреложно доказывают одно: воля к национально-самобытной жизни есть. Около 60 процентов населения России не хотят великорусской школы, ибо хотят учиться на своих языках и творить свои культуры.

Россия им дорога, как идея общности, взаимной защиты, круговой поруки; она им рисуется в перспективе будущего прекрасным человеческим садом, где самые разнообразные культурные цветки мирно распускаются один подле другого, каждый в своем своеобразии, соперничая друг с другом красотой и ароматом, а не кулаком и обухом. Вне этого идеала для них нет просвещения и нет прогресса, а есть только грубое насилие, заgrimированное (да еще неудачно) под цвета просвещения и прогресса.

Законопроект предусматривает какое-то двухлетнее обучение на «местном» языке, с тем, однако, чтобы с третьего года все преподавалось по-русски; но и эта «льгота» предположена только для уездов с нерусским большинством, причем, конечно, украинцы и белоруссы будут любезно зачислены в состав «русского большинства». Кроме того, предстоит, очевидно, отбор «местных» языков, причем некоторые будут просто признаны несуществующими: украинского языка не существует, белорусского тоже, молдавского в Бессарабии тоже, финских наречий на Волге и на севере тоже, а об еврейском языке и говорить нечего: «обретается в не тех» и не имеет никакой культурной реальности.

Несколько щедрее оказываются, судя по телеграммам, октябристы: они собираются голосовать за четырехлетнюю, а не двухлетнюю отсрочку принудительной руссификации. Но и октябристы не согласны признать школьными языками такие, как украинский или еврейский. 22.500.000 малороссов, 6 миллионов белоруссов, 6 миллионов евреев, 3 миллиона поволжских и северно-российских финнов и прочая «мелкота» обрекаются на национальное исчезновение.

Конечно, в самом горьком положении окажутся при этом порядке евреи. Этот

народ живет главным образом среди поляков, украинцев, белоруссов, литовцев, эстов, латышей и молдаван и меньше всего соприкасается с великороссами. Как же будет решена его судьба? В какие школы будут гнать его детей?

Из проекта это неясно. Во всяком случае, раз преподавание на еврейском языке исключено, а посещение школы обязательно, остается одно из двух: или школы местного большинства – польские, литовские, латышские, эстонские, немецкие, – или русская школа. В том и в другом случае горемычному племени уготовляется в недалеком будущем перспектива, одновременно курьезная и трагическая.

Что значит обучение в школах местного большинства, это мы видим в Австрии, где часть евреев воспитывается по-немецки, часть по-польски, часть по-чешски, часть по-итальянски, все они друг от друга отрезаны, друг друга не понимают, не могут объединиться ни для отпора против антисемитизма, ни для борьбы за действительное осуществление бумажного равноправия и, в результате, представляя собою народ в миллион с четвертью индивидуумов, не играют в Австрии никакой политической роли, тогда как словинцы, итальянцы, хорваты, которых гораздо меньше, имеют в руках прочную долю влияния на государственные дела и извлекают из этого влияния реальные выгоды. Тем хуже будет в России, где равноправия не только на бумаге, но и в перспективе нет и где евреям, как свет и воздух, необходимо единство, солидарность, организация. Вместо этого им, кажется, предоставлено будет распределиться по нациям: рижские будут числиться латышами, ковенские литовцами, ломжинские поляками, а мы, южане, значит, будем великороссы. А там, даст Бог, лет через 20, разовьются у нас и соответствующие национальные чувства. Мы, южные великороссы Моисеева закона, будем гордо смотреть сверху вниз на ковенских литвинов иудейского вероисповедания и будем их корить:

– Что у вас за культура? Ерунда, а не культура. «Наша» лучше!

А «литвин» скажет:

– Врешь, «наша» куда лучше!

В Австрии эта картинка встречается сплошь и рядом. Худшие шовинисты-подстрекатели, наиболее резко призывающие венских немцев душить чеха. – это евреи из редакции «Neue Freie Presse». Зато в австрийском рейхсрате три четверти немецких депутатов – непримиримые антисемиты, а в Вене двадцать лет господствуют христианские социалисты.

Еще приятнее другая альтернатива: если нас заставят учиться только по-русски.

Уже и теперь евреи во многих городах черты оседлости, где великорусского населения нет, являются единственными, так сказать. представителями русской культуры, т.е.. говоря точнее, единолично руссифицируют край. Вильна, например, руссифицирована только еврейской интеллигенцией: и что-то незаметно, чтобы за эту услугу евреев очень любили тамошние великороссы. – а зато поляки и литовцы открыто ставят евреям этот подвиг в большую вину.

То же самое в Малороссии. Украинская печать вообще и прогрессивна, и демократична, но когда речь заходит о руссификаторской роли еврейской интеллигенции, эта печать выходит из себя и положительно сбивается на антисемитские ноты. И хуже всего то, что не знаешь, какими словами протестовать. Ибо ведь действительно правда, что города Украины, где великороссов можно по пальцам перечесать, и вполнину бы не носили того характера, который носят теперь, если бы еврейская интеллигенция не так усердно шла навстречу администрации в смысле насаждения русского языка. Прикрепощение евреев к русской школе зафиксирует этот порядок вещей и сделает еврейское население окончательно ненавистным в глазах самых демократических элементов местного большинства...

Из всего сказанного следует ясный вывод: всеобщее обязательное обучение, если оно не производится для каждой группы населения на том языке, который группа эта признает языком своей национальной культуры, не имеет ничего общего ни с просвещением, ни с прогрессом. Ярko и отчетливо заявил это однажды в Думе польский депутат: лучше никакой школы, чем такая. Нет ни одного здорового народа, который не присоединился бы к этим словам.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

О ЯЗЫКАХ И ПРОЧЕМ _

1911

П.Б. Струве в январской книжке «Русской Мысли» (1911) затронул интересный и важный вопрос. Жаль только, что затронул мимоходом и аподиктически разрешил на 4 страничках. Этот спор об этнической природе государства российского, о том, считать или не считать малороссов и белоруссов за особые нации, о том, быть ли России «национальным государством» или же пути ее ведут к так называемому Nationaliatenstaat, – спор этот заслуживает самого серьезного, самого, если позволено так выразиться, увесистого обсуждения. И я глубоко убежден, что постепенно он и станет во всей серьезной российской публицистике предметом такого именно обсуждения. Ибо вопрос о национальностях есть для России кардинальный вопрос ее будущности, более важный, более основной, чем все другие политические и даже социальные проблемы, включая хотя бы самое аграрную реформу.

Пишу эти слова и, конечно, знаю, что лишь очень немногие с ними согласятся. И тем не менее, – оно все же так. Было время, когда и в Австрии думали, будто национальная проблема есть второстепенная мелочь, скромно отходящая на задний план, как только на сцену выступают «настоящие» интересы, особенно экономические. А жизнь доказала, что все бытие государства, точно вокруг оси, обречено вращаться вокруг проблемы национальностей, и под конец даже социал-демократия стала давать основательные трещины как раз по швам национальных разделений. От судьбы не ушла Австрия, от судьбы не уйдут и ее соседи.

Я тоже не имею в виду братья за «увесистое» рассмотрение вопроса, затронутого П.Б. Струве. Но хочу сделать несколько беглых замечаний по поводу одной из деталей этого вопроса: о том, куда зачислить малороссов и

белоруссов. Вряд ли, впрочем, уместно тут слово «деталь»: это не деталь, а центр тяжести всего спора. В самом деле: если малороссов и белоруссов зачислить, как хочет П.Б. Струве, в состав единой русской нации, то нация эта возрастает до 65 процентов всего населения Империи, т.е. до громадного большинства в две трети: и тогда, пожалуй, картина действительно недалека от «национального государства».

Наоборот, если малороссов и белоруссов считать за особые народности, то господствующая национальность сама оказывается в меньшинстве (43проц.) против остального населения, а сообразно тому изменяются и все виды на будущее. Поэтому смело можно сказать, что разрешение спора о национальном характере России почти всецело зависит от позиции, которую займет тридцатимиллионный украинский народ. Согласится он обрусеть – Россия пойдет по одной дороге, не согласится – она волей-неволей пойдет по другому пути. Прекрасно поняли это правые в Государственной Думе.

Когда решался вопрос о языках инородческой школы, они, смеху ради, голосовали даже за каких-то «шайтанов» и «казанских греков»; они даже не подняли рук против еврейского языка, очевидно, желая сделать весь законопроект ненавистным и неприемлемым для начальства; но когда речь зашла об украинском языке, они отбросили и паясничество, и хитроумные расчеты и просто подняли руки против, ибо почуяли, что тут самое опасное место, решительный шаг, при котором ни шутки шутить, ни лукаво мудрствовать не приходится.

Возражение П.Б. Струве вызвано следующими моими строками, напечатанными в той же «Русской Мысли»: «На этих страницах П.Б.Струве неоднократно высказывал, что считает Россию государством национально-русским. В этом очерке не место спорить о таком сложном вопросе; но считаю нужным кратко оговорить, что стою на резко противоположной точке зрения.

Примыкаю к тем, которые не закрывают глаз на статистику и помнят, что народность, язык которой называется русским, составляет, по несомненно преувеличенным данным переписи 1897 г., всего 43 процента населения Империи. Это много, но этого недостаточно для того, чтобы остальные, «инородцы», добровольно согласились на роль бесплатного приложения к великорусской народности. Относясь с глубочайшим уважением к этой народности и к ее могучей культуре, желая с ней жить и дальше в тесной близости духовного обмена. они, однако, полагают, что естественной вотчиной этой культуры являются пределы этнографической Великороссии, и если теперь оно не так, то причина, главным образом, в вековом насилии и несправии.

Мы, «инородцы», предвидим только одну из двух возможностей: или в России никогда не будет свободы и права, или каждый из нас сознательно использует свободу и право прежде всего для развития своей самобытной национальной личности и для эмансипации от чужой культуры. Или Россия пойдет по пути национальной децентрализации, или в ней немислимо будет ни одно из оснований демократии, начиная со всеобщего избирательного права. Для России прогресс и Nationaliatenstaat – синонимы, и всякая попытка перескочить через эту истину, утвердить в государстве прочный порядок наперекор воле и сознанию трех пятых населения – кончится крахом. Так полагают «инородческие» националисты, и не только они: а кто прав, ответит будущее».

«Изумительно прежде всего. – отвечает П.Б.Струве. – в какой мере политическая или иная тенденция способна слепить глаза и скрывать от зрения самые внушительные и непререкаемые объективные факты. Какая-то упорная традиция, постоянно оживляемая интеллигентской политической тенденцией, скрывает от некоторых людей огромный исторический факт: существование русской нации и русской культуры. Именно русской, а не великорусской. Ставя в один ряд этнографические «термины» – «великорусский», малорусский», белорусский», автор забывает, что есть еще термин «русский» и что «русский» не есть какая-то отвлеченная «средняя» из тех трех «терминов», а живая культурная сила, великая, развивающаяся и растущая национальная стихия, творимая нация (nation in the making, как говорят о себе американцы)».

Прежде всего замечу, что П.Б. Струве не прав, полагая, будто я забываю о термине «русский». Напротив. Я даже совершенно согласен с г. Струве в том, что русская нация и культура «не есть какая-то отвлеченная средняя» из великороссов, малороссов и белоруссов. Конечно, не есть. Русским языком называется у людей язык одного только великорусского племени; ни украинского, ни белорусского языка этот термин не обхватывает. А русской национальной культурой называется культура, созданная на этом языке. На языке великороссов и только великороссов, а не на каком-то отвлеченном «среднем» из трех языков. Ибо такого среднего и на свете нет. Следовательно, русская культура есть национальная культура великорусского племени. Малороссов и белоруссов можно заставить присоединиться к ней, или можно даже мечтать, что они к ней все добровольно присоединятся; но это будет именно присоединение к чужой (хотя бы и родственной) культуре, созданной не на природном языке присоединяющихся национальностей.

Термины «русская культура» и «великорусская культура», взятые в чистом своем значении, совершенно совпадают, ибо русский язык и русская культура ни для кого, кроме великороссов, не являются природными. Я лично всегда охотнее употребляю термин «русский» вместо «великоросс»: если в данном случае отступил от этой привычки, то только во избежание неясности, так как знал, что

есть – повторю выражение П.Б. Струве – «какая-то упорная традиция» совершенно неточно смешивать под словом «русский» в одну кучу три народа, отличных друг от друга по языку, по истории, по темпераменту, по физическому типу, по внутренней индивидуальности, по быту и общественному строю.

Есть «какая-то упорная традиция, постоянно оживляемая интеллигентской политической тенденцией», уверять самих себя и всех добрых людей, будто русская нация есть не «живая культурная сила», реальная, осязаемая и отграниченная, а именно «какая-то отвлеченная средняя», некая метафизическая сущность, сочетающая в своем единстве три различных начала.

Это, конечно, чистейшая фантазия. Но, мне кажется, если кто заслуживает упрека в таком фантазировании, то уж никак не те, для кого русская нация сама по себе, и украинская или белорусская – тоже сама по себе, – а скорее те, которые не признают тождества «русской» культуры с «великорусской» и непременно хотят придать первому термину какое-то более широкое значение. Правда, сами украинские публицисты часто употребляют слово «русский» в другом значении, чисто этнографическом, и в этом смысле причисляют к «русскому племени» и украинскую народность.

Если не ошибаюсь, такая формулировка родства между великороссами, малороссами и белоруссами освящена еще авторитетом Костомарова. В одной статье одного украинского националиста она была выражена так: «Я – славянин по расе, русский по племени, украинец по национальности». Сомневаюсь, имеет ли эта сложная классификация какую-либо ценность с точки зрения этнологии; но во всяком случае за пределы этнологии и этнографии ее значение не простирается.

Специфическую культуру создают не «расы» и не «племена» (да и вообще эти термины так неопределенны и расплывчаты, что теперь ими надо пользоваться только с величайшей осторожностью): культуры создаются национальностями, и каждая из национальностей ревниво бережет свою культуру и противится, когда сосед ей навязывает свою, хотя бы сосед этот числился ей двоюродным братом «по расе» и единоутробным «по племени».

Хорваты и словинцы – и тесные соседи, и близкая родня по расе, племени, вере и т.д., и даже языки их куда ближе друг другу, чем русский с украинским; однако это две разные национальности с двумя разными культурами. Венгерские словаки – ближайшая родня чехам, настолько близкая, что словацкое население соседней Моравии считает своим национальным языком чешский: но словаки Венгрии считают себя словаками, ревниво берегут отличия в своем диалекте, охраняют свою литературную речь от чешских оборотов и, насколько это

мыслимо при мерзостях мадьярского режима, творят свою словацкую, а не чешскую культуру. Ибо для этого творчества ни этнология, ни даже филология не указ. Для него указ – национальное сознание. Кто «украинец по национальности», для того все остальное родство по племени, по расе и т.д. может иметь только побочное значение: при выборе культуры решающий голос принадлежит не «расе», не «племени», а осознанной национальности.

Еще одна оговорка. Обыкновенно, когда хотят доказать, что русская культура есть продукт тройственного взаимодействия, а не одних великороссов, на сцену вытаскивается Гоголь, а иногда, в последнее время, и Короленко. Вот, дескать, малороссы, участвовавшие в создании «общерусской» литературы. Убедительность этого доказательства под большим сомнением. Величайший венгерский поэт Шандор Петефи назывался в сущности Александр Петрович и был сыном словака; но никто в этом не видит доказательства, что мадьярская литература будто бы есть «общевенгерская».

У немцев тоже был крупный поэт, даже с проблесками гениальности, но имени Шамиссо. а по происхождению француз; разве поэтому немецкая литература стала немецко-французской? Разве она стала из-за Гейне немецко-еврейской? Общий фон, общий характер данной культуры не изменяется оттого, что случайно жизнь забросит и ее ряды человека другой крови, хотя бы даже гениального. Он или целиком ассимилируется с окружающим фоном, как Петефи или Шамиссо, или только наполовину, как Гоголь, на чьих произведениях лежит сильнейшая печать украинского темперамента, или совсем не ассимилируется и остается бобылем, непризнанным изгоем, как Гейне, – но национальный характер данной культуры остается неприкосновенным, и инородные пятна только выделяют и под черквивают ее основной цвет, подобно тому, как черные «мушки» оттеняют белизну кожи. Десять Гоголей и сто Короленко не сделают русскую литературу «общерусской»: она остается русскою, т.е. великорусскою, а рядом с нею украинская народность, пробиваясь сквозь строй великих трудностей, создает свою литературу на своем языке.

Я написал, что если русская культура играет теперь неестественную роль культуры всероссийской. то «причина, главным образом, в вековом насилии и бесправии». П.В.Струве с этим не согласен. Русская, мол, культура преобладает и в Киеве, и в Могилеве, и в Тифлисе, и в Ташкенте «вовсе не потому, что там обязательно тянут в участок расписаться в почтении перед русской культурой, а потому, что эта культура действительно есть внутренне властный факт самой реальной жизни всех частей Империи, кроме Царства Польского и Финляндии». Тут уж П.В.Струве безусловно несправедлив к нашему благопопечительному российскому начальству. Как же можно отрицать его великие, неискоренимые из нашей памяти заслуги по части насаждения русской культуры за пределами Великороссии?

П.В.Струве с легким сердцем констатирует, что теперь в Киеве «нельзя быть участником культурной жизни, не зная русского языка», и думает, будто «участок» тут ни при чем, а между тем это великая ошибка. Напротив, все дело в участке и в его многовековом усердии. Вот как рассказывает об этом усердии известный украинский историк, проф. М.Грушевский: «Покончив с политической особностью Украины, правительство не удовлетворилось этим: оно решило стереть и уничтожить также и проявления ее национальной жизни, и даже особенности украинского национального типа. Начиная с Петра I для украинских изданий вводится цензура, имевшая целью привести их к единообразию в языке с изданиями великорусскими. Русифицируются украинские школы. Вводится великорусское произношение в богослужении. Всякие проявления украинского патриотизма ревностно преследуются и подавляются».

Но зачем заглядывать так глубоко в старину! Вот перед нами новейшее время: с половины прошлого столетия замечается в России подъем украинского движения – и тотчас же начинается сверху ревностная борьба против «хохломании» и «сепаратизма». В 1863 г. министр Валуев провозглашает: «Не было, нет и быть не может украинского языка»-а в 1876 г. издан был указ, просто-напросто воспретивший украинскую культуру. Отныне разрешалось печатать по-украински только беллетристику да стишки и разыгрывать пьесы в театре; что касается до газет, журналов, серьезных книг и статей, лекций, проповедей и т.п., – все это было воспрещено, а об украинской школе и говорить нечего.

Что же удивительного, если на этом поле, начисто опустошенном и распаханном усилиями урядника, с такой легкостью и вне всякой конкуренции взошли посеvy той культуры, которую урядник, по крайней мере, терпел? И ничуть ее пышный расцвет в Киеве не доказывает, что дело исключительно в ее собственной мощи, что она и без помощи урядника все равно заглушила бы все соседние ростки и воцарилась единодержавно. Напротив. П.В.Струве сам не будет спорить против того, что если бы вместо указа о воспрещении украинской культуры явился в 1876 г. указ о разрешении вести на украинском языке преподавание в школах и гимназиях, то уважаемому публицисту вряд ли пришлось бы теперь так победоносно констатировать, что в Киеве без русского языка нельзя быть культурным человеком.

Что в Киеве, то было и повсюду. Всюду на окраинах русская культура появилась только после того, как земский ярыжка расчистил ей дорогу, затоптав сапожищами всех ее конкурентов. На Литве с 1863 года были запрещены польские спектакли, польские газеты и даже польские вывески, а литовцам запретили печатать литовским алфавитом что бы то ни было, даже

молитвенники. Воспрещены были спектакли на еврейском жаргоне (еврейских актеров заставляли играть «по-немецки»), и до начала этого века не разрешали ни одной газеты на жаргоне.

Тоже или почти то же происходило на Кавказе, и только потому П.В.Струве имеет ныне возможность записать и Тифлис в перечень городов, завоеванных русской культурой. Точнее, куда точнее было бы сказать: «Завоеванных урядником для русской культуры». Это, конечно, не мешает нам всем высоко ценить и даже любить русскую культуру, которая многому хорошему нас научила и много высокого дала. Но зачем игнорировать историю и уверять, будто все обошлось без кулака и будто успехи русского языка на окраинах доказывают внутреннее бессилие инородческих культур? Ничего эти успехи не доказывают кроме той старой истины, что подкованными каблучищами можно втоптать в землю даже самый жизнеспособный цветок.

Дальше следует у г. Струве аргумент, который странно даже слышать из уст такого вдумчивого, совсем не шаблонного писателя и мыслителя: «Постановка в один ряд с русской культурой других, ей равноценных, создание в стране множества культур так сказать, одного роста, поглотит массу средств и сил, которые при других условиях пошли бы не на национальное размножение культур, а на подъем культуры вообще». Такое «размножение культур» будет «колоссальной растратой исторической энергии населения Российской Империи». Это, да простит глубокоуважаемый автор, песня старая, петая, перепетая – и отпетая. Теперь от нее даже непрошибаемые социал-демократы отказались. Самое лучшее, самое прекрасное в мировой культуре – это именно ее многообразиие.

Каждая историческая нация внесла в нее свои особые, неподражаемо-своеобразные вклады, и в этом бесчисленном множестве форм, а не в количестве результатов и заключается главное богатство человеческой цивилизации. Если бы маленький двухмиллионный народ, населяющий Норвегию, послушался во время оно советов г. Струве и, вместо того чтобы «тратить» силы на создание собственной культуры, записался в немцы, – то в учебнике немецкой словесности числилось бы несколькими именами больше, но за то не было бы на свете того совершенно своеобразного, особенно благоухающего, индивидуально ценного божьего букета, который называется норвежской литературой.

Да и нельзя никак противопоставлять «размножение культур» «подъему культуры вообще». Ибо с равным правом (а по-моему с большим) можно сказать, что «культуры вообще» нет, что это абстракция, ибо конкретно существуют (если, конечно, не считать машин и прочей мертвой утвари) только отдельные культуры отдельных наций. И это значит, что отдельная личность, участвующая в создании культуры, будь это поэт, философ, ученый или

политик, может наилучше развить и использовать свои творческие силы, наилучшим образом sich ausleben только в родной среде, в родной обстановке и атмосфере, где все хотя не осязаемо, но ощутимо пропитано родными соками. В чужой обстановке значительная часть творческих сил уходит на преодоление какого-то естественного трения, хотя бы иногда неосязаемого, и потому резуль– таты такого творчества меньше и беднее.

С этой точки зрения стоит (даже в интересах «подъема культуры вообще») потратить много сил и много лет на создание особой бурятской или якутской культуры. чтобы создать обстановку, в которой потом бурятские и якутские таланты разовьются лучше, полнее и с большею пользой для человечества, чем развились бы в «общерусской» среде, созданной и пропитанной влиянием других наций.

Раздробление сил. «растрата энергии» тут с лихвою будут возмещены впоследствии интенсификацией творчества в отдельных национальных коллективах. Если тут есть «обособление». то это обособление законное, необходимое: так «обособляется» художник, когда затворяется в своем кабинете, убранном по его вкусу, никого к себе не впускает – и пишет прекрасное произведение на радость и пользу всем людям.

Но все это зады, которыми прилично было заниматься лет пять или шесть тому назад, когда «мы» все были еще очень наивны и верили, будто национальный вопрос выдуман злоумышленниками. Теперь, слава Богу, известно и признано, что право каждой народности на самобытную культуру определяется и доказывается не теориями, а ее собственной волей к национальному бытию. Наличие этой воли показали и малороссы, и белоруссы. и все остальные, несчетные и несметные народы Российского государства; а остальное доделает время.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

УРОК ЮБИЛЕЯ ШЕВЧЕНКО _

1911

Удивительно, до чего люди непоследовательны. Когда мы произносим А. то по большей части и не думаем о том, что надо же в таком случае произнести и Б. Подходим к общественному факту так, как будто он изолирован, вырван из жизни и за собою никаких последствий не влечет. Вот теперь мы чествуем память Шевченко или, по крайней мере, откликаемся на чествование.

Но при этом – никаких выводов. Не только у слушающих и у читающих, но иногда у самих пишущих незаметно, чтобы они хорошо вдумались, к чему обязывает признание этого юбилея. Ведь одно из двух: или Шевченко есть культурное недоразумение, филологический курьез и раритет, и тогда нет никакого смысла устраивать ему юбилей; или Шевченко есть закономерное и характерное явление развивающейся жизни, симптом чего-то грядущего, и тогда каждому из нас необходимо. сказав А, произнести и Б. т.е., признав этот юбилей, определить свое отношение к тому огромному явлению, о неизбежности которого пророчествует нам этот юбилей. А об этом, кажется, мало кто думает.

Может быть, объясняется это тем, что внутренне еще многие, многие из нас и впрямь потихоньку считают Шевченко за филологический курьез. Что греха таить, многие так рассуждают. Им это кажется причудой, капризом: знал человек прекрасно по-русски, мог писать те же самые стихи на «общем» языке, а вот заупрямился и писал по-хохлацки. Другие идут еще дальше и спрашивают: да разве есть какая-нибудь серьезная разница между обоими языками? Одно упрямство, одно мелочное цепляние за отдельные буквы. Что за причуда – писать непременно так: «Думы мои, думы мои, лыхо мини з вамы! Чому стали на папери сумными рядами?» – Когда можно было с таким же успехом написать вот как:

Ах вы думы мои, думы.

Ах, беда мне с вами!

Что стоите на бумаге

Грустными рядами?

Один господин недавно взял при мне в руки томик стихов Олеся и стал доказывать наглядно, что стихи эти можно читать сразу по-русски и выйдет почти все в полном порядке: и размер не изменится. и почти все рифмы сохранятся. Может быть. он и был прав: я его не дослушал до конца и, пока он декламировал на московский лад: «Ой. на що ж малу дитину доручала ти степам?» – я задумался о другом. Я вспомнил, что Шевченко писал что-то такое и по-русски. Литераторы из газеты «Киевлянин» ставят ему это в великую заслугу и стыдят теперешних ма-зепинцев: видите, он не то, что вы, он «не чуждался общерусского языка»! Допустим: но за то странным образом «общерусский» язык чуждался украинского поэта, и не склеилось у него ничего путного на этом языке.

И Шевченко не единичное явление. В 40-х годах жил в Риме большой поэт Белли: о нем. кажется. есть где-то упоминание у Гоголя. Он писал главным образом на римском диалекте. Римский диалект, не в пример другим местным наречиям Италии, почти совершенно совпадает с итальянским языком: если бы не скучно было для читателя, я бы взялся исчерпать все различие ровно в пятнадцати строчках. Но Белли писал на диалекте великолепные вещи, а на итальянском языке – вещи совершенно бездарные. Его сонеты на *romanesco* изумительны, его итальянские элегии водянисты, риторичны и позабыты. Тоже, очевидно, крепко заупрямился человек: так заупрямился, что и сам Бог его покидал, как только он в своем творческом порыве переступал через какую-то едва заметную межу – и Белли, по его сторону межи большой поэт милостию Божией. по ту сторону внезапно превращался в жалкого писаку...

Родной язык! Нужна вся наша российская наивность. неопытность, социальная необразованность, вся наша пигасовщина, весь грубо эмпирический площадной практицизм, исповедуемый нами по отношению ко многим священным вопросам духа, чтобы так делать большие глаза и недоумевать, зачем это нормальному человеку, при полном уме и здоровой памяти, непременно упираться и настаивать на том, что говорится «світ», а не «свет».

Дурь, причуда! Магьяры сколько лет ведут борьбу за магьярскую команду в

венгерской армии, а всего-то язык команды состоит равным счетом из 70 слов. Из-за 70 слов падают министерства, откладываются важнейшие реформы, трещит по шву реки Лейты политическая карта Европы, В венгерском парламенте, среди четырехсот с лишком мажар. сидят сорок депутатов из Кроации и свято хранят свое право говорить с трибуны по-хорватски, т.е. на языке, которого никто, кроме них, не понимает и употребление которого в парламенте поэтому, казалось бы, не только бесполезно, но даже вредно для самого хорватского дела. Эти же хорваты подняли бунт. когда венгерское начальство попыталось завести в некоторых правительственных учреждениях Загреба, рядом с хорватскими вывесками, также и мажарские: были уличные демонстрации, столкновения с войсками, лилась кровь...

Дурь, причуда! – говорим мы. Мы, захоластные обыватели захоластной страны, мы, с высоты нашего политического ума и опыта. А не гораздо ли правильное было бы взглянуть на дело с другой стороны и понять, что с фактами не спорят? Ведь тут пред нами целый ряд ярких фактов, то массовых, то еще более характерных, индивидуальных. Вот беснуются чуть ли не целые народы из-за семидесяти слов или десяти вывесок на чужом языке: вот большие поэты, мгновенно теряющие дар Божий, как только попытаются сделать внутри себя маленький, крохотный, невинный подлог: сказать «свет» вместо «світ». «buona sera» вместо «bona sera». Это все факты, непреложные явления жизни, которые не изменятся оттого, что мы будем их порицать или одобрять. Не порицать и не одобрять их надо. не ставить двойки или пятерки мировому порядку и его проявлениям, а скромненько учиться из них уму-разуму: брать жизнь такую, какой она есть в основе своей, и на этой основе строить наше мировоззрение.

Мимо факта шевченковского юбилея мы проходим с почтительным поклоном, и нам даже не приходит в голову, что это – факт исключительной симптоматической важности, пред лицом которого, если бы мы были разумны, опытни и предусмотрительны, следовало бы пересмотреть некоторые существенные элементы нашего мировоззрения.

Что такое Шевченко? Одно из двух. Или надо смотреть на него как на курьезную игру природы, нечто вроде безрукого художника или акробата с одной ногою, нечто вроде редкостного допотопного экспоната в археологическом музее. Или надо смотреть на него как на яркий симптом национально-культурной жизнеспособности украинства, и тогда надо открыть пошире глаза и хорошо всмотреться в выводы, которые отсюда проистекают. Мы сами здесь на юге так усердно и так наивно насаждали в городах обрусительные начала, наша печать столько хлопотала здесь о русском театре и распространении русской книги, что мы под конец совершенно потеряли из виду настоящую, осязательную, арифметическую действительность, как она «выглядит» за пределами нашего куриного кругозора. За этими городами колышется сплошное, почти

тридцатимиллионное украинское море.

Загляните когда-нибудь не только в центр его, в какойнибудь Миргородский или Васильковский уезд: загляните в его окраины, в Харьковскую или Воронежскую губернию, у самой межи, за которой начинается великорусская речь, – и вы поразитесь, до чего нетронутым и беспримесным осталось это сплошное украинское море. Есть на этой меже села, где по ею сторону речки живут «хохлы», по ту сторону – «кацапы». Живут испокон веков рядом и не смешиваются.

Каждая сторона говорит по-своему, одевается по-своему, хранит особый свой обычай; женятся только на своих; чуждаются друг друга, не понимают и не ищут взаимного понимания. Съездил бы туда П.Б. Струве, автор теории о «национальных отталкиваниях», прежде чем говорить о единой трансцендентной «общерусской» сущности. Такого выразительного «отталкивания» нет, говорят, даже на польско-литовской или польско-белорусской этнографической границе. Знал свой народ украинский поэт, когда читал мораль неразумным дивчатам:

Кохайтесь, любитея,

Та не з москалями,

Бо москали– чужи люде...

Я не разделяю теории П.В.Струве и не думаю, чтобы «отталкивания» принадлежали к необходимым и нормальным жизнепроявлениям национальности: во всяком случае полагаю, что легализировать (в научном смысле) эти «отталкивания» следовало бы только с большими и суровыми оговорками. Я не считаю ни нормальным, ни вечным явлением тот антагонизм между великороссом и малороссом, который окристаллизован в простонародных кличках «хохол» и особенно «кацап»; уверен, напротив, что при улучшении внешних условий не только украинство. но и вообще все народности России прекрасно уживутся с великороссами на почве равенства и взаимного признания; даже верю. что большую и благотворную роль в этом сыграет именно великорусская демократическая интеллигенция – и недавно, в одной киевской лекции, подчеркнул эту веру настолько резко, что встретил даже несочувствие со стороны некоторых украинских слушателей.

Но нельзя отрицать, что «отталкивание» от инородца есть один из признаков присутствия национального инстинкта, особенно там, где национальная индивидуальность, из-за внешнего гнета, ни в чем ином, ни в чем

положительном выразиться не может. В таких случаях «отталкивание», наблюдаемое на этнографических границах, остается поневоле лучшим доказательством того, что угнетенная народность стихийно противится перелицовке своего естества, что истинные пути ее нормального развития тянутся в другом направлении.

Таково стихийное настроение всякой большой и однородной массы; таково и стихийное настроение тридцатимиллионного украинского простонародия, сколько бы ни лжесвидетельствовали о противном разные эксперты из национальных оборотней. Эксперты этого рода столько же компетентны в оценке национальных чувств того народа, от которого они отстали, сколько компетентен дезертир в оценке патриотизма и боевого духа той армии, из которой он сбежал. Украинский народ сохранил в неприкосновенности то, что есть главная, непобедимая опора национальной души: деревню. Народу, корни которого прочно и густо впились на громадном пространстве в сплошную родную землю, нечего бояться за свою племенную душу, что бы там ни проделывалось в городах над бедными побегамися его культуры, над его языком и его поэтами. Мужик все вынесет, все переживет, всех переспорит и медленно, шаг за шагом, но неуклонно и непобедимо со всех сторон втиснется в города, и то, что теперь считается мужицким говором, будет в них через два поколения языком газет, театров, вывесок – и еще больше.

Вот что значит юбилей Шевченко для всякого, кто умеет последовательно мыслить и заглядывать в завтрашний день. Мы, к сожалению, этими талантами не богаты. Украинское движение, растущее у нас под носом, считается у нас чем-то вроде спорта: мы его игнорируем, игнорировали до этого юбилея и будем, вероятно, игнорировать и после юбилея.

Не то слепота самодовольства, не то косность человеческой мысли руководит нашими действиями, и в результате мы допускаем грубую, непростительную политическую ошибку: вместо того, чтобы движение, громадное по своим последствиям, развивалось при поддержке влиятельнейших кругов передового общества и привыкало видеть в них свою опору, своих естественных союзников, – мы заставляем его пробиваться своими одиночными силами, тормозим его успехи замалчиванием и невниманием, раздражаем и толкаем в оппозицию к либеральному и радикальному обществу.

Роста движения это не остановит, но исковеркать этот рост, направить его по самому нежелательному руслу – вот что нетрудно, и вот чего следовало бы остерегаться. Самые тяжелые последствия для будущих отношений на огромном этом юге России могут отсюда родиться, если мы вовремя не спохватимся, не поймем и не учтем всей громадности того массового феномена, о котором напоминает нам юбилей Шевченко, и не сообразуем с ним всей нашей позиции,

все нашей тактики в делах местных и государственных.

Выскажу одно соображение, которое давно у меня сложилось и подкреплено изучением западноевропейского опыта, но в ответ на которое читатель должно быть пожмет плечами. Наш юг стал излюбленной ареной черносотенства, и подвизается у нас оно, особенно в городах и местечках, с солидным успехом. И до сих пор мы себе не дали отчета, можно ли бороться против этого явления, и если можно, то как. каким оружием. А между тем вопрос этот имел бы право на всяческое наше внимание, потому что при нынешних настроениях не впрок нашему краю ни городское самоуправление, ни даже право посылать депутатов в Государственную Думу. Депутаты юга – главная опора реакции, и так было еще до изменения избирательного закона, до третьей Думы.

Чем же можно бороться против этого настроения мещанских масс юга? Чистый, отвлеченный либерализм какой угодно марки им недоступен: мещанство не идет за либералами, если те не догадаются дать ему в придачу еще нечто. На социалистическую пропаганду мещанство органически не способно откликнуться: экономические идеалы этой среды всегда неизбежно реакционны и вращаются в лучшем случае вокруг средневековых идеалов цехового строя, в худшем – это мы видим в Вене, в Варшаве, на последнем ремесленном съезде – вокруг хозяйственного и правового вытеснения инородцев.

Единственный идеальный лозунг, который, в данных условиях, способен поднять городские мещанские массы, очистить и облагородить их мировоззрение, – это лозунг национальный. Если они идут теперь за правыми, то ведь не потому, что правые проповедуют бараний рог и ежевые рукавицы, а только потому, что правые сумели задеть в них националистическую струнку. Но не струнку творческого, положительного национализма, а струнку «отталкивания» от инородца.

И никакие на свете яркие знамена не отвлекут наше южное мещанство от лозунгов ненависти, кроме одного знамени: собственного национального протеста. Я не компетентен судить о том, насколько готова какая-нибудь Слободка-Романовка к восприятию украинского национального сознания: утверждаю только одно: выжить оттуда союзников удастся или украинскому движению, или никому. Повторяю: все это так далеко от сегодняшнего положения вещей, что читатель, я знаю, пожмет плечами и скажет: гадания, фантазии. Я же думаю, что гадают и фантазируют те, которые видят только то, что торчит на переднем плане, и не заглядывают ни в статистику, ни в историю, ни в опыт мудрого Запада. Поживем – увидим. А может быть, если не изменится вовремя наша тактика, то и почувствуем...

Когда приходится, по долгу службы, чествовать юбилей Шевченко, мы стыдливо рассказываем друг другу, что покойник, видите ли, был «народный» поэт, пел о горестях простого бедного люда, и в этом. видите ли, вся его ценность. Нет-с, не в этом. «Народничество» Шевченко есть дело десятое, и если бы он все это написал по-русски, то не имел бы ни в чьих глазах того огромного значения, какое со всех сторон придают ему теперь. Шевченко есть национальный поэт, и в этом его сила. Он национальный поэт и в субъективном смысле, т.е. поэт-националист, даже со всеми недостатками националиста, со взрывами дикой вражды к поляку, к еврею, к другим соседям... Но еще важнее то, что он – национальный поэт по своему объективному значению.

Он дал и своему народу, и всему миру яркое, незыблемое доказательство, что украинская душа способна к самым высшим полетам самобытного культурного творчества. За то его так любят одни. и за то его так боятся другие, и эта любовь и этот страх были бы ничуть не меньше, если бы Шевченко был в свое время не народником, а аристократом в стиле. Гете или Пушкина. Можно выбросить все демократические нотки из его произведений (да цензура долго так и делала) – и Шевченко останется тем, чем создала его природа: ослепительным прецедентом, не позволяющим украинству отклониться от пути национального ренессанса.

Это значение хорошо уразумели реакционеры, когда подняли накануне юбилея такой визг о сепаратизме, государственной измене и близости столпотворения. До столпотворения и прочих ужасов далеко, но что правда, то правда: чествовать Шевченко просто как талантливого российского литератора № такой-то нельзя, чествовать его значит признать все то, что связано с этим именем. Чествовать Шевченко – значит понять и признать, что нет и не может быть единой культуры в стране, где живет сто и больше народов: понять, признать, потесниться и дать законное место могучему собрату, второму по силе в этой империи.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

СТРАННОЕ ЯВЛЕНИЕ _

Газеты одного крупного города черты оседлости, описывая тамошнюю попытку публичного чествования памяти Комиссаржевской, устроенную литературно-художественным клубом, отметили, что русской публики на торжестве было мало, а зато было очень много публики еврейской. Это, действительно, любопытное явление; мне давно хотелось его отметить и побеседовать на эту тему, но не решался. Ни для кого не тайна, что литературные клубы в черте оседлости вообще на девять десятых посещаются евреями; огромное большинство членов – тоже евреи. Арийский элемент представлен обычно десятком-другим отдельных любителей слова и музыки; пусть это талантливые и симпатичные люди, но их мало. Остальная, массовая часть членов и посетителей состоит из евреев.

Читатель, вероятно, тут заспорит и скажет: «Позвольте, что же в этом дурного – напротив, очень хорошо, что евреи так отзывчивы, так интересуются – это делает им честь»... Честь или не честь, это другой вопрос; но займемся пока не евреями, а русскими. Где они? Отчего не приходят? Почему они так мало отзывчивы, почему они не интересуются, почему они не хотят «делать себе честь»?

Странно, ведь арийская интеллигенция велика и обильна. Несомненно, есть же в том городе достаточно образованной русской публики, чтобы заполнить три таких зала, особенно, если присчитать учащуюся молодежь. Отчего же эти не ходят? Вот, оказывается, и в Петербурге их не было на вечере памяти Комиссаржевской. Петербург в этом отношении особенно характерен. Город русский, евреи там вряд ли составят и две сотых населения. Там тоже было, а может и теперь есть, литературное общество аналогичного типа, «объединяющее все национальности». И на рефератах этого общества очи видели ту же знакомую картину: 10-15 репрезентативных христиан из радикальной

литературы, а в публике почти исключительно евреи. Что за притча? Где русская интеллигенция? Смешно ведь даже спрашивать, есть ли она в столице, интересуется ли делами культуры. Это ведь она создает русскую культуру, она создала все, что было ценного в русской литературе, она создала и Комиссаржевскую. В чем же дело?

Лучшим ответом на вопрос было бы узнать мнение самих отсутствующих – мнение тех самых русских интеллигентов, которые культуру-то создают, а на рефераты и вечера известного рода упорно не ходят. Но мне их взгляд совершенно неизвестен. Зато приходилось часто говорить об этом «странном» явлении с их, так сказать, заместителями – с еврейскими ассимиляторами. Многие из них вообще не желают говорить на эту тему. Они не замечают. Но некоторые все же разговорились и разоткровенничались. У меня получилось от этой откровенности странное впечатление. Они мне говорили известные старые вещи: что евреи – прекрасный фермент, что их миссия – будить всюду интерес к идее и культуре, что они – авангард, увлекающий за собой неповоротливых домохозяев, и пр. Я, как известно, грешник, считаю национальность альфой и омегой своей веры, дорожу ею больше, чем прогрессом, и т.д. Но, признаюсь, я совершенно не способен проникнуться этим взглядом на еврея, как на соль земли, без которой остальные вахлаки совсем бы закисло.

Для меня совершенно ясно, что не только эллины в древности, но и многие народы в настоящее время, например, англичане и немцы, куда талантливее евреев во всем, решительно во всем, начиная с литературы и кончая банкирскими конторами. Я в этом не вижу никакой обиды для евреев, потому что не смотрю на них, как на народ, который всю жизнь держит перед кем-то экзамен и должен непременно получать все пятерки.

Право народа на самобытность и равенство не нуждается ни в каких оправданиях. Конечно, раз мы тут по Европе околачиваемся столько веков, мы естественно принесли ей много пользы, обогатили ее жизнь; иначе и быть не могло – ведь и мы же не лыком шиты, и если занимаем среди исторических наций не первое место, то и не последнее. Но смешно пересаливать. Не будь евреев, культурный мир тоже бы теперь не в лаптях ходил. В частности, русский народ свою литературу создал без всякой помощи евреев, так же, как и французский, и английский, и итальянский. Да будет позволено спросить: если бы в Петербурге и Одессе совсем не было евреев, неужели там и здесь так-таки никогда не возникли бы литературные клубы? Мое скромное мнение таково: не только возникли бы, но и процветали бы не меньше теперешнего, только публика была бы в них – русская.

Здесь я должен привести мнение одного известного журналиста, родом из евреев. Прошу читателя не принять эту ссылку за литературный прием: это был

настоящий разговор с настоящим известным журналистом еврейского происхождения. Он живет в русском городе, русскими интересами, возвращается почти исключительно в русском обществе, следовательно, знает ту самую публику, которая «не ходит»: кроме того, сам пользуется репутацией умного, образованного и хладнокровного человека. Я всегда знал его за ассимилятора; впрочем, он не отрицал того, что еврейство национализируется, но не сочувствовал этому процессу. Речь зашла о том самом «странном» явлении: что «они» «не ходят». Совершенно ручаюсь за точную передачу мысли моего собеседника.

– Я вот что здесь наблюдаю уже не в первый раз, – сказал он. – Возникает какое-нибудь общество или, скажем, литературный орган: основатели его – русские люди с именами. (Это не всегда бывает так, но я нарочно беру только те именно случаи, когда основатели – русские). Когда дело наладится и машина пущена в ход, первое время все идет нормально. Русская публика интересуется, участвует, посещает, читает и сама пишет. Но со второго или третьего месяца начинается наплыв евреев. Основатели радушно их принимают, даже очень рады – знаете, нет ведь ничего добродушнее и искреннее хорошего русского интеллигента; он, право, по большей части и не замечает, кто вы такой. Через несколько недель – ваша аудитория полна евреев. И тогда вы начинаете замечать странную вещь: по мере того, как прибывают евреи, убывают русские. Не только в смысле процента, но абсолютно. Где их прежде было 100, там их остается 20. Уходят. Не ругаются, не сердятся, не жалуются, вообще ничего не говорят, а просто отстраняются. Спросишь их: почему? Сами не умеют объяснить. Да, да, вы правы, надо будет опять записаться, просто, знаете ли, вылетело из головы... Иногда я в этом чувствую привкус сознательной юдофобии; но, право, гораздо чаще ничего подобного не могу нащупать.

А вижу только разительное падение интереса к делу именно с того момента, как им так ревностно заинтересовались евреи. Оно с этого мгновения как бы стало для русской публики чужим, ее туда уже больше не тянет, ей там больше не уютно и не занятно, хотя сюжеты прений или статей остались те же. Это повторяется и с обществами, и с газетами, – быть может и с партиями – и. говорю вам, не в первый раз. Чем это объяснить, я не знаю; но нельзя отрицать, что есть какое-то невидимое «отталкивание». И вот мой вывод: хорошо это или печально, но Россия должна будет пройти через полосу национального размежевания точно так же, как проходит через нее Австрия. Придется взять эту линию и евреям, отмежеваться в обоих смыслах: политически и культурно. Я, конечно, исключаю тот десяток-другой евреев, которые для еврейства – отрезанные ломти, давно ушли, завязали новые связи и пустили корни в чужой среде. Но еврейское общество в целом должно будет отграничить себя от русского и в политике и в культуре. Этим оно окажет большую услугу и себе и русским: оно им даст, наконец, возможность организовать себя внутри себя. по-

своему. без посторонних примесей, которые в таком количестве для них. очевидно, неприемлемы...

За точную передачу мысли, как уже сказано, я ручаюсь. Ручаться за правильность наблюдения и вывода, конечно, не мое дело. Я не знаю ни той публики, ни ее настроений. Но позволю себе напомнить тем. для которых эти щекотливые вопросы поневоле должны быть интересны, что «странное» явление все-таки должно иметь свою причину. И до тех пор. пока жива на свете логика, эта причина может быть только одна из двух. Она или в русской интеллигенции, или в еврейской. Или первая органически неспособна интересоваться, откликаться, реагировать и т.д.. и только евреи, эти единственные ангелы-хранители русской культуры в Петербурге и на окраинах, еще спасают положение, держат знамя и прочее, и тогда остается только изумляться, откуда у этого равнодушного русского племени взялось столько творческого подъема, чтобы создать без всякой еврейской помощи Толстого или Комиссаржевскую. Или – их к евреям просто «не тянет», и когда они видят, что на их собственном празднике танцует слишком много евреев, то даже лучшие из них предпочитают праздновать у себя дома: и если это так, то евреям и дальше придется нести на себе лестную роль единственных музыкантов на чужой свадьбе – с которой хозяева ушли.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

НА ЛОЖНОМ ПУТИ _

1912.

Заметка о «странном явлении» вызвала оживленный газетный спор, но спор этот, к сожалению, пошел по нелепой линии. Получилось такое впечатление, точно я в своей заметке спрашивал русских: почему вы, добрые люди, не ходите в собрания? Не потому ли, что вам не хочется якшаться с евреями?

И вот, несколько почтенных русских сограждан удостоверили, что они, напротив, очень рады якшаться с евреями, да только как-то все не случилось. – и несколько почтенных еврейских коллег тоже откровенно признались, что настоящая русская интеллигенция чрезвычайно любит еврейскую. Очень приятно, прочел с удовольствием.

Но зачем это все было написано – не знаю. Я этого вопроса не ставил. Отчасти потому, что нет смысла наивничать и спрашивать «любишь ли ты меня?» там, где каждый ребенок на улице знает всю правду. А главным образом потому, что как раз я меньше всего этим вопросом интересуюсь. По-моему, он никакого отношения не имеет даже к спору о том, надо ли «размежеваться». Журналист еврейского происхождения, о котором я в той статье рассказывал, действительно дошел до мысли о необходимости «размежевания» только потому, что заметил со стороны русских явное нежелание «якшаться». Но на то он ассимилятор.

Для людей моего лагеря суть дела совершенно не в том, как относятся к евреям остальные народности. Если бы нас любили, обожали, звали в объятия, мы бы так же непреклонно требовали «размежевания». Ибо мы думаем, что миссия

каждой нации – создать свою особую культуру: и мы думаем, что это достижимо только путем полубовного размежевания. Какое нам дело с этой точки зрения до любви или антипатии соседей? Если они евреев не любят, мы об этом очень жалеем; если полубоят, будем очень рады и будем платить взаимностью, но наше отношение к ассимиляции от этого не зависит. Мы не желаем, чтобы евреи стали русскими, даже если русская интеллигенция начнет скопом ходить на вечера литературного клуба.

Моя заметка имела в виду совершенно другую цель. Интересует меня не отношение христиан к еврейской ассимиляции, а самочувствие еврейских ассимиляторов. Я считаю их позицию в основе и по существу ложной и стараюсь проследить и отметить те случаи, когда эта внутренняя ложь обнаруживается особенно выпукло, когда сама жизнь, так сказать, демонстрирует против ассимиляции. Такой случай, по-моему, теперь налицо, когда ассимилированные евреи в огромном городе вынуждены фигурировать в роли единственных носителей русской культуры – «единственных музыкантов на чужой свадьбе, с которой хозяева ушли». На эту ситуацию я хотел обратить внимание самих «музыкантов», предложить им обдумать ее и сделать выводы. Так как дискуссия вместо того направилась по совершенно постороннему фарватеру, то позволю себе вернуться к сути вопроса и сделать эти выводы так, как я их понимаю.

Совершенно неопровержимо установленным я считаю тот факт, что ассимилированные евреи в нашем городе действительно очутились в роли единственных публичных носителей и насаждателей русской культуры. Этого никто во всей дискуссии даже не пробовал отрицать, ибо это слишком яркая очевидность. Обсуждая и оценивая эту любопытную ситуацию, я прежде всего нахожу ее в высочайшей степени комичной.

Почему она комична – я доказать не умею. Смешное не доказывается, анекдот не требует аргументации. Комизм ощущается непосредственно, и баста. И я утверждаю, что этот комизм положения, когда евреям в полном одиночестве приходится чувствовать Пушкина и Комиссаржевскую, ощущается решительно всеми, прежде всего самими «музыкантами».

Я часто встречаюсь со своими противниками, но не встретил еще ни одного, который не чувствовал бы этого комизма. Иначе нельзя объяснить и переполоха, который вызвала именно эта моя заметка. Мне случалось уже писать, например, и о том, что много рядовых либеральных христиан в глубине души верят в ритуальную сказку; это похуже, поопаснее, чем нехождение на «четверги», и однако никто из ассимиляторов так не взволновался, как на сей раз. На сей раз было такое впечатление, словно людей вдруг обнажили, указали пальцем как раз на ту мозоль, за которую им в душе особенно неловко, и вот они изо всей силы

стараятся прикрыть ее чем попало. Очевидно, каждый в душе чувствует, что «ассимиляция». «слияние» с окружающей средой обязательно требует «рецепции», согласия окружающей среды: для того чтобы обрусение не было унижительным, необходима тут же наличность большой русской толпы, в которой евреи могли бы рассыпаться, разместиться, растаять – и притом с ее хотя бы молчаливого согласия.

Тогда бы в этой массе действительно все перемешалось; рядом с тремя русскими ораторами мог бы тогда выступить четвертым и еврей и тоже сказать «мы, русские» или «наша русская литература» – и это стерлось бы, утонуло бы в общем впечатлении. Но когда русской толпы нет и никак ее не заманишь и не притянешь, и на празднествах русской культуры в полумиллионном городе одни евреи, совершенно лишенные русского прикрытия, бьют в барабан и кричат «ура» во славу «нашей литературы». – то эта ситуация комична, потому что комична.

Лет пять тому назад польская печать горячо обсуждала вопрос, ехать ли в Прагу на всеславянский съезд: наконец все согласились, что надо ехать – Роман Дмовский согласился, Сенкевич согласился, графы Тышкевичи, князья Радзивиллы и прочие лидеры и магнаты согласились. Один только Станислав Кемпнер (тот самый, которого Немоевский называл потом «Шая Кемпнер») долго еще упирался и настаивал, что «мы, поляки», не должны ехать в Прагу, ибо это братание с остальными славянами может повредить «нашим» польским интересам. Может быть, я неточно помню все имена, но случай этот был. И вся Польша хохотала над этим сверхполяком и была права, потому что это было комично. Ассимиляция по природе своей требует незаметности, наглядной возможности утонуть в громаде ассимилирующего тела: где девять русских, там еврей еще кое-как может быть «десятым русским»; но когда пропорция обратная или того хуже – весь, как говорится по-еврейски, «миньян» состоит из великороссов еврейского происхождения, то это есть явление высочайшего и глубочайшего социального комизма.

Конечно, когда обнаруживается социальный комизм какой-нибудь ситуации, разные люди по-разному на это реагируют. Одни, у которых более плоская душа и более толстая кожа на ланитах, продолжают выступать гоголем; о таких нечего разговаривать, так как это элемент, лишенный всякой культурной ценности. Но есть и в ассимилированном лагере люди более тонкой организации. Для таких увидеть себя в ситуации, полной такого органического комизма, есть болезненный удар в ту самую точку сердца, где хранится у человека его лучшее богатство – его гордость. Для таких людей комизм превращается в трагизм.

Я уверен, переполох, вызванный в стане ассимиляторов дискуссией по поводу «странного явления», объясняется еще и тем, что лучшие, наиболее чуткие и

вдумчивые люди этого стана почувствовали не простую неловкость от комического положения, но и настоящую боль, укол в самое чувствительное место, и им на минуту стало жутко от мысли: а что, если все это правда? А быть может, я и сам давно все это подозревал, только не решался формулировать? И на минуту почудилось им. что, быть может, вся работа их жизни действительно прошла по ложной колее и завела их вместе с их паствой. куда не надо... Но, конечно, даже чуткий человек, если он уже затратил несколько десятков лет на данной черте, в конце концов прогонит черные мысли и даст себя успокоить обычными словесами. Остается только маленькая трещина в душе – и если она осталась, я очень рад: этого я добивался. Но патологичность ситуации не только в ее комизме и даже не в трагическом привкусе этого комизма. Еще хуже другое. Хотя мы здесь «шумим, братец, шумим», а настоящие русские молчат, но тем не менее для всего мира ясно глубокое несоответствие между шумом и ценностью.

Ни один серьезный зритель не сомневается, что хоть шумят на русских культурных праздниках евреи, а все-таки истинной. стихийно-нерушимой опорой и источником русской культуры служат не те, которые шумят, а те, которые молчат. Если судить по шуму, то выходит, будто русские 1-го разряда, активные русские – это и есть ассимилированные евреи, тогда как люди настоящего русского происхождения – это как выражается Отто Бауэр, *Hintersassen der Nation*, русские 2-го сорта. Между тем ясно и неопровержимо, что это в сущности как раз наоборот. Именно с момента, когда еврей объявляет себя русским, он становится гражданином 2-го класса.

Я, националист, ни за что не признаю себя в России гражданином 2-го разряда. Я считаю себя принципиально таким же хозяином в этом государстве, как и русского: я желаю говорить, учиться, писать. судиться, управляться на моем национальном языке, ни к кому не намерен подлаживаться и приспособляться и требую, напротив, чтобы государство приспособлялось к моим национальным домогательствам точно так же, как оно должно приспособиться к домогательствам русских, украинцев, поляков, татар и т.д., гармонизировав эти все требования в общем «народо-союзном» строе. Покуда я так смотрю на свое место в России, я не выше других и не ниже других, мы все граждане одного ранга.

Но если я захочу пролезть непременно в русские, то дело сразу меняется. Тут я попадаю в положение неопита. Чужая национальная сущность, чужая психика и ею пропитанная культура не могут быть по-настоящему усвоены даже за срок целого поколения, даже за срок нескольких поколений. Сохраняется акцент в речи, и точно так же сохраняется особый «акцент» души. Могут ли эти оттенки совершенно исчезнуть впоследствии, через много-много лет, это вопрос другой, которого я здесь не касаюсь; но покуда они есть, до тех пор я обречен числиться не настоящим, неполным русским. кандидатом в русские, подмастерьем русско-

культурного цеха. Меня могут любить или не любить, это к делу не относится: но совершенно ясно, что источник и оплот русской культуры не в неофите, а в той массе, с которой он еще только старается слиться. Когда людям понадобится настоящее русское творчество, они оттолкнут изделие неофита и скажут: может быть, это подделано очень мило, может быть, это и лучше, чем настоящее русское, – но извините, нам нужно не это, а настоящее русское. Это и значит быть русскими 2-го разряда. Надо различать понятия: россиянин и русский. Россияне мы все от Амура до Днепра, русские только треть в этой массе. Еврей может быть россиянином первого ранга, но русским – только второго. Так на него в этой роли смотрят другие, и так на себя невольно смотрит он сам.

Здесь я не буду вновь поднимать спор о том, многим или малым обязана русская, немецкая, французская и пр. литературы ассимилированным евреям, достаточно ли усвоили эти писатели из евреев соответствующий национальный «дух» и т.д. Спорить об этом трудно потому, что это вопрос чутья, ощупи, и еврейские судьи тут совершенно не компетентны. Сколько бы ни божился еврейский критик, что Гейне – подлинный немец по духу, вопрос этим не будет решен. Но я интересуюсь этим вопросом больше с политической стороны.

Здесь дело яснее, здесь мы не бродим в потемках эстетических оценок, а имеем пред собой массовые факты. И эти факты ясно говорят, что ассимилированный еврей при первом серьезном испытании всегда и всюду оказывается таким же плохим «ассимилятором», как и плохим евреем. Он объявляет себя немцем, покуда господствуют немцы, и старается делать так, чтобы по виду его нельзя было отличить от настоящего немца. Но как только господство переходит к другой национальности, моментально обнаруживается различие: настоящие немцы остаются немцами, выдерживают борьбу и несут на себе все жертвы, между тем как тевтоны израильского происхождения с поразительной быстротой начинают отрясать прах немецкий и присоединяться к национальности нового хозяина. Я уже несколько раз вскользь упоминал об этих поразительных превращениях, но стоит еще раз на них остановиться, и подробно, ибо они гораздо яснее всех прочих доводов показывают истинную внутреннюю прочность еврейской ассимиляции.

В 40-х годах прошлого столетия Австрия, включавшая тогда и Венгрию, была почти сплошь онемечена. По крайней мере, так должно было показаться туристу, который посетил бы города империи. Только на юго-западе, в итальянских провинциях, он нашел бы сильную итальянскую культуру – и то с большими немецкими заплатами; но Будапешт весь говорил по-немецки, мадьярская речь едва слышалась на задворках; в Праге и думать забыли о том, что где-то на свете есть чешская речь; и даже в Галиции немецкая речь на улицах, в официальных учреждениях, в университетах и на вывесках соперничала с польской, и большей частью победоносно соперничала.

Словом, картина онемечения городской Австрии была полная. Где-то в деревне прозябали чешские, словинские, русинские мужики, но с ними никому и в голову не приходило считаться: казалось совершенно ясным, ясным прежде всего для них самих. что их речь – мужицкая речь, для культурных целей непригодная, и для каждого порядочного человека просвещение – синоним германизации. Некоторые сомнения вызывали упрямые итальянцы, беспокойные мадьяры и крамольные поляки, но благоразумные люди надеялись, что и эти злоумышленники сами поймут свою ошибку. Ведь человечество должно сближаться, а не разделяться: это проповедывал еще мудрый император Иосиф II, начертавший в одном декрете: «Нет лучшего средства приучить граждан ко взаимной между собой любви, как дав им единый общий язык». И в доказательство сослался – на Российскую Империю. Но прав он был в том отношении, что внешняя культурная физиономия Австрии в его время и десятки лет после него была очень похожа на тогдашнюю или теперешнюю культурную физиономию России: и там, как тут, господствовали почти нераздельно язык и культура главного хозяина; и там, как тут, совершенно или почти совершенно забыли о существовании других народностей.

В этой обстановке началось пробуждение австрийского еврейства. Выйдя из гетто, сняв халаты, подрезав пейсы, его передовые сыны осмотрелись вокруг и увидели, что все приличное общество говорит по-немецки. Они тоже заговорили по-немецки; это им далось даже легче, благодаря жаргону, чем соседям. В Праге, во Львове, в Будапеште евреи начали считать себя немцами, были очень довольны таким повышением в чине и думали, что на этом можно и успокоиться.

Но вот они стали замечать, что, например, в г. Праге начинает твориться что-то странное. Какие-то оригиналы вдруг затеяли говорить по-мужицки, и не только у себя дома, но и на улице, и в театре, да нарочно так, чтобы все слышали. Сначала это смешно, потом начинает раздражать. Тем более, что эти оригиналы выдвигают еще в придачу какие-то претензии. – Мы, чехи, в этом крае большинство, – заявляют они, – а потому Прага должна быть наша. в судах и школах и даже в университете должен господствовать наш язык, а немецкому достаточно места в Вене. – Слыша такие вздорные речи, немцы пожимают плечами: как смеют мечтать о таких вещах эти санкюлоты, у которых даже литературы еще нет? А они отвечают: у нас есть Ганка, Палацкий. Краледворская рукопись; начало есть. а продолжение будет. Немцы сначала отшучивались, а потом стали сердиться и отвечать возгласом: долой чехов!

И тут евреи попали в щекотливое положение. Раз они записались в немцы, то надо было показать себя хорошими немцами. А так как еще к тому же настоящие немцы немного косились на них и не вполне им еще доверяли, то надо было

особенно постараться – так сказать, перекричать самого заправского немца. Кроме того, их и в самом деле раздражали претензии некультурного чеха. Как так? Значит, в Праге будет, например, в городском театре не немецкая, а чешская драма? В обществе придется вести светский разговор не по-немецки, а по-чешски? Этим бедным людям с таким трудом дался немецкий язык, столько пришлось попотеть над устранением предательского акцента – и что же. все это насмарку? Начинать сначала учиться по-новому? Нет, не бывать тому! И вот. наравне с немцами и еще громче немцев начали евреи подпевать: *долой чехов!* Прага «наша», немецкая!

Но чехи не испугались ни немцев, ни евреев. Шаг за шагом, день за днем, напозлазили из деревни в Прагу чешские муравьи, постепенно проникали во все щели и по крохам строили свою культуру. У них появились газеты, книжки, потом книги, потом целая литература, потом гимназия, потом университет. И вдруг, в один прекрасный день. немцы Моисеева закона не узнали своей Праги. От немецкого всевластия остались одни огрызки. В городской думе ни одного немца, на улицах и в театре чешская речь. придешь в магазин – не желают тебе отвечать по-немецки, а если ты сам купец – изволь говорить с покупателем по-чешски, а то наденет шапку и уйдет в соседнюю лавку – к чеху. А в газетах, даже самых либеральных, очень недвусмысленно пишут, что евреям следовало бы поостеречься насчет немецкого рвения, потому что, ежели немцам мы его прощаем. то уж евреям не простим. И... евреи начали понемножку переписываться из немцев в чехи. Появились чехи Моисеева закона. Сначала мало, потом больше. а теперь большинство. Но так как настоящие чехи кричат: «долой немцев», а еврей старается быть совсем как настоящий чех и даже еще лучше, то дети или младшие братья тех. что кричали когда то «долой чехов!» – тоже кричат вместе с новыми хозяевами: «Долой немца!»

То же самое было в Галиции. Известно, до какого раболепства дошел теперь на польской службе галицийский ассимилятор, знаменитый «Мошко». Он и туда, он и сюда, он за польщизну душу готов положить, он за польскую культуру согласен раздавить и русин, и евреев, а уж немцев, притесняющих «его братьев» в Познани, он ненавидит выше всякой меры. Но хотите знать историю этого польского энтузиазма? Ярким образчиком ее был покойный депутат Эмиль Бык, член польского коло и ярый полонизатор, умерший в 1906 г. Не далее, как в 1873 г. он еще состоял всей душой в немцах, разъезжал по Галиции и агитировал, чтобы все евреи записались в немецкую партию.

Но потом, хорошенько осмотревшись и увидев, куда ветер дует, он «перестал быть» немцем и «сделался» поляком с той же легкостью, с какой человек из маклера становится сватом, и с тех пор не было у поляков в Галиции более верного лакея и у немцев более грозного врага. И эту эволюцию проделало все старшее поколение ассимиляторов. Когда-то они состояли в немцах и ворчали на

поляков: теперь они состоят в поляках и стараются делать все так, как делают настоящие поляки. Но настоящие поляки боятся теперь в Галиции не немца, а нового врага. На сцену все решительнее выдвигается новый претендент: русины. Их в Галиции 3 миллиона, а в восточной половине они составляют огромное большинство; Львов лежит в Восточной Галиции, а потому они заявляют на него самые категорические притязания. Это не Лемберг. говорят они. и не Львув. а Львив, столица австрийской Украины: город этот должен быть наш, в судах, в участке, в университете должен господствовать украинский язык. а для польского довольно места и в Кракове. Иными словами, повторяется история с Прагой... И духовные братья Эмиля Быка, с недалёковидностью, типичной для всех ренегатов, во все горло подхватывают лозунг «долой гайдамаков!» – забывая, что через 30 лет эти «гайдамаки» неизбежно будут полными господами Восточной Галиции... Впрочем, что за беда? Мошко тогда перевернется в третью национальность.

Я теперь не спорю о том, хорошо это или дурно с нравственной точки зрения. Настаиваю только на одном: это факты, и эти факты неопровержимо доказывают одно: когда еврей воспринимает чужую культуру, превращается в немца, чеха или поляка, то каков бы ни был его энтузиазм, нельзя полагаться на глубину и прочность этого превращения. Ассимилированный еврей не выдерживает первого натиска, отдает «воспринятую» культуру без всякого сопротивления, как только убедится, что ее господство прошло и хозяйское место переходит в другие руки. Он не может служить опорой для этой культуры: с каким бы он пылом о ней ни говорил, неглубокость и непрочность корней, которыми она связана с его душой, обнаруживается при первом серьезном испытании. К этому выводу приходят все авторитетные наблюдатели национальных отношений, самые серьезные, самые спокойные, как проф. Раухберг в своем капитальном труде о Богемии, как М. Hainisch в своей обстоятельной статистико-экономической монографии о перспективах австрийского развития. И даже социал-демократ Шпрингер, говоря о венгерских евреях, которые тоже 60 лет тому назад «были немцами», а теперь на каждом шагу поют гимны «нашей мадьярской культуре», – ставит им уничтожающий прогноз: «Они останутся мадьярами, покуда венгерским государством правят мадьяры, – ни минуты дольше». Но настоящие мадьяры, и потеряв владычество над инородцами, все же останутся мадьярами – и в этом, а не в шуме скажется различие между мадьярами первого и второго сорта...

Всем тем из стана ассимиляторов, которые не утратили еще прямого взгляда на вещи и самостоятельности мышления, я задаю вопрос: где доказательство, что здешние евреи сделаны из лучшей глины, чем евреи Будапешта, Лемберга, Праги? Те ведь тоже не были сознательными лицемерами, субъективно они были искренни и тогда, когда обожали все немецкое, и теперь, когда обожают чешскую или мадьярскую культуру. Следовательно, дело не в субъективном

энтузиазме, который вовсе не доказывает глубины чувства, а дело в каких-то объективных моментах, которые создают действительную, кровную связь между человеком и его культурой, рожденной его предками и его братьями из его национальной души. У евреев ближнего запада этих моментов при испытании не оказалось.

Почему мы забываем о том, что и нам, по-видимому, грозит точно такое же испытание? Главная масса евреев живет среди украинцев, поляков, белоруссов, литовцев: эти народы начинают теперь подымать головы так же точно, как 60 лет тому назад начали делать это чехи. Это происходит у нас на глазах, пройти мимо этого явления может только близорукий. Надо же иметь нам линию поведения не только на сегодняшний, но и на завтрашний день. Ведь одно из двух: или Россия останется в полицейских тисках, или все эти народности используют политическую свободу прежде всего для того, чтобы сделать из России большую Австрию: хотим мы этого или не хотим, это будет, и ни Струве, ни мы с вами не «уговорим» ни тридцатимиллионную массу малороссов, ни даже маленький литовский народ. Как же мы определим свою позицию к этому моменту? Какова будет наша роль в этой будущей России, где сто народов вокруг нас будут развиваться самобытно, создавая свои национальные ценности на своих языках? Останемся ли мы тогда в роли, на которую намеки есть уже и теперь – в роли единственных носителей руссификации на окраинах? Или пойдем по пути австрийских ассимиляторов, меняя национальность при каждом перемещении политических сил? Или, быть может, выберем третью дорогу, предоставим русским быть русскими, полякам поляками, а сами воздвигнем свои маяки?

Я прекрасно понимаю, что «ассимилятор» есть, чаще всего, продукт ассимиляции, и переделать себя он в известном возрасте уже не может. Он привык жить русской культурой, ему другая недоступна, и ему некуда уйти. Не обречь же себя на духовный голод. Это я понимаю. От каждого отдельного человека нельзя требовать личных жертв, да еще таких длительных, на всю жизнь. Речь идет пока не о личном поведении того или иного еврейского интеллигента. Речь идет о политической ориентации. Мы не только лично живем, но мы и прокладываем линии для будущего. Если мы попали в тупик и известной части нашего поколения уже нет из него выхода, то ведь остается долг – направить завтрашние поколения по другой колее.

Созидание национальной культуры, борьба за ее гегемонию в еврейской душе – это задача и для того из нас, кому лично уже не суждено пить из ее родников. Пусть он строит для своего сына, пусть чертит план жизни для более счастливых. И главное, пусть громко признает, что его путь был ложный путь, и станет на пороге западни, куда сам попал, – станет на пороге, не пуская других.

mail.ru	1234
3685212	124

Hotlog
1048159 +143

jewish.ru
1 КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ИЗ «ХРОНИКИ ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ» _

ЕВРЕЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ _

Поздно теперь ставить вопрос о том, «должны» или не «должны» были евреи принимать участие в революции. Точнее было бы сказать: «в революционной борьбе с самодержавием», – так как в понятие революции, кроме этого негативного момента, входит еще и другой, творческий, созидательный. Этот второй момент российского переворота еще не вполне выступил на сцену, и, когда он выступит, легко может оказаться, что евреи в нем никакой или почти никакой роли не сыграли. Между тем здесь-то им, пожалуй, и следовало бы проявить особенную энергию – главным образом в выработке и создании новых форм для сожительства разнородных национальностей. Но сегодня речь не об этом моменте, а о первом – о революции в обывательском значении слова. Тут уж, конечно, не о чем хлопотать: «должны» или не «должны» были евреи вмешаться в нее, – они фактически приняли в ней огромное участие, и, значит, так было необходимо, а иначе быть не могло. Damit Punktum.

Но за каждым из нас должно быть признано право, на исходе определенного периода революции, в такие дни затишья, как нынешнее, сесть за стол и подсчитать итоги, подсчитать все то хорошее и все то дурное, что произошло для нас от участия нашего народа в революции. Я хочу это сделать. Я попытаюсь это сделать исключительно с помощью трезвого рассудка, намеренно сухо, без всяких апелляций к чувству. Речь идет о подсчете, об итоге, и я хочу действовать, как безличный и добросовестный бух галтер, у которого, быть может, не все данные в руках, но одна только прямая цель – получить, насколько это в его силах, правильный баланс.

Один выигрыш от революции для меня вне всяких сомнений. Я о нем писал уже несколько раз. Это – выигрыш моральный. Роль нашей молодежи в огромных событиях российского переворота создала, особенно в Европе, совершенно новое мнение о нашем народе. Этим нельзя пренебрегать. Мы, сионисты, всегда издевались над попытками апологии, и были правы, ибо апология, как цель, унижительна, смешна и бесполезна. Личность и народ должны действовать ради своих интересов, а не ради доброго мнения соседей.

И лучший способ реабилитировать себя в глазах других, это – идти своей дорогой, ни на кого не оглядываясь. Такой реабилитацией нельзя не дорожить. Куда бы ни пошла дальше линия нашей национальной самодеятельности, – нам пригодится то, что племена земли не считают нас больше народом трусов. Великую или малую пользу принесет нам эта перемена в общем представлении – другой вопрос, ответить на который можно было бы лишь гадательно, а я гадать не хочу. Но пренебрегать нельзя. В этом отношении наша роль в революции уже окупилась.

Есть еще и другая сторона в этой моральной пользе – сторона субъективная, подъем боевого духа в самом еврействе. Нечего таить: ведь не только во взгляде других на наш народ совершилась перемена – перемена совершилась и в нас. Еврей сегодня уже не похож на еврея 25 или даже 10 лет тому назад. Конечно, смешно было бы думать, что русская революция создала этот подъем. Он создан ходом еврейской жизни, который привел к пробуждению национальной самодеятельности, активно-исторического творчества. Но русская революция была школой для этого нового духа. Она приучила еврея «к огню», как выражаются военные, и эта выучка нам еще не раз и не раз понадобится в будущем. В этом отношении наша роль в революции тоже не прошла для нас без пользы. Я не повторю, что и здесь она вполне «окупилась» – это, пожалуй, было бы чересчур, потому что и без такой выучки – слишком дорогой выучки! – развилась и выросла бы активная энергия народа в силу внутренних процессов его собственного роста. Можно было дешевле заплатить и приобрести то же самое. Но если мы переплатили, то все же приобрели. Честный бухгалтер должен записать и малую прибыль.

Честный бухгалтер должен записать и убытки. Здесь я должен задуматься. Мы подходим к трудному казусу политического счетоводства: что нам дала и что нам даст наша роль в революции в смысле реальных выгод? Реальные выгоды – это, в данном случае, права. Я, допустим, не сомневаюсь, что революция в конце концов нам их даст, но не о том вопрос. Вопрос о нашем участии, о наших затратах на революцию. Окупятся ли они? И даже больше спрошу: оправдается ли этот великий расход еврейского народа, – будет ли доказано, что эти затраты действительно были необходимы для получения полных прав в обновленной

России?

Сложный вопрос. Я выше сказал, что раз евреи приняли участие в революции, значит, так было необходимо. Но я имел в виду другую необходимость – внутреннюю. Видно, таково было настроение народа, что из него должен был выделиться известный процент революционеров. Но была ли объективная, так сказать, «деловая» необходимость, в том простом смысле, что, не будь евреев-революционеров, мы не получили бы никогда равноправия?

Многие так именно и полагают. Я не могу присоединиться к этому мнению. Я, конечно, не ручаюсь за то, что в этом случае – не будь наших революционеров – нам обязательно дали бы права. Может быть, и не дали бы. Но ведь киргизы бесспорно получают все права, которых им недостает, хотя и духу их не было в революции. Значит, евреи на особом положении. Не спорю. Но тогда я не вижу реального смысла именно в этом средстве завоевать себе полноправие. Одно из двух: или Россия, настоящая народная Россия, хочет нашего равенства или не хочет. Если хочет, то дала бы его нам и без учета наших заслуг по революционному делу. Если не хочет, то не можем же мы ее заставить. Наша революция бессильна против парламента России – в этом никто не сомневается.

Или то, чего нам иначе не хотели бы дать, будет нам дано именно в благодарность за наши заслуги? Наши революционеры почти все исторические материалисты. Странно было бы услышать из их уст, что благодарность или память о заслугах может явиться реальным фактором в истории...

Но, конечно, в этом еще не весь вопрос. Если бы даже и была полная уверенность, что революция, все равно, даст нам права и без всяких заслуг, – то ведь самой революции не было. Надо было вызвать ее. И эту роль взяли на себя евреи. Они – легко воспламеняющийся материал, они – грибок фермента, который призван был возбудить брожение в огромной, тяжелой на подъем России. И так далее. Все это много раз уже сказано, много раз писано черным на белом и считается большой истиной. Но я счетовод и над этой затратой еврейского народа останавливаюсь в нелегком раздумье и не знаю, окупилась и окупится ли она.

О, бесспорно, это прекрасная задача: быть за стрельщиками великого дела, разбудить политическое сознание в 130-миллионном народе, поднять красное знамя на Литве так высоко, чтобы увидал и Тамбов, и Саратов, и Кострома, – чтоб увидали и сказали друг другу: «Пойдем за ним». И, конечно, нее это было сделано, поскольку оно зависело от еврейских революционеров: знамя было поднято, и так высоко, и с таким шумом, что Кострома, несомненно, увидела. Но какое действие произвело это на политическое сознание Костромы?

Я вспоминаю, отмечаю, подсчитываю и вижу ясно, что действие было двоякого рода. С одной стороны Кострома, бесспорно, вводилась в искушение. Эта борьба на другом конце России не могла не вызывать у нее, Костромы, соблазнительной мысли: значит, можно и нашего околоточного... этаким же манером? – В то же время отдельные евреи добирались и до самой Костромы, и лично старались там претворить эту соблазнительную мысль в действие. Все это вело, конечно, к пробуждению политического сознания. Но... А другая сторона?

Я вспоминаю потемкинские дни в одесском порту. Огромная толпа гаванских и заводских рабочих, самодельная трибуна и ораторы на этой трибуне. Днем толпа еще не была пьяна, даже не подозревала, что через несколько часов она же будет лизать ликер с булыжника мостовой и жечь пакгаузы. Днем толпа эта была настроена несколько торжественно и необычно, благодаря присутствию мертвеца в палатке и вообще всей обстановке того странного дня. Толпа была в том состоянии неопределенного подъема, когда из нее можно сделать все, что угодно: и мятеж. и погром. Речистый молодец, с хорошим открытым лицом и широкими плечами, мог бы ее повести за собой штурмом на город и повесить Дмитрия Нейдгардта на фонаре у Строганова моста. И ораторов, действительно, слушали с захватывающим вниманием.

Но речистый добрый молодец не появлялся, а выходили больше «знакомые все лица» – с большими круглыми глазами, с большими ушами и нечистым р. И в толпе всякий раз, со второго слова каждого оратора. слышалось замечание: А он жид? – Именно замечание, а не возглас, не окрик; в этом, сохрани Боже, не чувялось никакой злобы – это просто, так сказать, принималось к сведению. Но ясно в то же время ощущалось, что подъем толпы гаснет. Ибо в такие минуты, как та, нужно, чтобы «толпа» и ее «герой» звучали в унисон, чтобы оратор был свой от головы до ног, чтобы от голоса, от говора, от лица, от всей повадки его веяло родным – деревней, степью, Русью.

Тут были ведь не спропагандированные люди, которых можно взять резонами, – тут была масса, неподготовленная, но ко всему готовая, если ее схватить за душу. Но чтобы схватить за душу, надо иметь доступ к душе, а чтобы уметь проникать в душу народа, нужно принадлежать к этому народу. Нужно тогда, чтобы ничто, ни одна нотка, ни один жест не покоробили, не оттолкнули стихийного чутья толпы. Здесь именно этого не было. Выходили евреи и говорили о чем-то, и толпа слушала их без злобы, но без увлечения: чувствовалось, что с появления первого оратора-еврея у этих русаков и хохлов мгновенно создалась мысль: жида пошли – ну, значит, все это, видимо, их только, жидов, и касается. Создалось впечатление чужого, не своего дела, раз о нем главным образом радеют чужие. И больше ничего. Да и этого было довольно: расплылось и упало настроение, толпа стала разбредаться, появились

награбленные бутылки, и беспомощные агитаторы ушли в город, оставив порт и босячество на волю судьбы.

Я далек от того, чтобы медленный рост революционного настроения в русских массах объяснять всецело обилием евреев-агитаторов. Но я не сомневаюсь в одном: подымать народную новь может только свой. У чужого – если он не Лассаль, но ведь Лассаль был гений агитации, а гении не повторяются. – у чужого нет того обаяния, которое в таких случаях необходимо. Народ чует чужака и особенно чужаков, если их много, и инстинктивно сторонится.

А враги этим пользуются. Из двадцати процентов евреев они делают девяносто и кричат народу: берегись, это еврейское дело! И народ им верит, или, по крайней мере, долго и упорно верил, и мы это чувствовали на своей спине. Когда неумогу становились страдания русского народа и вот-вот готов был прорваться его гнев, – кто сосчитает, сколько раз в такие моменты самодержавие спасало себя искусной игрой на этой слабой струнке стихийного существа – на недоверии к революции, предводимой инородцами?

Я прекрасно знаю, что еврейские революционеры несколько не ответственны за то, как освещало самодержавие их роль в освободительном движении. Да я никого и не виню, я только подсчитываю результаты. И я говорю, что если с одной стороны еврейская революция будила политическое сознание русских масс, то с другой стороны преизобилие евреев в рядах крамолы давало самодержавию ценный и богатый материал для затемнения политического сознания этих масс. Отрицать это значило бы лгать самим себе. И пусть не думают, что это был слабый или недействительный фактор затемнения! В 1863 году самодержавие сыграло такую же спекуляцию на польском повстании, и успех этой спекуляции всем известен. Недоверие к чужаку всегда было и долго еще будет могучим тормозом для правды, приходящей извне.

И я, бухгалтер, не знаю, что мне делать с этой статьей баланса, на какую страницу вписать ее. Революционный пыл еврейских социалистов будил политическое сознание остальной России, но он же способствовал и затемнению этого сознания. Что же было сильнее: первое или второе? Иными словами: ускорила или замедлила еврейская крамола наступление всероссийской революции? И если даже ускорила, то на великий ли срок? И стоит ли этот срок той крови стариков, и женщин, и детей, которой нас за ставили заплатить, под ножами предателей, за крушение самодержавия? Не выгодней ли было для народа подождать еще несколько лет – ведь и без евреев, наконец, не погибла бы Россия, – но дешевле заплатить за свободу?

Пусть, положи руку на сердце, отвечает, кто может, – я не могу. потому что не

знаю ответа.

Я написал недавно в одной русской газете, что еврейская кровь на баррикадах лилась «но собственной воле еврейского народа», и меня упрекали за эту фразу. Но я именно так думаю. Я считаю невежественной болтовней все модные вопли о том, что у евреев нет народной политики, а есть классовая. У евреев нет классовой политики, а была и есть (хотя только в зародыше) политика национального блока, и тем глупее роль тех, которые всегда делали. Именно эту политику, сами того не подозревая. Они делали ее на свой лад, с эксцессами и излишествами, но на существо они были все только выразителями разных сторон единой воли еврейского народа. И если он выделил много революционеров – значит, такова была атмосфера национального настроения. Еврейские баррикады были воздвигнуты по воле еврейского народа. Я в это верю, и раз оно так, я преклоняюсь и приветствую еврейскую революцию.

Но на пользу ли народу пошла эта революция? Не знаю. Воля народа не всегда ведет к его благу, потому что не всегда народ способен верно учесть объективные шансы за и против себя. И в особенности легко ошибиться тогда, когда весь расчет основан на вере в сильного союзника, на вере в то, что он поймет, он откликнется, он поможет. – а на деле никто из нас этого союзника не знает, и Бог весть еще, как он нас отблагодарит...

Только там, где на себя самого и ни на кого больше не должен рассчитывать народ, – только там воля народа всегда к благу его. Таково наше движение. Мы не звали народ ни к кому в объятия, не сулили ему ничьей благодарности за услуги и заслуги: мы строили и скрепляли народное единство, и воспитывали сознание национальных задач. И потомки благословят нас за наши суровые призывы к эгоизму, за наше открытое и явное недоверие к чужакам и скажут благо тем, которые в то смутное время, полное миражей и обольщений, умели выбрать прямую дорогу и повели свой народ навеки прочь от чужой помощи и чужого предательства.

АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Видный русский социалист-революционер, бывший морской министр в правительстве Керенского Вл. Лебедев несколько месяцев тому назад нелегально побывал в Сов. России; благополучно вернувшись из своей рискованной поездки, он в «Воле России» делится впечатлениями о виденном и слышанном. Специальный очерк посвящает Вл. Лебедев антисемитизму в Сов. России. Вдумчивый наблюдатель, безукоризненный в своем отношении к еврейству, Вл. Лебедев зарисовывает характерные картинки обывательского антисемитизма.

На рабочем собрании, – перед отъездом в..., – в ожидании докладчика по китайскому вопросу:

– Слышали, слышали?

– Что слышали?

– В Палестине-то...

– Что? – Как что? Не читали разве? – Погром, батенька! Самый настоящий погром. Арабы евреев бьют. Это тебе не Москва...

Помолчав немного:

– Дураки сионисты, а еще евреи! – поверили на слово... И кому? – англичанам...

– Да, это тебе не Москва...

Что звучало в диалоге совслужащих? Торжество ли по поводу погрома евреев? Или удовлетворение? Ведь бьют сионистов. Гордость ли оттого, что в Москве погрома быть не может? Или сожаление о том, что Палестина не в Москве?

Коротенький диалог был богат, насыщен тонами. Как понять эти тона, ударения, музыку диалога? В нем умещалось целое исследование на жгучую тему.

Истинный смысл музыки был понятен только собеседникам... Радость или сожаление?

В газетах тройная радость:

бьют сионистов, бьют арабы,

бьют «у англичан».

Не понимает ли население эту правительственную радость как антисемитскую радость?..

Или вот другая сценка.

Сидит в «пивнушке» полупьяный прогоревший «частник», заказывает гармонисту

то «Интернационал», то фокстрот, то комаринского. то, наконец, популярные «Бублички». Когда дошла очередь до пресловутого куплета И в ночь ненастную меня несчастную, Торговку частную, ты пожалей...

– пьяный требовал, чтобы гармонист пел его в иной вариации:

..... *меня несчастного*
Торговца частного.....

– Говорят тебе, торговца частного. Ну. какая я торговка? Доказывать тебе, что ли?..

– Бывший частник. – шепнул мне приятель.

– Разорили, жида проклятые. – промолвил частник, когда замолкли последние звуки собранной гармонии.

Промолвил и оглянулся...

Источники этой злобы многочисленны. В Москве до 200.000 евреев, все пришлый элемент. А возьмите, говорил Лебедеву его приятель, телефонную книжку и посмотрите, сколько в ней Певзнеров, Левиных, Рабиновичей и прочих, как говорят советские антисемиты, гишпанских фамилий. Телефон – это свидетельство: или достатка, или хорошего служебного положения. Списки служащих наркоминдела, внешторга, ВСНХ, управлений трестов, пестрят еврейскими фамилиями. Конечно, евреи переполнили также и Соловецкие острова, сибирскую и другие ссылки и дома заключения, но этого население не видит. Как не видит оно вымирающих ремесленников – евреев белорусских и украинских местечек. Печать старательно замалчивает бедственное положение евреев в бывшей черте оседлости. Москвич понятия даже не имеет о том, что еврею вообще живется так же плохо, как и всем остальным.

В Ленинграде зоркий глаз Вл. Лебедева примечает другие «мелочи», бьющие по нервам русского обывателя: перекрещивание улиц именами покойных большевицких вождей еврейского происхождения.

Урицкий, Володарский, Нахимсон... Три имени сопровождают вас в Петербурге повсюду. Они нагло лезут в глаза. Они назойливо звучат в ушах. Урицкий, Володарский, Нахимсон... Три ничтожества!

И надо же им было родиться евреями...

Вы на изумительнейшей площади города, перед Зимним дворцом, и площадь эта – площадь Урицкого.

Таврический дворец – какая страница истории! – дворец Урицкого.

Таврический сад – сад Урицкого...

Лигово – Урицкое...

Литейный проспект – проспект Володарского...

Шестая часть столицы – район Володарского!

Смоленское, за Александро-Невской Лаврой. – село Володарское...

Сергеево – Володарское...

Шлиссельбургское шоссе – проспект села Володарского...

И неподалеку от Александро-Невской Лавры, у Невской заставы, бронзовый Володарский-оратор произносит речь... Здесь он был «убит социалистами революционерами».

Владимирский проспект – проспект Нахимсона...

Владимирская площадь – площадь Нахимсона...

И собор Владимирской Богоматери – собор Нахимсона, – так острят ленинградцы.

Теперь их имена только – «бациллтрегеры». Бациллтрегеры – носители бацилл бытового большевистского антисемитизма. Урицкий, Володарский, Нахимсон... И все же собеседники Вл. Лебедева не верят в еврейские погромы при перемене политического строя России:

– А громить не будут, Иван Яковлевич? – спросил я.

– Что вы, Семен Лукич, что вы... Мы и в царское время боролись против погрома и черной сотни. А кому же их теперь громить? И зачем? То все – прошлое.

– И я так думаю, Иван Яковлевич. Навеки прошлое.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ЧЕРНАЯ СОТНЯ

Фельетон

Еврейская печать, насколько я знаю, считает долгом относиться к большевикам с великой осторожностью. Их очень редко порицают; и даже когда порицают, то не во весь голос, а – как сказано в былине про Соловья Разбойника – в полсвиста. Причины тому разные: во-первых – корректное отношение советской власти к равноправию евреев; а также страх, что если большевики рассердятся, то выместят это на единомышленниках, или на родственниках, или на однофамильцах пишущего; а также некоторое уважение к партии, которая, как-никак, стоит за права трудовой бедноты.

Я этого отношения к большевикам не разделяю. За признание равноправности граждан независимо от веры и племени никакой благодарности не полагается, как не полагается ее за проведение телефонов, за поливку улиц и вообще за употребление носового платка. – То, что большевики на каждого еврея в России, особенно на каждого сиониста, смотрят как на заложника и вымещают на нем свою злобу, как только их кто-нибудь обидит за рубежом, – это, повидимому, правда. Но есть старая истина: поддаваться вымогательству значит поощрять вымогательство: если хотите отбить у шантажиста охоту к его ремеслу, лучшее средство – послать его сами знаете куда. Сентиментальные люди на это не решаются: сердце болит за однофамильцев, которые без вины страдают. Я не сентиментален: опыт и арифметика доказывают, что невинных жертв накопится, в конце концов, гораздо больше, если дать укрепиться шантажу; и сердце мое, как ни стыдно в этом признаться, считается с арифметикой.

Еще меньше действует на вашего покорного слугу третий довод: «все-таки это партия, стоящая за некую социальную правду». Каждая партия стоит за некую – в ее глазах – социальную правду. Дело не в идеалах, а в программе действия. Я имел честь вырасти и воспитаться в традициях и русского, и еврейского освободительного движения девяностых и девятисотых годов. Мы стояли за свободу печати, слова, союзов и собраний; за всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право; за равенство граждан без различия происхождения не только национального, но и классового. Все это было в наших глазах свято; в моих осталось свято и по сей день. Власть, которая не признает этих принципов, есть власть реакционная, черная сотня, какие бы у нее там ни были идеалы. В искоренении этой черной сотни я не обязан активно участвовать по той же причине, почему не вмешиваюсь в дела Мексики: мое «отечество» не там. Но искоренению этому, когда оно произойдет, буду очень рад, и буду считать его большим шагом вперед по пути прогресса политического и социального. А пока. в ожидании этого события, могу говорить о большевиках не только без благоговения, но и просто без уважения.

Поэтому спокойно сел писать эту заметку, хотя я в советских делах не начетчик. Знаю о том, что делается в России, главным образом по рассказам людей, оттуда спасшихся: правда, таких людей я перевидал много. Чтобы серьезно трактовать вопрос, этого мало; но я решительно не вижу, почему черную сотню обязательно полагается трактовать серьезно. Мера моего интереса к этой партии вполне исчерпывается формой фельетона: так и озаглавлена сегодняшняя заметка.

От М.А. Осоргина я слышал раз меткое слово: «С 1905 гола в России ничего замечательного не произошло. Это не только парадокс: в этой фразе есть существенная правда. Конечно, в России за последнее десятилетие произошло много больших и трагических событий. Но все эти события были копией таких же событий, происходивших уже много раз в других странах. Ничего по существу нового, никакого урока миру – вроде того, чем был 1789 год, – в этих происшествиях не было, и потому в высшем, «делающем эпоху» смысле ничего «замечательного» не случилось. Но большевики уверяют, что нечто новое произошло, а именно: не только переход политической власти в другие руки, но и заложение нового социального строя. А их противники утверждают, что это неправда, что по существу никаких признаков нового социального строя нет; внесен только беспорядок в старый социальный строй, что уже не раз бывало на свете, – а «замечательного» ничего не произошло. В этом споре я – насколько могу судить по моим скудным источникам – присоединяюсь к последнему мнению: в России произошла большая конфискация имуществ, но социальной революции никакой не было.

Конечно, мои источники скудны. Но все-таки не советовал бы их

недооценивать. Не проходит месяца, чтобы мы здесь не встречались с людьми, только что вырвавшимися из России. По большей части это люди нормальные, средней толковости и средней наблюдательности. Я бы даже не назвал их настроением односторонним: напротив, они любят и похвалить большевиков – например, за хороший (особенно в столицах) полицейский порядок, и вообще за административную расторопность. Конечно, они все жалуются на политический гнет – но тут я их сам сейчас же останавливаю, ибо эта сторона дела всем известна, и большевики ее сами не оспаривают. Задаю же я этим собеседникам всегда одни и те же вопросы: о чертах социального строя. Есть ли хотя бы зародыши, хотя бы проблески такого производства, которое можно было бы – без риторики – назвать социалистическим?

Мне скажут: вы ломитесь в открытую дверь, ответ заранее ясен – большевики сами признали, что социализма пока нет, сами создали нэп и неонэп, сами говорят о государственном капитализме. – Но беда та, что из ответов моих собеседников получается всегда картина, непохожая даже на «государственный» капитализм. Она гораздо больше похожа просто на капитализм, только на очень старинный – на первую, средневековую эпоху зарождения буржуазного государства, когда власть и хотела, и боялась развития частного предпринимательства; одной рукой поощряла промышленника, а другой грабила его, как только он немного обрстет шерсткой. Вот общее впечатление от скопившихся у меня в памяти свидетельских показаний. «Государственный» контроль национализированных предприятий – поскольку они взаправду нечто производят – все больше сбивает на фикцию. Действительный характер носит он только в тех отраслях, с которыми справлялась и старая власть – например, железные дороги. На фабриках и заводах «государство» – такая же комедия, как (цитирую одного из собеседников) «сюзеренитет турецкого султана в Египте при английской оккупации». Исключений мало, и с каждым годом становится меньше. Предприятия, поскольку они действительно живут, живут и движутся личным интересом предпринимателя. Новые предприятия возникают почти исключительно на капиталистической основе, под очень прозрачной маской словесной «государственности». То же самое, и еще ярче, во внутренней торговле. То же самое, с неудержимой «наглостью», начинает проступать наружу и в последней, бронированной отрасли – во внешней торговле. Есть богатые? Есть, – «только они стараются не покупать дорогой мебели, чтобы не бросаться в глаза» (типичная черта из истории средневековой буржуазии). Есть нищие? Конечно, есть. Есть ли бытовое понятие «барин» и «простонародье»? Конечно, есть. Как относится – вне политической жизни – «простонародье» к «барину»? Снизу вверх, «как при царе Горохе». И т. д.

Очень трудно допустить, чтобы все эти десятки очевидцев проглядели главное и, наоборот, подметили то, чего нет. Я старый журналист; знаю по опыту, что десять очевидцев, если их толком выспросить, дадут гораздо более верную

картину, чем триста газетных вырезок – особенно вырезок из поднадзорной печати, с которой считаться вообще нельзя. Но еще характернее ответов и рассказов был для меня самый облик, самый тип этих выходцев из советской России. Конечно, все это «бывшая» буржуазия – и любопытно, что она осталась буржуазией в полном смысле этого слова. Те же вкусы, те же мысли, те же привычки, те же интересы, что были и раньше. Чувствуется, конечно, что люди вырвались из страны, где опасно было сказать слово или даже «купить мебель»; но чтобы люди приехали из страны, где жизнь пропитана другой социальной атмосферой. –, этого совершенно не чувствуется. Более того: я видел, ясный отпечаток новой социальной среды на еврейской молодежи, прожившей 3-5 лет в Палестине; здесь, во Франции, на каждом шагу встречаешь русских беженцев, особенно из христиан, которые внутренне разбуржуазились – не в смысле убеждений, а в смысле психологии. Ибо эти люди действительно прожили несколько лет в обстановке пролетарского быта. Из России каждый день приезжают люди – кто навсегда, а кто и на время, – которые явно и несомненно до вчерашнего дня жили там в типично буржуазной бытовой обстановке. И они – особенно те, которые собираются ехать обратно – успокоительно клянутся, что этот буржуазный быт все больше консолидируется.

Еще любопытнее их дети. Я встречал молодежь 18 – 20 лет, значит такую, почти вся сознательная жизнь которой прошла в советской атмосфере. Но единственная существенная разница между этой молодежью и той, какая была в России до войны. – это то, что теперешние еще слабее знакомы с гимназическим курсом. Вкусы, мысли, мечты, интересы у них те же, что были, типично буржуазные; особенно, по моим наблюдениям, у девушек – и гораздо правильнее было бы сказать о них: у барышень. Иногда эти барышни или их братья сообщают вам: «А вот кузен у нас большевик». В самом тоне сообщения чувствуется, что это редкость, нечто незаурядное: вроде как в наше время говорил нам почтенный портной, не то с гордостью, не то с недоумением: «Третий сын у меня пошел совсем в сторону – он в рисовальном училище».

Один заграничный почитатель советской власти, когда я это ему сказал, возразил мне, что «по дезертирам нельзя судить о духе армии, из которой они бежали». Он даже прибавил, что эта цитата из какой-то моей старой статьи. Возможно. Но ведь я этих беглецов и не расспрашивал о «духе», какой царит среди самих большевиков: и если они бы стали божиться, что дух этот идет на убыль, я бы сам усомнился в их компетентности. Когда приходилось на иорданском фронте допрашивать турецких дезертиров, мы их никогда не расспрашивали о «духе войск», а расспрашивали о фактах: как кормят, как обращаются? Но чаще всего не приходилось и спрашивать, ибо ответ был сам собой ясен: дезертиры были отощавшие, бросались на похлебку с жадностью, платье в лохмотьях, и у некоторых были выбиты передние зубы. Беженец приносит с собой атмосферу. В данном случае тоже.

Повторяю: это не трактат о большевизме, а фельетон о впечатлениях не особенно заинтересованного чужака. Но впечатление мое настолько ярко, что я готов стоять за него горюю. «Ничего замечательного не произошло». Даже государственного социализма на деле никакого нет. Поскольку Россия работает, она работает фактически на старых началах. Советская Россия есть такая же буржуазная страна, какой была Россия до 1917 года: страна с буржуазным характером производства торговли и быта, но под управлением олигархии – как прежде. Разница только в том, что буржуазный характер хозяйства еще не легализован, и поэтому нажившихся купцов официально грабят (это делалось в Моравии в 16 веке, а в Марокко еще недавно, до прихода французов), а заграничная торговля разрешается только на началах монополии (это было и в Европе 400 лет тому назад). Все остальное, по-видимому, риторика.

Отмечаю эти выводы без удовольствия. Существующий социальный строй не вызывает у меня никакого энтузиазма; за сохранение его я бы пальцем о палец не ударил; а разделение людей на бар и простецов мне и совсем ненавистно. Но мне никогда не верилось, чтобы переворот во всех этих отношениях можно было осуществить насильственно, при помощи черносотенных приемов действия. Так и оказалось, и полезно будет людям заучить этот урок наизусть.

Что касается до «духа», то тут автор сих строк даже для фельетона некомпетентен. Но одно должен сказать: вот уже больше года, как чувствуется на верхах коммунистической партии некая «мобилизация православных». В прошлом году неудобным оказался г. Троцкий; в этом году – г.г. Зиновьев, Каменев, Сокольников. Все евреи. Конечно, можно «утешаться» тем, что среди гонителей г. Троцкого главную роль играли те же г.г. Каменев и Зиновьев, а теперь на скамье подсудимых сидит и православная г-жа Крупская. Но эти мелочи не меняют основного тона событий: как только большой скандал и отлучение – главным отлученным оказывается еврей. Во главе ортодоксов теперь уже явно стоят православные – г. Бухарин, г. Сталин. Очень любопытно. Многие давно предсказывали наступление момента, когда большевизм, движение типично русское, родившееся в мозгу типичного русского сектанта Ленина, начнет освобождаться от своей – в широком смысле – евсекции. Похоже на то, что момент наступил. Будем ждать его развития, с улыбкой равнодушного любопытства.

Всего этого я бы не написал в «Рассвете» (что нам до них за дело?), если бы советская власть сама не лезла из кожи вон, чтобы «заинтересовать» даже такое нейтральное движение, как сионизм. Ссылки сионистов в России продолжают. Около года тому назад в нашем «Дневнике» высказано было мнение – довольно распространенное, – что виновниками облавы являются не сами большевики, а только их еврейская прислуга из (специальной) евсекции. Но приходится

пересмотреть это утешение. Прислуга прислугой; но когда хозяевам уже сто раз жаловались на похождения челяди и все-таки поход продолжается, то, по-видимому, не в псаре только дело. Сионистскому обществу, быть может, придется поставить на очередь вопрос об отношении ко всей черной сотне, управляющей ныне Россией. Евсекция – мелочь; душат еврейскую молодежь большевики.

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ =СИОНИЗМ =

СИОНИЗМ

КРИТИКИ СИОНИЗМА

В последнее время¹ появилось несколько статей, направленных прямо или косвенно против сионизма. Некоторые из них произвели впечатление. Я попытаюсь рассмотреть следующие: «Двадцативековая трагедия» А.С. Изгоева («Образование» 1903, № 10). «Об антисиионизме» Каутского («Восход», 1903, № 27). «О сионизме» И.Бикермана («Русское Богатство». 1902, № 7) и две заметки С.Н. Южакова в №№ 9 и 11 «Русского Богатства» за 1903 г. в отделе «Политика». Было еще несколько опытов критики сионизма, вроде брошюр г. Полякова («Сионизм и евреи»). г.Куперника («Еврейское царство») и т.п., но их можно обойти молчанием, в виду их незначительности.

Было бы лучше всего разобрать вышеназванные статьи сразу: выбрать из них общие главные возражения и дать на них посильный ответ. К сожалению, такая группировка совершенно невозможна, потому что между этими критиками сионизма нет единогласия; двое из них, правда, стоят на одной и той же научной точке зрения, но и они часто противоречат друг другу в основных пунктах вопроса. Каутский пишет: «Евреи перестали существовать как нация, немислимая без определенной территории» (стр. 23). Г. Изгоев говорит... «И, однако, еврейство – нация».

Он даже прибавляет: «такая же нация, как французы, немцы, англичане» (стр. 56). Г. Бикерман много раз называет мысль о создании еврейского автономного убежища (где бы то ни было) утопией, ненаучной химерой (например, стр. 68): г. Южаков пишет:

«Колонизация Уганды во всяком случае не кажется химеричною и недоступною, хотя и сопряжена с массой трудностей...» (№ 9, стр. 166). Речь идет, понятно, не о простой колонизации (ибо кто же спорит против того, что простая колонизация возможна), а о проекте автономной колонии, т.е. именно о том, что г. Бикерман считает несбыточной мечтою, – и о чем, между тем, г. Изгоев говорит так: «Сионизм, как стремление к рациональной, планомерной земледельческой колонизации евреями такой местности, которая могла бы служить для них «правоохраненным убежищем», –реальное, осуществимое дело, заслуживающее сочувствия и поддержки» (стр. 67). Причем любопытно, что в глазах г. Изгоева даже «сионизм как мечта о восстановлении иудейского царства в Палестине» есть хотя и утопия, но «безвредная» утопия, между тем как в статье г. Бикермана доказывается, что сионизм, как его ни понимай, вреден и никакого «сочувствия» и ни какой «поддержки» не заслуживает. «Сионизм есть явление реакционное!» – утверждает автор на странице 69...

Тот же г. Бикерман говорит: «Но мы считаем своим долгом раскрыть ложь, заключающуюся в другом словечке, пушенном в ход этим словообильным сионистом (т.е. Нордау). Это слово – Judennoth... – не те обычные страдания, составляющие, вероятно, неизбежный удел человеческого рода. а другие, исключительные страдания, преследующие евреев не

как людей, а только как евреев и от которых они могли бы избавиться, если бы не были евреями» (стр. 57). Г. Бикерман отрицает этот Judennoth и настаивает, что еврей данного класса страдает столько же, сколько и коренной житель из того же класса, не больше и не меньше. Следовательно, если класс перестанет страдать, тем самым перестанет страдать еврей. А г. Изгоев говорит, что даже «при полном устранении общественного строя, основанного на конкуренции и меркантилизме» – все-таки «потребуется еще годы духовной работы для искоренения остатков предрассудков», вызывающих вражду евреям, а значит, и специально еврейское горе. Каутский идет еще дальше. По его мнению, для устранения враждебности к евреям недостаточно ни падения капиталистического строя, ни культурной борьбы с предрассудками («чувствований человека нельзя изменить путем увещаний», стр. 24); враждебность будет устранена «только тем и тогда, когда еврейские слои населения перестанут быть чужими, сольются с общей массой населения». Ясно, что если для блага еврейства недостаточно того, чего вполне достаточно для блага других народов, а нужны еще особые меры, то значит, у еврейства, по мнению Изгоева и Каутского, кроме общечеловеческих страданий, есть еще и свое специальное горе – то самое, которое отрицает г. Бикерман. В то же время г. Бикерман совсем не разделяет мнения Каутского, что евреям необходимо ассимилироваться. Он говорит:

«Сохранение и развитие еврейского народа, сохранение и развитие его культуры, сохранение и развитие того, что есть в ней лучшего, – такова задача» (стр. 68). Даже больше: по мнению г. Бикермана, еврей-ассимиляторы «существуют лишь в больном воображении охранителей» (стр. 41). Не является поклонником ассимиляции и г. Изгоев, по крайней мере, если понимать ассимиляцию по Каутскому – «слияния с общей массой населения». Ведь слиться с общей массой населения данного места значит принять ее национальность. А г. Изгоев говорит: «Еврей может примкнуть духовно только ко всему человечеству, как целому, возвышающемуся над всеми национальностями. Еврей, освободившийся от талмудической культуры, по духовному существу своему всегда неизбежно будет космополитом, международником»

(стр. 66). Последнее утверждение немного рискованно, если принять во внимание, что Герцль, Нордау и огромное большинство сионистов, бесспорно освободившись от талмудической культуры, стали не космополитами, а сионистами; но не в этом дело, а в том, что и быть космополитом не значит духовно «слиться с общей массой населения» данного места, и даже совсем напротив...

Критики сионизма, так сказать, не сталкивались между собою. У них у самих – разногласия по самым основным вопросам: о том, представляет ли еврейство нацию или нет; о том, нужна или не нужна ассимиляция; о том, возможно или невозможно создание еврейского правоохраненного убежища; о том, есть ли сионизм вообще явление вредное, – и даже о том, существует ли Judennoth или не существует. Собственно говоря, при наличии таких противоречий можно было бы и не спорить против наших критиков, а спокойно и безучастно любоваться на то, как они друг друга побивают. Но я все-таки предпочитаю рассмотреть их доводы и представить свои возражения; и так как, очевидно, отвечать разом на такую разноголосицу немислимо, я буду говорить о каждой статье особо. Начну с Каутского.

Каутский говорит, главным образом, об антисемитизме; разбирать его взгляд на этот феномен я не буду, так как не антисемитизм является предметом этой беседы. В данном случае нас занимает путь, указываемый Каутским: ассимиляция. Об этом идеале мы и будем говорить, и тут нам немало поможет небольшая брошюра того же автора под заглавием: «Национальность нашего времени» (СПб. 19031. В конце этой брошюры (стр. 41-43) Каутский высказывает довольно определенные взгляды на будущее отдельных национальностей. Они, по его мнению, вообще стремятся к полному слиянию между собою, даже к замене национальных языков одним каким-нибудь универсальным. Национальные языки – говорит он на стр. 43 – «будут все более и более ограничиваться областью домашнего употребления здесь, наконец, займут такое же положение, как какая-нибудь

старинная фамильная мебель, которую ценят и тщательно сохраняют, но не придают ей никакого практического значения». Никакого практического значения: то есть, очевидно, даже в сношениях между собою люди одной и той же страны будут, по мнению Каутского, пользоваться не национальным языком, а универсальным, – ибо Каутский не может не понимать, что язык, на котором говорят между собою люди данной местности, тем самым получает большое «практическое значение». Волапука г. Каутский не признает, об эсперанто не упоминает, а думает, что универсальным языком явится какой-нибудь из существующих. Например, английский. Два коренных неаполитанца в беседе между собою будут говорить на языке Шекспира; к итальянскому каждый из них прибегнет только тогда, когда на досуге захочется поиграть звучными словами. Так рисуется Каутскому будущее.

О будущем, конечно, трудно спорить: никто не может поручиться, что верно угадает. Но все-таки логика властна и над будущим; постараемся же рассуждать логически и посмотрим, совпадут ли наши выводы с предсказаниями Каутского. Расово-национальные² особенности создаются под влиянием многих факторов – в том числе, конечно, климата, почвы и флоры той страны, где данное племя впервые развилось. Каутский настолько признает это, что даже психологию евреев выводит из того факта, что Палестина – горная страна (статья в «Восходе». стр. 23), причем отмечает, что отпечатки этого горного происхождения сохраняются и в чужой земле, т.е. даже в новой почвенно-климатической среде и в новых социальных условиях. Так сильна расовая закваска, полученная от матери-природы, даже когда племя уже давно перенесено под другое небо: пока старая кровь передается по наследству без инородных примесей или с малой примесью, до тех пор племя сохраняет свою старую индивидуальность. Конечно, эта индивидуальность уже исковеркана, и с каждым поколением под давлением новых почвенно-климатических влияний она будет все более уклоняться от основного типа; но все-таки и под чужим небом вы через много поколений отличите в чистокровном потомке черты его прадедов. Тем более сохраняются эти особенности, если данное племя всегда будет жить в той самой стране, на почве которой оно развилось. Это – прямой вывод из положения, что племенные особенности создаются суммой естественных факторов.

Я совершенно не касаюсь вопроса о том, как сложились ныне существующие национальности и сколько различных расовых ингредиентов вошло в каждую из них; я беру их такими, какими я их застаю при моем появлении на свет, и задаю себе вопрос:

что с ними будет? Что вероятнее: то ли, что обитатели Апеннинского полуострова и впредь из рода в род будут жить на этом полуострове, или то, что они все переберутся на другое место? И на это, по-моему, невозможен другой ответ, кроме того, что первое предположение вероятнее, так как не предвидится никакой причины, которая принудила бы жителей Италии к такому массовому переселению. В настоящее время, как известно, итальянцы часто эмигрируют, ища работы за морем, в то время, как на полуострове и в Сицилии есть огромные пустыри-латифундии, пригодные для внутренней колонизации. Но ведь эмиграция – только маленький процент населения: да и та является следствием нужды, голода и неурядиц. Каутский верит, что нужда и голод будут некогда совершенно упразднены, и я скромно разделяю эту веру. Но тогда исчезнет причина для эмиграции даже маленькой доли населения. Следовательно, это население станет на своем полуострове еще более оседлым, чем теперь. Смешанные браки если и будут наблюдаться, то лишь в узкой пограничной полосе: Я главная масса нации сохранит свою расовую «чистоту». И то же самое совершенно бесспорно предвидится и для России, и для Франции, и для Скандинавии: нет никаких причин, которые побуждали бы население каждой из этих стран отрываться от родной почвы – и чем дальше, тем еще меньше будет этих причин, потому что единственные ныне побуждения к эмиграции – нужда и социальная неурядица – при социалистическом строе общества предполагаются устраненными. Шведы останутся в Швеции и грузины в Грузии; первые будут по-прежнему, из рода в род, подвергаться почвенно-климатическим влияниям своей Швеции, а вторые – своей Грузии. Покорение природы человеческой техникой здесь ни при чем: техника создает чудеса, будет, пожалуй, регулировать дождь и ведро, но ведь климат Стокгольма все-таки будет

всегда отличаться от климата Тифлиса, и флора второго – от флоры первого. При всяких чудесах техники Великороссия все-таки останется равниной, а Англия все-таки будет приморской страной, и, значит, из рода в род будет продолжаться непрерывное влияние неодинаковых естественных условий на оседлое население как той, так и другой области. То есть англичанин сохранит свою английскую племенную индивидуальность, а великоросс – свою. Но если каждый сохранит свою национальность, то сохранит и национальный язык: потому что язык, естественно возникший у данного племени и развившийся в данной местности, должен, несомненно, ближе и точнее соответствовать всем изгибам психики населения, чем какой бы то ни было другой язык; и, следовательно, нет никакой научной возможности предположить, что национальный язык, исторически развившийся в тесной параллельности со всей психикой населения, вдруг начнет естественно вымирать, уступая место совершенно чужому наречию, только потому, что на этом чужом наречии легче вести дела с иностранцами. Любопытно при этом заметить еще следующее: Каутский видит явный признак близкого торжества универсального языка в том, что уже и теперь конкуренция капиталистических стран делает необходимым знание чужих языков: «Кто больше знает языков, у того больше шансов одержать верх над конкурентами, говорящими только на одном своем языке» (брошюра, стр. 42). Странно слышать такие доводы в устах Каутского. Ведь именно ему, как социал-демократу, должно быть ясно, что промышленные сношения между разными странами не всегда будут вестись на почве индивидуальной конкуренции. В том грядущем, за которое ратует Каутский и в которое скромно верю и я, международный обмен продуктов, конечно, не прекратится, но производить его будут не частные торгаши, как теперь, а особые официальные учреждения. Теперь тысячи лиц ради наживы ведут торговые сношения с заграницей: тогда эти сношения будут, очевидно, сосредоточены, для каждой области, в специальном бюро с ограниченным штатом служащих. Следовательно, только этим служащим (рассуждая строго по Каутскому) и понадобится знание языков. Количество частных лиц, имеющих деловые сношения с иностранцами, сократится до минимума, – тогда как сношения между земляками-согражданами, при тогдашнем строе общества, станут, напротив, гораздо теснее и многообразнее, чем теперь. Каким образом при таких условиях общежития начнет вымирать язык земляков, с которыми каждый человек именно тогда будет связан тысячами уз, – и воцарится взамен того языка универсальный, хотя именно тогда производственные отношения вовсе не будут требовать этого, – не постижимо...

Я, конечно, не сомневаюсь в том, что будущее приведет к самому тесному сближению между различными странами и народностями, как не сомневаюсь в том, что когда-нибудь, и даже скоро, люди по взаимному уговору признают какой-нибудь язык международным. Но не «универсальным». Это будет язык для международных сношений, и только. Внутренняя жизнь каждой нации будет по-прежнему выражаться при посредстве ее национального языка, и язык этот будет самобытно развиваться и богатеть по мере духовного развития нации. И точно так же, как с национальным языком, будет с национальной психикой. Не смешиваясь браками с чужою расой, да еще к тому же живя постоянно в одной почвенно-климатической среде, впитывая из рода в род ее влияние, каждая народность естественно сохранит и будет самобытно развивать и углублять свою индивидуальную психику, внося национальный оттенок во все проявления своего творчества. Не к слиянию национальностей ведет естественный процесс, а к обеспечению за каждой из них полной самобытности. Исчезнет война, упразднится таможня, но никогда не сгладятся индивидуальные различия, врожденные расе и вечно питаемые различиями в почве и климате и несколько не препятствующие ни дружному прогрессу, ни взаимному уважению наций.

Но мало того, что сохранение национальных особенностей представляется, со строго позитивной точки зрения, совершенно неизбежным: следует помнить и о том, что оно также в высшей степени желательно. Мы называем богатой и счастливой природу той страны, где растет и пальма, и кедр, и вишня, и дуб, где есть и горы, и леса, и озера; напротив, бедною и скупую считаем мы природу тех стран, где растительность однообразна и ландшафт один и тот же всюду. Никогда никто не видел идеала в однообразии; напротив, мы и инстинктивно, и сознательно всегда предпочитаем всевозможное многообразие разновидностей, гармонически,

но самобытно живущих и развивающихся друг подле друга. Человек не может быть исключением из этого идеала. Если бы национальных различий не существовало, то в интересах всего человечества *il faudrait les inventer*, их надо было бы изобрести, чтобы дух человеческий мог проявляться во всяческом многообразии оттенков. Есть уже не новый, но очень подходящий в этом случае пример: представьте себе человечество в виде огромного оркестра, в котором каждая народность как бы играет на своем особом инструменте. Возьмите из оркестра всех скрипачей, отберите у них скрипки и рассадите их по чужим группам-одного к виолончелистам, другого к трубачам и так далее: и допустим даже, что каждый из них играет на новом инструменте так же хорошо, как на скрипке. И количество музыкантов осталось то же. и таланты те же – но исчез один инструмент, и оркестр в убытке. Если только мы понимаем прогресс как стремление к наибольшей полноте, сложности и богатству жизненных проявлений, а не наоборот – к наибольшей скудости и однообразию, то мы должны дорожить неприкосновенностью национальных индивидуальностей не менее, чем дорожим неприкосновенностью отдельной человеческой личности: и если никакой жертвы не жалко для исправления социальных неустройств, угнетающих личность, то не жаль никакой жертвы и в борьбе за то, что может обеспечить национальной индивидуальности законную неприкосновенность.

Тут я могу непосредственно перейти к г. Южакову, у которого прорываются такие фразы: «Тот, кто желает служить делу правды и совести, делу принципов, должен тщательно оберегать себя от всякого общения с национализмом» (ноябрьская книжка, стр. 144). Впрочем, после всего сказанного нет необходимости пространно спорить против этой точки зрения: мы встретимся с нею у остальных разбираемых критиков, а собственных оригинальных доводов г. Южаков не выставляет. Г. Южаков слишком честный человек, чтобы притворяться, будто ему непонятна разница между национализмом угнетенной народности, отстаивающей свою самобытность, и национализмом народности угнетающей, навязывающей свою физиономию другим, – между самообороной и насилием. Отвращение г. Южакова происходит, конечно, не оттого, что он отождествляет национализм с национализмом пруссаков в Познани. Излишне доказывать г. Южакову, что те хотят подавить чужую индивидуальность, мы же хотим стоять свою: он сам это понимает, но твердо считает, что национальная индивидуальность не нужна, что если она исчезнет, то и жалеть не о чем, – что бороться за ее сохранение значит тратить силы пустяки, а тратить силы на пустяки значит отнимать их у настоящего, полезного дела; и оттого г. Южаков сторонится от национализма и других приглашает сторониться. Повторяю, – после всего, что я сказал выше, незачем мне отдельно возражать против этой точки зрения. Но все-таки не хочется как-то молчать, когда читаешь такие выражения: «Идеалы чести и совести, принципы солидарности и братства, которых главным врагом является национализм, в том числе и сионизм» (стр. 144)... 9 Часто бывает, что человек, возненавидя разврат переносит свою ненависть на половое влечение вообще и провозглашает, что любовь противна «идеалам чести и совести»; часто человек, наблюдавший много злоупотреблений свободой, становится противником свободы вообще и объявляет ее врагом «принципов солидарности и братства»; и когда сталкиваешься с такими людьми, становится тяжело за узость человеческую. Здесь то же самое. Г. Южаков навиделся уродливых извращений национализма поэтому не может допустить, что «импульс» национального самосохранения действительно существует и что это очень важный, полезный и могучий двигатель. Для него это фанаберия, каприз, а упорствовать в этом капризе значит идти наперекор чести и совести. Наше стремление добиться тех же прав, каким пользуются другие народы, и не ради того, чтобы потом вести грабительские войны, а ради того. Чтобы спокойно жить по нашему племенному духовному укладу, в мире и дружном сотрудничестве с остальными народами. – это противно совести и чести. Не надо возражать на такие слова, потому что это несомненно бранные слова; и в ответ на них мы должны только еще тверже и настойчивее повторить, что сохранение национальностей, в интересах всего человечества, есть честная и важная задача, и никакой жертвы не жалко для ее осуществления.

Этот же идеал мы противопоставим и идеалу г.Изгоева. потому что, в сущности, основная

точка зрения у г. Изгоева и у г. Южакова одна и та же, хотя первый приглашает нас отречься от всякой национальности и стать «космополитами, международниками». а второй просто без всяких объяснений рекомендует обрусеть (сознать полную «солидарность и достоинства, и интересов совести всех культурных сил человечества вообще, России в частности и в особенности»: фраза эта, находящаяся в ноябрьской книжке на стр. 145, немножко непонятна, но единственное. что в ней ясно. – это призыв к обрусению). Однако не подлежит сомнению, что и г. Южаков ничуть не шовинист и зовет нас к обрусению не из патриотического пыла, а из убеждения в том, что французам ли прежде онемечиться или немцам прежде офранцузиться, разница – не важна, лишь бы меньше стало хоть одной национальностью: все равно в конце концов будем космополитами без всяких племенных особенностей. На этот взгляд, общий у г. Южакова с Изгоевым, и с Каутским, выше дан уже ответ; и все сознание скромности моих сил не может мне помешать совершенно ясно видеть, что надежды почтенных публицистов на будущее исчезновение племенных разновидностей не имеют под собою. как я попытался выяснить, никакой научной почвы и никакого нравственного базиса, а напротив, с поразительной наглядностью противоречат и данным этнологии, и ходу исторического процесса, и идеальным интересам человечества.

Но в статье г. Изгоева кроме космополитического призыва, есть и другие частности, которые нельзя оставить без ответа. Одобряя сионизм территориалистический, извиняя, в виду «безвредности», сионизм палестинский, он безповоротно осуждает культурный сионизм. «Сионизм, как романтическая мечта о воскресении древнееврейской культуры – реакционная и вредная утопия». Прежде всего, тут есть неточность: с нашей стороны имеется в виду не «древнееврейская культура», а просто еврейская, ибо мы верим, что в духовном творчестве евреев, от пророков до наших дней, проявлялись одни и те же основные идеалы, конечно, изменяя форму и точки приложения сообразно потребностям места и времени; и, следовательно, мы желаем не «воскресения древнееврейской культуры», а широкого развития культуры новейшей, находящейся в тесной преемственной связи со старой, древней и древнейшей. Лечить захворавшего взрослого человека вовсе не значит «воскрешать» того младенца, которым этот человек был в дни своего детства. Думаю, что против исправления этой неточности ничего не будет иметь и сам г. Изгоев, и его строгое отношение к еврейской культуре вызывается не тем, что она будто бы «древняя», а тем, что в самой этой культуре, как таковой, г. Изгоев не находит никаких положительных ценностей. Есть все основания предполагать, что г. Изгоев вполне в этом отношении разделяет точку зрения Каутского, выразившуюся в словах: «Глубокие и смелые мыслители из евреев постоянно воспринимали мировоззрение своего времени. Последнее бывало возможно только тогда, когда они окончательно порывали с традициями еврейства и становились на почве общеевропейского культурного развития» (статья в «Восходе», стр. 25). Если бы г. Изгоев не считал традиций еврейства также несовместимыми с передовым мировоззрением, он не назвал бы идею «воскресения» еврейской культуры реакционной и вредной утопией. Но что же именно в таком случае понимают г.г. Изгоев и Каутский под еврейскими традициями и культурой? Каутский об этом не говорит, зато у г. Изгоева есть хотя косвенный, но вполне определенный ответ на этот вопрос. «Ассимиляция, – говорит он на стр. 65. – состоит из двух актов: одного отрицательного отказа от обособляющих черт, и другого положительного – принятия того, с чем ассимилируешься. Что касается первого, отрицательного акта, то несомненно, что весь ход истории сурово и непреклонно уничтожает еврейскую «обособленность»... Евреи, втянутые в водоворот современной жизни, теряют свою специфическую одежду, внешний облик (??), мало-помалу отступают от законов о «ритуальной чистоте», отказываются вовсе от них, отказываются даже от субботы»... И вот – говорится на следующей странице – такой «еврей, освободившийся от талмудической культуры, по духовному существу своему всегда неизбежно будет космополитом, международником», то есть уже духовно не евреем. Иначе говоря, весь духовный багаж еврея, как такового, сводится к лапсердаку, тrefу и субботе; кто носит пиджак, ест ветчину и пишет в день субботний, в том уже не осталось духовно ничего еврейского; следовательно, вот в чем заключается еврейская культура, еврейские традиции: сумма внешних талмудических обрядностей. и больше ничего. После этого нисколько не странно, что «воскресение» такой культуры представляется делом реакционным и вредным.

При всем уважении к почтенному одесскому публицисту, я должен сказать, что во всем этом явно сквозит очень недостаточное знакомство с вопросом. Только при этом условии можно было упустить из виду тот наглядный факт, на который я уже указывал, что сплошь и рядом еврей-интеллигент, заменивший ермолку цилиндром, фаршированную щуку – икрой и даже субботний отдых, по необходимости, воскресным, все-таки признает себя не космополитом, а евреем, и из этих именно интеллигентов, а не из ортодоксов, и состоит главное по качеству еврейского национализма. Достаточно было бы из вторых рук ознакомиться хотя бы с личностью и учением Ахад-Гаама, чтобы увидеть воочию, действительно ли еврей, за вычетом талмудической обрядности и даже религиозной веры, перестает быть считать себя евреем. Прямо неловко перед читателями серьезно доказывать, что в еврействе есть кое-что и кроме устава о кошерности; но чья же вина, что приходится настаивать и на таких азбучных истинах. Мы не можем не сказать г.г. Изгоеву и Каутскому: соберите прежде подробные справки о том, что такое еврейская культура и традиции. Я уже и не говорю том, что писали по этому вопросу наши соплеменники, как Лацарус, как покойный Дармстетер, или благорасположенные к нам инородцы, как Ренан и Генри Джордж; я укажу, контраста ради, на книгу, выпущенную недавно писателем, который, хотя и соблюдая известную корректность тона, ничуть скрывает своей антипатии к еврейству и его идеал. Это «Esprit juif» Мориса Мюрэ, появившийся также и на русском языке, в неудачном переводе и под удачным заглавием «Еврейский ум» (СПб. 1903). Автор отмечает некоторые основные мотивы в учении пророков – и старается доказать, что эти мотивы через много столетий, проявились и в писаниях Спинозы, Гейне, Брандеса, Нордау, и в учении Маркса, в деятельности Дизраэли-Биконсфильда. А мотивы эти, по мнению Мюрэ, следующие: мятежная ненависть ко всякому догмату, заставляющая евреев подвергать разрушительной критике все, освященное традицией; мечта о всемирном братстве («космополитический идеал пророков», по выражению Мюрэ), мечта, во имя которой евреи являются принципиальными противниками войны, и т.п.; наконец, стремление установить царство Божие на земле, в противность «арийскому» идеалу царства Божия в загробном мире – и, как следствие этого стремления, склонность к социальным преобразованиям. Все эти мотивы глубоко несимпатичны автору, и он с огорчением констатирует, что они приобрели теперь широкую популярность и в арийских массах. Я, конечно, далек от того, чтобы возводить г. Мюрэ в авторитет: но нельзя не отметить, как и друзья, и враги наши всегда констатируют в нашем почти сорокавековом духовном творчестве постоянное присутствие одних и тех же основных идеалов, проникнутых принципами братства и социальной справедливости. Надо не уметь читать или не желать прочесть, чтобы не узнать этой правды; надо закрыть глаза и заткнуть уши, чтобы в самой жизни на каждом шагу не замечать слишком ясных подтверждений этой правды. И это все игнорируется, а «культуру» нашу видят исключительно в разделении посуды на мясную и молочную. Седьмичный и юбилейный годы, принцип субботнего отдыха, социальная проповедь Аммоса, мечты Исаяи о мире всех народов, наконец, самый культ книги, благодаря которому до недавнего времени наши мужчины в Литве были поголовно грамотны по-еврейски, когда и в Западной Европе массы еще не умели читать ни по-какому, – таковы, казалось бы, наши «традиции». И если нам даже скажут, что не одни евреи, но передовые элементы всех народов теперь ратуют за участь бедных и за распространение знания, то мы ответим: следовательно, эти исконные традиции еврейского племени во всяком случае не зловредны и не враждебны прогрессу? Но теперь нам заявляют, что прежде, чем воспринять передовое мировоззрение, мы должны порвать с еврейскими традициями, потому что еврейские традиции выражаются в обязательном ношении нагрудника с кисточками...

Только не изучив, не продумав, не углубившись, и можно делать такие заявления. И тут я отмечу вообще одно характерное явление. Наши критики, особенно г. Каутский и г. Изгоев, несомненно, не признают феномена без причины. Столкнувшись с каким-нибудь историческим фактом, они не успокоятся, пока не откроют тех условий, которые вызвали его и даже необходимо должны были вызвать. Если притом факт этот не единичный, а повторный или тем более, непрерывно-длительный, г-да Изгоев и Каутский никогда не усомнятся, что причина, обусловившая его, есть важная и могущественная причина –

и признают неучем всякого, кто допустит, что подобный исторический факт возник просто «так», без особенной надобности, а мог бы при тех же условиях и не возникнуть. Но как только дело коснется еврейского народа, картина меняется. Перед глазами такой яркий феномен, как почти двадцативековая борьба небольшого безземельного племени за свою национальную обособленность, борьба, в которой все выгоды, какие только можно придумать, были, бесспорно, всецело на стороне отступничества – и, тем менее, отступничество не состоялось. Это поражающе-длительный исторический факт, и казалось бы, что именно г.г. Изгоев и Каутский, как исторические материалисты, должны были бы тут сказать себе: очевидно, тут действует какой-то могущественный фактор группового самосохранения, и с этим фактором нельзя не считаться. – Вместо этого наши критики здесь, очевидно, теряют свой обычный компас, и не то вовсе игнорируют феномен, который немислимо игнорировать, не то прямо относятся к нему так, как будто эта двухтысячелетняя мученическая самооборона не имела под собой никакого солидного императива и была чуть ли не плодом недоразумения, человеческой глупости, а теперь люди поумнели и должны увидеть, что не из-за чего бороться... Г. Каутский и г. Изгоев не могут не понимать, что такая точка зрения не только не напоминает о той строгой научности, которая обыкновенно отличает их школу, но просто лежит ниже уровня всякого научного мышления.

Это очень характерно. Дело в том, что вопрос о национальностях еще не разработан научно, особенно с точки зрения исторического материализма. Я не утверждаю, но не удивлюсь, если окажется, что с этой точки зрения – без крупных поправок (элементы которых, впрочем, уже имеются у Энгельса) он не может быть разработан. Во всяком случае, писатели, безошибочно орудующие в области, которая уже исследована и объяснена основателем их школы, совершенно теряются перед вопросами, которые основатель обошел молчанием. И если самостоятельная научная разработка этих вопросов не под силу таким солидным ученым, как Каутский, и таким серьезным публицистам, как г. Изгоев, то еще менее под силу оказалась она г. Бикерману, который, конечно, не может быть признан ни солидным ученым, ни серьезным публицистом. К г. Бикерману я и перейду.

Г. Бикерман выдвигает против сионизма следующие возражения:

История доказывает, что государство не может быть создано искусственным образом.

Сионизм зовет еврейские массы на путь наибольшего сопротивления, тогда как известно, что массы всегда стихийно движутся только по пути наименьшего сопротивления.

Сионизм есть движение чисто отрицательное, вызванное только антисемитизмом.

Сионизм есть движение реакционное и вредное. Осуществление сионизма погубило бы еврейство как таковое.

Разберемся отдельно в каждом из этих возражений «Всемирная история, – говорит г. Бикерман на стр. 29, – не знает случая, когда бы какая-либо группа людей – род, племя, народ, орда – вздумала бы в одно прекрасное утро создать государство и, вздумав, создала бы его. И в древние, и в новые времена государства являлись результатом деятельности человеческих масс, но никогда не служили целью этой деятельности», И в подтверждение г. Бикерман приводит эмиграцию «отцов-странников» в Новый свет, из которой потом возникли Соединенные Штаты, и великое переселение народов: ни «отцы-странники», ни варвары не думали, по мнению г. Бикермана, о создании новых государств, а просто шли в поисках удовлетворения своим насущным потребностям по пути наименьшего сопротивления. Если их поселения потом развились в государства, это произошло само собою, а не по сознательно предначертанному плану... Проще всего было бы ответить на это г. Бикерману, что прошлое не всегда может служить критерием для будущего. Можно было бы указать ему, например, на то, что в прошлом не только большие государства, но и отдельные города являлись результатом человеческой деятельности, а не целью.

Движимые своими потребностями по пути наименьшего сопротивления, люди оседали в данном месте, строил себе землянки или шалаши, и через несколько столетий вырастал город. На этом основании двести лет тому назад г. Бикерман легко мог бы выступить с уверением, что «история не знает случая, когда бы «и человек вздумал в одно прекрасное утро создать город и вздумав, создал бы его». Тем не менее Петр Великий вздумал создать посреди болота город и создал его; а в наше время, как известно, в Северной Америке такие «искусственные» города возникают сплошь и рядом, по произволу промышленных компаний и даже отдельных богачей. И далее можно было бы указать г. Бикерману что например, и союзы или сообщества между отдельными гражданами являлись некогда результатом, а не целью человеческой деятельности. Любая популярная книжка по социологии напомним г. Бикерману о том, как бессознательно побуждаемые общностью интересов отдельные индивиды инстинктивно оказывали друг другу поддержку против тех граждан, интересы которых были враждебны их интересам, и из этой естественной взаимопомощи мало-помалу, без всякого уговору, развились прототипы нынешних трестов, синдикатов, профессиональных и даже партийных союзов. А теперь эти союзы возникают так: «несколько человек, вздумав в одно прекрасное утро» создать общество хотя бы N-ских врачей, созывают «учредительное собрание», вырабатывают устав, посылают его на утверждение, и затем, если в N-ске достаточно врачей, общество будет процветать, несмотря на то, что оно создано искусственно и явилось не результатом, а сознательной целью. И далее можно было бы обратить внимание г. Бикермана вообще на то, что во всех областях прежние «результаты» мало-помалу становятся «целями». На то человечество и умнеет, чтобы пользоваться прежними опытами. Первая плотина возникла, без сомнения, случайно: обвал загородил поток – и вода разлилась; человек заметил это и на следующий раз уже сам нарочно запрудил реку. По преданию, изобретение пороха явилось невольным «результатом» того, что монах Бертольд Шварц невинно толок в ступе серу, селитру и уголь; а теперь изобретатели годами работают с сознательной «целью» найти X-лучи или создать граммофон, и это им удается. Нельзя же требовать у людей, чтобы они ничего не замечали и ничему не научались. Пусть первые массовые эмигранты даже не подозревали, что из их переселения получится новое самостоятельное государство, ведь мы-то уже знаем, что у первых эмигрантов получилось государство, и если теперь и мы хотим эмигрировать, то не можем же мы не рассчитывать или хоть не надеяться, что и наше переселение приведет к тому же «результату»; и неужели только потому, что мы, наученные чужим опытом, ожидаем этого «результата» и активно готовимся к нему, нас должна постигнуть неудача? В этом нет логики.

Но, собственно говоря, все эти доводы понадобились бы только тогда, если бы сама по себе философия истории г. Бикермана выдерживала критику, если бы, действительно, существовала принципиальная разница между сионизмом и другими, уже бывшими массовыми переселениями, приведшими к возникновению новых государств. В сионизме заключаются два основных принципа: во-первых, массового выселения на одну и ту же территорию, во-вторых, автономия, т.е. гарантия самоуправления. Эти же два принципа неизменно присутствовали и до сих пор во всех исторических массовых переселениях, из которых потом возникли государства. «Отцы-странники» переселяясь в 1620 году в Северную Америку, не на то, конечно, шли туда, чтобы подпасть там под власть дикарей-гуземцев. Они имели в виду очень основательную гарантию самоуправления – свои ружья и ножи. То же самое можно сказать и о великом переселении народов: подвигаясь в Европу, гунны меньше всего имели в виду стать там чужими подданными, а, напротив, полагались на свои мечи, как на полную гарантию автономии. Ни одно массовое переселение в те времена не совершалось и не могло совершиться без этой естественно предполагаемой гарантии самоуправления. Сионизм, выставляя тот же принцип, не вносит ничего нового. Он только заменяет старинную кулачную форму гарантии формой договорной, и это строго соответствует характеру нашего времени. Все вообще кулачные формы гарантии понемногу вымирают и заменяются договорами. Дуэль, т.е. кулачная гарантия неприкосновенности индивида, и война, то есть кулачная гарантия неприкосновенности агрегата, постепенно уступают свое значение договорному учреждению третьей стороны. Гунны, переселяясь в Европу, гарантировали себе автономию, и мы, переселяясь в Палестину, должны ее гарантировать; но их

гарантия, сообразно духу того времени, заключалась в кулачном праве, а наша, сообразно духу нашего времени должна выразиться в договорной форме чартера. Это так же естественно и так же мало изменяет сущность дела, как то, например, что гунны переселялись на конях или в кибитках, а мы поедем на винтовом пароходе.

Столь же основательно и другое историко-философское соображение г. Бикермана – что «сионизм предполагает движение в сторону наибольшего сопротивления» (стр. 35). «Люди... везде и всегда действовали под давлением своих повседневных (?) потребностей и нужд, и... их действия, как действия всякой силы в природе, направлялись в сторону наименьшего сопротивления» (стр. 29). И, говоря так, г. Бикерман утверждает, что путь наименьшего сопротивления в данном случае есть борьба за свои права здесь, на месте прописки, ибо гораздо легче и проще добиться благополучия там, где уже обжился, чем ехать ради этого за море, на Бог весть какие труды. И тут же рядом г. Бикерман так объясняет причину эмиграции «отцов-странников»: «Пуритане искали свободы совести и спокойствия. То и другое можно было в то время найти лишь за океаном, и они переплыли океан» (стр. 29). Странно: ведь по г. Бикерману им легче и проще было бы остаться на старых местах и бороться за свои права, чем ехать за море к краснокожим, – и, собственно говоря, г. Бикерман должен признать их образ действий за явное уклонение от пути наименьшего сопротивления. Еще строже должен отнестись г. Бикерман к факту двухтысячелетнего сохранения еврейской народности. Евреев били, гнали и подвергали неумеренным поборам за то, что они были евреи; ясно, что их «повседневные потребности и нужды» систематически страдали из-за их принадлежности к еврейству. Где же был путь наименьшего сопротивления для выхода из этого положения? С точки зрения г. Бикермана нельзя не ответить: в отступничестве. Теперь, правда, и выкреста считают евреем: но, например, в Испании выкрестов поощряли и охотно женили на испанках. Это было проще и легче всего: перестать быть евреями, и «повседневные потребности и нужды» были бы удовлетворены. Вместо того мы видим, что евреи всем жертвуют и не сдаются. Г. Бикерман не может, если он последователен, не констатировать и здесь упорного и систематического уклонения от пути наименьшего сопротивления. Иначе – как он объяснит себе эту загадку? – Что касается нас, то мы объясняем ее себе очень просто. Массы направляются к удовлетворению своих властных потребностей всегда по пути наименьшего сопротивления, и влечь их с этого пути немислимо, – но, очевидно, не г. Бикерману дано знать, какие потребности для масс суть наиболее властные и какой путь является для них путем наименьшего сопротивления. Если евреи столько веков страдают за свое еврейство, значит, у них есть какая-то властная потребность охранять свое еврейство, и отказ от этой потребности был бы для них неизмеримо труднее, чем отказ от свободного удовлетворения своих «повседневных нужд». И если пуритане, очутившись в положении, подобном положению евреев, сразу почувствовали, что в данном случае путем наименьшего сопротивления них является не борьба на месте, а массовая эмиграция, – то евреям, которые больше пуритан пострадали и больше успели извериться в возможно когда-нибудь жить по-человечески в голусе, и подавно путь исхода не может не представиться, как субъективно, так и объективно, путем наименьшего сопротивления.

Уже одно это доказывает, насколько неосновательно третье возражение г. Бикермана. – будто бы сионизм есть движение чисто отрицательное, вызванное только антисемитизмом, и «сионистская идея явилась на свет Божий или как результат оскорбленного самолюбия, или как результат панического страха, охватившего людей в то время, как над их головой разразился громовой удар» (стр. 62) Много раз гремел над евреями гром, и если бы им нужно было только избавиться от грома, то они сто раз успели бы укрыться от него в сторону бикермановского «наименьшего» сопротивления, т.е. путем отречения от того, за что их громили. Когда человека изо дня в день бьют за то, что он, скажем, носит бороду, то ему проще всего – сбрить эту бороду; и если он так поступит, это будет, несомненно, чисто отрицательный шаг, вызванный исключительно гонениями; но если человек, несмотря ни на какие муки, все-таки не жертвует бородой и в конце концов уходит прочь от насиженного угла, то не ясно ли, что ему важнее всего сберечь бороду, а не бежать от побоев, ибо для спасения от побоев есть более простое средство – срезать бороду. Если бы все дело для нас было

в антисемитизме, мы звали бы к тому, что проще всего – к отречению от «семитизма». Это и было бы чистое бегство, совершенно отрицательное движение, порожденное только гонениями. Но если мы, вместо отречения, призываем друг друга к такому делу, которое всем кажется очень трудным, а кое-кому даже неисполнимым, – то не ясно ли, что мы не столько спасаемся от гонений, сколько спасаем «бороду», охраняем и берегаем нечто положительное; что мы не просто бежим, куда глаза глядят, только потому, что нас хотят бить, но несем с собой что-то нам дорогое, какой-то цветок, который хотим снова посадить в родную землю, выхолить и вырастить. Исполнимо ли это желание или нет, – но не видеть его, не понимать, что именно этот положительный императив есть основной импульс сионизма, и сводить всю теорию последнего к боязни грома, когда для спасения от грома простейшим средством был бы не сионизм, а отступничество, – все это возможно только при условии безнадежной поверхности.

«Между сионизмом и антисемитизмом существует родство по духу, – говорит г. Бикерман на стр. 41-42, – в основных своих посылах сионизм есть возведенный в принцип антисемитизм... Макс Нордау говорит, что антисемитизм будет существовать в самом отдаленном будущем, ибо он находится в тесной связи с основными свойствами человеческого мышления и чувствования»... Любопытно, между прочим, что Каутский в этом случае согласен с Нордау, ибо утверждает, что антисемитизм исчезнет только тогда, когда исчезнут «семиты», и Каутский, там образом, тоже оказывается, по г. Бикерману, в духовном родстве с Дрюмоном. Но это в скобках. Суть же в том, что г. Бикерман очень ошибается, если думает, что ссылка на антисемитизм есть основная посылка сионизма. Ничего подобного. Наше движение еще очень молодо и ждет еще своего научного теоретика – но мы все прекрасно понимаем, что в схеме теоретического обоснования сионизма и антисемитизм, и *Judennoth* будут играть только самую скромную роль. Можно предвидеть, что схема эта будет приблизительно такова: каждая расово-национальная группа естественно стремится к полной самобытности всех форм и приемов своей хозяйственной жизнедеятельности; поэтому перспектива ассимиляции вызывает в этой группе отпор, борьбу за национальное самосохранение; этот импульс национального самосохранения, после потери естественного изолирующего средства – национальной территории, заставил еврейство искусственно оградить себя от слияния с другими народами стеной религиозного догмата; теперь, когда новые социально-экономические условия разрушили гетто и ворвавшаяся в него культура бесспорно осудила догмат на гибель, так что искусственная стена, ограждавшая еврейство от растворения в чужой среде, пала, – импульс национального самосохранения побуждает еврейство стремиться к восстановлению естественного изолирующего средства, т.е. автономной национальной территории, чтобы обеспечить навсегда еврейской национальной индивидуальности полную всестороннюю свободу самобытной социально-хозяйственной жизнедеятельности. Антисемитизм в этой схеме явится только второстепенной подробностью⁴. Макс Нордау никогда не был и не собирался быть теоретиком сионизма и даже не посвятил этому движению пока ни одной крупной работы. Нордау – агитатор сионизма, а как довод для сионистической агитации антисемитизм, особенно «возведенный в принцип», конечно, весьма удобен и полезен. Нет сомнения, что антисемитизм сильно содействует пробуждению национального чувства; но «пробудить» не значит «создать». Роль антисемитизма, как я уже заметил однажды печатно, это – роль блохи, от укушения которой спящий может проснуться, но если он, проснувшись, принимается за творческое дело, то не ради нечистого насекомого, а ради того инстинкта жизни и работы, который в нем от роду заложен...

Не стану отвечать особо на четвертый довод г. Бикермана – о реакционном характере сионизма, так как об этом уже говорил выше; но нельзя не отметить, что тут автор пускается прямо в какую-то очень странную игру словами и понятиями. Сионизм есть охранение, говорит он, и потому сионистическая пропаганда «неизбежно реакционна» (стр. 40, 69). Г. Бикерман, кажется, заведывал одной общественной библиотекой. Он ее, несомненно, «охраняет» и не позволит взять из нее без отдачи ни одного тома. Следует ли из этого, что его деятельность реакционна? Нисколько. Хорошую вещь и надо

«охранять», особенно когда ей грозит опасность. Лучшие люди России «охраняли» долгое время земство и суд присяжных. Г. Бикерман просто хотел поспекулировать словом «охранение», пользуясь тем, что оно в русской печати получило особую прискорбную известность. Еще менее красива другая попытка такой же спекуляции, которую мы находим на стр.65: «Ни- чего нет дешевле, как стать сионистом. Для этого! достаточно сказать себе: я – сионист – и заплатить 40 копеек. Никакой борьбы выдержать не приходится, никаким (?) преследованиям тебя не подвергают. Явный признак, что сионизм – сам по себе, а жизнь – сама по себе». Что это такое? Г. Бикерман не мог не знать, что за границей «нет ничего дешевле», записаться в какую угодно партию: «достаточно сказать себе» и т.д., и за это тоже не подвергают никаким преследованиям. Явный признак, что за границей все партии сами по себе, а жизнь – сама по себе. Что это такое, легкость мысли или недобросовестность?

И тут бросаются в глаза некоторые странности. «Народ, тратя свои силы на создание нового государства, неминуемо отстал бы в культурном развитии. Тут мы уже имеем дело... с истиной, подтверждаемой всей историей человечества» (стр. 53). «Нам предлагают... уйти, чтобы начать на новом месте счет мучающихся поколений сначала, чтобы лишь столетия спустя дойти до того положения, в котором мы находимся теперь!» (стр. 46). Как же так? Все грамотные люди знают, что именно те народы, которые создали новые государства, например североамериканские и австралийские переселенцы, колоссально шагнули вперед за самое короткое время и далеко обогнали «в культурном отношении» старую Европу. Опять-таки в любой книжке по социологии г. Бикерман нашел бы и подробности этого феномена, и его объяснение. Допускаю охотно, что г. Бикерман действительно знаком со «всею историей человека», раз он на нее «всю» ссылается, то в таком случае подобные выводы из этой «всею» истории еще раз неопровержимо говорят о самой легкомысленной поверхности. И тут нельзя кстати не вспомнить тех страниц (57-59), где г. Бикерман отрицает Judennoth. Я, к счастью, не обязан возражать на эту часть статьи, потому что Judennoth, на мой взгляд, не составляет краеугольного момента в обосновании сионизма. Но когда прочтешь это удивительное место, где с цифрами в руках доказывается, что евреи вовсе не угнетенный народ, а, напротив, весьма благоденствующий народ, то невольно хочется повторить вопрос: да что же это такое, наконец, – просто словеса или нечто похуже?

К той же категории отношу и последний довод г. Бикермана: что осуществление сионизма погубило бы еврейство. Вот образчик этого «пилпула»: «Ведет ли сионизм к сохранению еврейской расы и еврейской культуры? И на этот вопрос я отвечаю: из всех путей, ведущих к исчезновению того и другого, путь в Сион наиболее короткий. И это мое утверждение подкрепляется каждой страницей всемирной истории... Разве не показывает вся история, что именно в том огромном котле, в котором выварились государства, исчезали племена и сливались в одну массу различные расы... Где же теоретики сионизма нам доказали, что на почве Палестины, куда они нас зовут, процесс государственного строительства не будет сопровождаться тем же смешением племен?» (стр. 51-52). Опять словеса, опять верхоглядство. Когда на одной и той же территории сошлись для «государственного строительства» англй, и саксы, тогда получилась, действительно, смешанная раса англосаксов. Но осуществление сионизма должно по схеме сионистов заключаться не в том, что «государственным строительством» в Палестине займутся евреи плюс еще какие-то другие народности, а в том, что евреям удастся добиться уступки Палестины евреям же для создания там еврейского государства. Никто не придет нам помогать (придут, пожалуй, мешать. – но уже это особый вопрос), и не с кем будет нам смешиваться. Разве с туземными арабами? Смею уверить г. Бикермана, что эта горсть арабов обнаружит тогда ровно столько же охоты к слиянию с нами, сколько мы теперь к слиянию с господствующими нациями голуса...

Пробежав этот обзор нескольких опытов прямой или косвенной критики нашего движения, читатель, конечно, заметил, что из всех оппонентов только г. Бикерман нападает на нас с таким шумным апломбом полномочного ревизора от науки – чем даже минутами совершенно невольно вспоминается соответствующая комедия Гоголя. Это служит

мне оправданием, если против моей воли в последней части обзора у меня вырвались, быть может, несколько резкие выражения. Они, во всяком случае, не могут быть отнесены к остальным критикам: последние, во-первых, не чета г. Бикерману, – а во-вторых, гораздо скромнее. Сознавая, очевидно, что настоящей научной разработки вопросов о национальности пока еще нет, они без апломба и треска излагают свою отсебятину, не браня при этом инакомыслящих неучами и не призывая в свидетели «всю» историю. В них не видно желания взвалить неизменно всю ответственность за их собственные, мысли на плечи «науки». Это почтительное отношение к последней делает им, сравнительно, честь. Но не делает им, к сожалению, чести их несдержанно невдумчивое отношение к еврейскому национальному движению. Мы не можем требовать от них сочувствия; но презрительно третировать столь крупное течение, критиковать его запросто, между делом, «домашними средствами», упразднить его одним кляксом пера – это, прежде всего, не доказывает глубокого и серьезного взгляда на вопрос. Где налицо имеются, как-никак, десятки тысяч людей с определенным практическим идеалом, там можно соглашаться или нет, содействовать или бороться, и только поверхностный ум может отделаться пожиманием плеч или воплями о реакционности движения, и всего менее уместно в этих случаях слово «утопия» – жалкое слово из словаря трусов, повторять которое неприлично серьезному человеку. Многие, что полвека назад еще называли утопией, теперь завоевывает мир. Господа Каутский, Изгоев и Южаков не могут не знать этого. Именно потому, что я совсем не считаю их людьми поверхностными, я настаиваю, что этим своим легким отношением к сионизму они, прежде всего, высказывают недостаточное уважение к самим себе.

И поэтому надо в заключение сказать, что если наши критики впоследствии глубже и вдумчивее отнесутся к нашему движению, они в гораздо большей степени окажут услугу самим себе, нежели нам. Что касается нас, то всякое выражение сочувствия со стороны – нам весьма приятно и дорого; но не следует думать, будто сионизм бредет по своему пути с протянутой рукой, выпрашивая у посторонних подачку сочувствия. Мы, прежде всего, помним, что не симпатии посторонних людей спасут нас, а наша самостоятельность. Ту поддержку общественного мнения, которая необходима для осуществления нашей задачи, мы не выклянчим, а завоеваем этой самостоятельностью. Поэтому доброе слово постороннего не может привести нас в восторг, и неодобрение постороннего не способно смутить нашу решимость. Мы идем по нашей дороге потому, что непреодолимый внутренний императив так велит, и сила этого императива ручается нам за его жизненность и ценность. И глубоко в то же время сознавая себя честными друзьями братства и прогресса, мы не должны оглядываться ни направо, ни налево и не станем дожидаться похвалы ни от чужих, ни от тех, которые хотят быть чужими. Родина Гарибальди, возрождаясь, отказалась от посторонней помощи; она провозгласила принцип «L'Italia tara de se» – Италия сама себе поможет – и сим победила. Этот завет должны помнить и мы. Обучая наших детей говорить на языке Торы, мы пользуемся при обучении только языком Торы: в этом заключается образцовый метод. Возрождение нашего народа совершится по тому же способу, как и возрождение нашего языка: иврит бе иврит...

Примечания:

1 Написано в конце 1903 г.

2 «В современной науке, по крайней мере, нет точного определения понятий: раса и нация, и одинаково можно сказать: литовская раса и литовская нация» (Г.В. Плеханов).

3 А негритянская республика Либерия, созданная американскими филантропами, ныне насчитывающая несколько миллионов свободных черных граждан (эмигрировавших из Северной Америки) и официально державами признанная за самостоятельное государство? См. Паперин «Либерия» («Евр. Жизнь», сентябрь 1904 г.).

4 Более подробно эта схема развита в брошюре автора: «Эволюция голуса», а также в

предисловии к брошюре Шпрингера – Synopticus'a «Государство и нация».

---

mail.ru	1241
3685219	124

Hotlog	
1048159	+143

jewish.ru	
1	КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

«ВОСТОК»

I

Д-р И. Клаузнер дал недавно в «Гашилоахе» отповедь тому течению сионистской мысли, которое силится навязать нам, евреям, какое-то духовное родство с так называемым Востоком. Статью г. Клаузнера я знаю пока только по газетным выдержкам; но выдержки эти приятно было читать и по существу и еще потому, что напечатаны они на «восточном» языке, в «восточном» городе Иерусалиме, и исходят от автора, который известен своим бережным отношением к нашей национальной традиции. Давно пора было высказаться на эту тему; завидуем «Гашилоаху» в том, что он предвосхитил нашу мысль. Востоколюбивое течение в сионизме проповедуется особенно рьяно, если не ошибаемся, на аренах берлинской и пражской; главным проповедником является, говорят, г. Мартин Бубер – но так как я с его литературной деятельностью не знаком, то за эту последнюю подробность ручаться не могу. Содержание востоколюбительства, однако, известно каждому, кто встречался за последние годы с сионистской молодежью из стран, где говорят по-немецки. Это – одна из главных составных частей той духовной пищи, которой там обезличивают молодежь, причастную к сионизму, и отпугивают от сионизма молодежь, которая могла бы стать к нему причастна.

Содержание, вкратце, такое. Мы, евреи, народ восточный по происхождению; несмотря на западные влияния, основа нашей души осталась восточной. Ибо у Востока есть своя особая душа (следует описание этой души; я его несколько раз слышал, но не понял и не помню). Во всяком случае, эта восточная духовность, по своим качествам, выше души Запада (а по другим авторитетам: является необходимым дополнением к душе Запада). Идя в Палестину, мы возвращаемся

в среду народов, которые сохранили восточную психологию в большей или меньшей целостности. Мы поэтому должны и в своем нутре разыскать элементы восточности, засоренные пылью Запада, но все еще живые, и заняться их культивированием. – Затем следуют оговорки, ибо и востоколюбцы не хотят отказаться от электричества; оговорки о том, что, конечно, мы должны дать Востоку и западную технику, и даже – в строго прочищенном виде – некоторую долю духовной культуры Запада; но все это бахрома, а основа, суть, главное – овосточимся.

Против этой точки зрения с особенным удовольствием выдвигаю противоположную – ту, к которой, если я верно понял выдержки, близок редактор «Гашилоаха»: у нас, евреев, с так называемым «Востоком» ничего общего нет, и славу Богу. Поскольку у необразованных наших масс имеются духовные пережитки, напоминающие «Восток», надо наши массы от них отучить, чем мы и занимаемся в каждой приличной школе и чем особенно усердно и успешно занимается сама жизнь. Идем мы в Палестину, во-первых, для своего национального удобства, а во-вторых, как сказал Нордау, чтобы «раздвинуть пределы Европы до Евфрата»; иными словами, чтобы начисто вымести из Палестины, поскольку речь идет о тамошнем еврействе нынешнем и будущем, все следы «восточной души». Что касается до тамошних арабов, то это их дело; но если мы можем им оказать услугу, то лишь одну: помочь и им избавиться от «Востока».

Поскольку же нам, в течение переходного периода или после, придется в Палестине жить среди окружения, пропитанного дыханием «Востока», – будь это окружение арабское или староверо-еврейское, все равно – рекомендуется тот жест, который каждый из нас невольно делает, когда проходит в пальто по узким «восточным» улицам Стамбула или Каира или Иерусалима: запахнуть пальто, чтобы как-нибудь оно не запыхтелось, и смотреть, куда ставить ногу. Не потому, что мы евреи; и даже не потому, что мы из Европы; а просто потому, что мы цивилизованный люди.

II

Чем отличается «Восток» от Запада? Прежде всего, конечно, не географически. Самый густой и ценный «Восток» сохранился теперь именно в Марокко, а ведь Фец лежит к западу и от Парижа, и от Лондона. Незачем также останавливаться на различии между техническим прогрессом западных стран и технической отсталостью «восточных»: ведь и востоколюбцы наши не согласны отречься от железной дороги в пользу верблюда и не настаивают – по крайней мере не все, – чтобы мы сняли брюки и надели халат. Речь идет о духовной жизни, вернее, – об ее основных императивах. Только в этой области нам и советуют перейти на «восточную» диету: усвоить принципы «восточного» мирозерцания.

В чем заключаются эти «восточные» начала, пока ни в одном учебнике не сказано; а раз в учебнике не сказано, остается каждому толковать эти начала посвоему. Как уже упомянуто, толкование наших собственных востоколюбцев из Берлина и Праги я слышал и не раз, но не понял ни слова; поэтому дам свое, по собственным наблюдениям; не притязая ни на полноту, ни на систематичность – наоборот, буду выхватывать из «восточной» психологии отдельные куски, без системы; но смею думать, что куски эти существенные и показательные.

Психологически Восток (опускаю иногда кавычки для удобства набора, но прошу читателя помнить, что они нужны) отличается от Запада, прежде всего, своим этическим спокойствием. В этом покое, говорят, есть своя красота; возможно – красота есть в каждом цельном состоянии, например, в смерти; но мы тут не говорим об эстетике. Это настроение покоя иногда называют квиэтизмом, иногда фатализмом, иногда другими именами, но его наличности никто не отрицает. Европа ищет, мечется, починает, разрушает, строит, карабкается; Восток, когда его не толкает или не раздражает Европа, живет в состоянии равновесия. И на Востоке есть огромная разница между богатыми и бедными; есть эксплуатация, о какой Запад уже сто лет не слыхал; но активного движения бедноты против богатства нет; этического протеста против несправедливости распределения благ, протеста в форме определенного общественного натиска нет. Талант восточного простонародья философски удовлетворяться малым вошел в поговорку – так же точно, как принципиальная, неотступная неудовлетворенность обездоленных классов в Европе есть основная черта европейской общественной жизни.

В чисто политической сфере это различие выражалось так: Европа создала парламенты, свободную печать, сотни форм общественного контроля и инициативы; Восток (покуда не стал подражать Европе) остался при деспотизме. Внутренне он остался при деспотизме и там, где есть парламенты. Надо только заглянуть поглубже, под надстройку любой тамошней палаты депутатов, и мы увидим почти безграничную власть шейха над мужиком, мастера над подмастерьем, отца над детьми, мужа над женою – поскольку европейский губернатор не вмешался и не ввел кой-каких ограничений: и в то же время мы увидим почти полное отсутствие осознанного протеста у угнетенной стороны – поскольку не подстрекнул ее к тому с весьма малым успехом, европейский агитатор.

Затем: религия. Ислам есть, вероятно, очень мудрая и благородная религия: дело не в нем, а в том, что Восток стремится вводить религию во все углы быта. Восток дорожит подлинной печатью Господа Бога на всем: на своде законов, на характере научного исследования, на времяпровождении Ахмеда и Фатимы, на

одежде, на кухне и т.д. Запад твердо стал на ту точку зрения, что область религии строга ограничена: это есть внутреннее отношение человека к божеству. Ни в законодательство, ни в философию, ни в науку, ни в диету цивилизованных народов Запада религия не вмешивается: в семейном быту ее влияние сводится к церемониалу праздников, но не определяет ни одной из действенных сторон домашней жизни.

Больше всего это сказывается на положении женщины. Это, повидимому, самая серьезная и самая трагическая палка в колесах Востока. Многоженство, гарем и чадра не только религия и быт: эти два института влияют на всю общественную атмосферу колоссально. Это не шутка, когда человек вырастает в сознании, что мать его не есть полноценный человек, а только антропоид; ее лицо и волосы – неприличие; держать ее надо взаперти, а не то она согрешит: вообще – собственность и забава для мужчины, и не единственная в своем роде: и таковы же его сестры, и такова будет его жена. «Вся беда наша в том, – говорили младотурки еще в 1908 г., – что мы поголовно дети рабынь».

Можно еще продолжить это перечисление «восточных» своеобразий, но не стоит.

III

Тут я предвижу одно возражение: разве Восток всюду таков? И разве он всегда был таков? Турция теперь отменила феску и чадру, раскрыла двери гарема и даже ликвидировала халифат. Египет живет жизнью, полной общественного протеста. В средние века, при всеобщем сне Запада, один только Восток поддерживал традицию свободного научного исследования. И, наоборот, несколько сот лет тому назад Запад представлял именно ту картину, которую теперь вы называете восточной: религия давила быт и мысль, деспотизм не встречал отпора, женщина считалась собственностью и забавой, власть отца и мужа не знала границ... При чем тут Восток? Это просто разные ступени культуры и прогресса.

Таково возражение, которое я предвижу. Но это не возражение: это подтверждение.

Совершенно верно: на самом деле, нет никаких «восточных» и никаких «западных» черт, которые носили бы основной и органический характер. «Восток» и «Запад», с точки зрения эволюционной, пустые слова. Совершенно верно: при Гарун-аль-Рашиде Багдад был, выражаясь сегодняшним языком, пожалуй, «западнее», чем современный ему Рим. Совершенно верно: когда в «восточную» страну проникает влияние цивилизации, то страна теряет те черты,

которые считаются «восточными». Это верно – и в этом все дело: то, что у нас принято называть «восточностью», есть просто низшая ступень культуры, в значительной мере неряшливая. Как всякая старина, эта отсталость может показаться живописной, особенно человеку, утомленному суетой и грохотом цивилизации. Так кажутся многим живописными – квиэтизм, фатализм, фигуры в чадрах, робко скользящие по улице, резные окна гарема, патриархальная опека шейха и все прочее. Но все это – черты недозрелости; и так как недозрелость эта – запоздалая, ибо мы все рождены от Адама, а теперь 1926 год, то ее надо лечить. Лечить культурой. Тогда не останется ни гарема, ни чадры, ни патриархального шейха, ни фаталистической покорности року – словом, ни одной «восточной» черты. И чем скорее не останется, тем лучше. Я, конечно, не отрицаю, что и через триста лет при полном усвоении всех вершущек тогдашней культуры, духовная атмосфера Триполи будет отличаться от духовной атмосферы Англии. Понятно, будет, ибо это разные национальности. Так и сегодня есть различия между духовной атмосферой Англии и Франции: песня общая, голоса, языки и темпераменты разные. То же будет и между «Востоком» и «Западом». Итальянцы, французы, немцы, арабы, евреи будут жить одной культурой, составленной из обмена вкладками, который внесут лучшие умы каждого из этих народов; языки и темпераменты останутся разные, будут свои особые оттенки – и только.

IV

Но, если бы «Восток» и «Запад» действительно представляли собою две основные, органически укорененные категории духа, именно тогда пришлось бы особенно твердо настаивать на том, что мы, евреи, принадлежим «Западу» и ничего общего не имеем с «Востоком».

Я знаю, что расовое происхождение наше считается восточным; даже верю в это, хотя многие теперь это оспаривают. Но это не относится к делу. Из 15 миллионов евреев, которые насчитываются в мире теперь, 14 миллионов произошли от отцов, которые переселились на «Запад» около двух тысяч лет тому назад. За этот период Европа прошла всю дорогу от гуннов и тевтонов до Лиги Наций и беспроволочного телеграфа. Достаточно времени, чтобы отвыкнуть от «азиатского» темпа жизни и сродиться с «европейским».

Я также знаю другой факт, более грустный: что у нас, в старообрядческом еврейском быту, есть еще много диких пережитков подлинной «восточности» – ненависть к свободному исследованию, вмешательство религии в быт, женщина в парике, которой чужой мужчина не подает руки. Но если бы мы на минутку поверили, что эти черты принадлежат к органической сути еврейства, мы бы, вероятно, махнули рукою на идеал увековечения такой сути. На то и была у нас гаскала, чтобы отделить пережитки от сути. И она успела: пережитки вымирают,

суть остается.

Суть же эта, по крайней мере наполовину, выражается в том, что Европа морально «наша», с том же смысле, как она для англичан, итальянцев, немцев, французов «ихняя». Мы не только зрители и не только воспитанники европейской цивилизации: мы – ее сотворцы, и притом из важнейших. Что ее этический пафос, создавший все ее освободительные движения, легший в основу ее социальных переворотов, вскормлен нашей Библией – в двух изданиях – это старая истина. Что ее экономический прогресс был бы немислим без международной торговли и без кредита и что пионерами на обоих этих путях были именно мы, – в этом ни один мыслящий человек, еще и до преувеличений Зомбарта, не сомневался. И что, наконец, от «Авицеброна» (у нас он Габироль: XI век, т.е. еще задолго до первой зари европейского пробуждения!) до Эйнштейна десятки тысяч индивидуальных евреев в разных странах лично делали науку, философию, искусство, технику, политику и революцию, одни на высотах мировой славы как Спиноза, или Гейне, или Дизраэли, или Мар:

другие во втором, и третьем, и десятом ряду – и это старая песня. Ее не следует забывать.

Европа наша; мы – из ее главных создателей. За 1800 лет мы ей дали пропорционально не меньше, чем какая угодно другая из великих «западных» цивилизаций. Но мы, кроме того, начали строить ее еще долго до общего начала – еще до того, как начали строить ее афиняне. Ибо главные черты европейской цивилизации: недовольство, «богоборчество», идеи прогресса, – вся та пропасть между двумя мировоззрениями, которая выражается в антитезе двух верований: «золотой век» и «Мессия», идеал в прошлом и идеал в грядущем, – эти черты дали Европе мы, еще задолго до того, как отцы наши пришли Европу: Библию мы принесли с собою в готовом виде.

Может быть, мы больше всякого другого народа имеем право сказать: «западная» культура есть плоть от плоти нашей, кровь от крови, дух от нашего духа. Отказаться от «западничества», сродниться с чем-либо из того, чем характерен «Восток», значило бы для нас отречься от самих себя.

Говорю, конечно, о моральной «Европе». Географическое понятие «Европа» – такая же условная чепуха, как географический «Восток». Цивилизованный еврей эмигрирует в Азию так же точно, как цивилизованный англичанин в Австралию: везет «Европу» с собою в душе и будет продолжать и развивать свою родную, кровную, двух– и больше– тысячелетнюю европейскую традицию в Палестине.

И соседям нашим по Азии желаем того же: скорейшей ликвидации «Востока».

mail.ru	1242
3685220	124

HotLog
1048159 +143

jewish.ru
1 КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА В СИОНИЗМЕ _

«ЛЕВЫЕ» _

I _

Тема эта – грустная тема. Те, которых у нас называют «левыми», могли бы быть лучшими из сионистов. Но сионизм теперь подменен, вместо него перед нами то, что в старину звали палестинофильством, а сейчас принято называть «строительством земли»: термин опасный, ибо задача наша ведь не в том, чтобы «выстроить землю», а в том, чтобы земля эта превратилась постепенно в землю с еврейским большинством. Об этом мы забыли, а потому, в период 1920-1923 гг., радость по поводу того побочного факта, что растет Тель-Авив и Эзрелонская долина, заслоняла в глазах наших тот основной факт, что за это время процент еврейского населения ничуть не рос. Эта абберация у «левых» особенно ярко выражена. Поэтому лучшими из сионистов назвать их нельзя. Но они, бесспорно, лучшие из ховеце-цион последнего призыва.

Говорю это без иронии. Здесь я не вдаюсь в спор о том, можно-ли считать кооперативный поселок здоровой и устойчивой формой колонизации. Но одно бесспорно: с 1920 по 1923 г. никакая другая форма сельской колонизации была немислима. Люди приезжали только с востока, и все без денег; деньги можно было черпать только на западе и только в виде общественных фондов. При наших условиях создавать частных собственников нельзя: и принципиально невозможно, и средств бы не хватило. За это время выстроилось около 30 новых поселков, приблизительно с 1500 рабочего населения; обошлось это Керен-Гайесоду в 415.000 фунтов. Национальному фонду в 200.000 с лишком.

Это не дешево, но даже трети этого количества поселений не удалось бы устроить за такие деньги на началах частного хозяйства. Позволяю себе сомневаться, очень ли изменилось это положение и теперь, т.е. легче ли устроить сегодня колонию старого типа, чем «квучу». Каковы бы ни были органические пороки кооперативного поселка, он, вероятно, еще долго будет преобладать в наших сельскохозяйственных начинаниях просто в силу необходимости, т.е. земледельческая колонизация будет и впредь развиваться главным образом на плечах «левых». До сих пор, считая с конца войны она, как известно, лежала целиком на их плечах.

В остальных отраслях деятельности они до сих пор тоже шли первыми. В 1921-1923 гг. созданное бюро общественных работ выполнило ряд серьезных подрядов: шоссейных, рельсовых и мостовых да на сумму больше 300.000 ф., разных зданий на 640.000. Теперь эта последняя сумма, вероятно, удвоилась. Попутно они образовали больничную сеть ряд просветительных учреждений, банк. К добру или нет, еврейская Палестина сегодня страна рабочих. Когда критики нашей хозяйственной системы уверяют, будто произошло это по недосмотру начальства или в силу «захвата», то критики ошибаются. Произошло это, во-вторых, в силу вещей, а во-первых, – благодаря огромной активности и жертвоспособности. В Палестине это признают все классы общества. Вероятно, нет страны, где имя «рабочий» пользовалось бы таким уважением во всех кругах, вплоть до «салона».

Экономически эта гегемония, говорят, признак правильного роста. Но факт остается фактом: в нашем ховеце-сионском поколении «левые» оказались лучшими из ховеце-сион.

II _

Пишу слово «левые» в кавычках тоже не для иронии, а скорее – с моей точки зрения – сочувственно.

Сионистские рабочие партии усердно пользуются социалистической фразеологией; несомненно, и верят в нее вполне искренно. Но по существу, по всей деятельности, они не социалисты и вообще не левые. Устройство фаланстер, городских или сельских, титуловалось «социализмом» только во дни Фурье. Маркс в свое время жестоко издевался над этим смещением понятий. Социализмом в наше время называется стремление национализировать уже созданное хозяйство; средствами являются борьба, давление, революция. Для создания коммуновидных островков среди буржуазного или просто патриархального моря нужны другие средства, резко непохожие на борьбу, давление и революцию. Главное из этих средств – деньги, которых у рабочих нет

и которые поэтому приходится получать от других общественных слоев; причем не путем захвата, каковой в наших условиях немислим, а путем аргументации, в которой единственным годным доводом является общность национального интереса. Тут нет ни следа классовой борьбы, тут политика национального блока.

Ни на чем этот чисто националистический характер сионистского «левого» движения так ярко не скажется, как на еврейско-арабском конфликте. Главным возбудителем этого конфликта является – опять таки в силу вещей – не еврейский собственник, а еврейский рабочий. С арабской точки зрения вся опасность в натиске еврейского труда, а не еврейского капитала.

Прежде всего потому, что капиталистов мало, а трудящихся много. Даже неграмотному ясно, что иммиграция купцов и промышленников никогда не создаст еврейского большинства: только иммиграция рабочих рук может привести к численному перевесу евреев. Но и с чисто экономической точки зрения, объективным носителем конфликта является только рабочий элемент. Между эффенди, продающим землю, и Ротшильдом, ее покупающим, никакого столкновения быть не может. Даже то, что Икс из Лодзи на свои деньги устраивает ткацкую фабрику в Тель-Авиве, не есть еще пока причина вражды. Конфликт начинается со спора о том, какой будет на фабрике труд – еврейский или арабский. Еще не так давно еврейские рабочие в Палестине даже не пытались маскировать эту истину.

Было время, когда официальный лозунг так и гласил: захваь трудовых позиций в колониях – захват, означавший в то же время вытеснение с этих позиций нескольких тысяч феллахов. В 1919-1920 гг. был в ходу еще более выразительный лозунг – «авода тегора» т.е. «чистый труд», чистый в смысле национальной однородности: правилом было тогда – не брать работы, если состав рабочих смешанный. Теперь «левые» стали в этом отношении осторожнее, но существо их миссии не изменилось. Еврейские дома строит теперь «бюро общественных работ» – но до войны этот заработок был в руках у арабов. Зелень и яйца поставляют теперь в Тель-Авив и Иерусалим окрестные «квцот», – а еще в 1920 г. это поставляли исключительно арабы. Никакой декламацией, никакой дипломатией (вроде допущения на «свои» работы того или иного процента арабов) замазать эту суть дела нельзя. В национальном смысле конфликт охватывает, конечно, оба национальных лагеря в целом; но на экономическом фронте это есть прежде всего конфликт между еврейским рабочим и арабским рабочим. И в этой борьбе еврейские рабочие действуют не как «левые» и не как социалисты, а как хорошие ховеве-цион – лучшие из ховеве-цион.

III _

Хотелось бы сказать «из сионистов», но нельзя. Сионизм от палестинофильства и «землестроительства» отличается размахом, постоянным и ревнивым чутьем перспективы. Именно еврейские рабочие по мере того, как накапливается у них то, что Глеб Успенский называл «обстановочкой», легче всех остальных теряют чутье перспективы. В первый раз я столкнулся с этим явлением в 1918 г., во время набора добровольцев для легиона. В Палестине были две рабочие организации – но у одной из них (как раз у той, которая считалась более национальной и менее левой) уже была «обстановочка» в виде нескольких поселков, и потому ее члены почти поголовно отказались идти в армию; у другой еще тогда не было своих фаланстер – и ее члены почти поголовно вошли в солдаты и стойко держались за ружье до последнего момента. Вероятно, была тут и психологическая разница; но в основе различия лежал имущественный ценз, святая, благородная, божественная, какая хотите – но притупляющая привычка к ежедневной заботе.

Теперь эта забота стала ежечасной – и я не уверен, не стерла ли она и психологических различий. Крученный мы народ вообще, но ничего более странного, более небывалого, чем это зрелище в Палестине, даже в нашем быту мы еще не видели: та психология ближайшего урожая, то пренебрежение к принципам и перспективам, которые у других народов считаются прерогативой мелкого крестьянства – у нас в Палестине оно стало привилегией «левого» крыла. В нем глубже всего пустил корни культ коровы, трактора и бюджета; на него, главным образом, опираются и ссылаются отрицатели политического действия; и, когда возникает речь об отмене выборного начала, о передаче власти богачам, презирающим и сионизм, и демократию, – «левые» люди социалистической фразеологии, часто люди революционной веры, стыдливо утопляют очи в кирпичат-пол и...

Не хочется дописывать. Одно спрошу: доколе? Неужели навсегда? Пусть эта потеря перспективы, эта замена понятия «грядущее» понятием «завтрашний день» – пусть это все объяснимо. Но неужели это неизбежно и неизлечимо? Неужели все они, все поголовно, примирились с этой ролью, и авангард еврейского ренессанса даст нам, в конце концов, только новую разновидность общественной психологии феллаха?

Грустная тема...

---

mail.ru	1243
3685221	124

HotLog
1048159 +143

jewish.ru
1 КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ВРАГ РАБОЧИХ _

I _

С великой неохотой пишу эту заметку, по двум причинам. Первая: это будет объяснение личное, касающееся только меня, не партии, не журнала: местоимение первого лица придется употреблять чаще, чем хотелось бы. Вторая: мне будет глубоко неприятно, если в этих строках увидят попытку объясниться с лидерами палестинских рабочих. С большинством них у меня общего языка нет, ибо нет чековой книжки. На случай, если прочтет эту статью посторонний, полезно прибавить, что личная неподкупность этих лидеров выше всякой тени подозрения; чековая книжка им нужна не для себя, а для партийной «обстановки», для того непомерно раздутого организационного скарба, который грозит распасться, если его не заштопывать еженедельно новыми чеками. Это очень похвальная форма рептильности; в нравственном отношении люди эти праведники, попадут в рай, и права их на место в раю я не оспариваю. Но разговаривать с ними о принципах, когда они открыто и не моргая смотрят только в руки, не намерен.

Объясняться можно только с той массой, которую эти лидеры завели в трясину, где честной еврейской молодежи не место. Среди этой массы поминутно растет возмущение ролью, которую их заставляют играть. К ним я и обращаюсь; статья эта есть ответ на письма из их среды, большей частью полные жалоб на враждебное отношение мое к палестинским рабочим и их предприятиям, «особенно к кевуцот», – и эти нападки ваши на самое святое больше всего мешают политическому отрезвлению рабочих». Если бы мое отношение и было враждебным, я все-таки не вижу, почему из-за этого рабочие должны отложить свое политическое отрезвление. Дело не в том, друг или враг говорит, а в том, правду ли он говорит.

Самый же слух о нападках на рабочие учреждения и «особенно на кевуцот», происходит от упорного желания читать между строк, вместо того, чтобы читать самые строки. Доказывать, что мелкая частная собственность прочнее всякой другой формы сельского хозяйства, еще не значит нападать на кевуцот. Не помню ни одного столбца в парижском «Рассвете», прямо посвященного критике сельскохозяйственной коммуны. Отсюда не следует, что такого столбца не будет. Критическое отношение к новому социальному эксперименту закономерно и необходимо. Этим занимаются и палестинские рабочие. Самую резкую критику кевуцот я читал еще 6 лет тому назад в известной брошюре г. Элизера Иоффе, которая послужила толчком к основанию Нагалала.

Лично я, между прочим, с этой критикой не согласен; неоднократно писал (в строчках, а не между строчками), что «провал кевуцот» считаю недоказанным. Огромное большинство их пока хозяйничает с дефицитом, но и частновладельческие колонии наши в свое время долго болели этим недугом. Это вообще хворь младенческого периода. С 1908 года, когда возникла Седжера, прошло – за вычетом шести «военных лет» – слишком мало времени, чтобы можно было судить об «органических» достоинствах или недостатках такого сложного эксперимента. Так же смотрю я и на другие «органические» недостатки кевуцы: не доказаны, ибо срок еще не пришел для подведения итогов. Личный состав в кевуцот все еще страдает текучестью: но-делать из этого выводы преждевременно.

Русский мужик во времена общинного землевладения тоже не имел своего наследственного отруба – и, однако, не кочевал; с другой стороны, при заселении срединных штатов Сев. Америки «скваттеры» получали наделы в полную собственность – и все-таки тысячами переходили с одного на другой. Иммигрант, по-видимому, вообще страдает излишней подвижностью; это – просто инерция первичного толчка, т.е. миграции. У его внука будет столь же естественна обратная инерция – домоседство. Если кевуца разовьется, обрстет удобствами, создаст традиции – не вижу причины, почему ей не родить патриотов. Столь же не проверены и разговоры о том, будто в кевуце «не может» процветать семейная жизнь. Когда вместо барака выстроят дом хотя бы один, и с полусотней квартир, то в этих квартирах могут жить семьи и растить детей с таким же удобством, с каким живут и жили наши собственные семьи в городских квартирах. Все это может не произойти, но может и произойти.

Судить о результатах опыта можно будет только через одно поколение по крайней мере. А теперь – опыт сделан, значит, надо дать ему развиваться в возможно благоприятных условиях. Пишу об этом так длинно только для того, чтобы не было охоты читать между строк; но отнюдь не для того, чтобы снискать благоволение и выдать себя за «сторонника» кевуцот. Я не сторонник кевуцот. Если бы я замышлял лично стать земледельцем, то предпочел бы

«свою» землю в полную и наследственную собственность. Более того: отказываюсь даже произнести обычный комплимент о той «высоте идеализма», какая, мол, нужна, дабы осушать болота не себя, а для коллектива. Идеализм хасидов из Магдиэля (не помню точно имя этого поселка), которые осушают болота «для себя», столь же возвышен.

Повторно расписываюсь в еще худшем грехе: баснки том, будто устройство сельскохозяйственных фаланстер есть «созидательный социализм», считаю басней. Никакого социализма – если не играть наивно словами – нет ни в кевуцот, ни в «Гамашбуре» ни в «Солель-Боне», и никакого социализма из них не выйдет. А есть только большое количество хороших людей, которые по той или иной причине желают строить свою жизнь в Палестине именно на этих началах: значит, надо им в этом помочь. Рядом есть много других хороших людей, которые предпочитают строиться на частно-владельческих основах: значит, надо и им в этом помочь; и средства, какие имеются в распоряжении организации, надо соответственно разделить, не считаясь ни с какой риторикой ни «справа». ни «слева». И помогать надо разумно, т.е. только первое время, а не вечно, и через два-три года поддержку надо прекратить в интересах самого предприятия, опять-таки не считаясь ни с какой мелодекламацией. Тем, кто любит подбирать ярлыки, предоставляю самим разобраться в вопросе, значит ли это все или не значит быть врагом рабочих начинаний. Мне ярлык безразличен.

Еще одна оговорка. Экономическая программа ревизионистов, как партии, сводится пока (помимо вопроса о земельной и таможенной реформе) к нейтральности. Многие из нас считают это пробелом; вполне возможно, что они правы и что через некоторое время партия выдвинет определенный план конкретного строительства и будет отстаивать его преимущества по сравнению со всеми остальными. Но и тогда я буду против предложения – «дозволять» только работу по нашему плану и душить все остальные. Каждый резонный метод колонизации, если за него стоит достаточная группа, имеет право на опыт и на поддержку сионистской организации. Сионистская организация должна быть государственной; этим все сказано.

II _

У меня самого ни лично, ни идейно нет никаких «досад» на палестинских рабочих. Напротив. Высшую – пожалуй, единственную – радость моей общественной жизни дали мне именно они: я говорю о палестинском волонтерстве. Энтузиазм, с которым эта молодежь шла в легион, был и остался одним из тех немногих явлений, которые примиряют меня с современной еврейской психологией. Эти люди, прежде всего, шли на огромный риск: если бы мы, «лондонские», пошли в плен, турки бы нас кормили и лечили, если бы

попались палестинцы, их бы повесили. Но их старались запугать и другим, более грозным риском, что турки в отместку сожгут колонии в Самарии и Галилее. Наконец, их стыдили латинскими словами: милитаризмом, империализмом... Они все это отмели. Их никто не звал на службу: сионисты им на три четверти мешали, Алленби их открыто не хотел – они заставили и Ваад га-Царим, и штаб согласиться на устройство набора в Палестине. И во главе этого движения, и в массе его шли главным образом палестинские рабочие. Бен-Гурион, Бен-Цеви, Б. Каценельсон, Явнеэли, Гоз, Свердлов и сотни других носили ту одежду, которая для меня есть символ всего святого и чистого в сионизме, форму еврейского с дата. Многие из них, уже через несколько лет, когда война давно кончилась и у каждого зудели руки бросить ружье и перейти к производительной работе, – все же цепко держались за кокарду, чтобы спасти последнюю ячейку еврейского легиона в Палестине. Эти люди могут меня считать врагом или нет: таким, каковы они были тогда, я по сегодня отдаю честь.

Лично-у меня на них тоже нет «досады». В 1920 г. в тяжелое для девятнадцати моих товарищей и для меня время, палестинские рабочие стояли за нас горой. Через полтора года еврейские Поалэ-Цион, движимые рабьей потребностью выслужиться перед с светским сбродом, подняли против меня газетную кампанию за договор с М. А. Славинским; так как я давно привык относиться к таким упражнениям в ребяческой благонамеренности со снисхождением взрослого, то охотно простил бы и палестинским рабочим, если бы они присоединились к походу; но люди, следившие за той полемикой (я ее не читал), уверяли меня, что палестинская рабочая пресса не участвовала в этом лае. Если есть у меня поэтому личные моменты, влияющие на отношение к палестинскому рабочему движению, то как раз самые благоприятные.

Я когда-то привык смотреть на это движение и на большинство его лидеров как на группу людей высокой государственной сознательности; людей, для которых догма, как бы она им ни была дорога, отступает на задний план перед нуждой возникающего национального общества; людей, которые не дадут себя застращать никакой риторикой, ни классовой, ни «интернациональной», когда дело идет о жизненных задачах еврейского возрождения. С их хозяйственной концепцией я был не согласен; но это была – так мне казалось – концепция строителей государства, а не сторожей съестного склада.

В этом пункте за последние годы произошло резкое изменение. Ещё в 1922 году г. Бен-Гурион сказал на одном съезде, что социализм палестинских рабочих вытекает только из их сионизма: они считают, что никаким иным путем создать еврейскую Палестину невысказано. «Усиление иммиграции. – сказал он, – вот единственная забота, определяющая нашу деятельность. Наша задача не в том, чтобы выстроить ту или иную форму общественности во имя отвлеченных идеалов справедливости, а в том, чтобы найти действительное разрешение

сионистской проблемы... В этом смысле мы не социалисты и не коммунисты, а сионисты». Повторить эти слова теперь было бы со стороны рабочего лидера лицемерием. С лета 1924 года, когда только и началась иммиграция крупная и – по пророческому слову Борохова – «стихийная», в Палестину идет буржуазия с небольшими капиталами, с традицией и навыками индивидуального хозяйства.

Ни один искренний рабочий не скажет, что диктатура «Мисрада» в Тель Авиве, борьба против поддержки хасидских поселков или порабощение ремесленников способствуют «усилению» этой иммиграции. Они как бы рассчитаны на то, чтобы затруднить ее развитие, отбить охоту к стране, разорить. Это выродилось в прямую и открытую враждебность. «Четвертая алия» стала браным словом. Недостатки нового типа «польских» иммигрантов признают все, но у других общественных кругов ишува есть все-таки дружественное отношение, желание помочь, готовность признать, что, при всех недочетах, эта волна несет с собою огромные плодотворные возможности. Но в рабочей среде она вызывает одно почти беспримесное раздражение. «Это не есть взгляд колонизатора, это вражда лавочника к конкуренту, – пишут мне из Палестины, – конкурент ненавистен потому, что затмил вчерашнего бен-иохиды, и это грозит кончиться отвлечением крупной доли бюджетных средств в новое русло.» Сомневаюсь, чтобы кто-либо из рабочих лидеров решился оспаривать правильность этого замечания!

Причинами этого явления я отказываюсь интересоваться. Возможно, что пред нами результат процесса тред-юнионизации палестинского рабочего движения, начавшейся с 1921 г., когда была основана общая и беспартийная «Рабочая организация»: обе старые партии, с их как-никак идеологическим пафосом, стерлись и утонули в чисто экономическом устремлении нового целого. Возможно, что эта потеря государственного горизонта во славу группового эгоизма есть неизбежное явление при росте рабочего элемента и связанных с этим ростом забот. Я тут никого не «сужу» и никому не ставлю отметок за добрые или злые намерения. Но результат ясен: движение, которое четыре года тому назад обещало стать стержнем и опорой всей колонизации, превратилось в группу, отстаивающую свои выгоды независимо от интересов колонизации. Вместо государственного отношения к каждой новой силе, прибывающей страну, вместо заботливого старания найти для эта силы – какова бы она ни была – подходящую почву, вместо готовности потесниться для нового попутчика, само собой сложился упрощенный архимедовский лозунг: «не смей трогать, это мое». Вместо колонизатора обнажается «конкурент».

Это все ведет и к моральному измельчанию, иногда к положительным безобразиям. До войны больше 100.000 евреев жило в Палестине, как государство в государстве; свои споры они решали между собою, иногда ходили судиться к консулу, но почти никогда раздоры между ними не принимали площадного характера, чтобы турецкой полиции приходилось их разнимать.

Теперь уличные сцены с вмешательством «ирландцев» грозят стать в Тель Авиве бытовым явлением. Создатели этих сцен прекрасно знают, как они отзовутся на нашем политическом престиже. Но что им за дело? Колонизатор стал конкурентом.

Этот паралич политического нерва в рабочем движении есть, для постороннего наблюдателя, самое тяжелое во всей тяжелой картине. Мы все с детства привыкли смотреть на рабочие партии как на прирожденных борцов против всякой политической кривды. Мы привыкли видеть их во главе каждой честной борьбы, каждого честного протеста. Так оно было еще недавно и в Палестине. Теперь все это изменилось. Рабочее движение отказывается плестись даже в хвосте национального протеста. Оно, в лучшем случае, отмалчивается; в худшем – оно голосует за г. Сэмюэля, печатает статьи и произносит речи в защиту существующего порядка; его лидеры доказывают, что, «собственно говоря», к чему нам земли и что нам за польза от раскрытия дверей страны, когда мы такие бедные, пора вернуться к Хиббат-Цион, когда никто не фантазировал о политических требованиях... – лидеры проповедуют, а масса, как быдло, лишенное смысла и гордости, переизбирает их лидерами.

«Обстановочка» заела. Утучнел Иешурун – и перестал лягаться, даже тогда, когда нужно лягнуть. Создали раздутое хозяйство, вести которое, по-видимому не хватает собственных сил; целыми днями приходится стоять в очереди у кассы, и касса стала алтарем. На алтаре этом приносится в жертву все остальное. К сионистской экзекутиве применяется одна-единственная мерка – кассовая: платить? Значит, хорошо, и мы не дадим не только сброси ее, но даже примеркой тревожить не будем. Гвиры? Безответственное агентство? Отмена избирательного принципа? Кастрация конгресса? Все это мелочи, мерка одна: так как у гвириков есть деньги, то милости просим, и нечего ставить им условия... Повторяю: может быть, ученые люди докажут мне, что все это неизбежно, что рабочее движение в Палестине объективно должно было получить именно такой, а не иной характер.

Это не мое дело. Я эту тактику называю политическим развратом, эту психологию – коллективной продажностью. Если это истинная, раз-навсегдашняя, объективно-неизбежная физиономия рабочего движения в Палестине, тогда я ему действительно враг и горжусь этим именем. Если же это есть только извращение, гримаса, навязанная бездарными или трусливыми вожаками; если правда, что массе это противно, что ее тянет к государственному диапазону движения, к роли авангарда в политической борьбе, к роли пионера и регулятора в творении палестинского хозяйства, то тогда слово за массой. Ваших вождей, слава Богу, не Джойнт назначает; ваша программа еще не подчинена «вето» нью-йоркской биржи: все это в ваших собственных руках. Если вас ведут в трясины, вы виноваты. Не хотите? Выход прост и ясен.

mail.ru	1244
3685222	124

HotLog
1048159 +143

jewish.ru
1 КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

БУНТ СТАРИКОВ _

I _

Никакого столкновения между «отцами» и «детьми» теперь на свете нет; вероятно, ни-когда не бывало. Конечно, неизбежны во всяком поколении бытовые неладья между теми родителями, которые пытаются руководить жизнью сына или дочери и этим сыном или дочерью; но идейного конфликта между лагерем пожилых людей и лагерем молодежи я никогда не видал. Молодежь – не единый лагерь, она участвует в разных идейных дружинах, еще больше в сильнейшей из дружин – в великом сонме равнодушных; и повсюду приблизительно в той же пропорции, как и пожилое поколение. Поэтому бунт, о котором у нас будет речь, не есть бунт против молодежи или против «направления молодежи»: никакого такого специфического «направления молодежи» в природе не имеется. Более того: поскольку есть у нынешней молодежи психологические черты, которых у нас в нашей юности не было, – мне лично эти черты скорее нравятся; нравятся они, в конце концов, и большинству отцов и матерей вообще, хоть они часто и ворчат.

Бунт, о котором буду говорить, есть бунт против эпохи, просто против эпохи вообще и против ее общей моды. Эпоха есть химическая сумма, которая часто совсем не похожа ни на одно из своих слагаемых. Я бы не взялся указать ни на одну личность и ни на одну группу, все равно – возрастную, или классовую, или идеологическую, – в качестве особенно ярких, преимущественных носителей или выразителей послевоенной эпохи. Все мы понемногу участвуем в ее духовном зодчестве, без различия возрастов и даже программных устремлений, и все потому ответственны за характер этого зодчества. Но мне это духовное зодчество первой трети двадцатого века давно и глубоко опротивело; думаю, что следовало бы против него взбунтоваться; а для такого бунта есть вполне подходящая специальная группа, и именно группа возрастная: «старика».

Употребляю эту кличку в очень ограниченном и условном смысле: это – люди, душа которых, во-первых, сложилась еще в 19-м веке, и которые, во-вторых, этиманахронизмом дорожат. Деятнадцатый век духовно закончился около 1905 года: моему поколению тогда стукнуло лет 35, или 30, или 25 – словом, такой возраст, когда все извилины ума и навыки сердца уже определились. Но этого мало: еще надо не каяться, не просить прощения за эти извилины и навыки, а уметь их ценить и очень ими гордиться. Этих людей я бы назвал: старики божьей милостью. Много ли их? Думаю, что очень много, громадная силища; если бы взбунтовались, могли бы многое изменить. Но да не выйдет недоразумения: бунта стариков еще нет, еще нигде они не взбунтовались, и не знаю, суждено ли им бунтовать. Мое это вступление, во всяком случае, отнюдь и ничуть и нисколько не есть призыв к бунту: у меня для такого почина и руки коротки, да и ремесло мое другое. Моя задача скромнее: указать, что есть из-за чего старикам взбунтоваться, и: жаль будет, если они на это окажутся неспособны.

II

Деятнадцатый век имел свое лицо, очень четко обозначенное: от рождения до конца, и в Европе и в Америке, он действительно развивался вокруг одного главного стержня. Говорят, есть в русской эмиграции такие люди, из северян, которых можно до слез умиления довести одним перечнем железнодорожных станций между Москвой и Петербургом: все вспомнят – картины природы, вкус пирожков с капустой, форму извожичьих поддевок, обложку толстого журнала и первую любовь.

Так и моему поколению достаточно, не вылушивая никаких формул для характеристики 19-го века, просто перечислить имена, без хронологии, вперемежку, с пробелами: Гарибальди, Гладстон, Линкольн, Мицкевич, Гейне, Гюго, Леопарди, Ницше, Ибсен, Уот Уитман, Лассаль и Жорес; и даже Маркс – т. е. такой, каким он нам в те годы казался. Еще сколько других имен можно вписать, и все между собою несхожие в сущности, но в одном чем-то одинаковые, и это общее и есть дух 19-го века. Все это были поджигатели, подстрекатели, освободители; все, каждый по-своему, хлопотали о том, чтобы последний бродяга на свете, случайно увидя свое отражение в зеркале, не забыл вытянуться навтыяжку и прокричать: бью челом, ваше величество.

Для себя я, впрочем, предпочитаю другое определение главной мысли, красной нити 19-го века – вероятно, плагиат, но не помню откуда. Есть исконный спор о том, что такое жизнь – Каторга или Игра; или – ради чего борется человек, за что воюет с природой, судьбой и соседями – за Необходимое или Роскошь? Еще в

колыбели жизнедеятельность наша подчиняется обоим этим стимулам: ребенок плачем призывает мать, когда проголодался, – это его способ борьбы за прожиточный минимум, его самооборона против грозящего уничтожения, его «каторга»; но, насытившись, он мурлычет, возится, размахивает ручками и ножками, – и уж это все Игра, т. е. «экспансия», вылазка за пределы строго необходимого (ибо выжить, и даже вырасти здоровяком, можно и в пленках).

В жизни взрослого человека и в жизни общества действуют, конечно, оба эти импульса, чаще всего оба сразу, редко или никогда в чистом виде. Это все давно известно; и средний человек, и теперь и полвека тому назад, если бы спросить его, который из двух стимулов «важнее», который преобладает в жизни, ответил бы с сожалением, но без колебания: конечно, преобладает «каторга», – люди хлопчут, трудятся, дерутся главным образом из-под кнута необходимости, и только в самой незначительной мере можно тут признать свободную игру беспричинной прихоти. Так скажет, вероятно, средний человек сегодня, так же он ответил бы и в 19-м веке.

Тем не менее я утверждаю, что подсознательно весь 19-й век думал иначе: верил, что высший пафос жизни и истории определяется инстинктом Игры, что в особенно решающие моменты и герой, и толпа всегда стихийно рванутся не туда, куда им выгоднее, а именно по линии беспричинной прихоти. Все знают, что человеческая промышленность, кроме земледелия, занята на девять десятых производством «роскоши» (если придать слову «роскошь» его истинный смысл: все то, что не является подлинной необходимостью, т. е. без чего можно прожить Робинзону на необитаемом острове).

19-й век подсознательно верил, что это относится и к общественности, и к государственности, и ко всей истории. Это не только пирамиды, акрополь, греческая трагедия, крестовые походы, реформация и ренессанс. Это, также и все большие революции, и путешествие Колумба, и отмена рабства в Америке, и освобождение крестьян: во всем этом одна капля была нужды, девять капель свободной Игры, игры в жизнь, в солдаты, в цари, в детей божьих или, может быть, в соперников Господа Бога – «et ego Creator».

Я, конечно, не забываю, что именно в 19-м веке родился и постепенно вошел в моду исторический материализм и что к концу столетия каждому грамотному полагалось уметь прощупать экономическую подоплеку буддизма. Но маньяков этого занятия, которым во что бы то ни стало нужно в Арнольде Винкельриде докопаться до эгоизма, Унамуно где-то обозвал «мизераблями»: и я утверждаю, что подсознательно так точно смотрели на дело во все периоды 19-го века даже те самые модники. На словах они могли до хрипоты присягать, что символ страждущего и борющегося человечества есть углекоп на дне шахты, в душе у них непобедимо жила уверенность, что символ человечества, и именно

страждущего и борющегося, есть господин, мучительно карабкающийся на гору Матергорн, нис того ни с сего, просто так, чтобы вскарабкаться на гору Матергорн; и что история не есть движение партии каторжан по Владимирке, а некая религиозная процессия, или сатурналия, или вакханалия, или что хотите, пусть нелестное или пускай почетное – только не подневольное, а рожденное из восторга бытия.

III _

Отсюда и шло характерное для 19-го века обожание политической свободы: оно коренилось в совершенно бездонной, априорной вере в «Игру». Честь и место Игр, дорогу играющим; надо развязывать путы, надо подстрекать робких, поджигать остывших, чтобы каждая прихоть человеческая нашла где побарахтаться по-своему: из этого хаоса И получится высочайший космос. «Дисциплину» 19-й веке принимал и ценил только для особых надобностей, в моменты исключительные, «военные», когда общество и народ стоят перед особенным испытанием и нужно его преодолеть тут же и сейчас же, – иными словами, как горькое лекарство: во благовремени полезно, но на каждый день непереносно.

Дисциплина в виде постоянной и всепроникающей атмосферы общественного и государственного быта, как это сплошь и рядом проповедуется теперь, людям 19-го века не могла бы и в кошмаре присниться. Они вообще принимали государственность только сбольшими оговорками. Государственная власть должна быть как перила на лестнице – если споткнешься, можно опереться, и поэтому перила обязательно нужны; но костылей для каждого шага и каждой ступеньки не нужно.

Городовой полезен и хорош у себя на углу или когда он появляется в ответ на тревожный вызов: больше нигде, не чаще и не иначе. Государственный идеал 19-го века можно определить так: «минимальное» государство, или, может быть, еще резче – умеренная анархия, или по крайней мере «а-кратия». Не знаю, было ли слово «тоталитарное государство» произнесено уже в 19-м веке; я, во всяком случае, никогда в молодости не слышал ни этого имени, ни всей этой проповеди. Человек 19-го столетия, вероятно, ничего более отталкивающего даже и вообразить бы не мог, чем этот запах правительственного руководства в каждом углу, словно в квартире, где у кухарки подгорела баранина, эту идею дремучей и невылазной сверхполицейской государственности.

Я утверждаю, что именно так ощущали эту проблему в 19-м веке даже социалисты. Подсознательно они представляли себе государственный порядок социалистического государства в виде отменно-либерального режима. Когда

противники их утверждали, что социализм означает отказ от гражданских свобод, они это отрицали не только запальчиво, но и вполне искренно. Сами они, насколько помнится, не очень любили предрешать конкретные формы будущего своего государства: мысль и воображение «стариков», очевидно, инстинктивно отталкивались от неприятного пейзажа. У социалистов 19-го века подсознательный «пафос» их идеала лежал прежде всего в негативной стороне дела – в устранении нищеты, т. е. в мысли общегуманитарной и даже просто благотворительной, – а никак не в самой регламентации хозяйственного быта.

Конечно, я вполне отдаю себе отчет, что все эти мои утверждения голословны. Из тех мыслителей, которые мне более непосредственно, может быть, навеяли все эти мысли, смутно могу сослаться на старые лекции Б. Короче – из них я впервые научился отличать под мышцами, движущими историческим процессом, вибрации «эстетического» нерва; или на М. Унамуно, который, кажется, и есть единственный подлинный бунтующий «старик», ратующий за право, твое и мое, на подвиг, и триумфы, и провал, и трагедию, – за раздолье и простор на божьем свете для лучшего и полезнейшего из граждан – для Дон-Кихота.

Но и на этих обоих не имею права сослаться формально – мало ли что они кому «навеяли», а за мою формулу души 19-го века они не в ответе. Тем не менее я все вышеизложенное «утверждаю» с непоколебимой уверенностью; знаю десятки стариков божьей милостью, и знаю, что есть их тысячи, – коллег моих по этому своеобразному хронологическому изгнанничеству; упрямых и влюбленных патриотов 19-го века, для которых эта первая треть 20-го есть нелюбимая и нелепая чужбина; и у всех у нас на невидимом гербе начертан тот же лозунг:

Ich komme aus anderen Zeiten Und hoffe in andere zu gehen (Я прибываю из других времен И надеюсь, что иду в другие)

Что им не мешает плестись за «эпохой» и даже, по трусости или по недомыслию, поддакивать ей, например, на тему об *economie dirigee*; а уж о том, чтобы взбунтоваться, им и в голову не приходит.

IV _

Подробно излагать, чем так немила нам «чужбина» 20-го века, право, не стоит, и без того ясно. Идет на нас полицейская государственность; и не так она сама по себе страшна (ведь мы-то видали виды), как страшна развеселая, широко улыбающаяся готовность «эпохи» воспринять полицейское государство не только безропотно, а даже с музыкой. Что-то важное выдохлось в человеческой душе.

Вот любопытный симптом: ведь нет теперь ни в какой области (кроме одной) ни одного претендента на венец гениальности.

Это еще не значит, что гениев нет: распознать – дело потомства; но до сих пор считалось обычно делом современников – выдвигать кандидатов на венец гениальности, окружать их восторженным поклонением. Этого теперь нет ни в театре, ни в литературе, ни в пластических искусствах, ни в науке. Говорят, правда, что подлинный гений Эйнштейн; но если это и верно, то как это характерно! Единственный гений эпохи – и тот на необитаемом острове, безнадежно непонятный для всех, кроме считанных единиц; а на материке, где живут «все», – там просто нет спроса на гениев, и никто по ним даже не тоскует.

Одно исключение: политические «вожди». В этой области урожай на гениев, как известно, чудовищный: один за другим, одна за другой, народы и страны перенимают заразу и открывают в своей среде богоизбранного, поводыря с печатью Цезаря на челе. Априори ясно, что при таком эпидемическом распространении вождизма избранники почти поголовно должны оказаться людьми очень среднего достоинства, и так оно и есть. Устала мысль человеческая, мозги просятся отдохнуть; в старые годы каждый из нас ревниво хранил свое право самолично ломать себе голову над «проклятыми вопросами» – а теперь никому не хочется; массы инстинктивно ищут охотника, что взялся бы думать за них, и платят ему за это воздвижением золотых статуй при жизни.

Сомневаюсь, допускает ли психологическая наука такие обобщения, как «усталая мысль» у целой эпохи, – а все-таки это так; и эта усталость именно и есть корень всех явлений, которые нас, стариков, отталкивают. Оттуда низвержение культа свободы, равнодушие к собственному мнению, истерическая, чуть ли не чувственная любовь к дисциплине, способность охотно и даже уютно жить по расписанию. Или, если вернуться к моей терминологии: двадцатый век согласен вычеркнуть из жизни все элементы «Игры». Игра для него только забава, и ей место вне «жизни»: игра – это отдых от «жизни», а самая «жизнь», настоящая, серьезная, the business of life, останется нераздельным царством «каторжной» регламентации.

V _

Взбунтуются ли старики, я не знаю; но если взбунтуются когда-нибудь по сторону могилы, то им раньше придется понять одну старую истину: что бунтовать только «против» недостаточно – бунтовать надо «за». Здесь торчит поперек дороги вопрос: если нам полицейское государство противно, регламентации жизни мы не хотим, коммунизм и фашизм отвергаем, то придется когда-нибудь ответить и на последний вопрос: где же тот строй, который вы

одобряете?

На это надо ответить честно. Полицейское государство придумано, в конце концов, тоже неспроста, не ради забавы изобретателя: это все – попытки устранить навсегда голод и нищету. Устранить голод и нищету надо во что бы то ни стало; коммунисты и фашисты уверены, что единственное к тому средство – казарма. Старики отвергают казарму; значит – что?

Неужели – status quo, т. е. нынешний социальный строй? тот самый, который со всех сторон, как чесоткой, оклеен бранными кличками: капиталистический строй, буржуазный строй, эксплуататорский? Почти все старики, с которыми имею честь знаться лично, на этот последний вопрос отвечают возмущенно: нет! От нынешнего строя они отрекаются с анафемой, и это звучит у них так искренно, что латинская формула, которую сейчас я собираюсь напомнить, будет с моей стороны жестокостью.

Вот она, однако: Tertium non datur. Нет на свете такой витрины, где выставлены были бы двенадцать разных образчиков социального строя, или хотя бы шесть, или даже только три, выбирай, что понравится. Есть только два, «или – или». Или (в основе) казарма, т. е. порядок, при котором социальная жизнедеятельность индивида определяется велением государственной власти; или порядок, при котором определяющим фактором в этом отношении является «воля» индивида, т. е. (в основе) тот самый строй, который существует сегодня. «Волю» я поставил в кавычки потому, что знаю, помню всю условность этого термина: знаю и помню, что и свободный человек далеко не свободен в своем выборе, на него давят тысячи обстоятельств, и всегда и всюду, в самом идеально-свободном строе, будут давить; наконец, можно и нарочно внести в свободный строй всякого рода полупринудительные поправки (economic dirige).

Но покуда, после всех поправок, останется тот основной принцип, что в конечном итоге рулем моей лодки правит не государство (пусть Бог, пусть дьявол, пусть добрый совет или пустой каприз, но не приказ из участка), до тех пор это будет, в основе, именно нынешний строй, и никакие самообманы тут не помогут. Выбирать надо четко: или казарма, или status quo.

Между прочим, называть этот status quo строем «капиталистическим» – теперь нелепо. Давным-давно уженет в природе такого государства, где бы генеральная линия законодательства или административной практики прилаживалась, сознательно или подсознательно, к интересам капитала в ущерб интересам бедноты вообще и рабочих в особенности.

Вот уж полвека и больше, как тенденция всех государств идет скорее в обратном

направлении, особенно после войны (включая страны антиклассовой диктатуры). В нынешнем социальном строе капитал живет, так сказать, на осадном положении, вынужден отстаивать свои позиции от могучего натиска со всех сторон, иногда удачно, иногда неудачно: точь-в-точь как те другие социальные факторы, которые с ним соперничают. Никакого капиталистического режима сейчас нет и в помине. Больше подходит, пожалуй, кличка «буржуазный строй» – буржуазный в смысле мещанского: действительно, три четверти культурного человечества не капиталисты и не рабочие, а мещане, интересы их разнообразны, сложны и переменчивы, «строй» им поэтому нужен эластичный, податливый, допускающий починки и поправки.

Таков и есть тот социальный строй, в котором мы живем с двух великих революций восемнадцатого века – «индустриальной» и «французской»: основанный на либерализме и праве собственности, он впитал в себя колоссальные дозы всяких противоядий вплоть до коллективного договора, страхования безработных и жестокого налога на наследства, переварил эти противоядия и остался, хотя в исправленном виде, сам собою. Весь вопрос теперь в том, способен ли этот строй впитать и усвоить еще и дальнейшие поправки – вплоть до полной ликвидации феномена бедности, – но при этом сохранить свою основу и остаться самим собою, режимом свободной «Игры». Подсознательно, мне кажется, старики в это верят. Иначе непонятна была бы та искренняя радость, с которой они встречают каждую весть из Советской России о том, как снова там восстановили еще и еще один кусок прежнего, до-ленинского социального быта.

Почему радость? Надеюсь, не из недоброго злорадства, а из доброго убеждения: советский строй постепенно возвращается назад, и это хорошо, общество российское от этого выиграет, а не потеряет, ибо прежний строй, при всех его пороках, был в основе лучше. Это «возвращение назад», между прочим, можно теперь ясно проследить не только в социалистической практике, т. е. в России, но и в развитии социалистической мысли. (Странным образом – обратный процесс этот намечается одновременно с тем, как «эпоха» катится по своему уклону ко всеобщей казарме.)

В марксистском лагере тоже много стариков божьей милостью, верных питомцев столетия, молившегося свободе: зрелище Советской России развернуло пред ними именно ту картину, от которой прежде отворачивалась мысль, – и теперь они ищут какой-то новой схемы, социализма без казармы, или хоть полуказармы ценою полусоциализма. Это и есть, в сущности, смысл учения Де-Мана.

В Австрии, говорят, подпольное социалистическое движение начинает интересоваться забытой книгой Лоппер-Линкеуса о «Всеобщей

продовольственной повинности»: тоже попытка устранить явления нищеты без помощи социализма. В Америке, где вот уже несколько лет гораздо глубже и энергичнее, чем в Европе, работает своеобразно революционная тамошняя мысль, ее носителем является не только Рузвельт: этого же решения доискиваются чуть ли не десятки недюженных, хотя часто, быть может, еще неотесанных умов. Все это значит «назад», все это признаки разрыва с панацеями, построенными на принятии полицейского государства, все это – попытки спасти человечество на почве того строя, который «сегодня».

Тем не менее, как сказано, почина в деле бунта стариков я на себя не беру, и потому особенно заступаться за «сегодня» – тоже не мое дело. Но свое сословие, стариков божьей милостью, я уважаю и считал долгом их предостеречь от обычной в нашем возрасте опасности: от беспредметной ворчливости. Осуждать те пути, по которым идет, или плетется, или катится новая эпоха, но в то же время сознавать, что наши прежние пути также никуда не годились и не годятся, – это не полагается, это уже дряхлость, это хуже дверного скрипа. Если у стариков ничего путного в багаже нет, пусть молчат. Я же считаю, что в нашем багаже есть ответ на все, и история за нас, и – несмотря на «полицейские» интервалы – в конце будет по-нашему.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Иосиф НЕДАВА ВЛАДИМИР (ЗЕЕВ) ЖАБОТИНСКИЙ

Владимир (Зеев) Жаботинский (1880—1940) — одна из самых ярких фигур в сионизме. Его личность и оригинальное мировоззрение подчас вызывали споры, но даже самые непримиримые противники воздавали должное его исключительным качествам, его идейности, его талантам, литературному и ораторскому. Когда он умер, один из его противников [Шнеур Залман Рубашов (Шазар), один из лидеров рабочего движения в Эрец-Исраэль, впоследствии третий президент Государства Израиль. -Ред.] так оплакал его кончину: "Разбилась многострунная арфа". След его деятельного присутствия заметен в еврейском мире по сей день, и некоторые его идеи восторжествовали в Государстве Израиль, а это лучший ему памятник. Жаботинский считал себя приверженцем политического сионизма, последователем Герцля. Историческое значение его деятельности заключается в том, что он внес в сионизм новую струю: он воскресил идею еврейской военной силы, идею, которая была вытравлена из исторического сознания нашего народа со времен Бар-Кохбы. Он порвал с традицией самозамыкания в библейском общечеловеческом идеале, глубоко укоренившейся в сердце народа: "не воинством и не силою, но Духом Моим..." Неудивительно, что Жаботинский восстановил против себя многих представителей консервативных кругов, он был передовым бойцом, идущим перед армией, он первым зажег светильник, осветивший путь многим.

Жаботинский был сыном русского еврейства. Он почерпнул много из его духовного наследия, и многие его исключительные качества стали важными нитями в сложной ткани души Жаботинского. Однако, он вовсе не был типичным представителем еврейства черты оседлости. С рождения он был свободен от галутных пут, стесняющих дух, от комплекса неполноценности и раболепства, являющихся следствием борьбы за выживание.

Не только сознательно, но и в силу своего семейного происхождения Жаботинский был тесно связан со своим народом. Тот, кто пытался приписать Жаботинскому склонность к ассимиляции, стремясь его примером подтвердить теорию о пришествии "со стороны" вождя и избавителя Израиля, игнорирует основные факты его биографии. Мать Жаботинского педантично соблюдала религиозные предписания ("мицвот"), отец посещал синагогу и он сам сначала усвоил идиш, на котором говорили его родные, и уже в детстве начал изучать иврит.

И это не все: по свидетельству Жаботинского, с момента, когда его мировоззрение определилось, он чувствовал себя "получужаком" в России и сделался безразличен к ней. Он не любил русский климат, его стужи и туманы, и в той же мере неприязненно относился к русскому общественному климату. Он не любил русской литературы с душевной путаницей ее творцов, их самобичеванием и копанием в себе. Много лет спустя, за несколько месяцев до смерти, Жаботинский, клеймя злоумышления советской власти против еврейского возрождения, писал, что, "зная половину Пушкина наизусть, я готов отдать всю модернистскую русскую поэзию лишь за семь букв квадратного еврейского шрифта". Жаботинский не преувеличивал, он просто выражал свои истинные сокровенные думы.

Но иным было его отношение к Одессе, городу, где он родился. Он не уставал воспевать ее, ибо любил ее нежной любовью, любовью, "что вовек не проходила и не пройдет". В его автобиографическом романе "Пятеро" Одесса такая же "героиня" повествования, как сама еврейская семья Милгромов. И действительно, в глазах Жаботинского Одесса, которая стояла на берегу Черного моря, не была частью России. Она была драгоценным вкраплением Средиземноморья, она принадлежала ему географически и психологически, и в прозрачных небесах над нею сияние и волшебные краски сплетались, чтобы выткать веселую и легкую ткань жизни.

Три года (1898—1901) Жаботинский на юридическом факультете Римского университета. Италия пришлась ему по духу: "Если у меня есть духовная родина, — писал он в автобиографии, — то это скорее Италия, чем Россия". В этот период началась его бурная журналистская карьера. Он стал регулярно печатать в газете "Одесские новости" свои фельетоны под псевдонимом Альталена.

В Италии Жаботинский обогатил свое мировоззрение. Изучая историю Италии, он глубоко воспринял ту ее главу, которая рассказывает о национально-освободительном движении. Это оказалось прологом к его сионизму. Знакомясь с трудами ее мыслителей и воинов (особенно ценил он Гарибальди), он выработал принципы собственного либерализма, который принял форму "мечты о порядке и справедливости без насилия, всечеловеческого идеала, вытканного из милосердия, терпения, веры в то, что добро и счастье заложены в человеке".

Весной 1903 года произошел решающий перелом в его жизни: он стал сионистом. Тому способствовали различные факторы, и в немалой мере изучение произведений Пинскера и Ахад-Гаама, но все остальное перевесил "экзистенциальный" фактор: "грозная стихия погромов" обрушилась на еврейство России. Когда евреи Одессы стали опасаться надвигающегося погрома, Жаботинский присоединился к подпольной организации самообороны, и, когда разразился Кишиневский погром, его отправили в "город резни" [так назвал Бялик свою поэму о Кишиневском погроме. В переводе Жаботинского эта поэма называется "Сказание о погроме". -Ред.] раздавать одежду пострадавшим. Он был потрясен до глубины души зрелищем кишиневских зверств. Под впечатлением этого события он перевел на русский язык поэму Бялика "Сказание о погроме" и, выступая в местечках черты оседлости, обычно начинал свою речь чтением этой поэмы.

Отдаваясь делу организации еврейской самообороны, Жаботинский видел, что она не может быть подлинным историческим ответом, избавляющим его народ от хронических бедствий. Самооборона была делом момента, тогда как практическое и историческое решение заключалось в полной ликвидации рассеяния и возвращении в Сион. На клочке пергамента одной из разорванных книг Торы, который затерялся между развалин разрушенной синагоги в Кишиневе, остались лишь слова "в чужой земле" ("Я стал пришельцем в чужой земле"; Исход 2:22). Жаботинский воспринял этот эпизод как символический.

Сионизм Жаботинского основывался на "чуждости" евреев всем странам, в которых они жили в диаспоре, и единственным решением, вытекающим из этого положения. был новый и всеобъемлющий "Исход".

В том же году Жаботинский впервые принял участие в работе Сионистского конгресса (шестого по счету). Главным впечатлением, вынесенным им из нескольких дней блуждания по залам и коридорам здания, где происходил Базельский конгресс, был образ Герцля, личности, проникнутой царственным величием, "человека-князя", излучавшего веру и чувство избранности.

Вместе с тем, среди делегатов конгресса Жаботинский чувствовал себя "чужаком". Не то чтобы он не был демократом, не то чтобы он порывался возражать против системы выборов делегатов, и не то чтобы конгресс, явившийся творением Герцля, не был дорог ему. Но с того момента, когда он попал в общество делегатов, он почувствовал, что в отношении основных сионистских принципов его от них отделяла пропасть. Он нес в себе революционную идею, тогда как они в своем большинстве были склонны продолжать традицию палестинофильства ("Ховевей Цион") которая освящает "день малых дел" в создании поселений в Эрец-Исраэль. Его идеологические часы спешили, словно потому, что времени оставалось в обрез.

Жаботинский говорил о формировании "нового национального еврейского типа", способного вести наступательную войну против самого галута и всего, что тот олицетворяет.

1904-1914 годы прошли для Жаботинского под знаком многогранной и плодотворной деятельности среди еврейства России. Хотя не все были согласны с его взглядами, еврейское общество в России считало его своим "баловнем". Популярен он был необычайно. Публицистический дар и ораторская мощь Жаботинского достигли в этот период наивысшего расцвета. Его статьи и в общероссийской, и в еврейской прессе, вызывали многочисленные отклики, и залы, в которых звучали его речи, во всех городах и местечках черты оседлости были забиты до отказа. Блестящий пропагандист сионистского движения, он всколыхнул сердца еврейской молодежи, и в ряды сионистской организации влились десятки тысяч молодых людей, увидевших в сионизме свой идеал.

Остро и с большим искусством Жаботинский полемизировал с социалистическим Бундом и ассимиляторскими кругами.

В 1906 году Жаботинский был одним из главных докладчиков на Гельсингфорсской конференции (совещание проводилось в столице Финляндии, чтобы ускользнуть от бдительного ока царского режима) и одним из редакторов принятой на ней программы. На первый взгляд, эта его деятельность отклонялась от "монистической" линии, которую он начертал себе, то есть, может показаться, что он был увлечен потоком внутрирусской борьбы и выступил на фронте, который отнюдь не был сионистским. В частности, таким как бы "отклонением" было выставление им своей кандидатуры на выборах в 3-ю Думу в 1907 году: борьба, которая завершилась в нескольких турах поражением.

Но Жаботинский отвергал обвинение в отклонении от сионизма. Он объяснял, что его целью было не завоевание для русского еврейства позиций внутри России, но отыскание той архимедовой точки, опираясь на которую можно было бы развернуть великое движение исхода евреев в Эрец-Исраэль с большим размахом и в организованной форме. Хотя одной из его целей было достижение для евреев России "национальных прав", его намерение заключалось не в этом, а в создании эффективного инструмента для контроля за массовым выездом. Он никогда не верил в то, что у евреев есть будущее в галуте, и полагал, что все попытки овладеть позициями в самой России следует предпринимать лишь из тактических соображений, лишь в качестве текущей меры.

В 1910 году Жаботинский блестяще перевел на русский язык стихи Бялика и таким образом позволил еврейскому и русскому читателю познакомиться с творчеством гения новой ивритской литературы. Эти переводы высоко оценил Максим Горький.

Некоторые русские писатели сожалели, что сионизм "похитил" Жаботинского у русской литературы, где ему могло бы принадлежать почетное место, но Жаботинский продолжал пребывать в еврейском "назорействе". Своим переводом он лишь стремился возвеличить иврит среди чужих языков. Жаботинский многое сделал для введения иврита в качестве языка преподавания в еврейских школах на всей территории России.

В годы, предшествующие Первой мировой войне, Владимир Жаботинский прилагал усилия, направленные на воплощение в жизнь идеи создания Еврейского университета в Эрец-Исраэль. Этого требовали интересы десятков тысяч еврейских студентов, которые безуспешно обивали пороги высших учебных заведений России, пытаясь преодолеть "процентную норму"

В 1907 году Жаботинский женился на Иоанне Гальпериной, ставшей верной спутницей на его тернистом и бурном пути еврейского и сионистского лидера. ("Вся жизнь моя — цикл стихов, и в них царишь лишь ты одна" - из мадригала, сочиненного им в ее честь.) В 1910 году в Одессе у них родился единственный сын - Эри-Теодор.

В 1909-1910 годах Жаботинский провел несколько месяцев в Константинополе, занимаясь руководством сионистскими изданиями и определяя тактику сионистской пропаганды. И в этот непродолжительный период ему предоставилась возможность познакомиться вблизи с Оттоманской империей, от которой зависела судьба Эрец-Исраэль и успех сионистского дела на этой земле. Он знал, разумеется, о сизифовом труде Герцля, который стучался в ворота султанского дворца в свое время, чтобы в обмен на финансовую помощь получить от турецкого властителя "чартер", т. е. официальную грамоту, привилегию, разрешающую осуществление еврейского заселения Эрец-Исраэль; как известно, его попытки не увенчались успехом. Жаботинского, который подобно многим сионистам, возлагал надежды на новых турецких правителей - "младотурок", — очень скоро постигло разочарование. После контактов с несколькими новыми турецкими руководителями он убедился в том, что и от них не дождешься никакого добра и никакой милости. Никогда эта больная держава не согласится на осуществление целей сионизма.

Жаботинский предвидел недалекий распад Оттоманской империи: не может быть, чтобы треть населения одной голой силой управляла многочисленными национальными меньшинствами в течение продолжительного времени. К тому же Жаботинский был уверен в том, что Турции ради собственного блага следует снять с себя бремя народностей, живущих среди турок, и сократиться до естественных границ, ограничившись Анатолийским полуостровом.

Наконец, настал час сионизма. В 1914 году разразилась Первая мировая война, и в

октябре 1914 года Турция вступила в войну на стороне Германии против государств Антанты. Жаботинский в это время объезжал страны Западной Европы и Северной Африки в качестве военного корреспондента одной русской московской газеты. Однажды, почти как новое озарение, ему пришла в голову мысль, что сионистское движение должно стать союзником Великобритании чтобы посредством вооруженной борьбы освободить Эрец-Исраэль от турецкого владычества. Ныне, ретроспективно, трудно постигнуть всю новизну этой идеи. Когда Жаботинский выступил с этим предложением, многие спрашивали: "Что ему, еврею за дело до создания еврейской военной части? Не вытекает ли из сущности истории еврейского народа к многовековом рассеянии занятие нейтральной позиции в любой войне между народами? Да и помимо этого. учреждение еврейского легиона в рамках британской армии не поставит ли под угрозу само существование еврейского ишува в Эрец-Исраэль, который находится под турецким управлением?" Лидеры сионизма пытались отвлечь Жаботинского от его "сумасбродной" программы, а когда им не удалось сломить его "упрямство", они принялись клеймить его как предателя и поносить на всех перекрестках. Они не поколебались объявить ему войну, бойкотировали его и отлучили от общества. Летом 1915 года Жаботинский посетил Россию последний раз в своей жизни и дух его омрачился еще больше. Даже в Одессе он столкнулся с неприязнью и отчуждением. Менахем Усышкин, авторитетный руководитель русских сионистов, однажды, встретив на улице мать Жаботинского, грубо бросил ей: "Вашего сына надо вздернуть на виселицу". Это причинило боль Жаботинскому, но когда он, выразив матери свое сожаление, спросил ее, не отказаться ли ему от своей деятельности, то получил ответ, которым гордился до конца дней: "Если ты уверен, что ты прав, не сдавайся!"

Жаботинский избрал Лондон в качестве центра своей деятельности по созданию легиона, и в течение двух с половиною лет бился за его формирование с безграничным упорством. Он вел свою борьбу в одиночку. Среди сионистских деятелей того времени только один человек — доктор Хаим Вейцман, сочувствовал идее легиона, но и его поддержка, по многим причинам, была ограниченной. Жаботинский прошел через испытания, которые сломили бы любого другого. Жизнь его превратилась в кошмар, но он не отступил, и в эти дни отчаяния и разочарований он разрабатывал принцип "науки терпения". Главным в этой "науке" было то, что каждое поражение следовало рассматривать как еще один шаг на пути к победе: "Поражение -не поражение; "нет" — не ответ; обожди — и начни сызнова".

И действительно, "наука терпения" привела Жаботинского к успеху: в августе 1917 года английское правительство дало согласие на создание еврейского легиона, и уже летом 1918 года Жаботинский, вместе с другими солдатами 38-го Королевского стрелкового батальона, участвовал в военных тренировках возле Умм-а-Шарта в Заиорданье.

Несмотря на все усилия Владимира Жаботинского обеспечить еврейским

подразделениям дальнейшее существование в качестве части гарнизона британской армии в Эрец-Исраэль и после войны, ему не удалось добиться этого. Легион был расформирован. Жаботинский поселился в Эрец-Исраэль и сразу же столкнулся с антисемитским и антисионистским духом, которым веяло от британских административных учреждений, не примирившихся с Декларацией Бальфура. Проанализировав происходящее, Жаботинский воззвал к британским властям и к Правлению Сионистской организации. Он подверг резкой критике первого Верховного комиссара Эрец-Исраэль, Герберта Сэмюэла, который, несмотря на свое еврейское происхождение и симпатии к сионизму, проводил "либеральную" политику в отношении арабов, опасаясь, что его заподозрят в пристрастии. Тем самым он способствовал сплочению арабского националистического движения, которое сразу же развернуло злонамеренную кампанию против еврейского населения.

Жаботинский предупреждал об опасности возможных погромов, но многие деятели еврейского ишува считали, что он сгущает краски в своих предсказаниях бедствий. В 1919 году Эрец-Исраэль посетил выдающийся судья и руководитель сионистов в Соединенных Штатах Луи Брандайс, и когда Жаботинский поделился с ним своими опасениями, тот сказал ему: "Вы преувеличиваете, сударь, это не царская Россия, это территория, занятая англичанами, и здесь погромов не будет". Жаботинский ответил ему не без иронии: "Сударь, мы выходцы из России, охотничьи собаки, мы чуем кровь издалека".

На Песах 1920 года начались арабские беспорядки. Жаботинский был назначен главой отрядов самообороны и мобилизовал в ее ряды около 800 молодых людей. Вследствие этой акции Жаботинский и девятнадцать его бойцов были арестованы и предстали перед британским военным судом. Жаботинский как зачинщик был приговорен к пятнадцати годам лишения свободы и каторжным работам. Так началась новая глава в его жизни. Он был первым "узником Сиона", арестованным во времена британского мандата, и содержался в крепости Акко.

Сам Жаботинский принял приговор со стоическим спокойствием и призывал еврейскую молодежь извлечь из этого урок: каждое национально-освободительное движение неотвратимо идет дорогой тюрем! Еврейская общественность в Эрец-Исраэль не примирилась с несправедливостью, и в конце концов заставила англичан уступить: через три месяца еврейские заключенные были выпущены на свободу.

Престиж Жаботинского в сионистском лагере резко повысился, и в 1921 году его ввели в Правление Всемирной сионистской организации в результате соглашения, заключенного между ним и президентом организации доктором Вейцманом по поводу политических мер, которые надлежало предпринять. Однако с самого начала между ними обнаружилось разногласия и в ходе сотрудничества возникли трения. Они двигались по разным орбитам и находились на противоположных полюсах,

вследствие различий темпераментов и представлений о темпах, диктуемых их несхожими сионистскими убеждениями. Доктор Вейцман был умеренным политиком, и в глазах Жаботинского его политический путь был путем просителя-ходатая. Он руководствовался принципом: "Политика — искусство возможного". Жаботинский видел в этой политике наследие Галута и обозначил ее выражением "импрессионизм", подразумевая суетливость в соединении с неспособностью к действию, источником которых было неверие в силы народа. По его мнению, это был присяжный оптимизм, в котором крылось нечто от самообмана, "все образуется". Недаром в первые двадцать лет широкое распространение получил как бы пароль сионизма: "положение дел удовлетворительное" (satisfactory).

Жаботинский был уверен, что он видел народившееся явление в реальном свете. Он опасался, что в Эрец-Исраэль происходят и нагромождаются прецеденты, которые угрожают в какой-то мере самому существованию "еврейского национального очага". Он не щадил усилий, уговаривая своих коллег по Правлению предпринять необходимые действия, чтобы предотвратить упадок движения. Но тщетно. Опубликование Белой книги в 1922 году и запрет евреям селиться восточнее Иордана были в его глазах предзнаменованиями бедствий. Он отчетливо и болезненно осознавал провалы в деятельности Сионистской организации. И потому отказался в дальнейшем присутствовать на заседаниях Правления и вышел в отставку в январе 1923 года.

Выйдя из состава Правления, Жаботинский намеревался замкнуться в своей частной жизни. Анализируя свою прошлую общественную деятельность, он с грустью пришел к выводу, что либо он не пригоден для борьбы на общественном поприще в Израиле, либо само поколение еще неспособно принять его "исключительные" идеи. Во всяком случае, Жаботинский пытался, никого не обвиняя, оставить политическое поприще и начать зондировать почву в поисках источников средств к существованию. На первый взгляд казалось, что ему будет нетрудно прокормить себя и семью журналистским трудом, и казалось бы, Париж был особенно подходящим местом для его новой деятельности. В конце 1923 года этот город был центром русской эмиграции, поскольку большая часть "старой" интеллигенции осела именно там, покинув Россию после октябрьской революции. Жаботинскому было легко войти в эмигрантскую прессу русской колонии, но такая мысль даже не пришла ему в голову. В годы своего пребывания в Париже Жаботинский свел личное знакомство с некоторыми лидерами русской эмиграции, но никогда не пытался сойтись с ними ближе. К русским делам он продолжал оставаться совершенно равнодушным. Уже в юные годы, примкнув к сионистскому движению, он "перешел Рубикон" и сжег за собой все мосты, ведущие в страну своего рождения. Его мало занимала судьба России. В его многочисленных статьях найдется не много строк, посвященных советской России.

Советский режим был неприемлем для него ни в каком отношении, и "красный" опыт погасил в его душе последние слабые искры симпатии к социализму и к социалистическому учению о равенстве, которым он отдал дань в дни своей

молодости. Отношение к России и ее строю было прямым следствием его монистического мировоззрения. Он довольствовался сионистским идеалом и не испытывал потребности в "сопутствующих" идеалах. Напротив, он безоговорочно отвергал "широту еврейского сердца", которая выражалась в стремлении внести лепту также в "гуманизм" и "универсализм" чужих народов. Он был убежден в том, что всякий взгляд, украдкой брошенный в сторону чужого мира, должен в конце концов привести к раздвоению личности еврея-сиониста и к утечке энергии, которая целиком необходима для осуществления идеи национального возрождения. Художественно этот тезис воплотился в образе одного из героев его повести "Пятеро" Марко. Вот символический эпизод. Однажды ночью в Петербурге, на исходе зимы юноша-еврей переходил по льду Неву и услышал душераздирающий женский вопль. Ему показалось, что женщина тонет и зовет на помощь. Переполненный жалостью и стремлением спасти, Марко сорвался с места с ответным криком: "Я иду!" Он бежал изо всех сил, но подтаявший лед обломился под ним, и он провалился под воду. Тело его не было выброшено рекой на берег; он бесследно исчез. Впоследствии выяснилось, что отчаянные крики раздавались вовсе не со стороны реки. Кричала на берегу женщина, которую бил смертным боем ее благоверный. Хотя драка была нешуточной, они оба прогоняли, пуская в ход кулаки, всякого "чужого", пытавшегося разнять их. "Бестолковый Божий дурак бежал не туда... "

В конце 1923 года Жаботинский вошел в редакцию сионистского еженедельника "Рассвет", издававшегося на русском языке в Берлине (некоторое время спустя еженедельник переместился в Париж и стал выходить в свет под редакцией Жаботинского). Он предпринял лекционное турне по Латвии, собирая деньги с целью улучшить финансовое положение журнала. В результате этой поездки в его жизни снова произошла перемена. Жаботинский был вынужден покинуть свою "башню из слоновой кости". Группа молодых активистов в Риге очаровала его. Он увидел в них подходящий человеческий материал, из которого можно было вылепить новый национальный еврейский тип. Они явились первой закладкой фундамента для создания Бетара (Союза молодежи имени Иосефа Трумпельдора [Бетар — оплот Бар-Кохбы, воая последнего восстания против Рима (132-135 н.э.); на иврите акроним: Брит Иосеф Трумпельдор. Ред.], молодежного движения сионистов-ревизионистов). Это движение Жаботинский впоследствии стал считать своим лучшим творением.

В апреле 1925 года в Париже сионисты-ревизионисты оформили свое движение как партию, и в своей программе четко сформулировали воспринятые ими основные положения Жаботинского. Суть была в том, что предстояло произвести "ревизию" путей сионизма то есть пересмотр его облика.

Вскоре новая партия расправила крылья, и число присоединившихся к ней сионистов во всем мире росло в особенности в Восточной Европе и внутри Эрец-Исраэль. На 14 сионистском конгрессе (1925), в которое партия участвовала впервые, она была представлена лишь одним делегатом, на 15 конгрессе (1927) — 10 делегатами, на 16

конгрессе (1929) — 21, а на 17 конгрессе (1932) — 52. Линией водораздела послужили погромы 1929 года — один из наиболее тяжелых кризисов, пережитых сионизмом за всю его историю. Полагают, что в 1931 году ревизионизм был близок к тому, чтобы овладеть Сионистской организацией. 17 конгресс был одним из наиболее бурных из всех конгрессов, и на нем Жаботинский потребовал принять декларацию о том, что цель сионизма - подготовительная работа по созданию еврейского государства с еврейским большинством на территории Эрец-Исраэль по обе стороны Иордана. Доктор Вейцман отмежевался от этих "максималистских принципов", но он не был переизбран президентом движения, и, оставляя свой пост, сам договорился о передаче его главе оппозиции, своему великому противнику Жаботинскому. Однако из-за колебаний "гражданских кругов" и неустанной борьбы сионистского рабочего движения ревизионисты в последнюю минуту не были допущены к руководству движением. Жаботинский на глазах у делегатов порвал свой делегатский мандат. С этого момента он стремился лишь к одному: выйти из международной Сионистской организации и основать новую Сионистскую организацию.

Но осуществление этого решения растянулось на четыре года из-за резко обострившихся отношений между рабочим движением и ревизионистами в Эрец-Исраэль, вследствие чего образовалась реальная угроза братоубийственной войны. Рабочие партии и Гистадруд осуществляли гегемонию, и право членов Бетара на въезд в страну было сильно урезано. В 1933 году, когда был убит один из руководителей рабочего движения Хаим Арлозоров, вокруг движения Жаботинского создалась зловещая атмосфера "кровавого навета". Ревизионистов обвиняли в убийстве Арлозорова. Разжигание ненависти и распространение впоследствии оказавшегося ложным обвинения дали результаты. (На выборах делегатов конгресса в 1933 году рабочая партия получила 42% голосов, тогда как на предыдущем конгрессе она располагала 29%, а ревизионисты потерпели жестокое поражение, и их доля снизилась с 21% до 14%.)

В 1935 году Жаботинский основал новую сионистскую организацию. С обновленными силами он приступил к многогранной деятельности по осуществлению своей программы. В области внешних отношений он провозгласил "политику союзов" с целью обеспечения поддержки со стороны таких государств, как Польша, Румыния и Чехословакия, на территории которых было сосредоточено большое еврейское население и которые были заинтересованы по самой природе вещей в еврейской эмиграции, дабы облегчить тяжелое экономическое положение своих народов. Жаботинский заручился поддержкой этих государств для оказания давления на Великобританию, государство-мандаторий, и открытия настежь ворот в Эрец-Исраэль перед еврейскими иммигрантами.

В 1936 году Жаботинский провозгласил программу "эвакуации" евреев Польши; он агитировал за организованную и упорядоченную эвакуацию евреев в массовом масштабе в Эрец-Исраэль на государственной основе. Выдвигая этот план, он

руководствовался чувством, которое преследовало его в течение многих лет, что не сегодня-завтра разразится катастрофа. Уже в 1898 году (он был тогда юношей, которому не исполнилось еще 18 лет) Жаботинскому явилось страшное видение Варфоломеевской ночи в Европе. Его призыв вызвал бурю негодования в среде еврейской общественности. Некоторые сионистские круги даже не удержались от обвинения Жаботинского в антисемитизме!..

В 30-х годах началась нелегальная иммиграция евреев в Эрец-Исраэль. На этом этапе она была организована эмиссарами ревизионистской партии. Плыли они на жалких суденышках (не нашлось достаточно средств, чтобы арендовать суда, достойные этого названия). Они плыли по Средиземному морю, уклоняясь от встречи с британскими сторожевыми судами, и высаживали на берега родины молодых людей, у которых не было будущего в Европе. В 1937 году Жаботинский был назначен командующим подпольной национальной военной организации (Эцел), которая предпринимала "ответные действия", реагируя на арабский террор против евреев Эрец-Исраэль. В принципе он не был сторонником подпольной деятельности в Израиле. Он верил в силу политического давления и в необходимость формирования еврейской армии открыто. Но после казни Шломо Бен-Иосефа, члена Бетара, который решил отомстить за жертвы террора, Жаботинский счел оправданным существование Эцела в качестве гарантии стабильности политического климата в подмандатной Палестине.

Тем временем на международной политической арене начались события огромного значения. В сентябре 1939 года разразилась Вторая мировая война, и евреи Восточной Европы оказались в западне. Все мечты Жаботинского созвать "Сейм Сиона" (парламент помощи евреям, находящимся в бедственном положении), чтобы принять программу эвакуации и всеобъемлющей политической борьбы с целью проложить путь в Сион, развеялись как дым. Казалось, мир его рухнул. И все же Жаботинский стремился увидеть луч света в воцарившейся тьме. В его душе пробудились воспоминания о днях Первой мировой войны, и он собирался возобновить сотрудничество сионистского движения с Великобританией. Он стремился создать еврейскую армию численностью в 100000 человек, которая, сражаясь плечом к плечу с союзниками, приняла бы участие в разгроме нацистской Германии, в награду за что еврейский народ обрел бы суверенные права на Эрец-Исраэль.

Жаботинский начал свою последнюю кампанию в соединенных Штатах. Однако тяжелая болезнь не позволила развернуть

ее. Еще в 1935 году у него началось сердечное заболевание. Быть может, последние месяцы его жизни в Нью-Йорке были самыми печальными за всю его жизнь. Он жил по большей части в одиночестве вдалеке от членов своей семьи. Его жена осталась в Лондоне, ибо гражданское пароходное сообщение между Англией и Америкой было почти прекращено, а сын его, Эри, сидел в тюрьме в Акко, куда его бросили за деятельность по переброске нелегальных иммигрантов в Эрец-Исраэль. Средства его

были скудными, он не располагал источниками для финансирования широкой пропагандистской кампании в Соединенных Штатах, где в этот период безраздельно царил дух изоляционизма и нежелания быть вовлеченными в войну в Европе.

Во время посещения им летнего лагеря Бетара, неподалеку от Нью-Йорка, с ним случился сердечный удар, и он скончался 4 августа 1940 года. В своем завещании Жаботинский распорядился перенести свои останки в независимое Еврейское государство лишь по постановлению его правительства. В том, что еврейское государство будет создано через несколько лет, у него не было сомнения. Лишь в 1964 году его предсмертная воля была выполнена, и его прах был захоронен в Иерусалиме, рядом с могилой основателя политического сионизма Т.Герцля, по чьим стопам он шел всю свою жизнь. Было бы заблуждением увидеть в богатой событиями повести жизни Зеева Жаботинского трагедию. Исторический деятель, чьи идеи осуществились и пустили глубокие корни в народе, деятель, который оставил неизгладимый след в истории своего народа, не трагическая, а героическая личность.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

3.Жаботинский. ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

Повесть моя написана кратко, и в определенном смысле, отрывочно. Происходит это, прежде всего, оттого, что я никогда не пытался (за исключением одного-двух случаев) изобразить в ней знаменитых людей, с которыми свела меня судьба, даже и в том случае, если они сыграли видную роль в жизни поколения и нации; и этим я, понятно, снизил ценность и занимательность сего сочинения, ибо ценная сторона всякой автобиографии не в автопортрете, а в портрете другого, но что поделаешь? Отпущенное мне время не позволяет воскресить все, что столь живо еще в моей памяти, да и не судья я людям, ни живым, ни уже умершим. Но разве сумеешь изобразить существо из плоти и крови, удержавшись вовсе от оценки или суждения?

Однако и летопись моих дней я развернул здесь только наполовину, показав жизнь писателя и общественного деятеля, но не жизнь частного человека. Две эти сферы жизни разделены во мне очень высокой перегородкой: по мере возможности, я всегда избегал их смешения. В частной жизни были и есть у меня друзья и враги, дорогие связи, невосполнимые потери и незабываемые воспоминания — все это ни разу не сказалось и никогда не скажется на моей публичной деятельности. И хотя на весах моей внутренней жизни эта половина перевешивает все остальные впечатления, и хотя роман моей личной жизни более глубок, многоактен и содержателен, чем роман публичной деятельности, — здесь вы не найдете его.

МОЕ РОДОСЛОВИЕ

Мать моя родилась в Бердичеве более ста лет тому назад. Отец ее, реб Меир Зак, был торговцем. Насколько мне известно, в моей родословной не было раввинов или каких-либо священнослужителей ни с той, ни с другой стороны. Единственным

утешением мне может служить то, что моя жена как-никак ведет свое происхождение от Дубенского маггида. Хотя я не слышал подробностей о детских годах моей матери, из того немногого, что она иногда нам рассказывала, у меня сложилось представление, что члены ее семьи принадлежали к городской верхушке.

Память моя сохранила несколько эпизодов из ее рассказов, в особенности великолепие субботы и пасхальный вечер в доме ее отца. Я побывал в Бердичеве в начале этого столетия и даже тогда застал еще на железнодорожной станции православных грузчиков, которые изъяснялись на гораздо более чистом идиш, чем я сам, а в говоре их звучал настоящий еврейский распев. Даже и тогда это все еще был самый еврейский город из всех городов Украины, и таким, с еще большей определенностью, был он в дни маминого детства. Дедушка был несомненно человеком просвещенным и прогрессивным и, может статься, даже вольнодумцем, по мнению окружающих, ибо он послал маму в обновленный хедер учиться немецкому языку и западным манерам. Этим манерам обучались с помощью куплетов. Например, если тебя представляли важной даме, следовало сказать:

Bonjour, madame charmante,
Un tekef a Kusch in die Hand*.

[Добрый день, очаровательная дама (франц.),
и тут же поцелуй в руку (идиш). Ред.]

Мама говорила по-немецки, хотя и с ошибками, и по ее выражениям было заметно, что она учила литературный язык, и любимыми писателями ее юности были Шиллер и еще один автор, ныне забытый в самой Германии, — Цшокке. Русский язык она стала учить только после замужества, видно, из необходимости общаться с прислугой, и, хотя с сестрой и со мной она говорила всю жизнь только на этом языке, она производила решительные разрушения в русской грамматике. Она понимала также древнееврейский язык, язык Пятикнижия и молитвы, и была большим знатоком и немалым педантом во всем, что касалось религиозных установлений и обрядов.

Однажды я спросил маму: "Мы хасиды?" - и она ответила не без раздражения: "А ты что думал - миснагдим?" С тех пор и поныне я себя причисляю к потомственным хасидам. Еще одну решающую вещь узнал я из ее кратких ответов. Было мне тогда лет семь или меньше, и я спросил ее: "А у нас, евреев, тоже будет свое государство?" Она ответила: "Конечно будет, дурачок!" Я не задавал больше этого вопроса, хватило с меня ее ответа.

Кроме сестры Тамары, был у меня еще брат Мирон, или "Митя", первенец в семье. Его я совершенно не помню, потому что он отошел в иной мир, когда я был еще младенцем.

Пока жив был отец, мы не знали нужды, но он умер, когда мне было шесть лет, и мы остались без всяких средств к существованию. Мы едва сводили концы с концами,

пока не подросла сестра и не начала, с шестнадцатилетнего возраста, давать уроки; этим она спасла нас от нищеты. Мои воспоминания — воспоминания о лишениях. Жили мы в мансарде, и родители моих богатых товарищей, с которыми я играл во дворе, не позволяли им посещать меня, чтобы к ним не пристал дух бедности, и мама, со рдей стороны, тоже не разрешала мне преступать порога их дома.

Вообще мама слыла гением. После смерти отца, когда она вернулась в Одессу с двумя сиротами, был созван семейный совет в доме ее брата Абрама Зака, чтобы обсудить, что делать с нами, и один из сыновей дяди, процветающий адвокат, высказал такое мнение: "Достаточно у нас образованных, пошли девочку учиться на швейку, а парня научи столярному ремеслу". Совет, быть может, был и не плох, да еще не проникла в те дни идея Umschichtung [букв. переход в другой класс, здесь "пролетаризация". Ред.] в сердца среднего класса, — и с тех пор ни мы не появлялись в доме этого советчика, ни он у нас, и если бы я встретил на улице его жену и сыновей, — а они были самыми близкими нашими родственниками, — то не узнал бы их. Лет двадцать спустя попытался этот племянник заговорить с мамой во дворе синагоги, просил прощения и объяснял, что она не поняла его. Мама отвечала: "Я не сержусь, всего доброго". И прошествовала в женское отделение синагоги.

Я не из поклонников Яфета (также как не из поклонников Сима...), но есть черта в характере северных народов, которую я разделяю: поклонение женщине. Я убежден: каждая, даже самая обычная женщина — ангел, и это правило не знает исключения. Если женщина не проявила этого качества, то потому только, что не представился случай, но придет день — и вы увидите. С тремя женщинами свела меня жизнь, и у всех трех нашел я это качество, что же касается первой из них — мамы, — то я не помню ни одного дня в жизни, чтобы она не была вынуждена биться, хлопотать, преодолевать трудности.

Я почти ничего не знаю о нашей жизни до болезни отца - одни обрывки, но это фрагменты эпопеи: не в смысле необычности событий, напротив, это глава, похожая на тысячи глав из истории тысяч женщин, чья жизнь — повседневный подвиг. Она родилась в богатстве, жила в богатстве, еще вчера был у нее дом полная чаша, муж - повелитель, царь и вождь в своем кругу, а она царица его, и в момент все рухнуло: положение, капитал, будущее, и на ее плечах больной старик, одряхлевший за одну ночь и уже приговоренный к смерти. Она собрала всех нас, привезла в Берлин, созвала лучших врачей. Те обследовали отца, покачали лысынами, пошептали друг другу какие-то латинские слова и затем изрекли на непонятном немецком языке: продолжим лечение...

Мать покинула нас на два месяца, вернулась в Одессу, продала или заложила мебель и драгоценности и вернулась бороться за жизнь отца. В течение двух лет профессора пытались обмануть себя, что рак — это не рак, наконец, признали, что надежды нет.

Мать не отступила: в России тоже есть знаменитые хирурги, как знать? Повезла нас в Киев, повезла нас в Харьков, из Харькова нас едва не выслали, потому что отец перестал делать взносы в купеческую гильдию, и мы лишились права жительства в этом городе. Мама добилась приема у губернатора и получила отсрочку от высылки, пока не будет оперирован отец. Но ничего не помогло. Не знаю почему, но оттуда мы поехали в Александровск, небольшой городок на Днестре: может быть, отец хотел умереть в родных местах, на берегах реки, свидетельницы дней его молодости и его прошлого величия.

После смерти отца мы вернулись в Одессу. Помнятся мне маленькие комнаты и свежие булочки, которые мама дает каждое утро сестре и мне, а сама ест только то, что осталось со вчера. Но совет дядиного сына был отвергнут без оговорок: и сестру, и меня она послала в гимназию.

Отца я совершенно не помню, вернее, помню очень смутно, но слышал о нем рассказы и даже легенды. В те годы закладывалось и подымалось торговое богатство Одессы, стольного града хлебной Украины, отец, по-видимому, был одним из лучших создателей этого богатства. Заправляло на хлебном рынке "русское общество пароходства и торговли", РОПИТ, оно числило отца среди главных своих агентов. Говорили, что он был главным скупщиком зерна на всей территории правобережной Украины, области, которая кормила Европу в те годы. Стоило бы написать пространный роман (но такая опасность не грозит, ибо не найду я для этого досуга) о поездках отца на пароходах РОПИТа по Днестру, от Херсона до уступов, перегораживающих русло реки, которые называются "пороги" по-русски и "гирло" (устье) по-украински, в сопровождении многочисленной свиты помощников, специалистов по определению качества зерна, учетчиков и просто людей без пользы и без профессии, которых в Одессе звали странным именем "лаптот"; может быть, его можно ближе всего передать только словом "бездельник". Отец, видимо, был человеком очень ценным в глазах правления, ибо спустя много лет после его смерти я привык видеть в нашей мансарде одного из директоров РОПИТа, который являлся с визитом к маме всякий раз, когда заезжал в Одессу. Даже имя его я случайно запомнил — Пчельников. Он выпивал стакан чаю и не уставал расточать похвалы отцу.

Евреи звали отца Ионой, русские — Евгением. Он родился в Никополе, городе на берегу Днестра. Отец его держал семь почтовых станций на одном из главных трактов, ибо тогда железная дорога не дошла еще до этого края. Станции имели смешанное назначение: постоялого двора, харчевни, почты и конюшни для почтовых лошадей. Один из моих друзей нашел имя дедушки в списке первых подписчиков на первую газету на древнееврейском языке, которая выходила в России, "Гамелиц", если я не заблуждаюсь. Адмирал Чихачев, директор компании РОПИТ, однажды сказал отцу: "Имя тебе Евгений и ты гений". Может быть, он преувеличивал, а может быть и был прав, но во всякое свое посещение Приднепровья я слышал от многих то же самое. Однажды в Александровске собрался вокруг меня десяток стариков, ветеранов торговли зерном, и до полуночи пытались они растолковать мне, в чем состояли

чары, которыми обладал мой отец. Я не понял их, но у меня осталось огромное впечатление от переплетения связей, отношений, сетей, нитей влияния, которые связывают Аргентину с Украиной, Черное море с тремя океанами, Валплац в Вене, резиденцию министра иностранных дел Австро-Венгрии, с Капа Ровиной, где собирались зерноторговцы в Одессе. Одно уразумел я: они говорили мне, что отец совершал свои расчеты в уме "до осьмушки копейки" (я не унаследовал этого дара, для меня даже таблица умножения китайская грамота). И еще одно: много раз предупреждали его, что помощники обворовывают его. Он неизменно отвечал: "Тот, кто ворует у меня, беднее меня, и, может быть, он прав". Именно эта философия и передалась мне по наследству.

Способности отцу достались, как видно, от его матери, о которой я тоже слышал немало легенд, но здесь не место рассказывать их. Духовное наследие со стороны деда было другого рода: преувеличенная нервозность, граничащая с истерией, симптомы которой я обнаружил у многих представителей моей родни. Один из них, мой младший дядя по отцовской линии, из странной породы обаятельных прохвостов, гениальный лжец, лжец милостью Божьей, обладатель единственных в своем роде музыкальных способностей — он умел щелкать соловьем, и половина населения Никополя собиралась у окна его дома, чтобы послушать его трели, — на старости лет спятил с ума и подписывал свои письма ко мне "Иисус II". Но отец любил его больше, чем многих других братьев, и однажды дал ему ответственное поручение - надзирать за отгрузкой зерна за границу, а сам уехал на две недели. Вернувшись, он застал полное расстройство в делах и мрачные лица в конторе РОПИТа. Через несколько дней после этого открытия он почувствовал подозрительную боль внутри, врачи поставили диагноз - рак, и послали его в Германию. Мы провели там два года, останавливаясь в Берлине зимой и в Эмсе на Рейне летом. В Берлине я ходил в немецкий детский сад, а в Эмсе видел однажды старого кайзера Вильгельма, который приподнял шляпу в ответ на мой поклон: тогда еще в мире существовала вежливость, даже и в этой части света. Отец не выздоровел.

Одним из трех факторов, которые наложили печать свободы на мое детство, была Одесса. Я не видел города с такой легкой атмосферой, и говорю это не как старик, думающий, что на небосклоне потухло солнце, потому что оно не греет ему, как прежде. Лучшие годы юности я провел в Риме, живал в молодые лета и в Вене и мог мерять духовный "климат" одинаковым масштабам: нет другой Одессы — разумеется, Одессы того времени — по мягкой веселости и легкому плутовству, витающим в воздухе, без всякого намека на душевное смятение, без тени нравственной трагедии. Я не скажу, Боже упаси, что обнаружил в этой атмосфере избыток глубины и благородства, но ведь ее ласкающая легкость именно и состояла в отсутствии какой бы то ни было традиции. Из ничего, из нуля возник этот город за сто лет до моего рождения, на десяти языках болтали его жители, и ни одним из них не владели в совершенстве. Среди моих многочисленных знакомых был только один, чей отец тоже родился в Одессе: поистине, нет благородства без традиции и без трагедии. Город эфемерный, как клещевина пророка Ионы, и все, что произрастает в нем, -

материальное, нравственное, общественное — тоже Ионова клещевина, преходящий случай, острота, авантюра. Правда, конечно, дело почтенное, но и ложь не преступление, ибо ведь и у собеседника есть кипучее, гибкое, мгновенно вспыхивающее воображение. Добавьте еще ненасытное любопытство к тому, что принесет восходящий рассвет, всякая весть о нем — великое событие, толпа бурлит, руки взметаются ввысь, стены биржи и столики кафе сотрясаются от буйства криков. Поцелуи тоже дешевы, более чем дешевы -даром (и однако эти девушки, сколько мне помнится, все впоследствии вышли замуж и все до одной стали напористыми матронами).

На ребенка, воспитывающегося в такой среде, она может оказать дурное или хорошее влияние, это зависит не от среды, а от самого ребенка. Один впитает подлость (Полонский, русский поэт, написал роман из жизни Одессы и назвал его "Дешевый город"), а другой, напротив, усвоит буйство, авантюризм, любопытство, неиссякаемую бодрость — так что каждое утро чудо - снисходительную улыбку, которую равно откликнется на поражение и на удачу. Странно: как раз в книгах английского поэта, воспитанного самой строгой традицией в мире, всю свою жизнь отстаивавшего эту традицию, нашел я отголосок этой психологии. Киплинг написал (я не помню дословно): "Победа или беда: умей отнестись равно хладнокровно и к той и к другой, ибо и то и другое - обман". На старости лет он обобщил опыт своей жизни, обратившись к Создателю: "Боже! Я обозрел всю землю Твою и не увидел на ней ничего обыденного: все, что я увидел, — чудо". Быть может, я тоже представитель этого второго рода.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Отрочество

В моей метрике значит: "Девятого дня месяца октября 1880 года родился сын у никопольского мещанина Евгения Жаботинского и его супруги Евы, которая нарекла его именем Владимир". Здесь три ошибки: отца звали Ионой, сыном Цеви, мать - Хавой, дочерью Меира, а родился я 5 октября, (18 по новому стилю), по расчету моей матери в неделю, когда в синагогах читают раздел Торы "Ваейра" ("И явился") из кн. Бытие. До своего семнадцатого года жил в Одессе, дома и на улице мы разговаривали только по-русски, мама пользовалась идиш только в беседах с моими престарелыми тетушками; сестра и я научились понимать этот язык, но ни разу нам не пришлось обратиться к маме или к кому-нибудь другому на идиш.

Сестра научила меня читать по-русски, было мне восемь лет, когда один из наших соседей вызвался обучать нас обоих древнееврейскому языку, и этот добрый человек был Иегошуа Равницкий. В течение нескольких лет, пока мы не сменили квартиру, я брал у него уроки, и я протестую против басни, будто я не знал слов "Берешит бара элохим...", до того как вступил в лагерь сионистской деятельности. Мама никогда не допустила бы этого! После появился у меня другой учитель, имя которого я забыл. Он готовил меня к бар-мицве. Читали мы с ним и стихи Иегуды Лейба Гордона. Один из сыновей дяди, который квартировал у нас в течение года, обучал меня французскому языку, а у сестры, изучавшей в гимназии английский, я взял несколько уроков этого языка.

Помимо уроков древнееврейского, в ту пору у меня не было никакого внутреннего соприкосновения с еврейством. После смерти отца я до конца года ходил три раза в день в небольшую синагогу ювелиров, что была неподалеку от нашего дома, но не участвовал ни в каких других молитвах, кроме кадиша. Дома строго соблюдался

кашрут, мама зажигала свечи вечером в пятницу и молилась утром и вечером, и сестра тоже выучила благодарственную молитву и "Шма", но все эти обряды не проникли в наши сердца. В библиотеке еврейских служащих торговых предприятий, куда я бегал каждый день, чтобы сменить том, "проглоченный" мною накануне, было много еврейских книг. Я их не читал.

Раз или два попробовал и не нашел в них никакого движения, только печаль и уныние: "неинтересно". "Убежденный" у меня в эти дни и позднее, возможно, до двадцатилетнего возраста и далее, не было ни в том, что касается еврейства, ни по какому-либо социальному или политическому вопросу. Если бы меня тогда спросил христианский юноша, как я отношусь к евреям, я ответил бы, что я "люблю", но на вопрос еврея я дал бы другой и более полный ответ. Разумеется, я знал, что в конце концов у нас будет "государство" и что я тоже перееду туда жить, ведь это известно и маме, и всем тетушкам, и Равницкому, но это было не "убеждение", а такая же естественная вещь, как, например, помыть руки утром и съесть тарелку супа в обед. Я ошибся: одно "убеждение" выработалось у меня еще на заре детства, и по сей день оно определяет все мои отношения к обществу. Правда, некоторые люди утверждают, что это не убеждение, а мания.

Поистине, я помешался на идее "равенства". Тогда эта моя склонность выражалась в гневных протестах против всякого, кто осмеливался обратиться ко мне на "ты", а не на "вы" — то есть против всего совершеннолетнего человечества. Этой мании я остался верен по сей день: на всех языках, на которых имеется это различие, даже к трехлетнему ребенку я не обращаюсь иначе, чем на "вы", и если бы я даже захотел поступить иначе, то не смог бы. Я ненавижу всей душой, и это органическая ненависть, которая берет верх над всяким аргументом, над рассудком и над самим бытием, любое представление, которое намекает на "неравноценность" людей. Возможно, это не демократизм, а нечто противоположное ему: я верю, что каждый человек — царь, и если бы я мог, то создал бы новое общественное учение, учение о "панбасилевсе".

Когда мне исполнилось семь лет, мама послала меня в частную школу, учрежденную двумя еврейскими девицами, госпожой Лев и госпожой Зусман. В ней было два класса, одна девица была учительницей по общеобразовательным предметам в первом классе, а другая - во втором. Мальчики и девочки учились вместе: очень редкая вещь в те дни. Я бегло описал эту школу в рассказе "Белка", также как историю моей отвергнутой любви, вспыхнувшей в соседстве с женской купальней: правда священна. Добавлю только, что я не помню, чтобы мы учили что-нибудь "еврейское" — историю еврейского народа, например, или молитвы, — и то обстоятельство, что именно этого я не помню, характерно для моей "национальной" индифферентности, о которой я упоминал ранее.

Четыре раза держал я экзамен для поступления в гимназию, в реальное училище, в коммерческое училище — и проваливался. С 1888 года был введен закон, согласно

которому в государственные учебные заведения принимался один еврей на девять христиан, и поэтому возросла конкуренция между экзаменующимися Моисеева закона. Поступить удавалось лишь настоящим вундеркиндам или тем, чьи родители давали солидный куш учителям, а я был гол с обоих боков. Наконец, не знаю каким чудом, меня приняли в подготовительный класс второй прогимназии, курс обучения которой я завершил в возрасте 14 с половиной лет и перешел в пятый класс Ришельевской гимназии. Два этих учебных заведения я ненавидел, как и все гимназисты: до сих пор, услышав от своих маленьких друзей, что они любят свою школу, я только диву даюсь. Отпетым и закоренелым лентяем был я все годы своей учебы, ненавидимым большинством учителей, и не было счета скандалам и конфликтам, которые возникали у меня с чиновниками от российской педагогики.

Из этой цепи происшествий упомяну одно: меня прогнали с выпускного экзамена в прогимназии. Я передал соседу шпаргалку с переводом латинского отрывка, учитель перехватил ее, и нас обоих отослали домой, и только после каникул нам разрешили экзаменоваться снова. Я не знаю другого примера такого наказания за столь мелкое преступление, но между мной и учителями существовала взаимная ненависть. Должен, однако, признать, что я почти не чувствовал антисемитского духа в этих государственных учебных заведениях: может быть, потому, что вообще русское общественное мнение — правое и левое — было погружено в спячку весь этот период, вплоть до последних лет XIX века, недаром называют его в России "безвременьем", то есть периодом безликости.

Ни со стороны наших учителей, ни со стороны наших однокашников, мы, еврейские ученики, не испытывали гонения, и, что всего страннее, несмотря на это, мы всегда держались особняком от своих христианских товарищей. Нас было десять в классе: сидели мы вместе, и если встречались в частном доме, чтобы играть, читать или просто болтать — все это было только в своем кругу.

Лишь у некоторых из нас были друзья из русского лагеря. Меня, например, связывала верная дружба со Всеволодом Лебединцевым, отличным юношей, чье имя будет еще упомянуто в этом повествовании. Много раз я ходил к нему в гости, и он навещал меня, но ни разу не пришло мне на ум ввести его в наш обособленный круг, и он не ввел меня в свой круг, — хотя мне и неизвестно, был ли у него "круг". Еще более странно, что и в нашем еврейском "кругу" не веяло еврейским духом: если мы читали вместе, то иностранную литературу, предметом наших споров были Нищие и вопросы морали, морали вообще или морали половой, а не судьба еврейства и не положение евреев в России, которое тяготело над всеми нами.

Кроме отрывочного знания латыни и греческого (и это я ценю по сей день), всему, чему я выучился в детские годы, я выучился не в школе. Разумеется, я много читал, без руководства и наблюдения, но по воле случая я мог выбирать. Прежде всего, от времени отцовского величия нам остался книжный шкаф, в котором я нашел все сочинения Шекспира в русском переводе, Пушкина и Лермонтова. Этим трех авторов

я знал от доски до доски еще до того, как мне исполнилось четырнадцать лет, и еще и поныне не без труда нахожу я стихотворение Пушкина, которое не было бы мне знакомо и которого я не знал бы до конца.

Но остальную русскую литературу я и тогда не очень жаловал (быть может, кроме поэзии), да и теперь она чужда моему духу. Я не склонен углубляться в бездны души, сердце мое вожделеет действия, моими любимцами в детстве были приключенческие писатели, которыми зачитывались мои сверстники, и я сожалею, что новое поколение молодежи, как я слышал, отошло от них: от Майн Рида, Брет Гарта, Вальтера Скотта и им подобных. Этот выбор, банальный и здоровый, спас меня от преждевременной духовной зрелости, болезни молодежи, которая появилась в позднейший период. Когда же я исчерпал все богатства той библиотеки, и в ней не осталось ни одной не прочитанной мною приключенческой книги, и я был вынужден перейти к "серьезной" литературе, я предпочитал таких иностранных авторов, как Диккенс и Золя, Шпильгаген и Джордж Элиот гениям русского романа - из страха перед психологией. И все же, следует признать, что наиболее сильное впечатление произвела на меня русская книга — "Обрыв" Гончарова: этот роман обозначил духовную границу между моим детством и юностью, сам не знаю почему. С другой стороны, четыре творения из сокровищницы мировой поэзии, которые я любил больше всего (и люблю поныне), служат решительным доказательством поверхностной простоты моего вкуса: "Сирано" Ростана, "Сага о Фрильофе" Тегнера, "Конрад Валенрод" Мицкевича (мой польский одноклассник в прогимназии научил меня своему языку) и больше всего — "Ворон" Эдгара По. Будь я богат, я бы сделал себе подарок: эти четыре вещи, переплетенные вместе, каждая из них на языке оригинала, памятники культа великолепного жеста и прекрасного слова, которого я не встречал в жизни.

Не подумайте, упаси Боже, что в эти годы я был домоседом. По вечерам я читал, но всякий свободный час до наступления сумерек я проводил в городском парке (парк в Одессе по своему размеру занимает изрядную часть самого города) или на берегу моря. Порою я отправлялся поутру в гимназию, — но вот улыбается солнышко, распустилась сирень... и я бросал ранец в бакалее, что была около нашего дома, и бежал в порт ловить раков на огромных камнях мола, которые называются "массивами". В парке с компанией таких же бездельников я играл в "казаков и разбойников" и возвращался домой, гордясь царапинами и синяками на лице и на теле, полученными от соприкосновения с палкой, мячом или камнем. Однажды я и еще двое товарищей заплыли так далеко, что встревожился смотритель пляжей и погнался за нами на лодке с багром в руках. Несколько лунных ночей мы провели на арендованной шаланде (возможно, без ведома самого рыбака), которая заплыла за маяк. Мы сочиняли русские морские песни или нашептывали нежные признания девушкам.

Было мне 15 лет, и я учился первый год в гимназии Ришелье, когда один из еврейских учеников пригласил меня к себе домой и представил своим сестрам. Одна из сестер играла на рояле, когда я вошел в комнату; впоследствии она призналась мне, что

странное явление — негритянский профиль под буйной шевелюрой — заставило ее расхохотаться за моей спиной. И все же в тот первый вечер я снискал ее благосклонность, когда назвал ее — первый из всех ее знакомых, "мадемуазель". Было ей десять лет звали ее "Аней", Иоанной Гальпериной, и это моя жена. И ремесло свое я избрал тоже в детстве: начал писать еще в десятилетнем возрасте.

Стихи, разумеется. "Печатал" я их в рукописном журнале, который издавали два молодых человека, ученики не моей школы (один из них, если я не ошибаюсь, теперь посланник советов в Мексике); позднее, в шестом классе, мы в нашей школе тоже основали тайную газету, и ее мы уже распространяли на гектографе, а я был одним из ее редакторов. "Тайную!" Ибо это было запрещено согласно российским законам вообще и гимназическим правилам в частности; однако в нашей газете не было даже намека на "политику", не из страха, а из того равнодушия к ней, которое я описал ранее, и тем не менее газета наша называлась "Правдой", и главный редактор, христианский юноша, чьи родители были выходцами из Черногории, влюбился в том году сразу в двух девиц. Одну из них звали Лидой, а другую Леной; в конце концов верх взяла первая, и он избрал псевдоним Лидин, которым подписывал свои статьи; если бы победу одержала Лена, то он подписывался бы Лениным!

Я перевел на русский язык "Песнь песней" и "В пучине морской" И. Л. Гордона и послал их в "Восход" — не напечатали. Перевел "Ворона" Эдгара Аллана По и послал в "Северный вестник", русский ежемесячный журнал в Петербурге, — не напечатали. Написал роман, название и содержание которого я не помню, и послал его русскому писателю Короленко, и он из вежливости ответил мне, то есть посоветовал "продолжать". Не сосчитать всех рукописей, что я посылал редакторам и получал назад — или не получал — в возрасте между 13 и 16 годами. Я уже отчаялся в своей будущности, уже страшился, что мне написано на роду быть адвокатом или инженером. Однажды я случайно развернул ежедневную одесскую газету и нашел в ней статью под названием "Педагогическое замечание". Моя статья! Довожу до сведения грядущих поколений дату — 22 августа 1897 года — и содержание: острая критика системы выставления отметок в школах, ибо такая практика может вселить зависть в сердца слабых учеников.

В эти дни в Одессе жил Александр Федоров, известный русский поэт. Он увидел перевод "Ворона", пригласил меня к себе, ободрил меня и представил редактору газеты "Одесский листок". Я спросил последнего: "Стали бы вы публиковать мои корреспонденции из-за границы?" И получил ответ: "Возможно. При двух условиях: если вы будете писать из столицы, в которой у нас нет другого корреспондента, и если не будете писать глупостей".

У него были корреспонденты во всех европейских столицах, за исключением Берна и Рима. Мама просила: "Только не в Рим! Поезжай с Богом, раз ты уж решил оставить гимназию, но на худой конец в Берн, там среди студентов есть дети наших знакомых".

Кстати, среди прочих волшебных сказок, которыми незаслуженно разукрасили летопись моей жизни, слышал я и такую, будто меня "исключили" из гимназии. Боюсь, что если бы я не оставил тогда ее, в конце концов меня бы действительно выгнали, но случайно я ушел из нее по своей доброй воле еще до этого неотвратимого события.

Ибо мне атмосфера гимназии опротивела, и я решил оставить ее при первой же возможности, даже не закончив курса. Жестоко боролся я за это решение с членами своей семьи, родственниками и знакомыми. Молодой читатель не поймет, что значила "гимназия" в глазах еврейского общества сорок лет тому назад: аттестат зрелости — университет — право жительства вне "черты", - короче говоря, человеческая, а не собачья жизнь. А я уже ученик седьмого класса, еще полтора года, и я смогу надеть синюю фуражку и черную тужурку студента. Что за безумие пожертвовать такими возможностями и разрушить их, и, прежде всего, Бога ради, почему?

Хоть убейте меня, я не знал почему. Потому. И, быть может, нет объяснения тайнам хотения, которое более точно выражало бы их, чем "потому".

Де Монзи, известный французский политик и друг сионизма, однажды сказал мне: "Я понимаю в сионизме все, кроме постановки вопроса о языке". И он привел мне с большой аналитической силой и превосходной логикой множество убедительных аргументов против древнееврейского языка, который разрушает всякую связь между мировой культурой и "народом, который создал эту культуру". Я искал удовлетворительный ответ, не нашел и ответил: "И все-таки древнееврейский язык. Почему? Потому". Де Монзи воздел руки горе и сказал: "Теперь я понял. Вы правы. Страсть, не поддающаяся объяснению, выше всяких объяснений".

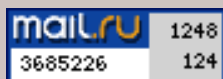
Не следовало бы вспоминать об упорном характере народа, собираясь всего лишь поведать о подростке, улизнувшем из школы. Но это был не единственный случай в моей жизни, когда я покорялся необъяснимому "потому", и я не раскиваюсь.

Был у меня в Одессе дядя, старший брат матери, дядя Абрам, состоятельный коммерсант, знаток древнееврейского языка и бритый маскил*, человек умный и многоопытный. Он — единственный из всех родственников — ни разу не спросил меня "почему?", но в канун моего отъезда, когда я зашел проститься с ним, сказал мне вещь очень разумную и полезную:

- Я слышал, что ты хочешь стать писателем и ради этого избрал странный путь. Это не мое дело. Но вот что ты должен помнить: если ты преуспеешь, все согласно станут уверять, что ты умница, а если не повезет, скажут: "невежда, и мы всегда знали, что он просто дурак".

Весной 1898 года я оставил гимназию и отправился в Швейцарию, и этим завершился период моей юности и созревания. Было мне 17 лет, был я не очень "симпатичный", ибо склонялся к парадоксам и позе и имел преувеличенное мнение о себе, и не было у меня плана или линии в жизни, одна лишь жажда жить.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Берн и Рим

Я проехал через Подолию и Галицию, третьим классом, разумеется. Поезд полз, словно черепаха, останавливаясь во всех местечках. На всех станциях, днем и ночью, в вагон входили евреи; на перегонах между Раздельной и Веной количество слышанного на языке идиш было больше, чем за все прошлые годы моей жизни. Не все я понимал, но впечатление было сильным и горестным. В поезде я впервые соприкоснулся с гетто, своими глазами увидел его ветхость и упадок, услышал его рабский юмор, который довольствовался вышучиванием ненавистного врага вместо бунта... Теперь, состарившись, я научился различать под покровом этого пресмыкательства и насмешки достаточную степень гордости и смелости; тогда я не знал этого, тогда я склонял голову и молча вопрошал себя: и это наш народ?

В Бернском университете (который размещался в том же здании, что и главное полицейское управление) я записался на отделение права. Признаюсь к своему стыду: я не помню имен своих профессоров, кроме имени еврея Рейхсберга, да будет земля ему пухом, из уст которого я впервые услышал об учении Карла Маркса. Гораздо больше заинтересовала меня жизнь "русской колонии". Было в ней около трех сотен душ, в большинстве своем евреев и евреек, и я был самым молодым из них. Сначала я несколько выделялся, потому что решил быть вегетарьянцем и не столовался в их общественной столовой. Но мои попытки самому готовить себе окончились неудачей: поныне помню я "какао" собственного производства — плотные коричневые комья, плавающие на поверхности молока, которое чаще всего перекипало и сбегало на пол, прежде чем я успевал снять кастрюлю со спиртовки. После двух недель такого режима, в продолжение которых я был голоден, словно целая волчья стая зимой, я отчаялся в своей вегетарьянской вере и обратился в постоянного посетителя столовой колонии.

Я не стану описывать жизнь колонии, это уже делали неоднократно. Описано уже и то пьянящее и завораживающее впечатление от перехода из царства гробового молчания, каким была Россия сорок лет тому назад, к этому шумному бурлению. Все слова, запрещенные в России, превратились здесь в обыкновенные слова вроде "здравствуйте", "спасибо" или "пожалуйста". Революционная литература, о которой еще какой-нибудь месяц назад мы говорили только шепотом и намеками между собой в Одессе, здесь вся была в книжном шкафу, доступном каждому. Свобода — это свобода говорить и спорить, но не действовать. Мы жили под сенью Альп, а видели во сне Волгу. Мы уподоблялись шутихе, рассыпающей свои искры с невероятной скоростью, поскольку она вертится в воздухе, не связана ни с каким двигателем и ничто ее не сдерживает.

Дважды в неделю собирались сходки в колонии, на которых, как правило, велись споры между фракциями Ленина и Плеханова или между "эсдеками" и "эсерами" (люди моего поколения помнят, в чем заключалось различие между ними, остальным нет смысла и объяснять). Иногда устраивались "вечера", пели русские песни, но Житловский — не помню, учился ли он в Бернском университете или его на какое-то время занесло к нам, — требовал неизменно, чтобы пели также песни на идиш. Однажды колонию посетил Нахман Сыркин и много говорил о слиянии сионизма и социализма. Он не нашел большого числа приверженцев, потому что среди нас было еще мало сионистов. Но мне хорошо запомнилась эта беседа, ибо я тоже выступил с речью, впервые в моей жизни, и при том с "сионистской" речью.

Я говорил по-русски примерно так: не знаю, социалист ли я, ибо я еще не познакомился как следует с этим учением, но то, что я сионист, — несомненно. Ибо еврейский народ очень скверный народ, соседи ненавидят его — и поделом, изгнание его ожидает, Варфоломеевская ночь, и его единственное спасение в безостаточном переселении в Палестину. Председатель собрания — молодой Лихтенштейн (годы спустя он стал почтенным деятелем в Палестине и там умер несколько лет тому назад), перевел мою речь на немецкий язык с энергической лаконичностью: "Оратор не социалист, потому что он не знает, что такое социализм, но он законченный антисемит и советует нам укрыться в Палестину, иначе всех нас вырежут". Видно, впечатления от поездки через Галицию проникли в самую глубь моей души! После окончания собрания ко мне подошел Хаим Раппопорт (один из нынешних руководителей коммунистических лидеров во Франции) и сказал, улыбаясь во весь рот: "Я не предполагал, что в среде русской молодежи сохранился еще такой зоологический юдофоб!" "Но я не русский!" — воскликнул я. Он не хотел поверить мне.

В это же лето я начал свою литературно-сионистскую деятельность, избрав на сей раз более подходящую форму: в петербургском ежемесячном журнале "Восход" я напечатал стихотворение "Город мира". Боюсь, я позабыл, чему учил меня Равницкий и что слово "ир" ("город") начинается с буквы "аин" и думал в простоте душевной, что

"Иерусалим" следует переводить как "город мира". Теперь я, разумеется, знаю, что это противоречит и правописанию и действительности.

Осенью я переехал учиться в Рим и оставался там три года подряд. Если есть у меня духовное отечество, то это Италия, а не Россия. В Риме не было никакой русской колонии. Со дня прибытия в Италию я ассимилировался среди итальянской молодежи и жил ее жизнью до самого отъезда. Все свои позиции по вопросам нации, государства и общества я выработал под итальянским влиянием. В Италии научился я любить архитектуру, скульптуру и живопись, а также литургическое пение, над которым в те времена потешались приверженцы Вагнера и теперь потешаются приверженцы Стравинского и Дебюсси. в университете моими учителями были Антонио Лабриола и Энрико Ферри, и веру в справедливость социалистического строя, которую они вселили в мое сердце, я сохранил как "нечто само собой разумеющееся", пока она не разрушилась до основания при взгляде на красный эксперимент в России. Легенда о Гарибальди, сочинения Мадзини, поэзия Leopardi и Джустини обогатили и углубили мой практический сионизм и из инстинктивного чувства превратили его в мировоззрение. В театре уже сошли со сцены Сальвини, Росси, Аделаида Ristori; Д'Аннунцио писал лучшие свои пьесы для Элеоноры Дузе, Эрмети Нобели возродил классическую трагедию от Шекспира до Альфиери, Эрмети Цакони предоставил права гражданства в душе южной публики горькому колдовству Ибсена, Толстого и Гауптмана; и место на деревянной скамье на галерке в театре стоило от 40 грошей до лиры, не считая четырех часов стояния в "хвосте" до открытия дверей. В большинстве музеев я чувствовал себя как дома; не осталось ни одного заброшенного уголка в переулках предместий Богго и по ту сторону Тибра, который не был бы знаком мне, и почти в каждом из этих предместий мне довелось снимать квартиру, здесь месяц, там два, потому что неизменно после опыта первой недели хозяйки, жены торговцев или чиновников, вечно на сносях, протестовали против непрерывной сутолоки в моей комнате, визитов, песен, звона бокалов, криков спора и перебранок и наконец всегда предлагали мне подыскать себе другое место, чтобы разбить там свой шатер.

Славной страной была Италия тех дней, на пороге XX столетия. Если бы от меня потребовали найти слово, которое передает в полной мере общую основу всех потоков политической мысли, взаимооборствовавших в итальянском обществе, я избрал бы тот устаревший термин, над которым уже тогда смеялись и который теперь стал сущей мерзостью и табу в глазах молодежи в Италии и во всем мире: "либерализм". Это понятие широкое, расплывчатое благодаря своей широте: мечта о порядке и справедливости без насилия, всечеловеческое видение, сотканное из сострадания, терпимости, веры в то, что человек по природе своей добр и справедлив. Тогда еще не ощущалось в воздухе ни малейшего намека на тот культ "дисциплины", который нашел свое выражение в фашизме. Если сохранились в моей памяти симптомы, предвещавшие уже тогда приближение какой-то перемены в умах, то еще не Муссолини предвещали они, а Маринетти, литературное и философское течение, присвоившее себе (и это тоже произошло не тогда, а несколько лет спустя)

титул "футуризма", течение, историческое назначение которого, возможно, состояло в том, чтобы послужить прологом для движения Муссолини.

Среди моих товарищей студентов я уже знал нескольких, которые с горечью и гневом протестовали против иностранного туриста, упорствовавшего в своем восприятии Италии как "музея", хранилища остатков прошлого великолепия, относившегося к новому итальянцу как если бы он был лишь элементом пейзажа: элементом, радующим глаз, если это лаццарони, одетый в лохмотья и играющий на мандолине, элементом излишним и мешающим, если он пытается строить фабрики, которые портят впечатление от живописного вида древних руин. Из уст этих избранных я уже слышал: "Придет день, и мы пошлем ко всем чертям этих туристов. Новая жизнь, фабричные трубы — вот истинная Италия; может быть, лучше сжечь все картины от Боттичелли до Леонардо, разбить все скульптуры, и на месте Колизея построить колбасную фабрику". Словно раннее эхо учения Маринетти слышится в этих идеях: аэропланы прекраснее трелей неаполитанского романса, будущее лучше прошлого; Италия — страна фабрик, страна машин и электричества, она никак не выпас для прогулок мирового безделья, которое ищет в ней эстетическую забаву; новый итальянец — любитель порядка, организатор, педант в ведении бухгалтерских книг, строитель и завоеватель, упорный и жестокий - таково было предвестие фашизма. Но в те дни даже Маринетти еще не знали. По долгу журналиста (я перешел в газету "Одесские новости", и она осталась моей постоянной газетой почти до самой мировой войны) и по внутренней склонности я всматривался с особой пристальностью в жизнь Монтечитторио, то есть здания, в котором помещалась палата депутатов Италии.

Его лицо мало чем отличалось от лица большинства парламентов той наивной эпохи: "правое" правительство и "левая" оппозиция. Но как умеренны были и "правые" и "левые" по сравнению с сегодняшним экстремизмом с обеих сторон! Во главе "левых" стояла, разумеется, фракция социалистов, и к ней примыкал духовно и я, хотя ни разу ни в Италии, ни в России я формально не вступал в партию. Ее конечную цель — национализацию орудий производства — я считал тогда естественным и желательным последствием развития общества; я верил также в то, что "рабочий класс" — знаменосец всех неимущих, независимо от того, наемные ли они рабочие, лавочники или адвокаты без клиентуры. Еще не обозначилось со всей резкостью и точностью эгоистическое содержание "классового сознания", которое только после победы Ленина в России раскрылось в полной мере. Антонио Лабриола, главный глашатай марксистской доктрины в Италии, проповедовал ее не только с университетской кафедры: ежевечерне встречался он со своими студентами в кафе "Эранио" на улице Корсо (теперь она называется Корсо Умберто). Я тоже был в числе этих студентов. Он беседовал с нами о событиях в Италии и за границей, о Трансваальской войне, о "боксерском" восстании в Китае, о прошлом и о будущем. Он относился к нам как наставник и советчик: однажды он велел мне сопровождать его ночью и по дороге выговаривал за то, что за день до этого видел меня в компании нескольких юношей, подозреваемых в склонности к анархизму.

Энрико Ферри я лично не знал, но он оказал еще большее влияние на мой ум, чем Лабриола. Официально его курс в университете назывался "Уголовное право", то есть был посвящен учению о преступлении и наказании, но его лекции отличались поистине энциклопедической широтой, охватывая ближнее и дальнее, явное и тайное, общество, душу, наследственное право, материю и дух, переустройство общества, литературу, искусство и музыку. Также благодаря своему ораторскому искусству он властвовал над нами: он считался, если я не заблуждаюсь, одним из десяти лучших ораторов в Европе своего поколения, собратом Жореса по гениальности в этой области, — но Жореса мне не довелось слышать. И странное дело: не было проблемы, которой мы не занимались бы в кружке Лабриолы или в своем студенческом кругу — от положения негров в Америке до поэзии декадентов, кроме единственного вопроса, которого мы никогда не касались — еврейского вопроса. Помню, однажды вечером, в ходе спора о тех же декадентах, Лабриола подверг резкой критике книгу Макса Нордау "Вырождение" и припомнил при случае несколько других грехов автора, но и на сей раз обошел молчанием его самый большой грех — сионизм. Не умышленно — забыл, и все мы забыли, забыл и я. Не было тогда в Италии не только антисемитизма, но и вообще не было никакого выработанного отношения к евреям, как не было установившегося отношения к бородачам. Впоследствии (по прошествии многих лет) я узнал, что в числе наиболее близких мне членов этого кружка было два или три еврея; тогда однако, в годы моего учения в Риме, мне не пришло на ум спросить их, кто они, так же как они не спросили меня об этом.

Возможно, я допустил неточность, когда сказал: "Забыл и я". Возвращаясь всякий раз из Одессы в Рим после каникул, я еще трижды проезжал не только Галицию, но и часть прежней Венгрии между Мункачем и Кашау (теперь их называют Мукачево и Кошице в Чехословакии) — области с плотным еврейским населением, и то же впечатление, что вызывало у меня тогда чтение истории итальянского Возрождения, возникло в моей душе, скорее неосознанное, подспудное, но, быть может, и более сильное. Не забыл, возможно, уже тогда дал я обет в душе, что после лет учения отдамся сионистской работе, ведь я подмечал все то, что относилось к идее еврейского государства. Но этот "обет" был пассивным обетом: я не думал о нем, не интересовался даже конгрессами, которые собирались из года в год в Базеле, и после единственного "туристского" посещения римского гетто (и это тоже только благодаря историческому палаццо семейства Беатриче Ченчи) больше не посещал его. Признаюсь со стыдом в еще большем преступлении: как-то раз, находясь в веселой компании девушек и юношей, в ходе их беседы (полупочтительной, полунасмешливой) об обычаях католической церкви одна из девушек, сидевшая возле меня, спросила: "А вы, господин, православный?" Я ответил утвердительно. Не знаю сам, почему я так ответил: нет сомнения, что я не упал бы в их глазах ни на волос, если бы сказал правду, - но возможно, я опасался, что потеряю в их мнении, если признаюсь перед этими свободными людьми в том, что я раб.

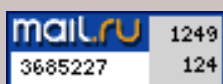
...Однако все это лишь одна сторона моих римских воспоминаний, и не самая

существенная. Главным в этот мой римский период была жизнь, жизнь молодого, здорового и легкомысленного существа, живущего, как и все остальные итальянцы вокруг. Я настолько ассимилировался в этой среде, что не выделялся из нее. Это был единственный период во всей моей жизни, когда я действительно жил в другом народе, одной жизнью с гражданами этой страны. С русскими в России я почти совсем не "жил". А теперь, вот уже более десяти лет я обитаю в Париже среди эмигрантов — словно оказался на заброшенном острове в обществе спасшихся после кораблекрушения, как будто кроме нас никого здесь нет, так что мало-помалу я забываю французский язык... Итальянский по сей день для меня мой язык, возможно, даже в большей степени, чем русский, хоть я теперь и запинаясь и подыскиваю забытые слова в разговоре. Тогда, в дни моей молодости, я говорил по-итальянски, как итальянец, жители Рима принимали меня за уроженца Милана, а сицилианцы за римлянина, но не за чужеземца. Между моими и их мыслями, реакциями, выражениями радости и гнева и повседневными привычками не было никакого различия. Нет недостатка в людях, которые назовут такой образ жизни пустой тратой времени и сил, но я не сожалею. Действительно ли "промотал" свою молодость тот, кто умел и выпить и погулять, познал легкие суетные удовольствия и сумасбродства, отдал молодости то, что ей причиталось, и только пройдя этот коридор, ступил на порог зрелости со всеми ее заботами? Я видел жизнь русской колонии в Берне, видел впоследствии жизнь своего поколения в России, которая готовилась к трем революциям, и читал слова Б ялика, приговор и горестный и уничтожающий: "Душу мою сжег ее собственный пламень". Души своей я не сжег, во всяком случае, даже если я и обжигался иногда, то это был не внутренний сухой огонь, но огонь действительности, ожог от контакта с людьми и вещами вне меня самого. Так лучше, и я не раскаиваюсь.

Я повествовал о фрагментах из этой жизни (разумеется, сильно приукрашивая их) на страницах "Новостей". Когда не было другой темы или цензор решал "зарезать" мою статью, я писал "Итальянский рассказ". Большинство этих рассказов невозможно спасти от могилы, да и не имеет смысла - для читателя; но я, если речь идет обо мне, быть может, получил бы все-таки удовольствие от беглого обозрения глав моей юношеской глупости. Не изобразил ли я в них коммуны, которую мы основали с компанией таких же сумасбродов, как я сам? Не рассказал ли я о деле Пренады, невесты моего друга Уго, которую мы выкупили из публичного дома и вывезли оттуда в торжественной процессии с мандолинами и факелами? А спор, который вспыхнул между мною и Уго, тем самым другом моим Уго, и как я послал двух "секундантов", чтобы вызвать его на дуэль от моего имени, и как уже было назначено утро для нашей встречи на вилле Борджиа, и куплены пистолеты, и особый совет наших товарищей-студентов провел несколько ночей за "Рыцарским кодексом" (Il Codice Cavalleresco), пока они не отыскали в нем параграф, согласно которому не было основания для поединка в таком случае (а вот в чем заключался сам случай, я уже забыл)? Или появление мое в официальном качестве свата, в черном фраке и желтых перчатках, когда я уселся перед синьорой Эмилией, прачкой и женой извозчика, и от имени своего товарища Гофридо просил "руки" ее старшей дочери Дианы?

Я много писал. Дважды в неделю мои письма печатались в "Новостях" под псевдонимом "Альта-лена" (признаться, я избрал этот псевдоним по смехотворной случайности: тогда я еще не слишком хорошо знал итальянский и полагал, что это слово переводится как "рычаг", лишь впоследствии я выяснил, что оно означает "качели"). Некоторое время спустя мои статьи стали печататься в петербургском "Северном курьере", либеральной газете, издаваемой князем Баратынским; некоторые вещи я печатал по-итальянски в социалистическом "Аванти", а одну довольно большую статью опубликовал в римском ежемесячнике, название которого не помню, — о "литературе настроения" в России, о Чехове и его направлении, я и Горького причислил к этому разряду. В то время мы знали Горького только по коротким рассказам, казавшимся отголоском учения Ницше, которое облекалось в русское одеяние. Он прославлял людей воли и действия, казнил презрением рабов "рефлексии", выхолащивавших и глушивших всякое смелое начинание. Читателям ежемесячника я представил Чехова и Горького в виде двух противоположных концов одной и той же логической цепи: один выражал уныние, тоску, жажду перемен, и да здравствует перемена, строить или разрушать — все равно; а другой отвечал: отдайтесь на произвол судьбы, живите в полную силу, и будь что будет! Я упоминаю о содержании этой статьи здесь потому, что впоследствии нашел эти противоположные концы одной цепи и в поэзии Бялика: первую — в "Далекой звезде", вторую — в "Мертвецах пустыни".

Весной 1899 года я поехал в Одессу держать экзамен на аттестат зрелости со своими одноклассниками, но провалился по очень важному предмету — по древнегреческому языку. Я вернулся в Рим и продолжил свои занятия там — вне университета больше, чем в нем. Летом 1901 года я снова приехал в Одессу, намереваясь затем вернуться в Италию и закончить курс обучения на юридическом факультете. К своему великому удивлению, однако, я обнаружил, что за это время я "приобрел имя" как писатель, и господин Хейфец, редактор "Новостей", предложил мне писать ежедневный фельетон с немалым месячным окладом в 120 рублей. Я не устоял перед этим искушением, отказался от диплома, от карьеры адвоката и от любимой Италии и остался в Одессе, начав новую главу в истории моей молодости.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Журналист

Эта новая глава длилась два года, и она — последний этап на моем пути к сионистской деятельности. Я застал другую Россию. Вместо "уныния и тоски" - нервическое беспокойство, всеобщее ожидание чего-то, весеннее настроение. За время моего пребывания за границей произошли важные события: революционные партии вышли из подполья, убили пару министров, там и сям вспыхивали волнения среди рабочих и крестьян, все студенчество было охвачено брожением. Нелегко объяснить молодому читателю общественную и политическую функцию, которую выполнял университет в эти дни. Назначение этого учреждения в качестве школы было совершенно забыто: университет превратился в фронт борьбы за освобождение. Если бы нас спросили: "Кто встанет во главе тогда, когда придет день?" — мы бы ответили в один голос: "Конечно, совет выборных студентов". Так оно в Одессе и было: когда разразилась первая русская революция 1905 года, рабочие-электрики обратились к студенческому совету и потребовали, чтобы тот дал приказ: тушить фонари на улице или нет?

В правительственных кругах уже замечались признаки смятения. Ослабла узда: вопреки предварительной цензуре (всякая строка без исключения, даже хроника и объявления, подлежали цензурной проверке перед печатаньем), в каждой газете появлялись крамольные статьи; опасные слова "конституция" и "социализм" произносились вслух на публичных лекциях. Я застал в Одессе "Литературно-художественный клуб": раз в неделю, по четвергам, мы собирались, чтобы обсудить новую книгу или пьесу, которую ставил в те дни городской театр, но во всех речах и докладах звучали намеки на "освобождение", и в спорах по поводу "Потонувшего колокола" Гауптмана сталкивались (каким образом — не знаю) принципы Маркса и "Народной воли". Всеволод Лебединцев, тот самый мой русский друг, которого я

упоминал на первых страницах, делил свое время и энтузиазм между тремя устремлениями: он изучал астрономию в университете; проводил свои вечера в итальянской опере и ухаживал за молодой певицей Армандой Делли-Абатти; а сверх того был активным членом партии эсэров. На мой вопрос, как все это совмещается в одной душе, он ответил: "Как ты не понимаешь, что все это одно и то же". Теперь мне этого не понять, но тогда это было мне понятно.

В таком же ключе писал и я сам. Несколько лет тому назад я случайно наткнулся на отрывки из статей тогдашнего "Альталены". Чепуха и болтовня, по моему отстоявшемуся и установившемуся мнению, теперешнему мнению. Но тогда, как видно, в этой болтовне таился некий глубинный намек, связывавший ее с основным вопросом эпохи. В этом меня убеждало не столько возрастание числа адептов и почитателей, сколько — и, быть может, даже в большей степени — гнев врагов. Враги объявились у меня с самого начала моей деятельности в качестве фельетониста, и не только из лагеря консерваторов, напротив, из таких же прогрессистов, как я сам, и к тому же из наших братьев, сынов Израиля. Такие люди были и в редакции "Новостей", и несчастный редактор Хейфец немало претерпел из-за моей статьи "Скрывают тенденцию газеты". С той же ненавистью я столкнулся и в Литературном клубе.

Меня пригласили прочесть доклад, и я избрал тему: "Судьба литературной критики". Я попытался доказать, что эта профессия — профессия прославленная и важная в истории русской словесности, целью которой всегда было обнаружение идеи или направления, которые скрываются за художественным образом, уже выполнила свое назначение и отжила свой век, ибо "есть периоды мысли и есть периоды действия, и наш век — век действия". К моему вящему удивлению, мой доклад был принят с гневом со всех сторон, оратор за оратором поносил и бранил меня, и когда, наконец, подошла моя очередь выступить с ответным словом, председатель, человек спокойный и вежливый, один из уважаемых членов греческой общины, объявил, что не предоставит мне слова, ибо "аплодисменты, раздавшиеся после последних речей, служат удовлетворительным завершением этого диспута". Я не думаю, что в этом проявилась некая смутная склонность к антисемитизму: еврейские докладчики в большом числе выступали с той же кафедры, и ко всем к ним публика относилась с любовью или равнодушием; среди моих хулителей были и евреи, и христиане, и единственный, кто защищал меня, был как раз христианин. Не антисемитизм, а другая причина, причина, которая была связана, как видно, со мной, — некое особое качество или свойство, вызывавшее раздражение. После этого первого опыта я несколько раз убеждался в одном: то, что прощалось другому, не прощалось мне. Даже от друга я слышал: "Ты обостряешь противоречия".

Возможно, в продолжение этого рассказа мне еще представится случай указать на эту неудобную особенность, которая часто запутывала и затрудняла мою общественную деятельность. И все же я наслаждался жизнью в эти годы. Ощущение "популярности", от которой теперь я хотел бы бежать на край света, сладостно и приятно юноше в двадцать один год. Журналист - это было важное звание в русской провинции тех лет. Приятно пройти (бесплатно) в городской театр, один из лучших в стране, и приятно,

что капельдинер, одетый в ливрею эпохи Марии-Антуанетты, кланяется тебе и провожает к креслу в пятом ряду, в начале которого прибита табличка с гравированной надписью: "г-н Альталена", Редактор Хейфец умел подбирать способных молодых людей: под его крылышком начали свою литературную деятельность Кармен, автор рассказов о жизни босяков в одесском порту и голытьбы из нищих предместий, и Корней Чуковский, который ныне считается крупнейшим писателем красной России. Когда мы входили с ними в кафе, соседи перешептывались друг с другом: может, было бы лучше, если бы мы не слышали, что они шептали, но, поверьте мне, они пели нам дифирамбы, и Кармен подкручивал кончики своих желтых усов, Чуковский проливал свой стакан на землю, ибо его чрезмерная скромность не позволяла ему сохранить спокойствие духа, а я в знак равнодушия выпячивал свою нижнюю губу, хотя и знал, что в этом не было надобности — она и без того была достаточно выпяченной от природы...

Этой осенью 1901 года городской театр поставил мою первую пьесу "Кровь". Кто поверит теперь, что в дни своей молодости я сочинил пацифистскую пьесу, против войн вообще и против Англии в частности? Я писал ее еще в Риме: тему, связанную с бурской войной, я взял из рукописи одного из своих друзей (он Гофридо в моем рассказе "Диана"), но изменил сюжет, ввел новые лица и т.д. и т. п.: три действия в стихах! Звезды нашей городской труппы с Анной Пасхаловой во главе играли в пьесе, но театр был пуст: может быть, пришли три сотни человек, может быть, меньше, и половина из них были мои приятели или знакомые. Они аплодировали, разумеется, и вызывали меня на сцену в конце спектакля. Я вышел кланяться, в черном и длинном рединготе, который я заказал специально к этому дню, наткнулся на подъемный канат и несомненно упал бы навзничь, если бы меня не удержала за руку госпожа Пасхалова. Я не спал всю ночь, встал, едва занялась заря, и побежал купить газеты, все газеты, даже "Полицейские ведомости", и проглотил рецензии, и они не отравили моей радости. Но только дважды, не больше, играли мою пьесу в Одессе... Год спустя, на той же сцене поставили мою вторую пьесу, тоже в стихах, но в одном действии, и в ней тоже играла Пасхалова (мы стали с ней друзьями, после того как она спасла меня от позора перед занавесом). На сей раз рецензенты не сжалились надо мной и приготовили, словно заранее сговорившись друг с другом, одни и те же остроты по поводу названия пьесы "Ладно". Они писали: "Неладно", "Нескладно". Хотя я не помню, — и слава Богу, что не помню, — о чем я писал изо дня в день все эти два года, я уверен, что мои статьи не обнаруживали никакой постоянной политической линии.

Учение Лабриолы и Ферри? Я не отрекся от него в глубине души, но просто не прибежал к нему и не интересовался им. Может быть, только одну идею я подчеркивал и на страницах газет и в своих выступлениях с трибуны "Литературного клуба" (ибо, несмотря на обиду, я не прекратил посещать его): идею "индивидуализма", той "панбасилеи", о которой я уже упоминал несколькими страницами ранее и на которой, если бы Творец благословил меня достаточным умом и знанием, чтобы формулировать новую философскую систему, я основал бы и построил все свое учение: в начале сотворил Господь Индивидуума; каждый

индивидуум - царь, равный своему ближнему; ближний твой — в свою очередь — тоже "царь", и уж лучше пусть личность прегрешит против общества, чем общество против личности; ради блага индивидуумов создано общество, а не наоборот; и грядущий конец истории, пришествие Мессии — это рай индивидуумов, царство сияющей анархии, игра взаимоборствующих человеческих сил, не стесненных законом и границами, и у общества нет иного назначения, кроме как помочь павшему, утешить его, поднять его и дать ему возможность снова вернуться к этой игре борений. Если вслед за этими томами, первый из которых ныне предлагается еврейскому читателю, появятся мои стихи "Ноэла" и "Шафлох" в прекрасном переводе Райхмана и они поразят читателя своим полным отрицанием обязанностей личности в отношении нации и общества, - то должен признаться, что такова моя вера по сей день.

Мне могут указать на противоречие между таким взглядом на вещи и содержанием моей национальной пропаганды: один из моих друзей, который читал эту рукопись, напомнил мне, что слышал от меня и другой припев: "В начале сотворил Бог нацию". Здесь нет противоречия. Разве второй куплет не сформулирован против тех, кто утверждает, что "в начале" сотворено "человечество": я верю всем своим существом, что в состязании между понятиями нация стоит впереди человечества, так же как индивидуум стоит перед нацией. И если подчинит некий индивидуум всю свою жизнь служению нации, то и это не противоречие в моих глазах: такова его воля, а не долг. В небольшой пьесе "Ладно", которая была поставлена на одесской сцене в 1901 году, я посвятил длинный монолог этой идее.

Быть может, и его г-н Райхман переведет, и он появится в одном из следующих томов тоже. Но вот вкратце его содержание: ты рожден свободным, свободным от долга по отношению к высокому и к низменному; не приноси жертв, ибо не из семени жертвы произрастет благословенный плод. Воле своей воздвигни алтарь, воля — твой единственный водитель, куда она поведет тебя — туда иди, куда бы ни вел твой путь, на небеса или в преисподнюю, и чем бы ни оказался: подвигом или грехом, празднеством или мытарством, или даже бременем служения народу: ибо и это бремя возложил ты на себя не как покорный раб, по приказу, а как свободный человек и как властитель, который осуществляет свою волю. Кто знает, хоть я и состарился и уже не жду перемен в беге своей жизни, но, возможно, еще до конца повести моей жизни мне выпадет вписать в нее также главу, которая выпатит и воплотит эту мою главную веру.

Большинство читателей "Новостей" читали охотно мои статьи, но ни один из них не относился серьезно к ним и к их тенденции, и я знал это. Однажды - и это была, кажется, единственная из всех статей этого периода, которую стоило бы спасти от погребения, — я назвал себя и всех остальных своих собратьев по перу черным по белому "клоунами". Статья была направлена против одного журналиста из конкурирующей газеты, человека достойного, спокойного и безликого, не умного и не глупого, анонима в полном смысле этого слова, который стал для меня своего рода забавой и над которым я потешался при всякой возможности и без всякой возможности, просто так. Однажды я обратился к нему прямо и написал: разумеется, без причины и нужды травил я тебя и буду травить, потому что мы клоуны в глазах бездельника-читателя. Мы болтаем, а он зевает, мы желчью пишем, а он говорит:

"Недурно написано, дайте мне еще стакан компоту". Что делать клоуну на такой арене, как не отвесить пощечину своему собрату, другому клоуну?

К моему сионизму тоже относились как к чему-то несерьезному. Действительно, я не присоединился тогда еще ни к одной организации, не знал никого из сионистов в городе, но несколько раз посвятил один или два абзаца этой теме. В почетном петербургском ежемесячнике появилась статья некоего Бикермана, написанная в стиле, который величали в то время "научным". Он разносил сионизм в пух и прах, доказывал, что еврейскому народу выпала счастливая и завидная судьба. Я написал пространный ответ, с аргументами, к которым и ныне мне нечего прибавить; на другой день я встретился с одним из своих знакомых, Равницким, тоже несомненным почитателем Сиона. Он сказал мне: "Что это за новую забаву вы нашли себе?"

Жил я дома у мамы с сестрой. У них произошли большие перемены за время моего пребывания в Италии: сестра вышла замуж за врача, уроженца Александровска-на-Днепре. Это река и город отца. Я побывал там. Половина его жителей еще помнила "Иону", маму приняли, как вдовствующую царицу, и вечерами за чайным столиком на веранде нам рассказывали легенды о подвигах отца, о былом величии Днепра и об украинской торговле зерном. Полтора года спустя — я был тогда в Риме - умер зять, и в доме остались две вдовы и четырехмесячный младенец (теперь он инженер электрической компании в Хайфе). Сестра совладала с горем, открыла женскую школу и начала развивать ее мало-помалу в гимназию. Всегда в их квартирах была комната, которую они называли "моей", и при каждом моем возвращении в Одессу требовалось только постелить простыни на мою кровать.

Однажды посреди ночи — это было в начале 1902 года — сестра разбудила меня и прошептала "полиция". Вошел офицер в голубом жандармском мундире. В течение часа он рылся в моих книгах и бумагах, нашел какую-то "запрещенную" брошюру и пачку моих статей, которые напечатали в итальянской газете, издававшейся в Милане, и предложил следовать за ним: "Я получил приказ доставить вас в Крепость". Я поцеловал маму и сестру. Они не плакали и не жаловались, мама только сказала мне тихо: "Да благословит тебя Господь", и мы уехали. Крепость находится далеко за городом, за горой Чумкой, позади христианского и еврейского кладбищ. Дорогу я скоротал за любезной беседой с околоточным надзирателем, и он сказал мне: "Читал я, сударь, ваши статьи; весьма недурственно".

Одесская крепостная тюрьма помещается в великолепном здании. Мне, слава Богу, есть с чем сравнить ее, и ни разу не была посрамлена моя патриотическая гордость. Она построена крест-накрест, в четыре этажа, внутренние перекрытия все из цемента и железа. Тогда еще не было в ней электрического освещения, и в камере, куда меня поместили, я нашел маленькую газовую горелку. Я лег и уснул как мертвый. Утром меня разбудили крики со всех сторон, то есть крики действительно раздавались со

всех сторон, но разбудил меня один и тот же монотонный речитатив, который повторялся без перерыва и без остановки: "Новый сосед - номер 52 - подойдите к окну — не бойтесь — мы все друзья — все политические.

Новый сосед - номер 52..." Не сразу я понял, к кому обращается кричащий, но в конце концов вспомнил, что на двери моей камеры я видел номер 52. Окно было высоко, но, подставив стул, я взобрался на широкий подоконник и представился соседям через железную решетку. Мне дали кличку "Лавров", по имени одного из основоположников русского социалистического движения. "Желябовым" прозвали предыдущего обитателя моей камеры, который был уже в Сибири, и по традиции я должен был унаследовать это имя, но я отказался от этой опасной чести (настоящий Желябов был одним из убийц императора Александра II). Я узнал также клички своих соседей: "Гэд", "Мирабо", "Гарибальди", "Лабори" (в честь адвоката Дрейфуса), моего верхнего соседа прозвали "Саламандра", нижнего "Селезень", а один парень с верхнего этажа был "Господом Богом". Через сутки я уже знал наперечет истории большинства заключенных и их общественные обязанности в тюрьме. Половину из них посадили месяцем раньше за демонстрацию с красным флагом на Дерибасовской: "Гарибальди", столяр с Молдаванки, нес знамя и был смертельно избит во дворе полиции, о чем он рассказывал с очень веселым смехом. Некоторые были ветеранами движения, в частности "Мирабо", душа общества, неизменный председатель всех "собраний", верховный арбитр в спорах и высший духовный судья, выносивший решение по любому спорному вопросу марксистского учения, — это был Абрам Гинзбург, инженер из Литвы; года два тому назад его имя попало мне на глаза в газетах красной России - ему был вынесен очень суровый приговор за "вредительство" на одном из процессов, характерных для советского режима.

Горе государству пролетариата, если такие люди у него во "вредителях": был он достойный человек в полном смысле слова, образованный марксист, революционер без страха и упрека, прирожденный вождь. Лица его я не видел ни разу, но изо дня в день, семь недель подряд, я слышал его голос, когда он вел, расположившись на подоконнике, наше самоуправление, спокойно и корректно, тактично и уверенно. Я написал — председатель всех "собраний", и поистине, такой свободы слова мы не знали даже в Литературном клубе. Каждый вечер, когда стихал шум в крыле воров, которое было в другой стороне корпуса "крепости" (ибо эти простодушные люди засыпали с закатом солнца), мы проводили лекции с дискуссиями. "Мирабо" читал лекцию о великой французской революции, другой ветеран по прозвищу "Зейде" ("дедушка" на идиш) излагал нам историю Бунда; меня тоже пригласили прочесть лекции по вопросам моей профессии — о декадентах, о возрождении Италии (из уважения к "Гарибальди") и, разумеется, об "индивидуализме" (эту лекцию меня, однако, не попросили повторить). Для рабочих, попавших в это общество, тюрьма превратилась в школу революции. Проводились и демонстрации: Первого мая. Те, у кого были деньги, покупали в тюремном ларьке какой-то особый сорт табака. Табак был форменная отравка, но продавался он в красных бумажных пачках. Красную оберточную бумагу распределяли между всеми обитателями политического отделения. Вечером мы залепливали ею стекла наших ламп, а лампы выставляли в окнах; и гуляющие, которые ехали конкой к "Фонтану" или к "Аркадии", видели

издалека красное освещение и аплодировали; возможно, они не аплодировали, возможно, также ничего не видели, ибо первого мая еще нет дачников. Но если уж выбирать между "действительностью" и легендой, то лучше верить в легенду.

Меня вызвали на допрос: в канцелярии тюрьмы я застал жандармского генерала и помощника гражданского прокурора, молодого человека, которого я несколько раз видел в Литературном клубе. Я спросил: "Запрещенная книга, которую вы нашли у меня, — это памятная записка министра Витте "Земство и самодержавие". Что в ней преступного?"

Мне ответили, что книга печаталась в Женеве. Это было очень скверно. Но в ней имелось также предисловие на четырех страницах, написанное Плехановым, и это было еще хуже. Помимо того, у меня нашли итальянские статьи, и они-то были подписаны моим именем.

— Разве запрещается печатать статьи в Милане?

- Разрешается, более того - разрешается писать в них что угодно, если они не содержат ложных сведений, порочащих государство. Поэтому-то мы послали ваши статьи, сударь, официальному переводчику, который определит, не опорочили ли вы наше государство...

Семь недель провел я в этой тюрьме, и это одно из самых приятных и дорогих мне воспоминаний. Я полюбил своих соседей, хотя и не видел их лиц. Я поднаторел в "телефоне". Веревку с грузом на конце вращают за решеткой и в определенный момент отпускают, чтобы она полетела в сторону соседа, чья камера справа, слева или вверху и который должен поймать ее. Таким способом можно передать ему книгу, записку или красную бумагу. (В воровском отделении это устройство называлось "леха доди", ибо усилилось еврейское национальное влияние на этот особый народ и на его *lingua franca*.) Полюбил я и воров, особенно юношу, который приносил мне борщ и мясо со словами: шампанское! И даже начальника тюрьмы я полюбил, жандармов и стражников: они были вежливы и очень предупредительны с нами, то ли благодаря приказу свыше, то ли вследствие сложного положения в стране, ибо кто знает, не бросят ли их завтра в тюрьму и не наденет ли этот самый "Мирабо" голубой мундир?

Но через несколько месяцев после моего освобождения этой идиллии пришел конец. Однажды ночью стражники напали на моих друзей, избивая их кулаками и дубинками, а начальник "крепости" был уволен от службы без пенсии. Он встретил меня однажды на улице и спросил, не найду ли я ему другой должности.

Я вышел на свободу, потому что официальный переводчик не нашел в моих статьях "посягательств на достоинство государства", но тяжелого преступления — брошюры министра Витте — с меня не сняли и мне запретили выезд из Одессы до суда. Я и не выезжал, кроме одного раза: в октябре того же года подошла моя очередь явиться

для отбывания воинской повинности в Никополь, город, где родился мой отец. Прибыл туда я ночью, а уже на заре пришли жандармы, чтобы посмотреть, что в чемодане у одесского революционера. На призывном пункте я набрал очень большое число очков (ибо отбирали новобранцев по жребию) и вернулся домой счастливый и в полной уверенности, что до скончания своего века я не надену солдатской шинели.

---

mail.ru	1250
3685228	124

HotLog	
1048159	+143

jewish.ru	
1 КИСЛЕВА	

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Кишинев

Начало моей сионистской деятельности связано с двумя явлениями: с итальянской оперой и с идеей самообороны.

Всегда у нас в Одессе в зимний сезон гостила итальянская опера. В ту зиму царила Арманда Дел-ли-Абатти, подруга моего приятеля Лебединцева, и он пропадал в театре каждый вечер. Однажды во время антракта я встретил его в буфете в обществе элегантного господина с черными усиками и западными манерами, которого я и прежде видел несколько раз, всегда на одном и том же месте, во втором ряду партера. Лебединцев представил нас друг другу: господин оказался специальным корреспондентом миланской газеты по вопросам музыки и пения.

Впоследствии я встретился с ним в доме госпожи Делли-Дбатти. Там мы говорили по-французски и, выйдя на улицу с ним, я продолжал беседовать на том же языке.

— Мы можем говорить по-русски, — сказал он мне, — я такой же одессит, как и вы, хотя и родился в Литве.

Я и прежде знал, что он еврей — "синьор Зальцман". Уяснив это обстоятельство, я представлю теперь его по имени: Соломон Давидович. Он не утаил,

что сотрудничество с итальянской газетой для него всего лишь хобби, а главное его занятие — торговля, как и у всех евреев, и он поведал мне, что он — сионист.

Мы встретились еще несколько раз в театре, он показал мне свои статьи в итальянской газете, но ни о чем другом не говорили.

Между тем приближались дни Пасхи, Пасхи 1903 года. От некоторых знакомых я

слышал странные тревожные речи, что в городе и во всей округе, во всей губернии витает опасность еврейских погромов: ничего подобного не происходило более двадцати лет. Один утверждал, что слухи — пустая болтовня и вздор, полиция не допустит; другой шептал, что полиция как раз и собирается организовать погром, третий советовал направить делегацию уважаемых еврейских граждан для переговоров с городским головой. Странные вещи, непривычные нам.

Я засел за стол и написал десяток писем десятку еврейских деятелей, большую часть которых я не знал. Я предлагал наладить самооборону.

Я не получил ответа, но прошла неделя, и ко мне заглянул друг детства, студент, у которого были контакты со всеми "движениями". Он сказал мне:

— Имя рек показал мне твое письмо, совершенно конфиденциально, разумеется.

Зачем было писать? Прежде всего, именно те,, к кому ты обратился, не осмелятся и не сдвинутся с места. И, во-вторых, и это главное, — здесь уже есть группа самообороны, пойдем и увидишь.

Мы поехали на Молдаванку, и там в просторной и пустой комнате, похожей на торговую контору, я увидел нескольких молодых людей, одним из них был Исраэль Тривус, мой друг с того дня и в отдаленном будущем также мой коллега по правлению движения ревизионистов. Имена других я запомнил, а жаль — это была, насколько мне известно, первая попытка организовать еврейскую самооборону в России. Еще до того как разразился погром в Кишиневе, мы поработали на славу: собрали деньга, до 500 рублей, если мне не изменяет память, — огромная сумма в наших глазах; Ройхвергер, владелец оружейного магазина, подарил нам двадцать револьверов, а остальные продал по дешевке, большей частью "в кредит", без надежды на оплату. Оружейный склад был в той же конторе: револьверы, ломы, кухонные ножи, ножи для убоя скота. В конторе круглосуточно дежурили двое; юноша за юношей, каждый с "запиской", с подписью одного из членов "комитета", приходят и получают то, что им причитается. Во второй комнате конторы мы поместили гектограф и на нем размножали листовки на русском языке и на идиш; их содержание было очень простым: две статьи из уголовного кодекса, в которых написано ясно, что убивший в целях самообороны освобождается от наказания, и несколько слов ободрения к еврейской молодежи, чтобы она не давала резать евреев как скот.

Вначале я удивлялся долготерпению полиции. Невозможно, чтобы она не обратила внимания на наши действия. После непродолжительного расследования эта тайна раскрылась мне, когда мне представили владельца этой конторы и объяснили — шепотом и за его спиной — его специальную функцию. Это был молчаливый и вежливый молодой человек, с шелковистой бородкой, и сам он как бы символизировал разновидность, известную под именем "шелковый молодой человек". Имя его уже пользовалось известностью в левых кругах, и дурной известностью: Генрик Шаевич. Я, однако, еще не слышал его имени, и не знал всего того, что было связано с ним. Теперь мне рассказали, что Шаевич - посланец и агент известного петербургского жандарма, офицера Зубатова, автора нового метода воздействия на рабочее движение. В соответствии с законом и традицией, забастовки

рабочих считались в России государственным преступлением. Зубатов сказал: "Почему? Разве таким путем вы не делаете рабочих врагами государства?"

Напротив: экономическую забастовку мы разрешим и позволим, и даже организацию рабочих не распустим, но лишь с тем условием, что они не будут вмешиваться в вопросы политики". Начальство согласилось с ним. Он подыскал посланцев — в большинстве своем, видимо, наивных людей, действительно уверовавших, что эта система в будущем облегчит положение рабочих, — и они уже начали свою пропаганду в Петербурге, Москве, Вильне, Минске, Сормове и на донецких шахтах. Самым значительным из этих посланцев был Гапон. Он был священником и создал сильное движение в Петербурге. А Генрика Шаевича послали в Одессу. Не думаю, что в числе заданий, которые поручил ему Зубатов, значилась еврейская самооборона, и нет сомнения, что, занимаясь этим, Шаевич рисковал своим официальным положением. Но местное начальство боялось задеть агента Зубатова; возможно, они писали докладные записки в Петербург и не получали ответа. Мне безразлично, был ли этот Шаевич честным и заблуждающимся человеком или шпионил и предавал сознательно: на мой взгляд, с того дня, когда он предоставил нам такое надежное убежище, чтобы вооружить евреев, он искупил все свои грехи... Пришла наша Пасха, пришла и христианская Пасха, а с ней и погром, -но не у нас в Одессе, а в Кишиневе.

Странное дело: я не помню впечатления, которое произвело на меня это событие, исходная точка целой эпохи нашей жизни в качестве народа; возможно, вообще никакого впечатления оно не произвело на меня. Сионистом я стал еще до того, до того я уже думал об обороне, как и о еврейской трусости, которая проявилась в Кишиневе; никакого "открытия" мы не сделали, ни я, ни один еврей и ни один христианин. Меня никогда не оставляет чувство: из событий нам нечему учиться, в них нет никакой неожиданности для меня, словно я и прежде знал, что так оно будет и да будет так... Редакцию "Новостей" наводнил поток пожертвований в пользу пострадавших от Кишиневского погрома: деньги, одежда — и мне направляли их, чтобы распределять в городе бедствия. Я навестил места резни, говорил с очевидцами, в больнице видел еврея, помнится, ремесленника, которому за несколько лет до того кто-то случайно выколол левый глаз; с тех пор он жил в одном из предместий среди христиан, занимался своим ремеслом, любил беседовать и играть с соседями, и в тот же день пришли эти соседи и вырвали у него и правый глаз. Там впервые познакомился я с деятелями русского сионизма. Коган-Бернштейн был кишиневским жителем, Усышкин приехал туда из Екатеринослава, Зеев Темкин из Елисаветграда, Сапир из Одессы. Я увидел там и Бялика, и мне сказали, кто он, - к своему великому стыду, я этого не знал прежде.

Когда я вернулся в Одессу, ко мне пришел тот самый синьор Зальцман и сказал: — Пришел я к вам от имени своей сионистской организации, она называется "Эрец-Исраэль". Мы решили предложить вам отправиться на сионистский конгресс в качестве нашего делегата.

— Но ведь я совершенный профан во всех вопросах движения. — Научитесь.

Я согласился. Пригласили меня на заседание союза "домовладельцев", людей среднего и пожилого возраста, - я не нашел ни одной молодой физиономии во всем обществе, помимо самого Зальцмана. Они просили меня, как это водится, предложить свою программу. Да простит мне Всемилостивейший Господь всю чушь, что я нагородил перед ними; как видно, не было границ милосердию членов этой организации, и они не прогнали меня. Напротив, они обращались ко мне с вопросами, и один из этих вопросов я еще помню: как я отношусь к программе Эль-Ариша, за нее или против нее я буду голосовать, если попаду на конгресс? (Зальцман успел объяснить мне за несколько дней до собрания, что нам предлагают заселить эту область в Египте, которая граничит с Палестиной, и что туда послана делегация сионистов обследовать эти места). Помню я и свой ответ, который был чистым экспромптом:

— Мое голосование будет зависеть от отношения массы, которая соберется на конгрессе. Если я увижу, что от этого нет опасности раскола в сионистской организации, поддержу эту программу. Если же я увижу, что этот вопрос раздробит движение как знак того, что нет сионизма вне Сиона, - тогда я проголосую против Эль-Ариша.

Меня выбрали, и я отправился в Базель на шестой конгресс, и с этого началась новая глава в моей жизни.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Конгресс

О моих похождениях на конгрессе можно было бы написать очень веселую комедию. Прежде всего, у меня еще не было права участвовать в нем, ибо мне не хватало почти полутора лет до требуемого возраста, и я не помню, кто были те добрые лжесвидетели, которые присягнули, что мне 24 года. Было у меня детское выражение лица, и служащий, раздававший билеты, отказался впустить меня, пока я не представлю свидетелей. После этого я слонялся, в одиночестве, по коридорам казино. Ни одного человека я не знал, кроме тех великих мужей, которых я видел в Кишиневе, а они были членами исполнительного комитета, занятыми на внутренних заседаниях. Меня представили худому и высокому молодому человеку с черной бородкой клинышком и блестящей лысиной. Его звали доктором Вейцманом, и мне сказали, что он стоит во главе "оппозиции": я тотчас же почувствовал, что мое место тоже в оппозиции, хотя и не знал еще почему. Итак, увидев этого молодого человека, который сидел с группой товарищей за столиком в кафе и вел шумную беседу, я подошел к нему и спросил: "Я не помешаю?" Вейцман ответил: "Помешаете", — и я удалился.

Я попытался подняться на трибуну конгресса, чтобы высказаться по одному животрепещущему вопросу. Несколько месяцев до того Герцль беседовал с министром внутренних дел Плеве, тем самым Плеве, которого мы считали вдохновителем Кишиневского погрома. В сионистской общине России разгорелся жаркий спор: позволительно или не позволительно вести переговоры с таким человеком. Со временем стороны пришли к соглашению не касаться этого опасного вопроса с трибуны конгресса, и я тоже знал об этом, и все же решил, что на меня этот запрет не распространяется, потому что мой опыт, опыт русского журналиста,

который умеет писать на "скользкую" тему, не раздражая цензуры, поможет мне и здесь обойти этот риф. Моя очередь подошла, когда регламент ораторов был ограничен 15 минутами, но и этой четверти часа не предоставили мне, чтобы закончить мое витийствование. Я решил доказать, что нельзя смешивать два понятия: этики и тактики, и немедленно в углу оппозиции почувствовали, куда клонит никому не известный юноша с черной шевелюрой, который говорит на отточенном русском языке, словно декламируя стих на экзамене в гимназии, — и они стали шуметь и кричать: "Довольно! Не нужно!" В президиуме поднялся переполох, сам Герцль, который был занят в соседней комнате, услышал шум, взошел торопливо на сцену и обратился за разъяснением к одному из делегатов: "В чем дело? Что он говорит?" Случайно этим делегатом оказался доктор Вейцман, и он ответил коротко и ясно: "Quatsch" [Вздор (не.м.). Ред.]. Тогда Герцль подошел к кафедре сзади и промолвил: "Ihre Zeit ist um"[Ваше время истекло (нем.) - Ред.], — это были первые и последние слова, которые я удостоился услышать из его уст, — и доктор Фридман, один из трех ближайших сподвижников вождя, истолковал эти слова в духе своей родины — Пруссии: "Gehen Sie herunter, sonst werden Sie heruntergeschleppt" [Сойдите, иначе вас стащат (нем.)]. Я сошел, не закончив своей защитительной речи, которую отверг человек, на защиту которого я встал.

Я понял, что моя роль на этом конгрессе — молчать и наблюдать, и так и поступил. Я нашел здесь множество объектов для наблюдения. Шестой конгресс — последний конгресс при жизни Герцля и, быть может, первый конгресс зрелого сионизма. Экзамен на аттестат зрелости проходил под известным девизом: Уганда. Я был в числе меньшинства конгресса, которое голосовало против Уганды, и вместе с остальными сказавшими "нет" вышел из зала. И про себя я удивился движущей силе, сокрытой в глубинах моей души, которая побудила меня голосовать против, вопреки тому, что я говорил перед своими избирателями. Никакой романтической любви к Палестине у меня тогда не было, и я не уверен, что она есть у меня теперь, я не мог знать, существует ли опасность раскола движения, — народа я не знал, посланцев его видел здесь впервые и ни с одним из них еще не успел сойтись. И подавляющее большинство их, в том числе многие из тех, кто, как и я, прибыли из России, голосовали "за". Никто не уговаривал меня голосовать так, а не иначе. Герцль произвел на меня колоссальное впечатление — это не преувеличение, другого слова я не могу подобрать, кроме как "колоссальное", а я вообще-то нелегко поклоняюсь личности. Из всех встреч жизни я не помню человека, который бы "произвел на меня впечатление" ни до, ни после Герцля. Только здесь я почувствовал, что стою перед истинным избранником судьбы, пророком и вождем милостью Божьей, что полезно даже заблуждаться и ошибаться, следуя за ним, и по сей день чудится мне, что я слышу его звонкий голос, когда он клянется перед нами: "Если я забуду тебя, о Иерусалим..." Я верил его клятве, все мы верили, но голосовал я против него, и я не знаю почему. Потому что — потому, которое имеет большую силу, чем тысяча аргументов.

И странное дело: я почувствовал, что после этого голосования конгресс вознесся на

высоту, несравнимую с уровнем его начала. Вопреки расколу и слезам досады, сообщалось ему какое-то внутреннее единство, более глубокое — голосовавшие против сблизилась с голосовавшими за духовной близостью, которой не было прежде. Возможно, научились больше, чем прежде, чтить друг друга или движение; да и все движение, кажется мне, поднялось выше в день, когда посланцы народа оплакали свою первую политическую победу. Я уверен, что и Чемберлен (автор угандийского проекта), и Бальфур, и еще несколько политиков в Англии и в других странах только в тот день поняли, что такое сионизм, также как многие ветераны.

Из Базеля я поехал в Рим: теперь я всматривался в него новыми глазами, искал и находил евреев среди товарищей, с которыми расстался два года назад. Несколько раз я побывал в историческом гетто, не ради палаццо Ченчи, как прежде, но чтобы познакомиться с еврейской беднотой, которая, вопреки гражданскому равенству и отсутствию антисемитизма, все еще не оставила еврейского квартала, упоминаемого еще в одной из речей Цицерона и в сатирах Ювенала. Особенно я сблизился с бродячими торговцами старой одеждой, ибо в Италии сосредоточивается в еврейских руках это "наше национальное ремесло". У старьевщиков был национальный союз под звучным названием "Negozianti di generi usati", и они пригласили меня на торжественное открытие их ежегодного съезда. В редакции "Трибуны", которая была для Италии в те дни чем-то вроде "Таймса", я беседовал с знаменитым публицистом, печатавшим свои передовые статьи под псевдонимом "Италико". Все они: студент, бродячий торговец, журналист — классические образцы полной и утонченной ассимиляции, предел растворения в чужой среде, который даже в Германии, Франции и Англии был еще недостижим. Однако, уже после первых бесед я услышал из их уст то же слово "гой" и в их сердцах нашел то же семя тревоги или страха, то же внутреннее беспокойство, словно они чувствовали в воздухе опасность, которой я ни ранее, ни тогда не ощущал, опасность, которой на самом деле не было и не будет. Но главное ведь не действительность, а чувство: они чувствовали.

Я многое узнал в ходе этой поездки и в Базеле, и в Риме. Прежде всего, я узнал, что совершенно незнаком с наукой моей новой деятельности. Я вернулся в Одессу, разыскал Равницкого, который учил меня древнееврейскому языку в детстве, и попросил его продолжить наши занятия. С его помощью я познакомился с сочинениями Ахад Гаама и Бялика. Теперь, если я не заблуждаюсь, начали уже и читатели "Новостей" принимать всерьез мою сионистскую веру: уже известный нам Зальцман издал тонкой брошюрой сборник моих статей под общим названием "Противникам Сиона" и распространял его в Вильне, Петербурге, Саратове. Общество приняло меня.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Петербург

Я не помню, какие планы были у меня в конце 1903 года. Быть может, я мечтал, как это водится у молодежи, завоевать оба мира, на пороге которых я стоял: обрести лавровый венок "русского" писателя и фуражку рулевого сионистского корабля; но скорее у меня не было никакого твердого плана — я очень сомневаюсь вообще в том, что мне отпущена способность, или хотя бы желание, заранее определять свой путь. Но за меня решила судьба, явившись ко мне в лице гороподобного русского хама, отправлявшего должность пристава в центральном околотке Одессы. Звали его Панасюк.

Не только в городском театре, но и в остальных одесских театрах у меня было постоянное место в первых рядах партера. В тот вечер, незадолго до христианского Нового года, Панасюк не узнал меня, когда я поднялся со своего кресла во время антракта в Русском театре. Он остановил меня у выхода и заревел как бык: "Почему ты пролез вперед?" У меня было лицо подростка и одет я был по-цыгански (то, что теперь называют за границей в стиле богемы) — согласно полицейской мерке место мое, как видно, было среди студентов на галерке, а не здесь, внизу, среди городской знати. Я оскорбился и ответил ему. Вокруг нас собралась толпа. Жандармский генерал Бессонов, начальник охранного отделения, которого я встречал некогда в тюрьме, привлеченный криками, подошел и обратился ко мне с наставлениями. Я и здесь не полез за словом в карман. По прошествии нескольких дней я получил повестку: явиться к градоначальнику графу Шувалову.

Я одел свой парадный костюм, как это было заведено в те времена, — тот самый черный редингот, достававший мне до щиколоток, который я заказал в честь

премьеры своей пьесы, и стоячий воротничок, врезавшийся мне в уши, и отправился в крытой пролетке во дворец градоначальника. Перед отъездом я сунул свой паспорт в один карман, а в другой положил весь капитал, оказавшийся в наличии дома, около 30 рублей, и, подъехав к дворцу, велел извозчику ждать меня. Аудиенция была назначена на II часов, а в полдень из Одессы отходил прямой поезд на север. Я собрал дома также свой чемодан и вручил его одному из своих друзей, чтобы он принес его к этому поезду.

Беседа моя с правителем города была очень краткой. "Он всегда рычит, — сказал Шувалов, показав на Панасюка, который стоял перед нами, вытянувшись в струнку. — Говоря со мной, он тоже рычит. Мы уведомим вас еще сегодня о том, какое наказание мы наложим на вас".

Я вышел, вскочил в пролетку и помчался на вокзал. Купил билет до Петербурга. Друг не поспел с чемоданом к отходу поезда, и я отправился в двухдневную поездку без мыла и зубной щетки. Легко понять, какое впечатление производил на пассажиров молодой человек в рединготе на скамье третьего класса.

В Петербурге я знал только двух человек: один из них — мой дальний родич, сверстник, студент зубоучебной школы; а второго я ни разу не видел, но за месяц до этого он обратился ко мне с письмом, в котором сообщал, что собирается основать ежемесячный сионистский журнал на русском языке, и приглашал меня послать ему статью. Звали его Николай Сорин. С одной станции я послал телеграмму своему родственнику: он встречал меня на вокзале в Петербурге, привел в свою комнату, помыл, побрил, дал мне ночную рубаху и прочие спальные принадлежности — все, кроме ночлега, ибо хотя у меня и был паспорт, но в нем значилось — еврей, а такие люди не пользовались правом жительства в столице, и дворник был агентом полиции, как все дворники на святой Руси, и очень строго выполнял свои обязанности. Я спал весь день, а ночь мы провели — мой несчастный и верный родич не хотел отпускать меня — в театре, а потом в шумном ресторане, а после того как тот закрыли — на островах и на песчаной отмели, вдающейся в Финский залив, которая называлась Стрелкой. Удовольствие вместе с нанятым до утра крытым экипажем стоило нам всех имевшихся у нас двоих наличных денег.

Утром я поехал к Сорину — молодому адвокату, который говорил по-русски, как коренной петербуржец. Его жена, красивая золотоволосая дама была родом из Ковно, а воспитание получила в Париже. Приняли они меня, словно я был их другом с детства: Сорин призвал одного еврея, специалиста по этим делам, и тот разрешил вопрос моего ночлега, устроив меня в заброшенной гостинице, которая платила постоянную дань полиции, чтобы та не проверяла паспортов у сынов Израиля, нашедших прибежище под ее сенью. Чуть ли не с того же дня мы начали готовить первый выпуск нашего ежемесячника. Журнал назывался "Еврейская жизнь" — и только за одно название и за разрешение издавать его Сорин заплатил 7000 рублей. Деньги он получил в качестве беспроцентной ссуды, надеясь вернуть эту сумму по мере поступления взносов от подписчиков. Этот ежемесячник, который впоследствии превратился в еженедельник, несколько раз закрывался правительством, несколько

раз менял свое название и переезжал из Петербурга в Москву, оттуда в Берлин и из Берлина в Париж. Теперь это "Рассвет", и Сорин все еще самый деятельный из его редакторов.

Еще один человек, тоже журналист, писал мне из Петербурга до того, как я выехал из Одессы: Алексей Суворин, сын известного издателя "Нового времени", твердыни русского антисемитизма. Алексей Суворин не пошел по стопам своего родителя, основал радикальное обозрение "Русь" и думал сделать его средоточием молодых сил; меня он тоже приглашал сотрудничать, издалека или на месте его издания, как мне будет угодно. Я вошел в его контору и представился: Альталена. Явился по вашему приглашению, сударь. Он назначил мне жалованье, о существовании которого я даже не подозревал: 400 рублей в месяц за две статьи в неделю (половину из них он, правда, не печатал, но жалованье платил с педантичной точностью). Так решились бытовые вопросы на этом этапе моей новой жизни, и я беззаботно отдался сердцем и душой воздвижению сионистского алтаря, над чем я тружусь поныне и, видно, буду трудиться до конца своих дней. На счастье или на погибель свою? На благо сионизму или во вред ему? Я, во всяком случае, не раскаиваюсь.

В конце месяца, за несколько дней до выпуска ежемесячника, я не только дневал, но и ночевал на квартире Сорина, в которой помещалась также наша редакция. Это был первый опыт учреждения официального органа сионистского движения. Во всех еврейских общинах подписывались на журнал, в редакции царило приподнятое настроение, в частности потому, что все ее сотрудники, за исключением главного редактора М. М. Марголина, были моими сверстниками или даже моложе меня. Марголину было 40 лет, и он был известен в русском сионистском движении благодаря своей книге "Основные течения в истории еврейского народа", книге краткой и содержательной, из которой я многому научился и которую полезно было бы перевести и распространять даже теперь. Был он человеком образованным, ответственным секретарем двух больших энциклопедий, русской и еврейской, которые выходили тогда в издательстве Эфрона. Младшего брата его Элизера, переселившегося еще в детстве в Эрец-Исраэль, я узнал впоследствии в дни мировой войны: это полковник Марголин, командир одного из батальонов еврейского легиона.

Остальные столпы нашего ежемесячника — пятеро студентов: Соломон Гепштейн, Александр Гольд-штейн, Арье Бабков (он тоже был моим учителем древнееврейского языка), Арнольд Зейденман, Макс Соловейчик и инженер Моисей Цейтлин, который оставил доходную должность в Баку и переехал со своей семьей в Петербург — "просто так", чтобы работать с нами. Из "выдающихся людей поколения" был в нашей редакции также доктор И. Бруцкус, врач, общественный деятель и журналист, человек с именем и почитаемый в общине. Я подчеркнул слово "почитаемый", ибо такое отношение к сионистам со стороны просвещенного общества было редким в Петербурге в те времена. Тогда еще была в большом ходу известная поговорка: "У

человека два сына: один умный, а другой сионист". Среди прочих функций наш журнал выполнял и такую: он искоренял эту традицию, в особенности начиная со второго года своего существования, когда мы добавили к нему еженедельник и для руководства им прибыл из Москвы Абрам Идельсон, в чьем лице наша группа обрела духовного руководителя. Я уверен, что не преувеличу, если скажу: слово талант недостаточно, чтобы определить масштаб дарования Идельсона: этот человек стоял на пороге гениальности. "Мозг, полный кислоты, разъедающей камни", - сказал мне о нем однажды Грузенберг, и это справедливо, но это лишь одна сторона. "Жгучая кислота" его мозга прожигала оболочки явлений, добираясь до самой сердцевины, он умел выжимать волшебный сок из жизни. Проклятие его судьбы, бедность, тяготевшая над ним, как над большинством людей нашего круга, или, может быть, отчасти принижение себя, проистекавшее из того же источника, что и "кислота", помешали ему обобщить свои мысли в форме ученого труда. Из его уст я слышал такой стон: "Кто возьмет и запрет меня в тюрьму на пару лет, чтобы я мог написать "Werk" [Труд (нем.) - Ред.]... Но для нас, молодежи, его общество и без того служило университетом.

Помимо корреспондентов, к центральным фигурам "шайки" (так называли нас в Петербурге, используя для этого польское слово "halastra", принадлежал Израиль Розов. Тогда встречались изредка такие дома, то там, то здесь в местах еврейского рассеяния, которые, не по договоренности или соглашению, а по своему значению служили сборными пунктами сионистского движения. И написать хронику этих домов значило бы написать всю историю сионизма того периода. Такими были дом Исаака Гольденберга в Вильне, Бецалея Яффе в Гродно, Гиллеля Златопольского в Киеве, дом Ахад Гаама в Одессе. Таким был и дом Израиля Розова в Петербурге.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Кочевник

Семь лет я был связан с "халястрой". Не все это время провел я в Петербурге. Вел я кочевую жизнь. Была в Вильне гостиница, хозяин которой сказал мне однажды: "Это уже пятьдесят пятый раз, что господин останавливается у нас".

В Вильне раскрылся мне новый еврейский мир, мир, о существовании которого я знал лишь из встреч с "экстернами", когда вернулся из Италии в Одессу для сдачи экзаменов, да еще из кратковременного соприкосновения с обитателями тюрьмы. Литва - особый университет для такого человека, как я, который прежде не дышал воздухом традиционной еврейской культуры и даже не думал, что есть такой воздух где-либо на свете. Уже минул век Иерусалима Литовского в прежнем понимании, но и то, что осталось от него, слепило своим светом и пьянило меня. Я увидел суверенную еврейскую вселенную, которая движется в согласии со своим собственным внутренним законом, словно связи ее с Россией только государственные, но никак не нравственные. "Биржа" дюжины ее собственных партий находилась на углу каждой улицы; идиш оказался громадной силой, приводящей в движение мысль и культуру, а не "жаргоном", как в Одессе и Петербурге; древнееврейский язык становился живым языком в присутствии дочери Исаака Гольденберга; стихи Бялика, Черниховского, Кагана и Шнеура одушевляли еврейскую молодежь, и я, поклонник поэзии на четырех иностранных языках, свикшийся уже с мыслью, что сочинение стихов в наши дни пало до уровня пустой забавы, был поколеблен в убеждении, что оно хоть и может подчас потешить твое эстетическое чувство, но никогда не повлияет на толпу!

Я уже писал о том, что дом Исаака Гольденберга был сборным пунктом и штабом сионистов Вильны, да и не только Вильны. Несть числа общим совещаниям от

различных губерний черты, которые собирались в этом доме. И программа национальных прав для евреев России, известная как "Гельсингфорсская программа", не в Гельсингфорсе формулировалась, но в Ландварове, возле Вильны, на даче Гольденбергов; и большинство сионистских деятелей, которых я знаю, из своего и предыдущего поколения, я встретил в этом доме, и свое сионистское образование я продолжил в этом доме.

Не стоит описывать географические подробности моих скитаний между 1904 и 1908 годами; прежде всего, я их не помню, и, во-вторых, немало нас тогда было, постояльцев железных дорог: Литва, Волынь, Подолия, Киев. В Киеве я принимал участие в собраниях "Сторонников Сиона", которые планировали отмену вопроса Уганды на седьмом конгрессе; вместе с Розовым я изъездил все Нижнее Поволжье, от Нижнего Новгорода до Астрахани, и оттуда спустился в Баку; я и в Одессе пробыл несколько месяцев, - видно, то государственное преступление, которое обратило меня в беглеца, забылось.

Отмечу здесь также две моих кратких отсидки в тюрьме: одну в Херсоне, после сионистского собрания, проведенного без разрешения, и вторую — в Одессе, в конце 1904 года; эта последняя пришлась на известную в историю первой русской революции полосу митингов. Такой митинг был устроен в Одессе, и я тоже выступил на нем с речью. Помнится мне, что я завершил ее любезным мне итальянским выражением: "Баста!" На сей раз оно относилось к царскому режиму. Раз в два года я ездил на конгрессы, но не было у меня на них никакой особой роли, и потому не о чем и рассказывать.

Я продолжал сотрудничать в русской прессе, но без чрезмерного успеха. Алексей Суворин, редактор "Руси", большинство моих статей хоронил в ящиках своего стола: "Не отвечает направлению газеты". Я подумал: может быть, и в самом деле его направление — это не мое направление, в конце концов разве не рос этот Суворин под сенью божественной благодати своего родителя, юдофоба и консерватора? Я отправился к нему и сказал: "Алексей Алексеевич, я решил расстаться с вами". После этого я вошел в редакцию другой петербургской газеты, которая тогда только открылась, — в редакцию "Нашей жизни". Несколькими месяцами прежде, будучи в Одессе, я получил приглашение от ее главного редактора, прогрессивного профессора. Но он поступал со мной так же, как Суворин: жалованье платил, а большинство статей хоронил: "не отвечали направлению". И здесь невозможно было уж ворчать на "направление" или подозревать чистоту его радикальных риз: здесь педантично и бескомпромиссно соблюдали радикализм, как равнины надзирают за кошерностью птицы. После ареста в Одессе (из-за речи с "баста") я писал, что "весь город смеялся над глупостью полицейских". Мою статью зарезали: "ибо в таком случае следует "протестовать", а не "смеяться". Наконец, меня прорвало: "Зачем вы пригласили меня?" Госпожа Екатерина Кускова, один из столпов редакции, ответила мне не мудрствуя лукаво: "У вас отличный слог, мы думали, что вы согласитесь облечь

в этот слог мысли, которые мы предложим вам". Я вскочил в пролетку, поехал в "Русь" и спросил у Суворина: "Вы примете меня назад? Сударь, менее всего почитаю я себя граммофоном". Он ответил: "С удовольствием". Как бы то ни было, он был личностью и умел уважать другую личность: он не мешал мне (факт беспрецедентный в "общей" печати, который подрывал все нравственные устои российского либерализма) писать: "мы, евреи..."

Кстати, я не знаю, кто распространил слух, будто я принадлежал в свое время к "первой шеренге" авторов общей печати в России. Это преувеличение, одна из "легенд". В Одессе и на юге я был популярен, среди евреев по большей части, но Петербурга я не "завоевал". Если я не ошибаюсь, более сильное впечатление производили мои письма из Лондона в годы войны, которые печатались в московской газете "Русские ведомости", но от этой славы я уже не успел вкушать, потому что не вернулся в Россию, да и газета эта была разгромлена и ее читателей уже нет в живых.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

В грозах российской "весны"

Тем временем был убит Плеве, рабочие в Петербурге, которых священник Гапон обещал отвлечь от "политики", провели 9 января шествие к Зимнему дворцу, чтобы потребовать дарования конституции, и несколько десятков было убито братьями-солдатами. Уже всем было ясно, что эта победа окажется решающим поражением существующего режима.

В моей деятельности этих лет наметились три основных линии: полемика с ассимиляторами и еще более жестокая полемика с Бундом, пропаганда самообороны и борьба за национальное равноправие евреев России.

"Чистого" ассимиляторства я уже не застал в Петербурге. Лагерь, который отвергал сионизм и группировался вокруг Винавера-Слиозберга и их еженедельника "Восход", уже уразумел в эти дни, что Россия — не Франция и не Германия и что нет в ней места русакам Моисеева закона. По распоряжению самого правительства были обнародованы результаты переписи народонаселения за 1897 год; смотрите, черным по белому написано, что в государстве имеется более ста народностей, и самая многочисленная из них русская — даже не составляет большинства, еврейский же народ занимает четвертое место в списке. Хотя сами ассимиляторы и признавали, что в России имеется еврейская народность, они не поняли еще, чего следовало именно требовать для нее в национальном плане, и довольствовались устаревшим лозунгом гражданского равноправия.

Платформа Бунда, разумеется, была более сложной и более путанной. Там уже

вырабатывалось признание национального обособления, вплоть до лозунга "культурной автономии". Обосновывали это требование ссылками, с одной стороны, на работы австрийского автора Рудольфа Шпрингера, а с другой стороны, учением Дубнова. И следует отметить, что Бунд в эти дни пользовался решающим влиянием во всех слоях народа и не было "прогрессивного" обывателя, который не произнес бы речи или не написал бы статьи по текущим вопросам, не осыпав комплиментами могучее еврейское пролетарское движение. В тени этого бундо-дуба, но с трудом, чуть ли не украдкой, прорастали первые побеги левого сионизма, и мы, "халястра", далекие от всякого классового мировоззрения, мы оберегали их цветение против нападков Бунда... Неважно, что я писал и что я говорил, но когда минул год после моего переезда на север, уже ненавидели меня в кругах "Восхода" (мы их называли "национал-ассимиляторами"), и еще сильнее в кругах Бунда, чье дерзновенное историческое назначение заключалось в том, что он служил мостом, по которому массы рабочих переходили от чистого марксизма к чистому сионизму.

Самооборона. После одесского опыта я не много работал в этой области в качестве организатора, хотя и принимал участие в какой-то конференции, которая собралась в Одессе, если я не ошибаюсь; но я слышал, что в духовном отношении этому движению помогли листовки и брошюры, которые распространялись тайно, в особенности "Сказание о погроме" Бялика в моем переводе и с моим предисловием.

В лето 1905 года я посетил Варшаву, — кажется, впервые. С детских лет я любил Польшу, что, разумеется, неудивительно, ибо такое отношение к Польше было общей традицией тех лет и поддерживалось любым прогрессивным обществом — как в России, так и во всем мире. Стихи Мицкевича я заучивал наизусть. Однажды в Одессу попала варшавская театральная труппа, и мою статью, посвященную ее представлениям, перевели и напечатали в польской газете, крайнем органе националистического движения. В некоторых городах и местечках, на севере, на юге и на востоке, я уже выступал с речами и лекциями, но ни разу не пришло мне в голову выступить в польском городе, ибо я тогда еще не умел говорить на идиш, а что до публичной лекции на языке "москалей", то в глазах польского общества это выглядело бы как оскорбление. Я посетил Варшаву только, чтобы посоветоваться с сионистской молодежью, которая группировалась вокруг еженедельника "Глос жидовски", и договориться с ними о времени и месте созыва конференции "Национальная автономия в галуте".

Эту группу варшавской молодежи мы считали украшением нового поколения сионистов галута и справедливо считали. Особая глубина и утонченность, свойственные возвышенным душам, чувствовались во всем их существе, в подходе ко всем проблемам национального бытия, в духе их откликов на всякое решающее событие: то ли из-за их близости к Западу, то ли из-за особой атмосферы, насыщенной трагизмом и романтикой Польши. И в человеческом плане такие духовные явления, как Ян Киршрот и Ноах Давидсон, редки в нашем мире теперь как и тогда. Там в Варшаве до нас дошла весть о белостокском погроме, первом серьезном погроме за пределами Украины, в городе, где половину населения составляли

фабричные рабочие... Вместе с молодым Гартгласом мы вскочили на поезд и поехали в город резни. До конца своих дней не забуду я этой поездки. Вагон был полон евреями, но когда мы приблизились к Гродненской губернии, они стали исчезать один за другим, и немногие поляки избегали смотреть на нас с Гартгласом и переговаривались шепотом. Одна дама пыталась все-таки выразить свое сожаление о судьбе красивого юноши Гартгласа и умоляла его сойти с поезда. Он отклонил ее советы с ласковой варшавской любезностью и объяснил мне тихо психологическую тайну ее сострадания:

— На самом деле ей безразлично, убьют ли еще одного или нет, но она мне сказала, что она едет в Гродно, а это за Белостоком, и она решила, что если убьют еврея на ее глазах, то это неприятно.

Возможно, он был прав, потому что она внезапно встала, собрала свои саквояжи и перешла в другой вагон.

С приближением к станции Белосток мы подошли к окну: на привокзальной площади было полно сброда, они толпились около забора вдоль железнодорожного полотна и смотрели на поезд. Увидев нас, они стали показывать на нас пальцами, подзадоривать друг друга, кричать. В этот момент — поезд еще не остановился - в вагон вошел пожилой носильщик и сказал:

— Ради Бога, если есть здесь евреи, пусть не выходят, а едут дальше.

— Еще не кончилось? — спросили мы.

— Какое там "кончилось". В самом разгаре...

Разумеется, мы послушались. Поезд простоял на станции около десяти минут. Не помню, о чем я думал, но хорошо помню, что мы с Гартгласом не решались посмотреть друг другу в глаза.

Мы поехали в Гродно, и там, не знаю почему, решили навестить известную польскую писательницу Элизу Ожешко, друга евреев и вообще властительницу дум того гуманного столетия, семя которого погибло с закатом XIX века. В ее гостиной на стене висел польский флаг с белым орлом посередине. Нас встретила седовласая дама, великолепная и благородная, в ее манерах чувствовался настрой той старинной куртуазности, который также исчез с этим поколением. Она прочла мое имя на одной из визитных карточек, которые мы послали ей, и сказала мне по-польски. — Я видела последний номер "Глос жидовски". Пан возражает против предоставления самоуправления Польше?

— Это зависит от одного обстоятельства, пани — отвечал я. — Я готов всем сердцем солидаризоваться с восстановлением Польши "от моря до моря", государства, в пределах которого будет проживать большая часть евреев России и Австрии, если польское общество согласится с нашим равноправием в двух аспектах: гражданском и национальном. Но ныне среди варшавской общественности преобладает совсем

другая тенденция. Господин Дмовский заявил открыто, что его фракция использует автономию, чтобы, прежде всего, погубить евреев. Полагает ли пани, что и при таких условиях мы должны поддерживать приход его к власти?

Она не дала мне прямого ответа. Она вообще не "полемизировала" с нами, ибо это было противно традиционным законам гостеприимства, принятым у таких властителей дум. И все же впоследствии в ходе естественно завязавшейся беседы она заметила с тихой печалью:

— Всю свою жизнь я пыталась трудиться

я ради взаимопонимания и добрососедских отношений между вашим народом и моим. Видно, напрасно трудилась...

Гельсингфорсская программа, ее история и принципы. Немногие заинтересуются ею сегодня, и все же в развитии сионистского мировоззрения нашего поколения она означала душевный и духовный перелом. Мы начали с отрицания галута, то есть с того, что галут не следует исправлять, что нет лекарства против него, кроме исхода из него. И вот жизнь привела нас к необходимости улучшения галута, улучшения методического и всестороннего, каким явилось бы достижение не только гражданского равноправия, но и равноправия национального. Выставив такое требование, обязаны были мы, именно мы, сионисты, сделать для него вдвойне больше всякой другой еврейской партии, ибо сильнее у нас национальный аппетит. Наши противники смеялись над нами и язвили, что мы впали в противоречие и отрицаем сионистский принцип: если национальное возрождение возможно и в галуте, то к чему Сион? Это возражение обязывало нас найти разумную возможность воздвигнуть национальные замки в изгнании с тем, чтобы их оставить, без срама и без сожаления, на другой день после их воздвижения.

Появилось несколько философских систем, обосновывавших такую возможность. Одна из левых партий, которую я упоминал, — "Возрождение", или "Серп" — небольшая, но отборная группа молодой сионистской интеллигенции - предложила доктрину, согласно которой сионизм представлял собой не разрыв или скачок в истории нашего народа, а лишь высшую, конечную ступень лестницы возрождения. Сионизм осуществляется посредством накопления сил и завоевания позиций, через создание еврейской нации в галуте, еврейской нации, освобожденной и чтимой, как и остальные народы, пока мы рассеяны среди этих народов, и затем лишь из стремления к национальному усовершенствованию, а не из желания уйти от юдофобства он построит отдельное государство, подобно тому, как миллионер, обладающий уже сотней домов во всех столицах мира, вдруг строит для себя виллу на острове посреди океана. Бер Борохов, духовный вождь "Поалей Цион", еще один сионист, стоявший "на пороге гениальности", сформулировал другое учение: "нормализации галута". Галут — это беда и проказа; все попытки исправить его не более чем иллюзия и самообман, но и у проказы, как и у всякой болезни, есть две формы: форма хроническая, спокойная и форма обостренная, инфекционная. Галут с отсутствием прав, галут с погромами - это галут острый, инфекционный; галут спокойный — это галут, как на Западе, галут сытый, тучный, галут с почестями, и все

же это — галут, в котором в конце концов тоже вспыхнет восстание при всем сознании его ценности! И наша миссия в России заключается лишь в "нормализации" галута с полным сознанием того, что это не решение проблемы. Еврейство России подобно страннику, который торопится к своей цели, идя долгой и изнурительной дорогой, его томит жажда, и лицо его покрыто пылью, но вот он нашел родник, напился, помылся — и продолжил свой путь дальше.

Я, человек маленький, тоже решил потягаться с этими великими мира сего и сочинил третью теорию. Что такое национальная автономия в галуте? Это не что иное, как организация всего народа с помощью официально предоставленных возможностей вместо частичной организации народа в форме такого ограниченного объединения, как сионистская организация. И что сделает народ, когда сорганизуется? То, чего покойный Герцль хотел добиться посредством ограниченной организации: он осуществит возвращение в Сион. Национальные права в изгнании — это не что иное как "организация Исхода" и т. д. и т. п.

На первых порах мы пытались заронить семя этой идеи, идеи борьбы за предоставление евреям России национальных прав, в общеврейскую почву. С начала 1905 года мы начали проникать в Петербурге в беспартийные круги: мы провели собрание врачей, адвокатов, собрание торговцев, ремесленников и т. п. и всем предложили девиз: "гражданское и национальное полноправие" (слово "полноправие" вместо обычного "равноправия" почиталось очень дерзким нововведением). В конце концов мы созвали совещание делегатов, избранных от каждого из этих кругов, и там была принята какая-то программа, деталей которой я не помню. Центр по развертыванию всего этого движения находился в нашей редакции. Приглашения мы печатали на поломанном ротапинтере. Но хотя мы были лишь сионистами и в своем большинстве людьми молодыми, без постоянной поддержки в обществе, на наш призыв откликнулись многие видные представители общины.

Фракция Винавера и Слиозберга, разумеется, не примкнула к нам. Они созвали отдельную конференцию в Ковно и там основали другую организацию. Но в конце концов две эти организации слились и стали называться длинным именем "Союз для достижения полноправия еврейского народа в России", и я был выбран в его центральный комитет. Люди моего поколения, несомненно, еще помнят взрывы хохота, которыми везде встречали это предусмотрительное "достижение" вместо "борьбы". Прозвали нас "ди дергрейхер", достиженцы.

Летом я отправился на седьмой конгресс, первый конгресс без Герцля, и после этого совершил пешую прогулку по Швейцарии, с небольшой группой друзей, девушек и юношей. Как был бы я рад, да и читатель семикратно выиграл бы от этого, если бы вместо автобиографии деятеля мне довелось рассказать ему об этом переходе, конечным пунктом которого явилась Венеция, куда мы прибыли без гроша во всех

наших многочисленных карманах. Здесь, в этой моей книге, я ограничусь лишь тем, что установлю связь между путешествием и общим предметом, упомянув о двух фактах. Первый: на берегу Луганского озера я купил итальянскую газету и в ней прочел об унижительном конце войны на Дальнем Востоке, о признании японской победы и о новом стимуле для освободительного движения в России. Второй: в середине октября, в Монпелье, на юге Франции, до меня дошла весть о даровании конституции и Государственной думы, и на другой день — о шквале ударов, обрушившихся на евреев, - наш выкуп и расплата за день радости всей России.

Я вернулся в Петербург, там сионисты провели публичное собрание в зале, называемом "Соляной городок", выступил на нем с речью и я. В первый и последний раз я видел такое: на собрание, посвященное еврейской беде, еврейской проблеме, пришли и неевреи, и в немалом количестве. Но за несколько дней до этого появилась листовка, подписанная от имени двух рабочих партий, эсдеков и эсэров. Содержание листовки - энергичное обвинение правительства в надувательстве народа: оно обещало освобождение, а вместо освобождения сделало то-то и то-то; я уже не помню, какие грехи вспоминались в этом протесте, но резня евреев в ста городах (или больше ста?) совершенно не упоминалась в ней. Когда подошла моя очередь говорить, я сказал им: "Нас пытались утешить тем, что среди наших убийц не было рабочих. Мол, русский пролетариат защищает равенство и дружбу народов. Может быть. Может быть, не пролетариат громил нас. Пролетариат поступил хуже: он забыл о нас. Это — настоящий погром!" Хвала им вдвойне: они не только пришли слушать нас, но и слушали, молчали и опускали головы.

Вскоре началась предвыборная борьба: рабочие партии бойкотировали выборы, ибо не было введено всеобщее избирательное право, но и без них в нашем лагере было достаточно волнений. И в черте оседлости и вне черты, не были выставлены еврейские кандидаты. Однажды ночью мы сидели в редакционной комнате, мы, члены "халястры", и решили: потребовать от всех кандидатов обещание, что если они будут выбраны, то присоединятся к еврейской фракции. Винавер со своей группой противился изо всех сил нашему требованию, но его мы тоже заставили подписать обязательство, что он подчинится, если съезд "Союза для достижения...", который будет созван после выборов, решит большинством голосов создать фракцию.

Были выбраны 12 евреев, в том числе пять сионистов, и в Петербурге был созван съезд. Хотя я не был еще в числе делегатов и кандидатов (я еще не достиг тогда требуемого 25-летнего возраста), мои товарищи сионисты почтили меня ответственным заданием: сделать доклад перед съездом о насущной потребности в отдельной фракции. Со своей стороны группа Винавера назначила своим главным докладчиком Острогорского, делегата от Ковно, эрудита, политика, известного и за границей, автора классической книги о партиях Северной Америки. Никогда, ни до этого дня, ни после, я не испытывал такого страха, готовясь к публичному выступлению: что возражу я, полный профан, на научные доводы знатока и специалиста? Острогорский выступал после меня. Я слушал и не верил своим ушам: так ли должен говорить эрудит, учитель учителей, величайший хранитель тайн большой политики, по вопросу, от разрешения которого зависят (или мы верили, что

зависят...) судьбы шести миллионов? Даже в первые дни моей молодости, в легких фельетонах для "Новостей", не выходило из-под моего стрекочущего пера такого несусветного вздора, как его доклад. Тогда узнал я впервые, и впоследствии этот опыт имел неоднократно подтверждение: нет еще еврейской политики, наше положение и наши нужды не имеют еще прецедента, мое поколение — поколение зачинателей, и нам создавать государствоведение Израиля, от алеф до тав, и то же относится к сионизму, в особенности к сионизму.

Съезд большинством голосов принял наши требования, но вопреки своим письменным обязательствам наши противники не подчинились его решению. Еврейские делегаты разделились на две фракции — шестеро против шестерых (делегат Френкель, антисионист, примкнул к пятерым сионистам). В конце концов вмешались посредники и нашли какой-то компромисс, я уже забыл его детали, но я вышел из комитета "достиженцев", и ночью после окончания съезда в редакционной комнате снова собралась "халястра" — сделать выводы из этого опыта. И мы решили: в будущем борьбу за права в галуте сионисты тоже будут вести отдельно, под своим сионистским знаменем.

От этого съезда "дергрейхерс" в моей памяти осталась речь ныне покойного доктора Даниэля Пасманика: одна из лучших и самых глубоких речей, какую мне довелось слышать за всю свою жизнь. Вообще, я всегда считал его человеком необычайного ораторского дарования. Он немного заикался, но и этим своим дефектом умел пользоваться для усиления впечатления: он так управлял своим голосом, что задержки в речи наступали именно перед центральным и решающим словом, чтобы с тем большей силой выделить его. И вот он сказал на заключительном заседании: "Мы достигли компромисса, и это покамест тоже хорошо, ибо мы еще слабы, слабее одних и слабее других, и зажаты между двумя лагерями: но мир этот только преддверье войны. Здесь вставали один за другим выдающиеся ораторы и воспевали мир, и их слова напоминали мне сладкозвучную музыку Доницетти и Беллини. Но время такой музыки истекло: музыка нового поколения — это музыка Вагнера, а она основывается на диссонансе... Есть грубая глиняная посуда, которая если и разобьется, то беда невелика, склеют черепки — и забудется трещина. Но есть старинный греческий кувшин, тонкое и изысканное произведение художника, и если в нем появится трещина — ее не заделаешь. Мы, евреи, — старинный сосуд, дорогой и редкостный, и дефект в нем невозможно исправить".

Пасманик был членом центрального комитета сионистов России, местопребыванием которого была тогда Вильна (вместе с Исааком Гольденбергом и его покойным братом Борисом, Львом Яффе и доктором Иосифом Лурией, редактировавшим официальный еженедельный журнал). Для меня судьба этого человека — загадка: хотел бы я понять, почему подчас пролегал пропасть между истинной величиной личности и тем впечатлением, которое она производит на окружающих, и пропасть эта образуется без всякой видимой причины. По сей день слышу я рассказы о том, что

"этот ханжа" покрыл голову ермолкой, поднимаясь на трибуну, чтобы выступить перед собранием Мизрахи. Случайно я оказался очевидцем аналогичного эпизода на шестом конгрессе, и я помню слова, которые он сказал тогда: "Если от меня требуют, чтобы этим я выразил чувство моего уважения к вашему собранию, — я надену ермолку; но если вы увидите в этом выражение моего отношения к вере, то лучше я расстанусь с вами". Собравшиеся ответили ему в один голос: "Нет, нет, мы не требуем этого от вас". И тогда он покрыл свою голову, не как ханжа, а как благовоспитанный человек, и я бы поступил так же, как он.

Столь же несправедлива и фальсифицирована легенда о его склонности менять убеждения как по легкомыслию, так и ища рукоплесканий толпы. Напротив, по большей части или почти всегда. Даже в Гельсингфорсе он был среди немногих, кто выразил глубокое сомнение в правильности нового курса: он противился в частности и в особенности вере в "меньшинства" — в мечту, что установится нечто вроде союза между нами и украинцами, латышами, литовцами, татарами и пр. и пр., союза, направленного против господствующей нации; он утверждал, что все они ненавидят евреев, и господствующая нация, и меньшинства, но лучше все же господствующая нация. Известно, что этой своей веры он держался до дня смерти, отошел ради нее от сионистской общественности и умер в холодном и горьком одиночестве.

Дефект "верхоглядства" возможно и был присущ ему, но это не вина его, а беда. Всю свою жизнь он много читал и учился; кроме Бера Борохова и Абрама Идельсона, я не знал другого такого библиофила, как он, в том поколении сионистов. Но способность "популяризатора" - самая редкостная способность: лишь немногим дано раскрыть тайны науки перед аудиторией совершенных профанов, излагать их таким образом, чтобы, с одной стороны, быть понятым, а с другой, не измельчить и не опошлить науку. В этом он не преуспел, потому-то вообще я не отнесу его — в качестве писателя — к выдающимся дарованиям, но нет сомнения, что он обогатил теорию сионизма несколькими мыслями, получившими в нем права гражданства, и был в числе первых, кто научил нас различать экономические и социальные аспекты галута.

Летом 1906 года мы собрались на совещание, которое я упомянул ранее, на даче Исаака Гольденберга. В Ландварове, около Вильны. "Конференцией сионистских журналистов" мы назвали его. Наша "халястра" из Петербурга, группа "Глос жидовски" из Варшавы, редакторы "Еврейской мысли", учрежденной незадолго до этого в Одессе. Там, меж высокоствольных сосен старинного парка, в поместье польского графа Тышкевича, на берегу прелестного пруда, в котором мы купались в перерывах между заседаниями, три дня и три ночи мы редактировали программу, получившую впоследствии название "Гельсингфорсской". Там же на третий день нас настигла злая весть: император распустил первую Думу, и через несколько месяцев должны были состояться выборы в новую Думу.

В октябре мне исполнилось 25 лет. В Вольни, в заброшенном городе около Ровны (высокомерное название этого местечка — Александрия!) я "купил" одноэтажный домик о трех окошках и тем самым приобрел право избирать и быть избранным. Я объездил города губернии, иногда поездом, но в большинстве случаев в бричке. На этот раз положение было более запутанным, чем в первые выборы, ибо изменились позиции левых партий, и Бунд тоже принял участие в кампании и выставил своих кандидатов. В одну ноябрьскую ночь я созвал представителей сионистских организаций губернии в Мирополе, тоже небольшом городке, и они утвердили программу, составленную в Ландварове, и выбрали меня своим кандидатом. На рассвете я отправился на север — в Гельсингфорс, на шестую конференцию сионистов России.

Не без приключений я добрался до Гельсингфорса. На пути я остановился в Петербурге, побывал на последнем совещании в редакции. Посреди нашего заседания в комнату вошел наш русский слуга Архип (неизменный слуга Идельсона, преданный ему собачьей преданностью, которая могла жить только в сердце мужика Ярославской губернии. Даже выговор своего барина он усвоил со временем и говорил по-русски с еврейским акцентом) и прошептал: "Полиция!" Почему неожиданно нагрянула полиция — не знаю. Остальных это не коснулось, но у меня не было права жительства в Петербурге, и меня арестовали. До полуночи просидел я в околотке и уже отчаялся, что вернусь на наше совещание. В конце концов меня спас адвокат Слиозберг: он пришел в полицию и поручился, что я не революционер. "Ладно, - сказал мне пристав, — мы выпустим вас на свободу, но на вашем паспорте поставим красную печать". Это означало: этот еврей высылается из Петербурга и должен покинуть столицу в течение 24 часов".

"С какого вокзала выслать вас? — спросил меня полицейский. — Николаевский в сторону черты оседлости". "С Финляндского", — ответил я, и сердце мое замерло, как бы он не отказал, ибо в Финляндии у меня тоже не было права жительства. Он посмотрел на меня, посмотрел на паспорт, подумал, поколебался, широко зевнул и, наконец, сказал: "Ладно, сделаем вам Финляндию". Я отправился на вокзал в сопровождении городского, славного парня, который рассказал мне по дороге о мужицких бедах: нет земли, вся земля в руках дворян! Я дал ему рубль серебром, и он стоял навтыжку, пока не тронулся поезд, и прощался со мной на военный лад, приложив руку к козырьку.

Вершина моей сионистской молодости — Гельсингфорсская конференция, и я уверен, что то же самое скажут многие из ее участников, также как представители поколения, предшествующего моему. Ибо молодость была не только в нас, она была в воздухе, молодость всей страны, молодость всей Европы. Не часто повторяются эпохи в истории человечества, эпохи, в которые дрожь нетерпения пронзает народы, словно юношу, ожидающего прихода возлюбленной. Такой была Европа до 1848 года, такой предстала она перед нами в начале XX столетия, лживого столетия,

обманувшего столь много наших надежд. Тот, кто скажет, что мы тогда были наивны, неопытны, верили в то, что прогресса можно достигнуть легкой и дешевой ценой, одним молниеносным прыжком из тьмы в свет, — тот заблуждается. Разве не были мы на другой день после праздника свидетелями очередного убийства, и в частности тогда, именно в ту зиму? Разве не знали, что все силы реакции уже строятся снова в несметное и грозное войско? Но вопреки всему еще жила в наших сердцах глубокая и тайная вера, основа и чудо девятнадцатого века, — вера в принципы закона, в священные пароли — свобода, братство и справедливость. И вопреки всему мы были уверены, что настал день их восхождения и что в недалеком будущем перед ними падут все преграды. И я, которого только что унизили произвольным арестом, я тоже не видел никакого противоречия между этим оскорбительным опытом и дерзновенными требованиями, которые я должен был провозгласить на другой день в своем докладе на конференции: в России нет господствующей нации, все ее народы — меньшинства; русские, поляки, татары, мы — все равны перед законом, автономию — всем.

Я не сравниваю Гельсингфорскую конференцию с всемирными сионистскими конгрессами: кроме шестого конгресса (первого на моем счету) я не любил их, неприкаянным чужаком слонялся я на них, и по сей день для меня нравственная пытка одна мысль, что когда-нибудь я буду вынужден принять в них снова участие... Конференции ревизионистов и слеты Бетара я очень люблю, но все же нет сионистского воспоминания более милого моему сердцу, чем воспоминание о Гельсингфорской конференции. Причина этого, вероятно, в том, что пафос ревизионистов и бетарцев смешан с горечью, ибо

наша борьба теперь — борьба с нашими братьями-сионистами, и все, что обновляется на наших съездах, — суровый приговор тому, что дорого им. Тогда, в Гельсингфорсе, плечом к плечу, рука в руку стояли мы, все ветви сионистского движения России, этого центра мирового сионизма, и все, что мы провозглашали, провозглашалось от имени всех нас. Мы верили, что творим новый сионизм, синтез исконной любви к Сиону и политической мечты Герцля (ибо и принцип "практической работы" и "завоевания позиций в Эрец-Исраэль" был провозглашен в Гельсингфорсе); и, с другой стороны, синтез крепостей, что мы воздвигнем своему народу в изгнании, и великой твердыни, которую мы завоеваем к западу и востоку от Иордана. Исаак Гринбаум, глава делегации из Польши, мы называли их "коло" и считали украшением конференции, ибо еще были среди них Ноах Давидсон и Ян Киршрот, два великолепных человека, подобных которым нелегко найти сейчас среди нас. Гринбаум резюмировал наши устремления в следующих словах: "Мы пришли сюда, чтобы вознести нашу сионистскую идею от воззрения катастрофического к воззрению эволюционному и подвести под наше национальное возрождение базу мирового прогресса". Боюсь, что юный читатель не поймет этой терминологии, я должен был бы объяснить ее, но нет смысла, ведь те дни прошли и прошли безвозвратно, и слова утратили свою ценность и значение, но мы понимали их и верили в них.

Один из весьма и весьма немногих, я все еще верю и теперь в программу Гельсингфорса; вопреки всему верю, что забрезжит рассвет, рассеются смерчи хаоса в странах, посланцы которых собрались тридцать лет назад в столице Финляндии, и что порядок, который укрепитя в них, навеки будет тем порядком, о котором мы мечтали в Гельсингфорсе.

Моя совесть заставляет меня сделать здесь отчаянно дерзкое признание: в глубине своего сердца я считаю себя "редактором" Гельсингфорсской программы. Я отчетливо сознаю, что все направления мысли придал этой программе не я, а Идельсон; знаю я и то, что все детали, все без исключения, выработались и выкристаллизовались в беседах членов нашей "халястры", а также в тесном общении с участниками варшавской группы, упомянутой ранее, и с одесской группой, с которой у нас тоже была постоянная связь: с Израилем Тривусом, Нахумом Шимкиным, Шаломом Шварцем, Хаимом Гринбергом. И все-таки, если я не обуздаю своего порыва, не сдержусь и заполню список доказательств, что именно я, я и никто другой собственноручно сподобился сформулировать ее... но лучше, если я преодолею свой порыв, ибо нет сомнения, что все еще живет и здравствует тот другой или двое или четверо других, у которого (которых) имеется та же уверенность в глубине сердца, и, может быть, тот же перечень доводов и, может быть, то же право.

Об искусстве политики судят так же, как и об искусстве архитектора; пример — здание университета, которое я видел несколько дней назад в одном из городов Соединенных Штатов. Это башня в пятьдесят этажей, прекрасная, как сон на заре, как поток дней, который рвется из бездны в поднебесье, — и во всем городе я не нашел ни одного человека, который бы помнил имя строителя. Даже кельнер из ресторана, юноша, от которого ничего не могло скрыться (он и был тем, кто посоветовал мне посмотреть новый университет), он тоже не знал имени архитектора и с большой мудростью сказал:

— Это неважно, сударь. Архитектор сделал эскиз, пришли и исправили; пришли подрядчики и испортили, пришли болваны из муниципалитета и разрушили все, что можно было разрушить, но результат остается, и это главное. Кто построил? Америка построила.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Выборы, свадьба, Вена

Из Гельсингфорса я отправился снова на Волынь. фракция "национал-ассимиляторов" объявила нам войну, запрещено выставлять напоказ сионистское знамя в русской Думе, ибо наши прогрессивные союзники могли покинуть нас и заявить: "Если вы сионисты, то почему вы требуете гражданских прав в России?" Я поехал в Петербург, "мобилизовал" там своего доброго приятеля Ш. Полякова-Литовцева (был он старым сионистом и единственным из всех известных мне с той поры и поныне журналистов, который умел брать интервью и верно воспроизводил содержание и дух слов своего собеседника). Он посетил руководителей партий освобождения — Милюкова, Ковалевского, Керенского и пр. и пр., и все они клялись ему, что будут защищать права евреев, независимо от того, будут ли выбраны в черте оседлости сионисты, ассимиляторы или раввины. Я опубликовал эти беседы в "Руси", поехал в Ровно и т.д. и т.п.

В итоге меня не выбрали в Думу. Еврейские "выборщики" (выборы были двухступенчатыми) избрали своими кандидатами еврея Ратнера и украинца Максима Славинского. Это был тот самый Славинский, который через пятнадцать лет был назначен министром в правительстве Петлюры и с которым я подписал известное соглашение, то соглашение, из-за которого меня кляли на всех перекрестках еврейской улицы и которое я готов подписать вторично. Но и эти двое не были выбраны. На Волыни избрали "черных", как и в остальных западных губерниях, и черта еврейской оседлости обогатила вторую Думу многочисленным воинством заклятых ненавистников Израиля. Из всех еврейских кандидатов избрали только трех. Но и вторая Дума просуществовала недолго, ее тоже распустили, и в конце года я снова предстал перед избирателями, на сей раз в своем родном городе Одессе, и снова не был выбран, Но не этим памятна мне та осень, октябрь 1907 года. За несколько дней до выборов я кликнул извозчика и отправился в синагогу, вместе с

мамой и сестрой. На пороге синагоги я встретил Аню, тоже в сопровождении ее матери и сестер. Аню, ту самую девочку, которую я назвал "мадемуазель", когда ей было десять лет и этим полонил ее сердце, как было рассказано ранее в воспоминаниях о моем детстве. В синагоге нас ожидал казенный раввин, миньян и хуппа. Я сказал Ане: "Вот ты и посвящена мне", и в сердце своем я дал обет "Я посвящен тебе", и из синагоги я поспешил на собрание избирателей.

Должен заметить здесь, что по всей строгости еврейского закона не было никакой необходимости в этой свадьбе. За семь лет до этого дня однажды вечером я был в доме Ани. Это была дружеская вечеринка, и кроме нее и меня в ней участвовали Анин брат Илья Гальперин и еще трое студентов — Илья Эпштейн, Александр Поляков и Моисей Гинсберг, — все друзья, о которых я мог бы многое рассказать, если бы мне довелось описать "вторую сторону" своей жизни, которую я решил похоронить. В тот день я получил гонорар в "Новостях" и в моем кармане еще осталась золотая монета. Я вручил ее Ане и сказал в присутствии всех: "Теперь ты посвящена мне этой монетой согласно вере Моисея и Израиля"... Господин Гинсберг-старший, отец моего товарища Миши, фанатичный еврей из истинно верующих, покачал головой и предостерег Аню, с полной серьезностью, что она должна будет потребовать от меня развод, если она соберется вступить в более солидный брак...

На другой день после голосования я сидел в конторе Усышкина около телефона: каждый час нас извещали о результатах подсчета голосов. Уже прежде полудня стало ясно, что меня не избрали. Не помню, сожалел ли я, но запомнилось, что меня преследовали другие думы. С детских лет и поныне я подвержен периодам "чистки", по-иностранному — "ревизии". Тяну я, тяну цепь своей жизни без претензий и получаю от этого по большей части удовольствие в течение двух или трех лет, и вдруг как гром среди ясного неба раскрывается мне великая внутренняя тайна, что не могу я ничего выносить, и что все мне опротивело, и что не мой это путь. И на этот раз уже давно начался в моей душе бунт, бунт против себя — я не видел определенной линии в своей жизни, красной линии собственного желания и воли; как щепку на волнах, кидает меня в разные стороны внешний случай, меня вели, а не я вел, теперь я растворился в сионистской толпе, как ранее, в годы "легких" фельетонов — в ряду либералов, клоунов пера, которых нанимают на потеху читателя-бездельника, как до того, в Риме, я растворился среди итальянской молодежи, любителей вина с виноградников Фраскати и Гротаферрати в обществе молодой швейки. А меня, меня, меня нет? И вот еще что: я даю и не получаю. Грубый невежда и наглец, я проповедовал учение людям, учение, которого я еще не знаю, ибо с того дня как оставил университет, я ничему не учился, а только учил, только учил. Каждому журналисту знаком этот голод, голод мозга, который он выпрастывает изо дня в день, изливая свое содержимое перед читателем, и нет у него времени заполнить пустоту... "Баста!"

Моя жена паковала вещи для поездки во Францию - она изучала агрономию в Нанси.

Я сказал ей: "Я провожу тебя до Берлина, там мы расстанемся, и я поеду в Вену. Я хочу учиться".

Около года прожил я в Вене. Не встречался ни с одной живой душой, не ходил на сионистские собрания, за исключением одного или двух раз. Я пожирал книги. Австрия в те времена была живой школой для изучения "национального вопроса". Дни и ночи я проводил в библиотеке университета и в библиотеке Рейхсрата. Я научился читать по-чешски и по-хорватски (теперь, разумеется, забыл), познакомился с историей русинов и словаков — вплоть до хроники 4000 ретороманов в кантоне Грizon в Швейцарии, до обрядов армянской церкви (есть в Вене монастырь махитаристов, и в нем тоже библиотека), вплоть до жизни цыган, что в Венгрии и Румынии. Из каждой книги или брошюры я делал выписки: делал я их по-древнееврейски, чтобы усовершенствоваться в нашем языке, которого я тоже не знал как следует: кстати, с тех пор я привык к написанию еврейских слов латинскими буквами, так что и поныне оно мне легче и удобнее, чем ассирийская клинопись.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Константинополь

Тем временем разразилась революция в Турции, и одна петербургская газета предложила мне отправиться в Константинополь. Я поехал. Младотурки жаждали рекламы: несть числа министрам, которые приняли меня и заявляли в один голос, что их страна отныне и вовеки веков — Эдем и что отныне нет различия между турком и греком или армянином, все "оттоманы", одна нация с одним языком. "Разве есть, эфенди, такой язык - турецкий?" "Нет турецкого языка, господин, есть оттоманский язык!" То же говорили мне и в Салониках, там видел я Джавида-бея, мусульманина еврейского происхождения, члена секты саббатианцев, и Энвера-пашу, молодого и интеллигентного офицера, прекрасного, как дамский парикмахер. И в вопросе въезда евреев — одно и то же мнение у всех: "Почему нет? Будем очень рады, если они рассеются по всем углам государства, и в особенности если поселятся в Македонии, а также если возьмут на себя обязательство говорить по-оттомански".

И в Константинополе, и в Салониках я нашел сионистов: еще до революции было учреждено в Константинополе отделение Лондонского сионистского банка, но под нейтральным названием; Виктор Якобсон был назначен его директором. Я выступил с речью по-итальянски о возрождении Израиля и Сиона и на другой день увидел в газете на испанском языке "Эль темпо": "Синьор Ж. произнес речь, проникнутую истинным оттоманским патриотизмом" (*Vibranti di patriotismo ottomani*). Моего терпения достало до Салоник, но после беседы с Энвером-пашой и Джавидом мое терпение лопнуло. Меня пригласили выступить перед учениками Альянса, этой цитадели ассимиляторов, которые вчера еще считали себя французами, а теперь не знали, что им делать и среди кого ассимилироваться. Я сказал им, чтобы они не торопились. Привел им в качестве примера Австрию: там немцам не удалось германизировать славян, несмотря на весь их огромный перевес более высокой культуры и высокий уровень и процветание экономики, и я намекнул, что здесь, в

Турции, культурное и экономическое преимущество не за господствующей нацией, а за греками, армянами и арабами. Я покинул обновленную Турцию, и в сердце моем царил полная уверенность в отношении двух вещей: во-первых, что этот обновленный режим — режим слепоты и безумия, и, во-вторых, что распад его будет благом для всех народов Турции, начиная с самих турок, и, возможно, и для нас.

Из Салоник я отплыл в Палестину. Нет надобности в книге, напечатанной в Тель-Авиве, изображать еврейский ишув, каким он был в 1909 году. Напомню лишь об отдельных деталях, которые, возможно, забыты и отчасти, быть может, удивят благодаря огромной разнице между прошлым и настоящим. В Яффе я гостил в доме Дизенгофа, моего друга по Одессе; его жена ходила каждое утро к колонке и с веселой улыбкой на благородном лице качала воду своими нежными руками. Ее муж пригласил меня пройтись по пустырям севернее Яффы и сказал мне: "Этот участок мы купили, здесь мы построим еврейский пригород, если Богу будет угодно, и в центре поселка воздвигнем здание гимназии, если, конечно, найдется кто-либо, кто даст деньги". В колониях я застал небольшие бригады рабочих; приняли они меня по-братски, попросили рассказать им, что делается на свете, и когда я поведал им на своем жалком древнееврейском языке о происходящем в Турции, со всех сторон раздались возгласы: "Что с того? Это неважно. Главное — почему нет алии из России?" Я отправился в Галилею: от колонии к колонии меня сопровождали бригады рабочих, ищущих работу, в большинстве своем они были с берданкой на плече и с патронташем за поясом. В дороге мы время от времени встречали еврейского стражника, который ехал верхом на коне, тоже с ружьем в руках. "А что, если вы натолкнетесь на жандарма?" Он скажет мне: "Здравствуй, хаваджа" [Хаваджа (араб.) — господин, обращение к немусульманину. - Ред.]. В Месхе, у подножья горы Табор, я вошел в дом учителя, парня стройного, как кедр, и широкого в плечах, и он рассказал мне: "Позавчера ехал я верхом в Седжеру, встретил по дороге араба, тоже верхом на коне. Он остановил своего коня и попросил меня прикурить от сигарки, которую я держал во рту; есть такой обычай у разбойников в нашей округе: он намеревался неожиданно обхватить меня сзади, и тогда пиши пропало. Я вытащил свой револьвер, сунул свою цыгарку в дуло и поднес ему: прикуривай!" Он рассказал мне также, что всего лишь за неделю до того окончилась "война" в их округе: воевали два бедуинских племени, месяца два тянулось дело, были раненые и убитые, и никто и бровью не повел. В Тверии я попытался заговорить по-древнееврейски с сыном хозяина постоянного двора, молодым человеком 24 лет, учеником ашкеназской ешивы, он отвечал мне на идиш. "Разве ты не знаешь священного языка?" Он опустил голову и объяснил: "Мой рабби говорит, кто говорит по-древнееврейски? Отступники говорят на древнееврейском языке". И с вершины Табора я видел дикую пустошь — Изреельскую долину.

Вернувшись из Палестины, я задержался в Одессе, чтобы побеседовать с Усышкиным, а затем в Вильне, - местонахождении центрального комитета сионистов России. Мы решили собрать деньги и предложить их Давиду Вольфсону [Вольфсон Давид (1856-1916) - соратник Герцля и его преемник на посту президента Всемирной сионистской

организации. -Ред.], президенту Всемирной сионистской организации, для основания газеты в Константинополе.

Весной 1909 года я снова очутился в Петербурге, еще исполненный прежней жадой учиться — неважно, чему учиться, лишь бы погружать глаза в печатную страницу, которую сочинил не я. Арнольд Зайденман, мой коллега по редакции "Рассвета" (я не помню, как называлась наша газета в то время, отныне и впредь я буду называть ее "Рассветом"), дал мне хороший совет: если ты этого так желаешь, то почему бы тебе не получить аттестат зрелости? Было мне 27 лет, возраст немного поздний для приобретения таких документов, но все же я согласился, и трудно описать удовольствие, которое я получил от азав позабытой науки, от латинской грамматики, и даже от русской грамматики (а "Ворон" Эдгара Аллена По в моем переводе был уже за несколько лет до того напечатан в "Чтеце-декламаторе"...), от русской истории в патриотическом изложении Иловайского, от теоремы, которую в Одесской гимназии называли "пифагоровы штаны". Единственным экзаменом, на котором я почти провалился, было сочинение по русской словесности: я получил балл, которым не похвастаешься, и один из экзаменующихся, репортер в народной газете, страстно захотел распространить эту сенсацию в своей газете и только с большим трудом удержался от исполнения этого намерения. Но аттестат зрелости я получил. После этого меня снова отозвали в Константинополь: там я застал Вольфсона, мы посоветовались выработали программу действий, и я остался в турецкой столице обер-редакторствовать вместе с Вольфсоном не над одной газетой, а над целой прессой:

а) над общим французским обозрением под названием "Младотурок";

б) над сионистским еженедельником, тоже на французском языке; под названием "Л'орор" ("Заря");

в) над "Эль худео", еженедельником на испанском языке;

г) по истечении некоторого времени к ним добавился "Гамевассер", еженедельник на древнееврейском языке.

Я сомневаюсь, чтобы капитал, который мы собрали для их издания в России, насчитывал в целом 20000 франков, хотя франк в эти годы и котировался высоко, особенно в Турции.

Разумеется, я не мог "редактировать" этот бумажный потоп. Я выполнял ту же функцию, которую сегодня в стране советов выполняют политкомиссары. Истинным редактором обозрения был настоящий турок Джалаль Бури-бей, молодой человек, учившийся в Бельгии, сын высокопоставленного чиновника, правителя округа в Азии или что-то в этом роде. Испанский журнал редактировал Давид Эльканава, или вернее, ему незачем было "редактировать" его, ибо он собственноручно писал его от первой строки до последней. И собственноручно также наклеивал марки, вел бухгалтерские книги, равно как находил сам подписчиков и объявления. Был он

юноша старательный и восторженный, верный сионист и вообще милый человек. А Люсьен Шуто, редактор французской "Зари", — тот вообще был журналист милостью Божьей, удачное сочетание ясного реалистического ума с быстротой реакции и эластичностью богатого и отточенного языка.

Финансовой стороной этого сложного дела ведал Гохберг, представитель переходного периода от "Хиббат Цион" к политическому сионизму. Он провел двадцать лет в Эрец-Исраэль и в Сирии, знал Восток и его обычаи, был знаком с деятелями прежнего режима: вскоре я убедился в том, что это тоже очень важно, не менее важно, чем знать руководителей нового режима. Юридическим и политическим советником был у нас Исаак Нофех, который за несколько лет до этого приехал в Константинополь изучать турецкое судопроизводство.

Среди евреев наша работа процветала. Если есть переселение душ и если, прежде чем моя душа народится во второй раз, будет мне дозволено свыше избрать себе народ и племя по своей воле, я отвечаю: "all right", Израиль, но на этот раз — сефардский. Я влюбился в сефардов, и, возможно, именно в те качества, над которыми смеются их ашкеназские братья: их "поверхностность" я семикратно предпочитаю нашей беспредметной глубине, их инерция милее мне нашей склонности преследовать каждую переменчивую химеру; поколения философской и политической спячки спасли их душевную свежесть; а что касается культурного богатства, — я сомневаюсь в том, что человека к порогу западной цивилизации (ибо не иначе: цивилизация и Запад — одно и то же) приблизит фунт французского и итальянского образования или тонна русской мистики. В Салониках, в Александрии, в Каире вы найдете еврейскую интеллигенцию того же уровня, что в Варшаве и в Риге; а в Италии — на голову выше той, что в Париже или в Вене. Лишь один крупный недостаток я согласен признать за ними: в сфере сионистской деятельности (хотя среди них национальная идея больше распространена, чем среди нас) еще нет у них аппетита завоевания, нет амбиций, но и они пробудят-пробудятся в свое время.

В еврейской среде наша пропаганда была успешной в обеих общинах: и в ашкеназской, и в сефардской. Но не добился я успеха, например, у Назим-бея, генерального секретаря партии младотурков, отца и истинного инициатора революции, возможно, послужившего решающим человеческим фактором, который помог ускорить крушение Оттоманской империи. Это был человек непритязательный и бедный, как средневековый подвижник, холодный и застывший в своем фанатизме, как Торквемада, слепой и глухой к действительности, как чурбан. Снова тот же напев: несть элина, несть армянина, все мы оттоманы. И мы будем рады приезду евреев — в Македонию. Та же песня у всех министров, депутатов парламента журналистов. В общем, не в моей привычке считаться с первым отказом, исходящим от непреклонных, а также со вторым и с третьим отказом: может, они переменят свое убеждение, подождем и увидим. Но здесь я сразу почувствовал, что никакой опыт не поможет, никакое давление: здесь отказ органический, обязательный, общая

ассимиляция — условие условий для существования абсурда, величаемого их империей, и нет другой надежды для сионизма, кроме как разбить вдребезги сам абсурд.

Я ненавидел Константинополь и свою работу, работу впустую. Зимой я поехал в Гамбург, на девятый конгресс, я очень наслаждался передышкой, великолепием Европы, стремясь забыть на какое-то время опостылевший мне Восток, но на конгрессе, как и прежде, у меня не было никакого другого дела, кроме как голосовать, по большей части вместе с остальными делегатами из России. Я вернулся в Константинополь с сердцем, снова полным тем же беспокойством неудовлетворенности и бунта против себя, которые погнали меня в Вену. Якобсон заболел еще до нашего выезда в Гамбург и после конгресса остался лечиться в Европе, и в Константинополе Гохберг показал мне бухгалтерские книги - очень немного осталось в нашей кассе от денег, собранных в России. Я написал в Кельн, где жил Вольфсон, в Одессу, в Вильну: все ответили мне просьбой дать совет — что делать? Все же мы продолжали свою работу с энергией и решительностью.

И летом 1910 года разразился между мной и Вольфсоном очень тяжелый конфликт. Сионистское руководство в те времена состояло из тройки: Вольфсона, президента, и его заместителей — Якобуса Когена из Гааги и Боденгеймера из Кельна. За год до этого Якобус Коген посетил Палестину, написал книгу о своих путевых впечатлениях и выпустил ее тремя великолепными изданиями: голландским, немецким и французским. Я получил книгу в Константинополе и оторопел: простосердечно и громогласно Якобус Коген требовал в ней государственной автономии и еврейского самоуправления для Палестины, а также создания еврейской армии для поддержания порядка, и все это без промедления, тотчас же, в наши дни. Ревизионист до дарования ревизионистской Торы! Ирония судьбы и более чем ирония — комедия, что именно я, я и не кто другой, был поражен этими идеями. Однако, клянусь жизнью, меня поразили не идеи, а анархия, царившая в нашем правлении. Здесь, в Константинополе, всего годом ранее, мы вместе с президентом и с Якобсоном установили рамки нашей программы. Мы требовали алии и языка, и только алии и языка. Но даже намеком не упомянули мы такие опасные вещи, как автономия, — запретное слово, которое в ушах младотурок являлось пределом "трефного" и верхом мерзости; и мы решили не отклоняться ни на волос от этой тактической линии, ни вправо, ни влево, пока не изгонят нас из Турции и не закроют все наши газеты. И тут выступает заместитель этого президента и заявляет совершенно недвусмысленно, что представители сионистской организации в Константинополе — обманщики. Мил мне государственный сионизм, с дней моего детства я не знал другого сионизма, но логика мне милей. Я не только поразился, но и рассердился, и написал подробное письмо Вольфсону с настоятельной просьбой приостановить распространение книги.

И все же через несколько дней после отправления этого письма нам стало известно,

что Якобус Коген послал свою книгу в дар нескольким высокопоставленным туркам, депутатам парламента и редакторам патриотических газет, и вскоре одна из этих газет объявила, что в недалеком будущем она начнет печатать "эту интересную книгу, излагающую официально и подробно требования сионистов" — день за днем и отрывок за отрывком в ясном и точном переводе.

В нашей сионистской общине поднялся переполох. Мы собрались на совещание: нас было человек двадцать, вся сионистская элита столицы, редакторы всех наших газет (разумеется, за исключением Джалаля Нури-бея), журналисты, главы организаций, руководители "Маккаби", учителя и многие, многие другие, также раввин ашкеназской общины со старым сионистом доктором Маркусом. Было единогласно принято решение немедленно послать телеграмму Вольфсону. Вот суть телеграммы: чтобы не разрушить всю нашу работу, мы требуем отставку Якобуса Когена и публичного запрещения его книги от имени правления. И я подписался.

Нет смысла рассказывать подробности обмена телеграммами и письмами, последовавшего за этим ультиматумом, да я и не помню их. Достаточно отметить, что с обеих сторон прозвучали слова гнева и осуждения, и, разумеется, Якобус Коген не "ушел в отставку", зато ушел я. Но не сразу: тем временем (об этом я говорил с Вольфсоном еще до конфликта), я решил отправиться в Россию для пополнения нашей пустой кассы: я поехал, денег я не собрал, ибо и сионисты в России тоже отчаялись в перспективах нашей турецкой пропаганды ("как об стену горох" — так резюмировал положение Ш. Розенбаум, член расширенного Исполнительного комитета сионистской организации в центральном виленском совете); и тогда я ушел в отставку. Но следует упомянуть, что до моего отъезда из Константинополя Гохберг — тот самый Гохберг, что "был сведущим в условиях Ориента" — посетил редактора, намеревающегося печатать книгу на страницах своей газеты, и перевод не появился. Я люблю и почитаю Якобуса Когена, и если у него есть душевная потребность в утешении, я утешу его: напечатай он даже свое сочинение на чистом турецком языке и расклей его на стенах мечети Айя-София, оно бы не повредило. Нельзя повредить там, где ничего нельзя достигнуть. И я навеки обязан ему благодарностью за то, что он помог мне освободиться от бесполезной обузы, хотя я и очень сожалел, что расстанусь со своими друзьями-сионистами в Константинополе.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

На перепутье

С середины лета 1910 года и до начала мировой войны я оставался в России. В глубине души я сомневаюсь, прав ли я, дав этой главе название "На перепутье": возможно, с точки зрения ее практического содержания больше подошло бы для этого фрагмента в качестве достойного заголовка "Конец жизни в России". Именно в этот период я выполнял работы, которых мне нечего стыдиться и как писателю и как общественному деятелю (одинокому деятелю в большинстве случаев). И, однако, каждый день в эти годы росло в моем сердце то ненасытное желание, которое некогда погнало меня в Вену, и я чувствовал, что теперь и Вена не спасет меня и что я не удовлетворюсь одним учением. Все мое существо томилось по чему-то, чего еще нет. Я не люблю воспоминания об этих четырех годах, и я сокращу описание их в этой книге.

Мы поселились в Одессе и оставались там два года, и здесь в декабре 1910 года родился мой сын, которого мы назвали Эри-Тодрос.

В 1912 году я поехал в Ярославль, губернский город, расположенный к северу от Москвы, где имелась старинная школа правоведения: я экзаменовался и получил университетский диплом, то есть право жительства вне "черты", а еще точнее, право жительства в Петербурге, без того чтобы изводить горы рублей на взятки дворникам и полицейским чинам, как прежде.

После возвращения из Константинополя я окончил перевод стихов Бялика. Были мы тогда соседями по даче, около Одессы, и он помогал мне в переводе — объяснял места оригинала, которые мне не удавалось понять. Мы сблизились в эти недели: не знаю, изменился ли его характер впоследствии, так как с тех пор мы почти не видались, но в то лето я очень любил его за его чрезмерную скромность. Я показал ему свой перевод на древнееврейский язык "Ворона" Эдгара По, он предложил мне сделать несколько исправлений и в заключение сказал: "Но звучание искупает все".

Как видно, было что искупать... Я послал перевод стихов Бялика в различные издательства в Петербурге: все они отказали, кроме одного, которое предложило мне 400 рублей за отказ от всех прав, независимо от того, появится ли книга в одном или во многих изданиях. Ибо я должен быть доволен уже тем, - объясняли они мне в своем письме, — что найдутся покупатели на такую книгу. В это время приехал из Петербурга Зальцман (он уже давно был приглашен туда вести хозяйство "Рассвета"), прочел письмо и сказал мне: "Я издам книгу". Свое обещание он выполнил и выпустил семь изданий в 35000 экземплярах. Некоторые утверждают, что число читателей Бялика на русском языке превышало число тех, кто читали его на древнееврейском. Если это правда, — то благодаря Бялику, не мне: почти ни одна из моих книг не удостоилась переиздания.

Я снова стал писать статьи в "Новостях" раз в неделю и по большей части на еврейскую тему. Не было конца ссорам с остальными членами редакции из-за этого "шовинизма", но редактор газеты Хейфец стоял на своем и защищал меня. Большинство статей, перевод которых приводится в этом томе, напечатаны в "Новостях" между 1910 и 1912 годами, и я считаю этот период вершиной своей публицистической карьеры.

К этому же периоду относятся наши нападки на "Общество по распространению просвещения", твердыню русификации в Одессе. Эту борьбу начал Ахад Гаам еще за несколько лет до того, но тем временем он переехал в Англию и "успокоилась земля". Теперь мы возобновили бой: но о нем мне тоже нечего рассказать. Собрания, речи, статьи, выборы, поражения, и каждое поражение — огромный шаг, приближающий к победе. Но победа пришла уже после моего отъезда из Одессы. Вспомню только один факт, факт незначительный и анекдотический; он вспоминается мне, потому что из него я узнал, что в горячке спора твой противник слышит не твой голос и не твои слова читает, а внимает лишь своему голосу и понимает только то, что желает понять. Нашим паролем в войне были слова "две пятых", то есть две пятых программы еврейской школы следует отвести на изучение еврейских предметов. Я написал статью под тем же названием: "Две пятых!" На другой день мне ответил лидер ассимиляторов в своей газете: он процитировал мою статью, процитировал название в подробном толковании и резюмировал: "Итак, сионисты требуют, чтобы больше половины учебного времени отводилось на изучение языка и еврейской истории".

В 1911 году разгорелся тот жестокий спор между мной и варшавскими газетами, которого до сих пор не простили мне в кругах "эндеции", и я тоже не простил им, однако, новая Польша — это теперь государство Пилсудского, а не "эндеции", и я надеюсь и молю Бога, чтобы не попали снова бразды правления над этим панским народом в такие руки, которые тогда, в дни Дмовского изменили традиции панства, и довольно... больше я ничего не скажу.

Но главное в моей сионистской деятельности в эти годы заключалось в пропаганде древнееврейского языка в качестве языка преподавания в школах диаспоры.

Молодой читатель не поверит, если я скажу, что бороться за эту идею я должен был не с ассимиляторами, Боже упаси, а с такими же сионистами, как я сам, но это чистая правда; чепухой, болтовней, "фельетоном" обзывали они это мое требование. В пятидесяти городах и местечках я произносил одну и ту же речь о "Языке еврейской культуры", наизусть затвердил ее, каждое слово, и хотя я не ценитель повторения, но эта речь единственная, которой я буду гордиться до конца своих дней. И в каждом городе слушали ее сионисты и аплодировали, но после окончания ее подходили ко мне и говорили тоном, каким серьезный человек говорит с расшалившимся ребенком: химера...

В 1911 году собрался десятый сионистский конгресс: я отказался быть делегатом и не поехал в Базель, в первый раз с тех пор как я примкнул к движению. Подробностей своих аргументов я уже не помню, помню только главное, "общее" имя ему - чувство "чуждости". Уже давно, уже несколько лет как слабели и расшатывались мои связи с "халастрой" "Рассвета" и с центральным комитетом сионистов России: я сердился на них за то, что нет у них "линии", что они не умеют или не хотят "вести" движение и что сами эти слова - "линия", "вести" — они обращали в шутку, в дружескую шутку, правда. Но дружба — не отступные за ликвидацию, а что касается сионистов Запада, то с ними вообще не было у меня никакой связи и контакта. Я не поехал, вопреки мольбам со всех сторон, и характерно для того сердечного отношения, которое тогда еще объединяло всех нас, что конференция сионистов России послала мне телеграмму, в которой говорилось: "Твой дух с нами". Жаль, что по прошествии двух лет я поехал на Венский конгресс, последний предвоенный конгресс: если бы не это, возможно из Вены мне тоже послали бы дружественную телеграмму, а не оборвали бы последние нити, которые еще связывали меня с этим наивным сионизмом.

В 1912 году истек срок третьей Думы, и сионисты Одессы снова выставили мою кандидатуру. Я запросил пощады: написал в центральный комитет (который за это время переехал из Вильны в Петербург), ибо не было в этом смысла: какую пользу мог принести один еврейский депутат, или двое, или даже трое, какую пользу могли принести они рядом со стаей диких зверей, вроде той, что мы видели в предыдущей Думе и что несомненно сподобимся увидеть в новой Думе? Но центр решил иначе, и я подчинился. Когда прошел месяц, решили те же самые сионисты снять мою кандидатуру в пользу Слиозберга, ибо они пришли к выводу, что в первой "курии", к которой он был приписан, имелись большие шансы на избрание еврея, чем во второй "курии", то есть в моей. Я не согласился с их мнением, но подчинился, и в обеих куриях прошли антисемиты. После этого я переехал на жительство в Петербург и оставался там до войны.

Летом 1913 года я отправился на Венский конгресс, одиннадцатый по счету, и там, на конференции сионистов России, предложил резолюцию: древнееврейский язык — единственный язык обучения во всякой еврейской национальной школе в России. За месяц до конференции с одобрения правительства был внесен законопроект о "государственном совете" ("верхней палате" в законодательном собрании, "нижней палатой" которого является Дума); суть этого закона - предоставление учредителям

частной школы права самим выбирать язык преподавания в ней. Невероятно, необъяснимо, но я встретил раздражение и насмешку на сионистской конференции. Возможно, причина во мне, и вина моя в том моем странном свойстве раздражать людей, о котором я писал ранее. Их раздражала не только сущность моего предложения — они не верили фактам, которые я рассказал им: новый законопроект, проект, который был обнародован во всех газетах от имени официального агентства, - его почитали они тоже выдумкой. Они не смогли, разумеется, отклонить такое предложение на сионистском собрании. Приняли его со смехом и с выкриками: "Это закон, который сможет быть проведен в жизнь только в мессианские времена". И я ушел с того собрания, как пасынок, что выходит из ворот дома, который он всегда называл "своим", и вот вдруг ему говорят: "Ты чужак".

Был в Израиле пророк, у которого родился сын, и он дал ему имя "Ло-Амми" - "Не мой народ". Не хочу преувеличивать, но если бы в эти дни у меня родился второй сын, я назвал бы его "Иври-Ани". — "Я еврей, говорящий на древнееврейском". Но странную отчужденность я чувствовал до глубины своего существа, и снова, теперь в силу июльской грозы, поднялся в моей душе "бунт" против моей жизни, против моего пути, против всего моего прошлого и настоящего. Тогда, в первый раз, я ясно понял: есть дикие создания, которые живут в доме братьев, дети одной матери, дети одного отца, но нет им верного и постоянного приюта, такая душа — либо построят ей куцу, шатер, каморку или хотя бы стойло, которые будут всецело принадлежать ей, либо она будет обречена странствовать по духовной чужбине, словно одинокий скиталец, от одного постоялого двора к другому. Сионизм? Это мой воздух — сионизм, мне нечем дышать без него, но и этот сионизм — не мой.

Если бы потребовали тогда от меня определить одним словом, какой сионизм "мой", возможно, я только с трудом нашел бы подходящее слово. Но пустословие утверждать, что неспособность сформулировать мысль равнозначна неспособности ясно мыслить. Мне был вполне ясен основной порок русского сионизма в эти годы (западным сионизмом я не интересовался, и он не стоил того, чтобы им интересоваться): он не творил конкретных дел. Действительно, уже началась вторая алия в Эрец-Исраэль, алия рабочих под девизом еврейского труда в колониях, и я видел их в Стране, но я вернулся из Константинополя в уверенности, что предварительным условием серьезного предприятия является изгнание турок. Все-таки, там, в Стране, много ли — мало ли, но строят что-то, здесь же, в России, словно нет у нас другой заботы, кроме сочинения формулировок, "Stellungnahme", относительно всякой важной проблемы, и не более того. Струве, редактор известного ежемесячника "Русская мысль", пригласил меня написать для него статью о национальном еврейском движении. Помнится, я подчеркнул в ней эту странную болезнь: обилие размышлений и отсутствие действий.

Тогда вышла в свет важная книга под редакцией ныне покойного Кастелянского — описание различных национальных движений народов России, и я указал в своей статье на характерный факт: в главе об эстонском движении содержатся данные о

количестве созданных школ, в главе о евреях (написанной Дубновым) содержатся восемь программ восьми партий. Может быть я действительно легкомысленный человек, но в моих глазах нет толку в программе, если она не претворяется в дела немедленно, неважно, в успешные или нет. Дело, которое не удалось, — тоже шаг вперед. Помнится, в эти годы собралась конференция любителей нашего языка в Киеве, по приглашению Гиллеля Златопольского, который уже тогда начал свою агитацию за распространение древнееврейской речи: я не смог принять в ней участия, но послал письменное предложение: "Не принимайте никаких новых решений, кроме одного: учредить школы!" Усышкин, которому я вручил свое письмо, впоследствии сказал мне, что именно это предложение и не зачитали перед аудиторией: "Это не практическое предложение". В сфере местной политики я требовал союза между меньшинствами, переговоров с украинцами и литовцами; я сделал кое-какие практические шаги в этом направлении, у меня было много друзей в среде украинской общественности, потому что я поддерживал их движение на страницах "Новостей", но остальные сионистские деятели относились к этим моим затеям с ленивой и нескрываемой насмешкой. Что касается моего отношения к общесионистской политике, то я давно уже чувствовал, что пришло время возобновить герцлевскую традицию: я начал писать статью по-немецки под названием "Zuruck zum Charter", кроме того, начал писать статью по-еврейски под названием "Сидим сложа руки". Но ни ту, ни другую я не окончил из-за гнетущего чувства, что не стоит, не для кого.

На Венском конгрессе было принято предложение Вейцмана об основании Еврейского университета в Иерусалиме, и я согласился войти в комитет, созданный для этой цели. Но вскоре выяснилось, что "университет" — это предлог, ибо доктор Вейцман хотел создать только "исследовательский институт", в котором работали бы ученые и стремились бы получить Нобелевскую премию, а не школу, в которой обучали бы студентов. Я направил протест в центр сионистской организации в Берлине, и я все еще помню один абзац из него: "Мне также ясно, что еще не в наших силах создать хороший университет; неважно, начнем с плохого университета — увидите, он будет иметь национальное и просветительное значение, равное дюжине хваленых исследовательских институтов". Я отправился в Бельгию, чтобы ознакомиться с вопросом о бюджете двух частных университетов: Лувенского и Брюссельского, затем поехал в Падую, где также имелся знаменитый университет с ограниченным бюджетом, и на обратном пути задержался в Берлине — в связи с заседанием нашего комитета. Там я потребовал отклонения программы "института" и установления принципа: высшая школа для студентов. Только один из членов комитета поддержал мое требование: Идельсон.

Большинством голосов был утвержден план Вейцмана. И снова — то же самое: вместо решающего и революционного национального дела — игра. Это было в начале лета 1914 года, за две недели до выстрела в Сараеве. Странное воспоминание: в том же городе Лувене я интересовался вопросом анатомического театра — ведь я не знал, что в Бельгии тоже трудно получить трупы для препарирования, а у нас в Палестине этот вопрос еще более сложный. Ван Гухустен,

знаменитый невролог, который заведовал кафедрой анатомии, чуть ли не плакал передо мной, рассказывая о препятствиях, стоящих на его пути: "Нет трупов! Община, муниципалитет и церкви - все противятся передаче трупов для препарирования. Если бы я описал вам все уловки, настоящие кражи, к которым я вынужден прибегать, чтобы и у нас в будущем появилось поколение врачей, знающих свое дело, вы подумали бы, что я рассказываю вам средневековые небылицы..." Это тот самый Лувен, который по прошествии двух месяцев был потоплен в крови германской резни.

Здесь кончается первый круг повести моих дней, ибо нить прервалась сама собой, завершился период, которому нет продолжения: если я захочу жить, то должен родиться заново, а мне уже тридцать четыре года, давно минула моя юность и половина среднего возраста, и ту и другую я пустил по ветру. Не знаю, что бы я стал делать, если бы не перевернулся весь мир и не направил меня на пути, о коих я не думал: может быть, переселился бы в Страну, может быть, бежал бы в Рим, может быть, создал бы партию. Но в это лето грянула мировая война.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Как зародилась мысль о легионе.

В начале декабря 1914-го года, на пароходе, шедшем, кажется, из Чивитавеккьи, приехал я в Александрию. Английский чиновник, вертя в руках мой русский паспорт и пытаюсь выудить среди тридцати с чем-то нагроможденных виз разрешение на высадку в Египте, в то же время беседовал с офицерами из наших пассажиров и вдруг сказал:

- А на днях сюда привезли на пароходе из Яффы чуть ли не тысячу сионистов — турки их выгнали из Палестины.

Шел уже пятый месяц войны, и уже три месяца и больше, в роли корреспондента "Русских Ведомостей", я скитался по разным углам невеселого тогдашнего света. Редакция мне поручила не столько писать о самой войне, сколько о настроениях в связи с войной. В Швеции надо было выяснить, разделяет ли тамошнее общество новую веру Свен Гедина — будто Россия задумала отобрать у Норвегии не то Нарвик, не то даже Берген, чтобы этим путем приобрести, раз не дают ей Константинополя, незамерзающую гавань на теплом Гольфстриме вместо теплого Босфора; если разделяет, то нет ли опасности, что шведы примкнут к Германии и объявят России войну. В Англии мне поручено было присмотреться, нет ли доли правды в остроте, которая бойко тогда ходила по ресторациям земли русской и прочих земель, — что британский лев "готов воевать до последней капли русской крови". Во Франции "выяснять" было нечего — французские настроения даже у остряков не вызвали никаких сомнений: там нужно было просто приглядеться — если пустят — к быту фронта; посмотреть Реймс и проверить, действительно ли немцы вконец расстреляли прекрасный собор; а также сообщить, бодро ли держится Париж или уныло. Но на месте оказалось, что "Париж" переведен уже в Бордо: правительственным учреждениям пришлось на время удалиться из угрожаемой столицы; я поехал в Бордо и там в одно мокрое утро я прочел на стене

афишу о том, что Турция фактически примкнула к центральным державам и начала военные действия.

Признаюсь: до того утра я себя чувствовал, в Бордо и повсюду, просто наблюдателем, без особенных каких-либо побуждений пламенно желать одной стороне полной победы и полного разгрома другой. Ориентация моя в то время писалась так: мир вничью, и как можно скорее. Турецкий жест в одно короткое утро сделал из меня фанатика войны до конца - сделал эту войну "моею". Еще в 1909-м году, когда я в Константинополе обер-редактировал (это бывает только в молодости) сразу четыре сионистских газеты, а в Высокой Порте пановали младотурки, сложилось у меня незыблемое убеждение: где правит турок, там ни солнцу не светить, ни траве не расти, и вне распада Оттоманской империи нет надежды на восстановление Палестины. Теперь в Бордо, прочитав на стене подмокшую афишу, я сразу сделал единственный логический вывод; и по сей день не понимаю, почему многим из друзей моих понадобилось столько лет, чтобы прийти к такому простому заключению. Дело казалось мне ясно, как дважды два: что будет с евреями России, Польши, Галиции — все это очень важно, но в размахе исторической перспективы все это — вещь временная по сравнению с тем переворотом еврейского бытия, какой принесет нам расчленение Турции.

В том, что Турция, раз она только вмешалась в войну, будет разбита и разрезана в клочья, у меня сомнений не было: опять-таки не понимаю, как могли вообще у кого бы то ни было зародиться на эту тему сомнения. Тут дело шло не о гаданиях, а просто о холодной арифметике, числовой и житейской. Рад случаю сказать это здесь, так как меня в те годы обвиняли в игре на гадательную ставку. В Турции я прожил долгое время газетным корреспондентом. Я держусь очень высокого мнения о газетном ремесле: добросовестный корреспондент знает о стране, откуда пишет, гораздо больше любого посла; по моим наблюдениям — нередко и больше любого местного профессора. Но в данном случае несложная правда о Турции была известна не только профессорам, а даже и послам. Конечно, того, что Германия будет разбита до сдачи на милость, не мог в то время предвидеть и журналист. Но что по всем счетам этой войны платить будет главным образом Турция, — об этом у меня и сомнений не было и быть не могло. Камень и железо могут выдержать пожар - деревянная постройка должна сгореть, и не спасет ее никакое чудо.

В какой точно момент зародилась у меня мысль о еврейском боевом контингенте — там ли, в Бордо, перед афишей, или позже - я теперь не помню. Думаю, однако, что вообще никакого такого момента не было. Где тот человек, какой угодно веры, который может по совести ткнуть пальцем в определенную дату и сказать: тут я уверовал? Каждый рождается уже с микробом своей секты где-то в мозгу, хотя бы этот микроб и не обнаружился до старости, или никогда. Полагаю, что мне вообще

всегда было ясно, так сказать, отроду ясно: если приключится когда-нибудь война между Англией и Турцией, хорошо было бы евреям составить свой корпус и принять участие в завоевании Палестины, — хотя до того дня в Бордо я об этом отчетливо никогда не думал. Дело в том, что эта мысль — очень нормальная мысль, которая пришла бы в голову, при таких обстоятельствах, любому нормальному человеку; а я притязаю на чин вполне нормального человека. У нас в еврейском быту чин этот иногда переводится на разговорный язык при помощи речения "гойишер коп"; если это верно — тем хуже для нас.

Через несколько дней я телеграфировал редакции в Москву: "Предлагаю посетить мусульманские страны Северной Африки — выяснить эффект провозглашенной султаном священной войны на местное население". Редакция ответила: "Поезжайте".

Начал я с Марокко; но поехал нарочно через Мадрид. Там жил тогда Макс Нордау*; не тем будь помянута Франция, но в самом начале войны кому-то в Париже пришла в голову светлая мысль выселить его как "венгерца". Дикое происходило в то время вещи на свете... Я спросил Нордау:

— Если бы можно было убедить англичан образовать еврейский контингент для участия в операциях на восточном фронте - палестинском — как бы вы к этому отнеслись?

Он отнесся скептически. Мысль правильная, но где найти солдат? Английские, французские, русские евреи служат в местных войсках; в нейтральной части Европы евреев мало; Америка далеко; и притом есть у евреев какое-то нелепосентиментальное отношение к Турции, к "кузену нашему Измаилу". Правда, с каких пор стали турки, племя туранское, родней семиту Измаилу, это ни одному ученому неизвестно, но таково настроение, и Нордау самому пришлось с ним столкнуться после знаменитой его отповеди младотуркам на Гамбургском конгрессе.

— Помню ту вашу речь, — сказал я. — Вы тогда заявили: "Ехать в Туречину, чтобы там ассимилироваться? Это мы можем найти ближе и дешевле". Я тогда приехал в Гамбург из Константинополя и бешено аплодировал.

— А у меня, — ответил он, — конца потом не было неприятностям с некоторыми чувствительными идиотами из нашего окружения: как можно, мол, так резко выражаться о "кузене"?

— Доктор, — сказал я, — но ведь не держать же нам курс на идиотов. Не только турок нам не кузен — и с подлинным Измаилом нет у нас ничего общего. Мы, слава Богу, европейцы: две тысячи лет помогаем мы строить европейскую цивилизацию.

Вот еще одно место из другой вашей речи — я запомнил: "Мы идем в Палестину, чтобы раздвинуть моральные границы Европы до самого Евфрата". Худший враг наш в этом деле — турок. Теперь пришел его час. Неужели сидеть нам, сложа руки?

Глубокое слово сказал мне в ответ старый жизнеиспытатель — лишь много позднее довелось и пришлось мне понять, какое глубокое слово. Он покачал мудрой головою и ответил:

— Это, молодой человек, логика; а логика есть искусство греческое, и евреи терпеть его не могут. Еврей судит не по разуму — он судит по катастрофам. Он не купит зонтика "только" потому, что в небе появились облака: он раньше должен промокнуть и схватить воспаление легких — тогда другое дело.

Много прошло времени, пока я постиг всю правду этого замечания; и тогда, между прочим, обнаружилось, что есть на земле еще одно племя с точно таким же отношением к логике, тучам и зонтику — англичане. Только разница та, что у них и легкие крепче, и больше денег на лекарство.

После этой беседы я побывал в Марокко, Алжире, Тунисе, стараясь "обследовать", произвел ли турецкий призыв какое-либо впечатление, есть ли действительная опасность магометанского восстания. Конечно, обращаться за справками к самим мусульманам было бы совершенно бесполезно. Тамошний туземец — великий дипломат (в том "классическом" смысле, о котором еще придется мне говорить по поводу свидания с Делькассэ [Делькассэ (1852-1923) - французский государственный деятель, дипломат. -Ред.], а особенно — когда он боится. Я сделал проще — расспросил местных сефардских купцов: они такие же старожилы, но они умнее и откровеннее; и еврей, если только дело не касается его собственных еврейских интересов, вполне способен проявить и проницательность и дальновзоркость. Настроения арабов он знает доподлинно: даже если они ему рассказывают басни, он способен учесть притворство и понять, чего они не договаривают. Почти все эти сефарды - купцы, адвокаты, журналисты от Танжера до Туниса — дали мне один и тот же ответ, и история доказала, что они были правы:

— Призыв к священной войне? Абсурд. О впечатлении смешно и спрашивать. Только у вас, наивных европейцев, еще верят в то, будто на Востоке во имя солидарности ислама можно поднять народные массы и двинуть их на серьезный риск. Турки сами в это не верят: вот уже сто лет, как Европа бьет турок и отнимает у них лучшие земли одну за другой, и за все это время ни одна мусульманская нация пальцем не шевельнула в помощь султану, хоть он именуется халифом правоверных. Немцы, которые так же наивны, как и вся остальная Европа, убедили турок попробовать еще раз. Безнадежно. Ни одна душа тут за турок не заступится. После этого, завернув "по дороге" в Рим, я поехал в Египет.

* * *

В Александрии я нашел очень оживленную сионистскую среду. Пароход, о котором говорил тот офицер, действительно привез больше тысячи беженцев из Яффы. Они рассказывали так: внезапно, ни с того ни с сего, тамошние власти велели арабской полиции хватать и тащить "нежелательных" евреев, чуть ли не по выбору околоточного надзирателя. Полицейские ("брат наш Измаил") выполнили задание с большим одушевлением, раздавая направо и налево удары, отбирая у изгоняемых утварь и деньги; а на море, на полдороге от пристани к пароходу, арабские лодочники часто впридачу опускали весла и требовали по фунту за каждого "пассажира", грозя в противном случае просто вывалить их в воду... Я пытался дознаться, за что выселили именно этих евреев, а не других: в их числе были купцы, торговцы, ремесленники, женщины, младенцы, врачи и просто бездельники. Так и не понял, что тут была за система.

Английские власти дали нам бараки и открыли денежный кредит; при канцелярии губернатора был даже устроен особый отдел попечения о беженцах с милым и дружелюбным человеком во главе — звали его мистер Хорнблоуэр. Помню еще одно имя: миссис Бродбент, которая заведовала по поручению Хорнблоуэра крупнейшим из беженских лагерей, в старом загородном дворце Габбари и которую дети называли "белая дама". Я тоже проработал несколько недель в Габбари. Было там до 1200 душ, в том числе около трехсот сефардов. Мы устроили две кухни: одну ашкеназийскую, одну сефардскую. Сначала, по неопытности, кухню сделали общую, но сефарды вскоре учинили чуть ли не подлинный бунт, жалуясь, главным образом, на то, что им дают "суп", а это у них, как выяснилось, считается чуть ли не покушением на отравление порядочного человека. Мы извинились и дали им особую кухню. Помню, что на первый же завтрак они, в знак примирения, пригласили и меня и угостили меня тарелкой какого-то варева, чрезвычайно вкусного, но, по-моему, совершенно похожего — на суп... Кроме того, была у нас школа, конечно, с преподаванием на еврейском языке; была библиотечка, аптека, вообще целое самоуправление, даже с отрядом стражи, которую мы называли "нотерим". В лагере стоял гам на двенадцати языках — и это не считая еврейского; хорошо, что почти вся молодежь и половина мужчин знали по-еврейски, иначе, право, не представляю себе, как можно было бы управляться с этим микрокосмосом нашего рассеяния. Тут была бухарская палата, марокканская, грузинская, несколько эспаньольских; и палата учеников Яффской гимназии, которые отказывались принимать хинин, если аптекарь не умел им предложить это лекарство на языке Исайи. Также помню, что недели через две после высадки те же гимназисты организовали футбольную команду и устроили победоносный матч с александрийскими скаутами.

По утрам приезжали к нам в Габбари большие военные повозки с плечистым австралийским солдатом на козлах и парой громадных австралийских битюков в

упряжи — все это для того, чтобы покатасть младшую детвору. Австралийцы научились созывать детей по-еврейски: "yeladim henna!" — и в одну минуту повозка наполнялась стрекочущей массой ребятишек.

Иногда приходил к нам один из австралийских офицеров, лейтенант Лазарь Марголин, подолгу стоял, присматривался, переговаривался с беженцами на ломаном идиш и, вероятно, и не мечтал о том, что через несколько лет быть ему полковником еврейского батальона и что некоторые из этих самых беженцев будут тогда его солдатами.

Сефардская община Александрии честно и широко раскрыла нам и свое сердце, и свои кошельки. Главный раввин города Рафаэль Делла Пергола, культурный, даже высокообразованный флорентиец (к сожалению, ныне уже покойный), его помощник "Хахам Аврам" Абихзэр, банкир Эдгар Суарес (тоже покойник), видный негодант Жозеф де Пиччотто и многие другие — имен уже не помню, хотя следовало

бы помянуть, — работали в бюро, собирали деньги, одежду, постельное белье, книги и представляли за беженцев перед властями. Были, конечно, работники и из русских евреев: З.Д.Левонтин, создатель и тогда еще директор нашей банковской сети в Палестине, добился каких-то кредитов и стал выдавать небольшие суммы тем из беженцев, у кого были вклады в Яффском банке; В. Л. Глускин, в то время директор винных погребов Ришон-ле-Циона, ежедневно объезжал все бараки и следил за порядком; М.А.Марголис, уполномоченный Нобеля на Ближнем Востоке, состоял казначеем попечительского комитета. Были и нееврейские волонтеры: особенно я помню красавицу-француженку, жену еврейского барона Феликса де Менашэ; всякий раз, когда она привозила в Габбари запас свежего хлеба, я дивился тому, как умно она одета: и просто, и в то же время обдуманно - словно бы имелся у парижских портных специальный покрой именно для такого случая...

Там, в Габбари, и зародился еврейский легион. Два человека сыграли при этом решающую роль: русский консул Петров и Иосиф Владимирович Трумпельдор.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Первый опыт - ZION MULE CORPS.

Консул Петров был горячий русский патриот. Как он, помимо того, относился в душе к нашему избранному народу, за это я ручаться не берусь — и вообще сам еще не настолько освободился от пережитков дедовской ксенофобии, чтобы иметь право выслеживать зерна того же недуга в чужой душе. Но патриот он был несомненный, и притом еще сухой и накрахмаленный бюрократ исконного, классического, деревянного образца. Среди нашей молодежи в беженских лагерях оказалось несколько сот русско-подданных. В то время в Египте еще действовали добрые старые “капитуляции”, по которым консул имел экстерриториальные права над “своими” подданными. А поэтому консул Петров внезапно предъявил британским властям требование — отправить молодых людей на военную службу в Россию.

Положение получилось неудобное. Отношение наше и нашей молодежи к этому ходу консула Петрова понятно без объяснений. Но британское начальство, согласно капитуляциям, не имело права ему отказать: напротив, обязано было предоставить к его услугам для этой цели все свои полицейские силы.

К английскому губернатору (официально он именовался “советником” при губернаторе-туземце, но правил городом он) отправлена была депутация: и тут я, старый поклонник эспаньольского еврейства — это, по-моему, лучшие евреи на свете — подметил еще одно их достоинство, которого прежде не знал: как сефард разговаривает с начальством в городе, находящемся на военном положении.

Главным оратором депутации был Эдгар Суарес, банкир обычного банкирского

типа, лет пятидесяти пяти, по взглядам — заклятый ассимилятор: с этим губернатором он, должно быть, каждый вечер играл в клубе в покер — но ведь и после этого губернатор оставался губернатором. Суарес спросил его:

— А вы помните, ваше превосходительство, что творилось в Александрии два года тому назад, когда этот самый консул Петров хотел арестовать русского еврея Р. на том основании, что тот был “политическим преступником” в России?

— Помню, — отозвался губернатор несколько уныло, потому что действительно не забыл еще той громадной демонстрации десяти тысяч эспаньолов на главных улицах Александрии, с этим самым Суаресом во главе толпы.

— А помните, — опять спросил Суарес, — как вам пришлось вызвать пожарную команду, с большой кишкою — а мы все-таки не выдали того “преступника”?

— Еще как помню, — ответил губернатор, теперь уже с улыбкой, потому что в конце концов был он все-таки "a sport" и умел ценить удачную проделку. — Что же мне было делать, когда какой-то босяк перерезал пожарную кишку?

— Позвольте представиться, — ответил Суарес, — я и был тот босяк. Губернатор рассмеялся.

— Будьте спокойны, — сказал он, — ваших молодых людей мы не выдадим. Конечно, дело очень щекотливое — капитуляции, военное время... но о выдаче не может быть и речи.

После этого визита к губернатору я пошел знакомиться с И.В. Трумпельдором. О том, что он находился среди беженцев, я знал уже раньше, но никогда его не видел. Он жил на частной квартире. На консула Петрова можно было сердиться за что угодно, но одно надо признать: человек он был корректный. Как только до его сведения дошло, что в числе беженцев имеется бывший русский офицер, потерявший руку в Порт-Артуре, он сейчас же послал к нему передать привет и сообщить, что причитающуюся Трумпельдору пенсию тот может получать ежемесячно в здешнем консульстве. Трумпельдор поэтому ни в чем не нуждался и еще другим помогал.

Я слышал о нем, конечно, еще в России. Хотя следовало бы ожидать, что каждому читателю известна его биография, все-таки, пожалуй, разумнее будет напомнить ее главные черты.

Родился он на Кавказе в 1880 году. Отец его был военный фельдшер, еще из николаевских солдат. “Ося” не видал гетто ни в отцовском доме, ни, конечно, в окружавшей его детство кавказской обстановке.

В университет он не попал из-за процентной нормы, а потому сдал экзамен на звание зубного врача. Тут подошла русско-японская война, и Трумпельдор очутился в Порт-Артуре. Во время знаменитой осады он был ранен и потерял левую руку выше локтя, но, выйдя из госпиталя, снова добился отправки на передовые позиции. У него было четыре Георгия.

После плена и заключения мира он попал в Петербург, получил недостижимый в то время для еврея чин прапорщика запаса и был принят на юридический факультет. По окончании университета уехал в Палестину и стал простым рабочим где-то в Галилее. Работал с одной рукой прекрасно. Пришла война, и его выселили.

Сослуживец и друг его, покойный Д. Белоцерковский, рассказал мне такой случай из того времени, когда у Трумпельдора еще были обе руки: он уже был “отделенным” (выше этого чина, даже до младшего унтера, нельзя было тогда еврею дослужиться), и взвод его засел в окопах на сопке перед крепостью. Японцы круто наступали; почти все соседние сопки уже были очищены, во взводе Трумпельдора все старшие чины перебиты — кроме прапорщика запаса, который уже давно ушел по начальству за приказом, что делать, и не вернулся. Солдаты начали ворчать, стали ползти к выходу из траншеи. Трумпельдор стал у выхода с винтовкой и объявил: “кто тронется с места — застрелю”. Так и остались они в окопе, пока не опустела и последняя из соседних русских сопки. Тогда он солдат послал в крепость, - но сам остался и полез на разведки: осмотрел профиль той местности и пришел к убеждению, что японцев еще можно прогнать. В это время увидел он на равнине, в стороне от огня, офицера в капитанских погонах морского дивизиона, с подозрительной трубкой в руках. Трумпельдор спустился к нему и объяснил: если вызвать свежую роту и поставить ее там-то, можно еще отобрать позицию назад.

— Верно, — сказал капитан. — Сбегай, голубчик, вон за тот бугор — там засела моя команда; скажи старшему офицеру, чтобы шли сюда.

Трумпельдор добежал до пригорка, на который сыпались японские снаряды, вскарабкался на вершину — и увидел, что морская команда, не выдержав огня, “отступила”: “только пятки мелькали” — он вернулся к капитану и доложил. Тот глубоко огорчился: сорвал фуражку, ударил себя кулаком по седой голове и застонал:

— Осрамили! Удрали — как жида!

Трумпельдор подтвердил мне потом этот анекдот, очень весело улыбаясь.

Я застал его дома. Вид у него был северянина, можно было принять и за шотландца или шведа. Рост выше среднего; тонкий, жесткие русые волосы коротко подстрижены, выбрит чисто, губы бледные, со спокойной улыбкой. По-русски говорил он хорошо, хотя в Палестине научился немного “петь”.

Еврейский язык у него капал медленно, был небогат словами, но точен: на идиш он говорил ужасно. Он был хорошо образован, большой начетчик в русской литературе — читал даже вещи, которых никто не читал, Потебню и т.п. — и помнил каждую прочитанную строчку. По сей день не знаю, был ли он из тех, кого у нас в еврейском быту титулуют “умными”. Скорее нет. У нас в это понятие входят всякие пряные приправы — подозрительность, скептицизм, хитроумие, умение перекрутить простую вещь наизуоборот, углубиться до левого уха правой руки позади затылка. Всего этого я в Трумпельдоре не нашел. Зато был у него ясный и прямой рассудок; был мягкий и тихий юмор, помогавший ему тотчас отличать важную вещь от пустяка. Но и о важных вещах он умел говорить просто — без той ходульности, которая иногда чувствуется в его письмах. Говорил он трезво, спокойно, без сентиментов и пафоса, и без крепких слов. В последнем отношении даже русская казарма не повлияла. От него я ни разу не слышал бранного слова, кроме разве одного: “шельма этакий”. По-еврейски любимое выражение его было “эйн давар” — ничего, не беда, сойдет. Рассказывают, что с этим словом на губах он и умер, пятью годами позже.

С одной рукой своей он управляется лучше, чем большинство из нас с двумя. Без помощи мылся, брился, одевался; резал свой хлеб и чистил сапоги; в Палестине, потом в Галлиполи с одной рукой правил конем и стрелял из ружья. В его комнате был совершенно девичий порядок, платье было вычищено: все его обхождение было спокойно и учтиво; и он издавна был вегетарианец, социалист и ненавистник войны — только не из тех миролюбцев, которые прячут руки в карман и ждут, чтобы другие за них воевали.

В тот день нам долго разговаривать не пришлось: с ним вообще не приходилось долго разговаривать. Не принадлежа к цеху “умников”, он именно поэтому умел сразу понять дело до конца и через четверть часа ответить да или нет. Тут он ответил: да.

Вечером мы — комитет попечения о беженцах — собрались на квартире у М. А. Марголиса; кроме хозяина, были тут иерусалимский врач д-р Вайц, В. Л. Глускин, Г. Н. Городецкий, американский турист Г. Каплан, З. Д. Левонтин, Трумпельдор, агроном Я. Г. Этингер и я. Перечисляю имена так тщательно, потому, что — выскажись то совещание против нашего плана — не о чем, вероятно, было бы теперь писать эту книгу. Но оно высказалось за: пятеро против двух, один воздержался. Протокол с датой 17 Адара 5675 года хранится у В.Л. Глускина в Тель-Авиве.

Через неделю мы создали беженскую молодежь на собрание в бараке “Мафруза”. Пришло около двухсот человек. За президентским столом сидел раввин Делла Пергола и другие члены беженского комитета, в том числе седой В.Л. Глускин.

Мы представили собранию отчет о положении. Требований консула Петрова англичане, конечно, не выполняют; но и вечно оставаться в бараках на чужом иждивении тоже не годится. С другой стороны — рано или поздно — британская армия двинется из Египта на Палестину. Из Яффы ежедневно приходят новые грустные вести: турки запретили еврейские вывески на улицах, выслали доктора Руппина, представителя сионистской организации, — несмотря на то, что он немец, — арестовали руководящих деятелей еврейского населения и заявляют, что после войны уж и совсем никакой еврейской иммиграции не допустят. И так?..

Документ, который мы в ту весеннюю ночь подписали в этом голом и темном сарае “Мафруза”, хранится теперь у В.Л. Глускина и будет некогда передан в национальную библиотеку нашу в Иерусалиме. Это — кусок бумаги обычного ученического формата; на нем резолюция о том, что учреждается еврейский полк, который предложит англичанам свои услуги для операций в Палестине, и около ста подписей. Первым подписался В.Л. Глускин.

— Я стар, — сказал он, вырывая у меня перо, — в солдаты не гожусь, но ответственность за это решение беру на себя.

На следующее утро, приехав в Габбари, я застал посреди двора целый парад. Три группы молодых людей обучались маршировать; инструктора были из их же среды, из бывших русских солдат. В углу девочки вышивали знамя; особый комитет из гимназистов уже шумел на весь лагерь, обсуждая, как перевести какой-то военный термин на язык Библии. Потом приехал Трумпельдор, все три взвода выстроились в колонну и прошли мимо него, — или по крайней мере хотели пройти, — церемониальным маршем. Он сочувственно улыбался.

Я сказал ему потихоньку:

— Маршируют они ужасно. Как овцы. Он ответил:

— Эйн даввар.

Через несколько дней мы отправили новую делегацию — в Каир. Прежде всего делегация пошла к министру внутренних дел (официальный чин: “советник при...”). Назывался он тогда мистер Рональд Грэхэм; теперь он сэр Рональд и состоит британским послом в Риме. Он оказался точно такой, каким и в книгах изображают шотландцев: сдержанный, неразговорчивый, хорошо прислушивается, но и вопросы задает скупое. Зато вскоре выяснилось, что дело он делает быстро и точно.

Он спросил: “на сколько рекрут вы рассчитываете?”, отметил что-то в записной книжке и сказал коротко:

— От меня это не зависит, но постараюсь.

После этого делегация поехала к генералу Максвелю, который тогда командовал британскими войсками в Египте. Представил нас ему Каттауи-паша, милый старенький сефард, один из виднейших нотаблей всего Египта. В делегации были Трумпельдор, З.Д. Левонтин, В.Л. Глускин, М.А. Марголис и я. Бедного Трумпельдора мы заставили нацепить все четыре Георгия: два медных и два золотых. Генерал пристально посмотрел на него и коротко спросил:

— Порт-Артур?

Но ответ его на наше предложение разочаровал нас глубоко:

— О наступлении на Палестину я ничего не слышал и сомневаюсь, быть ли вообще такому наступлению. Кроме того, по закону, я не имею права принимать в британскую армию иностранцев. Могу предложить вам только одно: составить из ваших молодых людей отряд для транспорта на мулах и послать его на какой-нибудь другой турецкий фронт. Больше ничего не могу сделать.

В ту ночь, в номере у Глускина, мы все просидели до утра, обсуждая, что делать.

Нам, штатским, казалось, что предложение генерала Максвеля надо вежливо отклонить. Французское слово “Corps de muletiers”, которое он употребил, прозвучало в наших ушах очень уж нелестно, почти презрительно: пристойная ли это комбинация — первый еврейский отряд за всю историю диаспоры, возрождение, Сион... и погонщики мулов? Во-вторых — “другой турецкий фронт”. Что нам за дело до “других” фронтов? Неясно было даже, о каком именно фронте он говорил: первое морское покушение на Галлиполи тогда уже кончилось провалом, а о том, что готовится второе наступление, на этот раз уже с высадкой солдат на самом полуострове, — об этом еще только шептались. Но одно было ясно: в Палестину их не поведут. Значит, надо отказаться. Другого мнения был Трумпельдор.

— Рассуждая по-солдатски, — сказал он, — я думаю, что вы преувеличиваете

разницу. окопы или транспорт — большого различия тут нет. И те, и те — солдаты, и без тех и без других нельзя обойтись; да и опасность часто одна и та же. А я думаю, что вы просто стыдитесь слова “мул”. Это уж совсем по-ребячески.

— “Мул”, — отозвался кто-то из нас, — ведь это почти осел. Звучит как ругательство, особенно по-еврейски.

— Позвольте, — ответил Трумпельдор, — по-еврейски ведь и “лошадь” тоже ругательство — *bist a ferd!* — но службу в коннице вы бы считали для них честью. По-французски *chateau* — самое обидное слово: однако есть и у французов, и у англичан верблюжьих корпусов, и служить в них считается шиком. Все это пустяки.

— Но ведь это и не палестинский фронт?

— И это не так существенно, рассуждая по-солдатски. Чтобы освободить Палестину, надо разбить турок. А где их бить, с юга или с севера, это уж технический вопрос. Каждый фронт ведет к Сиону.

Так мы ничего и не решили. Идя домой с Трумпельдором, я ему сказал:

— Может быть, вы и правы, но я в такой отряд не пойду.

— А я, пожалуй, пойду, — ответил он.

Утром, вернувшись в Александрию, я застал телеграмму из Генуи. Подпись была: “Рутенберг”. Он спрашивал, могу ли я с ним повидаться и где. Его имя и биографию я, конечно, знал: ни разу с ним еще не виделся, — но в Риме, еще до моего отъезда в Египет, мне сказал однажды А.В.Амфитеатров:

— Угадайте, кто теперь сильно заинтересовался сионизмом? Петр Моисеевич Рутенберг. Он говорит, что вмешательство Турции в войну открывает перед евреями блестящие возможности, — и, по-моему, он теперь носится с важными планами. У него тут, кстати, большие связи в правительственных кругах и во Франции тоже.

Прочитав телеграмму, я сейчас же разыскал Трумпельдора и заявил ему:

— Иосиф Владимирович, я уезжаю. Если генерал Максвелл переменит свое решение и согласится учредить настоящий боевой полк, я приеду; если нет, поищу других генералов.

Я пишу не историю, а личные воспоминания. Сам я в Галлиполи не был и потому не могу ничего рассказать об отряде Трумпельдора. Но одно должен признать: прав был Трумпельдор, а не я. Эти шестьсот “muletiers” потихоньку открыли новую эру в развитии сионистских возможностей. До тех пор трудно было говорить о сионизме даже с дружелюбно настроенными политическими деятелями: в то жестокое время кому из них было до сельскохозяйственной колонизации или до

возрождения еврейской культуры? Все это лежало вне поля зрения. Маленькому отряду в Галлиполи удалось пробить в этой стене первую щель, проникнуть хоть одним пальцем в это заколдованное поле зрения воюющего мира. О еврейском отряде упомянули все европейские газеты; почти все военные корреспонденты, писавшие о Галлиполи, посвятили ему страницу или главу в своих письмах, потом и в книгах. Вообще в течение всей первой половины военного времени отряд этот оказался единственной манифестацией, напомнившей миру, в особенности английскому военному миру, что сионизм "актуален", что из него еще можно сделать фактор, способный сыграть свою роль даже в грохоте пушек. Для меня же лично, для моей дальнейшей работы по осуществлению замысла о легионе, "Zion Mule Corps" сыграл роль ключа, открыл мне двери английского военного министерства, дверь кабинета Делькассэ в Париже, двери министерства иностранных дел в Петербурге.

Но и чисто военная история Галлиполийского отряда тоже представляет собой красивую страницу в нашей книге военной летописи. Очень жалею, что палестинские друзья Трумпельдора чересчур поторопились с выпуском его писем из Галлиполи. В них Трумпельдор обращался к близкому человеку и интимно рассказывал о печалях и заботах лагерной обыденщины, рассказывал с обычной своей любовью к деталям. Лагерная обыденщина всегда полна мелких дрызг. Возьмите любую из романтических кампаний самого Гарибальди: внутренняя жизнь лагеря и там состояла наполовину из кухонной неурядицы, из ссор между поручиком А. и поручиком Б., из мириада мелких разочарований. Не в этом смысл коллективного действия. Смысл и ценность его в том, что с первого и до последнего дня злополучной черчиллевской авантюры эта группа беженской молодежи несла на себе тяжелую и опасную службу под турецким огнем. Трумпельдор и в этом был прав: для транспорта и для траншей — опасность оказалась одна и та же. Вся занятая англичанами площадь равнялась всего нескольким квадратным верстам: с вершины Ачи-Баба турецкие пушки засыпали картечью все это пространство, от передних окопов до лагеря еврейского транспорта. Под этим огнем им приходилось каждую ночь вести своих мулов, нагруженных амуницией, хлебом и консервами, к передовым траншеям и обратно. Они потеряли убитыми и ранеными пропорционально не меньше, чем остальные полки Галлиполийского корпуса, получили несколько медалей, отслужили свою службу смело, с пользой и честью. Особенно о смелости их писал мне генерал сэр Иан Гамильтон, главнокомандующий галлиполийской экспедицией: "...они работали со своими мулами спокойно под сильным огнем, проявляя при этом еще высшую форму храбрости, чем та, которая нужна солдатам в передовых окопах — потому что тем ведь помогает возбуждение боевой обстановки..."

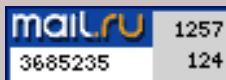
Командовал ими подполковник Джон Генри Патерсон, одна из замечательнейших христианских фигур, какие когда-либо попадались на пути нашем за все столетия рассеяния. Я познакомился с ним много позже и буду еще говорить о нем в

дальнейших главах. Трумпельдор, за которым англичане признали чин капитана, был сначала вторым по команде, но к концу кампании Патерсон заболел или был ранен — не помню — и был отослан на лечение в Англию, и тогда командование перешло к Трумпельдору. После ухода англичан из Галлиполи он еще несколько месяцев продержался во главе своего отряда, в Александрии: там они бомбардировали начальство петициями, чтобы их не демобилизовывали, чтобы дали им возможность остаться вместе и подготовиться к моменту начала операций на палестинском фронте; но петиции не помогли, Zion Mule Corps был учрежден в апреле 1915 года, а 26 мая 1916 его распустили. Лишь около 120 из его участников снова попали в солдаты, добрались до Лондона — и из этой группы и вокруг нее там возник тот еврейский легион, который впоследствии, со штыками и пулеметами, принял участие в завоевании Палестины и которому принадлежит ряд могил под знаком щита Давидова на горе Елеонской. Прав был Трумпельдор: хоть победили мы в Иорданской долине, но путь через Галлиполи был правильный путь.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Провал за провалом.

Историю летних месяцев 1915 года хочется рассказать как можно короче: это невеселая повесть о разочарованиях и провалах. Я не очень люблю вспоминать об этом периоде, хотя, с другой стороны, и он меня многому хорошему научил. Прежде всего научил он меня той важной истине, что в общественной жизни, особенно в борьбе за идею, начатое дело часто растёт именно провалами. Как-то так выходит, что каждое поражение потом оказывается шагом к победе. Каждое поражение приносит новый десяток сторонников, иногда именно из круга вчерашних врагов. Как-то внезапно врагов этих осеняет откровение, что хоть они боролись против тебя, но в душе надеялись, что ты победишь, — и твоё поражение оставляет в их сердце пустоту, с искоркой сожаления...

Эти месяцы были для меня школой терпения: теперь бы я мог написать целую теорию терпения в нескольких томах. Суть её была бы в том, что после каждого провала надо себя проэкзаменовать и спросить: а ты, может быть, неправ? Если неправ, сходи с трибуны и замолчи. Если же прав, то не верь глазам: провал не провал; "нет" не ответ, пережди час и начинай сначала.

Что я был прав — это мне те месяцы тоже показали наглядно. И на каждом своём шагу, и даже на всем, что пытались делать мои сионистские противники, я видел новые доказательства той истины, что вне мысли о легионе нет никакой возможности втиснуть сионизм в ряд тех проблем, какими способен мир интересоваться в такое исключительное время.

Часто мне тогда вспоминался анекдот, который я слышал от Н.О.Соколова [Нахум

Соколов (1859-1936) — один из основоположников периодической печати на иврите и лидеров сионистского движения, президент Всемирной сионистской организации. -Ред.] еще задолго до войны. В 1901 году, после Лондонского (IV-го) конгресса, он поселился на отдых в швейцарском курорте. Там познакомился он с каким-то шотландским лордом и, между прочим, рассказал ему, что был на сионистском конгрессе.

— Oh, yes, — сказал лорд, — сионизм, очень интересно. Если не ошибаюсь, младший брат мой тоже принадлежит к этому движению, или, во всяком случае, к чему-то очень близкому...

Соколов изумился: лорд был завзятый католик, брат его, очевидно, тоже. В чем дело? Он стал расспрашивать и выяснил, что брат лорда — вегетарианец. Для посторонних, в 1901 году, это было "то же самое" движение, или "нечто весьма близкое".

Так оно осталось, для большинства государственных людей Европы, и в 1914-1915 году. В Италии, во Франции, часто в самой Англии повторялось то же впечатление: сионизм сам по себе для них в данный момент не существует; чтобы они его увидели сквозь свои военные очки, надо придать ему "актуальное" острие, иными словами — штык.

* * *

Рутенберга я застал в Бриндизи в маленьком отеле недалеко от гавани. Виделись мы в первый раз. Высокий, широкоплечий, плотно скроенный человек. В каждом движении и в каждом слове — отпечаток большой и угрюмой воли; я подозреваю, что он это знает и не любит забывать, и тщательно следит, чтобы и другие об этом ни на минуту не забыли. Кто знает — может быть, так и надо. В сущности, общественный деятель всегда находится на сцене, и вряд ли ему полагается выступать без грима; я говорю, конечно, не о ложном гриме, а о том, какой действительно соответствует подлинной природе данного работника политической сцены. Но никакой грим не может скрыть того факта, что у человека добродушные глаза и совсем детская улыбка. Я понимаю, почему его служащие и рабочие в Палестине повинуются Рутенбергу, как самодержцу, и любят его как родного.

Десятиминутной беседы оказалось достаточно, чтобы сговориться о главном. Хотя мы и никогда не переписывались, тут обнаружилось, что думали мы одну и ту же думу. И больше того: хотя в печати тогда еще не было ни одного слова ни о легионе вообще, ни об александрийских добровольцах, он почему-то знал наверное, что я работаю для этой цели; и я, хоть А. В. Амфитеатров в Риме не умел мне объяснить, в чем заключались планы Рутенберга, тоже сразу понял из его

короткой телеграммы, зачем ему нужно свидание со мною. Странно, откуда берется этот беспроволочный телеграф между людьми, которые, встретясь на улице, не узнали бы друг Друга...

В Бриндизи мы с П.М. Рутенбергом пришли к трем выводам:

Первый вывод: создать контингент — дело вполне возможное; человеческий материал найдется — в Англии, во Франции, в нейтральных странах околачиваются сотни и тысячи еврейской молодежи, по большей части русского происхождения, в штатском платье; и хоть Америка далеко, а все-таки есть и Америка.

Второй вывод: лучший партнер для нас, конечно, Англия, в этом отношении александрийские волонтеры наши поступили правильно; но "лучший" не значит "единственный". Италия вся ходуном ходит, порываясь воевать, и скоро сорвется; а Италия и тогда, в то время, когда о Муссолини еще никто не думал, уже успела развить в себе здоровый и широкий аппетит ко всем побережьям Средиземного моря. Еще важнее Франция: для нее Палестина и Сирия — мечта пяти столетий, если не больше. Поэтому надо пробовать всюду: в Лондоне, в Париже, в Риме. Третий вывод: в Риме будем работать вдвоем; потом мне ехать в Париж и в Лондон, а Рутенбергу — в Америку.

* * *

Попытка наша в Италии кончилась провалом. Несмотря на все народное возбуждение, в конце концов, ни министры, ни депутаты, с которыми познакомил меня Рутенберг или которых я сам частью разыскал по старой дружбе римского моего студенчества, — сами еще не знали, будет ли Италия воевать. И синьор Моска, товарищ министра колоний, и покойный Л. Биссолати, лидер социалистов, но большой сторонник войны, ответили нам одно и то же.

— Если Италия вмешается, тогда ваша мысль — отличная мысль; тогда приезжайте опять, мы обсудим это дело практически. Но теперь... Париж: снова провал.

Там я нашел горячего друга сионистского дела в лице Гюстава Эрвэ. Старшее поколение читателей еще помнит его биографию. До войны это был заклятый пацифист, много в жизни пострадавший за антипатриотическое свое поведение, и газета его в Париже, на страх буржуям, называлась "La Guerre Sociale". Но с момента, как немцы переступили через бельгийскую границу, он переименовал свою газету в "Victoire" и стал одним из столпов воюющего отечества. Лично я его считаю, пожалуй, самым даровитым из публицистов радикальной Франции. Правительство, понятно, ухаживало за ним с особой предупредительностью,

согласно древней мудрости, выраженной еще в притче о блудном сыне. Он был один из тех немногих, которые сразу поняли ценность сионизма, и самого по себе, и, в частности, для державы, у которой есть притязания на Палестину. Эрвэ представил меня министру иностранных дел; в то время это был Делькассэ. Делькассэ уже умер, и ничего непочтительного я сказать о нем не хочу, но впечатление свое все-таки передам откровенно. Беседа наша в первый раз открыла мне секрет, который позднейшие наблюдения подтвердили: у счастливых народов с готовыми государствами совсем не нужно быть гением, чтобы оказаться в первом ряду больших политиков. У нас в сионизме это гораздо труднее...

Покойный Делькассэ, кроме того, принадлежал к старой, "классической" школе дипломатии, к той плеяде тайноведов, государственная мудрость которых выразилась некогда в знаменитом слове Талейрана: "Язык есть лучшее средство для сокрытия мысли". Возможно, что это и было очень мудро сто лет тому назад: в наше время это - хитроумие весьма младенческое, уже прочно, если не ошибаюсь, вышедшее из моды в серьезном дипломатическом обиходе. Но милая Франция все еще ходит в театр на Расина и верит в классицизм.

Не имею ни малейшего намерения переоценивать свою чрезвычайно скромную роль: но говорю с полным убеждением, что в то утро Делькассэ много проиграл за счет Франции. Не еврейский легион, а гораздо больше. Я пошел к нему не только по собственной инициативе: мой визит был отчасти результатом совещаний с Х. Е. Вейцманом. За несколько дней до того он был в Париже.

Тогда он уже начал свои переговоры с государственными деятелями Англии; был уже уверен в их сочувствии — хотя жаловался, что они все еще пока не считают Палестину "актуальной". Но главным препятствием на пути его было то, что англичане опасались задеть или шокировать Францию какими-либо самостоятельными шагами касательно будущности Святой Земли. В то время еще жива была старинная международная традиция, по которой за Францией признавалось некоторое туманное притязание на Сирию и Палестину. Для сионистской дипломатии важно было знать, есть ли у французского правительства какое-нибудь определенное отношение к нашим требованиям, и особенно — есть ли надежда на сочувственное отношение. Если да - тогда надо будет вести работу на два фронта; если нет - можно будет сосредоточить все усилия в Англии: создать благоприятное отношение к сионизму, а может быть — что еще важнее — попытаться разбудить в Англии аппетит, активный интерес к лозунгу "British Palestine" и, следовательно, к операциям на палестинском фронте.

Вейцману, по многим причинам, неудобно было самому поставить этот вопрос перед французскими властями. Он вернулся в Лондон и там ждал результатов моего свидания с Делькассэ. Свой вопрос министру я формулировал так: — Если

бы по окончании войны Палестина попала в сферу французского влияния, — можем ли мы, сионисты, надеяться, что французское правительство примет во внимание наши национальные стремления?

Он сразу ответил, даже с некоторым раздражением, как отвечают на вопрос, который вам доставил уже много неприятностей:

— Я не верю в то, чтобы Палестина могла достаться какой-либо одной из великих держав: на это не согласятся другие.

— Понимаю, - ответил я. — Но в таком случае предвидится некая форма совместного управления. Тогда Франция будет, во всяком случае, одним из влиятельных участников такого "кондоминиума". Поэтому позвольте снова поставить вопрос: будет ли тогда французское влияние — влиянием благоприятным для сионизма?

Тут и выступил наружу "классический" дипломат, в словаре которого термины "да" и "нет" вычеркнуты. Совсем как тот анекдотический еврей, он ответил на вопрос вопросом:

— Разве Франция недостаточно доказала свое сочувствие израэлитам? Наша великая революция первая провозгласила равноправие...

— За это, г. министр, мы благодарны искренно, присно и во веки веков, — сказал я, — но я приехал из России и Украины, где шесть миллионов евреев поглощены теперь одной мыслью: что будет с Палестиной?

(Надеюсь, небо мне простит эти шесть миллионов, поглощенные одной мыслью...)

Он с минуту помолчал, а потом спросил, меняя тему по той же "классической" прописи:

— Каково теперь положение евреев в России?

— Хуже чем когда-либо, - ответил я коротко и точно, ибо сам к классической школе не принадлежу; а главное — ответ на то, что меня интересовало, я уже получил.

Гюстав Эрвэ, добрая душа, все-таки еще попытался помочь. Он рассказал министру, что в Египте образовался еврейский отряд...

— Слышал, - прервал Делькассэ, - но для Галлиполи.

— Да, но они теперь хотят образовать новый корпус, для Палестины, и они были

бы счастливы, если бы этот корпус мог быть включен в состав французской армии...

— То есть, - вставил я, - при условии, если французское правительство сочувствует сионизму.

Делькассэ поднялся, заканчивая беседу скептической нотой:

— Вообще неизвестно, будет ли кампания в Палестине, и когда, и кто ее поведет...

В тот же день я послал в Лондон ответ со следующими двумя выводами:

- а) Франция уже знает, что аннексировать Палестину ей не дадут;
- б) правительство сионизмом не интересуется.

В 1925 году, ровно через десять лет после этой беседы, я рассказал о ней французскому сенатору, большому другу сионизма и одному из тех (очень там многочисленных) политических деятелей, которые по сей день горько сожалеют о том, что Палестина досталась не Франции. Он досадливо покачал головой:

— Худшая беда для политика, это — не иметь воображения. Дипломат времен короля Пипина Короткого! Не понять, что и мечта, раз ее мечтают миллионы, уже сама по себе есть великая держава, ничуть не слабее Франции, и Англии, и Германии...

Тем не менее, из Парижа я вывез и несколько более отрадных впечатлений. Там, в беседе с глазу на глаз, чуть ли не перед зарею, Х. Б. Вейцман формально обещал мне свое содействие; и наступило время, когда он свое слово честно сдержал. Также и старый барон Эдмонд Ротшильд, отец палестинской колонизации, пришел в большое воодушевление, услышав о создании отряда в Александрии. Он сказал мне: "Обязательно постарайтесь расширить это начинание; сделайте из него крупную силу, а тем временем очередь дойдет и до Палестины". И хоть у меня в мозгу зашевелился при этом безмолвный вопрос: "Почему я? Почему не ты? Тебе ведь легче!" — все же я был ему благодарен за слово ободрения. Сын его Джеймс, тогда еще сержант французской армии, лечившийся от раны тут же в отцовском госпитале, подробно расспросил меня о плане легиона, наполовину сочувственно, наполовину насмешливо — это в его натуре; я отвечал ему аккуратно и добросовестно, упорно не замечая иронии, — ибо не столько интересуюсь натурой своих ближних, чтобы реагировать на их психологию, когда нужна мне отнюдь не их психология, а их деловая помощь. И позже, в Англии, он действительно часто помогал мне своими колоссальными связями; а потом и сам вступил в один из еврейских батальонов, и даже руководил набором наших добровольцев в Палестине.

Но самое ценное, что я увез из Парижа, был малый квадратик твердой бумаги. Шарль Сеньобос, известный историк, на книгах которого воспиталось наше поколение в России, редактировал тогда, вместе с П. Пенлевэ, журнал "Annales des Nationalites", в котором отстаивались интересы разных угнетенных народностей. Я пошел к Сеньобосу спросить, не согласится ли он издать выпуск, целиком посвященный сионизму. Он согласился - только потом, занятый другими делами, я так и не собрался составить эту книгу. Но Сеньобос дал мне свою визитную карточку и написал на ней коротенькое письмо к лондонскому приятелю; это был редактор иностранного отдела "Таймса" по имени Генри Уикхэм Сид. Много нашел я потом людей, которые помогли мне в моей работе, но из всех талисманов эта записка оказалась сильнейшим — вероятно потому, что открыла мне доступ не просто к влиятельному человеку, а к журналисту. Я писал уже о том, что держусь очень высокого мнения о своем ремесле и о значении людей, принадлежащих к этому цеху. Может быть, и стыдно признаться, но я всегда считал, что журналисты есть, будут и должны быть правящей кастой всего мира... Но еще много прошло времени, прежде чем удалось мне использовать ту карточку; а пока — Париж был провалом.

* * *

Лондон: опять провал. В военном министерстве мне сказали, что лорд Китченер — тогда не только военный министр, но и военный кумир всей Англии — настроен резко против "экзотических полков" ("fancy regiments"), а также против операций на экзотических фронтах. Попытался было я найти доступ к Герберту Сэмюэлу, который был тогда министром почты в кабинете Асквита и с которым сионистские деятели уже вели переговоры. Х. Е. Вейцман хотел даже нас свести, но ему это запретили Н. О. Соколов и покойный Е. В. Членов - а они, оба члены Малого А. С. сионистской организации, были, так сказать, его начальством. Но Сэмюэл сам прочел в "Jewish Chronicle" подробное письмо из Египта об устройстве там еврейского отряда и при встрече спросил у сионистских лидеров, кто я такой. Д-р Гастер, главный раввин испанско-португальской общины в Лондоне, родственник Сэмюэла и человек пламенного темперамента, ответил: "Просто болтун", а Соколов и Членов промолчали.

Несколько встреч у меня было с младшим англоязычным поколением тамошнего сионизма: это были Норман Бентвич, Гарри Сакер, Леон Саймон и разные другие. Их идолом был Ахад Гаам. К моему плану они отнеслись отрицательно, причем некоторые выразили это вежливо.

* * *

Копенгаген: не только провал, но еще и разрыв — с сионистской организацией.

Летом 1915 г. состоялось там заседание Большого А. С. Съехались, несмотря на строгости военного времени, делегаты из Германии, России, Англии, Голландии. Я

был тогда в Стокгольме; не состоя членом А. С., я не имел права участвовать в съезде. Но Е. В. Членов вызвал меня настойчивой телеграммой; и в частном заседании, где-то в гостинице, он, вызвав на помощь бравого д-ра Гантке, три часа подряд доказывал мне, что уже одно образование транспортного отряда в Александрии было великим прегрешением, а дальше продолжать легионистскую агитацию — значит убить сионистское дело.

В записной книжке у меня отмечено несколько любопытных штрихов той беседы. Некоторые из них звучат теперь совсем трогательно. Д-р Гантке доказал мне, как дважды два четыре, что победа Германии на всех фронтах обеспечена математически и абсолютно. Он же разъяснил, при помощи наук исторических, статистических и экономических, что Турция никогда не откажется от Палестины: напротив, в ближайшем будущем следует ожидать восстаний в Египте, Алжире и Марокко.

— Господа, - ответил я, — спор наш бесполезен. Вы прибыли из Германии и из больной России, а я видел Англию, французский фронт, Египет, Алжир и Марокко. Все ваши рассуждения — самообман, с первого слова до последнего. Германия не победит, а Турция будет разбита вдребезги. Но к чему спорить? Я вам предлагаю сделку. Объявите, что сионистская организация соблюдает строгий нейтралитет и ничего общего не имеет ни с какими легионистскими планами; а я официально выступлю из сионистской организации и буду вести свою работу в качестве частного лица; вам не буду мешать, и вы мне не мешайте.

Но они постановили — мешать. Съезд А. С. в Копенгагене вынес резолюцию, предлагавшую сионистам всех стран активно бороться против пропаганды легионизма. Я внезапно оказался на военном положении, почти один против всей сионистской организации.

Почти, но не совсем один. Никогда не забуду, что в том же Копенгагене, в эти самые дни моего разрыва с партией, я нашел того союзника, чья помощь (и были моменты, когда помощь эта носила характер самопожертвования) одна дала мне возможность выдержать ад последовавших лет: М. И. Гроссман, впоследствии директор Еврейского Телеграфного Агентства в Лондоне и коллега мой по президиуму союза ревизионистов, жил тогда в Копенгагене в качестве корреспондента одной из петербургских газет. Мне еще много придется рассказывать о нашей совместной борьбе.

* * *

В заключение — совсем печальная глава: Россия летом 1915 г.

Это было последнее мое свидание со страной, где я родился и вырос. Я провел там три месяца, был в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе. Уже всюду пахло концом. Армия была вытеснена из Галиции; немцы заняли Варшаву, несколько позже — Ригу. Но не в этом сказывался "конец", а в том безучастии, с которым все это принималось. Люди ресторанного образа жизни рассказывали: утром читаешь: "пал Белосток", — а вечером видишь очень веселых офицеров с очень мило одетыми барышнями в "Медведе", "Вилле Родэ", в "Аквариуме", притом всюду сквозь густой палисад запыленных бутылок. Роскошь сверкала такая, какой мы в России до тех пор не видели; и потоком лилась беззаботная, жизнерадостная болтовня Бог знает о чем — главным образом об удачах высокопоставленных каких-то селадонов у дам (и мужчин) великосветского круга; вообще сплошная грязевая ванна из больших имен придворной, денежной, писательской знати. Во дворце распоряжался Распутин, назначая, кому быть губернатором в Томске, кому командовать Южной армией, кому лечить царевича. Во внутренних покоях дворца пряталась от людей одинокая, уже и в то время трагическая семья, о странно мещанском быте и духе которой, вслух и без стеснения, судачила праздная публика рестораций. Из этих пересудов у слушателя получалась тяжелая картина. Маленький, задумчивый, симпатичный и глубоко недобрый эпигон десяти разноплеменных, но в равной степени выродившихся домов; немка-жена с душой, сотканной из прусского чванства и русской, Бог весть откуда взявшейся хлыстовщины; четыре бесцветные дочери, из которых, говорят, могли бы выйти хорошие девушки, если бы не та атмосфера некультурного медвежьего угла, в какой их держали; и хилый мальчик, у которого от малейшего укула уже не створаживалась водянистая кровь. Одинокая семья, от которой давно отвернулась великокняжеская родня ее, но внутри связанная слепой влюбленностью друг в друга и слепая ко всему внешнему миру, глухая перед грохотом надвигавшегося распада, при том еще гордая и довольная своей слепотой и глухотой. В Государственной Думе — с одной стороны черная сотня всех оттенков, которая после каждого нового удара на фронте выпячивала грудь и бодро поражала бусурман на карте указательным перстом; с другой — левые всех сортов, может быть, единственные в Петербурге, у кого действительно сердце болело в те дни, но и они утешали себя жалким утешением слабых, ежедневно повторяя: "Ведь мы вам это предсказывали".

А у евреев, как всегда в такое время, — мешанина из горя и надежды и истерической суетливости. На фронте бушевал ядовитый палач и наушник, русский патриот из поляков Янушкевич, вешая чуть не десятками еврейских "шпионов", выгоняя целые общины из городов и местечек; на каждой станции толпились голодные, ободранные, босоногие беженцы; мелькали образцы прекрасной солидарности: старики раввины, что отказались сесть в повозку и тащились пешком за сотни верст с толпою выселенцев; девушки, ждавшие ночи напролет на вокзале с тюками пищи и одежды, потому, что кто-то где-то сказал, будто должен прийти поезд с беженцами, неизвестно откуда, неведомо когда; миллионы крепких старых русских рублей на дело помощи, отданных с тем

размахом широкой руки, которым гордилось когда-то русское еврейство. И рядом - миллионные доходы от военного барышничества, миллионное мотовство на жен своих и чужих; и поденное ожидание чего-то, что должно вот-вот произойти - не то землетрясение, не то светопреставление, только очень хорошее; и беспримерно яркая вспышка сионистских, почти мессианских мечтаний; и выкресты, и смешанные браки, и древнееврейская речь в каждом вагоне железной дороги, и повсюду нерешительный шепот, что пора бы взяться за подготовку самообороны...

Я все это видел со стороны. Русские коллеги в редакции московской газеты приняли меня как своего; но в сионистском Петербурге я наткнулся большей частью на замкнутые лица, а с главными жожаками и вообще не встретился. Я был отлучен, после двенадцати лет национальной работы вдруг оказался анафемой и отверженцем. В Одессе, родном моем городе, где еще недавно меня (право, не по заслугам) добрые люди на руках носили, теперь меня по субботам и главным праздникам обзывали предателем и погубителем в проповедях с амвона сионистской синагоги Явне. Кажется, один только смелый человек нашелся во всем взрослом поколении сионистов: И.А.Тривусь, с которым мы еще в 1903 году вместе организовали одесскую самооборону, первую в России, не побоялся и так-таки среди бела дня пришел повидаться. Он покачал головой и сказал мне: — Никогда не следует спасать отечество без приглашения.

Не в обиду будь сказано, этот бойкот меня мало трогал; задело меня только одно обстоятельство, совсем уже непристойное. Старая мать моя, вытирая глаза, призналась мне, что к ней подошел на улице один из виднейших воротил русского сионизма, человек хороший, но с прочной репутацией великого моветона, и сказал в упор:

— Повесить надо вашего сына.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Против всех.

— Контингент для Палестины? — говорили мне все серьезные люди. — Да кто думает о Палестине?

Во-вторых — сионисты. Организация наша в Англии была тогда еще гораздо меньше и бледнее, чем даже теперь; но война усилила ее серенький состав двумя первоклассными дирижерами из-за границы - Членовым и Соколовым. Оба были против легиона, и это определило общее отношение к моему плану еще до начала спора. К тому же и единственное идейное влияние, какое хоть немного чувствовалось в очень поверхностной атмосфере этого сионистского захолустья, было тоже для моего дела неблагоприятно: в Лондоне жил тогда Ахад-Гаам, и вокруг него образовался кружок поклонников. Некоторые из них и по сей день воюют против идей еврейского государства и даже еврейского большинства в Палестине.

Исключений было очень мало, именно поэтому мне хочется их перечислить. Джозеф Коуэн и д-р Идер поддержали меня с самого начала до самого конца. Собственно говоря, авторское право на мысль о еврейском контингенте принадлежит им: они еще с первого месяца войны пробовали начать агитацию за учреждение специального еврейского батальона, правда, не для Палестины. Конечно, из этой агитации ничего не вышло; и, конечно, авторитет их был слишком слаб в качестве противовеса таким именам, как Соколов, Членов и Ахад-Гаам.

Одного союзника нашел я в самом центре еврейской массы, в Уайтчэпеле: звали его А. Бейлин, писатель он был хороший, но общественного влияния никакого не имел.

Отдельно стоял Х. Е. Вейцман. Еще в Париже он заявил себя сторонником легиона; в Лондоне мы сблизились еще больше. Месяца три мы даже вместе жили в маленькой квартире, в одном из переулков "богемского" Чельси, в двух шагах от Темзы. Он в то время еще только переселился из Манчестера, оставив университетскую кафедру для работы в правительственных лабораториях; он трудился над усовершенствованием своего химического открытия, которое потом сыграло крупную роль в удешевлении производства взрывчатых веществ, особенно кордита. Эта же работа, собственно, и свела его с тогдашним министром военного снабжения — Ллойд Джорджем. После восьми, иногда десяти, иногда двенадцати часов в лаборатории он еще как-то находил время каждый вечер шагом дальше двинуть свою политическую работу, вербуя новые связи, привлекая новых и влиятельных помощников. Мы в те месяцы подружились; надеюсь, и теперь не стали врагами — хотя политическая борьба нас далеко разрознила и вряд ли уж когда-либо снова сведет.

Он был сторонником моих планов: но честно признался мне, что не может и не хочет осложнять и затруднять свою собственную политическую задачу открытой поддержкой проекта, который формально осужден сионистским А. С. и чрезвычайно непопулярен у еврейской массы Лондона. Однажды он сказал мне характерную для него фразу:

— Я не могу, как вы, работать в атмосфере, где все на меня злятся и все меня терпеть не могут. Это ежедневное трение испортило бы мне жизнь, отняло бы у меня всю охоту трудиться. Вы уж лучше предоставьте мне действовать на свой лад: придет время, когда я найду пути, как вам помочь по-своему.

Время такое пришло, он свое слово сдержал, и я это помню. Но тогда, осенью 1915 года и еще долго после того, его сочувствие ни в чем ни могло выразиться и не могло изменить общего тона обстановки, в которой я жил: раздраженная враждебность со всех сторон.

Третьим и худшим из неблагоприятных условий была сама еврейская молодежь. Ист-Энд жил, как всегда, в полное свое удовольствие. Его широкие тротуары, рестораны, чайные, кинематографы, театры каждый вечер наполнялись толпой здоровых, сытых, нарядных молодых людей. Особый остров внутри Англии, отделенный от нее другим еще более глубоким Ламаншем. Здесь я на первых порах не встретил даже вражды: встретил просто равнодушие. Если можно выразить коллективную душу в одной формуле, для них я бы взял знаменитые слова Столыпина: "так было, так будет". Палестина? Жили без нее, "значит" — и дальше можно жить. Она давно уже не наша, "значит" — и дальше будет не наша. Еврейского полка нет, "значит" — и не будет. И, хоть и сидим мы спокойно по "чайным", пока английская молодежь умирает в окопах, никто нас не трогает;

“значит” — и впредь оставят нас в покое. Птичка Божия не знала ни заботы — ни Англии. Их не только нельзя было переубедить, — нельзя было даже смутить их беспечность, заставить их испугаться за собственный завтрашний день: раз сегодня тихо, “значит” — и завтра будет все по-старому. Этот вид импрессионизма, живущего исключительно опытом последней недели, — вообще застарелая болезнь гетто; но ни до того, ни после не довелось мне наблюдать ее в таких дозах.

В этом отношении Уайтчэпел был, вероятно, не хуже и не лучше эмигрантских кварталов любого иного города; но в уайтчэпельской атмосфере чувствовалось еще что-то — что-то неприятное, в чем другие эмигрантские гнезда неповинны. Американское гетто, сколько бы у него ни было недостатков, может все же по праву гордиться своим широким сердцем и щедрой рукой; у него есть традиция (или хоть иллюзия) некоторого идеалистического (или хотя бы только сентиментального) отношения к внешнему миру, к обоим полюсам внешнего мира — сердце их болит за еврейский народ, и они гордятся Америкой. Гетто Парижа в еврейском отношении пассивно, но в нем хоть есть подлинная и благодарная привязанность к Франции. Ист-Энд не любит и не ненавидит: у Ист-Энда вообще нет никакого отношения ни к каким внешним коллективам — ни к народам, ни к странам, ни к классам. Может быть, теперь это изменилось, но тогда это было так. Они сами говорили: какую угодно идею привезите в Уайтчэпел — скиснет, как молоко в духоте.

Исключения были, даже блестящие: но изволь искать иголку в Синайской пустыне.

Помню хорошее слово, полное меткого и горького юмора, что сказал мне один умный тамошний анархист о душе Уайтчэпея. Это было осенью 1916 года, когда Гросман и Трумпельдор уже прибыли в Лондон, и мы вместе пытались на публичных собраниях убедить еврейскую молодежь, что единственный достойный выход из создавшегося положения — легион; и молодежь отвечала нам шумом, бранью и скандалами.

— Мистер Ж., — сказал мне тот анархист после одного особенно бурного митинга, — долго вы еще собираетесь метать горох об стенку? Ничего вы в наших людях не понимаете. Вы им толкуете, что вот это они должны сделать “как евреи”, а вот это “как англичане”, а вот это “как люди”... Болтовня. Мы не евреи. Мы не англичане. Мы не люди. А кто мы? Портные.

Привожу это горькое слово только потому, что в конце концов Ист-Энд за себя постоял. Солдат он нам дал первосортных, смелых и выносливых; даже самая кличка “портной” — “шнейдер” постепенно потом приобрела во всех наших батальонах оттенок почетного прозвища, стала синонимом настоящего человека, который исполняет, что положено, не хныча и не хвастаясь, точно, сурово и

спокойно. Где-то в последней глубине уайтчэпельской души все-таки нашлось ип je ne sais quoi, скрытый родничок ответственности, забытое зерно самоуважения, и все это выступило наружу, когда подошла трудная минута испытаний и опасностей. В последнем счете тот анархист оказался неправ — как, вероятно, всегда и всюду неправы критики масс: в последнем счете. Но тогда, вначале, диагноз его подходил, как перчатка: у этой массы, не знаю по чьей вине (может быть, виноват был жесткий холодок их английского окружения), онемел тот именно нерв, который связывает единицу с суммой, с расой, краем, человечеством — и единственная связь с коллективом, еще кое как им, быть может, понятная, сводилась к их ремеслу: я купец, ты учитель, мы портные... Изумительнее всего при этом была их слепота ко всему, что творилось за воображаемой стеной, будто бы отделявшей их от остальной Англии. “Никто нас не трогает”...

Но первые шаги мои в Лондоне ясно показали мне все симптомы недалекой бури — именно бури над Ист-Эндром. В каждой комнате военного министерства, в каждой лондонской редакции, от каждой кухни и тетки моей английской квартирной хозяйки в Челси — я слышал одну и ту же раздраженную жалобу: наши гибнут по сотне в час — а те молодчики ваши разгуливают с барышнями и играют на биллиарде. В печати уже начинали осторожно вентилировать вопрос о принудительном наборе — пока еще не для Уайтчэпеля, а только для собственных, английских домоседов. Только со сна можно было не разобрать, что скоро, очень скоро дойдет очередь и до безмятежных иностранцев. Но дремать приятно, и того, кто непрошенный пытается будить, люди терпеть не могут.

Таков был главный резервуар человеческого материала, на котором зижделись мои планы; и я был почти одинок; и сионисты меня отлучили от церкви; а Китченер говорит, что в Палестину идти не стоит и что никаких экзотических батальонов он не хочет...

Я не слеп. Все это я видел ясно, взвесил, проверил и подсчитал. Не скажу, чтобы итог мне дался без сомнений и колебаний. Напротив, много было сомнений и много минут уныния. Но итог все-таки получился твердый, и вот он, по пунктам.

Лорд Китченер ошибается: Англии придется воевать на Палестинском фронте.

Лорд Китченер еще в одном ошибся: еврейский легион — не экзотика, а неизбежность и необходимость для самой Англии. Правительство будет вынуждено его создать, потому что общественное мнение Англии заставит его мобилизовать Ист-Энд, — а еврейский контингент для Палестины есть единственная форма, в которой можно провести эту мобилизацию без мирового скандала.

Сионисты ошибаются. Легион и для них необходим — и еще придет время, когда они будут стоять на улицах Уайтчэпеля и рукоплескать его церемониальному маршу.

Уайтчэпель тоже ошибается: его “тронут”, и скоро. Единственный выход для его молодежи называется легион. Служить они пойдут — и еще спасибо скажут, что им хоть дана будет возможность биться за еврейское дело.

“Все ошибаются, ты один прав?” Не сомневаюсь, что у читателя сама собою напрашивается эта насмешливая фраза. На это принято отвечать извинительными оговорками на тему о том, что я, мол, вполне уважаю общественное мнение, считаюсь с ним, рад был идти на уступки... Все это не нужно, и все это неправда. Этак ни во что на свете верить нельзя, если только раз допустить сомнение, что, быть может, прав не ты, а твои противники. Так дело не делается. Правда на свете одна, и она вся у тебя; если ты в этом не уверен — сиди дома; а если уверен — не оглядывайся, и выйдет по-твоему.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Как делается политика.

Долго и скучно было бы рассказывать все, что случилось за два года с моего второго приезда в Лондон до того дня в июле 1917 года, когда в официальной газете, наконец, появился приказ об учреждении "еврейского полка". Я запишу лишь несколько эпизодов: одни — в качестве этапов, определяющих характер всего пути, а другие — ради тех фигур, с которыми они познакомят читателя, так как иные из этих фигур сыграли потом заметную роль в нашем мире. Есть у меня тут и другой умысел: в этой серии эпизодов содержится ответ на "ядовитый" вопрос, который так часто теперь слышится в сионистских собраниях. "Разве мыслимо, - вопрошают скептики, — заставить начальство сделать то, чего оно не хочет? И чем? Угрозами? Будете стучать кулаком по столу? Накричите на них?" Конечно, нет; все это гораздо проще. Если начальство не хочет, - не надо ни стучать, ни кричать, надо оставаться спокойным и вежливым, искать новых союзников и от времени до времени возобновлять свое домогательство: пока не окажется, что вы не только "заставили" начальство, но оно и само тому радо.

* * *

В зимний вечер, в самый разгар лондонской слякоти с полудождем и полуснегом на улице, кто-то стучится в мою дверь. Входит молодой человек, очень бедно одетый, и протягивает мне измятый, грязный клочок бумаги. Я узнаю почерк приятеля, который застрял в Яффе. Он пишет: "податель — Гарри Фирст. Можешь ему верить". Гарри Фирст говорит:

— Я прямо из Палестины. Тамошние рабочие мне поручили сказать вам, что они за ваш план и чтобы вы не дали себя запугать никакими страхами за судьбу палестинских колоний. Это — первое. А второе: я к вашим услугам. Я говорю на

идиш и по-английски; член рабочей партии и знаю Уайтчепл. Чем могу служить?

— Поселитесь в Ист-Энде и займитесь тамошней молодежью, — говорю я. Он встает и уходит.

И с тех пор два года подряд Гарри Фирст вел нашу агитацию в Ист-Энде, в мастерских, в чайных, в комитете своей партии, на собраниях. Одного за другим находил он отдельных сторонников, знакомил меня с ними, а потом шел дальше работать. Он стал одной из популярных фигур Уайтчепла: его и любили и терпеть не могли. За что терпеть не могли — понятно; а любили за то, что и противникам импонировало его спокойное, учтивое упрямство и его благородная бедность. Потом он поступил в легион тихо и по-хорошему отслужить свои два года в Палестине, не добивался никаких послаблений и повышений; а после демобилизации исчез, не напоминая о себе, не требуя ничьей благодарности, и я не знаю, где он и что с ним. Может быть, кто-нибудь покажет ему эти строки: шалом, Гарри Фирст, один из тех "безыменных солдат", которые делают историю, — а честь оставляют именитым.

* * *

Есть в Лондоне короткая, широкая улица Уайтхолл: в ней сосредоточено управление королевством и половиной земного шара. В нее впадает и переулок, именуемый Даунинг-стрит: здесь дворец и канцелярия премьера, министерство иностранных дел, министерство колоний. Здесь, кроме того, с первых месяцев войны учрежден был особый департамент пропаганды; но я об этом не знал.

Однажды адмиралтейство пригласило иностранных корреспондентов съездить в Розайт (военная гавань в Шотландии) — посмотреть британский флот. Сопровождал нас, между прочим, английский журналист Мастерман. Мы разговорились; об александрийском отряде он что-то слышал, и я рассказал ему о своих замыслах. Он заметил:

— Меня теперь все на свете занимает с точки зрения пропаганды. Ваш проект — великолепный материал для пропаганды. Хотите повидаться с лордом Ньютоном?
- Кто это?

— Министр пропаганды. Вы мне дайте материал, я составлю докладную записку для лорда Ньютона, и он вас вызовет.

Не скоро дела делаются в Англии; но через несколько месяцев я, побрившись старательнее обыкновенного, взобрался на верхушку омнибуса и поехал в Уайтхолл на свидание с лордом Ньютоном.

— Мысль, пожалуй, и хорошая, — сказал он, выслушав меня, — и, конечно, я слышал о еврейском батальоне в Галлиполи; но — при чем тут мой департамент? — Один вопрос: дорожите ли вы отношением еврейства нейтральных стран? — Да, — сказал он с некоторым колебанием, — только должен, к сожалению, признаться, что мы этим отношением недовольны. Мне еженедельно представляют выдержки из еврейской печати в Америке... ничего не понимаю. Разве наша это вина, что русский режим — как бы это сказать - носит на себе отпечаток некоторой отсталости?

— Лорд Ньютон, дело совсем не в том, чья вина. Суть дела в факте. Вот основной факт: победа союзников, вероятно, укрепит этот самый русский режим лет еще на двадцать. Устранить этот факт Англия не может, с этим я согласен. Англия может только создать ему противовес. - Как?

— Есть на свете одна только вещь, которую евреи любят еще больше, чем они ненавидят русский режим: эта вещь — Палестина. Только ради большой любви может масса закрыть глаза на большую ненависть: другого пути нет.

— Что же вы предлагаете? Издать манифест от имени английского правительства с выражением благоволения к сионизму?

— Это было бы желательно в высшей степени; но я думаю, что американские евреи сказали бы на это: очень приятно, только ведь манифест — бумага, а где факты? Видите ли, вся эта война началась с того, что пущено было в ход ядовитое слово — "ключок бумаги". Слово это получило огромную и нездоровую популярность, и никто больше манифестам не верит. Тем более, что русский режим состоит не из манифестов, а из фактов. Поэтому и противовес должен состоять не из одной бумаги.

— Какие тут возможны факты? Нельзя же отдать Палестину, когда она еще не завоевана... И вообще - вы, конечно, понимаете, я весь этот вопрос обсуждаю пока только в теории...

— Единственным логическим фактом было бы учреждение еврейского контингента, предназначенного для участия в завоевании Палестины.

— Позвольте, ведь никто еще не знает, пойдём ли мы на Палестину; в военном министерстве считают, что не пойдём.

— Военный контингент ведь не то, что древо пророка Ионы, — ответил я. (С англичанами можно говорить цитатами из Ветхого Завета: они его знают.)

— За одну ночь его не вырастишь. Если полк понадобится только через год —

значит, надо начинать сегодня. А тем временем переменится и мнение военного министерства. Мы ведь знаем, что далеко не все авторитеты согласны с лордом Китченером...

— "Не разглашайте на стогнах Гата", — ответил он тоже ветхозаветной цитатой. — Во всяком случае, я все это еще обдумую, переговорю с коллегами...

* * *

...Мистер Джозеф Кинг, депутат либеральной партии, сделал запрос в палате общин: известно ли министру такому-то, что "русский журналист" такой-то ведет в Уайтчепле пропаганду с целью создания еврейского военного контингента, и имеет ли оный журналист на то от правительства какие-либо полномочия?

Я ему написал: "Сэр, прежде, чем нападать на человека, надо бы вам его выслушать".

Мы встретились в либеральном клубе, который тогда, в середине 1916 года, еще не был реквизирован правительством. Войдя в вестибюль, я увидел, что м-р Кинг разговаривал с невысоким господином вида худощавого, но не великобританского: желтоватое, почти изможденное лицо, несколько желчное. Барышня с историкофилологическим образованием сказала бы: "напоминает Торквемаду"; барышня с образованием литературным сказала бы: "нечто мефистофельское". М-р Кинг, увидя меня, кивнул головой и показал на кресло; его собеседник нервно дернул бороденкой и посмотрел в сторону. Потом они простились, тот ушел, а м-р Кинг повел меня в угол к дивану.

— Ист-эндские друзья мои, - сказал он, — горько жаловались мне на вас. Говорят они вот что: и без того идет уже, в печати и просто на улице, травля иностранцев в штатской одежде, - а тут еще вы подливаете масло в огонь.

— М-р Кинг, скажите правду: а если я исчезну - "травля" прекратится?

— К сожалению, вряд ли. Я и сам не могу не видеть, что массам трудно это переварить: как же так, здоровая молодежь, выросла с нами, и тем не менее...

— Хорошо. Теперь допустим, м-р Кинг, что мой план никуда не годится и что я к вам лично обращаюсь с просьбой: будьте добры, дайте совет. Где выход? Не служить до конца? Глядеть, сложа руки, как нарастает в Англии расовая ненависть в самой отравленной форме — ненависть людей, которых посылают на смерть, против людей, которым дозволено жить?

— Должен признаться, — сказал он, — что я отчасти это все уже излагал моим ист-эндским приятелям. Я им говорил, что лучше всего было бы, если бы значительное количество иностранных евреев сразу пошло волонтерами в армию, наравне с нашей молодежью...

— Позвольте не согласиться. Ваше требование, м-р Кинг, совершенно

несправедливо. — Почему несправедливо?

- Потому что нет решительно никаких оснований требовать от них службы "наравне с вашей молодежью". Ваша молодежь — англичане; если Англия победит — их народ спасен. Наши — другое дело: если Англия победит, то шесть миллионов их братьев останутся в том же самом аду, что и теперь. Не может быть речи об одинаковой жертве там, где нет одинаковой надежды. - Мгм. Ну — а вы что предлагаете? — Компромисс. По справедливости Англия может требовать от иностранного еврея только двух вещей. Во-первых, принять участие в защите самой территории Англии, т. е. этого острова, где он пользуется гостеприимством: по-вашему — "home defence". Во-вторых, биться за освобождение Палестины, потому что это "дом" его племени: по-нашему — "heim". "Home and Heim": в этом заключается моя военная программа для ваших ист-эндских друзей.

Он подумал и вдруг сказал:

— Вы мечтатель.

Зал, где мы с ним сидели, был весь увешан портретами покойников, бывших когда-то членами этого самого либерального клуба. Я указал на них:

— Все мечтатели.

— Я подумаю, — сказал он мне в заключение, — и переговорю с товарищами-депутатами. Вот не знаю только, стоит ли говорить об этом с моими уайтчеплскими друзьями?

— Это зависит, — ответил я, — от того, кто они такие.

— Одного, самого, пожалуй, важного, вы уже видели: это — тот худощавый джентльмен, с которым я давеча беседовал в приемной. Сам он не еврей, и ему военная служба не грозит — он уже давно в "опасном" возрасте, а это теперь самый безопасный возраст. Но он очень интересуется этим вопросом. Он русский эмигрант, по имени мистер Чичерин. Хотите с ним познакомиться? — Нет, — сказал я.

— Замечательно, — отозвался м-р Кинг, — я задал ему тот же самый вопрос о вас, и он дал мне тот же самый ответ. Очень странно, до чего россияне иногда друг друга терпеть не могут. Мне минутами казалось, что, если бы мистер Чичерин имел на то власть, он бы с удовольствием посадил вас за решетку, а теперь мне кажется, что чувство это взаимное.

— Вполне, — подтвердил я от всего сердца. Правда, я тогда мало знал о будущем советском комиссаре по иностранным делам — он, кажется, не принадлежал к кругу эмигрантских знаменитостей; во всяком случае, среди моих знакомых, если и

упоминали о нем, то с прибавкой: "знаете, — племянник того Чичерина Бориса". Но то немногое, что я о нем знал, мне не нравилось: мистер Чичерин был одним из подстрекателей уайтчеплской агитации против всякой формы участия в войне. А насчет решетки - потом оказалось, что м-р Кинг и вправду напроорочил; только не мне.

...Письмо с лондонским штемпелем на марке: "Прибыл из Галлиполи - эвакуирован как раненый. Нахожусь в доме для выздоравливающих, улица Довер-стрит, номер такой-то. — Подписано: Дж. Г. Патерсон".

Полковника Патерсона я еще тогда (летом 1916-го года) лично не видел: он явился к нашим добровольцам в Александрии уже после того, как я уехал из Египта в Бриндизи на свидание с Гутенбергом. Но слышал я о Патерсоне много. Протестант, но ирландец по происхождению. По профессии был он прежде инженером. В 1896 году его послали строить мост на реке Тсаво или Саво, где-то в Африке, недалеко от "нашей" Уганды. С этой постройки и пошла его слава: именно "слава" - есть особый круг людей, в котором Патерсон считается крупной знаменитостью. Это англо-американский круг охотников за "крупной дичью". Патерсон признанный и бесспорный авторитет среди охотников за львами. На реке Саво были у него только чернокожие рабочие, несколько сот, из племени суахили; он был там единственный белый и единственный человек, умеющий обращаться с ружьем. Случилось так, что в округе появилась шайка львов, из самого неприятного сорта - таких называют у охотников "людоедами", потому что они, раз отведав человеческого мяса, потом уже пренебрегают всяким другим лакомством. Ночь за ночью эти львы устраивали набеги на рабочий лагерь, спокойно выбирали жертву и уносили ее в гущу экваториального леса. Патерсону пришлось вмешаться: с великим трепетом, как он рассказывает в своей книге "Людоеды на р. Саво", но с серьезным успехом. До сих пор в его домике, в мирном Букингемшире, хранятся те трофеи: восемь темно-рыжих львиных шкур и длинная рукопись - поэма на языке суахили, преподнесенная ему благодарными рабочими. На моем экземпляре его книги "Людоеды" изображено: "26-е издание". Есть англичане, которые, когда уезжают в далекое путешествие, берут с собой в дорогу только два тома: Библию и "Людоедов на р. Саво". Через эту книгу Патерсон подружился с другим знаменитым охотником за львами — Теодором Рузвельтом, и несколько раз был его гостем в Америке.

Вскоре после этого случая на р. Саво разразилась англо-бурская война. Патерсон поступил подпоручиком в британскую кавалерию, проделал всю затяжную войну и вышел в отставку с чином подполковника. После этого он жил в Индии, объездил полсвета, пережил несколько бурных эпизодов, о которых по сей день ходят по лондонским клубам легенды, создавая Патерсону друзей и врагов, - жил жизнью, которая в передаче звучала бы, как роман, и притом не из нашего прозаического столетия. "Букканер" — называет его бывший его приятель генерал Алленби: так звали двести лет тому назад и больше тех удальцов, что сломили власть Испании

на островах Карибского моря и помогли — может быть, против собственной воли — превращению Атлантического океана в английское озеро. А в конце этой красочной карьеры стал он предводителем Zion Mule Corps в Галлиполи, потом командиром одного из еврейских батальонов в Палестине, и не услышал за то пока спасибо ни от евреев, ни от христиан. Но он говорит, что не жалеет.

Я разыскал его в той санатории для выздоравливающих. Высокий, тонкий, стройный человек с умными и веселыми глазами: воплощение того, что англичане полуворчливо, полувосхищенно называют "ирландским charm-ом", но без единой капли другого отличительного признака ирландской психологии: уныния, рефлексии, болезненной охоты углубляться в самого себя — всего, что мешает ирландцам жить по-настоящему, не в меньшей мере мешает, чем русским. У Патерсона этой самоотравы нет. Зато есть у него изумительное знание Ветхого Завета. Гидеон и Самсон для него — живые образы, приятели, чуть ли не члены его же кавалерийского клуба на Пиккадилли. К счастью для нас, они до сих пор заслоняют в его глазах подлинное нынешнее еврейское обличье... — Что слышно в Галлиполи? — Провал. — А наши еврейские солдаты? — Великолепны. Первый сорт. — Трумпельдор? — Храбрейший человек, какого я в жизни видел. Он теперь командир нашего отряда.

(По письмам из Галлиполи я знаю, что далеко не гладко и не легко наладились у него отношения с нашими солдатами и со святым упрямым Трумпельдором; но ирландский темперамент не замечает мелочей. "Великолепные солдаты!") — А что слышно здесь? — спрашивает он.

— Лорд Китченер не хочет — ни кампании в Палестине, ни еврейского корпуса. — Жизнь сильнее лорда Китченера. — А вы мне поможете? — Едем.

И он везет меня в Вестминстер. В огромном вестибюле между флигелями обеих палат он пишет что-то на зеленой карточке и отдает служителю. Через пять минут со стороны палаты общин появляется человек невысокого роста, в хаки, с красной фуражкой генерального штаба на голове. Говорит он спокойно, коротко, несколько сухо; впечатление очень толкового человека: говорит только о том, что знает, и всегда знает, чего хочет, - а хочет он, может быть, и таких вещей, для которых наступит время только через много, много лет. Пока англичане, у которых великая слабость к долговязым типам, и сегодня еще говорят о нем: "до премьеры ему не хватает только нескольких дюймов". Правда, он ростом еще ниже Ллойд Джорджа; но я не поручусь, что эта помеха окажется действительной до конца. В конце концов, через несколько дюймов не так трудно перешагнуть. Тогда он был

простым "эм-пи", то есть членом палаты общин; теперь он министр колоний британской империи.

— Капитан Эмери, - представляет Патерсон. — Он уже знает о наших проектах; но расскажите ему подробности.

Я рассказываю подробности. ...Через полгода Эмери становится одной из главных фигур в знаменитом "секретариате" Ллойд Джорджа ("детский сад", острят о нем политики старшего поколения, сокрушаясь о молодости членов этой всемогущей динамо-машины). Мистер Кинг, автор парламентского запроса о причинах и пружинах моей агитации, давно — еще с того завтрака в национально-либеральном клубе - переложил гнев на милость и свел меня с целым рядом депутатов: либералов, унионистов, трудовиков, ирландцев. А в министерстве пропаганды, после беседы с лордом Ньютоном, все растет толстая папка с докладами, письмами, газетными вырезками, озаглавленная: "Еврейский легион", с пометкой: "Важно".

* * *

Новая фигура появилась на арене спора о Уайтчепле и воинской повинности: Герберт Сэмюэл.

Газетная травля против иностранных евреев усиливалась с каждым днем; богачи из ассимиляторского круга, во главе с майором Лайонелом Ротшильдом, обнародовали воззвание к населению Ист-Энда. Там сказано было все, что в таких случаях полагается: Англия вам оказала гостеприимство, исполните свой долг и пр. Первым подписался под воззванием лорд Суэтлинг: мне объяснили, что это страшно важная фигура - смущенно признаюсь, что я до того дня и не подозревал о его существовании. Воззвание не дало армии ни одного рекрута. в этот момент и нашел нужным выступить на арену Герберт Сэмюэл, в то время уже министр внутренних дел: он издал официальное сообщение, где было сказано, что, если русскоподданные евреи в такой-то срок не запишутся добровольно в британские войска, их вышлют обратно в Россию.

Станный это недочет у г. Сэмюэла, при всем его уме: он органический доктринер, он видит вещи не глазами, а через какое-то свое собственное представление о них; видит не того реального человека, которого Бог создал, но сам конструирует человека абстрактно, притом не иначе, как по образу и подобию своему, т.е. Герберта Сэмюэла.

Нарисовав пред собою такой образ, он и предъявляет ему свои требования и преподносит ему свои доводы — с успехом, который легко представить себе заранее. Позже, когда он стал верховным комиссаром Палестины, эта черта его причинила немало вреда и нам, и арабам, и доброму имени Англии. То же самое произошло и тогда в Лондоне, летом 1916 года. Он себе "представлял", что Уайтчепл, прочитав его угрозу, кинется поголовно записываться в солдаты; в то же время он "представлял" себе, что на нееврейские круги Англии такой жест

министра-еврея окажет прекрасное действие и ослабит травлю. Результат оказался как раз обратным, притом с обеих сторон. В английском обществе его угроза произвела впечатление тяжелое и неприятное; в палате лордов один из наиболее уважаемых либеральных ее членов, если не ошибаюсь, лорд Пармор, возмущенно заявил: "будь я евреем, я бы раньше дал отрубить себе правую руку, чем выдал бы хоть одного из моих братьев по крови в руки вешателей и погромщиков".

А Уайтчепл просто взял да не испугался. Опять-таки армия не получила ни одного рекрута. В интересах справедливости должен отметить: Лайонел Ротшильд признался мне впоследствии, что гениальная мысль об угрозе была подсказана министру им. Но ведь дело не в том, кто первый выдумал нелепую затею, а в том, кто взялся проводить ее в жизнь.

К тому времени с помощью Гарри Фирста уже образовался вокруг меня небольшой кружок уайтчеплеких сторонников. Мы посоветовались и пришли к выводу, что конфузный инцидент с Сэмюэлом можно и нужно использовать в интересах нашей агитации.

В Лондоне было тогда человек шесть корреспондентов передовой русской печати. Встречались мы между собою редко, но поддерживали добрые отношения. Я по телефону немного прозондировал почву, с двумя из них повидался лично — и в результате через несколько дней у меня в Челси созвано было совещание русских корреспондентов; были тут и евреи, и христиане. Решили от общего имени отправить военному министру лорду Дарби телеграмму с указанием на то, что угроза Герберта Сэмюэла, втянув, так сказать, Россию во внутренний британский вопрос, создала для нас чрезвычайно щекотливое положение, а потому мы просим у министра свидания.

Лорд Дарби поступил как человек осторожный и практический: кто заварил кашу, пусть и расхлебывает. Он передал нашу телеграмму министру внутренних дел, и ответ мы получили от г. Сэмюэла: приглашение на беседу с ним.

Прием состоялся в одной из боковых зал палаты общин. Сэмюэл придавал этому свиданию совсем торжественный характер: явился со свитой из четырех секретарей, сам сел во главе стола, секретари за ним, мы, журналисты, по обе стороны стола; каждый говорящий, включая и самого Сэмюэла, говорил стоя. В то время русская печать еще была силой — по крайней мере, за границей...

От нашего имени доложено было министру вот что: его угроза по адресу уайтчеплских евреев, которых передовое общественное мнение России склонно рассматривать как эмигрантов политических, грозит подорвать весь смысл нашей работы. Газеты, здесь представленные (насколько помню, это были "Русские Ведомости", "Русское Слово", "Речь", "Современное Слово", "Биржевые Ведомости" и "Киевская Мысль") обслуживают, приблизительно, три четверти всей читающей публики в России. Передовое общество у нас дорожит нынешним сближением между Англией и Россией не только в интересах войны, но, главным образом, потому, что надеется на доброе влияние английского либерализма на политические условия России; и мы, лондонские корреспонденты, всегда стараемся подчеркивать именно эту надежду. Но последний жест министра внутренних дел произведет в России как раз обратное впечатление - там скажут, что политическое влияние идет, по-видимому, из Петербурга в Лондон, а не наоборот. А это очень вредно для единодушия в России, и мы считаем своим долгом обратить внимание правительства на эту опасность.

— Джентльмены, — ответил Сэмюэл, — я понимаю вашу точку зрения. Но и вы должны понять наше положение. Коренное население глубоко возмущено равнодушным отношением иммигрантов к нашей национальной беде. Это может привести к взрыву антисемитских настроений. Выход из этого положения надо найти во что бы то ни стало — так, как оно есть, оно оставаться не может. Что же делать?

И он обратился ко мне (я до тех пор молчал). О моей агитации он знал еще с того дня, когда д-р Гастер объяснил ему, что я просто болтун; но мы еще ни разу до того не встречались. Он спросил: - Ваше мнение, например?

— Сэр, — ответил я, — здесь я нахожусь в качестве члена группы русских журналистов и не имею права высказывать свои личные мнения. Но в одном мы уверены все: угрозы не создают волонтеров. Для вербовки добровольцев надо опираться на лучшие и высшие чувства массы, а не на страх. Когда вы вербуете англичан, вы взываете к их английскому патриотизму. Попробуйте сделать то же самое с Уайтчеплом. Только при этом надо будет помнить, что английского патриотизма они еще в себе не выработали, русского никогда не имели — скорее напротив. Значит, надо попытаться установить, в чем заключается их собственный и естественный патриотизм. Это все.

— А если бы мы нашли такой путь, кто бы взял на себя вербовку?

Я ничего не мог ответить. Предложить свои услуги тут же, в собрании, я не имел

права - далеко не все из моих коллег были сторонниками моих планов. Сэмюэл тоже не предложил мне взять дело на себя. Так и разошлись мы, строго говоря, ни с чем. Тем не менее, эта беседа имела два серьезных последствия. Во-первых, угроза ссылкой в Россию сошла со сцены, и больше о ней не упоминали. Во-вторых, беседа убедила и самого Сэмюэла, и через него весь кабинет в той простой истине, на которой я и строил с самого начала свою веру в успех: что нет разрешения для "ист-эндского вопроса" вне попытки апеллировать к собственному патриотизму бездомного еврея.

* * *

Еще одно неожиданное наблюдение сделал я за эти месяцы — настолько важное, что и теперь оно мне часто полезно: я поразился, насколько ничтожно политическое влияние еврея-ассимилятора, хотя бы знатного и богатого, в делах еврейской *Weltpolitik*. Совершенно инстинктивно, его собственное правительство считается в этих вопросах только с евреем националистического толка, хотя бы сам по себе он был еще никому неизвестным приезжим. Х. Е. Вейцман доказал это блестяще; и мой собственный опыт подтвердил мне ту же истину.

Когда я поселился в Лондоне, со всех сторон мне говорили: "без содействия здешних нотаблей правительство и говорить с вами не станет. Прежде всего заручитесь согласием нотаблей". Я послушно попытался. Они не только не дали своего согласия - напротив, они открыто предупредили меня, что будут мешать. Тогда мне пришлось самому пойти стучаться в двери правительственных учреждений — и оказалась, что успех или неуспех меньше всего зависел от настроения "нотаблей". За все время моих переговоров не помню ни одного случая, когда бы некто власть имущий спросил меня: а как смотрит на это сэръ Айзек такой-то? Я это объясняю, конечно, не тем, чтобы нотабли все были плохи, а мы, приезжие националисты, хороши. Объяснение гораздо проще. Ассимилятору нечего "предъявить": он раз навсегда отождествил себя с местным населением; его лояльность раз навсегда обеспечена - и совершенно понятно, что в серьезные минуты правительство смотрит на него, как на очень почтенное, но совершенно бесплатное приложение к британской или французской нации. В ином положении находится националист: еврейские симпатии, которые он предлагает завербовать, не есть бесплатное приложение. Правительство может ими дорожить или нет, это его дело; но получить эти симпатии можно только на определенных условиях. Поэтому ассимилятору ласково улыбаются, а с националистом ведут переговоры.

Двери же канцелярий Уайтхолла открыл мне, как я уже писал, тот самый всеми остряками в Израиле осмеянный "ослиный батальон" из Александрии. Министерство иностранных дел в Петербурге написало о нем графу Бенкендорфу, русскому послу в Лондоне; из русского посольства посылались о нем рапорты в Форейн-Оффис; старший советник посольства, К.Д. Набоков, впоследствии

заместитель посла (ныне покойный), устраивал мне свидания с британскими министрами, с американским послом мистером Пейджем, с французским послом Р. Камбоном — и все это только потому, что Трумпельдор и 600 погонщиков мулов провели восемь месяцев под огнем в Галлиполи.

А в министерстве иностранных дел, во главе департамента Востока, т.е. именно того отдела, в котором сосредоточивались все вопросы о Палестине, стоял уже в то время тот заслуженный друг сионистского дела, которому и Х. Е. Вейцман, и основатели легиона так многим обязаны: сэр Рональд Грэхем, ныне британский посол в Риме. Но и для Грэхема первой школой сионизма был тот момент, когда он еще назывался просто м-р Грэхем, был "советником" при министерстве внутренних дел в Египте и когда к нему явилась скромная делегация хлопотать об устройстве особого отряда из палестинских беженцев в Александрии.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Между казармой и кабинетом министра.

К осени 1916 года было уже ясно, что Ист-Энду придется пойти служить, если только еврейское общество хочет избежать скандала, который навеки похоронит доброе имя еврейства в Англии. Для англичан уже введена была конскрипция [Конскрипция - в ряде европейских государств - система комплектования армии на основе воинской повинности с допущением замены призываемого и денежного выкупа от призыва; с 60-х гг. 19 в, заменена всеобщей воинской повинностью. - Ред.]. Десятки молодых людей из Уайтчепла, мне совсем незнакомых, приходили ко мне в Челси и спрашивали:

- Что делать? Есть ли хоть какая-нибудь надежда, что правительство согласится образовать полк для Палестины?

Но правительство все еще не соглашалось. Китченера уже не было (он погиб 5-го июня 1916 года), но дух его все еще господствовал в военном министерстве, и в генеральном штабе все еще преобладали противники наступления на востоке. Опять я устроил совещание с немногими друзьями нашего дела. Мы решили, что теперь настало время для новой, совсем уже гласной, попытки поставить и правительство, и общественное мнение лицом к лицу с совершившимся массовым фактом. План наш сводился к тому, чтобы собрать тысячу или больше подписей под заявлением следующего содержания:

"Я, нижеподписавшийся, настоящим заявляю: если будет учрежден еврейский полк, предназначенный исключительно для двух целей, а именно:

- 1) охрана самой Англии,
  - 2) операции на палестинском фронте,
- я обязуюсь добровольно вступить в такой полк".

Лозунгом нашей кампании решено было сделать два слова: "Home and Heim". Если наберется достаточно подписей, мы подадим правительству соответствующую петицию. Вся работа должна быть проведена на частные средства (их предоставил нам Джозеф Коуэн). Я телеграфировал в Копенгаген М.И.Гроссману: "приезжайте". Он ответил: "еду". Но еще за день до его приезда мы выпустили первый номер ежедневной газеты на идиш, не только под его редакцией, но даже с передовицей за его подписью (я сам ее сочинил, но Бейлин, прекрасный стилист на этом языке, тщательно выправил мой слог, чтобы не посрамить пуриста Гроссмана). Газета называлась "Наша Трибуна". Главными сотрудниками были Бейлин, Пинский и Кайзер - первые двое уже обладали некоторой известностью как писатели на обоих еврейских языках, а третий, хотя почти новичок, оказался очень остроумным фельетонистом. Техническую сторону кампании взяли к себя Гарри Фирст и молодой инженер из России И. Я. Аршавский: он как-то пришел в одно из наших собраний просто послушать и тут же обратился в нашу веру, и с того дня отдал в наше распоряжение не только свои недюжинные организаторские способности, но и свои широкие плечи и плотные мускулы. И то и другое понадобилось... С ними работало еще до десяти человек молодежи.

Гроссман приехал, а через несколько дней неожиданно прибыл и Трумпельдор. Все его старания добиться на месте, в Александрии, второго издания Zion Mule Corps ни к чему не привели: отряд был демобилизован.

Через два дня после того, как на улицах Ист-Энда, Сого, Стэмфорд-Хилла и других отрезков лондонского гетто появилось наше воззвание, Герберт Сэмюэл вызвал меня к себе в министерство внутренних дел.

— Мы все вам очень признательны за эту инициативу, - сказал он. — Может ли министерство в чем-нибудь вам помочь?

— Только в одном, — ответил я, — дайте нам официальное заявление, что если мы соберем тысячу подписей, правительство санкционирует учреждение полка для "Home and Heim." Если вы это сделаете, я ручаюсь за успех. Если не сделаете - не скрою своих опасений: недоброжелатели скажут, что вся наша затея - подвох, что мы просто хотим выловить для правительства имена еврейских волонтеров, а тут их и схватят, разошлют по английским батальонам и отправят на бойню во Фландрию. Это, конечно, сильно помешает нашей работе.

— Такого заявления дать я вам не могу, — возразил Сэмюэл. — Это не от меня зависит; на это нужно решение всего кабинета. И вы знаете, что еврейское общество — особенно сионисты — настроены резко против этого проекта.

— Столь же резко настроены мои друзья и я против мысли о том, чтобы молодежь Ист-Энда пошла на службу в чужие полки воевать за чужое дело.

Он развел руками, помолчал и спросил: — Не могу ли я быть вам полезным в какой-нибудь другой форме?

Я поблагодарил и отказался. Искренно признаюсь, что я потом горько жалел об этом гордом, но непрактичном ответе. Слишком сильна оказалась во мне старая закваска российского радикализма, привычка смотреть на "начальство", как на нечто нечистое, от чего порядочному человеку не подобает принимать какую бы то ни было помощь. Я забыл, что в Англии такое отношение к власти неуместно и нелепо. Одну форму помощи я должен был от него принять и даже потребовать: обеспечение порядка на наших публичных митингах.

Ровно месяц продолжалась наша кампания: полный провал. Мы собрали всего около трехсот подписей, — и жизнь Ист-Энда в эти недели превратилась в непрерывный скандал. Правда, на первом митинге нашем было тихо: у противников еще было подозрение, что где-то за кулисами мы припрятали полицию, как это делалось при вербовке в английской среде. Но ко второму собранию они уже открыли всю глубину и всю наивность нашего благородства — и принесли с собою не только свистки, но и запасы картошки, — в качестве метательных снарядов. Как всегда, скандалисты были в сущности небольшою группой - говорят, всего человек тридцать; но они хорошо организовались. Мы их встречали повсюду, от Майл-Энда на востоке до Ноттинг-Хилла на западе. Тридцать крикунов - огромная сила, когда противная сторона полицию вызвать не хочет, а сама заняться избиением (количественно мы бы могли уже и тогда провести эту операцию с полным успехом) не решается, чтобы не подорвать морального престижа своей пропаганды. Мы созывали все новые и новые собрания, издавали свою газету ("сам" г. Чичерин признал в какой-то корреспонденции, которая была напечатана в Париже, что в литературном отношении газета редактировалась хорошо), но результат, в сущности, обнаружился уже с первой недели: провал.

Из всех воспоминаний моей жизни этот месяц, вероятно, самое тяжелое — хочется даже сказать: отвратительное. Но справедливость требует признать, что во всем этом меньше всего, может быть, виновата была сама подлинная уайтчеплская масса. Она в подавляющем большинстве искренно хотела нас выслушать. Все, кто посерьезнее, и старые и молодые, уже тогда понимали, что создалось положение, из которого нужно найти выход положительный, что отыгаться вничью тут уже немислимо. Но как могли они верить в то, что путь, предлагавшийся нами, есть путь возможный? Со многих сторон, особенно же со стороны официально-сионистской (жалею, что приходится это сказать, но должен), им нашептывали на ухо, что мы только дурачим и себя и публику, что правительство никогда ни за что не согласится на особый полк и что вся затея, — как я и предупреждал Сэмюэла, - кончится подвохом. Со стороны правительства план наш явно не имел никакой поддержки. Ясно, что на такой почве подозрительности и сомнений уже не трудно было шайке хулиганов создать настроение паники, запугивать каждого, кто

пытался серьезно вдуматься в наши проекты, что он предатель, что он помогает заманить своих братьев "не в Палестину, а в Верден".

Надо и то признать, однако, что у этого маленького хора оказался первоклассный дирижер: рука, незримо для нас размахивавшая палочкой, принадлежала тому самому приятелю м-ра Кинга, м-ру Чичерину.

Продержавшись четыре недели, мы решили прекратить кампанию и закрыть газету. Гроссман уехал обратно в Копенгаген. А я дал себе святой зарок: в следующий раз (ибо мы еще увидимся) кампания наша будет проведена в образцовом порядке, во сколько бы это ни обошлось разбитых голов, — и м-р Чичерин будет тогда сидеть спокойно и не вмешиваться в наши дела.

* * *

И ровно через месяц после этого, кажется, величайшего из всех моих провалов, вдруг сам собою выстроился тот краеугольный камень, на котором суждено было впоследствии укрепиться еврейскому легиону.

Трумпельдор, поселившийся неподалеку от меня в Челси, пришел ко мне однажды утром и показал записку: "мы вчера приехали, находимся в казармах по такой-то улице. Нас 120 человек. Приходите. Нисель Розенберг". - Кто такой Нисель Розенберг? — А вы его не помните из Габбари? Он был там один из лучших работников, а у меня в отряде — один из лучших сержантов.

Эти сто двадцать бывших солдат александрийского отряда опять записались в армию. Из Александрии их доставили в Лондон. Ехали они с приключениями, где-то близ Крита напоролась на мину и спаслись вплавь, но доехали. Когда мы к ним пришли, оказалось, что у них одна главная забота: определяют ли их всех в один и тот же батальон или разбросают по разным лагерям. Непосредственное начальство в той казарме, сразу невзлюбившее экзотическую компанию, напугало их предсказанием, что несомненно разбросают.

— Надо взять за бока Патерсона, чтобы он взял за бока Эмери, — сказал Трумпельдор.

Патерсон к тому времени командовал базой ирландского полка в Портобелло-Барракс, в Дублине; капитан Эмери имел уже свой кабинет в секретариате у Ллойд Джорджа. Обоих "взяли за бока", и через два дня получилось сообщение, что все александрийцы, за исключением тех, которые при медицинской проверке окажутся негодными для строевой службы, будут скопом отправлены в 20-й Лондонский батальон, лагерная база которого находится под Винчестером; и больше того — там из них будет образована особая рота.

Эмери сказал, как всегда глядя в пол и скупое цедя слова и как всегда к делу:

— Это, пожалуй, и есть то ядро, которого нам не доставало. Теперь надо только уметь использовать этот факт. Настроение в пользу вашего плана имеется и в правительстве, и в обществе. Смотрите, чтобы ядро оказалось прочным. Все, пожалуй, зависит от этого. Он был прав: настроение к тому времени уже явно клонило в сторону нашего проекта. Уже несколько месяцев шла канцелярская переписка о еврейском легионе между военным министерством, министерством иностранных дел, секретариатом Ллойд Джорджа, русским посольством; и почти всю переписку эту ведали убежденные друзья нашего дела: капитан Эмери, сэр Рональд Грэхем, К. Д. Набоков. М-р Кинг, из Савла ставший Павлом, свел меня с редакцией одного из важнейших либеральных органов Англии — "The Nation." Там помещено было пространное мое письмо с обоснованием, почему как раз радикальные круги британского общества должны, в интересах либеральной традиции, поддержать идею легиона. Х. Е. Вейцман познакомил меня с Ч. П. Скоттом, редактором газеты "Manchester Guardian". Эта газета, как известно, занимает в Англии то же положение, какое принадлежало в русской печати "Русским Ведомостям"; а сам м-р Скотт, старик с обликом патриарха и глазами юноши, считался тогда - если не ошибаюсь, считается и по сей день — самой выдающейся фигурой в журнальном мире страны. Ллойд Джордж признавал его своим учителем, и потому передовицы манчестерской газеты имели в то время особенный вес. Одна из этих передовиц была посвящена плану легиона.

Но еще важнее была для нас поддержка "Таймса". Лорд Нортклиф был в то время в апогее своей власти: слово "Таймса" считалось окончательным приговором. Но главным редактором всемогущей газеты был тот самый Генри Уикхем Сид, к которому Сеньобос в Париже дал мне когда-то рекомендательную карточку. Я предъявил эту карточку и познакомился с г. Сидом еще весной того года. Сидом кто-то назвал умнейшим из англичан. Поскольку я встречался с англичанами, думаю, что это похоже на правду. Это человек исключительно широкой культуры; половину своей жизни он провел в разных странах Европы.

Однажды я пришел к нему и сказал:

— Теперь настал момент для выстрела из большой пушки: нужна статья в "Таймсе".

— Напишите письмо в редакцию, - ответил он, — а я дам передовицу.

Когда появился этот номер газеты, в ресторане подошел ко мне один из самых свирепых наших ругателей, кисло улыбнулся и сказал:

— Ваше дело в шляпе: "Таймс" высказался...

Эмери был прав: все теперь зависело от маленькой "экзотической" роты в 20-м Лондонском батальоне. Это корень; если он уцелеет — вырастет дерево; если сгниет — пропало.

Я поехал в Винчестер. Местность Хэзлей-Даун, где находился лагерь, была в четырех милях от города. Лагерем командовал подполковник Эштон Паунол (теперь он консервативный член палаты общины), учтивый, мягкий, несколько застенчивый джентльмен в пенсне. Я спросил его:

— Примете меня рядовым — с тем, чтобы я попал в вашу пятую роту? ("E" Company — так они назывались официально.)

— Милости просим, — сказал он и пригласил меня к завтраку в офицерской столовой. Потом я об этом жалел: очень неприятно было стоять навтыжку перед молодыми людьми, с которыми я месяц тому назад обменивался анекдотами за кружкой пива.

* * *

Трумпельдор в то время хлопотал о зачислении в армию — конечно, в офицерском чине, хотя бы подпоручиком; отказ еще не получился, и оба мы были вновь полны надежд.

После поездки в Винчестер мы зашли к Эмери рассказать про "пятую роту". Он выслушал, помолчал, посмотрел в пол и сказал: — Мне кажется, что теперь полезно было бы подать премьеру обстоятельную докладную записку о вашем плане с указанием, что в Винчестере имеется ядро. Если хотите, можете подать через меня.

Мы отсидели три вечера за составлением записки; Эмери просмотрел ее, указал нужные поправки, и накануне моего превращения в солдата, пока еще я был свободным гражданином из-за границы (кажется 21-го января 1917 года), мы с Трумпельдором подписали этот документ, которому суждено было вскоре очутиться на столе тайных заседаний военного кабинета.

Еще одну рукопись успел я сдать по назначению накануне того, как лишился права высказывать печатно свои мысли на военные темы: это была книга "Турция и война", которую я написал для издательства Фишер Унвин. В ней развивались три основные мысли: первая - Турция должна быть разделена, в этом весь смысл войны и главное средство против будущих войн; вторая - Палестина должна войти в сферу британского влияния; третья - главный фронт войны есть фронт восточный.

Прямо от издателя я поехал в рекрутское бюро, принес присягу и получил "королевский шиллинг" — точнее, два шиллинга и шесть пенсов — в счет моего солдатского жалования.

* * *

Я упомянул имя Г. У. Стида - его заслуги перед сионизмом дают ему право на более подробное знакомство читателя. Не только в истории легиона, но и в истории Декларации Бальфура он сыграл исключительно важную роль. За месяц перед 2-м ноября 1917 г., когда ассимиляторы — кажется, все с тем же неугомонным лордом Суэтлингом опять во главе - делали ряд последних усилий, чтобы предостеречь правительство от сионистского шага, Сид ответил им уничтожающей передовой статьей, и это их и прикончило. "Таймс" высказался...

Еще молодым человеком, лет 30 назад, Сид был корреспондентом того же "Таймса" в Вене. Там он и познакомился с Герцлем, и скоро они стали друзьями. Он понял и Герцля, и сионизм, как редко понимают христиане: внутреннюю, утонченно-эстетическую и этическую сторону движения, отвратительность самоотречения: все это ему было так же ясно, как и реальная тоска о государственной самобытности. И, конечно, как бывает с каждым неевреем, который "слишком" вглядывается в еврейскую душу, многие из соплеменников наших считали и считают его "антисемитом". Признаюсь, я никогда не понимал этой привычки нашей — усматривать Гамана нечестивого в каждом арийце, который позволит себе рассказать еврейский анекдот, причем его анекдот еще похож на ласку в сравнении с тем, что мы сами о себе рассказываем. Сид говорил о евреях так точно, как говорил бы о них сионист; называл ассимиляцию подделкой; верил в силу еврейского народа (в его книге "Монархия Габсбургов" глава о народностях старой Австрии начинается фразой: "важнейшая из них — еврейская национальность"); о Герцле он умел говорить с трогательной и почтительной серьезностью. Свою дружбу он доказал реальными и важными услугами в самый ответственный момент нашей новой истории. Говорят, в последнее время он напечатал в своем журнале (теперь он давно ушел из "Таймса" и редактирует ежемесячную "Review of Reviews") несколько весьма критических статей о евреях. Возможно; я не читал; но охотно ему разрешаю. Сид заслужил, право говорить с нами, как ему угодно.

* * *

О казарменных моих переживаниях подробно рассказывать не стоит: служил рядовым, как все рядовые, только без той молодости и ловкости, что полагаются рядовому. В первые дни, пока у меня еще ломило предплечья от антитифозной прививки, подметал полы в нашем бараке и мыл столы в столовой у сержантов. Сержант Блитштейн из нашей роты сказал мне: "Отлично вымыли. Сержанты даже хотят просить полковника, чтобы вас вообще назначили на эту должность при нашей столовой". Этот Блитштейн, русский еврей, Бог весть как попавший на полицейскую службу в Александрии, охранял когда-то порядок у нас при беженском бараке в Габбаре; большой остряк и вообще славный малый, из

породы добродушных и циничных толстяков. Однако на ту должность меня не назначили, а наоборот - скоро перевели в команду для подготовки унтеров, конечно, не за мои таланты, а исключительно по любезности полковника.

Зато интересны были мои товарищи по "пятой роте". В начале этих записок я рассказывал о Габбари и о пестроте тамошнего состава. Здесь было меньше народу, но не меньше разнообразия. Большинство, конечно, уроженцы России, в том числе три или четыре субботника чисто русской крови, — по-еврейски "геры", как полагается, белокурые и синеглазые, притом с очень чистым произношением по-древнееврейски — по-русски зато уже говорили с акцентом. Один из них, Матвеев, добрался до Палестины всего за несколько дней до войны: пришел пешком из Астрахани в Иерусалим прямо через Месопотамию; в субботние вечера он очень серьезно напивался, совсем по-волжскому, и тогда ложился в углу на свою койку и в голос читал псалмы Давидовы в оригинале из старого молитвенника. Еще там было семь грузинских евреев, все с очень длинными именами, кончавшимися на "швили". Забавно было слышать, как английские сержанты ломали себе над ними языки по утрам во время переключки: "Паникомошиашвили!" — "Есть!". Это были семеро молодцов как на подбор, высокие, стройные, с правильными чертами лица, и первые силачи на весь батальон. Я их очень полюбил за спокойную повадку, за скромность, за уважение к самим себе, к соседу, к человеку постарше. Один из них непременно хотел отнять у меня веник, когда меня назначали мести. Другой, Сепиашвили, впоследствии первый в нашем легионе получил медаль за храбрость. Кроме того, были среди нас египетские уроженцы, с которыми можно было мне сговориться только по-итальянски или по-французски. Два дагестанских еврея и один крымчак поверяли друг другу свои тайны по-татарски. А был там один, по имени Девикалогло, настоящий православный грек, неведомо как попавший к нам, и с ним я уже, никак не мог сговориться: если бы сложить нас обоих вместе, то знали мы вдвоем десять языков — только все разные.

Не все они остались с нами до конца. О доброй половине я вообще не знаю, что привело их в казарму. Может быть, консул заставил, или голод, или страсть к приключениям, или вообще шальная атмосфера военного времени, когда шагаешь и не отдаешь себе отчета, куда. К Палестине у этой части, во всяком случае, никакого касательства не было. От них мы скоро избавились: раздали их в рабочие батальоны, в обоз, некоторых просто отпустили на свободу, других вернули в Александрию. К началу весны осталось всего человек 60, зато настоящих. Это не значит, чтобы с ними не было у нас забот. Забот было много, особенно много стало с того момента, когда из России пришли вести о первой революции, а у нас тут все еще не было еврейского легиона. Помню утро, когда 20 человек вдруг отказались выйти на учение и предъявили ультиматум - а на военном языке это значит бунт. Два дня бился я с ними, изоощряя все свои дипломатические способности; если бы не бесконечный такт полковника Паунола, дело бы кончилось катастрофой,

военным судом и, может быть, распадом всего моего "ядра". Полковник понял положение и пошел на уступки, вероятно, совершенно беспримерные в истории английской армии. С его разрешения забастовщики наши выбрали делегата, и я повез его в Лондон к К.Д.Набокову: граф Бенкендорф тогда уже умер, и Набоков был исправляющим должность посла. Понял положение и он: принял моего делегата с обворожительной любезностью, уверил его, что, насколько известно посольству, образование легиона предстоит в ближайшем времени, а что касается до свободной России, то она требует от этих граждан своих одного — довести до конца героическую борьбу за идеал, которую они так блестяще начали в Галлиполи.

А все-таки, несмотря на это приключение и на много других загвоздок, эти были "настоящие". 60 человек никак не могли считаться ротой, и нас разжаловали в простой чин взвода. Но этот "шестнадцатый взвод" действительно сыграл роль ядра. Не только в том смысле, что вокруг него и создался весь легион, но и в том смысле, что в самом легионе они потом играли роль ветеранов, позвоночного столба и железной скрепы.

* * *

Из казармы я продолжал переписку с Эмери и Грэхемом. Докладная записка наша с Трумпельдором была подана премьеру, ее уже обсуждали в заседании военного кабинета; и кабинет предложил военному министру "обсудить детали плана с авторами докладной записки".

Это было незадолго до нашей Пасхи. Я находился в отпуску в Лондоне, жил там на старой своей квартире в Челси, и туда мне раз доставили от руки написанное письмо генерала Вудворда, бывшего тогда директором организационного отдела при военном министерстве. Генерал просил меня пожаловать в министерство сегодня же в 2 часа на свидание с министром лордом Дарби. По первому слову письма - сэр — и по всему его содержанию я понял одно: ни генералу, ни министру неизвестно, что "сэр" этот состоит теперь рядовым одного из пехотных батальонов британской армии. Мы устроили с Трумпельдором военный совет. Как тут быть? Увидев на мне солдатскую фуражку, не испугаются ли министр и генерал такой беспримерной неслыханности, как политическое совещание между главой военного министерства и рядовым пехотинцем? Я готов был просить Трумпельдора заменить меня, но он не доверял своему английскому красноречию. В конце концов мы решили ехать вдвоем. Ровно в два часа, у дверей кабинета директора организации в военном министерстве, я передал ординарцу генерала Вудворда наши визитные карточки. Нас сейчас же пригласили войти. Я собрался с духом, выпятил грудь, маршем вступил в кабинет, как полагается, с фуражкой на голове, вытянулся, отдал честь и представил Трумпельдора и себя.

Должен сделать генералу комплимент: хотя лицо его выразило совершенно

гомерическую степень изумления, на словах этого он не показал. Он сказал: "Oh, yes... я доложу министру", — и вышел, не глядя на нас. Зато у министра он просидел больше пяти минут. Трумпельдор подмигнул и пробормотал: — У них тоже военный совет. Наконец вышел из того кабинета секретарь и пригласил нас в кабинет. Тут уже я, слава Богу, мог снять фуражку: лорд Дарби — штатский, стоять навытяжку необязательно.

Министр оказался высоким, широким барином, в теле, классического, хотя в жизни теперь очень редкого, джонбулевского типа, с полнокровным лицом; говорил он с акцентом, который в Англии называют помещичьим, т.е. произносил окончание "ng" просто как "n" — speakin', writin'. У простонародия это считается недостатком, но для лорда это, говорят, шик. Впрочем, очень милый, веселый и приветливый господин.

Мы уселись; генерал сидел в углу и молчал.

- Премьер-министр поручил мне, — сказал лорд Дарби, - расспросить вас о подробностях вашего плана еврейской боевой единицы.

Я рассказал: слава Богу, знал эту премудрость уже наизусть и со сна мог бы ее изложить без запинки.

— I see, - ответил министр. — Теперь другой вопрос. Считаете ли вы, что создание такого контингента послужит серьезным толчком к большому притоку волонтеров?

Ответил ему Трумпельдор с настоящей солдатской точностью:

— Если это просто будет полк из евреев — пожалуй. Если это будет полк для Палестины — тогда очень. А если вместе с этим появится правительственная декларация в пользу сионизма — тогда чрезвычайно.

Лорд Дарби мило улыбнулся и сказал:

— Я - только военный министр.

Трумпельдор мило улыбнулся и сказал:

— Я только отвечаю на ваш вопрос.

— I see. Теперь третий вопрос: я слышал, что в 20-м Лондонском батальоне есть группа солдат-сионистов, из бывших чинов Zion Mule Corps.

— Так точно, 16-й взвод, — сказал я, — там я и служу; а капитан Трумпельдор командовал ими в Галлиполи.

Министр и генерал переглянулись и тут только присмотрелись к солдатскому обличению Трумпельдора и к его неподвижной левой руке; потом Дарби слегка наклонил голову в знак молчаливого признания, а генерал еще больше

выпрямился на своем стуле в углу.

— Что же, по-вашему, полезнее, — продолжал министр, — сделать из этого взвода группу инструкторов для будущего еврейского полка или послать их в распоряжение сэра Арчибальда Маррэя в качестве проводников для предстоящих операций на юге Палестины?

(В то время английские войска уже перешли Синайскую пустыню; генерал Маррэй (Murrey), тогдашний главнокомандующий египетской армией, стоял недалеко от Газы.) Трумпельдор сказал:

— Насколько я знаю своих бывших солдат, в проводники они вряд ли годятся. Генерал Маррэй легко найдет гораздо лучших знатоков страны. А для роли инструкторов они вполне подходят.

— Но ведь в Галлиполи они служили в транспорте, — вмешался генерал, — а полк предполагается пехотный.

— Полковник Паунол, - сказал я, — очень доволен их успехами в строю, в службе и в штыковом бою; а кроме того, все вместе они говорят на четырнадцати языках, и это понадобится.

— В жизни не предполагал, — рассмеялся министр, — что есть на свете целых четырнадцать языков.

Рассмеялся и Трумпельдор. Мне при генерале смеяться не полагалось, и я доложил очень серьезно:

— Так точно, милорд, есть — а чтобы сговориться с евреями, и этого недостаточно.

— Ладно, — сказал министр. — Очень вам благодарен, господа. Относительно имени нового полка, полковой кокарды и всего прочего сговорится с вами генерал Геддес, директор отдела вербовки. Он вас вызовет. Мы откланялись и ушли.

На следующее утро, когда я, вернувшись в лагерь, рассказал об этом свидании полковнику Паунолу, он отметил тут неслыханное нарушение всех традиций британского военного министерства. Он высказал готовность дать руку на отсечение, что с тех пор, как существует английская армия, еще никогда не бывало такого происшествия с рядовым.

Но не хотят бессмертные боги, чтобы возгордился человек, даже после побитого рекорда. Мне об этом в то же утро очень нелюбезно напомнила действительность. Помню, солдаты ушли на учение, а я остался в бараке, потому что за мной числился еще день отпуска. Как раз накануне, в мое отсутствие, получились первые экземпляры той самой книги моей "Турция и война", где, как дважды два четыре, было доказано, как и почему надо Турцию разделить и кому что достанется; страшно мне понравился красный коленкоровый переплет, и я даже погладил его, словно мать головку первого ребенка, и размышлялся чрезвычайно оптимистически о судьбе этого детища, о влиянии, которое книга обязательно окажет на военных специалистов, посрамив окончательно "западную" школу Китченера и утвердив победу "восточной" школы Ллойд Джорджа... Вдруг в барак влетел, в предшествовании запыхавшегося сержанта, юный рыжий подпоручик: дежурный офицер на утренней ревизии. Я встал. Он орлиным оком окинул окна, почему-то закрытые, нахмурился и сказал:

— Эй вы там, рядовой в очках, - открыть!

— Которое, сэр? - спросил я.

Все, болван этакий (you bloody fool), — изрек он и проследовал дальше.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Победа.

Кап. Эмери был неутомим: раза два в неделю, не реже, приходил за мною вестовой на плац-парад учебной команды с распоряжением ехать в город. В батальоне это мне создало репутацию не то комической фигуры, не то просто недоразумения. Английские сержанты постепенно перестали принимать меня всерьез в качестве солдата. Когда я, грозно рыча по приказу, налетал на соломенный мешок, изображавший немца, и попадал ему штыком вместо сердца в желудок, сержант говорил: "Для Уайтхола - недурно".

В конце концов, произвели меня в чин, который я и перевести не умею: по-английски unpaid Lance-Sergeant, т.е. вроде сержанта, но не совсем, и с жалованьем не сержантским, а всего лишь капральским. Добрый знакомый мой, заведывающий винной лавкой общества Кармель в Лондоне, прислал мне десять бутылок палестинского вина, и я "поставил" их сержантам в первый мой вечер в их столовой - той самой столовой, где когда-то мыл столы с таким успехом. К сожалению, преемник мой по этой гигиенической должности далеко не стоял на той же высоте.

Из более важных свиданий и встреч того времени отмечу здесь только одно.

Ген. Смутс, премьер Южной Африки, приехал тогда в Лондон участвовать в заседаниях военного кабинета. Он играл в то время большую роль: конечно, не столько ради реального веса той военной помощи, какую могла оказать Англии небольшая колония, сколько из-за самой его личности. Как и ген. Бота, за двадцать лет до того Смутс был одним из опаснейших противников Англии на полях бурской войны. Поэтому теперешний его британский патриотизм имел нравственную ценность манифестации во славу государственного строя

Британской Империи. К тому же и сам он - человек высокообразованный, воспитанник университетов Голландии, Гейдельберга, Кэмбриджа, интересный писатель и мыслитель. Он - сионист того же типа, что Бальфур или Роберт Сесиль: искренно считает, что декларация Бальфура есть, быть может, лучшее из всех достижений мировой войны. — Его приезд дал окончательный перевес в военном кабинете сторонникам сионизма над противниками (во главе противников стоял, конечно, еврей, покойный Эдвин Монтэгью). Смутсу было тогда на вид не больше сорока лет, хотя он был, конечно, старше. Производил он впечатление хорошо воспитанного, в обращении простого интеллигента - не английского, а континентального типа; по-английски говорил с акцентом, особенно с гортанным голландским "р".

Он расспросил меня обо всех подробностях плана. Несколько фраз его сохранились у меня в письмах, которые я посылал домой в Петербург. Одна о легионе:

— Это - одна из самых красивых мыслей, с какими довелось мне сталкиваться в жизни: чтобы евреи сами бились за землю Израиля.

Две другие о России, о которой к концу беседы он много расспрашивал. В то время уже было известно, что и армия, и государственный порядок быстро идут к распаду.

— Россия, может быть, и падет, и немцы думают, будто это им поможет: но Самсон больше врагов погубил в час своей смерти, чем за целую жизнь.

— Керенский — святой человек. Но он адвокат: он думает, будто мир есть судебная палата, где побеждает тот, у кого лучшие аргументы. Вот он и аргументирует; а его противники копят динамит.

По распоряжению военного министра вызвал меня к себе директор отдела вербовки ген. Геддес (впоследствии британский посол в Вашингтоне). Мы вместе выработали, что полк будет называться коротко и ясно: The Jewish Regiment. Форма будет обычная, только вместо фуражки — колониальная шляпа, вроде как у бой-скаутов. Кокарда — семисвечник ("менора") с еврейской надписью "Кадима" — это значит и "вперед", и "на восток".

— А кого вы бы хотели командиром? — спросил генерал. — Есть у вас в виду кандидат еврей?

Трудный вопрос. В кармане у меня лежало письмо Патерсона из Дублина. "... По моему глубокому убеждению, вам нужен полковник еврей. Я был бы счастлив опять вести в огонь еврейских солдат: но и справедливость, и интересы нашего дела требуют, чтобы честь эта досталась еврею".

Правильно — только где такого найти? В ассимиляторском окружении майора

Лайонеля Ротшильда можно было найти человека с подходящим чином — но уж очень я разборчив в применении титула “еврей”. Изо всей этой компании один только офицер отнесся к нашему делу сразу “по-еврейски” — звали его майор Шенфильд, и он, насколько мог, был нам полезен в первое время моей работы. Джэмс Ротшильд тогда уже перешел из французской армии в канадскую, но он еще был поручик. Л.М. Марголин, тот австралийский поручик, о котором я упоминал в рассказе о Габбари и о котором часто с тех пор думал, был уже, правда, майором, но он стоял где-то во Фландрии со своими австралийцами и не согласился бы уйти с фронта. О полковнике Ф.Сэмюэле я тогда еще не слышал. Но, при всем уважении к упомянутым именам, я и теперь думаю, как думал тогда, что историческую честь эту честно заслужил другой: тот, кто не постыдился стать во главе еврейских “погонщиков” и сумел сделать из них боевую единицу, при упоминании которой военный министр наклоняет голову; тот, кто и в госпитале думал о нас и продолжал нам помогать, составляя книгу, которая потом много нашумела — “Сионистами в Галлиполи”; тот, который поверил в нас с первого момента, когда еще все над нами смеялись.

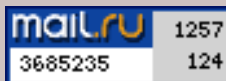
Я сказал:

— Есть один только кандидат: хоть он не еврей, но полковником нашим должен быть он, и надеюсь, он будет еще нашим генералом: Патерсон...

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Зигзаги государственной мудрости.

Ассимиляторы формально объявили войну. Они отправили к военному министру целое посольство, с лордом Суэтлингом, Лайонелем Ротшильдом и присными. Цель у них была совершенно ясная, и дело шло не только о легионе. Они уже знали, что правительство собирается обнародовать какую-то декларацию в смысле поддержки сионизма: всеми силами они старались этому помешать и логически рассудили, что еврейский корпус на Палестинском фронте, с их точки зрения, еще гораздо опаснее, чем простая декларация на бумаге. Они потребовали от военного министра, чтобы вообще еврейский полк был раскассирован; иностранных евреев, конечно, следует забрать, но распределить по общим батальонам и послать туда, куда посылают большинство солдат, а никак не в Палестину.

— Вот что я могу для вас сделать, - сказал лорд Дарби. — Распределить их по другим батальонам не могу, это дело решенное, но решение о том, чтоб их полк назывался "еврейским" — мы пересмотрим. Он будет носить одно из обычных полковых имен. Будет во всех отношениях рассматриваться как обыкновенный британский полк, и пошлют его туда, куда решат послать. Через полчаса нам эту новость сообщили в бюро. Еще через час мы ответили контрмобилизацией.

Патерсон, рискуя военным судом, отправил резкое письмо генерал-адъютанту (в Англии это — высший военный шеф военного министерства, главное лицо после министра). Патерсон заявил в этом письме, что в ответе Дарби еврейским плутократам видит измену, нарушение слова и обман еврейских рекрут (у него тогда уже было несколько сот солдат в новом нашем лагере близ Портсмута); что

все это — стыд и позор для доброго имени Англии, и поэтому он просит освободить его от командования.

Х.Е. Вейцман и майор Эмери отправились к лорду Мильнеру, в то время члену военного кабинета, и высказали ему горькую жалобу на уступчивость военного министра. Мильнер, сам глубоко возмущенный, в тот же день устроил себе свидание с Дарби — и получил согласие этого добрейшего государственного деятеля на то, чтобы через неделю представилась ему “контрдепутация”, которая предъявит обратные требования и которой он, лорд Дарби, тоже предложит компромисс.

А я вспомнил свое старое кредо: правящая каста мира сего — журналисты. Я поехал в редакцию “Таймса” к м-ру Стиду. Что я ему сказал, не помню; но его ответ у меня записан в подлинной форме, коротко и ясно:

— Завтра “Таймс” скажет военному министерству, чтобы оно не валяло дурака (not to play the fool).

— Но Патерсон не хочет оставаться, — сказал я, — я без него не могу работать.

— “Таймс” посоветует ему остаться.

На следующее утро в “Таймсе” появилась его передовица. Мне говорили, что такой головомойки военное министерство не получало за все время войны. “Таймс” высмеивал бюрократию, готовую считаться с дюжиной тузов, за которыми, кроме их собственной гостиной, никого нет, и ради них пренебрегать идеализмом многомиллионной массы, симпатии которой кое-что значат в мировом учете. Если нужна уступка, переименуйте имя: вместо “еврейского” назовите полк “маккавейским”; но еврейский характер полка и его специальное назначение должны быть сохранены. “И мы надеемся, что полк. Патерсон, негодование которого мы вполне понимаем, изменит свое решение и возьмет назад свою отставку”.

После этого выступления газеты-громовержца все остальное уже было сравнительно легко. Лорд Дарби принял вторую делегацию и сказал им, что за полком сохранен будет еврейский характер и что нет никаких причин опасаться отправки его не на тот фронт, какой предполагался с самого начала; и вообще все будет в порядке. Но в одном отношении правы, по его мнению, джентльмены из первой депутации: звание “еврейский полк” есть почетный титул, и вряд ли уместно сразу давать его контингенту, который еще не успел показать себя на поле битвы. Титул этот нужно прежде заслужить; он, министр, обещает, что немедленно после того, как еврейские солдаты с честью проявят себя на фронте, полк получит и еврейское имя и еврейскую кокарду. Покамест же решено дать им другое имя, тоже почетное — тридцать восьмой батальон королевских стрелков (Royal Fusiliers).

Это обещание он сдержал. После занятия Заиордания мы официально получили название "Judaean Regiment" и менору с надписью "кадима". Но и до того, еще тут же, в Лондоне, нам разрешили прибить над воротами нашего центрального депо на Чинис-стрит (дом, куда отправляли рекрут до посылки в Портсмут) вывеску с древнееврейской надписью: "Гедуд ламед-хет ле-Каллаэ га-Мелех". В печати и даже в официальной переписке нас по-прежнему называли "Jewish Regiment". На фронте офицеры и солдаты наши носили на левом рукаве значок щита Давидова: в одном батальоне красный, в другом — синий, в третьем — фиолетовый. Был у нас и "падрэ" — так в английской армии величают полковое духовенство — раввин Фальк, горячий молодой мизрахист и смелый человек под огнем. А злосчастному полк. Патерсону пришлось изучить все тонкости ритуального убоя: он вел переговоры с военным министерством и с портсмутскими мясниками о кашерном мясе, о передних и задних четвертях и жилах и сухожилиях... дальше перечислять не решаюсь, так как я этих правил не знаю; но он знает.

Для меня лично ассимиляторское посольство имело серьезные последствия. Кто-то из членов делегации оказал мне, по-видимому, честь особо протестовать против моей преднаборной пропаганды.

Дело в том, что сотрудники мои изготовили брошюру на идиш — об идее и задачах легиона. Так как закон о конскрипции давал каждому рекруту выбор — служить здесь или ехать на службу в новую свободную Россию, — то в брошюре было несколько страниц о том, что служба на русском фронте тоже не забава.

Брошюра была отпечатана за счет департамента. Департамент выдал мне список тридцати пяти тысяч адресов иностранцев призывного возраста в Англии и Шотландии. (Кстати, еще одна иллюстрация безалаберности: в этом списке людей, не пошедших на службу, я нашел свое имя и адрес...). Кроме того, департамент дал мне 35.000 конвертов со штемпелем "ОНМ5" ("на службе Его Величества") и десять хромых солдат для писания адресов.

На утро после приема ассимиляторской делегации у лорда Дарби я получил по телефону распоряжение явиться сейчас же в кабинет генерал-адъютанта. По совпадению, это оказался тот же кабинет, где принимал нас с Трумпельдором ген. Вудворт. Опять я вошел церемониально, выпятив грудь и с шапкой на голове. Там уже был Патерсон — тоже в шапке; за столом сидел сам генерал-адъютант, сэра Невилль Мэкриди, тоже в шапке. Все это имело очень официальный вид и пахло неприятностями.

— Знаком ли вам этот текст? — спросил генерал и протянул ко мне толстую английскую рукопись. Я просмотрел начало.

— Первые строки, сэр, — сказал я, — похожи на брошюру на идиш, которую мы разослали иностранцам, подлежащим воинской повинности; перевод скверный, сэр.

— А я слышал, что русское посольство глубоко возмущено, — заявил он, — брошюра полна резких выпадов против русской армии.

— Значит, сэр, перевод не только скверный, а хуже. В оригинале таких выпалов нет. А посла Набокова я видел и вчера и третьего дня, говорил с ним как раз о моей пропаганде, и он даже не заикнулся об этой брошюре. Не угодно ли вам, сэр, вызвать его сейчас же — телефон Виктория, номер такой-то.

Он начал сердиться.

— Кто вам, сержант, разрешил рассылать эту брошюру в официальных конвертах?

Мне следовало бы разинуть рот от изумления: помню, что от этого я воздержался, но боюсь, что глаза вытаращил. Что ответить на такой вопрос? Департамент, ему самому подчиненный, выдает мне список адресов, который считается государственной тайной, печатает за свой счет мою брошюру, дает мне 35.000 официальных конвертов, дает мне взвод переписчиков — и после всего этого он, хозяин военного министерства, спрашивает у меня, и.д. сержанта на капральском жаловании, кто это разрешил. Это уже не “руссише виртшафт”, а совсем чепуха какая то. Неужели может у них любой унтер, да еще приезжий, рассесться в любой комнате из дворцов Уайтхола и распоряжаться, приказывать, запрещать — может быть, даже отдать приказ, чтобы кончили войну? Счастье для них, что я “милитарист”...

Но сэр Невилль Мэкриди оказался все-таки умницей, не лишенным чувства юмора: так как я не имел права расхохотаться ему в лицо, то расхохотался он сам и обратился к Патерсону:

— Отправьте сержанта Ж. в лагерь в Портсмуте, а то он и совсем тут у нас все переделает по-своему. Надеюсь, что солдат из него выйдет менее неудобный, чем получился пропагандист.

Я отдал честь и вышел, а в коридоре остался ждать Патерсона. Через десять минут вышел и он.

— Сэр, — спросил я формально, — когда прикажете ехать в Портсмут?

— Ничего подобного, — ответил этот ирландец, который видал в жизни львов людоедов и потому простых генералов не боится, — у себя в батальоне я хозяин, и мне вас там не нужно. Оставайтесь в Лондоне и продолжайте в том же духе. Едем в депо, я вам подпишу приказ о командировке в Лондон. Из депо я поехал к Набокову.

— Константин Дмитриевич, правда ли, что посольство возмущено этой брошюрой?

— В жизни не видал и не слышал, — ответил он, перелистывая брошюру, конечно, слева направо и удивляясь, где же начало.

— Может быть, знает Е.А. Саблин, секретарь посольства?

Он вызвал секретаря: тот же ответ. К.Д. Набоков тут же подписал формальное заявление, что брошюра никому в посольстве не известна, секретарь приложил к ней посольскую печать: особой ленточкой они пришили это свидетельство к моей брошюре и даже ленточку припечатали сургучом. Я отвез этот пакет к майору Эмери, а он переслал его генерал-адъютанту, с препроводительным письмом, которого я не читал — но догадываюсь.

“Мэкриди” не английское имя: подозреваю, что сэр Невилль — тоже ирландец; во всяком случае, он к этому инциденту отнесся, как добрый малый, т.е. “забыл”. О том, что я остался в Лондоне, устраивая интервью с журналистами и произнося речи, он знал и писал об этом Патерсону, но, очевидно, ничего против этого не имел. Он остался добрым другом легиона: а резкое письмо Патерсона об отставке он сунул в карман и ответил полковнику: “не волнуйтесь, все будет all right”...

* * * * *

Та же компания и дальше старалась нам мешать. Генерал-адъютант разрешил евреям из других полков переводиться в наш батальон. Многие из них очень этого хотели, да и нам желательно было “подкрахмалить” своих новичков примесью опытных солдат. Вдруг оказалось, что полковые раввины на французском фронте откуда-то получили совет или приказ объяснять в своих проповедях, что стыдно английскому еврею служить в нашем батальоне. Меня уверяли, что инициатором был сам “реверенд” Майкслъ Адлер, главный раввин при армии и прямой начальник всех батальонных “падрэ”. Не знаю, так ли это. Бог с ним. Но мы ждали, что к нам переведутся тысячи, а перевелось всего несколько сот.

Приятно все-таки вспомнить, что нашлись у нас и друзья. Образовался комитет попечения о наших солдатах под председательством лорда Ротшильда; в нем главную роль играли жены руководящих лондонских сионистов. Организовали его

г-жа В.И. Вейцман и м-с Патерсон; остальных перечислить не могу, но всем спасибо. Это была совсем не шуточная работа: приходилось проводить в депо не только дни, но и ночи, когда привозили новую партию рекрут и надо было их кормить и поить. Начальником депо был сначала майор Нольс, друг Патерсона, а после него еврей — майор Шенфильд, тот самый единственный еврейский офицер в Лондоне, который с самого начала отнесся к нам по-человечески. Но лучше всего было то, что мне удалось разыскать Л.М. Марголина.

Его привезли раненого в один из лондонских госпиталей, и я к нему туда поехал. Я давно и много слышал о нем и от брата его в Петербурге М.М. Марголина, главного секретаря редакции обеих ефроновских энциклопедий, общей и еврейской, а еще больше — из легенд, которые мне еще за девять лет до того рассказывали о нем в Палестине. Семья переселилась туда еще в первые годы колонизации, когда Элиезер Марголин был ребенком. Поселились они в колонии Реховот. Мальчик выдвинулся и как колонист, и как удалец — “сидит на коне, как бедуин, и стреляет, как англичанин”, — говорили о нем окрестные арабы. После кризиса 90-х годов он уехал в Австралию, долго там скитался, кажется, и пахал, и копал, пока не осел где-то в городе и занялся деловыми делами. В то же время он записался в австралийскую территориальную милицию. Когда началась война, он уже был у них поручиком. Несколько месяцев он провел в Египте, потом попал во Фландрию и там в траншеях дослужился до майорского чина и должности помощника батальонного командира. Крупный, широкоплечий человек, молчаливый, солдат с головы до ног, у себя в батальоне и царь, и отец, и брат для своих boys; притом изумительный хозяин и организатор.

— Идем к нам, Лазарь Маркович.

— Боюсь. Евреев боюсь: с ними нужно разговаривать...

Но он к нам пришел. Генерал-адъютант помог уладить формальные трудности с переводом из австралийской армии в английскую (это, кстати, связано было со значительным понижением жалованья), и Марголин с чином подполковника стал начальником нашего второго батальона, на официальном языке — 39-го.

О том, как жили наши солдаты в лагере близ Портсмута, сам я ничего рассказать не могу. Я только раз там был и чувствовал себя как чужой. Полк. Патерсон познакомил меня со своими офицерами, но ему пришлось это сделать у себя в комнате, так как в офицерскую столовую он не имел права меня пригласить. В сержантской столовой я нашел старых друзей: Ричард Кармель был в чине батальонного сержант-мажора, и многие из моих приятелей по “16-му взводу” уже носили сержантские нашивки. Но все остальные меня стеснялись, и я их.

Поздно ночью, помню, я стоял один посреди большого двора, освещенного месяцем и снегом, и осматривался кругом со странным чувством. Низенькие

бараки со всех сторон, в каждом по сотне молодых людей — ведь это и есть тот самый еврейский легион, мечта, так дорого доставшаяся: и в конце концов я тут чужой, ничего не строю и не направляю. Совсем вроде сказки: дворец Аладину построили незримые духи. Кто такой Аладин? Никто, ничего: случай подарил ему старую заржавленную лампу, он хотел ее почистить, стал тереть тряпкой, вдруг явились духи и построили ему дворец; но теперь дворец готов: он стоит и будет стоять, и никому больше не нужен Аладин с его лампой. Я задумался и даже расфилософствовался. Может быть, все мы Аладины: каждый замысел есть волшебная лампа, одаренная силой вызывать зиждительных духов; надо только иметь терпение тереть и скрести ржавчину, пока — пока ты не станешь лишним. Может быть, в том и заключается настоящая победа, что победитель становится лишним.

С той ночи я стал лишним, и очень рад, что дальше можно будет писать этот рассказ, не так часто употребляя слово “я”. Не моя вина, что повесть о родовых муках легиона пестрела до сих пор этим неприятным местоимением через каждые пять строк или чаще; но, славу Богу, конец. На публичных митингах, особенно в Америке, меня иногда представляли публике, как того самого господина, который “шел во главе легиона”. Прошу отметить, что сего никогда не было и быть не могло. “Легион” состоял из 10 тысяч человек, из них 5 тысяч были фактически в Палестине; они составили три батальона, и во главе каждого из батальонов стоял полковник с большим военным опытом. В одном из этих батальонов, среди двадцати с чем-то лейтенантов, был поручиком и я и командовал взводом в 50 или 60 человек; да и то по особой милости. За два дня до отъезда батальона в Палестину меня произвели в офицеры с каким-то очень сложным обходом английской конституции. Я уже писал, что по конституции воспрещено давать фактические права офицеру-иностранцу. “Есть только два исключения, — дразнил меня Патерсон, — кайзер Вильгельм и вы; и его уже выкинули”. Не знаю, правда ли это; но точь в точь как кайзер Вильгельм ничего не значил в британской армии, так я ничего не значил в легионе. Ничего против этого не имею; так и должно было быть; когда был с пылком, я старался играть роль поручика прилично, все равно как прежде старался хорошо мыть столы в сержантской столовой под Винчестером: и я люблю оба воспоминания.

2 февраля 1918 года первый еврейский батальон с привинченными штыками промаршировал по главным улицам Лондона, включая Уайтчэпел. Солдат наших специально привезли из Портсмута и приняли с большими почестями. Ночевали они в Тоуэре, среди монументов шести столетий английской истории; самое право идти через Сити со штыками на дулах было привилегией — Сити сотни лет воевало за то, чтобы королевские солдаты не смели в нем показываться с привинченными штыками. На крыльце Мэншон Хауза, среди пышной свиты, стоял в своих средневековых одеждах лорд-мэр и принимал салют еврейского батальона. Комично: рядом с ним я вдруг увидел майора Р., одного из злейших

противников наших, члена той ассимиляторской делегации, — он стоял весьма гордо и победоносно, явно греясь на солнышке нашего успеха, раз не удалось ему помешать.

Из Сити батальон направился в Уайтчэпел. Там ждал нас тот самый генерал-адъютант сэр Невилль Мэкриди со своим штабом, и десятки тысяч народу на улицах, в окнах, на крышах. Бело-голубые флаги висели над каждой лавчонкой; женщины плакали на улицах от радости; старые бородачи кивали сивыми бородами и бормотали молитву “благословен давший нам дожить до сего дня”; Патерсон ехал верхом, улыбаясь и раскланиваясь, с розою в руке, которую бросила ему барышня с балкона, а он подхватил на лету; а солдаты, те самые портные, плечо к плечу, штыки в параллельном наклоне, как на чертеже, каждый шаг — словно один громовой удар, гордые, пьяные от гимнов и массового крика и от сознания мессианской роли, которой не было примера с тех пор, как Бар-Кохба в Бетаре бросился на острие своего меча, не зная, найдутся ли ему преемники...

Молодцы были эти портные из Уайтчэпеля и Сого, Манчестера и Лидса. Хорошие, настоящие “портные”. Подобрали на улице обрывки разорванной народной чести и сшили из них знамя, цельное, прекрасное и вечное.

На следующее утро мы выехали из Саутгемптона во Францию — Египет — Палестину.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Лагерь и штаб-квартира.

Десять дней подряд в вагонах, ползком через Францию и Италию; но это были не трудные дни. У солдат наших должно было получиться впечатление, что и Франция, и Италия нарочно устроены и распланированы для удобства британской армии. На каждой узловой станции, от Шербурга до Таранто, имелся английский "Ар-Ти-О" (начальник военных поездов), и он, очевидно, и был настоящим хозяином железной дороги; во всяком случае, так нам это казалось. На каждые вторые сутки мы попадали в этапный лагерь с английским управлением, врачами, сестрами, прислугой; каждый этап был похож на городок из барачных и палаточных столовых, аптекой, больницей, концертной эстрадой и даже "калабушем" - так наши солдаты, под влиянием александрийцев, привыкших к египетской терминологии, называли кутузку. У нас в батальоне образовался прекрасный оркестр с труппой из настоящих кафешантанских актеров — никто не подозревал до тех пор, сколь многим сцена мюзик-холла обязана Уайтчеплу. Этапные власти очень хвалили наши концерты; я могу только отметить, что в их репертуаре не было ни одной еврейской песни кроме Гатиквы, которую полковник заставлял исполнять стоя к концу каждого концерта.

Солдаты были очень весело настроены. Особенно помню один вечер, когда мы медленно ехали вдоль французской Ривьеры мимо Ниццы и Монако, уже в полном блеске тамошней весны. Ист-Энд, видимо, и не подозревал, что бывает на свете такая красота. Из всех окон длинного поезда неслись радостные крики.

Из 30-ти офицеров две трети были евреи, переведшиеся из других полков. Большинство из них мало слышали до тех пор о сионизме; в офицерской столовой после ужина завязывались иногда споры, напоминавшие добрую старую

"дискуссию" в Минске или Кишиневе. Нация ли евреи? Что такое национальность? Можно ли быть сионистом и английским патриотом? Пробовали и меня втянуть в прения, но я уже давно забыл, как "доказываются" такие теоремы. Честь эту я охотно предоставил более молодым "рекрутам" сионизма.

Горас Сэмюэл, статьи и рассказы которого печатались в толстых журналах (теперь он видный адвокат в Иерусалиме), прижав к стене долгоносого кап. Гарриса, главу полковых ассимиляторов, доказывал ему со своим ленивым оксфордским акцентом, что национальность есть "внутреннее настроение"; если тот не поддавался, Сэмюэл призывал на помощь адъютанта Ледли, типичного замороженного инглишмена, ставил их рядом и призывал мир во свидетели, что нельзя эти два экземпляра принять за сынов одной народности.

"Падре" Фальк, пламенный мизрахист, смело отстреливался от целого батальона лейтенантов, наседавших на него со всякими безбожными новшествами, например, что сионистское исповедание ничуть не связано с предпочтением кошерного мяса. Он стоял, как скала, на своем:

— Совсем и не в мясе тут дело, а в принципе: еврей вообще должен бороться против всех своих appetites, ограничивать и дисциплинировать себя на каждом шагу.

Кап. Дэвис, батальонный врач, заменивший у нас перед самым отъездом Редклифа Саламана, который был прикомандирован к батальону Марголина и остался пока в Лондоне, со смехом пожаловался:

— Понимаете, вдруг получаю приказ: изволь вспомнить, что ты еврей и ступай в крестоносцы, если можно так выразиться. Я теперь, значит, вроде как бы "сионист по набору".

И он тут же в поезде написал весьма вдохновенный "марш еврейского легиона", в стихах с рифмами, с энтузиазмом и национализмом и всем прочим, что полагается. Вышло недурно; новое подтверждение теории, что на второй день исчезает разница между конскриптом и добровольцем.

Лучший сионист изо всех был сам полковник. Его аргументы назывались: Эгуд, Гедеон, Девора и Варак, царь Давид, Армагеддон, луна в долине Айялонской...

Падре пытался даже доказать, что Патерсон не просто сионист, но мизрахист.

Правда то, что Патерсону удалось приладить наши отдыхи в этапных лагерях к субботам. По утрам батальон созывали тогда на парадное богослужение, в присутствии всех офицеров и солдат; посреди парада на высокой палке развевался бело-голубой флаг, падре читал Тору из настоящего свитка (подарок

портсмутской общины), а после его проповеди тот самый хор, что выступал с таким успехом в полковых концертах, исполнял Гатикву и английский гимн. Проповедовал он горячо, наивно и содержательно. Это был молодой человек очень начитанный в своей отрасли; ссылаясь на борьбу саддукеев с фарисеями, уважал ессеев, бранил эллинистов, хвалил зелотов, полемизировал с Вельгаузенем... очень приличный молодой человек был наш падре; теперь он раввинствует, кажется, в Австралии, в Сиднее, и я сердечно поздравляю его общину.

В Таранто, где нам пришлось целую неделю ждать конвоя японских миноносцев для переезда в Александрию, Патерсон пошел с падре в город к столяру и заказал маленький походный ковчег для свитка из какого-то очень дорогого дерева. С большим церемониалом на ближайшем субботнем параде уложил в него наш свиток, и полковник сказал солдатам совершенно серьезно:

— Теперь вам нечего бояться немецких подводных лодок, раз у нас на пароходе будет такой талисман. Транспорт нам дали великолепный, и в Александрию мы доехали без приключений и без непогоды.

* * *

Александрийская община встретила нас как родных. Снова увидел я старых друзей из времен Габбари: главного раввина Делла Пергола, барона и баронессу Менаше, Суареса, Пичотто. "Zion Mule Corps" был наш сын, а этот полк - наш внук", - говорили они. Они устроили в нашу честь торжественное богослужение в главной синагоге, с губернатором, генералами, консулами и мусульманскими нотаблями.

То же повторилось в Каире. Ген. Алленби уже тогда был со своей штаб-квартирой в Палестине, недалеко от колонии Беер-Яков; но верховный комиссар Египта, сэр Реджинальд Уиндхем, пропустил батальон пред собою церемониальным маршем, стоя у ворот дворца навтыяжку с рукой под козырек, когда оркестр играл Гатикву... Еще далеки были те настроения, что развились у английских властей через год или полтора, когда ген. Мони, военный администратор Палестины, в 1919 году, в Иерусалиме, в присутствии всех еврейских и английских и арабских нотаблей, отказался встать при звуках еврейского гимна.

Нам дали лагерь в местности Хельмия, недалеко от Каира; там мы и закончили обучение солдат. Было страшно жарко, работать можно было только до 9-ти утра и с 5-ти часов вечера. И почти еженедельно устраивался где-нибудь "бал" - то в городе в нашу честь, то у нас в лагере в честь каирской общины.

* * *

Кроме обычных обязанностей взводного мне досталась еще одна работа: все солдатские письма подлежали до отправки просмотру офицером. Я был единственный офицер, способный прочесть письмо еврейскими буквами. Заодно мне уж подсовывали вообще все письма, написанные не по-английски. Тут я в первый раз открыл тот факт, что у нас в батальоне оказалось несколько литвинов — не "литваков", а настоящих литвинов-католиков. Они работали в угольных копях где-то неподалеку от Глазго: когда пришлось идти служить, они попросились к нам. Я, конечно, ни слова не знал по-литовски, за исключением того, что Германия по-ихнему "Вокетия", а поляк называется "ленкас". Но если бы я отказался "цензурировать" их письма, то вообще лишил бы их возможности переписываться, ибо остальные офицеры в Египте, вероятно, даже и этих двух слов по-литовски не знали. Словом, я решил поставить на карту судьбу войны и победу союзников и стал подписывать "О. К." на литовских письмах. Одно я в них понял: изо всех наших солдат литвины были почти единственные, которые пытались описывать нашу дорогу, упоминали географические названия, говорили о специальных задачах полка, вообще единственные, которые интересовались вопросами "посторонними", вне круга личных дел: сужу об этом потому, что в их письмах были такие слова, как Ницца, Италия, "Эгиптас", даже "Иерозалимас", даже "сионизмас".

В еврейских письмах этого почти не было. "Дорога приятная". "Теснота в вагонах". "Слава Богу, море спокойное". А дальше следует самое главное: как дети? Прорезались ли уже зубки у Ханелэ? Прошла ли корь у Джо? Не тоскуй, дорогая. Провела ли ты уже газ на кухне? - Бесконечная нежность к своему дому - не к стране, не к городу, не к улице, а только к одной квартире... Мне вспоминалось талмудическое речение: "Дом его есть его жена". Кто знает: может быть, это и лучше патриотизма; может быть, это есть основа патриотизма. Может быть, если этим людям дать настоящий "дом", такой, где квартира, и улица, и город, и страна сплетены в одно целое, взаимно обусловленное как ступени одной и той же лестницы, где сломай одну — посыплются другие, то и получится психология зелотов Бар-Кохбы?

Часто мне почти совестно было так глубоко заглядывать в человеческие души. Зато я установил для себя правило - вынимать каждое письмо из конверта и вкладывать обратно, не глядя на адрес. Это было тем корректнее, что в этих письмах часто была крепкая брань по адресу самого цензора...

* * *

Мы ждали гостей. Почти накануне нашего отъезда из Англии пришла телеграмма из Нью-Йорка, подписанная: Брайнин, Бен-Цеви, Бен-Гурион. В ней кратко сообщалось об открытии в Америке широкой вербовки солдат для нашего полка. Греческое правительство тоже сообщило, что разрешит набор добровольцев в

Салониках. Из Буэнос-Айреса пришла телеграмма: "Британское согласие получено. Владимир Герман". В Египте тоже открылось рекрутское бюро.

Но самая отрадная весть получилась из Палестины. Как только поезд наш подошел к Каирскому вокзалу, ко мне подбежал молодой человек в хаки, правда, без кокарды.

— Зовут меня так-то, — представился он. — Специально прислан из Тель-Авива приветствовать легион от имени палестинских волонтеров. - И он мне впервые рассказал о большом движении в оккупированной части Палестины: в Иерусалиме, Тель-Авиве с Яффой, в колониях Иудеи; передал слухи что и в северной части Палестины, тогда еще занятой турками, молодежь сильно возбуждена; несколько человек даже пробрались через турецкие линии и пришли в пограничную Петах-Тикву с вопросом, где легион?

Однажды утром Патерсон мне сказал: — Уложите свой дорожный мешок — я получил пропуск для себя и для вас в Палестину.

Всю ночь в поезде оба мы не спали. Не потому, чтобы взволнован был я - взволнован был полковник. Нашему брату, перекати-полю, без почвы и традиций трудно представить себе, что значило для его протестантской души "переживать" такие имена, как Синайская пустыня, Газа, Иудея. Еще в детстве он по воскресеньям тихо сидел у огня, когда отец читал благоговейно притихшей семье очередную главу из английской Библии. Суэцкий канал? Для меня это тоже грандиозная вещь - в смысле инженерного достижения. Но для Патерсона это было личное воспоминание, кусок его собственного детства, отголосок первой из первых волшебных сказок, которым он научился еще задолго до того, как услышал об ирландских горных духах и ведьмах и прекрасной королеве Дейдрэ, погубившей столько богатырей; для него это было расступившееся Чермное море, Моисей-пророк с длинной бородой и рогатыми лучами на лбу, фараоновы колесницы в волнах, столпы огня и дыма.

Луна, заря, солнце, — а кругом все то же, пустыня с редкими кочками зелени. Потом несколько больше зелени: это Газа. Серая, запыленная, запущенная арабская трущоба в моих глазах; но для моего полковника это — город могучего Самсона и веселых филистимлян.

Потом опять пустыня; и вдруг - новый мир, зеленая роща эвкалиптов, бесконечные ряды виноградников, чистые белые домики вдали с красными крышами - другой

мир, мираж Европы. Я слышу, полковник спрашивает у солдата-кондуктора: "Это как называется?"

- Дойран, — отвечает солдат.

Так я в первый раз столкнулся с тем отношением к еврейской работе, которое в штабе Алленби стало законом. "Дойран"? Ведь это наша колония Реховот; "Дойран" называется крохотная арабская деревушка, которую среди песков даже отличить трудно. Но так постановил Алленби: Петах-Тиква называется Мулебис, Беер-Яков — Бир-Салем. Единственное исключение - Ришон так и остался "Ришон": тамошнее вино у англичан было очень популярно, и вышло бы не дипломатично и обидно для трезвенника-пророка окрестить мусульманским именем бутылку коньяку. В Беер-Якове мы сошли. Недалеко от колонии, вокруг двух довольно крупных домиков, принадлежавших немецкому поселенцу, раскинулся городок из палаток и барakov — "Джи-Эйч-Кью", штаб-квартира ген. Алленби. Тут мы с полковником расстались: он пошел на свидание к верховному главнокомандующему, я уехал на грузовике в Тель-Авив. Вечером того же дня мы снова встретились в одной из столовых при ставке главнокомандующего и рассказали друг другу свои впечатления. Мои были отрадные; его — совсем напротив. Дело в том, что я был в доме у бедной невесты, которая ждала к себе возлюбленного и еще верила, что и он в нее влюблен; но Патерсон побывал в чертогах у богатых родителей жениха...

В Яффе и Тель-Авиве я застал и большую подавленность, и великое воодушевление... Теперь говорят в обратном порядке: Тель-Авив и Яффа; но тогда в еврейском пригороде было всего тысячи три жителей; это был даже не пригород, а просто гимназия с несколькими десятками чистеньких домиков вокруг, европейский поселок для интеллигенции. Недалеко от города повстречался мне мальчик лет десяти; я его посадил в свой грузовик, а он зато обещал показать мне дорогу к старым друзьям моим И.А.Берлину и (ныне покойному) Б.Б.Яффе. По пути мальчик рассказал мне все новости: едет на английских судах еврейская армия, сорок тысяч человек, во главе ее стоит генерал Джеймс Ротшильд сын барона Эдмонда из Парижа. Не хотелось его огорчать: я промолчал. Другьям в Тель-Авиве пришлось, конечно, рассказать, сколько нас, и, хотя их ожидания были много скромнее, чем у того мальчика, я не мог не заметить разочарования.

Но молодежи тамошней было не до нашего полка и его размеров: они полны были собою, своим собственным "Гитнадвут" (волонтерское движение). Во главе дела стоял М. Смелянский, человек уже лет за сорок, недурной беллетрист и один из видных садовладельцев колонии Реховот. За ним послали, и он скоро прибыл с группой реховотских рабочих: все волонтеры. В Яффе и Тель-Авиве почти все добровольцы были тоже из рабочих; меньшинство составляли воспитанники гимназии, но и они примыкали духовно к рабочему крылу. Теперь это все видные

люди в рабочей организации Палестины. Был там Б.Кацнельсон, ныне редактор газеты "Давар"; был Явнеэли, вывезший когда-то из южной Аравии первую большую группу евреев-йеменитов; был Дов Гоз, теперь глава рабочего строительного общества Солел-Бонз... чуть ли не вся нынешняя аристократия партии Ахдут-ха-Авода (тогда еще называвшейся Поалей-Цион) стояла во главе военного добровольчества. Зато противниками "Гитнадвут" были главари второй рабочей партии, Гапоэль-Гацаир; но и у них нашелся еретик, по имени Свердлов, совратил в "милитаризм" довольно большую группу и вместе с нею записался в "полк".

"Записаны" они были пока только в своих собственных списках: начальство их не желало. Еще в январе они подали в штаб петицию за сотнями подписей, но ответа не получили. Они, однако, были убеждены, что теперь, когда прибыл уже и наш батальон, они своего добьются.

— Сколько вас?

— Тысячи полторы. Треть — девушки: они думают об особом отряде при красном кресте, а некоторые, впрочем, рвутся и в амазонки...

На большом дворе девичьей школы в Яффе созвали "парад". Инструктором их был Гоз, еще недавно офицер турецкой армии. С первого взгляда было ясно, что материал это первоклассный, все тонкие, ловкие, напряженные, хоть и со впалыми щеками от долгой турецкой голодовки.

в этом и заключались мои хорошие вести, привезенные полковнику. Его рассказ зато звучал гораздо печальнее.

Ген. Алленби отнесся к нам очень холодно — и к лондонскому батальону, и к местным добровольцам. Он от Китченера унаследовал отвращение к "экзотическим" контингентам. Что именно сказал он Патерсону, я до сих пор точно не знаю: полковник, видно, не хотел меня огорчать подробной передачей, и в книге его тоже нет подробностей этой беседы. На одно только Патерсон очень напирал: не столько враждебен Алленби, сколько начальник его штаба, некий генерал Луис Больс. Это был тот самый Больс, который, спустя два года, уже будучи верховным администратором Палестины, допустил первый трехдневный погром в Иерусалиме и отдал под суд самооборону.

Долго, уныло и молча, шагали мы оба по пыльной дороге между пыльными кактусами. Теперь, оглядываясь назад, я вижу пророческий характер этого эпизода, нечто вроде введения ко всему периоду военного управления Палестиной, а может быть и гражданского. С одной стороны — воодушевление, надежды, готовность на все жертвы, нетерпение бороться и творить; с другой — холодные, скептические глаза со взором чужим и подозрительным, со

враждебным "отталкиванием" по отношению ко всему необычному, небанальному, невчерашнему, ко всему, что пахнет "экзотикой", например сионизм.

Но душа Патерсона, как решето не держит воды, не держит уныния. Он вдруг рассмеялся и сказал:

— Пустяки. Мы с вами и похуже видали, а справились. Я уверен, что главнокомандующий передо мной мает.

Патерсон оказался прав, даже слишком прав. Не раз, а десять раз еще "передумал" генерал Алленби и касательно легиона, и касательно всей сионистской проблемы. Через несколько недель он разрешил набор палестинских добровольцев; потом опять затянул дело на долгие месяцы; потом пришел в восторг и обещал образовать "еврейскую бригаду" с Патерсоном в качестве генерала во главе; потом не сдержал и этого слова, хотя сам его написал черным на белом.

Удивительная это вещь, но совсем не редкая: именно люди с репутацией "железной воли" часто на самом деле тряпичнее былинки под ветром. Алленби, конечно, большой солдат. Но за что его приписали к большим государственным деятелям, это для меня по сей день загадка. Никто так не напортил Англии в Египте, как он потом за годы своего обер-комиссарства; о Палестине под его управлением и говорить не хочется. Я думаю, что в качестве исполнителя он, действительно, крупная сила; но это именно "исполнитель" чужих советов, а не направляющая рука, Хороший автомобиль, на котором кто угодно -если вкрадчив и удачлив — может ехать куда угодно. Я таких людей много знаю, в разных углах быта, и всегда их боюсь. Это опасная комбинация - человек, к которому прилипла репутация упорства и непреклонности ("вол вассанский", прозвали его лъстецы из библейских начетчиков при штабе), между тем как сам он в сущности почти никогда не знает, в чем ему упорствовать и непреклонничать, и вынужден запрашивать об этом у советчиков. Опасно здесь то, что такой человек уже невольно дорожит своей "железной" легендой, а потому принимает только те советы, которые дают ему случай лишней раз проявить "железные качества". Тут раздолье именно таким советчикам, что умеют нашептывать против всего "сентиментального", "мягкотелого", против "идеологии", как выразился бы Наполеон. Сам по себе Алленби, вероятно, не враг ни евреям, ни сионизму - вообще вряд ли есть у него свой взгляд на такие проблемы; и теперь, когда он не у дел и советчики перестали вокруг него увиваться, он, говорят, очень сочувственно к нам относится; но в те годы эта черта его помогла отравить и штаб, и армию, и всю правительственную машину таким озлобленным юдофобством, какого я и в старой России не помню.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

---

mail.ru	1257
3685235	124

HotLog	
1048159	+143

jewish.ru
1 КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Праздник еврейской палестины.

Как только мы вернулись в Хельмию, полк. Патерсон учредил специальную “команду вербовщиков”. В нее вошли унтер-офицеры и солдаты, знавшие по-еврейски; во главе он поставил лейтенанта Липси и приказал ему: “через месяц вы должны говорить по-нашему, как сам пророк Исая”. Липси происходил из религиозной семьи в Глазго и молитвы знал наизусть. Наш падре утверждал, что этого совершенно достаточно, что он берется доказать кому угодно всю важность службы в легионе при помощи тех исключительно слов, какие имеются в молитве “восемнадцати благословений”. Тем не менее Липси пришлось заучить еще, по крайней мере, ту терминологию строевой команды, которую выработал наш “16-й взвод” во время прогулок в окрестностях Винчестера. Правда, согласия штаба на набор в Палестине еще не было, но Патерсон считал, что будет. По его мнению, “если Господь Саваоф, Бог Воинств, даже фельдмаршала Китченера не послушался, то уж он и простого генерала не послушается”.

Незадолго перед Пасхой прибыл второй наш батальон, официально “39-й”, с полк. Марголиным во главе; половина его состава были американцы. Еще через неделю прибыла “сионистская комиссия” с Х.Е. Вейцманом во главе; кап. Ормсби-Гор состоял при ней в качестве *officier de liaison* между комиссией и ставкой. К составу комиссии принадлежал также Джэкс Ротшильд, уже в чине майора, и в то же время он числился офицером в батальоне Марголина. Все это заставило советников ген. Алленби, наконец, догадаться, что лондонское правительство действительно заупрямилось и настаивает не только на сионизме, но притом еще на легионе.

Тем не менее “Гитнадвут” еще надолго осталось движением опальным и потому “опасным”. Нашлись хорошие друзья из окружения ставки, которые дружески

советовали сионистской комиссии держаться подальше от этого шума. У нас, как известно, советы такого рода всегда охотно принимаются. Чем больше в совете робости, тем больше мы в нем видим государственной мудрости — хотя бы мы при этом рисковали повредить важному и полезному делу.

Был такой день, когда я действительно боялся, не повредит ли государственная осторожность моих милых друзей из палестинской комиссии всему делу “Гитнадвут”. Смелянский созвал у себя в Реховоте массовый съезд всех волонтеров. Собралось до тысячи человек, из Яффы, из колоний, даже из Иерусалима — по большей части пешком, потому что на проезд по железной дороге нужно было разрешение, а извозчик дорого стоил. Говорю “извозчик”, так как автомобилей в Святой Земле, кроме военных, еще не было: первый “штатский” автомобиль привезла с собою сионистская комиссия, и старожилы качали головой, не одобряя такой роскоши. А пешком из Иерусалима значило: два дня пути по апрельской жаре.

Комитет волонтеров пригласил на съезд всю сионистскую комиссию: никто не явился. Я, признаюсь, растерялся. Патерсон, конечно, не побоялся бы приехать, несмотря на то, что Реховот — в двух шагах от штаб-квартиры сердитого генерала Больша: но Патерсон был в Египте. В полной растерянности я бросился во встречный автомобиль и уехал в ставку, прямо к ген. Клейтону — тому самому, который впоследствии был статс-секретарем во время комиссарства Герберта Сэмюэля. Я попросил его послать в Реховот какого-нибудь офицера чином повыше или хоть написать ободрительное письмо. Он развел руками беспомощно: — Не могу. Скажите им устно, что они молодцы, и что я надеюсь... С этим слабым утешением мне и пришлось поехать в Реховот.

Но там оказалось, что съезду никаких внешних ободрений и не нужно: в них самих достаточно было электричества. С громовыми овациями самим себе они снова подтвердили свою волю биться за Палестину. Было даже внесено предложение — тут же выстроиться в колонну и отправиться в Беэр-Яков на личные переговоры с Алленби. Едва мне удалось их отговорить: это с моей стороны было весьма мудро и осторожно, и по сегодняшний день я об этом жалею: уверен теперь, что поход на ставку увенчался бы успехом и ускорил бы начало набора на несколько месяцев. Тем не менее съезд и без того “передался” в штаб-квартиру. Перед самым зданием, где происходило сборище, стояла палатка офицера осведомительной службы; это был капитан, имени которого я так и не узнал. После собрания он меня вызвал к себе в палатку.

— Что это такое?

— Еврейские волонтеры. Ген. Клейтон передал мне для них приветствие.

— Странные люди, — сказал он, — рвутся в армию... здорово живешь, когда их никто не тащит. И еще на четвертый год войны, когда всем нам она давно надоела.

Сколько их? Целый час они тут маршировали мимо моей палатки. Тысячи две или больше?

— Ммм... — ответил я “осторожно”, — не успел сосчитать; но много.

— Приличные молодые люди, — сказал он, — и маршируют в ногу. Придется послать доклад.

Так и “дошли” они до ставки, хотя только на бумаге.

*****

В конце концов набор был объявлен, и даже противники признавали, что такого подъема Палестина не знала ни до того, ни после. Но мне его почти не удалось видеть. В начале июня мой батальон уже был на фронте, в горах Ефремовых, на пол дороге между Иерусалимом и древним Шхемом, который арабы называют Наблус. Меня оттуда вызвали на два-три дня в Иерусалим, произносить какие-то речи, явно никому не нужные; и там я увидел малый уголок этого, действительно, незабываемого зрелища. Там ко мне приходили старые и молодые матери, сефардки и ашкеназийки, жаловаться, что медицинская комиссия “осрамила”, т.е. забракowała их сыновей. Лейтмотив этих жалоб звучал так: “стыдно глаза на улице показать”. Больной еврей, по виду родной дед Мафусаила, пришел протестовать, что ему не дали одурачить доктора: он сказал, что ему 40 лет — “но врач оказался антисемитом”. С аналогичными жалобами приходили мальчики явно 15-летние. Скептики шептали мне на ухо, что многих гонит нужда; может быть, — но они все помнили битву под Газой и знали, на что идут. А мне говорили, что иерусалимская картина еще была ничто в сравнении с тем “коллективным помешательством”, которое охватило в те дни Яффу и колонии, особенно рабочую молодежь. Майор Ротшильд, заведывавший вербовкой, предложил мне на обратном пути сделать крюк и заехать в Яффу. Там я снова увидел своих друзей из Реховота, но теперь они глядели победителями. Тут были: Смелянский с молодежью из колоний, Гоз и Каценельсон с чуть ли не полным составом партии Поалэ-Цион, Свердлов с еретиками из второй рабочей партии, Явнеэли со своими йеменитами, был тут молодой Бейлис, сын героя знаменитого процесса; был юный Узиэль, сын раввина сефардской общины, с эффектной группой сефардской молодежи. Вперемежку с ними бродили по Яффе члены нашей команды вербовщиков, еще более старые друзья, проделавшие с нами самые горькие дни одиночества и разочарований: инженер Аршавский с нашивками капрала, Гарри Фирст в одежде рядового; и, наконец, самые “старые” из всех, товарищи мои по Габбари и Трумпельдора по Галлиполи — сержант Нисель Розенберг, волжские “геры”, грузинские “швили”... Все они собрались во дворе женской школы. Вокруг была вся Яффа с Тель-Авивом, стар и млад, все разодетые в свои убогие праздничные наряды, девушки с цветами в волосах, многие с флажками; офицеры английские, офицеры итальянские из отряда, стоявшего в Тель-Авиве, и зрители-арабы, очевидно, в таком же хорошем настроении, как и мы.

Перед этими столпами Гитнадвут я произнес нравоучительную проповедь,

которая, может быть, оказалась не столь ненужной, как иерусалимские речи:

— Друзья, учить вас храбрости не за чем. Но не это главное. В жизни солдата страшнее всего не опасность, а две другие стороны армейской жизни: скука и грубость. С опасностью встречаешься раз в месяц; но в промежутке между двумя атаками нужно несколько недель просидеть в траншеях или в тылу, проделывая нудные, надоевшие поденные работы, в которых нет ни соли, ни перцу — и при этом сержант, хотя бы из вашей собственной среды, будет еще обзывать вас *bloody fools* или эквивалентом этого титула по-еврейски. Научитесь и это выносить. Лучший солдат не тот, кто лучше стреляет, — лучший тот, кто больше в силах вынести... Более того: когда английский унтер ругается, не считайте его хамом. Англичане сегодня наши партнеры в войне — в деле, которое они называют “игра”. Для нас это не игра, у нас философия жизни другая, — но и в их философии есть своя красота. В игре человек всегда и честнее, и терпеливее, чем в жизни. Купец может обсчитать покупателя и глазом не моргнет, — но за картами он счел бы позором передернуть: ибо, если не в жизни, то хоть в игре хочется человеку прожить час без страха и упрека. Помните, в детстве вы играли “на щелчок по носу”: кто проиграл, принимал покорно свой щелчок, — но попробовал бы тот же мальчик щелкнуть вас по носу в действительной жизни! Так смотрит на жизнь англичанин: все в ней игра, а война в особенности. Капрал ругается? Да ведь это просто щелчок по носу, это в правилах игры, сердиться не полагается. Грязно в траншее? Это просто плохая карта попала в игре, потерпи до следующей раздачи. Пуля, граната, рана и смерть — все это части игры. Вообще я в их философию мало верю, но для войны она хороша. Играйте по правилам, не считая ни щелчков, ни битых карт...

Перед отъездом я встретил в Тель-Авиве Х.Е.Вейцмана. Он был наполовину в восторге, а наполовину зол.

— Вы начисто подмели всю страну, — говорил он Джэмсу Ротшильду, — откуда брать нам теперь рабочих, учителей, служащих?

Потом, однако, перед отъездом волонтеров в лагерь на учение, он им на торжественном параде передал еврейское знамя и произнес, глубоко взволнованный, слова красивые и трогательные: поблагодарил их от всего народа за грандиозную манифестацию, которая поможет укрепить наши права на Палестину, и пожелал им успеха и победы.

Я этого уже не видел и не слышал, только прочел в письме в наших траншеях на горе Ефремовой.

*****

Одна часть волонтерского движения осталась исключенной из общей радости:

девушки. Говорить с англичанами об “амазонках” было бы, конечно, совсем напрасно, да и сами они всерьез об этом не думали; но на образование “красного щита Давидова” они надеялись крепко.

Добились мы и этого, но уже много позже, и в очень малых размерах. Маленькая группа сестер была в конце концов принята на военно-медицинскую службу; должен признать, что отбор девушек, имевших нужную подготовку, происходил в моем присутствии, и только эти немногие и оказались подготовленными. Тем не менее, группа получила официальное звание “Red Magen-David” и особый значок; и служили они в том госпитале, куда главным образом и попадали наши солдаты после перемирия. Госпиталь находился на железнодорожной станции Била, у самой египетской границы, а в полчаса езды оттуда была Рафа, где почти всегда стоял какой-либо из трех еврейских батальонов.

Сестры они были хорошие; но не этим одним я считаю себя вправе похвастаться. В нашем народе еще застряло, к сожалению, несколько восточных предрассудков, и потому я немного боюсь, что иной из читателей найдет неуместным эпизод, который я сейчас расскажу. Я, однако, его расскажу, так как твердо считаю “Восток” — в духовном или бытовом смысле — самым обидным из бранных слов, и думаю, что еврей — древнейший из европейцев. А одно из отличий европейской культуры — умение гордиться привлекательностью своих женщин. Помню, что во время первых съездов Лиги наций в Женеве вся печать говорила об умном трюке англичан: их делегация привезла с собою в Женеву, как на подбор, всех очень милостивых машинисток. В самой Англии красивых девушек совсем не так много: тут был именно подбор, и совершенно правильно, ибо это и есть кусок национальной гордости.

Эпизод произошел в упомянутой Рафе. Неподалеку от нашего лагеря во время перемирия устроены были скачки: там рядом с нами стояла кавалерия “Анзаков” (инициалы австралийских и новозеландских войск). Наш батальон был приглашен, и Патерсон привез с собою двух из наших сестер, которые были в тот день свободны от дежурства. “Анзаки”, со своей стороны, пригласили своих дам, все из того же госпиталя: большинство из них были очень элегантно в своем форменном платье, много было недурных собою, и почти все, кажется, “из хорошего общества”. Но в перерыве между началом и концом скачек, именно вокруг наших двух сестер собралась самая большая толпа: тут был и начальник “Анзаков” ген. Чейтор, и его штаб с полковниками, майорами и капитанами, человек двадцать, если не больше. наших офицеров они совсем оттеснили (за исключением Патерсона, который считает, что ирландца от молодых дам нельзя оттеснить), и почти все время перерыва шла там перестрелка остроумия, смеха и комплиментов. Я был очень рад — издали, потому что и меня оттеснили.

*****

Но уж это все было во дни перемирия, а пока речь идет о последних месяцах войны. Весело тогда было в Палестине, весело, несмотря ни на что.

Еврейское население только что пережило несколько страшных лет. До войны в Иерусалиме считалось 60 тысяч евреев: теперь осталось около двадцати двух тысяч; уехать удалось лишь немногим, остальные вымерли от голода и болезней. До сих пор (говорю о весне 1918 г.) нищета в Иерусалиме чувствовалась на каждом шагу. Дети подбегали на улице и просили: “Не давайте мне денег, купите мне хлеба”... В прежние времена только у Стены Плача можно было встретить еврейских нищих, и то стариков; даже “халуканцы”, жившие заграничной милостыней, держали своих мальчиков с утра до ночи в школе, девочек дома. Но теперь дети были на улице — и, говорят, не только за подаванием...

Но и другая, еще горшая трагедия пронеслась, едва за год до того, над палестинскими евреями. Они ее называли “риггуль”—по-еврейски это значит шпионаж. Сильный, даровитый и большой человек — большой и в талантах, и в пороках — вывязал, под самым носом у Джемал-паши и его турецкого и немецкого штаба, тайную сеть для помощи английской разведке. Он устроил правильную связь между своим центром в Палестине и ставкой Алленби в Каире; несколько раз агенты его перебирались туда и обратно в подводных лодках англичан. Англичане считают, что эта организация им значительно помогла; но евреи по сей день говорят о ней с ужасом и отвращением. Кто прав и неправ, не наше дело. Среди лиц, замешанных в это дело, бесспорно, были фигуры значительного размаха, готовые рисковать чем угодно вплоть до последней жертвы; еще найдется когда-нибудь поэт и зарисует эти образы, их грехи и героизм, их легкомыслие и отвагу. Но еврейское население дорого за все это заплатило.

От Рушука до старой Смирны, От Трапезунда до Тульчи, Скликая псов на праздник жирный, Толпой ходили палачи...

Сарру Аронсон два дня пытали турки в колонии Зихрон-Яков, били бамбуками по пяткам, клали горячие яйца под мышки; на третий день она улучила миг и застрелилась, не назвав ни одного имени. Трех ее товарищей повесили на площади в Дамаске. Другим выламывали пальцы, выворачивали руки. Страшное было время.

И вдруг, 2 ноября 1917 года, прогремел под Газой первый пушечный выстрел нового наступления, и в несколько недель освободился весь юг и вся Иудея, от Иерихона до Петах-Тиквы и Яффы. И тогда евреям рассказали, что в тот самый день 2 ноября раздался и в Лондоне другой выстрел, направленный против древней твердыни Изгнания, — декларация Бальфура; и что “еврейская армия”, о которой у них давно шептались, уже в пути, идет освобождать Самарию, Галилею, Заиорданье — времена мессианские настали!

Жителю многолюдных городов трудно будет понять, как воспринял это крохотный народ еврейской Палестины. Всего их было тысяч пятьдесят. Когда вдруг повеет

великий дух над малой общиной, получают иногда последствия, не далекие от чуда: в этом, может быть, разгадка тайны Афин и того непостижимого столетия, которое породило и Перикла, и Сократа, и Софокла — в городишке с тридцатью тысячами свободных граждан. Я, конечно, не приравниваю ни талантов, ни значения; но по сумме чистого идеализма Палестина в те дни могла поспорить с каким угодно примером. В конце концов, там сосредоточился отбор из двух эпох сионистского движения, до Герцля и после Герцля; там по улицам часто проходили скромные, мешковато одетые люди, именами которых, когда они умрут, потомство назовет эти самые улицы. Они пережили насмешку, равнодушие, сто неудач, пытку и голод — и теперь у них на глазах совершались первые шаги осуществления древнейшего из пророчеств. Может быть, я преувеличиваю; но мне кажется, что история мало знает других страниц, где бы так тесно переплелись, и в такой неслыханной мере, такая древняя древность, такое величие воспоминаний, такая глубина падения и горя, такой полет надежды. Может быть, то же было в Греции, сто лет назад, во время освобождения; а может быть, и там было не так. Притом сильно чувствовалось, в конце концов, захолустье, где каждый каждого знает, и всякая мелочь кажется событием; но это, право, не вредило торжественности общего настроения. Мне это, по крайней мере, было мило. Вся “знать” Иерусалима и Тель-Авива и колоний волновалась о том, удастся ли уютно расселить членов “сионистской комиссии”. На автомобиль этой комиссии приходили смотреть из Экрона, Гедеры и Артуфа, за десятки верст.

Потом прибыла из Нью-Йорка первая партия “Гадассы” с д-ром И.М. Рубиновым во главе, около тридцати врачей и сестер и пуды всяких лекарств и целый парк автомобилей, и подо всем ясный намек на те миллионы и миллиарды, которые вот-вот поплывут из этой Америки на строение Еврейского Государства...

Точно так же преувеличивали они и “опасности”. Девушки ходят гулять с австралийскими солдатами: не грозит ли это порчей нравов? Несколько предприимчивых бедняков открыли лавчонки и продают англичанам “кекс”: что ж это такое, неужели Палестина становится страной рестораторов? Не хотим второй Швейцарии! В обиходе появилось слово “ол-райт”: берегите национальный язык - идет ассимиляция!

Право, все это не портило впечатления красивой, наивной радости. Я недолго с ними прожил, больше все налетами, по пути из Египта в штаб или с фронта в Каир; но никогда в жизни еще не доводилось мне так надышаться воздухом чистого детского счастья.

... Это все было весной. А в октябре, когда мы вернулись из Заиорданья, после победы союзников на всех фронтах, уже все было по-иному.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

---

mail.ru	1257
3685235	124

HotLog	
1048159	+143

jewish.ru	
1 КИСЛЕВА	

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Первый фронт.

Собственно воинская история наших батальонов распадается на три части: лето на сихемском фронте, наступление в Иорданской долине, перемирие.

Первый период прошел относительно спокойно. После тяжелых боев последней зимы, когда турки были вытеснены из южной Палестины, обе стороны порешили отдохнуть. Турки в особенности отказались от всякой инициативы: стычки, какие были, происходили всегда по почину англичан, и то редко.

Большинство из молодых моих читателей, вероятно, сами были на фронте; но, может быть, обстановка горной войны им не так знакома. Фронт наш лежал, как уже сказано, на полдороге по прямой линии между Иерусалимом и Наблусом, он же по-нашему Сихем (Шхем). Когда едешь автомобилем из Иерусалима в Сихем, проезжаешь сначала мимо деревни Эль-Бирэ: это — древняя Беерот-Беньямин (Самуила II, гл. 4-ая, 2 и дальше). После того, глубоко в долине, лежит село Айн-Синия: во второй книге Второзакония (гл. 13-ая, 29) она называется Иешана. За Иешаной надо было свернуть с шоссе налево и выехать в узкую долину, которую арабы называют Уади-эд-Джиб. Здесь, между двумя безлюдными арабскими деревнями, и находились наши линии. Деревни назывались: слева — Абуэйн, а справа — Джильджилия; вторая, кажется, и есть тот "Галгал разноплеменный", о котором упоминается где-то в книге Судей. Представьте себе длинный горный хребет высотой приблизительно в 2500 футов, тянущийся с запада на восток. С севера лежит глубокая, тоже продольная долина, а по ту сторону долины — вторая параллельная цепь гор, еще выше первой. Наш лагерь был на первом хребте, турецкий — на втором; от верхушки до верхушки версты три. Оба лагеря, конечно, не на вершинах, а футов на сто ниже, на том склоне, которого противник не видит.

Днем на вершину запрещено выходить; часовые сидели в замаскированных каменных землянках, называвшихся "О-Пип" (Observation Posts). По ночам мы занимали траншеи на открытом склоне горы; траншеи были неглубокие, собственно не траншеи, а брустверы, которые у нас называли индостанским словом "сангар". Кроме того, каждую ночь высылались в долину патруль на случай неприятельской атаки.

Это было спокойное время, как будто нарочно для того, чтобы постепенно ввести свежих солдат в боевую атмосферу. По утрам турки приветствовали нас получасовой бомбардировкой; но почему-то стреляли всегда в сторону, в одинокую скалу, совершенно лысую, где не только человека, но и коршуна никто не видал; и у них на три бомбы одна не взрывалась. Помню только три или четыре раза, когда они палили в наши позиции, в том числе один раз ночью; но вреда это нам не причинило. Холмы в той местности падают не откосо, а террасами, вроде лестницы; каждая терраса — шириною в два-три метра, и склон над ней подымается отвесно, высотой с двухэтажный дом. Наши палатки стояли вплотную у самого отвеса, так что снаряды, летя по траектории, пролетали почти всегда мимо. Должно быть, и наш огонь им мало вредил.

Вообще операции на палестинском фронте относятся к категории "малой войны". Из новомодной военной чертовщины мы мало что испытали. Изредка любовались поединком в воздухе, когда два аэроплана вертелись друг против друга вокруг незримого центра, словно две каретки или лошадки на карусели, треща пулеметами и усыпая небо клочьями белой ваты. Газовых атак у нас не было. Опасных предприятий было только два: идти ночью с патрулем или отсидеть неделю в деревне Абуэйн.

Патруль состоял из лейтенанта с двенадцатью солдатами. Тяжелые армейские сапоги надо было завернуть в толстые тряпки, чтобы не стучали, тряпками надо было закутать голые колени — летом мы носили трусики, а колючая флора той местности изумительно богата. За два часа до выхода лейтенанту вручали запечатанный конверт с подробным описанием маршрута. Иногда он сводился к прогулке по долине, но иногда вел и вверх по противной горе, подчас всего на двести футов ниже того места, где у нас на карте красным обозначены были часовые посты противника. Это была служба нелегкая. Прежде всего приходилось карабкаться в темноте вниз, тысячу футов и больше по утесам и сквозь колючие заросли, с ружьем в руке, и притом без шума. Добрый час уходил на это. После того надо было пробраться в долине версты на две вправо и столько же влево, прячась под деревьями и перешептываясь с сержантом, что это за пятно — турок или кактус. Потом наступало самое трудное: карабкаться на турецкую гору, отыскивая путь при помощи компаса или при посредстве "признаков", сообщенных осведомительным бюро в следующей форме: "направо от расколотого фигового дерева" или "в десяти шагах налево от второй лужи". Но вот мы, наконец, добрались до "камня в пятнадцать футов высотой, который с севера

похож на голову гиппопотама" (кто его видел, гиппопотама, да еще так близко, чтобы узнать его профиль в темную ночь?). Тут вы отдыхаете и раздаете солдатам по кусочку шоколада. Потом назад, еще два часа ползком или карабаясь, причем уже все устали.

Это, пожалуй, самая неприятная часть патрульного дела. Вы в ста метрах от турецких траншей, — а ничего не поделаешь, из-под усталых ног сыплются камни. Вдруг раздается выстрел, и что-то шлепается о скалы недалеко от вашего последнего солдата (идти приказано гуськом; устав требует, чтобы офицер шел посередине, но шик требует, чтобы он шел впереди). Вы "кричите" шепотом: ложись! Патруль ложится. Едва в трехстах шагах подальше, вверх по склону горы, вспыхивает искорка, подымается вверх и там становится красной ракетой и заливаает светом всю вашу часть долины, заросли, сухое русло зимнего ручья, скалы, провалы — очень эффектно, если бы было до того; но отличить людей от кактусов при этом освещении трудно: сверху раздается еще несколько выстрелов, но стреляют они мимо. Тут за нас начинают заступаться: из Абуэйна, из Джильджилии, из всех "сангаров" на нашем склоне подымается ружейный, иногда пулеметный концерт (они знают, где мы, и в нашу часть долины не стреляют). Иногда в этот домашний спор вмешивается и начальство, английская артиллерия. С жутким гулом альпийского поезда в темную ночь, когда путнику из долины виден только светящийся хвост его, едет величественно наперерез по небу над вашими головами огневая комета и разрывается на турецкой горе, потом другая — и хоть вы догадываетесь, что это все по расписанию, но солдатам говорите, что это все для нас. Грохот продолжается полчаса; потом становится тихо, вы ползете дальше и добираетесь до лагеря, где ждут вас с огромным кипящим чайником сладкого чаю.

Второе опасное место был Абуэйн. Село это принадлежало к нашим линиям только потому, что не принадлежало к турецким. Но на самом деле находилось оно в ничьей полосе — "No Man's Land". Если спуститься с нашей вершины в сторону турок, вы наткнетесь, футах в трехстах ниже, на выступ той же горы вроде огромной террасы или, вернее, громадного стола, и на этом столе арабы выстроили деревню, около полусотни хат. Абуэйн значит по-арабски "два отца"; может быть, два патриарха, - насколько знаю, деревня эта не упомянута ни в Библии, ни в Талмуде. Но это была, очевидно, не бедная деревня, судя даже по развалинам, которые от нее остались. Каждую неделю ее занимал другой взвод и оставался там семь дней. Днем сообщение между этим взводом и остальным батальоном было возможно только по телефону, по которому из десяти слов едва доходило до вас одно. Через эту тонкую нить цивилизации мы заказывали из Абуэйна в батальон все, что нужно было: спички, табак, хинин, бинты, амуницию, почтовую бумагу; и по ночам приходила с горы партия солдат с шестью белыми осликами и привозили ваш заказ (т.е. в той форме, в какой понял его батальонный телефонист) и цинковый ящик с дезинфицированной водой.

У меня дома осталось несколько писем моих из Абуэйна; привожу отрывки:

"...Вероятно, у каждого бывают в детстве те же две мечты. Первая — стать хоть на неделю царем или, по крайней мере, губернатором. Вторая - не смею сказать пожить в гареме, но хоть посмотреть изнутри на подлинный гарем. У меня сбылись обе мечты. На целую неделю я назначен самодержцем этой деревни, могу повелеть и запретить, что мне угодно, могу даже разрушить все село (только на восьмой день за это потащат на военный суд); а живу я в самом настоящем гареме, где окна забиты ажурными деревянными ставнями. Несколько портит мою радость то обстоятельство, что в гареме нет ни одной из его законных обитательниц, а во всей моей сатрапии ни одного штатского подданного ~ все население состоит из солдат моего взвода; тем не менее приятно отметить, что и мечты иногда сбываются".

"...По-настоящему живем мы тут только ночью. Едва стемнеет, мы расставляем стражу в трех пунктах, с которых видны разные части долины; при этом четверть часа приходится читать нотацию горячему капралу Саломону, начальнику поста №2, что если он опять услышит шум внизу, то не надо сразу палить из пулемета, а надо раньше выяснить, не есть ли это наш собственный патруль на пути домой. После этого начинается, как выражаются интеллигенты из наших солдат, "строительство Палестины". Полковник распорядился починить проволочные ограждения, поврежденные турецкими снарядами, а также подвести на аршин выше каменный забор, за которым днем прячутся наши солдаты, когда идут из казармы, т. е. из других комнат моего гарема, в наблюдательный пункт. Я созываю тех из солдат, что свободны от стражи и от малярии, и вместе мы всю ночь напролет "строим Палестину" в арабской деревне".

"...Ура! Мы победили малярию. Когда я в прошлый раз писал, что в моем царстве нет населения, я имел в виду только население двуногое. Зато осталось шестиногое: в миллиардах! В жизни я не воображал, что на свете есть столько комаров. Еще до захода солнца мы обвязываем тряпками голые колени, а в лицо, руки и шею втираем какую-то мазь; но комарам именно эта мазь, по-видимому, и нравится, и они работают с таким энтузиазмом, что руки устают чесаться. Результат: на второе же утро два случая малярии. Я устроил военный совет со своим сержантом (он живет тоже в моем гареме), и мы решили и эту часть населения эвакуировать. Мы по телефону "заказали" в батальоне две жестянки керосину, а капрала Стукалина (это - один из лучших наших "героев") и капрала Израэля (он только что вернулся, отсидев две недели за избивание военного полицейского в пивной) отправили обыскать деревню и найти комариные гнезда, т. е. стоячую воду. При всем уважении к нашим "портным", которых я все больше начинаю ценить, такое ответственное дело я все же не решил поручить никому

другому, как только бывшим галлиполийцам. К вечеру они вернулись, запыленные и замурзанные до самых глаз (обыск они делали ползком), и доставили три адреса: одна лужа, один колодезь и одна разрушенная баня. Ночью пришли милые белые ослики и принесли жестянки: слава Богу, телефон на этот раз не подвел. С великим церемониалом мы щедро полили все три неприятельские позиции керосином, а колодезь еще в придачу завалили камнями, причем неприятель ответил такой контратакой, что я еще весь искусан, а ведь уже прошло три дня. Зато сегодня к вечеру у нас комаров осталось не больше одного взвода, да и те летают поодиночке, уныло, почти без песен и не проявляют аппетита не только к нашей крови, но даже к той мази".

"...А портных наших я ценю с каждым днем все больше. Вот один эпизод. Колонисты Ришона прислали нам гостинцев: виноград, фиги, штрудель с миндалем - я подозреваю, что было и вино, но ирландский элемент на верхах батальона, должно быть, решил, что это было бы нездорово для жителей "ничьей полосы"... Около второго часа пополудни, когда взвод выпался, сержант роздал им эту роскошь. Живем мы все в одном доме: я с сержантом в верхнем этаже, солдаты — внизу в трех больших комнатах, выходящих на двор. Туркам видна только наша крыша, так что солдаты день проводят во дворе. Играют обычно в карты: хочу надеяться, что не на деньги, - это запрещено. На этот раз они тоже расселись по углам двора, с виноградом, штруделем и засаленными колодами, как вдруг турки начали пушечную симфонию. Хоть это редко случается днем, но мы привыкли; да и стреляют они всегда куда-то вбок. Я продолжал читать, солдаты играли и беседовали — но через пять минут вошел ко мне сержант и сказал: — Сэр, это звучит как-то иначе - боюсь, они нащупывают нас.

В самом деле, следующий снаряд разорвался почти в самой деревне. Я высунулся в окно и закричал солдатам: "По комнатам — живо!" Они послушались, хотя совсем не "живо" - очень уж душно в этих арабских пещерах.

Мы ждем. Через каждые пять минут — снаряд, то справа от деревни, то слева. "Наводчики у них неважные", — говорит сержант; он все еще стоит у окна. Вдруг он улыбается и делает мне знак. Я подхожу, выглядываю во двор: четверо из наших лондонцев опять сидят под открытым небом, едят штрудель и тасуют карты; они только выбрали угол, где из моего окна их не сразу заметишь, и говорили шепотом. Один поднял голову и сказал на идиш: "офицер". И как раз в эту секунду разрывается граната, теперь уже явно у нас в деревне, не дальше ста шагов от нас. Трое из них поднимают головы, но не трогаются с места; но четвертый даже не оглядывается, бьет с размаху какую-то карту и говорит тем специальным тоном, которым "приговаривают" увлеченные игроки: "Hob ich ihm in dr'erd".

Это могло относиться и к "офицеру", но я предпочитаю думать, что относилось к снаряду. Я их, конечно, опять разогнал".

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

В двух шагах от Содома и Гоморры.

В середине августа 1918 года, после двухнедельного отдыха в горах Самарии, нас отправили на иорданский фронт. Там мы провели около пяти недель, а потом началось наступление — еще две недели похода и огня. Огонь был двух родов: боевой, не Бог весть какой свирепый, и солнечный, совершенно невыносимый в этой местности, самой раскаленной дыре на всем Средиземном побережье.

Нижняя часть Иорданской долины, близ Иерихона и Мертвого моря, считается, если не ошибаюсь, наиболее глубоким местом на мировой суше: около 400 метров ниже уровня океана. Вообще климат Палестины — "подтропический", вроде южной Италии; в горах, особенно в Иерусалиме и Сафед (Цфате), зимой даже холодно; иерусалимский снег 1920-го года лежал такими сугробами, каких я и в Петербурге не видел. Но климат низовья иорданской долины — даже не тропический, а экваториальный. В те самые снежные дни Иерусалима в Иерихоне цвели розы — а от Иерусалима до Иерихона всего час на автомобиле.

Летом это седьмой круг ада; описывать его незачем, достаточно сослаться на Данта. "Вся площадь была сплошной песок, сухой и густой; и на него медленно падали пушистые хлопья огня, словно снег в Альпах в безветренный день; и от них загорался песок, точно трут от кремневой искры". Гениальный предтеча репортерского цеха пытался в этой обстановке интервьюировать одного из тамошних обитателей, но не добился от упряма никакого ответа кроме ругательств по адресу Юпитера. Я того нечестивца понимаю. С конца июля до конца сентября даже бедуины уходят из этой части Иорданского провала: как раз те месяцы, которые нам пришлось провести на соленой речке Меллахе, верстах в пятнадцати от Мертвого моря, если угодно, в двух шагах от Содома и Гоморры.

Хороша вся эта область, но худшее место в ней - наша Меллаха. Это узкая ложбина, около пятнадцати верст в длину, приблизительно с севера на юг. Почти нигде ни кустика; почва белесая, горько-соленая на вкус; может быть, тут когда-нибудь откроются великие богатства для химика. Посредине течет соленый ручей: два шага в ширину - мало, но вполне достаточно для того, чтобы отравить всю ложбину самой ядовитой малярией.

Кто охоч до красоты трагической, красоты разрушения и вечной смерти, тому есть тут чем налюбоваться досыта. Те же серовато-белые холмы со всех сторон; состава почвы я не знаю, но при виде их невольно приходят в голову аптекарские слова: хлор, щелок, селитра; или еще вспоминается жена библейского Лота и нерукотворный памятник ее где-то по ту сторону Мертвого моря. Если взобраться на эти холмы и обернуться на юго-запад, разворачивается сцена первозданных катастроф земной коры: яростно-исковерканные, словно палачом выкрученные утесы, — и желтая оголтелая степь без травы, где гонятся друг за дружкой поминутные смерчи из песка и пыли, вышиною с пол-Эйфелевой башни.

Тут и стояли наши палатки по склонам справа и слева от соленого ручья. Времяпрепровождение наше тоже описано в той же самой песне у Данта: "Я увидел большие стада обнаженных теней; одни навзничь лежали на земле, другие сидели скорчившись, третьи беспрерывно слонялись". А каждый вечер с севера ложбины к югу брели вереницы верблюдов, десять, пятнадцать, иногда двадцать; верблюды ступали мягкой, высокомерной походкой, покачивая каждый по две койки с обеих сторон: это везли на врачебный пункт наших товарищей, заболевших малярией. Батальон наш пришел в Меллаху в составе 800 человек, к началу наступления осталось около 500, но после победы вернулись на отдых полтораста, и из 30 офицеров половина: убитых и раненых было мало (вообще последняя победа на этом фронте обошлась в смысле человеческих жизней дешево) — косила только малярия; человек сорок из ее жертв так и не поднялись, и теперь они спят на военном кладбище в Иерусалиме, на горе Елеонской, под знаком шестиконечной звезды.

Турецкие пушки досаждали нам не реже двух раз в неделю, но вреда не причиняли. В середине сентября к нам присоединились две роты "американцев" под командой полк. Марголина: они стояли к западу от нас, на речке Ауджа, и там их ежедневно — но тоже безуспешно — тревожила большая австрийская пушка с хребтов Галаада за Иорданом, которую англичане ласково называли Джерико-Джэн — Анюта иерихонская. Зато тяжела была здесь ночная работа патрулей.

Иорданская долина в этом месте представляет углубление двухэтажное. Представьте себе улицу, по сторонам ее — высокие стены, а посередине — продольную канаву такой же глубины. "Улица" — это и есть самая долина, в Библии именуемая Киккар, шириною верст в двадцать от подошвы Иудейских гор

до гор Галаадских. "Улица", конечно, сама загромождена холмами и провалами, подобно нашей Меллахе. Но, чтобы добраться к Иордану, надо еще спуститься в "канаву" глубиной в сто или больше метров - там вторая долина, густо заросшая чем хотите, от пальмы до чертополоха, и в этом тайнике и течет сама речка. Турки еще занимали не только оба берега реки, но и все подходы к "канаве".

Каждую ночь мы высылали по два патруля в усиленном составе. Кроме обычной разведки тут у них была и особая задача, о которой речь будет идти дальше. Ради этой задачи приходилось забредать очень далеко, часто по вязким солончакам, иногда сквозь колючие заросли. В течение первой же недели мы потеряли несколько человек убитыми и зато получили две солдатские медали — одна из них досталась бывшему галлиполийцу Сепиашвили. Но вообще не проходило почти ни одной ночи без треска турецких пулеметов, нащупывавших нашу разведку, а наши "форты" (по ночам мы сидели в двенадцати игрушечных крепостях вдоль восточного хребта над Меллахой) отвечали тоже из пулеметов, и продолжалось это час, два и больше. Лазутчики возвращались замученные, ложились спать, а потом скоро всходило солнце и начиналась жара...

* * *

Наша линия в Иорданской долине составляла "шарнир" всего британского фронта. Если провести на карте горизонтальную линию, начав ее у самого моря чуть повыше Петах-Тиквы, и почти до самого Иордана, а тут резко, под прямым углом, повести линию вниз, — это и будет британский фронт сентября 1918-го года; и "угол" занимали мы. Это, по-военному, считается пост и опасный, и ответственный. Для противника он соблазнителен — тут при атаке нет угрозы бокового, "анфиладного" огня с обеих сторон; а если неприятель прорвется, окажется в тылу сразу у двух наших позиций.

Еще серьезнее было то, что мы тут сидели почти совсем без артиллерийского прикрытия. План общего наступления был выработан так, чтобы главный удар подготовить близ Яффы. Это фронт длиной около 15 миль, и туда в сентябре стянули 35 тысяч пехоты и 400 пушек. На весь остальной фронт, 45 миль в длину, осталось всего 22000 пехоты и 140 орудий; из них на нашу позицию приходилось не то десять, не то восемь. Притом — цитирую по Британской Энциклопедии — "были приняты искусные меры, чтобы симулировать концентрацию войск в Иорданской долине, между тем как на самом деле там оставлено было только легкое прикрытие в виде конной дивизии Анзаков и двух-трех батальонов пехоты". Алленби это сам подтверждает в своем отчете 31-го октября 1918 года: "Дабы не дать неприятелю заметить убыль наших сил в Иорданской долине, я приказал ген.-майору Чейтору (начальник Анзаков, командовавший всеми войсками на Иордане) предпринять ряд демонстраций с целью внушить неприятелю уверенность, будто готовится наступление к востоку от Иордана". Этим и объяснялась усиленная работа ночных патрулей.

Исход доказал, что план этот был хорош; но, пока что и кавалерия Анзаков, и мы оставлены были на Божью волю; а у турок, говорили, было в этом месте до семидесяти пушек, и они, действительно, ждали грозы именно тут. Если бы они вздумали предупредить Алленби и ударить в нашу сторону, вышло бы весело. Старшие офицеры у нас часто и озабоченно об этом шептались. Даже полковник, хоть и улыбаясь, сердито ворчал:

— Худшее время года, самый опасный пункт на всем фронте, и пулеметы вместо пушек! Лестное доверие к еврейским батальонам...

Однажды меня послали в Иерихон; по дороге лежал лагерь наших "американцев". Марголин что-то подписывал пред своей палаткой; я остановил лошадь, рассказал ему все "новости" Меллахи, передал и разговоры о скудости артиллерии и спросил, что он об этом думает. Он ответил:

— "Думаю"? Штаб пускай "думает", а мы будем дело делать.

Впоследствии довелось мне беседовать об этом с comandante Леви-Бьянкини; он был крупный офицер итальянского фронта, откомандированный своим правительством в состав "сионистской комиссии"; чрезвычайно интересный человек, на редкость умный и образованный; кончил он трагически — его убили бедуины, но о нем я расскажу в другой книжке если удастся ее написать, — в книге о кровавой Пасхе 1920-го года и о крепости в Акко. Он сказал:

— При всем уважении и к ген. Алленби, и к еврейским батальонам, признаюсь, на его месте я бы не доверил угловой позиции солдатам с трехмесячным опытом на фронте. Неужели он о вас такого высокого мнения?

Может быть, в то время ген. Алленби и в самом деле был о нас хорошего мнения. Прошлую службу нашу на сихемском фронте очень хвалили; наши патрули забирались далеко и приносили ценные сведения о расположении турецкого фронта; за одну из этих экспедиций лейтенант Абрахамс, начальник нашей разведки, получил даже благодарность из штаба; даже процент заболеваний малярией (конечно, до прихода на Меллаху) был у нас меньше обычного - подтверждение той теории, что евреи, несмотря ни на что, все еще здоровое племя с упрямой кровью; а может и отголосок другого нашего качества - у нас не было пьяных!

Много зато было у нас — пленных. Говорят, никакой другой батальон не "притягивал" такого количества турецких перебежчиков. В чем дело, не знаю. Было у нас предание, будто во время одной из патрульных перестрелок капрал Израэль из Александрии вдруг закричал во все горло по-турецки: "Приходите к нам сдаваться - накормим!" и будто отсюда пошел у голодных турок говор о том, что в нашем батальоне пленным дают "по жестянке буллибиф на каждого" и даже говорят с ними по-ихнему. Возможно; одно и несомненно — турки давно не

доедали. В одну ночь в конце августа к нам пришло 13 дезертиров, в том числе пять унтеров.

Пожалуй, ген. Алленби действительно был о нас тогда высокого мнения. После сихемского фронта он написал полковнику письмо, что решил устроить еврейскую бригаду и назначить его, Патерсона, бригадным генералом. А потом передумал.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

За Иорданом.

На яффском фронте наступление началось в ночь с 18-го на 19-е сентября, в половине пятого перед рассветом. Предварительная бомбардировка продолжалась всего четверть часа; турки сразу дрогнули, и к семи часам утра английская кавалерия уже неслась, не встречая препятствий, на север. Ночью с 20-го на 21-е наши патрули донесли, что контакт с неприятелем слабеет, и часть турецких траншей уже опустела.

Генерал Чейтор протелефонировал Патерсону задание — захватить Умм-эш-Шерт, единственную в том месте переправу через Иордан. Это оказалось не так просто. Первая группа, высланная в этом направлении, вернулась с потерями: кап. Джулиан, ирландец и старый друг Патерсона, был ранен, и солдаты его насилу унесли из огня; лейтенант Кросс, еврей, был ранен и взят в плен; и одного рядового убили.

После этого ночью была отправлена вторая группа; случилось так, что это был мой взвод и экспедицией командовал я. В качестве природы глубоко штатской, я, конечно, очень ценю эту страницу своей биографии; но рассказать о ней нечего, подвигов никаких не потребовалось. Вышли мы в полночь, и продолжалась операция часа три или четыре. В одном пункте спуска, помнится, я дал сигнал своему ротному Барнсу, засевшему сверху в утесах, открыть огонь из пулеметов по какой-то заросли, возбудившей мое подозрение, — но я не уверен, что и это было необходимо. Один пулемет был у нас с собою, и на рассвете мы его водрузили на берегу Иордана, и переправ

а была занята, и в отчете Алленби это дело записано: "22-го сентября 38-й батальон Royal Fusiliers захватил брод Умм-эш-Шерт на Иордане".

Иордан в этом месте несется с той именно быстротой, которая придает ему такую ценность в глазах гидроэлектрической техники: с точки зрения техники военной это ничуть не достоинство - переплыть его нельзя даже верхом. Оттого ген. Чейтор так и добивался захвата переправы.

Через три часа после того как мы ее заняли, прибыли конные Анзаки и перешли вброд на ту сторону реки. Так началось завоевание Заиорданья: ключ к его порогу добыл еврейский легион — а потом Заиорданье было объявлено закрытым для еврейской колонизации.

Тем временем полубатальон Марголина опередил нас на пути к селению Горанийя, близ Иерихона, где англичане уже навели понтонный мост для пехоты. Оттуда наши "американцы" прошли в Галаад и заняли Эс-Сальт, а мой батальон, чуть ли не ежечасно тая от малярии, потянулся за ними с опозданием на полдня пути.

Мучительный это был поход. Я не на свое впечатление ссылаюсь — у меня военный опыт почти любительский. Но полковник Патерсон проделал в свое время англо-бурскую войну в похожей обстановке, когда вся компания состояла еще из таких переходов, а не из окопной скуки; видал виды. На второй день он проехал мимо меня, остановил коня, нагнулся и сказал шепотом:
— В жизни так еще не приходилось мне мучить солдат.

Труден был уже и самый путь по равнине, от моста к подножию Моавитских гор. Турки, отступая, подожгли сухие заросли; тяжелый черный дым в безветренной жаре лежал на земле пластами: чтобы не кормить друг друга пылью, мы шли взводами на большом расстоянии один от другого и часто из-за дыма теряли связь и сбивались не туда. Фляжки опустели на втором привале — что не выпили, то высохло, сквозь войлок и никель. Но потом начался подъем, и было это как раз в полдень или около; крутой подъем, от 14 до 25 градусов, и солдаты шли с пудовым своим вьюком на спине: запасные сапоги, одеяло, фуфайки, носки, бритва, посуда, мазь для пуговиц, чтоб блестели... Роскошь британской экипировки - отличная вещь на ночлеге, но не в пути. Офицеры помогали, чем могли, каждый из нас тащил по две и по три винтовки, даже "падре" - наш батальонный раввин, вопреки уставу тоже нагрузил себя орудиями смертоубийства; но все это была капля в море. Чуть ли не поминутно "выпадал" кто-нибудь из рядовых: бросался в тень под скалою - да и тени собственно не было — и оставался там, зажмурив глаза, разинув рот и хрипло дыша во всеуслышание. Я сначала приписывал это невыносимости наших солдат, но скоро успокоился: на шестом километре "выпал" английский фельдфебель и два английских сержанта, плечистые малые, которых нам прислали недавно из штаба на пополнение убыли от малярии.

Теперь мы шли уже красивыми местами. Тут когда-то бродила по горам с подругами дочь судьи Иеффая, оплакивая свое девичество перед смертью. Внизу

под извилистой дорогой бежала звонкая речка, по-арабски Вади-Нимрин, а в Библии — Воды Тигровые. Но вместо тигров берега ее были усеяны конскими трупами. Зачем турки, убегая, перебили столько своих лошадей, до сих пор не знаю.

Оставили они на дороге не только лошадей. Мы полюбовались на Джерико-Джэн: страшная "Анюта" лежала наискось поперек потока; волны хлестали ей в дуло, и она их весело выплевывала назад. На дороге кучами валялись снаряды, а еще больше было ружейных патронов, в аккуратных "бандольерах" из серого холста. Были раньше, верно, и винтовки, но уже исчезли. У иного поворота передний взвод еще видел целый холмик амуниции, а задний уже ничего не находил; зато по утесам над дорогой карабкались, уходя в горы, маленькие ослики бедуинов. Одного из бедуинов я поймал за делом. Кража патронов была строго запрещена; в сущности, я имел право поступить с ним совсем жестоко — но недаром трунили надо мною товарищи в офицерской столовой: "Какой вы солдат? Просто переодетый фельетонист". Я... я велел отнять у него добычу и дать ему по шее и отобрал у него осла, и мы посадили на осла усталого нашего "падре". Потом на ближайшем привале осла формально усыновили, дав ему батальонное имя. Дело в том, что у нас числилось шестьдесят четыре солдата по фамилии Коган, и имена их начинались со всех букв английского алфавита, от "а" до "зет". Не было только на букву "икс". Осла называли Коган Икс...

* * *

...На полдороге к Эс-Сальту нас остановили, повернули и велели идти назад в долину. У англичан это тоже бывает, и часто: ступай вверх, потом вниз, а для чего — неизвестно. Они, в таких случаях, усмехаясь, цитируют знаменитую строку из Теннисена, из стихотворения о том, как под Севастополем погибло у них ни за что ни про что шестьсот отборных из конной гвардии; строка очень простая — someone has blundered — "кто-то напутал". "Самая английская строка во всей нашей поэзии", — говорит Патерсон (впрочем, он ирландец).

В местности Тель-Нимрин, на низовьях той же горной речки, нам велели ждать немецких пленнх. Мы разбили лагерь и переночевали, а на рассвете привели нам партию оборванцев: девятьсот турок и двести немцев вперемешку с австрийцами и мадьярами. В жизни их не забуду. Обносились, отощали, обросли до того, что по одежде и по лицу уже трудно было отличить пруссака от османлы. Отличали они себя сами: немцы держались отдельно и блюли порядок. Прежде всего надо было пленнх напоить: немцы сами выстроились очередью, подходили один за другим, получали порцию и говорили "данке". Но с турками едва не вышла трагедия.

Речную воду запрещено было пить из-за обилия лошадиной падали. Из штаба

ежедневно рассылали по всей долине цинковые ящики с очищенной водою. Три ящика мы отдали туркам; сержант с помощниками выдавал им по кружке на человека, а двенадцать солдат с винтовками охраняли порядок.

Моя палатка была ближе других к пригорку, на котором это происходило. Я дремал и вдруг проснулся от какого-то гула и визга; в то же время вбежал ко мне денщик, рослый малый из-под Кутаиса, по имени Цвенишвили, закричал: "Драка", схватил свою винтовку и помчался на пригорок. Я выглянул и увидел серую свалку, пыль и над пылью взмахивающие и опускающиеся приклады. Бьют пленных?! Очень уж это было непохоже на наших солдат. За последние недели до наступления именно к нам каждую ночь приползали турки сдаваться: даже на их стороне прошла слава, что в еврейском батальоне с пленными обращаются ласково.

Я тоже побежал на пригорок; закричал солдатам: "Стоп!", но сам себя не расслышал из-за воя тысячи голосов; и то, что солдаты работали прикладами, оказалось мелочью — главное сражение шло у самих турок. Передние, у ящиков с водою, били, царапали, душили друг друга, некоторые, сплетясь, катались по земле; остальные напирали, проталкивались локтями, пинками, головами; все кричали по-своему и их было около тысячи. Сержант сказал:

— Так они с самого начала, сэр. За двадцать минут и полсотни напоить не удалось. Ничего не могу поделать. Подошел полковник, присмотрелся и велел солдатам дать залп в воздух: озверелая толпа притихла.

— Гоните их гуртом на реку, — сказал полковник, — иначе они перегрызут друг друга насмерть.

Их подлинно "погнало" к речке — другого слова не подберешь, да и другого средства не было; там они рассыпались вдоль берега, полегли ничком и "лакали" — опять нет другого слова.

Я пошел к немцам. Они сидели молча, все глядели в другую сторону с выражением "не наше дело, мы не такие". Я спросил по-немецки, нет ли среди них раненых; один встал и доложил:

— Какие были, остались - в пустыне. Но почти все турки.

Не разберешь, интеллигентные лица у людей или нет, сквозь маску пыли и пота и небритых щек; но на некоторых еще уцелели пенсне — признак, по крайней мере, аттестата зрелости. Тот, что докладывал, спросил: — А что нового? Кончена война? Я рассказал; постарался сделать это деликатно, так как новости были все для них неприятные. Все, кто сидел поближе, повернулись ко мне. Тот опять спросил:

— Значит, Германия все еще воюет?

— Воюет, — сказал я.

Мой собеседник повернулся к другому и проговорил:

- Er ist ein Tolpel! [Он болван!]

(Я не обиделся: было слишком ясно, что местоимение "он" относится не ко мне.)

Второй подтвердил:

— Er ist es immer gewesen vom Anfang an [Он был им всегда, с самого начала.]

Никто не возразил, даже не шевельнулся. "Ого, - подумал я, — двести готовых республиканцев? Скоро... только вряд ли прочно". Но остальное, что я от них узнал, было еще тяжелее слушать — три дня в горах и в пустыне, без капли воды и без сухаря. Бедуины, вчера лебезившие, сегодня рвущие у отсталого часы из кармана, колечко с пальца, иногда сапоги с ног. И малярия; люди, ложащиеся на землю, с одной мольбой: уходите, дайте спокойно умереть.

Я пошел к палаткам; под маслиной стоял полковник Патерсон и мой ротный командир, юноша лет двадцати двух.

- Барнс, - спрашивал полковник, - сколько осталось человек в вашей роте? - Здоровых, сэр? Восемнадцать. — Так вы нынче ночью отведете эту партию в Иерихон.

Стемнело, и мы их повели: тысячу сто человек, турок и немцев, за шестнадцать верст, по безлюдным солончакам и обгорелым зарослям, под охраной восемнадцати солдат, почти все портных из Уайтчепла, с двумя офицерами и "падре": он тоже решил непременно пойти. Я шел сзади в черной, сырой и жаркой темноте и думал о том, что, собственно говоря, они голыми руками могли бы нас передуть; но они послушно плетутся как полагается, по четверо в ряд, немцы даже стараются идти в ногу, а наши солдаты, привинтив штыки к заряженным винтовкам, шагают справа и слева, "цепью", в которой звено звена не только не видит, но и оклик не сразу услышит.

"Падре", верхом на Коган Иксе, то уезжает вперед, то возвращается: надзирает, чтобы пленных не обижали или чтобы они сами не обижали друг друга.

Так мы тащимся без конца, старушечьим шагом, снова наперерез той же Богом отверженной долины. Все молчат, кроме тех, у кого ломит голову от малярии. Но таких десятки. Немцы (их выстроили сзади) сдержанно стонут, но турки хнычут в голос, как маленькие дети, или как те шакалы, что невидимо бегут за нами в стороне, оплакивая горемычную землю.

"Падре" спешился и идет со мною за колонной. Вдруг мы слышим, далеко впереди,

крик, свист, потом выстрел. Я оставляю в арьергарде "падре" и сам бегу на беспорядок. У края дороги две фигуры (а колонна плетется дальше): на земле стонущий турок, а над ним солдат, уроженец Александрии, из галлиполийских "ветеранов" Трумпельдора, сердито кричит на лежащего по-турецки. — Кто стрелял?

Галлиполиец объясняет: турок не хочет идти дальше, горячка замучила, хочет умереть в степи. Он уж пугал его бедуинами и волками, но не помогло; тогда он выпалил в небо и сказал: "Вот так я тебя застрелю, если не пойдешь", - и тоже не помогло.

- Отберите двух турок покрепче, - говорю я, - пусть они его тащат.

В темноте я угадываю, что он на меня смотрит с презрением, как на несмышленика; и он докладывает кратко и деловито: — Они его в темноте выкинут. Колонна плетется, и теперь уже идут мимо немцы. Я отбираю четырех, спрашиваю их имена, притворяюсь, будто записал их в книжечку; солдат отдает им свое одеяло, и я им приказываю тащить турка до Иерихона. А дотащили до Иерихона или нет - не знаю.

Возвращаюсь назад, и опять мы бредем и молчим. Около версты, потом опять выстрел, уже много дальше впереди. Я пожимаю плечами. "Падре" заносит ногу, хочет сесть на осла; я грубо дергаю его за ногу и говорю:

— Не суйтесь. Это впереди, там Барнс, пусть он и разбирается.

"Падре" шепчет дрожащим голосом: - А если... если пристрелят?

Немец, идущий перед нами, видно, понимает по-английски: он громко говорит своему соседу: - Одно средство: пристрелить. Не оставлять же их тут, на голодную смерть, а шакалы еще уши отгрызут.

"Падре" затихает и всматривается вправо и влево. Много там разберешь в темноте, где камень, где куст, где что другое.

Тащимся, тащимся, и все думаем одно и то же. Неделю тому назад эти люди были здесь ужасом и красой земли. И ведь только случайно мы их ведем, а не наоборот. Много я передумал в ту ночь. Видел я Реймский собор под обстрелом и дуэль аэропланов в воздухе, и *gueules cassees* и немецкие налеты на Лондон — солдаты с фронта божились, что это хуже Ипра: в Ипре хоть не было в этом грохоте женского и детского плача. Все это страшно, но калечить людей и губить города умеет и природа. Одного не умеет природа: унижить, опозорить целый народ. Это горше всего; и это монополия человека. Живал я и в Берлине, и в Вене, и в Константинополе, видел эти самые обломки образа и подобия Господня, как они работали, как они смеялись, как гуляли со своими барышнями по Пратеру и курили наргиле в переулках Галаты. Часто теперь, когда обзовут меня публично милитаристом, я вспоминаю ту ночь, и дорогу, и долину Иордана, в тени той самой горы Нево, где когда-то умер пророк Моисей от Божьего поцелуя; вспоминаю и не

отвечаю, не стоит.

Грозная это вещь — жизнь нации; тяжело тащиться пустыней; не можешь - ложись, помирай. Человечество — тоже полк, только без доброго "падре", и никто тебя не понесет до Иерихона. Бреди, пока бредется, жестокий к себе и к соседу; или ложись и пропадай, вместе со своей надеждой.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Почему было спокойно в Палестине.

Важнейшим периодом нашей службы, конечно, был третий — во время перемирия. Так оно и должно было быть, по самому смыслу этого плана о легионе. Когда мы его задумывали в 1915 году, нам, конечно, рисовались не полтора и не три батальона, а корпус в тысяч двадцать или тридцать; но и тогда нам было ясно, что для завоевания Палестины одного этого корпуса не хватит, а понадобится на это сто или двести тысяч солдат. Значит, в лучшем случае еврейский легион мог бы быть только четвертой или пятой частью той боевой армии, которая завоеует Палестину. Но для оккупации Палестины после завоевания таких огромных сил не нужно; если бы у нас было двадцать или даже около пятнадцати тысяч, мы могли бы оказаться главной частью гарнизона именно в тот период затяжных и сложных переговоров, когда определяется судьба каждой из завоеванных областей.

На деле все это сложилось гораздо скромнее; тем не менее, в первый год оккупации (1919) еврейский контингент составлял очень видную часть британских сил, охранявших порядок в Палестине. Сам легион вырос. В наступлении 1918 года приняли участие только полтора батальона, приблизительно 1300 человек - остальные еще обучались в Египте; но к началу 1919 нас было три батальона, 5000 солдат. Напротив, общее количество войск, конечно, уменьшилось: часть ушла занять Сирию и Анатолию, часть понадобилась в Египте, а вскоре началась демобилизация. Точных цифр я не помню, но вряд ли ошибусь в таком расчете: если взять среднюю цифру за 1919 год, то мы составляли от 15 до 20% всего гарнизона; если же считать только "белые" войска, т.е. без индусских полков, мы были, вероятно, третью. Этот "цветной" подсчет я привожу не в утешение себе или читателю, а потому, что он важен объективно. Нас, евреев, интересовала не окраска индусских войск, а тот факт, что среди них было много мусульман; в случае арабских выступлений против сионизма эти "цветные" войска были бы

неудобны. Но и англичане, что бы они там ни рассказывали в книжках для иностранцев, сами не считают индусские войска безусловно надежными; оттого в индусских полках все настоящие офицеры, вплоть до подпоручика — англичане; индусам они дают офицерские погоны и титулы "джемадар" и "субадар", но никакой власти. Говорят, теперь это изменилось — не знаю, не следил; говорю о 1919 году.

В течение этого года был момент, точнее два месяца, когда пропорция еще больше изменилась в нашу пользу. В марте разыгрались серьезные беспорядки в Египте. Из Палестины спешно была вызвана туда значительная часть "белых" войск. Кроме "цветных", остались, кажется, только один английский батальон в Иерусалиме и наши пять тысяч.

Это были опасные два месяца. Арабский мирок Палестины прожил их в большом возбуждении. Ежедневно по всей стране прокатывались самые фантастические, но зажигательные слухи о событиях в Египте: англичан разбили, каирская цитадель в руках у националистов, Алленби убит, даже Араби-паша, герой Телль-эль-Кебира, воскрес из мертвых и т.д. Ежедневно по базарам и кофейням ходили какие-то новые люди; десятки агитаторов проникли в Палестину с юга, неизвестно за чей счет, и почти открыто (в деревнях и совсем открыто) призывали народ избавиться и от англичан, и от евреев. Окружные губернаторы и другие чиновники, с которыми часто приходилось тогда встречаться (я был одно время членом "сионистской комиссии") не скрывали своей тревоги; в офицерских столовых говорили, что индусские солдаты получают из Индии письма с жалобами на унижение халифата, на порабощение Константинополя, и смотрят неласково.

Стерegli Палестину в те месяцы мы. Кроме одного Иерусалима (далее расскажу о том, как нас в Иерусалим не пускали), все главные центры и все артерии страны охранялись еврейскими солдатами. В Яффе стояли наши "американцы", в Хайфе - палестинцы; все посты вдоль железных дорог, от Романи в пустыне до Рафы на границе Египта с Палестиной, от Рафы через Газу до Яффы, от Яффы через Луд до Хайфы и дальше до Тивериадского озера, были заняты нашими.

И опасные два месяца прошли спокойно. Вообще спокойно прошел весь 1919 год. Когда в стране тихо, военному повествователю не о чем рассказывать.

* * *

Есть у сионистов популярный спор: правда ли, что наличие еврейских солдат "раздражает" арабов? Я тут пишу не публицистику, потому коснусь только того, что сам видел. На вопросы такого рода надо отвечать честно; но и ставить их надо

честно. Покуда арабы не хотят еврейской колонизации, их, конечно, "раздражает" все, в чем проявляется наше влияние: иммиграция, еврейский обер-комиссар, торжественное открытие университета и т.п.; в том числе, бесспорно, и еврейские солдаты. Если так ставить вопрос, то надо отказаться вообще от сионизма. Честной постановкой проблемы я считаю такую: примесь "раздражающего" зелья имеется в любом лекарстве — но что перевешивает, польза или вред? На это жизнь ответила так: в 1919 году в Палестине было 5000 еврейских солдат, арабы их видели на каждом шагу - и год прошел спокойно, даже несмотря на египетский пример. А к весне 1920 года почти весь легион был демобилизован, от 5000 солдат осталось всего четверста — и тогда в Тель-Хай убили Трумпельдора с восемью товарищами, а в Иерусалиме разыгралась кровавая Пасха.

* * *

Несколько замечаний хочу сделать на тему, близкую к этому спору, но обратную: не об отношении арабов к нашим солдатам, а об отношении наших солдат к арабам. Ясно, что гарнизону в такой стране важно обладать не только силой, но и тактом. Причем сила — если дойдет до такой печальной необходимости — проявляется в действиях коллективных, что сравнительно легче; но такт есть качество личное, которое каждый отдельный солдат должен выказать в своем обхождении с отдельными людьми. Это, конечно, не всякому дано. Тут нужно одно из двух: или большая тонкость дипломатического чутья, или умение держаться в стороне и вообще подалеже от местных людей.

Грубых нарушений такта со стороны наших солдат не было. Можно это доказать официально. Летом 1919 года арабский комитет отдал тайный приказ — "сыпать" жалобами на еврейских солдат. Жалобы, действительно, стали одно время "сыпаться", и военно-полицейские власти производили расследования, во всяком случае - без особого пристрастия к нам. Почти все жалобы оказались дутыми, и вскоре прекратились. Если же сравнивать наше отношение к "туземцу" с поведением остальных "белых" войск, то полагалась бы нам или монтионовская, или нобелевская премия. Австралийцы сожгли целую деревню Сурафенд - позволив, однако, уйти оттуда женщинам, старикам и детям — за то, что накануне там пристрелили одного из их товарищей. У нас не только ничего подобного не могло произойти, но и вообще серьезных столкновений не было. Но перебранки и драки бывали; и любопытно — кто из наших солдат их участвовал.

Прежде всего надо выделить две категории, с которыми ничего подобного не случалось никогда. Первая — это интеллигенция палестинского батальона: учителя, рабочие, колонисты, абитуриенты гимназии и т.д. — добрых три четверти всего палестинского набора. Их отношение к арабам было вежливое и приветливое без запанибратства и трений вызвать не могло. Вторая — наши "лондонцы", те самые "портные" из 38-го батальона. Они просто держались в

стороне и ничего общего с арабами не имели. Свои воинские обязанности они выполняли точно и аккуратно писали письма домой; ничем остальным не интересовались: ни Палестиной, ни сионизмом, уж меньше всего "туземцами". Когда пьяный араб кричал им на улице бранное слово, они просто не замечали ни его, ни его крика.

Не так гладко было зато с "американцами". Это были почти все сионисты, даже пылкие сионисты с интересом ко всему, что касается сионизма. Присматривались они и к арабам скорее даже с симпатией, чем напротив, но — присматривались, и потому каждое арабское ругательство у них истолковывалось как покушение на национальную честь, а шальной, неизвестно откуда брякнувший и ничего не задевший выстрел — и того хуже.

Но больше всего недоразумений бывало у второй части палестинских добровольцев — у той, которая сама выросла в "восточной" обстановке. Против арабов эти молодые люди ничего не имели, напротив — чувствовали себя с ними, как дома, совсем по-приятельски и арабским языком владели в совершенстве. Отсюда и все горе. Начиналось с того, что солдат в отпуску встретил знакомого, поздоровались, обнялись, пошли в кофейню, выпили, сыграли партию; при этом сначала подтрунивали друг над дружкой - что бывает и у самых близких друзей - потом поругались, а в конце подрались.

Я об этом упоминаю на тот случай, если читателю доведется услышать сахарные разговоры, что для примирения евреев с арабами желательно было бы устроить "сближение", встречи, изучать арабский язык и т.д. Опять-таки, я тут не занимаюсь публицистикой, а просто рассказываю, что видел: видел совсем обратное. Чем больше точек соприкосновения, тем, иногда, больше неприятностей. Аналогичные наблюдения делались, в течение последних ста лет, также и в Германии, Польше, России и т.д. Словом, рекомендую осторожность.

...Но о том периоде нашей службы, который я считаю самым важным, рассказать все-таки нечего — именно потому, что служили хорошо и порядок в стране охраняли образцово.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Наши офицеры.

Надо описать наших солдат и офицеров; но половины их я вообще не видел. Как уже сказано, из десяти тысяч рекрутов наших только 5000 попали в Палестину; остальные, проведя несколько месяцев в Плимуте под командой полк. Миллера (еврей; но и его я не видел), были там же демобилизованы.

В Палестине было у нас три батальона. Сначала они назывались официально: 38-й, 39-й, 40-й Royal Fusiliers. Вскоре после занятия Умм-эш-Шерта мы получили согласно давнему обещанию лорда Дарби новый титул: Judaeian Regiment. Должен прибавить, что казенные эти имена, и старое и новое, остались только на бумаге: англичане нас с самого начала называли Jewish Regiment, евреи диаспоры — "легион", а евреи в Палестине — просто "гдуд", т. е. "полк".

В 38-м батальоне преобладали солдаты из Англии, меньшинство составляли американцы. В 39-м - наоборот. 40-й состоял почти целиком из палестинцев. Потом, когда демобилизация съела остальные два батальона, палестинцам досталось звание "1-го Judaeans".

38-м командовал Патерсон, 39-м Марголин. У палестинцев был сначала полковником Ф. Сэмюэл, потом М. Скот (христианин), а после роспуска первых двух батальонов - тот же Марголин.

О Патерсоне я уже говорил подробно; хочу прибавить только одно. Со странной неблагодарностью отнеслись к нему оба народа, англичане и евреи. Он, вероятно,

единственный в Англии пример офицера, который и начал, и кончил эту войну в том же чине подполковника, не получив ни повышения, ни ордена, хотя и его галлиполийский отряд, и его батальон в Палестине оба удостоились отзывов в приказах по армии ("mentioned in dispatches"). Алленби, письменно обещавший слить наши батальоны в бригаду и назначить его бригадным генералом, потом передумал. В ставке его ненавидели за то, что он упрямо заступался за своих солдат и посылал протесты против антисемитского духа, царившего в этой части армии: это, вероятно, и есть причина, почему Алленби не представил его к награде, а заодно уж и остальных наших полковников не представил. Отблагодарить его мог бы сэр Герберт Сэмюэл, когда был верховным комиссаром Палестины и раздавал губернаторские должности, — но не пожелал. О еврейской благодарности и говорить нечего; вернее, многое можно было бы сказать, но неприятно. Часто я думаю о том, что родовое имя наше — Израиль Непомнящий.

Но Патерсон остался, как был, другом еврейского народа и другом сионизма. Одно время он работал в Америке для Керен-Гайесода; где побывал, там все его помнят и любят. Видаемся мы редко; но, когда встречаемся, в Лондоне или в Париже, и я ему, как брату (такой он и есть), поверяю свои разочарования и заботы, он улыбается все той же ирландской улыбкой, как улыбался тогда после нашей стычки с генерал-адъютантом или как улыбался в Иорданской долине после особенно тяжелого дня: улыбкой, сводящей на нет и генералов, и малярию, и вражьи пушки; улыбкой человека, верующего только во всемогущество сильных упрямецев. Он подымает стакан и пьет свой любимый тост: - Here is to trouble!

Не знаю, как перевести trouble. Беспорядок? Неприятности? "История"? Ближе всего подошло бы еврейское "цорес". Патерсон пьет за все то, что нарушает мутно-серую гладь обыденщины. Он верит, что trouble есть эссенция жизни, главная пружина прогресса.

И о Марголине я уже говорил. По темпераменту ему бы, собственно, быть англичанином вместо Патерсона. Порция его красноречия — десять слов в сутки; его мысли — мысли человека, прожившего жизнь вдали от больших городов, в Палестине времен первых пионеров, в зарослях австралийского "буша" — at the back of beyond ("по ту сторону той стороны"), как выражаются у них в Австралии: медленные, высокие, односложные и глубокие мысли, проникнутые метким чутьем действительности. "Батько", называли его американские солдаты, хотя часто сердились за его "педантизм". Он и в самом деле, как "добрый отец семейства" по римскому праву любил доходить до последней мелочи солдатского быта. Лагерь его считался образцовым — туда посылали адъютантов из английских и индусских батальонов учиться порядку и дисциплине. В дисциплину он верил свято и, хотя молча, но явно не одобрял бунтарства Патерсона, воевавшего против антисемитов штаб-квартиры. Но это было не из робости перед штаб-квартирой. В апреле 1920-го года, когда иерусалимскую самооборону везли

под конвоем "на каторгу", он прибыл в Луд со всеми своими солдатами позвать "каторжника" руку; а еще через год, в мае 1921 года, когда Сэмюэл еще носился с мыслью о смешанной милиции и назначил Марголина начальником еврейской половины, он в самый разгар яффского погрома, не спрашивая позволения, привел своих солдат с винтовками в Тель-Авив. За это прегрешение пришлось ему выйти в отставку; и теперь снова живет он в Австралии и тоскует по Палестине, где когда-то пахал землю в Реховоте, воевал в Иорданской долине, правил Эс-Сальтом в земле Галаадской...

Полк. Фредрик Сэмюэл принадлежит к давнооседлой англо-еврейской семье давно ассимилированного круга; но в этом кругу нашлось одно личное влияние, не его одного, а многих сблизившее с национальной душой еврейства. Это была Нина Дэвис, жена кап. Рэдклифа Саламана, военного врача, о котором я вскользь упоминал. К сожалению, теперь уже и Нина Дэвис, как много других имен моего рассказа, имя покойницы. Как Саламан и Сэмюэл (они между собой в родстве), Нина Дэвис тоже была родом из семьи, давным-давно осевшей в Англии; но отец ее, сам человек замечательный, дал ей глубокое гебраистское воспитание. Ее перу принадлежит ряд книг на английском языке для еврейских детей и много изящных переводов из Галеви, обоих Ибн-Эзра, Габироля. Но важнее этого дарования было в ней то, что англичане называют "личным магнетизмом". Она была, вероятно, из того разряда натур, откуда вышли царицы французских салонов конца прошлого столетия; хоть у нее не было "салона" (Саламаны жили в имении далеко от Лондона), это была та же форма влияния. Чисто туземный круг английского сионизма очень невелик, но лучшая часть его — те, кого привлекла к национальному движению Нина Дэвис. Один из них — полк. Сэмюэл. Он служил на французском фронте, командовал хорошим батальоном, ожидал с уверенностью близкого производства в бригадные генералы. Кап. Саламан написал ему, что нам нужны еврейские офицеры для легиона: он распрощался со своим полком — не малая и не легкая жертва для командира на четвертом году кампании - и перевелся к нам, отлично зная, что это связано с отказом от генеральского чина, так как первым кандидатом в бригадные был, понятно, Патерсон.

В Палестине он командовал батальоном тамошних волонтеров. Близок я с ним не был, не все в его действиях тогда одобрял, но и тогда признавал его такт и его умную гибкость. Все, чем жили его солдаты, было ему глубоко чуждо. Сам он по психологии — англичанин, привыкший к порядкам прочно сложившегося быта, где (в гражданской ли жизни или в армии) чин есть чин, сословие есть сословие и каждому разряду отведено свое место. Тут он вдруг очутился в среде таких "рядовых", как Бен-Цеви, Бен-Гурион, Б.Кацнельсон - рядовых, которые сами в известном смысле командовали массами значительно более многочисленными, чем один батальон. В своем лагере он наткнулся на "общественное мнение", с которым не считаться значило бы разложить всю нравственную спайку этой своеобразной гарибальдийской тысячи. Одно время я опасался, что ему не удастся

найти ту гамму отношений, которая могла бы примирить общественность и солдатчину. Он ее, однако, нашел. Критики его, усмехаясь, ворчали, что он — первый и пока единственный — ввел в английской армии русский институт "совета". Это, конечно, преувеличено; да и вообще спорно, русский ли это институт. По-моему, английский: в армии Кромвеля были солдатские комитеты, с которыми совещались начальники по всем делам военного быта.

После Сэмюэла одно время командовал палестинцами полк. М. Ф. Скот. У него была система другая: зная, что он среди своих солдат чужой, он и не пытался влиять на их внутреннюю жизнь, а просто отмежевал для себя скромную задачу: оберегать их от недоброго трения с окружающей, в то время уже явно враждебной армейской атмосферой. За один эпизод этой охраны весь еврейский народ ему обязан, по-моему, благодарностью. В конце лета 1919 года, когда палестинский батальон стоял в Рафе, он внезапно получил приказ: отправить 80 человек в Египет, в распоряжение тамошнего командования. Это было явно "против уговора": палестинские добровольцы пошли в солдаты воевать за Палестину и охранять Палестину, а не усмирять египетских националистов. Батальон устроил сходку и заявил, что не допустит отправки в Египет. По букве устава, полковнику следовало вызвать военную полицию, арестовать и тех 80 солдат, и их "укрывателей", а в случае отпора (что произошло бы неизбежно) — открыть пальбу. Если бы он это сделал, в Палестине разыгралась бы очень серьезная трагедия. Скот поступил иначе, с изумительным тактом и еще более изумительной смелостью, сам рискуя военным судом. Он написал в ставку, что солдаты его считают приказ об отправке в Египет не только незаконным, но видят в нем и попытку поссорить евреев с арабами; что 80 солдат, намеченные к отправке, ни в чем не виноваты, так как остальные (а их больше тысячи) грозят удержать их силой; остается, значит, арестовать весь батальон, а это значило бы отдать под суд всю лучшую молодежь еврейской Палестины. Он даже не побоялся прибавить к этому рапорту совет: "снесите с Лондоном, прежде чем принимать крутые меры, и доложите Лондону и мое мнение, а также и следующий отчет; во всем остальном — дисциплина в батальоне образцовая, чистота, порядок, служба безупречны". И каждый день, чуть не две недели подряд, он продолжал докладывать: полный порядок во всем — а отпустить товарищей в Египет не хотят. Штаб вынужден был все эти доклады препроводить в военное министерство; оттуда, конечно, получился приказ — оставить еврейские батальоны в покое и вообще всю нелепую историю замазать.

Теперь полк. Скот живет в маленьком предместье Лондона и оттуда ездит на службу, в банк или в контору где-то в Сити. Раза два состоялись у нас в Лондоне обеды бывших легионеров: он на них приезжает, скромно сидит, куда посадят, речей не произносит, только соседям говорит вполголоса: — Это была мне большая милость Господня, что довелось мне служить с солдатами народа Израильского в земле Израиля.

В его домике, в Соут-Кройдоне, каждый вечер он, жена его и двое детей молятся Богу по своим христианским обрядам; между прочим, молятся каждый вечер и о том, чтобы Господь восстановил Израиль в стране его и чтобы это было началом искупления для всего человечества.

Как-то на сионистском конгрессе я повторил одну его фразу; стоит и здесь ее записать: "Англии выпала на долю великая честь: мы вырвали из Библии страницу, на которой начертано самое древнее из пророчеств, и на Божьем векселе выставили жиро [жиро — вид безналичных расчетов. -Ред.] английского народа. От такой подписи нация не может отречься".

* * *

Прежде чем перейти к главному — к солдатам, еще несколько слов об остальных офицерах. Только в батальоне Патерсона две трети офицеров были евреи; в остальных преобладали офицеры-христиане. В том сильно англизированном кругу, к которому по рождению и воспитанию принадлежали офицеры-евреи военного времени, агитация ассимиляторов, очевидно, оказала свое полное действие. Покуда еще оставался в Лондоне Р. Саламан, его личное влияние давало нам известный приток еврейской молодежи в эполетах; после его отъезда на фронт с батальоном Марголина, приходили к нам только те, кого самих "тянуло", а таких было немного.

Но были и такие. Гарольд Рубин бросил для нас один из самых блестящих гвардейских полков — Coldstream Guards. Эдвин Сэмюэл (сын сэра Герберта), по прозвищу "Неби", перевелся в палестинский батальон из канцелярии при штабе Алленби. "Неби" остался в Палестине и после войны, по-видимому, уже навсегда. Остались и другие: Горас Сэмюэл, ныне крупный адвокат в Иерусалиме; Джэкобс, один из секретарей сионистской экзекутивы; Израэль Джаффе, родом из Белфаста, до недавнего времени помощник начальника городской полиции в Тель-Авиве; и еще два или три. Из тех, что вернулись в Англию, некоторые остались - или сделались — активными сионистами (если не переоценивать значения слова "активность"). Но большинство просто пришли и ушли; служили в легионе честно и с достоинством, но не поддались ни блеску национальной идеи, ни горькой красоте палестинской природы.

Приглядываясь к ним, я окончательно укрепился в одном застарелом своем предрассудке. Мне давно казалось, что сионисты — это особая "раса": особый прирожденный склад души, а может быть, и особый какой-то состав крови. Нельзя "обратить" человека в сионизм; и все толки о том, будто контакт с Палестиной может "сделать" кого-либо сионистом, тоже выдумка. Если это и случается, то только с теми, у кого и раньше была в душе капля сионистского яду, только прежде незамеченная. Это — тот самый яд, чья примесь, у других народов, при других условиях, создает ушкуйников, пограничников, авантюристов: людей, которым

отроду не по сердцу взбираться по готовым ступенькам, а хочется и лестницу выстроить самим. Этой черты ни привить, ни подделать нельзя. Будет время, когда весь еврейский мир "признает" сионизм и даже будет его "поддерживать"; но и тогда сионисты будут в еврейском народе малым меньшинством.

Среди христиан-офицеров было несколько теплых друзей сионизма; из них у палестинских волонтеров был особенно популярен майор Хопкин, валлиец. Но большинство было точь-в-точь, как большинство евреев: служили честно, корректно и нейтрально. Много ли было среди них "тайных юдофобов" - право, не знаю: я уже признавался где-то в одной из предыдущих глав, что невысказанные чувства ближнего меня мало интересуют. Один из них, впрочем, ненавидел нас совершенно открыто, но и его я бы не назвал с уверенностью антисемитом. Звали его майор Смоллей; он был вторым по команде в батальоне Марголина, и американцы наши много от него терпели; а однажды его упрямство и бестактность довели и до очень серьезных неприятностей — до военного суда над полусотней солдат, но об этом я расскажу после. Однако этого же Смоллея я видел и при других обстоятельствах, и там он держал себя с честью, даже по-рыцарски, хотя опять дело шло о евреях. Если бы тот же Смоллей был

чиновником при военном министерстве в Лондоне, был бы он для нас, пожалуй, добрым помощником. Но ему пришлось жить среди нас ежедневно, а это безнаказанно дается только отборным людям, "лингвистам духа", если есть такое слово. Остановился я на майоре Смоллей потому, что загадка его — загадка общая для большей части английских чиновников в Палестине. Трудный мы народ; нелегко нам с соседями, нелегко и соседям с нами.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Наши солдаты.

Солдатскую массу нашу надо разделить на три главные группы: “англичане”, палестинцы и американцы.

Об “англичанах” мало что осталось сказать. О том, что презрительная кличка “портные” стала у нас постепенно почетным титулом, я уже говорил. Уайт-чэпель дал нам, бесспорно, хороший материал, ничем не хуже других солдат британской армии. Иногда мне даже импонировала непреклонная суровость их настроения. Без увлечения, без энтузиазма к чему бы то ни было на земле, кроме своего личного “дома” с женой и детьми, равнодушные к сионизму и к Палестине, обиженные на всех и все за то, что их посмели потревожить и послали на край света отвоевывать страну, до которой им дела нет, — они точно и аккуратно справляли свою службу от аза до ижицы, от чистки пуговиц до настоящего героизма. В наших батальонах бывали тяжелые моменты, приступы массового нетерпения, которые иногда грозили привести все наше дело к гибели, — но никогда в этом не участвовали “портные”. Для них все—опасность, жара, грубость, беспредельная скука перемирия, спанье на камнях, ночная стража на горе, малярия, рана, пустая фляжка, где не осталось ни капли воды, — все это были для них составные элементы “подряда”, который, хочешь не хочешь, пришлось на себя взять, а потому, раз уж “подрядился”, надо выполнить, как полагается.

Коллективной жизни я у них не заметил: ни общих идейных интересов, ни собраний, ни даже кружковых сближений. Жили они группками, по произволу случая — кого капрал с кем поселит в одной палатке. Раз оказались соседями, значит, надо друг другу помогать, играть вместе в карты, вместе ворчать на полковые порядки и вместе вспоминать о доме, не тоскуя о вчерашних соседях. Тосковать разрешается только по “доме”.

Войну они ненавидели, как дикое безумие пьяного необрезанного мира, безумие,

которому нет и не может быть никакого нравственного оправдания. Добровольцев, особенно палестинских, они искренно считали идиотами. А с другой стороны — такой факт. После брест-литовского мира кто-то в штабе Алленби додумался до простого способа, как избавиться от нашего легиона: ведь эти солдаты — “русские”. Патерсон внезапно получил приказ созвать батальон и объявить, что каждый, кто захочет, может перевестись в нестроевые роты. Откликнулись всего два человека. Почему только два? Не знаю. Как не знаю, почему они же оказались первыми боксерами на всю британскую армию в Палестине, побив, одного за другим, чемпионов всех других полков, так что на заключительном состязании в Каире, между “Англией” и “Австралией”, Англию представлял наш рядовой Бурак.

Палестина их не интересовала. Однажды, во время перемирия, было объявлено по полку, что можно записываться в групповые поездки по стране. Никто из них не записался, а на другой день полковник получил письмо без подписи: “Этого нам не нужно. Мы сюда не приехали смотреть на пейзажи — мы приехали служить, служили прилично и вас, сэр, ни разу не посрамили; а теперь очередь за вами, похлопочите, чтобы нас скорее отправили домой”.

Но, мечтая о “доме”, они делали свое дело и не топали ногами, и оттого, должно быть, их и демобилизовали много позже, чем американцев. Итог: первыми приехали, уехали последними; чужими пришли и чужими ушли; а между началом и концом была Иорданская долина. Странная психология, мне мало симпатичная; но не могу ей отказать в цельности.

* * * * *

Я сказал: “уехали последними” — конечно, последними из тех, которые приехали. Самый последний остаток еврейского полка, продержавшийся на посту до лета 1921 года, состоял из палестинцев.

Об этих волонтерах Х.Е. Вейцман сказал однажды ген. Алленби: “Лучших солдат и у Гарибальди не было”, — и правильно сказал. По крайней мере три четверти “Гитнадвута” представляли редкий человеческий отбор. Смелость их была того калибра, какому научил нас Тель-Хай, где стояло пятьдесят человек против тысячи: не просто бесстрашие, но и прямая тоска по жертве. Притом, в значительной части, молодежь высококультурная и в смысле духа и в смысле внешнего обряда — вежливая, с рыцарскими понятиями о чести, товариществе, долге. Многие из них знали страну, как свою ладонь: многие говорили по-арабски, как арабы; некоторые хорошо знали по-турецки; добрая половина умела обращаться с конем и с ружьем. Всякий другой главнокомандующий ухватился бы за таких людей двумя руками. Алленби — или его штаб — на полгода оттянул их прием на службу,

а потом старался держать их подальше.

Обучали их в Египте, в местности Телль-эль-Кебир; даже того, чтобы их оттуда перевезли в Палестину, пришлось особо добиваться. Сделала это г-жа Грозовская (сын ее, Аммигуд, был одним из главарей добровольческого движения): собрала депутацию из дам, у которых были в полку сыновья, и добилась свидания с Алленби. Они ему сказали: “По стране носятся разные беспокоящие слухи, а молодежи нашей с нами нет; нам “жутко”. Через две недели “40-й батальон” привезли в Сурафенд, недалеко от Луда.

Внутренняя жизнь их была очень богата: другого такого интеллигентного батальона, вероятно, во всей армии не было. У них была библиотека тысяч в пять томов — совершенно, кажется, беспримерная вещь для новорожденного и притом временного лагеря. Из своего лагеря они управляли рабочим движением в стране, дирижировали настроениями интеллигенции, посылали делегатов на съезды Ваад-Земанни (так назывался предшественник теперешнего “сейма” — Ваад-Леуми). Капрал из почтового отделения сказал мне однажды: “Случаются дни, когда десять рядовых из 40-го батальона получают больше писем, чем вся ставка целиком!” Когда у “сионистской комиссии” возникал какой-либо серьезный вопрос — план большой колонизации в районе Негева, с которым одно время много носились, или разработка проекта палестинской конституции для представления Лиге наций — на совещание вызывались делегаты “гедуда”. При этом они умудрялись нести военную службу аккуратно и точно, как я уже рассказал, даже в самых парадоксальных условиях.

Лично мне больше всего нравилась группа бывших яффских гимназистов, первого и второго выпуска. Эту гимназию много у нас бранили: и за якобы “критическое” отношение к Библии, и за совместное воспитание мальчиков и девочек, и просто педагогически. Во всем этом мне не разобраться; знаю только то, что на большинстве ее воспитанников того периода лежал общий нравственный отпечаток, и хороший, с высокою меркою требований к самим себе в смысле долга, товарищества, рыцарства, мужества, даже манер и с великой готовностью к жертве за страну и идею.

Их я и знал ближе; о других группах судил скорее издали. Было много сефардов: лучшая в них черта — здоровая непосредственность в отношении ко всему, до чего ашкеназийскому еврею приходится “додумываться”. Палестина, еврейская армия, еврейское государство — для них это все не проблемы, а вещи данные и бесспорные, как нос или рука. Они, по-моему, единственное племя среди евреев, сохранившее коренной, мужицкий здравый смысл — “конское чутье”, как выражаются англичане, тот инстинкт, который помогает лошади ночью в горах

найти дорогу, если только всадник перестанет дергать за уздечку. — Было около сотни турецких военнопленных, уроженцы Балкан и Анатолии. С точки зрения Уайтчэпеля, они были еще непонятнее палестинских добровольцев. Жилось им сытно и уютно за колючей оградой в Сиди-Бишр близ Александрии; англичане долго не хотели брать на службу людей, которым, если попадутся в плен туркам, грозила виселица; но они посылали просьбу за просьбой и добились своего. — Были йемениты: может быть, от природы наиболее одаренная ветвь еврейского корня, с задатками большого коллективного таланта к музыке, мышлению и гешефту; физически — почти особая раса, происхождение которой остается загадкой глубочайшей старины и которая пронесла свою верность сквозь строй гонений, еще и в счастливой Аравии не закончившихся. Отцы их прибыли в Палестину босыми оборванцами, каждый с двумя ящиками богатства — в одном рухлядь, в другом священные книги. Сыновья — многие из них — не ели на службе мяса, так как о той кашерной пище, которую завел Патерсон в Плимуте, на фронте не могло быть речи.

Как носители идеи легиона, палестинские волонтеры последними покинули утопавший корабль. Ядро их, человек 400, зубами и ногтями боролось против демобилизации, на которой настаивала штаб-квартира. Эта борьба им и в нравственном смысле далась не легко. Уже давно заговорили кругом о новой строительной работе, слово “квуца” стало лозунгом всей молодежи — а им, лучшим из этой молодежи, приходилось стеречь железнодорожную станцию в Хайфе или пустые военные склады на границе Синайской пустыни. С огромными усилиями удалось им раз или два продлить срок своей службы еще и еще на три месяца; потом они записались в еврейский отряд “смешанной милиции”, которую хотел устроить Герберт Сэмюэль. Яффский погром положил конец и “милиции”, и их военной службе.

* * * * *

Сложную задачу представляли наши американцы. По количеству они были самой значительной группой нашего состава (наши 5.000 распределялись приблизительно так: из Соединенных Штатов — 34%, из Палестины — 30, из Англии — 28, из Канады — 6, из турецких военнопленных — 1, из Аргентины); по интеллигентности, образованию, по личной отваге, проявленной в Иорданской долине, они тоже стояли на доброй высоте; в смысле физическом, по здоровью и мускулам, были, пожалуй, у нас первыми. Но психологически — очень трудно было их “уместить” в нашей обстановке. Виной тому были не еврейские их качества, а американские.

Очень несродны между собою духовный мир англичанина и духовный мир еврея; но эта разница — ничто в сравнении с той пропастью, которая отделяет англичанина от американца. Я жывал среди русских, итальянцев, немцев, венцев,

французов и турок: в жизни еще не видел двух народов, так диаметрально непохожих друг на друга, как эти две ветви англосаксонского ствола. Они сами это знают; один британский публицист, как раз тот, который больше всех работает для сближения обоих народов, заметил однажды: — Слава небу, что мы с ними не соседи, а не то бы мир впервые увидел, что такое настоящая национальная ненависть! — Но мы, посторонние, этого не подозреваем: слышим ту же речь, те же фамилии и воображаем, что это братья по духу. Братья по духу?! Даже у нас, в крошечном “театре миниатюр” 38-го батальона, легко было проследить, что это за “братство”. Наши “Transatlantiques” были, конечно, только наполовину американцы; но и налета американизма оказалось достаточно, чтобы сделать для них совершенно невыносимой обволакивавшую нас английскую атмосферу. Выходцам из России, сефардам, йеменитам гораздо легче далось приспособление к британским порядкам, чем этой молодежи, всего десять или пятнадцать лет подышавшей воздухом Америки.

В чем тут различие — об этом пришлось бы написать целую книгу, и напишу ее не я: не мое дело. Для моей цели достаточно указать на одну противоположность: в “темпе”. Американец думает быстро и отчетливо, говорит да или нет, и если “да” — действует так, чтобы вышло “да”.

Англичанин на это способен только в критические моменты большой опасности. В обычное, более или менее нормальное время он гораздо больше сродни испанцу с его любимым словечком “маньяна”, или арабу с его “букра” — оба слова значат: “завтра!” Не толкайтесь, куда вы торопитесь? Отложим на неделю, на месяц, на год — поближе ко второму пришествию. — Притом американец — человек цели: если берется за дело, он прежде всего знает, какой ему нужен последний итог? и каждый сегодняшний шаг он приспособляет к этой конечной задаче. Англичанину само понятие “конечной цели” не по сердцу, и он открыто гордится своим пренебрежением к будущему. Снег и пламя легче примирить, чем эту психологию воспитанников Итона и Вестминстера с душой чикагского “толкача”. Не берусь судить, что лучше: тоже не мое дело. Но под венец такая пара не годится.

На подмостках нашего “театра миниатюр” эта противоположность отразилась быстро, ярко и резко. Американские легионеры, высадившись в Александрии, сразу поставили вопрос о “цели”: где тут фронт? Англичанин ответил: повремените, поучитесь. Они возразили: да ведь у вас самих три-четыре месяца обучения считаются достаточными! Англичанин отозвался: поживем — увидим... Так и случилось, что большинство из них в наступлении не участвовало, т.е. пропустило цель, ради которой они туда и прибыли. Тогда возникла новая “цель”: раз у нас мир, значит — надо “строить Палестину”. Большинство из американцев были хорошие сионисты. Дайте нам лопату! Но кабальеро в британской форме отвечает: “маньяна”.

Я, конечно, далек от того, чтобы обвинять одну только сторону. Было бы гораздо

лучше, если бы американские и канадские мои товарищи стиснули зубы и, терпя скуку и разочарование, остались на посту. Далеко не все они так поступили. Видя, что пальба кончена, а строительная лопата еще далеко в тумане, многие из них решили: значит, не к чему чистить бесполезные винтовки — и начали громко, иногда очень громко, требовать демобилизации.

Летом 1919 г. состоялся в Петах-Тикве съезд представителей палестинских и американских легионеров, вместе с делегатами от рабочих. (Если не ошибаюсь, это был тот именно съезд, на котором основана была “Ахдут-га-Авода”, ныне главная рабочая партия Палестины). Я был на том съезде; ясно предупредил их, что именно теперь наступает важнейшая роль легиона: по всей стране ведется беспрецедентная погромная агитация, тем более опасная, что она косвенно опирается на известные настроения и в высших, и в низших слоях оккупационного аппарата. Справедливо или нет, наши противники уверены, что ни британские, ни индусские войска пальцем не шевельнут в защиту еврейского населения: их пароль: — “эд-доуле маана”, правительство с нами! Правда это или ложь, неважно: они в это верят; и единственная сила, которой они боятся, это — еврейские батальоны. Как же можно говорить о демобилизации?

Не помогло. Опять-таки, и тут нельзя винить одну сторону. Если бы легионеры поверили в опасность, они бы остались под ружьем, в этом я убежден. Но среди старших вожаков палестинского общества нашлись успокоители: они сказали солдатам, что я выдумываю или преувеличиваю, что сам я в стране новичок, а они, успокоители, знают арабов, и ни о каком погроме речи быть не может... Для американцев все это не могло не звучать убедительно: понятно, местным людям виднее.

Словом, много было у нас с американцами осложнений. Подробно рассказывать незачем; но в итоге — многие из тех, что прибыли последними, отбыли первыми. Через два месяца после съезда в Петах-Тикве из трех батальонов осталось два, а потом и всего один — палестинцев, которые держались до конца, подавая прошение за прошением, чтобы их не демобилизовали, оставили под ружьем. Но и они быстро таяли. Весной 1919 года у нас было 5.000 солдат; к весне 1920-го осталось едва четыреста — и тогда разыгралась кровавая Пасха в Иерусалиме...

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

---

mail.ru	1257
3685235	124

HotLog
1048159 +143

jewish.ru
1 КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Каста главного штаба.

Иерусалимский погром был, в значительной мере, неизбежным последствием всей политики главного штаба. До погрома политика эта ярче всего проявлялась в отношении властей к еврейскому легиону; но это - деталь. Просто оказался под рукою проект, который легче было толкать и дразнить, чем гражданское население. Но пинки, сыпавшиеся на легион, предназначались не ему, а всей еврейской Палестине, и больше того — сионизму.

Как и почему штаб ген. Алленби дошел до жизни такой, это — особая тема. Я займусь ею подробно, если действительно соберусь написать продолжение этой книжки, рассказ о самообороне 1920-го года. Здесь, однако, совсем обойти ее не могу.

Я уже говорил, что ни Алленби, ни даже Больша (в его управление произошел погром) я бы не назвал антисемитами. Вообще думаю, что настоящим антисемитом в этой ставке был только один человек полковник Вивиан Гэбриэль; но его убрали, кажется по настоянию Брандейса, еще до Пасхи 1920 г. Остальные вдохновители ставки - совсем не враги наши: ни знаменитый Лоренс, ни Ричмонд, ни Фильби, ни даже Сторрс. Некоторые из них одно время даже сочувствовали сионизму — издали. Что же сделало их и им подобных вдохновителями юдофобской агитации, а одного из них - ген. Луи Больша - даже хуже того, уменьшенным Плевэ?

Чтобы это понять, надо, мне кажется, опять вернуться к той черте английской психологии, о которой я вскользь говорил в последней главе. Средний англичанин из так называемой правящей касты органически не любит чересчур широких

проектов, особенно таких, которые отзываются сентиментальностью и романтикой. Не вся Англия такова, даже не большинство Англии — я говорю о правящей касте. И тут есть исключения, холодные мечтатели вроде Бальфура, Эмери, Грэхема, Ормсби-Гора, Стида, горячие мечтатели вроде Веджвуда, Кенворти - я бы мог наполнить страницу списком, и он был бы очень неполон. Но "каста" в целом, те сто тысяч душ, которые так запутанно связаны между собою происхождением, хотя бы отдаленным, от бесчисленных лордов и сэров, от их родичей или от их свояков; которые воспитываются в средневековых "public schools" Итона, Гарроу, Винчестера, а после того не просто в Оксфорде или Кэмбридже, но непременно в одном из древнейших там колледжей вроде "Баллиоль" или "Корпус Кристи", основанных восемь или девять веков тому назад; которые даже на английском языке говорят по-своему (или воображают, что это все еще так) — эта каста, вернее, особая нация внутри нации, искренно гордится непроницаемостью своего духовного провинциализма.

Если можно сравнить несравнимое, они похожи на гетто наших дедов: другие обычаи, но та же мания избранничества, то же неприятие остального мира, то же презрение ко всякому новому шороху. К счастью, давно уже прошло время, когда эта "правящая" каста одна правила государством: другие сословия порядком уже оттеснили ее, особенно на парламентской арене. Но она еще правит душами, определяет нравственную моду всей страны и все еще очень сильна в высшем чиновничестве. Всего сильнее она, конечно, в армии, особенно чем выше. Китченер, с его отвращением ко всему, что отдавало привкусом "фантазии" — "fancy", очень был для них типичен. Но, конечно, фантастический полк — это еще пустяк по сравнению с таким чудовищем фантазии, как возрождение еврейского государства.

После этого нетрудно себе представить раздражение этого военного кружка - касты над кастами - когда в самый разгар войны им вдруг заявили: извольте насаждать сионизм; мы посылаем вам еврейские батальоны; посылаем сионистскую комиссию. Ставка возмутилась. Как можно сделать такой шаг, не спросив у нас? И как можно осложнять нашу военную задачу "политикой", да еще такую политикой, которая очень не по вкусу арабам? Разве не вы нам велели привлечь арабские сердца? Чего бы вам не дожидаться конца войны? Все это вопросы, которым трудно отказать в известной резонности.

Но это все было только полбеда. Вторая половина, пожалуй, не менее важна. Я назвал несколько имен: Лоренс, Фильби, Ричмонд — можно было бы назвать еще несколько, ибо и у "касты" есть свои фантазеры. Но они облюбовали такую "мечту", которая легко и уютно укладывается в самые застарелые британские традиции. Не "fancy", не дикое новшество, а вполне законное порождение вчерашнего дня — "Пан-Арабия". Англия вот уже 40 лет хозяйничает в Египте, имеет интересы в Месопотамии, владеет несколькими точками на всех побережьях Аравийского полуострова; выработался огромный опыт, как управлять арабами. Остальное просто: теперь надо их освободить, потом объединить, потом дать им королей —

этиких живописных шейхов в зеленых и белых чалмах, которые за столом сидят с ногами на кресле... Такая мечта — другое дело; пожалуйста.

До войны почти вся высшая бюрократия в Египте принадлежала, прямо или косвенно, к этой школе. Во время войны они переоделись в хаки, окружили штаб-квартиру и определили ее идеологию. Конечно, Великая Аравия; но притом обязательно "живописная", с верблюдами, караванами, белыми бурнусами, зелеными чалмами и женщинами под чадрой и за решеткой. Всю декорацию "Востока" надо свято сохранить; было бы ужасно, если бы эту красоту нарушило прозаическое дыхание цивилизации... Возможно что в этом культе старого хлама была подсознательная примесь эгоизма - мысль о том, что покуда король сидит за обеденным столом, скрестив ноги, ему нужны английские советчики не только за обеденным, но кстати уж, и за письменным столом. А может быть и нет: я вполне допускаю и бескорыстие этой любви к допотопному. Один из ее представителей, Стивен Грэхем, писал когда-то в том же духе о России, уж, конечно, не мечтая править ею через английских советников, а просто так из чистого восторга пред самодержавием и ссылкой в Сибирь. После первого переворота 1917-го года он откровенно заявил: "Сердце мое безутешно: я так надеялся, что Россия надолго еще останется музеем средневековья..."

Для этой школы Декларация Бальфура была ударом ножа в самое сердце - или в спину. Евреев они хорошо знали: богатых - по гостинице леди Н.Н., бедных — по Уайтчеплу; ни те, ни другие не "живописны". Если бы шла речь о поселении в Палестине хасидов с длинными пейсами, право, Лоренс и Ричмонд гораздо легче бы с этим примирились — они ведь не юдофобы. Но ясно было, что речь идет о евреях новомодных, у которых на ногах штаны, на голове - котелок или каскетка, а под каскеткой - новаторские замыслы. Пропала вся декорация: в Иерусалиме будет трамвай (Сторрс, впрочем, поклялся, что трамвай пройдет через его бездыханный труп) вместо верблюда под пальмой будет красная черепичная крыша и по мощным тротуарам колоний будут гулять девицы с молодыми людьми, как в Англии - с нами крестная сила!

Я не шучу: это правда, и очень серьезная. Она причинила нам немало горя, и это еще не конец.

* * *

Были и другие факторы, менее (гораздо менее) идеологического свойства, но об этом, может быть, в другой раз и по другому поводу. Тогда уж придется рассказать и о том, как разгул антисемитизма, с весны 1919-го года охвативший верхи оккупационной армии, ударил, между прочим, и даже главным образом — по легионерам. Здесь, однако, в повести бывшего солдата о делах солдатских, именно об этой солдатской стороне скверного дела как-то не хочется говорить. Может быть, это неуместная сентиментальность, но я тридцать месяцев носил английскую форму и горжусь ею, и не хочется мне выносить на улицу мелкий сор из одного уголка большой и красивой избы. Я могу критиковать, могу даже высмеять

Алленби-политика, но Алленби-солдат — это для меня другой человек, большой полководец, "лорд от Мегиддо в долине Ездrelонской", завоеватель Иерусалима и Газы, Галилеи и Заиорданья. Да простят ему боги и люди тех советчиков, которыми он себя окружил, и тот яд, которым они отравили одну часть хорошей и благородной семьи — британской армии. Как-никак, это была и моя семья; лучше промолчать о деталях.

Итог: в июле я подал Патерсону рапорт о том, что образ действий военного начальства вызывает глубокое раздражение среди наших солдат и что все это грозит кончиться неприятными осложнениями. В то же время я написал личное письмо Алленби, приблизительно того же содержания, и просил у него свидания.

Через две недели после этого произошли у наших американцев два "бунта": один в Рафе, на границе Египта, где стояла тогда рота 38-го батальона, второй в Сурафенде, в батальоне Марголина (сам Марголин был тогда в отпуску, замещал его майор Смоллей, о котором я писал в предыдущей главе). В Рафе около 50 человек объявили "забастовку", требуя демобилизации; в Сурафенде около 40 обозных, обидевшись за товарища, который попал под арест за какую-то мелочь, в знак протеста явились на утренний "парад" без уздечек и когда капрал скомандовал "направо" (или "налево", не помню), не исполнили команды: по букве закона и это составляет "бунт" Это было вообще нервное время; в английских и австралийских батальонах ежемесячно происходили бесчинства гораздо более серьезные — вероятно, всегда так бывает во время демобилизации после долгой напряженной войны; а у наших солдат ведь еще были особые причины для нервности. Тем не менее, я их не оправдывал тогда и не оправдываю теперь; но защищать их на суде пришлось мне, и притом одному. Месяц тянулись оба процесса. Английская военносудебная процедура - образец процессуальной корректности: судьи обязаны соблюдать массу обрядовых самоограничений, которых и юрист не упомнит, а офицеров-юристов в Палестине, по-видимому, не нашлось, или они были заняты другими делами. "Ловить" неопытных полковников и майоров на технических нарушениях процедуры было очень легко. Я сделал все что мог: на третий день суда над солдатами из Рафы (это было в Кантаре, на берегу Суэцкого канала) добился роспуска всего судейского состава; на второй день второго процесса, в Сурафенде, добился того же. Но после этого были назначены новые судьи, а из Каира к ним в подмогу прислали военного юриста кал, Брэмстона, молодого человека из "касты", с оксфордским выговором, и действительно знавшего все секреты толстой красной книги военных законов. Во втором издании суд в Кантаре продолжался неделю, суд в Сурафенде — четыре дня. Около трети удалось выгородить, остальных засудили. Все это были, в сущности, хорошие честные юноши. Один из них, капрал Левинский из Канады, пожертвовал собою и спас шестерых товарищей: заявил, что он, как начальствующее лицо, сам велел им "забастовать"; их оправдали, а его посадили на семь лет. Остальных приговорили на сроки от трех до шести лет.

Осталось одно: отправить на имя короля прошение о помиловании, изложив в нем все, что было на душе, все то, о чем в этом рассказе не рассказано. Такие прошения подаются через главнокомандующего: я направил мое в ставку, а копии послал Эмери, Грэхему, Стиду, Смутсу... Через полгода солдат освободили, освободили бы, конечно, и без моего прошения, как всегда бывает в конце войны; но в одном месте моя жалоба королю произвела свое впечатление - в штабе. Там жестоко обиделись еще за "разгон" двух составов военного суда; а эта бумага, по-видимому, окончательно закрепила симпатии... В апреле 1920 года, когда человек десять из моих бывших подзащитных, только что выпущенные из военной тюрьмы, ехали из Египта в Палестину, они в Кантаре пришли, понуря головы, к проволочной ограде арестного лагеря, где еще недавно сидели они во время суда, а теперь сидела иерусалимская самооборона. Я помню их дрожащие голоса: "Сэр, легче бы нам было ослепнуть, чем видеть вас здесь..."

* * *

Не хотелось бы оставить впечатление, будто все окружение штаба состояло из недоброжелателей. Напротив: тот человек, например, который впоследствии нанес "касте" самый тяжелый удар и, пожалуй, больше всего помог ликвидации ее власти над Палестиной, сам был один из старших офицеров оккупационного управления - полковник Мейнерцхаген, политический секретарь при ген. Больсе. После иерусалимского погрома он сказал в лицо и Больсу, и Алленби, что вина падает на военную администрацию; в этом смысле телеграфировал он и министру, и его телеграмма, говорят, решила судьбу военного режима.

С другой стороны, несправедливо было бы думать, будто недоброжелатели все были только христиане да арабы. Без услужливого еврея такие вещи не делаются. Еще и ныне шмыгает по гостиным еврейского Лондона один из представителей этой разновидности нашего многоликого племени, который в те дни носил капитанскую форму и состоял при штабе. "Что он там делает?" — спросил я как-то у английского офицера из ставки; тот объяснил: — Рассказывает генералу Алленби анекдоты. Один из этих "анекдотов" мне потом довелось видеть черным на белом, и сюжетом был я сам.

Это было так: через неделю после того, как я отправил свое письмо Алленби с просьбой о свидании, этот капитан разыскал меня в Тель-Авиве, на квартире И.Е. Вейцмана (брата Х.Е.), и сказал:

— Ген. Алленби получил ваше письмо. Он ничего не имеет против того, чтобы с вами повидаться; но он поручил мне предварительно выяснить, в чем дело. Можете говорить со мною совершенно нараспашку, как свой со своим.

Я и тогда не был о нем большого мнения, особенно после аттестации того

английского офицера; но мало ли кого мог Алленби выбрать своим поверенным? Я ему рассказал свои наблюдения над палестинской атмосферой.

Потом, много позже, мне показали его отчет об этой беседе, О моих "наблюдениях" в отчете не было ни слова, зато много обо мне лично, в сочных черных тонах. Одна подробность любопытна: я у него оказался "большевиком" — что называется, честь неожиданная.

* * *

Вскоре после процессов пришло распоряжение о моей демобилизации. Я поехал в Кантару, получил отставку "с сохранением чина" и вернулся в Тель-Авив штатским. На этом кончаются мои полковые воспоминания; о дальнейшей судьбе наших батальонов я уже рассказал; остается еще одна, последняя глава, нечто вроде надгробной речи отца над могилою сына — речи отца, который не верит могиле и твердо считает, что "сын" еще не навеки похоронен.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ

СЛОВО О ПОЛКУ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Заключение.

Это, конечно, не “история” легиона. Для истории нет у меня материалов. Движение это проявилось в нескольких странах, в каждой по-своему: в Палестине, в Америке, в Канаде, в Аргентине, в Египте: в России Трумпельдору едва не удалось создать настоящую еврейскую армию. Да и сам полк наш жил очень сложной жизнью, из которой мне знаком только малый уголок. Я не был ни в Галлиполи с Трумпельдором, ни в Плимуте с Патерсоном, ни в Эс-Сальте с Марголиным. Из трех наших батальонов я знал хорошо только свой, а как раз остальные два, особенно палестинский, представляли гораздо больше интереса для наблюдателя.

Здесь я передал только личные воспоминания; несомненно, со всеми недостатками этого рода литературы — субъективные оценки, неточности и слишком много местоимений “я”. За все это прошу извинения, совершенно не пытаюсь оправдываться.

В одном только буду настаивать на оправдании. Правду ли я написал? Да. Всю ли правду? Нет, и нарочно нет. Не всякий “факт” есть “правда” в основном значении слова. Каждое крупное явление имеет свое “лицо”: что подходит к общему характеру этого лица, то правда; что не подходит, то случайность, царапина, волдырь. Может быть, в ученых сочинениях важно записывать и это; там, может быть, уместно отметить, что во время штурма Бастилии поймали на площади вора, который тут же таскал кошельки. Это, говорят, факт, — но разве это “правда” о 14-м июля?

Сознаюсь: перечитывая эту рукопись, сам я раза два над собой посмеялся: очень уж гладко и сладко это все у тебя изложено. За исключением горемычной “ставки”, чуть ли не все милые, славные, храбрые, охотно помогают, сдерживают обещания... Неужели забыл ты все камни, подножки, обманы? — Я их не забыл: память — машина автономная, и притом мелочная. Если зажмурить глаза, вспоминаются то

смешные, то нехорошие образы, и в штатском платье, и в военном. Но искать “правду” надо не с зажмуренными, а с открытыми глазами; тогда видишь главное, а главное и есть “все”.

Нет, я написал всю правду. И пятьсот “погонщиков”, и пять тысяч “королевских стрелков” — ими всеми вправе спокойно гордиться еврейский народ, всеми: из Уайтчэпеля, из Тель-Авива, из Нью-Йорка, из Монреаля, из Буэнос-Айреса, из Александрии. Они прибыли из четырех стран света, а один — Марголин — из пятой; и они честно и прочно отслужили свою службу за еврейское дело. И так же гордо может гордиться еврейский народ теми друзьями, что пришли к нам из среды чужого народа. Есть в их ряду люди с большими именами, есть и малоизвестные: но все это красивые души, широкие сердца: каждое из этих имен, звонких или скромных, есть добрый знак для будущего, эхо старинного слова о том, что не сирота на земле Израиль: эхо герцлевой “правды” о том, что *die Welt ist keine Rauberwelt — die Welt ist eine Richterwelt*.

* * * * *

О значении легионизма и легиона, о роли, какую оба сыграли в нашей народной истории за годы войны, я говорил уже на разных страницах этой книги; попытаюсь резюмировать. Понятно, я не предъявляю никаких притязаний на объективность моей оценки. Спор о “легионе” еще не закончился — по-моему, настоящий разгар его еще впереди; воздух еще полон и партийных, и личных раздражений. Противники нового легиона естественно склонны недооценивать первый легион, и наоборот. Вполне возможно, что я “наоборот”. Но и мой подход к этому вопросу не следует понимать слишком уж упрощенно в духе классической гречневой каши. Если человек судит только субъективно, он прежде всего скажет: победил! Я этого не говорю. Далеко мне было до победы, и не раз я думал об этом в долине Иордана. Не о пяти тысячах мечтал я в то дождливое утро, перед афишей в Бордо. Я своего не добился. Но те пять тысяч — они добились: еврейский легион, такой, каков он был, действительно сыграл историческую и определяющую роль в судьбе сионизма. И так же уверен спокойно и твердо, как уверен я в том, что завтра взойдет солнце и будет утро и день и вечер, так же уверен я в том, что оценка истории совпадет с моей оценкой.

Чисто военное значение легиона было не больше и не меньше того, какое могут иметь три батальона в большой войне. Британская армия могла бы освободить Палестину и без нас. Но она освободила Палестину с нами; и в ответственный момент она поручила нам ответственную роль на опасном, исключительно тяжелом посту. Это не много и не мало; это то, что есть. В одном из храмов Лондона хранится общее знамя старого корпуса “королевских стрелков”, чью кокарду мы носили во время наступления; на этом знамени вышит ряд славных имен — Крым, Индия, Судан, Южная Африка. Благодаря нам к этому ряду

прибавилось имя Палестины. Это имя было нашито на знамени в торжественной и величавой церемонии, и славный полк, одна из гордостей британской армии, гордится нашей службой. Солдат Патерсон тоже, солдат Марголин тоже. Я тоже. О том, что за роль сыграл наш легион в охране Палестины в трудные месяцы послевоенных содроганий, я уже писал; и эту правду пусть затвердит на память еврейская молодежь родины и рассеяния. Пока стояли в Палестине пять тысяч еврейских солдат — даже когда, в самую опасную минуту, они остались почти одни на весь край — в Палестине было тихо. Когда они ушли, в Палестине трижды пролилась еврейская кровь.

Нравственное значение легиона ясно для каждого, кто умеет честно мыслить. Злая вещь война; но признание своего права на Палестину мы получили ценою войны — значит, ценою человеческих жертв. Сегодня никто не может бросить нам в лицо упрек: где вы были? Отчего не пришли тогда с требованием — дайте нам, как евреям, положить и свою душу за Палестину? Сегодня есть у нас ответ: “пять тысяч: и было бы много больше, если бы ваши начальники не тормозили нашего дела два с половиной гола подряд”. Этому нравственному моменту нет цены: это и хотел выразить премьер Южной Африки Смуте, герой двух народов, один из последних рыцарей на земле, и сам глубокий миролюбец, когда сказал: дать евреям биться за землю Израиля — это одна из прекраснейших мыслей, какие слышал я за всю свою жизнь.

* * * * *

Но главную свою роль сыграли эти пять тысяч и то движение, которое их породило, в области политической: роль историческую и решающую. Изю дня в день, два года и больше, я следил за работой тех немногих тружеников, имена которых навеки связаны с декларацией Бальфура: они сами знают, как высоко я ставлю их достижение и их заслугу. Больше того: я знаю, что вся сумма всех усилий во имя Палестины, произведенных ими и нами и другими за четыре года войны, есть только малая доля того массового и длительного подвига, который накопила упрямая работа трех поколений сионизма. Декларацией Бальфура мы обязаны и Герцлю, и Ротшильду, и Пинскеру: в еще большей, верно, мере, первым пионерам — “билуйцам” и всем преемникам их, колонистам, рабочим, учителям, от Метуллы на севере до Рухамы на юге. Я уж не говорю о том, что еще важнее: о книге, святой для всего мира и научившей весь мир связывать еврейский народ с Иерусалимом. Девяносто девять шагов к цели были сделаны задолго до выстрела в Сараеве: только сотый, последний был ступлен за годы войны. Но этот последний шаг был большой шаг: и неправо забывать, что это был шаг коллективный, и, поминая несомненную заслугу отдельных единиц, затенять заслугу пяти тысяч. Я считаю обе заслуги равными. Свет не жюри, декларация Бальфура не приз; даже на бумаге не дают родины Ивану, Сидору или Петру. Обещать родину можно только в ответ на соборный голос массы — в ответ на движение. В чем, где, когда могла в те одичалые годы проявиться сионистская мечта, как “движение”, как манифестация

массовых воль? Организация была разбита, парализована, загнана в тень или прямо в подполье; но и без того, по самой природе своей, культурной и колонизационной, сионизм лежал безнадежно вне тесного, резко отграниченного кругозора воюющих народов и их правителей. Только одна форма сионизма в состоянии была проникнуть в это узкое поле зрения, прорваться в очередь, заставить министров, послов и репортеров внести нашу мечту о земле в список забот текущего — кровью текущего — дня.

Еврейский народ ничем не отблагодарил своих солдат; они меня тоже не уполномочили хлопотать о его благодарности — обойдутся. Но в их душе живет то спокойное сознание, которое я высказал здесь; и придет время, когда дети ваши будут заучивать имена их полковников вместе с азбукой. А рядовым, каждому из пятисот и каждому из пяти тысяч, я хочу сказать на прощанье то, что сказал когда-то своим товарищам “портным”, уходя навсегда из последнего лагеря нашего под Ришоном:

— Ты вернешься к своим, далеко за море; и там когда-нибудь, просматривая газету, прочтешь добрые вести о свободной жизни еврейской в свободной еврейской стране — о станках и кафедрах, о пашнях и театрах, может быть, о депутатах и министрах. И задумаешься, и газета выскользнет из рук; и ты вспомнишь Иорданскую долину, и пустыню за Рафой, и Ефремовы горы над Абуэйном. Встрепенись тогда и встань, подойди к зеркалу и гордо взгляни себе в лицо, вытянись навтыяжку и отдай честь: это — твоя работа.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИЦХАК МАОР

СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

(авторизованный сокращенный перевод с иврита)

издание 1977г. - Иерусалим

Сканировали, корректировали и обработали: Нина и Леон Дотан (01. 2002)

<http://ldn-knigi.narod.ru> ldnleon@yandex.ru

Все даты, относящиеся к событиям в России, даны по старому стилю.

Далее примечания автора (за исключением оговоренных особо примечаний редактора).

{100} - Номера страниц

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ицхак Маор - историк и публицист - родился 30 июня 1900 г. в Либаве (ныне Лиепая, Латвия), получил еврейское и общее образование. В конце Первой мировой войны, после провозглашения независимости Латвии, был призван в армию и ранен в боях против немецких войск.

Закончив службу в армии, Ицхак Маор сдал экзамен на аттестат зрелости и поступил в Рижский университет. После окончания юридического факультета он работал делопроизводителем и юрисконсультom в учреждении по социальному страхованию, а также публиковал статьи в местной печати.

Ицхак Маор с юных лет принимал активное участие в сионистском рабочем движении. Летом 1935 года он с семьей приехал в Израиль и стал членом кибуца Ашдот-Яков в долине Иордана, где был сельскохозяйственным рабочим, занимался разными видами физического труда, а также преподавал историю, Библию и иврит.

Когда по решению кибуца, Маор был назначен учителем ряда гуманитарных предметов в средней школе, он поступил в Иерусалимский университет, где изучал историю, философию, Библию и литературу. Закончил университет со званием магистра гуманитарных наук.

Почти десять лет Ицхак Маор был учителем средней школы Иорданской долины. В январе 1958 года он успешно защитил в Иерусалимском университете диссертацию на соискание степени доктора философских наук.

И по сей день Ицхак Маор является членом кибуца Ашдот-Яков (Ихуд), где он в соответствии со своими взглядами старается сочетать умственную

деятельность с физическим трудом.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ИСТОРИИ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Почетный президент Залман Шазар

У представителей израильской общественности из числа донныне здравствующих деятелей - ветеранов сионистского движения в России, уже давно зрело сознание кровного долга - собрать и опубликовать все, что имеется по истории российского сионизма.

Еще пятнадцать лет назад, по инициативе покойного Иосефа Шпринцака, с этой целью был основан "Общественный комитет по истории сионистского движения в России". До сих пор комитет выпустил два сборника под общим названием "Кацир" ("Жатва"); большинство опубликованных в них материалов принадлежало перу самих участников движения - свидетелей и поборников сионистского дела в России. В обоих сборниках рассматривались различные этапы российского сионистского движения с конца прошлого века и по двадцатые годы нынешнего. Подавляющая часть материалов была впервые собрана вместе, и, надо заметить, их еще не коснулась рука исследователя и писателя.

Вместе с тем ощущалась необходимость в издании обширного труда по истории сионистского движения в России от его зарождения в восьмидесятых годах прошлого столетия и до наших дней. Потребность эта стала еще более насущной теперь - с возобновлением алии из Советского Союза, после десятков лет, в течение которых еврейство России было лишено возможности принимать активное участие в строительстве государства Израиль и поддерживать связь с мировым еврейством.

Книга "Сионистское движение в России", которую мы теперь предлагаем вниманию читателя, написана д-ром Ицхаком Маором по заказу Комитета, с членами которого автор регулярно консультировался в течение работы над книгой.

Одновременно с выходом в свет этого труда мы хотим почтить память членов Комитета, ушедших от нас со времени его основания: Иосефа Ариэли, Залмана Арана, Исраэля Бар-Иехуды, Шломо Гепштейна, Меира Гроссмана, Моше де-Шалита, Моше Новомейского, Шошаны Персиц, Яакова Клебанова, Иешаяху Клинова, Иосефа Шпринцака. Все они приложили много труда и сил для осуществления выдвинутой Комитетом задачи.

Правление:

Авраам Эйлон (председатель), Ицхак Виленчук, Александр Эзер, Элиэзер Пери, Менахем Ривлин, Дав Ржевский, Арье Рафаэли.

Иерусалим, 1973 год

К нашему великому прискорбию, между выходом в свет книги на иврите и появлением ее перевода скончались четверо наших дорогих друзей: почетный председатель Комитета, третий президент государства Израиль - Залман Шазар; члены Комитета: Авраам Эйлон (Идельсон), Ицхак Виленчук, Александр Эзер - да будет благословенна их память.

Особую помощь в издании перевода книги на русский язык оказал покойный И. Виленчук. Без его постоянной заботы и энергичной деятельности перевод этой книги вряд ли увидел бы свет.

Директорат Комитета

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

[к изданию на иврите]

Яркие и неповторимые страницы в эпопее сионистского движения принадлежат шестимиллионному еврейству России, в начале двадцатого века представлявшему собой самое крупное сосредоточение евреев за все времена диаспоры. Накануне Первой мировой войны евреи России составляли около половины мирового еврейства, причем, по данным еврейского социолога и исследователя Яакова Лещинского, 94% русских евреев были в те годы сконцентрированы в пресловутой черте оседлости.

Герцль придал сионизму пророческий полет, наполнил его политическим содержанием, создал организационные формы и инструменты, необходимые для претворения в жизнь идеи еврейского государства; но в еврействе России Герцль нашел сформировавшееся еще до него широкое движение за национальное самоосвобождение - автоэмансипацию, окрашенное мечтой о еврейском государстве. А ведь именно народным движениям принадлежит главная роль в освобождении и возрождении народов.

Во времена турецкого владычества в Палестине

("Палестина - страна, бывшая ареной древнейшей истории еврейского народа. Название "Палестина" - греческая форма еврейского слова П Л С Т . Так в Библии названа земля, где жили филистимляне (Исх. 15:14; Исайя 14:29-31; Пс. 60:10). С течением времени это название распространилось и на внутреннюю континентальную часть страны. Уже на монетах, вычеканенных Веспасианом после подавления восстания Иудеи, страна названа официально "Палестиной", но под этим названием имелась в виду земля "иудеев". К концу 19 в. П. -

область, "естественными границами которой служат: на западе - Средиземное море, на востоке - Сирийская пустыня и пустыня Ет-Тих - на юге". "Нагорная страна" Галилея и Хермон составляют ее северную границу" (см. "Еврейская энциклопедия", изд. Брокгауза и Эфрона, т. XII, гл. "Палестина").

На иврите страна в различные периоды истории носила различные названия. Со временем наиболее распространенным стало Эрец-Исраэль (страна Израиля). В данной книге употребляются оба названия: Палестина и Эрец-Исраэль (или просто - Страна) -Прим. Ред.),

еще задолго до Герцля, источником почти всех переселенческих движений в Святую Землю была Россия (включая Польшу, Литву, Латвию, Бессарабию), а также Румыния и, в известной степени, Галиция, входившая тогда в Габсбургскую империю. Влияние национальных устремлений еврейства России заметно ощущалось и среди еврейского населения остальных стран Восточной Европы.

Халуцианская алия в Эрец-Исраэль также вышла из России, а ее зачинателями были те, кто основал в Стране первые сельские поселения, принес стремление к социальной справедливости и заложил основы еврейского рабочего движения. Халуцим (Халуц (ивр.; мн. ч. - халуцим) - первый; пионер - репатриант в Эрец-Исраэль.) возвели труд на уровень национального нравственного идеала, и лозунг "завоевать труд для еврейского рабочего и самовоспитаться для труда" стал стержнем всей их жизни и деятельности. Вместе с пионерами-рабочими из России в Страну прибыли и первые строители еврейских городов и еврейской индустрии, и пионеры борьбы за возрождение языка иврит и еврейской культуры.

Не принижая вклада в сионизм еврейства Запада, мы вправе сказать, что в продолжение десятков лет российский сионизм, благодаря своим особенностям и динамизму, был авангардом всего мирового сионистского движения. Он обогатил и идеологическую палитру сионизма.

Кроме движения Хибат Цион, билуицев и духовного сионизма Ахад-Гаама он дал синтетический сионизм Гельсингфорсской программы, соединивший практическую работу по заселению Эрец-Исраэль с борьбой за гражданские и национальные права евреев в странах рассеяния; демократический сионизм Хаима Вейцмана; социалистический сионизм Бера Борохова и Нахмана Сыркина; трудовой и этический сионизм Д. Гордона; реалистический сионизм Менахема Усышкина; динамический сионизм З. Жаботинского и религиозный сионизм раввинов Могилевера и Рейнеса. Благодаря всем этим школам, российский сионизм приобрел массовый размах и породил народное

движение, несущее идею подлинной национальной еврейской революции.

За исключением короткого промежутка между февральским и октябрьским переворотами, сионистские организации в России всегда были на нелегальном положении. Аресты и ссылки сионистам были знакомы уже при царском самодержавии. Но никогда в России сионизм так не подавлялся и не преследовался, как при советском строе. Большевистский переворот в октябре 1917 года отрезал еврейство России от всего мира, и в условиях советской действительности русские евреи оказались совершенно оторванными от Эрец-Исраэль. Не оставалось никакой возможности продолжать сионистскую работу даже в той нелегальной форме, в какой она велась в царской России. Тысячи сионистов были брошены в тюрьмы, сосланы, отправлены на каторжный труд в лагерь, где многие нашли свою могилу. А то, что сохранилось от широкого и разветвленного сионистского движения, вынуждено было глубоко затаиться.

Когда группа ветеранов российского сионизма приступила в Израиле к сбору и подготовке материалов для выпуска сборников по истории сионистского движения в России, многие полагали, что уже "прервалась цепь", и сборники (под названием "Жатва") пригодятся разве историку, изучающему наследие исчезнувшего поколения, - наследия, которое за отсутствием наследников некому вручить.

Казалось, годами советской власти уничтожено все, что накопило русское еврейство трудом поколений: культурные достижения, самый фундамент еврейской жизни и морали - все разрушено и смыто ураганом. Ведь еврейство России, которому некогда принадлежала центральная, руководящая и направляющая роль во всемирном сионистском движении, действительно пребывало в безвыходном положении и не могло принять участия в возрождении народа и Страны.

Да, многие разделяли это мнение. И вдруг оказалось, что российский сионизм, казалось, удушенный в двадцатые годы и преданный земле в тридцатые, возродился в Советском Союзе в наши дни. Советской власти в течение полувека удавалось изолировать поколения еврейской молодежи. И все-таки очень многие еврейские юноши и девушки, выросшие в условиях СССР, не зная еврейских традиций, не утратили духовной связи с еврейством и ныне, после основания государства Израиль, считают себя его гражданами, проживающими на чужбине. То, что значительная часть еврейства России не отвернулась от культурно-исторических ценностей своего народа и ведет мужественную борьбу за право уехать в Израиль, - является одним из самых ярких проявлений силы национального самосознания. Оказалось, что, вопреки всем притеснениям со стороны, в СССР не прекратили своего действия два неизбывных социальных закона: закон, гласящий, что силу человеческого

духа невозможно подавить до конца, и закон преемственности.

Репатрианты, прибывающие ныне из Советского Союза, с огорчением отмечают, что история российского сионизма до сих пор не нашла достойного отражения в сионистской литературе. Сборники "Жатва"-1 и "Жатва"-2 охватывают лишь отдельные периоды истории сионизма в России и только в малой степени восполняют пробел. Всеобъемлющая история российского сионизма пока еще не написана; лежащая перед нами книга призвана в определенной степени исправить это упущение. Особое значение этот труд приобрел теперь, когда русские евреи жаждут заново приобщиться к жизни мирового еврейства и строительству государства Израиль.

Надо надеяться, что этот труд увидит свет на русском языке и это поможет смыканию звеньев, которые должны связать новое поколение евреев России с их предшественниками - тем поколением, откуда вышли мы, сионисты России конца девятнадцатого и первой четверти двадцатого века.

Александр Эзер

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

{1} ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга в русском переводе выходит в свет на тридцатом году существования Государства Израиль (1977), численность еврейского населения которого превышает три миллиона, что составляет около 20% общего числа евреев во всем мире. Значит ли это, что сионизм тем самым уже исчерпал себя, и роль сионистского движения закончена? Отнюдь нет. Такой вывод ошибочен, ибо, при всей своей огромной важности для судьбы еврейского народа во всех концах диаспоры, создание Государства Израиль еще не принесло еврейскому народу полного избавления, а знаменует лишь начало этого трудного и мучительного процесса.

Незадолго до Сионистского конгресса в Базеле (1897 г.) Герцль писал, что "сионизм - это еврейский народ в пути".

Со временем в сионистском движении эта формула была перефразирована: "сионизм - это еврейское государство в пути". Ныне мы, кажется, вправе сказать, на данной стадии Государство Израиль - это сионизм в пути. Ибо сионизм, суть которого заключается в возвращении в Сион, находится пока что в процессе осуществления, при условиях - объективно и субъективно - далеко не самых простых и легких.

Среди евреев России и других коммунистических стран многие, несомненно, хотели бы выехать в Израиль, но они не могут этого сделать, потому что им отказывают в праве на {2} эмиграцию. В то же время большинство евреев, проживающих в западных странах, где не существует никаких эмиграционных ограничений, пока не готовы переселиться в Израиль. В этом состоит трагический парадокс нашего положения и жизни нашего народа.

К несчастью еврейства России и всего еврейского народа как раз после падения царского режима и ликвидации самодержавия у евреев послереволюционной России была отнята возможность участвовать в созидательной работе в Эрец-Исраэль и сионистском движении, как они это делали в прошлом всегда, с момента зарождения сионизма.

Сионизм оказал на русских евреев сильнейшее влияние. Он развил их национальное сознание и пробудил в них чувство человеческого достоинства, проповедовал принцип самопомощи и подготовил почву для восприятия идеи самообороны - борьбы с необузданной грубой силой, поддерживаемой властями.

Сионистское движение стремилось направить процесс еврейской эмиграции в Эрец-Исраэль. Но поскольку не было перспектив на практическое осуществление этого стремления в близком будущем, сионистские организации сочли своей обязанностью повести борьбу за эмансипацию евреев в самой царской России - наряду с работой по заселению Эрец-Исраэль. Так сионизм выдвинул требование предоставить евреям России гражданское и политическое равноправие и права национального меньшинства (Гельсингфорсская программа 1906 года и программа социал-сионистских партий).

Велика была роль сионистов России в деятельности всемирного сионистского движения и построения ишува в Эрец-Исраэль. И когда 2 ноября 1917 года лорд Бальфур, министр иностранных дел Великобритании, опубликовал декларацию своего правительства о том, что Англия поддерживает создание в Палестине национального очага еврейского народа, радости русских евреев не было границ, а ведь еврейство России к тому времени насчитывало около пяти с половиной миллионов человек.

Глашатаи "левых" антиссионистских течений в еврейской общественности не переставая твердили, что еврейский вопрос разрешится в России сам собой с приходом революции; что "реакционный" сионизм {3} отвлекает внимание еврейского народа от борьбы за свои права в странах их проживания; что судьба евреев неотделима от судеб русской революции и их стремления совпадают со стремлениями русского пролетариата. Такова была идейно-политическая платформа евреев-революционеров, отрицавших сионизм как путь решения еврейского вопроса.

Велико было их удивление, когда оказалось, что именно после свержения самодержавия и его замены демократическим строем сионистское движение своими различными течениями охватило большое число евреев России,

продемонстрировавших нерушимую верность идее национального освобождения и пламенную любовь к Сиону.

И вот, 7 ноября 1917 года, пять дней спустя после опубликования декларации Бальфура, власть в России захватили большевики. На первый взгляд, между этими двумя событиями нет никакой связи, кроме хронологической; на самом же деле - с еврейско-исторической точки зрения - октябрьский переворот породил свирепую политическую силу, отрицающую национальное освобождение и самостоятельное существование еврейского народа. В таком качестве с тех пор большевизм и подвизается у себя на родине, в странах-сателлитах, на международной политической арене, но особенно в нашем районе - на Ближнем Востоке. И, тем не менее, мы верим и надеемся, что еврейский народ, который на своем долгом, извилистом пути не раз встречал могучие империи, стремившиеся его уничтожить, найдет в себе силы и в наши дни выстоять и защитить свою духовную самостоятельность, а также и политическую независимость, приобретенную им с возрождением Государства Израиль.

Книга знакомит читателя с историей возникновения, роста, развития и деятельности сионистского движения в России на фоне борьбы российского еврейства за существование и за свои права; с вкладом сионистов России в строительство Эрец-Исраэль и с созданием в нем нового еврейского ишува. Все это - в {4} хронологических границах от 80-х годов прошлого столетия до 30-х годов нынешнего.

Автор не преследует цели дать подробное историческое исследование, а излагает лишь в общих чертах историю сионистского движения в России.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СИОНИЗМ В РОССИИ ДО ГЕРЦЛЯ

Глава первая - ЗАЧИНАТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

1. Стремление народа Израиля к освобождению

Одна из легенд эпохи разрушения Второго храма гласит: "В день, когда был разрушен Храм, родился Мессия". В этой легенде, с точки зрения национального сознания еврейского народа, заложен глубокий смысл.

Она свидетельствует о том, что с утратой политической независимости народ наш духовно не покорился. Евреям пришлось уйти в изгнание, но народ никогда не смирялся с жизнью в диаспоре, и с момента потери государственности не покидала его жажда национального избавления.

Надежда на приход Мессии, который явится в предначертанный срок и спасет Израиль; тоска по Сиону и Иерусалиму и мечта об "обновлении наших дней, как древле", изливавшаяся из уст еврея в его молитвах, в будни и в праздники, из поколения в поколение, крепили народ, наделяли его могучей внутренней силой, помогая в муках и страданиях противостоять притеснениям, преследованиям и сберечь национально-духовную независимость после утраты территориального базиса национально-политической независимости.

Этот субъективный фактор национального сознания, существовавший века, с течением времени превратился в объективный фактор еврейской {б} истории. Воля к жизни, проявленная еврейским народом, повлияла на его судьбу; духовная связь рассеянной нации с ее Страной никогда не прерывалась. Более того, временами она давала мощные вспышки в виде мессианских движений, возникавших в разные эпохи в разных местах диаспоры. И не только духовная,

но и реальная связь народа с Эрец-Исраэль сохранялась во всех поколениях, так как евреи всегда жили в Стране и переселялись в нее в одиночку или группами, пускай и в ограниченных масштабах.

Можно, таким образом, заключить, что идея Шиват Цион - возврата в Сион - зародилась как идеал национального избавления одновременно с разрушением Иудейского царства легионами Римской империи. Идею эту и выразила легенда о том, что "в день, когда был разрушен Храм, родился Мессия". В веках этот идеал прошел многие стадии перевоплощения и, наконец, приобрел форму современного сионизма.

Ибо прав тот, кто сказал, что сионизм - не что иное, как мессианское движение, но с реальными возможностями воплотиться в жизнь.

Первые ростки практического осуществления идеи Шиват Цион и заселения Эрец-Исраэль возникли в 19-м веке. И если сионистские теории и устремления обязаны своим появлением западным евреям, то массовое сионистское движение родилось в Восточной Европе, особенно в разных частях России (Польша, Литва, Украина и т. д.) с ее многочисленным и плотным еврейским населением.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СИОНИЗМ В РОССИИ ДО ГЕРЦЛЯ

Глава первая - ЗАЧИНАТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

2. Перец Смоленский и "Хашахар"

Одним из первых представителей течения за национальное возрождение был еврейский писатель Перец Смоленский (1842-1885), уроженец Могилевской губернии (Белоруссия), переехавший на жительство в Вену и выпускавший там с 1868 года журнал под названием "Хашахар" ("Гашахар"; "Рассвет"). Это {7} издание предназначалось главным образом для русских евреев и действительно оказало сильное влияние на образованную еврейскую молодежь, воспитанную на традиционной литературе и умеющую читать на иврите.

Мессианская устремленность и жажда избавления - вот основа, объединяющая все части еврейства в единую историческую нацию. Еврейская религия - также не что иное, как плод национального творчества еврейского народа. Смоленский резко критиковал "прогрессистов", стыдившихся своего еврейского происхождения и пытавшихся фальсифицировать облик еврейства. Евреи - нация как все нации, но, лишённые территории и государства, они превратились в "нацию духа".

То был поход мужественной и оригинальной личности против общепринятых взглядов. В 70-е годы прошлого века Смоленский был еще одинок в своей борьбе за еврейский национальный идеал. И все-таки его усилия принесли плоды. Еще при жизни, рано оборвавшейся (он умер от туберкулеза горла в возрасте сорока трех лет), Смоленский успел убедиться, что его национальные идеи восприняты молодыми представителями еврейской интеллигенции в

России, и получить глубокое моральное удовлетворение. На пробуждение национального сознания еврейской учащейся молодежи повлияли не только публицистические статьи Смоленскина, но и поворот к худшему в положении русских евреев в конце царствования Александра II привело к разочарованию в космополитических рецептах слияния евреев с господствующими нациями и обратило поиск вовнутрь - к жизни еврейского народа, его культуре, истории и традиционным ценностям. Так наметились в среде образованной еврейской молодежи в России первые ростки любви к Израилю и Сиону.

Летом 1880 года и ранней весной 1881 Смоленскин посетил Россию. Во время второй поездки еврейские студенты в Петербурге устроили ему восторженную встречу. В его честь давались вечера с участием представителей старшего поколения еврейской интеллигенции.

{8} Из Петербурга он поехал в Москву, где также был принят с почетом и любовью десятками еврейских студентов. На устроенном в его честь банкете ему преподнесли золотое перо с выгравированным изречением из книги пророка Исаии "И возвратятся избавленные Господом, и придут на Сион с пением" (51:11). Выбор цитаты как нельзя лучше свидетельствовал о национально-сионистских настроениях чествовавших Смоленскина студентов: вознаграждение ему за считанные годы до его смерти.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СИОНИЗМ В РОССИИ ДО ГЕРЦЛЯ

Глава первая - ЗАЧИНАТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

3. Элиэзер Бен-Иехуда

Идеи Смоленскина о национальном возрождении еврейского народа, вызвавшие широкий отклик среди образованной молодежи, особенно глубоко повлияли на одного из ее представителей - студента Элиэзера Перельмана (1858-1922), впоследствии известного исследователя языка иврит Элиэзера Бен-Иехуду.

Бен-Иехуда не только испытал воздействие национальных идей Смоленскина, но расширил и углубил мировоззрение своего учителя. Смоленский, видевший в еврейском народе "нацию духа", не усматривал практическое решение еврейского вопроса в заселении Палестины.

Он считал это преждевременным, так как, по его мнению, нужна была долгая подготовительная работа, чтобы евреи оказались в состоянии заложить фундамент новой жизни на земле отцов. Он полагал, что ивриту уже никогда более не стать разговорным языком - это лишь язык еврейской литературы, трактующей проблемы своего народа. Бен-Иехуда оспорил это мнение, изложив свои взгляды в статье, опубликованной им в журнале Смоленскина "Хашахар" в 1879 году. Он утверждал, что залогом обновления еврейской нации и ее жизни в будущем может быть только возвращение в Сион и возрождение иврита в качестве разговорного языка. Причем эти явления взаимообусловлены, то есть возрождение иврита может произойти {9} только в Эрец-Исраэль, а возрождение еврейского народа в Эрец-Исраэль возможно только в процессе возрождения иврита.

Спор Смоленскина с Бен-Иехудой разрешили еврейские погромы, разразившиеся на юге России: Смоленский признал тогда правоту своего оппонента и с тех пор стал одним из самых пылких поборников переселения русских евреев в Эрец-Исраэль. Сам Бен-Иехуда переселился в Страну в октябре 1881 года, чтобы на практике осуществить свою идею о возрождении языка иврит и еврейского народа на его исторической родине. Местом жительства он выбрал Иерусалим, а иврит в качестве разговорного языка он ввел в обиход прежде всего в своем собственном доме, в своей семье. Фанатики из старого ишува вскоре узнали, что Бен-Иехуда по национально-светским мотивам пользуется "священным языком" как разговорным... Они принялись всячески ему досаждать, но Бен-Иехуда оставался непоколебим. В тяжелых материальных условиях, преследуемый фанатиками, он продолжил также дело всей своей жизни - составление словаря языка иврит.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СИОНИЗМ В РОССИИ ДО ГЕРЦЛЯ

Глава первая - ЗАЧИНАТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

4. Годы реакции в царствование Александра III

1 марта 1881 года Александр II был убит членами подпольной организации "Народная воля". 15 апреля по югу России прокатилась волна еврейских погромов.

Убитому самодержцу наследовал его сын Александр III. Четырнадцать лет его царствования (1881- 1894) явились годами реакции для всей Российской империи и были особенно тяжкими для еврейского населения России. После спада волны "стихийных" погромов, выразивших, согласно официальной версии, обращенный против евреев "народный гнев", а на самом деле инспирированных свыше, начался период "холодного погрома": на еврейское население обрушились новые преследования в виде дискриминационных законов, урезавших и без того сильно ограниченные {10} права евреев. Ко всему этому прибавилось самоуправство властей в центре и на местах.

Главными среди дискриминационных мер были изданные по инициативе министра внутренних дел Николая Игнатъева "Временные правила" от 3 мая 1882 года.

Правила эти лишили евреев права селиться "вне городов и местечек", иначе говоря, запретили проживание в сельских местностях внутри самой черты оседлости. Тем, кто там уже проживал, отныне воспрещалось покупать или арендовать даже самый крохотный земельный участок для прокормления семьи. Правила, таким образом, раздробили черту оседлости на множество

изолированных островков.

Границы любого городка или местечка теперь превратились для евреев в непроходимую черту. Еврейская общественность в то время склонялась к мысли о необходимости побудить еврейскую бедноту переселяться в сельские местности; новый закон покончил с этой идеей, но, конечно же, не помешал антисемитам продолжать шельмовать евреев за то, что они, предпочитая торговлю и ростовщичество, питают отвращение к труду земледельца...

Вопрос права жительства евреев и еврейский вопрос вообще имели в России ту же давность, что и само еврейское население. Как известно, границы России издавна были закрыты для евреев. Поэтому там не было и постоянного еврейского населения.

Лишь во времена Екатерины II после присоединения территорий Польши в результате трех ее разделов (1772, 1793, 1795) "вместе" с польскими землями к Российской империи "отошли" и еврейские массы, населявшие эти места в продолжение веков. Новая ситуация оказалась в полном противоречии с исконной русской традицией не терпеть присутствия евреев в государстве. Екатерина, начало царствования которой проходило под {11} знаком "просвещенного абсолютизма", колебалась, какую же избрать позицию по отношению к многочисленному и плотному еврейскому населению на новых западных территориях империи.

Вскоре, однако, решение проблемы нашлось: в 90-х годах 18 века, к концу правления Екатерины, было положено начало черте еврейской оседлости на западе России (в Литве, Белоруссии и на Украине). Только там дозволялось проживать евреям под строжайшим запретом переселения во внутренние пространства России. После Венского конгресса (1815), во времена Александра I, Россия поглотила и Царство Польское с его столицей Варшавой. Здесь евреи проживали по особым древним установлениям.

В продолжение 19 века издавались все новые ограничительные законы, направленные против евреев. Среди многомиллионного еврейского населения (в конце 19 и начале 20 веков в пределах Российской империи проживали 5,5 миллионов евреев) имелся лишь тонкий привилегированный слой, представителям которого разрешалось жить вне черты оседлости. Это были купцы первой гильдии, платившие казне высокие налоги, обладатели университетских дипломов, специалисты и ремесленники по особому списку.

"Временный" закон Игнатьева значительно сократил площадь черты оседлости, исключив из пятнадцати западных и южных губерний, где

дозволялось проживание евреев, самую крупную их часть - сельские местности. Отныне евреи имели право жительства лишь в городках и местечках "черты". Но "Временные правила" не стали последним звеном в цепи притеснения евреев в царствование Александра III, а послужили отправной точкой для новых преследований.

"Временный" закон, захлестнувший еврейское население петлей-удавкой, просуществовал в России тридцать пять лет, вплоть до февральской революции 1917 года, когда демократическое правительство отменило все антиеврейские дискриминационные законы.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ - СИОНИЗМ В РОССИИ ДО ГЕРЦЛЯ

{12} Глава вторая - **ОСНОВАНИЕ ДВИЖЕНИЯ ХИБАТ ЦИОН (ЛЮБОВЬ К СИОНУ)**

Движение Хибат Цион возникло среди еврейства России как реакция на погромы и преследования. В начале 80-х годов 19 века кружки Ховевей Цион (Ховевей Цион (любители или ревнители Сиона) члены движения Хибат Цион. - Прим. ред.) были организованы во всех крупных русских городах, в том числе в Москве и Петербурге.

1. Моше-Лейб Лилиенблюм и Леон Пинскер

Особое место в движении Хибат Цион и его развитии заняла Одесса, которая стала центром движения и выдвинула две крупные фигуры, возглавившие его: Лилиенблюма и Пинскера.

Большое влияние на еврейскую интеллигенцию оказало сочинение М. Л. Лилиенблюма (1843-1910) под названием "О возрождении еврейского народа на Святой Земле его древних отцов".

Иехуда Лейб (Леон) Пинскер (1821-1891) рос и воспитывался в Одессе и получил начальное образование в общественном еврейском училище, где его отец, известный ученый-археолог Симха Пинскер, служил учителем иврита. Преподавание велось здесь на русском и немецком языках. Затем Леон Пинскер учился в русской гимназии, а после нее - в одесском Ришельевском лицее на юридическом факультете, где и защитил диплом.

Так как юридическое поприще в николаевской России было закрыто для

евреев, Пинскер работал учителем в еврейском училище, где преподавание велось на русском языке. В 1843 году он поступил на медицинский факультет Московского университета и {13} после окончания курса поехал совершенствоваться в Австрию и Германию. Там он встретился с кругами ассимилированной еврейской интеллигенции и попал под их сильное влияние. По возвращении в Россию он стал одним из самых активным проповедников просветительства и ассимиляции. Работал он больничным врачом. Во время Крымской войны самоотверженно трудился в военных госпиталях, а затем до самой кончины практиковал в Одессе, заслужив репутацию одного из лучших ее врачей. Он также сотрудничал в еврейской периодике на русском языке ("День", "Сион", "Рассвет") и был членом комитета одесского "Общества просвещения евреев".

Пинскер был человеком слабого здоровья, но очень сильной воли. Его преданность общественным интересам была безгранична. Он был убежден, что просвещение и сближение с русской культурой - лучший и наиболее надежный способ исправить положение евреев в России.

Поэтому следует стремиться к русской культуре, и русский язык должен стать народным языком евреев.

Но вот в 1881 году по югу России прокатились погромы, и это произвело во взглядах Пинскера полный переворот: он отказался от своих прежних убеждений и стал активным националистом.

В речи, произнесенной Лиленблумом в одесском комитете Ховевей Цион в ноябре 1901 года по случаю десятилетия со дня смерти Пинскера, оратор поставил вопрос: как случилось, что доктор Пинскер, убежденный проповедник ассимиляции, превратился, в отличие от большинства его единомышленников, в пылкого националиста?

Лиленблум видел ответ на этот вопрос в том сильном духовном влиянии, которое оказал на Леона Пинскера еще в детстве отец, Симха Пинскер. Это он пробудил в душе сына глубокое чувство любви к еврейскому народу. Духовный переворот совершился в Леоне Пинскере отнюдь не внезапно. Вера в решение еврейского вопроса путем сближения с русской культурой зародилась в нем еще в дни одесского погрома 1871 года; {14} десять лет он под градом критики вел эту линию, пока погромы 80-х годов окончательно не выбили почву из под его убеждений и не перевернули весь его прежний духовный мир.

Когда в Пинскере произошел этот решительный перелом в сторону еврейского национализма, ему было уже шестьдесят лет. Он и прежде, будучи

сторонником ассимиляции, не отдалялся от своего народа. Когда же он убедился, что путь этот ложен, отбросил его без колебаний - не только как бесполезный, но как вредный и опасный.

Свои новые идеи относительно решения еврейского вопроса Пинскер изложил в сочинении на немецком языке, которым владел в совершенстве, отвез рукопись в Берлин и издал там в виде анонимной брошюры под таким заглавием: "Автоэмансипация. Призыв русского еврея к соплеменникам".

Для эпиграфа Пинскер взял изречение мудреца Хиллеля: "Если не я за себя, то кто же за меня? И если не теперь, то когда?" Брошюра появилась в сентябре 1882 года, и очень скоро стало известно, что "русский еврей" - не кто иной, как известный врач и публицист доктор Леон Пинскер из Одессы.

Ведущую мысль брошюры отражает само название: автоэмансипация, то есть самоосвобождение, а не эмансипация как дар, ниспосланный свыше властями и правителями тех стран, где проживают евреи. Подобно Лилиенблюму, Пинскер пришел к выводу, что евреи повсюду чужеродный элемент и к ним нигде не относятся, как к равным. В своем сочинении он говорил не только о преследуемых евреях России, чье положение особенно тяжело, а обо всем еврейском народе, включая евреев Запада, которые уже обрели гражданское равноправие. Этого недостаточно, говорит Пинскер, ибо формальное равноправие перед законом еще не способно выкорчевать из сердца народов антисемитизм, укоренявшийся в продолжение многих веков.

В брошюре Пинскер обращался к немецким евреям как к сынам еврейского народа, а не только как к {15} людям, исповедующим иудейскую религию. Уже в самом таком обращении заключалась новизна, так как немецкие евреи считали себя не евреями, а немцами Моисеева закона, т. е. особой религиозной немецкой общиной...

Глубоко и остро анализируя действительность, Пинскер рисует картину жалкого положения еврейского народа среди народов мира. Он говорит не только о внешнем, материальном закабалении евреев России, но и о внутреннем, духовном рабстве евреев Запада, детей века эмансипации.

В отношении народов к евреям отсутствует принцип равноценности, принятый и в той или иной мере существующий во взаимоотношениях других народов. Еврейская нация находится вне закона, который определяет международные связи и отношения. Еврейский народ в нынешнем его положении лишен большинства признаков, которыми отличается нация.

У него нет своей страны, где он был бы сосредоточен, - наоборот, он разбросан по многим странам; нет у него ни своего правительства, ни учреждения, которое бы его представляло; евреев можно встретить в любом месте, но нет места, которое бы принадлежало им; народы никогда не имеют дела с еврейской нацией - всегда лишь с евреями.

Стремясь к ассимиляции среди народов, евреи отделились от собственной национальности, и, тем не менее, нигде им не удалось добиться такого положения, чтобы соседи рассматривали их наравне с остальными уроженцами страны. Печальная судьба евреев объясняется, прежде всего, отсутствием у них осознанной необходимости жить самостоятельной национальной жизнью. Поэтому надо будить и крепить в их сердцах это сознание - в противном случае, они навеки будут осуждены на постыдное существование; короче говоря: необходимо, чтобы евреи стали нацией.

Таким образом, Пинскер пришел к категорическому отрицанию идеологии ассимиляции, общепринятой у евреев Запада как пути к решению еврейского вопроса. Пинскер исследует проявления антисемитизма у разных народов и приходит к выводу, что нет правды в {16} утверждениях, будто причина ненависти к евреям заключена в них самих.

Веками возводились на евреев самые невероятные измышления: они распяли Христа, они пользуются для своих религиозных ритуалов кровью христиан, они отравляют колодцы, вызывают эпидемии и т. п. Все эти обвинения, возводимые на целый народ, не имеющие другой цели, кроме как оправдать ненависть к евреям и очистить совесть их преследователей, не выдерживают критики. Причину ненависти Пинскер находит в неевреях. Как врач, он устанавливает диагноз: все народы страдают заболеванием, называемым "юдофобия", - страхом перед евреями, порождающим ненависть к ним. И Пинскер приходит к следующему заключению:

Среди существующих ныне народов евреи предстают как потомки давно исчезнувшей нации. Еврейское государство в древности было разрушено римлянами, но еврейский народ не смирился с полным уничтожением и не поддался ему, продолжив существование в виде "нации духа". Таким образом, мир видит в этом народе пугающий образ мертвеца, расхаживающего среди живых.

Этот странный образ, коему нет примера в истории народов и подобного которому не было ни до него, ни после, пробудил в сознании народов мистический страх. Будучи вообще распространенным явлением, этот гнездящийся в людях страх перед злыми духами обратился против еврейского

народа. Веками, из поколения в поколение, по наследству передавалась и усиливалась боязнь кошмара, олицетворенного в образе еврея.

Боязнь породила скрытую ненависть, ненависть породила юдофобию. Среди всех прочих предрассудков, инстинктов и одолевающих людей наклонностей, юдофобия прочно укоренилась и завоевала права гражданства во всех странах, где живут евреи. Юдофобия из тех болезней, что питаются мистическими страхами, но есть и отличие, которое состоит в том, что не только отдельные народы, а весь род людской заражен страхом перед еврейским духом. И еще: еврейский дух, в отличие от всех иных призраков, - не абстракция, а живая плоть, и терпит ужасные страдания от ран, наносимых чернью, которая его боится и видит в нем угрозу собственному существованию. Юдофобия, таким образом, одно из душевных заболеваний, в качестве такового передается по наследству и, поскольку, наследуется тысячелетиями, - неизлечима. От этой болезни лекарства нет...

Пинскер так формулирует причину антисемитизма:

"Страх перед нечистой силой - источник юдофобии, это он породил ту абстрактную, я бы даже сказал - платоническую ненависть, в силу которой ответственность за любые, подлинные или вымышленные преступления каждого отдельного еврея возлагают на весь еврейский народ, без конца возводят ложные обвинения и вечно пригвозждают к позорному столбу".

Так, продолжает Пинскер, еврейский народ и ненависть к евреям шагают по путям истории неразлучно, рука об руку, сотни и сотни лет. Только слепой не видит, что евреи - народ, избранный для ненависти всего мира. Если в отношениях между народами, их чувствах друг к другу и тенденциях и есть теневые стороны, то в ненависти к евреям нет у них разногласий. Лишь в этом пункте едины все. Правда, форма и степень проявления ненависти к евреям зависят от культурного уровня каждого народа, но сама ненависть присутствует в любом месте и в любую эпоху. И не суть важно, принимает ли она форму физических преследований, или зависти и узколюбости, или личину терпимости и защиты. "Быть битым и поносимым, потому что ты еврей, или по той же самой причине нуждаться в защите - одинаковое унижение: и то и другое ранит в сердце еврея человеческое достоинство".

Поэтому не эмансипация, но автоэмансипация есть путь решения еврейской проблемы. Не милость народов мира в виде формального равноправия, а самоосвобождение еврейского народа! Надо стремиться к национально-политическому единству и независимости. А чтобы избавиться от положения вечных странников, нам нужна собственная страна-прибежище. И {17}

необязательно устремить взоры теперь именно к "Святой Земле" - важно, чтобы земля была "наша"; правда, возможно, что страна наших святынь станет и нашей страной, - что ж, тем лучше.

Мы видим, что Пинскер (как позднее и Герцль) поначалу не обуславливал территориального решения еврейского вопроса именно Палестиной. Он, однако, допускал и такую возможность, и если это случится - "тем лучше". Первое же и обязательное условие, предшествующее конкретному действию, это "национальное решение". Должен возникнуть "Директорат", который возьмет на себя руководство национальными делами и соберет "Национальный конгресс".

А последний определит пути самоосвобождения еврейского народа. Свою брошюру Пинскер заканчивает призывом к народу: "Помогите себе сами - и вам поможет Бог!"

Сочинение Пинскера вызвало у еврейской общественности Германии сильное раздражение. На него сокрушилась еврейская пресса на немецком языке, которая усмотрела в "Автоэмансипации" атаку на образ жизни и положение евреев Запада. Тезис Пинскера о том, что "евреям необходимо стать нацией", радикально противоречил всему искусственному мировоззрению "немцев Моисеева закона". Зато в национальном стане евреев России брошюра была принята с энтузиазмом и вскоре превратилась, вместе со статьями Лилиенблюма, в идейно-политический манифест движения Хибат Цион.

Несмотря на то, что поначалу Пинскер был "территориалистом" (Этот термин появился позднее - в результате полемики вокруг Уганды (см. стр. 174-190). Территориалистами стали называть сторонников идеи приобретения в полную собственность любой подходящей для поселения еврейского народа земли (территории), в отличие от сионистов, целью которых было возвращение в Сион, на родину еврейского народа. - Прим. ред.), он очень быстро убедился, что народ {19} тяготеет к Эрец-Исраэль. А так как в его программном сочинении была учтена такая возможность, он тем самым дал Ховевей Цион свое благословение и оказался главой движения, хотя роль лидера была ему совсем ни к чему: как упоминалось, Пинскер был всегда слаб здоровьем, а к моменту появления брошюры ему уже перевалило за шестьдесят. Однако пламенная любовь к своему народу, боль за его горькую судьбу и страстное желание помочь - все это заставило его собраться с силами и принять активное участие в движении. Лилиенблюм рассказывает, что Пинскер послал ему свою брошюру, как только она была отпечатана, хотя лично они не были знакомы. Вскоре он понял, что Пинскер сделал это потому, что в свое время читал статьи Лилиенблюма в "Рассвете" и обнаружил духовную близость с автором в отношении к еврейской проблеме, особенно в вопросе создания для народа

национально-территориального убежища. С той поры у них возникли прочные дружеские отношения, и Лилиенблюм сделал немало для того, чтобы приобщить Пинскера к движению Хибат Цион.

Когда четырнадцать лет спустя Герцль опубликовал свое "Еврейское государство" (1896), он не был знаком с "Автоэмансипацией" Пинскера. Справедливо говорил Ахад-Гаам, что Пинскер еще до Герцля создал в полном объеме учение о политическом сионизме, которое не имеет себе равных по силе и блеску изложения.

Пинскеру, таким образом, принадлежит приоритет в постановке учения политического сионизма на ясную теоретическую базу. Он также первым предложил практическую программу, пускай и общего характера, по претворению идеи в жизнь.

Позднее эта программа, в существенной своей части, была принята политическим сионизмом. Отсюда следует, что политический сионизм не был принципиально новым по сравнению с идеями Пинскера. Все свое учение, теорию и практику, Пинскер сумел изложить сжато, в пределах маленькой брошюры, насыщенной мыслью, хотя и лишенной точной логической композиции. Пылкость чувств брала {20} верх над рассудительным хладнокровием и мешала ему научно систематизировать свои взгляды.

Пинскер писал не исследовательскую статью, замечает Ахад-Гаам, - это вопль души, исторгнутый гневом и болью за униженное положение еврейского народа. Насколько Пинскер был лишен малейшего честолюбия в частной жизни, настолько он был "гордецом" как еврей. Оскорбленная честь его народа не давала ему покоя. Он был согласен отказаться от всего, только не от национального достоинства.

Свою ценность и значение брошюра "Автоэмансипация" не утратила и по сей день. Столь глубокого анализа сущности антисемитизма, его корней и причин до Пинскера не было, не появилось и позднее.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ - СИОНИЗМ В РОССИИ ДО ГЕРЦЛЯ

Глава третья - ПЕРВАЯ АЛИЯ

1. Алия билуйцев

Национальное брожение, охватившее евреев России в начале царствования Александра III, породило по тем временам единственное в своем роде идеалистическое движение, которое можно считать прототипом движения Хехалуц (Гехалуц), возникшего в конце 1-ой мировой войны.

В январе 1882 года, по инициативе студента-первокурсника Исраэля Белкинда, сына еврейского учителя из Гомеля, состоялась встреча, в которой приняли участие около тридцати еврейских студентов. После споров, затянувшихся на несколько вечеров, большинство участников решило создать общество для распространения идеи национального возрождения еврейского народа и алии в Эрец-Исраэль с тем, чтобы работать там на земле. С первых же шагов эта группа, не желая {21} довольствоваться проповедями и пропагандой, решила выступить с личным примером. Они постановили, что сами обязаны переселиться в Эрец-Исраэль в качестве пионеров заселения страны. Комитет тотчас опросил членов организации, дабы выяснить, кто согласен ехать. Четырнадцать человек записались на алию, остальные покинули организацию. Группа назвала себя "билуйцами" - по начальным буквам стиха пророка Исаии: "Бейт Яаков, лху ве-нелеха" ("О, дом Иакова! Вставайте и пойдём!" - Ис. 2:5).

Инициативная группа билуйцев в Харькове решила возглавить халуцианское движение и, естественно, стала его центром. Двадцать человек были направлены в разные города России с заданием изложить еврейской молодежи программу билуйцев и привлечь в организацию новых сторонников.

Кружки билуйцев вскоре появились в разных концах России, а число участников достигло 525 - в них были не только студенты, но и гимназисты, учителя, ремесленники и др.

Летом 1882 года Центральное бюро организации было переведено из Харькова в Одессу, чтобы оттуда руководить делами алии билуйцев. Первая группа во главе с Исраэлем Белкиндом высадилась на берег в Яффе в конце июня 1882 года. Группа насчитывала четырнадцать человек, в том числе одну девушку. Они прибыли в Страну без средств, безо всякой политической и общественной поддержки.

И в самой Стране билуйцы не встретили доброжелательного к себе отношения ни со стороны старого ишува, считавшего их безбожниками, ни среди Ховевей Цион, которые видели в молодых людях "нигилистов" из-за их социальных идей и стремления основать колонию с обобществленным имуществом. Через две недели после приезда в Страну они начали работать поденщиками на полях сельскохозяйственной школы Микве Исраэль.

Вскоре в Страну прибыла вторая группа билуйцев - шесть человек. Они присоединились к своим товарищам, работавшим в Микве Исраэль. Директор этого учебного заведения Ш. Гирш, управлявший от {22} имени общества Альянс Исраэлит (еврейское общество во Франции, оказывавшее материальную и культурную помощь евреям в различных странах, основавшее многочисленные школы, в том числе и в Палестине), платил им крайне мало; работа была изнурительной, и надо еще учесть, что билуйцы не были приспособлены к физическому труду, тем более - в условиях тяжелого климата Палестины.

Гирш относился к ним плохо. Он был невысокого мнения о русских евреях, не считал их людьми дела. Он не верил, что евреи, тем более интеллигенты, способны физически трудиться и работать как следует. Очень скоро, однако, Гиршу пришлось изменить свое мнение - билуйцы работали отлично, с усердием и ответственностью, не только не уступая рабочим-арабам, но даже превосходя их. И, тем не менее, Гирш по-прежнему плохо относился к пионерам. Положение у них было незавидное, заработка не хватало на скудное пропитание (хлеб и чай), а о покупке одежды и обуви нечего было и мечтать.

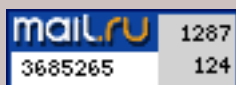
И все-таки билуйцы не отказались от своей идеи самостоятельного поселения. Километрах в тридцати пяти к юго-востоку от Яффы был куплен участок, на котором и возникла колония билуйцев, названная Гедера (по имени одноименного древнего города, находившегося, якобы, на этом месте). В ноябре 1884 года девять билуйцев перешли в Гедеру на постоянное поселение.

Движение молодых образованных идеалистов-билуицев, верой и правдой стремившихся стать пионерами заселения Страны на началах общности имущества и труда, развивалось не так, как мечтали члены организации. В Палестину прибыло в общей сложности 50 - 60 билуицев. Значительная их часть возвратилась в Россию, часть разбрелась по всему свету (уехали в Америку и другие страны), и в Эрец-Исраэль осталось не более пятнадцати человек, перешедших на обычное поселение (не в коммуну) в Ришон-ле-Цион и Гедере. Итак, движению не удалось осуществить того, о чем мечтали его инициаторы. Движение билуицев фактически прекратило свое существование. И, тем не менее, своим идеализмом, чистотой помыслов и преданностью идее заселения Эрец-Исраэль билуицы, невзирая на малочисленность оставшихся и осевших в Стране, оказали огромное идейное и нравственное влияние на весь новый ишув и послужили символом и образцом для последовавших за ними волн халуцианской алии.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ - СИОНИЗМ В РОССИИ ДО ГЕРЦЛЯ

Глава третья - ПЕРВАЯ АЛИЯ

2. Катовицкий съезд

В кругах Ховевей Цион многие пришли к выводу о необходимости созвать общий съезд, который объединит и сплотит все разрозненные общества в организованное движение и обеспечит его центральным руководством. Создалось положение, при котором крупные общества (в Одессе, Белостоке, Варшаве и др.), считали себя центрами движения и пытались направлять деятельность других обществ. Имелись и разногласия по вопросу выбора места созыва съезда, но, в конце концов, стороны пришли к компромиссу и согласились собраться в Катовицах, где проходило их предыдущее собрание в сентябре 1883 года.

В ряде мест состоялись предварительные совещания. Во время собеседований и обсуждений в одесском обществе "Зерубавель" Пинскер зачитал проект речи, с которой он собирался выступить на съезде. Она вызвала споры и выявила расхождения во взглядах: следует ли с трибуны съезда провозгласить национальные цели движения Хибат Цион или подчеркнуть только практико-филантропическую сторону заселения Эрец-Исраэль - помощь евреям, нуждающимся в источниках заработка.

Пинскер считал, что не следует подчеркивать националистские стремления, дабы не оттолкнуть евреев Запада, энергично противившихся идее еврейского национализма. В противовес этому, молодые члены общества во главе с Ашером Гинцбергом (широко известным позднее под литературным псевдонимом {24} Ахад-Гаам) выступили с требованием не затушевывать

национальных задач и объявить о них во всеуслышание. Пинскер - автор "Автоэмансипации", с его широкими национально-политическими взглядами, попал в парадоксальное положение: он заставил себя выражать свои идеи в весьма осторожной форме, и поэтому его публичное выступление не соответствовало его основной позиции. Прения по этому поводу закончились компромиссом: в текст было внесено несколько принципиальных поправок.

Съезд открылся 6 ноября 1884 года в помещении ордена Бней-Брит в Катовицах.

На вечер открытия прибыли, как значится в протоколе съезда (который велся на немецком языке), тридцать шесть делегатов, в подавляющем большинстве - представители российских обществ. Из других стран присутствовали: шестеро из Германии (в том числе трое из катовицкого отделения ордена Бней-Брит), один делегат из Румынии, двое из Англии и один из Франции. Стоит отметить, что среди западных делегатов четверо были российского происхождения. По своей социальной принадлежности делегаты представляли самые разные круги: тут были раввины, редакторы газет и писатели, врачи, юристы, купцы. Были среди них старики и молодежь, крайне религиозные и свободомыслящие просвещенцы.

Председателем съезда был избран д-р Пинскер, почетным председателем - раввин Могилевер.

Во вступительном слове председатель д-р Пинскер объявил, что съезд собрался в годовщину столетия со дня рождения выдающегося человека и общественного деятеля Моше Монтефиоре, дабы основать учреждение на пользу еврейскому народу, достойное личности юбиляра. Не упоминая о стремлениях к национальному возрождению и политической независимости, Пинскер остановился на кровной необходимости для евреев вернуться к земледелию, которым в древности занимались и кормились их предки.

Бедственное положение евреев в странах диаспоры, подчеркнул он, требует {25} поиска новых путей существования и занятий: земледелие - столбовая дорога. Далее Пинскер коснулся перемен, происшедших за последние годы в социально-экономических воззрениях народов, и заявил: "Пока нельзя сказать с полной уверенностью, действительно ли в ближайшем будущем, справедливо это или нет, будет объявлена война капиталу, война не на жизнь, а на смерть; так или иначе, несомненно одно: евреи окажутся первой, если не единственной, жертвой этого катаклизма, одно приближение которого, в известной степени, уже на них отразилось". Пинскер выразил надежду, что еврейский народ продолжит усилия по возвращению к крестьянскому образу

жизни на Святой Земле.

Речь была принята делегатами восторженно. В осторожной форме, не прибегая к отчетливой националистической лексике, Пинскер тем не менее дал картину трагического положения еврейского народа в странах рассеяния, а также предостерег от будущих опасностей, которые грозят ему, если он тотчас не произведет радикальных изменений в своем образе жизни. Новое, по сравнению с "Автоэмансипацией", заключалось в том, что в своей речи на съезде Пинскер ясно сказал о заселении Святой Земли, а не просто любой страны. За два года, прошедших со времени выхода брошюры до Катовицкого съезда, Пинскер успел убедиться, что еврейский народ уже вынес свое решение в отношении территории и тяготеет к стране своих предков, к своей исторической родине.

В заключительном слове в день закрытия съезда Пинскер с удовлетворением отметил, что здесь встретились и поработали в добром сотрудничестве старые и молодые, религиозные и воспитанные в духе современной науки интеллигенты. Два фактора объединили всех: общее происхождение и общая судьба.

После Пинскера выступил раввин Могилевер, построивший свою речь на образе "сухих костей" из видения пророка Иехезкеля (Иех., гл. 37): в факте созыва съезда {26} он видел начало воскресения "сухих костей" - сплочения евреев в живую нацию.

Помимо избрания центрального комитета на съезде решили, что Одесса будет местопребыванием временного руководства до создания в Берлине или другом западноевропейском городе постоянной администрации. Пинскер прилагал большие усилия, чтобы из среды евреев Запада найти кандидатов, согласных участвовать в руководстве движением, но таковых не нашлось.

Историк Грец, поначалу согласившийся, тоже отказался под влиянием немецких евреев, резко критиковавших Катовицкий съезд за его националистические тенденции.

Итак, не помогла Пинскеру вся его осторожность при составлении речи и формулировании целей движения: западные евреи, отвернувшись от еврейского национализма, усмотрели - и совершенно справедливо - его яркое проявление в самом факте объединения отдельных обществ Ховевей Цион в движение за заселение Эрец-Исраэль. Таким образом, руководство в Одессе превратилось на деле из временного в постоянное.

Катовицкий съезд стал поворотным пунктом в истории движения за возврат в Сион.

Можно сказать, что это был первый сионистский "конгресс" до появления на общественно-политической арене Герцля.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ - СИОНИЗМ В РОССИИ ДО ГЕРЦЛЯ

Глава третья - ПЕРВАЯ АЛИЯ

3. Съезд в Друскениках

Второй съезд Ховевей Цион проходил в Друскениках с 16 по 19 июня 1887 года. На сей раз делегаты прибыли только из России и представляли палестинофильские организации, существующие в разных ее частях - на Украине, в Бесарабии, Литве, Польше, центральной России. На съезд приехали тридцать человек из следующих городов: Одессы, Бобруйска, Борисова, Белостока, Двинска, Варшавы, Вильно, Харькова, Елисаветграда, Екатеринослава, Либавы, Мариамполя, {27} Москвы, Минска, Полтавы, Петербурга, Ковно, Кишинева, Ростова-на-Дону, Риги. Кроме ветеранов - руководителей движения, участников Катовицкого съезда - на этот раз прибыло много молодежи. Юг России почти целиком был представлен молодежью.

Среди молодых делегатов на съезде выделялись своей активностью трое: Василий (Зеэв) Берман, талантливый молодой юрист и общественный деятель из Петербурга, глубоко преданный борьбе еврейства России и идее заселения Эрец-Исраэль (умер от туберкулеза в 1896 году в возрасте тридцати четырех лет); Менахем Усышкин, студент-технолог из Москвы (впоследствии один из лидеров сионистского движения, а с 1923 года и до самой своей смерти в Иерусалиме в 1941 году - президент Еврейского национального фонда Керен Каемет ле-Исраэль); Меир Дизенгоф из Кишинева (впоследствии мэр Тель-Авива, умер в 1936 году).

За несколько дней до начала съезда из Петербурга пришло известие, что

власти не дали разрешения на создание еврейского общества по заселению Палестины. Пинскер видел в этом отказе тяжелый удар для движения и переселенческой деятельности. Внутренние трения, противоречия между интеллигентами и религиозными ортодоксами, сокращение активности местных организаций и уменьшение их доходов (к моменту съезда в кассах движения имелось, в общей сложности, не более 5300 рублей) - все это сказалось на душевном состоянии Пинскера, находившегося на грани отчаяния. Здоровье его также оставляло желать лучшего: врачи предупреждали, что ему грозит скорая смерть.

Он решил уйти с поста главы движения, хотя это решение далось ему нелегко: заботы о судьбах движения и заселении Эрец-Исраэль не покидали его ни на минуту. Пинскер просил съезд освободить его от обязанностей. Но съезд не принял отставки, настаивая на продолжении им работы, и Пинскер сдался. Раввины не высказывались по этому вопросу, не выступили ни за, ни против его переизбрания. Пинскер расценил это {28} как знак согласия, однако вскоре выяснилось, что дело обстояло не так.

Раввин Могилевер и его сторонники пришли на съезд с намерением первым делом произвести замену руководства движением, поставив вместо "свободомыслящих интеллигентов" (Пинскера и Лилиенблюма) знаменитых раввинов, пользующихся авторитетом у русского еврейства.

Не все из них заходили так далеко. Некоторые ограничились требованием об отставке одного Лилиенблюма, известного большей свободой взглядов. Один из представителей белостокского отделения, секретарь раввина Могилевера Яков Бахрах предъявил съезду ультиматум: поставить во главе Ховевей Цион раввинов и сместить "свободомыслящее" руководство. На вопрос, выражает ли он свое личное мнение, Бахрах категорически заявил, что таково требование белостокской организации.

Этот ответ привел в изумление Лилиенблюма, потому что накануне он вместе с Пинскером посетил Могилевера, и в ходе этой встречи, которая происходила в присутствии представителей белостокского отделения, раввин убеждал Пинскера не подавать в отставку, поскольку он, Могилевер, не видит ему замены. Естественно, заявление Бахраха вызвало теперь возмущение и досаду.

Во время прений по поводу просьбы Пинскера об отставке раввин Могилевер не присутствовал на заседании. Но как только Пинскера вновь переизбрали, раввин появился, выйдя из соседней комнаты, где сидел до сих пор. Присутствующие, в знак уважения к нему, встали, однако раввин, вместо того чтобы пройти на свое место, остановился посреди зала и раздраженно

заговорил.

Когда Пинскер, подойдя к нему, спокойно и вежливо спросил, в чем дело, Могилевер с раздражением ответил, что он "за кошерных евреев". Пинскер понял, что в глазах раввина он не является таковым. Но теперь, после того как он уступил настояниям делегатов съезда и остался на своем посту, он уже не видел возможности уйти в отставку.

Трудно объяснить такое поведение раввина {29} Могилевера, который за день до того убеждал Пинскера не уходить из руководства, а назавтра потребовал его отставки. Автор истории Хибат Цион Ш. Л. Цитрон замечает по этому поводу: "Раввин Могилевер за идеи ишува стоял горой; трудно заподозрить, что он хотел избавиться от интеллигентов, особенно от д-ра Пинскера, по честолюбивым мотивам - из желания самому возглавить руководство. Приходится полагать, что, будучи ортодоксальным раввином, он искренне верил, что раввины во главе движения принесут больше пользы идее ишува, потому что в них нуждаются и за ними идут еврейские массы. Возможно также, что на него повлияли некоторые из его коллег, которые действительно стремились к захвату руководства. Такое предположение подтверждается развязкой: в конце концов, раввин Шмуэль Могилевер подчинился воле большинства на съезде и отказался от своего намерения".

В соответствии с решением съезда, руководство во главе с Пинскером осталось в Одессе. Летом 1889 года он вынужден был все-таки по состоянию здоровья уйти со своего поста. Секретарем был вновь избран Лилиенблюм.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ - СИОНИЗМ В РОССИИ ДО ГЕРЦЛЯ

Глава четвертая - ОДЕССКИЙ КОМИТЕТ

1. Запрет алии

Одним из камней преткновения на пути легализации движения Хибат Цион было сопротивление турецких властей алии из России и поселению евреев в Эрец-Исраэль. Отказываясь разрешить работу по заселению Палестины, царское правительство выдвигало в качестве аргумента невозможность допустить в России {30} официальную деятельность, которая заведомо противоречит турецким законам.

Запрет на алию евреев в Эрец-Исраэль был наложен турецким правительством еще в 1882 году, а паломникам-евреям запретили находиться в Стране более тридцати дней. Существовали также жесткие административные барьеры, направленные против постройки домов в новых поселениях и покупки земельных участков. Турецкое правительство, опасавшееся увеличения числа евреев в Эрец-Исраэль, пристально следило за российским движением Хибат Цион во всем, что касалось алии и поселения, черпая свою информацию, в основном, из еврейской прессы.

Несмотря на это, алия не прекращалась, но шла в очень ограниченных размерах. Евреи были вынуждены идти на хитрость в своих отношениях с чиновниками. В конце 1886 и начале 1887 года турецкие власти ужесточили соблюдение запрета, наложенного на алию. В Яффе и Иерусалиме шли обыски: искали нелегально прибывших новых иммигрантов, которых тут же арестовывали, чтобы затем выслать из Страны. И все-таки, несмотря на все мытарства и преследования, алия из России продолжалась.

После долгого хождения по инстанциям и выполнения всех формальностей, 13 января 1890 года устав Одесского общества был в конце концов утвержден царскими властями. Получение разрешения вызвало большую радость Ховевей Цион и всего еврейского населения России. Организация, утвержденная властями, получила название Общества вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине. Согласно официальному уставу, существующие в других городах, организации и группы в Обществе не входили, но в частном порядке в него мог вступить каждый. Только комитету полагалось состоять обязательно из одесситов. Невозможность объединить все местные общества создавала большие затруднения и ограничивала поле деятельности движения. Тем не менее, даже узкие легальные рамки были выигрышем и {31} позволили расширить работу по сравнению с положением до легализации.

Будучи разочарованным, подавленным и не веря, что удастся расшевелить народ, Пинскер не хотел входить в комитет. Но Лилиенблюм убеждал его присоединиться, чтобы еврейская общественность поняла, что новая организация продолжает дело Хибат Цион, которое Пинскер возглавлял.

Первое официальное собрание Одесского общества состоялось 14 апреля 1890 года. Главным пунктом повестки дня было избрание пяти членов комитета, их заместителей и ревизионной комиссии. Все они избирались на трехлетний срок, так как по уставу, пленум должен был созываться через каждые три года.

На этом первом официальном общем собрании присутствовали 162 человека. В комитет избрали пятерых, во главе с председателем д-ром Пинскером. Он дал свое согласие с тяжелым сердцем. Его преследовали сомнения, добьется ли новый комитет большего, чем прежде. Силы также изменяли ему. И действительно, ему недолго пришлось проработать после легализации Общества - через год Пинскер скончался.

С уходом Пинскера завершилась целая эпоха в еврейском движении за национальное возрождение. В догерцлевском сионизме Пинскер был не только ведущим идеологом национального возрождения, но и душой движения, его нравственным авторитетом.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ - СИОНИЗМ В РОССИИ ДО ГЕРЦЛЯ

Глава четвертая - ОДЕССКИЙ КОМИТЕТ

2. Новые преследования российских евреев и изгнание их из Москвы

Легализация деятельности Ховевей Цион совпала с ухудшением общего положения евреев в России. Годы правления Александра III принесли новые притеснения и мытарства. Игнатъевский закон от 3 мая 1882 года, изданный после погромов и урезавший и без того ограниченные права евреев, послужил отправным пунктом для новых ограничений и источником {32} административного самоуправства.

Сам царь, его министры, сенат и власти на местах придали этому закону чрезвычайную гибкость, используя его так, чтобы еще больше обездолить евреев. Еврейское население все более скупивалось в прокрустовом ложе местечек и городков черты оседлости. Усилилось обнищание, увеличился еврейский пролетариат, лишенный средств, профессиональных навыков и работы. В борьбе за жалкое существование евреи были вынуждены всячески обходить направленные против них дискриминационные законы. Последние превратились в надежный и регулярный источник дохода полиции, которая вымогала взятки за проживание в неположенных местах, а когда деньги у еврея окончательно иссякали, его гнали с насиженного места.

Тяжкое бедствие обрушилось на еврейство России в начале 1891 года. В первый день еврейской Пасхи внезапно был издан декрет о высылке евреев из Москвы. Изгнаны были не только проживавшие нелегально, но и те, чье право проживать в Москве не подлежало сомнению. Количество высланных исчислялось в 20 тысяч (общее число московских евреев составляло тогда 30

тыс. чел.).

Инициатором декрета был брат Александра III, великий князь Сергей Александрович, назначенный московским генерал-губернатором. Сама высылка сопровождалась такими жестокими насилиями над евреями, что даже бесстыдное правительство было вынуждено прятать концы в воду, дабы избежать огласки. Русская пресса того времени обошла это событие полным молчанием: газеты реакционного и антисемитского толка молчали намеренно, в то время как прогрессивной и радикальной печати цензура вообще запрещала затрагивать еврейский вопрос.

Историк может, правда, почерпнуть кое-что из мемуаров различных общественных деятелей. Так, например, старый русский либерал Иван Петрункевич в своих воспоминаниях уделил этому событию немногие, но впечатляющие строки: "Начались гонения на евреев. Творилось такое, что глазам не верилось и не описать. Ни один {33} еврей уже не мог чувствовать себя в безопасности. По ночам в дома врвалась полиция, вытаскивала из постели спящих, требуя предъявить право на жительство". Петрункевич рассказывает о вдове с маленьким ребенком, не успевшей еще похоронить скончавшегося после тяжелой болезни мужа: покойный имел университетское образование, поэтому мог проживать в Москве, где и работал банковским чиновником, но его вдова с сиротой с момента смерти главы семьи лишилась права жительства, и их выслали. И это всего лишь один из бесчисленных случаев, слезами и кровью запечатленных в хронике еврейства.

Жуткую атмосферу высылки описал еврейский литератор М. М. Долицкий - один из участников Хибат Цион. На евреев устраивали облавы, как на травимых собаками лесных зверей. Многочисленные подручные российского самодержца настигали свои жертвы в любых укрытиях и тайниках, даже в закупоренных бочках и на кладбищах среди могил. Евреи всех слоев и сословий - ремесленники, интеллигенты, ученые талмудисты, торговцы, - унижая свое человеческое достоинство, были вынуждены пресмыкаться перед каждым будочником и дворником, которые выжимали из них все соки, отбирали имущество до последнего гроша, не брезгуя и скарбом бедняков.

А когда уже больше нечем было поживиться, выдавали евреев полиции, и та обращалась с ними, как с опасными уголовниками, взломщиками или убийцами: заковывала в кандалы и тысячами отправляла в этап, гнала пешком сотни километров. Немало их погибло в пути. И как водится в таких случаях, еврейская беда отягощалась еще и позором: деморализация охватывала самих преследуемых, начинались наговоры и доносы друг на друга в тщетных попытках спасти собственную шкуру. М. М. Долицкий не обходит молчанием и жестокосердие многих еврейских богачей, обладателей царских "привилегий",

отвернувшихся от своих несчастных соплеменников и не протянувших им руку помощи.

Кроме московского изгнания, была произведена {34} высылка многих тысяч еврейских семей и из других мест (например, из полосы шириной 50 верст вдоль границы с Австрией и Пруссией). Все эти притеснения и преследования, а также невозможность прокормиться и обнищание еврейских масс породили новую волну эмиграции из России. Большинство еврейских эмигрантов устремились в Америку, но тысячи переселились в Эрец-Исраэль.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

{35} ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава пятая - ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРЦЛЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЙ АРЕНЕ

1. Дело Дрейфуса

Известный венский писатель и журналист д-р Теодор (Биньямин Зеев) Герцль (1860-1904), творец политического сионизма, основатель Всемирной сионистской организации и ее бессменный руководитель, поначалу был далек от еврейства. Он был воспитан на немецкой культуре и прочно с ней связан, в то время как его связи с еврейским народом, его интересами и нуждами оставались весьма поверхностными.

Правда, еще будучи студентом, он столкнулся с проявлениями антисемитизма со стороны своих сокурсников и различных кругов немецкого общества. Однако, подобно большинству еврейских интеллигентов Запада, Герцль верил, что самый эффективный и верный путь решения еврейского вопроса состоит в полной ассимиляции еврейства и растворении в среде окружающих народов. Но постепенно эти его взгляды поколебались - по мере того как усиливался антисемитизм в Австрии и Германии, а также во Франции, этой классической стране прав человека, которая первой даровала евреям гражданское равноправие.

{36} В качестве сотрудника большой и влиятельной венской газеты либерального направления "Нойе Фрайе Прессе" Герцль в 1891 году был послан редакцией в Париж постоянным собственным корреспондентом газеты. В Париже Герцль проработал четыре года и возвратился в Вену в июле 1895 года.

Как корреспондент Герцль присутствовал на суде над капитаном Альфредом Дрейфусом, вокруг которого в те дни бушевали страсти во Франции и остальных европейских странах. Военные власти Франции обвинили Дрейфуса в измене. Это ложное обвинение, сфабрикованное антисемитами против единственного в генеральном штабе офицера-еврея, потрясло Герцля до глубины души. Однако долго державшееся мнение, будто дело Дрейфуса разом превратило Герцля из сторонника ассимиляции в националиста, по-видимому, преувеличено; будет правильнее сказать, что этот суд и особенно публичная церемония разжалования Дрейфуса, проведенная после суда, 5 января 1895 года, углубили и выкристаллизовали его национальное еврейское самосознание, начавшее складываться задолго до этого.

В дневнике, который он начал вести в Париже весной 1895 года, Герцль признается, что интерес к еврейскому вопросу возник у него с начала 80-х годов в процессе чтения антисемитской литературы. Однако, как сказано, он тогда полагал, что решение еврейского вопроса возможно путем полной ассимиляции и даже перехода в христианство. С течением времени и особенно после суда над Дрейфусом он осознал, что, полагая так, ошибался.

В конце декабря 1894 года Дрейфус был приговорен к пожизненному заключению на Чертовом острове во Французской Гвиане (Южная Америка). Учитывая убийственный климат острова и условия содержания каторжников, это был фактически смертный приговор. Герцль, посылавший в свою газету подробные отчеты о процессе, дал также развернутое описание гражданской казни Дрейфуса после суда. В репортаже говорится:

{37} "Церемония лишения чести капитана Альфреда Дрейфуса собрала в это мрачное зимнее утро много любопытных. Можно было видеть большое число военных, иных в сопровождении жен. Вокруг теснилась масса зевак, завсегдатаев публичных казней. На плац вывели 5000 солдат. На середину выехал генерал верхом на лошади. Дрейфуса привезли на плац одетым в капитанский мундир. Четыре человека подвели его к генералу, который в присутствии публики зачитал осужденному следующее: "Альфред Дрейфус, вы не достойны носить оружие.

Именем французского народа я лишаю вас этой чести. Прошу исполнить приговор". Тут Дрейфус поднял вверх правую руку и воскликнул: "Клянусь и заявляю, что вы лишаете чести невинного человека. Да здравствует Франция!" Под дробь барабанов исполнитель военного суда начал срывать с мундира Дрейфуса пуговицы, эполеты и т. д. Потом Дрейфуса провели перед полковым строем. Он шагал мимо войсковой колонны как человек, не знающий за собой никакой вины. Когда он поравнялся с группой офицеров, ему закричали: "Иуда

Искариот, предатель!" Дрейфус отвечал: "Вы не смеете позорить меня!"

Непрекращающиеся выкрики Дрейфуса о том, что он невиновен, и вопли толпы, безостановочно оравшей: "Смерть предателю!", "Смерть евреям", - обнажили перед Герцлем трагизм положения евреев Франции спустя сто лет после того, как Великая французская революция принесла им гражданское равноправие.

Дрейфус происходил из богатой ассимилированной еврейской семьи, из патриотизма к Франции переехавшей в 1871 году из Эльзаса во Францию; он был далек от всего, что касалось евреев, и считал себя стопроцентным французом. И вот на него свалилось ложное обвинение, напомнив ему о его еврействе. Передают, что он часто повторял сторожившему его капралу: "Видите ли, я просто жертва личной мести, меня преследуют за то, что я еврей". Тем не менее, Дрейфус верил, что на суде правда восторжествует, однако его надежда не {38} оправдалась.

Вера Герцля в либеральность и гуманность просвещенного европейского общества рухнула при виде антисемитских бесчинств во Франции и ненависти к евреям, глубоко укоренившейся во французских массах. Суд над Дрейфусом показал ему на деле, что отнюдь не слиянием с европейским обществом путем полной ассимиляции разрешится трудный еврейский вопрос. Он понял, что дело Дрейфуса не из ряда вон выходящий случай, а символ истинного положения ассимилированного еврея в современном европейском обществе: еврей, душой и телом преданный французскому народу и его стране, получил в награду отчуждение и безграничную ненависть.

Так дело Дрейфуса уничтожило веру Герцля в то, что прогресс образованного общества естественно приведет к решению еврейского вопроса. Тогда у него и возникла идея эмиграции евреев из государств диаспоры в собственную страну. Для осуществления этой цели требовалось создать для рассеянного по всему свету еврейского народа национальное политическое руководство, которое поведет народ навстречу этой цели.

Как известно, Дрейфуса продержали на Чертовом острове целых пять лет и вернули во Францию для нового суда, благодаря неустанной борьбе за раскрытие истины, которую вели его сторонники (писатель Бернар Лазар, социалист Жан Жорес, писатель Эмиль Золя и другие). Военный суд уже не мог игнорировать бесспорные доказательства невинности Дрейфуса и вину подлинных изменников, один из которых покончил с собой, а другой - главный преступник - бежал за границу. Однако для суда был более важен престиж армии, нежели истина. Поэтому Дрейфус был не оправдан, а лишь помилован

президентом республики в 1900 году. Только спустя шесть лет состоялось новое судебное рассмотрение, и Верховный апелляционный суд оправдал Дрейфуса, который был даже повышен в звании и награжден орденом.

Прослужив год, он вышел в отставку, однако в Первую мировую войну, будучи в возрасте 55 лет, снова пошел служить. Дрейфус умер в Париже в 1935 г.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава пятая - ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРЦЛЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЙ АРЕНЕ

{39} 2. "Еврейское государство"

Когда у Герцля зародилась идея нового "исхода из Египта", он решил обратиться к крупным еврейским филантропам, финансовым магнатам, способным, если захотят, финансировать осуществление его идеи. Сначала он обратился к барону Гиршу, основателю ЕКО ("Еврейское колонизационное общество", 1891 г.), который пожертвовал огромную сумму в 250 миллионов франков, чтобы переселить нуждающихся евреев из стран, где они подвергаются притеснениям, в Аргентину.

Изложив Гиршу подробности своего замысла и главные пути его осуществления, Герцль спросил барона, готов ли он участвовать пятьюдесятью миллионами марок в национальном займе на сумму десять миллиардов марок, который он, Герцль, собирается организовать для выполнения своей программы. Герцль верил, что предприятие реально - ведь "еврейские деньги" можно раздобыть в изобилии на заем Китаю, на железные дороги для негров в Африке, на всякие авантюрные затеи, - так неужели их не найти для удовлетворения наиболее глубокой и мучительной внутренней потребности самих евреев?

Но денег не нашлось. Барон Гирш увидел в идеях и планах Герцля одну лишь "фантазию", весь образ его мыслей был для барона чуждым и смехотворным. Обращение к барону Ротшильду тоже закончилось неудачей. Известный филантроп опасался, что дерзкий политический план Герцля, вообще, по его

мнению, невыполнимый, только повредит уже существующей деятельности по переселению в Эрец-Исраэль, которая и так протекает с большими трудностями и на каждом шагу наталкивается на сопротивление и помехи со стороны турецких властей. Политическая программа, утверждал Ротшильд, озлобит Турцию еще больше.

После того как попытки Герцля завоевать симпатии и поддержку еврейских финансовых магнатов провалились, он обратился к общественности. Однако и тут он не слишком преуспел, ввиду того, что еврейские {40} общественные деятели Запада боялись даже мысли о публичной постановке еврейского вопроса.

Тем не менее, ему удалось привлечь на свою сторону несколько видных представителей общественности и интеллигенции. В Париже он встретился с известным писателем Максом Нордау, тоже уроженцем Венгрии и евреем, отдалившимся от своего народа; Нордау загорелся идеей Герцля, тут же присоединился к нему и с тех пор стал его единомышленником и соратником по сионистскому движению. Нордау снабдил Герцля рекомендательными письмами в Лондон к ряду евреев, занимавших видное положение: артистам, литераторам, представителям свободных профессий. Среди них был и писатель Исраэль Зангвиль, который также увлекся идеей политического сионизма. 17 ноября 1895 года Герцль записал в дневнике: "Я верю, что Нордау пойдет за мной в огонь и в воду. Его я завоевал с легкостью, и это, может быть, самое важное из приобретений".

Поскольку еврейские филантропы, владеющие капиталами, отнеслись к плану Герцля отрицательно, он решил обратиться непосредственно к еврейскому народу. С этой целью он в сжатой форме изложил свои идеи и план решения еврейского вопроса в работе под названием "Еврейское государство" и выпустил ее в свет отдельной брошюрой. Работа была написана по-немецки. Он закончил ее 17 июня 1895 года и издал 14 февраля 1896 года. Через несколько месяцев она вышла на иврите (в переводе М. Берковича), английском, русском, идиш и многих других языках. Появление "Еврейского государства" вызвало многочисленные отклики со стороны евреев и неевреев; нашлись и сторонники идей Герцля и противники, и вокруг этого сочинения разгорелся жаркий спор.

Надо отметить, что Герцль до тех пор ничего не слышал о Пинскере и его "Автоэмансипации" и лишь за несколько дней до выхода в свет "Еврейского государства" ему принесли для прочтения работу Пинскера. В своем дневнике 10 февраля 1896 года он записал: "Сегодня прочел брошюру "Автоэмансипация"... {41} Поразительное совпадение в критической части, большое сходство в части конструктивной. Жаль, что не знал этого сочинения

до того, как отдал в печать мою работу. С другой стороны, хорошо, что не знал, - быть может, не сел бы писать".

Герцль считал возможным осуществить идеи сионизма мирными путями при поддержке цивилизованного мира. Поэтому он верил, что "едва мы начнем воплощать свою программу, антисемитизм повсюду угаснет, ибо она - наш мирный договор со всеми народами". В конце 19 века он не мог предвидеть мира наших дней, раздираемого конфликтами - последствиями двух мировых войн и разных форм тоталитарного правления. Однако ценность работы "Еврейское государство" состоит не в гипотезах и их подробностях, выдвинутых Герцлем под влиянием современных ему мнений и взглядов, а в главной ее направленности и воздействии на людей его поколения, а также на развитие идеи сионизма и сионистского движения.

Герцль, как и его предшественник Пинскер, не обуславливал свой план выбором непременно Палестины. Он допускал, что можно принять в расчет и Аргентину, и в "Еврейском государстве" не делал решающего вывода. Однако и он, как в свое время Пинскер, быстро убедился, что еврейский народ уже остановил свой выбор на Эрец-Исраэль, а народ для Герцля был высшей инстанцией. Вместе с тем он не представлял себе даже небольшого поселения без политико-юридической базы. Поэтому вся его деятельность была направлена на получение такой базы от турецких властей дипломатическим путем при поддержке разных политических сил.

Надеждой и чаянием Герцля отнюдь не было заурядное государство, но идеальная страна, воздвигнутая на общечеловеческих основах, гуманистических и социальных. Он мечтал о новом облике еврея, гордом и благородном. Он так и заканчивает свое "Еврейское государство":

"... верю, что из земли вырастет поколение славных {42} евреев. Опять появятся Маккавеи.

Еще раз повторим сказанное вначале: те евреи, которые захотят, будут иметь свое государство.

Пора уже нам, наконец, зажить свободными людьми на собственной земле и умирать спокойно на собственной родине.

Мир будет освобожден нашей свободой, обогащен нашим богатством, возвеличен нашим величием.

И то, что будет сделано нами в интересах нашего народа, станет великим

благом для всего человечества"

(Из брошюры "Автоэмансипация" д-ра Пинскера и "Еврейское государство" д-ра Герцля", Jewish Agency, Иерусалим, 1946.- прим. ред.)

Герцль особенно подчеркивал роль субъективного начала, роль воли и желания в процессе построения еврейского государства. Он выразил это в своем афористическом эпиграфе к роману-утопии "Альтнойланд" (1902) : "Если вы захотите, это не будет сказкой".

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАИЛ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава пятая - ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРЦЛЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЙ АРЕНЕ

3. Отклики евреев России на появление Герцля на политической арене

Появление Герцля на общественно-политической арене и опубликование его работы "Еврейское государство" вызвали среди русского еврейства большое волнение. Весть, что известный венский журналист д-р Теодор Герцль выступил с предложением о создании еврейского государства в Палестине, распространилась с быстротой молнии. Правда, как мы уже упоминали, Герцль в своем сочинении еще не называл прямо Эрец-Исраэль, но этот выбор он сделал вскоре после {43} выхода работы в свет, убедившись, что сионистские (Терминами "сионист" и "сионизм" по отношению к Ховевей Цион впервые начал пользоваться д-р Натан Бирнбаум в начале 90-х годов прошлого века в газете "Зельбстэмансипацион" ("Автоэмансипация", 1885-1893), которую он издавал в Вене. Этот термин был принят затем Герцлем и всем движением. Н. Бирнбаум был одним из основателей национального еврейского студенческого союза "Кадима" ("Вперед", 1883) в Вене. О влиянии, оказанном на него Пинскером и его "Автоэмансипацией", свидетельствует само название издававшейся Бирнбаумом газеты. Он участвовал в Первом сионистском конгрессе, поддерживал Герцля, однако в 1899 году вышел из сионистского движения, примкнув к галутному национализму, а затем стал ортодоксально-религиозным. Скончался в Голландии в 1937 году.) круги с энтузиазмом приняли его план и еврейский народ мечтает только об Эрец-Исраэль. Свои письма Герцль заключал фразой "с сионистским приветом". Еще более сильное впечатление на российских Ховевей Цион произвело известие, что к Герцлю присоединился и поддерживает его программу знаменитый писатель Макс

Нордау. Имя Нордау и прежде было хорошо известно еврейской интеллигенции в России, но не все знали, что он еврей. Так, например, Усышкин, впервые встретившись с Герцлем в мае 1896 года в Вене, был поражен, когда услышал из его уст, что знаменитый писатель Макс Нордау еврей и сионист.

Энергичное несогласие с программой Герцля выразили круги интеллигенции, группировавшиеся вокруг периодического журнала "Восход", выходившего на русском языке. Брат адвоката Оскара Грузенберга, одного из защитников Менделя Бейлиса на процессе в Киеве (1911-1913), Самуил Грузенберг, подписывавший в еженедельнике "Восход" свои "Заграничные хроники" псевдонимом "Летописец", обрушился на Герцля и его "Еврейское государство" с яростью и сарказмом. Идею создания еврейского государства С. Грузенберг награбил эпитетом "безумная", а националистически настроенных евреев, сторонников {44} Герцля, сравнил с каббалистами, в свое время слепо следовавшими за лже-мессиями, и с хасидами, замороженными своими "адморами" (главами хасидской секты); венский фельетонист Герцль, автор книги "Еврейское государство", - новоявленный "адмор" еврейских националистов.

Идея Герцля о создании еврейского государства воспламенила главным образом сионистов, но имела притягательную силу и для людей, в ту пору далеких от национального движения.

"Еврейское государство" оказало особое влияние на студенческую еврейскую молодежь; из самых разных мест в разных странах к Герцлю начали стекаться письма с выражением согласия и признания. Секретарь парижского объединения студентов-евреев из России писал Герцлю, что еврейские студенты в Париже в не меньшем восторге от его книги, чем националистически настроенные еврейские студенты Вены, обещавшие Герцлю свою поддержку.

Письма такого рода Герцль получал из России, Румынии, Венгрии и Болгарии.

В Софии деятельно сотрудничал в сионистских кругах профессор юриспруденции местного университета Григорий Белковский, еврей из России, который из-за отказа креститься не получил в России кафедры и уехал в Болгарию. Белковский сделал доклад в софийском обществе "Сион" о "Еврейском государстве" Герцля, после чего Герцлю было отправлено восторженное письмо. Эти знаки поддержки и ободрения сионистских кругов, поступавшие из разных мест, побудили Герцля предпринять первые практические дипломатические шаги, и он отправился в Константинополь,

дабы попытаться завязать связи с турецким правительством и султаном.

Однако не все сионисты России спешили оказать Герцлю немедленную поддержку. Не только антисионистски настроенная группировка "Восхода", но и немалое число ветеранов Ховевей Цион противилось его политической программе. Они опасались, что эта программа лишь повредит практической работе по заселению Палестины, поскольку она может усилить {45} подозрительность турецкого правительства в отношении питаемых евреями намерений и привести к новым ограничениям алии и притеснениям ишува.

Иначе смотрел на дело Менахем Усышкин. Еще до появления работы Герцля он пришел к выводу о необходимости направить сионистское движение в политическое русло. Он считал, что надо искать пути для вступления в переговоры с политическими деятелями мира о гласной, законной базе предприятия по переселению евреев в Палестину. Он также считал необходимым превращение сионизма в широкое народное движение, которое объединило бы евреев Восточной Европы с западноевропейскими евреями, и создание общего центра по руководству национальной работой.

Усышкин придерживался довольно широкой системы взглядов: он принимал путь Лилиенблюма, делавшего упор на практической работе по заселению Палестины, и вместе с тем ценил мировоззрение Ахад-Гаама, сторонника духовного сионизма, ставившего превыше всего дело еврейской культуры. Однако он видел и недостатки обеих систем, заключавшиеся в их односторонности: практическая работа стала гаснуть и сократилась до незначительных размеров, в то время как духовный сионизм расходовал свою энергию, в основном, на бесплодную критику.

Экземпляры "Еврейского государства" были посланы Усышкину в Россию с просьбой содействовать распространению книги. Усышкина книга не слишком воодушевила, поскольку он считал, что после сочинений Пинскера и Лилиенблюма, с которыми русские евреи хорошо знакомы, в ней нет ничего нового.

В мае 1896 года Усышкин приехал в Вену и впервые встретился с Герцлем. В беседе с ним Усышкин сказал, что с основной идеей согласен: еврейское государство необходимо; что же касается программы ее осуществления, то об этом еще нужно как следует подумать и посоветоваться. Герцль выразил уверенность, что добьется одобрения Турцией его планов и получит поддержку европейских правительств. Он спросил, найдутся ли {46} подходящие для поселения люди и захотят ли они эмигрировать. Усышкин ответил, что в Палестину мечтают переселиться сотни тысяч. Герцль слышал о

раввине Могилевере и просил передать ему привет. Встреча ободрила Усышкина. В своих воспоминаниях он писал о Герцле, что тот сразу его очаровал. А Натану Бирнбауму он сказал, как только покинул квартиру Герцля: "Без сомнения, его обаятельная личность увлечет всех евреев России, а возможно, и евреев Запада". Между Герцлем и Усышкиным завязались узы дружбы, и когда позднее Герцль обратился к Усышкину с просьбой участвовать в подготовительной работе по организации Первого сионистского конгресса, тот ответил телеграммой: "Располагайте мною целиком и полностью".

О Герцле, его планах и действиях русским евреям было известно лишь немного. Более полные сведения на этот счет привез с собой профессор Григорий Белковский, посетивший летом 1896 года свою родную Одессу. Как раз в это время там проходило общее собрание Одесского общества, куда, кроме одесситов, съехались также представители Ховевей Цион из многих русских городов. Белковский участвовал в собрании и на нескольких закрытых заседаниях передал собравшимся содержание работы "Еврейское государство", которая до того им почти не была известна, и разъяснил программу Герцля. Его выслушали с большим интересом и симпатией. Делегаты постановили довести до сведения Герцля их согласие с основной идеей о его работы и их готовность поддержать ее. Из опасения нарушить устав Одесского комитета, делегаты не стали публиковать свою резолюцию, но просили Белковского сообщить о ней Герцлю.

"Еврейское государство" вышло в России осенью 1896 года в переводе на иврит и русский. Русская пресса также поместила информацию об этой книге, ее содержании и авторе. Поэт и сионистский деятель Лев Яффе, описывая в своих воспоминаниях настроения молодых Ховевей Цион в 1896 году в Гродно, между прочим, рассказывает, как они были поражены, {47} еще ничего не слышав о Герцле, статьей под названием "Новая утопия", опубликованной в газете "Биржевые Ведомости". Газета сообщала о странной брошюре, вышедшей в Вене и принадлежащей перу журналиста, автора нескольких пьес. В этой брошюре он призывает к возрождению еврейского народа и созданию еврейского государства.

Газета писала об этом как о некоем экзотическом казусе из породы журналистских "уток". Заканчивая свой рассказ, Л. Яффе замечает: "Мы не могли взять в толк, что именно происходит, но сердца наши взволнованно забились даже от тех туманных намеков, коими ограничилась газета". А когда вскоре к ним в руки попала сама брошюра "Еврейское государство", энтузиазм был полный. Такие умонастроения были характерны для всего молодого поколения Ховевей Цион, в то время как среди ветеранов движения было немалое число колеблющихся и даже противников Герцля.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС](#) =

	1294
3685272	124

1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава пятая - ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРЦЛЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЙ АРЕНЕ

4. Приготовления к Первому конгрессу

Мысль о созыве всемирного конгресса сионистов из разных стран возникла в кругах националистической еврейской интеллигенции за несколько лет до появления Герцля. Эта идея обсуждалась молодыми Ховевей Цион в Галиции, Германии, России и других странах. Незначительность практической работы, проводимой Ховевей Цион, не выдерживавшая никакого сравнения с нуждами заселения Эрец-Исраэль и великой мечтой об обновлении Страны, породила недовольство среди молодежи, которая жаждала подлинно больших дел, размаха.

В то время в Берлине появилась группа молодых евреев из России, приехавших учиться в университет, так как в русские университеты евреям из-за процентной нормы не было доступа. Со временем из этой группы вышли известные деятели и вожди сионистского движения, такие, как Лео Моцкин, Шмарьяху Левин, Хаим Вейцман, {48} Виктор (Авигдор) Якобсон, Иосеф Лурье, Нахман Сыркин и другие. Эти молодые люди организовали в Берлине "Еврейско-русское научное общество", в которое вошли евреи - выходцы из России. На своих собраниях члены Общества обсуждали национальные и общественные вопросы и разрабатывали обоснование сионистской идеологии с разных точек зрения. Они также вступили в контакт с молодыми сионистами Галиции, Вены и других мест. На собраниях и в беседах часто обсуждалась идея созыва сионистского конгресса. Об этом, в своей острой, саркастической манере, рассказывает в воспоминаниях Нахман Сыркин:

"Если вести учет бесчисленным вечеринкам, на которых я силился приблизить час Исхода, то вечеринки с дискуссиями насчет конгресса для самоорганизации палестинофильского еврейства безусловно заняли бы целую отдельную главу. В разговоре на эту тему в моей маленькой студенческой комнатке участвовали сливки общества студентов и интеллигентов того времени. Итог такого собрания походил на итог множества других собраний, в которых мне довелось за мою жизнь участвовать, а именно - социальный пессимизм растворялся в изрядной порции стаканов чая. Публика, как водится среди еврейских интеллигентов, была и за и против, пока не встал д-р Натан Бирнбаум и не озадачил всех важнейшим национально-экономическим ребусом: "Други, откуда взять деньги на почтовые расходы?" - после чего план конгресса разом испустил дух. Герцлю повезло с конгрессом прежде всего потому, что у него хватило денег на почтовые марки и даже более, чем на это (Как известно, на дело сионизма и созыв конгресса Герцль расходовал личные средства.).

Если бы Герцль нуждался в благодеяниях еврейской публики и ее финансовой помощи, кусать бы ему неминуемо губы в горьком разочаровании, а идея конгресса, в лучшем случае, испарилась бы в статьях на страницах еврейской публицистики".

{49} Итак, идея конгресса возникла в сионистских кругах еще до появления Герцля, но осуществил ее он, и он же создал Всемирную сионистскую организацию.

Помимо сионистов, отправившихся на конгресс из России, в Базель прибыло множество выходцев из России, временно проживавших за границей. Это были студенты, учившиеся в университетах европейских городов, а также люди, жившие постоянно в европейских странах.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава пятая - ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРЦЛЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЙ АРЕНЕ

5. Первый конгресс

В конгрессе участвовало около двухсот делегатов, в том числе около семидесяти представителей русского еврейства, из которых сорок четыре человека прибыли непосредственно из России.

Конгресс открылся 29 августа 1897 года и закончился 31 августа. О царившей во время открытия атмосфере рассказывает Нахман Сыркин: "На конгресс, со священным чувством исторического изумления, собралось около двухсот человек, которых никто сюда не посылал, так как еще не существовало никаких сионистских организаций. Двести этих "посланцев", наполовину студенты, составили в малом зале базельского казино Первый конгресс и основали сионистскую организацию".

Центральными событиями конгресса были две речи: вступительная речь Герцля и доклад Нордау: "Общее положение евреев в мире". В двух этих выступлениях содержались первоосновы того, что получило название "политического сионизма", определившего суть всемирного сионистского движения на много лет вперед. В начале своей речи Герцль сказал:

"Где бы мы ни находились, мы живем в окружении той извечной ненависти, новое и всем хорошо известное имя которой - антисемитизм. Нееврейский мир никогда правильно не понимал нашей сущности. Нас всегда осуждали за чувство единства, которое, якобы, {50} связывает все части мирового

еврейства. На деле этому единению грозил полный упадок, пока антисемитизм не двинулся на нас в поход. И вот именно он воссоединил нас и укрепил. Можно сказать, что наше возвращение к самим себе произошло под его воздействием.

И действительно, сионизм - это возврат к еврейству еще до возвращения в страну евреев".

Так же "просто" ответил Герцль и на вопрос, откуда придет спасение народу Израиля:

Спасение нации - только в ее собственных руках, и если она на это не способна, ей невозможно помочь.

Мы не сумеем построить наше будущее на терпимом отношении к нам. Мы достаточно навидались чужой терпимости и жизни евреев под опекой

(Понятие "подопечные евреи" обозначало особый статус в эпоху средневековья, когда евреи были отданы на милость феодального правителя, принимавшего их за изрядную мзду под свое, якобы, покровительство и под защиту от нападений черни. Феодал же, в зависимости от прихоти, либо защищал их, либо выдавал толпе на расправу, либо вообще прогонял со своих земель.).

Сионистское движение лишь в том случае будет действовать верно и умно, если начнет стремиться к гарантиям, базирующимся на публичном и признанном праве. Не исключено, что решение проблемы Ближнего Востока явится следствием решения еврейского вопроса; но в таком случае это, безусловно, в интересах всех культурных народов.

Заселение евреями Палестины приведет и к улучшению положения на Востоке христиан. Но это не единственная причина, благодаря которой сионизм может рассчитывать на симпатию народов.

Еврейский вопрос досаждал немалому числу правительств в странах, где имеется значительное еврейское население. Правительство, которое займет доброжелательную позицию по отношению к евреям, восстановит против себя темные массы; если же оно решится на притеснение евреев, это может повести к серьезным экономическим последствиям, учитывая их роль в мировой {51} торговле.

Сионизм, который представляет собой не что иное, как еврейскую

самопомощь, открывает, таким образом, выход из этих специфических затруднений. Пусть знает и ведает весь мир, что истинный сионизм - это нравственное, законное движение, исполненное человеколюбия и стремящееся к извечной цели, составляющей непреходящие чаяния нашего народа"

(Это определение сущности сионизма, данное основателем Всемирной сионистской организации и провозвестником еврейского государства, является и сегодня нашим основным и главным ответом всем обвинителям и клеветникам, пытающимся фальсифицировать облик еврейского освободительного движения и представить в кривом зеркале образ Государства Израиль.).

Макс Нордау в своем докладе нарисовал общую картину положения евреев в мире в конце 19 века. Докладчик пришел к выводу, что повсюду, где имеется достаточное число евреев, присутствует и еврейское горе: не те обычные беды, которые являются, по-видимому, неизбежным уделом всего рода человеческого, а горе особое, постигающее евреев не в силу того, что они люди, а потому, что они евреи, и от которого они были бы избавлены, не будь они евреями.

"Еврейское горе" может быть видимым, физически осязаемым, но может быть и нравственным, глубоко скрытым. В Восточной Европе, Северной Африке и западной части Азии, где проживает почти девять десятых всего мирового еврейства, горе это осязаемое: евреям там приходится вести отчаянную борьбу за само свое физическое существование в прямом смысле этого слова.

В Западной Европе борьба евреев за существование не столь трудна, хотя в последнее время и тут намечается тенденция к усилению притеснений. Тем не менее, перед евреями Запада не стоит в такой степени вопрос хлеба, крова и физической безопасности. Здесь их горе перенесено в область нравственную и происходит из-за подавления их духовных стремлений, которые неевреям никогда не запрещалось иметь. У {52} евреев Запада есть хлеб, но не хлебом единым жив человек.

Западный еврей редко ощущает угрозу своему физическому существованию со стороны черни. Но ведь болит и кровоточит не только раненая плоть. Западный еврей, видевший в эмансипации действительное освобождение, поспешил с окончательными выводами. Народы дают ему понять, что он заблуждается, ибо он, якобы, лишен настоящего представления о чести и достоинстве, морали, патриотизме, идеализме и в силу этого должен быть исключен из всех сфер деятельности, где эти качества являются обязательными.

Правда, наши обвинители никогда не давали себе труда обосновать фактами свои страшные обвинения. В лучшем случае, они время от времени с кликами торжества указывают на какого-нибудь отдельного еврея, позорящего свой народ и человечество. Немедленно делается обобщение; и хотя такой метод противоречит элементарной логике, в психологическом плане он вполне объясним.

Народная поговорка гласит: "Кому хочется утопить собаку, пусть скажет, что она бешеная". На евреев взваливают вину за всевозможные преступления и грехи, дабы оправдать свою ненависть к ним. Эмансипация, дарованная евреям европейскими народами, отнюдь не следствие симпатии к ним, а результат победы рационалистических принципов французской революции.

Положение евреев в гетто не было надежным из-за внешних опасностей, однако их жизнь внутри общины обеспечивала им сохранение привычного нормального общественного уклада. Эмансипация радикально переменяла характер еврея.

Словно в каком-то угаре он торопится поскорее сжечь за собой все мосты. Он быстро приспособился к новым условиям жизни и уверовал, что сам он не кто иной, как немец, француз, итальянец и т. д. Но вот Западную Европу снова охватила извечная юдофобия в личине современного антисемитизма, и еврей, дитя века эмансипации, стоит, растерянный, перед этим явлением и вдруг, осознав свое истинное положение, прозревает.

{53} "Вот положение эмансипированного еврея в Западной Европе на сегодняшний день: от своей еврейской сущности он отказался, а другой - как объясняют ему неевреи - он не приобрел. От своих соплеменников он отделился из-за отвращения к ним, посеянного в нем антисемитизмом, а его попытки приобщиться к согражданам-нееврейцам отвергнуты ими.

Родина-гетто утеряна, а страна его рождения отказывается быть ему родиной. Нет почвы под ногами, нет возможности войти в общество, которое бы его желало и считало равноправным. От сограждан-христиан ему не дождаться справедливой оценки своей личности и своих поступков, не говоря о симпатии, а с согражданами-евреями связь потеряна. Он живет в ощущении отверженности от мира, и нет места, которое одарило бы его душевным теплом, по которому он так истосковался. Это и есть нравственное еврейское горе, и оно горше горя физического.

Эмансипированный еврей лишен корней, неуверен в общении с другими людьми, опаслив при встречах с незнакомыми, мнителен, недоверчив к

проявлению истинных чувств своих друзей. Лучшие силы он расходует на подавление и выкорчевывание своей сущности, или, по крайней мере, на тщательную ее маскировку, боясь, как бы эта сущность не проявилась еврейской. Никогда он не испытывает желания быть естественным, быть самим собой в мысли и чувстве, оттенке голоса, взгляде и жесте. Внутренне он становится калекой, внешне - ненатуральным, поэтому он всегда смешон и, как всякая подделка, вызывает отвращение у людей, обладающих развитым эстетическим вкусом".

Вместе с тем, замечает Нордау, лучшие среди евреев Западной Европы задыхаются в этой атмосфере и ищут спасения. Ведь давно утрачена ими та страстотерпческая вера, которая считает, что страдания - от Бога, терзающего и любящего; уже потеряли они надежду на приход Мессии и их невиданное возвышение. Иные пытаются спастись бегством от иудейства. Однако расистский антисемитизм, отрицающий {54} перевоплотительную силу крещения, делает и этот путь достаточно безнадежным.

Все эти мысли Нордау, явившиеся основными положениями его доклада, были вполне справедливы и по отношению к определенному слою русских ассимилированных евреев; в них многое актуально и по сей день, они не утратили своей остроты, хотя были высказаны в конце прошлого столетия.

Вернувшись с конгресса в Вену, Герцль 3 сентября 1897 года сделал в своем дневнике запись по поводу доклада Нордау: "Он выступил великолепно. Речь его - памятник нашей эпохи и таковой останется навсегда".

Того же числа - то есть через три дня после окончания конгресса - Герцль записал в дневник: "Если коротко подытожить Базельский конгресс - что я поостерегусь сделать публично, - то вот он, вывод: в Базеле я основал еврейское государство. Если бы я громко заявил об этом сегодня, ответом мне был бы общий смех. Но через пять и уж во всяком случае через пятьдесят лет это признают все" (И действительно, по истечении пятидесяти лет - 29 ноября 1947 года - Организация Объединенных наций приняла резолюцию о создании еврейского государства в Палестине.).

В среде сионистов России мнения разделились: большинство ветеранов из Ховевей Цион, не довольствуясь политической активностью, требовали продолжения практической работы в Эрец-Исраэль, невзирая на пока еще незначительные результаты. Они отнеслись с опаской к политическому сионизму Герцля, который решительно противился "просачиванию" евреев в Палестину до получения политических гарантий для алии и поселения, ибо верил, что такой политический фундамент - дело ближайшего будущего.

Молодые выходцы из России, возглавляемые Лео Моцкиным, поддерживали политический путь, который предлагал Герцль. Активность российских сионистов на конгрессе носила преимущественно внутренний характер: они {55} не хотели слишком выделяться, чтобы не вызвать подозрений русского правительства.

Поэтому не было и специального обзора положения русских евреев, в то время как делегаты из других государств выступили с докладами о положении евреев в их странах. Ситуацию в России упомянул Нордау в своем докладе об общем положении евреев. В прениях по организационным вопросам участвовали Владимир Темкин, д-р Шляпошников и Марк Коган (Мордехай Бен-Хиллель Хакоэн).

Он единственный выступил на конгрессе на иврите и заявил: "На этот раз, мои уважаемые братья, я решил обратиться к вам не на языке страны, где я родился, а на языке страны, где родился мой народ... Мы говорим на языках вавилонского столпотворения, на языках всех стран мира, не употребляя лишь собственного. Мы забыли свой язык. И потому пусть он прозвучит в этом зале и да будет сегодня известно всем: есть язык народа Израиля и возродится он в Эрец-Исраэль" (протокол I конгресса на иврите, стр. 132-133).

Единственным среди российских делегатов, кто выступил с призывом к действию, был д-р Яков Бернштейн-Коган. Предоставляя ему слово, председательствующий сообщил, что д-р Бернштейн-Коган выступит от имени сионистского общества в Кишиневе. Докладчик подчеркнул, что еврейскому народу надлежит стремиться к политической независимости и политическому возрождению, и что первый и главный долг сионистов - нести политическое воспитание в еврейские массы, сеять и пестовать в них твердую веру в политическое будущее еврейского народа и его древней родины, которую ему предстоит заново обрести. Вопрос в том, как добиться Эрец-Исраэль.

Некоторые сионисты верят только в медленное, постепенное заселение: они противопоставляют его политической деятельности, ставящей целью получение гарантий для алии и заселения Палестины. Другие, напротив, полагают, что заселение надо прекратить, сосредоточив все усилия на возведении политического базиса. Бернштейн-Коган не видит противоречия между этими двумя путями. Не надо {56} пренебрегать постепенной практической работой, которую следует продолжить, поскольку вопрос политической независимости Эрец-Исраэль не кажется разрешимым в обозримом будущем. Надо поэтому действовать одновременно в обоих направлениях, практическом и политическом. Таким образом, уже на Первом конгрессе Бернштейн-Коган фактически изложил свой взгляд на необходимость синтетического сионизма, который был принят через десять

лет на Восьмом конгрессе в Гааге (1907) в качестве программы действий Всемирной сионистской организации.

Как упоминалось, деятельность русских сионистов на конгрессе выражалась не столько в публичных выступлениях, сколько во внутренней работе. Усышкина избрали секретарем конгресса по ведению документации на иврите, Темкина - секретарем по отчетности на русском языке. Раввин Могилеввер, отсутствовавший по болезни, прислал приветствие, зачитанное с трибуны конгресса. Одним из наиболее активных и темпераментных участников конгресса был Нахман Сыркин (идеолог социалистического сионизма, опубликовавший в 1898 году сочинение под названием "Социалистическое еврейское государство"). Он предложил проект резолюции об осуществлении плана профессора Германа Шапиро основать Еврейский национальный фонд по приобретению земель в Палестине в вечную собственность народа. Под проектом резолюции подписалось двадцать человек, в большинстве своем студенты, выходцы из России.

Профессор Шапиро, один из ветеранов Ховевей Цион, читал курс математики в Гейдельбергском университете.

Он происходил из России (до приезда в Германию был раввином и главой иешивы в литовском местечке), был глубоко привязан к русскому еврейству и любовно относился к еврейским студентам, приезжавшим учиться из России в Гейдельберг. В дом к нему были вхожи Иосиф Клаузнер, Лев Яффе и др. Еще на Катовицком съезде Ховевей Цион профессором Шапиро была выдвинута идея основать Еврейский {57} национальный фонд (Керен Каемет ле-Израэль). Не сумев по болезни приехать на съезд, Шапиро изложил свое предложение в телеграмме. Теперь он выдвинул его заново на Первом конгрессе. Незадолго до начала конгресса Шапиро направил свой проект Герцлю, который опубликовал его в "Ди Вельт".

В проекте между прочим говорилось: "Представим себе: если б отцы наши перед уходом в изгнание отложили хотя бы самую скромную сумму на будущее, мы могли бы сегодня приобрести обширные земельные участки. Итак, то, что не было сделано нашими предками из-за отсутствия возможности или предусмотрительности, обязаны сделать мы, ради нас самих и потомков наших". В подробно разработанном проекте профессор Шапиро определил основы, на которых позднее был создан Еврейский национальный фонд. Конгресс вынес принципиальное решение основать этот фонд и Еврейский национальный банк, однако на деле Керен Каемет ле-Израэль был создан только на Пятом конгрессе в Базеле (1901), спустя три года после смерти профессора Шапиро.

На том же заседании обсуждались вопросы, связанные с развитием культуры еврейства. Профессор Шапиро предложил основать в Эрец-Исраэль высшее учебное заведение, названное им "Бет-мидраш Торы, мудрости и труда", с тремя отделениями: а) теологическое,

б) теоретических наук, в) технических и агрономических знаний.

Свое предложение, сделанное им на немецком языке, он закончил на иврите стихом пророка Исаяи: "Ибо из Сиона выйдет закон, и слово Божие - из Иерусалима". Эту его речь конгресс, правда, встретил бурными овациями, но самого вопроса не затронул и даже не избрал комиссии, как предлагал профессор Шапиро. Лишь по прошествии шестнадцати лет, на Одиннадцатом конгрессе (Вена, 1913), по рекомендации д-ра Хаима Вейцмана было решено приступить к осуществлению этого замысла Шапиро. В 1918 году Хаим Вейцман заложил первый краеугольный камень в фундамент здания Еврейского университета в {58} Иерусалиме на горе Скопус, и в 1925 году на официальной торжественной церемонии лорд Бальфур открыл Университет.

На Первом конгрессе была основана Всемирная сионистская организация. В организационной сфере конгресса особенно активно помогал Герцлю его преданный друг Давид Вольфсон, выходец из России (Литва), в 1888 году переехавший на жительство в Кельн. По его предложению конгресс утвердил два символа: бело-голубой флаг со щитом Давида (Маген Давид) в качестве национального флага еврейского народа и название "шекель" (Название монет библейской эпохи.) для удостоверения, которое должно выдаваться каждому еврею, участвовавшему во Всемирной сионистской организации членскими взносами в течение двух лет. На конгрессе была принята и провозглашена знаменитая "Базельская программа". Главный ее параграф стал квинтэссенцией всего сионистского учения: "Сионизм стремится к созданию в Палестине обеспеченного публичным правом убежища для еврейского народа".

Для достижения этой цели конгресс считал необходимым осуществление следующих мер: а) заселение Палестины евреями-земледельцами, ремесленниками и промышленниками; б) укрепление еврейского национального чувства и еврейского национального сознания;

г) проведение работы, направленной на получение необходимой для достижения целей сионизма поддержки правительств разных стран.

На заключительном заседании конгресса слово взял профессор Мандельштам из Киева, заявивший: "Уверен, что выполню желание моих многочисленных соотечественников и всех участников конгресса, выразив нашу глубокую

благодарность господам, которые вели предварительные и текущие обсуждения с полной отдачей и напряжением всех физических и нравственных сил". Он особенно подчеркнул большой вклад Герцля {59} и Нордау в успех конгресса и закончил выступление словами: "Да здравствует президент Первого сионистского конгресса доктор Теодор Герцль!" Присутствующие ответили на это громовым "Да здравствует!" Под бурные овации всего зала председательствующий объявил о закрытии конгресса.

Следует заметить, что профессор Мандельштам, человек преклонного возраста, один из ветеранов Ховевей Цион, делегат Катовицкого съезда и друг Пинскера, испытывал глубокое уважение к значительно более молодому Герцлю. Со времени их встречи на конгрессе между ними завязались узы глубокой, искренней дружбы, продолжавшейся до последнего дня жизни Герцля. В своем фантастическом романе "Альтнойланд" Герцль с большой симпатией придал черты профессора образу врача Эйхенштамма.

Из числа российских сионистов на конгрессе были избраны четыре уполномоченных (они же члены Большого сионистского исполкома) с задачей создать сионистскую организацию в их стране: раввин Ш. Могилеввер (Белосток), Я. Ясиновский (Варшава), д-р Я. Бернштейн-Коган (Кишинев) и профессор М. Мандельштам (Киев). (Руководящими органами Всемирной сионистской организации являлись: Конгресс - высшее законодательное учреждение; Малый исполнительный комитет (позднее - Правление) - исполнительный орган; Большой исполнительный комитет (позднее - Исполнит. комитет) - совещательный и контрольный орган. В России члены Большого исполнительного комитета назывались также "уполномоченными". - Прим. ред.)

Герцль поручил д-ру И. Л. Виленскому, делегату из Кременчуга, посетить раввина Могилеввера и сообщить ему об избрании. Невзирая на тяжелую болезнь, раввин принял свое назначение. Месяца через три после конгресса уполномоченные собрались в Белостоке вместе с четырьмя приглашенными из различных городов и заложили основы сионистской организации в России. На раввина Могилеввера было возложено {60} руководство Духовным центром (Так назывался сионистский религиозный комитет, созданный раввином Могилеввером при основании Одесского комитета с задачей функционировать вне рамок Одесского общества. Со временем (1902) из Духовного центра выросла сионистско-религиозная партия Мизрахи (иврит; аббр. от Мерказ Рухани; досл. - духовный центр), д-ру Бернштейн-Когану поручили корреспондентский центр, профессору Мандельштаму - финансовый центр, Ясиновскому - пресс-центр.

Духовный центр Ховевей Цион превратился, таким образом, в Духовный центр

сионистов. Собрание единогласно постановило, что работа по заселению Эрец-Исраэль соответствует Базельской программе. Тем самым российские Ховевей Цион соединили свое движение с движением политического сионизма Герцля.

Конгресс вызвал многочисленные отклики в российской печати. В еженедельнике "Восход" "Летописец" дал подробный обзор состоявшихся на конгрессе прений и вынужден был признать, что "сионистский конгресс вызвал общую симпатию - это бесспорный факт". Тем не менее, далее он пишет, что тезисы сионизма должны быть отвергнуты. Докладчики и ораторы конгресса правы, утверждая, что евреи находятся в трудном положении, как материальном, так и правовом, "но сионисты становятся неправы, как только впадают в глубокий пессимизм и провозглашают положение евреев в Европе безнадежным". Поэтому евреям требуется не "политический центр", а просвещение и подъем культурного уровня - и т. д. и т. п. (в духе набивших оскомину утверждений еврейских "просветителей").

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава пятая - ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРЦЛЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЙ АРЕНЕ

6. Сионисты России о Первом конгрессе

Об атмосфере, царившей на конгрессе с момента его открытия и до конца, о впечатлении, которое произвели конгресс и Герцль на делегатов из России, {61} можно судить по отзывам, написанным по горячим следам и позднее - из их мемуаров. Вот некоторые из них.

Лев Яффе: "Я был тогда поклонником Ахад-Гаама. Молодежь дорожила нравственными идеалами, положенными в основу его учения. Мы понимали ценность национального воспитания и обучения народа. И все-таки его сионизма было нам недостаточно. Мы жаждали более масштабных политических горизонтов и более обширного поприща для его Духовного центра.

Нам казалось, что он подрезает наши стремления, не верит в возможность крупных политических достижений и поэтому выдает действительное за необходимое. Герцль выразил наши чаяния и открыл перед нами горизонты, о которых мечталось. Мы шли на конгресс, на встречу с вождем, охваченные предчувствием чуда и праздника. Память о конгрессе сохранилась в нас, как дивный сон нашей весны и юности. Всем, кто в нем участвовал, он осветил их дальнейший жизненный путь, будто они навсегда вдохнули в себя чистейший горный воздух. Один из первых в России Ховевей Цион сказал после закрытия конгресса: "Теперь нам следует уединиться подальше от повседневной суеты и влияния будней, заново переживая воспоминания о конгрессе и питая душу

его впечатлениями. Их достаточно, чтобы наполнить жизнь могучим и прекрасным содержанием до конца наших дней".

"...В Базеле мы впервые встретились с Герцлем. Кто-то нас ему представил. Мы увидели его - и тотчас были покорены обаянием его личности. Герцль стал первой любовью нашей юности и большой любовью всей жизни, олицетворением всего высокого и прекрасного, что есть в мире. Его образ и личность наполняли каждый час и миг нашего существования. Еще не видав Герцля, мы его полюбили и уверовали в него всем сердцем. А когда увидели, он пленил нас своей сияющей, гармоничной красотой. Поколению, знакомому с ним только по портретам, не понять этой красоты. Для нас он был не только избранником народа, не только вождем дела {62} всей нашей жизни, не только творцом возрождения народных надежд - он победил нас цельностью своей личности, ибо нам посчастливилось видеть его в полном расцвете отпущенных ему сил. Природа, желая показать, до каких высот может подняться смертный, подарила нам Герцля.

Сионизм был для него не печальной необходимостью, а возвышенным идеалом. Так он однажды и написал, обращаясь к учащейся молодежи: "Я говорил, что сионизм - вечный идеал, и действительно верю, что и после того, как мы унаследуем Эрец-Исраэль, он не перестанет быть идеалом. Сионизм, как я его понимаю, - не только стремление найти еврейскому народу прибежище, но также мечта о духовном и нравственном совершенстве".

Интуитивно мы создали себе смесь из учения Ахад-Гаама и политических идей Герцля, синтез между еврейством и евреями. Это хорошо выразил тогда Менахем Шейнкин: "Если бы Баал-Шем-Тов и Виленский гаон соединились, явился бы Мессия" (Намек на синтез противоположностей: Баал-Шем-Тов - основатель хасидизма, в то время как Виленский гаон возглавлял противников этого движения.).

Эта смесь из учения Ахад-Гаама и идей Герцля все сильнее преобладала в наших мыслях и разговорах. Конгресс стал для нас сплошным радостным и бурным переживанием. Самыми великими минутами были: открытие конгресса, появление Герцля и его речь о еврейской политике, исполненная гениальности и высокой простоты. Еврейский вопрос превратился в сионистский вопрос. Второй момент, который увлек нас до самозабвения, - речь Нордау о положении евреев. Эта речь зажгла всех участников конгресса. Представители крупнейших европейских газет повскакивали с мест, бешено аплодируя и стуча ногами. Кто-то от избытка чувств вскочил на стол. Зангвилль, который поначалу был холоден и полон сомнений, сказал после этого: "Только при помощи такого взрыва можно создать народ".

{63} И, наконец, третий момент - момент закрытия конгресса, когда старик Мандельштам благословил молодого вождя, к которому были устремлены все взоры, и все сердца тянулись с обожанием и любовью. Ночами мы не могли спать от возбуждения и обилия впечатлений. Часами бродили мы по улицам Базеля. Преисполненные энтузиазма, возвратились мы в Гейдельберг. Профессор Герман Шапиро вернулся совершенно другим человеком. Вечер за вечером я навещал его на его квартире. Шапиро усаживался в глубокое кресло. Темой наших бесед были конгресс и Герцль, к которому Шапиро привязался всей душой: человек, бывший ранее противником Герцля, теперь не выносил ни одного слова критики в его адрес. Мы разговаривали о судьбах сионистского движения: его перспективы нам казались теперь сияющими. Некоторые из нас, студентов, уехали на каникулы домой. Шапиро нам завидовал. У него возникла идея поездки в Россию, где он не был долгие годы, встреч с еврейскими массами для выступлений в пользу сионизма и Еврейского национального фонда.

С тех пор миновали десятилетия, но память о конгрессе живет в наших сердцах. Сквозь годы сияет свет, зажженный на Первом конгрессе, и не тускнеет он в наших душах и в душе всего народа. Свет, вспыхнувший на заре нашей жизни, будет освещать нам путь до последней минуты".

М. Усышкин, который, как известно, энергично и резко выступал против Герцля во время Угандийского кризиса (1903-1904), назвал его впоследствии в своих мемуарах "великим орлом, появившимся на небосклоне еврейской жизни и возвестившим о великом творении - создании сионистской организации". О конгрессе он сказал: "С того дня и по сегодня мы в разных формах продолжаем дело, которое возложил на нас Первый конгресс".

Мордехай Бен-Хиллель Хакоэн: "Такой подъем, какой мы испытали во время закрытия Первого конгресса, нам уже не ощутить более никогда. Поистине в тот {64} момент воспрянула душа сынов Израилевых, паря все выше и выше... Я не умею выразить это состояние... Нет слов, чтобы описать те чувства, ту душевную бурю".

М. Бен-Ами: "На сцену спокойно подымается Герцль... Перед нами царственный образ, прекрасный и печальный; взгляд глубокий, сосредоточенный. Это уже не тот лощеный "венский" Герцль, а некто из дома Давидова, восставший внезапно из небытия во всей своей сказочной красоте. Весь зал напрягся, как струна, будто у него на глазах совершается историческое чудо. Но разве это не было чудом?.. В продолжение нескольких минут зал дрожал от восторженных выкриков, аплодисментов и топота ног. Казалось, свершился великий сон нашего народа, длившийся два тысячелетия, и перед нами предстал Мессия

сын Давидов".

Реувен Брайнин: "То была весна нашего движения, начало нашего пробуждения. Священный дух осенил наш стан. Будучи в приподнятом состоянии духа, мы готовы были превзойти самих себя. Мы верили и надеялись с пламенной приверженностью неофитов. Дни приобрели новое значение, каждый час приносил новое откровение, каждый день опрокидывал сложившиеся представления. То, что вчера находилось за пределами реального, сегодня было возможно и необходимо, даже непонятное - открылось всем, невероятное - стало реальным фактом... Там был Герцль - творец и чародей конгресса, символ пробудившихся сил и центр их проявления. Более чем вождь, провозвестник, политик, даже более чем творец - сам народ Израиля в его красоте и благородстве, все лучшее из того, что есть в нас, наше прошлое, настоящее и будущее, синтез нашего прежнего достоинства и будущего величия, знак и образ вечной жизни нашего народа. Его сила и мужество передавались нам - и он черпал из нашей силы. Велики были его простота и мудрость. В нем сошлись простосердечие и гениальность".

Л. Моцкин: "Герцль - самое глубокое переживание всей нашей жизни. Первый сионистский конгресс был {65} для нас, как башня, упирающаяся вершиной в небо: чем дальше от нее отходишь, тем явственней ее масштабы и высота. Чем дальше в прошлое уходил от нас конгресс, тем выше для нас, его очевидцев и его свидетелей, возносилась его вершина. Что было особенно привлекательно на Первом конгрессе, так это нелюбимая смелость, с которой он обратился к евреям и всему миру.

После пророческого выступления Нордау многие от изумления застывали, пораженные неожиданностью, и самые старые участники конгресса превратились в самых юных; главные скептики среди нас лишились дара речи, неверующие уверовали. Старый профессор Макс Мандельштам метался по залу и с юношеской пылкостью восклицал, что никогда в жизни еще не был потрясен столь могучим предвидением...

То, с чем Моше Гесс (Мыслитель и публицист, друг и сподвижник Карла Маркса, автор книги "Рим и Иерусалим" (1862), в которой он определил евреев не как религиозную группу, а как нацию, и предсказал возврат в Сион на социалистических началах.), Леон Пинскер и другие предшественники Герцля обращались к своим соплеменникам, - с этим непреложным требованием Герцль впервые обратился ко всему человечеству; и голос Первого конгресса явился неким откровением не только для евреев, но и для неевреев.

Причем носителем этого откровения был человек, который сам казался нам

чудом. Уже тогда мы по достоинству оценили его и его жребий, отбросив все малозначительное и запомнив самые высокие его действия и минуты. Всем последующим движением еврейских масс мы обязаны Первому конгрессу и тому мужеству, которым он наделил наши сердца".

Нахум Соколов, редактор газеты "Хацфира", не присоединившийся к Ховевей Цион и даже выступавший против них, встретил появление Герцля на общественной арене критикой и отмежевался от него.

Но при первой же личной встрече был совершенно {66} покорен личностью Герцля и превратился в пламенного сиониста. В своих воспоминаниях о Первом конгрессе он пишет: "На Первом конгрессе в 1897 году я увидел невиданное: вершину еврейского энтузиазма в ярчайшем накале. Никогда не забыть мне этого зрелища. Озаренное нимбом времени, оно навсегда останется в моей памяти, как вечное откровение". О личности Герцля он сказал: "Он родился вождем и властителем. Он знал, чего хочет, и умел настоять на своем. Была в нем наивно-целомудренная простота, первозданная цельность. Герцль времен Первого конгресса и есть подлинный Герцль - человек эпохи, пропитанный свободолюбивыми идеями, исполненный благородства и уверенности в себе. Герцль предвосхитил нас. И это было - как мистическая загадка. Он совершил все, о чем мы мечтали. Он создал из конгресса еврейскую трибуну. Он объединил всех евреев, сохранивших верность национальному чувству".

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава пятая - ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРЦЛЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЙ АРЕНЕ

7. Герцль о евреях России

Ассимилированные евреи в Германии и остальных странах Запада, причислявшие себя в плане национальном к народам, среди которых они проживали (хотя неевреи категорически отвергали эти поползновения), смотрели на русских евреев свысока. Евреев Восточной Европы они считали второсортными и в культурно-духовном плане отсталыми.

Неудивительно, что и во взгляды Герцля что-то бессознательно проникло от этого стереотипа. И вот, на Базельском конгрессе он впервые лицом к лицу встретился с представителями русских евреев и вступил с ними в личные контакты. Встреча оказалась для Герцля наиболее глубоким переживанием на конгрессе, как он это сам потом отметил в статье о евреях России, напечатанной в газете "Ди Вельт". Это открытие пробудило и упрочило в нем самое уважительное отношение к типу русского еврея.

По поводу высокомерия евреев Запада и их взгляда {67} на евреев России Герцль писал, что "варваром" всегда считается тот, кого не понимают. Именно так относятся к евреям Восточной Европы, принимая их за существа грубые и примитивные. "Какое заблуждение! Признаюсь, для меня появление на конгрессе евреев из России стало крупнейшим его событием". Далее Герцль рассказывает, что еще до конгресса он вступил в переписку со многими русскими евреями. Он, однако, остерегался перенести свое впечатление от этих культурных людей на еврейские массы. За истину он принимал только

сведения о физической силе и трудолюбии русских евреев из бедняцких слоев.

Последнее подтверждалось также очевидцами, видевшими их в России на работе в мастерских и сельском хозяйстве.

В трудолюбии еврейских рабочих и ремесленников Герцль видел один из залогов осуществления своей сионистской программы, относя на их долю работы по первичному возделыванию земли в Эрец-Исраэль. Что касается господствовавшего тогда неверного представления о духовном уровне евреев России, то Герцль по этому поводу говорит: "Мы всегда были убеждены, что они нуждаются в нашей помощи и духовном руководстве. И вот на Базельском конгрессе российское еврейство явило нам такую культурную мощь, какой мы не могли и вообразить... На конгресс прибыло из России около семидесяти человек, и мы, без сомнения, можем утверждать, что они выражают мысли и чувства пяти с половиной миллионов русских евреев".

Герцль продолжает: "Какой стыд, что мы верили, будто превосходим их. Образованность всех этих профессоров, врачей, адвокатов, инженеров, промышленников и купцов уж наверняка не уступает западноевропейскому уровню. В среднем, они говорят и пишут на двух-трех современных культурных языках, а что каждый из них, несомненно, силен в своей профессии, это можно себе представить по тяжким условиям борьбы за существование, которую им приходится вести в своей стране".

{68} Герцль понимал причину "тихого" поведения представителей русского еврейства, намеренно старавшихся не слишком выделяться во время прений на конгрессе. Им приходилось считаться с фактом, что цели и тенденции сионизма в мире еще недостаточно известны. Они опасались возникновения неверного впечатления, а также не хотели дать повод для злонамеренных измышлений - будто в Базеле плетут заговор против существующего в России строя.

"Но хотя наши русские сионисты в публичных прениях приняли лишь скромное участие, мы познакомились с ними в частных беседах и научились ценить их. Если впечатление это, чрезвычайно сильное, сформулировать в одной фразе, я бы сказал, что они обладают той внутренней цельностью, которая утрачена большинством европейских евреев. Русские сионисты ощущают себя евреями-националистами, однако без ограниченной и нетерпимой национальной заносчивости, какую трудно понять, учитывая современное положение евреев. Их не мучает мысль о необходимости ассимилироваться, личность их цельна, без двойственности и без душевных надрывов. Всей своей сутью русские евреи дают ответ на конкретный вопрос, который часто задается бедными болтунами:

не приведет ли неизбежно еврейский национализм к отдалению от европейской культуры?

Отнюдь! Эти люди идут верной дорогой без лишних самокопаний, возможно даже не чувствуя при этом никаких затруднений. Они не растворяются ни в каком другом народе. но перенимают все лучшее у всех народов. Так им удается держаться с достоинством и подлинной непосредственностью. А ведь это евреи гетто - единственные евреи гетто, которые еще существуют ныне. И после того, как мы их увидели, мы поняли, что давало нашим предкам силу выстоять в самые тяжелые эпохи. В их облике нам открылась история наша во всей полноте своего единства и жизненной силы. Пришлось задуматься о том, что поначалу мне часто говорили: "К этому делу тебе удастся привлечь только русских евреев". Если бы мне это повторили сегодня, у меня был {69} бы готов ответ: "И этого достаточно!" Таково мнение Герцля о евреях России.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава шестая - СПЛОЧЕНИЕ СИОНИСТОВ РОССИИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. Навстречу Второму конгрессу

Первый конгресс, открывший в сионизме новую эпоху, стал поворотным пунктом еврейской истории в целом и истории российского еврейства в частности. В Базеле было создано первое политическое представительство еврейского народа со времени утраты им национально-политической независимости. На конгрессе встретились посланцы еврейства Востока и Запада, - и в этом было гласное проявление единства еврейского народа вопреки всем разрушительным ветрам диаспоры. Это публично провозглашенное и продемонстрированное национальное единство обрело и соответствующее организационное оформление в виде основанной на конгрессе Всемирной сионистской организации. Однако: хотя политический сионизм и возник как всемирная организация, - как массовое движение он существовал только в России, включая Украину, Польшу, Литву и остальные страны Прибалтики, Кавказ, Сибирь и др.

Политический сионизм как общественное движение не был в России легальным. Правда, он не преследовался властями в той степени, в какой преследовалось социалистическое движение, но отсутствие законного базиса для существования ограничивало и сковывало его деятельность. И, тем не менее, политический сионизм вызвал в еврейских массах в России напряженный и обширный процесс национально-общественного возрождения. В ходе организации сионистских отделений {70} (хотя и без легальной базы) в разных местах и их подчинения центральным учреждениям,

само собою восстановилась и связь между еврейскими общинами разных городов и местечек. Таким образом, в России снова произошла консолидация - конечно, другим путем и в иной форме - еврейских общественных сил, раздробленных и разъединенных со времени упразднения "кагала" - автономии еврейских общин, ликвидированной Николаем I в 1844 году. По причине самодержавного режима, исключавшего открытую и гласную общественную деятельность, русские сионисты свою разъяснительную работу вели преимущественно устно, с помощью сотен агитаторов и активистов, действовавших во всех местах жительства евреев. Невзирая на цензурные строгости, сионистская работа велась также через печать: издавались брошюры, рассылались циркуляры и т. п. В такой обстановке сионисты России готовились ко Второму конгрессу.

При всем энтузиазме, вызванном Первым конгрессом, где сошлись "восток" и "запад" мирового еврейства, не ступались наметившиеся различия в подходе к национальной еврейской проблеме и путям сионизма между русскими сионистами из числа ветеранов Ховевей Цион и сионистами Запада - "новыми", "венцами" школы Герцля.

"Западники" ставили во главу угла политико-дипломатическую работу, невысоко ценя действия по ограниченному заселению Эрец-Исраэль, возрождению языка иврит и еврейской культуры. Ветераны же дорожили именно этими ценностями, вступая в борьбу и с местными, российскими "сионистами-политиками", в большинстве своем примкнувшими к движению после появления Герцля на общественной арене и созыва Первого конгресса.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава шестая - СПЛОЧЕНИЕ СИОНИСТОВ РОССИИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

2. Первый съезд сионистов России в Варшаве

Незадолго до Второго конгресса в России было зарегистрировано 373 местных сионистских кружка. О {71} степени роста движения за год после Первого конгресса можно судить по тому, что до этого их было только 23. Сионистское движение во всем мире насчитывало тогда 913 организаций и групп. Накануне Первого конгресса существовало только 117. Таким образом, число сионистских кружков в России приближалось к 41% общего их числа во всем мире.

Накануне Второго конгресса сионисты России сочли необходимым созвать свой съезд для выработки направления сионистской работы и для определения единой позиции по вопросам, которые будут обсуждаться на конгрессе. Среди российских сионистов имели различные хождение и даже противоположные взгляды: были Ховевей Цион старой формации, считавшие главным заселение Эрец-Исраэль, пусть даже и в ограниченных масштабах; были "политические сионисты" нового, герцлевского типа, противившиеся "просачиванию в Палестину" и всякой переселенческой работе без политико-юридической базы; "духовные сионисты" из школы Ахад-Гаама; "религиозные сионисты", преимущественно ортодоксальные раввины, которые сопротивлялись всякой культурной работе, исходившей из сионистской организации, - их отталкивало уже само слово "культура", чреватое, на их взгляд, попытками реформировать религию. Среди представителей всех этих направлений особенно обострились отношения между политическими

сионистами и сторонниками Ахад-Гаама, вставшими в крайнюю оппозицию Герцлю и его сионистско-политической системе.

Съезд собрался в Варшаве без разрешения властей, и совещания проходили в частном доме. Он открылся 19 августа 1898 года и закончился 22 августа, за шесть дней до открытия Второго сионистского конгресса в Базеле. То был первый съезд российских сионистов ("Первым съездом сионистов России" официально назван Минский съезд, состоявшийся в начале сентября 1902 года. Однако на деле он был вторым. Первый, Варшавский, не упоминался только потому, что был проведен нелегально.), {72} и в нем участвовало около 160 представителей из 93 городов и местечек. Большинство затем отправились в качестве делегатов на Второй конгресс.

На Варшавском съезде были зачитаны обзоры общего состояния движения в России и работы местных организаций, а также проведены предварительные прения по вопросам повестки дня Второго конгресса, в том числе о переселении и по поводу Колониального банка.

Обсуждения и решения Варшавского съезда оказали существенное влияние на ход Второго сионистского конгресса. По рассмотренным обоими форумами вопросам конгресс почти целиком принял предложения российских сионистов. Кроме того, Варшавский съезд повлиял на весь ход сионистской работы в России. Съезд помог сближению между ветеранами Ховевей Цион и политическими сионистами, выявив базу для совместной работы.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава шестая - СПЛОЧЕНИЕ СИОНИСТОВ РОССИИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

3. Второй конгресс

Второй конгресс снова собрался в Базеле и работал с 28 по 31 августа 1898 года. На конгресс прибыли 385 делегатов, 530 гостей и около 150 газетных корреспондентов.

Герцль открыл первое заседание. Говоря о путях практической деятельности сионистов во всех странах, он особенно остановился на двух вопросах: завоевание общин и основание банка. Как и на Первом конгрессе, с большим докладом "О положении евреев в мире" выступил Нордау. Его доклад на эту тему стал неперенной традицией сионистских конгрессов и всегда производил огромное впечатление на зал. Нордау достигал тут вершин ораторского искусства, - как по форме, так и по содержанию.

К мысли о завоевании сионистами еврейских общин Герцль пришел на основании своего опыта политической работы, столкнувшись с отрицательным отношением к сионизму и даже активным сопротивлением ему со стороны светских и религиозных руководителей {73} общин. Такое положение являлось серьезным препятствием на пути сионизма как во внутренней еврейской жизни, так и в отношениях с внешним миром, то есть в политическом плане. Лозунг завоевания общин, выдвинутый Герцлем на Втором конгрессе, был, таким образом, своевременным. Герцль, однако, представлял себе это "завоевание" весьма схематично: сионистские отделения на местах поведут общественное наступление на официальных глав еврейских общин и заменят

последних сионистами.

Но здесь (как и вообще в достижении политической цели сионизма) не годились методы "большого скачка". Лозунг "завоевания общин" на практике стал не более чем зерном идеи об активном участии сионистов в общественной жизни евреев в странах рассеяния - работе, названной позднее немецким термином "гегенвартсарбайт" - "работой данного часа".

Что касается банка, то в нем Герцль видел финансовый инструмент сионистской организации, которому надлежит послужить при ведении переговоров с Турцией. Акционерный капитал был установлен в два миллиона фунтов стерлингов, и до Второго конгресса набралось лишь 7-8% искомой суммы. По вопросу о банке доклад сделал Давид Вольфсон. Конгресс вынес официальное решение об основании банка с местопребыванием в Лондоне (Еврейский колониальный банк был зарегистрирован 20 марта 1899 года в Лондоне в качестве английского акционерного общества под названием "Джуиш Колониэл Лтд Траст". В конце апреля того же года было выпущено 200 тысяч акций достоинством в один фунт стерлингов (или десять русских рублей) каждая. На 75% всех этих акций подписались русские евреи. По уставу банк был вправе приступить к регулярной работе только при наличии минимального капитала в 250 тысяч фунтов. Недостающая сумма (50 тысяч) собиралась с трудом, и банк начал функционировать лишь в начале 1902 года. В конце февраля этого года была создана дочерняя компания банка под названием Англо-Палестинское общество, затем - Англо-Палестинский банк (ныне - Банк леуми ле-Израэль - Национальный банк Израиля). Эта дочерняя компания начала действовать в Яффе летом 1903 года под руководством Залмана Давида Левонтина.).

Во время обсуждения и прений по {74} поводу банка возник вопрос о сферах его деятельности, определенных в его уставе словом Восток (Ориент). От имени сионистов России Усышкин потребовал, чтобы в устав ясно записали: Сирия и Палестина.

Конгресс принял компромиссную формулировку: "Восток, в особенности Сирия и Палестина".

Два делегата из России выступили на конгрессе с докладами от имени исполкома: Мандельштам - о сионистской программе действий и Моцкин - о положении еврейского поселения в Эрец-Исраэль. Мандельштам, один из старейших Ховевей Цион и близкий друг Пинскера, стал пылким политическим сионистом, верным другом и почитателем Герцля (На Шестом конгрессе (1903 г.) Мандельштам поддержал предложение об Уганде. После Седьмого

конгресса (1905 г.), высказавшегося против Уганды, он вышел из сионистской организации и вместе с Зангвиллем (Лондон) основал Еврейскую территориалистскую организацию).

В своем обширном докладе он с похвалой отозвался о политическом сионизме, вдохнувшем новую жизнь в круги Ховевей Цион. Вместе с тем он также отметил важную роль Хибат Цион до появления политического сионизма. Мандельштам выразил отрицательное отношение к "контрабандному просачиванию" в Палестину и призывал к действиям, ставящим целью добиться законной, политико-юридической базы для алии и заселения. До того, как это будет достигнуто, надо перевести на земледельческий образ жизни евреев Палестины и Сирии. Надо позаботиться, чтобы пробуждение национального самосознания еврейского народа проходило без уклонов в шовинизм, который не только смешон, но вреден.

"Прежде всего мы должны стремиться к тому, чтобы еврей перестал стыдиться своего происхождения и еврейская мать не гордилась бы тем, что ее дети не похожи на евреев".

Необходимо вести обширную воспитательную работу, знакомить еврейскую молодежь с нашим великим прошлым путем преподавания истории Израиля и еврейской культуры. Молодежь должна знать лучших сынов и героев своего народа, образы {75} которых могли бы послужить основой для подражания.

Л. Моцкин доложил о еврейском ишuve в Эрец-Исраэль. По поручению Сионистского исполкома он посетил Страну, чтобы познакомиться с положением на месте. В итоговой части доклада он перечислил ряд отрицательных тенденций, порожденных, по его мнению, принятой тогда практикой заселения. Его выводы следующие:

- 1) надо неуклонно стремиться к получению законного статуса для алии и заселения;
- 2) необходимо решительно противиться "просачиванию" в Палестину; в настоящее время надо закрепить то, что уже имеется в Стране, укоренением находящихся там евреев и созданием промышленных предприятий. Таким образом, Моцкин принял сторону противников "малого" заселения.

В Комиссию по заселению, выбранную на конгрессе в составе 17 человек, вошли 5 делегатов из России. Как и в Постоянной комиссии (Рабочая комиссия, избираемая на все время работы конгресса. В ее функции входит решение вопроса о личном составе разных сионистских центральных органов. Ее

рекомендации для конгресса не обязательны, но, как правило, им санкционировались. - Прим. ред.), они представляли оба течения российского сионизма: "политиков" и "практиков". В рекомендациях, вынесенных на пленум конгресса, явно ощущался компромиссный дух резолюций Варшавского съезда.

В том же духе принял конгресс и свои постановления по вопросу заселения Эрец-Исраэль, которые звучали так:

"Конгресс, относясь с симпатией к заселению Палестины, начавшемуся уже издавна, и желая содействовать заселению в будущем, провозглашает:

1. Под заселением, "отвечающим намеченной цели", следует понимать заселение, которое будет вестись в соответствии с заранее полученным разрешением правительства Турции, по планам и под наблюдением комиссии, избранной конгрессом. {76}
2. Комиссия по руководству делами заселения будет состоять из десяти членов с местопребыванием в Лондоне. Средства для комиссии на ее расходы изыщет исполком.
3. Первые шаги по заселению должны заключаться в переселении евреев, проживающих в пределах Турции.
4. Банк своей деятельностью должен помочь добиться разрешения турецкого правительства".

Влияние духа резолюций Варшавского съезда ощущается также в постановлении конгресса по пункту "культура": "Сионизм положил своей задачей возрождение еврейского народа не только в области материальной и политической, но и духовной.

Сионизм не предпримет ничего такого, что шло бы вразрез с законами иудейской религии". Конгресс решил также избрать комиссию по делам культуры, которая в сфере своей деятельности будет пользоваться самостоятельностью и будет работать в соответствии с решениями конгресса. Исполкому было поручено обеспечить расходы комиссии за счет членских взносов.

Второй конгресс принес с собой также нечто новое в плане фракционно-идеологическом: здесь впервые публично заявила о себе группа, правда, весьма незначительная, "сионистов-социалистов" во главе с Нахманом Сыркиным.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава шестая - СПЛОЧЕНИЕ СИОНИСТОВ РОССИИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

4. Нахман Сыркин и "Еврейское социалистическое государство"

Появление на Втором конгрессе сионистов-социалистов во главе с Нахманом Сыркиным, поразившее всех участников конгресса, вовсе не было случайным. Наоборот: ему предшествовали определенный процесс развития и целенаправленная идеологическая подготовка.

На пороге 20-го века, в обстановке "бури и натиска", Нахман Сыркин появился на общественной арене как провозвестник социалистического сионизма и основоположник движения.

В числе многих других {77} еврейских юношей, не имевших доступа в высшие учебные заведения России из-за процентной нормы, Сыркин уехал в Западную Европу для продолжения образования. В Берлине он присоединился к группе студентов - выходцев из России, среди которых были Хаим Вейцман, Шмарьяху Левин, Виктор (Авигдор) Якобсон, Лео Моцкин и другие. Он активно участвовал в общественной жизни и публиковал философские и публицистические статьи.

В Берлин Сыркин приехал в 1888 г. в двадцатилетнем возрасте. Уже в то время он проявлял склонность к слиянию еврейской национальной идеи с идеей социализма в единое национально-гуманистическое течение. Одновременно с созданием Всемирной сионистской организации на Первом конгрессе в Базеле (1897 г.), в Вильно, на тайной нелегальной сходке была основана первая еврейская социалистическая партия - Бунд.

Оба движения повели между собой острую борьбу, хотя с исторической и объективной точек зрения оба они происходили из одного источника. Отсюда возник и сионистско-социалистический синтез, глашатаем которого стал Сыркин. В глазах его современников соединение этих двух начал было противоестественным, и сам Сыркин почитался за чудака и неуравновешенного человека. В кругах еврейской студенческой молодежи из России, собравшейся на Западе, шли жаркие споры на политические и общественные темы. Подавляющее большинство сочувствовало русским революционным движениям и чуждалось еврейского национального дела.

Легко понять, что еврейская социал-демократическая интеллигенция ко взглядам Сыркина относилась с насмешкой. Позднее Сыркин рассказал, как в те дни он набрался духу выйти на люди и громогласно изложить свою идею о слиянии сионизма с социализмом. Вот как он это описывает:

"Внутренний инстинкт и глубокая убежденность в высшей истине придали мне в то время смелость взяться за проповедь социалистического сионизма и противопоставить себя всей еврейской интеллигенции. Если {78} возможно, что в мозгу одного человека идея еврейской страны сплавилась в прекраснейшую из гармоний с идеей еврейской революции, то почему бы этому сплаву не стать животворной, созидательной мыслью всей еврейской интеллигенции и простых еврейских масс? ... Так я возложил на себя неблагодарную миссию быть социалистом среди сионистов и сионистом среди социалистов; понятно, обе стороны отбрыкивались от меня изо всех сил и отсылали к противной стороне".

И на Первом сионистском конгрессе в Базеле (1897 г.) Сыркин не был единственным социал-сионистом. У него имелось несколько единомышленников, но пока они еще не были организованной группой. Впервые в таком качестве они публично появились на Втором конгрессе. Первую гласную попытку синтеза между сионизмом и социализмом Сыркин предпринял в лекции, которую прочел в 1898 году в Цюрихе в сионистском союзе "Гессиана". Эту лекцию под названием "Еврейский вопрос" он напечатал в журнале социалистического направления "Дойче Ворте", издававшемся в Вене на немецком языке под редакцией А. Пернерсторфера.

В том же году Сыркин издал эту статью, подписанную его литературным псевдонимом Бен-Элиэзер, в виде отдельной брошюры: "Еврейский вопрос и еврейское социалистическое государство". И так, спустя два года после появления работы Герцля "Еврейское государство", вышло сочинение Сыркина "Еврейское социалистическое государство".

В своих воспоминаниях о зарождении социалистического сионизма Сыркин замечает по поводу этой брошюры: "Так я впервые в социалистической литературе поставил проблему социалистического сионизма". Во время Третьего конгресса в Базеле в 1899 году Сыркин прочитал в малом зале лекцию на тему "Социалистический сионизм". В тот раз он впервые применил словосочетание "социалистический сионизм" для обозначения новой идейной системы и нового движения (в своей работе "Еврейское социалистическое государство" он еще не пользовался {79} этим термином. В 1901 году он выпустил на русском языке "Воззвание к еврейской молодежи").

Воззвание печаталось в Берлине, но по политическим соображениям - чтобы избежать вмешательства немецкой полиции - местом издания был указан Лондон.

В воззвании за подписью "Группа сионистов-социалистов" в сжатой форме излагалось соединение идеи сионизма с социалистической идеей.

Брошюра "Еврейское социалистическое государство" содержит следующие главы: а) Евреи и неевреи; б) Эмансипация евреев и антисемитизм; в) Евреи и социализм; г) Сионизм: д) Еврейское социалистическое государство.

В первой главе рассматривается "извечное напряжение между евреями и окружающим миром". Еврейскому народу, говорит Сыркин, удалось благополучно выйти из всех бурь истории средневековья; обнаружив поразительную силу, евреи выстояли против всех превратностей времени и остались на исторической арене.

"Под давлением бедствий в гетто создалась особая атмосфера, благодаря которой существование еврейского народа продолжалось, невзирая ни на что. Чувство национальной гордости, вынесенное евреями еще из Эрец-Исраэль, почерпнуло из бедствий добавочную жизнестойкость.

Евреи ощущали себя дрожжами мировой "опары" - борцами за правду, великомучениками, за которыми будущее; страдания и муки народа Израиля рассматривались ими лишь как побочные эпизоды его великого предназначения".

Но вот явилась эмансипация, наделившая вышедших из гетто евреев гражданскими правами, и принесла с собой большую угрозу существованию еврейского народа, нежели преследования средневековья.

Причем эта угроза возникла именно изнутри. Еврейский народ, самый

одинокий и консервативный в мире, который в продолжение всего изгнания черпал животворные соки в чувстве национальной гордости, вдруг и самым крайним образом оторнул от себя свою национальность.

Мало того: серьезно подорвано его чувство {80} собственного достоинства, дававшее еврею внутреннюю силу сопротивляться унижениям извне. "Если до того Израиль в собственных глазах был венцом творения, избранником неба и истории, то теперь народ гетто начал так себя презирать в душе и над собой насмехаться, как до того не смели делать злейшие из его ненавистников.

Еврей из гетто с гордостью и полным самосознанием выставлял на виду у всех свое еврейство - разговорным языком, одеждой, образом жизни и обычаями; эмансипированный же еврей стремился к тому, чтобы с корнем вырвать из души еврейство".

И действительно, дух внутренней свободы и собственного достоинства, который поддерживал евреев из поколения в поколение, почти утерян... Место веры в будущее, в приход Избавителя и миссию Израиля заняло раболепие перед аристократией просвещенных народов.

Любовь к Израилю стала теперь рассматриваться как "шовинизм", зато национализм господствующих народов - как высшая ступень прогресса и общечеловеческого гуманизма. На эту доктрину национального самоуничтожения, исповедуемую "прогрессивными" евреями, неевреи ответили антисемитизмом - новой, расистской разновидностью ненависти к Израилю. Еще в конце прошлого века вскрыл Сыркин расовую сущность этой ненависти:

"Что является главной основой современной ненависти к евреям? В средние века это были религиозные различия, пропасть между иудаизмом и христианством.

Но гвоздь концепции новомодной ненависти к еврейскому народу - расовые противоречия.

Роль возбудителя этой ненависти теперь поручена расовым предрассудкам, поскольку религиозные противоречия признаны в буржуазном обществе отжившими свой век. Ненависть к еврейскому народу курсирует ныне под флагом антисемитизма, и тем не менее это тот же самый корабль с тем же экипажем".

Что говорят ненавистники Израиля - расисты?

"Евреи - по природе дурной народ, неисправимое племя, которое ищет лишь собственной выгоды и {81} тщится закабалить весь мир; при всем своем стремлении к ассимиляции оно чуждо и враждебно коренному населению тех стран, среди которого оно проживает; евреи - проводники капитализма, эксплуатации, ростовщичества и хищничества.

Но в то же время они - дрожжи исторического процесса, порождающие брожение и распад всего существующего, это революция во плоти и крови. Все это преследует одну цель: как бы полегче удовлетворить жажду еврейства к владычеству. Одним словом, еврейский народ - мерзость и проклятие рода человеческого, так вопит буржуазное общество, живущее за счет классовой борьбы".

И Сыркин заключает главу об эмансипации и антисемитизме так:

"Антисемитизму присуща тенденция охватить все классы и подорвать положение евреев. Он - следствие разделения власти в лишенном равноправия обществе и его естественное побочное явление. До тех пор, пока общество будет основано на власти сильных, и до тех пор, пока евреи будут находиться среди слабых, нищета и бедствия - их неизбежный удел".

Социалистический сионизм, по мнению Сыркина, выражает пробуждающуюся волю еврейского народа к политической самостоятельности, общественной свободе и свободному национальному возрождению. Сыркин верил, что сионизму суждено превратиться в массовое движение и стать не только идеологией национального освобождения, но также идеологией освобождения еврейских масс от всех бед и страданий в капиталистическом обществе.

Содержание сионистского идеала есть новое общество в новой стране, общество свободы и равенства, без деления на классы, - коллективистское общество на новых экономических основах: общее владение землей, коллективный труд, - общество, создаваемое массами и ради масс. Идеал этот не только плод процессов, происходящих в еврейском обществе в последнее время. Подобно тому как социализм не начинается с развития производительных сил в 19-ом веке, а есть звено в длинной цепи борьбы {82} страдающего человечества за свободу и равноправие, так и сионизм - не что иное, как естественное продолжение древнего мессианского еврейского стремления. Можно утверждать, что Нахман Сыркин, как и его предшественник Моше Гесс, которого Сыркин ценил и почитал, находил источник сионизма в учении древних еврейских пророков и видел существенную связь между этим учением и устремлениями прогрессивного человечества. Евреи, говорит

Сыркин, воплощают идею свободы личности. Таким образом, само их существование - протест против подавления, борьба за справедливость. Поэтому "гибель евреев равноценна гибели гуманизма".

В идеологии ассимиляции, проповедовавшейся еврейскими социалистами, Сыркин видел буржуазную мысль, у которой нет ничего общего с сутью социализма. Ассимиляция же является не чем иным, как ложным интернационализмом.

Сыркин говорит: "Социализм, провозгласивший священность свободы и право на самоопределение, - прямая противоположность этому сорту ложного интернационализма.

Все стремления, направленные на подавление и ликвидацию в народе его национальных чувств, натолкнутся на решительное сопротивление социализма, подобно тому как будут пользоваться его поддержкой все попытки угнетенных народов добиться освобождения и независимости. В социалистической этике и в социалистическом понятии свободы любое национально-освободительное движение находит нравственную опору...

- Социалисты народов мира уже давно решили проблему соотношения между национализмом и социализмом. Ни у одного народа нельзя найти борцов за социализм, которые из этого учения и своей преданности интернационализму сделали бы вывод о необходимости ассимилироваться и раствориться в более сильном народе, отвернувшись от своего собственного. ... Только у евреев, у которых все не так, как у других, социалисты приняли в свой духовный фонд ассимиляцию и отход от еврейства".

{83} Тем, кто утверждает, что сионизм - это утопия, Сыркин отвечает, что утопия - это стремление решить еврейский вопрос путем ассимиляции.

"Сионизм - это не утопия, потому что он соответствует жизненным чаяниям еврейства и вытекает из его бедствий. Он не более утопичен, чем современный социализм, основывающий свои принципы на общественном интересе и необходимости. Сионизм основывается на бедствиях евреев, поднявшихся в новое время и пришедших к ощущению своей силы и достоинства. ...

В конечном счете, сионизм сольется с социализмом. Еврейское государство непременно будет социалистическим. Нет у евреев интересов, которые бы противоречили этому. Напротив, эта форма полностью совмещается с самыми заветными чаяниями и надеждами широчайших слоев еврейского народа".

Итак, по Сыркину, еврейское государство неизбежно будет социалистическим, ибо строить еврейское государство на принципах свободной конкуренции и частной собственности - ошибочно не только с социальной точки зрения, но и в чисто техническом плане.

"Чтобы еврейское государство из надежды превратилось в факт и из мечты в действительность, надо сразу же исключить те противоречия современной жизни, которые парализовали бы его развитие. Еврейскому государству следует руководствоваться идеалами справедливости, разума и общественной солидарности, если оно хочет увлечь за собой современного человека".

И не только национальное, экономическое и социальное возрождение народа в его государстве предсказывает Сыркин, но и его нравственное обновление. Велик, прекрасен, нравствен и социально-справедлив станет Израиль, когда возвратится к самому себе и признает свое "Я". "Еврейское социалистическое государство" заканчивается следующими словами:

"Израиль подобен объятому сном герою. Он восстает из глубин горя и мрака. Он распрямляется - и вот неописуемо высок. Чело его озарено нимбом мирового страдания. Он чувствует свое предназначение творить {84} справедливость и быть вестником правды. Его историческая трагедия выдвигает перед ним и высокую историческую миссию.

Он спасает мир, который его распял. Израиль снова станет избранным народом!"

Такова квинтэссенция мыслей Нахмана Сыркина о еврейском социалистическом государстве, с которыми он выступил в конце прошлого столетия на Втором сионистском конгрессе. Только историческим недоразумением можно объяснить, что на этом самом конгрессе сионисты требовали исключить Сыркина из движения за попытку протащить чуждые взгляды.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава седьмая - ПЕРИОД УСИЛЕННОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Попытка ориентации на Германию и последующее разочарование

Уже в начале своей сионистской политической деятельности Герцль обратил внимание на крепнущие связи между Германией и Турцией и влияние, которое оказывает Вильгельм II на султана Абдул Хаида. Изыскивая пути скорейшего получения политико-юридической базы для алии и поселения евреев в Палестине, Герцль пришел к выводу, что необходимо заручиться симпатиями кайзера Вильгельма к целям сионизма.

В этом направлении он и начал энергично работать сразу же по окончании Второго конгресса. Он обратился к Фридриху, курфюрсту Баденскому, чье личное расположение и полную поддержку сионистского дела он уже успел завоевать. Герцль просил курфюрста стать посредником между ним и германским императором. Фридрих согласился взять на себя эту миссию и затем известил Герцля, что кайзер проявил большой интерес к его сионистской программе. Курфюрст посоветовал {85} обратиться к немецкому послу в Вене Филиппу Ойленбургу, которому Вильгельм поручил приготовить для него доклад о сионистском движении. Герцль посетил посла, изложил перед ним свои планы, после чего нанес визит и германскому министру иностранных дел фон Бюлову; однако последний холодно отнесся к идеям Герцля.

В конце сентября 1898 года посол Ойленбург известил Герцля от имени кайзера, что Вильгельм намерен вскоре совершить поездку в Святую землю и

будет готов дать ему аудиенцию в Иерусалиме. Герцль расценил это как большое политическое достижение и уверовал в близость осуществления своих планов. 2 октября он приехал в Лондон в связи с делами Колониального банка. На следующий день он выступил на большом еврейском митинге в восточной части Лондона, населенной преимущественно евреями, выходцами из Восточной Европы, говорившими на идиш. Герцль говорил на немецком. В дневниковой записи от 4 октября 1898 года он отмечает, что митинг собрал десятки тысяч человек. И тут, от большого оптимизма и полной уверенности, что поддержка кайзера Вильгельма обеспечена, Герцль позабыл о своей обычной предусмотрительности и во всеуслышание заявил, что скоро начнется возвращение в Сион в широких масштабах и что недалек день, когда "еврейский народ придет в движение...".

Митинг, собранный, собственно говоря, чтобы продвинуть дело банка, превратился в мощную демонстрацию за сионизм. Речь Герцля вызвала необыкновенный энтузиазм у тысяч его слушателей, а ее отзвуки привели в сильное волнение евреев во всем мире. Как вскоре выяснилось, это было большой ошибкой Герцля, за что его и критиковали российские сионисты на Третьем конгрессе.

Вернувшись в Вену, Герцль созвал сионистское руководство и поставил вопрос о делегации, которая встретится в Иерусалиме с Вильгельмом II. Составить ее оказалось нелегко, так как многие члены {86} сионистского исполкома по разным причинам не могли поехать. Протелеграфировали Мандельштаму в Киев, предлагая ему войти в состав делегации, но он ответил, что ехать не может.

В конце концов была составлена делегация из пяти человек с Герцлем во главе. Затруднения вызвал и вопрос финансирования поездки, но русским сионистам удалось изыскать требуемые средства, и делегация смогла отправиться в путь. Хотя все приготовления совершались под большим секретом, об этом узнало слишком много людей. От Элиэзера Бен-Иехуды поступило предостережение из Иерусалима, что в Эрец-Исраэль возможна попытка покушения на жизнь Герцля. Решили этим все-таки пренебречь, и делегация выехала в дорогу.

Хотя Вильгельм через германского посла в Вене сообщил Герцлю, что примет его в Иерусалиме, Герцль старался добиться у него аудиенции еще и в Константинополе, где кайзер остановился проездом в Иерусалим. Это оказалось весьма непросто, но Герцлю все-таки удалось, и Вильгельм принял его 18 октября в присутствии своего министра иностранных дел фон Бюлова. Император охотно выслушал Герцля и пообещал в положительном духе высказаться о сионистском движении перед турецкими властями; на вопрос, о чем ему, Вильгельму, следовало бы просить султана, Герцль ответил: о

согласии на основе концессионного общества по заселению Палестины под покровительством Германии. Вильгельм обещал Герцлю поднять этот вопрос во время своей беседы с султаном. В заключение было решено, что кайзер примет сионистскую делегацию в Иерусалиме и что Герцль должен заблаговременно подготовить свою речь, с тем, чтобы Вильгельм и Бюлов могли с нею заранее ознакомиться.

19 октября 1898 года, уже находясь в Мраморном море на борту судна, направлявшегося в Палестину, Герцль описал в дневнике свою встречу с кайзером, впечатления и подробности состоявшейся беседы. 18-ое число он называет "великим днем" и заканчивает запись замечанием, что память об "императорском дне" {87} сохранится навеки. Записывая эти слова, Герцль не подозревал, какое горькое разочарование ожидает его в Иерусалиме.

В Эрец-Исраэль еврейские поселенцы из Ришон ле-Циона, Реховота, Нес-Ционы, а также коллектив сельскохозяйственной школы Микве Исраэль оказали Герцлю восторженную встречу.

В дневниковой записи от 29 октября Герцль описывает также прием, устроенный школой Микве Исраэль кайзеру Вильгельму и его свите, ехавшим в Иерусалим. Дети спели в честь императора германский гимн. Герцль, стоявший возле плуга, снял свой пробковый шлем. Кайзер узнал его издали, повернул лошадь в сторону Герцля и, подъехав, остановился. Герцль сделал два шага навстречу, император подал ему руку, осведомился о его здоровье и коротко побеседовал с ним. Закончив разговор, Вильгельм еще раз пожал ему руку и поскакал своим путем.

Этот эпизод произвел сильнейшее впечатление на присутствующих, среди которых были и служащие барона Ротшильда. Сам Герцль мог истолковать это как доброе предзнаменование перед приемом делегации в Иерусалиме. Однако все обернулось не так. 2 ноября 1898 года сионистская делегация, возглавляемая Герцлем, встретила с германским кайзером Вильгельмом II (Некоторые из современных исследователей называют этот день "Второе ноября д-ра Герцля", имея в виду, что, спустя девятнадцать лет, в этот день была провозглашена декларация Бальфура.).

Прежде всего, Герцлю пришлось выступить не по оригинальному тексту своей речи, а по усеченному варианту с поправками Бюлова, вычеркнувшего из нее ведущие политические принципы. Кроме того, ответ кайзера на речь был холодно-вежливым, без тени тех заверений, которые были даны Герцлю во время константинопольской аудиенции. Император заметил в конце, что "будет продолжать интересоваться {88} вопросом". Герцль так заключает

запись от 2 ноября в своем дневнике о иерусалимской встрече с Вильгельмом:

"Он не сказал ни да, ни нет. Ясно, что в промежутке произошло многое".

И действительно, очень скоро выяснилось, что в своей беседе с Вильгельмом султан высказал резко отрицательное отношение к политическому сионизму. Министр иностранных дел Бюлов также уговаривал кайзера отказаться от поддержки Герцля и его планов из-за боязни серьезных политических осложнений с Францией, Англией и Россией. Не исключено также, что Бюлов действовал по наущению богатых ассимилированных евреев, убедивших его, что сионизм ничего не стоит и что его поддерживают лишь маленькие группки фантазеров-интеллигентов.

Итак, "роман" Герцля с императором Вильгельмом II скоропостижно закончился, и улетучилась мечта о заселении Палестины под германским покровительством. Герцль, однако, быстро оправился от удара и начал действовать, поставив своей целью наладить прямые связи с султаном Абдул Хамидом.

26 июня 1899 года он снова выступил в Лондоне на крупном еврейском митинге. Девять месяцев назад он заявил здесь с полной уверенностью, что возвращение в Сион - дело ближайшего будущего... Теперь же он не привел подробностей своей встречи с Вильгельмом в Иерусалиме, будучи не вправе разглашать их, и публика осталась при впечатлении, что его политическое положение достаточно стабильно. На сей раз Герцль говорил о своих надеждах прийти к соглашению с султаном и заявил: "Мы хотим добиться от турецкого правительства "чартера" (Известный термин в истории сионизма. Подробности см. ниже, в следующей главе.) на заселение Палестины под суверенной властью султана".

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава седьмая - ПЕРИОД УСИЛЕННОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

{89} 2. Третий конгресс

Вопрос о "чартере", мимоходом упомянутый на лондонском митинге, был поднят Герцлем через несколько месяцев на Третьем конгрессе, состоявшемся в Базеле 15-18 августа 1899г.

На конгресс съехались около 280 делегатов. Самая крупная делегация была российская, и она же проявила большую активность как на предварительных собраниях перед конгрессом, так и в прениях на самом конгрессе, а также на своих частных совещаниях по поводу важных вопросов, выносившихся на пленарные заседания.

Во вступительной речи Герцль, как уже говорилось, выдвинул лозунг "чартера": "Мы стараемся добиться от турецкого правительства "чартера" - разрешения на поселение под верховным покровительством султана. Лишь располагая такой гласной санкцией, содержащей необходимые гарантии публично-правового характера, мы сумеем приступить к широкому практическому заселению". Колониальный банк рассматривался Герцлем как средство и орудие для получения "чартера".

Более подробное разъяснение сущности "чартера" Герцль дал в беседе, состоявшейся у него после конгресса с одним из представителей российской сионистской печати, просившим уточнений. По словам этого журналиста

Герцль сказал, что речь идет о получении от правительства Турции разрешения, в соответствии с которым евреи в Сирии и Палестине экономически будут самостоятельны, хотя Палестина по-прежнему будет находиться под суверенной властью султана. Таким образом, евреи будут не только вправе туда эмигрировать, но и заниматься на месте земледелием, производством и торговлей, строительством железных дорог и портов, организацией мореходных компаний, прокладкой мелиоративных сетей и осушением болот - иначе говоря, всем, что необходимо, чтобы превратить этот заброшенный край в культурную страну. Причем в самом предложении нет ничего нового, так {90} делалось всегда: подобный "чартер" получила от правительства Англии Ост-Индская компания. Турция не только не останется в накладе, а наоборот выгадает, так как получит изрядные финансовые преимущества.

В той же речи на конгрессе Герцль отметил в качестве важного события и аудиенцию, данную кайзером Вильгельмом сионистской делегации в Иерусалиме. Герцль не входил в подробности, а только указал на сам факт, что германский император заинтересовался сионистским движением - и это немаловажно.

Что особенно характерно для Третьего конгресса - это появление отчетливой, хотя еще и неорганизованной оппозиции Герцлю и сионистскому руководству в Вене, чего не было на двух предыдущих конгрессах.

Оппозиция сложилась в среде русских сионистов и не только как результат противоречий между "политиками" и "практиками". В основе ее лежало требование предоставления большей независимости сионистским организациям отдельных стран, а также представителям этих организаций, членам Большого исполкома, не проживающим в Вене.

В своем обзоре Третьего конгресса М. Шейнкин, один из активных деятелей российского сионизма, приводит некоторые подробности возникновения оппозиции. Он особенно отмечает Моцкина и д-ра Вейцмана. Во время общих прений по докладу руководства Вейцман затронул, главным образом, вопрос контактов между руководством с одной стороны и членами Большого исполкома и организациями отдельных стран - с другой.

Он критиковал руководство за то, что оно недостаточно информирует членов исполнительного комитета о своей практической и политической работе, а также не советуется с ними по таким серьезным вопросам, как разработка повестки дня конгресса. Об этих людях вспоминают только тогда, когда руководство нуждается в их согласии и подписях, чтобы скрепить какое-

нибудь готовое решение. Особенно резко выступил Моцкин. Поддержав мнение Вейцмана об отсутствии достаточной связи между венским {91} руководством и членами Большого исполкома, в результате чего ущемляются права его отдельных членов, Моцкин обрушился на "диктатуру" в сионистском движении, являющемся по своей сущности и природе ярко выраженным демократическим движением. Моцкин сказал:

"Есть моменты, когда диктатура нужна, и в таких случаях я тоже проголосую за диктатуру. Но диктатура всегда явление временное и преходящее. Устойчивые движения не знают диктатуры - в противном случае они долго бы не просуществовали. И поэтому, при всем моем уважении к д-ру Герцлю, оценить деятельность которого у меня было много других возможностей, я хочу, чтобы конгрессом было заявлено, что ответственность за все не должен нести один лишь д-р Герцль, она должна распространяться и на остальных членов Исполнительного комитета, которые должны быть равными и в своих правах. Само доверие, которым пользуется д-р Герцль, придавший нашему движению такой размах, несомненно обеспечит ему преимущественное положение, но это преимущество должно быть законным".

Моцкин подверг критике речь Герцля, произнесенную 3 октября 1898 года в Лондоне на большом еврейском митинге, создавшую у его слушателей и еврейского народа во всем мире впечатление, будто Палестина вот-вот будет возвращена евреям для широкомасштабной алии. Моцкин подчеркнул большой вред подобной пропаганды из уст вождя, пробудившего напрасные надежды.

Отвечая на критику, Герцль сказал, что народ нуждается в ободрении, что и было целью той его речи.

В отчете руководства отмечался организационный прогресс сионистского движения в разных странах. Самое большое увеличение количества сионистских организаций произошло в России, где их число выросло на 30% по сравнению с предыдущим годом. О состоянии движения в России и его деятельности рассказал д-р Бернштейн-Коган. Он подчеркнул, что работа велась в {92} трех направлениях: во-первых - политический сионизм; во-вторых - усилия для сближения "политиков" с "практиками", группирующимися вокруг Одесского комитета; наконец, в культурном плане имеется тенденция приблизить массы к основам европейской культуры, а интеллигенцию - к основам еврейства.

Д-р Брук (Гомель) сообщил, что сионисты России распространили 82 тысячи "шекелей" (из 120 тысяч во всем мире); из 300 тысяч акций, выпущенных

Колониальным банком, русские евреи подписались на 200 тысяч. В 670 городах и местечках России имеется 818 сионистских отделений по сравнению с 373, насчитывавшимися в предыдущем году. Эти цифры свидетельствуют, что главный центр тяжести всемирного сионистского движения, как по численности, так и в организационном смысле, находится в России, несмотря на отсутствие легальных условий для работы.

Серьезная и резкая дискуссия состоялась по вопросу сферы деятельности банка. На Втором конгрессе было принципиально решено, что параграф устава, определяющий сферу деятельности банка словом Восток (Ориент), будет дополнен недвусмысленной расшифровкой: "Восток, в особенности Сирия и Палестина". Составление окончательной редакции было передано банковской комиссии, которая в Лондоне, по рекомендации юристов, сформулировала текст этого параграфа следующим образом: "Поселение евреев может иметь место в Палестине, в Сирии, либо в любой другой стране в любой части света".

Такая формулировка была явным нарушением резолюции Второго конгресса. Из-за этого Усышкин еще за полгода до Третьего конгресса отказался поставить свою подпись под воззванием о распространении акций; он уступил только после того, как получил от Герцля заверения, что этот пункт будет исправлен в духе решения Второго конгресса.

После доклада Давида Вольфсона о банке разгорелся бурный спор, в котором особенно энергично участвовали делегаты из России: профессор Белковский, {93} д-р Бернштейн-Коган, адвокат Ш. Розенбаум, Шейнкин, Моцкин, д-р Брук и другие.

Они категорически потребовали, чтобы соответствующий параграф устава был изменен в соответствии с принципиальной резолюцией Второго конгресса, постановившего, что банк будет работать только на Востоке и прежде всего - в Палестине и Сирии. Защитники официальной формулировки, не ограничивавшей сферу деятельности банка исключительно Сирией и Палестиной, приводили аргументы в ее пользу, заявляя, что в соответствии с английским законом, суд вправе ликвидировать любое акционерное общество, если оно не приступило к операциям в течение года с момента регистрации. Заранее ограничив свою деятельность Востоком - Сирией и Палестиной, в соответствии с решением Второго конгресса, Колониальный банк подставляет себя под угрозу ликвидации, ибо возможно, что политические обстоятельства не позволят начать работу в требуемый промежуток времени. Тем не менее. Третий конгресс, удовлетворив требование большинства российских делегатов, постановил изменить формулировку параграфа в духе принципиального решения Второго конгресса так, чтобы работу по заселению банк был вправе вести только "в странах Востока, в особенности в Палестине и

Сирии"; зато торгово-промышленные операции могут производиться банком и в других странах, по усмотрению Наблюдательного совета банка.

Такая чувствительность оппозиции к формулировке банковского устава проистекала из опасения, как бы руководство, под давлением различных внешних причин, не отошло от принципиальной концепции возвращения в Эрец-Исраэль, заменив ее на общую "территориалистскую", согласно которой национальным очагом еврейского народа может послужить и другая территория, не обязательно Эрец-Исраэль. (С особой силой опасение это проявилось незадолго до закрытия конгресса, когда, как будет описано ниже, на обсуждение был поставлен вопрос о поселении на Кипре.)

{94} Еще более непримиримо выступила оппозиция во главе с Моцкиным по поводу системы распределения учредительских акций банка. При основании банка была учтена задача обеспечить его сионистский характер и влияние конгресса на его дела. С этой целью выпустили сто учредительских акций, дающих их владельцам половину всех голосов на общих собраниях акционеров банка. Другой особенностью этих учредительских акций было то, что они не приносили прибыли. Было решено, что они будут находиться в распоряжении Сионистского исполнительного комитета, избираемого конгрессом. Кроме того, постановили, что двадцать из этих акций Исполком вправе передать активным сионистам в пожизненное пользование в знак признания их заслуг.

Было тут и важное дополнительное соображение - создать таким образом постоянную группу сионистов-ветеранов с обеспечением влияния в делах банка. Семь из этих акций уже были обещаны Герцлем семи главным учредителям банка и его первым директорам. Моцкин решительно воспротивился этому, утверждая, что учредительские акции являются собственностью конгресса и не должны вручаться отдельным людям, какими бы добрыми сионистами они ни были.

Во-первых, это недемократично, и потом - подобный подарок чреват опасностями для самого сионистского движения, поскольку не может быть никаких гарантий, что лица, получившие акции в пожизненное пользование, сохранят до конца своих дней верность сионизму. Исходя из своего отрицательного отношения к системе распределения учредительских акций среди частных лиц, Моцкин потребовал ликвидировать договоренность о передаче семи акций директорам банка. В том же духе выступили Усышкин и другие делегаты из России.

Герцль в принципе согласился не распределять учредительские акции среди

частных лиц, но только на будущее: что же касается семи акций, уже обещанных директорам, они должны быть вручены, - в противном случае он будет рассматривать это как акт недоверия {95} к нему лично. Русские сионисты отправились совещаться. Заявление Герцля, практически означавшее, что он подаст в отставку, если его обещание по поводу семи акций будет аннулировано, повергло в замешательство весь конгресс. Мнения российских делегатов разделились: одни были согласны с требованием Моцкина и Усышкина, другие, в особенности Мандельштам и Ясиновский, поддержали Герцля (Впоследствии Мандельштам и Ясиновский поддержали "Угандийскую рекомендацию" и, после того как она была отклонена Седьмым конгрессом, после смерти Герцля, вышли из сионистской организации и примкнули к территориалистам.).

Никто из российских уполномоченных (членов Исполкома) не мог вспомнить, чтобы Исполнительный комитет когда-либо принимал решение обещать семь акций директорам банка. Лишь Членов заметил, что, как ему помнится, Герцль год назад вскользь упомянул об этом на заседании Исполкома, но никто не обратил на это внимания и не отреагировал; молчание было, по-видимому, сочтено Герцлем за знак согласия. Поэтому Членов предложил утвердить на сей раз передачу семи акций директорам с условием, что это не будет рассматриваться в качестве прецедента на будущее. Свое предложение Членов выдвинул на пленарном заседании конгресса, и оно было принято. Так удалось предотвратить кризис.

Страсти вновь разгорелись, когда делегат немецких сионистов Давид Трейч изложил с трибуны свой план еврейского поселения на Кипре. Незадолго до закрытия конгресса ему было предоставлено слово для "инициативного предложения" (содержание которого в повестке дня не уточнялось). Еще до конгресса Трейч пропагандировал идею "широкой Палестины", отстаивая необходимость еврейских поселений и в соседних с Эрец-Исраэль странах. Сионисты России, в подавляющем большинстве отвергавшие любую мысль о поселении вне Эрец-Исраэль, устроили Трейчу обструкцию и {96} не дали ему говорить.

В зале поднялся оглушительный шум, и даже Герцль, председательствовавший на заседании, не сумел охладить накалившиеся страсти. Он поставил перед конгрессом вопрос, позволить ли Трейчу продолжить свое выступление или нет. Большинство голосов конгресс дал отрицательный ответ, и Трейч покинул трибуну.

"Кипрский инцидент" на Третьем конгрессе воочию продемонстрировал, как велика верность российских сионистов Сиону и насколько непреклонно их сопротивление любому другому территориальному решению. Некоторые

усматривают в инциденте с Трейчем прообраз крупного и бурного конфликта, разразившегося в сионистском движении четыре года спустя вокруг вопроса об Уганде.

Конгресс принял также постоянный устав сионистской организации, заменивший действовавшее до сих пор временное положение. В соответствии с новым уставом Исполнительный комитет был официально разделен на так называемый Малый исполком в составе пяти человек - Правление движения и Большой исполком, число членов которого будет устанавливаться заново каждым конгрессом. Правление обязано созывать Большой исполком для обсуждения важных вопросов не реже одного раза в год.

По завершении конгресса российские сионисты дали торжественный обед в честь Герцля, охотно принявшего их приглашение. В речах, произнесенных хозяевами, прозвучали любовь и огромное уважение, которое сионисты России питали к великому вождю сионистского движения, несмотря на имевшиеся расхождения во взглядах.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава седьмая - ПЕРИОД УСИЛЕННОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3. Четвертый конгресс

Первые три конгресса состоялись в Базеле, четвертый же проходил в Лондоне с 13 по 16 августа 1900 года. Крушение надежды добиться с помощью {97} Вильгельма II согласия султана на большую еврейскую алию в Палестину не сломило Герцля: он быстро воспрянул духом и начал поиск других путей добиться приема у султана. Он также пытался при посредничестве некоторых влиятельных на Западе лиц получить аудиенцию у царя Николая II, чтобы через него попасть к султану. И эта попытка провалилась. Тогда Герцль решил пробиться к султану прямым путем и изложить перед ним свой план "чартера", провозглашенный с трибуны Третьего конгресса.

Со времени этого конгресса в сионистском движении, особенно в России, разговоры о "чартере" велись так настойчиво, как будто речь шла о совершенно реальной вещи. Тем временем приблизился срок Четвертого конгресса, а никаких реальных результатов энергичной политической деятельности Герцля не было видно. Зато в организационном плане имелся безусловный прогресс. Движение расширилось в разных государствах, особенно в России. В странах, где прежде вообще не было сионистского движения, появились сионистские организации.

Однако в самой Палестине положение было чрезвычайно трудным. В начале 1899 года барон Ротшильд передал свои поселения компании ЕКО (ЕКО -

Еврейское Колонизационное Общество (или J.C.A. - Jewish Colonization Association). Основано в 1891 г. в Лондоне бароном М. Гиршем с первоначальной целью способствовать колонизации Аргентины евреями-эмигрантами из Восточной Европы. - Прим. ред.), администрация которой начала вводить новые порядки, дабы "улучшить" существующие.

В итоге несколько сот еврейских сельскохозяйственных рабочих были уволены. Служащие ЕКО, посчитавшие их "лишними", требовали отправления этих рабочих в другие страны, где есть спрос на рабочую силу. Часть рабочих согласилась, но остальные категорически отказались покинуть Эрец-Исраэль и обратились с призывом о помощи к Ховевей Цион и Всемирной сионистской организации.

{98} В политической сфере, как уже говорилось, продвижения не было. Международное положение не благоприятствовало этому.

Война англичан с бурами в Южной Африке и Боксерское восстание в Китае приковывали внимание политиков всего мира. В такой обстановке и при таком положении дел собрался Четвертый конгресс в столице Великобритании, находившейся тогда в эпицентре мировых политических событий. Конгресс должен был послужить своего рода демонстрацией перед внешним миром, и действительно преуспел в этом, вопреки неблагоприятным обстоятельствам.

На конгресс прибыло более 400 делегатов, свыше половины этого числа составили российские сионисты. Предварительные совещания российских делегатов начались еще за пять дней до открытия конгресса. Председательствовал Моцкин. Был сделан обзор культурной работы, и результат признан положительным: основан ряд новых библиотек, читальных залов, реформированных "хедеров" (Хедер - комната (ивр.) - традиционная для черты еврейской оседлости в России форма надомного обучения детей основам грамоты и религии. Преподавание велось на идиш. Реформированный хедер, в отличие от традиционного, имел сионистское направление, языком преподавания был иврит. Кроме религиозных предметов, там преподавались и светские. Реформированный хедер послужил прообразом будущих еврейских национальных школ.), по вечерам преподают еврейскую историю, иврит, еврейскую литературу, Танах и т. д. Было отмечено, что эта работа наталкивалась во многих местах на активное сопротивление со стороны ортодоксов.

На пленарном заседании конгресса отчет о работе Малого исполкома (Правления) зачитал Оскар Марморек. Он говорил о том, что в мире ширится сионистское движение, и отметил, что оно особенно прочно укоренилось в

России, где насчитывается около ста тысяч сионистов.

{99} Снова развернулась полемика по вопросу культуры, и раввины, возглавляемые И. Я. Рейнесом, заявили, что именно это отталкивает от сионизма десятки тысяч верующих евреев. Вейцман это утверждение опроверг, а Моцкин сказал, что не следует преувеличивать влияния раввинов на жизнь еврейства России.

Большой интерес вызвал доклад профессора Мандельштама "О физическом обновлении евреев". Галутное существование евреев приводит к их физической дегенерации в результате крайне неудовлетворительных социальных и гигиенических условий жизни еврейских масс. Надо обновить физический облик еврея, но процесс этот станет возможным только в нашей Стране, на нашей исторической родине.

Лишь массовая алия, проводимая со всеми предосторожностями и в требуемых условиях, даст нам новое поколение евреев, здоровых телом и духом. Возможно, что это новое поколение снова подарит миру благую весть, учение социальной справедливости, которая сейчас попирается повсюду. Задача огромна. Быть может, это самая великая задача наступающего столетия, и для ее осуществления необходима воля всего еврейства.

Если евреи перестанут стыдиться самих себя и своего народа, перестав тем самым быть посмешищем и объектом презрения всех народов мира; если они развернут собственное знамя и осознают себя как нацию; если в заселение Эрец-Исраэль они вложат все те миллионы, что сейчас идут на учреждения, от которых меньше всего пользы самим евреям; если прекратят заискивать перед соседями-неевреями в попытках заслужить их дружбу, - тогда мы сможем двинуться навстречу обновлению.

На братские же к нам чувства со стороны всего человечества в обозримом будущем надеяться нечего. Это братство осуществится еще нескоро.

О духовном росте еврейского народа доклад сделал редактор газеты "Хацфира" Нахум Соколов. Напрасно, сказал он, ортодоксы усматривают в слове "культура" этакую гидру, от которой будто бы исходит угроза для еврейства. Культурная работа несет в {100} себе великую пользу сионизму и делу национального возрождения еврейского народа. Конгресс должен отнестись к этой работе как к существенной части сионизма, обязательной для каждого сиониста.

Раввин Рейнес выступил против культурной работы, видя задачу сионизма не в

ней, а только лишь в заботе о возвращении еврейского народа в Эрец-Исраэль.

Ортодоксы оперировали также доводом, уже знакомым по предыдущим конгрессам: "Еврейский народ нуждается в хлебе, а не в культуре". Против того, чтобы сионистское движение занималось культурной работой, выступил и делегат Ф. Авиновицкий (также российский сионист): он не против культуры как таковой, но считает, что конгресс не должен заниматься этим.

За работу на культурном поприще ратовал Вейцман, подчеркнувший, что некоторые пытаются развенчать понятие культуры, в то время как смысл этого понятия, в сущности, заключается в воспитании. Пройдет лет шесть, и мы будем стыдиться того, что здесь, на этом самом месте, запрещали говорить о культуре. Молодежь нуждается в культурной работе. Раввины восстают против культуры, так как опасаются отрицательного влияния светского образования, но где были они, когда тысячи евреев переходили в христианство, и что предприняли против этого? Нет правды в утверждениях раввинов, будто еврейские массы не хотят культуры.

Президент конгресса Герцль предлагает снять этот вопрос с повестки дня. Его предложение принимается 120 голосами против 105. Темкин замечает, что итог голосования указывает на то, что сопротивление ортодоксов распространению культуры уже не имеет сильной поддержки в конгрессе.

Одна важная резолюция была принята как бы мимоходом - принципиальное решение основать национальный фонд для приобретения земельных участков в Палестине. Окончательное постановление по этому вопросу было вынесено позднее, на Пятом конгрессе.

Четвертый конгресс не дал никаких практических {101} результатов; его значение состояло лишь в политической демонстрации перед внешним миром, и этой цели он достиг. Лондон был выбран местом конгресса также не случайно. Обсуждения на конгрессе широко освещались английской прессой и печатью остальных европейских стран - Франции, Италии и других. Русская периодика также уделила конгрессу значительное место.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава седьмая - ПЕРИОД УСИЛЕННОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

4. Демократическая фракция

Молодые российские сионисты покинули Четвертый конгресс неудовлетворенными. Они не могли примириться с капитуляцией большинства перед религиозно-ортодоксальным меньшинством, изо всех сил боровшимся против культуры. Эта капитуляция произошла под влиянием Герцля, который считал раввинов выразителями настроений широких еврейских масс в России. Так полагали и остальные деятели из среды западных сионистов. Что касается молодых сионистов в России, то, хотя они и ценили политико-дипломатическую работу Герцля, но, тем не менее, не ставили ее во главу угла, как это делал сам Герцль, веривший в скорую возможность современного "исхода из Египта". Молодежь видела необходимость в более углубленной и разветвленной культурной деятельности, особенно в сфере еврейского национального воспитания.

Еще до Второго конгресса в России появились "теоретические кружки", созданные молодыми сионистами для самообразования, преподавания детям, а по возможности и взрослым, следующих предметов: языка иврит, еврейской литературы, еврейской истории, истории зарождения и развития сионизма, географии Эрец-Исраэль и, кроме того, общеобразовательных предметов. Незадолго до Третьего конгресса в России действовало уже около пятидесяти таких кружков. Именно они с удовлетворением восприняли "теоретические {102} письма" Бернштейна-Когана, главы сионистского "Почтового бюро" в

Кишиневе.

Эта молодежь была близка по образу мыслей и настроениям тем студенческим сионистским кругам выходцев из России, что учились в западноевропейских университетах, а все они вместе находились под влиянием духовной школы Ахад-Гаама. Мнения, взгляды и национально-общественные устремления участников "теоретических кружков" нашли свое яркое выражение в выступлениях на конгрессах представителей молодого поколения: Вейцмана, Моцкина и других. Разногласия между молодежью и большинством конгресса по вопросу культурной деятельности, а также требование более строго придерживаться в движении демократических принципов привели молодых к мысли о необходимости самостоятельно организовать.

Так, постепенно, выросла Демократическая фракция - оппозиционная группа в сионистской организации. Большинство ее инициаторов и участников были российскими сионистами, проживавшими как в самой России, так и за границей. Под их влиянием к фракции примкнули и молодые сионисты Запада. В своей книге "Поиски и заблуждения" ("Trial and Error", London, Hamish Hamilton, 1949.) Вейцман перечисляет ряд причин, давших толчок объединению представителей молодежи и созданию фракции.

Он пишет: "Мы были боевой группой евреев с университетским образованием, не имеющей, правда, никакого влияния и поддержки извне, но зато с четкой системой взглядов. Не нравились нам лощеность и псевдоуниверсальность, отличавшие официальный сионизм, все эти фракции и модные костюмы. Эта официальность сионистских конгрессов произвела на меня особенно удручающее впечатление после одного из моих периодических наездов в Россию и встречи с преследуемыми еврейскими массами.

Собственно, там (на конгрессе) все было {103} довольно скромно, но для нас искусственность, напыщенность и великосветские манеры были как ложка дегтя: не могли мы в этом усмотреть признака демократизма, простоты и серьезности движения; нам было не по себе. Будь мы не такими, какими были, нам бы не удалось привлечь сердца учащейся молодежи, которой предстояло возглавить в будущем сионистское движение.

Герцль не имел к ним подхода; в отличие от нас, он в прямом и переносном смысле не говорил на их языке, не говорил и на языке еврейских масс России. Если сионистское движение превратилось в действительный фактор в больших студенческих "колониях" на Западе, если оно перестало быть романтическим спортом и заставило его противников относиться к нему всерьез, то все это произошло только потому, что молодые знаменосцы сионистской идеи нашли

путь к сердцу учащейся еврейской молодежи.

Имелись и другие, не столь значительные причины, вызывавшие наш протест. Погоня Герцля за сильными мира сего, князьями и правителями, которые должны были "даровать" нам Эрец-Исраэль, напоминала погоню за миражем. Следствием этого, к несчастью, может быть и закономерным, явилось "поправление" руководства. Герцль обращался к сильным и богатым, банкирам и финансовым воротилам, к Баденскому курфюрсту, Вильгельму Второму и турецким властям, затем к Министерству иностранных дел Великобритании. Мы, однако, не очень-то верили в благодетелей, и руководству пришлось почувствовать себя неуютно из-за Демократической фракции. ...

Возможно, что русские власти согласились бы терпеть официальный сионизм, представленный бесспорно уважаемыми руководителями; иное дело молодые с их явно выраженным левым уклоном. Мы стали представлять собою "опасность" для движения, превратились в "разрушителей".

Была и третья категория причин. Герцль, как мы убедились, полагался на дипломатическую деятельность, чтобы заполучить для евреев Палестину. На первых конгрессах политические декларации Герцля, хотя {104} они и носили всегда общий характер, производили живительное и радостное впечатление. Хотя и мы казались себе романтиками и мечтателями, но у нас были скромные мечты. Герцль же брал широко и говорил о международном признании, о "чартере" на Эрец-Исраэль, о массовой эмиграции.

Но впечатление тускнело и гасло, по мере того как годы шли, не оставляя за собой ничего, кроме высоких слов. Герцль встретился с султаном. Он встретился с кайзером. Он беседовал с английским министром иностранных дел. Он собирался встретиться еще с рядом важных лиц. А толку от всего этого не было никакого. Невольно мы стали скептически относиться к этим туманным переговорам с государственными лидерами".

Названные Вейцманом причины и некоторые другие обстоятельства побудили молодежь организовать себя. В апреле 1901 года представители студенческих сионистских кругов из городов Западной Европы провели совещания в Мюнхене. Было решено созвать конференцию сионистской демократической молодежи в Базеле 18 декабря - накануне Пятого конгресса, который открывался в Базеле 26 декабря. К началу конференции собралось 40 делегатов, и, пока шли заседания, прибывали новые. Съехались делегаты из России, Германии, Австрии, Франции и Швейцарии. Прибыло также много гостей - в большинстве студенческая молодежь из соседних городов.

Конференцию открыл Вейцман от имени Временного бюро, избранного на совещаниях в Мюнхене, и предложил выбрать президиум. В него вошли Бернштейн-Коган, Вейцман и Моцкин. Слово было предоставлено Вейцману для обоснования программы, которую Временное бюро выдвинуло на рассмотрение конференции.

После оглашения программы Вейцман предложил основать автономную фракцию, которая должна быть неотъемлемой частью Сионистской организации. Фракция привлечет к сионистскому движению продуктивнейшие силы еврейства, остающиеся в стороне из-за недостатка демократического духа в Сионистской {105} организации. Новое объединение будет основано на демократических принципах и открыто для критического контроля со стороны еврейского общественного мнения, под наблюдением которого и будет вестись работа. Фракция должна заявить о себе уже на Пятом конгрессе.

О целях и задачах нового объединения сделал доклад Бернштейн-Коган. Он подверг критике методы действия Сионистской организации и выступил против каких-либо оппортунистических уступок ортодоксам, ложному либерализму или социал-демократии. Он особенно подчеркнул необходимость вести культурную работу.

Объединение, как и все сионистское движение, базируется на Базельской программе, но члены данной организации, естественно, не смогут заниматься политикой и дипломатией. В экономической работе не следует идти по пути классовой борьбы, поскольку целью является сплочение народа. Бернштейн-Коган предложил основать не фракцию, а лишь объединение молодых сил ради более энергичной деятельности на пользу сионизма.

Моцкин возразил Бернштейну-Когану, заявив, что тот не сказал ничего нового: догмат веры Бернштейна-Когана - это программа сионистов, но не сионистской молодежи. Требуется не просто объединение, а фракция с четким мировоззрением. Это тем более необходимо в связи с тем, что раввины уже организовались. Моцкин не исключал заранее дипломатическую деятельность, как это сделал Бернштейн-Коган; он также не рекомендовал выступать против нее, пока не будет установлено, что она бесполезна.

Моцкин внес предложение о борьбе фракции за демократизацию сионизма в соответствии с его сущностью народно-освободительного движения.

Движение необходимо очистить от шовинизма, романтизма и религии. Особенно важно отмежевание от религии, поскольку сионизм не есть прямое продолжение старой еврейской культуры.

Сионизм представляет собой новую возможность для самостоятельного развития {106} еврейского народа. Верно, что не стоит отказываться от некоторых форм еврейского прошлого, однако лишь при условии, что эти формы носят бесспорно национальный характер и не имеют ни малейшей связи с религиозным направлением.

Демократическая фракция должна считать своим первейшим долгом борьбу против культа личности, укоренившегося в сионизме. Нельзя личность отождествлять с движением, ибо в таком случае исчезновение личности воспринималось бы как частичная гибель самого движения. Пора также прекратить воскурение фимиама отдельным людям, что только унижает конгресс.

Колониальный банк с самого начала надо строить на принципах справедливости, а таковыми являются принципы кооперации (Здесь чувствуется влияние учения Франца Оппенгеймера, создателя доктрины кооперативных поселений. Герцль, приблизивший Оппенгеймера к сионизму, также высказался на Пятом конгрессе за кооперативное поселение.).

Раз и навсегда следует положить конец бесконечным препирательствам на конгрессах по поводу "культуры", потому что невозможно требовать, чтобы Макс Нордау и раввин Рабинович пришли к одному мнению по этому вопросу. Конгресс должен лишь санкционировать культурную работу, после чего фракция займется ею независимо и самостоятельно.

Что касается экономической сферы, то известно, что в прогрессивных кругах преобладает отрицательное отношение к системе филантропии; однако нельзя закрывать глаза на особое положение еврейского народа, ибо народ, который на 90% состоит из бедняков, не вправе пренебрегать благотворительной деятельностью. Следует поэтому войти в благотворительные учреждения (такие как ЕКО, и другие), дабы влиять изнутри на их деятельность. Кроме того, Моцкин считал, что трудящиеся массы должны иметь свою организацию ввиду наличия у них специфических интересов.

{107} Конференция велась на русском языке, и это вызвало протест со стороны делегатов нероссийского происхождения. Изучив положение, Вейцман установил, что лишь 3-4 человека из всех собравшихся не понимают по-русски. Рядом с каждым из них посадили по переводчику. В пятницу возник характерный спор, проводить ли заседания конференции и в субботу. Часть делегатов требовала освободиться от религиозного "оппортунизма" и продолжить в субботу работу конференции; другие считали, что не следует задевать чувства верующих. После прений по этому вопросу 19 голосами

против 18 было решено не заседать в субботу, ибо "суббота - еврейский национальный праздник".

По окончании прений конференция постановила 37 голосами против 2 и при 10 воздержавшихся основать Демократическую фракцию внутри Сионистской организации и уже в ближайшем будущем приступить к действиям в духе руководящих указаний конференции. И действительно, Демократическая фракция появилась на Пятом конгрессе уже как организованная сила. В последующие годы эта фракция выдвинула таких признанных лидеров Всемирного сионистского движения, как Вейцман, Моцкин и другие.

Сыркин к фракции не присоединился из-за сопротивления ее большинства идеям социализма и классовой борьбы. Из числа сионистской молодежи Запада деятельное участие в работе Демократической фракции принимали Мартин Бубер, Бертольд Файвель и другие. От этой же фракции исходила инициатива осуществить предложение, некогда выдвинутое профессором Шапиро, об основании в Эрец-Исраэль Еврейского университета.

Сионистское руководство во главе с Герцлем к новой фракции не мирволило, хотя Герцль и пытался поначалу приблизить ее активистов. Не жаловали Демократическую фракцию и такие ветераны российского сионизма, как Усышкин, Темкин, Мандельштам и другие. Поскольку подавляющее число членов Сионистской организации согласилось с принципами {108} Демократической фракции, она недолго продержалась в виде отдельного объединения и фактически прекратила свое существование после Шестого конгресса и начала Угандийского кризиса. Ее участники влились в общий сионистский лагерь.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава седьмая - ПЕРИОД УСИЛЕННОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

5. Пятый конгресс

В соответствии с решением Сионистского исполкома Пятый конгресс проходил в Базеле с 26 по 29 декабря 1901 года. Несмотря на сомнения Герцля, полагавшего, что из-за зимнего времени на конгресс съедутся не более 80 делегатов, в Базель прибыло 278 делегатов (более половины - из России), около 100 гостей и 80 представителей печати. За три дня до открытия конгресса - 23 декабря - состоялось предварительное совещание делегатов из России.

На первом же заседании произошло острое столкновение и на сей раз не между "политиками" и "практиками", а между молодежью из Демократической фракции и группой ветеранов во главе с Усышкиным. Последние резко критиковали появление фракции, утверждая, что от нее будет только вред сионистскому движению, особенно в России. Усышкин организовал контргруппировку в составе 35 делегатов, дабы ослабить влияние фракции.

Сильнейшей критике подверглась деятельность Бернштейна-Когана - главы "Почтового бюро". Противники его метода заявляли, что он занимается самоуправством и действует по собственному усмотрению, выдавая в письмах и циркулярах свои личные взгляды за позицию всего движения. Особым нападкам он подвергся со стороны Усышкина. В итоге Бернштейн-Коган подал в отставку, причем было решено не обновлять "Почтовое бюро", а предложить

каждому уполномоченному поддерживать связь с отделениями своего округа.

{109} Из представленного Бернштейном-Коганом отчета явствовало, что число сионистских отделений в России достигло 965 по сравнению с 825 в предыдущем году. Таким образом, прибавилось 140 новых, участники которых в основном принадлежали к рабочему классу. Был также представлен финансовый отчет. В Постоянную комиссию конгресса были избраны 12 делегатов. Они представляли оба течения - молодежное и ветеранов.

Пятый конгресс не получил никаких известий о новых политических достижениях. Единственная "политическая" новость, о которой сообщил Герцль в своем вступительном слове, свелась к следующему:

"В мае нынешнего года я имел честь получить продолжительную аудиенцию у его величества султана Абдул Хамила. Любезность и сердечность оказанного мне приема пробудили во мне самые радужные надежды. Слова и отношение его величества убедили меня, что в лице правящего калифа еврейский народ имеет друга и доброжелателя.

Султан уполномочил меня сообщить об этом во всеуслышание. Пусть знают об этом евреи во всем мире и поймут также, какие это открывает перед ними перспективы, и да будут они, наконец, готовы приступить к действиям, которыми помогут и самим себе и процветанию турецкого государства".

Сионисты России уже не находили интереса в демонстративных конгрессах; особенно их разочаровал Четвертый, лондонский. Их больше не устраивали надежды на скорое политическое спасение, и они возобновили свое требование начать практическую работу в Эрец-Исраэль.

Главная новость, которую принес с собой Пятый конгресс, заключалась в появлении сплоченной организованной оппозиции - Демократической фракции. В общем, фракция не встретила доброжелательного отношения, в том числе и со стороны большинства российских делегатов, как это уже было разъяснено выше.

Фракция насчитывала 37 членов, преимущественно молодых людей из России и выходцев из России, {110} проживающих на Западе. Ведущими ораторами "западников" во фракции были Мартин Бубер и Бертольд Файвель.

Из "русских" лидерами были Вейцман, Моцкин, Бернштейн-Коган. Представители фракции требовали дальнейшей разработки идеологии сионизма, расширения демократии в руководстве движением и большего

внимания со стороны Сионистской организации к молодежи. В плане практическом они настаивали на принятии четкого и окончательного решения по вопросу о культуре, откладываясь от конгресса к конгрессу.

Герцль, опасавшийся сопротивления раввинов и старавшийся предотвратить "культурную войну", попытался и на сей раз перенести голосование по этому вопросу на время после выборов в органы движения (исполком и т. д.), то есть на последние часы работы конгресса. От имени Демократической фракции Моцкин потребовал немедленного голосования: если нет времени для прений, решение должно быть вынесено без оных, ибо и так дискуссий по этому вопросу было более чем достаточно на предыдущих конгрессах; требуется лишь постановить в принципе, что культурная работа является неотъемлемой частью деятельности Сионистской организации.

В Пятом конгрессе приняли участие лишь два ортодоксальных раввина - И. Рейнес и С. Я. Рабинович, оба из России. Они выступили против предложения Моцкина, причем особенно непреклонен был раввин Рейнес: его коллега Рабинович питал большую склонность к компромиссу (кстати, именно в его округе сионисты вели разветвленную культурную работу). Когда по желанию Герцля конгресс решил перенести голосование, члены фракции в знак протеста организованно покинули зал. Герцль продолжал вести конгресс и после выборов в органы движения поставил на голосование рекомендации комиссии по вопросу о культуре. Теперь, когда большинством голосов прошла принципиальная резолюция "за культуру", члены оппозиции вернулись в зал. Утверждены были также почти все остальные предложения комиссии по культуре, так что члены {111} фракции остались довольны исходом голосования.

Принятая конгрессом резолюция по вопросу о культуре гласила: "Конгресс разъясняет, что под понятием культуры он имеет в виду национальное воспитание еврейского народа, рассматривает эту работу как важный пункт сионистской программы и вменяет ее в обязанность каждому сионисту".

Во время прений по этому вопросу Вейцман внес предложение основать еврейское высшее учебное заведение. Приоритет идеи создания еврейского университета в Эрец-Исраэль принадлежал, как известно, профессору Герману Шапиро. На этом конгрессе состоялось решение и по другому предложению профессора Шапиро - об основании Национального земельного фонда, которое он выдвинул на Первом конгрессе, за год до своей смерти. Четвертый конгресс принял лишь принципиальную резолюцию, поручив Исполнительному комитету разработку устава фонда. Во вступительном слове на открытии Пятого конгресса Герцль сказал, что теперь, с началом функционирования Колониального банка, настало время провести в жизнь

решение об основании Керен Каемет ле-Израэль.

И действительно, конгресс постановил основать этот фонд в виде постоянно действующего учреждения. В решении говорилось, что фонд является национальным капиталом и не может быть использован ни на какие другие цели, кроме приобретения в Палестине и в Сирии земельных участков. Он должен достичь суммы по меньшей мере в 200 тысяч фунтов стерлингов. В целях сбора средств были отпечатаны особые марки: каждому сионисту вменялось в обязанность наклеивать их на свои конверты. Была также учреждена "Золотая книга", куда заносилось имя любого человека или семьи, пожертвовавших в фонд 10 фунтов стерлингов. Цель Национального фонда - приобретение земель в вечную собственность еврейского народа.

Земля не должна продаваться частным собственникам, а может быть отдана лишь в аренду. Так был навсегда установлен принцип национализации земли - принцип, ставший спутником {112} сионизма на всем его пути и краеугольным камнем национально-общественного устройства Государства Израиль. Весьма сомнительно, чтобы участники Пятого конгресса, кроме разве немногих, могли тогда полностью осознать значение этой резолюции, и тем не менее они чувствовали ее огромную важность для развития Эрец-Израэль как родины еврейского народа.

В прениях по поводу работы банка, Моцкин выступил от имени Демократической фракции с рядом предложений, имевших целью сохранить демократический характер этого учреждения. Суть предложений сводилась к следующему:

1. Каждый акционер обладает правом лишь одного голоса, невзирая на количество акций, которыми он владеет.
2. Каждый акционер может быть директором банка, вне зависимости от того, сколько у него акций.
3. Учредительские акции являются исключительной собственностью всего Исполкома в целом и, в силу устава, не могут быть переданы больше никому.

Моцкин отметил, что совершенно непонятно, почему директор должен владеть пакетом именно в пятьсот акций. Ведь могут найтись люди, не имеющие возможности приобрести такое количество акций и, тем не менее, достойные по своим способностям руководить банком.

На конгрессе состоялось также обсуждение того, что сионисты называли

"работой данного часа" или "текущей работой" (Гегенвартсарбайт (нем.)).

Речь шла о деятельности в экономической и других областях жизни еврейства в диаспоре. Обсуждение завершилось принятием принципа свободы действий для каждой организации в пределах данной страны и в соответствии с местными условиями.

Особое значение для дальнейшего развития Сионистской организации имело изменение, внесенное в организационный устав. Герцль предложил положить в основу структуры движения федеративный принцип. До {113} той поры в каждой стране существовал лишь один отечественный центр, с которым сионистское руководство в Вене поддерживало связь.

По новому предложению, 50 отделений, распространивших не менее пяти тысяч "шекелей", получали право объединиться в особую федерацию и вступить в непосредственную связь с Малым исполкомом в Вене. Усышкин выступил против этого изменения, будучи сторонником крайнего централизма и бюрократической структуры в Сионистской организации.

Он считал, что с точки зрения руководства работой, организация отделений "снизу" не имеет большого значения. Необходима такая организация, которая будет направляться сверху, и возглавлять ее будут в каждой отдельной стране члены Сионистского исполкома. Членов (избранный на сей раз вице-президентом конгресса, т. к. Мандельштам на Пятый конгресс не приехал) оспорил этот подход Усышкина.

По предложению Членова было решено впредь созывать конгресс лишь раз в два года, а в промежуточном году собирать Большой исполком совместно с председателями комиссий на Ежегодную конференцию, называемую также "Малым конгрессом". Эти рекомендации Членова вошли в новый организационный устав. Предложение Усышкина принято не было. Конгресс утвердил федеративный принцип, как предлагал Герцль.

Так открылся путь для возникновения в сионистском движении отдельных партий. Приняли лишь поправку Усышкина о том, что новая сионистская федерация в какой-либо из стран может быть создана только с согласия Малого исполкома в Вене, достигнутого совместно с членами Большого исполкома от данной страны, а в случае разногласий - решающее слово будет за национальной конференцией. То была компромиссная резолюция, до известной степени ограничившая федеративный принцип.

Большой интерес конгресса вызвал доклад Соколова о еврейской истории и

науке. Докладчик отметил, что наука об иудаизме в основном сложилась в Западной Европе в 19 веке.

Иост, Цунц, Гейгер, Греци и {114} другие заложили ее основы, однако она осталась оторванной от еврейской действительности. Сионизм, пробуждающий еврейский народ к общему обновлению его жизни, должен сыграть ту же роль и в отношении наук, предметом которых является изучение еврейства.

Сионистские конгрессы, как и другие крупные публичные собрания, тем более с участием делегатов из разных стран, порой становились ареной личных стычек. Есть смысл рассказать об одном таком инциденте, происшедшем на Пятом конгрессе, так как он проливает свет на отношения между русскими и немецкими евреями в сионистском движении того времени. В первый день конгресса, на послеобеденном заседании, вспыхнул спор по поводу того, кто лучшие сионисты - "немцы" или "русские". Д-р Клей, из германских делегатов, утверждал, что немецкие сионисты заслуживают особой похвалы: в своей работе им приходится сталкиваться с многочисленными затруднениями, поскольку в Германии евреи очень ассимилированы и вообще далеки от всего, что касается еврейства. В этом смысле русским сионистам легче, ибо они действуют в среде еврейских масс, твердо придерживающихся национальных традиций. Верно, добавил Клей, что в количественном отношении верх берут сионисты России; но в качественном, интеллектуальном смысле первенство за сионистами Германии.

Заявление Клея, задевшее честь российских сионистов, вызвало резкую реакцию с их стороны, и несколько ораторов поднялись друг за другом на трибуну. Они, прежде всего, отметили, что и в России сионистам приходится сталкиваться с многочисленными противниками. Что же касается духовного, интеллектуального уровня, то сионисты России отнюдь не уступают немецким сионистам, а возможно и превосходят их, учитывая тот факт, что подлинная еврейская интеллигенция имеется лишь в России.

Вейцмана огорчали противоречия между российскими и западными евреями, он противился внесению диссонансов и "племенной" розни в отношения между ними. В то же время он не закрывал глаза на причины {115} самого явления и даже описал их в своих мемуарах "Поиски и заблуждения", вышедших пятьдесят лет спустя. Там он по этому поводу, между прочим, говорит:

"Западное восприятие сионизма было лишено, на наш взгляд, еврейского духа, теплоты и понимания еврейских масс. Герцль не знал русского еврейства; не

знали его и примкнувшие к Герцлю западники - Макс Нордау, Александр Марморек и другие. Герцль с его способностями быстро постиг сущность русского еврейства - но не другие: они не верили, что еврейство России в состоянии дать движению руководителей. Герцль же научился ценить русское еврейство, после того как встретился с его представителями и познакомился с ними на Первом конгрессе в Базеле. Он написал об этом сразу после конгресса, дав русским евреям самую высокую оценку.

И тем не менее, при всей своей интуиции, при всем своем доброжелательном понимании Герцль не мог в корне изменить своего подхода к сионизму. Что уж говорить о людях более скромного масштаба из его окружения. Сионизм западников был в наших глазах понятием механистическим, можно сказать, чисто социологическим, основанным на абстрактной идее, без корней, берущих начало в традиции и еврейском народном чувстве. Поскольку мы находились вне руководства движением, его лидеры считали, что мы должны чувствовать себя облагодетельствованными, а не так, как мы себя ощущали - источником подлинной мощи движения. Мы, несчастные русские евреи, должны быть переправлены в Эрец-Исраэль с их помощью, помощью свободных граждан Запада. Если же Эрец-Исраэль окажется недоступной - что ж, придется им подыскать для нас какую-нибудь другую территорию"...

И все же, несмотря на оппозицию Герцлю и его критику со стороны российских сионистов, его глубоко почитали в кругах студенческой молодежи, вожди Демократической фракции и ее активисты. И это тоже засвидетельствовано Вейцманом в его воспоминаниях:

{116} "Герцля мы любили и почитали, и знали, что он - великая сила во Израиле. Но в движении мы ему оппонировали, так как чувствовали, что мало двух-трех лиц, разъезжающих по свету, дабы от нашего имени побеседовать с сильными мира сего. Это мы были рупором еврейских масс в России, искавших в сионизме выражения своей независимости, а не одного лишь спасения. Мы считали, что должны следовать по стопам билуйцев, только в значительно более широком масштабе; лишь это увлечет молодежь, разбудит дремлющие в нашем народе силы и создаст истинные ценности. Герцлю все это было чуждо с самого начала.

Однако теперь, после того как я узнал и изучил венскую среду, в которой рос и жил Герцль - вдали от всех бед и сложностей, переполнявших нашу жизнь, и в особенности когда я сравниваю его с другими венскими интеллигентами того же или более позднего времени (Шницлер, фон Гофмансталь, Стефан Цвейг), я поражаюсь величию Герцля, глубине его интуиции, позволившей ему так много постичь в нашем мире. Он был первым и единственным - и нет равного ему среди западных лидеров, но и он не был достаточно могуч, чтобы сокрушить

стереотип своего мышления. В границах этого стереотипа, благодаря своим выдающимся способностям и безграничной самоотверженности, он принес делу пользу неоценимую. Образ его в сионизме не забудется никогда".

О любви и преклонении перед Герцлем со стороны оппозиции рассказывает сионистский деятель Борис Гольдберг в своих воспоминаниях о Пятом конгрессе:

"Несмотря на оппозиционный характер, фракция с любовью относилась к президенту конгресса, и когда в конце конгресса главное требование фракции - признание для сионистов обязательности национального воспитания - было принято конгрессом чуть ли не единогласно, примирение было полнейшее.

Помнится мне характерное шутивное замечание одного из вожаков фракции, д-ра Вейцмана, когда он в {117} день после заключения конгресса представил фракцию д-ру Герцлю:

- Вот перед Вами самая преданная оппозиция Вашего Величества". (Гольдберг Б. А. Конгрессные типы. Вильна, 1903.).

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава восьмая - ПРОДОЛЖЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СПОРОВ

1. Основание Мизрахи

На учредительной конференции Демократической фракции (декабрь 1901 года) Моцкин мотивировал необходимость создания самостоятельной фракции также и тем обстоятельством, что "раввины уже сорганизовались".

И действительно, раввины выступили организованно уже на Четвертом конгрессе, летом 1900 года в Лондоне, поведя энергичную борьбу против предложения включить культурную работу в программу сионизма, и преуспели в этом: конгресс принял рекомендацию Герцля (правда, с небольшим перевесом: 120 голосов - за, 105 - против) снять этот вопрос с повестки дня.

Однако тогда еще не была создана постоянная, организованная религиозная фракция. Это произошло лишь после Пятого конгресса, где под давлением Демократической фракции прошла резолюция, гласившая: "Конгресс разъясняет, что под понятием культуры он имеет в виду национальное воспитание еврейского народа, рассматривает эту работу как важный пункт сионистской программы и вменяет ее в обязанность, каждому сионисту". Формулировка этого решения, в которой отсутствовал принцип религиозного воспитания, и вызвала у раввинов стремление {117} организовать самостоятельную сионистскую религиозную фракцию с двумя главными задачами: а) привлечь к сионизму симпатии религиозных кругов, в основном раввинов; б) вести борьбу против включения светской просветительной работы в программу сионизма.

В феврале 1902 года в Вильно, на конференцию под председательством раввина Ицхака Яакова Рейнеса из Лиды (Виленской губернии), собрались 72 делегата от религиозных сионистов из различных городов России, среди них 24 раввина, чтобы основать самостоятельную сионистскую религиозную фракцию в рамках Сионистской организации. Кроме инициатора конференции раввина Рейнеса, в числе учредителей были также раввины Самуил Яков Рабинович, Пинхас Розовский, Нахум Грингауз, Иехуда Лейб Дон-Яхья, Иехуда Лейб Хакоэн Фишман (Маймон) и другие; присутствовали писатель Авраам Яков Слуцкий, писатель и историк Зеэв Явец, литератор и проповедник Ицхак Ниссенбаум и другие. После двухдневных совещаний была основана национально-религиозная организация "Мизрахи" (Ставшая позднее международной конфедерацией. - Прим. редактора.).

Ицхак Ниссенбаум выступил с докладом о состоянии сионизма в России и о путях распространения сионистской идеи среди набожного еврейства страны. После принятия программы новой организации было решено сообщить сионистскому руководству в Вене об основании организации Мизрахи в качестве религиозной фракции, а также выразить д-ру Герцлю и его сподвижникам полное доверие.

В принятой на конференции программе говорилось:

"Мизрахи объединяет всех верующих сионистов, ортодоксальных и умеренных, согласных с содержанием программы; Базельская программа принимается без изменений; вопросы, связанные с развитием и заселением Эрец-Исраэль, составляют задачи организации Мизрахи;

{119} все виды деятельности, не входящие в основную сионистскую работу, не следует включать в сионистскую программу, однако каждое отделение вправе всем этим заниматься соответственно местным условиям и в религиозно-ортодоксальном духе; отделения Мизрахи обязаны выполнять резолюции конгрессов, подчиняться указаниям окружных уполномоченных и переводить членские взносы (средства от продажи "шекелей") в финансовый центр Всемирной сионистской организации; Мизрахи распространяет сионизм среди всего еврейского народа в целом и набожных слоев еврейского населения в частности;

отделения фракции не вправе действовать в противоречии с религиозно-ортодоксальным духом; социал-демократы не могут быть членами Мизрахи; Мизрахи надлежит заботиться об увеличении числа ортодоксальных делегатов на сионистских конгрессах; группы, которые пожелают присоединиться к новому объединению, должны доказать свою принадлежность к общей

сионистской организации в России и получить подтверждение на этот счет у окружного уполномоченного; Мизрахи будет укреплять работу союзов в духе традиции и ортодоксальности".

Учредительская конференция поручила Зеэву Явецу составить первое воззвание организации Мизрахи, где говорилось: "Торе Израиля, являющейся душой нации, более невозможно осуществляться в полную силу в странах диаспоры, и ее заповедям не дано там сохраниться в полной чистоте. Поэтому следует обратить сердца Израиля к Сиону и Иерусалиму, где и бедняки нашего народа обретут желанный покой. Возрождение надежд на возврат в Сион даст нашему народу надежную опору и особый облик, убежище Торе нашей и всем ее святыням.

Сион и Тора - суть две святыни, дополняющие одна другую и нуждающиеся друг в друге".

В приведенных выше пунктах программы сквозит заблаговременное сопротивление культурной работе {120} как органической части сионистской работы, а также стремление противопоставить светской воспитательной работе религиозно-ортодоксальное воспитание.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава восьмая - ПРОДОЛЖЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СПОРОВ

2. Навстречу Второму съезду сионистов России

После Пятого конгресса, где были приняты изменения в организационном уставе Сионистской организации, в среде русских сионистов возникла мысль о необходимости созвать съезд. Поскольку в соответствии с поправкой к уставу конгресс отныне должен собираться лишь раз в два года, 1902 год как "неконгрессный" подходил для проведения съезда.

Сионистская организация в России, хотя и не была нелегальной, на деле работала, не имея на то законного основания. Власти не предпринимали строгих мер против сионистских кружков, однако стояли поперек дороги и ограничивали их работу. Сионистская деятельность в России была организована по округам, во главе которых, в большинстве случаев, стояли уполномоченные - они же члены Большого сионистского исполкома, представляющие в нем русских сионистов.

Когда было выдвинуто предложение о созыве Второго всероссийского съезда (Первый состоялся в Варшаве в 1898 году накануне Второго конгресса), за него проголосовали почти все уполномоченные, кроме двух-трех воздержавшихся. Разногласия возникли по поводу даты и особенно места проведения съезда. Предлагались разные города: Одесса, Варшава, Вильно, Белосток, Минск. В итоге большинство сошлось на Минске и дате - 22 августа 1902 года.

Теперь встал вопрос о получении разрешения на созыв съезда. Инициаторы

замыслили провести его с участием многочисленных представителей всех течений сионистского движения в России. Подобный съезд невозможно было устроить нелегально, а чтобы получить разрешение, надо было обратиться к всемогущему министру внутренних дел Плеве, снискавшему печальную {121} известность своей реакционной и антисемитской политикой.

Царские власти, как правило, противились любым проявлениям национальных чувств среди меньшинств Российской империи. К сионизму, однако, они относились двойственно: с одной стороны - отрицательно, как к национальному движению любого из меньшинств; с другой же - положительно, поскольку сионизм предполагал эмиграцию евреев из России.

И еще: сионизм ставил перед еврейской молодежью идеал большой привлекательной силы, способный оторвать ее от революционных движений, а также ослабить еврейский социал-демократический Бунд. Кроме того, Плеве стремился разобраться в сущности сионистского движения и выяснить те его аспекты, которые могли бы повредить самодержавному строю. Есть основание полагать, что эти соображения побудили Плеве на сей раз согласиться на созыв съезда. Его агенты пристально следили за всем ходом съезда.

Чиновники Третьего отделения уже давно вели сыск и проверку, дабы установить, в чем сущность сионизма, и, главным образом, выяснить его отношение к социализму - нет ли какой-либо связи между этими двумя движениями. Спор вокруг Демократической фракции и обвинения ее в "нигилизме", "анархизме" и тому подобных вещах вызывали подозрение.

Плеве отдал распоряжение местным властям разрешить созыв съезда в Минске. Таким образом, это был первый легальный сионистский форум в царской России, но также и последний: прения на съезде убедили власти, что сионистская организация - не просто общество, выступающее за эмиграцию евреев, а национальное массовое движение за возрождение еврейского народа, принимающее близко к сердцу страдания и бедствия еврейских масс и заботящееся об улучшении их положения.

Разрешение было получено в конце июня, и инициаторы тотчас приступили к делу. Ответственность за организацию съезда решено было возложить на д-ра Григория (Цви) Брука, уполномоченного по {122} Витебской губернии, к которой тогда относился Минск, а также на адвоката Шимшона Розенбаума как представителя минских сионистов. Ш. Розенбаум и его земляк Ицхак Бергер возглавили организационную комиссию. В программу съезда были включены следующие пункты: отчеты информационного бюро и финансового центра; организационные вопросы; Национальный земельный фонд; касса

финансирования поселения евреев (Колониальный банк); национальное воспитание и образование (воспитание и культура); экономические вопросы; поселение (в этот пункт был также включен вопрос взаимоотношений сионистской организации в России с Одесским комитетом); методы пропаганды и др.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава восьмая - ПРОДОЛЖЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СПОРОВ

3. Минский съезд

Выборы на Минский съезд проводились тайным голосованием. Каждые сто обладателей "шекеля" избирали одного делегата. Право посылки делегата было предоставлено и отделениям с меньшим числом участников, нежели сто. Вместе с тем установили и максимум: число делегатов от одного города не должно было превышать десять человек. На съезд прибыло свыше 500 делегатов - больше, чем на любой сионистский конгресс. Явились также сотни гостей и около 70 корреспондентов и репортеров, представлявших почти шестьдесят газет - еврейских и русских.

Среди делегатов съезда были представители двух четко оформленных течений: фракция Мизрахи (около 160 делегатов) и Демократическая фракция (около 60). Большинство делегатов, не принадлежавших к тому или другому организованному крылу, образовали центр. Было также небольшое число сионистов-социалистов, главным образом с юга России. Подавляющее большинство делегатов съезда стремились соединить политический сионизм с практической работой по заселению Эрец-Исраэль. Все три фракции - Мизрахи, Демократическая фракция и "нейтралы" (центр) - провели предварительные совещания. Съезд получил у общественности название "Конгресса российских сионистов"; он вызвал огромный интерес и широкий отклик как еврейской, так и русской публики (либеральной и реакционной); о нем писали в прессе и друзья и противники.

Съезд открыл окружной уполномоченный д-р Брук. Уже во время выборов президиума обнаружилось противоречия между делегатами и различными фракциями. После долгих прений было принято предложение избрать председателем д-ра Членова, его заместителями - Усышкина, Розенбаума и Ясиновского; остальных уполномоченных - членами президиума. Членов повел съезд умно, с большим тактом и успехом. Это была личность, вызывавшая уважение у всех присутствующих. Вот как описывает его избрание корреспондент газеты "Хацфира":

"В председатели единогласно был избран д-р Членов. Страсти, бушевавшие во время выборов, в мгновение ока стихли и перешли в священную тишину, как только этот обаятельный человек взял в руки председательский молоток. Он не кричит, почти не повышает голоса, и, тем не менее, его слышно во всех концах зала. Все, кажется, охотно принимают и его резкие замечания, когда он призывает к порядку" ("Хацфира", № 192, 1902г.).

Подобный отзыв о влиянии Членова на публику имеется и в другом месте. (Иосиф Элиаш в сборнике "Воспоминания сионистов из России" (Тель-Авив, 1955) рассказывает, что на одном из бурных заседаний успокоить присутствующих пытались и Темкин и Усышкин, но напрасно; так продолжалось до появления за столом президиума Членова, который, трижды стукнув молотом, как по мановению волшебной палочки, утихомирил страсти; его выслушали в полной тишине и приняли его предложение о порядке прений. Автор воспоминаний добавляет, что тогда же он вынес для себя любопытный урок: соревновались за лидера: Усышкин - "железная рука" и Членов - "доброе сердце". И вот чудо: не "железная рука", а именно мягкосердечный Членов одержал победу.).

{124} При оглашении полученных съездом приветствий бурные продолжительные овации вызвала телеграмма д-ра Герцля. Это было выражением того преклонения перед великим вождем сионизма, которое питали к нему российские сионисты всех течений, невзирая на разногласия и критику его линии в определенных вопросах. Горячими аплодисментами было встречено также устное приветствие ветерана движения Хибат Цион писателя Лилиенблюма от имени Одесского комитета. Он намекнул на то, что до сих пор Комитет не мог публично и гласно проявить свои симпатии к сионизму, однако теперь, после получения от властей разрешения на съезд, положение изменилось; он произнес традиционное благодарственное благословение за то, что дано было дожить до дня этого официального и большого форума.

В центре повестки дня съезда стояли два вопроса: организационный и культурный. По первому вопросу докладчиком был Усышкин. Он снова предложил централизовать структуру движения, но и на сей раз его

рекомендации не были приняты большинством участников. Он предложил также организовать авангардный отряд молодых сионистов - нечто вроде сионистской гвардии - под именем Бней Акива (Сыны Акивы), холостые участники которого, по меньшей мере, два или три года будут целиком посвящать себя работе в диаспоре и в Стране. Хотя это предложение вызвало большой интерес, съезд его не принял. Лишь спустя пятнадцать лет осуществилась эта идея: была основана организация Хехалуц и не для временной службы, а с тем, чтобы ее участники посвятили себя служению народу на всю жизнь.

Центральным пунктом прений на съезде явился вопрос "культуры", вокруг которого ломались копыя уже несколько лет - и на Первом съезде российских сионистов в Варшаве (1898 г.), и на конгрессах. Это было продолжение внутренних споров в сионистском движении. Основной доклад по этому вопросу сделал (на русском языке) Ахад-Гаам, прибывший на съезд {125} в качестве частного лица по приглашению организаторов. Как известно, Ахад-Гаам не принял политический сионизм и резко критиковал линию Герцля.

В большой речи Ахад-Гаам изложил свой взгляд на органическую связь между национальным возрождением и культурной деятельностью. Он и на сей раз критиковал политический сионизм, пренебрегающий делом еврейской культуры: фанатики от политики и религиозно-ортодоксальные фанатики сомкнулись в едином строю против культурной работы. Религиозные опасаются, что культурная деятельность повредит религии и оттолкнет набожных людей от сионизма; "политики" же боятся, что от культурной работы пострадает "главное", "подлинное" дело сионизма. А что в действительности? В кружках, где по-настоящему занимаются культурной работой, основывают школы для детей, читальни для взрослых и т. п., жизнь бьет ключом, их члены активны и в практической сионистской работе, она им удается; в то же время там, где отдают дань сионизму только продажей "шекелей" и акций да "политическими" разговорами, - там, в большинстве случаев, чувствуются пустота и отсутствие живого содержания, что неминуемо ведет к вымиранию и распаду.

Итак, культура - фундаментальная и органическая часть сионизма, его душа и живая вода. Анализируя с теоретической точки зрения общее понятие культуры и сущность культуры еврейской, Ахад-Гаам приходит к выводу, что еврейской национальной литературе принадлежит лишь то, что написано на еврейском национальном языке.

Все, что пишется нашими соплеменниками на других языках, не может быть включено в это понятие. К "другим языкам" Ахад-Гаам относит и идиш или, как он его называет, "жаргон", ибо еврейским национальным языком является

исключительно иврит. Поэтому только этот язык был, есть и будет национальным языком еврейского народа, и лишь литература на этом языке пребудет вовеки еврейской национальной литературой.

Докладчик повторил свой известный тезис о "духовном сионизме" и указал, что {126} основание в Эрец-Исраэль одного высшего учебного заведения для преподавания наук и литературы, а также академии языка иврит больше продвинет сионизм к его цели, чем сто земледельческих поселений. Вместе лозунга "завоевание общин" следовало провозгласить "завоевание школ", чтобы воспитывать молодое поколение в национальном еврейском духе.

В заключение Ахад-Гаам сделал съезду два предложения:

а) основать особую, независимую организацию, основная цель которой будет состоять в создании духовного центра в Эрец-Исраэль (Речь идет не об основании определенного учебного заведения. По Ахад-Гааму вся Эрец-Исраэль должна стать духовным центром рассеянной нации, чтобы объединить ее, связать, прежде всего, духовными узами. Лозунг Ахад-Гаама - "возрождение сердец". - Прим. ред.);

б) избрать две отдельные и независимые друг от друга комиссии по культуре: религиозную и светскую. Тем самым будет снята боязнь ортодоксов, что религиозному воспитанию может быть причинен ущерб. Отвечая оппонентам, Ахад-Гаам пренебрежительно отозвался о политическом сионизме и заявил, что не верит в политические трюки. Это вызвало резкие протесты делегатов Мизрахи и центра. Президиуму с трудом удалось успокоить зал.

О практической стороне культурной работы говорил Соколов, прочитавший свой доклад на иврите. Он возразил Ахад-Гааму, который не придавал значения материальной базе сионизма, и сказал, что еврейский народ прежде всего нуждается именно в материальной базе, дабы со всей возможной быстротой создать родину для многострадальной еврейской нации. Без такой базы духовного центра не построить. Соколов внес ряд практических предложений по поводу открытия начальных школ типа реформированного хедера, создания учреждений для подготовки еврейских учителей, участия в распространении словаря Элиэзера Бен-Иехуды, {127} субсидирования национальной библиотеки в Иерусалиме, основанной д-ром Хазановичем и др.

Прения по вопросу культуры продолжались три дня. Делегаты Мизрахи (раввины Рейнес, Рабинович и другие) энергично протестовали против включения культурной работы в сферу сионистской деятельности, в то время как представители Демократической фракции (Вейцман, Моцкин и другие)

пылко защищали работу на поприще культуры.

Часть делегатов "центра" поддерживала позицию ортодоксов, другая стояла за Демократическую фракцию. По остальным пунктам повестки дня с докладами выступили: адвокат Розенбаум - о Национальном земельном фонде, профессор Белковский - о Колониальном банке, д-р Членов - о поселении в Эрец-Исраэль и д-р Хаим Дов Горовиц - об экономической работе сионистов в диаспоре. Д-р Горовиц говорил об обнищании еврейских масс, о вытеснении их с экономических позиций и призывал к организации товариществ, кооперативов, кредитных учреждений и т. п. Ввиду недостатка времени, прений и решений по этому докладу не было. Постановили отложить их до следующего съезда. Активное участие в съезде принимали также гости из Эрец-Исраэль: Шохана Иоффе, директор женского училища в Яффе, Хемда Бен-Иехуда (жена Элизера Бен-Иехуды), Иехошуа Эйзенштадт (Барзилай) и Исраэль Белкинд из билуйцев, служивший в то время учителем в еврейских школах в Стране.

Резолюции по всем пунктам - Национальный земельный фонд, поселение в Эрец-Исраэль, Колониальный банк - были утверждены без особых осложнений. Камнем преткновения, как уже говорилось, стал вопрос "культуры". По предложению Членова съезд поручил президиуму совместно с раввином Рейнесом и Ахад-Гаамом сформулировать компромиссный проект решения, приемлемого для всех сторон. В день закрытия съезда (продолжавшегося семь дней вместо запланированных пяти) делегаты в крайнем напряжении ждали результатов совещания президиума, так как {128} существовали серьезные опасения раскола в движении. Велика была радость всех присутствующих, когда оказалось, что все-таки удалось прийти к компромиссному решению. Председатель совещания Усышкин объявил, что президиумом принято следующее согласованное предложение по вопросу о культуре:

"Стремясь осуществить решение, принятое на сионистском конгрессе в Базеле, и усматривая в развитии национального еврейского воспитания обязанность сионизма, съезд считает правомерными оба существующих течения в вопросе воспитания народа - национально-традиционное и национально-прогрессивное (светское) и избирает соответственно две комиссии. Комиссии будут работать самостоятельно и независимо одна от другой".

Когда делегаты съезда единогласно приняли эту резолюцию, председательствующий Усышкин сказал присутствующим: "Господа, у вас есть основание для радости!" И действительно, в зале стихийно вспыхнуло радостное оживление: удалось избежать раскола! Один из раввинов поднялся на сцену и взволнованным голосом прочитал стих из Книги Псалмов: "Господь дает силу народу Своему, Господь благословит народ Свой миром".

Второе предложение Ахад-Гаама об учреждении особого и отдельного от Сионистской организации комитета по культурной работе было отвергнуто подавляющим большинством голосов. В две комиссии по делам культуры и воспитания были избраны: от Мизрахи - раввины И. Я. Рейнес, С. Я. Рабинович, П. Розовский, писатель З. Явец и

З. Гурлянд; от "прогрессистов" - Ахад-Гаам, Х. Н. Бялик, д-р Клаузнер, Авраам Идельсон и д-р Бернштейн-Коган.

Заключительную речь произнес д-р Членов, предложивший, между прочим, послать приветственную телеграмму Герцлю. Предложение вызвало бурные продолжительные овации. Когда Членов объявил о закрытии съезда, все участники поднялись со своих мест и запели "Хатикву". Очевидцы рассказывали, что энтузиазм, {129} охвативший зал, напоминал атмосферу во время закрытия Первого конгресса в Базеле. Корреспондент "Хацфиры" оставил нам описание этих минут высокого подъема духа:

"В четвертом часу дня прозвучали стук председательского молотка: раз, два, три и голос председателя д-ра Членова: "Первый слет [см. прим. на стр. 71] сионистов России объявляю закрытым".

В один момент зал превратился в огромный хор, и окна загудели от мощного пения "Хатиквы". Члены президиума покидают сцену и смешиваются с остальными делегатами. Многие столпились у сцены, громко скандируя имена членов президиума, словно отказываясь расстаться с милыми их сердцу лицами. Еще минута - и вот уже весь зал безостановочно выкрикивает эти имена: Членов, раввин Рабинович, Усышкин, Белковский, Розенбаум, Темкин, Ясиновский, Гольдберг! Оглушительное скандирование не прекращалось, пока названные снова не поднялись на сцену, выстроившись у стола и кланяясь растроганно и благодарно. Когда же они спустились, публика начала вызывать остальных героев дня: раввина Рейнеса, Ахад-Гаама, Соколова, Моцкина, Вейцмана. От громких голосов дрожали станы. Усышкин вышел с Ахад-Гаамом, и оба заключили друг друга в объятия. Раввин Рейнес и Вейцман обменялись рукопожатием и тоже сердечно обнялись. Крикам "ура!" и аплодисментам не было конца и краю, они продолжались целых два часа" ("Хацфира", №224, 1902г.).

Минский съезд стал важной вехой в развитии сионистского движения в России. Он получил громкий отклик в печати (еврейской и русской) и среди широкой общественности. Многие деятели движения надеялись, что после этого съезда, состоявшегося с разрешения властей и под их наблюдением, произойдет перемена к лучшему в отношении режима к сионистскому движению, так что

впредь оно сможет существовать легально. Очень скоро, однако, выяснилось, что это были напрасные надежды.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава восьмая - ПРОДОЛЖЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СПОРОВ

{130} 4. Книга Герцля "Альтнойланд" ([Текст книги здесь](#))

Спустя месяц после закрытия Минской конференции вышла в свет книга Герцля "Альтнойланд" ("Новая древняя родина". На русском языке вышла в России в 1902 г. под названием "Страна возрождения". - Прим. ред.).

Книга была написана по-немецки и издана в Лейпциге. Это - роман-утопия, который изображает процветающую Палестину через двадцать лет после получения "чартера" от турецких властей - события, отнесенного в романе на 1903 год. К работе над книгой Герцль приступил в начале октября 1899 года, но то и дело оставлял ее ввиду загруженности политическими делами. Роман был закончен через три года, и книга вышла в начале октября 1902 года. В том же году Соколов перевел ее на иврит под названием "Тель-Авив" (В книге пророка Иезекииля (3:15) "Тель-Авив" упоминается как обозначение населенного места. Видимо, оттуда его и взял Соколов. И уже из романа, для увековечения памяти Герцля, имя это в 1910 г. дано было новому городу его основателями.).

Действие романа начинается в 1902 году. Главный его герой - молодой адвокат из кругов ассимилированной еврейской интеллигенции в Вене, который разочарован образом жизни своей среды и вообще отчаялся в жизни.

В таком душевном состоянии он знакомится с богатым немцем-христианином, бывшим офицером, также разочаровавшимся в жизни и в обществе. Оба решают уединиться на маленьком тихоокеанском островке. По пути к острову

на своей частной яхте они ненадолго заглядывают в Палестину. Их глазам представляется то, что Герцль увидал там в конце 1898 года...

Оттуда они отплывают на остров, где проводят двадцать лет, живя уединенной, здоровой и безмятежной жизнью вдали от цивилизованного общества. По прошествии двух десятилетий друзья прекращают свое {131} затворничество, дабы увидеть мир, который они покинули. В Египте они узнают, что Палестина тем временем изменилась, превратясь в чудесно обновленный, цветущий край, и решают посетить ее.

Их яхта бросает якорь в Хайфском порту, они сходят на берег, и взорам их открывается современный портовый город обновленной Палестины, которая и есть "альтнэйланд". За тот исторически короткий промежуток времени, что они провели на далеком острове, в Палестине сложилось еврейское общество, оно же "новое общество", существующее на этой земле по праву дарованного турецкими властями "чартера". Евреи массами переселились в страну, возделав ее средствами современной техники. Они воздвигли села и города, университет, академию искусств, театры, оперу и т. д. Образование в еврейском обществе для всех бесплатное, от детского сада и до университета в Иерусалиме. "Новое общество" построено на основах кооперации, при соблюдении свободы личности. В этом обществе царит терпимость по отношению ко всем религиям и народам: здесь все равны, без различия веры, расы и пола, и все жители - евреи, арабы и люди других национальностей - живут в мире, братстве и дружбе.

Как в любом тенденциозном произведении, с литературной точки зрения в "Альтнэйланд" есть много недостатков. Однако основная цель Герцля состояла в том, чтобы показать народам мира, что осуществление сионистской идеи принесет пользу и счастье не только одним евреям, но всему человечеству.

Кроме того, он старался особенно подчеркнуть, что по достижении политической независимости евреи построят в своей стране справедливое общество, основанное на принципах религиозной, духовной и расовой терпимости, в котором будет царить человеколюбие. Евреи, постоянно страдавшие от преследований и унижений, не допустят, чтобы все это имело место на их обновленной родине. Роману Герцль предпослал эпиграф: "Если вы захотите, это не будет сказкой...". А в послесловии он {132} добавил: "Но если не захотите, то все, о чем я тут вам рассказал, - это сказка, сказкой и останется".

Если сравнить теперь утопию, нарисованную в "Альтнэйланд", с действительностью государства Израиль, то окажется, что в смысле экономического развития реальность далеко обогнала воображение Герцля в

1902 году, чего, к сожалению, нельзя сказать о проблеме мира, братства и дружбы между всеми национальностями.

Современники Герцля увидели в картине, нарисованной в "Альтнойланд", пустую фантазию. Особенно рассердился на книгу и ее автора Ахад-Гаам, который, как известно, не вступил в сионистскую организацию и не прекращал своих нападков на политический сионизм и его вождей. Выход книги послужил ему новым поводом для атаки на Герцля, на его подход к сионизму и политическую линию.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава девятая - КИШИНЕВСКИЙ ПОГРОМ

1. Характер погрома

Через семь месяцев после Минской конференции произошел еврейский погром в Кишиневе, главном городе Бессарабии. На первый взгляд, взрыв этот был внезапным и стихийным, но на деле погром готовился сверху по заранее разработанному плану. Его идеологом был министр внутренних дел Плеве, а исполнителем - Павулаки (Паволакий) Крушеван, мелкий чиновник, издававший при поддержке государственной казны две антисемитские газеты: одну в Кишиневе, другую в Петербурге.

Конечно, после ужасной национальной катастрофы, которая постигла наш народ в сороковые годы нынешнего века, когда Гитлером и его подручными были {133} истреблены шесть миллионов евреев, все преследования и еврейские погромы в царской России кажутся ничтожными. Кишиневский погром в апреле 1903 года (Громилы бесновались трое суток кряду: 6, 7 и 8 апреля. Начался погром на седьмой день еврейской Пасхи, который совпал с первым днем Пасхи православной.) также может теперь показаться только заурядным эпизодом на долгом страдальческом пути еврейского народа. Однако с исторической точки зрения это было потрясающее и чреватое многочисленными последствиями событие, притом не только в истории русских евреев, но и всего еврейского народа.

Исследователи той поры то и дело наталкиваются в воспоминаниях современников о погроме на такие выражения, как "кишиневская бойня",

"резня", "убийство" и им подобные. То же мы находим и в поэме Бялика "Сказание о погроме" (по цензурным соображениям вышедшей в то время из печати под названием "Сказание о Немирове" (Немиров - город в Подолии, где в 1648 г. казаки Хмельницкого учинили кровавый погром, вырезав почти все еврейское население - 6000 человек).).

Все эти эпитеты не были слишком сильными, ибо в новое время даже в России, этой "классической" стране еврейских погромов, не было ничего подобного. Около 50 убитых, многие сотни раненых (в том числе тяжелораненые, оставшиеся до конца своих дней калеками), тысячи евреев, лишившихся крова, почти 1500 разгромленных и разграбленных еврейских домов и лавок - таков кровавый итог этого погрома, сопровождавшегося жестокостями и надругательством, подобно резне времен Богдана Хмельницкого. Но Кишиневский погром разразился в начале 20 века, в эпоху расцвета западной демократии и парламентаризма, упрочения гуманистических идей, бурного развития науки и техники в Европе и Америке. Потому-то так потрясены были евреи и весь просвещенный мир.

{134} Еврейские историки отмечают, что Кишиневский погром был началом нового периода погромов в России. В то же самое время после довольно длительного застоя возобновилось и усилилось в России революционное движение. Естественно, что евреи, будучи самой угнетенной и преследуемой частью населения, включились в это движение активно и в значительном числе. Царское правительство использовало антисемитизм в качестве эффективного средства для подавления революции, направив накопившееся недовольство масс на евреев.

Таким способом власти преследовали две цели сразу: перевести революционное брожение в народе из плоскости политической в сферу национальной ненависти, а также ввести общественное мнение в заблуждение - будто русский народ чинит расправу над евреями за их противное русскому духу желание вызвать революцию.

В отношении серии погромов, начавшихся весной 1903 года Кишиневским погромом и продолжавшихся три года подряд, вплоть до подавления первой русской революции, не было ни малейших сомнений, что в их организации и в систематическом разжигании антисемитизма непосредственно участвуют власти на местах заодно с центральной властью. С помощью погромов режим пытался отбить у евреев охоту участвовать в революционном движении. В общем революционном потоке евреи, на взгляд правительства, представляли главную опасность в силу своей интеллигентности и духовного развития, а также как охваченный брожением элемент, отчего и требовалось припугнуть их и парализовать их желание поддерживать революцию. Погром казался для

этого самым действенным и испытанным средством.

Итак, царскому правительству погромы были нужны для борьбы с революционными настроениями. Наилучшим образом подходил для этой цели город Кишинев. Не было другой такой губернии в России, где имелось бы столько землевладельцев и арендаторов-евреев, как в Бессарабии.

Население там было смешанное: {135} румыны, молдаване, греки, болгары и русские (в меньшинстве). Среди проживавших в губернии 3,5 миллионов человек количество евреев достигало 400000. В Кишиневе находилось много молодых евреев, не попавших из-за процентной нормы в средние учебные заведения, занимавшихся заочно и сдававших экзамены экстерном. Таким образом, для социал-революционной пропаганды в Кишиневе имелось достаточно обширное поле деятельности и благодарная почва.

В то время в России, особенно в южных губерниях, усилилось политическое брожение. В Кишиневе еврейская молодежь выделялась своей активностью в кругах русских революционеров, активно работал Бунд. Отсюда выбор Кишинева как самого подходящего места для погрома, "дабы проучить евреев, которые зазнались и возглавили революционное движение" (Подлинные слова самого царя Николая, сказанные в беседе с военным министром Куропаткиным (Красный архив, № 2, стр. 43).).

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава девятая - КИШИНЕВСКИЙ ПОГРОМ

2. Защищались ли кишиневские евреи? ([Смотри также здесь](#))

Организаторы погрома пытались создать впечатление, будто нападавшей стороной были именно евреи, а христиане лишь оборонялись. Самую активную роль в этом измышлении сыграла антисемитская печать.

Среди материалов, обнаруженных после революции 1917 года в тайных архивах царского правительства, имеются многочисленные документы, свидетельствующие о том, что власти прекрасно знали истинное положение вещей, однако скрыли его от общественности. Так, например, прокурор губернской судебной палаты в Одессе А. Полан категорически и неоднократно опровергал все эти поклепы и наветы. Между прочим в его {136} меморандуме № 4030 от 20 октября 1903 года на имя министра юстиции есть упоминание о попытке кишиневских евреев защитить себя от громил. Касаясь утверждения, будто евреи в Кишиневе вышли на улицу с оружием в руках, прокурор пишет:

"Действительно, на второй день Пасхи евреи, вооружившись чем попало, начали собираться в разных местах, но собирались они не для нападения на христиан, а для самообороны".

Эти слова прокурора А. Полана являются официальным свидетельством того, что кишиневские евреи пытались обороняться, хотя им противостояла большая и хорошо организованная масса громил, поддержанная и натасканная подручными царя и жандармов. Естественно, оборона не могла быть

действенной. В попытке организовать самооборону особенно активным был местный сионистский союз во главе с уполномоченным Бернштейном-Коганом.

В своих воспоминаниях он рассказывает, что погром не явился для еврейской общественности города сюрпризом, так как еще задолго до него началась открытая и разнузданная антисемитская пропаганда. Вот как Бернштейн-Коган описывает реакцию представителей разных общественных кругов:

"Различные еврейские группы готовятся встретить погром: раввин с помощниками идут к главе православной церкви; ...молодежь реагирует по-другому: собирается, волнуется, добывает из-под земли оружие... назначаются квартиры под штаб обороны и для ударных батальонов, прокладывается телефонная связь, а в моей квартире - главный телефон и место встреч и приема известий... В четыре часа дня все роты самообороны были окружены полицией и войсками, разоружены и загнаны в большие дворы. Там членов самообороны арестовали и отправили в полицию". (Бернштейн-Коган. Книга о погроме, стр. 127-128.).

Отсюда видно, что самооборона не принесла пользы, и ее участникам не удалось ничего сделать для {137} предотвращения погрома и отпора громилам. Жертвами погрома стали бедняки.

Богатые евреи готовились к грядущему заблаговременно, обеспечивая безопасность себе и своему имуществу, задабривая крупными суммами полицию, которая заранее знала о погроме. И действительно, за трое суток бесчинств не пострадал никто из кишиневских богачей-евреев; к их домам и квартирам была приставлена охрана из войск и полиции. Среди пятидесяти человек, погибших от погрома, не было ни единого представителя еврейской буржуазии. Об этом свидетельствует в своих мемуарах известный общественный деятель - еврей, примыкавший к кругу русских либералов, Г. Б. Слиозберг.

Бурю негодования, охватившую молодое еврейское поколение, восстающее против пассивной покорности судьбе и привычки подставлять, по словам пророка, "спину под палки и щеку под пощечины" (Исайя, 50:6 - "Я предал хребет мой бьющим и ланиты мои - поражающим"), с огромной художественной силой отобразил Хаим Нахман Бялик в поэме "Сказание о погроме".

После погрома Бялик провел несколько месяцев в Кишиневе в качестве посланца группы еврейских общественных деятелей и собрал большой материал, свидетельствующий о том, что, защищаясь, евреи показали немало

примеров выдержки и геройства. Оборона не принесла никакой пользы из-за отсутствия предпосылок для ее успеха. Тем не менее, Кишиневский погром послужил поворотным пунктом в деле создания еврейской самообороны, зачатки которой возникли уже в дни погрома.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава девятая - КИШИНЕВСКИЙ ПОГРОМ

3. Становление самообороны

Призывы к самообороне, раздававшиеся в еврейских кругах России после Кишиневского погрома, {138} исходили, в основном, от сионистов. Нахман Сыркин, основоположник социалистического сионизма, писал в сборнике "Дер Хамон" (Берлин, 1903 г.) следующее:

"Полиция, чиновники и войсковые караулы тащили и грабили заодно с толпой. Но как только они замечали евреев, готовых постоять за себя и свою жизнь, - сразу бросались наводить порядок и разгонять собравшихся. Когда же появлялись громилы и начинали резать евреев и грабить их жилье, "блюстители порядка" исчезали или сами входили в долю с грабителями...

Кишиневский погром, словно указующий перст истории, снова засвидетельствовал, что нет и не может быть другого решения еврейского вопроса, кроме еврейской территории, свободы и политической независимости. Кишиневский погром учит нас и тому, что евреям не на что полагаться, кроме своих собственных сил... Долг евреев оказывать сопротивление всюду, вооружаться и с оружием в руках встречать погромщиков.

От убийства нет другой защиты, кроме оружия, и раз уж суждено пролиться крови, то лучше пролить ее в открытой борьбе, чем подставлять горло под нож, сидя в подвалах. Пусть богачи суют деньги жандармским и войсковым

начальникам за охрану своих персон и отсиживаются в гостиницах, а массы и молодежь должны объединиться в союзы и выходить на улицы навстречу врагу с оружием в руках.

Хватит евреям кланяться каждому власть имущему и просить милости у каждого чиновника. Пришел час перестать гнуть спину перед притеснителями. Пришел час притеснению противопоставить силу, а убийству - оружие. И хотя евреи стремятся уйти из диаспоры, чтобы построить новое общество и обрести самостоятельность, они обязаны и в диаспоре держаться с полным достоинством. Пока они здесь, пусть их сила не уступает силе других, и они вправе пользоваться всеми благами свободы. Так что в этот час, когда ненавистники наши перешли к открытому кровопролитию, мы должны воззвать во весь голос: объединяйтесь и выходите на улицы с оружием в руках, с пистолетами и ножами! Таково {139} веление самой нашей жизни, нашего человеческого и национального достоинства".

Однако самый энергичный, ясный и подробный призыв к самообороне содержался в воззвании, выпущенном через две недели после Кишиневского погрома от имени "Союза еврейских писателей". Его инициаторами, составителями и распространителями были Ахад-Гаам, Х. Н. Бялик, М. Бен-Ами, С. Дубнов, И. Х. Равницкий.

Таким образом, кроме Дубнова, все - сионисты. Текст воззвания написал Ахад-Гаам. В дни 25-ой годовщины Кишиневского погрома, через год после смерти Ахад-Гаама, историк Дубнов поместил этот текст в журнале "Хаткуфа" ("Эпоха") под заглавием "Тайное послание Ахад-Гаама". Воззвание вышло в свое время (т. е. после погрома) тиражом всего около 100 экземпляров и поэтому содержало в конце обращение к читателям:

"Просим сообщить содержание этого письма всем интеллигентным и активным людям повсюду, где они имеются".

О самой прокламации и ее выпуске рассказывает Дубнов в своем предисловии к "Тайному посланию":

"Они жили тогда в Одессе. Известия о Кишиневском погроме повергли их поначалу в уныние. Но когда миновали первые скорбные дни, они начали собираться и обсуждать, что делать. Тогда-то, в ходе разговоров, возникла среди прочего и такая мысль: "Призвать к организации вооруженной самообороны во всех еврейских общинах, которым грозит погром".

Предварительный текст воззвания написал на русском языке Дубнов. Инициаторы много потрудились над редактурой, и, в конечном итоге, было

решено написать его на иврите. Сделать это поручили Ахад-Гааму.

Дубнов продолжает: "Ахад-Гаам выполнил свою задачу, как подобает писателю его калибра. С присущей ему ясностью изложил он нашу основную точку зрения: массовые погромы - неизбежное порождение черносотенной политики правительства, уже не властного, даже если б этого и захотело, избавиться от злых {140} духов.

А посему нам надлежит встать на защиту наших жизней и организовать самооборону, дабы наши ненавистники увидели, что мы не стадо баранов на бойне, и кто на наши жизни посягнет, тому придется рисковать и собственной. Осторожности ради, в воззвании еще говорилось: "Мы должны постараться, чтобы и правительство признало наше естественное право защищать собственную жизнь. С этой целью надо созвать общее собрание делегатов ведущих общин, чтобы упорядочить дело самообороны".

Но поскольку министр внутренних дел Плеве категорически запретил любые попытки еврейской самообороны, составители прокламации не поставили под ней свои имена, а подписались неопределенно - "Союз еврейских писателей" (против чего Ахад-Гаам протестовал впоследствии, так как это было сделано без его ведома). Инициаторы лишь устно сообщили "избранным", кто именно входил в этот союз.

Дубнов добавляет, что "воззвание нашло дорогу к сердцу читателей, идея самообороны в те дни носилась в воздухе, и во многих городах, несмотря на угрозы правительства, в течение лета были сформированы отряды самообороны". Ниже мы приводим выдержки из воззвания:

"Резня в Кишиневе - вот ответ на все наши слезы и мольбы. Неужели и в будущем мы решим ограничиться только слезами да мольбами? Позорно для пяти миллионов душ полагаться на других, подставлять шею под топор и кричать о помощи, не испробовав своей силы, чтобы самим защитить свое имущество, честь и самую жизнь. И кто знает, не этот ли наш позор - первая причина презрения к нам простонародья и того, что нас топчут все кому не лень? Среди многих и разных народов, населяющих эту страну, нет, кроме нас, ни одного, кто подставил бы спину под плеть и отдал свою честь на поругание без попытки защитить себя из последних сил. Только тот, кто умеет постоять за свое достоинство, заслуживает уважение и в чужих глазах. Если бы граждане этой страны увидели, что и нашему терпению есть предел, что и мы, хотя не можем и не {141} хотим состязаться с ними в грабеже, разбое и жестокостях, тем не менее готовы и в состоянии защищать в случае необходимости все, что нам дорого и свято, до последней капли крови, если бы они в этом убедились

на деле, то тогда - в этом нет сомнения - они не набрасывались бы на нас с таким легкомыслием.

Братья! Кровь наших братьев в Кишиневе взывает к нам: отряхните прах и будьте людьми, перестаньте плакать и причитать, довольно простирать руки за спасением к отвергающим вас. Спаситесь сами!

Нам нужна повсюду, где мы проживаем, постоянная организация, всегда готовая встретить врага в первую же минуту и быстро созвать к месту погрома всех, в ком есть силы выстоять перед опасностью".

О брожении среди евреев и планах организовать самооборону дознался Плеве. В циркуляре, разосланном губернаторам, градоначальникам и полицмейстерам, министр обратил внимание местных властей и на эти намерения евреев. Касательно еврейской самообороны говорилось: "Кишиневские события вызвали тревогу у еврейской части населения во многих местах империи. В некоторых городах евреи приступили к созданию кружков самообороны. Никакие кружки самообороны не могут быть терпимы".

Такой приговор, однако, не заставил еврейских деятелей в России отказаться от идеи самообороны. Еврейская общественность и особенно сионистские круги чувствовали, что Кишиневский погром - не случайный эпизод, а лишь увертюра к новому периоду массовых бесчинств. Поэтому, невзирая на решение Плеве, шла лихорадочная работа по организации самообороны. На одном из собраний минских сионистов по поводу мер оказания помощи жертвам Кишиневского погрома (а тайно - и по вопросу организации самообороны) глава местных сионистов адвокат Шимшон Розенбаум произнес следующие слова:

"На сегодня кишиневским евреям еще повезло, потому что им оказывается помощь. Будут города, которые уже не сподобятся получить ее. Настанут времена, {142} когда весть о кровавом погроме уже не заденет нас за живое, подобно тому как не волнуют нас ограничения и антисемитские законы, о которых мы читаем изо дня в день".

Плеве, со своей стороны, пристально следил за настроениями еврейской общественности. Он был взбешен, что его обвиняют в причастности к погрому. Бундовский деятель и писатель Бейниш Михалевич (Йосеф Изицкий) рассказывает в своих воспоминаниях, что сам слышал от Шимшона Розенбаума, что последнего сразу же после погрома вызвали телеграммой к Плеве в Петербург.

Министр категорически и без всяких оговорок потребовал от него, чтобы сионистская организация в России публично опровергла слухи, будто он. Плеве, замешан в погроме. Вместе с тем он пообещал Розенбауму, в качестве вознаграждения за такое заявление сионистов, легальный статус их организации, которую, как уже говорилось, власти лишь терпели. Министр также сказал, что разрешит распространение акций Колониального банка, компанию по сбору средств в Национальный земельный фонд и т. д. Однако сионисты отвергли сделку, предложенную им Плеве, и тогда он выпустил известный циркуляр о подавлении сионистского движения (см. далее). (еще см. Карабчевский Н.П "Воспоминания".. - ldn-knigi.narod.ru)

Есть основание полагать, что этот циркуляр появился на свет также и в результате покушения молодого сиониста-социалиста Дашевского на Крушевана. Плеве убедился, что сионистское движение выводит евреев из состояния покорности и побуждает их к революционным действиям.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава девятая - КИШИНЕВСКИЙ ПОГРОМ

4. Мечь Пинхаса Дашевского

Пока в общественных кругах шли совещания и приготовления к организации самообороны, внезапно был совершен акт индивидуальной мести, взволновавший все общество. Его героем был Пинхас Дашевский, 23-летний студент, принадлежавший к кругам {143} сионистов-социалистов. Он совершил покушение на жизнь Павулаки Крушевана, главаря подстрекателей еврейского погрома в Кишиневе.

Юноша действовал на собственный страх и риск, не посоветовавшись ни с кем из своих товарищей, но его поступок был воспринят еврейской молодежью, преданной своему народу и болеющей за его честь и достоинство, как выражение национальной мести сеятелям ненависти к евреям и виновникам пролития еврейской крови.

Пинхас Дашевский приехал в Петербург специально, чтобы убить Крушевана, владельца двух антисемитских газет - кишиневского "Бессарабца" и петербургского "Знамени", субсидируемых из государственной казны. Дашевский несколько недель выслеживал Крушевана, пока не выяснил, что тот находится в Петербурге. Дашевский напал на черносотенца и ударил его ножом в шею, но нанес лишь легкое ранение. Крушеван отказался принять первую помощь из еврейской аптеки, находившейся по соседству с местом происшествия, и уехал к себе на квартиру.

Дашевский после покушения отдал себя в руки стоявшего поблизости постового полицейского и был немедленно препровожден к судебному следователю. Приводимые ниже показания Пинхаса Дашевского взяты из протокола, составленного в тот же день - 4 июня 1903 года - судебным следователем шестого петербургского квартала Обух-Вощатинским.

Дашевский рассказал, что он приехал в Петербург специально для того, чтобы убить Крушевана. Он был вооружен ножом и пистолетом. Хотя у Дашевского имелся заряженный пистолет, он решил воспользоваться ножом, так как опасался, как бы в момент выстрела у него не дрогнула рука и не пострадали бы невинные прохожие. На вопрос, признает ли он себя виновным в покушении на Крушевана с заранее обдуманном намерением убить его, Дашевский отвечал, что он признает не вину, а лишь факт попытки убить Крушевана с заранее обдуманном намерением.

Еще до Кишиневского погрома, сказал Дашевский, он знал об {144} антисемитском направлении двух газет, которые редактирует Крушеван. Он считает, что редактор этих газет подстрекал народ против евреев, и волнения и несчастья, которые имели место в Кишиневе, являются, по мнению Дашевского, главным образом, следствием влияния этих двух газет и плодом деятельности их редактора. Хотя никто из родных Дашевского не пострадал во время погрома, он считал своим долгом убить Крушевана, как одного из главных виновников бедствия, обрушившегося на кишиневских евреев. Дашевский объявил, что он сионист и совершил свой поступок как еврей, чье национальное чувство было оскорблено, а также, что действовал из побуждений личной мести. "Я не бежал после покушения, так как заранее намеревался убить Крушевана и отдать себя в руки властей". Он не раскаивается в своем поступке, ибо, будучи евреем, обязан так действовать.

Размышляя над поступком Дашевского, С. Дубнов пишет:

"Немезида вкладывает оружие в руку благородного юноши, который не в состоянии вынести тяжесть позора его беззащитных и несчастных братьев. Он хочет искупить их вину за унижительную покорность судьбе и безответность... Вооруженный маленьким финским ножом, Пинхас Дашевский лишь оцарапал шею извергу Крушевану, разгуливавшему победителем по улицам Петербурга. Дашевский знал, что он идет не только уничтожить "злодея Амана", но, наверное, и навстречу собственной смерти; однако он рассматривал себя как жертву во искупление греха своего народа - греха непротивления злу. Этой нравственной цели Дашевский достиг: он стал мучеником-героем среди мучеников - покорных жертв. В последующих погромах героев еврейской самообороны вдохновляла сила его духа".

Воздействие примера Дашевского очень беспокоило царское правительство, и оно пыталось, по возможности, закончить все без излишнего шума. Дело о покушении Дашевского на Крушевана слушалось в {145} Петербургском окружном суде при закрытых дверях. Таково было распоряжение друга Плеве, министра юстиции Муравьева. Окружной суд приговорил Дашевского к пяти годам каторжных работ. Сенат утвердил приговор. Однако три года спустя Дашевский был досрочно освобожден. Он вышел на волю в августе 1906 года. (Стоит отметить, что свой жизненный путь Дашевский закончил в одной из тюрем Советской России, где скончался в июне 1934 года - согласно информации в газете "Хаарец" от 27 июля 1934 года.)

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава девятая - КИШИНЕВСКИЙ ПОГРОМ

5. Реакция еврейской молодежи на поступок Дашевского

Хотя покушение на Крушевана оказалось не слишком успешным, поступок Дашевского вызвал громкие отголоски и большую симпатию еврейской молодежи. Свидетельством тому может служить нелегальное воззвание, подписанное "Варшавские рабочие-сионисты". Оно появилось вскоре после покушения.

"Диким показалось нам все случившееся, мы спрашивали себя: неужели нет ни одного еврея, который бы энергично протестовал против диких насмешек и издевательств над нашими братьями? Неужели, действительно, нет ни одного еврея, который бы отомстил за пролитую еврейскую кровь? Наши кровопийцы свободно расхаживали по улицам, совершали свою подлую "работу" на глазах у всех, а мы молчали и дивились, страдали и кусали себе губы! Сердце судорожно сжималось, голова шла кругом от страшных мыслей, от наплыва немного диких, но здоровых чувств! Мести жаждали мы, кровью отплатить за кровь! И еврейский мститель за пролитую еврейскую кровь явился!

Мы приветствуем тебя, дорогой брат, твой дух несется над еврейскими улицами и будит новые силы, вызывает новые здоровые чувства, новое отношение к скорбным явлениям жизни, новые ответы на кровавые преследования. Твой подвиг ясно доказывает, что {146} прошло уже то время, когда еврей сгибался в три погибели, когда его забрасывали грязью! Прошло "счастливое" время, когда еврей гнул свою спину, слезно вымаливая себе у

мира жизнь раба; когда еврей, чуть почувствовав себя человеком, убегал в чужие виноградники, чтобы там отдать свои свежие, лучшие силы. Эти времена прошли навсегда. Новый еврей с гордо поднятой головой, с выпрямленной спиной не убегает из несчастной "черты". Оставаясь там, дыша отвратительным воздухом, харкая кровью от затхлости и тесноты "черты", они этой кровью плюют своим мучителям в лицо.

Известие о том, что Пинхас Дашевский вонзил нож в шею известного подлеца Крушевана за его патриотическую кишиневскую "работу", мы встретили с большой радостью и глубоким сочувствием. В нас снова пробуждаются надежды и вера в молодых борцов за свободу. Этот факт доказывает нам, что за последние 20 лет мы во всех отношениях выросли. Мы научились понимать свое настоящее положение, мы принялись за великое национальное дело, которое должно освободить весь еврейский народ. Но важнее всего то, что мы стали более здоровыми людьми, с более нормальными, более человеческими чувствами. Мы реагируем уже на каждое явление нашей жизни и реагируем, как истинные дети здорового народа, стремящегося к свободе, мы отвечаем кровью за кровь!

Из наших последних слов само собой понятно, что мы далеки от террора как средства борьбы за свободу, но месть, по нашему мнению, является самым здоровым человеческим чувством, и ее - эту месть - мы приветствуем. Мы прекрасно знаем, что нож брата нашего Дашевского не отпугнет наших врагов; но не в этом истинная сила протеста! Влияние его проявится в тех последствиях, в тех скрытых силах, которые он пробудит в темных жилищах еврейской улицы. Дашевский первый показал, что настоящие борцы за свободу должны быть первыми мстителями за пролитую кровь их братьев.

{147} Велика сила, которая кроется в борьбе за свободу, но еще мощнее месть за поруганный народ. Пусть первый национальный протест зажжет огонь во всех сердцах еврейской молодежи и пламенное желание неустанно бороться за еврейскую свободу. Пусть горит этот святой огонь в еврейских сердцах нашей молодежи и кровью защитит знамя народной чести!

Да здравствует борьба за еврейскую свободу!

Долой рабство нашей скитальческой жизни, тысячелетнего галута!

Варшавские рабочие-сионисты"

("Отповедь". Слово в защиту сионизма. Изд. группы студентов-сионистов. 1903 г.).

Эта листовка была нелегально размножена группой студентов-сионистов. И сам поступок Дашевского, и его одобрение сионистскими кругами ясно показали Плеве, что сионизм - это бродильный чан национального движения, в котором еврейская молодежь заражается гордостью и активностью, и что новое еврейское поколение уже не будет мириться с преследованиями, притеснениями, дискриминацией и унижением.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава десятая - РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И СИОНИЗМ

1. Циркуляр Плеве о сионизме и еврейском национальном движении

Через два с половиной месяца после Кишиневского погрома, в конце июня 1903 года. Плеве разослал всем губернаторам и градоначальникам циркуляр с подробными инструкциями относительно сионизма и {148} еврейского национального движения в целом. Хотя циркуляр был "совершенно секретный", окольными путями он попал в руки представителей еврейской общественности и был тайно размножен на гектографе.

Как уже говорилось, циркуляр появился после того, как Плеве убедился, что российские сионисты не собираются подчиниться грубой и жестокой силе, обращенной против евреев. На это с предельной ясностью указывала месть Дашевского подстрекателю Крушевану и предшествовавший ей отказ минских сионистов во главе с Шимшоном Розенбаумом снять с Плеве обвинение в том, что он главный виновник погрома.

Циркуляр от 24 июня 1903 года за номером 6142 ("Еврейская старина", VIII. Петроград, 1915.) свидетельствует о том, что министр внутренних дел был хорошо осведомлен о положении в сионистском движении и что в его распоряжении имелась подробная и точная информация обо всех сферах деятельности сионистских организаций в России.

Он, например, знал, что сионисты стремятся воспитывать евреев, особенно молодежь, в национальном духе и хотят задержать процесс ассимиляции в

среде еврейской интеллигенции. А ведь именно это прямо противоречило политике царского правительства и намерениям Плеве - привести образованную часть еврейского населения к обрусению, а не поддающиеся ассимиляции массы заставить тем или иным путем эмигрировать из России. В своем антисемитском циркуляре Плеве, прежде всего, подчеркивает опасность национально-воспитательной работы сионистов.

Циркуляр о сионизме и еврейском национальном движении 1903

(См. предыдущую сноску.)

М.В.Д. Департамент полиции по особому отделению. 24-го июня, №6142. {149}

Губернаторам, Градоначальникам и Обер-полицмейстерам.

В имеющихся в департаменте полиции сведениях о так называемых сионистских обществах усматривается, что таковые, поставив себе первоначальной целью содействовать переселению евреев в Палестину для создания там самостоятельного еврейского государства, ныне осуществление этой мысли отодвинули в область далекого будущего и направили свою деятельность на развитие и укрепление национальной еврейской идеи, проповедуя сплочение в замкнутые организации евреев в местах их нынешнего пребывания. Направление это, будучи враждебно ассимиляции евреев с другими народностями, усугубляя между первыми и последними племенную рознь, противоречит началам русской государственной идеи, и потому не может быть терпимо. Вследствие сего, признавая необходимым дать вопросу о сионистских организациях надлежащее разрешение, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, сообщить мне безотлагательно подробные сведения о существующих во вверенном Вам районе сионистских кружках и соображения Ваши об их значении с точек зрения государственной и национальной. Находя однако неотложным, до разрешения поставленного нами на очередь вопроса, принятие мер к предупреждению и пресечению утверждения начал сионистских организаций и развития сионистского движения во вредном направлении, считаю долгом в руководство Вашего Превосходительства преподать нижеследующие указания:

1) Пропаганда идеи сионизма в публичных местах и на собраниях общественного характера должна быть воспрещена. В этих целях надлежит препятствовать деятельности специальных агитаторов, так наз. "магидов", разъезжающих по городам и местечкам и произносящих в синагогах и на общественных собраниях речи для привлечения слушателей, особенно из числа простонародья, в ряды сторонников сионистского движения. {150}

2) Точно также подлежат запрещению, насколько деятельность их проявляется публично в сходках, собраниях и прочих сборищах, уже существующие сионистские организации, раскинутые сетью по всей России, включая Сибирь, губернии Царства Польского, Кавказ и русские среднеазиатские владения.

3) Выезды для каких бы то ни было целей представителей и участников сионистской организации (районы, на которые поделена сионистами вся Россия), кружков и различных поместных и избирательных групп не должны дозволяться.

4) Всякие не разрешенные правительством среди публики сборы для недозволенных к ввозу в империю (№ 92, отд. I. Собр. узак. и распор. правит. за 1902 г.) акций и временных свидетельств Еврейского Колониального Банка в Лондоне, а также сборы на пополнение Национального Еврейского Фонда, учрежденного там же, производимые в некоторых городах поголовным обходом всего местного еврейского населения, должны быть немедленно прекращаемы при получении сведений о таких сборах. Лица, стоявшие во главе таких сионистских организаций, должны быть обязываемы подпиской отказаться от руководства движением и прекратить всякие денежные сборы. Находящиеся в их распоряжении суммы, как полученные путем неразрешенных правительством сборов, следует направлять на еврейские благотворительные учреждения (напр. существующее в Одессе Общество вспомоществования евр. земледельцам и ремесленникам Сирии и Палестины). Акции и временные свидетельства Евр. Колониального Банка, а также квитанции о взносах в Национальный Еврейский Фонд подлежат конфискации, а лица, занимающиеся распространением означенных выше документов, должны быть обязываемы подпиской отказаться от такой деятельности. Последняя представляется тем более вредной, что плательщиками в сионистские кассы являются преимущественно неимущие классы еврейства. {151}

5) Надлежит также иметь наблюдение за устройством сионистами новых и уже существующих еврейских школ (хедеров), библиотек-читален, субботних школ для взрослых в целях изучения древнееврейского языка, публичных чтений по истории еврейства и т. п. учреждений. Еврейские школы, разрешаемые правительством к открытию в удовлетворение вероисповедных потребностей еврейского населения империи, не должны под руководством сионистских деятелей получать характер учреждений для развития национальной обособленности русского еврейства.

6) При представлении на утверждение центральных органов М.В.Д. кандидатов на выборные должности в еврейских общинах, в особенности на должности

раввинов, надлежит прилагать собранные на месте сведения о степени причастности представляемых кандидатов к сионистским организациям.

Министр Внутренних Дел Плеве".

Дух циркуляра и его цель достаточно прозрачны: запретить и пресечь всякую сионистскую деятельность, если она направлена не на немедленный выезд евреев из России, а на распространение еврейской национальной идеи среди еврейского населения в пределах Российской империи.

Поэтому Плеве согласен, чтобы средства из сионистских касс были переданы Одесскому комитету, поощряющему эмиграцию евреев в Палестину. Ему также хорошо известно, что подавляющее большинство жертвователей в сионистские кассы принадлежит к малоимущим слоям. Но не печальное их положение заботит министра, а то, что из-за пожертвований это положение еще более отягощается и, следовательно, усиливается недовольство жизнью в России, так что в итоге евреи превращаются в революционный "пороховой погреб" внутри государства.

Что касается сионистских школ типа реформированного хедера, вечерних школ для взрослых по изучению языка иврит и еврейской истории, то они увеличивают число носителей национального еврейского {152} сознания, не ускоряя при этом их эмиграции в Палестину. Нет сомнений, что Плеве был известен лозунг Герцля насчет "завоевания общин", и поэтому он категорически требует от местных властей, чтобы при утверждении кандидатов, особенно раввинов, на еврейские общественные должности учитывалась мера их принадлежности к сионистскому движению.

Изданием этого циркуляра Плеве хотел окончательно парализовать сионистскую работу, которая и прежде не была легальной, но не пресекалась правительством из расчета, что она поощрит исход еврейских масс из России.

Секретный антисионистский циркуляр Плеве вызвал сильную тревогу и подавленность среди российских руководителей движения, и некоторые из них обратились к Герцлю, прося предпринять какие-нибудь шаги, дабы отвести беду.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

---

mail.ru	1298
3685276	124

HotLog	
1048159	+143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава десятая - РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И СИОНИЗМ

2. Приезд Герцля в Россию

Герцль несколько раз пытался получить аудиенцию у царя Николая II. Тяжелое положение русских евреев, наглядно продемонстрированное Кишиневским погромом, заставило его возобновить усилия. В мае 1903 года он по дипломатическим каналам подал прошение об аудиенции у царя, и снова оно было отклонено.

В конце июня до него дошло известие о секретном циркуляре Плеве, направленном на полное запрещение сионистской деятельности в России (запрет на продажу акций Колониального банка был наложен еще ранее). Герцль вновь решил добиваться приема, если не у царя, то хотя бы у его министров. Через члена Большого сионистского исполкома варшавского адвоката Ясиновского он познакомился с г-жой Корвин-Пятровской, жительницей Петербурга. Эта польская аристократка, проявлявшая, благодаря Ясиновскому, интерес к сионизму, была в дружеских отношениях с Плеве и сумела получить для Герцля приглашение на прием к министру внутренних дел. В своем дневнике Герцль {153} благодарно называет ее "добрая старушка, госпожа Корвин-Пятровская". По ее рекомендации он был принят Плеве 8 августа, на следующий же день после приезда в Петербург.

Визит Герцля человеку, в котором все видели главного виновника Кишиневского погрома, вызвал в то время досаду и гнев в различных кругах еврейской общественности, и не только у антисионистов. Далекое не все

сионисты отнеслись к этому визиту положительно. Были такие, кто расценил его как оскорбление, нанесенное национальному достоинству евреев и чести сионистского движения. Герцль не остался к этому равнодушен. Но как политик в современном понимании данного слова Герцль считал себя не вправе уклониться от этой тяжелой миссии, хотя с личной точки зрения ему было бы куда приятней не вступать в контакт с Плеве.

Своим критикам Герцль отвечал: а разве наш учитель Моисей не отправился к фараону? (Аналогичным образом осуждали тридцать лет спустя и д-ра Хаима Арлозорова за его переговоры с гитлеровским правительством о переводе имущества немецких евреев в Палестину (так называемый "трансфер"); а после основания Государства Израиль его правительство подверглось с разных сторон нападкам за соглашение с ФРГ о репарациях и компенсациях. Разница, правда, в том, что "трансфер" и репарации дали практические результаты, в то время как беседа Герцля с Плеве не могла тогда привести к ним.).

Герцль знал, что среди ведущих сионистов России не все одобряют его обращение к Плеве, есть противники этого шага. Но он не видел другого пути, хотя вовсе не был уверен в успехе. В день приезда в Россию (7 августа) он записывает в дневнике: "О моей поездке товарищам не было сообщено, но всюду, куда эта весть доходила, меня ждали: в Варшаве, в Вильно.

Их положение настолько плохо, что я, бессильный, кажусь им спасителем". Эти слова дневника являются документальным свидетельством того, как сильно Герцль сомневался в пользе своей поездки в Россию.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава десятая - РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И СИОНИЗМ

{154} 3. Беседы Герцля с Плеве

Герцль был принят Плеве дважды, оба раза для продолжительной беседы. Однако министр воздержался от разговора о Кишиневском погроме. Он коснулся положения евреев в России в целом. Разговор велся по-французски. Начал Плеве:

"Я дал согласие на эту беседу, господин доктор, по вашей просьбе, чтобы мы могли придти к взаимопониманию в вопросе сионистского движения. Отношения, которые установятся между императорским правительством и сионизмом и которые могут быть, я не говорю исполнены симпатии, но отношениями, основанными на взаимопонимании, зависят от вас".

На что Герцль заметил: "Если отношения будут зависеть только от меня, ваше превосходительство, то они будут отличными".

Плеве продолжал: "Для нас еврейский вопрос - это не вопрос жизни и смерти, но, во всяком случае, достаточно важный. Мы трудимся, дабы изыскать для него по возможности хорошее решение..."

Государство российское обязано стремиться к тому, чтобы все народы, населяющие его, были как одно целое. Мы, конечно, понимаем, что не сумеем исключить из жизни все религиозные и языковые различия. Мы, например, вынуждены согласиться, чтобы старая скандинавская культура продолжала

существовать в Финляндии как самостоятельное целое, однако мы обязаны требовать от всех народностей нашего государства, и то же самое от евреев, патриотического отношения к России, как к незыблемой основе. Мы хотим ассимилировать их в нашей среде, и для этой цели у нас есть два пути: высшее образование и материальное благосостояние. Тот, кто выполнил определенные условия, связанные с двумя этими путями, - тот получает у нас гражданские права, т. к. мы можем предположить, что, ввиду своего образования и приличного положения, он предан существующему строю. Однако эта ассимиляция, которой мы желаем, продвигается медленно".

{155} Ассимиляцию, как основное средство разрешения еврейского вопроса в России, Плеве неоднократно выдвигал от имени правительства в беседах с разными лицами еще до приезда Герцля и после него. Но при условии такого подхода была совершенно непонятной антиеврейская политика русского правительства в сфере образования и права на жительство.

Ведь устанавливая скудную "процентную норму", закрывающую еврейской молодежи доступ в средние и высшие учебные заведения, правительство отдаляло, а не приближало евреев к русской культуре, - так же как и запирая их в тесной черте оседлости. Плеве, понимая это противоречие между его словами и политикой правительства в отношении евреев, добавил:

"Верно, что блага высшего образования мы можем предоставить лишь ограниченному числу евреев, ибо в противном случае у нас очень скоро не станет должностей для христиан.

Я также не закрываю глаза на тот факт, что материальное положение евреев в черте оседлости весьма плохое. Признаю, что они там живут, как в гетто, но тем не менее пространство это все-таки обширное - тринадцать губерний. И вот в последнее время положение ухудшилось из-за того, что евреи примкнули к революционным партиям. Ваше сионистское движение поначалу было для нас приемлемо - пока работало на поощрение эмиграции. Разъяснить мне характер движения вам нет нужды, ибо перед вами человек, уже знакомый с вашим учением. Однако со времени конгресса в Минске (Плеве имел в виду Минский съезд сионистов России) мы наблюдаем большие перемены.

О палестинском сионизме говорят меньше, нежели о культуре, организации и еврейском национализме. Нам это нежелательно. Мы особенно заметили, что ваши руководители в России - а это в своем кругу в высшей степени уважаемые люди - не слушаются должным образом вашего венского комитета. Ему подчиняется, пожалуй, только один Усышкин".

Передавая в дневнике содержание беседы с Плева, Герцль замечает: "Про себя я поразился такой {156} осведомленности, показавшей мне, насколько серьезно он изучил вопрос". Вслух же он ответил тогда Плева: "Ваше превосходительство, все руководители в России верны мне, хотя порою и оспаривают мои рекомендации. Важнейший среди них - профессор Мандельштам из Киева". И снова Герцль был вынужден изумиться, когда Плева сказал: "Но Коган-Бернштейн! Он совершенный его противник! Кстати, нам известно, что он направляет против нас из-за границы газетную войну".

Герцль ответил, что в это ему просто не верится, так как за границей этот человек почти неизвестен, у него нет ни связей, ни полномочий. Что касается сопротивления, которое главы российских сионистов оказывают ему самому, то Герцль сравнил это с явлением, знакомым еще Христофору Колумбу: когда прошло несколько недель, а земли все не было видно, матросы начали роптать.

В сионистском движении министр наблюдает не что иное, как бунт матросов против своего капитана. Поэтому стоило бы, чтобы Плева помог добраться до земли, тогда бунт тотчас прекратится... На вопрос Плева, в чем же должна заключаться помощь правительства, Герцль ответил следующими тремя пунктами:

1. Правительство России ходатайствует перед турецким султаном о даровании евреям "чартера" на заселение Палестины, за исключением святых мест. Страна останется под верховной властью султана, администрация же перейдет в руки переселенческого общества с достаточным капиталом, которое будет создано сионистами. Оно будет вносить в казну Оттоманской империи ежегодную согласованную плату взамен налогов.
2. Русское правительство окажет эмиграции евреев финансовую поддержку.
3. Русское правительство облегчит законное распространение в России сионистских организаций, в основе которых будут лежать принципы Базельской программы.

Плева выразил принципиальное согласие с этими тремя пунктами и добавил, что деньги для финансовой {157} поддержки придется брать из налогов, которые платят евреи.

13 августа Герцль во второй раз встретился с Плева. Во время этой беседы министр заявил, что император крайне разгневан тем, что имеют дерзость говорить, будто русское правительство участвовало в погроме или хотя бы терпимо к нему относилось. Император как глава государства хорошо

относится ко всем подданным. Далее Плеве сказал:

"Не хочу отрицать, что положение евреев в Российской империи не слишком завидное. Да, будь я евреем, я, вероятно, тоже был бы врагом правительства. Однако мы не можем поступать иначе, чем до сих пор, и поэтому для нас было бы весьма желательным создание самостоятельного еврейского государства, способного принять несколько миллионов евреев. В то же время мы не хотим удалить всех наших евреев. Обладателей высокой интеллигентности - а вы являетесь лучшим доказательством, что таковые среди вас имеются, - мы желаем сохранить для себя.

В отношении высшей интеллигенции не делается никаких различий, религиозных или национальных. А вот от евреев слабой и низкой интеллигентности и от малоимущих мы хотели бы избавиться. Кто способен ассимилироваться, того мы хотим оставить у себя. Мы не питаем ненависти к евреям как таковым".

(Примерно через два месяца после беседы Герцля с Плеве, в конце октября 1903 года, известный английский еврейский деятель и журналист Люсьен Вольф посетил Россию и был также принят Плеве. Содержание их беседы о положении евреев в России было опубликовано лишь в 1916 году. Плеве почти в точности повторил сказанное им два месяца назад Герцлю, например, о необходимости ассимилировать представителей крупной интеллигенции, а также о больших трудностях разрешения проблемы малоимущих евреев и т. д. Об отношении министра к сионизму Люсьен Вольф писал: "Господин Плеве сказал мне, что русское правительство было бы довольно, если б оттоманское правительство разрешило въезд евреев в Палестину. Господин Плеве не возражает против чистого сионизма. Но он испытывает опасения, что политический сионизм окажется в конечном счете миражем. Тем не менее, он не будет мешать распространению сионистской идеи, при условии, что она поощрит евреев к эмиграции. Кроме того, сионистские идеи могут внутри России с успехом конкурировать с социалистическими").

{158} Тогда Герцль попросил Плеве облегчить положение евреев, остающихся в России, по крайней мере, расширением черты оседлости и включением в нее Курляндии и Риги (Прибалтийского края Российской империи), а также разрешением покупки земли для сельскохозяйственных надобностей внутри черты. Плеве обещал отнестись положительно к этому.

В этом обращении Герцля проявляется его забота о евреях России, чье тяжелое положение, в особенности после Кишиневского погрома, потрясло его. Он приехал в Россию в сущности для того, чтобы исхлопотать у представителей

власти разрешение на сионистскую работу, однако считал нужным просить об облегчении судьбы евреев на месте, потому что не тешил себя иллюзиями о возможностях сионизма оказать настоящую и немедленную помощь русским евреям, обнищавшим и преследуемым, вынужденным массами эмигрировать (По данным исследования В. Каплун-Когана (на немецком языке) о еврейском эмиграционном движении в год Кишиневского погрома (1903-1904) из России эмигрировали в США 77.544 еврея.). В этом кроется и объяснение драматического шага Герцля на Шестом конгрессе (см. далее), который расколол сионистское движение и привел его к кризису (Писатель и журналист Бен-Цион Кац, встречавшийся с Герцлем в Петербурге после его визита к Плевле, высказывает любопытное предположение, что рекомендацию Уганды, хотя бы в качестве "ночлежного приюта" (по выражению Нордау), Герцль вынес на Шестой конгресс, отнюдь не имея в виду ее буквальный смысл, а только в виде политического маневра, рассчитанного на Плевле.

Герцль, безусловно, не думал, говорит Бен-Цион Кац, будто в Уганду поедет из России много евреев. После визита к Плевле Герцль провел в Петербурге неофициальную встречу с группой еврейских литераторов, в которой участвовали Бен-Цион Кац, д-р Л. Кацнельсон (писатель Буки-Бен-Иогли), Саул Гинзбург, Л. Рабинович, Ю. Бруцкус, Ш. Розенфельд, Л. Сев из редакции "Восхода", а также сионистский деятель из Либавы д-р Нисан Каценельсон, сопровождавший Герцля в качестве советника в продолжение всей его поездки по России.

Когда Буки-Бен-Иогли выступил в защиту "территориализма" (отказа от Эрец-Исраэль), Герцль дал ему резкую отповедь - в это время в кармане у него уже лежало английское предложение насчет Уганды. Герцль говорил о сионизме, как о спасении для еврейского народа. Когда же присутствующие стали ему возражать, что в Турции еще более дурные порядки, чем в России, Герцль вынул часы и твердо заявил, что "можно установить по часам время раздела Турции". Однако эти слова, сказанные еврейским литераторам, не могли быть сказаны Плевле. Поэтому Герцль и поставил перед Шестым конгрессом вопрос об Уганде, дабы уверить русское правительство, что у сионистов есть реальные виды на отправку из России большого количества евреев. Это должно было облегчить сионистскую работу в России. По той же причине Герцль огласил на Шестом конгрессе в Базеле письмо Плевле к нему, где говорилось: если сионизм докажет, что способен облегчить эмиграцию русских евреев, то Плевле поможет этому движению. Отсюда Бен-Цион Кац приходит к предположению, что "вся история с Угандой имела целью выручить сионизм в России и убедить Плевле, с которым Герцль не мог говорить о разделе Турции, как он это сделал в разговоре с литераторами" (см. Б. Ц. Кац. "Еврейство в России пятьдесят лет назад", сборник по истории еврейства России, на иврите; "Хеавар", том первый, 1953 г.).

{159} В конце беседы Плеве обещал Герцлю сделать послабление сионистскому движению в России, если оно не будет заниматься внутренней политикой. Он также сказал, что русское правительство готово использовать свое влияние на турецкие власти, чтобы содействовать доступу евреев в Палестину. В качестве резюме Плеве вручил Герцлю письмо, которое могло рассматриваться как официальное правительственное заявление. Министр сообщил Герцлю, что показывал письмо царю и получил согласие последнего на отправку этого письма адресату. Поскольку Герцль считал исход переговоров с Плеве политическим достижением, а письмо - важным документом и так его позднее и {160} представил Шестому конгрессу, есть смысл привести его полный текст (из книги М. Медзини "Сионистская политика"):

"Министр внутренних дел

30 июля - 12 августа 1903 г.

Вы, господин Герцль, выразили желание, чтобы остался вещественный след нашей беседы. Охотно соглашаюсь с этим, дабы устранить все, что может дать место преувеличенным надеждам либо тревожным сомнениям.

У меня была возможность разъяснить вам точку зрения русского правительства на сионизм. Эта точка зрения легко может привести к необходимости переменить нашу политику терпимости на средства, вытекающие из надобности национальной самозащиты. Пока сущность сионизма выражалась в желании создать независимое государство в Палестине и пока он обещал организовать выезд из России некоторого количества русских подданных-евреев, русское правительство могло относиться к нему благожелательно.

Но с минуты, когда эта первичная цель сионизма кажется упраздненной ради элементарной пропаганды еврейской национальной обособленности в России, естественно, что правительство никоим образом не может терпеть это новое направление сионизма, результатом которого может стать появление групп, совершенно чуждых и даже враждебных патриотическим чувствам, слагающим мощь страны.

Поэтому доверительное отношение к сионизму может быть восстановлено лишь при условии, что он вернется к старой программе действий. В таком случае он сумеет рассчитывать на моральную поддержку с того дня, как часть его практических действий обратится на уменьшение еврейского населения в России.

Эта поддержка может быть облечена в форму заступничества за сионистских уполномоченных перед оттоманским правительством, облегчения работы эмиграционных обществ, а также поддержки их нужд, {161} разумеется не из государственных средств, а из налогов, взыскиваемых с евреев.

Считаю нужным добавить, что правительство России, будучи обязанным согласовывать свой образ действий в еврейском вопросе с государственными интересами, никогда не отходило от великих принципов морали и человечности. Не далее как в последнее время оно расширило право жительства в сфере округов, отведенных для еврейских масс, и ничто не препятствует надеждам, что развитие таких средств послужит улучшению условий существования евреев России, в особенности, если эмиграция сократит их количество.

Плеве".

Письмо Плеве, как видно из его содержания, осложнило и сократило возможности легализации сионистской работы в России. Тем не менее, в нем есть некоторые послабления по сравнению с секретным циркуляром, приведенным нами ранее. Учитывая это, Герцль был вправе рассматривать итоги своих переговоров с Плеве как настоящее достижение.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава десятая - РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И СИОНИЗМ

4. Завершение визита Герцля в Петербург и его встреча с евреями Вильно

В Петербурге Герцль вступил в контакт еще с несколькими лицами, обладавшими политическим весом, в надежде попасть к царю и министру иностранных дел, но безрезультатно. Ему удалось получить аудиенцию у министра финансов графа Витте.

Беседа не успокоила Герцля, потому что Витте разговаривал грубо и непреклонно, в отличие от Плеве, который умел быть притворно-любезным. Герцль не знал России и русских царедворцев, оттого и не разгадал двуличную игру Плеве и вынес от встречи с ним положительное впечатление, как это следует из его дневниковых записей.

О приеме у Витте Герцль замечает: "Он принял меня сразу, но совсем не был любезен". Витте отрекомендовался другом евреев, однако Герцль не слишком {162} поверил в эту "дружбу". Говоря об антисемитизме в России, Витте перечислил его "причины": экономические, религиозные и политические. Ко всему этому в последнее время прибавилось еще одно, в высшей степени серьезное обстоятельство, - активное участие евреев в революционных движениях. Евреи, составляющие всего 5% населения России, дают почти 50% российских революционеров.

Витте, правда, понимает причину этого явления и полагает, что это вина правительства, ибо евреям "досаждают слишком сильно". Тем не менее, факт

остается фактом, и вышеуказанное обстоятельство еще более усиливает в России ненависть к евреям.

Вдобавок, они сами ее подогревают в силу характерной для них заносчивости. "Между тем, большинство - бедняки и, будучи бедняками, грязны и отвратительны".

Когда Герцль изложил ему идею сионизма в качестве решения еврейского вопроса, Витте ответил, что не верит в возможность такого решения. В его аргументах против сионизма Герцль различил взгляды и доводы богатых еврейских биржевиков, которые, очевидно, преподали министру финансов уроки "по сионизму". В заключение Витте признал, что предлагаемое Герцлем решение может быть хорошим, если только его возможно осуществить.

Тогда Герцль обратился к нему с просьбой вернуть акции Колониального банка, конфискованные при обысках, а также отменить запрет их продажи на будущее. На первую просьбу Витте ответил согласием, а что до второй - поставил условие: открыть филиал банка в России, с тем, чтобы можно было осуществлять контроль за его сделками. Герцль тут же это условие принял, так как открытие филиала в России и без того уже входило ранее в программу. Через несколько дней Герцль подал от имени дирекции и совета наблюдателей Колониального банка письменное прошение министру Витте санкционировать открытие филиала банка в России (однако, как показало будущее, дело закончилось ничем).

Сионисты Петербурга устроили в честь Герцля {163} банкет. Отвечая на многочисленные приветствия, он предостерег русских сионистов от вмешательства во внутривнутриполитические дела государства. На утверждение одного из присутствовавших, принадлежавшего к Поалей Цион (Трудящиеся Сиона), что в диаспоре евреи должны поддерживать, в собственных интересах, социалистическое движение, Герцль ответил, что товарищ впадает в ту же историческую ошибку, которую допустили евреи на Западе, когда они поддержали либерализм.

"Возделывание чужих нив приводит к уничтожению евреев и еврейства. Мы трудимся только на других, но не на себя. Для нас существует лишь одна дорога, и это - сионизм!" Что касается социалистического сионизма, добавил Герцль, "то в Палестине, в нашей собственной стране, - если там возникнет крайняя в социальном смысле партия, - там она будет на месте. Партия, наверное, поможет расцвету страны, и тогда я определю свою позицию по отношению к ней".

16 августа Герцль покинул Петербург, выехав в обратный путь в Вену. По заблаговременной просьбе руководителей местных сионистов он задержался в Вильно, где ему была оказана торжественная встреча. На улицы вышли толпы евреев, желавших его увидеть и выразить ему свои чувства. Полиция запретила собрания, запретила также посещение Герцлем Большой синагоги и публичный ужин в его честь. Тем не менее, Герцль, в сопровождении встречающих, поехал в помещение общины, где его дожидались старейшины и многочисленные делегации.

Достоверное описание посещения Герцлем Вильно дал в своих воспоминаниях очевидец, впоследствии известный деятель Поалей Цион в Америке Барух Цукерман. В то время он был шестнадцатилетним подростком, учившимся в Виленском ешиботе, и был еще далек от сионизма, поскольку в религиозных кругах противились "приближению Исхода". В молитвенном доме ремесленников, где он ночевал, он сдружился с рабби Эфраимом, по ремеслу сапожником, маленьким евреем, тщедушным и худосочным, но проворным и {164} вездесущим. Был Эфраим и начитанным человеком - нередкое явление среди ремесленников в Литве. Когда весть о скором приезде Герцля достигла Вильно, рабби Эфраим загорелся просто священным трепетом, и оба уговорились вместе пойти посмотреть на гостя.

Проворный Эфраим разузнал, где Герцль остановится, какая будет встреча и какие важные гости приедут сюда из Минска, Ковно, а также из маленьких городков. Он выяснил также, что церемония встречи будет проходить в двух местах: в здании "Цедака Гедола" (Еврейское благотворительное общество.) (ее устраивает вся виленская община) и на загородной даче (организаторы - виленские сионисты).

В назначенный час оба приятеля пришли к гостинице, в которой остановился Герцль. Тысячи евреев запрудили площадь. Объятая священным волнением толпа жадно ждала появления великого гостя. Руководители виленских евреев и прибывшие из других городов почетные лица вышли из гостиницы, парадно одетые, в черных цилиндрах. Празднично приоделись и извозчики, даже лошади были разукрашены. И вот появился Герцль. Возвышающийся над всеми, он остановился перед участниками встречи. Для него такая встреча с охваченной энтузиазмом еврейской массой была неожиданностью. Все его спутники уселись в пролетки, и процессия тронулась.

И тут случилось нечто, наэлектризовавшее толпу: Эфраим-сапожник подбежал к экипажу Герцля и с такой силой ухватился за одно из задних колес, что остановил четверку впряженных в экипаж лошадей... Герцль поднялся и выпрямился во весь рост, чтобы увидеть, что произошло, - и в момент, когда он повернулся лицом к народу, Эфраим громко воскликнул: "Давид, царь Израиля,

да живет и здравствует!" И вся тысячеустая толпа ответила криками "да здравствует", "ура!"

Оба приятеля кое-как протиснулись в толпе приглашенных в здание благотворительного общества {165} "Цедака Гедола", где был устроен прием. Представитель общины вручил гостю маленький свиток Торы в резном деревянном ларце на память о его приезде в "литовский Иерусалим". Но самое сильное впечатление во всей церемонии приема произвело на юного Баруха Цукермана появление рабби Шломеле-судьи, убеленного сединами старца, который, воздев прозрачные ладони, благословил Герцля благословением храмовых священников: "Да благословит и сохранит тебя Господь!"

Прием, оказанный Герцлю еврейскими массами в Вильно, взволновал его до глубины души. На следующий день (17 августа) он запечатлел пережитое в дневниковой записи, сделанной в купе вагона: "Никогда не забуду вчерашний день, день Вильно".

Самодержавная Россия, однако, "позаботилась", чтобы заключительный аккорд его визита прозвучал диссонансом. Уже когда толпа приближалась к гостинице, полиция по нескольку раз грубо разгоняла людей. Но особую грубость и жестокость полиция вместе с казаками продемонстрировала на вокзале во время "наведения порядка" при отъезде Герцля в Вену. По окончании ужина на загородной даче Герцль со спутниками возвратился в гостиницу и оттуда в первом часу ночи отправился на вокзал. Город не спал. Тысячи евреев дожидались Герцля на улицах и балконах. Повсюду его встречали приветственными криками. Перед вокзалом собралась масса людей. Тут-то внезапно и появились городские с казаками и начали орудовать дубинками и плетками, разгоняя собравшихся. Герцль был потрясен.

Сцена избиения евреев в Вильно долго преследовала его. Не исключено, что эта ужасная картина оказалась последней каплей в определении его отношения к "плану Уганды".

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

{166} Глава одиннадцатая - КРИЗИС В СТАНЕ СИОНИСТОВ

1. План Уганды

Герцль до глубины души был потрясен кишиневскими событиями. О его настроении можно судить по письму-соболезнованию главам Кишиневской общины, отправленному 19 мая 1903 года: "Весь еврейский народ находится под впечатлением ужасных дней Кишинева... Потрясенные размерами этого народного несчастья, жмем вашу руку с чувством братской боли... В страдании нашем есть лишь одно утешение: "Дай Бог вместе стоять нам в радости и в беде, дабы избавить наш народ от рабства!"

Эти события еще более усилили в Герцле чувство необходимости искать скорейшие пути помощи страдающему еврейству России.

Разочарование в надеждах заполучить "чартер" от султана, но более всего потрясение от Кишиневского погрома побудили Герцля предложить на обсуждение план Уганды, о котором он прежде и думать не хотел. В июле он засел за редактирование "чартера" для еврейского переселенческого общества в Восточной Африке.

Ему помогли работающие в Колониальном банке английские юристы из фирмы "Ллойд-Джордж, Робертс и Ко", которую возглавлял член британского парламента Дэвид Ллойд-Джордж, в будущем, во время первой мировой войны, - центральная фигура в английском правительстве, человек, сыгравший важную роль в качестве одного из создателей декларации Бальфура.

Ллойд-Джордж хорошо разбирался во всем, что касалось Уганды, и поэтому помог выработать формулировку "чартера" в согласовании с Министерством иностранных дел. В проекте "чартера", между прочим, говорилось, что еврейское переселенческое общество будет вправе, с согласия британского правительства, {167} учредить особый флаг и назвать свою территорию "Новой Палестиной" ("Нью-Палестайн"). Кроме того, там значилось, что поселение создается ради "поощрения еврейской национальной идеи" и "улучшения положения еврейского народа". В начале июля Герцль переслал этот документ на рассмотрение Малому исполкому. Однако он не стал дожидаться окончательных результатов переговоров с англичанами и в начале августа выехал в Россию.

Когда Нордау узнал от Герцля об угандийском плане, он не согласился с ним. Он предвидел заранее, что план этот вызовет сильное сопротивление русских евреев, хранящих верность Эрец-Исраэль как исторической родине еврейского народа. Но Герцль силился убедить Нордау, что это не означает отхода от Базельской программы и отказа от Эрец-Исраэль, которая была и остается главной целью сионистского движения; угандийский план - не более чем средство оказать немедленную помощь преследуемым евреям, особенно из России и остальных стран Восточной Европы.

В конце концов Нордау взялся защищать эту рекомендацию с трибуны Шестого конгресса. Ответное послание британского Министерства иностранных дел поступило 14 августа 1903 года, накануне Шестого конгресса. В послании говорилось, что Министерство иностранных дел готово обсудить детали плана, главными пунктами которого являются: предоставление для еврейского поселения в Восточной Африке соответствующей территории под покровительством Великобритании, назначение еврейского чиновника главой местной администрации и предоставление колонии права издавать муниципальные законы для регулирования религиозных и внутренних дел. Эта местная автономия обуславливается правом Правительства Его Королевского Величества осуществлять общий контроль. Положительный ответ британского Министерства иностранных дел был получен Герцлем, когда он находился в Вильно. Он ничего не сказал об этом даже деятелям сионистского движения, устроившим {168} в его честь ужин перед его отъездом из России, однако в прощальной речи, с которой он обратился к виленским евреям, он намекнул, что стоит внимательно следить за ближайшим сионистским конгрессом, потому что там произойдет нечто такое, что облегчит положение народа. Свое обращение к евреям Вильно Герцль заключил словами: "Не падайте духом, ибо придут лучшие времена. Должны придти лучшие времена, ведь ради этого мы и работаем".

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

---

mail.ru	1298
3685276	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава одиннадцатая - КРИЗИС В СТАНЕ СИОНИСТОВ

2. Шестой конгресс

Шестой конгресс, который также состоялся в Базеле, был созван, в соответствии с новым уставом, через два года после предыдущего конгресса и работал с 23 по 28 августа 1903 года. Делегатов съехалось больше, чем когда-либо прежде, около 600 человек, не считая многочисленных гостей и представителей печати. И на этом конгрессе сионисты России имели самое крупное представительство и могли бы иметь решающее большинство, если бы не отделившаяся организационно религиозная фракция Мизрахи.

19 августа началось предварительное совещание делегатов из России. После того как собравшиеся почтили вставанием память жертв Кишиневского погрома, было зачитано приветствие Усышкина, находившегося в то время в Палестине, где он занимался организацией нового еврейского ишува и основанием союза учителей. В своем приветствии он просил товарищей извинить его за то, что не смог приехать на конгресс, будучи занят большим и почетным делом организации еврейских сил в Эрец-Исраэль. Слова эти вызвали волнение и бурные аплодисменты. Было принято предложение послать приветственную телеграмму Усышкину, а также слету представителей еврейского ишува в Палестине.

Первым пунктом повестки дня совещания был вопрос о положении в движении и дальнейшей {169} сионистской работе. Ввиду враждебного отношения к сионизму русских властей, во главе с Плеве, на совещании ощущалась

атмосфера угнетенности и уныния. Выступавшие боялись открыто высказываться, были очень осторожны в формулировках. Принимали в расчет, что сионизму в России придется идти по опасной тропе нелегального движения, и во время выборов организационной комиссии не называли ее членов по именам из соображения, что огласка поставит их под угрозу. По этому пункту совещание приняло резолюцию, сформулированную осторожно и расплывчато, хотя ее цели и намерения были ясны и понятны.

"Собрание представителей российских сионистов считает долгом своей совести заявить, что оно, невзирая ни на какие условия, не допускает и мысли прекратить сионистскую работу, дающую жизнь, свет и надежду еврейскому народу во мраке его блужданий. Принимая во внимание меняющиеся обстоятельства данного времени, способствующие или осложняющие ведение работы, делегаты обязуются ни на минуту не покидать своих постов".

Резолюция была принята с огромным воодушевлением; ей долго аплодировали. Многие из собравшихся восторженно называли резолюцию важной вехой в истории сионизма и предлагали занести ее в "Золотую книгу".

На следующий день были представлены отчеты по различным областям работы. Отмечалось, что сионистское движение в России, действующее на территории двенадцати округов, за последний год усилилось как в пределах черты оседлости, так и вне ее. Этот рост движения в России (отмеченный позднее и на пленуме конгресса Оскаром Мармореком в главном докладе от имени сионистского правления) указывал, по мнению авторов отчетов, на несколько факторов: укрепление национального самосознания еврейских масс; успешное влияние сионистской пропаганды; сознание необходимости самостоятельных действий, а также на результаты оживления культурной работы. Степень роста {170} движения можно увидеть из данных об общем числе местных кружков и обществ: к началу обзорного периода их насчитывалось 1146, а к моменту конгресса эта цифра дошла до 1572, иначе говоря, число сионистских отделений в России увеличилось на 426, то есть - на 37%; причем все это происходило в крайне неблагоприятных для движения условиях.

Накануне конгресса, как обычно, состоялось заседание Большого исполкома. Это было через три дня после возвращения Герцля из России. Он рассказал о своих встречах с Плеве и Витте. Подавляющее большинство членов исполкома из России считали, что на обещания Плеве нельзя слишком полагаться, в то время как Герцль видел в письме Плеве документ большой политической важности.

Далее Герцль сообщил, что английское правительство предлагает на востоке Британской Африки территорию для еврейского поселения с автономными правами. Предложение будет официально представлено конгрессу. Те из членов Большого исполкома, которые теперь впервые услышали об угандийской рекомендации, были, конечно, поражены.

Подробных прений по этому вопросу не было - лишь короткие реплики за и против нее. Я. Бернштейн-Коган сказал, что при теперешних обстоятельствах еврейство России побежит даже в преисподнюю. Аналогичное мнение выразил Ясиновский (позднее Бернштейн-Коган изменил свой взгляд и стал одним из самых активных противников угандийского плана, Ясиновский же остался его сторонником). Однако Членов, глава российского объединения сионистов на конгрессе, не согласился с мнением двух своих товарищей. До прений по этому вопросу дело не дошло и на втором заседании Большого исполкома, так как обсуждение там, в основном, сосредоточилось вокруг кишиневских событий и письма Плеве. Члены исполкома успели лишь ознакомиться с текстом послания {171} английского Министерства иностранных дел, и весь вопрос оказался вынесенным на рассмотрение конгресса без предварительного обсуждения на Большом исполкоме.

В своей вступительной речи Герцль не говорил о политической работе в общей форме, а рассказал о конкретных политических шагах, например, о переговорах с султаном, закончившихся безрезультатно, и о новом предложении британского правительства насчет еврейского поселения в Восточной Африке. В заключение он сообщил о результатах своей поездки в Россию, сделав особый упор на обещании Плеве поддержать стремления сионистов перед турецким правительством. Он сказал: "Ценность этой декларации, которую я уполномочен довести до сведения конгресса, безусловно, понятна всем. Подобное обещание со стороны русского правительства означает несравненное политическое достижение. Не только устранено с пути огромное препятствие, но появилась внезапно и могучая поддержка. Правда, результатов еще следует подождать, однако свое дело мы теперь можем продолжать с новым подъемом и с лучшими, чем прежде, перспективами в наших усилиях добиться Эрец-Исраэль".

Тем не менее, в центре речи Герцля, как и в центре последовавших затем прений, стояло предложение английского правительства по поводу еврейского поселения в Восточной Африке. Герцль описал бедствия евреев в Восточной Европе, с гневом и болью упомянул о Кишиневском погроме и сказал, что есть и другие "кишиневы" и не только в России. "Кишинев" повсюду, где истязают плоть евреев или их душу, где их честь и имущество предаются поруганию и разграблению, потому что они евреи. Давайте же спасем тех, кого еще дано спасти. Это последний срок".

В этих немногих фразах заключено все объяснение подхода Герцля к истории с Угандой. Он считал себя не вправе отвергнуть это предложение ввиду ужасных бедствий еврейских масс в странах, где их преследовали, порабощали и притесняли. Говоря о местности, {172} предлагаемой британским правительством в Восточной Африке для поселения евреев, Герцль сказал: "Эта новая территория не имеет той исторической, поэтико-религиозной и сионистской ценности, которой еще обладал Синайский полуостров (В конце 1902 г. Герцль вел переговоры с британским министром колоний Джозефом Чемберленом о поселении евреев в Эль-Арише на Синайском полуострове. План этот не получил одобрения английского правительства. - Прим. ред.), но я не сомневаюсь, что конгресс, как представитель еврейских масс, примет новую рекомендацию с чувством самой горячей благодарности. Предложение означает создание в Восточной Африке автономного еврейского поселения с еврейской администрацией и местными еврейскими властями, возглавляемыми верховным еврейским чиновником, разумеется, под суверенным контролем Великобритании. Поскольку такое предложение было сделано, я счел себя не вправе - учитывая положение еврейства и необходимость срочно изыскать какое-нибудь средство для возможного облегчения этого положения - поступить иначе, кроме как заручиться разрешением вынести этот вопрос на обсуждение конгресса".

Чтобы кто-нибудь не подумал, что принятие этой рекомендации означает отказ от Эрец-Исраэль, Герцль тут же добавил: "Понятно, что и речи не может быть о том, будто у еврейского народа существует другая конечная цель, кроме Эрец-Исраэль, и какой бы ни была судьба угандийского предложения, наш взгляд на страну наших отцов не подлежит изменению и не переменится никогда.

И все-таки конгресс должен признать: наше движение добилось необычайного прогресса благодаря переговорам с британским правительством. Могу сказать, что наши взгляды в отношении Палестины были детально и с полной откровенностью доведены до сведения членов английского кабинета и высоких правительственных чиновников, компетентных в этом вопросе. Я убежден в способности конгресса найти средства, чтобы извлечь пользу из этого {173} предложения.

Форма, в которой оно было нам представлено, обеспечивает улучшение положения еврейского народа и его участи без малейшего отказа от великих принципов, на коих зиждется наше движение... Каким бы ни было решение, я могу с полной уверенностью сказать: все мы испытываем самую глубокую признательность Великобритании за политическое доброжелательство в отношении еврейского народа, проявленное в этих переговорах.

Конечно, это не Сион и никогда не будет Сионом. Это не более чем помощь посредством поселения; однако заметим, что она основана на национальных и политических принципах. Мы не можем, да и не подадим сигнала еврейским массам к выходу в (конечный) путь, потому что речь идет всего лишь об акции, вызванной чрезвычайными обстоятельствами... И, тем не менее, есть в этом повороте очень существенный прогресс". Герцль предложил конгрессу избрать комиссию в ограниченном составе, которая займется этим вопросом.

Вступительная речь Герцля заворожала большинство делегатов. Его выступление неоднократно прерывалось продолжительными аплодисментами, а конец речи был покрыт овациями, словно Герцль возвестил конгрессу, что "Эрец-Исраэль - наша, пускай массы поднимаются и трогаются в путь-дорогу", как писал корреспондент одного еженедельника, изображая впечатление, которое речь Герцля произвела на публику. Только позднее, на заседаниях объединений отдельных стран, собравшихся на свои совещания после пленума, начала раздаваться критика самой сути рекомендации и протесты против нее.

На второй день конгресса Нордау выступил с пространной речью, посвященной, главным образом, защите угандийского предложения. На сей раз, однако, ощущалось, что оратор не в ладу с делом, которое он поддерживает, и взялся за это только из-за своей верности и преданности Герцлю. Он говорил о бедствии "сотен тысяч наших несчастных братьев", которые не могут более ждать, - потому "мы и обязаны найти для них {174} своего рода ночлежный приют, пока появится возможность перевести их на постоянную квартиру".

"Постоянная квартира", которой жаждет народ, таким образом, есть и будет Эрец-Исраэль, и Уганда - не более, чем полустанок. Образ "ночлежного приюта", использованный Нордау в его выступлении, был подхвачен всеми участвовавшими в прениях и превратился в крылатое выражение на конгрессе, а позднее - и вне его.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава одиннадцатая - КРИЗИС В СТАНЕ СИОНИСТОВ

3. Полемика вокруг Уганды

В сфере политической деятельности сионистского Правления решения принимались Герцлем единолично, и подавляющее большинство в лагере сионистов полагалось на него и шло за ним, не проявляя склонности к критике. Исключением из этого правила являлись сионистские лидеры России, на что и указал Герцлю Плевэ во время их беседы.

Сионисты же Западной Европы, кроме редких случаев, противились всякой попытке критиковать внешнюю политику, которую проводил президент. Такой подход, правда, был и у некоторых российских сионистов, но они были в меньшинстве. Это положение наглядно проявилось в дискуссии по угандийскому вопросу, разгоревшейся на Шестом конгрессе и принявшей самые резкие формы.

Поначалу делегаты конгресса были застигнуты врасплох, будучи совершенно не подготовлены к принятию столь серьезного и необычного решения, как ответ великой державе на ее дружественное предложение облегчить участь евреев. Однако по мере того, как они постепенно освобождались от первого завораживающего влияния речи президента, делегаты начали собираться в своих местных объединениях для выработки собственной позиции в ходе свободного обсуждения вопроса. Совещания российских делегатов оказались продолжительными и бурными. Проводились они в перерывах между пленарными заседаниями конгресса и {175} по ночам, когда люди уже были

утомлены. Споры завершились принятием проекта резолюции, который должен был быть представлен конгрессу. Текст гласил:

"Признавая огромное политическое значение сделанного английским правительством предложения - основать в Восточной Африке автономную еврейскую колонию, - конгресс поручает своему Исполкому выразить правительству великого английского народа глубочайшую признательность представителей еврейского народа. Но, оставаясь верным своей программе и видя цель движения в основании правоохранного убежища в Палестине, конгресс не находит возможным внести осуществление этого предложения в программу работы сионистской организации".

На собрании российских делегатов эта резолюция была поставлена на голосование повторно и получила 146 голосов против 84. Большинство ее противников, то есть сторонников угандийского предложения, принадлежали к фракции Мизрахи.

В прениях по этому вопросу на пленарном заседании конгресса первым выступил адвокат Шимшон Розенбаум из Минска. Он заявил, что все усилия должны быть сосредоточены исключительно на Эрец-Исраэль и не стоит разменивать их на Восточную Африку. Когда сионизм завоеует поддержку всего еврейского народа и воля народа всей мощью обратится на то, чтобы добиться Эрец-Исраэль, он добьется ее. Желание двенадцатимиллионного народа - фактор огромного политического значения, с которым нельзя не считаться.

Большой Исполком, в противовес мнению семи своих членов из России (Из четырех остальных российских "уполномоченных часть поддержала предложение, а часть воздержалась.), постановил большинством голосов предложить конгрессу резолюцию в пользу угандийского плана. Содержание резолюции следующее: избрать комиссию в составе девяти человек в качестве консультативного органа при Малом исполкоме (Правлении), в то время как экспедиция специалистов по {176} поручению сионистского руководства изучит условия местности, предлагаемой правительством Великобритании под заселение.

Однако для этой цели нельзя будет пользоваться ни финансовыми средствами Керен Каемет ле-Исраэль, ни деньгами банка. Для принятия окончательного решения по вопросу о поселении в Восточной Африке будет созван специальный конгресс.

По предложению Герцля Большой исполком постановил, вопреки мнению российских представителей, что на пленарном заседании члены

Исполнительного комитета не будут голосовать как отдельные лица, поскольку данная резолюция вносится от имени всего Исполкома как единого органа. Между тем, на предыдущих конгрессах подобная процедура не была принята. Следует признать, что это решение прошло под личным давлением Герцля. Герцль не согласился и с требованием Членова, чтобы перед голосованием на пленуме президиум огласил имена членов Исполкома, голосовавших против посылки экспедиции в Восточную Африку. Герцль мотивировал это тем, что подобная огласка была бы равносильна попытке оказать давление на участников голосования.

На бурном пленарном заседании по вопросу об Уганде столкнулись два лагеря. На конгрессе прозвучало более тридцати выступлений "за" и "против". Членов сказал, что с того момента, когда он впервые услышал об африканском предложении, он переживает тяжелую драму: "Я чувствую, как нечто, спрятанное в укромнейшем уголке моего сердца, нечто такое, что я всегда считал дорогим, святым и неприкосновенным, - здесь, в этом доме, ныне унижено и оскорблено". Нет, он, Членов, вовсе не опасается подмены Эрец-Исраэль другой страной, это так же невозможно, как невозможно другую страну сделать целью движения. Большая опасность кроется в том, что у народа может возникнуть очередная иллюзия, в то время как сионизм стремится освободить евреев от иллюзий. Верно, что бедствия велики, но нам это не в новинку, и мы должны вооружиться терпением. Герцлю удалось пробудить {177} понимание наших интересов у представителей великого английского народа, и они проявляют готовность помочь нам. И Членов обратился к Герцлю: "Пойдите к этому народу и скажите ему, что Сион наша родина; великий народ поймет наш патриотизм и не откажет нам в помощи для достижения этой цели".

Из этих слов следует, что Членов понимал и ценил политическое значение английского предложения, хотя и противился ему по соображениям принципиальным и политическим. Этот подход Членова выступает еще ярче в его сочинении "Сион и Африка" (на русском языке), появившемся после Шестого конгресса сначала в виде серии статей в сионистском журнале "Еврейская жизнь" (1904), а затем отдельной книгой (1905).

"Длинен и долог скитальческий путь нашего народа; со всеми народами ему пришлось столкнуться на этом пути; и что же встречал он? В лучшем случае терпимость; большею же частью двери закрывались перед его входом, или открывались для его ухода. Впервые со времени потери самостоятельности, скитальцу как бы протягивается рука для помощи. Впервые слова: автономия, национальная жизнь, своя территория применяются к нам внешним миром так, как они применяются ко всякой другой нации. Ведь мы, в нашем изгнании, вечных гонениях и унижениях, дошли уже до того, что многие из нас самих

считают народ еврейский неспособным к автономной жизни, к возрождению; мы уверены, что так смотрит и внешний мир.

И вот могущественная, столь высококультурная нация устами своих представителей свидетельствует, что она не разделяет пессимизма наших мудрствующих интеллигентов, что она считает нас способными возродиться к самостоятельной нормальной жизни.

Итак, впервые земля, почва под ногами, полная внешняя безопасность под скипетром Англии, внутреннее самоуправление с еврейскими высшими чиновниками, возможность беспрепятственного национального развития: как много элементов из наших мечтаний заключается в этой бумаге!"

{178} И несмотря на все это, Членов, по своим собственным словам, чувствовал себя так, как если бы самое потаенное и святое в его душе подверглось поруганию.

Бернштейн-Коган, который до того - на заседании Исполкома - был готов поддержать угандийский план и сказал, что "в существующих условиях еврейство России согласится эмигрировать даже в преисподнюю", объяснил конгрессу перемену, произошедшую в его взглядах: "Когда я впервые услышал об этом предложении, я почувствовал то, что испытывает каждый мучимый жаждой и голодом.

То был вопль: "Дайте мне хлеба и воды!" Мы, однако, явились сюда не только как посланцы страждущего, больного еврейства, но и как хорошие врачи". Дневник болезни еврейского народа - еврейская история, а она ведет к Эрец-Исраэль. Говоря о кишиневских мучениках, с которыми он лично встречался, оратор подчеркнул: "Страдания не ослабляют еврейский идеал, напротив - укрепляют его! Это заставляет меня дать вам совет не принимать никакого компромиссного решения на чрезвычайный случай". В заключение он предложил конгрессу принять резолюцию с выражением благодарности английскому правительству, но вместе с тем недвусмысленно заявить, что Сионистская организация, будучи верна своей основной цели, не сумеет заняться этим предложением. Таким образом, Бернштейн-Коган изложил перед конгрессом решение российских делегатов, принятое на их отдельном собрании большинством голосов.

Нахман Сыркин выступил в защиту рекомендации: он сказал, что серьезность вынесенного на обсуждение вопроса обязывает укротить эмоции и действовать в соответствии со здравым смыслом. Аргументы же, выставляемые противниками плана, не что иное как романтика. Не измена Сиону вынуждает

нас обратиться к другой стране, а бедственное положение еврейских масс. Срочная необходимость организовать эмиграцию требует действия, и сионизм обязан взять на себя инициативу в этом жизненно важном для {179} еврейства вопросе. Если мы этого не сделаем, то понесем тяжелые потери, ибо множество евреев из года в год рассеиваются по всем странам земного шара, и эмиграционный вопрос становится все более серьезным. Как представители единственной организации еврейства мы должны откликнуться на эти нужды.

Не займемся этим вопросом мы - займется общество ЕКО или другая филантропическая организация, и от этого дело только проиграет. Неверно, что приняв рекомендацию относительно Восточной Африки, мы тем самым отказываемся от надежд на Эрец-Исраэль. Ведь побуждения, толкающие нас к Эрец-Исраэль, имеют не только социально-экономический, но и духовно-нравственный характер. Отсюда следует, что нам нечего бояться Восточной Африки, потому что она не удовлетворит нашего национального чувства (Нахман Сыркин, создатель социалистического сионизма, после Седьмого конгресса в 1905 году вышел из рядов Сионистской организации и основал с группой своих единомышленников Социалистическую территориалистскую партию, называвшуюся сокращенно СС (Сионисты-социалисты). В Америке она называлась СТ (Социалисты-территориалисты). В 1909 году, проживая в Америке, Сыркин вернулся к старому ("классическому") сионизму, после того как убедился, что территориализм менее реалистичен, чем первоначальный сионизм. На Чикагской конференции произошло тогда объединение Сыркина и его товарищей с партией Поалей Цион, исповедовавшей примат Эрец-Исраэль.).

Лагерь сторонников угандийского плана составляли, за редким исключением, сионисты Запада, в то время как лагерь его противников, опять-таки за редким исключением, - российские сионисты. Тут и выявилась диаметрально противоположность между ярко выраженным политическим сионизмом и сионизмом национально-историческим.

Характерно, что именно представители страдающего, истерзанного и преследуемого еврейства России со всем пылом души боролись за Сион. Представители западного сионизма не могли этого понять. Российские же сионисты знали, что {180} трагедия евреев слишком глубока и велика, чтобы ее можно было с легкостью устранить. Они видели в сионизме сложный, длительный и фундаментальный процесс и не увлекались формально-политическим подходом, полагавшим решить историко-национальную проблему формальным актом получения "чартера". Это яркое противоречие между мировоззрением двух лагерей описывает Вейцман в своей автобиографической книге "Поиски и заблуждения".

"Наша позиция по отношению к западным вождям нашла свое оправдание в решающую минуту в истории сионизма. После погрома в Кишиневе Герцль сделал попытку заменить Эрец-Исраэль Угандой - ради временного облегчения, как он утверждал, - и не мог понять, что евреи России, при всех страданиях, не в состоянии перенести свои чаяния и мечты со страны отцов на какую-нибудь другую страну. Так обнаружилось, что для западного руководства Эрец-Исраэль никогда и не "существовала". То был мираж, и когда он поблек, вместо него предложили Уганду - на деле еще более мираж, нежели Эрец-Исраэль. Тот факт, что сердце еврейства связано с Эрец-Исраэль узами любви и нравственности, был недоступно высок для разума западников. Они не видели огромного реального значения этих уз, их единственной, неповторимой и незаменимой силы, которая одна способна разбудить энергию, скрытую в еврейском народе".

Говоря, что в глазах западного руководства Эрец-Исраэль всегда была не более чем миражем, Вейцман сурово судил Герцля. Иным было отношение Членова, лидера оппозиции на Шестом конгрессе, первого среди отвергавших угандийский план. Он не так жестко отнесся к Герцлю и не ставил под сомнение его преданность Сиону. В своем сочинении "Сион и Африка", вышедшем уже после смерти Герцля, Членов прямо заявляет о своей уверенности, что Герцль ни в коем случае не собирался отказаться от Палестины.

"Думал ли он при этом оставить Палестину? Полагаю, что никоим образом. Уже имея английское {181} предложение, он и до, и после конгресса не прерывал ни на один день работы для Сиона. Мало того, он был уверен, что предложение об устройстве автономной колонии в Уганде, принятое с радостью конгрессом, поднимет сильно наши шансы на Босфоре. Нет, он не думал изменить Сиону. Но вместе с тем, я полагаю, что привез он Уганду не для дипломатии только. Если бы Палестина продолжала еще долго оставаться неприступной для нас, и получение чартера все отодвигалось бы, то эти массы надо было бы двинуть в Уганду, отсрочив работу для добывания Палестины на более отдаленное будущее. Он был глубоко уверен, что для Уганды легко будет получить Колонизационное общество, Ротшильдов и другие силы в еврействе, которые стоят вдали от сионизма. А у народа достаточно сил, чтобы разрешить таких две задачи. Его необыкновенно глубокая, безотчетная вера в еврейский народ, вера, которая придавала ему его специфическую мощь, она иногда приводила его к слишком оптимистическим мыслям и надеждам. Только этим объясняется то, что он сам мог выдвинуть такую сильную опасность для своего дела".

Оба лагеря, сторонники и противники Уганды, были почти равны в численном отношении, и судьбу голосования решила фракция Мизрахи, подавляющее большинство членов которой голосовало за предложение.

И Членов пытался объяснить себе это явление - поддержку, оказанную угандийскому предложению фракцией Мизрахи. Со свойственной ему объективностью он старался проникнуть в подоплеку намерений ортодоксальных сионистов и понять, чем же они руководствовались. В "Сионе и Африке" он замечает, что среди членов Мизрахи были такие, кто верил в возможность немедленного облегчения участи еврейских масс путем основания колонии в Уганде параллельно Эрец-Исраэль. Другие поддержали эту рекомендацию в силу своей слепой веры в вождя сионистского движения.

{182} "Но несомненно, что в голосовании большинства Мизрахи сказалась тактика целой организации, проводимая и руководимая главарями, которой только немногие, смелые, не подчинились. А между тем, от Мизрахи, людей традиции, веры, вечно молящихся о возвращении нашем в Палестину, всего менее можно было ожидать согласия на Уганду. Я [Членов] не был на их совещаниях, - говорят, что они были очень бурны, - но думаю, что тут сыграли роль отчасти религиозные, отчасти тактические соображения.

Мизрахистам всего чаще приходится сталкиваться с возражениями из ортодоксального же мира, что мы, сионисты, покушаемся "ускорить конец" и хотим предвосхитить дело, которое должно совершиться Мессией.

Беспочвенность этого возражения, именно с точки зрения религии, сто раз доказывалась в литературе и жизни; но его продолжают ставить, ибо противники редко имеют мужество вникать в рассуждения, подрывающие их предрассудки. Далее, наших мизрахистов смущают "религиозные предписания, связанные только с Палестиной", неуверенность, что проведение их не встретит коллизии с жизненными условиями. Уганда снимала и то и другое; она устраняла с пути препятствия, которые им кажутся очень большими и трудными. Они хотели Уганды, не для вида, а для работы в ней, сосредоточения сил на ней. Ну, а как же Палестина? - Она нам обещана и будет наша; пусть ее теперь населяют другие, все равно, придет время, она будет наша. Но ведь это противоречит совершенно нашей программе, которая вся говорит об активной работе для получения Сиона? Не знаю, какой ответ мизрахисты давали себе на этот вопрос; быть может, они полагались на вождей, которые создавали программу и которые уверяли их, что здесь нет противоречия...".

Сторонники Уганды не были все на один покров. Членов подразделяет их на несколько групп. Таких, кто совсем был чужд Эрец-Исраэль, среди них было ничтожное меньшинство, которое возглавлял {183} Зангвиль (После Седьмого конгресса (1905) он порвал с Сионистской организацией и основал (вместе с профессором Мандельштамом из Киева) организацию территориалистов.).

Значительная часть верила, что угандийская рекомендация приведет к немедленному облегчению страданий еврейских масс, другая часть поддерживала рекомендацию просто из непоколебимой верности Герцлю. Наиболее выразительным случаем такой поддержки был поданный за Уганду голос старого члена Ховевей Цион и основателя Национальной библиотеки в Иерусалиме д-ра Иосефа Хазановича. То, что он проголосовал за Уганду, вызвало изумление не только у делегатов конгресса, но даже у самого Герцля. Семь лет спустя д-р Хазанович рассказал на страницах газеты "Ди Вельт" (30 мая 1910 г.), что после голосования Герцль послал за ним и спросил: "Доктор, ведь вы настоящий палестинофил; как же вышло, что вы проголосовали за угандийское предложение?" Хазанович ответил: "Я считал, что вы, как избранный нами вождь, постоянно беспокоящийся за судьбы нашего народа, желаете принятия конгрессом английского предложения. Ваших политических расчетов я не понимаю. Но я полагаю, что, если даже вы допустили ошибку, вы будете знать, как ее исправить. Я заодно с нашим вождем во всем: в успехе и в неудаче".

Среди делегатов имелись и колеблющиеся, не сумевшие сделать выбора в ту или иную сторону. Эти от голосования воздержались. И вот настал решительный момент. Объявили о поименном голосовании. Об этой драматической минуте рассказывает Членов:

"Мы, русские уполномоченные, остались одни. Мы решили потребовать того, против чего никто, даже д-р Герцль, не мог бы уже ничего иметь: объявить о нашем несогласии после голосования; тут уже не могло быть речи о каком-либо давлении. Я сообщил об этом д-ру Герцлю, уже сидевшему в своем кресле и озирающему поле будущей победы. Хорошо, ответил он, но знайте, {184} что расходящиеся по такому вопросу не могут потом сидеть за одним столом.

Быстро были вновь созваны товарищи. Семеро из нас подписали письменное заявление, двое были против, один отсутствовал, а один переживал адские муки колебаний и возбуждал к себе глубокое чувство сострадания; он не подписал. Я передал президенту письменное наше заявление и добавил, что мы готовы нести ответственность за любые последствия...".

В четыре часа пополудни Герцль представил рекомендацию конгрессу. Проект резолюции был переведен на несколько языков (также и на иврит), которыми пользовались делегаты, затем приступили к поименному голосованию. Результаты: 295 делегатов - "за", 178 - "против", 100 делегатов воздержались (не считая 32 членов Исполнительного комитета, по решению этого органа не голосовавших лично на пленарном заседании конгресса). Среди воздержавшихся были Соколов и глава Мизрахи раввин Рейнес, в прениях выступавший за рекомендацию. Большинство членов Мизрахи, как уже

говорилось, проголосовали "за".

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

---

mail.ru	1298
3685276	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава одиннадцатая - КРИЗИС В СТАНЕ СИОНИСТОВ

4. Уход Ционей Цион

После оглашения итогов голосования Герцль зачитал с трибуны конгресса письменное заявление семи членов Большого исполнительного комитета из России, отвергнувших резолюцию: "Нижеподписавшиеся, члены Большого исполнительного комитета, настоящим сообщают, что на заседании Исполнительного комитета они голосовали против посылки экспедиции в Восточную Африку - И. Членов, З. Темкин, Я. Бернштейн-Коган, Ц. Белковский, В. Якобсон, Ц. Брук, И. Л. Гольдберг".

Членов встал, спустился со сцены и пошел к выходу из зала. За ним последовали остальные члены Исполкома, подписавшие заявление. Их сторонники в зале зааплодировали, и все, кто голосовал против угандийской {185} рекомендации, присоединились к уходящим и вместе с ними покинули зал - мрачные, подавленные, многие со слезами на глазах. Это был стихийный жест, никем заранее не отрепетированный и не подготовленный. То был трагический момент и для уходящих, и для остающихся, и, в первую очередь, для Герцля; он стоял пораженный, бледный, словно прикованный к месту, с совершенно застывшим лицом.

Российские сионисты были очень далеки от желания устроить демонстрацию. Слишком их потрясло существо дела, казавшееся им ударом по самой душе сионизма, чтобы они могли думать о каких-нибудь внешних формах выражения протеста. Герцль сделал заявление, что принятая резолюция не означает

окончательного решения по предложению Великобритании, а лишь согласие, что оно будет изучено, результаты же исследования будут представлены конгрессу, который призван сказать окончательное слово; поэтому ему непонятен уход делегатов - противников предложения, он ждет, что они вернуться, и до этого прекращает разговоры на эту тему.

Противники угандийской рекомендации, называвшие себя отныне Ционей Цион (Сионисты Сиона), собрались в малом зале казино, где в свое время состоялся Первый сионистский конгресс и была принята Базельская программа. Было нечто символическое в том, что собрались они именно здесь, как бы тем самым говоря: "Вы большинством голосов сделали выбор в пользу Восточной Африки, ну а мы, Ционей Цион, стоим за Базельскую основополагающую программу".

В зале пленарных заседаний Герцль объявил перерыв на час, считая невозможным продолжать обсуждение остальных пунктов повестки дня (организационный вопрос, пропаганда, Национальный фонд и др.), будто ничего не случилось. Правда, поначалу он полагал, что "русские" предприняли демонстрацию, наподобие демонстрации членов Демократической фракции на предыдущем. Пятом конгрессе. Интуиция ему, однако, подсказывала, что сейчас дело обстоит иначе, об {186} этом свидетельствовало выражение боли и угнетенности, которое он видел на лицах уходящих. И все-таки он не сумел понять до конца их состояние и позицию, о чем свидетельствует его дневниковая запись, сделанная уже после конгресса, 1 сентября 1903 года. Там он признается, что совершил ошибку, предупредив товарищей из России, что им уже не быть более членами Исполкома, и пишет: "Перед голосованием по поводу Восточной Африки я сказал Членову, Бернштейну-Когану и их соратникам, что тот, кто проголосует против, не сможет оставаться в Исполнительном комитете. С этого момента результаты им были уже безразличны, и они покинули зал".

Эти слова, написанные уже после того, как Герцль встретился с противниками угандийского предложения на их собрании и по завершении всего конгресса, свидетельствуют, что он так и не понял их мотивов, оставшись при мнении, будто уход их был вызван потерей мест в Исполнительном комитете и не более того.

Следуя этой оценке Герцля, аналогичной причиной объясняет уход семи российских "уполномоченных" и его биограф, который пишет, что подписавшие заявление ушли из зала "либо потому, что более не считали себя членами Исполкома, либо для того, чтобы дать форму и выход своим эмоциям" (Алекс Бейн, "Теодор Герцль", биография). Справедливо поэтому привести объяснение случившемуся данное самим Членовым, лидером

оппозиции на Шестом конгрессе, который писал по поводу ухода противников Уганды следующее:

"Целых два часа продолжалась эта перекличка. Ведь в редком парламенте голосует такая масса делегатов, около 500! С напряженным вниманием следит весь зал, многие записывают и подсчитывают шансы. Признаюсь, меня прямо поражало, как часто раздавалось "нет". Я считаю присутствие в этом зале и при таких условиях 178, открыто голосовавших против, фактом, крайне знаменательным, которого я не ожидал. Но исход голосования, конечно, не подлежал сомнению. В воздухе носилась победа; а победителей не судят, провозгласил {187} еще за два дня раньше одесский делегат. Он ошибся; суд наступил очень скоро, в Базеле же, потом производился по всему миру еврейскому. И этот суд показал, что еще одна такая победа, и армия рассыплется на мелкие части. Но теперь был момент победы. В зале аплодисменты, махали платками. Но, признаюсь, искренней радости я не видел, вернее, не чувствовал. Все это было очень громко, очень шумно; но казалось как-то искусственно, дуто. Впрочем, я был плохой наблюдатель в этот момент.

Меня давил во время голосования вопрос: что мы теперь, мы, несогласные, нежелающие, что нам теперь делать? Ведь тут не деталь какая-нибудь решается, а рушится основа, на которой стоит все наше здание, создается нечто несовместимое, глубокой пропастью отделяющее будущее от прошлого. На этом конгрессе, говорили некоторые, впервые почувствовалась под ногами почва; мы на этом конгрессе ясно почувствовали, что почва уходит, что все зашаталось под ногами. Что делать теперь, можем ли вместе работать, что уцелело из наших общих устоев? Все это проносилось в тяжелой свинцовой голове. И как ни трудно, тяжело было мыслить в это время, одна мысль, однако стала у меня все яснее обрисовываться: между прошлым и тем, что настает теперь, должна быть проведена черта, ясная, чувствительная и видимая для всех; теперь нельзя продолжать, как будто ничего не случилось. Наступившая пропасть должна проявиться видимым образом и здесь, но как?

Читается наша записка; она читается бегло, равнодушным голосом. Зал в недоумении. И в этот момент, два часа бродившая мысль приняла определенную форму: я собрал все свои бумаги, книги, надел шляпу и сошел с президиальной трибуны. Куда и зачем? Я не знал в эту минуту. Одно я чувствовал, что здесь, в этом зале, в эту минуту, сейчас оставаться невозможно, физически невозможно. Нам здесь теперь нечего делать.

Я пошел; но не знал, пойдет ли еще кто-нибудь за мной. Ни с кем мы ни о чем не сговаривались. Но, {188} очевидно, было довольно одной искры. Первыми присоединились товарищи по записке; движение нашей маленькой группы было тотчас замечено внизу, а когда мы, протеснившись сквозь особенно

густые в этом году ряды журналистов, вышли на средний проход, тогда это движение стало видно и галереям. Бешеный, оглушительный взрыв аплодисментов огласил зал внизу и наверху; в нем искало себе выхода чувство, старательно сдерживаемое весь этот день. Мы двигались и, не озираясь, чувствовали, что мы не одни идем, не одни делаем то, что делаем. И чувствовалось, что делаем мы что-то хорошее и очень нужное. Мы разряжаем атмосферу, очищаем ее, облегчаем душу себе и другим.

Мы прошли густой толпой в малый зал. Здесь создавалась в 1897 г. базельская программа. Много было тогда споров, горячих и страстных; одно только не подлежало спору и было для всех ясно: в Палестине. Прошло всего несколько лет, и теперь, давлением и силой нескольких людей, эти два слова вырываются из программы, и в этом зале, где все возобновили обет верности народу и стране, теперь можно бы сделать надпись: "Здесь мы сидели и плакали, вспомнив Сион". Ибо часть, правда, очень небольшая, из пришедших разразилась неудержимыми рыданиями, и среди плакавших были люди видимо сильные, крепкие".

Один из участников собрания Ционей Цион, описавший атмосферу, в которой у людей лились слезы из-за принятого решения, сказал: "Можно было подумать, что эти люди получили известие о новой резне или о смерти своих родных и близких".

Герцль поначалу полагал, что уход из зала был чисто демонстративным поступком, и собирался не реагировать на него, как он это уже раз сделал по отношению к демонстрации Демократической фракции на предыдущем конгрессе. Однако ему сказали, что люди плачут, и тогда он понял, что имеет дело с куда более серьезным явлением, чем внешний протест. Он решил поступиться своей гордостью и амбицией и отправиться на собрание противников резолюции об Уганде. {189} Собрание Ционей Цион затянулось надолго, и поздней ночью, когда обсуждение все еще не было завершено, появился Герцль и попросил разрешения присутствовать. Собрание, однако, было закрытым; Герцль ждал в коридоре, пока решат, допустить ли его вообще. В конце концов, ему было позволено войти, но собравшиеся встретили его с необычайной холодностью.

Об этой драматической встрече Герцля с противниками угандийского плана рассказал Иосеф Элиаш в сборнике "Воспоминания сионистов из России", редактор которого, рабби Биньямин, в примечании к этому эпизоду говорит, что собравшиеся выставили у двери двух дежурных, двух крепких парней, строго-настрого наказав им никого не впускать.

И вот появился Герцль и выражает желание присутствовать на собрании. Один из дежурных пошел в зал и сообщил об этом председательствующему. Тот попросил довести до сведения Герцля, что это собрание только российских делегатов. Герцль промолчал, отправился в свой отель и вернулся с удостоверением, что он является делегатом конгресса также и от России. Дежурный снова пошел к председательствующему. Тот вышел из зала к Герцлю и сообщил об опасении некоторых заседающих, что он, Герцль, силой своей личности склонит делегатов ко всему, чего захочет. Но Герцль настаивал на своем праве участвовать в собрании в качестве российского делегата, и ему было позволено войти.

Рабби Биньямин передает этот эпизод со слов одного из дежурных, Ашера Эрлиха; имени председательствовавшего на собрании рабби Биньямин не запомнил.

Герцль попросил слова, и оно ему было предоставлено. Он сообщил собравшимся подробности своей политической деятельности и переговоров, которые он провел, прежде чем решил вынести на конгресс предложение английского правительства об Уганде. Он призывал собравшихся вернуться на конгресс, ибо они ошибаются, если полагают, что он нарушил Базельскую программу.

{190} К утру между президентом и представителями оппозиции было достигнуто соглашение, и голосовавшие против Уганды вернулись на конгресс. Шмарьяху Левин от имени оппозиции сделал следующее заявление:

"Я должен пояснить, что уход меньшинства из зала после голосования не имел никакой демонстративной цели, а явился спонтанным следствием глубокого душевного потрясения из-за резолюции, которая противоречит основам Базельской программы".

На этом Герцль прервал оратора и заметил, что его слова не соответствуют предварительному тексту, представленному президенту, и что он "не может допустить заявления, будто конгресс отклонился от Базельской программы, поскольку резолюция была принята большинством голосов. И если большинство в 295 делегатов постановило, что резолюция не противоречит Базельской программе, меньшинство не может утверждать, что тут есть противоречие".

Шмарьяху Левин продолжал далее чтение дополнительных предложений оппозиции, и руководство согласилось их принять:

а) запрещается финансировать африканскую экспедицию из фонда членских взносов (решение запретить ее финансирование из средств Колониального банка и Национального фонда было принято уже ранее);

б) отчет экспедиции должен быть представлен Большому исполкому до того, как будет созван конгресс для принятия окончательного решения по этому вопросу.

Два последних дня конгресса прошли в спокойном обсуждении остальных пунктов программы его работы, хотя все еще чувствовалось напряжение, вызванное угандийским вопросом. В соответствии с резолюцией конгресса была избрана комиссия по Восточной Африке. Хаим Вейцман согласился войти в комиссию, несмотря на то, что принадлежал к противникам "Уганды". Избрали также комиссию по изучению Эрец-Исраэль, утвердив для нее постоянный бюджет.

Герцль снова стал президентом Сионистской организации, но на сей раз три делегата проголосовали против его {191} кандидатуры - случай небывалый: до сих пор на всех конгрессах его избирали единогласно.

Следует отметить, что именно Шестой конгресс, вошедший в историю сионизма под названием "Угандийского", постановил по итогам доклада Оппенгеймера о поселении основать комиссию по изучению Эрец-Исраэль и условий развертывания в ней поселенческой деятельности. Возможно, это был примирительный жест по отношению к оппозиционерам, но, так или иначе, он стал практическим шагом в направлении строительства Страны, даже и без всякого "чартера"... Приняли также изменение в организационном уставе, согласно которому один делегат на конгресс избирался от каждых двухсот платящих членские взносы, а не от каждых ста, как ранее.

В своем заключительном слове - ставшем его последней речью на последнем конгрессе с его участием - Герцль сказал, что конгресс был трудным, но великим. Великим не только по количеству делегатов, равного которому не знали предыдущие конгрессы, но и по характеру работы. Упомянув о бушевавших тут яростных и тяжких спорах, Герцль заметил: "Мы убедились, что на сионистов можно полагаться и что верен афоризм, гласящий, что опереться можно лишь на предмет, оказывающий сопротивление".

Дабы рассеять опасения, возникшие у значительной части делегатов в результате полемики об Уганде, Герцль счел необходимым успокоить их и произнес традиционную клятву: "Если забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет моя десница!" И поднял правую руку в подтверждение этих слов. Тем не менее

конгресс завершился в напряженной атмосфере.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ВТОРАЯ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава одиннадцатая - КРИЗИС В СТАНЕ СИОНИСТОВ

5. Смерть Герцля

3 мая 1904 года газета "Ди Вельт" опубликовала короткое извещение: "По настоянию врача д-р Герцль уходит в продолжительный отпуск и в течение этого {192} времени свои обязанности исполнять не будет. Просьба не обращаться к д-ру Герцлю письменно, а по всем вопросам - в Исполнительный комитет".

Состояние Герцля со дня на день ухудшалось, и все попытки врачей спасти его оказались бесплодными. Герцль скончался 3 июля 1904 года в возрасте сорока четырех лет. Хотя в сионистском движении было известно, что у Герцля не все благополучно со здоровьем, однако только близкие друзья знали, насколько его состояние серьезно. Поэтому весть о его смерти обрушилась, как гром среди ясного неба. Когда распространилось известие, что вождя сионизма не стало, скорбь и мрак опустились на еврейскую улицу в России. Массы людей собирались в синагогах, участвовали в траурных митингах, и печать, даже антисионистская, посвятила оценке личности и подвига покойного лидера многочисленные статьи.

Вышедший после смерти Герцля июльский (по новому стилю) номер ежемесячника "Еврейская жизнь" открывался некрологом, написанным Ю. Бруцкусом.

"Умер величайший и преданнейший сын еврейского народа, - писал Бруцкус, -

погиб безвременно, в расцвете жизни и разгаре работы. Чуткое сердце его захотело объять все еврейское горе, залить его своею кровью; оно долго и славно боролось, но теперь не выдержало и разбилось - герой погиб на полпути. ...

Велико несчастье еврейского народа. Мы притерпелись уже к бедствиям. Наши слезы иссякли, голос подавлен от мук. И мы встретили тяжелую весть не воплями и слезами, а грустным молчанием. Печаль наша слишком велика, чтобы вылиться в словах, удар слишком силен, чтобы оценить его. Еще одну горькую чашу страдания пришлось нам испытать. Несчастлив тот герой, который не увидел обетованной цели, несчастлив тот народ, который на полпути теряет своего вождя. Но он умер с верою в усталом сердце и словами любви к Сиону на устах. Он завещал нам идти все вперед и нести его наследие по указанному пути к великой цели. Его сердце разбилось, но дело его живо...".

{193} Большую статью о Герцле поместил в том же номере журнала Жаботинский. "... Когда будет подведен итог его подвига, книжники наши должны будут устроить большой пересмотр учению о том, что не личности делают историю.

Да, творит историю стоногая Причина и стихийное желание масс; но с мучительной медленностью ползет эта история, если не впряжется в ее колесницу гениальный человек, сердце которого чутко собрало и отразило неуловимые потребности толпы и нашло то слово, которое нужно для их выражения. Так маховое колесо в машине: правда, не оно дает машине движение - напротив, оно само приводится в движение машиной; но с ним машина работает легче и скорее - Маховое колесо истории - сердце гения-вождя". В заключение Жаботинский предлагал увековечить память Герцля основанием фонда для развития сети еврейских национальных школ в Эрец-Исраэль.

Членов писал в "Сионе и Африке", что покойный вождь целиком отдал себя движению. Он отдал ему все силы, все время, все свои денежные средства, свой мозг и сердце - и движение словно воплотилось в его личности. Такое слияние имело важные и положительные стороны, особенно в начальном периоде, когда нужно было находить новые формы и создавать новые учреждения. Даже в разгар полемики об Уганде на Шестом конгрессе, где большинство российских делегатов испытывали глубокое недовольство Герцлем, а некоторые даже обрушились на него с обидными и резкими выпадами, они не переставали его любить и почитать. Вот как описывает тот же Членов появление Герцля на собрании противников угандийского предложения, после того как они ушли с конгресса:

"Одно видели мы все перед собой: глубоко, сильно страдающего любимого человека. Все пути к отступлению отрезал он, все корабли сжег в тот момент, когда геройски ринулся в бой, за свой народ. И впервые ему здесь, в среде своих, приходится поставить себе вопрос: понимают ли его, ценят ли его труды?"

{194} Может быть, наиболее сильным выражением любви к покойному вождю явилось стихотворение Жаботинского "Надгробное слово" ("Хеспед") :

И он угас, как древле Моисей,

На берегу земли обетованной;

Он не довел до родины желанной

Ее вдали тоскующих детей;

Он сжег себя, и жизнь отдал святыне,

И "не забыл тебя, Иерусалим", -

Но не дошел и пал еще в пустыне,

И в лучший день родимой Палестине

Мы только прах трибуна предадим...

Пусть мы сгнием под муками ярма,

И вихрь умчит клочки священной Торы;

Пусть сыновья уйдут в ночные воров,

И дочери в позорные дома,

И в мерзости наставниками людям

Да станем мы в тот черный день и час,

Когда тебя и песнь твою забудем

И посрамим погибшего за нас...

Спи, наш орел, наш царственный трибун.

Настанет день - услышишь гул похода,

И скрип телег, и гром шагов народа,

И шум знамен, и звон веселых струн;

И в этот день от Дана до Баршевы

Благословит спасителя народ,

И запоют свободные напевы

И поведут в Сионе наши девы

Перед твоей гробницей хоровод...

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава двенадцатая - ЕВРЕЙСТВО РОССИИ МЕЖДУ ШЕСТЫМ И СЕДЬМЫМ КОНГРЕССОМ

{195} 1. Погром в Гомеле

Над Шестым конгрессом витала тень Кишиневского погрома, сыгравшего немаловажную роль в возникновении Угандийского кризиса. Но прошло немного времени и выяснилось, что погром в Кишиневе - отнюдь не изолированное событие, а лишь начало нового периода массовых бесчинств, когда погром стал, по выражению Дубнова, "постоянным государственным институтом" Российской империи.

Спустя две недели после Шестого конгресса (сентябрь 1903 г.) погром произошел в Гомеле (Могилевская губерния). Бесчинства начались после стычки евреев с крестьянами, приехавшими в город за покупками. Один из крестьян пытался силой забрать бочку селедок по более низкой цене, чем требовал лавочник. Крестьянина вытолкали; тогда его единоверцы набросились на евреев. Последовала драка и один из христиан был убит. Через два дня собрались огромные толпы мстить евреям за убитого. Драка, таким образом, послужила поводом для расправы, которая была {196} весьма наруку властям, так как в Гомеле активно работали организации революционеров.

Застрельщиками погрома были железнодорожники, к которым присоединились чернорабочие и всякий сброд. Приложили руку и люди из "общества" - попы, торговцы, учителя и студенты, науськивавшие и подбадривавшие громил. Последние действовали на глазах у полиции и войск,

при их полном одобрении и поддержке. Но на сей раз кишиневский позор не повторился: в Гомеле выступила еврейская самооборона, организованная из боевых отрядов Бунда и Поалей Цион, которые дали громилам яростный отпор.

Отрядами Поалей Цион командовал Иехезкель Ханкин, впоследствии ставший одним из основателей организации Хашомер (Гашомер) в Палестине. Количество жертв среди евреев оказалось значительно меньше, чем во время Кишиневского погрома, и куда больше, чем в Кишиневе, оказалось убитых и раненых на стороне погромщиков, хотя солдаты стреляли в участников самообороны и кололи их штыками. Самооборона не только защитила евреев - в еще большей степени она реабилитировала честь еврейского народа и укрепила его достоинство как в его собственных глазах, так и в глазах христиан. Выступление самообороны и подвиг ее участников засвидетельствовали на деле, что отныне никому не удастся проливать еврейскую кровь безответно и безнаказанно. Это почувствовали все, - и еврейское население, и русское, и власти.

Однако теперь русская общественность уже не испытала того шока, в который полгода тому назад ее вверг Кишиневский погром. Похоже было на то, что уже начали привыкать к погромам, как к "постоянному государственному институту". Либеральная русская печать на погром в Гомеле почти не реагировала; зато шум подняли крупнейшие реакционные, антисемитские газеты, крича, что волнения в Гомеле в еще большей степени, нежели кишиневские события, доказали, что виновниками этих происшествий являются сами евреи.

{197} При чем эта версия получила распространение не только в антисемитской прессе.

Русское правительство не простило евреям организации самообороны и ее мужественного выступления. Оно решило инсценировать суд в подтверждение своей версии, согласно которой никакого погрома не было, а было нападение евреев на христиан. С этой целью были отданы под суд шестьдесят человек, среди них большинство евреев. Все понимали, что на скамью подсудимых посажены не зачинщики и участники погрома, а еврейская самооборона. Для фальсификации материалов предварительному следствию потребовался целый год; слушание дела началось лишь в октябре 1904 г. и закончилось в январе 1905 г. Весь процесс принял форму обвинительного акта против евреев, вызвавших "русский погром"; не только представители погромщиков, но и сам председатель суда Иван Котляревский так обращался с обвиняемыми-евреями и их адвокатами, что последние были вынуждены в знак протеста (и с согласия их подзащитных) покинуть зал судебных заседаний. Адвокаты не

вернулись в суд, и он продолжался в отсутствие защиты.

Прокурор утверждал, что в Гомеле вовсе не было погрома: евреи, озлобленные кишиневскими событиями, организовались в "самооборону" ради мести, вооружились и выжидали только удобного случая для нападения. И вот в Гомеле им подвернулась драка на базаре из-за бочки селедок, и они напали на христиан, дабы отомстить таким образом за события в Кишиневе. Правда, по доброте своей, прокурор был согласен, чтобы обвиняемым смягчили приговор, так как "идея организовать самооборону исходит, разумеется, не от обвиняемых, а от более авторитетных представителей еврейства".

Таким образом, гомельский процесс официально, хотя и в кривом зеркале, засвидетельствовал становление еврейской самообороны тотчас же после погрома в Кишиневе. Цель властей была достаточно ясна и {198} прозрачна: ликвидировать еврейскую самозащиту в зачатке и нагнать на евреев страх на будущее.

В итоге процесса одних обвиняемых оправдали, других приговорили к незначительным срокам заключения - от десяти дней до полугода. Большинство осужденных были евреи, большинство оправданных - христиане. Однако сам факт, что суд не счел возможным подвергнуть участников самообороны более строгому наказанию, даже вопреки фальсифицированному материалу, который власти сфабриковали и представили на процесс, - сам этот факт явился пощечиной "победителям". Хотя в нравственном смысле на скамье подсудимых оказались не участники самообороны и даже не погромщики, а царское правительство в лице своего судебно-административного аппарата, председатель суда Котляревский после процесса получил орден. Это известие подавалось без комментариев, которые, и в самом деле, были совершенно излишни.

Еврейская община в Гомеле поставила на могиле убитых участников самообороны памятник с эпитафией, сочиненной известным общественным деятелем и сионистом, тоже гомельцем, писателем Мордехаем Бен-Хиллелем Хакоэном.

Эпитафия в стиле псалма иносказательно намекала на погром и отпор, оказанный самообороной. Местные власти делали все, чтобы помешать установке памятника, но гомельской общине удалось, в конце концов, обойти все препятствия, по поводу чего автор эпитафии пишет: "Тут нам тоже пришлось очень долго мыкаться и обивать пороги полиции, которая злонамеренно отнеслась и к установке памятника".

Если во времена Александра III правительство еще маскировало свои истинные намерения, утверждая, что антиеврейские бесчинства есть следствие экономической эксплуатации евреями русского народа, то правительство Николая II уже прямо заявляло, что погромы - это ответ на революционную деятельность евреев: дескать, еврейская молодежь подстрекает против правительства, активно участвует в революционном {199} движении, и русский народ этого не потерпит.

В погромах виновны, таким образом, сами евреи, и если они хотят избежать расправ, пускай обуздывают свою молодежь. В таком духе выступил могилевский губернатор, приехавший в Гомель после погрома и пригласивший представителей еврейской общины выслушать его наставления. Нет сомнений, что губернатор при этом черпал свое вдохновение из более высокого источника, так как те же самые слова сказал и Плеве вызванной к нему делегации еврейских старейшин.

Гомельский погром имеет прямую связь с историей нового ишува в Палестине: гомельская группа, состоявшая из участников самообороны, принадлежавших к кругам Поалей Цион, в 1904 году открыла Вторую алию в Эрец-Исраэль.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава двенадцатая - ЕВРЕЙСТВО РОССИИ МЕЖДУ ШЕСТЫМ И СЕДЬМЫМ КОНГРЕССОМ

2. Евреи в годы русско-японской войны

Зимой 1904 года разразилась русско-японская война. В июле того же года министр внутренних дел Плеве был убит эсером Игорем Сазоновым и портфель министра получил князь Святополк-Мирский, известный своими либеральными взглядами. Но и он не был свободен от предрассудков в отношении евреев. В беседе с корреспондентами одной французской газеты, отвечая на вопрос о своем отношении к евреям, министр сказал: "Я евреям не враг; но если бы мы предоставили им полную свободу, как нашим православным гражданам, евреи очень быстро приобрели бы слишком большой вес. Во всяком случае, я решил относиться к евреям со всей возможной симпатией и улучшить положение самых нуждающихся из них. Добротой и щедростью можно много добиться".

Издававшийся на русском языке еврейский еженедельник "Восход" выразил надежду, что новый министр приложит усилия для улучшения положения евреев. Но надежды не сбылись - вполне возможно, что не из-за злой воли самого министра. В конце лета {200} 1904 года антиеврейские бесчинства вспыхнули в местечке Смела, Киевской губернии и в Ровно, на Волыни. Журнал "Восход" по этому поводу писал: "Опять погромы. Опять озверелая толпа крестьян и рабочих, полуинтеллигентов и интеллигентов глумится над евреями. Опять с криками "бей жидов" разгромляются сотни еврейских домов и лавок, расхищается еврейское добро, и сотни еврейских семейств пускаются

по миру".

Вслед за двумя этими погромами прокатилась волна бесчинств, творимых мобилизованными в армию. Перед уходом на фронт они избивали и грабили еврейское население, вымещая свою злобу на жителях-евреях, у которых родные и близкие тоже тысячами сражались на фронте. Власти смотрели на это сквозь пальцы, дабы не раздражать "защитников отечества", и погромщики орудовали почти безнаказанно.

Буйства мобилизованных происходили в Александрии, Херсонской губернии, в Могилеве на Днестре и в целом ряде городов и местечек Витебской и Могилевской губерний. Еврейская общественность не питала подозрений к Святополк-Мирскому и не относилась к погромам на его счет.

Полагали, что он бессилён совладать с бесчинствами, поддерживаемыми в общественном порядке антисемитскими газетами и реакционными кругами. Уже в самом начале войны антисемитская печать развернула разнузданную кампанию против евреев, указывая на них как на главных виновников национального бедствия, постигшего Россию.

Особенно изощрялась черносотенная газета "Новое время", доказывавшая, что евреи, будучи выходцами из Азии, состоят в расовом родстве с японцами, врагами России. Русско-японскую войну на Россию навлекли евреи, пытаясь таким образом отомстить за Кишиневский погром. Как они этого добились? А очень просто - подстрекательством против России в тех странах, где печать и биржа находятся в их руках: в Англии и в Америке. Япония, несомненно, не дерзнула бы воевать с Россией, если бы не гарантии, полученные ею от Англии и {201} Америки. И все это - дело рук еврейских эмигрантов, выходцев из России. Они сколачивают коалицию великих держав против России, устраивают врагу займы, преподносят в дар японскому императору военный корабль, продают Японии коней, а харбинские евреи возносят публичные молитвы за победу японского оружия над Россией.

Весь этот бред и ему подобные выдумки антисемитская газета преподносила своим читателям в то время, когда на фронтах сражались за Россию около 30 тысяч еврейских солдат. Еврейский публицист Шими (М. Трибус) писал в журнале "Восход", что в Манчжурии обильно льется еврейская кровь во славу и во имя процветания России, а в самой России еврей, как и прежде, скован по рукам и ногам бесчисленными ограничениями и преследуется как враг отчизны.

Число еврейских солдат, сражавшихся на фронтах русско-японской войны,

значительно превосходило численное соотношение между евреями и другими нациями, населявшими Россию. Доказано документально, что даже в мирное время число евреев-новобранцев было куда выше этой пропорции.

Так, например, в официальных отчетах Министерства внутренних дел о воинской повинности за 1903 год указывалось, что новобранцы-евреи составляли более 5% всех призванных на военную службу, в то время как по данным всеобщей переписи русские евреи составляли лишь 4,13% всего населения. В сибирских же полках, которые первыми вступили в бой с японцами, процент евреев был еще выше, ввиду того что, согласно инструкциям того времени, еврейские новобранцы из западных губерний направлялись обычно для прохождения службы в Сибирь. Все это не мешало антисемитской печати обвинять евреев в том, что они уклоняются от военной службы, и черносотенные газеты беспрерывно подстрекали против евреев и натравливали на них мобилизованных.

Но если перемен в положении евреев не наступило, то совершилась заметная перемена в их сознании, {202} научившая их ценить свое человеческое и национальное достоинство; теперь они были готовы защищать эти ценности даже самой дорогой ценой. И нет никаких сомнений, что эта фундаментальная внутренняя метаморфоза произошла в большой степени под влиянием воспитательной работы сионистов. Это признавала даже еврейская печать несионистского направления. Мужественное выступление еврейской самообороны в Гомеле еще больше укрепило в молодых евреях чувство человеческого и национального достоинства, они уже более не собирались склонять голову перед каждым хамом-антисемитом и безропотно глотать оскорбления. Сионистский еженедельник "Хроника еврейской жизни" сообщает, что в Двинске, городе с многочисленным еврейским населением, 60 девочек-евреек ушли из русской школы в знак протеста против антисемитской выходки преподавателя по отношению к одной из учениц. И это лишь один из множества примеров той перемены, которая совершилась в национальном самосознании российского еврейства и, в особенности, его молодого поколения.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава двенадцатая - ЕВРЕЙСТВО РОССИИ МЕЖДУ ШЕСТЫМ И СЕДЬМЫМ КОНГРЕССОМ

3. Еврейская самооборона и участие в ней сионистов

Как уже упоминалось, призыв к самообороне прозвучал в среде еврейства России сразу же после Кишиневского погрома, в апреле 1903 года. Однако первая попытка самозащиты была предпринята еще на Пасху 1901 года в Екатеринославе местным союзом Поалей Цион.

Бер Борохов рассказывает, что у самообороны в Екатеринославе произошли стычки с хулиганами, которых она обратила в бегство без вмешательства полиции. Таким образом, первая группа еврейской самообороны в России в 20 веке возникла на базе союза Поалей Цион за два с половиной года до выступления самообороны в Гомеле.

Лео Моцкин, издавший два тома сочинений {203} (на немецком языке) о еврейских погромах в России, приводит подробности зарождения организации самообороны и разного отношения к ее идее со стороны сионистов и антисионистского Бунда. Позиция Бунда была поначалу отрицательной: он считал необходимым прежде всего упрочить свою партию и укрепить ее во имя революционной борьбы с самодержавием, допускающим еврейские погромы. Организация же еврейских отрядов самообороны была, с точки зрения Бунда, мелкобуржуазной затеей, способной привести к затуманиванию классового сознания и ослаблению классовой борьбы.

Только через некоторое время Бунд отошел от этой позиции и создал группы из числа членов партии, под своим партийным флагом.

Совершенно иным было отношение к этому вопросу сионистских кругов. Многие из сионистских руководителей незамедлительно выдвинули лозунг о необходимости национальной самообороны, апеллируя при этом к развитому национальному чувству евреев как в среде сионистов, так и в рядах их противников из еврейской общественности. Благодаря почти одной только сионистской инициативе возникли - сразу же после Кишиневского погрома и несколько позднее - организации еврейской самообороны в таких крупных центрах, как Киев, Одесса, Екатеринослав, Ростов, Елизаветград, Николаев, Минск, Варшава и др. В некоторых местах, например, в Киеве, Одессе, а потом и в Варшаве, были попытки организовать самооборону целого округа. Существовала даже идея создать одну общую, всероссийскую организацию еврейской самообороны.

Правда, достигнуть более широких целей не удалось из-за печальной еврейской действительности в России. Однако идея самообороны проникла даже в такие места и такие общественные круги, которые были далеки от всякой политики. Так возникали в разных местах все новые отряды самообороны. Каждый погром служил побуждающим стимулом, а мужество, проявленное защитниками, укрепляло стремление своими силами положить конец бесчинствам. Исследование, проведенное в пострадавших от погрома местностях, показало, что более чем в половине случаев были сформированы отряды самообороны, большие и малые.

Поначалу в такие формирования входило относительно большое число участников. Так, например, в Киеве организация самообороны насчитывала около 1500 человек, в Кишиневе - 1000, а в Одессе еще больше. Однако из-за нехватки оружия и боеприпасов всех людей нельзя было использовать. Да и не было нужды в столь многочисленных отрядах. Опыт показал, что даже в большом городе 200-300 хорошо вооруженных участников самообороны было совершенно достаточно, чтобы ликвидировать в зародыше любую попытку устроить погром. В городах поменьше хватало и нескольких десятков человек. Все это, разумеется, при условии, что войска и полиция не выступали на стороне громил, храня, по крайней мере, нейтралитет.

Отряды сталкивались с многочисленными трудностями при добывании оружия. Участники самообороны принадлежали, в основном, к трудящимся слоям населения и среднему классу, то есть не имели достаточных материальных средств, в то время как зажиточные евреи в подавляющем большинстве относились к самообороне неодобрительно, считая ее авантюрой и бесперспективной затеей. Они предпочитали полагаться на

защиту местных властей, которые можно было подкупить. Кроме того, зажиточные евреи боялись, как бы их деньги, попав в руки участников самообороны, не пошли на революционную работу. Что касается властей, то они следили за самообороной во все глаза, устраивали налеты и обыски, конфискуя и то незначительное количество оружия, которое с таким трудом удавалось раздобыть. Неизбежным следствием всего этого было сокращение роста и эффективности еврейской самообороны.

Важная роль выпала на долю оборонных формирований в период между Кишиневским погромом и "погромами революции", прокатившимися по местностям {205} с еврейским населением в октябре 1905 года, в дни Первой русской революции. Там, где полиция и войска не выступали на стороне громил, самооборона действовала успешно.

В Палестину идею самообороны принесли с собой зачинатели Второй алии, прибывшие в Страну в дни праздника Хануки в 1904 году. То были гомельцы, которые уехали организованной группой (13-14 человек) вскоре после погрома, разразившегося в их городе в сентябре 1903 года. Они принесли с собой не только идею, но и первый практический опыт защиты от внешнего врага собственными силами. Гомельцы принадлежали к минскому течению Поалей Цион. Они не верили в пользу политической борьбы в диаспоре, но, вместе с тем, активно участвовали в организации групп обороны и в борьбе против погромщиков в Гомеле, так как сражались за еврейское достоинство. Гомельские отряды самообороны, укомплектованные членами Поалей Цион, носили символическое наименование Гиборей Цион (Герои Сиона). Таким образом, еще в диаспоре гомельцы, выступив на защиту своих братьев и чести своего народа, начертали на своем знамени Сион.

Во главе группы из Гомеля стоял Иехезкель Ханкин. Он был центральной фигурой в гомельском отряде самообороны во время погрома, а позднее явился одним из основателей союзов Бар-Гиора (Имя одного из вождей восстания евреев против римского владычества. Из организации Бар-Гиора позднее развился Хашомер.) и Хашомер в Эрец-Исраэль.

Вскоре после приезда в Страну гомельской группы (1904) сюда прибыли братья Шохат, Элиэзер и Исраэль, активисты самообороны в Гродно. Исраэль Шохат выступил с идеей создания Хашомера и был одним из его основателей. В истории самозащиты в {206} Эрец-Исраэль важнейшую роль сыграл принесенный Второй алией опыт русской революции и еврейской самообороны в России. Бесспорно, что и без этого с течением времени проявилась бы отвага евреев в Эрец-Исраэль, но кто знает, как долго пришлось бы этого ждать, если б не чудесная метаморфоза, произошедшая с молодежью крупнейшего скопления еврейства в диаспоре - в черте еврейской оседлости

России - в начале 20 века. Молодежь эта побывала в горниле русского переворота и погромов, и в ней пробудились дремавшие веками силы. Горстка этой молодежи достигла берегов Эрец-Исраэль и вновь зажгла в ней пламя еврейской доблести.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава двенадцатая - ЕВРЕЙСТВО РОССИИ МЕЖДУ ШЕСТЫМ И СЕДЬМЫМ КОНГРЕССОМ

4. Погром в Житомире и доблесть участников самообороны

Однако и власти извлекли урок из факта появления еврейской самообороны и ее действий и поэтому вскоре переменяли тактику: войска перестали "запаздывать", и погромщики чувствовали себя уверенно, освободившись от страха перед самообороной. Так поступили власти во время кровопролитного погрома в Житомире, главном городе Волыни, - вскоре после мелитопольского погрома, на Пасху 1905 года.

Это была заранее запрограммированная и хорошо подготовленная местными властями акция по образцу Кишинева и Гомеля, призванная сыграть роль политического средства против революционеров. Она явилась своего рода генеральной репетицией перед волной погромов, обрушившихся на евреев в сотнях городов и местечек России через полгода - в октябре 1905 года, в дни Первой русской революции.

Поскольку среди местных социалистов самой активной была еврейская молодежь, черносотенцы решили дать евреям урок.

Они пустили по городу слух, будто евреи упражняются за городом в стрельбе, пользуясь в качестве мишени портретом императора, и готовятся учинить резню христиан. Организаторы житомирского {207} погрома вызвали на помощь группу громил из Москвы.

Еврейская молодежь Житомира в самом деле лихорадочно готовилась к самообороне ввиду явных признаков близкого погрома. Он начался 23 апреля. Четверо суток в городе бесчинствовали банды черносотенцев.

Большинство еврейских домов было разрушено, значительная часть имущества расхищена. Десятки людей были убиты и сотни ранены, многие из них вскоре умерли от ран. Еврейская самооборона действовала с величайшим мужеством повсюду, где ей не мешали войска и полиция. Однако там, где против самообороны выступали войска, ее ряды несли потери. Пятнадцать участников погибли и около ста получили ранения.

Среди павших был также русский студент Николай Блинов, принимавший участие в еврейской самообороне. Студент-эсер Николай Блинов из-за преследования властей эмигрировал в Женеву, где продолжил учебу в университете. Незадолго до Житомирского погрома он вернулся в Россию, в Киев; оттуда отправился навестить родителей в Житомир - и, защищая евреев, погиб, оставив жену и двоих детей.

Участники самообороны сражались самоотверженно и героически. Однако еврейское население города было предоставлено своей судьбе - городские власти и местная русская общественность и пальцем не пошевелили, чтобы прекратить погром.

28 апреля в Житомире состоялись похороны погибших участников самообороны. На могилы были возложены венки - от имени сионистов. Поалей Цион, студентов. В субботу 7 мая в Большой хоральной синагоге в Петербурге по просьбе молящихся была прочитана заупокойная молитва по жертвам Житомирского погрома. После молитвы выступили ораторы, в том числе и сионисты. Выступавшие говорили о причинах погрома и указывали на разницу между событиями в Житомире и Кишиневе. Евреи уже не отсиживаются по погребам, они мужественно сражаются и гибнут с оружием в руках, защищая честь своего народа.

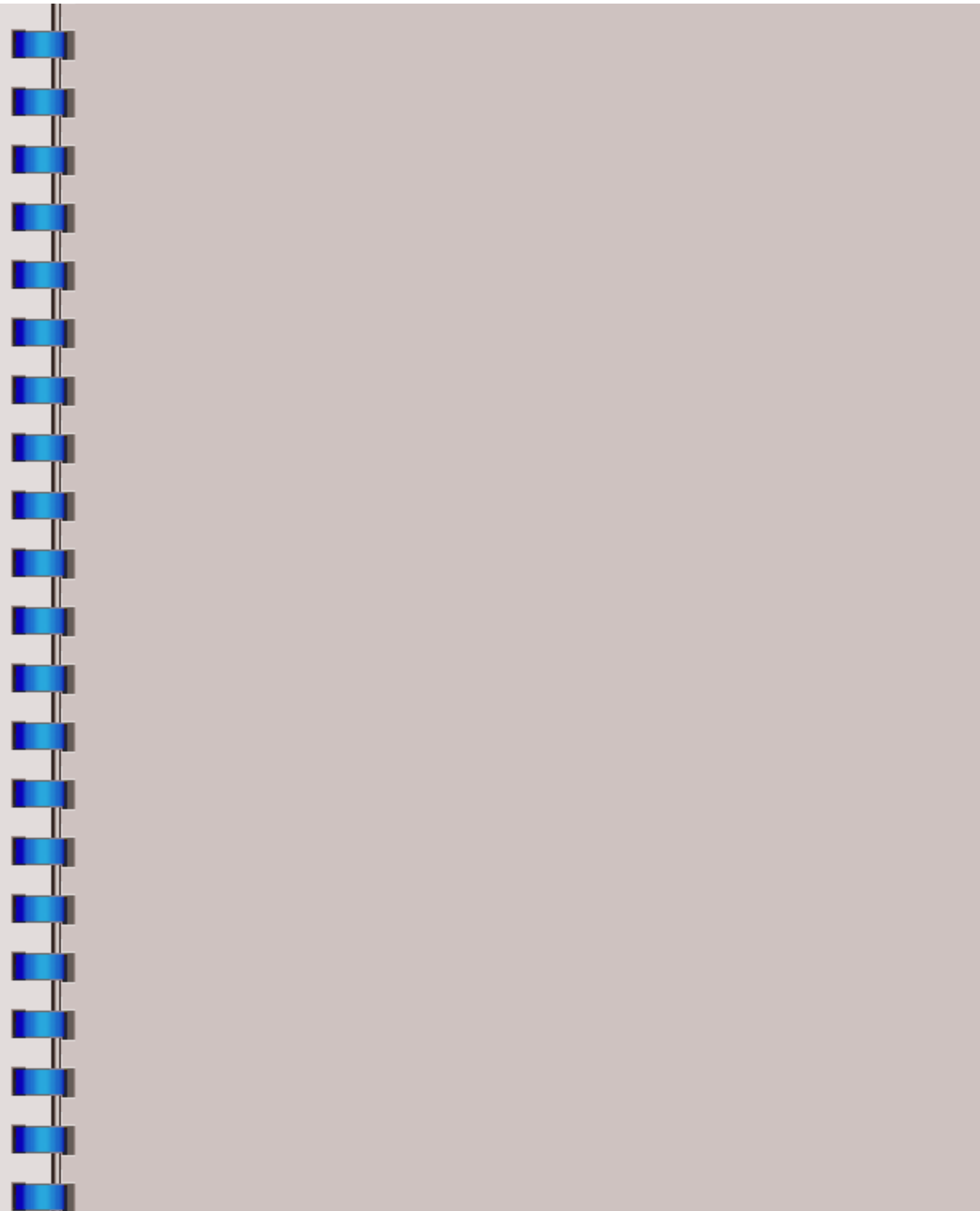
{208} Читая заупокойную молитву, кантор включил в нее, наряду с именами жертв-евреев, имя христианина Николая Блинова.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава тринадцатая - ЦИОНЕЙ ЦИОН ПРОДОЛЖАЮТ БОРЬБУ

1. Разброд в движении после смерти Герцля

Со смертью Герцля сионистское движение уподобилось кораблю, оставшемуся в губительном штормовом море без капитана. Среди членов венского руководства не нашлось никого, кто был бы способен заменить покойного президента, верховный авторитет которого являлся незыблемым даже в глазах его критиков. В движении наблюдалось замешательство, и внутренний раскол, последовавший за полемикой вокруг Уганды, еще более углубился и расширился. Самую резкую и крайнюю форму этот раскол принял в России.

Значительная часть "угандистов", выступавших сначала под лозунгом: "В Сион через Уганду!", пошла дальше и превратилась просто в "территориалистов", иначе говоря - в сторонников любой территории, которую можно заполучить, и открытых противников Эрец-Исраэль. В спорах с Ционей Цион они бросали фразы типа: "Долой Палестину, пустыню и запустение!", "Палестина - мертвая страна" и т. п.

Невыносимо тяжело было слышать это из уст людей, которые только вчера торжественно присягали на верность Сиону и Иерусалиму (Уйдя позднее с Седьмого конгресса (1905 г.), они основали партию сионистов-социалистов (она же социал-территориалистическая партия) во главе с д-ром Нахманом Сыркиным. Как упоминалось, в 1909 г. Сыркин вернулся к "классическому сионизму" и вместе с единомышленниками объединился на Чикагской конференции с Поалей Цион, верными Эрец-Исраэль. В России, однако, партия

сионистов-социалистов просуществовала до 1917 года. Некоторые ее участники после Октябрьского переворота примкнули к большевикам и работали в так называемой Евсекции.).

{209} Во время полемики вокруг Уганды подавляющее большинство российских делегатов выступило против угандийского предложения. Таким образом, можно было полагать, что сионистское движение в России, не колеблясь, поддержит Ционей Цион. Однако после конгресса картина изменилась: из-за острого столкновения между Ционей Цион, с одной стороны, и угандистами и территориалистами - с другой, движение оказалось на распутье, и распри проникли почти во все отделения и округа. Пытаясь подорвать престиж Ционей Цион в глазах участников движения, их противники говорили, что те против политического сионизма вообще и представляют собой не что иное, как Ховевей Цион старого образца; себя же они называли политическими сионистами.

Поэтому Ционей Цион старались доказать, что поддерживают политический сионизм, но только такой, который ориентируется исключительно на Палестину, а не на Уганду или какую-нибудь другую территорию. Эту концепцию палестинофильского политического сионизма изложил сионистский еженедельник "Хроника еврейской жизни" в редакционном обзоре первых семи лет существования Сионистской организации. В статье говорилось:

"Мы, конечно, не отрицаем существования кризиса, напротив, мы признаем, что кризис - тяжелый и очень важный. Но он именно потому тяжел и важен, что в его лихорадке вырабатывается новый и богатый фазис сионизма. Наше движение вышло из своего детства и переживает разгар отроческого перелома. Подросток не может не пройти через период острого, часто мучительного брожения, и чем глубже переживает он этот период, тем более крепок, устойчив и плодороден будет его {210}

дух в пору молодости и зрелости. Вглядываясь во всю эту бурлящую суматоху вопросов и споров, мы совершенно ясно видим в ней повсюду одну и ту же яркую и определенную идею: принцип национальной самодеятельности, который был и будет основой всякого национального освобождения.

Первоначально этот принцип охватил только наше будущее; теперь он стремится, шаг за шагом, обнять и настоящее, взять в свое ведение все стороны еврейской жизни. Он растет, и мы осторожно, заботливо, но спокойно и уверенно следим за его ростом.

Не присоединяясь к оплакивателям будущего, не присоединимся мы и к порицателям прошлого. Опять-таки не потому, чтобы мы считали официальную тактику первых семи лет политического сионизма хоть сколько-нибудь безошибочной. Напротив: мы признаем все ее недостатки.

Но мы в то же время понимаем ее историческую необходимость, - скажем больше: ее историческую мудрость. Задача истекшего семилетнего периода состояла не в том, чтобы "выхлопотать" Палестину, а в том, чтобы положить начало политической организации, ибо только политическая организация может взять на себя столь трудную и длительную политическую работу, как создание нового государства.

Но для того, чтобы созвать и сплотить этот зародыш организации, нужен был какой-нибудь конкретный стимул, какая-нибудь достаточно яркая и не особенно сложная формула. Было бы ошибкой поставить перед юным движением нашу задачу во всем ее сложном объеме, требующем колоссальных трудов и долголетнего активного терпения. Изумительное чутье Герцля подсказало ему именно ту элементарную схему сионизма, вокруг которой только и можно было на первых порах сплотить столь разрозненную и взбалмошную массу, как наша. Подсказало и заставило самого поверить в эту схему. И если теперь мы выросли из нее и готовимся ее расширить, то это не ошибка Герцля, а его заслуга.

Схема сионизма стремится к расширению и, несомненно, расширится, как бы мы ни противились и ни {211} упирались. Может быть, вернее даже было бы сказать, что до сих пор мы только строили ту динамо-машину, без которой невозможна была бы вообще никакая работа, а теперь машина готова, и мы стремимся дать ее силе конкретное применение - установить содержание сионизма.

Мы не берем на себя здесь теоретического ответа. Жизнь сама создаст реальный ответ. Что будет заключаться в этом ответе - ясно уже теперь.

Он гласит: сионизм не есть партия, сионизм есть национальная политическая организация. Поэтому содержание сионизма есть национальная самостоятельность во всем объеме этого понятия, - служение всем национальным потребностям еврейского народа, материальным и духовным, и, прежде всего - основной, единой, всеобъемлющей потребности в собственной земле.

По мере того как улетучивалось неизбежное опьянение первых лет и перед нами выяснялось, что создание Еврейского государства есть процесс

длительный, дело десятков и десятков лет, - мы стали догадываться, на первых порах еще пугливо, что рано или поздно сионизму придется взять на себя попечение о всех интересах и запросах еврейского народа, от великих до малых. Придется невольно и совершенно неизбежно, не по злой или доброй воле сионистов, а так же естественно, как растет и пухнет снежный ком, катящийся под гору. Это произойдет по двум причинам: потому, что это нужно сионизму как партии, и сионизму как идеалу.

Это нужно сионизму как партии, потому что нам необходимо захватить преобладающее влияние среди еврейства, стать господами положения. А господином положения в данной среде может быть только тот, из чьих рук эта среда привыкла получать то важнейшее, в чем она нуждается. Уж и теперь мы с гордостью указываем на то, что во время такого-то погрома сионисты были на своих местах, - хотя нам могут возразить, что о погромах в базельской программе ничего не говорится.

Мы понимаем, как важно для упрочения {212} нашего влияния показать, что в момент наиболее острой национальной нужды мы пришли на помощь своему народу. Так же точно заставит нас жизнь, шаг за шагом, откликнуться и на все другие, уже не острые, а хронические нужды этого народа.

Это нужно и сионизму как идеалу, ибо Палестину нельзя ни выпросить, ни выплакать, а можно только взять упорной и планомерной работой сильной политической организации, имеющей определенный удельный вес на чаше весов международной политики".

В статье заметны признаки освобождения от растерянности и поиск путей продолжения сионистской работы в соответствии с конкретными условиями жизни и положения русских евреев.

После смерти Герцля, летом 1904 года в Вене состоялось заседание Большого исполкома. Главным пунктом повестки дня были приготовления к Седьмому конгрессу. Усышкин предложил кандидатуру Нордау на пост президента Сионистской организации. Он обосновывал это тем, что Нордау был наиболее близок к Герцлю и его политической деятельности и будет так же пользоваться доверием движения. Предложение охотно приняли и довели до сведения Нордау, послав к нему делегацию; принять этот пост Нордау, однако, отказался. Среди мотивов отказа основным было состояние его здоровья. Четверо членов Малого исполкома в Вене, оставшись без Герцля, не считали себя достаточно полномочными, чтобы руководить движением. Поэтому было решено присоединить к ним еще пятерых из числа членов Большого исполкома и поручить этому новому органу в составе девяти человек разработать

программу Седьмого конгресса. От сионистов России в эту комиссию вошли Усышкин и Членов. Вскоре состав комиссии был расширен до тринадцати человек.

В частности предполагалось, что сионистское Правление должно выполнить резолюцию Шестого конгресса о посылке экспедиции в Восточную Африку с задачей изучить пригодность Уганды для еврейского {213} поселения. Поскольку конгресс запретил расходовать на эту цель средства из источников Сионистской организации, вопрос финансирования экспедиции (требовалось около 50 тысяч франков) оказался чрезвычайно трудным, В конце концов нашелся частный источник: эту сумму пожертвовал один из друзей сионизма, англичанин-христианин, пожелавший остаться неизвестным.

На заседании Большого исполкома в начале января 1905 года председательствующий объявил, что экспедиция в Восточную Африку уже отбыла в конце декабря в следующем составе: английский майор Гиббонс, известный исследователь Африки; швейцарский профессор Кайзер, специалист по Восточной Африке; инженер Вильбушевич, из сионистских активистов России. После того как экспедиция представит свой отчет, вопрос о поселении в Уганде будет вынесен на окончательное рассмотрение Седьмого конгресса, формально разделенного на две части: очередной конгресс, который займется текущими делами движения, и внеочередной - для обсуждения и решения исключительно угандийского вопроса. На заседании Большого исполкома в мае 1905 года, последнем перед Седьмым конгрессом, отчет восточно-африканской экспедиции уже был обсужден.

Выводы Вильбушевича и Кайзера были резко отрицательными. Третий участник экспедиции, Гиббонс, не соглашался с пессимизмом двух своих коллег, однако и он считал, что речь может идти только об ограниченной колонизации, которая потребует много времени и больших капиталовложений. В итоге Исполком единогласно решил, что он не может рекомендовать Сионистской организации заняться реализацией угандийского предложения. Вместе с тем конгрессу предлагалось выразить английскому правительству глубокую признательность за его симпатии к еврейскому народу.

Такое решение, основанное на отчете экспедиции, казалось, должно было положить конец угандийской полемике, охватившей все сионистское движение. На деле это оказалось не так, ввиду того, что тем {214} временем возникло и организовалось течение территориалистов - откровенных противников Эрец-Исраэль, добивавшихся ревизии Базельской программы.

mail.ru	1330
3685308	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава тринадцатая - ЦИОНЕЙ ЦИОН ПРОДОЛЖАЮТ БОРЬБУ

2. "Наша программа"

М. Усышкин, не принимавший участия в Шестом базельском конгрессе (он в это время организовывал новый ишув в Палестине), по возвращении в Россию стал духовным вождем Ционей Цион. Идеиный разброд, охвативший движение из-за полемики вокруг Уганды, побудил Усышкина заново и четко сформулировать основные практические положения сионизма, дабы объединить сионистские силы на базе ясной и детализированной программы.

В декабрьском (1904 г.) выпуске сионистского журнала "Еврейская жизнь" он опубликовал большую статью под названием "Наша программа". Эта статья, содержащая двадцать глав, была затем издана отдельной брошюрой, и ее распространяли накануне Седьмого конгресса среди участников движения.

Автор "Программы" дал обзор развития сионизма за четверть века, от возникновения Хибат Цион, и пришел к выводу, что Хибат Цион, духовный сионизм и конгрессно-дипломатический сионизм - не что иное, как разные формы одной сущности, а именно - политического сионизма. В политическом возрождении любой нации участвуют три слагаемых: народ, территория и внешние обстоятельства. Для того чтобы любой народ оказался в состоянии построить самостоятельный политический и культурно-экономический центр, он должен исподволь готовить себя к этой цели. Он должен проникнуться сильным и развитым национальным сознанием. Он должен быть сплочен при помощи мощной и дисциплинированной организации и обладать большими

денежными средствами; должен быть стойким и запастись терпением. Однако прежде всего необходима полная, вытекающая из высокой {215} сознательности, готовность жертвовать сиюминутными нуждами ради интересов будущего. При отсутствии всех этих предпосылок любые попытки создать политический центр обречены на провал.

Что касается территории, то еще до возникновения государства она в экономическом и культурном смысле должна стать фактическим достоянием того народа, который избрал ее своим центром. Необходимо, чтобы вся жизнь на этой территории была неразрывно связана с данным народом: он должен на деле владеть страной, хотя пока и без юридических на то оснований. Он должен быть связан с этой страной узами духовной преданности и любви и окропить ее землю потом своим и кровью.

Наконец, третье слагаемое - внешние обстоятельства. Даже если первые два уже существуют, не всегда возможно обрести страну, если этому не благоприятствуют внешние обстоятельства, например, отношение других народов и т. п. Для устранения таких препятствий требуются планомерные и систематические дипломатические усилия. В заключение, говоря о теории сионизма, Усышкин приходит к следующему выводу:

"Я не сказал ни одного нового слова, но повторил старые истины, которые, чем они старше, тем они все больше и больше забываются. Я призываю всех искренних палестинцев-сионистов возвратиться не к Хибат Цион, не к духовному сионизму и не к дипломатическому сионизму, а к синтезу всех этих трех течений - т. е. к политическому сионизму, сформулированному в Базельской программе".

Говоря о практических действиях, автор "Программы" требует, чтобы Сионистская организация безотлагательно приступила к работе в Палестине, не забывая при этом о дипломатической деятельности. Вместе с тем он выступает за сотрудничество с бароном Ротшильдом, обществом ЕКО и менее значительными организациями, занимающимися колонизацией Палестины, такими, как Одесский комитет, общество "Эзра" в Германии и др.

{216} Усышкин также повторяет свою мысль, с которой он уже однажды выступал, - о создании халуцианской службы: в рамках этой службы еврейская молодежь будет добровольно работать определенное время в Эрец-Исраэль в качестве земледельцев, закладывая основы еврейского труда, без чего еврейскому государству не бывать. С этой целью он предлагает создать Всемирную еврейскую рабочую артель из холостой, здоровой - физически и духовно - еврейской молодежи.

Каждый член этой артели будет обязан на три года поехать в Эрец-Исраэль, чтобы послужить там своему народу, как на военной службе - только не саблей и ружьем, а бороною и плугом.

Тысячи таких молодых людей придут в еврейские поселения и предложат там свои услуги в качестве наемных работников за ту же плату, что и арабские рабочие. Им придется жить в самых суровых условиях, как живут солдаты в казармах. Вместе с тем учреждениям разных обществ будет вменено в обязанность бесплатно обеспечивать нужды этой молодежи в области жилья, медицинской помощи и культуры (книги, газеты и т. д.).

После прохождения такой трехгодичной службы каждый юноша сумеет, в зависимости от своего желания, либо осесть в Стране (при поддержке и при помощи учреждений), либо вернуться на прежнее место жительства, что сделает, по-видимому, большинство. После отбывания такой повинности молодые люди будут вправе устраивать свою дальнейшую жизнь по своему вкусу. При этом создание рабочей артели позволит достичь еще одной и не менее важной цели: живой, а не абстрактной, как до сих пор, связи между евреями диаспоры и палестинскими евреями. Нет сомнений, что в диаспоре найдутся молодые идеалисты, и если в восьмидесятые годы у нас были десятки билуэцев, то сейчас мы сумеем мобилизовать тысячи. У нас живая, самоотверженная молодежь - надо лишь обратиться к ней с призывом и указать путь к действию.

Исходя из определения политического сионизма как синтеза трех форм (или направлений): Хибат Цион, {217} духовного сионизма и сионизма дипломатического - синтеза, построенного на Базельской программе с приматом Эрец-Исраэль, Усышкин, в сущности, приходит к выводу, что в Сионистской организации место только сторонникам Сиона. Отсюда следует, что угандисты и территориалисты всех мастей и течений не могут быть членами этой организации. Тем самым Усышкин определил линию крыла "бескомпромиссных" среди Ционей Цион, в отличие от тех, кто на определенных условиях был готов согласиться с присутствием умеренных угандистов в рядах Сионистской организации. К такой линии склонялся Членов, предлагавший отнести к угандистам терпимо, дабы попытаться ликвидировать раскол. Экстремисты взяли, однако, верх как среди Ционей Цион, так и среди территориалистов.

Усышкин заключает "Программу" предсказанием:

"Пройдут десятки лет, - народ наш будет крепнуть духом, организацией и материальными средствами. Страна наша постепенно фактически перейдет в

наши руки. Народы и государи всего мира проникнутся нашими историческими идеалами, и плод нашей работы созреет. Нужно будет только его сорвать; и явится тот Герой, пришествия Которого наш народ ожидает вот уже скоро два тысячелетия. Не бесправное или духовное гетто стран галута его вскормит, а свободный дух Иудейских и Галилейских гор. Он нам отопрет врата нашей родины не извне, а изнутри. Он соединит в себе силу и отвагу древнего Бар-Кохбы с умом и обаянием современного Герцля. Он смело и гордо перед лицом всего мира водрузит бело-голубое знамя освобожденного Израиля на горе Сион. Это не сказка. Это не фантазия. Это сбудется".

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава тринадцатая - ЦИОНЕЙ ЦИОН ПРОДОЛЖАЮТ БОРЬБУ

3. Полемика перед Седьмым конгрессом

Еще до того, как на своем майском (1905 г.) заседании Исполком отверг угандийское предложение, Усышкин организовал в России во всем сионистском {218} движении широкую разъяснительную кампанию в духе Ционей Цион против угандистов и территориалистов. На места были отправлены агитаторы, вступившие в контакт с рядовыми участниками движения. К этому делу Усышкин привлек молодых - Бера Борохова и Владимира (Зеэва) Жаботинского, которые обладали выдающимся ораторским и публицистическим даром.

Борохова, подходившего к сионизму с точки зрения исторического материализма, Усышкин посылал агитировать, главным образом, в круги Поалей Цион, поскольку там свили себе гнездо территориалисты марксистского толка.

Лекции Борохова на эту тему легли в основу его обширного и глубокого труда, опубликованного в "Еврейской жизни" (1905 г.) в виде серии статей под общим названием "К вопросу о Сионе и территории". Там он говорит о триедином идеале Сиона, вкладывая в этот идеал следующее содержание: "Сион - освобождение еврейского народа; Сион - возрождение еврейской культуры; Сион - возвращение на древнюю родину".

Причем это не три отдельных идеала, но один триединый идеал. Борохов

говорит, что Ционей Цион принципиальны не только в отношении идеала, но и в области практической программы, т. к. "единственная территория, практически достижимая для семитского народа с европейской культурой, - это Палестина".

Угандисты и территориалисты, говорит Борохов, в своей аргументации статикой подменяют динамику. Ни нынешние наши возможности, ни трудности, с которыми мы теперь сталкиваемся, - не есть нечто данное раз и навсегда. Углубленно проанализировав проблему с учетом динамики, Борохов приходит к заключительному выводу, что Палестина - это единственно желанная территория, потому что Палестина - Эрец-Исраэль - единственная территория, которая для евреев предназначена, потому что евреи постепенно овладеют Эрец-Исраэль в силу исторической неизбежности. Не все в кругах Поалей Цион были территориалистами, и Борохову удалось сплотить имевшихся среди них Ционей Цион - ядро, из которого затем вышла {219} социал-демократическая партия Поалей Цион (1906 г.).

Вообще-то сионисты недооценивали значения этого рабочего движения для дела сионизма, против чего протестовал Жаботинский в еженедельнике "Хроника еврейской жизни", требуя признать это движение и помочь его развитию. Он писал, что необходимо установление таких "взаимных отношений между Поалей Цион и обще-сионистским лагерем, которые дали бы этому молодому движению возможность вполне свободно и самобытно развиваться.

Это я считаю крайне важным. Недоверчивое отношение многих мещанских элементов сионизма к П.Ц., боязливые и придирчивые вопросы: "да где же их сионизм?" - это все доказывает нашу политическую близорукость. Сионизм П.Ц. именно в том, что они гласно признают необходимость еврейского государства, между тем как до их появления организованный еврейский пролетариат был поголовно против еврейского государства.

Поалей Цион ведут в наш лагерь самую ценную часть еврейского народа, и оттого каждый их успех есть успех всего нашего движения, и все, что способно облегчить им дорогу, облегчает задачу сионизма, хотя бы в то же время отношения между нами и П.Ц. продолжали выливаться, как и теперь, в самые резкие формы взаимной критики. Не нужно никогда забывать, что резкая обособленность П.Ц. от общесионистского лагеря есть и будет всегда необходимостью, вытекающей из их особой классовой психологии, и для того, чтобы их молодая теория выработала гармонический, правильный *modus vivendi* между национальной и классовой точкой зрения, нужно время и полная свобода развития. Эту свободу развития мы им должны предоставить, признав их особой федерацией, имеющей право на получение

соответствующих сумм из кассы организации для самостоятельного расходования их, а также право на представительство в исполнительных органах конгресса".

Таковы были взгляды Жаботинского на сионистское рабочее движение, высказанные им в 1905 году {220} во время полемики между Ционей Цион с территориялистами и угандистами.

Итак, Большой исполком отверг предложение об Уганде. Однако это было еще не все, ибо последнее слово оставалось за полномочным конгрессом. Поэтому оба лагеря - Ционей Цион и территориялисты разного толка - вступили в решающую борьбу за привлечение на свою сторону сионистского общественного мнения в преддверии Седьмого конгресса.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава тринадцатая - ЦИОНЕЙ ЦИОН ПРОДОЛЖАЮТ БОРЬБУ

4. Съезды в Вильно (Ционей Цион) и Варшаве (территориалисты)

По инициативе Усышкина 1 января 1905 года в Вильно был созван съезд активистов Ционей Цион. Кроме Усышкина, организаторами были И. Гольдберг, Г. Златопольский, Ш. Розенбаум, М. Шейнкин.

Съезд не был выборным - рассылались приглашения. Прибыли 47 представителей из 21 города разных концов России. Состав участников был чрезвычайно пестрым: купцы, газетчики, рабочие, представители свободных профессий (врачи и адвокаты), раввины, студенты, общественники. Активно участвовали в работе съезда Б. Борохов, В. Жаботинский, И. Гринбаум, Н. Лурье, Л. Яффе, Е. Членов, Ш. Левин и другие. После четырехдневных прений был принят ряд резолюций в духе "Нашей программы" Усышкина. Вот содержание главных решений:

"..По вопросу территориализма. Ввиду того, что появилось течение, которое признает возможность воплощения конечной цели сионизма в другой стране, вне Эрец-Исраэль, съезд констатирует, что это течение противоречит историческому идеалу сионизма и Базельской программе. Съезд считает необходимым разъяснить в печати как можно более полно и фундаментально обоснованность притязаний территориализма. У территориалистов, отрицающих основной {221} параграф Базельской программы о возрождении еврейского народа в Палестине, нет нравственного права на сионистский "шекель". Съезд решает не допустить в конгрессе никаких обсуждений по

поводу какого-либо изменения Базельской программы.

По вопросу об Уганде. Необходимо разъяснить устно и в печати, что угандийское предложение, с одной стороны, противоречит принципам сионизма, а с другой - не способно облегчить бедствия еврейских масс. Поэтому угандийское предложение должно быть категорически отвергнуто, если оно будет вынесено на конгресс в какой-либо форме.

О практической работе в Палестине. Необходимо немедленно приступить к практической работе в Эрец-Исраэль, такой, как выкуп земель, организация ишува, развитие сельского хозяйства, ремесел, торговли и промышленности, строительство школ, возрождение языка иврит и др.; надо основать среднюю школу имени Герцля..."

Таковы были решения съезда Ционей Цион в Вильно в январе 1905 года. Но и оппозиционная сторона организовалась и готовилась к выборам в конгресс. В апреле в Варшаве состоялся съезд "чисто-политических сионистов" (территориалистов) под предводительством

д-ра Мандельштама. Участвовали Ясиновский, Ельский, раввин Рейнес и другие делегаты из 15 городов: Одессы, Лиды, Белостока, Елизаветграда, Ковно, Варшавы, Гродно, Ровно, Дубно и др. Было решено предъявить Седьмому конгрессу ряд требований:

Изменение Базельской программы путем принятия следующей формулировки параграфа о цели сионизма:

"Сионизм стремится создать для еврейского народа убежище на доступной для этой цели территории"; упразднить резолюцию Третьего конгресса об изменении устава Колониального банка, ограничивающего сферу деятельности этого учреждения исключительно пределами Палестины; выступить против перевода капитала банка из Лондона в Палестину; постановить не приобретать земельные участки в Палестине на средства Национального фонда, пока у нас нет в стране автономных прав; не создавать никаких учреждений или компаний для практических действий в любой стране, пока не получено политических гарантий; сопротивляться любой мелкой переселенческой работе без политической автономии; учредить суд для рассмотрения в нем действий сионистского Исполкома в целом и товарищей из России в частности, за то, что они препятствовали выполнению решения Шестого конгресса о посылке в Восточную Африку экспедиции и фактически провалили угандийский проект; отменить решение Исполкома о разделении Седьмого конгресса на два (очередной и внеочередной), поскольку такое

разделение оставляет угандийский вопрос вне повестки дня конгресса.

В отношении угандистов съезд постановил, что видит в них непоследовательных территориалистов. Приняв угандийское предложение, они тем самым на деле приняли точку зрения территориализма, не дойдя до его логических выводов. Тем не менее они более близки к территориалистам, нежели остальные течения, а посему необходимо объединиться с ними для практических совместных действий, особенно на выборах в Седьмой конгресс. Решено приступить к предвыборной агитации.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава тринадцатая - ЦИОНЕЙ ЦИОН ПРОДОЛЖАЮТ БОРЬБУ

5. Сопутствия перед Седьмым конгрессом

На выборах в Седьмой конгресс победу в России одержали Ционей Цион: они добились подавляющего большинства в общем числе делегатов. На Западе сторонникам Сиона также сопутствовал успех. Таким образом, можно было заранее предвидеть, что на конгрессе возьмут верх Ционей Цион.

Седьмой конгресс открылся в Базеле 27 июля 1905 года и продолжался до 2 августа. Примерно за неделю до открытия конгресса во Фрейбурге близ Базеля состоялась конференция Ционей Цион. {223} Председательствовал Усышкин. В конференции участвовало 200 делегатов, подавляющее большинство из России. После двухдневных прений решено было предложить конгрессу: а) провозгласить верность принципам Базельской программы; б) безотлагательно начать практическую работу в Палестине ; в) считать угандийский вопрос снятым с повестки дня ; г) исключить территориалистов из Сионистской организации.

Ниже приводится текст постановления, принятого Фрейбургской конференцией для представления конгрессу в Базеле:

"Седьмой сионистский Конгресс заявляет: сионистская организация непоколебимо держится основного принципа Базельской программы, согласно которому сионизм стремится создать для еврейского народа правоохраненное убежище в Палестине, и отклоняет всякую колониационную

деятельность вне Палестины и ближайших к ней соседних стран, безразлично будет ли такое предложение выставлено в виде цели движения или как средство для достижения цели.

Седьмой сионистский конгресс напоминает и усиленно подчеркивает, что, согласно первому пункту сионистских организационных статуты, сионистская организация обнимает всех тех евреев, которые заявляют о своем согласии с программой сионистского конгресса, и возлагает на руководителей движения ответственность за точное выполнение заключающегося в этом пункте постановления" ("Хроника еврейской жизни", № 27, 1905.).

В этом постановлении, как и в остальных резолюциях Фрейбургской конференции, нетрудно распознать решения, принятые в начале января 1905 года на съезде в Вильно.

Как сообщала еврейская газета "Дер Фрейнд" (Петербург, № 1, 1905), распределение делегатов Седьмого конгресса по странам было следующим:
{224}

Россия - 500,

Германия -31,

Австрия - 35,

Англия - 40,

Франция -4,

Голландия - 3,

Италия - 6,

Швейцария - 6,

Сербия - 4,

Болгария - 4,

Румыния - 20,

Палестина - 8,

Южная Африка - 30,

Соединенные Штаты Америки - 40,

Канада - 5,

Аргентина - 1,

Австралия - 1,

Китай - 1.

24 июля открылось предварительное совещание делегатов конгресса из России. В нем участвовало 380 человек: 300 Ционей Цион и 80 территориалистов и угандистов. Уже в самом начале заседания произошла яростная стычка большинства с меньшинством из-за процедуры выборов в президиум совещания. Оппозиция требовала пропорционального представительства в президиуме, но большинство не соглашалось с этим, так как прежде это не было принято. Территориалисты и угандисты устроили обструкцию. Поднялся оглушительный шум, и никто уже не слышал ораторов. От имени социалистов-территориалистов выступал Нахман Сыркин; от имени сторонников Сиона - Бер Борохов, но его слова беспрерывно заглушались территориалистами. Шум и ссора продолжались более двух часов, и заседание окончилось безрезультатно. Назавтра картина повторилась, с той разницей, что уже через час собрание было прекращено. Совещания российских делегатов на Седьмом конгрессе не проводились.

За день до открытия конгресса составили Постоянную комиссию, где делегаты организаций отдельных стран были представлены, как обычно, по их количественному соотношению. Из России в комиссию вошли 19 делегатов, из них 15 Ционей Цион и 4 представителя меньшинства. Хаим Вейцман, переехавший на постоянное жительство в Англию, был избран в Постоянную комиссию в качестве одного из четырех делегатов из Великобритании.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава тринадцатая - ЦИОНЕЙ ЦИОН ПРОДОЛЖАЮТ БОРЬБУ

6. Седьмой конгресс

Конгресс открылся 27 июля в первой половине дня речью Нордау, посвященной памяти Герцля. Это был {225} первый конгресс без его создателя. После слова о Герцле, в знак траура, заседание было тотчас закрыто, и конгресс собрался на второе заседание после обеда. Президентом конгресса был избран Нордау, его заместителями - Давид Вольфсон (Германия), Александр Марморек (Франция), З. Темкин и Я. Бернштейн-Коган (Россия).

Нордау выступил со своей традиционной речью о положении евреев в мире. На сей раз, в отличие от предыдущих конгрессов, он позволил себе открыто говорить о самодержавном строе в России, угнетающем евреев и лишаящим их элементарных прав. Он почтил память жертв погромов в Гомеле, Мелитополе и Житомире и память павших в рядах еврейской самообороны; прочувствованные слова он посвятил также памяти Николая Блинова, русского студента, вступившегося за евреев и погибшего в Житомире от рук громил.

Нордау подчеркнул, что долг сионистского движения - помогать всем евреям, страдающим от несправедливости и насилия, повсюду, где их жизнь и имущество находятся под угрозой. Он предсказал, что Россию ожидают глубокие перемены, которые могут оказать огромное влияние на судьбу шестимиллионного еврейского населения. Сионизм, исповедующий принципы свободы, права на самоопределение, принципы возрождения и прогресса, изменит себе, если не будет бороться за суверенность народа, за его

просвещение, против подавления его духа и против всех сил зла. (В этой части речи обычная политическая осторожность изменила Нордау, подобно многим в те дни, он, по-видимому, верил, что революционное брожение в России положит конец режиму и его тирании. То были, однако, напрасные надежды. Переворот 1905 года не удался, был очень быстро подавлен, и первой и главной жертвой этого стало еврейство России.)

Сионисты не верят, что еврейский вопрос в России будет окончательно разрешен по достижении равноправия. Идеалом сионистов России и других стран является национальное возрождение еврейского народа {226} на земле его предков. Тем не менее, ничто не удержит евреев России от борьбы вместе с лучшей частью русского народа за прогрессивный государственный строй, который предоставил бы все права и евреям. Ведь только свободные евреи смогут стать добрыми гражданами будущего еврейского государства.

А. Марморек зачитал отчет от имени руководства, указав, что, невзирая на тяжкий кризис, через который проходит движение в последние два года, оно увеличилось и расширилось, и на данном конгрессе около 750 делегатов представляют 140 000 членов Сионистской организации.

После того как отчет был зачитан, со своего места поднялся Усышкин и предложил конгрессу принять решение Ционей Цион, выработанное на их Фрейбургской конференции, о территориализме и угандизме. Оппозиция устроила ему шумную и продолжительную обструкцию, пока председательствующий не объявил, что этот вопрос будет рассмотрен на внеочередном конгрессе вместе с вопросом об Уганде.

Назавтра (28 июля) открылся внеочередной конгресс, продолжавшийся два с половиной дня. Профессор Отто Варбург (Берлин) доложил о результатах изысканий восточноафриканской экспедиции. Л. Гринберг (Лондон) рассказал о развитии событий вокруг предложения об Уганде. В прениях первым взял слово Зангвилль, который протестовал против решения Исполкома отклонить предложение английского правительства. Он потребовал, чтобы конгресс принял угандийскую рекомендацию.

В прения записалось 120 человек. Из этого непомерного числа конгресс выбрал восьмерых, представлявших все направления. Главным оратором Ционей Цион был Членов. Опираясь на выводы восточно-африканской экспедиции, он указал, что по самому оптимистическому варианту отчета можно будет поселить в Уганде - через несколько десятилетий и после больших капиталовложений и труда - не больше 20 тыс. человек; причем, судя по выводам большинства {227} участников экспедиции, даже и эта оценка

завышена.

На вопрос Зангвилля, что ответят Ционей Цион, если найдется место лучшее и более подходящее, чем Уганда, Членов не колеблясь ответил: "Нет!" - потому что для сионистской цели существует лишь одна страна, и это Эрец-Исраэль! Именно потому, что наше поселение в Палестине сопряжено с такими трудностями, мы не вправе растрачивать силы на любые другие переселенческие программы. Нам надо собрать все наши ресурсы и сосредоточить их на работе по заселению Эрец-Исраэль.

После бурных споров и обструкций со стороны оппозиции Исполком внес проект резолюции, основанный, главным образом, на фрейбургском постановлении Ционей Цион, вдохновителем которого был Усышкин. К этому проекту было добавлено выражение признательности английскому правительству за его добрую волю и предложение основать автономную еврейскую колонию в Восточной Африке.

Резолюция была принята большинством голосов. После голосования Нахман Сыркин от имени своей группы (28 делегатов) объявил, что они покидают конгресс, и призвал последовать их примеру остальных территориалистов. Последние вняли этому призыву. Ушедшие с конгресса основали Еврейское территориалистическое общество (ЕТО), которому за все время его существования не удалось сделать практически ничего в области переселенческой работы, и оно в конце концов распалось.

После прений и принятия резолюции по вопросу об Уганде, внеочередной конгресс закончился, а очередной - продолжил свою работу в отсутствие территориалистов и угандистов. Члены Палестинской комиссии профессор Варбург и д-р Соскин доложили о работе комиссии в период между Шестым и Седьмым конгрессами, а также о том, что уже осуществлено на практике в Эрец-Исраэль. По предложению Ционей Цион был принят еще ряд постановлений о {228} практической работе в Палестине, главное из которых звучало так:

"Седьмой конгресс постановляет, что, наряду с политико-дипломатической деятельностью и в качестве подкрепляющей ее реальной базы, должна вестись систематическая работа по расширению наших позиций в Палестине, что согласуется с параграфом первым Базельской программы; вот средства достижения этого:

- 1) многосторонняя изыскательская работа;
- 2) стимулирование развития сельского хозяйства, промышленности и т. п. по

возможности на демократических началах;

3) культурный и экономический подъем палестинского еврейства путем привлечения свежих интеллектуальных сил;

4) стремление к реформам в административной и правовой областях, необходимым для улучшения положения евреев в Палестине.

Седьмой конгресс отвергает всякую практику мелкой бессистемной и основанной на филантропии колонизации, как несоответствующей первому параграфу Базельской программы".

Резолюция эта почти тождественна предложению, в духе постановлений Фрейбургской конференции, внесенному на конгресс Усышкиным. Конгрессу предстояло еще выполнить достаточно трудную задачу - избрать новое Правление. Поскольку отказ Нордау войти в Правление и возглавить его, был окончательным, требовалось найти другую кандидатуру. После долгих обсуждений было названо имя Давида Вольфсона. Вольфсон, вышедший из рядов Ховевей Цион, уроженец России (Литва), с 1888 года постоянно проживал в Кельне. Он был одним из самых близких и преданных друзей Герцля.

Конгресс избрал Правление в составе семи человек:

Давид Вольфсон - президент; Леопольд Гринберг (Лондон), Якобус Кан (Гаага), д-р Александр Марморек (Париж) - представители герцлианского политического течения; от "сионистов-практиков" - д-р Я. Бернштейн-Коган, М. Усышкин и профессор О. Варбург (Берлин). С избранием Вольфсона в президенты {229} сионистское руководство переместилось из Вены в Кельн.

Начиная с Седьмого конгресса была упразднена традиция, согласно которой председатель Исполнительного комитета автоматически становился президентом конгресса. При жизни Герцля такой порядок был само собой разумеющимся.

Еженедельник "Хроника еврейской жизни" так писал об уходе территориалистов из Сионистской организации:

"Это было тяжело, ибо все мы верим, что каждому из враждебно столкнувшихся дорог родной народ, что каждый кровью своего сердца, исстрадавшегося в скорби народной, выносил свой идеал. Это было больно, невыносимо больно, ибо те, кто восемь тяжелых и бурных лет вместе работали, вместе радовались и

страдали, не легко могут порвать друг с другом навсегда.

Но исхода, честного и правдивого исхода, не было.

Люди в святой борьбе за народное дело не могли лгать.

Люди, поставившие себе разные цели, должны идти разными дорогами, под разными знаменами" ("Хроника еврейской жизни", № 28,1905.).

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава четырнадцатая - В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА И ПОСЛЕ НЕЕ

1. "Манифест" и погромы в дни революции

Поражение русской армии и флота в русско-японской войне нанесло тяжелый удар царскому самодержавию. Авторитет его пал низко, как никогда, и {230} создалась благоприятная обстановка для общественной критики в адрес царя и правительства. Энергичная агитация революционных партий, вызывавшая в массах сильное брожение, напор либеральной общественности и общая забастовка, охватившая страну, вынудили Николая II отступить от своей непреклонной позиции нежелания даровать народу конституцию: 17 октября 1905 года был опубликован "манифест" о так называемых "свободах".

В мае 1905 года конституционно-либеральное движение сплотилось в объединение под названием "Союз союзов". В него вошли 14 союзов, представлявших, в основном, людей свободных профессий. В нем участвовал и представитель (Л. Брамсон) "Союза для достижения полноправия еврейского народа в России", возникшего под влиянием общего освободительного движения. Союз этот был основан в конце марта 1905 года в Вильно на съезде еврейских общественных деятелей из 32 городов. В рамках Союза объединились разные общественно-политические течения, существовавшие в еврействе: группа сионистов во главе с Борисом (Довом) Гольдбергом и Шмарьяху Левиным.

Еврейская народная группа антисионистского толка, возглавляемая кадетским лидером М. Винавером и еврейским общественным деятелем адвокатом Г. Б.

Слиозбергом; Еврейская народная партия во главе со своим основателем С. Дубновым; Еврейская демократическая группа, близкая к русским социалистам-трудовикам, возглавляемая Л. Брамсоном и Я. Бикерманом. Союз поставил своей задачей "достижение полных гражданских, политических и национальных прав для еврейского народа в России".

"Союз для достижения полноправия" просуществовал недолго. Он распался вскоре после своего основания на различные составлявшие его течения и в 1907 году был распущен.

Однако и после этого слагавшие его течения продолжали совместные действия в вопросах, касавшихся еврейства.

{231} Революционное брожение в России совпало с кризисом в сионистском движении (полемика об Уганде, смерть Герцля, уход территориалистов), а общественно-политическая обстановка в империи возлагала на сионистских вождей новую большую ответственность. Вскоре выяснилось, что "манифест 17 октября", фактически ничего не изменил в практике самодержавного режима. Правда, отныне дозволялись запрещенные прежде публичные сходки и собрания, но правительство сумело начисто выхолостить эту "свободу": на каждом таком собрании присутствовал полицейский чин, следивший за речами и бывший вправе, покажись ему эти речи крамольными, после третьего предупреждения собрание закрыть и разогнать.

Таким образом, "манифест" оказался всего-навсего уловкой, призванной ввести общество в заблуждение и расколоть оппозицию. Ликование по поводу "свободы" было коротким, власти быстро оправались, и реакция ударилась в безудержный разгул.

Чтобы справиться с революцией, на сцену был выведен исторический козел отпущения, к которому прибегали все темные силы во все времена, - евреи. Самодержавие решило "утопить революцию в еврейской крови", и это ему действительно удалось. Уже на следующий день после оглашения "манифеста", 18 октября 1905 года волна погромов захлестнула сотни еврейских общин. Серии погромов были заранее запланированы и вдохновлялись свыше близкими к царскому двору шовинистическими организациями. Самой усердной в этом деле была экстремистская монархическая организация "Союз русского народа", комплектовавшая отряды погромщиков под ставшим с тех пор нарицательным названием "черная сотня". Действия этих отрядов против евреев были на руку властям.

Только за двенадцать дней - с 18 по 29 октября - погромы произошли в 660

городах, местечках и деревнях. А поскольку в иных случаях погромы еще и повторялись, их общая цифра достигла 690. Было убито около тысячи евреев и многие тысячи ранены. Более {232} 200 тысяч потеряли свое имущество, общий ущерб выразился в сумме 63 миллиона рублей. К подобному разгулу массовых бесчинств еврейская общественность была совершенно не подготовлена. Самооборона, которая проявила достаточную эффективность после Кишиневского погрома, теперь оказалась не на высоте, будучи раздробленной и разделенной по политическому признаку.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава четырнадцатая - В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА И ПОСЛЕ НЕЕ

2. Реакция российских сионистов на октябрьские погромы

В таких обстоятельствах и при таких общественных настроениях приходилось вожакам сионистов в России руководить движением и направлять его. Задача была не из легких: трагический оборот событий требовал определить позицию и высказаться по поводу происходящего.

В разгар погромов сионистский еженедельник "Хроника еврейской жизни" с горечью атаковал прогрессивную русскую печать, всегда грешившую замалчиванием еврейского вопроса. В выступлениях от редакции и статьях, подписанных полными именами публицистов, журнал обвинил либеральную, радикальную и прогрессивную русскую общественность и всю прогрессивную печать в безразличии к страданиям евреев и практике погромов. Все они будто вступили в заговор молчания во всем, что касается евреев и их положения: "манифест", суливший всем-всем права и свободы, обошел молчанием только евреев и не содержал даже малейшего намека на отмену дискриминационных законов, но прогрессивная печать никак не отреагировала на эту вопиющую несправедливость. Александр Гольдштейн писал в своей статье:

"Прочтите газеты...

Обо всем вспомнили они в эти дни: о заточенных и ссыльных, которые должны получить амнистию, о нуждах и горестях крестьян, о сокращении рабочего дня, {233} о нормировании заработной платы, о тяжелом положении солдат и

матросов, о справедливых требованиях финнов, о необходимости автономии для поляков, об отмене военного положения и усиленной охраны, об отмене института земских начальников, об открытии университетов, о военных судах, о гимназиях и т. д. и т. д. и т. д. Обо всем писались длинные и короткие статьи - всем посвящались горячие, смелые строки. Об одних лишь забыли - о евреях...

Зато не забыли вспомнить про евреев другие, те, которые всегда и - увы! - чересчур даже часто вспоминали о них: и над многострадальной головою еврейства разразились ужасы погромов, перед зверством которых меркнут кровавые пиры мрачного средневековья. Заставили ли эти события русскую прессу отнестись более вдумчиво к еврейскому вопросу, подробно коснуться его сущности, начать настойчивую, упорную борьбу за полное уравнение евреев в правах?

Прочтите газеты...

В самый разгар разгрома российского еврейства, когда от "погромных" телеграмм листы газет покрывались кровавыми столбцами, в день 23-го октября, "Наша Жизнь" ухитрилась поместить передовицу о погромах, в которой ни разу не было произнесено слово "еврей"...

Гольдштейн приводит факты, которые свидетельствуют, что по части безразличия к судьбе и положению евреев от либеральных обывателей не отличался и организованный "передовой" пролетариат.

Писали на эту тему также М. Соловейчик, Ш. Гепштейн и другие. По поводу же обыкновения прогрессивной печати громко величать погромы "контрреволюцией" журнал замечал, что самим-то евреям нечего себя обманывать. Надо зарубить себе на носу: не контрреволюция это, а именно погромы, то есть массовые избиения евреев по кишиневскому и житомирскому образцу.

В конце ноября 1905 года Сионистская организация провела в Петербурге публичное массовое собрание, посвященное октябрьским погромам. Более 2500 человек наполнили зал до отказа. Вел собрание Авраам Идельсон. Профессор Белковский обвинил власти в активной поддержке погромщиков, а русскую публику - в пассивности и равнодушии к пролитию еврейской крови.

М. Усышкин, встреченный овациями, сказал, что в погромах в немалой степени виновен сам еврейский народ, потому что склонен проявлять слабость и верить в чужих "спасителей".

Еврейский народ должен полагаться только на себя самого и не должен вручать свою судьбу в чужие руки. Он не может положиться ни на либералов, ни на радикалов, ни на русскую социал-демократию.

Здесь часть собравшихся запротестовала и устроила оратору обструкцию. Однако подавляющее большинство аплодировало в знак согласия с Усышкиным. Президиуму не удалось усмирить антисионистскую оппозицию, по-видимому решившую не дать оратору закончить свое выступление. Тогда на сцену поднялся Жаботинский, и в зале воцарилась тишина. Он воззвал к гражданской порядочности противников сионизма и призвал их выслушать оратора, даже если им это неприятно. Прав или неправ оратор, но он прибыл оттуда, где обильно проливают еврейскую кровь, и должен быть выслушан до конца.

"Что касается партийных счетов, то пусть наши противники слева помнят, что в течение семи лет мы были мишенью их злобствующих нападок и не имели возможности им возразить. Пусть они выслушают и нас!" (Материалы о митинге. "Хроника еврейской жизни", № 46, 1905.).

Зал затих, и Усышкин продолжил: "Два лозунга провозглашены теперь в России: "Бей жидов!" и "Пролетарии всех стран, объединяйтесь!", и надо быть легковерным и слепым, чтобы думать, что первый, {235} который насчитывает 300 лет со времен Хмельницкого и гайдаматчины, сейчас же уступит позицию второму, насчитывающему каких-нибудь 20 лет. И кто может поручиться, что пролетариат не забудет, что его первыми учителями были Карл Маркс и Фердинанд Лассаль, как христиане забыли, кем был Иисус Христос и апостол Павел...".

От имени Поалей Цион выступил И. Новаковский, который на первый план выдвинул разногласия между его единомышленниками и Усышкиным. Он согласился, что главная причина погромов - диаспора, однако подчеркнул вину темных сил самодержавия, использовавших в своих преступных целях антисемитизм и невежество. Развитие социал-демократии поднимет также и сознательность масс и будет способствовать установлению более нормальных отношений между всеми народностями. Тем не менее, в силу особенностей социально-экономического развития еврейства, параллельно с этим будет происходить вытеснение евреев с передовых экономических позиций.

Так во весь грозный рост встанет общенациональный еврейский вопрос, который может быть разрешен только с помощью сионизма. В то же время оратор полагал, что участие еврейского пролетариата в революционном движении необходимо, потому что преследуемому и бесправному народу не

под силу одному осуществить столь великий идеал, как сионизм. Воплощение сионистского идеала будет венцом национального возрождения еврейского народа, и в стремлении к этой цели надо надеяться на поддержку мирового пролетариата.

Шмарьяху Левин выступил на идиш. Он задал риторический вопрос: кто они, эти жертвы погромов, - герои или мученики? И ответил: в большинстве мученики, иначе говоря пассивные жертвы. Для того чтобы у нас появились борцы за народное дело, надо стремиться к возрождению народа на его исторической родине. Нахум Соколов, также выступивший на идиш, проанализировал сущность погромов и подчеркнул {236} элемент их постоянства, прослеживаемый во всей истории еврейского народа.

На трибуну под гром аплодисментов поднялся Жаботинский.

"Господа и товарищи! - начинает он свою речь. - Когда товарищ Наум Соколов начал говорить на жаргоне, в зале раздался свисток: требовали речи не на жаргоне, а на русском языке. Ни на одном митинге другого народа невозможно было бы такое позорное явление: против этого свистка жаргону, языку миллионов, языку трудящихся еврейских масс.

Затем оратор перешел к спору с противниками сионизма и осудил необузданную ненависть, которую они проявляют по отношению к сионистам в своих злобных выдумках и наветах. А ведь сионисты призывают еврейский народ отнюдь не к смерти и не к самоубийству (ассимиляция), но к жизни. В своих бедах и блужданиях еврейский народ в конечном счете окажется перед двумя путями: "один - на церковную паперть и в могилу", другой - возрождение на своей исторической родине. И он изберет жизнь и пойдет второй дорогой.

Председательствующий зачитал проект решения, принятый абсолютным большинством участников собрания:

"Погромы, разразившиеся над российским еврейством в октябре 1905г., на заре политического освобождения России, имеют своей основной причиной общее ненормальное положение еврейского народа в диаспоре. Рассеянный, бесправный, вытесняемый из прогрессирующих форм хозяйственной жизни, разрозненный, с беспримерным 18-вековым мартирологом в своем прошлом, еврейский народ является постоянно первой жертвой всех религиозных, политических и социальных переворотов.

Ненормальным положением еврейства в России, создавшим в широких слоях окружающих его народов чувства неприязни, а подчас и вражды к {237} нему,

воспользовались темные силы умирающего самодержавия, чтобы организовать при содействии полиции и войск октябрьскую резню. Митинг не находит достаточно слов, чтобы заклеймить проклятием всех организаторов, попустителей и участников этого небывалого злодейства и требует отдачи всех преступников против жизни, чести и имущества евреев и, прежде всего, всех чинов полиции и войсковых частей, виновных в погромах, - под гласный суд.

Митинг находит, что манифест 17.X. лишен всякого значения для еврейского населения России до тех пор, пока оно ограничено в самых элементарных своих правах, и требует немедленного провозглашения еврейского равноправия.

Митинг с глубоким прискорбием констатирует безучастное отношение большей части российского общества к еврейским погромам, проявившееся в печати и бездеятельности различных общественных групп и организаций, и, с особенной болью, отмечает пассивность С.П.Д., обошедшего молчанием еврейские погромы при провозглашении ноябрьской забастовки протеста.

Восторженно приветствуя героев самообороны, митинг с глубоким удовлетворением отмечает единодушное участие всего еврейства всех стран в горе российских евреев, знаменующее наше национальное единство. Митинг призывает все еврейское население России для защиты своей жизни и элементарных человеческих прав и для отстаивания своих национальных интересов.

Митинг твердо убежден, что объединенное еврейство признает единственным путем для радикального решения еврейского вопроса возрождение его на исторической родине, написанное на знамени сионизма".

Таков текст этой резолюции, из которой видно, что даже сионисты верили, невзирая на бедствия, постигшие евреев, в близкий конец "агонизирующего самодержавия" и "зарю политического освобождения России". После того как резолюция была одобрена абсолютным большинством присутствующих, среди {238} публики были распространены воззвания петербургской организации сионистов и местной группы Поалей Цион. Митинг завершился пением "Хатиквы" и гимна Поалей Цион - "Хашвуа" ("Клятва").

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ = АТЛАС =

---

mail.ru	1338
3685316	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава четырнадцатая - В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА И ПОСЛЕ НЕЕ

3. Гельсингфорский съезд

Со времени проведения Минского съезда (1902) в России произошли грандиозные события: русско-японская война, революция, оглашение "манифеста", созыв и разгон Думы и, среди всего этого, - волна еврейских погромов. Эти события, приведшие к новому положению в политической и общественной жизни России, поставили перед сионистским движением многочисленные трудные проблемы. Оно оказалось невольно увлечено стихией (участие в "Союзе для достижения полноправия", выдвижение кандидатов на выборы в Думу) и при этом все еще не имело своей линии действий в новых условиях. Ощущалась, таким образом, острая необходимость в глубоком и разностороннем обсуждении актуальных проблем. Так возникла мысль о созыве общего съезда российских сионистов.

При всех "свободах" и "конституции", дарованных "манифестом", в России фактически отсутствовали условия для свободных дискуссий. Поэтому местом созыва Третьего съезда был выбран Гельсингфорс, главный город автономной Финляндии, пользовавшейся широким самоуправлением в рамках Российской империи. Съезд открылся 21 ноября 1906 года и работал до 27 ноября.

В нем участвовали 72 делегата из 56 городов. Усышкин не приехал, лишь прислал приветственную телеграмму. Председателем был избран Членов. В большой вступительной речи он сделал обзор пути, пройденного сионистским движением, и остановился на дискуссиях и борьбе в российском сионизме во

время двух предыдущих съездов (Варшава, 1898; Минск, 1902); сказал об угандийском кризисе, о полемике между "политиками" и "практиками" и подчеркнул необходимость синтеза этих двух линий. Касаясь {239} "гегенвартсарбейт", он отметил, что революция в России привела к перемене в отношении сионистов к этому вопросу: необходимо бороться за достижение гражданского и национального полноправия, за создание всероссийской еврейской национальной организации.

С докладом о практической работе в Палестине и о деятельности в России в пользу Палестины выступил Борис Гольдберг. По его мнению, политический сионизм допустил просчет, добиваясь исключительно "чартера" и забросив практическую работу в Эрец-Исраэль. Поэтому деятельность движения не была успешной. Он не возражает против политико-дипломатических действий, но они могут иметь значение лишь при условии, что основываются на реальной действительности; поэтому в ближайшем будущем целью движения должно стать не получение "чартера", а устранение ограничений и преград на пути заселения Палестины. Эта линия будет соответствовать решениям Седьмого конгресса.

И. Гринбаум требовал отказа от идеи "катастрофального сионизма" (Сторонники "катастрофального сионизма" считали, что "чудесная катастрофа внезапно, извне изменит коренным образом жизнь и спасет нацию". См.: Гринбаум, "III Всерос. Съезд сионистов в Гельсингфорсе в 1906 г.", Петроград, 1917 г. - Прим. ред.), связанной с внезапным и полным решением еврейского вопроса.

Сионизм - длительный процесс, который приведет нас к цели единственным путем после постепенного, сложного и непрерывного развития. Линию "синтетического сионизма", то есть синтеза политической деятельности с практической работой в Эрец-Исраэль, поддержали Д. Пасманик, А. Гольдштейн, Л. Яффе и многие другие выступавшие.

Основной причиной кризиса в сионистском движении, - продолжал Гринбаум, - является нежелание вести борьбу за национальные права евреев в России. То была ошибка, вытекавшая из веры в {240} "катастрофальный" путь сионизма и скорое решение проблемы. Правда, тем временем в сионистскую программу в России была включена культурная работа, а также экономическая деятельность. Но нельзя забывать, что обе они находятся в неразрывной связи с политическим положением евреев. Сионизм - это постепенный процесс собирания национальных сил как в Палестине, так и в диаспоре, и наша национальная независимость может придти только как следствие такого процесса.

В прениях выступили Пасманик, Жаботинский, Моцкин, Членов и другие.

О направлении деятельности сионистского движения в России доклад сделал Жаботинский. Он предложил принять участие в русском освободительном движении, поскольку евреи России заинтересованы в свержении самодержавия и установлении демократического строя. Сионисты должны действовать в качестве самостоятельной политической единицы и выступить как сионистская партия. На выборы в Думу сионистам следует идти под собственным флагом, не затушевывая сущности движения. Надо выдвинуть требование об автономном руководстве национальными делами русского еврейства и действовать в пользу созыва всероссийского еврейского национального собрания.

По окончании прений были приняты резолюции по всем пунктам повестки дня. Из совокупности этих резолюций возникла "Гельсингфорсская программа", состоявшая из следующих частей:

- а) практическая работа в Палестине (тут нашел свое выражение синтетический подход к слиянию политической деятельности с практической работой) ;
- б) политическая платформа;
- в) национально-политические требования;
- г) ближайшие действия;
- д) организационный вопрос.

Требования политической платформы:

1. Демократизация государственного строя на основе последовательного парламентаризма, широкие политические свободы, автономия для национальных районов и обеспечение прав национальных меньшинств. {241}
2. Полное и безоговорочное равноправие для еврейского населения.
3. Обеспечение меньшинству представительства на всех общегосударственных, окружных и местных выборах, проводимых путем общего, равного, прямого и тайного голосования, без различия пола.
4. Признание еврейского народа в России в качестве целостной единицы с

правом на самоуправление в национальных делах.

5. Созыв национального собрания евреев России для выработки основ национальной организации.

6. Право на национальный письменный и разговорный язык в школе, суде и общественной жизни.

7. Право на повсеместную замену для евреев воскресенья субботой в качестве выходного дня.

По организационному вопросу, в частности, было решено:

Членом Российской сионистской организации может быть каждый еврей, согласный с Базельской программой и подчиняющийся постановлениям сионистских съездов; местные сионистские отделения вправе избирать свой комитет (это предложение было внесено Усышкиным еще на Минском съезде, но не было принято).

Разрешается также существование отдельных групп, представляющих особое течение или объединившихся для особой цели по особым причинам. Такие группы имеют своих представителей в местном комитете. Съезд избирает Центральный Комитет, который возглавляет движение. Съезд считает необходимым иметь краевые комитеты для юга, Польши, Литвы, Прибалтийского края, Центральной России и Сибири. Задача краевых комитетов - осуществлять посредничество между Центральным и местными комитетами. Центральный Комитет вправе поддерживать с местными комитетами также непосредственную связь.

Таковы были главные решения по организационному вопросу, значение которых состояло в том, что они укрепили движение, сплотили его и дали ему полномочное руководство. Съезд избрал Центральный {242} Комитет в составе семи человек: Юлиус Бруцкус, Борис Гольдберг, Ицхак-Лейб Гольдберг, Лев Яффе, д-р Иосеф Лурье, д-р Даниэль Пасманик, адвокат Шимшон Розенбаум. Местопребывание Центрального Комитета определили в Вильно.

В циркуляре, разосланном на места новым ЦК, содержалась оценка съезда, его прений и решений. Отмечалось, что Третий съезд Сионистской организации в России, состоявшийся в Гельсингфорсе, открыл новую эпоху в истории движения. Съезд положил конец кризису, царившему в движении три последних года. Относительно самого характера кризиса говорилось, что он касался не цели, а только средств: основной целью сионизма было и остается

на будущее государственное возрождение еврейского народа в Эрец-Исраэль.

Основная ошибка движения заключалась в том, что сначала преобладала вера в возможность добиться Эрец-Исраэль чрезвычайно быстро, благодаря воле и гениальным способностям Герцля. Сионисты со дня на день ждали получения "чартера" и по этой причине равнодушно относились к вопросам повседневной жизни. Тогда полагали, что нельзя расходовать силы на проблемы евреев в диаспоре и надо сосредоточиться исключительно и только на осуществлении главной задачи.

Вся работа заключалась в распространении "шекелей", продаже банковских акций и сборе пожертвований для Национального фонда. Надеясь скоро заполучить "чартер", сионисты воздерживались от практической работы как в Палестине, так и в диаспоре. Действительность развеяла, однако, эти мечты.

Так, суть кризиса состояла в том, что пришлось признать эволюционный характер сионизма и, в соответствии с этим, изменить средства для достижения цели. Цель остается прежней, но средства изменились. Не подлежит сомнению, что только организованное еврейство в состоянии аккумулировать те великие материальные и духовные силы, которые необходимы для осуществления векового идеала. Но процесс организации еврейства должен строиться на двух {243} следующих основах: работа о нуждах народа в его повседневной жизни и работа по осуществлению основной задачи сионизма - работа, которая частично может быть выполнена уже теперь.

Сионизм должен охватывать все стороны еврейской жизни, должен давать ответ на все ее вопросы и использовать все кроющиеся в народе силы. Для этого требовалось выработать соответствующую программу, что съезд с успехом и сделал.

В циркуляре подчеркивалось, что ни страшные погромы, ни несбыточные грезы о том, что положение евреев в России теперь совершенно переменится, не могут поколебать основной цели. Напротив - как буржуазия, так и массы еврейского пролетариата теперь более, чем когда-либо, убеждены, что нет возможности разрешить еврейскую национальную проблему в диаспоре.

Новый Центральный Комитет выразил в этом циркуляре принципы "синтетического сионизма", положенные в основу Гельсингфорсской программы. В циркуляре чувствуется оптимизм при оценке значения съезда и его результатов. Однако политический поворот в направлении реакции, наступившей в России после разгона Второй Думы, исключил всякую возможность нового подъема сионистской работы после съезда, ибо движение

снова стало недопустимым в глазах властей и было вынуждено действовать, в основном, тайно.

Перемены к лучшему наступили только с началом Февральской революции 1917 года, да и то на короткое время - до установления в России большевистской диктатуры.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава пятнадцатая - "СИНТЕТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ"

{244} 1. Четвертый съезд сионистов России

После победы Ционей Цион на Седьмом конгрессе и выхода территориалистов всех оттенков из Сионистской организации конгресс, правда, принял принципиальное постановление о необходимости практической работы в Палестине, но на деле сионистский лагерь продолжал оставаться расколотым, как и прежде, на "политиков" и "практиков", и внутри движения борьба между этими двумя линиями продолжалась.

Президентом Всемирной сионистской организации на Седьмом конгрессе был избран Давид Вольфсон. Кроме него в Правление вошли три "политика" и три "практика" - для равновесия: Леопольд Гринберг (Лондон), Александр Марморек (Париж), Якобус Кан (Гаага) - представители политической линии;

Отто Варбург (Берлин), М. Усышкин и Я. Бернштейн-Коган - сторонники "практической" линии. Для укрепления аппарата и в помощь себе Вольфсон пригласил Соколова на пост генерального секретаря Правления, а также перевел в Кельн главное бюро Национального фонда и редакцию газеты "Ди Вельт". С января 1907 г. начал выходить и печатный орган Сионистской организации на иврите - еженедельник "Хаолам" ("Мир") под редакцией Н. Соколова.

Несмотря на паритетный состав Правления, баланс между двумя направлениями сохранен не был - из-за того, что Вольфсон, считавший себя

"хранителем наследия" Герцля, склонялся на сторону политического течения, и это обстоятельство вызывало у большинства российских сионистов досаду и оппозиционные настроения. Кроме того, после перевода Правления в Кельн (город, где проживал Вольфсон) оба представителя из России уже не могли за дальностью расстояния {245} принимать активное участие в работе. Усышкин время от времени, правда, наезжал в Кельн на заседания Малого исполкома, но Бернштейн-Коган в них совсем не участвовал. Таково было положение, когда в Гааге собрался Восьмой конгресс. Место для его проведения было выбрано с расчетом привлечь к еврейскому вопросу внимание великих держав, так как в то самое время (август 1907 года) в Гааге шла Вторая мирная конференция, обсуждавшая вопросы ограничения вооружения. Однако надежды заинтересовать великие державы бедами евреев закончились такой же неудачей, как и сама мирная конференция.

Поскольку из-за реакции, воцарившейся в России после провала революции 1905 года, там уже нельзя было свободно проводить публичные собрания, свой Четвертый съезд российские сионисты устроили также в Гааге, за несколько дней до открытия Восьмого конгресса. Д. Пасманик и Л. Яффе сделали обзор состояния движения. Они отметили, что именно теперь, когда после Гельсингфорсского съезда движение вышло из внутреннего кризиса, порожденного полемикой об Уганде и территориализме, внешние условия для ведения сионистской работы стали особенно тяжелы. В прениях участвовали Ш. Розенбаум, М. Усышкин, Е. Членов, В. Жаботинский, Ю. Бруцкус, И. Гринбаум, Б. Гольдберг и другие. Принимал участие в работе съезда и Х. Вейцман, правда, в качестве гостя от английских сионистов. Съезд принял следующие постановления:

О национально -политической работе в России:

1. По вопросу о самостоятельном выступлении съезд подтверждает соответствующие резолюции Гельсингфорсского съезда.
2. Отдельные сионисты, желающие вступить в нееврейские партии, обязаны обеспечить себе полную свободу от дисциплины этих партий в области еврейского вопроса.
3. По вопросу об избирательной тактике съезд, стоя на почве Гельсингфорсских резолюций, утверждает {246} последний циркуляр бывшего ЦК и предлагает его новому ЦК для руководства на предстоящих выборах в Государственную Думу (В декабре 1906 года в Вильно Центральный Комитет выпустил в духе этих постановлений воззвание к избирателям-евреям по поводу выборов во Вторую Думу. Воззвание было опубликовано в первом

номере журнала "Рассвет" за 1907 год. Однако евреи не добились успеха на выборах из-за реакционного избирательного закона, изданного 3 июня 1907 года.).

По организационным вопросам:

Членом СО в России может быть всякий еврей, признающий Базельскую программу и уплачивающий сверх "шекеля" обязательный партийный налог в размере не менее 40 коп. в год.

Вопрос об областных комитетах передается на усмотрение ЦК.

Бюджет ЦК на ближайший год установлен в 30 тысяч рублей.

Ежегодно устраиваются делегатские съезды. Не менее 4 раз в году созываются совещания всех членов ИК (Исполнительный комитет.), живущих в России, вместе с членами ЦК. Решения этих совещаний обязательны для ЦК. О сионистской организации в Польше:

1. Сионистская организация в Польше абсолютно независима в вопросах внутренней политической работы, пропаганды, информации и финансов.
2. Во главе сионистской организации в Польше стоит бюро в составе пяти человек с местопребыванием в Варшаве. При бюро создается совет, периодически собирающийся для обсуждения важных вопросов. Число членов совета устанавливает бюро - не менее одного представителя от каждой губернии. Бюро, а также совет, избираются конференцией сионистов Польши.
3. Конференция сионистов Польши проводится ежегодно. {247}
4. Бюро назначает комиссию по пропаганде, которая ведет в Польше агитационную и разъяснительную работу, издает воззвания и брошюры и организует курсы для обучения агитационных групп.
5. Каждые два-три месяца бюро обязано созывать губернские съезды и направлять во все населенные пункты инструкторов. (Эти решения показывают, что Сионистская организация в России предоставила польским сионистам значительно более широкую автономию, нежели предоставило Царству Польскому в рамках Российской империи царское правительство...).

О печати:

1. "Рассвет" признается официальным органом партии на русском языке.
  2. Ответственный перед партией редактор "Рассвета" избирается съездом.
  3. Палестинский отдел "Рассвета" редактируется Палестинской комиссией или соответствующим институтом при ЦК.
  4. В "Рассвете" открывается отдел свободной дискуссии.
  5. Съезд признает нежелательным существование другого сионистского органа на русском языке.
  6. Взамен прекратившейся "Еврейской Жизни" редакция обязуется издавать сборники не менее двух раз в год.
  7. Съезд предлагает ЦК приступить к созданию ежедневной дешевой газеты на жаргоне.
  8. До учреждения ежедневной газеты на жаргоне продолжается выпуск "Дос юдише фолк" ("Еврейский Народ" - на идиш, еврейском, ldn-knigi), однако не позже 1-го ноября.
  9. Съезд предлагает ЦК принять меры к изысканию средств для основания еженедельника на евр. языке (Иврите. - Прим. ред.).
- {248}
10. Съезд рекомендует ЦК перевести издат. "Кадима" ("Вперед", на древн. евр. - ldn-knigi) в Вильно и содействовать дальнейшему развитию этого книгоиздательства.
  11. Съезд признает нежелательным прекращение издания сионистского органа на польском языке.
  12. Съезд признает обязанностью каждого сиониста, имеющего к тому возможность, выписывать по крайней мере один из партийных органов.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАИЛ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

---

mail.ru	1340
3685318	124

HotLog	
1048159	+143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава пятнадцатая - "СИНТЕТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ"

2. Восьмой конгресс в Гааге

В Восьмом конгрессе, проходившем 14-21 августа 1907 года, участвовало около 400 делегатов; примерно половина их была из России. Центральным вопросом, который предстояло обсудить, была практическая работа в Палестине. Сионисты России пришли на конгресс после углубленного и детального изучения этого вопроса, с четкими решениями, принятыми на Третьем, Гельсингфорсском съезде и подтвержденными на Четвертом. И как на прежних конгрессах, так и на этом, основные резолюции носили отпечаток взглядов российских сионистов. Среди последних имелось и меньшинство, склонявшееся к политическому течению, так же как среди западных сионистов имелось небольшое число "практиков" (профессор Отто Варбург из Берлина; Герберт (Цви) Бентвич из Лондона и другие).

Выразителем взглядов меньшинства российских сионистов на конгрессе стал Моцкин, который считал неприемлемым отказ от лозунга о "чартере" и предлагал пользоваться им: сионисты, полагавшие, что "чартер" - вопрос ближайших дней, просто не понимали Герцля. Покойный вождь не утверждал, что "чартер" удастся заполучить быстро, а говорил лишь, что это может стать делом ближайшего будущего. Герцль говорил:

"Если еврейский народ захочет, он сумеет добиться "чартера". Еврейский народ должен предоставить сионистам необходимые организационные и материальные ресурсы. Нельзя согласиться с положением, будто эту {249}

истину надо отвергнуть, отказаться от нее и выставить в смешном виде. Факт, что большинство людей из сионистского лагеря сегодня говорят о ней с усмешкой. И тем самым ведут фактически подкоп под сионизм....

Надо придти к еврейскому народу и сказать ему: мы вам принесли истину, и ее осуществление было в ваших руках, но вы этого не захотели. Сионизм не потерпел никакого поражения. "Если сионизм не будет осуществлен, в этом будут повинны только евреи", - сказал Моцкин. По поводу требования приступить к немедленным действиям в Палестине он заявил, что однажды этот путь уже был испробован, но, так как не было гарантий, обеспечивающих открытую и беспрепятственную деятельность в Палестине, начинание это провалилось на полпути.

Взгляды сторонников практической работы в Эрец-Исраэль изложил Хаим Вейцман:

"Мы стоим перед задачей пробудить волю еврейского народа. И, может быть, трагическая судьба Герцля состояла в том, что он думал пробудить эту волю слишком рано. Последние его слова были: "Мы дошли до барьера". Для нас же не было барьера.

Мы должны изменить мнение о "чартере". Мы должны сказать народу, что он достигнет своей цели лишь в том случае, если уже сегодня начнет освоение принадлежащей ему страны. И мы признаем, что это есть средство, ведущее к цели, но разница в том, что мы считаем прежнее, т. н. политическое, сионистское движение односторонним. До сих пор политический сионизм был лишь дипломатическим. Полагали, что возможно воодушевить народ, говоря ему, что тот или другой властитель относится благосклонно к нашему движению. Это было действительно в известной мере, так как еврейский народ считался с тем, что властители благосклонны к нашему делу; он замечал также, что правительства признают, что мы правы, что они признают, но ничего не делают, чтобы провести справедливость в действительности.

Вы считаете, что работа в Палестине не гарантирована, но такой гарантии не будет, даже если вы получите {250} "чартер". При первых опытах нет никогда уверенности, что они будут удачны. Я стою за синтез обоих моментов. Я знаю только один путь.

Сионизм, конечно, политическое движение, но политика не состоит в том, чтобы ходить к правительствам и собирать хорошие отзывы о сионизме. Я понимаю политический сионизм так, что еврейский вопрос международный, и мы требуем помощи от отдельных государств, но мы сами должны делать все

для укрепления нашей позиции в стране. Конечно, мы не можем ручаться, что все наши предприятия будут удачны. Но если ждать полной уверенности, то вообще ничего нельзя делать, а сидеть сложа руки и ждать. Политический сионизм требует работы во всех областях, требует практической работы для достижения политической цели.

Г. Гринберг как-то сравнил еврейскую работу с прорытием туннеля, которое должно быть начато с двух сторон. С одной стороны начали работать, и я желаю, чтобы начали и с другой.

Конгресс должен дать ИК определенную инструкцию: стремиться к достижению "чартера", но как следствия нашей работы в стране. Если мы теперь получим "чартер", он будет только листом бумаги, но если мы будем работать в Палестине, он будет написан нашей кровью и нашим потом и будет прочен". (Шумное одобрение) ("Рассвет", № 34-35, 1907.).

Речь Вейцмана произвела на конгресс чрезвычайно сильное впечатление. С той поры в сионистском движении укоренился термин "синтетический сионизм" как обозначение сплава двух направлений, политического и практического, в одну систему работы. Спустя сорок лет, вспоминая этот эпизод в автобиографической книге "Поиски и заблуждения", Вейцман писал:

"Разногласия между "угандистами" и "классическими сионистами" обернулись разногласиями между "политическим" и "практическим" сионизмом. {251}

Сионисты-политики твердили: Палестина принадлежит Турции. Покупка земель запрещена законом. Вся наша работа должна быть направлена на "чартер", и мы должны прибегнуть к великим державам, таким, как Англия и Германия, дабы они помогли нам заполучить "чартер". Так смотрели на дело сионистские организации Германии и Австрии и большинство западных сионистов. Им противостояла маленькая группа в Англии, возглавляемая д-ром Гастером и Гербертом Бентвичем.

Взгляд второй, "практической" школы - нашей, как я ее называл не раз, - взгляд этой школы на сионизм и на исторический процесс был более органичным. Если говорить правду, ни "духовные", ни "практические" сионисты не отрицали политической работы, как это часто изображалось; они только хотели напомнить миру сионизма ту простую истину, что одной политической работы недостаточно; она должна сопровождаться прочными конструктивными достижениями, реальным освоением земель в Эрец-Исраэль, а это опять-таки должно быть сопровождено нравственным напряжением еврейского сознания, возрождением языка иврит, приобщением к еврейской истории и

возвеличением вечных ценностей еврейства.

Процесс слияния двух этих школ не был простым делом. Сила привычных фраз, сила предвзятых мнений были так велики, так завладели умами, что всякие разговоры о возобновлении настоящей поселенческой работы всегда встречались в штыки.

Впечатление было такое, будто люди думают, что переселение евреев в Эрец-Исраэль, основание колоний, закладка индустриальной базы в самой скромной форме не имеют ничего общего с подлинной задачей сионизма. Задача, мол, совершенно другая - твердить о нашем намерении создать еврейскую республику в Эрец-Исраэль; и пока таковая не возникла с помощью "чартера", добиться там сколько-нибудь стоящего прогресса невозможно. "Лед тронулся", как мне помнится, на Восьмом конгрессе, который состоялся в Гааге летом 1907 года.

{252} Я там страстно отстаивал взгляды, проповедуемые мною со дня моего вступления в движение. Я сказал, что дипломатическая работа важна, но ее значение увеличится благодаря реальным делам в Эрец-Исраэль. Если мы достигнем синтеза течений в сионизме, мы преодолеем застой. Я утверждал, что даже если б можно было получить "чартер", такой, о каком мечтал Герцль, этот "чартер" ничего не будет стоить без опоры на реальную землю в Палестине, на еврейское население, привязанное к этой земле, на учреждения, созданные этим населением и для него. "Чартер" всего лишь клочок бумаги. Понятно, что необходимо вынести наше дело на суд народов, но впечатление оно может произвести только будучи подкреплено аией, поселением и национальным самосознанием. Основывая свою точку зрения, я употребил выражение "синтетический сионизм", которое стало лозунгом сионистов-практиков".

С аргументацией сторонников школы синтетического сионизма согласовывалась и речь Членова, произнесенная еще в начале конгресса, после вступительного слова Вольфсона и выборов президиума. За три недели до этого Членов побывал в качестве представителя сионистского Правления на праздновании 25-летия со дня основания поселения Ришон ле-Цион. Там он приветствовал участников юбилейного митинга, собравшихся по случаю национального торжества со всех уголков нового ишува, а теперь привез их приветствие, которое они поручили передать конгрессу: "Привет вам всем - которые служат делу народа нашего в галуте, привет от тех, кто в настоящее время осуществляет наш идеал".

Членов продолжал :

"Наше дело преследует три цели: возродить народ, страну и язык, которые еще недавно, некоторыми еще и теперь, объявляются умершими. Каждая из этих трех задач весьма трудна, и неудивительно, если у того или другого возникают сомнения в возможности решения этой задачи, хватит ли сил человеческих.

{253} Истекшие 25 лет были испытанием, которое должны были выдержать страна, народ и язык. И я призываю всех сомневающихся: идите в страну, и там увидите вы, как заброшенные пустыни руками наших братьев превращены в уголки рая. Побывайте в школах, на улицах колоний, где играют дети, и вы услышите, как звучит наш живой язык. Побывайте в домах, встречайтесь с людьми, проникните в общественную жизнь, и вы почувствуете, что создается нечто новое, своеобразное: еврейская жизнь, еврейские чувствования и мышление.

Уважаемые товарищи! Здание, которое мы хотим воздвигнуть для нашего народа, должно быть грандиозным и требует тяжелой работы. Но истекшие 25 лет доказали, что материал прочен и годен для созидания. Только одного еще нет в достаточной мере - твердой народной воли. "Народ может, если он хочет", - сказал на одном из наших конгрессов наш покойный незабвенный вождь. Еврейское народное дело теперь зависит только от одной воли еврейского народа. И она появится, она должна появиться. Наша задача - пробудить ее" ("Рассвет", №31, 1907.).

Выступление Членова сопровождалось громкими аплодисментами. Оно внесло осязаемый вклад в принципиальное обсуждение путей воплощения сионизма.

О состоянии национального воспитания в Эрец-Исраэль докладывал д-р Шмарьяху Левин. Он рассказал о деятельности различных христианских миссионерских обществ, расставляющих свои силки для ловли еврейских душ. Да и школы еврейских филантропических обществ из Европы (Альянс и др.) только усугубляют царящую в ишуве языковую мешанину и фактически настраивают молодое поколение покидать Страну. Однако в Стране, особенно в новых поселениях, начала развиваться и сеть национальных школ, где языком преподавания стал иврит, а у детей иврит - живой {254} разговорный язык. Далее он коснулся развития нового ишува и недавно прибывшего из России контингента, образовавшего зачатки городского сословия и рабочего класса (То была Вторая алия, о которой речь пойдет ниже в этой главе.).

Для удовлетворения их нужд в области просвещения решено основать еврейскую гимназию, где преподавание всех предметов будет вестись на иврите (Речь идет о гимназии "Герцлия", основанной в Тель-Авиве после закладки города. Первая в мире еврейская средняя школа, где все предметы

преподавались на иврите.).

Ш. Левин назвал также имена основателей гимназии - д-ра Иехуды Матмона-Когана, д-ра Хаима Бограшова и их соратников, которые приехали в Страну из России после Седьмого конгресса, привезя с собой знания и опыт. Под впечатлением доклада д-ра Левина Джейкоб Мозер, лорд-мэр Брэдфорда, пожертвовал 80 тысяч франков на гимназию, обеспечив тем самым ее развитие.

Нахум Соколов также говорил о национальном воспитании в диаспоре и предложил, чтобы конгресс провозгласил иврит официальным языком сионистского движения и его органов. Конечно, для пропагандистских и информационных нужд можно пользоваться и другими языками, в соответствии с потребностями организаций отдельных стран. Это предложение нашло сторонников и противников.

В прениях по докладу руководства выступил представитель движения Поалей Цион Шломо Капланский (уроженец Белостока), который работал в то время в Вене. В августе 1907 года, во время работы Восьмого сионистского конгресса в Гааге, собралась первая всемирная конференция Поалей Цион, где был основан Всемирный еврейский социалистический союз Поалей Цион.

Капланский был одним из его организаторов. В своем выступлении на конгрессе он подчеркнул необходимость привлечения в Палестину капитала, чтобы {255} создать условия для широкомасштабной алии и поселения. Практическая работа должна вестись в любом случае, а не только в благоприятных условиях. Необходимо образование в Эрец-Исраэль классов еврейских рабочих и крестьян. Конгрессу следует в основном сосредоточиться на вопросе практической работы в Стране, с упором на развитие сельского хозяйства. Проявляя заботу о поселении, следует иметь в виду не только тех евреев, которые располагают частью необходимых средств, но, главным образом, неимущих. В помощи сионистов нуждаются не зажиточные, а трудящиеся, способные превратить Палестину в еврейскую страну.

Впервые в конгрессе приняли участие и представители палестинских еврейских рабочих: от Поалей Цион Ицхак Бен-Цви (Второй президент Государства Израиль. Скончался в 1963 году.) и Исраэль Шохат, от партии Хапоэль хацаир (Гапоэль гацаир- молодой труженик) - Иосеф Аронович и Элиэзер Шохат (брат Исраэля Шохата), все четверо - пионеры Второй алии из России. Обе рабочие партии в Эрец-Исраэль в своих политических платформах требовали практической работы в Стране. Аронович, выступивший с трибуны конгресса в защиту еврейского труда в Стране, сказал, что каждый сионист - если он подлинный сионист - обязан претворить в жизнь сионизм личным

примером, переехав в Страну или хотя бы вкладывая в нее свой капитал. Он резко обрушился на сионистскую "болтовню", не подкрепленную никакими практическими делами. Это была новая нота, прозвучавшая в прениях конгресса.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛЬ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава пятнадцатая - "СИНТЕТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ"

3. Резолюция Восьмого конгресса и выборы Правления

Восьмой конгресс ознаменовал поворот в сионистском движении в направлении совмещения {256} политической деятельности с практической работой в Палестине; то была линия "синтетического сионизма", выработанная ранее сионистами России на Гельсингфорсском съезде и явившаяся содержанием речи Вейцмана на конгрессе, оказавшей самое сильное влияние на присутствующих. Эти взгляды были положены в основу резолюции по центральному вопросу, обсуждавшемуся на конгрессе, - о практической работе в Палестине. Приводим текст резолюции.

РЕШЕНИЯ И РЕЗОЛЮЦИИ VIII КОНГРЕССА

О работе в Палестине

1. При малом ИК учреждается особое Палестинское управление под руководством одного из членов Малого ИК для заведывания всеми палестинскими делами. Управление содержит в Палестине ответственное бюро, состоящее из одного или нескольких лиц на жалованьи.

2. Четверть всех доходов ИК, за исключением сумм, предназначенных для специальных целей, отчисляется через посредство Еврейск. Колон. Банка в пользу Палестинского управления. Сверх того, в его пользу поступают все специально для него собираемые пожертвования и взносы.

3. Конгресс поручает Палестинскому управлению изучить вопрос о кооперативной колонии по системе Оппенгеймера и представить доклад об этом ближайшей годичной конференции.

4. Конгресс рекомендует Малому ИК и директорииу АПК принять меры к тому, чтобы при АПК (Англо-палестинская компания. - Прим. ред.) было устроено отделение долгосрочного кредита под {257} сельскую и городскую землю и чтобы это отделение имело право покупать и продавать городскую и сельскую землю, парцеллировать, брать и сдавать в аренду, равно как и на земле производить мелиорационные работы.

5. Конгресс поручает Палестинскому управлению уделить особое внимание школьным учреждениям и стремиться к созданию специального школьного фонда. Конгресс далее поручает Палестинскому управлению принять меры к устройству евр. среднего учебного заведения в Палестине.

Об изменении устава банка

Конгресс стоит, как и прежде, на той точке зрения, что его устав должен быть изменен согласно решению III конгресса, насколько такое изменение может быть проведено без ущерба для интересов банка. Во всяком случае Малый ИК должен позаботиться посредством дополнения к статутам, чтоб банк нигде в мире не занимался колониационной деятельностью, помимо Сирии, Палестины и соседних стран. Окончательное решение о продолжении процесса конгресс предоставляет Малому ИК и комиссии из 3-х специалистов, избранных конгрессом.

Организация. (Существенные изменения в статутах):

§11. Делегаты конгресса избираются на двухлетний период. В случае созыва экстраординарного конгресса в нем принимают участие делегаты последнего конгресса.

§19. Ежегодный созыв делегатского съезда является обязательным для всех землячеств и федераций.

§22. Пассивным избирательным правом в Большой ИК пользуется всякий сионист, уплативший шекель по крайней мере непрерывно в течение 3-х лет. Председатели землячеств и федераций являются членами Большого ИК. {258}

§23. Малый ИК по требованию 13 членов Большого ИК обязан созывать

экстренное заседание Большого ИК.

§24. Для образования новой федерации требуется не менее трех тысяч шекеледателей. Федерации утверждаются лишь Малым ИК.

§29. Шекельный сбор для России установлен в 50 коп.

§37. Параграф 1 и последний статута могут быть изменены лишь тогда, когда на двух следующих один за другим обыкновенных конгрессах изменения приняты большинством в 34 явившихся на конгресс делегатов.

Еврейский язык (Иврит. - Прим. ред.) признается принципиально официальным языком сион. движения, его руководящих органов, конгрессов и съездов и постепенно проводится в жизнь. Национальный язык является для сионизма обязательным.

Только в виду необходимости популяризации сионистской идеи организации предоставляется право наряду с евр. языком пользоваться и другими.

Партийный фонд

Конгресс постановляет привлечь, по возможности, всех сионистов к созданию партийного фонда посредством единовременного взноса не менее 2-х рублей.

Определенные трудности обнаружались при избрании нового Правления. Вольфсон утверждал, что Правление только в том случае будет работоспособным, если число его членов будет небольшим, а места их жительства не будут слишком удалены.

Постоянная комиссия предложила избрать Правление из пяти человек, среди них Усышкина и Членова, в соответствии с требованием российских сионистов, постановивших это на своем Четвертом съезде. Вольфсон воспротивился, и тогда оба лидера российских сионистов сняли свои кандидатуры. По требованию Вольфсона, Малый {259} исполком (Правление) составили из трех лиц: его самого в качестве президента, Отто Варбурга (Берлин) как представителя "практиков" и Якобуса Кана (Гаага) - представителя "политиков".

Позиция Вольфсона привела к напряженности между ним и российскими сионистами. Последние увидели в его сопротивлении введению в руководство Усышкина и Членова намерение по возможности затормозить осуществление резолюции по практической работе в Палестине. Это явилось причиной

возникновения сильной оппозиции Вольфсону среди российских сионистов.

И первые ее признаки отразились уже на результатах выборов руководства. Делегаты из России были уязвлены и разочарованы и потребовали отдельного голосования по каждой из трех кандидатур в Малый исполком. Вольфсона избрали в президенты 132 голосами против 59, Кана - 140 против 5, Отто Варбург был избран единогласно, при явной симпатии к нему всего конгресса. В заключительной речи Вольфсон заявил, что надеется заслужить на следующем конгрессе голоса и тех пятидесяти девяти, что на сей раз голосовали против него.

Решения о практической работе в Палестине, принятые Восьмым конгрессом, вскоре вошли в стадию выполнения. Еще летом 1907 года сионистское руководство в Кельне обратилось к д-ру Артуру Руппину с просьбой поехать в Палестину с целью изучения возможности для основания новых поселений. Возвратясь из своей поездки, Руппин представил Большому исполнительному комитету подробный доклад на заседании 6-7 января 1908 года. Руппин рекомендовал ряд практических мер в рамках разработанной им программы трудового поселения в Эрец-Исраэль. Ему предложили возглавить Палестинское бюро в Яффе, и он согласился. В апреле 1908 года он прибыл в Страну и приступил к своим обязанностям. Его заместителем стал д-р Яков Тон.

С прибытием Руппина в истории поселения в Стране открывается новая эпоха. Позднее Руппина назвали "отцом трудового поселения".

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава пятнадцатая - "СИНТЕТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ"

{260} 4. Халуцим Второй алии

Когда говорят Вторая алия, имеют в виду поток олим, прибывших в Страну в 1904-1914 гг., до начала Первой мировой войны. Пионеры этой алии, как и Первой алии, начала 80-х гг. 19 века, прибыли из России. После погромов в Кишиневе и Гомеле (1903) и погромов во время революции (1905-1906) десятки тысяч евреев покинули Россию. Основной поток, как и прежде, устремился в Соединенные Штаты Америки, но тонкая струйка направилась в Эрец-Исраэль.

Именно эти немногие открыли в сионизме новую эпоху, ознаменовав таким образом переход из области отвлеченных идей к непосредственному строительству страны, и тем самым привели к повороту в еврейской истории. Халуцим Второй алии заложили основы роста и развития рабочего движения в Эрец-Исраэль и трудового поселения.

Период Второй алии открыла гомельская группа, прибывшая в страну в январе 1904 года. Во главе этой группы (14 человек) стоял Иехезкель Ханкин, руководивший отрядом самообороны Поалей Цион во время гомельского погрома. Переселение гомельцев в Страну не было прямым следствием погромов. Еще в 1902 году они решили ехать в Эрец-Исраэль и начали к этому готовиться. Но когда распространилась весть о кишиневском погроме, они отложили отъезд ради организации самообороны, понимая, что после Кишинева наступит черед других городов.

Погром в Гомеле, а также последующие аресты и суд над участниками самообороны, послужили последним толчком их намерению отправиться в Эрец-Исраэль. Иехезкелю Ханкину, раненному во время выступления против громил и поддерживавших их армии и полиции, а также его товарищам по борьбе, грозила тюрьма. Поэтому они тайно покинули Гомель, кочевали несколько месяцев из города в город, приехали в Киев и оттуда в Одессу. Одесский комитет достал им документы и помог отплыть на корабле в Палестину. О том, каким трудным {261} было это путешествие, рассказывает в своих воспоминаниях Сарра Ханкин, жена Иехезкеля, в книге о Второй алии. После гомельской группы из России прибыли и одиночки, в том числе люди, которые со временем оказали большое духовное и нравственное влияние на развитие всего трудового движения и еврейского поселения в Стране: Аарон Давид Гордон, Шломо Цемах, братья Элиезер и Исраэль Шохат (первый - один из основателей Хапоэль хацаир в Стране; второй - из членов Поалей Цион и основателей Хашомера).

В своем первом письме из Эрец-Исраэль (опубликованном в ноябрьском номере ежемесячника "Еврейская жизнь" за 1904 г.) А. Д. Гордон описывает положение в еврейском ишуве и сетует по поводу того, что работа делается чужими руками (арабами, а не евреями).

А ведь национальное возрождение еврейского народа невозможно, если евреи не освоят труд, весь, - даже самый тяжелый. Еврейский народ добьется национального и нравственного права на Палестину не деньгами, а своим трудом. Существующее же положение вызывает у Гордона "обиду, стыд и боль", и он говорит, что если мы не испытываем чувства стыда, глядя, как каждый метр земли, достаемой нам с таким трудом, обрабатывается чужими руками, если мы не в состоянии чувствовать это, то, верно, очень еще далеки мы от подлинного национального возрождения. Мы провинились перед нашей родиной и обязаны найти искупление в самостоятельном труде, если мы хотим жить национальной жизнью.

Лишь в труде залог нашего успеха; только наша воля к труду, только наша самоотверженность могут исправить дело, и нельзя это откладывать, иначе можно упустить неповторимые возможности; ведь, если верить преданию, задержи евреи свой исход из Египта на одно мгновение, они никогда бы оттуда не вышли.

То был момент подъема всех сил, как это случается с человеком во время внезапной беды, когда, пытаясь спасти то, что возможно, он взваливает на себя груз, не чувствуя его тяжести. Потом, {262} когда беда миновала, он сам удивляется себе - откуда только силы взялись. Подобные минуты не повторяются, и нужно готовить себя к ним. ...

Скажут, что это утопия, что это невероятно. Но не надо забывать, что "невероятен" весь сионизм. И не только сионизм, но и любое освободительное движение вначале кажется утопией. Если бы отцы наши во времена Хасмонеев строили планы на основе точного расчета, если бы они руководствовались исключительно реалистической политикой и здравым смыслом, то руки бы у них наверняка опустились, и еврейский народ оказался бы обреченным на уничтожение.

Евреи, как правило, любят обвинять себя в крайностях, но горькая правда состоит в том, что наши идеалисты чересчур реалистичны и чересчур трезвы. И все наше движение во имя идеала пронизано этим духом рационализма. Что нам нужно - так это пламенная вера, могучее желание, способные подвигнуть народ к самоотверженности.... Нам надо помнить всегда, что в том, что касается нашего национального движения, все шансы и все цифры против нас, и здравый рассудок и трезвый подход - тоже против нас! Так что, если не хватит нам сил неуклонно идти по нашему пути вопреки всем цифрам и всем шансам, наперекор "здравому смыслу", то нам нечего себя обманывать, не стоит играть в идеализм, сионизм и национальное движение! Наш покойный великий вождь показывал нам пример, как действовать вопреки всему. Он трудился, невзирая на все цифры, вопреки всем шансам. Он твердо шел вперед до последнего вздоха - вот ему и удалось пробить изрядную брешь в стенах нашего гетто.

Свое письмо Гордон заключает призывом переселяться в Страну.

Возрождающемуся Сиону не нужны евреи вне Эрец-Исраэль. Только тех следует принимать с раскрытыми объятиями, кто готов работать, предан, способен все вынести и претерпеть. Это подлинный национальный труд, достойный называться сионизмом. Только он имеет право так называться.

{263} Письмо Гордона не нашло отклика у сионистской молодежи. Может быть потому, что приведенные выше строки являлись частью опубликованной в журнале статьи, а не четко оформленным призывом, каким было, например, "Воззвание к еврейской молодежи, чье сердце принадлежит своему народу и Сиону", написанное Иосифом Виткиным и обращенное непосредственно по адресу. Оно было написано в 1904 году. Однако сегодня не менее актуально, чем тогда.

Иосиф Виткин был предшественником Второй алии. Он приехал в Страну вскоре после Первого конгресса, за 6-7 лет до гомельской группы. Он прибыл с намерением обрабатывать землю, но по состоянию здоровья не смог долго заниматься физическим трудом и занялся преподаванием иврита. Он работал

учителем в Гедере, Ришон ле-Ционе, Месхе (Кфар-Табор) и с тоской и болью наблюдал упадок ишува. Виткин умер в 1912 году в возрасте 36 лет.

В своем воззвании он описывает положение в Стране и призывает еврейскую молодежь России поспешить на помощь ишуву ради будущего своего народа.

"Братья, силы наши слабы, а цель намного возвышеннее нас. Но именно поэтому нам нельзя сидеть, сложа руки, если мы хотим живой жизни; именно поэтому мы должны собрать все силы и отдаться нашей задаче с безудержной любовью, с безграничной самоотверженностью и бесконечным терпением! Не дай нам Бог обманывать себя и народ, козыряя его именем и говоря, что путь короток и легкий. ... Мы должны смотреть в будущее без страха, даже если убедимся, что путь этот труден и чрезвычайно долг... мы должны следовать по этому пути, не оглядываясь назад. Нам следует, наконец, признать, что мосты за нами сожжены и нет у нас спасения и убежища, нет во всем мире!!! ...

Для завоевания нашей страны мы должны отчаянно трудиться и бороться, как раненый зверь борется за свою жизнь!"...

Далее он призывает еврейскую молодежь организовать, приехать в Страну, поселиться на земле и стать земледельцами. Воззвание завершается страстными словами: "Спешите, герои Израиля, возродите времена билуйцев с мужеством и размахом, иначе еще немного, и мы погибнем!"

Хотя это воззвание появилось по собственной инициативе Виткина и было написано им одним, под воззванием стояла подпись "Группа молодежи из Эрец-Исраэль". Виткин отправил это воззвание в марте 1905 года Усышкину с просьбой содействовать его распространению среди еврейской молодежи. Усышкин так и поступил. И немало молодых людей откликнулись на этот искренний и непосредственный призыв Виткина и начали уезжать в Страну. Поток алии усилился с волной погромов, затопившей еврейское население в дни революции 1905 года и после ее поражения, в Палестину прибыли члены Цейрей Цион (Молодые сионисты). Поалей Цион, а также одиночки, состоявшие в русских революционных партиях, разочаровавшиеся в своем пути и пришедшие в отчаяние после поражения революции и начала разгула реакции и антисемитизма.

Пионеры Второй алии, прибывшие в Страну с заранее обдуманной намерением заниматься физическим трудом и жить его плодами, наталкивались на этом пути на многочисленные трудности. Им приходилось выдерживать конкуренцию с арабскими рабочими, местными уроженцами, привычными к тяжелой работе и климату страны.

Поскольку арабские рабочие довольствовались малым и работали за гроши, еврейские фермеры предпочитали их рабочим-евреям, и новые олим, в большинстве случаев, оставались без работы и хлеба. Кроме того, фермеры с подозрительностью относились к молодежи, только что приехавшей из России, к их свободолюбивым идеям и требованиям уважать их человеческое достоинство.

Отношения между еврейскими фермерами и пионерами Второй алии обострились до такой степени, что комитет поселения в Петах-Тикве объявил еврейским рабочим бойкот (1906 г.) и не из-за трудовых конфликтов, а из-за религиозной {265} нетерпимости старожилов. Тогда прозвучал лозунг: "Даешь Галиль!" - и десятки рабочих покинули Петах-Тикву (во всей стране тогда насчитывалось всего около 600 еврейских рабочих) и перешли в поселения Нижней Галилеи (Седжера, Месха), где установились более нормальные отношения между рабочими и фермерами.

Благодаря помощи и поддержке д-ра Руппина, главы Палестинского бюро в Яффе, в Нижней Галилее (включавшей и Иорданскую долину) возникла организация еврейских сельскохозяйственных рабочих и там же было положено начало трудовому поселению Дегания, "матери кибуцов" (Кинерет).

В то же время (1906 г.) в Стране организовались и рабочие партии: Поалей Цион и Хапозель хацаир. Ведущий лозунг членов Хапозель хацаир состоял в завоевании труда для еврейского рабочего. Члены Поалей Цион решили взять дело охраны еврейских хозяйств в еврейские руки (до тех пор охрану несли арабы). Группа участников самообороны из России, примыкавших к Поалей Цион, основала в 1907 году организацию по охране и обороне под названием Бар-Гиора (в честь вождя восстания против римлян в конце эпохи Второго храма), которая в 1909 году была переименована в Хашомер.

В числе ее основателей, как уже говорилось, были Исраэль Шохат, Исраэль Гилады, Ицхак Бен-Цви, Александр Зайд, Иехезкель Ханкин, Мендель Португали, Берл Швейгер, Меир Хазанович, Цви Бекер, Иехезкель Нисанов. Хашомер вписал в историю Второй алии замечательную страницу: он стал тем ядром, из которого впоследствии развилась организация Хагана (Оборона-защита), поставившая, в свою очередь, кадры первым вооруженным силам Государства Израиль.

Целый ряд выдающихся людей из числа пионеров Второй алии, выходцев из России, оказали сильнейшее влияние - общественно-политическое, духовное и культурное - на свое поколение. Оно не прекратилось и позднее, когда после Первой мировой войны еврейский ишув (евр. поселения) разросся и

увеличился. Это влияние {266} прослеживается и до наших дней. Вот некоторые из этих людей: Иосеф Ааронович, один из тех, кто заложил основы и сформировал политический облик партии Хапоэль хацаир, а также в течение многих лет был главным редактором печатного органа ("Хапоэль хацаир") этой партии; Иосеф Шпринцак, один из основателей Цеирей Цион в России и руководитель Хапоэль хацаир в Стране; из членов Поалей Цион - Давид Бен-Гурион, Яков Зерубавел, Рахель Янаит (Бен-Цви).

И, кроме них, упоминавшиеся нами ранее: А.Д.Гордон, писатель Шломо Цемах, Ицхак Бен-Цви, братья Элизер и Исра-эль Шохат. И беспартийные, чей общественный и нравственный авторитет был чрезвычайно высок: Берл Кацнельсон, Ицхак Табенкин, Шмуэль Явнеэли. Писатели: И.Х.Бреннер, Зеэв Смилянский, Александр Зискинд-Рабинович, Яков Рабинович.

Наконец, основоположницы женского рабочего движения в Стране: Сарра Малкина, Хана Майзель, Рахель Кацнельсон-Шазар, Ада Фишман (Маймон).

Все они и многие другие, не названные здесь, внесли огромный вклад в формирование еврейского рабочего движения в Стране, в ее облик, в создание ее ценностей.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава шестнадцатая - ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДАВИДА ВОЛЬФСОНА

1. Поражение революции и усиление реакции в России

Реакционные порядки, возродившиеся в России после поражения революции 1905 года, сказались на отношении властей к сионистскому движению, которое и ранее существовало без легальной базы. Руководители движения, от случая к случаю, пытались легализовать сионистскую деятельность в каком-нибудь из {267} мест, где она велась, дабы создать тем самым законный прецедент. Такая попытка была предпринята в 1906 году минскими сионистами, которые обратились в Минское губернское присутствие с просьбой зарегистрировать местный сионистский союз в качестве легального общества. По их просьбе было вынесено положительное решение. Однако губернатор выступил против этого, и дело было передано в Сенат. В апреле 1907 года, примерно за четыре месяца до начала Восьмого сионистского конгресса в Гааге, Сенат постановил отменить решение о регистрации сионистского союза в Минске в качестве легального общества. В постановлении Сената говорилось:

"Правительствующий Сенат находит:

1) что, как видно из доставленных Министром Внутренних Дел сведений, проявления деятельности сионистских организаций обнаруживают стремление их к национальному обособлению еврейских масс с целью активной борьбы с существующими условиями правовой жизни еврейства и, следовательно, должны повести к обострению национальной вражды с коренным местным населением;

2) что посему всякие организации сионистов в сообщества должны быть признаны запрещенными, согласно точному смыслу ст. 6 Временных Правил. Признавая, в виду изложенного, решение большинства членов Минского Губернского по делам об обществах Присутствия о регистрации Минского Общества сионистов неправильным, Правительствующий Сенат определяет: таковое отменить".

Это постановление Сената носило принципиальный характер и устанавливало прецедент на будущее для всех аналогичных случаев. На основании этого постановления Министерство внутренних дел разослало всем губернаторам секретный циркуляр (№ 48 от 21 декабря 1907 г.) с указанием не разрешать никаких сионистских организаций, а также принять меры к запрещению всякой деятельности Национального фонда. В сущности, циркуляр официально закрепил положение, существовавшее на деле уже ранее. Об этом {268} свидетельствует письмо Центрального Комитета Сионистской организации в России от 6 декабря 1907 года (подписанное Л. Яффе и Б. Гольдбергом), которое было отправлено из Вильно президенту Давиду Вольфсону в Кельн.

В письме говорилось, что в Польше, Сибири и в целом ряде крупных городов, как например Одесса, Киев, Харьков, Севастополь, Екатеринослав и др., нет никакой возможности вести сионистскую работу из-за мер властей, объясняемых объявленным незадолго до того чрезвычайным положением. Эти внешние условия привели к тому, что сионистская работа сократилась и даже само ее существование оказалось под вопросом, так как в силу своей природы она не могла успешно вестись в подполье.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава шестнадцатая - ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДАВИДА ВОЛЬФСОНА

2. После Восьмого конгресса. Приезд Вольфсона в Петербург

У сионистов России имелось полное основание быть довольными резолюциями Восьмого конгресса в Гааге, отразившими их позицию в отношении практической работы в Палестине и признавшими принцип "синтетического сионизма", иначе говоря, слияние усилий по поселенческой деятельности в Палестине с политическими действиями в Константинополе и столицах Европы. Эта оценка итогов конгресса была зафиксирована в циркуляре, направленном в октябре 1907 года уполномоченным по Московской губернии Членовым в губернское отделение Сионистской организации. В циркуляре с удовлетворением констатировалось, что данный подход (соединение практической работы в Эрец-Исраэль с деятельностью по достижению легальной базы для нее) разделяется большинством Сионистской организации в России, что наложило свой отпечаток на резолюции конгресса.

В этих резолюциях конгресс четко и ясно подтвердил необходимость практической работы в Эрец-Исраэль, за которую российские сионисты боролись, начиная со Второго конгресса. Вместе с {269} тем, конгресс с той же определенностью признал необходимость добиваться законных основ для этой работы. Такова была исходная позиция конгресса, когда он приветствовал предложение об открытии филиала банка в Константинополе (И действительно, через год в Константинополе открылось отделение Колониального банка во главе с Виктором Якобсоном, одним из наиболее крупных деятелей сионистского движения в России, бывшим до того

представителем банка в Бейруте. На своем новом посту Якобсон фактически являлся неофициальным политическим представителем сионистского руководства в Константинополе.).

Относительно выполнения на практике резолюций конгресса Членов отмечает в циркуляре, что конгресс мог бы полностью удовлетворить российских сионистов, если бы они были уверены, что практические действия окажутся на уровне этой сложной, трудной и деликатной задачи. Опыт минувших двух лет вынуждает к осторожности. Вместе с тем Членов выражает уверенность в доброй воле нового Правления достойно выполнить свою ответственную миссию. Однако о том, насколько его деятельность будет успешной, можно судить лишь года через два. Так, с присущей ему осторожностью и сдержанностью, Членов выразил сомнение в способности Правления провести в жизнь резолюции Восьмого конгресса.

Между тем, условия сионистской работы в России чрезвычайно осложнились. В начале 1908 года были произведены многочисленные аресты деятелей и активистов движения, нарушившие сионистскую работу во всей империи. В силу этих политических и административных обстоятельств сократились доходы от распространения "шекелей". Вместе с тем, в отличие от революционных лет (1905-1906), в еврейском населении заметно окрепли сионистские настроения. Однако, из-за давления властей, использовать эти симпатии масс для усиления сионистской работы и распространения сионистских идей не было никакой возможности. {270} Также плохо обстояло дело и с организационной работой, ибо во многих местах собрания и сходки запрещались. Так описывали положение товарищи из России, участники совещания Большого исполкома совместно с членами Центрального Комитета в мае 1908 года.

В докладе Центрального Комитета на этом совещании подчеркивалось, что еврейские массы, интеллигенция и молодежь обнаруживают отчетливую склонность к сионистским идеям, однако, ввиду установившихся в России условий, эти настроения нельзя превратить в действенную силу. Общее безразличие к политическим вопросам, ныне имеющее место в России, сказывается и на еврейской публике. Из-за невозможности проводить собрания почти все пути для устной пропаганды закрыты. Единственное место, оставшееся для разговора о сионизме, - это синагога, но для работы там нет подходящих агитаторов. Остается печатная агитация, но еврейские массы, не знающие русский язык, нуждаются в газете на идиш. На Четвертом съезде сионистов России, состоявшемся в Гааге в дни Восьмого конгресса (август 1907 г.), было решено организовать выпуск ежедневной газеты на идиш, приостановив издание еженедельника "Дос идише фолк", но по материальным причинам это сделать не удалось, и поэтому возобновили выпуск

еженедельника.

Положение евреев в России и проблемы российских сионистов побудили Вольфсона попытаться прийти им на помощь. Считая себя "хранителем наследия Герцля", Вольфсон старался во всем подражать своему учителю и вождю. И подобно тому, как Герцль посетил министра внутренних дел Плеве после кишиневского погрома, так и Вольфсон решил добиться аудиенции у премьер-министра Столыпина. Эти его усилия увенчались успехом, ему было передано приглашение от имени главы русского правительства.

В начале июля 1908 года Вольфсон прибыл в Петербург в сопровождении Нахума Соколова, генерального секретаря сионистского Правления. Об отношении реакционных кругов России к сионизму свидетельствует {271} передовая статья, опубликованная в черносотенной газете "Русское знамя" (№ 153) по случаю приезда Вольфсона.

Газета представила своим читателям "этих сионистов-социалистов", "этих сионистских рабочих", напомнила о "Гельсингфорсской программе", направленной на изменение строя в России, о еврейской самообороне, которую организовали сионисты, и т. д. Автор призывал читателей не быть "столь наивными", чтобы поверить сионистам, т. к. их (сионистов) задача совершенно ясна. Надлежит видеть в каждой сионистской организации в России еврейскую революционную шайку, плетущую новый заговор против государства российского и русского народа.

Учитывая открытую привязанность царя Николая к "Союзу русского народа", чьим печатным органом являлась вышеупомянутая газета, есть основания полагать, что эта статья отражала позиции престола по отношению к сионизму. И действительно, в своей беседе с Вольфсоном Столыпин повторил то же самое, что пять лет тому назад сказал Герцлю Плеве, причем и в том и в другом случае, - с одобрения Николая: правительство не возражает против сионистской деятельности, пока она направлена на создание национального очага для евреев в Палестине; однако оно не может допустить никакой политической работы сионистов, выходящей за рамки действий в пользу Палестины.

Та же позиция была занята Сенатом в 1907 году, когда он отменил решение о регистрации сионистского союза в Минске в качестве легального общества. Что касается ходатайств Вольфсона по поводу положения евреев в России, Столыпин пообещал, как в свое время Плеве пообещал Герцлю, содействовать облегчению этого положения, но, как и тогда, все эти обещания оказались только пустыми словами. В тот же день Вольфсон был принят для

продолжительной беседы и министром иностранных дел А.П.Извольским, который на следующий день даже нанес гостю ответный визит. Кроме того, Вольфсон встретился с помощником Столыпина по внутренним делам Макаровым, ведавшим полицией.

{272} Как в свое время Герцль, Вольфсон на обратном пути задержался в Вильно для встречи с местными представителями еврейской общественности. По-видимому, в силу своего отношения к покойному вождю, Вольфсон старался повторить визит Герцля в Россию во всех подробностях. На сей раз русское правительство проявило больше ума, чем во время поездки Герцля в Вильно, когда полиция и казаки с дикой жестокостью напали на толпу, собравшуюся на вокзале проводить его. На этот раз правительственной телеграммой из Петербурга было приказано виленской полиции не мешать сионистам собираться по случаю приезда президента Всемирной сионистской организации Давида Вольфсона. Его визит в Вильно прошел спокойно, без инцидентов.

Как Герцль пять лет тому назад, Вольфсон (в сопровождении Соколова) был принят в здании еврейской общины в Вильно. От имени общины и особенно от сионистски настроенных евреев президента сионистов приветствовал д-р И. Л. Кантор.

Он говорил о сионизме, его национальном значении для еврейского народа. Отвечая на приветствия, Вольфсон сказал, что предвидит время, когда сионистом станет каждый еврей. Вечером того же дня в честь гостей был организован многолюдный ужин. В нем участвовало около 150 человек: члены Центрального Комитета российских сионистов, члены Большого исполнительного комитета, деятели и активисты движения, делегация сионистских отделений разных городов и другие приглашенные.

Банкет открыл от имени Центрального Комитета Б. Гольдберг, сказавший в своем приветствии, что нет особой нужды пробуждать в евреях России национальное сознание - оно существует. Еврейские массы в России испытывают к сионизму самые горячие симпатии, но существующие внешние условия мешают работе движения. Пять лет тому назад здесь, проездом из Петербурга, побывал д-р Герцль. Было это после кишиневского погрома, и среди евреев царили уныние и подавленность.

Выступление вождя сионизма явилось {273} тогда крупным событием в России и вдохнуло новые силы в движение. Теперь в еврейской среде в России снова царит подавленность, на сей раз после кровавых погромов революции. Публика стала равнодушной и безразличной ко всякому общественному

движению. Все это и вдобавок запрет на собрания и сионистскую пропаганду омрачили положение. Согласно талмудической поговорке, узник не в состоянии сам себя выволить из тюрьмы.

Поэтому столь важен визит президента. Российские сионисты не могут изменить положение собственными силами, и этот визит служит им ободрением. Российские сионисты благодарят Вольфсона. В лице д-ра Герцля сионисты России чтит великого европейца, вернувшегося к еврейству. В лице г-на Вольфсона они видят одного из своих, жившего среди них в свое время, и надеются, что душой он всегда с ними. Вольфсона приветствовали также представители сионистов из разных городов.

Отвечая на приветствия, Вольфсон заметил, что не следует преувеличивать значение его приезда в Россию, ибо помощь невелика. Говоря о путях движения, он сказал: "Мы не только "практические сионисты" и не только "политические сионисты". Мы в равной степени и "практические" и "политические" сионисты. Хибат Цион и сионизм, как душа и тело, не могут существовать врозь. Не хочу льстить, но я всегда говорил, что лучшие сионисты - российские. Я повторял это нашим братьям в Англии, Германии и Австрии. И когда я говорил это за границей, то и тогда моими слушателями были ... евреи из России. (Смех.)

Я сам родился в России, и любовь к моим братьям не угасает в моем сердце". Вольфсон заключил речь призывом продолжать дело в любых условиях, памятуя, что к сионистской программе нам нечего ни прибавить, ни отнять. Участники банкета встретили слова Вольфсона шумными овациями.

Вместе с тем, из торжественной встречи, устроенной российскими сионистами Вольфсону, еще не следует, что они были довольны его руководством. Одно дело {274} законы гостеприимства, другое - оппозиция его политике. Большинство деятелей движения в России считали, что он не подходит для столь высокой должности, невзирая на свое постоянное старание во всем походить на Герцля. Весьма возможно, что именно эти усилия, рассматривавшиеся многими как подражательство, лишённое того величия, которым обладал Герцль, подогревали оппозицию Вольфсону. Он, однако, боролся с нею изо всех сил и не всегда безуспешно, так как большинство западных сионистов поддерживали его.

Тем временем свершилось событие мирового политического значения, которое совершенно очевидно должно было повлечь за собой разительные перемены и на политическом фронте сионизма: в июле 1908 года в Турции произошел переворот, совершенный организацией, члены которой называли

себя "младотурками". Их поддержала армия.

Во главе движения стояли европейски образованные люди, стремившиеся к проведению в Турции кардинальных реформ и превращению ее в современное государство. Народы, населявшие пространства Оттоманской империи (арабы, армяне, греки и др.), возлагали на новый режим большие надежды, ожидая, что он предоставит им автономные национальные права. Воспряло духом и сионистское движение. Все верили, что революция в Турции открывает перед сионизмом новые горизонты. Среди российских сионистов и в Палестине раздавались даже голоса о необходимости изменить Базельскую программу и ясно заявить, что сионизм стремится основать национальный очаг для еврейского народа в Палестине с разрешения оттоманского конституционного правительства и под его покровительством.

В циркуляре, разосланном филиалам в августе 1908 года, Центральный Комитет Сионистской организации в России сделал особый упор на значении совершенного младотурками переворота для сионизма. В циркуляре говорилось: для сионистского движения, являющегося исторической необходимостью, ... политическая революция в Турции означает не только избавление от больших и {275} многочисленных препятствий, но и заметный шаг вперед на пути осуществления наших основных задач; и такая ситуация должна быть использована полностью.

И действительно, поначалу казалось, что переворот в Турции создал более благоприятные условия для сионизма. Пробудились национальные чувства и у евреев в Оттоманской империи. Основаны были сионистские организации, еврейские спортивные союзы, четыре еврея оказались избранными в новое законодательное собрание (от городов Константинополя, Салоник, Смирны и Багдада). Такое положение, однако, длилось недолго. Вскоре выявился подлинный облик нового режима - нейтралистский, шовинистский и, в качестве такового, разумеется, антисионистский. И тогда во внутренней жизни еврейства Турции снова взяли верх ассимиляторы и противники национального начала. Спустя два года после переворота уже не осталось никаких иллюзий по поводу новой власти в Турции.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава шестнадцатая - ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДАВИДА ВОЛЬФСОНА

3. Пятый съезд сионистов России

В октябре 1909 года Центральный Комитет Сионистской организации в России опубликовал циркуляр о Пятом съезде российских сионистов, который решено было созвать в Гамбурге 23-24 декабря, в преддверии Девятого конгресса, открывавшегося 26 декабря. Согласно организационному уставу Сионистской организации в России, съезды должны были проводиться ежегодно, но из-за внутреннего политического положения в России и трудных условий для сионистской деятельности это требование устава не было выполнено. Четвертый съезд состоялся в Гааге во время Восьмого конгресса, два с половиной года тому назад.

На сей раз Центральный Комитет решил отделить обсуждение вопросов из повестки дня предстоящего конгресса от вопросов, касавшихся сионистской работы в России. Пятый съезд займется лишь последними, в то время как вопросы, которые внесены в программу {276} конгресса, обсудит предварительное совещание делегатов из России. Такое разделение было необходимо не только по соображениям продуктивности обсуждения, но и ввиду различия конечных целей съезда сионистов России и предварительного совещания российских делегатов конгресса. Решения съезда обязательны для всех членов Сионистской организации в России, итоги же совещаний не являются обязательными для всех делегатов, поскольку цель совещаний - лишь разбор вынесенных на конгресс вопросов и констатация отношения к ним большинства российских делегатов.

Из-за упомянутых трудных условий сионистской работы специальных выборов на съезд на сей раз не было: постановили, что те, кто будет избран в качестве делегатов конгресса, будут и делегатами съезда (После того как Мизрахи и Поалей Цион организовались в независимые федерации, их члены уже не входили в Сионистскую организацию в России. Эти федерации установили со всемирным сионистским руководством прямую связь. Что касается Цеирей Цион, то они сохранили свое членство в Российской сионистской организации. Российская партия Поалей Цион зашла еще дальше в своем изоляционизме, постановив в сентябре 1909 года выйти из Всемирной сионистской организации, и в конгрессе не участвовала.).

Циркуляр напомнил участникам движения о том, как важно увеличить на конгрессе представительство российского сионизма, с тем, чтобы подчеркнуть силу движения, а также его стремление использовать сложившиеся ныне в Турции благоприятные обстоятельства.

Съезд открылся 23 декабря в присутствии 120 делегатов, многочисленных гостей и представителей печати. Открыл съезд Б. Гольдберг. Свою вступительную речь от имени Центрального Комитета прочитал Лев Яффе, который заявил, что после поражения революции реакция завладела всеми сферами жизни, и существование евреев в России, и без того тяжелое, стало еще более невыносимым из-за усилившихся преследований и {277} ограничений.

Разгром освободительного движения сказался на еврейском населении самым жестоким образом. Вместо шумной общественной борьбы в среде еврейства России установилась мертвая тишина. С арены еврейской жизни точно ветром сдуло все бесчисленные партии и группки, которые еще недавно старались перекричать друг друга в претензии руководить еврейством.

Общий спад не обошел и сионистское движение, хотя в последнее время в среде еврейской молодежи и еврейской интеллигенции наметились признаки попыток самоанализа, тяготения к еврейству и интереса к национальным проблемам. Переворот "младотурков" привел к некоторому оживлению в сионистском движении, но уже вскоре проступает разочарование в преувеличенных надеждах, возлагавшихся на этот переворот.

После того как Восьмой конгресс в Гааге постановил считать язык иврит официальным языком сионистского движения, Правление (Малый исполком) начало с августа 1907 года издавать в Кельне еженедельник "Хаолам" ("Мир"). Четвертый съезд российских сионистов в Гааге также постановил выпускать еженедельник на иврите. Однако, по соглашению с Малым исполкомом, во

избежание дублирования решено было перенести издание "Хаолам" в Вильно в качестве совместного печатного органа Всемирного сионистского правления и Центрального Комитета Сионистской организации России, что и было сделано в декабре 1908 года.

В последнее время наметился возврат в ряды сионистского движения той части молодежи, которая в дни "манифеста" и "конституции" примкнула к русским революционным партиям. Теперь пролетарская молодежь проявляет заметный интерес к организации Хапоэль хацаир в Эрец-Исраэль и к ее одноименному печатному органу. В противовес этому, фракция Мизрахи, как уже было сказано, окончательно отделилась от Сионистской организации в России и провела отдельные выборы своих делегатов в конгресс.

{278} Д-р Членов, который с начала 1908 года взял на себя руководство делами Национального фонда в России, доложил о деятельности фонда и отметил, что за последний год его доходы достигли суммы 70 тысяч рублей - увеличение на 90% по сравнению с предыдущим годом. Это сообщение было встречено овацией. В прениях по этому пункту все выступавшие указывали на большие заслуги и самоотверженную и отличную работу Членова, и было решено занести его имя и имена его помощников на страницы "Золотой книги" Керен Каемет ле-Исраэль.

О "гегенвартсарбейт" (Текущая работа, "текучка".) в диаспоре докладывал Гринбаум. Он начал на иврите и хотел перейти на идиш, поскольку иврит понимали немногие из делегатов. Однако Иосиф Клаузнер резко запротестовал против доклада на идиш (на "жаргоне", как он выразился) и потребовал от докладчика говорить либо на иврите, либо по-русски (протестуя против идиш, Клаузнер говорил по-русски). Лев Яффе от имени Центрального Комитета осудил подобное отношение к языку шести миллионов евреев и подчеркнул, что в соответствии с гельсингфорскими резолюциями сионистское движение в России считает равноправными оба языка, делая при этом акцент на иврит как на национальный язык. В итоге было решено (по предложению Усышкина), что Гринбаум выступит на иврите, а тезисы его речи будут переведены на идиш и русский. Гринбаум отказался подчиниться этому решению, и тезисы его выступления были зачитаны другим делегатом и переведены, согласно принятому решению. Этот инцидент внес в прения съезда диссонирующую ноту.

В числе прочего было решено, что редакторы "Хаолам" и "Рассвета" должны избираться съездом. Редактором еженедельника "Хаолам" был избран А. Друянов, а исполняющим обязанности редактора (на случай его

{279} болезни или других обстоятельств) - И. Гринбаум. Редактором "Рассвета" стал Авраам Идельсон. Оба редактора кооптируются также в члены Центрального Комитета Сионистской организации в России. В Центральный Комитет, кроме того, постановили ввести и одного представителя польских сионистов.

Заключительное заседание съезда отложили до окончания конгресса, и оно состоялось 31 декабря.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава шестнадцатая - ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДАВИДА ВОЛЬФСОНА

4. Девятый конгресс

Девятый конгресс проходил в Гамбурге с 26 по 30 декабря 1909 года. Сионисты России отнеслись отрицательно к выбору места и времени проведения конгресса; по их мнению, зимние месяцы не подходили для съезда такого масштаба, а место (Гамбург) было слишком удалено от еврейских центров. Тем не менее конгресс собрал многочисленных участников: 420 делегатов, 120 представителей печати почти из всех стран, а также 3000 гостей. Вступительную речь произнес президент Вольфсон.

Он отметил, что это первый сионистский конгресс, который проводится на немецкой земле; он подчеркнул также, что конгресс собрался после установления нового строя в Турции, приветствовал вступление Турции в семью конституционных держав и с удовлетворением констатировал присутствие делегатов из Турции, прежде лишенных возможности участвовать в сионистских конгрессах из-за позиции старого режима. Президент также сказал, что сионизм в своих устремлениях сохраняет по отношению к Турции лояльность и что Базельская программа продолжает оставаться незыблемой основой сионистского движения как в политическом плане, так и в проведении необходимой и планомерной практической работы в Палестине.

Нордау в своей традиционной политической речи говорил по поводу нового политического положения, создавшегося после смены власти в Турции. Вместе с {280} тем он подчеркнул неизменность Базельской программы, невзирая на

все политические перемены.

Нордау сказал: мы готовы отправиться в Турцию, дабы стать палестинскими евреями, но не для того, чтобы ассимилироваться где-нибудь в Македонии или в Малой Азии. Если бы мы хотели ассимилироваться, это можно было бы сделать и поближе и подешевле...

Если новая Турция даст нам возможность осуществить нашу национальную мечту, мы будем это пламенно приветствовать как поворот в истории еврейского народа. Не даст - будем вынуждены, к нашему прискорбию, ждать. Верно, что долго дожидаться - горько, но зато не постыдно; а вот колебаться и утрачивать веру - это позор! Приветствуя свободу турецкого народа, мы его не отождествляем ни с одной из турецких политических партий.

По предложению д-ра Вейцмана, председателя Постоянной комиссии, был избран президиум в следующем составе: М. Нордау - президент конгресса; его заместители - д-р Боденхеймер (Германия),

А. Штанд (Австрия), и от сионистов России - Е. Членов и М. Усышкин.

От имени Правления делегатам был роздан письменный отчет, дополненный устными объяснениями генерального секретаря Соколова. В общих прениях резко критиковали деятельность Вольфсона на посту руководителя Всемирной сионистской организации. Большинство делегатов из России, Австрии и Палестины выступили против его руководства, в то время как большинство западных делегатов поддержали Вольфсона. Члены оппозиции утверждали, что руководство Вольфсона лишено политического размаха, а его идеи и подход к делам диктуются "коммерческими" соображениями и расчетами. Особенно резко выступил Пасманик, вышедший за рамки деловой критики и обрушившийся на Вольфсона с личными нападениями. Он также заявил, что поездка Президента в Петербург принесла больше вреда, чем пользы. Руководство, сказал Пасманик, далеко от масс еврейского народа как географически, так и духовно, и ему чужды запросы и нужды этих {281} масс. В конце оратор предложил вынести вотум недоверия Вольфсону. В то же время он с похвалой отозвался о члене Правления профессоре Варбурге, возглавлявшем Палестинский отдел. Хотя Пасманик и заявил, что выражает мнение всех "недовольных", большинство российских сионистов не одобрили формы его выступления. Об этом после конгресса писал в "Рассвете" Александр Гольдштейн.

Такая форма критики глубоко задела Вольфсона, и когда он взял слово для ответа выступавшим, то заговорил с горечью и обидой. Он сказал, в частности,

что не допустит растрачивания наследия Герцля, анархии и произвола. Его руководство вновь навело порядок в движении, создало деловую атмосферу и этим выполнило свой долг. И не надо превращать эту распрю в счеты между евреями Восточной Европы и западными евреями. "Я до сих пор чувствую себя совершенно русским евреем".

Ответ Вольфсона произвел сильное впечатление на конгресс.

Затем перешли к обсуждению вопросов, стоявших ; на повестке дня. Ораторы подчеркивали значение политических событий в Турции, побудивших даже противников практической работы в Палестине пересмотреть свою точку зрения. Так, например, Моцкин (один из немногих российских сионистов, противившихся практической работе в Палестине без достаточных правовых гарантий) сказал, что большое событие, свершившееся в Турции в период между Восьмым и Девятым конгрессами, несомненно повлекло за собой перемену в умонастроении разных сионистских кругов, перестройку в их взглядах на работу в Палестине. "Я прямо заявляю, - сказал Моцкин, - что и на меня, человека, который с самого начала движения стоял и стоит на базе политического сионизма, эти события произвели сильное впечатление. Но вместе с тем следует распознавать и опасность, связанную с этими переменами". Далее Моцкин предостерег от пренебрежения {282} политической задачей сионизма как центральной при воспитании в народе национально-политического сознания.

Сенсацию на конгрессе произвело возвращение д-ра Нахмана Сыркина, лидера сионистов-социалистов, покинувшего Сионистскую организацию на Седьмом конгрессе во время ухода территориалистов. Он эмигрировал в Америку, обосновался в Нью-Йорке и там работал со своими сподвижниками в пользу "социалистического территориализма". Незадолго до Девятого конгресса (Чикагская конференция - 1909г.) все три существовавшие в Америке еврейские национальные течения социалистического толка - Поалей Цион, социалисты-территориалисты и так называемые "сеймисты" (сторонники автономии) - объединились на базе социализма и палестинского сионизма в одну партию под названием Поалей Цион.

На Второй всемирной конференции Поалей Цион, собравшейся в Кракове накануне Девятого конгресса, Сыркин представлял уже объединенную партию из Америки и спорил с российскими членами Поалей Цион, которые незадолго до этого решили выйти из Сионистской организации и более не участвовать в конгрессах. Сыркин был и среди самых пылких сторонников кооперативного поселения в Эрец-Исраэль в соответствии с доктриной Оппенгеймера, в то время как Поалей Цион России отрицали эту доктрину как противоречащую линии классовой борьбы.

На пленарном заседании конгресса Сыркин попросил слова для объяснения своего возвращения в Сионистскую организацию и сказал:

"Территориализм оказался миражем, потому что в жизни еврейского народа иррациональные факторы сильнее партийных программ. Поэтому и пришлось похоронить великую мечту территориализма. Кроме того, турецкая революция создала почву для сближения территориализма с сионизмом, поскольку Эрец-Исраэль стала достижимой "территорией". Таким образом, пришло время объединению территориализма с сионизмом. И инициатива исходит теперь от социалистов-территориалистов". {283}

Далее Сыркин подчеркнул значение участия рабочих масс в сионистском движении. С их помощью конгресс станет представителем организованной еврейской нации. Сыркин так закончил свое выступление: "С той же самой трибуны, откуда на Седьмом конгрессе я объявил о расколе сионизма, ныне я выступаю за его объединение. С этой трибуны я обращаюсь с призывом к своим товарищам, еврейским социалистам, и в особенности к большому еврейскому патриоту Исраэлю Зангвиллю, сплотиться вокруг Сионистской организации ради решения еврейского вопроса". Конгресс сопровождал драматическую речь Сыркина бурными аплодисментами (Как известно, призыву Сыркина не последовали ни его товарищи - социалисты-территориалисты в России, ни Зангвилль в Англии.).

Как и на предыдущем конгрессе, выступили представители палестинских еврейских рабочих: Иосеф Аронович из Хапоэль хацаир, Ицхак Бен-Цви из Поалей Цион. Третьей была Рахель Янаит. Она не была избрана на конгресс непосредственно в Эрец-Исраэль, а поехала вместе с Бен-Цви на Вторую всемирную конференцию Поалей Цион, где товарищи из Америки вручили ей мандат на Девятый конгресс. На судне, отплывшем из Эрец-Исраэль в Европу, ехали вместе все три представителя рабочих: Бен-Цви пригласил Ароновича принять участие в конференции Поалей Цион на правах гостя, и последний принял это приглашение.

На всемирной конференции Поалей Цион выявился разрыв между российскими представителями партии и основателями Поалей Цион в Эрец-Исраэль, также выходцами из России, - пионерами Второй алии.

На своем совещании, состоявшемся в сентябре 1909 года в Вене, "русские" постановили порвать все связи с Всемирной сионистской организацией и не участвовать более в сионистских конгрессах, так как считали, что сотрудничество с буржуазией находится в {284} противоречии с учением

Маркса. По тем же самым причинам они противились кооперативному поселению по системе Оппенгеймера в Палестине, рассматривая эту систему как отход от линии классовой борьбы.

Товарищи из Эрец-Исраэль, однако, не поддержали их и резко критиковали за уход из Сионистской организации и конгресса. Ицхак Бен-Цви перед конференцией опубликовал статью с критикой их поведения. Под влиянием Поалей Цион из Австрии (среди которых работал Шломо Капланский, уроженец Белостока), Америки (во главе с Нахманом Сыркиным) и Эрец-Исраэль всемирная конференция Поалей Цион постановила активно поддержать на конгрессе доктрину Оппенгеймера, что представители партии и выполнили весьма успешно. Конгресс принял положительную резолюцию по этому вопросу.

Национальному фонду было поручено выделить требуемые земельные участки и начать сбор средств для создания кооперативного поселения. О положительном отношении делегатов к этому решению говорит тот факт, что уже в дни конгресса для этой цели было собрано 48 тысяч марок.

Трое представителей палестинских рабочих - Иосеф Аронович, Рахель Янаит и Ицхак Бен-Цви рассказали с трибуны конгресса о тяжелом положении трудящихся Палестины, об отсутствии минимальных жилищных условий, гигиены и т. п.; они возмущались тем, что даже сионистские учреждения отвернулись от еврейского рабочего и его нужд.

К примеру, на строительстве домов Национальный фонд использует, в основном, арабских рабочих, а число еврейских рабочих не превышает 10%. Рахель Янаит (Рахель Янаит выступала на конгрессе под фамилией Гольдин, под которой она проживала в России во времена подпольной работы. Документ с этой фамилией у нее сохранился и в Палестине, и в соответствии с ним ей был выдан паспорт для поездки в Европу.) заявила, что еврейские рабочие представляют не только собственные, {285} специфические интересы, но также интересы, общие для всего еврейского народа. Они не только трудятся, но и обороняют колонии от нападения.

Бен-Цви остановился на нетерпимых условиях, в которых находятся еврейские рабочие ишува, и потребовал, чтобы конгресс сказал свое слово по поводу судьбы рабочего, выполняющего национальную миссию первостепенной важности.

Наиболее трудным пунктом повестки дня были выборы нового Правления и президента. На Восьмом конгрессе президентом Всемирной сионистской

организации был избран Вольфсон, но против него голосовали 59 делегатов. Вольфсон тогда сказал, что постарается к Девятому конгрессу заслужить доверие и тех делегатов, что голосовали против него. Однако этого не произошло. На сей раз в оппозиции к Вольфсону была почти половина делегатов конгресса, ибо многие были против местонахождения Правления в Кельне (городе, где жил Вольфсон).

В Постоянной же комиссии против Вольфсона было абсолютное большинство. Председатель этой комиссии Вейцман предложил изменить порядок выборов президента Всемирной сионистской организации: избирать его не на конгрессе (как это было принято раньше), а на заседании Правления из его же состава. Выбранное лицо становится председателем Правления и одновременно президентом Всемирной сионистской организации. Если бы это предложение прошло, то Постоянная комиссия, руководимая Вейцманом, постаралась бы провести в Правление противников Вольфсона.

Тогда последнему президентом не бывать. Однако большинством голосов (148 против 128) конгресс предложение Вейцмана отклонил. Позднее, после дополнительных переговоров, большинство склонилось в пользу отвергнутого ранее предложения (даже сам Вольфсон выступил за него). Тем не менее, оппозиционеры не добились желаемого результата (переизбрания Вольфсона), т. к. никакого переизбрания вообще не было. Рекомендованные в Правление сионисты Германии (от сионистов России {286} были предложены Усышкин, Соколов и Членов) выступили против перенесения местопребывания Правления из Кельна в Берлин. И несогласие в этом вопросе привело к тому, что решено было не проводить никаких перевыборов, изменений и перемещений до следующего конгресса.

Атмосфера сгустилась еще до выборов. Западные делегаты выдвинули проект резолюции с выражением благодарности и доверия президенту и Малому исполнительному комитету; в противовес этому Темкин, от имени российских делегатов, представил проект резолюции с одобрением президенту и Малому исполкому за "правильное ведение административно-финансовых дел движения". Вольфсон немедленно заявил, что проект российских делегатов не что иное, как выражение недоверия Правлению во всех областях его деятельности, за исключением административно-финансовой. За первый проект резолюции, выражающий полное доверие, проголосовало подавляющее большинство конгресса, в том числе и многие делегаты из России. После этого Темкин свое предложение снял, и оно не было поставлено на голосование.

Девятый конгресс произвел на его участников удручающее впечатление. Вольфсон сохранил свое кресло, в то время как почти половина конгресса

была против него. Подобное положение было невыносимым для движения и его президента в равной степени.

На следующий день после закрытия конгресса собрался на свое заключительное заседание Пятый съезд российских сионистов.

Б. Гольдберг сказал: "Мы вышли из зала конгресса побежденными, но и в поражении надо уметь держаться с достоинством. Дела не столь печальны, как это кажется на первый взгляд. На Восьмом конгрессе российские делегаты были до того слабы, что вынуждены были подчиняться любому диктату западных сионистов; зато здесь, в Гамбурге, "русские" представляли собой настолько сплоченную силу, что уже нельзя было провести ничего наперекор их мнению. Одна из главных причин слабости {287} сионистского движения состоит в том, что руководство таким большим народным движением, как сионизм, выше сил одного человека, и российские сионисты стремятся заменить одиночную волю президента волей коллегиального органа. На сей раз это не удалось, потому что российские сионисты еще были недостаточно сильны". В заключение Гольдберг выразил уверенность, что на Десятом конгрессе это осуществится.

Вслед за ним выступил Членов: "Мы покинули конгресс, - сказал он, - подавленные и оглушенные. Вспомним, однако, что после Шестого конгресса пришел черед Седьмого, который поставил все на свое место, - все, что предыдущий конгресс пытался разрушить. На этом же конгрессе ничто, в сущности, не угрожало нашим принципам. Основы движения непоколебимы теперь и на Востоке, и на Западе. Конечно горько, что продвигаемся мы медленно и работа не делается так, как мы этого хотели; но для подавленности и депрессии нет оснований. Десятому конгрессу придется исправить то, что испортил Девятый. Почему мы не добились того, чего желали? Может быть, наши взгляды и требования неверны? Отнюдь! Если мы и просчитались, то только тактически, из-за недостаточной организованности. Наши требования вытекали исключительно из нужд движения, а не из какой-либо жажды власти. И в таких обстоятельствах иногда предпочтительнее оказаться в роли побежденных, нежели победить. Уходишь с более чистым сердцем. Запомним, что Десятый конгресс близок и что нам нужно организовать так, чтобы мы были не только правы, но и сильны".

После Девятого конгресса борьба между оппозицией и руководством продолжалась, поскольку не была устранена причина разногласий.

mail.ru	1347
3685325	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава шестнадцатая - ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДАВИДА ВОЛЬФСОНА

5. Примирение на Ежегодной конференции

Как уже упоминалось, в Константинополе открылся филиал Колониального банка, возглавляемый {288} Виктором Якобсоном, который делал многое, чтобы привлечь симпатии общественного мнения в Турции на сторону сионизма. Он стал компаньоном издателя ежедневной газеты на французском языке, которая начала пропагандистскую кампанию в пользу предоставления широкой национальной автономии всем народам Османской империи.

Новое правительство недоброжелательно отнеслось к направлению этой газеты и при каждом удобном случае отыгрывалось на ней. Однако Якобсон умело использовал существующие законы и Продолжал выпускать газету, делая это мужественно, умно и талантливо. Одновременно, под его влиянием, в Турции возникла и сионистская печать, ставившая своей задачей распространение сионистских идей среди местного еврейства.

В помощь Якобсону в Константинополь были посланы Жаботинский и Усышкин, проработавшие вместе с ним некоторое время. Однако противник был сильнее, и их деятельность не увенчалась успехом. Надежды, возлагаемые на новый режим в Турции, скоро развеялись. Положение стало окончательно ясным в 1910 году, когда вожди младотурок объявили с трибуны законодательного собрания, что не допустят сосредоточения евреев в Палестине.

Между тем, внутренняя борьба в сионистском движении продолжалась. Отношения между оппозицией и Правлением становились все более напряженными. Особенно резко выступали против Вольфсона российские сионисты, и только малое их число поддерживало Правление и его линию. Н. Соколов, занимавший пост генерального секретаря Правления, уже не считал более возможным продолжать работу под руководством Вольфсона. Он подал в отставку и возвратился из Кельна в Варшаву.

В январе 1910 года Центральный Комитет Сионистской организации России направил своим отделениям циркуляр, где подвел итог прениям и резолюциям Девятого конгресса в Гамбурге.

В циркуляре, в частности, содержались отдельные отрывки из речи Нордау на конгрессе и отмечалось, что Нордау впервые {289} признал, что идея "чартера" более не является фундаментом сионистской политики и сохраняет лишь историческую ценность. Поступившись "чартером", Нордау как бы освятил путь сионизма, принятый и сформулированный российскими сионистами на Гельсингфорсском съезде. Тем самым было снято препятствие на пути развития сионистской мысли. Отныне нет более принципиальной разницы в подходе к политическому сионизму между российскими и западными сионистами. Перемена эта проявилась и во время дискуссии на конгрессе по поводу практической работы в Эрец-Исраэль. Теперь уже не было принципиальных разногласий.

Мнения разделились только по вопросу о деталях этой работы, способах ее осуществления и о темпе развития ее различных направлений. Тем самым проблема практической работы в Эрец-Исраэль вышла за рамки принципиальной дискуссии и вступила в область практических, осязаемых дел. Центральный Комитет считает это большим достижением российских сионистов.

Что касается критики, которой оппозиция подвергла линию руководства Вольфсона, то не следует воспринимать ее как личный выпад против президента: это лишь выражение недовольства централизацией всей деятельности в руках одного человека, не обладающего к тому же духовным аристократизмом Герцля и его политическим воображением. Основным требованием было - основать "коллегиальное руководство". Но на заявление оппозиции, что движение утратило свой высокий духовный накал, Вольфсон почти не реагировал, отделившись ироническими замечаниями в адрес "фантазеров" и всячески подчеркивая свой коммерческий опыт, который помог ему в его деятельности и позволил навести порядок в канцелярской работе и финансовых делах руководства.

Он особенно отмечал то обстоятельство, что впервые Правление предстает перед конгрессом без материальной задолженности. Так Вольфсон невольно подтвердил слова оппозиции, утверждавшей, что нельзя руководить таким движением, {290} как сионизм, с помощью одних только "коммерческих расчетов".

Циркуляр отмечал, что было ошибкой снять с повестки дня предложение российских делегатов о вотуме ограниченного доверия президенту (только в части его административно-финансовой деятельности), потому что из-за этого не удалось подсчитать голоса противников. На сегодня Центральный Комитет не отказывается от взглядов и требований, выраженных российскими сионистами на конгрессе. Тем не менее ЦК решил не заниматься теперь вопросом руководства, а отложить его до начала избирательной кампании на Десятый конгресс, дабы не мешать созидательной работе.

Однако Центральному Комитету не удалось овладеть ходом событий, и положение в движении стало опасным. Дух разногласий проник в отделения, и требовалось принять срочные и энергичные меры, чтобы предотвратить еще более неприятную ситуацию. Остановить внутренний разброд в движении могла лишь Ежегодная конференция Всемирного сионистского движения, которую было решено созвать в Берлине 27 июня 1910 года.

В соответствии с уставом Всемирной сионистской организации, в промежутках между конгрессами созывалась Ежегодная конференция движения. В ней участвовали, кроме членов Правления и Большого исполнительного комитета, представители сионистских организаций отдельных стран и главы сионистских учреждений (Национального фонда и Колониального банка). На этот раз в конференции участвовало 40 человек. Правление представило отчет о своей деятельности и состоянии движения.

Д-р Руппин доложил о работе в Палестине. В прениях по организационному вопросу представители оппозиции выдвинули все требования, вынесенные на конгресс в Гамбурге год тому назад. На сей раз стороны достигли согласия и полного примирения, и все требования оппозиции были приняты в качестве рекомендаций Десятому конгрессу, {291} который должен утвердить резолюции Ежегодной конференции. Приняли ряд решений, в том числе и те, что некогда служили яблоком раздора между двумя сторонами. В частности, постановили:

Десятый конгресс следует созвать не позднее лета 1911 года. В перерыве между конгрессами члены Большого исполкома будут собираться не реже одного раза в 4 месяца. Полномочия Большого исполкома в руководстве

делами движения должны быть расширены. Было также решено внести на рассмотрение Десятого конгресса следующие рекомендации:

1. Перевести главное бюро Правления из Кельна в Берлин.
2. В Берлине должны проживать, по меньшей мере, трое из членов Правления.
3. В Правление должен войти председатель Наблюдательного совета Колониального банка (В этом предложении заключался реверанс в сторону Вольфсона, занимавшего пост председателя Наблюдательного совета. Но на Десятом конгрессе Вольфсон не согласился с этим параграфом резолюции и отказался войти в Правление.).
4. Число членов Правления устанавливается в 5-7 человек. Они должны представлять все течения в движении.
5. Правление избирает председателя (он же президент Всемирной сионистской организации) из числа своих членов, что изменяет существующий порядок выбора президента конгрессом.

Все предложения были приняты единогласно, кроме последнего - об отмене избрания президента конгрессом, иначе говоря, - об избрании президента Правлением (Малым исполкомом) из числа его членов. Тринадцать делегатов, в том числе адвокат Розенбаум и д-р Кацнельсон из России, не голосовали за эту рекомендацию. Они, однако, заявили, что не поведут борьбы против этой резолюции, дабы не поощрять разлад в движении после того, как уже состоялось примирение.

{292} Ежегодная конференция объявила движению, что отныне все трения ликвидированы, положен конец разброду и закончена острая полемика, последовавшая за Девятым конгрессом и продолжавшаяся полгода. Сионисты призывались с удвоенной энергией и активностью приступить к работе. Все решения Ежегодной конференции будут представлены на утверждение Десятому конгрессу.

Через некоторое время Исполнительный Комитет постановил созвать Десятый конгресс в Базеле 9 августа 1911 года.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

---

mail.ru	1347
3685325	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава шестнадцатая - ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДАВИДА ВОЛЬФСОНА

6. Десятый конгресс

Накануне Десятого конгресса "Рассвет" писал о том, что прямое или косвенное воздействие сионизма на все явления еврейской жизни является непреложным фактом. Различные общественные силы в еврействе поддерживают его, либо выступают против него, но равнодушие и безразличное отношение к сионизму более невозможно. Нельзя не задаться вопросом: чем объяснить подобную силу воздействия сионизма, если учесть, что организованные сионисты составляют лишь один или два процента еврейского народа?

6 августа 1911 года - за три дня до открытия конгресса - на свое предварительное совещание собрались российские делегаты. Представительство сионистов России на этом конгрессе не уступало предыдущему. Однако в пропорциональном отношении вес русской делегации убавился, так как за это время сионистское движение в западных странах заметно усилилось и представительство сионистов этих стран в конгрессе соответственно увеличилось; в России же, при всем тяготении еврейских масс к сионизму, внешние обстоятельства мешали развитию движения. Власти ставили сионистам препоны и всячески ограничивали их деятельность. Членов оказался вынужденным прекратить руководство делами Национального фонда в России и {293} обратиться к отделениям с циркуляром, где предлагалось, чтобы жертвователи отсылали деньги непосредственно в Кельн. Многие так и поступили, доходы Национального фонда в России естественно снизились.

На совещании российских делегатов накануне конгресса царила гнетущая атмосфера. Активисты говорили о невозможности открыто вести в России работу. Поэтому и не удавалось превратить симпатии российских масс к сионизму в подлинные дела, добиться расширения движения, роста числа "шекеледателей" и жертвователей в Национальный фонд.

О претворении в жизнь пунктов Гельсингфорсской программы, касавшихся "гегенвартсарбейт", нечего было и говорить. Поэтому работа совещания сосредоточилась на делах конгресса, особенно на вопросе о руководстве, дожидавшемся разрешения со времени предыдущего конгресса. Правда, Ежегодная конференция приняла решение изменить структуру руководства в духе предложений российских сионистов, но полной уверенности, что конгресс эти решения примет, не было, поскольку сторонники Вольфсона могли истолковать итоги Ежегодной конференции иначе. Потому-то этот вопрос так волновал российских сионистов. По духу прений выяснилось, что подавляющее большинство делегатов стоит за "практический" (в сущности, "синтетический") сионизм, и только малая часть проявляет склонность к традиционному, политическому сионизму, основывавшемуся на идее "чартера".

Главными ораторами меньшинства были Л. Моцкин и Г. Брук. От имени большинства выступили Е. Членов, М. Усышкин, Б. Мосинзон,

Ш. Левин и другие. Мнение большинства разделял и Вейцман, который продолжал участвовать в "русских" -съездах, хотя формально входил в английскую делегацию. Совещание все-таки единогласно постановило поддержать в конгрессе итоги Ежегодной конференции, касающиеся структуры руководства. И конгресс, действительно, принял эту резолюцию, так как ее поддержали и проголосовали за нее и многочисленные делегаты из других стран (Галиции и некоторых других {294} районов Австрии с плотным еврейским населением, обладавшим развитым национальным самосознанием). Многие немецкие сионисты также примкнули к "синтетическому" течению. Новая расстановка сил фактически ликвидировала различие, существовавшее до сих пор между российскими сионистами-практиками" и западными сионистами-политиками", ибо отныне исчезли признаки принадлежности к тому или иному течению на "востоке" или на "западе".

Конгресс открылся при участии 429 делегатов из 28 стран, 140 представителей печати и множества гостей. Вступительную речь произнес Вольфсон. Он начал на иврите, перешел на немецкий и закончил снова на иврите. После него Нордау выступил с традиционным докладом о положении евреев в мире.

Президентом конгресса был избран Нордау, а его заместителями - М. Боденхеймер (Германия), д-р А. Марморек (Франция), А. Штанд (Австрия) и от России - Е. Членов и М. Усышкин.

Профессор О. Варбург доложил о поселении в Палестине. Во время общих прений по докладу Правления не было сказано ни одного резкого критического слова, так как представители оппозиции считались с плохим состоянием здоровья Вольфсона; было также заранее известно, что он решил уйти с поста президента. Тем не менее, когда Вольфсон завершил прения, в его выступлении прозвучали нотки горечи. В итоге почти единогласно была принята резолюция о выражении признательности и доверия Правлению, в особенности президенту Вольфсону. Конгресс встретил результаты голосования овациями и пением Хатиквы. Вольфсон поблагодарил конгресс и сказал, что и после того, как он покинет пост президента, он продолжит трудиться на благо сионистского идеала. За выражение доверия и признательности Правлению и Вольфсону проголосовала и оппозиция, желая способствовать спокойной обстановке на конгрессе.

Соколов прочел доклад о проблемах просвещения и культуры. Новизна заключалась не в самой теме, а в том, что предметом доклада была борьба за чистоту {295} языка иврит, и все обсуждение состоялось также на иврите. Впервые целое заседание на конгрессе было проведено на иврите.

Д-р Кацнельсон, глава правления Колониального банка, и Л. Моцкин выступили с докладами по вопросу об эмиграции как постоянном явлении в жизни еврейского народа. Постановка этого вопроса также была новой, поскольку на предыдущих сионистских конгрессах его касались в той мере, в какой он был связан с алией в Эрец-Исраэль; однако сионизм, как национальное движение еврейского народа, не мог отстраниться от того факта, что массы, особенно из России, эмигрировали в Америку и лишь малая часть эмигрантов направлялась в Эрец-Исраэль.

Докладчики подчеркивали необходимость сохранить национальный характер потока эмигрантов путем его концентрации, а не рассеивания, как это делали филантропические общества наподобие ЕКО, Альянса и других. Были приняты резолюции, подчеркивающие важность направления потока эмигрантов в Палестину и соседние с нею страны.

На этом конгрессе впервые был поднят вопрос участия женщин в сионистском движении. Ему был посвящен особый доклад, и были заложены основы женской сионистской организации.

Центральным пунктом, как упоминалось, являлось изменение организационной структуры руководства движением. По инициативе российских сионистов и при поддержке многочисленных делегатов из других стран решено было избрать Правление, т. е. Малый исполком, из 5 человек и Большой исполком из 25 человек (вместо громоздкого органа, насчитывавшего 65 членов). Большой исполком будет собираться, по крайней мере, 4 раза в год. Малый и Большой исполкомы по отдельности избирают своих председателей. Полномочия Большого исполкома расширяются. В промежутках между конгрессами собирается Центральный Комитет (он же - Ежегодная конференция) в следующем составе: все члены Большого и Малого {296} исполкомов, президент предыдущего конгресса, представители Колониального банка, Англо-Палестинской компании и Национального фонда - по одному делегату от каждого.

В заседаниях Центрального Комитета, кроме того, участвуют: председатель суда конгресса, юридический советник конгресса и представители федераций отдельных стран. Задача Центрального Комитета - обсуждать в промежутках между конгрессами важные для движения вопросы, как, например, бюджетный и др. Ежегодную конференцию Центрального Комитета созывает Правление (Малый исполнительный комитет).

В заключение было избрано Правление с местопребыванием в Берлине и в следующем составе: профессор О. Варбург, д-р А. Хантке, В. Якобсон, д-р Левин и Н. Соколов. Иначе говоря, двое - от немецких сионистов и трое - от российских. Тотчас после конгресса состоялось заседание Правления, на котором президентом Всемирной сионистской организации был избран Варбург, а его заместителем - Якобсон.

После выборов нового Правления с речами на пленарном заседании конгресса выступили Варбург, Членов и Усышкин. Членов назвал Десятый конгресс "мирным конгрессом". Усышкин говорил о Вольфсоне как о герое конгресса, так как он проявил мужество, победив себя.

Восьмой конгресс в Гааге (1907 г.) был поворотным в том смысле, что теоретически признал линию "синтетического сионизма". Десятый конгресс, который избрал руководство, целиком состоящее из представителей "эволюционного течения" (Сионисты старого толка, сторонники практической работы в Палестине. - Прим. ред.), принял эту линию к практическому исполнению.

Во времена Герцля сионистское руководство не занималось практической работой в Палестине, поскольку надеялось на "чартер" и было убеждено, что

без него работа в Стране будет {297} лишена всякой почвы. Однако и тогда российские сионисты боролись за эту линию, считая, что основой для получения прав могут служить только реальные дела. И вот теперь продолжительная борьба завершилась победой практической линии.

Подытоживая работу Десятого конгресса, "Рассвет" писал, что вожди сионистского движения в России на сей раз явились в конгресс с четкими предложениями и разработанной программой. Это помогло им получить на конгрессе поддержку большинства. Правда, в начале заседаний конгресса еще имелось весьма заметное число "политиков", сторонников идеи "чартера", однако с каждым днем их становилось все меньше, так как аргументы российских сионистов делали свое. С избранием нового Правления окончательно снят с повестки дня вопрос, нужна ли вообще практическая работа в Эрец-Исраэль. Обеспечено также большинство сторонников руководства в Большом исполкоме. Правда, в Наблюдательном совете банка (сосредоточившем в своих руках все нити управления финансовыми учреждениями движения) осталось большинство сторонников "кельнского" направления во главе с Вольфсоном. Но то была уступка со стороны Постоянной комиссии, исходившей из того, что главную линию движения вырабатывает Правление, и оно определит пути практической работы.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ = АТЛАС =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава семнадцатая - ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Участие российских сионистов в общественной жизни в диаспоре

После принятия Гельсингфорсской программы (1906 г.) сионистское движение в России встало на {298} путь соединения деятельности в пользу Эрец-Исраэль с общественной работой по удовлетворению еврейских нужд в диаспоре. Однако из-за усиления реакции, большинство пунктов программы так и осталось на бумаге. Более того, и непосредственная работа в пользу Эрец-Исраэль (Национальный фонд, "шекели" и т. п.), и всякая возможность организационных и агитационных действий были исключены. Отсюда сокращение количества шекеледателей. Активисты сионистского движения естественно усилили свою деятельность в общих еврейских организациях (насколько таковые имелись и работали в рамках закона), дабы распространить там влияние еврейского национального духа и сионистских идей.

Активную деятельность развили сионисты в Обществе для распространения просвещения между евреями в России, как в его петербургском центре, так и в отделениях (Одесса, Киев, Рига и др.).

Общество это было основано в 1863 году группой еврейских филантропов в Петербурге с задачей распространять среди еврейского населения русский язык и приблизить евреев к русской культуре. Со временем, однако, в

обществе увеличилось число участников-сионистов, и под их влиянием оно развернуло работу в направлении еврейского национального воспитания.

Из-за процентной нормы, установленной для еврейских учащихся в государственных и городских училищах, открылись частные и общественные еврейские школы, где можно было дать еврейским детям общее образование (на русском языке), но где определенное количество учебных часов было отведено и для национального образования и воспитания. По требованию сионистов эти школы, а также "реформированные хедеры" находились в ведении вышеназванного Общества.

В рамках этого общества обрели поле деятельности также активисты еврейских нелегальных революционных партий, чья деятельность почти совершенно прекратилась. Члены Бунда, как крайние "идишисты", повели борьбу против языка иврит и еврейского {299} воспитания, но сионисты твердо стояли на страже еврейского образования и культуры.

Важную роль в борьбе еврейской общественности с антисемитизмом за права еврейского населения играл сионистский еженедельник "Рассвет" под редакцией Авраама Идельсона и при участии талантливых публицистов: Владимира Жаботинского, Даниэля Пасманика, Александра Гольдштейна и др. Фактически журнал являлся выразителем дум всего еврейства России.

Осенью 1912 года состоялись выборы в 4-ю Государственную Думу. Сионисты активно участвовали в предвыборной кампании, и под их руководством российские евреи пытались выставить своих кандидатов и в округах вне Ковенской и Курляндской губерний, откуда обычно избирались в Думу еврейские депутаты. Кандидатами были выдвинуты Соколов, Грузенберг и Жаботинский. Первые двое были отвергнуты властями, обнаружившими "пороки" в их избирательских правах. А Жаботинскому пришлось свою кандидатуру снять, ввиду опасности, что из-за "распыления" голосов в Думу может пройти вместо либерального кандидата крайне правый.

От еврейского населения в 4-ю Думу были избраны три депутата: Фридман из Ковно (был депутатом и 3-ей Думы), д-р Бомаш из Лодзи и д-р Гуревич из Курляндии.

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ = АТЛАС =

---

mail.ru	1347
3685325	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава семнадцатая - ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

2. Сионистская студенческая организация Хехавер

Процентная норма для еврейских учащихся при приеме в средние и высшие учебные заведения была введена еще в 1887 году, в царствование Александра III. Эти ограничения оставались в силе и во времена Николая II, а с начала первого десятилетия 20 века стали еще более жесткими, так что значительная часть еврейской молодежи вынуждена была уезжать из России на Запад, чтобы получить там образование в {300} университетах и других высших учебных заведениях.

Из-за антиеврейской политики в области просвещения из года в год сокращалось число еврейских студентов, которым посчастливилось поступить в высшие учебные заведения России. Зато быстро росло их количество в университетах Европы (Германия, Австрия, Швейцария, Бельгия, Франция).

Возникла необходимость основать сионистский студенческий союз с задачей вести организованную борьбу против ассимиляторских тенденций и за национальное самоопределение студентов-евреев, выходцев из России. Так появилась в Западной Европе организация студентов-сионистов Хехавер.

Основы этой организации были заложены в Базеле в 1911 году во время Десятого сионистского конгресса, однако лишь через год, в марте 1912 года, когда ее члены собрались в Берне на свою Вторую конференцию, решено было

присвоить этой организации название Хехавер. Третья конференция состоялась в августе 1913 года в Вене во время Одиннадцатого сионистского конгресса. Четвертая была проведена в Гейдельберге в июне 1914 года. С началом Первой мировой войны кружки Хехавера в Германии, Австрии и Бельгии прекратили свое существование. Большинство студентов возвратилось в Россию. Лишь в нейтральной Швейцарии Хехавер еще продолжал действовать.

Преемником европейского Хехавера стал российский Хехавер, который повел счет своих конференций от учредительной конференции в Базеле в 1911 году: первую свою конференцию в России, состоявшуюся зимой 1915 года, члены Хехавера обозначили Пятой, исходя из того, что в Европе их уже было четыре, а российский Хехавер является прямым преемником европейского.

Постепенно и систематически активисты Хехавера проникли во все высшие учебные заведения Петербурга, где имелись еврейские студенты (среди десятков петербургских высших школ были и такие, куда евреям вообще не было никакого доступа, например Медицинская и Военная академии и др.).

Хехавер избрал своим центром Петербург по нескольким причинам: столица, общественный и культурный центр страны, самое крупное в Российской империи сосредоточение студенчества. Туда перешел сионистский Центральный Комитет из Вильно, там издавался и сионистский еженедельник "Рассвет", пользовавшийся большой популярностью у еврейской публики. Петербург был центром еврейской общественной мысли - в целом, и сионистской - в частности.

Здесь велась основная борьба с властями за права еврейского населения России и борьба внутренняя, между различными общественными течениями в еврействе за идейное влияние на еврейские массы в местах их сосредоточения. Из столицы Хехавер распространял свое влияние на еврейское студенчество в остальных университетских городах России.

Хехавер не ограничивался одной только общей сионистской работой, как, например, пропаганда сионистских идей в студенческой среде, распространение сионистской литературы и т. п. Члены Хехавера проявляли большую активность и в деле социальной помощи еврейским студентам. Существовали студенческие кассы взаимопомощи и учреждения для поощрения различных видов самодеятельности. Кассы оказывали материальную помощь неимущим еврейским студентам и поддерживали нуждающихся. Имелись также разнообразные литературные кружки, служившие еврейским студентам трибуной для обсуждения различных

политических доктрин и актуальных вопросов жизни еврейства России. Дискуссии в этих кружках сводили вместе представителей разных течений, таким образом крепло влияние Хехавера.

Выступления участников организации, их самоотверженная работа в разных областях жизни еврейского студенчества придавали большой вес и значение идеям сионизма в глазах еврейских студентов и стали важным фактором успеха сионистской работы в целом. Можно сказать, что благодаря Хехаверу сионизм {302} сделался ведущим движением в среде еврейского студенчества в России.

Вскоре Хехавер превратился в сионистскую студенческую организацию всероссийского масштаба. Уже в первые годы своего существования эта организация имела отделения во всех университетских городах России, где учились студенты-евреи.

В августе 1914 года в Петербурге был образован первый Центральный Комитет Хехавера в следующем составе: председатель А. Идельсон (Эйлон. В Эрец-Исраэль с 1927 г.) ; секретарь - А. Евзеров (Эзер. В Эрец-Исраэль с 1921 г.); И. Виленчук (в Эрец-Исраэль с 1926 г.).

Все трое проживали в Петербурге. Позднее в состав Центра были введены Реувен Рубинштейн (умер в Эрец-Исраэль), Элизер Перельсон (Пери. В Эрец-Исраэль с 1921 г.) и Валентина Винавер (дочь общественного деятеля М. М. Винавера, одного из кадетских лидеров) - также петербуржцы. С началом Первой мировой войны в Россию возвратились многие из членов европейского Хехавера. Из них двое -

д-р Ривлин и Кишиневский (Кишони) - были включены в состав ЦК, а подавляющее большинство остальных подключилось к работе с еврейской молодежью в высших учебных заведениях. Для поддержания связи с общим сионистским движением в Центральный Комитет был введен адвокат Я. Клебанов (впоследствии депутат израильского Кнесета, умер в Хайфе). Центр Хехавера в Петербурге возобновил издание журнала "Еврейский студент", прерванное в Европе с началом войны. Первый номер возобновленного журнала вышел в Петербурге 20 января 1915 года.

Пятая конференция Хехавера собралась в ноябре 1915 года в Москве, разумеется тайно, и ее совещания проводились на частных квартирах. Конференция дала окончательное определение сущности Хехавера и констатировала, что его целью является "подготовка активной сионистской интеллигенции, опытной в организационном отношении и образованной в отношении национальном".

И действительно, эту свою задачу Хехавер {303} выполнял с успехом. На конференции был основан Всероссийский Совет (Пленум) Хехавера, где представительство получили все отделения этой организации в России.

Деятельность Хехавера немало страдала от преследований царского режима. Не раз в квартирах активистов в разных местах России устраивались обыски, а два активных участника одесского отделения - Иосеф Фишер (Ариэль), член Совета, и Я. Грановский, один из основоположников сионистского спортивного общества "Маккаби" в России, - были арестованы и сосланы в Сибирь. Тем не менее работа продолжалась.

Шестая конференция Хехавера была созвана вскоре после Февральской революции - 5 апреля 1917 года. То был первый после революции сионистский форум всероссийского масштаба. Являясь беспартийной организацией, Хехавер объединял в своих рядах сионистов, принадлежавших к различным течениям. Шестая конференция Хехавера оказалась единственным легальным форумом этой организации за всю ее историю в России, так как после захвата власти большевиками Хехавер снова ушел в подполье. Связь между Центром и отделениями прервалась, но в самих отделениях, - а их насчитывалось около сорока, - работа не прекратилась.

В 1921 году состоялась Седьмая всероссийская конференция Хехавера, на которой был избран новый Центр во главе с Вильскером (с местопребыванием в Москве). В это время удалось заполучить от властей разрешение на издание ежемесячного журнала "Еврейский студент". Вышли семь его номеров, но затем, в 1923 году, журнал был закрыт властями под нажимом так называемой Евсекции.

В 1922 году состоялась Восьмая конференция Хехавера, где было решено передать часть обязанностей Центра отделениям, главным образом, петроградскому отделению. Еще ранее в Хехавере был поднят вопрос об объединении с сионистскими молодежными организациями, действующими в средних учебных заведениях.

{304} На Девятой, последней конференции Хехавера, которая состоялась в 1924 году, новоизбранному Центру поручили осуществить объединение с сионистской организацией старшеклассников, известной под названием Гистадрут, а также с молодежной сионистской организацией "Кадима" ("Вперед"). Соглашение между Хехавером и двумя названными организациями было подписано в марте того же года: Хехавер прекратил свое отдельное существование, уступив место новой "Единой всероссийской организации еврейской молодежи" - ЕВОСМ. Она разделила участь всего

организованного сионистского движения в СССР - была разгромлена
большевиками.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава семнадцатая - ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

3. Дискуссия с "политической оппозицией" в преддверии Одиннадцатого конгресса

На Десятом конгрессе всемирное сионистское руководство перешло к "практикам", вернее, - к сторонникам синтетической линии, стремившимся объединить политическую сионистскую деятельность с практическими делами по заселению Эрец-Исраэль. Однако "политики", оставшиеся в меньшинстве и перешедшие в оппозицию, в том числе и Нордау, не смирились с тем, что отныне и политика сионистского движения будет определяться "практиками". Они категорически требовали изъятия политической деятельности из компетенции нового руководства и передачи ее в ведение особой политической комиссии, где решать будут "политики", верные последователи линии и методов Герцля. И было совершенно ясно, что Малый исполком (Правление) подобного требования не примет.

С другой стороны, многие "практики" не согласились с компромиссом, достигнутым на Десятом конгрессе, заявляя, что распределение сил в финансовых учреждениях тоже должно соответствовать реальному соотношению между большинством и меньшинством в конгрессе. Мнение это изложил Д. Пасманик в своей статье в "Рассвете", приуроченной к близкому началу Одиннадцатого конгресса.

{305} За несколько месяцев до его открытия в Вене в печати распространилось

известие, что Нордау решил не участвовать в конгрессе из-за разногласий с сионистским руководством по вопросу о политической линии и ввиду отказа руководства передать политические дела в ведение специальной комиссии.

Это известие впоследствии подтвердилось: Нордау не прибыл на конгресс. Не желая мириться с его уходом, Сионистский исполнительный комитет решил попытаться убедить Нордау отказаться от его намерения. Эта деликатная миссия была поручена д-ру Членову, которого уполномочили единогласно и Малый сионистский исполком, и представители российских сионистов. Членов поехал в Париж, посетил Нордау. В беседе, продолжавшейся четыре часа, они обсудили все спорные вопросы, и Членов попытался убедить Нордау поехать на конгресс. По возвращении Членова журнал "Рассвет" опубликовал интервью с ним по поводу состоявшейся беседы с Нордау. Членов категорически отверг мнение, согласно которому в сионистском движении идет борьба за практическую работу в Эрец-Исраэль в противовес политическим усилиям. Такое мнение, сказал Членов, в корне ошибочно.

"Мы всегда признавали необходимость политической работы; Вольфсон же никогда не отрицал необходимости работы в Палестине. Не забудем, что Палестинское бюро было организовано во время его президентства. Боролись мы потому, что были глубоко убеждены, что одному человеку, не одаренному исключительными дарованиями, без постоянного участия коллег в работе, да еще в Кельне, где нет ни атмосферы, ни стимулов, невозможно успешно двигать вперед наше столь сильно разросшееся дело. Коллегия преданных, хотя бы тоже не исключительных, работников, притом в таком центре еврейской жизни, как Берлин, теперь, при наличии многих вспомогательных сил, имеет большую возможность энергичнее и увереннее двигать дело.

Наше предположение оправдалось, - как это признают теперь даже оппозиционеры, конечно, {306} объективные из них... Надеюсь, он конгресс пойдет дальше и признает, что работа по разным направлениям - политическая, палестинская, организационная, отчасти и культурная - ведется усердно и добросовестно. Это, конечно, не значит, что мы можем указывать на большие успехи. Но размер успехов часто не соответствует размеру усилия. Не против слабости успехов, а против слабости усилий боролись мы. Правда, один человек, ведший работу, дал больше, чем мог. Но движение требовало большего.

Что касается оппозиции, то во-первых, она очень малочисленна и не организована. Во-вторых, ее расхождение с большинством не идейное, не по существу, а касается, главным образом, способов работы и лиц, осуществляющих ее. Но если не считать лиц, стоящих доныне на хартерской точке зрения, я не вижу между нами и оппозицией принципиального

расхождения в основах работы. Все расхождение в частности. Оппозиция хотела бы выделить вообще политическую работу и передать ее особой комиссии. Такое нарушение основ организации мы считали совершенно невозможным. Нельзя отнять столь важную часть работы у ИК, тем более, что контроля над ней мы. Большой ИК, тогда не имели бы. Я уверен, что если бы на конгрессе зашел спор на этой почве, организация стала бы на нашу сторону".

Беседа с Нордау показала, что по фундаментальным вопросам разногласий между Нордау и нынешним сионистским Правлением не существует. Есть, однако, множество недоразумений, коренящихся в том, что Нордау почти не имеет контактов с руководителями движения и встречается с ними только на конгрессах. Сам факт, что Исполнительный комитет и представители российских сионистов единогласно уполномочили Членова специально отправиться к Нордау и убедить его отказаться от своего намерения не участвовать в конгрессе - бесспорное доказательство того, как высоко ставит движение участие Нордау: "Если смерть вынудила нас смириться с конгрессами без их творца {307} Герцля, мы не в состоянии примириться с конгрессами без участия творца Базельской программы Нордау".

По окончании беседы Членов понял, что Нордау не в состоянии оправдать объективными обстоятельствами свой отказ участвовать в конгрессе; и если он, несмотря на это, все-таки не явится, такое решение будет следствием его настроения. Ведь происходит нередко такое явление, когда человек, принявший определенное решение в свете определенных фактов, уже не в состоянии от этого своего решения отказаться, даже если убедится, что эти факты более не существуют, ибо продолжает находиться под влиянием душевного настроения, не позволяющего ему поступить иначе.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава семнадцатая - ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

4. Совещание российских делегатов во время Одиннадцатого конгресса

Одиннадцатый конгресс открылся в Вене 2 сентября 1913 года. За несколько дней до этого российские делегаты провели свое предварительное совещание.

Заседание открыл член Малого исполкома Н. Соколов; он приветствовал собравшихся от имени центральных органов всемирного сионистского движения и выразил удовлетворение по поводу того, что, вопреки тяжелым условиям работы, российские сионисты имеют в конгрессе весьма внушительное представительство (более 160 делегатов из общего числа около 540); в текущем году в России были распространены 41 тысяча "шекелей" по сравнению с 28 тысячами в год Десятого конгресса.

Доклад о деятельности движения в России был прочитан на иврите и переведен на русский. В нем подчеркивалось, что в последние два года условия гражданско-правовой и экономической жизни русского еврейства чрезвычайно ухудшились и затруднили работу сионистов. В 109 городах активисты движения были подвергнуты обыскам и допросам, конфисковано семь {308} тысяч книг сионистской литературы. С другой стороны, однако, в широких кругах еврейской интеллигенции произошел радикальный сдвиг в пользу сионизма и обнаружилась симпатия к его устремлениям в таких общественных кругах, которые прежде были далеки от сионистского движения. С большим удовлетворением в докладе подчеркивался приток в

движение новых молодых сил, принесших с собою много энергии, преданности и самоотверженности.

Надо отметить, что подавляющая часть прений прошла на иврите; оказалось, что 70% делегатов знают или по крайней мере понимают иврит. Жаботинский также выступил на иврите и заявил, что стыдно пользоваться на сионистских собраниях чужими языками, т. к. сионисты призывают к возрождению народа. Здесь не может быть компромисса: кто не понимает иврит, пусть возьмет себе учителя и выучит.

Затруднение вызвали два вопроса, имевшие непосредственную связь с программой работы Одиннадцатого конгресса:

а) о выборах президента конгресса;

б) о выводе финансовых органов из-под исключительного контроля участников оппозиции ("политической") и о передаче этих органов под контроль большинства, при обеспечении меньшинству пропорционального представительства. Первый вопрос вызвал продолжительные споры. На пост президента конгресса вместо Вольфсона была выдвинута кандидатура Членова, который мог рассчитывать на поддержку всего конгресса. Имелось, однако, опасение, что в таком случае оппозиция с Вольфсоном во главе покинет конгресс.

А это, в сочетании с отсутствием Нордау, принесло бы движению большой вред. После многократных голосований совещание, в конце концов, решило не выдвигать кандидатуру Членова, дабы обеспечить на конгрессе и в движении мир. Аналогичным образом прошли прения по вопросу о финансовых органах. И тут также было решено, по тем же самым мотивам, сохранить в силе компромисс, достигнутый на предыдущем конгрессе. Особое сопротивление этому компромиссу {309} (из-за заботы о дальнейшем развитии поселенческой работы в Стране) оказали участвовавшие в совещании российских сионистов представители Хапоэль хацаир из Эрец-Исраэль: И. Шпринцак,

Я. Рабинович, И. Аронович. Между прочим, две рабочие партии Страны (Хапоэль хацаир и Поалей Цион) на Одиннадцатом конгрессе были представлены двумя делегациями, насчитывавшими несколько десятков человек. Значительная их часть получила свои мандаты от родственных партий в диаспоре.

mail.ru	1347
3685325	124

Hotlog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава семнадцатая - ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

5. Одиннадцатый сионистский конгресс

Одиннадцатый конгресс проходил в Вене со 2-го по 9 сентября 1913 года. Среди примерно 540 делегатов конгресса более 160 были из России, несмотря на преследования, которым подвергалось там сионистское движение, его деятели и активисты. Конгресс собрал также около 800 гостей и около 150 представителей мировой печати. Конгрессу предшествовала всемирная конференция Организации по распространению еврейского языка и культуры, состоявшаяся также в Вене. И в ней активное участие приняли российские сионисты: Л. Моцкин, Ш. Левин, Н. Соколов, писатели Бялик, Фришман и другие.

Члены Поалей Цион из Эрец-Исраэль не участвовали в совещании российских сионистов, поскольку их партия в качестве всемирного движения принимала участие в конгрессе и в Сионистской организации как независимая федерация. Что касается российских Поалей Цион, то они еще в 1909 году решили уйти с конгресса и выйти из Всемирной сионистской организации. Кстати, обозреватель "Рассвета" на конгрессе констатирует, что, по сути дела, делегаты Хапоэль хацаир и Поалей Цион выдвинули на конгрессе от имени рабочих Эрец-Исраэль одинаковые требования, с той разницей, что члены Поалей Цион пользовались при этом марксистской, классовой терминологией.

{310} Президентом конгресса был избран Вольфсон. Согласно решению, принятому на предварительном совещании сионистов России, последние

поддержали кандидатуру Вольфсона, хотя он и возглавлял оппозицию.

Д-р Вейцман снова, как и на предыдущем конгрессе, был избран председателем Постоянной комиссии.

Как уже упоминалось, Нордау не приехал на конгресс, но прислал приветственное письмо, где выражал сожаление по поводу невозможности на сей раз принять участие в заседаниях. Он обращал внимание конгресса на то, что нынешнее сионистское руководство отошло от пути Герцля и его заповедей.

Представитель "политиков" Фишер считал необходимым ответить Нордау на его письмо приветственной телеграммой. Предложение это вызвало возражение присутствующих, ввиду того, что письмо Нордау по форме и содержанию было направлено против руководства. Кроме того, вспомнили и о речи Нордау в Париже, произнесенной на собрании, посвященном памяти Герцля, где он выступил с резкой критикой нынешнего Правления и всемирного сионистского движения. Предложение послать Нордау телеграмму поддержали Пасманик и Усышкин, считавшие, что необходимо учесть его большие заслуги в движении. Усышкин предложил избрать комиссию для составления текста ответа. Конгресс согласился отправить ответную телеграмму Нордау, а составление ее текста возложили на президиум.

Вступительную речь произнес президент Сионистской организации профессор Варбург; он изложил основные направления программы поселенческой работы в Палестине и сформулировал цели Правления в области политической деятельности.

Ввиду тяжелых поражений, которые Турция потерпела в Триполитанской войне против Италии и в Балканских войнах, Варбург посчитал необходимым выразить турецкому народу симпатии от имени сионистского движения и еврейского народа.

На сей раз на конгрессе не было традиционного обзора, посвященного положению еврейского народа {311} в мире, и этот пробел постарались восполнить два члена Правления: Нахум Соколов и Шмарьяху Левин. Соколов описал тяжелые бедствия и борьбу евреев в различных странах диаспоры, а Шмарьяху Левин говорил о созидательном труде и борьбе нового еврейского ишува в Палестине ради возрождения еврейского народа на его исторической родине.

Оратор подчеркнул необходимость сосредоточения всей воспитательной

работы в Палестине в руках сионистского движения, а также потребовал, чтобы сионистская организация уделила особое внимание положению рабочих в Стране. Под этим подразумевалось не решение трудовых конфликтов, а необходимость и долг сионистского движения облегчить еврейским рабочим их нелегкую жизнь. Он оспорил утверждение, что еврейские рабочие, якобы, требуют высокой платы. Нельзя забывать, что их потребности более широки, нежели нужды арабского феллаха, да и труд еврейских рабочих во многих отношениях превосходит по качеству труд арабов. Левин, кроме того, говорил о членах Хашомера, подвергающих себя опасности, защищая жизнь и имущество еврейских поселенцев и честь еврейского ишува.

Как и на предыдущем конгрессе, снова имела место оживленная и продолжительная дискуссия между "политиками" и "практиками", однако на сей раз "практики" были в руководстве, а "политики" в оппозиции. Члены оппозиции подвергли жестокой критике методы практической работы в Палестине и заявили, что Сионистская организация, которая занимается мизерными поселенческими делами, не что иное, как плохая копия ЕКО, ибо не обладает даже финансовыми возможностями последнего.

Без стремления к получению политических прав и постоянных действий в этом направлении все их усилия ничего не стоят. Кроме того, многочисленные предприятия в Палестине не оправдывают себя с точки зрения рентабельности и приносят одни убытки. В защиту практической работы в Стране выступил Членов, подчеркнувший, что каждая новая {312} поселенческая и хозяйственная позиция поддерживает и укрепляет политическое значение и силу сионизма. Вейцман опроверг доводы "политиков" об убыточных предприятиях в Стране: в жизни народов, сказал он, имеются моменты, когда даже основание школы является крупным политическим событием.

Если баланс предприятий в Палестине подчас и бывает с экономической точки зрения отрицательным, то с национально-нравственной точки зрения он чрезвычайно высок. По окончании общих прений, после отчета Правления и ответа выступавшим, российские делегаты внесли предложение выразить руководству полное доверие и признательность за его плодотворную работу в областях организационной, политической, финансовой и поселенческой. Конгресс единогласно выразил руководству вотум доверия.

В центре обсуждений был доклад д-ра Руппина о поселенческой деятельности в Палестине. Содержание его поучительной лекции и его ответы выступавшим в прениях покорили сердца слушателей. Перед присутствующими встала картина систематической, плодотворной работы, руководство которой находится в надежных руках. Руппин отверг доводы "политиков" об убыточности поселенческой работы: нельзя подходить к национальному

предприятию с коммерческими мерками. Имеются вещи чрезвычайно прибыльные в коммерческом смысле и не имеющие никакой ценности с точки зрения национальной; и бывают предприятия, не дающие коммерческого дохода, а подчас и убыточные, однако чрезвычайно ценные именно с этой стороны. Поэтому так важны расходы по найму рабочих разных профессий, необходимых для поселенческой деятельности. В частности, Руппин сказал: "Мы примирились с фактом, что нам придется добиваться нашей цели не с помощью "чартера", а путем практической работы в Эрец-Исраэль".

Шмарьяху Левин и Менахем Усышкин в своих выступлениях тоже отклонили коммерческий подход к сионистским поселенческим мероприятиям. Усышкин {313} особенно подчеркнул преданность еврейского рабочего в Стране своему труду, его готовность идти на жертвы и на тяжкие условия существования ради осуществления идеала обновления страны. Поэтому, сказал Усышкин, он считает себя союзником рабочих фракций Хапоэль хацаир и Поалей Цион, невзирая на разный подход к социальным проблемам.

После доклада Руппина, дискуссии о поселениях и ответа оратора участники прений единогласно приняли резолюцию, высоко оценивающую поселенческую деятельность в Палестине и требующую ее продолжения в соответствии с положенными в ее основу принципами. Последним вопросом, вынесенным на обсуждение конгресса, был вопрос культурной и воспитательной работы в Палестине, а также рекомендация основать в Иерусалиме еврейский университет. С докладом на эту тему выступил Усышкин, и он же сформулировал ряд практических предложений по усилению воспитательной и культурной деятельности в стране. Он требовал от конгресса констатации того, что культурная работа является важной частью общих усилий по национальному и политическому укоренению еврейского народа в Эрец-Исраэль; он внес предложение предоставлять помощь сионистского движения только тем школам, где преподавание всех предметов ведется на иврите. Он сказал, что обязательность преподавания на языке иврит должна распространяться и на учебные заведения, построенные на землях Национального фонда. Этим он намекнул на существующие по этому поводу разногласия, которые позднее так остро проявились в полемике о языке преподавания в политехническом институте. В заключение Усышкин потребовал начать немедленную подготовку к закладке еврейского университета в Иерусалиме.

Прения по вопросу культуры, как и на предыдущем конгрессе, велись на иврите.

Об основании университета в Иерусалиме докладывал Вейцман. Идея эта родилась почти одновременно с сионистским движением.

Ее высказал профессор Герман Шапиро (он же автор идеи создания Керен Каемет {314} ле-Израэль) еще в начале 80-х годов прошлого века, в эпоху Хибат Цион. Вейцман отметил, что даже Герцль, который, как правило, был склонен откладывать практические начинания в Эрец-Израэль до времени получения "чартера", проявлял большой интерес к идее создания университета в Иерусалиме.

На Пятом конгрессе (в конце 1901 г.) сионистскому Правлению поручили заняться этим вопросом. В 1902 году вожди Демократической фракции Вейцман, Бубер и Файвель опубликовали первое воззвание по поводу основания еврейского университета. Даже в дни народного бедствия, начавшегося кишиневским погромом, Вейцман ездил по российским городам, чтобы заручиться поддержкой идее еврейского университета в Иерусалиме. Однако лишь в 1913 году, на Одиннадцатом конгрессе в Вене, вопрос об университете был поставлен на повестку дня.

В своем докладе Вейцман обосновал необходимость создания университета не только практическими мотивами. Это учреждение послужит духовным оружием, с помощью которого сионистам, быть может, удастся добиться большего, чем удавалось другим народам с помощью армий и флотов. Кроме того, из-за процентной нормы в России и сокращения приема еврейских студентов из России университетами Западной Европы, жизненно необходимо создать университет для учащейся еврейской молодежи. Иерусалимский университет также обеспечит нужды практической работы в Эрец-Израэль и будет готовить учителей для школ Страны; он станет исследовательским центром для еврейских ученых, а его влияние распространится далеко за пределы еврейского ишува.

После доклада Вейцмана было внесено предложение поручить сионистскому руководству назначить комиссию для проведения всей подготовительной работы по созданию в Иерусалиме университета. Конгресс с энтузиазмом принял это предложение, и оно побудило Бялика подняться на трибуну и выступить со страстной речью. Вольфсон тут же внес первое крупное {315} пожертвование на осуществление этой идеи, его примеру последовали другие.

Сумма, внесенная Вольфсоном (100 тысяч марок - 25 тысяч долларов), предназначалась университету и Национальной библиотеке, которая была построена лишь после окончания Первой мировой войны. Деньги на приобретение земельного участка на горе Скопус пожертвовал Ицхак Лейб Гольдберг, один из лидеров сионистского движения в России.

Предложение об изъятии финансовых органов из рук "политиков", членов оппозиции, было в конечном счете снято с повестки дня, дабы сохранить мир, как это было уже решено на совещании российских сионистов.

Конгресс выразил свое возмущение предстоящим в Киеве судом над Бейлисом, а также выступил в защиту турецких евреев, оказавшихся в результате войны под властью балканских стран, главным образом, Румынии.

Правление было избрано в прежнем составе с введением Членова. Таким образом в Правление вошли двое от Германии - О. Варбург и А. Хантке и четверо от России - Н. Соколов, Ш. Левин, В. Якобсон и Е. Членов. Избрание Членова вызвало общее одобрение, и президент конгресса Вольфсон подчеркнуто приветствовал и поздравил его. Членов принял на себя бремя новых обязанностей, оставив ради интересов движения свою врачебную практику в Москве, и после конгресса переехал в Берлин, чтобы занять пост вице-президента Всемирной сионистской организации.

Президент конгресса Вольфсон, закрывая прения, пожелал делегатам встретиться на следующем конгрессе. Никто из присутствовавших не мог тогда предвидеть, что впереди - кровопролитная мировая война, что следующий конгресс соберется лишь спустя восемь лет и Вольфсону уже не суждено будет в нем участвовать.

Вольфсон скончался через год - 15 сентября 1914 года. Сердечное заболевание, долгие годы подтачивавшее его здоровье, сломило его. Это произошло вскоре после начала Первой мировой войны. Весть о {316} его кончине пришла в страны, находящиеся с Германией в состоянии войны, с опозданием, и в последний путь его проводили только представители немецких сионистов. Когда о его смерти узнали в России, Членов выступил со статьей, посвященной его памяти.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ - СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава семнадцатая - ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

6. Ухудшение положения российских евреев с началом Первой мировой войны

В месяцы, предшествовавшие войне, еврейство России подверглось новым притеснениям в форме ограничений, фабриковавшихся во всех каналах аппарата самодержавного строя: новые дискриминационные законы и законопроекты, направленные против евреев, и соответствующая практика различных министерств, губернаторов, губернских правлений, судебных учреждений, властей, ведающих просвещением и культурой, и т. п.

Этим усиленным преследованием евреев царское правительство решило, по-видимому, взять реванш за позорное поражение, которое оно потерпело в деле Бейлиса. И в самый разгар антиеврейской кампании прогремел "выстрел в Сараево", прокатившийся эхом по всей Европе и ввергший ее в пожар мировой войны. 20 июля (2 августа) Николай II издал манифест; в частности, там говорилось:

"В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри! Да укрепится еще теснее единение ЦАРЯ с ЕГО народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага!"

Еженедельник "Новый восход", орган либеральной антисионистской еврейской интеллигенции, опубликовал пылкую патриотическую статью и писал по поводу этих слов манифеста:

"Меньше всего думают о них (внутренних распрях) в эту роковую минуту русские евреи. В общем порыве защиты родины стоят они плечом к плечу с остальным населением России и своим мужественным поведением покажут, что не теперь время для внутренних {317} пререканий, не теперь время думать о нанесенных и наносимых нам глубоких обидах.

В России мы родились и выросли, здесь покоится прах наших предков. Неразрывными нитями связаны мы, русские евреи, с Россией, и память о ней бережно лелеют всю жизнь наши братья, злою судьбой прогнанные за океан. Хранители заветов отцов наших, ядро всемирного еврейства, мы, русские евреи, в то же время неотторжимо связаны со страной, в которой живем уже сотни лет и от которой ничто - ни преследования, ни гонения - не в состоянии нас оторвать.

В исторический момент, когда нашей родине грозит иноземное нашествие, когда грубая сила ополчилась против величайших идеалов человечества, русское еврейство мужественно выступит на поле битвы и исполнит свой священный долг...

На призванных к защите отечества евреях, кроме долга перед родиной, лежит еще один долг: долг перед своим народом. Евреи-воины будут на полях брани проливать свою кровь и за общее отечество, и за честь и достоинство еврейского имени. Они будут частью отечественных войск и одновременно боевым отрядом еврейского народа".

В общем, "Новый восход" явно переборщил: русским евреям приходилось поддакивать правительству, однако в этой статье чувствовалось, что авторы рады стараться и поддакивают с чересчур уж большим усердием.

По случаю объявления войны России Государственная Дума провела специальное заседание. На нем депутат Фридман выступил со следующим заявлением от имени российского еврейства:

"На меня пала высокая честь выразить те чувства, которые в настоящий исторический момент воодушевляют еврейский народ. В великом порыве, поднявшем все племена и народы великой России, евреи выступают на поле брани, плечом к плечу со всеми народами ее.

{318} В исключительно тяжелых условиях жили и живем мы, евреи, и, тем не менее, мы всегда чувствовали себя гражданами России, всегда были верными сынами своего отечества. И никакие силы не отторгнут нас от нашей родины -

России, от земли, с которой мы связаны вековыми узами. В защиту нашей родины от иноземного нашествия мы выступаем не только по долгу совести, но и по чувству глубокой привязанности. В настоящий час испытания, следуя раздавшемуся с высоты Престола призыву, мы, русские евреи, как один человек, станем под русскими знаменами и положим все свои силы на отражение врага.

(Шумные апл. всей Гос. Думы. Демонстративно аплодируют правые и националисты.) Еврейский народ исполнит свой долг до конца".

(Шумные апл.)

С заявлениями о готовности своих народов постоять за матушку-Россию выступили на этом заседании также делегаты поляков, латышей, эстонцев и литовцев.

В отличие от "Нового восхода", кипевшего неумеренным и безусловным русским патриотизмом, сионистский "Рассвет" и в этом случае нашел достойную форму, чтобы напомнить о необходимости предоставления евреям гражданских национальных прав.

В обзорной статье, посвященной заседанию Думы и выступлению депутата Фридмана, в частности, говорилось:

"Этим заседанием обнаружена полная несостоятельность, с государственной точки зрения, преобладавшего в последнее время политического курса в отношении инородцев. Бесповоротно осуждена, в частности, "националистическая" политика в еврейском вопросе, сводившаяся в конечном счете к стремлению устранить евреев от интересов и функций, составляющих непосредственную сферу гражданских взаимоотношений. Убедительное доказательство внутренней несостоятельности этого стремления представлено теперь самою жизнью в том значении, которое имеет в настоящую трудную минуту "черта оседлости", являющаяся главной ареной военных действий, и еврейское {319} население западного края, принимающее на себя в первую голову неприятельский натиск на Россию.

Однако единение народностей не может ограничиваться исключительно констатированием солидарности в минуту непосредственно грозящей извне опасности. Выражение готовности исполнить гражданский долг и стать на защиту государственной безопасности - только первая ступень к действительному политическому единению и гражданственной солидарности народностей. Последняя, как показывает опыт всех стран и народов,

достижима исключительно на основе равенства прав при равенстве обязанностей и уважения к правам национального меньшинства. Признанием и проведением в жизнь этого начала крепки внутренним единством союзные России государства, разделяющие с нею в эту минуту тяготы общеевропейской войны.

Мы надеемся, что пройдя через предстоящие нам тяжкие испытания, Россия станет ближе к этому основному государственному началу. Мы верим, что в очистительных страданиях грядущих дней укрепится действительное единение всех народов России на почве разумного признания прав каждого из них в отдельности".

Это было весьма осторожное и сдержанное выражение надежды, без лишней крикливости и квасного патриотизма.

Первые дни после объявления войны стали в России днями большого национального подъема. Во всех российских городах проходили патриотические демонстрации, начинавшиеся обычно с торжественного церковного богослужения и заканчивавшиеся массовым шествием под звуки национального гимна и других патриотических песен, с хоругвями и портретами императора. Подобные шествия и молебны в синагогах устраивали и евреи; манифестации евреев и христиан часто встречались на улицах, сливаясь в единое шествие.

В эти несколько дней даже отпетая антисемитская печать взяла другой тон в отношении евреев. {320} Черносотенное "Новое время" опубликовало репортаж о манифестации евреев Петрограда, вышедших на улицу из Большой хоральной синагоги после публичной молитвы за победу русского оружия. Газета писала:

"Манифестация русских евреев, вышедших из синагоги после богослужения и явившихся на Дворцовую площадь, - должна вызвать во всех нас, русских, чувство глубокого удовлетворения...

Такие минуты не забываются. Каждый искренний братский порыв населяющих Россию народностей принесет драгоценные плоды не только русским, не только в настоящее трудное время. Пронесется гроза, выглянет солнце мира над родиной, и русский народ не забудет о тех, кто в дни испытаний бодро шел с ним рядом, плечо о плечо..."

Приводя эту цитату, "Рассвет" заметил, что, "к сожалению, еще не просохли те чернила, которыми на столбцах "Нового времени" писались совершенно

другие строки".

Редакция сионистского журнала оказалась права, не торопясь впасть в умиление по поводу нескольких слов, сказанных о евреях в порядочном тоне, и не приняла всерьез заверения антисемитской газеты. И, действительно, посулы, что "народ русский не забудет", оказались почти молниеносно забыты. В мученической истории русского еврейства началась новая глава страданий, преследований, унижений, ритуальных наветов, массовых ссылок и погромов. Обвинения в шпионаже в пользу врага, смертные приговоры полевых судов шли под аккомпанемент ядовитого антисемитского науськивания черносотенной печати, взывающей к темным инстинктам необразованных масс и натравливающей их на евреев. Так начался новый кровавый период на страдальческом пути еврейства России.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава восемнадцатая - В ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ

{321} 1. Высылка евреев из прифронтовых районов

Первая мировая война резко обнажила трагизм положения еврейского народа в диаспоре: в армиях различных государств, участвовавших в войне, служили около полутора миллионов солдат-евреев, и эти солдаты были вынуждены сражаться друг против друга.

В то время среди русских евреев имел хождение волнующий рассказ: в рукопашном бою русских с австрийцами солдат русской армии, еврей, заколол штыком врага и, стоя над умирающим, внезапно услышал, как тот прощается с жизнью молитвой "Шма, Исроэл!" ("Слушай, Израиль!")... Вышедший живым из этого поединка лишился рассудка.

В рядах русской армии сражались десятки тысяч мобилизованных евреев, было также большое число добровольцев, и среди них - студенты европейских университетов, те самые, кто в свое время из-за процентной нормы, преграждавшей евреям путь к высшему образованию у себя на родине, был вынужден покинуть Россию и отправиться за границу.

Процент евреев в русской армии был выше их процента в составе народонаселения России, и, соответственно, более высоким был процент евреев, павших и раненых в боях.

Тем не менее, никто не поставил этого евреям в заслугу, напротив: с первых же

дней война {322} стала для них источником страшных преследований и бедствий. Верховное командование русской армии во главе с великим князем Николаем Николаевичем, дядей царя Николая II, официально и гласно - в листовках к народу и со страниц печати - обвинило еврейское население в измене и шпионаже в пользу противника. Военные власти в прифронтовых районах требовали массовой высылки целых еврейских общин ряда городов и местечек, особенно в пределах Польши, где антисемитизм пустил глубокие корни среди населения. Ненависть к евреям здесь, кроме того, раздували и польские националисты.

Распространение ложных слухов и обвинений в том, что евреи продают Россию и шпионят в пользу немцев и австрийцев, стало обычным делом на всех польских территориях, находившихся под господством России. Активнейшее участие принимали в этом политические вожди поляков.

Сразу после начала войны верховный главнокомандующий русскими войсками великий князь Николай Николаевич обратился с воззванием к населению этих территорий, объявив, что если война закончится победой России, Польша получит национальную автономию. И вот, стремясь выказать перед русскими свой патриотизм, поляки усердно возводили на евреев всевозможные клеветы, маскируя таким образом свои собственные связи с противником, поддерживавшиеся в определенных кругах польских лидеров проавстрийской ориентации.

Сами военные власти не уставали обвинять евреев в шпионаже и помощи немцам в их наступательных операциях: евреи будто бы подают врагу знаки и поддерживают с ним связь при помощи разных хитроумных сигналов. Было немало случаев расстрела евреев без суда и приговора или по решению военно-полевых судов, где обвиняемые оказывались лишенными всякой защиты и, не зная русского языка и не имея переводчика, даже не понимали, что им вменяют в вину. Обвинения же зачастую были просто абсурдными, как, например, то, что набожные евреи прячут под бородой {323} телефон для переговоров с врагом. Во многих местах для острастки "шпионам" военные власти брали заложниками раввинов, старейшин и других уважаемых людей; часть освобождали за выкуп, но немало было казнено.

В первый период войны так действовали, главным образом, местные военные власти. Однако с весны 1915 года обвинение евреев в измене и шпионаже стало излюбленным занятием самого верховного командования и главного штаба, руководимого черносотенным генералом Янушкевичем, "русским патриотом" из поляков. Главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, в апреле 1915 года отдал приказ изгнать всех евреев из района военных действий.

Из Курляндской губернии было изгнано 40 тысяч евреев, из Ковенской губернии - 120 тысяч.

В меморандуме, поданном в ноябре 1915 года Всемирной конфедерацией Поалей Пион в бюро Социалистического Интернационала в Гааге, указывалось общее число евреев, изгнанных из всех прифронтовых районов - полтора миллиона человек.

Высылка проводилась с беспрецедентной жестокостью. В большинстве случаев высылаемым приказывали покинуть свои дома в течение 24 часов. Не щадили тяжело больных, рожениц, душевнобольных в их лечебницах, раненых солдат в военных госпиталях, семьи тех, кто в это время сражался на фронте.

Высланные кочевали с места на место, вынужденные зачастую преодолевать пешком сотни километров. В лучшем случае их везли на телегах или в запертых на засов вагонах для перевозки скота. Полустанки были переполнены еврейскими беженцами, голодными, оборванными и босыми, спасающимися от бесчинств, творимых казаками, да и всем прочим русским православным воинством.

Тысячи людей проводили ночи под открытым небом. Многие погибали в пути от полного истощения сил и эпидемий, поражавших эшелоны с беженцами. На запрос правительства из Петербурга о положении евреев, высылаемых из районов военных действий, генерал {324} Янушкевич отвечал, что, по его мнению, меры, принятые против евреев, недостаточны, их нужно усилить.

Однако правительство, несмотря на свое нежелание отменить ограничения евреев в правах, посчитало необходимым открыть перед ссыльными и беженцами губернии в глубине России, за пределами еврейской черты оседлости. Тем не менее для евреев остались недоступными Петроград, Москва, Донская область, некоторые другие места, а также все сельские населенные пункты. Местные власти не всегда считались с распоряжениями центрального правительства и продолжали гнать евреев с места на место. Но в целом, под давлением ссылочной практики, значительная часть ограничений в праве жительства евреев в России оказалась фактически упраздненной за два года до Февральской революции 1917 года, когда Временное правительство отменило все антиеврейские установления.

Обвинение евреев в измене России и шпионаже потребовалось Янушкевичу для оправдания позорных поражений русских войск на фронтах войны. Завоевание русскими Галиции явилось лишь коротким эпизодом, однако свое

вступление в этот польско-украинский округ, лежавший в пределах Габсбургской империи, русские успели отметить ужасающими расправами над еврейским населением.

Казачьи и солдатские дружины других русских войсковых частей подвергали евреев всевозможным издевательствам и изощренным пыткам, грабили и убивали, а многих угоняли в Россию. Так с евреями обращались и на землях русской Польши, и в других местах, откуда их изгоняли. Но вскоре русские войска сами начали отступать, точнее говоря, ударились в паническое бегство, следуя за гонимыми евреями и по пути вымещая на них свою злобу. В меморандуме Всемирной федерации Поалей Цион Социалистическому Интернационалу создавшееся положение определялось так: "Россия объявила еврейскому населению войну".

И действительно, с каждым новым поражением русских войск становились все более жестокими меры, {325} которые принимались против евреев верховным командованием, и множились возводимые на евреев клеветнические обвинения. В августе 1915 года разгромленная русская армия отступила вместе со своим генеральным штабом, и с конца лета вся русская Польша и большая часть Прибалтийского края перешли в руки немцев.

Германское правительство злорадствовало по поводу насилий, чинимых русскими войсками над евреями, используя эти факты в своей пропаганде против России в нейтральных странах. Хотя отрицательные отклики в Европе и заботили русское правительство, оно не было готово решительно пресечь гонения. 8 августа 1915 года депутаты-евреи внесли в Государственную Думу срочный запрос об обращении военных властей с евреями в прифронтовых районах. Немедленное рассмотрение было, однако, отклонено большинством голосов, запрос передали в комиссию и там упрятали под сукно.

Как раз в это время (август 1915 г.) Николай II принял на себя верховное командование войсками, великого князя Николая Николаевича перевели на Кавказ, и, по его ходатайству, туда же перевели генерала Янушкевича. Бесчеловечные преследования евреев военными властями, как это практиковалось при необузданном и жестоком антисемите Янушкевиче, начали утихать.

Не прекратилась, однако, ядовитая антисемитская пропаганда, нашедшая поддержку у гражданских властей. Канцелярии двух министерств - внутренних дел и финансов - издали антисемитские циркуляры, густо начиненные клеветой на еврейское население. Они были разосланы губернаторам, градоначальникам и жандармским отделениям в качестве наставления, как

следует обращаться с евреями, которые подрывают благополучие государства и обманывают христиан. Еврейские депутаты Государственной Думы выступили с запросом по поводу этих циркуляров, но на сей раз вопрос был скомкан сразу же на пленарном заседании и при соучастии либералов, руководствовавшихся якобы патриотическими {326} соображениями, не дошел даже до комиссии, так как под их (либералов) давлением еврейские депутаты сами сняли его. Этот шаг вызвал сильное возмущение еврейской общественности, причем особенно резко отреагировал сионистский журнал "Еврейская жизнь".

Единственным отрадным явлением в то мрачное время были яркие проявления солидарности русских евреев со своими страдающими братьями. Возникали комитеты помощи беженцам и ссыльным, объединявшие представителей всех течений еврейства России и собиравшие крупные суммы в виде пожертвований. Центральным среди этих комитетов был ЕКП - Еврейский комитет помощи. Четверть миллиона человек получили в 1915 году поддержку от различных еврейских объединений. В этих комитетах помощи российские сионисты были представлены чрезвычайно широко, и особенно активно действовала сионистская молодежь - студенты из Хехавера, члены Цеирей Цион и др.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава восемнадцатая - В ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ

2. Сионистское руководство в начале войны

Когда 1 августа 1914 года разразилась мировая война, сионистское руководство пришло в замешательство.

Возникло сомнение, может ли вообще выжить Сионистская организация в качестве всемирного национально-политического движения при создавшихся условиях, когда ведущие ее силы разобщены и находятся в странах, воюющих друг с другом.

Из членов Правления в Берлине осталось всего два человека - немецкие граждане: президент Отто Варбург и Артур Хантке. Остальные члены Правления были русскими подданными: В. Якобсон, Н. Соколов, Е. Членов и Ш. Левин.

Тем не менее сионистское движение во главе со своим руководством проявило мужество и жизнеспособность и изыскало пути для продолжения своего существования и работы и в обстановке мировой войны, правда, в ограниченном масштабе.

Правление {327} (Варбург, Хантке) осталось в Берлине, но центр тяжести всей деятельности был перенесен в нейтральные страны. Главное бюро Национального фонда, до войны находившееся в Кельне и руководимое там М. Боденхеймером, перевели в Гаагу, и делами фонда занялся руководитель

голландских сионистов Нехемия де-Лима.

В начале декабря 1914 года в Копенгагене открылось Центральное бюро Сионистской организации с задачей вести широкую разъяснительную кампанию в поддержку идеи еврейского самоопределения в Палестине, посылая специальных представителей в государства, имеющие там свои интересы. Другой задачей бюро было налаживание связи со всеми частями сионистского лагеря в разных странах. В годы мировой войны возглавляли это бюро и руководили делами всемирного сионистского движения два российских сиониста - сначала Л. Моцкин (до конца 1915 г.), а затем В. Якобсон. В скандинавских странах бюро создало комитет по оказанию помощи нуждающимся евреям в Европе и в Палестине. В Копенгагене проводились встречи сионистских лидеров из воюющих между собой государств, состоялись также три заседания Большого сионистского исполкома: в декабре 1914 года, в июне 1915 и в марте 1916 года.

В конце октября 1914 года в войну вступила и Турция. Поначалу турецкое правительство одолевало сомнения, стоит ли вообще ввязываться в конфликт, а если да, то на чьей стороне. Теперь стало ясно, что эта война решит судьбу Эрец-Исраэль и ее еврейского ишува. Создавшаяся новая общеполитическая ситуация обязывала сионистское руководство заново рассмотреть различные аспекты деятельности движения и определить свою позицию по отношению к воюющим сторонам. Эта серьезнейшая и сложнейшая проблема обсуждалась на заседании Большого исполнительного комитета в Копенгагене в начале декабря 1914 года.

Позднее, после военных неудач Германии и Турции, а также после декларации Бальфура, с которой выступило английское правительство, уже не оставалось, {328} разумеется, ни малейших сомнений, какой должна быть политическая ориентация сионизма в войне; однако в 1914 году, когда все полагали, что война закончится через несколько месяцев, в крайнем случае через полгода, и что у Германии имеются все шансы на победу, вопрос ориентации был далеко не прост.

Спор на заседании Большого исполкома по этому вопросу был резким и чрезвычайно трудным. Немецкие сионисты поддерживали правительство своей страны и стояли за пронемецкую ориентацию, будучи убеждены, что победа Германии в войне принесет пользу Эрец-Исраэль и сионизму.

Сразу же после начала войны несколько видных немецких сионистов в сотрудничестве с группой несионистов основали особый общественно-политический Комитет по вопросу Востока.

Возглавил его профессор Франц Оппенгеймер, автор программы кооперативного поселения в Палестине. От сионистов в комитете участвовали д-р М. Боденгеймер, д-р Клей и другие. Они верили, что победа Германии и Австрии и падение царской России спасут угнетаемое и преследуемое российское еврейство. Комитет поставил себе целью помощь Германии в ее усилиях по разгрому царской России, надеясь, что таким образом русские евреи скорее добьются гражданского и национального равноправия. Поэтому основатели комитета неофициально называли его Комитетом по освобождению евреев России.

На заседании Большого исполкома, состоявшемся в Копенгагене 3-6 декабря 1914 года, обсуждалась и деятельность этого комитета в Германии. Представители российских сионистов Е. Членов и Б. Гольдберг указали на большой вред, который причиняет русским евреям этот комитет, давая лишний повод всему сонму антисемитов обвинять евреев в предательстве и шпионаже в пользу врага.

Поэтому российские сионисты категорически потребовали разрыва всяких отношений с этим органом, навлекающим беду на еврейство России. Члены Большого исполкома из Германии проявили понимание опасений их российских коллег, {329} но заметили, что комитет сыграл полезную роль при выработке германским правительством своей позиции в отношении евреев и сионизма. Они не возражали против требования порвать связи с комитетом, но настаивали на том, чтобы сделать это осторожно, дабы не возбудить в германских правительственных кругах подозрений в отношении намерений сионистов. Представители сионистов России с этим согласились, и решение о разрыве отношений с Комитетом по вопросу Востока было сформулировано в завуалированной общей форме, как запрет сионистским лидерам оказывать поддержку политическим тенденциям, способным навлечь беду на евреев в каждом из воюющих государств.

На этом заседании разгорелся ожесточенный спор по поводу политической ориентации Сионистской организации во время войны. Немецкие сионисты, стоявшие сначала за ориентацию на союз центрально-европейских стран (Германия-Австро-Венгрия), согласились с тем, что Сионистская организация, объединяющая в своих рядах евреев по обе стороны фронта, не может принять другой линии, кроме нейтральной.

За эту позицию выступало и большинство российских сионистов, кроме Жаботинского, который стоял за прозападную (главным образом, проанглийскую) ориентацию и прилагал усилия к созданию еврейской войсковой части (легиона) в рядах британских вооруженных сил.

За прозападную ориентацию выступали и сионистские лидеры из западноевропейских стран.

Однако, учитывая положение "между молотом и наковальней", в котором находилось еврейство, а с ним и сионистское движение, у руководства Сионистской организации не оставалось другого выбора, кроме нейтралитета.

На том же заседании было решено послать в Англию Членова с важной миссией : вести разъяснительную работу среди влиятельных лиц о целях сионизма и возможностях их осуществления. По требованию Членова вместе с ним был послан Соколов, который должен был свести Членова с нужными людьми. По предложению российских сионистов Исполнительный комитет {330} постановил, что в список требований к великим державам относительно прав еврейского народа на Палестину должно быть внесено и требование о предоставлении евреям равноправия в тех странах их теперешнего проживания, где они им не пользуются. Отдельная резолюция призывала сионистов всех стран оказать широкую материальную поддержку еврейскому ишуву и сионистским учреждениям в Эрец-Исраэль. Еще ранее с этой целью по поручению сионистского руководства в Америку выехал Шмарьяху Левин. Там ему удалось заручиться поддержкой судьи Луи Брандеса, оказавшего большое влияние на рост и развитие сионистского движения в США.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава восемнадцатая - В ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ

3. Иосиф Трумпельдор и "отряд погонщиков мулов"

Как упоминалось, представители российских сионистов на заседании Большого исполкома настаивали, чтобы сионистское Правление проводило нейтральную линию по отношению к воюющим сторонам: ориентация на страны Антанты (Англия, Франция) причинила бы вред еврейскому ишуву в Эрец-Исраэль, ориентация же на Германию и Австрию навлекла бы еще большую беду на еврейство России.

Большинство сионистских лидеров в России (Членов, Усышкин, Гольдберг, Яффе и другие) не верили в победу Антанты и поражение Германии, требуя осторожности в отношениях с турецкими властями во имя спасения еврейского ишува в Палестине. Эту точку зрения резко оспаривал Жаботинский: он был уверен в конечной победе Англии и падении Германии, а с нею заодно и Турции, и утверждал, что не следует бояться угрозы еврейскому ишуву в Стране и что надо установить связь с государствами Антанты. Жаботинский выступил с идеей создания еврейской боевой части в рядах британской армии, так как считал политически чрезвычайно важным активное участие евреев в завоевании {331} Палестины: такого рода сотрудничество с победителями приблизит сионизм к достижению его целей.

В начале декабря 1914 года Жаботинский побывал в Египте в Александрии в качестве корреспондента московской либеральной газеты "Русские ведомости". Египет находился тогда под верховной властью Великобритании.

Как раз в то время евреи - русские подданные (около 1200 человек), изгнанные по приказу Джамаль-паши из Палестины, были доставлены на судне в Александрию. Среди беженцев был и Иосиф Трумпельдор.

О Трумпельдоре Жаботинский слышал еще в России, так как это имя было известно многим, особенно в сионистской среде.

Трумпельдор родился на Кавказе в 1880 году в семье кантониста. С неравноправием евреев он впервые столкнулся, когда после окончания гимназии из-за процентной нормы не был принят в университет. Подготовившись, он экстерном сдал экзамены и получил диплом зубного врача. Тем временем началась русско-японская война. Трумпельдор пошел на фронт, где проявил мужество и отвагу.

В результате ранения во время знаменитой осады японцами Порт-Артура он потерял левую руку. Выйдя из госпиталя, он потребовал, чтобы его снова послали на передовую, и добился этого.

Трумпельдор удостоился высоких боевых наград (Четыре Георгиевских креста - два золотых и два медных (по свидетельству Жаботинского, см. "Слово о полку") - Прим. ред.) и офицерского звания - вещь для еврея в царской России небывалая, и после войны был зачислен студентом юридического факультета Петербургского университета.

По своим идейно-политическим воззрениям Трумпельдор был близок к партии русских эсеров, а после революции 1905 года стал активным сионистом и сторонником обновления Эрец-Исраэль путем создания поселений типа коммун (в университете он слушал лекции знаменитого ученого-экономиста Туган-Барановского, автора исследования о поселениях, созданных на социалистических началах). Закончив университет, Трумпельдор уехал в Палестину (1912 г.), где, несмотря на увечье, самоотверженно трудился как сельскохозяйственный рабочий в Мигдале и в Дгани. И вот теперь, с началом мировой войны, его выслали из Страны.

В предисловии к своим воспоминаниям о еврейском легионе ("Слово о полку" на русском языке) Жаботинский замечает, что фактически легион возник в Александрии, в лагерях еврейских беженцев из Палестины, и что решающая роль в его создании принадлежала русскому консулу Петрову и Иосифу Трумпельдору...

Петров узнал, что в лагерях есть несколько сот молодых людей с русским подданством. А поскольку в Египте еще оставались в силе

"капитуляции" (отмененные в Турции с началом войны), консул пользовался в отношении подданных своей страны правом экстерриториальности. На этом основании Петров внезапно предъявил английским властям требование - отправить еврейских парней в Россию для прохождения военной службы. Делегация старейшин еврейской общины Александрии, к которой присоединился и Жаботинский, отправилась к английскому губернатору города, и последний пообещал, что этого не сделает. Затем Жаботинский пошел знакомиться с Трумпельдором, которого до этого лично не знал.

Трумпельдор жил на частной квартире, что оказалось возможным благодаря порядочности того же консула Петрова. Когда последнему стало известно, что среди беженцев из Палестины находится бывший русский офицер, потерявший руку в боях за Порт-Артур, он послал к нему вестового с приветствием и уведомлением, что причитающуюся Трумпельдору военную пенсию последний может регулярно получать в консульстве.

Таким образом, Трумпельдор не только не нуждался сам, но еще и помогал другим. Когда Жаботинский изложил ему идею создания еврейской боевой части в рядах {333} британской армии, Трумпельдор без колебаний ее принял. В тот же вечер состоялось собрание Комитета по оказанию помощи беженцам (большинство его участников были выходцами из России - Глушкин, Левонтин, агроном Эттингер и другие). Жаботинский и Трумпельдор подняли вопрос об организации еврейского полка, который будет сражаться в составе английской армии в боях за Палестину. Подавляющим большинством голосов комитет это предложение принял.

Неделю спустя комитет созвал собрание молодых беженцев. Собравшимся рассказали о положении и о требовании консула Петрова вернуть их в Россию. Им также было сказано, что, хотя есть основание полагать, что англичане не выполнят это требование русского консула, сидеть неограниченное время в бараках и кормиться из чужой милости тоже невозможно. С другой стороны, нет сомнений, что британские войска рано или поздно двинутся из Египта в Палестину.

Между тем из Яффы все время поступают дурные вести: турки запретили еврейские вывески на улицах, высылают из Страны представителя Сионистской организации д-ра Руппина, несмотря на его германское подданство, арестовали руководителей ишува и заявляют, что после войны окончательно запретят алию. На собрании было принято решение создать еврейский полк, который предложит англичанам свои услуги в боевых действиях в Палестине. Под этим решением подписались около 100 человек.

Через несколько дней делегация комитета, куда вошли Жаботинский и Трумпельдор, была принята генералом Максвеллом, командующим британскими войсками в Египте. Однако его ответ на предложение основать еврейский полк разочаровал участников делегации. Он сказал, что пока ему ничего не известно о подготовке наступления на Палестину и он сомневается, состоится ли оно вообще. Кроме того, по закону он не вправе брать в английские войска иностранных подданных.

Единственное, что генерал мог предложить, - это создать отряд вьючной транспортировки на {334} мулах. Он обещал послать этот отряд на другой турецкий фронт (имелся в виду Галлиполийский полуостров). Было ясно, что в Палестину отряд не направят, и Жаботинский предложил ответить генералу вежливым отказом. Иного мнения придерживался Трумпельдор: как опытный солдат он знал, что на войне нет большой разницы между транспортными и боевыми подразделениями, ведь и без тех и других не обойтись, и солдаты транспортных частей рискуют так же, как и те, что сидят в окопах. Что до фронта, то Трумпельдор полагал, что не суть важно, где именно бить турок - на юге или на севере: с военной точки зрения это всего лишь технический вопрос.

Чтобы освободить Эрец-Исраэль, надо разбить турок, стало быть, - "все фронты ведут в Сион". После заседания комитета, на котором обсуждался этот вопрос, Жаботинский сказал Трумпельдору: "Может быть, вы и правы, но я в такой отряд не пойду". На это Трумпельдор ответил: "А я, пожалуй, пойду". Прощаясь с Трумпельдором накануне своего возвращения в Европу, Жаботинский сказал:

"Иосиф Владимирович, я уезжаю. Если генерал Максвелл переменит свое решение и согласится учредить настоящий боевой полк, я приеду; если нет, поищу других генералов".

Точка зрения Трумпельдора взяла верх в комитете и у добровольцев, и в середине апреля 1915 года, когда Жаботинский уже находился в Италии, он получил от Трумпельдора телеграмму: "Предложение Максвелла принято".

В Александрии был создан еврейский транспортный отряд (Zion Mule Corps - Отряд погонщиков мулов.), действовавший на Галлиполийском полуострове. В задачу отряда входило подвозить на мулах питание и боеприпасы на передовую. Это было чрезвычайно опасно, так как отряд все время находился под непрерывным огнем противника. Отряд имел свое знамя с эмблемой в виде щита Давида; во главе отряда был {335} поставлен английский полковник Джон Генри Паттерсон, а Трумпельдора назначили его заместителем, и позднее он дослужился до капитана.

Отряд насчитывал около 600 человек, отличился мужеством и эффективными действиями и потерял несколько десятков убитыми и ранеными. Однако общие операции в Галлиполи оказались неудачными, и после нескольких месяцев боев английские войска отступили. Отряд действовал с апреля 1915 года и был расформирован англичанами (несмотря на все старания Трумпельдора сохранить подразделение) в конце мая 1916 года.

В своей книге о еврейском боевом отряде Жаботинский замечает:

"Я пишу не историю, а личные воспоминания. Сам я в Галлиполи не был. Но одно должен признать: прав был Трумпельдор, а не я. Лишь около 120 из его участников снова попали в солдаты, добрались до Лондона - и из этой группы и вокруг нее там возник тот еврейский легион, который впоследствии, со штыками и пулеметами, принял участие в завоевании Палестины и которому принадлежит ряд могил под знаком щита Давидова на горе Елеонской. Прав был Трумпельдор: хотя победили мы в Иорданской долине, но путь через Галлиполи был правильный путь".

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава восемнадцатая - В ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ

4. Политическая деятельность сионистов в Лондоне

В конце 1914 года Членов и Соколов приехали в Лондон с политической миссией, возложенной на них на заседании Большого исполкома в Копенгагене 3-6 декабря. Однако еще до их приезда в Англию Вейцман, проживавший в Манчестере и преподававший химию в тамошнем университете, развернул пропагандистскую кампанию в пользу сионизма. Он делал это в тесном контакте со своим другом Ахад-Гаамом, который жил тогда в Лондоне. Приехав в Англию, Членов и Соколов присоединились к Вейцману и втроем {336} повели сионистскую политическую работу, прибегая при этом к советам Ахад-Гаама.

Вейцман и Ахад-Гаам верили, что в войне возьмут верх государства Антанты. Не так думали Членов, Усышкин и остальные сионистские лидеры в России, большинство которых полагало, что против могучей Германии этим государствам не устоять. Отсюда сопротивление российских сионистов политической ориентации на Англию, проводимой Вейцманом. Вейцман же считал необходимым установление связей с западными демократиями, потому что был убежден, что судьба сионизма связана именно с ними, а не с Германией. В неоднократно цитировавшейся выше автобиографической книге Вейцман замечает, что Членов с Усышкиным до последнего момента не верили в победу Англии. Членов возвратился в 1915 году в Россию, в то время как Соколов остался в Лондоне и продолжал вместе с Вейцманом бороться за привлечение общественного мнения на сторону сионизма. С этой целью Соколов посетил Париж и Рим и установил в Риме связи с правительственными

и католическими кругами.

Вейцман вначале не имел связей среди английских политиков. Первый контакт с министрами ему помог наладить редактор влиятельной либеральной газеты "Манчестер Гардиан" Ч. Ф. Скотт, которого Вейцман сделал сторонником сионизма.

Скотт стал посредником между сионистскими руководителями и людьми, делавшими английскую политику. Он устроил Вейцману встречу с двумя членами британского кабинета: Ллойд-Джорджем и Гербертом Сэмюэлем - со временем первым верховным британским комиссаром в Палестине (1920-1925 гг.). В то время Ллойд-Джордж был министром военного снабжения, Герберт Сэмюэль - министром внутренних дел (Сэмюэль был первым евреем, служившим министром в правительстве Великобритании, поскольку Бенджамин Дизраэли (лорд Биконсфильд), глава английского правительства в эпоху королевы Виктории, не считался евреем: отец крестил его в тринадцатилетнем возрасте.).

Эта встреча {337} показала Вейцману, что Сэмюэль успел самостоятельно сделать выбор в пользу сионизма и начал действовать в этом направлении в правительственных кругах. В этом смысле он отличался от большинства еврейских нотаблей в Англии, закоренелых антисионистов, всячески осложнявших сионистам работу в английских политических кругах.

Через некоторое время после встречи с Сэмюэлем и Ллойд-Джорджем Вейцман обзавелся рекомендацией и к Артуру Джеймсу Бальфуру, также являвшемуся членом кабинета в должности Первого лорда адмиралтейства (министра военно-морского флота). Бальфур принял Вейцмана сердечно и по этому случаю вспомнил состоявшуюся у них встречу в начале 1906 года - через полгода после Седьмого сионистского конгресса, отклонившего угандийскую рекомендацию английского правительства, возглавлявшегося тогда Бальфуrom.

Дело было во время общих выборов в Англии. На этих выборах Бальфур фигурировал в качестве кандидата от северного Манчестера - города, в котором Вейцман проживал уже года полтора. Руководитель местного сионистского союза, он же глава городских консерваторов, устроил Вейцману встречу с Бальфуrom в самый разгар предвыборной политической борьбы. Бальфур поинтересовался, почему сионисты так непримиримы в вопросе об Уганде, хотя принятие английского предложения могло бы намного облегчить участь евреев.

Вейцман подробно изложил ему сущность сионизма, подчеркнув его духовную сторону, и добавил, что если бы Моисей присутствовал на Шестом конгрессе в момент, когда там приняли резолюцию о посылке экспедиции в Уганду, он наверняка снова разбил бы скрижалы... Дабы еще более осязаемо довести до сознания своего собеседника, что возрождение еврейского народа возможно только в Эрец-Исраэль и более нигде, Вейцман сказал:

- Мистер Бальфур, представим, что я вам предложу вместо Лондона Париж, неужели вы примете?

Бальфур выпрямился в своем кресле:

{338} - Но, доктор Вейцман, Лондон-то - наш!

- Совершенно верно, - ответил Вейцман, - но Иерусалим был нашим во времена, когда Лондон был еще болотом.

Не спуская с Вейцмана глаз, Бальфур откинулся на спинку кресла:

- А много ли евреев рассуждают, как вы? Вейцман ответил:

- Убежден, что я выражаю настроения миллионов евреев, которых вы никогда не увидите и которые не могут высказаться сами, но я мог бы заполнить ими все улицы той страны, откуда я приехал (имелась в виду Россия.)

- Если ваши слова соответствуют действительности, - сказал Бальфур, - придет день, когда вы превратитесь в силу.

И перед тем, как проститься с Вейцманом, добавил:

- Странное дело. Евреи, с которыми я встречаюсь, совершенно иные.

На это Вейцман ответил:

- Мистер Бальфур, вы встречаетесь не с теми евреями.

Так эта встреча описана у Вейцмана.

Ее-то Бальфур и вспомнил, когда через девять лет вновь встретился с Вейцманом.

Он выразил надежду, что после войны евреям, возможно, будет возвращена их страна. После этой встречи состоялась вторая беседа в доме у Бальфура. Вейцман говорил о положении еврейского народа в мире и о преследованиях евреев в России. Бальфур сказал, что дело, на которое работает Вейцман, - великое дело, и что Вейцман может обращаться к нему всегда, когда это потребуется.

Еще до встречи с Бальфуром Вейцман, как упоминалось, встретился с Ллойд-Джорджем, для которого сионизм тоже не был неизвестным понятием. В 1903 году, когда Герцль вел переговоры с английским правительством об Уганде, адвокатской конторе, возглавлявшейся тогда Ллойд-Джорджем, было поручено разработать проект "чартера" для еврейского поселения в {339} Уганде. Теперь же, во время своей встречи с Вейцманом, Ллойд-Джордж услышал из уст последнего основные положения идеи о возвращении еврейского народа на свою историческую родину при поддержке Великобритании и под ее покровительством. На Ллойд-Джорджа, большого почитателя Библии, слова Вейцмана произвели сильное впечатление.

Отношения Вейцмана с Ллойд-Джорджем упрочились еще больше, когда Вейцман покинул Манчестер и кафедру в университете и переехал в Лондон на работу в государственных лабораториях по усовершенствованию своего открытия, сыгравшего важную роль в удешевлении производства взрывчатки.

В качестве министра военного снабжения Ллойд-Джордж считал себя обязанным Вейцману за его открытие, и спросил последнего, какое вознаграждение он хотел бы получить за услугу, оказанную вооруженным силам Великобритании. Вейцман ответил, что для себя он не просит ничего, но жаждет добиться национального очага для своего народа. В декабре 1916 года Ллойд-Джордж возглавил английское правительство, а Бальфур стал министром иностранных дел, в компетенции которого входило и рассмотрение требований сионизма. Политическая ситуация для предъявления этих требований английскому правительству также была благоприятной.

Однако далеко не однородным был состав британского кабинета. Имелись министры, считавшие, что поддержка сионизма пойдет на пользу английским интересам, но были члены кабинета, придерживавшиеся прямо противоположной точки зрения, полагавшие, что Англии это только повредит.

К противникам сионизма в составе правительства присоединились главы еврейской общественности в Великобритании и представители ее центральных органов, не жалевшие сил, чтобы провалить активность сионистов в правительственных кругах.

Ассимилированные евреи, они отвергли еврейский национализм и видели в евреях лишь религиозную общину; самих же себя они считали {340} стопроцентными англичанами и опасались, что поддержка целей сионизма может им повредить.

Из числа представителей еврейской общественности в Англии наиболее рьяно выступали против сионизма Люсьен Вольф, Клод Монтефиоре, Эдвин Монтегю, ставший с 1916 года членом британского кабинета, и другие.

В своем непомерном английском патриотизме они дошли в отчуждении от еврейского народа до того, что избегали контакта не только с евреями - подданными вражеских стран, но и с евреями из нейтральных государств. Это была, понятно, трусость, "рабство во свободе", по выражению Ахад- Гаама.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава восемнадцатая - В ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ

5. Спор вокруг плана Жаботинского

Членов уехал из Лондона в начале июня 1915 года. По дороге в Москву он остановился в Копенгагене, чтобы принять участие в заседании Большого исполкома, состоявшемся там 10 и 12 июня. На заседание прибыли делегаты России, Германии, Англии и Голландии. Непосредственно из России приехали И. Розов, Б. Гольдберг и М. Усышкин. Одним из главных вопросов предстоящего обсуждения был план Жаботинского о создании еврейского легиона, который будет сражаться в рядах английских войск за Эрец-Исраэль.

Никто из участников заседания не поддержал, однако, эту идею. Наиболее активное сопротивление ей оказали, конечно, немецкие сионисты. К ним примкнул Усышкин, посчитавший формирование легиона не только делом проигрышным, но и неблагодарным по отношению к Турции, которая в свое время приняла изгнанников из Испании и проявила доброе отношение к евреям. Остальные делегаты из России также отвергали идею легиона, хотя и не столь резко. Они пытались изыскать компромисс, чтобы дать Жаботинскому возможность остаться в Сионистской организации и сохранить связь с руководством, потому что ценили его выдающиеся способности и преданность сионизму.

{341} По другому к плану Жаботинского отнесся Вейцман. Он не поддерживал линию сионистского руководства, считая, что на деле позиция Правления дружественна Германии. Отношение немецких сионистов - членов исполкома -

к плану Жаботинского было понятно Вейцману, так же, как и позиция сионистов России, где евреи терпели преследования, чинимые армией и властями. И, тем не менее, Вейцман считал их подход к событиям грубейшей ошибкой с точки зрения сионистской политики. Поэтому он фактически порвал свои связи с сионистским руководством, чтобы действовать в Англии в соответствии с собственной политической линией, казавшейся ему верной и оправданной. К плану Жаботинского о формировании еврейской войсковой части он отнесся положительно. В своей книге он пишет об этом:

"Он Жаботинский явился ко мне, и его идея мне понравилась. Я решил быть помощником ему в этом деле, несмотря на сопротивление, которое было почти всеобщим.

Невозможно описать все трудности и разочарования, выпавшие на долю Жаботинского. Не знаю, кто еще, кроме него, мог бы это преодолеть. Его убежденность, вытекавшая из его преданности идее, была просто сверхъестественной. Со всех сторон на него сыпались насмешки. И как только ни старались, чтобы подрезать ему крылья! Джозеф Коуэн (один из сионистских лидеров в Англии), моя жена, сохранившая с ним дружбу до самой его кончины, да я - были почти единственными его сторонниками. Сионистский исполком, конечно, был против него; евреи-несионисты считали его какой-то злой напастью. В дни, когда он трудился в пользу еврейской бригады, мы пригласили его поселиться у нас, в нашем лондонском доме, к ужасу многих сионистов".

В "Слове о полку" Жаботинский также уделяет Вейцману несколько благодарных строк:

"Отдельно стоял Х. Е. Вейцман. Еще в Париже он заявил себя сторонником легиона; в Лондоне мы сблизились еще больше. Месяца три мы даже вместе жили в {342} маленькой квартире, в одном из переулков "богемского" Чельси, в двух шагах от Темзы...

После восьми, иногда десяти, иногда двенадцати часов в лаборатории, он еще как-то находил время каждый вечер шагом дальше двинуть свою политическую работу, вербуя новые связи, привлекая новых и влиятельных помощников. Мы в те месяцы подружились; надеюсь, и теперь не стали врагами - хотя политическая борьба нас далеко разрознила и вряд ли уж когда-нибудь снова сведет.

Он был сторонником моих планов; но честно признался мне, что не может и не хочет осложнять и затруднять свою собственную политическую задачу

открытой поддержкой проекта, который формально осужден сионистским Исполнит. Комитетом и чрезвычайно непопулярен у еврейской массы Лондона.

Однажды он сказал мне характерную для него фразу:

- Я не могу, как вы, работать в атмосфере, где все на меня злятся и все меня терпеть не могут. Это ежедневное трение испортило бы мне жизнь, отняло бы у меня всю охоту трудиться. Вы уж лучше предоставьте мне действовать на свой лад; придет время, когда я найду пути, как вам помочь по-своему".

Жаботинского также поддержал и содействовал созданию еврейского легиона инженер Пинхас Рутенберг, участник русского революционного движения, во время войны сблизившийся с сионизмом и предложивший план электрификации Эрец-Исраэль. (Позднее он построил электростанцию на реке Иордан при впадении в нее притока Ярмук.)

Но об основании еврейских военных подразделений и их участии в освобождении Страны от турок речь пойдет далее. Эти слова были написаны лет через пять (книга вышла в 1928 году) после того, как Жаботинский основал партию ревизионистов, стоявшую в резкой оппозиции к сионистскому Правлению во главе с Вейцманом.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава девятнадцатая - ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ

{343} 1. Февральская революция

Февральская революция уравнила евреев в правах с остальным населением России. Поэтому евреи приветствовали ее и активно участвовали во всех созданных революцией учреждениях. Правда, с отпадением западных областей (Польша, Прибалтика), вначале находившихся под германской оккупацией, а после войны отделившихся от России и превратившихся в независимые государства, российское еврейство сократилось наполовину - от шести миллионов осталось примерно три. Но оставшиеся в России евреи проявляли высокую политическую активность. Еврейская общественность готовилась к созыву всероссийского съезда евреев и к строительству национальной автономии евреев в России.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава девятнадцатая - ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ

2. Подъем сионистского движения во время революции

С Февральской революцией начался мощный подъем и в российском сионистском движении - в его центре, Петрограде, и в отделениях в разных концах страны.

Противники сионизма, евреи и неевреи, постоянно твердили, что сионизм развеется, как дым, или, по крайней мере, зачахнет, как только в России падет монархия и ей на смену придут демократические порядки, которые принесут евреям гражданское полноправие. Теперь эти пророки замолкли в изумлении при виде сионистского энтузиазма, охватившего широчайшие массы русских евреев именно после падения старого строя и провозглашения демократии. Это поразительное явление показало всем, как глубоко {344} коренятся в еврейском народе, во всех его слоях и прослойках, национальные идеи и верность Сиону.

В первые же дни революции было опубликовано воззвание Центрального Комитета российских сионистов: самодержавие пало; русский народа революционным усилием разорвал цепи, сковывавшие его в течение столетий. Великие потрясения мировой войны сплотили творческие силы русского народа, пробудив в нем могучую волю к свободной жизни и народовластию.

Далее говорилось об ограничительных дискриминационных законах, лежавших гнетом на еврейском народе; о еврейских погромах и ритуальных

наветах царского времени. И вот пришел час еврейскому народу предъявить свои национальные требования и постоять за свое право жить свободной общественной жизнью в новой России. Центральный Комитет подтвердил также, что Гельсингфорсская программа, принятая российскими сионистами на Третьем съезде в 1906 году, остается в силе. Ее нельзя было осуществить в годы политической реакции, однако теперь настало время провести ее в жизнь по всем пунктам в условиях свободы в обновленной России. Теперь можно открыто действовать в пользу создания для еврейского народа свободного национального центра в Палестине. В заключение воззвание призывало сионистов оказать поддержку делу становления новой России и в то же время работать во имя национального избавления еврейского народа.

Центральные сионистские учреждения уже в марте 1917 года провели собрание в Москве, где было решено восстановить главное бюро всероссийского отделения Керен Каемет ле-Израэль (в Москве). Сообщалось об этом также воззванием, начинавшимся следующими словами :

"Разразившаяся над Россией великая гроза революции, сметая по пути все гнилое и отжившее, вдохнула новую жизнь и в наши сионистские ряды.

Провозглашенные свободы - слова, собраний и союзов - мы можем и должны использовать для пропаганды и агитации наших идей среди всех слоев еврейства. {345} Избавленное от печальной необходимости вести постоянную борьбу за элементарные человеческие права, русское еврейство, мы верим, станет во главе мирового еврейства в деле достижения своего векового конечного идеала - автономной национальной жизни в Палестине.

На нас, сионистах, лежит долг и обязанность подготовить народ к его великому будущему. Двадцать лет тому назад в Базеле мы заявили еврейскому народу, что мы берем на себя эту обязанность - создание необходимых условий для возрождения еврейского народа на его исторической родине - и этот долг мы должны исполнить".

В этом воззвании отчетливо выступает осознание российскими сионистами своей миссии как главного отряда всемирного сионистского движения. Они верили, что "еврейство России возглавит борьбу нашего народа во всем мире за достижение идеала". Для такой веры, в самом деле, были основания, и в дни "политической весны" обновленной России, в разгар всенародного ликования, охватившего и сионистов, мало кто был способен предугадать, что не за горами большевистский переворот, который выбьет почву из-под ног еврейства России и беспощадно перерубит всякую его связь с еврейством во всем мире и строительством национального очага в Эрец-Израэль.

Центральное бюро Национального фонда в России, во главе которого стал И. Членов, выпустило тогда и второе пылкое воззвание:

"С чувством необычайной радости мы обращаемся к вам, товарищи и братья, на сей раз. На наших глазах совершилось величайшее событие в истории русского еврейства и поистине счастливо то поколение, которому суждено быть свидетелем этого исторического момента. Мы имеем в виду акт Временного Правительства от 21-го марта, отменивший все вероисповедные и национальные ограничения и сразу снявший с русского еврейства весь ужас и гнет бесправия, тяготевшего над нами в течение веков.

{346} Нам еще трудно обнять все значение этого события во всей его полноте. Бесправие так опутало всю нашу жизнь, так проникло во все поры нашего повседневного обихода, что мы сразу не можем охватить всей совокупности завоеванных благ гражданской свободы. Но в сердце каждого еврея живо это сознание полученной свободы и без сомнения ощущается потребность выразить это чувство в каком-либо достойном акте от имени всего русского еврейства.

Мы, сионисты, убеждены, что всякое проявление воли всего народа получает наибольшую ценность и исторический смысл, когда оно связано с вечным и неизменным идеалом - с Палестиной; мы призываем русское еврейство запечатлеть акт 21-го марта - 11 нисана - всенародной записью в Золотую книгу Национального Фонда даты этого декрета и имен членов Временного Правительства, подписавших его.

Перелистывая страницы Золотой книги Национального Фонда, мы находим там отзвуки всяких событий - горестных и радостных - происходящих в частной, а часто и в общественной, жизни каждого еврея. Эта книга стала как бы анналом радости и печали в жизни наших братьев. Тем более эта книга имеет право сделаться "Пинкосом" всего еврейского народа, где такое величайшее событие, как декрет 21-го марта, должен быть волею всего народа достойным образом отмечен.

Будущий историк, перелистывая страницы этой книги, с любовью остановит свое внимание на этой странице, которая явно связывает сынов рассеяния в момент их столь ценного достижения с вечной отчизной народа - с Палестиной".

Подъемом и радостью освобождения от тирании самодержавия, твердой верой в лучезарное будущее, еврейства России и всего еврейского народа дышат эти воззвания центральных сионистских органов, достоверно

отражающие настроения еврейских масс России. Ведь в годы реакции сионистское движение, из-за преследований со стороны режима, было вынуждено уйти {347} в подполье, а многие его деятели и активисты прошли через ссылку или тюрьму.

Это вело к тому, что число "шекеледателей" убавлялось из года в год. Так, например, накануне мировой войны во всей России насчитывалось не более 26 тысяч "шекеледателей", а в 1915 году их число еще сократилось - до 18 тысяч человек. Теперь же, с началом революции, арестованные и сосланные деятели движения были освобождены и с удвоенной энергией взялись за работу в условиях свободы в новой России.

Толпы стекались на сионистские собрания, проводившиеся теперь свободно и открыто после долгих лет парализованной общественной жизни и принудительной немоты. На первом публичном сионистском собрании, состоявшемся в Москве 20 марта 1917 года, присутствовало 7 тысяч человек, и более тысячи тут же на месте записались в члены Сионистской организации. А на учредительное собрание восстановленного московского отделения пришло более 1700 человек.

Не только в больших городах, но и во многих провинциальных, и даже в местах заброшенных и удаленных от национальной еврейской жизни стихийно возникали сионистские союзы и кружки.

Люди шли в сионистские партии разных направлений, и особенно сильный подъем переживала еврейская молодежь. Спонтанный и стремительный рост сионистского движения породил многочисленные вопросы как идейно-программного характера, так и чисто практические - в отношении различных сфер работы сионистского движения как общественно-политической силы в русском еврействе и как ведущего отряда во Всемирной сионистской организации. Центр российских сионистов в Петрограде был поставлен, таким образом, перед необходимостью срочно созвать всероссийский сионистский съезд.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАИЛ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава девятнадцатая - ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ

{348} 3. Седьмой съезд сионистов России

Последний предвоенный Шестой съезд российских сионистов состоялся в Вене в 1913 году во время Одиннадцатого сионистского конгресса.

Теперь Центр созвал Седьмой съезд, который проходил в Петрограде 24-30 мая 1917 года. Состав Центрального Комитета, избранный на предыдущем съезде, не был в свое время оглашен и все годы сохранялся в тайне из-за нелегальных условий работы при старом режиме.

Имена членов ЦК стали известны лишь на Седьмом съезде. Вот они: Авраам (Бен-Давид) Идельсон, Михаил Алейников, Александр Гольдштейн, Ицхак Гринбаум, Ицхак Найдич, Даниэль Пасманик, Исраэль Розов и Лев Яффе. Затем, еще до революции, в Центр были введены Шимшон Розенбаум, Иехуда Лейб Нисан Виленский, Яаков Клебанов. В начале революции к деятельности Центра (в Петрограде) подключились М. Марголин, Александр Рапопорт, Иехошуа Бухмиль, Иехуда Ионович.

На Седьмой съезд собрались 552 делегата, которые представляли 140 тысяч "шекеледателей" из 680 населенных пунктов по всей территории России (кроме районов, оккупированных тогда немецкими и австрийскими войсками). Прибыло также 1500 гостей. Работу съезда освещали около 90 представителей еврейской и нееврейской печати. От имени Центрального Комитета на открытии съезда с короткой речью на иврите выступил Авраам Идельсон,

редактор главного сионистского журнала "Еврейская жизнь" (Прежний "Рассвет", который в июне 1915 года был закрыт властями и далее издавался под названием "Еврейская жизнь". После Седьмого съезда он снова начал выходить под своим старым названием ("Рассвет") и был вновь закрыт в 1918 году по приказу советских властей. На сей раз - бесповоротно и окончательно.).

{349} Идельсон сказал:

"Впервые мы собрались в условиях свободы. Старый режим угнетал все нации, но нас особенно; теперь мы можем открыто выступить перед миром и свободно заявить о чаяниях и надеждах еврейского народа. Сломана плеть, в злобе и гневe беспощадно стегавшая народы, нас же - более других.

Однако народ восстал и сказал: "Да будет свет!" - и исполнилось. Мы прозрели. Мы взяли не только за наши будничные дела. Мы ощутили и осознали себя звеном той длинной цепи, что протянулась к нам от наших отцов.

Мы поставили себе задачу, которую предстоит решить: возвращение еврейского народа на его желанную историческую родину - Эрец-Исраэль. Сброшены тяжкие оковы. Кончилось время разрушения и настал час строительства, созидания. После бесчисленных страданий и мук мы получили возможность работать открыто и независимо. Забыты все обиды. Прошлое предано забвению. Долго молчали евреи. Но теперь они поднялись, все, как один, и тому доказательство - этот съезд".

По предложению Идельсона, внесенному от имени Центрального Комитета, председателями съезда были избраны два лидера движения: Менахем Усышкин и Иехиэль Членов. Кроме них, в президиум избрали Моше Брука, Якова Бернштейна-Когана, Владимира Темкина, а также членов Большого сионистского исполкома: Авраама Идельсона, Ицхака Найдича, Авраама Подляшевского и Исраэля Розова. В секретариат вошли: д-р Шмуэль Айзенштадт, д-р Моше Гликсон, Иехошуа Хейфец, Михаил Лимановский, Моше Клейнман и Иосиф Шехтман.

Съезд получил многочисленные восторженные приветствия от еврейских масс со всех концов России, от еврейских солдат на фронтах, от различных еврейских общественных учреждений. Приветственные послания поступили от министра иностранных дел Временного Правительства М. Терещенко, от председателя Совета рабочих и солдатских депутатов Н. Чхеидзе и др. С приветственным словом на съезде выступили: депутат Государственной Думы Нафтали Фридман, представители Петроградского {350} городского совета и еврейской общины, Семен Дубнов (Семен Дубнов (1860-1942) - известный

еврейский историк, основоположник идеи еврейского автономизма, национального существования евреев в качестве особой национальной единицы в границах многонациональных государств. Дубнов утверждал, что принадлежность к нации - первичный фактор в развитии общества, а лояльность по отношению к государству - вторичный. Поэтому государство не вправе лишать какую бы то ни было этническую группу ее национальных прав. (Взято из кн. "История еврейского народа" под ред. проф. Эттингера. Тель-Авив, 1972 г.). - Прим. ред.) (от имени еврейского историко-этнографического общества) и др. Восторженно встретили присутствующие приветствие поэта Шаула Черниховского от имени ежемесячного журнала "Хашилоах".

Министр иностранных дел в своем послании, наряду с приветствием, сообщал съезду, что в его министерство поступают известия о жестоком обращении турок с еврейским населением в Палестине и что это побудило его обратиться к странам-союзницам, дабы совместными действиями через нейтральные государства попытаться положить конец этим актам насилия, унижающим человеческое достоинство.

С. Дубнов говорил о необходимости синтеза сионизма и существования евреев в диаспоре. Себя он определил как "близкого сионистскому движению соседа, а соседям свойственно часто иметь между собой пограничные конфликты".

О своих впечатлениях о съезде рассказывает профессор Бен-Цион Динура (Динабург), присутствовавший в качестве гостя и представителя печатного органа Общества просвещения евреев. В своей книге "В дни войны и революции" он отмечает, что съезд явился мощной демонстрацией сионистского "прилива", размеры которого превзошли все ожидания. Наиболее сильное впечатление оставила молодежь, присутствовавшая на съезде в большом количестве. Он понял, что выросло новое сионистское поколение, часть которого с детства {351} воспиталась на сионизме, а часть загорелась сионистским пылом во время мировой войны.

На фоне разрастающейся революции, клокочущей, бурлящей и увлекающей своими многочисленными по токами молодое поколение, присутствие молодежи на сионистском съезде было особенно впечатляющим. Молодежь была из всех социальных слоев и кругов. Профессор Динура увидел в этом явлении яркое свидетельство органичности сионистского движения в современной еврейской жизни.

Второе чрезвычайно сильное впечатление произвел на Динура иврит, очень распространенный среди участников съезда. "То и дело вы слышите иврит, на иврите разговаривают в кулуарах, и эта речь кажется совершенно

естественной, словно иначе и не может быть". В этой связи между сионизмом и языком иврит Бен-Цион Динур также видел яркий признак органичности движения.

С программными речами на съезде выступили Членов и Усышкин. Членов начал с горячего приветия "впервые собравшимся в свободной России, для того чтобы возвестить миру чаяния народа, жаждущего свободы и возрождения".

Он упомянул об освободительной борьбе в России, которая продолжалась около ста лет, начиная с декабристов, и о тех, кто пал в этой, борьбе, не дожив до осуществления своей цели. В святой крови, пролитой в этой затяжной борьбе за свободу, есть значительная доля крови еврейского народа, и об этом оратор заявил с гордостью с трибуны съезда. По его предложению съезд почтил минутой молчания память жертв революции.

Говоря об опубликовании "Закона о равноправии", Членов приветствовал Временное Правительство и Совет рабочих депутатов, которые выступили совместно, дабы смыть с России позорное пятно, "которое веками на ней тяготело, - позор еврейского бесправия". Он расценил этот политико-юридический акт как "разрушение огромного гетто". Демократическое правительство может рассчитывать на еврейское население, которое приложит все силы для процветания новой России.

{352} "Да, огромная, неизмеримая тяжесть свалилась 21-го марта с плеч российского еврейства. Развязались руки, столь долго скованные, открылись простор и кругозор, к которым наш глаз и мысль еще не привыкли. И именно теперь мы, русская ветвь единого народа, сможем со всем запасом скопленных сил и энергии, приступить к национальному строительству, к работе над теми великими национальными и общественными задачами, которые стоят перед нами. А задач много, и крупных.

Про нас, сионистов, часто утверждают - одни искренно, другие злонамеренно, - что мы отрицаем галут, что для нас вопросы диаспоры безразличны. Мало того, есть такие, которые заявляют, что для нас - чем хуже, тем лучше. Сионизм, говорят они, есть реакция на бесправие. Исчезнет последнее, и не будет почвы для первого.

Нет ничего ошибочнее такого утверждения. В сущности, достаточно прочесть, без предвзятых мыслей, Базельскую программу, чтобы выяснить истинное положение вещей. Организация и объединение сил еврейства в отдельных странах; подъем национального самосознания, - разве это не то же, к чему стремятся общественно-активные элементы не сионистские? Правда, у них

этим задачами исчерпывается почти все содержание национальной работы; у нас они только этап на пути к дальнейшему, конечному идеалу - возрождению народа на его старой родине. Но ведь сущности творимой в диаспоре работы и ее важности это не меняет. - Еще яснее и полнее сказало наше отношение к работе в галуте в решениях Гельсингфорсского съезда, того съезда, которого до конца своих дней не мог простить нам прежний режим. Наконец, годы войны и немногие месяцы русской свободы проявили это перед всяким, кто искренно ошибался...

Сионизм есть решение вопроса еврейского народа. Никто из нас не думает, чтобы весь еврейский народ сконцентрировался вновь в Палестине, по крайней мере в обозримом будущем. Этого совершенно не нужно {353} для решения проблемы. Что необходимо и к чему мы стремимся, это создать национально-территориальный центр для рассеянных по миру частей народа, национальную метрополию для наших национальных колоний.

Этот центр заложен и будет впредь строиться и пополняться силами и средствами периферии. Периферия поэтому для нас очень важна. С другой стороны, осколки нации, разбросанные среди других народов, лишь тогда смогут вести здоровую жизнь, когда будут получать соки и стимулы из метрополии. Только так, в непрерывном общении центра и периферии, в органической их связи, рисуем мы себе оздоровление еврейского народного организма, решение всей проблемы еврейского народа. Гармонически, воедино сливаются для нас работа в Палестине и работа в диаспоре, одна другую пополняя, одна из другой вытекающая.

И эта связь делается все более понятной нашим массам, в том числе и тем кругам, которые себя не причисляют к сионистским рядам.

Мы стоим накануне Учредительного Собрания. Оно призвано заложить краеугольные основы новой жизни Свободной России и ее народов. Из 3-х основ, на которых держался прежний строй - народность, православие и самодержавие, - одна низвергнута навеки и заменена народовластием; вера в свободной стране является делом совести свободного гражданина, а на месте стремления к ассимилированию и подавлению одной народностью других - ныне предстоит свободное сожительство семьи самоопределяющихся наций, рядом трудящихся и совместно служащих интересам и величию родной страны.

Бесконечно сложны и велики задачи, предстоящие Учредительному Собранию; в частности, одной из самых сложных задач представляется нам удачное разрешение национальной проблемы, при стремлении к гармоническому

сочетанию интересов неделимого Государства и стремлений отдельных наций к свободному самоопределению и автономной жизни. В создании здоровых демократических основ жизни всей страны, в частности, в правильном решении {354} национальной проблемы - русское еврейство кровно заинтересовано.

В эту государственную работу силы еврейства внесут свою, - позволяем себе думать, - ценную лепту. Но что мы должны сделать в первую очередь, ибо только мы одни можем это сделать, это выработать основы, на которых может и должно покоиться национальное строительство и национальное представительство свободного еврейства в России. Это должно послужить предметом серьезных и сложных работ нашего Учредительного Собрания - Чрезвычайного Еврейского съезда, который должен быть созван в близком будущем".

Тем самым Членов заявил о стремлении и намерении провести всероссийский съезд евреев для определения направлений национальной деятельности и создания учреждений по строительству национальной жизни.

Вторую программную речь произнес Усышкин, включив в нее тему Эрец-Исраэль. Он не касался положения еврейского ишува в Стране во время войны, так как считал, что доходившая оттуда информация недостаточна. Вместе с тем он выразил надежду, что Палестина - Святая земля для многих народов - не пострадает в результате военных действий и, благодаря этому, не слишком пострадает и еврейский ишув, несмотря на все, что ему приходится сейчас переживать.

"В мировой войне переплелись многочисленные политические вопросы и противоречивые интересы великих держав, а внутри всего этого и вопрос Палестины, ждущий своего решения в общей группе ближневосточных проблем. Поэтому настало время во всеуслышание заявить, что Палестина, с которой связаны наша жизнь и надежды, должна быть передана еврейскому народу, и он завоюет ее, трудясь в поте лица своего".

После докладов Членова и Усышкина открылись прения по затронутым ими вопросам.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

---

mail.ru	1347
3685325	124

HotLog	
1048159	+143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава девятнадцатая - ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ

{355} 4. Прения на Седьмом съезде

Прения были оживленными, подчас бурными. Кроме сионистов традиционного толка, составлявших подавляющее большинство делегатов, в съезде участвовали различные фракции и течения: религиозно-сионистская федерация Мизрахи, организация студентов Хехавер, фракция Цеирей Цион, радикал-социалистическая группа Поалей Цион, группа "активистов-легионистов", группа "Эт ливнот" ("Время строить") (Об организации Хехавер речь шла уже выше; о конференции Цеирей Цион. а также о характере радикал-социалистической группы Поалей Цион будет рассказано далее. "Активисты-легионисты" были маленькой, однако весьма активной группой, открыто ориентировавшейся на Англию. Они поддерживали Жаботинского в вопросе о формировании еврейского легиона, который будет сражаться в рядах английских войск за освобождение Палестины от турецкого господства. Группу возглавляли Меир Гроссман, Иосиф Фишер, Иосиф Шехтман. "Эт ливнот" - правая группа, отколовшаяся от Цеирей Цион.).

Наиболее крупной была фракция Цеирей Цион, неоднородная в идеологическом плане, но зато хорошо организованная, и ее представители составляли 30% всех делегатов. В день открытия Седьмого съезда (24 мая) закончила свою работу Вторая конференция Цеирей Цион, проходившая также в Петрограде. Молодежь прямо с этой конференции коллективно и со своими знаменами прибыла в зал Седьмого съезда российских сионистов.

В общих прениях по докладам Членова и Усышкина представители Цеирей Цион Элияху Мунчик (Маргалит) и Исраэль Идельсон (Бар-Иехуда) потребовали строго соблюдать принцип еврейского труда в Эрец-Исраэль и признать его первостепенную роль в деле строительства Страны. Они также говорили о важности еврейских капиталовложений в Страну, в первую очередь - в Керен Каемет ле-Исраэль. Они особенно {356} подчеркнули место сельских поселений в практической работе в Эрец-Исраэль.

Представители "активистов-легионистов" требовали от Всемирной сионистской организации отказа от позиции нейтралитета, поддержки инициативы Жаботинского по вопросу создания еврейского легиона и открытого выступления против Турции на стороне Антанты.

Отвечая выступавшим, Членов пояснил, что еще в начале войны сионистское Правление поставило себе следующие цели:

- 1) сохранение еврейского ишува в Эрец-Исраэль;
- 2) сохранение Сионистской организации;
- 3) подготовка к мирной конференции. Он отверг заявления, что не стоит принимать в расчет гибельные последствия для ишува в случае выступления сионистского движения на стороне стран Антанты, а следует руководствоваться лишь политическими соображениями относительно будущего Эрец-Исраэль.

Сионистское руководство, сказал Членов, того мнения, что нейтральная линия может обеспечить единство сионистского движения и во время войны. С другой стороны, нейтралитет не мешает готовиться к решающему моменту, который наступит после войны. Проводится интенсивная политическая работа во всех мало-мальски важных для нас странах, и эта деятельность уже дала серьезные результаты. Выбирая пути, мы должны вести себя с чрезвычайной осмотрительностью, ибо только в этом случае есть надежда достичь спасительного берега и предмета всех наших чаяний - Эрец-Исраэль.

На съезде были прочитаны следующие два доклада: Ицхака Гринбаума - "Наши национально-политические требования": д-ра Юлиуса Бруцкуса - "Наша тактика". Оба докладчика, основываясь на пунктах Гельсингфорсской программы 1906 года, разработали свои темы в свете новых условий в свободной России. По вопросу культуры выступали: Алтер Друянов - о месте языка иврит в нашей жизни: Хиллель Златопольский - о работе комиссии по культуре: Лев Яффе - о еврейской школе. Кроме того, съезд заслушал {357}

доклад Иехошуа Бухмиля о значении Национального фонда в строительстве Страны и доклад Элиэзера Чериковера о работе главного бюро Керен Каемет ле-Израэль в России.

Относительно созыва всероссийского еврейского съезда говорил Гринбаум. Идея эта обсуждалась уже на Гельсингфорсском съезде одиннадцать лет тому назад, но до Февральской революции не было практической возможности ее осуществить. Теперь же, после победы революции, идею съезда поддерживают и все остальные еврейские партии и фракции.

Состоялось межпартийное совещание, где антисионисты всех мастей воспротивились включению в программу съезда пункта о Палестине. Представители сионистов разъяснили, что они рассматривают съезд как учредительное собрание евреев России, на котором будет обсуждаться весь комплекс национальных интересов еврейства, иначе говоря - требования гражданских и национальных прав в России, а также мнение русского еврейства по поводу будущего статуса Палестины, т. к. ее судьбе предстоит решиться на послевоенной мирной конференции. Сионисты заявили, что будут участвовать в съезде только при условии, что вопрос Эрец-Израэль будет стоять на повестке дня.

Говоря о национальных правах русских евреев, Гринбаум подчеркнул, что евреи, как экстерриториальный народ в государстве могут претендовать не на автономию, а только на самоуправление в области своей специфической жизни. В качестве первичной ячейки для организации национальной жизни послужит еврейская община, избираемая на основе демократического избирательного закона. Местные ячейки (общины) войдут в централизованную систему всероссийского союза общин.

Здесь встал вопрос о взаимоотношениях общинной и религиозной жизни, что вызвало бурный спор. Гринбаум предложил изъять религиозные дела из компетенции общинных комитетов как общих национальных органов, и передать их в руки тех, кто заинтересован {358}

в них, то есть в руки самих верующих и их представителей. Это предложение вызвало сильную оппозицию. Особенно непримиримо выступали против него Усышкин и Златопольский, усмотревшие в предложении Гринбаума не компромисс, а опасное покушение на целостность еврейской жизни.

Дискуссия по этому вопросу приняла чрезвычайно резкие формы, и когда съезд большинством голосов отверг предложение Гринбаума и постановил включить в компетенцию общинных комитетов также и удовлетворение

религиозных нужд, Гринбаум и его сторонники покинули зал заседаний в знак протеста. Опасаясь их ухода со съезда, Членов пришел на их собрание, чтобы убедить их остаться.

Однако разногласия не дошли до раскола. Гринбаум со сторонниками вернулись в зал, заявив, что продолжат внутри движения борьбу за свои принципы и не примут участия в работе руководящих органов сионистского движения в России.

Раздел докладов завершился речью Александра Гольдштейна о проведении референдума по вопросу об Эрец-Исраэль как о национальном очаге еврейского народа. Цель референдума - доказать, что большинство русских евреев поддерживает требования сионистов.

Оратор напомнил, что на нелегальном съезде в Москве в 1915 году Пасманик выступил с подобным же предложением относительно референдума. Тогда, однако, нельзя было его провести, ибо сионистское движение работало в нелегальных условиях и в России в то время в общей сложности насчитывалось не более 18 тысяч "шекеледателей". Зато "теперь можно свободно провести всенародный опрос, причем Сионистская организация России опирается сейчас на целую армию - 140 тысяч человек. При таких обстоятельствах нам нечего опасаться технических затруднений, связанных с проведением референдума".

Гольдштейн был настроен в высшей степени оптимистично и заявил о своей уверенности, что в пользу Эрец-Исраэль проголосуют 99% еврейства России. Из России {359} же идея референдума распространится на остальные общины евреев в диаспоре - в Америке, Англии, Румынии, Галиции.

Предложение провести референдум было встречено с энтузиазмом и единогласно принято. Комиссия специалистов, составленная тотчас после съезда, приступила к разработке технической стороны этого мероприятия. Референдум не состоялся из-за большевистского переворота в октябре 1917 года.

Исполненный веры в лучшее будущее еврейства России и всего еврейского народа, великой веры в получение Эрец-Исраэль для еврейского народа после войны, Седьмой съезд сионистов России приступил к голосованию по итогам и резолюциям и к выборам в руководящие органы.

Закрывая съезд, д-р Членов отметил, что к Сионистской организации присоединяются молодые силы и организуются группы Хехалуца для алии в

Эрец-Исраэль. Он высоко оценил решения съезда и особо подчеркнул значение резолюций по поводу требований, выдвигаемых сионизмом к практической работе в Эрец-Исраэль сразу же по окончании войны. В заключение оратор выразил надежду, что приближающийся сионистский конгресс разрешит многие проблемы, исполнятся надежды и развеются опасения.

Ицхак Гринбаум, принимавший в съезде самое активное участие, свидетельствует: "Седьмой съезд сионистов России завершился в обстановке высокого подъема духа.

Никто в тот момент не подозревал, что он окажется последним съездом российских сионистов, а его резолюции не осуществляются и останутся как бы памятником русскому сионизму в дни самых радужных его надежд. Никто также не предполагал, что для д-ра Членова это была последняя встреча с представителями Сионистской организации, которой он посвятил свою жизнь и свой талант.

Через некоторое время после съезда Членов покинул Россию и переехал в Лондон; он дожил до Бальфуровской декларации и {360} скончался, веря, что его мечта претворяется в жизнь".

В конце своего эссе о Членове ("Книга памяти Членова", стр. 46-47) профессор Бен-Цион Динур уделяет несколько строк съезду: "Седьмой съезд сионистов России ... был не только внушительной демонстрацией сионистского движения и его огромного влияния на сионистски настроенную общественность. Он свидетельствовал также о политической и общественной зрелости, как в проведении прений, так и в резолюциях. И хотя это относилось ко всем участникам, нет сомнений, что успех съезда в большой степени явился заслугой его председателя Членова. Своей вступительной речью он ввел работу съезда в определенное русло и, председательствуя, заботился, чтобы она не вышла из желаемых границ".

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава девятнадцатая - ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ

5. Вторая конференция Цеирей Цион

Как упоминалось, делегаты фракции Цеирей Цион пришли на открытие Седьмого сионистского съезда прямо со своей Второй конференции, только что закончившейся в Петрограде. Первая конференция Цеирей Цион была проведена во время Одиннадцатого сионистского конгресса в Вене в августе 1913 года.

После Февральской революции движение Цеирей Цион быстро приобрело массовый характер. Однако оно не было монолитным в идеологическом отношении, совмещая в себе очень разные течения. Нужна была всероссийская конференция движения для выработки единой программы.

Несмотря на тяжелую болезнь. Членов уехал из России по зову Вейцмана, чтобы вместе с Вейцманом, Соколовым и Ахад-Гаамом бороться за дело политического признания еврейской Палестины. Членов умер в начале 1918 года в Лондоне, где и похоронен.

{361} Время проведения конференции выбрали с таким расчетом (18-24 мая 1917 г.), чтобы она смогла закончить свою работу как раз перед укрытием Седьмого всероссийского сионистского съезда (24-30 мая).

Короткой речью на иврите конференцию открыл делегат из Эрец-Исраэль Элияху Мунчик. Он приветствовал установление демократического строя в

России, почтил память жертв погромов и тех участников движения, которым не суждено было дожить до этих дней свободы, а также "наших братьев и сестер, павших на полях Иудеи и Галилеи в борьбе за возрождение народа в Эрец-Исраэль".

Различные в идеологическом плане течения в Цеирей Цион сводились на Второй конференции к трем основным группам:

1. "Социалисты". Рассматривали осуществление социализма как последнюю стадию освобождения еврейских трудящихся. Вместе с тем, представители этого течения отмежевались от марксистско-материалистического социализма, который считал носителем идеи социализма исключительно промышленный пролетариат.

Еврейские социалисты противились механическому подражанию другим народам на их политическом пути, считая, что социализм промышленных стран неприменим в условиях еврейской жизни. Носителями социализма среди еврейского народа они считали все слои трудящихся, а не только промышленный пролетариат, удельный вес которого в еврейской жизни был крайне мал. Общественно-политическая программа сторонников социалистического движения заключалась в сплочении трудящихся всех слоев, защите их профессиональных интересов, соединении работы в Стране с деятельностью по удовлетворению нужд евреев в диаспоре, а также в участии во Всемирной сионистской организации, структура которой должна быть федеративной, в соответствии со слагающими ее различными течениями. {362}

2. "Трудовики" (более "правые"). В то время как первое течение испытывало влияние русских народных социалистов, второе выбрало себе название, одноименное соответствующей русской партии, под идейным влиянием которой оно находилось. Оба русских течения по своей идеологии (но не на практике) были близки к эсерам и также отмежевывались от ортодоксального марксизма. Трудовики Цеирей Цион, по своим взглядам очень близкие к социалистическому течению, предпочитали не пользоваться термином "социализм", чтобы избежать недоразумений в отношении своей идейной позиции, хотя и вели работу среди трудящихся.

3. "Демократы". Сопротивлялись увязыванию идеи социализма (открытому или замаскированному) с программой движения, так как это, полагали они, может отвлечь массы от претворения в жизнь целей сионизма. Главной задачей движения они считали демократизацию Сионистской организации и ее органов и привлечение всего народа к осуществлению сионистских идеалов. В отличие от двух первых течений - социалистов и трудовиков - демократы не

принимали федеративного принципа построения Сионистской организации.

На основе докладов и выступлений в прениях конференция приняла следующие резолюции :

По вопросу о программе

В соответствии с Базельской программой, народная фракция Цеирей Цион рассматривает сионизм как общенациональное и надклассовое движение. Фракция считает, что возрождение еврейского народа в Эрец-Исраэль, которое является конечной целью сионистского движения, - прежде всего в интересах еврейских трудящихся масс; поэтому в своей практической и политической работе фракция руководствуется национально-историческими требованиями и повседневными интересами этих масс.

{363} Исходя из признания того, что национальное, политическое и экономическое освобождение народа, а также приобщение еврейского народа к общечеловеческому прогрессу невозможно вне условий нормальной национальной жизни, фракция Цеирей Цион стремится к строительству в Эрец-Исраэль автономного политического центра на здоровых социальных основах и к организации вокруг этого центра большого числа национально-политических автономий евреев диаспоры.

Как видим, эта формула была компромиссом между всеми тремя течениями. В основу резолюции лег проект, предложенный трудовиками. Обосновал и защищал его по поручению комиссии по выработке решений И.Марминский (Маром). Элиэзер Каплан (Будущий первый министр финансов Государства Израиль.) от имени социалистического течения и Исраэль Ритов от демократов поддержали проект и призвали делегатов проголосовать за него. Резолюция прошла подавляющим большинством голосов: 100 - за, 18 - против, 15 воздержались.

По вопросу о национальной культуре

При обсуждении доклада Хаима Гринберга единогласно постановили :

Исходя из того, что только иврит является национальным языком, объединяющим в диаспоре еврейство; что народным языком в Эрец-Исраэль может и должен быть лишь иврит; но, с другой стороны, учитывая, что подавляющее большинство народных масс в странах Восточной Европы и Северной Америки пользуются для повседневных нужд языком идиш, который также способствует подъему культурного уровня еврейского народа; что идиш,

хотя и лишен признаков национального языка и не может служить инструментом строительства национальной культуры, тем не, {364} менее цементирует определенные части народа и помогает росту его самосознания, сплочению народных сил и распространению просвещения, - конференция постановляет:

- 1) в национальных учебных заведениях преподавание должно вестись на иврите, что должно заложить основы образования и культуры на языке иврит;
- 2) должное место должно быть уделено и языку идиш.

В своей культурной работе фракция Цеирей Цион будет стремиться: а) к подъему в народе его национального сознания и культурного уровня; б) к созданию условий для развития общенациональной культуры и взаимодействия между будущим еврейским центром в Эрец-Исраэль и диаспорой.

По вопросу о практической работе в Стране

Основываясь на докладе Э. Мунчика, конференция постановила:

1. Основным содержанием работы в Стране является создание в Палестине еврейского большинства, базирующегося на сельском хозяйстве и еврейском труде.

2. Поскольку с окончанием мировой войны перед еврейским трудом и еврейским капиталом откроются широкие перспективы и встанут новые задачи, конференция постановляет:

а) обязать всех членов Цеирей Цион усилить работу в пользу финансовых сионистских органов, особенно Национального фонда; вместе с тем конференция рекомендует выступить за идею обложения еврейского населения прогрессивным национальным подоходным налогом в пользу Керен Каемет ле-Исраэль;

б) поддерживать связь с профсоюзами еврейских рабочих в Эрец-Исраэль и, совместно с Хапоэль хацаир, содействовать воспитанию трудящихся еврейских масс и укреплению их позиций в Стране, а также способствовать созданию учреждений, необходимых для существования и развития еврейского рабочего класса; {365}

в) поддерживать связь с еврейскими общинами и еврейскими

эмиграционными учреждениями для направления алии в Эрец-Исраэль;

г) воспитывать еврейскую молодежь на халуцианских идеях и организовать молодежные группы для создания в Эрец-Исраэль национальной базы в сфере физического труда и духовного творчества;

д) готовить к алии людей, чьи профессии требуются для строительства Страны, и содействовать алии морально и материально;

е) создать постоянную комиссию по делам Хехалуца (О движении Хехалуц см. гл. 19, разд. 4 наст. работы.) и для ведения работы в Стране. Резолюция была принята на пленарном заседании единогласно.

Организационный вопрос

По докладу И. Марминского приняли следующую резолюцию:

Вторая конференция Цеирей Цион решает основать в рамках Сионистской организации автономную фракцию под названием "Народная фракция Цеирей Цион в Сионистской организации России". Конференция уполномочивает Центральный Комитет фракции вступить в переговоры с Центральным Комитетом Сионистской организации в России на предмет установления связи между фракцией и организацией. Лозунг фракции - земля и труд. Такое же название присваивается центральному печатному органу фракции на идиш: "Эрд ун Арбейт". (земля и труд , ldn-knigi)

Так же единогласно были приняты резолюции, вытекающие из Гельсингфорсской программы и базирующиеся на ней, например: по экономической политике демократической России, по социальному законодательству, в области еврейской национальной политики {366} (национально-персональная автономия) и др. Подчеркивалось, что в основном фракция Цеирей Цион в области социального законодательства и экономической политики солидаризуется с программой-минимум русских народных социалистов и с трудовиками.

После конференции фракция Цеирей Цион приступила к усиленной работе и вскоре число ее членов достигло 50 тысяч - цифра по масштабам и условиям того времени необыкновенная.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

---

mail.ru	1347
3685325	124

Hotlog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава девятнадцатая - ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ

6. Радикал-социалистическая партия Поалей Цион

Социал-демократическая партия Поалей Цион, основанная в 1906 году на съезде в Полтаве, идеологически выглядела довольно пестро. Хотя она входила во Всемирный союз Поалей Цион (создан в 1907 г. в Гааге), она заняла особую позицию по отношению к сионистскому конгрессу. В то время как одноименные партии в других странах, входившие во Всемирный союз, принимали участие в конгрессе, российские Поалей Цион постановили на своем совещании в Вене в 1909 году порвать с конгрессом и прекратить связи со Всемирной сионистской организацией.

Обосновывалось это тем, что социалисты не могут находиться в одной организации с представителями буржуазии.

Этот догматический подход не разделяла партия Поалей Цион в Эрец-Исраэль, большинство членов которой были выходцами из России, а также Поалей Цион в Австрии, Англии и Америке, продолжавшие принимать участие в конгрессах.

Да и в самой российской партии сохранилось меньшинство, настаивавшее на сотрудничестве с конгрессом, а также на иврите как национальном языке еврейского народа, в то время как большинство в партии противилось этому и отдавало предпочтение идиш.

После Февральской революции внутри партии свободно развернулась

дискуссия, и очень скоро выяснилось, что расхождения между большинством и {367} меньшинством настолько глубоки, что их невозможно устранить или сгладить. А поскольку в апреле 1917 года совещание Поалей Цион заново подтвердило враждебную позицию партии по отношению к сионистскому конгрессу, члены меньшинства решили из партии выйти и сформировались в самостоятельную партию под названием "Радикал-социалистическая партия Поалей Цион".

Ввиду того что наиболее крупное отделение новой партии находилось в Одессе, этот город стал резиденцией ее Центрального Комитета. В официальной декларации о своем выходе из рядов социал-демократической партии Поалей Цион члены меньшинства заявляли:

"Принимая целиком установку по вопросу возрождения еврейского народа, мы стремимся к созданию в Эрец-Исраэль еврейского государства в духе социалистических идеалов и признания единства нации, уникальности Страны и единого национального языка. В качестве языка еврейского народа, в том числе и сознательного пролетариата, мы признаем язык нашей многотысячелетней культуры. По нашему мнению, язык этот является единственным инструментом развития еврейской мысли, национального воспитания еврейских масс и строительства еврейского просвещения".

Декларация далее констатирует, что идиш является одним из местных языков, к которым еврейский народ прибегал в разные эпохи и в разных местах своего рассеяния, и в этом смысле языку идиш также причитается достойное место.

Не отступая от принципа международной солидарности в классовой борьбе еврейского пролетариата, радикал-социалисты Поалей Цион считают правильным в сфере национальной работы координировать свои усилия со Всемирной сионистской организацией.

В первое время после своего основания новая партия насчитывала незначительное число участников, однако вскоре она так разрослась, что сумела послать на Седьмой съезд сионистов России 25 делегатов. Заслушав их декларацию, съезд постановил принять {368} радикал-социалистическую партию Поалей Цион в ряды Сионистской организации России в качестве автономной фракции.

В мае 1920 года на харьковском съезде была основана партия сионистов-социалистов, которая отделилась от Народной фракции Цеирей Цион. Как и все остальные сионистские течения в условиях диктатуры большевиков, она ушла в подполье. Постепенно к ней примкнули и радикал-социалисты Поалей

Цион. Окончательное слияние двух партий произошло в декабре 1923 года.

Социал-демократическую партию Поалей Цион, принявшую догмы большевистской идеологии, власти терпели еще несколько лет, но в 1928 году ликвидировали и ее.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава двадцатая - ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ

1. Сионисты России в борьбе с антисиионистами

Недолго длилась пришедшая с Февральской революцией "политическая весна". Всего только восемь месяцев пользовалось население России демократическими свободами, чтобы затем оказаться в кандалах тирании еще более жестокой, чем прежняя. Сначала никто не чувствовал приближения конца демократического строя, и жизнь шла в соответствии с новыми свободными порядками, пока 25 октября (7 ноября) не грянул большевистский переворот.

За восемь месяцев между февралем и октябрём сионистское движение развило большую активность. После Седьмого съезда новый Центральный Комитет с подъемом приступил к работе в духе принятых резолюций, в уверенности, что с победой революции настал {369} звездный час не только для России, но и для русского еврейства, и началась эпоха национального возрождения всего еврейского народа.

Работа велась с энтузиазмом и огромной энергией и проходила, в основном, в сфере "гегенвартсарбейт", то есть в решении местных нужд и заселения Эрец-Исраэль.

Были созданы кооперативы желающих переселиться в Страну, акции этих кооперативов распространялись среди широких масс сочувствующих, налаживалась деловая информация общественности о положении в Палестине и

развернулась кампания в пользу Керен Каемет. Велась большая работа среди населения по подготовке к выборам в общегосударственные, городские и в национальные еврейские представительные учреждения: Всероссийское Учредительное Собрание, которое должно было принять конституцию демократической России; муниципальные органы; еврейские общины на местах и, наконец, как самое важное, - на Всероссийский еврейский съезд, о созыве которого постановил Седьмой съезд сионистов России.

Во второй половине июля 1917 года в Петрограде состоялось предварительное совещание представителей еврейских политических партий и общественных течений по вопросу созыва еврейского съезда. Кроме представителей столицы, в нем участвовали делегаты других крупных городов с еврейским населением не менее 50 тысяч человек: Одессы, Екатеринослава, Харькова, Москвы, Киева, Бердичева, Минска, Гомеля, Витебска, Бобруйска, Елизаветграда, Кременчуга. Предполагалось, что будущий съезд должен сыграть роль учредительного собрания еврейства России, так чтобы его решения легли в основу требований, которые евреи предъявят Всероссийскому Учредительному Собранию.

Временное Правительство проявило понимание национальных требований русского еврейства, как они были сформулированы сионистами. Зато многочисленные трудности обнаружились внутри самой еврейской общественности, так как антисионистские течения всех оттенков, справа и слева, старались по возможности {370} обкорнать национальные требования, выдвинутые сионистами. На предварительном совещании был поставлен на обсуждение вопрос о программе работы съезда. Основные разногласия выявились по двум центральным пунктам: национальная автономия - ее содержание и объем, и вопрос об Эрец-Исраэль.

Главным противником сионистов был социал-демократический и антисионистский Бунд, который наотрез отказывался включить в программу работы съезда вопрос о Палестине. Вдобавок, между сионистами и членами Бунда имелись серьезные расхождения во взглядах на само понятие еврейской национальности.

Программа Бунда по национальному вопросу ограничивалась требованием "национальной культурной автономии" для русских евреев, причем содержание этой формулы было крайне минималистским: оно сводилось к требованию признания идиш языком еврейской культуры и просвещения (в то время как иврит и основанная на иврите культура яростно отвергались).

Представители Бунда утверждали, что нет ни места, ни оправдания еврейской

обособленности, поскольку в демократической России будет гражданское равноправие и государственные учреждения, заботящиеся обо всех гражданах России, позаботятся и о евреях. Бунд также категорически отвергал точку зрения сионизма на единство еврейского народа во всех частях диаспоры, независимо от мест его проживания. Исходя из этого, бундовцы не принимали и предложения сионистов рассмотреть на съезде положение евреев в других странах для оказания им помощи (в Польше, фактически уже отрезанной от России, в Румынии и т. д.).

Бундовцы считали, что евреи в своей гражданской и общественной жизни принадлежат странам их проживания, и нет между ними никакой связи, поскольку не существует единого в национальном смысле еврейского народа.

Поэтому сионистская гипотеза об избавлении и возрождении еврейского народа в Эрец-Исраэль просто лишена всякой почвы и является выражением реакционных устремлений еврейской {371} буржуазии.

Судьба русских евреев связана с достижениями русской революции, а посему все силы и энергия евреев должны быть направлены на укрепление революции. Попытка отвлечь евреев от этого их долга с помощью ложных фантазий о создании еврейского государства в Палестине является контрреволюционной.

Сионисты отвечали, что их положительное отношение к русской революции и ее успехам не нуждается в доказательствах и не подлежит сомнению; они убеждены, что поражение революции приведет к крушению всех национальных надежд евреев России, поставив под угрозу также их гражданское равноправие. Однако нельзя ограничивать жизнь евреев одной только областью культуры. В еврейской национальной жизни есть много своей специфики, порождающей и специфические нужды. Эти нужды невозможно полностью удовлетворить с помощью одних только национальных еврейских учреждений автономного характера, таких, как еврейские общины. Есть еще проблемы просвещения и культуры, экономики, здравоохранения, социальной помощи, профессионального обучения, эмиграции и управления ею.

Потому-то сионисты выдвинули требование более обширной национально-персональной автономии для евреев России, в противовес национальной программе Бунда, сводившейся к требованию в пользу языка идиш. Сионистские делегаты подчеркнули также: немислимо, чтобы съезд, который соберется в военное время, игнорировал бы вопросы, поставленные войной перед всеми малыми и угнетаемыми народами.

Все они теперь выступают со своими требованиями, ориентируясь на мирную конференцию по окончании войны; не поставить на повестку дня съезда такие вопросы, как положение евреев в диаспоре и их права на Палестину, - значит расписаться в собственном ничтожестве и отсутствии чувства национального достоинства.

Сионисты не просят, чтобы совещание, подготавливающее съезд, приняло какие-либо решения по данным вопросам; требование состоит лишь в том, чтобы эти вопросы были подняты на {372} съезде, который будет созван на основе демократических выборов. Что до утверждения бундовцев, будто сионисты представляют мнение меньшинства и что еврейские массы не пойдут за сионистскими утопиями, то если так, чего же им, антисионистам, бояться?

Сионисты готовы на риск поражения, лишь бы вопрос был вынесен на съезд. Пусть Бунд явится и ведет на съезде борьбу против сионизма и его стремлений. Сионисты заинтересованы в участии Бунда в съезде.

Однако Бунд и другие антисионистские течения считали так: их согласие на то, чтобы вопрос о будущем Палестины фигурировал на съезде отдельным пунктом, будет означать заведомое признание требований сионизма. Атмосфера на совещании накалилась, однако сионисты стремились избежать разрыва и были готовы к компромиссу.

Когда же и представители Бунда убедились, что им не удастся настоять на снятии вопроса о Палестине, они объявили, что их сопротивление не носит ультимативного характера, они только не могут согласиться с выделением этого вопроса в отдельную тему. Договорились, что вопрос о Палестине будет обсуждаться вместе с вопросом о положении евреев в мире и их правах в других странах.

От имени сионистов И. Гринбаум сказал, что, будучи заинтересованными в сотрудничестве на съезде всех общественных сил русского еврейства, сионисты снимают свое требование об отдельном обсуждении пункта о Палестине, на что представитель Бунда ответил, что, хотя его партия относится отрицательно к включению вопроса о Палестине и сионизме в программу съезда, она готова, за отсутствием другого выхода, принять предлагаемый компромисс.

Свое согласие на компромисс бундовцы предварили условием: Палестина должна быть упомянута в соответствующем разделе не на первом месте, а после Польши, как бывшей русской территории... Сионисты приняли и это условие, потому что были уверены, что на съезде вопрос об Эрец-Исраэль все

равно окажется центральным, независимо от того, каким он будет стоять на повестке дня. Формулировка, {373} одобренная обеими сторонами, гласила: "Включить в повестку дня съезда вопрос об обеспечении гражданских и национальных прав евреев: а) в Польше, где недавно провозглашена независимость; б) в Палестине; в) в Румынии".

После того как договорились о программе работы съезда, был достигнут компромисс и по вопросу о составе организационного комитета, куда вошли представители всех течений и несколько беспартийных. Организационному комитету была поручена подготовка выборов делегатов съезда.

В начале сентября 1917 года комитет опубликовал Положение о выборах на Всероссийский еврейский съезд, согласно которому избирательным правом, активным и пассивным, пользовался каждый еврей - гражданин России, начиная с двадцатилетнего возраста. Выборы были назначены на начало декабря; однако тем временем произошел октябрьский переворот и положил конец недолговременному демократическому строю. Тем не менее, поскольку тоталитарный режим еще не успел достаточно укрепиться, организационному комитету удалось в конце января 1918 года провести выборы делегатов на Всероссийский еврейский съезд. За списки сионистов на этих выборах было подано около двух третей голосов, но сам съезд не состоялся, потому что большевистские власти не допустили его проведения.

Сионистские списки завоевали большинство голосов и на выборах в еврейские общины и на городских выборах. Все это, и особенно выборы на еврейский съезд, которому, по своей сути, предстояло стать первым собранием еврейских парламентариев в истории России, ярко продемонстрировало, как велика была преданность русского еврейства делу сионизма и Эрец-Исраэль.

Большого успеха сионисты добились также на выборах во Всероссийское Учредительное Собрание в конце ноября 1917 года, уже после большевистского переворота.

Большевики не препятствовали выборам по двум причинам. Во-первых, они сами все время {374} требовали созыва Учредительного Собрания, а диктаторская их власть еще не была настолько крепка, чтобы можно было себе позволить публично отказаться от требований и обещаний, с которыми они лишь недавно выступали. И во-вторых, большевики надеялись, что за них проголосует большинство. Но оказалось, что большинство голосов - около 60 % - народ отдал партии эсеров, а большевики собрали лишь 25 % голосов.

На выборах в Учредительное Собрание сионисты шли в едином - и

единственном - еврейском национальном списке вместе с беспартийными. Из него в Учредительное Собрание прошли семь депутатов, в том числе шесть сионистов: в Минской губернии - Юлиус Бруцкус, в Подольской - Александр Гольдштейн, в Херсонской - Владимир (Зеэв) Темкин, в Бессарабии - д-р Яков Бернштейн-Коган, в Могилевской губернии - раввин Яков Мазе, в Киевской - М. Н. Сыркин; седьмым, также избранным в Херсонской губернии, стал адвокат Оскар Грузенберг (один из защитников Бейлиса), вошедший в список в качестве беспартийного кандидата.

Грузенберг не был сионистом, но поддерживал национальные требования сионистов и обязался примкнуть к еврейской национальной фракции, которая будет образована в Учредительном Собрании.

Учредительное Собрание было созвано в Петрограде 5 января 1918 года, его председателем был избран Виктор Чернов, лидер партии эсеров, чья фракция набрала подавляющее большинство голосов. Чернов стал первым и последним председателем этого первого всероссийского парламента, потому что в ту же ночь, как известно, Учредительное Собрание было разогнано большевиками с помощью вооруженных отрядов.

Парламент с подавляющим перевесом инакомыслящих, хотя и социалистов, был недопустим в глазах новых правителей, чьим лозунгом была "диктатура пролетариата". Так оказались похоронены и надежды русского еврейства на создание выборных органов национального самоуправления, на широкую сионистскую {375} деятельность и активное участие в строительстве Эрец-Исраэль.

Здесь следует отметить, что в отличие от социал-демократов марксистов - как меньшевиков, так и большевиков, - эсеры проявляли, в общем, положительное отношение к еврейскому национализму.

В статье "Национальное угнетение и революционный социализм", опубликованной в центральном органе партии эсеров "Революционная Россия" (который издавался в Женеве и тайно ввозился в Россию), Виктор Чернов еще в 1903 году писал о существовании целого народа, а именно еврейского народа, лишенного собственной сплошной территории и повсюду проживающего в рассеянии, под боком у других наций, волею истории постоянно живущих на своей земле. Разумеется, это не лишает еврейский народ права на самоопределение и автономное культурное развитие, которые партия эсеров за ним признает, как за любой другой нацией (Во всех нелегальных газетах авторы не подписывались под своими статьями. Однако журнал "Социалист-революционер", редактировавшийся Виктором Черновым,

впоследствии сообщил, что автором вышеупомянутой статьи был лидер партии Виктор Чернов.).

В том же духе Виктор Чернов высказался по этому вопросу и по прошествии пятнадцати лет, в своей вступительной речи на открытии первого и последнего пленарного заседания Всероссийского Учредительного Собрания.

Провозгласив предоставление национальных прав всем населяющим Россию малым народам, Чернов сказал и о еврейском народе, назвав его "народом-пасынком", преследуемым больше всех других народов, народом, который по сей день служит козлом отпущения для всех эксплуататоров всего мира. На этот народ они пытались направить всю горечь и гнев трудящихся масс, чего бы не удалось проделать с любым другим народом, ибо у всех наций, без исключения, подавляющее большинство населения составляют трудящиеся массы. У еврейского народа, не имеющего {376} собственной территории, будет полное право в пределах Российской республики, равно со всеми другими народами, развивать свои национальные органы самоуправления и выразить там волю трудящихся.

Эта часть речи Чернова приведена и в книге его мемуаров "Еврейские деятели в партии социалистов-революционеров", изданной (на идиш) в Нью-Йорке в 1948 году.

Там он, в частности, рассказывает, что Шломо З. Ан-ский (еврейский писатель и фольклорист, активный деятель партии эсеров), избранный по эсеровскому списку, заготовил тогда специальную декларацию о правах евреев, чтобы провозгласить ее с трибуны Учредительного Собрания. Однако, услышав слова Чернова, он отказался от своего намерения, заявив, что нет надобности для еще одной декларации, ибо Черновым все уже сказано, а свой проект еврейской декларации он просто спрячет в личный архив (В описываемое время эсер Ан-ский уже давно тяготел к сионизму и, по свидетельству профессора Бен-Циона Динура, был пылким сторонником идеи Жаботинского насчет создания еврейского легиона. Ан-ский покинул большевистскую Россию и переехал в Польшу; сначала жил в Вильно, потом в Варшаве. Умер в 1920 году. Виктору Чернову пришлось скрываться от преследований ЧК. Он бежал из России в 1922 году. Умер в Америке в 1952 году.).

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава двадцатая - ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ

2. Декларация Бальфура

Российские сионисты в своем большинстве поддерживали линию нейтралитета, принятую сионистским исполкомом с началом войны. Такое отношение было продиктовано прежде всего опасениями за судьбу еврейского ишува в Палестине, отданного под бесконтрольную власть жестокого турецкого режима, а также из желания по возможности сберечь целостность и единство сионистского движения, участники которого {377} находились по разные стороны фронтов. Эта политическая линия отразилась и в речах вождей движения (Членова, Усышкина и других) на Седьмом сионистском съезде. Тем не менее они пристально следили за тем, как развиваются события в Лондоне в результате политических усилий Вейцмана и его сподвижников. Подъем сионистского движения в России как раз в момент победы революции должен был укрепить - и действительно в немалой степени укрепил - позиции Вейцмана и Соколова в их борьбе за признание английским правительством права еврейского народа на Палестину как на свой национальный очаг. Таким образом, есть серьезные основания считать, что то важное и решающее место, которое занимал сионизм в жизни русского еврейства, явилось существенным фактором в решении британского правительства, нашедшем выражение в Декларации Бальфура.

Вейцман вошел в контакт с Бальфуром еще в конце 1914 года и с тех пор поддерживал с ним связь по вопросу о будущей судьбе Эрец-Исраэль. В 1915 году Бальфур был главой адмиралтейства, а в 1916 году получил портфель

министра иностранных дел в правительстве Ллойд-Джорджа. В конце июня 1917 года Вейцман, в сопровождении лорда Лайонела Уолтера Ротшильда, нанес визит Бальфуру и во время беседы высказался в том смысле, что пришло время обнародования официальной правительственной декларации о поддержке Великобританией требований сионистов относительно Палестины.

Бальфур предложил Вейцману представить ему проект соответствующей декларации для внесения в правительство. С учетом такого важного поворота событий была создана консультативная политическая комиссия при Вейцмане и Соколове. В комиссию вошли видные английские сионисты, а также российские, жившие в то время за границей. Среди последних следует назвать Ахад-Гаама и Акиву Якова Эттингера, занимавшего пост главного агронома Национального фонда и считавшегося одним из крупнейших специалистов по Эрец-Исраэль.

{378} В начале июля 1917 года Вейцман пригласил в Лондон Членова участвовать в политических усилиях и представлять там российский сионизм. Для Членова это была вторая поездка в Европу на сионистскую работу. Невзирая на тяжелую болезнь и уговоры друзей не подвергать опасности свое и без того пошатнувшееся здоровье, Членов откликнулся на призыв Вейцмана, считая себя не вправе уклониться от переговоров, в которых решалась судьба сионизма и Эрец-Исраэль. Его присутствие в Лондоне было особенно важно, т. к. Сионистская организация России была самой крупной и являлась самой авторитетной не только в глазах сионистов Запада, но и в глазах политиков великих держав.

Переговоры в Лондоне близятся к успешному завершению, официальное заявление ожидается со дня на день, и недопустимо, чтобы российский сионизм не сказал своего слова в эти решающие минуты, - так отвечал Членов своим друзьям и товарищам. Когда его друг, член Центра, адвокат Яков Клебанов заметил ему, что при таком состоянии здоровья поездка невозможна. Членов ответил со спокойной, слабой улыбкой: "Мне бояться нечего..."

Я человек обреченный, и смерть уж совсем близко стоит за моей спиной. Я знаю, что жить мне осталось недолго, и Бог знает, как я доеду и доеду ли вообще. Неужели вы полагаете, что я могу теперь не поехать, когда меня требуют туда? Неужели я должен предпочесть смерти на сионистском посту смерть в санатории под Москвой?"

И рассказывая об этом ответе Членова, Клебанов добавляет: "Мы знали, что он страдает злокачественным заболеванием и, как врач, прекрасно понимает свое положение. Я, однако, не ожидал услышать столь суровый приговор самому

себе, не представлял, что спокойно и с жестокой уверенностью будут произнесены такие слова, слова полного отказа от личной жизни во имя идеи.

Смущенный и потрясенный, я пытался извлечь из себя какое-то невнятное ободрение, даже шутливым словцом хотел как-то смягчить всю беспощадность его обращения с собой; но когда я взглянул на {379} Членова, на черты его лица, внезапно похудевшего и заострившегося, на взгляд его глаз, обращенных вовнутрь, в себя, - язык мой онемел, и я протянул ему руку в прощальном приветствии" (Яков Клебанов, "Последняя встреча". В "Книге памяти Членова").

И действительно, Членов безвременно скончался 31 января 1918 года, спустя три месяца после оглашения Декларации Бальфура. На траурном митинге, организованном Сионистской организацией в Москве на "шлошим" - тридцатые сутки после кончины, - с речами выступили представители всех направлений в сионизме, а также представители других общественно-политических течений в еврействе России. Александр Гольдштейн сказал:

"Членов был человек обреченный, и если бы он не уехал в Лондон, мы, быть может, на Московском Драгомиловском кладбище говорили бы сегодня все то, что говорим здесь. Но мне кажется, что если бы Членов умер в Москве, то еще и другую скорбью были бы полны наши сердца. У нас бы тогда не было сознания, что все же Членову было дано пережить в последние месяцы самое великое счастье его жизни. Он достиг публичного признания наших стремлений в английской декларации".

Выехав из России летом 1917 года. Членов по дороге в Лондон задержался в Стокгольме и прибыл в Лондон только в октябре. Стокгольм также был местом важной политической деятельности сионистов, хотя и не столь решающей, как в Лондоне. В Стокгольме был центр международной социалистической борьбы, в которой участвовали представители всемирного союза Поалей Цион: Шломо Капланский, Берл Локер и Леон Хазанович (как упоминалось, за исключением российской социал-демократической партии Поалей Цион, все другие партии Всемирного союза сотрудничали с сионистским конгрессом).

Из-за мировой войны деятельность международного бюро Интернационала прекратилась, но социалистические партии нейтральных стран несколько раз во время {380} войны устраивали встречи своих представителей. Февральская революция явилась мощным стимулом для новой попытки организовать в международном масштабе, и 3 мая 1917 года в Стокгольме был создан Голландско-Скандинавский комитет социалистических партий Голландии, Швеции, Дании и Норвегии. Секретарем комитета стал Камиль Гюисманс, бельгиец (Бельгия еще в начале войны была оккупирована немецкими

войсками, нарушившими нейтралитет этой страны, чтобы, заняв ее, напасть на Францию). Голландско-Скандинавский комитет поставил своей задачей войти в контакт с социалистическими партиями воюющих стран, определить позицию относительно условий заключения мира, а также восстановить Интернационал. Представители Всемирного союза Поалей Цион активно поддерживали работу комитета. Они представили ему меморандум по еврейскому вопросу в странах диаспоры и по вопросу еврейского поселения в Палестине.

Ввиду этой деятельности представителей Поалей Цион Членов задержался в Стокгольме и вместе с ними разрабатывал формулировку еврейских требований. Он встретился с секретарем комитета Камилем Гюисмансом и также вел с ним переговоры по этому поводу. Совместные усилия Членова и деятелей Поалей Цион привели к важным результатам. 10 октября 1917 года Голландско-Скандинавский комитет опубликовал свой мирный манифест, на основе требований разных народов. В частности, комитет требовал "международного решения еврейской проблемы, национально-персональной автономии в тех областях России, Австрии, Румынии и Польши, где сконцентрированы еврейские массы; защиты еврейского поселения в Палестине". В приложении к манифесту, кроме того, говорилось, что "развитие еврейского поселения в Палестине должно быть обеспечено международным правом".

Когда в мае 1917 года переговоры с правительством Великобритании вошли в практическую стадию, Вейцман регулярно информировал сионистский Центр в {381} России о положении дел. Однако не все члены Центрального Комитета разделяли мнение, что необходимо установить одностороннюю политическую связь с Англией и государствами Антанты в целом, в противовес странам Центральной Европы (Германии, Австрии) и Турции, потому что существует опасность для еврейского ишува в Эрец-Исраэль. Раздавались голоса, утверждавшие, что соблюдение политики нейтралитета предпочтительнее даже ясного английского обещания предоставить евреям национальный очаг в Палестине. Усышкин говорил, что следует воздержаться от принятия окончательного решения по этому вопросу, пока не выяснится, кто возьмет верх в войне. Трудно принять английский план, пока Эрец-Исраэль продолжает оставаться в руках у турок. Нельзя также полагать, что Германия будет разгромлена до такой степени, что примет навязанные ей мирные условия.

Членов же был такого мнения, что на мирной конференции решающее слово будет принадлежать Америке, Англии, Франции, Италии и России. Отказ от предложения Англии на сей раз явится невосполнимой потерей. Сионисты однажды уже отвергли обращение Англии в случае с Угандой. Но теперь дело идет не об Уганде, а об Эрец-Исраэль.

От Германии сионизм не получит ничего и не заслужит ее благодарности, даже если снова отвернется от Англии. Что касается Турции, то если она и не окажется совершенно обессиленной и удержит в своих руках Палестину, следует учесть, что Турция и впредь будет зависеть от великих держав. Она постарается избавиться от немецкого ига и тем самым неизбежно попадет в орбиту английского влияния. Американские дипломаты также всегда будут иметь вес в Константинополе. Правда, и Членов видел опасности, которыми нельзя пренебрегать, но все-таки считал, что на сей раз предложение Англии необходимо принять безоговорочно.

После затяжного тяжелого спора Центр российских сионистов постановил послать сионистам в Лондон положительный ответ по поводу английского {382} предложения. За это решение проголосовали И. Л. Гольдберг, И. Розов, И. Членов. Усышкин проголосовал против. А. Гольдштейн и Л. Яффе воздержались. Обсуждение это состоялось в Москве за три недели до созыва Седьмого сионистского съезда в Петрограде.

В конце мая 1917 года переговоры с правительством Великобритании достигли решающего этапа, уже было широко известно, что ведущие английские политики приняли план Вейцмана относительно еврейской Палестины под властью Англии.

И вокруг этого разыгралась настоящая буря в еврействе Англии, что характерно для общественной жизни нашего народа. Бурю вызвали духовные наследники реформистских раввинов. Ассимилированных евреев, этих "англичан Моисеевой веры", бросило в дрожь, когда они узнали, что сионисты добиваются от правительства признания за евреями права на национальный очаг в Палестине. Правда, среди еврейской общественности Англии они находились в меньшинстве, но зато в эту группу входили чрезвычайно влиятельные люди: Эдвин Монтегю, министр по делам Индии; Люсьен Вольф, журналист, политик и историк;

Клод Монтефиоре, литератор и общественный деятель, один из вождей реформистского еврейства, родственник Моше Монтефиоре, и другие. Они не ограничивались внутренними спорами в рамках еврейской общественности - они атаковали действия Вейцмана и его товарищей со страниц английской печати и в правительственных кругах.

Они яростно боролись против любой декларации, которая признала бы в евреях нацию. В своих воспоминаниях Вейцман называет этих людей "внутренними врагами". Страх перед проблемой "двойной лояльности" лишал их покоя, и они затянули старую песню, что евреи не нация, а всего лишь

религия, и нечего поэтому говорить о еврейском национализме.

Февральские события в России вооружили их дополнительным аргументом: падение царизма и приход к власти демократического правительства во главе с социалистом Керенским, заявляли они, положили конец {383} еврейской проблеме в России и ликвидировали причины, заставлявшие евреев эмигрировать оттуда. А поскольку русское еврейство, являвшееся основной базой сионистского движения, в нем больше не нуждается, у сионистов нет отныне никакой опоры в еврействе.

Однако действительность еврейской жизни в России в дни Февральской революции разбила этот их "практический" довод, подобно тому, как вся еврейская история опровергала их идейные аргументы. Как сказано, сионизм никогда еще не переживал такого расцвета в среде русского еврейства, как в период революции. Об этом правительству в Лондоне докладывали из России английские дипломаты.

Борьба между сионистами и ассимиляторами в английском еврействе была ожесточенной и упорной. Хотя ассимиляторам не удалось предотвратить опубликование Декларации, они все-таки добились определенного ослабления ее формулировок. Вместо принципа "признания Палестины в качестве национального очага еврейского народа", как значилось в предварительной формуле, согласованной с премьер-министром Ллойд-Джорджем и министром иностранных дел Бальфуром, в Декларации стояло: "Национальный очаг для еврейского народа в Палестине".

Разница между двумя вариантами очевидна и не требует комментариев. Вейцман в своих воспоминаниях замечает, что ему не была предоставлена возможность изложить взгляды сионистов перед военным кабинетом, который должен был утвердить окончательный текст, в то время как позиция антисионистов защищалась в кабинете в самой энергичной форме министром Монтегю. И, тем не менее, говорит Вейцман, "даже этот, второй, вариант, при всех его усечениях и выхолощенности, был гигантским событием в истории рассеяния евреев".

Декларация правительства Великобритании по поводу создания национального очага еврейского народа в Палестине, известная под именем "Декларации Бальфура", была оглашена 2 ноября 1917 года. Бальфур, {384} министр иностранных дел тогдашнего английского правительства, писал лорду Ротшильду:

"Министерство иностранных дел, 2 ноября 1917 года.

Дорогой лорд Ротшильд,

С большим удовольствием передаю Вам от имени Правительства Его Величества нижеследующую декларацию о симпатии к еврейско-сионистским чаяниям, внесенную в кабинет и утвержденную им:

"Правительство Его Величества благожелательно относится к основанию национального очага еврейского народа в Палестине и сделает все от него зависящее, чтобы облегчить осуществление этой цели, исходя из ясного понимания, что не будет предпринято ничего такого, что может нанести ущерб гражданским либо религиозным правам нееврейских общин, существующих в Палестине, либо правам и статусу, которым пользуются евреи в любой другой стране".

Я буду Вам признателен, если Вы доведете до сведения Сионистской федерации данную декларацию.

Преданный Вам Артур Джеймс Бальфур".

Фраза насчет "прав и статуса евреев в любой другой стране" отражала страх ассимилированных евреев перед своим будущим; как бы им не повредило признание евреев особой нацией.

Если, в конечном счете, мы сравним главный параграф Базельской программы, где речь идет о создании для еврейского народа национального очага в Палестине, с Декларацией Бальфура, то увидим, что текст этого параграфа двадцать лет спустя оказался включенным в декларацию английского правительства. Можно, таким образом, сказать, что, с исторической точки зрения, к Декларации Бальфура вел путь, хоть и не прямой, от Первого сионистского конгресса.

Нет сомнений, что английский термин "Нешенэл хоум" в тексте Декларации тождествен немецкому "Хаймштетте" из Базельской программы. И еще одно можно с уверенностью предполагать: создатели Базельской программы (Герцль и его сподвижники) и вдохновители {385} Декларации Бальфура (Вейцман и его товарищи) имели в виду еврейское государство (так это трактовали и поддерживавшие их видные политики), хотя и не заявляли об этом открыто, руководствуясь политическими расчетами и опасениями, как бы такая формулировка не повредила делу.

Существуют различные мнения о намерениях английского правительства в момент оглашения Декларации. Одни подчеркивают симпатии английских

высокопоставленных деятелей к идеям сионизма и традицию поддержки этих идей, сложившуюся еще до политического сионизма и до Первого сионистского конгресса в Базеле.

Памятны имена англичан-христиан Эдуарда Казалетта и Лоуренса Олифанта - "провозвестников Сиона", которые опубликовали план поселения евреев в Палестине (1880, 1879 гг.), писательницы Джордж Элиот, автора романа "Даниэль Диронда" (1876 г.) и других.

Некоторые, напротив, говорят, что не следует приписывать британским политикам никаких сантиментов, что в деле с Декларацией английское правительство руководствовалось лишь трезвым эгоистическим расчетом, как об этом свидетельствовала потом двуличная политика мандатных властей во все годы их правления в Палестине; только из политических соображений наши национальные органы в Стране и сионистское руководство заявляли о будто бы существующих разногласиях между мандатными властями в Иерусалиме и Лондоном...

На деле британские власти в Иерусалиме проводили политику, продиктованную лондонским правительством. Но, так или иначе, историческое значение Декларации Бальфура для возрождения еврейского народа на его исторической родине бесспорно: с ее оглашением еврейский народ впервые в новейшей истории вышел как национальный коллектив на международную арену, и сионизм из внутреннего еврейского дела превратился в фактор международной политики. В этом смысле Декларация явилась важным этапом на пути возникновения Государства Израиль тридцать лет спустя.

{386} 18 декабря 1917 года, через девять дней после освобождения Иерусалима от турок английскими войсками, в Лондоне было опубликовано воззвание к еврейскому народу во всем мире за подписями Членова, Соколова и Вейцмана (воззвание написал Членов). Там, в частности, говорилось:

"Декларация вручает еврейскому народу ключ к свободе и счастью. Отныне все зависит от еврейского народа и только от него одного. Декларация - это порог при вратах входа в Эрец-Исраэль. Она несет в себе великое воздаяние еврейскому народу за все невзгоды, пережитые им на протяжении тысячи восьмисот лет. ... Надо снова приступить к работе, с обновленными силами и при помощи новых средств. ... Нам нужны новые мысли, новые слова и новые действия".

Воззвание призывает еврейский народ к объединению всех сил во имя своего избавления от жизни в галуте и во имя строительства Страны.

Весть о Декларации Бальфура достигла России уже в первые дни большевистского переворота. Центральный Комитет сионистов России опубликовал пламенное заявление, в котором торжественно сообщал о великом историческом событии и призывал евреев к усиленной сионистской деятельности. Русская общественность также придавала Декларации большое политическое значение, и в русской демократической печати (еще не ликвидированной большевиками) появились благожелательные отклики на это событие.

Декларация вызвала у еврейского населения во всех концах России и на Украине мощный сионистский подъем. Еврейские массы были охвачены радостью и неопишуемым энтузиазмом. В Москве и Петрограде состоялись большие митинги и демонстрации, то же самое и в провинциальных городах. На улицы Одессы с флагами и песнями вышло около 150 тысяч человек, и шествия продолжались весь день. Во главе демонстрации шагал М. Усышкин (который в мае еще голосовал за прекращение переговоров с английским правительством из опасения, что они повредят еврейскому {387} ишуву в Стране и сионизму как всемирному движению).

Шествие останавливалось перед консульствами стран Антанты, консулы выходили к участникам и обращались к ним с торжественными приветствиями. То же происходило в Киеве, Екатеринославе, Херсоне, Харькове, в Подолии, в Минской и Витебской губерниях, в городках и местечках. Всюду шли праздничные богослужения в синагогах и проводились массовые митинги.

Антисионистский Бунд пытался, как только возможно, умалить значение Декларации Бальфура, но это ему не удалось: люди не обращали внимания на листовки и прокламации, которые бундовцы раздавали на улицах. Английские консулы были немало поражены беспримерным энтузиазмом еврейских масс и в подробных отчетах английскому правительству о том, как русское еврейство встретило Декларацию, писали, что сионисты создали в России атмосферу проанглийских настроений.

Консулы также замечали, что если бы Декларация была оглашена раньше, это, возможно, повлияло бы на ход революции в России.

В двух сионистских изданиях - "Петроградер Тагблат" (на идиш) и "Рассвете" - появилась анонимная статья под названием "Начало избавления", посвященная Декларации Бальфура. (Ее автор, Ицхак Гринбаум, впоследствии рассказал об этом в своей книге "Сионистское движение в развитии".)

"Всего несколько строк. Осторожные, сдержанные слова. Это не декларация

вторгнувшегося в страну военачальника, желающего завоевать доверие жителей; не воззвание, а заявление правительства, которое отвечает за свои слова и не намерено вводить в заблуждение, путать. Всего несколько строк, выверенные обороты, и из них встает начало избавления, начало осуществления наших новодревних надежд, наших чаяний.

Вероятно, так воспринимался в древние времена текст персидского дозволения восстановить из развалин Храм и Иерусалим. Немногие, сдержанные слова, почти потонувшие в рассказе об этом событии, дошедшем до нас {388} в библейских книгах. А ведь на основании этого разрешения было восстановлено Второе Израильское Царство, которое сыграло столь важную роль в мировой истории и так много дало всему человечеству".

В заключении говорилось:

"Почти два тысячелетия ждали мы этого часа. Два тысячелетия ужасного изгнания. И вот пришел час начала избавления. Британская декларация, как трубный рог, призывает нас к возрождению и восстановлению. И мы поднимемся, соберем все силы, дабы быть достойными этого великого исторического часа, дабы быть мужественными, проникнутыми могучей волей, готовыми к самопожертвованию и действию".

Это было точное выражение настроений, царивших в сионистском движении в России. Но развитие событий свело на нет волю и стремления этого движения и русского еврейства. Октябрьский переворот большевиков, свержение демократии и установление диктатуры, затяжная гражданская война, погромы на Украине, в которых погибло около 150 тысяч евреев, преследование советским режимом сионизма и любых проявлений еврейского национализма и культуры - все это подавило русское еврейство и напичь отрезало его от участия в воплощении сионизма и строительстве Страны. Но в дни "сионистской весны", переживаемой еврейством России, никто себе не представлял, да и не мог предвидеть разгрома, который готовила еврейству и его надеждам большевистская диктатура.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава двадцатая - ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ

3. Еврейские войсковые части

Как уже было рассказано, Жаботинский и Трумпельдор совместно действовали в Александрии (Египет), стараясь организовать еврейскую боевую часть в рядах британской армии. Было это в начале войны, еще до того как британское верховное командование приняло решение о наступлении в Палестине, и военные власти отказали в создании еврейской боевой части, {389} предложив создать транспортный отряд для посылки на один из фронтов, необязательно в Палестину. Жаботинский отверг это предложение наотрез, но Трумпельдор его принял, и так возник "Сионистский отряд погонщиков мулов" под командованием полковника Паттерсона и его заместителя Трумпельдора.

Отряд действовал на Галлиполийском полуострове, отличился эффективными действиями, преданностью идее и героическими поступками, заслужив похвалу и признание английских военных властей. Позднее, работая над воспоминаниями об истории легиона, участвовавшего в завоевании Палестины в конце мировой войны, Жаботинский без оковностей признал, что ошибся в своем отношении к транспортному отряду и что прав оказался Трумпельдор:

"Эти шестьсот "погонщиков мулов" потихоньку открыли новую эру в развитии сионистских возможностей. До тех пор трудно было говорить о сионизме даже с дружелюбно настроенными политическими деятелями: в то жестокое время, кому из них было до сельскохозяйственной колонизации или до возрождения еврейской культуры?"

Все это лежало вне поля зрения. Маленькому отряду в Галлиполи удалось пробить в этой стене первую щель, проникнуть хоть одним пальцем в это заколдованное поле зрения воюющего мира. О еврейском отряде упомянули все европейские газеты; почти все военные корреспонденты, писавшие о Галлиполи, посвятили ему страницу или главу в своих письмах, потом и в книгах. Вообще, в течение всей первой половины военного времени, отряд этот оказался единственной манифестацией, напомнившей миру, в особенности английскому военному миру, что сионизм "актуален", что из него еще можно сделать фактор, способный сыграть свою роль даже в грохоте пушек.

Для меня же лично, для моей дальнейшей работы по осуществлению замысла о легионе, Zion Mule Corps сыграл роль ключа, открыл мне двери английского военного министерства, дверь кабинета Делькассэ в Париже, двери министерства иностранных дел в {390} Петербурге.

Но и чисто военная история Галлиполийского отряда тоже представляет собой яркую страницу в нашей книге военной летописи".

В середине апреля 1915 года, будучи в Александрии, Жаботинский получил телеграмму из Генуи от Пинхаса (Петра) Рутенберга, просившего о личной встрече.

Еще до отъезда из Рима в Александрию Жаботинский узнал от русского писателя Александра Амфитеатрова, что проживавший тогда в Италии известный революционер Рутенберг, член русской партии эсеров, в последнее время усиленно интересуется сионизмом и говорит, что вступление Турции в войну открывает перед евреями исключительные возможности. Жаботинский знал Рутенберга и историю его жизни понаслышке, лично знаком с ним не был и никогда не встречался. Получив от Рутенберга телеграмму, Жаботинский простился с Трумпельдором и отплыл в Италию. Рутенберг также был наслышан о личности Жаботинского, его деятельности в сионистском движении и месте, которое он там занимал. Поэтому Рутенберг и обратился к нему по делу, оказавшемуся, как вскоре выяснилось, общим для них обоих.

Зеэв, или как он был известен под своим русским именем Владимир Евгеньевич, Жаботинский был одной из наиболее крупных и блестящих фигур в русском сионизме, да и среди всей еврейской общественности России. Вейцман, который с 1923 года сделался самым резким и энергичным политическим противником Жаботинского в сионистском движении, в своей автобиографической книге упоминает его несколько раз; отмечая достоинства и недостатки Жаботинского, он пишет:

"Он явился к нам из Одессы в качестве вундеркинда. В 20 лет с небольшим он уже достиг значительной известности как русский журналист, писавший под псевдонимом "Алталена", и привлек к себе внимание таких людей, как Максим Горький и старик Лев Толстой. Он был также оратор Божьей милостью и знал {391} полдюжины языков. Но главное, чем он памятен, связано с основанием еврейского полка в Первую мировую войну, созданием ревизионистской партии и того, что зовется "Новой сионистской организацией".

Сионистской работе Жаботинский особенно отдался после Кишиневского погрома и в том же году (1903) был избран делегатом от Одессы на Шестой конгресс в Базеле. Во время угандийской полемики он был вместе с противниками Уганды и вместе с ними ушел из зала заседаний.

Очень скоро он стал одним из главных ораторов русских сионистов и имел огромное влияние на еврейскую учащуюся молодежь и русскоязычную еврейскую интеллигенцию. Его статьи, которыми зачитывались все, будили еврейское национальное сознание и призывали не склонять головы перед лицом антисемитов любого толка. В качестве члена редакции органа российских сионистов "Рассвет" (главным редактором которого был Авраам Идельсон) Жаботинский очень многое сделал для развития сионистской мысли и методов сионизма.

Он умело и энергично боролся с ассимиляторами, с антисионистским Бундом и с антисемитизмом.

Своими замечательными переводами на русский язык стихов Бялика он приблизил еврейскую (и не только еврейскую) интеллигенцию к новой еврейской национальной поэзии на иврите.

Что касается направления сионистского движения в России, Жабогинский выступил за синтез "гегенвартсарбейт" и работы в пользу Эрец-Исраэль, иначе говоря - за соединение борьбы за еврейские права в диаспоре с задачами, связанными с Эрец-Исраэль, как это было сформулировано в Гельсингфорсской программе, одним из творцов которой он являлся (вместе с И.Гринбаумом, А. Идельсоном и другими).

Верный ученик и сподвижник Жаботинского Иосеф Шехтман рассказывает, что он имел необыкновенные лингвистические способности и отличался талантом проникновения в дух каждого языка, который изучал. Он в совершенстве владел семью языками и достаточно хорошо знал еще несколько. Свои литературные {392} произведения - прозу и поэзию, а также многочисленные

публицистические статьи - он создавал, в основном, на русском языке, но писал также на иврите, идиш и европейских языках. В России он работал до начала Первой мировой войны и сделал многое для возрождения языка иврит и основания сети еврейских школ.

Вот как описывает Жаботинский свою встречу с Рутенбергом в Бриндизи:

"Десятиминутной беседы оказалось достаточно, чтобы сговориться о главном. Хотя мы никогда и не переписывались, тут обнаружилось, что думали мы одну и ту же думу. И больше того: хотя в печати тогда еще не было ни одного слова ни о легионе вообще, ни об александрийских добровольцах, он почему-то знал наверное, что я работаю для этой цели; и я, хоть А. В. Амфитеатров в Риме не сумел мне объяснить, в чем заключались планы Рутенберга, тоже сразу понял из его короткой телеграммы, зачем ему нужно свидание со мною. Странно, откуда берется этот беспроволочный телеграф между людьми, которые, встретясь на улице, не узнали бы друг друга..."

Как свидетельствует Вейцман, Жаботинский и Рутенберг по-отдельности пришли к нему с одной и той же идеей насчет создания еврейской боевой бригады на стороне Англии; это было осенью 1914 года, вскоре после начала войны, еще до приезда Жаботинского в Александрию и его встречи с Трумпельдором. В период встречи с Вейцманом вся деятельность Рутенберга была сосредоточена на вопросе о еврейских войсках. Своим крупнейшим предприятием на благо Эрец-Исраэль - постройкой на Иордане электростанции для электрификации Страны - Рутенберг занялся лишь несколько лет спустя.

Во время встречи в Бриндизи Жаботинский и Рутенберг договорились, что необходимо сформировать бригаду из молодых евреев, выходцев из России, которых насчитывались тысячи в Англии, Франции и в нейтральных странах, а также в Америке, и что самый подходящий компаньон в этом деле - Англия. Оба начали совместно действовать в Риме, затем Жаботинский поехал в Англию и Францию, а Рутенберг отправился в Америку. Еще находясь в Италии, Рутенберг написал на русском языке статью "Национальное возрождение еврейского народа", где, в частности, выдвинул и свою идею о формировании еврейского боевого соединения на стороне стран Антанты, против Турции и Германии.

Рукопись он привез в Америку и вступил в переговоры с партией Поалей Цион по вопросу ее издания. Однако американские Поалей Цион, участвовавшие в сионистском конгрессе и входившие во Всемирную сионистскую организацию, соблюдали нейтралистскую линию, установленную сионистским руководством,

и поэтому вычеркнули (с согласия автора) место, где говорилось о создании еврейского отряда. Статья была переведена на идиш и издана в Нью-Йорке летом 1915 года отдельной брошюрой (в Израиле она была выпущена на иврите с предисловием Ицхака Бен-Цви в первую годовщину смерти Рутенберга).

На брошюре на идиш значилось имя автора - Пинхас Бен-Ами: так подписывался теперь русский революционер Петр Рутенберг, который некогда был весьма далек от своих соплеменников и братьев, а теперь вернулся к ним после радикального пересмотра своего мировоззрения. Следует отметить, что к моменту написания своей работы Рутенберг еще не читал сочинений Пинскера и Герцля. Он пришел к сионизму самостоятельным путем и безоговорочно его принял. Вот некоторые мысли из его статьи:

"Евреи, рассеянные и разбросанные по различным русским социалистическим партиям, занимаются мировыми вопросами и заботятся обо всех народах, не только больших, но и малых: поляках, финнах, сербах, турках, армянах, арабах. Зато национальные интересы евреев являются для них "шовинистскими" и "реакционными".

Еврейские социалисты, аттестующие себя "идеологами русского пролетариата", не замечают и не чувствуют, что это вызывает пренебрежительное отношение к ним даже со стороны их товарищей - русских {394} социалистов. Почему же, в таком случае, еврею нельзя быть еврейским революционером, еврейским социалистом, борющимся с полным сознанием своего национального достоинства, как русский, французский, немецкий социалисты-революционеры?

Социализм международен, но отнюдь не космополитичен. Космополитизм - еврейское творение, творение людей безродных, бездомных, лишенных уверенности в завтрашнем дне. В свое время космополитизм сыграл свою роль, но время это прошло. И сколько бы мы, еврейские "русские социалисты", ни твердили, что являемся "русской секцией Интернационала", нас не будут считать русскими, ибо это неправда.

Мы растрчиваем наши силы и энергию на пустопорожние споры, к которым никто, кроме нас, не прислушивается, на "резолуции" и "лозунги" по поводу войны и мира, как будто война и мир зависят от наших лозунгов и решений. И мы не замечаем и не чувствуем, что все это не что иное, как опиум, бессознательно изобретенный нами, чтобы заглушить и остановить наши специфические еврейские муки, понятные только нам. Это муки, которые терзают душу и голодного еврейского революционера, и сытого еврейского

банкира. Мы не видим и не замечаем, что в это страшное время наше тяжелое положение беженцев-эмигрантов превращается в унижительную льготу, порождающую презрение и ненависть к нам в сердцах бесчисленных окружающих нас вдов и сирот, презрение и ненависть не как к русским, а как к паразитирующим евреям.

Велика ответственность каждого еврея, способного сделать что-то для своего народа. Велика его ответственность за каждый пустой день и час, за все, что сделано, и за все несделанное.

Государства, входящие в Антанту, провозгласили, что они воюют за культуру, за свободу малых народов. Наше национальное значение - материальное и духовное - не подвергается сомнению. По числу жертв, понесенных еврейским народом в этой войне, по количеству солдат, которых мы дали фронту, мы фактически являемся самым {395} внушительным союзником государств Антанты.

Наша доля больше, нежели доля Бельгии, Сербии и Черногории. Мы должны поэтому потребовать и добиться, чтобы этот факт был публично признан. Мы должны добиться официального признания представительства еврейского народа на мирной конференции, чтобы оно могло от его имени вести переговоры с правительствами заинтересованных стран и представлять интересы еврейского народа в официальном порядке. В этом направлении нам следует организовать и вести систематическую пропаганду в американской и европейской печати. Нашей целью будет - еврейское государство в Эрец-Исраэль и достойное человеческое существование во всех концах диаспоры на основе гражданского, политического и национального равноправия".

Рутенберг так описывал ход своих мыслей, который привел его, русского социалиста-революционера, к сионистскому мировоззрению:

"Я социалист и отдаю себе ясный отчет в том, что собираюсь содействовать воплощению сионизма, а не социализма; воплощению капиталистического еврейского государства, далекого от земного рая. И там у нас будут богатые и бедные, и горе, и несправедливость, и жестокость. Но все это будет нашим, продуктом нашей еврейской жизни, как у остальных народов. Наше будущее будет зависеть от нашей силы, нашей способности, борьбы. Положение прочих мест нашего рассеяния, которые по-прежнему останутся разбросанными по всем странам, будет зависеть от нашего положения в Эрец-Исраэль. И с нас хватит этого, ибо в этом все".

Рутенберг завершает статью следующими словами:

"Ежели мы, современные евреи, ныне не выполним нашего долга перед народом, то на нас, наших детей и внуков ляжет вечное проклятие и позор. Но этому не бывать, ибо велики силы еврейского народа и безмерны его страдания. И они его подстегнут не упустить этот исторический час, час единственный для своего {396} освобождения и возрождения. Теперь - или никогда".

Итак, Рутенберг действовал в Америке, а Жаботинский в это время добивался создания еврейской бригады в столицах стран Антанты, главным образом в Лондоне. Однако его усилия наталкивались на почти всеобщее сопротивление. Среди редких его сторонников был, как уже упоминалось, Вейцман.

Идею еврейского войскового подразделения поддерживал и Зангвиль, но Макс Нордау был против нее. Закончились неудачей и все усилия Жаботинского добиться разрешения английского правительства на формирование бригады. В конце августа 1916 года военное министерство сообщило, что правительство не намерено формировать еврейскую часть. Энергичное сопротивление плану Жаботинского оказывали также евреи Уайтчепеля - еврейского квартала в восточной части Лондона, где проживали, в основном, иммигранты из Восточной Европы, в том числе множество русских подданных.

Во всей Англии жило тогда около 10 тысяч русских евреев призывного возраста и 5 тысяч в возрасте до 41 года. Это вызывало недовольство и раздражение английского общества, потому что, будучи русскими подданными, эти евреи не подлежали призыву в английскую армию, добровольно же в армию они не шли и не хотели защищать страну, которая дала им приют. Ходили слухи, что, если они не пойдут в армию по доброй воле, их отошлют в Россию. Отсюда буря, поднявшаяся среди евреев Уайтчепеля, и озлобление, которое у них вызывал Жаботинский и его план.

Внутренние и внешние затруднения на пути идеи еврейской бригады надолго задержали ее осуществление, и только в конце августа 1917 года, накануне опубликования Декларации Бальфура, наступил перелом, после того как британское военное министерство (под заметным влиянием Ллойд-Джорджа, главы правительства) вынесло положительное решение.

Ядром бригады стали 120 солдат из отряда "погонщиков мулов", приехавшие в Лондон из Египта после расформирования отряда. Почти все они были выходцами из {397} России и прибыли в Лондон, чтобы поступить на службу в британские войска.

К ним присоединился Жаботинский, который пошел добровольцем как простой рядовой, а позднее, уже в Палестине, заслужил офицерское звание.

С формальной точки зрения организация еврейской боевой части в Лондоне стала возможна после того, как договор, заключенный в июле 1917 года между правительством Керенского и английским правительством, предоставил Великобритании право призывать в армию проживавших на ее территории русских подданных. Так в Лондоне был основан 38-й полк королевских стрелков под командованием полковника Паттерсона, в прошлом командира отряда "погонщиков мулов".

В то же самое время в Америке добивался создания боевой еврейской части Рутенберг. Он встретился там с Давидом Бен-Гурионом и Ицхаком Бен-Цви, высланными из Страны по приказу Джамаль-паши.

По инициативе Бен-Гуриона и Бен-Цви и при помощи Рутенберга был сформирован полк еврейских добровольцев, в большинстве членов партии Поалей Цион. Это стало возможным после вступления Америки в войну на стороне государств Антанты.

Добровольцы, среди них Бен-Гурион и Бен-Цви, прибыли в Лондон, прошли там обучение, и из них был укомплектован 39-й полк королевских стрелков под командованием полковника Элизера Марголина.

Третий полк - 40-й полк королевских стрелков под командованием полковника Сэмюэля - был сформирован из добровольцев в Палестине, после долгих споров в ишуву между сторонниками и противниками добровольной службы у англичан. (Не только из принципиальных, но и из практических соображений: не причинить вред ишуву на севере Страны, где еще были турки.) Но полк был основан. В его формировании активно участвовали многие ученики гимназии "Герцлия" во главе с Элияху Голомбом и Довом Хозом. Невзирая на отрицательную позицию своей партии, добровольно вступили в полк и отдельные члены {398} Хапоэль хацаир, например, Леви Школьник (Эшкол) и Давид Свердлов.

От рабочих идею поддерживали и сами вступили в полк Берл Кацнельсон, Шмуэль Явнеэли, Шимон Кушнир и другие. Мобилизовался в полк также Моше Смилянский, один из деятелей и активистов еврейского ишуву. Многие сделали для привлечения в полк рабочих Рахель Янаит в качестве представителя Поалей Цион.

Создание полков вызвало раздражение у ассимилированных евреев в Англии,

которые пытались ранее сорвать и Декларацию Бальфура. Сначала в качестве эмблемы для еврейских полков был избран Маген-Давид, но в результате действий ассимиляторов в военном министерстве эта эмблема ивритские буквы были сняты (Позднее, на фронте, солдаты и офицеры еврейских полков все-таки носили на левом рукаве "щит Давида". А после занятия Заиордания получили и кокарду - в виде меноры с ивритской надписью "кадима". - Прим. ред.).

Число солдат во всех трех еврейских полках достигало 6 тысяч. Английскому военному командованию во главе с генералом Алленби пришлось не по вкусу добровольчество евреев (то же самое повторилось в Стране в годы Второй мировой войны). Военные руководители старались, насколько было возможно, ограничить действия еврейских полков, выдавая тем самым свое отрицательное отношение к сионизму и к Декларации Бальфура. Двучленная политика англичан в Палестине в отношении еврейского ишува и сионизма проявилась уже с самого начала завоевания Страны. Отношения между полками и британским командованием были чрезвычайно натянутыми и часто выливались в крупные конфликты. Вскоре после завоевания Страны еврейские войсковые части были англичанами расформированы. {399}

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава двадцатая - ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ

4. Начало Хехалуца и деятельность Иосифа Трумпельдора

Весною 1916 года приказом английского штаба в Галлиполи "Сионистский отряд погонщиков мулов" был окончательно распущен. Все усилия Трумпельдора сохранить его в какой-либо форме пошли прахом.

Убедившись спустя полгода, что больше нет смысла заниматься этим, Трумпельдор уехал в Лондон. Там он присоединился к Жаботинскому в усилиях создать еврейскую боевую часть в рядах английских вооруженных сил. Как упоминалось, дело почти не подвигалось из-за множества внешних и внутренних противников. Но прибытие в Лондон из Александрии 120 "погонщиков мулов" и то, что они, как об этом было рассказано выше, вступили в английские войска, помогло изменить ход событий к лучшему. Жаботинский и Трумпельдор начали энергично добиваться от военных властей, чтобы этих солдат не разбросали по различным частям, а сосредоточили в особом подразделении. Это удалось благодаря действенной помощи полковника Паттерсона, бывшего командира этого отряда. Солдаты были сконцентрированы в одной из рот 20-го Лондонского батальона. В эту роту, которая стала ядром сформированного впоследствии еврейского полка, и вступил рядовым Жаботинский.

Трумпельдор длительное время добивался, чтобы его взяли в эту роту офицером. Он соглашался на понижение в звании и был готов служить не капитаном, а младшим офицером и даже сержантом.

Однако военное министерство ответило отказом. По-видимому, не хотели брать в армию одорукого инвалида, притом иностранного подданного. Тогда Трумпельдор решил уехать из Англии в Россию, где в это время у власти стояло демократическое Временное Правительство во главе с социалистом-революционером Керенским. Об этом решении Трумпельдора рассказывает Жаботинский в своей книге об истории еврейского легиона.

Отвечая на вопрос, что он будет делать в России, {400} Трумпельдор выдвинул перед Жаботинским два грандиозных плана. Во-первых, он был убежден, что правительство Керенского, где помощником военного министра был Б. В. Савинков (социал-революционер, глава Боевой организации эсеров), согласится на создание еврейских войск, и не просто полка, а настоящей армии в 100 тысяч человек и более. Причем эта армия будет создана из еврейской молодежи, вылепленной из особого теста (имелась в виду халуцианская молодежь в России).

Еврейские войска должны будут выступить на кавказском фронте и осуществить прорыв через Армению и Месопотамию прямо в восточную Трансиорданию (Зайорданье.).

Таков был первый план Трумпельдора. Что касается его второго плана, то, как говорит Жаботинский, ответ был дан не только ему, но всему еврейскому народу:

"Еврейский народ получил тот ответ на горах и в долинах Палестины, и народ его тоже никогда не забудет. Первому плану его помешал развал России; второй он осуществил.

Слов его я не записал - незачем: я их и так запомнил. В той каморке, летом 1916 года, он развил передо мной простой и величественный замысел "халуцианства".

- Халуц значит "авангард", - сказал я. - В каком смысле авангард? Рабочие?

- Нет, это гораздо шире. Конечно, нужны и рабочие, но это не то. Нам понадобятся люди, готовые служить "за все". Все, чего потребует Палестина.

У рабочего есть свои рабочие интересы, у солдат свой *esprit de corps*; у доктора, инженера и всяких прочих - свои навыки, что ли. Но нам нужно создать поколение, у которого не было бы ни интересов, ни привычек. Просто кусок железа. Гибкого - но железа. Металл, из которого можно выковать все,

что только понадобится для национальной машины. Не хватает колеса? Я - колесо. Гвоздя, винта, блока? Берите меня. Надо рыть землю? {401} Рою. Надо стрелять, идти в солдаты? Иду. Полиция? Врачи? Юристы? Учителя? Водоносы? Пожалуйста, я за все. У меня нет лица, нет психологии, нет чувств, даже нет имени: я - чистая идея служения, готов на все, ни с чем не связан; знаю только один императив: строить.

- Таких людей нет, - сказал я.

- Будут.

Опять я ошибся, а он был прав. Первый из таких людей сидел передо мною. Он сам был такой: юрист, солдат, батрак на ферме. Даже в Тель-Хай он забрел искать полевой работы, нашел смерть от ружейной пули, сказал "эн давар" ("Ничего", "не беда", "сойдет" (пер. Жаботинского). Выражение, часто употребляемое Трумпельдором.), и умер бессмертным" (Жаботинский, "Слово о полку".).

Так рассказывает Жаботинский, и можно верить, что он правильно передает дух и содержание сказанного Трумпельдором. Из писем Трумпельдора друзьям весной 1917 года видно, что он возлагал большие надежды на русскую революцию. В письме от 20 марта он писал, что в России для сионизма, вероятно, есть сейчас широкое поле деятельности, поэтому ему, возможно, удастся сколотить в России еврейский полк, который отправят на Кавказ или на фронт в Персию, а оттуда уже не трудно добраться до Эрец-Исраэль.

Трумпельдор приехал в Россию в июне 1917 года. 28-го числа он писал из Петрограда: "Очень может быть, через месяц получим разрешение, а там через два или три - уже на фронте, и знамена русской революции, красные, и знамена еврейского возрождения, бело-голубые, - будут развеиваться над нашими головами.

Я переговорил с несколькими министрами. Они одобрительно относятся к идее. Нужно, однако, согласие Керенского, а он на фронте, и повидать его еще не удалось. Возможно, поеду к нему туда". Но этой великой мечте Трумпельдора не было суждено сбыться, потому что с началом большевистского переворота события {402} повернули совсем в другую сторону.

Вскоре после приезда в Петроград в середине лета 1917 года Трумпельдор встретился с еврейским писателем Ш. Ан-ским, одним из активистов партии русских эсеров. В это время Ан-ский уже склонялся к сионизму. По его

инициативе возникла Национально-социалистическая группа приверженцев Эрец-Исраэль. По общим социалистическим вопросам эта группа приняла программу эсеров (а не марксистскую идеологию социал-демократов), а по вопросам сионизма - программу левых Цеирей Цион (таким образом, можно сказать, что это была группа сионистов-социалистов - за три года до основания партии сионистов-социалистов). Среди организаторов группы, кроме Ан-ского, были Трумпельдор и Рутенберг, который к тому времени возвратился из Америки. Инициаторы намеревались основать крупную партию на указанной идеологической платформе, но этот план сорвался из-за последующих событий.

В начале августа стало известно, что генерал Корнилов, один из приверженцев свергнутой монархии, поднял мятеж против правительства Керенского и ведет большие силы на охваченную смятением столицу...

Трумпельдор явился в резиденцию правительства и, встретив в коридоре Ан-ского, сказал ему, что пришел узнать, не может ли быть чем-нибудь полезен, но у него здесь нет знакомых. Ан-ский тотчас представил Трумпельдора Чернову (вождь эсеров, в то время министр сельского хозяйства Временного Правительства), высоко его охарактеризовав. Чернов пошел с ним в оборонную комиссию.

Трумпельдор произвел на всех ее членов сильное впечатление, и ему немедленно дали большую роту добровольцев.

С нею Трумпельдор почти первым, в шесть утра, выступил против Корнилова. Оперативность Трумпельдора и успех этого его шага вызвали общее восхищение. Особенно восхищался сам Ан-ский, со слов которого все и стало известно. Он говорил, что "Трумпельдор им покажет, на что способен еврей...".

{403} Когда с разных концов России начали доходить вести о погромах, Трумпельдор отдался организации еврейской самообороны. В Петербурге из еврейской учащейся молодежи он сформировал оборонные отряды, готовые встретить любую беду (Об этом рассказывает и инженер Ицхак Виленчук, который был тогда активистом студенческой организации Хехавер и движения Цеирей Цион, в заметках, опубликованных 25 октября 1967 года в газете "Давар").

Тем временем правительство Керенского потеряло опору в народе, так как своим лозунгом "Хлеба и мира!" большевики привлекли на свою сторону солдат на фронтах и массы в тылу. 25 октября 1917 года вооруженные отряды взяли Зимний дворец, арестовали Временное Правительство (сам Керенский успел бежать), и власть перешла к большевикам.

Первое время, еще не чувствуя себя достаточно уверенно, новая власть разрешила работу существовавших общественных организаций. Тогда Трумпельдор смог сообщить в своем письме из Петрограда от 14 декабря 1917 года: "... получил разрешение сформировать Первый еврейский сводный отряд. По размерам это батальон, то есть около тысячи человек. ... Не для Эрец-Исраэль. Главная, но не единственная задача отряда - борьба с расправами, учиняемыми над евреями. Сейчас занимаюсь отбором солдат и офицеров (конечно, евреев) из разных армейских частей и их устройством, и замотан бесконечно в том хаосе, что теперь в России...".

Но отряд просуществовал недолго. 31 января 1918 года Трумпельдор уже сообщает, что дни отряда подходят к концу, что еще несколько дней, и отряда не станет. Что будет вместо него, чем он сам займется в ближайшие дни - этого он не знает. Может быть, приложит свои силы к организации самообороны. А если обстоятельства не позволят, организует сионистско-социалистическую братию и будет постепенно основывать военно-трудовые группы для Эрец-Исраэль. В конце марта 1918 года Трумпельдор сообщает: он {404} опять занимается налаживанием самообороны и начинает работать в Хехалуц, организации групп сельскохозяйственных рабочих, которые в этом году будут трудиться в окрестностях Петрограда.

Итак, Трумпельдор сообщает, что приступил к работе в Хехалуц. Отсюда следует, что, возвратившись в Россию летом 1917 года, он уже застал там организованные группы этого движения. И действительно, еще за несколько лет до революции 1917 года в разных местах России уже существовали группы еврейской молодежи, в основном учащейся, которые намеревались при первой возможности уехать в Палестину и готовили себя к физическому труду, главным образом, сельскохозяйственному. Почти все эти группы были связаны с Цеирей Пион, носили разные названия, в том числе Хехалуц.

Подобно тому, как первые халуцим вышли из среды сионистов России (билуйцы в 80-х годах прошлого века и пионеры Второй алии в начале нынешнего столетия), так и движение Хехалуц в конце Первой мировой войны вышло из лона русского сионизма. Правда, одновременно ростки Хехалуца появились в Америке, но произошло это благодаря усилиям двух виднейших участников Второй алии - Давида Бен-Гуриона и Ицхака Бен-Цви, высланных из Палестины Джамаль-пашой и проживавших во время войны в США. Они и выбрали название Хехалуц. Так что и эти, "американские" ростки (не развившиеся в широкое движение, как это произошло в России) обязаны российскому сионизму.

Начало нового халуцианского движения в России относится к 1916 году.

Халуцианские организации возникли в городах Крыма (Мелитополе, Симферополе) и других местах (например, Прилуки, Полтавской губернии; Сквирь, Киевской губернии и др.). Февральская революция, раскрепостившая общественные движения в России, открыла широкие возможности и перед сионизмом, и во многих местах начали стихийно организовываться группы молодежи, жаждавшей уехать в Эрец-Исраэль и сыграть там роль {405} первопроходцев будущей массовой еврейской алии. Группы эти возникали независимо друг от друга. Первая попытка объединить разбросанные халуцианские союзы была предпринята на Второй конференции Цеирей Цион в мае 1917 года. Несколько десятков молодых участников конференции - делегаты и гости, уже занимавшиеся на местах сельскохозяйственной подготовкой, - собирались в перерывах между заседаниями и обсуждали программу работы халуцианских групп, а также актуальность созыва всероссийского слета движения Хехалуц. В этой дискуссии участвовали, в частности, агрономы А. Зусман и И. Бергер.

В пункте о Палестине и Хехалуце конференция Цеирей Цион тогда постановила: "Воспитывать молодежь на халуцианских идеях и понятиях и организовать молодежные группы в организации Хехалуц с задачей создания национальной базы в Эрец-Исраэль в области физического труда и духовного творчества; готовить к алии людей, чья профессия важна для строительства Страны, и оказывать им помощь в алии, материальную и моральную; основать постоянную комиссию по делам Хехалуца и работы в Палестине".

В соответствии с этой резолюцией при центре Цеирей Цион была создана Палестинская комиссия. Когда была оглашена Декларация Бальфура, комиссия обратилась с воззванием (на иврите) к членам Цеирей Цион, призывая вступить в ряды халуцим и уезжать в Страну, чтобы в ней трудиться, ибо "если труд не будет наш, то и Страна будет не нашей".

Декларация Бальфура дала сильный толчок развитию халуцианского движения. Диктаторский большевистский режим не успел укрепиться, и общественные движения просуществовали еще около двух лет, хотя их, деятельность протекала уже в ограниченных размерах.

Халуцианское движение, как трудовая и беспартийная организация, в первое время после октября сумело даже расшириться. Создавались новые группы Хехалуца, основывались центры сельскохозяйственной подготовки и артели наемного труда в России, на {406} Украине, в Белоруссии, в Крыму. Сельскохозяйственные бригады появились под Харьковом, Москвой, Петроградом; в окрестностях Одессы открылась сельскохозяйственная ферма, где под руководством агронома Авраама Зусмана работало около пятидесяти халуцим.

Многие из членов Хехалуца после своей обычной работы отрабатывали по несколько часов на огородах, другие нанимались в мастерские и на заводы, чтобы получить техническую подготовку. Бригады и одиночки работали также у сельских хозяев в еврейских поселках в Херсонской и Екатеринославской губерниях.

Во вновь образованных группах развернулись интенсивные дискуссии о сущности движения Хехалуц, его линии и задачах. Ощущалась необходимость в проведении общего слета, который обсудил бы накопившиеся вопросы и принял по ним решение. Несмотря на тяжелые условия и сложность проезда ввиду начавшейся гражданской войны, Палестинская комиссия центра Цеирей Цион постановила созвать всероссийское совещание союзов Хехалуца. Совещание состоялось 15- 18 января в Харькове. Центральным был вопрос о сущности движения. Два разных мнения, столкнувшись в дискуссии, квалифицировались терминами "идеалистический" и "материалистический" взгляды. "Идеалисты" считали, что Хехалуц сочетает стремление к осуществлению целей сионизма с личными интересами своих членов.

Но поскольку Хехалуц - авангард сионизма, идеалистическое начало, т. е. общие интересы, должны преобладать при определении целей и методов работы. Члены Хехалуц должны быть готовы связать себя с Эрец-Исраэль на всю жизнь. После определенного периода подготовки в диаспоре они обязаны, по Прибытии в Страну, предоставить себя в распоряжение халуцианской организации по меньшей мере на три года. Халуцим прокладывают дорогу и готовят почву для широкой алии. Не каждый, кто собирается ехать в Эрец-Исраэль и работать там, достоин быть членом Хехалуц. Этого достойны лишь те, кто готов отдать себя в распоряжение народа и Страны.

{407} "Материалисты" исходили из предпосылки, что сионизм должен уже теперь создать в Эрец-Исраэль большой отряд рабочих, приспособленных к физическому труду, которые осядут там на постоянное жительство. Хехалуц и должен стать таким отрядом. Заботясь о своих интересах и бытовых нуждах, халуцим тем самым служат интересам всей нации, иначе говоря - созданию национального еврейского центра в Палестине. Поэтому в Страну должны ехать не просто идеалисты, а настоящие труженики, и когда они уверятся, что бежать оттуда не придется, они смогут работать не три года, а больше, сколько потребуется. Во избежание недоразумений "материалисты" подчеркивали, что они не отрицают элемент добровольчества в движении.

В своих резолюциях Харьковское совещание постаралось соединить оба взгляда:

Хехалуц есть авангард трудящихся, эмигрирующий в Эрец-Исраэль для решения проблем колонизации. Его цель - подготовить Страну для народа путем объединения и концентрации сил, готовых посвятить себя этому. Одна из задач движения - проложить путь и создать нормальные условия жизни и труда для его членов, закладывающих основу здорового национального и социального существования народа в будущем в Эрец-Исраэль. Каждый член Хехалуц в диаспоре должен немедленно начать готовить себя к труду. По прибытии в Страну, он обязан предоставить себя в распоряжение Хехалуца на трехлетний срок и жить со своими товарищами на основах взаимопомощи.

Долг каждого участника движения заблаговременно овладеть языком иврит, чтобы пользоваться им в Эрец-Исраэль. В Хехалуц принимаются люди, желающие остаться в Стране на всю жизнь...

До созыва общей конференции делами Хехалуц будет руководить Палестинская комиссия центра Цеирей Цион.

В короткое время к Хехалуцу примкнули многие беспартийные участники и возникло недовольство сильной зависимостью от Цеирей Цион. За беспартийный характер движения особенно боролся {408} Трумпельдор; он имел сильное влияние не только на петроградское отделение Хехалуц, которое он возглавлял и где он был душой всех начинаний, но и на все это движение в России. После Харьковского совещания движение Хехалуц вышло за рамки союзов, состоящих при Цеирей Цион, обретя более широкий и самостоятельный характер. Руководство Цеирей Цион отнеслось с пониманием к такому развитию событий.

Спор между "идеалистами" и "материалистами" не только не прекратился после харьковских резолюций, но перебросился на все движение и продолжался с нарастающей силой. Поначалу в Хехалуц было большое количество образованной молодежи, главным образом, гимназистов. Они настаивали больше на авангардистской роли движения. Однако с приходом в Хехалуц множества рабочих, постепенно усилилось второе течение, рассматривавшее Хехалуц как общенациональную организацию, которая объединяет всех еврейских трудящихся, решивших эмигрировать в Эрец-Исраэль и жить там трудовой жизнью в надежде найти решение еврейского вопроса в целом и таким образом помочь каждому еврею в отдельности.

Летом 1918 года для членов Хехалуц были организованы многочисленные центры подготовки: небольшие хозяйства, огороды и рабочие бригады, нанимавшиеся к сельским хозяевам, особенно в еврейских поселках в Екатеринославской и Херсонской губерниях.

Там работало много халуцим, коллективно и в одиночку. У халуцианского движения в России пока не было руководящего и направляющего центра, но на практике в лидера движения превратился Иосиф Трумпельдор, и все признавали его высший авторитет. Петербургское отделение Хехалуц, возглавляемое Трумпельдором, основало временное бюро для связи с халуцианскими группами в окрестностях города и на периферии страны.

Под руководством этого бюро на севере России возникли отделения и рабочие бригады, и группы на местах охотно принимали инструктаж петроградского отделения. В октябре 1918 года {409} отдельной брошюрой на русском языке вышла статья Трумпельдора : "Халуц, его сущность и ближайшие задачи". Автор дает краткий обзор истории Первой и Второй алии в Палестину, а затем переходит к актуальным вопросам. Он подчеркивает необходимость массовой и организованной алии рабочих людей и говорит, что в организации Хехалуц есть место для всех, кто хочет работать в Палестине руками или головой, признает трудовой характер этой организации и готов трудиться, не эксплуатируя труд ближнего.

Трумпельдор говорит о халуцим-рабочих и халуцим-солдатах, необходимых для самообороны. Однако военные отряды должны формироваться из тех же рабочих, чтобы избежать опасности заражения милитаристским духом. Он также подчеркивал насущную необходимость национализации земель в Палестине. Для обсуждения всех поднятых в статье проблем Трумпельдор требовал созыва общей конференции Хехалуц. Брошюра сыграла важную роль в становлении и сплочении движения.

Несмотря на крайне неблагоприятную обстановку (гражданская война, перебои в сообщении, голод и т. д.), Первая конференция движения Хехалуц собралась в Петрограде 6 января 1919 года. Конференция открылась выступлением Трумпельдора, в котором он подчеркнул необходимость уточнения сущности движения, определения направления работы групп на местах и их объединения на теоретической и практической базе. Как за год до этого на Харьковском совещании, так и на Петроградской конференции развернулась полемика между двумя ведущими течениями по вопросу: Хехалуц - массовое движение трудящихся или авангардная организация.

Конференция проходила три дня и в ночь на 9 января завершилась принятием резолюций.

По вопросу о сущности движения постановили:

Хехалуц является трудовым, надпартийным объединением товарищей,

решивших ехать в Эрец-Исраэль {410} для самостоятельной трудовой жизни без эксплуатации чужого труда. Хехалуц их объединяет и подготавливает, переправляет в Страну и устраивает на работу. (Тем самым точка зрения авангардистов оказалась фактически отвергнутой.)

Цель Хехалуца - создание в Эрец-Исраэль государственного национального центра в полном соответствии с политическими, национальными и общественно-экономическими интересами еврейских трудящихся.

Конференция признает верховные полномочия Всемирного сионистского конгресса и постановляет, что Хехалуц обязан подчиняться его решениям и указаниям.

Организация Хехалуц признает иврит в качестве национального языка в Эрец-Исраэль.

В резолюциях подчеркивалась и необходимость национализации земли в Стране.

В конференции участвовало около 30 делегатов из 25 мест. Делегаты от Украины не могли приехать: там в полном разгаре шла гражданская война. Конференция решила послать на Украину Трумпельдора для установления связи с ее отделениями Хехалуца. Оттуда он должен был поехать в Палестину, чтобы войти в контакт с местными рабочими, выяснить условия жизни и работы и перспективы трудовой алии. Решено было также перевести центр движения в Минск - город с многочисленным еврейским населением и один из крупнейших центров еврейской жизни в России. И хотя постановили, что Хехалуц является беспартийной и независимой организацией, влияние на нее Цейрей Цион не прекратилось и отделения Хехалуца часто обращались за помощью к этому движению.

Петроградская конференция, по сути, была учредительным съездом. Отныне движение Хехалуц начало выступать как скоординированная и дееспособная организация. Она развила многообразную деятельность и привлекла к себе широкие еврейские массы. Она также положила начало Третьей алии в Эрец-Исраэль. Однако очень скоро, с укреплением большевистской {411} власти, эту организацию стали преследовать, как, впрочем, и все другие проявления сионизма и еврейского национализма.

После конференции Трумпельдор отправился на юг России для выполнения возложенной на него миссии. Проездом через Минск, ввиду имевшихся признаки приближающегося погрома, он организовал местную молодежь для

самообороны. Так, на всем своем пути Трумпельдор встречался в городах и местечках с еврейской молодежью, сколачивая группы самообороны и организуя ячейки Хехалуца.

Весною 1919 года Трумпельдор приехал в Крым со своим товарищем и секретарем Иехудой Копелевичем (Иехуда Алмог, один из основателей Кфар-Гилади и инициатор освоения побережья Мертвого моря).

В Крыму Трумпельдор переезжал с места на место, выступал, организовывал группы Хехалуц, устраивал их участников на работу и в центры подготовки и заботился об их пропитании. Главный центр Хехалуц в Крыму был на станции Джанкой, куда собрались несколько сот халуцим, руководимых Трумпельдором.

В конце августа 1919 года Трумпельдор приехал в Константинополь, чтобы оттуда продолжить путь в Палестину с миссией, возложенной на него Петроградской конференцией. В то время до Константинополя добрались несколько крымских халуцим, пустившихся в плавание по Черному морю на лодках и застигнутых штормовой погодой, трепавшей их в море более недели. Трумпельдор остался в Константинополе, чтобы позаботиться об их устройстве, пока они не сумеют ехать в Страну.

Только в конце ноября 1919 года Трумпельдор прибыл в Палестину. Там он попал в гнетущую атмосферу раздоров между двумя рабочими партиями - Ахдут Хаавода и Хапоэль хацаир, и это тяжело сказалось на его настроении.

Он агитировал за сплочение рабочих и создание единой рабочей организации и выступил с воззванием "К рабочим Эрец-Исраэль", которое начиналось следующими словами:

"Русское еврейство выкорчевывается с насиженных мест, {412} массы евреев ждут с котомками за плечами, когда распахнутся ворота Страны. Они стоят на распутье, исполненные горя и надежд". Далее Трумпельдор описывает притеснения и преследования, погромы, убийства и разрушения, насилия над дочерьми еврейского народа - все бедствия, ставшие теперь участью русских евреев. А тут, в Эрец-Исраэль, вместо того чтобы сплотиться и работать во имя массовой алии, занимаются раздорами и разногласиями, не стоящими выеденного яйца!

Воззвание заканчивается так: "Нам будет зачтена за грех минута опоздания. Постарайтесь же выкарабкаться из болота партийности, протяните друг другу руку во имя совместной работы с братским, открытым сердцем. Помогите

решить важный вопрос! Помогите стоящим на пороге Страны вступить в нее!
Спасите их!"

Призыв Трумпельдора со временем был услышан, но самому ему не довелось увидеть осуществление своей идеи. Общербочая организация была основана в Стране через десять месяцев после гибели Трумпельдора при обороне Тель-Хая.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава двадцать первая - ПОД ВЛАСТЬЮ БОЛЬШЕВИКОВ

1. Начало Третьей алии

Начиная с 1904 года и до начала Первой мировой войны (1914 г.) алия в Эрец-Исраэль, известная в истории сионизма и еврейского ишува в Стране как Вторая алия, шла, в основном, из России, как и Первая алия (билуйцы и др. - с начала 80-х годов прошлого столетия и до начала нынешнего века). То же можно сказать и в отношении Третьей алии (1919-1923 гг.), ибо большинство ее участников прибыли из России и стран, входивших ранее в ее состав (Польша, Прибалтийские страны, Бессарабия). С Третьей алией в Страну {413} прибыло более 35 тысяч евреев; ее отличительной особенностью было то, что в большинстве своем это была молодежь - не обремененные семьями юноши и девушки, получившие идейную подготовку в рядах Хехалуца, готовые к труду и обороне, что более всего требовалось строящейся Стране.

Такой приток олим из России (44,5%) и, к тому времени уже независимой, Польши (30,6%) были плодом последних усилий русского сионизма. С укреплением власти большевиков он был почти полностью парализован. Положение сионизма, преследовавшегося при старом режиме царскими властями, несравнимо ухудшилось при большевиках.

Отныне еврейство России лишилось своей роли в сионистском движении и в строительстве Страны, и это явилось невосполнимой потерей для всего всемирного сионистского движения. До Первой мировой войны русское еврейство было душой всемирного сионизма и его ведущей силой. Оно

приняло на себя все трудности строительства Страны: ее заселение, развитие хозяйства, финансовые заботы.

Теперь же, силою политических катаклизмов, оно оказалось оторванным от всемирного сионистского движения и мирового еврейства. Расцвет сионизма в России в короткое время от Февральской революции до Октябрьского переворота был завершающим эпизодом в истории движения. Вейцман в своих воспоминаниях рассказывает: "В период между оглашением Бальфурской декларации и захватом власти большевиками русские евреи подписались на гигантскую по тем временам сумму в тридцать миллионов рублей для сельскохозяйственного банка в Палестине; и вот теперь это, да и многое другое, пришлось списать со счета".

Справедливо говорит Иехуда Слуцкий в "Книге о Третьей алии" (том первый):

- "Сионисты России составляли большинство в движении с самого его начала и наложили свой отпечаток на его структуру. Из недр российского сионизма вышли участники Первой алии, Второй и Третьей, а также большинство идеологов и вождей сионистского {414} движения. С началом революции русский сионизм вступил в короткую полосу подъема и расцвета. Крившиеся в нем могучие силы принесли плоды как в работе по удовлетворению нужд российского еврейства (внутренняя организация общин, основание культурных союзов и еврейских школ, издание газет и книг), так и в работе на пользу Эрец-Исраэль (движение Хехалуц).

Однако после победы большевистской революции сионистское движение было объявлено противником строя, связанным с врагами СССР и отвлекающим еврейских рабочих и интеллигенцию от своих обязанностей по отношению к стране, в которой они проживают, ради "несбыточных фантазий" о еврейском государстве за пределами России.

Указами, гонениями, арестами и ссылками сионистское движение было полностью уничтожено, и ворота СССР наглухо замкнулись перед евреями, желающими уехать в Эрец-Исраэль. Сионистские лидеры - выходцы из России остались и впредь главными идеологами сионистского движения, но теперь они оказались на положении генералов без армии. Обломки русского еврейства, очутившиеся за пределами Советской России (Литва, Латвия, Бессарабия), были немногочисленны, а в других случаях сионизм не успел еще распространиться и пустить глубокие корни в массах (как, например, в Польше). С тех пор и поныне не сложилось общины в диаспоре, которая могла бы заменить еврейство России и взять на себя его роль в жизни нации, и его отсутствие в решающие годы борьбы за Эрец-Исраэль причинило немалый

ущерб процессу развития сионизма в описываемые годы".

Горький сюрприз был преподнесен еврейскому народу и сионизму оттуда, откуда до того никто не ожидал беды: мы имеем в виду англичан, освободителей Эрец-Исраэль от турок.

Декларация Бальфура и завоевание Палестины английскими войсками через год после оглашения этой Декларации создали у еврейского народа в странах рассеяния, у еврейского ишува в Стране и даже в руководящих кругах Всемирной {415} сионистской организации уверенность, что уже недалек день образования еврейского государства. Все надеялись, что при поддержке Великобритании начнется великая эпоха строительства Страны: ее ворота настежь распахнутся перед еврейской алией, евреи со всего света направят свой капитал на историческую родину и сами устремятся туда, чтобы воздвигнуть национальный очаг для еврейского народа. Даже крупные английские политики, и среди них Ллойд-Джордж и Черчилль, тогда полагали и выражали свое мнение публично, что Декларация Бальфура сделает возможным такое развитие событий, которое, в конечном итоге, приведет к созданию еврейского государства. Действительность, однако, перечеркнула все эти мечты.

С завоеванием Палестины английскими войсками турецкий режим, тиранический, прогнивший и враждебный сионизму, был, правда, ликвидирован, и заменивший его английский военный режим навел в Стране порядок и законность; но военные власти не проявляли никакой доброжелательности к еврейским чаяниям, более того - обнаружили враждебное отношение к сионизму и открытую оппозицию Декларации Бальфура. Всеми доступными им путями они действовали против ее осуществления. Решив, что Декларация противоречит интересам Англии, они поощряли сопротивление арабов строительству еврейского национального очага.

В начале апреля 1918 года по договоренности с английским правительством в Страну прибыл Комитет делегатов - сионистское представительство во главе с д-ром Вейцманом. В задачу Комитета делегатов входило быть консультативным органом при оккупационных властях для решения проблем еврейского ишува в духе Декларации Бальфура и в соответствии с ее главной целью - созданием еврейского национального очага.

Кроме того, Комитет должен был служить связующим звеном между еврейским населением и оккупационными властями. С 1921 года обязанности и полномочия этого Комитета перешли к сионистскому {416} Правлению. За

время работы Комитета в Стране часто менялись его руководители, и после Вениамина Комитет возглавляли д-р Давид Идер, Роберт Сольд, Менахем Усышкин и другие.

По прибытии Комитета делегатов в Иерусалим Вейцман нанес визит командующему оккупационными войсками генералу Алленби, вручив ему свои верительные грамоты и рекомендательные письма от Ллойд-Джорджа, Бальфура и других.

Алленби принял Вейцмана учтиво, но не проявил ни малейшей готовности содействовать сионистской делегации в выполнении ее задачи. Вот как Вейцман описывает свои ощущения от этой встречи:

"Мессианские надежды, воссиявшие нам между строк Декларации Бальфура, изрядно потускнели, когда мы вошли в соприкосновение с суровой действительностью генерального штаба... Это было - хотя в те дни, слава Богу, я этого не знал, - началом тяжкого пути, по которому мне суждено было идти почти всю жизнь. Я очутился между молотом и наковальней - английским режимом, неповоротливым, лишенным воображения, консервативным и зачастую недоброжелательным, как военным, так и гражданским, и еврейским народом, нетерпеливым и динамичным, который видел в Декларации Бальфура великое обязательство вернуть ему его страну и родину и который с гневом сопоставлял это с колонизаторской политикой английских властей".

Декларация Бальфура пробудила в еврейских массах веру и надежду, что избавление близко, и возникло стихийное движение за алию. Однако военный режим, введенный англичанами в Палестине, запер ворота Страны перед еврейскими массами. Другим обстоятельством, создававшим тяжкие испытания на пути олим, были из рук вон плохие условия сообщения к концу войны - и морского и сухопутного. Группы халуцим добирались, с опасностью для жизни кочуя с места на место, по дорогам и бездорожью, терпя нужду и лишения. Немалое число их погибло, так и не достигнув цели.

Отдельные олим добрались из Сибири через Японию, иные маленькими группками пересекли многочисленные границы и страны, чтобы прибыть в Иерусалим. Группа халуцим прорвалась через Польшу в Одессу, затем - в Константинополь и вышла на берег Яффы 5 декабря 1918 года.

Через три месяца после них на португальском судне "Мексике" прибыли 115 халуцим из России и Румынии, отправившиеся в путь еще в ноябре 1918 года. Олим-халуцим добирались до Страны всеми способами: группами и в одиночку, на палубах кораблей и пешком через границы. В апреле 1919 года в

Страну прибыли 150 олим из Польши и среди них известная группа 105 халуцим, которая кочевала по суше и по морю с бесчисленными приключениями целых 6 месяцев.

В течение 1919 года одна за другой прибывали в Страну маленькие группки халуцим через Константинополь, Италию и Египет. В августе Иосиф Трумпельдор по поручению Центра российского Хехалуца отплыл из Ялты с небольшой группой халуцим и основал в Константинополе Информационное бюро для поддержания связи между Эрец-Исраэль и халуцианским движением в России. С помощью ЕКО он основал на ферме "Месила хадаша" ("Новый путь") под Константинополем центр подготовки для 50 халуцим из России.

20 декабря 1919 года в Яффском порту бросил якорь корабль "Руслан", доставивший из Одессы более 620 олим. Это была первая столь многочисленная партия: 60 халуцим, высланные из Страны и с началом войны приехавшие в Россию, а теперь возвращавшиеся домой; беженцы, спасшиеся от погромов на Украине; довольно большая группа писателей, учителей, врачей и др.

Все, прибывшие на "Руслане", выехали из России под видом "возвращающихся в Палестину" и были зарегистрированы Одесским комитетом Ховевей Цион как жители Цфата, Иерусалима и т. д. На основании удостоверений Одесского комитета в том, что они {418} являются жителями Палестины, которые возвращаются домой, эти люди получили российские выездные визы, а также въездную визу от английского консула. Судно вышло из Одессы во время правления там белого генерала Деникина. Моше Гольдин (Захави), один из активистов одесских Цеирей Цион, пассажир "Руслана", рассказывает о прибытии в Страну:

"Оказанная нам встреча, когда мы, вымокшие до нитки под проливным дождем сошли с судна, была неописуемо сердечной. М. Усышкин, возглавлявший тогда Комитет делегатов в Иерусалиме, выделил для нашей встречи 1.000 египетских фунтов - сумму по тем временам немалую. Общественная комиссия сделала для нас все, что только возможно. Нас временно поместили в армянский монастырь на территории порта, где мы нашли укрытие от сильного ливня и где нам тотчас же подали "угощение". Все мы были взволнованы вступлением на землю нашей исторической родины... Олим с "Руслана" внесли свежую струю в жизнь ишува, свой вклад во все области деятельности" ("Книга о Третьей алии", том первый).

Алия эта происходила еще до того, как въезд в Страну был официально дозволен британскими властями. Сионистский исполком в Лондоне и Комитет

делегатов в Иерусалиме не слишком приветствовали это стихийное и неорганизованное движение олим, проникавших через государственные границы и опрокидывавших ограничения, введенные в Стране британскими военными властями. В противовес этому в сионистских кругах всех стран царила убежденность в возможности развернутого строительства в Стране, и эти настроения содействовали росту массового движения за алию.

Сионистское руководство в Лондоне и Иерусалиме пыталось разъяснить подлинные трудности в положении Страны и ишува, но не могло остудить пыл, охвативший сионистское движение и массы еврейского народа. Сионистские учреждения в России объявили, что существует возможность алии для "жителей {419} Палестины, возвращающихся на свое местожительство" (наподобие олим с "Руслана") и что английские консулы не слишком вникают в справки, которые им подают олим для получения въездных виз. Однако центральные сионистские органы не поддержали эту инициативу и тем самым привели к ее провалу.

О вспышке алии из России в годы гражданской войны рассказывает Х. Барлас ("Книга о Третьей алии", том первый):

"Борьба между официальной точкой зрения сионистского руководства, требующей сдержанности и осмотрительности в эмиграционной работе, пока не появятся необходимые для нее политические предпосылки, и ощущением народных масс и участников движения в диаспоре, что нельзя упустить момент и надо без долгих рассуждений ехать, селиться и строить, - борьба эта достигла своего апогея в 1920-1921 годах.

Напор в пользу немедленной алии особенно усилился в России и на Украине с волнами гонений и погромов, пережитых евреями во время революции и гражданской войны и повлекших за собой разрушение еврейского быта в городах и местечках.

Палестинские бюро в Варшаве и Константинополе, по ту сторону границы, получали отчаянные мольбы о помощи и передавали эти призывы в центры в Лондоне и Иерусалиме; беженцы из Тифлиса, Владикавказа, Батуми и других мест рассказывали о группах халуцим, проходивших через эти города в направлении границы на пути в Страну с рекомендательными письмами от наших товарищей в Харькове, Екатеринославе, Одессе, Ростове и т. д.

Письма; поступавшие в бюро, содержали также вопросы по поводу дорожных расходов, помощи, на которую олим могут рассчитывать на границах, документах, необходимых для перехода границ".

В письме от 19 августа 1920 года, полученном представителем Сионистской организации в Константинополе, говорилось:

"Положение на Кавказе ухудшилось, Батум отрезан от Грузии, все учреждения ликвидированы, царит террор и люди умирают с голоду. {420} Беженцев необходимо вывезти в Палестину, прежде чем явятся большевики, прихода которых ожидают со дня на день. Многочисленные группы стекаются из Советской России и территорий, находящихся под властью Врангеля (на юге России), во Владикавказ, Грузию, Батум и Константинополь, потому что все прочие границы закрыты".

Массы еврейских беженцев, согнанные со своих мест в России во время большевистского переворота, гражданской войны и погромов на Украине и в Белоруссии, переходили границу в Польшу, Румынию и Прибалтийские страны. Их целью было эмигрировать в Америку или Палестину. Тысячи халуцим и беженцев ютились в приютах для эмигрантов, срочно организованных в Варшаве, Ровно, Вильно, Галаце (Румыния), Кишиневе и других местах. Под влиянием халуцим, прибывших из России с опасностью для жизни и с такими трудностями, халуцианское движение за алию усилилось также в Польше и Румынии. Множество местных юношей и девушек вступали в Хехалуц, переходили на трудовой образ жизни в подготовительных центрах, мастерских и лесах и ждали своей очереди на алию. Но она все откладывалась из-за потока прибывающих из России, бежавших от погромов и гонений, которым предоставлялось право первоочередности на выезд в Страну.

Среди участников этой алии были люди, для которых Эрец-Исраэль служила лишь промежуточной остановкой на пути в другие страны; однако подавляющее большинство олим, и особенно халуцим, приезжали в Страну для того, чтобы здесь жить и строить. Они прибывали по собственной инициативе, не дожидаясь призыва сионистского руководства.

Как уже говорилось, официальные сионистские учреждения в Лондоне и Иерусалиме недвусмысленно противились этой алии, которая была, с их точки зрения, преждевременной. Они считали, что нет смысла в доставке в Страну людей, если для них невозможно приготовить рабочие места и источники существования; и пока в Стране не {421} сложатся необходимые правовые и экономические условия, нельзя везти сюда неимущих, которые будут страдать сами и лягут бременем на ишув и соответствующие учреждения. До того, как такие условия создадутся, в Страну могут приезжать только люди, не нуждающиеся в материальной помощи Сионистской организации, чьи средства были крайне ограничены и недостаточны.

Но, невзирая на эти предостережения, молодые халуцим, движимые самоотверженным порывом, продолжали прибывать любыми путями.

Из-за колебаний и отсутствия размаха в работе в пользу алии накопились отношения между рабочими Страны и Комитетом делегатов, которому организованный ишув сначала оказал радушный и пылкий прием. Вожди рабочих нарушили дисциплину и обратились к халуцим в диаспоре с призывом приезжать наперекор сопротивлению официальных органов.

Атмосфера враждебности идее национального очага, царившая в Стране при британском военном режиме, ослабела; после этого появились более благоприятные внешние условия для строительства Страны, когда военный режим был заменен гражданским.

24 апреля 1920 года конференция Верховного совета союзных-стран в Сан-Ремо (Италия) постановила вручить мандат на управление Палестиной Великобритании, которая будет ответственна за проведение в жизнь Декларации Бальфура. Английское правительство отменило тогда военный режим в Стране, хотя решение конференции в Сан-Ремо должна была еще утвердить Лига Наций (это произошло только через два года - в конце июля 1922 г.).

Верховным комиссаром Палестины английское правительство назначило британского дипломата Герберта Сэмюэля, еврея по национальности и сиониста по убеждениям.

Сэмюэль прибыл в Страну в июле 1920 года. В начале своего пребывания на посту Верховного комиссара он старался поддержать еврейский ишув и действовать в духе Декларации Бальфура и решения в Сан-Ремо.

{422} Его декретом язык иврит был признан одним из официальных языков Страны, наряду с английским и арабским. Он обнаружил также глубокое понимание необходимости алии и установил квоту в 16500 еврейских олим для первого года алии. Тут, однако, проявилась вся неспособность сионистских органов и руководства, оказавшихся недееспособными в те решающие дни. Сионистские учреждения не были готовы к приему такого количества олим. Из общего числа сертификатов (иммиграционных разрешений) использовали лишь тысячу, остальное пропало.

Между тем подняли голову крайние националисты среди палестинских арабов. Их яростное противодействие идее еврейского национального очага в Палестине очень быстро сказалось на политике мандатных властей. Верховный

комиссар отказался от принятой им было линии открытой поддержки сионистских устремлений.

Приказом британских властей после беспорядков и кровопролития, учиненных арабами в мае 1921 года в Яффе, алия была прекращена.

С этого момента еврейский ишув в Стране и всемирное сионистское движение вступили в упорную борьбу с мандатными властями, продолжавшуюся целые десятилетия вплоть до создания Государства Израиль. Важной вехой на пути к независимости стала Третья алия: она влила в ишув новую, свежую кровь после тяжелых ран, нанесенных ему в годы Первой мировой войны.

К началу войны в Эрец-Исраэль было около 85 тысяч евреев: 12 тысяч в сельских поселениях, остальные в городах (в одном Иерусалиме 45 тысяч). Из-за военных бедствий численность евреев сократилась (высылки, отъезд из Страны, высокая смертность в результате эпидемий и т. д.) и ко времени британской оккупации снизилась до 56 тысяч человек. В период Третьей алии еврейский ишув начал увеличиваться и к концу 1922 года достиг довоенных размеров. Третья алия проложила дорогу усилившейся иммиграции в последующие годы. Организованная алия членов Хехалуца, исповедовавших {423} принцип самостоятельного труда и перехода на сельское поселение, заложила одну из основ, на которых возникло Государство Израиль.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава двадцать первая - ПОД ВЛАСТЬЮ БОЛЬШЕВИКОВ

2. Начало послеоктябрьских гонений в России

Спустя пять дней после оглашения Декларации Бальфура, 7 ноября 1917 года большевики захватили власть в Петрограде. Можно сказать, что исторически, для сионизма, Октябрьский переворот явился антитезой Декларации, так как еврейство России - основная сила всемирного сионистского движения - одним ударом оказалось отрезанным от него и всего мирового еврейства, и был положен конец свободному развитию русского еврейства, начавшемуся с таким размахом после Февральской революции.

Победа большевистского режима в России в чрезвычайной степени ослабила практические результаты Бальфурской декларации, так как из дела строительства национального очага в Эрец-Исраэль был исключен самый крупный и самый активный отряд всемирного сионистского движения.

Ко времени Октябрьского переворота Сионистская организация имела по всей России более 1200 отделений и насчитывала 300 тысяч человек - громадная по тому времени цифра. Под руководством Иосифа Трумпельдора было организовано разветвленное движение Хехалуц, охватывавшее тысячи участников и множество центров подготовки к сельскохозяйственной работе и другим формам физического труда для тех, кто собирался ехать в Страну.

Общество Тарбут (Культура) развило широкую культурную и воспитательную деятельность при помощи 250 учебных заведений, где языком преподавания

был иврит: народных школ и гимназий, учительских курсов, курсов для воспитательниц детских садов и др.

В Москве был основан еврейский художественный театр "Габима", завоевавший признание всей интеллигентной России. И все это оказалось обреченным на гибель после свержения большевиками {424} недолговечной демократии.

После Октябрьского переворота, и особенно после разгона Учредительного Собрания 5 января 1918 года, стало ясно, что вся успешная и многообразная деятельность, начатая сионистским движением после Февральской революции, обречена. Тем не менее, сионистский центр в Петрограде и отделения на местах продолжали работать, несмотря на политические затруднения и административные препятствия. И действительно, органам движения удалось выстоять до середины 1919 года.

Выше уже отмечалось, что враждебность по отношению к сионизму и еврейскому национализму в целом была органической частью большевистской идеологии, разработанной Лениным еще в начале нынешнего века.

Он объявил реакционной самую мысль о еврейской нации, и по его стопам пошел Сталин в своей работе по национальному вопросу. Несмотря на это, новые правители сначала не досаждали сионистам, будучи по горло заняты укреплением своей власти в стране.

Так, весной 1918 года сотни еврейских общин в разных концах России провели без помех и с большим успехом "Неделю Эрец-Исраэль". Организация Хехалуц, руководимая Иосифом Трумпельдором, действовала открыто и энергично, и даже продолжали выходить сионистские периодические издания.

Однако Евсекция, еврейская группировка внутри большевистской партии, организовавшаяся в 1918 году, не сидела сложа руки. В ней не было старых большевиков, а были "неофиты" из левого крыла Бунда и социалистов-территориалистов, которые срочно перестроились и примкнули к большевикам, как только те захватили власть.

Они принесли с собой традиционную ненависть их прежних партий к Сиону и, опираясь на аппарат ЧК, получили возможность применить против сионизма грубую силу диктатуры.

Евсекция объявила, что сионизм - это форма контрреволюции среди еврейского населения, т. к. он отделяет еврейский народ в России от

революции и поэтому по нему надо ударить железным кулаком. Евсекция поставила своей {425} задачей борьбу с еврейской "контрреволюцией" (читай - сионизмом), пытаясь тем самым оправдать свое отдельное фракционное существование в глазах правителей, у которых еще не дошли руки до сионистов и их деятельности.

Наступление на сионизм и на язык иврит началось по всей России в 1919 году, после того как в итоге гражданской войны красные захватили Украину. По настойчивому требованию Евсекции Комиссариат по делам национальностей (возглавляемый Сталиным) в июле выпустил циркуляр, в котором объявлялось, что преподавание в еврейских школах должно вестись на идиш, поскольку иврит - язык "реакционный" и "контрреволюционный". Общество Тарбут решило обратиться с протестом к народному комиссару просвещения А. Луначарскому, известному своими симпатиями к еврейскому художественному театру "Габима" и поэзии Бялика.

Когда к нему от имени сионистов пришла делегация во главе с раввином Яковом Мазе, он сказал, что считает объявление какого-либо языка "контрреволюционным" актом вандализма. Последнее слово осталось, однако, не за ним, а за его заместителем профессором истории М. Покровским, председательствовавшим на пленарном заседании комиссариата, где рассматривался этот вопрос. По требованию Покровского 30 августа 1919 года было принято решение запретить преподавание языка иврит во всех учебных заведениях, в том числе вечерних школах для взрослых.

Одновременно с запретом, наложенным на иврит, ЧК на местах начала предъявлять сионистам обвинения в контрреволюции и даже шпионаже в пользу Англии.

Сионистский Центральный Комитет в Петрограде, во главе которого стоял тогда Юлиус Бруцкус, решил обратиться к центральным властям с протестом против этих преследований. Для этого в Москву была послана делегация в составе Ю. Бруцкуса, Ш. Гепштейна и А. Идельсона. Они обратились к председателю ВЦИК М. Калинину и сумели доказать абсурдность {426} возводимых обвинений. В ответ на это ходатайство ВЦИК, по предложению Калинина, 21 июля 1919 года принял следующее решение:

"Поскольку партия сионистов не объявлена контрреволюционной партией и пока культурно-просветительная работа сионистских организаций не противоречит решениям советской власти. Президиум ВЦИКа предлагает всем советским учреждениям не чинить препятствий этой партии в ее вышеуказанной деятельности".

Под этим документом стояла подпись секретаря ВЦИКа А. Енукидзе. Копию документа сионистский Центральный Комитет разослал всем отделениям на местах в надежде, что эта бумага послужит в дальнейшем защитой от преследований; однако это была ошибка, так как формулировка "пока не противоречит решениям советской власти" оставляла широкие возможности для ЧК и доносчиков из Евсекции. В сентябре 1919 года ЧК устроила обыск в помещении сионистского Центрального Комитета в Петрограде, после чего были арестованы и отправлены в тюрьму члены Центра: Ю. Бруцкус, Ш. Гепштейн, А. Зейдеман и другие. Ш. Гепштейн рассказывает в своих воспоминаниях о трагикомическом эпизоде во время пребывания в тюрьме.

Следователь заявил ему на допросе: "Мне известно, что вы ежедневно передаете из подвала своего дома секретную информацию в Лондон на английском языке".

Гепштейн расхохотался: "Во-первых, в моем доме нет подвала, и, во-вторых, по-английски я даже читать не умею!" Шесть недель его держали в тюрьме. Затем следствие было прекращено за отсутствием доказательств.

Однако Евсекция, поддерживаемая ЧК (или ЧК, поддерживаемое Евсекцией), не уgomонилась, и преследования сионистов в городах Украины и России продолжались с нарастающей силой. Сионистский Центральный Комитет по-прежнему пытался сопротивляться и обороняться при помощи решения президиума ВЦИКа от 21 июля 1919 года.

Постановили созвать {427} всероссийский сионистский съезд и провести его в Москве. Некоторые называют этот съезд конференцией, другие - совещанием, но так или иначе это был первый всероссийский слет сионистов после Седьмого съезда в мае 1917 года в Петрограде.

Московская конференция собралась 20 апреля 1920 года при участии 90 делегатов и 19 гостей. В президиум были избраны профессор Цви Белковский, Эфраим Барбаль, д-р Юлиус Бруцкус, инженер Ицхак Виленчук и раввин Яков Мазе.

Два дня заседания проходили беспрепятственно, но 23 апреля, во время послеобеденного пленарного заседания под председательством Ицхака Виленчука, в зал вошли чекисты (среди них - еврейская девица, в прошлом бундовка) вместе с вооруженным отрядом из 50 человек.

Забрали всех присутствующих, и делегатов и гостей. Домой отпустили только престарелого раввина Мазе. Арестованные под конвоем чекистов шли по

улицам Москвы с пением Хатиквы и в сопровождении огромной толпы.

Их доставили прямо в ЧК. Бруцкус предъявил копию решения ВЦИКа, удостоверившего, что сионистская партия не является контрреволюционной. Бумага была прочитана и возвращена Бруцкусу с замечанием:

"Да, но вы не получили специального разрешения на собрание". Бруцкус ответил: "По советским законам легальная организация может собираться без специального разрешения".

Раздался смешок: "Вы знаете законы, но еще не знаете порядков в ЧК. Посидите и познакомьтесь". Сионистов посадили в знаменитые Бутырки, и ЧК объявила, что Сионистская организация является контрреволюционной и что в помещении партии найдены шашки пироксилина.

Их продержали под арестом несколько месяцев. Большинство было постепенно освобождено, а 19 человек, наиболее активных, были приговорены, без суда, к принудительным работам, от шести месяцев до пяти лет.

Но как раз в это время, по поручению американского Джойнта, в Москву прибыли два представителя еврейского рабочего движения, Гарри Фишер и Макс {428} Файн, и начали добиваться освобождения заключенных.

Незадолго до их приезда в "Известиях" появилось опровержение сионистского Центра по поводу якобы обнаруженного в его помещении пироксилина. Сам факт, что опровержение это напечатали, свидетельствовал, что советская власть не готова поддержать злобный и глупый вымысел ЧК.

Все осужденные были помилованы, но с условием, что дадут подписку о полном отказе от дальнейшей сионистской работы. Тем самым сионизм в Советской России фактически был объявлен вне закона. Начались массовые обыски и аресты сионистов, и тысячи их были отправлены в ссылку. Сионистски настроенные студенты изгонялись из высших учебных заведений как "чужеродный и нежелательный в идеологическом смысле элемент".

Ш. Гепштейн рассказывает в своих воспоминаниях, что в те дни встретил в Москве своего бывшего сокурсника архитектора А., старого большевика, с которым у него были хорошие личные отношения. Гепштейн изложил ему все, что пришлось претерпеть ему самому и остальным сионистам, и А. Посоветовал в ответ:

"Вам, сионистам, надо рискнуть и сыграть ва-банк, то есть обратиться к Ленину. Все зависит, в конце концов, от него. Я советую действовать через Горького".

Гепштейн вспомнил, что в свое время Горький проявил доброжелательное отношение к сионизму, и обратился к нему через одного из его приближенных. Горький пообещал Гепштейну поговорить с Лениным о разрешении сионистской деятельности.

Через несколько дней Горький передал ему содержание состоявшейся у него с Лениным беседы, итоги которой оказались достаточно печальными.

Ленин категорически заявил Горькому, что к сионизму он относится крайне отрицательно.

Во-первых, - сказал Ленин, - национальные движения реакционны, ибо история человечества есть история классовой борьбы, в то время как нации - выдумка буржуазии; и потом, главное зло современности - государства с их армиями.

Государство является орудием, с помощью которого меньшинство властвует {429} над большинством и правит всем светом. Основная задача - уничтожение всех государств и организация на их месте союза коммун. Сионисты же мечтают, как бы прибавить еще одно государство к уже существующим...

Это мнение Ленина о сионизме, высказанное в беседе с Горьким, служит еще одним подтверждением тому, что Евсекция не могла бы действовать против сионизма, не будь на то воля большевистской власти.

Ввиду гонений на сионизм и сионистов в Советской России всемирное сионистское руководство решилось на попытку достигнуть соглашения с советской властью, которое облегчило бы участь российского сионистского движения.

Эта миссия была поручена члену Комитета делегатов д-ру Д. Идеру, из английских сионистов, приехавшему с этой целью в январе 1921 года в Петроград.

После устных переговоров с народным комиссаром по иностранным делам Г. Чичериним, Идер направил ему 5 февраля меморандум, где, в частности, говорилось: сионистское движение не вмешивается во внутренние дела Советской России и, тем не менее, работа в пользу Палестины и еврейской культуры полностью парализована.

Идер просил Чичерина: разрешить деятельность сионистских учреждений и эмиграцию в Палестину, хотя бы в самых скромных размерах, не более 5 тысяч человек в год; позволить русским сионистам участвовать во Всемирном Сионистском конгрессе осенью 1921 года (Двенадцатый конгресс в Карлсбаде); дать возможность ему (Идеру) выступить с докладом на собрании сионистов с аудиторией в 200-300 человек о положении в Палестине; разрешить ему издать за свой счет в виде брошюры текст этого доклада для распространения исключительно среди российских сионистов ("конечно, после проверки, как это положено, цензурой").

На меморандум Идера Чичерин ответил 10 февраля 1921 года: в России евреи свободны, как нигде в мире. Они сами решают свои дела. Если же имеются {430} преследования определенных групп и учреждений, то такова воля большинства среди самих же евреев.

Учить иврит у себя на своей частной квартире никому не воспрещается. А что касается разрешения сионистских организаций, то ведь существуют две такие партии: социал-демократическая партия Поалей Цион и коммунистическая партия Поалей Цион, и они вправе вести агитацию в пользу Палестины. Они могут также посылать своих делегатов и на сионистский конгресс, но этот вопрос никогда ими не ставился...

Власти наказывают не за сионизм, а за преступления и нарушения советских законов. Что до эмиграции еврейской молодежи в Палестину, то рабочая сила нужна здесь, на месте, и, кроме того, есть затруднения с транспортом.

Лицемерие и цинизм этого ответа Чичерина не требуют комментариев.

Покидая Россию, Идер в письме к Чичерину от 15 февраля выразил благодарность за оказанное ему гостеприимство. Вместе с тем он отверг доводы комиссара по иностранным делам.

Миссия Идера в 1921 году оказалась, пожалуй, более неудачной, чем аналогичные миссии Герцля в 1903 году и Вольфсона в 1908 году в эпоху Николая II, ибо новая Россия, с точки зрения общественных свобод, проявила себя еще более жестокой, чем царская.

Отныне для русских сионистов наступила эра подполья. Но ветеранам движения нельзя было долго действовать таким методом, потому что они были слишком известны властям. И, тем не менее, они еще несколько лет работали нелегально, невзирая на то, что большинство их было очень пожилыми людьми, неприспособленными к работе в подполье. Им оставалось, таким

образом, либо эмигрировать, либо укрыться в глубинных просторах России, подальше от ее центров. Начиная с 1926 года тяготы нелегальной сионистской работы приняли на себя представители молодого поколения, принадлежавшие в большинстве к рабочему сионистскому движению с его разными организациями и течениями.

{431} Лидеры российского сионизма и его деятели-ветераны, которым удалось покинуть пределы России в начале 20-х годов, эмигрировали, в основном, в европейские центры - Берлин, Париж, Лондон, и лишь малое число приехало в Эрец-Исраэль.

Правда, с течением времени в Страну они прибыли почти все, но в первые годы эмиграции большинство осело в Западной Европе и образовало два центра: в Лондоне и Берлине. Многие лидеры российских сионистов включились в политическую деятельность Всемирной сионистской организации. Эту свою работу они продолжали до утверждения Лигой Наций британского мандата на Палестину, т. е. до 1922 года. Они создали в Берлине особое объединение, куда вошли все сионисты из России, проживавшие в Западной Европе (Имеется в виду "Организация русско-украинских сионистов за границей", созданная во время Двенадцатого сионистского конгресса в Карлсбаде и признанная руководством Всемирной сионистской организации как "экстерриториальная федерация". - Прим. ред.).

Ш. Гепштейн (умер в Стране) рассказывает в своих воспоминаниях об одном из собраний российских сионистов в Берлине весной 1922 года, где Л. Моцкин, ветеран российского сионизма, сподвижник Вейцмана и Соколова, доложил о положении дел с британским мандатом. Обзор Моцкина был оптимистичным, но в заключение он сказал: "И все-таки не исключено, что в Лиге Наций мандат не утвердят". Встревоженный этим замечанием Моцкина, Гепштейн спросил его:

"Но что же тогда будет с нами, российскими сионистами, ведь покинув Россию, мы сожгли за собой все мосты?" Моцкин ответил: "Менее всего меня беспокоят именно русские сионисты. Если дело провалится, они поведут борьбу заново. В моей жизни я трижды заново брался за сионизм: во времена Ховевей Цион, на Первом конгрессе с Герцлем и теперь - с Вейцманом. Если нас постигнет неудача - начну в четвертый {432} раз".

И Гепштейн заканчивает свой рассказ: "К счастью, ему Моцкину не пришлось начинать все заново, в четвертый раз: 24 июля 1922 года Лига Наций утвердила британский мандат на Палестину".

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС](#) =

---

mail.ru	1372
3685350	124

HotLog
1048159 +143

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ - СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава двадцать первая - ПОД ВЛАСТЬЮ БОЛЬШЕВИКОВ

3. Сионистское движение в подполье

После неудачи миссии д-ра Идера в Петрограде в 1921 году, когда он от имени всемирного сионистского исполкома вел переговоры с наркомом по иностранным делам Чичериным о разрешении работы в Советской России в пользу Палестины, для русских сионистов настала эпоха подполья.

Еще незадолго до этого (в 1920 г.) в Москве было создано Центральное сионистское бюро во главе с Элиэзером Чериковером, которое приняло на себя руководство нелегальной сионистской деятельностью на всей территории России взамен сионистского Центра в Петрограде, вынужденного, по условиям режима, прекратить работу.

Кроме Чериковера, в Центральном бюро активно работали профессор Цви Белковский, Саадия Гольдберг, д-р Арье Быховский, Моше де-Шалит и другие. Секретарями бюро поочередно были: Залман Сеглович, Арье Ценципер (Рафаэли) и Менахем Ривлин.

Ввиду того, что по приказу советских властей были закрыты все сионистские газеты, бюро начало тайно выпускать информационный листок, печатавшийся на пишущей машинке. Он распространялся по всем российским отделениям и содержал сведения о том, что происходит в Эрец-Исраэль и во всемирном сионистском движении. Листок, равно как и письма, не рассылался по почте, а доставлялся специальными связными, которые, при своем возвращении в

Москву, привозили в Центральное Бюро информацию о положении в отделениях. Так, с помощью странствующих инструкторов, Бюро поддерживало связь с движением в стране. После того как значительной части активистов удалось выбраться из России и уехать в Эрец-Исраэль, в {433} Центральном бюро в Москве остались только три человека, продолжавших тайно руководить делами движения: профессор Цви Белковский, С. Гольдберг и д-р А. Быховский (в 1924-1925 гг. они также уехали в Эрец-Исраэль).

В 1922 году Бюро провело в Москве два всероссийских сионистских совещания: одно 30 апреля и второе в конце года. Бюро также вело большую работу по отправке в Эрец-Исраэль евреев из числа репатриантов - уроженцев Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, которым разрешили вернуться из России в свои страны. Бюро находилось в контакте с центром Хехалуца и заботилось о получении в английском консульстве палестинских виз для халуцим. Кроме того, Бюро основало эмиграционный фонд для оказания материальной поддержки отъезжающим олим и халуцим.

В марте 1924 года члены Центрального бюро были арестованы. Их ждала ссылка в административном порядке в Среднюю Азию, но ее удалось избежать: для них раздобыли разрешения на въезд в Палестину, и, по их просьбе, ссылка была им заменена высылкой из России навечно.

Массовые гонения на сионистов из года в год усиливались и наказания все более ожесточались.

Только за одну ночь на 2 сентября 1924 года в 150 населенных пунктах по всей России было арестовано около 3 тысяч сионистов. Аресты продолжались и после. Вместе с тем власти отказались от показательных процессов над "контрреволюционерами с еврейской улицы", так как убедились, что симпатии еврейской широкой публики оказываются именно на стороне обвиняемых и судимых сионистов. Поэтому судебное следствие и вынесение приговора происходило за закрытыми дверями.

В большинстве случаев сионистов приговаривали к сроку от трех до десяти лет принудительных работ в лагерях, сначала в центральной России, а позднее в Сибири, на Урале, в Киргизии, Средней Азии, а также на Соловецких островах, где суровый климат и ужасные условия содержания постепенно физически убивали заключенных.

Эта волна преследований нанесла {434} тяжелый удар подпольному сионистскому движению, состоявшему, начиная с 1925-1926 годов, в основном из течений трудового сионизма (сионисты-социалисты, Цеирей Цион и

связанные с ними молодежные организации).

Тем не менее движение не было сломлено. В то время как остальные старые социалистические организации, русские и еврейские, фактически прекратили свое существование из-за преследования властей, сионистско-социалистическое движение отличалось смелостью действий своих организаций и союзов, их публичными и нелегальными выступлениями, как, например, массовыми демонстрациями, распространением листовок в тысячах оттисков и т. д. (Такой факт, в частности, был авторитетно засвидетельствован в свое время Ицхаком Виленчуком, одним из руководителей Цеирей Цион, в меморандуме Центру Хапоэль хацаир от 15 апреля 1926 года.).

Это вызывало немалое раздражение у тоталитарной власти и ее подручного, специалиста по "еврейскому вопросу", - Евсекции.

Власти пытались по возможности расколоть движение изнутри и деморализовать его ряды. Обманом и принуждением они старались выудить у заключенных, особенно у членов молодежных организаций, письменное раскаяние в своих прошлых действиях и заявление, что они решили порвать с сионизмом. В тех случаях, когда ГПУ это удавалось после обещания, что подписка об отходе от сионизма не будет предана гласности, эти заявления с шумом публиковались в газетах. Такая практика властей не раз приводила к самоубийству обманутых следователями юношей и девушек.

Но патриоты в сионистском рабочем движении самоотверженно продолжали борьбу, невзирая на все опасности, и место тех, кого забирали, бросали в тюрьмы и ссылали, заполняли другие. Так продолжалось до конца 20-х и начала 30-х годов, когда сионизм как активное движение был окончательно подавлен.

Выше уже рассказывалось о попытке договориться с советскими властями, предпринятой сионистским {435} движением в 1921 году, чтобы достигнуть некоего "модуса вивенди". После провала миссии д-ра Идера, еще две попытки в том же направлении были предприняты в 1925 году.

Когда комиссар по иностранным делам Чичерин находился в Берлине, к нему пришла еврейская делегация по поводу непрекращающихся преследований сионистов в России.

В составе делегации были профессор Альберт Эйнштейн, глава немецких раввинов д-р Лео Бэк, глава общества "Эзра" д-р Пауль Натан и глава сионистской федерации в Германии д-р Курт Блюменфельд.

Чичерин заверил делегацию, что советское правительство не чинит никаких препятствий сионистской работе и никого не преследует за его веру и убеждения. Напротив, оно старается привлечь сионистов к сотрудничеству в деле поселения евреев на земле в СССР.

Чичерин также отрицал преследование языка иврит, а в отношении гонений на сионистов по Советской России в целом сказал, что об этом "он не имеет никаких сведений"

(Таким был и остался до наших дней метод советской власти - вводить в заблуждение общественное мнение на Западе относительно политического террора в Советском Союзе в целом и его направленности против еврейского национализма в частности. "Рабочим делегациям", прибывавшим (вернее импортируемым) из европейских стран в СССР, показывали образцово отобранные тюремные камеры, где гости не находили ни сионистов, ни социалистов, о чем и рассказывали по возвращении на родину. Делалось это очень просто - на время посещения делегаций заключенных переводили в другие места, а потом привозили назад.)

Летом 1925 года была сделана еще одна попытка договориться с советскими властями. Два известных в Москве сиониста - инженер Ицхак Рабинович, в прошлом председатель спортивного общества "Маккаби" (до его ликвидации), и знаменитый пианист, профессор Давид Шор, - подали 25 мая краткий меморандум исполняющему обязанности председателя ВЦИК П. Смидовичу по поводу гонений на сионистов в {436} Советском Союзе.

К меморандуму, содержащему изложение основных принципов сионизма, был присоединен большой список арестованных сионистов, мест их заключения, полученных ими сроков, а также приведена общая цифра всех арестованных за сионизм по положению на март 1925 года. В меморандуме выдвигались следующие требования:

- 1) прекратить преследования сионистов всех течений и освободить всех арестованных;
- 2) разрешить эмиграцию в Палестину и создание общества для этой цели;
- 3) предоставить языку иврит те же права, что и языкам остальных национальных меньшинств в СССР. Копия меморандума была послана также председателю Совнаркома А. Рыкову.

Ицхак Рабинович и Давид Шор, чьи подписи стояли под меморандумом, 29

июня были вызваны на заседание ВЦИК. В нем участвовали и два старших сотрудника ГПУ. Председательствовал Смидович. Сотрудники ГПУ обвинили сионистов в распространении листовок, подстрекающих население против советской власти, и зачитали соответствующие отрывки. Кроме того, они напомнили о соглашении Жаботинского со Славинским, членом правительства Петлюры.

Вокруг этого соглашения в свое время бушевали страсти, и вот вкратце его история. 4 сентября 1921 года на чехословацком курорте Карлсбад было заключено соглашение между Жаботинским и М. Славинским, представителем правительства Петлюры, который готовился к походу на советскую Украину.

Для того чтобы предотвратить повторение погромов, соглашением предусматривалось создание еврейской полиции с задачей охранять еврейское население в местностях, которые будут заняты войсками Петлюры. Было оговорено, что эта полиция не будет принимать участие в военных действиях. Предполагаемый поход на Украину так и не состоялся, и соглашение осталось на бумаге. Однако сам факт переговоров с правительством Петлюры вызвал ожесточенную дискуссию в еврейской печати во всем мире.

Особенно возмущались, разумеется, еврейские коммунисты, и Евсекция в Советской России {437} использовала это дело для еще большего преследования сионизма и его дискредитации в глазах советских руководителей. В газетах Евсекции появлялись тогда статьи под характерными заголовками: "Сионистский нож в спину революции!", "Жаботинский объединился с Петлюрой для борьбы против Красной Армии!" (Атаман Семен Петлюра, как известно, правил на Украине после ухода оттуда немцев по окончании Первой мировой войны. Дни его правления были отмечены погромами и убийствами десятков тысяч евреев. Когда Украину захватили большевики, Петлюра бежал в Париж, где был убит (1926 г.) Шаломом Шварцбардом, считавшим его ответственным за это. Французский суд Шварцбарда оправдал.).

И вот, на заседании ВЦИК в Москве в конце июня 1925 года по вопросу о сионистском меморандуме, сотрудники ГПУ вытащили из портфеля, среди прочих "грехов" сионизма, соглашение Жаботинского со Славинским.

Авторы меморандума, конечно, опровергли клевету насчет присоединения сионистов к войскам Петлюры для борьбы против Красной Армии и подчеркнули, что единственной целью соглашения было - предотвратить новые еврейские погромы. Заседание ВЦИК закончилось принятием расплывчатого и уклончивого решения по меморандуму. Дополнительные

переговоры с той же целью добиться разрешения сионистской деятельности в Советской России, которые велись еще несколько месяцев с представителями советской власти, завершились 16 марта 1926 года арестом Ицхака Рабиновича и его высылкой на три года в Казахстан. Одновременно арестовали еще сто сионистов.

Аналогичная участь постигла и деятелей еврейской культуры, боровшихся за право преподавать в школах наш национальный язык.

Октябрьский переворот, отрезавший еврейство России от всемирного сионистского движения и активного {438} участия в строительстве Эрец-Исраэль, не прервал сразу алию из России. Верные идеям сионизма халуцим, стремясь присоединиться к строителям Страны, использовали все пути, открытые и закрытые, явные и тайные, не останавливаясь перед смертельным риском.

С начала Третьей алии (1919г.) до середины 20-х годов (начало Четвертой алии) в Эрец-Исраэль из России прибыло около 20 тысяч человек. После 1925 года, когда за один год приехало около 8 тысяч человек, число олим резко упало. Всего с 1925 до середины 1936 года из России прибыло около 12,5 тысяч человек.

В годы 1937-1945 алии из России не было, поскольку в этот период границы СССР были герметически закрыты для выезда за рубеж. Новый поток, но весьма незначительный, начал поступать в Страну из России после Второй мировой войны, в 1946 году, в рамках объединения семей. То были, в основном, репатрианты из России в Польшу и Румынию, откуда они прибывали в Эрец-Исраэль.

Таким образом, в конце 20-х и начале 30-х годов сионизм в СССР как массовое движение был подавлен, но он продолжал существовать как идея и чаяние русских евреев.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

{439} ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы рассмотрели роль, которую сыграло русское еврейство во всемирном сионистском движении (начиная с времен Хибат Цион), вклад евреев России в строительство Страны, в создание основ Еврейского государства и становление Государства Израиль. Исторические факты говорят сами за себя: организация билуэцев и Первая алия; Вторая алия и возникновение рабочего движения; Трумпельдор, Хехалуц и Третья алия;

создание сил самообороны в Стране (Хашомер, Хагана); сельскохозяйственные и, в особенности, трудовые поселения (квуца, кибуц, рабочий мошав); развитие индустрии и разнообразных форм кооперации; развитие еврейского просвещения, еврейской литературы, изобразительного и прикладного искусства; пресса, здравоохранение, социальное обеспечение, общественные движения, освоение земель, организации рабочих, промышленников и т. д. - во всем этом, равно как и в политическом руководстве - с начала Сионистской организации и ишува в Стране, а затем и Государства Израиль, - очень велико влияние российских сионистов, идейное, нравственное, социальное, общественное, и велик их материальный вклад.

После Октябрьской революции из-за враждебности советского строя к сионизму и еврейскому национализму вообще, еврейство России на протяжении полувека находилось в полной изоляции от всемирного сионистского движения и было лишено возможности принимать активное участие в строительстве Эрец-Исраэль.

На праздновании 25-летней годовщины кибуца Афиким в Иорданской долине (1950 г.), основанного пионерами сионистско-социалистического нелегального молодежного движения в Советской России (Хашомер хацаир), Давид Бен-

Гурион, глава израильского правительства того времени, сказал о еврействе России следующие слова:

{440} "Трудно оценить потерю, которую понес за эти годы наш народ.

Если б этому замечательному халуцианскому еврейству была дана возможность продолжить работу, начатую его билуицами, очень может быть, что еще до Второй мировой войны вся Эрец-Исраэль стала бы многомиллионным еврейским государством. И возможно, что страшная катастрофа, постигшая народ в период нацизма, была бы предотвращена" ("Книга об Афиким", 1951 г., стр. 411).

Однако пути истории, в особенности истории еврейского народа, неисповедимы. Сегодня, по прошествии 27 лет с тех пор, как эти слова были произнесены, тот факт, что свыше 120 тысяч советских евреев проживают в Эрец-Исраэль и принимают активное участие в ее возрождении и в строительстве Государства Израиль, доказывает - советское еврейство не потеряно для нашего народа.

Катастрофа, постигшая еврейский народ в период Второй мировой войны, массовое истребление почти всего восточно-европейского и значительной части советского еврейства во время гитлеровской оккупации привели евреев СССР к осознанию общности судьбы нашего народа.

Начавшаяся еще до Второй мировой войны кампания подавления и искоренения еврейской культуры и еврейского воспитания в Советском Союзе значительно усилилась после окончания войны.

Антисемитизм, подспудно тлевший долгие годы, стал явно поощряться враждебными по отношению к евреям мероприятиями советского правительства. Однако, вопреки планам правительственных кругов, стремившихся к полному уничтожению еврейской самобытности, все эти события привели к новому пробуждению и укреплению национального самосознания среди евреев СССР. Массовая демонстрация солидарности с еврейским государством, энтузиазм, с которым первый посол Израиля Голда Меир была встречена московскими евреями, готовность десятков тысяч советских евреев вступить в Армию Обороны Израиля доказали, что и советский {441} строй не решил "еврейского вопроса".

Начиная с 1948 года советское правительство начало беспрецедентные репрессии по отношению к евреям СССР. Травля в прессе носила явно юдофобский характер. Были ликвидированы почти все еврейские учреждения

в области печати, воспитания, культуры и искусства. Своего кульминационного пункта преследования достигли в деле еврейских врачей, обвиненных в стремлении "путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза".

Дело было прекращено только после смерти Сталина. Впоследствии стал известен также проект Сталина об изгнании евреев из европейской части СССР, якобы с целью защиты их от "справедливого гнева народных масс". Репрессии против евреев не прекратились и после смерти Сталина, и некоторое время казалось, что советским властям на самом деле удалось подавить борьбу евреев СССР за свое национальное существование.

Однако победа Израиля в Шестидневной войне, вновь усилившаяся антиизраильская и антисемитская травля в СССР, убеждение, что победа в Шестидневной войне знаменует конец эпохи беззащитности и бездомности нации, послужили стимулом к беспрецедентной в истории Советского Союза открытой борьбе евреев за право репатриации в Израиль. Ответные репрессии и преследования вызвали со стороны евреев реакцию, диаметрально противоположную ожиданиям властей. Судебные процессы против активистов алии в Риге, Одессе, Харькове и, главным образом, в Ленинграде вызвали бурю протестов. Движение за репатриацию распространилось по всему Советскому Союзу.

Несмотря на аресты, ссылки и гонения, организовывались курсы по изучению иврита и устраивались демонстрации молодежи; работы о еврейской истории, о еврейской культуре и об Израиле публиковались в еврейском Самиздате. Под давлением мирового общественного мнения, советским властям пришлось отступить, и с начала 70-х годов в Израиль начали прибывать десятки тысяч евреев из СССР.

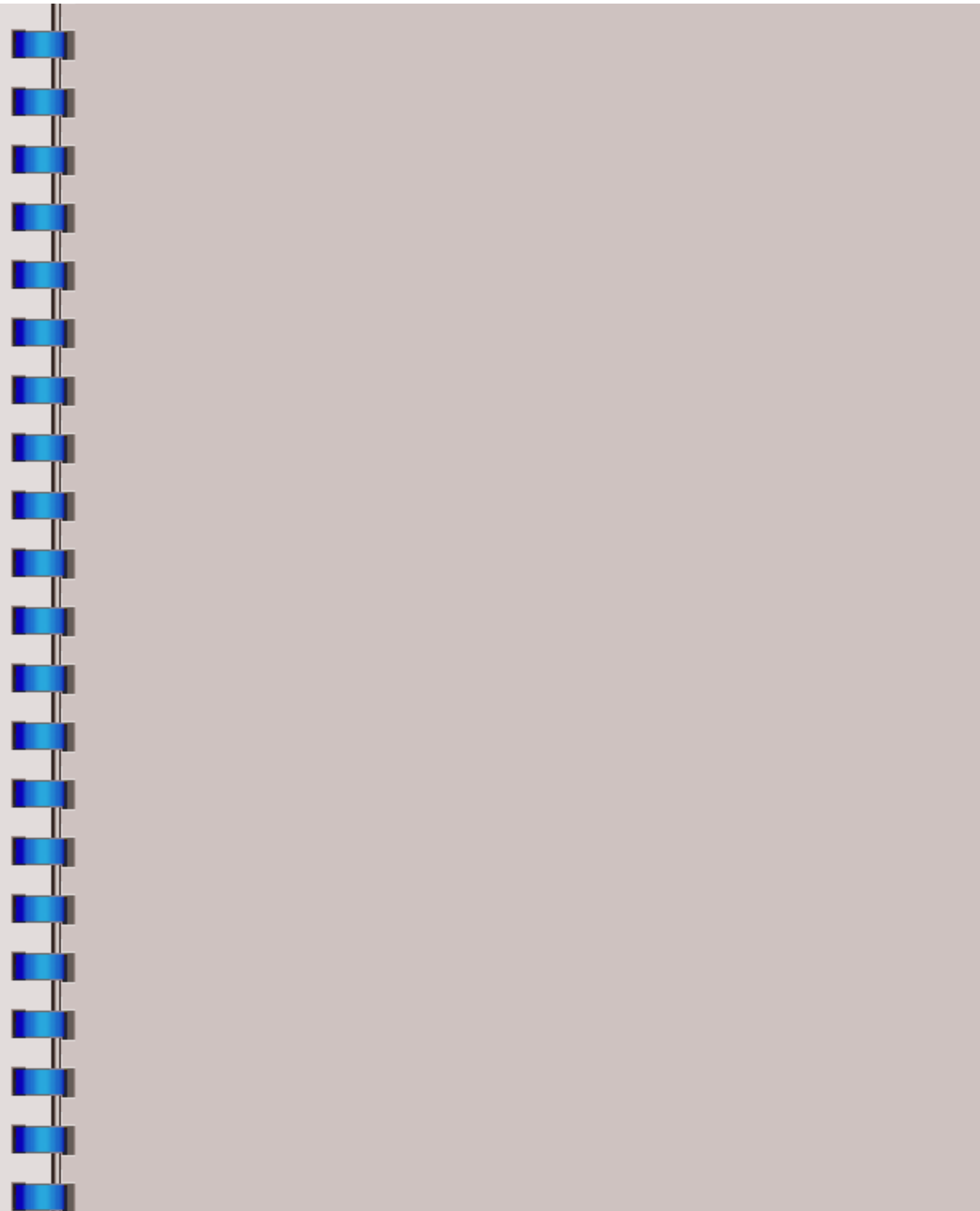
{442} Эпопея возрождения сионизма в СССР выходит за рамки предлагаемого читателю исторического труда. Она заслуживает особой оценки и подробного описания. В Израиле проводится огромная работа по собиранию документов и интенсивному исследованию этого поразительного процесса, продолжающегося и по сей день. Есть основания предполагать, что в недалеком будущем результаты этой работы будут опубликованы.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абдул Хамид 84, 88, 109

Авиновицкий, Ф. 100

Айзенштадт, Шмуэль 349

Алейников, Михаил 348

Александр I 11

Александр II 7, 9

Александр III 9, 11,20,31, 198,299

Алленби, Эдмунд Генри 398,416

Алмог, Иехуда, см. Копелевич, Иехуда

Алталена (псевд.), см. Жаботинский, Владимир Амфитеатров, Александр 390,392

Ан-ский, Шломо З. 376, 402

Ариэль, см. Фишер, Иосеф

Арлозоров, Хаим 153

Аронович, Иосеф 255, 266, 283, 284, 309

Ахад-Гаам 19, 20, 45, 61, 62, 71, 102, 124, 125,

126, 127, 128, 129, 132, 139, 140, 335, 336, 340,

360, 377

Б

Бальфур, Артур Джеймс 2, 58, 87, 327, 337, 338,

377, 383, 384, 416

Барбаль Эфраим 427

Бар-Иехуда, Исраэль, см. Идельсон, Исраэль

Барлас, Х. 419

Бахрах, Яаков 28

Бейлис, Мендель 43, 315, 316, 374

Бейн Алекс 186

Бекер, Цви 265

Белкинд, Исраэль 20, 21, 127

Белковский, Григорий (Цви) 44, 46, 92, 127, 129, 184, 234, 427, 432, 433

Бен-Ами, М. 64, 139

Бен-Ами, Пинхас (псевд.), см. Рутенберг, Пинхас

Бен-Гурион, Давид 266, 397, 404, 439

Бен-Иехуда, Хемда 127

Бен-Иехуда, Элиэзер 8, 9, 86,126

Бентвич, Герберт (Цви) 248,251

Бен-Цви, Ицхак 255, 265, 266, 283, 284, 285, 393,

397,404

Бен-Элиэзер (псевд.), см. Сыркин, Нахман

Бергер, Ицхак 122, 405

Беркович, М. 40

Берман, Василий (Зеэв) 27

Бернштейн-Коган, Яаков 55,56,59,60,91,93, 102, 104, 105, 108, 109, 110, 128, 136,
156, 170, 178, 184, 186, 225, 228, 244, 245,349,374

Бикерман, Я. 230

Бирнбаум, Натан 43, 46, 48

Блинов, Николай 207, 208, 225

Блюменфельд, Курт 435

Бограшов, Хаим 254

Боденхеймер, Макс Исидор 280,294,327, 328

Бомаш, Меир 299

Борохов, Бер 202,218,220, 224

Брайнин, Реувен 64

Брамсон, Л. 230

Брандес, Луи 330

Бреннер, Иосеф-Хаим 266

Брук, Григорий 92,93, 121, 123,184,293

Брук, Моше 349

Бруцкус, Ю. 159,192,242, 245, 356, 374, 425, 426, 427

442, 443

Бубер, Мартин 107,110, 314

Буки-Бен-Иогли (псевд.), см. Кацнельсон, Л.

Бухмиль, Иехошуа 348, 357

Быховский, Арье 432, 433

Бэк, Лео 435

Бюлов, фон 85, 86, 87, 88

Бялик, Хаим Нахман 128, 133, 137, 139, 309, 314,

391,425

В

Варбург, Отто 226, 227, 228, 244, 248, 259, 281,294, 296, 310,315, 326, 327

Вейцман, Хаим 47,57,77,90, 99,100,102,104,107, 110, 111,114, 115, 116,127,
129,180,190,224,245, 249, 250, 256,280,285, 293,310,312,313,314,

335,336,337,338,339, 341,342,360,377,378, 380,382,383, 385, 386, 390, 392,
396,413,415, 416,431

Виленский, И.Л. 59,348

Виленчук, И. 302,403,427, 434

Вильбушевич, Н. 213

Вильгельм II 84, 85, 86, 87, 88,90,96, 103

Вильскер, И. 303

Винавер, Валентина 302

Винавер, М. 230

Виткин, Иосиф 263,264

Витте, Сергей Юльевич 161, 162,170

Вольф, Люсьен 157,340,382

Вольфсон, Давид 58,73,92, 225,228,244,252,258, 259,268,270,271,272,
273,274,279,280,281, 285,286, 288,289,291, 293,294,296,297,305,
308,310,314,315,430 Врангель, генерал 420

Г

Гастер, Моше 251

Гейгер, Авраам 113

Гепштейн, Ш. 233,425, 426,428,431

Герцль, Теодор 1,18,19, 26,35,36,37,38,39,40 41, 42,43,44,45,46,47,
48,49,50,54,57,58,59, 60, 61,62,63, 64,65, 66, 67,68,69,70,71,72,73,
74,78,84,85,86,87,88, 89, 90, 91,92,94, 95, 96, 97,100,101,103, 104, 106, 107,
108,109,110, 111,112,113,115,116, 117,118,124,125,128, 130,131,132, 152,153,
154,155,156,157,158, 159,160, 161, 162, 163, 164, 165,166, 167, 168, 170, 171,172,
173, 176, 177,180,183,184,185, 186, 188,189, 190, 191, 192, 193,208,210,212,
217,224,225,228,229, 231,242, 244,248,249, 252,270,271,272,273, 274, 281,
289,296,304, 307, 310, 314, 384,393, 430,431,438

Гесс, Моше 65, 82

Гиббонс, майор 213

Гилады, Израэль 265

Гинзбург, Саул 159

Гинцберг, Ашер, см. Ахад-Гаам

Гирш, барон Морис де 39, 97

Гирш, Ш. 21, 22

Гитлер, Адольф 132

Гликсон, Моше 349

Глускин, Зеэв 333

Голомб, Элияху 397

Гольдберг, Борис 116,117, 129,230,239,245,268, 272, 276, 286, 287, 328, 330,340

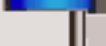
Гольдберг, Ицхак-Лейб 184, 220,242,315, 382 Гольдберг, Саадия 432, 433

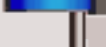
Гольдин (Захави), Моше 418

Гольдин. Рахель, см. Янаит (Бен-Цви), Рахель Гольдштейн, Александр 232, 233,239,281,299,348,

358,374, 379,382

Гордон, Аарон Давид 261, 262,263,266

Горовиц, Хаим Дов 127

Горький, Максим 390, 428, 429

Гофсмантиль, Гуго фон 116

Грановский, Я. 303

Грец, Генрих 26,113

Гринбаум, Ицхак 220, 239, 245, 278, 279, 348, 356,

357, 358, 359, 372, 387, 391

Гринберг, Г. 250

Гринберг, Леопольд 226, 228, 244

Гринберг, Хаим 363

Грингауз, Нахум 118

Гроссман, Меир 355

Грузенберг, Оскар 43, 299, 374

Грузенберг, Самуил 43

Гуревич.И. 299

Гурлянд, З. 128

Гюисманс, Камиль 380

Д

Дашевский, Пинхас 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148

Де-Лима, Нехемия 327

Делькассэ, Т. 389

Деникин, генерал 418

Де-Шалит, Моше 432

Джамаль-паша 331, 397, 404

Дизенгоф, Меир 27

Дизраэли, Бенджамин 336

Динабург, Бен-Цион, см. Динур, Бен-Цион

Динур, Бен-Цион 350,351, 360,376

Долицкий, М.М. 33

Дон-Яхья, Иехуда-Лейб 118

Дрейфус, Альфред 36, 37, 38

Друянов, А. 278,356

Дубнов,С. 139, 140,144, 195,230,350

Е

Евзеров, А. 302

Екатерина II 10, 11

Ельский, И. 221

Енукидзе, А. 426

Ж

Жаботинский, Владимир (Зеэв) 193,218,219, 220, 234, 236,240,245,
288,299,308,329,330, 331,332,333,334,335, 340,341,342,355,356,
376,388,389,390,391, 392, 393, 396, 397,399, 400,401,436,437

Жорес, Жан 38

З

Зайд, Александр 265

Зангвилль, Исраэль 40, 62, 74, 182,226,227,283, 396 Захави, Моше, см. Гольдин,
Моше

Зейдеман, А. 426

Зерубавел, Яаков 266

Зискинд-Рабинович, Александр 266

Златопольский, Хиллель 220,356,358

Золя, Эмиль 38

Зусман, А. 405,406

И

Игнатъев, Николай 10, 11

Идельсон, Авраам 128,234, 279,299,302,348,349, 391, 425

Идельсон (Бар-Иехуда), Израэль 355

Идер, Давид 416,429,430, 432,435

Извольский, А.П. 271

Изицкий, Иосеф, см. Михалевич, Бейниш

Ионович, Иехуда 348

Иост, Изак 113

Иоффе, Шошана 127

К

Казалетт, Эдуард 385

Кайзер, профессор 213

Калинин, М. 425,426

 Кан, Якобус 228, 244, 259 Кантор, И.Л. 272 Каплан, Элиэзер 363 Капланский, Шломо 254, 284, 379 Каплун-Коган, В. 158 Кац, Бен-Цион 158, 159 Каценельсон, Нисан 159 Кацнельсон, Берл 266, 398 Кацнельсон, Л. 159, 291, 295 Кацнельсон-Шазар, Рахель 266 Керенский, А. 382, 397, 399, 400, 401, 402, 403 Кишиневский (Кишони), Н. 302 Кишони, Н., см. Кишиневский, Н. Клаузнер, Иосиф 56, 128, 278 Клебанов, Яаков 302, 348, 378, 379 Клей, д-р 114, 328 Клейнман, Моше 349 Коган, Марк, см. Хакоэн, Мордехай Бен-Хиллель Копелевич (Алмог), Иехуда 411 Корвин-Пятровская, Паулина 152, 153 Корнилов, генерал 402 Котляревский, Иван 197, 198

Коуэн, Джозеф 341

Крушеван, Павулаки (Паволакий) 132,142,143, 144, 145,146, 148

Куропаткин 135

Кушнир, Шимон 398

Л

Лазар, Бернар 38

Лассаль, Фердинанд 235

Левин, Шмарьяху 47,77, 190,220,230,235,253, 254, 293, 296,309,311,
312,315,326,330

Левонтин, Залман Давид 73,333

Ленин, Владимир Ильич 424,428,429

Лилиенблюм, Моше-Лейб 12,13,14, 18,19,28,29, 31, 45, 124

Лимановский, Михаил 349

Ллойд-Джордж, Дейвид 166, 336,337,338,339,377,

383,396,415,416

Ллойд-Джордж, Робертс и Ко. 166

Локер, Берл 379

Луначарский, А. 425

Лурье, Иосеф 48, 242

Лурье, Н. 220

М

Мазе, Яаков 374,425,427

Майзель, Хана 266

Макаров 271

Максвелл, генерал 333, 334

Малкина, Сарра 266

Мандельштам, Макс 58, 59, 60,63,65,74,86,95,99,

107,113,156,183,221

Маргалит, Элияху, см. Мунчик, Элияху

Марголин, М. 348

Марголин, Элиэзер 397

Маркс, Карл 65,235,284

Марминский (Маром), И. 363,365

Марморек, Александр 115, 225, 226,228,244,294 Марморек, Оскар 98,169

Маром, И., см. Марминский, И.

Матмон-Коган, Иехуда 254

Медзини, М. 160

Михалевич, Бейниш 142

Могилевер, Шмуэль 24, 25, 28,29,46,56,59,60

Мозер, Джейкоб 254

Монтегю, Эдвин 340, 382, 383

Монтефиоре, Клод 340, 382

Монтефиоре, Моше 24, 382

Мосинзон, Б. 293

Моцкин, Лео 47,54,64,74, 75,77,90,91,93,94,95, 98,99,102,104,105,106, 107,110, 112, 117, 127, 129,203,240,248,249, 281,293,295,309,327, 431, 432 Мунчик (Маргалит), Элияху 355,361,364

Муравьев 145

Н

Найдич, Ицхак 348,349

Натан, Пауль 435

Николай I 70

Николай II 97,135,152, 157, 159, 198,230,271, 299, 316,322,325,430

Николай Николаевич (вел. князь) 322,323,325 Нисанов, Исхезкель 265

Ниссенбаум, Ицхак 118

Новаковский, И. 235

Нордау, Макс 40, 43, 49, 51, 53,54,55,59,62,65,72, 106,115,158,167, 173, 174,212, 224, 225, 228, 279, 280, 288, 289,294, 304,305,306,307,308, 310,396

О

Обух-Вошатинский 143

Ойленбург, Филипп 85

Олифант, Лоуренс 385

Оппенгеймер, Франц 106, 191, 256, 282, 284, 328

П

Пасманик, Даниэль 239, 240,242,245, 280, 281, 299, 304, 310,348,358

Паттерсон, Джон Генри 335, 389, 397,399

Перельман, Элиэзер, см. Бен-Иехуда, Элиэзер Перельсон, Элиэзер 302

Пери, Элиэзер, см. Перельсон, Элиэзер Пернерсторфер, А. 78

Петлюра, Семен 436, 437

Петров 332,333

Петрункевич, Иван 32, 33

Пинскер, Леон 12,13,14, 15,16, 17,18,19,20,23, 24, 25, 26,27,28,29,31, 40,41,42,43,45,59,65, 74, 393

Пинскер, Симха 12, 13

Плеве, Вячеслав фон 120, 121,132,140,141,142, 145,147,148,151,152, 153,154,155,156, 157, 158, 159, 161,169,170, 171,174,199,270,271

Подляшевский, Авраам 349

Покровский, М. 425

Подан, А. 135,136

Португали, Мендель 265

Р

Рабби Биньямин 189

Рабинович, Ицхак 435, 436,437

Рабинович, Л. 159

Рабинович, Самуил Яков 110,118,127,128,129 Рабинович, Яков 266,309

Равницкий, И.Х. 139

Рапопорт, Александр 348

Рейнес, И.Я. 99, 100, 110, 118, 127, 128, 129, 184, 221 Ривлин, Менахем 432

Ривлин, П. 302

Ритов, Израэль 363

Розенбаум, Шимшон 93, 122, 123,127,129,141,142, 148,175,220,242,245, 291,348

Розенфельд, Ш. 159

Розов, Израэль 340, 348, 349,382

Розовский, Пинхас 118,128

Ротшильды (семья) 181

Ротшильд, лорд Лайонел Уолтер 377,384

Ротшильд, барон Эдмон Джеймс де 39, 97,215 Рубинштейн, Реувен 302

Руппин, Артур 259, 265, 290,312, 313,333

Рутенберг, Пинхас 342, 390, 392,393,395,396,397, 402 Раков, А. 436

С

Савинков, Б.В. 400

Сазонов, Игорь 199

Свердлов, Давид 398

Святополк-Мирский, П.Д. 199,200

Сев, Л. 159

Сегалович, Залман 432

Сергей Александрович (вел. князь) 32

Скотт, Ч.Ф. 336

Славинский, Максим 436, 437

Слиозберг, Г.Б. 137, 230

Слуцкий, Авраам Яаков 118

Слуцкий, Иехуда 413

Смидович, П. 435,436

Смилянский, Зеэв 266

Смилянский, Моше 398

Смоленский, Перец 6, 7, 8, 9

Соколов, Нахум 65,99,113, 126, 129, 130,184,235, 236, 244,254,270,272,
280,286,288,294,296, 299, 307, 309, 311,315, 326,329,335,336,360, 377, 386,431

Соловейчик, М. 233

Сольд, Роберт 416

Соскин, Зелиг 227

Сталин, Иосиф Виссарионович 424, 425

Столыпин, Петр Аркадьевич 270,271

Сыркин, М.Н. 374

Сыркин, Нахман 48,49, 56, 76,77,78,79,80,81,82, 83, 84, 107,138,178,179,
208,224,227,282,283, 284 Сэмюэль, Герберт 336, 337, 421

Сэмюэль, полковник 397

Т

Табенкин, Ицхак 266

Темкин, Владимир 55, 56, 100 100,107,123,129,184, 225,286,349,374

Терещенко, М. 349

Толстой, Лев Николаевич 390

Тон, Яаков 259

Трейч, Давид 95, 96

Трибус, М. 201

Трумпельдор, Иосиф 331, 332,333,334,335,388, 389, 390, 392, 399,400,
401,402,403,404,407, 408, 409, 410, 411,412, 417,423,424,438

Туган-Барановский 332

У

Усышкин, Менахем 27,43, 45,46,56,63,74,92,94, 95, 107, 108,113,123, 124, 128,
129,155,168, 212, 214, 215,216,217, 218,220,223,226,227, 228,234,235,238,241,
244,245,258,259,264, 278,280,286,288,293, 294, 296, 310,312,313, 330,
336,340,349,351, 354, 355, 358, 377, 381, 382,386,416, 418

Ф

Файвель, Бертольд 107, 110, 314

Фаин, Макс 428

Фишер, Гарри 427

Фишер, Иона (Жан) 310

Фишер, Иосиф 303, 355

Фишман (Маймон), Ада 266

Фишман (Маймон), Иехуда Лейб Хакоэн 118 Фридман, Нафтали 299,317, 318,349

Фридрих (курфюрст Баденский) 84,103

Фришман, Давид 309

Х

Хазанович, Иосиф 127, 183

Хазанович, Леон 379

Хазанович, Меир 265

Хакоэн, Мордехай Бен-Хиллель 55,63, 198

Ханкин, Иехезкель 196, 205,260,265

Ханкин, Сарра 261

Ханткс, Артур 296, 315, 326,327

Хейфиц, Иехошуа 349

Хмельницкий, Богдан 133, 235

Хоз, Дов 397

Ц

Цвейг, Стефан 116

Цемах, Шломо 261, 266

Ценципер (Рафаэли), Арье 432

Цитрон, Ш.Л. 29

Цукерман, Барух 163,165

Цунц, Леопольд 113

Ч

Чемберлен, Джозеф 172

Чериковер, Элиэзер 357, 432

Черниховский, Шаул 350

Чернов, Виктор 374,375, 376,402

Черчилль, Уинстон 415

Чичерин, Г. 429,430,432, 435

Членов, Иехиэль 95, 113,123,127,128, 129,170, 176, 177, 178,180,181,182, 183,184,
186,193, 212, 217,220, 226,227,238, 240, 245, 252,253, 258, 259, 268, 269, 278, 280,
286, 287, 292, 293, 294, 296, 305, 306, 307, 308, 311, 315, 316, 326, 328, 329, 330,
335, 336, 340, 345, 349, 351, 354, 355, 356, 358, 359, 360, 377, 378, 379, 380, 381,
382, 386

Чхеидзе Н. 349

Ш

Шапиро, Герман 56, 57, 63, 107, 111,313

Шварцбард, Шалом 437

Швейгер, Беря 265

Шейнкин, Менахем 62, 90, 93,220

Шехтман, Иосиф 349, 355, 391

Шими (псевд.), см. Трибус, М.

Школьник (Эшкол), Леви 398

Шломеле-судья 165

Шляпошников, М. 55

Шницлер, Артур 116

Шор, Давид 435,436

Шохат, Исраэль 205, 255, 261,265,266

Шохат, Элиэзер 205,255, 261,266

Шпринцак, Иосеф 266, 309

Штанд, А. 280, 294

Э

Эзер, А., см. Евзеров, А.

Эйзенштадт (Барзилай), Иехошуа 127

Эйлон, Авраам, см. Идельсон, Авраам

Эйнштейн, Альберт 435

Эйхенштамм, д-р 59

Элиаш, Иосиф 123, 189

Элиот, Джордж 385

Эрлих, Ашер 189

Эттингер, Акива 333, 377

Эфраим-сапожник 163, 164

Эшкол, Леви, см. Школьник, Леви

Я

Явец,Зеэв 118,119, 128

Явнеэли, Шмуэль 266, 398

Якобсон, Виктор (Авигдор) 48, 77, 184, 269, 288, 296, 315,326,327

Янаит (Бен-Цви), Рахель 266,283,284,398

Янушкевич, генерал 323, 324,325

Ясиновский, Я. 59,60,95, 123, 129,152, 170,221

Яффе, Лев 46,47, 56,61, 220,239,242, 245, 268, 276,278,330,348,356, 382, 450

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС](#) =

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

{5} ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга, включающая литературное наследие Ханы Сенеш - одной из самых замечательных героинь современной истории еврейского народа - и свидетельства ее современников, была, в основном, составлена покойным Моше Бреславским вскоре после ее трагической гибели. Первое издание сборника "Хана Сенеш" появилось в свет еще в 1946 году, и оно включало в себя ее дневник, письма, стихи и пьесу "Скрипка" (о жизни кибуца), воспоминания ее друзей и боевых соратников и обобщающую статью составителя сборника.

Подобранный материал развертывает перед нами широкую панораму ее жизни с раннего отрочества, когда Хане было всего 13 лет и до того дня, когда она отправилась в тыл врага выполнять боевое задание. В своем дневнике, в стихах и письмах, Хана Сенеш, как бы сама рассказывает о себе, раскрывает перед нами свой внутренний мир, повествует о тех жизненных путях, которые привели молоденькую еврейскую девушку из обеспеченной интеллигентной семьи в Эрец-Исраэль, сначала - на учебную сельскохозяйственную ферму, а затем - в кибуц. Эти материалы позволяют также бросить беглый взгляд на период подготовки и выполнения боевого задания. Раздел "Миссия", включающий описание ее ареста и казни, завершал рассказ о последнем этапе ее так рано оборвавшейся жизни и повествовал о том, о чем она сама не успела рассказать.

Шестое издание книги, вышедшее в свет в 1955 году в расширенном объеме, обогатилось свидетельскими показаниями матери Ханы Сенеш, в которых говорится о детстве, отрочестве и юности ее дочери, а также о ее пребывании в тюрьме и мученической смерти.

{6} В десятом издании, появившемся в 1967 году, после смерти составителя сборника, Моше Бреславского, сделаны некоторые коррективы, продиктованные временем.

При активном содействии матери заново просмотрено все литературное наследие Ханы Сенеш на иврите и венгерском, исправлены обнаруженные неточности в датах, в изложении хода событий и искажения в переводе; раскрыты подлинные имена людей, так как нет более необходимости скрывать их; восстановлены купюры, сделанные в свое время по разным соображениям; значительно расширен раздел литературного наследия. Все письма Ханы Сенеш - к матери, к брату и ДРУГИМ - даны в одном разделе и в хронологическом порядке. Таким образом, десятое издание книги можно рассматривать как исправленное, расширенное и, по-видимому, как окончательный и исчерпывающий вариант в той части, которая относится к литературному наследию Ханы Сенеш. Его подготовил к печати Шломо Эвен-Шошан.

Светлый образ Ханы Сенеш, члена кибуца Седот-Ям (Кесария), навеки запечатлен в памяти всех сынов и дочерей Израиля. Он хранится в тайниках наших сердец и с трепетной любовью воспроизведен в легендах, стихах, рассказах и пьесах израильских писателей, стал знаменем и символом для целого поколения. Ее собственные стихи, отрывки из писем и дневников звучат на литературных вечерах и во время дружеских встреч молодежи, в школах и кибуцах, в клубах и воинских частях.

Некоторые из ее стихов, положенные на музыку, стали подлинно народными песнями. Имя Ханы Сенеш носит кибуц на границе с Самарией. До образования государства, ее имя было присвоено судну, доставлявшему нелегально в страну, тайком от англичан, новых олим из Европы.

Книга "Хана Сенеш" - достояние всего {7} нашего народа. Она переведена на несколько языков и нашла благодарных читателей не только среди евреев диаспоры, но и завоевала сердца людей других национальностей. Выдержав десять изданий на иврите, книга вышла также на венгерском (1954), испанском (1966) и английском (Лондон, 1971, Нью-Йорк, 1972).

В предлагаемом читателю русском издании дневник, письма и воспоминания матери публикуются с сокращениями. Из литературного наследия Ханы Сенеш печатается лишь несколько стихотворений. Сокращен также раздел "Миссия" - из него дана лишь статья Р. Дафни. Издательство надеется, что после первого знакомства с героической жизнью Ханы Сенеш, у многих читателей этой книги появится желание узнать о ней как можно больше. И тогда они обратятся к ивритскому изданию этой книги.

Два стихотворения Ханы Сенеш - "Ты не стонешь..." и "Среди моря огня..." публикуются в переводе Рахили Баумволь, остальные стихи - в переводе Веры

Горт.

Воспоминания Катерины Сенеш "Моя дочь Анико" и, дневник Ханы Сенеш с 7 сентября 1934 г. по 25 июня 1938 г. даны в переводе

И. Лapidота, а с 28 июня 1938 года и до конца - в переводе А. Белова (Элинсона). Ему же принадлежат переводы писем Ханы Сенеш, статей М. Бреславского, Р. Дафни и предисловия.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
 =СИОНИЗМ = АТЛАС =

{8} НАША ХАНА СЕНЕШ

Хана Сенеш - член кибуца Седот-Ям (Кесария), вошла в группу парашютистов, которая была сформирована в разгар Второй мировой войны и отправлена с дерзкой миссией в тыл врага, в страны, где хозяйничали нацисты. Среди наших товарищей, которые были схвачены, погибли или исчезли, не оставив следов, Хана Сенеш - единственная, о судьбе и последних днях жизни которой, вплоть до ее казни, дошли к нам ясные, вполне достоверные и точные сведения и показания очевидцев. Все известные нам подробности ее жизни и гибели рисуют в совокупности образ человека исключительного и неповторимого, подлинной героини, осененной ореолом беспримерного мужества.

Хана прибыла в страну в самом начале Второй мировой войны. Большая внутренняя душевная буря привела ее в Палестину из среды отчужденного и ассимилированного еврейства. На фоне все растущих разрушений, усиливающейся блокады Эрец-Исраэль и ощущения неотвратимо надвигающегося на еврейский народ катастрофы, росло и зрело в ней сионистское самосознание, чувство халуцианского авангардизма и приверженности к новым формам жизни, символом которых стал кибуц.

На этой почве вспыхнуто и разгорелось душевное пламя, побудившее ее мобилизоваться и взять на себя выполнение героической миссии. Сионизм, страна Израиля, работа на ферме, иврит, кибуц, боевое задание - каждая первая встреча с этими понятиями была для нее своего рода откровением. Свою короткую жизнь она прожила целеустремленно и с поразительной активностью. Ее сердце билось в такт эпохе, дыхание было горячим, глаза жадно всматривались вдаль, руки были протянуты навстречу грядущему. Всегда и везде - была ли она одна или с друзьями, {9} среди партизан, в нацистской тюрьме или перед лицом палачей - она дышала горным воздухом вершин. Она всегда задумывалась над тайнами мироздания, загадочными страницами истории своего народа и таинствами собственной жизни. Перводанной силой, истоки которой скрыты от нас, и поразительной

внутренней сосредоточенностью, она проложила себе путь за считанные годы самостоятельной жизни, сначала к трудовой деятельности и в кибуц, а затем "к братьям на чужбине" (она должна была участвовать в действиях по спасению обреченного на гибель венгерского еврейства), пока не сгорела в пламени своей святой миссии.

Хана Сенеш родилась 17 июля 1921 года в Будапеште. Ее отец, Бела Сенеш, - одаренный еврейско-венгерский писатель, умер молодым, когда она была еще ребенком. Между осиротевшей девочкой и ее матерью, Катериной Сенеш (урожденной Зальцбергер) установились необычайно трогательные, тесные и сердечные отношения, какие редко бывают между детьми и родителями. Мать много сил отдавала ее воспитанию и оказала на нее огромное влияние. С детства проявилась незаурядная одаренность Ханы, и она была первой ученицей в школе. Девочка воспитывалась в зажиточном еврейско-венгерском доме, очень далеком от национальных традиций, и посещала венгерскую школу. Атмосфера все усиливавшегося антисемитизма, отголоски народных страданий, сигналы бедствия, доходившие из Палестины - все это раздувало в ее душе уголек национального самосознания, приобщило ее к благородным идеям сионизма.

И Ханой овладела одна страстная мечта - Эрец-Исраэль. 19 сентября 1939 года, когда Вторая мировая война лишь начиналась, и никто не был в состоянии предсказать размеры и масштабы грядущей катастрофы, Хана репатрировалась в Палестину и поступила в сельскохозяйственную школу в Нахалале, где пробыла два года. Закончив учебу, она решила, после короткого периода колебания и поисков, присоединиться к "Объединенному кибуцу" ("Гакибуц Гамеухад"), к одной из групп рабочей молодежи. 22 декабря 1941 года она вступила в коллектив кибуца "Седот-Ям - Кесария". Более двух лет Хана проработала в нем, и тут в ее сознании вспыхнула мысль о священной миссии по спасению от смерти запертых в гетто и лагерях евреев диаспоры. Эта мысль зрела в ней в течение ряда лет.

В тот день, когда она прощалась со страной, ей довелось встретиться с единственным братом, горячо любимым Гиорой, прибывшим в Палестину из Франции. Назавтра она была уже по пути в Каир. 11 марта 1944 года она улетела в Италию, а 13-го приземлилась с парашютом в Югославии, среди партизан, боровшихся с нацистами. Около трех месяцев скиталась она по партизанскому краю, стремясь пересечь границу, не давая покоя ни себе, ни товарищам.

9 июня ей, в конце концов, удалось пробраться через границу в Венгрию, но назавтра же она попала в руки нацистов, став жертвой предательства. Пять последних месяцев своей жизни она провела в фашистском застенке, а 7

ноября 1944 года (21 хешвана 5705 года) была казнена. Тюрьма и пытки не сломили ее духа, никакими страданиями не удалось заставить ее покориться, выдать секреты своей миссии. Неизвестные похоронили ее на "Площадке мучеников" в Будапеште. В 1950 году ее останки были доставлены в Израиль, и на горе Герцля в Иерусалиме она нашла свой последний покой.

М. Бреславский

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

{13}

ДНЕВНИК

ДЕТСТВО В ДИАСПОРЕ

(Дневник она начала вести в возрасте 13 лет. До 18.6.1939 записи сделаны на венгерском языке, затем короткое время вперемежку - на иврите и венгерском, а в последующие годы - исключительно на иврите. Дневник публикуется В сокращенном виде.)

Будапешт

7.9.1934

Утром мы посетили могилу отца. Как печально, что в столь раннем возрасте нам пришлось узнать кладбище. Но я чувствую, что и с той стороны могильного камня отец помогает нам, пусть одним лишь своим именем. Я думаю, что это самое ценное наследство, которое он мог оставить нам.

12.9.1934

Сегодня первый день школьных занятий. Снова прошел год. Все кажется теперь таким странным: новые учителя, а главное - новый классный руководитель. Тети (В Венгрии дети называют учителей и учительниц дядями и тетями.) Илоны мне очень не хватает, хотя и тетя Воришка кажется милой. Но не следует торопиться с выводами в первые дни. Наш новый учитель венгерской литературы тоже замечательный. Его зовут Лайош Иекели, {14} он известный поэт. Одно удовольствие присутствовать на его уроках.

7.10.1934

Вчера и сегодня, в воскресенье, мы свободны от занятий. До обеда был довольно удачный домашний праздник, а после обеда мы пошли в синагогу. Какие странные эти субботние богослужения в синагоге: все занимается чем угодно, только не молитвой. Девушки разговаривают и поглядывают вниз, на мальчиков. Мальчики тоже разговаривают и смотрят вверх, на девушек. Вот и все.

Я рада, что подросла за последнее время. Мой рост теперь 1,55м, а вес 45 кг. По моему мнению и по мнению других я не красивая, но я надеюсь, что со временем стану лучше.

14.10.1934

Сегодня мы окончательно договорились с матерью Магды, что я буду учить Магду. За в часов в неделю мне будут платить 15 пенге. Довольно приличная сумма. Я полагаю, что больше меня никто в классе не зарабатывает. Теперь я смогу на собственные деньги брать уроки танцев и ходить на каток.

20.10.1934

Далмади, у которой несколько дней тому назад умер отец, вчера снова вернулась в школу. Несчастливая! Как она печальна! Но она по крайней мере имела отца в течение тринадцати лет.

На уроке физики мы были свидетелями очень {15} трогательной сцены.

Разумеется, Далмади не приготовила урока и хотела сказать об этом учителю. Но у нас полагается обращаться к учителю с места, оставаясь за своей партией. Бедняжка Далмади встала - и расплакалась. Некоторое время она стояла в растерянности, потом, вдруг решившись, подошла к учителю и шепотом рассказала ему о смерти отца. Все мы были чрезвычайно растроганы при виде того, как старенький учитель пожимал руку маленькой девочке. В моем описании это не производит впечатления, но тогда весь класс плакал.

Давно ничего не записывала в дневник: у меня уйма всяких дел. Джори (Гиора - брат Ханны.) недавно нашел мой дневник: и прочитал его целиком; я была ужасно сердита, так как, после этого он все время дразнил меня. Но вчера вечером он торжественно поклялся, что никогда больше не будет упоминать о дневнике.

В пятницу было 15-летие прихода к власти Хорти, и мы пошли смотреть парад. Я глядела на солдат и думала: все это красиво, но что будет, если вспыхнет

война? Мама говорит, что теперь "военное настроение". Как хорошо, что брат еще маленький. Упаси нас Бог от войны - ведь будет разрушен весь мир.

А пока у меня есть более срочное дело: приближается учительское собрание. Не исключено, что я получу плохую оценку за "чистоту и порядок". Но будем надеяться на лучшее. Кроме {16} того, по остальным предметам у меня все хорошо.

27.11.1934

Все оценки хорошие, в том числе и по "чистоте и порядку". Мне нужно только подтянуться по французскому языку.

Приятно думать, что менее чем через месяц начнутся рождественские каникулы.

25.12.1934

В воскресенье мы пошли в оперу. Ставили "Севильского цирюльника". Исполнение было замечательное. Как великолепны эти каникулы: от 22 декабря до 7 января. Мы получили также много подарков: от мамы билеты в оперу, от бабушки Фини две пары чулок, от другой бабушки красивую брошь, от тети Илуш материал на летнее платье, от тети Ирмы - рукавицы и носки для лыж.

Кроме всего этого - три красивые книги. Я вышила для мамы закладку для книг, бабушке Фини преподнесла набор для писем, а Джори - копилку.

1.1.1935

Вот и опять Новый год. Как быстро летит время. В канун Нового года меня охватило какое-то странное чувство. Что ожидает нас в наступающем году - радость или печаль? Не было бы только хуже, чем в прошлом году. Вчера вечером я снова была в опере. Шла "Летучая мышь"; было очень хорошо. Скоро кончаются каникулы.

{17}

13.1.1935

Сегодня - воскресенье, я свободна и могу писать. На каток я не могу идти так как простужена. Я очень люблю кататься на коньках и даже состою в Клубе

конькобежцев.

26 января состоится вечер танцевального кружка в связи с окончанием курса. Я сильно волнуюсь: пройдет ли все удачно?

Для этого вечера у меня имеется красивое розовое платье.

7.4.1935

В полдень приедет Эвика (Двоюродная сестра Ханы, погибшая в Освенциме.) и останется несколько дней. Я жду ее с нетерпением. Возможно, что она перейдет учиться в мою школу, которая по своему уровню выше провинциальной школы в Домбоваре. Я всеми силами борюсь за это хотя понимаю, что беру на себя большую ответственность. Я надеюсь, что мы не будем ссориться, но этот вопрос все же немного беспокоит меня. Кроме того, нам нужно будет очень остерегаться, чтобы не стать соперницами: это может нарушить мир.

31.5.1935

В школе устраивают праздник и будет ставиться пьеса Мадача "Человеческая трагедия". Я буду исполнять в ней роль ангела Михаила. Сначала распространился слух, что будут приглашены также мальчики и что после спектакля будут танцы. Потом оказалось, что это ложный слух. Очень жаль, я так люблю танцевать.

Мои занятия в школе идут неплохо, за {18} исключением французского языка. Мне стыдно перед самой собой, что я не в состоянии исправить по единственному предмету, с которым у меня трудности. Дело тут, собственно, не в оценке - у меня по французскому языку "отлично", - а в отсутствии уверенности в себе. Я утешаю себя тем, что все девочки имеют репетиторов и у них поэтому большое преимущество.

Юци пригласила меня провести летние каникулы у озера Балатон. Я, наверно, поеду сразу после экзаменов.

29.8.1935

На лето я не взяла с собой дневника, так как полагала, что у меня не будет свободного времени, чтобы вести его. Я опасалась также, что кто-нибудь обнаружит его и прочтет. Секретов в нем, правда, нет, но все же не хочется, чтобы это случилось.

Поэтому пишу теперь по памяти. Занятия в школе закончились 15 июня. Как я и ожидала, по всем предметам, кроме французского, у меня было "отлично". В два часа я уже была в поезде. Юци с семьей мы встретили на вокзале и там же я попрощалась с мамой.

У озера Балатон я провела 17 дней. Подводя итоги, могу сказать что провела время хорошо, хотя, конечно, не так, как в Домбоваре, где я чувствовала себя, как дома.

С Юци у меня тоже не установилось близких и сердечных отношений. По-видимому, больше всех привязалась ко мне ее маленькая сестренка.

{19} Тетя Элла и дядя Эгон были очень милы, а эти две недели были для меня интересны и содержательными, так как я услышала много нового от дяди Этана. Он открыл мне новый мир. Есть вещи, в существование которых я не верю, - например, нимфы и тому подобное. Но что касается астрологии, спиритизма и телепатии, то в них имеется немало такого, что я готова принять.

Летом я прочитала "Синюю птицу" Метерлинка. Ни одна книга не дала мне так много ценного, как эта. В ней утверждается, например, что смерти не существует, так как мертвых можно оживить, вспоминая о них. Я почувствовала большую правду, которая содержится в этой мысли. В самом деле, вспоминая папу, я как бы возвращаю то время, когда он был жив.

Я не могу в точности описать то, что я чувствую; несомненно одно: нужно тщательно взвесить, с кем можно о таких вещах говорить, так как большинство людей способно высмеять и тебя, и твои слова.

С Балатона в Домбовар я поехала 3 июля. Первые дни мне немного не хватало озера - оно было чудесно. Но в Домбоваре я нашла так много приятных и интересных занятий, что они с избытком возместили мне отсутствие Балатона. С Эвикой мы поладили хорошо; больше того, мы стали очень близкими подругами. Поэтому я сильно огорчилась, что ее не приняли в нашу школу. Известие об этом дошло до меня еще во время моего пребывания у Балатона. Меня это {20} так опечалило, что я ушла к себе в комнату и плакала.

А теперь я хочу ответить самой себе на вопрос, который мне не раз задавал Джори: интересуют ли меня мальчики? Да, они интересуют меня больше прежнего, но лишь в общем, так как за все лето я не встретила ни одного парня, который понравился бы мне по-настоящему. Правда, с ребятами мне вообще мало приходилось встречаться. Вот как я представляю себе идеального парня:

приятной наружности, хорошо одет, но не щеголь; спортсмен, но с разносторонними интересами; интеллигентный и умный, но веселый; не дерзкий и не ловелас. Но такого я до сих пор не встречала.

За все лето я написала только два стихотворения. Одно - ко дню рождения мамы, второе- я стеснялась его показывать - снова о жизни. Вот это стихотворение:

Жизнь - лишь день мимолетный,

недолгий,

Страница труда и страданий.

Лишь оглядеться нам время дано.

Красок и образов вихрь промелькнет -

И вот уже жизнь позади.

6.9.1935

Утром мы ходили на кладбище. По-моему, бессмысленно отправляться в такой дальний путь только для того, чтобы постоять несколько {21} минут у папиной могилы. Мысленно я ведь всегда с ним и постоянно спрашиваю себя: доволен ли он мною, поступаю ли я так, как он бы этого хотел. Его лицо помню смутно, но очень люблю папу и всегда чувствую его рядом с собой. Мне очень хочется быть достойной его в писательском труде, но сомневаюсь одарена ли я достаточными способностями. Хотя меня не покидает настойчивое желание писать, я не уверена, что быть писательницей - мое призвание. Цель моей жизни, пожалуй, - добиться счастья для себя и окружающих Я всей душой желаю своей жизнью хотя бы на один небольшой шаг приблизить человечество к счастью. Но это очень большая и честолюбивая задача, и я еще не знаю пока, что я могу для этого сделать. Иногда я думаю стать учительницей. Но это очень трудно.

4.10.1935

Произошло нечто ужасное! Вчера вспыхнула война между Италией и Эфиопией. Все опасаются, что вмешаются англичане и что тогда война охватит всю Европу. Об этом и подумать страшно. Как скоро люди забывают. Ведь до сих пор еще все страдают от результатов последней мировой войны. Зачем эта

бойня? Во имя чего ведут на смерть молодежь?

Если бы ей предоставили идти по пути мира, она могла сделать для человечества много полезного и прекрасного. По-моему, нет ничего отвратительнее политики.

Теперь о более интимных делах. Вот уже {22} несколько дней за мной ухаживает один из товарищей Джори. Он, как и я, тоже ученик пятого класса. Он набрался смелости и спросил, не соглашусь ли я погулять с ним в воскресенье? Я ответила, что пойду, если нас будет сопровождать Джори. Если все, что он рассказывал, - правда, то мне очень жаль его: у него не ладится жизнь в семье. Что-то там не в порядке - это несомненно.

25.10.1935

Во вторник, 22-го октября состоялась премьера фильма, поставленного по папиной пьесе. Пауль Хорбигер в главной роли был великолепен. Фильм получился удачный и имел успех. Я всей душой молилась, чтобы он не провалился. Но даже если бы так случилось, это не была бы вина папы, так как его пьеса очень удачна. Материальная сторона меня несколько не интересует.

Кроме Марики у меня появилась еще одна ученица. Я бы не сказала, что это светлый ум; но в противном случае я не понадобилась бы ей! Я попросила 12 пенге в месяц, и ее родители сразу согласились.

1.11.1935

Сегодня день поминовения усопших. Хотя это и христианский праздник, в этот день каждый думает об умерших близких. После обеда мы пойдем на могилы Лорики и дяди Роби. Боже, до чего мы неблагодарны! Больше года прошло с тех пор, как я была там. Правда, я не верю, {23} что это может сколько-нибудь порадовать их, или что они вообще знают о моих посещениях, - но совесть моя будет спокойнее, если я принесу эту небольшую жертву в знак солидарности за их доброе отношение ко мне.

Вчера вечером мы с Джори ходили в зимний плавательный бассейн смотреть соревнования по плаванию между Америкой и Венгрией. Было очень интересно и даже был побит мировой рекорд по плаванию на спине (американец Кифер). Но я нахожу, что нынешнее увлечение спортом несколько преувеличенно (особенно это проявляется у Джори).

Да, я чуть не забыла записать: мы смотрели фильм "Скарлет Пимпернель" - по

роману, который я читала на английском языке. Очень хороший фильм, один из лучших, которые я видела в своей жизни. Главную роль исполнял Лесли Говард. Он был бесподобен!

22.12.1935

Я заболела и слегла в кровать. С тех пор, как я болела плевритом, за меня всегда боялись, как бы у меня не развилась серьезная болезнь. Но ничего серьезного не случилось. Болезнь имеет, наряду с недостатками, и некоторые полезные стороны. Например: имеется много времени для чтения и размышлений. Теперь, когда я лежу в кровати, я строю планы: когда я стану взрослой, то есть когда мне будет около двадцати, я открою у озера Балатон летний лагерь для детей. По вечерам я обдумываю подробности этого {24} плана, и у меня уже готов весь распорядок для будущего лагеря.

4.1.1936

Прежде чем начать писать, я перелистала прежнюю новогоднюю запись. Тогда я спрашивала себя : что принесет с собой 1935 год? Теперь как бы подводя итоги, я могу ответить, что 1935 год был хороший во всех отношениях, и я довольна им. Дай Бог, чтобы я могла сказать то же самое о 1936!...

В среду вечером я была у Юци. Беседовали.

Между прочим Эгон присутствовал при разговоре и утверждал, что у оккультных наук, в первую очередь у графологии, большая будущность. Но меня это не влечет; я сказала ему, что интересуюсь, главным образом, воспитанием детей, а кроме того, люблю быть организатором интересных дел. Тогда он посоветовал мне поехать после выпускных экзаменов в Швейцарию и изучать там гостиничное дело. Еще много времени впереди!

16.1.1936

Я лежу в кровати. Немного, простудилась и поэтому осталась дома. Сначала я хочу описать последнюю субботу; не потому, что она была очень приятной: я надеюсь, что описав все, я буду меньше думать об этом потом. Вот как было дело. После обеда Зоя пригласила меня к себе на танцы. Кроме меня, все собравшиеся знали друг друга. Я же знала только Зою, а она, к сожалению, в качестве хозяйки была не на {25} высоте. Она все время разговаривала с гостями на темы, которые интересовали только их. Так, по крайней мере, было вначале. Это довольно скучное для меня положение длилось от пяти до семи. Потом подали чай и начались танцы.

По правде говоря, я чувствовала себя довольно скверно, так как заметила, что мальчики приглашали меня танцевать с явной неохотой и сразу оставляли меня, как только танец кончался. Только один или двое были немного вежливее. Парни, по-видимому, думают, что все девушки глупы и даже не понимают, что музыка не обрывается в середине пластинки. Впрочем, я не огорчаюсь, что была там: я, по крайней мере, извлекла урок, что не следует ходить в незнакомое общество. Самой невоспитанной оказалась одна девушка: когда я села около нее, она тут же встала и ушла, уведя с собой мальчиков, которые были с нею. Странные бывают люди!

Но я могу рассказать о куда более интересных и значительных событиях. Я была на концерте Фуртвенглера. Это было чудесно! Исполнялись увертюра Шумана "Манфред", его же "Весенняя симфония" и Седьмая симфония Бетховена. Это было превосходно!

Вчера я немного поссорилась с мамой. Я что-то читала, а мама подошла и вырвала это из моих рук, заявив, что это предназначено не для меня. Это меня задело, так как я читала письмо школы, адресованное маме, и я считала, что имею право знать, что в нем написано. Однако, потом я стала обдумывать, как бы я сама поступила, если бы это случилось с моим ребенком. Я пришла к выводу, что если письмо уже было в его руках, то я не стала бы его отнимать. Вместо этого я бы позаботилась, чтобы адресованные мне письма не валялись где попало... Не знаю, останусь ли при том же мнении, когда вырасту.

8.2.1936

Мы купили дом! Это была давнишняя мечта мамы.

Но теперь, когда эта мечта исполнилась, она полна сомнений, правильно ли она поступила. Что касается меня, то я очень довольна. Дом расположен в прекрасном месте и при нем имеется большой красивый сад.

19.4.1936

Сегодня состоялась моя первая в жизни "премьера". Пьесу я сама написала и поставила. Она исполнялась перед тетей Воришкой, но она, кажется, не оценила ее по достоинству. Я думаю, что пьеса неплохая, хотя ничего из ряда вон выходящего или поучительного в ней нет. Что касается выбора профессии, то я все еще думаю о школе гостиничного дела. Но у меня имеется в более серьезный проект, - связанный с детьми:

школа-интернат наподобие английских закрытых средних школ. Это интересное и важное дело.

9.5.1936

Вот мы и переехали в наш новый дом. Чудесное чувство - жить в собственном доме. Каждый день я обнаруживаю что-нибудь {27} прекрасное и полезное. Конечно, работы тут еще непочатый край, но мы ведь перебрались сюда всего лишь 5 дней тому назад.

Сегодня я приглашена на вечер и надеюсь, что он будет приятный. Джори тоже будет. Он уже начал проявлять все возрастающий интерес к девушкам и просил меня представить его некоторым из моих соучениц.

Кстати, Джори был вчера очень мил и вел себя тоже весьма прилично. Один мальчик сказал, что не знает, что Габи находит во мне, на что Джори ответил ему, что я очень умна и, хотя занимаюсь немного, все оценки у меня отличные. Тогда мальчик сказал: "Да, это здорово!". Но я думаю, что с точки зрения ребят эти качества не очень важны. Девушки должны обладать и другого рода достоинствами. Это очень хорошо показано в книге Теккерера "Ярмарка тщеславия". Эта книга мне очень нравится: читая ее, постоянно обнаруживаешь в ней свои собственные черты или другие знакомые образы. В то же время книга полна остроумного сарказма.

31.5.1936

История с Габи продолжается: вчера он сделал мне "признание в любви" - в полном смысле слова. Правда, только письменно. По-видимому, мне суждено, чтобы мои сверстники признавались мне в любви письменно.

Мы пытались вместе готовить уроки физики и математики, когда он вдруг написал это "признание" в своем блокноте. Я не нашлась, что {28} сказать, и быстро захлопнула его блокнот. Немного позже он спросил, могу ли я что-нибудь ответить. Я сказала, что нет. Габи очень глуп. Пятнадцатилетний парень не может писать своим сверстницам такие вещи - это смешно. Не думаю, чтобы он мне особенно нравился, но дружить с ним я готова.

15.6.1936

Снова меня одолевают странные мысли. Я хочу быть писательницей. Но пока я лишь смеюсь над собой. Я не знаю, имеются ли у меня способности.

Но меня вдохновил успех моей пьесы: она всем понравилась. Но если уж писать - не обязательно пьесы. Я писала бы охотнее романы. У меня возникла идея, хотя она еще не совсем ясна. Я подумала о жизни двух людей, о двух параллельно развивающихся мирах, ибо эти люди не знают друг друга. Я хотела бы выразить мысль, как противоречивы, подчас, интересы людей, связывающие их между собой. Я чувствую, что если и смогу по-настоящему написать об этом, то лишь значительно позднее. И все же, стоит испытать свои силы уже сейчас. Но мне не хватает уверенности в себе.

18.6.1936

Сегодня я встала в шесть часов утра. Погода такая чудесная, что не хочется оставаться в кровати. Ввиду того что мама уехала на несколько дней, я встаю теперь когда хочу. С 15 числа я живу как рыба в воде: каждый день хожу {29} плавать, играю в теннис (я, конечно, не уверена, что рыбы играют в теннис). В Дамбовар я поеду лишь в конце месяца.

Когда я решила вести дневник, я имела в виду записывать в нем лишь приятные и серьезные вещи, но ни в коем случае о ребятах, как это делают другие девочки. Но оказалось, что невозможно исключить парней из жизни пятнадцатилетней девушки. Поэтому я вынуждена - точности ради - описать подробнее, как развивалась история с Габи.

Итак, он не ограничился упомянутым "признанием"-но одолжил мне книгу (кстати, очень хорошую - "Веселые мысли"), вложив в нее свою фотокарточку с надписью: "На вечную память от любящего тебя Габи". Я не сказала ему ни слово об этой фотокарточке, но с тех пор, каждый раз, когда я встречаю его (а это бывает довольно часто), он говорил мне комплименты, от которых я старалась отмахнуться.

Несколько дней тому назад он снова пришел ко мне и мы играли в пинг-понг. Не знаю, как свернулся на эту тему разговор, во всяком случае я сама виновата, что дошло до этого. Я сказала ему, что мне сделали уже два предложения. Конечно, я преподнесла все это в шуточной форме и даже сказала, что я в большой растерянности. На это он ответил, что он хотел бы видеть меня растерянной, и спросил, что я ответила бы ему, если бы он через десять лет сделал мне предложение, и т. д. и т. п.

Я ответила, что он ведет себя по-мальчишески и что бессмысленно {30} говорить о таких вещах, поскольку нам всего лишь по 15 лет. Лучше всего просто дружить.

Итак, мой дневник становится таким, как у любой пятнадцатилетней девушки - несерьезным и лишенным индивидуальной окраски.

Домбовар, 17.7.1936

С сегодняшнего дня я вегетарианка. Постараюсь повлиять в этом направлении и на маму. Пока я испробую это в течение полугода. Если за это время я не изменю своего мнения, то останусь вегетарианкой на всю жизнь.

3.8.1936

Меня не оставляет желание стать писательницей. Каждый вечер я молюсь Богу, чтобы он одарил меня литературным талантом. Я не знаю, вызвано ли это мое желание стремлением отличиться и добиться славы, но одно мне ясно: написать что-нибудь хорошее - чувство изумительное! Поэтому за писательскую профессию стоит бороться.

Человек, возвысившийся над средним уровнем, как правило больше страдает, но на его долю выпадает и больше радостей. Я готова принять больше горя, только бы не про" жить жизнь "среднего человека". При этом я имею в виду не только литературную деятельность. Я вовсе не думаю, что тот, кто достиг известности, - выдающийся человек. Для этого нужна большая душа, и об этом я мечтаю.

4.8.1936

Я рассердилась на себя, когда снова {31} прочитала все написанное мною до сих пор. Каждое слово кажется мне теперь пустым и неискренним. "Большая душа!". Как я далека от чего-либо подобного! Я всего лишь пятнадцатилетняя девушка, погрязшая в мелочах жизни и ведущая борьбу главным образом с самой собой. А это самая трудная борьба...

Но и эти слова звучат как фраза, и вообще что бы я ни подумала, - "звучит" на бумаге иначе. Ввиду этого следует, может быть, прекратить писать...

18.9.1936

Сегодня второй день еврейского Нового года, Вчера и сегодня мы ходили в синагогу. Мне пока еще не ясно, каково мое отношение к синагоге, к религии, к Богу. Последний и наиболее сложный вопрос - О Боге - меня беспокоит меньше всего: я верю в его существование, хотя и не могу этого выразить. Мне ясно, что еврейская религия больше всего соответствует моему образу мыслей. Что

же касается синагоги, то беда в том, что я не придаю ей особого значения и не чувствую в ней духовной потребности: я вполне могу молиться и дома.

27.9.1936

Я стала казначеем кружка стенографии и секретарем кружка по изучению Библии. Я с радостью выполняю эти обязанности, несмотря на связанную с этим немалую работу. Библейский кружок 12 декабря устраивает небольшое празднество, и мы (седьмой класс) будем {32} основными организаторами. У меня уже теперь множество различных планов, и я надеюсь, что все пройдет успешно.

Мики снова пришел сегодня, но мне это уже немного надоело. У меня с ним очень мало общего, и я считаю его довольно бессодержательным. Мне хотелось бы встретить по-настоящему хорошего парня, так как те, которых я знаю давно, наводят на меня скуку. Габи учит меня теперь играть в бридж. Это интересная игра, но пока у меня, конечно, лишь смутное понятие о ней.

Итак, эта тетрадь окончена. Когда я начала в нее писать, мне не верилось, что она когда-нибудь заполнится целиком.

10.10.1936

Сегодня утром мы были у бабушки и наблюдали за похоронами премьер-министра. Я и Джори пошли неохотно. Меня мало интересуют эти пышные военные церемонии. Сказали, что я бесчувственна и чопорна, но я не разделяю этого мнения. В общей сложности, там не было ничего интересного, кроме роскошных венков и нескольких видных личностей: зять Муссолини (Чиано) и австрийский канцлер Шушинг. Но мне не было любопытно на них смотреть.

После обеда мы пошли в синагогу. Одноклассник Джори произнес проповедь. Он говорил неплохо. Удачная мысль - каждый раз давать выступать другому.

19.10.1936

Читаю "Войну и мир" и приближаюсь к концу. Теперь идеи Толстого мне достаточно ясны.

{33} Эта книга - одна из лучших, которые я читала. Сюжет книги очень увлекательный, но еще более захватывают взгляды Толстого на историю, описание и толкование им событий, которые привели к зимней кампании войны 1812 года. По мнению Толстого, отдельные личности - он имеет в виду

выдающихся людей - не могут оказать решающее влияние на ход событий. Особенно привлекает мое внимание та часть книги, которая рассматривает вопрос власти. Иначе говоря, разбирается вопрос о том, что побуждает толпу сначала покориться воле одного человека, а спустя некоторое время казнить его! Писатель не дал еще пока ответа на этот вопрос. Он ограничивается тем, что отвергает взгляды прежних историков. Я с нетерпением жду его ответа. А может быть, и он не знает какова природа власти?

20.10.1936

Кончила читать "Войну и мир". Толстой все же ответил на вопрос, но должна признаться, что мне не все понятно. Правда, честно говоря, под конец у меня не хватило терпения и последнюю часть книги я читала поверхностно, мало вникая в содержания. Эпилог - теоретическую часть книги - я прочитаю еще раз, так как трудно понять ее с первого раза...

25.10.1936

Я счастлива. Прочитала маме стихотворение "Продавец мороженого", и оно понравилось ей.

{34} Может быть, я все же смогу стать писательницей. Но как много людей пишут!

4.11.1936

Моя радость оказалась преждевременной. Вчера состоялось обсуждение подготовки к празднику Ханука и я читала сочиненную мною пьесу "Брачное предложение, год 2036" (написано специально для школьного спектакля). Я рассчитывала, что пьеса подойдет для праздничного вечера, но по ледяному молчанию слушателей я поняла, что она не понравилась. Полагаю, что я сильно покраснела; во всяком случае, лицо у меня горело. Но я держала себя, как мне кажется, довольно хорошо. Меня беспокоит, что завтра я должна буду читать свою пьесу в классе, и я опасаюсь теперь, что и там она не будет иметь успеха. Несмотря на все это, я намерена прочесть в литературном кружке свое стихотворение "Вечернее настроение" (возможно, я назову его "Сумерки"),

14.11.1936

Читала свою пьесу в классе (это было уже давно) и она понравилась. Написала еще одно стихотворение - "Слеза", навеянное личными переживаниями. Это и еще одно стихотворение ("Вечер") я собираюсь представить на конкурс

литературного кружка.

24.11.1936

Сегодня у меня появилась частная ученица по арифметике. Первый урок уже состоялся.

{35} Девочка очень милая, и я так довольна, что всю дорогу из школы домой чуть не пела. Я рада не зарработку, а тому, что достигла желаемого.

1.1.1937

Пролетел и 1936 год. Чувствую, что он внес много изменений - внешних и внутренних - в мою жизнь. Во-первых, мы встретили Новый год в собственном доме, приобретенном в прошлом году. Год тому назад я не посмела бы и мечтать об этом. Во-вторых, школа танцев, лыжный спорт и т. п. Что касается моей внутренней жизни, то я затрудняюсь определить в точности, какие произошли во мне изменения. Но я стою перед многими проблемами, особенно, в связи с выбором профессии (литература!) и отношения с ребятами. Сомневаюсь, чтобы я заметно продвинулась вперед. Возможно, что в наступившем году я преуспею больше. Если же подвести итог, то могу сказать, что и прошлый год был хороший и очень быстро промелькнул...

10.1.1937

Эвика, которая провела у нас большую часть рождества, уехала в среду домой. Ей было жаль расставаться с Будапештом, так как она чувствовала себя здесь очень хорошо. За день до ее отъезда мы устроили небольшой вечер. Я пригласила двух девушек и шестерых ребят, так что вместе со мной и Эвикой было десять человек.

Занятия в школе возобновились, а с самого {36} начала у меня все шло успешно. Особенно меня порадовало мое венгерское сочинение, которое похвалил и директор. Вчера был литературный вечер. Я пошла, главным образом, чтобы послушать стихотворения нашего директора. Они понравились мне, хотя я лучше понимаю их при чтении.

14.2.1937

Кроме рисования, у меня все оценки отличные. Тем временем произошло важное событие: я получила первое длинное вечернее платье. Оно из синей тафты, и все говорят, что оно мне к лицу. До сих пор я одевала его только, когда

шла на концерт Губермана. В программе была "Весенняя" соната Бетховена, соната Баха и произведения Брамса и Шуберта.

25.2.1937

Только что вернулась с собрания литературного кружка. Читала там стихотворение "Продавец мороженого", и кружок нашел его удачным. Но я считаю, что два стихотворения Аги намного лучше моих, особенно первое - "На смерть учителя". Я нахожу его отличным, и оно даже поколебало мою уверенность в себе и интерес к собственным стихам. До сих пор я считала себя способной, но теперь я вижу, что Аги намного одареннее меня. Может быть, в прозе у меня лучшие перспективы? Не знаю. Я опасаясь, что слишком увлекусь сочинением и поверю в свои способности. С другой стороны, я не {37} могу и не хочу перестать писать.

Два стихотворения я послала в газету. Это "Слеза" и "Пляска мгновений". Второе из них - новое и лучшее из когда-либо написанных мною. Так, по крайней мере, кажется мне.

Теперь я думаю о том, достигла ли я уровня Аги, Боже, как мне хотелось бы обладать талантом!

21.3.1937

Закончились два акта "трехактной комедии" (по выражению мамы). Ее первым актом был Золтан, вторым - Петер. Первый акт оказался куда приятнее, чем я ожидала. Он, то есть Золтан, не глуп и - вопреки тому, что говорили злые языки - не развязный. С другими, возможно, он был заносчив, но по отношению ко мне он вел себя безукоризненно. Он не особенно нравится мне, но я охотно провожу время в его обществе.

Второй акт начался с некоторым опозданием, вместо 11 часов 30 минут в 12 часов 30 минут, так как Петер не нашел дорогу сюда. Он был не таким, каким я ожидала его увидеть, - то ли потому, что пришлось долго ждать, то ли еще и потому, что я слишком много ожидала. И дело вовсе не в том, что Петер не симпатичный. Наоборот, он мне очень нравится, хотя я и не знаю, что он думает обо мне. Он читал мои стихи, и они понравились ему.

28.3.1937

Между тем, разыгрался, как и следовало {38} ожидать, "третий акт" - Яни. Он умный парень и с ним можно приятно побеседовать. Но теперь я собираюсь

положить конец этим "паломничествам" ребят, так как начался учебный год и дольше так продолжать нельзя. Кроме того, у меня совсем не остается времени для чтения.

15.4.1937

Уже несколько дней я испытываю какую-то внутреннюю неудовлетворенность, но не знаю, в чем причина. В самом деле, ничего особенного со мной не приключилось; не совершала я также никакого плохого поступка. Может быть, я просто устала. У меня очень много дел, и я сожалею, что приняла на себя столько разных обязанностей в школе. Но я нисколько не раскаиваюсь, что взяла частные уроки.

История с ребятами мне тоже изрядно надоела. Они продолжают ко мне ходить, а я не знаю, какой характер носят, в сущности, наши взаимоотношения. Боюсь, что немного разочаровалась и в Петере. Он слишком сложен, говорит очень высокопарно, а его манера выражаться лишена непосредственности. Может быть, после нескольких дополнительных встреч, я смогу высказать о нем более благоприятное мнение.

Между тем, Аги дала мне прочитать свое новое стихотворение. Я немного разочаровалась в ней.

1.5.1937

Вчера я получила мой первый писательский {37} гонорар. Стихотворение, которое я написала по случаю десятилетия школы, понравилось тете Юдифи и она прислала мне сегодня перевод на 20 пенге. Конечно, я была этому очень рада.

На днях я кончила читать "Фуше" Стефана Цвейга. Книга очень интересная и доставила мне большое удовольствие. Одновременно я читала "Лирическую домашнюю аптечку" Эриха Кестнера. Это тоже замечательная вещь, и я очарована ею. Тематика и трактовка вопросов оригинальны и высокохудожественны.

К сожалению, я обнаружила у Кестнера несколько моих собственных мыслей. Это доказывает, что часто мы считаем новым и оригинальным то, что уже раньше было известно и использовано другими.

У меня осложнения с моими учениками: Труди и Мария получили неудовлетворительные оценки по арифметике. От стыда я готова сквозь землю

провалиться.

15.5.1937

На днях в литературном кружке обсуждался вопрос о выборах нового секретаря. Тетя Боришка сказала, что нужно принять во внимание разные обстоятельства, в числе которых и то, что кандидат должен быть протестантского вероисповедания. Это вполне понятно в протестантской школе; и все же это действует угнетающе. Правда, я не уверена, что достойна этой должности, но теперь я ведь вовсе исключена из числа кандидатов. Отныне я не знаю, какую занять позицию по отношению к кружку. Должна {40} ли я оставаться в кружке и содействовать его преуспеваю или, учитывая царящую в нем атмосферу, покинуть его?

В последнем случае я противопоставлю себя интересам класса.

Необычайно трудно найти верный путь, позволяющий избежать как унижения и безучастности, так и высокомерия и искушения выделиться. В любом случае нужно быть в высшей степени осторожной, так как неверный шаг отдельного человека немедленно вызывает необоснованные обобщения.

По-моему, бороться с антисемитизмом можно лишь путем личного самоусовершенствования (разумеется, нравственного), а это самая трудная борьба. Теперь только я начинаю понимать, что значит быть евреем в христианском обществе. Однако меня это не слишком смущает. Благодаря тому, что мы, евреи, вынуждены вести такую тяжелую борьбу за свои права и что достижение наших целей дается нам с таким трудом, - благодаря этому мы развиваемся и становимся совершеннее и лучше.

Родись я христианкой - все пути были бы открыты для меня. Я стала бы учительницей, в это разрешило бы все проблемы. Не то теперь. Но, в конце концов, я все равно найду и приобрету профессию, которая наиболее соответствует моим способностям.

Христианства я ни за что не приняла бы; не только из-за самой себя, но и из-за моих будущих детей. Я не была бы способна поставить их в унижительное положение, при котором они {41} должны были бы отрицать свое происхождение или стыдиться его. Я не смогла бы также лишиться их подлинной веры, которую не в состоянии дать своим детям родители, отрекшиеся от своей религии.

Я считаю, что религия играет большую роль в жизни человека, и нахожу

смехотворным распространенное в наше время мнение, что вера в Бога - всего лишь опора для слабых.

15.6.1937

Сегодня, был последний день занятий в школе. Отметки у меня все отличные. Но больше всего я рада тому, что получила премию за перевод и за мои стихи "Пляска мгновений".

Вечером я пошла на бал и много танцевала.

18.6.1937

Пишу в поезде. Мой план путешествия в Италию осуществился. В половине десятого утра мы отправились с Южного вокзала. Мама была очень взволнована и отдала меня под опеку сидевшей напротив дамы. Очень милая женщина. Большую часть времени мы проводили в беседе, поэтому я совсем не читала. Тем более было не до чтения, когда мы проезжали озеро Балатон, которое каждый раз открывает передо мной все новые красоты. Я вышла ненадолго в коридор, чтобы посмотреть на это огромное сверкающее внутреннее море.

Из соседнего купе вышел парень лет {42} семнадцати и с элегантно напускной небрежностью закурил сигарету, украдкой наблюдая, какое он произвел на меня впечатление. Я рассмеялась про себя.

Тем временем у нас завязалась приятная дружба с моей попутчицей.

Местности вдоль югославской границы очень красивы. Мы проезжаем живописные места, совершенно не похожие на венгерский ландшафт. Драва течет среди высоких гор, к склонам которых прижимаются маленькие хижины. Любляна. Большой и красивый город. Православная церковь и виллы.

В Триест мы прибыли только вечером. Тут я нарушила данное маме обещание не выходить из поезда и провела половину нашей двухчасовой стоянки в осмотре города.

В Венеции мы были в час ночи.

На миланском вокзале меня встретил наш родственник, и через несколько минут автомобиль доставил нас к нему на квартиру.

Милан, 20.6.1937

Утром мы поехали в Менаджио. Автомобиль был просторный, и места в нем хватило для всех - трех женщин сзади и трех мужчин, включая маленького Джори, спереди.

В начале поездки наше внимание привлекало множество расклеенных на стенах домов плакатов с призывами и "глубокими" изречениями Муссолини, а потом мы любовались озером Комо и его живописными окрестностями.

{43} Это поистине величественная картина: местами синяя, местами светло-зеленая гладь озера, окруженного высокими снеговыми горами,- зрелище, которое навсегда останется в моей памяти.

Менаджио, расположенное на берегу озера Комо, - небольшой прелестный городок. Отличный пляж, зеленые лужайки, качели, теннисные корты, но главное - солнце, вода и горы. Одним словом - чудесно!

Мы купались, принимали солнечные ванны, играли в теннис, а к шести часам вечера вернулись домой.

21.6.1937

Главное событие дня - посещение миланского Кафедрального собора. Я много о нем слышала, видела его изображения; знала также, что он возведен из белого мрамора, что маленькая башня на нем символизирует будний день, а большая башня - праздничный; знала я и то, что он украшен бесчисленным количеством скульптур. Я как будто видела его своим внутренним взором. Тем не менее, стоя теперь на широкой кафедральной площади, напротив собора, я смотрела на это великолепное, кажущееся плодом фантазии сооружение ошеломленная, затаив дыхание. Я направилась к собору и вошла внутрь через бронзовые, украшенные рельефами ворота. В полумраке помещения я различила вначале только очертания гигантских колонн и освещенные окна. Потом начали {44} постепенно вырисовываться готические своды и разукрашенные скульптурами капители колонн. Здесь, под этими грандиозными сводами, прошли бесчисленные человеческие судьбы, - и надежды, мечты и страдания людей запечатлелись в скульптурах, колоннах и орнаментах.

Я обошла весь собор. На алтарях горели свечи, и солнечный свет лился в помещение сквозь цветные стекла окон. Все было здесь величественным, многозначительным и прекрасным, но в то же время и гнетущим. И все же не

это произвело на меня самое большое впечатление.

В моей памяти навсегда останутся часы, проведенные на самом верху собора.

Когда я вышла из лифта, поднявшего меня на сотни метров, у меня захватило дыхание. Я была ослеплена. Я расхаживала среди узорчатых, покрытых затейливыми кружевами орнамента готических арок, стройных колонн и башенок. Если бы весь мир можно было передать при помощи музыки, то это были бы скрипичные трели, исполняемые на самых высоких нотах. Белый мрамор сверкал на фоне синего неба, и вся эта картина воскрешала в моей памяти полузабытые причудливые видения детства. Так я представляла себе сказочную страну: синий небосвод, белый трон, белокрылые ангелы и маленькие окна, через которые можно бросить взгляд на землю. Каким далеким, казалось, был лихорадочно-суетливый город, наполненный шумом трамваев и автомобилей! Какими убогими и смешными выглядели огни городских витрин {45} в сравнении с волшебным сиянием этих величавых высот!

Я дошла до подножия башни и начала подниматься вверх по узкой винтовой лестнице, ведущей к вершине. Каждый поворот открывал передо мною что-то новое: скульптуры, кружевные растительные орнаменты или другие ажурные узоры. Я долго стояла на верхней ступеньке, и мне казалось, что я стою на лестнице библейского Иакова, - словно во сне.

Я взглянула на часы - пришло время возвращаться. Мысленно простившись с этим местом, я стала спускаться вниз. С каждым шагом мне становилось грустнее, что я должна расстаться с этим неповторимым светом, высотой и покоем. Из всего этого я; ничего не могла взять с собой. И все же, покидая это место, я внезапно почувствовала, что кое-что я уношу отсюда навечно - тоску по лучезарным высям и их торжественному, безоблачному покою.

26.6.1937

Сегодня мы слушали концерт на открытом воздухе. Цена билета - 4 итальянских лиры, что довольно дешево. Фашизм в большом выигрыше от устройства таких дешевых парадных зрелищ. Зрителей собралось около пяти тысяч человек. Это были по большей части люди из низших слоев общества, однако они разбирались в музыке лучше, чем посетители самых дорогих концертов в Будапеште.

27.6.1937

После обеда мы совершили чудесную автомобильную прогулку по дороге на Чертозу и Павию. В Чертозе мы осматривали великолепную церковь и монастырь.

Гигантский монастырь выстроен всего лишь для 24 человек, и в нем постоянно живут 24 монаха. У каждого из них отдельная келья, украшенная художественными иконами, фресками и другим ценным убранством. В каждой келье - облицованный мрамором алтарь.

В квартирах монахов, помимо келий, имеются кабинет и столовая; на первом этаже и спальня на втором. Наконец, у каждого монаха маленький палисадник, который он сам обрабатывает. Их жизнь протекает тут в полном уединении. Они не встречаются и не разговаривают друг с другом, за исключением воскресенья, когда они вместе трапезничают и при этом беседуют.

Не могу себе представить, чтобы такая отшельническая жизнь могла принести пользу им или человечеству.

1.7.1937

Посетили знаменитое миланское кладбище. Я считала кощунством из чистого любопытства бродить с фотоаппаратом по кладбищу, где все еще хоронят мертвецов. Но здесь это общепринято. Несколько индийцев, которые были там одновременно с нами, все время щелкали своими аппаратами, делая один снимок за другим.

{47} Интересен вход: на кладбище ведет сводчатая галерея. Кладбище хорошо ухожено и присмотрено, а надгробные памятники необыкновенно красивы. Три самых знаменитых памятника я, к моей радости, обнаружила сама, без посторонней помощи. Один памятник состоит из группы расположенных по спирали скульптур и воспроизводит сцену Голгофы. На втором памятнике - три маски: насмешка, сатира и боль. Третий представляет собой гигантскую скульптурную группу, символизирующую труд и изображающую крестьянина, пашущего на двух быках. Сильное впечатление произвела на меня еще одна скульптурная группа - обнаженная женщина, позади которой стоят две монахини со склоненными головами. С другой стороны, были и уродливые, лишенные художественной ценности фигуры в одежде прошлого столетия. Но не могут же все произведения быть шедеврами.

10.7.1937

После обеда мы снова поехали осматривать достопримечательности Милана.

Посетили музей театра Ла Скала. Самый интересный экспонат в нем - клавесин Россини. Потом мы зашли в здание оперы и осмотрели сцену и зрительный зал. Оба грандиозны по своим масштабам. Но теперь они погружены в свой летний сон; кресла посыпаны нафталином и обтянуты чехлами - все это в большой мере обедняет впечатление. Интересно, что сцена покатая, а куполообразный свод в ее глубине создает, при соответствующем освещении, иллюзию бесконечности. Мы видели инструменты и приспособления, при помощи которых имитируется шум дождя, грома и ветра; осмотрели также колокола и орган.

После Ла Скалы мы отправились осматривать две церкви. Первая - Сан Амброджио; о ней мы учили в школе, поэтому мне было особенно интересно увидеть ее. Она построена в романском стиле - благородном и простом. Имеется квадратный внутренний двор. Башня, которую строила уже в другую эпоху, выполнена в отличном от самой церкви стиле.

Вторая церковь - Сан Мария ди Фиоре, где находится фреска Леонардо да Винчи "Тайная вечеря" (Неточность: "Тайная вечеря" находится в зале трапезной монастыря Санта Мария делле Грацие.). Краски ее сильно поблекли, но все же в меньшей степени, чем я ожидала, судя по описаниям. Лица все еще отчетливо видны. Совсем недавно я прочла книгу Мережковского, и это помогло мне лучше понять дух этой картины.

Сам монастырь внешне напоминает монастырь в Чертозе, но уступает ему как по размерам, так и по художественной ценности.

Мы осмотрели еще "Колодец Святого Франциска" - красивое изваяние; оно словно живое - кажется, вот-вот зашевелится. Почти не останавливаясь, мы обошли памятник героям войны, парк Лидо, городской стадион и огромное здание биржи, богато украшенное барельефами.

12.7.1937

Сегодня я в плохом настроении, впервые за все время пребывания в Италии. И это не без причины; мне очень хотелось съездить на несколько дней во Флоренцию, но мама не разрешила.

Я узнала об этом вчера вечером, по возвращении из Менаджио, и сразу лишилась того радостного состояния духа, которое не покидало меня все эти дни. День был чудесный. Дул крепкий ветер, и озеро сильно волновалось. Но мне было приятно плавать в бурной воде. Я долго лежала на деревянной доске, которую подбрасывали и качали волны. Вдали были отчетливо видны горы и

среди них покрытая снегом Монте Роза. Когда мы возвращались, на склоны высившейся впереди нас горной цепи начали ложиться тени. Всю дорогу мы не переставая пели, смеялись и были беззаботны и счастливы. Но дома я нашла мамино письмо, которым она отменяла мою поездку во Флоренцию. Ничего не поделаешь! Остается только поворчать и возвращаться.

Но тут у меня возникла мысль заехать по дороге в Венецию. Просить разрешения мамы было уже поздно; но тем лучше: она почти наверняка воспротивилась бы этому.

{50}

Венеция, 15.7.1937

Чемодан я сдала в камеру хранения. Чувство самостоятельности доставило мне большое удовольствие. Я совершила на катере поездку по Большому каналу - канал Гранде. И хотя канал уже был мне отчасти знаком по картинам и фотографиям, было все же интересно посмотреть на лестницы зданий, омываемые водами канала.

Осмотрела знаменитые памятники архитектуры, ослепительно белые фасады которых отражаются в зеркале водной глади. Эти старые здания давно рухнули бы, если бы их время от времени не укрепляли. Когда мы доплыли до ближайшей к Кампо деи Фрари станции, я сошла с катера и после непродолжительных поисков была у церкви (Санта Мария Глорियोза деи Фрари.). Но войти мне не разрешили, так как мое платье было с короткими рукавами, и мне пришлось взять напрокат красную шаль.

В этой церкви находятся три всемирно известных художественных произведения: "Вознесение Марии" (или "Ассунта") Тициана, две мадонны Беллини и надгробие Кановы. Последнее произвело на меня особенно сильное впечатление. Большую художественную ценность представляют также фрески.

Выйдя из церкви, я снова села на катер и отправилась на площадь св. Марка.

Около часа дня я была у Дворца дождей и через пышно {51} отделанный вход вошла во внутренний двор. Осмотрев два украшавших двор бронзовых бассейна, я поднялась вверх по лестнице Гигантов. Во внутренних помещениях множество фресок кисти Тициана, Веронезе, Тинторетто и других мастеров. За такое короткое время все это можно осмотреть только очень поверхностно.

В залах, где выставлено оружие, я видела всевозможные орудия пытки, пушки и

доспехи. Из картин меня особенно потряс "Рай" Тинторетто в зале Большого Совета. Когда смотришь на это полотно, стоя у противоположной стены гигантского зала, оно кажется огромным ковром, на котором расположились и двигаются как живые шесть человеческих фигур. Но высшее эстетическое наслаждение доставляет внимательное и детальное рассмотрение каждой фигуры в отдельности.

В поезде я почти всю ночь не смыкала глаз- так переполнила меня впечатлениями эта поездка.

Домбовар, 19.7.1937

Я в Домбоваре. Здесь я не смогла бы написать 60 страниц в течение четырех недель, как я это сделала в Италии. Тут все по-иному. За границей я могла делать все, что мне приходило в голову; здесь же я снова нахожусь под постоянным наблюдением мамы. Пища тут тоже кажется непривычной. После легких итальянских блюд жирная и сытная венгерская кухня мне уже не по вкусу.

{52} Не хватает мне и миланского плавательного бассейна. Но, с другой стороны, я рада, что не должна проводить время в одиночестве, за чтением книг, хотя, впрочем, и это было бы не так уж плохо. У меня тут есть большая компания девушек, но ребят этим летом, очевидно, не будет. Правда, здесь есть немало парней-христиан, но нас разделяет столько непреодолимых преград, что какое бы то ни было сближение между неевреем и еврейской девушкой кажется невероятным. Часто удивляешься этому явлению и оно даже кажется комичным, тогда как на самом деле в нем отражается печальная и тревожная действительность.

22.7.1937

Пишу на пустой желудок, так как под предлогом расстройства пищеварения я целый день ничего не ела. Я пишу: "под предлогом", так как в действительности я совершенно здорова и притворяюсь лишь потому, что меня все время усиленно кормят, чтобы я пополнила. На мысль прибегнуть к этой уловке меня навела болезнь Эвики, которая и в самом деле испортила себе желудок; и не одна она - бабушка Фини тоже. Это послужило толчком к моей небольшой хитрости, но решиться на нее мне было нелегко: как-никак, это ложь. Но, в конце концов, я успокоила себя тем, что никому не приношу вреда, а непродолжительное голодание даже полезно для желудка.

Сегодня утром мама нашла, что язык у меня {53} обложен, и настояла, чтобы я

выпила минеральной воды. Я чуть не прыснула при этом. Мне повезло, что тетя Элиз и Фали тоже жалуются на желудок. Теперь они полагают, что нам повредила одна и та же пища, которой мы все поели. Должна признаться, что лгать мне удастся очень убедительно, но делаю я это с большой неохотой - слишком уж неприятное это вызывает чувство.

Вчера я кончила читать интересную книгу Эрнста Лотара "Романс фа мажор". Мне было жаль с нею расстаться. Это дневник пятнадцатилетней девушки, и книга была очень близка мне как по содержанию, так и по стилю. Теперь я читаю книгу Ниро "Под игом Господним". Она мне нравится, но сама я наверняка не стала бы так писать, даже если бы могла. Мне одинаково чужды и манера, и весь изображаемый в книге мир.

26.7.1937

Ну и дела! Я дала интервью! Адвокат Сабо сказал мне вчера, что господин А., корреспондент газеты "Т. Х.", хочет встретиться со мной, чтобы написать в своей газете статью "о поэтессе, которая проводит теперь отпуск в нашем городе". Я считала всю эту затею излишней, но корреспондент неожиданно явился, и я должна была дать ему подробное интервью. Он задал мне, между прочим, и ряд банальных вопросов: кто мой любимый писатель, любимый поэт и т. д. Он попросил также дать ему мое {54} стихотворение. Теперь я жду с нетерпением появления его статьи.

28.7.1937

Вышла газета со статьей (Статья называется "Анико Сенеш - большая надежда венгерской поэзии"). Вначале он пишет о папе, а потом обо мне. Статья довольно приличная, и все было бы хорошо, если бы не одна фраза, в которой он упоминает директора моей школы. Он утверждает, что директор восхищен мною, или что-то в этом роде. Это очень беспокоит меня, хотя маловероятно, что газета попадает в руки моего директора.

Бабушка Фини слегла: она сильно простужена и очень слаба.

30.7.1937

Вчера умерла бабушка Фини. Двое суток она мучилась. Когда доктор сказал нам прошлой ночью, что надежды, нет, всех нас охватило жуткое сознание того, что смерть рядом, - и мы молча плакали, не в силах вымолвить слово. Мама совершенно разбита, и я ничем не могу утешить ее. Я только обещала, что сделаю все возможное, чтобы оставаться рядом с ней: я знала, какой одинокой

она будет чувствовать себя без бабушки Фини. Не перестаю думать о смерти отца. Мне кажется, я все еще не осознала, что означает для меня смерть бабушки.

Сегодня я уже не могу плакать. Правда, какое-то гнетущее чувство продолжает тревожить {55} меня. Но это все. Даже смеяться я уже способна. Дорогая бабушка! Я рада каждой минуте, когда я была добра к тебе и оказывала тебе внимание. Я уверена, что если иногда вела себя не совсем хорошо, то она все же не сердилась, так как очень любила меня.

31.7.1937

Вчера я не могла писать. Весь день мы с Эвикой бегали, хлопотали и старались всем помочь по мере возможности. Тетя Элиз и мама не в состоянии что-либо делать. Мама весь день лежит в кровати, и я очень озабочена; что будет с нею по возвращении домой? Вчера вечером приехала тетя Манци. Мне казалось, что она хорошо владеет собой, но потом я узнала от мамы, что она всю ночь не могла уснуть и ходила взад и вперед по комнате. Очевидно, смерть бабушки была тяжелым ударом и для нее.

Я очень устала, так как уже второй день встаю в шесть часов утра; не потому, что это необходимо, - не спится. Очень боюсь за маму. Теперь я понимаю, как глупо и самонадеянно было думать, что я смогу хотя бы частично заменить маме бабушку Фини. Вместе с тем мы с Джори могли бы сообща значительно облегчить ее положение. Я собираюсь написать ему в Париж, но о смерти бабушки, по настоянию мамы, я умолчу. Ведь он все равно сможет возвратиться только со всей группой.

1.8.1937

В два часа пополудни состоялись похороны {56} бабушки. Прибыло много родственников, друзей и знакомых из разных мест, и нам с Эвикой пришлось много хлопотать вокруг них. Похороны начались с некоторым опозданием. Вся эта церемония была ужасающей. Гроб с телом вынесли во двор, и раввин произнес надгробную молитву. Потом мы пешком пошли за гробом на кладбище. Лео, который задержался тут дольше других, громко смеялся своим собственным шуткам, и мы, не удержавшись, тоже разразились смехом. Такова жизнь - она продолжает идти своим чередом, и только бабушка Фини навсегда ушла от нас. Бедная мама, что будет с тобой, когда ты вернешься домой?

Обсуждали, где хоронить бабушку, - не рядом ли с дедушкой в Яношгазе? В конце концов, решили, что будут хоронить здесь, в Домбоваре. Я была с этим

согласна: ведь в конечном счете все эти обряды предназначены для живых, которые будут посещать могилу. Душе, если у нее есть загробная жизнь, ничто не мешает общаться с душой любимого в потустороннем мире. Телу же, которое через неделю будет полусгнившим, безразлично, покоится ли оно рядом с близкими или чужими.

Будапешт, 22.8.1937

Утром двадцатого августа возвратился домой Джори, а вечером к нам приехал в гости мой двоюродный брат Фери со своим приятелем из Бельгии. Джори мы ждали уже давно. Он выглядит хорошо и много рассказывал о себе, {57} пока не прибыли остальные гости. Когда все собрались, нам стало некогда разговаривать. У нас много дел, и хотя парни каждый день выезжают в город осматривать достопримечательности, они тем не менее доставляют нам много хлопот.

25.8.1937

Ребята уехали. В последний день я была их гидом, когда они осматривали парламент и другие достопримечательности. После их отъезда работы по дому стало куда меньше и не приходится столько суетиться, но из-за моей неуклюжести я разбила гравированный стакан и две очень красивые тарелки. Кроме того, я пересолила шпинат. В связи с этой последней оплошностью мне пришлось, конечно, выслушать немало язвительных замечаний. Мама, кажется, и в самом деле думает, что я влюблена в Петера; а я, между тем, совершенно уверена, что это не так. По правде сказать, он красивый парень и я к нему не совсем равнодушна; однако мы с ним знакомы вот уже около полугода, а все еще очень далеки друг от друга. Мы совершенно чужды друг другу и трудно даже вообразить, что когда-нибудь сблизимся и станем хорошими друзьями. У меня бывают с ним беседы о книгах и на другие отдаленные темы.

Что касается других вопросов (не обязательно романтических), как, например, планы на будущее, мечты, надежды, сомнения, - то их мы даже не затрагиваем.

{58}

30.8.1937

Через несколько дней возобновятся занятия в школе. Не могу сказать что я использовала последние дни каникул наилучшим образом. Во всяком случае, для спорта у меня оставалось слишком мало времени. Те немногие свободные часы, которыми я располагала, я посвятила чтению ("Будденброки" Томаса

Манна) и приведению в порядок фотокарточек и репродукций (я уже заполнила ими пять альбомов).

Вчера я была в кинотеатре - впервые после смерти бабушки Фини. Смотрела "Даму с камелиями" - замечательный фильм с Гретой Гарбо. Это печальный и в то же время благородный фильм, и Грета Гарбо играет в нем блестяще. Ее партнер, Роберт Тэйлор, тоже играет отлично.

Сегодня ко мне приходили три подруги. Я рассказывала им о моей поездке по Италии и показывала фотографии.

5.9.1937

Еврейский Новый год. Я сначала сомневалась, следует ли мне сегодня писать. Но я считаю, что нет надобности соблюдать подобного рода запреты: не в этом содержание и смысл подлинной веры.

Занятия в школе начались, и не произошло никаких изменений, если не считать того, что я перестала посещать уроки латыни. Это решение начало созревать в моей голове еще в прошлом году. Уже тогда я пришла к заключению, что латынь отнимает у меня много времени, тогда как надобность в этом языке у меня не предвидится, поскольку я не собираюсь поступать в университет.

16.9.1937

Случилась неприятность. На собрании литературного кружка меня избрали в правление. Обычно кружок без возражений одобрял выбор класса; но на этот раз члены кружка выдвинули кандидатуры двух других девушек и потребовали новых выборов. Это было сделано с явным намерением отстранить меня, еврейку. Разумеется, вместо меня избрали другую. Если бы я до этого не была избрана, я не сказала бы ни слова. Но в данном случае мне было нанесено открытое оскорбление. Я решила не участвовать больше в работе кружка и не интересоваться его делами.

К счастью, есть и более отрадные новости: сегодня я начала давать уроки Ирме. Я буду заниматься с нею два раза в неделю, за что мне будут платить 20 пенге. Это очень хорошо. На будущую субботу она пригласила меня к себе. У нее будет приятное общество.

Звонил Петер и спросил, можно ли ко мне зайти. Мы договорились с ним на воскресенье утром.

1.10.1937

Только что кончила читать папину книгу "Одиннадцатая заповедь, и я вся захвачена ею. Благодаря этой книге отец стал еще ближе моему сердцу. Я знаю, что этот роман очень мало {60} связан с реальной жизнью; тем не менее, в нем нашли отражение - пусть с некоторыми преувеличениями - юношеские годы отца и любовь моих родителей.

Это очень дорого мне.

Пришло время прочитать и остальные книги моего папы.

6.10.1937

Вчера после полудня я гуляла с Петером и мы беседовали на разные темы. После пространного вступления он заявил, что любит меня. Для меня это не было большой неожиданностью, и я выслушала его спокойно. Вчера, когда я была с ним в кино, вместе с Ирмой и еще одним парнем, он в темноте не сводил с меня глаз. Поэтому-то меня и не удивило его сегодняшнее признание. Это можно было предугадать и по его просьбе встретиться со мной сегодня, хотя мы только вчера виделись с ним. Я была с ним приветлива, но не сказала, что люблю его, так как это могло оказаться неправдой. Так или иначе, я довольна: впервые мне было приятно услышать такие слова (не скажу, что я была бы недовольна, если бы это случилось раньше; но прежде не было взаимного интереса). Потом мы перешли на другие темы и это еще больше сблизило нас.

Не знаю, расскажу ли я об этом маме. Наверно, все же расскажу.

Я плохо поступаю, поддерживая связь также с другими ребятами. Ведь это факт, что недавно ко мне приходил Шандор, и мы неплохо {61} провели с ним время. На следующий день тут был Янош, красивый и интеллигентный парень. Его родители хорошие знакомые моей мамы; они-то и привели его к нам.

23.10.1937

Как давно я не делала записей в дневнике! Правда, особых новостей не было, но всегда можно написать кое-что о мелочах. С "того" дня Петер был у меня только один раз, но сегодня вечером мы встретились с ним у моей подруги.

В школе жизнь течет довольно монотонно. Занимаюсь я не много. Теперь я больше всего интересуюсь английским языком. Недавно прочла книгу Перл

Бак "Восточный ветер, западный ветер", а теперь читаю "Землю". Оба романа посвящены жизни китайцев. Получила письмо от моей "подруги" по переписке из Англии и немедленно ответила ей.

С Джори я теперь в хороших отношениях. У него большие устремления. После усердного изучения французского языка он "набросился" теперь на английский. Один раз в неделю он в течение часа учит меня французскому языку, а я, со своей стороны, даю ему уроки английского языка. Я посещаю также курсы английского языка при "Обществе международных связей", так как там я могу основательно изучать грамматику.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ДНЕВНИК

1.1.1938

Я хочу написать теперь о рождестве, которое было вчера, а также о Новом годе. {62} Поскольку мама никуда не идет, мы с Джори тоже решили остаться дома. Но неожиданно я получила приглашение на премьеру в Театре комедии. От такого соблазнительного предложения я не могла отказаться: премьеру комедии и рождественская ночь одновременно! Пьеса "Сладкий дом" оказалась довольно бледной.

Мне вспомнилось то, что мне рассказывали о премьерах папиных пьес: они всегда вызывали у зрителей взрывы аплодисментов и неудержимого смеха. И в мою душу закралась мечта, чтобы когда-нибудь и мои пьесы ставились в театрах под громы аплодисментов. Наверно, глупо с моей стороны мечтать об этом. Но мне такая перспектива не представляется нереальной, и я все больше и больше думаю об этом.

Несколькими словами хочу подытожить прошедший год. Я чувствую, что повзрослела. У меня были яркие и волнующие переживания - путевые впечатления; мысли и чувства, навеянные прочитанными книгами. Не обошлось и без горестей: умерла бабушка Фини. Одним словом - год, наполненный событиями. Мне кажется, я продвинулась вперед в области литературного творчества, но не в своих душевных качествах. В прошлогодней записи в дневнике я пожелала себе личного совершенствования, а этого не произошло. Не хочу этим оказать, что мои недостатки умножились, но у меня их, несомненно, достаточно, и я должна от них избавиться. Может быть, мне удастся сделать это в новом году.

{63} За окном, сквозь белую пелену занавеса, открывается чудесный вид. Все окутано в белое; стоят одетые в белое деревья. А снег продолжает идти. Белизна в сочетании с множеством других цветов и оттенков; синие и

сероватые огоньки - ослепительно-яркие и тусклые. Неопиcуемая красота!

Этим я торжественно начинаю дневник 1938 года.

14.1.1938

Перелистывая свой дневник, я прихожу к выводу, что не осветила в достаточной степени факты, касающиеся моих отношений с Петером. Коротко говоря, мне все это немного надоело, а он ждал от меня более сильных ответных чувств. Я была с ним не достаточно ласкова - и он почувствовал это. Все кончено! Но я ничуть не огорчена.

31.1.1938

Получила письмо от Мэри, моей "подруги" по переписке. Она пишет о поездке в Англию, которую я предполагала совершить этим летом. Боюсь, однако, что смогу поехать не раньше будущего года, хотя предпочла бы не откладывать поездку - очень уж ненадежное теперь время. В субботу днем снова приходил Надаи. Я охотно беседую с ним; он такой умный и приятный. В ходе нашего разговора мы даже коснулись дифференциального и интегрального исчисления, но обычно мы беседуем с ним, конечно, не на такие темы.

{64} Субботний вечер мы провели за приятным занятием, а именно, за чтением писем, которые папа в свое время писал маме. Письма эти полны своеобразной прелести и юмора - читать их большое наслаждение. Воображаю, как много они значили для мамы! Пока мы прочли еще не все письма; возможно, продолжим чтение сегодня.

13.3.1938

Сегодня я должна описать две вещи: политические события и вчерашнюю вечеринку. Поскольку политика важнее - начинаю с нее.

Совсем недавно, незадолго до того, как Гитлер сделал свой доклад рейхстагу (20 февраля), австрийский канцлер, доктор Курт фон Шушниг, отправился по приглашению Гитлера в Германию. По официальным сообщениям, переговоры между ними носили самый дружественный характер, и об "аншлюсе" мы слышали очень мало. Артур Зейс-Инкварт, юрист и нацистский политик, был введен в качестве министра безопасности в состав реорганизованного австрийского кабинета. Однако никаких других видимых признаков вмешательства Гитлера в то время не наблюдалось.

Поэтому вполне понятны охватившие всех чувства тревоги и недоверия, когда Шушниг - если на ошибаюсь, в среду - неожиданно назначил на воскресенье, 13 марта, плебисцит по вопросу об аншлюсе. Это внезапное решение застигло, конечно, врасплох всех, притом не только в Австрии. Однако результатов плебесцита все мы ожидали спокойно, в полной {65} уверенности, что они будут в пользу независимости. Таково было положение в пятницу.

В этот вечер, включив радио, мы были ошеломлены, услышав следующее сообщение: "Плебисцит отложен. Германия предъявила Австрии ультиматум, требуя отставки Шушнига. Вынужденный подчиниться превосходящей силе, Шушниг в своем выступлении по радио заявил о своем уходе, и власть в стране перешла в руки Зейс-Инкварта, который срочно призвал в Австрию немецкие войска".

В субботу утром (12 марта) началась оккупация Австрии немецкими войсками, и сегодня Австрия всецело находится под контролем нацистов.

Эти события вызвали неопишное смятение и напряженность также и в Венгрии. В школах, на улицах, даже во время увеселений аншлюс является главной темой разговоров. Многих эти события задели непосредственно. Но даже те, кто прямо не был затронут, с тревожным вниманием следят за происходящим, пытаются угадать, как поведет себя Чехословакия: проведет ли она мобилизацию и примет ли меры для защиты Судетской области? Строятся также различные догадки относительно дальнейших шагов Англии и Франции (в последней разразился политический кризис), а также по вопросу о том, на чью сторону встанет Италия. И далеко не последнее место занимает вопрос, какова судьба Венгрии, на которую тоже легла тень рвущейся на Восток семидесятимиллионной нации.

{66} Сегодня ожидается прибытие Гитлера в Вену. Если отвлечься от питаемой к нему антипатии, то нужно признать, что действовал он чрезвычайно хитро, расчетливо и дерзко.

В настоящее время царит затишье, и все охвачены беспокойным ожиданием, с опасением глядя в будущее.

А теперь о более веселом и приятном. Вчера мы были приглашены на вечер к Люси. Собралось около сорока человек. После обычного от. крытая последовали танцы, ужин в буфете, пение - и настроение у всех стало приподнятым. Я много танцевала и чувствовала себя прекрасно.

4.4.1938

Мне стыдно, что я ничего не написала о мире угнетения, напряжения и нервозности, в котором мы теперь живем. Вот и теперь я взялась за перо только для того, чтобы описать субботний вечер. А события в Австрии и положение внутри страны вызывают столько разговоров и волнений, что когда дело доходит до описания, то все это становится невыносимым.

Джори, конечно, поедет в будущем году не в Австрию, как это предполагалось раньше, а во Францию - и навсегда. Итак, мы будем разъединены и рассеяны по всему миру!

Но вернемся к рассказу о субботе. Мы были у Виры, и я хорошо провела время. Настроение у всех было великолепное - благодаря танцам, небольшому импровизированному бару и, {67} разумеется, благодаря компании. Я почти все время была в обществе Риваи.

Кажется, я ни разу о нем не упоминала в дневнике, хотя встречалась с ним не раз. И танцевать нам уже приходилось с ним раньше. Но на этот раз мы танцевали особенно много. Он отличный танцор и неплохой парень. Он сказал, между прочим, что ему очень нравится моя манера держаться, говорить и т. д. и т. п. Он хотел бы, чтобы его сестра была такой, как я. Меня он "утешал" тем, что хотя мои поклонники будут малочисленнее, чем у девушек "другого типа", но зато мне обеспечен успех у более достойных ребят. Любопытно, что то же самое мне сказала недавно Марианна.

Я танцевала, конечно, и со многими другими ребятами, кроме Риваи, и когда мы начали расходиться уже совсем рассвело.

24.4.1938

Давно не писала. Во вторник, во время поездки в Домбовар, у меня было в поезде приключение (говоря точнее - знакомство). Когда я зашла в вагон, один парень помог мне управиться с багажом, а потом уселся рядом со мной. Я сразу заметила, что он ищет знакомства со мной. Поэтому я поспешила достать из чемодана книгу - великолепную повесть Сомерсета Моэма "Луна и грош" - и стала читать.

"Я не помешаю вам, если закурю?" - обратился он ко мне и тут же спросил: "Вы едете в Домбовар? (он слышал об этом от {68} кондуктора). Последовало еще несколько вопросов. Вначале я отвечала довольно лаконично и сухо, но потом, когда он на моей стороне вмешался в спор о том, следует ли отворить окно, - мне не осталось ничего другого, как вступить с ним в разговор. Оказалось, что он изучает теологию в протестантской школе. Он начал убеждать меня, чтобы и

я последовала его примеру, однако я дала ему понять, что это исключается, поскольку...

Однако это не помешало ему продолжать беседу и задавать все новые вопросы. Ему очень хотелось узнать, как меня зовут, но я не сказала ему. Тогда он заметил, что евреи, по-видимому и в самом деле очень замкнуты и остерегаются общения с посторонними. Я сказала, что не разделяю его мнения, но своего имени все же не сказала ему. Он, казалось, был этим очень огорчен и заявил, что в какой-нибудь день будет ждать меня у школы. Я уговорила его не делать этого. Так вся история и кончилась.

Идет обсуждение проекта "Закона о евреях". В связи с этим царит сильное возбуждение и тревожное ожидание (После оккупации Австрии германскими войсками в Венгрии резко усилился антисемитизм, и 11 марта 1938 года в венгерском парламенте началось обсуждение "еврейского вопроса". Результатом этого было принятие "Закона о евреях", который ограничивал права венгерских евреев, особенно в сфере экономики.): утвердят законопроект или нет? Все только об этом и говорят.

{69} Торговля, промышленность, театр, кафе - все замерло в ожидании результата парламентских прений. Чем все это кончится...

28.4.1938

Снова начались занятия в школе. Особых новостей нет. Атмосфера, в общем, напряженная и тревожная. Нас очень беспокоит Джори - что будет с ним после выпускных экзаменов, которые уже не за горами.

В последнее время я мало пишу, и мой "роман" продвигается медленно.

Написала историческую поэму по материалу, который мы проходили в школе. Я осталась довольна ею; понравилась она и тем, кому я ее прочла.

7.5.1938

Мой брат Джори и его товарищи окончили школу. После полудня по этому поводу состоялась прощальная церемония в синагоге. Так повелось уже давно, но на этой неделе прощание приобрело необычайный смысл и было проникнуто чувством грусти и беспокойства. Ребята этого выпуска рассеются по разным местам, и кто знает, что им готовит будущее. Иван выступил с речью. Он пытался подбодрить собравшихся, но в каждом его слове сквозило уныние и беспросветность. Да можно ли было говорить иначе в такое время. Во всяком

случае, все это было грустно, очень грустно. Особенно для меня, так как все это касается и Джори. Только теперь я ясно поняла значение того, что ему {70} предстояло. Он отправится за границу, в неизвестность, и мы даже не будем знать, увидимся ли еще когда-нибудь. Как ужасно это должно быть для матери !

Среди одноклассников Джори есть несколько парней из партии "скрещенных стрел" (венгерской фашистской партии), и Джори просил их позаботиться о матери и обо мне, если случится беда. Какая наивность - ждать помощи именно от них.

После церемонии в синагоге я пошла играть в теннис - в четвертый раз в этом сезоне.

30.5.1938

Пишу после еще одной приятно проведенной субботы.

К Мари я пошла с Петером. На мне было мое голубое тафтяное платье и шарф из шелкового муслина. К поясу я приколола розовый цветок. Все ею было очень красиво. Я сама сделала себе прическу и беспокоилась, что она не удастся. Но получилось хорошо.

Должна заметить, что я долго колебалась и обдумывала, идти ли к Мари. Дело в том, что эта семья недавно перешла в христианство, а я это решительно осуждала. В конце концов, мое желание развлечься и приятно провести вечер взяло верх. Я много танцевала с ребятами и чувствовала себя отлично.

Еще одна важная новость: семейство Вираг пригласило меня на свою дачу в Лелле. Мне придется немного помогать им по хозяйству, и {71} это мне по душе. Охотно приму это приглашение, тем более, что моя поездка в Англию отпала.

Написала стихотворение "Голубое" и очень довольна им.

15.6.1938

Сегодня окончились занятия в школе. Оценки у меня по всем предметам отличные. К тому же я получила второй приз в конкурсе по фотографии. Ни в каких других соревнованиях я не принимала участия. В литературном кружке я тоже не участвовала - после того случая прошлой осенью. В этом году, я можно сказать, была не слишком усердной. В следующем году буду прилежнее.

Закончу я, пожалуй, записью о том, что прочла "Преступление и наказание"

Достоевского. На меня произвело очень сильное впечатление описание внутреннего мира и душевных состояний героев.

Подсознательно я чувствовала, что между семьей, изображенной в романе, и нашей семьей существует определенное сходство.

Но я имею в виду, конечно, лишь частности.

Итак, я окончила и эту тетрадь дневника. Я думаю, что она будет одной из моих самых любимых памятных вещей.

23.6.1938

Начинаю еще одну - третью - тетрадь дневника. Я делаю в ней первую запись с некоторым волнением. Мне приходит на память Тот, {72} мой учитель венгерского языка в Домбоваре, который еще четыре года тому назад поощрял меня вести дневник. По словам Тота, дневник станет самым дорогим для меня предметом и если вспыхнет пожар, я брошусь спасать в первую очередь его. Не исключено, что он был прав.

В настоящий момент я больше не могу писать: после обеда я уезжаю к Вирагам в Лелле, и дома идет лихорадочная укладка вещей и царит невероятная сутолока. Мне будет очень трудно расстаться с братом.

28.6.1938

Вернусь домой. Стыдно признаться - не могу приспособиться к манере поведения тети Эстер. Единственное здесь удовольствие - купание в озере. И к великому моему сожалению, тетя Эстер следит за каждым моим шагом и запретила мне удаляться от берега. Я, понятно, не могла удержаться. Когда она увидела, что я немного отплыла от берега - страшно перепугалась, у нее появилось сердцебиение и она "ужасно" рассердилась. Когда я хотела попросить у нее прощения, она сказала, что не намерена из-за меня разрушать свою нервную систему. Итак, я решила вернуться домой. Я при этом не подумала о важности такого решения, но почувствовала, что не смогу здесь долго выдержать.

Я вошла к себе в комнату, заперла дверь на ключ и горько заплакала. Села на пол, чтобы от купальника не промокла моя постель. В таком {73} состоянии были написаны эти строки. Тетя пыталась войти ко мне, она толкала дверь, но я ей не открыла. Я была очень сердита, что мне все же придется уехать домой. В конце концов, после того, как Эржи и тетушка меня долго упрашивали, я

открыла дверь. Тетушка была очень приветлива. Я верю ей, что это она так вела себя, опасаясь за мое здоровье. Она потребовала от меня, чтобы я не повторяла ошибки, целовала меня и просила перестать плакать. Понятно, что мне не легко было ей повиноваться, но, в конце концов, я успокоилась. Теперь я уже должна выйти. Я надеюсь, что глаза у меня не очень красные.

Продолжаю писать после полудня. Буря уже утихла, как будто бы установилась тишина, но следы бури оставили на мне свой отпечаток. Возможно, что я здесь останусь, т. к. я пытаюсь объяснить случившееся, как проявление доброй воли и как заботу о моем благополучии. Но это представление я не скоро забуду. Если бы я не удерживалась, я бы еще долго плакала. Трудно мне представить себе, что я пробуду здесь дольше, чем до середины июля, разве только будет больше работы и возможности наблюдать и учиться. Короче говоря, - надо подумать, что же дальше.

2.7.1938

Последнее происшествие почти забыто. Все изменилось к лучшему, и здесь очень хорошо. В течение двух дней я училась грести на {74} лодке, и это доставило мне большое удовольствие.

Мы ставим лодку недалеко от берега и купаемся в горячих лучах солнца, читаем и следим за парусным судном "Д22", которое кружит вокруг нас, а на нем 2 или 3 парня. Вообще-то, здесь нет ничего серьезного, связанного с парнями. В пансионе находится тип, которого я не выношу.

Джори получил разрешение перевести за границу сумму денег, которая ему там нужна. Я рада, что это ему удалось, но сердце болит, что он нас оставит. Мое сердце с мамой, как она несчастна! Но что делать? Простой расчет говорит, что это - единственный путь.

10.7.1938

Мое настроение улучшилось. Я уверена, что могла бы приспособиться к жизни здесь, но я уже сообщила маме, что остаюсь лишь до 15-го. Долго я колебалась, писать ли ей об этом, чтобы не напугать ее. Но я это сделала, т. к. не вижу смысла в моем пребывании здесь.

Вижу, что не упомянула о встрече с братом. Мы вышли на железнодорожную станцию, вошли в его вагон и обменялись несколькими словами. Действительно, трудно сказать, когда мы увидимся, и все же наше расставание не было со стороны очень трогательным. Мы говорили только о

второстепенных вещах - о новых маленьких ракетках, об уроках итальянского, о том, что я загорела, об общих друзьях и т. д. Когда поезд тронулся, я еще успела сообщить ему о длине миланского бассейна, но за всем {75} этим было тайное ощущение, что Джори уезжает сейчас, может быть, на год, а может быть, и на много лет. Вот он ушел навстречу жизни!

Маме трудно сейчас дома. Она пишет, что, к счастью, у нее много дел, и они занимают все ее время. Мне бы хотелось, чтобы она тоже поехала на дачу. Ей ведь нужен покой больше, чем всем нам.

13.7.1938

Уже два дня я лежу в постели больная. Возможно, что сегодня встану. Надеюсь, что больше не буду болеть. В понедельник я почувствовала себя очень плохо. Еще накануне, ночью у меня было ощущение, что не все в порядке. Утром меня охватил сильный озноб, но по легкомыслию я все же встала. Мне не хотелось, чтобы об этом узнали, и потому я даже помогала немного на кухне. Спустя некоторое время я вынуждена была пойти к себе в комнату; измерила температуру - 38,8. Вскоре температура поднялась до 39,2. Я позаботилась, чтобы тетке осторожно сообщили об этом. И все же я вздремнула, а вечером проглотила несколько таблеток. Вчера я могла уже целый день читать.

И снова я осталась без книги. Не знаю, как убить день. Пока я читала, мне не было скучно. У меня не было потребности в общении с людьми. Они все сейчас очень заняты. Как досадно, что я заболела как раз тогда, когда могла помочь им. Это очень неприятное ощущение. Мне кажется, что мне повредило то, что я ела много {76} мяса. Уже три года я так тяжело не болела. Трудно утверждать, что употребление в пищу мяса влечет за собой заболевание ангиной, но, возможно, какое-то влияние на болезнь это оказывает. Если бы я сказала об этом моим хозяевам, они сочли бы меня за полоумную.

Я вспомнила шутку. Инспектор школы спрашивает маленького Моше: "Если ты вчера отведал в Африке курятины, а моей маме 65 лет, сколько лет мне?". - "48", - отвечает Мошеле. - "Почему ты так решил?" - "А очень просто. По соседству с нами живет полоумный, и ему 24 года". Кажется, это первый анекдот, который я записала в свой дневник.

14.7.1938

Вчера я еще оставалась в постели. Кроме записей в дневнике я написала письмо, открытку и стихотворение. Я еще не придумала названия. Возможно, назову его "Буря" или нечто вроде этого. Мама показала некоторые из моих

стихотворений Алькелай (журналисту, который переводит стихи). Он был поражен и отозвался о них очень хорошо. Подробности узнаю только, когда вернусь домой. Он порекомендовал еще одного человека, кому можно показать для оценки мои стихи. Я посету его, когда вернусь. Хочу услышать серьезную критику, а не только похвалы от знакомых и домочадцев.

Мне кажется, что я наделена писательским даром быстро на все откликаться, и все, что я пишу, удается. Очень приятное ощущение. {77} Недавно я показала Эржи стихотворение, написанное в связи с расставанием с Джори. Мне кажется, что оно хорошо своей простотой и непосредственностью. Эржи заметила: "Как хорошо человеку, который может писать стихи, когда вздумает. Свое последнее стихотворение я написала, когда мне было 12 лет. С тех пор пропала охота писать". Видно, мне надо тщательнее выбирать людей, с которыми стоит говорить о поэзии.

21.7.1938. Будапешт.

В конце концов, во вторник вечером я вернулась домой. Последние дни я провела хорошо. Габи приехал в субботу, и так хорошо было с ним серьезно беседовать. В субботу вечером мы пошли в гостиницу и отпраздновали мой день рождения. В полночь мы выпили за прожитые мною 17 лет. Мы немного потанцевали и около двух вернулись домой. В воскресенье утром меня многие поздравляли. Габи преподнес мне цветы. В заключение мы купались в море, я играла в пинг-понг, танцевала и каталась на велосипеде. После обеда я рассталась с родными, в 9 вечера была уже дома. Могу сказать, что я счастлива быть у себя дома. Атмосфера приятная и дружеская. Тут я чувствую себя более свободной, а с мамой, как всегда, мне легко и хорошо. Как мы были рады друг другу! Но снова ведутся разговоры о новой поездке, возможно, в горы.

{78}

25.7.1938

Это решено. Я поеду в Бела-Вода в Татрах. Место очень красивое и приятное. Сначала я приняла это не очень охотно, но сейчас я полна радости. Мы выедем 30-го, а вернемся 20-го августа. Проведем там ровно три недели. Это нам обойдется в 220 пенге, сумма очень большая, но деньги так или иначе сейчас обесцениваются. Все очень опасаются, что и у нас произойдет то, что было в Вене. И правда, не столь уж важно, сколько времени осталось еще у разбойников. Возможно, что не следует так понимать события, но мы готовы ко всему и кажется, что это лишь вопрос времени. Хорошо, что хотя бы Джори за границей - в этом есть некоторое утешение...

28.7.1938

Вчера я была у Рейхард, члена редакции "Ниугат" (Популярная в ту пору в Венгрии литературная газета.).

Я показала ей свои стихи по рекомендации Рени. Мне кажется, что ее критика была настоящей. Она встретила меня словами, что мои стихи поразили ее, и она считает, что у меня есть дарование. Затем она добавила, что мои стихи превосходят средние, и она уверена, что я буду иметь успех. Но, возможно, не обязательно в поэзии, потому что из моих строк она поняла, что я не наделена лирическим чувством. Затем она указала мне на мои ошибки: есть {79} длинноты, иногда я жертвую содержанием ради формы, встречаются еще чисто детские выражения. А в итоге - она все же убеждена в моих способностях. Я была очень рада. Как это все стимулирует!

Бела-Вода, 31.7.1938

Вчера прибыли в Бела-Воду. Дорога очень красивая, особенно вторая половина: горы и леса, кипарисы. В Фофреде нас ждали учительница Магда и несколько девушек. Мы сели в машину и поехали в Бела-Воду. Поселились в небольшом милом домике. Кругом - величественные горы, леса и в них тропинки. Чудесно. Нет сейчас времени писать и я буду краткой. Компания очень веселая. В тот же вечер вышли на прогулку.

Будапешт, 22.8.1938

Я дома. Вернулись в субботу вечером. Лето пролетело, и надо записать то, что не успела.

В пятницу днем мы вдруг решили съездить в Дубшину. Погода была очень хорошей, а дорога - великолепной. Мы ехали в сторону Низких Татр, так что Высокие Татры понемногу оставались позади, пока совсем не скрылись. С гор виднелись там и здесь небольшие деревушки. Горный пейзаж, много скал в лесов. Из Дубшины шли минут двадцать, пока не добрались до пещеры. У входа надели теплую одежду и в сопровождении инструктора спустились в нее.

{80} Прошли несколько ступенек вниз и очутились в большом зале. Перед нами открылась незабываемая картина. Стены зала и пол - из белого, сверкающего льда. Видны фигуры, образованные из льдин, напоминающие слонов и т. д. Они великолепны, но не завершены. Обратный путь также был полон впечатлений. Мы прошли "Словацкий сад", и здесь впервые в жизни я увидела оленя.

А теперь - к апофеозу красоты - к пяти великолепным озерам. До Татрафирда мы ехали на машине, а оттуда поднялись на Гемзу на странном поезде с зубчатыми колесами (билет я сохранила как сувенир). Так мы добрались до большого водопада. И снова блуждали, но я об этом не жалею. Мы проходили по великолепной местности. С двух сторон высились скалистые стены. Жаль, что вернулись, так как хотели повидать еще пять озер. По пути снова увидели водопад, и я опять наслаждалась его величавым видом.

Коротко подытожу. Я провела три прекрасных недели. Надеюсь, что их не забуду. Трудно добавить "навек", т. к. по Оскару Уальду (в его книге о Дориане Грее) это такое слово, за которым ничего нет, и все же девушки любя! употреблять его.

Напишу лучше так: долгое время не забуду не только пейзаж, но в состояние духа и тишину, то приподнятое настроение, которое царило в горах. Очень бы хотелось сохранить их в своей душе. Дай Бог!

{81}

30.8.1938

Будапешт

Лето быстро закончилось. 3-го начнутся занятия. Я жду их со смешанным чувством. Я подготовлена к серьезной работе, но, с другой стороны, с отвращением думаю о некоторых неприятных явлениях, связанных с определенными кругами нашей школы. Странное ощущение, когда ты знаешь, что это твой последний учебный год. Дома уже говорят о выборе будущей профессии. Я никогда не думала, что и у меня это будет сопряжено с тревогами... Не исключено, что я отдамся целиком сочинительству. Главная проблема - где? Дома или за границей - устроиться нигде нелегко. Я должна признаться, что родилась в немного запутанном мире. Снова пошли разговоры о войне, но это сейчас не так интересно, так как уж полгода существует такая опасность, иногда - в более легкой форме, иногда - в более серьезной. Я стараюсь не слишком углубляться в этот вопрос. Ясно, что мне еще очень понадобятся мои крепкие нервы, и жаль их сейчас разрушать.

17.9.1938

Трудно выразить словами, как уродлив тот период времени, в котором мы живем. Непрерывно нас беспокоит одна и та же проблема: разразится война или нет? Мобилизации в разных странах не предвещают ничего хорошего. Нет

подробностей о переговорах между Чемберленом и Гитлером. Весь мир нервничает. Все люди (я, во всяком случае) устали ждать. Положение {82} меняется ежедневно. Страшно подумать, что действительно вспыхнет война, но это может случиться в один из ближайших дней. Мне очень трудно в это поверить. Я рада, что Джори уже во Франции. Мама тревожится за его благополучие, и это понятно. Черт бы побрал этих немцев в Судетах и всех прочих немцев на свете с их фюрером во главе... Хорошо иногда выругаться. Боже, для чего переворачивать и усложнять весь мир, когда в нем можно было бы так хорошо устроиться, если бы не это. А может, все же, нельзя иначе, ибо дурные страсти владеют человеком с молодости. Габи видит войну совсем в другом свете. Он рассуждает как материалист. Человеческая жизнь и труд поколений для него ничего не значат. Он умеет так хорошо разъяснять и аргументировать свою позицию, что очень трудно ему возражать.

27.9.1938

Прошло десять дней с тех пор, как я писала в последний раз. Положение не изменилось. Ведутся переговоры, Гитлер и Муссолини произносят речи, Чемберлен летает туда и обратно. В газетах - сообщения о мобилизации и опровержения. Уже проводились маневры противовоздушной защиты. Один вопрос висит в воздухе, все тот же старый вопрос: будет ли война или нет? Пока такое впечатление, будто мы сидим на пороховой бочке. Я еще надеюсь, что мир не будет нарушен. Видимо, я все еще не в силах представить себе, что все-таки война будет. {83} Понятно, что первые два новогодних дня Рош-га-шана мы не праздновали в атмосфере душевного покоя, и они не имели обычной окраски. Наше положение как евреев особенно плохое. Кто знает, чем все это кончится. Пойду в синагогу, но не с большим воодушевлением. Тут готовят для молодежи коллективный молебен, но он не сможет возбудить в нас возвышенных чувств. И все же я буду в нем участвовать.

НАШ НАРОД

29.9.1938

Всеобщее возбуждение в мировой политике достигло апогея. Завтра - последний срок для ухода из Судет. Только если чехи согласятся, не вспыхнет война. Трудно поверить в такую возможность. В последнюю минуту встретились Чемберлен, Гитлер, Деладье и Муссолини. Они пытаются "спасти" мир. Я уже начинаю верить в возможность войны.

Во всех концах света - мобилизации, подготовка. Очень возможно, что Джори оставил Францию. Жаль мне его, этого бедного ребенка, который должен сам

решить свою судьбу в столь ответственной ситуации. Не исключено, что он приедет домой, а может быть, ему удастся перебраться в Швейцарию. А пока мы находимся в полной неизвестности относительно его благополучия и положения дел. Мама, понятно, очень нервничает. У каждого из нас есть о ком и о чем заботиться.

1.10.1938

Сегодня - "суббота раскаяния". Я должна была идти в синагогу. Вместо этого я сочиняла стихотворение, а теперь попытаюсь немного проанализировать свои поступки. С чего начать? Я {86} знаю, что часто ошибалась в минувшем году (но я не чувствую, что грешила). Я могу перечислить многие ошибки - но только по отношению к Богу, но и по отношению к маме и к самой себе, но я сейчас не в состоянии исповедоваться. Сильно мое желание как можно лучше относиться к маме, с гордостью нести свое еврейство, хорошо успевать в школе. О, если бы я могла верить в Бога и уповать на него всегда! Но есть дни, когда я не верю, и тогда я заставляю себя верить, хотя это не логично. Как хорошо тем, кто верует истово, сильно, всей душой! Но есть много колеблющихся. Чистой веры достигают, по-моему только путем размышлений и колебаний. О, как тяжело писать мне сегодня.

16.10.1938

Как видно, я пишу только в пору бедствий. Я много жаловалась на опасности войны, но не упомянула о совещании четырех держав и о разрядке, которая произошла. Видно, большая радость была преждевременной. Верно, что Германия и Польша добились того, чего хотели, но мы до сих пор не получили нашей земли. Всего-то нам передали два небольших селения. Больше они нам сейчас дать не готовы, и потому в эти дни прервались переговоры между Венгрией и Чехией. Призываются новые контингенты. И другие признаки свидетельствуют, что если не будет мирного урегулирования по этим вопросам, заговорят пушки. Хочу надеяться, что дело до этого не дойдет.

{87} Несколько дней у нас провела Эвика, и я пожила всласть. Мы были в кино и в театре. Две киноленты и одна постановка были очень хорошие. Спектакль, который мне понравился, это "Дилемма врача" Бернарда Шоу. Я сравнила два спектакля и увидела, как велика между ними разница. В пьесе Шоу - живые, верно обрисованные лица, чего нет во второй пьесе. И в режиссуре, и в распределении ролей я тоже увидела большое различие.

27.10.1938

Не помню, рассказала ли я уже, что стала сионистской. Это слово о многом говорит. Скажу коротко, каков смысл его для меня: я сейчас всем своим существом чувствую себя сознательной еврейкой. Я горжусь своим еврейством, и моя цель - уехать в Эрец-Исраэль и участвовать в строительстве своего государства. Легко понять, что эта мысль не родилась в течение одной ночи. Года три назад, когда я впервые услышала о сионизме, я всеми силами противилась этой идее.

Но тем временем события и эпоха, в которой мы живем, приблизили меня к этой мысли. И как я рада, что постигла ее.

Теперь я ощущаю почву под ногами и вижу перед собой цель, ради которой стоит тяжело трудиться. Начну изучать иврит. Буду посещать кружок, который этим занимается. Одним словом, я хочу действовать энергично. Я стала совершенно другой, и мне сейчас так хорошо. Человеку очень нужна вера, и важно, чтобы у {88} него было ощущение, что его жизнь не лишняя, не проходит зря, что он выполняет какую-то миссию. И все это дал мне сионизм. Что с того, что я слышу много противоречивых мнений? Для меня главное, что я верую в осуществление идей сионизма. Я твердо убеждена, что это единственное решение еврейского вопроса. И что прекрасные начинания в Эрец-Исраэль проводятся на прочной основе. Я знаю, что будет трудно, но стоит потрудиться изо всех сил.

12.11.1938

Моя связь с сионизмом дает мне очень много с духовной точки зрения. Я изучаю иврит и очень много читаю об Эрец-Исраэль. Кроме того, я наслаждаюсь книжкой Сечени "Народ Востока" (книга очень важная, она касается основных вопросов жизни каждой нации). Можно сказать, что я вообще читаю сейчас много больше, чем ранее, и с большей серьезностью. Я систематически и с решимостью готовлюсь к жизни в Эрец-Исраэль. Это трудно со многих точек зрения, и я должна признаться, что нелегко высвободиться от венгерских сантиментов. Но нет другого выхода, и я должна это сделать не только ради себя, но и для блага всего еврейства. Опыт минувших двух тысячелетий свидетельствует об этом. Сейчас все решается, ко мне взывает будущее, полное надежд, и потому каждый, у кого только есть искра еврейства в сердце, не может не видеть этой проблемы со всей серьезностью. Мои личные цели мне еще {89} недостаточны ясны.

Не знаю еще, какую я выберу специальность. Одного лишь я хочу - работать не только ради личного блага, а на пользу всему еврейскому народу. Возможно, что пока это не более, чем абстрактные и фантастические мысли молодости, и

все же я надеюсь, что у меня хватит сил, чтобы их осуществить. Маме нелегко согласиться с моими планами, но я знаю силу ее самопожертвования, не имеющую границ, и уверена, что она не станет мешать моему выезду в Палестину.

Излишне говорить, как мне бы хотелось, чтобы она тоже уехала со мной. Трудно представить, что мы трое расстанемся и рассеемся в разных направлениях. У Джори все в порядке. С нетерпением будем ждать от него вестей. Недавно он вышел победителем в соревнованиях по пинг-понгу, состоявшихся в Лионе. Мы читали об этом в газетах, и велика была наша радость. Пока на этом закончу. Мне кажется, что пройдет много времени, пока я вернусь к дневнику и что-либо напишу. Но в дальнейшем постараюсь писать, руководствуясь принципами Сечени (мысли, а не события).

20.11.1938

Одна только мысль, занимает меня : Э р е ц-И с р а э л ь. Все, что с этим связано, много говорит моему сердцу, а все прочее не так уже важно. Понятно, что систематически я занимаюсь только одним - ивритом, и занимаюсь весьма интенсивно. Я уже немного знаю. Вот, {90} например, несколько слов: ????? ?? ???? ?? (Эти слова записаны в дневнике еврейскими буквами.) Меня обучает Эва. Как она мила! Она не хочет получать вознаграждения за свой труд.

Я ломаю себе голову, как выразить ей свою благодарность. Я участвую также в кружке по самостоятельному изучению иврита по переписке. И это неплохо. Мне уже ясно, что я выберу для себя сельскохозяйственную профессию. Возможно, что буду изучать молочное хозяйство или производство сыра. Одна девушка, которая уже была в Палестине, так мне посоветовала. Она с большим воодушевлением рассказала мне о жизни в стране. Как хорошо было внимать ее словам! Все, что может нам как евреям доставить утешение, радость, немного украсить жизнь - идет оттуда, из Эрец-Исраэль. Тут положение становится все более трудным. В ближайшее время, будет опубликован новый еврейский закон. Это сейчас самое злободневное. И аграрную реформу хотят провести за счет евреев. Имения, которые находятся в их руках, будут поделены среди крестьян, но действительно крупных венгерских имений это не коснется. Полагаю, что именно так они сделают.

11.12.1938

Сейчас 9 утра. Ужасный беспорядок. Только я одна еще не сплю. В конце концов, состоялся мой вечер, или как это назвать. Только в 6.30 утра мы легли

спать.

{91} Трудно мне определить, удался ли вечер или нет. Понятно, что я была бы очень рада, если бы он удался, но мне кажется, что он меня разочаровал. А жаль. Ведь я так радовалась, готовилась, и не могу постичь, где кроется причина моего небольшого разочарования. Может быть, в том, что с самого начала я себя не слишком хорошо чувствовала? Там не было ни одного человека, с которым я была бы заинтересована провести больше времени. А может быть, есть и другая причина. Времена переменялись. И, самое главное, произошло коренное изменение в моих взглядах на мир. Я смотрю сейчас на этот вечер совсем по-другому чем год назад. Сейчас он мне кажется лишенным смысла и, в известной мере, даже лишним.

Из 30 участников, не считая нашей семьи, меня интересовали лишь трое. Я думала про себя: как хорошо было бы, если бы я могла передать все, что было израсходовано, Еврейскому национальному фонду. Единственный результат вечера - я никогда более не соглашусь участвовать в подобных вечерах. Мне трудно переносить эту никчемную компанию выкрестов. О, с каким желанием я бы уже уехала в Палестину, оставив экзамены на аттестат зрелости и все прочее. Не пойму, что со мной. Тяжело мне продолжать вести прежнюю жизнь, учиться. Я не выношу мое старое общество, и все, что мне было до сих пор мило, потеряло свое значение. Как все же окончить второе полугодие учебного года? Никогда мне в голову не приходило, что я буду так рассуждать в {92} последнем классе.

Вижу я, что о самом вечере ничего не написала, но я не могу. Сегодня в Эрец-Исраэль уходит пароход и в нем - много венгерских евреев. Это просто загадка, как я могла жить так до последнего времени.

Я перечитала то, что записала. Вижу я, что все звучит весьма патетически, а стиль находится под явным влиянием дневника Сечени. Видимо, первое исходит из глубины моего сердца, а Сечени очень мне мил.

21.12.1938

Сегодня начались каникулы. Снова я могу заняться своим дневником. До двенадцати дня изучала иврит и читала. Перечла заново "Бамби" Феликса Салтана, который в свое время меня так очаровал. По правде говоря, я не могу себе позволить такие излишества, потому что мне надо прочесть еще очень много книг. Сейчас я занята, главным образом, литературой, посвященной описанию Эрец-Исраэль. Вчера после обеда Юдифь Киш, во время моего визита к ней, попыталась повлиять на меня, чтобы я отказалась от Эрец-

Израэль. Понятно, ей это не удалось. Напротив - я еще более укрепилась в своей вере. В конце концов, она сказала, что, возможно, я права. Обещала ей написать о своей судьбе, когда буду там. Посмотрим, кто прав. Жаль, что сегодня я так мало записала. Очень хотела бы уже знать иврит но я еще далека от этого. С трудом я постигла лишь самые азы.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
 =СИОНИЗМ = АТЛАС =

ДНЕВНИК

Наш народ.

(Набросок (из литературного наследия Ханы Сенеш), написанный, примерно, в это время.)

Мое внимание привлекло большое сходство между судьбами еврейства и судьбами той части венгерского народа, которая живет на чужбине, за пределами родины, как национальное меньшинство в соседних странах. Тема сюжета - жизнь венгров в Трансильвании, их удручающая война, положение и борьба крошечного венгерского острова в румынском море, волны которого ударяют по его берегам. Автор (Иосеф Ниро, "Мой народ".) рисует образ человека, убегающего от сражения. Он не единственный. Давайте же познакомимся с ним поближе. Перед нами венгерский учитель, который совершенно растерялся. На его долю выпали: тяготы, муки голода, лишения. Он всегда прибит, унижен, и это сломило его дух. Чтобы получить должность в румынской школе, он принимает православие, превращается в румына. Давайте проследим по книге за его {84} трудным жизненным путем, на который он вступил в тот фатальный для него день. Достиг ли он своей цели? Найдет ли он замену потере своего собственного достоинства - моральной основе, которой пожертвовал?

Вначале мы встречаем его в день открытия румынской школы. И он, учитель, не знает, где его место: ни секели (Венгерская этническая группа в Трансильвании.), ни румыны - ни те и ни другие не хотят принять его в свои ряды. Затем он появляется на трапезе после открытия школы и снова повторяется та же история. Разве не было ощущение собственной приниженности? Ведь кроме осуждающих и насмешливых взглядов он ничего не получил.

Но то презрение, которое испытывают к нему его бывшие товарищи,

причиняет особенно сильную боль.

И, в конце концов, этот несчастный человек обращается к секелям в просит их сжалиться над ним и принять в свои ряды. И не было на свете более счастливого человека, чем этот учитель, когда он вернулся к своему народу и снова почувствовал себя венгром.

Разве нам не известны подобные образы среди евреев? Все те, что меняют свою веру, свой народ ради должности, ради туманных и несбыточных грез - остаются оторванными и от христианской, и от еврейской среды. Ибо в ту минуту, когда человек выходит за рамки своей {85} национальной принадлежности, он теряет под ногами почву. И если даже ему посчастливится подняться и вознестись на разных этапах материального бытия, - у него нет пути в жизни. Его путь ведет к падению, к моральной опустошенности.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ДНЕВНИК

{93} 26.1.1939

Если бы я не взглянула на дату, я, пожалуй, не могла бы вспомнить, когда писала и последний раз. У меня очень много дел. Три частных ученика - по два часа каждому в неделю; кроме того - иврит, английский, библейский кружок, Маккабия (сионистская организация, которую я время от времени посещаю) и т. д. Единственное, что совершенно не отнимает у меня времени после полудня - это учеба. Уже несколько недель не держала в руках учебника. Но в такие времена нет охоты учиться.

Несколько дней болела. И сегодня не пойду в школу. Хочу сказать несколько слов о книге "Вечный остров" Людвига Луисона. Очень и очень она мне понравилась. Возможно, что причиной тому - тема книги, очень мне близкая. Я ведь целиком погружена в дела еврейские, а эта книга открывает интересную главу из жизни нашего народа. Писатель рисует четыре поколения одной еврейской семьи. Начинается действие в гетто, а заканчивается в Нью-Йорке. Первое поколение живет в глубокой вере, оно душевно цельное и единое, а четвертое поколение потеряло все эти качества и подвержено полному распаду. Злоключения этого поколения, от всего оторванного, характерны и сейчас для нашего народа. Вообще, эта книга подымает сложные и запутанные проблемы еврейского народа, и чаще всего на них дается ясный и меткий ответ. Я бы посоветовала всем тем, кто не понимает, зачем и почему они евреи, - а таких сейчас много, - прочесть эту книгу.

{94}

Пурим, 1939

РЕЧЬ В "БИБЛЕЙСКОМ КРУЖКЕ"

(Из литературного наследия под заголовком:

"Мысли для обоснования сионизма".)

Всякий, кто пять лет назад, или даже два года назад, подымал на щит сионистский идеал, был осужден еврейским общественным мнением, как изменник родины, или его высмеивали, считая умалишенным, неисправимым фантазером, и никто не хотел его даже выслушать. Но сегодня, возможно из-за переживаемых нами бедствий, даже венгерские евреи начинают интересоваться сионизмом. Во всяком случае, им кажется, что они это делают, когда спрашивают:

Как велика Палестина? Сколько людей она может вместить? Есть ли место и для них в строящейся стране? Но вопрос, который почти совсем не задается, это следующий: каковы цели сионизма и на чем базируется эта идея? А я хочу задержаться как раз на этом вопросе, который, на мой взгляд, самый важный. Ибо тот, кто поймет и почувствует это - тот станет сионистом, независимо от вопросов: сколько людей может принять Эрец-Исраэль; улучшится или ухудшится наше положение здесь; есть ли шансы на устройство в других странах или нет. Я хотела бы сказать несколько слов о сионизме, о таком {95} сионизме, который не зависит от времени и условий, и именно потому он всегда стоит на страже - об абсолютном сионизме.

Если мы пожелали бы кратко определить сущность сионизма, мы могли бы выразить это одной лишь фразой Нахума Соколова: сионизм - это движение еврейского народа ради своего существования.

Многие мысленно ухватятся за первое противоречие: нет еврейского народа! Что превращает некое определенное общество в народ? - Общее происхождение, общее прошлое, настоящее и будущее, общие законы, язык, родина.

В древнем Эрец-Исраэль были в наличии все эти ценности. Затем была разрушена общая родина. Понемногу распалась и языковая связь. Национальное самосознание спасла Библия. Она, Тора, невидимый Моисеев закон, который так легко нарушить, оказалась самой сильной защитой. Но трудно было себе представить, что в средневековом мире, лишенном национализма, когда в центре жизни стояла религия, среди евреев гетто национальное сознание вырастет настолько, что приведет к обновлению жизни нации и к отстройке заново старого дома.

Лишь торжественный клич, полный тоски - "В будущем году - в Иерусалиме!" -

свидетельствовал о том, что еще не исчезла вера вернуться на родину. Но вот наступило XIX столетие - столетие, чреватое идеями о правах человека и возрождении национальных ценностей. Все народы, начиная от самых великих и кончая небольшими {96} балканскими племенами, - начали искать себя и свои права. Настал решающий час: существует ли еще еврейский народ, который в состоянии жить? Захватил ли нас новый дух? Подавляющее большинство евреев требует для себя лишь человеческих прав, с любовью и счастьем принимает добрую волю окружающих народов и взамен этого сбрасывает с себя, то, что ему кажется лишним - свое национальное бытие.

Но вот выходят в путь сто воодушевленных юношей из России, и лицо их обращено к Сиону. Спустя некоторое время Герцль напишет свою книгу "Еврейское государство" - и тысячи людей присоединятся к сионистской идее. Еврейский народ существует! - Кто думает иначе - тот говорит лишь от своего имени, и пусть он не отвлекает внимания тех, для которых еврейство - это нечто большее, чем пометка в метрическом свидетельстве.

(см. на нашей стр. книгу - Ицхак Маор "Сионистское движение в России" Idn-knigi)

Сионизм базируется на признании, что еврейский вопрос в мире - это такая хворь, против которой нельзя бороться ни словами, ни поверхностными мерами, но она нуждается в основательном лечении. Евреи живут и ненормальных условиях и потому не могут жить в соответствии со своими дарованиями, благородными качествами, не могут творить вечные человеческие ценности, для чего предназначены. Неверно, что в изгнании мы стали учителями других народов. Мы превратились лишь в их подражателей, рабов, "козлов отпущения" для их ошибок. Мы утратили свою самостоятельность и элементарные {97} условия жизни. Сколько великих мыслей, сколько еврейских идеалов осуждены на забвение в зримых стенах еврейского гетто средневековья и в незримых - нового еврейства!

Если мы сравним творчество полумиллиона евреев, проживающих сейчас в Эрец-Исраэль, с творчеством - во всех областях - венгерских евреев, которых, примерно, такое же количество, может быть, мы перестанем верить в то, что лишь в изгнании мы можем создавать и развивать ценности.

Откуда же придет спасение еврейского народа? - Мы не просим милостыни, а требуем прав, которые нам полагаются, свободы, которую добьемся собственными руками. Долг наш как людей и как народа требует этого. Мы хотим воздвигнуть дом для еврейского духа и еврейского народа. Решение совершенно ясное: нам нужно еврейское государство. Еврейское государство

нужно всему миру, и потому оно будет - сказал Герцль. Евреи, которые этого хотят, сами его создадут, и они будут его достойны. Отречься от сионизма - это значит отречься от традиции, от совести, от справедливости, от права на человеческую жизнь. Но мы не вправе здесь уступать ни в одном пункте, даже если бы была правда в смешном опасении, будто сионизм питает антисемитизм.

Антисемитизм порожден не сионизмом. а изгнанием, тем, что мы рассеяны по всей земле. Горе личности и народу, если они пытаются угодить своим врагам вместо того, чтобы идти своим путем.

{98} От сионизма мы не можем отказаться, даже если бы он укреплял антисемитизм, и неудивительно, что на сионизм меньше всего нападают с этой позиции. Напротив, единственная надежда, что антисемитизм прекратится или уменьшится, связана с воплощением в жизнь сионизма и с возможностью еврейского народа жить своей жизнью, как все другие народы. Только осуществление сионистских идеалов может дать и евреям, живущим в изгнании, возможность выразить свою любовь к Родине, ибо их связь с ней будет тогда зависеть от их воли и свободного выбора, а не будет им навязана насильно.

Когда говорят о новой родине для народа, сионистское общественное мнение едино в выборе Эрец-Исраэль. Тем самым оно свидетельствует, что цель движения - не только найти дом для преследуемых евреев, в каком бы уголке земного шара они не находились, но дать им родину в стране, с которой существует

историческая связь. Я не намерена сейчас говорить о той работе, которая была проделана за последние немногие десятилетия. Это уже касается воплощения, а не самой идеи. Но я должна отметить, что действительность подтвердила и утвердила идею. Она, эта действительность, свидетельствует о желании евреев жить, о любви к труду, о способности создать государство и подтверждает, что там, в Эрец-Исраэль, таится такая волшебная сила, которая может объединить евреев из всех стран рассеяния. Эта узкая полоса земли на берегу Средиземного моря, {99} которую спустя два тысячелетия евреи почувствовали кровно родной, уже успела породить еврейскую культуру и новую еврейскую жизнь, органически связанную с жизнью в далекие исторические времена.

И даже в настоящем урезанном виде эта земля может служить островом в море отчаяния еврейского народа, на котором будет воздвигнут маяк, он осветит мрак жизни светом наших вечных человеческих ценностей.

10.3.1939

Не преувеличу, если скажу, что единственное, чем я живу в то что меня постоянно держит в напряжении - это сионизм. Все, что имеет хоть какое-либо отношение к нему, меня интересует.

Послала просьбу на ферму по подготовке девушек в "Нахалал". Дай Бог, чтобы меня туда приняли! А тем временем приближается время выпускных экзаменов, но я об этом почти не думаю и не готовлюсь. Что мне до венгерской литературы, истории, географии, истории искусства? А немецкий язык? - Он напоминает мне так много отвратительных дел. Французский в стране не нужен. Остались алгебра, физика, а также иврит, который, к великому сожалению, у нас в школе не изучают. В курсе истории, в рамках 19 века, мы касаемся и еврейского вопроса. Атмосфера вокруг совершенно отравленная. В парламенте продолжается обсуждение еврейского законодательства. Тем временем ушел в отставку премьер-министр Имреди, {100} потому что выяснилось, что и в его жилах течет еврейская кровь. Как смешно такое решение!

Руководительнице сельскохозяйственной школы для девушек в Нахалале (Написано на иврите.).

К моему заявлению прилагаю автобиографию.

Меня зовут Хана Сенеш. Моя мать, Каталин (девичья фамилия - Зальцбергер) - вдова покойного писателя Бела Сенеш.

Родилась 17 июля 1921 года в Будапеште. Венгерская подданная. Окончила народную государственную школу в Будапеште. С 1931 г. посещаю гимназию для девушек (Лицей) и в конце учебного года должна получить аттестат зрелости. Все годы имела отличные оценки.

Кроме немецкого и французского, которые изучала в школе, владею английским.

Еще до того, как наступило ухудшение в судьбе нашего народа в стране, где мы родились, я страстно желала жить в Эрец-Исраэль и решила изучить профессию, которая даст мне возможность принять активное участие в строительстве страны. Приняв такое решение, я изучала иврит и сейчас продолжаю совершенствоваться, надеясь, что проблема языка не будет представлять для меня никаких трудностей.

Поэтому прошу на мою просьбу ответить положительно.

Поступление в вашу школу будет {101} для меня очень радостным событием, и я поистине буду счастлива. В этом я вижу первый шаг к воплощению моей цели в жизни.

С сердечным сионистским приветом

Хана Сенеш

22.4.1939

Трудно мне объяснить, почему я не писала все время. Ведь прошло уже более 10 дней после моего возвращения из Лиона, где я навестила Джори. Поездка была великолепной, дорога чудесная.

Джори не согласен там жить. Он хочет переехать в Эрец-Исраэль. Он тоже пламенный сионист. Как я была рада беседовать с ним на эти темы и убедиться, что между нами нет никаких разногласий.

Два месяца почти не писала. Не из-за отсутствия событий или досуга - просто не было охоты. Завтра - заключительный экзамен. И хотя я не придаю ему особого значения, для меня это вопрос престижа. Я все же немного взволнована. Некоторое время тому назад я думала, что это меня вообще не интересует. И все же я очень хочу хорошо выдержать все экзамены.

Темы письменных работ следующие. По венгерскому языку - "трагический образ венгерского крестьянина в нашей литературе". Надеюсь, что я удачно написала это сочинение. По-немецки - нам дали перевести кое-что на венгерский. Я уверена, что и с этим хорошо справилась. Учитель сказал, что я в числе трех лучших {102} учениц. Правда, я немного поторопилась, потому что должна была пойти узнавать результат моего обращения в "Нахалал". Я там должна была быть в 11.30, потому что поспешила сдать экзаменационный лист в 10.45. И по-французски мне дали кое-что перевести.

Завтра проверю, не хуже ли отметка, которую я получила, классной оценки (там - "отлично"), Если хуже, то предстоит еще устный экзамен.

В последнее время часто посещаю организацию (Маккаби.). Как я люблю бывать там! В этом клубе я чувствую себя, как дома. У всех нас, приходящих сюда, - общие проблемы, и есть тут много умных людей.

Успокаивает и радует то, что таков облик нашего народа, несмотря на его многочисленные ошибки. Я дерзаю верить, что они - плод жизни в изгнании, если даже в таких условиях мы смогли выработать у себя много хороших качеств. Надеюсь, что в Эрец-Исраэль мы сможем избавиться от дурных свойств, которые здесь зародились, и сохраним лишь хорошие. После экзаменов я хочу всецело отдаться изучению иврита и сионистской работе (До сих пор дневник написан на венгерском. Далее венгерские записи чередуются с ивритскими. Венгерские фрагменты в дальнейшем будут оговорены (в скобках, рядом с датой).).

(Первая ивритская страничка дневника):

... Я хочу читать Библию на иврите. Знаю, {103} что будет очень трудно, но это ее подлинный в очень красивый язык, и в нем - дух нашего народа. Я пишу сейчас без словаря, самостоятельно, по-видимому, со множеством ошибок, в все же очень радостно, потому что вижу, что смогу быстро овладеть ивритом. Я хочу еще немного написать о брате. Он также изучает иврит и в конце одного из своих писем написал:

"Хорошо умереть за нашу страну!". За последнее время эта фраза стала очень актуальной, потому что Эрец-Исраэль переживает сейчас трудные дни. Англичане издали Белую книгу со страшным содержанием, и понятно, что все еврейское население противится этой измене. - Теперь кончу, потому что хочу сегодня лечь пораньше, а уже 8.

Июнь, 1939 (на венгерском).

На последнем уроке по изучению религии я рассталась со своей учительницей Георги со следующими словами:

"Восемь лет назад, когда мы ждали с напряжением, смешанным с любопытством, первого урока, нам виделся в непостижимой дали тот день, когда мы придем, чтобы проститься с ней (С учительницей.) и выразить ей свою признательность.

- Сегодня, по прошествии восьми лет, мы чувствуем, что это время имело для нас огромное значение - не с точки зрения календарных сроков, а с точки зрения тех перемен, которые {104} произошли в наших сердцах! Душевным переменам, которые произошли в нас, своему формированию и развитию мы обязаны более, чем это можно себе представить, тем двум урокам, которые в нашем расписании предназначались для изучения религии. В действительности же эти часы были посвящены нашим душам.

Они помогли нам обрести еврейское самосознание и научили нас понимать, что мы - евреи, и что иудаизм - это могучее наследие: культура шести тысячелетий, которая воплощает высокую мораль, веру в Бога, сочетаемую с высшим предназначением. Вы осветили нашу мораль во всем ее сиянии и научили нас искать Бога. И как приятно было следовать путем возвышенных идеалов под руководством учительницы Георги, которая вдохновляла нас своей мудростью, добротой, верой, и личность которой была отражением тех идеалов, которые она ставила перед вами.

Мы пока еще не в состоянии оценить, сколь многому мы научились за эти 8 лет. И если спустя много лет в наших ушах прозвучит стих утешения из Книги пророков; и если мы будем стремиться к закону, справедливости и любви и внесем свой вклад в подлинно человеческое счастье; и если во время чтения книги или в момент, когда открывается цветок, мы почувствуем, что стоим лицом к лицу с Всевышним, - мы будем знать, что выдержали экзамен по закону Божьему.

В таких случаях мы будем вспоминать с {105} благодарностью теплые, полные веры слова учительницы Георги".

27.6.1939

На собрании "Маккаби" (на венгерском языке)

Из литературного наследия. Сверху сделана надпись:

Речь перед выпускниками гимназии.

Дорогие друзья!

Когда вы получили приглашение "Маккаби", вы, вероятно, спрашивали самих себя: Зачем в для какой цели к вам призывает сионистская молодежь? Что она хочет и что она может сказать вам? Я попытаюсь дать ответ на эти вопросы.

Какое у нас право обращаться к вам? Просто потому, что вы евреи. Мы хотим надеяться, что сейчас уже нет еврея, который относился бы равнодушно к великой цели, самой чистой, решающей судьбу еврейства; мы хотели надеяться, что нет сегодня еврея, который не находился бы под впечатлением от чуда, что народ воскрес, и народ этот - евреи.

Мы знаем, как много есть аргументов против сионизма. Мы их все выслушаем и

охотно ответим. Есть только одно, против чего нельзя защититься - это равнодушие. Надежда и вера, что вы не из равнодушных, побудили нас обратиться к вам.

Зачем мы это делаем ? - Мы не уверены, что в течение часа или двух часов сможем убедить вас в справедливости идей сионизма. Они {106} слишком сложны, чтобы в течение одного вечера можно было их все назвать, а вы - их почувствовать и принять. И не только мы, которые после 8 лет учебы в средней школе выходим сегодня искать свой путь в жизни, должны собираться и беседовать о стране, что строится для еврейского народа, прежде всего, руками еврейской молодежи, - об Эрец-Исраэль.

Может быть, и вы по окончании учебы, войдя в вашу синагогу, будете поражены безнадежностью в бессилием, которые царили на этом вашем прощальном собрании. Да, это было прощание еврейской молодежи, которая потеряла свою родину и осиротела, лишившись идеалов и цели жизни. И не было человека, который бы вам там сказал: выше голову! Выпрямитесь потому что есть у вас родина, есть идеал, есть цель в жизни. Напрасно закрылись тысячи ворот, напрасны были тысячи унижений. Есть одно место на свете, где наши братья евреи строят родину, не для себя - не для шестисот тысяч, которые там находятся, а для 17 миллионов евреев, и они с радостью примут каждую протянутую им руку помощи. Есть только одно место на земном шаре, куда не эмигрируют и куда не бегут в поисках убежища, но просто приходят к себе домой. Во время расставания в синагоге эта страна не была названа, но она начертана в свитках Торы, глубоко и таинственно начертана в сердце каждого еврея: Эрец-Исраэль.

В трудном и бурном еврейском мире наших дней долг каждого из нас дать своему ближнему {107} все, что мы можем дать, что у нас есть.

И мы, сионистская молодежь, можем дать вам веру, самосознание, цель жизни, идеал, свежие силы, душевный покой. Мы сочли своим долгом предложить вам этот подарок, но примете ли вы его?..

Но мы хотим не только дать, но и просить. Возможно, что не все вы, стоящие здесь, найдете путь в Эрец-Исраэль, но через несколько месяцев рассеетесь во все концы земли. Мы про. сим вас: где бы вы не были, когда вы услышите слово "Эрец-Исраэль", не проходите мимо с пренебрежительной шуткой или нетерпеливым движением руки.

Знайте: судьба этой страны неразрывно связана с судьбой еврейства и, следовательно, с судьбой каждого из вас. За судьбу и будущее этой страны мы

ответственны перед историей. Мы даем свой свет этой стране, но его излучение возвращается к нам. Там мы строим все сами, и все что мы строим там - это наше.

Там мы можем жить еврейской жизнью и не будем этого стыдиться. Не из-за принятого кем-то решения, а потому что это естественно и само собой разумеется. Об этом нам хотелось немного с вами поговорить, и потому мы вас сюда сегодня пригласили. С любовью вас приветствую от имени "Маккаби".

11.7.1939

С сегодняшнего дня дневник буду вести только на иврите. Надо было когда-либо начать, и я полагаю, что отныне дело "пойдет".

{108} Я еще не писала об экзаменах на аттестат зрелости. Я действительно не волновалась. Может быть, только немного в последнее утро. Первый экзамен был по немецкому. Мне предложили перевести отрывок из Грильпарцера (Франц Грильпарцер (1791-1872) австрийский драматург.), затем я должна была рассказать о его драме "Сафо". Я эту тему хорошо знала. Ответив по немецкому, я вышла из класса - такой у нас порядок. Через десять минут я вернулась и нашла у себя на столе вопрос о венгерской литературе. Мне дали две темы. В первую минуту я огорчилась, но потом увидела, что знаю, как отвечать, и пошла со спокойным сердцем к преподавателю (он умный и действительно приятный человек, и одно удовольствие отвечать ему на экзаменах).

Я долго говорила, но не сказала и половины того, что хотела. Тогда он сказал мне, что жалеет, но нельзя выслушать все. Я ответила и на второй вопрос. Я видела, что моя учительница была счастлива. И я слышала, что она потом говорила девушкам в других классах, что мой ответ был очень хорош. Третий экзамен был по истории. Когда я села на свое место и увидела вопросы, то не знала, что будет. Я должна была написать сочинение по-венгерски о заседаниях парламента для принятия реформы. По правде говоря, я не все знала - когда они проводились и что там произошло. Вторая тема была лучшей. Французская революция, что ей {109} предшествовало, ее развитие и влияние. Я молилась про себя, чтобы меня вначале спросили об этом, и подала председателю записки так, что "революция" была сверху. Мне повезло, и он действительно об этом спросил меня раньше. Без преувеличений скажу, что я знала отлично. И он вообще не спрашивал вторую тему. Так прошли первые три экзамена. За алгебру и физику я не боялась. Во время получасовой перемены я позвонила домой и перекусила. Я совсем не волновалась. Но когда я получила задание по алгебре, исчезло мое веселое настроение. Мне достался самый легкий вопрос из всего материала, но именно поэтому я его не учила. В

конце концов, я все же догадалась, что сказать. Последней была физика. Все вопросы я знала очень хорошо. И окончила с отличием.

Сегодня нет времени продолжать, но я надеюсь, что вскоре смогу писать, главным образом, о сионизме. Я в этом направлении работаю.

Завтра уезжаю в Домбовар.

17.7.1939

Сегодня день моего рождения. Мне 18 лет. Трудно представить, что я уже такая "старая". Но я знаю, что это лучшие годы моей жизни, и я наслаждаюсь молодостью. Я очень рада своей жизни, всему, что меня окружает. Я верю в будущее. Моя идея наполняет меня целиком, и я надеюсь, что смогу осуществить ее без разочарований. Знакомые и многие из родных говорят мне, что прибыв в страну, я сразу разочаруюсь.

{110} Я не думаю, что у меня нет правильного представления о положении в стране, и я знаю, что люди, которые там живут, небезгрешны и делают ошибки.

Но я люблю в моей стране саму возможность строить еврейское государство - прекрасное, красивое, и его будущность зависит от этого. Я хочу делать все, все, чтобы набраться сил и, приблизить мечту к ее осуществлению или, наоборот - осуществление к мечте. Я на иврите пишу меньше, чем на венгерском, но лучше немного на иврите, чем много на венгерском. Может быть, через несколько месяцев буду писать с меньшим трудом. Все будет хорошо.

21.7.1939

Я получила, я получила его - сертификат, и я полна радости и счастья. Я не знаю, что писать, я не в состоянии поверить; я читаю и перечитываю письмо с этой вестью еще раз и еще раз и не нахожу слов, чтобы выразить то, что чувствую. Нет у меня другого чувства, кроме радости. Но я понимаю, что моя мама не может смотреть на вещи, как я. Для нее это большое переживание. Моя мама действительно героиня. Никогда не забуду ее жертвы. Не многие из матерей поступили бы так. Я должна быть в стране в конце сентября. Еще не знаю, когда поеду. Больше не буду писать. Есть лишь одно слово, которое я хочу сказать всем, которые мне помогали, Всевышнему, маме, каждому человеку: спасибо.

{111}

14.8.1939

Не знаю, как начать. Это так страшно. Боюсь, что я нездорова. У меня еще не было врача, я еще ничего не сказала маме и не хочу поверить. Факт: я чувствую свое сердце, небольшую боль в сердце, день за днем, даже сейчас. На глазах у меня слезы. Ибо это для меня самое страшное, что только может быть, если в таком молодом возрасте у меня уже больное сердце. Но и мой отец с 18-летнего возраста жил с таким сознанием, и если судьбе будет угодно - и я смогу вынести это. Но больше всего страшит меня вопрос моей алии. Я иду в сельскохозяйственную школу, это значит, что я должна буду работать физически. Я получила то место, к которому так страстно стремилась, но о нем мечтали еще очень многие девушки. И если я в самом деле больна, мне ничего не остается другого, как приехать и ждать, чтобы они убедились в моей неработоспособности, и в глазах сионистов я буду безответственной и легкомысленной девушкой.

Но если я сейчас передам свое место другой, у меня не будет больше возможности приехать в страну, и тогда я потеряла навеки это великое счастье и цель моей жизни. Что делать? Я не могу об этом говорить с мамой. Я должна сама решить. В самые тяжелые минуты каждый всегда остается с самим собою. Я хочу идти к врачу. Боже, Боже! Только бы все это оказалось фантазией, дурным сном.

{112}

21.8.1939

Была у врача вместе с мамой. До того я позвонила ему, рассказала, в чем дело. Маме я сказала, что хочу у него спросить, не увеличились ли железки за последние годы. Врач меня обследовал, просвечивал рентгеном и сказал, что я могу работать, нет изменений в сердце, но имеется невроз сердца, и это причиняет боль. Я надеюсь, что это правда и сейчас более спокойна. Почти каждый день бываю в городе, покупаю все, что нужно в дорогу. Вообще-то впереди еще месяц, но, возможно, что я уеду значительно раньше.

22.8.1939

Случайно открыла свой дневник в том месте, где писала, примерно год назад, об ощущении, что приближается война. Если бы захотела, я могла бы и сейчас сказать то же самое, так как опасность войны опять очень велика. При таких кризисах, мы, люди - как скот, который пригнали на бойню.

Сегодня прочла в газетах о неожиданном и страшном событии: немцы заключили соглашение с Россией. С точки зрения немецкой политики это очень непоследовательно. Ведь лишь несколько месяцев назад был заключен антикоминтерновский пакт, направленный именно против России, и кто там говорил громче всех? - Ясно, что это была Германия. Но в том, что русское радио говорило о "коричневой собаке", тоже не было словами дружбы.

{113}

8.9.1939

Есть много событий, но у меня не было времени и охоты писать. Война, которой мы так боялись, началась. Она вспыхнула в связи с вопросом о Данцигском коридоре, но все знают, что это лишь внешний фактор, что сам Данциг - небольшое место, и население там действительно немецкое, но вся Польша и даже Европа в страшной опасности!

Если бы хотели, то смогли бы еще спасти мир. Но не захотели. И так - война между Германией и Польшей. Немцы захватили большую часть Польши, а Англия и Франция - союзники Польши, уже вступили в сражение. Они пока еще не могут оказать ей реальную помощь, но уже стоят наготове с оружием в руках. Италия еще нейтральна, как и Венгрия, и ряд других стран. Все они осознают, что война причинит еще более страшные разрушения, чем раньше, и делают все, чтобы избежать войны. Такова политика.

Что касается нашей личной жизни - Джури во Франции, и мама не знает, вернется ли он в Венгрию, или останется там. У нас тут царит мир, а во Франции - война. Но кто знает, может быть, и Венгрия будет участвовать в ней. Быть в настоящее время венгерским солдатом - дело не слишком приятное. Но кто знает, что будет с иностранцами во Франции? Положение наше сложное и трудно решать.

А теперь о себе. Я получила сертификат, а вчера также визу. Я страстно желаю скорее {114} уехать, хотя поездка морем в настоящее время не очень безопасна (Это - последняя запись в дневнике, сделанная в диаспоре. Спустя несколько дней Хана уехала в Эрец-Исраэль. Приводимая ниже запись "о нашей семье" написана Ханой Сенеш незадолго до ее отъезда в Палестину.).

{115}

О НАШЕЙ СЕМЬЕ

Может быть, это сочинение было бы более интересным, если бы я здесь рассказала историю родителей моего дедушки и моей бабушки, а может быть, даже о родителях родителей.

Я этого не сделаю. У меня почти нет никаких данных о них, и я ничего не могу рассказать о жизни этих людей. То были мелкие торговцы, простые и работающие. Я хочу написать лишь о тех, кого знала лично, которых я любила - я хочу увековечить их память несколькими строками воспоминаний.

Для чего собрала я эти немногие подробности - и сама не знаю. Может быть, меня интересует прошлое, и я подумала, что вслед за нами придут, пожалуй, люди, которым будет интересно познакомиться с простой и честной историей нашей семьи.

И есть еще одна причина. Время сейчас тревожное, и кто знает, может быть, мы будем оторваны и далеки друг от друга и от Венгрии. Это сочинение напомним, что наши предки жили здесь, в Венгрии, и, может быть, с его помощью, образуется какая-то связь, которая, в силу общего прошлого, соединит рассеянных по свету и оторванных друг от Друга людей.

Может быть, наши внуки поймут это сочинение лишь в переводе - на иврите, на английском, на французском или на другом языке.

{116} Дай Бог, чтобы они могли его прочесть по-венгерски!

Госпожа Фаль Зальцбергер - уроженная Иосефина Апфель.

12 мая 1867 - 28 июля 1937

Бабушка Фини. За этим именем встает, просто и скромно, образ женщины с бесконечно добрым сердцем, благоразумной и мужественной. В двух словах ее имени сконцентрированы семьдесят лет с их счастьем и печалью, с их борьбой и отстоявшейся мудростью жизни.

Для нас она всегда и постоянно была бабушкой Фини, и так трудно сейчас представить дни ее детства и молодости.

Она родилась в 1867 году в Био-Шаркане, небольшой деревушке в области Шофрон на западе Венгрии. Ее родители владели земельным участком и были людьми зажиточными и благородными. Своих детей они растили в атмосфере любви и заботы. В их доме было шестеро малышей, четыре дочери и два сына. Вначале к ним приходил учитель, а когда они выросли, то пошли в ближайшую

школу а получили образование, которое в ту пору считалось общим.

Я мысленно представляю себе свою бабушку Фини, у нее такое серьезное лицо, и ее голова склонилась над книгами стихов Шиллера, Гете и Гейне, или она погрузилась в чтение романов Иокаи (всю жизнь это был ее любимый писатель); я вижу ее также - высокую, крепкую, - {117} на кухне, в саду, помогающей по дому, или сердечно и внимательно беседующей с самым простым человеком, или когда она вяжет - с большим вкусом. И я верю, что основные черты ее характера, которые я узнала позднее, были ей присущи всегда, и, вероятно, они уже проявлялись, когда она еще была молоденькой девушкой.

А когда эта милая, умная, прелестная, домовитая и состоятельная девушка выросла, ее не стали прятать от посторонних взоров.

Старшая сестра Мери взяла ее с собой и повезла в Кастхели, а сестра Илька - молодая женщина, славившаяся своей красотой - поехала с ней в Теполаце, на танцевальные вечера. И тогда явились сваты, пришли знакомые и все - с предложениями отличной "партии". Так заработал целый механизм, направленный на то, чтобы девушка, жившая в конце XIX века, вышла замуж.

Как-то раз я спросила бабушку Фини: среди множества окружавших ее ухажеров, с которыми она едва была знакома, как она сумела выбрать такого, которого могла полюбить? Она мне ответила, что каждый раз она в уме проверяла себя, может ли ее обрадовать поцелуй того или иного молодого человека. Видимо, ни один из ухажеров не выдержал этого мысленного испытания, пока из ближайшего Яношхазе не явился молодой человек, серьезный, крепко сколоченный, Пал Зальцбергер, купец, который и женился на Иосефине Апфель.

{118}

Иосефина Апфель (Шумаг)

Леопольд Зальцбергер (Янушхазе)

помолвлены.

Молодая женщина легко приспособилась к новой среде. Свекровь ее любила, пожалуй, больше одиннадцати своих сыновей. Она возбуждала симпатии своим приятным поведением и большим умом. Она помогала свекрови вести дела, связанные с торговлей зерном, но очень скоро ее полностью связали

дети, которые один за другим появлялись на свет. Двое из них умерли в раннем младенческом возрасте. Остались в живых дочери. Старшую назвали Ирма, за ней с интервалом в несколько лет родилась Ализа, Катерина и Менци. Просторный дом был полон шума детей. Дела шли хорошо, "папа" каждую неделю ездил на биржу в Вену, он был самым почитаемым и симпатичным торговцем зерном во всем округе. Все ценили его справедливость, разумность и глубокую осведомленность в делах. Постепенно дом Зальцбергера стал центром не только для многочисленных родственников, но и для образованных евреев тех мест. Они приходили за советом или за помощью, и всегда встречали самый сердечный прием.

Гармония в семейной жизни продолжалась без помех, жили просто, мирно и в довольстве. По вечерам вместе читали классические произведения, и бабушка Фини не раз дивилась большим знаниям мужа, которые он приобрел во время учебы в Вене. Не только литература {119} интересовала его. Он всесторонне развитый человек, - думала жена, прислушиваясь к его словам. Все виды искусства привлекали его, в особенности музыка.

Девочки учатся в местной еврейской народной школе. Старшие учатся частным образом в гимназии. Они изучают также немецкий, французский, играют на рояли. Они одеваются очень скромно. Основной принцип воспитания бабушки Фини заключался в том, что дети должны приучаться к простоте и скромности. Этому принципа она придерживалась и тогда, когда ее материальное положение позволяло ей тратить много денег.

Прошли годы. Бабушке Фини было 38 лет, дедушке Палу - 54, старшей дочери 17, а самой младшей только 5, когда неожиданное событие бросило мрачную тень на жизнь всей семьи. Глава семьи потерял сознание в своей конторе. Тяжелая форма артериосклероза - определил венский врач. Ему нужен покой и отдых, он должен беречь себя. Но это были запоздалые советы. Его силы иссякли. Последние месяцы он прикован к постели. Его беспокоит мысль - что будет с женой, которая вот-вот должна родить пятого ребенка.

15 октября 1905 года наступила развязка. Пал Зальцбергер скончался. Старшая Ирма понимала, какой постиг их страшный удар, - она, пожалуй, была ближе всех дочерей к отцу, остальные знали лишь то, что случилось нечто страшное. 18 октября его похоронили. В ту же {120} ночь родилась пятая дочь бабушки Финн, которую в честь покойного отца назвали Пеликой.

А в следующие дни: глубокий траур. Пять дочерей и большое дело - только сильному мужчине под силу нести такой груз. И 38-летняя женщина справляется со всем с исключительной энергией. Она воспитывает дочерей и

умело управляет делом.

Маленькая Пелика растет и развивается. Это умная, приятная и милая девочка, утешение и радость всей семьи. Бабушка Фини могла уделять ей очень мало внимания. Ирма - старшая дочь, серьезная и разумная - вот кто воспитывает ее. Много юношей ухаживают за Ирмой, и, в конце концов, ее выбор пал на адвоката из Ой-Видека, доктора Феликса Берте, который время от времени наезжал в Яношхазе. Ей было 21, когда она оставила отчий дом. Младшие расставались с ней, как с маленькой мамой. Бабушка Фини потеряла свою главную помощницу.

Брак этот оказался неудачным. С течением времени отношения между супругами окончательно испортились, и разочарованная Ирма решает оставить мужа. С двумя дочерьми она возвращается к матери. В доме в то время уже не хватало одной сестры. Пелика - солнечный луч света, утешение всей семьи - умерла в 1912 году от кори. И напрасно ищет Ирма Ализу, милый и веселый взгляд "взрослой" дочери - второй после Ирмы. Она уже год {121} замужем за доктором Стефаном Шеш, ее двоюродным братом.

Дома в Яношхазе остались с бабушкой Финн только Катерина и Менци. Теперь вернулась также Ирма с двумя малютками: Кларой в Эвой.

Со дня смерти отца только сейчас впервые у бабушки Фини появилась возможность посвятить себя дому и семье. Свое дело она ликвидировала еще в 1913 году. Врачи рекомендовали ей отдохнуть, так как сильные переживания повлияли на ее сердце. Она отказывается от изнурительной работы, и живущую в ней страсть к деятельности утоляет работой в саду, вязанием, ведением домашнего хозяйства. Лето 1914 года семья проводила в Балатон-Форде. Тут дочь Катерина познакомилась с молодым журналистом по имени Бела Сенеш. Никто не мог себе представить, и меньше всех сами молодые люди, что этот веселый и необыкновенно остроумный "ребенок" впоследствии женится на Катерине.

Летом вспыхнула мировая война. Бабушка Фини, которая всегда участвовала во всех благотворительных делах, взяла на себя важную миссию в больнице Красного Креста. Ирма и Катерина были также сестрами милосердия. Летом они жили обычно в Балатон-Форде, и это было единственной отрадой за четыре безрадостных года жизни в Яношхазе.

Дочерям Катерине и Менци опротивела такая жизнь, и, главным образом, ради них рассталась бабушка Финн со {122} старым домом, с двором, садом, со знакомыми людьми, родственниками и согласилась на большую перемену в

своей жизни. В 1918 году все переехали жить в столичный город Будапешт, и семья поселилась в одном из особняков аллеи Дебру в Буде. Тем временем большой капитал, который остался у бабушки после ликвидации дела, вложенный в военный заем, превратился в обесцененные бумаги. После потрясений коммунистического режима и последовавшей за ним реакции от прежнего богатства остались одни развалины. В то же время положение Ирмы становится еще более трудным. Феликс не соглашается на развод и категорически требует возвращения Ирмы и дочерей. После долгих колебаний Ирма подчинилась его требованию. Но я не преувеличу, если скажу: она пожертвовала собою ради детей.

Еще в 1919 году в семью пришел новый зять - человек богемы, писатель Бела Сенеш. Бабушка Фини безгранично любит этого молодого человека, добродушного и очень сердечного. А он - если можно так выразиться, - любит ее еще больше. И это понятно, потому что оба они были из тех редких людей, которые могли завладеть сердцем любого человека. Катерина и ее семья стали жить вместе с бабушкой Фини, и так они оставались вместе до конца ее дней.

Младшая дочь Менци, остроумная, образованная, чуть насмешливая, вышла замуж за своего двоюродного брата Ференца Кубача, который не был так образован, как она, но был {123} весьма состоятельным. Этот человек, владевший фермой, взял девушку, всю жизнь прожившую в городе, и увез в деревню. Но ко всеобщему удивлению выяснилось, что Менци может быть и хорошей хозяйкой фермы. Если бы бабушка Фини навестила их летом, обнаружила бы она, что все там живут счастливо? Не знаю.

В 1920 году бабушка Фини не только следит за судьбой своих дочерей и зятьев и своей любовью облегчает всем жизнь. У нее уже к тому времени семь внуков, которые доставляют ей много радости, но и много тревог. Для каждого из ее внуков у бабушки всегда приготовлена ласка и забота, исходящие из доброго сердца, но больше всех она привязана к Гиоре и Анико. Ведь они растут рядом с ней, под ее неусыпным присмотром.

В 1927 году умер Бела, и бабушка почувствовала, что на нее легла серьезная обязанность: еще в большей мере, чем до сих пор, помогать овдовевшей дочери. Воспитание двух детей и все другие повседневные заботы она разделяет с дочерью. Но ее душевное тепло и доброта распространялись и на чужих. Каждый, кто беседовал с ней хоть один раз, находил поддержку, чувствовал облегчение, и спустя много лет вспоминал ее с любовью.

12 мая 1937 года ей исполнилось 70 лет. Ее любимые цветы - весенние лилии заполнили все вазоны. Родные и знакомые, живущие близко и далеко,

приходили и с любовью ее поздравляли. Но многие заметили, что на фоне седых {124} волос ее глаза глядели на этот раз более устало, чем обычно.

С начала лета она у Менци. Там она чинит груды порванного белья, что накопились за год, и помогает дочери везде, где только может. Оттуда она переезжает в Думбовар, к Ализе - тут же находятся Катерина и Анико, приехавшие на дачу. Недолго ей довелось там пробыть. Болезнь горла приковывает ее к постели.

Чем она болела - я так и не знаю. Врачи это не установили. Два дня она терпела сильные боли, а 28 июля бабушки не стало.

Похоронная процессия в Думбоваре и перевез ее праха на кладбище в Яношхаз уже не относятся к ее жизни. Но наши частые мысли о ней - это часть ее жизни. Мне вспоминаются строки из "Синей птицы" Метерлинка: наши мертвецы возвращаются жить с нами, когда мы думаем о них. Дорогая бабушка Фини, мы очень часто возвращаем тебя к жизни, вспоминая в наших беседах и мыслях, дома, на кладбище - твои слова, твой образ встают перед нами. Вот и сейчас я воскрешаю тебя, когда пишу о твоей жизни, в еще воскресят тебя все те, кто будут думать о тебе, читая эти строки.

{125}

В СТРАНЕ

23.9.1939.

Нахалал,

сельскохозяйственная школа

(на венгерском)

Сегодня я должна писать по-венгерски, т. к. хочу написать о многом. Так много мыслей теснятся в голове, что мой бедный иврит не может их выразить. Сегодня - Судный день, и мне хочется в ясной форме высказать свои мысли. Как бы мне хотелось навсегда сохранить в сердце впечатления от первых дней пребывания в стране. Я здесь нахожусь уже четыре дня. Передо мной на небольшом расстоянии "сабра" карабкается на масличное дерево. Вокруг - деревья, характерные для Эрец-Исраэль. Я нахожусь в Эздрелонской долине, в Нахалале. В конце концов я прибыла домой, в Эрец-Исраэль. Я еще не познакомилась со своей школой.

В этом месте я нахожусь лишь два дня и еще не успела все повидать. Но атмосфера в стране такая хорошая, и люди здесь такие дружелюбные! Мне кажется, что я уже давным-давно нахожусь в их среде. И это почти так. Ведь я всегда жила среди евреев. Понятно, что не среди таких евреев - свободных, трудолюбивых, спокойных и, по-моему, счастливых. Я ни на минуту не забываю, что смотрю на всех с идеальной точки зрения, и будут у меня еще трудные дни. Вчера, в {126} канун Судного дня, я почувствовала, что мое настроение испортилось. Когда я мысленно сравнила то, что ждет меня здесь, с тем, что я оставила там, я начала сомневаться, стоило ли так делать. Цель как будто скрылась с моих глаз. Но я так поступила преднамеренно. Я дала малодушию овладеть собою. Важно было избавиться от внутреннего напряжения. В конце концов, когда высохли слезы, я почувствовала, что все же действовала правильно. Цель моей жизни, мое предназначение - вот что связывает меня со страной. Я не желаю жить просто так, а хочу выполнить свое предназначение. И каждый, кто живет здесь, выполняет какую-то миссию.

Вот короткое описание моей алии. Поездка прошла хорошо. Два дня мы ехали поездом и пятеро суток - на румынском корабле "Бесарабия". Как описать то приятное ощущение, которое я испытала в портах Тель-Авива и Хайфы среди еврейских докеров и служащих?

Я не могу подробно описывать город Хайфу, дом для новоприбывших, семью Крауз, которая меня очень приветливо встретила. Я посетила ее по совету Артура Тибена. Нет у меня слов, чтобы передать те чувства, которые вызвали порога и поездка автобусом в долину, встреча и первые впечатления от школы. Все великолепно! Я счастлива, что могу быть здесь. Хочу, чтобы Гиора (Ивритское имя брата Джори) приехал возможно скорей, а за ним - в мама.

{127}

2.11.1939

Долгое время не писала. Я много работаю, это верно, но есть и другие причины. Видно, все, что происходит вокруг, так меня занимает, что я не могу сосредоточиться на своем внутреннем мире.

О своей жизни я могла бы много написать. Я работаю в прачечной, работа очень простая и, откровенно говоря, должна признаться, что в учебном отношении она не представляет никакого интереса. Я немного научилась стирать и гладить...

На уроках я успеваю больше - как с точки зрения содержания, так и языка. Этот месяц больше посвящен работе, чем изучению специальности или сельского хозяйства, и такова, в общем, программа всего первого года. Ничего страшного, но иногда я думаю, что могла бы использовать этот год для более серьезной учебы.

Я хотела дальше продолжить по-венгерски, т. к. чувствую, что пишу не совсем то, что хотела бы выразить. Но, вместе с тем, мне хочется преодолеть трудности и писать и дальше на иврите. Я должна к этому привыкнуть.

Хороши здесь субботы. У меня уже появились знакомые. Я иногда даже принимаю гостей. Читаю, играю в пинг-понг, хожу в ближайшие кибуцы и другие места. И каждый раз есть какая-то перемена, что-то новое. От мамы регулярно получаю письма. Правда, в минувшую неделю не было письма, но сегодня пришла открытка, и у нее все в порядке, Гиора может продолжить {128} учебу и еще кое-какие подробности. Понятно, что мне интересна каждая мелочь.

Подруги иногда меня спрашивают, не скучаю ли я по дому. Я всегда отвечаю, что нет, и это правда. Окружение, домашние условия жизни - я в самом деле не ощущаю их отсутствия. Но мамы и Гиоры мне очень не хватает. Если бы я могла хоть изредка видеть Гиору! Я уже так давно не видела его. С мамой я еще разговаривала месяц назад. Но мы сейчас очень далеки друг от друга. Это единственная трудность. Единственная? Да, так я думаю. Все остальное ничего не значит по сравнению с этой трудностью.

Я люблю эту страну, или, точнее говоря, я хочу любить, потому что я ее еще недостаточно знаю, чтобы говорить о том, какое она произвела на меня впечатление. Само собой разумеется, что большую разницу между диаспорой и этой страной я чувствую ежедневно здесь, в школе, в любом месте. Эту свободу, эту человечность. О, как мне еще трудно писать!

22.11.1939

(на венгерском)

Я пишу так редко, что мой дневник будет далеко неполным. А ведь так много происходит не только вокруг, но и внутри меня. О войне я знаю мало.

Европа сейчас так далека, и только мама и Гиора еще связывают меня с этим материком. А что связывает меня с этой страной? Все мои планы, все мои цели, все, что я лелеяла в глубине сердца в течение последнего года - {129} нет пока

что для них прочного фундамента.

Иногда я чувствую, будто ошиблась в своих делах. Если бы я писала в такие минуты, то буквы были бы смочены и расплылись (от слез), но чаще всего в такие минуты я не пишу, а стираю, подметаю; настроение такое, что я не в состоянии писать. Но все это длится лишь считанные минуты или, во всяком случае, не больше одного дня. Недели и месяцы, которые я здесь уже провела, свидетельствуют о правильности моего выбора (а может быть, это самовнушение), и не потому, что я приобретаю много знаний в школе.

Я вижу и недостатки этого заведения, но уверена, что даже с учетом недостатков можно кое-чему научиться, и эта учеба в один прекрасный день принесет мне пользу. Говоря по правде, не могу себе представить, что я очень подхожу для того, чтобы быть "работницей" в полном смысле этого слова. Когда я размышляю о будущем, я вижу себя на педагогической работе или на другой аналогичной. Вместе с тем, я здесь хорошо себя чувствую. Хочу подналечь на иврит. Я и до сих пор по нему хорошо успевала.

16.12.1939

Сегодня я уже работаю на молочной ферме. Я очень радовалась, приступив к работе, так как в этой области думала специализироваться. Первые три недели буду заниматься только уборкой, но и это хорошо.

Что случилось со мной за то время, что я не писала? Мы отмечали праздник Ханука - {130} первый мой праздник в стране. Во время каникул я съездила в Хайфу и Иерусалим. Приятно провела там два дня. Я была и на вечерах, много танцевала и пела. Видела, как живут в городе и снова убедилась, что мне нетрудно будет распрощаться с городским образом жизни. Я себя очень хорошо чувствую в деревне, в Нахалале, а, также в школе.

Получаю письма от мамы и от брата. Оба они здоровы. Я им тоже часто пишу, но это отнимает у меня много времени, а я ведь очень занята на работе, на уроках и другими разными делами.

Так как я пишу дневник, а в дневнике можно писать и о парнях, кратко напишу о новостях в этой области. Мики и Бени написали мне из Венгрии, и оба просят моей руки. Смешно даже, они пишут так, будто это очень реальное и серьезное дело. Я им ответила. Мне и минуты не пришлось задумываться над ответом, т. к. оба они меня не интересуют. И тут в стране у меня уже есть знакомые. В Нахалал иногда по вечерам приходят парни - погулять, немного побеседовать. Сначала я шла охотно, но потом увидела, что не стоит...

Посмотрим. - Во время каникул я не только танцевала и пела, я увидела немного жизнь страны, увидела также трудности и ошибки, но и интересных людей, пионеров-первооткрывателей, которые живут здесь уже много лет. Но писать о всем этом - пока не хватает слов, не хватает легкости в выражении мыслей, а кроме того, нет времени. Через {131} несколько минут пойдём встречать субботу, и я должна кончать.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАИЛ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС](#) =

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ДНЕВНИК

2.1.1940 (на венгерском).

Снова села писать. Наверное для того, чтобы проставить новую дату в своем дневнике. Удивительно и страшно, с какой быстротой бегут дни. И несмотря на то, что эту дату здесь в стране не считают началом нового года, я буду вести себя по старому обычаю. Во всяком случае, отнюдь не повредит, если я сама себе представлю некоторый отчет.

Последний год - 1939-ый - принес с собой очень много перемен, и не только в большом мире, но и в моем маленьком мирке. Постоянное напряжение, волнения и страх - вот отличительные признаки минувшего года. И в довершение всего - осенью война, волнения вокруг еврейских законов и кризисы внутренней политики Венгрии. Но еще больше, чем эти события, мне стали близки такие вещи, которые ранее казались страшно далекими. Я имею ввиду переживания вокруг событий в Эрец-Исраэль и сионистских конгрессов.

Мне кажется, что я стала сионистской в результате той сумятицы, что царит за границей, и своих естественных стремлений.

Излишне упоминать, что мой переезд в страну ознаменовал коренные изменения в моей жизни. Это был трудный год, полный напряжения, нервозности и тяжелой душевной борьбы. Закончился целый период в моей жизни и открылась {132} новая глава. В заключение я должна признаться, что это был для меня благословенный год, потому что я начала чувствовать и понимать многое из того, что было для меня ранее недоступным.

А чего я жду от 1940 года? Для себя лично - хочу работать, учиться, хорошо успевать в изучении иврита. И если это возможно - больше общаться с людьми, живущими в стране, чтобы лучше их узнать. А если Господь меня очень любит, - то, может быть, я сподоблюсь увидеть здесь Гиору, может быть, даже маму. А

нашей стране пусть Всевышний даст в Новом году процветание и избавление. Она в этом очень и очень нуждается. Да, я знаю, что там, в "большом мире", наступающий год отнюдь не будет спокойнее минувшего.

16.1.1940

Что писать? Я чувствую себя очень хорошо, люблю свою работу (молочная ферма), спокойную и простую жизнь, моих товарищей, учебу и гляжу на все, что меня окружает, с большим интересом. Но писать? О чем писать? О своей работе и повседневной жизни я пишу домой, а о своих мыслях... их сейчас у меня мало. Я чувствую, что этот период посвящен накоплению впечатлений, тому, чтобы больше видеть, слышать, чувствовать, а затем, пожалуй, настанет период, когда я смогу судить обо всем и даже писать. Сейчас мне не хватает языка. Венгерского - уже нет, иврита - еще нет. Теперь буду читать. Нет у меня времени для дневника.

{133}

17.2.1940

Несколько дней назад мой взор упал на два предмета: на открытку из Будапешта, которую мне прислала Эва после вечера, проведенного в каком-то обществе, и случайно, сама того не осознавая, я перевела взгляд на мои руки, израненные на работе. И на минутку я сама себе задала вопрос: не было ли это глупой романтикой, противоречащей инстинкту, - оставить легкую жизнь и избрать трудную жизнь простой работницы. Но спустя минуту, я была совершенно спокойна. Знаю: я не смогла бы жить такой жизнью в диаспоре. Мое место - тут, в Эрец-Исраэль. Вопрос в том, избрала ли я здесь верный путь. Думаю, что да.

Думаю, что не буду простой работницей. Есть у меня желание искать способы улучшать дело, расти, помогать, и я надеюсь, что, пожалуй, будут и возможности для этого. Маленький случай доказывает мне это вновь. Вчера состоялось в нашем доме открытие читального зала. Я все организовала. И как радостно было потом наблюдать, как вдруг у моих подруг появилось сильное желание работать, творить, и как все это удалось. Я думаю, что именно здесь в стране важно многое дать людям в духовном отношении, главным образом, для того, чтобы повлиять на их настроение, потому что почти у каждого есть свои беды, свои трудности. Трудно, очень трудно обо всем этом писать мне на иврите, и вообще трудно ясно писать о вещах, которые мне самой пока что не ясны.

{134}

6.3.1940

(на венгерском)

О чем писать ? В мире так много событий, что трудно их объяснить. В эти дни утверждена "Белая книга". Волна недовольства и протестов растет во всех концах страны. Демонстрации, жертвы, чрезвычайное положение. Безнадежная ситуация. Не только разочарованные массы требуют противодействия британским властям, во и руководители еврейской общины. Не знаю почему, - то ли из-за любви к стране, то ли из-за боязни столкновений, - я не могу согласиться с такой позицией. Она приведет лишь к ненужному кровопролитию и не даст желаемых результатов. По моему мнению, надо немедленно приступить к работе по организации поселений в более широких размерах, чем это делалось до сих пор.

И если вся площадь (в тех районах, где нам дозволено селиться) будет в наших руках, а английская политика, тем не менее, не изменится, только тогда, если в этом будет нужда, мы будем вправе захватывать новые территории даже силой оружия. Но сегодня я не вижу логики в разжигании ссоры, цель которой - демонстрация перед "миром" нашего протеста. Жаль каждой капли крови, пролитой напрасно. Так я воспринимаю эти вещи своим простым рассудком. Большинство людей придерживается противоположного мнения, и, возможно, что они правы.

И мне ясно, что единственные средства, которые сегодня имеют влияние в мире, это {135} сопротивление, насилие, оружие. Но все это пока не в наших руках, и только в результате горького отчаяния мы вынуждены будем воспользоваться этим, чтобы компенсировать нашу слабость и малочисленность. Как мне было бы хорошо, если бы я могла верить, а не бродить в потемках - во всем, что касается будущего нашего народа. Тогда бы я обратилась с молитвой из глубины сердца : Помогите, пожалуйста, вашему народу, нашему народу! А может быть, моя вера все же глубока - не в Бога, а в народ, в его предназначение, в будущее нашей страны. А может быть, эти слова не слышны в грохоте пушек? - Где человек, который может дать ответ на все это?

25.3.1940

(на венгерском)

Уже два месяца, как я работаю на кухне, из них две недели - на приготовлении пищи. О характере моей работы недосуг сейчас писать, да это и неважно сейчас для меня - в 4.30 утра. Более интересно - это мое поведение во время работы. Я нерасторопна и удивительно медлительна. Это меня просто изумляет. Я ведь знаю, что на других работах никогда меня не причисляли к бездельницам. А главное, мне никогда и в голову не приходило, что у меня не хватает ума. А, может быть, всему виной работа на кухне. За эти две недели я сама себе не раз удивлялась - как я так бездумно и неловко работаю. Всякого рода мысли всплывали в моем мозгу. Не было ли ошибкой то, что я не взяла в расчет {136} свои способности, и выбирала себе поле деятельности, которое, по-видимому, мало мне подходит? Иначе говоря, в этой области я не смогу быть достаточно полезной. Да, мама меня об этом предупреждала заранее. И все ж я должна испытать себя и на этой работе, чтобы приучиться к чистоте и порядку - вещам, которыми я раньше, подчас, пренебрегала. Верно, сама работа трудна, иногда даже очень утомляет, если принять во внимание все "полоскания", и все же... Я уверена, что каждый, кто переходит с умственной работы на физическую, по своей ли доброй воле, или в силу необходимости, испытывает то же, что и я. Возможно, что при этом тяжелее добровольцам, так как вся ответственность ложится на них, а не на кого-либо другого.

Я не упомянула еще нечто удивительное. Недели две назад мы слышали в Ягуре концерт под управлением Губермана. Концерту предшествовали "тремп" на машине, чтобы попасть в Ягур (кибуц около Хайфы - ldn-knigi), прогулка в горах, вторжение во двор кибуца и волнение в связи с раздобыванием билетов.

Концерт был великолепный (Мендельсон, Бах, Шопен). Обрато мы возвращались на машине кибуца Сарид. Все было так приятно. О подробностях я писала маме. Ей я также рассказала о нашей экскурсии в Тивериаду.

{137}

10.4.1940

(на венгерском)

А сейчас добавлю еще несколько слов. Иногда я кое о чем размышляю. Мои мысли вытекают, главным образом, из моей повседневной жизни, они постоянно возвращаются к моему "идеалу". Вот в последний раз я работала на фруктовом складе. Я проверяла грейпфруты и сортировала их. Лучшие и красивые клала вниз, попорченные и маленькие - на верх, и я вдруг подумала: сам Всевышний так же распределил наш народ. Внизу у него находятся сильные, чтобы они могли выдержать все тяготы строительства страны, а

сверху остались слабые. И в сердце моем родилось пожелание. Боже, сделай так, чтобы весь народ был цельным, без брака, дабы Тебе не надо было выяснять, кто в силах и кто не в силах выдержать эту нагрузку. Может быть, всех можно было бы тогда устроить на одной широкой полке, а не так, чтобы одни были над другими? Я не уверена, что это возможно.

Наш народ... Как дороги мне эти слова! Но есть ли у нас вообще народ? А если да - то где он? То, что есть у нас сейчас, это не народ.

А может быть, все же народ, но не нация... Пойду спать, я очень устала.

20.4.1940

(на венгерском)

Перелистала и немного почитала свой дневник. Так интересно проследить за довольно длинным путем, который я проделала за один лишь год... Хочу написать о парнях. Не стоит входить в детали, я могу говорить лишь в общих чертах. Пятеро или шестеро, по меньшей {138} мере, добивались моей благосклонности за то время, что я нахожусь здесь. Я соглашалась гулять с ними по вечерам, но потом я, не говоря ни слова, всех оставила. Я страстно желаю настоящей любви. И каждый раз, когда я знакоюсь с парнем, я спрашиваю себя: тот ли это человек, которого я ищу. И когда мне становится ясным, что я ошиблась, я тотчас же прекращаю всякую с ним связь. Иначе не могу. Или серьезная дружба, откровенно говоря, - любовь, или ничего. Верно, я согласна гулять и немного беседовать - это очень полезно. Но что делать с парнями, которые, в большинстве своем, этим не удовлетворяются. А мне жалко своего времени.

Послезавтра поеду в Иерусалим. У меня там много знакомых, и особенно ждет меня Алекс. Я слышала от многих, что я ему нравлюсь. Не хочу еще раз выражать свое мнение, но в глубине души - старое ощущение: нет! Вопреки тому, что мне бы хотелось, в конце концов, сказать: да.

Вчера мы были в кибуце. Я участвовала в пасхальном вечере и в концерте. Тем временем я наблюдала за людьми: искала. Может быть, он здесь среди празднующих, может быть, он близок ко мне и мы проходим друг возле друга, не замечая этого. А, может быть, он так далек, что мы никогда не встретимся. Я слишком большая оптимистка по своей натуре, чтобы действительно думать так.

{139}

14.5.1940

Я сидела и учила по тетрадке общий курс сельского хозяйства. И вдруг меня пронзила мысль: как я здесь изолирована от всего света! И откуда у меня такое терпение учиться и готовиться к экзаменам, когда в Европе разгорелась самая большая битва в истории человечества? Ведь перед нами дни, которые определяют будущее всего мира. Война в Европе распространилась на огромные территории, и понятен страх перед тем, что она может переброситься и на нашу страну. Во всем мире напряженность. Германия крепнет с каждым днем. И если весь мир стоит на краю пропасти, трудно заниматься крохотными проблемами и еще труднее верить в значимость дел одиночки.

Трудно мне сейчас продолжать писать. В комнате болтают о всякой всячине, и кроме того, я устала. Нет времени даже немного подумать, и выразить свои мысли мне тоже не дано. В особенности на иврите. Правда, язык не причиняет мне больших трудностей, но простые слова и фразы выражают лишь простые мысли.

В Иерусалиме я чувствовала себя очень хорошо. Отпуск был приятным, и мне открылись новые черты городской жизни, которые заставили задуматься. Вообще-то, после большого перерыва я снова немного поспорила. Как оптимистка, я стояла одна против... (Гасят свет).

{140}

18.5.1940

(на венгерском)

Так много на свете вещей, которые я не воспринимаю, но меньше всего я в состоянии понять саму себя. Есть у меня желание знать и понять, кто я и что такое моя жизнь. Но, к сожалению, я могу лишь спрашивать, а ответить... не могу. Это факт, что у меня нет уверенности в себе и решительности.

Во мне борются да и нет, силы притяжения и отталкивания, эгоизм и чувство коллективизма. Самое плохое - я думаю о себе так поверхностно, что стыжусь признаться в том себе самой. Возможно, что я все это чувствую в присутствии Мирьям, которая нашла свой путь и способна глубоко проникать в суть вещей. А, может быть, причиной всему разница в возрасте? Я уже оправдываюсь, будто боюсь видеть вещи такими, какие они есть. Я вообще вижу все только с

хорошей стороны, и это называю оптимизмом. Это, пожалуй, удобная позиция, но она не поможет моему развитию. К людям я отношусь так неестественно, отчужденно. Я легкомысленна, поверхностна, возможно, даже, невоспитанна. Неужели это действительно присущие мне свойства? Хочу верить, что нет. Но если так, что со мной будет?

Сегодня я слушала музыку. Звук сочетается со звуком и в совокупности образуется прекрасная гармония. Каждый звук в отдельности как будто лишен смысла, нет в нем ни окраски, ни цели, но вместе это музыка. Разные бывают звуки - пиано, фортиссимо, стакато и т. д. А что я? Какие звуки вызывают клавиши во мне? И образуют ли эти звуки в сочетании гармонию? Мы изучали водные растения, назначение {141} которых - служить пищей для малоразвитых животных организмов. А, может быть, и наше назначение-быть добычей, подчиняясь какому-то более возвышенному закону природы? Неужели это наше предназначение? А если дело обстоит так, мы будем знать, по крайней мере, что наша жизнь не имеет самодовлеющего смысла. И в этом - преимущество человека перед животными...

26.5.1940

Несколько слов об электролизе (или о вопросах воспитания) : в химическом растворе беспорядочно движутся наэлектризованные атомы. Когда пропускаешь ток, атомы вдруг расходятся и движутся к двум полюсам, отдают им свой заряд и покидают полюса в качестве свободных, незаряженных атомов.

И я подумала о нашем народе, о воспитании в нашей стране. В прошлом наша молодежь состояла из разных слоев, это был как бы раствор из многих элементов. Но при этом у всех была общая черта: еврейская молодежь. И вот в эту среду проникли течения, более сильные, чем электричество, и стали притягивать атомы к разным полюсам, к таким полюсам, что их разделяют целые миры. И вот уж нет более "еврейской молодежи" (ибо атомы передали свою силу, свое напряжение разным полюсам - политическим партиям), а вместо этого есть сейчас полюса и собравшиеся вокруг них атомы. И кто знает, если атомы не отдадут свой потенциал {142} полюсам, когда настанет время действовать, вырабатывать электричество, не исчезнет ли их сила, не ослабнет ли напряжение?

Разве мы настолько сильный и большой народ, что можем позволить себе отделить брата от брата (еврея от еврея) и заранее определить пути, ведущие к противоположным полюсам, противостоящим друг другу? Разве не слишком велика ответственность - дать течению увлечь за собой людей, прежде чем те разглядели, где эти полюса и куда ведет дорога?

Электролиз?.. Я закрыла тетрадь по химии. Но кроме того я должна написать, что читаю сейчас две великолепные книги. "Стихи Рахели" и книгу Бубера "Слово о еврействе" (на немецком). Обе они говорят мне так много и, понятно, с разных точек зрения. У Рахели я много чувствую, у Бубера я понимаю много такого, чего раньше не знала, о еврействе и о самой себе.

С точки зрения Бубера, как он понимает еврейство, я настоящая еврейка. Чтение его книги доставляет мне радость. Разве мы не обязаны создать единый и концентрированный раствор, который мог бы действовать, когда настанет время, - еврейскую молодежь? И ранее я ощущала свое еврейство, но получить объяснение о столь сугубо внутренних делах, - это много больше того, что может дать книга. Я продолжаю ее читать.

Сдала экзамен по сельскому хозяйству и производству молока, надеюсь, что успешно. Вчера была в рабочей деревне - учреждении для {143} трудновоспитуемых детей. Мне было очень интересно. Правда, самое интересное трудно воспринять при таком поверхностном визите. Надеюсь, что у меня еще будет возможность узнать поближе это учреждение и детей.

4.6.1940

(на венгерском)

о Будапешт о Нахалал о Лион

Вот три точки, вокруг которых моя мысль летит со скоростью молнии. Места как будто исчезают, остаются я, мама и Гиора. На этом фоне я ощущаю все волнения нашей жизни, полной такого напряжения. Все волнения? Я знаю, что это не так. Я не чувствую и тысячной доли того, что переживает мама. Она страдает из-за наших грез и планов, которые, дай Бог, чтобы не превратились в прах в этом всемирном пожаре. Если хотя бы Гиора был бы здесь! Кто знает, не пропустил ли он уже все сроки. А если это так, то я виновата, это произошло из-за моего легкомыслия и бездеятельности.

А страна? А будущее и все стоящие перед вами испытания и связанные с ними трудности?

Я верю всем сердцем в будущее этой страны, даже если ей предстоит пройти через огонь и бурю. Я не опасаюсь за свою судьбу. Не из-за того, что не люблю себя, напротив, - из эгоизма, но в другой форме. Человек боится причинить зло очень дорогим ему людям, потому что их страдания ему самому причинят боль.

Над нами голубое ясное небо. Кругом царят {144} мир и покой. Мне бы очень хотелось крикнуть по радио: молчите, это неверно! Ложь и фальшь ваши победные реляции о множестве убитых и раненых. Неверны сведения о бомбежках и разрушениях. Кто осмелится желать этого? Кто может понять, в чем историческое значение этой бойни? Вы хотите превратить весь мир в "чистый лист" и построить на нем новый мир?

Но кто будет строить, для кого и для чего? Может быть, для того, чтобы потом было что разрушать? "Человек, борись - верь!" (Цитата из "Трагедии Человечества" И. Мадача.). Но во имя чего стараться? Второй вопрос я не рискую задавать, так как хочу еще верить.

17.6.1940

(на венгерском)

Немцы стоят на подступах Парижа. Скорее всего, город падет сегодня. Париж, Франция, а затем весь мир. Какая ждет нас судьба? Я спрашиваю лишь одно: доколе? Потому что я совершенно уверена, что Гитлер падет. Но спустя сколько лет? Может быть, перед ним еще 15 лет, как у Наполеона? Как могла история повториться? Та же карьера, та же жизнь, захваты, понятно, в немецком издании XX века. Ой, как страшно, как ужасно это гитлеровское издание! Италия тоже вступила в войну, и прямая опасность, таким образом, в несколько раз возросла. Если мне суждено жить еще 10-15 лет, мы увидим, для чего все это было нужно. А, может {145} быть, нужны 100 лет, чтобы жизнь превратилась в историю?

29.6.1940

Франция? Гиора? Мама? Трудно сказать, что болит сильнее в водовороте событий этих дней. Франция согласилась на позорнейшее перемирие. Она почти перестала существовать. С Гиорой прекратилась всякая связь. Сертификат он получил слишком поздно. Я не знаю, где он находится. Я еще надеюсь. А, может быть (с этого места и до конца запись идет на иврите), все же, он смог уйти, может быть, он уже прибыл. С тайной надеждой я всматриваюсь в лицо каждого парня. Может быть...

О, как страшно это ощущение: я виновна, я ответственна за все события, которые касаются Гиоры. А, с другой стороны, я знаю, что в такие времена, когда идет война, нет вины. Невозможно судить и решать, что всего лучше - быть здесь или в другом месте. А мама...

Я вижу ее перед собой в бессонные ночи, как она встает, озабоченная, по утрам, как она читает новости, как она ждет почту, как она прячет всю тревогу и печаль в своем сердце, ибо она слишком благородна, чтобы докучать другим своими горестями. А я, я нахожусь в тысячах миль от нее и не могу сесть рядом, легонько погладить ее больную голову, успокоить, разделить с ней заботы.

А я работаю на поле, прессую солому, осуществляю, или думаю, что осуществляю свои {146} цели. Они несомненно, хорошие, даже прекрасные. Но можно ли, стремясь в даль, терять то, что было вблизи? Единственный ответ, который я даю сама себе, это тот, что я не могла бы жить в Венгрии, как жила прежде. Думаю, что была бы там несчастной. Каждый должен искать свой путь, свое место, свое назначение. Даже, если мир горит и все переворачивается! - Нет, я не могу искать объяснений, причины. "Да" и "нет" сталкиваются во мне, и одно противоречит другому.

А у нас пока еще тихо. Но внутренний покой, внутренняя тишина - где вы? Телега истории так трясет наши души, что ни одна из них не может избежать потрясения.

3.7.1940.

Кфар-Гилад

Я нахожусь в Кфар-Гилад. Утром вышла вместе с Мирьям на большую прогулку: Тивериадское озеро, затем горы, скалы, одинокие поселения. А теперь - Кфар-Гилад. Горный ветер, тишина.

5-26.7.1940

С чего начать? - Я так много повидала и прочувствовала за последние дни. Сейчас мы сидим в эвкалиптовой роще, возле Кфар-Гилад. Мирьям вырезает свое имя на дереве, а я хочу все вспомнить и написать, пока не придет какая-либо машина и не повезет нас дальше. В субботу рано утром я поднялась на горы, что напротив Кфар-Гилад. Окрестности чудесные.

И в свежести чудесного утра я поняла, почему {147} Моисей получил Тору на горе. Только в горах можно получить повеление свыше, когда видишь, как мал человек, и все же чувствуешь себя в безопасности из-за близости к Богу. На горе расширяется горизонт (во всех смыслах слова) и становится понятным мировой порядок. В горах можно верить и нужно верить. В горах сам собой возникает вопрос: кого Я пошлю? - Пошли меня! Служить добру и красоте. - Но смогу ли?

Примерно, в полдень мы вышли с несколькими кибуцниками на прогулку. На грузовике кибуца поехали в Метулу. А оттуда великолепными дорогами - в Танур. Вернулись к обеду, и тотчас оказалась попутная машина в Дан.

Что еще рассказать о Кфар-Гилади ? - Большой кибуц, развитый, красивый, благоустроенный. Из людей хочу упомянуть Герсона, очень приятного человека. Мы еще в пути познакомились с ним, и он о нас очень заботился. Настоящий халуп, сердечный человек, я была рада с ним познакомиться.

Второй пункт: Дан. Небольшое хозяйство, одинокое, в окружении богатой природы. Товарищи - частично выходцы из Трансильвании - встретили нас хорошо. Один из них самоотверженно за нами ухаживал. Он пошел с нами к источнику Дан, в Тель-эль-Кади, - очаровательный источник, а рядом примитивная арабская мельница. Вообще-то следует отметить хорошие отношения между жителями Дана и их арабскими соседями, а также сирийскими арабами. {148} Понятно, что во всем полагаться на них нельзя, но дружеские связи усиливают чувство безопасности.

Мы ночевали в Дане, а назавтра вышли смотреть окрестности: Сааса, Дафна, Шеар-Яшув - новые поселения, положение которых пока тяжелое. Хорошая земля, изобилие воды, но земля нуждается в очистке от камней и надо охранять ее - с политической точки зрения. Но если события не помешают развитию, их ждет хорошее будущее. Здесь есть все условия для создания развитого сельского хозяйства. Мы посетили также несколько девушек, которые окончили школу в Нахалале. Они все очень хорошо устроились. И отсюда можно сделать вывод, что наша школа действительно дает хорошую подготовку.

Назавтра мы проторчали на шоссе до вечера. Почти уже отчаялись, под вечер наше терпение иссякло и мы сказали: будем ждать еще четверть часа... Вообще-то нам не хотелось возвращаться в Кфар-Гилади. И Тель-Хай, который перед нами, хорош и красив скорее как символ, чем место для ночлега. И вдруг: идет машина. Если бы меня увидела мама посередине дороги с поднятой рукой... Вообще, если бы она меня видела во время прогулки, что бы она сказала? - Ведь все прошло здесь в атмосфере, которая так отличается от жизни в Венгрии! И именно это особенно приятно.

Вечером мы уже были в Хулате. Молодой коллектив, приятная компания, изумительные окрестности. Отличные возможности поплавать {149} и покататься на лодке.

Считаю, что излишне добавить: я чувствовала себя превосходно. Это после

всего сказанного ясно почти само собой. На лодке мы прибыли в то место, где Иордан впадает в озеро Хула. Тропический пейзаж, стебли папируса, кувшинки, фламинго, а воды тихие и зеленые, отражающие всю красоту вокруг. Мы вышли в плавание с двумя парнями, из рыбаков (20 человек из коллектива заняты в рыболовстве). Один из них, Моше, был "моим", второй - Мирьям. И, действительно, я заметила, что нравлюсь ему, и он мне тоже немного понравился. Как парень, он, в самом деле, привлекательный - сильный, красивый, милый и простой. А вечером мы снова вышли на лодках с другими рыбаками посмотреть, как они работают. В темноте они знают все дороги между болотами, знают рыбные места, уверенно забрасывают снасти. В 10.30 вернулись, а орудия лова остались в воде до утра.

Мы отправились спать. Как только я вошла в комнату, явился Моше, сел рядом и начал говорить, что любит меня, как сестру и т. д., и

т. п., и хотел меня поцеловать. Я не разрешила. Когда он спросил, стоит ли продолжать наши отношения, я ему ответила без утайки так, как чувствовала: когда мы вместе провели один день, нам было хорошо, но, по сути дела, мы очень разные люди и нет смысла переписываться и продолжать знакомство.

Я хотела расстаться с ним дружеским рукопожатием, но он поцеловал мою руку. Когда он вышел, мне было немного {150} не по себе. И я подумала, не глупость ли это, в самом деле, так бояться жизни? Неужели я не могла подарить ему и себе вот этот поцелуй? Ведь это же не так много значит. И все же, я не могла. Даже это, свой первый поцелуй, я берегу для кого-то другого, настоящего. Но явится ли он? Я подумала о маме и знаю, что она была бы рада, если бы знала, что в любом месте и в любых условиях я веду себя так, будто она рядом.

Назавтра рано утром мы вышли в путь. Прибыли в Цефат - древний город, расположившийся на горе. Красивые окрестности, любопытные типы людей. Несколько часов мы там бродили, ко всему присматриваясь. Вернулись в Рош-Пина и оттуда продолжали путь на Геносар.

Вечер и ночь мы провели в Геносаре. Молодой коллектив борется, преодолевая большие трудности, главным образом, связанные с землей. Мы не успели хорошо с ним познакомиться, так как утром оставили это место, а, примерно, в полдень прибыли в Афиким.

Если бы я могла написать обо всем - об озере Кинерет, о Ярмуке, Иордане, о старых и новых кибуцах, о приятной компании, о прогулках, которые организовали из Афикима, о Якове, который будто бы в меня "влюбился", о

красивых виноградниках, о вечерних беседах на траве, о поездке верхом к Ярмуку, о порядках в кибуце - я бы заполнила целую тетрадь. Да, все было очень хорошо. Мы провели там 4-5 дней. В конце концов, мы оставили долину {151} Иордана и поехали поездом в Эздрелонскую долину. Издали полюбовались красотами Бет-Альфы, Тель-Амаля, Эйн-Харода - и конец прогулке. Последний день я провела в мошаве Мерхавья, с семьей Фаркаш.

Здесь меня приняли очень хорошо, и после прогулок по кибуцам, я впитывала в себя семейную атмосферу частного дома. У меня была некоторая возможность сравнить две формы жизни.

Кибуц, вне всякого сомнения, более рационален, с экономической точки зрения, находится на более высокой ступени, и жизнь в нем легче, с точки зрения работы, трудовых затрат.

Но с точки зрения душевной многое говорит, пожалуй, в пользу мошава. Во всяком случае, ясно, что не каждый человек может приспособиться к условиям жизни в кибуце. Можно себе представить, что спустя несколько лет создастся промежуточная форма, которая будет сочетать в себе преимущества обеих форм жизни. Я лично более склонна жить в кибуце. Я не в такой мере предана сельскому хозяйству, чтобы чувствовать в себе силы работать непрерывно и непрерывно. И во время каникул, когда я видела воспитательные учреждения в кибуцах, у меня пробуждалось давнишнее желание: обучать. Чему, как? - неясно. Во всяком случае, этот год я хочу целиком отдать изучению профессии (птицеводство) и языка. А что будет потом - посмотрим.

Все каникулы прошли великолепно. Я всем своим сердцем ощущала красоту молодости - в песнях, в смехе, в неизбывной энергии, {152} в желании все видеть и воспринимать и радоваться всему хорошему. И было так много возможностей для этой радости: великолепная природа всюду, где мы бывали, приятные люди, которых мы встречали. Эта экскурсия усилила мою веру в страну, а также в себя и в наше совместное будущее. На две недели я совсем забыла, что есть на свете война и что она так близко от нас. Уже дважды бомбили Хайфу. Во второй раз было много жертв. А здесь в Нахалале, жизнь течет, как прежде. По ночам - затемнения. Когда бомбят Хайфу, мы бежим в убежище.

А на работе: дом и поле. 4 часа здесь, 4 часа там.

И книги: стихи Рахели - великолепны. И сочинение Каутского о социализме. Основательное толкование "Капитала" Маркса. Я вообще раньше не была знакома с такого рода сочинениями. Я должна начать знакомиться и с этим.

6.9.1940

В отношении парней... Вот пришел навестить меня А., а затем пришел Б. А я бы так хотела заменить всех их одним, одним по своему желанию. Но всех их вместе, и даже этого единственного я бы сейчас отдала за своего брата. Я живу своей повседневной жизнью, и только по вечерам иногда вырывается крик: так не может продолжаться! Прошло уже два года с тех пор, как я его видела, не считая тех дней, что я была в Лионе, и я боюсь, что когда мы снова встретимся, мы будем далеки друг от друга, как {153} чужие.

В моих ушах звучит название книги, которую я сама не читала, но мама мне рассказала однажды ее содержание: "Потухшая душа". В ней рассказывается, как отдаляются люди, которые надолго расстаются, и когда они, в конце концов, встречаются, у них не о чем говорить, взгляд их холоден, связь прервана... Два года... Но сколько еще? Я еще верю, я хочу верить... Впечатления от работы и уборки. Зелень - по всему полю, и там, где прошла косилка и растения упали на землю, ничто уж их не подымет. Ты хочешь сохранить их от иссушающего зноя и ветра, чтобы он не разбросал их по всему полю? Сгреби их в одну большую скирду. То, что останется вне ее, будет унесено ветром. Так и наш народ после жатвы...

В хлеву у нас давно валяется сломанная метелка, которой пользуются для чистки корыт. Работать с ней было очень неудобно. В подобных случаях у меня всегда появляется стремление улучшить, и я решила починить ее. После работы я села с проволокой, новой палкой и покалеченной метлой, и начала действовать.

Когда у меня не получилось, я подошла в рабочую комнату, и один из парней сжалился надо мной и умелыми руками быстро все исправил так, что было приятно смотреть. Я по-настоящему обрадовалась: вот я посвятила этому делу так мало времени, а все будут довольны. Кто-то должен начать, и тотчас найдутся другие, готовые продолжить, осуществить. Эта метелка стала для меня символом возможности исправлять, {154} улучшать. Я радовалась этой победе. Первое слово, которое я сказала, когда на завтра утром пришла в хлев, было: что вы скажете о метелке? - "Очень хорошо, отлично".

А после обеда мне одна девушка сообщила, что метла расшаталась. На нее положили что-то очень тяжелое. Спустя два дня метла была снова сломана. Можно ли исправить испорченное? Можно ли обновить старое? Неужели нет другого решения, как пользоваться только новым?

В то время, как я мою стены хлева или выношу навоз и ополаскиваю стояки, я

думаю: не отнимаю ли я время от более важных для меня дел? Но какие это более важные дела? Я слишком фанатична, чтобы ставить перед собой такие вопросы. Хочу идти тем путем, который избрала.

11.10.1940 Канун Судного дня

Я хочу исповедаться, отчитаться перед собой и перед Богом, т. е. сопоставить мою жизнь и мои дела с тем возвышенным и самым чистым идеалом, который стоит передо мной. Сравнить то, что должно быть, с тем, что было.

Начну свою исповедь с дел общечеловеческих. Нет на свете такого греха, который бы ныне, семикратно умноженный по сравнению с прошлыми годами, не был бы внесен в описок преступлений. Не надо нас наказывать, потому что каждый шаг и каждое дело наше сразу же наказываются. Все мы уже наказаны за грехи, которые, как мне кажется, не совершали вовсе, {155} или были вынуждены совершить. Я не хочу сказать, что лишь они, диктаторы - единственно повинны в этой страшной войне, искалеченном духе и великом мраке, что лишь они ответственны за все. Кто же виноват? Каждый из нас в отдельности? Пожалуй, нет. Но все в совокупности - структура, порядок, существующая мораль - все человечество как единое целое. Но именно те, которые больше всех виноваты, этого не чувствуют, и лишь одно еврейство повторяет свою старую исповедь: "Мы согрешили".

А я... Я грешна перед мамой, что не думала о ней в достаточной мере, когда принимала решение. Я грешна перед братом, так как пренебрегала проблемой его приезда сюда. - Я грешна перед страной, так как судила о ней поверхностно, не углубляясь в ее подлинную жизнь. Я грешна перед людьми своим равнодушием, внешней любезностью.

- Я грешна перед собой, так как транжирила силы и способности, проявляла халатность, не заботилась о духовном развитии.

И все же я не боюсь предстать перед судом. Я грешила ради цели, и намерения у меня были хорошие. Если я терпела неудачи, была недостаточна сильна, не нашла верного пути и нужной формы - я не стыжусь. Я лишь сожалею об этом.

А план на Новый год - учиться и углубиться в свою специальность, в изучение языка и в поиски пути: быть человеком. Я вижу, что для этого здесь очень трудные условия. Но я попытаюсь, ибо это единственный путь, по которому {156} стоит идти.

Но как? Спустя год посмотрю, удалось ли мне это.

Хочу попытаться написать стихотворение.

(Первое стихотворение Ханы Сенеш на иврите).

Среди моря огня, в свистопляске войны,

На руинах двадцатого века.

Среди выжженных дней, что от крови черны

Я ищу с фонарем человека.

Пусть пожары меня ослепляют в пути,

Тучи дыма пускай нагоняют, -

Все равно я должна человека найти,

Он появится, я это знаю!

Только как отыскать его в этом аду,

Если свет фонаря изнеможет?

Я во мраке тогда человека найду.

Ты отметь его искрою, Боже!

(Перевод Рахили Баумволь)

2.11.1940

Я мечтаю и строю планы, как будто ничего не происходит на свете: как будто нет войны и разрушений, нет тысяч убитых ежедневно, нет самолетов и бомбежек, и Германия, Англия, Италия и Греция не истребляют друг друга. Только в нашей маленькой стране, которая тоже находится в опасности и в будущем может оказаться в центре военных действий - в ней вроде бы {157} тишина и покой. И я живу в ней и думаю о будущем. А что я думаю о своем будущем?

Один из хороших планов: быть инструктором по птицеводству в мошавах, разъезжать с места на место, бывать в хозяйствах, советовать, помогать, организовывать, вести учет, развивать эту отрасль. По вечерам проводить короткие семинарские занятия с мошавниками и обучать их самому главному в этой отрасли. И, попутно, знакомиться с людьми, с их жизнью, немного попутешествовать по стране.

Второй план: быть инструктором (видимо, я готова лишь инструктировать) в детских воспитательных учреждениях. Скажем, в какой-либо областной сельскохозяйственной школе. Старая мечта: связать сельскохозяйственную работу; уходом за детьми.

В-третьих - план, о котором я думаю лишь изредка: не сельское хозяйство, не дети, но писать (по радио внизу передают "Неоконченную симфонию" Шуберта, и я хочу ее слушать), писать книги или пьесы или - не знаю что именно. Иногда я думаю, что у меня есть способности и грешно ими пренебрегать. Бывает, я себе говорю, что если это так, то мое дарование само собой проявится без того, чтобы я об этом специально заботилась. Если я почувствую потребность писать - буду писать. Только бы овладеть языком. Правда, за первый год своего пребывания в стране, я много успела, но я должна успевать еще больше.

И это еще не все. Есть еще такой план: жить {158} в кибуце. Этот план, понятно, может быть, связан с двумя другими. Иногда у меня сильное желание жить в кибуце. Мне ясно, что я могла бы приспособиться к этой жизни, если бы у меня была возможность быть на такой работе, которая меня удовлетворяет.

Когда я во время каникул посетила Мерхавью, я могла легко представить, что и в мошаве мне было бы интересно, и здесь я бы могла найти удовлетворение, но, мне кажется, это менее всего подходило бы мне. Вообще-то, мне еще трудно знать, что соответствует моей натуре, потому что я легко приспособляюсь ко всяким условиям, к любому окружению и даже к любой работе.

О моей повседневной жизни, мне кажется, я ничего не писала. Даже о своей работе в птичнике, которая мне очень нравится, я не упоминала. И о кружке по изучению Библии, завершение работы которого мы радостно отпраздновали три дня назад. Вчера были дни рождения Пнины и Мирьям, и об этом я не писала, и вообще - об отношениях с ними, об отношениях в школе, о посещении семьи Ведеш в Кфар-Барух - очень милые люди. О поездках верхом, которые доставляют мне огромное удовольствие (но, к сожалению, возможность кататься представляется редко). Ладно, всем этим можно пока пренебречь и не писать в дневнике.

Но нельзя не рассказать о книге, которую недавно прочла - "Пророк Иеремия" Кестина. Эта книга произвела на меня огромное впечатление. Своим отношением к {159} еврейству эта книга очень актуальна. Она вникает и углубляется в проблемы еврейской религии, рисуя облик пророка, который не может не произвести впечатления. Для меня эта книга имела двойную ценность, так как она выражает мое восприятие религии. Еще до того, как я познакомилась со взглядами пророков и сутью еврейской религии вообще; еще до того, как кто-то просветил меня и научил всему этому - я инстинктивно противилась пустым религиозным формам и искала подлинную сущность, чистую мораль, находящую свое выражение в делах. Само собой разумеется, что я лишь искала, однако, не всегда находила свой путь, но во всяком случае, я пыталась. Молиться по трафарету я не могла, да и сегодня не могу и не хочу. Но беседу человека с Творцом, которую проповедует пророк, я тоже открыла для себя. Я ищу внутреннюю и прямую связь - не без сомнений и не без колебаний. Но я не примирюсь с общепринятой формой, мертвой и выкристаллизованной мыслью, которая далека от меня. А книга все это выставляет как требование и потому так много говорит моему сердцу. В нем, в котором смысле такое же впечатление произвела на меня книга Бубера.

Я, во всяком случае, испытываю глубокое удовлетворение от каждой книги, которая обращена к моему сердцу, непосредственно ко мне. В этой книге есть исторический взгляд на судьбу еврейского народа на религиозно-нравственном фоне, на его отношении к союзу с Богом как {160} пути к чистой жизни. Все излагается очень последовательно, логично и так просто, что думается, каждый младенец может это понять и сделать соответствующие выводы.

27.11.1940

Пароход с нелегальными иммигрантами причалил к берегам нашей страны. Англичане не разрешили им сойти на берег, якобы, из стратегических соображений - из опасения, что среди них есть шпионы. Пароход затонул, часть людей погибла, части удалось спастись, и их вернули в Атлит. Я себя спрашиваю: где же правильный путь? С человеческой точки зрения нет никаких сомнений. Сам собой рождается возглас: дайте им сойти! Разве мало тех страданий и мучений, которые они натерпелись?

Вы снова хотите отослать их в отдаленное и заброшенное селение "до конца войны"? Они прибыли к себе домой, они хотят отдохнуть, и кто вправе их задерживать?

14.12.1940

Пароход с иммигрантами отправили в Новую Зеландию. Демонстрации и сопротивление не помогли. Весь еврейский народ Палестины единодушно требовал оставить их в стране. Но пароход тайно отчалил - это произошло ночью - от берегов Хайфы. Что к этому можно добавить? Каковы наши чувства как людей и как народа? Спрашивается: Д о к о л е?

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ДНЕВНИК

{161} 2.1.1941

Снова Новый год. Если я намерена отчитаться, то должна расчленить два мира и отделить внешний от внутреннего. Внешний мир - шумный и бушующий, весь он в крови и бесцельных разрушениях. Внутренний мир спокоен. Продолжение начала пути через внутреннюю перестройку. Начало прояснения мировоззрения, более острый взгляд. Я отметила лишь начало. В будущем году надеюсь на прогресс в этом отношении. А на что можно надеяться в "том" мире? Я думаю, что можно надеяться на усиление Англии, но как это повлияет на наше положение - трудно сказать. Я боюсь судить о стране, т. к. далека была от всех активных действий и, может быть, поэтому думала, что в стране царит бездеятельность. Но нет сомнения, что упущения и бесчисленные ошибки уродуют нашу жизнь.

Еще пару слов о себе. Несколько дней болела желтухой. Теперь совершенно здорова. Но вот что меня больше всего беспокоит: снова у меня покалывает в сердце. Меня страшит мысль, что, может быть, это от больного сердца. И не потому, что я боюсь умереть молодой (верно, что я по-настоящему люблю жизнь). Но больше всего меня пугает, что это может определить мой жизненный путь, и я не смогу свободно выбрать для себя профессию. Я еще не беседовала с врачом, я все откладываю этот разговор. Хочу сама себя успокоить, что все это пустяки. Это называется "страусовой политикой"...

{162}

25.2.1941

Надо немного остановиться на вопросе об Алексее. Возможно, правда, что это больше "его" дело, чем наше общее. В минувшем месяце кое-что произошло, и

если я об этом не написала ни слова, то не только потому, что я была очень занята своей работой в инкубаторе и т. д., но и потому, что трудно мне писать о вещах, которые мне самой пока не ясны.

Я знакома с ним уже около года, но лишь в последнее время мы стали часто встречаться. Мне совершенно ясно, что я ему нравлюсь, и что его намерения очень серьезные. Что мне не ясно, или, может быть, ясно, и все же нуждается в объяснении, - это мое отношение к нему. Алекс - человек прямой, достойный, хороший, любит меня, но я совершенно убеждена, что он не подходит мне с точки зрения образования, взглядов, интересов. Я могла бы с ним прекрасно жить, это была бы легкая жизнь, но не счастливая.

Теперь он говорил со мной очень серьезно, что он любит меня и хочет на мне жениться.

Я ему сказала, что я его очень ценю, но, кроме уважения, других чувств к нему не испытываю. И все же, я не смогла сказать ему это с полной уверенностью, многое еще под вопросом. Он меня время от времени навещает, и я просила его обождать некоторое время моего окончательного ответа.

12.4.1941

Нет. Я не могу. Я вроде пустого сосуда или, говоря точнее, дырявого сосуда, и все, что в него {163} наливают, вытекает наружу. Нет смысла ни в чем, что я делаю. Я нуждаюсь в людях, но только в таких, которые были бы мне близки по мыслям и чувствам. Даже не в людях, а в одном человеке. Я боюсь, что у меня внутри есть какой-то тайный термостат, который не позволяет мне в достаточной мере нагреваться и охлаждаться. Это однообразная температура хороша, чтобы выводить цыплят и подходит для развития зародышей в яйце, но она губит молодого человека.

Почему я так одинока? Недавно я вечером гуляла по мошаву. Это была чудесная ночь, звездная. Маленькие огоньки сверкали по краям широкой дороги и посередине. До меня доносились звуки музыки, песни, обрывки разговоров, смех. И я слышала собачий лай, как будто издали, издали. И дома казались мне далекими, а близки были лишь звезды. И вдруг меня охватил страх: куда склоняется моя жизнь? Я так буду ходить одна по ночам, глядеть на сверкающие звезды и думать, что они близки мне, и не слышать песен, разговоров, смеха, которые раздаются вокруг, и не сверну с дороги, чтобы заглянуть в один из этих маленьких домов? - Что я должна выбрать: слабые близкие огоньки, которые прорываются ко мне из щелей а домах, или далекий блеск звезд? И самое скверное: когда я со звездами - я тоскую по маленьким

огонькам, а когда я захожу в один из домов, меня страстно влечет небесная ширь. Есть во мне какая-то неудовлетворенность, колебания, {164} неуверенность и недостаток веры.

Иногда я чувствую себя как посланец, на которого возложена какая-то миссия. Какая именно - мне не ясно (ведь у каждого человека на земле - своя миссия). Я как бы чувствую долг перед людьми, будто я должна что-то для них сделать. А иногда мне кажется, что все это глупости. Какой смысл в усилиях одиночки? И почему именно я?

С домом прекратилась письменная связь. А война все расширяет свои границы. И по отношению к ней я почти равнодушна. Я просто боюсь сама себя. Хотелось бы плакать или смеяться, но от всего сердца, чувствовать.

23.4.1941

Югославия пала. Из Греции отступают англичане. И атаки - тяжелые бои в Ливии, итоги которых пока неизвестны. А в нашей стране - застывшая беспомощность, отсутствие понимания и воли. Все говорят о политике. Все знают, что фронт приближается, но никто не осмеливается задать вопрос: что будет с нами, если сюда придут немцы? Слова эти, написанные на бумаге, очень просты, но когда на минутку закрываешь глаза и прислушиваешься к сердцу, слышишь, что оно бьется со страхом. Не за свою жизнь я боюсь. Она мне дорога, но есть нечто более дорогое. Я хочу или я должна думать и рисовать себе, что будет с нашей страной, когда она столкнется с Германией. Мне страшно заглядывать в глубину бездны. Я {165} верю, что несмотря на отсутствие оружия и подготовки, мы не сдадимся без сопротивления.

500.000 могут устоять даже против могучей военной силы. Англия поможет, или, правильнее, сделает все ради самой себя, и я все еще верю в победу Англии. Но что тогда будет с Эрец-Исраэль? Самое страшное - видеть, что такая возможность близка. Правда, каждый надеется, пытается сам себя успокоить, но нельзя никуда уйти от этих мыслей. И еще не появился такой человек, который мог бы объединить народ и прекратить, хотя бы на некоторое время, междоусобные раздоры. Нет такого человека, который бы сказал: довольно! И его б послушались.

Хочу верить, что беда не придет. А если придет - мы сможем с честью противостоять ей. А если не противостоять - хотя бы с честью погибнуть.

17.5.1941

В нашей жизни - какое-то ощущение случайности. Когда что-то планируют, при этом добавляют, но если тем временем... И не заканчивают фразы. Каждый понимает. Я не думаю о своей смерти. Верно, что с объективной точки зрения такая возможность очень близка. Но я чувствую, что мне еще многое надо успеть сделать в жизни, и я не могу, не сделав этого, умереть. Несомненно, так чувствует каждый, в особенности молодой человек, который идет навстречу смерти, и те, которые еще пойдут во время этой страшной войны. И так чувствует вся эта {166} молодая страна, полная стремления и любви к будущему.

14.6.1941

Греция пала. Остров Крит пал. Война сейчас в Египте и Сирии. Три дня назад в Сирию вошли британские войска и тем самым фронт приблизился к нашему поселку. Две ночи бомбили Хайфу, и мы спускались из комнат в убежище и прислушивались к взрывам бомб и снарядов. Сегодня пришло известие, что вчера ночью бомбили Тель-Авив. Есть раненые и убитые. Город не защищен, он предоставлен на произвол судьбы. У нас как будто только сейчас начинается война.

Иногда у меня появляется желание посмотреть на вещи глазами постороннего наблюдателя, глазами историка, а не фаталиста, искать объяснения вещам, не поддающимся объяснению. И вот передо мной картина защиты плодовых деревьев.

Плодовый сад разных народов. В нем молодые деревья, а также старые, благородные и менее благородные. Они уже отцвели и дали плоды. Наступает зима, сейчас листопад. Пришел садовник и увидел сухие отмирающие ветки. Он готовится к весне и безжалостно подрезает, разрезает, укрепляет.

А посередине сада - старое дерево с толстым стволом. Его корни под землей расплзлись во все стороны, а ветви покрывают весь сад, но они высохли, и жизненные соки не проникают {167} к ним из корней. Глаз садовника замечает: корни крепкие, ствол здоровый, благородный, дерево будет плодоносить. Но его нужно подрезать больше, чем все другие деревья. И он без колебаний срубает толстые ветви. Желтые, свежие раны остаются после этой работы. Оправится ли дерево? И вот в лоне ветвей, прямо из стебля появился новый росток. Маленькая веточка, близко от корней и полные почки вселяют надежду на новую жизнь. Неужели и их срежет рука садовника? Неужели он не распознает новую жизнь под серой корой? А если он срежет - пустит ли новые ростки ствол Израиля?

9.7.1941

Еще не производили "подрезку" в Палестине. Во всяком случае, пока что. "Садовые ножницы" обращены сейчас к России, и там развернулись самые страшные сражения с начала войны. Примерно, две недели назад Германия напала на Россию и за короткое время захватила значительные куски русской Польши, Финляндии, немцы уже продвигаются по самой России. По сведениям газет и радио, нацисты сейчас наталкиваются на большие трудности и встречают ожесточенное сопротивление русских. Все знают, что результаты этой борьбы решат в будущем судьбы мира, и отсюда такое напряжение. И у нас в стране стали обычными бомбежки. Это просто чудо, что до сих пор не было жертв или они были незначительны.

{168} Вчера получила от мамы телеграмму через Турцию, и из нее я поняла, как она озабочена и боится за меня. Страшно подумать, что в то время, как я здесь веду нормальную жизнь со всеми удобствами и покоем, мама дома ест себя поедом, видит меня в своем воображении в самых страшных ситуациях и не находит себе места. У меня сильные угрызения совести - мне хорошо и довольно-таки легко живется, и я чувствую потребность что-то сделать, предпринять. Действительно, трудно. И нужны усилия, чтобы оправдать себя.

Мне уже надоело заниматься в школе, и я с нетерпением жду окончания экзаменов. Я знаю, что условия моей жизни будут затем, в некотором отношении, труднее. Но и "трудно" - это понятие очень относительное. Поднять камень тяжело, так как он много весит, но не дышать - еще тяжелее, хотя это и не связано с какими-либо усилиями.

30.7.1941, Нахалал

Сегодня мы передали работы по специальности. Была также беседа с Левиным (Учитель сельскохозяйственной школы в Нахалале). Оценки, которые я получила - 9-10. Это самая лучшая отметка. Еще одна такая отметка - и я была бы по-настоящему очень рада. Результаты других экзаменов меня не особенно интересуют. С нетерпением жду окончания. "А что будет {169} потом?"

- Сначала - экскурсии, поездки в кибуцы. Трудно мне представить, как я уживусь на одном месте. У меня такое ощущение, будто вся страна - моя, и я принадлежу всей стране. Но жить все время на одном месте, отдать все силы одному пункту и прожить здесь всю жизнь?.. Вообще-то у меня есть какой-то страх перед постоянством жизни во всех смыслах. Поэтому я еще не могу думать о такой неразрывной связи, как замужество (да и парня еще нет...). Но даже сама мысль чужда мне. Сейчас у нас должен быть в течении недели семинар в квуче Гешер, в я этому рада. Я, правда, не состою в рядах рабочей молодежи, но мне это интересно.

Сейчас за меня ведут спор и сионистская молодежь, в рабочая молодежь, и "Хейрут" и даже "Гашомер гацаир". Они знают, что я еще не решила, в каждый тянет к себе. Самое странное то, что ядро выходцев из Венгрии, которое сейчас в кибуце Дан, приглашает меня к себе. Они специально пришли со мной побеседовать, и я не знаю, чего это вдруг. Возможно, что я их навещу, но я не намерена к ним присоединиться, у меня для этого нет никаких оснований.

3.8.1941

Я заканчиваю дневник (Третью тетрадь.) за день до выезда на ежегодную экскурсию, и думаю, что тем самым заканчивается период моей жизни в Нахалале.

Мне кажется, что кончается целый период в {170} моей жизни, период 20-ти лет подготовки к жизни, и вот я сейчас иду, чтобы вернуть обществу то, что было в меня вложено. Мне кажется, что когда я отправлюсь на неделю в Гешер, я там сделаю свои первые шаги навстречу жизни. Верно, что трудно определить, что такое "жизнь". Ведь и ранее я дышала, ела, думала, встречалась с людьми, сталкивалась с разными мнениями, радовалась, плакала - разве то не была жизнь? Но все эти действия были лишены ответственности, что вытекало из их обусловленности и ощущения безопасности при контактах со всем сущим. Возможно, что в этом отношении и в кибуце я не сразу почувствую перемену, потому что борьба за существование там не так сильна и не как рельефна.

И в заключение коротко о последних трех годах, что я вела этот дневник. Это чудесные годы моей жизни. Продвижение к дорогой моему сердцу цели, коренные изменения образа жизни. Новые ценности и ощущение внутренней силы вместе с преодолением трудностей - вот содержание этих лет. Чего мне очень не хватает - это мамы и брата. А иногда еще кого-то, с которым я еще не знакома. Вот это происходит внутри меня. А снаружи: разрушения, убийства, шум войны. Я все это слышу издали, и мне кажется, что я еще не воспринимаю их подлинные масштабы. И жестокость. Это слишком страшно, чтобы это можно было понять, обрисовать и почувствовать издали.

{171}

25.8.1941. Нахалал

... Для нас, восьми девушек, заинтересованных примкнуть к "Объединенному кибуцу" ("Гакибуц гамеухад".) - точнее говоря - к рабочей молодежи, был организован семинар. Устроитель семинара Рази хотел связать нас с группой

Гешер, так как она очень нуждается в дополнительных людях.

В напряженном ожидании рано утром мы отправились туда. Мы радовались предстоящим дням - по сути, нашим первым дням в кибуце, и заранее знали, что это будут хорошие дни. Следует отметить маленькое происшествие во время нашей поездки (мы ехали, как обычно, тремпом). По пути мы встретили машину с тремя офицерами из Южной Африки, и двое из них оказались евреями. Они прибыли из Египта, чтобы провести здесь отпуск, и посетили долину Иордана и всю страну. Очень приличные люди, в особенности, один по имени Рой, и они очень интересовались всем, что происходит в стране. У них были немного странные представления о кибуце. Они задали тысяч вопросов, но были полны впечатлений и находились в чудесном настроении. Особой охоты возвращаться в Египет у них не было. Мне сейчас трудно писать так просто об этой встрече - безвкусно и бледно, но они произвели лично на меня очень сильное впечатление, в частности, их отношением к тем вопросам, которые близки мне. В Тиверии мы {172} искупались в озере, вместе добрались до Дегании, а оттуда они доставили нас в Гешер. Очень жаль было расставаться.

Но к делу. Мы прибыли в Гешер, а семинар начался лишь на следующий день.

Передам его содержание: доклады, беседы, чтения в связи с историей рабочего движения в стране, "Объединенным кибуцом", рабочей молодежью, вопросы экономики, организация кибуца. Несколько дней мы выходили на работу и присутствовали на общем собрании. Купались в Иордане, гуляли, чувствовали себя отлично. Я успела много узнать и многому на, училась, если учесть, что мы были здесь недолго. От места у меня самое лучшее впечатление. Есть отличные люди, и, действительно, стоит идти с ними вместе, и вся группа в целом оставляет хорошее впечатление. Два аргумента говорят против моего присоединения к ней: первый - кибуц этот для меня, пожалуй, слишком молодой (это - несерьезный аргумент); и главное - этот пункт расположен 200 метров ниже уровня моря, жара страшная, а поселение, по всей вероятности, будет именно здесь. И этот аргумент не должен был быть решающим, но если принять во внимание, что врач мне предлагал ежегодно лето проводить в горах, чтобы сохранить сердце, то я колеблюсь принять решение.

... Оттуда я направилась ко двору квуцы Кинерет, где сейчас трансильванское ядро, которое год назад направилось в Афиким. Они {173} поняли, что мой визит - не просто визит экскурсанта, и дали мне возможность в течение короткого времени - трех дней - познакомиться в некоторой степени с местом и людьми. Коротко мое впечатление такое: люди серьезные, образованные, разумные, любят удобства. Они домовиты (и это хорошо), немножко с привкусом диаспоры, особенно в вопросах языка и культуры. И все же возможно, что по своей натуре именно они мне ближе всего. Но в силу духа

противоречия меня больше влечет группа, где иная атмосфера. Они, правда, думают слиться с группой, где есть ядро израильтян, в это для них было бы лучшим решением, но такого ядра пока еще нет.

Еще в Гешере я слышала, что в Иерусалиме будет специальный курс по болезням птиц. Я решила туда поехать. Вернулась в Нахалал и затем поехала в Герцлию (и там провела чудесные день на берегу моря - совершенно одна), в Петах-Тикву и, в конце концов, прибыла в Иерусалим. Фекетэ (Профессор Иерусалимского университета.) принял меня, как всегда, очень приветливо и организовал мое участие в этом университетском курсе. Неделя, действительно, была очень интересной и хорошей. Ежедневно ходила в Университет, слушала лекции и участвовала в практических занятиях, проверяла анализы под микроскопом и т. д. А по вечерам - встречи со знакомыми, театр, кино, продолжительные беседы.

{174} Сейчас я снова в Нахалале и стою перед необходимостью покинуть его и принять решение. Все спрашивают о моих планах и удивляются, что я еще сама не знаю, каковы они.

1.9.1941. Нахалал

Прощальное слово от имени

очередного выпуска.

Мне кажется, что совсем недавно мы стояли впервые на этом шоссе, между тремя зданиями сельскохозяйственной школы, и трудно поверить, что сейчас я уже должна сказать прощальное и заключительное слово от имени группы, после двух лет учебы и работы.

Я сказала - два года учебы и работы.

И, действительно, для части моих соучениц, прибывших сюда из разных хозяйств нашей страны, это был период дополнительного усовершенствования на практической работе, заложивший основы теоретических знаний сельского хозяйства. Однако для большинства моих подруг, которые прибыли из стран рассеяния, значение этих двух лет неизмеримо шире. Это были первые годы нашего пребывания в стране, переходные годы, годы важных и фундаментальных перемен, которые определяют весь дальнейший жизненный путь человека. Наш путь в течение этих двух лет присел нас из диаспоры в Эрец-Исраэль, от чужого языка и чужой культуры - к ивritу, от городской жизни - к сельской, от семейного окружения - к совершенно новым рамкам совместной

жизни, от безделья - {175} к сельскохозяйственному труду.

Этот путь не всегда был легок. На нем встречались препоны и отклонения. Были также разногласия. И еще поныне неизвестно, достигли ли мы своей цели. Мы еще не выдержали главного испытания. Трудовая жизнь потребует всех сил и больших знаний от каждого из нас. Вы. держать это испытание и выполнить все функции, которые возлагает на нас трудовой коллектив - такова наша задача и задача нашей школы.

Но одно мы знаем уже сейчас - мы выходим на мирную битву, на трудовое поприще, и в наших руках очень сильное оружие - знание дела, сельскохозяйственная профессия. Мы благодарим Хану, всех учительниц и учителей, руководительниц и инструкторов, которые дали нам это оружие. Мы благодарим также мошав и всех окружающих, которые ненароком учили нас примером своей повседневной жизни, самой атмосферой, которая у них царит.

Мы благодарим родителей, живущих в стране, которые поняли значение сельскохозяйственного усовершенствования и смогли отказаться от двух лет работы своих дочерей ради их учебы.

Мы мысленно горячо благодарим наших родителей в странах рассеяния, которые решились отпустить тех, кто им всех дороже, дабы мы могли стоять в нашей последующей жизни с высоко поднятой головой. Не словами мы вас всех благодарим. Если наш труд и вся наша жизнь принесут пользу окружающим, а нам доставят {176} удовлетворение - значит мы, действительно, отблагодарили всех вас.

А сейчас я хочу приветствовать нашу школу и пожелать ей долго жить и здравствовать, оставаясь вечно молодой и бодрой духом, дабы она могла успешно выполнять трудные и важные обязанности, которые на нее возложены в этот нелегкий час, как и во все грядущие времена.

2.9.1941. Нахалал

Вчера был выпускной вечер по случаю окончания двухгодичного курса - торжественный и праздничный. У меня хороший аттестат. Вечер был очень удачным. От имени группы я приветствовала школу, а затем с трудом успевала протягивать руку всем, кто хотел ее пожать. Говорили, что мое приветственное слово было очень удачным. Были такие, которые буквально плакали, слушая мое выступление, но я к этому вовсе не стремилась. Короче говоря, день прошел, и сейчас мы вольные птицы. Я начала паковать свои вещи. Покидаю школу, полная энергии, воли и желания работать в кибуце. Все сомнения

относятся только к месту - надеюсь, что смогу вскоре решить и найду для себя более или менее постоянное место. Мне трудно себе представить, что где-то я могу остаться навсегда.

Несколько дней назад отмечалось 20-летие Нахалала.

Эти годы запечатлены на лицах членов мошава и на самом мошаве. Некоторые за этот период расцвели, другие же завяли. Их жизненные силы и жизненные соки как будто {177} перешли по тонким капиллярам в почву и там превратились в растения, в животных, во все то, что мы коротко зовем нажитым имуществом. Его рост и развитие хозяйства показаны на диаграммах на выставке. Замечу попутно, что выставка в школе мошава была довольно жалкой. Выставка на лоне природы, сам мошав говорили больше всяких диаграмм и речей...

14.9.1941. Петах-Тиква

Я пишу пьесу. Условия для работы не очень благоприятны, ибо я могу писать лишь тогда, когда тихо.

Все меня спрашивают, что я пишу. Вообще, люди думают, что если я одна, то скучаю...

21.9.1941. Нес-Циона

Канун Рош-Гашана (Нового года). Два года прошло с тех пор, как я оставила отчий дом. Два года я далека от мамы, три года - от брата, и два года я одна в стране. Если бы могла, написала бы несколько слов маме, мне нужно так много ей сказать. Трудно сказать, о чем мы говорили бы с мамой, если бы встретились. Я рассказала бы ей об этих двух годах, о мечтах, о планах, о своих сомнениях...

А что сказать об окружающем меня мире, который подвергается разрушению? А десятки тысяч, которые гибнут ежедневно - как их оплакивать в канун Нового года? О страданиях, несправедливости, боли -, что сказать и кому? Он-то все знает. И мне нынче вечером не о чем говорить.

{178} Верю ли я в Бога? Не знаю. Мой Бог очень сложный. Он, скорее, символ и выражение тех моральных сил, которые, на мой взгляд, существует. Я верю, вопреки всему, что мир создан для добра, и нет такого зла на свете, из которого не прорывались бы частицы света, добра. - Все это слова, одни слова.

Жизнь скажет свое, жизнь засвидетельствует. Я знаю, что мои слова - это слова человека, который познал лишь самую малость от страданий и зла, существующих на свете. Весь путь еще передо мной.

Я совершенно одна, самостоятельна, отвечаю за себя. Это сейчас самое лучшее в моей жизни.

28.9.1941. Кирьят-Хаим

В последний день моего пребывания а Нес-Ционе мы организовали интересную экскурсию на опытную станцию в Реховоте, в Гиват-Бреннер и в Квудат-Шиллер, Особенно сильное впечатление произвела опытная станция, где мы получили интересные и исчерпывающие объяснения. Гиват-Бреннер мы успели посмотреть лишь снаружи.

Когда я вернулась из Нес-Ционы, я заехала в Рамат-Ган к писателю Авиغدору Хамеири (Известный израильский прозаик, поэт, драматург и переводчик, родом из Венгрии. Ему, в частности, принадлежат ивритские переводы стихов Ханы Сенеш, написанных по-венгерски, и ивритский перевод записок ее матери Катерины Сенеш.).

{179} Первая фраза, которой он меня встретил, была:

"В точности папа!". И он все время не переставал удивляться моему сходству с отцом.

Видимо, он хорошо знал папу как молодого писателя и сохранил о нем много воспоминаний. Затем он говорил в общих чертах об израильском театре, о его тенденциях, и сказал, что пьесы отца, в которых много юмора с целью только смешить, без политических или социальных тенденций, не могут заинтересовать еврейский театр...

Я ему сказала, что одна моя подруга просила показать ему несколько стихотворений, чтобы узнать его мнение. Ей - двадцать лет, она прибыла в страну два года назад и здесь изучила иврит. Я прочла ему свои стихи "Мгновение" и "Галилейскую песню". Он внимательно выслушал и сказал, что это интересное явление. Есть у нее стихотворная техника, выразительность, простота. Короче говоря, он считает, ее человеком одаренным и хотел бы получить "Галилейскую песню" для газеты. Я ему сказала, что не вправе отдавать это стихотворение (потому что я не хотела отдавать), но мне было очень приятно выслушать объективное мнение компетентного человека. Он просил прислать ему это стихотворение. Не знаю, пошлю ли, мне кажется, что

еще не время.

Сейчас я немного помогаю Илонке в саду, в птичнике, по дому. Я пришла к выводу, что работа в небольшом хозяйстве - не по мне. И, действительно, я еще с детства помню, что всегда все рисовала себе в крупных масштабах. {180} Видимо, это одна из черт моей натуры, побуждающей меня идти в кибуц.

Вчера слушала интересный доклад о рабочей партии в Англии. Утром посетила Седот-Ям (Седот-Ям - кибуц членом которого была в последствии Хана Сенеш. В то время находился в Кирьят-Хаиме ; через некоторое время кибуц перешел на постоянное поселение в Кесарию.), позавчера была на вечере рабочей молодежи. Начала читать "Историю сионизма" Бема. Из дому, от брата нет никаких известий.

30.9.1941. Канун Судного дня

И сегодня вечером, в канун Судного дня, мои мысли устремлены к ним. Что с ними? Если бы два года назад я знала наверняка, что так все обернется - я бы их оставила? - Кажется, что да. Я ведь знала, что подобная возможность существует. А, может быть, я хотела заставить за. молчать внутренний страх напрасными надеждами: через год, мол, приедет брат, через два года - мама. Это был для меня решающий довод, чтобы облегчить тот шаг, отказаться от которого я была не в силах, и приехать в страну.

Хочу сегодня проверить свои дела и исповедаться.

Я грешна равнодушием, бездеятельностью, пустословием, тем, что бесцельно трачу время и силы, недомыслием, когда дело касается другого, легкомыслием, безответственностью. Но одно могу сказать в свое оправдание: я всегда искала {181} верный путь, всегда старалась следовать ему и признавала, что это единственная дорога, по которой можно идти - не ради удачи, а для внутреннего спокойствия. Многие надо мной посмеивались, считая меня идеалисткой. Они твердят, что я изменюсь, когда познаю настоящую жизнь...

7.10.1941. Кирьят-Хаим

Провела две недели у Илонки, а завтра поеду в кибуц "Седот-Ям". Трудно мне объяснить себе самой, почему именно сюда. Понятно, пока лишь на испытательный срок, но каковы причины, побудившие меня, прежде всего, обратиться именно сюда? - Я искала молодой кибуц рабочей молодежи, где были бы мои ровесники, такой кибуц, который находится лишь вначале пути...

А в дополнение ко всему меня прельщает Кесария. Трудность в том, что народ здесь чуждый мне не только в личном плане, но и по своему составу в целом. Так, во всяком случае, мне кажется. Я не хочу заранее выносить приговор и посмотрю спустя некоторое время. Но в одном я должна сама себе откровенно признаться с самого начала. Я не чувствую, что вступаю в кибуц на всю жизнь.

Я вижу справедливость жизни в кибуце и, насколько я их знаю, я люблю кибуцников и хочу жить с ними. И при всем том, у меня есть ощущение, будто это лишь первый этап на длинном пути. Сейчас я, понятно, полна напряженного ожидания в связи с ближайшими неделями, и хочу сама себе кое-что сказать перед дорогой - то, что я всегда {182} повторяю в трудные минуты, дабы я это могла потом вспомнить, что думала об этом перед вступлением в кибуц: важно знать, что идейная основа кибуца - социалистическое общество строит свою страну - верная, и надо найти пути для претворения этой идеи в жизнь вопреки всем трудностям.

Подобные идеи красиво выглядят на бумаге и в книге, однако осуществить их трудно. Но не следует идти за идеей, изложенной на бумаге, с закрытыми глазами и забывать тем временем о том, что идея создана для людей, для каждого в отдельности, и что главное назначение кибуца - дать удовлетворение жизнью его членам. Ибо человек не может долго существовать лишь в качестве средства осуществления цели. Он чувствует удовлетворение лишь тогда, когда сам движется к ней навстречу. И если мы поставим перед собой на крутую вершину социалистический лозунг, мы не должны забывать, что если товарищ не будет ощущать вокруг себя при подъеме на гору чистый воздух, не увидит более широких горизонтов и не почувствует более свободного дыхания, а будет лишь ощущать беспокойство, тяжкий труд, усталость от подъема - напрасна вся эта затея. Ибо, какой прок в том, что люди достигнут вершины, но не смогут насладиться красотой, которая вокруг них, так как будут чувствовать себя разбитыми телесно и духовно?

И еще. Я никогда не скажу - "разочаровалась в кибуце". Я могу разочароваться лишь в самой себе. Если не смогу устоять перед трудностями новой жизни - {183} значит, я сама виновата, такова моя натура. Только одного я опасаюсь: может быть, мне будет не хватать одиночества. Если я бы могла знать, что у меня будет когда-либо свой тихий угол, я бы вообще не боялась. Но, посмотрим. Зачем гадать и думать наперед?

Читаю сейчас "Историю сионизма" Адольфа Бема.

12.10.1941. Седот-Ям

Я здесь уже несколько дней. Трудно подытожить впечатления после трех-четырёх дней, но я чувствую, что уклад жизни в кибуце мне подходит, и мое самочувствие хорошее. Весь вопрос в том, именно ли данный кибуц наилучший для меня. Компания здесь не очень развитая, или я еще не успела, как следует, с ней познакомиться. Особое опасение у меня вызывают девушки - по тем впечатлениям, которые сложились за несколько дней работы на кухне. И это немного тревожит, ибо девушки не в малой степени определяют облик всего коллектива. А теперь относительно работы. Сейчас я занята на кухне, так как нет надежды на другую работу, кроме вспомогательной, поскольку нет еще достаточно развитого сельского хозяйства. Тут я буду вынуждена работать только в сфере обслуживания, пожалуй, несколько лет, и, право, жаль растрчивать силы и время. Нет у меня уже того терпения к "дежурствам", которое было в Нахалале. Там я вынуждена была выполнять любое задание, а теперь я испытываю потребность делать лишь ту работу, где могу дать максимум того, {184} на что способна. Я хотела бы также участвовать в рабочем движении. Вероятно, и здесь у меня будет такая возможность, но трудно начать. Что меня здесь влечет - это то, что многое предстоит сделать и есть хорошие планы для поселения. Условия трудные, но не без надежд и возможностей. Главный вопрос - люди. Я должна научиться лучше их распознавать.

18.10.1941

Вчера мы были в Кейсариин на морском празднике. Была возможность впервые познакомиться с этим пунктом. Места очаровательные и вызывают желание здесь остаться. Не только из-за красот пейзажа. Я видела великое дело в самой начальной стадии, и есть желание участвовать в нем. И я знаю, что они нуждаются во мне во многих отношениях, да и я здесь могу найти многое для себя. Только в компании я сомневаюсь. Она так далека от меня по своему образованию (не в смысле его широты, а окраски) и мировоззрению, что это меня немного пугает. Общественные отношения здесь на низком уровне - из-за близости города и работы в порту. Но влечет преданность "видению", идее созидания. Это, пожалуй единственная сила, которая здесь сплачивает всех. Я только выразила свои впечатления и не вправе выносить приговор. Это моя старая ошибка.

13.11.1941. Геносар

Я покинула Седот-Ям с самыми лучшими {185} впечатлениями. Многие приглашали меня вернуться. И, действительно, я не знаю, правильно ли поступаю, когда иду из коллектива, где чувствуя себя хорошо, в другой и третий, чтобы познакомиться и с ними. В каждом месте есть положительные и отрицательные явления, и, в конце концов, трудно решить.

Провела пару дней в Тель-Авиве. Встретила Мирьям и была рада обменяться с нею впечатлениями о месяце, который прошел после того, как мы расстались.

После Тель-Авива я совершила небольшое турне и побывала в Петах-Тикве, Нахалале, Мерхавье (там очень приятный дом, и каждый раз, когда его посещаю, я наслаждаюсь простотой и сердечностью всех и каждого в отдельности), Бальфурие, Ягуре. В Ягуре мне довелось побывать на общем собрании, на котором состоялось интересное обсуждение вопроса о рабочих каменоломен. Под конец я вернулась к Илонке в Кирьят-Хаим.

В Геносар я прибыла со странным чувством. С одной стороны - я заранее знала, что здесь не останусь. Меня все еще влечет к себе Седот-Ям. Есть у меня внутреннее сопротивление самой мысли идти в такое место, где первые, самые большие трудности уже позади, и начать сразу вкушать плоды трудов минувших лет. Я не хочу придти на "готовенькое". За те немногие дни, что я здесь, я узнала, что и тут, понятно, нет "готовенького", во всех смыслах положение как бы в начальной стадии, и все же чувство {186} сопротивления не прошло. Возраст членов коллектива как раз для меня подходящий, и состав коллектива, мне кажется, хороший. Я еще недостаточно знаю людей, чтобы судить об этом.

Случайно мне довелось беседовать с несколькими девушками из тех, что менее довольны и не столь удовлетворены кибуцем. Интересно наблюдать, как малозначительны факторы, которые определяют самочувствие члена коллектива, в какие у людей претензии к кибуцу. Вот выводы, которые я могу сейчас сделать из их слов: жалуются на отсутствие индивидуального отношения к людям, на отсутствие товарищеского подхода; может быть, кое в чем нет подлинного равенства. И особенно жалуются на отсутствие денег на карманные расходы. Это то, что определяет в большинстве случаев. Претензии концентрируются, главным образом, вокруг склада бытовых принадлежностей - одежды и обуви, вокруг поездок, квартир - одним словом, вокруг самых элементарных нужд каждого. Видимо, халуцианский дух уже прошел, и нет готовности к компромиссам. Люди требуют полноценной жизни, и кибуц, если он хочет устоять и выдержать испытание, должен уметь удовлетворять их потребности. Более старые кибуцы уже этого, в известной мере, добились, но молодому кибуцу пока без компромиссов не обойтись...

18.11.1941. Геносар

Уже больше недели я здесь, в Геносаре. В отношении работы - нет у меня физических {187} трудностей. Я работаю в любом месте, куда меня направляют -

в саду, в прачечной, на складе. Но я чувствуя себя так, будто "внутри у меня огонь"... Чувствую, что не использую все свои силы, что я себя растрачиваю по пустякам. В сионистском движении много говорят о нехватке инструкторов для молодежи, и скоро начнется двухмесячный курс подготовки инструкторов. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что на этом поприще я была бы более полезной. Одного лишь я опасуюсь: смогу ли сейчас, при тех малых знаниях, которыми я располагаю, выполнять эту миссию... Но самое главное - быть, прежде всего, связанной с каким-то поселением. Я так запуталась в этом вопросе. Тысячи доводов борются во мне "за" и "против", и я все еще не приняла решения. Практически я не могу даже участвовать в этом семинаре - ведь никто меня не знает, и никто не может меня послать или рекомендовать. Я должна ждать, но у меня нет терпения.

25.12.1941

И вот я снова в Седот-Яме, но на сей раз не как гостя, а в качестве кандидата в члены кибуца. Мы, пять подруг из последнего выпуска, - решили остаться здесь. И я была за это место, но для всей нашей группы решающим оказался совет Рут Хектин из секретариата "Объединенного кибуца". Меня привлекает будущее Кейсарии, стоящие перед нею задачи, начальная стадия всех дел и состав коллектива. Качество его {188} я не успела еще должным образом оценить, но мне кажется, что здесь подобралась очень хорошая компания. Единственное опасение - все слишком молоды, особенно ребята. С этой точки зрения Геносар, пожалуй, более бы подошел.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ДНЕВНИК

2.1.1942. Седот-Ям

Попытаюсь немного написать, хотя руки мои почти заоченели от холода. На улице - страшная буря. Пять палаток были повалены этой ночью. "Наша" не упала. Но ветер бушует вокруг нее со всех сторон, все засыпало песком, а моя кровать непрерывно качается в монотонном ритме.

И именно сегодня я не работаю. Натянула на себя все, что было, и вошла в одну из комнат, так как в палатке невозможно находиться, и я хочу написать в связи с этим, что, ничего не почувствовав, мы незаметно перекочевали в 1942 год. Ведь это, как будто, я сижу в комнате в один из зимних дней, когда от серого дождя так тяжело на сердце, и хотя сюда дождь не проникает, он отбивает всякую охоту что-либо делать. И трудно поверить, что этот серый дождь когда-либо прекратится. Так же с войной. Она сюда не проникла, и хотя она закрывает нас в нашей комнате и лишает покоя, однако мы не терпим столько, сколько терпят народы Европы. Но представить себе, что наступят весенние дни, солнечные дни - довольно трудно. И трудно что-то делать и в самом нашем маленьком доме, убирать и украшать его. И ничего не хочется {189} делать. Пугает мысль, что дождь проникнет и во внутрь. А кто выйдет наружу, когда льет проливной дождь, чтобы продолжать строить?

И все же постараюсь сосредоточиться и ограничусь вопросами, которые близки мне. В минувшем году я определила свой путь на будущее, избрала кибуц трудовой молодежи, избрала Седот-Ям. А сейчас я хочу видеть те "небольшие" проблемы, которые омрачают жизнь этого кибуца. Для того, чтобы мой путь был цельным, я хочу, во имя великого идеала, реалистического подхода и к маленьким проблемам.

Большое сомнение сопутствует все время моей работе. Девять часов в день я

стою и стираю. И я сама себя спрашиваю: в этом ли, в самом деле, мое назначение? Я готова выполнять эту работу, но я чувствую в себе много нерастрченных сил, а это так давит! Возможно, что это лишь переходной период, и все же уже почти три года я в стране - самые плодотворные годы для учебы, совершенствования... Верно, все это были годы познания жизни, важные годы, определяющие мою жизнь, но достигла ли я того, что хотела и должна была достичь? Это не только мое личное беспокойство, а думы десятков тысяч еврейской молодежи. Но каждый должен бороться сам за себя.

Ясно, что остановив свой выбор на Седот-Яме, я избрала один из самых трудных кибуцов с точки зрения общественной и, понятно, экономической. Но вместе с этим у меня было такое ощущение, что это дело стоящее, и велико было {190} мое желание отдать свои лучшие силы этому кибуцу. Дай Бог, чтобы мне сопутствовала удача.

О маме, о брате я молчу - так трудно вымолвить слово. Меня пугает огромное разделяющее нас расстояние, и иногда я не могу поверить, что мы еще увидимся. Логика говорит, что да, но этого недостаточно.

7.1.1942. Седот-Ям

Чувствую, что мне трудно писать. Мои руки будто задеревенели после целого дня стирки. Я сейчас на постоянной работе в прачечной и вижу, что даже в этой работе можно найти интерес и удовлетворение. Но день слишком короткий. После работы мало времени и сил, чтобы читать, заниматься, жить в коллективе. Все я делаю понемногу и ничего основательно.

Вчера было заседание в узком кругу по вопросам культуры. Пригласили также меня и хотят избрать в культкомиссию. Первое время я думала, что не буду участвовать в общественной жизни и в разных комиссиях. Сам факт избрания в культкомиссию человека, который находится здесь так мало времени, верный признак нехватки кадров для общественной работы.

И я замечаю, что здесь мало людей, которые могли бы и были способны внести свой вклад в это дело, и лучше поэтому, чтобы культработу я взяла на себя.

О моей абсорбции в коллективе еще рано говорить. Практически я здесь чужая для всех и встречаюсь с людьми лишь на работе и в {191} столовой. Понятно, что многое зависит от меня самой, так как свободное время я стараюсь использовать для чтения.

Я читаю отличную книгу - "Мать" Максима Горького. Начала читать также Канта

- об абсолютном покое; и "Коммунистический манифест" попался мне в руки, но пока еще не дочитала. Нет времени.

Меня посетила Мирьям. Мы очень были рады друг другу. Так хорошо с кем-то поговорить откровенно и подробно. Она - единственный человек в стране, с которым я могу говорить о вещах, меня занимающих, и она все правильно поймет. Иногда я на минутку оглядываюсь вокруг себя и думаю, как я, по сути, одинока среди всех своих знакомых и товарищей. Так каждый человек, или только я одна?

15.1,1942

Нет желания писать. Есть много явлений, с которыми я уже сталкивалась, но не хочу пока реагировать на них в письменной форме, выражая определенное мнение. Самый трудный вопрос - коллектив. Я боюсь об этом говорить, но мне кажется, что его здесь нет, в особенности - для меня. Я все же надеюсь со временем найти то, что ищу для себя, но в отношениях людей между собой нет здесь сплоченного коллектива. Они чужды друг другу, и области соприкосновения между ними не всегда можно охарактеризовать положительно. Много равнодушия, безответственности, есть у людей личные деньги и {192} отсюда - неравенство между ними. Нет культурных мероприятий. Во многих областях отсутствует надлежащая организация экономики.

Понятно, что не все недостатки следует отнести за счет коллектива, и нет никакой уверенности в том, что другие на их месте в нынешних условиях вели бы себя по-другому. И все эти факты отнюдь не приводят меня в отчаяние. Я хочу лишь глядеть на них незамутненным взором и помочь исправить положение в меру своих сил.

Возможно, что я иногда предъявляю чрезмерные требования. Но нельзя рисовать жизнь кибуца, не сопоставляя ежедневно действительность с идеальной картиной, с принципами. Одно из двух : или принципы верны, и тогда мы должны воплощать их в жизнь, точнее говоря, они должны воплощаться в повседневной жизни; или мы не способны воплотить их, и это признак того, что они нереальны, и надо их снова проверить в свете действительности. Я ненавижу бесчестную святость, которой окутывают некоторые принципы. Это выражается в том, что никто не имеет права оспаривать их, но, в то же время, никто и не думает воплощать их в жизнь. Нет незыблемых законов в жизни кибуца. В жизненных столкновениях определяется путь. Но освящать некие нормы, не проводя их в жизнь - это, на мой взгляд, дело нестоящее.

Возможно, есть известное сходство в моем первоначальном подходе к кибуцу и к Нахалалу. И там я сразу же обнаружила ошибки и {193} намеревалась исправить их, во лишь в конце я убедилась, что ничего нельзя исправить и изменить.

Нельзя, понятно, сравнивать положение здесь и там. Здесь ведь нормальная, естественная жизнь, и за короткое время своего пребывания я уже видела, что может сделать один человек, если он готов и способен действовать... У меня ни к кому нет претензий. Надо испытать жизнь такой, как она есть. Нет у меня и ни капли разочарования или отчаяния. Ни удрученного настроения, ни страха. Это просто объективная констатация тех фактов, с которыми я столкнулась.

30.1.1942

Сегодня вечером было траурное собрание, посвященное памяти члена кибуца, который погиб несколько дней назад в море во время бури, когда затонуло судно. То был как-бы намек на будущее: море своенравно, жестоко, требует и впредь потребует жертв от тех, кто хочет его покорить. Обо всем этом говорилось просто, и именно поэтому трогало до глубины души.

Я все время работаю в прачечной, а однажды вышла работать за пределы кибуца - стирать в частном доме. Трудно мне воспроизвести сейчас, спустя несколько дней, мои ощущения. Вначале был какой-то страх - просто из-за трудностей и ответственности. Во-вторых - странное ощущение из-за характера работы - обслуживание частного дома, да еще - {194} стирка - самая, можно сказать, грубая работа. Я думала о маме, о своем доме и ощущала своего рода гордость. Почему? Ведь мне ясно, что тысячи девушек перешли от прежних домашних условий к трудному физическому труду. Но их вынудили удары судьбы, и они постоянно стремятся выйти из этих условий существования, омрачающих их жизнь. А у нас есть удовлетворение от свободы выбора (может быть, это только фикция), идеологическое оправдание, цель...

Мои страхи оказались напрасными. Это был, действительно, нелегкий рабочий день, восемь с половиной часов непрерывной стирки. Но хозяйка была довольна моей работой, а я - заработанными деньгами - 35 груш. По дороге домой у меня было великолепное настроение. Я пела, смеялась и ощущала своего рода удовлетворение: если нужно - и это получается.

Понятно, речь идет лишь об одном дне. Продолжать и впредь эту работу я не могла бы ни физически, ни духовно.

Сегодня вечером я дежурю в детском доме в потому нашла время сделать эти

дневниковые записи.

4.2.1942

Вернулась после короткого визита в Кейсарию. Это мое второе посещение ее. И на сей раз было хорошее впечатление, еще лучшее, чем раньше. Этот горизонт, сливающийся с морем, думы о прошедшем и будущем расширяют кругозор и {195} усиливают желание сделать что-то большое и красивое. И сама атмосфера в кибуце более интимная, и люди более сплоченные - результат совсем других условий.

До полудня я гуляла среди развалин. После обеда посетила "наши поля", точнее - то, что должно быть нашими полями.

И когда я присматривалась к морским волнам, которые с гневом и пеной врываются на берег, а затем утихают, разбившись о камни, становятся тихими и кроткими, я подумала: может быть, таковы же по своей природе наш шум, наше воодушевление, наш гнев. Когда волны движутся, они полны молодости и полета. На берегу они разбиваются и забавляются с желтым песком, как добропорядочные дети...

9.2.1942

Я совершила большую ошибку: выступила на нескольких собраниях и заседаниях в кибуце. А сейчас об этом очень жалею. Я убеждена, что большинство товарищей расценило это как желание выделиться, что отнюдь не облегчит мою абсорбцию. Исправить всегда труднее, чем напортить.

Мне кажется, что в оценке меня людьми есть три стадии. Первое впечатление - очень хорошее, но совершенно неверное. В эту категорию я включаю все поверхностные знакомства и нежелательные визиты. Вторая стадия - впечатления меняются в худшую сторону, и лишь на третьей стадии меня узнают такой, какая я есть {196} на самом деле. Но не многие достигают этого этапа. Тут, в стране, меня хорошо знает и ценит по достоинству Мирьям. А в нашем коллективе, мне кажется, я достигла лишь второго этапа. Трудно объяснить основы такого ощущения, но я чувствую по отношению к себе какую-то холодность и недоверие. Причина мне сейчас ясна: меня считают или наивной или болтливой, любящей произносить высокие слова о вещах, которые нельзя осуществить. Они полагают, что энергия и воодушевление, которые были у меня вначале, изменятся при соприкосновении с действительностью. Понятно, никто мне об этом прямо не говорит. Но человек достаточно чувствителен, чтобы понять без лишних слов. Как я должна на все

реагировать? Я решила, понятно, быть сдержаннее в своих высказываниях, а больше ничего не предпринимать. Пройдет время, и люди узнают, какая я есть, и соответственно будут меня ценить - не больше и не меньше.

Иногда я спрашиваю себя, важна ли мне оценка товарищей. Ведь, прежде всего, важно, чтобы моя собственная оценка была верной. А я-то, действительно знаю, как много у меня дефектов и недостатков. Понятно, что и свои достоинства я хорошо знаю. Но, если я скажу "нет" - я солгу. В моих ушах звенят стихи Эди (Известный венгерский писатель (1877-1919).) "Я люблю, когда я любим...".

Сегодня выстирала 150 пар носок. Думала, что рехнусь. Но это неверно. Я ничего не {197} думала. Я работала, не замечая времени, автоматически, без какой-либо попытки думать. Тысячу раз я себе твердила: Хана, ты должна думать. Хана, ты должна составить план, чему учиться, что читать, что делать. И я начинала думать, но это длилось лишь минуты, а потом у меня опять была пустая голова.

28.3.1942

В последние дни я почти перестала писать, Причина простая - нет времени. И я это хорошо понимаю, потому что в сутках только 24 часа и не успеваешь делать все, что надо. В 6 утра я выхожу на работу в Ягур, возвращаюсь в 6 вечера. Принимаю душ. Мы читаем главу из Библии. Ужин. Затем - кружок или собрание и общественная работа. А книги? - Нет времени, и думать некогда. Должна сознаться, что фактически с седьмого класса я перестала развиваться вглубь. Я приобрела жизненный опыт, и, может быть, он важнее чтения. Но все это как-то неглубоко. Иногда я чувствую себя легкой, как мыльный пузырь - снаружи он сверкает и переливается красками, а внутри - пустота. Он все растет и растет, а, в конце концов, лопается, и тогда обнаруживается, что в нем нет ничего, кроме воздуха, что внутри он совершенно пустой.

А самое плохое то, что я не привыкла читать, что не могу сосредоточиться над книгой. И не ощущаю, что мне недостает книг. Только, когда я говорю о книгах, я чувствую, как отстала в этом отношении даже от самых примитивных {198} товарищей. Чувство стыда побуждает меня читать, пожалуй, больше, чем внутренняя потребность.

А о том, чтобы писать, не может быть и речи. Те немногие стихи, которые я написала, я шлифовала чаще всего на шоссе в ожидании "тремпа", когда кругом тишина и часами томишься от безделья. Тогда можно заниматься и поэзией. "Пьесу" забросила вовсе. Я пишу лишь немногие письма - и это все...

А мой дом так далек. А мир - о нем сейчас даже трудно говорить. Мы живем сиюминутной жизнью. Если есть какие-то планы, то они отодвигаются на послевоенный период. А тем временем, что будет? Об этом не говорят.

Хватит, я устала. Пойду спать. Только пару слов о кибуце. Сегодня я еще более уверена, чем прежде, что это правильная форма жизни, справедливая в своих основах. Много трудностей в пути. И, несомненно, впереди еще много этапов, пока кибуц сможет удовлетворить действительно широкие слои. Но форма эта хорошая, и все зависит от людей, каким содержанием они смогут наполнить эту форму.

22.4.1942

Вчера получила письмо из дома. Так тяжело.

Хочу записать то, что стало для меня ясным за последнее время в отношении строительства рабочего хозяйства при капиталистическом строе. Это все равно, что снимать сметану с {199} тощего молока. Ту первую прибыль, которая остается от нашего труда, забирает капиталистический строй, а мы еще хотим накопить капитал от зарплаты рабочего. И получается, что после эксплуатации извне мы должны еще сами себя эксплуатировать - снижать свой жизненный уровень, чтобы строить хозяйство, свое будущее. Вот причина того, что, несмотря на рациональную организацию жизни в кибуце, дающую возможность много экономить, наш уровень жизни пока что не может быть более высоким.

Я работаю в Ягуре. Прошлый раз я прервала, а сейчас хочу вкратце закончить описание своего дня. От шести до шести - работа. В шесть возвращаюсь, принимаю душ, переодеваюсь. В 7 часов мы читаем в узком кругу главу из Библии - книгу пророка Исайи. Затем мы ужинаем. Вечер, даже если он свободен, нельзя брать в расчет для серьезной деятельности - просто, потому что очень устаешь. Самое главное, чем я сейчас занимаюсь в свободное время - это движение трудовой молодежи. Работа, действительно, очень трудная для меня из-за отсутствия опыта в этой области, и все же она мне многое дает, доставляет удовлетворение. В первый раз я занята делом, которое ставит передо мной проблемы, и я связана с живым материалом, все время преодолеваю трудности и каждую минуту чувствую меру своих успехов и неудач. Даже когда я занята была птицеводством, которое меня в свое время интересовало, не было у меня таких переживаний, и я рада, что у {200} меня есть возможность участвовать в этой работе.

Подумываю о мобилизации. Вся страна должна быть мобилизована для

военных усилий в связи с надвигающейся угрозой войны. Я считаю себя в кибуце мобилизованной на трудовой фронт, который не легче службы наших девушек в армии. И все же у меня есть ощущение, что я не выполняю своей миссии. А, может, причина в том, что нет еще в нашем кибуце максимального напряжения в связи с приближающейся войной.

Многие девушки, так или иначе, вообще не смогут идти в армию, и те, кто могут, не связанные семейными узами, должны идти. Я, все же, думаю пойти не в английскую армию, а в сторожевую охрану. Правда, служба в армии может сейчас дать большее удовлетворение, но самое важное в настоящий момент, что эти отряды непосредственно обслуживают нужды обороны страны и они независимы, в то время, как армия в любую минуту может быть отправлена за границу.

Мне очень трудно об этом писать, потому что все еще находится в стадии обдумывания, и я еще не составила себе твердого мнения. Особого влечения к военной службе у меня, понятно, нет, но не в этом дело. Мне совершенно ясно, что надо мобилизоваться. Если бы я работала на такой работе, которая была бы более связана с войной, скажем, в сельском хозяйстве или военной промышленности - я бы, может быть, чувствовала себя по другому. Но моя работа сейчас {201} такая, что она не может дать удовлетворения в этом плане.

16.5.1942

С тех пор, как я писала в последний раз, произошли некоторые перемены в моем положении в кибуце. Во-первых, в отношении мобилизации: меня избрали в мобилизационную комиссию, но, что еще важнее - выставлена моя кандидатура для мобилизации в Пальмах (Еврейские подпольные боевые отряды, ставшие впоследствии основой Армии Обороны Израиля.). Понятно, что я сама себя предложила, и все были готовы принять это предложение с точки зрения полного моего соответствия. Единственные возражения были в связи с тем, что я еще недавно в кибуце, а кроме того, думали возложить на меня другие обязанности.

После долгой дискуссии меня избрали кладовщицей. Я вначале решительно возражала, но в конце концов, вынуждена была согласиться. В известной мере, меня даже убедили, что надо попробовать. Я сама еще не знаю подхожу ли для этой должности, но попытаюсь. Я приступила к работе вместе с еще одной девушкой и надеюсь, что вдвоем мы справимся.

Из факта моего избрания можно сделать два вывода:

1) в коллективе не хватает девушек;

2) коллектив ко мне относится хорошо. Точнее сказать - мне доверяют, и это, понятно, меня очень радует.

{202} Лишь одна фраза из книги Х. Хазаза "Сломанные жернова" : "Вся тьма в совокупности не может погасить одной свечи, но одна свеча освещает всю тьму".

6.7.1942

Бывают дни, когда мне кажется, что близок конец, конец нашему делу, и вопрос лишь в том, каким образом мы кончим, как завершим нашу миссию. Немцы у ворот Александрии. Откуда же напрасные надежды, что мы спасемся? - И все же я не могу поверить, что все, что нас окружает, осуждено на гибель. Не из-за глубокой внутренней связи, которая соединяет меня со страной, а потому, что я вижу здоровое и крепкое ядро в том сложном сплетении, из которого состоит наше общество. Полный крах невозможен. Может быть, то будет очистительный огонь, который избавит нас от ссор и раздоров.

ПРАЗДНИК ЖАТВЫ

2.8.1942

"Я здорова, только волосы мои немножко побелели", - пишет мама. А из-за чего она поседела - это проглядывает между строк. Как {204} долго так будет продолжаться? Искусственная улыбка на лице, а близкие люди так далеки! Иногда у меня появляется потребность исповедаться и сказать словами молитвы Судного дня:

Я грешила, грабила, лгала, отвергала - во всех грехах я повинна, и все по отношению к одному человеку.

Мне кажется, что до сих пор я по-настоящему и не тосковала. Но сейчас это не дает мне покоя, и я бесконечно трепещу - успею ли...

Уже вечер. Не видно, как писать.

Вообще-то я хотела записать также и о другом: о нашем филиале детского лагеря в Гебате и в Шейх-Абреке (17 дней). Для меня это было очень интересно, но сейчас я не в состоянии писать об этом.

Хочу проверить себя. Уже почти год, как я здесь. И до того, как я вступила в кибуц, я молилась Богу, чтобы и впредь оставаться гибкой, проверять незатуманенным взором свое положение и решать все заново. Но на самом деле все получается не так. Потому что основное положение неоспоримо и не нуждается в проверке: мое пребывание в кибуце. Это настолько само собой разумеется, что я об этом даже не задумываюсь. Я обязана кибуцу очень многим. Но я убеждена, что это лишь переходная форма, пока не настанет социалистический строй.

А пока что это единственная форма, которая дает возможность осуществлять в максимальном объеме цели сионизма и социализма.

{205}

1.10.1942

Я пропустила ряд важных дат. Три года в стране. Еврейский новый год. Хочу немного подумать о пути, проделанном за три года. О минувшем годе и о годе грядущем. Но все подытожить на бумаге трудно. Ко всему, что делается вокруг, мне кажется, я отношусь равнодушно - видимо, из-за незнания действительности. Но я научилась скрывать это под маской спокойствия. По отношению к самой себе - я не раз питалась иллюзиями, а внешний мир принимал это за самоуверенность.

Во время праздников меня утвердили членом кибуца. Практически я уже давно участвовала во всех делах. Но этот коллектив мне чужд, и кто знает, когда положение изменится. Вообще-то я чувствую себя здесь хорошо. Но настоящих друзей, которые были бы близки мне, я пока не нашла, а может быть, все зависит от меня самой. И кто знает, найду ли я когда-нибудь, ведь, насколько я помню, у меня их никогда и не было, и единственные мои друзья это, пожалуй, Габи за границей и Мирьям здесь. Поэтому я не могу питать особых надежд. Вопрос в том - найду ли одного.

Если бы кто-либо вошел и сел возле меня на диване, я бы не смогла его разглядеть при слабом свете, который едва пробивается через дверцу жестяной коробки, которая прикрывает керосиновую лампу. И поговорить мы не смогли бы, так как две мои соседки уже спят. Уже скоро 12, и все же хорошо было бы немного поговорить, {206} знать, что есть кто-то. Я сама себя не понимаю, я что-то ищу, но то, что есть, - сама же отталкиваю. Надо кончать. Я начинаю сама себя бояться.

Иногда я чувствую сильную усталость, потому что одновременная работа на

складе и в движении (Организация рабочей молодежи.) требует больших усилий. Я подумываю о том, чтобы прекратить общественную работу, и вообще я заинтересована в том, чтобы скорее перейти в Кейсарию. Правда, я здесь неплохо акклиматизировалась. Но Кейсария особенно меня влечет к себе, и мне жаль времени, проведенного здесь. Но дела у нас движутся очень медленно и пока рано надеяться, что скоро мое желание осуществится.

Хватит. Пора спать. Утром пойду гулять с детьми. Надо немного вооружиться силами и энергией.

14.11.1942

Сегодня на заседании секретариата решено, что я перейду к Кейсарии. Я принимаю это решение со смешанным чувством. Действительно, я все время вела борьбу за этот переход. Все трудности были ясны мне заранее - немногочисленный коллектив, совершенно для меня не подходящий. Но все же, возможно, я там сориентируюсь. Мой прямой долг - что-то предпринять, чтобы добиться прогресса там, на месте. Я {207} еще не совсем ясно представляю, что буду делать, но надо попробовать...

8.1.1943, Кейсария

Эти длинные перерывы о чем-то говорят. Иногда нет чернил, иногда нет лампы. Иногда очень шумно - в комнате, кроме меня, еще люди, а иногда нет времени.

Иногда нет желания, а иногда нет смысла писать. Не потому, что не хватает событий - их более чем достаточно, и внешних, и внутренних, но из-за равнодушия ко всему, что происходит.

Это была неделя, которая повергла меня в трепет. У меня внезапно появилась мысль, что я должна поехать в Венгрию, быть там в эти дни, помочь организации "Алият ганоар" (В годы войны занималась спасением и репатриацией детей и подростков. (Прим. пер.)) и привезти сюда маму. И хотя я понимала абсурдность этой мысли, ее осуществление казалось мне все же возможным и необходимым, и я подумала, что надо взяться за дело. Пока что в итоге - возбужденное состояние и решимость действовать энергично, чтобы привезти маму. Три дня я провела в Тель-Авиве и Иерусалиме, чтобы это организовать. Шансы очень слабые. Но кто знает? А тем временем меня избрали кладовщицей (экономкой), и все мои возражения не помогли. Нет у меня ни малейшего желания этим заниматься, но положение безвыходное. Очень жаль, что еще годы придется растрчивать силы и энергию на дело, которое мне чуждо.

{208} Я уверена, что если бы могла изучить что-либо основательно, в совершенстве, я принесла бы гораздо больше пользы коллективу и сама бы испытывала чувство удовлетворения. Но вопреки этому мне поручают все время разные работы, которые требуют от меня затрат лишь из имеющихся "запасов", не пополняя их. Как долго так будет продолжаться?

- Ложь, - говорит мне другой голос. - Я учусь, учусь жить. Но это не так. Я живу в мире, который создаю, без связи с внешним миром. Я - вроде капли масла в воде. Иногда она всплывает на поверхность, иногда опускается в воду, но всегда остается чем-то самостоятельным, не смешиваясь с другими каплями.

Несколько дней назад я посетила Мирьям. Мы так были рады встретиться. Она действительно моя настоящая подруга...

Я не могу отдавать себя частями. Или все, и тело, и душу, или ничего...

Но обо всем этом не могу думать, когда я вспоминаю маму и брата. Иногда меня терзает ужасный страх: увидимся ли мы? И один вопрос гложет и сверлит: можно ли было уезжать, не было ли это лишь проявлением безграничного эгоизма?

Однажды, когда я работала на верфи, меня спросил Эли, - просто так, без задней мысли, - добрая ли я. Я начала думать об этом. Пожалуй, нет. Я не добрая. К тем, кто мне близок, кто любит меня, кто добр ко мне, я жестока. Только одна видимость доброты, А в действительности {209} у меня сердце твердое, как камень, для самых дорогих и, пожалуй, для себя самой. Я не в состоянии продолжать. Слипаятся глаза. В комнате уже все спят. И мне пора.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ДНЕВНИК

Праздник жатвы

(Из литературного наследия.

Видимо, выступление в честь праздника жатвы в лагере трудовой молодежи.).

Праздник жатвы! О чем сказать в праздник жатвы? Ведь все мы знаем золотые поля, просторные и насыщенные, вобравшие в себя солнце и чистое золото. Они ждут жнеца. Колосья стоят прямо, но они уже склонили свои полные макушки. Они ждут приговора. Они знают, что пробил час. Они уже вкусили объятья земли, {203} солнечное тепло, ласку ветерка, и уже созрели зерна, что обеспечат продолжение рода. Спокойно они ждут ножа жнеца.

И комбайн прибыл голодный, пасть его открыта, и он вбирает в свое черное чрево золотистые колосья, и то, что в течение года сотворили земля, солнце, дождь и тяжкий человеческий труд, машина мгновенно превращает в солому и в зерна пшеницы, наполняющие мешки.

У штурвала трактора и комбайна - крестьянин. Он ведет машину, и сердце его ликует.

Но все мы слышали о черных полях, вобравших в себя тьму и ужас. Под металлическими касками виднеются молодые лица, и на них выражение отчаяния и бунта. Нет, они не хотят умирать. Они еще очень мало впитали в себя солнца и материнской любви; они почти не знают женской ласки; дети еще не выросли, еще не созрели, они еще не готовы. Жнец, остановись !

Но пушка открывает свое черное жерло и глотает живьем. Она жнет и жнет, в красное поле насыщается муками и смертью.

А человек, стоящий у пушки, ничего не чувствует. Он - лишь одна из деталей механизма.

Друзья, о чем еще можно сказать сегодня, в праздник жатвы?..

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ДНЕВНИК

1.2.1943

Сколько времени можно существовать без воздуха? Сколько времени - без еды? А сколько - без подруги и без книги? Я провожу этот интересный эксперимент на самой себе. Чаще всего, я не ощущаю нехватки в последнем, потому что у меня нет времени. Но если у меня появляется минута досуга и одиночества - хочу читать, хочу дружить. Почему же, в таком случае, продолжаю здесь жить и работать? Пытаюсь доказать себе, что это не только в силу инерции. Я думаю здесь остаться.

22.2.1943

Как странно иногда разворачиваются события. 8 января я записала несколько слов о внезапной мысли, которая меня потрясла. И несколько дней назад нас посетил товарищ из квуды Кинерет, боец Пальмаха, и вечером мы договорились о встрече. И во время беседы он мне рассказал, что сейчас в Пальмахе организуется отряд, назначение которого... в точности, как я тогда себе представляла... Это меня просто ошеломило. Такое совпадение! И мой ответ, понятно, был такой, что я готова безо всяких колебаний. Все это еще в стадии планирования, но он обещал мне обратиться по этому вопросу в {210} мобилизационную комиссию, потому что он считает меня подходящей для этой миссии во всех отношениях. Я чувствую здесь руку судьбы, как тогда, когда я прибыла в страну. И тогда я не была хозяйкой своих действий и поступков. Я была охвачена одной мыслью, не дававшей мне покоя, и я знала, что приеду сюда вопреки всем трудностям, стоявшим на моем пути. И сейчас я тоже чувствую напряжение в связи с очень важным и необходимым делом, и есть в этом какой-то рок. Может быть, все сразу расстроится из-за короткого сообщения - "дело откладывается", или меня не возьмут. Но я думаю, что обладаю в значительной мере теми качествами, которые делают меня вполне пригодной для этой миссии, и я буду бороться изо всех сил.

Ночью мне трудно уснуть - мешают картины, которые я рисую в воображении. Как буду вести себя в такой ситуации и в другой? Как дам знать маме о своем приезде и как буду организовывать молодежь? Все еще пока довольно неопределенно. Посмотрим, что покажет будущее.

Сегодня работаю после полудня. Я люблю эти тихие утренние часы. В комнате чисто, и хорошо быть одной. Читать, писать...

Работа меня сейчас интересует больше, чем раньше. Я уверена, что вполне справлюсь с ней. Звонок оповещает: полдень. Я и не чувствовала, как быстро летит время. Сегодня впервые иду на работу в качестве поварахи. Посмотрим, что из этого получится.

{211}

5.5.1943

Столь продолжительное молчание - что означает? Или ничего не произошло? Или произошло, но не задевает за живое? А если задевает - не требует словесного выражения? До работы еще четверть часа. Поэтому напишу лишь несколько слов.

Я на старой работе. Не люблю ее, хотя и понимаю, что она необходима и важна. После работы - немного чтения и... большая пустота в сердце: мне не хватает подруги, а точнее говоря - друга. Я знаю: лишь один шаг, более смелый, и я бы могла найти себе друга. Но не "его". А может быть, и "его"? Все это очень странно. Парни здесь - хорошие, и все же, постоянно один и тот же голос твердит во мне: не этот. Но существует ли вообще тот, кого я ищу, может быть, он просто выдумка головы и сердца? А тем временем еще немного - и мне уже двадцать два, и кто поверит, что я еще не целовалась с парнем? Это все глупо, и в особенности потому, что меня слишком занимает. Я понемногу улыбаюсь всем. Подозреваю, что у меня нет сердца. Смех смехом, а у меня чего-то не хватает, или, может быть, слишком глубоко запрятано.

Несколько дней провела в Тель-Авиве и Иерусалиме, занималась устройством дел, связанных с репатриацией моей мамы. Возможно, что есть кое-какие шансы. Кто знает?

Все, что от меня зависит, я сделала, а теперь надо ждать. Дай Бог, чтобы нам двоим хоть бы удалось {212} встретиться, а может быть, когда-либо встретимся и с Гиорой. Как все это далеко от действительности!..

Пишу мало. Но все более и более ощущаю пропасть между содержанием и средствами выражения, ту границу, которую не могу переступить - язык иврит. Вначале я пренебрегала этой трудностью. Превозмогу - так надеялась. Сегодня я склонна думать, что никогда в жизни не буду владеть ивритом в такой степени, как венгерским.

Это что - отчаяние? Когда я одна иду по берегу моря, я могу петь, мое сердце переполнено и настроение у меня отличное. Все хорошо и прекрасно, и нет места для отчаяния. Но бывают минуты, когда я спрашиваю у себя самой: что ты получаешь от жизни? - Только то, что ты даешь. И верно, это немало. Но этого недостаточно. Ты страстно мечтаешь еще о чем-то. Не только долг, не только напряженная деятельность, идеология - нужна еще радость, А ее так мало, такие крохи. Подлинной радости, от всего сердца. Пожалуй, я уже позабыла вкус ее. И все же... Нет, я не могу объяснить.

27.5.1943

... Я целиком поглощена сейчас одним вопросом: предстоящей отправкой. Сейчас это актуально и близко. Может быть, в ближайшие дни меня позовут. Я представляю себе разные ситуации и думаю иногда: оставить страну, свободу?.. Хочется вобрать в себя этот свежий {213} воздух, чтобы я могла дышать им также в душной атмосфере диаспоры и распространять его молекулы среди окружающих, среди тех, кто не знает запаха свободы. Но все это только раздумья, связанные с реальными фактами, но отнюдь не колебания. Необходимость задуманного мне совершенно ясна. Как и трудности, и опасности, с этим связанные. Я чувствую, что смогу выполнить задание. Все, что было до сих пор, я рассматриваю как предисловие и подготовку к этой Миссии...

29.5.1943

Жду дня, когда меня позовут. Ни о чем другом не могу думать. Мне кажется, что среди окружающих никто не замечает во мне перемены. Я свою повседневную работу выполняю, как обычно. Но иногда бывает такое ощущение, будто я гляжу на всех как бы издали. И все я вижу только под одним углом зрения: нужно ли это мне для выполнения нового задания или нет. Я не могу сейчас связываться с людьми: легче будет уйти. - Нет, это ложь. Именно сейчас я хотела бы иметь рядом близкого мне человека...

В ту минуту, когда я начинаю писать, я чувствую, что мне так много надо сказать в связи с мыслями, которые занимают меня все время, и все же у меня "не идет". Не идут нужные слова, даже для самой себя.

Есть вещи, которые невозможно выразить. Человек пытается затушевать их и ему кажется, {214} что пока слова не сказаны, дело еще не существует. Я прошу и молюсь только об одном - чтобы не слишком долго затянулось ожидание, чтобы скорее начать действовать. А в остальном - я ничего не боюсь, я уверена в себе и готова ко всему.

Несколько фактов из нашей жизни здесь: сегодня 12 человек начали лов рыбы при искусственном освещении и принесли огромную добычу - 30 ящичков с рыбой. Строится новая столовая (барак). В стадии строительства - третий жилой дом. Вопрос о земельных площадях решается очень медленно.

Мы хотим перевести детский дом в Кейсарию, но это, вероятно, придется надолго отложить.

12.6.1943, Кейсария.

В коллективе решен вопрос о моей мобилизации. В ближайшие дни пойду на курсы.

24.8.1943

Я все время в пути и на курсах. Сейчас отправляюсь на семинар рабочей молодежи. Иногда появляются сомнения: смогу ли я выполнить все то, что на меня возложено? Хочу верить.

В отношении ребят: мне кажется, что я кого-то люблю, но так велики трудности...

19.9.1943. Семинар рабочей молодежи, Хайфа.

Четыре года назад я прибыла в страну. Дом для репатриантов. Хайфа. Все для меня ново.

{215} Все хорошо. Все в будущем. Только один образ влечет к прошлому - образ мамы на вокзале. Четыре года. Я никогда бы не могла поверить, что разделяющая нас бездна будет так широка. Если бы я знала... А может быть, я и знала, но не решалась сама себе в этом признаться.

Нет смысла подводить подробные итоги. Сейчас я нахожусь в доме Рутенберга, в великолепном дворце - целый месяц длится семинар трудовой молодежи. До этого был другой курс, а что последует потом - в точности не знаю.

Удовлетворена ли я? Трудно ответить. Два года я провела в Нахалале без настоящего... Во имя воплощения в жизнь идеи, ради сельского хозяйства... Затем почти два года в Седот-Ям - Кесарии. Много трудностей, но и много удовлетворения. Но все время одиночество: ни друга, ни подруги. А сейчас, в связи с новым назначением, - снова подготовка к грудному и ответственному делу и опять ощущение случайности вместе с сильным желанием и напряжением. Единственная определенность - это опять одиночество. Сейчас мне совершенно ясно, что это не зависит от внешних условий. Есть большая мера отчужденности и неприятия товарищества во мне самой, что отдаляет меня от людей. Это особенно трудно в отношениях с парнями. Если постараться подытожить мои отношения с ними до сих пор, то кроме весьма поверхностной дружбы не было ничего. Иногда мне кажется, что я люблю или могу полюбить кого-то. Но... есть много разных объективных "но" и нет во {216} мне сил преодолеть их...

А тем временем появились парни, которые меня любят, и особенно я думаю о Моше... И правда, я о нем могу сказать только хорошее, и все же не могу его полюбить...

Есть во мне какое-то равнодушие по отношению ко всему и маска внешнего спокойствия на лице. Я иногда хочу прислушаться к самой себе: что это? Разве так должна проходить жизнь? И снова тут дело не во внешних обстоятельствах. Дело во мне. Я не могу жаловаться на жизнь. Я удовлетворена. Не могу себе представить положения, которое меня бы больше удовлетворяло. Наоборот. И стоящая передо мной миссия очень влечет. Но я забыла о смехе, простом смехе от всего сердца, как я смеялась, когда боролась с Гиорой на диване, пока мы оба не падали на пол от беспричинного смеха, от ощущения полноты жизни.

Действительно ли трудности и одиночество привели к такому положению, или это еще груз той поры, когда стояла у могилы отца - мне было тогда всего 7-8 лет, и я уже начала писать стихи. О трудностях жизни?.. Я чувствую, что просто заболталась, но и это нужно. Между изречениями, разговорами и молчанием хорошо иногда поболтать, хотя бы с собой.

А вот вчера у меня была возможность говорить с ним... И все же я ушла. Я очень хотела с ним поговорить. Целую неделю я этого ждала. Мы говорили пару минут, и я могла продолжить позже эту беседу. У меня не было серьезных {217} причин для того, чтобы уйти. И все же я ушла. Не могла иначе. Невозможно все объяснить, а я ведь все понимаю. Жаль...

Я тоскую по работе, которая дала бы мне удовлетворение. Вот уже четыре года я выполняю разные работы, так как сознательная, потому что объясняю самой

себе, что это необходимо, но без того, чтобы это давало мне подлинное удовлетворение. А вообще-то мне хочется быть учительницей.

Если бы мне сегодня предстояло решить: приезжать ли в страну? - Я бы приехала. Идти в Нахалал? - Нет, не в Нахалал, а в другое хозяйство. В кибуц? - Да, в кибуц. В Седот-Ям? - Пожалуй, нет. Здесь слишком молодая для меня компания. Я бы не хотела познакомиться с ними с самого начала. А сейчас есть много такого, что меня связывает с ними. Или, может быть, это лишь видимость связи? - Трудно определить. А вот мобилизация сейчас - это, понятно, необходимо. Уж если так, я бы почти все начала сначала. Поэтому что развитие событий моей жизни не было цепью случайностей, Все делалось в результате внутренней необходимости, и в свое время не подлежало обсуждению. Не было других возможностей. Если бы я пошла иными путями, то была бы несчастной. Нет, это преувеличение, но я не была бы в ладах с собою. Сионизм и социализм - это у меня вроде инстинкта. Еще до того, как я стала сознательной. Понимание лишь укрепило их, но основа была заложена в чувстве. Еще до того, {218} как я узнала, как эти вещи называются, и какое получают выражение, я уже была в их власти. А сегодня, когда я много читаю по этим вопросам, мне все яснее и яснее становится внутренняя логика и естественность моего подхода: немного идеологии, но безусловная необходимость в личном плане. Четыре года. Они богаты жизненным опытом и многому меня научили.

2.10.1943

Примерно месяц назад, закончился семинар, и я нахожусь дома, в Кейсарии. Работала на кухне, в саду, в прачечной, мыла полы, а сейчас на ночном дежурстве. Нет особой разницы в том, чем заниматься. Я рада быть дома, видеть людей...

Купаюсь в море, далеко заплываю, взбираюсь на скалу и наслаждаюсь морем, воздухом, песком, древней и новой Кейсарией. Затем опять прыгаю в море, и хорошо мне, хорошо!

От брата снова нет вестей. Но я жду его приезда. Он в Испании. Мне бы уже так хотелось его повидать.

От мамы нет ни одной весточки, но репатрианты рассказывают, что пока что в Венгрии положение вполне удовлетворительное.

Маленький опыт, который я приобрела, общаясь с новичками, прибывшими к нам, подтверждает, что я смогу справиться с предстоящим заданием. Но когда?

Ведь может пройти и год и два года до того, как начну действовать.

Среди новеньких есть один, зовут его Эли.

{219} Вначале я говорила с ним, как и с другими товарищами. Спустя несколько дней я почувствовала, что он ищет встречи со мной. Сегодня он откровенно признался, что любит меня. Мы знакомы лишь две недели. Я уверена, что если бы парень был в состоянии быть только другом хотя бы полгода и не говорить в это время о любви, а находил бы другие темы, которые нас бы связывали, я бы могла полюбить его. Но если любовь это главная тема с первой минуты - нет у меня никакой возможности общаться с ним. Он несомненно интересный человек и мог бы меня заинтересовать, но из-за этого мне трудно познакомиться с ним поближе. Неужели все парни таковы, и так ведут себя все девушки? Или у меня одной такое счастье - этот "блиц-криг" ? Или я особенная и не знаю, как вести себя в подобных обстоятельствах?

25.12.1943. Кесария

Дорогой мой Гиора!

Есть письма, которые пишутся не для того, чтобы отослать. Их необходимо написать, не задавая вопроса: найдут ли они адресата или нет?

Послезавтра я начинаю нечто новое. Может быть, глупое, может быть, фантастическое, может быть, опасное. Может быть, один из ста, один из тысячи заплатит своей жизнью. Может быть, меньшим, чем жизнь, может быть, большим. Ничего не спрашивай. Когда-нибудь узнаешь.

Дорогой мой Гиора, я должна тебе кое-что {220} объяснить, оправдаться перед тобой. Я должна подготовиться к той минуте, когда ты появишься здесь, в нашей стране, в ожидании нашей встречи после шести лет разлуки, и ты спросишь: где она? - И тебе коротко ответят: нет, ее нет.

Поймешь ли ты? Поймешь ли ты, что нечто большее, чем страсть к приключениям, чем детская романтика привела меня туда? Поймешь ли, почувствуешь ли, что я не могла поступить иначе, что именно так я должна была действовать?

Есть события, в свете которых человеческая жизнь теряет свою ценность; человек превращается в жалкую игрушку, и возникает требование: необходимо что-то делать, даже ценою жизни.

Я боюсь, что чувства, которые меня как сжигают, превращаются в пустые фразы, облекаясь в слова. Не знаю, ощутишь ли ты за ними наши тревоги, сомнения, а после каждого кризиса - обновленную решимость.

Тяжело мне, потому что я одинока. Если бы у меня был кто-то, с кем я бы могла говорить откровенно и просто, если бы не вся тяжесть лежала на мне одной - если бы я могла поговорить с тобой... Если кто-то способен понять меня - это ты. Однако, кто знает... Шесть лет - это так много времени.

Но довольно о себе - пожалуй, уж больше, чем нужно. Хочу сказать тебе несколько слов о новой родине, о новой жизни - так, как я {221} это вижу. Я не намерена влиять на тебя. Свои. ми глазами увидишь, какая это страна. Я хочу описать, какой я вижу ее.

Прежде всего - я люблю ее. Я люблю ее красочные пейзажи, ее разнообразный климат, богатство красок ее жизни; я люблю в ней новое и древнее, я люблю ее, потому что она наша! Нет, пока что еще не наша. Но внутри себя, в глубинах нашего бытия мы ощущаем, что она наша.

Во-вторых, я ценю ее. Не все. Я ценю и уважаю людей, которые во что-то верят, которые готовы во имя того, что им дорого, воевать а повседневной действительности. Я уважаю тех, которые живут не только ради сиюминутной жизни и не ради денег. А здесь таких людей больше, чем в любом другом месте.

И, в заключение, я верю, что это для нас единственное решение, и поэтому я ни на минуту не сомневаюсь в ее будущем, вопреки всем трудностям и помехам, которые лежат на нашем пути.

Что же касается кибуца - я не думаю, что он совершенен. Несомненно, он проделает еще много этапов развития. Но нет сомнения, что в сегодняшних условиях это самая подходящая форма для воплощения наших стремлений, наиболее соответствующая нашим взглядам.

Есть нужда в людях сильных духом, свободных от предрассудков. В людях, которые хотят и могут думать самостоятельно, а не в механических исполнителях чужих, застывших {222} мыслей. А это - самое трудное. Легко издать закон и сказать: живите по этому закону. Труднее жить по готовым жизненным стереотипам, но самое трудное - проложить себе самостоятельно дорогу жизни, пользуясь постоянно самокритикой. Мне кажется, что это единственно нравственный путь установления человеческих законов. И только на этом пути можно построить новую жизнь, более совершенную.

Иногда я спрашиваю у себя: каково будущее кибуца, когда испариться очарование стройки, когда останутся позади все тревоги, вся борьба за новую жизнь, и жизнь станет спокойной, организованной, планомерной? Что будет двигать человеком и чем будет наполнена человеческая жизнь? - У меня нет ответа. Но это видение еще так далеко, и стоит подумать о более актуальных вещах.

Только не подумай, что я вижу все в розовом свете. Моя вера определяется внутренними условиями и не является результатом существующей действительности. Я хорошо понимаю стоящие перед нами как внутренние, так и внешние трудности. Но я вижу и положительные стороны, и, как я уже сказала, это единственный путь, другого нет.

Я не писала о том, что меня особенно тревожит - о маме! Я не могу о ней писать.

Хватит на сей раз. Я надеюсь, что ты это письмо не получишь, а если получишь, то лишь после нашей встречи.

А если все получится иначе - с безграничной любовью.

Твоя сестра.

Дополнение:

Это письмо я писала перед курсами парашютистов. Когда я дала тебе его прочесть, ты не смог понять, о чем идет речь.

Прости, Гиори, что я вынуждена лгать тебе даже в счастливую минуту встречи. Ты был таким новичком в нашей жизни, что я не смогла сказать тебе правды. Я уверена, что сейчас ты меня поймешь.

(Хана приготовила это письмо для передачи его брату Гиоре, когда он прибудет в страну, на тот случай, если она не вернется с задания. Но так как брат прибыл в Палестину буквально накануне ее отъезда, она дала ему при встрече это письмо для беглого прочтения, скрыв от него те опасности, что поджидают ее при выполнении задания, и тут же попросила это письмо вернуть. И, действительно, при первом беглом чтении брат не понял смысла этого письма - письма прощального с извинением перед самыми близкими людьми за то, что она идет туда, откуда так мало шансов вернуться).

11.1.1944

На этой неделе поеду в Египет. Я мобилизована. Об условиях мобилизации, о своих чувствах в связи с этим, о том новом, с чем столкнулась, и о том, что предстоит - писать не хочется.

{224} Хочу верить, что я действовала и действую правильно. А остальное доскажет время.

(Эта краткая запись завершает дневник Ханы Сенеш.)

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

{227} ПИСЬМА

17.9.1939, на борту парохода "Бессарабия"

(Все письма, где нет адресата, предназначались для матери.)

Наш пароход бросил якорь в Константинополе. У меня на коленях лежит пишущая машинка, и так я пишу. Надеюсь, что ты уже получила мою телеграмму из Констанцы и не беспокоишься обо мне. И, действительно, для этого нет никаких причин, все идет нормально. В Констанце мне не удалось повидать много, потому что поезд направился прямо в район порта. Кое-что видела с борта парохода, а тем временем стемнело, и видно лишь освещенное казино. В Константинополе увижу больше, потому что пароход будет стоять здесь около трех часов. Но запрещено сходить на берег. И все же можно видеть мечети, башни, узкие переулочки, базар, а на склоне горы - красивые современные здания. С другой стороны виднеются ветхие постройки. Видимо, здесь много социальных противоречий.

Жизнь на пароходе протекает приятно, и каюта у меня очень уютная. Я выбрала себе верхнее ложе, возле окна. Спала хорошо, видимо, частично сказалась усталость. Мои спутники по каюте - люди милые, точнее сказать - это женщины из Палестины и Польши. Я много {228} говорю на иврите и использую также свои знания французского. Утром я встала рано, так как не могла оставаться в постели, когда увидела великолепное зрелище восхода солнца. Я побывала во всех уголках палубы и во всех отделениях. Я уже хорошо ориентируюсь на пароходе, и все же иногда случается, что не могу сразу найти свою каюту среди такого скопления людей. Большинство пассажиров - евреи из Палестины, возвращающиеся домой после посещения родных, но есть немало пассажиров из Польши и Словакии. Много детей из Эрец-Исраэль, очень симпатичные рожицы. Они говорят только на иврите, и у меня есть возможность попрактиковаться в разговорной речи. Вообще, тут многие говорят на иврите, и я использую любую возможность, чтобы привыкнуть к новому языку.

О жизни в стране у них разные мнения и взгляды. Некоторые пойдут в кибуцы, другие же - горожане, они возвращаются в свои дома в разных городах. Люди воспринимают все трудности, как должное, и довольны своей жизнью. Факт, что все с нетерпением ждут момента прибытия в страну. Это вовсе не означает, что дорога малоприятная. Я очень довольна. Сейчас, например, без четверти семь, и я сижу в шезлонге на палубе и временами отрываю свой взор от письма, чтобы полюбоваться великолепным видом. Я отлично экипирована. Стараюсь всегда быть не слишком растрепанной, но только потому, что считаюсь с твоим желанием. Но не сердись, пожалуйста, я не могу больше писать, {229} вокруг так красиво, что жаль терять даже минуту. Скоро будем в Афинах.

Октябрь, 1939 г. [открытка из Нахалала]

Возможно, что мне следовало бы еще обождать, потому что трудно по прошествии месяца нарисовать общую картину, но я попытаюсь.

Скажи, пожалуйста, учительнице Розе, что мой идеализм еще силен, он не испарился. Верно, что те вещи, которые я рисовала только в своем воображении, сейчас приобретает конкретную форму. Тут меньше и реже говорят о сионизме. Тут ведь живут в соответствии с этим идеалом. Могу подчеркнуть, что только и исключительно в соответствии с идеями сионизма.

Октябрь 1939

Дорогой Гиора,

Я знаю, что мама пересылает тебе мои письма, и все же вот пишу непосредственно тебе. Ибо о многом надо мне сказать. Прежде всего, попрошу тебя, мой Гиора, писать мне правду о твоём положении и твоей жизни, даже если в письмах маме ты немного приукрашиваешь действительность, пытаюсь создать хорошее настроение. Из твоих писем я почувствовала, что ты очень одинок, друг мой, и жизнь у тебя не слишком веселая. Это все понятно в атмосфере войны. Пиши чистосердечно обо всем. Ведь ты знаешь, как я в этом заинтересована. А, может быть, и ты себя почувствуешь лучше, когда с кем-то поделишься откровенно своими мыслями {230} и делами. Я знаю, что и тебя очень заботит тот факт, что мама наша одинока. Можешь себе представить, как это меня угнетает. И все же, мой Гиора, мама будет рада, если ты останешься и продолжишь учебу. Ты ведь знаешь, что такое эта война. Как счастлива была бы мама, если бы могла увидеть тебя хоть на минутку!

... Несколько слов обо мне. Я очень занята. И сейчас мне лишь случайно удалось

урвать время для письма, потому что не состоялся один урок. Но все это, так сказать, внешние обстоятельства. Главное, что я очень довольна и даже на мгновение не раскаиваюсь, что сюда приехала. Знай же, что когда человек возвращается после работы домой, а на его плече мотыга или заступ, и он окидывает взором долину и знает, что это еврейская земля, что тридцать лет назад тут были страшные болота, а сегодня - самый красивый и плодородный уголок долины, - то у него хорошее самочувствие, очень хорошее. Но я хочу быть до конца честной. У этой работы есть не только романтическая сторона. В то время, когда я взрыхляю почву или чищу хлев, или стираю, или разбрасываю навоз, должна сознаться, что иногда в мозгу появляется мысль: я стремилась к чему-то большему; может быть, мне не удалось точно выразиться, потому что теперь я вижу, что в действительности эти работы не такие простые, требуется понимать их значение. Но, с другой стороны, - пойми, мой родной Гиора, что я хочу сказать, - думаю, что, может быть, на другой работе я бы больше преуспела.

{231} Но - и об этом я пишу серьезно и совершенно откровенно - только изредка я об этом думаю, так как знаю, что это лишь начало - простой "автоматический" труд, а затем будут более интересные работы. Но эти, нынешние, хороши тем, что посредством их человек узнает здесь жизнь такой, как она есть, и заново формируются его взгляды и оценки. С точки зрения физических нагрузок работа для меня не тяжелая, поверь мне, как правило, я выполняю ее с желанием. До сих пор я много училась и думаю, что возможность учиться со временем будет все возрастать.

7.11.1939

Дорогой Гиора!

... Я много думаю о тебе и твоём одиночестве. Ты знаешь, в прошлом, когда я жила дома, я только представляла, как тебе тяжело одному на чужбине, но сейчас я хорошо понимаю твоё настроение. Мне, видимо, значительно легче, потому что я не в чужой стране и, к тому же, не одна. И все же, временами и мне трудно, и тогда я вспоминаю тебя, мой родной Гиора. И хотя ты об этом никогда не писал и даже не намекал, я знаю, что этот год был для тебя нелегким. И даже сейчас в последние месяцы, тебе нелегко. Ведь с тобой нет даже твоих друзей. Из-за войны, а также в силу других причин, жизнь там труднее. Из своего опыта я знаю, как радуешься каждой весточке из дома или от тебя, я поэтому я полагаю, что на марках, во всяком случае, я не буду экономить.

{232} Мое материальное положение сейчас вполне удовлетворительное. Есть у меня, примерно, пять фунтов, не считая карманных денег, которые я получаю в

школе. И есть шанс на получение солидной суммы. Я знаю цену денег, которые у меня есть, и расходую их очень экономно, ибо это первые мои средства для осуществления хороших планов на будущее. Дело тут не во мне, а в возможности приезда в страну - твоего и мамы.

Вот видишь, Гиора, от самых сентиментальных ноток я пришла к делам сугубо прозаическим и материальным. Вероятно, нет никакого смысла выражать свод чувства в письмах. Хорошо бы посидеть с тобой рядом и долго, долго разговаривать, и в процессе беседы само собой нашло бы выражение все то, о чем человеку трудно писать - и потому, что не хватает слов, и потому, что человеку свойственна глупая скромность, и он стесняется выражать свои чувства к самым близким ему людям. Так, например, я стесняюсь писать, что я всплакнула возле своей пишущей машинки, а почему - и сама затрудняюсь сказать. Я люблю это место, мне здесь хорошо, и ни в чем я не разочаровалась. Но я уверена, ты меня поймешь, что есть, все же нечто, чего мне очень не достает: мамы и тебя, Гиора. Я бы даже могла сказать, что ее я видела два месяца назад, а с тобой уже очень давно мы не были вместе, ибо те дни в Лионе, как они ни были хороши, были слишком коротки, чтобы они могли как-то {233} сократить огромное разделяющее нас пространство.

Не сердись на меня, милый Гиора, что я так эгоистична. Желая облегчить свою душу, порчу тебе настроение. Прошу тебя поверить мне, что не всегда я в таком настроении. Уж так тебе "повезло", что именно в такой час я взялась писать тебе письмо...

18.12.1939 [Кружку "Макабия" в Будапеште].

... Если я мало пишу, то это вовсе не значит, что я мало о вас думаю. Во вторник вечером я всегда вспоминаю, что вы сейчас, вероятно, беседуете о нас - о стране израильтян. Какое чудесное ощущение, когда ты и себя можешь включить в их число! Я должна откровенно признаться, что лишь очень немного занималась здесь вопросами истории сионизма и его идеологии - не так, как дома. В то же время, я очень много говорю на иврите и очень близки мне сейчас халуцианские идеи и другие практические дела. И это вполне естественно. Дома планируют алию и закладывают фундамент для строительства, которое должно продолжаться. Я чувствую, что привезла с собой достаточно твердые основы, на которых смогу построить красивую и полезную жизнь.

Эти основы позволяют мне также принимать участие в совместных работах, которые здесь продолжаются.

После моих взволнованных эмоций дома вы, пожалуй, не почувствуете в этом письме прежнего вдохновения. Может быть, вы даже подумаете, что я отчаялась или, во всяком случае, {234} улетучился мой идеализм. Но я отнюдь не разочаровалась, и моя вера в страну не ослабла. Верно, я сейчас нижу, что не следует говорить о Палестине, как о стране грез. Многие не могут представить себе эту страну иной, чем с вечно голубым небом и, понятно, они испытывают впоследствии разочарование, когда убеждаются, что она подлинно земная, как, скажем сегодня: льет дождь, дует ветер и достаточно холодно. Да, погоды здесь не всегда хорошие. Есть экономические трудности, было много ошибок. На мы дома, мы свободны, у нас есть цель и будущее. Пожалуй, лишнее писать о том, что страна нам может дать, зачем мы сюда прибыли и что мы здесь получили.

Декабрь 1939

Мама, ты, вероятно, думаешь, что те письма, которые я тебе посылала до сих пор, немного поверхностные. Я всегда пишу только о своей работе, о месте, в котором живу, и о том, что видят мои глаза. Я уверена, что тебе очень хочется услышать от меня ответ на вопрос, который витает в воздухе. Ведь ты принесла жертву, когда меня отпустила, а я - когда рассталась с тобой. И ты, несомненно, жаждешь узнать: А стоило ли?

Возможно, что я еще не смогу дать окончательный ответ. Но вопреки всему, я попытаюсь откровенно сказать тебе, что я чувствую сейчас, в эту минуту. Мой ответ, дорогая мама, - да, стоило! Не стану отрицать, бывают минуты, {235} когда я готова уплатить очень дорогую цену за короткую встречу с тобой. Если бы я хотя бы чувствовала, что вы близко от меня. Но в трудные минуты я думаю о том, что год или два, которые мне суждено быть далеко от вас - это цена за мое право жить здесь. В своем воображении я представляю, как будет хорошо, когда мы снова будем вместе. Понятно, не легко мне без вас, и это вполне естественно. Я все это знала заранее и все это учитывала. Но, поверь мне, мама, это совершенно серьезно, что ни о чем другом из моей прежней жизни дома я не тоскую. Удивительно быстро я приспособилась к среде, к новому образу жизни и к своей работе. И если бы не слишком короткое время моего пребывания здесь, я бы даже осмелилась утверждать, что я научилась любить все это. Ясно, что нельзя говорить так обобщено, потому что любить можно лишь отдельных людей в определенную работу.

Но во всем этом нет пока ответа на вопрос: а стоило ли? Положительный ответ вытекает из моей непоколебимой веры в то, что из многих путей - это путь истинный. Всей душой и всем сердцем верю, что только Эрец-Исраэль - единственное и подлинное решение для меня и всех нас. Да, стоило сюда приехать, ибо тут я приобрела удивительное чувство, что я - равноправный

человек и живу у себя дома (другое дело, что пока - лишь в ощущениях). Стоило сюда приехать, чтобы обрести эту уверенность, и когда я иду по улице, я не должна {236} думать о том, еврей или нееврей - человек, идущий мне навстречу. И как хорошо, что я не должно по каждому пустяковому делу мысленно взвешивать - разрешено это евреям или нет.

Ясно, что отрицательного аргумента - отсутствия антисемитизма, - еще недостаточно. Решающий ответ заключается в том факте, что здесь, в стране развивается новая здоровая еврейская жизнь.

Я бы это выразила так: евреи в диаспоре печальны, когда у них нет особых причин для веселья. Здесь же, как и у всех здоровых наций, царит веселье и радость, когда нет причины для печали.

10.1.1940

Моя работа очень приятная. Когда я мою коров, - облачаюсь в брюки, надеваю резиновый передник и обуваю сапоги. И не страшно. Ты бы не узнала меня, мама. Я представляю себе, какие кривые улыбки появились бы на лицах моих прежних подруг по школе, если бы они увидели меня за этой работой, которая для меня вполне естественна. А если корова упрямится и не хочет вставать, поднять ноги или подчиниться моей просьбе, несмотря на пинки и жесты, я пользуюсь тем, что никто вокруг меня не знает венгерского, и обращаюсь к ней с такими выражениями, которые пока не в состоянии произнести на иврите (я еще не научилась ругаться на нашем родном языке). К счастью, и коровы не понимают моих проклятий, {237} и посему между нами царят дружеские отношения.

Сегодня на работе у меня произошла неприятность, когда я чистила отсек для телят. Мне надо было перевести их из одного отсека в другой. Потом мне объяснили, что обычно это делают вдвоем, чтобы телята не разбежались. Но я, ничего не подозревая, открыла калитку и начала выгонять их. Не прошло и минуты, как пять моих телок разбежались в пять разных концов сарая и начали соревноваться в беге... Вместе с подружкой по комнате, которая тоже здесь работает, мы десять минут гнались за ними, пока нам, наконец, удалось собрать их вместе и привести в нужный отсек. Мы как следует попотели, но это хорошо. Не столь хорошо было, когда мы начали толкать вагонетки с навозом. Мы вывозили его из трех хлевов прямо в бетонное навозохранилище. Все делается автоматически - есть рельсы, поворотные круги, опрокидыватели вагонеток. Но, понятно, и для нас остается немало работы. Короче говоря, когда я ступила в навозную массу, мой сапог так глубоко в ней застрял, что я с трудом вытащила ногу.

Тут есть три бетонных хлева, рассчитанных на 70 и более голов скота. Всюду водоводы и автоматические поилки, так что нетрудно соблюдать чистоту. По-видимому, чистота, царящая здесь, не уступает чистоте в столовой. Коров мы моем ежедневно. Место, где они стоят, мы чистим, когда меняем подстилку, так что не увидишь здесь и соломинки. Каждые два дня мы моем корыта щеткой, а стены и пол - ежедневно. В каждом углу есть, разумеется, краны, резиновые шланги - очень хорошая и гигиеничная оснастка. Понятно, что такую чистоту можно соблюдать лишь в учебном заведении, а в реальной жизни многим приходится жертвовать. Но тот, кто приучится к чистоте в школе, будет стараться и потом всегда соблюдать ее.

В это письмо я вложила цветок - не только для того, чтобы показать тебе, что у нас уже весна, но и взамен цветов, которые я положила бы на могилу отца, если бы была сейчас дома. 18-го января (День рождения отца.) я буду думать о тебе, маме, больше чем всегда, если это вообще возможно.

28.2.1940. Нахалал

Далеко... В эти дни уже нельзя пользоваться словами, время которых прошло.

Многие слова получили в наши дни совсем другой смысл, поэтому надо осторожно пользоваться словом "далеко". Ведь целые миры разделяют сейчас людей, которые тесно связаны между собой узами родства. И все же любовь между людьми-братьями прокладывает мост даже над океаном! Очень возможно, что в километрах путь между нами очень долгий, да еще границы к тому же серьезная помеха. Но всякий раз, когда я вижу в зеркале свои растрепанные волосы, я как будто чувствую на себе твой осуждающий взгляд. Когда я знакоюсь с новым человеком, сразу в моем мозгу всплывает вопрос: что бы ты сказала о нем, мама? Если я делаю какое-то хорошее дело, я знаю, что ты меня одобряешь. Я чувствую, что наши мысли как будто встречаются где-то там, посередине моря. Я хорошо знаю, что излишне об этом писать, ведь ты сама все понимаешь. И после всего этого, можно ли говорить, что мы далеки друг от друга?

22.7.1940

... Ты спрашиваешь, в связи с днем моего рождения, удовлетворена ли я сейчас больше, чем год назад в этот же день. Если отвлечься от самого трудного для меня пункта - вашей отдаленности от меня, - со спокойным сердцем я могла бы ответить: да! Я чувствую, что за истекший год очень многому научилась, даже сверх общепринятого учебного материала. И если бы я снова должна была выбирать между алией в Эрец-Исраэль и учебой в школе, - я бы без колебаний

поступила точно так же. Я рада, что мне дана возможность жить здесь, и я сейчас знаю, что когда я называла Палестину домом, это не было риторическим выражением.

12.8.1940

Я еще не знаю, что у меня получится с работой в сельском хозяйстве. Пока могу рассказать в общих чертах лишь о физической работе {240} и о деревенской жизни, связанной с сельским хозяйством. Что же касается простого физического труда, я должна отметить, что произошли изменения в моих позициях по этому вопросу. Разумеется, трудно утверждать, что такая работа увлекает меня. Я ее выполняю механически. Часто ловлю себя на том, что думаю во время работы о вещах, которые не имеют к ней никакого отношения. Верно, что это исключается во время интенсивной работы, но есть и такие работы, которые делают возможным это. С другой стороны, я нахожу именно сейчас большой интерес для себя даже в самых простых работах, и поистине счастлива, когда мне удастся закончить их быстро и хорошо. Это свидетельствует о том, что у меня выработалось уже определенное отношение к работе. Я ее выполняю не только в силу необходимости, чтобы прошел рабочий день. Чувствую себя физически значительно окрепшей. Слава Богу, в течение года я и дня не болела. Лишь немногие могут этим похвастаться. Но несмотря на то, что я способна к любой физической работе - по состоянию здоровья и с моральной точки зрения, - я уверена, что такая работа не могла бы меня надолго удовлетворить. Поэтому я постараюсь, чтобы моя работа в будущем была более содержательной и была связана с приобретением профессии. Пока что, мне кажется, я остановила свой выбор на птицеводстве. Я еще не отчаялась и не отказалась от осуществления былой мечты - изучить и эту специальность.

{241} Правда, это еще не обрело у меня конкретной формы.

Трудно в наше время строить планы.

Что же касается сельской жизни - она мне по душе. Я люблю тишину, люблю простоту нравов. Правда, мне пока не хватает узкого круга близких людей, но я совсем не ощущаю потребности в городе. Во время больших каникул мне даже в голову не пришла мысль посетить города, хотя большинство моих знакомых живет там. Верно, что и за границей я в большой мере жила "по-деревенски". Все, что символизирует город, не очень уж давало о себе знать в окрестностях нашего дома. Я считаю, что сельское хозяйство - это главная отрасль народного хозяйства у нас в стране, хотя и имеется большая нужда в хороших специалистах и в других областях. Но основа страны - это сельское хозяйство, и

она к тому же так богата хорошими природными условиями, что не приходится сомневаться в ее сельскохозяйственном характере. Промышленность займет в ней лишь второе место, и ее будущее, по моему мнению, - в тесной связи с сельским хозяйством.

13.8.1940

Третьего дня побывала в хлебопекарне. Очень интересно. Работа красивая, хоть и нелегкая. Можно многому научиться, а работать - одно наслаждение. Вручную приготавливают и пекут в электропечи 30-60 кг. муки в день. Две девушки ежедневно работают здесь, и они {242} трудятся совершенно самостоятельно, хотя инструктор Леа имеет обыкновение присутствовать во время особо сложных работ. Мы с ней в хороших отношениях и любим друг друга, что делает работу очень приятной. Думаю, что в течение двух недель мое мнение об этой работе не изменится, и под руководством Леи я усовершенствуюсь в новом деле так, что смогу состязаться с профессиональным пекарем. Кроме выпечки хлеба и изучения иврита я занята также подготовкой представления (точнее сказать - выпускного вечера). Это большая нагрузка, и, видимо, Гиора прав, когда сказал, что только дураки возьмется с такими делами. Я трачу на это много времени и опасаюсь, что результаты будут плачевные.

По субботам, в послеобеденные часы, мы играем в ручной мяч. По вечерам мы идем на прогулку, иногда удается немного поговорить с венгерскими ребятами, которые здесь находятся. Я вынуждена была их оставить, так как они говорят только по-венгерски. Некоторые из них стараются ради меня изъясняться на иврите, но большинство иврита еще не знает. Временами между нами велись острые дискуссии. Они были настроены агрессивны, и я должна была многое защищать от их нападок. У них есть претензии к нашей стране. Они надеялись на что-то другое. По-видимому, они стали жертвами романтического сионизма диаспоры, который только обещает и ничего не требует. Действительность тут совсем иная. Жизнь иногда {243} требует значительно больше, чем мы можем дать, во всяком случае, по ходячим представлениям, бытующим в диаспоре. Трудно человеку, который хочет только брать и ничего не давать.

Я хорошо понимаю, что на душе у этих парней. Они умеют работать и хотят работать, но у них нет должного терпения. Им трудно понять наши цели по овладению землей, которые достигаются при организации кибуцов и новых поселений. Им кажется, что все это, якобы, направлено против них. Они не понимают, что в стране трудно устроиться только из-за тяжелого экономического положения, которое здесь царит. Очень плохо, что ошибки они видят, как бы глазами контролера из-за границы.

Жаль, что они не делают единственно верного вывода: не повторять чужих ошибок. Вместо этого многие довольствуются констатацией фактов, замыкаются в своей скорлупе, ворчат и зло критикуют. Когда я им об этом откровенно говорю, они членораздельно отвечают: не дают нам занять в стране подобающее место. Каждый из них ищет возможность подняться вверх по общественной лестнице и не думает о наших небольших возможностях, которые имеются для этого. Неужели все такие, без исключения? Нет и нет! Только те, которые относятся к определенному виду, и к нашему счастью, всех их можно отнести только к одной социальной прослойке. Жаль, что многие выходцы из Венгрии принадлежат к ней. Эти парни работают здесь у крестьян. Они не получают заработной {244} платы, а лишь то, что нужно для существования. Это будет длиться до тех пор, пока они не освоятся со всеми сельскохозяйственными работами. Можно сказать, что здесь место их профессиональной подготовки. Потом они будут получать заработную плату, понятно, если в них будет нужда. Цель мероприятия - подготовка сельскохозяйственных рабочих, которые могли бы поселиться в этом поселке. Несомненно, среди них будут и такие, которые затем уйдут в город.

Сентябрь 1940 г.

Прошел год со дня моего прибытия в страну. Помнишь ли ты, мама, вокзал? Это были очень трудные минуты. Я тогда не могла думать ни о своих планах, ни о будущем, я видела только тебя одну, и в сердце было ощущение, что я очень эгоистична и легкомысленна по отношению к себе самой. Одно как будто противоречит другому, но это противоречие есть во мне: одна нить связывает меня с этой страной (еще до того, как я сюда приехала), другая же, очень прочная, связывает меня с тобой. И если бы не сильная вера в то, что, вопреки всем трудностям и преградам, мы когда-либо встретимся все трое здесь, - кто знает, смогла ли бы я все это выдержать. Как тяжело говорить, а тем более, писать об этом. Мне кажется, будто я пытаюсь оправдаться перед тобой, но ведь в этом нет нужды. Я ведь знаю, что если есть человек на свете, который меня понимает, {245} согласен с моим шагом и все мне прощает, - так это ты, дорогая мама. И все же я испытываю потребность поблагодарить тебя сегодня - спустя год после того, как мы расстались - за твое геройство, которое дало мне возможность достичь своей цели. О чем еще писать? - Мне бы очень хотелось поцеловать твои руки.

30.9.1940

Дорогой Гиора,

есть некоторое нарушение пропорций в нашей переписке, ибо я тебе пишу, а ответов не получаю. Если я бы знала хотя бы, что ты получаешь мои письма, я бы не жалела трудов. Так хочется знать о тебе все! Как ты живешь, что поделываешь? Но вместо того, чтобы задавать много вопросов, попытаюсь дать тебе отчет о самой себе, а ты уж, мой Гиора, пиши о себе подробно, потому что все, все решительно меня интересует. И особенно вопрос о том, есть ли у тебя шансы приехать сюда? Прошу тебя, не теряй упорства и воли, несмотря на трудности. Правда, об этом легче писать, чем это осуществить, но я знаю тебя, как человека достаточно сильного,

Я, во всяком случае, сейчас, когда прошел уж целый год, вполне удовлетворена тем путем, который избрала.

И если бы я могла видеть вас здесь, я не желала бы себе ничего лучшего. Так, как я пишу, все кажется очень простым. Но в действительности, мои слова - это итог, составленный из многих слагаемых. И в центре {246} стоит нечто такое, в чем я вижу цель и смысл моего пребывания здесь. Ощущение уверенности покидает меня лишь тогда, когда я думаю, как труден был минувший год для мамы. Я очень рада, что изучила язык, и в этом отношении за год я много успела. Во-вторых, - я научилась работать. Наверно, нет такой работы, о которой я бы сказала: ни в коем случае не буду ее выполнять. От мытья полов до уборки навоза - все я испробовала, и со мной не произошло ничего плохого.

Но теперь настало время, когда я должна начать работать по специальности, и мне очень жаль, что пока меня еще не определили на такую работу. Вообще у меня есть известные претензии к нашей школе. Нет сомнения, что с точки зрения учебы тут человек получает много, но наш интернат будто скопирован с романов для девушек XIX столетия (из моего определения ты вряд ли много поймешь, потому что ты этих романов не читал).

В области спорта я считаюсь хорошей пловчихой, хотя девушки-сабры (родились в стране, ldn-knigi) плавают лучше, особенно, те, что росли у моря.

Люди пишут обычно о мелочах, потому что трудно писать о делах больших и значительных. Здесь в Нахалале пока что - тишина и спокойствие. В городе чувствуется война. Я очень много думаю о том, что может быть маме лучше было бы приехать сюда. Мне кажется, что сейчас легче получить разрешение на въезд. Каково твое мнение?

{247}

25.10.1940. Нахалал

На сей раз напишу о работе, потому что я о ней мало рассказывала. В моем ведении шесть курятников (были времена, когда я следила за одиннадцатью), в каждом - 50-60 птиц. Эти курятники деревянные и конструкция их очень компактная и эластичная - изобретение нашего учителя. Их легко разбирать, переносить на другое место и снова собирать. Можно также без особого труда соблюдать чистоту. Утром я приношу свежую воду (предварительно, разумеется, прополаскиваю все сосуды) и кормлю своих кур. Они бодро расхаживают взад и вперед по своим дворикам. В 9.30 мы готовим смесь и с чувством волнения (моего и курочек) я начинаю раздавать еду. И после того, как я разбросала все, что у меня было, они стоят в два ряда, прильнув к корыту, и не тронутся с места, пока не исчезнет последнее зернышко. Тем временем я наполняю поилки водой, собираю яйца и по-настоящему сержусь, что несмотря на все мои старания, сбор не велик, потому что сейчас у них меняется оперение. Мы тщательно регистрируем количество собранных яиц по каждому курятнику в отдельности. В 11 работа прекращается, а в 2.30 снова возобновляется. И снова я даю им хлеб и воду, собираю яйца, а на закуску они получают зелень, которую очень любят. Они готовы меня проглотить вместе с нею. Кончаю работу в 4.30. Сейчас мы начали также наблюдать за выводением птенцов, чтобы приобрести опыт. И в этом мы {248} уже преуспели.

30.10.1940 (Двоюродной сестре Эве Шош)

В эти дни я отпраздновала первую годовщину своего прибытия в страну.

Постепенно, как бы невзначай, "любовь авансом" превратилась в стойкую и подлинную любовь, и я чувствую себя в моей стране, как в своем доме. Я полюбила пейзажи, людей, образ жизни, язык, сельский быт. Сейчас выяснилось, что я, в сущности, не была городской жительницей у себя дома. В Буде я жила так, будто нахожусь в деревне, потому и здесь я ни разу не тосковала по городу.

Трудно сказать, что я здесь полюбила. В пейзажах - бесконечное разнообразие, флору, строение гор, формы и краски, какие не найдешь ни в одной другой стране. И дело не только в пейзаже. Воздух здесь чистый и ты видишь далеко. Из Иерусалима видно Мертвое море, с каждой вершины открывается великолепный пейзаж. А люди? О жителях городов я не буду тебе писать, так как я их не знаю, и кроме того, у меня такое ощущение, что они не отличаются от горожан в других местах. Остановлюсь на своих товарищах из мошава и кибуца. Удивительная простота внешности и форм общения. Не слишком часто они говорят "пожалуйста" и "спасибо", г. е. нет показной вежливости, но зато много сердечности.

По правде говоря, они даже не чувствуют, что это сердечность, ибо им кажется совершенно естественным, что если ты прибыл в кибуц, ты должен с ними пообедать, даже если они тебя не {249} знают; обратись к кому-либо, он тебе все покажет и объяснит и т. д.

Понятно, что такая сердечность отнюдь не свойственна всем и встретишь ее не всюду. Не рисуй себе идеального общества, в котором сплошь благородные люди. Но я по своему личному опыту могу сказать, что встречала много сердечности со стороны людей которых я почти или совсем не знала, и поэтому я делаю определенные выводы. И это не единственное их качество. О молодых можно сказать, что они здоровы телом и мыслями. Мне трудно указать их общие черты, т. к. я опасаясь, что могут подумать, будто мои слова преследуют цель агитировать в диаспоре в пользу нашего молодого поколения. В то время, когда я его мысленно рисую, перед моими глазами встают мои подружки по группе, веселые девушки, организованные и толковые, или я слышу поющие голоса ребят из кибуцов и мошавов - это они выехали на экскурсию в переполненном автобусе; или я вижу их во время массовой пляски, во время доклада, на спектакле. И рассматривая их, я делаю вывод. Они кажутся мне здоровыми душой и телом. Без живой картины, когда слова остаются на бумаге, все, что я говорю, может показаться риторикой.

Круг их интересов во многом отличается от нашего. Самый наглядный пример - канун субботы. В это время есть обычно концерт по радио, но они, жители мошава, танцуют и поют в саду под гармошку. В комнате, где есть радио, {250} остаются почти исключительно, девушки, приехавшие из-за границы. А девушки-"сабры" - в саду. И мы затем присоединяемся к пляске и пению. Лишь в редких случаях они слушают концерт. Верно, у них есть музыкальное чутье. Многие из них красиво поют и любят петь. Общепринято, летом в субботний вечер петь хором. Есть очень красивые еврейские песни, и тот, кто знает новую песню, становится героем дня. Меньше удовольствие доставляет им музыка, которую принято называть "серьезной". Это особенно относится к уроженцам мошавов. В кибуцах чаще дается более основательное музыкальное образование, а тем более в городе.

Понятно, что велик интерес к театру, кино. На спектаклях "Габимы" зал переполнен. Кино интересуется больше молодежь и меньше стариков.

Самое распространенное средство просвещения это, понятно, книга. Здесь стараются побольше читать, разумеется, на иврите, и потому из мировой литературы знают лишь то, что переведено на иврит. У них нет особого стремления пофилософствовать, идеологические дискуссии они оставляют для нас. И все же, если ты пришел, чтобы поспорить с ними, интересно выслушать их мнения - у них есть своя позиция. Разделение "мы" и "они" чисто условное,

чтобы показать разницу. В действительности же, у нас существует тесная связь между собой. В большинстве комнат смешанный состав, и между нами царят отношения дружбы. Во многих кибуцах хорошо удалось сочетание групп из {251} Эрец-Исраэль и из-за границы. Следовательно, существует разница, но нет противоречий.

Я люблю откровенную демократию во всем, за пределами школы. Определение "демократия" применительно к кибуцу или мошаву фактически неверное, потому что можно говорить о демократии в таких местах, где встречаются разные классы. В мошаве нет более высокого звания, чем звание "товарищ"... Все прочие, которые здесь живут - учителя, врачи и т. д. - тоже наши товарищи, или таковыми считаются. Вполне естественно, что в кибуце нет никакой разницы между товарищами, так как нечем им разниться друг от друга. Все живут в одинаковых условиях. Единственная разница - в месте, где приходится трудиться, которое, с одной стороны, разумеется, отличается от других, а с другой - не определяет места человека в обществе.

И в рамках кибуца есть руководство, но из большей ответственности и большего влияния не вытекает никакого личного преимущества. Противоречия в городе более сильные, и связь между различными классами там более слабая. Разделение на различные прослойки основано, преимущественно, на экономическом положении, потому что практически не существует других различий между рабочим и капиталистом. Культурный уровень очень часто одинаков.

Подъем общеобразовательного уровня здесь весьма трудная проблема. Бытующее в {252} диаспоре представление, будто здесь днем с огнем надо искать человека, не умеющего читать и писать, к сожалению, не более, чем сказка. Власти не несут никаких обязанностей в вопросах просвещения, наши же денежные возможности весьма ограничены, и поэтому школьное обучение относится к одной из самых трудных социальных проблем. Уровень существующих школ отнюдь не такой, какими мы их рисовали себе.

Есть, правда, школы, где уровень преподавания высок - гимназии в городах, областные сельские школы, добившиеся серьезных достижений, и среди них, параллельно к средней школе - очень важный тип школ для подростков, юношей и девушек 10-18 лет, где теоретическое обучение связано с работой в сельском хозяйстве (в старших классах - одинаковое количество часов для учебы и работы). Трудна работа учителя в подобных школах. В некоторых из них ликвидирована система отметок, а если и есть отметки, то им не придают особого значения. Уважение к учителю - в мизерных размерах или вовсе отсутствует. Дети ничего и никого не боятся. Единственно, чем учитель может влиять на них, это своей личностью. Некоторые утверждают в отношении

местных детей, что свобода у них превратилась в распущенность, самоуверенность - в заносчивость, откровенность - в наглость. Я не смотрю на все столь мрачно, и мне кажется, что эти оценки - преувеличенные и поверхностные...

С языком у меня большой прогресс, я это {253} доставляет мне много радости. Начала знакомиться с ивритской поэзией, читаю стихи Рахели, Черниховского, Шимоновича (Шимони), Бялика, Шнеура. Я не предполагала, что ивритская поэзия так богата. Самое возвышенное произведение - это Библия. До последнего времени я вообще ее не знала, а сейчас читаю с большим интересом. По-видимому, есть особый смысл в чтении оригинала, особенно тогда, когда ко всему у тебя живое и непосредственное отношение. Библейские названия многих мест и имена собственные людей встречаются здесь повседневно, и поэтому не ощущаешь огромного расстояния во времени от библейского периода.

Такова красивая и блестящая сторона монеты. Легко представить, что несомненно бывают моменты, когда не все так красиво и легко. Но это вроде короткой школьной перемены - работа заставляет человека легко забывать о трудностях. Мама, должно быть, рассказывала тебе, какое огромное наслаждение доставляет мне работа на поле. И все же я хочу связать свою трудовую деятельность в будущем с детьми. Вот схематический перечень моих интересов: меня интересуют растения, животные - еще больше, а люди - больше всего. Мне кажется, что мои планы не очень далеки от воплощения в действительности, так как кроме упомянутых выше школ, есть много других учебных заведений, где дается сельскохозяйственная подготовка детям или подросткам.

{254} Теперь я убедилась, что когда начинаешь писать, можно писать о многом, но на сегодня хватит.

6.12.1940

(Другу по сионистскому движению)

Ты просишь подробного отчета о моем опыте, накопленном за минувший год. Это - трудное дело, так как мой опыт можно рассматривать с разных точек зрения, и я боюсь, что дам лишь поверхностное описание. Находясь только в школе, страну не познаешь.

Если бы я сюда прибыла в качестве туристки, чтобы насладиться щедрой красотой природы, я могла бы рассказать о горах Галилеи, озере Кинерет,

берегах Иордана, покрытых чудесной растительностью. Я описала бы восход солнца в Ездrelонской долине или на берегу моря, изумительные виды, которые открываются из Иерусалимского амфитеатра.

Если бы меня интересовало блестящее историческое прошлое страны, я могла бы много рассказать о древних кварталах Иерусалима, и совершенно справедливо мнение, что вся Палестина - это единый исторический массив. С трудом здесь можно найти место, которое не было бы связано с каким-либо историческим событием.

Если я была бы заинтересована в естествознании или географии, я несомненно бы поражалась тому, как удалось природе на столь ограниченной площади разместить столь {255} богатую и разнообразную растительность, как возможны столь разительные контрасты в климате этой крохотной страны. Если бы я рассматривала страну глазами владельца капиталов, я бы несомненно пришла к выводу, что в ней таятся большие возможности - и в сельскохозяйственном, и в промышленном производстве (впрочем, для этого не обязательно обладать глазами капиталиста).

Но так как вовсе не все это привело меня сюда, я не намерена об этом писать. Я приехала в эту страну, как сионистка, чтобы обрести здесь свой дом, и поэтому я должна ответить на вопрос, что дает мне, и будет давать в будущем, ощущение своего дома.

У "сабров" это не проблема. Для них, как и для всех детей "нормального" народа, вполне естественно, что земля, на которой они живут, - их родина, язык, на котором они говорят - их язык. Они не особенно много об этом говорят, потому что сама жизнь выражает это на деле. Ясно, что труднее ответить на все эти вопросы тем, кто прибыл в страну по своей воле или в силу необходимости (чаще всего трудно провести разделительную черту между этими двумя категориями).

Есть у нас два основных принципа: мы хотим что-то получить у страны - это естественно, и мы хотим что-то дать ей - это наш долг. Если мы сможем получить у страны то, что она может нам дать, и если мы сумеем дать стране то, что она от нас требует, тогда {256} Эрец-Исраэль станет нашей родиной.

Что мы можем получить у страны? Прежде все - базу для независимой и здоровой жизни; затем - возможность для более спокойного и уравновешенного рассмотрения социальных проблем; ощущение свободы и создание новой культуры. И кроме того - ощущение ответственности: все, здесь происходящее и созданное, сделано не только в нашей среде, но и нашими

руками. Все это было нашей целью еще в диаспоре. После того как я целый год пробыла в стране, я вправе утверждать, что Эрец-Исраэль в состоянии дать нам все это.

Но она сможет дать все это лишь тем, кто даст ей взамен свою веру, труд и любовь; всем тем, кому ясно, что это не страна чудес, - что и тут есть будни, и лишь раз в неделю бывает суббота. Лишь те, кто в состоянии выбросить из сердца многие воспоминания недавнего прошлого и оживить в своем сердце воспоминания далекого прошлого - смогут почувствовать себя здесь дома. Каждый получает здесь в соответствии с тем, что он дает. Не подумайте, что это мало. Вот уже в течение тысячи и более лет мы имели возможность уяснить себе, что значит постоянно класть на одну чашу весов и постоянно с опозданием убеждаться, что вторая чаша при этом даже не шевельнулась...

Не подумайте, что это пустые слова. Большое количество примеров свидетельствует о том, как очень многие легко и быстро приспособляются к жизни в стране, выполняют все ее {257} заповеди и быстро осваивают язык. Они во всем преуспевают, потому, что обладают сильной волей и очень любят эту страну.

В то же время есть, к моему сожалению, и такие новоприбывшие, которые оторваны от наших дел и остаются чужими - и по языку, и по образу мыслей. У них не было необходимого мужества и свежих сил для душевного обновления. Одно я должна установить: в стране очень трудно с климатом, с экономикой и политикой. Эти трудности, которые сейчас не могут быть преодолены, мы обязаны принять и приспособиться к ним, остальные трудности мы должны хорошо познать, дабы научиться преодолевать их.

Не буду растягивать письма. Подчеркну еще лишь несколько моментов. Очень желательно, чтобы вы изучали иврит до своего приезда сюда. Я не преувеличиваю значение и важность этого. Стоит прилагать любые усилия для овладения языком, ибо в будущем это облегчит вам муки абсорбции. Не следует забывать, что при новых условиях в стране очень трудно будет отдаваться учебе.

Вторая необходимость: ознакомиться с движением и достичь ясного понимания, чего вы ждете от страны. Очень важно обрести заранее тот фундамент, на котором можно будет продолжать здесь строить. И я чувствую, как мне не хватает нужных сионисту знаний. Правда, я стараюсь сейчас их приобрести, но не каждому дана возможность провести два года в школе, в {258} которой все же легче, чем в обычной трудовой жизни.

Если тебя опросят, то скажи, что хороший специалист в сельском хозяйстве или промышленности может здесь легко устроиться. Ясно, что свою профессию он должен знать хорошо. Лавочники, врачи и служащие здесь не нужны. Их здесь избыток.

17.12.1940

... Ты права, мама. Чем глубже я погружаюсь в свою работу, тем больше она покоряет меня. Именно птицеводство кажется с первого взгляда делом очень простым. Принести воду, раздать корм, собрать яйца, почистить курятник - чему, в самом деле, надо учиться? Так, во всяком случае, принято думать. И лишь постепенно начинаешь понимать проблемы, возможности, причины и следствия, и понятно, после этого меняются отношения к работе. Две мои подруги по классу и одна - по комнате заняты вместе со мной в этой отрасли, и потому нашу комнату прозвали коротко и выразительно - "комната кукуреку".

... Мы готовимся к празднику Вицо (Вицо - (аббревиатура) всемирная сионистская организация женщин.). Мне дали весьма почетную роль в спектакле, несмотря на мое все еще осязаемое венгерское произношение. В данном случае это не очень страшно, ведь не всегда отождествляют страну, {259} где я родилась, с моей речью. Чаще всего выходцев из Венгрии узнаешь после первых двух фраз, а некоторые узнают их после первого произнесенного ими слова. Так как в иврите ударение почти всегда на последнем слоге, как, например, в предложении "Ани роцэ" ("я хочу"), а "чистокровные" венгерские евреи говорят с ударением на предпоследнем слоге, в соответствии с законами венгерского языка, их произношение служит неиссякаемым источником шуток. И лишь потому, что венгерское произношение в моей речи не очень дает себя знать, я получила эту роль. Ведь, в конце концов, нельзя подняться на сцену "мировой славы" артисту с совершенно испорченным произношением...

А что касается моего первого стихотворения, написанного на иврите, скажу следующее: вот видишь, мама, ты должна изучить иврит, если хочешь его понять. Я показала его учительнице иврита, и оно ей очень понравилось. Она даже не нашла в нем языковых погрешностей.

Март, 1941, Нахалал

Ты ведь знаешь, что за все 18 лет своей жизни в Будапеште я чувствовала себя там хорошо и никогда не тосковала по деревне. Правда, я никогда не использовала все прелести городской жизни, если не считать концерты, театр и представления. И я не буду искренней если скажу, что ни за что не смогла бы жить в городе. Но теперь я не стремлюсь жить в нем.

{260} Мне полюбились дали, что виднеются из окна в нашем селении, простота и покой в образе жизни, и я чувствую, что все это могло бы меня удовлетворить, если бы я всегда находилась в обществе людей, которые мне подходят. Что касается работы, то это факт, что основа страны - сельское хозяйство. А оно нуждается в образованных людях, что не соответствует тем понятиям, которые царят в диаспоре относительно крестьян.

Не тревожся, мама, я многократно сама перед собой ставила заново этот вопрос и пыталась со всей серьезностью решить эту проблему - правильно ли я выбрала для себя профессию, сможет ли она меня удовлетворить, когда испарится элемент новизны, соответствует ли она присущим мне свойствам и способностям? До сих пор я приходила к выводу, что выбор сделан правильно. Не знаю, каким образом буду действовать в дальнейшем, но уверена, что найду самое лучшее решение, ибо буду его искать, если, понятно, будет такая возможность, и не удовлетворюсь вынужденным решением. Короче говоря: я чувствую себя связанной с этой работой и мне будет очень трудно отказаться от нее.

Но еще важнее третий пункт. После моего короткого пребывания здесь, мне стало ясно, что социальные различия в Эрец-Исраэль весьма многообразны. Правда, факторы происхождения и интеллигентности нельзя считать основополагающими, и если таковые имеются, не {261} они определяют эти различия. Со дня моего прибытия в страну, я чувствовала, что халуцианская прослойка всего мне ближе. Познакомившись с ее взглядами и человеческим материалом, я убедилась, что жизнь халуцов, их представления, более ясны, прямы и справедливы, чем мои собственные по целому ряду вопросов. Было бы очень долго писать обо всем. Короче говоря: я хочу избрать путь, который связал бы меня именно с этой прослойкой. В последнее время я очень много думаю о кибуце и понятно, что если с течением времени мне станет ясно, что данный кибуц не подходит для меня вследствие моей натуры, у меня все же будет возможность оставаться в этих наиболее близких мне кругах.

29.4.1941 (Брату)

Возможно, что в ближайшем будущем я не смогу вам писать, и мне очень трудно сознавать, что вы будете тревожиться и беспокоиться за мою судьбу. Мы готовы к тому, что война еще более приблизиться к нам. Но если нам уж суждено было родиться в эпоху войны, я рада, что живу на этой земле, которую ощущаю и называю своей родиной. "В огромном мире, кроме нее, не найдешь себе места..." (Цитата из стихотворения.) - продолжение тебе известно. Правда, об этом здесь не принято распространяться, но каждый знает и чувствует, что это так.

Повседневная жизнь протекает у нас, как {262} всегда, без изменений. Удивительно, как успокаивают полевые работы, заставляя забывать обо всем. Если бы только этому я обучалась в течение минувших двух лет, и тогда все было бы оправдано. И хотя минувшее время кажется внешне достаточно однообразным, в действительности оно было многокрасочным и наполнено движением, новыми впечатлениями и новым мировоззрением. Как было бы хорошо обо всем этом поговорить с тобой, мой Гиора!

Если наступят плохие времена, как это уже чувствуется, и мама будет терзать свое сердце, что разрешила мне приехать сюда, ты, Гиора, должен объяснить ей, что для меня это было единственное решение, единственная возможность, и я ни на мгновение не раскаиваюсь в сделанном шаге в той мере, в какой это касается меня лично. Жаль, что в эти дни вы так далеки от меня. Дай Бог, чтобы вы прошли эти времена благополучно и в добром здравии.

Не думай, что я всегда нахожусь в столь серьезном настроении. Вчера у нас был очень веселый вечер, да и при других обстоятельствах мы веселимся.

Обычно человек пытается отстраниться от мыслей, которые рождают подобного рода письма.

Декабрь 1943

Без всяких предисловий хочу написать о главном. Сейчас предоставляется возможность для вашего приезда ко мне. Я предприняла все необходимые шаги, чтобы эта поездка могла {263} быть осуществлена в течение нескольких недель или, может быть, даже нескольких дней.

Знаю, моя дорогая, что все произошло внезапно и неожиданно, но нельзя медлить. Дорог каждый день, может быть, закроют дорогу, или появятся какие-либо другие трудности, Гиора будет здесь в самом ближайшем будущем, - не знаю, нужны ли еще другие аргументы.

Дорогая мама, будь мужественной и быстрой, пусть тебя не удерживают материальные вопросы, в наши дни это последняя забота. Можешь положиться на нас, у тебя тут не будет материальных трудностей.

Я верю, моя дорогая, что нет необходимости в дополнительных аргументах. Не буду просить, чтобы ты сделала это ради нас - сделай это ради себя самой. Главное - чтобы ты приехала. То, что сможешь привезти без трудностей - возьми, но ни на минуту не задерживайся из-за вещей. Я сейчас не в состоянии

писать о чем-либо другом .

15.1.1944 (Профессору Фекэтэ)

Дорогой дядя,

я хорошо знаю, что ты не одобряешь этот мой шаг, и мне жаль, что я не могу тебе объяснить сейчас подробнее все причины. Я надеюсь, что ты сохранишь прежнюю дружбу и к своей "дочери-солдатке". Что же касается мамы, то мои планы не изменились. Напротив: мое новое положение создает более подходящие возможности, и я, разумеется, постараюсь их {264} использовать возможно скорее. Надеюсь, что и мой брат будет здесь. Очень возможно, что тем временем я окажусь за границей. Не думай, пожалуйста, дядя, что я легкомысленно подошла к этому вопросу. Ты ведь знаешь, как я ждала приезда брата и мамы. И, вопреки всему, хочу верить, что я права. При других обстоятельствах я могла бы, понятно, разъяснить все подробнее.

Я хотела бы, чтобы мой дядя знал в точности о моем материальном положении, дабы моя мама и брат могли получать деньги, не дожидаясь меня, если я задержусь за границей. Ту сумму денег, которая записана на мое имя, я внесла в фонд "Объединенного кибуца" ("Гакибуц Гамеухад") в соответствии с прилагаемой квитанцией. Оттуда моя мать или брат смогут получить эти деньги в любую минуту, после удостоверения их личности. И еще об одной важной вещи я хочу сообщить тебе на случай, если меня не будет в стране или если я не смогу сразу получить отпуск: секретариат кибуца твердо обещал мне, что поможет моей маме во всем, будь то работа или другие дела. Они смогут передавать обо мне достоверные сведения в случае, если я сама не смогу писать, что трудно себе представить. Я еще хочу, чтобы ты знал о чемодане, который находится в семье К. и может маме понадобиться, и о чемодане в кибуце (Кесария) - в нем папины книги и некоторые другие личные вещи...

Не удивляйся, дядя, этому стилю {265} "завещания", но так как я, по всей вероятности, вскоре отправлюсь из Египта в Европу, я не хотела, чтобы когда приедут сюда брат и мама, мой дядя не знал о вещах, имеющих на первых порах столь большое для них значение.

Прости меня, что я утруждаю тебя столь многими делами, но с тех пор, как я в стране, я привыкла обращаться к дяде во всех трудных случаях, и дядя меня избаловал своей любовью и постоянной готовностью прийти на помощь.

С большой и горячей любовью и благодарностью

Хана Сенеш.

Каир, январь 1944.

Дорогой Гиора,

после десятичасовой, примерно, поездки, мы прибыли по назначению. Время прошло довольно хорошо, потому что я ехала с веселой компанией. Мы пели, беседовали и даже вздремнули. Часть дороги я сама вела машину. Понятно, не до конца, так как кроме меня было еще три шофера. У меня было много времени для раздумий, и я, понятно, думала о тебе. Я снова благодарю судьбу за то, что мы встретились, пусть даже на очень короткое время.

Ты можешь себе представить, как меня интересуют твои первые впечатления о стране в кибуце. Не торопись выражать свое мнение, постарайся раньше узнать страну, а это дело не простое (я имею ввиду, чтоб ты познакомился не только с географией страны). Сейчас мне трудно писать, ибо все считается {266} "военной тайной", и я опасаясь, что цензор многое зачеркнет. Короче говоря: я себя чувствую хорошо. Тут много солдат и солдаток из Эрец-Исраэль, и среди них у меня много друзей. Днем я занята, но по вечерам мы иногда идем в кино или я остаюсь в своей комнате и читаю. К счастью, я живу в городе, а не в лагере, и здесь я могу лучше использовать свободное время.

Мой дорогой Гиора, пиши мне много. Ты ведь знаешь, как меня все интересует. Послал ли ты телеграмму маме? В следующий раз постараюсь написать больше и, может быть, даже приложу карточку. Тысячу раз обнимаю. Твоя сестра. P. S. В отношении имени (Речь идет о еврейской имени брата.). Мне Гиора нравится больше, чем Гершон.

27.1.1944, Каир

Дорогой Гиора,

многим солдатам нашего "причала" повезло, и они одни за другим едут домой, и я, таким образом, могу послать тебе письмо вторично, приложив к нему маленький подарок местного производства. Все красивые вещицы, которые я вижу, хотела бы послать тебе. Но я пока еще не знаю, что тебе нужно, и, понятно, что я не "капиталистка". Поэтому посылаю тебе, мой дорогой Гиора, свою авторучку, так как я по. лучила новую. Недавно я беседовала с человеком, который вернулся из Турции и {267} заинтересован в том, чтобы наша мама могла приехать. Надеюсь, что мое письмо убедит ее в преимуществах немедленной алии. Сейчас произошла задержка из-за того, что нет

возможности проехать через Болгарию, но есть кое-какая надежда, что найдется другой путь.

Что касается меня, то, возможно, что вскоре я тронусь отсюда. В этом случае буду, вероятно, писать более короткие письма. Для мамы я приготовила несколько писем, и с течением времени ты их будешь высылать ей. Она ни в коем случае не должна знать о том, что я мобилизована.

Надеюсь, что ты сохранишь все те адреса, которые я дала тебе в связи с мамиными и твоими делами.

Используй их спокойно каждый раз, когда в этом будет необходимость. С большой любовью

твоя сестра

Февраль 1944, Каир (Брату)

... Сегодня снова была на хорошей прогулке. Посетила царские гробницы в Луксоре. Интересные и монументальные творения. Вообще-то говоря, у меня уже для всего этого не хватает терпения. На будущей неделе, по-видимому, тронусь отсюда и с напряжением жду начала новой работы.

В случае, если мама приедет во время моего отсутствия, ты должен объяснить ей ситуацию. Я знаю, мой дорогой, что на тебя возложена трудная миссия, и не знаю, поймет ли мама этот {268} мой шаг. Нет слов, чтобы выразить, как болезненна для меня мысль, что я снова причиняю заботы моей дорогой маме и не могу быть вместе с вами. Все мои надежды на то, что скоро вы оба будете вместе.

С безграничной любовью - Хана.

2.4.1944 (Югославия) (Брату)

Я оставила прежнее место. Чувствую себя хорошо, и моя работа доставляет мне удовлетворение. Довольствуйся пока этими сведениями. Я знаю, что эти короткие слова не говорят о многом, но ты, мой дорогой, ты пиши обо всем. Как ты вступил в новую жизнь? Теперь тебе уже легче выразить свое мнение. У тебя была возможность познать все хорошее, а также и трудности. Мне кажется, что там люди исключительно приятные, и это очень помогает созданию домашней обстановки.

В каком положении твой иврит? Несомненно, ты хорошо успеваешь. Не так ли?

Не завидую тебе в том отношении, что приближается лето. В долине Иордана не замерзают от холода, но от тебя близко Тивериадское озеро. А это не так уж плохо. Есть ли что-нибудь от мамы?

Тысячу раз обнимаю - Хана,

10.5.1944 (Югославия) (Брату)

Да, воздушная почтовая связь не очень упорядочена, в все же я получила три твоих {269} письма. Как они меня обрадовали! Я рада, что ты доволен и счастлив. И я удовлетворена, но мне жаль, что я так далеко от тебя. Случались тут со мной очень интересные вещи, но тебе придется некоторое время обождать, пока я расскажу тебе о них. Мой дорогой, я, как и ты, очень озабочена положением мамы. Страшное ощущение - знать, что лишена возможности поспешить ей на помощь. Ничего особенно не зная, я представляю себе, что ее положение ужасное. Ты можешь себе представить, сколько я думаю о вас обоих, а о ней - больше, чем обычно.

Прости меня за короткое письмо. Мне кажется, что ты уже привык к столь коротким весточкам. Наступит день - и я погашу все свои долги и дополню все, о чем недосказала.

Тьма поцелуев.

Твоя Хана.

20.5.1944 (Югославия) (Брату)

И снова короткое письмо, чтобы ты знал, что я здорова. И это все. Мне кажется, что все знакомые и друзья сердятся на меня за то, что я не пишу им. Прошу тебя, попытайся разъяснить им, поскольку это возможно, ситуацию. Если же не сможешь - они мне в будущем простят. Сейчас я не могу писать майе, и твои письма должны восполнить отсутствие моих. Я разрешаю тебе даже подделывать мою подпись в надежде, что ты этим не воспользуешься для "больших денежных обязательств,..".

Само собой разумеется, хотя я об этом не {270} пишу, что мне бы очень хотелось тебя видеть, говорить с тобой или хотя бы написать тебе подробное письмо. Думаю, что ты это хорошо знаешь. Твои письма получаю с большим опозданием, но все же, раньше ли, позже ли, они приходят, и я счастлива

узнавать о тебе все.

Целую тебя и шлю горячий привет товарищам - Хана.

6.6.1944 (Югославия)

(Это письмо было написано накануне
перехода через венгерскую границу.)

Дорогой Гиора!

Снова есть возможность написать тебе несколько слов и я ее использую. Самое важное: сердечные пожелания ко дню твоего рождения. Вот видишь, я надеялась, что на этот раз отпразднуем его вместе - и ошиблась. Будем же надеяться, что это произойдет в будущем году.

Я хотела бы, Гиора, чтобы ты написал М. из нашего кибуца (Кесария). Давненько я им не писала, но я много о них думаю. Чувствую себя хорошо. Есть причины, по которым я не могу писать им отсюда.

Что нового у мамы? Пожалуйста, напиши мне обо всем, твои письма раньше или позднее приходят, и я так всегда рада читать их.

Мой дорогой, прими мои самые горячие пожелания и тысячу поцелуев

Хана.

Брагинскому

(Иегуда Брагинский - член секретариата "Объединенного кибуца"; который занимался подготовкой Ханы Сенеш к ее миссии во вражеском тылу.)

Сердечный привет !

Хочу написать тебе несколько слов перед отъездом. Это не прощание - мы попрощались еще в стране. Но я чувствую необходимость сказать тебе несколько слов как хорошему и близкому товарищу.

Я знаю, что могут создаться такие условия, когда вы будете находиться в состоянии неуверенности за нашу судьбу или будете определенно знать о

нашем трудном положении. И я знаю, что тогда ты будешь сам себе задавать вопросы, и я хочу заранее ответить на них. Не за других - только за себя. Хотя я знаю, что все чувствуют, как я.

Иду с радостью, по своей доброй воле и с ясным пониманием всех трудностей. Я вижу в выполнении этой миссии высокую честь, а также долг.

И во всяком месте и при всех обстоятельствах нам будет помогать сознание, что вы стоите за нами.

У меня есть к тебе также просьба, и может быть, лишнее о ней говорить, но я вынуждена. Мы привыкли, что дела товарищей широко известны, все мы вместе переживаем удачи и трудности. Но вы должны понимать, что ради удовлетворения любопытства товарищей, желающих знать о нашей судьбе, мы можем {272} уплатить очень дорогую цену. Каждое слово оценки и публикации - ты знаешь, что это означает...

Не хочу долго говорить. Но перед поездкой я должна еще раз поблагодарить тебя за оказанную мне помощь и за товарищеское отношение.

Об остальном поговорим, когда вернусь. А пока - горячий привет

от Агари (Агарь - конспиративная кличка Ханы Сенеш во время выполнения ею задания.).

13.3.1944

(Это - дата ее приземления в Югославии. Записка дошла по назначению - к матери - лишь спустя долгое время, и неизвестно, какими путями.)

Дорогая мама,

Через несколько дней я буду так близко от тебя - и так далеко. Прости меня и, пожалуйста, пойми.

Миллион раз тебя обнимаю

Хана.

13.3.1944, за час до выхода

(Написано в самолете по пути из Италии в Югославию.)

Дорогие друзья!

В море, на суше, в воздухе, во время войны и во время мира.

Мы все идем к одной цели.

Каждый из нас стоит на своем посту - Нет разницы между заданиями! Я буду вас часто вспоминать, это придает мне силы. С горячим дружеским приветом

Хана.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

{277} Стихи

К МАТЕРИ

Ты не стонешь, ты не плачешь,

Ты не жалуешься, мама,

Ты от взоров горе прячешь -

Губы сжав, молчишь упрямо.

Ветер стонет, ночь тревожа,

Море волнами грохочет -

Нет, никто молчать не может,

Нет, никто молчать не хочет!

Но какие только боли,

Молча, ты не выносила!

Где берешь ты столько воли,

Сколько мужества и силы?..

Нахалал, 15.1.40.

{278}

Умереть... молодой... умереть ?

Нет, я не хотела.

Любила сияние глаз, море, ветер,

Солнце - больше всего на свете...

Но войны, разрушений и смерти -

Нет, я не хотела.

Но уж если судьбой предначено мне

Жить в крови и в обломках, в дыму

и в огне, -

Слава Господу - я скажу - лишь за право

дышать,

А настанет минута - и смерть принять

На земле твоей, Родина.

На родной стороне.

Нахалал, 5.5.1941

Боже, даруй бессмертие дали морской,

Вышине голубой,

Придорожной траве

На песчаной канве,

И молитве людской...

Кесария, 24.11.1942

НА ПУТИ

Голос звал - я оставила дом.

Чтоб в пути устоять на ногах.

Не пойти - означало: крах.

Но внезапно на стыке дорог,

Уши накрепко сжав,

(чтобы голос умолк), -

Я заплакала: -

Боль извечной утраты

Ступившего за порог.

Кесария, 12.1942

{279}

Благостно спичке, сгоревшей,

но высекшей пламя;

Благостно пламени,

властвовавшему сердцами;

Благостно сердцу, угасшему в схватке

с врагами;

Благостно спичке, сгоревшей,

но высекшей пламя.

Сердице, 2.5.1944

Шаг, два, три шага... восемь - в длину

И два в ширину. Таковы границы.

На волоске моя жизнь повисает и длится-

День, два, три... ну, неделя... Быть может

Месяц июль меня здесь застанет.

Небытие - у виска. Пустота подступает.

23 мне исполнилось бы в июле.

В дерзких играх брала я отвагой, бывало.

Кубик нечетом выпал. И я проиграла.

20.6.1944

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
 =СИОНИЗМ = АТЛАС =

{283} Миссия. К ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЕ

Судьбе было угодно, чтобы в разгар Второй мировой войны я оказался рядом с Ханой Сенеш. Мне посчастливилось быть с ней вместе в течение ряда месяцев на партизанской земле в Югославии - до того дня, как она пересекла венгерскую границу. Это был, пожалуй, самый страшный день ее жизни, так как она сразу же попала в руки нацистов.

Вначале я увидел ее на встрече парашютистов, созванной в связи с предстоящей отправкой в тыл врага. Я тогда еще не был включен в их отряд. Меня пригласили, на совещание как человека, хорошо знающего Югославию. Со мной хотели посоветоваться о том, где наиболее подходящее место для приземления наших товарищей, дабы их не смогли обнаружить и поймать. В ту пору я был солдатом и выполнял задания по связи с партизанами Югославии, и пути-дороги этой страны были мне хорошо знакомы.

Когда я совещался с товарищами, мое особое внимание привлекла девушка - единственная в этой группе. Она была очень активна и задавала много дельных вопросов, связанных с проведением этой дерзкой операции. Вначале я не предполагал, что и она в числе тех, кому доверена эта миссия. Я был уверен, что она, как и я, приглашена сюда, чтобы дать {284} подробную информацию об одной из стран, куда направлялись парашютисты. Когда мне стало известно, что и она - из отряда этих отважных бойцов, я с ней разговорился и был поражен тем душевным жаром, который она вкладывала в выполнение боевого задания.

Спустя несколько недель мы снова встретились в Каире, и Хана настойчиво уговаривала меня присоединиться к ним в пути, особенно подчеркивая, что наличие в группе человека, который чувствует себя в Югославии, как дома, свободно объясняется на ее языке и знает все местные обычаи, очень облегчит группе выполнение задания. В тот же вечер (помнится, это была суббота) я поехал с группой в одно воинское подразделение, и я вспоминаю, какое

странное впечатление она произвела на меня тогда. В ту пору я еще плохо знал Хану Сенеш, и ее личность в какой-то мере оставалась для меня загадочной. Она была неиссякаемым источником шуток, острот и веселья. Со всеми перебрасываясь дружескими репликами (включая араба, водителя нашей машины), она затем с особым рвением отдалась проблемам предстоящей операции, вникая во все детали и выдвигая все новые предложения. Такая резкая перемена настроения меня очень удивила. Только что она беспечно смеялась и веселилась, и вдруг совершенно преобразилась - в ней загорелось то внутреннее пламя, которое побудило ее взять на себя столь трудную и рискованную миссию.

{285} В конце концов случилось так, что и я был включен в отряд парашютистов. Хана открыто выражала свою радость, и я никогда не забуду ее успокаивающих слов - они помогли мне избавиться от гнетущей душевной напряженности в связи с предстоящими тренировками с парашютом. Больше всех других она демонстрировала свое насмешливо-пренебрежительное отношение к прыжку с парашютом, как к акту геройства. Признаюсь - в трудные часы, когда я с бьющимся сердцем готовился к первому прыжку с самолета, я не раз вспоминал Хану и ее слова, и вне всякого сомнения, они помогли мне обрести нужное спокойствие.

Спустя некоторое время нам двоим поручили действовать совместно, и в одну из ночей в распоряжении нашей группы, состоявшей из пяти человек, был дан специальный самолет, который доставил нас в итальянский город Бари. Нас сопровождал по заданию командования Энцо (Хаим) Серени (Спустя несколько недель он приземлился в северной Италии, на территории, занятой нацистами. Он был схвачен и казнен в Дахау 18 ноября 1944 года - через десять дней после гибели Ханы Сенеш.). После тринадцатичасового полета мы достигли итальянского берега и расположились в небольшой деревушке в его окрестностях.

Серени вздохнул с облегчением, он ведь прибыл на ту землю, где родился и прожил {286} большую часть жизни. Здесь он себя чувствовал, как дома, но был все время настороже. Он разговаривал со всеми, кого встречал, играл с детьми, ласкал их и угощал сладостями. Время от времени он возвращался к нам и рассказывал о добытых сведениях. В тот вечер между ним и Ханой развернулся оживленный спор об отношениях к итальянскому народу. Хана не разделяла его незлопамятности и отходчивости, в ее сердце жили воспоминания о жестокой бомбежке безоружного и демилитаризованного Тель-Авива...

Назавтра мы отправились в ближайший город уточнить детали нашего дальнейшего пути, и я не забуду дискуссии между Ханой и Энцо Серени на тему о том - не более и не менее - "существует ли Бог или его нет?" С одной стороны

был немолодой человек с большим жизненным опытом и фундаментальной философской подготовкой, который с воодушевлением поддерживал тезис о наличии высшей божественной силы.

Ему противостояла молодая 22-летняя Хана, которая категорически отрицала существование Бога, опираясь на ясное логическое мышление. Уже тогда, при виде ее железной самоуверенности и страстного упорства, у меня появились сомнения и колебания: смогу ли я с ней вместе работать? Я удивлялся: откуда у этой девушки, так мало знающей жизнь, столь большая самоуверенность? Откуда у нее такая сила (а может быть, и наивное простодушие), чтобы так твердо {287} стоять на своем? И я стал опасаться, что не легко будет мне действовать совместно с ней, не легко будет спорить и убеждать ее, всегда непоколебимо стоящей на своих позициях. И, действительно, со временем я в этом убедился, и не раз между нами вспыхивали дискуссии, иногда принимавшие довольно резкую форму. И когда я в тот же день выложил свои опасения перед Энцо Серени, он мне ответил:

- Разумеется, работать с ней вместе тебе будет нелегко. Но запомни и никогда не забывай: эта девушка необыкновенная!

Да, она была бесстрашной, и не было среди нас человека во все те дни, что мы находились вместе, который был бы так уверен, что наша миссия увенчается успехом, как она. Ей даже не приходила в голову мысль о возможности провала. Она оберегала нас от слабодушия и сомнений. С железной логикой Хана объясняла, как нам удастся выйти невредимыми из самых сложных переплетов и убеждала нас своей непоколебимой внутренней уверенностью. И у нее, разумеется, были очень трудные часы, когда можно было впасть в отчаяние, но из глубин ее души били ключом силы сопротивления - в побеждали.

Когда нас известили, что мы должны быть в состоянии боевой готовности и этой ночью - это было 13 марта 1944 года - отправляемся в опасный путь, ее охватила огромная радость. Всю дорогу она пела и ликовала. Мы вернулись в деревню, громко распевая нашу {288} любимую песню "Вздымайся, вздымайся, пламя мое", которая со временем стала своего рода гимном нашей группы парашютистов.

Для меня лично это были часы очень трудных переживаний, и я не участвовал в пении. Накануне мне стало известно, что мой отец в старший брат, с которыми я расстался девять лет назад, находятся в одном из лагерей в окрестностях Таранто. Я надеялся, что, может быть, у меня появится возможность встретиться с ними, но приказ о выходе на выполнение боевого

задания сделал невозможным эту встречу. И Хана была тем человеком, который понимал, что у меня на душе. Она пыталась меня ободрить и утешить.

На аэродроме мы встретили офицера, который руководил операцией. Несмотря на истинно британское хладнокровие, он не смог скрыть своего восхищения, когда увидел среди нас женщину. В большом парашютном складе, куда нас ввели, чтобы подогнать каждому индивидуально парашютные крепления, работавшие там английские солдаты не сводили с Ханы глаз и не могли сдержать своего чувства удивления. Шотландский солдат, помогавший мне облачаться, сказал просто и с большим чувством:

"Трудно поверить. Я уж давно здесь работаю. Сотням людей я подгонял парашютную оснастку, но среди них еще ни разу не было женщины". И он добавил: "Если я расскажу об этом в Англии, моим друзьям евреям - они не поверят"

{289} Такое же волнение охватило группу американских парашютистов, которые вначале думали, что эта жена одного из парашютистов, пришедшая провожать мужа. Когда мы встретились вторично, незадолго до отправки, они были потрясены, убедившись, что она - парашютистка, и один из американцев, не говоря ни слова, подошел к Хане и пожал ей руку. Хана не понимала, что должно означать это рукопожатие, и ее естественная, милая и простая реакция, весьма смутившая удивленного американца (настолько растерявшегося, что он на минуту лишился дара речи), вызвала у меня и у нее невольный приступ смеха.

В последний час мы сидели и писали прощальные письма нашим близким и родным. Хана написала несколько писем, в том числе в свой кибуц.

Настал час отправки. Тепло, по-братски расстаемся с дорогим Энцо Серени, целуемся (в моих ушах все еще звучат его последние слова, сказанные им в минуту прощания с большим волнением: "Знай, что умирает лишь тот, кто хочет умереть!"). Мы входим в самолет в определенном порядке - в соответствии с тем, кому когда прыгать. Первым должен приземлиться я, затем - Хана Сенеш, а уж со второго захода самолета над целью - И., затем А. и последним -, сопровождающий нашу {290} группу - единственный среди нас нееврей.

Мы сидим в самолете, тесно прижавшись друг к другу. Вокруг нас - тюки, частично предназначавшиеся для партизан, частично - для нас. Каждый из нас как бы схвачен и придавлен прикрепленным к телу парашютом, в тяжелой зимней одежде, с оружием в руках, и не может даже привстать. Оглушительный шум моторов лишает нас возможности переговариваться между собой. Мой

взгляд скользит по лицам товарищей, и я вижу их, каждого на своем месте, погруженных в тяжелые раздумья. Сердце предчувствует, что сейчас решается наша судьба.

Но вот мои глаза встречаются со взглядом Ханы. Лицо ее светится, оно излучает радость и ликование. Хана мне подмигивает, ободряюще машет рукой, на лице ее детская сердечная улыбка. Под специальным шлемом ее лицо как бы уменьшилось и обрело какое-то ребячье, почти младенческое выражение. А ее сверкающая милая улыбка делает ее похожей на маленькую девочку, которую первый раз в жизни катают на карусели...

Ее веселье заражает всех нас. Постепенно исчезает напряжение, атмосфера проясняется, и как-то незаметно приходит хорошее настроение. Мрачные мысли куда-то уходят, они изгнаны в самый отдаленный уголок души, их сменяет чувство покоя и уверенности. Проходит еще некоторое время - и дает себя знать усталость и напряжение. Одного за другим нас сковывают путы сна.

{291} Когда я проснулся, то увидел, что мои товарищи бросают тюки через дверцу, что была в нижней части самолета. Самолет делал круги над целью - партизанской базой.

Никогда не забуду той минуты, когда я должен был первым покинуть самолет. Напротив меня стояла юная Хана, лицо ее сияло, взгляд успокаивал, и она махнула рукой и подняла кверху большой палец - это был ее излюбленный жест, означавший победу, удачу, успех. Она улыбается, я прыгаю вниз... И она мгновенно исчезает.

Через считанные секунды наши ноги ступили на партизанскую землю Югославии.

Несколько месяцев мы странствовали по этой земле и стали свидетелями жестоких и удивительных сражений партизан за свою свободу. Мы видели проявления геройства, большие победы и горькие поражения. Мы проходили, через разрушенные и сгоревшие деревни. Мы сталкивались с атакующими и с отступающими частями, с толпами народа, искавшими укрытия, с караванами беженцев, покидающими горные деревни и возвращающимися в них. Все это многое говорило нашим сердцам, заставляло их то сочувствовать, то радоваться, то содрогаться. Но наша цель была не здесь, она была совсем в другом месте. Мы должны спасти наших братьев в фашистской неволе.

{292} Массы людей, партизан и мирных граждан, видели Хану в форме британского офицера с револьвером за поясом. Она держалась уверенно,

возбуждая всеобщее внимание. Весть о ней передавалась из уст в уста. Когда она встречалась с представителями высшего командования, к ней относились с большим уважением. В Югославии, непосредственно в боевых операциях, участвовали и женщины, и в сражениях, на линии огня, можно было рядом с партизанам встретить и партизанок. И все же в Хане Сенеш было нечто особое, вызывавшее удивление и заставлявшее относиться к ней с почтением.

Хане было поручено перейти в соседнюю страну - Венгрию, и она все время находилась в состоянии лихорадочного ожидания. Ей не терпелось приступить к делу. Но с первых дней нашего появления здесь мы наткнулись на непробиваемую стену реальной действительности. Мы должны были добираться до венгерской границы пешком. Партизаны нам сообщили, что нет никакой возможности перейти границу, потому что немцы снова завладели всем пограничным районом Югославии. "Вы должны ждать..."

Несколько дней спустя, когда мы находились в главном партизанском штабе, сюда пришла весть, что немцы вторглись в Венгрию. И тогда я впервые увидел Хану плачущей. Это была страшная весть для нее и для всех нас.

В первую минуту я подумал, что она плачет {293} из-за мамы, ибо кто знает, что сейчас с ней может случиться. Нет сомнения, это ее тоже тревожило. Но сквозь слезы она воскликнула:

"Что сейчас будет с миллионом венгерских евреев? Они в руках нацистов, а мы сидим здесь..."

(Добавленно нами, ldn-knigi из: "ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА"

Под редакцией проф. С. Эттингера. Часть шестая "новейший период"

"..По иному сложилась судьба евреев союзных с Гитлером стран - Румынии и Венгрии. Румыны изгнали в 1941-42 гг. около 150.000 евреев Бессарабии и Буковины в Транснистрию; только треть их осталась в живых.

В Черновцах 15.000 евреев удалось спастись, несмотря на то, что город несколько раз был занят немецкими {713} вооруженными силами. Большая часть евреев т. и. "Старой Румынии" пережила нацистскую катастрофу, хотя еще 23 августа 1944г., в день капитуляции Румынии, Эйхман прилагал там огромные усилия к тому, чтобы организовать отправку евреев в лагеря смерти.

Когда Германия начала военные действия против Советского Союза, венгры изгнали 11.000 карпато-русских евреев на украинскую территорию. Все они были убиты в конце августа 1941 г.

С тех пор в Венгрии не было ни погромов, ни высылки вплоть до марта 1944 г., когда вслед за введением немецких войск в эту страну в ней было образовано нацистское правительство.

26 марта два члена венгерского фашистского движения "Скрещенные стрелы" были назначены заведующими еврейского отдела при министерстве внутренних дел, Эйхман прибыл лично, чтобы руководить делом уничтожения. Между 24 апреля и 5 мая в ходе массовых облав было арестовано около 200.000 венгерских евреев.

15 мая в концентрационных лагерях и гетто Венгрии и Трансильвании томилось 320.000 евреев, и аресты не прекращались. В тот же день начались транспорты в Освенцим, и до 30 июня было выслано 380.000 человек.

Не менее 300.000 из них было убито в течение сорока шести дней. Эйхман старался организовать и дальнейшие высылки, но давление, производившееся с разных сторон на регента Хорти, перемены в составе венгерского правительства и переговоры с Советским Союзом о капитуляции ослабили влияние гитлеровцев. Все же, когда Красная Армия уже стояла у ворот Будапешта, немцы успели арестовать еще 40.000 венгерских евреев и угнать их в Австрию. Лишь немногие из них остались в живых."

"...Единственным реальным результатом было содействие в организации десанта парашютистов. В конце 1943 г. и 1944 г. 32 еврейских парашютиста из Палестины приземлились в семи захваченных нацистами странах. Некоторым из них не удалось достигнуть своей цели, но остальные сумели успешно выполнить важные задания в области военной разведки и оказали моральную поддержку уцелевшим евреям.

12 из них попали в плен, семеро, были {728} казнены нацистскими палачами. Они стали символом беззаветного героизма и самоотверженности. Имена Энцо Серени, Ханы Сенеш, Хавивы Рейк и их сподвижников ознаменовали собой неразрывную связь между ишувом и обреченным на гибель европейским еврейством.

Летом 1944г. британскому правительству было предложено организовать авиадесант в сто парашютистов, который действовал бы во всех балканских

странах, имея свою главную базу на территории, освобожденной партизанами Тито; однако англичане не допустили осуществления этого плана.

Контакт с европейскими евреями был впервые налажен Еврейской бригадой. Бойцы бригады организовали общественную жизнь евреев Северной Италии, скрывавшихся в горах и в монастырях, а потом бригада стала центром, к которому обращались представители уцелевших евреев со всех концов Европы. Бригада оказывала им насущную помощь, заботилась о больных и о воспитании детей и всемерно способствовала иммиграции - легальной и нелегальной - в Палестину. Эта обширная, многогранная деятельность бригады была одной из причин ее роспуска английскими военными властями..."

Ее совесть не знала покоя. Будто земля горела у нее под ногами. Она все время стремилась туда, по ту сторону границы... Но мы зависели от партизан. Им же были чужды наши желания и наши стремления. А мы почти лишены были возможности говорить с ними открыто. Наша официальная миссия, во имя которой мы здесь находились, не помогла нам проложить дорогу к желанной и истинной цели.

А тем временем, мы исходили вдоль и поперек горы и леса партизанского края, и все время дивились великолепным пейзажем, на фоне которых происходили восстания и сражения. И сильные душевные переживания - от гнетущего чувства отчаяния до окрыляющего чувства восхищения - попеременно сменяли друг друга.

Как-то раз мы оказались на партизанском вечере. Сюда стекались толпы партизан и партизанок в форме, с портупеей. В селении - праздничный шум веселящихся воинов. Мы - делегация из четырех человек - входим в зал, и все встают, бурно аплодируя представителям "могучей империи" (официально мы представляли Англию). И сердце еще сильнее {294} глохнет тревога за судьбу нашей секретной тщательно маскируемой миссии.

Мы уже знакомы с группой высших офицеров, и вот один из полковников предлагает Хане взойти на трибуну и выступить перед народом. Я сопровождаю Хану, чтобы перевести ее речь на один из языков этой страны.

Каждая фраза встречается собравшимися с воодушевлением и тонет в бурных овациях. А в конце, после концерта, стихийно образуются хороводы и

начинается пляска. Есть какая-то могучая сила в ее необузданной радости и зажигательном ритме. Приятно смотреть на партизан и партизанок, самозабвенно исполняющих нечто похожее на нашу "Хору". Их оружие на плечах, а к поясу каждого прикреплены 4-5 гранат, которые качаются в такт пляске. Мгновение - и Хана ныряет в один из хороводов, растворяется в нем, и в безудержном огненном танце дает выход пылающему в ней огню.

Немногие часы разрядки сменяются часами страшных и жестоких потрясений, когда мы находимся под огнем неприятеля и смотрим в лицо смерти.

В наших странствованиях как-то мы оказались вместе с партизанским отрядом в пограничной деревне на вражеской территории. Неожиданная атака. Град пуль посыпался со всех сторон на деревню. Партизанский отряд отступает, спешит укрыться. Отступление переходит в беспорядочное бегство. Людьюми овладевает паника. Некоторые бросают оружие и стремглав {295} скатываются с горы, даже не оглядываясь назад. И мы неожиданно оказываемся здесь в одиночестве, последними, оторванными от всех и окруженными врагом...

Мы тоже скатываемся вниз по склону и бежим по открытой для огня равнине, - он ведется с гор. Мы стремимся догнать своих, а прикрытия нет. Кругом разносятся страшные вопли беззащитных граждан - их караван с домашним скарбом, детьми и стадами - тоже оказался под огнем. Вопли раненых, стоны умирающих, беспомощно валяющихся на земле, прорезают воздух... Это какой-то ад. Во время сумасшедшего бегства ради спасения жизни люди забывают обо всем. И вдруг я вспоминаю, что потерял из виду Хану, не знаю, где она, что с ней. Останавливаюсь на мгновение, поворачиваю голову и вижу, что она изо всех сил бежит за мной и тяжело дышит. Среди града пуль и шума битвы инстинкт самосохранения гонит нас дальше и дальше. И совершенно обессиленные, на последнем дыхании, мы добегаем до лесочка, где нам кажется, что мы в относительной безопасности, и в изнеможении падаем на землю - спасены!

Спустя некоторое время мы лежим под кустами, молчим и напряженно прислушиваемся. И сюда доносится неумолкающие очереди выстрелов, стоны раненых. Наше оружие на взводе. Внезапно показывается на горизонте группа нацистов, и палец тянется к спусковому крючку, чтобы всадить в бандитов пулю. Но Хана - она снова обрела хладнокровие и уже вполне {296} владеет собою - тихо удерживает мою руку и шепчет с большой внутренней силой: "Отставить... Не стрелять!". И глаза ее напоминают мне о том, что в сумятице едва не было упущено: наша цель - спасти братьев. Нельзя легкомысленно сейчас рисковать главным.

Вспоминаются аналогичные ситуации. Мы, четверо, лежим одинокие, оторванные от всех в густом лесу за стволами деревьев с оружием на взводе. Сердце трепещет от возможной встречи с летучим отрядом нацистов, которые прочесывают леса и ищут партизан. То были минуты, когда мы находились на краю гибели, и сердце ждало чуда и надеялось на чудо. Только оно одно могло спасти нас...

Вот они, нацистские солдаты уже на опушке леса. Они стреляют во все стороны. Мы их хорошо видим, но они нас не замечают. Никогда не исчезнет из моей памяти тот удивительный покой, который был на лице у Ханы. Время от времени я украдкой глядел на нее и видел ее лежащей с наведенным револьвером в руке, а в глазах - какое-то неземное сияние. И внезапно душу захлестывает чувство восхищения этой еврейской девушкой, одной из немногих, которая добровольно и сознательно взвалила на свои хрупкие девичьи плечи груз такой жестокой и суровой ответственности. И откуда берутся столь могучие душевные силы ?

... Еще одно жестокое переживание, уже чисто еврейское. Однажды вечером мы оказались в одной деревне и здесь встретились с {297} партизанкой. Когда она показалась на пороге нашей комнаты, я был потрясен, так как сразу же узнал ее! В далекие дни моего детства мы дружили и вместе игрались. Мы жили на одной улице в столичном городе. Страшные годы наложили на нее свой отпечаток, и в волосах ее белели седые пряди, хотя она была еще молодой. Во время нашей беседы сердца постепенно оттаяли, открылись, и партизанка выдала нам свой секрет: она - еврейка! Сердца наши бились в унисон, когда было сделано это открытие, когда выяснилось, что все мы евреи, и какое-то особо приподнятое настроение царило в тот вечер. Она развернула перед нами кровавую страницу страданий евреев диаспоры, а мы, которых она вначале приняла за чужеземных офицеров, передали ей привет от нашей общей, возрождающейся к новой жизни родины. Хана была потрясена этой встречей. Спустя день-два она передала мне на хранение свое четырехстрочное стихотворение, в котором пылало святое пламя ее чистой души, отданной на алтарь отечества. Стихотворение это начинается слова. ми: "Благостно спичке...".

В конце концов, настал день, которого Хана ждала с таким нетерпением - день перехода границы. После непрерывного четырехчасового марша мы оказались в пограничной деревне. Мы сидели в комнате вместе с двумя евреями из {298} венгерского подполья, которые прибыли сюда, чтобы связаться с нами и действовать совместно. Мы заняты последними приготовлениями, а я, признаться, лишился покоя. У меня не было ощущения, что сделано все для безопасности Ханы при переходе границы, но откладывать его нельзя было. Она категорически отказывалась повременить и дожидаться благоприятной

обстановки. Все мои попытки уговорить ее ждать еще некоторое время не увенчались успехом. Она решила идти даже одна, без сопровождавших ее лиц и без необходимых документов. Не было никакой надежды удержать ее даже на несколько дней.

Настроение было у Ханы хорошим. Она со всеми перебрасывалась шутками. Особенно нравилось ей "трепаться" с единственным офицером-неевреем, который был в нашей группе. В шуточной форме она "взыскивала" с него старые долги, заразительно при этом смеясь, но за внешним легкомыслием в ее словах ощущалась большая серьезность и сосредоточенность.

Мы очень рано поужинали и сразу затем Хана попросила меня выйти во двор, чтобы мы могли спокойно и без помех обсудить некоторые вопросы, связанные с ее заданием, и договориться о связи. Мы расхаживали по дорожкам садика, примыкавшего к дому, и повторяли еще и еще все возможные виды, формы и способы передачи известий, встречи, шифра и т. д. Договорились, что ключом для расшифровки тайнописи будет нам служить фраза {299} "Гакибуц Гамеухад Седот-Ям-Кесария" ("Объединенный кибуц Седот-Ям - Кесария").

Она еще раз попросила меня достать для нее цианистый калий, но я заупрямился, и категорически отказался дать ей его. Я знал, что если мы преодолели все сомнения и согласились на ее отправку, мой долг усилить в ней чувство уверенности, приободрить ее и категорически исключить такие факторы, которые могли бы поколебать ее мужество.

Хана просила меня не провожать ее до границы, и я подчинился. Она была уверена, что мы не имеем права находиться все вместе, без особой необходимости, в опасной зоне. Один из нашей группы, во всяком случае, должен быть в относительной безопасности, дабы он мог продолжать действовать, даже если она будет схвачена.

В 7 часов вечера в нашу комнату вошел командир партизанской группы, которому было поручено сопровождать Хану и помочь ей пересечь границу. Он сообщил нам, что через четверть часа мы тронемся в путь. Особенно веселой была Хана эти последние четверть часа; вся она была воплощением бодрости, внутренней свободы, уверенности в себе. Она безудержно шутила, рассказывала разные смешные истории, которые с ней случались, и слова ее дышали спокойствием, свидетельствующим о полной душевной готовности. Со стороны могло показаться, что она отправляется на большую увеселительную прогулку и сейчас очень счастлива, {300} так как о ней мечтала долгие годы. У меня не хватает слов, чтобы описать эти последние минуты ее

пребывания в Югославии. Хана была, подобна весело струящемуся источнику - веселая, озорная, обаятельная. Она увлеченно рисовала нам картины будущего, говорила о том дне, когда все мы вернемся в Эрец-Исраэль в там все встретимся. "Когда все будем дома, возьмем вместительный автобус компании "Эгед" и совершим большую прогулку по стране. И, прежде всего, посетим те поселения, которые дали своих людей для нашей миссии. Там мы проведем вечера воспоминаний и расскажем о всем, что с нами приключилось, в том числе и о наших жульнических проделках. И, кроме того, мы объедем всю страну, от Дана до Беер-Шевы. Будем путешествовать целый месяц!".

Мы вышли из дому, чтобы пройти с ней вместе часть пути, но вначале направились не в сторону границы, а в обратном направлении. Никто из деревенских жителей не должен был знать, куда мы идем, потому-то мы и пошли вглубь страны, в противоположную от цели сторону. Лишь в конце деревни мы распрощались. Все были взволнованы. Хана пожала мне руку, поблагодарила за проведенные вместе дни и со словами "до скорой встречи на вражеской земле" покинула нас. Я стоял неподвижно и провожал глазами молодую израильтянку, уверенно, шагавшую навстречу неизвестности. В том месте, где шоссе сворачивало и скрывалось от наших взоров, Хана остановилась, повернулась к {301} нам лицом и помахала рукой.

И в моих воспоминаниях всплыл кружащийся в небе самолет в ту напряженную минуту, когда я должен был прыгать с парашютом, взмах руки Ханы, поднятый вверх большой палец - излюбленный ее жест, символизирующий удачу, сияющее лицо и ободряющая сердечная улыбка.

Я не знал тогда, что мы больше никогда не встретимся.

Реувен Дафни

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

ХАНА СЕНЕШ

ЕЕ ЖИЗНЬ, МИССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) = [АТЛАС](#) =

{302} МОЯ ДОЧЬ АНИКО

Вот уже много лет мне не дает покоя мысль - временами возбуждаемая материнским чувством, временами же внушаемая сознанием долга - написать воспоминания о моей дочери Ханне. Не для широкой публики, а для того, чтобы установить - поскольку это вообще возможно - обстоятельства, условия и события, начертавшие и предопределившие ее путь к выполнению своей миссии. И хотя сама Анико, казалось бы, в общих чертах дает ответ на этот вопрос в своем дневнике и других произведениях, в ее жизни были детали, мотивы и роковые события, которые, оставшись неосознанными, с неудержимой силой толкали ее вперед по избранному пути; я же была в то время их ближайшей очевидицей.

Нет большего горя в жизни - возможно, в силу явной бессмысленности и противоречию естественному ходу вещей, - чем горе родителей, переживших своих детей. Это горе усугубляется и нестерпимо обостряется, когда дитя гибнет на глазах у матери к при трагических обстоятельствах. С большим внутренним сопротивлением сопряжен и тот необычный случай, когда человек все же решается выйти из тесного круга отрешенности и со всей силой истины фактов предать гласности свои самые {303} горестные и дорогие сердцу воспоминания. Несмотря на все это, я, по просьбе издательства, попытаюсь выполнить эту задачу в той мере, в какой это позволяют рамки настоящей книги.

ЕЕ ДЕТСТВО

1.

Первые годы детства Анико протекали в атмосфере душевной теплоты и жизнерадостности. Неизменный товарищ ее детских игр - брат Гиора - был годом старше ее, - и веселый смех, оглашавший детскую комнату, служил источником радости не только для родителей, но и для всей семьи. Созданию

такой обстановки способствовали также бабушка Фини (моя покойная мать, жившая вместе с нами) и их отец, ежедневно на короткое время расстававшийся с миром воображения, чтобы рассеяться и освежить свою творческую мысль в обществе детей.

Отец их был писателем и автором драматических пьес и комедий, пользовавшихся большим успехом. Работал он главным образом в ночное время. Ввиду этого, а также из-за болезни сердца, которой страдал еще в юности, он поздно вставал по утрам. Ежедневные игры и возня с детьми были неотъемлемой частью распорядка его дня, если не считать случаев, когда он был занят на театральных репетициях или когда его поднимал с кровати порыв {304} творческого пыла. В такие часы мы усаживались у отцовской кровати, и непрерывный поток рождавшихся экспромтом стихов и сказок лился из уст писателя, питавшего необычайную любовь к детям.

Когда дети заболели, мы убеждались, что сказки оказывали на них большее лечебное действие, чем прописываемые врачами лекарства; это особенно относилось к Анико, которая была более чувствительна, и ей иногда ночи напролет рассказывали легенды и сказки. Позднее мы узнали, что все эти сказки запечатлелись в ее памяти и оплодотворили ее воображение: уже в детские годы она проявила признаки самостоятельности, многосторонние интересы и самобытность духовного развития.

В моей памяти все еще живо то утро, когда сидя у кровати отца, она пересказала ему всю программу праздничного вечера в народной школе брата Гиоры, на котором присутствовала и она, Анико, которой было тогда пять лет, слово в слово воспроизвела все увиденное и услышанное, сопровождая свой рассказ точными жестами и движениями; и отец подмигнул мне, давая понять, как поразила его дочь своим даром повествования. Больше всего она выделялась двумя качествами - способностью схватывать и умением образно рассказывать.

Вот ранний эпизод, эпизод ребячески наивный и глубоко волнующий. Мы готовились отпраздновать четвертый год рождения Анико, и вечером накануне этого дня отец взял ее к себе на колени и спросил, какой подарок обрадовал {305} бы ее больше всего, - она ведь такая хорошая девочка и нам она тоже всегда доставляет радость и удовольствие. На это она ответила: "У меня есть просьба... я знаю, что каждая девочка должна любить своих родителей больше всего на свете; но если вы дадите мне свое согласие, я буду любить бабушку Фини больше вас". Согласие она получила в качестве "подарка" ко дню рождения. Сам подарок достался, разумеется, бабушке Фини.

Мы нередко отлучались из дому, иногда даже на недели, и когда мы возвращались, бабушка давала нам полный "отчет" о поведении детей в замеченных признаках их развития за это время.

Отец их, который чувствовал все время, что болезнь может преждевременно подкосить его, всячески старался обогатить детство и отрочество наших детей красивыми, полными радости воспоминаниями, увеселительными прогулками, посещениями зоологического сада и особенно детского театра "Дяди Оскара" - мастера развлекательной детской сказки, которой он давал сценическое воплощение своей гениальной игрой. Но, больше всего, дети дорожили теми часами досуга, которые отец щедро отдавал им, играя с ними в детской комнате.

Но внезапно счастливой поре детства пришел жестокий конец: майским утром 1927 года сердечный приступ оборвал жизнь их отца, когда ему было всего лишь тридцать три года.

Всего несколькими днями раньше он был поглощен работой над одной из своих пьес, которая {306} лишала его сна. Утром я наблюдала за ним в зеркало, которое находилось напротив его кровати, и видела, как он завязывает галстук, целиком погруженный в свои мысли и даже не глядя в зеркало. Я весело сказала ему, что он явно поправился после недавнего отдыха в известной водолечебнице у озера Балатон. Он неожиданно ответил: "А знаешь, мне думается, что я, в сущности, могу уже закончить свою жизнь. По правде говоря, я уже достиг всего, чего может достичь писатель-еврей у нас, в Венгрии.

Я уважаемый журналист одной из самых больших ежедневных газет в стране (Газеты "Пести Хирлап", выходящей тиражом в 100 000 экземпляров, в которой он вел очень полюбившийся читателям постоянный юмористический отдел под названием "Веселые заметки".) и мои пьесы ставятся в одном из лучших театров, причем подбор артистов и распределение ролей производится по моему усмотрению. Еще не успели просохнуть чернила на моей рукописи, а ее уже ждут в типографии. Чего же более? Правда, двери Национального театра закрыты для писателя еврейского происхождения, но даже если бы они открылись для меня, я все равно предпочел бы мой театр, для которого и мои пьесы лучше подходят. Итак, что же дальше? Успех за границей? Кинофильмы? Деньги? Но что еще все это может мне дать? Право, мне уже можно уходить".

Это был уже не первый наш разговор о {307} смерти. И не одно стихотворение из его наследия свидетельствует о подобном настроении безропотной покорности строгому приговору судьбы. Это настроение время от времени

овладевало им, тогда как внешне он неизменно сохранял обычную веселость и неиссякаемый юмор.

Подавив слезы, я сказала: "А мы? О нас ты совсем не думаешь? Что будет с нами без тебя?" - "Само собой разумеется, - ответил он, - это и есть самый большой вопрос. Детей я оставляю в твоих надежных руках". (О, знал бы он только, как заблуждался!). Нашу беседу о смерти он закончил шутливыми словами и ушел в свой кабинет.

А спустя несколько дней пришло несчастье. Гиоре было тогда семь лет, а Анико шесть.

О том, как восприняла Анико эту утрату, свидетельствуют написанные вскоре после этого стихи ("Печаль", "О вы, счастливые дети", "Минувшее счастье", две последние строки которого следующие: "Мне хотелось бы веселиться, но я не могу, тщетно мое желание"). Стихи написаны не рукою Анико, а продиктованы ею, так как в первом классе народной школы она еще не умела писать как следует. Ее первые стихи записаны красивым и аккуратным почерком бабушки Фини; в этих стихах нашли отражение как горечь утраты, так и другие чувства, которые под влиянием сильного душевного потрясения рано облеклись в ясную и четкую форму. Видимо, Анико унаследовала от отца поэтический талант, и нет никакого сомнения в том, {308} что талант этот, проявившийся уже в детских стихах, достиг бы в дальнейшем полного творческого расцвета.

И в последующее время бабушка по установившейся привычке записывала каждое стихотворение девочки в маленькие тетрадки, а когда Анико уезжала в Палестину, она уложила их вместе с другими наиболее любимыми ею памятными предметами.

2.

О религии и еврействе дети ничего не слышали в детские годы, хотя их отец и я считали себя сознательными евреями и в обществе ассимилированных евреев или неевреев не скрывали своего происхождения, как это было принято тогда в Венгрии. Однако, мы не придавали значения внешним формам религиозного культа. Кредо моего мужа заключалось в подлинном гуманизме, которому он верно служил пером, словом и делами. Поэтому приобщить детей к основам веры и религии могла лишь школа.

Уже в ранние годы детства Анико откликалась на любое еврейское движение. Впрочем, она активно участвовала и в других школьных мероприятиях. В школе она с первых же дней почувствовала себя как дома. Ее учительница в

первом классе рассказывала мне как-то, что Анико является для нее настоящей помощницей в работе, и отлучаясь ненадолго из класса, она просит Анико подняться на учительскую {309} кафедру и последить за порядком. В таких случаях Анико рассказывала детям сказки и до такой степени приковывала их внимание, что все соблюдали полную тишину.

Помимо школьного свидетельства, выданного Анико по окончании учебного года, крайне интересны и замечания, высказанные этой же учительницей, считавшейся отличным педагогом. Наблюдая за детьми, она воочию убедилась в том, что основные черты человеческого характера большей частью проявляются уже в детские годы; предсказания, сделанные ею исходя из этого в отношении Анико, впоследствии полностью подтвердились.

От народной школы и до гимназии дети проводили послеобеденные часы игр совместно с учениками англо-венгерской школы. И так, развлекаясь, они выучились английскому языку. Директор этой школы, моя близкая и любимая приятельница, все время наблюдала за процессом развития детей. По случаю праздника десятилетия школы она попросила Анико написать пролог, и девочка не замедлила выполнить ее просьбу. В своем дневнике Анико с радостью упоминает, что это было ее первым произведением, за которое она получила авторский гонорар.

Характерным эпизодом детства является выпущенная ими в возрасте 8-9 лет газета под названием "Газета маленьких Сенешей", считанные машинописные листы которой переходили из рук в руки среди детей, вносящих {310} "подписную плату" шоколадом. Все отделы газеты заполнялись как правило Анико, а Гиора, который был "иллюстратором", время от времени перепечатывал также заметки, полученные от других детей.

При жизни отца дети не успели посмотреть в театре ни одной его пьесы, так как все они были для взрослых. Но после его смерти я повела их на постановку одной из его комедий, премьеру которой ему самому уже не суждено было увидеть, и дети смогли порадоваться театральному успеху своего отца. Они с любовью и благоговением хранили память отца и очень гордились им. На седьмом году жизни Анико выразила это в трагической и в то же время утешительной форме. Ее брат рассказал ей о множестве новых и интересных игрушек, которыми он развлекался в доме своего товарища; закончил он свой рассказ по-детски непосредственным вздохом: "Счастливый мальчик этот Иван, сколько у него игрушек!".

Анико с удивлением посмотрела на него и сказала: "Иван счастливый, потому, что у него много игрушек? А я думала, ты хотел сказать, что он счастлив потому,

что отец его жив! Но я и не думаю меняться с ним - ведь такого папы, каким был наш, нет на всем свете!"

Анико было восемь лет, когда два писателя начали совместно писать оперетту по одной из пьес отца. В связи с этим один из них посетил нас, чтобы "проинтервьюировать" детей, и не мог при этом сдержать своего смеха и {311} восхищения меткими и острыми ответами Анико.

Для атмосферы, окружавшей девочку, характерен также факт, что матери ее школьных подруг, оценив пользу, приносимую их детям общением с Анико, забросали ее подарками и приглашениями на домашние вечеринки.

3.

Народную школу Анико окончила с отличием и без каких бы то ни было усилий. И тогда как бы сама собой возникла мысль отдать ее в отличную протестантскую среднюю школу, которая после долгих лет строгого обособления распахнула, наконец, двери и перед детьми еврейского происхождения, но с ограничением, распространенным среди конфессиональных школ и заключавшимся в том, что дети других вероисповеданий, например католики, платили двойную плату за обучение, а евреи - тройную. Но и при этой повышенной плате за обучение желающих поступить подвергали самой скрупулезной проверке, и лишь благодаря чрезвычайно благоприятным рекомендациями, а также из уважения к имени покойного отца мои дети были приняты без промедления.

Учительница Анико особым письмом сообщила мне, как высоко она ценит ее способности, отметив при этом, что "ее классные сочинения и стихи приводят на память дарование ее отца". А в конце учебного года, когда Анико принесла табель успеваемости, как обычно, с {312} одними лишь отличными оценками, а учителя расточали ей самые высокие похвалы, - то помимо материального бремени утроенной платы за обучение я почувствовала всю несправедливость нестерпимой моральной дискриминации. Я обратилась к классной руководительнице Анико и объяснила ей, насколько несправедливо и нелогично, что тогда как в любой другой школе Анико получала бы стипендию, здесь я должна вносить за нее тройную плату. Поэтому, хотя я очень ценю высокий уровень школы, я вынуждена буду поместить ее в другую. "Тетя Илона", которую Анико любила больше всех учительниц, ответила: "Нет, нет."

Мы не допустим, чтобы эту девочку забрали отсюда - ведь она наша самая замечательная воспитанница, оказывающая благотворное влияние на весь класс. Не случайно, что ее класс самый лучший во всей школе. Такого

прецедента, правда, еще не было пока, но, тем не менее, подайте письменную просьбу с изложением ваших доводов, а мы представим ее общему собранию".

То, что отныне плата за обучение Анико будет такой же, как у учеников - католиков, не приносило большого внутреннего удовлетворения, но являлось все же некоторой компенсацией, поскольку, согласно правилам, завещанным основателями школы, минимальная плата за обучение была установлена только для детей протестантской общины.

Однако в тех случаях, когда под действие этих дискриминационных правил попадали {313} выдающиеся ученики, учителя старались дать им возмещение в виде наград или всевозможных льгот.

ЮНОСТЬ

1.

Что представляла собою Анико дома, в семейном кругу? Ее всегда привлекали и занимали все семейные дела. Она была ко всему восприимчива и ко всему проявляла пылкий интерес; она отличалась деликатностью и чувством ответственности, а в более позднее время я поражаюсь ее ориентации в хозяйственных делах и умению использовать каждую минуту своего времени. Вернувшись из школы, она сразу же садилась за свой стол, чтобы в оставшиеся до обеда полчаса закончить домашние задания.

После обеда мне почти не приходилось видеть ее за занятиями. Вместо этого она помогала подругам готовить уроки. С одиннадцати лет у нее были уже постоянные ученицы из числа классных подруг. Нас поражало ее педагогическое чутье и терпение, которые делали ее прирожденным преподавателем.

Никогда не приходилось составлять для нее распорядок дня, и я удивлялась, для каких только дел не находила она времени. Я не раз возражала против такого перегруженного плана работы. Ведь она училась и языкам, и музыке, да еще занималась гимнастикой, участвовала в походах, на вечеринках и много читала.

{314} Наряду с интенсивной духовной жизнью она обнаруживала и заметный интерес к практическим делам. Она нередко поражала нас правильностью и продуманностью своих суждений. Рано проявились и ее организаторские способности. По мере того как Анико становилась старше, она все более окружала Гиору материнской заботой. Это не мешало им часто спорить,

ссориться, а затем снова мириться. Но стоило нам упрекнуть Гиору, скажем, за его чрезмерное увлечение спортом или озорство, как Анико, словно адвокат, тут же вставала на его защиту и с серьезным видом взрослого человека объясняла, насколько мы не справедливы по отношению к ее брату, якобы, потому, что "наша женская семья (нас было четыре сестры и ни одного брата) не понимает мальчишеской души", а потому не знает, что представляют собой мальчики в этом возрасте: "ведь по сравнению с другими ребятами наш Гиора - ангел небесный".

Несмотря на различия в натуре и характере обоих детей, между ними было, по существу, полное понимание по основным вопросам. Бабушку Фини Анико не только уважала, но и любила всем сердцем, и они проводили в ее комнате долгие часы, занимаясь вдвоем рукоделием и со всей серьезностью обсуждая прошлое, настоящее и будущее. Анико была у бабушки Фини самой любимой из ее семи внуков. Но она была привязана и к другой бабушке, так как та рассказывала ей о детстве отца.

У нее мы проводили обычно большие {315} праздники вместе с родными со стороны отца, причем в годы детства Анико для всех нас еле хватало места за длинным обеденным столом. В 1940 году в открытке из Палестины Анико просила бабушку, чтобы в ночь пасхального седера она мысленно представила себе ее, Анико, присутствующей у них в доме, за столом. Что касается ее отношений со мной, то их она описывает сама - в своем дневнике, письмах и стихах. И не раз я задумывалась над тем, почему именно мне дано было судьбой иметь дочь, представляющую исключение из известного правила, согласно которому за добро, сделанное им родителями, дети отплачивают не родителям, а своим детям. В этом мое утешение за все утраты.

Во время школьных каникул, по воскресеньям, мы всегда совершали вдвоем прогулки, и хотя Анико была по природе замкнутой, со мной наедине она преодолевала свою сдержанность. И позже, когда она стала взрослой, я не замечала ни малейшего недоверия с ее стороны. Так сами собой сложились между нами отношения взаимности, которых невозможно добиться понуждением.

Я чувствую, мама, знаю я, мама,

что в мире большом и широком

ты самый лучший мне друг.

Где б ни была, куда б ни пошла я,

мне лучшей, чем ты, не найти -

никогда.

{316} Во время церемонии вступления Анико в совершеннолетие ("бат-мицва"), в большой синагоге в Вуде, главный раввин, поэт Арнольд Киш тепло похвалил ее и добавил: "Слова обета ты сказала хорошо; тебя превзошла в этом одна лишь Францишка Галь".

Была ли она красивой? Если может мать вообще объективно оценить внешность своей дочери, то я скажу, что Анико с первого взгляда не привлекала внимания. Но присмотревшись и узнав ее, люди находили ее миловидной и привлекательной. Ее большие глаза как бы господствовали над всем лицом; временами они были синие, временами сине-зеленоватые. Ее высокий и умный лоб был обрамлен мягкими волосами; лицо слегка овальное, улыбка открытая; осанка, поведение и манеры привлекательны. А заговорив, она сразу же покоряла слушателя.

2.

Гимназические годы прошли в напряженных занятиях, но не было недостатка и в развлечениях. Когда Анико было 16, она провела летние каникулы у своих племянников в Милане; уезжая оттуда, она поблагодарила их за гостеприимство коротким шуточным стихотворением.

До 17-тилетнего возраста она наслаждается радостями молодой жизни. О происшедшей в то время единственной перемене лучше всяких описаний рассказывает ее дневник. Мы потеряли между тем любимую бабушку Фини, а год спустя простились на железнодорожном вокзале с Гиорой; вместо того, чтобы продолжать учебу {317} в Вене, как это первоначально намечалось, он отправился во Францию, так как Австрия была уже оккупирована нацистами. Мы избегали касаться этой темы, но чувствовали, что в наш теплый и дружественный семейный круг Гиора не вернется уже никогда. Анико чувствовала и знала, как омрачала мою душу эта разлука, а потому несколько месяцев спустя начала понемногу, шаг за шагом, разъяснять мне свое новое мировоззрение, планы на будущее и, наконец, сообщила о своем намерении в скором будущем уехать в Эрец-Исраэль. Против этого я вначале резко возражала. Но ее разумные, убедительные доводы все более и более преодолевали мое сопротивление.

Она чувствует, - сказала она мне однажды, - что родись она нееврейкой, то и тогда встала бы на сторону евреев; ведь поскольку над ними совершается

несправедливость - долг каждого человека помочь им всеми возможными средствами. А в другой раз, когда я снова коснулась вопроса о том, что станет с ее писательским призванием, - ведь надо иметь в виду, что у каждого человека только один родной язык, - она ответила: "По сравнению со жгучими проблемами наших дней, этот вопрос становится малозначительным". И она совсем обезоружила меня, добавив: "Если ты не согласишься, мама, то я, разумеется, не поеду. Но ты должна знать, что здесь, в этой атмосфере, я буду несчастной, поэтому у меня нет никакого желания тут оставаться". Когда же она попросила меня при содействии моего приятеля {318} достать для нее в ВИЦО (Всемирная сионистская женская организация.) сертификат (Разрешение английских мандатных властей на въезд в Палестину.), я при мирилась с судьбой и сказала: "Я не стану препятствовать тебе, но и не проси, чтобы я помогла тебе покинуть меня".

Тогда она начала хлопотать сама: то и дело бегала в секретариат ВИЦО, одно за другим писала письма сельскохозяйственной школе в Нахалале и часто посещала общество "Маккаби". В то же время она усиленно изучала иврит и читала сионистскую литературу. Но мне не приходилось замечать, чтобы она готовилась к выпускным экзаменам.

Идеи сионизма и планы поездки в Палестину целиком захватили ее. Физически она была еще рядом со мной, но мысленно она жила уже в ином мире. И хотя внешне она сохраняла обычное спокойствие, все, находившиеся в непосредственной близости к ней, видели, что все ее существо было проникнуто внутренним волнением. Многие из ее друзей, увлеченные ею, тоже присоединились к сионистскому движению.

Тут я должна рассказать один случай, происшедший в школе, и несомненно ускоривший уже ранее происходившие в ее душе перемены.

Дело было осенью 1937 года, когда Анико была в седьмом классе гимназии. По установившейся традиции, обязанности секретаря кружка самообразования должна была исполнять {319} ученица седьмого класса и, само собой разумеется, секретарем была избрана Анико. Однако восьмой класс, в духе политических настроений того времени, придавал значение лишь одному обстоятельству: эту должность нельзя было отдавать еврейке. Анико была поражена, когда на первом собрании кружка был снова поставлен на обсуждение вопрос о выборах секретаря, тогда как она уже ранее была избрана на эту должность седьмым классом.

Анико молча и с полным самообладанием следила за ходом собрания, и когда новоизбранный секретарь, ее школьная подруга, подошла к ней и со слезами

на глазах заявила, что откажется от должности, так как не достойна ее, - Анико ответила ей: "Прими ее, не колеблясь, и не думай, что я завидую тебе. Если не ты, то кто-нибудь другой станет секретарем. Дело ведь не в том, кто больше достоин этой должности - Анна Сенеш или Мария Икс. Главное в том, будет ли это еврейка или христианка".

После собрания ее классная руководительница подошла к ней и сказала: "Я надеюсь, что несмотря на все случившееся, ты будешь участвовать в работе кружка". - "Как вы могли подумать такое?" - ответила Анико. - Само собой разумеется, что с этим восьмым классом я сотрудничать не буду".

Когда она рассказала об этом происшествии, я поняла, что оно сильно задело ее, но и на этот раз она не высказала этого вслух.

{320} Пасхальные каникулы 1939 года мы провели у Гиоры, учившегося тогда в Париже. Анико была счастлива, узнав, что и он стал убежденным сионистом. Я видела, как они подолгу с юношеской страстью и сверкающими от возбуждения глазами строили планы на будущее. Через несколько месяцев Анико уедет в Палестину, а по окончании учебы за ней последует и Гиора. И уж, конечно, по прибытии туда в первую очередь начнут хлопотать, чтобы и я, их мать, присоединилась к ним.

Мое сердце сжималось тогда от жестоких сомнений: "Будем ли мы еще когда-нибудь сидеть все вместе? Когда и где это произойдет?".

3.

С отличием сдав выпускные экзамены, Анико навсегда распрощалась с гимназией и любимыми учителями.

Ее намерение переехать в Палестину тогда уже не было ни для кого секретом. Знали об этом и ее учителя и все они по очереди пытались подействовать на меня, чтобы я уговорила Анико не уезжать. Они ругались, что добьются ее приема в университет (несмотря на то, что применение Numerus clausus с каждым днем становилось строже).

Когда я рассказала ей об этом, она ответила:

"Неужели радоваться тому, что окончив с отличием, я с трудом, по протекции буду принята в университет, тогда как любой гимназист - {321} христианин, чудом выдержавший выпускные экзамены, сможет поступить беспрепятственно? Неужели они не способны понять, что помимо желания

учиться, у меня имеются другие планы и устремления, путь к которым здесь навсегда закрыт для меня?"

Тогда я снова задала ей вопрос, по которому между нами были самые большие разногласия: если уж она решила уехать в Палестину, то почему она решила поступить там именно в сельскохозяйственную школу, а не в Иерусалимский университет? Ведь принимая во внимание ее способности, место ее именно там: в университете она сможет достигнуть значительно большего, чем в чуждом ей земледелии. В ответ я услышала следующее: "Интеллектуальности и без того много в Палестине. Страна нуждается в рабочих руках - кто же возьмется за эту работу, если не мы, молодые?"

В начале сентября, незадолго до ее отъезда, вспыхнула вторая мировая война, и все дороги на Палестину закрылись.

Я наверняка примирилась бы с этой ситуацией, но с нею этого, конечно, не случилось. Она бежит из учреждения в учреждение, обращается в любое место, где есть хотя бы малейшая надежда получить помощь. В конце концов ей удалось примкнуть к проезжавшей через Венгрию группе халуцов (Пионеров-поселенцев.) из Чехословакии.

Вечером мы пришли в бюро Еврейского общества социальной помощи, чтобы оформить {322} документы на выезд. Мы стояли в передней, когда один из служащих вышел к нам и, пригласив нас в свой кабинет, сказал: "Как же мне не сделать этого для дочери Белы Сенеш? Ведь он был одним из любимейших учеников моего отца, главного раввина Микши Вейсса" - и вручив ей бумаги, он сказал, что поезд отходит завтра в полдень с восточного вокзала.

Мое сердце замерло: "Неужели завтра? - Ведь она должна еще собраться, уложить вещи..." - сказала я, - "Я свое сделал, мадам, - ответил он, - остальное за вами".

Родные и друзья, которые узнали о ее отъезде, пришли вечером проститься. А потом всю ночь напролет мы укладывали вещи. Наутро - снова хождения по консульствам за визами.

13 сентября 1939 года, в час дня, мы вышли за ворота нашего домика, направляясь на вокзал. Мы обе сдерживали себя, чтобы не дать волю обуревавшим нас чувствам. Но в последний момент, обнимая на прощание нашу преданную служанку, Анико расплакалась и сказала: "Рози, дорогая, береги маму!".

На вокзале одна из моих сестер занялась багажными и таможенными формальностями - и мы в последний раз простились, с Анико.

Стоя у окна вагона, она делала огромные усилия, чтобы подавить слезы. К напряжению и волнениям последних недель теперь прибавились переживания, вызванные уходом из семьи, горечь прощания и чувство неуверенности в будущем.

{323} Поезд тронулся и вскоре скрылся из виду, унося ее в даль.

Мне показалось, будто черное густое облако опустилось на вокзал.

Когда я возвратилась домой, уже смеркалось, а тусклое мерцание свечей в опустевшем доме еще более усиливало скорбное настроение наступающих "грозных дней" (Еврейский Новый год и "десять дней раскаяния", завершающиеся Судным днем.).

Судьба нанесла нам жестокий удар, разбила нашу небольшую семью и разбросала ее по миру.

ВСТРЕЧА

1.

Чем больше сгущались тучи над головой венгерского еврейства, все более возрастала моя признательность судьбе, по милости которой Анико находилась в безопасном месте и была счастлива. Меня беспокоил только Гиора, но после многочисленных приключений в конце января 1944 года и он добрался до Палестины. Анико известила меня об этом телеграммой. Я была бесконечно счастлива, что оба они, наконец, вместе.

Я тоже приняла решение уехать в Палестину, неизвестными мне путями я получила от Анико указание быть готовой, так как в течение считанных дней мне будет предоставлена возможность отправиться в путь. Это были {324} последние дни эмиграции венгерских евреев в Палестину.

Но тут наступило 19 марта 1944 года - день вторжения немцев, и для венгерских евреев начался период леденящих кровь ужасов.

В других странах для выполнения законов и приказов о нашем уничтожении потребовались годы. Здесь все это осуществлялось с головокружительной быстротой. Желтая шестиконечная звезда, которую мы обязаны были пришить

к нашей одежде, как будто парализовала; были евреи, которые вообще не хотели выходить на улицу с этим знаком.

Ежедневные аресты, выселения из квартир, массовые самоубийства - таковы были следы, оставляемые нацистами на своем пути. Я лишилась возможности видаться с родными, жившими в провинции. А в мае они уже были в гетто. Поползли слухи, что евреев из гетто будут куда-то вывозить. А спустя четыре-пять дней всем евреям Будапешта было приказано собраться в домах, помеченных шестиконечной звездой Давида. Я тоже уложила самые необходимые вещи, хотя и не решила, как поступать дальше. Мои приятели - муж и жена - стали уговаривать меня уклониться от назначенной явки, раздобыть подложные документы и, выдав себя за христианку, удрать вместе с ними в Румынию, а оттуда уехать в Палестину. Вначале этот замысел показался мне фантастическим и неосуществимым. Тем не менее я в конце концов достала нужные документы, но все еще продолжала {325} медлить с решением вопроса о побеге.

Часть моего дома занимала на правах съемщицы знаменитая венгерская актриса Маргит Дайка, которая в эти трагические дни проявила заметные симпатии к жертвам гонений.

Вечером шестнадцатого июня Дайка тоже осталась дома. То ли она заметила, как я обеспокоена судьбой моих родственников, то ли просто не хотела оставлять меня одну, поскольку всего лишь несколькими днями раньше гестаповцы хотели забрать у меня квартиру и не сделали этого лишь благодаря ее энергичному вмешательству. Она предупредила меня, чтобы я никого не впускала в дом, когда остаюсь одна. Мы условились также, что на следующий день она переписет дом на свое имя.

В эти тяжелые дни Маргит проявила трогательное сочувствие и понимание моего подавленного душевного состояния.

Мы легли спать. Вернее - только она легла, так как в эту ночь я была дежурной по противовоздушной обороне. Но ночь прошла спокойно, и я воспользовалась этим, чтобы написать письма родным в гетто. Потом я ненадолго прилегла, а в восемь утра была уже снова на ногах.

17 июня у моей двери раздался звонок. Я подошла к окну и увидела у ворот незнакомого мужчину. Заметив меня, он крикнул: "Я ищу госпожу Бела Шеге". "Она не живет по этому {326} адресу", - ответила я (поблизости от меня жила знакомая по имени Шеге), "Неужели?" - удивился мужчина и достав из кармана листок бумаги, прочитал: "Улица Бимбо, 28... нет... не Шеге, а Сенеш. Я агент

государственной полиции - прошу впустить меня".

Я отворила ворота и впустила его в переднюю. "Пойдемте со мной в штаб-квартиру венгерского военного командования - вас вызывают для дачи показаний", - сказал он, войдя... "По какому делу?", - удивилась я. "Этого я не знаю", - пожал он плечами.

Я была в полном недоумении. У меня не было ни одного знакомого среди военных: вот уже много лет евреи призывались только для выполнения трудовой повинности. У меня промелькнула мысль, что это, возможно, из-за Гиоры, который теперь в призывном возрасте и вот уже шесть лет живет за границей. Но ведь уехал он на законном основании, с разрешения властей. В таком случае это, может быть, связано с его побегом в Испанию и использованием фальшивых документов?

"Подождите, пожалуйста, я сейчас оденусь", - сказала я. Я разбудила Маргит. Надев на себя халат, она поспешила к агенту и пригласила его к себе. Пока я одевалась, она безуспешно пыталась выведать у него, с какой целью меня вызывают в штаб-квартиру.

Агент заверил меня, что вскоре смогу возвратиться домой. Он извинился, что не может отвезти меня на автомашине.

{327} Я отдала Маргит мой фальшивый "нееврейский" паспорт и отправилась в штаб.

Около получаса мы добирались на трамвае до улицы Миклоша Хорти, где находится штаб-квартира.

Что я чувствовала все это время? Пожалуй, скорее любопытство, нежели страх, так как не могла догадаться, чего от меня хотят. Впрочем, аресты были тогда в порядке вещей, и каждому еврею угрожала опасность быть схваченным без всякого законного основания - и навсегда исчезнуть. Но чего было бояться мне? Дети мои находились в безопасности - и это было главное.

Все эти мысли проносились у меня в голове, пока я вела с агентом безразличную беседу, главным образом о Маргит, о ее успехах и новых ролях. Агент был вежлив и любезен; по дороге он разрешил мне позвонить Маргит. Я хотела напомнить ей, чтобы она поскорее записала дом на свое имя: теперь я считала это особенно важным. Когда я вошла в табачную лавку и, подойдя к телефону-автомату, начала набирать номер, лавочница вдруг набросилась на меня: "Ты что делаешь? Разве ты не знаешь, что со звездой (она имела в виду

желтую шестиконечную звезду на моей одежде) запрещено пользоваться общественным телефоном?!".

Я и в самом деле не знала об этом запрете. Агент тоже не знал - и он сказал, что я смогу воспользоваться его служебным телефоном.

Приехав в штаб-квартиру, мы поднялись на {328} второй этаж и вошли в одну из комнат, где двое полицейских сидели за столом и ели копченую свинину с зеленым горошком. Агент пошел доложить о своем прибытии и, возвратившись, попросил полицейских выйти из комнаты. Пока мы ждали, агент напомнил мне о телефонном разговоре, и я позвонила Маргит. Потом он спросил, есть ли у меня дети и где они. Я подошла к висевшей на стене карте и указала на Палестину.

В комнату вошел мужчина в гражданской одежде, но с военной выправкой (впоследствии я узнала, что его зовут Рожа). Он попросил меня сесть, а сам сел за пишущую машинку.

Начался допрос. Записав личные данные обо мне и других членах семьи, Рожа задал несколько вопросов о Гиоре, а затем сразу перешел к Анико. К моему удивлению, его вопросам о ней не было конца. Прекратив на время печатание, он начал допытываться, по какой причине или с какой целью Анико покинула дом: "Я могу понять парня, уходящего строить свое будущее, но зачем это понадобилось такой молодой девушке?" - "С той же целью,-ответила я. - Здесь у еврейской молодежи нет будущности, нет возможности устроиться в жизни. Поэтому, как ни тяжело мне было расставаться с ней, особенно после отъезда сына, - теперь я счастлива, что она вдали от бедствий венгерских евреев."

На его лице, и без того не слишком симпатичном, появилась саркастическая улыбка. Допрос вертелся главным образом вокруг вопроса, {329} где Анико находилась и чем занималась в последние годы, где она теперь, а главное - когда, каким путем и откуда я получила от нее известия. Это навело меня на мысль, что было, возможно, перехвачено одно из ее писем, содержание которого не понравилось цензору. Но для размышлений и догадок не было времени - вопросы непрерывно следовали один за другим: чем она занималась тут, в Венгрии, в каком обществе бывала, каков был круг ее интересов, к какой профессии она готовилась? Я ответила, что она всегда мечтала стать учительницей. Несколько позже, прервав очередной ряд вопросов Рожи, я сказала: "Вам это, наверно, покажется чисто материнским преувеличением, но я все же хочу сказать вам, что моя дочь необычайно одаренная и во всех отношениях замечательная девушка. Вы не должны верить мне на слово - спросите ее бывших учителей и они подтвердят мои слова".

Наконец он исчерпал все вопросы и велел агенту отпечатать на машинке резюме моих показаний. Затем он предупредил меня, что я должна буду подтвердить все это под присягой, - и вышел. Я вкратце повторила свои слова агенту и тот отпечатал их на заранее подготовленном формуляре. Я заметила, что вверху формуляра стояла надпись: "Анна Сенеш".

Только мы закончили печатать, как возвратился Рожа. Он прочитал протокол, привел меня к присяге и дал подписаться. Затем он снова обратился ко мне с тем же вопросом: "Все же, {330} где, по-вашему мнению, находится ваша дочь в данный момент?" Я повторила, что насколько мне известно, она сейчас в земледельческом хозяйстве около Хайфы.

"Ладно, так как вы все же не знаете, то я открою вам: она находится тут, в соседней комнате. Сейчас я приведу ее, чтобы вы смогли поговорить с ней и убедить ее рассказать нам все, что ей известно. Если она не сделает этого, то это будет ваша последняя встреча".

3.

Я почувствовала, что падаю, и обеими руками ухватилась за край стола. Я с ужасом осознала, что теперь, в эту минуту, словно карточный домик рухнет все - мои надежды, вера, самый смысл моей жизни. Я чувствовала себя разбитой - физически и душевно.

В это время я услышала, как за моей спиной отворилась дверь.

Я повернулась и застыла в оцепенении.

Ее ввели четверо. Если бы я не знала, что это она, то, возможно, с первого взгляда не узнала бы Анико, с которой рассталась пять лет тому назад. Ее давно не чесанные волосы были растрепаны, изможденное лицо выражало перенесенные страдания, под глазами и на шее виднелись синяки. Только я успела заметить все это, как Анико, оторвавшись от конвоиров, стремительно подбежала ко мне, обняла и зарыдала:

"Мама, прости меня"!

{331} Я слышала, как билось ее сердце, и ощущала на себя теплую влагу ее слез. В то же время я уловила нетерпеливый взгляд наблюдавших за нами мужчин и поняла, что они ждали этого момента, как если бы это была сцена из уже известного им спектакля. И хотя мне снова показалось, что почва уплывает из-под моих ног, я собрала все силы и, сделав над собой огромное усилие, молча

выпрямилась.

"Говорите же с вашей дочерью, - сказал Рожа, - повлияйте на нее, чтобы она все рассказала. В противном случае это будет ваше последнее свидание".

У меня не было ни малейшего представления о том, что происходит. Сколько бы ни напрягала я свое воображение, мне никогда не пришло бы в голову, что Анико, такая убежденная пацифистка, добровольно вступила в британскую армию. Я даже не представляла себе, что и женщин принимают в британские вооруженные силы. Для меня было загадкой, как могла она внезапно перенестись из такой дали сюда, в этот ад. Никто ничего мне не объяснил, и я оставалась в полном неведении. Одно мне было ясно: если Анико считает нужным что-то скрывать, то у нее имеются к тому серьезные основания, и я ни в коем случае не должна побуждать ее изменить свое решение.

"Так отчего же вы не говорите?" - спросил Рожа. Мой голос показался мне чужим, когда я ответила ему: "Напрасно вы повторяете эти слова - я и моя дочь слышим вас хорошо". - {332} "Так говорите же. Мы оставим вас наедине". Усадив нас на два стоящих рядом стула, они вышли, оставив в комнате одного лишь агента. Некоторое время мы продолжали сидеть молча, не находя нужных слов.

Вдруг у меня мелькнула мысль, что, возможно, из-за меня Анико решилась на отчаянно смелый поступок: узнав об участии венгерских евреев, она решила спасти свою мать. Я слишком хорошо знала ее характер, огромную силу воли, которая не поколеблется ни перед какими препятствиями, какими бы непреодолимыми они ни показались. А главное - я была уверена, что несмотря на разделявшее нас в последние годы расстояние, ее любовь ко мне и забота о моей судьбе нисколько не ослабели.

"Анико, не из-за меня ли ты оказалась здесь?" - "Нет, нет, мама! Не из-за тебя - ты ни в чем не виновата". - "Как же ты добралась сюда? Ведь еще совсем недавно я получила от тебя телеграмму, что и Гиора приехал в Палестину. Значит, и он уже не там?" - "Что ты, мама? Телеграмму я сама отправила еще оттуда. А о Гиоре тебе нечего беспокоиться - у него все в порядке".

Я заметила, что у нее не хватает верхнего зуба, и причину нетрудно было угадать по следам побоев на лице. Присутствие агента сковывало меня, но я тем не менее спросила: "Зуб ты, конечно, потеряла здесь?" - "Нет, не здесь", - ответила она коротко.

Сердце разрывалось у меня при мысли о ее {333} страданиях. Я погладила ее руки и почувствовала, что кожа на них огрубелая, шершавая. Подтеки на ее

лице вызывали у меня ощущение почти физической боли, словно это были раны на моем собственном теле. Я припала к ней и хотела ее поцеловать, но в этот момент распахнулась дверь и Рожа со своими четырьмя палачами, которые, видимо, подсматривали за нами, ворвались в комнату и разъединили нас. "Шептаться здесь запрещено! И вообще - хватит на сегодня", - закричал Рожа и велел увести Анико.

"Я имею право и вас арестовать", - добавил он, - но принимаю во внимание ваш возраст. Ступайте домой. Если будет еще надобность в ваших показаниях, мы позвоним вам. Все будет зависеть от поведения вашей дочери: если она и на следующем допросе не признается, то вы нам, наверно, больше не понадобится. Но предупреждаю вас: не вздумайте обмолвиться хотя бы одним словом обо всем, что здесь произошло! Даже о том, что вы переступили порог этого дома, никто не должен знать. Понятно?" - "Я поняла. Но одному человеку уже известно, что я была здесь", - ответила я. "Кто же это?" - удивился Рожа. - "Маргит Дайка, актриса". - "Госпожа Сенеш, - вмешался агент, - заведует хозяйством у актрисы и она присутствовала при нашем разговоре", - "Она будет задавать вам вопросы, когда вы вернетесь?" - "Разумеется, она ведь не привыкла к тому, чтобы агенты тайной полиции вызывали меня для {334} допроса". - "В таком случае, - сказал Рожа, - когда она начнет вас расспрашивать, скажите ей, что вы не вправе рассказать ей ни одного слова. И запомните это твердо! А теперь можете идти". - И Рожа вышел.

Видя, что от изнеможения я еле могла двигаться, агент подошел ко мне и сказал: "Отдохните еще немного, у нас есть время - вы не должны уходить немедленно".

Своей любезностью этот человек внушал мне доверие и я решилась обратиться к нему с просьбой, чтобы он сжалился надо мной и объяснил, что происходит. Но он начал клясться мне, что не знает.

В это время вошла группа полицейских, которым понадобилась наша комната. Агент, проводивший меня по лестнице до выхода, пытался успокоить меня и уверял, что услышанные мною угрозы не следует принимать слишком серьезно: "Все это не делается так просто. Вот увидите - все образуется".

Как бы то ни было, его человеческое, сочувственное отношение было мне приятно.

Нетвердым шагом я двинулась в обратный путь. Было около часа дня. Около дома меня поджидали соседи и кое-кто из знакомых. Они обступили меня и стали засыпать вопросами:

"Произошло недоразумение", - ответила я и поспешила в дом. Оказавшись наедине с Маргит, {335} я сказала ей: "Это не было недоразумение. Случилось нечто ужасное, но мне нельзя об этом рассказывать. Не знаю, надолго ли хватит у меня сил, чтобы устоять, но пока я не стану говорить".

Позвонили. Маргит поспешила к двери, и послышались голоса. Я ушла к себе, но вскоре пришла Маргит. За ней приходил режиссер кинофильма и приглашал ее в киностудию на первый просмотр фильма, в котором она снималась. "Но в такой момент я не оставляю вас одну", - сказала она. Впоследствии она рассказала моей сестре, что у меня было тогда до неузнаваемости изменившееся лицо и казалось невероятным, что эти перемены произошли в течение немногих часов. Но мне не терпелось остаться наедине.

Нужны были сверхчеловеческие усилия, чтобы не потерять самообладание. Я просила Маргит не задерживаться из-за меня и пойти на просмотр, оставив мне номер телефона киностудии на случай, если мне понадобится сообщить ей что-нибудь. Она вернула мне фальшивые документы, которые я оставила у нее утром, и ушла.

Но мое уединение длилось недолго. Постучалась смотрительница дома и ввела того человека, который все время уговаривал меня поехать с его семьей в Румынию, а оттуда в Палестину. Теперь он пришел узнать, как далеко продвинулись у меня приготовления к отъезду, так как через два-три дня надо было отправляться в путь. Он хотел также посмотреть мои документы.

{336} На его повторный вопрос я ответила, что тщательно взвесив все, я окончательно решила не ехать. Он еще раз попытался меня убедить, что это самый правильный путь, перевознося идею переселения в Палестину. "У нас там никого нет, но тем не менее мы стремимся туда. У вас же там двое детей - кому же, если не вам, рискнуть! Не забывайте также, что это давнишнее заветное желание Анико. Каких усилий ей стоило достать сертификат!".

Пока он излагал свои доводы и просматривал документы, я взвешивала про себя, посвятить ли его во все, что произошло. Может быть, именно затем он и был послан мне судьбой, чтобы я рассказала ему о трагедии, продолжение которой, несомненно, еще впереди. Если им удастся добраться до Палестины, они смогут, по крайней мере, рассказать обо всем Гиоре.

И поскольку я знала его как совершенно надежного человека, я решила открыть ему тайну и рассказала ему о случившемся. Он выслушал все, ошеломленный, и сказал: "У меня нет слов - это действительно катастрофа, и

теперь я понимаю, почему вы решили остаться. Трудно угадать, что произошло. Я обещал хранить тайну - и буду молчать, хотя считаю это неправильным. Наоборот, нужно рассказать об этом всем, кто в состоянии, может быть, оказать какую-нибудь помощь. Я думаю, вы должны в первую очередь посвятить в это дело Маргит - у нее, возможно, имеются связи в военных кругах".

{337} Я проводила его до двери, и когда мы разговаривали, стоя в передней, раздался звонок. Я выглянула в окно и увидела закрытую машину, окруженную эсэсовцами. Один из них крикнул:

"Мы ищем госпожу Сенеш, впустите нас".

"Сейчас, я принесу ключ".

Вернувшись в комнату, я собрала фальшивые документы, которые все еще были разложены на столе, и положила их в шкаф Маргит. Затем я снова сошла вниз и отперла дверь. Мой гость хотел выйти, но один из гестаповцев (позже я узнала, что его звали Зейферт) преградил ему дорогу и спросил: "А вы кто такой?" - "Моя жена - приятельница госпожи Сенеш; я заходил справиться о ее здоровье и теперь собираюсь уходить".

Зейферт некоторое время колебался, и мы в напряжении ждали его решения. Наконец Зейферт отпустил его и, войдя в сопровождении четырех других гестаповцев в дом, потребовал, чтобы я немедленно последовала за ним на допрос. Я была одна в доме. Смотрительница, которая жила во флигеле, ушла за покупками, и я отчаянно стараясь оттянуть время, чтобы дождаться ее возвращения: я хотела, чтобы кто-нибудь знал, что меня увели.

"К сожалению, я не могу оставить дом в данный момент, - сказала я с напускной наивностью, - так как я ответственна за квартиру и вещи артистки, а ее нет дома". - "Ничего, после допроса вас сразу же отвезут домой. Пойдемте".

{338} Я медленно направилась в свою комнату. Зейферт шел за мной по пятам. Между тем я обдумывала, рассказать ли ему, что мне известно, в чем дело, или сделать вид, что я ни о чем не подозреваю. Помня предостережение Рожи, я решила молчать. Зейферт тем временем ходил из одной комнаты в другую и шарил вокруг глазами, то и дело задавая вопросы: какая комната моя, а какая Маргит, кому принадлежит мебель, каково содержимое шкафов и ящиков. Я сказала ему, что вся квартира, за исключением одной комнаты, принадлежит Маргит. Затем он расспросил о всех дверях в доме. Было очевидно, что после моего ухода здесь будет произведен обыск. Вдруг Зейферт достал фотографию и держа ее прямо перед моими глазами, спросил:

"Вы узнаете эту девушку?" Это была Анико, какой я ее видела утром. "Кто она такая?" - спросила я. "Есть у вас дочь по имени Анна Сенеш?" - "Да, но на этой карточке она неузнаваема. Откуда у вас этот снимок?" Вместо ответа Зейферт начал торопить меня. Он велел мне запереть все двери и спросил, у кого еще имеются ключи от дома. Я сказала: "Только у меня и актрисы". - "А когда она возвратиться?" - "По-видимому, вечером".

К счастью, в это время появилась смотрительница дома и мне удалось обменяться с ней несколькими словами. Я дала ей телефон Маргит и просила позвонить ей, как только я уйду. Смотрительница наспех приготовила мне несколько бутербродов и сунула их в мою сумку.

{339} Когда мы вышли и я заперла дверь, Зейферт спросил: "Зачем вы берете с собой ключ?" - "Разве вы не говорили, что к вечеру я буду дома". - "Разумеется, разумеется", - ответил он скороговоркой, сознавая, что выдал себя, - "возьмите ключ с собой".

Мы вошли в полицейскую автомашину без окон и через несколько минут были около тюрьмы. Выйдя из машины, я увидела, как близко это от меня. Мы находились около здания будапештского окружного суда, которое примыкало непосредственно к немецкой полицейской тюрьме. Зейферт вышел вместе со мной; прощаясь с остальными эсэсовцами, он некоторое время задержался с ними, перебрасываясь шутками, обсуждая намеченные на субботний вечер развлечения и обмениваясь пожеланиями приятного времяпровождения. Затем Зейферт отвел меня в одну из комнат первого этажа. Все это происходило около пяти часов вечера.

Зейферт начал допрос в присутствии эсэсовца с кокардой в виде человеческого черепа на фуражке, молодого немецкого солдата и человека средних лет в гражданской одежде. Записав мои ответы, он положил протокол в папку с надписью "весьма срочно", взял у меня ключи от дома и ушел. Затем мною занялся эсэсовец с черепом.

Он велел отдать ему все ценные вещи и проверил содержимое моей сумки. Забрав деньги, часы, авторучку и обручальное кольцо, он спросил, есть ли у меня еще деньги. На шее, под одеждой, у меня висел мешочек с деньгами-{340} максимальной суммой, которую разрешалось иметь еврею. После минутного колебания я отдала ему эти деньги. За промедление он тут же наказал меня, сильно ударив по лицу. Я чуть не упала, но самого удара почему-то почти не ощутила. И вообще, после утренней встречи с Анико я ничего не чувствовала: как будто все происходило с кем-то другим, чужим.

Молодому солдату вся эта сцена, видимо, была неприятна, а человек в гражданском подмигнул мне, давая понять, что я не должна обращать внимание на такое обхождение. (Впоследствии я узнала, что это еврей, директор крупной фирмы, которого немцы насильно взяли на канцелярскую работу). Они составили подробную опись всех отнятых у меня вещей и денег, вернули мне несколько разменных монет, и эсэсовец объявил, что если я буду освобождена, все вещи будут мне возвращены. Потом он сказал солдату номер моей камеры - 528. Когда мы поднимались туда по лестнице, солдат спросил, не утаила ли я какой-нибудь ценной вещи: мне предстоял еще обыск, и он хотел предупредить меня от повторного наказания. Я заверила его, что отдала все.

Обыскивали меня две женщины - швабки. Потом одна из них отвела меня на пятый этаж. Там она с лязгом отперла тяжелую дверь - и я вошла в тюремную камеру.

5.

К моему удивлению, камера была просторна и хорошо освещена. Если не считать решеток {341} на окнах, она, со своими семью белыми койками, напоминала скорее больничную палату, чем тюремную камеру, какой я себе ее представляла. Несколько женщин повернули головы в мою сторону и с любопытством уставились на меня; потом мне не раз приходилось наблюдать такую же сцену при появлении в камере нового "жильца".

Вдруг одна из заключенных вскочила и бросилась ко мне. Я узнала ее: это была баронесса Беске Хатвани, разведенная жена барона Лайоша Хатвани.

Некоторые из обитательниц камеры сидели попарно на койках и играли в бридж, хотя тюремные правила строжайшим образом запрещали игру в карты, как, впрочем, и любое другое занятие. Баронесса, которая была способной художницей, нарисовала на листочках бумаги карточные фигуры, и так они убивали время. По правилам же они обязаны были от пяти часов утра и до самого вечера в полном бездействии сидеть на скамейках вокруг стола. Надзирательницы время от времени заглядывали в камеру через глазок в двери, чтобы проверить, нет ли каких-нибудь нарушений. Это, однако, не мешало заключенным по очереди лежать на койках. Но спали они чутко и автоматически просыпались и вскакивали каждый раз, когда приближались шаги надзирательниц.

Когда я вошла, они окружили меня и стали расспрашивать о том, что происходит по ту сторону, на свободе. Баронесса Беске представила {342} мне их: госпожа Вида (жена еврея, единственного члена верхней палаты

парламента), камердинер которой донес на нее, что она неодобрительно, по его мнению, высказалась о немецких властях; графиня Зичи, еврейского происхождения, которая была арестована за попытку спрятать ценные картины; вдова бывшего депутата парламента Лехеля Хедервари, обвиненная в политическом сотрудничестве с западными державами; сестра парижского банкира Жака Маннгейма. Вот те имена, которые сохранились в моей памяти.

Все удивлялись, как я оказалась среди них. Ведь я не принадлежала к сословию плутократов и никогда не была замешана в политические дела. Кроме того, все знали, что после смерти мужа я вела замкнутый образ жизни. Открыться перед ними я, конечно, не рискнула. Внезапно я почувствовала сильный голод: был уже поздний вечер, а я все еще ничего не ела. Вынув из сумки бутерброд, я начала есть - и в меня сразу же впились дюжина голодных глаз. Кусок застрял у меня в горле; я передала весь пакетик с едой баронессе, которая поровну разделила бутерброды между всеми. Видимо, баронесса была "старшей" в камере.

В этот же вечер разгорелся ожесточенный спор. Каждый день одна из арестанток должна была убирать камеру и уборную. На следующий день была очередь графини Зичи, однако она решительно запротестовала, заявив, что не будет чистить уборную. Она в жизни не работала, а {343} к такого рода работе не знала как и приступить. Кто-то вызвался выполнить эту работу за нее, но баронесса не дала на это согласия, заявив, что исключения тут не допустимы. Она начала объяснять графине, как пользоваться щеткой и дезинфицирующим порошком.

В дискуссии приняла участие вся камера. Одни были за, другие против. Я еще не успела включиться в тюремную жизнь и мысли мои были далеко отсюда. Забравшись в угол, я сидела там молча, не вмешиваясь в спор.

В пять часов утра, после бессонной ночи, я была уже на ногах. Воскресенье было днем отдыха даже для следователей гестапо. Но поскольку на моем досье имелся гриф "весьма срочно", в понедельник меня обязательно возьмут на Швабскую гору для допроса, - таково было общее мнение в камере.

Утомление и томительная неопределенность так надломили меня, что я потеряла над собою власть и рассказала обо всем случившемся баронессе Беске. Она была потрясена и выслушала мой рассказ, не проронив ни слова. "Анико для них важнее всех нас вместе взятых", - сказала она. Потом принялась утешать меня и пообещала никому не говорить. Я так и не узнала, сдержала ли она свое обещание или нет. В тот же день вечером ко мне подошла графиня Зичи и извинилась за вчерашнюю перепалку. Все остальные тоже были ко мне

предупредительны и любезны. Но я видела всех, словно сквозь густой туман. Меня {344} непрерывно сверлила одна-единственная мысль: жива ли еще Анико? Не могло быть сомнения, что у нее не вырвут признания, и потому нет надежды на пощаду. Но, в таком случае, какой смысл в моем завтрашнем допросе? Я содрогалась при мысли о допросе в гестапо. Зачем эти бессмысленные мучения? Даже если Анико жива, здесь, в тюрьме, я ничем не могу помочь ей.

К двум противоположным стенам камеры были прикреплены полки для различных туалетных принадлежностей. Для всех не хватало места на этих полках, поэтому те, которые попали в камеру раньше, давно уже успели заполнить всю поверхность полок. Одним из немногих возможных занятий в камере было раскладывание и перекладывание на этих полках различных мелких вещей, полученных с очередной передачей. Графиня Клара Зичи сказала мне, что по ее мнению, самая полезная из присланных ей мужем вещей, это бритвенное лезвие, которое заменяло ей и нож и ножницы. Я заметила, что она положила лезвие с левой стороны полки. Вечером, когда все были заняты раскладыванием матрацев на полу (так было просторнее, чем спать вдвоем на одной койке), мне удалось незаметно взять лезвие с полки. Поскольку я лежала у открытого окна, я спрятала лезвие снаружи, на карнизе. Электрические выключатели находились в коридоре, и надзирательницы никогда не удосуживались включить свет. Поэтому с наступлением темноты все укладывались спать. Когда все затихли и, казалось, заснули, {345} я попыталась положить конец своим мучениям...

Я почувствовала кровь, но она текла не из вены. Моя соседка присела, и я притворилась спящей. Потом я сделала еще одну попытку, но опять безуспешно. Прежде чем я успела предпринять третью попытку, все проснулись - в июне светает рано. Мой план не удался. Когда я одевалась, Беске взглянула на меня и что-то заподозрила. Встревоженная, она подбежала ко мне и схватила меня за руку...

Перевязывая мне руку двумя носовыми платками, она упрекала меня за то, что по глупости я чуть не навлекла крупные неприятности на всех остальных. Она посоветовала мне, чтобы идя на допрос, я надела дождевик с длинными рукавами: так не будет видна повязка.

6.

В семь часов утра в камеру вошел солдат со списком в руках и вызвал меня. Одна из арестанток тут же сунула мне в руку дневной паек хлеба: все знали тут по опыту, что следствие на Швабской горе длится с утра до позднего вечера и

что кушать подследственным не дают. Потом я обнаружила, что хлеб был такой заплесневелый, что я не смогла его есть.

Арестантов, отправляемых на следствие, собирали в коридоре второго этажа. Их выстраивали лицом к стеклу, в так они ждали, пока не соберется вся партия. Запрещалось даже пошевелиться. Всех нас, около 40 человек, втиснули {346} в полицейскую машину и отправили на Швабскую гору, в гестапо. Машина, в которой нас везли, была без окон, только в крыше было несколько небольших вентиляционных отверстий. По дороге кое-кто выбрасывал через эти отверстия заранее заготовленные записки и письма в надежде, что их подберут и передадут по назначению.

В гестапо была специальная камера для женщин, и в ней я просидела весь день, дожидаясь своей очереди. Комната была битком набита. Незнакомая женщина протиснулась ко мне и начала расспрашивать меня. Другая арестантка издали стала делать мне знаки, чтобы я не отвечала. Позже она объяснила, что эта женщина подслана немцами.

В этот день меня не допрашивали. Вечером мне, как и всем заключенным, вручили почтовую карточку, которой я могла известить близких или друзей о своем местонахождении, а также попросить у них продовольствие, одежду и туалетные принадлежности. Передачи принимали и вручали в среду, от 10 до 12 часов утра. Дело было в понедельник, и я сомневалась, дойдет ли моя открытка вовремя. Не знала я и кому ее послать. Указывать имена родственников я опасалась, да и Маргит мне не хотелось компрометировать, посылая ей письмо из гестаповской тюрьмы. После долгих колебаний я отправила открытку парикмахерше, по соседству с моим домом, и просила передать ее "госпоже, которая живет у меня".

{347} В день передач в тюрьме царило большое возбуждение. Хотя посылки начинали разносить не раньше 10 часов, еще задолго до этого, с самого раннего утра, чувствовалось напряженное ожидание, - не только из-за голода, но и потому, что передачи служили единственной связью с внешним миром, единственным связующим звеном между заключенными и их семьями или друзьями.

Все посылки подвергались тщательной проверке, бесцеремонно обкрадывались и лишь после этого раздавались заключенным. Некоторые получали сразу две-три посылки, но были и такие, которые ничего не получали.

Около полудня, когда я было совсем потеряла надежду получить передачу, она неожиданно прибыла; видимо ее привезли на такси. Суп в кастрюле все еще

дымился, остальные блюда тоже были свежие и возбуждали аппетит, особенно после скудной тюремной пищи. Но я была удивлена, что вся одежда, которую Маргит прислала мне, была поношенная и вообще не пригодная для тюремных условий. Как оказалось, комната, на которую я указала Зейферту как на свою и в которой находился платяной шкаф, была после обыска опечатана и доступа в нее не было. Поэтому Маргит была вынуждена посылать одежду, которую я давно отложила как негодную, добавляя к ней кое-что из своих вещей.

Ежедневно после обеда нас выводили на десятиминутную прогулку вместе с заключенными {348} из соседней камеры. Эта прогулка считалась "гвоздем" ежедневной тюремной "программы". Хотя переговариваться было запрещено, мы как-то умудрялись обмениваться обрывками различных сведений, которые просачивались даже в наглухо закрытые и строго охраняемые камеры. Люди все время сменялись. Заключенных непрерывно увозили куда-то и вместо них привозились новые жертвы. Скученность все время возрастала, и вскоре нас уже было двадцать человек в камере.

Утром 23 июня увезли Беске Хатвани, Виду и еще нескольких. Куда? Этого никто не знал. Пошли слухи, что два раза в неделю производят депортацию и два раза в неделю - отправку в концентрационный лагерь Киштарча около Будапешта. Чтобы быть всегда наготове, мы каждое утро укладывали свои вещи в узелки: когда вызывали, надо было идти немедленно и на сборы времени уже не оставалось.

В то же утро и меня повели на допрос. Когда я спустилась, в сопровождении солдата, на второй этаж, заключенная, убиравшая лестницу, шепнула мне: "Тетя Като, Анико тоже здесь. Вчера вечером я разговаривала с ней!". Я была в смятении и с трудом сохранила самообладание. Вдруг я увидела Беске. Мне хотелось подбежать к ней и рассказать эту новость, но она, как и все, остальные, стояла лицом к стене, и разговаривать с ней было запрещено.

Меня допрашивал Зейферт, который вел мое дело. Допрос длился долгие часы и был {349} намного подробнее и обстоятельнее, чем у венгров. Но Зейферт был вежливее и тактичнее. Это побудило меня обратиться к нему после допроса с просьбой объяснить мне, наконец, что случилось и в чем обвиняют мою дочь. Он долго молчал, а потом, не давая прямого ответа, сказал: "Согласно моему толкованию венгерского права, жизни вашей дочери не грозит опасность. Немецкие законы более строги".

Я вздохнула с некоторым облегчением.

Под вечер в камеру неожиданно вошла Хильда, заключенная, работавшая вне

тюрьмы. Это была венгерская немка, уроженка Берлина, типичная немецкая красавица. Благодаря своей внешности и отличному знанию немецкого языка она была освобождена от физического труда и использовалась на конторской и других, довольно ответственных, работах. Хильда вызвала меня строгим солдатским голосом. Она вывела меня в коридор и шепотом велела подойти к окну камеры и посмотреть наружу. Это, правда, запрещалось, но я тем не менее послушалась ее. В одном из окон расположенного напротив здания я увидела Анико. Она помахала мне рукой и улыбнулась.

Наутро я снова стояла у окна.

Через несколько минут появилась и Анико. Указательным пальцем она начала писать в воздухе большие буквы. Я ответила ей таким же образом. Зная, что нас могут заметить, мы были крайне {359} осторожны и "разговаривали" только о пустяках. Так, по крайней мере, было вначале.

Я обратила внимание на то, что окно ее камеры отличается от остальных: оно находилось у самого потолка, было намного меньше и расположено горизонтально. Мне сказали, что в одиночных камерах все окна такие, - чтобы заключенные не могли глядеть в них.

Остальные арестантки тоже столпились у окна, с любопытством наблюдая за нами. Анико заметила желтую нашивку на нашей одежде и спросила, что это такое. Я объяснила ей и, в свою очередь, спросила, не заставляют ли и еешить желтую звезду. Она ответила, что не является более венгерской подданной, и стоящая рядом со мной арестантка написала ей в воздухе: "Твое счастье!". В ответ Анико вывела пальцем на запыленном окне большую шестиконечную звезду, которая оставалась там до очередной чистки окон. Вслед за этим Анико исчезла и в этот день я больше не видела ее.

На следующий день вечером Хильда снова вызвала меня в коридор и сообщила, что в умывальной комнате я могу несколько минут поговорить с Анико. Я вошла - и, наконец, смогла прижать ее к себе. Анико торопливо объяснила мне, что будучи офицером связи в британской армии, она взяла на себя задание, которого "к большому сожалению не смогла выполнить". "Со своей судьбой я смирюсь, - добавила она, - но мне невыносимо тяжело, что я и на тебя навлекла беду".

{351} Я стала успокаивать ее, уверяя, что со мной ничего плохого не случилось и я огорчена лишь тем, что не могу видеться с ней. Будь я на свободе я, конечно, получила бы свидание с нею и могла бы ее навещать. Она печально улыбнулась. Теперь это снова была прежняя Анико. Следы побоев на лице

исчезли, волосы причесаны, выражение лица спокойное. Но выбитый зуб зиял во рту черной пустотой. На мой вопрос Анико ответила, что зуб она сломала еще в Палестине, во время неудачного прыжка в парашютной школе. Я видела, что она пытается скрыть от меня правду. "Дорогая мама, - добавила она, - если бы во всем этом предприятии я потеряла только зуб, я была бы довольна!". На мой вопрос, жестоко ли ее пытали, она ответила: "Поверь мне, по сравнению с душевными муками физические пытки ничтожны". Анико начала рассказывать подробности.

Уже после их поимки провалу способствовало неожиданное самоубийство одного парня из их группы. Это сразу же возбудило подозрения; был произведен обыск, во время которого у одного из них в кармане были найдены радионаушники... Постучала Хильда - и мы расстались.

В последующие дни я почти не видела Анико. Были дни, когда она вообще не подходила к окну. Оказалось, что ее ежедневно возили для допроса на Швабскую гору, откуда она возвращалась лишь поздно вечером. Там она познакомилась с некоторыми из моих сожительниц по камере, которых тоже брали туда на допрос.

{352} От них я узнала, что ее сбросили на парашюте в Югославии и там она провела несколько месяцев у партизан.

Анико снова стала от времени до времени появляться на короткое время у окна своей камеры. Она вырезала из бумаги большие буквы и составляла из них слова.

Но нередко она внезапно исчезала, не закончив предложения. Я узнала, что до окна она дотягивалась, ставя на койку стол, а на стол - стул. Но стулом она могла пользоваться лишь очень короткое время по утрам, когда на нем вносили в камеру умывальный таз. При первых же звуках приближающихся шагов она спрыгивала на пол.

В те редкие дни, когда не было допросов, я могла наблюдать за ней во время прогулок по двору; точнее говоря - я видела ее лишь в те короткие мгновения, когда в колонне заключенных она проходила через тот дальний угол двора, который был виден из окна моей камеры. Заключенных водили по двору попарно, но Анико, как одиночная заключенная, шла одна в конце колонны. Зная, что я наблюдаю за ней, Анико, подходя к этому углу, поднимала глаза и смотрела на мое окно. Хотя и принимались все меры, чтобы мы не могли встретиться, однажды наша группы оказались на прогулке в одно время.

В ту пору большинство заключенных уже знали Анико или, по крайней мере, слышали о ней. Поэтому все, знавшие о наших взаимоотношениях, с волнением ждали нашей встречи. Но оно казалось невозможным: я была впереди колонны, а Анико в конце. Посередине {353} двора, зорко наблюдая за заключенными, стояла надзирательница, а по краям в разных местах была расставлена военная охрана. Анико несколько раз выходила из строя, делая вид, что завязывает шнурки на ботинках; при этом она каждый раз все больше отставала от продолжавшей двигаться колонны. Когда мы наконец поравнялись, шедшая рядом со мной арестантка отступила назад и на ее место быстро встала Анико. Мы шепотом переговаривались, но я все время не спускала глаз с надзирательницы, замолкая каждый раз, когда ее взгляд останавливался на нас. Анико сказала мне: "Имей в виду, мама, мы и без того находимся тут в величайшей опасности и нам нечего терять. Так оставим лишние предосторожности и продолжим разговор!".

Она рассказала мне, что спустя день или два после нашей первой встречи Рожа хотел допросить меня вторично. Он позвонил мне домой в присутствии Анико, которая в этот момент находилась у него в кабинете. Подошедшая к телефону Маргит сказала ему, что я ушла и не вернулась. На его дальнейшие расспросы она не смогла добавить никаких подробностей о моем исчезновении и местопребывания. Это привело Рожу в ярость. Он бросил телефонную трубку и в бешенстве прошипел: "Она тоже продалась евреям! Она спрятала ее!".

8.

Приближается 17 июля - день рождения Анико. Я все думаю о том, какой смогу послать {354} ей подарок. Вторую посылку мы с ней уже поделили. Но я предусмотрительно не притронулась к баночке с апельсиновым вареньем, опасаясь, что у меня не найдется для нее другого подарка. Когда мои подруги по камере заметили, что я готовлю баночку с вареньем, которую тщательно оберегала, и они знали, для кого, одна из них преподнесла небольшой носовой платок, другая - перчатку для обтираний, третья - кусочек мыла, чтобы я добавила к посылке. В тюрьме - это целое достояние. Одна из надзирательниц согласилась по моей просьбе передать подарок Анико. И в тот же день позднее меня подозвала к двери одна из работниц, и всунула в руку записочку. Всего несколько теплых строк благодарности. Анико писала, что была счастлива получить такой подарок не только потому, что варенье отличное, но, главным образом, потому, что оно апельсиновое и вызвало в ней волну воспоминаний о Палестине. Вглядываясь на прожитые 23 года, она видит, что ее молодость была красивой и жизнь дала ей много хорошего.

Эти ее заключительные счёты с жизнью вонзились, как стрела, в мое сердце.

Я стала замечать, что во время прогулок Анико водит за руку двоих детей - девочку и мальчика. Оказалось, что это дети беженки из Польши, которых вот уже несколько лет вместе с матерью переводят из тюрьмы в тюрьму. Они сразу почувствовали в Анико друга и не отставали от нее. Иногда она играла с ними в {355} прятки, и надзирательницы милостиво допускали это, делая вид, что ничего не замечают. Чтобы развлечь детей, Анико принялась изготавливать для них бумажные куклы, используя для этого всевозможные обрывки бумаги, тряпье и цветные карандаши. По не известным мне причинам ее на время перевели в общую камеру, где находились и эти двое ребят. Она сразу же начала учить их читать и писать, играла с ними и рассказывала им сказки. Но и для взрослых она придумывала развлечения, рассказывая им анекдоты и напевая новые еврейские песни, родившиеся в Палестине. Потом ее снова возвратили в одиночную камеру, но "производство" кукол не прекратилось; продолжалась и наша "воздушная переписка".

Из трех надзирательниц - швабок, сменявших друг друга в течение суток, самой устрашающей была свирепая Мариетта, казалось бы, начисто лишенная человеческих чувств. В ее смену многие заключенные отказывались даже от бесценной для них десятиминутной прогулки. Во время прогулок она с нагайкой в руках стояла посередине двора и, как цирковой дрессировщик, командовала: "Быстрее! - Медленнее! - Еще быстрее!" - щелкая при этом нагайкой. Нередко она заставляла заключенных бегать по кругу.

Во время одной из прогулок Анико рассказала мне о Мариетте нечто такое, что совершенно не вязалось с нашим представлением о ней как о бесчеловечной садистке. Однажды утром {356} Анико, взобравшись на свой импровизированный помост у окна, так увлеклась "перепиской" со мной, что не слышала приближающихся по коридору шагов надзирательницы. Вдруг дверь с шумом отворилась и в камеру с выражением садистского злорадства на лице ворвалась Мариетта. Она с оглушительным криком набросилась на Анико: как она смеет сигналить через окно; пусть немедленно скажет, с кем она установила контакт. Анико, тоже повысив тон, ответила ей сверху, что она пытается таким образом связаться со своей матерью, с которой не виделась уже пять лет.

Мариетта сразу замолчала и ушла. С тех пор, приходя на дежурство, она тут же заносила Анико стул с тазом для умывания и оставляла его в камере.

Та же Мариетта, узнав, что Анико никто не приносит передач, принесла ей пакет с едой, взятой из чужих посылок.

Надзирательницы-немки снабжали Анико также всеми материалами для

изготовления кукол: бумагой, нитками, карандашами. Однажды мне тоже передали от нее две бумажные куклы: мальчика и девочку, шагающих держась за руки. Вся камера была в восторге от ее рукоделия. Куклы становились все разнообразнее, красочнее и искуснее. Она начала раздавать их не только заключенным, но и надзирательницам, которые охотно их принимали. Анико изготавливала также куклы, в стиле рококо, куклы, изображавшие оперных персонажей - Кармен, Баттерфлай {357} и других.

Но самыми популярными были "палестинские куклы": кибуцники и кибуцницы с лопатами, заступами или граблями на плече.

Как-то она сказала мне: "Я рада, что не совсем зря потеряла в тюрьме время: многие стали тут благодаря мне сионистами". В то же время она выразила недоумение, что у нее до сих пор нет никаких сведений извне. Она была уверена, что никто не знает о ее судьбе. В противном случае, сюда бы дошла какая-либо весточка.

С тех пор я стала искать пути, как сообщить на волю, что Анико схвачена и находится здесь.

В следующий "день передач", возвращая пустую сумку, я вложила в нее записку, в которой поблагодарила Маргит за заботу обо мне и как бы между прочим попросила в дальнейшем посылать мне два пакета, так как я должна делиться с Анико. Записка не была обнаружена и дошла до Маргит, которая, в свою очередь, немедленно передала ее моей сестре, принимавшей всегда участие в приготовлении передач. Сестра решила, что я лишилась рассудка: она ни на мгновение не допускала мысли, что Анико может находиться где-то здесь. Но на следующий день она неожиданно узнала об этом из другого источника.

Во время нашей следующей встречи на прогулке я попыталась выведать у Анико, с каким заданием она прибыла сюда. "Я не вправе говорить об этом: это военная тайна, - сказала она. - Скоро война кончится - все узнаешь. Но не будь это военной тайной, я все равно не {358} рассказала бы: очень трудно хранить молчание во время допроса - чем меньше знаешь, тем лучше". - "Даже если ты не расскажешь мне, я убеждена, что ты вступила в армию не из-за горячей приверженности к англичанам. За всем этим кроется какое-то еврейское дело". - "Твое предположение верно, мама", - ответила Анико, сжимая мне руку. "Но вопрос в том, стоило рисковать жизнью из-за такого безграничного фанатизма?" Она ответила шепотом, но решительно: "С моей точки зрения - стоило". Потом она добавила: "Но ты можешь быть уверена - я не сделала ничего такого, что могло бы нанести вред Венгрии. Более того, что считается

сегодня преступлением, завтра будет, несомненно, считаться добродетелью".

Во время другой встречи Анико рассказала мне, что на первом допросе она попала в расставленную ей ловушку. Не добившись у нее никаких показаний о найденных при обыске наушниках, следователи сказали ей, что им и без того известно достаточно: один парень из ее группы во всем признался и завтра он будет казнен. Поверив этому, Анико поспешила заявить:

"Он не имеет абсолютно никакого отношения к этому делу. Радиоаппарат был мой". Тогда ее подвергли пыткам, чтобы узнать у нее код.

Однажды в "разговоре" через окно Анико спросила, не хочу ли я изучать иврит - ведь раньше у меня никогда не было для этого столько свободного времени. Чтобы доставить ей удовольствие, я согласилась, хотя мне было совсем {359} не до этого. С тех пор она стала ежедневно посылать мне отлично составленные уроки. Но в тесноте камеры, да еще при моем тогдашнем душевном состоянии, я не смогла отдаться занятиям и спустя две недели я сообщила ей об этом. Так уроки и прекратились.

В один из первых дней августа исполнилось двадцать пять лет моего замужества. Я, конечно, и не думала отмечать эту дату в тюрьме. Но Анико с трогательным вниманием вспомнила мою серебряную свадьбу и преподнесла мне самодельный подарок.

Это была покрытая фольгой коробочка из-под детской присыпки, в крышку которой были натканы 25 белых роз из ваты; стебельками служили кусочки соломы из тюремного матраса. Создалась полная иллюзия большого букета роз. Была и бумажная невеста с длинной вуалью и букетиком роз в руках. К подарку было приложено стихотворение, которое я, однако, уничтожила, чтобы не оставалось лишних следов существующей между нами связи. Но хорошо запомнила его содержание, глубоко символичное по смыслу:

Воспоминания - как бумажные цветы,

они не вянут и всегда кажутся свежими.

Иногда смотрит на них человек -

и забывает, что они неживые.

Между тем активность Анико достигла своей высшей точки. Сигнализация через окно, {360} ставшая регулярной, предназначалась уже не только для

меня - она превратилась в постоянный источник известий, военных новостей. Когда Анико знаками передавала эти новости, их с жадностью ловили заключенные всех камер, окна которых были обращены в сторону тюремного двора. Я была в отчаянии от такого безрассудного смелого поведения Анико, которое могло повлечь за собой ухудшение ее и без того опасного положения. Однако мои попытки повлиять на нее остались безуспешными.

Как-то утром, передавая последние новости, она приложила кончики указательного и среднего пальцев горизонтально к верхней губе, а ребром ладони другой руки стала водить взад и вперед по горлу, как бы разрезая его. Все сразу поняли, что она имеет в виду Гитлера. А во время послеобеденной прогулки распространилась весть о покушении на Гитлера.

Как узнала она об этом? В первую очередь через так называемых "вольных арестантов", т. е. политических заключенных - венгров, которые пользовались особыми привилегиями. Они снабжали Анико газетами, книгами и обрывками новостей. Кроме того, она немало узнавала от своих попутчиц в полицейской машине, когда ее возили на Швабскую гору. Встречавшиеся там с Анико заключенные рассказывали, как они удивились, видя необычно мягкое обращение с ней немцев. Ей нередко приносили обед (который она неизменно раздавала), а иногда и газеты. Конвоиры, в большинстве сербы из южных {361} районов Венгрии, тоже благоволили к ней. Она завоевала их симпатии, разговаривая с ними на сербском языке, которому научилась в Югославии, у партизан.

Однажды вечером в нашу и без того переполненную камеру поместили еще четырех заключенных - двух женщин из Дебрецена и двух девушек - еще почти детей - из Будапешта. Они пытались бежать из Венгрии, были схвачены на границе и уже подверглись допросу на Швабской горе. Они спешили поделиться с нами своими впечатлениями. Одна из них спросила, знает ли кто-нибудь из нас ту девушку, которая приветливо встречает новых заключенных, подбадривает их и дает им всевозможные полезные советы и наставления. "Это Анико - дочь нашей Катерины", - смеясь ответили сразу мои подружки.

Одна из девушек рассказала, что ей пришлось провести с Анико несколько часов в штабе гестапо. Анико спросила водившего ее на допрос конвоира - офицера СС: "Какое вы назначили бы мне наказание, если бы это зависело от вас?".

Эсэсовец ответил: "Я бы вас вообще не наказывал, так как никогда еще не встречал такой мужественной девушки".

Когда я спросила об этом случае Анико, она сказала: "Да, это верно. Немцы, в отличие от венгров, не пытали меня и вообще не применяли ко мне никакого насилия. Они стараются добиться от меня нужных показаний психологическими {362} средствами, главным образом вежливым обращением".

Допрашивал ее тот же Зейферт. Знание языка она скрывала от него и всегда пользовалась услугами переводчика, - этим она выигрывала время на обдумывания ответов. Анико рассказала мне, что после продолжительных допросов немцы нередко угощали ее сигаретой или черным кофе и просили рассказать им о Палестине. После одного из затянувшихся допросов ей сказали:

"Хватит на сегодня. Теперь расскажи нам еще что-нибудь о Палестине".

КОНЕЦ.

1.

В августе атмосфера как будто несколько разрядилась, дисциплина стала менее строгой. У Анико допросы становились все реже, а потом и вовсе прекратились. Участвовавшие воздушные налеты, победы союзнических войск и быстрое наступление русских вселили в нас, заключенных, надежду на скорое окончание войны.

В глубине души каждая заключенная надеялась, что ее переведут в венгерский концентрационный лагерь в Киштарче, где, как рассказывали, режим был не такой строгий, как в гестаповской тюрьме. По слухам, оттуда приостановили и депортацию, тогда как немцы по-прежнему продолжали депортировать. Казалось, я единственная не хотела покидать тюрьму и молила Бога, {363} чтобы нас не разлучили.

К концу августа скученность в нашей камере настолько уменьшилась, что, помнится, мне иногда случалось спать на койке одной. В одну исключительно тихую и чудесную лунную ночь я не могла заснуть и у меня была безотчетная, но твердая уверенность, что Анико тоже бодрствует. Осторожными шагами, чтобы никого не разбудить, я подошла к окну. При ярком свете луны я увидела в полуоткрытом окне силуэт Анико. Она была в голубом халате: лунный свет оттенял ее голову, как бы образуя вокруг бледное сияние, и мне почудилось, что на ее лице явственно виден отраженный свет души. Казалось, что это нереальное, фантастическое видение. Сокрушенная, я вернулась на свою койку. Закрыв лицо и уткнувшись в подушку, я старалась подавить рыдания. Я оплакивала свое дитя, ее молодость и, возможно, трагическую участь.

В начале сентября Анико перевели в соседнюю с нашей камеру. Теперь мы могли совершать ежедневную прогулку в одной группе, а иногда даже рядом, что позволяло нам изредка шепотом поговорить.

Водопроводный кран находился напротив нашей двери и сюда три раза в день приходили из всех камер за дневной нормой воды. Поскольку это представляло возможность лишней раз выйти на несколько минут из опротивевшей камеры в коридор, - все следили за тем, чтобы не упустить свою очередь. В своей камере Анико была единственным водоносом: все {364} самоотверженно уступили ей свои права, чтобы я могла чаще видеть ее через глазок в двери. Случалось, что сердобольная надзирательница под каким-нибудь предлогом вызывала меня в коридор в тот момент, когда Анико выходила за водой. Тогда мы торопливо обменивались рукопожатиями или объятиями.

В тюрьме царило оптимистическое настроение. Еда стала главной темой разговоров в камерах. Оживленно обсуждались способы приготовления различных блюд и деликатесов. Одна из заключенных, жена директора банка пригласила нас всех, после предстоящего в ближайшем будущем освобождения, к себе домой. Она заранее объявила, какие блюда будут подаваться на этом приеме. Слушая как-то подобный разговор, одна женщина из Кракова, много лет скитавшаяся по тюрьмам, вмешалась, безжалостно опрокидывая наши воздушные замки: "Все это вздор! Большинство из нас кончит в Освенциме!".

Освенцим? Что это такое? Я тогда впервые услышала о существовании нацистских лагерей смерти. Но вскоре после этого в нашу камеру прибыла девушка из Польши, которая не только подтвердила известия об Освенциме, но и добавила, что это не единственный, хотя и самый крупный лагерь смерти.

Тем не менее мы ясно ощущали происходящие изменения к лучшему. Отношение к нам надзирательниц стало заметно мягче. Кое-кого из заключенных освободили. В их числе была одна женщина из нашей камеры, за которую, {365} однако, уплатили большой выкуп. Мы узнали также, что венгерское правительство не соглашалось более на вывоз своих граждан за пределы страны и что наша тюрьма окружена венгерскими полицейскими, чтобы не допустить депортаций.

В ночь с 10 на 11 сентября во всей тюрьме был внезапно зажжен свет. Ночная тишина была нарушена громким плачем и душераздирающими воплями. Мы замерли от ужаса. Вскоре выяснилось, что вывозят польских беженков, - впервые за все время моего пребывания в тюрьме. Двери нашей камеры

отворилась, и солдат со списком в руках выкрикнул имя несчастной женщины из Кракова. В коридоре видны были стоявшие группами жертвы готовящейся депортации. Они плакали и стонали.

В это время неожиданно начался сильный воздушный налет. Свет сразу погас, и у нас мелькнула надежда, что вывоз отменят. Но напрасно: он был всего лишь отложен на полчаса.

Потом мне рассказали, что когда все это началось и из камеры Анико увели несколько женщин, она к удивлению оставшихся, хорошо знавших ее стойкость, бросилась на койку и залилась слезами. Но она так же быстро обрела самообладание и, по обыкновению, стала всех утешать.

На следующее утро, 11 сентября, молодая арестантка, работавшая в коридоре, подозвала меня к двери и сообщила, что Анико перевели в другое место. "Но не беспокойтесь, - {366} добавила она, - куда бы ее ни перевели, ей не будет хуже, чем здесь". Слабое утешение!

В тот же день, во время прогулки, заключенные из камеры Анико подтвердили зловещую новость. Я была окончательно раздавлена, моя последняя слабая надежда была разбита. Меня принялись утешать рассказами о доброте и мужестве Анико. До появления Анико в камере, ее обитатели всегда были в подавленном настроении, пытаюсь лишь кое-как скоротать томительно и скучно тянувшееся время. Анико вдохнула в них новую жизнь и надежду, скрасила их унылое прозябание и наполнила новым содержанием их серые тюремные дни. Она занималась с ними гимнастикой, учила песнями, играла и танцевала, преподавала иврит. Она много рассказывала им, главным образом о Палестине. Ей удалось заразить их своим восторженным отношением к стране и сионизму, и многие, ранее совершенно безразличные, стали преданными сионистками.

Слухи множились. Стали поговаривать, что и нас переведут в лучшее место. Действительно, 12-го сентября нескольких женщин из моей камеры забрали, а 13-го, два дня спустя после перевода Анико, вызвали вместе с другими и меня. Теперь в камере остались только три человека. В коридоре уже была собрана большая группа заключенных. Нас снова всех переписали. Потом нам возвратили отобраанные у нас во время ареста вещи, кроме денег и ценностей. Там {367} был знакомый еврей. Я шепотом спросила его, куда увезли Анико. Он сказал, что не знает, куда ее перевели, но полагает, что в лучшее место.

Нас посадили в большие полицейские машины и отвезли в концентрационный лагерь в Киштарче, на окраине города. Там нас ждала уже огромная толпа;

каждого прибывающего испытующе рассматривало множество глаз: люди искали братьев, сестер, детей, приятелей. Многие находили. Но многие напрасно искали в толпе пропавших родных и друзей.

После гестаповской тюрьмы концентрационный лагерь показался нам домом отдыха. Нам разрешалось неограниченное время гулять по окруженному забором большому двору. Мы могли также писать сколько угодно писем и получать неограниченное количество передач. В исключительных случаях давались даже свидания.

Меня беспрестанно мучил страх за Анико, и я написала Маргит, чтобы она навестила меня. Через два-три дня меня вызвали в контору. Кроме тюремного чиновника и Маргит меня ждала там Хильда Гобби, тоже актриса. Я обняла Маргит, но она осталась неподвижной и сухо, официальным тоном сказала: "Мадам, я пришла, так как мне срочно понадобилась ваша подпись на договоре найма квартиры. Я и аванс принесла".

Я сразу поняла, что договор служил только предлогом, чтобы повидать меня. Мы едва сдержали смех. Чиновник, уткнувшись в бумаги, притворился, будто ничего не замечает, и мы {368} могли свободно и долго разговаривать. Я попросила Маргит сделать все возможное, чтобы узнать, где находится Анико.

Когда мы спускались по лестнице, Маргит окружила целая толпа. Тут было много заключенных из театрального мира, и весть о ее посещении с молниеносной скоростью облетела весь лагерь. Просьбы и вопросы сыпались со всех сторон.

Обитатели концлагеря были в общем настроены оптимистически. Еврейские организации прислали заключенным новогодние подарки и даже специальный новогодний обед. С сестрой у меня был постоянный контакт, и она сообщила мне, что некоторые государства, особенно Швейцария, начали раздавать евреям сохраненные грамоты, и она теперь хлопочет о получении такой грамоты для меня; если ей это удастся - я буду свободна.

Но об Анико она не знала ничего. В конце сентября, точнее - в праздник Иом га-Кипурим, все заключенные лагеря были освобождены. По распоряжению министра внутренних дел концентрационный лагерь Киштарча был ликвидирован.

Я отправилась к сестре, которая жила теперь в одном из домов, помеченных желтой шестиконечной звездой. Обе мы не верили своим глазам, что снова видим друг друга.

Я была глубоко {369} потрясена изменившейся внешностью моей сестры: тяжелые переживания и лихорадочные хлопоты за Анико и меня преждевременно состарили ее.

Самой важной новостью, которую она мне сообщила, было то, что Анико дала о себе знать. Днем раньше, молодой адвокат, доктор Нанаи, посетил ее в тюрьме и предложил ей свои услуги в качестве защитника на суде. Анико попросила его связаться через Маргит (другого адреса она указать не смогла) с родными и решить с ними этот вопрос.

На следующий день я и мой шурин, тоже адвокат, отправились к доктору Нанаи. От него мы узнали, что у Анико были товарищи по несчастью, которые уже уполномочили его вести их защиту, и он показал нам подписанную ими доверенность. Однако прежде чем принять решение, я хотела посоветоваться с другом и советником нашей семьей доктором Палаги, а главное - поговорить с самой Анико. Я сказала об этом своем намерении доктору Нанаи и он обещал в ближайшие дни достать для меня пропуск, при условии, что я спорю желтую звезду со своей одежде.

Потом я отправилась домой и зашла к Маргит (моя комната все еще была опечатана гестапо). Маргит вручила мне конверт, который принесли ей накануне в туалетную комнату театра двое молодых людей. В конверте была значительная сумма денег, и податели просили Маргит позаботиться, чтобы Анико не испытывала ни в чем нужды. Они сказали также, что деньги - от {370} некоего Гери, и просили передать от него привет Анико. Тогда я, конечно, не знала, кто этот таинственный Гери. Лишь много позже выяснилось, что это был Реувен Дафни, один из парашютистов ее отряда.

Два дня спустя доктор Нанаи повел меня в тюрьму на улицу Конти, где мне было разрешено десятиминутное свидание с Анико. Несколько минут я ждала одна в маленькой комнате - и двое конвоиров ввели ее.

Она выглядела очень хорошо. Конечно, мы не могли разговаривать свободно, но я обняла ее, и мы вместе открыли принесенный мною пакет. Шел пятый год войны, и ощущался острый недостаток продовольствия.

Когда родственники и друзья узнали, что я собираюсь на свидание с Анико, они поспешили принести все, что могли. В пакете был и ее детский набор принадлежностей для шитья, который, как я знала по собственному опыту, мог ей очень пригодиться в условиях тюрьмы. При виде его у Анико навернулись на глаза слезы и она спросила: "Неужели это сохранилось?".

Я спросила, что еще ей нужно. "Книги... хорошие книги - как можно больше, - ответила она. - Читать тут разрешено. Но предупреждаю тебя, что обратно ты их не получишь: они будут конфискованы для тюремной библиотеки. Больше всего мне хотелось бы получить Библию на иврите".

Слыша этот разговор, один из конвоиров опросил: "Как это возможно, что дочь еврейка, а ее {371} мать - христианка". Я ответила: "Вы ошибаетесь: я тоже еврейка". - "Где же, в таком случае, звезда?". Я знала новое распоряжение властей, освобождавшее от ношения звезды евреев, имевших особые заслуги перед венгерской культурой. Наш друг доктор Палаги уже начал хлопотать о предоставлении мне такой привилегии за заслуги моего покойного мужа. Я сказала: "Я освобождена от обязанности носить звезду - за литературную деятельность моего мужа".

Мне поверили, а Анико гордо улыбнулась. Конвоир вдруг вспомнил: "Да, конечно, господин Сенеш! Я его хорошо знал: я был официантом в кафе, которое он часто посещал".

Я передал Анико привет от Гери - и глаза ее заблестели. На мой вопрос, что ей понадобится кроме книг, она ответила: "Если можешь, принеси теплую одежду - в камере холодно". Она добавила, что в общем у нее все в порядке. Она теперь уже не в камере-одиночке, с нею вместе много сверстниц, и они не скучают.

Наконец она коснулась главного: "Скоро начнется суд и мне нужен адвокат. Подыщите кого-нибудь по возможности скорее".

Десять минут истекло и мы расстались. После моего освобождения ко мне непрестанно ходили родственники и друзья. Все они давали мне различные советы, как спасти Анико. Большинство сходилось на том, что следует обратиться к Сионистской организации. Посоветовавшись еще с доктором Нанаи, я отправилась в {372} "Стекланный дом" на улице Вадаш, где находилась Сионистская организация. Там меня направили к молодому человеку, который заверил, что делается все возможное для освобождения арестованных парашютистов. Когда я начала рассказывать ему подробности об Анико и ее товарищах, он принялся уверять меня, что он полностью в курсе дела. Но в ходе нашей беседы я поняла, что ему не известно даже то, что Анико уже около трех недель находится на улице Конти. Он, как оказалось, полагал, что она, вместе с другими парашютистами, содержится в тюрьме, что на улице Маргит. Он снова и снова обещал, что предпримет все, что в его силах, чтобы помочь всей группе.

Потом я попросила доктора Палаги тщательно изучить список адвокатов и

выбрать лучшего из них для защиты Анико. (Адвокаты-евреи, разумеется, не имели права практиковать тогда). Первый, к которому обратился Палаги, отклонил предложение, т. к. вел только гражданские дела. В конце концов он остановился на докторе Селечени, который за последнее время выиграл несколько сложных дел. Но прежде чем поручить ему ведение дела Анико, я, по совету друзей, снова обратилась в Сионистскую организацию, - на этот раз непосредственно к ее более влиятельному руководству. Однако все мои старания окончились полной неудачей.

Я не стану описывать здесь все подробности пережитых мною в этот период тревожных ожиданий и волнений, мимолетных надежд и горьких {373} разочарований, окончательно потеряв надежду на помощь свыше, 12 октября я вместе с доктором Палаги отправилась к адвокату Селечени и уполномочила его вести защиту Анико. Он обещал повидать ее на следующий день в тюрьме, а также позаботиться о пропуске для меня.

Тем временем я тщетно пыталась раздобыть Библию на иврите. Все магазины, торговавшие книгами на иврите, давно закрылись. Я отправилась даже на квартиру к одному известному торговцу еврейской литературой, но оказалось, что он бежал за границу. В магазине религиозных книг на улице Деак меня встретили с удивлением: они могли предложить Библию на любом языке, кроме иврита. Друзья, у которых она имелась, не хотели расставаться с нею навсегда.

Всю жизнь меня будет мучить скорбное сознание, что я не выполнила этого последнего желания дочери.

Два-три года спустя бывшая заключенная тюрьмы на улице Конти рассказывала, как Анико за то недолгое время, что она пробыла с ней в одной камере, успела завоевать сердца ее обитательниц. Она заявила им, что является сионисткой. Они же, будучи коммунистками, не знали даже, что означает слово "сионистка". Поэтому вначале они относились к ней с недоверием и сторонились ее. Но прошло немного времени и {374} они убедились, что хотя Анико и не коммунистка, она охотно всем помогает и делится с ними всем, что имеет. Она учила неграмотных читать и писать, рассказывала о рабочем движении в Палестине и Гистадруте (Всеобщей федерации трудящихся). Вскоре все почувствовали доброту ее сердца и теплоту отношения - и разделявшие их перегородки рухнули.

Между тем я получила от Анико большое письмо, прошедшее долгий путь цензуры. Она подробно описывала свой распорядок жизни в тюрьме, хвалила своих сожительниц по камере и заверяла меня, что не остается свободной

минуты. Разумеется, писала она, эта кипучая деятельность помогает ей отвлекаться от действительности.

На 13 октября доктор Селечени получил разрешение посетить Анико в тюрьме. Однако в тот день он не смог сделать этого из-за яростного воздушного налета и навестил ее на завтра, 14 октября. Возвратившись оттуда после полудня, он рассказал мне, что имел возможность долго беседовать с Анико, так как некоторое время должен был задержаться в тюрьме из-за новой бомбардировки. Он не передал мне подробностей беседы, но сказал, что вряд ли среди тысячи мужчин найдется один, способный совершить то, что совершила Анико. Он сказал также, что если суд состоится, ее наверняка осудят, однако он не может предсказать приговора. Возможно, ее приговорят к пяти годам, возможно - к двум, но он уверен, что ее не освободят. Впрочем, срок {375} заключения не имеет особого значения, поскольку после окончания войны политические заключенные все равно будут немедленно выпущены на свободу. "А каково ныне положение на фронте - я не должен вам объяснять, - добавил он. - Но одно я могу сказать: смертная казнь ей не угрожает. Я говорю это не для того, чтобы успокоить вас, - я твердо уверен в этом". Он обещал немедленно навестить меня, как только будет назначен день слушания дела. Он настаивал, чтобы во время процесса я находилась в коридоре суда: он надеялся, что я смогу увидеться с Анико во время перерывов. (Военный прокурор, майор Шимон, отказал мне в свидании до вынесения приговора).

На следующий день, 15 октября, решилась судьба остатков венгерского еврейства. В результате успешного заговора Салаши отстранил Хорти и к власти пришла партия венгерских фашистов. Что бы ни пережили евреи до сих пор, это было ничем по сравнению с беспримерными жестокостями и зверствами этих венгерских кровопийц. Евреям разрешалось выходить на улицу только на два часа, да, и то не каждый день, а смотрители домов обязаны были следить, чтобы никто не выходил из дому без желтой звезды. Все это лишило меня возможности посещать адвоката Селечени. Только моя сестра и ее муж, которые, благодаря покровительству Швеции, были освобождены от ношения звезды, могли поддерживать с ним постоянный контакт. Через них я узнала, что суд {376} начнется 28 октября. Я позвонила из дома одной христианской семье адвокату. На мой вопрос, что будет теперь, после перемены власти, он сказал: "Возможно, что теперь ее приговорят к 10 или 20 годам, может быть даже к пожизненному заключению, но это не меняет существенно положения". Он снова повторил свою просьбу, чтобы я находилась во время процесса в здании суда.

28 октября я отправилась в здание суда на улице Маргит. У входа толпились люди. Я стала ждать в коридоре, у зала суда. На двери висела табличка с надписью: "Анна Сенеш с сообщниками".

В одиннадцать часов, когда судьи удалились для вынесения приговора, дверь отворилась и среди выходящих из зала, я заметила Анико. Неожиданно увидев меня, она очень обрадовалась, подбежала и обняла меня. Но конвойный поспешил к нам и заявил, что позволит беседу лишь после объявления приговора. Мы остались стоять друг против друга в коридоре. Я была мертвенно бледна, а Анико - возбужденная, раскрасневшаяся; она улыбалась и лицо ее выражало гордую уверенность в себе.

Вскоре обвиняемых позвали в зал, но спустя несколько напряженных минут их снова вывели в коридор. Анико сообщила мне, что судьи не приняли окончательного решения и объявление приговора отложено на восемь дней, то есть до следующей субботы, 4 ноября.

Этот неожиданный поворот совершенно подавил меня, и я спросила стоявшего рядом {377} адвоката Селечени, что это означает. Он ответил, что это не имеет никакого значения: такие отсрочки, хотя и редки, но случаются.

Анико вмешалась: "Поблагодари доктора Селечени, мама: он вел защиту блестяще". Адвокат был явно польщен этой похвалой. (Он рассказал потом моей сестре, что члены суда резко обрушились на него за то, что он взялся защищать еврейку).

Посоветовав нам как можно лучше использовать короткое время встречи, Селечени поспешил на другой процесс. Я не могла скрыть своих опасений и тревоги, и Анико принялась успокаивать меня, уверяя, что в ее случае отсрочка не изменит положения: до окончания войны она все равно не вышла бы на свободу. "Но меня удивляет, что в такое время ты расхаживаешь по улицам, - сказала Анико. - Где твои христианские друзья - почему они не прячут тебя?". Когда я объяснила ей, что в первую очередь необходимо уладить ее дело, она сказала: "Я как-нибудь выберусь из всего этого. Но я не найду ни минуты покоя, пока ты будешь вести себя так неосторожно".

Конвоир объявил, что наше время истекло, но теперь, когда судебное разбирательство закончено, ничто, по его мнению, не помешает мне навестить мою дочь в тюрьме, на улице Конти; пропуск я смогу без труда получить в тюремной канцелярии. Я пообещала Анико прийти в понедельник, 30 октября. Мы спустились по лестнице вниз, к выходу. Конвоир хотел пойти за {378} тюремной машиной, но Анико сказала, что она охотнее поехала бы трамваем, чтобы посмотреть оживленное движение городских улиц.

Они вышли во двор. Мне не было разрешено проводить, и я осталась у дверей,

провожая ее взглядом, пока она не исчезла из виду.

30 и 31 октября я не могла выйти из дому из-за непрерывной и сильной бомбардировки с воздуха, а 1 ноября, придя в тюрьму, я узнала, что туда нет доступа из-за христианского праздника. 2 ноября я снова пошла в тюрьму, но там объяснили, что поскольку приговор еще не вынесен, я должна получить разрешение у военного прокурора, майора Шимона. В учреждении майора Шимона мне сказали, что он уехал из города и вернется только в среду, 7 ноября.

Я объяснила цель моего прихода и спросила, кто замещает майора Шимона во время его отсутствия. Мне ответили, что когда его нет, никто не вправе выдавать пропуска.

Между тем, еще до истечения восьмидневного срока, я написала доктору Селечени и спросила его, почему он не сообщает мне дня вынесения приговора. Он ответил, что вынесение приговора задерживается, так как тем временем дело перенял новый председатель суда. Как только ему, Селечени, дадут знать, он незамедлительно известит меня.

7 ноября, на одиннадцатый день после суда, я снова пошла к майору Шимону. Здания царила суматоха и неразбериха. Один за другим выезжали куда-то груженные грузовики. {379} Привратник сказал мне, что нет никакого смысла заходить внутрь, так как, насколько ему известно, там уже никого не осталось. Действительно, грохот советских пушек быстро приближался и шло массовое бегство фашистов на запад. Тем не менее я решила войти и попытаться разыскать Шимона. В его кабинете все было уже упаковано и уложено, но я застала там двух одетых в пальто чиновниц и молодого офицера. Они стояли, готовые к немедленному отъезду. Офицер был тот самый, с которым я разговаривала в прошлый раз, когда Шимон был в отъезде. Теперь я снова обратилась к нему и объяснила, что я все еще разыскиваю Шимона, чтобы получить у него разрешение на свидание с дочерью. Офицер ответил, что майор Шимон получил новое назначение в военную тюрьму на улице Маргит, и дал мне номер его кабинета; взглянув на часы, он добавил, что я должна спешить. Из его слов я поняла, что Шимон тоже собирается скоро уезжать.

На улице Маргит я была в половине одиннадцатого. Там было безлюдно и тихо. На пути от ворот до кабинета Шимона я не встретила ни души, кроме одного часового. Казалось, все разбежались. После недолгих поисков я нашла нужную дверь и вошла. В комнате никого не было, но папка с бумагами и пара перчаток на одном из столов указывали на то, что хозяева все еще находились в здании. Я подождала в коридоре, и появившийся вскоре служащий подтвердил, что

майор Шимон еще здесь.

{380} Около одиннадцати Шимон пришел. Я последовала за ним в комнату, представилась и попросила пропуск к дочери. "Это дело уже не в моем ведении", - сказал он, явно растерявшись. "С каких пор?" - "Со вчерашнего дня". - "У кого же оно сейчас?" - "Этого я не знаю". - "К кому я должна обратиться за разрешением на свидание?" - "Не знаю". - "Может быть, пойти в тюрьму и попросить пропуск на месте, у администрации?" - Да, пожалуй. Сходите туда - попытайтесь".

Его резкие, отрывистые ответы прорвали мое долго сдерживаемое возмущение и горечь: "Но, господин майор, укажите мне, по крайней мере, к кому я должна обратиться, чтобы получить пропуск. Я совершенно не понимаю, почему мне чинят такие трудности, в то время как родственников других заключенных пускают к ним часто! Мне дали разрешение только один раз, да и то лишь на несколько минут". - "В самом деле?" - озадаченно спросил Шимон. - "Я ни разу не давал вам свидания?" - "И почему до сих пор не назначен день вынесения приговора? Ведь восьмидневный срок уже истек?" - спросила я, но не получив ответа, продолжала: - "Или, может быть, приговор уже вынесен?" - "Даже если бы он был вынесен, я не мог бы сообщить вам его содержания", - ответил Шимон".

Как же это? Неужели вы хотите сказать, что можно скрыть от меня приговор?" Он снова промолчал, в я спросила: "Так как же - есть приговор?"

Шимон подошел к своему столу, сел и {381} указал мне на стоявший напротив стул: "Садитесь". Немного спустя, после неловкого молчания, он спросил: "Вы еврейка? Или, может быть, только ваш муж был еврей?" - "И он и я - мы все евреи", - ответила я. "Я не вижу желтой звезды". Я показала ему нашитую на платье звезду, которая была заслонена моей большой сумкой. "Вы знакомы с делом вашей дочери?" - "Да, адвокат изложил его". Как бы игнорируя мой ответ, он принялся рассказывать содержание дела. Отказавшись от венгерского гражданства, Анико поступила на службу в британскую армию в качестве офицера связи парашютного отряда. Прошлой весной она из Каира была доставлена через Италию в Югославию, спустилась на парашюте и довольно долго оставалась у партизан. Из Югославии она перешла в Венгрию, чтобы организовать спасение евреев и британских военнопленных. Иными словами, она виновна в самых тяжких преступлениях против Венгрии.

"Это неверно, - прервала я его. - Я убеждена, - что это неверно: однажды, когда мы встретились с нею во время прогулки в тюрьме гестапо и я спросила ее, какое у нее было задание, - она сказала, что не может прямо ответить на этот

вопрос, так как связана обязательством соблюдать военную тайну, но она заверила меня, что не предпринимала и не совершала ничего, что могло бы нанести ущерб Венгрии. Совершенно напротив!" - "Но в Венгрии действуют теперь законы военного времени, а у вашей {382} дочери был найден радиопередатчик. Поэтому военный трибунал нашел ее виновной в измене и потребовал приговорить ее к высшей мере наказания. И это... наказание... мы... привели в исполнение".

Мое сердце замерло, в глазах потемнело... Вдруг я вспомнила письмо Селечени, в котором он сообщал, что приговор еще не вынесен. Может быть Шимон из садистских побуждений хочет причинить мне страдания? Я ухватилась за эту мысль, как утопающий за соломинку: "Нет, нет, этого не может быть. Только сегодня утром я получила письмо от адвоката - он пишет, что приговора еще нет и что он известит меня, когда будет назначен день вынесения приговора. Адвокат был бы наверняка поставлен в известность, если бы что-нибудь произошло". - "Да, конечно, адвокат знает, но он, наверно, хотел пощадить вас". -

"Щадить меня? Какой может быть в этом смысл? Сколько же времени можно скрывать от меня? Нет, нет, адвокат несомненно сообщил мне правду". "Как звать адвоката?" - "Доктор Андор Селечени. Его письмо при мне". Порывшись в сумке, я вынула оттуда письмо и протянула его Шимону. Он быстро пробежал его глазами, записал фамилию и номер телефона адвоката и сказал "Хорошо, мы сообщим ему по телефону".

Теперь я поняла, что нет больше надежды. "Разве можно так... просто? Неужели так бывает?.. Ведь мне даже не дали поговорить с нею.. поговорить...", - бормотала я. "Она не хотела {383} видаться с вами, чтобы уберечь вас от переживаний". (Позже он рассказал доктору Селечени прямо противоположную версию: она просила о встрече со мной - это было ее последнее желание, но ее "отговорили").

После короткой паузы он продолжал: "Но вы получите прощальные письма. Она их написала несколько". Снова помолчав, он добавил: "Кстати, должен признать, что ваша дочь до последней минуты сохраняла мужество и твердость характера. Она была действительно горда тем, что она еврейка".

В его словах слышалось недоумение, но вместе с тем и нескрываемое уважение. "Не знаю, нарушила ли моя дочь - а если нарушила, то чем, - военные законы...". "Она совершила исключительно тяжелое преступление", - прервал меня Шимон.

"...Но, у меня нет и тени сомнения, - что перед Богом и людьми она не виновна. Тот, кто наделен таким талантом и достоинствами, способен лишь на поступки прекрасные и благородные". - "Да, она действительно была незаурядным человеком. Но именно такие и берут на себя из ряда вон находящие задания. Жаль, что она не избрала неверный путь... Эта война унесла с собой много жизней и потребовала неисчислимых жертв, - считайте, что ваша дочь - одна из них".

Когда я, шатаюсь и спотыкаясь, сходила с лестниц, меня вдруг ударила в голову мысль, что Шимон только что вернулся с казни. Впоследствии эта догадка подтвердилась.

Вскоре после моего ухода доктор Селечени, {384} проходя мимо тюрьмы на улице Маргит, заметил выезжающий из ворот катафалк. "Что это, - спросил он часового, - снова кого-нибудь казнили? - "Да, казнили женщину - офицера британской армии", - ответил часовой.

Селечени бросился наверх и, ворвавшись в кабинет Шимона, обвинил его в незаконной расправе, - без вынесения судебного приговора. После войны, в ходе судебного процесса против Шимона, было установлено, что казнь действительно была незаконной.

Несколько дней спустя мы пошли с сестрой в тюрьму на улице Конти, чтобы забрать письма Анико. Нашей просьбе очень удивились и сказали, что письма, по-видимому, находятся на улице Маргит. Они и в самом деле оказались там, у Шимона, который прочитал их доктору Селечени, но выдать их отказался. По словам адвоката, Шимон, бежав за границу, вместе с другими документами увез с собой и эти письма.

В тюрьме на Конти мне выдали несколько принадлежавших Анико вещей, и в одном из карманов ее одежды я нашла два небольших листка бумаги. На одном из них были стихи, написанные ею, вероятно, после нашей первой встречи, и несколько недатированных прощальных строк:

"Дорогая мама, вот все, что я могу сказать тебе: миллион благодарностей и, если можешь, - прости меня.

"Ты сама поймешь, почему слова тут излишни...

Твоя бесконечно любящая дочь".

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) [= АТЛАС =](#)

---

mail.ru	1390
3685368	124

HotLog
1048159 +143

Йосеф Менделевич

Операция "СВАДЬБА"

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

Вступление р. Зеэва Мешкова

Мидраша Ционит - учебный центр, созданный Еврейским агентством в Киеве. Его задача - возобновить разговор о Земле Израиля, об ее святости, об обязанности любого еврея жить на ней, о наших национальных ценностях и традиции, которые не только не устаревают, но обретают еще большее значение в период возвращения народа в Сион.

Не случайно - в качестве первого издания - была выбрана книга рава Йосефа Менделевича "Операция "Свадьба". Мы надеемся, что она поможет возродить среди русскоязычного еврейства стран изгнания любовь к Земле Израиля, дать возможность правильно увидеть происходящее сегодня и понять, в каком направлении нам следует двигаться, чтобы выйти из тупика и обеспечить будущее страны.

В деле воспитания нет ничего лучше, как привести пример, найти личность, достойную подражания. Сегодня, тридцать с лишним лет после "Самолетного дела", можно смело сказать об авторе предлагаемой книги - "праведник от начала и до конца". В то время, когда железный занавес, отделивший евреев Советского Союза от всего мира и отсекавший им путь возвращения на Родину, казался непробиваемым, Йосеф Менделевич вместе со своими товарищами пошел на крайний риск - попытку угона самолета - чтобы добраться до Израиля. И в этом действии, совершенном не от отчаяния, а сознательно, проявилась беззаветная любовь к Земле Израиля и к своему народу, погибавшему в то время под прессом советской государственной машины и коммунистической идеологии.

Этот поступок всколыхнул весь мир. Он не только пробудил еврейскую общественность и поднял ее на борьбу, но и изменил взгляд многих евреев (независимо от места их проживания) на самих себя: если страна, заставившая трепетать и заискивать перед ней весь мир, не смогла при всем своем желании оторвать евреев от еврейства и вытравить жажду Исхода из горячих сердец, то

- вне всякого сомнения - мы вечный народ со своими непреходящими ценностями, которыми нельзя пренебрегать. Об этом вспомнили все. Многим, кто живет за пределами Земли Израиля, стало неловко из-за того, что они, имея все возможности жить на родине, пребывают в добровольном изгнании. Всем стало ясно, что Израиль - наша страна и ее земля принадлежит нам по праву и что беззаветная любовь смельчаков доказывает это лучше любых теоретических аргументов.

Йосеф Менделевич стал не только героем, но и учителем поколения. Попав в заключение, он продолжал борьбу: соблюдение традиции, законов субботы и праздников, изучение иврита и еврейской истории - стало его оружием на протяжении одиннадцати лет пребывания в лагерях и тюрьмах. Это была борьба не только против тех, кто отрезал нас от Родины и хотел уничтожить духовно, но и борьба за тех евреев, которые все еще не видели большой ценности ни в нашем учении, ни в нашей традиции.

В 1981 году Йосеф, прямо из заключения, прибыл в Израиль. Но на этом его борьба не закончилась - "праведникам нет покоя в этом мире". Борьба за евреев, оставшихся по ту сторону железного занавеса, стала делом его жизни. Письма, встречи, поездки за границу, демонстрации протеста, аресты наполнили его биографию "на свободе". Активное участие в политической жизни Израиля, встречи с главами правительства и переписка со многими общественными деятелями, участие в демонстрациях, борьба за сохранение целостности Израиля - это также вехи биографии Йосефа Менделевича, вырвавшегося из советского лагеря.

Борясь за Землю Израиля, за достоинство еврейского народа и за наши национальные ценности, Йосеф не оставляет изучения Торы. Он учился в йешивах Мерказ а-Рав, Махон Меир и Ари Фишер. Несколько лет назад он выдержал экзамен и получил раввинское звание.

"Праведник от начала до конца" - лишь немногие могут удостоиться такой характеристики. И один из них - Йосеф Менделевич.

рав Зеев Мешков

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАИЛ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

---

mail.ru	1391
3685369	124

HotLog	
1048159	+143

Йосеф Менделевич

Операция "СВАДЬБА"

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

ПРЕДИСЛОВИЕ К "УКРАИНСКОМУ ИЗДАНИЮ"

Книгу "Операция "Свадьба" я написал через месяц после того, как меня лишили советского гражданства.

Таким образом, мои записки можно было бы считать одной из книг, принадлежащих к серии воспоминаний бывших советских зэков. Это довольно обширная литература с рядом великолепных произведений, с которыми мне, конечно, не по силам тягаться.

Да я и не собирался.

Уже находясь в лагере, я обратил внимание, что есть зэки, тянущие срок - вот бы дотянуть, а там... Но есть и другая категория - живущие в полную силу и в тюрьме. Разве можно жить в неволе полной жизнью? - Можно, если это жизнь духовная. Тогда она и на обычное лагерное существование накладывает свою одухотворенность. Жизнь получается наполненная, интересная, в ней отсутствуют рутинная и однообразие. Все зависит от человека.

Я в лагере Жил.

Поэтому-то и книга не о советской лагерной системе, ее тупости и подлости, а о жизни. О поиске и становлении молодого еврейского парня. Размышление о том, как воздушный пират набирает воздух другого качества - духовность. На этом необычном срезе пират-раввин раскрываются новые и неожиданные качества души. Новые открытия, откровения. Тайны и чудеса.

Мог ли эту книгу написать нееврей? Может быть. Ведь духовное движение: поиск себя, смысла жизни - присущи каждому человеку и никогда не угасают.. И все-таки, говоря об этом поиске, невозможно абстрагироваться от тех необычных обстоятельств, которые привели автора (то есть меня) к приобщению к тайне.

Эти обстоятельства не внешние, они связаны с сущностной стороной души человека. Может быть, мне было легче, чем другим, ибо вектор движения был задан и известен - к стране Израиля, народу Израиля, к Б-гу Израиля. (Хотя идти по намеченному маршруту тоже непросто, тем более, если этот путь проходит по сильно пересеченной местности ГУЛАГа и человеческих слабостей.)

Я дошел, но я по-прежнему в пути. Жаль, что не удалось опубликовать вторую и третью часть книги, чтобы проследить этот путь до сего дня. Но, наверное, дух риска, поиска и готовности к неожиданным поворотам, присутствующий в первой части, способен передать эту динамику и вам, евреям, все еще остающимся в чужой стране.

Я верю, что однажды встречу вас в Иерусалиме и Вы покажете мне эту книжку, как путеводитель, с помощью которого вы шли и пришли. И будет в вашем рюкзаке еще много важных и интересных книг. И среди них - главная - Книга Жизни.

Выражаю благодарность Мидраше Ционит, действующей в Киеве, за инициативу переиздания "Операции "Свадьба".

Йосеф Менделевич
Канун 17 Тамуза,
поста по разрушению Храма,
который будет воздвигнут вновь.
Святой Иерусалим

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

Йосеф Менделевич

Операция "СВАДЬБА"

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ВСТУПЛЕНИЕ

Вчера при жеребьевке мне, как всегда, не повезло - вытащил полспички. Это означало ночь без спального мешка, на холодной земле. Хорошо, Зеэв дал мне шинель, и я уснул. Спал спокойно, глубоко, без сновидений. Засыпая, даже не подумал о том, что, вероятно, заканчивался мой последний день на свободе, а может, и последний день в жизни.

Едва светало... Я проснулся первым, а потом встали все остальные и принялись за дела. Зеэв ушел на станцию - встречать Эдика и Марка с семьей. Израиль, Толя и я занялись рюкзаками, в каждом из которых была дубинка, а в моем еще и кляпы, веревки, топорик и охотничий нож.

Двинулись к аэропорту. Стояло прекрасное утро. Прекрасное, но холодное. Чужое утро на чужой земле. Моя земля, заповеданная Б-гом Аврааму и его потомкам, была от меня за тысячи километров. Я всегда помнил о ней. И теперь был полон решимости либо поселиться на своей земле, либо погибнуть.

На аэродроме - несколько дощатых барачков и вдали от них - маленькие самолеты.

Хотели перекусить в столовой, но передумали - не до еды. Осмотрели друг друга. Ребята сказали, что в очках, берете и польском плаще я подозрительно похож на иностранца. Не стоит выделяться. И я снял плащ, а берет оставил - голова у еврея всегда должна оставаться покрытой.

Однако наши предосторожности были наивны. Похоже, нас выследили. Вчера Юра и Алик с трудом оторвались от "хвоста". Но когда в шесть вечера мы все вышли из электрички на станции "Смольный", Марк заметил двоих, выпрыгнувших за нами из поезда и нырнувших в привокзальные кусты. Что это? Случайность?

Когда мы отработывали в лесу детали предстоящей операции, напротив полянки остановилась черная "Волга" - из тех, на каких ездит начальство. Из нее вывалились двое и, поглазев на нас, дружно, словно по команде, помочились. Опять случайность?

Мы словно превратились в персонажей детективного фильма. Забавно. Яснее ясного - мы на крючке. Нам не удастся вырваться. Разумнее было бы отложить операцию.

Почему мы не сделали этого? Сложный вопрос... Нас вела мечта, и было жалко от нее отказаться. Да и выбора не было. Остаться в этой стране мы уже не могли. Сила, овладевшая нами, превышала доводы разума. И все же, редко мне выпадали такие счастливые дни: я верил, что наконец-то живу в согласии с волей Б-га, был счастлив и готов на все.

Ну, вот и все мы в сборе. Значит, идем до конца. Мы расположились в разных концах аэровокзала. Не подаем виду, что знакомы. Я сижу вместе с Израилем и рассказываю ему о своем десятимесячном племяннике Яшке. К нам подсел какой-то "летчик". Не скрываясь, прислушивается. Ладно. Я громче говорю о Яшке. Человек в форме летчика ухмыляется - не проведешь, мол.

Между тем, у выхода на летное поле столпился народ. Один за другим подходят автобусы. Вот уж не думал, что столько пассажиров может лететь с такого крошечного аэродрома!

Объявили посадку на наш самолет. Восемь тридцать пять утра. Пятнадцатое июня семидесятого года.

Впереди по посадочному полю движется цепочка парней с рюкзаками. Я замыкающий и могу смотреть на всех как бы со стороны. В самом деле, подозрительно: мы точно десантники. Да, когда-то, во время Шестидневной войны, я завидовал бойцам "Голани". Вот наконец и мой черед.

Но что это? Ребята тревожно оглядываются. Почему нет Марка? Где он? Минут десять назад я видел его с семьей около здания аэропорта. Что делать? Нельзя медлить. Замешательство нас погубит. Раздумывать некогда. Бросаюсь назад.

- Нет выхода, - говорит человек, стоящий у дверей.

- Понимаете, товарищ опаздывает. Я его должен разыскать, - возражаю спокойно и вежливо.

- Вам в Бокситогорск? - спрашивает он в недоумении. Но я не отвечаю. Наш маршрут ведь на Приозерск. Бегу туда, где видел Марка. Вот и он со своей семьей. Едят бутерброды.

- Марк! Посадка! Мы опаздываем! Он смотрит на часы:

- По расписанию до посадки еще десять минут. Странно, почему они начали раньше?

Кричу, чтобы он поторопился, и убегаю назад. У входа на летное поле толпа, свалка, крики. Я проталкиваюсь сквозь толпу - "Марк догонит!"

...Мне подставляют ногу. Хватают за руки. Валят на землю. Мгновенно проносится мысль: "Я арестован". Но ни страха, ни слов молитвы - ничего. Как будто я все знал заранее и был готов к этому. Связывают веревкой руки. Больно. Поднимаюсь на ноги. Мои друзья уже в наручниках. За спиной глухой взрыв. Это взорвали патрон с песком, чтобы ослепить Марка. Вот его ведут. Он связан. Лицо в крови. Неподалеку, бледные как мел, его жена и две девочки. Дочери.

На взлетном поле оперативники в штатском. Выезжают мини-автобусы, стоявшие за самолетом. Они набиты гебистами. Справа от нас отряд пограничников с собаками. Ого, сколько сил брошено против нашей маленькой группы! Неужели боятся? А может, хотят выслужиться перед начальством? Вот, мол, какая крупная операция!

Нас ведут порознь уже с аэродрома. Оперативники переговариваются друг с другом. Некоторые присланы из Москвы. Оказывается, еще в мае они знали обо всем.

Руки затекли. Сломанные дужки очков режут лицо. Прошу поправить на мне очки. Один из гебистов, усмехнувшись, поправляет.

Нас приводят в какое-то помещение. Через час начинается обыск. Раздевают догола. Ощупывают каждую вещь. Просматривают рюкзаки. Находят две полуметровые веревки, спички. Вот и все. Рюкзаки свалены в кучу. Приказывают каждому взять свой. Напортачили, а теперь не знают, где чей.

- Моего нет.

- Был тут твой рюкзак!

"Ну нет, не признаюсь", - думаю про себя.

Начинается допрос. Следователь в чине майора предъявляет ордер на арест. Меня обвиняют "в преступном сговоре изменить родине путем бегства за границу с целью осуществления намерения в подготовительной и организационной деятельности, направленной на разбойное завладение самолетом и хищение такового".

Позже, на судебном процессе, я узнал, что эти же статьи обвинения предъявлены Сильве и Израилю Залмансонам, Анатолию Альтману и Арье Хноху.

А пока майор угрожает:

- Не признаетесь сразу - приговор будет суровым!

К допросам я готов. Недавно прочел в самиздате брошюру Есенина-Вольпина "Как вести себя на допросах в КГБ". Кое-что запомнил. И Уголовный кодекс читал. Главное - не обольщаться, готовиться к худшему. Обдумывать, как поступать в самом крайнем случае, и верить, что с тобой Б-г.

Отказываюсь отвечать на вопросы. Отказываюсь подписывать протоколы. Недовольный следователь вызывает конвой, и меня уводят.

Тюрьма при Большом доме - цитадели КГБ - в центре Ленинграда. Тюрьма старая. Ей сто лет. Когда-то здесь сидели революционеры, покушавшиеся на жизнь царя. В 1896 году - Ленин. Его бывшая камера - место священное: туда никого не сажают. В остальных камерах, где во время оно содержались коммунисты, теперь сидят их противники. Советская власть взяла у царской все: идею империи, систему насилия, отношение к своему народу.

У полковника Круглова, начальника тюрьмы, сегодня праздник - много новых арестантов. Он оживлен, шутит, угощает сигаретами.

Опять обыск. Вспомнились некоторые детали из книги Солженицына "В круге первом", которую я за несколько дней до ареста прочел: унижительная процедура обыска - и молодой преуспевающий дипломат превращается в бесправного зэка. Он готовился к интеллектуальному столкновению со следователем, а его ломает обыденный ужас тюремной приемки: отбирают ремень и шнурки от ботинок, срезают пуговицы, снимают обручальное кольцо...

Все точно так же, как описывается в книге, хотя и происходило лет двадцать пять назад. Отобрали ремень, шнурки, часы. Кольца нет - не женат. "Раздеться! Присесть! Подняться!" Нелепая гимнастика обыска. Находки ничтожны: золота, оружия и антисоветской литературы в складках моего тела не обнаружено. Из кармана извлекают 5 рублей 60 копеек - сдача с тридцатки, одолженной у Сильвы на билет. Полковник удивлен: "Так мало денег?" (Он, очевидно, ожидал, что у жидов карманы набиты золотом.)

Обыск закончен. По тюремному коридору меня ведут в камеру. Железную дверь, закрывшуюся за мной, запирают на замок. Я остаюсь один. Осматриваюсь. В длину - три метра, в ширину - два. Черный асфальтовый пол. Сводчатые стены, как в монастырской келье. До потолка можно достать рукой. У стены железный унитаз и умывальник. "Ну что же, не так-то и плохо!"

Ложусь на мешок, набитый соломой, лицом вниз. Молю Б-га, чтобы послал мне силы выдержать, а отцу - пережить несчастье.

Выдержали ведь в сталинских лагерях рижские сионисты: Цейтлин, Русинек, Янкелевич. Может быть, и я смогу. Как это у Шауля Черниховского:

С грохотом затворились двери...

В одиночестве безнадежном

Дано мне время для размышлений...

Нет, не дано мне времени для размышлений. Надзиратель через глазок предупреждает, что лежать в дневное время на койке запрещено.

Начинается тюремная жизнь. Первое звено в новой цепи событий и встреч, размышлений и открытий.

* * *

Я пишу об этом теперь, одиннадцать лет спустя, в двадцати пяти километрах от Иерусалима, в Иудейских горах. Я должен включиться в новую жизнь. Не оглядываться назад.

...Часто меня просят выступить. Рассказать о прошлом. И мои рассказы начинают меня пугать. Каждый раз повторяешь одно и то же. Иногда кажется, что все это придумал я сам или, еще того хлеще, что все совершалось для того, чтобы теперь было о чем рассказать. Бред! Я жил так потому, что иначе не мог.

Пока еще свежи воспоминания, я попытаюсь, не повторяясь, рассказать обо всем, что со мной произошло. Рассказать об удивительной цепи событий, в которых за случайностью или закономерностью стоит чудо. Этим повествованием я как бы подведу черту под прошлым. Пусть оно перестанет тяготеть надо мной. А я войду в новую жизнь. И хотя негоже человеку оставаться без прошлого, я хочу, чтобы оно выпустило меня из своих цепких объятий. Новая жизнь требует новых сил, иного опыта и другого видения мира.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

Йосеф Менделевич

Операция "СВАДЬБА"

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Глава первая: ПРЕДЫСТОРИЯ "СВАДЬБЫ"

Мой отец был родом из Двинска - небольшого города, входившего в состав Латвии. Жизнь у отца была нелегкая. Он рос сиротой. Учился в хедере, но продолжать учебу в йешиве не мог, так как нужно было работать и поддерживать семью. Интерес к политике проявился у отца рано. Он был членом молодежной сионистской организации, а в шестнадцатилетнем возрасте вступил в коммунистическую партию Латвии. Двадцатидвухлетнего, его выдвинули кандидатом в парламент. Членство в компартии не мешало ему оставаться евреем: он соблюдал еврейские обычаи, постился в Йом Кипур.

Когда в Германии начались преследования евреев, отец в знак протеста бросил бутылку с горючим в окно немецкого консульства в Двинске. За это он мог поплатиться жизнью, и ему пришлось скрываться.

В 1938 году, когда вести о сталинском терроре достигли Латвии, отец вышел из компартии, так как был против массовых репрессий в Советском Союзе. С тех пор он ни в какой партии не состоял и занимался лишь профсоюзной деятельностью.

Немцы вошли в Двинск вскоре после начала войны. Отец достал телегу и пересек бывшую советско-литовскую границу. Тут, на русской земле, он впервые столкнулся с советской жизнью. Потом отец попал в Казахстан, работал в колхозе, а после освобождения Латвии от фашистов переехал с семьей в Ригу. К тому времени в Риге, знаменитой своими многочисленными хедерами и йешивами, не осталось ни одного еврейского учебного заведения, религиозного или светского. Из всех синагог уцелела лишь одна, да и то потому, что немцы во время войны разместили в ней конюшню.

Я родился в 1947 году и был третьим ребенком в семье. Отец чудом нашел старого моэла, который ввел меня в союз нашего праотца Авраама. Маме в роддоме выдали полкило пшена - материальную помощь роженице за третьего

ребенка. И я вступил в жизнь. В ней происходило немало чудес. Одно из них заключалось в том, что, родившись в России, я избежал ассимиляции. Я был сыном человека, не забывавшего о своих еврейских корнях. Может быть, поэтому меня не воспитывали в преклонении перед всем русским, советским. Все это меня миновало. Впрочем, отец и не занимался специально моим "воспитанием". Но мою жизнь он направлял в еврейском русле. Сегодня, находясь среди моего народа, я убеждаюсь в том, что еврейское начало, заложенное моим отцом, было во мне неистребимо. Возможно, мы воспринимаем людей, явления и события каким-то особым еврейским образом и этим отличаемся от других.

Наша семья была бедной. Я стыдился заплатанной одежды и рос замкнутым ребенком. С трудом сближался со сверстниками. Только в раннем детстве я играл во дворе, проказничал и дрался - как все. Я был неистов и яростен в детских драках. Но куда все девалось, когда я стал старше? Удивительно... От того периода у меня осталось ощущение, будто все, происходившее со мной, совершалось не в реальной жизни. Способность отключаться от действительности позволяет решиться на необычные поступки. Я думаю, что эта неполная погруженность в реальное - также черта еврейского национального характера.

Помню, в первом классе учительница попросила каждого ученика ответить, какой он национальности. Среди нас были русские, латыши, украинцы. Я один еврей - из сорока первоклассников. Все они были, вероятно, смысленными детьми. Они уже отлично знали, что лучше всего быть русским, не так хорошо, но еще "ничего" родиться украинцем или латышом, хуже - "чучмеком" и очень плохо уродиться евреем. Ничто не могло сравниться с позором и несчастьем быть евреем. "Ты совсем не похож на еврея" - высший комплимент, который можно услышать от русского. Но природа была ко мне пристрастна: нос и глаза у меня что ни на есть еврейские. Я сидел притаившись и затравленно ждал, пока "национальный вопрос" доберется до меня.

- Менделевич?

- Еврей, - выдохнул я с трудом.

Класс покотился со смеху. Сейчас, с высоты моего тридцатичетырехлетнего возраста, я рад бы защитить того малыша. Но тогда, перед беснующимся от злорадства классом, я был совершенно беспомощен. Один. Учительница молчала. Может, лучше бы соврать или вовсе промолчать? Но я не мог так поступить. Не мог скрыть или отречься. Правда, на этом моя воля иссякла.

- Где работает твой папа? - был второй вопрос.

- Не знаю... - тихо проговорил я.

Лучше не знать, потому что у других отцы - офицеры и летчики, а мой папа утильсырьевщик. И это совсем не русская работа. Учительница укоризненно качает головой:

- Такой большой, а не знаешь...

Класс опять взрывается приступом смеха.

Невольно станешь замкнутым, и не захочется тебе выходить на улицу. Ну и ладно! Так я рос не патриотом советской страны, а патриотом родительского дома. Это имело свои преимущества: мне не пришлось с болью отрываться от России. Теперь мне не снятся русские березки, а на стенах моей квартиры в Иерусалиме не висят пейзажи постылой чужбины.

Я читал книжки для детей. Попадались и детская классика - сказки братьев Grimm и Андерсена. На моей книжной полке никогда не стоял "Хумаш"¹, и сокращенного "Шулхан Арух"² не было у меня на столе, как у моих племянников в Израиле.

В 1955 году отец начал обучать нас, детей, еврейской азбуке. Мне тогда было восемь лет. В этом возрасте израильские ребята считаются знатоками Хумаша, а я только начал овладевать еврейскими буквами. Иврит я изучал уже взрослым.

В школе я был старательным и примерным учеником. Моя первая учительница, вероятно, немало поразилась, узнав через пятнадцать лет, что ее бывший ученик оказался "опасным бандитом".

Мои школьные успехи доставляли радость родителям. Они жили дружно, и мы, дети, тоже ладили между собой.

Но как мальчику, воспитанному в любви, жить в злобном и враждебном ему мире? Как, стремясь к добру, научиться ненавидеть врага? Откуда ему знать, что желание "быть хорошим для всех" пагубно для души?

(Позже, в лагере, я познакомился со Львом Ладыгиным. Он хотел быть "хорошим для всех" - для эков и начальства. Но жизнь жестока, и ему пришлось выбирать. Он выбрал тех, кто сильнее, - КГБ. И дал показания против

издателя "Хроники", Твердохлебова. Так Лев превратился в сломленного слабовольного человека с нечистой совестью. "Хороший для всех" покоряется воле преследователя в тюрьме и на воле. Я боялся потерять способность к сопротивлению и к каждой встрече со следователем готовил себя как к схватке с врагом. Это было крайне необходимо: ведь через месяц после ареста обычно исчезает первое напряжение, ослабевает чувство враждебности к следователю. Он превращается как бы в твоего хорошего знакомого, кроме которого ты вообще никого не видишь в тюрьме. Кагебисты хорошо знакомы с подобным состоянием заключенного и используют его в своих целях...)

С детства я внутренне отгородился от враждебной среды. Я не стал лицемером, послушно твердящим одно, а думающим другое. Но двойственность существования - в семье и во внешнем мире - сказалась на мне. Это началось рано и с мелочей. Я играл с мальчиками во дворе, когда явились здоровые пьяные парни и, матерясь, принялись бить водочные бутылки. В нашем доме берегли вещи, ничего "просто так" не разбивали и не выкидывали. Пьяный разгул так поразил меня, что я убежал и с тех пор больше во двор - ни ногой.

До войны пьяные в Латвии были редкостью. Сейчас день получки - день всеобщей пьянки. Рабочие толпятся у винных прилавков и умудряются за несколько часов спустить почти всю месячную зарплату.

Однажды мне попался пьяный латыш.

- Дай гривенник на водку! Дай! Хочешь, я, латыш, встану перед тобой на колени?

Я дал монету и быстро ушел. Впрочем, я знал одного еврея, который, выйдя из лагеря, просил на водку, причем, на чистейшем идише, на "маме-лошн".

Вкус коньяка и водки был мне незнаком. Вино в нашем доме пили только по праздникам. Неудивительно, что я сторонился этого пьяного мира. Но он напоминал о себе.

В январские каникулы 1957 года мы с сестрами были на новогоднем спектакле. Когда вернулись домой, там шел обыск. Двое рылись в шкафу. Рядом с заплаканной мамой стоял бледный отец. Оказалось, что в пригородном лесу милиция напала на след браконьеров и отобрала у них самодельные патроны. На допросе они показали, что свинец для патронов купили у какой-то старьевщицы, но у какой и где точно, якобы, не помнят. Разумеется, настоящего продавца они не назвали. Милиция возила их по городу, пока наконец они не указали на ларек, где работал отец. Никакой старьевщицы там не оказалось, но

зато был утильщик, мой отец, и его повезли домой, чтобы произвести обыск. Всех поразило наше бедное жилье. Ничего не нашли, но тем не менее отца арестовали и судили. Нас, детей, не пустили в суд. Я молился. Впервые в жизни я сознательно обратился к Б-гу: "Не хочу, чтобы папу посадили в тюрьму!" Так, ничего не зная о Б-ге, я все же молился Ему.

Отца осудили на пять лет за то, что он, якобы продав свинец, получил прибыль в пять рублей и обогатился нечестным путем. Его осуждение было связано с проходившей тогда очередной политической кампанией, на этот раз направленной против "расхитителей социалистической собственности". Это была знаменитая хрущевская агитационная кампания по борьбе со всякого рода преступностью. Хрущев обещал, что к 1980 году он сможет показать по телевидению последнего преступника. К счастью, он не дожил до намеченного срока, - иначе ему пришлось бы показывать огромные стройки и предприятия, где было занято около четырех миллионов уголовников. Но так уж повелось: когда хотят свалить с себя вину, всегда принимаются за евреев.

...Итак, отца осудили и отправили в лагерь. Там он работал на кирпичном заводе. Мать осталась одна с детьми. Нам бы не выжить, если бы не еврейская взаимопомощь. Товарищи отца ежемесячно приносили матери деньги. Помню, мы поехали в лагерь к отцу на свидание. Мама сумела выкроить из наших скудных средств деньги не только на поездку, но и на курицу, конфеты и печенье для папы. Лагерь, несмотря на то, что находился в лесу, представлял собой голый пустырь. В колонне грязных оборванцев под конвоем автоматчиков я разглядел своего отца. Мама громко плакала.

Свидание длилось час. Папа мне понравился: худой, наголо стриженный, он показался мне моложе, чем раньше, и бодрее.

От нервного потрясения заболела мама. Ее отправили в больницу. Меня с сестрой отвезли за город, в летний пионерский лагерь. Там впервые я оказался погруженным в стопроцентную советскую жизнь: оскорбления, издевательства, матерщина, гнусные рассказы, которые обычно в ходу у мальчишек. Все это было невыносимо.

Даже теперь я не могу спокойно слышать русский мат, хотя после стольких лет в лагерях вполне мог бы считаться специалистом в этой области. Видно, Б-г берег меня от грязи.

И вот я решил сбежать. Не подчиняться коллективу, не носить общего ярма. На прогулке я спрятался и переждал, пока отряд пройдет. До города - километров сорок. По шпалам дошел до моста, который охранялся как военный объект.

Услышав шорох, часовой нацелился в мою сторону. Я упал на землю за насыпью и пополз обратно. Пришлось сесть на поезд, конечно, без билета. Меня задержал контролер. Но вместо того, чтобы сочинить более или менее правдоподобную историю о том, как и почему я оказался в поезде зайцем, я рассказал всю правду. Убежал из пионерлагеря, потому что там плохо. Пассажиры заступились за меня, контролер сжалился и не отвел в милицию, а какой-то еврей, оказавшийся в этом вагоне, отвез меня домой.

Но бегство из пионерского лагеря вовсе не означало, что я с детства был "врагом" советского строя. Неприятие чуждого мне мира еще не оформилось, не определилось; внешне я оставался таким, как все. Учился хорошо: писал грамотно, много читал, примерно вел себя, разбирался в политике. Словом, в школе были вполне довольны моим "морально-политическим обликом". Я вступил в комсомол - ведь без этого не видать университета! Я неплохо декламировал, и меня часто вызывали читать вслух. Однажды мы читали по ролям "Повесть о настоящем человеке" Полевого. Мне досталась роль летчика Мересьева. Тяжело раненого в обе ноги, его нашли советские партизаны. "Кто ты?" - спросили они у него. - "Я русский, я русский", - отвечал он. Едва я произнес эти слова, как все засмеялись. Ну, в самом деле, какой же я русский? Я читал лучше их, русских, и писал грамотнее, чем они, но забыть, что я не принадлежу к их расе, они не могли. Да я и сам не испытывал особой нужды в этом.

Без отца в доме я чувствовал себя почти сиротой. На душе было пусто, тоскливо и холодно. Но внутри все же тлела искра еврейства, и после ареста папы она поддерживалась всем укладом жизни нашей семьи.

Вкус мацы я знал с детства. Отец всегда доставал ее на Песах. Он вел Седер, рассказывал об истории еврейского народа, начиная от сотворения мира и кончая нашими днями. В этом смысле я отличался от своих еврейских сверстников, живших в России и не знавших ничего о своем народе. Я же сознавал, что принадлежу к нации, история которой необычна и миссия велика. Преследовал ли отец особую цель воспитать нас, детей, евреями? Не думаю. Он просто не мог иначе. Это было его душевной потребностью. Оглядываясь сейчас на свое прошлое, оценивая некоторые свои поступки, я вижу, что тоже не мог иначе. Я оставался евреем и никем другим быть не мог.

Еще с мальчишеских лет я любил ханукальные свечи и ладкес. Когда мама собиралась их печь, мы готовы были начистить ей целое ведро картошки. Конечно, пицца - не главное в наших праздниках. Но высокое духовное содержание соединяется в них с конкретным восприятием запаха, вкуса, света... Вероятно, поэтому детские воспоминания такие стойкие. Символы, лишенные плоти, легко стираются из памяти, а облаченные в традиционные

формы, приобретают реальные очертания. Я любил не только торжественность праздников, но и подготовку к ним. Предпраздничные хлопоты были не менее волнующими, чем сами праздники. Ничего не отталкивало меня от них: ни нудные часовые стояния в очередях за курицей, рыбой и картошкой, ни необходимость толочь мацу для кнейдлах, давить мак для оменташен, тереть картошку для ладкес. Мы следили за порядком в доме, участвовали наравне со взрослыми во всех приготовлениях к праздникам. Нас воспитывали в строгости, труде и почитании родителей. Сегодняшние израильские дети кажутся мне избалованными и капризными. Я не был таким. Говорят, израильское воспитание делает детей свободными людьми, без комплексов. Может быть, и так. Я ведь получил галутное воспитание. Однако в условиях России оно оказалось - как это ни парадоксально - лучшей подготовкой к тому, что меня ожидало впереди.

Отец вернулся домой до срока. Наши друзья-евреи, среди которых был инженер Абрам Моисеевич Вишневский, доказали, что он невиновен. Никто их не обязывал заниматься делом отца. Это просто была помощь еврею, а для меня - первый урок национальной солидарности.

Отец вернулся постаревшим и больным. В день освобождения он заболел. Инфаркт. С тех пор до конца своих дней он страдал болезнью сердца.

Мое совершеннолетие, "бар мицву", я отметил чтением на идише книги Леона Фейхтвангера "Еврей Зюсс". Пожалуй, впервые я сознательно проявил интерес к еврейской тематике. Это был как бы переломный момент в моем внутреннем мире: мною овладело непреодолимое стремление быть с моим народом.

Я нашел "Книгу Судей"³, оставшуюся еще от бабушки, и, не зная ни слова на иврите, а только буквы, каждый день с воодушевлением прочитывал несколько строк. Отец научил меня молитве "Моде ани", которую я произносил, как только просыпался. Так смутные движения мальчишеской души соединялись с первыми шагами по пути, по которому я иду сейчас. Сердце еврейского ребенка было открыто Б-гу, и, сделав первый шаг, я не мог остановиться. Услышав голос души, не мог больше жить лишь по законам человеческого разума.

С моим совершеннолетием был связан и отъезд нашей родственницы, тети Фани, в Израиль. В то время разрешение на выезд из СССР получали считанные единицы. Среди них была и она - пенсионерка, старая и больная женщина. "Лех леха"⁴ звучало в моих ушах, когда тетя Фаня садилась в автобус, уходивший в аэропорт. Смысла этих слов тогда, в 1961 году, я еще не понимал, но они крепко запали в душу.

Тетя Фаня прислала несколько писем и открытку из Израиля, из Кфар-Гилади. Так в моем сознании запечатлелась первая географическая точка. Помню яркую открытку с плавательным бассейном. Словно окно в страну. Я разглядывал в лупу каждое деревцо, пересчитывал людей, попавших в фотообъектив, и поражался тому, что все они евреи и их много. Я уже знал: отныне моя жизнь не будет случайным блужданием, а подчинится единой цели.

Антиизраильская пропаганда в газетах подстегивала антисемитские настроения улицы. В школе на меня набросился Костя Буров, сын офицера. Он орал: "Бей жидов - спасай Россию!" Я дал сдачи. Завязалась драка, и в пылу боя мы чуть не попали под трамвай.

Однажды мне камнем разбили голову. Я ходил забинтованный, как солдат, раненный в бою, и страшно гордился этим. Так укреплялся фундамент моей веры. Почему не со всеми моими сверстниками происходило такое? Думаю, что Б-г каждому уготовил его долю. В жизни ведь нет арифметического равенства. Равенство иное - перед Б-гом.

Вскоре папа на свою двухмесячную зарплату купил приемник, и мы, если не глушили, слушали ежедневно "Кол Исраэль". Я настолько привык к комментариям отца, что даже взрослым остро ощущал, как не хватает их мне.

Отъезд в Израиль - одна из основных тем наших вечерних бесед. Обсуждалось все: и что мы возьмем с собой, и как на первых порах будем там жить, и чем станем заниматься. И хотя в 1961 году разрешение на выезд из СССР получали лишь немногие, эти наши разговоры не прекращались. Они словно уносили нас в мир грез и надежд... Но я верил в отъезд как в неоспоримый факт своего будущего. Может быть, поэтому я часто спорил со своими школьными друзьями о вещах, казалось бы далеких от реальности: что правильнее - сперва получить в России высшее образование, а потом уехать, или покинуть Союз при первой же возможности? Хотя мы были достаточно самостоятельны в своих суждениях, но и на них лежала отметина советской пропаганды. Мы, например, верили в то, что путь к высшему образованию в Израиле труднее, чем в СССР. Однажды мой товарищ на уроке географии назвал израильтян агрессорами. Он получил "отлично", но зато от нас - нагоняй. Уже здесь, в Израиле, я встретил солдата, выходца из Союза, который сказал, что служит на "оккупированных" территориях. Я уверен, что он не считает их таковыми, но здесь сработал привычный речевой шаблон, который он усвоил с детства.

Материально нам жилось тяжело, и в шестнадцать лет мне пришлось пойти на завод учеником токаря. С рабочими я не сблизился: не участвовал ни в их постоянных выпивках, ни в разговорах. Но как-то меня прорвало, и я

высказался в том духе, что, мол, считаю Израиль родиной всех евреев. Это высказывание предназначалось отставному офицеру, читавшему нам в перерыве газеты. Он обещал походатайствовать, чтобы меня отправили на мою "родину", в Израиль. В запальчивости я поблагодарил, а он "выполнил" свое обещание - меня отправили, разумеется, не в Израиль, а на трудный и вредный участок работы. Но я не боялся труда. Не прекращал я и учебы, хотя занимался уже не в дневной, а в вечерней школе. Мне повезло. Вообще такое везение, состоявшее из цепи неожиданных удач, впоследствии тоже не покидало меня.

Более половины учеников и преподавателей были евреями. Если бы КГБ могло предположить, что наша двадцать пятая школа рабочей молодежи превратится в "рассадник" сионизма, ее наверняка давно бы закрыли. Да, моя учеба в этой школе оказалась большой удачей, почти чудом. Чудом я считал также появление в нашем доме Менделя Гордина - близкого родственника, человека исключительных душевных качеств. Он остался жить у нас. ореол загадочности, окутывавший его личность, долго занимал мое воображение. Он присматривался ко мне: жизнь в СССР вырабатывает инстинкт предосторожности. А я сразу выбрал его своим наставником и другом. Говорится в "Пиркей Авот"⁵: "Выбери себе наставника и приобрети себе друга". Воспитанный в еврейских традициях, Мендель считал своим долгом прививать их евреям, не знающим обычаев своих предков. Первые запрещенные материалы я получал от него. Это были перепечатанные на машинке стихи Бялика⁶, статьи Жаботинского⁷ и Ахад Гаама⁸. Машинописные переплетенные листы не могли стоять открыто на книжной полке, и их приходилось прятать даже от отца. Попадись они ему на глаза, он уничтожил бы их, хорошо зная, какую они таят в себе опасность.

Кроме этой сионистской литературы я увлекался и самиздатовской. Ее поставлял мой одноклассник, Лева; он приходил в класс с портфелем, туго набитым книгами сионистского и демократического содержания. Однако юношеский пыл у Левы быстро остыл. Когда года через два я позвал его на еврейский митинг, он отказался. Парень дал мне понять, что в жизни существуют и такие немаловажные вещи, как работа, семья и различные обязанности, с которыми приходится считаться в первую очередь. Но все это произошло потом, а теперь мы были романтиками. Убегали к синагоге, не думая ни об учебе, ни о работе или семье. Иногда оставляли комсору записку: "Сегодня не учимся - еврейский праздник". В начале 60-х годов евреи, в основном молодежь, собирались у синагоги. Не молились, а просто толпились у входа, на близлежащих улочках. Знакомились друг с другом, болтали, обменивались новостями. Одно лишь сознание, что здесь одни евреи, вселяло радость и гордость. Часто тут происходили удивительные открытия: человек, которого всегда считали русским, оказывался евреем и, случалось, раскрывал перед тобой свою душу. Каждый праздник приносил двойную радость: и сам по

себе, и уже от одного сознания, что ты среди своих, среди евреев. На Симхат Тора, Пурим и Хануку много пели и танцевали. Казалось, что все это веселье возникало непроизвольно, стихийно. Отчасти верно, но только отчасти...

Однажды парень, сидевший со мной на одной парте, предложил поехать с ним в Румбуле. Там, в Румбульском лесу, в ноябре-декабре 1941 года во время операции по уничтожению рижского гетто фашисты при поддержке местного населения расстреляли тридцать восемь тысяч евреев, среди них восемь тысяч детей. Зброшенное пустынное место стало кладбищем. Но законом оно не охранялось и пришло в запустение. Небольшая группа латвийских евреев решила привести его в порядок и на месте, где произошла трагедия, установить памятник. Это оказалось нелегким делом, требовавшим большого мужества. И оно нашлось у таких людей, как Русинек, Гарбер и Цейтлин. Об этом я узнал позже, а пока, не слишком доверяя парню, все же отправился в воскресный день в Румбуле с моим другом Шмуликом, с которым вместе работал на заводе. Мы были настроены скептически и думали, что в конечном счете все обернется обычной выпивкой. Каково же было наше изумление, когда мы увидели молодых и пожилых евреев, копавших землю и переносивших ее в самодельных ящиках туда, где воздвигался могильный холм. Мы тоже включились в работу. Руками - лишних лопат не нашлось - собирали землю и насыпали ее в эти ящики. Когда все разошлись, мы со Шмуликом выбрали сломанные лопаты, надеясь их починить к следующему разу. Но для Шмулика следующий раз никогда больше не наступил: он был убит у станка обломком железа, попавшим ему в голову... Я продолжал ездить в Румбуле один. Каждое воскресенье. Люди туда все прибывали и прибывали.

Беседы с Менделем, чтение самиздата, воскресные работы на кладбище - все это рождало во мне чувство, что есть какая-то организация, направляющая всю эту деятельность, и я мечтал быть ее членом. Мои мечты носили романтический характер: мне представлялись конспирации, пароли, тайные сборы... Но ничего такого не было, хотя организация существовала - может быть, и без устава и четкой структуры.

Сионистское движение моей юности включало в себя людей разных возрастов и судеб. Здесь и бывшие члены "Бейтара" - большой организации, действовавшей в довоенной Латвии. Одним из этих бейтаровцев, возвратившихся из сибирской ссылки в Ригу, был Эзра Русинек, которого я впервые встретил в Румбуле и принял за израильянина. Здесь и сионисты среднего возраста, на которых огромное влияние оказала Синайская кампания 1956 года. Лея Бринер, Борис Словин, Дов Шперлинг, Йосеф Шнейдер, Мордахай Блюм (Лапид), Йосеф Янкелевич, Цейтлин (дядя Буби) - личности сильные и незаурядные. Они притягивали к себе молодежь, видевшую в них своих лидеров.

На воскресниках в Румбуле царила особая атмосфера. Чувство удовлетворения результатами наших трудов: насыпаны могильные холмы, выложены гравием дорожки, залиты асфальтом площадки. Установлен памятник. Правда, нас огорчила безликая надпись на нем: "Советские граждане разных национальностей", но кому-то удалось дописать на идише "Жертвы фашизма".

Не забыть и возвращения из Румбуле, когда в автобусе звучали израильские песни. Вид задорных еврейских ребят, распевавших нерусские песни, был настолько непривычен, что однажды водитель автобуса воскликнул: "Откуда вы такие взялись?!"

"Такие" означало гордые и независимые, вместо запуганных и покорных, какими он представлял себе евреев. И это благодаря Румбуле. Мы чувствовали себя сильными, сплоченными, способными постоять за себя. Безусловно, большая заслуга в этом принадлежала рижским сионистам.

Шестидесятые годы были насыщены интересными событиями. Мы читали "Экodus" Леона Юриса, пели песни Варшавского гетто и Пальмаха⁹, мечтали встретиться с израильянами. В 1964 году я случайно увидел машину с израильским флажком. На заднем сиденье лежал журнал "Бамахане". Я даже сумел рассмотреть его название. Вокруг машины собралась большая толпа. Ее разгоняла милиция. В этот день я шел сдавать очередной экзамен в медицинский институт. За сочинение на тему "Образ коммуниста в советской литературе" получил низкий балл. Расстроился. Теперь я думаю, что все было к лучшему. Может, став студентом-медиком, я увлекся бы своей профессией настолько, что не нашел бы времени для сионизма. То, что тогда казалось неудачей, сыграло важную роль в моей жизни. Я не сбился с верного пути.

Годом позже в Ригу приехала израильская женская баскетбольная команда "Хапоэль". Я отправился в Дом спорта. Там уже было полно евреев, пришедших посмотреть на тренировки израильских спортсменов. Когда они садились в автобус, мы запели "Эрец зават халав"... Девушки были растроганы до слез. Конечно, на их игру мы не попали - билетов не достать. Тогда мы с сестрой решили пойти вечером в гостиницу. Шаг чрезвычайно рискованный. Но желание видеть "живых" израильян пересилило страх и природную застенчивость. Под пристальным взглядом человека в штатском я поднимался по лестнице гостиницы, в которой остановились израильяне. Вдруг увидел идущего мне навстречу мужчину, в котором каким-то шестым чувством узнал израильянина. Подошел к нему. Он что-то сказал и протянул мне два пакетика. Я тут же заглянул в них и остолбенел от радостной неожиданности: маген-Давиды! Я кинулся назад, едва не забыв поблагодарить незнакомца. Дома я надел на шею цепочку с маген-Давидом и не снимал ее, даже идя на работу.

Папа просил ее не носить, чтобы не привлекать к себе внимания, но я был неумолим. Кстати, в семидесятые годы ношение маген-Давида стало модой.

В 1965 году (а по еврейскому календарю в 5725) в годовщину создания израильского государства Мендель Гордин подарил мне часы с надписью на иврите: "День Независимости 5725". Этот подарок символичен. "Что будет со мной лет через десять?" - подумал я, и меня охватило предчувствие трудностей и испытаний, через которые мне придется пройти.

В 1965 году Мендель принес мне самоучитель иврита, изданный в Израиле. Я выучил пятьсот слов и все стихотворения, помещенные в учебнике. Однако самостоятельно осилить языка не смог, так как ни от кого не слышал живой ивритской речи и не был уверен в правильности своего произношения. Мендель дал мне и другие книги, но уже на русском: "Шесть миллионов обвиняют" Гидеона Хаузнера, "Встреча с Голиафом" Давида Реми, речь Бен-Гуриона в годовщину Синайской кампании. Я не знал точно, откуда книги, строил различные предположения на этот счет и кое о чем догадывался. Я стремился участвовать в сионистском движении, но чувствовал, что все еще нахожусь на его периферии. Иногда Мендель просил меня спрятать какие-то материалы. Я всякий раз охотно выполнял его просьбы. Устроил даже тайник в печке. Рукописи и фотопленки с переснятым романом "Экзодус" хранил в подвале. Списки желающих выехать в Израиль заложил в патрон электрической лампочки - словом, делал все, о чем просил меня Мендель. Не прекращал и посещения кладбища в Румбуле. Здесь, дважды в год - осенью, в день начала акции по уничтожению евреев Рижского гетто, и весной, в день восстания в Варшавском гетто, - собирались евреи Риги. Эти встречи и митинги у памятника проводились без официального разрешения. Здесь я сблизился с молодыми рижанами, активистами и борцами за выезд в Израиль: Ильей Валком, Рут Александрович, Йосефом Шнейдером и Йосефом Русинеком. На осеннем митинге 1965 года говорили не только о том, что евреям нельзя забывать своего прошлого. Необходимо помнить о долге перед будущим. Действовать. Бороться. Во имя жизни нашего народа.

После митинга несколько человек пришли ко мне. Я чувствовал, что должен что-то сказать. "Во время войны евреи понесли тяжелые потери, - начал я. - Но теперь наша судьба в наших руках. Мы должны противодействовать ассимиляции народа и бороться за выезд в Израиль. Предлагаю создать сионистскую организацию", - закончил я неожиданно для всех и, кажется, для самого себя. Проголосовали единогласно. Все были взволнованы. Еще час назад никто ни о чем подобном не помышлял, и вдруг - организация. Но потом, когда первые волнения улеглись, я смог трезво оценить ситуацию и понять, что поспешил. Во-первых, я не представлял, чем именно будет заниматься такая организация; во-вторых, многие ее члены - люди неподготовленные и явно

неподходящие. Самая надежная - моя сестра Ривка. Вместе с ней мы пришли к выводу о необходимости чистки наших еще неорганизованных рядов и выработки программы и устава организации. Я понимаю, что "чистка", "устав", "программа" - слова сугубо советские, но тогда говорить по-иному мы не умели. Итак, мы произвели отсев (чтобы не употреблять слова "чистка"), и в результате в нашей группе осталось четверо: мы с Ривкой, ее подруга Геня и мой приятель Роман. Каждую неделю мы собирались у Гени, за городом, читали сионистскую литературу. Конечно, ее можно было читать и дома, но мы предпочитали вместе: все-таки организация. Однажды Геня рассказала о нас Йосефу Шнейдеру. Он предложил нам познакомиться с другими группами. И вот мы с Романом пришли на встречу. Ради предосторожности - из разных концов города. Оказалось, что эти "другие" - наши знакомые по Румбуле: Илья Валк и Йосеф Шнейдер. Постепенно круг знакомства расширялся. Иногда группы объединялись, и тогда устраивали совместные вечера, слушали лекции об истории Израиля, о его экономике, политике и культуре. Конечно, не обходилось и без израильских и идишистских песен. Порой соревновались в знании истории Израиля. Мне нравилась обстановка, царившая на таких вечерах, но танцы и развлечения меня не привлекали. Я искал чего-то более серьезного. Мне нужно было действовать.

В 1966 году рижские власти начали принимать заявления о репатриации. Мы попросили тетю Фаню прислать вызов и получили совершенно неожиданный ответ: "Оставайтесь на прежнем месте". Тем не менее я предпринял попытку достать вызов. Примерно к этому же времени в Риге сложилась еще одна сионистская группа, куда вошли Саша Друк, Борис Мафцер и другие, а позже - мы с Ривкой, Геня и Роман. Сюда нас привела уже не вспышка юношеского энтузиазма, а стремление к действию. Организация выработала свою программу, в которой излагалось примерно следующее: "Движимые чувством любви к своему народу и ответственностью перед ним, мы пришли к выводу о необходимости объединения для содействия росту национального самосознания еврейского народа в преддверии грядущей алии - репатриации в Израиль. Основное направление нашей деятельности - распространение знаний о еврейских культурных ценностях".

В свободном мире скептически оценивались возможности алии из СССР, а мы верили в то, что она будет, и считали своим долгом готовиться к ней. Одной из форм подготовки были сборы членских взносов для нужд организации. Денежные взносы были достаточно высокими, а многие из нас учились. Мне, например, пришлось взять дополнительную работу, так как всю свою зарплату я отдавал отцу, не оставляя себе даже на карманные расходы. Однажды, собрав деньги, я возвращался домой. Улица слабо освещалась. Из темноты вынырнули несколько парней и преградили мне путь. Потребовали денег. Я оглянулся назад. Там тоже шпана. Делать нечего, и я отдал им всю мелочь из карманов.

Меня заставили попрыгать, очевидно, чтобы проверить, не осталось ли монет. Нет, не осталось. К счастью, в пиджак не полезли. Там были бумажные ассигнации. Меня отпустили. На собранные и сохраненные деньги мы купили пишущую машинку и двенадцать томов Еврейской энциклопедии.

Едва сложилась наша группа, как произошло два важных события. Несколько семей получили разрешение на выезд в Израиль, а к нам на гастроли приехали израильская певица Геула Гиль и мим Яков Аркин. О предстоящих гастролях мы узнали из передач израильского радио. Никаких афиш на рижских улицах, разумеется, не появилось, но когда в пять часов утра я пришел к билетной кассе Дома офицеров, то застал там человек триста. Я занял очередь и отправился в институт сдавать экзамен по физике. Покончив с ним, я возвратился в очередь. Что там творилось! Столько евреев я не видел даже у синагоги в праздники. Настроение у всех радостное, приподнятое, такое, словно уже шел концерт. Чувство единства - редкое чувство оказаться среди своих, затеряться не в чужой, а в своей толпе - само по себе опьяняло и наполняло радостью. Я уверен, что многие, толпившиеся в тот день у касс, надолго запомнили эту очередь за билетами на концерт израильских артистов. В одни руки, как водится, "отпускали" только два билета, и мне пришлось несколько раз становиться в очередь, меняя, насколько это возможно, свой внешний вид. Я появлялся перед кассой то в очках, то без них, то в куртке, то без нее, то надвигал шапку на лоб, то прятал ее в карман. Так я раздобыл билеты для всей нашей семьи. За час до начала концерта все подходы к театру находились под контролем милиции, а автобусную остановку перенесли. Со всех сторон спрашивали "лишнего билетика". Ко мне подошел какой-то летчик и рассказал, что специально прилетел из Киева на этот концерт. Я отдал ему билет. И вот я в зале и не могу поверить своим ушам - звучат ивритские песни! Чудо! Я будто в Израиле. После каждого номера я кричал на иврите "браво", для этого случая заранее отыскав его в русско-ивритском словаре. В этот возглас я вкладывал всю свою страсть, но в нем звучала и недостижимость мечты...

После последнего концерта мы собирались устроить Геуле торжественные проводы. Принесли цветы. К нам с Ривкой подошел капельдинер и потребовал отдать ему букеты. Я отказался, и тогда он вызвал милиционера. Пожаловался, что я толкнул его, хотя на самом деле ничего такого не было. Пока я препирался с обоими, Ривка передала цветы сидящим в зале. Все было в порядке. Программа последнего концерта шла под сплошные овации. Геулу попросили спеть "Песнь Пальмаха". Должно быть, она удивилась, когда половина зала подхватила слова и мелодию этого гимна боевых отрядов.

Провожая Геулу, мы увидели, что все проезды перекрыты милицией, а на улицах, прилегающих к театру, выставлен усиленный патруль. Власти решили помешать проститься с израильской певицей. Но нас было много, и мы

прорвали сцепление. Однако в этот момент автобус, в котором сидела Геула, тронулся и быстро стал набирать скорость. Тогда Саша Друк подскочил к окну, и Геула успела протянуть ему пластинку со своими песнями.

В Советском Союзе, как известно, запрещены стихийные демонстрации. Пережитое нами событие было беспрецедентно. Страх перед государством и его аппаратом, поддерживаемый всем советским образом жизни, вдруг покинул нас. Мы настолько осмелели, что по призыву Леи Словиной и Мордехая Лапида отправились в отделение милиции освободить Ноэми Гарбер, дочь юриста Давида Гарбера. Ее задержали за сопротивление милиции во время разгона толпы евреев, пришедших проводить Геулу. В милиции нас чуть не сбросили с лестницы. Я заявил, что буду жаловаться председателю Совета Министров, но в ответ начальник милиции закричал: "Кучу я наложил на твоего Косыгина!" Да, ничего не скажешь! Органы подавления стоят выше закона и вне его. Однако Ноэми освободили, а нас с Мордехаем Лапидом задержали. С ним КГБ уже давно хотел свести счеты.

Шестидневная война способствовала пробуждению еврейского национального самосознания. Многие евреи утверждают, что стали патриотами Израиля в шестьдесят седьмом году. Всегда, когда слышу подобное, я спрашиваю: "До или после войны?" Ответ на этот вопрос мне представляется весьма знаменательным: одни полюбили страну в опасности, другие - в период ее побед. Но всех без исключения возмущала яростная антиизраильская и антисемитская пропаганда.

Я уже давно жил среди тех, кто отождествлял себя с народом Израиля. За несколько дней до начала Шестидневной войны один мой знакомый сказал: "Эх, сейчас бы не в этой Риге сидеть, а с автоматом в руках патрулировать границу". И он был прав. Мы слушали израильское радио, радовались успехам Цахала, не сомневались в его победе и огорчались, что не воюем вместе со своими израильскими сверстниками. Сослуживцы-латыши с чувством доброжелательности расспрашивали меня о новостях из Израиля. Советские газеты кричали о победах арабских сил, а затем вынуждены были признать, что итог не в пользу арабов. Тем не менее антиизраильская истерия продолжалась, дипломатические отношения с Израилем были разорваны. Антисемитизм усиливался.

Летом 1967 года мы сняли под Ригой, в лесу, маленький домик, и там я перепечатывал на машинке книгу о Войне за независимость - "Давид встречается с Голиафом" Давида Реми. Литературы о современном Израиле у нас не было. Я печатал по четырнадцать часов в сутки, отрываясь от работы лишь для еды и занятий ивритом. Я был молод и не очень заботился об удобствах. Питался всухомятку: собирал дикую малину, иногда ел ее в сыром,

иногда в вареном виде. Когда она мне надоедала, ходил в магазин, который находился от меня за три километра, покупал буханку хлеба и тут же сразу ее съедал. Свою работу я рассматривал как личный вклад в войну.

В доме Бориса Мафцера тоже перепечатывали на машинке всевозможную литературу: фельетоны Жаботинского, стихи Бялика и т. п. Однако средств для нашей "печатной" деятельности не хватало, и тогда Ривка с Сашей, собрав дома всякое тряпье, отправились продавать его на толкучке. Выручка небольшая, но все-таки хоть что-то! На эти деньги мы могли размножить литературу фотоспособом. Ривка с Сашей проявляли отснятые пленки стихов Ицхака Каценельсона, погибшего в гетто. Однако сушить фотокопии было негде, а утром все приходилось прятать. Поэтому иногда ночью я раскладывал их под одеялом и высушивал своим телом.

Мы занимались также подготовкой к еврейским праздникам. Перед Пурим усаживали детей резать и клепать жечь для трещоток. Ребята, моложе нас всего лишь на несколько лет, не получили дома почти никакого еврейского воспитания, и мы считали своим долгом восполнить этот пробел. Рассказывали историю того или иного праздника, разучивали еврейские песни. Помню пасхальный Седер в одной компании, где собралась совсем "зеленая" молодежь. Обычно я не хожу туда, где никого не знаю. Но раз надо - значит надо... Я взял с собой мацу и, конечно, Агаду¹⁰. Хозяйка дома, старая еврейка, приготовила пасхальные кушанья. Все сели за стол. Я правил Седер как полагается. И вдруг почувствовал, что парни и девушки меня не понимают и явно скучают. Тогда я перешел на русский и принялся рассказывать о значении различных моментов пасхального Седера, об исходе наших предков из Египта. Ребята слушали, не перебивали и все же с трудом досидели до конца трапезы. Как только она закончилась, начали танцевать под магнитофон и играть в карты. А я с разбитым сердцем тихо, в одиночестве, дочитал до конца пасхальную Агаду и ушел домой в крайне удрученном состоянии. Через несколько дней мне повстречался парень, который был на этом Седере. Как же я удивился, когда он сказал, что вечер ему понравился и запомнился. Многие даже стали подумывать о репатриации в Израиль. Это было совершенно неожиданно для меня и, конечно, приятно. Я понял: слово, сказанное от чистого сердца, всегда найдет путь к другому сердцу, может быть, и не сразу, но непременно найдет.

Кроме чисто просветительской работы мы искали связи с представителями еврейского движения в других городах Союза. По странной случайности эти наши поиски совпали с серией обысков в Риге. Они начались в Минске и прошли по всем городам Союза. И почти повсюду после обысков следовал вызов в КГБ. Это происходило в 1968 году. Оккупация Чехословакии, повальные обыски в СССР, слежка - все это произвело на меня тяжелое

впечатление. Чем пристальнее я вглядывался в происходящее, тем яснее становилась трагичность положения.

Национальные убеждения сделали меня инакомыслящим, диссидентом. Однако некоторые активисты алии проделали другой путь: к национальной идее они пришли через демократическое движение. И по сей день значительная часть его участников - евреи. У каждого свой путь. Для меня последним толчком к вере был, пожалуй, митинг на Румбульском кладбище. Давид Зильберман, многие годы изучавший историю Рижского гетто, написал для этого случая специальный доклад, который мне предложили прочесть: голос у меня был сильный и громкий. Я решил также продекламировать стихи Ицхака Каценельсона. Репетировал предстоящее выступление с Гесей Камайской, преподавательницей русской литературы; очень волновался, боялся забыть слова, хотя все выучил на память. И митинг состоялся. Конечно, без разрешения властей. Несмотря на это, народу собралось много. После поминальной молитвы "Кадиш" я вышел к памятнику. Место было святое. Свята была и тема. Я ловил себя на мысли о том, что постоянно спрашиваю - достоин ли я тех слов, которые произношу и которые вдохновляют меня. Закончив выступление, не оглядываясь, ушел. Взволнованный, я не мог больше произнести ни слова. Возможно, друзья заподозрили меня в заносчивости. На самом же деле это было не так. Я считал, что погибшие требуют от нас верности их памяти и поэтому нужно что-то менять в своей собственной жизни. И я решил быть настоящим евреем, т. е. выполнять заповеди. Этот вывод был выношенным и самостоятельным. Более того, я шел к нему всю мою сознательную жизнь. Мне исполнился тогда двадцать один год. Я отказался работать по субботам, есть тrefное. Начал соблюдать посты и отмечать праздники, но я еще не молился и не изучал Тору. Накрепко запомнились мне слова моего наставника Менделя Гордина о том, что ни народа еврейского, ни государства еврейского не может быть без еврейской веры. Мендель - и я был согласен с ним - не делил людей на верующих и неверующих; не у всех хватает сил выполнять все заповеди. Однако неверующих, практически, нет: к сердцу каждого из нас обращается Б-г, и всем доступны Его требования.

В сентябре 1968 года ОВИР начал вновь принимать заявления о выезде. Я отправил в Израиль своему знакомому телеграмму: "Дорогой дядя, не забыл ли ты нас? Срочно высылай документы". Через два месяца прибыл вызов от Якова Менделевича из Бат-Яма. Мы не верили своим глазам: у нас в руках вызов для всей семьи. Начался сбор документов, а это дело не простое. Чтобы создать специальные трудности, а еще вернее, накалить обстановку, требовалась характеристика с места работы. На некоторых предприятиях намеренно созывались общие собрания, где обычно шельмовали желающих покинуть СССР. Такие собрания унижали человеческое достоинство и обходились каждому дорого. А если объектом обсуждения окажется смелый

человек и честно и открыто заявит о своем положительном отношении к Израилю и отрицательном - к советской политике ассимиляции, его сразу осудят за "антисоветскую агитацию", как это случилось в 1969 году в Киеве с Борисом Кочубиевским. Мне же повезло. Мой начальник, латыш, без долгих проволочек выдал характеристику. При этом он попросил рассказать ему об Израиле, что я с удовольствием и сделал. Моей младшей сестре, Мэри, отказали в характеристике. Пришлось обратиться к прокурору, и, невероятно, но факт: выслушав мою жалобу, он снял телефонную трубку и приказал характеристику выдать.

В конце 1968 года несколько сотен рижан получили разрешение на выезд в Израиль. Среди них и известная исполнительница еврейских народных песен Нехама Лифшиц. Она давала прощальный концерт. Вместе с Мордехаем Лапидом, счастливым, тоже получившим разрешение на выезд, я отправился к певице домой, прощаться. Мы пожелали друг другу скорейшей встречи в Израиле. Встреча действительно состоялась - через тринадцать лет, сразу же после моего приезда в страну, в кибуце Явне.

Власти, выдавая первые выездные визы, очевидно рассчитывали, что не найдется много желающих покинуть СССР, и, выпустив самых шумных и беспокойных, они избавятся от сионистов, по крайней мере, в Риге. Однако они просчитались. Со всех сторон посыпались заявления. Получение визы из мечты превратилось в реальность. ОВИР стал своеобразным местом встреч евреев, собиравшихся оставить Союз. Испугавшись такого неожиданного оборота дела, ОВИР предпринял другой маневр - отказы. Всем без исключения. Причем мотивировка могла быть самой нелепой и смехотворной. Нам, например, сформулировали отказ так: "Считаем, что можете жить и здесь". Выходило, им лучше знать, чего нам надо. За ними было последнее слово, а мы - в их руках.

К лету 1969 года из Риги уехали видные активисты сионистского движения: Дов Шперлинг, Леа Словина, Йосеф Янкелевич, Йосеф Шнейдер. На "той", израильской стороне, теперь оказались люди, действительно знавшие, что происходит в России, и они начали действовать: организовывать вызовы, оказывать евреям в России посильную помощь, посылать литературу, поднимать общественное мнение в других странах.

Вместе с тем ситуация изменилась и в самой Риге. Молодежь теперь уже открыто заявляла о своем желании уехать в Израиль. Таким образом, помощь извне пришла в тот момент, когда мы уже поняли, как можно себе помочь, - прежде всего полагаться только на себя... Этот вывод очень скоро пригодился и мне. Я оставил учебу в Рижском политехническом институте и полностью занялся проблемами репатриации. Однако перестав числиться студентом, я потерял право на отсрочку от действительной службы в армии и получил

повестку из военкомата - явиться на призывной пункт. Мама отправилась в военкомат и заявила, что я чем-то серьезно болен, так как неожиданно для всех бросил учиться и потерял всякий интерес к жизни. Меня направили к психиатру. Я не очень четко знал, как следует себя держать, чтобы ввести в заблуждение врачей. Но чувствовал - нельзя переигрывать. На приеме у врача я мямлил что-то не очень вразумительное, и меня направили в психиатрическую больницу на обследование. Своим товарищам я ни о чем не рассказывал - не так уж приятно прослыть психом. Больница, в которой я оказался, ничем не отличалась от других лечебниц. Больные тихие. На всякий случай я ни с кем не вступал в разговоры, а на все вопросы врача отвечал: "Не знаю". Приглядевшись к больным, я понял, что они какие-то странные: беспричинно смеются или плачут, беспричинно ругаются или дерутся. Один объявил себя величайшим грабителем в мире, другой невнятно, но настойчиво стремился обучать какому-то предмету всех, кто лежал с ним в одной палате или с кем встречался в коридоре. Больным полагалось клеить конверты или разматывать веревки. Это называлось "трудотерапией". Она показалась мне унижительной, и я отказался работать. Последовало наказание - лишение книг. Но я предусмотрительно спрятал принесенные из дому "Илиаду" Гомера и учебник английского языка. Кормили, по моим тогдашним понятиям, плохо, и я несколько дней не притрагивался к пище. Пребывание в больнице явилось, по существу, моим первым опытом длительной изоляции, первой попыткой в таких условиях сохранить нормальный образ жизни. Отцу разрешили навестить меня. Он принес с собой маленький радиоприемник, и нам удалось услышать Израиль. На какое-то время я забыл, что нахожусь в мертвом доме.

Промахов я не допускал. Комиссия вынесла решение о моей непригодности к военной службе и в то же время не признала меня умалишенным. Победа! Мне не придется быть солдатом во вражеской армии. Кроме того, положение невоеннообязанного увеличивает шансы на выезд в Израиль.

В этот напряженный для меня период жизни я решил приступить к изучению Торы и начал регулярно молиться в синагоге. В то же время не прекращал своей сионистской деятельности. С отъездом рижских сионистов в Израиль ослабели наши связи с сионистами других городов России. Дов Ригер поехал в Москву, где встретился с Давидом Хавкиным, отсидевшим до этого пять лет за сионизм, и с архитектором Виталием Свечинским. Ригер договорился с москвичами о необходимости собраться всем вместе и обсудить насущные вопросы сионистского движения. Мы колебались, опасность была очевидной. Тесная связь между городами могла погубить всех нас. Единая организационная структура может связать инициативу отдельных групп и приведет к инертности их участников. Кроме того, мы опасались, что за идеей объединения может скрываться простое стремление некоторых активистов к лидерству. В результате решили поддержать предложение о встрече,

ограничиваясь лишь обменом информацией без установления организационных связей между городами. 16-17 августа встреча состоялась. В Москву съехались евреи из Ленинграда, Минска, Тбилиси, Киева; Ригу представляли Илья Валк и Дов Ригер. На совещании обсуждался вопрос об издании сборника материалов о положении евреев в СССР, а также о размножении имеющейся литературы. Для поддержки регулярной связи между городами и координации планов создали Всесоюзный координационный комитет (ВКК).

Из рассказов наших товарищей, побывавших на этом совещании, создалось впечатление, что московские сионисты слабо связаны между собой; в противовес им ленинградские казались образцово организованными. Там, еще в 1966 году, был создан сионистский комитет, куда входили Бутман, Могилеввер, Дрейзнер, Черноглаз, Шпильберг, Каминский и другие. Благодаря им в Ленинграде действовала целая сеть ульпанов, являвшихся не только кружками по изучению иврита и еврейской истории, но и, по существу, еврейскими культурными центрами. Ульпаны, кроме того, готовили преподавателей иврита. В 1968 году ленинградец Аарон Шпильберг переехал в Ригу и передал нам свой опыт работы в таких ульпанах. Через год мы создали свою, рижскую сионистскую организацию, которую возглавили Русинек, Цейтлин, Шпильберг и Валк. Однако она не имела четкой структуры: мы полагали, что организационные рамки могут помешать конспирации и представят определенную опасность для участников организации. Мы готовы были к борьбе, но вместе с тем искали и открытых путей выезда - через ОВИР. Так, я пошел на прием к начальнику рижского ОВИРа и попытался ему объяснить, что наша семья никакой ценности для советской власти не представляет и поэтому нам следует выдать разрешение на репатриацию в Израиль.

- Судите сами, - доказывал я ему, - четыре женщины, больной отец, перенесший два инфаркта, и я, невоеннообязанный, да к тому же и без высшего образования.

Мои доводы, конечно, его не убедили. Полковник Кайя, начальник ОВИРа, пожилой седой латыш, задерганный осточертевшими ему евреями, обрушил на меня весь свой чиновный гнев:

- Что вы сюда таскаетесь, - кричал он на меня, - тут вам не базар и не синагога! Забудьте о своем Израиле! Умрете и сгниете здесь, в России!

В этом его высказывании сквозила и личная неприязнь к евреям. Я понял, что единственно реальным путем приближения к цели были активная борьба и вера в Б-га. Мендель Гордин достал мне Танах с параллельным русским

переводом, и я начал изучать Священное Писание. Конечно, это можно было делать у кого-нибудь дома, но мы решили - открыто, в синагоге. В этом был известный риск. Раввина рижская синагога не имела, но власти приставили к ней еврея, которому, по слухам, за какие-то махинации грозила тюрьма. Чтобы спастись от нее, он согласился руководить синагогой, что включало и доносы. Он вел себя довольно развязно и неуважительно к верующим. Появлялся в синагоге в субботу в середине молитвы, не стесняясь заявлял, что приехал на машине, мешал молящимся, громко затевал с ними споры. Никто не сомневался в том, что он доносит КГБ обо всем, что происходит в синагоге.

Между тем мы стремились создавать ульпаны по типу ленинградских. Особенно старался Саша Друк. Едва услышав о молодых людях, проявлявших интерес к Израилю, он сразу связывался с ними и подыскивал им учителей иврита из числа тех, кто до 1940 года учился в еврейской гимназии. Если новые знакомые вызывали доверие, он предлагал им поработать в Румбуле, размножить и распространить литературу, принять участие в каком-нибудь вечере.

Однажды Саша познакомил меня с восемнадцатилетним студентом политехнического-института. Парень рассказал о драке между русскими и еврейскими студентами. Причем, в этой драке тяжело пострадал еврей. Это происшествие натолкнуло меня на мысль собрать информацию о положении евреев в Союзе. Тогда-то я и составил вопросник, включавший сто двадцать пунктов, касавшихся многих аспектов жизни советских евреев: антисемитизм, насильственная ассимиляция, антиизраильская пропаганда "сверху", ограничения в приеме на работу, в институты и т. д. На одном из наших совещаний мы обсудили содержание этого вопросника и предложили рассмотреть его на координационном комитете. Потом Саша зачитал текст листовки, в которой мы призывали евреев на предстоящей в 1970 году переписи населения в качестве родного языка указывать еврейский. Но совещание координационного комитета в Киеве, как намечалось ранее, не состоялось. Появились серьезные опасения, что КГБ в связи с делом Бориса Кочубиевского ведет наблюдение за киевскими активистами алии. Поэтому в январе 1970 года ограничились только заседанием издательского совета, в Риге. Предстояло избрать редактора самиздатовского органа. На эту должность рекомендовали рижанина, всеми уважаемого человека, бейтаровца в прошлом. Однако он отказался, и тогда предложили мне. Я тоже пытался отказаться: молод и нет профессионального опыта в издательских делах. Но тем не менее на моей кандидатуре настаивали, и мне пришлось согласиться.

В 1969 и 1970 годах оживилась еврейская жизнь в Риге. Благодаря Рут Александрович в Ригу попали десятки учебников иврита, переснятые в Новосибирске. Эзра Русинек раздобыл пишущие машинки и деньги на

перепечатку рукописей. Он устраивал просмотр слайдов, отснятых в Израиле. Однажды я попал на такой просмотр и был поражен тем, что человек, так ярко и живо рассказывавший об Израиле, ни разу там не был. И у меня по-прежнему, как в шестьдесят первом году, тревожно замирало сердце от одной лишь мысли о стране...

А теперь, в 1969 году, снова отмечалась годовщина Рижского гетто. В Румбуле собралось около трех тысяч евреев. И опять я выступал. Говорил о том, что, несмотря на Катастрофу, наш народ жив. Мало лишь оплакивать погибших - могилы в Румбуле обязывают нас извлечь из прошлого урок на будущее. Свое выступление я закончил чтением на иврите стихотворения Альтермана "Серебряное блюдо". Не знаю, многие ли поняли иврит, но одно было ясно: нужна не покорность, а борьба. Когда я кончил читать стихи, наступила тишина - точно все три тысячи евреев, собравшихся здесь, ждали продолжения. Но продолжением могло стать только действие.

В праздник Ханука мы распределили между собой обязанности зажигания свечей в Румбуле. Мой день был восьмым. Темным вьюжным вечером через завалы снега, достигавшие человеческого роста, я добрался к памятнику и окоченевшими от мороза руками зажег свечи. Теперь можно читать благодарственную молитву "За чудеса". - Я не вправе упрекнуть мертвых в том, что они шли на смерть, не сопротивляясь. Я не вправе задать им вопрос "Почему?". Но я должен спросить себя: "Почему я не сопротивляюсь?"

В ноябре 1969 года под Ригой, на заброшенной даче, собралось очередное заседание координационного комитета. Обсуждались текущие дела, направление и тематика самиздата, связь с отдельными группами. Ригу представляли Шпильберг и Ригер. Решили поддерживать открытые коллективные обращения, адресованные в советские официальные инстанции или западным общественным организациям, с требованием предоставления евреям права на репатриацию в Израиль.

К концу этого года мы, пожалуй, впервые столкнулись и с проблемой личных взаимоотношений. Иначе, видно, и быть не могло, так как в условиях советского режима в движении могли участвовать только сильные люди. Когда их много и они разные, столкновения неизбежны. Порой трудно бывает разобраться, где кончаются общественные интересы и начинаются личные.

В Риге централизация сионистского движения была слабой, поэтому крупных конфликтов почти не возникало. Тем не менее приходилось учитывать и условия конспирации. Так, мы не могли от имени организации что-либо поручать тем, кто в ней не состоял, но сочувствовал нашему движению и

принимал в нем посильное участие.

В целях предосторожности всех активистов мы условно разделили на две группы - "алеф" и "бет". В группу "алеф" входили те, кто действовал открыто и был уже известен КГБ. В группе "бет" состояли те, кого органы еще не обнаружили. Я попал в "бет". Как член издательского совета я не имел права публичного выступления ни в печати, ни на митингах. Поэтому я не выступил на массовом праздновании Хануки, не подписывал ни письма двадцати двух рижских отказников генеральному секретарю ООН У Тану, ни письма двадцати семи отказников Косыгину. Эти тексты я слышал лишь по израильскому радио и досадовал на то, что среди подписавших не было моего имени.

Появление открытых писем означало явную конфронтацию с советской властью. Такого прежде не было. Новое заключалось в том, что в открытой борьбе, которую мы начали, отступление невозможно.

Встретил Сильву. Волнуясь, она сказала, что если власти не ответят на их письмо, в котором они просят выпустить их в Израиль, они устроят демонстрацию на Красной площади и не уйдут до тех пор, пока не получат ответа. Всей душой я был с ней.

Да, надо идти в открытую. Время конспиративных действий прошло. Меня поддержал Шпильберг, а Ригер не согласился. Так мы и не смогли договориться, и я решил совместить несовместимое: задачи "алеф" и "бет".

Седьмого января семидесятого года я отправился в Ленинград на первое заседание издательского совета. Хорошо зная состояние финансовых дел нашей организации, я поехал туда по студенческому билету, а оставшиеся деньги вернул в кассу. В целях экономии в поезде я не брал на ночь постели.

Первый раз в жизни я выехал за пределы Латвии. В каждом пассажире я подозревал вора и постоянно ощупывал свои карманы, набитые статьями для первого номера будущего издания - "Итон-1". В этот первый номер шли мои статьи: об ассимиляции, о восстании в Варшавском гетто и о праздниках Пурим и Песах.

Говорили, Ленинград - самый красивый город России. Мне он показался чужим и холодным. Позвонил по телефону, номер которого выучил на память, и произнес два слова: "Рома приехал". Это был наш код: имя давалось по первой букве города, из которого прибыл представитель группы. Вскоре на квартире у Виктора Богуславского я уже беседовал с Малкиным, московским математиком, и ленинградцем Львом Львовичем Коренблитом, кандидатом физических наук.

Их удивила моя молодость. Мне и самому казалось, что я слишком молод для такой должности. Не выходя из дома, мы проработали сутки. Обсуждался ряд проблем, по одной из них возникли разногласия. Я утверждал, что Израиль должен быть готов принять всех евреев мира. Моим новым знакомым это утверждение казалось чересчур радикальным. Они считали, что надо сохранить влияние еврейских общин в Америке и Европе. Я возражал: если все евреи, собравшись в Израиле, построят сильное государство, то никакая поддержка галута не понадобится. Моя юношеская категоричность им пришлась не по душе, но когда перешли к обсуждению материалов первого номера нашей газеты "Итон", они услышали другое: я высказывался за сдержанный тон статей, полагая, как и мои товарищи рижане, что не следует увлекаться критикой советского строя. В отличие от нас многие "русские" сионисты, вышедшие из демократического движения и поэтому в какой-то степени выразившие его взгляды, настаивали на критике советского режима. Я считал, что наши статьи должны быть выдержаны в нейтральном духе. Главное в них - актуальная информация о положении евреев в России и о жизни в Израиле.

После окончания работы я поехал в ленинградскую синагогу. Ее здание было когда-то красивым, но теперь пришло в упадок. Я молился: "Как прекрасны шатры твои, Яаков!" Да, вид ленинградской синагоги заставлял думать, что наши шатры могут быть прекрасными только в Израиле.

Вернулся в Ригу с материалами для первого номера "Итона". Для перепечатки статей - а в одну закладку нужно было вложить одиннадцать экземпляров - требовалась тончайшая папиросная бумага. И мы покупали ее с большой осторожностью, боясь вызвать подозрения продавцов. Покупка машинки и перепечатка тоже дело нешуточное. Говорят, что оттиск шрифта каждой машинки, поступающей в продажу, имеется в КГБ. Поэтому выследить по шрифту - пустяковое дело. Работа продвигалась с большим трудом. Машинисткам надо платить, а у нас денег не было. Да и не каждой можно доверять. Поэтому печатать приходилось самим, т. е. очень медленно. Мне, например, на перепечатку одной страницы требовалось сорок минут. Конечно, качество машинописи оставляло желать много лучшего. Но как бы то ни было, мы печатали сами и отпечатанные экземпляры, а их было немного, переплетали и отдавали знакомым. Однако становилось ясным, что необходима множительная аппаратура. Дов Ригер предложил делать тираж фотоспособом при помощи контактной печати или светокопирования. Для этих целей нужен был сушильный аппарат. Комната Миши Шепшелевича, у которого кроме хорошей головы были еще и золотые руки, превратилась в настоящую мастерскую. С радиозавода, на котором я работал, вынес детали и не без риска принес их к Мише. Он собрал аппарат, но его нужно было перевезти туда, где мы намеревались тиражировать "Итон". В час ночи мы занялись

транспортировкой. Мать Миши, глядя на наши приготовления, всплеснула руками: "Вы с ума сошли! Кто же делает такие вещи ночью?" И, правда, ночью, на пустынных улицах, можно вызвать подозрение. Но мы ее не послушались и потащили проклятый ящик в условленное место. И вот, почти у самой цели, отломилась ручка ящика, за которую мы держались. Вдруг из-за угла выезжает милицейская машина - прямо к нам. Останавливаемся. Ждем. На самом дне ящика - широкая пленка с полным текстом отснятого "Итона". Сержант грубо спрашивает, кто мы такие и что несем. Миша отвечает лениво, точно нехотя. Милиционер лезет в ящик. Сейчас достанет пленку - и мы влипши. Но Миша хватает его за руку:

- Куда полез? Говорю тебе, там фотоглянцеватель. Сломаешь - заплатишь!

Милиционер умерил свой "сыскной пыл", но потребовал документы. Делать нечего - я достаю удостоверение. Выписывает в книжечку мои данные. Уезжает. У Миши не потребовал документов. Может, обойдется. Наконец мы на месте. Дов уже совсем извелся от ожидания. Сама мысль об аресте приводит его в нервное состояние, но рассказ о нашей встрече с милицией выслушал довольно спокойно.

С утра принимаюсь печатать сорок фотолистов. Они получаются какие-то серые и грязные. Ведь это моя первая работа. Химикалии сам покупал, сам взвешивал, возможно, не совсем точно соблюдая пропорции. От постоянной работы кожа на руках стала темно-коричневой и слезала клочьями.

- Самиздат что ли печатаешь? - шутили знакомые.

Вот так шутки!

Печатали вчетвером. Один сидел в ванной комнате, где находился ящик для контактной печати, второй проявлял и закреплял фотокопии. Двое других занимались сушкой и иногда подменяли уставших. Мы вкалывали как одержимые. Щелкало реле контактного аппарата, в больших посудинах плавали фотостраницы. Сушильный аппарат, стоивший нам таких трудов и риска, не справлялся с нагрузкой. Миша выдвинул передовую идею сушки "половым" методом - на полу. Идею воплотили в жизнь: выстелили полы номерами "Итона". Ноге негде было ступить, но зато к ночи все закончили. Это была поистине халуцианская¹¹ работа - с полной отдачей сил и времени. Я вспоминал, как Трумпельдор¹² говорил о своем идеале сиониста: сионист - это человек, из которого можно сделать и солдата, и крестьянина, и врача. Он готов на все в зависимости от того, что прежде всего необходимо народу...

Мы уже почти забыли о нашем ночном приключении, как милиция напомнила о нем. Недели через две я получил повестку: явиться в отделение милиции. Родители встревожились, а я не мог сказать им всей правды. Однако мое объяснение звучало вполне правдоподобно: шел с чемоданом самиздатовской литературы, остановил милиционер и потребовал документы. Чемодан не только не забрали, но даже и не открыли. Вот и все. Папа уже знал, что я занимаюсь самиздатом. Он не представлял лишь, в чем конкретно заключаются мои занятия. Конечно, он понимал, что за это могут посадить. И все же он не мешал. Просил только быть осторожнее. Он беспокоился и за меня, и за всю нашу семью. Ведь мои сестры тоже изучали иврит, печатали материалы самиздата, дружили с активистами алии. Это были Залмансоны, Гринманы, Валки, Русински, Камайские, Хнохи... Попадая в такие семьи, ты как бы оказывался в маленьком Израиле.

Итак, я отправился в милицию. Надел свой лучший костюм - хотел выглядеть уверенным в себе и спокойным. Комната следователя завалена радиодеталями. Я понял, что меня вызвали по поводу хищений с радиозавода. В городе по дешевке можно было купить радиоприемники и всевозможные детали к ним. Рабочие, несмотря на строгий контроль, умудрялись пронести их через проходную. Мы с Мишей попали в число подозреваемых. Не так уж страшно. Я успокоился и изложил свою версию: когда я гулял ночью по городу, меня остановил какой-то парень и попросил помочь донести ящик. Потом нас задержала милиция. Я предъявил документы, а неизвестный - нет. Как только скрылась милицейская машина, я ушел от этого подозрительного типа. Кто он и куда нес ящик - не знаю. Следователь, конечно, не поверил "байкам", - как он назвал мое объяснение, - и потребовал говорить правду. Я заверил его, что это самая правда и есть. Меня трудно было сбить с толку, потому что свою версию я продумал до мельчайших подробностей. Я настаивал на своем, и меня отпустили.

В последнюю весну моей рижской жизни Боря Пэнсон, работавший на заводе художником-оформителем, предложил устроить пуримшпиль¹³ прямо в синагоге. Я написал стихотворный сценарий, а Боря готовил декорации и костюмы. Артистами были ученики ульпана, в котором преподавал Саша Друк. В сюжете пуримшпиля я стремился объединить прошлое и настоящее, не обходя молчанием и нынешних "верноподданных" евреев. В это время в печати публиковались "письма трудящихся граждан еврейской национальности", заверявших, что не Израиль их родина, а Россия... Артисты усердно зубрили свои роли, но вдруг все сорвалось. Наш Ахашверош¹⁴ проболтался своей бабушке о пьесе. Рассказал ей и об обстановке на репетициях, которые проводит Геся Камайская, и о доме, где собирается молодежь, и о чем там говорят, и как спичкой закрепляют телефонный диск, чтобы избежать подслушивания. Бабушка, старая большевичка, явилась к Гесе с ультиматумом:

отменить пуримшпиль, иначе она сообщит, куда следует. Пришлось принять ее условия. Но она все равно донесла.

В день Пурим в синагоге появился наряд милиции во главе с полковником. Он прервал чтение "Мегилат Эстер"¹⁵ и деловито осведомился: "Здесь никто не хулиганит?" - Никто. Арестовывать было некого, но пуримшпиль не состоялся. К таким вещам мы привыкли. Как-никак живем в Союзе. Малодушные, пугливость, нерешительность тоже не были редкостью. Однажды член нашей группы, Арье Хнох, познакомил меня со старшеклассником Мишей. Он был неплохим чтецом и мог бы вместо меня выступать в Румбуле. Мы говорили с Мишей об Израиле, я читал ему Бялика и, уходя, оставил сборник стихов поэта. Но через несколько дней Миша вернул мне книгу - в Румбуле он не поедет. Причины не объяснил. То ли сам испугался, то ли родители запретили - не знаю. Провожая его домой, я нарочно повел его через квартал, где во время войны было еврейское гетто. У здания бывшего "юденрата" я заметил: "Когда одних евреев убивали в Румбуле, другие рассчитывали уцелеть в этом здании, но и они погибли. И ты надеешься отсидеться? Не выйдет!" - В ответ он завел что-то о Ленине и строительстве коммунизма...

Через год после очередного отказа мы вновь подали документы в ОВИР. Надежд, правда, никаких, но все равно подавать надо - власти не должны забывать о нас. После второй подачи в конце февраля 1970 года меня уволили с работы. Я не огорчился - голова была занята совсем другими делами. Я диктовал Сильве Залмансон статьи для второго номера "Итона". Мы подружились с ней и часто обсуждали наши материалы. Конечно, мнение читателей об "Итоне" меня очень интересовало. Я прислушивался к каждому отзыву, из которого черпал убеждение в необходимости этого издания.

В еврейском движении участвовала молодежь. Вполне естественно, что частые встречи и общность интересов способствовали образованию молодых семей. Сам я не только не допускал мысли о женитьбе, но и о простом знакомстве с девушкой, с которой можно было бы проводить свободное время. Я был слишком увлечен своей работой. Она составляла тогда смысл моей жизни. Каждое утро я просыпался с чувством праздника в душе, с сознанием, что живу в счастливое время: у меня есть мечта, цель и смысл жизни.

С Эдиком Кузнецовым я познакомился на ханукальном вечере у Сильвы. От Рут Александрович я знал, что Эдик как политзаключенный семь лет отсидел в лагерях, освободился и теперь хочет перебраться в Ригу. Отсюда он попытается уехать в Израиль. Я уважал этого мужественного человека. Простой в общении, начитанный и умный, он нравился мне, и я старался чаще встречаться с ним. В первую нашу встречу он сказал, что еще в лагере решил уехать в Израиль. В середине февраля Сильва передала мне просьбу Эдика

зайти к ним. Я пришел. Он врубил на полную катушку радиоприемник, и после этого началась беседа.

- Ты хочешь бежать отсюда, даже если придется рискнуть жизнью? - спросил он меня. Не раздумывая, я ответил:

- Конечно!

Эдик не ожидал такого быстрого ответа.

- Да ты не спеши, дело серьезное. Обдумай все хорошенько. Скажешь через пару дней!

- Слушай, - возразил я. - Об этом я думаю все время. Несколько дней ничего не изменят в моем решении!

И Эдик раскрыл мне свой замысел: захватить самолет и перелететь на нем через границу. Есть летчик, еврей, бывший майор ВВС. Во время рейса Ленинград-Мурманск этот летчик займет место пилота и поведет самолет в Швецию. Я еще раз подтвердил свое согласие. Наконец-то найден выход - бежать из этой тюрьмы. Ушел я от них окрыленным. Поделился с Ригером. Он, хотя и не собирался присоединиться к нам, принялся подробно обсуждать предстоящий маршрут. Боясь, что друзья могут пострадать из-за связи со мной, я предупредил их о намерении бежать и сдал свои "дела". Думал ли я пожертвовать собой ради тех, кому предстояло впоследствии покинуть Союз? Конечно, я понимал, что такая отчаянная операция, которую мы задумали, привлечет к себе внимание свободного мира. Я понимал также, что шансов на успех немного - могут и арестовать, и убить в самолете или сбить в воздухе. Но ждаться сложа руки тоже невозможно - надо действовать.

В конце апреля я зашел к Сильве и застал у нее Эдика. Он беседовал с каким-то незнакомым человеком.

- Это наш шофер, - представил его Эдик.

С первого взгляда пилот, Марк Дымшиц, мне не очень понравился: мрачный, молчаливый и резкий. Эдик попросил показать Марку город. Мы пошли. Стоял жаркий день, а на моей голове берет. Марк подтрунивал надо мной. Пришлось объяснить, что это не прихоть, а соблюдение религиозных обычаев. И тут я почувствовал, что наш "шофер" окончательно засомневался во мне. Очевидно, он считал, что верующий не способен участвовать в боевом деле. Его сомнения, должно быть, усилились, когда я привел его в синагогу. Здесь я

понял, что Марк впервые в жизни и крайне неохотно туда идет. Я заставил его надеть кипу. С большой опаской, как если бы вход был заминирован, он вступил в помещение. Не успел я приступить к объяснениям, как подошел старик-шамаш и спросил Марка:

- Вы не здешний?

Марк утвердительно кивнул.

Но старик не отлипал:

- Вы из Ленинграда?

Это было уже слишком. Марк рванулся прочь:

- Водишь тут меня по разным местам, пока КГБ не выследит!

Тогда я повез его за город, в лес, и там, в тишине, мы принялись обсуждать варианты побега. Новый план был такой: на пригородном аэродроме ночью захватить АН-2 - самолеты этого типа не охраняются. Договорились, что в середине мая Эдик с Сильвой отправятся на разведку.

Чем ближе я узнавал Марка, тем больше он мне нравился. Он родился в Харькове, учился в летном училище, потом служил в авиационном полку. По службе продвигался быстро и в тридцать пять лет дослужился до командира полка. Но военная карьера его не прельщала. Он был влюблен в небо. Я читал в книжках о людях, которые не могут жить без неба, но не ожидал, что сам встречу такого человека. В армии развились его природные качества: решительность, смелость, строгость, верность делу и друзьям и неприязнь к болтовне. Он не получил никакого еврейского воспитания, не понимал идиша, но сохранил в памяти еврейские песни, которые пела ему в детстве мать. Его демобилизовали в 1963 году. Навсегда разлучили с небом. Он пытался остаться в авиации - в Бухаре; но не мог жить за тысячи километров от своей семьи и вернулся в Ленинград. Там его не принимали на работу: в авиации для евреев существовала процентная норма. Началась Шестидневная война. Марк читал только "Правду". И все же он почувствовал, как дорог ему Израиль, над которым нависла смертельная опасность. Любой ценой он готов был вырваться из России. И, конечно, летать. Ему всего сорок, он крепок здоровьем, у него большой опыт военного летчика. Так две мечты слились в одну: вернуться в небо и жить в Израиле. Летать в небе Израиля.

Что же отличает деятельную мечту от пассивной мечтательности? Возможно,

настойчивость, с которой осуществляется мечта. Марк принялся изучать иврит. Первым его преподавателем был Гилель Бутман, член комитета ленинградской сионистской организации. Марк долго приглядывался к новому знакомому и в конце концов решил поделиться с ним планом угона самолета. Гилель план поддержал, однако ленинградцы выступили против. Они ориентировались преимущественно на легальную просветительскую деятельность и на выезд из СССР официальным путем.

Рижане были настроены иначе. Я предложил участвовать в побеге Менделю Гордину, Алику Соболеву, Леве Эльяшевичу, Борису Пэнсону и Арье Хноху. Этих людей мы хорошо знали. Даже если откажутся, они нас не предадут.

Особенно большое значение я придавал разговору с Менделем Гординым. Он по-прежнему оставался для меня авторитетом. Я рассчитывал на возможность его личного участия в предстоящей операции. Я очень считался с его мнением. В недавнем прошлом врач-терапевт, он теперь работал в лаборатории венерологического диспансера. После неоднократного невыхода на работу в еврейские праздники, а затем и отказа от советского гражданства его уволили с работы и предложили эту должность - другой для него не нашлось. Я позвонил ему, и он сразу же вышел ко мне. Видимо, по голосу понял, что речь идет о чем-то серьезном. Я задал ему три вопроса: Хочет ли он участвовать в угона самолета? Верит ли он в успех операции? Не принесет ли она вреда советским евреям и сионистскому движению? На первый вопрос он ответил отрицательно. Он выбрал для себя свой путь борьбы, когда отказался от советского гражданства. Его ответ на второй вопрос сводился к тому, что слишком много людей посвящено в наши планы и вследствие этого не исключено, что в КГБ все уже известно. На третий вопрос он ответил так: если мы примем меры предосторожности, осуществление нашего замысла в целом не навлечет беды на евреев.

Беседа с Менделем утвердила меня в решении продолжать подготовку к побегу. Арье Хнох и Борис Пэнсон сразу же согласились с моим предложением. Лева Эльяшевич попросил дать ему время подумать. Все не так просто: он, активист сионистского движения, отказался от советского гражданства. Теперь ему грозил призыв в армию. Надо как следует взвесить. Алик Соболев выдвинул весьма специфическую, если не парадоксальную причину отказа: поскольку все собранное и написанное им в области научной критики марксизма невозможно взять с собой при побеге, то и бежать из Советского Союза он не может. Эти отказы не смутили, хотя и удивили меня.

Мои переговоры с рижанами совпали со знаменитой конференцией "дрессированных" евреев, передававшейся по телевидению и по радио. Видные деятели науки и культуры заверяли граждан СССР, что у них, евреев,

нет ничего общего с Израилем и они "гневно" осуждают международный сионизм. В ответ на такое заявление появились коллективные письма еврейских активистов Москвы, Ленинграда и Риги. Моя подпись тоже стояла под этими письмами, хотя я как член группы "бет" не имел права подписываться под подобными обращениями. Но я не думал о риске. Все это было пустяком по сравнению с тем, что предстояло осуществить. Кроме того, я решил предпринять еще одну полулегальную меру для получения визы на выезд из СССР: обратился с просьбой к израильскому представителю в ООН, чтобы он добился для меня права на репатриацию в Израиль. Правда, Илья Валк считал, что эта моя "просьба" слишком резкая, надо бы осторожнее. Он не знал, что я решился на более опасный шаг. Но я не представлял собой исключения. Многие евреи вели себя подобным "безрассудным" образом. Однажды мы с Ароном Шпильбергом, собирая подписи под письмом с требованием разрешить выезд из СССР, попали к одному пожилому еврею. Аарон объяснил ему причину нашего прихода. Тот молча, не читая, подписал, а потом попросил: "Покажи-ка, что там написано". Такой тогда был настрой.

Между тем, несмотря на отрицательное отношение ленинградцев к самолетной операции, ее обсуждение продолжалось. Я и понятия не имел, как усложнились отношения между ленинградскими сионистами. Давид Черноглаз, возмущенный тем, что Бутман без ведома организации вел переговоры о побеге, в знак протеста вышел из комитета. Владик Могилевер, несмотря на неодобрение операции, счел возможным выделить Дымшицу пятьдесят рублей для пробного шага: выяснить возможность осуществления плана. На эти деньги Марк купил билет на ТУ-124 и во время рейса вошел в кабину летчика, прихватив с собой бутылку коньяка. Так он убедился, что к пилоту можно пройти, не применяя насилия, - двери кабины открыты. Могилевер предложил и компромиссное решение: запросить одобрение официальных израильских органов. Бутман написал подробное шифрованное письмо Ашеру Бланку, который уехал из Ленинграда в 1969 году. Могилевер передал его двум туристам, израильским гражданам, приехавшим в СССР с паспортами стран, в которых жили до репатриации в Израиль, - Норвегии и Швеции. Письмо обнаружили во время таможенного досмотра, изъяли, сфотографировали и вернули туристам. Так оно попало в Израиль. Конечно, трудно было предположить, что в Израиле найдется государственный чиновник, который возьмет на себя ответственность и одобрит план угона самолета. Действительно, 10 апреля Ашер Бланк сообщил по телефону Бутману, что "лекарство может принести вред". Стало ясно, что истеблишмент относится отрицательно к нашей затее. 20 апреля Бутман и Паша Корен отказались участвовать в плане Дымшица. Бутман, выходя из "игры", посоветовал Дымшицу привлечь к самолетному побегу нескольких неевреев, "чтобы не торчали еврейские уши". Я не был согласен с ним: операция должна носить подчеркнуто еврейский характер. Поэтому я возражал против участия в ней

диссидентов Юрия Федорова и Алексея Мурженко, бывших политзаключенных, друзей Эдика. Тем не менее они вошли в группу побега. Таким образом, в предстоящей операции "Свадьба" из ленинградцев никто кроме Дымшица и его семьи не участвовал. Из рижан - Толя Альтман, Мендель Бодня, Вульф, Израиль и Сильва Залмансоны, Борис Пэнсон, Арье Хнох и его жена, а моя сестра, Мэри, Эдик Кузнецов и я. Из москвичей - Мурженко и Федоров.

Между тем, жизнь шла своим чередом. Приближался Песах, праздник Исхода, который мог стать преддверием моего собственного исхода из Союза. Первый день праздника совпал со столетним юбилеем Ленина.

До революции, в 1903 году, в доме, где мы жили, происходил съезд латвийских социал-демократов, на котором присутствовал Ленин. Поэтому теперь наш дом объявили "ленинским" и с "ленинской помощью" его подремонтировали, покрасили, провели теплую воду. Для восстановления исторической обстановки прорубили второй выход во двор. Для меня это было очень удобно: я проходил через три двора и выходил на другую улицу. Теперь никто не смог бы меня выследить. В свой "ленинский" дом я притащил свежую порцию самиздата - книгу Солженицына "В круге первом", переснятую на толстую фотобумагу. Она весила несколько килограммов. Благодаря этой книге я узнал для себя много полезного о следствии, следователях и лагерной жизни. Все это могло пригодиться - ведь я вполне серьезно готовил себя к худшему. Да, готовил. Я даже заучивал даты еврейского календаря, чтобы в тюрьме знать, на какие числа приходятся еврейские праздники.

А пока я дома. Отец вел первый седер¹⁶, мой последний седер в отцовском доме.

В синагоге я познакомился с двумя молодыми евреями, приехавшими из Америки, где они преподавали в еврейской школе. Мы с Гординым показывали им Ригу. Во время прогулки они тревожно озирались по сторонам, подозревая в каждом прохожем и пьяном агента КГБ. По-видимому, их предупредили, что возможна слежка. Но тем не менее прогулка по Риге состоялась. Мы показали им Рижское гетто, где теперь в покосившихся домиках жили русские. Нигде не было ни одной мемориальной доски, напоминавшей о страданиях и гибели евреев. Мы проходили через городской сад, разбитый на месте синагоги. Фашисты сожгли ее вместе с находившимися там евреями. Я показал гостям и дом, в котором мой дядя прятал когда-то фамильные ценности. Его жена погибла в Освенциме, а он чудом выжил и после войны сумел перебраться в Штаты. Мой отец не нашел спрятанные в печи ценности - в доме давным-давно жили чужие люди. Прощаясь с американскими парнями, Менахем спросил их, почему они не переселяются в Израиль. В ответ мы слышали что-то неопределенно туманное, вроде: "Когда тяжело - легко, когда легко - тяжело".

Один из них и по сей день живет в Америке. Мне это трудно понять. А тогда мы обменялись подарками: я подарил им фото Румбуле, а они мне - чеканный брелок с изображением колен Израилевых. Лет пять назад я был бы счастлив, получив такой сувенир. Но теперь я нуждался в другом - в учебниках иврита и еврейской истории.

Второй седер я вел у Шпильберга. Собралось около пятидесяти человек из разных городов Советского Союза. Соорудили столы из досок. Израиль Залмансон унес их с военного склада и едва не попался, но все обошлось благополучно. Ева, моя сестра, принесла цимес и гефилте фиш, которые она готовила всю ночь. Увы, только еда и удалась. Многие на седере присутствовали впервые. Чтение Агады казалось им ненужной и скучной процедурой. Не дождавшись окончания, они навалились на еду и завели посторонние разговоры. И это участники национального движения!

Я продолжал заниматься делами организации, хотя весь был нацелен на побег. В Ригу приехали из Ленинграда Коренблит и Богуславский, а из Москвы - Малкин. Предстояло обсудить третий номер "Итона". Он начинал наполняться необходимым содержанием: актуальной информацией о положении евреев в СССР и различными документальными материалами, письмами и заявлениями, обращенными в советские партийные и государственные органы и на Запад. В Москве приступили к выпуску аналогичного издания - "Исход". Его основатели пришли в сионистское движение из правозащитного и поэтому писали в принятой у "демократов" манере балансирования на грани дозволенного. Однако мы называли вещи своими именами, открыто выступая за право выезда. Советская власть, с одной стороны, и Запад, с другой, должны наконец услышать и понять, что еврейство в Советском Союзе живо и оно борется.

Второго мая в Румбуле состоялся митинг, посвященный восстанию в Варшавском гетто. Я не выступал, чтобы не привлекать к себе внимания гебешников. По предложению Бори Пэнсона мы из желтой бумаги вырезали несколько сотен маген-Давидов для раздачи собравшимся. Но их не решались брать. Тогда мы первые прикрепили к своей одежде шестиконечные звезды, и вскоре их все разобрали, многим даже не хватило. Так же обстояло дело и со сбором подписей под требованием разрешить еврейскую театральную самодеятельность. В начале пятидесятых годов в Риге было несколько еврейских ансамблей. Потом их закрыли. И вот теперь мы начали кампанию за их открытие. Но евреи боялись подписывать обращение к властям города. Тогда наша семья подписалась первой, а после этого моя сестра Мэри собрала несколько сотен подписей. Не обошлось и без курьезов. В самый разгар сбора подписей к нам прибежал еврей и умолял вычеркнуть его фамилию. Он не спал всю ночь. Мало ли что может случиться - лучше не надо! Так запуган советский человек. Чтобы просить разрешения петь на идише, тоже нужно мужество.

Судьба Мэри меня тревожила. Ее жених, Арье Хнох, участник предстоящего побега, хотел взять ее с собой. Я был против. Слишком велика опасность. Решили, что он женится и, если все пройдет удачно, пошлет ей вызов.

В Лаг баомер¹⁷ справили свадьбу. Все собрались за праздничным столом. На этой свадьбе я в последний раз сидел в кругу семьи. Поднял тост за свадьбу, за новобрачных и за благополучное прибытие в страну. Веселился я на свадьбе от души, даже пел, хотя начисто лишен музыкального слуха.

На торжестве присутствовали почти все участники предстоящей операции "Свадьба". Не было только Эдика с Сильвой - они отправились в Ленинград на разведку. Результаты неутешительны: самолеты привязаны друг к другу цепями, а ночью аэродром охраняется часовыми с собаками. Да... Шансов на успех мало. Я включил магнитофон и под песни Шестидневной войны крепко задумался. Точно меня за ноги вытащили из самолета, который держал курс на Израиль. Неужели оставаться здесь, в Союзе?

Через несколько дней приехал Дымшиц. Мы вновь принялись искать новые возможности побега. Пока мы их не видели. Между тем Арье Хнох заявил, что теперь, как муж Мэри, он берет ее с собой. Его поддержал Эдик: ведь с Марком летят жена и дочери. Но я представил себе горе родителей, если с Мэри что-нибудь случится. Поэтому, когда речь зашла об участии в побеге моих двух других сестер, Ривки и Евы, я категорически высказался против. Я готов рисковать собой, но ими - никогда.

В начале июня Марк сообщил, что появился новый шанс на угон самолета. Из маленького аэропорта "Смольный" под Ленинградом вновь открылись полеты АН-2 в Приозерск - пограничный с Финляндией город. Сразу же созрел план действий: скупаем все билеты на самолет. Двенадцать мест - двенадцать билетов. После посадки в Приозерске, когда пилот откроет кабину, чтобы выйти, двое наших будут стоять по обе стороны двери и свяжут ему руки. Второй пилот, сидящий спиной к выходу, не успеет вынуть револьвер - его тоже свяжут. Обоих летчиков мы вытащим из самолета, уложим в спальные мешки и оставим в лесу, укрепив над ними брезент с надписью: "Груз военно-воздушных сил". После этого мы возьмем на борт тех, кому не хватило мест в самолете. Дымшиц сядет за штурвал и на высоте, вне досягаемости радаров, направится к финской границе, пересечет Финляндию, Ботнический залив и приземлится в Бодене, в Швеции. Самолет полетит со скоростью 180 километров в час. Продолжительность полета - шесть часов. От Приозерска до границы всего десять минут. Значит, советские истребители не успеют подняться в воздух. Если начнется погоня, то мы сядем прямо на шоссе в

Финляндии, а потом сразу же поднимаемся в воздух, чтобы сбить преследователей с толку. Если погони не будет, а просто запросят по радио, мы ответим, что самолет захватила группа террористов, пилот вынужден подчиниться их требованиям, так как на его борту женщины и дети. Это, кстати, было бы чистой правдой.

Ребята поверили в успех операции. Фантастический план, разработанный в деталях, казался реальным. Я настоял на том, чтобы Дымшиц на случай схватки с пилотами взял с собой самодельный револьвер, а мы - дубинки и кастет. Летчики на пограничных трассах имеют при себе оружие. И мы, следовательно, имеем право с оружием в руках отстаивать свою свободу. Тем более, что в самолете окажутся только свои, не будет посторонних, которые могли бы невинно пострадать. Нас поставили перед необходимостью насилие ответить насилием. Поэтому свои действия мы не рассматривали как акт воздушного пиратства.

Восьмого июня в лесу Шмерли мы в последний раз обсудили план побега. По моему предложению Мэри с мужем не вошли в группу захвата, а ждали нас в Приозерске. Вместе с ними туда направлялись Сильва и Боря Пэнсон. Остальные входили в группу захвата. Моя задача: помочь Менделю Бодне, спортсмену-борцу, связать первого пилота. Израиль Залмансон и Эдик Кузнецов должны справиться со вторым пилотом. Я написал текст "Завещания" (Обращения) о причинах, толкнувших нас на этот отчаянный шаг. Если мы погибнем или нас арестуют, "Завещание" нужно предать гласности.

В лесу вокруг нас слонялись посторонние. Мы смеялись, что за нами, должно быть, следят. Почему-то слезку мы тогда не воспринимали серьезно. Было смешно, что Мэри с Арье ехали на попутной милицейской машине. Все это игра, но игра с огнем. Когда мы возвращались домой, Цви, друг детства Арье Хноха, спросил:

- Тебе не кажется, что не все у вас продумано до конца?

- Оно и хорошо, - беспечно ответил я, считая, что на смелый шаг толкает не разум, а вера.

Цви как-то странно посмотрел на меня, очевидно, подумав, что не стоит связываться с такими легкомысленными людьми. И, действительно, после нашего "совещания" в лесу он уехал на Балхаш и в Ригу так и не вернулся.

Я попросил Дова Ригера предупредить всех членов комитета о предстоящей операции и о необходимости спрятать в надежных местах документы и

самиздат. Дату побега я не имел права сообщать. 13 июня первая группа в составе Сильвы, Мэри, Пэнсона и Хноха должна была выехать в Приозерск. Предвидя в дальнейшем обыск, я выносил из дома компрометирующие документы, материалы самиздата, а детали усилителя, которым мы пользовались в Румбуле, выбрасывал на помойку. Однако они немедленно исчезали, и я заподозрил что-то неладное. Очевидно, за мной следили. Спрятавшись за забором, я решил выяснить, кто это был, но никого не заметил и успокоился. Потом мы с Друком пошли к Арье Хноху проверить, все ли чисто у него в доме. Он уверял, что основательно вычистил все. Мы устроили "обыск", в результате которого одной золы выгребли несколько ведер: обнаруженный самиздат пришлось тут же на полу сжечь. Не лучше обстояли дела и у Сильвы. В ящиках стола валялись листовки, обрывки заявлений, черновики писем, самиздат. Я был обескуражен. Ведь каждая такая "находка" давала в руки следствия новые нити, открывала новые связи. Беспечность, видимо, объяснялась полной уверенностью в предстоящем успехе. Я был осторожнее, может быть, в силу своей недоверчивости. Я вынес из дома два чемодана литературы и надежно спрятал все на конспиративной квартире. Через Эльяшевича передал Эзре Русинеку "Завещание" в двух экземплярах и письмо, содержащее подробности плана угона самолета и нашего бегства на нем. Кроме того, в письме перечислялись лица, посвященные в наш план. О последнем документе знал только я, чтобы в случае провала можно было установить его причину.

Я размышлял о мотивах такого отчаянного поступка, как тот, на который мы отважились. Один из них заключался в чувстве принадлежности к еврейству и в вере в Б-га, другой - в свойствах характера, приводящих человека к расторжению связей с обществом, которое ему чуждо и враждебно. Какой мотив преобладал в моем случае? Я хорошо учился, работал, имел верных друзей... Пожалуй, решающей была для меня первая причина. Я действовал прежде всего как еврей. А остальные? У каждого своя причина, у некоторых сочетались обе.

Утром 14 июня я встал рано. Все было в последний раз: и домашний завтрак - хлеб с творогом, и стол, за которым спокойно сидел отец... Ни словом, ни жестом я не смел выдать себя, дать понять, что, может быть, мы больше никогда не увидимся. Я ушел, не оглядываясь...

Был день выборов в местные советы, когда по условиям советской игры в демократию одна-единственная кандидатура проходит непременно, при любом числе голосов. Голосовать обязаны все. Агитатор, общественный дежурный, не может уйти домой, пока на его участке не проголосуют все избиратели. К вечеру он обегает квартиры еще не проголосовавших и умоляет сходить на избирательный участок, проголосовать. Чтобы избавить отца от

посещений агитаторов, я заранее взял так называемый открепительный талон, дающий право голосовать в другом месте. Чаще всего им пользуются, чтобы не ходить на выборы вообще. Так я и сделал. Объяснил, что уезжаю к другу на свадьбу. Это было почти правдой. Ведь нашу операцию мы назвали "Свадьба".

В магазине я купил сухари, шоколад и бутылку кефира. Если самолет приземлится в Финляндии, которая имеет договор с СССР о выдаче перебежчиков, то нам придется идти лесом в Швецию. Пришел к Залмансонам. Вульф и Израиль посмеялись над моим "продуктом", кефиром. "Коньяк и водка для такого случая подошли бы больше", - шутили они, но я защищал свой любимый напиток. Вульф Залмансон внутрь радиоприемника спрятал свое прощальное письмо к отцу: будет менять батарейки - найдет. Однако на следующий день письмо нашли сотрудники КГБ, производившие обыск.

Время шло. Мы вызвали такси - в аэропорт. Из окна машины я вел наблюдение за улицей. Играл детектива. Но игра вдруг приняла серьезный оборот. За нами неотступно следовала "Волга". В ней сидел начальственного вида мужчина в синем костюме. На железнодорожном переезде наше такси задержалось у шлагбаума - проходил поезд. Мужчина в синем вышел из машины, направился в диспетчерскую будку, а затем, когда шлагбаум подняли, сел в свою "Волгу" и поехал вслед за нами. Так мы и доехали вместе. Я поделился своими подозрениями с ребятами. Они посмеялись над моей шпиономанией. Но войдя в салон самолета, я обнаружил "синий костюм" впереди себя. При посадке в Приозерске с нашим самолетом что-то случилось. Моторы работали вовсю, а пассажиров не выпускали. Примерно через час из кабины вышел пилот и объяснил, что не может остановить моторы. Странно: ведь достаточно отключить подачу бензина. Не слишком ли много странностей для одного дня?

Наконец подали трап. Я бегу за такси. Наша встреча с остальными членами группы назначена на пять часов. Мы опаздываем. У входа в зал ожидания сталкиваюсь с Ригером. Он возвращается из Ленинграда в Ригу после очередного заседания координационного комитета. На ходу бросаю ему "леитраот" 18, надеюсь, что он поймет, зачем я здесь и куда собираюсь. Но он не догадывается. На стоянке такси огромная очередь. Снова задержка! Вот и "синий костюм"! К нему подруливает "Волга", и он отчаливает на ней с видом человека, исполнившего свой долг.

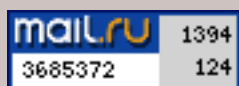
Мы едем в такси по городу. Высокое серое здание. "Управление КГБ", - поясняет шофер. "Надо как-нибудь сюда заглянуть", - шучу я в ответ, не предполагая, что эта моя шутка окажется роковой. Назавтра я действительно попаду в этот дом и пробуду в нем довольно долго.

Замкнулось первое звено. Впереди целая жизнь, полная невероятных, с точки зрения моего прошлого, событий. Впереди мир тюрем, лагерей, этапов, незабываемых встреч и необычайных судеб. Но главным для меня станет встреча с самим собой, познание себя и постижение воли Б-га.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

Йосеф Менделевич

Операция "СВАДЬБА"

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
 =СИОНИЗМ =

Глава вторая: СЛЕДСТВИЕ И СУД

Я вздрогнул от неожиданности: на противоположной стороне аллеи Герцля, в центре Иерусалима, 20 октября 1981 года стоял и озирался по сторонам мой старый знакомый Леша Сафронов. По всем моим подсчетам получалось, что место ему сейчас за тысячи километров отсюда, в уральских лагерях для политических. Но за Лешей водилась давно уже мне известная способность перевоплощаться - быть одновременно везде и нигде. Тогда, около двух лет назад, возвращаясь тайком с утренней молитвы, я прямо перед собой лагерного забора увидел Лешу в его линялой майке. Но в тот раз оказалось, что это был вовсе не Леша, а лагерный сварщик, Василий, который по неясной причине позволил Леше принять свое обличье. Можно, конечно, допустить, что в ранних сумерках, да еще без очков я просто обознался. Но теперь, в Иерусалиме?.. Опять видения прошлого? Леша - мой сокамерник. За все десять с лишним лет наших совместных скитаний по лагерям и тюрьмам я так и не мог привыкнуть к загадочности его русско-татарской природы. Томил он меня ею. Отец наш небесный не случайно поместил Лешу рядом со мной: мне предстояло смотреть и поражаться, как подделка трудно отличима от подлинника, и приложить столько усилий для того, чтобы самому не стать подделкой. Ведь мало решить "быть хорошим" и даже недостаточно иметь силы, чтобы выполнить это решение. Надо еще точно представить себе, каким именно ты хочешь быть. Иными словами, нужно в деталях "вычертить" и "построить" себя. Нужно иметь план храма, который предстоит воздвигнуть в душе.

...Конечно, оказавшись в камере, я первым делом вспомнил о тех, кто сидел в сталинских лагерях до меня. Ведь если они выдержали, то и я смогу!.. Бросившись плашмя на койку, перебирал в памяти всех своих знакомых и забылся в полусне.

Очнулся к полудню. Лежу на сыром соломенном матраце, покрытом грязными пятнами. Солнечные блики на черном асфальтированном полу. И снова мысли -

как вести себя в непривычных условиях.

В школе мы проходили о революционерах, томившихся в царских тюрьмах. Их виновность была доказана. Желябова, например, повесили за покушение на жизнь царя; великого вождя пролетариата Ленина посадили за антиправительственную деятельность. В соседней с моей камере, в которой он содержался, - письменный стол, книги и шахматы. Ленин имел право выходить в коридор и беседовать с товарищами по заключению. Но при социализме в тюремном деле произошел большой прогресс. Письменного стола и книг у меня, конечно, нет. Зато в камеру втиснута тумбочка для хранения продуктов, а для удобства, рядом с тумбочкой - металлический унитаз. В тюрьме, как и во всей стране, жилплощади не хватает. Поэтому в бывшую одиночку ставят две, а то и три койки. Времена не царские. Выйти из камеры нельзя. Она весь день заперта. А как хотелось бы понабраться опыта у арестантов!

Пока меня специально держат одного. В первые дни это особенно тяжело угнетает. Но как в классических романах общаются друг с другом заключенные? Перестукиваются через стенку. Подхожу к стене и стучу. Сквозь откинутый глазок двери раздается:

- Отойди от стены. Перестукиваться запрещено. Все равно там никого нет.

- Да я не стучал, так только...

- Стучал, стучал. Хоть лоб разбей - пользы не будет. Сиди тихо. Скоро обед принесут.

И я сижу тихо, потом вскакиваю и начинаю ходить взад и вперед по камере. Пусто, голо, тоскливо. Под самым потолком - маленькое оконце, закрытое тремя рядами решеток. Первый ряд - царские; второй - сталинские; третий - хрущевские. От каждой эпохи по одному. Через них видны клочок неба, угол крыши соседнего дома и воркующие голуби. Сколько можно на все это смотреть? Мне, должно быть, чужда созерцательность. Постоял, посмотрел - и отошел. Не то, что другие, - те часами могут наблюдать за игрой молодых голубей. Мне же нужна пища для мозга, а не для глаз. Интересно, сколько сейчас времени? Часов нет. Их при обыске отобрал начальник тюрьмы: "Курские? Давно не видел этой марки!" - Вернулись они ко мне только через одиннадцать лет. Определять время по солнцу? Но солнце в камере только с утра. Ставлю кружку под кран и считаю до шестидесяти. Это минута. Повторяю так шестьдесят раз и отмечаю сколько набралось в кружке воды. Теперь каждый час выливать воду - и можно знать время. Но это только в теории. А на практике - кран неисправный, и вода вытекает из него неравномерно. Да и

утомительно следить. Поленился - и остался без часов. Пусто и тихо в огромной тюрьме. Все притаились - и заключенные, и тюремщики. Все перевернулось в моей жизни. Тишина - это только обман, попытка следствия создать для меня другое пространство и время, мир с другими понятиями чести, верности и веры. Коварная тактика. По сути дела - настоящая лаборатория, где ставится грандиозный эксперимент модификации человеческого сознания. Я - объект опыта. Меня не пытаются и не бьют, меня просто переместили в иное измерение и в иной мир, не похожий на мой и не приспособленный к человеческой природе. Да, это тишина опытной камеры, в которой каждая деталь тщательно продумана. Желтый цвет стен и потолка, конструкция тюремной двери с ее маленьким оконцем; полная изоляция. Можно сойти с ума, если внутри тебя нет мира, который ты можешь противопоставить этому искусственному и нечеловеческому.

Беда в том, что я еще не знаю своих сил. Поэтому и спрашиваю себя: как выдержать? Как?.. Но нельзя задавать таких вопросов! Это ошибка! Нельзя сомневаться в себе! Нужно сказать: выдержу! Иначе быть не может!

Этот нехитрый секрет открылся мне не сразу. Понадобились долгие годы тюрьмы. Постоянно взвешивать свои возможности и сомневаться в себе - значит уменьшать свои силы. Знать, что выдержишь, значит выдержать. Не бояться по-настоящему можно лишь тогда, когда знаешь, что Б-г - твой спаситель и твоя надежда. Как я жалел тогда, что не взял с собой маленький Танах¹ и Сидур²! Боялся: если найдут при обыске, будет лишняя улика. Кипу я положил в рюкзак. Но ведь я не признался, что рюкзак мой, и теперь я никак не мог ее получить. Старую карту Иерусалима отобрали сразу же при обыске. И вот я остался без всего. Да, совсем забыл! В мешке у меня было еще полкило шоколада и две пачки ванильных сухарей. Ребята, наверно, уже получили свои вещевые мешки и теперь делятся продуктами с товарищами. А я голоден и одинок. Да что они в этой тюрьме, вымерли, что ли?!

Колочу в дверь. Через кормушку с трудом просовывается голова надзирателя. Высота кормушки - сантиметров двадцать, не больше.

- Стучать запрещено. Что надо - нажми кнопку!

И, действительно, смотрю - есть кнопка. Нажимаю. Не звонит. Из стены выпадает металлический штифт. Надзиратель шепотом:

- Чего хочешь?

- Книги!

- Какие?

- Талмуд, Танах, Сидур...

Он впервые слышит такие диковинные названия и молчит.

- Может, у вас есть учебник еврейского языка?

- Ничего такого нет. И вообще, через два дня придет библиотекарь - даст что-нибудь.

Приносят еду: суп, вареный картофель, кусочек рыбы, граммов в пятьдесят. Суп подозрительный. Свинина? А картошку, видно, приготовили без всяких жиров. Поел. Немного полегчало. Хожу по камере, размышляю. Ох, лучше бы не думать! Представляю, что творится сейчас в Риге, дома... Что мой обыск по сравнению с ужасом домашнего кошмара? Пустяки! Раздели, обшарили, а там...

...Рано утром звонок в дверь. Папа открывает. Входят двое в штатском, предъявляют удостоверения сотрудников КГБ и ордер на обыск. - "Ваш сын арестован по обвинению в совершении особо опасного государственного преступления: измена родине посредством бегства за границу..."

Нет, не уберег я отца, его больное сердце, от этого несчастья. Вот чужие руки лапают наши домашние, согретые семейным теплом, вещи. Как хотел бы я, чтобы отец не так сильно любил меня, чтобы потеря была не так тяжела для него! Знал бы я тогда, какие силы Б-г пошлет моему отцу в эти часы испытаний, мне было бы легче. Мой папа после тюрем и инфарктов вдруг как бы помолодел в горе. Он встал на мое место. Вера в Б-га и любовь ко мне сделали его сильным. А я отчаивался в неведении, не в силах проникнуть в Б-жий замысел... Я поклялся иметь много сыновей и не проявить отцовской слабости, если им придется идти в бой. Я весь был в мыслях о доме.

Но вот захлопали кормушки. Слышу: "Отбой!" Ночью свет в тюрьме не гасят. Ложусь на койку, закутавшись с головой в одеяло - так привык с детства. Надзиратель через кормушку, словно только того и ждал:

- Накрывать с головой запрещено!

- Тогда потушите свет, бьет в глаза!

- Нельзя, а вдруг ты ночью сбежишь?

Свет бьет в глаза, от него не спрятаться. Настоящая пытка. Но усталость берет свое, я проваливаюсь в сон.

Утром возвращают очки. Приносят фунт хлеба и сахар - с наперсток. Затем прогулка. Впервые гуляю в тюрьме. Прогулочный дворик - узкая камера с решеткой вместо потолка. Я один. Каждый заключенный гуляет в своем дворике. Наверху расхаживает охранник. Следит за тем, чтобы не переговаривались и не передавали записок. Нарушителей лишают прогулок. Заниматься гимнастикой можно. Раздеваюсь до пояса. Начинаю бегать: двадцать шагов вперед, двадцать назад. Так бессмысленно мечется зверь, запертый в клетке. Прошибить бы стены головой. Вырваться бы в Израиль! Темп моего бега нарастает. Мечусь как загнанный зверь, и вдруг окрик: "Прекратите бегать! Ходите спокойно!" Валюсь на скамейку. Где ребята? Как связаться с ними? Прислушиваюсь. Ни звука. Начинаю тихонько напевать: "Хевену шалом алейхем..." Самый популярный мотив в Риге. Никто не откликается. И я решаю: пока я здесь, в ленинградской тюрьме, нужно добиться ответа. Безрезультатно! Лишь один раз мне почудился женский голос. Сильва! Я запел громче. Надзиратель немедленно лишил меня прогулки. Четыре стены окружают огромную тюрьму, и ни к одной не прислонишься! Нет ни души, чтобы согреться! Как все уныло и однообразно!

Но вот и разнообразие! Конвой ведет меня длинными извилистыми коридорами в кабинет следователя. Тот сидит за большим столом под неизменным портретом Дзержинского. Меня сажают за маленький стол в углу комнаты. Столик вместе со стулом привинчен к полу, чтобы никто не мог во время допроса запустить эту "мебель" в следователя. Представляется:

- Майор Попов. Следователь по особо важным делам.

Разглядываю его: немолод, внешность невыразительная. Держится сдержанно, сухо. Голос негромкий. Словом, не производит отталкивающего впечатления. Отличается от первого, молодого и напористого, с которым на аэродроме я отказался разговаривать. Тот верил в затверженные догмы, а этот какой-то усталый скептик. Но все это на первый взгляд. Довольно скоро я уловил злое выражение его тонких губ и жесткий блеск глаз за толстыми линзами очков. Одна дужка была сломана - не хватало времени починить. Может, специально носил очки со сломанной дужкой, чтобы этой житейской деталью расположить к себе подследственного? Не знаю! При мне он договаривался с приятелем съездить на охоту. Охота в Союзе - дорогое развлечение, и позволить себе его может не всякий. Следователь в ранге Попова, конечно, человек не бедный: и зарплата высокая, и закрытые магазины, и особые привилегии.

Говорят, что капитан Мамалыга, занимавшийся делом Якова Сусленского, в рабочее время названивал знакомым евреям: "Наум, я пришлю человека за колбасой..." "Мойше, у тебя есть икорка?.." Естественно, что все он получал бесплатно. Не стоил денег и отдых на курорте, где он жил у еврея, которого спас от суда за спекуляцию валютой. Этот проныра и жулик во время допросов любил поучать Якова: "Вот ты всю жизнь мучаешься, справедливость какую-то ищешь. И чего добился? А я высокую должность имею и живу..."

Подобные рассуждения выводили Якова из себя, а следовательно это доставляло двойное удовольствие: показать свое умение жить, превосходство над заключенным и психологически травмировать человека, высмеивая моральные ценности, из-за которых того посадили за решетку.

Майор Попов заявил мне на первом допросе:

- Вы скрываете имена своих сообщников потому, что боитесь ответственности.

Конечно, на воле, до ареста, мы подробно обсуждали, как следует вести себя на допросах. Мы знали от Эдика Кузнецова, что сейчас пыток к политическим не применяют. Самое простое, как мне тогда представлялось, - отказаться от показаний вообще. Не называть имен, чтобы не повредить никому. Незадолго до моего ареста в Риге по рукам ходила машинописная памятка "Как вести себя на допросах". Ее написал Александр Есенин-Вольпин, сын Сергея Есенина. Автор, математик по специальности, со скрупулезными подробностями описал все, что может произойти на допросах, и дал массу ценных советов, почерпнутых из собственного опыта.

...Итак, мой первый допрос. Кроме Попова присутствует начальник следственного отдела в чине полковника и прокурор. В любом правовом государстве, в том числе и в советском, существует "презумпция невиновности" подозреваемого. Это значит, что человек считается невиновным, пока его вина не доказана. Помимо того, обвиняемый имеет право не давать показаний. Однако не все советские граждане знают об этом. Поскольку адвокат не имеет доступа к подследственному, а последний не знает советских законов, он нередко оказывается игрушкой в руках следователя. Тот обычно вымогает признание у заключенного, внушая ему, что его первейшая обязанность говорить все, что знает по делу, даже если это ему во вред. За отказ сотрудничать со следствием или, как говорится в таких случаях, "помогать" следствию, угрожают еще более суровым наказанием, чем полагается по предъявленной статье обвинения.

- Менделевич! Почему отказываетесь давать показания?

- Насколько мне известно, мое право не давать показаний согласно "презумпции невиновности".

- Так! Начитались юридической литературы. Это лишь подтверждает предъявляемое вам обвинение в преступной деятельности. Вы готовились к аресту, значит понимали, что ваши действия преступны. По-видимому, вам знакома запрещенная книжица Есенина-Волыгина "Как вести себя на допросах". А это свидетельствует о ваших преступных интересах. Ваш отказ чистосердечно рассказать следствию правду может лишь увеличить меру наказания, так как доказывает вашу нелояльность к советским органам власти.

- Учтите, Менделевич, что по статье, которая вам предъявлена, предусматривается самое суровое наказание - вплоть до смертной казни. Поймите, что отказываясь от дачи показаний, вы рискуете жизнью.

Быть расстрелянным за неосуществленный побег из России! Такая перспектива не слишком радует. Следовательно нарочно давит на меня своей извращенной логикой и волчьей кровожадностью. Возможно, так сломали членов ленинградского сионистского комитета, которые обвинялись в подготовке побега за границу, хотя на самом деле никто из них не был посвящен в последний, рижский вариант.

- Если вы утверждаете, что мне грозит расстрел, тем более нет смысла давать показаний!

Но задача следствия - заставить тебя говорить. Более того, тебе дают возможность начать с явной лжи и при этом делают вид, что верят, - лишь бы ты заговорил, завяз поглубже. Сначала ты просто отделяешься от назойливых вопросов. Потом, чтобы ложь выглядела убедительно, добавляешь к ней несколько правдивых фактов. Приходит день, когда следователь с обычной официальной улыбкой обращается к тебе:

- Иосиф Мозусович, есть некоторые несообразности в ваших показаниях. Давайте разберемся!

Таким образом, он оставляет вам надежду, что игра может быть продолжена, - стоит только чуть сдвинуть показания, приблизить их к тем, которые нужны следствию. И игра, действительно, может продолжаться, только всегда в пользу следователя. Счастлив тот, кому Б-г дает силы остановиться и сказать: "Нет, в вашу игру играть не стану! Делайте со мной, что хотите!"

Во время следствия часто происходят странные вещи: мужественные и

замкнутые люди вдруг становятся робкими и разговорчивыми, даже тогда, когда без особого труда можно было бы промолчать.

В лагере часто обсуждают этот "феномен податливости". Предполагают даже, что в пищу заключенных добавляют химические препараты, ослабляющие волю подследственных. Но, по-моему, все обстоит проще. Страх перед КГБ, вселяемый в советского человека с детства, ломает его еще до допроса. А впереди у заключенного не героическая открытая схватка, а прозаическая ежедневная рутина следствия, требующая от него упорства и сопротивления.

Все это происходит на фоне полного отрыва от привычной жизни. И надо не сдаваться, не забыть, во имя чего ты шел по такому опасному пути. Без веры в справедливость своего дела теряется чувство реальности....Ты без газет, без писем, без вестей из дому. И, может быть, все о тебе давным-давно забыли. Ты один. Один на один со следствием.

Утром просыпаешься от окрика: "Подъем!" Быстро вскакиваешь. Чуть замешкаешься - наказание. В каменной камере холодно даже в июле. Раздают очки, отобранные на ночь. Какой-то бедолага ночью покончил с собой - проглотил стекла от очков. И теперь у нас их отбирают на ночь. Запрещается также укрываться с головой во время сна: а вдруг ты под одеялом перережешь себе горло или удавишься полотенцем. Оттого и лампочка всю ночь брызжет на тебя светом - может, тебе вздумается в темноте наложить на себя руки каким-то другим способом!

...Итак, раздают очки. Мне по ошибке выдали очки соседа. Это новость для меня. Очевидно, тот, кто рядом, носит очки. Пытаюсь вспомнить, у кого я видел похожие на эти. Не могу. Ведь у всех у нас одинаковые очки унылого советского производства. Надо торопиться. Еще минута - и надзиратель заберет их. Потом раздача сахара, хлеба, черного как уголь, и кипятка. Эта пища напоминает заключенному, что он еще числится в списках живых. О нем не забыли: вот вода, хлеб, сахар!

Вызов к следователю и приход надзирателя тоже говорят ээку о том, что о нем помнят. И ээк может даже обрадоваться: на какое-то время исчезает могильная непроницаемость тюремного бытия. Эти твои враги - живые люди, явившиеся из отнятой у тебя жизни... Еще совсем недавно я ненавидел стены своей камеры. Они были для меня символом несчастья. Теперь я превратил их в своих друзей. Я заключил союз с железной дверью и асфальтированным полом, с подоконником и стеной. Отковыряв кусок кирпича, я написал на стене: "шекет" - спокойствие. И теперь три буквы родного языка обязывают меня молчать. Они поддерживают меня.

В чем еще я могу найти поддержку? В размышлениях о еврейской истории. В молитве. Молитвенника нет. Но я составляю свою молитву - за весь еврейский народ, а в конце - за здоровье отца и мое избавление из плена. Я не знал, в какой стороне Иерусалим, и молился у окна, глядя в небо. Боль заточения, всю силу своей веры изливал я в молитве. И чем горячее молился, тем сильнее укреплялась надежда на ее исполнение. Перед всеильным Отцом я был прост, как ребенок, и разговор мой с Ним был без посредников.

На воле я не изучал Тору. Если бы я с детства занимался Учением, мне было бы легче в тюрьме: я жил бы в духовном мире, недоступном для посторонних, и мой образ мысли был бы еврейским. Я молился, желая избавиться от всего наносного и чужого. Недаром и теперь мне вспоминается Леха - пример российского непосредственного, не политического, а нутряного протеста. История его ареста столь же трагична, сколь и нелепа. Два молодых солдата советского гарнизона в Восточной Германии ограбили буфет, закрылись и никого туда не впускали. Такую странную форму приняла их попытка бежать на Запад. Им, очевидно, так захотелось вольготной жизни, что начали они ее тут же, в буфете, держа на прицеле насмерть перепуганную буфетчицу. Расплата за сиюминутное желание пришла по крупному счету. Советско-немецкий военный патруль оцепил здание буфета и потребовал сдаться. Ответом был огонь из двух "Калашниковых" - выпито было достаточно. В ходе перестрелки убили Лехинога напарника. Сам Леха в ужасе бросил автомат и сдался. Так четверть века спустя после окончания войны немцы взяли в плен сына русского полковника. Звание отца, я думаю, спасло Леху от расстрела. И теперь он ждал суда. Парень он симпатичный, веселый и добродушный. Но дурные наклонности давали себя знать на просторах его опустошенной души. Он растрачивал ее глупейшим образом. Этот мужественный и вместе с тем жалкий человек служил для меня как бы предупреждением.

Хорошо или плохо это - с детства понимать язык врага? Из-за двери до меня доносится разговор двух надзирателей:

- Как дела, Ваня? Опять неприятности?

- Да, ходил вот вчера в горисполком. Может, наконец дадут квартиру.

- А сейчас где живешь?

- В общежитии, в одной комнате с женой и двумя детьми. Уже пять лет, как из села приехал.

В большинстве своем надзиратели - деревенские парни, сбежавшие из колхоза.

Работа в тюрьме дает им неплохой заработок, питание по льготным ценам, бесплатное обмундирование, а в будущем сулит городскую квартиру. Но есть и другие работники тюрьмы - сыновья советских чиновников, студенты вечерних юридических институтов, отработавшие днем свой обязательный стаж "по специальности". Впереди у них дипломы и карьера в органах. Их узнаешь по заплывшим от ночной выпивки глазам, дорогим костюмам, по язвительному тону и дотошной въедливости при обысках.

Надзиратели бывают разные: молчаливые, подавляющие тебя своей угрюмостью, разговорчивые и даже приветливые. Этим последним и следует опасаться больше всего, чтобы не сболтнуть лишнего, не поддаваться искушению передать письмо на волю. Я-то, положим, не боюсь, и не только потому, что осторожен. Просто я думаю, что все мои друзья арестованы. Вчера в кабинете следователя я видел полуоткрытые чемоданы. (Нарочно их выставили, что ли?) Может, там был и мой с недопечатанной на машинке книгой о Шестидневной войне "Быстрый меч" - последняя работа нашей группы. А может, "Экзодус" Юриса? Чемодан, в котором хранился этот роман, еще в 1969 году закопал под Ригой друг Менделя Гордина, Борис Шперлинг. А может, обнаружен тайник, которым пользовались члены ленинградского сионистского комитета? Нет, наверняка какой-то командировочный следователь оставил здесь до вечера свое барахло!

Следователей понаехало видимо-невидимо. Даже из Сибири, за пять тысяч километров от Ленинграда! Погуляли за наше здоровье спецы из КГБ. Не будь нашего дела, его стоило выдумать, чтобы напомнить о своей полезности. Все за наш счет поживились - от генералов до сержантов. Каждую неделю охрана менялась. Охранники приезжали из Киева, Казани, Ярославля. Рижская тюрьма наконец-то получила деньги на ремонт, а ленинградской отпустили средства на покупку сотен метров ковровой дорожки. Она заглушала шаги надзирателей и позволяла им подслушивать разговоры в камерах. Дела идут хорошо, и надзиратель добрее. Почему же не пошутить с заключенным - источником его теперешних благ!

Воскресное утро. Нерабочий день. Надзиратель приказывает мне выйти. Сердце сжалось - куда? Заметив, что я побледнел, он, довольный собой, спрашивает:

- Что, испугался? Думаешь, небось, на пытки? Начитался всяких книжек! А у нас никого не пытаются!

Он привел меня в фотолабораторию, где меня засняли анфас и в профиль и сняли отпечатки пальцев, как у настоящего преступника.

Каждую ночь снится дом. Постоянно о нем думаю. Нервы напряжены. Бегаю взад-вперед по камере. Какой-то шум в коридоре. Хлопают двери. Вот открывают и мою.

- Покупать что-нибудь будете?

- Денег почти нет.

- Закажите на сколько есть.

От денег, одолженных у Сильвы, осталось пять рублей шестьдесят копеек. Это "на воле" на один день. Мне же предстоит довольствоваться этой суммой целый месяц, пока не сообщат родным, где я. Заказываю полкило хлеба и сто граммов сыра. Надзиратель смеется: "Что так мало?"

Ем хлеб с сыром, запиваю кипятком - блаженство! Как дома!

Вдруг открывается дверь - сам начальник тюрьмы, майор Круглов со свитой. Блестят погоны и медали - власти посетили мое скромное жилище.

- Вопросы есть?

Эти ничего не значащие слова я слышал потом не один год. Но тогда, впервые, разволновался: с чего это начальство явилось ко мне? Может быть, что-то изменилось в моей судьбе? Может, братья-евреи вспомнили о заточенном Йосефе и выкупили его из рабства? Нет, братья-евреи еще не знали толком о нашем деле и тратили драгоценное время на споры о том, как лучше помочь советским евреям: открытым давлением или тихой дипломатией.

Во всяком случае приход Круглова был для меня неожиданностью и поводом задать вопросы.

- Когда поведут в баню?

- Только через несколько дней.

- Можно писать письма?

- Запрещается.

- Когда мои родные узнают обо мне?

- Узнают...

- Можно ли получать газеты?

- Если будете хорошо себя вести на допросах и давать показания, следователь может разрешить.

- Можно работать? У меня нет денег на ларек.

- Работать не положено.

- Можно получать книги из тюремной библиотеки?

- Книги выдаются раз в десять дней. И вообще учтите: ваше положение в тюрьме зависит от того, как вы будете сотрудничать со следствием. Дадите показания - получите все, что надо.

Начальство удаляется. Взволнованный, я остаюсь в камере один. Нет, этот приход не зря. Что-то происходит там, события как-то развиваются. Но как? Как узнать? Выудить хитростью у следователя? Для этого надо заговорить с ним.

Словно разгадав мои намерения, на следующий день меня вызывают на допрос. Тот же майор Попов.

- Ладно. В сущности, мне ваши показания не нужны. Не хотите говорить о деле - давайте поговорим просто так. Я ведь зарплату получаю, обязан работать. А моя работа - допросы. Беседовать можем о чем угодно. Вот слышал, что вы знаток еврейской истории. Недавно я прочел книгу о восстании Иудеи против Рима. Очень интересно. Как это случилось, что Рим захватил Иудею?

- Ну что ж, на эту тему поговорить можно. Римляне впервые появились в Иудее в роли союзников, чтобы посредничать в споре между двумя наследниками царского престола...

Так начинается "непринужденная" беседа. Мой следователь уверяет, что он сам полукровка, а жена - еврейка. Я смеюсь над его наивными уловками добиться моего расположения. Он не настаивает, тоже смеется и переводит разговор на другую тему... Он прост в общении, далеко не глуп, пытается философствовать. Недаром он следователь по особо важным делам. Вдруг, внезапно, посреди беседы:

- А это где вы читали? Кто вам дал книгу? Шпильберг?

- Этого я вам не скажу.

- Хорошо, хорошо, продолжим разговор, - успокаивающе говорит он, и беседа продолжается.

Наконец он печатает протокол допроса, а потом дает мне его прочитать. Приучает подписывать. Я внимательно читаю. В тексте - детали, сведения, почерпнутые из нашей с ним беседы. Вдруг выплывает пара строк, которые он вписал от себя: что-то о подпольной сионистской организации, в которой я изучал иврит и историю. Отказываюсь подписывать - я такого не говорил.

- Но ведь это же правда. Зачем вы отрицаете?

- Вы сами сказали, что все равно мне расстрел. Что же вам еще от меня надо?

- Войдите в мое положение: мы провели с вами несколько часов. Начальство спросит, о чем мы с вами разговаривали? Что я скажу?

- Меня это не касается.

В общем это был сильный прием: следователь не стучал кулаком по столу, не кричал на меня, а вел "простую" дружескую беседу. Никого не надо было предавать - просто войти в его положение, и все. Ведь он такой же советский служащий, каким я был совсем недавно, и, кроме того, зачем отрицать очевидное? Надо лишь подтвердить то, что уже и так известно следствию, и то, что уже показали мои друзья... "Все они показания дают" - это капля яда на прощание. Есть над чем задуматься.

С допроса ведут в другую камеру. Она насквозь провоняла табаком. С койки навстречу поднимается высоченный тип, мускулистый и крепкий, лет шестидесяти. Крупное, костистое, словно волчье лицо. Серые волосы над низким лбом. - Иван Васильевич Морозов. Нельзя не оценить тюремного садизма: посадить в одну камеру молодого набожного еврейчика и бывшего фашистского полицая, обвиняемого в убийстве сотен евреев. Следствие по его делу закончено. Он ждет суда. Ждет уже многие месяцы и тоскливо воет: "Неужели расстреляют? Неужели расстреляют?"

Обо мне он наслышан давно: в первые дни после нашего ареста к нему в камеру посадили Алексея Мурженко. Тот не скрывал от него причины ареста. Ну, стало быть, и мне незачем прятаться. Теоретически известно, что надо

остерегаться соседей по камере: могут посадить "наседку", осведомителя. Но Морозов? Явный фашистский преступник сотрудничает с КГБ? Быть не может! "Дуралей ты, Йосеф, - сказал бы я теперь тому, новенькому. - А почему бы и нет? Ведь он до смерти напуган и мечтает выслужиться любой ценой, тем более - еврейской". Впрочем, он и не допытывался у меня подробностей. Целиком погруженный в свои воспоминания, он искал во мне не столько рассказчика, сколько слушателя. Его отца раскулачили в тридцатые годы и сослали вместе с малыми детьми на Печору, на Крайний Север. С детства на Иване клеймо: сын врага народа. Тут война, забрали в армию. Ну, ясное дело, окружение, плен, голодуха - даже кору с деревьев обгладывали. И вдруг немецкая комендатура объявляет: кто пойдет служить в спецполицию по борьбе с ворами и разбойниками, будет получать в день кило сала и два кило хлеба. Это ведь не просто служба, это спасение, сама жизнь - постоянный паек, шинель, теплая постель. Кто думал тогда о возмездии, небесном или земном?.. Красные в панике отступали. Тех, кто попал в плен, а потом чудом спасся от немцев и добрался до своих, объявляли изменниками родины. Казалось, Гитлер надолго, и, стало быть, надо устраиваться при новой власти. Вот и воевал с местными партизанами, которых немцы называли разбойниками. И вдруг все изменилось. Красная армия наступает, советские самолеты бомбят немцев. И снова нужно спасать свою шкуру. Полицаи перебили начальников и подались к партизанам. Да, видно, рано поменяли хозяина. После нового немецкого наступления Иван Васильевич попал в Маутхаузен. Когда лагерь освободили, предложили на выбор: Запад или Восток. И Морозов выбрал Восток, дом. Пусть даже наказание за службу у немцев... Не дураки ведь, поймут, что выхода не было. Главное - домой, на родину.

А дома, на родине, ждал суд и приговор - двадцать пять лет. Срок отбывал в Сибири. Там пригодилась наука военных лет - умение ладить с начальством. Он стал бригадиром, жил в тепле и в достатке. Умер Сталин. Пошла реабилитация. Спецкомиссия освободила его досрочно в 1958 году. Теперь вроде бы очистился от старых грехов. Но не тут-то было: через семь лет вспомнили старое. В 1965 году началась политическая кампания по выявлению скрывающихся нацистских преступников. Это напоминало пародию на истинный поиск преступников. Ее цель - дискредитировать Западную Германию, где почти каждый политический деятель, не исключая и социалистов, в той или иной мере был запятнан нацистским прошлым. Заодно это давало возможность напомнить миру о заслугах Советской России в войне и тем самым пресечь разговоры о нарушении ею прав человека.

- К тому времени, - рассказывал Морозов, - я работал на почте. Доставлял письма и посылки. Со всем начальством водился. Уважали меня сильно. Ежели бы до пенсии дотянул, большая была бы. Жена в магазине продавщицей работала, так что недостатка у нас ни в чем не было. Когда из лагеря вернулся,

решил: все детям отдам, чтобы горя не знали. Старший сын у меня - член партии, инженер, в Ленинграде живет. Дочь за полковником замужем. Телевизор своей старухе купил, да жаль - перед самым арестом сломался. Без меня кто ей по дому пособлять станет? Неужели расстреляют?

Так он рассказывал днем, а ночью ему снились сны, от которых он вскакивал, бегал по камере и кричал: "Да открой же ты дверь! Открой, тебе говорю! Сейчас, сейчас... А ты хватай топор, там, в углу... Бей его, бей его по голове... Черт возьми, сколько крови... Ну, тащи его, тащи сюда..." Нет, я в отличие от Йосефа не брался разгадывать его сны. Не мог. До того они были черные и жуткие. Что его мучило? Пролитая кровь евреев? Совесть? И его ли надо судить? А может, тех, кто истреблял свой народ и протащил Ивана Морозова через все перипетии его нелепой жизни? Тех, кто в одну камеру загнал еврея и антиеврея. Правда, он клялся мне, что не участвовал в расстреле евреев. Но поразительно: за долгие годы лагерных скитаний я не встретил ни одного полицая, который признался бы, что истреблял евреев. Кто же их тогда убивал? Кто?

Я молился. Морозов мне не мешал. Даже напоминал, если, по его мнению, я пропускал нужное время. Однако о нашем деле твердил одно: "Всех вас надо расстрелять! И летчика, и тебя, и всех!" А какую злобу испытывал он к Израилю! - "Вот придут арабы, они там всех перережут!" - нередко говорил он мне. Этот его бытовой антисемитизм поддерживался государственным и прежде всего прессой: "Израиль - агрессор, оккупант! Бегин - фашист и убийца!" Однажды, измотанный, я возвратился с допроса. Иван Васильевич оторвался от домино:

- Ну, что, не расстреляли еще?

- Пока нет.

- Расстреляют, расстреляют вас всех. И Израиль ваш разгромят. Жиды воевать не умеют. Вот придет русский солдат, и всем вам будет крышка!

"Хочет вызвать меня на драку, выслужиться перед начальством", - думаю я и на всякий случай отхожу к стене. Если потребуется, буду обороняться, но первым лезть в драку не собираюсь. А он продолжает как заведенный:

- Долго не просуществует ваш Израиль, увидишь!

Тут я взорвался:

- Не по зубам вам Израиль! Если бы Союз мог, давно бы его уничтожил. Но

никогда он не сможет уничтожить еврейское государство! Никогда! Все вы передохнете, а наш народ будет существовать вечно!

На следующий день я заявил следователю, что не пойду на допросы, если этого провокатора не уберут из моей камеры. Попов был заинтересован в продолжении следствия, и поэтому, вернувшись вечером с допроса, я обнаружил в камере другого человека. Сенью Барбакова. Не то цыган, не то еврей. Настоящий уголовник, растлитель малолетних, вор, валютчик. Трудно понять, почему он попал к политическим. Он утверждал, что его посадили за переправку в Россию из ГДР крупной суммы валюты. Думаю, что этот веселый рецидивист был специально подсажен ко мне в качестве "наседки". Так началось мое знакомство с уголовным миром. По советским законам "особо опасных государственных преступников", каковым я являлся, запрещается держать вместе с уголовниками. Закон этот нередко нарушают во имя "высших интересов". (В 1979 году начальник Чистопольской тюрьмы приказал посадить к Анатолию Щаранскому опасного рецидивиста Виктора Пяткуса. На протесты Щаранского ответили, что на совместное содержание в одной камере политического и уголовного преступников получено разрешение непосредственно из Москвы.)

Я выплескивал моему новому сокамернику Сене кое-что из моих допросных впечатлений. Измотанный дневным единоборством со следователем, я съедал оставленные мне на ужин тушеные овощи и садился играть в домино. Сеня рассказывал о своем детстве, о том, как во время войны жил в цыганском таборе, о степях, по которым скакали вольные цыганские кони. Но больше всего он увлекался рассказами о женщинах и пьянках - излюбленная тема разговоров в тюрьме. Я попросил его не говорить об этом. Он с трудом согласился, страдал от наложенного "табу", но по-прежнему хорошо относился ко мне. Однажды посоветовал: "Поменьше болтай в других камерах - там могут оказаться доносчики". Ни разу он не спугнул меня неосторожным вопросом или повышенным интересом.

Следователю тоже захотелось поговорить со мной о женщинах. На одном из допросов он огорченно заметил:

- Менделевич, мы искали ваших знакомых женщин, но не нашли ни одной.
- Плохо искали.
- Дайте нам их адреса! Возможно, они захотят дать показания в вашу пользу.

Я засмеялся:

- Зачем вы печетесь о моем благе? Огорчу вас: у меня просто не было времени на знакомство с девушками.

Выигрышный, но довольно банальный момент в оперативной работе следователя: добиваться показаний, шантажируя оглаской подробностей личной жизни заключенного. Многим со стыдом и страхом приходилось умолять следователя не предавать огласке их "побочные связи". Меня волновало другое. Кто арестован? Что известно следствию? Как ведут себя товарищи? Что нас ожидает?

16 июня 1970 года "Ленинградская правда" сообщила: "15 июня с. г. в аэропорту "Смольное" задержана группа преступников, пытавшихся захватить рейсовый самолет. Ведется следствие".

В еврейских кругах Запада эта короткая заметка вызвала панику. Большинство придерживалось мнения, что попытка побега спровоцирована КГБ для начала новых гонений на евреев. Лишь тот, кто хорошо знал советскую действительность, допускал мысль о том, что такая попытка могла иметь место.

После первого допроса в Риге мои родные узнали, что со мной. О сестре Мэри вестей не было. Боялись даже спросить о ней: вдруг Мэри удалось скрыться. Письмо, оставленное мной Эзре Русинеку, а в нем план побега и фамилии участников, все еще находилось у него. Однажды вместе с передачей для меня в Ленинградскую тюрьму принесли посылку и на имя Мэри. Дежурный-вертухай проверил списки и принял посылку. Так узнали, что Мэри жива и находится рядом со мной.

Посылка из дома была важным событием в моей тюремной жизни. Все, конечно, раскрошено и раздавлено в поисках запрещенного. И тем не менее, разложив растерзанные дары, я почувствовал тепло родных рук, собиравших мне эту передачу. Ничего там не было трешного - как я был благодарен! Вспомнил, с каким трудом в 1959 году мама на последние гроши собирала посылку отцу. Теперь собирают сыну и дочери. Письмо, разумеется, мне не передали. Нельзя до окончания следствия. Посылка же для меня - весточка любви и прощения.

Я не знал тогда, что наше дело предано огласке и наши судьбы тревожат многих. Ашер Бланк отчаянно названивал из Тель-Авива в Ленинград. Он звонил подряд всем членам сионистского комитета - ответа не было. Стало ясно, что все арестованы. Вдруг, когда он совсем уже было отчаялся, откликнулся Виктор Богуславский, редактор "Итона". Он перечислил Бланку имена почти всех арестованных. Гебисты прервали телефонный разговор

только на букве "ша". Из "самолетчиков" он назвал Кузнецова, Дымшица, Федорова, Мурженко. Меня забыл.

В Ленинграде, Москве, Риге, Кишиневе шли допросы. Ленинградец Паша Корен целые дни проводил в кабинете у следователя. Гилель Шур, член ленинградского комитета, тоже еще остававшийся на свободе, как-то сумел подкараулить его, когда он ночью возвращался с допроса из Большого дома.

- Паша, я к тебе от комитета. Конечно, ты в отчаянном положении. Тебя обвиняют в организации побега, но показания, которые топят других, не спасут тебя. Поверь: спасение только в молчании. Мы верим, что ты найдешь в себе силы молчать. Я подаю тебе руку сейчас, но это рукопожатие авансом.

Корен, не отвечая, подозвал такси и уехал. Наутро Шура вызвали в Большой дом: "Гражданин Шур, вы оказываете отрицательное влияние на свидетелей. Вы их запугиваете. Прекратите, иначе арестуем!"

Гилелю мужества не занимать: вместо того, чтобы уйти в тень, он встретился с молодыми ребятами, изучавшими иврит в кружках, руководители которых были арестованы. Его и Виктора Богуславского арестовали через несколько дней. Они могли бы затаиться, а потом уехать в Израиль - и дело с концом. Но верность и стойкость требовали от ребят другого, и они предпочли разделить нашу нелегкую судьбу. Арестовали и Пашу Корена - его не спасли признания.

В Риге после первой волны арестов и обысков наступило относительное затишье. Друзья составили сообщение с подробным изложением событий и сумели передать его на Запад. Теперь КГБ уже не могло расправиться с нами втихую.

Между тем, многие не выдержали даже первых испытаний. Когда-то мы привлекли к размножению "Итона" рижского биолога, интересовавшегося ивритом, еврейской историей и постоянно посещавшего наши занятия. Несмотря на мягкость и неустойчивость его характера, решено было обратиться к нему: надо вывезти за город чемодан с литературой. Все было четко спланировано и осуществлено. Но через несколько дней его вызвали на допрос в КГБ. Ни про какой чемодан там, разумеется, не знали. Однако на всякий случай попробовали его запугать, надеясь, что он расколется. Так и случилось. Стандартной фразы - "Мы все о вас знаем, мы вели за вами постоянное наблюдение!" - оказалось достаточно, чтобы допрашиваемый выложил все, что знал: кто организовывал митинги в Румбуле, кто участвовал в праздничных встречах у синагоги и, конечно, про злополучный чемодан.

- Кто просил вас перевезти чемодан?

- Ригер.

- Кому вы его передали?

- Я не знаю его, но хорошо запомнил: высокий такой, блондин.

- Что было в чемодане?

- Я его не открывал.

- Вы скрываете от следствия важные данные. В ваших же интересах давать правдивые показания.

На самом деле следствие не знает ничего, или почти ничего, но страх берет. Назавтра уже "чистосердечно" признался, что чемодан он передал Друку, который вовсе не высокий и не блондин. Он объяснил, что жена потребовала от него рассказать правду и отказаться от намерения ехать в Израиль. Так наш биолог спасся от ареста. Но в Израиль он все-таки уехал. Через полтора года.

Сашу Друка вызвали в КГБ. Он наотрез отказался давать показания. Его продержали там сутки и отпустили. Мужество оказалось лучшей защитой. Потеряв концы, следствие провело дополнительные обыски у Ригера, Шпильберга и Александрович. Нашли множительную технику и литературу. Все трое были арестованы. С Рут Александрович давно хотели расправиться. Смелая девушка досаждала властям: участвовала во всех еврейских праздниках и сходках, передавала информацию иностранным туристам и снабжала всю Ригу учебниками иврита.

Я ничего не знал об этих арестах. Продолжал напряженную борьбу со следователем. Требовалось постоянно держать в памяти все то, что было сказано вчера и позавчера и еще раньше. Из вопросов следователя я старался уяснить себе, о чем рассказывали другие, чтобы потом, добавляя к их показаниям "правдоподобные" детали, сбить следствие со следа. Так проходили недели.

- Нам известно, что вы через Сильву Залмансон передали письмо в Ленинград. Что там было написано?

Неясно, от кого исходят эти сведения и что могли сообщить о письме. Поэтому отвечаю:

- Это был запрос о возможности получения учебников иврита из Ленинграда.

Через несколько дней:

- Вы сказали неправду. В письме запрашивали ленинградский комитет о его отношении к побегу.

Теперь понятно: рассказал либо тот, кто читал это письмо, либо тот, кто его передал. Мне очень не хотелось, чтобы они вышли на Ригера. По моей просьбе он написал это письмо, так как поддерживал контакты с ленинградцами. Кроме того, он был единственным из всех, кроме меня, кто знал поименно всех членов рижского руководства. Следствие может обвинить его в содействии побегу и усилить давление на него. Из показаний арестованных следствие уже знало подробности, касающиеся побега и подготовки к нему. Но мне казалось, что все же есть возможность скрыть отдельные факты и, главное, уберечь людей, о которых еще ничего не было известно.

- Ваш осведомитель ошибается. Письма о плане побега я не передавал.

Следователь делает вид, что озадачен:

- Ну что ж, придется искать дальше. Может, все-таки вспомните, кто писал это письмо?

Через несколько недель, когда и автор письма, и его получатель сами рассказали о содержании и о путях передачи информации, Попов понял, что я водил его за нос. Он был взбешен:

- Я сошью такую шубу из вашей лжи, что она долгие годы будет вас согревать в Сибири. Следствие узнает все, кроме, может, каких-то мелочей. Зарубите себе это на носу! В ваших интересах давать чистосердечные показания, если, конечно, вам не безразлична судьба родных. Несколько дней назад я говорил с вашим отцом. Он чувствует себя неважно. Если будете хорошо себя вести, может быть, увидите его. - При этом он загадочно улыбнулся.

Я не знал, что и думать. Я в Ленинграде, больной отец - в Риге. Между нами сотни километров, тюрьма, следствие. Что могли означать эти слова? Ведь здесь зря ничего не говорится. Мы с Сеней принялись гадать, куда могут перевести и почему переведут? В воскресенье загадка разъяснилась. В коридоре хлопали двери. Значит, я не один. Привели в пустую камеру, обыскали и выдали обед, который я выбросил, - суп отдавал свиным жиром. Я

ходил взад и вперед по камере и строил самые радужные планы. Самолетом в Вену, а оттуда в Израиль?! Когда десять с лишним лет спустя уже точно знал, что через несколько часов буду свободен, я не испытал и сотой доли подобной радости, - так меня измучила тюрьма. Но об этом позже. А теперь мои самые смелые предположения только укрепились, когда в тюремной приемной, заваленной вещами, отнятыми при обысках, двое в штатском наставительно поучали:

- Повезем на аэродром. Любое движение будет истолковано как попытка к бегству, и вас убьют на месте. Советуем не делать глупостей. В самолете ни с кем не разговаривать, не кричать, не подавать знаков руками.

Итак, все правильно! На самолет! Следствию все ясно: ничего серьезного не было. Мы только хотели жить в Израиле! Нас и судить-то не за что! А может, это срочный обмен на каких-то советских шпионов?

Не прошло еще месяца со дня ареста, но от волнения и слабости меня так укачало, что рвало до самого аэродрома. Самолет был еще пуст. Гебешники разрешили перепуганной стюардессе принести мне стакан воды. Когда немного пришел в себя, мне дали газету. Я с жадностью на нее набросился. Напрасно! Ее подобрали специально для меня - ни слова о Ближнем Востоке. Постепенно самолет заполнялся пассажирами. Полет был недолгим. Становилось ясно, что речь идет не об освобождении. После приземления меня повели по трапу последним и сунули в милицейский воронок. Я понял, что оказался в Риге, которую я оставил всего двадцать три дня назад. Так я познакомился с рижской тюрьмой за фасадом бывшей гостиницы "Метрополь", отданной под Комитет Государственной Безопасности.

Порядки здесь, хоть и похожи на ленинградские, но все же другие. Тут я впервые свел знакомство с парашей - десятилитровой бочкой для нечистот, которую должен был сам в сопровождении дежурного надзирателя выносить в туалет. От этой парашаи весь день немилосердно воняло. По утрам параша заливалась хлоркой - и тогда вовсе уж нечем было дышать. В туалет выстраивалась очередь. Нередко за этим "заведением" надзирала женщина, не позволявшая закрывать двери. Сперва было неудобно и стыдно, а потом привык - что поделаешь? Ведь для тюремщиков ты бесполое существо.

На допросы долго не вызывали. Я сидел в камере вместе с молодым латвийским националистом. Он обвинялся в шпионаже. Дело обстояло так: к нему из Швеции в качестве туриста приехал дядя. Тот не любил русских, считая их оккупантами. Без особого труда уговорил Андреса передавать ему необходимые сведения. Андрес раздобыл у своего брата чертежи какой-то

северной военной базы ядерных подводных лодок. Кто-то выдал парня. Так он оказался в тюрьме. Мы говорили с ним по-латышски. Отношения между нами установились самые хорошие. Я был согласен с ним в оценке русских. Андрес ждал суда. Дома у него остались жена и сын. До ареста он собирался учиться в лютеранской духовной семинарии. Естественно, мы касались и религиозных тем. Тогда мне еще трудно было провести грань между его христианскими воззрениями и моими еврейскими понятиями. Однако, размышляя о различиях между нашими взглядами, я лучше понимал самого себя. За беседами и шахматами время шло быстро. Когда я молился, Андрес был начеку. Тем не менее однажды надзиратель увидел и пригрозил, что в следующий раз накажет.

Кормили нас в основном рыбным супом - дежурное меню всех российских тюрем. Часто я отдавал Андресу еду, которую не мог есть сам, а он мне - селедку и хлеб. Андрес научил меня перестукиваться через стенку, приставив к ней дно кружки, и слушать ответ, перевернув кружку. Мне повезло. Едва я начал: "Говорит Йосеф. А кто ты?" - как услышал:

- Я Толик. Какие новости?

- Спрашивали, знаком ли я с Рут Александрович, но я не признался. Что у тебя?

- Нашли доказательства, что мы с тобой фотоспособом изготавливали запрещенные материалы.

- Не знаешь, наши письма получили родные?

- Менделевич! Прекратите переговариваться! Отправлю в карцер! - раздался окрик надзирателя.

Андрес надежно заслонял меня, так что надзиратель мог только догадываться, что я стою с кружкой у стены. Но я не боялся наказания. Вообще во время следствия начальство не очень-то стремится держать заключенного в карцере - времени для этого хватит и после суда.

Свидания с отцом мне, конечно, не дали. На допросах интересовались рижской сионистской организацией. Кто ее возглавляет? Кто финансирует? Какова ее структура?.. Наше движение не носило закрытого характера. Это было его сильной стороной. Но отсюда вытекали и слабые стороны: доступ к нам имели все; кагебисты легко могли подослать и своих агентов.

Меня допрашивали трое следователей. Когда мои увертки надоели майору

Заславскому, он закричал:

- Назовите руководителей организации!

- Нет никакой организации!

- Ваш ответ показывает, что вы не раскаиваетесь в своей преступной деятельности. Вы и ваш Хнох - фанатики!

Так я впервые, а потом неоднократно в применении к себе слышал это слово - "фанатик". Прокурор Соловьев на судебном процессе назвал меня "сионистским фанатиком". Так меня величало и лагерное начальство. Видно, в моем личном деле была соответствующая запись. Что ж, фанатик - так фанатик! Это ведь человек, страстно преданный своей идее. Не так уж и плохо! Иногда такое качество не является лишним!

Всякий раз, готовя себя к очередному допросу, я не только обдумывал всевозможные варианты ходов в беседе со следователем, но и занимался самовнушением: "Помни, следователь, на встречу с которым ты идешь, - твой враг, ты должен ненавидеть и перехитрить его. Это мицва, твой долг перед Богом". - Жить в соответствии с Торой меня никто не учил. До всего приходилось доходить самому. А это требовало напряжения всех душевных сил. По пути на допрос в коридоре я старался задержаться у зеркала: молодой, бородатый, с лицом, пожелтевшим от спертого тюремного воздуха.

- Менделевич! Из показаний арестованных нам известно, что в распоряжении Эзры Русиника находилось большое количество пишущих машинок и что он руководил перепечаткой всех материалов. Что вы можете добавить по этому поводу?

Как сжалось сердце! Они на верном пути. Не хватало еще, чтобы Эзру вновь арестовали! Он столько лет провел в Сибири!..

- Я никогда Русиника не видел и не знаком с ним!

- Свидетели показывают, что вы передали ему для перепечатки второй номер "Итона" в марте 1970 года, а также получили от него фотокопии книги Маршала "Быстрый меч". Сейчас мы предъявим вам для опознания десять фотографий. На одной из них - Русинек.

Как полагается, явились двое понятых, вроде бы посторонние свидетели, - хотя откуда в здании КГБ посторонние? - и два следователя. На официальной бумаге

с печатями и подписями составили акт. Разложили фотографии. С одной из них на меня смотрел Эзра Русинек. Все остальные вообще не были похожи на евреев. Я обратился к Попову:

- Оpozнание производится незаконно, потому что здесь только одна фотография человека с ярко выраженными еврейскими чертами лица. Поскольку меня спрашивали о еврее, логично предположить, что это он и есть. В любом случае я мог бы указать на него и угадал бы. Следовательно, вы провоцируете меня на опознание незнакомого человека.

Опознание провалилось. Следователь, измученный моим упрямством, в поисках ключа ко мне кинулся к Достоевскому. Он сам мне рассказывал, что стал читать "Преступление и наказание". Я только смеялся: чем поможет ему великий роман о "загадочной русской душе" при столкновении с душой еврейской?!

Меня перестали вызывать на допросы. Андреса увезли в Лиепаяу, где находилась военная база. И вот, накануне моего двадцатитрехлетия, я остался один. Шел второй месяц моего заключения, но, казалось, прошли годы - так я повзрослел и изменился. Подвел итоги. Больше всего мучила мысль о разгроме еврейского движения. Это значительно подрывало силы здесь, в тюрьме. Я не знал тогда, что нас поддерживает Запад и ворота в Израиль начинают приоткрываться. Как бы то ни было, необходимо выработать стратегию поведения на будущее.

Главным орудием деморализации, которое использовали следователи, стали показания моих содельников. Этим следователи оказывали на меня психологическое давление: ты упираешься, а мы все уже знаем про тебя. Ты веришь своим друзьям, а они ведут себя не так, как ты себе представляешь. И нельзя сказать, что такая тактика не производила впечатления. Иногда сведения, которые следователи получали, были такого рода, что не оставляли никаких сомнений: только близкий мне человек знал об этом и только он мог рассказать. Иногда мне предъявляли страницы показаний, исписанные знакомыми почерками. Их оружие било больно, но не смертельно. Я твердо решил: какими бы ни были показания моих товарищей, как явно они ни свидетельствовали бы о том, что мои друзья признаются в содеянном, я не имею права поддаваться. Не должен верить - и все.

Хорошо сидеть одному в камере. Ходишь взад и вперед, думаешь о своем и не нужно отвечать на вопросы или слушать соседа. Андрес оставил папиросы. Я подумал: "Все-таки мне двадцать три года. Теперь я взрослый человек, политзаключенный - почему бы не закурить?" Я ни разу не курил, но

"Беломорканал" и спички ввели меня в соблазн. Я взял папиросу, зажег и поднес ко рту. В тяжелых тюремных сапогах, куришь - настоящий мужчина! Но после нескольких дней курения мне стало плохо. Появилось устойчивое отвращение к куреву. Довольно глупо курить в камере рижской тюрьмы: окна вообще не открывались, а воздух проходил лишь через щели в дверях. Неудивительно, что к вечеру появлялось сильное головокружение. Хлеб, находящийся в камере двое суток, покрывался зеленой коркой плесени. Только сильный голод заставлял очистить его и есть. Как-то я пожаловался следователю на тяжелые условия в камерах. Он оправдывался:

- Это от нас не зависит. Во время войны немцы переоборудовали гостиницу под гестапо. Народ называл тогда гостиницу "зеленым чудовищем". Вы ведь знаете, как гитлеровцы относились к заключенным! - закончил он, ничтоже сумняшеся.

Весьма логичное объяснение. Неясно только, почему советские власти продолжали развивать эту фашистскую традицию!

Заучивая накануне ареста даты еврейского календаря, я запомнил 9 Ава, день разрушения Храма, день поста и скорби. И теперь, сидя в камере, я молился. Как назло, именно тогда решили устроить баню. Я, конечно, отказался идти. Забегали надзиратели:

- Менделевич, почему отказываешься? Не хочешь? Силой помоем. Мы тебя научим культуре!

Нас повели под конвоем в баню и заперли там. Я разделся и терпеливо ждал, пока мой напарник помоеется. Небеса, видя мое желание не нарушать святости этого дня, уберегли меня от наказания.

Затем опять началась горячка многодневных допросов по двенадцать часов подряд. Они не прерывались даже в воскресенье. Видно, из Москвы пришло указание закрывать следствие. Поэтому давление на меня усилилось:

- Ваше поведение ненормально. Вы не даете честных показаний. Мы вас отправим на психиатрическую экспертизу.

5 сентября 1970 года в кабинете начальника следственного отдела, полковника Неизвестного, мне сообщили, что отец обратился с просьбой освободить из заключения мою сестру Мэри, так как она беременна.

- Мы готовы удовлетворить просьбу вашего отца, - заверили меня, - теперь все

зависит от вашего поведения. Вы должны назвать имена руководителей рижской сионистской организации! Я молчал.

- Так что же ответить вашему отцу? - прервав молчание, спросил меня следователь.

Мне не хотелось в сумасшедший дом. Жаль было сестру и мать. Действительно, серьезное искушение. Я думал и наблюдал за их напряженным ожиданием. Наконец произнес:

- Нет никакой организации! Полковник нажал кнопку звонка:

- Уведите заключенного!

Меня направили на экспертизу в Москву, в Институт психиатрии им. Сербского, лечебное заведение, пользующееся зловецей репутацией. Заведовал институтом еврей Даниил Романович Лунц. Ходили страшные слухи о том, как по его диагнозам психически здоровых и полноценных людей отправляли в спецбольницы для политзаключенных.

Институт Сербского - старинное здание в глубине парка. В приемном покое заполняют анкету и производят дезинфекцию одежды. Меня вталкивают в грязную ванну с пузырями мыла и жира. Затем санитарка ржавыми ножницами состригает волосы со всего тела. Неужели нельзя было поручить мужчине? Санитарка недоумеваает: "Сумасшедший, а стесняется!" Выдают старую пижаму и ведут в отделение для политических. Перед входом последняя проверка. Старшая сестра Полина, полная, средних лет женщина, через лупу ищет лобковых вшей. Делает она это не спеша и, видимо, с удовольствием.

Камера состоит из трех палат, охраняемых кагебистами в белых халатах поверх формы. Дополнительный внутренний надзор осуществляет "няня". В платочке и домашних тапочках, сидя в углу, она то дремлет, то вяжет, то чем-то еще занята. Скорее всего наблюдением за нами. Она докладывает начальству обо всем, что видит. Этот неусыпный страж в платочке и домашних тапочках напоминал сказки о злых феях. Вместе с духами дворян, изгнанных большевиками из этой усадьбы, они создавали атмосферу какой-то тревожной загадочности. По ночам чудилось, что вдруг в этом пустынном замке хлопнет дверь и ровно в полночь прокричит сова. Сов не было. Кричали сумасшедшие, настоящие и мнимые.

В моей палате находился Валид, полуграмотный крымский татарин, работавший на советско-иранской стройке в Туркмении. Его обвиняли, как это

ни смешно, в шпионаже в пользу Америки. Однажды за кружкой пива у него развязался язык, и он признался приятелю, что неохота ему жить в России. Зол он на Советы за то, что они изгнали татар из Крыма. Дружок донес, и арестовать Валида явился сам генерал... Другим соседом по палате был профессор Московского университета. Проникшись идеями толстовства, он бросил профессию, "опростился", пошел в народ - поселился в деревне. Его сочли сумасшедшим.

Первый консилиум проходил в кабинете, где собралось шесть врачей. У большинства явно еврейская внешность. Во главе стола, на высоком резном кресле, восседал сам Даниил Романович Лунц. Маленький седой человек с репутацией советского Менгеле. Я стоял перед ним и думал лишь об одном: как бы не сползли с меня штаны. Они были без пуговиц и ремня, и мне приходилось все время придерживать их обеими руками. Тон беседы задавал Лунц. Говорил он так, словно претендовал на пост президента и видел во мне соперника.

- Что, молодой человек, в Израиль убежать захотели?

- Я хотел уехать вместе со своей семьей, но нам не разрешили.

- Думали стать там президентом?

- Я вообще-то хотел учиться.

- А что вы знаете об Израиле?

- Это страна, где живут евреи.

- Что вы знаете о сионизме? Читали Герцля⁴? Пинскера⁵? Борохова⁶?

- Да, читал.

После этой первой встречи со "специалистами" мною занималась мой лечащий врач, Маргарита Абрамовна. Время от времени она вызывала меня к себе, держа в руках протоколы допросов, которые вел Попов. Впрочем, ее собственные мало отличались от его. Больше всего врача интересовали факты, отсутствовавшие в протоколах. Мое нежелание говорить огорчало ее:

- Почему вы не хотите рассказывать о своем прошлом? У вас бывали ночные страхи? А сильные испуги в детстве были? - настойчиво спрашивала она, пытаясь выведать у меня то, что я до сих пор скрывал.

Моя неразговорчивость могла стать причиной принудительного лечения. Уклоняясь от показаний, я тем не менее старался не выпасть из роли нормального советского человека. Требовалось огромное напряжение и внимание: быть постоянно настороже и в камере, и в коридорах, и в кабинете врача - везде. Оказалось, не зря. Если во время послеобеденного отдыха заключенному случалось проспать больше получаса, в его истории болезни сразу же появлялась запись: "Состояние депрессии". Такой диагноз грозил спецлечением. Я решил не попадаться в расставленные сети.

Однажды в полусне я услышал громовой голос: "Иосиф, вставай, время твое пришло!" Вскочил, оглянулся - никого. Неужели действительно схожу с ума? До сих пор так и не знаю, кому принадлежал тот голос. В самом деле страшно: в этом дурдоме то неясное, неосознанное, подспудное и настораживающее, что дремлет в каждом человеке, может внезапно пробудиться и сожрать живьем. Такие мысли невольно приходили в голову, когда я смотрел на больных. Трудно было на первый взгляд определить, кто из них на самом деле болен, а кто здоров. Должно быть, поэтому я старался общаться с теми, кто казался мне более или менее здоровым.

Иван Степанович Сук, молодой доктор биологических наук из Донецка, имел хобби: история Октябрьской революции. Он изучал ее по первоисточникам, издававшимся в первые послереволюционные годы. Тогда еще власти не стеснялись своей жестокости и в печати появлялась масса интересных, а главное, откровенных заявлений. Зато теперь постоянно подчищается прошлое, чтобы придать ему большую романтичность и гуманность.

Иван Степанович делился своими впечатлениями о прочитанном с друзьями, некоторые из них работали в ЦК украинской компартии. Закончилось тем, что жена, приревновав его к любовнице, донесла в КГБ. Высокопоставленные друзья, дрожа за свою шкуру, подтвердили ее сообщение, добавив, что Сук занимался и распространением антисоветской литературы. Теперь впереди у него либо три года лагерей, либо принудительное лечение в спецбольнице. Он был очень взвинчен и раздражен. Однажды, играя со мной в шахматы, запустил в меня шахматной доской. И все-таки, несмотря на его стремление докопаться до правды, по своему мировоззрению он был советским человеком и представлял собой именно тот тип испуганного интеллигента, который в лагере становится легкой добычей уголовников. Здесь тоже нашелся такой малый, постоянно терроризировавший его.

- Гляньте-ка, снова отправился в сортир. Видно, у него женская болезнь! Эй, антелигент, ты мужик али баба?

Это был шумный и наглый водитель такси, сидевший за распространение антисоветских листовок и стихов. Чего только в жизни ни случается!.. Его отец в сталинские времена работал надзирателем в лагерях. А сын, таксист, почему-то невзлюбил советскую власть и сочинял нескладные вирши примерно такого содержания: "Крутишь ручку телеглаза - а кругом одна зараза" или: "Видишь агитатора, а на деле провокатора". Либо вот эти: "Только знаю, верю я - кончится ненастье. Коммунизму нет пути - вот в чем наше счастье".

Прибыл этот Коля Иванов в дурдом с криком, шумом и скандалом - явно перебирал. Требовал перевода в другую камеру - здесь, дескать, угрожают его жизни. Чтобы добиться своего, объявил голодовку. Санитарки уговаривали его:

- Коля, может, поешь? Ну поешь, Коля!

А он лежал на койке и плаксивым голосом нудил:

- Нет, не буду. Тут меня убить хотят. Пусть переведут в другую палату!

Часа через четыре после начала голодовки он подозвал санитарку:

- Нянечка, а что сегодня на обед?

- Каша манная.

- Ну, принесите мне, что ли, - милостиво согласился он и съел в два раза больше, чем обычно.

Парадоксально! Нормальных людей объявляли сумасшедшими, а больных - нормальными. При этом больных не лечили, но зато наказывали, как здоровых.

Гриня Соболев лежал в специальном отсеке для буйных. Он давал о себе знать дикими воплями, а его готовили к выписке из больницы. Девять лет назад его арестовали по доносу сослуживца, претендовавшего на Гринину должность в каком-то министерстве. Беспричинный арест потряс его настолько, что у него появилась мания преследования. Ему казалось, что его преследует сам Хрущев, с которым он когда-то работал. Кагебисты не знали, что с ним делать, и упекли его в спецбольницу, в Казань. Там за эти годы он окончательно "дозрел". От принудительно вводимых лекарств у него началась атрофия ног. Он лежал на койке и с утра до ночи сочинял стихи примитивной формы и дикого содержания. В одном из таких "стихотворений" рассказывалось о дочери. Она убеждала его в том, что ему никто зла не желает. Он осыпал ее грязными

ругательствами, клеймил как агента КГБ и вообще сомневался, его ли она дочь. Отвратительно расписывал ее женские прелести. За этими своими литературными занятиями он проводил все время, а потом, устав писать, читал написанное санитаркам. Те только головами качали: "Гриня, Гриня, такой способный человек! Мог бы стать министром, а занимаешься такими глупостями!" Обидевшись на них, он хватал полотенце и пытался им себя задушить. Нянечки бросались к нему, вырывали из рук полотенце, а он, выпучив покрасневшие глазища, закатывался в безумном смехе.

Как-то раз ему захотелось потолковать со мной, как еврей с евреем. Вполне советский человек, он проявление антисемитизма видел только в том, что его не сделали министром. Наша с ним беседа была короткой. После его совершенно бессвязной речи я поспешил ретироваться. Да, девять лет назад он был вполне нормальным человеком. Это понимали даже санитарки. Как-то ему принесли газету:

- Соболь, вот газета! Почитайте! Некролог на смерть Хрущева. Больше вам некого бояться.

- Вы не знаете Никиту! Нельзя верить ни одному его слову. Меня он не обманет! Я требую, чтобы нас обоих вызвали на международный Гаагский суд. Там разберутся, кто прав.

Иногда Гриня Соболь, лежа на койке, пел, кричал, произносил бессмысленные речи. Как-то раз врачи попытались силой заставить его ходить, считая, что он симулирует атрофию конечностей. Его стащили с постели и, голого, волокли по полу. Он истошно матерился и орал:

- Все равно я буду бороться за свои политические права! Я никогда не сдавался и не сдамся - сколько бы меня ваши надзиратели ни били и ни травили лекарствами и уколами!

Так среди настоящих и ненастоящих психов проходило время. Для установления диагноза мне назначили какое-то исследование. Повели в лабораторию "высшей нервной деятельности". Большой зал, в котором я очутился, был весь уставлен электронной французской аппаратурой. Из одного прибора медленно выползала лента, испещренная какими-то кривыми. Двое в белом, несомненно евреи, увлеченно обсуждали какую-то научную проблему. Санитарки завели меня в маленькую комнатку и усадили в кресло, похожее на зубоврачебное, с той лишь разницей, что оно каким-то неизвестным мне образом фиксировало мое малейшее движение. К голове, рукам и ногам прикрепили специальные датчики. Вошел молодой парень и объяснил:

- На стене будут зажигаться и гаснуть картинки, а вы должны говорить, что на них изображено. Необходимо установить предельную скорость, при которой ваш мозг способен регистрировать смену картинок.

На меня надели наушники, погасили свет и оставили одного в темноте и полной тишине. "Очевидно, - подумал я, - эксперимент послужит основанием для окончательного ответа на вопрос - болен я или психически здоров". Я не знал, что лучше для меня: быстрая или замедленная реакция. И вдруг запрыгали картинки. Я напрягся и стал их называть. Мелькание порой становилось столь частым, что я не мог ничего разобрать. Сеанс продолжался пятнадцать минут и повторился на следующий день. От колоссального нервного напряжения меня била дрожь. Я пытался скрыть ее, но от этого становилось еще хуже. А молодой еврейский парень, руководивший экспериментом, не обращая на меня никакого внимания, любезничал с девушками, подшучивал над их покупками и вообще вел себя так, будто меня вовсе не существовало. Неужели он не понимает, что мучает своего же брата? Будь он гой, мне было бы легче. Но еврей?!

Вновь замелькали картинки... Стыскивая зубы, я внушал себе, что это вовсе не картинки на стене, а огни автомобилей на улицах Иерусалима. От этого становилось вроде легче. И вдруг я понял, что, в сущности, все равно: упекут ли меня в психушку или сведут с ума экспериментами. Я заявил Маргарите Абрамовне:

- Больше на эксперименты не пойду. Я не подопытный кролик!

- Что, испугались? Ведь это не страшно!

- Все равно не пойду! Хватит с меня! - наотрез отказался я.

Как ни странно, она приняла мой отказ спокойно. Возможно, решение о моей судьбе было уже принято, и, конечно, не в Институте Сербского. Вопрос стоял так: стать безумным или остаться среди нормальных.

Однажды ко мне на койку подсел заключенный из соседней камеры - калмык Ермак Сергеевич.

- А вы, молодой человек, чего хотите? - спросил он. - Избежать суда и на принудительное лечение или все-таки в лагерь?

- Конечно, в лагерь, какой бы срок ни дали.

- Совершенно верно. Вы даже не представляете себе, как психиатрическая тюрьма корежит человека!

Он знал это по собственному опыту. Ермак Сергеевич два года провел в Казани на принудлении. В Москву его привезли для установления окончательного диагноза. В 1941 году, имея высокое воинское звание, он перешел к немцам. После войны жил в Бельгии, работал на шахте, вступил в социалистическую партию, был членом общества бельгийско-советской дружбы. В 1968 году он решил повидаться с семьей и в качестве туриста приехал в СССР. Вышел прогуляться, его схватили и увезли в неизвестном направлении. Ни новая семья в Бельгии, где у него было одиннадцать детей, ни старая в России не знали, где он находится. Его ожидал расстрел за измену родине, и поэтому он пошел на рискованный шаг: симулировал, и довольно успешно, безумие. Иногда, впрочем, казалось, что он заигрывается до того, что и впрямь начинает терять рассудок. По ночам он кричал во сне:

- Прекратите эту пытку! Я знаю, у вас есть препарат. Вы вводите его прямо в мозг. Но я честный человек! Я вам все рассказал! Не надо! Не надо! Ой, ой, ой!

А когда утром приходил врач и спрашивал:

- Что это с вами ночью было?

Он отвечал:

- А что? Ничего!

- Говорят, вы кричали.

- Да нет! Не помню! Может, зубы болели - вот и стонал немного.

Врачи озадачены: врет или действительно болен? Так или иначе, но спать рядом с ним не очень приятно. Мне хотелось как можно больше разузнать о Бельгии, о бельгийских евреях, об отношении к Израилю. Он обладал отличной памятью и интересно рассказывал о жизни на Западе, экономических и политических проблемах:

- У нас в каждом учреждении, - говорил он, - висит Декларация прав человека, и если начальник ведет себя неправильно, мы ему говорим, что он нарушил такой-то пункт. А в России даже не знают, что у человека есть какие-то права...

Тут он спохватывался, что "няня" может услышать, и говорил примерно так:

- Но в России у рабочего класса гораздо больше прав, чем на Западе. Здесь все равны! Вдруг взрывается Коля Иванов:

- Да заткнись ты, черт побери! Ничего себе, подобрались политические: один - коммунистический проповедник, другой подхватил женскую болезнь, третий (это, очевидно, я) нагребил чемодан золота и хотел бежать в Израиль! Тут Россия гибнет, а они в шахматы играют!

Вбежали санитары, утихомирили разбушевавшегося таксиста, и каждый отправился на свою койку.

Вечер накануне Рош га-Шана, Новолетия. Настроение совсем не праздничное. Вдруг сообщили: умер Абдель Насер. Его смерть предвещала большие перемены на Ближнем Востоке. Я воспринял это как предзнаменование: даже во мраке нельзя терять надежды. Я немного повеселел, да к тому же и нянечка принесла из дома сливовые косточки, оставшиеся у нее после варки варенья. Это был настоящий пир.

Через несколько дней состоялась заключительная экспертиза. За пару часов до нее я прочел в газете, что мой сокамерник по ленинградской тюрьме, Морозов, приговорен к расстрелу. Это вывело меня из равновесия.

Экспертиза проходила в форме личной беседы. Одна врачиха весьма заинтересованно попросила меня рассказать ей о жизни в Израиле: о ценах на продукты и вещи, о возможности приобретения квартир и т. п. Я уже знал эту тактику по допросам Попова, но все равно меня тянуло поговорить с ней по душам. Затем предстояла беседа с самим Лунцем. Обычно он беседовал с заключенными без свидетелей, но тут, наверное, опасался, что его могут заподозрить в симпатиях ко мне как к еврею, и поэтому наша беседа протекала в присутствии других врачей.

- Почему вы не даете показаний?

- Я вовсе не отказываюсь их давать. Просто я мало знаю.

- Почему вы хотели жить в Израиле?

- В таком духе я воспитан.

- Что вы предпочитаете: попасть на лечение или быть судимым?

- Предпочитаю то, что лучше.

- У вас есть ко мне какие-нибудь просьбы? Может, я могу вам чем-нибудь помочь? - это прозвучало даже как-то тепло.

Не исключено, что он впервые имел дело с молодым сионистом. Но я также знал, что на его совести много грехов и больные называют его палачом. Я посмотрел ему в глаза и сказал ровным спокойным голосом:

- Прошу вас только об одном - не причинять мне зла.

Казалось, он смутился.

- Желаю вам удачи, молодой человек! И ни о чем не беспокойтесь!

На следующий день меня перевели из Института Сербского в специальную тюрьму КГБ, в Лефортово.

Я много читал об этой московской тюрьме. Она построена лет двести назад в честь императрицы Екатерины, поэтому имеет форму буквы "Е", причем каждая перекладина этой буквы - пятиэтажный дом, в котором находятся камеры. Между зданиями - открытое пространство, затянутое сеткой для предупреждения самоубийств. В центре скрещения перекладин - пульт регулировки движения. Там стоят часовые. В руках у них белые и красные флажки. Взмах флажком - и путь открыт. Это значит: навстречу не ведут другого заключенного. Зэки не имеют права видеть друг друга.

Очутившись теперь в этой тюрьме, я почувствовал себя настоящим арестантом, да и выглядел таким: дырявые башмаки, грязное пальто, узелок с майкой, парой белья и еще какой-то мелочью - вот и все мое имущество!

Я уже без смущения раздеваюсь догола при надзирателе, могу часами стоять в тесном "пенале", ожидая своей очереди на санобработку: вещи кладут в печь для "прожарки" вшей, а тебе самому выдают кусок черного мыла и отправляют мыться. В душевой с отвращением ступаешь по грязному полу, перепрыгивая через кучи мусора, окровавленных бинтов и мокрых бумаг. Затем меня, "санобработанного", ведут в камеру номер тридцать семь. Она у верхней перекладины буквы. Так каждый раз привыкай к новому месту. Надолго ли? Вокруг камень, окрашенный в черный и красный цвет. Пока не установишь связи с другими камерами, чувствуешь себя одиноким и покинутым всеми. Впрочем, я знаю, что не один: Кто-то наверху, вокруг меня, рядом и направляет

меня. Необычайное чувство. Не знаю, насколько оно присуще другим. Меня оно погрузило в состояние покоя и уверенности. Это вера.

Отбой. За окном темная холодная ночь. Что будет со мной? Куда отправят отсюда? На принудительное лечение, которое превратит меня в идиота, или в тюрьму на долгие годы? Всю ночь беззвучно молюсь. Тихо... Изредка луч прожектора, обегая стены тюрьмы, упирается в мое окно и заливает камеру светом мертвой луны. А назавтра с утра:

- На выход! С вещами! Быстро! Быстро!

Капитан КГБ зачитывает постановление о "продолжении следствия". Спасен от мира безумия. Но ни радости, ни надежды...

За день до Йом-Кипур меня привезли на вокзал и посадили в пассажирский вагон. У троих сопровождающих оттопырены карманы пальто. Оружие. Конвоир в чине капитана предлагает мне яблоко. "Случайно" при нем оказывается и книга о Йосефе Бен-Матитьягу (Иосифе Флавии). Неужели он по долгу службы изучает такую литературу? Погружаюсь в восстание 68 года, заново осмысливаю историю восхождения и падения Иосифа. Очевидно, мало быть мудрым, решительным и уметь повести за собой народ... Надо еще мужество для того, чтобы спокойно умереть, понимая, что и это - от Творца. Сидя в пещере без воды и хлеба, не сдать врагу и держаться не ради славы, а потому, что иначе просто не можешь...

За час до наступления Йом-Кипур приехали в Ленинград. Ведут по знакомым уже коридорам в камеру-одиночку. Приносят ужин. Но пост начался, и я отказываюсь от еды. Я лишен возможности молиться - нет молитвенника. Зато весь погружаюсь в воспоминания. Думаю, думаю о многом. Ведь корень наших неудач - не в тактических ошибках, а в собственных нравственных изъянах. Наибольший грех - забывая о своих реальных возможностях, вести себя так, будто определяешь волю Творца. В наших силах лишь способствовать исполнению Его воли. Каждый верующий знает, когда он преступает грань и когда он уклоняется от исполнения этой воли. Надо быть честным перед самим собой.

Несколько дней не вызывали на допросы. Пока я находился в Институте Сербского, следствие подошло к концу. Теперь дело закрывали. Предложили адвоката. Лучше бы отказаться от него. Все равно ни один советский адвокат не может сказать в суде: "Мой подзащитный невиновен, ибо каждый человек имеет право жить на своей родине, а у моего подзащитного это право отобрали". Конечно же, ничего подобного адвокаты не могли себе позволить

без риска самим оказаться в тюрьме. Попов сообщил мне, что так как латвийская коллегия адвокатов отказалась прислать на процесс своего члена, для меня пришлось пригласить защитника из Ленинграда. Стоило только посмотреть на этого "защитника", чтобы понять, что он такой же кагебешник, как и Попов. Меня начали знакомить с материалами следствия. Всего дали томов двадцать. Целая библиотека лжи, подтасовок и вынужденных признаний. Первая страница первого тома открывалась донесением оперативного отдела КГБ Ленинграда от 14 июня 1970 года. Оно гласило примерно так: группа преступников в составе М. Дымшица, Э. Кузнецова, Ю. Федорова и других собирается совершить изменнический акт - бегство за границу путем угона самолета.

Узнать бы, откуда такое донесение? Но ведь оно не первое, а последнее. Когда же поступило первое? И почему КГБ не отреагировало на эти "сигналы" нормально, по-человечески: ну, не хотят жить в России, пусть уезжают в свой Израиль! Зачем понадобилось доводить до опасного и рискованного решения, которое грозило смертью? Очевидно, все делалось КГБ сознательно. В сущности кагебешники спровоцировали наш акт отчаяния и решимости. По существу, главным обвиняемым на суде должно быть КГБ.

Все остальные тома нашего "дела" позволяли проследить, как вымогались показания - ложью, шантажом, игрой на человеческих слабостях. Я перелистывал страницу за страницей и мне казалось, что я вижу слезы подследственных. Любопытны протоколы допросов моих сослуживцев. Русские, как правило, враждебно настроены ко мне: "Парень способный. Однако себе на уме. В общественной жизни участия не принимал. Думал только о том, как бы уехать в Израиль". Зато начальник, латыш, всю хвалил меня: "Трудолюбив, быстро продвигался по службе. Выполнял работу инженера, но не настаивал на получении соответствующей должности, ибо считал нескромным претендовать на большее, не имея на то формальных оснований". Я был благодарен ему за то, что не предал меня, не рассказал, как мы с ним обсуждали сводки Шестидневной войны и радиопередачи "Голоса Америки". Рассмешили меня показания моего товарища по работе, еврея. Он рассказал следователю, что я был предан идеям сионизма, хорошо знал историю еврейского народа и изучал иврит. Такая характеристика вполне могла пригодиться для рекомендации на работу в Израиле, а не в СССР, да еще для КГБ! Неужели, расхваливая меня перед КГБ, он не понимал, что это послужит поводом добавить мне еще пару лет срока? А вот и очные ставки с Виктором Богуславским и Лейбом Кореном. У них нашли книги, которые я передал им 7 марта 1970 года. Они должны были объяснить, чьи эти книги и как они попали к ним. Назвали меня. Я, естественно, не собирался признавать этот факт. Ввели Корена... Чувствовалось, что ему, так же как и мне, неприятна эта ситуация. От нас потребовали, чтобы мы "в дискуссии" установили истину. Мы отказались:

каждый из нас остается при своем мнении.

- А следовательно, значит, пусть сам разбирается, кто врет, а кто говорит правду? Так, что ли, по-вашему?

- Да уж придется, ничего не поделаешь!

Обычно на очной ставке каждая сторона пытается доказать свою правоту. Возникает спор и тут-то всплывают детали, которые раньше скрывали от следствия. При этом каждый невольно старается себя выгородить. А мы сидим, смотрим друг на друга и улыбаемся. Следователь взбешен - не получилось.

Вошел Виктор Богуславский. Я обрадовался ему. Он держал себя уверенно, с чувством собственного достоинства. Заспорил со следователем об истинной сути ленинизма. Следователь сказал с уважением:

- Вы, Виктор Ноевич, хоть и наш враг, но о коммунизме знаете больше, чем я. У вас было больше времени для чтения.

Адвокат, приставленный ко мне КГБ, читая дело Залмансона, ехидно заметил: "Отец Залмансона воевал всю войну и не получил ни одной медали. Интересно, где он воевал?"

Это был обычный, ходовой антисемитский намек на то, что евреи воевали, мол, в Ташкенте, а на фронтах гибли русские. На самом же деле Иосиф Залмансон на фронте был ранен и потерял руку. Столь откровенный антисемитизм "защитника" вызвал мое решение немедленно отказаться от его услуг. Положение осложнялось: по советским законам суд, рассматривающий дела, предполагающие смертную казнь, должен проходить в присутствии адвоката.

Закрытие дела дает повод выхлопотать себе различные "блага", например, продукты из дома или даже обмен письмами с родными. Мне хотелось получить назад ермолку и некоторые книги, изъятые при обыске.

- Не подпишу дела, пока не вернете ермолку!

- Ермолку в тюрьме носить не положено!

- Тогда ничего подписывать не стану.

Ермолку принесли. Я ее тотчас надел. До этого покрывал голову носовым платком. Это вызывало насмешки. Теперь больше не потешались надо мной, а

только смотрели на меня ненавидящими глазами и придирались при каждом удобном случае. Кроме кипы ничего не вернули. Я спросил, где шоколад, отобранный при аресте.

- Уничтожен. Думали, отравленный.

- Так ведь я его ел! Кроме того, могли и на собаке проверить!

- Станем мы ради вас собак травить!

Конечно, я думал о том, какие приговоры нас ждут. Однажды в кабинет, где меня допрашивали, зашел следователь Эдика Кузнецова. Я спросил, как Эдик себя чувствует.

- Неплохо. Но вы ведь знаете, его ожидает смертная казнь, - добавил следователь.

Итак, впереди ничего хорошего. Приговоры им известны еще до суда. Все заранее решено.

В начале ноября мой следователь, читая при мне газету, заметил:

- Ну, теперь вам всем вообще жарко придется!

- Почему?

- Вчера два литовца, отец и сын Бразинкасы, приказали советскому пилоту менять курс и лететь в Турцию. Когда стюардесса, Надя Курченко, заслонила собою вход в кабину летчика, старший убил ее из самодельного ружья и ранил двух пилотов.

Он знал, что говорил. Чтобы отучить других угонять самолеты, нужно сурово покарать нас - для острастки. В связи с убийством стюардессы наш суд был отложен на месяц. Теперь он намечался на 15 декабря.

Я отказался от казенного адвоката, и поэтому мне надо было получить хоть какую-нибудь юридическую литературу, чтобы самому подготовиться к защите на суде. Однако ничего я не получил.

За две недели до суда меня вызвали в комнату свиданий. Там меня ожидал незнакомый черноволосый мужчина среднего роста.

- Моя фамилия Ария. Меня просили ваши родители быть вашим защитником на суде. Нужно получить ваше согласие. Я слышал, вы хотите обойтись без адвоката?

- Сначала поговорим немного, а потом я окончательно решу. Как чувствуют себя отец и мать?

От напряжения меня била дрожь. Подумать только! Вчера он видел моих родных, о которых я уже полгода ничего не знаю.

- Ваши родители здоровы. Просили передать, чтобы вы не волновались. Они вас любят и беспокоятся о вас.

- Кто обратился к вам с просьбой защищать меня?

- Ваш брат Мендель. Перед выездом за границу он был в Москве и встретился со мной, - ответил он, сверля меня своим умным пронизательным взглядом.

От радости я едва не потерял дар речи.

- Мендель!.. За границу?..

- Да, теперь многие уезжают в Израиль!

Вот это новость! Могли бы арестовать, а выпустили в Израиль. Значит, не все потеряно. Напротив, это похоже на победу.

- Как вы расцениваете возможности защиты?

- Видите ли, я, как правило, отказываюсь от таких дел. Практически все заранее решено. Кроме того, если адвокат не будет достаточно осторожен, он может потерять работу. С вашим делом я ознакомился лишь поверхностно. Кое-что слышал о нем раньше. Евреи очень встревожены вашим поступком: боятся, что теперь их всех снимут с ответственных постов и вообще перестанут доверять.

- Ну и нечего им здесь делать! Пусть уезжают домой, в Израиль!

- Не все думают так, как вы. Скажите, - он открыл папку с моим делом, - вот тут вы подтверждаете, что отдавали себе отчет в том, что наносите ущерб государственному суверенитету СССР. Вы действительно так сказали?

- Да. Когда прокурор Катуква спросила, понимал ли я, что, совершая подобный поступок, нарушаю суверенитет СССР, я ответил: если переход границы является нарушением суверенитета, то я, конечно, отдавал себе в этом отчет.

- Но поймите: нарушение государственного суверенитета ничего общего не имеет с нарушением границы. Они просто воспользовались вашим незнанием юридических терминов и вынудили у вас показание, направленное против вас. Фактически это означает, что вы признаете себя виновным в измене родине.

- Я не признаю себя в этом виновным!

- Вот видите, не признаете, а в протоколе допроса записано наоборот. Не знаю, как удастся опровергнуть это утверждение. Ну, как вы решили? Согласны, чтобы я вас защищал?

Я согласился: этот умный и цепкий армянин располагал к себе. Позднее я узнал, что Ария - один из крупнейших юристов, автор известных трудов по советскому уголовному праву. Гонорар он брал немалый - годичный заработок рабочего за одну защиту. Если бы не помощь из-за границы, моей семье было бы не под силу заплатить ему.

Прошли лето и осень. Наступила сырая ленинградская зима с долгими ночами, тусклыми днями и пронизывающими холодными ветрами. Впрочем, погода не играла существенной роли для заключенного. Утренняя прогулка начиналась тогда, когда солнце еще и не показывалось на небе. От этой тьмы, дождя и каменных стен прогулочного дворика отдавало какой-то безнадежной тоской. Тюремный распорядок я уже знал досконально, тюремное меню заучил наизусть - благо там и учить нечего. В промежутках между едой и прогулкой мы много спали, читали и разговаривали.

У меня опять новый сосед по камере. Как и прежде, не случайный. Без сомнения, КГБ посадило ко мне этого развитого и занятого человека. Он должен был доносить обо мне. Конечно, свои обязанности он выполнял исправно, хотя это не мешало ему относиться ко мне с искренним дружелюбием. История его небезынтересна и проливает свет на некоторые стороны советской действительности.

Дмитрий сидел за незаконную торговлю дрожжами. Работал шофером на дрожжевом комбинате, развозил готовую продукцию по магазинам. На комбинате, как и на других предприятиях, из "сэкономленных", то есть попросту украденных продуктов, изготавливали дрожжи сверх плана. Директор

предприятия имел как бы свое частное "дело" внутри государственного. "Подпольные" дрожжи привозили в магазины, где их продавали наравне с "легальными", а дополнительный доход магазин и завод делили между собой. Дмитрий участвовал в дележе прибыли. Но, кроме того, он просто крал ящики с дрожжами и продавал их втайне от начальства. Итак, у него имелись две статьи дохода: одна - за счет частного предпринимательства директора, а другая - за счет собственной воровской инициативы. Подъехав к магазину, Дмитрий спрашивал продавщицу:

- Дрожжи возьмешь?

- Сколько?

- Два ящика.

- Давай. Почему?

- Двести за ящик и бутылку водки.

- Держи!

И так от магазина к магазину. Жители огромного четырехмиллионного города, где дрожжи были дефицитным товаром, довольны - дрожжи всегда на прилавках. Дмитрия считали порядочным человеком. Крали все, и кража у государства не считается в Союзе безнравственной. Однако когда он попался, обозленный директор комбината не только не взял его под защиту, но и попросту продал - отдал под суд. Дмитрий получил три года. Хотя он не имел высшего образования, парень он был не темный. Его отец - известный советский кинорежиссер. Сам он вращался среди киношников, иногда даже снимался в массовых сценах. Из лагеря, где он отбывал свой срок, в тюрьму КГБ попал из-за своей природной склонности к авантюрам. Однажды замначальника по политчасти спросил его:

- Дмитрий, ты вот бригадир, хорошо знаешь заключенных из своей бригады. Есть ли у тебя такие, которые хотят досрочно освободиться?

- Конечно, есть, - ответил не задумываясь. - Но поведение у них плохое, и поэтому мало шансов.

- Неважно. Назови несколько надежных. Я дам им хорошие характеристики, а из личных дел мы вырвем справки о наказаниях. Это будет стоить 500 рублей.

И завертелось. В игру были втянуты высокие чины. Поэтому, когда дело раскрылось, к нему в камеру стали приходиться работники лагеря и умолять ничего не рассказывать. КГБ перевело его в свою собственную тюрьму: хотели избежать возможного давления на него со стороны и досадить своим конкурентам - сотрудникам Министерства внутренних дел, в ведении которого находится ГУЛАГ. Не сомневаюсь, что Дмитрия в тюрьме завербовали и он стучал на меня. При этом он испытывал ко мне добрые чувства. Однажды утром он даже прочел стихотворение в мою честь, которое он написал ночью. По-видимому, прощался со мной. Накануне его предупредили, что переведут в другое место.

Да, мои первые спутники по тюремной жизни были весьма далеки от совершенства: валютчик, нацистский полицай, вор-авантюрист. Не у кого искать моральной поддержки.

Борьба со следователями осталась позади. Время тянулось тошнотворно долго и однообразно.

За неделю до суда от сестры Евы пришло письмо: "Почему не пишешь? Все знакомые рижане уже давно прислали письма. Что с тобой? Папа чувствует себя неплохо. Пиши. Мы все тебя очень любим". Это было первое письмо, полученное в тюрьме. Я хранил его все лагерные годы, но перед выездом из России его у меня отобрали. Читая письмо, я плакал от любви к родным и от боли за них. И от досады: в отместку за упрямство на следствии мне не передали письма вовремя.

Предстоял суд, и я обдумывал тактику поведения. Суд не казался мне важным событием, я видел в нем лишь пустую формальность. Я считал, что должен вести себя с достоинством, ограничиться ответами на вопросы, не допускать излишнего пафоса. Возможно, я ошибался. Я не знал, что каждое произнесенное слово будет записано и передано на Запад. Я не знал, что за процессом будут следить миллионы людей. Я решил не стараться произвести эффект - ведь в зале суда, кроме родных, будет заранее подобранная публика. Мне не хотелось участвовать в чужом спектакле. Я не политический деятель, использующий суд как трибуну. Я есть я, и я - это частица моего народа. Я стремился к одному: быть верным самому себе, своему народу, Б-гу, Который слышит и больших и малых одинаково. Главный суд и истинное действие совершаются не здесь. Мое слово должно быть кратким и емким, как "Шма Исраэль"⁷.

Тем не менее я обдумал, как одеться: и чтобы не простудиться, и чтобы неплохо выглядеть - ведь в зале будут родные. На мне была безрукавка, сшитая мамой, и

свитер Менделя. Так что меня согревало тепло близких.

С утра тюрьма наполнилась шумом. Настроение праздничное. Всех повели бриться, выдали новое нижнее белье. Потом по одному заводили в комнату, где ждал спецконвой. Высокий полковник в шинели до пят - ни дать ни взять "сталинский сокол" - строго спросил:

- Оружие, золото, антисоветская литература имеется?

- Золото в Израиль отправил, - бодро ответил я.

Обыск. Потом вниз по лестнице к машинам. На каждого из наших - отдельный фургон "воронок". Обычно в нем перевозят по тридцати арестантов. Кортёж из десяти крытых машин в сопровождении синих милицейских "квакушек" мчится в сторону суда мимо усиленных нарядов постовых милиционеров. Жутко, таинственно и торжественно! Недавно один бывший ленинградец рассказал, что наблюдал из своего окна эту черную процессию. Она навела на него такой ужас и такую тоску, что он не выдержал и задернул шторы.

У входа в суд нас ждали родные и друзья. Едва из первого "воронка" выскочил бодрый и подтянутый Марк Дымшиц, как раздался радостный шум приветствий. Толпу немедленно оттеснили, а "воронки" подогнали к самому входу. По команде: "Наверх бегом!" - вдоль коридоров, наполненных милиционерами. Да, влетело им это представление в копеечку!

В зал вводили, когда публики там еще не было. Рассаживали по строгому плану, продиктованному государственными соображениями. Рядом не должны были сидеть близкие друзья - не то договорятся и совершат какой-нибудь политический выпад! Первой ввели Сильву, последним - Эдика. Его и Марка посадили на первую скамью, между ними - "нейтрального" Мурженко, на вторую - меня и Федорова.

Когда меня ввели, я огляделся и впервые после долгой разлуки увидел всех ребят вместе:

- Шаломчик!

Сильва засмеялась, ребята закивали головами. Разговаривать запрещено. За спиной и с боков вооруженные солдаты-конвой. Следят за каждым поворотом головы. Как же, судят "врагов народа"! Сидим за барьером, на четырех длинных скамьях, на которых уместилось бы человек тридцать. Зал, где нас судят, большой. Вот запустили публику.

Не описать нашу молчаливую встречу с родными. Они не плачут. Стараются улыбаться. Вот папа со знакомой авоськой в руках. Хочет передать мне яблоки, но ему не разрешают. Машет мне рукой. Я стараюсь показать, что спокоен и уверен в себе.

Из серой волокиты суда с трудом можно выделить какие-то запавшие в память подробности: микрофон в руках прокурора Соловьева похож на настольную лампочку, а стакан, из которого он пьет, на абжур. Смешно. А еще: адвокаты почему-то пили из его недопитого стакана.

Полгода запрещали писать. А тут - чудо: на время суда выдали карандаши и бумагу. Все формальности растянуты, ибо длительность судебной процедуры должна свидетельствовать о важности процесса и о тщательности рассмотрения дела. В действительности, все это можно было повернуть за несколько часов: исход был заранее предрешен и ясен прокурору и судьям. Это даже и не спектакль, а так, одна форма.

Два народных заседателя - в подражание царскому суду присяжных - люди простые, с трудом улавливающие суть дела.

Первым допрашивали Марка. Он говорил гордо, упрямо и с какой-то внутренней обидой. Его речь звучала очень убедительно, и я подумал, что даже коммунисты-комсомольцы, запущенные в зал по спецразрешениям, не могли не чувствовать правоты и искренности его слов. Казалось, он все сказал - остальным и выступать-то не стоит. Потом дали слово Сильве, а затем неожиданно для меня наступил мой черед. Я думал, что буду выступать завтра, и поэтому даже не подготовил тезисов. Но моя позиция была ясна: никаких претензий к СССР у меня нет. Я хочу одного: попасть на мою Родину... Меня перебил прокурор:

- Русский народ выделил вам Биробиджан и поезжайте туда! Оттуда гора Сион хорошо видна!

Я возразил:

- Позвольте мне самому решать, какое государство, а не область является моей Родиной.

Меня резко и грубо перебивали, задавали много вопросов. На один из них: что делал бы в Израиле, я ответил:

- Материальная сторона меня мало интересует, но я твердо знаю, что могу жить только там!

Припомнилось заверение полковника ОВИРа Кайи: "Сгниете здесь, забудьте об Израиле!" Я решительно отверг обвинение в "измене родине". Израилю я не изменял. Это не моя прихоть жить в Израиле - Б-г избрал народ Авраама, Ицхака и Яакова, чтобы он жил в Эрец Исраэль.

Тут вскочил мой адвокат:

- Правда ли, Менделевич, что вы проходили психиатрическую экспертизу?

Мой "защитник" словно хотел сказать суду, что не стоит обращать внимания на мою болтовню о вере. Это, дескать, признаки ненормальности. Я же расценил его вопрос, как довольно нечистый трюк.

На следующий день судебное заседание началось с допроса Эдуарда Кузнецова. Его выступление отличалось веской аргументацией как с юридической, так и с чисто человеческой точек зрения. При этом, несмотря на весь трагизм положения, его не покидало чувство юмора.

При допросе свидетелей возник спор: применили бы мы насилие, чтобы завладеть самолетом? Мы утверждали, что только в том случае, если бы летчики оказали сопротивление. Тогда всплыл другой вопрос: успели бы пилоты отреагировать на нападение? Вызвали в зал пилота. Передергивая факты, прокурор Катуква обратилась к нему:

- Ну вот, представьте себе: вас ударяют кастетом по голове, засовывают кляп в рот, связывают по рукам и ногам, запихивают в спальный мешок. Вам бы это понравилось?

- Ну, а вам бы это понравилось? - ответил летчик вопросом на вопрос.

В зале раздался смех. Однако получилось, что если пилоту не по вкусу насилие, он оказал бы нам сопротивление, и мы тут же пустили бы в ход оружие. Чтобы разбить этот ошибочный вывод, Дымшиц спросил:

- Скажите, что бы вы успели сделать, если бы вас внезапно схватили за руки двое мужчин?

- Ничего бы не успел, - растерянно признался летчик.

Тут опять Катукова:

- Но ведь у вас был револьвер?!

Однако Дымшиц продолжает:

- Револьвер у вас лежал в портфеле, верно? Вы успели бы его извлечь оттуда?

- Нет, не успел бы, - соглашается летчик.

Но прокурор Катукова не унимается:

- Дверь в кабину должна быть закрытой. Значит, вы успели бы достать револьвер.

Тогда наступает черед Эдуарда нанести неожиданный удар:

- Скажите, когда пилот выходит встречать и провожать пассажиров, дверь в его кабину остается открытой?

- Да, остается открытой.

- А по инструкции?

- Должна быть закрыта.

Итак, Марк и Эдик опровергли утверждение прокурора о том, что мы непременно должны были пустить в ход оружие. Невелика победа? Конечно. Но она демонстрирует боевой дух наших друзей.

Другая схватка с судом произошла из-за цены самолета, который мы якобы хотели украсть. Суд явно завысил цену - шестьдесят четыре тысячи рублей. Дымшиц считал: не более тридцати тысяч. Незаметно наклонившись вперед, тихо говорю Марку, сидящему передо мной:

- Я помню, что самолет был оранжевого цвета.

- Оранжевый стоит тридцать тысяч...

- Ты считаешь, что стоит дать такое показание?

- Попробовать можно. Хотя после суммы в десять тысяч все равно положен расстрел.

Поднимаю руку.

- Гражданин судья! Я вспомнил, что самолет был оранжевого цвета. На нем цифры 2-4-5. Прошу проверить по документам стоимость этого типа самолета.

- Вы, Менделевич, слишком много помните из того, что вам надо. Мы лучше вас знаем цвет самолета. Посмотрите-ка сюда! Это вы помните? - и судья Ермаков показывает мне два кляпа. (Они в три раза больше тех, которые мы когда-то приготовили. Размеры кляпов вызвали бурную реакцию в публике.)

- Я действительно держал в своем мешке кляпы, но не такой величины!

- А, теперь вы вдруг потеряли память! Садитесь и постарайтесь вспомнить.

Второй летчик подтвердил, что самолет стоит тридцать пять тысяч рублей.

Вызвали художника Берга, у которого когда-то учился Боря Пэнсон. Художник смертельно перепуган и, чувствуется, готов давать любые показания. Он поклонился трижды: прокурору, судье и секретарю. В нашу сторону побоялся даже взглянуть.

- Пэнсон всегда был недоволен положением в России. Однажды при встрече со мной он сказал, что в магазинах ничего нет.

Все сидящие в зале знали, что магазинные полки пусты. Такое показание еще ни о чем не говорило против Бори. Тогда последовал наводящий вопрос:

- Высказывал ли вам Пэнсон когда-нибудь свои антисоветские взгляды?

Это тяжелый вопрос, ведь речь шла об ученике. Судья явно наслаждался замешательством еврея.

- Что вы, - опомнился Берг. - Я немедленно принял бы меры!

- Какие?

- Сообщил бы в НКВД.

Он оговорился, и эта оговорка примечательна, так как показывала, какие смертельные страхи захлестывали душу одного из лучших художников Латвии. Он не стыдился своей готовности стать доносчиком. Пятясь задом к двери, глубже натягивая на лоб берет, он покинул судебный зал с чувством выполненного долга - дал показания против Пэнсона. Бергу было тогда пятьдесят пять лет. Он учился еще в довоенной Латвии, помнил основы еврейской традиции и, может быть, не только боялся, но и ненавидел советскую власть.

Но вот два других свидетеля. Люди новейшей формации. Без капли еврейства в душе. Они подличали уже не за страх, а за совесть. Еще тогда, на суде, я решил непременно написать о них. За год до нашего ареста к Арье Хноху приехала родственница из Казани, Аня. Ее поразила наша увлеченность Израилем, наша деятельная вера в него. Возвратясь домой, окрыленная услышанным, она поделилась впечатлениями со своим братом Аликом и его другом. Они тоже приехали в Ригу. Арье - отчаянный спорщик, а ребята вряд ли были подготовлены к потоку информации, обрушившейся на них. Израиль, еврейский народ, советская агрессия в Чехословакии, экономическое и политическое положение в СССР. Арье ошеломлял их безжалостной правдой, которая разрушала их прежние представления обо всем. Но "лобовая атака" не удалась. Парни уехали домой не только не воодушевленные национальной идеей, но и возмущенные несоветским образом мыслей Хноха.

Аня позже справедливо упрекнула Арье в неправильном подходе к ним: "Ты должен был говорить с ними о хорошем Израиле, а вместо этого ты завел речь о плохом Советском Союзе"* . Так она писала в письме к Хноху. Оно было изъято при обыске и привело следствие в Казань, к Алику и его приятелю. Теперь они "чистосердечно" рассказывали суду об антисоветских настроениях Арье Хноха. Прокурор Соловьев подпрыгивал на стуле от радости. Ничего не могло быть печальнее этих двух молодых евреев, с рабским усердием предающих своего же брата. Защитник Хноха поставил под сомнение правдивость показаний:

- Свидетель, можете ли вы привести хоть один конкретный пример подобных разговоров?

- Нет, я не помню, - был ответ.

- Как же вы можете утверждать, что разговоры носили антисоветский характер, если вы их не помните?

- Ну, а разве вы не можете сказать, о чем стихотворение, если даже не знаете

его на память?

- Умница! - прокурор чуть не свалился со стула от восторга и умиления.

Прошло еще несколько дней в пустых формальностях. Адвокаты произносили прекрасно аргументированные речи, но их превосходные выступления были для нас, их подзащитных, бесполезны. Будь я прокурором, непременно прослезился бы от их защиты и всех отпустил бы с миром, но я был лишь подсудимым, а они начинали свои речи стандартной формулой, звучавшей как заклинание от злых духов: "Я, как честный советский гражданин, гневно осуждаю поступок моего подзащитного"

Однако за холодной формулой отречения следовала настоящая профессиональная защита. Она сводилась к следующему: а) статью об измене родине следует заменить другой - незаконный переход границы; б) намерения похитить самолет не было; в) подзащитных судят не за совершенные действия, а лишь за намерение совершить их; г) никто из подсудимых не собирался свергнуть советскую власть.

Затем председательствующий предоставил слово "общественному обвинителю" Медноногову. Увешанный орденами и медалями, он клеймил нас обычными газетными словами:

- Подлые изменники продали советскую родину за кока-колу и жевательную резинку. Неспроста они затеяли свое злодеяние в юбилейный ленинский год, - твердил он глухим голосом. - Неспроста планировали свое гнусное преступление 2-го мая - они хотели испортить праздник мирового пролетариата!

Медноногов требовал для всех нас "высшей меры наказания".

Прокурор Соловьев в своем выступлении не снизошел до полемики с адвокатурой, а лишь подтвердил свою прежнюю позицию. Его речь была слабо аргументирована. Он, разумеется, говорил о "происках мирового сионизма", утверждал, что в Стране Советов нет и не может быть еврейского вопроса, требовал высшей меры наказания Дымшицу и Кузнецову, меня назвал "фанатиком", а Федорова и Мурженко подвел под 64-ю статью на основании вопросов, заданных им во время процесса. Так, он спросил Мурженко:

- Считаете ли вы, что, отбыв первое заключение, стали стопроцентным советским человеком?

Соловьев знал, что для Мурженко нет большего унижения, чем признать себя "советским человеком". На этом и строился расчет прокурора.

- Нет, я не был стопроцентным советским человеком, - последовал ответ Мурженко.

После такого заявления, разумеется, очень удобно в обвинительной речи сделать вывод, что Мурженко сам, мол, признался в антисоветских настроениях, и потребовать для него лишения свободы сроком на четырнадцать лет.

С Федоровым дело обстояло и того проще. Еще в 1962 году, во время первого суда над ним, он написал матери о том, что свобода ему нужна для продолжения начатой борьбы против советской власти. Письмо было перехвачено КГБ, Федорова судили, а затем помиловали и освободили досрочно. Кроме этого десятилетней давности письма следствие не нашло ничего другого, что подтверждало бы теперешние антисоветские настроения Федорова. И тем не менее, потрясая письмом, прокурор заключил:

- Вот видите, он уже тогда вынашивал преступные замыслы!

Вечером 24 декабря 1970 года нас в последний раз привезли в зал суда. Предстояло выслушать приговор. По словам Арье Хноха, накануне был первый день Хануки. Я помнил даты еврейского календаря только до Йом-Кипур: не рассчитывал просидеть дольше. Свечей, конечно, не было. Как же отметить праздник? Я привез в суд яблоки и печенье из своей посылки и раздал их всем ребятам. Восемь евреев, как восемь горящих светильников, стояли перед судом палачей. Еврейский дом в России пребывал в осквернении и запустении уже шестьдесят лет. И все же еще достаточно масла оказалось в сосуде, чтобы зажечь молодые сердца стремлением бороться за освящение Храма.

Суд совещается при закрытых дверях. Ждем уже два часа. Боря Пэнсон встает, чтобы размять затекшие ноги.

- Не положено! Прекратить! Немедленно сесть!

Прибежал сам начальник конвоя, седой полковник. У Бори пошла кровь носом, и его увели в медчасть.

Последние часы перед разлукой. Хотелось сказать друг другу какие-то теплые прощальные слова. Изя Залмансон начал было, но...

- Прекратить разговоры! Молчать! Накажем!

- Как накажете?

- А вот передачи лишим.

Смеемся:

- Тут жизни лишают, а он - передачи!

- Мы-то что, лишь бы баски остались живы, - пророчески пошутил Толя Альтман, проведя параллель между нашим процессом и франкистским судом над баскскими террористами.

- Читали, что в Польше делается? Портовые рабочие в Гданьске начали забастовку, - сообщил Алексей Мурженко. - Когда слышишь такое, легче сидеть в тюрьме...

Приговор. Стоя выслушиваем, как судья Ермаков распределяет подарки по наказу прокурора. Стою и чувствую себя солдатом на посту. Смертные приговоры Марку и Эдуарду встречены в зале аплодисментами. Аплодировать смерти?! Чисто советская реакция "общественности", воспитанной судебными спектаклями конца тридцатых годов. Наши родные кричали: "Позор!". На лице Марка не дрогнул ни один мускул. Сильва закричала, заплакала. Эдуард выдавил: "Никак большевики не напьются кровью. Ну, ничего, когда-нибудь они в ней захлебнутся!" Остальные приговоры были встречены спокойно. А из публики судье преподнесли цветы.

Наши близкие, вскочив на стулья, кричали: "Вам не придется сидеть весь срок! Запад знает о вас!"

И вдруг я увидел, как папа вступил в спор с каким-то "представителем общественности". Я забеспокоился: место и время дискуссии выбраны неудачно. У папы уже было несколько инфарктов, волнения ему ни к чему. Приговоры нас не потрясли - мы были готовы к жестокостям. Я чувствовал потребность в каком-то демонстративном действии. "Гатикву"8 что ли запеть или "Песню Пальмаха"? Но не нашлось никого, кто бы начал. Никого не тянуло на патетику. Сроки суровые и большие.

Выводили Эдика. Сильва рванулась к нему. Конвоиры ее схватили. Я оттолкнул одного из них, товарищи других, и под нашей защитой Сильва, вся в слезах, уже стояла возле мужа. Подоспело подкрепление конвоиров во главе с майором.

Эдика с Сильвой растащили в разные стороны. Мой адвокат пытался меня успокоить. Я попросил увести отца из зала - как бы его не арестовали. В толпе споривших с папой я видел знакомые морды кагебешников. Я подошел к Марку и Эдику. Обнялись, расцеловались - до встречи! В исполнение приговора я не верил. Ни минуты не верил.

Несколько ночей тюрьма не могла уснуть от громких рыданий Сильвы.

Начались свидания с родными. Завершился еще один этап нашей борьбы за возвращение на родину. И мы не считали, что это конец или поражение.

Свидание с родителями было тяжелым. Папа почти не мог говорить, губы его дрожали, и слезы катились по лицу. Пятнадцать лет, к которым меня приговорили, не шутка... Я всегда гордился отцом. Я знал, что он сильный человек, я всегда хотел видеть его сильным. Горько было сознавать, что причинил ему страдания и подорвал здоровье. Мама не плакала. Переходя с русского на идиш, которого не понимал надзиратель, она помогла мне понять, что происходит в мире.

За стенами тюрьмы еврейские активисты каждый день передавали информацию о нашем процессе иностранным корреспондентам. За большие деньги специальный нарочный ежедневно отвозил в Москву записи, сделанные нашими родными в зале суда. Потом все переводили на английский и составляли сообщение для прессы. В этой опасной работе принимали участие Владимир Буковский, Владимир Тельников, Галина Ладыженская и другие.

Конечно, власти не хотели гласности, но помешать не могли. Еврейское национальное движение пробило брешь в тоталитарном безмолвии. Борьба евреев по-новому поставила проблему прав человека в Союзе, и становилось ясно, что насилие не может быть вечным и всемогущим.

23 декабря 1970 года шесть баскских националистов были приговорены испанским судом к смерти. 26 декабря Франко отменил смертные приговоры. Теперь советские коммунисты выглядели более жестокими, чем фашист Франко. Двадцать четыре государства сделали официальные заявления по поводу нашего процесса. Коммунистические партии Франции и Италии увидели в огласке происходящего в России угрозу их престижу. Социалистический интернационал, Римский папа, лауреаты Нобелевской премии выступили с протестом против приговоров. В Америке прокатилась волна демонстраций в поддержку евреев СССР. Движение возглавили Гленн Рихтер и Яков Биренбойм. В Лонг-Айленде Комитет в защиту советских евреев

во главе с Линн Сингер организовал демонстрацию, в которой участвовало более пятидесяти тысяч евреев. В Советском Союзе тоже не молчали. Академик Сахаров послал телеграммы протеста Брежневу и Никсону. Москвичи, ленинградцы, рижане, родственники и знакомые осужденных и те, кто с ними не был знаком, писали коллективные письма и телеграммы Подгорному, председателю Президиума Верховного Совета СССР, председателю Верховного суда СССР, Генеральному прокурору СССР, Брежневу, президенту США Ричарду Никсону, Комиссии по правам человека при ООН, в израильский общественный комитет солидарности с евреями СССР. Под этими письмами стояли адреса подписавшихся. Это означало, что их в любой момент могли привлечь к ответственности, взять под наблюдение КГБ, выгнать с работы. Но вопреки всему они не боялись. Ста смертям не бывать, а одной не миновать. Молчать уже было нельзя.

А у нас, в тюрьме, все происходило так: через день после вынесения приговора в дверь моей камеры просунулась голова надзирателя:

- Менделевич, кассацию написали?

- Нет, нужно подумать. Не написал еще.

- Нечего думать! Пишите! Я приду через полчаса.

Удивившись такой спешке - к чему бы это? - я сел писать: "Все совершенное мною продиктовано национальными и религиозными убеждениями. Считаю, что суд вынес мне жестокий приговор и он должен быть изменен".

Через полчаса прибежал надзиратель:

- Готово?

- Да, готово, возьмите!

Минут через десять опять прибежал:

- Вот вам лист бумаги получше - перепишите!

Переписал. Снова пришел:

- Что так мало написали? Надо еще добавить!

Вот еще новости: надзиратель будет меня учить, как писать кассацию! Мне эта суета казалась смешной, хотя я и понимал, что все неспроста. История политических процессов за последние шестьдесят лет, вероятно, впервые зафиксировала такое. Из Москвы пришла директива немедленно пересмотреть дела. Наши кассации были отправлены в столицу через день после вынесения приговора, хотя по закону должны пройти две недели со дня судебного постановления.

29 декабря 1970 года в 10 часов утра Верховный суд РСФСР под председательством Л. Н. Смирнова приступил к рассмотрению наших кассационных жалоб. 30 декабря в 11 часов утра было оглашено определение Верховного суда РСФСР об отмене смертной казни Дымшицу и Кузнецову и о сокращении некоторым из нас сроков заключения. Управились всего за пять часов - не то что раньше тянули канитель на процессе. Да и чего там обсуждать, если приказ об изменении приговора исходил от самого Брежнева.

Все дни после суда Марк и Эдик провели в камере смертников, где предусмотрено все, чтобы предотвратить самоубийство: стол и стул без острых углов привинчены к полу, на руках постоянно наручники, прогулки и чтение запрещены. Можно с ума сойти от мысли о близкой смерти. Марк рассказывал мне потом, что он в первый же день после приговора убедил себя, что скорая смерть лучше многолетнего заключения в совконцлагерях. Да, Марк - человек сильной воли! И вдруг его вызывают к начальнику тюрьмы Круглову. Мелькнула мысль: "Зачем? Неужели уже... Под новый год..."

Но сообщают:

- Вам телеграмма от адвоката: "Смерть заменили. Поздравляю".

- Я вас перевожу теперь в общую камеру, хотя официального распоряжения на этот счет еще не получил, - заявляет ему Круглев.

Тюремщик-либерал, да и только!

Я узнал обо всем лишь второго января, ведь первого праздник - новый год. Принесли "Правду": "Враждебные Советскому Союзу круги на Западе поднимают шумиху по поводу кучки преступников, посягавших на жизнь советских летчиков..." Ну, это мы уже слышали. Читаю дальше. Что это?.. "Гуманный советский суд нашел возможным отменить смертные приговоры..." Однако ни слова о других осужденных.

Стучу два раза в соседнюю камеру и приставляю кружку к стене:

- Арье, может в "Ленинградской правде" о других что-нибудь написано?

- Да! Тебе три года сняли, мне и Толику по два.

- Поздравляю!

Надзиратель уже у двери.

- Прекратить разговоры!

К счастью, пока я разговаривал, мой новый сокамерник заслонял глазок, и надзиратель толком ничего не мог разглядеть.

Новый сосед по камере - француз Мариус. Шофер из Магадана, легендарной и страшной столицы сталинских лагерей. Мариуса арестовали за попытку бегства из СССР. Его родители, коммунисты, приехали с ним в Россию после Второй мировой войны. Мариус так и не смог привыкнуть к советскому образу жизни, не захотел даже выучиться как следует писать по-русски. Его не покидала мысль о загранице. Завербовался работать шофером на Камчатке, ближе к американской границе. Несколько раз пытался ее перейти, за что и отсидел уже три срока. Но он не отступал от задуманного. Объездил многие портовые города Союза - Одессу, Ригу, Клайпеду, надеясь подкупить вахтенных и попасть на иностранный корабль. Не получилось. В Выборге Мариус познакомился с Толей Мокроусовым, видным комсомольским работником города. У того был собственный катер. Мокроусов входил добровольцем в группу, патрулирующую по заданию КГБ морскую границу СССР с Финляндией. В течение трех дней Мариус накачивал Мокроусова коньяком и водкой, умудряясь при этом оставаться трезвым. Потом он вручил ему две тысячи рублей, деньги немалые, и попросил отвезти его к границе. Видно, Мариус так напоил своего "спасителя", что тот, перепутав направление, вместо Финляндии вышел напрямиком на пункт пограничной охраны...

Так рассказывал Мариус, так сообщала об этом "происшествии" "Выборгская правда", так излагал эту историю Толя Мокроусов, с которым впоследствии свела меня тюрьма. "Вот негодяй - напоил меня водкой и посадил, - заканчивал Толя свой рассказ. - Ну, ничего, освобожусь, буду строить коммунизм. Жаль только, катер больше не разрешат держать!" Очевидно, денежки за предательство этот "патриот" припрятал и ждал освобождения, чтобы их как следует потратить. Человек, продавшийся за деньги, был помилован своим государством и вернулся "строить коммунизм". А мы, не предававшие и никого не подкупившие, только за попытку покинуть СССР получили длительные

сроки.

В тюрьме Толя ел яблоки и угощал меня ими. Яблоки были отменно хороши. Дом, в котором жили его родители, до 1939 года принадлежал финнам. Там был чудесный яблоневый сад. Как-то я сказал Толе:

- Вот ты осуждаешь Израиль и называешь его агрессором, а сам живешь в доме, отобранном у финнов...

- Они первые напали на нас. После этого мы и отобрали у них земли.

- Русские напали на финнов без всякого повода. Это весь мир знает. В любом случае, земля-то ведь их. А Израиль возвратил себе территории, которые испокон веков были еврейскими.

- Израиль должен все земли отдать арабам.

Аргументы и факты в споре с ним бесполезны. Когда речь идет об Израиле, логика не нужна, хватает и естественного антисемитизма.

За время скитаний по лагерям и тюрьмам Толя и Мариус встречались со многими моими товарищами. Стопроцентный советский человек, Мокроусов, был наглухо закрыт для любых идей, кроме тех, которыми наспивовала его советская пропаганда. Мариусу, наоборот, идеи сионизма были понятны, он много расспрашивал об Израиле и пытался даже изучать иврит.

Между тем суды над участниками еврейского движения за выезд продолжались. Зеэва Залмансона должен был судить военный трибунал, так как он после окончания сельскохозяйственной академии служил в армии.

Однажды утром меня привезли в суд в качестве свидетеля. Долго держали в милицейском воронке. Вдруг я почувствовал, что в соседнем отсеке еще кто-то есть. Оказалось, Эдик. Вот здорово!

- Эдик, жаль, что на суде нам не удалось занять какую-то общую позицию. Да и на следствии вели себя не блестяще!

- Люди есть люди! Только браки заключаются на небесах!

- Что делать, если освободят не скоро? Как бороться?

- Можно начать голодовку. Только нужно заранее договориться. Возможно, потребуются годы...

Услышав, что мы переговариваемся, конвоиры немедленно вывели нас из воронка и рассадили по разным камерам.

На суде меня спросили о причинах, побудивших Залмансона бежать за границу.

- Желание жить в Израиле, там, где только и возможно полноценное существование еврейского народа, - ответил я.

- Менделевич, здесь не сионистский митинг! Нечего заниматься пропагандой, - одернул меня судья.

Конвой вывел меня из зала. Путь преграждает толпа. Пожилая женщина кидается ко мне:

- Ах ты сволочь очкастая! За золото родину продал! Дайте мне его! На куски разорву!

Даже солдаты рассмеялись:

- Уймись, бабка! Чего раскричалась?!

...А мой адвокат, Ария, заметил, что евреи очень недовольны моим выступлением. Оно, мол, наносит вред их положению в стране! Ну, наносит вред, так наносит! Почему, собственно, надо поддерживать их рабское положение? Я не хотел им вредить, но потревожить беспечных рабов - совсем не вредно.

После суда я провел в тюрьме еще полгода. Меня возили на второй ленинградский и рижский процессы. Суд по делу ленинградского сионистского комитета начался 11 мая 1971 года. И вот я, уже осужденный, в роли свидетеля оказался в том же зале, где недавно сам сидел на скамье подсудимых. За барьером девять комитетчиков, членов Всесоюзного координационного комитета. Бледные, испуганные. Я с ними не знаком. На вопросы судьи у меня давно заготовлен ответ:

- Отказываюсь давать свидетельские показания, так как не считаю себя свидетелем. Наши процессы разделены искусственно. Суды в Ленинграде, Риге и в Кишиневе - это все один и тот же суд против еврейского национального движения. На таком суде я не свидетель, а подсудимый!

Понимая, что пользы от меня не будет, суд решает освободить меня от свидетельских показаний. Поворачиваюсь к ребятам, сидящим на скамье подсудимых:

- Шалом!

Ни звука в ответ. Видно, КГБ запугало их нашими приговорами. С места для представителей прессы поднимается Евсеев, автор известной антисемитской книги "Фашизм под голубой звездой", и кричит:

- Шут гороховый!

Ну уж, не ожидал, что корреспондент будет так себя вести. Не отличаясь особой находчивостью, бросаю ему в ответ:

- Сам ты шут гороховый!

Конвой тычет в спину:

- Вперед! Не разговаривать! Не останавливаться!

У выхода из здания суда вижу еврейские лица. Родственники подсудимых. Приветственно машут руками, передают приветы от папы.

...Последняя неделя в Ленинграде. Органам стало ясно, что в качестве свидетеля я на суде бесполезен. Значит, меня скоро отошлют в лагерь.

Родные надеялись увидеть меня еще раз на рижском процессе, но судебный исполнитель огласил в зале суда:

- Менделевич болен. Привезен быть не может!..

Я, конечно, был вполне здоров. Близкие огорчились и забеспокоились.

29 мая 1971 года. Собираюсь "с вещами". Тяжело это делать под постоянные окрики надзирателей. Ни чемодана, ни мешка у меня нет. Одни лишь свертки. И всего две руки. В дорогу выдают буханку хлеба и селедку. С трудом тащу пожитки. Помощи ждать не приходится.

Перед самой посадкой в воронок комендант тюрьмы вдруг обращается ко мне:

- Менделевич, вам почта. Не успели выдать.

Телеграмма: "29 мая уезжаем на родину. До встречи. Саша. Ривка. Ева". Нельзя не верить в символичность таких совпадений: в день, когда я на целое десятилетие отправляюсь в лагерь, мои родные возвращаются навсегда к себе домой. Там, дома, мы встретимся спустя много лет. Путь веры, как бы он ни был долог, ведет в Иерусалим.

Это произошло в праздник Шавуот.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

Йосеф Менделевич

Операция "СВАДЬБА"

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

Глава третья: ЛАГЕРЯ

Итак, предстояли долгие годы в лагерях. Новые перемещения во времени и пространстве выявляли различные стороны моего характера и души. Но мой рассказ - это не столько регистрация событий на нелегком пути в Израиль, сколько история поисков истины и самого себя. История поисков Б-га. Я всегда чувствовал Его присутствие и, как всякий верующий человек, жил в состоянии непрерывного поиска...

Я устал от свертков, выпадавших из рук, от духоты раскаленного на солнце воронка. Кислая капуста, которую дали в обед, подавала из желудка тревожные сигналы, а потом и вообще выплеснулась наружу. Голова болела, сердце сжималось. Машина тряслась по Ленинградскому шоссе, вытряхивая из меня остатки сил. В таком состоянии доставили на железнодорожную платформу, прямо к вагонзаку.

В узком вагонном коридоре по одну сторону - окна, по другую - решетки. За решетками отсеки, восьмиместные камеры. В каждую набито человек по двадцать. Удушливая вонь - не продохнуть. Сизый дым махорки поднимается вверх, повисает густым облаком. Мне повезло - запихнули в одиночку. Там можно либо стоять навтыжку, либо сидеть полусогнувшись. Я свалился на полку, бросив надоевшие свертки. Отдохнув немного, занялся чемоданом, который папа успел передать мне перед отправкой. По совету опытного зэка, составил список самого необходимого, и папа все в точности выполнил. Настоящее богатство! Котелок на два с половиной литра, десять пачек цейлонского чая, две плитки шоколада, пачка молотого кофе... Белая эмалированная кружка (я и по сей день пью из нее чай в Израиле)... Стальная ложка. Две рубашки и два свитера, огромные кожаные сапоги - вещи незаменимые в лагере. В полотняном мешке два килограмма твердого как камень сахара, восемь книг, но, увы, среди них нет Танаха; а на дне мешка - связка писем. Тюремное начальство не вручало их мне, и только теперь я получил их. Вот это удача!

Два письма на иврите из Израиля; письмо с фотографией от Менделя. Он снялся у развалин Масады. Живет в Иерусалиме! Учится в ульпане и не забывает нас. Письма от Камайских и от других рижан: "Мы знаем, что смогли уехать в Израиль только потому, что ты тут. Мы не забудем". Я был счастлив: меня помнили и любили; люди уезжали в Израиль. Было ради чего жить!

Потом я принялся шить вещмешок из плаща: зашил перед и ворот, вместо наплечных лямок пришил пояс. Теперь я смогу надеть мешок на плечи, а чемодан взять в руки. Иголку спрятал в пачку чая - чтобы не отобрали. К этапу готов.

Покончив с хозяйственными делами, стал оглядываться и прислушиваться. И вдруг:

- Эй, сосед, ты кто?

Опасный вопрос. Если начну, придется выложить все до конца: уголовники - народ дотошный. Делать им все равно нечего. Вроде сочувствуют:

- Двенадцать лет дали? Вот злыдни!

Но на уме у них другое:

- Слушай, может у тебя какие вещички есть?

- Да нет у меня ничего.

- Брось, ну там ботиночки какие или костюм?

- Нету.

- Может, деньги? Мы тебе сейчас все достанем...

- Нет у меня денег.

- А чемодан чего большой? Может, везешь с собой что...

- Это у меня книги. -

Ну дай чего почитать. Про шпионов или про баб... -

- У меня только учебники...

- Да ты что, учиться в лагере надумал? Это тебе не школа. Слушай, а может, у тебя тетрадка есть? Я стихи пишу.

- Тетрадь есть. На пересылке дам.

За разговорами не заметил, как тронулся поезд. Заключение глазуют в окна: недостижимая жизнь на воле...

- Глянь-ка! Баба идет, а за ней собака бежит, - говорят те, что постарше.

А молодые долго не задерживаются у окна, заводят знакомство с арестантками из соседней камеры:

- Эй, Надька там есть?

- Есть Надька, есть! А тебя как зовут?

Вместо ответа раздаётся что-то похабное. Женская камера заливается восторженным смехом. Потом оттуда выдают такой забористый мат, что даже мужчины смолкают. А затем в наступившей тишине как ни в чем не бывало:

- Ну, мужики, что приумолкли? Как здоровье? А то мы здесь совсем засохли!

- Молоденькие у вас есть? Познакомиться бы!

- Да мы тут все молоденькие!

- Что, не старше пятидесяти? - гогочут мужики.

Завязывают знакомства, пишут любовные записки. Их передают вдоль стены, свернув в трубочки. Хорошо, если политическая камера в конце вагона. А если в середине, рядом с женской!.. Тогда превращаешься в посыльного, рискуя попасться. За это не накажут, но записку отберут и пригрозят. Да и хозяин записки пристыдит:

- Что же это ты отдал ему?

- Не драться же мне с вертухаем!

- А ты бы быстрее работал, разиня!

Может, вообще отказаться? Но десятки кулаков колотят в стенку камеры: "У, сволочь!"

Это один аттракцион. Другой - выдача воды.

- Начальник, воды!

- Забыли наполнить баки. Ждите до следующей станции.

- Да помираем же, пить охота! Селедкой кормите, а пить не даете! Фашисты! Изверги!

После длительной перебранки откуда-то появляется бак с противной на вкус водой. Каждому по двести пятьдесят граммов. Пьют. Просят еще. Требуют.

И еще аттракцион - оправка.

- Когда поведут в туалет? Когда?.. Когда?.. Когда?..

Животы сводит болью. Ведь хлеб и селедку, которые выдают на два дня, уголовники съели сразу. И начинается:

- Начальник! Веди в туалет! Чего, как ждать? Не отведешь - наделаю прямо в сапоги.

Не ведут. Тогда ээки начинают бить ногами в дверь. Появляется заспанный начальник вагона. Он в майке. От него пахнет теплом и пищей.

- Ну, ребята, ну что вы, - увещевает он расшумевшихся заключенных.

Он здесь как у себя дома. В таких арестантских вагонах он провел больше времени, чем любой из нас. Приказывает выводить в туалет.

- Руки за спину! Лицом к стене! Быстрее, быстрее! - покрикивает конвоир. И вдруг слышу:

- Читал в газете про "Свадьбу"?

Это один солдат спрашивает у другого и сам отвечает:

- Про него весь мир говорит, а он у меня теперь сидит в сортире!

Честолюбие удовлетворено. Но ему все же мало:

- Эй, чего воду пьешь? Не положено! Назад! Бегом!

Возвращаюсь, а в лицо и в спину летят шуточки уголовников:

- А, профессор! У, очки разобью!

- Эй, солдат, дай-ка его к нам в камеру! Мы с ним поладим!

В своей одиночке молюсь, стоя у решетки и слегка раскачиваясь. Но тут дверь открывается - входит начальник караула. Не из-за молитвы. Просто обыск. Хотят потешиться над "мировой знаменитостью". С трудом отстаиваю каждую вещь, которую грозят отобрать.

- Это что такое, а? Почему у вас книги? Не положено!

- Мне прокурор разрешил!

- Здесь я прокурор!

Но так ничего и не забрали - лишь поиздевались над своей жертвой. Как кошка с мышкой: придушит - отпустит, придушит - отпустит.

- Ты чего пригорюнился? Не бойся... Кончишь срок, освободишься, сыграешь свадьбу, детей заведешь...

Это солдат, который минуту назад топтал мои письма? Да, тот самый.

- А я и не горюю. Я знаю, что все будет в порядке...

- А об Израиле своем и не думай! Не попасть тебе туда! Здесь сдохнешь! - не выдержал он. - Рассказал бы лучше, как самолет собирался украсть! Не хочешь? Ну ничего, посидишь лет десять, станешь разговорчивей. Я вот тут одного вез. Двадцать пять лет сидит. Так он все просил, чтобы я с ним поговорил. И ты попросишь... Вспомнишь еще меня...

И точно: через десять лет я стал более общительным. Только не с

надзирателями, а с заключенными.

- Такой же будешь, как они! - ухмыльнулся мой доброжелатель и ушел лаяться с уголовниками.

Таким, как они? Нет, ни за что! Не поддамся! Этому болоту меня не засосать! Назад, в свой мир, к письмам, к фотографии Менделя на фоне Масады. И тогда сложились строки:

Не хочу терпеть тоску тягучую,

Разбирать: к лицу иль не к лицу,

Сквозь миллион случайностей и случаев

Так и течь к известному концу.

Может, чуточку себя обманывать

И играть, закрыв на все глаза,

И не надо наперед загадывать...

Нет! Так не могу я, так нельзя!

Но мечтаю о предельной ясности

Жизни без оглядки до конца.

Воевать, не замечать опасности,

С гордостью и верою в Творца.

Не знаю, прочтет ли их кто-нибудь. И вообще, кому они нужны? Кому? Мне! Это моя молитва, которую я повторяю в трудную минуту.

Так, запертый в железной клетке, двое суток напролет пересекаю просторы советской империи.

Наконец прибыли. Быстро собираем вещи. Выскакиваем из вагона. Под дулами автоматов садимся на землю. Через некоторое время команда: "Встать! Бегом к машинам!" Везут в пересыльную тюрьму. Трехэтажный серый дом - строение прошлого века. Не разберешь: то ли деревянное, то ли глинобитное.

Толстый капитан семитского типа весело объявляет:

- Я называю фамилии, каждый отвечает: "Я", снимает фуражку и проходит!

- А если не сниму? - осведомляюсь я.

- Обязаны снять!

- А вы представьте себе, что я снял!

- Тогда представьте себе, что я вас покормил!

Обыск. Все отбирают и сдают на склад. Отстаиваю Шолом-Алейхема. Ведь это моя единственная еврейская, на идише, книга. Я держу ее крепко, и капитан, пораженный моей настойчивостью, спрашивает:

- За что сидишь?

- За сионизм!

- А... Так это ты - "жених"?

Капитан, должно быть, читал в газете про "Свадьбу".

Не везет: я единственный политический. Для меня нет отдельной камеры, поэтому держат в карцере, хотя никаких нарушений режима за мной не числится. Но пока ничего, жить можно. Я молод и здоров. И хлеб у меня есть. Вытерплю. А рядом один уже полчаса канючит:

- Сержант, хлебца нет. Жрать охота...

- Не положено. Съел свое и молчи!

- Сержант! Помираю - есть хочется! Дай хлебца!

- Откуда же у меня? Здесь тебе не лавка! Я подзываю надзирателя:

- Отдайте ему мой хлеб. Остался с утра.

- Не положено! Заметят - выгонят с работы!

Он ходит взад и вперед, а жалобные стоны зэка и мои просьбы не прекращаются. Наконец не выдерживает:

- Ладно, давайте, только немного!

Разглядываю его узкое лицо с щелочками раскосых глаз. Кто он? Татарин? Отдаю весь утренний хлеб. И вот уже из соседней камеры доносится:

- Спасибо, спасибо за хлеб!

Рад, что удалось накормить человека! Рад, что у надзирателя еще сохранилось чувство сострадания к людям. Позже узнал, что заключенный, просивший хлеба, - еврей. Студент. Москвич. Получил десять лет за спекуляцию валютой. Эх, думаю, парень, как впустую тратишь ты силы! Уж лучше сидеть за попытку прорваться в Израиль!

Через два дня:

- Менделевич, на прогулку пойдете?

- Конечно!

Одеваюсь потеплее и выхожу во двор. А там, оказывается, лето, жарища. Небо звенит от зноя, лениво гудят мухи над головой. В воздухе коричневая пыль. За забором тюрьмы, на косогоре, мужик пашет черную блестящую землю. Все на своих местах. Только меня вырвали из почвы и пересадили в холодную тюрьму. Но вдруг я почувствовал себя частицей живого и теплого мира. Внезапно ударил гром и хлынул дождь. Я укрылся под маленьким навесом и замер от радости.

Через несколько дней - этап в лагерь. Снова обыск. На этот раз в тюремной уборной, предназначенной для пятидесяти человек. Подвозят бочку с тухлой килькой. Каждый берет, сколько хочет. Свобода.

Везут на станцию. Среди бела дня, на глазах у людей, без всякого стеснения, запихивают в теплушку. Вероятно, жителям не впервой это видеть! Находятся сердобольные и протягивают кто кусок хлеба, кто папиросы - у кого что есть.

Конвоиры их отгоняют.

Едем. В вагоне на верхней полке оставляю пальто и костюм. Лучше выкинуть, чем отдать тюремщикам. Последняя остановка - Потьма. В названии, несомненно, обозначена Т-Ь-М-А. Из Потьмы развозят по лагерям Дубровлага - целой тюремной области.

Нас триста шестьдесят, а машин всего четыре, в каждой тридцать мест. Толстый майор приказывает:

- Женщины и дети пешком! Тут недалеко.

Меня, опасного политического преступника, запихивают в одноместный бокс воронка. Там уже кто-то есть. Устраиваюсь у него на спине. Он не жалуется, только просит ботинок на голову не ставить. Знакомимся. Сидит семнадцать лет. Сейчас его переводят в другую зону за участие в лагерной забастовке. Рассказываю о себе. Слушает внимательно и сочувственно.

Приехали. Открываются дверцы машины, и мы, истекающие потом, вываливаемся как спелые сливы из корзины - грязные и мятые.

Вталкивают в камеру. Она человек на сто. У стены огромная, как сундук, параша. Около нее лужи. Вонь страшная. Сидят на нарах, на полу, кто-то даже устроился на параше. Под окном свободнее, там человек пять-шесть. Расстелили одеяло на нарах, сидят как на ковре, посасывают конфеты и едят рыбные консервы. Откуда это у них? Кто они? Воры в законе. Главари воровской мафии. Они устанавливают свои порядки: без их ведома не дерутся, не воруют. У них своя власть для своих, для воров.

Постояв немного и оглядевшись, замечаю, что неподалеку от воров расположилась другая публика: держатся спокойнее, говорят тише, чем-то заняты. Один из них приглашает меня подсесть к ним. Говорит с армянским акцентом. Расспрашивает, за что посадили. Отвечаю. Становится тихо. Моя аудитория - человек сто. Сыплются вопросы об Израиле, о еврейской вере и о том, почему евреи в мацу подмешивают кровь младенцев, и правда ли, что в Израиле открыли средство против рака, и верно ли, что у них есть своя атомная бомба. Словом, бесконечные "почему" и "правда ли". Стараюсь отвечать спокойно и обстоятельно. Вдруг армянин достает из чемодана потрепанную книжку об Израиле. Издана в Союзе. Он хвастается своими познаниями, приводит на память данные об урожае, экспорте, вооружении.

Потом начинается священный ритуал приготовления чая. Варить чай в тюрьме

категорически запрещено, но воровать ведь тоже запрещается... Варят чай так: тряпкой обматывают ложку и вставляют в ручку кружки (для изоляции), кружку держат над горячей газетой, скрученной в жгут. Минут через пять чай закипает. Пьют его только воры. В знак гостеприимства и особого расположения меня приглашают присоединиться к ним. Но я остаюсь с армянином.

Ночью спим, тесно прижавшись друг к другу. Наутро оказывается, что пока я спал, из моего мешка стащили вещи. Выяснить, кто это сделал, невозможно - старая смена уехала, привели новеньких.

К вечеру камера опустела, и я ночевал в ней один. Вышвырнул за окно ключи от рижской квартиры - улица Кирова, дом 18, квартира 3. Не вернусь больше в Ригу. Я-то знаю, что мой дом, который я открою своим ключом, будет только в Иерусалиме! Перед тем, как выбросить ключ, я нацарапал на стене самолет и написал на иврите: "В Эрец-Исраэль!" Мой знак друзьям. И действительно, рассказывали потом, что видели на стене этот мой рисунок.

Ранним утром повезли в лагерь. Под конвоем двух молоденьких солдат-автоматчиков с собаками нас вели через поле к закрытой машине. Погрузили, и она затряслась по лесной немощеной дороге. Меня укачало. Я предусмотрительно снял очки и отдался на волю "стихии", скорчившись и катаясь по воронку. Конвой смеялся над моими акробатическими номерами. Ни следа обыкновенного человеческого сочувствия у этих молодых садистов. Но в досталь насмеявшись надо мной, они испугались, как бы их жертва не испустила дух, - приказано ведь доставить живым. Остановили машину и выпустили меня на свежий воздух. Я сделал несколько шагов и упал лицом в траву. Придя немного в себя, услышал стрекот кузнечиков. И вот... я снова вместе с мамой гуляю по лесу, собираю ягоды и набираюсь сил для школы. Однако долго лежать не дали:

- Так весь срок проваляешься! Вставай! Поехали дальше. У конвоиров развязались языки:

- Что, студент? Небось, книжки читал, вот и дочитался!

Откуда у этих молодых советских солдат такая ненависть к книгам и к их читателям?!

- Ничего, скоро попадешь к своим демократам, - утешили они меня.

Дорога оказалась короткой, и вот я уже "дома". Зона ЖХ-389/17. Поселок

Озерный. Озера не видно, зато пыль повсюду.

Первым делом шмон. Дежурным по лагерю был приткий человечек с живыми глазами и острой мордочкой по кличке "Интеллигент". Обо мне он читал в газете и вел себя со мной уважительно. Позволил даже взять в зону израильский берет и ботинки, а сапоги и свитер не разрешил. Нашел в чае иголки и рассмеялся:

- Зачем спрятал? Не разрешается...

Наконец впустили в зону. Большой двор. Пять деревянных бараков. Деревья, трава и цветы. Настоящая деревенька. Тихо, спокойно. Один, без конвоя шагаешь по земле и не веришь. Б-же мой, по земле! А над головой небо, солнце! Иди, куда хочешь! Хочешь - направо, хочешь - налево! Подошел к бараку. Сам нажал на ручку, сам дверь толкнул. Отворилась... И это после наглухо запертых дверей тюрьмы! Да это же чудо: могу ходить, куда хочу. Могу войти и выйти... В самом деле - чудо. Внутри барака прохладно. Кровати застланы белыми простынями, голубыми и розовыми одеялами; на окнах сетки от мух. Старики чинно сидят на табуретках. На мое приветствие отвечают вежливо и смотрят с интересом. Присмотревшись, замечаешь, что стены давно не крашены, пол прогнил, крыша на подпорках еле держится, но все-таки человеческое жилье, а не каменный мешок тюрьмы! Соседний барак, правда, совсем недавно служил хлевом для свиней, но это уже детали! Лагерь построили немецкие военнопленные в 1944 году. Неподалеку, в болоте, гниют их кости. Вокруг лагеря одни болота, поэтому подкоп и побег невозможны. За болотами стеной стоит лес, а в самом лагере - туча комаров и тяжелая влажность.

Из-за отсутствия лагерного опыта я сразу стал укладывать свои продукты в тумбочку. Старики глазели с интересом. Но я их не понял. Не знал, что прежде всего нужно угостить, а потом лишь раскладывать вещи. Не уловил и яда в простодушном предложении:

- Если места не хватит, есть еще одна тумбочка!

Вошел дежурный:

- Произошла ошибка. Согласно правилам внутреннего распорядка вы сперва должны пройти карантин, а потом уже войти в зону. Собирайтесь в карантин!

Карантин в трехстах метрах от лагеря. Опять конвой. Ведут по улицам поселка. Здесь живут только те, кто по работе связан с лагерем. Вся Мордовия с начала тридцатых годов покрыта такими поселками. Во всей республике - полтора

миллиона человек, и никто не спрячет беглого арестанта. Его немедленно выдадут властям. Прежде за поимку беглеца давали полмешка муки. Не знаю, чем награждают сейчас.

Для чего карантин? Формально - для выявления инфекционных заболеваний. Фактически - обломать арестанту рога, показать "кто здесь хозяин". Я запротестовал:

- Сколько меня продержат в карантине? Сказали в карантин, а посадили в карцер! Позовите начальника!

- А, права качаешь? Затем и карантин, чтобы ты понял, что прав у тебя нет! Здесь пробудешь, сколько потребуется! Начальник придет, когда сочтет нужным!

- Почему вы так со мной разговариваете? Объясните!

Дверь захлопывается.

- Сиди, сиди, пока злость не выветрится! Ишь, какой умный нашелся!

В лагере иное понятие времени: чем больше ты чего-то хочешь, тем медленнее оно приходит... Так начинается психообработка. Ты можешь принять их время и покорно отдаться его течению. А можешь и выпасть из их времени и остаться со своим собственным отсчетом. Уйти в свой мир. Мой мир - Израиль и еврейский народ. Мое время - иерусалимское. Я тут, и меня здесь нет; я недосыгаем для своих тюремщиков.

Тихо. Видно, я один. Но нет. Кто-то есть. И верно: рядом со мной кто-то строит свой мир, похожий и непохожий на мой. Это Эдик Химиляйнен, финн из Ленинграда. Давно о нем наслышан. Он поджег на улице стенд, посвященный столетию со дня рождения Ленина. Простые советские люди схватили его, избили и сдали в милицию. Жалея его молодость, следствие хотело оформить дело как уличное хулиганство. За это полагалось максимум три года. Но Эдик возражал: "Это не хулиганство, а поступок из политических соображений. Большевики уничтожили демократию!" Ему отвалили семидесятую статью: подрыв советской власти. Пять лет заключения. Теперь он "доволен". Беседуем с ним через окошко:

- Я понял: мое место не в России. Нечего мне тут менять их строй. Каждый народ живет в тех условиях, которые заслуживает. Я хочу к себе на родину, в Финляндию. Почитать тебе стихи о ней?

- Давай!

И он читает гимн во славу своей земли, ее зеленых долин, ее голубого моря, ее трудолюбивого народа. Мне кажется, что этой тягой к родной, но совсем незнакомой ему стране он заразился от сионистов. В самом деле, чем плохо быть тем, кто ты есть от рождения, - евреем, финном, татаринном. И вместо ненависти к России воспитать в себе любовь к своей стране - Израилю, Финляндии, Татарии! Вместо вражды - любовь!..

На пятый день меня из карантина вернули в зону. Я перестал спрашивать, когда выпустят, - и помогло. Поняли, что изоляцией меня не проймешь.

Я вошел в уже знакомый барак. Оглянулся. Надо было среди семидесяти спальных мест найти местечко для себя. Вдруг слышу:

- Симас просил, если приведут сюда еврея, дать ему койку рядом с ним.

Это сообщил мне старик-полицай. Симас, Симас... Первый раз слышу эту фамилию. Наверно, литовец. Зачем мне рядом с литовцем?

- Менделевич, Менделевич! Быстрее, Симас зовет! Вон там, у забора производственной зоны!

Ну и приставала, этот Симас! Чего ему надо от меня? Подхожу ближе: из-за забора торчит большая рыжая борода. Борода обращается ко мне:

- Ма шломха? Шалом леха!*

Вот это да! Еврей! Да еще говорит на иврите! Правда, тут же выяснилось, что это у него примерно половина запаса слов. Неважно! Главное - я не один. Но долго говорить мы не могли: Хаим Симас на работе, а за уход с рабочего места строго наказывают. Ладно, наговоримся вечером. Я ждал его у входа в жилую зону. Мы обнялись.

- Ты в Б-га веришь? - сразу спросил он.

- Стараюсь исполнять заповеди, но, конечно, понимаю, что далек от совершенства.

- Я молил Б-га послать мне в лагерь верующего еврея, и вот Он послал мне тебя. Ты знаешь иврит?

- Учил до ареста.

- Вот и эта моя просьба исполнена! Мы будем вместе учить иврит, после работы,

- Хаим, как ты думаешь, удастся нам не работать по субботам? Можно ведь до субботы выполнить недельную норму...

- Попробуем. Но если заметят, заставят работать или будут судить и отправят в тюрьму...

- Тогда так: субботнюю норму готовим заранее и сдаем ее, а в субботу не работаем.

Вошли в барак. На койке своего соседа, латышского националиста Гунара Астры, Хаим устроил торжественный ужин в честь моего прибытия. Белый хлеб и мед - из посылки Гунара, черный хлеб и колбаса - из моих ленинградских запасов. Ребята хвалили ленинградский черный хлеб - вкусный, выпеченный, не то, что лагерный - цвета глины и вкуса оконной замазки. Мы сидели на койках, ели, разговаривали и не могли предположить, что не пройдет и двух лет, как Хаим и Гунар перестанут друг с другом здороваться.

Хаима я принял целиком, как самого себя, а к Гунару присматривался. Несомненно, он личность во всех отношениях примечательная. Рост - два метра пять сантиметров. Входил в состав латышской сборной по баскетболу и всесоюзной - по яхтспорту. Радиоинженер, он до ареста работал на ВЭФе - там же, где и я. Казалось, у нас должны быть общие знакомые. Но не нашлось. Ни одного. Я не знал многих улиц того города, где прожил двадцать два года. А он их не только помнил, но и любил. Мои улицы ждали меня в Иерусалиме. Тот же мир с его улицами и домами был не моим, а его. Гунар Астра не скрывал, что он антисемит:

- Посмотри на фотографии тех, кто встречал советскую армию в сороковом году. Одни евреи! А что плохого сделала вам демократическая Латвия? Мало вам было еврейских школ, гимназий, театра, газет? А потом удивляетесь, что латыши убивали евреев? Правда, я лично не одобряю и не оправдываю этого!

Конечно, мы ни в чем не могли убедить друг друга. Пройдет несколько месяцев, и Астра скажет мне:

- Вот не думал, что есть такие евреи, как ты. Бесхитростные, не торгующие ни

барахлом, ни убеждениями. Знаешь, я стал симпатизировать Израилю!

Но нам с Хаимом было не до смены его настроений. Предстояло жить здесь своей еврейской жизнью: изучать иврит, говорить на иврите, встречать субботу, молиться, петь еврейские песни, читать стихи.

Я был рад. Впервые со дня ареста я смог выговориться. Хаим внимательно слушал меня. Он тоже изголодался по единомышленнику, тосковал по еврейскому образу жизни.

Его вместе с группой друзей-студентов, с которыми он учился, посадили в 1969 году за распространение работы, в которой доказывалось, что коммунистические теории выродились и учение Маркса неприменимо к современным условиям. За год до ареста ребята сблизились с московскими сионистами и стали подумывать об отъезде в Израиль. В этой группе Хаим был организатором.

Однажды, перед окнами студенческого общежития, один молодой поэт читал свои стихи. Нашелся стукач, сообщивший об этом коменданту. Тот прибежал и приказал поэту уйти. Парень не согласился, и его увели силой. Студенты, возмущившись действиями коменданта, бросили камень в его окно. Приехала милиция и арестовала самых крикливых. Студенты высыпали на улицу. К ним присоединились молодые рабочие из соседнего заводского общежития, у которых были свои счеты с властями: им задерживали зарплату и досаждали штрафами за пьянство. Шел второй час ночи. Хаим возвращался домой, провожал девушку. Он быстро разобрался в ситуации и решил отправиться в отделение милиции, чтобы освободить друзей. Ночная демонстрация студентов и молодых рабочих - дело невиданное в России. И во главе демонстрантов - студент Хаим Симас. На улицах появились наряды милиции. Начальника подняли ночью по тревоге. На служебной машине он подъезжает к толпе:

- Кто у вас главный?

Указывают на Симаса и еще нескольких ребят. Их приглашают пройти в кабинет к начальнику милиции.

Переговоры прошли успешно: арестованных освободили, рабочим выплатили зарплату, коменданта общежития уволили. Демонстранты разошлись по домам. Обращаясь к Хаиму, милицейский полковник сказал:

- А из вас хороший командир мог бы выйти!

Наутро весь город говорил о "студенческом восстании". Об этом сообщало в утренней передаче Би-Би-Си. Симас стал героем института. Своим поступком он привлек внимание Ури, который к тому времени уже написал свою работу "Закат "Капитала" и теперь нуждался в ее распространении. Хаим взялся за это дело. Так возникла небольшая группа единомышленников. Однако в 1969 году их арестовали...

Мой адвокат, Ария, прощаясь со мной, сказал:

- Не отчаивайтесь. Как ни парадоксально, в лагере тоже есть жизнь!

Он оказался прав: жизнь в лагере в определенном смысле насыщеннее, чем на воле. Здесь все происходит напряженно, ускоренно, страстно. Все бурлит, как в кипящем котле.

В первый же вечер я познакомился с друзьями Хаима: Горенем, активистом украинского национального движения; Сорокой, лагерником с тридцатилетним стажем, "заработанным" за то, что воевал против советской армии на Украине; литовцем Каджионисом, сидящим уже двадцать лет за убийство начальника местной милиции, который сотрудничал с советскими оккупантами. Каджионису к моменту ареста было восемнадцать лет.

Мелькание лиц, пожатия рук, разговоры... Я чувствовал, что меня принимают в свой круг. Принимают как еврея, отважившегося отстаивать свое право на выезд в Израиль. Такого встречали не часто. Евреев они привыкли видеть жертвами: в лучшем случае - запуганные, в худшем - трусливые и пресмыкающиеся.

Ночью поднялась суматоха, но я ничего не слышал. Оказалось, умер Сорока. Старейший из заключенных, попавший в лагерь с первых дней установления советской власти на Западной Украине. Все украинцы, нарушая правила режима, в этот день на работу не вышли. Прощались с умершим.

Я начал работать. Восемь часов за швейной машиной. Из грубой белой ткани шьют рабочие рукавицы. Все справляются. Смогу ли я? Сажусь, нажимаю на педаль - машина срежет, ломается игла. Нет, так нельзя. Надо осторожнее: вот сюда нитку, потом опускаешь лапку - и ткань идет сама. Идет-то идет, но нитки обматываются вокруг иголки. Трак! Опять сломалась! А по обе стороны конвейера люди остервенело жмут на педали, чтобы успеть сдать норму. Хаим еще ухитряется при этом учить английские слова, прицепив бумажку со словами на машину. Я сижу напротив Хаима и мешаю ему и шить, и английским

заниматься. Болтаем украдкой, как школьники. Поглядываем на дверь, чтобы заметить появление надзирателей. За Симасом сидит Гунар Астра. Он как бы возвышается над ним. Чуть дальше - седобородый старик Руденков. Перед началом работы он всегда крестится сам и не забывает перекрестить швейную машину и материю. Потом с неистовством, похожим на молитву, принимается за шитье. Зарплата заключенного - восемьдесят рублей в месяц. Половина перечисляется МВД, на содержание тюремщиков. Из оставшихся денег половину вычитают за питание, жилье и электричество - как в гостинице. Оставшиеся деньги некоторые проедают в лагере, некоторые посылают домой. И старик Руденков трудится, чтобы помочь своей старухе.

- У тебя есть кипа? - спрашиваю у Хаима. - Если нет, сошьем!

- А как?

- Когда-то я видел, как мама шила. Думаю, что и сам смогу.

Из старой куртки выкраиваю четыре треугольника и сшиваю их вместе. Получилась кипа. Не сказать, чтобы очень красиво, но все же это первая кипа Хаима и моя первая портновская работа. Хаим взволнован. Для нас кипа - символ нашего еврейства и верности заветам. Она особенно важна в лагере, где происходит обезличивание человека. Чтобы воспрепятствовать этому, турок Иса, когда начальство не видело, надевал красную феску; украинцы носили рубашки с национальным орнаментом. Каждый стремился подчеркнуть свою национальную принадлежность и самобытность, и это определяло во многом жизнь в лагере и расстановку сил. У каждой национальной группы свои цели. Групп много: украинские националисты во главе с Горенем и Кандыбой; литовские, русские и белорусские. Среди последних, как и среди украинцев, немало бывших полицаев, служивших Гитлеру. Ни к кому не примыкал лишь один человек - бывший польский офицер, уцелевший после Катыньских событий. На вид типичный шляхтич: гордый, стройный, с завитыми усами. Однако он лишился рассудка, не понимал ни где находится, ни что с ним происходит. Ел руками, и это особенно поражало резким контрастом с его благородной внешностью.

Как-то мы гуляли с Хаимом по зоне и за углом барака увидели человек двадцать. Один из них что-то читал, а несколько стояли в стороне и вели наблюдение. Очевидно, чтобы предупредить о появлении надзирателей.

- Что это за люди? - удивился я.

- Адвентисты. В основном из Бессарабии.

Эта секта считает, что советская власть - от беса, и призывает не подчиняться ей. В Союзе адвентисты вне закона, но в других странах их не преследуют. Центр секты в Америке. Там выпускается журнал "Сторожевая башня", который нелегально провозят в СССР. Большинство сектантов попало в лагерь за распространение этого журнала. Однако и здесь они не сидят сложа руки. Если видят, что кто-то угнетен и подавлен, приходят ему на помощь. И часто из благодарности за поддержку в трудную минуту человек вступает в их секту. Они перетянули к себе многих бывших полицаев, которые стали верующими, вели себя скромно, старались не доносить на ближних и учили Библию. Один ее рукописный экземпляр ходил по рукам. Некоторые знали Ветхий завет на память.

Как-то я сидел у стены барака и следил за пчелой, перелетавшей с цветка на цветок. Рядом уселся сухой старичок с серебряной бородой и внешностью праведника.

- Вот пчелка мед с цветов собирает, и цветы растут из земли. А кто землю нам дал? Господь Бог. Из всех народов Он избрал еврейский народ. Но евреи не были Ему верны и теперь наказаны изгнанием. Если еврейский народ раскается и примет истинную веру, наступит спасение для всего мира, - заговорил он вкрадчиво, ележным голосом. - Истинной верой обладает лишь наша секта. Своим вступлением в нее вы спасете свой народ.

Я слушал вполуха - неинтересно и ненужно.

- Ну, - не выдержал он, - что скажете?

Я молча поднялся и ушел. Я еврей и иным не буду.

Скоро нашелся другой вербовщик. Московский представитель КГБ, майор Груша. Он вызывал к себе в кабинет многих эков. Это тоже особая тактика - вызывать большое количество заключенных, чтобы трудно было узнать, кто из вызванных на самом деле сотрудничает с КГБ.

- Садитесь, садитесь, Менделевич! Поближе!

- Да ничего, постою!

- Ну, как вы устроились? Есть вопросы? Вам, Иосиф Мозусович, сидеть долго - двенадцать лет. Никакой Запад не спасет. Вам будет трудно. Вы совершили серьезное преступление против советской власти и советского народа и до сих

пор не хотите признать своей вины. Мы, чекисты, люди крепкой воли. Подумайте о себе. Кто о вас позаботится, если не вы сами? Вы могли бы нам помочь. Вы имеете влияние на товарищей. И от вас зависит, какое это будет влияние - положительное или отрицательное. Вы ведь знаете, - продолжал он доверительно, - что иногда осужденные совершают проступки, которые оборачиваются им же во вред. Если бы вы нас своевременно предупреждали, такое можно и предотвратить...

Вот как "элегантно" вербуют нынче доносчиков!

- Повезло вам, гражданин начальник, что я человек спокойный и в драку не лезу! А следовало бы!

- Что вы, Иосиф Мозусович, за что? - последовал невинный вопрос.

- А за то, что вы подумали, будто я соглашусь стать вашим агентом!

- Ну, зачем же так грубо! Ведь речь шла просто о помощи друзьям. Ни о чем другом!

Я вышел из кабинета. С тех пор в КГБ за мной окончательно закрепилась репутация фанатика, с которым не о чем говорить. Мне это было на руку: несколько лет дали жить спокойно. Тот, кто думает, что твердая позиция ухудшит положение, ошибается... Если не говоришь ни "да", ни "нет", они надеются выжать из тебя все, что им надо. Начинают преследовать, сажать в карцер, лишать еды, переписки, свиданий. Твердость оправдывается всегда, даже если на первых порах причиняет неприятности.

Один мой приятель, получив предложение сотрудничать, решил обмануть КГБ.

- Хорошо, - сказал он им, - я постараюсь положительно повлиять на товарищей, но при условии, что мои родные получают разрешение на выезд в Израиль.

Родные получили разрешение. Парень не поверил и потребовал показать телеграмму из Вены. Ему показали телеграмму. Майор Груша решил без промедления действовать:

- Ну, начнем работать?

Тот спокойно ответил:

- Теперь все в порядке. Раньше я боялся, что вы не дадите моим родным уехать.

Теперь я спокоен.

- Ну, а как насчет вашей помощи нам?

- Да вы что, с ума сошли?

- Думаете КГБ легко обмануть?!

Потаскали потом приятеля по карцерам! Зато родных он сумел отправить в Израиль. Но сам я воздерживался от подобных игр с дьяволом.

Жизнь в лагере строится на основании "Правил внутреннего распорядка в исправительных заведениях", утвержденных МВД. Там перечислено все, что должен и чего не должен делать заключенный. Довольно толстая брошюра, снабженная разъяснениями видных советских юристов. Для того, чтобы знать, как применять эти правила, издан "Приказ министра внутренних дел". На каждый параграф Приказа существуют тома инструкций.

Запомнить их не могут ни тюремщики, ни заключенные. Но всегда найдется повод обвинить зэка:

- Вы нарушили такой-то пункт приказа (инструкции, правил).

- А я не знал, что такой пункт существует!

- Обязаны знать. Незнание не освобождает от наказания!

И ты оказываешься в фантастическом безумном мире, вечно требующем от тебя невероятных вещей. В любую минуту ты так или иначе нарушаешь один из бесчисленных параграфов, совершенно неизвестных тебе. Ведь твой мучитель может либо выдумать новые, либо толковать существующие, как ему вздумается. По советскому закону заключенный вправе обжаловать несправедливое наказание. Имеются даже шесть основных инстанций, куда можно подать жалобы: МВД, прокуратура, Главное управление лагерей, административный отдел ЦК КПСС, КГБ, министерство юстиции. Впрочем, есть еще много других инстанций. У меня была даже специальная тетрадь с перечнем официальных названий таких учреждений. Однако при каждом обыске эту тетрадь отбирали. Итак, строчишь жалобы во все инстанции сразу. И отовсюду получаешь ответ. Разумеется, отрицательный. Мотивировки разные.

Главный человек в лагере - начальник режима. Ты, заключенный, во власти

двух его слов: "запрещено", "разрешено". Нормальный живой человек не может не нарушить какой-либо из бесчисленных пунктов приказа. Ты вынужден ознакомиться с ним. И вот ты уже в западне. Тебе хочется доказать, отстаивать положенное тебе, ведь вот же написано: "Заключенный имеет право..." Но твои права - фикция. Их нет, их ничего не стоит отобрать. Ты будешь тратить время и нервы на борьбу за право переписки, право свиданий, право получения посылок и поневоле втянешься в азартную игру. И хоть разбей стену лбом, ничего не докажешь, ты почти всегда в проигрыше. А редкие удачи только раззадорят и поощрят тебя к чудовищной трате сил... Что бы ты ни делал, ты всегда в положении без вины виноватого.

Если раньше, на воле, я утверждал, что в Союзе нет законов, это были одни лишь слова. Я думал, что все же смогу доказать свою правоту. Теперь я видел, что ни закона, ни правды и в помине нет. В чем суть "перевоспитания", "исправления" заключенного? В его подчинении властям. Большинство недовольных ищет справедливости в рамках советского государства. Подсознательно они верят в законы, хотя на деле понимают, что верить нельзя. Когда это понимание переходит в подсознание, человек "исправляется", становится безвольным исполнителем.

Наивные полагают, что пытка - это когда выкручивают руки или вгоняют иголки под ногти. Но что страшнее и мучительнее пытки душевной, когда теряется представление об окружающем мире и человек погружается в состояние полной апатии? Тогда все пропало... Если же человек не сдается, не подчиняется правилам, начальство вначале делает вид, что идет на уступки. Победа? Нет! Теперь все будет направлено на то, чтобы сломить упряма. Он вынужден один на один бороться со всей системой - так по крайней мере ему кажется. На самом же деле он разменивается на мелочную борьбу с грубыми тюремщиками. Это также отвечает интересам системы: бессмысленное противоборство в ущерб самому себе.

Некоторые пытаются перехитрить "Правила". Они уже знают им цену, но делают вид, что подчиняются. Каким-то образом они умудряются изучить почти все существующие законы о содержании заключенных в тюрьмах и лагерях. Им удается пронюхать о действующих в данный момент генеральных инструкциях насчет "послабления" или "зажима" и дать понять об этом начальству. Иными словами, начальство должно знать, что физическими страданиями не запугаешь. Таких начальство предпочитает не трогать, но время от времени проверяет, по-прежнему ли они сильны.

Всю эту сложную механику я постиг не сразу. Потребовались годы. Много раз я больно ушибался об эту систему, в особенности когда дело касалось свидания с

родными. Нет чувствительней наказания для заключенного, чем лишение его свидания. Ведь это единственная возможность увидеть родных, сообщить о своем истинном положении и узнать, что творится на воле. Недаром у зэка отбирают не только бумагу и ручку, но даже конфетную обертку: как бы он не написал на ней статью для западной прессы. Поэтому наших родственников, казалось бы свободных граждан, перед свиданием с нами раздевают догола и обыскивают, как арестантов. И это вопреки действующему закону, согласно которому на обыск требуется санкция прокурора! Но хозяин здесь не закон, а произвол. И мои споры с капитаном Степановым почти всегда заканчивались так:

- Менделевич, говорить вы умеете. Но от вас требуется не рассуждение, а подчинение. Мы сами будем толковать наши законы. Это вам не Талмуд!

Однажды у меня состоялся такой разговор со Степановым:

- Менделевич, придется лишить вас свидания за опоздание на работу!

- Но в пункте первом Приказа записано: "Заключенный имеет право получать свидания". Право нельзя отменить или отобрать, - спокойно возражаю ему.

- Право, но не безусловное. В параграфе втором написано: "За нарушение режима заключенные могут быть наказаны лишением свидания". Вы нарушили режим, следовательно, вы лишаетесь права на свидание!

Но я не сдаюсь:

- Мое опоздание не есть нарушение режима. В Приказе сказано, что заключенный обязан добросовестно трудиться. Я выполняю норму на сто один процент. Стало быть, тружусь добросовестно!

- Менделевич! Вам известен распорядок дня заключенного. Вы должны знать, что перерыв с 12.30 до 12.45. А вы опоздали на работу после перерыва. Стало быть, нарушив распорядок дня, нарушили режим. За это вы и лишаетесь длительного свидания!

- Гражданин начальник, но в Правилах сказано, что заключенный сам может выбрать, какого свидания лишиться. Я выбираю короткое.

- Менделевич, вы забыли! В прошлом году вас три раза лишали свидания-длительного и двух коротких. Значит, следующее по порядку - снова длительное!

- Но я могу считать и в другом порядке, - начиная с короткого, потом длительное и два коротких. Получится не так, как вы говорите. Кроме всего прочего, я не получал свиданий в течение трех лет. Следовательно, у меня накопилось три неиспользованных длительных свидания.

Терпение капитана иссякло:

- Нельзя копить свидания. В каждом году счет начинается заново. Свидания потеряны по вашей вине.

Мои доводы исчерпаны. Капитана Степанова ничем не пронять. Я не мог объяснить ему то, что он знал не хуже меня: наказали не за опоздание, а за то, что молился. За мной специально следили и выследили. "Опоздал" я тогда, когда погас свет, станки остановились и никто не работал. Кроме того, я не нарушил распорядка дня: старый изменили, а новый не ввели. Часов, конечно, ни у кого нет - поди знай, когда кончается перерыв. Положен сигнал, а его не было.

Итак, меня лишат длительного свидания, которое предоставляется только матери, отцу, братьям, сестрам, жене или детям заключенного. Отец, благословенна его память, был тяжело болен. Ехать двое суток ради двухчасового разговора со мной - в его состоянии непозволительная роскошь. Известить об отмене свидания не разрешается. Таким образом, отец с матерью могут приехать совершенно напрасно. В преамбуле Уголовного кодекса говорится, что наказание не имеет целью нанести моральный или физический ущерб заключенному. На самом же деле ущемлен не только я, но и мои ни в чем не повинные родные. При этом сплошное лицемерие:

- Поймите, мы вовсе не стремимся причинить вам страдания. Это следствие ваших проступков. Ваш отец справедливо несет ответственность за то, что он воспитал вас врагом народа.

Итак, свидание отменено, и неизвестно, когда следующее. Родные месяцами будут писать в лагерь и просить свидания. В конце концов им ответят: "О причине отмены свидания спросите у вашего сына". На мой вопрос начальник скажет: "Вам уже все разъяснили". Тогда окольными путями передаю родным: "Приезжайте такого-то числа без предупреждения". Это значит, что начальство не должно знать о возможном приезде родных, чтобы в нужный момент не лишили свидания с ними. От письма до письма больше месяца. Мысль о том, что я причиняю боль отцу и сокращаю его дни, мучила меня постоянно.

Первое время я работал учеником на заводе и не слишком был обременен работой. Часто полеживал под деревом, позади мастерской, пропуская сквозь себя синее небо, белые облака и зеленую траву. По сигналу Хаима: "Менты пришли!" - я бежал на рабочее место.

Надзиратели, Косой (он был слеп на один глаз) и Орешкин, лишь иногда захаживали к нам. Большую часть времени они резались в карты с арестантами, которых по болезни не гнали на работу.

- Бухенвальд! Неси чертей, - кричал Орешкин заключенному Васильеву, прозванному так за свой тощий вид.

- Да ну тебя, надоел, - ворчал тощий, как скелет, Васильев.

- Неси, неси, а то схлопочешь!

Такая трогательная близость устанавливалась обычно между надзирателями и теми заключенными, которые побывали в полициях у Гитлера. Теперь они вели себя как настоящие советские патриоты: посещали лекции о коммунизме, прославляли советскую власть и тайно выслуживались перед КГБ, донося о каждом шаге "неблагонадежных" зэков. Гунар Астра прозвал их "ходячим удобрением" и "сильными ухом". Стоило нам заговорить о чем-то своем - они тут как тут. Хаим громко спрашивал: "Что, давно уши не чистили?" Они обиженно отходили.

Чем больше преступлений совершил полицай во время войны, тем ретивее он выслуживался сейчас: сотрудничал с начальством, входил в совет коллектива колонии, занимал высокие посты в лагерной иерархии. Полицай ненавидели евреев и по мере возможности досаждали нам.

В первый день по прибытии в лагерь повстречался мне арестант Арбузов. "Главный заключенный лагеря", комендант зоны - немалое начальство. Был он седой, бородатый, старый. Все его ненавидели за семнадцатилетнюю стукаческую службу, не мешавшую ему быть верующим христианином. За примерное поведение лагерное начальство представило его к досрочному освобождению. На суде прокурор спросил его:

- Кем вы были до войны?

- Председателем сельсовета.

- А в войну служили Гитлеру?

- Так точно. Начальником районной полиции.

- Много людей замучили?

Молчание...

- Кем работали до ареста?

- Председателем колхоза.

- А теперь и в лагере занимаете пост? Как это понять, Арбузов?

- Судьба моя такая, гражданин прокурор, - от жалости к самому себе Арбузов заплакал.

Через год его освободили. Он и вправду вреда советской власти не причинил. Пару тысяч евреев убил, ну и что? Кто их считает, убитых? На то и война.

В ночь перед освобождением он, лежа на койке, часто крестил грудь и целовал крест...

Кроме Арбузова к лагерной верхушке принадлежали еще двое заключенных: бывший полковник КГБ, так преуспевший при Сталине, что Хрущев вынужден был утвердить ему двадцатипятилетний срок, и бывший начальник отряда гитлеровской полевой жандармерии Кузьменко. Оба они работали в библиотеке, так сказать, на трудовом фронте: выдавали книги, газеты и журналы, вывешивали на специальном стенде статьи на политические темы, в том числе статьи, обличающие Израиль и сионистов. При этом они старательно подчеркивали те места, в которых говорилось о евреях: "...сионисты и клерикальные еврейские круги сотрудничали с гитлеровцами во время войны", "...еврейский капитал привел Гитлера к власти", "...сионистские круги Израиля сотрудничают с крайними тоталитарными режимами во всем мире..."

- Все евреи. Из-за них люди во всем мире воюют,- говорили бывшие полицаи и злобно смотрели в нашу с Хаимом сторону.

- Евреи виноваты во всех наших несчастьях. Награбили у нас золото, а теперь бегут в свой Израиль!

Подобные обвинения были в ходу: евреи устроили в 1917 году революцию, чтобы, захватив власть, править русскими; Брежнев, Громыко и вообще все

политбюро - сплошные евреи. Правда, некоторые все же допускали мысль о том, что, возможно, сам Брежнев и не еврей, но он виноват в том, что во всех институтах сидят евреи и разрабатывают хитрые теории, как мучить русских и захватить весь мир. Это уж точно! "Еврейское стремление к мировому господству" клеймили позором, но зато сообщения о военной мощи советского государства, о захвате, а по-советски, "освобождении" чужих территорий, о победах в международных состязаниях встречали с чувством гордости за русский народ. В этом заключенные объединялись со своими тюремщиками. Советская пропаганда вдолбила всем одинаково "правильные" взгляды. Гунар Астра подсчитывал, сколько раз в день в радиопередачах употребляется слово "русские". Круглые сутки во всю мощь радио вопило: "русское небо", "русский народ", "русские пряники", "русский чай", "русский размах", "русский задор"...

- Других народов будто вообще нет, - возмущался Астра.

В лагере была еще одна группа, поддерживающая официальный внешнеполитический курс СССР. Это были студенты и выпускники ленинградского университета, арестованные по делу ВСХСОН (Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа). Они одобряли оккупацию Чехословакии, подавление польского движения, вторжение в Афганистан. "Надо побольше стран присоединить к России!", - считали члены этой группы. В вопросах внутренней политики они расходились с советской властью. Стояли за свержение коммунистического режима, за построение в России государства на принципах социал-христианства, Они много говорили о демократии вообще и о любви к ближнему в частности. Это не мешало им придерживаться крайне антисемитских взглядов. Впрочем, на определенном этапе они не собирались ни убивать евреев, ни насильственно высылать их в Израиль.

- Принесли русскому народу коммунизм, а теперь бежать? - в пылу спора кричали они. - Нет уж, вы должны остаться с нами и расплатиться за все грехи!

"Опасная подрывная деятельность" молодых социал-христиан напоминала игру в политику и, по существу, сводилась к разговорам на "высокие темы". Пожалуй, единственным криминалом являлись устав и программа их партии, на которых, правда, сказалось многолетнее изучение истории КПСС, да еще и распределение портфелей на случай переворота. Лидеру партии Николаю Огурцову, прозванному за гордую осанку "императором", дали пятнадцать лет. Михаилу Садо, арамейцу, министру будущего министерства безопасности, - тринадцать. Остальные получили сроки поменьше.

Из группы ВСХСОНа в нашем лагере находился один лишь Иван Иванов, специалист по семитским языкам. К нему тянулись защитник правопорядка

Юра Галансков и коммунист Юра Алексеев. С ними вместе был и член эстонской подпольной фашистской организации Райво Лапп. Молодой белокурый фашистик придавал своей лагерной форме подобие гитлеровской, радостно щелкал каблуками перед Ивановым, готовый выполнить любой приказ этого своего маленького фюрера. Правда, чернобородый Иванов своими мягкими женственными манерами походил скорее на священника, чем на фашистского вождя, но тем не менее Райво Лапп перед ним преклонялся. Ежедневно у лагерного репродуктора идеолог Иванов, надзиратель Орешкин и полицей Арзубов вели беседы о судьбах России.

Отношение тюремного начальства к националисту Иванову и сионистам Симасу и Менделевичу было совершенно разным. Нас воспринимали как врагов русской империи. Но мы ими не были. Мы просто хотели жить, как положено евреям, хотя толком не знали ни еврейского языка, ни еврейских обрядов, не научились еще смотреть на мир с еврейской точки зрения... Хаим попросил меня учить его иврит. А как? Учебников нет. Только словарь. Я выписал на карточки слова и отдельные фразы. Грамматики я сам как следует не знал и не чувствовал себя уверенно в ивриге. Дело у нас не пошло.

Я занялся изучением английского языка - благо был учебник и большой англо-русский словарь. По вечерам, возвратившись с работы, я хватал книги и бежал в пустую столовую, чтобы там, в тишине, выписывать слова, выполнять упражнения, читать. Вскоре почувствовал, что делаю успехи. Заходили надзиратели:

- Чем занимаетесь, Менделевич? Английский учите? Ну учите, учите!

Им спокойнее: раз зубрю английский, значит, в этот момент не занимаюсь подрывной деятельностью. Хорошо бы превратить весь лагерь в какую-нибудь школу астрономии или зоологии...

Стояло лето, и заключенные старались вырастить какую-нибудь съедобную зелень. Правилами это запрещается. Нельзя держать и животных. Запрещены также посылки с медом, шоколадом и витаминами. Выходит, что заключенному закон отказывает в здоровье и радости. Но насколько тюремный устав дотошно мелочен, настолько исполнители закона, тюремщики, ленивы. Между законом и ленью изобретательный зэк всегда сумеет найти лазейку. Можно только поражаться его выдумке: расчистит в траве местечко величиной с ладонь и посеет там лук, редиску и укроп. Некоторым даже удавалось вырастить морковь - чахлую, не очень желтую, но все же морковь. Огородничеством чаще всего занимались старики-националисты: армяне, украинцы, литовцы. От военных преступников они отличались большой

привязанностью к земле и моральной опрятностью. Жили они в лагере так, словно он был для них родным селом. Когда я попал в зону, через мертвый лагерный камень пробивалась зеленая трава, несущая жизнь. В центре зоны всеми цветами радуги пестрела клумба деда Антося, бессараба, не захотевшего вступить в колхоз. Начальство поощряло разведение цветов. Они скрашивали убожество лагеря, и когда приезжали высокие чины, клумба производила на них большое впечатление. Зэки использовали цветы как надежное прикрытие: между ними выращивали укроп, салат и лук. Мне иногда казалось, что за забором и проволокой зоны, на воле, не было такого урожая овощей и обилия цветов, как у нас, на тюремной клумбе. Первого сентября к нам приходили из поселка: детишки должны преподнести учителям букеты.

- Слушай, - сказал мне Хаим, - это ведь очень символично: цветы из лагеря для украшения школы!

Не уверен, что воспитатели задумывались над этим. Ведь с первых лет жизни перед глазами детей была тюрьма. Каждый день они видели истощенных людей, заключенных. И даже играли в "арестованных" и "надзирателей". Что из них может вырасти?..

Нам с Хаимом подпольный огород достался в наследство от одного украинского националиста, неожиданно переведенного в другую зону. Это был клочок земли, на котором росло несколько кустиков щавеля, лук и какая-то съедобная травка. Мы исправно поливали огород и старались вовремя срезать отросшие листья и стебельки. Ухаживая за своим огородом, я чувствовал себя хозяином виллы в Швейцарии. Однажды я так углубился в работу, что не заметил стоявших около меня охранников и офицеров. Это была инспекторская группа, приехавшая из Москвы, во главе с начальником главного управления лагерей полковником Жеребцовым. Заключенный, раздетый до пояса в нарушение строгого запрета, да еще копающийся в земле, его очень заинтересовал. К тому же он обратил внимание на мою покрытую голову, что тоже не предусмотрено лагерными правилами.

- Заключенный, подойдите сюда!

Тут только я заметил золотые погоны, блестящие на солнце.

- Что это у вас на голове?

- Кипа.

- Что?! Снять немедленно!

- Не сниму!

- Приказываю снять!

Я молчал, упрямо уставившись на него. Полковник не понимал причины моей наглости. Ему, большому московскому начальнику, не подчиняется какой-то жалкий арестантишка! Не желая открытого столкновения на глазах у заключенных, он быстро нашел выход из положения:

- Оденьтесь по форме и явитесь в штаб!

Я пришел в штаб в арестантской куртке и фуражке. Вся группа офицеров была в сборе.

- Снимите фуражку!

Я снял. Под ней - кипа.

- Снимите это!

Я не шевельнулся.

- Объясните свое неподчинение!

- Я верующий. Еврейская вера запрещает обнажать голову.

Полковник кивнул двум здоровым надзирателям: "Снять!" Они кинулись ко мне. Я руками прижимал кипу к голове. Боролись мы недолго. Они, конечно, оказались сильнее. Я весь кипел от негодования и оскорбления. Но не кричал, не ругался. Надел фуражку и как можно спокойнее проговорил:

- Немцы издевались над евреями, когда те не снимали шапок перед ними!

- Вас наказывают не за то, что вы еврей, а за нарушение установленного порядка. Идите! Будете наказаны за невыполнение приказа!

Я вышел, готовый ко всему. Жаль, что еще не получил свидания и теперь меня могут его лишить.

В бараке меня ждали с нетерпением. Едва вошел, как меня окружили и

забросали вопросами. Я был тронут заботой и вниманием. Подошел Владлен Павленков:

- Через несколько часов у меня свидание с режиссером Шварцем. Он уезжает в Америку. Я расскажу ему, что у вас отобрали кипу.

На следующее утро, отправляясь на работу, я услышал, как меня кто-то окликнул. Гляжу - на крыше сарая, рядом с лагерным забором, стоит Шварц:

- Обо всем, что произошло, передам в Москву. Привет от вашего отца!

Вскоре я сшил новую кипу и ходил в ней. Как ни странно, наказания не последовало. Наше дело было еще свежо, а вызывать новую волну протестов Советы не хотели. Силу заграничного шума понимало не только начальство. Не раз спрашивали меня:

- Как, тебя еще не освободили? Ты еще здесь?!

Им почему-то казалось, что стоит Западу выступить в нашу защиту, как Москва испугается и немедленно нас выпустит.

- Вот увидишь, через месяц будешь в Израиле, - нередко говорили мне заключенные.

Я слушал и не верил. И хорошо делал - иначе за три тысячи восемьсот шестьдесят три дня моего заключения я непременно сошел бы с ума. Возможно, если бы волна протестов не схлынула после отмены смертных приговоров, мы вышли бы на свободу. Отмена смертных приговоров сняла напряжение. Вероятно, в отношении нас существовали какие-то инструкции. Однако мы не чувствовали себя привилегированной группой.

В лагере протекция не менее важна, чем на воле. С нетерпением ждал я своего первого свидания. Надо было договориться либо с дежурным надзирателем, либо с дневальным-заключенным в доме свиданий. Договориться о том, чтобы дали возможность пронести в зону продукты, которые привезут родные. По закону это строжайше запрещалось. Дневальный - бывший полицей, по кличке Мерзавец. Ему ничего не стоит продать родного отца. Хаим обещал ему десятку и немного продуктов. Для нас продукты были существенной добавкой к скудному кошерному столу.

Свидание мне дали всего лишь на одни сутки. Отомстили все-таки за кипу. Начальник лагеря, капитан Гаркушев, популярно объяснил, от чего зависит

продолжительность свидания с родственниками:

- Если имеете особые заслуги (читай: сотрудничаете с КГБ) - получаете трое суток свидания. Если мирно живете с администрацией (читай: работаете с органами МВД) - двое суток. Если не нарушаете режим - сутки!

Мне повезло - хоть сутки дали! Могли вообще ничего не дать. Но это сутки "с выводом на работу". Значит, из двадцати четырех часов только восемь на свидание, так как десять часов я должен, как обычно, работать, шесть - спать. Я возмутился. После года разлуки - всего лишь восемь часов свидания?!

- Требую предоставить мне свидание в нерабочий день!

- Но ваши родители согласились на наши условия! Они уже ждут вас. Будете настаивать на своем, не получите ничего!

- Вы обманули моих родителей. Они не знают, что вправе взять свидание в выходной день.

- Ничем вам помочь не могу. Решайте: либо так, либо вообще никак!

Я вышел из канцелярии удрученный. Что делать? Вдруг заметил того маленького сержанта, который обыскивал меня в день прибытия в лагерь. Он относился ко мне лучше, чем другие.

- Послушай, пусти меня на минутку сказать пару слов отцу...

Он сначала заколебался, но потом решил:

- Ладно, под твою ответственность!

Мы вошли в дом свиданий. Папа бросился ко мне. Но я не сделал ни шага навстречу - таково было условие сержанта.

- Зачем вы взяли свидание в рабочий день?

- Нам сказали, что другой возможности нет.

- Требуйте свидания в выходной день, в воскресенье. Я жду.

Вышел. За мной захлопнулась дверь. Подавленный, возвращаюсь в лагерь.

Может, надо было брать, что дают? Сажусь писать жалобы во все известные мне инстанции. Но дело решилось быстро: дали сутки, но уже без вывода на работу.

И вот произошла встреча, от которой сердце разрывалось. Объятия, слезы, поцелуи, будто я восстал из мертвых. Ведь действительно мы могли никогда не встретиться. Да и впереди - неопределенность. Увидимся ли еще? Забегая вперед, скажу, что за все без малого одиннадцать лет заключения я видел отца всего лишь три раза.

- Все продукты кошерные, почему ты не ешь? - удивлялись родители.

Хочу говорить, расспрашивать, слушать и смотреть, а еда подождет. Да к тому же мой желудок настолько сократился, что много есть я не могу, - объяснял я, смеясь.

Разговорам не было конца. Отец рассказывал об Израиле, о знакомых, получивших разрешение на выезд, о сестрах. На клочке тонкой бумаги я описал положение в лагере и историю с кипой. Мама надежно спрятала бумажку, чтобы при обыске не отобрали. Опасаясь подслушивания, мы разговаривали только при включенном репродукторе или писали друг другу записки. Оказалось, что папа (и это после грех инфарктов!) заменил меня в сионистской работе. Он выступал в этом году на митинге в Румбуле. Чтобы помешать евреям собираться на кладбище, из близлежащей военной базы вывели танки, объявив, что проводятся маневры. Кладбище было огромным, и папа повел всех в другой конец - на "детскую могилу". Открылся митинг. Но, спохватившись, прибежали кагебисты и милиционеры. Рядом с папой стоял Жан Липке, латыш, спасший во время войны сорок евреев.

Увидев милиционеров, он сказал:

- Вот они. Я их узнаю. Точно такие приходили ко мне при Гитлере искать евреев. (На следующий год, накануне годовщины расстрелов, милиция посадила отца под домашний арест.)

Вот и подошло к концу свидание. Короткое, но обнадеживающее: мы твердо знали, что не подведем друг друга.

Во время свидания "Мерзавец" несколько раз заходил к нам под разными предлогами. Он вынес сто рублей и часть продуктов. Остальное после свидания я пронес сам и спрятал в умывальне, в проеме стены. Туда я засунул первой большую консервную банку. Когда "Мерзавец" на другой день пришел

вытаскивать спрятанные продукты, он в сердцах выругал глупых евреев, не догадавшихся засунуть сперва что-нибудь поменьше. Деньги нам не очень были нужны, так как надзиратели вступали в сделки только с полицаями, а диссидентов - мы тоже числились ими, - боялись. Продукты мы с Хаимом ели по субботам.

Лагерная жизнь потекла дальше. О следующем свидании лучше пока не загадывать. Единственная связь с домом, друзьями, Израилем - письма. Первое письмо я получил к концу первого месяца лагерной жизни. Из Израиля. И какие чудесные новости: Ева, Саша и Ривка учатся в ульпане, в Димоне. И еще цветная открытка: День Независимости в Тверии - множество людей у синагоги. Хаим вообще впервые видит израильскую открытку. Мы показывали ее нашим лагерным друзьям, националистам - украинцам и литовцам: смотрите, мол, и у нас есть родная земля.

"Если малочисленный еврейский народ мог создать и отстоять свое государство, значит, и Украина может быть свободной!" - утверждали наши друзья. Они отбывали длительные лагерные сроки, занимали немаловажные посты в лагерной иерархии, и их сочувствие и помощь служили хорошим противовесом ненависти бывших полицаяев.

Повар Вася Пидгорецкий, националист, отсидевший уже двадцатипятилетний срок, но не утративший украинского чувства юмора, знал, что мы с Хаимом не едим трефного. Специально для нас он приберегал пищу, которую нам можно было есть.

Наше настроение поднялось, когда в зону привезли Гилеля Шура и Элиэзера Трахтенберга. Оба инженеры, оба до ареста жили и работали в Ленинграде. Они "проходили" по кишиневскому процессу, искусственно выделенному КГБ из "ленинградского дела". Гилель и Элиэзер были измотаны следствием и тяжелыми условиями, в которых они содержались в кишиневской тюрьме. Им предстояло отбыть два года заключения. Они еще целиком находились под впечатлением процесса. К новым людям в зоне относились настороженно. Для Хаима они были безусловно героями, он встретил их как родных. Но Хаим - горячий спорщик, а в драматически напряженных условиях лагеря каждый спор грозит превратиться в конфликт. Я старался выступать в роли примирителя, за что мне попадало с обеих сторон.

В основном спор касался вопроса о лагерной этике. Возможна ли она вообще? Отношения в зоне особые: есть вещи, о которых расспрашивать не принято. Товарищество как таковое ко многому обязывает. Твое поведение и сам ты - все на виду. Казалось бы, что из того, если ты пил чай с Сидоровым? Захотел -

попил и забыл. Но в лагере не так. Твоя позиция отражается и в том, с кем ты позволяешь себе пить чай. В большом бараке за тобой наблюдают семьдесят пар глаз: как ты ешь, как ты спишь, когда в уборную ходишь, что читаешь, о чем говоришь и с кем, как выполняешь приказы начальства. О тебе знают все: ты трус или приличный зэк, честный человек или ловкач, по лагерному "гнилуха". Последний берет чай у гебиста, соглашается отработать лишние часы в честь дня рождения Ленина, а наедине с тобой ругает советскую власть. Другие за деньги достают у надзирателей продукты. Это "рыбы".

Самое главное - определить свое отношение к тюремным правилам и заявить об этом. Некоторые полностью отказываются выполнять "Правила внутреннего распорядка". Еврей во всем должен руководствоваться еврейским Законом. Но откуда нам с Хаимом было знать Закон? А спросить не у кого... Со временем вырабатывается линия поведения, соответствующая твоим нравственным нормам и вместе с тем не приносящая тебе особого вреда. Для этого нужно отыскать ту грань, за пределами которой ты рискуешь из смельчака превратиться в отчаянного безумца, а с другой стороны, из умного человека - в хитреца, из трезвого и расчетливого - в изворотливого труса. Я старался не переходить этой грани.

Но лагерная жизнь неизбежно требует от тебя выбора между крайностями. Скажем, позорно или нет здороваться с начальством? На что можно рассчитывать, отказываясь подчиниться "Правилам внутреннего распорядка"? На "привилегию" быть помещенным на весь срок - вплоть до пятнадцати лет - в каменный ящик площадью метр на два. Без писем, газет и радио; без прогулок, без встреч с родными, без бесед с другими заключенными. Спать - в строго назначенное время; в уборную - тоже по расписанию. Питание - 1600 калорий в день. Причем, один день плохой: хлеб, соль и вода. Другой день хороший: к "рациону" добавляется сорок граммов рыбы, тридцать граммов крупы, двести граммов картошки. "Хорошие" и "плохие" дни чередуются. Температура в карцере - плюс восемь градусов. Матрац, подушка, одеяло, пальто и шапка не выдаются. Страшно? Да, страшно! Так стоит здороваться с начальством? Конечно! Но, оказывается, не обязательно. В каждой ситуации существует определенная степень вероятности наказания. Нужно прикинуть, какова эта степень. В моем случае надо учесть международный отклик на еврейское движение в России, поддержку друзей по лагерю и свои собственные возможности. Разумеется, производить такие подсчеты - значит балансировать на острие ножа. Но важно чувствовать себя потомком Маккавеев¹, а не бессловесным рабом... Так здороваться с начальником или нет?..

Или вот еще вопрос: следует ли посещать политзанятия? Мнения двух мужественных людей - Хаима и Гилеля - разделились. С одной стороны, политзанятия - пустая формальность, но они обязательны для всех - от

министра до последнего заключенного. Так стоит ли нам слушать лекции о коммунизме, в который и грудной младенец нынче не верит? Но зачем наживать себе неприятности? Лучше ходить. Каждый заключенный обязан. Но я ведь еврей. Я не признаю никакой другой веры, кроме веры в Б-га, зачем же мне ходить на коммунистические проповеди? Мы с Хаимом отказались. А Элиэзер и Гилель пошли:

- Почему бы и нет? Можно сидеть и не слушать.

- Трус! - кричит Хаим Гилелю. - Ты позоришь еврейский народ!

- Да неужели он от этого пострадает? - удивляется Гилель.

- Мы должны им доказать, что не рабы, - произносит Хаим срывающимся от гнева и боли голосом.

Я понимал Гилеля: он ждет свидания и должен быть осторожным.

- Если хочешь что-нибудь передать на волю, приготовь заранее, - предложил он мне. - Напиши на маленькой бумажке.

Это было кстати. Мою сестру Мэри перед родами освободили. Игал родился в январе 1971 года. Арье Хнох, муж Мэри, еще сидел в тюрьме. Необходимо помочь сестре срочно уехать в Израиль, пока власти не опомнились и не вернули ее досиживать срок. Разрешения на выезд ей не давали. Я написал письмо жене Брежнева, которое теперь собирался передать на волю. "Неужели вы хотите вынудить меня снова решиться на отчаянные действия?" - писал я в нем.

Сам Гилель в ходе процессов собирал материал о нарушениях законности органами следствия и суда и о проявлениях ими явного антисемитизма. Несмотря на обыски, он сумел пронести свои записи в лагерь. И теперь Элиэзер, обладатель бисерного почерка, переписывал все на папиросную бумагу, а я в это время сторожил. Переписанную за день работу скатывали в тонкую трубочку и заталкивали в кусок хлеба. Наконец пришло известие, что Роза Хацкелевна, мать Гилеля, приезжает. В тридцатые годы она помогала своему отцу, сионисту. Конечно, теперь она поможет своему сыну и нам.

На свидание Гилеля повели прямо с работы, чтобы он ничего не мог взять с собой. Он предвидел это: бумаги, скатанные в тонкую трубочку, всегда находились при нем.

По дороге к месту свидания он попросился в туалет. Конвоир подозрительно поглядел на него, но разрешил. В дощатом туалете Гилель надежно спрятал бумажную трубочку. Перед встречей с матерью его обыскали, заставили присесть и нагнуться, и все же ничего не нашли.

- Можете идти. Вам дали трое суток свидания.

Так Гилелю удалось передать материалы на Запад.

Когда Роза Хацкелевна покидала дом свиданий, мы с Хаимом ждали ее у двери. Я вручил ей букет цветов с клумбы. (Она засушила цветы и в день моего освобождения преподнесла их мне.) Мама Гилеля была тронута нашим подарком и хотела дать нам с Хаимом яблоки, но дежурный вырвал у нее из рук сумку, и яблоки покатались по земле...

Гилель отличался необычайной находчивостью. Ему, например, удалось отбить у КГБ учебник иврита "Мори". Этот учебник забрали при обыске у одного из членов нелегального ульпана и после проверки передали в Центральную государственную библиотеку. Гилель написал прокурору жалобу: "Если книга передана в библиотеку, значит ею разрешено пользоваться. А если разрешено пользоваться, так почему ее вообще отобрали?" Пораженный "талмудической" логикой, прокурор распорядился вернуть книгу. Но не тому, у кого ее конфисковали, а Гилелю. И теперь в нашем распоряжении находился учебник иврита с печатью советского государственного учреждения. Можно не бояться - при обыске его не отберут.

Элиэзер начал обучать Гилеля ивриту еще в поезде и продолжал в лагере. Им обоим сам процесс учения доставлял даже больше радости, чем успехи в нем. Вернувшись с работы, Гилель прочитывал газету и садился за иврит. Хаим читал учебник, учил слова и предложения на иврите, которые я для него составлял. Элиэзер занимался математикой, а я корпел над английским. Наше времяпрепровождение отличало нас от других.

После тяжелого рабочего дня пожилые заключенные укладывались спать. Те, кто помоложе, просиживали долгие часы за столами, остервенело стуча костяшками домино, или азартно резались в карты. Русские интеллектуалы беседовали о литературе, политике и жизни. За бесконечными разговорами и чаепитием коротали свои сроки.

Чай - важный элемент лагерной жизни. Его готовят особым образом, используют как своего рода легкий наркотик. Многие, привыкнув, не могут без него обходиться. Поэтому чай здесь - и валюта, и взятка, и награда.

До 1978 года чай свободно продавался в лагерном ларьке. Среднему любителю чая требуется около тридцати граммов в день. Если всю месячную сумму, на которую зэку разрешается купить продуктов, тратить на один чай, выйдет десять пачек, по двадцати пяти граммов каждая. То есть хватит всего на десять дней. А ведь надо еще и курево, и конфеты-подушечки к чаю... На хлеб, маргарин, постное масло уже не остается. Ничего не поделаешь... "Чаемана" всегда можно узнать: вечно он клянчит чего-нибудь поесть, да и вид его жалок - он тощ, изможден, курит сигарки, насыпая табак в клочок газеты.

Уже с утра начинаются заботы о чае. Хлопот больше к концу месяца, когда все запасы использованы. Едва любитель чая протрет глаза, как бежит с кружкой к товарищу:

- Даня, на заварочку не найдется?

- Я Пете в начале месяца давал. Надо к нему пойти.

Идут к Пете.

- Петя, чайком угостишь?

- Есть на кружку, да еще вторячков подбавлю!

Довольные раздобытым питьем, "чаеманы" ставят кружку на огонь, в железную печку. Поиски дров тоже требуют немалой изобретательности. Но вот уже над ветками, палками, газетной бумагой полыхает огонь. В печку ставят три консервные банки с водой. Когда закипит, всыпают заварку. Мерка - полный спичечный коробок. Толстой, продырявленной огнем рукавицей вытаскивают банку, дают отстояться и торжественно несут в барак. А там уже установлена очередь: кому за кем пить. Достают конфеты-подушечки, по одной на брата, и пускают кружку по кругу. Начинается беседа о политике, о ценах на продукты. Без чая разговора нет. Так часть лагерной жизни проходит в хлопотах о чае. Если пристрастившийся к чаю не пьет целый день, его, как всякого наркомана, мучают головные боли. Чаще всего так и бывает: сперва пьют чай для кайфа, потом появляется настойчивая потребность в нем, и тогда увеличивают дозу, чтобы вызвать чувство физического удовлетворения. Поэтому поиски чая нередко носят болезненный характер. Варить чай официально запрещено. Но начальство смотрит на нарушение этого запрета сквозь пальцы, как на воле смотрят на водку: пусть уж лучше пьют, а то политикой займутся...

О чае постоянные разговоры, которые постороннему не понять:

- Где пьем? Еще на заварку наберется?

Заварка - обменный товар. Сапоги починить - заварка. За помидоры с огорода деда Антося - две заварки. А где ж ее взять, заварку-то? Воровать? Кто может, ворует. Вот обнаружили подкоп под ларек. Устроен по всем правилам инженерного искусства. Почти готовый лаз к чаю. А можно чай и заработать - кагебисты расплачиваются чаем с доносчиками. Приходят в барак с туго набитым портфелем - чай! Как-то я пошутил:

- Что, зарплату принесли?

Гебист обозлился:

- Будешь так шутить, схлопочешь...

А стукачи довольны: кто пятьдесят граммов получил, кто - все сто. Однажды я поспорил с диссидентом, который улыбаясь рассказал:

- Чай у чекиста взял. Говорю ему: "Дай!" Ну, он и достал чай из портфеля и дал.

- Зачем ты взял? Нельзя же!

- Почему?!

В самом деле - почему? Чтобы не приучаться к их подачкам. Они волчьим нюхом чуют. Даже самый сильный и гордый, обратившись к ним за щепоткой чая, уже сдался, обнаружил слабость. К нему, значит, можно подобрать ключик.

- Я не беру и все. И пить с тобой не буду! - резко ответил я диссиденту.

- Как знаешь! Подумаешь, святой нашелся!

Казалось бы, так ясно, а поди докажи. Но разве все в жизни надо доказывать? А может, внимательней присмотреться к человеку, которому надо доказывать, что негоже брать подачку из рук кагебиста?

В нашей еврейской компании только на субботу варили чай. Эли и Гилель уже получили посылки, как положено после отбытия половины срока. (Я же свою первую посылку получил только в 1976 году - через шесть лет после ареста.) Хаим, наш шеф-повар, сооружал яичницу из израильского яичного порошка и жарил израильскую сою с луком. Суп из бульонных кубиков, селедка и чай -

такому столу позавидует каждый.

Заботы о субботе начинались накануне. В пятницу предстояло сшить субботнюю норму рукавиц. Я научился выполнять восьмичасовое задание за четыре часа. Качество меня, конечно, не интересовало. Одна за другой вылетали из-под швейной иглы наши изделия. Субботнюю норму, приготовленную в пятницу, мы с Хаимом прятали и показывали старшему заключенному место, где она находилась. В пятницу нужно было еще заготовить дрова. Собрать их легче, чем пронести в жилую зону или растопить печку. Затем баня. Нам повезло: мылись по пятницам. Баня - небольшое помещение, вдоль стен деревянные лавки, а посередине большой котел. Из него набираешь кипятка в жестяную шайку... Вокруг пар, голые люди. С трудом привык мыться на виду у всех и ходить нагишом. Помылись - и быстро домой, к печке: успеть приготовить еду до наступления субботы. Вот и стол накрыт. И мы, четверо евреев, вокруг него. Приодетые, насколько это возможно в наших условиях. Десять лет подряд я надевал по субботам белую рубашку, которую мне прислал отец, когда я еще сидел в тюрьме. Ничего красивее и дороже этой рубахи у меня не было.

Полсотни человек вокруг болтают, ругаются, режутся в карты, глазуют на нас... А нам хоть бы что. На нас нисходит субботний покой. Произносим субботние молитвы. Мысленно переносимся к своим родным и вместе с ними встречаем субботу. Благословив вино (вернее, изюм вместо вина) и хлеб, приступаем к трапезе и говорим об Израиле, о нашей судьбе и судьбе нашего народа. Если до наступления субботы мы получали письма, особенно из Израиля, то весь вечер разговоры шли только об этом.

Бывало, в самый неподходящий для нас момент двери барака открывались и на пороге появлялся дежурный надзиратель:

- Это еще что за сборище? Немедленно разойтись!

- Сейчас поедим и разойдемся.

В бараках не запрещено есть, но собираться группами более трех человек нельзя. Вероятно, кто-то донес, что евреи празднуют свой "жидовский шабаш". Полицая в восторге: "А, не дали попить!" В их словах, в их колющем взгляде не только злость, но и зависть. Давно потерявшие человеческий облик, полицаи завидовали нам, евреям, которые и в лагере остались верны себе и своим обычаям. А у них на душе пусто. Нет ни веры, ни надежды, ни просвета. Жрут сало и масло, пьют водку. Всего вроде бы у них вдоволь, а вот чего-то не хватает. Наш скромный стол богаче всех, потому что вместе с нами в субботней

трапезе участвует весь еврейский народ. И любопытство распирает наших соседей: что за странный народ, который так держится за свои обычаи? Что за вера у них такая особенная?

- Свинину не едите, потому что для здоровья вредно? В субботу не работаете, потому что надо отдыхать? Молитесь, потому что боитесь пропасть? В Израиль хотите, чтобы там арабов эксплуатировать? Объясните: почему? зачем? для чего?

- Так заповедано Б-гом!

- И это ответ?! Быть не может! Вы что-то скрываете!

Но как ты им объяснишь:

- Я верю и все.

- Верить? А что значит верить?

- Верит каждый. Только одни скрывают, а другие признают.

На следующий день утром надо выходить на работу. Долго спорили с Хаимом о том, являться по субботам на завод или не стоит. Я считал, что не следует дразнить начальство и устраивать демонстраций. В конце концов суббота-между нами и Б-гом, и администрации знать об этом незачем. Вот мы и вели себя как мараны. Выходили на завод, усаживались на свои места, и начиналось... Отдых - не отдых. Ждем, когда кончится утренняя проверка, отлов увиливающих от работы. Подходят ко мне. Делаю вид, что чем-то занят. Стоят, смотрят, точно прилипли... Наконец уходят. Но бывает и иначе:

- Менделевич, почему не работаете?

- Я работаю.

- Нет, вы ничего не делаете. По карцеру соскучились?..

- Почему не работаете, Менделевич? Менделевич, что у вас на голове? Снимите! Менделевич!

Молчу. Пронзительно и резко звучит моя собственная фамилия. Я готов заткнуть уши, чтобы ее не слышать. Но сижу спокойно. Привык. Делаю, что

считаю нужным, а они - как хотят. Война нервов. Надоест - уйдут. Я не сорвусь, не вспылю, чтобы потом на радость начальства загнуться в карцере. Но и работать не стану, не нарушу святость субботы. Это уж точно! Разве могу иначе? Разве можно перестать быть самим собой? В этой борьбе нервов я победил. Ничего не смогли со мной сделать. Хаим вел себя по-другому.

- Сегодня я вообще не выйду на завод, - заявил он мне в субботу.

- Но ведь ты бросаешь им вызов и от моего имени. Тебе сидеть три года, а мне десять. Подумай!

- Все равно, не могу иначе... Я их не боюсь - пусть наказывают!

- И я не боюсь. Но зачем провоцировать наказания?

Мои доводы не помогли, и его затаскали по карцерам. Потом нам все же вместе с Гилелем Шуром удалось уговорить его выходить по субботам на работу. Он согласился, и тогда от него отстали.

В середине зимы прибыло несколько ленинградцев, которых дольше других держали в Ленинграде, а потом в мордовском КГБ. Возможно, надеялись перевоспитать путем "задушевных" бесед, вырвать дополнительные показания или хотя бы покаяние. Потом отправили в лагерь. Один из новоприбывших был в крайне подавленном состоянии.

- Ой, расстреливать ведут! - всхлипывал он. Совсем запугали парня. Однажды он пришел, сел на койку. Молчит.

- Что с тобой? Боишься, что расстреляют? Да ведь по приговору семь лет! Успокойся!

- Ребята, я дал подписку сотрудничать с КГБ. Может, так мне легче будет!

- Ты что же, легкую жизнь за наш счет заработать хочешь?

- Нет, на вас не буду доносить!

Поди знай, на кого он будет стучать, а на кого нет! Раньше он казался таким смелым и такие пылкие речи произносил о сионизме, об Израиле!

А Марк - все тот же Марк. Крепкий, не сломленный, подтянутый.

- Не жалеешь, что оказался со мной?

- Жалею? Нет, благодарен Б-гу, что встретил!

Трудно летчику в лагерной яме. Работу дали тяжелую - колоть и пилить дрова. И это на мордовском тридцатиградусном морозе. Когда вечером нас ведут с завода, Марк в полной темноте все еще работает. Усталый, приходит в барак и замертво валится на койку.

Непривычно ему, советскому солдату, сидеть за субботним столом. Чего тут расслаживаться? Поели - и разошлись. Но постепенно и он втянулся во все приготовления к субботам и праздникам.

Приближалась Ханука. Гилель Шур сказал:

- Все равно праздновать по-человечески не дадут. Войдут, станут мешать. Надо заблаговременно написать заявление начальнику лагеря. Пусть разрешит отметить праздник!

Написали. Вызывает к себе капитан Горкушев. Высокий, толстый, с красным от постоянного пьянства лицом.

- Что это еще за ха-ну-ка? - запинается он.

- Праздник победы еврейского народа над греками во втором веке до новой эры.

- Не советский значит! Нет, разрешения дать не могу!

Пишем дальше - прокурору, начальнику управления лагерей. Ответ один: не разрешить!

- Ну, как вы все-таки думаете справлять свой праздник? - участливо спрашивает капитан Белов.

Он в лагере играет "доброего" начальника в противовес "злому" Горкушеву. В каждом лагере всегда есть такая пара: один хороший, а другой плохой. Один - только бранит и наказывает, другой - слушает, объясняет, разрешает и наказывает редко. Метод простой: заключенному дается надежда на то, что кое-что можно уладить, если поговорить с "добрым" начальником. Зло вроде бы исходит не от властей, не от закона, а от людей с дурным характером.

- Мы не против еврейских праздников, - объясняет Белов. - Но во что превратится лагерь, если каждая нация начнет здесь справлять свои праздники?

- Но ведь другие и так справляют. Почему только евреям нельзя?

- А вам знаком неписанный лагерный закон? Никогда на другого не показывать! Каждый отвечает за себя! Запомните!

Что это? Капитан тюремных войск учит нас внутрилагерной этике?

- Но мы ничего особенного устраивать не собираемся. Посидим, чай с конфетами поьем - и все. Это ведь наш национальный праздник, - настаиваем на своем. - Вы представляете, что будет, если евреи на Западе узнают, что нам запрещают праздновать Хануку?

- А вы нас своими евреями не пугайте! Советский Союз не боится!

И все-таки мы готовились к празднику. Я достал свечи. Хаим попросил одного заключенного изготовить светильник и волчок из дерева - сэвивон. Светильник был маленький, сантиметров десять на пять, чтобы легче вынести с завода.

Наступил первый вечер Хануки. Мы сели за праздничный стол. Были ко всему готовы, даже к самому худшему. Но ничего не произошло. Не появился ни один надзиратель. Мы спокойно зажгли первую свечу, поужинали, жалея, что не нашлось картошки для латкес. Потом, осмелев, отправились в пустую столовую играть в сэвивон, ставя спички в банк. Настроение веселое, приподнятое. Вышли во двор.

- Ребята, а ведь когда-нибудь мы так же просто выйдем на улицы Иерусалима!

И мы запели израильские песни. Все, какие знали, подряд. Израильские песни под свинцовым мордовским небом.

А через несколько дней меня вызвали на свидание. Что случилось? Почему папа с мамой ехали за тысячи километров? Ради двухчасовой беседы? Что-то важное? Ладно, разберемся! Главное - видеть их! Меня вводят в комнату. Надзиратель не уходит. Обняться нельзя, руку пожать запрещено. Улыбаемся друг другу. Они явно хотят что-то сообщить.

- Твой дедушка Аарон, - начал осторожно отец, - был большим хасидом, но даже

и он не постился более трех дней...

Значит, речь идет о голодовке. Так. Но Аарон? Кто это? А, наверно Шпильберг... Стало быть Шпильберг собирается объявить голодовку? Разговор первоначально идет на идише, но надзиратель запрещает говорить на непонятном ему языке. Ладно, мы и по-русски договоримся.

- Как поживает Йохевед? Довольна ли она отцом?

(Йохевед - дочь Аарона.) По глазам папы вижу, что угадал.

- Она-то довольна, но он совсем себя не жалеет. Нехорошо!

Ага, папа против голодовки. Но в чем же все-таки дело?

- Может, не зря он не жалеет себя? Может, он недоволен местом работы и хочет уехать? (Я имел в виду, что он, возможно, требует перевода в другой лагерь.)

Папа понял меня:

- Нет, местом работы он доволен. Собирается отметить годовщину свадьбы!

Что-то насторожило надзирателя. Он вызвал из соседней комнаты сержанта. Теперь вместе сидят и слушают. Но мне уже ясно: Аарон затевает голодовку по поводу годовщины суда над нами - 24 декабря 1971 года. Теперь понятна причина приезда родителей: они ставят меня в известность об этом и заодно хотят отговорить от участия в трехдневной голодовке. Папа продолжает:

- Все ребята сейчас пишут Лене, что они не считают себя его товарищами, потому что нельзя одновременно дружить и с ним, и с Изей.

Все ясно: это не личная голодовка Шпильберга, а коллективная. Пишут заявления об отказе от советского гражданства и о принятии израильского. Так... Теперь можно спросить и о родных.

- Мэри по-прежнему живет в Тивоне? Как здоровье Игала?

- Прекратите разговаривать на условном языке! - взрывается надзиратель.

- Где ж тут условный язык?

- А вот Тивон, Игал - это что такое?

- Это название города и мужское имя. Сержант смотрит на нас недоверчиво и на всякий случай грозит:

- Еще раз услышу иностранное слово - прекращу свидание!

Хорошо, обойдемся теперь и без иностранных слов. Два часа пролетело незаметно. Закончилось одно из последних свиданий с отцом.

Я вернулся в барак, и мы с товарищами принялись обсуждать план действий. Аарон Шпильберг находился в семнадцатой зоне, в ста метрах от нас. С холма у вышки мы могли видеть эков на втором этаже их барака. Иногда пытались переговариваться азбукой Морзе, сигналивая руками: один взмах - точка; два - тире. Азбуку Морзе знал только Хаим. Однако сперва надо "выйти на связь", сделать так, чтобы нас заметили. В бараке семнадцатой зоны, у окна стояла койка бывшего капитана милиции Юры Алексеева. Он всегда начеку. Посылаем запрос: "Что известно о голодовке Аарона?" Передает, конечно, Хаим, а мы с Элиэзером караулим. Но на той стороне нас заметил не только Юра. Дежурный с вышки уже звонит к нам в зону. Успеваю предупредить Хаима, и ему в обход удается уйти от надзирателей.

Запрос не передан, ответ не получен. Тогда решаем провести голодную забастовку без согласования с товарищами из семнадцатой зоны. Приготовили заявления, в которых подробнейшим образом описали, как проходил суд и какой был вынесен приговор. Мы требовали отмены приговора и разрешения выехать в Израиль. Я написал так: "Моя родина - Израиль, и поэтому я не желаю считаться гражданином Советского Союза, где еврейский народ обречен на дискриминацию, антисемитизм и принудительную ассимиляцию. Новым по сравнению с моим выступлением в суде был отказ от советского гражданства и признание себя гражданином Израиля. Примерно в таком же духе писали свои заявления остальные. Мы провели однодневную голодовку. Однако никакой реакции властей на наши заявления и голодовку не последовало. Впоследствии ежегодно в день узников Сиона я писал заявления, но с годами их текст сокращался, пока не дошел до двух фраз: первая - отказываюсь от гражданства; вторая - требую выпустить в Израиль. Надоело кричать в пустоту.

В конце срока я узнал, что наши заявления учитывали и брали на заметку. Нас не подвергали дополнительному наказанию потому, что именно за такие убеждения мы и находились в заключении. Однако с 1980 года всякое заявление, содержащее критику советской власти, рассматривалось уже как нарушение правил режима и жестоко наказывалось.

Итак, голодовка закончилась, а нас, конечно, не освободили. Но мы хотели сообщить о ней на волю. Единственный способ - через больницу, обслуживавшую четыре мордовских лагеря. Рядом с больницей находился женский лагерь номер три, где сидели Рут Александрович и Сильва Залмансон, и лагерь номер пять для иностранцев. В больнице зэки из разных лагерей встречались и обменивались новостями.

Гилель Шур страдал хронической язвой желудка. Он записался на прием к врачу, и через несколько месяцев подошла его очередь в больницу. Там он и рассказал о нашей голодовке и обращении к Кнесету с просьбой признать нас израильскими гражданами. (13 июня 1972 года, через два года после нашего ареста, Кнесет принял такое решение.)

Никакого лечения Гилель не ждал и, конечно, не получил. Но он возвратился в зону с массой новостей. Однажды, забравшись на крышу больницы, он сумел поговорить с Сильвой. Узнал, что голодовки прошли во всех зонах и КГБ терялось в догадках, каким образом их организовали и кто именно. А еще Гилель узнал, что в третьей зоне получают письма из Израиля. Вскоре и к нам они начали доходить. Лагерное начальство с удовольствием уничтожало бы их, но имелся особый приказ из Москвы, и вот каждую пятницу дневальный выкрикивал:

- Шур, Трахтенберг, Менделевич, Симас - к цензору!

И цензор Буянов одаривал нас не столько письмами, сколько актами об их конфискации.

Получить или отправить письмо - такая же сложная процедура, как добиться свидания. По закону, заключенному, находящемуся на строгом режиме, разрешается отправить два письма в месяц. Получать он может сколько угодно. Переписка между заключенными запрещена, если они не являются родственниками. Отправка письма или вручение полученного должны производиться администрацией в трехдневный срок со дня поступления письма. Так гласит тридцатая статья "всесильного" исправительно-трудового кодекса РСФСР. Заключенным знакома эта статья. Знал ее и я. Длительное время не получая писем, я обратился к начальнику оперативной части, лейтенанту Рожкову:

- Почему вы нарушаете статью тридцатую и не выдаете мне писем?

- Статью надо понимать в том смысле, что администрация может разрешить и может не разрешить, - официально-наглым тоном заявляет он. Вступаю с ним в

спор:

- Не вы, а закон разрешает получение писем. Не сказано ведь: заключенные могут получать письма с разрешения администрации.

Ничуть не смутившись, Рожков прибегает к последнему доводу:

- Слишком много знаете, Менделевич. Но пока власть в моих руках, я сам решаю - отдавать вам письма или нет.

Веский довод, ничего не скажешь!

С цензурой тоже сложно. В Правилах внутреннего распорядка сказано, что переписка заключенных подвергается цензуре. Письма, в которых есть сведения, не подлежащие оглашению, конфискуются. Это сведения об охране лагеря и его местоположении, о персонале, заключенных, массовых и одиночных действиях против администрации, о стихийных бедствиях, эпидемиях. Это высказывания "клеветнические" и "искажающие" советскую действительность и, наконец, порнография.

Заключенный, по сути дела, не имеет права ни сообщить об условиях своей жизни, ни поделиться с близкими людьми своими мыслями и чувствами. Судьбу письма решает цензор, который руководствуется не законом, а последней секретной московской инструкцией. Если решат конфисковать письмо, пункт для конфискации подобрать нетрудно. Корреспонденцией заключенных интересуются КГБ и МВД. Отношения между этими двумя ведомствами осложняются тем, что законом не регулируются - во всяком случае официально. И создается впечатление, что они дублируют или подстраховывают друг друга. Скажем, к вам в лагерь идет письмо из-за границы. Сперва его перлюстрируют в Москве, затем в областном центре, потом в управлении лагерей и, наконец, в самом лагере. При такой фильтрации письма к адресату приходят редко. Обычно зэк не получает даже уведомления о конфискации письма. В лучшем случае одно уведомление на десять "пропавших и затерявшихся".

Невыносимо знать, что каждая строчка твоей любви и тоски будет прощупана чужими глазами. Совсем пропадает желание писать. Начальник обычно прочитывает письма, потом вызывает к себе заключенных и ведет с ними беседу о прочитанном. Ясно, никому не хочется обсуждать с ним свои отношения с близкими людьми. Таким образом, закон разрешил переписку и он же ее отобрал.

Человек, не вникший в лицемерие закона, строчит жалобы, ходит на прием к начальству, объявляет голодовки и забастовки, а толку мало. Это почти ежедневная борьба. Она изматывает нервы... Как вырвать из их рук папины письма или открытки из Израиля? Нельзя допустить, чтобы из сотен писем, отправленных тебе учениками еврейских школ в Англии, ты не получил ни одного! Нельзя уступить им письмо, касающееся веры!..

Боря Пэнсон сказал как-то одному важному чиновнику МВД:

- Зачем вы играете с нами, говоря, что нам писем не шлют? Скажите лучше, что вы их похищаете!

- Ну и что! Можете передать об этом даже на Запад! Писем не выдавали и выдавать не будем!

Конечно, они не предполагали, что Боря действительно сообщит на Запад всю историю с письмами, включая и эту беседу с высокопоставленным лицом.

Перед отъездом в Израиль мать Бори получила свидание с ним, и он ей все рассказал.

Иногда казалось, что лучше бы они запретили переписку вообще либо выдавали одно письмо в год. Может, было бы легче! А так... Каждое не дошедшее до тебя письмо - это настолько изощренная пытка, что порой нет сил ее вынести*. Можно, конечно, не обращать ни на что внимания, не принимать игры всерьез. Пришло письмо - хорошо; не пришло - ну и ладно! Однако ведь это - калечить свою душу, запретив ей надеяться, любить, ненавидеть и ждать! В разлуке и страданиях только вера давала мне силы выдержать. Постепенно, с годами во мне крепло чувство принадлежности к моему народу, неразрывной связи с ним и с землей Израиля...

А пока шел только первый год моего заключения, и я еще не научился выдержке.

"Трахтенберг, к цензору!" - и Элизер бежит в штаб. Он особенно уязвим, когда дело касается писем. Незадолго до ареста женился. Лишь через год стали прибывать письма от его жены Тани. Причем на каждое выданное приходилось одно невыданное.

- Распишитесь! Письмо от вашей жены конфисковано, так как содержит сведения, не подлежащие разглашению.

- Что же она могла написать? Сообщала мне военную тайну? Или план захвата израильскими парашютистами нашего лагеря?

- Можете жаловаться прокурору!

- Если не хотите сообщить мне причину конфискации письма жены, то напишите хотя бы ей. А то она и дальше так будет писать, не зная, о чем можно, а о чем - нельзя.

- Мы никому не обязаны давать объяснения. Пусть пишет человеческим языком и только о себе.

- Но ведь она не арестована. Как можно требовать от нее соблюдения тюремных правил?

- Если будет писать такие письма, ее арестуют.

С утра до вечера Элиэзер метался по бараку, курил сигарету за сигаретой. Гилель даже пытался прятать от него курево, но ничего не помогало. Элиэзер не находил себе места. Потом отец написал ему, что Таня собирается на свидание. В день ее приезда Элиэзер не давал покоя проходящим офицерам:

- Приехала моя жена?

- Приехала, - ответил капитан Горкушев, - но свидания вам не дадим: не наступил положенный срок.

- Нет, наступил. Прошло четыре месяца со дня предыдущего свидания!

- А должно пройти шесть!

- Либо дайте свидание, либо верните ей триста рублей, которые она потратила на поездку из Кишинева в Мордовию!

- Вы нам не указывайте. Мы сами решим, положено свидание или нет. Пусть приедет в другой раз.

Весь этот разговор происходил на улице. Капитан Горкушев сидел на ящике из-под пива возле трактора, который под его присмотром чинил полутрезвый вольнонаемный. До службы в тюрьме капитан имел дело с моторами. К машинам его тянуло больше, чем к людям. И сейчас он всем своим видом

показывал, что трактор для него намного важнее, чем "беседа" с заключенным.

Элиэзер вернулся в барак злой:

- Я объявляю голодовку в знак протеста против беззакония!

Мы пытались отговорить его. В конце концов можно потерпеть - оставался всего год до конца срока. Одновременно мы пытались воздействовать на "доброе" начальника. Ничего не вышло. И Элиэзер написал заявление о голодовке.

Я был подавлен, ведь мне опасно начинать голодовку при двенадцатилетнем сроке. Кто знает, как долго придется голодать? Но речь идет не только о личном деле Элиэзера. Это касается всех.

- Буду голодать вместе с тобой, - сказал я Эли и сел писать заявление.

К нам присоединился Хаим. Он только спросил:

- Как долго думаете голодать?

- Пока начальство не уступит или пока не возникнет опасность для жизни.

Мы перестали ходить в столовую. Надзиратель несколько раз заскакивал в барак:

- Почему не в столовой?

- Объявили голодовку.

- По какой причине?

- В заявлении написано.

- Ничего не слышал о заявлении. Не хотите - не ешьте. Можете хоть подохнуть!

Голодовка, а работать надо. Не то посадят в карцер: будет и голодно, и холодно. На четвертые сутки почувствовали себя плохо: головокружение, бросает то в жар, то в холод. Сил нет. Не вышли на работу.

Вызывает к себе капитан Тохташев:

- Почему не работаете? Начинается глупый, длинный и ненужный разговор с такой концовкой:

- Пожалейте свое здоровье, свидания все равно не дадим!

- Мы продолжаем голодовку!

К вечеру приехали сани. Нам приказали собрать вещи. Матрацы, подушки, книги - все свалили в сани. Нас привезли в большую зону - семнадцатую. Там есть штрафной изолятор - шизо. По инструкции, на четвертые сутки после голодовки заключенного сажают в отдельную камеру под замок: наблюдать, чтобы действительно ничего не ел.

У ворот зоны выбрались из саней и потащили на себе вещи. От голода тяжело идти. Ведут кружным путем, чтобы не встретить заключенных. Но мы сразу же наткнулись на Аркадия Волошина, работавшего на стройке. Учитель ульпана в Кишиневе, он и здесь приветствует нас на иврите. Повезло! Аркадий расскажет о нас остальным. Мы думаем, что перевод на режим изоляции - хороший признак. Значит, вынуждены считаться с нашей голодовкой. Есть и другой способ обращаться с голодающими - просто не замечать их. К нам применили первый.

Мы оказались в камере, в которой я сидел по прибытии в лагерь. Вот на стене стихи, которые я тогда написал. Бросаем матрацы на нары и от усталости и слабости валимся на них. Отлежались немного и принялись за занятия: я - за чтение Шолом-Алейхема на идише, Элизер - за английский, Хаим - за иврит. Принесли ужин. Мы отказались его принять. Надзиратель потребовал, чтобы миски с едой остались в камере:

- Наша обязанность предложить вам еду. А вы - хотите естьте, хотите не естьте. Утром заберем.

- Но ведь это издевательство! А потом еще скажете, что часть ужина мы съели!

- Есть инструкция!

Камеру открыли и поставили миски на стол. Хаим вскочил и выставил миски в коридор. Пришел офицер:

- Почему еду выливаете?

- Мы ее не вылили, а поставили в коридор!

- Нет, часть вылита на пол. Вас не научили уважать пищу. Сперва заработайте ее, а потом выливайте!

- Мы зарабатываем на еду! Это вы сами не работаете! Живете за счет труда заключенных.

Офицер с раздражением захлопнул дверь.

Так, голодая, тянем день за днем. Желудок сжался, как спущенный резиновый мяч. Губы пересохли, во рту отвратительный вкус, голова тяжелая. Но мы бодримся: учим иврит, поем израильские песни, рассуждаем о том, как будут развиваться события, связанные с нашей голодовкой. А они пока никак не развиваются. Только иногда вызывают к врачу. Измеряет давление, смотрит язык, нюхает запах изо рта. Согласно инструкции, с появлением запаха сероводорода необходимо начинать искусственное питание.

- Почему вы не жалеете себя? Подумайте о своем здоровье!

- Если вы так нас жалеете, разрешите свидания с родными - и мы прекратим голодовку!

- Я только врач. От меня это не зависит... Известно ли вам, что при голодовке прежде всего страдает печень, и это ущерб необратимый. При длительной голодовке можно потерять зрение.

Говорит она вроде бы сочувственно, но на лице удовлетворение от наших мук. Недаром ее прозвали лагерной Эльзой Кох. По специальности она зубной техник. Хороший и порядочный врач работать сюда не пойдет. Она пошла. Вставляет зубы и заодно лечит заключенных. От всех болезней. В больницу направляет неохотно и освобождений от работы почти не выдает.

- Болит желудок.

- Покажите язык!

- Но у меня язва желудка, доктор!

- Язык - зеркало желудочно-кишечного тракта. Ничего особенного не вижу. Вы здоровы. Можете работать! Все!

- Но у меня хроническая язва. Специалисты поставили диагноз десять лет назад...

- Значит, выздоровели! Ну ладно, возьмите это!

Она дает какую-то таблетку. Разбирается ли она вообще в том, что дает? Все таблетки на вид одинаковы.

- Может, у вас есть что-то другое?

- Почему вам всегда нужно "что-то другое"? Хотите выделиться? Отсюда все ваши несчастья. Послушайте моего совета: будьте как все, и вам станет легче жить!

Возможно, сама того не сознавая, она точно определила цель и смысл лагерной обработки: обтесывать каждого противника режима до тех пор, пока он станет похож на стандартного советского человека.

Ежедневно мы все же заставляли себя совершать получасовую прогулку.

- А вы нечестно голодаете, - заявил нам надзиратель на восьмые сутки голодовки. - Другие через неделю уже и ходить не могут!

- Мы ведь евреи!

Он смотрел на нас с нескрываемым удивлением. Но сил становилось все меньше и меньше...

- Все, ребята! Больше не могу, пора кончать! - не выдержал один из нас.

- Не для того начали, чтобы так кончить. Ведь решили же - до победного конца!

- Нет, ребята, я передумал. Показали, на что мы способны, и хватит!

Мы убеждали, уговаривали: прекратить голодовку сейчас - значит нанести поражение не только самим себе, но и всем нашим. И тут, на девятые сутки - о, чудо! - мне приносят письмо. Из Израиля! Описание свадьбы моей сестры Евы. Фотографии, первые фотографии с родины. Как все изменились там! Настоящие израильтяне! А вот моя сестра с солдатом. Ну и усы! Здоровенный парень! Такой, небось, выдержал бы голодовку до конца! Ну, а мы что? Не выдержим?!

- Конечно, выдержим! Мы победим!

И действительно, наши дела как будто пошли лучше. Эли и Хаиму принесли письма из дома. Дневальный изолятора, старый литовский националист, Антанас, приложив палец к губам, прошептал:

- Ваши ребята в зоне знают о вас и пишут заявления и протесты по поводу лишения вас свиданий.

Теперь мы имеем друга. Сразу созрел план. Я говорю по-латышски, Хаим - по-литовски. Сделаем вид, что разговариваем друг с другом (надзиратели не заметят разницы!), а тем временем Хаим расскажет обо всем Антанасу. Тот передаст ребятам.

Разносят обед. Надзиратели за дверью изолятора переговариваются друг с другом:

- Что у них там сегодня?

- Жареная картошка, курица и белый хлеб! Это они специально для нас говорят. Дразнят!

- Хватит врать! - кричим мы из камеры. - Вы и сами не помните, как курица выглядит! А туда же - зэкам сулите! Открывайте, ставьте свою баланду!

Открывают дверь, и Антанас вносит миски с обычной тюремной пищей. Мы с Хаимом начинаем оживленно переговариваться на "латышско-литовском" языке:

- Завтра в 18.00 нас поведут в баню. Предупреди ребят.

Когда нас, шатающихся от голода и слабости, повели в баню, там уже собрались заключенные. Но охранники их близко не подпускали к нам. Все же им удалось из-за угла прокричать:

- Шалом!

В бане мы разомлели от пара, горячей воды и едва не потеряли сознание. Вдруг стук в окно. Это, обойдя охранников, к окну подкрался Аркадий Волошин:

- Если будете держать голодовку и дальше, мы все присоединимся. Поддержат и другие. Но все же лучше найти путь к компромиссу.

- Если бы мы искали компромиссов, мы бы не голодали! Что за народ! Стоит начать что-либо всерьез, тебя немедленно тянут назад!

- Ладно, ребята! Поступайте, как считаете нужным. Мы получили письмо: в прошлом году уехало более десяти тысяч.

Тут его отогнали, но мы были счастливы, что узнали новости: евреи едут в Израиль! Ребята нас поддерживают!

На двенадцатые сутки голодовки мы испытали необыкновенный душевный подъем: появились силы учиться и думать. Заговорили о вкусной еврейской пище. Я вспоминал литовские кушанья, Эли - бессарабские. Хаим запротестовал:

- Вы с ума сошли! Прекратите этот словесный пир!

- Мы вовсе не бредим едой. Просто вспоминаем еврейский дом, - защищались мы.

В этот день начальство решило приступить к искусственному кормлению. Вызывали по одному. Мы договорились не слишком сопротивляться. Все равно накормят. Известны случаи, когда сопротивляющимся ломали зубы и выкручивали руки.

- Ну, кто первый!

Я вошел. Комиссия: врач, фельдшер, офицер, старший надзиратель. Измерили пульс, давление.

- Ну, что? Может, будете есть добровольно?

- Отказываюсь!

- Тогда накормим принудительно! Окажете сопротивление - применим силу, наденем наручники. Садитесь!

С обеих сторон хватают за руки и прижимают к спинке стула. В рот впихивают толстый резиновый шланг, суют все глубже и глубже. Задыхаюсь. Текут слезы. В

шланг вставляют воронку и вливают пол литра белой жидкости. С непривычки желудок растягивается. Больно. Потом шланг вынимают. Белая жидкость выплескивается обратно. Пол, сапоги надзирателей, моя одежда - все забрызгано. Но я не издаю ни звука, ни стоны. Не страшно, выдержать можно.

Возвращаюсь в камеру бодрым шагом, чтобы не испугать друзей. Советую:

- Старайтесь дышать носом.

Вызвали Элиэзера и Хаима. Измучились, но выдержали. Если придется, опять готовы подвергнуться этой мучительной процедуре. Утром принимаемся за свои обычные занятия. Потом завязывается разговор о судьбе, о предначертании. Могли ли мы представить себе еще год назад, что вот так, голодающие, будем лежать в камере и отстаивать свои человеческие права? И вдруг:

- Трахтенберг! К начальству!

Что-то будет! Ждали с нетерпением. Наконец Эли возвратился, сел, не спеша достал американскую сигарету, закурил и начал:

- Расскажу все по порядку. Вызывали к Горкушеву. По нашему делу прибыл замминистра внутренних дел Мордовии. Пригласили представителей евреев - меня и Лассаля Каминского. Замминистра выслушал нас и наше начальство, но ответ у него, видимо, был готов заранее: "Начальник поступил правильно, не дав вам свидания. Однако в следующем месяце ваша жена может приехать. Чтобы впредь такой путаницы не было, приказываю капитану Горкушеву вывешивать списки тех, кому положено свидание. А вам, Трахтенберг, советую прекратить голодовку!"

Компромиссный вариант, по существу, означал нашу победу. С какой стати такая важная персона приехала бы сюда?!

- Ну что, будем снимать голодовку? Большого вряд ли добьемся!

- Что ж, можно кончать! Только не торопись: пусть не думают, что мы кидаемся на любое их предложение. К голоду мы уже привыкли. Сможем подождать до утра. А они пусть поволнуются. Может и письма выдадут!

Вечером мы получили письма из дома. Видно, когда надо нас задобрить, почта лучше работает.

Утром мы сняли голодовку. Поставили условие: несколько нерабочих дней и усиленное питание. Нас вывели во двор. Солнце заливало светом белый чистый снег. И на душе у нас было светло. У выхода из лагеря нас уже ждали все наши друзья. Победителей не судят и не наказывают. Ребятам не мешали прощаться с нами. Здесь был Аарон Шпильберг, Лассаль Каминский, Лев Коренблит, Аркадий Волошин и совсем незнакомые ээки. Каждый чего-то желал нам на прощанье. К этому времени в семнадцатой зоне уже сложилась сильная еврейская группа со своей жизнью, своими правилами и своими взаимоотношениями. Каждый вел себя по-разному. Аарон и Лассаль проявляли лояльность к закону и даже посещали политзанятия. Однако если администрация нарушала законы, они протестовали и рассылали жалобы во все инстанции. Я не мог понять эту демонстрацию лояльности и предпочитал действовать открыто, не выказывая интереса к соблюдению советской законности.

В семнадцатой зоне еврейские праздники устраивали в присутствии всех заключенных. Аркадий Волошин и мой старый сокамерник Леша Софронов исполняли на гитаре еврейские песни. Леша близко сошелся с евреями, даже учил иврит и принимал живое участие во всем, что касалось евреев. Другой русский, тоже "примкнувший" к евреям, - приятель Волошина, Дмитрий Чуховской. Он сидел за создание в Крыму организации, боровшейся за права рабочих. У Дмитрия в лагере были хорошие отношения со всеми ээками. Это по его предложению еврейская группа постановила не считать евреем Макаренко, а ведь тот был евреем и со стороны матери, и со стороны отца. Личность весьма многоплановая, он завяз в сложных отношениях с администрацией, и поэтому ни одна группа его уже не принимала к себе. Но он все же ухитрялся находить себе место.

Среди евреев особняком стоял Иегуда Леви, израильский гражданин. Дойдя в рядах советских войск до Берлина, он с группой бывших узников концлагерей добрался до Палестины. Служил в Хагане, участвовал в Войне за независимость и в Синайской кампании. Обзавелся семьей, в Тель-Авиве открыл магазин. Но забыл, откуда бежал. В 1962 году он приехал в Херсон навестить брата. Вышел за сигаретами и... оказался в тюрьме. Дали десятку за дезертирство из советской армии. Даже заступничество Голды Меир не помогло. Он отсидел весь свой срок, что называется, "от звонка до звонка". Сперва содержался в лагере для иностранцев, где условия были лучше, чем в других лагерях, потом перевели в семнадцатую зону. Здесь к тому времени уже находились осужденные по ленинградскому, рижскому и кишиневскому процессам. Отношения с нами у него не сложились. Странно и неприятно видеть, как ведет себя бывший боец Хаганы. Казалось, что для него самое важное - не сталкиваться с начальством, не сердить его.

- Иегуда, почему ты пьешь чай с нарядчиком Карпом? Он же негодяй!

- Знаешь, есть восточная пословица: "Брось собаке кость, она не будет на тебя лаять".

Иегуда гордился своей страной. Много рассказывал об Израиле. Читал вслух письма, которые получал из Тель-Авива. Но гордость родиной не мешала ему унижаться на чужбине, в лагере. Его поведение огорчало всех молодых евреев - не таким хотелось видеть гражданина нашей страны. Видно, храбрость в открытом бою еще не говорит о мужестве в заточении. С ним не дружили. Даже иврит учили не у него, а у Льва Коренблита. И на праздники его не приглашали.

Много трудностей, помимо обычных, было и у Абрама Якобсона. Его типично еврейская внешность и манера говорить раздражали капитана Горкушева. К тому же капитан однажды застукал Абрама, когда тот выносил со свидания сто рублей и укрылся в канаве, чтобы там запрятать деньги в тюбик зубной пасты.

- Якобсон, стойте! - заорал Горкушев.

Абрам не послушался и побежал. Толстый капитан - за ним. Забежав за кучу кирпичей, Абрам бросил там деньги и побежал дальше, но надзиратели его поймали. Сотню нашли. Он получил десять суток карцера. С тех пор Горкушев не упускал возможности поиздеваться над Абрамом. Работая на фабрике, он не мог справиться с нормой, так как шил старательно, без брака. Я же гнал план, ничуть не заботясь о качестве. Невыполнение нормы - серьезное нарушение режима, и Абрам не вылезал из "нарушителей". Его постоянно наказывали. В конце концов евреи вмешались и потребовали, чтобы Горкушев перестал придирается к нему. Все любили Якобсона за трудолюбие, общительность, знание ближневосточных проблем.

...И вот теперь евреи семнадцатой зоны прощались с нами.

В свою зону мы вернулись с победой. Галансков, правда, придерживался другого мнения: результат ведь ничтожный. Диссиденты вообще не считали нас самостоятельной группой. В демократическом движении участвовало много евреев, целиком поглощенных интересами России и русской культурой. Мы же, сионисты, по их понятиям, были людьми с узким кругозором. Отвергая советскую пропаганду в целом, они почему-то принимали лишь то, что касалось евреев и Израиля. Они верили, что Израиль "порабощает арабов", а некоторые даже повторяли антисемитские бредни о "всемирном еврейском заговоре". На евреев, участников правозащитного движения, многие смотрели как на людей, искупающих страдания, причиненные ими другим народам.

- Что, убегаете в Израиль? А кто ответит за то, что вы устроили в России коммунистическую революцию? - нередко можно было услышать в лагере.

Известно стремление ассимилированных евреев вызвать к себе расположение ассимилирующего народа. Поэтому в глазах "настоящих" русских демократов мы "хорошими" не были. И если нам предлагали сотрудничество, то только потому, что нуждались в нашей помощи. Я избегал общения с ними. Были среди диссидентов и евреи-демократы, испытывавшие симпатии к еврейскому народу и к еврейскому движению. Но мне казалось, что нельзя быть наполовину русским, наполовину евреем. Принадлежность к еврейству требует полной отдачи. Они были чужды мне, а я - им.

Вскоре разногласия проявились в день рождения диссидента Витольда Абанькина. Устраивали вечернее чаепитие. Пригласили и нас. Только собрались, пришел надзиратель:

- Разойдись!

Не разошлись. Пришел Горкушев, и страсти разгорелись.

- Я с тобой еще рассчитаюсь! - крикнул Абанькин в пылу спора.

- А, ты мне угрожаешь?! - завопил капитан, и Абанькина упекли в карцер.

Надзиратели ушли, и кто-то предложил:

- Объявим голодовку протеста! Евреи! Поддержите нас?

- Подождем развития событий, - ответили мы, хорошо помня, что ни один из них во время нашей голодовки и пальцем не шевельнул, чтобы нам помочь.

Теперь они не на шутку обиделись. Объявили голодовку. На четвертый день их изолировали, перевели в большую зону. Там они одумались: стоило ли вообще голодать по такому непринципиальному делу? Чтобы поддержать заколебавшихся товарищей, Алексеев, борец "за чистоту коммунизма", стал заверять, что через несколько дней к ним присоединится большая группа заключенных. Когда обман раскрылся, голодающие затарабанили в дверь: "Несите еду! Дайте поесть!"

Начальство довольно: такие голодовки отучат протестовать. А чтобы остальным было неповадно, собрали заключенных и зачитали приказ: "За

организацию голодовки Иванова, Алексева и Галанскова посадить во внутреннюю тюрьму сроком на шесть месяцев". Алексеев немедленно написал протест: "Требую отменить наказание Галанскову, так как он болен. По нормам Красного Креста больным заключенным положена медицинская помощь. Больные, которые по состоянию здоровья не могут переносить трудностей лагерной жизни, должны быть освобождены. Требую освобождения всех политзаключенных!"

Этот сумбурный протест со всеми возможными и невозможными требованиями никто, конечно, не стал рассматривать. Мы были правы, отказавшись участвовать в голодовке.

Наша цель - возвращение в Сион. Путь к этой цели был долог. И впереди - немало окольных дорог...

На исходе субботы, в июле 1972 года, нас выстроили на поверку. Зачитали список и приказали собираться с вещами. В списке оказались мы с Хаимом, а Гилеля Шура с Элиэзером Трахтенбергом не было - им оставалось сидеть меньше года, и, вероятно, поэтому их не трогали. Уже давно в лагере носились слухи о предстоящем большом этапе. Трудно сказать, кому и зачем понадобилось подобное перемещение. Однако можно предположить, что условия жизни в советских лагерях приобрели печальную известность на Западе - сказала работа хорошо налаженных каналов информации. Чтобы перекрыть эти каналы, шестьсот заключенных перевозили в глубь России. Но куда? Говорили, на Урал.

Начались сборы. Убогое арестантское имущество, а расстаться с ним жаль! Что если на новом месте и того не будет?! И куда спрятать деньги? После каждого свидания мы проносили их в зону, но пользоваться не могли - с евреями надзиратели не торговали. Часть денег закатали в полиэтиленовую пленку и сунули в банку меда, которую Гилель получил в посылке. Часть заложили между страницами книг... С деньгами обошлось. А вот учебник иврита "Мори" забрали.

- Не выйдем из зоны, пока не отдадите книгу!

- Она на непонятном языке. Нужно ее проверить!

- Это антисемитизм! Вы же видите - просто учебник!

Явился начальник отдела транспортировки и заверил, что книгу после проверки вернут.

Поразительно, но он не обманул: через некоторое время нам действительно возвратили учебник иврита, изданный в Израиле! Единственный раз за все годы долгого заключения. Вот что означало тогда, в 1972 году, международное еврейское движение.

Наконец собрались. Гилель и Элиэзер отдали нам свои лучшие вещи. Присели перед дорогой. Когда еще встретимся? Нас посадили в открытые грузовики. У бортов машины автоматчики. Довезли до железной дороги. Там состав, охраняемый солдатами. Приказали спрыгнуть с машин и цепочкой бежать к вагону, у дверей которого интендант выдавал каждому сверток: два килограмма хлеба и две банки консервов - сухой паек. Значит, этап предстоит долгий. Но не дольше, чем жизнь. Чего бояться? Все будет так, как угодно Б-гу. Легкий багаж можно взять с собой. Кто понесет за нами тяжелый?

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

Йосеф Менделевич

Операция "СВАДЬБА"

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Глава четвертая: ЭТАПОМ В СТУДЕНЬ ЕГИПЕТ

По правилам политических заключенных положено этапировать отдельно от уголовных, в условиях более или менее сносных, но нас всех везут вместе.

В камеры вагонзак вместо девяти человек загоняют по восемнадцати. Мы с Хаимом оказались в одной из них. Окна закрыты, дышать нечем, накурено. Сели у дверей - все больше воздуха. И сразу окрик:

- Евреи уже устроились! А ну, уступи место! Дай тоже подышать!

Разделись до пояса, до грязных маек. Запах пота и махорки. Сидим молча, и вдруг Хаим вскакивает:

- Откройте окна! Задыхаемся!

Весь вагон подхватывает его вопль:

- Кончайте издеваться! Вы что, задушить нас вздумали!

Солдаты засунули палки в щели окон, чтобы хоть немного поступал свежий воздух.

Наконец поезд тронулся. Стало легче. Повели в туалет - на стоянках запрещено им пользоваться. А то уж совсем невтерпех: как только погрузились в поезд, арестанты набросились на еду, которую выдали на два дня. Животы разболелись, а в туалет нельзя. И вот только теперь повели. Дверь оставляют открытой. Наблюдают, как оправляется заключенный. Хаим опять возмутился:

- Позовите полковника! Мы что - гомосексуалисты?

Полковник не показывается. Приближается наша очередь. Хаим поднял такой шум, что явился удивленный полковник.

- Вы что, издеваетесь над нами? - не унимался Хаим. - Думаете, у нас стыда нет?

Полковнику сама мысль о стыде, казалось, не приходила в голову. Он с интересом посмотрел на арестанта.

- За что сидите?

- Я - еврей.

- Понятно, - многозначительно протянул начальник и приказал специально для нас закрывать дверь в туалет, пригрозив при этом наказанием в лагере.

Поезд приближался к небольшой станции. В кустах у перрона группа парней и девушек играла в карты и пила водку. Девочка несла из ларька большую буханку хлеба. Женщина тащила пьяного из привокзального буфета. Наверно, муж. Тот материл ее вовсю. Воскресенье. Выходной. Серый пыльный день. Вот что мне предлагают взамен святой субботы... Неужели эти пьяные распущенные люди меньше меня нуждаются в "исправлении" и "перевоспитании"? Моих попутчиков такие мысли не волновали.

- Эх, сейчас бы бутылку водки!

- Смотри, смотри, как она ему врезала! Во дает! Ну и баба!

А как в Израиле? Неужели и там увижу подобную серую картину? Молодых людей, бессмысленно убивающих время, грязный запущенный квартал? И я тоже все это отвергну, как отвергаю сейчас? Нет, дело не в том, что здесь грязно и скучно, а там, куда я стремлюсь, - чисто и весело. Даже не зная Израиля, я не воображал, что он внешне резко отличается от других стран мира: города, мол, не те, деревни - не те, и даже грязь какая-то иная. Нет, каким бы он ни был, он - мой. Эту простую истину я не из книг вычитал. Она давно сидела во мне. Она - от Б-га.

Мы продвигались в глубь России. На третьи сутки рано утром я освободил верхние нары для очередной смены. Прильнув к решеткам двери, старался глотнуть свежий воздух. Вдруг глаза мои уперлись в вереницы оранжевых контейнеров на соседних путях. На них черной краской выведено "Made in USA" и название фирмы-поставщика. Имя, как будто, еврейское. Вот американские евреи торгуют с Россией, а "русских" евреев в это время везут в

концлагерь, на Урал. Интересно получается: еврей в Америке озабочен доставкой товара. Он вполне приличный, уважаемый человек, у него хорошие жена и дети, и от того, что он не поможет какому-то Йосефу Менделевичу, он не лишится уважения ни фирмы, ни родных. Действительно, разве можно помочь всем и всех утешить?! Тогда зачем об этом думать?

Но вот и конечная станция. Надзиратели, конвой, охранники засуетились:

- А ну, живо собирайся! Живо! Торопись!

Заключенные, после четырех суток в душных вагонах, кинулись к своему "скарбу". В тесноте камеры натыкались друг на друга, поспешно хватая свои нехитрые вещи, отбрасывая мешавшие или прихватывая с собой чужие. Под дулами автоматов выпрыгиваем из вагонов. Нас погружают в открытые грузовики. Приказывают сесть на настил. У бортов автоматчики с собаками. Раннее утро. Холодный как лед воздух и рой комаров. С интересом смотрим по сторонам - давно не видели открытого пространства и леса. Удивительно создан человек: везут неизвестно куда, никто не знает, что с нами будет, и сами мы как животные в клетке, в загоне, - и все-таки:

- Смотри, смотри, ворона летит! Ой, какая черная!

- Гляди, гляди, елки-то какие!

- Гляди, горы, горы настоящие! Из камня!

Наш этап постарались оформить с пышностью похоронной процессии. Впереди грузовиков "с опасным грузом" - две милицейские машины с белыми и красными полосами, по бокам - мотоциклисты в белых шлемах и белых ремнях. На перекрестках - регулировщики. Ни одного человека на улицах города с семидесятитысячным населением. Вероятно, запретили выходить.

Машины шли не быстро, и мы смогли рассмотреть этот словно вымерший город. Дома напоминали мышинные норы в свалке мусора. В центре, на десятиметровой колонне, возвышался каменный идол - Ленин. Город пересекала река. На одном ее берегу - серые каменные дома; на другом - деревянные, почерневшие от времени и копоти, и кое-где - кирпичные. Проехали мимо базара - без продуктов и покупателей. Миновали и какие-то маленькие заводчики с громкими названиями "Заря коммунизма", "Свет Ильича". При выезде из города я заметил, как в окошке чистого домика колыхнулась занавеска.

Наконец въехали в лес, через который проходила немощеная дорога. Начало швырять из стороны в сторону и трясти. Конца пути не видно. Когда же приедем на место? Полдня не оправлялись. Начался ропот, беспокойство. Начальник колонны приказал остановиться. Офицеры подошли к машинам:

- Оправляться в лесу не разрешается - не хватает солдат для охраны. Можете мочиться прямо с бортов машины.

Приказ был настолько нелепым, что заключенные не двинулись с места.

- Вы что нас за людей не считаете? Дайте сойти вниз!

Но офицеры не шутили и ничего ззорного не видели в своем приказе. Тогда наиболее слабовольные стали мочиться прямо с бортов. Я, как всегда, пострадал больше других: сидел с края, и процедура совершалась над моей головой. Солдаты держали автоматы наготове. Но все кончилось благополучно, и машины помчались дальше. По дороге попадались грязные деревни с полуразрушенными церквями. Трудно определить, в какой год мы въезжали: в 1972 или в 1952.

Так прошло еще около часа, мы все углублялись в лес. На подъеме дороги увидели длинный серый забор, а за ним ряд грязно-белых строений. Лагерь. Рядом с ним убогая деревня с некрашеными бревенчатыми домами. Казалось, в этом месте уже лет двадцать не живут и его "расконсервировали" специально для нас. Лагерь ВС 389/36 расположен в сорока километрах от города Чусовой, у поселка Кучино, на реке Чусовая, на болоте.

До нас в лагере содержалось пятьсот бывших работников карательного аппарата: милиционеры, следователи, прокуроры, судьи. Это был специальный лагерь для тех, с кем в местах общего заключения уголовники обычно жестоко расправляются.

Итак, 17 июля 1972 года двести тридцать человек, в том числе и я, оказались в этой зоне. Здесь я пробыл до конца срока, с трехлетним тюремным перерывом, и 18 февраля 1981 года прямо с завода, через дом охраны - на волю. Но все это впереди. А пока машины по одной въезжали в ворота лагеря и после осмотра - в зону.

Страшные годы, проведенные здесь, сформировали меня. Кто знает, каким был бы я, если бы приехал в Израиль, не пройдя через все эти испытания? Мне не понять замысла Б-га, Который испытывал меня в рабстве одиннадцать лет. Я предпочел бы приехать в Израиль юношей и учиться в ешиве, а не тратить

время на горькую тюремную науку. Горькую даже не столько от тягот лагерного режима, сколько от каждодневных мелочей, на которые ты невольно размениваешься, находясь в этой клетке. Душа заперта в тесном мире режимных правил, и ты натыкаешься на них каждый раз, когда хочешь быть самим собой. А необходимость как-то уживаться с тюремными порядками отбирает много душевных сил. Что я вынес из лагерной жизни? Умение ориентироваться в разнообразных жизненных ситуациях, разбираться в людях, понимать самого себя. Впрочем, однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Но было там нечто, не поддающееся определению, истинное, идущее от Б-га.

Мои тюремные и лагерные уроки - это познание и неудовлетворенность. Поиск и открытие истины. И снова поиск, ибо истина беспредельна. Почему это происходило именно в тюрьме? Потому что там давление на человека доведено до предела и все обнажено. Познание в лагере - истинное. Оно запечатлевается в мозгу, в сердце, в клетках тела. Это процесс таинственный и не поддающийся объяснению. И поэтому не следует искать в моем рассказе описаний тюремной жизни, о которой много писалось и до меня. Я хочу передать самое сокровенное: путь к познанию абсолютной истины и стремление к совершенству, к тому, что присуще одному лишь Б-гу...

Из состояния задумчивости меня выводит сержант. Большими ручищами он отвинчивает крышку баночки с медом, в которой спрятаны деньги. Сует туда свой красный нос:

- Что это?

- Мед.

Ну, кажется, пронесло. Отдает банку. Берет книгу и трясет ее, повернув корешком вверх: ничего не выпадает. Обыск окончен. Свалены в кучу вещи, отобранные у нас в Мордовии и привезенные сюда в специальном вагоне. Там мои хорошие сапоги, теплый свитер и кипа. Боком продвигаюсь к своему мешку и, воспользовавшись моментом, когда красномордый отвернулся, вытаскиваю оттуда свою кипу. "Операция" прошла успешно. Наконец разрешают войти в жилую зону. Сегодня в лагере праздник - прибыла новая партия. Начальники бодры и веселы. Точно у них первое мая. Стоят и рассматривают новоприбывших; как покупатели живого товара. Да еще и замечания отпускают:

- Бороды?! Не положено!

- Вы что, верующие? Ну и распустили вас в Мордовии! Ничего, мы вас тут возьмем в руки!

Намерения начальства меня давно уже не пугали. Их усердия надолго не хватит.

Веселый, словно напившийся свежей крови, капитан Журавков командует:

- Стройся! Шагом марш в баню!

Топаем в баню. Там все-таки теплая вода. Хорошо после дороги. Сразу же начинаются встречи. Вот подошел Ури. Михаэль уже помылся. Знакомлюсь с Шабтаем, он "проходил" по кишиневскому процессу и осужден на пять лет строгого режима. Итак, в зоне собирается еврейская компания.

- Всем бриться. Бороды носить не положено, - прерывает наши разговоры Журавков, единственный одетый среди голых.

- Менделевич, вам сколько осталось сидеть?

- Десять лет!

- Вот видите! Стоит ли рисковать! Побрейтесь - лучше будет!

Я его не слушаю. Выходим с ребятами из бани, договариваемся о встрече. Ашер Фролов сварит чай.

Удивительно, как студент университета может перевоплотиться в такого типичного арестанта. Высокий, одетый во что-то серое, рыжебородый, со сползающими на нос очками. Разводит огонь, пристраивает котелок на два литра воды. Наш костер не единственный. Многие зэки кипятят воду для чая. Как серые мыши, все копошатся в мусоре, собирая палочки и прутики, и бросают в огонь.

Мы располагаемся между баракком и столовой. Шабтай, Михаэль, Марк, Ашер, Ури, Гриша, Хаим и я. Все принесли фотографии и открытки, полученные из Израиля. Это помогает нам знакомиться друг с другом. Больше всего открыток у Шабтая. Он хорошо знает историю и географию нашей страны. Когда он о ней рассказывает, кажется, что он сам уже побывал там.

Мы познавали Израиль из открыток, писем, книг, из сердца. Может быть, поэтому, когда приехали сюда, чувствовали себя так, будто вернулись домой

после долгой разлуки.

Однако несмотря на радость встречи, не покидала тревога. Смогу ли тут, как раньше, не работать по субботам? И какая будет работа? Может, тяжелая, после которой останется только в изнеможении свалиться на нары?

Всех прибывших зэков по очереди вызывали к начальнику лагеря Котову, его заместителю по режиму Федорову и заместителю по идеологическому воспитанию Журавкову, первое столкновение с которым произошло у нас уже в бане. Здесь, как и на прежнем месте, роли были заранее распределены: "хорошим" считался Журавков, а "злодеем" - Федоров. Над ними - Котов. Он олицетворял новое явление в советской тюрьме. Во главе лагеря стоял не мрачный кровопийца сталинской эпохи и не старый чинуша, а относительно образованный и относительно молодой человек, которому важно показать, что ему, Котову, эта ответственная должность доверена за личные качества. В беседах с зэками он любил подчеркивать свое превосходство над ними. Он, безусловно, был порождением советской системы и открыто это декларировал.

Натура другого начальника была иная. Она требовала игры, инициативы, создания взрывных ситуаций, дававших возможность манипулировать людьми. Играть, менять роли и маски - есть ли большее наслаждение?

- Что это на вас одежда плохонькая и ботинки совсем прохудились? Надо починить! Кто из начальства мог так спросить? Журавков? Котов? Нет! Это "злодей" Федоров. Круглое лицо, светлые волосы, курносый нос, которым он постоянно втягивает воздух, словно вынюхивая что-то. Глазки маленькие, постоянно красные. Кудирка прозвал его морской свинкой. Но то существо добродушное, не в пример Федорову. В лагере № 35, где раньше находилась женская колония, политические обнаружили надписи на стенах: "Смерть Федорову!" Значит, помучил он их, пока не добрался до нас! Он был тюремщиком по призванию. Он настолько проник в психику заключенного, что всегда безошибочно знал, чего тот не хочет, чего боится, что пытается скрыть, и бил именно в эти уязвимые места. Он изучал и поедал зэка глазами и следил за каждым его шагом. Словом, это был сам злой дух в человеческом облике. У зэков Федоров вызывал чисто физическое отвращение, хотя, в отличие от других тюремщиков, он всегда был аккуратен и чисто одет. Его "дружеское" обращение с заключенными было одним из рабочих приемов.

- Ну что вы все жалуетесь, Менделевич? Мы вас мучаем?! Это антисоветская клевета! У вас есть все: трехразовое питание, вы можете брать книги из библиотеки, а вы всем недовольны. А ну, живо ступайте на свое место и

работайте! Лентяй! Вы совсем не хотите исправляться!

- Да я не лентяй вовсе! Я с шестнадцати лет на завод пошел. Меня нечего приучать к труду. Я умею работать. А мой отказ - это протест против ваших издевательств!

- Вот за это я вас накажу!

Труд перевоспитывает человека. Это основной принцип советской идеологии. Весь мир делится на тех, кто трудится и является "лучшей частью человечества", и на тех, кто работать не желает, а только эксплуатирует рабочих. Уголовные преступники честно трудиться не хотят. Чтобы сделать их "достоинными" членами советского общества, их надо научить работать. На этом построена система "исправления" преступника. Лагерь, оказывается, нет, а есть воспитательные учреждения - исправительно-трудовые колонии. Наказаний тоже нет, есть исправление - на благо самих же заключенных. И надзирателей нет, есть воспитатели. Политических заключенных в СССР быть не может. Лиц, не согласных с коммунистической идеологией, относят к категории уголовников. Значит, нет разницы между вором и автором антикоммунистического сочинения. Все от нежелания честно трудиться. Поэтому и вора, и ученого "воспитывают" трудом "на благо социалистического общества".

Нередко Федоров делал мне внушение:

- Менделевич, почему не явились вовремя на вызов начальника? Уклоняетесь от работы? Все обязаны трудиться! Если никто не будет работать, умрете с голоду!

Что стоит за этими нравоучениями? Неужели он действительно считает, что я лентяй и меня надо научить работать? Или, понимая, что унижает меня, наслаждается этим? Потому так радостно блестят его красные глазки. Приятно ему, крестьянскому сыну, почувствовать власть над этим очкастым евреем, о котором передают западные радиостанции.

Когда Федорову исполнилось семнадцать, он пошел в армию. Шла война, но ему повезло - послали в училище внутренних войск. Число лагерей в России росло. Там гибли люди как в Маутхаузене или Дахау. Для советских лагерей требовались охранники. Что мог знать парень, выросший в глухой уральской деревне? Только то, чему его учили. Малообразованность в сочетании с бездумной исполнительностью дали превосходные плоды: в двадцать лет Федоров мог штыком выколоть глаза своей жертве и издеваться над

пойманным беглецом. К сорока пяти годам он из верного служаки-исполнителя превратился в изощренного садиста.

Не знаю, кто планировал эту дьявольскую систему "исправительных" учреждений и лагерной "психотерапии" с ее специалистами. Может, система выросла сама по себе, как умеет расти только злой сорняк - густо и глубоко. Но несомненно одно: на этой почве процветали Федоров, Котов и им подобный чертополох...

- Менделевич, почему от работы отваливаете? - очередной окрик начальства.

- Я от работы не отказываюсь. В Мордовии перевыполнял норму и здесь надеюсь тоже!

Моим ответом явно недовольны. Меня привезли сюда перевоспитывать, а, выходит, перевоспитывать не надо - я и так буду работать. Но я не покорился. Значит, нужно найти, к чему бы придраться.

- Почему бороды не бреете?

- Я и в Мордовии не брил.

- Не положено! Сбрейте, иначе - карцер!

- Моя вера запрещает брить бороду. Еврей бороды не бреет.

- На воле будете делать все, что захотите. Вы не в своем Израиле. Здесь выполняйте, что положено.

Тут Котову показалось, что он нашел путь к "перевоспитанию".

- Вы что, верующий?

- Да!

- Ну, ладно! В порядке исключения разрешаю носить бороду. Но если нарушите правила внутреннего распорядка, сбреем.

Его план прост: ради сохранения бороды я стану послушным рабом, а потом и бриться заставят. Ведь при виде бороды другие обязательно спросят: "Почему евреям можно, а нам нельзя? Ясно! Котов сам еврей!" Я окажусь в одиночестве,

среди врагов. Никто не поможет мне в трудную минуту. К кому же мне идти за помощью? К Котову, к советской власти? Не знаю, так ли рассуждал Котов. Могу лишь сказать, что в тот момент в моей голове не прокручивались все эти варианты расчетов. Однако я твердо знал: рабом начальства не стану. И чего бы мне ни стоило, выполнять мицвот буду. На Урал я ехал с уже вполне созревшим планом поведения в субботу. Мне надоела неопределенность, а тут еще Котов сказал: "Если верующий, то..."

- Еще хочу добавить, что по субботам не работаю. В Мордовии отработывал в другие дни.

Это не совсем ложь: ведь Горкушев знал, что я не работаю. Если не мешал, то не по собственной доброте, а согласовав с начальством.

Федоров наострил уши: не даст ли Котов знак укусить? Нет, не дал. Улыбнулся:

- Ну что ж, если будете хорошо работать...

Ох, эта улыбка советских тюремщиков перед тем, как съесть тебя живьем!

Но я ушел довольный. Ребята меня уже ждали, и мы отправились ужинать. Столовая большая. Длинный стол, за которым разместится человек сорок. Около каждого зэка - кусок рыбы. Посередине столовой - бак, на этот раз с гороховой похлебкой. Ее разливает бригадир. Так из нас, исправно идущих на работу и мечтающих о тарелке горячего варева, хотят сделать рабов.

Возвращаясь с ужина, встречаю довольного Гришу:

- Я им сказал, что тоже верующий, чтобы не брить бороды.

- Но ведь это неправда.

- Подумаешь! Что я им должен правду говорить?

- Нет, не должен. Но ты можешь повредить другим, если узнают, что ты наврал!

- А, обойдется!

Опасения оправдались. На следующий день мне и Хаиму приказали сбрить бороды.

- Но нам начальник разрешил!

- Он и отменил разрешение! Вы его обманули!

- Нет, мы не обманывали!

- Ну, кто-то из ваших! Не хватало еще начальнику разбираться!

Проблема с бородой волновала не только евреев. Еще человек двадцать воспротивились приказу. Назревала голодовка. К нам уже обратились с предложением принять в ней участие. Нужно было решать.

Наш перевод в новую зону был неожиданным, и здесь для нас еще не подготовили рабочих мест. Мы, восемь евреев, думали о том, как тут жить. Однажды вечером собрались в недостроенном административном здании. Зона освещена внутри несколькими фонарями. Вдоль забора через каждые пять метров горели электрические лампы, придавая лагерю вид освещенной сцены, на которой, в глубине, расположилась небольшая группа актеров. Нет, это не актеры. Это мы. Обсуждается вопрос о создании подпольной еврейской организации. Вслух никто не произносит этого слова, но всем понятно, о чем идет речь. И еще: как быть с голодовкой? Присоединиться к ней или нет? Организаторы доверия к себе не вызывают. Мы помнили о голодовке в Мордовии и о ее провале. Посмотрим, что получится теперь.

Котов и Федоров были опытными тюремщиками. Первая их реакция:

- Никаких голодовок не признаем!

Когда на шестые сутки голодающие не смогли уже выйти на работу и остались лежать в бараке, пришли надзиратели и стащили их с нар.

- А ну, лентяи, зарабатывайте себе на хлеб! Мы и мертвых заставим трудиться, а не то что голодающих. Вы и голодаете, потому что лентяи, не хотите работать!

- Нет, в знак протеста против бритья бороды!

- А, за это - пятнадцать суток карцера!

Потащили в карцер. На этом все и кончилось. Не дождалось переломного момента и не воспользовались им. Если бы продолжали держать голодовку, кто знает, как повело бы себя начальство. Но они сдались. Это особый дар - уловить момент, когда надо продержаться, чтобы победить. Не уловили -

проиграли. А грань - тонкая. Неудачи происходили оттого, что не хватало выдержки. Первым сдался Чесноков. Вышел, стыдливо пряча оголенное лицо. Побрились и остальные. Голодовку сняли. Нам ли не радоваться, что не пошли с ними, вовремя раскусили их слабость. А мы не рады. В лагере часто срываются общие планы. Кто-то подает мысль, и зэки начинают "протестовать". Не будучи уверен в своей правоте, каждый оглядывается на соседа. Хватает сил доехать лишь до первой остановки. Ведь дело затевается не из уверенности, что именно так надо, не из трезвого расчета, а на авось. Все это сопровождается позой, громкими словами о правде, справедливости, чести. Но на первой же остановке до тебя вдруг доходит, что собрались случайные люди и нужно спасать их от позора. Проигрываешь. В следующий раз, когда слышишь слова о чести и достоинстве, ты спрашиваешь:

- Пойдите, а вы учли это? А вот это? Готовы на длительную борьбу?

А тебе в ответ:

- Брось ты свои еврейские расчеты! Опустив глаза, отвечаешь:

- Нет уж, я должен сегодня учить иврит, у меня нет времени!

И уходишь, а тебе вдогонку:

- Трус! Предатель! Сами справимся!

И вот "справляются". Но ведь их поражение - отчасти и наше. Теперь, если придется начать общую голодовку, трудно будет поднять людей, а еще труднее доказать лагерному начальству, чтобы на этот раз не ждали легких побед. Что же делать? Проиграли - надо расплачиваться!

Вызывают всех по очереди.

- Менделевич, бриться!

- Не буду!

На меня кидаются охранники, хватают за руки, надевают наручники. Прижав к стулу, сбривают волосы вместе с кожей. Насилие? Но исключительно для соблюдения чистоты и гигиены. Сбрита моя редкая борода, падает и краса Хаима - густая рыжая борода. Выхожу. Стыдно и обидно до слез. Лицу холодно. Щупаю подбородок - голый, и я словно раздетый. Подходят зэки, молча смотрят на меня, и у них нет слов утешения. Дни проходят как в трауре, делать

ничего не хочется. Нас унизили, а сил сопротивляться нет. Как тут не вспомнить о стране, где не бреют насильно и не отбирают ермолок!

- Хаим, знаешь, - решаю я наконец, - ради этого рисковать собой не стану. У меня десять лет впереди, и все эти годы я не могу посвятить борьбе за бороду!

- А я буду. Мне осталось всего восемнадцать месяцев. Как-нибудь выдержу!

Хаима начали преследовать. Каждый месяц одно и то же:

- Симас, заросли уже. Бриться!

- Хаим, тебя как овцу осматривают. Это унижительнее бриться!

- Нет, не сдамся. Буду жаловаться!

И шлет жалобу за жалобой, и спорит с начальниками. Изучил уже все законы о бороде. Докопался даже до такой тонкости, как строчка приказа: "При поступлении в исправительно-трудовое учреждение заключенные подвергаются санобработке со стрижкой волос на всем теле". Вот оно, основание для бритья бород!

- Так ведь написано "при поступлении"! Значит, один раз!

- Нет, дальше сказано: "Санобработка проводится раз в неделю"!

- Про волосы не написано!

- Мы так понимаем и так делать будем! В ваших комментариях не нуждаемся!

Началась война нервов. Хаим прячет подбородок. За ним следят. И все же теплится надежда: "Видишь, уже месяц не бреют, может, уступили!" А на следующий день берут силой, сбивают с ног, выкручивают руки и бреют. Потом еще и в карцер сажают - за сопротивление.

Это была битва за бороду, едва ли не самая "значительная" в истории человечества.

Когда Хаим освободился, я получил от него фотографию. Все, участвовавшие в охоте за бородатым евреем, подходили ко мне и просили:

- Покажите-ка, Менделевич!

И восхищались:

- Ну и отрастил же Симас бородищу!

Пока лагерное начальство занималось нашими бородами, мы готовились к учебному году. Нужно учить ребят ивриту. Мы использовали опыт мордовской зоны, откуда прибыли Паша Корен, Шабтай и Гриша Беленький. В Мордовии учили иврит много и серьезно. Паша попал туда с запасом в сто слов, а через год знал уже три тысячи и умел разговаривать. Теперь его назначили учителем. Вторым учителем стал я. Шабтай вел семинар по истории. Но главное, что вселяло надежду на успех, это учебник иврита "Элеф милим" и "Агада" под редакцией Бялика и Равницкого. Как они очутились в лагере? Благодаря Соломону Дрейзнеру.

Один из организаторов ленинградской сионистской группы, Соломон "проходил" по второму ленинградскому процессу и был осужден на три года лагерей строгого режима. Он отличался особым талантом находить общий язык с кем угодно - даже с бывшими полицаями и ворами-рецидивистами. Большое искусство - общаться с этой публикой. Хочешь, например, купить буханку хлеба у пекаря. Нельзя сказать прямо: "Я заплачу, принеси хлеба!" У него деньги и так есть, ради тебя он не станет рисковать. А надо подойти к нему, угостить сигаретой или попить с ним чаю, поговорить "за жизнь" так, чтобы он почувствовал дружеское к себе отношение. Тогда он сам тебе предложит:

"Хочешь, хлеба принесу?" Ответить надо: "Да что ты, я обойдусь..." А когда принесет, не спрашивать: "Сколько стоит?" Потому что он принес хлеб по дружбе, а дружба не продается. И тебе надо дать просто, "по-русски", не скупясь, и лучше не деньги, а подарок: красивую стереооткрытку, израильскую авторучку. Это не плата, а знак благодарности. Кроме того, дать надо не сразу, а потом. Он вор, но у него гордость есть. Другое дело, если будет голодать. Тогда он тебе горло перегрызет и кости обгложет. Пока же он человек, и ты считайся с ним. Он тюремную куртку шьет у портного. По специальному заказу - не из тряпья, а из рабочей спецовки вольнонаемного, с двумя карманами и воротником. У других эков - просто бесформенный мешок. Нижнюю рубашку он достает белую. Ботинки или сапоги у него блестят как зеркало. Он их чистит каждый день. Жаль, хороших сапог сейчас в лагере не раздобыть. Все на нем впору, прилажено. Конечно, на воле в своей нелепой одежде он выглядел бы смешно. Но он старается. Не то, что наш брат - политзаключенный, у которого нет и времени думать об одежде.

И вот Соломон обращается к одному такому вору:

- Шура, родственник приедет на свидание. Надо кое-какие вещи пронести в зону. Поможешь?

- Как не помочь, Соломончик! - дружески хлопает его по плечу Шура, попивая чай, заваренный по этому случаю Дрейзнером. Сидят они в задымленном деревянном бараке, за грубым дощатым столом, а вокруг - десятки человек ходят, едят, спят, разговаривают. Никому не придет в голову, что речь идет о получении литературы. Шура знает: вечером на смену заступает дежурный Чикмарев, с которым он в приятельских отношениях. Ночью Шура идет в туалет, выходит во двор лагеря в одном белье. Сверкая голыми пятками, крадется к комнате дежурного. Тот один. Все ушли спать. Шура тихонько стучит в окно. Оглядываясь, выходит надзиратель.

- Ну, что принес?

Шура сует ему деньги за два килограмма сахара, которые тот пронес для евреев. Деньги не пахнут, но сахар таскать неудобно: в карманы длинной шинели с трудом входит два пакета. И плата низкая. Вот раньше было хорошо: заключенные водку просили. Водка дорого стоит, сразу можно заработать. Что-то в последнее время Шура заказывает всякую ерунду. Правда, на этот раз - кило кофе и кило какао. Только ни того, ни другого в магазине нет. Придется в город ехать. Стало быть, можно поднять цену на транспортные расходы. Но Шура еще что-то надо. Он оглядывается: скоро вернется напарник Чикмарева по смене.

- Ну что еще, давай, говори скорей!

- Слушай...

И Шура рассказывает какую-то длинную историю. Кто знает, завербован Чикмарев КГБ или работает на свой страх и риск. Может, получил указание торговать с заключенными. КГБ понимает: с одной стороны - есть спрос; с другой - не хватает денег. Чтобы не пускать дело на самотек, надзирателю дается задание: торговать и сообщать о всех сделках с зэками. Надзирателю - доход, КГБ - информация...

Когда Шура встал, чтобы выйти в туалет, кто-то закричал на соседних нарах. Это дневальный Митя. Как только Шура вышел, Митя тихо подошел к окну и стал наблюдать за ним. Знаем эти ночные прогулки по нужде! Завтра сообщит КГБ, и там проверят, "законна" ли эта незаконная торговля. Такой же слежкой

занимается напарник Чикмарева, Орешкин. Наблюдение ведет и дежурный офицер Тохтамаев, В лагере действует негласный закон: каждый следит и доносит на каждого. Поэтому здесь все боятся всех.

Итак, есть два вида финансовой деятельности в лагере: торговля между арестантами и надзирателями и торговля с ведома КГБ. Игра ведется всерьез. Сотни и тысячи рублей нелегально передают заключенным. Подкупают надзирателей. Подкупают и тех, кто имеет к ним доступ. Но книги, записки и письма неизменно попадают в руки КГБ. Чтобы игра продолжалась, часть передач достигает адресата, зато другая служит обвинительным материалом на судах. Оказывается, наш способ получения книг не так уж прост. Но если все под контролем, почему же нам передают посылки? Вероятно, пытаются задобрить, чтобы отвлечь от лагерной борьбы. Уж во всяком случае не из желания помочь изучать иврит. Таких догадок и предположений множество. Все они лишь поддерживают состояние неопределенности, в котором находятся заключенные. Какой выход? Оставаться самим собой и заниматься тем, что для тебя важнее всего.

Я обучал ивриту Ашера, Хаима и Шабтая. Знания мои были тогда весьма скромными: умел читать, но говорил с ошибками. В свое время заучивал отдельные глаголы, но не мог уловить принципа построения глагольных форм. Однажды я услышал, как Паша (он тоже преподавал иврит) дал задание своему ученику образовать из действительного наклонения сослагательное. Я задумался над этим, и вдруг отдельные заученные элементы соединились в стройную систему, и все прояснилось. Не чувствуя себя от радости, я с трудом дождался конца работы, побежал в барак, открыл свой иврит-русский словарь Шапиро, в котором были таблицы спряжений глаголов, и стал проверять правильность своей догадки. Успех был полный. Я обрел уверенность. Теперь мне хотелось передать свои знания другим. Мы собирались в недостроенном здании административного корпуса. Здесь никто нам не мешал. У нас была вторая часть учебника "Элеф милим", у каждого ученика - тетрадка для домашних заданий. Я старался построить урок по всем правилам: изложение нового материала, работа над текстом, проверка знаний. Недостающий материал восполнял рассказами о нашей лагерной жизни.

На первых же уроках столкнулся с трудностями. Мои ученики были взрослыми людьми, а я вел себя с ними, как со школьниками: ставил отметки, ошибки подчеркивал красным карандашом, заставлял больше работать. Мне казалось, что они недостаточно старательны. Я понимал, что нельзя от них многого требовать. В то же время чувствовал, что вести себя с ними надо так, чтобы они не стеснялись друг друга. Все они страшно ранимы. И я перестал подчеркивать ошибки, ставил лишь звездочку около неправильно написанных слов и внизу делал замечания по работе. Оценок не проставлял. Пришлось пройти всю

"педагогическую науку". Готовясь к занятиям, я повторял материал, и это помогало мне продвигаться в иврите. Ведь я до всего доходил сам. Возвращаясь с работы, я бежал к моим нарам, доставал учебник и словарь и приступал к занятиям. Сидел, согнувшись в три погибели, и писал, писал. Почти без света, в темноте. Ребята ругали меня за то, что не берегу глаза. Но я был слишком поглощен изучением языка.

Каждый из нас переписывал от руки учебник, чтобы, если его конфискуют, иметь возможность продолжать учиться. Так со временем появилась рукопись, которая называлась "Тетради Йосефа". Сюда вошел перевод всего учебника с пояснениями, дополнениями и словарем. Получился учебник, по которому можно было заниматься без учителя. Я перевел две части - на 1500 и 3000 слов и приступил к освоению четвертой - на 5000 слов. Это счастье: учить других и учиться самому. Это и реальная подготовка к будущей жизни в Израиле. И более того - один из способов выжить.

В лагере у заключенного имеется много путей противостояния властям, если он не раб в душе и не позволяет издеваться над собой. Пути разные, и каждый из них - особый образ жизни. Это и нескончаемые беседы единомышленников - чаще всего за чаем - о планах на будущее, это и беспрестанные споры с начальниками, это и упорная переписка с прокурорами и кагебистами. Неотъемлемой частью являются также постоянные наказания: лишение свиданий, права на покупку продуктов и, конечно, карцер. С тех пор, как мы определили, что главное для нас - изучение иврита и подготовка к жизни в Израиле, появился критерий выбора. Исходя из него, мы решали, нужно ли участвовать в данной забастовке, голодовке, в организации протеста. Нельзя вмешиваться во всякую драку. Это потеря времени - после карцера надо долго приходиться в себя. И если раньше вопрос ставился так: "Почему бы не принять участие в протесте?" - то впоследствии мы научились спрашивать: "Почему, собственно, участвовать?"

Мы жили одной группой, общими интересами. Это была самоизоляция, попытка коллективного самосохранения. Наша сила заключалась в сплоченности, во взаимопомощи и поддержке друг друга. Потом, оставшись один в лагере, я особенно остро почувствовал значение этих факторов. Теперь же я не испытывал никаких угрызений совести от того, что по решению группы я, например, не принимаю участия в общей голодовке. Мы продолжали изучать иврит и историю. Усаживались в какой-нибудь угол и внимательно слушали Шабтая, который, не опуская ни имен, ни дат, ни событий, излагал историю человечества от сотворения мира до наших дней. Мы все записывали.

Однажды неожиданно с трех сторон, как вороны, налетели надзиратели:

- Вы что здесь делаете?

- Историю учим.

- Что еще за история? - листают отнятые записи.

Да, верно, какие-то даты: 163 год до новой эры, 2-й год новой эры, Рим, Древняя Греция... Конспекты возвращают:

- Ладно, продолжайте!

Так у самых прилежных появился учебник еврейской истории, которым пользовались и после освобождения Шабтая.

Взаимное общение имеет и другую сторону - взаимоотношение. Слишком много точек соприкосновения и очень разные характеры. Я старался не обострять конфликтов. Невыносимо представить, что наша небольшая группа распадется и каждый останется сам по себе и, в конечном счете, все мы от этого пострадаем. Так мы и жили в состоянии шаткого мира.

Сегодня получили письма из Израиля. Очень хочется читать их сообща, а не врозь. Первым читает Шабтай. Он любит обсуждать каждую строчку, обмениваться мнениями, переходить к воспоминаниям. Слушать его интересно: он связывает текст писем с фактами истории и политики. Но и здесь разгораются споры, иногда без видимой на то причины. И спорщиков не остановить, не разнять. С трудом дочитываем письмо до конца, но больше читать вместе не хотим. Теперь каждый дает читать свои письма и обсуждает прочитанное лишь с тем, с кем ему хочется. Сам выбирает, что дать близкому другу, а что - остальным. А ведь это письма из Израиля, те самые - с ивритом, открытками, марками, за которые нам приходилось бороться! И все же после споров мы снова собираемся, принимаем решения, действуем совместно - до следующего конфликта. А потом опять все сначала. Все наши беды - от жизни в галуте. Дело не только в самоотталкивании. Существуют и внешние силы, которые могут развалить нашу группу. И еще колебания в выборе между нами и политическим месивом зоны, как у Гриши Беленького.

Гриша занимался ивритом еще в Мордовии. Его приглашали на еврейские праздники, но сердце этого сорокапятилетнего учителя английского языка не было с нами. Он вырос на всем советском, русском. Воспитывал детей в духе коммунистической веры. Потом с легкой руки Хрущева начали критиковать Сталина. Люди наивные думали, что теперь дозволено критиковать и советскую власть. Так увлеклись, что не заметили прихода Брежнева. А тот

строго сдвинул густые брови: "Распустил Никита народ, надо подкрутить гайки!"

Между тем Гриша понял, что все, чему он учил ребят, было фальшью. И он вместе с другими добрыми и умными евреями занялся расчисткой советских конюшен. Обнаружилось, что наверху - только засохшая корка, а грязь - внизу. Одни, устав, плюнули и сказали: "Хватит, правды все равно не найдешь!" Другие продолжали настойчиво копать и попали в КГБ. Третьи работали потихоньку - авось еще найдут правду. Незлобно рассказывали анекдоты про "железного" Феликса, Ленина и Чапаева, писали в ЦК и Брежневу, советовали, как улучшить советскую власть.

Молдавский КГБ заинтересовался Гришиным проектом ломки старой системы воспитания и построения на ее месте современной, воистину коммунистической. Пришли к автору домой и обнаружили запрещенную книгу "Доктор Живаго" и портрет Брежнева в рамке из туалетного стульчака. Ах, вот где зараза! Арестовали. Судить было не за что, но тут началось соперничество с ленинградским КГБ. Ленинградские коллеги за тридцать пять арестованных со сроками по пятнадцати лет получили повышения в чинах и награды. Кишиневские "товарищи" не хотели от них отставать: посадили нескольких евреев за сионизм. А поскольку сионисты - опаснейшие враги прогресса, Гриша вместо максимальных по его статье двух лет получил семь лет строгого режима и попал к нам. В лагере ребята старались приблизить к себе всякого еврея, в том числе, разумеется, и его.

Я не раз пытался убедить Гришу в том, что борьба против советской власти - не еврейское дело; будущее евреев не в Союзе, и после освобождения нужно ехать в Израиль. Последнее имело особый смысл, ибо совсем недавно Гриша предложил кагебешникам план разрешения "еврейского вопроса". Сионистское движение в России, по его мнению, возникло потому, что нет еврейских театров, школ и вообще еврейской культуры. Если все это восстановить, можно избавиться от сионизма. Гебисты обещали подумать. Им, конечно, плевать на еврейскую культуру, но раз еврейчик сам предлагает свои услуги, надо воспользоваться. Может, удастся заслать к сионистам. Ему поручили разработать подробный план "спасения евреев от сионизма", а пока написать об этом статью в лагерную газету. В эту газету писали только стукачи, поэтому Гриша сразу же попал в число тех, с кем политические заключенные отношений не поддерживают.

- Неужели ты веришь, что КГБ нужны твои предложения? - возмущался я. - И как можно мешать выезду евреев?

Он уверял, что тоже не верит и весь его план якобы задуман для разоблачения антисемитизма советской власти. Но своему близкому другу признался:

- Понимаешь, я надеюсь, что за это меня освободят досрочно и вернут на работу в Молдавию!

Его не освободили и, переполненный злобой и обидой, он всю ругал советскую власть.

- Успокойся, Гриша! Лучше учи иврит. Зачем тебе эта бесполезная борьба?

Учить иврит и историю, когда решаются судьбы мира? Нет!.. Спустя некоторое время он все же согласился с нашими доводами и обещал все свои действия согласовывать с группой. Позднее выяснилось, что это обещание он дал только из "жалости" к нам. Решил нас успокоить, а сам действовал исподтишка: якобы от имени евреев писал жалобы. Это, безусловно, ставило нас под удар и создавало дополнительную опасность. Мы поговорили с ним. Раскаялся. Но поскольку доверие к нему уже было потеряно, мы предложили, чтобы все, что он пишет, давал на просмотр. Дожили! Внутренняя цензура!

Гриша стал искать поддержки у зэка Михаила Яновича Макаренко. Яныч успокоит, чаем напоит и даст новые адреса для жалоб. "Жалобами взорвем советский режим!" - с этим лозунгом Яныч приехал в зону. Вряд ли он серьезно относится к тому, что говорит. Но он натура живая, деятельная. Не может сидеть сложа руки. И потом - почему бы не писать жалобы? Этот род занятий он прекрасно освоил еще до ареста и стал подлинным артистом своего дела. Благодаря ему писание жалоб и заявлений в течение многих лет превратилось в одну из форм сопротивления заключенных. Говорят, в 1977 году на съезде партии приняли особое решение в связи с этим. Яныч и съезд коммунистов! Это ему импонировало.

А началось все с того, что еврейский мальчик Мойше из румынского города Галаца прочел в газетах о пионерах Советского Союза. И так там интересно писалось об играх, путешествиях и приключениях советских ребят, что он отправился через границу, по мосту через Днестр, в советскую Бессарабию. Наверное, тогда, в 1939 году, границу не охраняли так, как сейчас, потому что он пересек ее без особого труда. Правда, в пионеры его не приняли, а как беспризорного отправили в колонию для малолетних преступников. Его отец, Яков Гершкович, обращался в Советский Красный Крест с просьбой вернуть сына. Но мальчика не отдали. Он проходил "курс обучения" законам преступного мира в "исправительном" заведении. Пройдя этот курс, Миша бежал, скитался по разным городам Союза, промышлял мелкими кражами.

Война застала его на Кавказе. Здесь ему довелось быть свидетелем отступления советских войск, грабежей, беспорядков и насилий. Женщина, у которой он жил, велела ему пробраться на склад пушнины. Благодаря своей худобе ему удалось пролезть туда через форточку. Его не выпустили со склада до тех пор, пока не получили последнюю лисью шкурку. А потом все ушли, бросив Мишу на произвол судьбы. Оставшись без крова и знакомых, он добрался до какого-то санатория, где лечили детей, больных костным туберкулезом. Миша навсегда запомнил горбатую девочку, ее красивое лицо и чудесный голос. По утрам она обычно пела. Когда советская армия бежала, а немцы еще не пришли, местные жители принялись сводить счеты с русскими. Однажды ночью Миша проснулся от шума. В палате находились какие-то люди в папахах и бурках. Они наклонялись над каждой кроватью и что-то делали. Усатый черкес подошел к постели Миши, приподнял одеяло, взглянул на него и пошел дальше. Утром Миша проснулся. В палате тихо, и девочка не поет, а санитар вытаскивает из кроватей тела убитых.

Мишу не тронули, очевидно, потому, что он не был похож на русского. Затем он попал в действующую армию. Солдаты усыновили его. Веселый, смелый подросток стал их любимцем - он напоминал им родной дом и детей. Жаль только, что он еврейчик. Но этот недостаток легко исправить: какой-то солдат крестил его в озере.

После войны в Москве он пытался через юридическую консультацию разыскать родных. Узнав, что они за границей, адвокат испугался, замахал на него руками: "Иди, иди отсюда, мальчик! Я ничего не видел и не слышал! Забудь про своих родных!" Но Миша не забывал и обратился в Международный Красный Крест. Он не знал, что и отец его разыскивает, посылая многочисленные запросы в Советский Союз.

Шло время. Миша вырос. С трудом окончил среднюю школу. Но школу жизни прошел хорошую. Случайно он познакомился с коллекционером, специалистом по живописи, и научился у него разбираться в картинах, отличать оригиналы от подделок.

Коллекционирование пришлось ему по душе, вероятно, потому, что здесь еще возможна частная инициатива. Тут способности Михаила Яновича развернулись во всю силу. Помог и большой житейский опыт. С поразительным чутьем ему удавалось узнавать, где хранятся неконфискованные старинные картины и иконы. Он умел их оценивать и убеждать владельцев продать ему. Для этого требовался недюжинный ум, размах и смелость. Михаил Янович ими обладал. Он разбогател настолько, что стал одним из подпольных советских миллионеров. Построил под Ленинградом двухэтажный дом, женился на дочери репрессированного священника и взял ее фамилию - Макаренко.

Чтобы быть уж совсем русским, крестился вторично.

Но богатство само по себе его не удовлетворяло. Главное для него - игра, игра обстоятельствами и людьми. Ему нравилось чувствовать свою власть над ними. Он любил мистификацию, смену масок. Любил вводить людей в заблуждение. Не знаю, понимал ли он сам себя, для других же он был загадкой. О себе он говорил так: "С русскими - я самый что ни на есть православный; с украинцами - борец за самостийну Украину; с евреями - горячий сионист!" Кто он? Безмерный альтруист? Азартный игрок? А может, дешевый аферист? Он не владел кистью художника, но из людских судеб и различных ситуаций мог создавать удивительные композиции.

Его последний "шедевр" назывался "Параллельная коммунистическая партия Советского Союза". Себе он отвел там скромное место члена комиссии по расследованию преступлений КПСС в Новосибирской области. (В то время он заведовал картинной галереей в Академгородке.) В эфемерной партии состояло всего два члена: сам Макаренко и его приемный сын Саша. Но мистификация зашла так далеко, что даже зарубежные компартии поверили в существование "движения". Говорили, будто на совещании компартий Восточной Европы Янош Кадар требовал присутствия представителей нового "движения". Забрасывая ЦК кипами документов, "партия" Макаренко не оставляла сомнений в своем существовании. В лагере Яныч с гордостью рассказывал о том, что пока КГБ сбивалось с ног в поисках "мощного рабочего движения", сам он готовил визит в Новосибирск знаменитого Марка Шагала, который бежал из России в двадцатые годы и теперь мечтал ее посетить. Не обойтись без официального приема в Москве. Но Яныч и тут проявил свое умение убеждать людей. Он якобы уговорил Шагала ехать в Новосибирск прямо из Парижа, минуя Москву. Яныч с жаром описывал, как готовилась охота на медведя в сибирских лесах. Зверя купили в цирке, и опытный снайпер должен был выстрелить в него одновременно со знаменитостью, чтобы наверняка попасть...

Игра с КГБ могла продолжаться долго, если бы Макаренко случайно не оказался в квартире крупного подпольного торговца драгоценностями. Когда он туда пришел, там шел обыск, и его задержали. Сначала он не привлек особого внимания следствия, но по мере того, как стали вырисовываться контуры этой личности, им заинтересовалась прокуратура, а затем и КГБ. В одном из многочисленных тайников обнаружили "документы партии". Но Яныч, этот дважды крещеный еврей, живущий под тремя фамилиями, оказался твердым орешком. Яныч заверял, что по указанию Президиума Верховного Совета следствие трижды продлевалось. И все безрезультатно. Искали миллионы и не могли найти. Арестованный Саша "помогал" искать то на дне канала, то в районах новостроек. Все напрасно. Наконец взорвали дом Яныча,

надеясь в подземельях обнаружить сундуки с золотом. Ничего не нашли, но Макаренко получил восемь лет заключения.

В лагерь Михаил Янович Макаренко прибыл как личность в высшей степени загадочная. Администрации заявил, что он коммунист; русским представился христианином; диссидентам - борцом за демократию. Его уважительно называли "рыбой". На лагерном жаргоне это человек, которому море по колено и который может плавать в любой воде. Начальство его ненавидело, а заключенные им восхищались. Он умел находить просвет даже в серых лагерных буднях и никому не отказывал в помощи. Его бурная деятельность иногда вводила в заблуждение, ибо казалось, что он преследует определенную цель. На самом же деле цели у него не было. Отсюда его готовность пуститься на любое приключение, любую авантюру, быть со всеми, не принимавшими советской власти.

С евреями Яныч чувствовал себя своим, считал, что только мы можем его понять. С сионистами он прежде не встречался, имел дело лишь с евреями-торгашами и дельцами. По-видимому, он сочувствовал нам, хотя открыто в этом не признавался. Более того - часто говорил: "Сионистом я не стану. Это не для меня. Одно прошу: когда приедете в Израиль, разыщите моих родных. Верю, что они там".

Знавшие его близко утверждали, что в сущности он остался тем еврейским мальчиком, который когда-то покинул родителей и навсегда лишился семейного тепла. Мы его принимали, но с осторожностью. Вокруг Яныча кипели страсти. Одни верили, что он вот-вот въедет на белом коне на Красную площадь. Мало кто из таких знал, что этот здоровый бородатый мужик - "жид". Другие были убеждены, что он опытный офицер КГБ, специально посланный в наш лагерь. Возможно, эти слухи распространяли и сами органы, которым Яныч мешал.

Из Мордовии на Урал он приехал с идеей организовать кампанию жалоб и заявлений, воспользоваться 50-летием советского государства для того, чтобы добиться освобождения военных преступников и предоставления особых прав политическим заключенным. Слабое место у Советов - страх перед гласностью. В руках зэка есть оружие - жалобы и заявления в печать, во все органы власти, партии и профсоюзов, а также отдельным деятелям. До сих пор начальство использовало неоднозначность Правил внутреннего распорядка. Но их можно повернуть и в нашу пользу. Ведь большинство учреждений, в которые мы направляли жалобы, хуже нас разбирались в Правилах. Учитывая противоречивость отдельных параграфов, можно обжаловать каждый шаг администрации, начиная с самого факта существования лагеря и кончая поведением начальства. А оно придиралось к нам по мелочам: незастегнутая

пуговица, неснятая шапка, минутное опоздание.

- Почему не бить начальство его же приемами? Пусть по нашим жалобам, - рассуждал Макаренко, - устраивают проверки, посылают запросы, пишут ответы. Это, с одной стороны, причинит беспокойство властям; с другой стороны, с нами будут считаться. Мы им зададим такую работу, что не останется времени нас преследовать. Кроме всего прочего, сам факт выхода из зоны информации о нашем положении снимет секретность. Пусть "простой советский человек" узнает, что творится в лагерях.

Политические заключенные и раньше писали жалобы. Но теперь это приобрело характер "кампании". Возведенная в почетный статус "политической борьбы", она не только позволяла излить наболевшее, но к тому же вселяла какие-то смутные надежды. Своего рода психотерапия.

"Поднятая на принципиальную высоту" кампания приняла грандиозные размеры. Каждый уважающий себя заключенный должен был написать в день не менее пяти заявлений по любому поводу. У Михаила Яновича хватало терпения ежедневно пропускать через себя большой объем "жалобной" продукции. Однако не все верили в возможность облегчить наше положение путем жалоб и считали унижением обращаться в советские органы власти. "Кому жаловаться? - возмущались они. - Этим негодьям, которые нас в тюрьму посадили? Нашли, где искать справедливость!"

На собраниях группы мы не раз обсуждали нашу позицию в этом вопросе. Она отличалась большей сдержанностью, чем макаренковская. По пустякам не писать. Использовать "атаки заявлений" только как ответ на репрессии.

Для того, чтобы не прекращался поток жалоб, Яныч пустил слух, будто в Уголовном кодексе есть пункт, предусматривающий выход на поселение после отбытия трех четвертей срока. Это означало, что старики, находящиеся в лагере по пятнадцати-двадцати лет, могли поселиться недалеко от него, как "полусвободные" поселенцы. Сначала Янычу не верили и боялись писать. Но Макаренко умел убеждать и подстрекать. Он был энергичен и предприимчив: там бросит слово, тут как бы невзначай заметит: "Получил ответ из прокуратуры. Подтвердили, что закон понял верно". Или: "Говорят, в тридцать пятой зоне нескольких уже освободили. Пишите, а то будет поздно!" Подействовало. К Янычу с утра выстраивалась очередь безграмотных. Он писал всем. Как будто получал за это подарки. Так или иначе он работал с утра до вечера и выполнял свое дело старательно. Заявления, которые он писал, были верхом искусства. В них он издевался над властями, но так, что придраться было не к чему. Его пытались запугать наказанием "за клевету, за намеренную

дезорганизацию работы персонала". Но наказывать было не за что. Администрация припиралась и к его сторонникам. Одного из них посадили на полгода во внутреннюю тюрьму за то, что он "не содержит в чистоте спальное место". Какая уж тут чистота, если речь идет о мешке, набитом старым тряпьем!

Одно из заявлений Яныча начиналось так: "КГБ легло могильной плитой под свод советских законов". Броско, но опасно. Его предупредили: "Это уже оскорбление власти!" Свои заявления он подписывал "Коммунист Макаренко".

- Макаренко, вы не коммунист! У вас нет партийного билета!

- Я коммунист в душе! А, вам не нравится моя подпись? Хорошо! - И он стал подписываться иначе: "Особо опасный государственный преступник Союза Советских Социалистических Республик".

Трудно воспроизвести оригинальную манеру письма Михаила Яновича, которой присуще хорошее знание советских законов и чувство юмора.

В лагере еженедельно показывали художественные фильмы, в основном революционного содержания: октябрьская революция, гражданская и отечественная война, строительство коммунизма. Смотреть эту ерунду всем надоело, но что поделаешь? Макаренко и тут нашел выход - написал жалобу: "В последнее время в лагере стали показывать фильмы о Ленине. Эти фильмы смотрят враги советской власти, которые при виде вождя мировой революции смеются и говорят: "А, черт лысый! Еще жив? Ничего, скородохнешь!" Я, как честный коммунист, не могу молчать, когда на моих глазах издеваются над нашим вождем. Поэтому прошу такие фильмы больше не показывать". Подействовало. Какое-то время фильмы вообще не привозили...

Тематика заявлений была разнообразной, причем Яныч не брезговал и неточностями. Например: "В карцере кормят через день хлебом и водой". На самом деле были "сытые" и "голодные" дни. Один день давали 450 граммов хлеба, 50 граммов рыбы, 30 граммов каши и суп. На следующий день - только хлеб и воду, о чем и писал Яныч.

- Яныч, но ведь это вранье!

- Подумаешь! Они разве не врут?

- Зачем брать пример с негодяев?..

Впрочем, были заявления, в которых содержалась чистая правда. Одно из них

касалось "зимнего наступления" начальства. В пятидесятиградусный мороз администрация запретила носить теплую одежду под тем предлогом, что ее ношение "не соответствует приказу МВД". Макаренко добровольно сдал одежду и приложил записку: "Прошу мою одежду отдать вьетнамским детям". Под запиской подписалось много арестантов, и администрация вынуждена была отменить свой приказ. Вообще жалобы служили для начальства индикатором возможного взрыва. Иногда предпринимались меры по его предотвращению.

История с амнистией была более темной. Яныч рассказал, что однажды, стоя у дверей начальника лагеря, услышал якобы разговор об амнистии политзаключенных. Единственное, чего он не расслышал, - это дата. Вроде бы число оканчивалось на "дцатое", а месяц на "бря". В лагерях постоянно ждут амнистии, и это понятно. Макаренко живет слухами. Это тоже понятно. Но непонятно, почему к нему прислушивались и почему слухам верили. Какие-то намеки на возможную амнистию были. 30 декабря 1972 года исполнялось пятьдесят лет со дня создания Советского Союза. Слух был пущен за три месяца до юбилея. Все это время арестанты чувствовали себя более раскованными, чем обычно. Теперь они готовы писать жалобы куда угодно - "все равно освободят". Слухи докатились и до надзирателей, которые, конечно, не знали, что решат в Кремле, и поэтому на всякий случай стали вести себя сдержаннее. А заключенных хлебом не корми, только дай им надежду - во всем увидят признаки освобождения.

- Смотри, какую рыбу дали! Верно, к амнистии идет дело!

- Видел, я не работал, а он прошел мимо, и ничего.

Ясно - готовится амнистия.

- Уже почти месяц бороду не бреют! Наверное, знают, что будет амнистия!

И так каждый на свой лад. А тут еще письма из дома, из Израиля, всегда полные надежд и намеков: "Были у дяди Сэма. Он говорит, что дети скоро выздоровеют". Или: "Тетя Голда нашла хорошее лекарство" и т. д. Начинается обсуждение:

- Нет, это не случайно. Йосеф, твой отец серьезный человек, он не станет писать даром про Голду. Действительно что-то есть.

Я сделал только один вывод - с утра до вечера учить иврит. Дни летели, а я, согнувшись над нарами, исписывал тетради переводами и упражнениями.

Паша Корен показал мне, как заниматься ивритом при помощи карточек. На одной стороне записывается слово на иврите, а на другой - перевод. Так, перебирая карточки, можно повторить много слов. Трудное слово следует отложить и повторять чаще. К концу заключения у меня насчитывалось около десяти тысяч карточек с ивритскими словами и выражениями, которые я группировал по степени трудности. Группы слов я хранил в спичечных коробках. Каждая имела свой срок проверки. Эта система давала возможность повторять слова на работе и держать весь миниатюрный словарь на ладони. За день я проходил пятьсот-восемьсот слов, из них до шестидесяти новых. Многочисленные коробочки вызвали подозрение у надзирателей, и они просматривали и перетряхивали их содержимое, внося беспорядок в мою систему.

Однажды, увлекшись переписыванием текста из учебника "Элеф милим", я не заметил, как кто-то подошел ко мне. Только характерное посапывание заставило меня поднять голову: Федоров! Я готов был драться за мой учебник.

- Чем занимаетесь, Менделевич?

Терять мне было нечего - все равно отберет, и я ответил гордо:

- Учю еврейский язык!

Он посмотрел на меня пустыми глазами:

- Ну, учите, учите, - и повернулся к выходу.

Мы научились распознавать намерения Федорова по десяткам признаков: по выражению лица, сопению, пустым глазам, парадной одежде - если предстояла крупная экзекуция. Лагерь для него - все в жизни, заменяет ему дом. Теперь он озадачил меня своим необычным поведением. Может, получил инструкцию не мешать нам? Но ведь мог по крайней мере посмотреть, что за книгу я читаю и что пишу. Может, он пьян и не понял моего ответа?

Как это ни странно, но иногда мне казалось, что не все человеческое у него атрофировано. Я не рискнул бы поделиться догадкой с товарищами - они съели бы меня живьем. "Федоров - человек?!" Неужели особое отношение ко мне? Мне казалось, что даже наказывая меня, он не испытывал особой садистской радости. Просто чиновник, уставший от работы. А, может, он вел себя так со мной оттого, что я никого не оскорблял? Или потому, что я не вступал в споры? Соблюдая еврейский закон, я тем самым нарушал внутренний распорядок лагеря. Но я не делал это демонстративно, на зло кому-то. Ведь я исполнял все

для себя, во имя Б-га. А может, сыграла роль национальность его жены, Эстер Рабинович? Познакомились в годы войны, когда евреи бежали от немцев на Урал. Она работала бухгалтером. Парадоксально, но ведь дети Федорова были евреями и при желании могли получить израильское гражданство! Сын служил надзирателем в нашем лагере и ждал поступления в университет. Дочь работала цензором, и многие арестанты заглядывались на нее. Тонкое типично еврейское лицо.

Еще одна еврейская семья работала в лагере - Фуксманы. И от них мы ничего хорошего не видели. Впрочем, я ничего и не ждал.

Сразу по прибытии в лагерь меня определили в строительную бригаду. Работа тяжелая - целый день месить лопатой цемент и по шатким помостам таскать на второй этаж носилки со строительным материалом. Копали траншеи, носили кирпич, грузили машины. Но работа меня не пугала. Я был молод и считал, что для здоровья лучше быть на воздухе, чем торчать в грязном цеху.

Я столкнулся с интересными людьми. От них можно было услышать лекцию об Эфиопии или урок по подделке документов. Специалист своего дела, Шимон Кирьяк от руки мог подделать любую печать, официальный бланк или подпись. Здесь я узнал о побеге Кудирки, литовского моряка, который вплавь добрался до американского корабля, но был возвращен американцами и получил десять лет заключения. Его освободили по просьбе президента Никсона в один день с Сильвой.

Бригадиром строительной бригады был полубезумный Иван Богданов, который украл на заводе радиоактивное вещество, чтобы продать его американцам и купить водки. За это он получил десять лет. Поскольку в лагере он стал на "путь исправления", его назначили бригадиром. Думать ему не требовалось - для этой цели служил Михаил Янович Макаренко, которого он из простых рабочих возвел в должность своего личного секретаря. Яныч знал много специальностей, включая и строительство. Вскоре фактическим начальником стал он, а Богданов заваривал ему чай. Мы все блаженствовали при Макаренко. Он умел так оформить документы, что, справляясь лишь с половиной работы, мы якобы выполняли норму на сто пятьдесят процентов. Это давало дополнительно миску овсяной каши и сто граммов хлеба. Суббота проходила без осложнений. Бывало сидим после работы и учим иврит. Приходит Яныч.

- Привезли машину с цементом. Разгрузите - запишу за субботу!

За час разгружаем машину, а заодно упражняемся в разговорном иврите.

Однако Федоров учуял еврейский "гешефт". Вместо нас послали бывших полицаев, а нас уpekли набивать керамической пылью трубки на специальном станке, вибростенде. Работа была вредная и грозила даже раком легких, а сама вибрация изнуряла. Подрывать здоровье не хотелось. Поэтому отправился к доктору Петрову:

- У меня сломались очки, Я ничего не вижу.

- Хорошо, очки получите.

Расчет был нехитрый: в этой глуши достать очки невозможно, а работать без очков не имело смысла: требовалась точность - материал стоил дорого. Сначала меня вызывало начальство, пытаюсь разобраться, каким образом разбились очки. Я показывал разбитые стекла, и наконец меня оставили в покое. Это были месяцы отдыха. Я изучал пасхальную Агаду, которую ребята привезли из Мордовии, беседовал с Хаимом обо всем, учился сам и учил других.

30 декабря 1972 года вся зона притаилась в ожидании амнистии. 30 и 31 декабря радиопередачи из Москвы почему-то не транслировались. Первого января мы вышли на работу. Черная уральская ночь, еще не разбавленная жидким зимним солнцем. Со свистом носился по белой земле снежный буран. У распахнутых ворот зоны, засунув руки в карманы, стояли офицеры в длинных шинелях и шапках-ушанках. Против них - колонна заключенных. Обе стороны напряженно ждали чего-то. Куда откроются врата - на завод или на волю?

По взмаху руки Котова заскрежетали ворота:

- На работу - марш!

Как псы, почуявшие кровь, офицеры готовы броситься на каждого арестанта. Вызывали по списку:

- Иванов!

- Есть!

Иванов отделяется от колонны и проходит в помещение для обыска. И так один за другим: Кудирка, Лукьяненко, Николаенко...

- Николаенко, стой! Почему руки в карманах?

- Холодно, мерзну.

- Спорить с начальством? Пятнадцать суток карцера!

И дальше: Каджионис, Садо, Дымшиц, Узлов...

- Узлов, почему фуражка не по форме?

- Порвалась, гражданин начальник.

- За порчу имущества десять суток ареста!

И пошло: карцер, лишение свидания, лишение посылки... "Что, думали, кончилась наша власть, на свободу пойдете? Нет, вы у нас в руках!" Начальство решило наверстать упущенное за три месяца послабления режима. Надо вернуть эков в прежнее состояние рабской покорности. И зона испугалась, притихла. Объявленная 30 декабря амнистия гласила, что на государственных преступников она не распространяется. Она вообще ни на кого не распространялась, а явилась лишь демонстраций "советского милосердия". Большую часть текста закона составлял перечень "преступлений", не подлежащих амнистированию. В лагере зло шутили: "Амнистии подлежит беременный член коммунистической партии с 1902 года".

Меня послали на завод - нашли работу и для "слепого". Добрались и до "больного" всеми болезнями Яныча. Мы оказались вместе: вручную зажимали контакты электрорегулятора. Норма - 3100 контактов в день. К концу работы слепли глаза, позвоночник разламывался, и ложка с баландой валилась из рук. Но это только на первых порах. Потом мы настолько освоились, что готовые детали вылетали у нас со скоростью слов. Мы говорили беспрерывно. Перерыв устраивали лишь для разговоров с другими. Наше рабочее место находилось в темном углу, далеко от надзирателей, и друзья заходили к нам передохнуть. Ко мне - евреи, к Янычу - вся зона. В его советах нуждались.

Наша конура стала своеобразной юридической конторой. Сидя изо дня в день рядом с Янычем, я мог видеть, как он общался с людьми, и понял, в чем секрет его успеха. Он действительно был многопланов: с простыми мужиками говорил языком деревни, с диссидентом - как интеллигент, с молодыми - как сверстник. И всегда оставался самим собой. Но главное заключалось не в этом его качестве. Он умел внушить собеседнику, что его-то он уважает больше всех. И люди, прежде относившиеся к Янычу с предубеждением, проникались к нему уважением и доверием. Он щедро расточал лесть, которая воспринималась как

правда. А ведь в лагере нет ничего нужнее доброго слова. Мне он не раз говорил:

- Иосиф, вы поражаете меня своим чувством достоинства. Вы умеете держаться своих принципов без шума, но с твердостью.

И точно. Это была моя линия поведения, хотя я придерживался ее не совсем последовательно. Но какая пронизательность и какая лесть!

- Яныч, лучше не делайте мне комплиментов! Слыша их, я начинаю подозревать что-то неладное. Да и всем вы отвешиваете комплименты, не надо!

Я посмеивался над его лестными словами обо мне, но иногда шевелилась мысль, что он искренен. Вероятно, так думал не только я...

И все-таки он относился ко мне с вниманием и уважением. Хорошо воспринимал все, что я рассказывал ему об Израиле, о нашей истории, о вере.

После провала кампаний "амнистия" и "поселения" Макаренко задумал провести День памяти заключенных, погибших в советских лагерях. Выбрали пятое сентября, когда в 1922 году вступил в действие закон о "красном терроре". Возведение убийства в ранг закона привело к миллионам жертв. Несомненно, среди замученных были сотни тысяч евреев. Поэтому наша группа решила принять участие в этой акции. Объявили голодовку.

Вечером в пустое помещение склада пришли представители армянской, литовской, украинской, русской и еврейской национальности. Яныч произнес речь, которую вполне можно было бы опубликовать в советской прессе, заменив фразу "красные убийцы" на "фашистские убийцы". Затем торжественно внесли мешок с землей и высыпали на пол - получилась символическая могила. На нее каждая группа поставила свечку. Я произнес поминальную молитву, хотя и не было миньяна (десяти евреев). Эта молитва звучала здесь, в холодных горах Урала, так трагично, что у многих на глаза навертывались слезы. Несмотря на то, что слов никто не понял, впечатление было сильное. На следующий день Яныч сказал:

- Иосиф, вы настоящий раввин!

- Упаси Б-же, чтобы у нас раввинами были такие неучи, как я!

Но Яныч не желал меня слушать. С тех пор за мной утвердилось звание "раввина".

Хотя я много знал о Яныче, он не во все меня посвящал. Оказалось, что землю для символической могилы принесли из подвала склада. Молодые ребята во главе с Абанькиным решили бежать. С этой целью делали подкоп. Вокруг склада - болото, но в пятнадцати метрах от забора заметили сухое дерево. Значит, там нет трясины. Дерево служило ориентиром для выхода на сухое место. Среди участников подкопа был Леша Сафронов, мой давний друг. Янычу он подражал во всем. Что-то их объединяло. Оба они могли принимать разные обличья, но если Леша и внутренне перевоплощался, то Яныч везде оставался самим собой, еврейским мальчиком из Галаца.

Зэки, собравшиеся бежать, поставили главным Макаренко. Ему пришлось решать массу вопросов: как скрывать подкоп, как выносить землю, как добраться до железной дороги. План созрел такой: выйти из подкопа в двадцати метрах от забора, бежать до железнодорожной станции, неся на плечах Макаренко, так как физически он был слабее других, затем - на север, в леса. Найти там заброшенный дом, отсидеться месяц, а потом отправиться в Мордовию, в зону лагерей, освободить Сильву Залмансон и Зину Васильеву*.

Затем на пермском аэродроме захватить самолет и лететь в Иран (дело было еще при шахе). Авантюрный план свидетельствовал о том, что его авторы - Витольд и Леша - витали в небесах. Вести самолет предложили Дымшицу. Марк посмотрел на мальчишек и, не сказав ни слова, ушел. Хватит с него смелых проектов!..

Землю рыли в три смены, прикрывая лаз половицами. Крали простыни, чтобы ночью выносить в них землю из подкопа и высыпать ее в канаву у склада. Нужно было провести электричество - копать при свечах невозможно. Обратились к знакомому по семнадцатой мордовской зоне, Виктору Чемовскому. Сам он, не будучи евреем, считал себя обращенным в сионистскую веру, попросту говоря, пил чай с сионистами. Правда, мы его сионистом не признали, и он вернулся к своему прежнему амплу борца за чистоту ленинских идей.

Виктора ознакомили с планом побега. За кружкой чая он поделился им с двумя другими "ленинцами" - Александром Чеховским, комсомольским активистом из Ворошиловграда, и Юрием Алексеевым, организатором неудачных голодовок, бывшим капитаном милиции и сыном полковника КГБ. Все трое сидели за желание "улучшить" советскую власть. Юрий, выслушав Виктора Чемовского, сразу понял: подкоп не удастся. Слишком много людей посвящены в это дело. Непременно кто-то донесет. А раз так, почему бы не донести первым? Тогда можно освободиться досрочно и продолжать борьбу за строительство истинного коммунизма.

С его мнением согласились, и Чеховский приступил к переговорам с КГБ об условиях предательства: досрочное освобождение, устройство на работу и учебу и т. д. Момент наступил - "товар" был продан. Однако он оказался подержанным. Освободиться любой ценой хотели многие. Бригадир Гургишвили, когда-то за что-то награжденный орденом Ленина, во время ремонта склада обнаружил подземный ход и доложил КГБ. В это же время молодой латыш Шуберманис, получив предложение участвовать в побеге, сразу же сообщил об этом своему земляку, майору КГБ Мелнзобу. Кагебисты могли быть довольны - есть зэки, готовые выслужиться. Заговорщики заметили неладное и прекратили работу... Пошли взаимные обвинения в предательстве, и Макаренко заподозрили в том, что он продал.

КГБ начал действовать. Провели поголовные обыски: может, кто-то еще знал о побеге и не донес. Забрали всех участников предполагавшегося побега и повезли в Пермь на следствие. "Обрабатывали" каждого в отдельности. Форма "обработки" - стандартная:

- Вы участвовали в подготовке к побегу. За это полагается дополнительно три года заключения. Если поможете нам, суда не будет!

Кто соглашался, кто - нет. Суд не состоялся: могло всплыть, что подкуп спровоцирован. Чемовский и Чеховский стали агентами КГБ, Макаренко и Алексеев - его врагами. Но те и другие молчали. Я узнал обо всем от Макаренко. Видно, он искал во мне моральной поддержки. Однако становилось ясным, что в наши дела его посвящать нельзя. Можно лишь приглашать на праздники. Но Хаим был против этого:

- Нашли кого жалеть! Да он хитрее нас всех! Ясно, что ему что-то от нас надо! Это все враки: он не еврей!

Шабтай, который несмотря ни на что видел в Макаренко друга, был возмущен:

- Кто дал тебе право сортировать: еврей - не еврей? Еще не известно, какой ты сам еврей! И срок получил не за сионизм, а за какую-то антисоветскую статью!

Так складывался своеобразный "треугольник" Шабтай- Яныч-Хаим. Я оказался между ними и попадало мне от всех троих. Особенно когда из внутренней тюрьмы освободили Ури. В свое время он возглавлял группу, в которой состоял Хаим, и под его влиянием ребята заинтересовались еврейскими делами. Сразу же после приезда в Мордовский лагерь он лезвием бритвы сам сделал себе брит-мила (обрезание). Об этом передавали из лагеря в лагерь.

Перед самым этапом из Мордовии на Урал Ури среди вольнонаемных опознал предателя Мартынова и не считал нужным молчать. За это его посадили на полгода в ПКТ, сфабриковав обвинение в том, что он систематически выключает радиопередачи из Москвы. На Урале к нему снова придрались и посадили в ПКТ. Выйдя оттуда, он вновь оказался в центре борьбы. Хотя он и решил стать верующим евреем, выполнение заповедей было ему в тягость. Больше интересовался философской стороной иудаизма. В жизни он оставался антисоветчиком. Возможно, это объяснялось бунтом против отца, фанатичного коммуниста, которого даже арест сына не изменил: он носил письма Ури на проверку в КГБ. Я замечал такой феномен в лагере. У многих диссидентов отправной точкой служило враждебное отношение к родителям-коммунистам.

Заметив, что Ури работает по субботам, я пытался доказать ему, что исполнение заповедей неотъемлемо от иудаизма. Верующий еврей не может жить одними философскими изысканиями. Только вера даст нам силы выбраться отсюда. И главное: у нас в Израиле родятся дети, которые будут лучше нас. Они вырастут настоящими евреями. Однако мои слова его не впечатляли. Его влекла борьба. Ежедневно он писал десятки заявлений, едва ли не больше, чем Макаренко. На этой почве они сблизились, что очень не нравилось Хаиму. Ему казалось, что Яныч хочет вовлечь Ури в антисоветскую деятельность, чтобы погубить его. Отсюда возникло подозрение:

- Макаренко - явный агент КГБ. Видишь, он часто ходит туда на прием!

- Будь он агентом, не ходил бы открыто! - возражал Шабтай.

- Все эти заявления - провокация КГБ, - не успокаивался Хаим. - Как будто заявлениями можно что-то исправить!

- Но ведь ты знаешь, что Макаренко так не считает!

Через несколько дней Хаим опять за свое:

- Видели, Макаренко получает питание как больной. Это плата за услуги. Просто так не дадут!

- Оставь, пожалуйста! - пытались ему возражать. - Больничное питание получают и другие политические. Все они агенты? Если судить о человеке по тому, сколько хлеба с маргарином он съедает, нас первых заподозрят! (Нам удавалось покупать хлеб, маргарин и сахар.)

- Все равно он агент, хотя и не могу доказать!

- Получается, сперва решишь, что он стукач, а потом ищешь доказательства. Слушай, брось собирать слухи!

Действительно, распространение слухов об агентах КГБ создавало тяжелую обстановку в лагере. Ясно, что доказательств все равно не найти. Осведомителей-стариков знали: они работали грубо. Другим подозреваемым не доверяли до конца.

Наступил Пурим. Решили праздник провести вместе, хотя жили в разных бараках и находиться в чужом запрещалось. Существовало несколько возможностей собраться: либо расположиться у какого-нибудь барака прямо на земле, либо в строящемся помещении для обысков, либо в столовой. Но на земле нельзя - снег еще не растаял; дом для обысков к Пуриму успели достроить, разобрать и перевезти в рабочую зону; столовую запирали. Выход один - просить разрешения у начальства. В Правилах говорится, что начальник "может" разрешить посещение чужого барака. Может, но вовсе не "обязан". К несчастью, заключенный Бергман рассказал дежурному офицеру о наступающем еврейском "милитаристском" празднике в честь разгрома иноверцев. В этот день якобы принято нападать на гоев и избивать их. Не знаю, почему Бергман выложил эту ложную версию капитану Раку: то ли из-за болтливости, то ли из желания выслужиться.

Лейзер Бергман был любопытным типом. Он родился в 1922 году в Кишиневе в семье артистки еврейского театра. Учился в хедере и в училище для канторов. Когда советская власть пришла в Бессарабию, жизнь резко изменилась... В 1948 году он впервые был осужден за какое-то уголовное преступление. С тех пор прочно поселился в лагерях: то продлевали срок, то получал новый, как это произошло в 1956 и в 1960 годах, когда его обвинили в антисоветской деятельности. Насколько я сумел понять из его отрывочных рассказов, он проиграл в карты воровскую кассу. За это ему полагалась смерть. Тогда он написал антисоветские листовки и запустил их на надувном шаре за забор. Листовки собрали. Они были примитивны по содержанию, но по почерку узнали автора, "пришили" ему антисоветскую пропаганду, добавили срок и отправили в другой лагерь как политзаключенного. Так он спасся. Многие уголовники избавляются таким способом от суровых наказаний воровского мира.

Говорят, что Лейзер когда-то был "вором в законе" и его боялись заключенные. Это похоже на правду. Даже сейчас он выглядел сильным, волевым и энергичным человеком; принадлежал к лагерной знати, состоящей из воров и

бывших полицаев. С политическими предпочитал не иметь ничего общего. С ворами он пил чай, играл в "чертей" и вел задушевные разговоры.

- Ну, Петя, - бодро кричал он бывшему полицаю, - сколько жидов убил? Да ладно, не ври! Убивал ведь! Сколько? Сто? Двести? Хорошо, я же прощаю! Пошли в "чертей" играть!

За такие кощунственные слова его нужно было бойкотировать, но мы его терпели. Так уж устроен мир: человек слушает и не слышит. Более того, мы пытались завязать с ним дружеские связи, ходили к нему на чай, и он показывал нам фотографии многочисленных родственников из Израиля. Выходит, у него на Израиль такие же права, как и у нас?..

Однажды, в день смерти матери, Бергман, стоя на заснеженном заводском дворе, поднял глаза к небу и запел поминальную молитву. В этой его канторской молитве, столь неожиданной для нас и необычной под уральским небом, слышался такой крик души, что невольно думалось о том, что он плачет о своей пропащей судьбе и о матери, опозоренной и сломленной им. В его глазах стояли слезы. Он кончил молитву, повернулся и быстро зашагал прочь. Однако ничто не помешало "ему засадить в ПКТ Гришу и Шабтая. Но об этом позже. А пока он нас "технически заложил" - не то чтобы донес, а просто, обсуждая с дежурным офицером, капитаном Раком, результаты матча футбольной команды "Днестр", посвятил его в "секреты сионских мудрецов".

Капитан Рак был ниже среднего роста, и поэтому носил обувь на высоких каблуках. Черные волосы, черные круглые глаза, черные маленькие усики. Говорил с нерусским акцентом. Что до его национальности, мнения расходились. Одни утверждали, что он еврей, другие "увольняли" его из евреев и производили в цыгана или румына. Сам же он намекал на свое украинское происхождение. Но все сходились в одном: такого негодяя в зоне придется поискать. Лучший ученик Федорова, только более настырный, чем его учитель. Он не ленился влезать в мельчайшие подробности жизни заключенного. Ни одно нарушение Правил не проходило мимо него. Особенно придирался к политическим.

Однажды политзаключенный Дмитрук краем рваной рубахи зацепился за вал токарного станка. Последним усилием воли ему удалось вырваться из когтей смерти. Окровавленный и обессиленный, он лежал у станка. На место происшествия явился капитан Рак. Подошел не к Дмитруку, а к окровавленным лохмотьям, и принялся в них рыться. Торжествуя улыбаясь, вытащил бумажку с какими-то записями и, довольный добычей, удалился.

В нем не было ничего человеческого. Он преследовал всех, но к евреям испытывал особое чувство. Когда говорил с нами, кривая улыбка не сходила с его губ, а руки нервно перебирали пряжку офицерского ремня. Со временем мы нашли способ "обезвреживать" капитана: избегать всяких разговоров с ним. Обычно он завязывал беседу с заключенным и провоцировал его на оскорбление. Потом с удовлетворением заявлял:

- Так, теперь составим акт. Фабула уже имеется!

За это он получил кличку "Фабула".

Леха Сафронов писал на стене барака: "Фабула, тебе не быть капитаном!" Ошибся. Маленький Рак из старшего лейтенанта вырос в капитана. К своим обязанностям относился ревностно:

- Что у вас на голове, Менделевич?

Раньше я объяснил бы ему. Теперь ответил:

- Разве не видите?

- Снять немедленно!

Я подчиняюсь: снимаю кипу, тут же надеваю шапку и выхожу во двор. Рак разочарован - провокация не удалась.

Вот этому-то капитану Лейзер Бергман по-дружески рассказывал о наших праздниках. Неудивительно, что в Пурим в зоне усилился надзор. Ждали начала нашего сбора. А мы старались достать самые лучшие продукты. Марку после свидания удалось пронести в зону два апельсина и плитку молочного шоколада. Я получил свою килограммовую посылку (одну в полгода): мацу и полкило сухой сои. Сою сварили с рыбой, которую мы не ели в столовой, а специально оставляли для праздника. Раздобыли белый хлеб. Итак, праздник будет на славу. Дело лишь за "малым": заявить начальству, что хотим, мол, праздновать. Просить никто не хотел - это унижение. Меня же несколько не унижало, и я отправился в штаб зоны. Несмотря на выходной все были в сборе: Федоров, Котов, Журавков. Сидя вокруг стола, они выжидающе уставились на меня.

- Прошу разрешения собраться, чтобы отметить праздник Пурим.

- Что это еще за праздник?

- Национальный еврейский праздник в память о событиях, происшедших свыше двух тысяч лет назад.

- Расскажите подробно!

И вот под недремлющим оком советской власти оказались Мордехай и Эстер. Живи они в наше время, попали бы в лагерь за свой национализм.

- А что вы собираетесь делать вместе?

- Устроим праздничный стол.

- Откуда у вас продукты?

- То, что вы нам даете!

- Разве из этого устроишь праздник?

Ага, попался, - думаю я, - сами признаете, что кормите нас отходами!

- Но для нас еда не главное.

- А еще что будете делать?

- Больше ничего

- А этот праздник не военный?!

- Обычный праздник, не имеющий отношения к войне. (Да, сработала информация Лейзера!)

- Хорошо, подумаем! Ответ получите от капитана Рака.

Федоров наклоняется к Котову и что-то шепчет.

- Ну-ка, дайте сюда свой бушлат, - приказывает мне Котов.

Снимаю и даю ему.

- А это что такое? - показывает на карманы, которые я сам пришил к

внутренней стороне бушлата.

- Это карманы, чтобы руки засунуть, а то мерзнут.

- Вы нарушили Правила. Карманы не положены. Ступайте, и пока не уберете карманы, разрешения не получите.

Отправляюсь срезать карманы - придется померзнуть ради Пурима. В час дня вызывают к капитану Раку.

- Правилами запрещаются сборища в религиозных целях. Пурим является сионистским праздником, направленным на разжигание войн и национальной розни.

Выхожу из комнаты дежурного. Что делать? Уже и Пурим для них - политическая акция!

Каждый решил встречать праздник в своем бараке. Как только уселись, прибежал Рак. Рыскает глазами. Придраться не к чему. Все из одного барака. Чужих нет. Пьем чай и веселы. Это его больше всего раздражало. Несмотря ни на что евреи празднуют и веселятся. Досадно!

Мы вышли во двор, встретились с евреями из других бараков, и я рассказывал об истории праздника. Многие ее не знали. Потом пели, а я устроил "пуримшпиль" наподобие того, который написал еще до ареста, в Риге. А ведь "пуримшпиль" в нашем лагерном царстве мог произойти в любое время.

Вот сейчас Ури отправили в карцер. Он так увлекся заявлениями, что потерял чувство меры. Во всем его поведении было столько неприкрытой враждебности, что это сразу настраивало против него тюремщиков.

- Вы почему не бреете бороду?

- А чаво? - прикидывался дурачком Ури.

- Как вы разговариваете?

- А никак!

- Вам известно, что положено бриться!

- Чаво?

- Идите! Получите карцер!

- Зачем, гражданин начальник? Я ведь ничего!

В карцере его продержали целый месяц за то, что уже будучи там, написал очередную жалобу. И подходящий повод нашелся. Вызвали к Котову в кабинет и приказали снять ермолку. Он отказался. Так получил новое наказание.

К тому времени карцер в результате многочисленных жалоб был перестроен. Первым, кто изведal "сладость" обновленного федоровского карцера, был Ури. Бетонный склеп без окна, параша на двенадцать литров; ни стола, ни сидения. Спать только в отведенное время. За сон на полу днем - продление срока. Ури наказали не за сон, а за то, что он не смог вынести парашу - ослаб от голода. Срок пребывания в карцере во второй раз он получил за обнаруженный при обыске стержень авторучки.

За все "проступки": за разоблачение провокатора Мартынова, участие в кампании жалоб, нарушение карцерного режима Ури судили. Обвинение гласило: "Злостно нарушает режим, систематически не выполняет норму выработки на заводе, не встал на путь исправления, поддерживает отношения с отрицательными элементами, оказывает дурное влияние на окружающих". Приговор: три года тюремного заключения. Но если расшифровать эти общие слова обвинительного приговора, то получится, что дополнительный срок заключения Ури получил за следующее: за ношение ермолки, невынос параша, хранение стержня авторучки, за невыполнение работы, вообще не производившейся на заводе, за верность своим убеждениям, отказ от советского гражданства, за дружбу с сионистами и разговоры об отъезде в Израиль. Таким образом, Ури - "преступник" уже самим своим существованием.

Приближался Песах. В моем распоряжении всего лишь один килограмм мацы, а надо есть восемь дней восьмерым. Неожиданно вызвали в комендатуру и сообщили:

- Вам всем прибыла посылка мацы по фунту на каждого. Прислал член английского парламента. Но выдать ее не положено, потому что не прошло полгода со дня получения предыдущей.

Мацу оставили на складе. Через несколько месяцев нас уведомили о том, что она сгорела во время пожара. Там, на складе, хранились гражданские вещи заключенных. Пожар не гасили. Начальству неохота, а арестанты радовались

яркому пламени, не зная, что там находятся их вещи. А пламя действительно красивое - красное с черным. Смотрел на него и думал: может, из-за мацы оно такое?..

Итак, мацы хватит только на один день - первый. Некогда нам и собраться - ведь мы работаем в разные смены и в течение дня не встречаемся. Единственный выход - устроить все в промежутке между сменами за тридцать пять минут. Я лучше других умею вести Седер. Мы с Хаимом решили, что первый Седер, как бы трудно ни было, нужно делать для всех, а второй постараемся провести по всем правилам, по Агаде.

Вечером, в Песах, первая смена кинулась к месту между двумя бараками, где их ждала вторая смена. У меня все уже было готово. Написал сокращенный вариант Агады - не оставлять же евреев без праздника! Я страшно волновался: что если не успею, нагрянут тюремщики и нас разгонят? К счастью, все обошлось, и даже под конец спели "Хад гадыя"¹. Потом продолжали праздновать с теми, кто был свободен. Сам я в тот день уклонился от работы.

Я вспомнил рассказ отца о том, как мой дед вечером в Песах выливал на пол ведро воды, надевал дорожную одежду, брал в руки палку и переходил водный поток - в знак перехода евреев через Красное море. Марку это очень понравилось - ведь мы сами совершали исход. И хотя нам предстояло блуждать в холодной пустыне, мы верили, что вступим на Землю Израиля. И в "будущем году в Иерусалиме" звучало как символ нашей веры. На следующий день мы с Хаимом провели пасхальный Седер так, что я мог с чувством удовлетворения сказать: "Завершен пасхальный Седер по всем предписаниям о нем".

Трудность заключалась для нас не в исполнении заповедей, а в невозможности их исполнить. Каким несчастным я чувствовал себя, если не мог помолиться с утра из-за придинок надзирателей или не мог как следует соблюдать субботу и вынужден был в темном углу, на старых досках молча молиться. Я старался, чтобы в субботу собирались все евреи. Хаим не раз предлагал мне проводить субботу вдвоем. Так гораздо легче - мы жили в одном бараке. Но я любил своих товарищей и хотел быть с ними. Поэтому мы забивались в какой-нибудь закуток, отмечали субботу и напряженно прислушивались к тому, что делается снаружи, боясь, как бы нас не обнаружили. И, может быть, в этом тревожном прислушивании также таилась своя неповторимая особенность. Поскольку темнело поздно, приходилось встречать субботу еще до появления звезд и свечи зажигать заранее. В бутылочку с подсолнечным маслом вставляли фитиль. Светильник был маленький, чтобы догорел раньше, чем придут надзиратели.

По лагерным стандартам в субботу мы были неплохо обеспечены едой. На всю нашу братию приходились одна или две банки рыбных консервов. Их нам доставлял Шура. Это был солдат, служивший в Германии и пытавшийся бежать за границу. За это его осудили на десять лет. Благодаря своей пронырливости он втерся в доверие к продавцу лагерного магазина и мог покупать у него небольшое количество продуктов.

Согласно Правилам, заключенному на строгом режиме разрешается приобретать продуктов на пять рублей в месяц: маргарин, карамель, чай, сигареты, повидло, рыбные консервы, лук, сухари. Таким образом, на день приходится двадцать пять граммов маргарина, пять сигарет и ложка повидла. И это хорошо, потому что в Потье выходило в два раза меньше. При условии, что тебя не лишили права на покупку: не то сказал, не так повернулся - и ложка повидла потеряна.

Однажды за отказ идти на урок коммунистического воспитания нас лишили права покупок, пришлось использовать деньги, припрятанные на черный день. Я пошел к старой бане и вытащил из щели между бревнами небольшой сверток, обернутый в полиэтилен, и, озираясь по сторонам, достал сто рублей. Получил я их от отца, сумел пронести в зону и запрятать. Теперь я вложил их между двумя склеенными страницами и книгу отдал Зеэву. Тот вручил деньги Шуру. Такие заказы выполняются по двойной, а иногда и тройной цене. Шура, перетаскивая в магазине тяжелые ящики, незаметно сунул деньги продавцу. Через день Зеэв принес покупки. Шура, естественно, положил в свой карман почти половину суммы - он играл в карты и деньги ему были нужны. Жаловаться некому. Ведь ты сознательно прибегаешь к этой одной из немногих возможностей раздобыть продукты.

В лагере такая "операция" - не только забота о своем желудке, но и одна из форм сопротивления насилию. Нас хотят наказать за то, что мы соблюдаем субботу, а мы вопреки всему собираемся за субботним столом. Мне доверили делить продукты. И вот я сижу над пачкой маргарина и распределяю его на равные доли. Часть надо передать в ШИЗО - Ашер Фролов получил десять суток за невыполнение нормы. Для этого предстоит договориться с литовцем Антанасом. Платы он не требует и в принципе не отказывается помочь, но каждый раз почему-то не выходит... Его можно понять - жаль терять хорошую должность. Ее получают только с разрешения КГБ, и Антанас ведет двойную игру - обманывает и нас, и КГБ.

Да, тут целая наука: бесконечные переговоры о деньгах, закупках, передачах. Сегодня маргарин, завтра книги, послезавтра информация на Запад.

Но начальство тоже понимает, что получение продуктов - это вид борьбы. И оно борется. Запрещает своим людям торговать с нами. Тогда вступает в дело Михаил Садо. Он тоже на хорошем счету - редкое для политзаключенного явление. Скорее всего он агент КГБ, но крупный агент и играет крупно. Он покупает непосредственно у надзирателей. Если кто-то из родных приезжает, он берется пронести в зону часть продуктов. Не сам - за него это делает обычно дежурный надзиратель. Ночью. Садо помогает нам для того, чтобы завоевать доверие, и еще ради самой игры. Вот принес что-то, потом месячный перерыв - следят, мол. И мы вынуждены терпеть, поддерживать с ним дружеские отношения. Со временем начинаешь думать: а может, лучше назвать вещи своими именами и кончить игру?

Если зэк ухитрился обходным маневром достать продукты, ему еще рано торжествовать. Как только начальство узнает, лишат права на покупки или посадят в карцер на голодный паек.

Между тем продолжалась история с Лейзером. Поскольку мы стали больше общаться с ним, он принялся оказывать нам мелкие услуги. У него всегда имелись запасы продуктов, которые он получал от ментов. Лейзер согласился продавать нам эти излишки. Как-то Шабтай меня спросил:

- Бергман говорит, что есть возможность передать информацию из лагеря. Как ты думаешь, можно ему доверять?

- А как он передаст?

- Женщина из бухгалтерии уже переправила на волю его письма. Наши она тоже берется отправить: бросит в почтовый вагон поезда, который проходит через станцию Чусовая. Нужно попробовать! Давно ничего не удавалось переправить без цензуры!

И мы попробовали. Шабтай составил хронику лагерных событий, а Гриша прибавил несколько своих заявлений, вложил в конверт и отдал Бергману. Спустя некоторое время Лейзер сказал, что письмо отправлено. Однако условный ответ не пришел, и мы забеспокоились. Месяца через два вызвали поочередно Гришу, Шабтая и Лейзера и предъявили им изъятые письма.

- Как вы это отправляли?

- Обычным порядком. Через цензора.

- Нет, цензор не помнит этого письма. Вы пытались в нарушение закона

переслать письма из зоны. За это положено ПКТ!

Самое тяжелое не столько получить наказание, сколько его ожидать. Грише повезло - его сразу посадили в ПКТ на четыре месяца. В знак протеста он объявил голодовку. Однако через несколько дней ему стало так плохо, что явился врач Петров. Ночью несколько евреев собрались около забора, отделявшего штрафной изолятор от лагеря. Из ворот ШИЗО вышел капитан Рак. Заметив группу эков, он испугался и отступил назад. Позвонил на вахту и спустя некоторое время вышел в сопровождении двух здоровенных охранников.

- Что с Беленьким? - спросили у него.

- Ничего особенного. Доктор Петров говорит, что у него здоровое сердце, а боль - от нервов и оттого, что он голодает. Начнет есть, сразу станет лучше. А теперь немедленно разоидитесь! Собираться группами больше трех запрещено!

Подчинились. На следующий день нескольких человек, стоявших у ворот ШИЗО, вызвали в оперативную часть:

- Получен рапорт капитана Рака. Вы пытались захватить ШИЗО, чтобы освободить Беленького. Это бунт. Пойдете под суд! Вот прочтите и распишитесь, что вы ознакомлены с соответствующим законом.

Высшей мерой наказания в этом случае является расстрел. Все как один отказались подписать:

- Это провокация. Откуда капитану знать, какие у нас были намерения? Он что - мысли читает?

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не оплошность Рака, написавшего в рапорте, что у ворот находился Дымшиц. Когда вызвали Марка, он заявил:

- Жаль, что я там не был. Надо было, действительно, захватить ШИЗО, но я в это время работал!

У него оказалось стопроцентное алиби: вечером он был на заводе. Рак спутал его с кем-то другим.

Донесению Рака не дали хода. Расследование проводилось, а Гриша лежал в вонючем карцере на оплеванном полу и хватал ртом воздух.

- Голодаешь? Давай, давай! Чем раньше подохнешь, тем лучше, - издевались надзиратели.

Однако смерть известного политзаключенного не входит в планы начальства, и поэтому Гришу перевели в медчасть. Происходило это так: впереди шествовал доктор Петров, за ним два здоровенных надзирателя волокли по земле беспомощного, больного зэка. А он кричал:

- Сволочи! Негодяи! Я сорок лет строил коммунизм! Учил и воспитывал ваших детей, а вы?

Пока Гриша находился в карцере, а потом в медчасти, выяснились некоторые обстоятельства: став членом нашей группы, он не порывал с диссидентами и украинцами. Это рассматривалось как нарушение нашей договоренности и подвергало всех нас опасности. Мы решили не посвящать его больше в наши дела. Но если захочет, он может посещать уроки иврита, истории, читать письма, которые мы получаем, и присутствовать на праздниках. Многие из нашей группы сохранили с ним дружеские отношения. Я тоже. Как только Гриша вышел из больницы, он отправился к Лейзеру.

- Гриша, что ты делаешь, ведь он предатель!

- Не может быть! Он такой добрый! Он принес мне молоко!

- Но ведь он заложил тебя и Шабтая!

Куда там! Гриша только повторял:

- Быть не может, быть не может!

Однажды после перерыва Шабтаю приказали не возвращаться на рабочее место. Это могло означать либо свидание с родными, либо этап. Но мы ошиблись: ни то, ни другое. Карцер. За то же самое письмо, которое они с Гришей передали через Лейзера. Во внутреннюю тюрьму его отправили в тот день, когда к нему приехал на свидание семидесятивосьмилетний отец, в прошлом полковник медицинской службы. Старик три года не видел сына. Котов знал, что предстоит свидание. Он мог отложить наказание или отменить приезд отца. Но зачем себя беспокоить? С врагом надо поступать как с врагом. Это издевательство было тяжелее, чем карцер. Шабтай объявил голодовку и продолжал ее восемь суток. Конечно, нужно было поддержать его, но голодовки стали таким частым явлением в лагере, что в их действительности

сомневались. А Гриша все еще верил, что Лейзер порядочный человек. Тяжко даже подумать, что твой соплеменник доносит на тебя.

Шабтай вышел из ПКТ, Гриша находился последние дни в лагере. За постоянные жалобы его собирались отправить в тюрьму.

После работы вдруг вызывают по списку: Менделевич, Дымшиц... к начальству. Все евреи, кроме Брауна и Садо - местные антисемиты не разборчивы. Если фамилия или нос нерусские - значит, еврей. По этим признакам с нами оказались немец Браун и ассириец Садо.

Журавков открыл собрание:

- Сионисты расхваливают хорошую жизнь в Израиле, но многие после приезда туда убеждаются в обмане и просят разрешения вернуться обратно. К нам приехал товарищ Зельцер, недавно из Израиля. Сейчас он вам обо всем сам расскажет.

Мужчина с приятными чертами лица начал:

- Могу вас заверить, что в Израиле с голоду не умирают. Я получал хорошую зарплату. Но Израиль чужая для меня страна. Там человека не уважают, о достоинствах судят по счету в банке...

В таком духе он продолжал довольно долго. Показал фотографии киосков, где продают порнографические журналы: "Вот какое моральное разложение". Его рассказ не произвел на нас никакого впечатления. Мы и сами знали, что в Израиле не все гладко. Нам хотелось бы знать одно: в какой мере он завербован КГБ. Мы устроили ему перекрестный допрос. Желая купить наше доверие, он вынужден был отвечать на вопросы.

- У вас есть родные в России?

- Да, оставался сын со своей семьей. (А, значит власти имели заложников!)

- Почему вы решили возвратиться?

- Моя жена тяжело переживала разлуку с сыном. Он звонил и просил вернуться. (Странно, ведь для такого возвращения нужна санкция КГБ! Может, власти шантажировали сына?)

- Вы сразу решили вернуться?

- Да. И сразу же возникла стена ненависти и отчуждения. Всех наших знакомых предупредили: "С Зельцером не разговаривайте. Он агент КГБ!"

Офицер, который привез его в лагерь, занервничал:

- Задавайте вопросы о жизни в Израиле, а не о его личной жизни!

- Да чего там спрашивать, - поднялся Макаренко со своего места. - Ясно, вы его запугали, и теперь он говорит все, что ему приказывают. Не хочу слушать эту брехню!

Яныч вышел. Так закончилась попытка перевоспитания. Поведение Макаренко удивило меня: ведь ни до ни после этой "беседы" он не считал себя сионистом. Даже когда нежданно-негаданно получил письмо из Израиля, от сестры. Оказывается, Лев Коренблит, освободившись и приехав в Израиль, разыскал его семью. Во время войны им удалось уцелеть и в сорок восьмом перебраться в Израиль. Отец Яныча умер в семьдесят первом. Это было первое и последнее письмо от сестры. Больше Макаренко ничего не получал. Неизвестно, по чьей вине...

Через несколько лет после "спектакля" с Зельцером в лагере оказался еврей из Риги, ученый-математик. Когда я рассказал ему о той давней встрече, он вспомнил, что его друга вызвали как-то в партком и спросили: "Хотите прогуляться в Израиль? Вы там немного поживете, а потом вернетесь и расскажете, как плохо там было!" Друг отказался. Вероятно, боялся осложнений. Ведь в сталинские времена коммунистов, бежавших в Россию, арестовывали и расстреливали, как "агентов Запада".

...Хаима посадили в ПКТ на четыре месяца за систематическое сопротивление и отказ бриться. Но, видно, решили не слишком морить его голодом. Учли, что ему скоро освободиться, и, может быть, поэтому, когда он заболел, его перевели в больницу. Она находилась прямо в зоне, так что я умудрялся навещать его. Правда, за это меня могли отправить в карцер, а Хаима выбросить из больницы. Но невыносимо тяжело одному, не с кем словом перемолвиться. Каждый из нас так нуждается в человеческом тепле! В лагере оно на вес золота. Родные далеко, а друзья... Немало усилий нужно приложить для того, чтобы почувствовать друга в человеке, который рядом. Ты ведь окружен врагами и инстинктивно боишься всякого. И так живешь годами...

Йом-Кипур 1973 года выпал на субботу. Я, "великий знаток закона", когда-то слышал, что в субботу не постятся, и решил перенести пост на пятницу.

Отработал за субботу на разгрузке угля и поэтому был свободен. Отправился к Хаиму. Он ждал меня на крыльце медчасти. Мы залюбовались синевой неба и зеленью раскидистого дерева. В лагере обострено восприятие природы. Вдруг мы увидели радугу, как бы пронзившую небо. О чем говорит этот знак завета? Только к вечеру мы узнали: египетские войска форсировали Суэцкий канал и на нескольких участках прорвали линию Бар-Лева. Мы горячо обсуждали последние известия, переданные по московскому радио. Главные "специалисты", Дымшиц и Шабтай, заявили в один голос: "Советская пропаганда". Внимание всего лагеря было приковано к нам. На следующий день сообщения об успехах египетских войск повторились, но в полдень радио выключили в тот момент, когда перешли к событиям на Ближнем Востоке.

Я отправился к дежурному:

- Почему выключили радио? А еще говорите о воспитательной работе! Сами же нарушаете свои установки!

Он понял свое проигрышное положение:

- Ладно! Узнаю, в чем дело! Зайдите через полчаса. Когда я опять пришел, он напустился на меня:

- Зачем вы затеяли этот разговор в присутствии других? Провоцируете? Вам это даром не пройдет!

Но мне было все равно: тут война идет, а он мне угрожает! Два дня репродуктор молчал. Знали как досадить нам. А своим приближенным рассказывали, что по телевизору видели горящие израильские танки. В лагере умышленно распространялись слухи о поражении израильских войск. Нас хотели лишить последней надежды.

И тут, как всегда вовремя, приехали папа с мамой. Папа выглядел плохо. До приезда ко мне он все время лежал. Я тогда не предполагал, что это мое последнее свидание с ним. Все было исполнено глубокого смысла: встреча с отцом, праздники, война... Во всем ощущался привкус горечи. От папы я узнал, что происходит на фронте: о нашем отступлении, о потерях, о речи Голды. А мы-то думали, что советское радио всегда врет!

На свидание я пронес с собой "Хронику лагерных событий", чтобы переписать на волю. Но в числе новостей, которые он мне передал, была одна, изменившая мое первоначальное решение: КГБ заподозрил жену одного заключенного в том, что она вынесла из зоны записи. Ее обыскали, избили и пригрозили

арестом. И тогда я понял, что не вправе передать отцу "Хронику". Я мог рисковать собой, но не отцом. Даже учитывая, что свидание мне давали лишь раз в году и это редчайшая возможность связаться с волей, я решил отца под удар не ставить. Хорошо, что он не знал о моем грузе, иначе настоял бы на том, чтобы его получить. Ночью, когда родители спали, я вышел в туалет и там уничтожил бумаги. Словно камень свалился с моих плеч: главное, чтобы папа был жив и невредим. Я настаивал на его отъезде в Израиль.

В Риге обстановка вокруг отца накалялась: местные власти травили его, шантажировали и запугивали. А сосед по квартире напал на него и ударил утюгом по голове. В больнице поставили диагноз: сотрясение мозга. Выйдя из больницы, папа продолжал помогать тем, кто собирался в Израиль. Дом с утра до вечера был полон людьми, приходившими за советом. Отец и мать в свои шестьдесят с лишним лет переживали вторую молодость - настолько они были увлечены делом репатриации. В рижской газете об отце появилась статья, смысл которой сводился к тому, что вот, мол, агитирует других ехать в Израиль, а сам почему-то не едет.

Спустя некоторое время после появления этой статьи родителей вызвали в ОВИР. Тот самый полковник Кайя, который пророчил мне смерть в России, на этот раз улыбаясь сказал им:

- В 1970 году вы подали заявление на выезд в Израиль. Теперь можете ехать!

- Но я подавал заявление вместе с сыном. Отпустите его, и я уеду, - возразил отец.

- Ваш сын отбывает наказание.

- Я его буду ждать!

- Дайте ваши паспорта.

Ничего не подозревавший отец протянул ему оба паспорта.

- Больше вы их не получите! Вы лишаетесь советского гражданства и должны немедленно покинуть пределы СССР. Иначе выдворим силой!

Отец с мамой молча вышли из кабинета начальника ОВИРа. Дома они написали заявление: "Мы готовы выехать в Израиль, как только наш сын будет освобожден".

Видя, что папа не сдаётся, его начали преследовать: устраивать домашние аресты, вызывать в КГБ, угрожать тюрьмой.

Сердце не выдержало - очередной инфаркт и клиническая смерть. Через несколько месяцев, едва став на ноги, отец обратился за помощью к американским организациям. Г. Киссинджер несколько раз ходатайствовал за родителей перед советскими властями.

После свидания со мной предстояло слушание нашего дела в американском Конгрессе. Намечалась демонстрация. Отца вызвали в Управление милиции:

- Получайте свои паспорта! Только напишите заявление, что вы их получили, и распишитесь.

Отец заколебался - подписывать или нет? Мать шепнула:

- Скажи, что чувствуешь себя плохо. Когда они вышли, она стала убеждать папу ничего не подписывать:

- Ради нас собираются устроить демонстрацию. Поэтому нам и решили вернуть паспорта. Что же будет, если наши подписи попадут в Вашингтон? Там ведь не поймут, что происходит на самом деле, и решат, что мы их обманываем, заявляя о преследованиях. По-моему, не стоит ничего подписывать!

Мои смелые родители вернулись в кабинет:

- Когда вы у нас забрали паспорта, наших подписей не требовалось! Вот и отдайте без подписей!

- Не подпишете?

- Нет!

- Забирайте! - начальник в бешенстве швырнул паспорта.

- Если будете бросать, не возьмем!

Услужливый секретарь поднял с пола документы и передал их в руки родителей.

В таком нервном напряжении держали отца. Я не был согласен с ним, не думал,

что его присутствие в Союзе могло помочь моему освобождению. Он, вероятно, понимал это не хуже меня, но его отцовское сердце не позволяло оставить меня в беде. Даже когда в течение шести лет я не получил ни одного свидания с ним, я чувствовал его рядом со мной. И он действительно охранял меня. Ведь в лагере всегда существуют крайние позиции, а он своим незримым присутствием не давал мне впасть в крайности. Чего стоили его письма! Это и поток любви, и практические советы, и информация о международных событиях, и рассказы израильских писателей, и даже собственные стихи...

И вот закончилось свидание. Я не мог тогда предположить, что оно - последнее. Такого друга, как отец, у меня уже нет и не будет.

При выходе из дома свиданий меня тщательно обыскали. Яблоко, которое я захватил с собой, разрезали на куски: "А вдруг там рация?" Не найдя ничего, не отдали. Раздели догола. Рак исполнял свои обязанности как всегда рьяно:

- Мыло? Не положено! Зубная щетка? Отобрать! Что вы надели? Теплое белье? Отобрать! Вам теперь на Синае и без кальсон жарко! Скоро так драпанете, что штанов не успеете натянуть!

Я не оставался в долгу:

- Вам это только во сне может сниться. Наши солдаты не отступают!

- Да я сам по телевизору видел, как горят израильские танки, - возражал Рак.

- Ну, что, в Израиль уже не хочется? - подхватил другой мент.

- Израиль - моя родина, и независимо ни от чего я там буду!

- Ваш Израиль надо уничтожить. Это страна-агрессор!

- Нет, агрессор - Советский Союз, который оккупировал Чехословакию, и арабы, которые хотят оккупировать Израиль!

- Арабы не агрессоры! Они раньше там жили!

Тут я вспылел:

- Израиль - родина всех евреев, и жить там будет еврейский народ. У арабов достаточно своей собственной земли!

На этом спор прекратился. У меня отобрали вещи, продукты и отпустили.

Потом мы получили более точную информацию и поняли, что положение стабилизировалось. Каждый день папа посылал открытку с подробным описанием событий, причем сообщение он начинал такими словами: "Я читал в газете, что..." Получалось, что все, о чем он пишет, взято из советской прессы. Цензоры газет не читали, поэтому обман проходил незамеченным. Общую картину дополняли письма отца Зеэва. По мере того, как советские средства информации увеличивали количество убитых и раненых израильтян, антисемиты все больше и больше оживлялись. Подпрыгивая от радости, дагестанец Точиев кричал:

- Даяну второй глаз выколем! Голду Меир острижем наголо и утопим в море!

Наши друзья пытались ему объяснить, что на Ближнем Востоке главный провокатор - тот же Советский Союз, с которым он боролся в Дагестане. Но Точиев не унимался, не слушал:

- Всех жидов скинем в море!

Опьяненные радостью, антисемиты не заметили, как военные сводки стали меняться. Хотя и передавали о наступлении египтян, но по названию мест выяснялось, что наступление приостановлено. Подробные комментарии мы получали от наших экспертов - Марка и Шабтая. Даже в самые тяжелые моменты войны мы не сомневались в том, что это лишь временные неудачи. Единственное, что оставалось неясным, - когда начнется израильское наступление. Наш оптимизм питался верой в силу еврейского народа. Мы, конечно, не знали всех подробностей. В общем, война, наверное, выглядела не так, как мы это себе представляли. Но как бы то ни было, в Израиле гибли наши сверстники.

Здесь мне смерть не угрожала. И вот я решил хоть как-то принять участие в войне. Со дня ее начала я не ел ничего, кроме нескольких кусков черного хлеба в день. Шестнадцатого октября решил поститься. Составил специальную молитву. Я молился, стоя за углом барака, повернувшись лицом в сторону Израиля. Темная уральская ночь. Пронизывающий ветер. На глазах слезы...

"Благословен Ты, Б-г Вс-сильный, Царь вселенной, Б-г могучий и грозный, Властелин воинств - Имя Его! Надели силой и могуществом Армию Обороны Израиля и даруй победу над врагом с потерями наименьшими и спаси Твой народ, Израиль, и собери изгнанников его и изгнанников из России, и доставь меня и мою мать и отца на Землю Израиля, и даруй полное исцеление моему

отцу Моше, сыну Аарона. Благословен Ты, Б-г, исцеляющий больных!"

Ребята с нетерпением ждали новостей. Неужели, действительно, отступают? Мы не могли понять, как получилось, что наших застали врасплох. Где же лучшие в мире разведка и служба информации? Каждый день весь лагерь собирался на площадке у репродуктора. Все напряженно прислушивались к сообщениям с Ближнего Востока. Мы, евреи, стояли в центре, под внимательным взглядом толпы. Вначале к нам подходили, спрашивали: "Ну, что будет?" Но с каждым днем редел круг эков, слушавших радио. Теперь мы стояли одни. Кому охота иметь дело со слабыми? Только верные друзья, некоторые украинцы и литовцы, подходили подбодрить.

На следующее утро советское радио со ссылкой на Каир передало, что несколько израильских танков прорвались через Суэцкий канал, но были уничтожены. В лагере даже дезинформация является информацией. Стало ясно, что это начало перелома. Да! Наша армия начала наступление. Спустя несколько дней открытка от папы подтвердила наши предположения. Началось наступление израильтян на Дамаск и Каир. Нашей радости не было предела. Тут же на глазах у всех уселись пировать. Неевреи удивлялись: их бьют, а они веселятся! Ведь из советских газет явствовало, что скоро возьмут Тель-Авив. Не раз я задавал себе вопрос, как рядовой советский гражданин объясняет противоречивость информации? Очевидно, большинство верит всему написанному, а те, кто не верят, сидят в лагерях.

С утра до вечера мы занимались обсуждением событий. - Что будет, когда возьмем Каир? Дать ли египтянам демократические выборы и заставить Садата принять наши условия? Почему не добиваются капитуляции третьей египетской армии? Дойдет ли граница до Евфрата? Я особенно не спорил: лишь бы страна победила и не было больших жертв.

Когда мы узнали о потерях, которые понесли израильтяне, настроение изменилось - лучше бы без войны. В то время письма из Израиля доходили до нас очень хорошо. Очевидно, полагали, что в письмах будет описание неудач и это охладит наш пыл. Из писем я узнавал о докладе Аграната, о переговорах между Киссинджером и Садатом, Киссинджером и Голдой. Муж Ривки, Саша Друк, с боевыми частями перешел Суэцкий канал и писал мне оттуда. Там же находился муж старшей сестры, Элиягу Лисицын. Он обслуживал танковые части и за боевые заслуги получил повышение в звании. Всем своим существом я находился там, с моим народом, а не здесь, в горах Урала.

Война для меня кончилась двадцать четвертого ноября семьдесят третьего года, когда получил телеграмму от отца: "Элиягу и Саша вернулись домой". Я не

помнил себя от радости и тут же устроил пир: вместе с Хаимом ели черные сухари. Черные - потому что от переполнявших меня чувств я не заметил, как они сгорели на огне. Хаим простил: он видел мое состояние. Но мы понимали, что война еще не окончена. Солдаты гибли на канале, а политики вели переговоры. Определенных результатов пока не было.

...Когда Хаим находился в больнице, Макаренко получил доступ на наши субботние встречи. Шабтай предложил, а я не возражал. Яныч оживился и сблизился с нами. Его участие в подготовке к субботе было очень ценным - в кулинарном искусстве с ним никто сравниться не мог. Он умел хорошо зажарить лук и приготовить торт из сухарей и маргарина. Его помощь оказалась необходимой и в тех случаях, когда надо было незаметно пронести еду на завод. В умении обманывать надзирателей не было ему равных.

Однажды, когда с наступлением темноты мы зажгли свечи и я сделал Кидуш², на завод явился дежурный офицер с солдатами. Вероятно, донесли, что мы встречаем субботу. Ворвались в боковое помещение, где мы собрались, и сфотографировали нас. Я понял тогда, что чувствовали мараны, когда их обнаруживала инквизиция. Но у нас имелось оправдание: мы ели во время перерыва. Официально он не был внесен в распорядок дня, но признавался начальством, и мы это знали. Поэтому дежурный лишь попугал нас и отменил перерыв, чтобы в будущем мы не могли им воспользоваться в своих целях.

Пронести еду на завод было легче, чем вынести оттуда что-нибудь. Обыскивали четыре раза в день. Снимали ботинки, ощупывали снизу доверху, но догола раздевали редко. Меня заботило лишь одно: каждый день вносить и выносить 600 карточек с ивритскими словами, а по субботам тексты псалмов и молитв. В субботу я не успевал молиться в жилой зоне и мне приходилось делать это в производственной. Здесь же я нашел место, куда прятать Сидур. Его привез отец Зеэва, и за большие деньги нам его передал надзиратель. Однако, поскольку у меня неоднократно отбирали молитвы и карточки со словами, начальство догадалось, что я проношу их на завод.

Так случилось и на этот раз. Я стоял за шкафчиками в раздевалке завода и молился. В это время в помещение с двух входов одновременно вошли Рак и прапорщик Прибытков. Путь к отступлению был отрезан. Обычно я наблюдал за входом и, услышав шаги, успевал выйти из своего укрытия и спрятать листок с молитвой в карман. (Для удобства все молитвы и псалмы я переписал на маленькие листки бумаги.) Но сейчас я оказался в западне. Что делать? Сунуть листок в чью-нибудь одежду - шорох привлечет их внимание. Спрятать в сапог? Прикажут снять. Не выходить вообще? Невозможно. Лучше выйти, чем прятаться. Мое внезапное появление их вначале обескуражило, а потом вроде бы все прояснилось:

- Что, Менделевич, субботу справляли?

Я ответил вопросом на вопрос:

- Почему вы так считаете?

Главное, чтобы они не нашли листок с молитвой, который зажат в моем кулаке. Правда, весь текст утренней молитвы они не обнаружат. Из тайника я доставал только нужную очередную страницу.

Подходят ко мне неторопливо. Знают, что никуда не денусь. Прибытков - любитель щупать грязные носки - приседает на корточки и приступает к "работе". Сперва ощупывает ноги, потом - поясницу, потом залезает в карманы. Одежда на мне такая тонкая, что нет нужды раздеваться - любая бумажка сразу обнаружится. Выпрямляется:

- Покажите руки!

Выхода нет: не подчинюсь - отберут, подчинюсь - тоже отберут. Открываю ладони, и они хватают листок. Им, конечно, хотелось, чтобы это был план заговора. Вертят бумажку со странными и непонятными буквами:

- Что это за шифр?

- Это не шифр, это иврит!

Прибытков ничего не понимает, но сует себе в карман:

- Ладно, разберемся. А ну, марш на рабочее место!

И так изо дня в день. В боковом помещении из окна виден вход, и можно наблюдать за передвижением надзирателей. Там мы обычно стояли на страже у окна, занимаясь своими запрещенными Правилами делами. Постоянное напряжение. Нужно умудриться пронести на завод карточки. Они настолько малы, что за поясом не прощупываются. Но однажды утром сержант Шаринов нечаянно засунул палец за мой пояс. Его лицо озарилось радостью человека, сделавшего великое открытие.

- Вот, оказывается, в чем секрет! Но нас, коммунистов, не обманешь! Вы хитрые, а мы хитрее вас!

Гордый своим профессиональным мастерством, он даже не написал на меня рапорт. Но я на несколько дней притаился. Ничего не вношу на завод и не выношу оттуда, ведь они теперь знают, где искать, и отберут мой словарь. К моему удивлению, Шаринов даже не сообщил начальству. Поняв это, я осмелел и принялся искать другой, более надежный способ. Нашел. И с тех пор оказался неуязвимым. Я достиг "верха совершенства" - уменьшил листочки в четыре раза и смог вносить и выносить по пятьсот слов: во рту, под шапкой, под мышками. Оставалось еще придумать, как слова переносить в носу. Однако последовавшие затем события охладили на время мой изобретательский пыл.

От отца стали приходиться открытки, в которых он намекал на то, что советские солдаты в войну Судного Дня попали в плен к израильтянам. "Золотых рыбок" - таково условное название этих пленных - было больше восьмидесяти. Я понял, что речь идет о возможном обмене. Эти же сообщения подтверждались другими письмами. Мы каждый день обсуждали этот вариант освобождения. От мысли, что, может быть, через несколько дней мы будем в Иерусалиме, сладко замирало сердце. Марк готов был спорить на ящик вина, что нас освободят.

Желание выйти на волю было так велико, что я боялся разочарования. Сработал обратный механизм: я убеждал себя в том, что мне не на что надеяться. Происходило это почти бессознательно.

Мое отношение к предстоящему освобождению неоднократно менялось: в дни ареста я верил, что нас спасут любой ценой; затем, в первые годы заключения, я ждал освобождения терпеливо. Поскольку ничего не произошло, приходилось готовить себя к долгому сроку. Эволюция продолжалась и дальше. Не знаю, как другие, но я чувствовал свое бессилие. Повлиять на власти не могу. Должно быть, поэтому я решил построить свою жизнь на других основах, независимых от внешних факторов. Все это уже зрело во мне. Нужно только укрепиться в вере, исполнять обязанности перед Б-гом и надеяться на Него. Это давало мне ощущение внутренней свободы. Как бы ни была важна для меня моя собственная судьба, я всего лишь частица еврейского народа. Это сознание позволяло мне переступить через порог страха, сковывающего человека. Посадят в карцер? Ну и что, посижу в карцере! Лишат переписки с родственниками? Ну и что? Не буду получать писем! Могу навсегда остаться в лагере? Ничто в мире от этого не изменится! Человек все может выдержать! Тут есть, конечно, другая опасность - перестать бороться за свою жизнь. Но со мной такое не могло произойти. Я верил и знал, что есть смысл в моей жизни: служение Б-гу. Вот почему я принял как само собой разумеющееся обмен израильских пленников на сирийских и советских. О нас речь не шла. Я не мог понять огорчения тех, кто считал, что не следовало уступать сирийцам, а

добиваться справедливого обмена. В конечном счете, там, на месте, виднее.

Я не вправе требовать, чтобы кто-то прежде всего заботился о моей судьбе. Однако большинство моих товарищей считало, что нам должна быть оказана максимальная помощь. Оптимисты упрекали меня: "Как ты можешь не верить в то, что евреи всего мира борются за наше освобождение? Неужели ты считаешь, что братья могут забыть тебя?" Пессимисты утверждали: "Они обязаны нас спасти, но из-за политических разногласий и равнодушия не делается ничего". Я придерживался золотой середины: нет сомнения в том, что есть организации, выступающие в нашу защиту. Но у еврейского народа достаточно забот, чтобы думать только о нас. Кроме того, я не уверен, действительно ли они могут нам помочь. Вероятно, самое главное для них сейчас - вопрос алии. Если кто-то на самом деле борется за меня - отлично, если нет - буду тянуть свой срок. Я и не жду помощи ни от кого, кроме как от Бога.

Живя в замкнутом пространстве, постоянно под прессом ограничений, человек настолько напряжен, что порой бывает достаточно малейшего повода для взрыва. Мне часто приходилось разряжать такие взрывоопасные ситуации. На этот раз дело касалось Хаима и Макаренко. Однажды из тридцать пятой зоны прибыл зэк и пустил слух, что, по мнению Буковского, Яныч - агент КГБ. Хаим давно уже так считал, и поэтому, не поставив нас в известность, он попросил выяснить у Буковского, какие имеются основания для такого обвинения. Пришел ответ, что конкретных доказательств нет, есть только подозрения. В лагере ничего не скроешь. Все на виду. Яныч узнал, что Хаим проводил "расследование" якобы по поручению группы. Но мы Хаиму ничего подобного не поручали. Ребята возмутились таким самоволием и решили исключить Хаима из группы: нет никакой гарантии, что он не сделает еще чего-то от нашего имени! Вспомнили, что однажды в рождественскую ночь Хаим явился к русским демократам и от имени евреев поздравил их с праздником.

- Правда, у нас с вами нет ничего общего, - заявил он. - Единственное, что нас объединяет, - это ненависть к советской власти!

Наутро Галансков, сердясь, спрашивал:

- С чего это он взял, что нас объединяет ненависть? И зачем вы его вообще к нам послали?

А ведь его никто не посылал. Он действовал по собственной инициативе и мог нам всем навредить. Ведь всякая отрицательная черта одного еврея приписывается всему народу.

Я был против исключения Хаима из нашей группы:

- Мы объединились не по политическим, а по национальным взглядам. Исключить Хаима равносильно отказу признать его евреем. Мы не вправе этого делать. К тому же он ведет себя как еврей. Не работает по субботам, старается соблюдать мицвот. Хаим заботливый товарищ. Ведет наше хозяйство. Никогда не берет себе лишнего. Наоборот, свое может отдать другому.

- Ты его защищаешь, потому что он религиозный, - укорял меня Шабтай. - Это опасный путь. Скоро докатишься до того, что все твои единомышленники - хорошие, а думающие иначе - плохие. Почти как у большевиков: "кто не с нами, тот против нас!"

- Нет, я за Хаима не потому, что он верующий. Одного этого мало. Каждый верующий должен нести людям мир, а не раздоры. И поэтому я осуждаю его поведение. Но он еврей, мой брат. Мы должны жить в лагере одной дружной семьей!

Я встретился с Хаимом и рассказал ему, что группа собирается обсудить его поступок и я сам осуждаю его поведение. Хаим понял свою вину. Более того - он понял и принял мою позицию. И ждал собрания. Надо сказать, что собрания мы вели "по всем правилам": объявляли повестку дня, выбирали председателя, устанавливали регламент, принимали резолюцию, причем в зависимости от важности вопроса заранее решали, какое число голосов проходит. Марка такие наши собрания возмущали:

- Надоели мне эти процедуры! Хватит с меня партсобраний! Наслушался их в армии!

Однако собрание состоялось. После споров, накала страстей, напомиавших, по меткому замечанию Зеэва, игру в парламент, я предложил: осудить Хаима за распространение ложных слухов. Впредь лишить его права выступать от имени евреев и рекомендовать ограничить контакты с неевреями. За Хаимом осталась обязанность обеспечения нас продуктами. Мы специально подчеркнули его заслуги в этом деле. Тяжело было смотреть на Хаима. Его бил озноб, и он чуть не плакал. Он поклялся самыми страшными клятвами, что не будет действовать во вред группе. Думаю, всем хотелось одного: поскорее с этим покончить. Проголосовали "за" и разошлись. После этого делегация отправилась к Макаренко извиняться. Но он был недоволен: "Пусть сам придет!"

На следующий день Макаренко всем рассказывал, что евреи изгнали Хаима из

своей группы за то, что он распространяет слухи о нем как об агенте КГБ. Яныч при этом добавлял детали, которые знали только члены группы. Это означало утечку информации - кто-то из нас без разрешения вступает в переговоры с посторонними. Можно даже предположить - кто. Получалось, мы осудили одного за то, что дозволено другому? Мы не собирались выдавать Макаренко удостоверение в порядочности. Да и никто не мог бы этого сделать, особенно в отношении такой противоречивой личности, как он. Выходило, что Макаренко намеренно наносит вред группе.

- Он прав. Ведь он пострадал по нашей вине, - доказывал Шабтай.

- Да, но зачем сводить счеты?

Страсти разгорались. Армяне, украинцы, литовцы, русские решили провести разбирательство по поводу роли Макаренко в жизни лагеря. Мы принялись обсуждать свою позицию в этом вопросе. Я считал, что "суд" примет антисемитский характер, так как его цель показать, что в неудачах внутрилагерного сопротивления повинен еврей Макаренко. Все согласилось со мной. Марку поручили представлять нас на "суде". Он должен был заявить, что, по нашему мнению, нет достаточных оснований считать Макаренко агентом КГБ.

Начались внутрилагерные "суды" и "разбирательства". Вместо реального сопротивления - борьба различных групп, раскол, вражда, взаимные обвинения, беспричинная ненависть. Но мы продолжали заниматься своими делами: учили иврит, сидели вместе за субботним столом, мечтали об Израиле. Однако нервы были напряжены до предела, а разрядки не предвиделось.

Как обычно, встретили субботу. На следующее утро отправились на завод. Я сначала молился, потом пил кипяток и прятался от надзирателей - все как обычно. После обеда узнали, что капитан Довчий избил политзаключенного Сопеляка. Двадцатилетний студент Львовского университета Сопеляк организовал в своей деревне, на Западной Украине, нелегальную национальную группу. За это его посадили. Смелый, но болтливый парень, он ради красного словца был способен поступиться правдой. С лагерным начальством разговаривал резко - за что его неоднократно сажали в карцер. На этот раз Сопеляк ходил по двору без рубашки, в одной майке. Капитан Довчий приказал ему надеть рубашку, а когда Сопеляк не подчинился, поволок его в дежурное помещение и принялся избивать, при этом стараясь попасть в почки.

На избиение политзаключенного необходимо немедленно реагировать.

Собирались группами и обсуждали, что предпринять. Окончательное решение зависело от украинцев.

- Вопрос стоит так, - подытожил Приходько, зэк с двадцатипятилетним сроком, - если мы верим, что добьемся своего, - надо действовать!

Я его поддержал:

- Да, я верю, что мы победим! А если уступим, нас всех начнут избивать!

Итак, решено: с завтрашнего дня объявляем забастовку с требованием уволить капитана. В результате на работу не вышло семьдесят человек. Половина всех заключенных отказалась подчиниться требованиям надзирателей. Это был настоящий бунт - мы делали, что хотели. Надзиратели исчезли из зоны. Для разбора дела прибыл сам начальник управления КГБ, полковник Миков. Вызвали на допрос Сопеляка.

- Один не пойду, - заявил он. - Только при свидетелях!

Ему вынуждены были уступить, но потом перед строем заключенных Котов огласил:

- Расследование по делу Сопеляка показало, что никакого избиения не было. Сопеляк наврал. Все участники забастовки будут наказаны!

- Он еще угрожает! Не выйдем на работу - и точка! Потом Садо, получив, очевидно, инструкции у Котова, говорил заключенным:

- Все это жида. Их провокация. Она им на руку!

Наиболее податливых вызывали в штаб и подкупали обещаниями посылок, покупок, писем и свиданий. Как и во всяком бою, воодушевление первой атаки прошло и каждый стал задумываться: "Зачем мне все это надо?" Между тем начальство объявило:

- Все, кто выйдет послезавтра на работу, не понесет наказания!

Осталось человек пятьдесят. Прибежал надзиратель и велел Шабтаю собираться с вещами. Забрали Лукьяненко, Приходько, Кудирку. Прощаемся. Я сую Шабтаю продукты. Он отказывается: "Мне осталось сидеть год, а тебе восемь. Оставь себе!" - Обнимаемся, целуемся. На глазах слезы.

В тот же день арестованных судили прямо на вахте лагеря. Приговор: за сопротивление властям - перевод на тюремный режим. Приходько, Макаренко и Хаим, которому осталось два месяца до освобождения, посажены в ПКТ; Ашер - в карцер, а ему через две недели на волю. Так за один день поредела еврейская группа. Остались Марк, Зеэв и я. Но борьба продолжается. На работу не выходит тридцать человек. На утреннем обходе Федоров красными глазами впивается в меня:

- Почему не работаете?

- Протестую против избиения заключенного!

- Дурак! Схлопочешь карцер, заболеешь и подохнешь! Так и не увидишь свой Израиль!

- Раньше меня умрешь! - не выдержал я.

- Так! За оскорбление начальства - пятнадцать суток!

Все карцеры заняты, и попасть туда не так-то просто. Если уж ты бастуешь, лучше получить наказание сразу, чем ждать. А в карцерах весело - лучшие люди собрались там. В лагере тихо, как на кладбище. Кто не бастует, тот боится, а здесь жизнь бьет ключом: перекрикиваются через окна, двери. Что делать надзирателю? Его власть направлена на тех, кто боится, а в карцере его не боится никто. Такого ощущения свободы у меня уже давно не было. Настоящая свобода от мелочных забот и от страхов.

Но нам и не думали уступать. Их тактика - расправляться с каждым в отдельности: запугивать, подкупать в надежде, что время работает против нас. Но мы спокойны в холодном бетоне карцера. Я здесь с моим старым знакомым, латышом Астрой. Болтаем обо всем: о советской власти, о Латвии, о Макаренко, вере...

Залезая ночью на верхние нары, мечтаю вслух:

- Когда Латвия станет свободной, мы будем покупать у вас лес, рыбу и лесные ягоды, а вам продавать электронные приборы, самолеты и все, что вам потребуется.

Так и живем: покупаем и продаем, посылаем делегации и принимаем их. Представители двух малых наций, два одиноких человека в глухих лесах Урала...

Начальство заинтересовано в том, чтобы до нас доходили слухи: все уже работают, даже те, кого выпустили из карцера. Поражение! Я выхожу предпоследним. На прощанье говорю Астре:

- Жаль, что со мной не было Хумаша, а то сидел бы здесь до конца срока!

Он удивленно смотрит на меня:

- Здесь, на холодном полу, на хлебе и воде - до конца срока с Библией?! Счастливый вы человек, Иосиф!

Когда я услышал его слова, сомнение вкралось в сердце: в самом деле, мог бы я, как сказал, просидеть десять лет с Торой в карцере?..

В лагере - курортное лето. От жары трещит воздух. Все загорели. Бросаюсь писать письмо домой. Мои, наверно, перепугались - снова не пишу.

Я полон воинственного пыла продолжать забастовку. Где руководители? Почему они сдались? Сопеляк уже работает. В чем дело? Все увиливают от ответа и только один зэк признается:

- Вызвали нас к Котову. Был там и кагебист. "Кончайте, - говорит. - Никаких мер против вас не предпримем. Разберемся. Может, в чем и мы виноваты. Ну, будете работать?" Все молчали. Не хватило мужества ответить, что ведь ничего не изменилось! Один сдался: "Выхожу на работу!" Другие присоединились к нему.

Так несколько человек решили за всех. И все же забастовка кое-что дала заключенным: во-первых, прекратили придирааться; во-вторых, хотя и не убрали Довчего, но он стал редко появляться в зоне, а потом и совсем исчез; в-третьих, Федоров перестал преследовать за хранение лишних, по его понятиям, вещей.

Первая встреча с друзьями. Узнать новости, увидеть израильские открытки... Но группы нет. Ее отсутствие так ощутимо! Я привык быть частью группы, а теперь мы в лагере втроем - Марк, Зеэв и я - каждый сам по себе.

- Ты как знаешь, а мы решили работать, и тебе советуем. Нас во всяком случае не пытайся втягивать во всякого рода протесты и забастовки. И никаких больше собраний!

Ну что ж, даже без собраний есть мнение большинства. И если я хотел учить Хумаш в карцере, тем легче это сделать в зоне. Приступил к работе... Из свободы карцера я снова вернулся в мир, где за каждый шаг - наказание, на каждое желание - запрет. Но раз я решил изучать Хумаш, значит нужно выполнять задуманное. Еще два месяца тому назад Садо за 150 рублей доставил книгу в зону. Издание 1910 года, небольшого формата, текст четкий. Жаль только, что не додумались переплести в обложку советской книги. Ну, что поделаешь? Читаю и вздрагиваю при каждом стуке двери. Надо успеть засунуть в тумбочку, пока подойдут, а ведь прятать каждые пять минут невозможно - невольно вызовешь подозрение соседа. Придумал! Перепишу Хумаш и спасу книгу от конфискации.

Отсутствие собраний, политической борьбы и Макаренко чувствуется сразу - есть время для занятий. Теперь я могу оценить тот выбор, который раньше мне представлялся чисто теоретическим: заниматься только своими делами или часть времени отдавать лагерным вопросам. Я предпочитал путь постоянного поиска равновесия. Например, невозможно не участвовать в голодовке, потому что другого средства противостоять насилию нет. А участвовать в ней опасно: можно потерять и учебник иврита, и Хумаш, и даже негласное право не работать по субботам. Это образ жизни со многими неизвестными. Он труден особенно потому, что отдаешь себе отчет в опасностях. И дело тут вовсе не в одних материальных лишениях, а в душевных терзаниях. Они - самые страшные. Ведь прежде чем вступить в борьбу с начальством, надо обдумать все: и что попадешь в карцер, и что придется лишиться иврита, Хумаша, писем из Израиля, друзей, субботы. И это очень трудно. Трудно также, сидя в карцере, чувствовать, как с каждым днем силы покидают тебя, и то, что было ясно вчера, - сегодня покрыто туманом.

Переписка Хумаша не менее опасна, чем забастовка. Мне удастся перейти работать в ночную смену. Большинство работает утром, и потому, когда все уходят, я могу без посторонних глаз, в относительной безопасности заняться перепиской.

Итак, я стал "переписчиком" Торы. Разве есть большее блаженство, чем видеть Тору, произносить ее слова, выводить ее буквы! Но есть и трудности - современный иврит для понимания Танаха недостаточен. Единственная помощь - перевод Библии на русский язык, которым здесь пользуются адвентисты. Перевод искажен, и поэтому мне, как человеку необразованному, опасно к нему прибегать. Но сначала я читал с помощью этого перевода, а потом переводил для себя сам. Проработав до двух часов ночи, я возвращался в барак, спал до семи утра, затем вставал и садился переписывать. Такой же ранней птицей был и Лев Ладыгин, получивший три года заключения за поиски

и сбор неофициально изданных книг. Казалось бы, что такой несправедливый приговор мог его чему-нибудь научить, но этого не произошло. Он гордился тем, что не похож на еврея. Интересовался только русской литературой и историей, считал, что будущее евреев России - в ассимиляции, и сам старался не иметь с евреями ничего общего. Возможно поэтому антисемиты считали его типичным евреем: пугливым, угодливым, желающим быть хорошим для всех, даже для своих врагов. Уже в первый день по прибытии в лагерь он как-то порабски раскланивался со всеми солдатами и надзирателями. И это ученый, преподаватель университета!

Как мне знакомо такое стремление нравиться всем! Приходилось ежедневно подавлять в себе эту рабскую покорность. Я пленный, но не раб! И поэтому разобравшись в Ладыгине, я прекратил общение с ним. Толчком послужил разговор о "просветителях", последователях Мендельсона. Стремясь обосновать свой подход к ассимиляции, Ладыгин восхвалял отношение "просветителей" к ивриту, к еврейской истории, что не мешало им, однако, заниматься современной наукой и вести современный образ жизни. Я же подчеркивал существенное различие между человеком, не получившим еврейского воспитания, далеким от нашего духовного наследия и поэтому видящим в нем только историю и культуру, и тем, кто сознательно наносит ущерб еврейству. Так ничего друг другу не доказав, мы разошлись. Позже Лев рассказывал своим друзьям о наивном мальчишке Менделевиче, который еще не понял, что жизнь не проста и нельзя строить ее только на принципах и идеалах.

В это время мы договорились с Зеэвом день говорить на иврите, день - на английском, причем разговорные уроки назначили прямо на работе. Ведь после забастовки стало немного легче, меньше придирались по мелочам. Даже Федоров на время остепенился. Помню, как он тихо входил, словно подкрадываясь к жертве. Все сразу замолкали - кого укусит первым?

Зеэв пришел с работы голодный и жевал кусок хлеба.

- Вы почему едите? По распорядку дня сейчас есть не положено! Отправлю в карцер!

- Дымшиц! Почему лежите на койке? Запрещено днем!

- Но я устал после работы!

- Спать будете ночью, а сейчас отправляйтесь на лекцию по марксизму-ленинизму!

- Сверстюк, что у вас за книга на тумбочке? Она лишняя, отнесите на склад!

Сверстюк не шевелится. Тогда Федоров швыряет книгу на пол и топчет ее ногами. Рассказывают, что однажды он так вошел в раж, вылавливая неположенную литературу, что, к восторгу заключенных, стал топтать какую-то книгу Ленина. Этот служака настолько задержал эков, что они теряли чувство равновесия и им постоянно приходилось балансировать на грани неопределенности.

- Менделевич, что у вас на голове?

- Да ведь вы же знаете что, гражданин начальник!

- Ничего не знаю! Снять немедленно! А я ведь только сел писать отцу, чтобы приехал на свидание. Представляю себе, что последует за приказом Федорова, если я не подчинюсь. Вызовут к начальнику, станут запугивать всевозможными наказаниями, а когда убедятся, что я настаиваю на своем, лишат свидания. Папа, не уехавший в Израиль только для того, чтобы быть рядом со мной, так и не сможет увидеть меня. И еще хорошо, если заранее предупредят о лишении свидания. А если нет? Отец выедет. Дорога длинная - двое суток поездом. Сотни рублей потратит впустую. Приедет в лагерь, а начальник ему: "Ваш сын лишен свидания за плохое поведение". И вернувшись домой, отец напишет мне: "Ты же знаешь, как я жду встречи с тобой! Почему ты не можешь вести себя спокойно?" Я получу это письмо и не смогу назвать истинную причину, и не напишу, как мне тяжело. Но я не могу иначе. Не могу, хотя знаю, что у отца уже было несколько инфарктов. Продолжаю настаивать на своем:

- Не сниму. Я верующий.

- Пойдете в карцер!

- Ну что ж! Это ваше право!

Во время одного такого обхода с участием кагебистов у меня забрали ханукию и волчок, которые я привез из Мордовии. Глядя, как эти дорогие мне вещи бросают в мусор, я не выдержал:

- Ну нет, я вам припомню!

- Вы что? Угрожать вздумали?

Я взял себя в руки и спокойно ответил:

- Нет, я просто выразил свое возмущение. Теперь вы сами знаете мое настроение, и нет необходимости засылать осведомителей!

Кагебист посмотрел на меня с удивлением: "Как это он сумел выкрутиться?" Однако подобные придирки временно прекратились.

Осенью 1974 года мы узнали, что освободили Сильву. Хорошо, что ей дали уехать в Израиль. Если мужчинам здесь тяжело, можно представить, каково было ей. Возобновилась деятельность организаций в защиту других заключенных. От отца стали приходить письма: "Вот-вот освободят. О тебе не забыли!" Ожидание продолжалось несколько месяцев. Некоторые находили в этом удовлетворение. Для меня оно было тягостным, и я написал отцу: "Даже если есть надежда на мое освобождение, не пиши об этом. Освободят - хорошо. Тогда и узнаю. А сейчас не надо. Вера помогает мне жить здесь без иллюзий". На этом прекратились слухи об освобождении.

Итак, жизнь протекала относительно спокойно. Но товарищи все еще сидели в ПКТ за забастовку, и мы тяжело переносили наше бессилие им помочь. И вдруг представилась возможность. Из ПКТ их повели в баню, а она внутри зоны. Я положил в мешок продукты, залег в траве, в пятнадцати метрах от входа, и когда конвоир завернул за угол бани, прошмыгнул в дверь предбанника. Потянулись руки для рукопожатия, я передал ребятам мешок и стал ждать момента, чтобы выскользнуть наружу. Возвратился в барак. Успех окрылил, и я снова проделал вылазку. Чувствовал себя при этом десанником, успешно выполнившим задание...

В лагерь доставили молодого солдата-латыша, которому дали два года за распространение листовок националистического содержания. Он вел себя осторожно, приглядывался ко всем. Но однажды, проникшись к нам доверием, стал рассказывать:

- Я служил в Мурманской области. Обслуживал ракеты среднего радиуса действия. Как-то вечером нас отвезли в порт. Погрузили в трюм грузового судна, где находилось уже несколько сотен солдат. Выходить на палубу разрешалось только ночью. Куда мы направляемся, не говорили. Через неделю всех выстроили на палубе, и офицер объявил: "Арабы воюют с евреями. Мы помогаем арабам". Никаких других разъяснений не было. Выдали одежду без погон, высадили в Сирии и повезли в сторону Дамаска. Там была ракетная база, полигон и казарма на восемьдесят человек. Ходили слухи, что одну такую часть взяли в плен израильтяне.

Шел конец 1973 года, но война продолжалась. Мы слышали грохот пушек и взрывы бомб. Газет не давали, радио не было. Наши письма посылали через Мурманск, чтобы родные не знали, где мы. С утра на базу приходили молодые сирийцы обучаться обращению с ракетными установками. Они завидовали нам, что у нас есть "Калашников". Оружия у них еще не было. Дисциплина слабая. В полдень падали на колени и молились. Офицеры палками заставляли их встать, но они не поднимались, пока не закончат молитву.

С одним офицером я ездил в Каир получать новое оружие. Когда наш бронетранспортер проезжал по улицам города, жители бросали в нас камни. На некоторых домах карикатуры: Брежнев обнимает Никсона и Голду Меир. И еще: Брежнев запускает руку в карман египтянина и вытаскивает оттуда деньги.

Когда вернулись на базу, получили новое задание: Доставить боеприпасы на Голанские высоты. По пути колонну обстреляли, подбили несколько машин. Командир с автоматом в руках выскочил из бронетранспортера и с криком "За родину, за Ленина!" бросился вперед. Пулеметная очередь прошла его. Пуля попала в голову, и мозг брызнул на меня. Я приказал солдатам отступить и залечь за броневиками, а сам - в машину за гранатами. Когда вылезал, взрывом меня отбросило на несколько метров. Через пару дней, в госпитале, пришел в сознание. Подлечили и под чистую демобилизовали.

Арестовали меня за распространение листовок. В КГБ сказали: "Мы изымаем из твоего солдатского личного дела листок о ранении, но зато вместо пяти лет получишь два года заключения. О том, где тебя ранили, никому не рассказывай. Предупреждаем: молчи!" - Но я хочу, чтобы все знали.

Это живое свидетельство очевидца, побывавшего на той земле, на которую нам так хотелось попасть, произвело на нас сильное впечатление. Тем более, что этот паренек помимо своей воли представлял там истинного агрессора.

Прошел год, и в лагерь вернулся Гриша, совсем потерявший над собой контроль. На этот раз он вынашивал другую идею.

- В тюрьме лучше, чем в лагере, - утверждал он. - Можно не работать и читать книги. Зачем терпеть издевательства и батрачить, если есть возможность избавиться от этого?

- Но ведь в тюрьме временно не работают. Как только узнают, что тебе там хорошо, сделают все, чтобы стало плохо. Тогда тоже откажешься от работы?

- Тогда подумаю.

- Почему не сейчас? Конечно, можно написать заявление и потребовать признания за нами прав политзаключенных, но зачем ради этого в тюрьму идти?

- Мне в тюрьме лучше!

Евреи Гришу не поддержали. Но он нашел много сторонников среди украинцев-демократов, арестованных за хранение и распространение запрещенных книг, разговоры и анекдоты, словом, как они считали, ни за что. Борьба за статус политзаключенного стала для них теперь смыслом жизни.

Как обычно, к подобным движениям присоединяются случайные люди, для которых важно не подчиняться начальству. Почему-то в лагере бытовало мнение, что чуть ли не каждая акция заключенных регистрируется в "Нью-Йорк таймс", в "Вашингтон пост" или рассматривается в ООН. Многие так считали и вели себя соответственно. Я же полагал, что всякая борьба, построенная на желании вызвать шум, опасна и вредна. Я против участия в таких "операциях". Но, быть может, меня удерживают хлеб и книги? Вернее, страх их потерять? Ведь нас считают уголовными преступниками, и наш долг - требовать признания наших прав. Нужно действовать! Однако я колебался.

События марта 1975 года подтолкнули мое решение. В разгар кампании за права политзаключенных в лагере начались повальные обыски. Однажды из окна барака я увидел толпу чем-то возбужденных зэков и понял: что-то происходит. Отложив в сторону книгу Иова, которую читал, я схватил мыло и мочалку, завернул в полотенце Танах и направился в сушилку. Там, в белье, я спрятал Танах и зашел в баню. Был банный день. Стало как-то тоскливо, словно бросил свое дитя на произвол судьбы. Вернулся бегом в сушилку за Танахом. Его нет. Бросился к зэку, который топил там печь:

- Кто взял?

- Только что был сержант Шаринов. Может, он?

Сомнений не было. Пронырливый Шаринов проследил за мной и устроил обыск. Как я берег эту книгу! И не смог сохранить! Разве мои поступки противоречили воле Б-га? Почему Он не помог мне? Тяжелые мысли. Но, возможно, это наказание за то, что я недостаточно изучал Тору? Ведь я мог учить ее несколько часов в день, а я вместо этого занимался английским и историей. Если бы учил больше, Б-г не дал бы забрать ее у меня.

Я заколебался: пойти в канцелярию и заявить, что забрали Танах? Но ведь это значит, что я нелегально пронес его в лагерь. Если не заявить о потере, то нет никакой надежды получить книгу обратно. Пошел в штаб.

- У меня при обыске изъята книга. Верните!

- А, это ваша? - смеются. - Что же вы так неудачно ее спрятали? Что это за книга?

- Еврейская история. Древняя. Там нет ни слова о Советском Союзе.

- Почему же вы ее тогда спрятали? Проверим!

- Там нечего проверять! Отдайте сейчас!

- Сейчас не получите!

Естественно, не в моих интересах эта проверка: ведь обнаружится обман. Это не простая "история"... Надо действовать, пока не послали Танах на перевод. И я объявил забастовку. К ней присоединился Зеэв. Мы рассчитывали, что в момент обострения борьбы за статус политзаключенного не захотят портить отношений с евреями и уступят.

Через человека, который освобождался, мы передали о забастовке в Москву, Иде Нудель. Ее письма иногда доходили до меня.

Итак, мы не вышли на работу. Вызвали в штаб "на промывку мозгов". Угрозы. Нервотрепка каждый день. Через две недели мне заявили:

- Проверили вашу книгу. Она издана в Берлине в 1910 году. Согласно закону, вы можете пользоваться книгами, изданными только в СССР. Если завтра не приступите к работе, получите взыскание. Решайте!

Это уже ультиматум. Наше обсуждение с Зеэвом было коротким. Если не уступили сейчас, нет оснований надеяться, что уступят нам в будущем. Надо уметь признавать свое поражение.

Невольно в душе зреет план мести. Хотите лишиться меня возможности учиться? Вам же хуже будет! У меня появится масса свободного времени. Случайно встретившись с Журавковым, я так ему и сказал:

- Прежде, до конфискации книги, я сидел тихо и учился. Теперь появилось

лишнее время. Сами толкаете меня на то, чтобы я примкнул к борьбе за права политзаключенных. К тому же вы меня крепко обидели!

- Не запугивайте! Хотите сидеть в карцере - боритесь за какие угодно права!

Борьба в лагере развернулась не на шутку. Одних уже осудили и отправили в тюрьму. Другие ждали в ПКТ. Некоторые сидели там месяцами. Был такой случай. Парень попал в карцер. Просидел всего лишь несколько дней. Однажды утром его вынесли оттуда на носилках. Потерял сознание. В чем дело? Подойти к нему не дают. Остается гадать.

Вся офицерская компания собралась у медчасти. Курят, что-то обсуждают, видно, боятся, как бы не начался бунт. А среди зэков замешательство: что делать? Как всегда, нет руководителя, и администрация это чувствует. Теперь, когда меня "освободили" от учебы и появилось свободное время, я могу действовать. Задача простая. Подхожу к надежным людям:

- Николай потерял сознание из-за того, что в карцере не топят. Остальные тоже страдают от холода. Неужели мы им не поможем? Нужно бастовать!

От работы отказались семь человек. Не много. Начальство не испугалось. В карцере по-прежнему не топят. Я не успокаиваюсь:

- Объявим голодовку!

Начали голодать, и надзиратели забегали:

- Менделевич, в карцер! Сверстюк, в карцер!

Посадили в одиночку. Здесь действительно холодно. На мне одна рубашка, а в камере не больше пяти градусов. Бегаю взад и вперед, но не от отчаяния, а для того, чтобы согреться. Я ведь знал, на что иду. К карцеру привык, буду сидеть столько, сколько потребуется. Интересно, сами догадались, что я один из зачинщиков забастовки, или через осведомителей узнали? Начинаются переговоры с соседями. Обычный метод: по канализационным трубам и через дверь - если надзирателей нет в коридоре.

...Как голо здесь! Все в бетоне, даже стол и сиденье - из камня. Казалось бы, чем плох большой стол? Он для того, чтобы на нем есть или писать. Но за столом не положено рассиживаться: едят редко и не пишут вовсе. Зато ходить можно, но негде. И сделано это специально. Продумана каждая мелочь. Во всем вижу злой педантизм Федорова. Камень держит холод. Из рта пар идет. Ничего -

выдержу. Приеду в Израиль и буду вспоминать об этом с усмешкой. Вдруг на душе как-то полегчало. Почему? Теплота какая-то разливается по телу. Тяну носом воздух: что-то не так. В чем дело? А! Затопили! Труба теплая. Согревает не только она, но и успех. В камере стало совсем тепло. Пожалуй, так можно и до конца срока досидеть. Но не пришлось. Выпустили.

Еще в карцере выяснил причину обморока Николая. Вовсе не от холода. Этот парнишка-уголовник к труду не привык. Пока сидел в карцере - ничего. Работать не нужно. Но потом перевели в рабочую камеру. Работать? Нет, уж лучше технического масла напиться. Выпил. Вот и потерял сознание.

Поди разберись в этих участниках движения "за права". Здесь и серьезные, и легкомысленные, и любители развлечений, и бывшие стукачи, которым надо очистить себя от позора... Кого здесь только нет! А ты иди с ними в бой - кто знает, на каком повороте они предадут! Вероятно, самое разумное в моем положении - отмежеваться от них.

В сентябре 1975 года было подписано Хельсинкское соглашение о правах человека. Я написал заявление представителю Советского Союза на этом совещании, заместителю министра иностранных дел Ковалеву: "Теперь, когда подписана декларация о правах человека, нужно соблюдать ее также применительно к верующим. Я лишен возможности молиться, лишен возможности соблюдать субботу, иметь Священные книги, получать консультации раввинов - лишен всего. Я настаиваю на признании за мной права выполнять все предписания моей веры. Объявляю голодовку на все дни церемонии подписания соглашения".

Сначала голодал спокойно. Никто меня не трогал. Я думал, что все обойдется без осложнений. Но ошибся. Как-то меня вызвал цензор и вручил письмо из Израиля от Хаима. Да, Хаим освободился, приехал в Израиль, поселился в Натании, женился на девушке из религиозной семьи. И вот фото: он в талите, у своего дома, в руках у него - этрог и лулав. Праздник Сукот.

- На ваше имя, - сообщил мне цензор, - поступила бандероль и в ней такое же облачение. Бандероль вы не получите. Понятно?

Надо же, такое невезение! Талит, который я просил отца прислать, пришел в один день с фотографией Хаима.

Через несколько дней следующая неприятность. Снова цензор:

- Менделевич, на ваше имя из Франции поступила посылка с молитвенником.

Он конфискован. Прочтите акт.

Читаю. Там черным по белому: "...конфискован, так как содержит враждебные советской власти взгляды".

- Неужели вы считаете, что в молитвеннике могут быть антисоветские идеи? Ведь он написан свыше двух тысяч лет назад, когда и России-то не было!

- Ничего не знаю. Распоряжение сверху.

Против такого довода возразить нечего.

Прошло несколько дней. Суббота. Меня останавливают во дворе:

- Вы почему не работаете?

- Почему вы думаете, что я не работаю?

- А вы вопросов не задавайте. Знаем, в чем дело! За отказ работать в субботу - карцер!

Видно, начали сводить со мной счеты за забастовки, голодовки и заявления. В карцер посадили в канун субботы. Тут можно увидеть иезуитскую руку Федорова: "Хочешь отдохнуть в субботу - отдыхай в карцере".

Я уже считал, что мне не выйти из круговорота преследований. Но вдруг все неожиданно прекратилось. Бывает, после дождя появляется солнце. Зеэв по моей просьбе сумел переправить в лагерь Сидур и несколько учебников иврита. Снова мне стало не до массовых протестов. С утра до вечера переписывал молитвы, учил их наизусть. Кроме того в день заучивал пятьдесят новых ивритских слов. Рано вставал, совершал омовение рук и принимался за молитву. Затем переписывал молитвенник. С пяти часов дня заступал в смену до двух ночи. Уставал, но все это пустяки. Ведь возобновились счастливые дни учебы. Опять появилась цель. Перед сном читал "Шма Исраэль" из крошечного Сидура. При этом постоянно чувствовал на себе изучающий взгляд бывшего полицая Онищенко. Следит и наверняка донесет. Поэтому появилась дополнительная необходимость заучивать наизусть. Кроме того, каждый день урок разговорного иврита с Зеэвом.

Я работал на сборке электрорегулятора. Части размером чуть больше спичечной головки надо разместить в соответствующем порядке на матрице и прижать прессом. В одной детали одиннадцать составных частей. Значит,

пятьдесят движений. Всего семьсот шестьдесят деталей. Итого ежедневно около сорока тысяч движений. Это работа для автомата. Нужно сидеть, не разгибаясь. Многие не выдерживали: болели спина, голова, глаза, руки, а я - ничего, был доволен. Здесь я мог заранее готовить норму на субботу. Пальцы у меня тонкие, так что удавалось с первого раза схватить нужную часть и точно поставить на место. В этом секрет успеха. Каждая деталь имеет свой характер, и его надо знать. Я работал одновременно обеими руками и ногой. Посетителям, приезжавшим на завод, показывали меня. Руки бегали по матрицам, как по клавишам пианино, детали вылетали из-под штампа, а я сидел и распевал еврейские песни.

За неделю мне не только удавалось набрать нужное количество деталей на субботу, но и высвободить время на слепополуденную молитву, заучивание слов по карточкам и на уроки иврита с Зеэвом. Ровно в одиннадцать сорок пять, после окончания обхода надзирателей, я вскакивал со своего места и бежал в сушилку, к Зеэву, где среди печей, в которых сушился кремний, в жару и пыли мы говорили на иврите, поглядывая на вход в цех. Мы так натренировались в этом деле, что надзирателям редко удавалось застать нас врасплох. Помогало и мое обоняние. Выходя из цеха, я прежде всего нюхал воздух. Менты пахнут иначе, чем зэки. По запаху я угадывал, что они в раздевалке, и немедленно возвращался на свое рабочее место.

Так бежали недели и месяцы - за молитвой, учебой, чтением писем из Израиля и мелкими неизбежными стычками с начальством. Ну, что поделаешь, если зимой при пятидесятиградусном морозе бараки еле отапливались, температура в них достигала лишь восьми градусов? Спать невозможно. Как-то явился Федоров:

- Что, холодно? Быть не может! Это градусник испорчен! Принесу другой. - Видите, не восемь, а четырнадцать!

Я провел эксперимент. Поставил градусник Федорова в снег. Плюс пять. При такой температуре снег растаял бы. Градусник выбросил. Прибежал Федоров:

- Где градусник? Совсем хороший был! Поскольку от моего "эксперимента" все равно теплее не стало, я взял газету, отыскал в ней первую попавшуюся фамилию члена ЦК коммунистической партии. Им оказалась доярка, "представитель народа". Я написал ей: "У нас здесь холодно, в бараках температура плюс восемь. Мерзнут руки. Прошу помочь". Заявление, конечно, носило издевательский характер. Меня вызвали к Котову:

- Менделевич, почему вы написали это?

- Потому что у нее есть власть и она может помочь!

- То есть как?

- Позвонит министру, чтобы в лагерь завезли уголь.

Он смотрит на меня с удивлением:

- Вы это серьезно?

- А что, - пожимаю я плечами. - Она все может!

Оба мы знаем, что это абсурд. Котов не может сдержать улыбку:

- Ну, ладно, Менделевич, идите! Не советский вы человек!

- Это для меня комплимент, гражданин начальник. Я израильский человек.

Весной из тюрьмы доставили в зону Ури. Он сразу же начал строчить жалобы. А начальству это, конечно, не нравится. Поэтому его долго продержали в карантине. Я отправился к Журавкову и получил решительный ответ:

- Он не выйдет, пока не перестанет писать заявлений.

- Если не выпустите, объявлю голодовку! - сказал я с такой же решительностью.

Был канун 1 Мая. Никому не хотелось дежурить. В это время в Нью-Йорке готовился марш в защиту политзаключенных. Я распустил слух, что если не выпустят Ури, в зоне пройдет такая же демонстрация.

Как распускают слухи? Очень просто. Вызывают зэка на разговор и незаметно подводят к нужному вопросу. Например: что будет, если Ури не выпустят? Ты отвечаешь:

- Не могу сказать, это секрет!

- Да скажи, здесь все люди надежные...

- Первого мая устроим марш протеста!

Люди действительно "надежные", и через несколько часов на столе начальника оперативного отдела лежит донос...

28 апреля 1976 года я начал голодовку. 30 апреля вызвали Дымшица и Зеэва, чтобы они "повлияли" на меня. Но они решили ко мне присоединиться. Мне пообещали выпустить Ури второго мая, если я немедленно прекращу голодовку. Так выигрываются маленькие битвы. Крупные сражения все равно выиграть нельзя.

Ночью второго мая наконец выпустили Ури. Мы уже, было, потеряли надежду - скоро отбой, а его нет. Когда он появился, все кинулись поздравлять нас с победой. Ури не изменился, лишь немного побледнел. Он сразу же начал подготовку к отъезду - до освобождения оставалось три месяца. Он собирал данные о недавно прибывших в лагерь. Я хотел, чтобы он учил иврит, но услышал в ответ, что этим он займется в Израиле, а сейчас надо собирать информацию. Я никогда не понимал такого подхода: потом буду учить и молиться, а сейчас есть дела поважнее. Но ведь молитва и учеба - это потребность души...

Материала действительно много. Вот, например, Владимир Балахонов. Человек еще не старый, среднего роста, с круглым и мягким лицом. Появившись в лагере, он первым делом спросил, есть ли здесь сионисты. Его привели ко мне. Этот способ знакомства с лагерем через сионистов вскоре стал очень распространенным. Почти каждый новоприбывший политический сразу обращался к нам. Я спросил Балахонова, почему он пришел именно ко мне.

- О вашем деле много говорили по западному радио. Здесь считают, что на вас можно положиться. Все вынуждены признать, что из нелегальных движений в России именно еврейское достигло реального успеха - выезда сотен тысяч людей. Ведь выезжают не только евреи, но и русские, литовцы, немцы. Вы сейчас стоите во главе движения за свободу выезда из СССР. Поэтому я обратился к главе, а не к хвосту.

- Чего же конкретно вы хотите?

- У меня есть материал, который надо передать в надежные руки.

- Но я ведь не занимаюсь передачей информации диссидентов.

- Однако в лагере мы должны действовать сообща!

- Имеются вопросы, которые мы решаем совместно, есть и такие - где

самостоятельно. Но в одном я вам помогу: назову человека, которому можно доверять.

Владимир Балахонов, выпускник московского института иностранных языков, работал переводчиком в Интуристе, а затем в Женеве, в Международном метеорологическом центре. Когда истек срок его пребывания в Швейцарии, он обратился в американское посольство с просьбой предоставить ему, его жене и ребенку политическое убежище. Кагебистам удалось уговорить его жену вернуться в Россию. Оставшись один, Владимир почувствовал, что не может жить долго в разлуке с семьей. Обещали не тронуть, если вернется. Он вернулся в Москву, прожил там всего несколько дней, и его арестовали. За "измену родине" дали двенадцать лет. Очевидно, считали, что он завербован ЦРУ.

Как только мы познакомились, он заявил:

- Не желаю иметь с русскими ничего общего. Это народ угнетателей и деспотов. Я по своей натуре демократ и хочу быть гражданином мира!

Таков был Балахонов.

Художник Владимир Мухамеджин - совсем другой человек. В его жилах текла татарская кровь. В отличие от Балахонова, Мухамеджин не прочь был считаться русским. Внешне он был похож на русского, а на вопрос о национальности отвечал: "Москвич". Вообще же он мечтал стать американцем. В течение нескольких лет он водил знакомство с работниками американского посольства. Ему нравились новые приятели, он подражал их манере вести себя и разговаривать. Дружба с ними в конечном счете привела его в тюрьму. Американский турист заказал у него портреты лидеров Советского Союза на фоне мишеней для стрельбы. На таможне портреты у туриста конфисковали. Он назвал имя художника, и Мухамеджин получил пять лет.

В лагере Мухамеджин хотел в чем-то найти себя. По убеждениям он был явным диссидентом, но из-за своей слабыхарактерности боялся столкновения с лагерной администрацией. Кагебешники его быстро раскусили, и ему пришлось сделать выбор. По округлившемуся лицу, бесконечным чаепитиям и должности лагерного художника можно было понять, какой он выбрал путь - покорность и сотрудничество. Прежний лоск и светские манеры исчезли. Обычный лагерный раб. Так тюрьма ставит человека на свое место.

Сергея Ковалева с двумя другими объединял только лагерь. В зоне тяжело отделить "чистых" от "нечистых". Многие трудности лагерной жизни

проистекали именно из-за этой невозможности четко разделить людей на категории. Слабоумный Егорка не раз говорил, помахивая пальцем перед носом:

- А-а, думали так просто! Каждый на своей полочке? Нет! Вы вместе поживите! Нашлись умники! Ха-ха!

Сергей Адамович Ковалев, доктор биологических наук, совмещал научную работу с изданием нелегального журнала "Хроника", информировавшего читателей о таких событиях и фактах, которые не попадали на страницы официальной печати. "Хроника" выходит и поныне, хотя все ее редакторы попадают в тюрьму. Принимая на себя заботы об издании журнала, Сергей знал, что и его ждет арест. Он был не одиночкой, а членом группы интеллектуалов-диссидентов, куда входил и академик Сахаров, личным другом которого Сергей был. Ковалев полагал, что поскольку государство нуждается в помощи науки, власть практически должна находиться в руках ученых, которые сумеют улучшить режим. Он считал себя свободным от национальных предрассудков.

- Быть националистом, значит ограничивать себя. А что такое по-вашему национализм? - спрашивал он Зеэва, с которым подолгу спорил. - Национализм, - сам же отвечал Ковалев, - это выделение своего народа из числа других, ненависть к другим нациям!

Удивительно! Русский Владимир Балахонов легко отказывается от своего русского происхождения; татарин Владимир Мухамеджин, по паспорту русский, мечтал стать американцем, а белорус по отцу и украинец по матери Сергей Ковалев, официально числившийся русским, выступал от имени русского народа. Ковалев не понимал нас, еврейских националистов.

- Зачем вы выделяете свой народ? - упрекал он Зеэва, уверявшего, что, любя свой народ, он, Зеэв, не испытывает ненависти к другим народам. - Любите всех, - призывал он.

- Но поймите: так же, как у меня есть мать и жена, так у меня есть родина и мой народ. Я их люблю, потому что они мои, еврейские!

- Но это слишком узко. Я могу понять позицию академика Сахарова, который признает право Израиля на существование, - у евреев нет другой страны, кроме этой. Но я лично не вижу необходимости бороться за сильный Израиль или призывать евреев ехать туда.

Признаться, так думал не только Ковалев, но и многие евреи. Я не терял надежды на то, что со временем Ковалев изменит свое мнение. В самом деле, очутившись в лагере, он понял, что одной теорией торжества гуманизма не согреешься. Нужна истина. В поисках этой истины ему помогал Евген Сверстюк. Поиски шли через веру. Почему до ареста в этом не было потребности, а после ареста появилась? Ответ не так прост. Одно несомненно: в жизни этого человека наступил момент, когда он обратился к Б-гу. Вероятно, Сергею мало было любви к правде, к ближнему и не удовлетворяло его прежнее понимание мира. Может быть, из страха он искал спасителя? У этого смелого человека - страх? Нет, он ничего не боялся. Тут дело в другом. В лагере, как и на смертном одре, человек ищет Б-га. И это случилось не с одним лишь Сергеем.

В эту среду, где с одной стороны - Ковалев и Сверстюк, а с другой - Ладыгин и Мухамеджин, и погрузился Ури после трехлетней изоляции. Он был жаден до человеческих историй и словно впитывал их в себя. Вот он шагает со своей очередной "жертвой" и сосредоточенно слушает. Это либо зэк, посаженный за то, что какие-то украинские националисты выдвинули его кандидатуру в советский "парламент", или зэк, видевший, как в сталинском лагере умирал лидер венгерских коммунистов Бела Кун. Ури выслушивал всех и был целиком поглощен этим занятием.

Мы же готовились к празднику Шавуот. В тот год, впервые за шесть лет, я имел право получить пятикилограммовую посылку. Из Израиля прислали какао, шоколад, сливочное масло, мед, суповые кубики. Этого должно было хватить на год, но ради праздника поставил на стол лучшие молочные блюда. Я прочел друзьям те отрывки из Торы, где говорилось о ее вручении, а потом мы пошли гулять. Стояло лето. Тучи комаров носились в воздухе. Чтобы спастись от них пришлось под шапки засунуть носовые платки, которые, спускаясь на шею, должны были защитить ее от комариных укусов. Начальство знало о нашем празднике: у заведующего оперативной работой на столе под стеклом появился еврейский календарь. Так что он был "в курсе". Хорошо бы справляться у него относительно наступления каждого праздника. Тогда мне не приходилось бы заниматься сложными арифметическими расчетами. У меня был календарь на 1973 год, который прислал отец Хаима. По этому календарю я высчитывал, на какой день выпадает праздник.

Нас заметил молодой и наглый старший лейтенант. Когда он увидел носовые платки, спускающиеся на наши шеи, он решил, что так полагается по случаю праздника. Подбежал к нам и, размахивая ключами от карцера, закричал:

- Снять немедленно!

- Но это от комаров! Ведь совсем заели!

- Не положено! Нарушение формы одежды!

- Вы что? Комаров защищаете? Ведь и другие так ходят.

- Другим можно, а вам нельзя! Это вам даром не пройдет!

Действительно: урезали рацион питания. Особенно возмутился этим Ури:

- Что это за новое наказание? Комарами? Может, комары - пролетариат, а заключенные - враги народа? Запрещено уклоняться от их перевоспитывающих укусов?

Приходилось думать о пополнении наших продовольственных запасов. Единственный выход - собирать и есть травы. Ури показал мне съедобный клевер, иван-чай, столистник, конский щавель. Я сам уже давно употреблял в пищу подорожник, одуванчик и крапиву. Одуванчик надо на полчаса замочить в соленой воде, чтобы убрать горечь, а потом вполне можно есть. Это вкусно - витамины! Крапиву я рвал свежую, срезая лишь верхушку куста. Если удавалось достать кислое молоко, приготавливал настоящий салат. Он украшал наш субботний стол. Что до укропа и лука, то здесь их выращивать было труднее, чем в Мордовии. Когда надзиратели находили наши подпольные "плантации", они обливали их бензином. Единственное, что росло официально, - настурция. Ее цветы на вкус горьковаты, но вместе с листьями - вкуснейшее блюдо.

Заключенный тянется ко всему зеленому. Идешь по лагерю и видишь, как сквозь пожелтевшую травку пробиваются зеленые ростки. Так и шепчут тебе:

"Съешь меня, съешь меня!"

На помощь столовой рассчитывать не приходилось. С утра - суп без мяса и вообще без всего. Немного картошки с крупой. В обед - суп со следами свиного жира и каша - главная еда. На ужин - предмет споров и волнений: пятьдесят граммов рыбы. Ээки знают, что в этом продукте содержится белок, который очень полезен для организма.

- Смотрите, здесь и тридцати граммов нет, - заявляет зэк дежурному офицеру, протягивая миску с кусочком рыбы.

- А это она уварилась, - вывертывается дежурный.

- Глядите, рыбка-то подгнила! Почему гнилью кормите? - зэк сует врачу рыбу.

- Очень вкусно, - пробуя протянутую рыбу, улыбается лагерный эскулап.

Надо кончать с этим безобразием. И мы начинаем кампанию жалоб. Пишу в санэпидстанцию: "Пришлите экспертизу. Рыба, которой нас кормят, опасна для жизни. Я храню ее для вас в закрытой банке".

Что последовало в ответ на мою жалобу? Отобрали вещественное доказательство? Ничего подобного! На следующее утро в столовой ко мне подошел повар, бывший солдат РОА.

- Ты чего это всем жизнь портишь? Если сам свинину не жрешь, зачем мешаешь другим есть? Зачем строчишь жалобы, чтобы не варили свинину?

- Откуда вы это взяли?

- Как откуда? Мне врач Петров сказал. А что, не писал ты жалобу?

- Писал только про гнилую рыбу.

- Нет, про мясо писал. Потому его и нет, что ты жалуешься.

Ловко придумали гебешники. Вместо того, чтобы улучшить питание, свалили все на "жидов". Спрашиваю доктора Петрова:

- Откуда вы взяли, что я жаловался, будто свинину все время варят? Вы сказали это повару!

- Идите, Менделевич! Ничего я никому не говорил, а писать жалобы прекратите!

- Не старайся их переубедить, - уговаривал меня Зеэв. - Я сам слышал, как два старика-полицая говорили, что ты жалуешься на тухлое мясо потому, что тебе, мол, курочку подавай!

Аналогичную провокацию устроили с "музыкой". В шесть утра - побудка. Вообще подъем в лагере - тяжелый психологический момент: надо расстаться с миром грез и вернуться в страшную действительность. К тому же начальство использует эти минуты, чтобы лишний раз поиздеваться над заключенными.

Ровно в шесть раздавался сигнал, похожий на вой пожарной сирены. И так несколько раз подряд. Казалось, и мертвый проснется. Но арестант после тяжелого рабочего дня даже не шевелился. Вслед за сигналом раздавался топот сапог, и в барак врывались охранники. Зажигали свет, включали на полную громкость радио, стаскивали с нар тех, кто не успел встать.

Для меня проблема побудки не существовала: чтобы молиться, я вставал на час раньше. Сердце болело за тех, кто только что вернулся с ночной смены и был разбужен окриками надзирателей. Наглость возмущала. Ведь по правилам вторая смена могла отдыхать до восьми утра. Я написал заявление, требуя, чтобы рабочих второй смены держали в отдельном бараке и прекратили включать радио на полную мощность. Мои требования, конечно, не удовлетворили.

Начальство пустило слух, что я добиваюсь прекращения трансляции музыкальных радиопередач. Лагерные бездельники возмутились. Почти все свободное время они слушали советские песни. Страсти накалялись:

- Жидам музыка мешает. Я ему очки сломаю, - кричал, махая кулаками, молодой солдат-дезертир.

На поверке я вышел из строя:

- Гражданин начальник! По лагерю пустили слух, что я требую прекратить передавать музыку. Писал я вам об этом в заявлении или не писал?

Заключенные замерли и с напряженным вниманием ждали, что ответит Журавков.

- Менделевич, почему вы меня допрашиваете?

- Потому что слух пущен администрацией специально, чтобы поддержать антисемитские настроения. Даже бить якобы собираются. Так писал я вам или нет?

- Ну, вы-то, Менделевич, за себя постоять сможете!

Журавков ушел, так и не удостоив меня ответом.

На следующее утро, когда охранники ворвались в барак и включили свет и радио, я на глазах у изумленных эков и надзирателей выключил и то и другое.

- Ну и наглый же вы, Менделевич! Это даром вам не пройдет! - прорычал охранник.

Меня посадили в карцер, но когда я вернулся, бравурные звуки советского гимна уже не будили по утрам заключенных.

Однако мои столкновения с администрацией лагеря не прекращались. На этот раз судьба свела меня с бывшим полицаем Вальчуком. Он заведовал "ленинским уголком", в котором зэки могли писать письма домой. Часы работы этого "ленинского уголка" подобраны странно: только сядешь писать, как Вальчук уже закрывает. Его особенно раздражали политзаключенные, использовавшие эту комнату для обсуждения своих дел и писания каких-то бумаг. Кагебисты знали об этом и поэтому старались большую часть времени держать помещение закрытым. Но его существование предусматривалось приказом министра внутренних дел. Иногда заключенные возмущались и не уходили из комнаты. Тогда Вальчук звал охранников, и те выводили зэков силой, а потом сажали в карцер, урезывали паек или отменяли очередное свидание. Даже самые низкие арестанты, стукачи и прочий сброд иногда пытались выдавать себя за приличных людей. Этот же настолько обнаглел, что и не думал скрывать свою продажную сущность. Когда рядом никого не было, я бросил ему на ходу:

- Смотри, негодяй! Будешь доносить - пожалеешь!

В тот же день Вальчука перевели в другое отделение лагеря, а на меня завели новое дело: "терроризирование заключенных, вставших на путь исправления".

...После шестилетнего заключения определился мой характер. Все эти столкновения свидетельствовали о том, что я созрел как политзаключенный. Но все же часто моими поступками руководили эмоции. Я никогда не мог смириться с унижением человеческого достоинства.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

Йосеф Менделевич

Операция "СВАДЬБА"

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

Глава пятая: ПЕРЕД ИСХОДОМ

Как бы то ни было, возвращение Ури в лагерь сыграло важную роль в моей судьбе. Он готовился к освобождению и был озабочен целым рядом задач, которые предстояло решить здесь, еще до выхода на волю. Во-первых, стоит ли направляться домой, где уже семь лет его ждали родители, и оттуда подавать заявление на выезд в Израиль, или лучше - в Москву, к Иде Нудель, нашему доброму ангелу? А может, к моему отцу, в Ригу? Во-вторых, как собирать и хранить информацию, чтобы вынести ее из зоны? Решили, что к родителям ему ехать не стоит, так как за ним будут следить, заставят жить под наблюдением милиции: дважды в день ему придется отмечаться, и практически он лишится возможности репатриации. Часами мы обсуждали, как лучше всего, пересаживаясь из поезда в поезд, сбить агентов со следа и доехать до Риги.

Кроме этих бесконечных обсуждений Ури был занят обработкой собранного материала о положении в лагерях и судьбах заключенных. Этот материал он пересылал в письмах отцу. Смачивая лист бумаги, он накладывал на нее полиэтиленовую пленку и писал. Когда лист высыхал, никакого следа на нем не оставалось. Все это мы с ним проделывали во дворе, сидя на земле и держа в руках письма. Издали казалось, что мы их читаем. Это позволяло вовремя заметить грозящую опасность и спрятать тайнопись. Ури был уверен, что КГБ не знает этого способа - иначе его отец не получал бы все письма. Однако потом выяснилось, что отец их действительно читал, но... в помещении КГБ.

Эти заботы настолько поглотили Ури, что он перестал выполнять многие мицвот и даже решил работать по субботам.

- Если за это меня посадят в карцер, я лишусь возможности осуществить задуманное, - объяснял он.

- Сбор информации ни в коем случае не важнее соблюдения субботы, - возражал я. - Без нее нет жизни, а без информации - проживем!

Я поделился с Ури всем, что имел: выписками из Торы, записями уроков иврита и молитвенником (Зеев достал мне еще один Сидур). Несколько суббот Ури все же работал, а потом перестал. Начальство пыталось его заставить, но не смогло. Не поддавался. Его оставили в покое: до освобождения ему всего лишь месяц. И принялись за меня. Сначала стащили детали, заготовленные мною в течение недели. Когда в субботу я пришел на завод, бригадир-заключенный, который по договоренности со мной брал мою норму из тайника, сказал: "Нет твоих деталей, пропали!" Я расстроился. Политзаключенные, узнав о случившемся, сдали за меня норму и принялись искать виновников. Но, конечно, ни Федоров, ни Журавков ни о чем понятия не имели. Они думали, что, не найдя своих запасов, я со страху начну работать. Вообще в моем поведении они видели проявление слабости и поэтому решили, что меня можно заставить работать.

Антисемиты испокон веков считали верующего еврея человеком слабовольным и трусливым. Мне предстояло доказать, что это не так. Я обдумывал, как лучше отреагировать на пропажу. Заявить открыто, что я не подчинюсь их законам, и по субботам вообще не выходить на завод? Но за это тюрьма. Продолжать молчаливую тактику? В конечном счете решил не проявлять инициативы. Соблюдение субботы для меня не политический шаг, и, следовательно, демонстрации мне не нужны. Однако кое-что в своем поведении я изменил. По-прежнему выходил на завод и заранее готовил детали к субботе, но больше уже не прятался по углам, а открыто сидел летом на улице, а зимой - в раздевалке. Меня, конечно, могли посадить в тюрьму, но они хотели меня сломить иначе. Я это понимал... Пусть делают со мной все, что угодно, - никто не заставит меня отказаться от веры. Я как песок: меня будут топтать, но при первой возможности я вернусь в прежнее состояние.

Итак, каждую субботу с обреченностью смертника я отправлялся на завод, садился на свое излюбленное место и начинал молиться. В 8.15 первый обход надзирателей. Те, кто поленивее, ограничивались только замечаниями:

- А, Менделевич, снова не работаете? Давно не наказывали вас?

Другие издевались, находя в этом особое удовольствие. Например, сержант Зейнатуллин, служивший ранее в охране мавзолея Ленина, что составляло предмет его гордости. Он ходил по зоне, выпятив вперед грудь и чеканя шаг, словно в карауле на Красной площади. Зейнатуллин мог подолгу простаивать около меня и горланить грязные речи, в которых изливалась вся его ненависть к евреям и Израилю. Он явно хотел спровоцировать меня на спор. Но я сидел спокойно: у меня суббота и о других делах говорить не полагается. Однако я понимал, что его угрозы - не пустые слова. Теперь почти за каждую нерабочую

субботу приходилось платить заключением в карцер, уменьшением нормы питания или - еще того хуже - лишением свидания.

Прибег я и к другому методу. Садо работал в кочегарке. В его распоряжении были группы по разгрузке угля. Договорился с ним о том, что по вечерам буду работать с одной из групп и это мне зачтется за субботу. Но у администрации свои планы. В первый же вечер к машинам с углем прибежал майор Федоров:

- Ну-ка, Менделевич, кончайте разгрузку и идите в жилую зону!

- Почему? Ведь разгрузить нужно!

- Это вас не касается! Прекратите пререкаться! Ступайте!

Дело приближалось к развязке. В следующую субботу Федоров решил добиться успеха там, где потерпел поражение сержант Зейнатуллин.

- Менделевич, идите работать!

- Не пойду!

- Почему?

- Евреям в субботу работать нельзя!

- Здесь действуют только советские законы!

- Ничто не заставит меня преступить запрет!

- Приступайте к работе, иначе будем судить за тунеядство!

Я промолчал. Что подделаешь?! Он понял наконец, что тюрьмой меня не возьмешь, но не уяснил себе одного: в этой ситуации у меня вообще не было пути к отступлению. Ведь за нашим поединком наблюдала вся зона: кто победит - еврей или советская власть.

Через несколько дней зачитали приказ: "За неоднократный отказ от работы и отрицательное влияние на других заключенных - месяц ареста в ПКТ". Таков порядок: до суда заключенного сажают в ПКТ. Это последнее предупреждение. Если и это не помогает - тюрьма.

Я собрал свои вещи: мыло, кружку, полотенце и иврит-русский словарь. Книги взять не мог - предстоял шмон. В помещении для обыска приказали раздеться догола, и началась проверка каждой вещи. Не очень приятно стоять голым на виду у надзирателей. Словно конь на базаре. Но что поделаешь? Приходилось подавлять в себе чувство стыда, а это не просто.

С ПКТ я и прежде был знаком. Это тот же карцер, где я сидел несколько раз. Разница в том, что в ПКТ на ночь дают матрац и одеяло, а в карцере нет. В ПКТ имеется радиоточка, можно слушать Москву и читать газеты. Выводят на прогулку в проволочную клетку размером 2 на 5 метров. Всего тридцать минут. Ты как зверь мечешься взад и вперед под пристальным наблюдением надзирателей. Все время один. Особенно тяжело по вечерам. Темно, тихо, как в могиле. Тут начинаешь чувствовать, как недосягаемо исполнение мечты. Где Израиль и где ты? Отец так далеко. Ты лишен семьи и даже представления о нормальной жизни, здесь все направлено против человека. Неужели кто-то по утрам идет в синагогу, а потом на работу? Может, это фантазия? А реальность - ежедневные издевательства и унижения. Ты поставлен в положение несмышленика, которого все время одергивают: Менделевич, не разговаривайте... не стойте... не сидите... не пойте... не спите... не спорьте...

Единственная отдушина - беседы с Евгеном Сверстюком. Он сидит в камере напротив и, когда надзиратель выходит из коридора, мы успеваем перекинуться через дверь несколькими фразами. Договорились, что в рабочей камере, где мы ежедневно работаем в две смены, будем оставлять записки в патроне лампочки. Работа - нарезка резьбы на гайках. Вручную надо нарезать больше килограмма. Если работать по правилам, нормы не выполнить. Это значит продление срока и новые наказания. Я нашел выход: зажимаю в тисках не вертикально, как положено по инструкции, одну деталь, а горизонтально - тридцать штук и нарезаю их сперва с одной стороны, потом с другой. Нужна быстрота - я ведь делаю заготовки на субботу. Готовые гаечки нанизываю на нитку и получившееся ожерелье прячу в щели пола.

В пятницу ведут работать в 16.00, еще до наступления субботы. Ловлю момент, когда надзиратель выходит, и вытаскиваю заготовленные детали. Пока не наступит суббота, работаю - чтобы тюремщик видел. Оставшиеся часы просиживаю за станком. В окне луна. Весь мир вымер. А я сижу в каменной холодной клетке. Один в мире - без ощущения времени и места - праздную свою субботу. Произношу все молитвы, какие помню. Открывается глазок в двери:

- Менделевич, почему не работаете?

- Я уже норму выполнил.

Надзиратель поражен. Как, уже? Но норма действительно готова. Начальство понимает, что я опять играю.

Только не может понять, где я прячу детали. Иногда меня наказывают, иногда - нет. К наказаниям надо привыкнуть. Сами по себе они не тяжелы. Не дают есть. Ну и что? Главное - не бояться, не гадать: накажут - не накажут? Какое это теперь имеет значение? Я делаю свое, а они - свое.

В ПКТ меня посадили в канун Хануки. Первая свечка - в годовщину суда над нами. По традиции, объявляю в этот день голодовку. Пишу заявление: "Отказываюсь от советского гражданства. Требую свободы вероисповедания. Требую освобождения. Требую права всем евреям выехать из СССР". В ответ - лишение очередной посылки.

Кагебисты возмущены: "Сколько ни наказывай, а он еще чего-то требует. Наглец! Не ест? Ничего, свиньям больше достанется!" (В зоне есть свиноферма, куда попадают объедки из тюремной столовой.)

Вечером заканчиваю голодовку. Первая свечка приготовлена из ниток, которые удалось пронести в камеру. Но вот незадача - нить не горит. На следующий день рисую две свечи на стене. Стены в камере изрезаны надписями. Здесь, конечно, и мои субботние свечи и мои стихи о море, о солнце, которое освещает голубизну вод.

Из камеры Сверстюка раздается:

- Вы понимаете, что вас готовят к тюрьме?

- Да, понимаю! - Теперь моя задача выйти в жилую зону, попрощаться с друзьями, собрать вещи.

В карцере чувствую себя, как дома. На этот раз у двери, как ни странно, лежит половик. Беру его в руки - да ведь это кусок старого одеяла! Сразу же прошу включить воду и стираю его. Теперь на нем можно спать. Кладу половик снова у входа, чтобы не забрали, и когда вечером объявляют отбой, начинаю готовиться ко сну: половик кладу под рубашку на спину. Носки распределяю так: один натягиваю на обе руки - здесь они сильно мерзнут. Одна нога остается без носка, но зато в ботинке, другая с носком, но без ботинка. Он под головой. В этот ботинок вставляю кружку, а сверху кладу войлочную стельку. Это моя подушка. Куртку снимаю и один ее рукав надеваю на голову, а в другой

завертываюсь до поясицы. На нее кладу кусок старой газеты. И так, все наиболее чувствительные места защищены. Надзиратель с удивлением наблюдает за моими приготовлениями. Но я отношусь к ним серьезно: от этого зависит мой сон и завтрашнее самочувствие. Читаю "Шма Исраэль".

Не всегда удается уснуть. Встаю и делаю физические упражнения. Пар идет изо рта. Надзиратель смотрит через глазок и смеясь подбадривает: "Ну, давай, спортсмен, давай!" А мне не до смеха. Заболеешь в карцере - кто поможет?

Доктор Петров уже давно определил свою позицию: "Я прежде всего чекист, а лишь потом врач". Поэтому он относится к больным, как к врагам.

Однажды было так холодно, что пришлось звать дежурного. У того было хорошее настроение, и он пообещал мне дать ватник. Вот это счастье. Целый день согревался ожиданием теплой ночи. Но теперь дежурил капитан Рак. Я пожаловался на холод в камере. Рак принес градусник и принялся измерять температуру, стоя в проеме дверей.

- Гражданин начальник! Вы измеряете температуру в коридоре. Зайдите в камеру!

- Не могу! Вы - особо опасный преступник! А вдруг нападете!

- Тогда дайте его мне, я измерю сам!

- Нечего мерить, смотрите: плюс шестнадцать!

- Какие там плюс шестнадцать, если стена покрыта инеем!

- Прекратить пререкания! - С грохотом захлопнулась дверь.

В эту ночь спать не пришлось. Но зато на следующую отогрелся новостью: из Владимирской тюрьмы освобожден Буковский. Об этом писали советские газеты. Я позволил себе немного распуститься, помечтать о том, как я прилетаю в Израиль, встречаю родных, иду к Стене плача...

Шел 1977 год. Моя последняя суббота в ПКТ чуть не обернулась для меня продолжением срока. Когда, присев на корточки, я принялся вытаскивать из-под пола детали, вдруг послышались шаги надзирателя. Поторопился - оборвалась нитка, и все мое "богатство" рассыпалось. Но шесть лагерных лет научили меня не строить расчетов на зыбком песке. Я заготовил деталей в три раза больше, чем полагалось, и следующая попытка их вытащить оказалась

удачной. Надзиратели ничего не заметили.

Словно в награду за успех мне разрешили вернуться в зону. Вышел из ПКТ обогащенный знанием своих возможностей. Меня хотели запугать, а я, наоборот, убедился, что ничего страшного в наказаниях нет. Все зависит от того, как к ним относишься. Стоит лишь себя убедить, что карцер вполне переносим, и его действительно можно выдержать.

В лагере меня ждали любопытные новости. Прибыл Таратухин, арестованный в возрасте двадцати одного года за создание в Башкирии организации, боровшейся против башкирского засилья в государственном и партийном аппарате республики. Во время следствия он согласился сотрудничать с КГБ. За это обещали освобождение и помощь при поступлении в институт. По его словам, принимая такое предложение, он преследовал и иные цели: выявить агентов КГБ. Но вот спустя два года работы на органы он вдруг на имя XXIV съезда КПСС написал заявление, в котором разоблачил себя как агента КГБ и отказался от советского гражданства. В лагере Таратухин поддерживал хорошие отношения со всеми евреями, а также с такими диссидентами, как Ковалев и Сверстюк.

Так мы узнали, какого рода задания он выполнял в прошлом. Например, одно заключалось в том, чтобы все беседы с заключенными переводить в антисемитское русло. Другое - войти в доверие к евреям, потому что с ними имеются определенные трудности и нет надежного источника информации. Потом указание: прекратить агентурную деятельность и готовиться к аналогичной на воле. Связи Таратухина с КГБ осуществлялись через врача: Таратухин часто жаловался на боли в сердце и попадал на прием к Петрову, который действительно был кагебешником, а не врачом. Он и давал ему инструкции, а также расплачивался с ним - плитками шоколада. Мы часто замечали, что Таратухин гуляет один. Думали, так ему легче. Оказалось, он тайком ест шоколад. Выяснилось, что это он, Таратухин, рассказал КГБ о моей роли в организации забастовки. Теперь стало ясно, почему меня преследовали за соблюдение субботы.

Обнаружилось и другое. Когда шла борьба за статус политзаключенного, диссидент Олег Воробьев пытался убедить одного парня не принимать участия в этой борьбе. Но переубедить его не смог, тот все же написал заявление. Начальство решило, что это результат влияния Олега. Его посадили в карцер на десять суток. Все происходило на глазах у Таратухина. Следовательно, администрация знала истинную позицию Олега! И все же его упекли в карцер. Возникло подозрение, что наказание инсценировано КГБ, чтобы обелить своего агента и постоянно иметь от него точную информацию о наших настроениях.

Кто мог бы подумать! Человек, известный своей готовностью пожертвовать сном и покоем, чтобы вовремя размножить листовки, был профессиональным агентом? Другое дело Таратухин. Вначале он объяснял свое саморазоблачение тем, что решил "кончить игру", так как не сумел выявить других агентов. Потом признался, что отомстил кагебешникам за обман - его не освободили в обещанный срок. Но что можно ожидать от юнца, который хотел изгнать башкир из Башкирии и однажды, еще на воле, добыл деньги, угрожая игрушечным пистолетом кассирше прачечной? Поэтому, когда мы возмущались его предательством, Евген Сверстюк справедливо заметил:

- А что, разве раньше вы не понимали, кто он? Почему вы не осуждали его за грабеж?

Он был прав. В лагере обычно не придают значения моральной стороне поступков, совершенных на воле. Выходит, что цель оправдывает средства.

Таратухину объявили бойкот. Он снова гулял вдалеке от всех, но теперь уже без шоколада. Только Ковалев взял его под свою опеку: "Надо, мол, проявлять христианскую любовь даже к предателю".

Но у Ковалева были свои беды. Геморрой, которым он страдал много лет, обострился. Врачи подозревали у него рак. Предлагали операцию в тюремной больнице. Это было бы самоубийством - лечь под нож Петрова. Ковалев потребовал перевода в центральную тюремную больницу и свидания с женой перед операцией. В феврале он начал голодовку. На пятые сутки его изолировали. Однако на прогулке я мог перекинуться с ним двумя-тремя фразами на английском, который я к тому времени уже подучил.

Между тем, мы прочли статью Липавского в "Известиях", где он доказывал связь сионистов с ЦРУ. Среди "шпионов" и "агентов ЦРУ" - знакомые фамилии: Воронель, Шахновский, Щаранский. Их мы знали по фотографиям, которые присылала нам Ида Нудель. Сомнений быть не могло - готовились аресты.

Однажды, когда на прогулке я встретился с Сергеем Ковалевым, он произнес на английском: "В тюрьму", - и взмахнул руками, как крыльями. Приставленный к нему капитан Рак отогнал меня:

- Не подходить! Что, карцера захотел?

Но мне было не до угроз. Что имел в виду Ковалев? А, понял! Арестован Орлов! Та же судьба уготовлена и Гинзбургу, и Щаранскому. Действительно, через

несколько дней мы узнали, что арестован Анатолий Щаранский. Но заключенные особый народ - не унывают: "Скоро, значит, увидимся. Интересно, какой срок получают, куда попадут. Может, к нам на зону?" Казалось бы, безжалостно? Но в лагере на это смотрят иначе. Здесь тоже жизнь! Нечего делать из этого трагедии!

Весной 1977 года этапом прибыли из 35-й зоны Светличный и Глузман. Семен Глузман разыскал меня:

- Хочу поговорить с тобой. В том лагере сионисты меня не признавали. Требовали, чтобы я учил иврит, а после освобождения ехал в Израиль. Но я не могу так. Я нашел себя в демократическом движении. Кроме того, я пишущий человек. Стихи, рассказы. Что мне делать в Израиле? Я должен жить на Западе, там, где мои единомышленники. Но это не значит, что я не люблю Израиль. Он моя духовная родина.

Я не мог оттолкнуть его. Если Симха (так Семен просил называть его) хочет считаться сионистом, зачем мешать ему? Чем он хуже евреев, не живущих в Израиле и считающих себя сионистами? И вообще, что такое сионист? Можно ли называться им после создания еврейского государства? Главное для меня - быть евреем, жить на земле Израиля с нашей вечной Торой.

Но я не стал объяснять ему все это. Он жил другим. У него не было времени читать письма из Израиля. И в открытках оттуда он не видел смысла. Его арестовали за предание гласности факта помещения политзаключенных в психиатрические больницы. Сын известного психиатра, сам врач-психиатр, Семен собрал обширный материал и передал его за границу. Акция была серьезной и важной. Попав в 35-ю зону, он стал ее лидером, мозговым центром. Ему удавалось переправлять на волю "Хронику лагерных событий".

К нам в лагерь был этапирован также Михаил Казахов. Его мать - еврейка, отец - русский. Михаил решил уехать за границу и занялся переправкой туда ценных картин, книг и икон. Осуществлял это через сотрудника посольства Заира. Когда значительная часть коллекции оказалась на Западе, он принялся разрабатывать план бегства. Ему, физику, не дали бы разрешения на выезд из СССР. Может, обратиться за помощью к Америке? Назначил свидание с американским консулом в Ленинграде. Оно состоялось... на лестничной площадке дома, где жил консул. Михаил принес список ученых, имевших допуск к секретной информации. Как органы узнали о встрече, трудно сказать, но не прошло и недели, как Михаил был арестован и потом осужден на пятнадцать лет.

Казахов считал, что суровая мера наказания преследует цель запугать тех ленинградских ученых, которые хотят выехать из Советского Союза. На суде он признал себя виновным и раскаялся. "Моя вина заключается в том, что я всегда был эгоистом и до других мне не было дела". Хотя на суде редко говорят правду, но это была суцая правда. Он действительно во всем искал личную выгоду. Оказавшись в лагере, он стал прикидывать, что выгоднее: стать сионистом или диссидентом. Кто наверняка сможет помочь освободиться - Израиль или Америка?

Был еще третий вариант - сотрудничество с КГБ. Михаил располагал фактами, порочащими некоторых членов Ленинградского обкома партии: они присваивали себе государственные ценности и через подставных лиц переправляли все за границу. Михаил предложил кагебешникам дать особо важные сведения в обмен на освобождение. Но приехавший из Москвы работник государственной безопасности никакого интереса к информации не проявил. Возможно, ему лично выгоднее было не ввязываться в это темное дело. Так или иначе, но у Казахова ничего не вышло. Его определили в наш барак, и мы спали на двухъярусных нарах: он наверху, а я внизу. Вместе мы проводили большую часть дня. Я познакомил его с Ковалевым, Сверстюком, Глузманом. Последний его очень заинтересовал. Еще бы! Друг академика Сахарова, известный диссидент! Не то что какой-то сионист, к тому же верующий и изучающий иврит.

- Мораль - это чистая условность, - говорил Михаил. - Моя мораль - делать так, как мне удобно.

Я ему возражал:

- Нет, если бы люди сами для себя устанавливали нормы поведения, то мир не мог бы просуществовать ни одного дня. Все от Б-га!

- Завидую тебе, Йосеф. Я тоже хотел бы верить. Но вот посмотреть бы на тебя этак года через три. Останешься ли ты прежним?

Симха был иным. Он искал смысла в жизни, искал веры. Помню, как он сказал мне:

- Не могу принять христианства. Оно мне чуждо своим вечным сознанием вины и отсутствием радости жизни, жизненной энергии.

Ребята были недовольны мной за то, что я признал его сионистом.

- Ох, уж эта твоя вечная мягкотелость, - журил меня Марк. - Завтра, если Федоров попросит, признаешь его Герцлем!

И все же на Песах мы пригласили Симху, а не Михаила. Снова, как прежде, возник вопрос о маце. Где и как ее достать в нужном количестве? Отец прислал мацу в бандероли. Срок выдачи наступал после Песах. Я пытался уговорить начальство - не помогло. На мое счастье приехал полковник Миков. Он делал обход на заводе. Подойдя к моему станку, остановился, наблюдая за скоростью моей работы. Я вскочил с места. В руках у меня был гаечный ключ - чинил станок.

- Гражданин начальник, прошу выдать мне мацу до Пасхи, иначе она мне не нужна. Если не разрешите, приму меры!

- Не надо, не надо мер, - пяясь назад, бормотал Миков.

Я забыл, что в руках у меня гаечный ключ, а он испугался - подумал, что хочу ударить его.

После работы меня вызвали в штаб. Начальник оперативного отдела Рожков выдал мацу. Все знали, что он вручал бандероли только своим агентам. Это была провокация. Значит, хотят скомпрометировать меня.

- Ну что, получил?-спрашивали, гнусно улыбаясь, всякие сволочи: мол, и ты такой же, как мы.

Но мне было безразлично. Главное - маца. Праздник мы устроили на славу. Симху поразил компот и пирог из мацы. И все же он спросил:

- Стоит ли столько времени тратить на еду?

- Для тебя главное - еще одна жалоба, а для нас - еврейский праздник. Это не менее важно, чем передать информацию из лагеря.

12 апреля 1977 года Марк принес мне первый кусок хлеба - все восемь дней Песах у меня не было мацы, а хлеба я не ел. Не успел поднести хлеб ко рту, как пришли два надзирателя: "Собирайте вещи!" - Сердце екнуло: отправляют на суд. Я был готов к этому: заранее все упаковал и еще месяц назад написал речь на иврите.

Долго трясла меня машина по ледяным дорогам Урала. Вокруг лес, грязный снег, вдалеке горы. На выезде из особой зоны пьяный охранник в мятой

шинели вылез из будки и открыл шлагбаум. Машина подъезжала к зданию с табличкой: "Чусовской народный суд". Два солдата с автоматами и овчарками повели меня в зал суда.

Шесть часов вечера. Рабочий день закончился. Теперь самое время судить политзаключенного. На судейском кресле одноглазая женщина. О ней рассказывали многие осужденные. "Представители народа" - две секретарши. Прокурор - Долматов, брат офицера нашего лагеря. "Общественный" обвинитель - лейтенант Рожков.

Перед началом допроса я предупредил:

- Мой родной язык - иврит. Моя речь написана на иврите. Требую переводчика и адвоката.

- Переводчика и адвоката вам не положено, - резко ответила на мое требование судья.

- Но мне будет трудно переводить речь с иврита!

- Это нас не касается!

Тогда я решил говорить на русском: ведь им выгодно, чтобы я молчал. Значит, надо поступать наоборот.

- Меня обвиняют в том, что я отказывался от работы, - начал я. - Но это не так. Я не отказывался, а лишь просил перенести выходной день с воскресенья на субботу.

Удивительно, судью не подготовили. Думала - перед ней обычный тунеядец, а он, оказывается, не работает из принципа. Это вызвало замешательство. Она распорядилась принести календарь. Стала проверять даты. Действительно - все субботы.

Затем Рожков зачитал обвинение, в котором среди прочего содержалось признание в ошибке начальства: мне, якобы, одно время позволили не работать по субботам. Но я дурно влиял на других, и поэтому мне место в спецтюрьме.

В последнем слове я заявил:

- Меня арестовали незаконно. Не я виноват, что советская власть не дала мне

разрешения на выезд и тем самым вынудила предпринять попытку бегства из Советского Союза. Поэтому приговор по моему делу я не признаю законным. Поскольку приговор незаконен, все требования лагерной администрации тоже незаконны. Я не преступник. Ни в одной стране мира не запрещается верующим, даже если они заключенные, исполнять предписания своей веры. В Советском Союзе это запрещено даже свободным людям. Я требую освобождения и разрешения на выезд в Израиль! - Менделевич, вы ведете себя вызывающе! Слишком много о себе думаете! Это клевета на Советский Союз! - пыталась раззадорить себя судья.

Не знаю почему, но все тюремщики считали мое поведение наглым. На их языке верность принципам называется наглостью.

Суд удалился на совещание. Приговор был таким, как требовал КГБ, - три года тюрьмы. Однако в приговоре судья почему-то сочла нужным сделать оговорку, что я не работал по субботам из религиозных соображений. Зачем? Не знаю.

Меня повезли в тюрьму. Что это? Флаги на улицах! А, день советских космонавтов. Вот и меня запускают в "космос".

...Как правило, после суда, пока не оформят документы, месяца два держат в лагере. Однако меня не вернули на прежнее место, а запрятали в ШИЗО тридцать седьмого лагеря, находившегося на станции Половинка. Очевидно, опасались, что зэки могут провести акцию протеста в связи с судом надо мной.

В Половинке я жил в полной изоляции от всех. Даже в баню водили ночью. Смешно мыться в полночь в огромной пустой бане под неусыпным оком двух надзирателей.

Сидеть в одиночке не легко. Я был болен, обострилась болезнь желудка. Помощи нет. Однажды принесли какие-то серые таблетки. Я их выбросил - кто знает, что за отравка. В соседнюю камеру посадили Таратухина. Он уже перебрался сюда. Говорит, что его тоже судили. Что это - провокация? Снова взялся за свое? Но я не стал с ним переговариваться.

Затем из Перми приехали посмотреть на редкое животное, на сиониста, работники органов. Молодые, сытые, довольные собой. Меня будто не замечают.

- Что это у него? - спрашивают, указывая на консервную банку, из которой я пил воду. - Не положено, отобрать!

Но меня это не трогает. Моих секретов они не знают. Когда зэка переводят из одного лагеря в другой, выдают все принадлежащие ему вещи, которые хранились на складе. Так я получил свой Танах, талит и переписанные молитвы. Я был занят своим делом. У меня норма - в день выучить на память псалом, затем учить утреннюю молитву. Собственно говоря, я начал это еще в лагере, когда выяснилось, что молиться по Сидуру мне не дадут. Однажды ранним утром, до подъема, стал молиться. Меня увидел капитан Чукаинов и пригрозил, что если еще раз заметит, мне не сдобровать. Через несколько дней из тумбочки пропал Сидур. Только благодаря Садо, который заявил, что книга принадлежит ему лично, удалось получить ее обратно.

Итак, дни, проведенные в изоляторе, оказались самыми спокойными и счастливыми в моем многолетнем заключении. Я избавился от постоянного напряжения, связанного с борьбой за кипу, за субботу, словом, за все. Наконец я остался наедине с самим собой, лагере с трудом можно найти место, где нет народа.

Вокруг тебя всегда кто-то есть. Это порой угнетает больше, чем одиночество.

Пребывание на станции Половинка затянулось. Как-то Дзюба, убирая коридор изолятора, улучил момент, когда рядом с ним не было надзирателей, и шепнул:

- Вас, видно, хотят освободить.

В это время в СССР готовилась новая конституция, и все заключенные, разумеется, надеялись на изменение уголовного кодекса и освобождение. В тюрьмах не проходило дня без надежды на помилование. Большинство арестантов этим живет. Но я давно прекратил рассчитывать на чудесное избавление. Отец, по моей просьбе, больше не писал о всевозможных вариантах спасения. Я думал, что и ему так лучше. Ведь освобождение Сильвы, Кудирки и Буковского вселяло новые надежды. А потом тяжелые разочарования: в моем положении не было перемен.

В субботу, 4 июня, почти через два месяца после суда надо мной, по радио начали передавать текст новой конституции. Громкоговорители включили на полную мощность. Интересно, как будет звучать закон о советском гражданстве? Но в тот день я так и не узнал, какие новые права появились у советского гражданина. Вдруг дверь отворилась, ворвались надзиратели:

- Живее! Живее! - торопили меня.

Этап?.. Неужели специально субботу выбрали?

- А это что за макулатура? - бросали на пол израильские открытки. - Собираете всякую ерунду!

- Мое дело, что собирать!

- Ладно! Не огрызаться! Хватит болтать! Давай, собирай поскорее вещи!

Повезли на станцию, посадили в поезд и на исходе субботы доставили в кировскую городскую тюрьму. Камера в подвале. Вонючая, с лужами мочи на полу, с комариной кровью, размазанной по стенам. Перед тем как лечь спать я попросил у надзирателя свежую газету.

- А зачем тебе? Про конституцию читать?

- Да, про конституцию.

- Ничего там нет! Какой была, такой и осталась!

Не знаю, почему старик-старшина так откровенно высказался. Ведь его слова - явная антисоветчина.

В правоте его слов я убедился на следующее утро. Принесли газету. Я жадно стал искать то место в конституции, где говорилось о советском гражданстве. Действительно, на этот раз принят такой закон со всякими пунктами и подпунктами. Теперь советский гражданин может заявить о своем желании сменить гражданство. Однако ниже перечислялись случаи, когда такое право предоставлено быть не может. Одним словом, типичный советский стиль: закон без закона. Формулировка преамбулы гласит: "Как правило...", что означает: есть исключения, о числе которых никто точно не знает.

Я читал эту галиматью, а за дверью слышались голоса:

- Ну, Гена, написал?

- Нет, не могу! Как прочту приговор, так темно становится. Ни слова правды!

- Пиши, говорю тебе. Не думай об этом и пиши! Жалко ведь с жизнью расставаться!

Это надзирательница убеждала заключенного, приговоренного к смертной казни, написать прошение о помиловании. Парень явно был уголовником.

- Эй, новичок, ты откуда приехал? - закричал мне Гена.

- Я политический.

- А я жду расстрела. В лагере одного стукача придавил. Вот мне вышку и приклеили! Слушай, у тебя поесть не найдется?

У меня было пятьдесят граммов сахара, которые выдали перед этапом в тюрьму. Я попросил надзирательницу передать Гене сахар.

- Ну, спасибо тебе! А чайку нет?

- Нет, сам в тюрьму еду!

- Эх, жаль! Для меня чай - последнее удовольствие! Напиться бы перед смертью!

Договорить нам не удалось - меня повели на прогулку. Прогулочные дворики размещены на крыше тюрьмы. Окна женского корпуса выходят туда. Сейчас гуляли мужчины. Каждый сантиметр серого асфальта двора покрыт плевками, окурками и жидкостью подозрительного запаха. Никакого ощущения, что гуляешь на свежем воздухе. Мужчины обмениваются с женщинами "комплиментами". Все ругательства, какие только существуют в русском языке, пускали в ход, причем женщины в этом "искусстве" не уступали мужчинам. После каждого словесного выстрела раздавался взрыв ржания и рева. Чтобы помешать таким "разговорам", на крышах установили громкоговорители, через которые лилась самая что ни на есть советская песня: "Я, ты, он, она - вместе целая страна..." Страна преступников. Но рев репродуктора не мог заглушить грязный мат арестантов. Он как бы служил рефреном к песне о силе советского народа. Так и остался в моей памяти грязный дворик, грязные слова и бравурные звуки советской песни.

После прогулки повели к воронку.

- Кто такой? - кричит конвойный.

- Я особо опасный государственный преступник.

- Давай его к "особо опасным"! Так я очутился в одном отсеке с ворами-рецидивистами и убийцами.

- Эй, земляк, вещички есть?

- Нет ничего!

- Да не заливай, есть, конечно! Дай маечку шелковую или носочки!

Меня действительно раздели бы тут же, если бы за решеткой двери не сидели солдаты с автоматами. У них свой бизнес:

- Ну что, ребята, одеколону хотите?

- А какой у тебя? Сколько просишь?

- "Тройной" и "Шипр". Два куска (т. е. пятьдесят рублей).

Потянулись руки с деньгами. Деньги заключенным держать строго запрещено, и солдаты обязаны их отбирать. Но зачем наносить себе ущерб? Получив флакон, заключенный с удовольствием опорожнял его, а потом, как положено, сдавал пустую тару.

От места выгрузки до вагона метров триста. Я задыхался от тяжести двух чемоданов, набитых книгами и письмами. У меня накопилась огромная подшивка переписки, главным образом с отцом и матерью. Почетное место принадлежало и письмам Меира Шилоаха из Квуцат Явне. Он писал мне каждую неделю в течение всего срока заключения.

- Эй, что у тебя в чемоданах?

- Давно пора бы сжечь! Ну, куда их несешь? Кидай сейчас же!

Но как выбросить все это, да еще недельные главы Торы?

- Давай, быстрее, быстрее, - подгоняет конвойный.

Колонна заключенных устремляется вперед, и я стараюсь не отставать. Сердце учащенно бьется. Конвульсивно сжимаю ручки чемоданов. Я весь в бешеном марафоне. Наверно так, под окрики гитлеровских солдат, бежали мои родные в Двинске.

Свет не без добрых людей. Один арестант протягивает руку: "Давай помогу!" Другой хватает мой мешок, и я бегу налегке. Конвой недоволен: "Жид всегда

устроится".

Поезд шел всего одну ночь. Но она пригодилась для подготовки к тюрьме. Надо было придумать, как пронести малый талит¹ в тюремную камеру. Придумал! Главное в талите - это цицит². Я вытащил их и привязал к белым шерстяным носкам. Теперь они выглядят как часть носков и вполне могут пройти обыск.

Наконец поезд прибыл во Владимир, город, известный иностранным туристам своими церквами и не известный - своей тюрьмой. Нас высаживают прямо на вокзале - здешний народ привык к заключенным. Красивый вокзал из бетона и стекла и куча арестантов - существ, не принадлежащих к этому современному миру.

Машина заезжает сначала в женскую тюрьму - оставить там часть груза, потом в специальную СТ-2. Какая-то женщина забыла кусок хозяйственного мыла, и солдат почему-то отдал его мне. Я рад - хватит на полгода стирать белье.

В тюрьме нас встретил дежурный майор:

- Ну, вам повезло!

- В чем?

- А здесь кормят сытно!

Отбирают все вещи, а меня самого - в этапку, камеру для новых арестантов. Она большая, рассчитана человек на пятьдесят. У стен - деревянные нары. Пол не чище, чем асфальт Кировского прогулочного дворика. На полу валяются куски пыльного черного хлеба. Но молиться я все равно должен! Достая свой блокнот, в котором переписана утренняя молитва.

Съедаю последние два сухаря и жду. Пять часов утра. Тюрьма начинает работу в 8.00. До этого времени мне необходимо полностью отключиться. О чем думать? О прошлом? За семь лет передумано обо всем. О будущем? Когда оно еще наступит? Но я научился терпению. Слово каменный. Сказался арестантский многолетний опыт. Ждать... И вот наконец дождался! Вызывает специалист по венерическим болезням - ведь я такой же уголовник, как остальные.

- Сифилиса нет, - делает заключение врач. - На что жалуетесь?

- Ни на что. (Не сказать же: на власть!)

Затем наступает самая серьезная часть приема - досмотр вещей. Мне во что бы то ни стало надо получить Танах, тетради с молитвами, тапочки, в которых зашита сотня, и мочалку, куда засунул пятьдесят рублей.

Приказывают раздеться догола. Вещи - в одну сторону, мне велят отойти в другую. Лагерную одежду забирают: а вдруг в ней что-то зашито? Вместо нее выдают новые арестантские штаны и рубашку. Оставляют одну пару теплого белья. Остальное отбрасывают, не отдадут.

- Но ведь холодно!

В ответ молчание. Нашел где спорить!

- Трусы одни, - считает надзиратель.

- Но ведь белье менять надо!

Опять молчание. В конце концов я замолкаю и, как воришка, выкрадываю по мелочам свои же вещи и сую в свой мешок. Все это в голом виде. Разрешение одеться еще не получено. Отобрали ремень, кружку, ложку, зеркало - все, что только можно. Да, здесь пожестче, чем в лагере. Наступает очередь "бумаг".

- Израильские открытки? Не положено. Письма? Записи? Нет! Чистые тетради? Ладно, давай, давай!

Так сбавывает мой "патент": тетрадь с записями молитв проходит как чистая, потому что первые и последние листы совершенно чистые, без единой пометки. Тапочки и мочалка не вызывают подозрений. В общем, каждая мелочь - борьба, нервы, надежды, разочарования. Спички, шарф, носки. Носки? Две пары? - А если порвутся? Но я уже не спрашиваю. Спорить бесполезно. Беру две положенные пары - те, что с цицит, и нештопанные, целые. Как только попал в камеру, цицит заняли свое место на шерстяном шарфе, который подарил мне Гилель Шур в 1971 году. С тех пор я не расставался с малым талитом. Отобрать его у меня не могли - шарф положен по Правилам внутреннего распорядка. На вопрос, почему я все время хожу с шарфом, отвечал: "Холодно, шарф согревает!" И все последующие пять лет талит меня действительно согревал - с утра до вечера.

Теперь книги. Мой толстый ивритский словарь кладут в специальный аппарат, просвечивают насквозь, а я тем временем, как опытный карманник, тащу к себе

Танах. Руки дрожат. Заметят? Не заметили! Пронесло!

- Продукты из лагеря? Не положено!

- Но ведь это остатки моей посылки, первой за шесть лет!

- Какие еще будут вопросы? - нагло спрашивает надзиратель.

10 июня 1977 года. 9.00. Взваливаю на плечи серый мешок и под конвоем прохожу по тюремной территории. Тюрьма - целый город. Построена в прошлом веке. После революции из тюремной церкви устроили дополнительный корпус. Тут не до молитв - нет места для заключенных. Еще один корпус построили пленные немцы после войны. Это большое искусство - сохранить стиль. Советская тюрьма построена в точности как царская. Огромная, серая, с длинными, наводящими тоску коридорами. В одном таком доме можно поселить человек семьсот. Тюрьма вмещает три тысячи. Меня ведут по ее улицам. Здесь кипит жизнь. Конвоируют заключенных. Из вонючей кухни развозят еду. Идут заключенные из obsługi. Шагают надзирательницы. Образцовый советский город.

Меня ведут в третий корпус. Мой конвойный забыл ключи и на минутку оставил меня одного без присмотра. Оглядываю здание. Пять этажей. Окна за густыми решетками. На нижних этажах сверх того дополнительные щиты. Значит, внутри камер - вечная ночь, освещаемая лишь одной лампочкой.

Как только удалился мой охранник, из-за железных ограждений первого этажа раздался глухой голос заживо погребенного:

- Эй, земляк, откуда?

Молчание окон не так поражало, как эти звуки жизни в городе мертвых. Десятки глаз устремлены на меня сквозь узкие щели решеток.

- С Урала, из тридцать шестой зоны!

- А, политик! Яныча знаешь?

- Конечно!

Да это вовсе не город мертвых, а всесоюзный центр по сбору лагерной информации.

- Прекратить разговоры! - кричит возвращаясь охранник.

Что сказать об этой тюрьме? Бездушнее ее ничего не придумаешь. А моя камера - самая плохая из всех: с выбитыми стеклами и облупленными стенами, серая-серая. Настоящая могила. Но, может, отсюда - на волю?

Итак, я вернулся в состояние, в котором находился семь лет назад в день ареста. Лег на койку, перед глазами раскидистое дерево, ветви которого машут мне на прощание всеми своими листочками. Это было семь лет назад, когда поезд вез меня в тюрьму. Жизни нет. У меня ее отняли. За что? Разве я - преступник? Израиль, семья - все это так далеко, недосыгаемо. Меня ненавидят, презирают, лишают человеческого тепла. Я мертв. За что же меня убили? За что?..

Обед. Приносят миску водянистого супа.

- С мясом?

- Ненормальный! Ты что - спятил? - смеется за дверью раздатчик. - Откуда здесь мясо? На второе каша. Открывается кормушка:

- Давай миску!

Отдаю. Проходит пять минут, потом десять. Стучу ложкой по двери:

- Несите кашу!

- Тебе каша не положена! Строгий режим!

- Как, мне и каша не положена? Другим дают, а мне?..

На следующее утро просыпаюсь от барабанного боя.

Кто-то внизу марширует. Что они, с ума сошли? Заставить арестантов маршировать как на параде?! Потом я узнал, что муштровали слушателей офицерских курсов МВД.

Завтрак. Разносят кашу.

- Это каша? Одна вода!

- Прекратить разговоры! Бери хлеб!

Хлеб - жалкий кусочек. Это мне на день. Явное воровство: какие тут четыреста пятьдесят граммов! Как проверить? А, нашел! Есть резинка. Подвешиваю к ней кружку с водой - четыреста пятьдесят граммов. Отмечаю на какую длину растянулась резинка, затем подвешиваю хлеб. Отметки совпадают. Странно, а я думал: недовес. Теперь каждое утро продельваю эту процедуру и каждый украденный грамм воспринимаю как личное оскорбление. Но как быть? Сказать или нет? Нет, не надо. Почувствуют, что меня это задевает, и станут намеренно издеваться. Я оказался прав: в обед, как бы в награду за молчание, раздатчик, пугливо озираясь, сунул мне полную миску каши. Я удивился:

- Мне же не положено!

- Бери, бери, - улыбается тот.

Привалило счастье! Полная миска горячей, дымящейся каши. Я счастлив не столько оттого, что теперь буду сыт, сколько оттого, что стена изоляции разрушена. Сухой, бездушный закон побежден солидарностью заключенных. Теперь я могу отложить на субботу немного хлеба. Как я ругаю себя за то, что на этапе отказался от хлеба: "Спасибо, не голоден!" Как сейчас пригодился бы каждый кусочек! Вспоминаю, сколько сухих корок и недоеденных кусков хлеба валялось на дороге. Вот бы их сюда!

Для субботы нужны свечи. Я вывез из лагеря несколько кусочков парафина. Этот парафин достался мне хитростью. Когда выносил его с завода, меня повели на обыск. Ясно: кто-то донес. Парафин я спрятал под пояс и пока мы шли, незаметно переложил его в рукавицы. Не доходя до комнаты обыска, затеял спор с капитаном Раком:

- Почему обыск?

- Это наше дело! Заходите!

- Нет, других не обыскивают, только евреев!

- Заходите, не то получите карцер!

- Ладно! - жестом отчаяния снимаю рукавицы, бросаю их на скамейку у двери и вхожу в помещение.

Рак ничего не заметил. Когда шмон кончился, я вышел и взял рукавицы.

- Вот видите, - сказал я Раку, - обыскивать было незачем!

В тот вечер я зажег свечу. Она уже успела погаснуть, когда явился Рак. Он по-собачьи потянул носом воздух:

- Что здесь горело?

- Это не здесь!

- Нет, здесь! Снова зажигали свечи? Удалось пронести? Ну, смотрите, поймаю - плохо будет!

Но все это происходило в лагере. Здесь, в тюрьме, как ни странно, наблюдение не такое строгое. В лагере надзиратель целый день стоит над твоей душой. Здесь заглянет несколько раз в день в глазок - и все. На сердце легче - не видеть эту мерзкую форму.

Получасовая прогулка. Такой же, как в других тюрьмах, заасфальтированный дворик на одного. Сверху проволочное ограждение. Но, видно, оно здесь не препятствие. Во время прогулки стучат соседи:

- Ты кто?

- Я политзаключенный Менделевич!

На следующий день стук повторился:

- Кидаю - лови!

Еще не поняв, в чем дело, вижу какой-то белый шарик. Надзиратель, по кличке Рыжий, уже заметил. Стоит, расставив ноги, на наблюдательной вышке и смеется:

- Не поднимай! Током убьет!

Выхода нет. Если я не возьму, шарик подберут, и тому, кто бросил, влетит. То же самое произойдет, если я просто положу его в карман. Когда Рыжий отходит от меня, я быстро наклоняюсь, хватаю шарик и сую в рот. Жеванный хлеб. Противно, но ничего не поделаешь - надо глотать.

Прогулка закончена. Рыжий открывает дверь и смеется:

- Что, перехитрил?

В камере пью кружками воду, засовываю два пальца в рот - вернуть назад записку. Ничего не получается, желудок пуст. Ну, ладно. Сегодня пятница, надо готовиться к субботе. Куском тряпки несколько раз мою пол, потом принимаюсь за унитаз. Скребу его до белизны.

Итак, суббота в тюрьме. Отмечал ее кто-нибудь здесь до меня? Молитва, Кидуш, трапеза - как положено в хорошем еврейском доме. И ничего, что хлеб грубый и нет вина, а рыба - вонючая мелкая килька. Но ведь она - основной белок в нашем рационе, наше мясо". Правда, рыбешка соленая, но можно положить ее в воду, а еще лучше - в кипяток. Тогда получается рыбный суп. А еще можно вынуть кости, и мякоть - на хлеб. Сендвич с рыбой. Кости выбросить? Ни в коем случае! Но ни рыбы кости, ни даже незаконная каша не помогают. Силы так быстро покидают меня, что остается только с утра до вечера лежать пластом на нарах. Такая слабость, словно болен. Я, наверное, действительно заболел тюремной болезнью. С трудом передвигаю ноги, мыслей в голове никаких, вернее, только одна: "За что?" Но надо взять себя в руки. Решено: на исходе субботы начинаю учиться, читать, делать физические упражнения. Но мало решить, надо еще собрать остатки воли и прорвать эту пелену безразличия. Ты словно в раскаленной пустыне умираешь без глотка воды, но вот в последнюю минуту: Выдержать! Жить! - Или ты в неуправляемой машине мчишься к неминуемой катастрофе, но рука впивается в руль: Жить! - Ты в железной клети милицейского воронка, ошалев от дикой тряски, хочешь пробить его непробиваемые стены: Жить!..

Я очнулся от трехдневного оцепенения. В голове пусто, ноги еле передвигаются. Встать, чтобы выжить, чтобы быть человеком, чтобы прийти в Иерусалим. И чтобы молиться Творцу, Который дает силы.

Наконец записка, проглоченная мною, нашла свой естественный выход. Бумагу немного разъело, но все же читать не составляло труда:

"Я, Ничепорук Иван Васильевич, 1931 года рождения, арестован в 1949 году по обвинению в краже. Осужден на пять лет. В 1956 году снова приговорили к трем годам заключения... (Далее перечисление арестов и сроков.) Власти преследуют меня за то, что я не согласен с политикой советского правительства и заявляю об этом открыто. Прошу вашей помощи. Сообщите международной общественности о моей горькой судьбе".

Сколько таких записок я получал потом! Разберись, где правда, а где ложь. Ругает ли он советскую власть потому, что попал в тюрьму за воровство, или его посадили за то, что он ругал советскую власть?! Как бы то ни было, уголовники ее не любят и этим объясняют свои преступления. Но грань между теми, кто сидит за идеи или за воровство, нечеткая. Все страдают, все ненавидят своих мучителей, все мечтают об освобождении. Отсюда тюремная солидарность...

Упаси меня Б-г от дружбы с преступниками, но если дневальный сует тебе лишнюю порцию хлеба, будь он вор или убийца, разве можно не взять, а взяв не поблагодарить? Правда, обычно такие поступки не так уж бескорыстны...

Библиотекарь, разносящий книги по камерам, сует мне в кормушку пакеты с маргарином и сахаром.

- Там письмо. Прочтешь, приготовь расписку.

"Йосеф, добиваемся разрешения сидеть с тобой вместе. Посылаем продукты. Изя и Абрам".

Был ли более светлый день в моей жизни? Я не одинок! Молюсь и плачу от счастья. Снова возвращаюсь в Израиль. Я опять ожил. Учю иврит и Тору. Делаю физзарядку, занимаюсь бегом, а еще веду сделки с дневальными. Вот, например, одному понравились мои очки. Он хочет пользоваться ими как биноклем, чтобы наблюдать за улицей, по ту сторону тюремной стены.

- Принеси кило конфет!

- Ладно, давай очки! День, два жду - не несет.

- Ну, где конфеты?

- Да ты не торопись, сказал принесу, значит принесу!

Вижу, что слова он не сдержал.

- Отдавай очки, а то хуже будет!

- Ты что, сволочь, донесешь на меня?! На, хватай свои очки! - бросает их через кормушку.

Да, пережал пружину. Жаль! Забыл закон: так сделки не заключают. Кончились мои сытые дни. Теперь он и лишней рыбки не кинет, а очки что ему? Попользовался, а надоело - отдал. Да, дельца из меня не вышло. Кто же в тюрьме дает, не требуя платы вперед? Ну, ничего, как-нибудь в другой раз...

15 июня - годовщина ареста. Объявляю голодовку, опять пишу заявление об отказе от советского гражданства, а пока прошу посадить меня вместе с Абрамом и Изей. Приходит худой, длинный и, как всегда, пьяный офицер МВД Дойников, по кличке Колпак. Официальная должность - "воспитатель". В его обязанности входит "влезать в печенку" и в сердце заключенного, "бить по костям" и "по желудку". Он обещает удовлетворить мою просьбу - объединить меня с товарищами. Это очень важно.

И вот встреча. Нас троих переводят в четвертый корпус. Тащим мешки с книгами и вещами. Разглядываем друг друга. Не изменились. Бородатые и веселые. Вот жизнь-то начнется! Вступаем во владение двадцать седьмой камерой. Кроме нас здесь еще двое - Баграт и Размик. Всего пятеро. Сначала мы не могли наговориться, потом все стало на свои места. Каждый живет по-своему. Абрам с утра весь в чтении газет и книг. Любая строчка об Израиле не проходит мимо. Говоришь с ним, и будто побывал в Израиле. Однако сразу же обнаруживаются разногласия. Абрам - за существующую в Израиле систему выборов. Изя - за власть президента, наподобие американской. Я вообще в стороне. (Я - за власть Торы.) Но любой повод хорош для спора - можно даже и непринципиальный. Например: почему так быстро уходит мыло?

- Ты же знаешь, что в месяц выдают всего один кусок на пятерых, а ты каждый день моешь лицо мылом. Да еще и голову под краном в камере. Неужели не хватает тебе одного раза в неделю в бане?

- Что поделаешь - у меня кожа жирная. Я спать не могу, если не вымою. Мыло не оттого быстро кончается, что я мою им лицо и голову, а оттого, что ты не снимаешь с него пены, а пена разъедает мыло.

- Тогда будем пользоваться черным мылом в камере, а туалетным - в бане.

- Нет, баня один раз в неделю, можно взять и черное, а руки надо мыть хорошим.

- Много ты понимаешь - черное разъедает белье. Если им стирать майку, то через две стирки ее надо выбросить.

- Йосеф, почему молчишь? Ты как думаешь?

- Ребята, я вообще без мыла моюсь, а в бане дают кусочек, и мне вполне хватает.

- Не прикидывайся скромным! Хочешь показать, что ты лучше нас?

Когда друзья день и ночь вместе - тоже плохо. Не разойтись ни на минуту, не уйти в другую комнату. Здесь трудно совладать с собой. Когда-нибудь раздражение должно прорваться.

Вот и разберись в человеке. Один говорит, что не рассчитывает на освобождение, что оно его не интересует, и вдруг оказывается: он только этим и живет, и если рухнули надежды, он злится, бесится и бранится со всеми. Другой чувствует, что над ним смеются, и старается отомстить за насмешки, а заодно и завоевать расположение сокамерников - несовместимые задачи. Третий чувствует, что нравственно опускается, и поэтому с ума сводит друзей своей излишней щепетильностью. У каждого свои слабости. Здесь их не спрячешь... Особенно тяжело, когда один хочет распоряжаться другими.

Как-то на прогулке Абрам рассказал:

- Я привез сюда много стереооткрыток. На шмоне у меня их отобрали и положили в личные вещи. Вызывает Коля Обрубов, ну, знаешь, местный кагебист, и предлагает: "Продай мне открытки! Я их собираю!" Я подумал и согласился. Он стал носить мне хлеб, колбасу, яблоки. Одна открытка - два рубля, с японкой - три. Через некоторое время Коля говорит: "Так неудобно, понимаешь, нужен повод для встреч. Я включу тебя в список агентов, но ты будешь числиться только формально". - И продолжает носить продукты. Потом опять вдруг заявляет: "Начальство требует работы. Может, напишешь какой-нибудь рапорт?" Я согласился, но донос писал вместе с тем зэком, на кого наступал. Он собирался в ссылку и хотел протолкнуть начальству туфту. Так и началось. Я пишу ложные доносы, а Обрубов носит мне продукты. Как ты считаешь - продолжать или нет?

- Думаю, надо немедленно прекратить эту игру. Из-за продуктов не стоит с ним связываться!

Он смотрит на меня внимательно. Глаза печальные. Видно, еще что-то хочет сказать, но молчит. На следующий день снова вместе шлепаем по грязным лужам тюремного двора на крыше.

- Я тебе еще не все рассказал, - говорит Абрам. - Теперь доносов им мало. Хотят

заслать меня в Израиль. Думаешь, стоит дать согласие?

- Ни в коем случае! Кто знает, что из этого может выйти! Пока ты в их власти!

- Нет, я все-таки продолжу игру с Колей, - вздохнул Абрам.

После каждой встречи с Колей он приносил продукты, а мы их ели и подкармливали других. Вокруг нас всегда движение. Дневальные за взятки передают записки из камеры в камеру, раздатчики - продукты. Конечно, все за определенную плату. Ведем переговоры с Инессой о передаче денег в тюрьму. Инесса - молодая полная надзирательница. Хорошо относится ко всем, разговаривает по-человечески. Это запрещено. Вероятнее всего, она так себя держит не без ведома начальства: важно знать наши финансовые возможности и связи с волей. Впрочем, иногда ее поступки говорят об обратном. Она действует явно в ущерб кагебистам.

- Инесса, передай газеты (или: махорку) в тридцать первую!

Передает сразу, а в махорке - письмо. И она это знает.

Странно видеть женщину в тюрьме. Приходит в хорошем настроении - смеется, поет, все и всем разрешает. Приходит в плохом - на вызовы не идет, ругается, ничего не передает. Мужчин присутствие женщины возбуждает. Из каждой камеры доносятся шуточки. С нашей камерой она в особых отношениях: говорит подолгу, иногда угощает конфетами. Кто ей больше нравится? Мне она безразлична. Если бы меня спросили, какая самая опасная болезнь в тюрьме, я ответил бы: безразличие. От недостатка еды это? От недостатка общения с внешним миром? Кто знает! Но с каждым днем меня все меньше и меньше интересует, что творится за стеной, в другом мире, и "изобилие" продуктов не радует. Действительно изобилие: ложка маргарина, ложка повидла, кусок яблока - вот и все. А разговоров вокруг!

...Абрам достает продукты - значит, он главный. Может, одна из причин его связи с Колей - желание быть кормильцем камеры. Человеком, из рук которого все получают пищу и поэтому должны питать к нему чувство благодарности. А он словно и не претендует на это. По сути дела наши ежедневные мелкие стычки сводились к одному: доказать всем и прежде всего самому себе, что ты необходим другим и в тебе все нуждаются.

- Изя, возьми еще хлеба. У нас много. Йосеф, возьми каши, я достану еще.

- Спасибо, не хочу!

Мой отказ воспринимается как личная обида:

- Но ведь ты обещал, что будешь есть вместе со всеми, чтобы не смущать других.

- Есть, чтобы доставить тебе удовольствие? Каждый ест, сколько хочет!

Я демонстративно показываю, что не нуждаюсь в одолжениях. Изя ест все, а протест выражает иначе. Он не допускает лидерства других. Он слишком независим. Но от этого никто не выигрывает, даже он сам. Споры, бесконечные споры, которые заканчиваются словесным бойкотом на день-два.

Баграт - воплощение слабости человеческой. Он берет все, что дают, не стесняясь, а если можно выбрать лучший кусок, выбирает. Например, осталась буханка хлеба:

- Какой хлеб пошлем в тридцать первую?

- Черный, - отвечает Баграт, - у меня от него желудок болит.

- А сами будем есть белый? У нас желудок нежный, а они как хотят! - гневно спрашиваю я.

Баграт замолкает. Он оскорблен. Абрам делает мне замечание:

- Мы ведь евреи! Здесь, в камере, мы в большинстве, и поэтому должны считаться с тем, что другим в нашем обществе может быть неловко, а ты их еще и оскорбляешь.

- Да я его не оскорблял. То, что предлагает Баграт, нечестно.

- Йосеф, не смущай людей, - говорит Изя. - Дай им жить, как проще.

Изя неглупый парень. Он, возможно, и прав. Но я не согласен жить по его указке.

Вот, история с водой. Днем во всей тюрьме отключают воду. Мы установили дежурство. По ночам, когда подают воду, первым встает дежурный, наполняет посуду, потом будит остальных - в туалет или напиться воды. В полумраке движутся привидения.

Отсутствие воды совпало с посещением тюрьмы прокурором. Он совершал свой обычный обход. Абрам предупредил: не задавать никаких вопросов. Помощник начальника по режиму, Федотов, устраивает повальный шмон после ухода прокурора, если тому жаловались. В ответ на каждую последующую жалобу отбирает вещи у заключенных. Договорились молчать.

Входит прокурор. "Вопросы есть?" - Молчим. Он удивлен: везде жалуются, а тут молчат. Довольный Федотов объясняет:

- У них вопросов нет. Они едут в Израиль.

Сердце сжимается от стыда: Федотов считает, что мы у него в кармане. И я выступаю вперед:

- Уже неделя как нет воды!

У прокурора ответ готов заранее, и пока он отвечает, Федотов делает первый карательный рейд.

- Что это? Лишний хлеб? Забрать!

- Есть еще вопросы? - спрашивает прокурор.

Больше у меня вопросов нет. Все молчат. Начальство выходит. Двери закрываются. Абрам набрасывается на меня:

- Надо быть ослом, чтобы после моего предупреждения открыть рот.

- Но ведь вся тюрьма жалуется на отсутствие воды, а мы - в кусты?

- Посмей еще раз!

Я не привык, чтобы со мной так говорили, и сразу замолкаю. Долго оба молчим. И только в бане начинаем разговаривать. Здесь, с глазу на глаз, совсем иначе себя чувствуешь. Напряженность исчезает. Такое ощущение, будто все вернулось к прежним, рижским, временам. Мы прощаем друг другу. Но вечером, чтобы взять реванш за уступку, снова начинается спор вокруг еды:

- Йосеф, возьми еще каши, я достал.

- Спасибо, не хочу.

- Нет, возьми, - кладет мне своей ложкой кашу.

- Я вообще есть не буду!

- Почему ты упрямишься?

Бессмысленная борьба из-за мелочей наводит на меня ужас. Мне вдруг становится трудно дышать. Сказать нечего. Я как мальчишка, которого все отчитывают и поучают.

- Не позволю, чтобы мне указывали, что и сколько я должен есть!

- Это глупое упрямство. Ты возводишь ерунду в принцип!

Возможно, действительно глупость. Но в этой "сытой" камере я очень похудел, просвечивали кости. Я ограничивал себя во всем и мечтал о куске хлеба, который съем, когда захочу. Я мечтал побыть одному, не улаживать отношений, не спорить и не молчать перед начальством из-за страха лишиться чего-либо. И от этого желания, так противоречащего нашей мечте о братстве и единстве, невольно навертывались слезы. Слезы стыда и бессилия. Наш позор, наша слабость оттого, что под видом взаимной выручки мы опутали себя липкой паутиной мелочных интересов.

Но сегодня у нас праздник. Праздник примирения. Мы снова разделяем рыбу для паштета. Завтра Баграт вынет ее из воды и смешает мякоть с хлебными крошками. Мы склонились над картой Израиля, которую Абрам получил от Коли. Изучаем Синай. Идут переговоры об отводе войск. Считаем количество добываемой нефти, размышляем над альтернативными источниками энергии. Учим с Изей иврит. Он занимается по последней части "Элеф милим". Потом около часа практикуемся в разговорном языке на темы о нашей будущей жизни, о месте жительства, об учебе, о женитьбе.

- Мне найти жену будет просто. Пойду к сватам, и найдут мне, какую захочу, - рассуждает Абрам.

- Это ты серьезно? Нет, я так не хочу, - решает Изя.

Затем начинаем урок Танаха. Изя читает вслух, я кое-где поправляю. Книга еще из лагеря.

А в тюрьме все идет своим чередом: где-то за стеной режутся в карты, быть

может, на чью-то жизнь.

- Где Сережа? - спрашиваем как-то у библиотекаря.

Сережа - дневальный. Его уже несколько дней не видно.

- А его зарезали. В карты проиграли, - следует спокойный ответ.

То и дело слышишь: такой-то приговорен к расстрелу за убийство. Такой-то зарезал соседа, сводя с ним личные счеты. И так все время: кровь, ножи, шантаж - обычная тюремная жизнь. А мы здесь читаем Тору...

Дикие вопли из окон. Топот солдат, бегущих расправляться с бунтовщиками. А я за субботним столом делаю Кидуш. Сколько раз я повторял его в разных местах, в разных углах, при разных обстоятельствах. Но всегда одни и те же слова, и та же Царица Суббота незаметно спускается к нам и наполняет камеру ожиданием великого счастья, великого часа - прихода в Иерусалим...

От одного нельзя избавиться в тюрьме - от "коней", запрещенных передач из камеры в камеру. Например, договариваемся с нижней камерой о том, что вышлем им махорку. К длинному шнуру привязывается пакет с махоркой и просовывается в щель между решетками. Снизу ждут передачу, но пакета не видно, так как мешает металлический щит. Прутиком веника ловят пакет и, поймав, тащат в камеру. Вообще это непростое дело, а тут еще застать могут.

Снаружи ведется постоянное наблюдение. Надзиратели срезают "коней" ножницами, насаженными на длинные палки. Для предосторожности эки расставляют дежурных, которые следят за передвижением надзирателя по коридору. Но, как говорят, "конь о четырех ногах, и то спотыкается". А споткнулись, значит кому-то в карцер.

Там своя система снабжения. В полу камеры над карцером проделано отверстие, через которое спускали продовольствие для отбывающих наказание. Вся тюрьма обычно собирает продукты для них. Собирает все, вплоть до кусков мяса, выловленных из супа. Тут не делали различия между политическим и уголовником - всем поровну. Ну как отказаться от этой небезопасной игры с надзирателями? Как можно не передать продукты, если их ждут наши товарищи в карцерах?

Существовало еще несколько линий связи: "кабур" - отверстие в стене между камерами. Сколько бы ни заделывали эти дыры, их со звериным упорством пробивали заново. Политические этого бы не делали: ради такой дырки сидеть

в карцере не стоит. Уголовники не вдавались в расчеты. Для них это была жизнь: дыры, "кони", карцеры, переговоры через унитаза, через трубы... Они жили этим и ради этого. Однажды к нам зашел Дойников: - Вы передаете посылки в другие камеры. Вы же сознательные! Хотя бы проверили, что передаете! Вы им ножи пересылаете, а они потом этими ножами режут друг друга!

У Дойникова на этот счет был богатый опыт. Кто-то из ручки ведра сделал нож и напал на Колпака. Он еле ноги унес и теперь выглядел еще более жалким, чем прежде. Дойников подошел к нашему кабуру и засунул туда ключ - как в змеиную нору. Оттуда действительно раздалось шипение: уголовники слушали весь наш разговор и свое мнение о нем выдали сочным матом.

С уголовниками мы переговаривались через дыру.

Узнав, что за стеной сидят сионисты, они забрасывали нас вопросами об Израиле: "Почему евреи бегут в Израиль, что им, тут плохо?" "Почему Америка поддерживает арабов, ведь Рокфеллер сам еврей?" "Почему Брежнев не едет в Израиль, ведь он жид?" И все в таком же духе. Мы послали им израильские открытки. Одну из них они не хотели вернуть - там изображалась девушка-солдатка с автоматом наперевес. "Вот это - да! Вот это деваха!" - восхищались они.

Уголовники присылали нам через кабур свои дела, чтобы мы, как "грамотные", писали им заявления. Сколько в приговорах было юридической несуразности и небрежности!

Невольно возникал вопрос: кто больший преступник - судьи или осужденные? Заметив, что уголовник, которого случайно посадили в нашу камеру, залез на окно и ковыряет стену, чтобы вытащить кирпич, Абрам спросил:

- Витя, ты зачем это делаешь?

- Убежать хочу!

- Так ведь поймают!

- Поймают, да не сразу! Месяца три погуляю на воле!

- Тебе за это три года прибавят. Стоит ли ради трех месяцев?

- А чего прибавлять? Я ведь снова сбегу. Мне тюрьма - дом родной.

Витю подозревали в сотрудничестве с органами, но Абрам, как "специалист", утверждал, что это не так.

А вот другой канал передач - унитаз. В спичечный коробок засовывали послание, завернутое в полиэтилен. Затем коробок, привязанный к многометровой нитке, спускали в канализацию. В другой камере делали то же самое. В канализационном стоянике, куда попадали нечистоты всего здания, две коробочки сталкивались и сцеплялись. Теперь заинтересованная камера могла, как рыбу на удочке, вытянуть послание. Метод надежный, но требовал ловкости и терпения.

Передачи шли также через заключенных из хозяйственной obsługi. Когда надзиратель не видел, они могли подойти к двери и открыть кормушку. Особых предосторожностей не требовалось, так как в obsług брели людей с согласия Коли Обрубова. Записки принимали охотно - из них все можно узнать. Конечно, эки понимали это и писали не обо всем. Однако если заключенные становились чрезмерно осторожными и записки не представляли никакого интереса для Коли, дневальные отказывались их передавать: "Слушай, друг! Не могу. Следят со страшной силой!" А если брали, то требовали за это плату. Она вручалась после того, как приносили расписку о получении.

Нужно понять, на кого работает дневальный. Если на "кума" (начальника оперчасти), то передавать не стоило - за это могло влететь; если на "летчика" (кагебистов, носивших, как и летчики, синюю форму) - можно не бояться: Коля не наказывал. Но не спрашивать же в самом деле: "Слушай, на кого ты работаешь? На Колю или на Федю?" Поэтому по-прежнему в ходу был способ передачи записок на прогулочном двореке. Только успевала захлопнуться его дверь, как из соседнего дворека раздавались глухие стук в стену:

- Какая?

- Два-шесть!

- Принимай!

И уловив момент, когда охранник на помосте отходил к другому двореку, бросали посылку или "маляву" (записку). Посылки бывали разные - весом до двух килограммов. Чего только ни посылали! Сахар, маргарин, чай, тусы, майки, носки, куски железа, напильники, гаечные ключи. Вся операция занимала считанные секунды, но надзирателей трудно было провести. Благо

они были очень ленивы.

Если записка маленькая, ее кидали с размаха, и она, пролетев несколько дворигов, попадала в цель. Никто из нас не любил участвовать в этих передачах. Уголовникам редко попадало за них, а нам, если ловили, - всегда. Но уголовники как назло при каждом удобном случае старались использовать нас. Отказать им невозможно, ведь вся Хроника тюремных событий передавалась на волю через них.

Владимирская тюрьма, очевидно, одна из немногих, где содержались настоящие "воры в законе", такие, как еврей Бриллиант и армянин Андо. Начальство вело с ними беспощадную войну. Их держали в подвале, где окна были затянуты дополнительной мелкой сеткой, чтобы не протащить "коня". Однако вся тюрьма работала на них, и, вне сомнения, многие надзиратели состояли у них на содержании. Ашот Навосардян рассказывал мне, что в Тбилиси местные воры пригласили его к себе в камеру. Его привел туда подкупленный ими офицер. Вслед за ним внесли ящики с вином и закуской.

Мы не могли отказываться от межкамерных передач еще и потому, что именно мы, политические, были разобщены, содержались в разных камерах, и для нас такие передачи являлись единственным способом общения. В этих рискованных операциях закалялся характер эков. Передача происходит на глазах у охраны, и тот, кто не рискует, остается в проигрыше.

Приобретенные навыки скорогодились, так как меня неожиданно отправили в больницу. Анализ, который я сдал месяца три назад, оказался плохим, и меня решили госпитализировать.

- Почему сказали только сейчас?

- Забыли.

Эта "забывчивость" выглядела странно и подозрительно, но делать нечего - пришлось идти. А вдруг действительно болен? В больнице я встретил уже знакомых уголовников - Витю Анисимова и Баграта. Они "обжирались". Здесь давали стакан молока и тридцать граммов масла в день. Однако сама мысль о переедании была мне противна, я продолжал худеть и ждать лечения. Что я, гусь, чтобы объедаться?

- Может, все-таки проверите еще раз? Может, ошибка?

- Нет, не ошибка. Вот таблетки, принимайте!

Выхода нет - нужно глотать. Начался сильнейший понос, и возникли дополнительные трудности. Больница в этом смысле - самое страшное место в тюрьме. В камере-палате, рассчитанной на одного человека, лежат трое. Канализации нет. Один вонючий бачок. На оправку выводят точно по расписанию. Я попросил другое лекарство. Мне снова выдали таблетки. Их здесь не жалеют, но неизвестно ни их название, ни их назначение. С тех пор начались мои мучения с желудком. Все "лечение", как потом оказалось, было нужно для того, чтобы изолировать меня от Изи и Абрама.

4 апреля 1978 года меня выписали из больницы и посадили в камеру номер тридцать один. Здесь находились Анисимов, Загробян, Приходько и Шелудько. Витя Анисимов получил пять лет тюрьмы за то, что, выскочив из камеры, избил раздатчика - тот дал ему меньше, чем положено. Загробян - армянский националист. В день приезда Косыгина в Ереван он на центральной площади города сжег портрет Ленина. Дали пять лет. Приходько, в прошлом офицер, специалист по ракетным установкам, получил пятнадцать лет за участие в борьбе за права человека. Гена Шелудько - молодой спекулянт. Совершив побег из лагеря, он угнал в Хельсинки самолет с пассажирами, и там, после трехдневной осады, сдался финским властям. Его выдали СССР, и в 1977 году приговорили к пятнадцати годам заключения. Все они люди разные; ничего, кроме камеры, их не объединяло. У каждого куча обид друг на друга, масса претензий. У одного - жажда власти, у другого - мания преследования, у третьего просто больные нервы. Я потребовал вернуть меня к друзьям. Дойников отказался, и я объявил голодовку. Мне обещали перевести дней через десять.

Приближался Песах. Неужели придется встречать праздник в этой компании? Ничего не поделаешь. Прежде всего объявил всем, что один угол в камере считаю своим. Вычистил оттуда весь хамец. К вечеру зажег свечку и стал искать крошки квасного. Заключенные смотрели на меня с удивлением: вроде бы нормальный, а при свете ищет чего-то со свечкой. Я им все объяснил. На следующий день сжег собранные крошки. Трудность заключалась в том, что рядом со мной продолжали есть хлеб и крошки падали на пол. Сказать, чтобы не ели? Они и так принимали меня за чудака. Я предупредил их, что отдам им свой хлеб и всю остальную пищу, потому что они квасные. Для этого пришлось объяснить Приходько, как самому разумному из них, что мне можно, а чего нельзя есть в Песах. Дал им попробовать немного мацы. В камере закон: все поровну. И хотя сказал, что не могу есть квасное, они не приняли это всерьез. Мама испекла мне из израильских продуктов особые пасхальные коржи, которые должны были заменить все. Пришлось поделиться с сокамерниками. Никто из них не догадался предложить мне взамен что-нибудь из того, что я мог есть.

Я вновь по памяти записал текст пасхальной Агады. Править Седер помогла израильская открытка, на которой изображалось пасхальное блюдо со всем необходимым для Седера.

Загробян взялся передать мацу Изе и Абраму. Для этого он, встав на меня, перебрал в камеру к уголовникам мешочек с мацой и изюмом. Потом те переправили Изе и Абраму. Теперь они тоже могли встречать праздник.

Накануне Песах я получил письмо из дома. Отец несколько месяцев тяжело болел. Начался отек легких, поднялось давление. После выписки из больницы они с мамой решили, что надо уезжать в Израиль. Получить разрешение на выезд в 1978 году было несложно. В письме они даже сообщили о дне отъезда из Риги. Хотя причина такого решения была малоутешительной, меня не оставляло чувство радости: наконец-то они будут жить в Израиле!

С этим чувством я праздновал Песах, дни Исхода. А ведь мы тоже поколение Исхода. Казалось бы, нам грозила полная ассимиляция. Но искра любви к еврейскому народу, к Земле Израиля дала нам силы подняться, и она с Б-жьей помощью выведет нас на свободу.

Первый Седер. На стол, сооруженный из куска картона, положил мацу и начал читать Агаду. Трое гоев уставились на меня в изумлении и все мои действия воспринимали как спектакль. Когда он им надоел, они бесцеремонно потеснили меня, хотя я еще не закончил. Вдруг приспичило писать письма. Но они не могли мне помешать. Я был так далеко от них!

Восемь дней Песах. Восемь голодных дней. Я знал, что в голод, когда жизни грозит опасность, разрешается есть хлеб даже в Песах. Но я считал, что здесь смертельной угрозы нет. От раввина Хаима Друкмана я получил официальное письмо с разрешением есть все, что дают. То же самое раввин Шломо Горен сказал моей сестре Еве.

Прошла неделя после Песах, а меня все еще не переводили к ребятам. Утром принесли хлеб - я не взял. Принесли сахар, кашу - не взял. Прибежал Дойников и объяснил, что произошла задержка. Сегодня же переведут. Действительно, спустя несколько часов я был уже в прежней камере. Это произошло в День Независимости. Праздник я отмечал дважды: сначала один, так как по моим подсчетам он выпал на вторник, а потом вместе с Абрамом, по расчетам которого он приходился на среду. Во второй раз это был настоящий праздник. И потому, что мы отмечали День Независимости, и потому, что вновь встретились. Конечно, было о чем рассказать - ведь прошло два месяца, как мы не виделись. Конечно, я набросился на израильские письма...

По времени это совпало с началом судов над Орловым, Гинзбургом, Щаранским. Витю Анисимова вызвали в качестве свидетеля на суд над Орловым. От Вити требовалось рассказать об условиях содержания заключенных Владимирской тюрьмы. Естественно, Анисимов дал показания, нужные суду. На вопрос о том, как ему лично живется в тюрьме, он ответил, что "неплохо". Действительно, как агент-осведомитель он жил там вполне сносно. Вернувшись, он оправдывался: "Но ведь я сказал правду о себе, а о других меня не спрашивали!"

Несомненно, его "правду" истолковали так, как требовалось органам: все заключенные во Владимирской тюрьме содержатся в нормальных условиях, а Орлов злобно оклеветал советские порядки. За свидетельские услуги Анисимову обещали сократить срок. Но в тюрьме ему объявили бойкот. На этом настоял Гарик Суперфин. Он давно знал Витю и считал его предателем. Теперь его подозрения подтвердились. Гарик со звериной злобой кидался на дверь, когда мимо проходил Витя. Трудно точно сказать, чем объяснялась такая крайняя нетерпимость. Возможно, тем, что ему надо было восстановить свое доброе имя.

Еврей по национальности, Гарик рос в ассимилированной семье. Его арестовали за диссидентство. Сначала он отказывался давать показания, а потом, очевидно, его сломали. Хранитель архива самиздата, он обладал феноменальной памятью и выложил кагебистам все, что знал о людях, способах связи, каналах информации. За такую услугу Гарик получил небольшой срок. Оказавшись в лагере, он снова почувствовал себя борцом против советской власти. Этот кающийся грешник отличался крайней нетерпимостью к любым проявлениям чужой слабости. В это время у него умерла мать, и несчастье его еще больше ожесточило. Вместо того, чтобы спорить с ним, я послал ему сиротский Кадиш (поминальную молитву). Он попросил объяснить значение некоторых слов. Я переслал Гарику уроки иврита. Он заинтересовался. Так незаметно для самого себя стал изучать иврит. Связь между нами велась по "кабуру": он сидел через камеру от меня, и уголовники передавали нашу "почту". Кто знает, чем был вызван его неожиданный интерес к ивриту? Может быть, тем, что он филолог, или же за этим стояло нечто большее? Во всяком случае, он интересовался смыслом заповедей. Гарик носил крест, хотя не был крещен. Он страдал оттого, что его еврейская душа не находила себя в чужом мире...

Недолго мне пришлось сидеть с Абрамом: срок его тюремного заключения кончился. Меня перевели в прежнюю камеру, где уже не было Анисимова. Не в силах выдержать общее презрение, он упросил начальство отправить его в

третий корпус. Приходько и Шелудько получили по пятнадцати суток карцера за переговоры с другой камерой. Мы с Загробяном остались вдвоем в пятиместной камере. Вначале любопытно выслушать историю жизни нового человека, рассказать свою. Но не дай Б-г сидеть с ним дольше, когда устаешь от него и можешь сцепиться с ним мертвой хваткой.

Однажды утром, до подъема, меня разбудила Инесса:

- Щаранского привезли.

- Где он?

- Сидит в этапке. Страшно бледный, слабый. Есть ему не дают, а держат уже всю ночь.

- Я ему передам что-нибудь поесть. Отнесете?

- Нет, не могу. Там внизу дежурят.

- Ну, может, пачку махорки? - Я хотел положить туда записку, и она, разумеется, поняла.

- Сказала: не могу.

На этом разговор закончился. Я бросился к унитазу - вызывать нижний этаж. Из карцера отозвался украинский националист Гайдук:

- С этапкой связаться не могу. Она изолирована от других камер.

Тогда я попытался переговорить по трубе с камерой, ближайшей к этапке, но никто не отозвался. Вчера ээки во время обхода отказались там встать с коек. За это их посадили в карцер. В камере остался дед, которого прозвали Буратино за деревянные протезы рук и ног. Дед был глухой и не мог разобрать, что я ему говорю.

За моими метаниями от унитаза к трубе смеясь наблюдала Инесса. Действительно со стороны, должно быть, смешно на это глядеть. Для того, чтобы говорить по унитазу, надо было предварительно тряпкой выкачать оттуда воду - занятие не из приятных. Затем засунуть голову в толчок и накрыться чем-нибудь, чтобы тебя не слышали на другом конце коридора. Но вот Инесса подошла: "Ну, кончай, сейчас на смену заступит другой". Так я не смог связаться с Натаном, а ведь его надо предупредить о провокаторах и,

главное, об Анисимове.

С провокаторами дело обстояло сложно. В тюрьме каждый подозревается в стукачестве, а доказать удавалось редко. Иногда в порыве откровения люди сами раскрываются, как, например, двадцатипятилетний Лукьяненко. Он согласился работать на Колю за белый хлеб и колбасу. Раз в неделю приходит к нему. Регулярно.

Однажды два украинских националиста, Турик и Гайдук, разоткровенничались о том, как КГБ вербует агентов. Турик подытожил:

- А что, ради дела можно и поработать на них...

Гайдук решил, что Турик прощупывает почву, и резко оборвал его:

- Даже ради пользы дела нельзя работать на КГБ!

Приходько, находившийся тут же, поддержал Турика. И Гайдука вдруг осенило: оба они агенты КГБ. Он отказался сидеть с ними в одной камере. За это отсидел в карцере, а когда его опять привели в ту же камеру, отказался войти. Он снова получил карцер, потом опять его попытались затолкать в ту же камеру, но там он увидел своего идейного врага - не Турика, которого отправили досиживать срок в лагерь, а Приходько.

Гайдук остановился на пороге: войти или нет? Возвращаться из-за этого в карцер? Пока он раздумывал, два здоровенных надзирателя втолкнули его в камеру. Роман Гайдук задрожал от гнева и досады, разрыдался. Я не был с ним знаком, но мне его стало жаль. Я подошел к нему, чтобы как-то успокоить:

- Роман, здесь ведь не один Приходько. Будете сидеть с нами, а не с ним!

Принес ему миску каши, дал ложку. Он принялся есть и немного успокоился. Когда дней через пять Приходько уже этапировали в зону, Романа снова посадили на пятнадцать суток за старый отказ войти в камеру.

Да, не стоит возводить мелочи в принцип. Иногда доходило до смешного. Бондарь в знак протеста против несправедливости решил не разговаривать с работниками органов. Однако вскоре до него дошло, что этот протест бесполезен и создает непредвиденные трудности: нужно чего-то требовать, добиваться, но как? И он нашел выход из положения: объясняться с дежурными на пальцах или писать на бумаге. Антонюк в знак протеста против плохого лечения отказался ходить к врачу. Но поскольку лечиться ему все-таки нужно

было, он просил эков приносить ему лекарства. Другой эк уверял, что для подавления воли в еду добавляют специальные препараты. Когда Загробян предложил съесть его порцию, тот отказался и молча сам все съел. Ничего с ним не случилось.

Или, например, кампания заявлений. Первое место во Владимирской тюрьме занимал, вероятно, Ури. Ему пачками привозили бумагу и конверты, которые он закупал в ларьке. Однажды к своему очередному заявлению он приклеил дохлую муху - вещественное доказательство антисанитарии в тюрьме. В день писались сотни заявлений по всякому поводу и без повода вовсе. Не всегда эки выражались прилично. Часто шел сплошной мат. Так эки сами сводили на нет значение своих заявлений.

Между тем меня, Гайдука и Заряна перевели в другую камеру. Окна закрыты железным щитом, пол влажный, от свежевыкрашенных стен исходил отвратительный затхлый запах. Вдобавок ко всему камера маленькая и приходилось целый день сидеть, втиснувшись между койкой и столом. Единственное, в чем повезло, - репродуктор. Его можно было выключать. Прежде он был вмонтирован в стену и орал круглые сутки. Но Зарян засунул в него гвоздь, и репродуктор замолк. Вызвали техника: ведь согласно Правилам нам положено слушать пропагандистские передачи. Тот починил радио, разбив стену, но заделывать ее снова не стал. Так у нас появилась возможность регулировать громкость. В большинстве случаев радио вызывало дополнительные конфликты. Одному оно мешает читать, другому делать нечего и хочется его слушать. Начинается ругань, ссоры. Многие камеры решили вообще не слушать передач.

Итак, пока мы втроем - Загробян, Зарян и я. Ждем Гайдука из очередной отсидки. Каждый от своей порции оставляет немного для него. Возвратится, захочет есть. Говорим о том, как меняются времена. Раньше некоторые надзиратели приносили еду нашим ребятам в карцер. Но все испортил Сергиенко. Ему кто-то дал бутерброд. Он съел, и через час у него разболелся живот. "Ясно: КГБ отравило!" И он завопил:

- Провокация! Отравили!

Прибежали надзиратели, началось разбирательство. Оказалось, что дежурный незаконно передал Сергиенко хлеб. Дежурного уволили, а за Сергиенко закрепилась плохая репутация. Хлеб перестали носить: "Еще донесете, с работы уволят".

Привели из карцера Романа Гайдука. Худой, обросший бородой. Накинулся на

еду. Мы сидели вокруг него и слушали, как было дело. Вдруг принесли письма. Мне тоже. На этот раз из Риги, от Сарры Зинабург. Она должна была сообщить об отъезде родителей. Сарра пишет: "Иосиф, надеюсь, вы уже оправились от потери. Ваш отец был светлым человеком, которого любили все..."

Строчки поплыли перед глазами. Что это значит? О какой потере она говорит? Почему "любили"? Нет, не верю! Из письма ничего не ясно. Надо проверить. Это ошибка! Они в Израиле. Отца нет?! Не может быть! Меня охватил ужас. Отчаяние и безнадежность...

- Ребята, умер отец...

Прекратились разговоры, все смотрят на меня:

- Как?

- Не знаю...

Молчание. Затем соболезнования. - Вдруг все рухнуло, я осиротел...

...Последние дни перед отъездом были невыносимо тяжелы для отца. Для получения визы надо было сначала сдать свою квартиру в домоуправление и жить в чужой. Но главное не в этом. Он не мог примириться с мыслью, что оставляет меня одного. И сердце не выдержало... Еще накануне вечером он обсуждал с мамой последние известия, говорил с теми, кто собирался уезжать. Лег спать. Ночь семнадцатого тамуза. Мама услышала: "Мне плохо". Подошла, но было уже поздно...

В пустой, залитой лунным светом комнате, мама просидела всю ночь. Причитала: "Хотя бы один день, Моше, только бы доехать! Мы же обо всем договорились: как будем жить в Иерусалиме и как встретим Йосефа. Об одном не договорились: что мне делать без тебя".

Что же теперь? Ехать? Ждать Йосефа? И ей послышался ответ отца: "Я хочу ждать Йосефа в Иерусалиме".

Оторвавшись от холодного тела, эта мужественная женщина отправилась выполнять последнюю волю мужа. Было трудно. Все против. Зачем помогать отцу преступника? К тому же законы СССР не позволяли вывозить тела умерших. Да и как вывозить?

- Тело надо положить в формалин, в серную кислоту!

- Но ведь кислота разъест тело?

- Ничего не знаю, такова инструкция.

Увидев муку в глазах женщины, чиновник уступил:

- Ладно, подпишу и без этого!

Теперь предстояло получить разрешение вывезти тело. Помогли ходатайства премьер-министра Израиля Менахема Бегина и министра Ландау, а также Генри Киссинджера.

Восьмого ава мама привезла тело отца в Иерусалим, где будет жить его сын. Теперь с Масличной горы он видит Храмовую гору и всю Святую Землю.

Отец умер 17-го Тамуза, в день, когда евреи на протяжении многих веков соблюдают пост в память о бедствиях, постигших народ. А тело отца предали земле 9-го Ава, в день поста и траура по разрушению Храма.

Так, не зная о личной потере, я плакал и постился вместе со всем народом. Я соблюдал траур, не зная о смерти отца. Почему скрыли? Может, чувствовали свою вину? Может, опасались моей реакции? Да, через четыре недели после смерти открыть уже можно...

Перед отъездом в Израиль мама приехала в тюрьму. Проститься. Свидания не дали.

- Вы уже иностранная гражданка.

- Но ведь я мать, при чем здесь гражданство?

- Ничего не знаем. Не положено!

Все письма и телеграммы перехвачены. Для КГБ отец страшен и мертвый...

Тяжесть моей потери не ослабляется временем. Я плачу не стесняясь, не могу сдержать слез. Я плачу о своей нелепой судьбе, о тяжелой жизни отца. Я так радовался его отъезду - и вдруг смерть! Но вот я начинаю понимать, что он - это я. Отец жив во мне. Только на третьи сутки я смог есть. Поднялся с койки и стал разговаривать. В трудную минуту Загробьян оказался другом. Пока я не ел,

он хранил мой хлеб, сахар и даже вареную картошку:

- Йосеф, поешьте! - он обнял меня, утешил.

За согласие не протестовать против изъятия писем и против лишения свидания с матерью Дойников перевел меня в камеру к Бутману. Туда мы перешли вместе с Размиком Загробяном. С Гилей Бутманом у нас много общего - прошлое и иврит. В нашем корпусе сидел и Натан Щаранский. Оказывается, его действительно держали вместе с Анисимовым. Но Натан быстро раскусил этого типа. Теперь Щаранский сидел вместе с Шелудько. Бутман когда-то подарил Гене Шелудько иврит-русский словарь. Узнав об этом, я удивился: зачем русскому ивритский словарь? Но добрые дела приносят плоды: Шелудько отдал словарь Щаранскому. Гиля уговорил библиотекаря передавать записки Натану и приносить ответ от него. Станный это был библиотекарь - платы за услуги у нас не брал. Должно быть, КГБ платило.

Гиля полгода провел в тюрьме строгого режима. Во Владимире уже второй раз. Здоровье его было подорвано, но держался он мужественно. Три года тюрьмы он получил за выступление в защиту товарища. Когда бывший полицай обозвал Израиля Залмансона жидом, тот одним ударом сбил его с ног. За это попал в тюрьму. Тогда Бутман нацепил желтую звезду Давида и вышел с ней к штабу лагеря с плакатом: "В этой стране право на стороне убийц евреев".

Между тем мы с нетерпением ждали записок от Натана. Он подробно писал о зарубежных группах и организациях, помогающих советским евреям, о национальном движении в России. Письма по-прежнему шли через библиотекаря, который открывал кормушку, клал на нее книгу, а в ней - записки Натана на иврите. Он писал и о том, как ходил на прием к министру внутренних дел, требуя нашего освобождения, и как встречался с Эдвардом Кеннеди, и как во время судебного процесса голодал, отказавшись признать обвинение в шпионаже.

Чтобы найти предлог для процесса, КГБ подослал к нему какого-то научного сотрудника, работавшего в одном из институтов Москвы. Тот занимался телепатией и попросил передать какие-то свои работы на Запад, так как в Советском Союзе его не печатали. Натан познакомил его с американским корреспондентом Тодтом. В момент передачи рукописей Тодт и ученый были задержаны. За передачу иностранному агенту материалов служебного пользования Натану дали тринадцать лет.

Иногда на прогулке нам удавалось через стену перекинуться с Натаном на иврите:

- Натан, ты умеешь добывать дополнительную еду?

- Нет, - смеется в ответ.

- Ты же занимался политикой, общался с людьми!

- Но я не бизнесмен.

Иврит у него отличный, изучал в Москве. Вся получасовая прогулка проходит под аккомпанемент ивритских песен, которые они распевают с Геней. Я бегаю по дворику, иногда попадаю в грязные лужи. Гиля занимается физзарядкой. Молчим. Хотим, чтобы Натана перевели к нам. Он даст нам второе дыхание.

...Смерть отца словно все перевернула во мне. Я вдруг понял, что один на свете, что сижу уже восемь лет. Эта цифра поразила. Почему-то угнетали не оставшиеся четыре года отсидки, а восемь, прожитых в заключении. Да, я много испытал! Слишком много!

В субботу вечером приказали собираться с вещами.

Дату Абрам знал от Коли. В связи с предстоящей олимпиадой нас решили увезти подальше от туристского центра. В Татарию. В Чистопольскую тюрьму.

8 октября 1978 года. Всех раздели догола и выдали новую одежду. Это в целях предосторожности, чтобы ничего не вывезли из Владимира.

В вагоне весело. "Полосатые", особо опасные рецидивисты, отказались надевать новую одежду:

- Отдайте нам наши вещи! - Ругаются матом. Требуют чай.

А мы с Гилей едем в отдельной клетке. Получили хлеб на двоих и две большие соленые рыбины. Мы бедны и свободны от вещей, но настроение хорошее. Всю дорогу говорим на иврите и поем израильские песни. Охранник принял меня за израильского шпиона, и когда я заговорил с ним по-русски, удивленно спросил:

- А ты откуда знаешь русский?

- В школе учил.

- В Израиле есть русские школы?

- Я в Израиле никогда не был. Только собираюсь.

Тут он понял свою оплошность.

А Натана мне увидеть не удалось. Чтобы предотвратить встречу сионистов, нас поместили в разные концы вагона. Натана даже водят в офицерский туалет, чтобы не проходил мимо нас. Но однажды Гиля как-то весь изогнулся и увидел его:

- Маленький такой. Метр шестьдесят с шапкой.

Поговорить мы все же успели. Решили по приезду требовать, чтобы поместили нас всех вместе.

Приехали. Пересадка в Казани в воронки до Чистополя. Тюрма занимает одно трехэтажное здание. Построено еще до революции. Пока все довольны: камеры чистые, крашенные. Пол деревянный. Нас четверо, а камера большая. Кормят чистой пищей: рыба хорошая, хлеб вкусный. Надзиратели ведут себя прилично.

- Нас привезли сюда, чтобы продемонстрировать, как советская власть умеет соблюдать законы, - говорит Бутман. - Вот увидите!

- Да ну, что ты, Гиля! С какой стати советская власть будет тебе такое доказывать! - возражаю я.

Накануне Йом-Кипур - обыск и выдача вещей. Отстаиваем каждое письмо, каждую открытку. Танах удастся получить без труда. Когда шмонщик отворачивается, прячу в мешок тетрадь с записями молитв. Но запихнуть в карман блокнот с утренней молитвой не удастся:

- Так нечестно, Менделевич!

- Почему нечестно? Это ведь мои вещи. Не я их у вас забрал, а вы у меня!

Он вытаращил на меня глаза. Моя наглость его удивила. Шмон продолжался. Открытки с видами Израиля не выдали - сионистская пропаганда. Вынюхивали и ощупывали дотошно.

И все же теперь у меня есть Хумаш, молитвы. "Агада" Бялика и Равницкого, учебник иврита. Начинаются тюремные будни: подъем, молитвы, еда, прогулка, учеба, еда, учеба, отбой.

Приносят работу. Здесь, в отличие от Владимирской тюрьмы, заставляют работать - плести сетки для овощей. Плетут их в камере вручную. Одну за полтора часа. Всего надо сделать восемь штук. Кто не выполнит нормы, сидит на голодном пайке. Я здорово отоцал во Владимире. Когда привезли сюда и раздели догола, начальник Чистопольской тюрьмы спросил:

- Вас что, там не кормили?

- Почему?

- Одни кости остались. Ничего, будете работать - подкормим.

Продукты - в обрез. Меня назначили продуктовым старостой камеры. Выдаю каждому поровну и слежу за тем, чтобы хватило до конца месяца. Научился точности и аккуратности: в столовую ложку набираю маргарин и все неровности обрезаю по линейке. Получается миндалина. Одна на человека в день. Еще из Владимира осталось подсолнечное масло. Каждому по ложке в день. Но переливать из бутылки в ложку нельзя - можно пролить. Приходится только зачерпывать. Нужен самоконтроль, потому что без еды даже добрый становится зверем, выбирает миску, где суп и каша погуще.

Роман Гайдук изготовил специальный прибор, чтобы делить рыбный паштет на три равные части. К чему эта мелочность? Легче проявить мужество в критический момент, чем день за днем терпеть сосущий, унижающий тебя голод, дрожь в пальцах, сжимающих теплую миску.

С каждым днем мне все труднее достается беспристрастие при дневной дележке. Кажется, что твоя порция больше. Неужели я ослабел настолько? Я отказываюсь брать дополнительные продукты. Товарищам даю, а сам делаю вид, что уже съел. Сразу стало легче.

По субботам устраиваем грандиозный "пир". Владимирские запасы позволяют не работать по субботам. Начальство, вероятно, думало взять евреев голыми руками. Но у нас - конфеты, белые сухари, сахар. В пятницу вечером едим пирог, который я сам изготовил из раскрошенных белых сухарей, размоченных в конфетной воде. К этой массе добавляю сахарный крем.

Гиля уплетает за обе щеки:

- Никогда таких вкусных вещей не ел. Ты настоящий кулинар!

У нас есть даже рыбные консервы. Это тоже на субботу. Перемешиваю с хлебом, ставлю на батарею, грею "гефилте фиш". После субботней трапезы читаем старые письма из Израиля, я - недельную главу Торы. Живем в общем неплохо, даже весело. Иногда, правда, ссоримся по мелочам, изредка - по крупному. Но все же вместе.

Добиваемся перевода к нам Натана, строчим жалобы. Получаем отказы. Я предлагаю объявить голодовку, но Гиля уже голодал тридцать дней. Ему нельзя. Из лагеря привозят Казахова и Балахонова. Они начинают голодовку в поддержку нашего требования. Шелудько отказался сидеть с Натаном - сажайте его с евреями! Размик тоже потребовал перевода в другую камеру.

Согласно Правилам заключенного нельзя держать в одиночке больше месяца. У начальства нет иного выхода - придется посадить Натана с нами. Все кроме нас отказались. Однако выход нашли: Щаранского поместили с Виктором Пяткусом. У Пяткуса второй срок, а у Натана первый. По закону запрещается держать таких вместе. Но начальник заявляет Бутману:

- Я получил разрешение Москвы!

Да, если надо, можно и закон обойти. Можно вообще не передавать писем из Израиля. Об этом я узнал еще во Владимире. Коля рассказал Абраму, что принято решение считать все письма из Израиля сионистской пропагандой, даже письма от детей, даже просто открытки. Все это подлежит конфискации, и никакие жалобы не помогают. Ответ один: "Никаких писем нет". Натану не выдают писем от Авиталь из Израиля. Гиля решает передавать письма сам. Но как? Здесь не Владимир. Нет тех связей. Раздатчик Егор, парень с квадратным черепом, не берет ни красивой ручки, ни открытки. Относить записки Натану отказывается. Менты как звери: не подходят, не разговаривают. Их, видно, сильно напугали: "особо опасные государственные преступники".

- Есть выход! - вдруг кричит Гиля. - Письмо складываем, обмазываем мылом и приклеиваем в бане под скамейку. Попробуем!

Связь с Натаном - по унитазу. Сообщаем ему все детали операции. Возвращаясь из бани, он бросает: "Шалом!" Значит, все в порядке. Но через неделю мы не слышим "Шалом". Натан в карцере. Его заметили в бане, когда он вытаскивал нашу записку и вкладывал свою. Начался обыск. Письмо обнаружили в мыльнице. За межкамерную связь - десять суток ареста. После его

возвращения спрашиваем:

- Ну, как там?

- Лучше, чем во Владимире. Тепло. Белье не отбирают. Только в туалет не водят
- параша целый день полная.

Главное - тепло, чего не скажешь про нашу камеру. Здесь коченеют руки и от холода уснуть невозможно. Зато есть еда. Мы работаем. Гиля изобрел метод, благодаря которому можно продержаться до конца срока. Трое сдают за одного. Только так можно выполнить норму. Одному с ней не справиться. Тогда из заработка половину отчисляют в пользу тюрьмы, и еще пятнадцать рублей за питание, баню и электричество. На покупку в ларьке ничего не остается. По системе Гили месяц вообще ничего выдавать не надо, а потом сразу все. Преимущество этой тюрьмы состоит и в том, что за тобой не следят. Главное - сдать продукцию. Вполне можно сначала ее заготовить впрок и спрятать, а потом лишь выдавать. Поэтому суббота у нас выходной, а воскресенье - рабочий день.

...Подготовка к Хануке идет вовсю. На заработанные деньги купили продукты. Готовимся зажигать свечи. В качестве фитиля приспособляем нитки. У меня есть льняной мешок, который папа прислал мне еще в начале срока. Из него я делаю фитиль, макаю в растительное масло и втыкаю в кусок черного хлеба.

Связываюсь с Натаном:

- Натан, мы зажигаем свечи, а ты?

- А из чего делать фитиль?

- Из нитки.

- По-моему, нитка не годится. Это хлопок, а нужен лен или шерсть. Так я учил.

- Ты верующий?

- Нет, я ведь не все мицвот выполняю!

Неужели он не считает себя верующим потому, что не выполняет всех заповедей? Я тоже всех не выполняю, но стараюсь. Вот и осталось неясным: не признает себя верующим потому, что не выполняет всех мицвот, или потому, что еще не пришел к вере?

Так через повседневные тюремные будни тащился наш срок. Мы то погрязали в слухах, мелких ссорах и обидах, то выбирались из них и хватались за изучение языков. Как мне все надоело! А что делать? Время не движется. Утренняя прогулка не в радость. Холодно, пасмурно, двор завален снегом. Каждый день разгребаем его лопатой, но работа не согревает, а снега не становится меньше. Минус тридцать пять. Бегаю по двору, раздевшись до нижней рубашки. Бегаю из принципа: раньше бегал и сейчас должен. Если перестану, значит сдался. Бежать по снегу трудно. Падаю. Ловлю на себе насмешливые взгляды Гиля. На ходу вытираю нос рукавицей. Постоянно простужен. Но зато все у меня по заведенному порядку. Подъем, молитва, еда, прогулка. Танах, английский, ужин, арабский язык. Отбой. Так вертится круг за кругом. Кружится голова. Но менять темп нельзя. Я в плену у собственного бега. Бегу, потому что боюсь: остановлюсь - погибну.

В письмах жалуясь на пустоту. Но разве в этом дело? Невыносима безвыходность: ты постоянно находишься вместе с людьми, далекими тебе по духу. К ним нужно приноравливаться, держать себя в руках, чтобы не взорваться или не распуститься... А в общем жизнь течет нормально. Слушаем радио, обсуждаем новости, шутим, опять готовимся к празднику.

Не так-то просто готовиться к Песах в тюрьме. Полгода назад купили в ларьке кило лука. Ели по субботам и праздникам. Последнюю луковицу я не выдал: поставил в банку с водой. Гилель удивился:

- Ты что, садоводством занимаешься?

Я загадочно улыбнулся. Сделаю для него сюрприз. Оставшуюся с Песах 1978 года горсть изюма бросил во флягу, засыпал накопленным за несколько месяцев сахаром. Флягу завернул в тряпку и засунул под нары, туда, где под полом проходит труба с горячей водой. Полкилограмма мацы должно прийти бандеролью. Теперь надо подготовиться к другой стороне праздника.

- Гиля, давай устроим настоящий седер, с чтением Агады.

- Хорошо, но символически - ведь я ничего не пойму!

За день до Песах делаю проверку на хамец. Это, как всегда, вызывает интерес. Гиля объясняет Гене Шелудько - его перевели третьим в нашу камеру - смысл моих действий. Я сажусь за перевод пасхальной Агады, чтобы Гиле было понятно.

Из щепотки яичного порошка, который у меня хранится для этой цели три года, леплю яйцо. На бумажке пишу "зроа"4. На столе хлебные крошки, и поэтому я накрываю у себя на нарах. Ставлю блюдо, раскладываю все по порядку. Агада у меня есть настоящая - плод сотрудничества Абрама с Колей Обрубовым. Мы садимся с Гилей на нары. Гена - за столом. Он зритель. Даю Гиле русский текст Агады. Он удивлен:

- Что это?

- Ты же сказал, что языка не поймешь, вот я и перевел.

- Нет, ничего, ты мне лучше переводи во время чтения.

- Ладно!

Начинаем седед как положено. Я не спешу. Хочу продлить удовольствие. Мы счастливы, что сидим за пасхальным столом и в нашей жизни появилось новое, светлое, и куда-то пропали, словно провалились, камера, решетки и унитаз. Всю свою душу, всю свою надежду вкладываю в слова: "В следующем году в Иерусалиме".

- Впервые присутствую на таком пасхальном седеде. Это символично, - говорит сорокадвухлетний Гиля, праздновавший свой первый Песах в советской тюрьме.

На следующий день, перед самым отбоем, неожиданно :

- Бутман, собирайте вещи!

Гадаем: почему? куда? Гилю перевели в другую камеру, а утром, сразу после проверки, слышим его прощальное:

- Шалом, друзья!

Что означает этот неожиданный этап? Неужели?.. Неужели?!

Выводят на прогулку. Первый весенний день. Небо синее, капель... Как хочется верить, чтобы еще возможно счастье и не все потеряно! Но я говорю Гене:

- Не думаю, что его освободили!

Человек всегда должен быть готов к худшему. Нечего распускаться! А в душе мечутся два слова: "Неужели свобода? Свобода?"

Связались с другими камерами. Там считают, что речь идет об освобождении. Через две недели из писем Иды, Наташи Розенштейн и Наташи Хасиной понял, что это так. Освобождены еще несколько человек. По случаю освобождения Гили устроил Гене и себе торжественный ужин.

Боясь разочарования, я старался подавить в себе мечту о воле. Снова вернулся к учебе и ежедневному бегу. Перестал мечтать о скором освобождении. Решил спокойно ждать конца срока, а там видно будет. Однако трудно жить без веры и надежды. Я верил в Б-га и сознавал, что Его замыслы от меня скрыты.

Моему сокамернику Гене заключение давалось еще труднее. Он ничего не умел, к учебе и чтению его не тянуло. Целыми днями лежал на койке и с регулярностью автомата чесал голову. Ходил по камере с высунутым языком и безумными пустыми глазами. Он витал в другом мире. Находиться рядом с невменяемым было невыносимо. Он имел обыкновение стоять у меня за спиной и производить какие-то движения руками, касаясь моей головы. Я отрывался от книги и спрашивал его ласково:

- Что с тобой, Гена? Почитай что-нибудь!

- Все в порядке, Иосиф, все в порядке, - отвечал он с улыбкой идиота.

Но явно не все в порядке. Его мечты о скором освобождении не сбылись. Нужно было искать какой-то выход.

- Иосиф, у меня желтуха, - сказал он мне в субботу утром, после того, как всю ночь метался по камере, не давая спать. - Это заразная болезнь. Меня, наверно, пошлют в больницу и, если не смогут вылечить, освободят.

Лицо пожелтело, глаза красные, дыхание тяжелое. Я вызвал фельдшера. Тот измерил температуру - нормальная. Пощупал пульс, посмотрел язык.

- Пока ничего страшного. Зайду завтра.

Гена полежал немного, потом вскочил и принялся бегать. Остановился у стены, как-то по-своему стал молиться. Обернулся ко мне. Улыбнулся. Вид вполне нормальный.

- Б-г помог мне, Иосиф. Я излечился!

Но он не излечился... В воскресенье вечером я написал заявление по поводу того, что уже несколько месяцев мне не выдают писем из Израиля. В понедельник утром я молился у окна и вдруг услышал, как Гена рвет бумагу. Я продолжал молиться, а когда закончил, подошел туда, где накануне оставил свое заявление. Его не было. Клочки бумаги валялись в мусорном ящике. Я задумался. Вспомнил о "пресс-камере", в которой зэку создают такую обстановку, что жизнь становится невыносимой. Единственный способ уйти из такой камеры - подчиниться начальству. Но я не хотел верить, что Гена - орудие такой грязной игры. Я подошел к нему:

- Зачем ты это сделал, Гена?

Он дружелюбно улыбнулся:

- Что, Иосиф?

- Зачем ты порвал мое заявление?

- А я не рвал его...

- Гена, скажи всю правду, прошу тебя! - по-дружески обнял я сокамерника.

Он отстранился.

- Что ты, Иосиф, все в порядке! - и весело зашагал по камере, напевая какую-то песенку.

Я заплакал. Это были слезы жалости к молодому парню, который не выдержал и сдался. Слезы стыда и позора. Он же не понимал низости и унизости своего поведения. И вместе с тем созрело решение. Неважно, симулирует он сумасшествие по собственной воле или по заданию. Может, он в самом деле сошел с ума. В любом случае мне в этой камере делать нечего.

Обычно перевод из камеры в камеру по личной просьбе невозможен. Остается искать другие способы. В этом отношении у меня никаких иллюзий не было: всякий раз, когда я мог добиться чего-то настойчивыми требованиями или делом, я действовал, а не писал заявления. Заявление я все же написал - для порядка: "Прошу перевести меня в другую камеру". Никаких объяснений не приводил, ведь это равносильно доносу.

Раздался тревожно-пронзительный звонок. Проверка. Захлопали двери. Вот

открылась и наша, вошел дежурный. В руках список заключенных. Я доложил:

- В камере двое!

Он отметил что-то у себя и направился к двери. В тот момент, когда он еще не успел ее закрыть, я выскочил вслед за ним и протянул ему свое заявление. Выход из камеры расценивается как попытка к бегству, и охрана имеет право стрелять. Три надзирателя схватили меня и попытались втолкнуть обратно, Я не давался. Хотели скрутить руки. Не удалось. Я вырвался и кинулся на решетки. Меня оторвали от них и втолкнули в другую камеру. Этого я и ждал. Пришло чувство свободы: удалось бежать от безумного взгляда Гены, от серой, унижительной жизни вдвоем. Хотя я понимал, что получу карцер, настроение поднялось и я запел "Давид, царь Израиля, жив..."

Узнав о моем переводе в другую камеру, Балахонов решил, что меня, как и Бутмана, освободят. Он закричал:

- Иосиф, передайте на Запад, что в тюрьме для подавления воли дают специальное лекарство.

Вот этого делать не стоило. Нарвется на неприятность. Ответить ему? Меня обязательно накажут. Но если я не отвечу, он продолжит кричать и получит карцер.

- Успокойтесь, Володя, меня в Женеву еще не везут! - проговорил я тихо.

Не знаю, услышал ли он, но надзиратель все уловил:

- Менделевич, прекратить разговоры!

Ладно, одним наказанием больше, одним меньше - это не меняет дела. Меня все еще не покидало радостное настроение. Пришел Николаев, заместитель начальника тюрьмы. Он играл роль "добряка".

- Что же вы, Менделевич, не подождали, пока мы разберем ваше заявление?

- Я не мог ждать!

- Ну что ж, теперь у вас будет время обдумать свое поведение: за выход из камеры, сопротивление охране и разговоры с заключенными - десять суток карцера.

- Я готов!

Я знал, что карцера мне не миновать, и поэтому заранее припас теплые носки и белье. Карцер для политзаключенных находился в подвале и представлял собой довольно большое помещение, 3 на 2 метра. У стены - деревянные нары, закрытые днем на замок. Но после пережитого карцер был для меня настоящим домом отдыха. Наконец-то я один.

Постепенно подкрадывались раздумья, сомнения, вопросы, бесконечные вопросы. Что это? Простая несовместимость характеров или нечто более серьезное? В последнее время Гена вел себя странно. Евреи относились к нему по-дружески. Он казался простым парнем, чуть-чуть наивным. Когда Гена возвратился из карцера, Гиля Бутман отдал ему свой хлеб. Он учил его ивриту и подарил свой ивритский словарь. Потом Гена сидел с Натаном, и они стали друзьями. Натан даже дал ему несколько фотографий. Ради того, чтобы Натан сидел с нами, евреями, в одной камере, Гена Шелудько пошел на столкновение с начальством и угодил за это в карцер. Только я не мог с ним ужиться. Почему? Не могу спокойно смотреть на превращение доброго мальчика в негодяя! В течение долгих тюремных лет меня, наверно, измотали различные проявления человеческой слабости. Я пытался не реагировать на них. Вот и в случае с Геней я долго подавлял в себе чувство неприязни к нему. А потом последняя капля, переполнившая чашу терпения.

Так я размышлял, пока не почувствовал себя худо. Ноги налились свинцовой тяжестью, закололо тысячью иголок в левой руке, и она отяжелела. Дышать стало трудно. Я еще не умел объяснить свое состояние, но тем не менее понял, что слабость надо во что бы то ни стало преодолеть. Я принялся быстро шагать, потом бегать и прыгать. Разогрелся. Физическое напряжение развеяло все дурные мысли, и я размечтался об освобождении, о встрече с друзьями. Постепенно мечты окрашивались в реальные цвета. Впервые за долгое время я забыл о том, что нахожусь в тюрьме. Раньше я остановился бы - опасная игра, но теперь, когда резервы исчерпаны, мечты об освобождении были единственным спасением. Когда они улетучатся, мне придется расплачиваться за расточительность. Но пока мечты помогали выжить.

Отбой! Открыли нары, и началась подготовка ко сну по разработанной схеме: кружку под голову, носки на руки, рукав на голову, носовой платок на рот. Теперь уснуть. Это жизненно важно. Главное - не думать о тюрьме.

...Вот бредет стадо белых овец, а рядом черная собака. Нет, не помогает! Верблюд шагает по пустыне, и вокруг пальмы, холмы, камни... Нет, и это не помогает! Вот окунаюсь в микву. Раз, два, три... Телу тепло. Просыпаюсь от

чириканья воробьев. Восход солнца. Подъем через час. Порядок! Выполнил норму сна.

Еще до подъема начинается оживление. В больших ящиках несут черный хлеб, в бумажках - кусочки селедки. Открывают кормушки:

- Хлеб!

Вот раздатчик достает из ящика мою порцию. Как приятно смотреть на черные, блестящие спинки буханок! Неужели я когда-нибудь смогу купить хлеба, сколько захочу?

- Кипяток берешь?

- Беру, беру! А можно потом еще взять?

- Ладно, стукнешь в дверь - подойду!

Какой добрый! Даст мне еще воды. Беру кружку в обе руки, сажусь на дощечку, привинченную к столу. Пар поднимается из кружки. Ее горячие стенки согревают руки, сердце. Что за чудо - вода!

Первый глоток. Какая горячая, живая вода! Надо пить больше. Кипяток очищает тело. Скорее выпить, чтобы получить еще. Глотаю обжигающую жидкость и снова бегу к двери. Стучу. Шаги:

- Чего стучишь? Голос незнакомый.

- Кипятка не осталось?

- Получил и хватит!

Эх, жаль, опоздал! Заступила дневная смена. От этих не дождешься. Снова сажусь на скамеечку. В руках пайка. Какой мягкий, душистый, домашний хлеб! А корочка коричневая, с пупырышками. Верхняя корочка отошла и приоткрыла мякоть внутри. Так, сидя у стола, засыпаю. Сидя спать можно. Конечно, могут помешать, но не более того.

Возвращаюсь из сна в камеру: надо молиться. Хорошо, что почти все помню на память. Молюсь не спеша. Молитва уносит меня далеко-далеко, а потом спускаюсь на землю. Так продолжается несколько часов. Не спешу расстаться с

молитвой - я живу в ней.

Молитва кончена. Омываю руки и отламываю от пайки верхнюю корочку. Пальцами отщипываю мякоть. Хорошо, что до молитвы нельзя есть. Так у меня останется больше хлеба к обеду. Теперь начинается "разделка" хлеба. Нашел деревянную палочку - валялась в камере. Это мой нож, им я обрезаю корку с трех сторон. А вот эта часть самая сладкая, она останется на субботу. Остальное нарезаю тонкими ломтиками. Когда-то Абрам сказал, что свежий хлеб вреден для желудка, поэтому его надо подсушивать. Может быть, для больных это и верно, но нам дают так мало хлеба, что нет смысла его сушить. Хотя сухари полезнее. Здесь выдают 450 граммов в день, а мне столько и не надо! Решил вынести из карцера пайку хлеба. Может, даже целых две. А сэкономить надо три.

В тюрьме существует неписанный закон: в последний день отсидки в карцере не есть хлеб, а оставлять тому, кто придет после тебя. В первый же день я нашел спрятанную пайку, но она вся заплесневела и зачерствела, так что ее невозможно было есть. Все равно хлеб нужно оставить. Разрезав, кладу на обрывки газет и сушу. Это запрещено. Надо прятать понадежнее. А газету я пронес в камеру, завернув в нее кусок хлеба. Это "Moscow News". Читаю по-английски вслух, а затем перевожу на иврит. Темы, затронутые в статьях, обсуждаю сам с собой - тоже на иврите. Нельзя ни на день прекращать практиковаться в разговорной речи.

Сегодня тема статьи "Жилищное строительство в СССР". Я рассуждаю о том, почему не хватает жилищ в Советском Союзе. Потом проверяю, подсушился ли хлеб. У окна ломтики сохнут лучше, а под окном - хуже. Приходится их время от времени перекаладывать. Чтобы залезть на окно, надо подтащить парашу и встать на нее. Это опасно: выглядит подозрительно. Поэтому я проделываю все быстро, предварительно убедившись, что надзирателя нет поблизости. Но и торопиться тоже нельзя - хлеб крошится и жалко, если от неосторожного движения крошки упадут на пол. Прежде чем завернуть высушенные сухари в газету, я легонько ударяю ими о стол. Крошки сыплются на подложенную бумагу. Я их собираю и ем. Самые крепкие сухари оставляю на субботу.

В карцере вместо унитаза - железный бачок с острыми краями. Сидеть на нем неудобно, но я подкладываю куски тряпки, которую выдают по утрам для уборки камеры. Здесь сидение на параше имеет свои преимущества: ты один, никто не ждет своей очереди, никто не торопит тебя.

Нет, ошибся. Я заметил, что как только сажусь, начинают разливать кипяток. Неприятно, если кормушка открывается в тот момент, когда я занят другим

делом. Раздатчик кричит, торопит:

- Ну, чего там? Не хочешь кипятка, что ли?

Нет, кипяток я хочу, и даже очень. Он основной источник тепла.

Здесь, в карцере, с утра до вечера я занят едой. Осматриваю свои продовольственные запасы. Это дает мне ощущение независимости: у меня много еды, захочу - съем все сразу. Я не ем лишь потому, что не хочу. Но нельзя же все время думать только об этом!

И тогда наплывают другие думы, неотвязные, тяжелые: как получается, что человек, отправлявшийся в Израиль, оказался в вонючем тюремном подвале в тысячах километров от Иерусалима? И вообще, зачем люди живут на земле? Для чего?..

А вот еще и другое занятие: уловить время послеполуденной молитвы Минха. Задача довольно сложная: свет через окно не проходит, и разницы между двумя и пятью часами дня для тебя нет. Только по радио, которое находилось где-то очень далеко, можно приблизительно определить время. После вечерней молитвы, считай, день прошел. Делаю отметку на стене. Что дальше? До Израиля еще тысячи километров и тысячи часов.

Снова проклятой тяжестью наливается тело. Я был прав: пять лет просидеть - куда ни шло, а больше невозможно. Все работает на износ. И так изо дня в день. В пятницу вечером длинная молитва, затем "сытый" ужин из запасов, собранных за неделю. Потом - танцы. Когда на моей свадьбе в Иерусалиме я танцевал три часа подряд, меня спросили, где я учился этому, я ответил: "В карцере Чистопольской тюрьмы". Правда, в тюрьме танцевал не от избытка чувств, а от их недостатка. Вначале то был скорбный танец, а затем передо мной возник Иерусалим и счастье переполняло меня. Движения ускорялись. Я танцевал так, что от пола откалывался цемент. Это был танец узника, которому хочется вырваться, бежать, освободиться...

- Менделевич, прекратите шум! В тюрьме танцевать запрещено!

- Сегодня праздник!

- Что за праздник такой?

- Моих товарищей освободили. Они теперь в Израиле. Знаете Бутмана? Он сидел здесь. Теперь он в Иерусалиме!

- Что же тебя не освободят?

- Освободят и меня!

- А все же, почему их освободили, а тебя нет?

Вот уж не собираюсь искать логики в действиях советской власти! Надзиратель отошел от моей камеры. Теперь с его слов все знают о странном еврее, который танцует в одиночке: "Нашел, где танцевать! Что за народ евреи. Его в карцер, а он радуется!"

Но отношение ко мне меняется. Уже по второму заходу дают кипяток, не придираются, когда я молюсь вслух.

За день до выхода из карцера пришел лейтенант КГБ Галкин:

- Со Щаранским все равно не посадим вместе. Можете хоть сто раз выбегать из камеры!

Наконец меня выводят. Несу две порции хлеба. Сделали вид, что не замечают. С кем же теперь сидеть? Посадили с Размиком Загробяном. Малоразговорчивый, думающий парень. Первые несколько месяцев после карцера прошли хорошо. Учеба, разговоры, физзарядка. Снова принял на себя функции хозяйственника. Впервые за год удалось подкупить раздатчика хлеба и получить лишнюю пайку. Плату - махорку - мы бросали в мусор, который он каждое утро выносил из камер. Хлеб шел в пользу Размика. Он был худ и серьезно болен. Занимался йогой и часами стоял на голове, считая, что от этого голова перестанет болеть. Переубедить его в чем-либо почти невозможно. Он был категоричен в своих суждениях. Спорить с ним бесполезно. Я и не спорил.

Вот довольно типичная картина нашей жизни. Я учу иврит, а Размик в углу стоит на голове.

- Что-то мне плохо, Иосиф!

- Это оттого, что вы на голове стоите!

- Нет, это мне помогает от головной боли, - и стояние продолжается.

Нельзя сказать, что он был завистлив, но какое-то неосознанное чувство обиды на то, что обо мне заботятся за границей, а о нем нет, постоянно сквозило в его

рассуждениях. Он считал, что я верю в скорое освобождение, но не подаю вида. Это было не совсем так. Я и верил, и не верил. А ему хотелось меня "разоблачить" и доказать, что мои надежды не осуществляются. Каждое сообщение о прекращении переговоров SALT-2 вызывало его бурную радость: "Все кончено. Русские никогда больше не договорятся с американцами".

Порою, сам того не сознавая, он причинял мне боль. Я же испытывал неловкость, словно на глазах у голодного сытно ем. Я старался избегать темы об освобождении, но он упорно возвращался к ней, беспрестанно ковыряя свои болячки. Его истинное отношение ко мне особенно резко проявилось во время голодовки.

Дело обстояло так: Натан получил свидание с матерью. После свидания он постучал в забор прогулочного дворика, где мы с Размиком гуляли, и начал рассказывать новости:

- Освободили Альтмана, Хноха, Пэнсона и Залмансона. Кузнецова и Дымшица обменяли на советских шпионов. Это в рамках соглашения об ограничении стратегического вооружения. Брежнев обещал после ратификации сенатом SALT-2 освободить меня, тебя, Иду Нудель, Федорова и Мурженко. Ожидается, что договор ратифицируют 25 ноября.

Дальше нам говорить не пришлось: Размик подал знак, что охранник направляется в нашу сторону. В октябре 1979 года Натан, проходя мимо моей камеры, бросил в мусорный ящик записку. Вернувшись с прогулки, я занес мусорный ящик в камеру. Натан писал: "13 октября все политзаключенные начинают голодовку с требованием выдавать письма". Время для забастовки неудачное для меня. Только вчера прошел Йом-Кипур. Опять поститься? Есть ли в этом смысл?

Однако к вечеру мое мнение изменилось. Я услышал разговор между Натаном и Мишей Казаховым. Они говорили по-английски. Миша голодал одиннадцать месяцев. Ему насильно вливали питательный раствор. Били, сажали в карцер, но он стоял на своем: пока администрация не отошлет матери его сорокастраничное письмо от 15 декабря 1978 года и не отдаст ему все ее посылки, не прекратит голодать.

- Если поддержим тебя, кончишь голодовку? - спрашивает его Натан.

- Да, при условии, что администрация согласится отдавать посылки и лечить меня.

Итак, наша голодовка могла помочь Мише прекратить медленное самоубийство. Поэтому, несмотря на то, что приближался праздник Сукот, я решил присоединиться. Правда, мои требования отличались от других: "Прошу выдавать мне все письма из Израиля, поступившие на мое имя от матери и сестер", - писал я в заявлении. Размик отказался от участия в голодовке, так как она может подорвать его здоровье. В последнее время он не участвовал в коллективных действиях. В нашей камере я голодал один. Чтобы не видеть, как Размик ест, я отворачивался от него, а он, словно не понимая, как нарочно предлагал:

- Иосиф, съешьте вот это! Еды хватит на двоих! Хотите, я вас буду кормить тайком, чтобы никто не знал?

- Нет, я ведь объявил голодовку.

- Но никто не увидит! Перед кем вы хотите быть честным?

- Перед самим собой!

И Размик изображал страдание от того, что вынужден есть в моем присутствии. Постоянно говорил о нравственных муках, которые испытывает, видя, что я не ем. Он нервничал, глотал таблетки, по его словам сердечные, и часто хватался за сердце. Так он продолжал есть и извиняться, а я голодать и успокаивать его. Размику не удалось склонить меня на обман.

Постепенно я так привык к состоянию голода, что по своему поведению ничем не отличался от тех, кто ел. Врачи несколько раз приходили осматривать меня. Смотреть было не на что и без голодовки. Кожа да кости. Тем не менее я продолжал бегать трусцой на прогулках. Количество кругов уменьшалось, так как ноги сводило судорогой, но я продолжал бегать назло всем. Врачи с наблюдательной вышки следили за мной:

- Восьмые сутки голодает, а бегаёт. Откуда силы берутся?

Сил было еще много. Не физических. Просто я понял, что если изменю образ жизни, будет еще хуже. И я продолжал. На восьмые сутки получил пять писем из Израиля, на девятые - десять, на десятые - еще восемь. Подсчитал, что если голодать целый год, смогу получать ежедневно все отправляемые мне письма. Голодовку закончил. Миша тоже прекратил.

Был вечер Гошана Раба⁵. Размик припас для меня хлеб, кашу и рыбу. Мы пировали победу. Действительно, победа. Я с трудом уснул, и снились мне

какие-то удивительные сны. До сих пор помню их, но смысла понять не могу. Знаю лишь, что они были связаны с прошлым и будущим моего народа. Проснулся совершенно разбитым. Есть не мог. Левая нога так болела, что пришлось прекратить физические упражнения. Смешно: пока голодал - бегал, теперь ем - и не могу.

На прогулке удалось связаться с Натаном. Я спросил его прекратить голодовку. Ведь он уже получил несколько открыток из Москвы. Через день Щаранский перестал держать голодовку. Теперь, казалось, дела должны идти лучше, но все наоборот. Ратификация SALT-2 в Сенате задерживалась. Размик торжествовал - он ведь предсказывал, что ничего не получится. Теперь я не мог прикрываться безразличием: после рассказа Натана о свидании с матерью, после заявления в советской прессе о предстоящем подписании договора перспектива освобождения выглядела весьма реальной, и когда она стала удаляться, моим надеждам был нанесен чувствительный удар.

Пропал интерес к занятиям. Да и вообще, что могло интересовать после десяти лет заключения? Правда, я продолжал заниматься, но эффективность резко упала. Чтобы снять свинцовую тяжесть тела, все чаще и чаще приходилось делать гимнастику. В эти часы нашу камеру можно было принять за арену цирка или палату психиатрической лечебницы. Размик отжимался от пола раз сто пятьдесят, затем становился на голову. Я делал десять приседаний, потом почти столько же с подскоком, потом, лежа на спине, "велосипед". Пятнадцать минут - бег на месте в быстром темпе. Это согревало и как-то взбодряло. Так дотягивали до ночи. На самом деле дотягивали. Размик становился все более замкнутым и неразговорчивым, хотя причин для ссоры вроде и не было.

Как-то дежурный офицер заметил, что мы оставляем махорку в мусорном ящике и раздатчик ее подбирает. Раздатчика сменили, и новый не приносил нам ничего. Наблюдая за Размиком, я почувствовал, что ему голодно. Предложил хлеба от своей порции. Он отказался:

- Вам положено не меньше, чем мне. И вообще не хочу от вас ничего брать!

Но я не отступал и искал выхода. В утреннюю раздачу хлеба, нагнувшись к кормушке, я осмотрел коридор. Надзирателя не было.

- Вот американская авторучка, - тихо сказал я раздатчику, - приноси каждый день сто пятьдесят граммов хлеба.

Он схватил ручку и сунул мне толстый ломоть хлеба. Довольный, я дал свою добычу Размику.

- Мне не надо, - отвернулся он. - Если вам не хватает, вы и ешьте!

Размик насупился и замолчал. Не разговаривал два или три дня. Его молчание давило меня. Хоть бы знать, в чем дело. После субботней трапезы я решил поговорить с ним:

- Размик, я чувствую себя так, будто меня судят, лишая права защиты. Почему вы молчите? В чем я виноват? Я все время старался быть добрым к вам.

- Вот именно, вы всегда старались быть добрым ко мне, - он передразнил меня.
- Вы любите быть хорошим и добрым, чтобы вас благодарили.

- Но при чем здесь хлеб?

- Все это время, все эти месяцы вы издевались надо мной, желая показать, что вы сильный, а я слабовольный и не могу заставить себя голодать, не могу совладать с собой. Для этого вы и придумали всю комедию с добавкой хлеба.

У меня поплыло в глазах. Надо же, полгода я издеваюсь над ним, отдавая свой хлеб! Почему же он раньше ел? Обвинение звучало так дико, что я засомневался, понимает ли он, что говорит. Одно было ясно: оставаться с ним вместе я больше не могу. В подобной ситуации другие зэки обменялись бы удивленными взглядами и продолжали бы сидеть вместе, не обращая внимания на соседа, а иногда даже обсуждая с ним последние известия. Оказалось, что я не такой: не думать о соседе не могу, не могу делать вид, что не замечаю его косых взглядов. Я предлагаю ему свою помощь, дружбу и жду от него того же. А он не принимает - и все тут. Не понимает меня и превратно истолковывает все мои намерения. Да, вот она причина! Невозможность быть хорошим для всех. Тайная пружина галутной жизни бьет по тебе самому.

Что теперь делать? Затеять переписку с начальством и проситься в другую камеру? Все остальные способы сопряжены с риском. И тут мне помогла моя нетерпеливость. Зачем ждать? Самая короткая дорога - напрямик.

В субботу вечером я постучал в дверь. Начальства нет,

- Чего надо? - спрашивает надзиратель.

- Позовите дежурного офицера!

- Сейчас!

Вскоре пришел какой-то капитан:

- В чем дело?

- Все время ругаемся с соседом по камере. Переведите меня в другую!

- Через полчаса дам ответ.

Через полчаса приходит:

- Собирайтесь с вещами!

События разворачивались с такой быстротой, что даже Размик забыл о ссоре:

- Не могу понять, почему они так быстро согласились?

В самом деле странно. Обычно просьбы о переводе в другую камеру не удовлетворялись. Приходилось прибегать к длительным голодовкам с минимальной надеждой на успех. Тут это заняло всего лишь час.

Собрал вещи. Открылась дверь. Обменялись с Размиком рукопожатием. Как никак, были друзьями, и только страшный пресс тюрьмы придавил нас. Мы уважали друг друга, но не сумели жить вместе.

Меня перевели в маленькую угловую камеру. Ощущение раскованности и освобождения, которое я пережил при бегстве от Гены, не приходило.

С утра начал требовать выдачи в обед супа, сваренного без мяса. Его варили для сидящих в карцере. Явился сам начальник тюрьмы:

- Не могу вам назначить питание пониженного качества, - зло пробасил он. - Оно выдается только тем, кто в карцере. Мы даем, что положено, и ваше дело - есть или не есть. Напишите заявление врачу, и если он не будет возражать, заменю вам вид питания.

Так я и сделал - написал заявление. Видно, что-то изменилось в отношении ко мне, потому что через несколько дней мне уже выдавали суп без мяса. Там плавали картофель, капуста, лук и лавровый лист. Впервые за долгие годы я ел овощи. Успех придает силы. Я продолжал читать "Агаду" Бялика, учить арабский и даже заниматься физкультурой. Казалось, так отсижу до конца срока в тюрьме. Оставалось всего пять месяцев. Но опять что-то случилось, и

меня перевели в другую камеру, где уже находились Майгонис и Огурцов. Тут сработал какой-то внутренний механизм, и я объявил голодовку: требую перевести меня в одиночку. Снова вступать в камерные конфликты, вести борьбу по пустякам... Устал. С меня хватит!

На третьи сутки голодовки врачи констатировали, что ее продолжение опасно для моего здоровья. И я добился своего: меня снова перевели в одиночную камеру, придав ей статус больничной. Прекратил голодать, попросил кружку кипятка. Отпил немного и начались спазмы в горле. Вдобавок свело судорогой ногу и левую руку. Так доставались мне эти победы. Я себя нисколько не обманывал: еще несколько таких "побед" - и у меня не будет сил бороться за свою жизнь.

В больнице все течет однообразно. Подъем, завтрак, прогулка, учеба. В пять часов вечера все затихает. Письма уже раздали, "Правда" прочитана, ужин съеден. Это самое тяжелое время для меня. Целый день ждешь - а вдруг что-то произойдет: принесут хорошее письмо или по радио сообщат о каком-нибудь успехе в Израиле. Когда ждать уже нечего, впадаешь в состояние полужизни-полусмерти, где нет никаких надежд. Так шло время. Иногда переговаривались через стену. Однажды Владимир Балахонов постучал. Хочет говорить. Опасное занятие - вести получасовые беседы. Володя разговорчив:

- Когда освободитесь, передайте на Запад, что, по моему мнению, здесь применяют лекарственные методы воздействия на заключенных. Врач дает препараты раздатчику, и тот кладет их в пищу. Это вызывает поносы, геморрой.

- Володя, я в это не верю.

- А вы сообщите от моего имени.

Идет надзиратель. Я попался. Открывается кормушка:

- Менделевич, еще раз замечу... Вас не для того положили в больницу.

Он меня не поймал, но догадался, чем я занимаюсь: услышав его шаги, я отскочил от стены и принялся читать заранее положенную на стол газету. Но как сказать Балахонову, чтобы он не ставил меня под удар? Неужели сам не понимает? Нет, сказать нельзя - объяснит все трусостью.

За стенкой другой зэк, сын генерала Шухевича. У того странная привычка звать меня на переговоры через унитаз как раз в субботу. Я сказал ему, что по субботам не стоит. Вроде бы понял. Он болен. У него все болит: глаза, голова,

сердце. Сидит с пятнадцатилетнего возраста. Сейчас ему сорок два. Я его понимаю. У меня тоже все болит. Общее недомогание, постоянные головокружения, сердечные боли. По утрам отекающие ноги покрываются какими-то желтыми пятнами. Врач на осмотре качает головой. Наверно, ему надо писать ответ на жалобу, с которой Наташа Розенштейн обратилась в министерство здравоохранения. Ответ стандартный: "Менделевич здоров". А Менделевич уже еле жив. Главное - не сплю. Это самое страшное наказание. Даже ночью нет спасения от тюрьмы. Лежу. Думать не о чем. Спать не могу. Так проходит час за часом. Вот наконец запели птицы - восход солнца. Подъем. Встаю, пытаюсь обмануть себя, что спал всю ночь. Но себя не обманешь - снова болит голова, подкашиваются ноги. Весь мир плоский и одномерный.

...Теперь меня часто спрашивают, пытаются ли в советской тюрьме. Нет. Но разве не пытка доводить человека до такого состояния, когда он противен самому себе и весь мир ему противен тоже? Однако у меня было спасение: вера, народ и земля Израиля.

Хаим писал: "Поверь, это такая прекрасная страна, что есть ради чего жить!" Я в это верю, поэтому, несмотря ни на что, продолжаю жить. Молюсь, занимаюсь, пишу жалобы. Требую разрешить моим родным посетить СССР, чтобы получить свидание со мной. Получаю отказы: "С Израилем нет дипломатических отношений". Наташа приезжала ко мне, но свидания не дали: "Двоюродная сестра - не родственница". Ее семья уже восемь лет в отказе. Власти как бы специально разрешают выехать тем, кто в Израиль не едет. Нам это наносит удар.

Натану до отбытия тюремного заключения остается три месяца, мне - четыре. Ему сидеть не легче, чем мне. Его сосед - пятидесятилетний Виктор Пяткус, участник литовского национального движения. Как-то на прогулочном двореке я услышал их разговор:

- Виктор, вы постоянно пытаетесь мне указывать, что я должен делать! Кто вам дал право так обращаться со мной?

- У меня большой опыт заключения и жизни, чем у вас. Вы еще не понимаете, как надо себя вести!

- Прошу вас держать свое мнение при себе!

Вызываю Натана стуком в забор:

- Как ты можешь терпеть! Требуешь немедленного перевода!

- Не хочу, чтобы администрация знала о конфликтах между политическими.

- Из-за этого мучиться?

- Ничего, осталось немного!

Через несколько дней состоялась наша первая и единственная встреча. Шел снег, за ночь навалило его до колена. Лопат не выдавали. На прогулке Натан потребовал, чтобы его отвели обратно в камеру. В этот момент меня выводили на прогулку. Мы встретились. Я сразу узнал его по фотографии, которую Ида Нудель прислала мне в 1975 году. Но как он изменился с тех пор! Лицо серое, остро выступают скулы, и только в глазах теплый, добрый свет.

- Натан!

- Йосеф!

Мы обнялись. Конвой растерялся, впрочем, лишь на несколько секунд. Тут же нас схватили за руки и растащили в разные стороны. Эта встреча дисциплинарных последствий для нас не имела: виноваты были надзиратели. Не обеспечили изоляцию заключенных.

И все-таки помешать нашему общению не могли. Всех дырок не заткнешь, а опыт у нас имелся не меньший, чем у них. Ежедневно, проходя мимо камеры Натана, я здоровался с ним: "Шалом!", обращаясь при этом как будто к конвоиру. Тот недоумевал:

- А, что?

- Ничего, ничего!

В двери моего прогулочного дворика была щель. Прильнув к этой щели, я ждал Натана.

- Шалом, сегодня получил письмо из Израиля.

- А я уже месяц не получаю!

- Прекратить разговоры!

Оказалось, моя камера напротив его. Если говорить тихо, надзиратель не сразу

услышит. Но лучше петь. В субботу после трапезы в мрачном одиночестве камеры я согреваюсь песней и словами привета:

- Натан, Натан, ты слышишь?

- Да, я слышу!

- Шабат шалом, Натан!

- Шабат шалом, Йосеф!

И вот ко мне в камеру входят ангелы мира. Я не один. Рядом со мной друг. Но однажды вместо ответа на "Шабат шалом" я услышал:

- Позавчера мой папа умер...

Тяжелая весть. Я это тоже пережил. Как помочь, как ободрить Натана? Несколько дней не находил покоя. Рядом друг, а я не могу ему помочь. Наконец идея! Начинаю лихорадочно готовиться к завтрашней прогулке. Пишу Кадиш, скатываю в горошину, обматываю более плотной бумагой и начинаю тренироваться - пока что в камере. Пройдет ли этот шарик через сетку над прогулочным двориком? Под каким углом и с какого расстояния бросать? Утром на прогулке стучу в стену. Натан откликается.

- Приготовься к приему!

Задача трудная. Охранник все время над головой. Отходит на несколько минут и сразу же возвращается. Наблюдаю за ним. Как только он поворачивается ко мне спиной, бросаю шарик. Он попадает в сетку и отскакивает от нее. Охранник вернулся, но шарика на земле не заметил - идет снег. Когда он отходит, я поднимаю шарик и снова бросаю. Не попал. Прогулка окончена. Возвращаюсь в камеру в подавленном настроении.

На следующий день новый план. В стене дворика, в самом низу, есть маленькая дырочка, в которую проходит стержень авторучки. Вставляю один стержень в другой и привязываю к его концу нитку с запиской. Стучу в забор и пытаюсь объяснить Натану, что надо делать:

- Я просовываю стержень, ты хватаешь конец и тянешь.

Но он никак не может найти отверстие:

- Где, где?

Прогулка окончена. Снова неудача. Завтра попробую старый метод. Наконец, со второй попытки, шарик попадает в дворик к Натану. Он передает: "Получил!" Для меня нет лучшей вести, чем эта. Получил! Получил! Теперь у него будет молитва. Так налаживается канал связи.

- Йосеф, можешь прислать псалом №27? Авиталь написала, что раввины советуют читать каждый день.

Пишу ему текст псалма и на следующий день переправляю через забор. Хоть я и слаб, но возможность помочь другому придает мне силы. В субботу спрашиваю его:

- Натан, что ты делаешь целый день?

- У меня есть пасхальная Агада, читаю ее. Это помогает мне изучать язык. Я знаю уже все молитвы оттуда. Это поддерживает меня! - все это речитативом.

Какой человек! Я пою в ответ: "Давид, царь Израиля..."

- Менделевич, перестаньте разговаривать со Щаранским!

- Я не говорю, а пою!

- В тюрьме петь не положено!

Кончается трехлетний срок заключения Натана в тюрьме, и теперь его этапируют в уральские лагеря. Через два месяца и я отсижу тюремный срок. Думал, что мои злоключения в Чистополе исчерпаны. Но осталось, видно, пройти последний круг.

Меня переводят в камеру к Балахонову, Огурцову и Майгонису. Находиться в большой камере с тремя зэками гораздо легче, чем с одним, но заключенные - люди не легкие. У каждого своя судьба, свой характер, свои заботы.

Майгониса через два месяца освобождают. Он строит планы встречи с Сахаровым. Его мечта - выехать из Союза. Огурцов в тяжелом состоянии. Он уже не способен ни читать, ни писать. Лежит неподвижно на койке.

Балахонов активнее других. Работает над теорией спасения мира от русских.

Раньше он заявлял, что не принадлежит к русской нации и считает себя космополитом. Теперь его позиция изменилась: "Как русский, я должен предупредить мир об опасности, которую представляет русский народ для всего человечества. Единственное спасение и для нас, и для всего мира - расчленив русскую империю и оставить русским только те земли, на которых они сформировались как нация в XV веке".

Эти рассуждения озлобляют Огурцова, приверженца великой русской империи. Майгонис ненавидит их обоих, оккупантов Латвии. Каждый из них наедине признается мне, что не может больше сидеть с двумя другими:

- Как только вас увезут в лагерь, буду требовать, чтобы меня держали отдельно!

Мне было легче, чем им: вера в Б-га давала мне силы жить. Они же думали, что мой оптимизм вызван реальной надеждой на освобождение, и завидовали мне!

- Не сомневаюсь, что вас освободят раньше срока, - каждый день твердил Балахонов.

А я не ждал от Б-га немедленного освобождения. Я молился о том, чтобы не потерять себя и сохранить любовь к людям.

С утра я спешил занять очередь в туалет и умывальник. Мои сокамерники тоже хотели успеть до завтрака провести "гигиенические мероприятия". Как только прозвучит гонг побудки, Балахонов торопится наполнить водой металлический таз, чтобы мыть в нем ноги. Майгонис соскакивает с верхних нар и, обходя Володю боком, приближается к унитазу. Огурцов, сохраняя достоинство, выполняет на койке упражнения "йогов".

На двух квадратных метрах, свободных от четырех коек, стола и унитаза с умывальником, четыре взрослых человека, не толкаясь и не наступая друг другу на ноги, должны жить. Но мало того, нужно еще никого не обидеть. Несовместимые вещи! В результате напряженность в камере возрастает с каждым часом. Кто-то произнес обидное слово, кто-то не посчитался с сокамерником, и накалилась и без того тяжелая атмосфера.

Зачем, собственно говоря, Володе с утра набирать воду в таз? От того, что он моет ноги в холодной воде, здоровье его не укрепляется, он постоянно чихает и кашляет. Он и в другом ни за что не уступит. Форточка должна быть открыта, потому что без свежего воздуха он задыхается и не может спать. А у Майгониса больные уши, и холод ему вреден. Он не говорит ни слова, закуривает и обвязывает голову полотенцем. За полотенце получает замечание от

надзирателя. От курения ему легче не становится, а Игорю оно мешает. Ему осталось отсидеть три года и хочется сохранить здоровье - насколько это вообще возможно в тюрьме.

Володе нужна теплая вода для обмывания - у него геморрой. Геморрой, пожалуй, есть у всех, но лучше не обращать на болезнь внимания. Я не решился бы при всех снимать штаны и садиться в таз с водой, как это ежедневно проделывает Володя. Мы, конечно, стараемся не замечать эти водные процедуры. Давно уже покончено с условностями, все открыто, и кто хочет, может наблюдать за тем, как ты тужишься над дырой в полу. Мучаешься, и тяжело вдвойне: сидеть на виду у всех и торопиться, ведь вода подается в камеру в определенные часы, и кто опоздал, тот, схватившись за живот, ждет до вечера.

Я вынужден был вставать раньше других, чтобы успеть помыться и приступить к утренней молитве. Я не знал, в какой стороне находится Иерусалим, и поэтому считал правильным молиться, стоя лицом к окну. Попадая в новую камеру, я старался занять койку у окна. Если не удавалось, то просил разрешения стоять там. Хорошо, если разрешали. Всякое бывало. Так я поступил и на этот раз:

- Можно постоять у окна?

- Пожалуйста, не надо и спрашивать!

Хозяин койки демонстративно уступает мне место. Вроде бы все в порядке? Да, если это одноразовая просьба. Но не будешь просить каждый раз. В тюрьме вырабатывается привычка как можно меньше просить. Даже если тебе предлагают, лучше отказаться. Элементарная тюремная философия учит заключенного довольствоваться тем, что у него есть.

Итак, благополучно закончив водные процедуры, я приступал к утренней молитве. Обычно своими молитвами арестанты раздражали надзирателей:

- Что ты там делаешь у окна? Отойди немедленно!.. Что ты там высматриваешь? В побег собрался? А ну, подойди к двери!.. Чем занимаешься? Молишься?..

Естественно, при таком пристальном наблюдении невозможно остаться наедине с самим собой и с Б-гом. Пытаешься забыть об окружающем, но трудно: надзиратель орет, Володя на узкой площадке между столом и дверью делает гимнастику. Только Игорь не мешает - он занимается йогой у себя на нарах. Правда, скоро он закончит и приступит к молитве. Он молится, тоже

повернувшись к окну. Спиной я чувствую, как он кладет земные поклоны и крестится. Хорошо, что я уже кончил молиться.

Но тут возникает новая проблема: не стоять же спиной к молящемуся, а отойти некуда - я между окном и нарами. Теснота такая, что один не может сдвинуться с места без того, чтобы всем остальным не пришлось подвинуться. Повторяется это неоднократно, и единственный выход - после молитвы сесть на пол и приступить к чтению Агады Бялика, которую мне удалось пронести с собой.

И вот наступает момент, которого все ждут с нетерпением. В противоположном конце коридора открываются кормушки. Чуткое ухо зэка улавливает желанный звук. Но вот одна из кормушек захлопнулась быстрее, чем обычно. Значит, зэк отказался взять хлеб. Кто-то объявил голодную забастовку. Я приложил ухо к двери, чтобы узнать номер камеры. Восемнадцатая. Там сидит Гена. Что же случилось? Может, удастся узнать позже.

А пока подошла наша очередь получать хлеб. Каждому хочется посмотреть, какой сегодня хлеб: черствый ли, выпеченный, черный как земля или светлее обычного. Качество хлеба как всегда служит темой для оживленной беседы. Хотя речь идет о нескольких кусках хлеба, дневной пайке, мнения высказываются с достоинством и в изысканных выражениях, как и подобает в высшем свете.

- Хлеб сегодня хорош, - заключает Володя.

- Вовсе нет, Владимир Федорович. Не лучше, чем обычно. Просто больше картошки добавили, - возражает ему Игорь.

- Вот и запах какой-то особый, - настаивает на своем Володя.

Распределение хлеба между сокамерниками - дело нелегкое. Казалось бы, все ломти одинаковы, но глаз голодного человека улавливает различия. Рука инстинктивно тянется к большему куску. И все с трудом отводят глаза, в которых голод и жадный блеск.

Во избежание взаимных обид мы установили определенный порядок: первая порция хлеба - Владимиру, вторая - Игорю, третья - мне. Мы кладем наши пайки на стол. Владимир задумчиво смотрит на свою. Потом вынимает линейку и, измерив толщину ломтя у себя и у Игоря, приходит к выводу, что сегодня ему досталось на пятьдесят граммов больше, чем другим. Он вынимает нитку и принимается отрезать излишек. Разумеется, Игорь ни за что не соглашается взять его себе.

Решаем: в дальнейшем менять порядок раздачи хлеба, и тогда появится вероятность, что в течение недели все получат равные доли. Но каждый понимает, что и эта хитроумная система вряд ли решит основную проблему - голод. У нас дистрофия. Прилагаем невероятные усилия, чтобы не говорить о пище и делать вид, что не так уж она важна. По сути дела "хлебная церемония" должна компенсировать реальный недостаток хлеба. Впрочем, Володя на этот раз не выдерживает.

Открывают дверь для утренней поверки. Вместо того, чтобы доложить о числе заключенных в камере, он кричит на весь коридор:

- Хлеба! Дайте столько хлеба, сколько нужно человеку! На Нюрнбергском процессе судили нацистов и за то, что они морили заключенных голодом, а вы даете еще меньше той, нацистской нормы!

Дежурный сержант невозмутим. Он знает, что эки голодны, но не имеет права выдать больше положенного. Дверь захлопывается.

Я занялся самовнушением: нам выдают вполне достаточное количество. Но поскольку оно ограничено, кажется, что не хватает. Надо съесть меньше, чем дают, тогда все будет хорошо. Я стану независимым. Но тут возникли новые сложности: куда девать оставшийся хлеб? Прежде всего - сушить. А что делать с сухарями? Отдавать Володе. У меня уже был опыт с Размиком. И все же я отдавал Володе хлеб. Невозможно видеть, как человек мучается. Церемония с хлебом - разрезание, медленное разжевывание - довела его до беды. Однажды он так увлекся, что не успел одеться на прогулку и за это получил шесть суток карцера. Все шесть суток он голодал. Не ел и не пил. В камеру вернулся труп с горящими глазами: "Я, ребята, еще держусь, вот глядите!" - И стал плясать вприсядку, показывая, что голодовка ему не страшна. Сделал несколько прыжков и упал. Мы отнесли его на койку.

- Ребята, знаете, о чем я вспоминал во время голодовки? В Женеве, где я работал, есть маленькое кафе. Там можно выпить чашечку кофе и съесть сладкую булочку.

Конечно, таких деликатесов у нас не было, но зато я приготовил для него калорийное блюдо. Сушеные рыбы хвосты, хранившиеся у него в пакетике, я замочил в воде, раскрошил и смешал с хлебными крошками. Это блюдо я добавлял к обеду. Все ели и хвалили: "Иосиф, вам бы в ресторане работать!" Да, с голоду и не такое покажется вкусным.

К обеду все уже наготове. Каждый держит свою миску. Открывается кормушка:

- Обед!

У каждого своя очередь, как и при получении хлеба. Пригнувшись к окошку, наблюдаем, как раздатчик зачерпывает суп:

- Размешивай перед тем, как наливать! Жижу не давай! Лей гуцу! Черпай снизу! Чего сверху даешь?

Все ведут себя так, будто решается вопрос о жизни и смерти. Несут миски к столу, разглядывая, что досталось сегодня. Одному попала картошка, другому только капуста. Володя кладет в суп сухари, которые я дал ему утром, и добавляет туда еще пол-литра воды: "Так больше!" Тяжко видеть, как человек теряет человеческий облик!

...Мой последний Песах в тюрьме. (Тогда я не знал, что следующий буду встречать в Хевроне.) Я действительно готовлюсь к Исходу. Не сегодня-завтра этап. Способы приготовления к Песах у меня уже давно разработаны и освоены. Припасено полкило мацы из посылки - основная пища на восемь дней. Снова делаю проверку на квасное. Снова удивленные взгляды обитателей камеры. Странный еврей! Сидит в тюрьме и еще придерживается каких-то обычаев! Перебирает в еде! Они не понимали, что вера поддерживает меня.

- Иосиф, когда приедете в Израиль, будете там национальным героем!

- Что вы, Володя, у нас таких национальных героев три миллиона!

...Потом все происходило быстро. В течение часа я должен был собраться с вещами, причем в присутствии офицера, который все это время не покидал камеры.

Несмотря на это, Володя все же ухитрился передать мне записку.

- Поешьте перед дорогой, - предложил он мне, придвинув повидло.

Зачерпнул ложкой - и записка у меня во рту.

Сборы закончены. Меня отводят в пустую комнату и уносят вещи на обыск. Потом я увидел изъятые у меня израильские открытки, фотографии, записи. Все это объявлено "подозрительным по содержанию".

- Протестую против конфискации!

- Можете протестовать. Это ваше право. Деньги, обнаруженные между страницами книги, будут переданы в казну государства.

- Но ведь это мои деньги!

- Вам иметь деньги запрещено!

Отняли открытку с видом Иерусалима и Храмовой горы за "религиозное содержание".

- Протестую против изъятия израильских открыток. Я получил их в письмах, на законном основании!

- Прекратить пререкания! Собирай вещи, живо! Некогда тут!

Выводят из ворот тюрьмы. Нет, даже после трехлетнего тюремного заключения эта унылая страна не влечет меня. Вокруг поля, поросшие низким кустарником, грязный снег.

В руках у конвоира белый хлеб с яйцами и луком. Он вяло жует. Меня кольнуло: тюремщики едят белый хлеб, а нас морят голодом! Сколько лет я уже не видел яиц, белого хлеба...

Поехали. Дорога длинная. Лед на Волге растаял, и поэтому повезли окольным путем. Шесть часов тряски в закрытом воронке, когда не разобрать, где верх и где низ. Уголовники переговариваются:

- Как привезли политических, стало легче. Не бьют и кормят лучше.

- Да, начальство их побаивается. Чуть что, строчат жалобы.

- А в других тюрьмах что творится! Бьют до смерти. Чуть что - в ящик сажают.

Оказывается, еще повезло. Действительно, куда бы меня ни привезли, ко мне, как к политическому, относились лучше, чем к уголовникам.

Остановка в Бугульминской тюрьме. Записался на прием к врачу. Мне худо. Не знаю, перенесу ли этап. Молодой врач-комсомолец узнал, что я хочу ехать в

Израиль, и принялся меня "обрабатывать". Все вычитанное из газет выплескивается на меня. Я молчу. Ведь пришел за медицинской помощью. Но потом не выдержал. Ладно, обойдусь без его лекарств:

- Все, что вы мне тут рассказали, - сплошная чушь. Не хочу ее слушать. Я могу вам рассказать о том, что в ваших газетах не пишут...

После часовой лекции об Израиле я поднялся:

- Ну что ж, пришел за лекарством, а получился у нас спор. Ладно, обойдусь!

- Да нет, почему же! Я вас осмотрю и дам назначения.

Он выписал мне витамины, общеукрепляющие и назначил усиленное питание - дистрофия.

Жаль, усиленного питания не выдали. В эту же ночь повезли дальше. Но реакция этого молодого врача на слова правды запомнилась. Разве люди виноваты в том, что их околпачивают?

Этап продолжался три недели. Это тяжелое испытание для зэка. Чуть ли не каждый день - новая тюрьма. В каждой - обыск. Перебирают оставшиеся израильские открытки.

- Что, сионист?

И приходится опять объясняться. Всякий раз встречают одинаково:

- А, сионист! Тебя давно бы убить, а ты еще жив. А ну, поторапливайся!

Нагруженный двумя чемоданами, бегу под дулами автоматов и лай овчарок. И снова все то же. Прыгаю из вагона. У дверей конвой:

- Эй, что у тебя в чемоданах?

- Книги!

- Не сожгли еще? Жаль! Ну давай! Бегом - марш, политик!

- Что это за права человека? - спросил меня как-то молодой солдат. - Говорят, в Советском Союзе их нет, а мне и не надо. Закончу служить, пойду с девушкой в

кино, в ресторан. Какие еще права человека?

Я объяснять не стал. Хватит с меня споров в вагонах. Однажды так разговорился, что до сих пор не понимаю, как не получил дополнительного срока за "пропаганду". Говорил об истории России. Все слушали молча - и зэки, и солдаты. Но когда дошел до захвата власти большевиками, вагон взорвался:

- Ты Ленина не трожь! Он святой! Понимать надо, - кричали уголовники.

Странно, как эта языческая вера уживается у них с реальной жизнью. Ведь ее они знают лучше тех, кто на воле! Они видят огромные города-тюрьмы. Они работают на "стройках коммунизма", которые возводятся на костях таких же заключенных, как они. В газетах пишут, что комсомольцы строили. Зэки знают, что это ложь, и продолжают верить в Ленина...

- Будешь на Западе, расскажи про нас. Я сидел в камере с тремя ребятами. Одному вдруг стало плохо. Позвали врача. Не приходит. Стучим в дверь, барабаним. Тогда надзиратели пустили в камеру удушливый газ. Мы стали терять сознание. Они ворвались к нам и принялись избивать железными прутьями. Потом вытащили окровавленных и бросили в снег, чтобы пришли в себя. Только через два дня явился врач. Двое умерли, а один искалечен на всю жизнь. Меня везут на суд за организацию бунта. Наверно, вышку дадут.

- А я служил в десантных войсках, когда Китай напал на Северный Вьетнам. Нашу часть послали помочь вьетнамским солдатам. Посадили в снег. Кормили раз в день. Мы захватили штаб полка и потребовали улучшить условия. Нас взяли штурмом. Конечно, трибунал.

- А наш лагерь около Мурманска. Делаем части к военным машинам. Кормят плохо, в еде черви. Надзиратели бьют, издеваются. Нашлись отчаянные ребята, устроили пожар в зоне. Вызвали войска, оцепили место пожара и в каждого, кто пытался спастись, стреляли. Теперь нас, двадцать человек, судят за бунт.

Так каждый старался рассказать, что он пережил. У каждого теплилась надежда, что кто-нибудь на воле услышит и поможет. Поговорят, поговорят - и притихнут. Потом разговоры о водке, о женщинах. Можно подумать, что жизнь в грязи и крови для них обычное дело.

Ночью наш этап прибыл к месту назначения. Но куда? Никто не знает. Сопровождающие молчат. Сердце замирает: "А вдруг это Березняки? А может, везут дальше, в Сибирь?"

Однако по карте, которую мне удалось спрятать при обыске, понял, что привезли в Чусовое. Назад, в "родные" места, в лагерь УЧР ВС 389/36. Приехал как к себе "домой". Интересно, кто из товарищей еще там? Кто из начальства остался? Но долго гадать не пришлось. Началась выгрузка. Каждая группа направляется в свой лагерь. Действует железный механизм ГУЛАГа. Теперь моя очередь. С двумя чемоданами в руках бегу по коридору вагона и прыгаю вниз - во тьму и снег. Снова вдогонку те же слова:

- Политик! Давно пора убить, а с ним еще возьмется!

- Мой брат погиб в Афганистане, а этот еще ходит!

Откуда у них, вчерашних школьников, столько звериной злобы?

Меня встречает сам начальник лагеря, майор Журавков. Не очень-то радует эта встреча. Он знает все мои больные места: суббота, книги, молитвы, кашрут. Да, неплохо бы попасть в другую зону, где легче обойти бдительность надзирателей. Но что поделаешь? Выбора нет. Рассчитывать на помощь не приходится. Тащусь в темноте к воронку.

Один. Всегда один. Десять лет научили меня ни на кого не надеяться. Не ждать ни от кого помощи. Считается, что человек - существо общественное, но в лагере нет общества. У каждого своя боль, свои надежды, свои расчеты... А как же заповедь "люби ближнего твоего, как самого себя"? Моя потребность любить ближнего не находит выхода, и я чувствую гнетущее внутреннее беспокойство. Вокруг пустота. Ближнего нет. Быть может, он ждет меня в зоне?

Втискиваюсь в глухой металлический отсек воронка. Начинается дикая "пляска" по немощным дорогам Урала. Я сворачиваюсь в клубок, чтобы меньше трясло и не укачало, и пытаюсь отвлечься от неотступной мысли: "Что ждет впереди?" Меня кидает по отсеку, но я переносу все молча, без стонов.

Наконец въезжаем в Кучино. Лагерь разросся. На месте деревянного барака - двухэтажная каменная крепость для солдат и охраны. Зэки называют лагерь империей "Кучинвальд". Но здесь не убивают, как в нацистском лагере. Просто каплю за каплей выдавливают из зэка то, что составляет человеческую личность.

Конвоиры с интересом разглядывают меня. Когда я попал в тюрьму, они только пошли в школу. "Особо опасный государственный преступник". Меня конвоирует сам капитан Белов. Предстоит карантин. Изоляция на несколько недель. Для испытания нервов на прочность. А вдруг не выдержат, сдадут? Вот

тут-то мы ему и обломаем рога! Ночь, но зэки во внутренней тюрьме не спят. Из какой-то камеры Леха Сафронов подает голос. Отвечать запрещено. Но лагерная солидарность сильнее запрета.

- Кто прибыл?

- Менделевич из Чистополя!

- Еще одно слово - в карцер, - грозит Белов.

Привели. Обыск. Стою с отсутствующим видом. Если покажешь, что волнуешься, обыскивать станут тщательнее. На глазах грабят. Семь тысяч дней тебя обирают, убивают в тебе все человеческое, а ты должен молчать и терпеть... - И вот мне представляется, что по иерусалимским улицам идет человек. Он как все. Только внутри у него мрак допросов, обысков, предательств и унижений! Как он сможет жить с этим?!

А пока обыск продолжается. Капитан Белов рад бы отобрать все:

- Книги на иврите - не положено! Теплые вещи - нарушение правил ношения одежды! Открытки из Израиля - запрещено!

И все-таки удалось кое-что отстоять: еврейский календарь на 1973 год и металлическую кружку, полученную от отца в семьдесят первом году.

Утро. В коридоре делят пайки. Дневальный хотел дать чуть побольше, но его на этом поймали. Итак, тридцать граммов крупы, двести граммов хлеба, пятнадцать граммов сахара. Что-то должно и охраннику остаться.

Открывается глухая железная дверь. За ней вторая - из решеток. Дневальный зэк протягивает миску мутной баланды. Его пальцы тонут в ней.

- Что так жидко?

- Другим еще жиже.

Дневальный - человек во всех отношениях "надежный". Это Миша Чепоренко. В 1941 году, в Черновцах, он убил шестерых евреев, которые прятались на мельнице. Теперь он друг евреев и лагерного начальства...

После завтрака удалось связаться с заключенными внутренней тюрьмы. Здесь

Сергей Ковалев, издатель "Хроники", Маринович, член киевской группы защиты Прав человека, здесь и Леха Сафронов. Все они требуют перевести их в тюрьму. Это общая лагерная кампания. В тюрьме лучше. В некотором смысле это так. Я убедился на собственном опыте. Запертый в камере, меньше подвергаешься придиркам надзирателей. Каждый делает свой выбор.

- Иосиф, - говорит Сафронов, - Вадим хочет с тобой поговорить.

- Кто он?

- Сам тебе расскажет.

Открываю крышку унитаза. Слышу глухой голос:

- Шалом! Я еврей, сижу с 1979 года за попытку бегства в Израиль. Хотел захватить самолет и требовать освобождения Щаранского, Иды Нудель и Слепака... Йосеф, ты знаешь иврит?

- Да. Встретимся, будем заниматься вместе. А почему у тебя нееврейское имя?

- Выбери мне еврейское!

- Хорошо. Буду звать тебя Даном.

Имя понравилось. На следующий день я увидел Дана через глазок своей камеры. Высокий, спортивного вида парень, лет двадцати - не больше. Простодушное лицо. Сидеть ему тринадцать лет. Но теперь мы вместе!

Меня продолжали держать в карантине. Но вот наступил день, когда приказали собирать вещи и готовиться к выходу. Начальник оперативного отдела распорядился не выдавать письма и открытки.

В 16.00 меня должны были вывести в зону, а в 16.30 - проверка заключенных. Значит времени на обыск у них мало, будут торопиться. Так и вышло. Ограничились переключиванием вещей с места на место.

- Эти книги изданы в СССР?

- Да, конечно, - не моргнув глазом отвечаю я.

Открытки привлекают к себе внимание. Таких красивых, блестящих открыток

они никогда не видели: "Что это?" - И я с радостью объясняю. Удивительный это обыск. Так можно искать только пулемет. В последний момент офицер засомневался и решил оставить книги на просмотр:

- Заберете их в другую смену!

Это хуже. В следующую смену заступает капитан Рак, мой старый знакомый. Он ничего не пропустит. Вхожу в лагерь с тем, что мне разрешили взять.

Итак, я вернулся на место, которое покинул три года назад. На старое обжитое место. Но никто меня здесь не ждал. Все друзья в Израиле. Ни на стенах, ни на нарах ни слова от них. А вот на последнем этапе в Пермской тюрьме я видел надпись: "В следующем году в Иерусалиме. - Альтман, Залмансон. Ияр 5739". Это писали год назад, на пути к свободе. Тогда они еще не знали, куда их везут. Я добавил к этой подписи свою: "Йосеф Менделевич. В следующем году в Иерусалиме".

Грустно. Раньше в этом лагере кипела жизнь. Здесь были мои друзья. Теперь вновь знакомиться с людьми. Но есть и такие, которые еще помнят меня. Это старожилы с пятнадцатилетними и двадцатипятилетними сроками.

- Почему ты здесь? А мы думали, что тебя давно освободили!

От этих вопросов как-то неловко. Вот и они считают, что я никому не нужен. Но это не так. Почему власти меня не освободили? А почему не освободили Щаранского, Иду Нудель, Бегуна?

Оказалось, что в зоне есть евреи. Лудман и Свердлин. Леонид Лудман - высокий мужчина лет сорока. Ленинградец. Инженер. Собирался ехать в Израиль. Пытался переправить на Запад статьи, в которых содержалась критика режима. Туриста с рукописями Лудмана задержали на таможне. За разглашение государственной тайны - а в тексте упоминался военный объект, на котором работал Лудман, - он получил двенадцать лет.

Познакомившись со мной, Лудман отвел меня подальше от барачков, почти в самое болото, и начал:

- Приветствую вас как гражданин Израиля. Должен вам сообщить кое-что по секрету. Постарайтесь слушать, но не думать. Они умеют читать мысли на расстоянии. Если знаете иврит, думайте на иврите. Они не понимают нашего языка.

Он ждет моего ответа, а я молчу.

- Китайская народная республика наградила меня орденом за великое открытие: КГБ пользуется радиоволнами, чтобы проникать в наши мысли...

Его лицо исказилось болью:

- Снова начали меня пытаться, сволочи! В мою верхнюю челюсть вмонтирован радиоприемник, куда они посылают сигналы и вызывают зубную боль. Сейчас спровоцировали понос. Это за то, что я вам рассказываю. Но я не могу молчать. Это мой национальный долг!

Он выжидающе посмотрел на меня и спросил:

- Ну, что вы по этому поводу думаете?

- Учту, - коротко ответил я.

Он явно разочарован моей вялой реакцией. Позже я узнал, что в лагере спорят о Лудмане: кто он - симулянт или больной? Возможно то и другое. Действительно, получив ни за что такой срок, можно сойти с ума. Сидеть ему очень трудно. Он не в состоянии ни читать, ни писать. Грустно видеть маску тупой сонливости на этом еврейском лице. Чувствую, что от него надо держаться подальше. Но на следующий день он подошел ко мне:

- Почему вы меня избегаете? Ведь мы здесь единственные израильтяне!

Неужели после моего односложного ответа он все еще ждал сближения? Но многие не прочь послушать о новых "секретах советского радиооружия".
Бесплатный театр.

Меня тревожило другое. Дождавшись конца смены капитана Рака, я обратился к заступившему на дежурство капитану Ляпунову:

- Майор Чукаинов при обыске оставил мои вещи. Он сказал, что их выдадут в другую смену.

Капитан Ляпунов лентяй:

- Почему я должен выполнять его работу?

Все-таки за десять лет заключения начинаешь немного понимать лагерный механизм. При сдаче смены Ляпунов докладывает начальнику, что Чукаинов не хочет работать. Тот получает приказ: "Немедленно завершить обыск".

Приходит Чукаинов, багровый от выпитой водки:

- Почему наврала? Я не переносил обыск на другую смену. Забирайте свой чемодан!

Так у меня оказались все книги без проверки. Теперь моя жизнь вновь наполняется смыслом. Надо учить Танах, Агаду.

Дан кончил голодовку. Все-таки послушался моего совета. Я "назначил" ему усиленное питание. У парня отличный аппетит. Съедает по две порции и хочет еще. К счастью, есть возможность достать. Через повара. Во время войны он сотрудничал с немцами, но виновным себя не признал. В лагере он почему-то доброжелательно относился к политическим.

Каждый день у нас с Даном урок иврита. У него есть учебник, который Дымшиц оставил Лехе Сафронову. Дан учится неплохо, но я не доволен - мог бы лучше. Он несерьезно относится к делу. Любит играть на гитаре, петь песни, пить чай в компании с Григоряном. Григорян - в прошлом лейтенант КГБ. Его отец сидел в тюрьме за незаконную торговлю. Сам он предложил свои услуги военному атташе американского посольства в Москве. Три года успешно работал на него, потом арестовали и осудили на пятнадцать лет.

Есть и еще один бывший лейтенант КГБ - Владимир Свердлин. Он был одним из самых способных в Высшей школе КГБ в Москве. Ему прочили блестящую карьеру. Его невестой была дочь Русакова, члена ЦК КПСС, ближайшего друга Брежнева. Но кто-то написал на Володю анонимку, в которой сообщалось, что он гомосексуалист. Его персональное дело рассматривалось на партбюро, и он вынужден был уйти из школы КГБ. Потом поступил в университет на юридический факультет. Окончив его, стал юристом. Все время мечтал отомстить органам. Искал связи с американской разведкой. Случайно познакомился с каким-то иракским студентом и попросил его связаться с американским военным атташе: "Я располагаю интересными сведениями для разведки", - якобы сообщил он студенту. Назначили встречу, на которую явился кагебешник. Иракский студент оказался агентом КГБ. Володя получил восемь лет. Вся история выглядела абсурдной, да и этот длинный человек с капризно оттопыренной нижней губой, бегающими глазками и унылым утиным носом не вызывал к себе особого доверия. Никаких секретов он не знал - прошло десять лет со времени его ухода из органов. Но общее представление о работе

партийной инквизиции я от него получил.

Вполне естественно, что в лагере, где каждый считал другого агентом КГБ, никто не сомневался в том, что Григорян и Свердлин - кагебешники. По мнению Григоряна, за ним наблюдал Свердлин, а Свердлин считал, что за ним следил Григорян. Сам я не мог бы разобраться, кто есть кто, если бы не Зиновий Красивский.

В 1945 году его арестовали за участие в освободительной борьбе украинцев. Он отсидел несколько лет. Оказавшись на воле, создал украинский национальный фронт и снова попал в тюрьму, на этот раз на пятнадцать лет. В 1971 году Зиновия поместили в казанскую психбольницу закрытого тюремного типа, а через восемь лет выписали с диагнозом психически больного. Отправили в Карпаты. Но там он принялся создавать комитеты по наблюдению за выполнением Хельсинкского соглашения. Его опять посадили. В лагерь он попал за месяц до моего прибытия.

Знакомство с ним принесло мне пользу. Он меня морально поддерживал, и в этом смысле мне повезло. Зиновий действительно являлся для меня авторитетом. Богатый жизненный опыт: война, партизанская борьба, тюрьмы, подпольная деятельность, университет, психушка, лагеря... При этом он сумел сохранить здравый глубокий ум, чувство юмора, простоту и человеческое достоинство. Убежденный украинский националист, он считал, что путь к независимости проходит не через сотрудничество с русскими демократами, а через самостоятельную борьбу. Он признавал право евреев на свою землю, был сдержан во внутри-лагерных конфликтах, умея отличать общие цели от личных, корыстных.

Трезвый взгляд в лагере очень важен. Я тоже пришел к выводу, что не всякая "борьба" ведется во имя идеи. Но открыто признать это у меня не хватало смелости. Когда я попал в зону, там была забастовка. Каждый участвовал в ней по личным соображениям. Некоторые вообще не понимали, почему они бастуют. Надо бороться и все! Но борьба ради борьбы мне не по душе. Моя задача теперь - помочь Дану учить иврит.

Я устроил так, что меня с Даном послали бетонировать дорожку. Перетаскивая землю, цемент и железо, я рассказывал ему о еврействе, и он как губка впитывал мои слова. Пришло время пригласить его на субботу. Парень стал ходить в шапке, отказался есть свинину и старался не работать по субботам. Нам не мешали по вечерам разгружать машины. Зато в субботу мы получали выходной. - После освобождения моих седельников я был реальным кандидатом на волю. Поэтому начальство меня не преследовало. Но когда

поняли, что Дан находится под моим влиянием, забили тревогу:

- Менделевич, бросьте агитировать Аренберга. Он в Израиль не поедет! - заявил мне Журавков.

- Прекратите оказывать на Аренберга давление! Не занимайтесь сионистской пропагандой! - настойчиво повторяли приказ.

- Это не сионистская пропаганда! Мы учим еврейский язык.

Свердлин и Лудман тоже занимались со мной ивритом - каждый в отдельности.

На Рош-Гашана я решил устроить настоящий праздник. Никто из этих моих учеников еврейских праздников не отмечал. Я постарался достать продукты и приготовить ребятам хорошее угощение. Как празднуется Рош-Гашана я и сам толком не знал, но понимал, что все должно выглядеть празднично. Поставил на стол открытку Иерусалима и горы Сион, а также положил несколько новогодних поздравлений. Надел в честь праздника белую нижнюю рубашку, которую папа прислал мне еще в 1970 году в ленинградскую тюрьму. Произнес все брахот перед трапезой и сказал, что даже в Уральских горах евреи должны быть вместе.

Я надеялся, что Лудман, видя дружеское к себе отношение, перестанет играть дурачка. Но вышло иначе. Поняв, что я хочу объединить евреев, он постарался опорочить в моих глазах Свердлина и Дана, назвал последнего вруном и агентом КГБ. Дан был того же мнения о Свердiline, а к Лудману он не знал, как относиться. Итак, не успев сблизиться, мы уже друг другу не доверяли. Кроме того, как ни странно, каждый ревновал меня к другому.

Я решил устроить сбор рябины, надеясь, что общее занятие сплотит нас и как-то смягчит конфликт. В тридцать шестой зоне на центральной аллее росли попеременно черемуха с рябиной. Я раздобыл длинную палку, вбил в нее гвоздь. Этим приспособлением я пригибал ветки к земле. Так мне удалось набрать крупные красные гроздья рябины. Потом я сварил варенье, которое мы ели по субботам.

Но одно дерево не давало мне покоя - самое красивое, с самыми сочными ягодами. Оно росло у входа в штаб, и поэтому никто не осмеливался даже приблизиться к нему. Я предложил Ионасу Симукайтису, осужденному на десять лет за попытку бегства за границу, отправиться со мной на "уборку урожая". Он согласился. Я принес помост, которым пользовались при ремонте дома, и палку с гвоздем. Залез на рябину, а Ионас - на помост. Оба мы

принялись за работу: я нагибать ветви, а Ионас срывать ягоды. Работали как на своей плантации. Вдруг из помещения штаба показалось волоокое краснолицее чудовище - прапорщик Чудинов. Стоит, смотрит на нас и не знает, что делать. Запретить? Разрешить? Я воспользовался его нерешительностью и не дав ему рта раскрыть, начал:

- Ну и дерево, эта рябина! Лучшее лекарство и от желудка, и от головы, и от сердца!

Он постоял немного и ушел. Все расценили его уход как молчаливое разрешение и, осмелев, стали просить у нас ягод. Вся лагерная знать - повар, завхоз, нарядчик - получили свою долю.

Я хотел также устроить праздник Сукот для нашего "ульпана". Но тут нам не повезло. Мы расположились в "ленинской комнате". По идее, там надо изучать классиков марксизма-ленинизма. Но никто их не изучает. Пьют чай, болтают. Вот и мы устроились там. Вошел зэк Потемкин. Он работал переводчиком в гестапо. Потом, после войны, окончил университет по специальности германская филология - пригодилась военная практика. Попав в лагерь, он взялся писать доносы на тех полицаев, которых еще не выловили. Время от времени его возили свидетелем на суды. Потом мы читали в газетах о смертных приговорах, вынесенных бывшим пособникам фашистов. После очередного суда он возвращался в лагерь. Пока не доходило опять до крупных дел, он довольствовался мелкими доносами. Вот он неслышно подкрадывается к нам, тихий такой старичок в очках, садится в уголок с книжкой. Что ни говори, "ленинская комната"! А нам становится как-то нехорошо в его присутствии. Самым смелым из нас оказался Леонид:

- А ты не вышел бы отсюда, приятель?

- Да нет! Я здесь посижу. Вы мне не мешаете!

- Ах ты, сволочь фашистская! Мы тебе не мешаем! Но ты нам мешаешь. Дуй отсюда, пока жив!

Потемкин ушел. Но тут же явились надзиратели и Лудмана с Аренбергом взяли на заметку. Наутро Лудмана посадили на шесть месяцев в ПКТ. Эти полгода превратились в целый год, потому что в ПКТ Лудман отказался работать. Дан получил "всего" пятнадцать суток карцера за то, что залез на крышу лесопилки, чтобы поймать голубя и изжарить его к субботе. Пока я объяснял Дану, что этого делать нельзя, его заметила охрана. Вот и сел. Когда из карцера его привели в баню, он умудрился там надеть на себя две пары трусов и две майки

- так теплее. Рак заметил и стал его раздевать, а стоявший рядом с ним прапорщик несколько раз ударил Дана в почки - чтобы советский закон не нарушал. Дан, в прошлом занимавшийся карате, так рассвирепел, что схватил Рака за голову и стал таранить им стенку. За повреждение стены Дан получил дополнительно десять суток карцера.

Пока Дан отдыхал в карцере, я не бездельничал: Свердлин хотел заниматься со мной еврейской историей и ивритом. Он не мог не плакаться кому-нибудь и не искать защиты у других, в основном у меня или у Зиновия. Он действительно попал в переделку. После приезда в лагерь он обратился к одному из руководителей украинского подполья, Антонюку, с предложением организовать среди зэков антисоветскую группу. Антонюк усмотрел в этом предложении провокацию КГБ и решил перехитрить Свердлина. По его команде человек десять написали в КГБ жалобу на Свердлина, провоцирующего их на антисоветские действия.

Позже мы с Зиновием обсуждали это с Лехой Сафроновым, который к тому времени стал одним из руководителей лагерного актива.

- Леша, если Свердлин не агент, получается, что они написали донос на заключенного?

- А если он агент?

- Тогда какой смысл вообще писать заявления в КГБ? Прогоните его из своей компании и все.

- Я чувствую, что он агент.

- С каких пор факты заменяются чувством?

Но Леха был уверен, что Свердлин кагебешник, и думаю, что еврейская физиономия Свердлина укрепляла его в этом мнении.

Когда Володю Свердлина изгнали из общества "приличных" арестантов, его приласкал Аркян - один из руководителей объединенной армянской партии, молодой и очень способный парень. Свердлин договорился с мастером завода, вольнонаемным, чтобы тот приносил ему с Аркяном продукты, разумеется, за деньги. Дальше - больше. За деньги он пересылал на волю письма. Потом попался. Началось следствие о взятках. - Ведь Свердлин и Аркян подкупили вольнонаемного. В общем, грозили большие неприятности. Решили, видно, отучить зэков от денежных сделок с персоналом, а персонал - от сделок с

зэками. Виновными суд признал двоих - мастера и Аркяна, а Свердлина оправдали. Значило ли это, что мы с Зиновием ошиблись и Свердлин действительно агент?..

Все это произошло в тридцать пятом лагере, а к нам в тридцать шестой он приехал через месяц после прибытия Щаранского в тридцать пятую зону. По его словам, он очень подружился с Натаном и тот рассказал ему все подробности своего дела.

- Я как юрист дал ему консультацию, - заявил он нам. - В его деле есть выигрышные моменты.

Это мне совсем не понравилось. Ложь. Натан не станет посвящать его в подробности.

Между тем, в нашем лагере разворачивалась операция КГБ по закрытию каналов связи. Для передачи информации мы пользовались услугами двух надзирателей, по кличке "Немец" и "Таракан". За плату они соглашались передавать письма на волю. Но денег не было, и тогда договорились, что на имя "Немца" поступит посылка, а там в коробке с сигаретами будет четыреста рублей... О деньгах в посылке Немец не знал. Конечно, мы подозревали, что оба надзиратели получают зарплату от КГБ, но это не означало, что нужно прекращать игру. Пришел Немец, принес посылку, а сигарет в ней не оказалось.

- Где сигареты?

- Выкурил.

Даже виду не подал, что забрал четыреста рублей. Потом был шмон. Отобрали продукты из посылки: "Это в зоне не продается". Одним словом, начальство продемонстрировало, что торговле пришел конец. Но не все это поняли. Леха был настроен решительно:

- Немец украл деньги! Сообщим начальнику лагеря!

- Но мы ведь политические! Как можно доносить?

- Ничего, зато другие не посмеют красть!

- А не получится ли так, что за донос на своего же товарища они начнут с нами войну?

...Я давно уже советовал Дану переправить его дело на Запад. Он старался, но никак не удавалось. Однажды он поделился со мной:

- Я Клопу заплачу. Он согласен переслать мое обвинительное заключение.

Пока я думал, как быть и что посоветовать, Дан отдал документы. В душе шевельнулась тревога: не стоило. Но что делать? На следующий день Дана посадили в ПКТ на шесть месяцев за "нарушение режима".

Конечно, не сообщили причину.

Теперь я остался в лагере только с одним евреем, Свердлиным. Я учил с ним недельную главу Торы. Он внимательно слушал, записывал. Обычно ивритские книги я уносил на ночь на склад - там безопаснее, реже обыски. На этот раз не отнес. Вернувшись с работы понял: был шмон. Ищу свои книги - нет! Отобрали! Пошел к Журавкову:

- Отдайте мои книги!

- Они написаны по-еврейски. Пошлем на перевод. Кроме того, они изданы не в СССР. Обложки к ним приклеены фальшивые.

Все-таки догадались! Ну, ничего, восемь лет я ими пользовался.

- Книги служили вам для сионистской пропаганды!

Вот тут-то все и раскрылось! Значит, не случайный обыск! Что делать, не знаю. За десять лет борьбы я порядком устал... Ладно, как бы то ни было надо о Дане позаботиться, переслать ему еду. Мои сухари хранились на складе. Я пошел за ними. Но там стояли Рак и Рутенко. Кого-то ждали.

- А, Менделевич, вас-то нам и надо! Где ваши чемоданы?

Сердце екнуло - ищут книги. Я к этому был готов. Два чемодана и мешок хранились на складе в разных местах. Показал им чемодан и мешок. Обыскали. Ничего запрещенного не нашли. Собрались уходить. Вдруг взгляд Рутенко упирается в другой мой чемодан, стоявший в стороне:

- А это не ваш?

- Мой.

- Почему спрятали?

- Я ничего не прятал!

Сердце упало в пятки, а потом меня вдруг охватил какой-то задор. Такого уже давно не испытывал. Я открыл чемодан. Они схватили Агаду, стихи Бялика, учебники грамматики, истории. Рак взял в руки Танах, повертел, прочел заглавие: "Стихи еврейских поэтов на идиш". Положил на место. Так, благодаря тому, что я приладил титульный лист советской книги к Танаху, он у меня сохранился. Остальное конфисковали. Теперь я уже знал, что делать, - голодать. Голодать долго - месяц, два - сколько потребуется. Когда я объявлю голодовку, меня переведут в ПКТ. Я буду рядом с Даном и смогу его поддержать.

Решено: голодовка. И от этого простого решения стало легче на душе. Значит, во мне еще есть силы. Я поделился своими планами с Зиновием - нужно все трезво взвесить. Он одобрил. Необходимо настоять на своем: не позволить отбирать еврейские книги.

Я его предупредил, что предельный срок голодовки - сто дней. После этого политзаключенные должны обратиться ко мне с просьбой снять голодовку, чтобы не подвергать опасности жизнь. Это даст мне повод почетно закончить голодовку. Впрочем, я могу ее прекратить в любой день, когда сочту нужным.

Главное теперь - сообщить на волю, а потом начинать. Так я и сделал. Оставалось только получить подтверждение из Москвы. По совету Зиновия, я тотчас потребую вернуть все, что забрали. Конечно, я понимал, что всего не отдадут...

Тем временем из ПКТ вышел Ковалев. Туда он попал за отказ работать и за требование перевести его в тюрьму. За десять месяцев заключения в ПКТ он сильно сдал, постарел... С самого начала его забастовки было видно, что она задумана неудачно. А все оттого, что она вызвана отчаянием. Нужно было вовремя отступить и не доводить себя до истощения. Это на руку только КГБ. Я говорил с Сергеем, как только он вышел из ПКТ. Он и сам видел, что нужно кончать забастовку, но решиться не мог. Тогда я собрал эков, и мы попросили Ковалева выйти на работу, чтобы не обострять и без того тяжелое положение. Я сам проводил его до заводских ворот: как бы он вдруг не передумал. Со стороны могло показаться, будто я хочу того же, что и администрация. Меня могли заподозрить и в сотрудничестве с ней - я это хорошо знал. И все же я не

мог поступить иначе: нужно спасать человека.

Вслед за Ковалевым из ПКТ выпустили Мариновича и Сафронова. Они попали туда по той же причине, что и Ковалев. Теперь они вышли на работу, а через месяц все добились своего - их отправили в тюрьму. Я поздравил ребят с победой. Если с этим стоило поздравлять.

Наконец пришло подтверждение из Москвы: открытка с изображением леса. Значит, там знают, что я буду голодать. Теперь можно начинать.

Не выйти на работу - самое простое дело. Сидишь в бараке, входит дежурный:

- Менделевич, почему не работаете?

- Объявил голодовку!

- Ничего не знаю, в моих списках не значится! Приступайте к работе!

Это он говорит по долгу службы. Его слова меня не трогают. Я голодаю. Вот и все.

Но как быть с ларьком? В начале месяца там продают продукты. Как мне, голодающему, их покупать? Все же, собравшись с духом, иду в ларек. Покупаю литр подсолнечного масла и килограмм лука. Вдруг замечаю стеклянные банки, заплесневевшие изнутри. Наверно, списывают, но ведь банки целые, и если их вымыть и сдать, можно получить рубль. Решил позвать Леху Сафронова. Он в ПКТ очень изголодался. Рядом с банками я заметил ящик с крошками сухарей. Видно, собрали, когда чистили полки... Операцию по сбору крошек и изъятию банок провели блестяще. На вырученные деньги купили продукты. Они оченьгодились Лехе, исхудавшему в ПКТ.

А на работе надо было сгружать с грузовиков тяжелые мотки провода, каждый весом в шестьдесят килограммов. Потом эти мотки нужно насаживать на оси станков, которые со страшным грохотом и скрежетом разматывали их. Глохнешь от шума, задыхаешься от железной пыли, от постоянных окриков: "Давай, давай! Живей, живей!" Работаем в ночную смену. К утру, обессиленные, валимся на нары. И так всю неделю, а я ведь голодаю. Кровь стучит в висках, руки и ноги дрожат, и наконец не выдерживаю - валюсь на бетонный пол. Все, хватит! Не карцера боюсь, а того, что посадят за отказ от работы. Мне же нужно, чтобы за голодовку. Все эти дни начальство игнорировало мое заявление о ней. На заводе часто показывалась длинная фигура Журавкова, но он ко мне не подходил. На восьмой день, когда я уже не мог подняться, чтобы идти на

работу, в бараке появились Рак и Рутенко.

- Собрать вещи! Согласно инструкции о голодовке - изоляция!

Я уже давно приготовился. Особенно тщательно продумал, что взять с собой: учебник по истории Востока, изданный в СССР, и иврит-русский словарь, в который вклеена страница из Сидура с отрывком из Торы, где говорится о том, как Моше получает на Синае вторые скрижали Завета. Эта страница мне дорога как память о Берге-Рабиновиче, который в 1975 году, сидя во Владимирской тюрьме, объявил голодовку в знак протеста против изъятия этой странички. Он голодал целый месяц и добился своего - возвратили.

Не новы для меня водворение в изолятор и увещевания надзирателей:

- Кончайте голодовку! Пожалейте себя! Вам скоро освободиться!

Ново, пожалуй, мое собственное состояние: уверенность в победе. На моей стороне многолетний лагерный и тюремный опыт, умение трезво оценивать обстановку и знание своих возможностей.

Мой день в карцере проходил по заранее продуманному еще в зоне порядку. Утром, конечно, молитва. Затем гимнастика: приседания, прыжки, бег, ходьба. Затем работа. Сначала систематизация ивритского словаря наиболее употребительных слов. Их около двух тысяч. Потом составление грамматического курса иврита и, наконец, учебника с текстами, упражнениями и даже иллюстрациями. Все это для Дана. Кто знает, увидимся ли! Днем - сон. Затем продолжение работы над курсом еврейской истории от Авраама, Ицхака и Яакова. Остается выяснить лишь, как все это переправить Дану. С ним я связался сразу же, как только попал в карцер. По трубам и унитазу прокричал:

- Дан, чем ты занят?

- Лежу, читаю книжки! - был ответ.

- Ты думаешь учить иврит?

- Конечно, но ведь учебник забрали!

- Я начал голодовку. Требую вернуть все конфискованные книги.

- Присоединяюсь!

Как же мне передать весь материал Дану?

Стояла зима, выпал глубокий снег. Тем не менее я ежедневно выходил на прогулку, расчищал лопатой снег и сгребал его в углы дворика. Часть снега я сгреб в такое место, которое не просматривалось из сторожевой будки. Выходя на прогулку, я брал с собой пакет с записями. Он был зажат в руке, которую я не вынимал из кармана. Каждый мой шаг теперь был рассчитан. Хожу взад и вперед, слежу за будкой. В момент, когда часовой повернулся, рука вылетала из кармана, как шпага из ножен. Пакет летит в заранее подготовленную ямку, и я быстро выхожу из мертвой зоны, словно ничего и не было. Потом снова, улучив момент, заравниваю ямку и бросаю на нее красную нитку. Выводят на прогулку Дана. Долго делятся его тридцать прогулочных минут. Возвращаясь, он проходит мимо моей камеры и сквозь зубы бросает: "Бэсэ-дэр!" (в порядке). С каким нетерпением ждал я этого слова! А вечером, когда сменялся караул, я устроил ему экзамен:

- Ну что выучил за день?

Оказалось, почти ничего. Я очень расстроился, и он обещал подтянуться.

...На двадцатые сутки голодовки явились надзиратели, врач и начальник лагеря. Я понял, что готовится процедура искусственного кормления. Обычно она происходит на вторую неделю, но тут, видно, решили потянуть время. Может, и так сдастся, не выдержит. А теперь:

- Менделевич, принимайте пищу!

- Не буду!

- Ну что ж, придется кормить насильно.

- Не имеете права, не позволю!

Протестуй - не протестуй, ты в тюрьме. Здоровенные надзиратели быстро и легко справляются с моим исхудавшим и ослабевшим телом. Силой усаживают на стул и распинают меня. Насильно открывают рот и вталкивают в него резиновую трубку. Одним махом вливают литр какой-то мутной жидкости. Журавков, пришедший посмотреть на этот спектакль, не выдержал и убежал, прикрывая рот рукой. Дверь камеры закрылась, все ушли. Обессиленный, я свалился на койку. Боль в желудке и пищеводе, головокружение. Через каждые пять-семь дней все повторяется сначала.

В конце первого месяца голодовки появился Федоров.

- Менделевич, вы специально приурочили свою голодовку к Мадридской конференции? Смотрите, это будет расценено как политический акт! Вам же хуже!

Такой поворот дела меня не устраивал. Я добивался получения конфискованных книг. Конечно, понимал, что голодовка получит огласку на Западе, но мне нужно было доказать, что голодовка не преследует политических целей.

В это время начали действовать мои друзья в Израиле. Не сидела сложа руки и моя сестра Ривка. Мать троих детей, она вылетела в Мадрид, чтобы принять участие в конференции. Глен Рихтер и Давид Стол организовали в Америке движение в мою защиту. Эдгар Бронфман, председатель Всемирного еврейского конгресса, встретился с послом СССР в США Добрыниным и вел с ним переговоры о моем освобождении. А в Иерусалиме молодая тунисская еврейка, родившаяся в Париже, Кати Саруси, в течение нескольких лет борющаяся за мое освобождение, узнав о моей голодовке, проплакала всю ночь. Наутро с тысячами иерусалимцев она вышла на демонстрацию в мою защиту. Теперь Кати моя жена.

...Я продолжал голодовку. На пятидесятый день явился ко мне майор Журавков:

- На Западе подняли шумиху. Прекращайте голодовку. Получите все, что просили.

Итак, настойчивость и твердость одержали верх. Мне выдали письма из Израиля, учебники иврита и еврейской истории, карту Израиля. Я потребовал встречи с Даном. Дали. Мы обнялись. Победа! Я отдал Дану учебник иврита - пусть занимается!

Голодовка продолжалась еще неделю. Я требовал лечения и специального питания, положенного прекращающим голодать. Пока на моем заявлении не появилась соответствующая резолюция, я голодал. Однако Дан оказался слабее, чем я предполагал. Получив лишь словесное заверение в том, что будут удовлетворены все его требования, он тотчас же принялся есть. Так не годится.
- Раз ты ешь, значит здоров, а посему досиживай в карцере.

Меня же перевели в медпункт, где строго запрещалось общаться со мной. Кормили в полной изоляции. Условия жизни были неплохие. Однако переход из напряженного в расслабленное состояние подействовал на меня

подавляюще. Образовалась пустота. Что делать? Начинал подумывать уже о продолжении голодовки. Но меня изгнали из медчасти за контакты с друзьями по зоне. И снова - к проволоке, шуму и пыли.

От зэка, поступившего к нам из тридцать седьмого лагеря, узнал новости о Натане. Он там единственный политзаключенный. С ним содержатся фашистские преступники, воры-рецидивисты. Среди них, как водится, много осведомителей. Жизнь невыносима. Натан работает у токарного станка. До рычагов не дотянуться. Специально для него соорудили помост - чтобы работал. Ему приходится поднимать тяжелые детали весом в тридцать-сорок килограммов. Однако Натан выполняет норму. Старается не конфликтовать по мелочам. А начальство специально ищет, к чему бы придраться. В конце 1980 года его послали убирать запретную полосу. Если зэк переступит ее, охрана без предупреждения стреляет. Повторилась та же провокация, какую устроили Дымшицу, когда в 1972 году его пытались заставить работать около запретной полосы. Он отказался.

В Хануку Натану удалось раздобыть свечи. Их обнаружили и отобрали. И тут он понял, что его не оставят в покое. Объявил забастовку, требуя возвратить свечи. За отказ от работы положен карцер. Он получил его, при этом срок пребывания там постоянно продлевали. Я стал думать, как бы оказаться в одном лагере с Натаном. Я ведь знал, как в первые годы трудно войти в лагерную жизнь.

В это время к нам в зону прибыл бывший солдат, приговоренный к семи годам за поиски связи с иностранцами. Скорее всего это была детская игра, а не серьезное намерение. Как бы то ни было, он получил срок. Я присматривался к нему. Молодой, красивый, смысленый. Кто он: русский, нерусский?

- Саша, хочу спросить тебя кое о чем...

Он усмехнулся и, не дав мне задать вопроса, сказал:

- Да, я еврей. По матери. Но кагебешник запретил мне говорить вам об этом, потому что вы - сионист.

Я почувствовал, что парень тянется ко мне. У меня вновь появилась конкретная цель.

...10 февраля 1981 года к моему рабочему месту подошел дежурный офицер.

- Менделевич, собирайтесь с вещами!

- Новый этап?

Молчание. Обыск.

- Куда везут?

Молчание. Приносят часы и деньги:

- Это ваше, но получите позже.

Что это значит?! Ведь заключенному деньги иметь не положено! Теряюсь в догадках.

Сажая в джип. Сопровождающие - офицеры КГБ. На заднем сиденье огромная овчарка. Положила морду мне на плечо. Не шелохнуться. Едем в полнейшей темноте. Пересадка на поезд. Днем везут в тюрьму. Ночь - в самолете. Все это передвижение происходит под конвоем группы специального назначения. Пытаюсь завязать разговор. Тему выбрал не самую удачную:

- Что это в витринах не видно продуктов?

- Витрина - реклама, а нам рекламы не нужно.

Потом - о сионизме. Не мог остановиться. Не знаю, как не получил дополнительного срока.

Наконец приехали. Москва. Специальная тюрьма КГБ, Лефортово. Я тут уже был. Сажая в камеру к заключенному, торговавшему наркотиками. Видно, их осведомитель. Пишу заявление начальнику тюрьмы: "Требую сообщить причину перевода в Лефортовскую тюрьму. В противном случае объявлю голодовку". Вскоре получил ответ: "О причине вашего перевода ничего сообщить не могу". Пишу снова: "Тогда отсылайте меня обратно!" Он опять отвечает: "Затребую инструкцию".

Может, открыли канал, по которому передавалась информация о моей зимней голодовке? Или провокация? От них всего можно ждать. А может, освобождение?..

Считаю дни. 22 февраля съезд КПСС. Если не освободят до начала съезда, мои дела действительно плохи. Устанавливаю для себя конечный срок - 18 февраля. Нервы напряжены до предела. Но держу себя в руках, не подаю вида, что

волнуюсь. Внешне спокоен. В тюрьме, как в тюрьме.

18 февраля. Утро. Открывается дверь.

- Менделевич, с вещами!

- Одеяло брать? (Если брать, значит переводят в другую камеру.)

- Бери! Бери!

Так. Это не освобождение.

Вышел из камеры со всем моим скарбом и слышу:

- Зачем одеяло взял, дурак!

Никогда не думал, что так обрадуюсь окрику.

Быстро, почти бегом, в сопровождении конвойного поднимаюсь на третий этаж, в кабинет начальника тюрьмы. Одиннадцать лет не видел такой роскоши: полированная до блеска мебель, ковры. У двери на столе открытый чемодан, в котором лежат костюм и пальто. За большим столом - угрюмые толстомордые дядьки в гражданском. Сидят неподвижно, не улыбаются, и лица ничего не выражают. Вдруг одно из этих застывших изваяний оживает, встает и, держа перед собой лист бумаги, зачитывает: "Именем Президиума Верховного Совета СССР... вы лишаетесь советского гражданства за поведение, порочащее достоинство советского гражданина..."

- Вас немедленно выдворят за пределы Советского Союза, - добавляет гебешник, уже не глядя в бумажку.

- Слава Б-гу, - вырвалось невольно у меня.

- Чему радуетесь? Вот Солженицын плакал, когда ему сообщили о выдворении...

- Солженицына выдворили с его родины, а меня водворяете на мою. Вот я и радуюсь!

- Ладно! Прекратить разговоры! Вот тут распишитесь. На покупку одежды из ваших денег ушло 800 рублей.

- Неужели это тряпье так дорого стоит?

Молчание, а затем:

- У вас осталось еще 800 рублей, но выдать их сейчас не можем. Еще рано, банки закрыты.

- Верните мне деньги сейчас! Я требую! Это деньги мои!

Никакой реакции. Молчание. Начинается личный досмотр. Отбирают все, в том числе письма от отца и фотографии. На проверку.

- Не уеду, пока не вернете всего!

- Ничего! Уедете! Выдворим силой!

Потом меня заставляют переодеться в гражданский костюм, выводят в тюремный двор, дают серую шляпу и сажают в машину. По бокам эскорт милицейских мотоциклов. Движение перекрыто.

- Везем как президента, - насмешливо замечает кто-то из сопровождающих.

Короткая остановка в аэропорту под Москвой. Вдруг машина разворачивается и едет назад.

- В тюрьму? - спрашиваю, не в силах скрыть тревоги.

- Нет, прямо к самолету. Предупреждаем: в самолете ни с кем не разговаривать.

Поднимаемся по трапу. Меня сажают в первом ряду. Рядом со мной - огромный детина с мрачной рожей. Три часа полета. А за ними - десять лет и семь месяцев.

Самолет приземляется в Вене. Выходит пилот и объявляет:

- Гражданин Менделевич! Вас ждет Зингер Израиль.

Меня первым из пассажиров подводят к трапу. Внизу на летном поле стоит Израиль Зингер, представитель Эдгара Бронфмана, посол Израиля в Вене, работники Сохнута, фотокорреспонденты, журналисты. Внешне все выглядит торжественно и празднично, а в душе - пустота.

Оживляюсь только в гостинице для репатриантов из СССР. Зингер вручил мне тфилин и талит катан. Оказывается, когда ему сообщили, что он должен лететь в Вену с особым поручением по делу Менделевича, он обратился за советом к Любавичскому ребе, и тот сказал: "Возьмите для него талит и тфилин".

Я тотчас же попросил показать, как надеть тфилин. Так, на тридцать третьем году жизни, в Вене, я впервые возложил тфилин.

В гостинице кто-то спросил меня:

- Куда ты едешь?

Я очень удивился:

- Как куда? В Израиль, конечно! Куда же еще?

- А здесь много евреев едут в Америку!

- Можно мне поговорить с ними? Я не стану их отговаривать, но скажу, что они совершают ошибку.

- Пожалуйста, говорите.

Все собрались в столовой. Меня, бывшего заключенного, зал поразил своим убранством, светом и чистотой. На блюдах - куриное мясо, гарнир. Одной такой порции хватило бы на десять экков.

- Я хочу рассказать вам о себе, - начал я. - Когда мы шли на захват самолета, мы думали о том, что откроем путь для евреев в Израиль. Мысль о том, что каждый день заключения - плата за свободу еще одного еврея, давала нам силы выжить. Тот, кто едет мимо, наносит удар по общей борьбе и вредит тем, кто еще сидит в тюрьмах, - закончил я под аплодисменты всего зала. Но я обменял бы все эти аплодисменты на решение хотя бы одного человека повернуть в Израиль.

В самолете компании Эль-Аль "Вена-Тель-Авив" было мало репатриантов. Аплодировавшие мне направлялись к берегам Америки.

А я приближался к родной земле. Летчики пригласили меня в кабину, чтобы я смог первым увидеть Священную Землю. Но внутри у меня - боль. Так

изголодавшийся видит пищу, но нет сил к ней притронуться. Во мне убили радость. Я был не в состоянии насладиться неповторимым моментом Возвращения.

Мама, Ривка, Ева, Саша... Закрывать глаза, чтобы не ослепнуть. Сдерживать себя, чтобы не упасть замертво.

Я вхожу в иной мир. Мне вручают удостоверение репатрианта. Встречают как солдата, вернувшегося с поля боя.

Тысячи друзей ждут меня. Как жаль, что не могу говорить с каждым, отвечать на вопросы. Как жаль, что нет сил радоваться...

А я так мечтал приехать сюда тихо и пешком дойти до Стены Плача. Личной встречи, встречи один на один со Страной не получилось. Я еще встречу с тобой, моя земля, с бурными Иудейскими горами, и наедине припаду к тебе. А пока - скорее к Стене Плача. Это мой долг: вернуться туда, откуда началось изгнание.

Б-г Авраама, Ицхака и Яакова! Ты возвратил нас сюда. Так собери же всех сынов Израиля с четырех концов земли и возведи вновь Иерусалим, город святой, в скором времени и в наши дни! Амен!

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

Йосеф Менделевич

Операция "СВАДЬБА"

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

Биография

Йосеф Менделевич родился в 1947 г., через два года после Катастрофы и за год до возрождения еврейского государства, на исходе субботы Нахаму. ("Утешайте"), в городе Рига. Назван в честь деда - хасида Нехемьи Йосефа.

Через десять лет, в 1957 г. в ходе хрущевской антиеврейской кампании был арестован его отец и семья оказалась в тяжелом положении.

В 16 лет, в 1963 г., пошел работать на завод учеником столяра.

В 1964 г. присоединился к движению по увековечиванию памяти евреев, убитых нацистами.

С 1965 г. учился в Рижском политехническом институте, работал инженером-проектировщиком.

В 1966 г. стал одним из создателей студенческой сионистской организации.

В 1969 г. явился одним из инициаторов создания общесоюзной нелегальной сионистской организации и стал редактором ее первого периодического издания "Итон". Организовал подпольный ульпан по изучению Торы.

В 1970 г. арестован на аэродроме под Санкт-Петербургом в составе группы захвата самолета, ставившей своей целью добиться массового выезда в Израиль. На "Ленинградском процессе" приговорен к 15 годам заключения за воздушное пиратство, к 15 годам - за государственную измену, к 7 годам - за сионизм. Откликом на этот процесс стало создание всемирного еврейского движения "Отпусти народ мой!", что, в свою очередь привело к массовой алии из Советского Союза.

В 1981 г. за поведение, "порочащее достоинство советского человека" был "изгнан" из советской тюрьмы в Израиль.

По приезде в Израиль жил в поселении Алон Швут и учился в йешиве Ар Эцийон. Являлся членом руководства поселенческого движения "Гуш эмуним" и принимал участие в обороне города Ямит. Учился в йешивах Махон Меир и Мерказ а-Рав, а также на высших раввинских курсах.

В 1982 г. стал одним из создателей первой израильской русской организации "Центр информации", борющейся за освобождение советских евреев. По делам организации ездил по всему миру, неоднократно арестовывался. Служил в Иерусалимском полку резервистов.

В 1988 г. стал инициатором создания израильского центра "Маханаим".

В 1989 г. стал одним из создателей "Сионистского форума" - всеизраильской организации олим. В целях улучшения уровня преподавания иврита создал первый ульпан на русском языке при Туро Колледж, а также организовал курсы переподготовки преподавателей истории. Возглавил работу по созданию радиостанций, вещающих на русском языке и редактировал патриотическую газету. Создал иерусалимский центр по трудоустройству олим.

Баллотировался в Кнессет от национально-религиозной партии "Мафдаль".

Имеет звание магистра по еврейской истории. В Йешива Университи получил звание доктора "онорис кауза". Является автором ряда работ в области истории и Талмуда. Преподает в институте Махон Меир. Руководит Институтом еврейского искусства.

Живет в Иерусалиме. Отец семи детей.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

Йосеф Менделевич

Операция "СВАДЬБА"

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАИЛ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

1 "Хумаш" - Пятикнижие Моисеево; первая из книг Священного Писания, которое называют Танахом. См. примечание к стр. 80.

2 "Шулхан Арух" - Кодекс еврейских религиозных законов, составленный раби Йосефом Каро (1488- 1575).

3 "Книга Судей" - одна из книг, которые входят в Танах. См. примечание к стр.80.

4 "Лех леха" - этими словами начинается первое повеление, которое Б-г дал нашему праотцу Аврааму: "Уходи из земли твоей и с родины твоей и из дома отца твоего - на землю, которую Я укажу тебе" (Берешит 12, 1).

5 "Пиркей Авот" - "Поучения отцов", сборник изречений мудрецов, который носит мировоззренческо-этический характер. "Пиркей Авот" является одним из трактатов Мишны.

6 Бялик, Хаим Нахман (1873 - 1934) - еврейский национальный поэт.

7 Жаботинский, Владимир (Зеэв) (1880-1940) - еврейский писатель и публицист, основатель ревизионистского течения в сионизме.

8 Ахад Гаам - Ушер Гинцберг (1856-1927) - выдающийся еврейский публицист, основатель духовного сионизма.

9 Пальмах - одна из частей еврейской подпольной военизированной организации "Хагана"; действовал в подмандатной Палестине в 1941 -1948гг.

10 Агада, пасхальная - повествование об исходе сынов Израиля из Египта, которое является неотъемлемой частью пасхального седера.

11 Халуц - пионер-поселенец; так называли юношей и девушек, которые до создания государства Израиль приезжали в -Эрец-Исраэль, чтобы здесь заниматься физическим трудом и участвовать в строительстве еврейского национального дома.

12 Трумпельдор, Йосеф (1880- 1920) - сын николаевского солдата, участник русско-японской войны 1904 г.; занимался организацией еврейской самообороны в России и подготовкой евреев к репатриации в Палестину. Т. был одним из организаторов и бойцов еврейских частей в британской армии в период Первой мировой войны.

13 Пуримшпиль - шуточное представление по мотивам "Мегилат Эстер", которое устраивают в праздник Пурим. См. примечание к стр. 57.

14 Ахашверош - один из действующих лиц пуримшпиля и "Мегилат Эстер". См. примечание к стр. 57.

15 "Мегилат Эстер" - один из пяти свитков, которые входят в Танах. В этом свитке излагается история Пурим и его читают в праздник Пурим.

16 Седер - пасхальная трапеза с чтением пасхальной Агады в первый, а в диаспоре и во второй вечер праздника Песах.

17 Лаг баомер - тридцать третий день отсчета, который ведется от Песах до Шавуот. В этот день прерываются (или прекращаются) траурные обычаи и устраиваются свадьбы.

18 Лехитраот - до свидания (иврит).

Глава вторая

1 Танах - двадцать четыре книги Священного Писания, которые подразделяются на три части: Тора (Пятикнижие), Пророки, Писания.

2 Сидур - сборник молитв на будни, субботу и праздники.

3 "...в отличие от Йосефа не брался разгадывать сны" - в Пятикнижии (Берешит гл.40 и гл.41) рассказывается о том, как Йосеф, сын Яакова, толковал сны

царедворцев и самого царя, фараона.

4 Герцль, Теодор (Биньямин Зеэв) (1860-1904) - писатель и журналист, основатель политического сионизма.

5 Пинскер, Иегуда Лейб (1821-1891) - основатель палестино-фильского движения в России.

6 Борохов, Дов Бер (1881 - 1919) - идеолог социалистического сионизма.

7 Шма Исраэль" (Слушай, Израиль!) - название одной из важнейших еврейских молитв, первый стих которой в наиболее лаконичной форме провозглашает идею монотеизма.

8 "Гатиква" - национальный гимн государства Израиль.

Глава третья

1 Маккавеи, или Хасмонеи (Хашмонаим), освободившие Иудею от сирийского ига во втором веке до н.э., стали символом еврейского героизма.

Глава четвертая

1 "Хад гадья" - песня на арамейском языке, которую поют в конце пасхального седера.

2 Кидуш (Освящение) - благословение, произносимое над вином по субботам и праздникам.

Глава пятая

1 Малый талит - облачение, представляющее собой прямоугольник из ткани, к четырем углам которого прикреплены цицит.

2 Цицит - кисть из шерстяных нитей на талите, которая является отличительным знаком одежды еврея (см. Шмот 15, 38 и 39).

3 Хамец - квасное, которое запрещено есть и держать в домах на протяжении всех дней Песах в память об исходе из Египта, когда евреи не успели запастись

квасным хлебом и ели опресноки (мацу).

4 "Зроа" - жареное мясо с костью; один из шести предметов, располагаемых на пасхальном блюде для ведения седера.

5 Гошана Раба - седьмой день праздника Сукот.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

Йосеф Менделевич

Операция "СВАДЬБА"

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

ФОТОГРАФИИ

ФОТОГРАФИИ

Йосеф с родителями и сестрами, за несколько месяцев до ареста отца, 1956 г.

Члены подпольной сионистской группы в Румбуле, 1966 г.

Йосеф с друзьями на свадьбе сестры Мэри, за месяц до операции «Свадьба».

Лагерь — исправительно-трудовое учреждение — №36 в Пермской области.

Первые шаги в свободном мире в сопровождении представителей Израиля.
Венский аэропорт.

Под защитой полиции в момент прибытия в Израиль, 1981 г. (Фото: Реувен Кастро)

Министр по делам репатриации и абсорбции Давид Леви вручает Йосефу удостоверение нового репатрианта в аэропорту Бен-Гурион. (Фото: Реувен Кастро)

Йосеф Менделевич и Авиталь Щаранская на приеме у президента США Рональда Рейгана, 1981 г.

Перед зданием ООН в Нью-Йорке. Митинг солидарности с евреями СССР, в котором принял участие Йосеф, 1981 г.

Йосеф на церемонии присвоения ему звания почетного доктора в Ешива-Университи, 1981 г.

Пресс-конференция в ООН. Йосеф держит в руках талит, изготовленный им во Владимирской тюрьме.

Йосеф со своей женой Кати на демонстрации в Нью-Йорке, 1982 г.

Первый праздник Ханука после свадьбы, 1982 г

Йосеф с лауреатом Нобелевской премии Эли Визелем

Демонстрация в помещении Аэрофлота, закончившаяся арестом. Женева,

1985 г., во время встречи Рейган-Горбачев.

Йосеф Менделевич и Натан Щаранский на пресс-конференции в Центре информации о советском еврействе по поводу новых советских правил о выезде. 1986 г

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Маргарет Ларкин, ШЕСТЬ ДНЕЙ ЯД -
МОРДЕХАЯ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

О книге

ORC - Nina & Leon Dotan (04.2002)

ldn-knigi.narod.ru ldnleon@yandex.ru

(наши пояснения-переводы - в скобках)

(книга из книжного магазина в музее ЯД-МОРДЕХАЙ, 1975г)

МАРГАРЕТ ЛАРКИН

ШЕСТЬ ДНЕЙ ЯД - МОРДЕХАЯ

Перевод с английского ФРИДЫ МЕРАС

МУЗЕЙ ЯД-МОРДЕХАЙ

Первое издание на иврите-октябрь 1963-3000

Второе издание-ноябрь 1963-5000

Третье издание (исправленное)-февраль 1964-10.000

Четвертое издание-март 1965-30.000

Пятое издание-апрель 1965-10.000

Шестое издание-апрель 1970-5000

Седьмое издание-сентябрь 1971-5000

Восьмое издание-октябрь 1972-10.000

Книга переведена на: иврит, идиш, немецкий, французский

Printed in Israel

Набор, печать и переплет- тип. "Кетер", Иерусалим

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Маргарет Ларкин, ШЕСТЬ ДНЕЙ ЯД -
МОРДЕХАЯ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ПРЕДИСЛОВИЕ

Беговая дорожка не только для тех,
Кто бегают ловко.
Поле битвы не только для тех,
Кто палит из большой винтовки.

(Неизвестный автор, 1862)

Людам Яд-Мордехая - Пионерам, основавшим и защищавшим его,
иммигрантам, помогавшим восстанавливать его. Молодежи, которая это
продолжит.

Это книга о борьбе. Горстка людей, земледельцев, поднялась против
значительно превосходящих сил противника, и, благодаря мужественному
сопротивлению, остановила целую вражескую дивизию; они приняли главный
удар на себя и тем самым отвели его от других поселений.

В наступлении на еврейскую общину в южном районе подмандатной
Палестины различается несколько этапов - вначале разрушались водо-
снабжающие системы, затем блокировались сети дорог, соединявшие
еврейские поселения и, наконец, начались непосредственные атаки против
самых поселений.

С ясным сознанием и большой верой люди Яд-Мордехая приготовились к
неравной борьбе с превосходящими силами, направленными против них.
Шесть дней продолжалось сопротивление этой горсточке людей, изо дня в
день - пока они не пришли к выводу, что продолжать борьбу в своем
поселении невозможно. Унося с собою раненых, они отступили, чтобы,

дождавшись подкрепления, вернуть себе землю, которую они оставили. Такова история Яд-Мордехая и его людей в Войне за независимость Израиля. Эта книга рассказывает о героизме и преданности, о том, чем израильские поселения так дороги новой, развивающейся нации.

ХАИМ ЛАСКОВ, генерал, бывший командующий Армией Обороны Израиля

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Маргарет Ларкин, ШЕСТЬ ДНЕЙ ЯД -
МОРДЕХАЯ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

СЛОВО АВТОРА

Когда меня пригласили в Яд-Мордехай, чтобы здесь, на месте, написать его историю, мне в помощь была создана специальная комиссия. В нее вошли: Иегошуа Кацир, мой переводчик; Элиагу Рейхер, садовник и библиотекарь, рассказавший мне о битве, когда я впервые посетила кибуц в 1959 году; Шаул Меирберг, бывший член Комитета Оборона;

Эзра Ривлис, журналист, редактор местного бюллетеня и куратор архивов битвы, и Моше Карми, секретарь кибуца. Я приношу свою благодарность им всем, они во многом помогли мне. Однако среди них я должна особо выделить "Шика" Кацира. Я общалась с людьми другого языка, другой культуры и другой религии. Я возвращала их к воспоминаниям, зачастую болезненным и печальным... Своим теплом и сочувствием "Шика" сблизил нас, помог перешагнуть порог неловкости. На прощальном вечере, который был устроен кибуцом в мою честь в 1960 году, "Шика" сказал:

"Когда мы начали работу, я не очень-то верил, что книга удастся". Если же она удалась, большая доля в этом принадлежит ему.

Мириам Бетлхейм из соседнего кибуца Зиким перевела рассказы жителей Яд-Мордехая, записанные на магнитофоне и, кроме того, множество документов. Ее энтузиазм был большой опорой для меня.

Я также хочу поблагодарить своего друга д-ра А.Френкеля, руководителя Отдела исследований Государственного Бюро Печати, за помощь и поддержку. Я особо ценю его кропотливость в проверке деталей.

В 1962 году, когда я вернулась в Израиль с первыми набросками рукописи, мне посчастливилось получить советы трех военных - генерала в отставке Хаима Ласкова, бывшего командующего Армией Оборона Израиля, полковника в отставке Шимона Авидана, командира дивизии Гивати, и подполковника Гершона Ривлина, редактора и исторического эксперта. Если ошибки и вкрались в книгу, это не их вина. Я им очень признательна за тактичную и

ценную критику.

Свою глубочайшую благодарность я приношу тем пятидесяти пяти мужчинам и женщинам - ветеранам битвы - которые так охотно поделились со мной своим опытом. А обоим командирам - мой особый привет и благодарность.

Жители Яд-Мордехая пожелали, чтобы их имена были заменены вымышленными. Выполняя эту просьбу, я передаю их историю так, как они мне ее рассказали.

МАРГАРЕТ ЛАРКИН

Мехико Сити, май 1963 г.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Маргарет Ларкин, ШЕСТЬ ДНЕЙ ЯД -
МОРДЕХАЯ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

---

1. НАЧАЛО

Кибуц Яд-Мордехай, которому исполняется двадцать лет со дня его основания, расположен в трех четвертях мили севернее полосы Газы. Обыкновенная географическая случайность превратила его в поле битвы. Кибуц стоит у главной дороги, ведущей на север, к Тель-Авиву; именно поэтому он оказался первым поселением, испытавшим на себе во время Войны за независимость всю тяжесть вторжения египетской армии. На фоне истории этой войны битву в Яд-Мордехе можно назвать мелкой стычкой. Несравненно больше людей было вовлечено в бои в других местах; были поселения, осада которых продолжалась гораздо дольше; во время этой короткой и страшной войны происходили бои, которые по героизму вполне могут быть сравнены с битвой при Яд-Мордехе. Однако оборона Яд-Мордехая имела огромное военное и политическое значение, которое в то время не могло быть полностью оценено.

Кибуц Яд-Мордехай начал свое существование не в Негеве, и назывался он по-другому. Это было маленькое поселение на берегу Средиземного моря близ Натани. Две группы пионеров из Польши, члены "Гашомер Гацаир", основали его. Одна группа была из Силезии, другая - из Галиции. Ни одна из них не обладала достаточными возможностями, чтобы самостоятельно создать кибуц: добрая половина членов этих групп еще находилась в Гахшаре, в Польше, в ожидании эмиграции. Приехавшие объединились, но жили надеждой, что численность каждой из групп возрастет, как только остальным удастся добраться до Родины. Свое новое поселение они назвали Мицпе-Хайам. Отсюда они смотрели на море, откуда должны были появиться оставшиеся товарищи.

В этот период каждый молодой кибуц испытывал большие лишения и трудности, и Мицпе-Хайам не был исключением. Молодежь жила в палатках, столовой служил заброшенный склад для упаковки апельсинов. Единственной

работой, которую они могли получить, была уборка фруктов на цитрусовых плантациях. Мужчины собирали плоды, а женщины, сидя на земле, сортировали их. Такую работу обычно выполняли арабы, и плата за нее была низкая. Мужчины получали 20 грушей в день, женщины - 17,5.

Члены кибуца ограничивали себя в еде, чтобы сберечь деньги на приобретение инструмента, скота, удобрений и всего прочего, что необходимо для обработки участка земли величиной в четыре акра. Они определили себе на еду по 3,2 груша в день. "Желудок держит нас в бедности" - шутил один из них, и даже сейчас, когда пищевой паек вырос более чем в пятьдесят раз, они с удовольствием вспоминают эту шутку.

"Масло надо мазать так, чтобы казалось, будто хлеб вспотел" - обычно говорила своим помощникам повариха Лея. Мясо стоило очень дорого; подавалось оно только раз в месяц, да и то это были обычно обрезки, остающиеся у мясника. Зато фрукты были дешевые; Лея кормила ими так щедро, что мужчины ворчали и предлагали переименовать поселение в "Кибуц Фруктовый Суп". Целое яйцо на одного человека считалось слишком большой роскошью; яйца взбалтывались или варились вкрутую, чтобы их можно было поделить пополам. Такая строгая диета стала подрывать здоровье молодых поселенцев, работающих по десять часов в день под палящим солнцем. Многие покрылись ужасными нарывами; они и не подозревали, что причиной этого является истощение организма. Некоторые страдали от солнечных ударов и дизентерии. У других разрушались зубы: плохая пища и отсутствие денег на лечение сыграли плохую шутку. Иногда казалось, что они никогда не смогут привыкнуть к климату и не научатся жить и работать в горячих песках Натании. Но они добились своего. Они преодолели слишком длинный путь и слишком много выстрадали, чтобы отступить перед трудностями.

Дина Гутман, ведавшая распределением работ, постоянно выискивала более высокооплачиваемый труд. Между Тель-Авивом и Хайфой строилась новая дорога. Это была тяжелая, черная работа - дробить камни и укладывать асфальт, - но, когда Дина сказала об этом, все - и мужчины, и женщины - пошли добровольцами. Девушки нанимались в дома поденщицами, работали прачками или швеями. А некоторые по сдельной оплате "вытаскивали ржавые гвозди". Дерево высоко ценилось в Палестине; строители не могли себе позволить выбрасывать старые доски и балки.

Постепенно члены кибуца осваивали новые ремесла. Некоторые стали искусными пекарями и впоследствии основали кооперативную пекарню в Натании. Многие поселенцы пошли работать на стройки.

"Когда мы сюда прибыли, Натания была деревянным городком, а оставили мы город из бетона" - рассказывали основатели кибуца, возившие меня к тому месту, откуда началась их жизнь в Палестине. Они показали здания, в строительстве которых принимали участие, - городскую ратушу, кинотеатр, учреждения, жилые дома. Гуляя по улицам современного города, трудно было даже представить себе тот запущенный, грязный городок, который они мне описали.

Тем временем пионеры начали создавать свое хозяйство. Они занялись выращиванием овощей; потом обзавелись цыплятами, коровами, пчелами. Фаня, стройная светловолосая женщина, обучавшаяся садоводству, занималась украшением кибуца. И на потрескавшейся старой картине, изображающей Мицпе-Хайам, уже видны симметричные газоны, аллеи и кусты среди песчаных дюн, окружающих это место. В соответствии с одной из главных идей Гашомер Гацаир каждая коммуна должна была стать самостоятельным хозяйством. Поэтому в кибуце создали свою прачечную, швейную, шорную, слесарную и столярную мастерские. Как-то в одном сезоне выдался неожиданно высокий урожай огурцов, и тут же возникло предприятие по засолке, которое выросло в большую фабрику консервирования фруктов и овощей, выпускающую теперь более миллиона банок в год.

Другой отраслью хозяйства стало рыболовство. Еврейских рыбаков в то время было еще меньше, чем еврейских фермеров, поэтому некоторым членам кибуца было предложено освоить это дело. Как и в любом случае, когда решались жизненные проблемы кибуца, это мероприятие вызвало горячие дебаты. Тувия Рейх, которому позже суждено было стать одним из командиров сражения при Яд-Мордехаяе, рассказал мне обо всем этом. И даже сейчас, когда он рассказывал, его голубые глаза свирепо сверкали на медно-красном лице; события, происходившие более двадцати лет назад, все еще будоражили его.

Рыболовство было таким необычным занятием, - объяснял Тувия, - что Дина Гутман и ее комитет просто не решились назначить людей на это дело. Они пригласили добровольцев. Желающих оказалось больше, чем требовалось, и тогда решили провести выборы. Отважный по натуре Тувия был естественным кандидатом в бригаду рыбаков, но именно его не выбрали.

"После собрания товарищи пришли ко мне и просили не обижаться - в решении, мол, не было ничего личного, - сказал Тувия сердитым голосом, полным давней обиды. - Они говорили, что дело в равновесии обеих групп. Так много наших из Галиции пошли добровольцами, что необходимо было выбрать кого-нибудь и из люблинцев, вот почему меня отстранили". Обе группы все еще не чувствовали себя одним целым; нити, связывавшие их с лагерями Гахшары в Польше, были еще слишком прочны. Только когда начались свадьбы, вся

мелкая рознь исчезла.

Однако Тувия все же попал на рыбный промысел. Кто-то из другой группы отказался и предложил ему свое место. "Сначала я ответил, что ни в коем случае не пойду, так как я был против всякого сближения - рассказывал Тувия с негодованием. - Я не мог понять эту холодную рассудительность. Мне и сегодня это не по душе. Однако друзья приходили и просили, и наконец я сдался и включился в бригаду рыбаков".

Море открыло новый неведомый мир для выходцев из глубины Польши. Рыбаки возвращались с диковинными подводными животными и растениями, удивлявшими и веселившими их товарищей. Доходы, однако, были скудными. В поисках рыбы они забирались все дальше на север. К ним прикрепляли девушку из кибуца для ведения хозяйства и починки сетей в свободное время. Наконец, рыбаки проделали долгий, рискованный путь через Суэцкий канал до Красного моря в поисках хороших мест для ловли, но море почему-то упрямо отказывалось поделиться с ними своими богатствами.

Время шло, жизнь улучшалась. Люди все еще жили в бараках и палатках, пользовались общими душами и туалетами, но уже ели, учились и проводили собрания в красивом здании новой столовой. Они построили его сами. Рафаэль Рудер, крупный, спокойный человек с живым огоньком в глазах, рассказал, как трудно это было. "Мы жили на берегу моря, и грузовики не могли пробиться к нам, - рассказывал он. - Мы должны были работать ночами и переправлять все материалы по живой цепочке. Один из нас с фонарем стоял у дороги и передавал доску соседу, тот - следующему, и так она шла из рук в руки, пока не доходила до конца цепочки. Часто приходилось работать до полуночи, чтобы запастись строительный материал, нужный нам для предстоящей ночной работы".

Наконец, Еврейское Агентство помогло им деньгами и опытными рабочими для строительства двухэтажного бетонного здания с окнами, обращенными к морю. Однако поселенцы недолго прожили в нем. С появлением первых новорожденных одна из комнат была превращена в ясли, а вскоре и все помещение было отдано детям. Родители переселились обратно в бараки и палатки.

Несмотря на все проблемы, молодые поселенцы находили время и энергию для интенсивной культурной жизни. Проводились занятия по ивриту, философии и литературе, не забывали и о мировых проблемах. Был создан хор - предшественник нынешнего Яд-Мордехайского прекрасного хора в 110 голосов. Существовала и драматическая группа. Каждый помнит пьесу, написанную членами кибуца: "Кибуц через 20 лет". Все, в чем испытывали

нехватку поселенцы, появилось на сцене в "кибуце будущего" - электрическая кухня вместо примуса, разбрызгиватели вместо оросительных канав, прорытых мотыгой. Веселый смех вызывал эпизод, в котором секретарша, уютно обосновавшаяся в элегантной конторе вместо привычного угла в столовой, поднимала телефонную трубку, чтобы вызвать одного из жителей. "Представьте себе, теперь действительно имеются телефоны в некоторых кибуцах! - воскликнула Хаська, рассказывая мне эту сцену. - Конечно, у нас есть теперь электрическая и газовая кухня и даже машина для очистки картофеля, у нас есть разбрызгивающие системы во фруктовых садах и апельсиновых рощах. И разве было бы так плохо, если б у нас был телефон, чтобы позвонить матери, чей ребенок расплакался в яслях? Увидите, в один прекрасный день и это будет". В те далекие времена, когда почти ничего у них не было, молодые люди могли шутить над самой возможностью комфортабельной жизни. Они стремились улучшить свое небольшое хозяйство, но были склонны презирать частную собственность как "буржуазную". Прошли годы, и они немного отступили от своего прежнего аскетизма. Занавесы, ковры и даже кресла стали появляться в их домах, но лишь тогда, когда такие предметы роскоши стали доступными для каждого.

В 1938 году Мицпе-Хайам вместе с соседними поселениями приступили к деятельности, за которую тысячи израильтян могут им быть благодарны. В ответ на волнения арабов в 1936 году Великобритания, всегда столь чувствительная к требованиям богатых нефтью арабских стран, начала урезать квоту иммиграции. Хотя десятки тысяч евреев нацистской Германии и восточноевропейских стран просили впустить их в Палестину, Британия в 1938 году выдала только 12.868 иммиграционных сертификатов. (Нелегальная иммиграция более чем вдвое превышала эту цифру - в этом году в Палестину нелегально прибыло 14.675 человек.) Нелегальная иммиграция в Палестину некоторое время продолжалась в неимоверно хаотических условиях. Капитан любого захудалого суденышка для перевозки угля мог заломить фантастическую сумму денег с обезумевших беженцев, которым каким-то образом удалось добраться до портов Италии или Греции.

Для организации более обширной и упорядоченной иммиграции в 1937 году был создан Моссад ле Алия Бет. Берег кибуца Мицпе-Хайам был избран в качестве одного из трех пунктов на палестинском побережье, где специальные корабли должны были нелегально высаживать своих пассажиров. Теперь кибуц стал настоящей "Сторожевой башней у моря". Окна бетонного дома служили для сигнализации подходящим судам. Один условный способ освещения означал, что британские патрули находятся где-то поблизости, другой - что берег свободен. Гавани здесь не было, на побережье громоздились скалы - так что следовало придумать способ переброски иммигрантов с кораблей, стоящих в открытом море. Рыболовная бригада была

естественной ширмой для этой нелегальной работы. Тувия и его друзья приводили спасательные шлюпки к отмели, там их ждали "рыбаки", на собственных плечах выносившие на сушу прибывших. Третья группа вела их вверх по крутому обрыву к апельсиновым рощам, к грузовикам Хаганы: надо было, не мешкая, тайком перевезти "нелегальных" в другие поселения, где им предстояло скрываться до получения поддельных документов. Апельсиновая роща, которая чаще всего использовалась для этой цели, принадлежала частному владельцу. Величайшим удовольствием для него было угощать новопривывших спелыми фруктами, приговаривая при этом:

"Ешьте, дети, ешьте!". "Они и в самом деле думали, что попали в рай - ведь апельсинов у нас было, сколько душе угодно, - рассказывала мне Лея. - Знаете, что наш еврейский писатель Перец писал в одном своем знаменитом рассказе?"

- "Кто может позволить себе съесть целый апельсин? Апельсин - это достояние всего семейства".

С каждым днем работать становилось все опасней: англичане усилили охрану и арестовывали каждого, кто подозревался в оказании помощи "нелегальным". Следовало соблюдать строжайшую конспирацию. Лейб Дорфман рассказал мне, как придерживались тогда этих правил безопасности. Лейб-высокий, долговязый мужчина, отвечал за оказание первой помощи прибывающим "нелегальным", но однажды, при особых обстоятельствах, он был назначен руководителем группы, переправлявшей иммигрантов в апельсиновую рощу.

"Была темная ночь, - рассказывал с увлечением Лейб, - когда почти половина всех "нелегальных" уже поднялась на обрыв, и я вдруг услышал голос, который так хорошо знал. В темноте кто-то кинулся ко мне и крикнул: "Брат!". Я ждал его уже несколько месяцев, и наконец он был здесь! Но я настолько верен был своему долгу, что зашипел на него:

"Тихо! Ни слова!". Он не мог понять, почему родной брат не встречает его с распростертыми объятиями, а я был настолько возбужден, что мне и в голову не пришла мысль спрятать его здесь же в кибуце. Я отправил его с остальными, и лишь через много дней мне удалось его найти. Он не знал, где его сняли с корабля, а я не знал, где он скрывался." Иногда корабли не прибывали в назначенный срок. Когда такое случалось, весь сложный аппарат - люди, лодки, грузовики - приходилось распускать на ночь. После целого дня тяжелой работы, после напряженных часов бесплодных ожиданий разочарованные, изнуренные люди ложились на несколько часов отдохнуть. Но в "удачные" ночи ликование - удалось-таки тайком провести иммигрантов в глубь страны! - было вознаграждением за усталость.

А какая радость царила в Мицпе-Хайам, когда члены групп из Польши бросались из спасательных шлюпок в объятия своих товарищей! С какой заботливой поспешностью они их укрывали в доме над обрывом до того времени, когда можно будет объединиться по-настоящему!.. Шамай, Залман и Довик таким же путем прибыли в последний день пасхи 1938 года, и много лет спустя они обнимали друг друга на седере в память об этой незабываемой ночи. Сейчас только Шамай и Залман выполняют этот ритуал - Довик был убит в бою под Яд-Мордехаем.

Англичане прекрасно знали, что "нелегальные" проскальзывают мимо их патрулей. Они устраивали повальные обыски, стараясь обнаружить недавно прибывших "бездокументных" иммигрантов; днем на самолетах, ночью на шлюпках прочесывали они побережье. Но из всех кораблей, прибывших за два года к берегам Мицпе-Хайам, только два были перехвачены и взяты в плен англичанами.

Когда началась вторая мировая война, первыми добровольцами из Мицпе-Хайам были Залман Шамир и Алекс Бибер. Хотя кибуц гордился своими солдатами, некоторые отнеслись критически к их "индивидуалистическому" поступку. Что станет с хозяйством, если все мужчины уйдут на войну? Другие кибуцы столкнулись с той же проблемой.

В Арци решили, что каждый кибуц должен выделить каждого десятого из своих членов для службы в еврейской бригаде, в отрядах местной защиты или в Пальмахе. (Пальмах - ударные силы Хаганы) Они отбирались по жеребьевке, но каждому разрешалось выбрать место службы. Когда секретарь Мицпе-Хайам Яэль Калман вытащила из чаши первую бумажку, на ней стояло имя ее мужа.

Из девяти мужчин, ушедших в армию, все, кроме одного, были направлены на поля сражений в Африку и Европу. Исключением явился Алекс Бибер, ставший позже одним из двух командиров битвы. После обучения он был оставлен в Палестине в качестве инструктора.

Британские офицеры, которые дали ему это назначение, не знали, что незаурядные способности "новичка" к военному делу отчасти явились результатом его сотрудничества с нелегальной Хаганой.

Когда я встретила его в 1960 году, Алексу было немногим за сорок. Уже появилась легкая седина в густой черной шевелюре. Между тяжелыми надбровными дугами залегла глубокая складка. Он вел себя сдержанно, но временами лицо его освещалось мягкой улыбкой. Хотя он владел английским, он настаивал, чтобы беседа велась через переводчика. То ли он стеснялся

своего английского, как он объяснял позже, то ли он пользовался ивритом, так как не полностью доверял мне, не еврейке, и хотел установить барьер между нами, я не знаю. Во время моего второго визита он свободно говорил по-английски.

Алекс объяснил, что арабские волнения 1936-39 годов были прерваны только потому, что началась война, а не из-за того, что разногласия были улажены. Хагана опасалась новой вспышки волнений после окончания войны. Было решено воспользоваться наличием большого количества войск, складов оружия и амуниции в стране для создания неприкосновенных запасов на будущее. Алекс был одним из многих солдат, назначенных Хаганой "собирать" оружие для самозащиты в случае необходимости. Сухо, как то ему было свойственно, Алекс рассказал мне о некоторых своих нелегальных операциях. Однажды с двумя преданными солдатами он отправился в английский лагерь. С помощью поддельного ордера они получили 300 винтовок и переправили их в тайный арсенал Хаганы. В другом случае он принял участие в операции, которой суждено было сыграть большое значение в становлении государства Израиль. Хагана решила начать подпольное изготовление оружия. Узнав, что англичане захватили комплект чертежей немецких минометов и ручных пулеметов, хранившийся в одном товарном складе, она организовала экспедицию для похищения этих чертежей. "Лейтенант Мордехай Маклеф, который позже стал генералом и командующим армией, приехал за мной на британской военной машине, - рассказывал Алекс. - В ней сидели еще двое - одним из них был Рафаэль Рупин, ныне наш посол в Африке. Склад охранялся силами интернациональной полиции - еврейским взводом, индийским взводом и британским взводом. В еврейском взводе служил младший лейтенант - Амос Бен Гурион. Он помог нам забраться в помещение, где хранились чертежи. Мы увидели здесь столько оружия, что не смогли устоять перед соблазном. Нам стыдно было уйти всего лишь с несколькими листами бумаги. И хотя этого не было в приказе и увеличивало риск, мы наполнили грузовик винтовками. Мы благополучно выбрались из лагеря и помчались на юг, чтобы доставить чертежи и оружие".

Не успели они отъехать, как дорогу им преградили два человека, - Израэль Галили, который позже стал главой высшего командования Хаганы, и Егуда Арази, руководивший всеми подобными операциями. Они сообщили, что англичане перекрыли дорогу и обыскивают машины. Пришлось пробираться окольными путями к другому кибуцу. Спускаясь вниз по вади с потушенными фарами, грузовик сшиб осла. Фыркая, машина проехала еще немного, но радиатор был поврежден, и стало ясно, что без ремонта дальше двигаться нельзя.

"Нам здорово повезло, - мягко улыбнулся Алекс. - Мы встали в каких-то ста

ярдах от британского лагеря, где была мастерская. "Иди и скажи им, что это оружие должно быть сразу же отправлено на фронт в Африку", - приказал мне Маклеф. Я пошел, разбудил командира и сказал: "Я выполняю особое задание" и сочинил какую-то историю об аварии с грузовиком. Он тут же послал людей, и через час мы уже могли двигаться дальше. Таким образом, мы доставили в кибуц около Хайфы не только чертежи, но и - как дополнительный подарок - целый грузовик оружия. И, действительно, хотя мы не имели права превышать свои полномочия, грузовик с оружием спас нас. Я бы не мог просить командира поднять людей среди ночи для ремонта пустого грузовика, - пустого, то есть, только с украденными чертежами."

Мужчины были еще на войне, когда пришла очередь Мицпе-Хайам обратиться к Еврейскому Национальному Фонду, с просьбой о дополнительных участках земли. Молодые халуцим прошли семилетнее обучение. Голыми руками на пустом месте они построили хозяйство, завели рабочий скот, домашнюю птицу, коров, пчел; у них были свои грузовики, инструменты и старенький трактор. Они обучались разным ремеслам, и эти знания могли быть использованы в более крупном хозяйстве. В кибуце было уже 140 человек взрослых и 43 - детей; четыре акра земли и дополнительные промыслы едва могли прокормить их.

Первым шагом в поисках нового местожительства явилось избрание комиссии для осмотра предлагаемых участков. Кибуц все еще лелеял мечту сочетать рыболовное и сельское хозяйство, и прежде были осмотрены места, расположенные на побережье. Но ни одно из них по той или иной причине не подходило, и тогда комиссия решила обсудить вопрос об основании нового кибуца на совсем необжитой земле - в пустыне Негев. Тщательно обследовали место вблизи Беер-Шевы, гладкое, песчаное и жаркое. Будущие хлеборобы с восторгом отнеслись к этому выбору - им уже представлялись широкие поля с колышущейся пшеницей там, где сейчас безлюдные пески пустыни простирались до самого горизонта. Другие подшучивали: "Пока объедешь на тракторе поле, обрастешь бородой". Однако, члены комиссии - специалисты по цитрусовым - остались недовольны этим участком, считая его непригодным для садоводства.

Наконец, было предложено место в пяти милях севернее арабского города Газа. Это был участок в четыреста акров, годный для выращивания и апельсинов, и пшеницы. (1 acre=4.046,86m²) Всего лишь несколько миль песчаных дюн отделяли его от Средиземного моря и, возможно, в будущем кибуцники смогли бы продолжать рыболовный промысел. Но больше всего привлекла членов комиссии перспектива построить здесь не только родной, но и прекрасный очаг. Они уже представляли себе свой кибуц, гнездящийся среди низких холмов, скрашивающих монотонность равнины. Здесь был даже

колодец - квадратная яма, выложенная камнем. Он был не очень глубок, но поначалу вполне мог удовлетворять потребность в воде. И комиссия решила рекомендовать этот участок.

Землю эту шейх Хирбии продал Еврейскому Национальному Фонду. Как и большинство земель, доступных еврейским поселенцам, она была истощена, неплодородна, занесена песками и давно не обрабатывалась. Редко евреи обосновывались в Палестине на плодородных землях. Почти всегда они должны были поднимать годами или столетиями запущенную почву. В других местах они осушали малярийные болота; здесь же песок был их врагом.

На встрече, организованной профсоюзом округа, кибуц простился с общиной Натании, с которой был так крепко связан. Потом члены кибуца остались одни; на пороге новой жизни они хотели подвести итоги достижениям первых лет и подбодрить себя для предстоящей борьбы. На этом собрании выступили руководители кибуца Арци. Меир Яари подчеркнул, что поселенцы Мицпе-Хайам были последними иммигрантами из Польши; некоторых из них война застала уже в открытом море. "Вы потеряли половину своих товарищей" - сказал он. - Может быть, они уже уничтожены нацистами, которые убивают евреев везде, где только могут. И наша задача - возродить то, что осталось от еврейского народа. Своим вкладом в это дело вы избрали заселение необжитых территорий. В своем новом кибуце вы должны стремиться достичь максимума - будь то в области образования, культуры или промышленности, или же в том, что вы будете извлекать из земли".

Торжественность собрания была нарушена неожиданным шумом у дверей. Все разом оглянулись, и радостные возгласы приветствий заполнили столовую. Маленькая, легкая фигурка в английской военной форме появилась в комнате, - это был Залман Шамир. Твердо решив присутствовать на вечере основания нового поселения, он убедил своего командира в Африке отправить его с поручением в Тель-Авив. Всеми правдами и неправдами добирался он на попутных самолетах, и вот он здесь, и это драматическое появление в час прощального застолья произвело должное впечатление.

После того, как Хаська, его жена, бросилась к нему, после того, как он побывал в объятиях каждого, его подвели к трибуне. Он был краток, он только пожелал, чтобы вырос прекрасный новый кибуц, пока он и другие наконец вернутся с войны домой. На этом торжественная часть вечера закончилась; были поданы торты, фрукты и вино, и молодые люди поднимали тосты в честь вернувшегося солдата и за успех новых начинаний.

Несколько часов сна - и пионеры двинулись к новому месту. Было это 1-го

декабря 1943 года, в четыре часа утра. Как обычно в таких случаях, они намеревались заложить свой новый кибуц в один день. Этому было много серьезных причин. Они поселялись на арабской территории, и следовало обеспечить себя защитой в случае враждебных действий новых соседей. Во-вторых, эта земля была приобретена для них вопреки законам британских властей.

Согласно Белой Книге 1939 года районы, в которых евреям разрешалось поселяться, были строго ограничены; местность же, где они собирались строить свой новый очаг, находилось в запрещенном районе. Несмотря на все это, они надеялись, что им удастся обосноваться без лишних хлопот. Постановления Белой Книги трактовались так, как хотел британский уполномоченный, а было известно, что уполномоченный района Газы относится к евреям неплохо. Кроме того, они полагались на старый, но все еще действовавший турецкий закон, который гласил: если где-либо на участке земли возведена крыша, никто не может выселить воздвигнувших ее.

Вскоре после рассвета караван из шести грузовиков прибыл на новое место. Там их уже ждали: основание кибуца - радостное событие и повод для той добрососедской помощи, которая когда-то собирала вместе пионеров Америки. Добровольцы из полудюжины соседних кибуцов пришли, чтобы предложить свою помощь.

Две главные задачи должны были быть решены в День Основания. Первая - построить и покрыть крышей столовую, вторая - протянуть плотную проволочную ограду для защиты имущества.

Для столовой была выравнена площадь в тридцать шесть футов длиной и пятнадцать шириной. (1 foot = 0,3048m) Фундамент был выложен из полых цементных плит (по дороге сюда в них спрятали часть оружия). Заранее изготовленные стены были воздвигнуты, а пол из плиток выложен прямо на песке. Затем началась укладка красной черепичной крыши.

Целый отряд мужчин и женщин был направлен для ограждения двух акров земли. Группы по-трое мужчин вбивали железные колы в землю, женщины раскатывали сорокапудовые мотки колючей проволоки. Семь рядов проволоки с перекрещением между каждыми двумя рядами надо было укрепить на столбиках. Женщины менялись, работая то клещами, то надрывались, перетаскивая мотки колючей проволоки. Пока кипела работа, Эфраим, гафир (Гафир-местное название специального полицейского) кибуца, патрулировал окрестность.

То был мужчина невысокого роста, как и многие халуцим из Польши, но униформа и австралийская шляпа, сдвинутая набок, придавали ему лихой вид. Он был вооружен одной из тех винтовок, которыми англичане снабдили кибуцы во время арабских волнений. Это было итальянское ружье образца 1911 года, - из числа трофеев, захваченных англичанами во время первой мировой войны, когда итальянские войска потерпели поражение в Западной Пустыне. В своем арсенале кибуц имел более современные винтовки, однако в этот день, когда в любую минуту мог появиться британский патруль, Эфраим был при своем "легальном" оружии. Оно, по крайней мере могло бы напугать любого враждебно настроенного араба, которому вздумалось бы открыть огонь из засады. Другие члены маленького отряда, вбивавшие колы для ограды, также имели при себе оружие.

В два часа вся работа была приостановлена для проведения официальной церемонии Дня Основания. Хотя работы был еще непочатый край, поселенцы чувствовали необходимость торжественно отметить это важное событие. На одном из низких холмов поставили стол и стулья. Над столом соорудили арку из зелени, а к ней прикрепили надпись со словами из библии: "И застроят пустыни вековые, восстановят древние развалины и возобновят города разоренные, оставшиеся в запустении с давних родов". (Исаия, 61:4. На иврите эти фразы выражены в шести словах)

Два флага, красный и сине-белый, развевались по обеим сторонам арки. Желая установить дружеские отношения со своими соседями, поселенцы пригласили арабов из окрестных деревень присутствовать на этом первом празднестве. Результат обманул их надежды - пришло всего несколько человек. Они были усажены на почетном месте у стола. После того, как собравшиеся спели Хатикву и Интернационал, посланцы Еврейского Агентства, Еврейского Национального Фонда, Гистадрута и кибуца Арци приветствовали новых поселенцев. Последним пунктом программы было чтение свитка, который предстояло заложить в фундамент столовой. Мейлах, составитель свитка, встал, чтобы зачитать его. Узким интеллигентным лицом, очками и пламенеющими рыжими волосами он, должно быть, являл странное зрелище для присутствовавших арабов. Поведав историю кибуца с самого начала и до этого дня, Мейлах закончил чтение следующими словами: "Напротив ворот гетто мы возведем стены созидания, труда и творчества".

После торжественной части гости расселись на холме и принялись за бутерброды, которые женщины Мицпе-Хайам приготовили накануне. Грузовики из более отдаленных районов стали разъезжаться. Арабские гости произнесли свои традиционные прощальные приветствия. С наступлением сумерек ограда была сооружена. Мужчины и женщины, остающиеся здесь, чтобы строить и сеять, распрощались со своими женами и мужьями, которые

возвращались в Мицпе-Хайам. Первый ночной наряд занял свои посты. Усевшись вокруг костра, двадцать оставшихся съели остатки праздничного завтрака и запели. Было уютнее с песней в этом уединенном месте. Грустные напевы старинной еврейской мелодии поднимались, заполняя тишину пустыни. И как бы в ответ раздался одинокий заунывный голос запоздалого арабского пастуха, возвращающегося в свою деревню. Было нечто общее между песней мусульманина и песней молодых евреев.

Пионеры назначили себе один год для основания новой фермы, куда смогли бы переселиться все остальные члены кибуца. В первую очередь надо было возделывать участок земли для выращивания овощей. Тракторист трудился по десять часов в день, очищая почву от толстого слоя песка. После глубокой вспашки почву смешали с нитратом. Был добавлен чернозем и удобрение, купленные у арабов. Бригада мужчин начала сажать картошку, огурцы, лук и помидоры. Сотни акров земли была подготовлена под пшеницу. И сразу же принялись за украшение ландшафта декоративными растениями. Хотя Фане, садовнику кибуца, пришлось оставить двух своих малышей в Натании, она с рвением взялась за дело, мечтая о той красоте, которую она создаст на новом, просторном месте. Она перевела сюда свой рассадник декоративных растений, посадила саженцы деревьев, кусты роз и азалий. Иногда ей приходилось воевать с бригадиром из-за трактора или грейдера. "Конечно, работа на полях важна, но и сад тоже нужен! - кричала она. - Зачем же меня сюда прислали, если это не важно?" Женщины Дегании, первого кибуца в Палестине, стерпели немало насмешек от своих мужчин за стремление к "буржуазной" роскоши - к цветам, однако красота всегда совмещалась с идеями кибуцного движения, и поэтому Фаня все же добивалась своего.

За этот год были сооружены сельскохозяйственные постройки, был заложен фундамент для консервной фабрики, были построены общественные души и туалеты. Строительство жилых домов стояло на последнем месте, в первую очередь удовлетворялись нужды хозяйства. Деревянные дома в Мицпе-Хайам были разобраны и вновь собраны здесь, в песках. Одни жили в домах, другие - в палатках. Конечно, жить в доме было гораздо удобнее, чем в палатке, поэтому люди, следуя старым традициям, время от времени менялись местами. Во имя равенства каждые шесть месяцев происходил день великого перемещения.

Наконец, все было готово для окончательного переезда в Негев. Цыплята, утки и коровы были перевезены в новые загоны и хлева. Перегнали рабочий скот. Доставили инструменты и оружие. Жалкое личное имущество членов кибуца - одежда, немного книг и картин - подготовили к отправке.

Дети, не видевшие еще нового места, были возбуждены и полны любопытства. Однако, по разным причинам, их родителям жаль было расставаться со своим

первым поселением. Многие связывало их с Натанией; эти страстные молодые люди активно участвовали в борьбе за повышение заработной платы, за укрепление профсоюзов и развитие сионистского движения. На новом месте они опять все начнут сначала, вновь испытывая те неудобства, от которых они уже успели отвыкнуть в Мицпе-Хайам. Однако, мечта их осталась прежней: обрабатывать землю, заставляя бесплодную почву давать плоды. Ради этого они оставили уютные родительские дома и обеспеченность, которую давали переходящие от отцов ремесла, лавки, небольшие дела, и ушли в Гахшару. Они мерзли, голодали и страдали от болезней в этих суровых трудовых лагерях, где они учились все делать собственными руками. В погоне за своей мечтой - дать Палестине фермеров, в которых она так нуждалась, если только ей суждено было когда-нибудь стать настоящей родиной для евреев - они преодолели тысячи миль, добираясь всеми возможными способами, чтобы никогда уже не вернуться к своим семьям в ту страну, где они родились. За семь тяжелых лет в Мицпе-Хайам они испытали себя, теперь им доверили настоящее дело. И, покидая Натанию с некоторым сожалением, они с радостью шли навстречу предстоящей борьбе с песчаными акрами юга.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Маргарет Ларкин, ШЕСТЬ ДНЕЙ ЯД -
МОРДЕХАЯ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

---

2. СТАНОВЛЕНИЕ

Когда эти молодые польские евреи решили поселиться в Негеве, среди "океана арабов", они знали, что им придется быть пионерами не только в освоении пустыни, но и в налаживании человеческих взаимоотношений с соседями. Как их примут местные арабы? Не встретят ли их враждебно, не придется ли обрабатывать поля с оружием в руках? Они попытались выразить свои дружеские намерения, пригласив старейшин из соседних арабских селений на празднование Дня Основания. Явились лишь несколько из них. Пришли они как друзья или как соглядатаи?

Первый подготовительный год не обошелся без инцидентов. Однажды какой-то араб прорыл нору под забором. Рая проснулась и увидела сверкающие белки его глаз и руку, лезущую под подол палатки. Ее крики обратили араба в бегство, однако утром она не обнаружила своей одежды. Мало кто в лагере имел лишнюю одежду; ей пришлось облачиться в мужские брюки и рубашку, слишком большие для ее хрупкого тела.

В другой раз у грузовика, шедшего из Мицпе-Хайам, в самом центре арабской деревни спустило колесо. Не подозревая об опасности, люди спрыгнули на землю. Арабы их тут же обступили и начали растаскивать вещи с грузовика. "Все наверх! Все обратно наверх - закричал водитель. - Мы все потеряем!" Арабы пытались помешать им забраться обратно в грузовик, одному пришлось даже расстаться со своими ботинками, чтобы вырваться из их рук. Они проехали еще три или четыре мили и лишь тогда почувствовали себя в достаточной безопасности, чтобы заменить окончательно испорченную шину.

Поселенцы уже имели кое-какой опыт в том, насколько жестоки и мстительны бывают арабы, идущие против евреев. В 1936 году, вскоре после основания Мицпе-Хайам, в стране вспыхнули серьезные волнения арабов, направленные

как против британских властей, так и против еврейской иммиграции. За три года этих волнений был убит четыреста шестьдесят один еврей и около тысячи ранено. Мицпе-Хайам не подвергся непосредственному нападению, но все же косвенно был затронут и он. Несколько человек были посланы для обучения в еврейских отрядах самообороны в подпольной Хагане. Каждый кибуцник научился обращаться с оружием. Появилась необходимость в регулярных ночных патрулях в апельсиновых рощах. Некоторые поселенцы, работавшие на дорогах за пределами кибуца, стали очевидцами взрывов бомб и последствий этих взрывов, уносящих человеческие жизни.

Но, несмотря на свой горький опыт, эти молодые евреи не чувствовали вражды к арабам. Они считали, что в Палестине достаточно места для тех и для других. Как сионисты они верили в свое право поселиться в стране, из которой их предки были изгнаны две тысячи лет назад. Как социалисты они были убеждены, что никто не имеет права притеснять человека из-за принадлежности к той или иной расе. Кроме того, они знали, что не все арабы являются врагами даже тогда, когда их вожди объявляют "священную войну" против евреев. Один из членов кибуца был обязан своей жизнью дружескому предупреждению незнакомого араба. Он ожидал автобуса в арабской деревне, когда молодой парень шепнул ему: "Не жди, пока стемнеет. Поезжай поездом. Ты в опасности". Вскоре этот араб был найден мертвым - он был убит фанатиками "как друг евреев".

Существовал и другой взгляд новоприбывших на арабский вопрос. Социалисты - они тщательно изучили историю; поэтому они ясно представляли себе, почему арабские националисты считали план основания еврейского государства на арабской земле предательством. У арабов возникли большие надежды во время первой мировой войны: двойные обещания, данные "Лоуренсом Аравийским" и британскими должностными лицами, казалось бы, должны были гарантировать им независимость, если они восстанут против своих турецких господ. Они выполнили свою часть сделки - но в 1920 году убедились, что не быть им независимыми еще долгие годы. Палестина и Ирак оказались под британским Мандатом по решению Лиги Наций. Сирия и Ливан должны были управляться французами. В Палестине ситуация осложнилась тем фактом, что Мандат представил легальную базу стремлениям евреев; Мандат включил Декларацию Бальфура 1917 года, которая гласила:

"... Правительство Его Величества относится благосклонно к восстановлению Национального очага для еврейского народа в Палестине и предложит свои старания для того, чтобы облегчить достижение этой цели". Арабы почувствовали, и вполне правомерно, что их предали дважды. Еврейская иммиграция с британского одобрения представилась им частью всемирного сионистского заговора с целью захвата их страны. В 1920-21 годах были случаи

отдельных арабских нападений, в результате которых было убито свыше ста евреев. В 1929 году вспыхнуло второе восстание под руководством Верховного Муфтия Иерусалима. В 1936-39 годах он финансировал новое восстание из фондов Гитлера (Этот факт был установлен после войны по захваченным документам немецкого высшего командования.).

Хотя с началом Второй мировой войны волнения утихли, первой заботой новых поселенцев было поставить ограду для защиты себя и своего имущества. Их положение было двойственным. Они ожидали, что им придется жить среди арабов всю свою жизнь и надеялись поддерживать с ними мир. В то же время они принимали меры предосторожности, обычные тогда во всех изолированных поселениях.

Когда две такие различные группы должны жить мирно бок о бок, им необходим общий язык. Большинство евреев подхватили несколько арабских слов при случайных контактах на базарах и на работе, но только пятеро или шестеро могли свободно изъясняться на этом языке. Через месяц после прибытия начались занятия по обучению арабскому языку с учителем, который специально приехал из Иерусалима. Так как иврит и арабский являются родственными языками, учащиеся делали большие успехи.

Как было принято, поселенцы наняли араба для охраны полей, а также в качестве посредника во всех делах с арабскими соседями. Абу Рамадан был особенно полезен в спорах о межах, так как он знал каждый земельный участок в округе. Поля новых кибуцов не представляли собой единого целого, а были разбросаны между участками бедных арабских крестьян. Часто поселенцы обнаруживали арабских овец или другой скот, пасущийся на их полях; тогда звали Абу Рамадана, чтобы он определил межевые линии и разрешил спор. При этом он должен был быть очень осмотрительным, так как уже не один сторож, подобный ему, был убит арабами, посчитавшими себя обманутыми своим же.

Подозрительность и враждебность арабов к новоприбывшим и игнорирование арабских обычаев со стороны поселенцев привело к инциденту уже через несколько недель. Каждый день в соседний кибуц Гвар-Ам посылалась повозка за хлебом. Однажды, когда она проезжала мимо группы пастухов, арабский мальчик попытался украсть несколько буханок хлеба. Кучер и его помощник закричали на него. Тогда подоспели молодые арабы и избили евреев. Не желая остаться в долгу, восемь или десять человек вернулись на пикапе к месту происшествия. Началась перебранка, затем были пущены в ход кулаки. К несчастью для кибуца, один из пастухов оказался сыном арабского мухтара (Официальный представитель власти в деревне.).

Абу Рамадан объяснил евреям, что арабской деревне была нанесена обида, ибо виноват тот, кто ударит последним, а здесь, вне сомнений, последними напали евреи. Если мир не будет восстановлен и честь деревни останется не удовлетворенной, возникнет длительная вражда.

Существовал установившийся ритуал для решения споров такого рода, и поселенцам пришлось теперь его изучить. Прежде всего необходимо было избрать судейский комитет для посредничества между оскорбленной деревней - Барбара - и новым кибуцем. Каждая сторона называла мухтара из соседней арабской деревни, а третий мухтар был предложен в качестве нейтрального лица. Несмотря на то, что Абу Фатха, мухтар деревни Бейт Джирия был неграмотным, его уважали за знание арабской истории и традиций, а также за справедливость в решении спорных вопросов. Было известно, что он не был враждебен к евреям и дружелюбно относился к более ранним поселенцам. В мадефе (Дом для приема гостей.) его деревни обе стороны изложили судьям свою историю, при этом поселенцы подчеркивали, что весь шум начался из-за попытки воровства, а арабы жаловались, что была нанесена нестерпимая обида их пастухам и сыну мухтара. После длинных речей и призывов к миру со стороны судей было вынесено решение. Кибуц должен был выплатить арабской деревне возмещение в размере пятнадцати фунтов стерлингов. Две "сульхи" - два праздника примирения следовало отпраздновать и первый из них - в кибуце.

Абу Фатха, несмотря на свою нейтральность, пришел в кибуц, чтобы разъяснить обычаи "сульхи". В назначенный день все столы и стулья были убраны из столовой, пол застелен коврами и подушками, одолженными в деревне Дир-Санид, где жил Абу Рамадан. Около двадцати арабских гостей заполнили этот импровизированный "мадефа" и обменялись церемонными рукопожатиями с хозяевами, которых было столько же, сколько и гостей. Всего несколько евреев пока могли свободно изъясняться по-арабски, однако каждый из них знал, как ответить на ритуальные приветствия, произносимые не только при рукопожатиях, но в любой момент, когда казалось, что нить разговора может прерваться.

"Как здоровье?"

"Прекрасно, слава Богу".

"Как урожай?"

"Очень хороший, слава Богу". Как брат? Сыновья? Здоров ли отец? Как доехали? И тому подобное в течение всего разговора.

Когда мужчины расселись друг против друга, были произнесены церемониальные приветственные речи. Абу Фатха говорил о величии и красоте мира между соседями и о необходимости его. Другие мухтары-судьи продолжили эту тему. Никто не упомянул о злосчастном инциденте. Вся учтивость праздника примирения была направлена на то, чтобы забыть об этом.

Наконец, были поданы маленькие чашки крепкого, сладкого кофе, и пир начался. По кругу пошла чаша и графин с водой, чтобы каждый мог окунуть пальцы перед едой, так как арабы этой местности не пользовались ножами и вилками. Затем большие блюда с рисом и бараниной были поставлены на пол. Женщины Дир-Санида зажарили барашков, сварили рис на пару и выпекли арабские лепешки "питах". Мужчины расселись по пять или шесть человек вокруг каждого блюда. Хотя они были гостями, арабы первыми приступили к еде, любезно показывая, как надо пальцами брать шарики липкого риса и отправлять их в рот. Они выбирали лучшие куски жирного мяса и клали на ту часть тарелки, откуда ели новички. Абу Рамадан предупредил их, что на каждом блюде должна быть оставлена часть пищи, которую съедали позже женщины и дети, так что евреи вскоре перестали есть. Арабские друзья заставляли их продолжать трапезу.

"У вас плохой аппетит?"

"Нет, слава Богу".

"Может, вам пища не нравится?"

"Что вы, баранина превосходная". После того, как этот ритуал был повторен дважды, и евреи уже не в силах были есть, они вспомнили вежливый способ доказательства своей сытости. Они стали громко и часто рыгать. Арабы зарыгали в ответ, и блюда были убраны. Взамен были поданы тарелки с виноградом и инжиром и чашки горького кофе, что означало конец пиршества. Через неделю деревня Барбара пригласила поселенцев на ответную "сульху" и инцидент был забыт.

Но более важными, чем такие церемониальные события, были повседневные общения евреев с арабами на полях. Еврея на тракторе и араба с его деревянным плугом объединяло нечто общее: оба они любили землю, которую обрабатывали. Для еврея этот кусок земли был воплощенной мечтой его юности; он возделывал ту самую землю, где Самсон сражался с филистимлянами. Он был счастлив, что своими знаниями может возродить эту истощенную землю; он пахал, и борозда за трактором ложилась глубоко и

ровно. Араб, который в один прекрасный день извлечет пользу от такой перемены, теперь лишь царапал поверхность почвы. Вол тащил деревянный плуг, если же не было вола, жена превращалась в рабочую скотину. Тем не менее он работал и пел, восхваляя в своих стихах плодородное поле и прекрасное утро. Он был неграмотен и необучен, но он знал обычаи пустыни. На его поле лежали огромные камни, с которыми ни один трактор не мог справиться; он оставлял их на безводных почвах, чтобы на них собиралась роса.

Как это всегда случается, когда рядом селятся имущие и неимущие, мелкие кражи стали обычным явлением, и это действовало раздражающе. Если исчезал инструмент, Абу Рамадан "никогда не знал вора", но он старался успокоить поселенцев поговоркой: "пока араб не обворует тебя дважды, он не станет твоим другом". При случае поселенцы сами старались обнаружить пропажу, и иногда им это удавалось. Шамай Вассер рассказал мне о краже одной из шести рабочих лошадей кибуца. Шамай тогда работал сторожем - он выздоравливал после операции.

Он любил лошадей и когда его увозили в больницу, он умолял своих товарищей: "Я вернусь, - не отдавайте никому моей работы при лошадях". Теперь он не мог пахать, однако справлялся с охраной полей по ночам, объезжал на лошади разбросанные участки. Однажды ночью он услышал подозрительный шум и спешил посмотреть, в чем дело. Когда он вернулся к месту, где он привязал лошадь, ее и след простыл. Это была серьезная утрата для кибуца, и Шамай чувствовал себя ответственным за пропажу. Кроме всего, он просто любил свою лошадь. Так как он знал арабский, он нанес визит шейху Хирбии и после чашки крепкого и сладкого кофе рассказал о случившемся. Его призыв к дружбе и чести не был напрасным: через несколько недель лошадь была возвращена. По европейскому обычаю Шамай дал арабу пять фунтов. Он был удивлен, когда его вызвали на следующий день к шейху, и еще больше удивился словам шейха. "Никогда не вознаграждай вора, - настаивал его шейх. - Сейчас мне будет труднее уследить за воровством, ибо эти парни подумают: "Если даже я не смогу оставить себе лошадь, еврей мне даст пять фунтов".

Понемногу обе группы начали привыкать друг к другу. Араб, стадо которого заходило на поле кибуца, уже не обижался, когда его просили убраться оттуда; в конце концов, любой арабский сосед поступил бы так же. Арабы учились уважать еврея как труженика, земледельца, отважного защитника своего имущества.

Со своей стороны, евреи всячески старались дружить с арабами. Они использовали любую возможность для укрепления хороших взаимоотношений. Их дети стали посланцами этих добрых намерений. С помощью детей они начали учиться языку у арабского семейства, хозяйство

которого находилось по соседству с кибуцем. Каждую пятницу после обеда учитель Севек водил учеников в какое-нибудь близлежащее арабское село или ферму. Их приход всегда являлся большим событием. Детей угощали бутербродами, инжиром, абрикосами, виноградом, сахарным тростником. Они научили друг друга играм и весело играли вместе, и родители надеялись, что тем самым их дети готовятся к будущему, в котором терпимость и уважение явятся основой для добрых человеческих отношений.

В этой новой ситуации положение мухтара приобрело большое значение. В Натании его обязанности были незначительными; здесь же он стал своего рода министром иностранных дел. Была устроена комната для посетителей с коврами и подушками на полу. Кибуц обзавелся крошечными чашечками для кофе; кофе по-турецки и сладости всегда были наготове для арабских посетителей.

Евреи, со своей суетливой манерой решать дела, вынуждены были приспособиться к медленному восточному ритму. Когда арабский сосед приходил в гости, мухтар безошибочно угадывал, что он пришел с просьбой о каком-нибудь одолжении. Однако у арабов не принято сразу же выкладывать настоящую цель своего прихода. Пока они медленно попивали кофе, гость заводил разговор о необычайной форме облаков утром на рассвете. Он мог процитировать своего любимого поэта о необыкновенной синеве палестинского неба, упомянуть об усиливающемся ветре и его влиянии на погоду - не повернется ли он и не принесет ли хамсин (горячий ветер) из пустыни, а это могло навести его на воспоминания о других таких же не по сезону жарких периодах. Обе стороны, конечно, обменяются вопросами о здоровье членов семьи. Затем беседа может коснуться перспектив будущего урожая или политических проблем. Наконец, через час или около того, когда мухтару нельзя было выказать своего нетерпения, посетитель приступал к изложению просьбы. Он желал бы одолжить плуг или лошадь на день - другой. Или, признавая превосходство сельского хозяйства кибуца, просил немного зерна или саженцы помидоров. Иногда кибуц одалживал или давал напрокат свой трактор и другие сельскохозяйственные машины арабским фермерам. Он имел возможность давать и был рад идти навстречу своим арабским соседям, однако каждый мухтар, прежде всего, должен был научиться искусству дарить - это было даже важнее самого подарка.

Рубен, который стал мухтаром вскоре после переезда кибуца на новое место, часто посещал соседние деревни. Он приезжал на белом арабском коне, покрытом яркой вышитой попоной под седлом, из его кармана угрожающе торчал пистолет. То был сухой и прозаический человек; трудно было представить себе, что он мог произвести впечатление лихого наездника. Когда он приближался к деревне на своем "Аристократе", дети криками возвещали о

его прибытии. Женщины тут же скрывались в домах . . . Рубен был уверен, что в "мадефе" он всегда застанет кого-нибудь из старейшин за чашкой кофе, перебирающих янтарные четки и слушающих радио, всегда включенное на всю мощь. Он присаживался к ним для длительной и неторопливой беседы, к каким уже привык, принимая у себя арабских гостей. Закончив беседу, он сообщал о цели своего прибытия; иногда это было приглашение на празднество в кибуце, иногда предстояло обсудить общую проблему.

Дир-Санид, деревня Абу Рамадана, ближе других была расположена к кибуцу и относилась к нему с особым дружелюбием. Когда здесь справлялась "важная" свадьба, приглашались члены кибуца. "Аристократа" тоже всегда приглашали, - рассказывал мне Рубен. - Это был очень красивый конь. Часто он удостоивался чести везти жениха". После церемонии в доме невесты "Аристократ" вел за собой всю процессию к парку в деревне, гарцуя на стройных ногах, - а арабы тем временем разряжали в воздух свои винтовки. Не один раз выигрывал он на скачках, которыми увенчивался праздник, и тогда арабы добродушно ворчали, что конь и наездник из кибуца взяли над ними верх.

Арабы с благодарностью пользовались еще одной услугой, которую кибуц безвозмездно оказывал жителям окружающих деревень.

Это была медицинская помощь, предоставляемая доктором Юлиусом Геллером с 1945 года, когда он стал врачом в Яд-Мордехе. Он обслуживал также и соседний кибуц Гвар-Ам, куда он каждый день приезжал верхом на ослике. Он, однако, находил время и для ежедневного приема арабов, и не проходило дня, чтобы у его дверей не стояла очередь из двадцати или тридцати женщин с детьми. Дети страдали от кишечных паразитов, сыпей и других кожных заболеваний, а также от трахомы. Доктор Геллер был беженцем из Германии; этот суровый и молчаливый человек не мог забыть унижения, которому его подвергали собственные коллеги. Однако он был добросовестным и чутким врачом, знающим, как уговорить закутанных с головой арабских женщин пользоваться иностранными лекарствами, которые он им давал. Он опасался распространения инфекционных заболеваний, и для арабов была открыта специальная амбулатория у главных ворот кибуца. Отсюда, из этого маленького барака, исходили новые идеи о гигиене и профилактике для всего арабского населения этого района.

В течение первых пяти лет в Негеве, вплоть до самой войны, прервавшей этот процесс, молодые польские евреи стремились к тому, чтобы между ними и арабами развивались дружеские отношения и взаимная помощь. Такие отношения были характерными почти для всей страны. Хотя и осталось некоторое недоверие, обе культуры, такие чуждые друг другу, могли мирно сосуществовать. Это особенно ярко выражалось в сельских местностях. Хотя

расселение евреев могло сократить доходы "потесненных" арабских арендаторов, в конечном счете арабы извлекали пользу из этого соседства. Изменения в сельском хозяйстве и улучшение здоровья всегда сопутствовали приходу евреев. Многие арабы признавали это; они посылали детей к еврейским врачам или приходили за семенами в кибуц.

Хотя отдельные евреи или группы отступали от этого правила, (и я слышала, как евреи говорили: "Никогда не верь арабу") сознательная цель еврейской общины была направлена на воспитание уважения и расположения к арабам. Повседневным общением между простыми людьми эта цель практически осуществлялась среди большей части населения. Разногласия между арабами и евреями имели мало общего с повседневными отношениями между ними. Чаще всего они подстрекались сверху арабскими национальными лидерами.

Не вся земля, проданная хирбским шейхом в выгодной для себя сделке, была пригодна для земледелия. Местами она была слишком скалистой и выветренной, чтобы ее стоило обрабатывать, местами была временно занята британскими военными лагерями. В первые годы кибуц обработал 175 акров земли. Была построена водонапорная башня на одном из холмов и проведены трубопроводы к только что разведенной банановой плантации и к молодым фруктовым садам, где были посажены яблони, сливы и оливковые деревья. Поселенцы не могли себе позволить такой роскоши, как систему разбрызгивателей, которая сейчас орошает их поля. С помощью мулов, тянувших за собой примитивный канавокопатель, они прорывали оросительные каналы. Это была тяжелая и изматывающая работа - регулировать поток воды оросительными мотыгами. Пахать на маленьком тракторе, разбрасывать вилами удобрение, сажать растения, вручную пропалывать овощи, ухаживать за скотом - таков был их повседневный труд под горячим солнцем летом или в грязь и дождь зимой.

От арабских соседей молодые пионеры научились выращивать виноград. Они купили саженцы в деревне Барбара, которая славилась особенно крупным и сладким сортом зеленого винограда. Крестьяне показали, как глубоко надо сажать, как удобрять и как подрезать виноградную лозу.

Новое место хорошело медленно и трудно. Для выращивания декоративных кустов и деревьев требовалось больше времени, чем для выращивания пшеницы. Фаня была занята посадкой деревьев. На мулах привозили бочки с водой и сливали ее в резервуар, так что Фаня всегда имела под рукой воду для полива каждого деревца. Работая целый день под жгучим солнцем, она страстно жаждала благотворной тени. С особой гордостью посадила она декоративное китайское дерево. "Это Бохиния, - говорила она товарищам, -

весной она покрывается белыми цветами". Она планировала аллею из быстрорастущих эвкалиптовых деревьев вдоль дороги, ведущей мимо кибуца к подножью холма, где стояла водонапорная башня. В весенний праздник древонасаждения кибуц торжественно посадил крошечные деревца. Под руководством Фани выполняли эту работу поселенцы, их дети и арабские соседи, специально для этого приглашенные. Она так долго добивалась этого, что аллею прозвали "Фаниным лесом". "Фаня, сегодня я прогуливался по твоему дремучему лесу и знаешь, кого увидел - медведя и двух волков!" - подшучивали над ней. Наступит время, когда эти шутники помянут Фаню добрым словом, укрываясь в густой тени высоких эвкалиптовых деревьев.

Поселенцы трудились в поте лица, чтобы построить новый кибуц. Хотя в субботу полагалось отдыхать, на ферме работали и в этот день. Объявлялась "мобилизация" для сбора винограда или для спасения урожая быстросозревающих помидоров. Субботники проводились на добровольных началах, однако мало кто из пионеров мог позволить себе отдыхать дома, когда его товарищи трудились в поле: почти все выходили на работу. Отдыхали они, когда наиболее срочные работы были выполнены. Члены кибуца не были религиозны, но они отмечали еврейские праздники, воспринимая их как часть культурных традиций, иногда изменяя древний ритуал, придавая ему современный вид. Какое громадное значение было придано сукке, построенной в дни первого урожая в стране праотцев! Они праздновали с удовольствием и подъемом; и при этом забывались все мелкие дрязги, связанные с коммунальной жизнью, обновлялись чувства товарищества и самопожертвования, столь необходимые при том образе жизни, который они избрали.

Некоторые праздники были естественной частью сельскохозяйственной жизни, и праздновались они в поле или на улице. На эти праздники всегда приглашались гости из окружающих арабских деревень. Хаг-Хабикурим - "подношение первых фруктов" - представляло собой живописное зрелище. Повозки, телеги и трактор превращались в красочные плывущие корабли, и каждый изображал какой-нибудь вид труда. В параде участвовали все: птичники, украшенные петушиными гребнями, молочницы с бидонами, полевые работники с мотыгами в руках. Колонна то и дело останавливалась, - какая-нибудь группа запевала только что сочиненную шутливую частушку. С песнями и хлопками проходили они мимо трибуны, где сидели приглашенные арабы в своих развевающихся белых одеждах и головных уборах.

Но самым веселым праздником был Пурим. Всех детей одевали в специальные костюмы, которые матери с любовью и выдумкой сами мастерили: здесь были датчане и цыгане, феи и балерины. Представление о королеве Эсфири, разыгрываемое взрослыми, бывало только началом программы. Однажды был

поставлен политический пасквиль, и актеры в масках изображали Сталина, Рузвельта, Бен-Гуриона и Черчилля. После этого начинался карнавал с танцами и играми. Проводились состязания - кто выпьет больше молока, кто съест больше картофельных блинов. Сырое яйцо переходило изо рта в рот, пока кто-нибудь не раскусывал его и не обливался его содержимым. Серьезные молодые социалисты выстраивались в две команды, чтобы играть со спичечной коробкой. Крышка спичечной коробки надевалась кому-нибудь на нос. Без помощи рук он должен был надеть коробку на соседний нос, и так она кочевала с носа на нос; болельщики криками поощряли игроков и стонали от смеха при виде этого веселого, нелепого зрелища. Когда бутылки с вином опустошались в честь "самого счастливого праздника", по кругу этих умеренных в выпивке людей отправлялась бутылка водки. Они часами танцевали хору, и один скачущий круг огибал другой круг, дети держались за руки взрослых, и все пели.

На втором году существования кибуц уже получил возможность улучшить свои жилищные условия. Новые бетонные дома строились по образцу, принятому кибуцным движением; каждый имел четыре комнаты для четырех пар. Муж с женой занимали одну комнату, а их дети, согласно системе, принятой в кибуцах, жили отдельно. Они ели, спали и учились в интернате, встречаясь с родителями только по субботам, во время каникул или когда родители навещали их после работы.

Эта система отвечала потребностям зарождающегося нового образа жизни. Женская рабочая сила была так же важна, как и мужская при осушении болот, завоевании пустыни, при создании плодородной почвы на истощенной земле. Имело смысл, что бы всего одна женщина присматривала за группой детей и освобождала их матерей для "продуктивной работы". Позже была подведена теоретическая база под эту практическую необходимость.

Многие молодые родители решили воспитать своих детей другим способом, нежели это делали их собственные родители. Их обуревали радикальные идеи. Они воспитывали себя в духе преодоления любых трудностей и надеялись, что и дети их вырастут людьми новой формации, способными преобразовать общество. Восстав против моральных устоев своих родителей, они отказались от традиционных форм семейной жизни. Они хотели, чтобы их дети воспитывались на "научной" основе опытными людьми; поэтому свой первоначальный план присмотра за детьми ясельного возраста они развили в систему, по которой детям следовало жить отдельно от родителей под присмотром воспитателей.

Они считали, что своим авторитетом и властью родители наносят вред естественному развитию ребенка и искажают отношения, которые должны

быть основаны на взаимном уважении и любви. Все они страдали в свое время от власти родителей. ("Когда мой отец говорил, казалось, сам господь Бог изрекает"). Раньше они экономически зависели от родителей и вынуждены были им подчиняться; в их новом обществе такая зависимость была устранена. Об образовании ребенка и его потребностях для физического развития теперь заботился кибуц, а не родители. Как только ребенок появлялся на свет, он становился членом "Общества детей"; его не забирали домой, а помещали вместе с другими малышами в доме, предназначенном для детей. Кто-либо из женщин работал там няней; на няню была возложена ответственность и забота о физическом развитии ребенка и зачатках воспитания. Как правило, к пяти или шести малышам была приставлена одна няня.

При посещении Яд-Мордехая я особенно интересовалась результатами этой системы, которая действовала здесь уже более двадцати лет. Благодаря моему опыту с собственными детьми, воспитанными в тесном общении с родителями, я с трудом представляла себе, как может мать расстаться со своим ребенком сразу после возвращения из родильного дома домой, и видеться с ним потом лишь на правах посетительницы.

Прежде всего я узнала, что дети кибуца принадлежат как родителям, так и всей общине. Мой переводчик Залман Шамир рассказывал мне о военных маневрах, проходивших по соседству с Яд-Мордехаем в первые дни после моего приезда. "Наш сын получил медаль за снайперскую стрельбу", - заявил он с гордостью.

"Ах, у вас еще один сын?" - спросила я удивленно, так как только что познакомилась с его семилетним мальчиком.

"Нет, я имею в виду нашего сына из кибуца", - ответил он.

Дети радуются тому, что каждый мужчина относится к нему как любящий "дядя", а каждая "тетя" может остановить и поцеловать ребенка, посланного с поручением. Однако это ни в коем случае не снижает их потребности принадлежать своим собственным родителям. Как дети повсюду - они хвастают друг перед другом: "Мой отец водит самый большой трактор в Израиле, и я покатаюсь на нем". "Я тоже могу покатаюсь на нем - это не его трактор". "Да, но я смогу кататься на нем больше всех". Несмотря на то, что дети любят своих нянь (что иногда является причиной ревности матери), родители занимают главное место в их сердцах. Если родители малыша уезжают по какой-либо причине из кибуца и не навещают его, он становится очень беспокойным. Поэтому кибуц редко разрешает обоим родителям уезжать одновременно. Потребность ребенка определить свое место в мире через отождествление себя с родителями, выразилась в примере единственного усыновления в

кибуце. Можно было предположить, что жизнь со сверстниками в "Обществе детей", когда он подчиняется установленной дисциплине и получает установленные поощрения, должна была ослабить привязанность приемыша к новым родителям; но этого не произошло. Мне говорили, что он без конца фантазировал на тему, что он действительно является ребенком тех людей, которые взяли его из детдома.

Я имела возможность наблюдать посещение детьми своих родителей более, чем в одном доме. В эти короткие часы ребенок царствует в доме. Родители играют с ним в разные игры, идут с ним гулять, читают ему книги, кормят шоколадом и домашним печеньем, приготовленным специально для него. Взрослый гость остается тогда на втором плане, так как все внимание сосредоточено на детях. Это время целиком отдано детям - и они ценят его наравне с родителями.

Проблемы дисциплины детей мало интересуют родителей - этим занимается воспитательница. Поэтому в доме родителей детям все дозволено; они окружены любовью, и делается все возможное для того, чтобы доставить детям удовольствие и развлечь их. Женщины Яд-Мордехая говорят, что они проводят с детьми столько же времени, сколько и многие женщины Запада; и, быть может, это общение является более действенным и полезным, так как взрослые занимаются детьми в свободное время и психологически более склонны вложить все свои чувства в игру. И, действительно, нет сомнений, что в кибуце отцы имеют куда более близкие отношения со своими отпрысками, чем большинство городских отцов.

Такое радикальное новаторство породило свои проблемы. Воспитательницы, получившие специальную подготовку в учительском институте, руководимом Движением, не всегда были достаточно тактичны в отношении "необученных" матерей. Временами материнская любовь вступала в конфликт с предписаниями "научного" воспитания. Теперь женщины Яд-Мордехая грустно посмеиваются над теми крайностями, в которые бросались когда-то молодые сторонники этой системы. Они вспоминают врача, слово которого было для них законом; он запрещал укладывать малышей спать на матрацах. Он верил в спартанское воспитание и считал, что очень полезно для позвоночника, если ребенок спит на досках, накрытых только одеялом. Они вспоминают и то, как им пришлось бороться, чтобы получить разрешение самим укладывать своих детей спать. Постепенно строгие правила были смягчены, в наши дни родители всегда желанные гости в домах для детей.

После всего увиденного мне кажется, что этот уникальный метод воспитания детей вполне оправдал себя-в этом уникальном обществе. Родители кибуцев гордятся своими высокими и стройными детьми и с удовольствием

вспоминают истории о своей юношеской самоуверенности и самодисциплине. Среди детей кибуца мало неприспособленных к жизни и нет ни одного из тех мятежных и разрушающих все вокруг подростков, которые приводят в ужас своих родителей во всех частях света (Необходимо отметить, что не все кибуцы придерживаются этой системы. В некоторых из них дети спят в доме родителей, хотя кибуц берет на себя ответственность за их образование и обеспечение).

В новом кибуце, как и повсюду в Палестине, все пригодные к военной службе мужчины и женщины входили в Хагану (Хагана сформировалась в ранних двадцатых годах для самозащиты от арабских нападений, которые последовали за установлением Британского Мандата. Хотя новая администрация и заявила, что она берет на себя ответственность за законность и порядок в Палестине, на практике она была не в состоянии защитить евреев от арабских экстремистов. В сороковых годах Хагана превратилась в подпольную еврейскую армию в Палестине, в 1948 году, во время Войны за независимость, она была основой вооруженных сил нового государства Израиль.), организации Еврейской Обороны. Они обучались обращению с оружием, и для некоторых из них служба в Хагане стала своеобразной второй карьерой. Эти люди получали специальную подготовку, которая проводилась тайно, так как Хагана была нелегальной или почти нелегальной организацией в течение всей истории своего существования.

Как и все изолированные поселения, кибуц, кроме винтовок, дозволенных гафиру, располагал запасом нелегального оружия. Этот запас был тщательно запрятан, так как англичане время от времени наведывались в поселения в поисках запрещенного оружия. С 1939 года двое отвечали за "слик" - запас нелегального оружия. В Мицпе-Хайам они прятали амуницию в молочные бидоны, а смазанные винтовки - в железную цистерну, закопанную в земле. Каждые шесть месяцев они меняли места укрытия, работая по ночам и скрывая следы раскопок даже от членов кибуца. На новом месте стало труднее прятать "слик", так как англичане начали применять миноискатели. Теперь приходилось скрывать оружие в таких местах, где было железо, например, водопроводные трубы.

И именно потому, что "слик" держался в таком секрете, любопытство поселенцев еще больше возбуждалось. Натек, один из тех, кто прятал оружие, рассказал мне об одном инциденте, происшедшем при очередном посещении кибуца британским служебным лицом. Когда он осматривал молочную ферму, один из членов кибуца сказал тихо другому:

"Он стоит как раз над нашим "сликом". "Он думал, что это была очень удачная шутка, - ухмыльнулся Натек, - но смешным оказался он сам. Мы перевели "слик"

с фермы за неделю до этого. Нам было известно, что ходят разные слухи, и мы были вынуждены скрывать оружие не только от англичан, но и от своих же товарищей".

Существовали строгие указания Хаганы относительно хранения нелегального оружия. Запрещалось составлять списки. "Слик" должен был быть зарыт на глубину в пять футов без всякой метки на этом месте. "Однажды я потерял "слик", - рассказывал мне Натек. - Я думал, что точно знаю, на расстоянии скольких шагов от дерева и от угла здания находится это место; когда же наступило время для перемещения, мы с Довиком копали две ночи и не могли найти его. Я чуть не сошел с ума. Я знал, что оно должно находиться в том месте, где мы копаем. Наконец, в третью ночь мы нашли его, - оно находилось чуть в стороне. Когда лопата ударила по ящику, мы с Довиком сели на землю, плача и смеясь от счастья. Все наше богатство, наша жизнь была в этом ящике!"

Фактически кибуц ни разу не подвергся тщательному обыску, в соседнем же кибуце Рухама "слик" был обнаружен, и люди были посажены в тюрьму за хранение нелегального оружия.

Через два года после того, как пионеры поселились в Негеве, стали возвращаться с войны солдаты. Как солдаты повсюду в мире, они привозили домой маленькие сувениры. Привезли они подарок и для кибуца. С первого дня их зачисления в армию они твердо решили и здесь быть хаверами (хавер-друг - в данном случае, член кибуца) своего кибуца. Они не считали себя вправе тратить деньги, получаемые в армии, как это делали другие солдаты, чтобы забыть о тоске и опасности. Все, что они накопили, принадлежало кибуцу, как и тогда, когда они направлялись на работу в отдаленные виноградники. Они выбрали Моше Калмана казначеем. Каждый представил свой бюджет, который мог изменяться в зависимости от страны. Если кому-либо не хватало жалования, ему назначалась дополнительная сумма из общего фонда. С другой стороны, если кто-нибудь получал повышение, он отдавал и свое повышенное жалование. А если кто-нибудь находился далеко от казначея Калмана и не мог вносить свою долю в общую казну, он сам вел тщательный счет и хранил у себя ту часть жалования, которую он должен был отдать. Когда мужчин демобилизовали, они с гордостью отдали кибуцу сбереженную сумму денег и добавочное вознаграждение, полученное при демобилизации, и вместе это составило около пятисот долларов. Не одну неделю кибуц обсуждал вопрос об использовании этих денег. Наконец, было решено построить плавательный бассейн; невыносимая жара пустыни давала им право на такую роскошь. Вклад, сделанный солдатами, покрыл расходы на материалы, и на вершине холма, рядом с водонапорной башней, появился бассейн, построенный силами мужчин и женщин кибуца, работавших по субботам.

Некоторые мужчины были демобилизованы позже, чем другие. Залман Шамир использовался как переводчик в поисках нацистских военных преступников. Габриель Рамати был послан со своей войсковой частью в Голландию. Как и Алекс, он выполнял двойные обязанности. Как только война в Европе пришла к концу, еврейские руководители в Палестине стали составлять планы по спасению остатков европейского еврейства. Они хотели возобновить нелегальную иммиграцию, но прежде всего нужно было выискать тех евреев, которые желали приехать на Родину. Габриель неофициально был изъят из своей части и послан в концентрационный лагерь в Германию, чтобы работать среди бывших узников. Он поехал в Берген-Бельзен. Хотя лагерь был освобожден англичанами, большинство бывших узников осталось там. Им некуда было идти. Англичане кормили их, одевали и делали все, что было в их силах, чтобы пресечь сильную эпидемию тифа в лагере. Люди, подобные Габриелю, начали искать тех, кто хотел эмигрировать и был еще в состоянии это сделать. Они проводили занятия по изучению иврита и всячески старались подготовить этих униженных и надломленных людей к новой жизни в Палестине. Когда Габриель впервые прибыл в Берген-Бельзен, он встретил польскую девочку; она была так истощена, что уже на ногах не стояла. Когда этот светловолосый солдат из Палестины зашел в барак и спросил: "Здесь кто-нибудь по-польски говорит?" она подползла к нему на четвереньках. Позже она поправилась; после недолгого лагерного романа они поженились. Она сейчас живет в кибуце, и только ночные кошмары напоминают ей о тех испытаниях, которые должны были пройти шесть миллионов погибших ее братьев-евреев.

Через несколько лет после основания кибуца стало ясно, что его будущее должно строиться на сельском хозяйстве и что от идеи рыболовецкого промысла следует отказаться. Наступило время дать кибуцу новое имя, так как старое - "Сторожевая башня на море" - потеряло свой смысл. Это происходило как раз в то время, когда героическое восстание евреев в варшавском гетто занимало мысли каждого. Молодые польские евреи как бы сами переживали агонию и героизм этой борьбы. Некоторые знали Мордехая Анилевича, двадцатидвухлетнего руководителя восстания. Он был членом Гашомер Гацаир; было известно, что он мог бежать из Польши - он даже мог стать членом Мицпе-Хайам. Когда было предложено назвать кибуц его именем, вся община стала проверять, заслужили ли они это право.

Когда впервые было предложено поселиться в Негеве, некоторые члены шумно возражали. Это меньшинство теперь стало приводить старые аргументы: "Да, мы построили хороший кибуц, но разве мы были пионерами? Мы ведь поселились здесь не первые - Гвар-Ам и Нир-Ам были здесь до нас. Мы нашли воду на месте - нам не пришлось рыть новый колодец. И никогда мы не были изолированы - мы находимся на главной дороге Тель-Авив - Газа. Люди могут ехать в Тель-Авив каждую неделю, если им хочется. С такими удобствами

имеем ли мы право на столь героическое имя?"

В конце концов, однако, большинством голосов, как это делалось раньше, было решено, что строительство любого кибуца весьма тяжелая задача, оправдывающая решение о присвоении кибуцу имени героя. Кибуц назвал себя "Яд-Мордехай" - "Памятник Мордехаю". А время испытания наступило позже, когда черная лента шоссе, протянутая через пустыню, стала главной опасностью не только для членов кибуца, но и для всего молодого Израиля.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Маргарет Ларкин, ШЕСТЬ ДНЕЙ ЯД -
МОРДЕХАЯ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

---

3. ОСАДА

29 ноября 1947 года произошло событие, в корне изменившее историю Палестины и повлиявшее на судьбу кибуца Яд-Мордехай. В этот день Объединенные Нации, по просьбе Великобритании, приняли решение о разделе Палестины на два государства - Еврейское и Арабское.

Долгое время этот вопрос обсуждался в кибуце непрерывно. Основание Еврейского государства было надеждой и мечтой всей их жизни. Ради этого они порвали со своими семьями и покинули родные места. Ради этого они, эти бывшие сыновья и дочери городских жителей, превратились в крестьян. Своим потом и энергией они оживили истощенную почву; своим непревзойденным идеализмом они создали единственный в своем роде образ жизни. И теперь, когда их стремления почти увенчались успехом и настал час основания своего государства, оказалось, что они не являются его частью. Новые границы, установленные комиссией Объединенных Наций, оставили Яд-Мордехай в Арабском государстве.

В своих бесконечных дискуссиях о будущем им пришлось согласиться, что граница имеет этнографический смысл. Арабские города Исдуд и Мичдал (Теперь-Ашдод и Ашкелон) были к северу от них, Газа - к югу. Эти центры арабской торговли соединялись дорогой, проходящей через Яд-Мордехай. И все-таки они лелеяли надежду, что границы будут исправлены, и кибуц войдет в состав Еврейского государства.

Голосование в Объединенных Нациях было закончено в 19.30, но из-за разницы во времени в Яд-Мордехае узнали об этом только в полночь. Лишь трое услышали эту новость, - Рувен и Яков, охранявшие кибуц в эту ночь, и Шамай, радист, слушавший полуночную передачу Пальмаха. Торжественный голос провозгласил, что Соединенные Штаты и Советский Союз отдали свои

голоса за разделение, и что решение было принято большинством голосов, 33 против 13. Создание Еврейского государства стало лишь вопросом времени. В конце передачи диктор сообщил, что границы останутся такими, как было предложено Комиссией. Новости эти были настолько важны, что они не удержались, чтобы не поделиться ими с несколькими друзьями, которых они разбудили среди ночи; большинство же членов кибуца узнали об этом только утром в столовой, где был вывешен бюллетень, в котором о событиях сообщалось огромными буквами.

Через день или два был проведен специальный митинг для обсуждения новой ситуации. Было несколько точек зрения. Некоторые члены кибуца считали свое положение под властью арабов невозможным. Они будут оторваны от кибуцного движения и от рынка в Тель-Авиве. Новое Арабское государство может не потерпеть на своей территории этого маленького островка еврейства, и дискриминация, от которой они бежали, снова может стать их участью. Или их просто выдворят из Арабского государства, и они утратят все, что создали. Один из выступавших предположил, что обмен населением может решить эту проблему; арабы из Еврейского государства могут переселиться в Яд-Мордехай, а они займут арабскую деревню. Даже мысль о таком решении привела всех в ужас; они любили каждую пядь земли, которую сами возродили и засадили.

Другие, наоборот, с жаром доказывали, что надо остаться на месте; возможно, формальности на границе не будут строгими и не помешают продолжению связей с Тель-Авивом. Они считали, что их дружеские отношения с местными арабами могут стать чем-то более значительным - исторической миссией во имя мира и взаимопонимания между двумя государствами. "Мы никуда отсюда не уйдем", - заявляли они.

Ни один из поселенцев не имел ясного представления о том, что надо делать. Некоторые были растеряны и обескуражены. Они чувствовали, что есть силы, над которыми они не властны и которые сами решат их судьбу.

Митинг закончился очень поздно, но люди расходились по домам, продолжая рьяно спорить. Как бы они ни радовались по поводу возникновения Еврейского государства, сколько бы разных мнений о своем будущем ни высказывали, все они чувствовали, что тучи над Яд-Мордехаем сгущаются.

Тридцать шесть палестинских евреев было убито арабами в первую же неделю после решения ООН о разделе. Насилие явилось отражением непримиримости арабских государств с данным решением. Отряды вооруженных арабских нерегулярных войск внезапно появились во всей Палестине; группами

"Арабского фронта" руководил бывший муфтий Иерусалима, который в течение всей войны вел прогитлеровскую пропаганду. Эти отряды терроризовали население арабских деревень, не считались с авторитетом мухтаров, запугивали тех, кто придерживался более умеренных взглядов. Начались инциденты на дорогах, - арабы пытались перерезать коммуникации и изолировать еврейские поселения. Нападения из засады на дороге Иерусалим - Тель-Авив стали столь частыми, что приходилось учреждать конвой. Англичане же, продолжая свою старую политику, зачастую останавливали и обыскивали конвоиров. Иногда они забирали оружие, оставляя евреев во власти арабов, которые хладнокровно их убивали. Они были озабочены своими проблемами, связанными с необходимостью ухода из страны, и не могли, а иногда и не хотели преградить путь преступлениям.

Вначале вокруг Яд-Мордехая не было волнений, но некоторые признаки заставили поселенцев беспокоиться. Все меньше и меньше арабских женщин с детьми стали приходить в амбулаторию к доктору Геллеру. Прекратились дружеские визиты к мухтару. На полях арабы выполняли свою работу без криков приветствия, как это бывало прежде. Наконец, один из них сказал своему еврейскому соседу:

"Будем снимать урожай в мире, если Аллаху это угодно. Но в нашей деревне много чужих, и они вооружены. Они угрожают друзьям евреев". От этих крестьян Яд-Мордехай узнал с величайшим удивлением, что немецкие и югославские нацисты, а также итальянские фашисты вступили в арабские отряды, которые расположились в деревнях. Им удалось скрыться от военного трибунала на Ближнем Востоке, и сейчас они стали наемниками у арабов, дабы поднять дух нерегулярных войск.

Черное асфальтовое шоссе, которое раньше казалось роскошью, стало теперь грозной опасностью. Кибуц продавал свою продукцию в Тель-Авив и закупал там все необходимое; два грузовика совершали рейс туда и обратно ежедневно. Ни для кого не было секретом, что рано или поздно на них нападут, и отправлявшиеся в дорогу каждое утро спрашивали себя - не случится ли это сегодня? Грузовики сопровождал гафир, вооруженный своей старой итальянской винтовкой, с пятидесятью патронами, разрешенной властями. Под шапкой у него была припрятана ручная граната.

Время от времени Абу Фатха из Бейт-Джиржа или другие арабские друзья, не желавшие идти на поводу у "чужаков", предупреждали водителей грузовиков об опасности. "Не езжайте сегодня, сегодня будет неспокойно". И ничего не случилось долгое время - вплоть до одного декабрьского вечера, когда грузовик возвращался из Тель-Авива домой. Когда машина подъехала к деревне Барбара - той самой, которая приглашала людей из Яд-Мордехая на

"сульху", - Гафир увидел группу арабских женщин, выкатывающих бочки прямо на дорогу. "Возьми влево!" - крикнул он шоферу Менахему и выстрелил в воздух. Женщины разбежались, оставив половину дороги свободной. Однако из апельсиновой рощи - с одной стороны и из-за домов - с другой - открыли огонь по грузовикам. Гафир в ответ стрелял из своего древнего ружья, которое, хоть и было с кривым прицелом, но производило много шума. Пуля пробила кабину Менахема, а потом он услышал резкий стук металла о металл - пули прошивали бидоны. Грузовик Мотки, который ехал следом, тоже был прострелен в нескольких местах. Грузовики прибавили скорость и вскоре были вне опасности. В кибуце водители осматривали повреждения, а их жены и друзья толпились вокруг. Менахем попытался скрыть свою нервозность неудачной шуткой. "Должно быть сегодня в Барбаре праздник, - сказал он.

- Их пули пролетали мимо меня за целый фут". Но никто не улыбнулся; всем было ясно, что со временем появятся и жертвы.

На собрании кибуц решил покрыть броней свои грузовики. Стальные щиты должны были стоять столько же, сколько сами грузовики, а их тяжесть резко ограничивала возможность перевозок; но выбора не было. Маленькая мастерская Яд-Мордехая отложила в сторону все остальные работы, чтобы сделать кабины грузовиков безопасными для водителей.

Отряд Пальмаха - девушки и ребята - был приставлен к кибуцу для охраны грузовиков. Командовал отрядом высокий, веселый юноша, которого звали Гершон. В свои двадцать два года он уже считался ветераном. Молодые люди жили в палатках и деревянных хибарках и половину дня работали на полях, чтобы прокормить себя. Жители кибуца были в восторге от веселой и храброй молодежи из Пальмаха и прозвали своих защитников "километровым отрядом - каждый солдат весит не больше килограмма и ростом не выше метра". Девушки не носили форму и сопровождали грузовики в качестве "пассажирок". Их обязанностью было спрятать оружие под своей одеждой при появлении англичан, которые не решались их обыскивать.

Во время обычного учебного похода пальмахского отряда произошел инцидент, положивший конец дружеским отношениям между Яд-Мордехаем и его ближайшим соседом - деревней Дир-Санид. Когда солдаты приближались к деревне, их обстреляли. В ответ они открыли огонь и бросили ручную гранату. Такой инцидент уже не мог быть улажен за общим столом. Мухтар кибуца Рубен и Салек Бельский, полевой сторож этого года, засунув револьверы в сумки седел, поскакали на конях к деревне. При их приближении уже не раздавались дружеские крики приветствий. Арабского мухтара не было дома. В прежние дни детей послали бы за ним, даже если бы он находился в поле; теперь же он был недосягаем. Рубен обратился к его насупившимся сыновьям. "Мы хотим

мира и мы верим, что наши люди будут жить в дружбе, - сказал он. - Может быть, нам суждено жить под властью арабов, и если это случится, мы будем хорошими гражданами нового государства. Но мы не допустим нападений на наше поселение и на солдат, живущих у нас". "Будьте уверены, мы будем знать, как защитить себя, - твердо сказал Салек. - Передайте наше предупреждение отцу и старейшинам".

Их не пригласили спешиться; они повернули коней и ускакали. Это было их последнее посещение арабской деревни.

Одиноким машинам вскоре стало опасно появляться на дорогах Негева; им пришлось примкнуть к автоколонне, созданной на базе кооперативного соглашения и действовавшей прежде для обслуживания разбросанных по Негеву еврейских деревень. Сейчас эта колонна увеличилась за счет поселений, расположенных на главной дороге и прежде не нуждавшихся в ее услугах. Пункт управления был переведен из Тель-Авива в Реховот, так как промежуточные населенные пункты находились в руках арабов. Гад Агарони из Яд-Мордехая был назначен диспетчером. "Когда мы отправляли колонну, с каким нетерпением мы ждали ее возвращения или каких-нибудь известий о ее продвижении вперед! - воскликнул он, рассказывая мне о тех тяжелых днях. - Мы никогда не знали, когда она вернется. Наконец, бронированные грузовики возвращались. Каждая колонна имела свою историю, но водители не в состоянии были сразу рассказывать. Они бродили вокруг своих машин, еще не остывшие от жары, возбужденные, нервные, усталые. Наконец, мне удалось узнать подробности - в этой деревне дорога была только преграждена, но в другом месте, где раньше было спокойно, на дороге были подложены мины. Иногда один или два грузовика не возвращались. У них бывали пробиты шины, дальше ехать они не могли, и приходилось их бросать. Время от времени англичане вмешивались и конфисковывали грузовик, из которого раздавались выстрелы".

Чтобы подробнее восстановить картину тех беспокойных дней, диспетчер показал мне отчет об одной поездке автоколонны, опубликованный в официальном издании (История Войны за независимость, изданная Историческим Департаментом Армии Обороны Израиля.).

Я воспроизвожу здесь полностью этот отчет, так как он является типичным и ярко иллюстрирует события, которые происходили тогда на всех дорогах Палестины.

23 марта 1948 г.

Рейс: Главное шоссе к Яд-Мордехаю и второстепенные дороги через Нир-Ам к южному Негеву.

Информация: Противник сосредоточен в деревнях, готовит минные заграждения и засады.

Силы противника: Неизвестны.

Наши силы: Четыре бронемшины; в каждой по группе пальмаховцев с обычным вооружением; десять грузовиков; две рации.

Порядок: Одна бронемшина возглавляет колонну, две посередине и одна - в хвосте.

Поездка: Мы стартовали к югу от Реховота в 14.15. Два бронированных грузовика с горючим присоединились к колонне. Около Мичдала мы встретили патрульный отряд британской армии. Командир отряда предупредил командира колонны, что не следует продолжать путь в этот день, так как на дороге много мин и засад. Командир колонны спросил его, будет ли он сопровождать колонну, если она послушает его совета и подождет до следующего дня. Ответ был отрицательным. Мы решили продолжать путь. Британский офицер предупредил, чтобы мы не стреляли по арабам, ибо в таком случае его солдаты откроют огонь по колонне. Как только мы двинулись из Мичдала, перед головным броневиком взорвалась мина. Машина не пострадала. После взрыва немедленно посыпались пули с обеих сторон дороги. Один из радистов получил прямое попадание в голову (он высунул голову, чтобы оглянуться), и был убит наповал. Мы проехали Барбару и приближались к школе. Там взорвалась вторая мина. Машина опять не пострадала. В пятнадцати ярдах от первой машины видна была канава, а в ней - проволока, ведущая к мине. Один солдат спрыгнул с машины, чтобы перерезать проволоку, но не успел подойти к ней, как мина взорвалась, снова не причинив вреда. Солдат, однако, был ранен снайпером. Когда мы подъехали к кульверту под насыпью, взорвалась еще одна мина, и взрывная волна подбросила машину. Однако земля и остатки кульверта упали обратно в воронку, и нам удалось выбраться.

Один из грузовиков с горючим перевернулся, когда он переезжал взорванный кульверт. Водителю удалось добраться до броневика, но он был ранен в голову. Таким образом колонна дошла до Яд-Мордехая. Броневики остались, чтобы вытащить грузовик с горючим, но им это не удалось, и пришлось его сжечь. Колонна ожидала броневики в Яд-Мордехе, и когда они прибыли, двинулась дальше к Нир-Ам. Около Дир-Санид и Бейт-Ханун она была

обстреляна, однако ей удалось добраться до Нир-Ам к семи часам вечера. Там она осталась на ночь.

Еще до того, как колонна достигла Барбару, командиру пальмахского отряда в Яд-Мордехаяе стало известно, что дорога вблизи заминирована. Они выехали на двух броневиках навстречу колонне, но были задержаны британским патрулем, который не разрешил им двигаться дальше.

Наши потери: Один убит, двое ранены.

Для всех колонн Яд-Мордехай был местом отдыха; здесь они ночевали, сюда доставляли убитых и раненых. Их принимал доктор Геллер, которому помогали две женщины, обучившиеся в Хагане оказанию первой помощи.

Из-за большого напряжения и опасности каждой поездки, водители отправлялись в путь по очереди. Каждый раз при расставании, целуя своих жен и детей, они мысленно прощались с ними навсегда. Каждый раз, возвратившись невредимыми, они считали, что им просто повезло, и думали о том, что их ожидает в предстоящей поездке.

Как и в любой войне, периоды активных действий перемежались долгими томительными днями ожидания. Тогда приходилось заниматься разработкой новых маршрутов и нервничать иногда из-за грузовика, опоздавшего на пункт формирования колонны. Кibuцники любили книги, однако очень скоро они обнаружили, что не в состоянии читать, - нервы были взвинчены до предела. "Я никогда не играл в карты, - рассказывал мне Мотке. - Но наконец научился, чтобы как-то убивать время. Конечно, интересно играть на деньги. Но, естественно, никто из нас денег не имел, и мы играли на наши грузы. Помню, однажды я "проиграл" все горючее на моих грузовиках, но в другой раз "выиграл" грузовик с мукой". Когда колонны формировались в Нир-Аме, который был виден из Яд-Мордехая, Мотке, знавший азбуку Морзе, посылал световые сигналы своей жене и друзьям. "Отправляемся завтра - не беспокойтесь" или "Нет охраны - остаемся еще на три дня". Были случаи, когда он сообщал, что из Тель-Авива, несмотря на опасную дорогу, приехала труппа эстрадных артистов, чтобы развлечь издерганных и нервничающих водителей.

"Больше всего мы боялись мин, - рассказывал Мотке. - Мы привыкли к обстрелам и чувствовали себя в безопасности в наших бронированных кабинах, разве что кто-нибудь проявлял неосторожность, как наш бедный Бецалель. Мины же были слепой неизвестностью-они могли разнести грузовик в любую минуту. Вначале арабы пользовались контактными минами, которые укладывались на место перед самым нашим появлением. Часто мы замечали

проводе, и кто-нибудь, рискуя жизнью, прыгивал, чтобы перерезать ее. Потом арабы из Барбары стали применять электрические мины. Таким образом они могли пропускать транспорт арабов и англичан и соединить контакт при приближении нашей колонны. Тогда уже пришлось искать другой путь продвижения - Барбара закрыла для нас главную дорогу. Как плохо ни было на дорогах, - еще хуже было ждать и "отдыхать" в кибуце. Мы беспрестанно волновались за тех водителей, которые заняли наши места за рулем. Да, это были жуткие времена, - добавил Мотке. - Но даже в самые страшные минуты мы знали, что люди думают о нас. И не только наши друзья из кибуца. Всегда, когда мы выезжали из Реховота, у дороги стояла небольшая группа старых женщин с молитвенниками в руках. Они молились за нас, за наше благополучное возвращение".

Пока водители в Негеве воевали на дорогах, положение в стране приняло форму необъявленной войны. Соседние арабские страны не желали предоставить решение палестинских проблем самим палестинцам. Они открыто заявили, что не принимают решения ООН, и начали вмешиваться во внутренние дела страны, даже не дожидаясь ухода англичан. Часть трансирданского арабского легиона уже находилась в Палестине; англичане использовали ее для вспомогательной караульной службы во время второй мировой войны, и некоторые подразделения остались.

В декабре 1947 года шесть арабских государств, входящих в состав арабской лиги, приступили к формированию "Армии спасения". 20-го января первый батальон этой армии вошел в Палестину, вскоре за ним последовали и другие батальоны. Штаб расположился вблизи Наблуса, в центре страны, в каких-нибудь двадцати милях от британского штаба. Кроме этой организованной армии формировались различные нерегулярные отряды. Группы "Национального Комитета" и "Арабского Фронта" под руководством бывшего иерусалимского муфтия появились по всей стране. "Мусульманские братья" из Египта вступили в Негев. Несомненно, англичане могли предотвратить этот вызов их собственному суверенитету и суверенитету Объединенных Наций, если бы они этого хотели. Так как увеличение численности арабских войск не встречало никаких преград, арабы получили все необходимое для расширения своих действий против евреев. Они продолжали нападать на еврейский транспорт. Они изводили отдаленные поселения. Несмотря на бдительность Пальмаха, им время от времени удавалось взрывать водопроводные трубы.

Иногда англичане все же вмешивались, но не предпринимали никаких мер для того, чтобы выслать ворвавшихся арабских добровольцев из страны. В то же время они продолжали искать оружие в еврейских поселениях и еврейских автоколоннах.

Наконец, Пальмах отказался от своей политики сдержанности и начал проводить ответные акции. В некоторых районах страны происходили стычки с интервентами, в Негеве же, где основной проблемой являлся транспорт, пальмахники наказывали деревни, нападавшие на колонны, ночными налетами или нападали на арабский транспорт на том же самом месте, где была обстреляна еврейская колонна. Несколько членов Яд-Мордехая были призваны в Пальмах, чтобы сопровождать колонны или участвовать в налетах.

Несмотря на это, арабам все-таки удавалось перекрывать дороги к Негеву, иногда даже на две недели. В такие периоды Яд-Мордехай был отрезан от Тель-Авива и Реховота. Связь с внешним миром поддерживалась лишь посредством небольшого радиопередатчика, полученного у Хаганы и нелегально обслуживаемого Шамаем.

Эта изоляция вызвала не только материальные затруднения. В кибуце было несколько беременных женщин, и двум из них осталось всего несколько недель до родов. После одного тяжелого случая в тесной амбулатории кибуца, доктор Геллер настоял, чтобы обеих женщин отправили в больницу. Вопрос, однако, состоял в том, довезут ли их вовремя и можно ли их подвергать опасностям и страху дороги. Одной из этих женщин была Това, жена Шамаю. Со всей энергией, свойственной ему, он взял это дело в свои руки. Он был случайно знаком с британским майором, служившим в окрестностях, и решил обратиться к нему за помощью. Однажды он дождался на дороге британского патруля, рассказал свою историю офицеру и попросил передать это майору Брауну. Через несколько часов майор явился в кибуц на танке. "Конечно, я отвезу твою жену в Реховот, - сказал он Шамаю. - Не беспокойся, она будет доставлена в полной безопасности. Я буду смотреть за ней, как за собственной женой". Когда Шамай привел Тову к танку, с ними пришла и вторая беременная женщина. "У тебя две жены?" - пошутил майор Браун, однако великодушно разрешил и второй женщине забраться в танк. Шамай поддерживал связь со своей женой через радиста из Реховота. "Мы, связисты, были как одна семья, - объяснял он. - Когда кто-нибудь выстукивал наш частный код - 6666, каждый радист прислушивался. И когда мой сын родился, я получил поздравления отовсюду - от людей, которых знал лишь по связи в эфире или от тех, с которыми встречался в школе радистов".

Наконец, Шамай получил инструкции построить в пределах кибуца небольшую площадку для самолетов. Теперь время от времени маленький спортивный самолет "Пайпер Каб" спускался на эту площадку с почтой, газетами и запасными частями для машин. Другие беременные женщины уже были отправлены в больницу самолетом; на том же самолете прилетал офицер из Пальмаха для консультаций. Но площадка таила в себе большую опасность; она была очень короткой, и самолету, чтобы набрать высоту, приходилось

пролетать над близлежащими арабскими деревнями Дир-Санид и Брир, откуда он мог быть обстрелян.

"Партизаны" терроризировали кибуц непрерывной стрельбой. Временами поблизости раздавались, казалось бы, бесцельные выстрелы, но чаще всего стрельба велась по кибуцу. Очень часто люди оказывались на волосок от смерти. "Я сидел на кровати и читал. Вдруг раздался выстрел, и пуля, пролетев над моей головой, вошла в стену". Постоянной опасности подвергались дети, подвижность которых пришлось ограничить. Только за холмами они могли играть в безопасности.

Чтобы еще больше накалить обстановку и ухудшить положение кибуцников, арабы все время выводили из строя линию электропередачи. Вначале эти аварии быстро устранялись, но после того, как был убит монтер, компания отказалась производить починку. Двигатель старенького генератора, который служил для выкачивания воды из колодца, вышел из строя; он не выдержал большой нагрузки, которая требовалась для подачи света. "Пайпер" привозил части для его починки; он ломался опять. Было решено использовать мотор трактора. Специальная тракторная комиссия была создана, чтобы определять, когда трактор должен работать в поле, когда качать воду из колодца, давать свет или обеспечивать энергией радиоустановку, чтобы слушать ночные передачи. Яков, работавший в огороде по ночам, когда бывала вода, слушал одиннадцатичасовую радиопередачу, составлял маленький бюллетень новостей и прикреплял его к доске объявлений в столовой, прежде чем идти утром спать.

Несмотря на все эти затруднения, жизнь в кибуце текла по обычному руслу, насколько это было возможно. Люди обрабатывали поля, трудились в садах, на плантациях, но всегда с оружием в руках. Они возвращались домой, чтобы умыться и переодеться, как обычно. После работы, как прежде, родители встречали своих детей и, скрывая беспокойство, гуляли и играли с ними. По вечерам, как обычно, проводились занятия по литературе и языкам. Когда, однако, наступало время праздников, на сердце становилось тяжело. Приближался Пурим, праздник Эсфири, - самый веселый праздник в году, - с его песнями и играми, шутками и смехом, с едкими сатирическими сценками из жизни кибуца. Однако в этом году многие считали неуместным праздновать Пурим.

"Разве можем мы танцевать и петь, когда Бецалела привезли мертвым? Разве можем мы праздновать, когда Иерусалим отрезан от всей страны, а мы находимся в такой опасности? - спрашивали некоторые. - Кто с легким сердцем сможет соревноваться в поедании блинов?"

Те, которые считали, что все же надо праздновать Пурим, говорили в ответ: "Кто знает, какая судьба ждет наших детей? Кто знает, будет ли у них когда-нибудь возможность праздновать вместе с родителями? Что бы их ни ожидало в будущем, по крайней мере у них останутся приятные воспоминания". В конце концов, праздник состоялся; конечно, никто не соревновался в поедании картофельных блинов, никто не играл в глупые игры. В этот день арабы не стреляли и, невзирая на общее состояние беспокойства, сердца людей были согреты весельем праздника.

В апреле, когда наступила Пасха, кибуц уже более месяца был отрезан от внешнего мира. Все знали, что автоколонна отправилась из Реховота, но по дороге была вынуждена разгрузиться в другом кибуце и вернуться обратно, так как не хватило охраны. Не было ни мацы, ни вина, ни горьких кореньев, полагающихся для седера. Как проводить пасхальную службу без всего этого?

За несколько часов до седера Шамай по радиотелеграфу связался с Гершоном, который находился в штабе Пальмаха в Нир-Аме. Этот двадцатидвухлетний воин, командовавший "километровым отрядом", недавно был назначен командиром района. Гершон сообщил, что колонна, наконец, прибыла в Нир-Ам, и они постараются доставить грузовики Яд-Мордехая домой. В его распоряжении были три "бабочки" (Бронированные машины-местного производства, с "крыльями" на крыше.).

Так назывались импровизированные броневые машины - небольшие грузовики, целиком обшитые стальными листами, с отверстием наверху. Они собирались стартовать немедленно и сопровождать грузовики.

Самым опасным местом была арабская деревня Бреир.

В этой деревне расположилась банда, состоявшая из "Мусульманских братьев", немецких и югославских нацистов и несколько британских дезертиров; она препятствовала движению еврейского транспорта в этой части Негева. Дорога проходила между высокими кактусами по самой середине деревни, и ни одна колонна не могла проехать по ней без происшествий. Несмотря на это, Гершон решил рискнуть - другой дороги через песчаные поля не было.

Как только эта небольшая колонна вступила в деревню, ее встретил огонь с обеих сторон дороги. Первая "бабочка" была подбита. Мотке, водитель грузовика, шедшего за "бабочкой", увидел, как она прыгнула вверх и снова упала. Согласно правилам грузовики должны были двигаться дальше, что бы ни случилось с охраняющими их машинами Пальмаха. Люди в грузовиках были вооружены пистолетами, но не могли воспользоваться ими, так как

единственным отверстием в бронированной кабине была узкая щель перед глазами водителя. Когда Мотке, не останавливаясь, промчался дальше, а за ним - и второй грузовик, он услышал, что сзади завязался бой; "бабочки", отвечая на огонь, начали отстреливаться. Пули то и дело стучали по бокам и крыше кабины. Как только ему удалось вырваться из деревни, он увидел две машины, идущие ему навстречу. "Это засада!" - закричал он своим, думая, что арабские грузовики спешат ввязаться в бой. Когда же они приблизились, Мотке увидел, что это британские солдаты. Патрулирующий британский взвод остановился, чтобы посмотреть на происходящее, однако не вмешивался, хотя было очевидно, что первыми огонь открыли арабы.

Между тем, "бабочки", идущие сзади, оказались в затруднительном положении. Пока грузовики мчались дальше сквозь огонь, они отстали, чтобы обстрелять арабские позиции. Одна машина получила прямое попадание в мотор. Водитель оставшейся машины толкал другую впереди себя. Когда они таким образом добрались до первой подбитой машины, им удалось ее сдвинуть. Они ее толкали перед собой, стараясь скорее оказаться под защитой вади. Как только они добрались до вади, пуля попала в заднее колесо единственной действующей машины. Водитель выбрался из броневика, и его ранили в ногу. Несмотря на это, он все же сменил покрышку и продолжал толкать остальные две машины по направлению к кибуцу.

Когда грузовики наконец прибыли, все люди Яд-Мордехая стояли у ворот. Ведь только что, затаив дыхание, они следили за боем с вершины холма, не в силах чем-либо помочь.

Водители спрыгнули с грузовиков, а с ними - диспетчер и казначей, который зачастую имел дела в городе. Никто уже не ждал их к празднику. Жены и дети бросились им навстречу. Сквозь возбужденный галдеж, сквозь крики приветствий вдруг раздался голос Леи: "А мацу вы привезли? А хрен не забыли?"

"Мы привезли все, что надо, - ответил Мотке, ликуя. - И еще кое-что более важное. Взгляните сюда, под ящики. Мы привезли семь чешских винтовок!"

"Чешские винтовки!" - воскликнули люди. Они не знали раньше, что из всех стран, поддерживающих разделение Палестины и создание еврейского государства, только Чехословакия проявила готовность поддержать их также оружием. Даже Соединенные Штаты, влияние которых было так важно в решении вопроса о разделении, отказались продавать новому государству оружие для самозащиты.

На седере присутствовали все, за исключением тех мужчин и женщин, которые несли караульную службу. "Километровый отряд" был здесь, и Гершон с бойцами охраны. Две группы молодых людей праздновали свою первую пасху на Родине; в одной группе были подростки от четырнадцати до семнадцати лет, в другой - от восемнадцати до двадцати-двадцати пяти. У большинства из них на руке синел номер: их освободили из концентрационных лагерей. В Яд-Мордехе они изучали иврит и обучались земледелию.

Внешне все выглядело как обычно. Столы были украшены, и пасхальная пища - обильная, как никогда; цыплят не могли увозить на базар, так что их было предостаточно для праздничного стола. Но в воздухе витала тревога. Пока дети задавали четыре пасхальных вопроса, как это полагается по традиции, многие взрослые думали: "Эта ночь отличается от всех остальных ночей, потому что я сижу здесь на седере с винтовкой между коленями". И когда люди запели "Верни изгнанных, верни в Цион", стало тяжело на сердце от предчувствия грядущих событий. Они праздновали освобождение своих праотцев из египетского рабства. Как будут они справлять свой следующий седер? Не будут ли они опять чужаками в чужой стране? Когда они запели "Хатикву", по кибуцу был открыт огонь. "Плохое предзнаменование", - подумали многие. Пение прекратилось, однако Залман, "командующий" седером, жестом приказал продолжить песню. Те, кто были назначены для усиления охраны в случае надобности, тихо покинули столовую, остальные крепче сжали винтовки, и седер продолжался дальше.

Всего лишь двадцать два кибуца было разбросано по северному Негеву; в этой части страны евреев было ничтожное меньшинство.

Члены "Мусульманского братства" переходили египетскую границу во все возрастающем количестве, и было ясно, что как только англичане покинут страну, начнется война. После того, как арабские вожди отказались признать решение Объединенных Наций, уже не было никакой разницы в том, находится ли еврейское поселение в арабском или еврейском государстве. Каждое из них было в опасности. И при создавшемся положении уже не имело смысла их эвакуировать. Враждебность арабов распространилась так широко, что неизвестно было, где будет фронт, а где тыл. Хагана, которая была вооружена гораздо хуже, чем предполагали арабы, надеялась, что каждый еврей будет воевать. Поселения должны были стать центрами сопротивления и держаться до тех пор, пока разделение будет осуществлено и границы - установлены. Только тогда, возможно, удастся наладить нормальные взаимоотношения с арабскими соседями. Хагана обязалась оказывать помощь поселениям в их подготовке к обороне.

В Яд-Мордехе эти приготовления проводились под руководством Комитета

обороны кибуца. Этот Комитет по важности превосходил все остальные комитеты поселения. Он состоял из пяти членов - Алекса Бибера, в обязанности которого входило держать связь с Хаганой по вопросу обороны; Тувии Рейха, ответственного за физическую подготовку и обучение; Залмана, секретаря кибуца; Рубена, ведавшего снабжением, и одной женщины, которая всегда была членом Комитета по образованию. Она стала членом Комитета обороны "случайно", как она мне сказала. В начале каждого года специальная комиссия интересовалась желаниями членов кибуца, прежде чем производить распределение труда. "Комитет по образованию проводит слишком много собраний, - пожаловалась Дина комиссии. - Я устала, - дайте мне в этом году легкую работу". Ее назначили в Комитет обороны и вменили в обязанность назначать членов кибуца на ночное дежурство по охране поселения. В ее обязанности входило также оказание первой помощи.

Руководителями Комитета обороны стали Алекс Бибер, командир Хаганы в Яд-Мордехе, и Тувия Рейх, капитан Пальмаха, местом военной службы которого был кибуц. Они были назначены Хаганой с одобрения кибуца лишь после того, как их кандидатуры были тщательно обсуждены, - как в смысле личности, так и в смысле военной подготовки. Алекс, чьи заслуги в добывании оружия и чертежей для его нелегального изготовления опять упомянулись, был человеком среднего роста, со смуглым умным лицом. "Он всегда говорит то, что думает", - сказал мне один из членов кибуца и добавил: "Это очень важно для командира". Тувия был невысоким человеком, однако, благодаря могучему торсу, крепкой шее и сильным рукам, казался выше своего роста. У него были близко посаженные голубые глаза, резко выступающие скулы и острый подбородок. Его лицо всегда казалось загоревшим от солнца.

Эти двое мужчин, такие разные по физическому развитию, темпераментом тоже сильно отличались друг от друга. Тувия был словно боевой петух, - горячий, возбужденный; страсть и энергия в нем так и кипели. Командир он был очень строгий, умело использовал людей, оружие, любое оборудование для выполнения возложенной на него задачи. Алекс, не такая цельная натура, - более сочувственно относился к чаяниям и надеждам людей. Его реакции были медленнее. Не менее отважный, чем Тувия, он думал дважды, прежде чем принимал решение. Этим столь различным человеческим качествам суждено было переплестись значительным образом в предстоящей битве.

Подготовительные работы по усилению обороны Яд-Мордехая включили в себя укрепление ограды, подготовку подходящих наблюдательных постов, огневых точек и траншей. Площадь кибуца, выросшая теперь до сотни акров, уже была окружена густой проволочной оградой, укрепленной в стратегических пунктах колючей проволокой. Восемь наблюдательных пунктов были углублены, расширены и покрыты железными листами, укрепленными на

специальных стойках. Хагана прислала землеройную машину. "Они перекапывают мои газоны! Они врезались в мои розовые кусты!" - причитала Фаня, как только машина начала свою работу. И, хотя она выдвигала веские аргументы в защиту насаждений, военные нужды теперь были важнее, и ее причитания ни на кого не подействовали.

Но расстраивалась не только Фаня. Беня к тому времени разработал план разведения новой банановой плантации. Комитет обороны пришел к выводу, что она может быть использована как прикрытие при ведении огня по кибуцу. Беня доказывал, что банановые деревья слишком малы, чтобы служить прикрытием; он настаивал на том, что постоянное развитие кибуца и теперь является важным моральным фактором. Как обычно, этот спорный вопрос был поставлен перед собранием. К недовольству Комитета обороны Беня нашел здесь много сторонников. Банановая плантация стала как бы символом мира, более устойчивого образа жизни и надежды на будущее, и члены кибуца упорно цеплялись за это. Вопрос о вырубке банановых насаждений так и не был решен на собрании, и Алексу предложили изложить суть этого спора Хагане. Судьба банановой плантации была решена. Фрукты и цветы должны были отойти на второй план; на первом месте стояла проблема безопасности.

Фаня потеряла почти все, что создала, когда приступили к сооружению четырех подземных убежищ. Шесть футов в ширину, девять - в длину и почти восемь - в глубину, - такими были убежища. Экскаватор покрыл весь ландшафт этими огромными ямами, а мужчины смастерили деревянные рамы для стен и крыши и покрыли их листами железа, взятыми из слесарной мастерской. Слой земли, толщиной в два фута, насыпали на крышу каждого укрытия; мешки, наполненные песком, уложили сверху. И не было в кибуце человека, который не включился бы в эту работу. Даже дети помогали. Для командного пункта построили укрытие меньших размеров. В нем помещалась аппаратура для радиосвязи и примитивный телефонный коммутатор, связанный с каждым постом в пределах кибуца.

Гордостью системы обороны был дот - долговременная огневая точка, расположенная южнее кибуца, в 270 ярдах от ограждения. Он был построен на небольшом холме, так что из него хорошо просматривались главное шоссе и короткая боковая дорога, ведущая в кибуц. Большая часть укрепления находилась под землей. На поверхность выходила только бетонная крыша и часть стены с огневыми щелями, через которые защитники могли вести наблюдение или стрельбу по всем направлениям. Здесь стояло несколько коек, хранился запас пищи. Начиная с середины апреля, укрепление было занято каждую ночь двумя-тремя мужчинами специальной группы, состоящей из восьми человек.

В кибуце к тому времени насчитывалось около шестидесяти мужчин (никто не помнит точной цифры). Из тридцати семи молодых беженцев мальчики и юноши составляли около двух третей. К этому, конечно, можно добавить "километровый отряд" из тридцати человек. Вот и вся основная сила, которая должна была защищать Яд-Мордехай от арабских атак: немногим больше ста мужчин и ребят.

Члены кибуца имели кое-какую военную подготовку. Все без исключения, мужчины и женщины, были обучены обращению с оружием еще в Натании. Пятнадцать мужчин прошли дополнительную подготовку на нелегальных курсах Хаганы. Девять человек служили в британской армии. Кроме того, в кибуце было несколько человек из новоприбывших, которые обучались или воевали в той или иной армии на полях второй мировой войны - в польской, в русской или в польской эмигрантской армии генерала Андерса. Некоторые воевали в партизанах. Из всех этих людей, столь разных по своему опыту и знаниям, Тувия начал формировать военную организацию. Были назначены командиры постов, и среди них одна женщина-Мирьям. Она прошла усиленную подготовку в Хагане и считалась таким же хорошим солдатом, как и любой мужчина. Тувия дал ей задание проинструктировать новых иммигрантов, студентов-подростков и нескольких женщин из кибуца в обращении с оружием. Каждому разрешалось произвести пять выстрелов.

Севек, ветеран Хаганы, сформировал группу с громким названием "Охотники за танками". Членами этой группы были четырнадцати-шестнадцатилетние мальчики-беженцы. Они научились изготавливать и пользоваться бутылками с горючей смесью, - "бутылками Молотова". А так как материалов не хватало, им разрешалось кинуть только по одной такой бутылке, в остальное же время они тренировались при помощи камней или яиц, которых все больше накапливалось в кладовых.

"Километровый отряд" занимался укладкой пехотных мин перед постами. Опасаясь, чтобы кочующие арабские пастухи с их стадами не набрели на эти мины, пальмахники ограждали заминированные участки проволочными заборчиками с предупреждающими надписями.

Дина следила за расстановкой постов ночной охраны. Женщины чередовались с мужчинами, однако было понятно, что в случае настоящей опасности женщины останутся в убежищах.

Самой основной проблемой было оружие. Еще со времен Натании поселенцы имели запрятанное нелегальное оружие. Некоторые винтовки были куплены у британских солдат, некоторые - украдены из военных лагерей, некоторые были

выданы кибуцу Хаганой. Кибуц находился в постоянных поисках новых источников вооружения. Довик, высокий, красивый парень, любивший пошутить и посмеяться, часто навещался в расположенный по соседству британский лагерь, где стояли части Вспомогательной Службы. Там было много красивых еврейских девушек, служивших секретарями, связистками или шоферами. Довик стал там постоянным гостем, он назначал свидание то одной девушке, то другой. Кроме воспоминаний о приятном вечере он обычно приносил с собой револьвер, несколько ручных гранат или мешок с патронами, которые доставлялись ему услужливыми девушками в знак признательности.

Рубен, который был тогда мухтаром, открыл другой источник. Один из сыновей арабского семейства, жившего на окраине кибуца, изъявил желание купить оружие в Газе. Немало деликатных переговоров потребовалось, чтобы включить его в эту опасную работу. Возможно, он не согласился бы на это, если бы это не было связано с деньгами, но, с другой стороны, он никогда бы не пошел на такой риск, если бы у него не было искренних дружеских чувств к кибуцу и мухтару. Они встречались в саду, где тайно передавалась корзина, до половины наполненная патронами, а доверху - овощами. Несмотря на все предосторожности, о сделке стало каким-то образом известно. Молодого араба поймали и жестоко избили члены одной банды. Несмотря на это, он продолжал приносить оружие мухтару, и когда они случайно встретились после войны, он выразил свои чувства к Рубену крепкими поцелуями в обе щеки.

Натек, который вместе с Довиком был ответственным за "слик", дал мне подробный список вооружения кибуца; список этот взят из архивов, которые хранились все эти годы. Вот он:

12 итальянских винтовок, данных англичанами для целей защиты.

Это было "легальное" оружие.

25 нелегальных винтовок из пяти стран. Боеприпасы для немецких и польских маузеров взаимозаменяемы; английские патроны подходят для английских и канадских винтовок. 3000 патронов для винтовок.

1 британский "томмиган" (автомат).

2 британских автомата "стэн" с 150 патронами для каждого.

1 немецкий "шмайсер" (автомат). 1 немецкий "шпандау" (ручной пулемет,

выстреливающий за минуту в три раза больше пуль, чем "стэн"); очень мало боеприпасов. 1 американский "браунинг"; 10000 патронов.

1 противотанковое орудие "пиат" с тремя снарядами.

2 двухдюймовых миномета с 50 снарядами.

400 ручных гранат.

Отряды Пальмаха имели свои винтовки и два пулемета "брен", а кроме того - пехотные мины и сто фунтов взрывчатки.

"По правде говоря, никто не знал, что у нас есть "шмайсер", - ухмыльнулся Натек. - Было время, когда Пальмах потребовал, чтобы каждый кибуц отдал часть своего оружия для общей обороны, и я послал нашу долю с Салеком Бельским. Отдал я и "шмайсер", так как у нас были еще и автоматы "стэн". Однако на тренировках Салек привык к "шмайсеру" и не захотел с ним расстаться. Он спрятал автомат в грузовике и вернулся вместе с ним. Так был совершен двойной "слик" для "шмайсера".

Часть боеприпасов также была "вдвойне" нелегальной. Несколько лет Яд-Мордехай являлся временным хранилищем оружия и боеприпасов, которые тайком переправлялись Хаганой через границу из Египта. Натек отвечал за их сохранность; он закапывал их до того времени, когда они понадобятся. "Я не должен был бы вам этого говорить, - признался он, - но каждый раз я вынимал несколько патронов из каждого ящика. Хагана выдавала боеприпасы согласно своим возможностям, конечно, и если бы мы сами не позаботились о кибуце, нам бы не хватило боеприпасов. Когда бой начался, у нас их все равно не хватило, но я знал, по крайней мере, что добавил тысячу патронов к нашему запасу".

Каждое утро жители Яд-Мордехая толпились у импровизированной газеты, прикрепленной к доске объявлений в столовой, чтобы узнать, что происходит по всей стране. Весь март новости были неутешительными. Многие еврейские поселения были отрезаны и осаждены. Дорога на Иерусалим была закрыта, и городу угрожал голод. В апреле англичане начали эвакуацию своих войск. Уходя, они оставляли за собой только пустые военные плацдармы. И арабы, и евреи бросились занимать их. Происходили столкновения при захвате покинутых британских лагерей, полицейских фортов Теггарта (Форты Теггарта, названные так по имени британского эксперта, предложившего их и наблюдавшего за их постройкой, были полицейскими укреплениями, предназначенными для оказания помощи англичанам при подавлении

арабского восстания 1936-39 годов. К моменту, когда англичане покинули страну, их насчитывалось 63; большинство из них были отданы арабам.) и других стратегических пунктов.

В некоторых местах англичане сами передавали стратегические укрепленные пункты наиболее ярим врагам евреев - трансиорданским легионерам - на основании ходившей тогда версии, что они являются частями британской армии, так как во второй мировой войне были ее союзниками. Зачастую этим занимались местные английские офицеры, которые решали такие вопросы по своему усмотрению.

Люди Яд-Мордехая были глубоко озабочены судьбой своих друзей в кибуце Мишмар-га-Эмек, первой колонии Гашомер Гацаир. 4-го апреля кибуц был атакован частями арабской "Армии спасения" под командованием Фаузи эль-Каукджи. Кибуц был обстрелян пушками, снаряды которых частично разрушили поселение и нанесли большие потери. На следующий день, во время краткого перемирия, установленного британцами, Пальмаху удалось эвакуировать женщин и детей. Это было единственное вмешательство англичан в осаду этого кибуца, которая переросла в одно из самых больших сражений этой необъявленной войны. Пальмах прислал подкрепление, и после 9 дней атак и контратак агрессоры были разбиты. Яд-Мордехай ликовал.

В мае, когда британцы ушли с границ страны, начались тяжелые бои в Галилее. Около Рамат Нафтали, небольшого поселения у ливанской границы, полицейский форт был отдан арабам. Отсюда и из близлежащей арабской деревни началась атака поселения ливанскими нерегулярными войсками. Снабжение водой было прервано. Женщин и детей удалось эвакуировать ночью по уходящему вниз крутому оврагу, пролегающему неподалеку от занятого арабами форта. День за днем радио объявляло: "Рамат Нафтали держится стойко". Другие северные поселения подвергались таким же атакам. Ни одно из них не сдалось.

В Сафед, самом большом городе Галилеи, колония из 1500 евреев, живущих среди 12000 арабов, находилась в осадном положении несколько месяцев. И здесь большой форт и два других укрепленных пункта были отданы арабам. Отряды Пальмаха, под руководством Игала Алона, провели дерзкую операцию, в результате которой им удалось освободить колонию и разгромить арабов. Сафед считался неофициальной столицей галилейских арабов, и победа евреев вызвала панику среди них. Все арабское население Сафед бежало, вместе с ними бежали и тысячи арабов из окрестностей.

Соединения Пальмаха и Хаганы перешли в наступление во многих местах.

После неоднократных арабских атак на еврейские кварталы при полном невмешательстве англичан, было предпринято контрнаступление, успешно взяты города Хайфа, Тиберия и Яффа. Еврейская часть Иерусалима, однако, была еще в кольце осады и страдала от острой нехватки воды, так как арабы в нескольких местах взорвали водопроводные трубы.

В первые дни мая Яд-Мордехай тоже занял наступательную позицию. С целью предотвращения дальнейшего проникновения групп организации "Мусульманское братство" и возмездия, Пальмах обратился к поселению с просьбой остановить движение арабского транспорта. Салек Бельский должен был открыть огонь из засады по арабскому автобусу, который ежедневно направлялся на север страны.

Салек был человеком небольшого роста с крепким мускулистым телом, беспокойный и отважный по натуре. Во время "беспокойств" с арабами в 1936-39 годах он пошел добровольцем на самый опасный участок. В Галилее он вступил в "Специальную ночную бригаду", - это были первые еврейские диверсионно-десантные отряды, организованные британским капитаном Ордом Вингейтом для предотвращения арабских налетов на поселения и для охраны иракского нефтепровода. В назначенный день Салек, взяв с собой свое любимое оружие, отправился в виноградники. Это был немецкий "шмайсер", купленный кибуцем у британского солдата, который подобрал его на полях сражения в Африке. Небольшая лощина вела от виноградников к шоссе. Салек сбежал по ней вниз и спрятался за валуном у дороги. По шоссе шел британский транспорт, патрульные машины;

Салек надеялся, что арабский автобус не последует сразу же за ними, так что ему удастся спрятать "шмайсер" и проскользнуть обратно в виноградники, прежде чем его обнаружат и станет известно о нападении.

Как обычно, автобус запаздывал. Салек спокойно ждал, однако мужчины, наблюдавшие сверху, из виноградников, еле сдерживали волнение. "Продолжайте работу, - увещевал их Залман. - Все должно выглядеть, как обычно". Никому не нравилось это нападение на безоружный автобус, однако они приняли это как одну из необходимостей необъявленной войны и сейчас сосредоточили все внимание на своем товарище. Наконец, они увидели приближающийся автобус. Как будто предчувствуя надвигающуюся опасность, водитель прибавил скорость. Салек приподнялся из-за валуна и дал очередь из автомата. К счастью, ни одной другой машины на дороге не было. Он взбежал по лощине, спрятал "шмайсер" и, когда британский патруль явился, спокойно подрезал виноградные лозы. Салек так и не узнал, попал ли он в автобус. Однако в последующих нападениях Яд-Мордехай нанес потери арабскому транспорту. Однажды при взрыве мины было ранено несколько пассажиров и

убиты двое мужчин, одним из которых был руководитель "Арабской молодежной лиги" из Хирбии, члены которой не давали покоя кибуцу. Арабы пытались принять меры предосторожности, помещая свои машины в середине британских колонн, эвакуировавшихся из этой части Негева. Снайперам из Яд-Мордехая приходилось прицеливаться с такой точностью, чтобы подбить арабскую машину и не попасть в рядом идущие британские грузовики, движущиеся на полной скорости.

Временами британский патруль заставлял поселенцев прерывать эти действия, но как только патруль уходил, они возобновлялись. Залман изготовил дерзкий знак, цветом и формой напоминающий британские дорожные знаки. "Томми, Не путайся с Арабским Транспортом, Если Хочешь Вернуться Домой Невредимым!" Это уже было слишком для британского лейтенанта: посторонние пытались воздействовать на его солдат. "Разве вам не известно, что подделка дорожных знаков Его Величества является противозаконной? - раскричался он. - Вас могут арестовать за это!"

"Это был всего лишь добрый совет", - кратко ответил Залман.

Лейтенант, больше озабоченный выводом своей команды из этого района, чем наведением порядка, утешил себя тем, что взял этот знак как сувенир. Этот маленький инцидент доказывал отсутствие какого-либо организованного перехода власти от англичан к только что созданным двум новым государствам. На предложение ООН создать еврейскую и арабскую полицию для сохранения порядка англичане наложили вето. В результате этого во многих районах неделями не было ни гражданского, ни военного контроля. Залман знал, что ему ничего не грозит за издевательство над британским офицером. Кибуц продолжал останавливать движение арабского транспорта и даже установил контрольный пункт. Фактически он представлял военную власть на этом участке дороги.

Стали появляться арабские беженцы; их количество все время росло; они направлялись в Египет из Яффы и окружающих ее деревень. Молчаливо признавая свою неспособность справиться с создавшимся положением, британский комендант района обратился к кибуцу с просьбой пропустить арабов. Залман проверил паспорта и убедился, что ни один из этих беженцев не был переодетым террористом. Он, этот убежденный сторонник равенства, приходил в неистовство и содрогался, когда арабские женщины падали перед ним на колени и целовали ему руки.

День за днем, к великому изумлению кибуца, усиливался поток беженцев с севера. Никто из местных арабов не уходил; поселенцы были поражены этим

массовым исходом. И только позже стало известно об инструкциях, которые передавались арабскому населению по радио из арабских столиц: "Оставьте сейчас свои дома. После нашей победы вы вернетесь и заберете свою землю и еврейское добро".

Пропаганда такого рода была основным фактором в возникновении прискорбной проблемы арабских беженцев. Главный аргумент, побудивший все население бежать, часто вопреки их желанию и невзирая на уговоры еврейских соседей остаться на месте, был военного характера - вывести их из зоны огня. Может быть, руководители боялись, что некоторые арабы примкнут к евреям, как это было во время необъявленной войны, которая предшествовала вторжению.

Все увеличивающийся поток беженцев вызвал большое беспокойство поселенцев. Неизбежно возникал вопрос - как поведут себя наши соседи, наши бывшие друзья, когда англичане уйдут из страны? Вступят ли они в эти кровавые банды, пришедшие извне, не дававшие нам покоя все эти месяцы? Не нападут ли они на нас и не придется ли нам применить оружие, чтобы отогнать арабов, с которыми мы когда-то вместе праздновали?

Страх перед всеобщим восстанием арабов чувствовался и в Пальмахе. Батальон, действовавший в Негеве, начал концентрацию своих сил, призывая людей, распределенных по разным поселениям. Яд-Мордехай расстался со своим "километровым отрядом". Комитет обороны завел по радио утомительную дискуссию по этому поводу, пока, наконец, в кибуц не прилетел на "Пайпер Кабе" офицер, чтобы обсудить этот вопрос. Тувия изложил стратегическое значение Яд-Мордехая. "Мы находимся на главной дороге между Каиром и Тель-Авивом. Мы являемся барьером. Вы видели, как нам удавалось прерывать движение арабского транспорта. Если это место будет захвачено, египетская армия сможет беспрепятственно идти к северу и к центру страны".

Офицер ответил, что кибуцу нечего опасаться столкновения с египетской армией. Было известно, что Египет неодобрительно смотрит на захватнические планы, выдвигаемые другими арабскими странами. "В худшем случае вам придется выстоять против атаки арабских нерегулярных войск, - сказал он комитету. - Пальмах вам больше поможет, если отряды его будут сильны и подвижны, так что мы сможем ударить с тыла". Однако он согласился оставить в кибуце группу из четырнадцати человек.

В эти последние тревожные дни перед 15-м мая, когда истекал срок Мандата, были прекращены все хозяйственные работы, за исключением необходимого

ухода за скотом и птицей. Все, даже мальчики и девочки, работали на каком-нибудь участке по укреплению кибуца. В подземных убежищах был приготовлен большой запас еды - мясные консервы, фруктовые консервы, джемы с собственной фабрики; масло, сметана, кислое молоко (лебен) с молочной фермы. Были закопаны бидоны с керосином. По всему участку были вырыты ямы, чтобы укрыть все, что только возможно. Возле каждого поста поставили бочки с водой. Плавательный бассейн, построенный с такой надеждой и любовью, был соединен с колодцем. Поселенцы не знали устоит ли водонапорная башня перед атаками.

Война пришла к порогу 12-го мая, ночью, когда отряд Гершона напал на деревню Брир, расположенную рядом с Яд-Мордехаем. Целью атаки было открыть внутреннюю дорогу, соединявшую южные поселения с Негбой и северными пунктами. Большая часть главной дороги, идущей вдоль побережья, находилась на территории, отданной арабам, а новому еврейскому государству очень важно было контролировать путь, ведущий в глубину страны. Брир был единственной помехой на этой дороге. Не один раз жители Яд-Мордехая собирались на холмах и с волнением следили за броневиками Пальмаха и людьми в бронированных грузовиках, вынужденными вступить в бой, чтобы проехать мимо этой деревни. А после битвы в пасхальный вечер дорога была полностью перерезана глубокими траншеями, вырытыми поперек по всей ее ширине.

Четверо мужчин из Яд-Мордехая принимали участие в этой операции - весь орудейный расчет, обслуживающий "браунинг". Тувия был просто счастлив, что к его "тяжелой" артиллерии добавилось это орудие. Оно не так давно было захвачено Пальмахом у арабов и отдано Яд-Мордехаю с условием, что при надобности оно может быть мобилизовано для любых местных операций Пальмаха. Никто в Яд-Мордехае не имел опыта с "браунингом". Тувия подобрал еще трех мужчин, знакомых с другими орудиями - Шимона, Беню и Наума. Все вместе они научились обращению с этим оружием.

Атака началась в полночь. Как только раздались первые выстрелы, жители деревни побежали к песчаным дюнам - как и многие арабские фермеры, они не желали воевать. Нерегулярные войска обычно дрались очень упорно; они были хорошо обучены европейскими нацистами, примкнувшими к ним. В этот же раз, однако, людей было мало, руководство - слабое. Еще до наступления утра они тоже убежали.

Жители так и не вернулись в деревню. Возможно, они боялись репрессий со стороны евреев, или перспектива жить в еврейском государстве была для них таким же несчастьем, как для жителей Яд-Мордехая жить за пределами его. Как бы то ни было, они присоединились к этим тысячам введенных в заблуждение

беженцев, которым суждено было стать безвольными пешками в борьбе между арабскими государствами и новым государством Израиль.

После этого сражения стало тихо вокруг Яд-Мордехая. Дорога, гудевшая, когда англичане уходили на север, а арабские беженцы - на юг, теперь была неестественно пустой. Арабская семья, четыре года прожившая на окраине кибуца, тоже исчезла. Под горячим солнцем вся местность выглядела сонной, мирной и беспечной. Людям Яд-Мордехая, лихорадочно готовящимся к защите своего очага, эта тишина казалась зловещей. Что произойдет, когда она будет нарушена?

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Маргарет Ларкин, ШЕСТЬ ДНЕЙ ЯД -
МОРДЕХАЯ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

---

4. НАКАНУНЕ СРАЖЕНИЯ

Ранним утром 14-го мая 1948 года жители Яд-Мордехая собрались в столовой. Свершилось то, чего они с такой надеждой ожидали всю свою жизнь: родилось государство Израиль. На языке иврит, на древнем языке пророков, возрожденном и превращенном в свободный разговорный язык, Давид Бен-Гурион провозгласил право евреев на самостоятельное национальное государство.

"В стране Израиля возник еврейский народ. Здесь сложился его духовный, религиозный и политический облик. Здесь он жил в своем суверенном государстве, здесь создавал ценности национальной и общечеловеческой культуры и завещал миру нетленную Книгу Книг.

... Еврейский народ, как и всякий другой народ, обладает естественным правом быть независимым в своем суверенном государстве.

На этом основании мы, члены Народного Совета, представители еврейского населения Страны Израиля и Сионистского движения, собрались в день окончания британского мандата на Палестину и в силу нашего естественного и исторического права и на основании решения Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций настоящим провозглашаем создание Еврейского Государства в Стране Израиля - Государства Израиль".

Одни плакали, другие целовали друг друга, третьи объясняли своим детям, какое произошло событие. Торжественно спели "Хатикву". Однако радость омрачалась горькой мыслью, месяцами не дававшей им покоя: "Нам не суждено стать частью нашего нового государства". И не раз они мысленно возвращались к судьбе пророка Моисея, который видел Землю Обетованную

только издали и после всех лет скитаний в пустыне так и не смог ступить на нее. . .

В ту же ночь произошло нападение на новорожденное государство. Поселения на трансйорданской и сирийской границах подверглись обстрелу. Все надежды на невмешательство Египта рухнули вместе с бомбами, сброшенными с египетских самолетов на Тель-Авив. Почти до последней минуты некоторые еврейские руководители все еще надеялись и верили, что Египет не присоединится к другим арабским государствам в их нападении на Израиль. Египет входил в арабский Военный Комитет, который вербовал, обучал и вооружал арабскую "Армию спасения". На заседании Арабской Лиги 30-го апреля египтяне отказались принять на себя обязательства по использованию своей армии. Отвечая на вопрос, министр обороны Египта сказал: "Мы никогда не примем участия в официальной войне", - и, зная, что армия не подготовлена для военных действий, добавил:

"Мы еще не сошли с ума. Мы разрешили нашим офицерам и солдатам идти добровольцами в Палестину, мы дадим им оружие, но не более". Несколько днями позже египетское правительство заставило его изменить позицию. Страх политических деятелей перед тем, что Трансиордания, победив в этой войне, проглотит Палестину и превратится в ведущую силу на Ближнем Востоке, оказался сильнее, чем осторожность.

15 мая Израиль подвергся вторжению пяти армий. На севере ливанская армия стояла наготове. Она насчитывала 3000 солдат, включая 2000 бойцов из арабской "Армии спасения". С востока пришли сирийцы - также 3000. Самой боеспособной армией был Трансиорданский Легион, вторгшийся в центральную часть страны и двинувшийся на север, к Иерусалиму. Армией этой из 4500 солдат командовал Глаб-Паша и другие британские офицеры. Они хорошо знали страну - легион находился в Палестине во время второй мировой войны, а некоторые его отряды вообще никогда не покидали ее. Иракская армия, насчитывавшая 3000 человек, присоединились к Трансиорданскому Легиону. На юге Египет перебросил через границу 10.000 человек. (Позже к ним присоединились войска Саудовской Аравии.) Всего военные силы интервентов насчитывали 23500 человек.

Молодое государство, существовавшее всего один день, не имело регулярной армии. К началу войны действовали только полулегальные организации, сформированные вопреки желанию британских властей для отражения отдельных ударов интервентов. Пальмах насчитывал 3000 юношей и девушек. В полевых отрядах Хаганы было 9500 человек. Кроме того, военное обучение прошли 3000 человек из двух разных организаций, не желавших подчиняться дисциплине центральной еврейской власти. Поселения, большинство которых находилось на границах, насчитывали 32500 мужчин и женщин, прошедших основное обучение в Хагане. (Каждое поселение, которое должно было воевать, получило подкрепление из упомянутых выше соединений).

Только 26-го мая была основана национальная армия. Ее организация была связана с огромными трудностями. Не было закона о призыве. Набор новобранцев затруднялся еще тем, что их семьи оставались без средств к существованию и, кроме того, никто не мог быть уверен, что работа сохранится за солдатом до его возвращения из армии. Несмотря на все это, тысячи мужчин - и среди них много новых иммигрантов, только что сошедших с корабля - вступили в новую армию. Они были наспех обучены, они едва умели держать винтовку в руках.

Когда их бросили в бой, им пришлось под огнем учиться копать для себя укрытие. Постоянно нехватало оружия и боеприпасов. "Чтобы отправить батальон бойцов, я должен был воровать ботинки, одеяла и даже продукты", - рассказывал мне генерал Шимон Авидан, один из крупнейших командиров этой войны.

Неоценимая помощь пришла несколько позже. Это были 2500 еврейских добровольцев из разных стран, по большей части хорошо обученных. Они были использованы в только что созданных военно-воздушном и военно-морском флотах.

Вторгнувшиеся армии были вооружены британскими и французскими самолетами, танками, артиллерией и огромным количеством боеприпасов. Израильяне же не имели ни одного танка и всего четыре древние пушки. Их воздушные силы вначале насчитывали всего лишь несколько спортивных самолетов "Пайпер Кабс", из кабины которых второй пилот "бомбардировал" противника связками ручных гранат. Когда война началась, в распоряжении израильской армии было только 10.000 винтовок. Кроме того, они имели 3600

ручных пулеметов системы "стэн", изготовленных по чертежам, украденным Алексом. На вооружении имелось 700 штук ручных и 200 штук тяжелых пулеметов; минометов - всего лишь 700 двухдюймовых и 190 трехдюймовых, и только три из них находились в Негеве.

Большую популярность приобрел миномет "давидка", изобретенный самими израильтянами. Правда, слишком полагаться на него было нельзя, но он производил устрашающий шум. И так как некоторые арабы верили, что это атомное оружие, эффективность "давидок" намного превзошла его разрушительную способность. Однако к началу войны существовало только шестнадцать "давидок". Противотанковые средства страны сводились к 19-ти орудиям "пиат". Было крайне мало боеприпасов - около 50 патронов на каждую винтовку и по 700 патронов на каждый пулемет.

В Яд-Мордехе затишье прервалось внезапно. Утром 16-го мая египетские самолеты бомбардировали соседний кибуц Нир-Ам, где был расположен штаб Пальмаха. Их разделяло всего пять миль. Люди Яд-Мордехая беспокойно следили за тремя самолетами, кружившими над поселением. Они слышали взрывы и видели клубы дыма и пыли в местах этих взрывов.

"Может быть, они нас не будут бомбить, - пытались успокоить друг друга поселенцы. - Им ведь известно, что Пальмах находится в Нир-Аме - вот почему они напали на этот кибуц".

Те, что ушли в поле, были возвращены; люди, назначенные на наблюдательные посты, заняли свои места. Дети, которые в последнее время лишь спали в убежищах, должны были находиться там и днем. Учителя ушли в охрану, и няни пытались проводить уроки. Встречи с родителями были настолько важны для детей, что им разрешали под вечер немного прогуляться с обеспокоенными матерями, однако, как только выстрелы раздавались вблизи кибуца, их тут же уводили обратно в убежища.

Оставалось все еще много работы по защите поселения. Один из членов, служивший в Пальмахе, вернулся с предложением выкопать возле каждого поста специальные окопы для метания ручных гранат, так как сами посты были покрыты стальными крышами и не могли быть использованы для этой цели. Комитет обороны принял предложение и выделил людей для этой работы; они рыли окопы и укрывали их мешками с песком.

Из Тель-Авива в дни затишья привезли новый генератор взамен старого, вышедшего из строя. Его частично закопали в землю и тоже прикрыли мешками с песком.

В рамках защитных мер следовало закончить установку системы электрического освещения за пределами кибуца. Хагана послала все необходимые для этого материалы каждому кибуцу, подвергавшемуся опасности; в Яд-Мордехай, однако, они прибыли с опозданием. Электриком кибуца был Иегуди Розен; он трудился круглые сутки, чтобы во-время установить столбы и приспособить лампы к рефлекторам. "Словно камень с сердца упал,-сказал он жене 18-го мая, ночью, закончив работу. - Теперь, когда я все же это сделал для кибуца, мне остается только надеяться, что ничего не будет разрушено".

Его беспокойство разделяли многие. Рация, которой ведал Шамай, приносила неутешительные новости о продвижении египетской армии. Два еврейских поселения, расположенных в глубине Негева, недалеко от Газы, были обстреляны. Была даже осуществлена нерешительная попытка пехоты атаковать одно из них, - Кфар-Даром, но поселенцы отразили атаку сильным пулеметным огнем. Какова будет судьба Яд-Мордехая?

Некоторые предполагали, что принадлежность к арабскому государству защитит их; возможно, будет предпринято лишь символическое нападение, после которого основная колонна пройдет мимо Яд-Мордехая. Тувия и Алекс были настроены куда менее оптимистично. Они отдавали себе отчет в стратегической важности кибуца. Если - а это казалось весьма вероятным - египтяне намеревались двинуться по главному шоссе к Тель-Авиву, они не могли позволить себе оставить Яд-Мордехай в своем тылу: кибуц угрожал бы их же коммуникациям.

Пальмах разделял эти опасения. Ночью 17-го мая он послал отряд саперов взорвать мост на шоссе вблизи кибуца. Командовал отрядом красивый, светловолосый юноша по имени Дани, только что закончивший курсы минеров. Гидеон как командир долговременной огневой точки отправился с Дани. Люди в доте напряженно наблюдали. Им показалось, что взрывом такой силы можно разрушить полдюжины мостов, но это было не так. Массивные каменные опоры выдержали и, хотя весь мост покрылся трещинами, по нему можно было продолжать движение. Для второй попытки не хватило динамита.

На следующий день рано утром в Яд-Мордехай прибыла санитарная машина Международного Красного Креста, направлявшаяся в Кфар-Даром. Машину сопровождал автомобиль со шведским доктором, возглавлявшим группу, и доктором Арие Харелем (Позже-посол в Советском Союзе.), уполномоченным Хаганы. Шофер и санитары были арабы. Группа намеревалась эвакуировать раненных поселенцев из Кфар-Дарома и нуждалась в проводнике. После небольшого совещания Комитет обороны решил, что должен идти Алекс -

прежде всего, чтобы помочь машине благополучно добраться до места и, во-вторых, чтобы узнать о точном расположении египтян.

"Хотя я и согласился, было немного опрометчиво мне - командиру Яд-Мордехая - отправляться с этой экспедицией, - говорил Алекс неторопливо. - Сегодня я бы сказал, что мы поступили неправильно. Однако так решили, и я пошел".

Алекс хотел увидеть своими глазами, что делается в арабских деревнях. Поэтому он солгал, сказав, что шоссе заминировано арабами, евреями и даже египтянами, и повел экспедицию дорогой, ведущей через Дир-Санид и другие деревни, где уже месяцами не ступала нога ни одного поселенца из Яд-Мордехая.

"В Дир-Саниде я увидел, что все спокойно, - продолжал Алекс. - У арабов были только винтовки и никакого другого специального вооружения. Я заметил нескольких мужчин, которые по-соседски приходили раньше в наш кибуц, но, к счастью, они меня не узнали. На машине развеялся флажок Красного Креста, и это позволяло нам двигаться вперед без осложнений. Мы проехали еще две деревни и выехали на главное шоссе, где нас остановил египетский патруль, состоящий из трех бронемашин. Д-р Харел объяснил, что мы направляемся в Газу за разрешением проехать к Кфар-Дарому. Командир патруля сказал, что он будет сопровождать нас. Д-р Харел предложил мне немедленно одеть один из белых халатов, чтобы я как еврей не оказался в опасности. С того момента мне пришлось изображать шведа, но я не успел побриться и производил впечатление, не слишком подходящее для сотрудника Красного Креста".

Экспедиция прибыла на железнодорожную станцию в Газе, и врачи ушли за паспортами. Алекс осмотрелся. "И, естественно, мне стало дурно от того, что я увидел, - рассказывал он мне. - Куда ни глянешь - минометы, броневики, пулеметы, солдаты, да то и дело появляется мотоциклист из военно-воздушных сил, - видимо, с донесениями верховному командованию. Любой, хоть малость знакомый с военным делом, мог понять, что это - армия, готовящаяся к выступлению".

Не отходя от санитарной машины, Алекс вступил в разговор с египетским майором, говорившим по-английски.

"Куда вы теперь направитесь?" - спросил Алекс.

Майор, для которого эта экспедиция, надо думать, явилась своего рода "встряской" после монотонной казарменной жизни, с готовностью ответил:

"Одна колонна продвигается по дороге к Беер-Шеве и Иерусалиму, а моя бригада пойдет к Тель-Авиву. Завтра мы намереваемся окружить деревню Дир-Санид" (В египетских отчетах битву под Яд-Мордехаем называют битвой под Дир-Санидом. Эта ошибка вошла во многие книги об арабо-израильской войне.).

Алекс понял сразу. Не было никакой необходимости арабским войскам окружать арабскую деревню; майор имел в виду, что египтяне собираются напасть на Яд-Мордехай.

Прошло около двух часов, и Алекс понял, какую глупость он совершил, уехав из кибуца. И, главное, как теперь побыстрее вернуться обратно?.. Д-р Харел и другие, наконец, вернулись с сообщением, что египтяне не выдадут паспорт экспедиции, так как "они захватили Кфар-Даром (Кфар-Даром не был захвачен. На это поселение напали члены Мусульманского Братства под командованием офицера египетской армии; после неудачной атаки они обошли Кфар-Даром, однако оставили его под осадой нерегулярных войск. 7-го июля по приказу Хаганы жители были эвакуированы) и будут обращаться с пленными согласно Женевской Конвенции." Однако штаб обещал запросить Каир о дальнейших распоряжениях. И вдруг, когда они обсуждали, что им делать дальше, солдаты окружили их и затолкали в какое-то помещение.

"Мы не понимали, арестовали нас или нет, - сказал Алекс.

- Это не был арест в буквальном смысле слова, так как мы свободно могли разговаривать друг с другом и ходить по комнате. Однако у дверей стоял часовой, так что свободными считать себя мы тоже не могли".

Алекс настаивал на немедленном возвращении. Хорошо осведомленный о военной бюрократии, он доказывал, что за два часа переговоров египетское командование давно получило бы ответ из Каира. Если их здесь еще держат, значит, их просто заставляют ждать или даже забыли об их существовании. "Я должен вернуться в кибуц, я обязательно должен вернуться в кибуц", - все повторял он. Остальные смотрели на него с удивлением и настойчиво напоминали, что они все-таки арестованы и что они находятся в самом центре военного лагеря. Кто же им позволит уйти, пока вопрос о них еще не решен?

Конвоир отошел на несколько минут от дверей. Алекс, который за годы нелегальной работы убедился, что крепкие нервы и самоуверенность могут выручить человека во многих опасных ситуациях, взял командование на себя. "Это наш шанс, надо идти! - сказал он. - Идите за мной, только не спешите". Они спокойно подошли к санитарной машине, но водителя нигде не было видно.

"Придется оставить ее", - решил Алекс. Они сели во вторую машину, принадлежавшую шведскому доктору, и медленно выехали из лагеря; в этом им помогла сумятица и неразбериха, царившие там. Теперь Алекс велел вести машину по главному шоссе. Врачи пытались протестовать, - ведь сам Алекс им говорил, что дорога заминирована. "Не волнуйтесь, - успокаивал он, - я знаю дорогу достаточно хорошо". Он направлял машину то влево, то вправо, "спасая" их от опасности. Благодаря флажку Красного Креста им удалось, наконец, без помех добраться до Дир-Санида.

Вид деревни за это время совершенно преобразился. Исчезли женщины и дети. Те несколько жителей деревни, что попались им на глаза, были вооружены до зубов. Отряды египетских солдат расположились под тенью густых деревьев, так что из Яд-Мордехая они не были видны. Рядом, на дюнах, были установлены пулеметы и минометы. Заявление египетского майора подтвердилось.

Машина въехала в Яд-Мордехай в шесть часов вечера. Алекс кинулся к ближайшему посту у ворот и скомандовал:

"Немедленно передай Тувии по телефону, чтобы привели в действие план обороны". Он попросил доктора Харела сообщить в Тель-Авиве главному командованию о том, что они видели по дороге и что назревает здесь.

Был послеобеденный час, то время, когда дети прогуливались со своими родителями. Их тут же завернули обратно. Едва дети успели добежать до убежищ, как два английских самолета с отличительными знаками египетских военно-воздушных сил стали кружить низко над кибуцем, стреляя из пулеметов и сбрасывая бомбы. В убежищах слышно было, как пули стучат по укрытию, но воспитательницы спокойно читали детям сказки и пели песни, чтобы отвлечь их внимание от происходящего. Все же один пятилетний малыш вдруг истерично закричал. "Я велела ему тут же замолчать", - рассказывала мне его няня. "Ты еще увидишь, - сказала я ему, - что наши ребята сделают с этими аэропланами".

Люди, укрывшиеся в окопах, пришли в ужас, увидев, что бомба взорвалась во дворе яслей, где всего несколько минут тому назад играли двухлетние малыши. Некоторые не сдержались и начали стрелять по удаляющимся самолетам, хотя пустая трата патронов была строго воспрещена. Когда самолеты скрылись за дюнами, люди бросились тушить огонь, вспыхнувший в нескольких местах рядом с птичником.

Проблема детей все еще не была решена, хотя обсуждалась она уже несколько месяцев. Алекс много раз обращался к Хагане с просьбой об их эвакуации.

Ответ всегда был отрицательным. Основным фактором для этих решений, очевидно, была уверенность в том, что Египет не вступит в войну. Вся подготовка являлась отражением такого мнения. Ожидалось, что Яд-Мордехаю и другим поселениям придется четыре или пять месяцев противостоять беспорядочным атакам арабских нерегулярных войск, вооруженных винтовками и пулеметами. В таком случае женщинам, столь необходимым в экономической жизни кибуца, следовало оставаться на своих местах, а вместе с ними - и их детям. "Ничто не действует на бойца более угнетающе, чем начало эвакуации", - позже писал один из командиров Пальмаха по этому поводу.

Теперь, когда они столкнулись с реальностью, Комитет обороны решил эвакуировать детей, не ожидая разрешения. Шамаю было приказано передать это решение Гершону, местному командиру Пальмаха, который находился в своем штабе в Нир-Аме. Гершон тоже не стал ждать приказа. Он согласился прибыть в Яд-Мордехай на трех броневиках и бронированном автобусе. Он должен был приехать около полуночи.

Комитет по воспитанию провел срочное собрание; надо было решить, кто уедет с детьми. Конечно, няни, но кто еще? Невозможно было отослать всех матерей. Для этого нехватало транспорта и, кроме того, кибуц все еще не хотел отказаться от мысли, что работа в хозяйстве будет продолжаться, и женщины будут ухаживать за скотом, птицей, работать на кухне. Наконец, было решено послать кормящих матерей "и еще нескольких женщин, более чувствительных, чем другие".

Все, за исключением тех, что стояли на посту, помогали при эвакуации. Мужчины грузили кровати и матрасы на грузовики кибуца. Няни укладывали одежду детей. Родители побежали по домам, чтобы захватить любимые игрушки ребят. Никто не знал, чего можно ожидать. Некоторые считали, что дети уезжают навсегда, что они их больше никогда не увидят. Другие все же верили, что опасность минует и дети вернутся через неделю - другую. Одна из женщин рассказала мне, как они с мужем обсуждали эту точку зрения в чудовищной спешке, царившей перед отъездом детей. Яэль Калман, детская воспитательница, уходила вместе с колонной; Моше, ее муж, оставался воевать. Двое их детей уезжали с ней.

"Возьми для детей наши альбомы с фотографиями", - сказал он.

"Зачем? Для чего они им нужны? Только мешать будут", - резко ответила она.

"Возьми", - повторил он.

Она очень хорошо понимала, что скрывается за его упрямством. Они знали друг друга с детства, когда им было по одиннадцати лет; она прекрасно понимала его мысль - она должна была взять с собой альбомы, чтобы фотографии остались у детей как память о нем. Но такая мысль была невыносимой для нее, и она отбросила ее. "У меня будет достаточно забот и без этих альбомов", - резко ответила она; ее беспокойство за него перешло в злость.

Он говорил ей об опасностях, которые ждут его и других. Он все ясно себе представлял, так как знал войну. Она сама послала его в британскую армию, когда, будучи секретарем кибуца, вытщила бумажку с его именем из вазы. "Не так легко будет выйти живым из всего этого, - сказал он ей. - Целая армейская бригада окружает какой-то ничтожный пункт не просто так. Хорошо, что именно ты уезжаешь, раз уж одному из нас суждено погибнуть. Детям нужнее ты. И я уверен, ты будешь знать, как дальше нести это бремя".

Она отвергла эту мысль, но и сейчас помнит каждое слово, произнесенное тогда; а альбомы она все же взяла.

В одиннадцать вечера машины прибыли; их спрятали в эвкалиптовой роще. На этих машинах вернулись четыре человека Яд-Мордехая. Одним из них был Юрек, пчеловод. Он перевез свои ульи в безопасное место, чтобы они не пострадали от действий арабов. Приехал также управляющий консервной фабрикой, Нахман Кац. Остальные двое были новичками в кибуце, Вольф и Веред. Те, кто вышли встречать машины, поразились, увидев Веред: им было известно, что всего лишь несколько дней тому назад она родила ребенка. "Что это вы делаете! - воскликнули они. - Почему Веред не осталась в Реховоте, чтобы отдохнуть и поправиться? Разве вы не знаете, что здесь творится?"

"Как могли мы оставаться в безопасности в Реховоте в то время, когда все вы и даже посторонние защищают наш кибуц? - ответил Вольф. - Какова будет ваша судьба, такова будет и наша".

Детей разбудили. Они были сонными, злыми, полубольными от всех этих дней, проведенных в убежищах, и горький плач стоял кругом. Только малыши вели себя лучше. Все происходящее представлялось им чем-то вроде приключения - родители появились вдруг среди ночи и понесли их во тьму, к машинам. "Машина! Машина!" - радостно повторял маленький сынишка Мирьям, женщины-командира. Он пошел к няне улыбаясь, вспоминает Мирьям, со счастливым видом ребенка, который не может представить себе, что кто-то или что-то ему угрожает. "И мне было намного легче, несмотря на боль в сердце и комок в горле, - рассказывала Мирьям. - Я старалась не думать об опасностях,

угрожающих им в дороге, о минах и снарядах. Я поцеловала сынишку и долгим взглядом посмотрела ему в лицо, чтобы хорошо его запомнить".

Трудно было сказать, кто чувствовал себя несчастнее - матери, которые отдавали своих детей няням, или няни, которые брали на себя страшную ответственность, ответственность за судьбу девяноста двух детей. "Что будет с моим ребенком, если я здесь погибну?" - спросила одна из женщин няню, передавая ей двухлетнего малыша. "Тогда он станет моим ребенком", - просто ответила няня, и мать утешилась; ведь она знала доброе сердце этой женщины, и после нескольких искренних слов ей уже нечего было бояться за судьбу своего ребенка. Другая мать расставалась с ребенком, еле сдерживая рыдания и, увидев стоящего рядом высокого молодого Гершона, сказала ему торжественно:

"Я отдаю вам самое дорогое, что у меня есть". Одна из женщин, наблюдая за тем, как родители спешат в ночь с детьми на руках и пожитками в узелках и коробках, думали об арабских беженцах, заполнявших дороги всего лишь несколько дней назад. "Теперь и мы стали беженцами, - произнесла она про себя и вдруг почувствовала острое, щемящее чувство неверия, которое приходит к людям в такие минуты:

- Нет, со мной не может случиться такое".

Наконец, машины были нагружены. Нафтали, казначей кибуца, которого послали с детьми несмотря на его протесты, в последний раз всех пересчитал. Мужья и жены, обычно люди сдержанные, в третий или четвертый раз заключали друг друга в объятия. Некоторые родители побежали за машинами к воротам, рыдая и посылая прощальные поцелуи детям, которые уже не могли их видеть. Затем каждый вернулся к своей ночной работе. Гершон еще раньше предложил вырубить прекрасную аллею деревьев, посаженных поселенцами вдоль дороги, уложить их поперек дороги и таким образом соорудить надежное ограждение. Бригада мужчин была отправлена на вырубку. Дани с группой из Пальмаха продолжал минировать участок за оградой. Другие углубляли траншеи или укладывали мешки с песком. В оружейном складе Довик, Натик и их жены чистили винтовки и отправляли боеприпасы на посты. Это была трудная задача. Они должны были знать в точности, где находится каждая из 37 винтовок, чтобы снабдить ее соответствующими патронами. В промежутках между делами отцы и матери осаждали штаб, желая узнать что-нибудь о том, где находятся дети. "Шамай, еще нет никакой весточки? Ты узнавал в Гвар-Аме? Может, они отправились в Дорот? Еще нет известий, никаких известий?"

Когда колонна с детьми покидала Яд-Мордехай, Гершон и сам не знал, куда их везти. Повсюду было полно вооруженных людей - египетские патрули, арабские отряды или бойцы Пальмаха, разведывающие окрестности. Приходилось двигаться медленно, без огней, то и дело посылая кого-нибудь вперед. Они не решались выехать на дорогу и с трудом двигались по полям. Каждые десять-пятнадцать минут они останавливались и ждали, пока люди, высланные вперед, искали мины или спрашивали местных жителей, которые могли показать верное направление. Однажды их окружила группа людей с горящими факелами; для женщин те несколько минут были напряженными минутами неизвестности: кто это - враги или друзья? И хотя ими оказались люди Пальмаха, женщины еще более ужаснулись: оказалось, они направляются в сторону вражеской территории. А вот опять по всей колонне пролетело предостережение: "Мины впереди!" и долго пришлось стоять и ждать, пока Гершон с разведчиками не нашли безопасную дорогу. Не было здесь ни вади, ни развесистых деревьев, где можно было бы укрыться; все шесть машин стояли под безжалостным светом полной луны, как на ладони. Прежде, чем двинуться дальше, Гершон обошел все машины. Этот неунывающий красивый парень своим присутствием и самоуверенностью действовал на испуганных женщин ободряюще.

Дети теснились в бронированных машинах; одни клевали носами, сидя на жестких скамейках, другие лежали на полу, сгрудившись вокруг своих нянь. Старшие, понимавшие причину опасного путешествия, бодрствовали и, подражая своим кумирам из "Километрового отряда", старались не выдавать своего напряжения. Младшие забрасывали нянь вопросами. "Мы едем навестить тетю Хану? Мы едем в цирк, да? Почему моя мама не поехала?" Другие злились, когда их будили, чтобы они уступили другим свое место на полу. "Почему я должен сидеть на скамейке? Я хочу спать. Здесь слишком шумно, я не могу спать". Одних плачущих детей няни брали на руки, других старались успокоить печеньем или фруктовым соком. "Но дети так устали и изнервничались, - рассказывала мне одна няня, - что в них просто нельзя было узнать тех хороших, дисциплинированных детей Яд-Мордехая, какими они были прежде".

Труднее всего было стоять и ждать, пока колонна снова двинется в путь. Они чувствовали себя более безопасно в движении. Хагар, которая в семнадцать лет вместе с двадцатью девятью ребятами создавала подготовительный сельскохозяйственный лагерь в Польше, рассказала мне о переживаниях этой ночи.

"Я сидела среди малышей, оставленных на мое попечение, и думала, что теперь я должна быть матерью для этих пятерых детишек, и ответственность эта пугала меня. Я знала, что теперь должна заменить им родителей и, быть может,

на всю жизнь. В то же время, понимая свой долг, я думала о муже и хотела быть рядом с ним. У него было больное сердце, и все-таки он остался сражаться, а я забыла дать ему таблетки перед отъездом. Почему я здесь? - говорила я себе. - Я должна быть рядом с мужем. И мне было ужасно стыдно, что я уехала, а его оставила на произвол судьбы - его ждет или пуля, или сердечный приступ. Я не верила, что он останется жив, и все же я оставила его. Конечно, я знала, что каждый из нас делает то, что ему предназначено делать, и все же у меня возникло дикое желание выскочить из машины и бежать обратно к нему".

Другая женщина рассказала мне, как она волновалась за своих детей, которые ехали в других машинах с другими нянями. Как всякая мать, она мечтала быть рядом с ними в момент опасности. "Слезы выступали у меня на глазах, когда я думала о них, но я сдерживала себя перед детьми, что были в моей машине. "Мне доверили тяжелое и ответственное дело, - говорила я себе. - Мои дети находятся под присмотром нянь, которые несут такую же ответственность, как и я", - и мне стало легче".

Уже светало, когда колонна, наконец, прибыла в кибуц Рухама. Гершону не удалось пригнать ее в более безопасное место, дальше к северу - однако он вывел детей из зоны непосредственной опасности. Рухама расположена к юго-востоку от Яд-Мордехая, в десяти милях от главного шоссе, по которому наступали египетские войска.

Детей Рухамы перевели к родителям, а в их кровати положили измученных детей из Яд-Мордехая. Только они заснули, началась воздушная тревога. Местных детей отправили в убежища, а для прибывших уже не хватало там места. Им пришлось прятаться в траншеях. "Почему вы привезли нас сюда, в это страшное место? - жаловались дети. - Дома было лучше. Мы там могли сидеть в убежищах". Они обвиняли своих нянь за все, - за ужасные часы, проведенные в бронированных машинах, и за то, что они лежат здесь, беспомощные и беззащитные. До сих пор они помнят Рухаму как "кибуц сирен".

Бомбы так и не были сброшены; самолеты, видимо, имели другое задание, но няни никак не решались вывести детей из траншей.

В семь часов утра раздались страшные звуки, к которым Алекс их подготавливал - грохот и раскаты канонады. Атака Яд-Мордехая началась. Женщины сидели с пепельно-серыми лицами, кормили детей, а сердца вздрагивали вместе со взрывами. Они поняли, что самолеты, загнавшие их в траншеи, теперь сбрасывают свой смертоносный груз на их мужей и друзей, которые остались там, позади. Всей душой они желали быть вместе с ними. Дети шумно требовали, чтобы им сказали, отчего такой грохот. С детским

упрямством они добивались ответа. "Арабы где-то стреляют", - отвечали женщины, но старших детей не так-то просто было провести. Они наполняли мешки песком, они видели, как экскаватор стер всю красоту кибуца, они знали, почему им приходится уйти из дому среди ночи. Они понимали, что огонь направлен на их кибуц.

Когда завтрак был закончен, одна из женщин заявила:

"Я больше этого выдержать не могу. Пойду, попробую узнать, что там происходит".

Подобно всем поселениям в этой местности Рухама имела высокую водонапорную башню с лестницей, ведущей на самый верх. Оставив своих подопечных другим женщинам, две няни поднялись наверх. "И тут перед нашими глазами предстала страшная картина, - сказала мне одна из них. - Мы увидели клубы дыма над орудиями и взрывы снарядов в кибуце. И, что было хуже всего - мы увидели пламя. Казалось, весь участок объят огнем. Когда мы спустились с вышки, нам было ясно, что только мы, ушедшие в Рухаму, спаслись. Мы даже представить себе не могли, что в Яд-Мордехеае хоть кто-нибудь остался в живых.

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Маргарет Ларкин, ШЕСТЬ ДНЕЙ ЯД -
МОРДЕХАЯ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

---

5. 19 МАЯ 1948 ГОДА

На расстоянии в 270 ярдов к югу от кибуца был расположен самый укрепленный пункт обороны - долговременная огневая точка. Всю ночь, пока дети тряслись по полям, направляясь в Рухаму, мужчины, находившиеся на посту в доте, рыли траншею на западной стороне. Работа была тяжелая, трудно было справиться с сыпучими песками. Люди по очереди отдыхали на деревянных койках в бункере.

На рассвете погода переменилась. Ветер изменил направление, и налетел горячий хамсин, принесший с собой раскаленный воздух пустыни. Прекрасное весеннее утро вдруг превратилось в жаркое удушливое пекло, которое обычно длится три дня, а то и больше. Мужчины в траншее работали, обливаясь потом. Хотя они и стали выносливыми за годы труда под открытым небом в любую погоду, они все же страдали от этой жары. Никто не может привыкнуть к безжалостному горячему дыханию хамсина.

Примерно в 6 часов утра люди парами стали направляться в столовую. В 6.30 зазвонил полевой телефон, и штаб известил оставшихся, что танки и броневики вошли в Дир-Санид и занимают позиции у железнодорожной линии. Салек Бельский устроился на крыше двухэтажного здания, расположенного на северном холме, и стал следить за их перемещениями.

Один из группы защитников дота, Файвл, не вернулся на свой пост после завтрака. Он был трактористом, и Алекс приказал ему засыпать землей контейнер с горючим, который лишь наполовину успели зарыть днем раньше.

В то время, когда люди в траншее наблюдали за тем, как Файвл гоняет свой трактор взад и вперед, в небе, с юга, появились три точки.

"Самолеты! - крикнул кто-то. - Скорее в дот!"

Через считанные секунды самолеты уже были над Яд-Мордехаем - те же самолеты, что напугали детей в Рухаме. Дюжины маленьких черных бомб посыпались из их брюх, и каждая, коснувшись земли, вспыхивала пламенем.

"Зажигалки!" - раздался чей-то крик среди грохота взрывов. В поселении было много деревянных построек и пожары вспыхивали повсюду. Загорелся хлев. Бомбы падали на него одна за другой, пока он не потонул в пламени. Скот вырвался из стойл и загонов - кони, мулы, стадо овец, коровы, бычки - более сотни голов. Люди из дота смотрели на них, обезумевших, мечущихся по кибуцу, - некоторые были ранены, некоторые охвачены пламенем. Бомба попала в цистерну с топливом для кухонных плит, и огонь охватил столовую. Загорелись стога сена, сложенные во дворе новой молочной фермы. Бомбы упали на птичники; десятки уток и сотни белых леггорновских кур, которым удалось вырваться из пламени, запрудили все поселение.

Единственным человеком, оставшимся на открытом месте был Файвл, который торопливо вел свой трактор к эвкалиптовой роще. Люди в доте вздохнули с облегчением, когда он скрылся между деревьями; он вовремя успел - самолеты снизились над поселением, поливая его из пулеметов. Рев и бляение разносились по кибуцу - самолеты расстреливали мечущийся скот. Наконец, они улетели на юг. За пятнадцать минут они разрушили почти все, что поселенцы строили годами.

Несколько мгновений стояла жуткая тишина. Мужчины смотрели на свои дома, надеясь увидеть хотя бы какой-нибудь признак жизни. Наконец, они заметили несколько человек, бегущих к сараю. "Хотят спасти комбайн", - догадался кто-то. "Все равно ничего хорошего не будет, если самолеты вернуться", - мрачно произнес Залман. Они увидели Файвла, бегущего по пшеничному полю между дотом и поселением. Юрек, пасечник, бежал рядом с ним. Мужчины прибежали, еле переводя дыхание. Лицо Файвла, обычно красное, было белым от страха; он рассказал, что ему пришлось пережить на тракторе в самом разгаре воздушного налета. "Они целились в меня - хотели попасть в трактор", - утверждал он. Ему и в голову не пришло покинуть машину и укрыться где-нибудь. Он спрятал ее в эвкалиптовой роще и только тогда бросился на землю, весь дрожа.

Юрек объяснил, что он послан сюда вместо Нафтали, который уехал с детьми прошлой ночью. Когда все понемногу успокоились, Гидеон, командир дота, стал объяснять Юреку его обязанности. Юрек был приятный, тихий человек, преданный своим пчелам и искусству фотографии. Хотя он, как и любой другой

в кибуце, получил основные инструкции по обращению с оружием, он все же был далек от военного дела. Гидеон приставил его к одной из щелей и вручил заранее подготовленный план пристрелки, в котором были указаны зоны наиболее эффективного огня. Юрек ничего не понял, но, не желая никого огорчать, "сделал вид, что все понимает". Он не оценивал всей серьезности их положения в доте и чувствовал себя неловко от охватившего его напряжения. Чтобы утешить своих друзей, он стал говорить о пчелах. "Нынешний год - исключительный! - восторгался он. - У нас еще никогда не было столько меда!"

Менахем, ветеран кибуца, тоже заменил кого-то из отправленных с детьми. Он был шофером и не раз испытал на себе напряжение и опасность дорожных боев, однако военного опыта у него не было - только самые элементарные приемы, усвоенные в Хагане. Все остальные мужчины были ветеранами войны или прошли хорошую военную школу в Палестине. Залман был ветераном африканской и итальянской кампаний второй мировой войны. Гельман воевал против нацистов в рядах польской армии, был захвачен в плен, бежал, сидел в тюрьме у русских, снова бежал и, наконец, прибыл в Палестину с польской армией генерала Андерса, из которой он дезертировал. Макс и Ишая были среди новых беженцев, принятых в Яд-Мордехай после войны. Обоим было по двадцать пять лет; оба были членами еврейских партизанских групп, действовавших в лесах Польши. Гидеон, командир, прошел усиленное обучение в подпольной Хагане. Файвл был членом Пальмаха.

Минут через пятнадцать после того, как скрылись самолеты, начался артиллерийский обстрел кибуца. Он был страшен по своей интенсивности. Минометы стреляли из-за песчаных дюн, расположенных вблизи Дир-Санида; мужчины видели, как снаряды взрываются в поселении. Через несколько минут была пробита водонапорная башня, и оттуда хлынула вода. Наблюдательный пункт на северном холме был накрыт несколькими прямыми попаданиями; большие пробоины зияли на его втором этаже. Снаряды стали ложиться по всему поселению в методическом порядке; управление огнем велось с разведывательного самолета. Одна за другой по всему периметру были разрушены все огневые точки; крыши провалились, и густые облака коричневой пыли поднялись над окопами, где лежали защитники. Водонапорная башня была пробита еще в нескольких местах. Все больше деревянных построек охватывало пламя. То тут, то там взлетали в воздух белые цыплята - словно конфетти на темном огневом фоне. Мужчины не могли поднять глаза друг на друга, не могли слова выдать. Их глотки пересохли от ужаса и страданий при виде того, как все рушится у них на глазах.

Гидеон попытался по полевому телефону связаться со штабом; ответа не было. Он предполагал, что провода разорваны взрывом снаряда, и все же одновременно и у него, и у всех остальных возникла другая мысль - "Неужели

разбит штаб? Неужели все они погибли?" Единственными живыми существами в поселении был обезумевший скот и белые вспархивающие цыплята. Да еще доносились до них пронзительные крики раненных коров и лошадей.

Опять вернулись те три самолета. На этот раз они летели высоко, сбрасывая свои двухсотфунтовые бомбы. Столбы дыма и песка взметнулись в небо и стали медленно оседать. Казалось, сумерки спустились над поселением, и только дот был залит ярким солнцем. Менахем предложил по очереди отдыхать на койках - "так мы сможем лучше выдержать". Все согласилось с ним, но ни один не лег. Они припали к огненным щелям и не могли оторваться от них, от этого жуткого зрелища, открывшегося взору.

Позиции в Яд-Мордехае

Вдруг появился "беженец" молодой доберман-пинчер, одна из породистых собак, которых в кибуце обучили охранять поля. Она все кружила и кружила вокруг дота, с лаем и визгом, просясь, чтобы ее впустили. Некоторым защитникам стало жаль обезумевшего животного, и они хотели впустить его. Но другие возражали; собака могла взбеситься от страха и всех перекусать. Гидеон решил, что ее надо пристрелить, и приказал Менахему сделать это. Хотя он и подчинился, как подобает хорошему солдату, но винтовка каждый раз сваливалась с его плеча, как только он начинал прицеливаться. Пробовали и другие, но ни один не смог убить собаку. Наконец, сам Гидеон застрелил ее. Даже издыхая, несчастное животное пыталось подобраться поближе к ним и подползло к одному из окон. Пришлось столкнуть труп со склона стволом винтовки. Этот инцидент оказал глубокое воздействие на всех. При виде того, что произошло в кибуце, их сердца окаменели; трагедия была слишком велика и слишком ужасна, чтобы полностью осознать случившееся. Смерть же собаки дала выход их горю и гневу. Все с пониманием отнеслись к Ишае, вдруг разрыдавшемуся вслух.

От деревни Дир-Санид шла песчаная дорога, ведущая к морю. Примерно через час, в течение которого не прекращался артиллерийский обстрел, мужчины увидели броневики,двигающиеся по этой дороге. Они остановились в аллее рожковых деревьев, приблизительно в 700 ярдах от дота. В бинокль Гидеон

увидел, что на машинах установлены небольшие орудия; он также увидел, как их жерла повернулись в сторону дота. "Теперь наш черед!" - крикнул он и приказал всем занять свои места. Макс стоял наготове со своим пулеметом "брен", заряженным обоймой бронебойных патронов. Люди были возбуждены, но чувствовали себя уверенно. Они понимали всю важность своего наблюдательного пункта и верили в его неприступность. Они увидели первый выстрел оружия; снаряд упал в ста ярдах от них. Макс открыл ответный огонь из пулемета, но пули не долетали так далеко. Египтяне уточнили прицел; второй снаряд упал всего лишь в пятидесяти ярдах от дота. Макс опять открыл огонь. "Ха, ха! Ты попал в радиатор!" - закричал Гидеон, торжествуя, и добавил на идиш: "Вот ты и попался! Вот мы и придавили тебя к земле!" В этот момент третий снаряд поразил дот. Он врезался в промежуток между двумя огневыми щелями, у которых стояли Гидеон и Макс, и разорвал нижнюю стенку. Пыль и куски бетона заполнили все помещение. Лицо Гидеона залило кровью, а в другом конце дота раздался крик Файвла: "Я ослеп - я ничего не вижу!"

"В окопы! Взять все боеприпасы", - приказал Гидеон и пополз к выходу. Двое мужчин подняли его и вынесли наружу, а Юрек открыл первый санитарный пакет. Рана была большая, но не глубокая. Обломки бетона разодрали ему лицо. Юрек перевязал рану, и Гидеон пополз через пшеничное поле к поселению.

Файвла не ранило, он просто был в шоковом состоянии, а глаза его засыпало пылью. Вода в неприкрытой бочке была грязной, и нечем было даже промыть ему глаза. Не понимая, в каком он состоянии, друзья уговорили Файвла идти к доктору Геллеру. Веки его опухли настолько, что почти не было видно глаз, но Файвл вышел из укрытия. С гранатой в руке, с винтовкой на спине он пополз через пшеничное поле.

Примерно через полчаса после ухода Файвла с участка, где были посажены помидоры, примерно в тридцати ярдах от окопов, раздался крик. Залман высунул голову.

Между кустами лежал связной; видимо, он не хотел ползти ближе, к неприкрытой траншее. "У вас все в порядке?" - крикнул он.

"Двое раненых. Мы послали их в кибуц".

Стараясь перекричать звуки взрывов, Залман сообщил о повреждении дота. Он просил передать Алексу, что они нуждаются в дополнительном количестве гранат и в бутылках с горючей смесью, которые понадобятся, если египтяне пошлют против них танки. Он попросил также, чтобы прислали кого-нибудь

взамен Гидеона. Несмотря на то, что большинство мужчин в траншее были опытными бойцами, ни один из них не чувствовал себя способным взять на себя ответственность за этот важный огневой пункт.

Связной уполз.

Файвл, между тем, потерял дорогу. Контуженый и почти слепой, он шел по кругу. Острый запах раздавленных растений подсказал ему, что он опять вернулся на участок, где росли помидоры. Вдруг он услышал шум, -кто-то приближался. Египтянин? ...бросить гранату? Но даже в полусознательном состоянии какая-то вспышка трезвого ума остановила его руку - он понял: если египтяне все еще стреляют из орудий, значит, они не начали атаку.

"Кто это?!" - крикнул он не своим голосом.

"Это я, Севек. Иду к доту".

"А здесь - я, Файвл. Я ничего не вижу. Не могу найти дорогу домой".

"Держи прямо и дойдешь до забора, - успокоил его Севек. - Там есть люди, они отведут тебя к доктору".

"Меня ранило в доте. Я ничего не вижу. Покажи мне дорогу".

"Не могу возвращаться, Файвл. Я должен заменить Гидеона. Иди вперед и никуда не сворачивай. И доберешься благополучно, не сомневайся".

Они расстались, при этом Севек машинально добавил:

"Передай привет дома", на что Файвл ответил: "Передай привет ребятам". И они уползли в разные стороны через кусты созревающих помидоров.

Когда Севек прибыл на свой новый пост, он нашел всех шестерых оставшихся защитников дота прижавшимися к стенкам глубокой траншеи, на равном расстоянии друг от друга. Они не были похожи на тех людей, которых он утром видел за завтраком. Их лица и руки были покрыты песком и потом, глаза облеплены пылью, вся одежда в грязи. Они заговорили все сразу, стараясь перекричать гул канонады. Они хотели знать, что делается дома. Севек рассказал о встрече с Файвлом на томатном поле. Он еще ничего не знал о других потерях.

Севек был учителем в Яд-Мордехеае. В первые дни после рождения кибуца,

будучи членом рыболовецкой бригады, он участвовал в опасном путешествии через Суэцкий канал в Красное море, куда они направились в поисках рыбы. Во время войны он служил в Пальмахе в чине командира. Именно поэтому Алекс и Тувия выбрали его для замены раненного Гидеона.

С присущей ему основательностью Севек приступил к изучению обстановки. Прежде всего он ловко забрался в разрушенный дот, в который угодило еще несколько снарядов. Деревянные койки были перевернуты, бочки разбиты, на полу блестели лужи. В воздухе стоял густой запах пороха. Он понимал, однако, что дот еще придется использовать в качестве наблюдательного пункта, так как не было никакой другой возможности следить за продвижением врага с востока. Он решил каждые десять минут посылать сюда кого-нибудь для осмотра местности.

Отсюда, из дота, Севеку открылась панорама всей местности. Слева был виден мост на шоссе, который саперам Пальмаха не удалось взорвать два дня тому назад. Под ним был глубокий вади, пролегавший в 250 ярдах от дота. Вади делал резкий изгиб в сторону песчаной дороги, расположенной вправо от Севека. Здесь через него был переброшен небольшой мостик. Еще правее, перед песчаной дорогой в 170 ярдах, находилась молодая банановая плантация, принадлежавшая Яд-Мордехаю. Севеку видны были войска, перемещавшиеся по этой плантации. Немного южнее плантации, на песчаной дороге, все еще стояли броневики, время от времени открывавшие огонь. Далее он заметил солдат, двигавшихся по вади, примерно полроты, крикнул он. Он уже не сомневался, что египтяне готовятся к пехотной атаке, которая могла быть нацелена на посты 1 и 2, обращенные к песчаной дороге или, что еще более вероятно, - на южный бастион кибуца, на дот. Необходимо было перегруппировать людей в соответствии с создавшейся ситуацией. Чтобы встретить атаку со стороны вади, он должен был остаться около дота вместе с Гельманом, Менахемом и Ишаей. Они были вооружены винтовками, а он - пулеметом "томми". Макс со своим ручным пулеметом, Залман и Юрек с винтовками должны были защищать траншеи от войск, приближавшихся со стороны банановой плантации. А одному человеку надо было следить за продвижением войск с этой стороны.

Кто-то полз к ним через пшеничное поле. Это был один из ребят Пальмаха; он таскал на себе рюкзак со специальными ручными гранатами и бутылками с горючей смесью, которые были присланы по просьбе Залмана. Люди из траншей со страхом следили за ним. Снаряды падали вокруг него; с таким грузом на спине он должен был добраться без единой царапины, - иначе ему было совсем не добраться. Он подползал все ближе и ближе и, наконец, задыхаясь, упал в траншею. Мужчины дали ему несколько глотков драгоценной воды и глоточек вина, а сами раскладывали принесенное оружие на песчаной

насыпи перед траншеей. Он пополз обратно к поселению, а они уселись в траншее в ожидании грядущего.

За те критические часы в поселении произошло много событий. В 7.15, когда самолеты появились над Яд-Мордехаем, столовая была почти полной. Столы были щедро накрыты; было много хлеба, масла, мармелада, сыра, яиц, картофельного салата, кофе. Ничто теперь не шло на продажу, и женщины решили, что плотный завтрак частично заменит отдых, такой необходимый после напряжения этой ночи. При первом же сигнале тревоги люди выскочили из-за столов, и мужчины бросились к своим постам. В кибуце оставалось более пятидесяти женщин; они спрятались в убежищах.

Как только налет кончился, Алекс послал группу мужчин спасти комбайн из горящего сарая. Он руководил штабом, распределением людей и оружия, а Тувия в то время непосредственно занимался позициями и траншеями. Тувия провел последнюю проверку обороны. Он велел мужчинам рассредоточиться по зигзагообразным траншеям, подальше друг от друга, и оставить только одного наблюдателя на каждом посту. Пулемет "шпандау" с расчетом из трех человек и два миномета с расчетами по четыре человека были установлены в траншее за холмом, около водонапорной башни. Они были расположены здесь, поблизости от штаба; в случае надобности их могли перебросить в другое место. В одном из убежищ дежурил доктор Геллер, медсестра и команда с носилками.

Никто не был подготовлен к такому яростному артиллерийскому обстрелу. Женщины сидели в убежищах, прижав головы к коленям, стараясь не поддаться страху и удушливой жаре. Мужчинам в траншеях казалось, что этот адский, оглушающий грохот вот-вот вдавит их в землю. Они не в состоянии были поднять головы, чтобы посмотреть, что происходит с их домами, они лишь могли догадываться о разрушениях по звуку непрерывных взрывов. В первые же минуты была прервана телефонная связь. Небольшое убежище, где находился штаб, получило прямое попадание, и пришлось уйти оттуда. Торопливо пробравшись по траншеям, Алекс, Шамай и две женщины-радистки, Фаня и Рахель, укрылись в бункере, где хранилось оружие.

На посту номер 6 наблюдателем был Саша Иври. Это был красивый мальчик с прямыми черными волосами, темными глазами и застенчивой улыбкой. Ничто в его внешности не выражало той трагедии, той горечи которую он пережил в юности; иногда лишь тревожно сдвинутые брови искажали его красивое лицо. Его родители были убиты в концентрационном лагере в Чехословакии; он и его младший брат жили в лесах с группой еврейских партизан до конца войны. Прибыв в Палестину в качестве нелегального иммигранта, он был принят в Яд-Мордехай в группу, проходящую там обучение. Благодаря энергии и знаниям

его вскоре избрали секретарем группы. В девять часов утра снаряд, выпущенный из трехдюймового миномета, ударил в пост номер 6, и обезглавленное тело Саши свалилось в траншею. Он был первой жертвой этого боя; ему было двадцать лет, когда он погиб.

Примерно в то же время Иегуди Розен горько шутил с другими членами команды по поводу внешней системы электрического освещения, окружающей кибуц. Ранним утром он закончил эту работу, и теперь, когда снаряды со свистом пролетали над головами, он говорил: "Теперь им конец. Каждая из этих двухсот лампочек должна разлететься вдребезги". Было характерным для него в такой момент предложить тост. Он вынул из ниши бутылку с вином и зубами выдернул пробку. "За каждую лампочку - по одному египтянину, - выпьем за это!" - воскликнул он и сделал первый глоток прямо из бутылки. Затем он добавил классический еврейский тост: "Лэхаим - за жизнь!" Это были его последние слова. Огонь египтян уже достиг водонапорной башни; снаряды минометов пробили ее, перелетели через холм и попали в траншею. Иегуди был убит. Шимек, смертельно раненный или мертвый уже, оказался погребенным под сыпучими песками. Остальные пятеро были ранены.

Раненые кое-как приползли к укрытию, где находился доктор Геллер. Однако бункер не был подготовлен для оказания полной медицинской помощи. Члены кибуца решили, что при необходимости доктор сможет пользоваться своей хорошо оборудованной амбулаторией. Здесь же не было даже стола. Раненых пришлось уложить на низких скамейках, а доктор Геллер, стоя на корточках, оказывал им помощь. У него было два помощника - медсестра Дора, обучавшаяся в Хагане, и Лейб Дорфман, санитар, в ведении которого находились люди с носилками.

У одного из этих первых раненых была тяжело повреждена голова; он мог выжить, но должен был остаться с одним глазом. Другой, Леон Блау, как показалось с первого взгляда, не был тяжело ранен, однако после того, как доктор Геллер перевязал небольшую рану на спине, тот не смог лечь. Осколок пробил легкое и застрял в одном из ребер; последовавшее кровоизлияние приносило ему невыносимую боль, когда он ложился. Так он простоял два дня и две ночи, до тех пор, пока боль в опухших ногах стала нестерпимой. Тогда доктор Геллер впрыснул ему последнюю ампулу морфия и заставил лечь.

Система телефонной связи была выведена из строя в первые же минуты обстрела, и Алекс оказался перед проблемой восстановления связи с постами. Ему пришлось прибегнуть к помощи связных. Такая возможность была предусмотрена, и трое молодых женщин пошли на это добровольно. Все они были членами Гашомер Гацаир с ранней молодости. Рая была одной из первых

пионерок в Натании; она знала азбуку Морзе и при необходимости могла быть использована для передачи световых сигналов. Лейка прибыла в Палестину в тот самый день, когда началась вторая мировая война. Шула всю войну пробыла в Сибири и приехала недавно. Все трое были незамужние.

Алекс подозвал их к себе. "Люди расходуют зря патроны, стреляя по самолетам, - сказал он. - Я приказываю прекратить это. Никто не получал разрешения стрелять по самолетам. Вы должны идти к постам и передать мой приказ".

Хотя его голос звучал спокойно и твердо, углубившаяся складка между бровями выдавала беспокойство, которое он чувствовал, посылая женщин в самое пекло. "В окопах вы можете чувствовать себя почти что безопасно, - сказал он им. - Если же вам придется пересечь открытую местность, бегите быстро и сразу бросайтесь на землю, как только вам покажется, что слышите приближающийся снаряд. Это все, что я могу подсказать вам, товарищи. Счастливо!"

Рае дали особое поручение. Алексу нужны были сведения о продвижении египтян от Салека, который вел наблюдение из бетонного здания. С бьющимся сердцем Рая побежала по траншеям к подножью холма. Здесь она остановилась, чтобы перевести дыхание. Она взглянула на траншею, ведущую к дому. Траншея шла прямо, без единого изгиба. Снаряды падали совсем рядом, так как египтяне сконцентрировали огонь на наблюдательный пункт. Она присела в укрытии; она не в состоянии была идти дальше. Ноги ее не держали, нехватало воздуха, и каждый вдох вызывал боль. Все самоотречение, воспитанное годами, неистовое желание приносить пользу, желание, которое толкнуло ее добровольно взяться за это опасное задание, казалось, покинули ее. "Я не могу, я не могу, - кричало взбунтовавшееся тело. - Я должна, я должна", - твердило сознание. "А что, если меня убьют здесь или ранят так далеко от всех?" - спрашивала она себя в минуту слабости. "Кто же принесет Алексу сведения, если ты не пойдешь?" - отвечала она себе. Наконец она встала. То ли наступило маленькое затишье, то ли она себя уговорила в этом. Она помчалась по траншеям вверх, не чуя ног.

Она почти добралась до вершины холма, когда увидела руку по запястье в крови, лежащую на насыпи. Рыдая, она побежала дальше и кинулась, наконец, в глубокую траншею на безопасной стороне наблюдательного пункта. У нее так захватило дыхание, что она не могла слова вымолвить.

"Не спеши, не спеши, - сказал Севек. - Глотни немного вина".

"Там рука! Я видела руку! - выдавила она наконец. - Кто-нибудь ранен? Убит?"

Он рассказал ей о смерти Саши Иври. "Мой дорогой мальчик", - горевала она. Она хорошо знала его, так как одно время была "мамой" группы молодых эмигрантов, которые обучались в кибуце. Она их обеспечивала всем необходимым, знакомила с жизнью в кибуце, выслушивала их беды, скрашивала их одиночество.

"Какое сообщение ты принесла?" - резко спросил ее Салек, стараясь этим скрыть свое смятение, вызванное гибелью этого молодого парня.

Рая объяснила, какие сведения нужны Алексу. Она хорошо запомнила все, что следовало передать, и повторила это Салеку. Прощаясь, она крепко пожала ему руку.

"Сейчас послушай, что я скажу, и это тебе немного поможет, - сказал Салек. - Сначала стрельба кажется одним сплошным гулом, но ты должна научиться слышать снаряды. Вот сейчас, слышишь этот звук? Это снаряд вылетел из дула орудия, они поставили орудия так близко, что мы слышим каждый выстрел. Когда ты слышишь этот звук, падай на землю. Потом раздается грохот взрыва - значит, снаряд упал. После этого вскакивай и беги. Теперь опять слушай. Слышишь?" Так он учил ее выдержке; и урок этот, еще будучи под впечатлением опасностей, с которыми пришлось столкнуться, она усвоила быстро.

Он с беспокойством следил за ней, пока она бежала вниз по открытой траншее, пользуясь его советами, падая, может быть, слишком часто, однако уже начиная понимать, как надо вести себя при артиллерийском обстреле. Благополучно добравшись до штаба, на этот раз менее запыхавшись, она передала Алексу рапорт и рассказала о смерти Саши Иври. И она, и другие связные вскоре научились передавать подробные сообщения о потерях Алексу и ни словом не обмолвиться на постах, о том страшном зрелище, которое они видели на своем пути.

Пост номер 1 был вырыт на вершине небольшого холма, обращенного к югу. Здесь находилось четверо мужчин и санитарка Поля; их командиром был Гершель Гринспан. В дни, предшествовавшие сражению, Гершель постоянно беспокоился о своем poste. Грунт здесь был очень твердый, и траншеи не были достаточно глубокими. Он просил Комитет обороны углубить их, но при том количестве срочных дел, которые надо было закончить, его просьба осталась невыполненной. Во время обстрела четверо лежали в траншеях, а пятый стоял в яме, которая была специально вырыта для бросания ручных гранат. Каждые полчаса наблюдатели по очереди менялись; Поля каждый раз занимала свое место наравне с другими. В одиннадцать часов наступала очередь Гершеля. Он

еще лежал в траншее с винтовкой на ногах, когда снаряд разорвался прямо над ним. "Я ранен!" - крикнул он. Мотке, один из водителей грузовиков, за плечами которого был опыт дорожных битв, находился ближе всех к нему. Он сразу определил, что Гершель ранен тяжело. Сломанная винтовка врезалась в ноги как нож; кровь хлестала из ран. Он позвал Полю.

"Жгуты!" - крикнул он, когда она прибежала, согнувшись в три погибели, в угол, где они находились.

"У меня мало бинтов, - сказала она, стоя на коленях около раненого. - Дай свою рубашку".

Они быстро разорвали рубашку и перевязали кровоточащие раны, закрепляя обломками винтовки узлы на жгутах.

"Его ступни кровоточат тоже, - сказала Поля. - Помоги мне снять с него ботинки". Но вдруг она отступила назад. Когда она пыталась развязать окровавленные шнурки, его ступни стали отделяться от ног вместе с ботинками.

"Мотке, возьми на себя командование, - сказал Гершель. - Надо заменить Вольфа на наблюдательном пункте. Дай знать Алексу. И не беспокойтесь за меня, - добавил он, заметив, вероятно, их ошеломленные лица. - Со мной все будет в порядке. Только доставьте меня к доктору Геллеру".

Мотке послал Сему к наблюдательному пункту, а сам побежал вниз по траншее к зданию фабрики, где, как ему было известно, должны были находиться люди с носилками. Их там не оказалось; они унесли в укрытие раненого Гидеона. Не было другого выхода, приходилось бежать за помощью. Он помчался по траншеям, то и дело выскакивая наверх в тех местах, где траншеи еще не были закончены. Через двадцать минут он вернулся на свой пост с Лейбом Дорфманом и его помощником. Гершель еще был в сознании, но он едва мог говорить. Прошло еще пятнадцать минут, пока его доставили к доктору Геллеру. Его положили на узкую скамью и разрезали на нем одежду. Кроме ужасных ран на ногах, у него еще был ранен живот. После того, как доктор Геллер кончил перевязку, расслабил и опять затянул жгуты, он взял в руки большие ножницы. Гершель в полусознательном состоянии наблюдал за ним. "Зачем тебе надобились ножницы?" - пробормотал он. Доктор не ответил. Ступни держались всего лишь на тоненьком кусочке кожицы. Доктор Геллер перерезал эту кожицу ножницами, и Лейб поймал руками падающие ступни. Позже, когда огонь стал слабее, он вынес их наружу и похоронил.

Обстрел продолжался. Египтяне имели большой запас боеприпасов и щедро

тратили их, целясь в одно и то же место вновь и вновь. Некоторые ветераны говорят, что в этот первый день в кибуце упало 2500 снарядов, другие утверждают, что 4000. Под конец сражения вся земля была усеяна железом; через двенадцать лет я поднимала осколки снарядов, где бы я ни ходила.

Мужчины по-разному реагировали на нависшую смертельную опасность, на ужасающий грохот обстрела, на свою беспомощность. Ветераны откровенно рассказали мне, что не все выдержали это испытание. Некоторые плакали, некоторые теряли сознание, некоторые вернулись к недержанию, которым страдали в детстве, и никак не могли взять себя в руки. Но другие находили в себе мужество шутить и смеяться. Они высмеивали египтян за напрасную трату снарядов на бесконечный обстрел водонапорной башни. На посту у Мирьям смеялись над одним мужчиной, который среди запасов еды нашел банку с джемом, открыл ее и с удовольствием стал вычерпывать содержимое грязными пальцами. Слова "Вот тебе немного джема" стали прибауткой поста. И когда снаряд ложился совсем рядом, защитники отмечали это событие словами "Вот тебе немного джема".

Пост номер 8 подвергнулся особо ожесточенному обстрелу, так как он находился на одной линии с бетонным зданием, которое египтяне решили снести во что бы то ни стало. "Даже в Сталинграде было не хуже", - сказал Адек Вайнфельд, стараясь воодушевить своих товарищей. Адек, член группы будущих создателей кибуца, не успевший выбраться из Польши, в начале войны бежал в Советский Союз и там был мобилизован в Советскую армию. Он был одним из защитников Сталинграда. После войны он вернулся в Польшу с намерением присоединиться к своим товарищам в Палестине. Но в Польше его задержали неотложные дела. Он был назначен заведующим детдома для еврейских сирот - "мои дети", всегда называл он их, так как других у него не было. В критические мартовские дни он, наконец, прибыл домой в Яд-Мордехай. "Я не смог остаться среди основателей кибуца, но я буду среди его защитников", - сказал он. Когда пришла его очередь идти в разрушенный наблюдательный пункт, он энергично вскочил на ноги. Снаряд, упавший рядом с бетонным зданием, сразил его на месте.

Два из четырех имеющихся убежищ были заполнены женщинами. Примерно пятнадцать из них выполняли важные задания во время сражения. Остальным же не оставалось ничего другого, как сидеть в нестерпимо душных, переполненных убежищах. Их физические страдания не шли ни в какое сравнение с их внутренним состоянием страха и неизвестности. Что там происходит снаружи? Кто погиб при обстреле? Как идет сражение? Чем все это кончится?

Убежище номер 2 было занято почти полностью молодыми женщинами и

девушками, которые за два месяца до этого прибыли в Яд-Мордехай на обучение. Почти половину составляли девушки в возрасте между четырнадцатью и семнадцатью годами, которые вышли из немецких концентрационных лагерей. Большую часть этих девушек Габриель Рамати привез из Берген-Бельзена. Браха, одна из пионерок кибуца, опекала их. Она была беременна и могла уехать вместе с детьми, но решила остаться, так как считала, что может понадобиться для работы в хлеву.

Во время бомбардировки убежище получило прямое попадание. Вся конструкция так всколыхнулась, что, казалось, вот-вот рухнет. Деревянные скамейки затрещали, густой столб пыли и дыма заслонил выход. Поднялась паника. Не только молодые девушки, но и старшие женщины в ужасе кричали. "Дайте нам выйти отсюда! - кто-то пронзительно завизжал. - Сейчас все рухнет на нас".

Браха была перепугана не меньше других, однако она спокойно ходила по проходу между скамейками и повторяла: "Тише! Тише! Убежище выдержит. Мы здесь в безопасности. Ну тише же!" Она дала пощечину девочке, которая билась в истерике. Другую она успокоила, по-матерински обняв ее. Постепенно восстановилась тишина, но это была тишина ложная, полная напряжения. Детский дом, находившийся перед этим убежищем, подвергался систематическому обстрелу. При очередном взрыве снаряда каждая думала:

"Упадет следующий снаряд на нас или нет? Неужели после всех страданий в Берген-Бельзене мне суждено умереть здесь, в этой дыре?"

С наступлением полдня они почувствовали себя полностью изолированными, отрезанными от того, что происходит за пределами убежища. Во второе убежище, где находились женщины, принесли нескольких раненых, постоянно кто-то входил и выходил. Связой приводил доктора Геллера, если в нем нуждались, друзья приходили навестить раненых, когда наступало затишье. Но никто не заходил в убежище номер 2. Здесь нечего было делать - только сидеть в этой невыносимой жаре и ждать, ждать пока взорвется следующий снаряд, ждать чашки нормированной воды, ждать ночи, чтобы выйти по своей нужде, ждать новостей.

Обстрел, длившийся три часа подряд, вдруг прекратился так же внезапно, как и начался. Над кибуцем появился один-единственный самолет, который сбросил сотни листовок. Развеваясь, они медленно опускались в траншеи. На скудном иврите в них было сказано следующее:

"Во имя Моисея и во имя Аллаха и всех пророков его, да помилует он нас; Бог

сказал, если твой враг хочет мира, будь с ним в мире. Бог слышит и Бог знает правду.

С этими святыми словами из Корана мы обращаемся к вам, жителям этого поселения. Мы хотим принести вам мир, с условием, что вы будете мирно относиться к нам. Так вы сможете спасти вашу жизнь, ваше имущество и ваших детей.

Не в нашем намерении было начать войну. Это ваше сопротивление заставило нас напасть на вас, но ваше сопротивление долго не продлится и будет оно напрасным.

Поэтому мы просим всех жителей мирно сложить оружие, сдать оружие, мины и все военное снаряжение, поднять белый флаг, не уничтожать имущества и собраться в одном месте, чтобы ждать нашего прихода. Вам приказано все это выполнить в течение одного часа после того, как эта листовка попадет в ваши руки.

После этого срока, если вы не подчинитесь нашим требованиям, мы вас будем считать агрессорами, и тем самым докажете, что желаете воевать.

Бог сказал: "Если на тебя напали, ответь тем же", и да будет вам известно, Бог всегда на стороне правых. Всемогущий Бог всегда говорит правду".

Очевидно, они намеревались направить это пропагандистское религиозное послание перед обстрелом, от которого так пострадал Яд-Мордехай. Сейчас же, после такого разрушительного огня, оно вызвало лишь горький смех. Люди принялись укреплять свои позиции. Алекс и Тувия посетили все посты. Всюду шла напряженная работа по восстановлению разбитых снарядами траншей. Несмотря на потрясение, вызванное столь ожесточенной атакой, они не пали духом. Когда-то они решили поселиться на границе; сейчас они чувствовали себя защитниками самой передовой линии нового государства. "Что бы ни случилось, мы должны выстоять", - таково было их мнение.

Каждый беспокоился о том, что делается на других постах. Командиры рассказали людям, что на кибуц падало по 40 снарядов в минуту; имея это в виду, потери не столь уж тяжелые. Из восьми человек команды, обслуживающей минометы, четверо вышли из строя, так что теперь у каждого миномета осталось по два человека. Четыре человека было убито и десять ранено. Жертв было бы меньше, если бы команда минометчиков не сбилась в одну кучу в траншее. Командиры просили запомнить этот урок, за который пришлось заплатить такой дорогой ценой.

Вернувшись в штаб, Алекс продиктовал донесение командующему Пальмахом в Нир-Аме.

12 часов пополудни. С утра мы подверглись тяжелым воздушным налетам и артобстрелу из 6 и 25 фунтовых орудий. В нескольких местах возникли пожары, нанешие большой ущерб имуществу. Дот к югу от кибуца разбомбили. Водонапорная башня разбита, и вода прорвалась.

Рука у Шамая дрожала на ключе, когда он начал передавать это донесение. Лево́й рукой он крепко сжимал свою правую. Позже ему пришлось передать много других донесений с более горьким содержанием, но ни одна не поразила его так, как этот первый лаконичный отчет о разрушениях в кибуце.

Тувия и Алекс вместе обсуждали новые мероприятия, необходимые в новой ситуации. Нужно было срочно усилить систему связи. Дина, член Комитета обороны, добровольно вызвалась быть связной штаба. На каждом посту также нужны были вестовые. Командиры решили распустить группу "Охотников за танками" и использовать этих ребят для связи.

По планам подготовки к защите не было предусмотрено оборудование подземной кухни. Члены Комитета обороны были уверены, что в случае нападения женщины все же смогут пользоваться кухней, хотя бы ночью, но сейчас стало ясно, что это невозможно. И дело было не только в том, что кухня наполовину разрушена, а в том, что в любой момент она снова может подвергнуться бомбардировке; кроме того, командиры предполагали, что обстрел продлится всю ночь. Шеф-повар этого года Лея и несколько других женщин копались в развалинах в поисках хоть какой-нибудь утвари, чтобы оборудовать кухню в одном из убежищ. Они нашли два разбитых примуса, несколько кастрюль и сковородок, небольшой запас пищи и кофе, приготовленный для несостоявшегося завтрака. Из холодильника, что был на молочной ферме, они принесли вареное мясо, масло и молоко. Однако одного часа, о котором писали в листовке, было слишком мало, чтобы доставить еду в окопы; людям на постах пришлось довольствоваться пайками, запасенными заранее. Тем временем женщины готовили еду для раненых.

Тувия и Алекс посетили убежище, где находились раненые. После того, как они поговорили с каждым из них, доктор Геллер сказал: - "Мы должны вызвать Красный Крест, чтобы эвакуировать этих людей, - сказал он. - В таких условиях я не могу оказывать им необходимую помощь. Здесь даже нехватает места, чтобы уложить их".

"Мы окружены, - сказал ему Алекс. - Обстрел может начаться снова в любую

минуту, кроме того, следует ожидать атаки пехоты. Может быть, лишь ночью удастся организовать это, и то я сомневаюсь".

"Но ведь в каждой войне они эвакуируют раненых! - воскликнул доктор, который служил в немецком госпитале во время первой мировой войны. - Гершеля необходимо оперировать сейчас же - это единственный шанс для него. Если вы не доставите его в госпиталь, я не отвечаю за его жизнь".

"Делайте все, что в ваших силах, доктор, - терпеливо ответил Алекс. - Мы попытаемся, попытаемся, но мы отрезаны".

Эти двое мужчин, вернувшись в штаб, обменялись мнениями. "Нам нужна не только помощь Красного Креста, а гораздо больше, если мы хотим выстоять здесь, - сказал Алекс. - Нам необходимо подкрепление и боеприпасы. Как ты думаешь, они смогут нам дать больше одного отряда? Пальмах ведь так рассеян, да еще и маленькими группами. Я не знаю, как мы сможем удержаться, если нам пришлют только тридцать человек".

"А я не так уж обеспокоен, - ответил Тувия. - Весь этот обстрел. . . Мне кажется, что их боевой дух не на высоте. Наши ребята отобьют их, вот увидишь".

Люди в траншеях у дота удачно использовали час спокойствия, обещанный арабской листовкой. Они почистили винтовки и смазали затворы; затем они составили оружие у стенки окопа, прикрыв дула тряпицами, чтобы туда не попал песок. Они закусили и разделили оставшуюся воду. Они чувствовали, что скоро наступит их черед. Их открытая со всех сторон позиция на южном фланге должна была стать приманкой для египтян, которые, по всей вероятности, попытаются прежде всего захватить дот и лишь после этого начнут пехотную атаку на само поселение. Мужчины были заняты Файвлом, который после встречи с Севеком опять заблудился и приполз обратно к ним.

"Слушай, Файвл, здесь скоро будет очень жарко. Ты слышишь, Файвл? Ты бы лучше еще раз попытался добраться домой. Сейчас тебе будет легче".

На этот раз Файвл благополучно добрался до кибуца.

Час передышки пришел к концу, и опять начался артиллерийский обстрел, еще более сильный, чем прежде. Земля возле дота дрожала от взрывов.

Вдруг раздался отчаянный крик наблюдателя. "Они идут! Они идут!"

Залман высунул голову из траншеи, чтобы самому убедиться. "Взгляните только

на них! - воскликнул он. - Можно подумать, что они на параде".

То ли по неопытности, то ли из-за уверенности, что все защитники дота погибли, египтяне не принимали мер предосторожности, обычных для наступающих войск. Вместо того, чтобы ползти по-пластунски, они шли, вытянувшись во весь рост. В бинокль Севек увидел щеголевато одетых офицеров, вышагивающих позади своих солдат и размахивающих револьверами. "Алейхум! На них!" - кричали они.

Дот все еще подвергался сильному огню. Его защитники выжидали, пока египтяне подойдут на расстояние в триста ярдов - двести ярдов - сто ярдов. Наконец, прикрывающий огонь прекратился, маленькая команда дота разделилась и приступили к действию. Трое мужчин залегли на песчаной насыпи, обращенной в сторону банановой рощи, и открыли огонь. На другой стороне Севек и Менахем бросились в дот, чтобы вести огонь из щелей. Остальные двое выскочили из глубокой траншеи и легли на ее песчаном краю. Было скользко и сыро; им некуда было упереться ногами. Несмотря на это, огонь их был эффективным. Ряды наступающих смялись, раздались крики страха и боли. Египтяне побежали назад, под укрытие небольшого холмика, который находился между дотом и вадом.

"Приготовиться! Они возвращаются", - кричал Севек. Гельман и Ишая стали искать лучшую позицию для стрельбы.

"Давайте используем крышу", - закричал Гельман. Крыша дота выступала над землей всего лишь на несколько футов и имела скат от центра. Как раз хватало места, чтобы двое могли улечься по краям, под прикрытием выступающей части крыши.

"Стреляй по офицерам. Солдаты побегут, если потеряют своих офицеров", - сказал Гельман Ишае.

В этот раз египтяне уже продвигались вперед согнувшись. Некоторые дошли до подножья склона, на котором находился дот. Севек дал по ним очередь из автомата. Некоторые упали, а другие повернули и побежали. На крыше дота Гельман и Ишая кричали в восторге.

"Я попал в одного! Я попал в того длинного офицера!" - кричал Ишая. "А-а-а!" орал Гельман, все больше возбуждаясь в разгаре боя. Внизу под ними ряды смялись, и вражеские солдаты в панике побежали назад, к вадому.

Между тем, на другом конце траншеи защитники не открывали огня, пока

египтяне не вошли в зону пулеметного обстрела. В то время, как двое с винтовками целились в офицеров. Макс посылал одну очередь за другой. Вдруг он закричал: "Пулемет! Он стреляет только одиночными выстрелами - одиночными выстрелами!"

"Пользуйся им как винтовкой, - кричал ему Залман. - Как бы там ни было, они отступают".

Земля перед банановыми деревьями была ровной и плоской; и не было где укрыться перепуганным египтянам.

Оставляя раненых позади, они пробежали мимо угрожающих своими пистолетами офицеров в глубину банановой плантации.

Теперь опять была пущена в ход артиллерия - как бы в отместку за тройное поражение пехоты. Казалось, что все орудия нацелены на дот. Снаряды ложились на него один за другим; вся земля вокруг траншеи дрожала от взрывов. Созревшая пшеница, еще не убранная с поля, загорелась, и весь участок между траншеей и поселением был охвачен огнем.

Мужчины отдыхали в траншее, потные, грязные от пыли, лихорадочно возбужденные. Нигде не было тени, полуденное солнце стояло в зените, и безжалостный хамсин иссушал глотки. Большинство бойцов ликовало, другие были подавлены - от страха и чувства вины. Впервые в жизни они убивали людей. Вид раненных, стонущих, умирающих людей мучил их. Они знали, что последует и вторая атака. Они понимали, что не обойтись без жертв; как же им радоваться? Они опять принялись чистить свои винтовки.

"Я ни о чем не думал, - сказал Юрек, пчеловод, рассказывая мне об этом эпизоде. - Мне было уже все равно. Я знал только одно, что мне не выбраться из этого окопа. Я был уверен в этом на сто процентов. Я даже не думал о своей семье. Я просто взялся чистить свое ружье, когда Севек велел мне этим заняться, и только".

"Ты заметил этих негров? - спросил Ишя, смазывая затвор. - Я в жизни не видел таких черных людей".

"Это, наверно, суданцы, (Эти чернокожие солдаты в действительности были не из Судана, а принадлежали к воинственному племени, обитавшему недалеко от суданской границы. Так как ветераны сражения называют их суданцами, я сделала то же самое.) - предположил Гельман. - Я попал в одного, но он продолжал идти вперед. Потом, должно быть, Севек убил его".

"Мне кажется, я исправил пулемет, - заявил Макс. - Он был полон песка. Могу я разок выстрелить для проверки, Севек?" Севек разрешил, и Макс с удовлетворением убедился, что пулемет опять в полном порядке.

Они пытались определить потери египтян. У каждого было свое мнение, но, наконец, все решили, что погибло около тридцати человек. Под прикрытием артиллерийского огня санитары вытащили с поля человека семь или восемь. "Должно быть, офицеры", - догадался Севек.

Все участники этого боя уверяли меня, что египтяне не делали никаких попыток спасти солдат, даже под прикрытием ночи. Раненые лежали там, где упали, страдая от жажды, и если все же им удавалось доползти к своим позициям, они умирали от недостатка медицинской помощи (Это классовое различие в отношении выноса с поля боя раненых могло объясниться неопытностью или неорганизованностью в египетской армии. В последующих боях, как сообщали наблюдатели, санитары собирали всех раненых.).

Наблюдатель доложил о большом оживлении на египетских позициях. Танки маневрировали около поврежденного моста, влево от дота. В большом вади солдаты начали выстраиваться в ряды. Напряжение в траншее стало возрастать. Какова будет новая тактика? В это время началась стрельба с поста номер 1. Это означало, что враг выступил против него. Через несколько минут и они оказались под натиском египтян. Войска наступали по двум направлениям, - из вади и из банановой рощи.

"По местам! - крикнул Севек. - Дайте им подойти ближе, ближе! Сначала бросайте гранаты! Выдерните предохранители и ждите приказа!"

Казалось, что египтяне на этот раз приближаются гораздо быстрее. Все семеро, распластавшись на земле, чувствовали себя беспомощными и легко уязвимыми. Тем не менее, они должны были ждать, пока враг подойдет вплотную, и лишь тогда приступить к делу. Дальность гранаты ограничена всего лишь тридцатью ярдами - длиной теннисной площадки. Нужна была выдержка и крепкие нервы, чтобы ждать и ждать, в то время как враг приближался. Наконец, Севек приказал: "Бросай!" Семь гранат одновременно были брошены в наступающие ряды, и сразу же был открыт огонь. Египетские ряды заколебались. Наступление приостановилось. Некоторые спрятались за своими мертвыми товарищами, другие повернули назад. Однако защитники были встревожены. Перед ними были танки, и они в любой момент могли выползти из вади. Позади и справа вдруг появились египетские солдаты: они обошли подножье холма, где находился пост 1 и стали резать проволоку. Защитники дота с трех сторон были окружены. А вдобавок к этому

безнадежному положению они оказались без двух автоматических ружей. Пулемет "брен" опять стал стрелять одиночными выстрелами, а для "томми" не было больше боеприпасов. Все винтовки перегрелись, и осталось совсем мало гранат. Севек должен был принять молниеносное решение.

"Всем бежать! - закричал он. - Взять с собой все боеприпасы! И рассеяться! Бежать к ограде!"

Люди на дальнем конце насыпи не слышали приказа. Юрек подскочил к ним.

"Бежать! Мы отступаем!"

"Не было приказа".

"Да! Да! - вопил Юрек. - Севек дал приказ. Быстро!"

"Мы их отобьем! Я не пойду!" - крикнул Макс.

"Дурак! Идиот! - кричал Юрек, который никогда не поднимал голоса. - Тогда я вас оставляю".

"Остальные отступают - пошли и мы", - крикнул Залман. Согнувшись, они пустились бежать по горячей пшенице, через пылающее поле в 50 ярдов длиной. Пули свистели над головами. Они получили ожоги, но были надежно укрыты от взоров врага. Они пробежали мимо сгоревшего пакетировочного пресса и большой кипы спрессованного сена, горевшей большим ярким пламенем. Добежав до томатного поля, они бросились на землю и поползли. Наконец, они добрались до забора. И тут, всего лишь в 20 ярдах, они увидели группу египетских солдат, лежавших под холмом, где был расположен наблюдательный пункт 1. Неожиданное появление грязных, тяжело дышащих людей поразило египтян. Ни одна сторона не выстрелила. Некоторые из этих семерых перебрались через противотанковый ров, находящийся под самыми воротами, другие пролезли через кульверт, под проволокой. Все поспешили укрыться за стеной фабрики и упали на землю, чтобы перевести дух.

Между тем, египтяне, которые уже были у самого дота и его траншеи, вдруг повернули и побежали к банановой роще. Что заставило их отступить, когда они были так близки от своей цели? Залман изложил мне свою теорию - они боялись мин. Местным арабам было известно, что Пальмах уложил мины вокруг кибуца. Залман считал, что солдаты, увидев, как защитники дота поспешно отступают, решили, что вот-вот позиция взлетит в воздух, и стоило одному из них издать предостерегающий возглас, чтобы все в панике

бросились назад.

Когда семеро мужчин пришли в себя, Севек послал Ишаю с донесением в штаб. Однако, не дожидаясь указаний, они заняли новые позиции. Залман и двое других остались около фабрики, укрылись за бетонными цистернами для воды и открыли огонь по египтянам, лежащим у ограды. Севек, Юрек и Гельман забрались в траншею, которая под углом спускалась с холма, где находился пост 1.

Между тем, Ишая направлялся к старому штабу. Когда он увидел снесенную крышу, он понял, что Алекс должен был перебраться в одно из убежищ. Пробираясь по окопам, соединяющим различные пункты внутри поселения, он встретил маленькую худенькую женщину.

"Лейка! Что ты здесь делаешь?"

"Я связная Алекса, - одним духом выпалила она. - Телефонная связь прервана".

"Мне надо передать донесение в штаб, но я не могу его найти. Мы вынуждены были отступить из дота - мы были почти окружены. Но все благополучно выбрались".

"Я как раз туда возвращаюсь, я передам донесение". Ишая знал, что ничто не остановит Лейку от выполнения данного ей поручения. Всем была известна ее безграничная преданность долгу. Очень хорошо, что командиры именно ей доверили столь ответственные обязанности связного штаба.

"Тогда бери это донесение, - сказал Ишая, - а я вернусь к своим. Скажи Алексу, что мы остались почти без боеприпасов. Скажи ему, что мы держались, сколько могли".

"Не беспокойся. Я все запомнила".

"Счастливо! Будь осторожна!" и они расстались.

Когда Ишая добрался до фабрики, он увидел Тувию, бегущего вместе с командой пулемета "браунинг". Ишая попытался изложить ему свои новости, однако Тувия уже знал об отходе от дота.

"Сейчас они снова начнут атаковать пост 1, - крикнул он. - Они сосредотачивают свои силы на Белой Горке".

Белая Горка - невысокий холм, расположенный вправо от банановой рощи и в сотне ярдов от постов 1 и 2. Он получил такое название из-за своей песчаной почвы, которая издали казалась белой.

Тувия и Шимон установили пулемет около фабрики и открыли огонь по Белой Горке.

"Ишая, иди на пост 1, - приказал Тувия. - Скажи Севеку, чтобы он принял там командование - Гершель ранен. Опусть голову пониже, окопы недостаточно глубокие".

"Не беспокойся, со мной ничего не случится", - ответил Ишая с мальчишеской самоуверенностью. Когда он добрался до позиций, он увидел Мотке - тот протягивал измученным, томимым жаждой товарищам бутылку вина. "Но не пейте, смочите только губы", - настаивал он. В горлышке бутылки была аккуратная круглая дырка, и он опасался, что осколки стекла попали в вино. Ишая слишком долго страдал от жажды, чтобы обращать на это внимание. Он глотнул, как следует.

Теперь пост был хорошо укомплектован людьми. В начале первого наступления египтян здесь было всего лишь три защитника - двое с винтовками и один с гранатами. Подкрепление, в виде отделения Пальмаха под руководством капрала Зиги, пришло в тот момент, когда египтяне уже подходили к проволочным заграждениям. Огонь пальмахников принудил египтян повернуть - они побежали назад, под прикрытие Белой Горки. Теперь еще четверо из дота присоединились к небольшому отряду. А до того позиция была подкреплена двухдюймовыми минометами, установленными позади постов 1 и 2, обслуживаемыми уцелевшей половиной команды. Все было готово к отражению следующей атаки.

Египтяне начали наступление от Белой Горки, укрываясь в небольших извилистых вади, словно рубцами покрывших всю землю до самого подножья небольшого обрыва. Снова их было около шестидесяти атакующих, среди них - много темнокожих суданцев, позади - офицеры с револьверами в руках. Сильный прикрывающий артиллерийский огонь обрушился на посты 1 и 2. Пока люди в окопах ждали, когда наступит их черед открыть огонь, минометы обстреливали наступающих. Грохот боя все нарастал. С горки Тувия поливал атакующих огнем из "браунинга". Залман и другие, расположившись у цистерны с водой, повернули свои винтовки на наступающего врага. Заходящее солнце слепило их, однако каски египтян на этом фоне выделялись отчетливо.

"Цельтесь ниже касок!" - закричал Залман. У защитников Яд-Мордехая не было касок, у их врагов - были, и именно это преимущество подвело египтян. Солнце помогло защитникам Яд-Мордехая.

Когда египтяне приблизились к заграждениям из колючей проволоки перед постом 1, стали взрываться пехотные мины; многие погибли. Прикрывающий огонь египтян вдруг прекратился. Вскочив на ноги, защитники открыли огонь и стали бросать гранаты.

"Я попал в одного!- закричал Ишай. -Я попал в этого суданца!" И снова закричал, торжествуя: "Это у меня третий!" И в этот момент он откинул винтовку и упал на спину. Кто-то позвал санитаря, и Поля приползла в окоп. Она пробиралась мимо ног сражающихся мужчин, которые продолжали кидать ручные гранаты вниз, в гущу египтян. "Такая маленькая дырка, - бормотала она про себя. - Как может человек умереть от такой маленькой дырки - вот так, сразу?" Однако пульса не было, сердце молчало, жизнь ушла. . .Она накрыла лицо Ишай курткой. Когда она ползла обратно, слышны были торжествующие крики защитников:

"Они отступают! Они бегут! Они бегут!"

Командиры Яд-Мордехая никак не ждали атаки египтян на пост 1. Наиболее уязвимой они считали восточную часть кибуца, обращенную к дороге. Не было времени, чтобы заминировать этот участок, где расположились посты 7, 8, 9 и 10; вместо мин были установлены предупреждающие знаки с надписями "Осторожно - мины!" До сих пор они гадают, почему египтяне направили острия своих атак на посты 1 и 2. Оба они были сооружены на вершинах небольших холмов. Хотя они возвышались всего лишь на тридцать футов над заграждениями из колючей проволоки, это все же давало защитникам определенное преимущество. Более того, чтобы перерезать проволоку и взять штурмом посты, атакующие должны были приблизиться настолько, что оказывались в пределах досягаемости ручной гранаты. Яд-Мордехай начал сражение, имея 400 штук этого эффективного оружия.

После того, как египтяне были отбиты, люди сели в тень окопа, изнуренные яростным боем. Они почти не разговаривали. Они чистили и заряжали свои винтовки.

Прошло полчаса, и наблюдатель крикнул: "Новая атака!" Люди реагировали медленно. Они впали в такую апатию, что с трудом могли заставить себя подняться. Но затем ярость сражения захватила их.

"Гранаты! Гранаты! Бросайте в них гранаты!" - кричал Севек.

И опять усталые люди лихорадочно начали действовать; они стреляли, кидали гранаты, увертывались от снарядов, опять стреляли. Несколько египтян добрались до колючей проволоки и начали перерезать ее, прокладывая себе дорогу. Из окопа выскочили несколько человек, бросились на землю и стали тщательно прицеливаться. Один за другим египтяне повисали на проволоке. Те, которые шли за ними, бросили винтовки и побежали обратно к спасительным вади.

Солнце садилось. Были отбиты три атаки на дот и три - на пост 1. Наблюдатель доложил, что на египетской стороне видны признаки отступления. Орудия отводятся назад, войска отходят с позиций.

"На сегодня им хватит, - сказал хорошо осведомленный Зиги. - Если они такие же вояки, как арабы, с которыми мы воевали в Пальмахе, они не будут атаковать ночью. Пошлют несколько снарядов, - но атаковать не будут".

Напряжение начало спадать. "Мне кажется, я бы чего-нибудь поел, - сказал Мотке. - Давайте откроем банку гуавы".

"Эй! - позвал Зиги из угла окопа. - Здесь человек ранен!" Это был Аба Глинский, санитар Пальмаха. Никто не видел, как его ранило, и не слышал его вскрика. Сейчас он был без сознания.

"Отнесите его к доктору Геллеру, - приказал Севек. - Не ждите носилок - он чуть живой!" Двое завернули его в одеяло и понесли в убежище, где находился доктор, но он умер по дороге.

В штабе Алекс продиктовал и затем подписал последнее донесение этого дня.

"18.50. Врагу удалось перерезать проволоку, произошла рукопашная схватка. Враги были разбиты. Египтяне вступили в зону дота. Наши потери - шестеро убитых и много раненых. У египтян большое количество убитых. Заметны подкрепления, прибывающие в Дир-Санид".

Командиры собрались, чтобы обсудить ночные задачи. Было очень мало надежды на то, что люди смогут отдохнуть после всего этого дня, проведенного в окопах; убежища были переполнены женщинами и ранеными. Самое большее, что можно было сделать - позволить половине людей улечься тут же, в окопах, пока другая половина несет вахту. Еду и питье решили разделить между постами - этим должны были заняться женщины. Возникла острая

необходимость исправить разрушенные обстрелом траншеи и углубить некоторые из них.

Были посланы связные с указаниями для саперных групп. Затем командиры занялись обсуждением наиболее важной проблемы - вопросом оружия. Они пригласили Натэка для отчета. Он пришел со списком оружия и боеприпасов, выданных защитникам. Сейчас он уже не помнит точно, сколько боеприпасов осталось к концу того первого дня сражения, но тогда он был способен доложить командирам о наличии запаса до последнего патрона. Положение было неважным. Боеприпасов осталось совсем мало на все виды оружия. Он также доложил о нехватке винтовок. Несколько чешских снайперских винтовок вышли из строя в первый же день сражения. Он был в восторге, когда получил эти ружья, изготовленные на знаменитых шкодовских заводах, однако они оказались ненадежными - не были приспособлены к жаре пустыни. Теперь они вместе с плохонькими итальянскими ружьями, составляли треть всех имеющихся винтовок. Впредь ими можно было пользоваться только на относительно спокойных позициях.

"Это значит, что у нас осталось всего лишь сорок хороших винтовок, включая и те, что у Пальмаха", - подытожил Алекс упавшим голосом.

Тогда заговорил Салек Бельский, "галилейский воин". "Пусть египтяне снабдят нас оружием, - предложил он. - Вокруг поста 1 валяется много оружия. Почему не послать людей, чтобы собрать его? Я первым пойду".

"Прекрасная идея, - согласился Тувия. - Кто еще пойдет?"

"Попросим ребят из Пальмаха взять на себя это дело", - сказал Алекс.

"Согласны".

В кибуце осталось несколько противопехотных мин, которые отряду Пальмаха не удалось уложить в ту неистовую ночь перед нападением. Командиры обсуждали вопрос, в каком месте лучше всего их уложить теперь. Их было слишком мало, чтобы обезопасить участок, примыкающий к дороге. Приходилось надеяться, что предупредительные знаки и слухи, распространяющиеся среди местных арабов, убедят египетское командование в том, что неразумно приближаться к западной стороне. Они предполагали, что сейчас пост 3 под угрозой атаки пехоты, так как покинутый арабский дом, расположенный напротив, мог быть использован в качестве трамплина. Было решено сконцентрировать мины перед этим постом. Дани, спавший мертвым сном на полу штаба, должен был со своими пальмахниками выйти на это

задание, как только скроется луна.

Все дело взял под свою ответственность Алекс, а Тувия отправился к фабрике, чтобы приготовить своих людей к предстоящей ночи. Он был очень озабочен покинутым дотом. Минометы и огонь из поста 10 удержали египтян на определенном расстоянии от дота до самого вечера; если же наступающим удастся забраться в дот ночью, они могут натворить много бед. Оттуда они могли открыть огонь непосредственно по центру поселения. Они также могли использовать его в качестве огневого прикryтия для войск, ведущих наступление на пост 1. Они могут вывести из строя пост 10 ... Тувия решил предотвратить это при помощи "браунинга". Он нашел Шимона Розена, залегшего с этим пулеметом около противотанковых рвов, у ворот кибуца. Он приказал людям принести лопаты и вырыть канаву для лучшего укрытия. Залмана он назначил вторым номером; тот должен был подавать ленту в пулемет и советовать Шимону, когда и куда вести огонь.

Шимон был хрупким мужчиной с громадным носом, а на его узком лице застыло выражение вечного смущения. Он не был членом раннего кибуца в Польше, и принял решение во время войны, при необычных обстоятельствах. Он служил рядовым в польской армии, когда нацисты захватили Польшу. После капитуляции он был взят в плен. По дороге в лагерь военнопленных над ним стал издеваться нацистский офицер - вероятно, его "еврейский нос" был тому причиной. То ли по наивности, то ли из-за злости, он решил, что может отплатить своему мучителю оскорблением. "Ты, гитлеровская свинья!" - закричал он, и в ответ офицер схватил штык и проколол ему бедро. Почти неделю Шимон шел с колонной пленных по двадцать миль в день и более. Некоторые падали, и на глазах у всех их пристреливали; ему оставалось только держаться или умереть. Товарищи по плену отрывали куски от своей одежды, чтобы перевязать его рану. Крестьянин бросил ему две палки, которые послужили костылями. Кое-как он добрался до лагеря. К концу восьмого месяца его отправили в рабочий батальон; он бежал из поезда. Его единственной мыслью было идти на восток и добраться до советской зоны Польши, где жила его семья. Пробираясь ночами, прячась от немцев, умирая с голода, он наконец дошел до русской зоны, где его арестовали по подозрению в шпионаже. Он был приговорен к трем годам принудительных работ.

Все-таки гораздо лучше было в русской тюрьме, чем в нацистском концентрационном лагере. Он получал больше еды, а охранники не издевались над заключенными. Его послали в Мурманск, в Сибирь, в никелевые копи. После того, как Советский Союз подвергся нападению, жизнь в трудовом лагере значительно ухудшилась. Шимона направили на строительство железной дороги в горах Урала. Еды становилось все меньше и меньше, теплая одежда не выдавалась, морозы крепчали. Заключенные гибли от холода и

лишений. Шимон не верил, что ему удастся выжить; несмотря на это, он, как мог, честно трудился и выполнял все, что ему приказывали. В то время в лагере распространились слухи, что поляки будут освобождены, если они вступят в польскую армию, которая тогда формировалась генералом Андерсом. Однажды Шимона вызвали к начальству и спросили, согласен ли он завербоваться; он согласился. Армия проходила обучение в Иране, Ираке и Сирии. Но здесь были другие недостатки. Эта армия была гораздо более антисемитской, чем та польская армия, в которой он служил когда-то. Евреи подвергались бесконечным унижениям. Но, несмотря на все предрассудки, Шимон стал пулеметчиком и получил чин капрала. По пути на итальянский фронт войска генерала Андерса остановились в Палестине. Для Шимона и многих других еврейских солдат это было возможностью, ниспосланной самим небом. Они годами стремились избавиться от антисемитизма в Польше; и вот они прибыли на Землю Обетованную. Множество еврейских солдат дезертировало. Многие вступили в Еврейские Соединения британской армии, однако Шимон был сыт войной по горло. Некоторые его друзья в Польше принадлежали к Гашомер Гацаир. Ему удалось связаться с этой организацией, и его послали в кибуц Яд-Мордехай. Здесь он занялся утками.

Сейчас Шимон вновь стал солдатом. То ли из-за своего мягкого и деликатного характера, то ли из-за армейской выучки он всегда ждал приказа, прежде чем предпринять что-либо. Даже если враг обнаруживал его позицию, приходилось подсказывать ему, чтобы он переместился влево или вправо. Но он был хорошим пулеметчиком, обладал необыкновенной выносливостью и не расставался со своим "браунингом" три дня и три ночи.

После того, как пулемет, к удовольствию Тувия, был установлен, он обошел все посты. Минометный огонь все еще продолжался, но артиллерийский обстрел был не таким сильным, как днем. Люди все еще занимались углублением окопов. Несколько человек дремало. Некоторые пробовали есть, но кусок застревал в горле; напряжение дня и тяжелые переживания отбили у большинства людей аппетит. Истекавшие потом под горячими лучами солнца, они просили только воды. Разогретое утреннее кофе было принято с восторгом.

На посту 9 бойцы под командованием Мирьям, лежали не в траншеях, а около ограды. "Мы слышали какие-то звуки, исходящие из виноградников, - объяснила Мирьям. - Патруль ничего там не обнаружил, но следует быть начеку. Египтяне могут попытаться ночью пробраться в кибуц".

Зная, с какой неохотой египтяне воют ночью, Тувия подумал, что такая предосторожность может оказаться излишней. Однако он ценил в Мирьям чувство ответственности и осторожность - качества, делавшие ее хорошим

командиром, и он не отменил ее приказа.

Оба миномета остались на том же месте, позади передовых постов, и Тувия нашел обе команды, укрывшиеся вместе в тесной ложбинке между двумя холмами. Дина была с ними; она только что принесла им ужин - несколько бутербродов, апельсины, сметану и тепловатое кофе. "Что слышно дома? - спрашивали люди. - Как обстоят дела с ранеными? Как женщины все это выдерживают?" Хотя они были всего в нескольких стах ярдах от убежища, где находился штаб, они чувствовали себя полностью изолированными. Тувия выложил им все о событиях, происшедших на других постах, успокоил относительно женщин и раненых, рассказал о тяжелых потерях египтян. "Завтра они снова возьмутся за нас, но мы им опять покажем, где раки зимуют, - сказал он воинственно. - Не так-то им легко будет взять Яд-Мордехай". Куда бы он ни пришел этой ночью, всюду приносил он с собой чувство уверенности и боевой дух. Это подбодрило отрезанных от центра минометчиков и воодушевило смертельно усталых людей, копающих окопы.

В одиннадцать часов все в штабе бросили работу, чтобы послушать последние известия по радио. То, что они услышали, привело их в уныние. Во многих местах вдоль всей границы в Израиль вторглись арабские армии, а некоторые районы были под угрозой вторжения. За исключением узкой полоски побережья, почти повсюду шли бои. Положение Иерусалима было критическим. Два дня еврейские кварталы находились под обстрелом арабского легиона, а теперь положение усугубилось: захват предместья Шейх-Джерах открыл ворота к сердцу города. В Северной Галилее велись тяжелые бои. Иорданская долина почти перешла в руки сирийцев: занятый евреями полицейский форт в Цемахе, находящийся на пути к долине, после жестоких боев был захвачен арабами. В новостях говорилось лишь о победах врага; не было ни одного сообщения об успехах евреев.

Когда Шапта выключил радио, никто не произнес ни слова. О чем можно было говорить перед лицом такого безнадежного положения? Другие поселенцы и другие солдаты встретят врага на других фронтах. Яд-Мордехай занимал свое место в этой большой войне, должен был выстоять, вынести все, что выпадет на его долю. Люди молча вышли из штаба и отправились выполнять возложенные на них задачи.

Когда луна зашла, две группы Пальмаха пробрались за проволочные заграждения: одна - заложить мины; другая - собрать оружие. Салек Бельский и капрал Пальмаха Зиги руководили второй группой. Защитники поста 2 были готовы прикрыть группу, если она будет обнаружена египтянами. Зиги взял пятерых людей, но для пары требовался еще один человек, и Салек попросил Юрека, пчеловода, присоединиться к ним.

Еще раньше, при свете луны, пальмахники заметили жерло трехдюймового миномета, выглядывающее из банановой рощи. Они бы многое отдали, чтобы иметь такое тяжелое орудие! Пальмах имел только три таких орудия во всем Негеве. Им очень хотелось захватить его, но Зиги запретил поднимать шум. Он приказал своим людям искать винтовки и амуницию, не заниматься рискованными авантюрами и не реагировать на крики о помощи. Они вышли за пределы ограждения между постами 1 и 2 и подкрались к вади. Около сорока убитых и раненных египтян лежали в вади и еще больше - на Белой Горке. Группа начала собирать оружие и амуницию. Юрек нашел столько патронов, что ему пришлось снять рубашку и нести в ней добычу. Через некоторое время после их выхода за ограждение египтяне, должно быть, обнаружили их; они открыли огонь трассирующими пулями. Пост 2 ответил огнем. Люди побежали обратно, но одного нехватало. "Дов! Дов! - звал Зиги. - Куда он пропал? Что он делает?" Все волновались, все очень любили этого красивого, живого парня. Они знали, что ему всего лишь шестнадцать лет; он уверял, что ему больше, чтобы вступить в Пальмах. Несмотря на молодость, он был хорошим пулеметчиком и одним из лучших бойцов взвода. Неужели раненный египтянин застрелил его? Они не могли ждать - стрельба египтян становилась с каждой минутой все сильнее. Кто-то стал насвистывать "Хатикву", служившую им сигналом, и они стали пробираться через проволочное ограждение. В последний момент появился Дов. Его объяснения по поводу опоздания были поспешными и туманными. Но когда они благополучно вернулись в окоп, он взволнованно сказал Юреку: "Я нашел то, что искал", - и показал находку - револьвер, который он взял у убитого офицера. К этому револьверу не было подходящих патронов, кроме тех нескольких, которые в нем оставались; Дов хотел его оставить себе как сувенир.

"Давай с тобой договоримся, Юрек, - сказал он. - Если я останусь в живых, револьвер будет моим, если я погибну, ты возьмешь его".

Меньше всего на свете Юреку нужен был револьвер, но Дов рисковал жизнью, чтобы добыть его, и Юрек не стал его бранить. Они договорились о потайном месте для этого сокровища, и в честь сделки торжественно пожали друг другу руку. Если бы Дов был старше, Юрек прижал бы его к себе, но он побоялся обидеть солдатское достоинство этого парнишки такой лаской.

Этой и следующей ночью группа Зиги обогатила запас оружия в кибуце 12 британскими винтовками и большим количеством боеприпасов, противотанковым орудием "пиат" с двенадцатью снарядами и двумя пулеметами "брэн" с 24 магазинами, полными патронов.

Весь этот ужасный день Батия, жена Шимека, была ответственной за одно из убежищ. Легко раненых приводили сюда, чтобы по очереди укладывать их на двух скамейках. Она старалась занять женщин заботой о раненых - смачивать им губы, подавать пить, пытаться кормить их. Она ввела свои правила в убежище - столько-то женщин могли сидеть, столько-то должны были стоять. Однако, самым важным правилом из всех было - не напоминать о детях.

С наступлением ночи, не получив никакой весточки о своем муже, Батия постаралась подавить все растущую тревогу. Другие мужчины пришли в убежище после сражения, но Шимека все не было. И никто не видел его. Наконец, она сама пошла искать его - не лежит ли он где-нибудь раненый. При каждом выстреле она вжималась в окоп. Она слышала стоны раненных животных. Она шла и думала о своих двух детях: о малыше и шестилетнем сыне Аврааме. Какая нежная любовь была между мужем и Авраамом! Как будто он старался дать сыну все то, чего он сам был лишен в той суровой семье, где он вырос. Перед глазами у нее стояло его веселое, смеющееся лицо - таким оно было всегда, когда он возился с мальчиком.

Шимек поздно пришел в кибуц; война настигла его в Польше. Как и Шимон, он проделал тот же путь в советскую зону. Он тоже был арестован, но по менее тяжелому обвинению - за нелегальный переход границы. После недолгого пребывания в тюрьме его отправили на завод. О трудностях и лишениях тех дней Шимек всегда рассказывал с улыбкой. "В военное время Советы вправе были не доверять никому, - говорил он. - Когда меня отправили на военный завод, ко мне приставили конвоира. Меня это, однако, мало трогало. Я сваривал пушки, чтобы бить Гитлера. Чем мне мешал этот старый человек с винтовкой?" И тут он заливался заразительным смехом. Он тоже пришел в Палестину с армией генерала Андерса, из которой дезертировал вместе с Шимоном и таким образом попал в Яд-Мордехай.

Среди тех, у кого Батия во время этой ночной одинокой прогулки спрашивала о своем муже, были люди, знавшие, что случилось с ним, когда его извлекли из-под толстого слоя песка; но ни у одного из них не хватало смелости рассказать ей об этом. Наконец, она вернулась в свое убежище и легла, не решаясь больше кого-либо спрашивать. В убежище пришло несколько ребят из отряда "Охотников за танками", и один сказал другому: "Помнишь того товарища, который так хорошо пел и всегда смеялся? Он погиб сегодня утром, и взрывом засыпало его".

Теперь, наконец, она узнала. Она даже не вскрикнула. Только сжалась в комочек и затосковала по мужу, по его сильному и живому телу, которое больше не приласкает ее, по его неунывающей улыбке, с которой он встречал любую невзгду. На следующее утро она упрекнула Алекса: "Ты бы мог мне

сказать. Не пришлось бы полночи бродить по окопам". В ее голосе было больше печали, чем горечи. Она знала, какая огромная тяжесть взвалена на Алекса, и понимала, как трудно ему было сообщить ей, первой вдове в кибуце, о ее потере.

В атаках на кибуц участвовали первый и второй батальоны Седьмой дивизии египетской армии. Другими словами, две тысячи людей было сконцентрировано в Дир-Саниде и его окрестностях с единственной целью - захватить Яд-Мордехай. Войска были обучены и вооружены англичанами. Их вооружение составляли 24 тяжелых и 8 среднекалиберных орудий, батарея 4,2 дюймовых минометов, 18 трехдюймовых минометов и 12 среднекалиберных пулеметов. В любой момент они могли рассчитывать на поддержку самолетов "спитфайер".

К началу боя защитники кибуца насчитывали 113 мужчин и ребят и одну женщину, из числа которых лишь 66 человек имели оружие. К концу дня число сражавшихся уменьшилось на 15 человек, но так как людей было больше, чем оружия, другие были готовы занять их места. Египтяне потеряли около ста человек убитыми и ранеными.

Люди кибуца все еще верили в свои силы. Они надеялись, что смогут держаться до тех пор, пока подоспеет помощь. Они не сомневались, что Хагана, понимающая стратегическое значение этого места, пришлет подкрепление и оружие или ударит по египтянам с фланга. Шамай принял сообщение о том, что предвидится бомбардировка вражеских позиций. Все только говорили об "ударе извне", который снизит давление на кибуц. И в то же время каждого мучил один и тот же вопрос - кто из товарищей, мужей, добрых друзей погибнет с наступлением нового дня?

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Маргарет Ларкин, ШЕСТЬ ДНЕЙ ЯД -
МОРДЕХАЯ

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

---

6. 20 МАЯ 1948 ГОДА

Перед рассветом к посту 7 прибрела, жалобно мыча, корова. Среди защитников этого поста находился Габриель Рамати, всего за день до этого работавший в коровнике.

"Это Таня! - воскликнул он, когда корова подошла ближе. - Бедное создание, смотрите, как разбухло ее вымя!" И заговорил с ней ласковым голосом: "Коровушка моя, коровушка, ты хочешь, чтобы тебя подоили, правда? Не так уж сильно стреляют сейчас, - добавил он, обращаясь к товарищам. - Пойду-ка и подою ее".

Он вылез из траншеи. Как только он приблизился к корове, она вскинула голову и стала пятиться назад. И тут он увидел страшную рану, зиявшую в ее боку.

Еле сдерживая тошноту, вернулся он в окоп. Корова медленно удалялась, так же жалобно мыча от боли и страха. Габриель упал на землю и накрыл голову курткой. И долго никто не решался заговорить с ним.

Как только начало светать, Алекс и Тувия стали получать донесения с постов. Пост 10 сообщал, что за ночь египтяне доставили части сборного моста Бейли, чтобы заменить им полуразрушенный мост на шоссе. Однако, из-за упорного огня из кибуца, им так и не удалось установить его на место.

Таким образом, дорога на север, к Тель-Авиву, все еще оставалась для них закрытой.

С нескольких постов одновременно прибыли связные; они сообщили, что из

Дир-Санида двинулись броневики и танки. Вскоре стала ясна новая тактика египтян. Они расположили танки и орудия на восточных холмах, у железной дороги, на расстоянии в 750 ярдов. Они угрожали огнем постам 7, 8, 9 и 10. Другие танки встали у дороги, против поста 10. Броневики выдвинулись к доту. Другие спустились по песчаной дороге по направлению к морю и заняли позицию около арабского дома. Отсюда они имели возможность бить по постам 1, 2, 3 и 4. Кибуц теперь был окружен с трех сторон. В действительности он был окружен полностью, но командирам об этом не было известно: нужно было экономить аккумуляторы радиопередатчика (Устройство для зарядки аккумуляторов, которое было отправлено в Тель-Авив на ремонт, не успели привезти обратно до начала сражения.), и Шамай не слушал новостей, в которых сообщалось о высадке египетских войск в Мичдале, расположенном в семи милях к северу от кибуца.

Алекс и Тувия произвели новую расстановку сил в соответствии с создавшейся ситуацией. Люди были отозваны с северных постов для укрепления восточных и южных позиций. Пулеметы "брен" рассредоточили на большом расстоянии друг от друга. Минометы стояли наготове около штаба; их можно было перебросить туда, где возникнет необходимость. За ночь была подготовлена новая позиция для "браунинга"; ею послужила насыпь перед эвкалиптовой рощей рядом с траншеей, спускавшейся вниз по холму, к посту 2. Отсюда, с этой позиции, удобней было обстреливать дот, занятый египтянами. Залман с противотанковым орудием "пиат" был направлен на пост 9, которым командовала Мирьям.

Тувия обходил все убежища и давал новые указания людям, отдохавшим или подкреплявшимся перед боем. В одном из убежищ женщины указали ему на человека, прятавшегося под скамейкой.

"Вылезай оттуда! Что ты там делаешь? Нам нужны люди на постах", - закричал Тувия.

"Мне плохо, я ранен", - ответил человек.

"Ты не ранен, ты - трус, - яростно заорал Тувия. - Идиот! Ты хочешь погибнуть? Выходи и бей египтян - только так останешься в живых", и вытащил перепуганного человека из его укрытия.

Дезертир обхватил колени Тувия и стал целовать его грязные ботинки.

"Пожалуйста, не посылай меня в окопы, - всхлипывал он. - Я был в концентрационном лагере. Я в Палестине всего лишь три недели. Мне хочется пожить немножко. Я хочу увидеть свою сестру".

Тувия оттолкнул его, потом подхватил и поставил на ноги. Мужчина еле стоял, дрожа и плача, он был высокого роста, намного выше Тувия - этого небольшого, энергичного человека, облеченного правом послать его на гибель.

"Я не могу! Я не могу!" - рыдал он.

Тувия отпустил его. Сначала он хотел было вытолкнуть дезертира из убежища и застрелить. Но затем он решил, что, на худой конец, его можно использовать для рытья окопов. Как только Тувия оттолкнул его, мужчина опять полез под скамейку.

Тувия мне не рассказывал этого; не знаю, принял ли он тогда свое решение сознательно, но нельзя отрицать тот факт, что не все оставшиеся в живых узники концентрационных лагерей вышли из них более сильные духом, чем вошли туда. Подверженные унижениям и лишениям, сломленные духовно и физически, некоторые остались в живых только потому, что сами бесчеловечно обращались с тем, кто оказался слабее их. У этих людей так и не зажили раны, которые они нанесли своему чувству собственного достоинства. Были и такие, которые мужественно выдержали все страдания, выпавшие на их долю, но и им хватало сил только до определенного предела; новые испытания были для них уже невыносимы. Кто знает, какие муки сделали трусом этого человека, нелегально прибывшего на свою Родину, добровольно вставшего на ее защиту и тем самым желавшего, конечно, поступать, как лучше?

Доктор Геллер знал, что Гершель умирает. Не имея необходимых условий для операции, доктор не мог сказать наверняка, насколько серьезно Гершель ранен в живот; вероятнее всего, ему было суждено умереть от такой раны. Но было также совершенно очевидно, что Гершель истекает кровью из-за разбитых ног. Каждый раз, когда доктор пытался снять жгут, кровь била фонтаном. Шамай передал по радио сообщение с просьбой прислать кровь для переливания, необходимые препараты для свертывания крови, хирургические инструменты, - но ответа не было. По своему опыту в немецком военном госпитале доктор знал, какие чудеса приносит немедленное хирургическое вмешательство и правильный уход. Он испытывал горечь и негодование от того, что командиры не смогли доставить все необходимое.

Доктор Геллер был не из тех людей, которые легко привязываются к кому-нибудь, но Гершеля он любил. Может быть потому, что он лучше других понимал, какие трудности приходилось Гершелю преодолевать, чтобы жить и трудиться. Гершель родился с деформированной ногой. До тринадцати лет он самостоятельно не ступал ни шагу. После операции, которая дала ему возможность ходить, он остался хромым. Следовало ожидать, что, имея такой

недостаток, он будет готовить себя для сидячей работы. Вместо этого Гершель, в детстве страстно желавший бегать и прыгать, был намерен научиться делать все, что способны делать другие люди. Он настоял на том, чтобы его приняли в кибуц. В Яд-Мордехеае он вместе с Фаней работал в садах и выполнял все тяжелые работы, которые были непосильны ее хрупкому телу. Какая ирония судьбы, что его ранило именно в ноги! Он всю жизнь страдал из-за своих ног, но борьба и преодоление этого недуга сделали его на редкость приятным и милым человеком. Сейчас его жизнь пресекалась из-за несчастья с ногами.

Гершель не жаловался на муку, как он не жаловался все эти годы, когда тяжелая работа отдавалась болью в ногах. Он медленно угасал. Лицо его было пепельным, руки ледяными, пульс еле прощупывался. А потом наступил момент, когда доктор попросил Лейба Дорфмана вынести тело из убежища. Когда это было сделано, он опустил голову, прикрыл лицо руками и заплакал.

В ту ночь защитники сделали все, чтобы хоть немного улучшить свое положение. Кроме того, что они углубили и починили траншеи, они еще прорыли в них боковые защитные углубления и закрепили их досками. Они обложили эти бункеры одеялами и подушками, принесенными из дома. В одном из них стояла даже ваза для цветов, которую взрывной волной выбросило из чьей-то комнаты; ее нашли на мешке с песком, где она весело сверкала в лучах солнца. На посту 7 Рафаэль Рудер брился. Чтобы взять свой бритвенный прибор, ему пришлось влезть через окно, так как дверь его комнаты была завалена изнутри. Когда товарищи стали подшучивать над ним, он ответил: "Я слышал, что у египтян есть женщины!" Такими грубоватыми шутками и маленькими человеческими удобствами люди пытались в этих условиях кошмарного существования создать себе подобие нормального состояния.

Днем стало душно. Солнце безжалостно палило. Людей мучили стаи черных, больно жалящих мух, - как будто они вторглись вместе с египтянами. Горячий ветер заносил песок повсюду - в пищу и воду, в ружья, в рот, в уши и глаза. Этот изнуряющий ветер принес с собой что-то незнакомое - новый запах; пока он был еле ощутим, но позже стал сильнее: то был запах гниющих трупов животных и людей. Этот тошнотворный смрад окутал холмы вокруг кибуца; люди втягивали его с каждым вдохом.

Около девяти часов начался шквальный обстрел поста 1. Наблюдатель сообщил, что египтяне, овладевшие дотом, закапывают что-то вокруг, вероятно - мины. Мотке выбрался из окопа, чтобы лучше разглядеть окрестность. С ним пошел Ефраим, гафир Яд-Мордехая во времена основания поселения. Он пришел сюда с поста 6 всего лишь несколько минут тому назад, чтобы помочь товарищам. Мотке и Ефраим были друзьями с семилетнего возраста. Они

вместе ходили в школу, вместе перенесли все тяжести подготовительного лагеря в Польше, вместе делили лишения и радости строительства своего кибуца на Родине. И чувство товарищества было особенно сильным теперь, когда они лежали рядом на небольшой насыпи и стреляли по суданцам, укладывающим мины. Из щелей дота раздался ответный огонь. Севек, лежащий рядом с ними, почувствовал, как пуля ударила по ружью. "Давайте уберемся отсюда, - воскликнул он. - Нас накрыли". Он сполз обратно в траншею. Мотке свалился за ним, только Ефраим не сдвинулся с места. "Ефраим, спускайся вниз! Ты что, ранен?" - закричал Мотке и стал тащить своего друга в траншею. "Он ранен. Конечно, он ранен, но куда?" Не было ни следа крови, не видно было и раны. Только ноги его вздрагивали. "Хавива, Хавива, скорей сюда! - позвал Мотке медсестру. - он еще жив. Пошлите кого-нибудь за носилками". Хавива нашла рану. Пуля вошла в левое ухо и ушла куда-то вниз. "Возьми его амуницию, - сказала она Мотке. - Надежды почти никакой". Но Мотке не смог этого сделать - он не в силах был признать смерть самого близкого друга. Он отвернулся, весь в слезах, и кто-то другой взял патроны.

Когда санитары принесли первую жертву этого дня, доктор Геллер закричал: "Почему нет касок?! В каждой войне солдатам выдаются каски! Если Хагана их не имеет, надо было изготовить в своей мастерской! Мы теряем людей из-за отсутствия такой простой вещи, как каска!" Этим взрывом ярости он оплакивал смерть кроткого Ефраима.

Ровно в десять часов над Яд-Мордехаем появился разведывательный самолет, и одновременно начался яростный артиллерийский обстрел. Всюду падали снаряды - снаряды из двухдюймовых минометов, из шестифунтовых орудий. И каждую пару минут вражеские пушки, расположенные за Дир-Санидом, посылали двадцатипятифунтовый снаряд. Он приближался с особым воем, ужасающим, пронзительным. Защитники быстро научились узнавать его; когда раздавался взрыв, они съеживались. Есть новые жертвы или нет? Не попал ли еще один снаряд в детский дом? Или в их собственные комнаты? Или он всего лишь оставил новую воронку где-нибудь в поле? Клубы дыма и пыли сгущались над кибуцем. Солнца почти не стало видно, но жарко было по-прежнему. Люди лежали в окопах, задыхаясь, обливаясь потом от жары, от страха и от удручающего чувства тошноты.

Как бы то ни было, обстрел велся более интенсивно, чем в минувший день. Египетские артиллеристы уже не тратили снарядов попусту на водонапорную башню и другие подобные объекты. Они пытались нащупать траншеи и поэтому поливали огнем весь кибуц, стремясь прекратить в нем всякое движение. Жертвы были неизбежны. В посту 9 Мирьям ожидала атаки пехоты. Она считала, что именно поэтому ведется такой шквальный огонь из орудий, расположенных против ее позиции. Залман, находящийся рядом с ней, пытался

ободрить товарищей. "Мы же видели вчера, что собой представляют египетские солдаты, - говорил он. - Стоит только убить офицера или несколько человек в переднем ряду, и они поворачивают и бегут. Мы их отобьем, вот увидите".

Только успел он произнести эти успокоительные слова, как в траншее разорвался минометный снаряд. Когда дым рассеялся, Залман увидел трех товарищей, лежащих на земле. Он с первого же взгляда понял, что Гилелю Гликману ничем уже нельзя помочь. Он был одним из первых халуцим, товарищи его очень ценили за умение вернуть к месту удачное словцо, которое зачастую приносило облегчение в их трудной жизни, полной неудобств. "Желудок держит нас в бедности", - это была его шутка в те времена, когда молодой кибуц страдал от недоедания; ее с любовью повторяют до сегодняшнего дня. Возле него лежал Барух. Осколок врезался ему в бедро; из ноги лилась кровь. Залман бросился за бинтом; в то же время кто-то брызгал водой в лицо Мирьям. Ее ударило взрывной волной, и она лежала без сознания.

Когда Мирьям очнулась, она первым делом увидела, что нужны санитары с носилками. Залман возился с Барухом. Она позвала связного, но никто не откликнулся. Тогда она поползла по траншее, в надежде найти кого-нибудь, чтобы послать за санитарями. Но не успела она проползти и нескольких ярдов, как в конце траншеи взорвался второй снаряд, и ее засыпало песком. Она опять чуть было не потеряла сознание, однако нехватка воздуха и груз песка на груди заставили ее из последних сил карабкаться наружу. Когда она выбралась на воздух, голова у нее кружилась, и в ушах звенело от воя снаряда, зарывшего ее. Она вспомнила, что должна была что-то сделать - найти санитаров с носилками. Совсем забыв о связном, она побежала к убежищу 1, расположенному в 150 ярдах. Она бежала, падала, опять бежала и, наконец, добралась до него. Доктор Геллер сразу понял, что она в шоковом состоянии и заставил ее лечь.

По какой-то причине, которой он теперь и сам не помнит, Лейб Дорфман, старший санитар, пошел один на помощь людям из поста 9. Лейб был ответственным за оказание первой помощи еще со дней Натании, он был санитаром во второй мировой войне. Когда стали прибывать "нелегальные", он находился на берегу, оказывая медицинскую помощь любому, кто в ней нуждался. Это он встретил своего брата с нелегального судна и, вместо того, чтобы радушно принять его, отослал в ночную тьму, шепотом приказав молчать. Когда Лейб добрался до траншеи, он увидел, что бинт на ноге у Баруха весь пропитан кровью. Он сделал более плотную повязку и стал прикидывать, каким образом доставить раненого в убежище. Наконец, он придумал, - закрепил ногу проволокой, чтобы она не болталась, и потащил Баруха к убежищу доктора. Обстрел был очень сильный. Барух испытывал невыносимую

боль.

"Пожалуйста, Лейб, оставь меня здесь. У тебя семья больше моей... ты не дотащишь меня до укрытия... нас обоих убьют".

Они оба лежали, распростершись на земле, потом Лейб попытался тащить его дальше.

Барух стал терять сознание. "Дай мне свой револьвер, - бормотал он. - Я это сделаю сам. Прошу тебя, Лейб, я больше не могу", - и голос его замер.

Тогда Лейб оставил его и побежал к убежищу за носилками. Только один мужчина в состоянии был помочь ему. Они побежали обратно к раненому; но когда Барух уже был на носилках, оказалось, что бежать они не могут: боль была слишком сильной. И в самый разгар обстрела они медленно прошли последние пятьдесят ярдов, отделявшие их от убежища.

Доктор Геллер покачал головой, увидев глубокую рану, почерневшую, обожженную по краям. Искусно и осторожно удалил он омертвевшие ткани, перевязал рану, сделал инъекцию пенициллина и морфия. Барух потерял очень много крови, и невозможно было сделать вливание - но он выжил.

До того, как начался обстрел в этот второй день сражения, трое мужчин сидели в углу траншеи 2 и завтракали. Они ели бутерброды, приготовленные женщинами за ночь до этого, и вместо кофе пили кислое молоко. Одним из них был Мейлах, красивый молодой человек с вьющимися рыжими волосами, спадающими на высокий лоб. Мейлах был одним из первых пионеров кибуца. Совсем еще парнишкой оставил он свою бедную, религиозную семью и приехал в Палестину до того, как было основано Мицпе-Хайам. В кибуце он выполнял самые разные работы. В Натании он был пекарем. Однако его настоящим призванием оказалась интеллектуальная деятельность. Несколько раз его приглашали в Тель-Авив сотрудничать в ежедневной газете "Аль-Гамишмар", органе кибуцного движения. Когда в кибуце требовалось изысканное слово по случаю какого-нибудь торжества, всегда обращались к Мейлаху. Это он сочинил текст свитка, который был заложен в фундамент первого бетонного здания в Яд-Мордехеае.

Довик, второй из этой тройки, был высокий, сердечный человек, мастер пошутить и посмеяться. Вместе с Бизеком они несли ответственность за склад нелегального оружия в кибуце. Во время войны ему удалось увеличить этот запас, благодаря "свиданиям" с еврейскими девушками, служившими в британских частях Вспомогательной Территориальной Службы; вместо

романтических знаков внимания он получал от них ворованные гранаты и боеприпасы. По этому поводу Довик любил поддразнивать свою жену: "Ты только овощи выращиваешь на своем огороде, - говорил он ей, - а вот эти солдатики умеют выращивать патроны". Сейчас, доедая свой скудный завтрак, он все шутил с Мейлахом и молодым пальмахником, которого назначили на их пост.

"Я славно отдохнул прошлой ночью, - рассказывал он им. - После того, как Тувия сменил меня, я пошел в свою комнату, чтобы захватить какую-нибудь подстилку. Первое, что мне попало под руку - вот это покрывало. Что война делает с человеком! В мирное время мне не разрешалось даже ноги положить на него, не подстелив газеты; прошлой же ночью я спал на земле, завернувшись в него".

Мимо проходил Тувия, проверявший посты, и тоже посмеялся шутке. Он сказал, что опасно сидеть всем вместе, и пошел взглянуть, в каком положении находится дот. Из нижней части траншеи, углом огибавшей холм с постом 1, дот был виден, как на ладони. Вокруг него застыли три броневика с пулеметами наготове. Тувия понял, что их присутствие намного осложнит защиту поста.

В то время, пока он наблюдал, начался обстрел, пулеметы броневиков открыли огонь по посту 1. Тувия быстро нырнул в окоп. Примерно через полчаса к нему подполз связной - бледный, дрожащий от того страшного известия, которое он принес. Снаряд разорвался в траншее поста 2; Мейлах, Довик и молодой парень из Пальмаха были убиты наповал.

Под ураганным огнем, ведущимся с трех позиций, Тувия побежал обратно к посту 2. Положение здесь было безнадежным. Мало того, что трое погибли - весь пост оказался, в сущности, разрушенным. Наблюдательный пункт был разнесен вдребезги, и большая часть траншеи осела.

"Куда нам теперь идти?" - спросил один из защитников.

"Может, к турецкой позиции?" - стараясь перекричать грохот, предложил Салек Бельский. - Я пойду взгляну".

Местами ползком, местами вприпрыжку Салек добрался до глубокой ямы, вырытой еще во время первой мировой войны, когда турки обороняли этот небольшой холм от англичан. Под тонким слоем песка земля здесь была плотной, утрамбованной; стены держались прочно. Места здесь хватало на двоих. Тувия послал на пост 3 за подкреплением, а прибывших людей разместил в неповрежденной части разрушенной траншеи; Салек же и еще

один ветеран заняли турецкую позицию.

Египтяне решили испытать новое оружие - дымовую завесу. Усилился обстрел постов 1 и 2, и одновременно дымовые шашки стали взрываться в воздухе, скрывая из виду Белую Горку, неглубокие вад и подступы к доту. Тувия знал, что под прикрытием дымовой завесы начнется атака пехоты, и поспешил к посту 1, прихватив с собой расчет "браунинга".

На вершине небольшого холма защитники стреляли наугад, ничего не видя перед собой. И вдруг случилось то, чего египтяне не сумели предвидеть. Во время хамсина ветер иногда резко меняет направление с востока на запад, и в Яд-Мордехае такое часто случается около одиннадцати часов утра. В этот день египтяне начали первую пехотную атаку именно в одиннадцать часов. И тут ветер вдруг изменил направление. Дым стал рассеиваться, затем исчез окончательно. Защитники увидели египетских солдат, перерезающих проволоку. Покрикивая от возбуждения, евреи открыли яростный огонь, стали забрасывать врага гранатами. Дани, молодой командир Пальмаха, который почти всю ночь занимался укладкой мин, выскочил из окопа, чтобы помочь минометному расчету. Не обращая внимания на страшную опасность, он стоял в полный рост, выкрикивая команды, направляя огонь в самую гущу атакующих, которые были теперь в зоне прицельного огня. Египтяне, захваченные врасплох, кинулись обратно к банановой плантации.

У Брахи, в убежище 2, были свои проблемы. До начала обстрела она разрешала девушкам по очереди выходить в проходы, соединяющие оба конца убежища с окопами. Воздух здесь был свежее, и голубел кусочек неба. Во время же обстрела находиться в проходах стало опасно; сюда могли угодить осколки снарядов и обломки. В десять часов, когда начался обстрел, Браха созвала девушек в центральный отсек. Но одна из них отказалась подчиниться. Она лежала у самой стены, обхватив голову руками. "Умоляю тебя, Браха, не заставляй меня возвращаться туда,- просила она. - Я там не выдержу".

"Девочка моя, здесь опасно оставаться. Надо немедленно отсюда уйти".

"Нет, нет, я не могу, - рыдала девушка. - Я не смогу опять, лежать там целый день. Я лучше здесь умру. Мы все равно все умрем".

"Перестань говорить глупости, - сказала Браха, стараясь поднять ее на ноги. - Можешь стоять там в уголке, если не хочешь лежать. Я отвечаю за тебя. У меня и так достаточно забот".

Молодая девушка - ей едва исполнилось пятнадцать - вынуждена была

подчиниться. Но скоро она опять выскользнула в опасный проход. Сильное, необъяснимое чувство овладело ею. Она не в состоянии была вновь испытать унижения концентрационного лагеря; она не могла снова валяться целый день на вонючих нарах; она не могла вновь пережить унижение, подобное тому, когда, потеряв над собой власть от животного страха, не в состоянии была сдержать физиологических потребностей. Она не могла бы вновь пережить то, что испытала в Берген-Бельзене. Браха привела ее обратно еще раз, но потом увидела, что это просто не имеет смысла. Девочка предпочитала чувство свободы, которое она испытывала под осколками. Она лежала здесь весь день, закрыв голову руками, и только чудом ни один осколок не тронул ее.

С наступлением дня женщин и девушек, прятавшихся в убежище, охватила апатия. Было забыто то чувство облегчения, которое они испытали прошлым вечером, - их тогда вызвали из укрытия, чтобы помочь разносить еду по траншеям, и они, наконец-то, почувствовали себя участниками общего дела. Теперь казалось, что такой вечер больше никогда не повторится. Они стояли в углу, прижавшись друг к другу, или лежали в тесноте на узких нарах. Воздух был удушливый. К невыносимой жаре, которую принес хамсин, добавилось еще тепло от тридцати разгоряченных человеческих тел. Пот лился с них градом, вся одежда промокла. Они пытались спать или просто лежали в полубессознательном состоянии. Они старались ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Они забыли, что надо есть. Даже стрельба не могла вывести их из этого состояния депрессии. Им больше ничего не оставалось - только терпеть свои страдания.

И вдруг все это кончилось. Кто-то запел. Другие присоединились. Сначала они пели песни той страны, из которой приехали - все они были из Польши. Потом спели несколько песен на иврите. Одну из них они все повторяли и повторяли:

"Мы пришли в страну свою, Мы пришли в страну свою, Мы пришли в страну свою, Пахали мы и сеяли, Пахали мы и сеяли, Но жать еще не начали, Нет, жать еще не начали."

Одной из загадок сражения при Яд-Мордехе является тот факт, что, несмотря на интенсивный артиллерийский огонь, египтянам так и не удалось разрушить заграждения из колючей проволоки перед постами. В рапорте, попавшем в руки евреев, египетский офицер отмечал, что причиной этой неудачи была нехватка бангалорских торпед (Длинная труба, наполненная взрывчаткой. Выстреливает от запала или электрической искры; используется для разрушения укреплений и проволочных заграждений.). Как бы там ни было, египтяне прилагали большие усилия, чтобы справиться с проволокой вручную.

Пока защитники были заняты отражением первой атаки этого дня, группа из пятнадцати египтян обошла подножье небольшого холма. Под прикрытием дымовой завесы египетские солдаты начали перерезать проволоку у главных ворот. Если бы им удалось проложить себе путь с этой стороны, они, возможно, добрались бы до траншей и напали на пост 1 с тыла. Но их обнаружили, как только дым рассеялся. Тувия направил несколько человек, в том числе пулеметный расчет, в нижнюю часть траншеи, откуда можно было открыть прямой огонь по египтянам. Однако, как только началась стрельба, броневики, стоящие у дота, открыли ответный огонь из пулеметов. Защитники оказались в очень опасном положении; да и траншея была недостаточно глубокой в этом месте. Дот, который вчера был для них главным опорным пунктом, сегодня угрожал их жизни. Дани стоял на самой высокой точке в траншее, ближе всех к посту 1. То был красивый юноша с большими карими глазами на овальном лице, густыми черными волосами и пухлыми губами. В свои двадцать лет он уже был ветераном Пальмаха. Он свободно владел арабским, так как родился в Дамаске, и поэтому его часто засылали с опаснейшими разведывательными заданиями на арабскую территорию. Под ним, здесь, в траншее стоял Менахем - один из защитников дота, который так и не нашел в себе сил пристрелить приползшего к ним пса. Еще ниже расположились Тувия и Шимон с "браунингом". Под ними заняли позиции Наум и Беня, одни из первых кибуцников, оба вооруженные пулеметами системы "стен". "Внимание! Ложись!" - кричал Тувия. Но не могли же они заботиться теперь о своей безопасности, когда надо было во что бы то ни стало помешать египтянам перерезать колючую проволоку! И они поднимались во весь рост, стреляли, ложились опять. Пулеметная очередь из дота накрыла траншею.

"Меня ранило, не могу шевельнуть рукой!" - крикнул Дани. "Есть у кого-нибудь бинт?" - спросил Тувия. Беня повернул голову в сторону дота, чтобы достать бинт из кармана рубашки. В этот миг пуля разбила ему лоб, и он упал на спину. В то же мгновение коротко вскрикнул Наум. Они упали одновременно. У Бени был задет череп. Наума убило на месте. Шимон подхватил его, когда он падал, и успел услышать его предсмертный вздох. Он осторожно положил его на землю и вернулся к пулемету.

Беня с трудом поднялся на ноги; кровь залила его лицо. Локтем он вытер ее и попытался стрелять из своего "стена".

Тувия потянул его вниз, в траншею, и перевязал лоб.

Однако египетские солдаты уже уползали обратно; они отступили в томатное поле и скрылись из виду в картофельной ботве, которая в этом году выросла необычно высокой. Половина этой группы погибла и осталась лежать у проволочного ограждения. Опасность прорыва была предотвращена

благодаря последним залпам защитников.

Дани ранило в локоть; из-за этой раны была парализована вся рука. Когда Тувия бинтовал ее. Дани сказал: "Ты веди Беню к доктору. Я могу идти сам. Я пойду за тобой". Но когда он так и не явился в убежище, Тувия послал Хавиву искать его. Хавива встретила с ним всего лишь пару часов тому назад. Пробегая мимо по траншее, он нечаянно обдал ее песком. "Что же я наделал! - воскликнул он. - Ну и осел же я!" Она засмеялась и сказала: "Нагнись хоть немного, Дани. Ты такой высокий, что египтяне могут увидеть тебя за милю". Теперь, когда она бежала по траншеям, ей вспомнилась эта встреча.

Она нашла его лежащим на открытом месте. Пока он добирался до убежища, его снова ранило. Он не мог подняться - у него было прострелено легкое.

"Помоги мне, Хавива, я хочу жить!"

Они находились под огнем, но Хавива перевязала его и попыталась тащить к траншее. Он понемногу терял сознание. Подоспевшие санитары унесли его на носилках к доктору Геллеру. Хавива вернулась грустная к своему посту в эвкалиптовой роще; она вынула из полевой сумки кусок марли и вытерла кровь Дани со своих рук. Воды для мытья не было.

Примерно через час после того, как отбили первую атаку, ветер был все еще переменчив, и египтяне не могли снова применить дымовую завесу. При второй атаке на пост 1 перед пехотой шли броневики; они вели непрерывный огонь из пулеметов.

На наблюдательном пункте в это время находились двое - Севек и Сема, прибывший в кибуц всего лишь два года назад. Тем не менее, многие члены кибуца его хорошо знали. Вместе с ними он принимал участие в халуцианском движении в Польше, а одно время занимал в трудовом лагере важный пост руководителя работ. Почти все годы войны он провел в гетто в Ченстохове, где помогал организовать подпольные группы для борьбы с нацистами. Когда гетто уже было почти опустошено в результате "акций", во время которых людей отправляли в их последний путь к газовым камерам Аушвица, ему удалось бежать и присоединиться к группе еврейских партизан, действовавших в окрестных лесах.

Один из броневиков направил весь свой огонь на наблюдательный пункт. Пули грохотали по гофрированным стальным листам крыши; они ложились все ближе и ближе к амбразурам.

"Ложись!" - крикнул Севек и бросился на пол. Сема упал вместе с ним - он был мертв.

"Его смерть совсем на меня не подействовала, - говорил мне Севек через двенадцать лет. - Казалось совершенно ясным, что так и должно было случиться. Это произошло бы и со мной, если бы я вовремя не упал. Я тогда хладнокровно подумал, что теперь моя очередь. Не странно ли это? - ведь я любил Сему. Но мои чувства притупились. Я почувствовал себя равнодушным, онемевшим, мертвым".

Обстрел немного утих, и Севек выполз из наблюдательного пункта. Пост 2 вел минометный огонь по броневикам, заставляя их поворачивать назад. Вслед за ними и египетская пехота также обратилась в бегство. Вторая волна наступления была отбита.

В послеобеденное время Менахема послали с раненым товарищем к доктору Геллеру. Здесь он узнал, что Дани умер. С тех пор, как Дани ранили и он покинул траншею, о нем не было никаких известий. Менахема потрясла смерть этого отважного молодого воина; он не думал, что его рана столь опасна. Печальный и потерянный зашел он в одно из женских убежищ и вытянулся на нарах во весь свой рост, впервые за два дня позволив телу по-настоящему отдохнуть. К нему подошла одна из женщин. Не то, чтобы они были особенно дружны, нет - просто одна из женщин кибуца. Она принесла намоченную водой тряпку и, не сказав ни слова, начала стирать копоть с его лица. Она провела прохладной тряпкой по лбу, стерла остатки грязи с лица и вычистила большие отопыренные уши. Менахем был благодарен ей за эту заботу.

"Не можешь ли ты мне и рот почистить? - спросил он. - У меня такое чувство, будто его закупорило грязью".

Она засунула ему пальцы в рот и ногтями стала выскребать песок из зубов. Затем дала немного воды прополоскать рот. После этих процедур она опять уложила его.

"Ну как, теперь лучше?" - спросила она. И, не дожидаясь ответа, наклонилась, чтобы поцеловать его.

И грубые нары показались Менахему роскошным ложем. Здесь, в стенах убежища, он чувствовал себя в безопасности; даже вонючий воздух казался вполне сносным. Удивление, вызванное неожиданным поцелуем женщины, сменилось приятным чувством уюта и тепла. "Как бы мы выдержали все это без женской помощи?" - сказал он про себя. Его измученное тело расслабилось, и

он погрузился в глубокий сон.

В штабе радист Шамай внимательно прислушивался к сообщениям, передаваемым с разведывательного самолета египетскому командованию. Он хорошо знал арабский.

"Они говорят, что на постах 1 и 2 до начала атак было не более пятнадцати человек, - докладывал он командирам, проводившим короткое совещание в убежище. - Они говорят, что спустятся ниже, чтобы еще раз сделать подсчет".

"И при каждой атаке мы уничтожали по половине роты", - ликовал Тувия.

"Но мы потеряли почти треть наших людей, - угрюмо заметил Алекс. - Не первые атаки решат нашу судьбу, а последние".

"Их солдаты деморализованы. Они не смогут послать тех же людей в следующую атаку. Я уверен в этом, - сказал Тувия. - А если они сунутся, мы уничтожим весь полк. Они долго так не выдержат".

"Нам необходимо подкрепление и оружие", - сказал Алекс. С этим Тувия согласился, и они продиктовали Шамаю донесение:

13.55. Отбиты две атаки пехоты. У нас есть потери. Посты разрушены. Мы нуждаемся в подкреплении, оружии и боеприпасах.

Тут какое-то изменение произошло в звучании "оркестра", рев которого все время служил фоном для их беседы. Обстрел продолжался, но стал тише.

"Они опять наступают!" - закричал Тувия и бросился из убежища.

"Еще одна атака пехоты", - добавил Шамай к донесению.

Было позднее послеобеденное время. Над полем сражения стоял туман из пыли и дыма. Когда на секунду стихал гул канонады, слышны были стоны и крики раненных египтян. В траншее поста 1 Севек говорил громко и возбужденно:

"... целился прямо в меня . . . минометный снаряд . . . я это знал... я бросился на землю. Он пролетел мимо... да, я чувствовал, как он пролетел над моей головой, и воздушная волна придавила меня к земле. Понимаешь? Я слышал этот ужасный вой и, когда открыл глаза, я не знал - жив я или мертв . . . жив или мертв. В голове стоит звон. Что ты сказал? Я ничего не слышу . . . только звон в

голове. Вы еще можете поглядеть на снаряд, застрявший в стенке окопа. Всего лишь в пяти дюймах над тем местом, где я лежал. Ох, моя голова!.." - и он зажал ее руками.

"Замолчи, Севек, - пытались успокоить его другие. - Египтяне еще услышат тебя и возьмут нас на прицел. Молчи!"

Севек заплакал. Слезы катились по его лицу, а он все звал по имени товарищей, находившихся рядом, в траншее, и тех, кого настиг вражеский снаряд. "Я хочу услышать свой голос, свой человеческий голос, - всхлипывал он. - У меня голова разрывается, а я все не могу услышать своего голоса".

Люди были слишком измучены, чтобы обращать внимание на истерику Севека. Они сидели или лежали в траншеях, оглушенные взрывами, кашляя от острого порохового дыма, ощущая боль во всем теле от нечеловеческого напряжения этого дня. Сколько атак они отразили? Одни считали, что их было три, другие были уверены, что не менее пяти или шести. Начался бесцельный спор, сразу же прекратившийся, как только наблюдатель объявил, что начинается новая атака. Люди медленно поднялись на ноги, и двое споривших стояли, молча обнявшись.

На этот раз их пост обстреливался настолько интенсивно, что им пришлось покинуть его. Они укрылись в небольшой ложбинке; оттуда, прижавшись всем телом к земле, они опять стреляли из винтовок и бросали гранаты. Упорство защитников и преимущество их позиции содействовало тому, что и в пятый раз за этот день они взяли верх над врагом. Это была последняя атака.

Но один человек все оставался в окопе - Вольф Кригер. Накануне сражения он вернулся в кибуц со своей женой, русской еврейкой, которая родила мертвого ребенка всего лишь за несколько дней до этого.

"Вольф, иди вниз, - звали остальные. - Уходи оттуда! Окоп слишком мелкий, тебя могут увидеть".

"Еще минутку, - кричал он в ответ. - Я хочу убедиться, что они действительно отступают".

Не снайперская пуля убила его, когда он стоял так, на виду; по воле слепого случая шестифунтовый орудийный снаряд попал прямо в него. С ужасом увидели товарищи, как его разнесло в клочья. На месте, где только что стоял живой человек, не осталось даже туловища. Лежала только жалкая кучка остатков, плавающих в крови.

В первый день сражения Веред, жена Кригера, почти все утро настаивала на том, чтобы ее оставили в окопе вместе с мужем, и только Тувия с его решительностью смог заставить ее пойти в убежище. Потом Вольф с каждым связным, приходившим на пост 1, посылал ей маленькие записки. Все знали горестную историю этой пары; никто не подшучивал над Вольфом из-за этих любовных писем. Вольф служил солдатом в побежденной польской армии. Отступая, его взвод дошел до советской зоны; их взяли в Красную Армию. Вольф участвовал в Сталинградской битве и остался в живых. Потом, как это случилось и с другими поляками, его отправили в рабочий батальон. В далекой Туркмении, работая механиком, он встретил Веред и женился на ней. Эта еврейская женщина эвакуировалась сюда из оккупированных немцами районов России. Веред вспоминает, как он засыпал ее историями о своем кибуце; так она познакомилась со всеми людьми кибуца еще до встречи с ними. После войны Вольф репатриировался в Польшу, и Веред стала польской подданной. Решив любым способом добраться до Палестины, они отправились в Германию, оттуда - во Францию. После многих месяцев скитаний они получили сертификаты и эмигрировали. Ровно за год до дня его гибели, Вольф и Веред были приняты в Яд-Мордехай.

За весь долгий день в душном убежище Веред просто обезумела от волнения. С того момента, как начался обстрел, она не получила ни одной весточки от Вольфа. От таких переживаний она даже забыла почти все слова на иврите и польском и не в состоянии была вымолвить ни слова. Она почувствовала себя чужой, оторванной от других женщин, выросших вместе, основавших кибуц, деливших горе и радость за столькие годы. Ею овладело предчувствие несчастья. Когда известие, наконец, пришло, оно не удивило ее; казалось, она все время знала, что так и должно случиться.

Теперь она потеряла все - свою страну, семью, ребенка, мужа. Она была одинокой в чужой стране среди чужих. Она закричала. То был истерический крик горя и крушения всех надежд. Женщины, сгрудившиеся в этом тесном, жарком убежище, не могли вынести этих криков. Они бросились успокаивать ее, но никому не удалось утешить Веред, жизнь которой была полностью разбита. Наконец, Доре пришлось сделать ей инъекцию снотворного.

Из Нир-Ама, где был расположен штаб Пальмаха, Гершон с беспокойством наблюдал за ходом сражения. Кибуц, который он так хорошо знал, чьих детей он спасал, был охвачен огнем. По тому, как ослабевал артиллерийский огонь, он знал, что вновь начинается пехотная атака. Ответный огонь защитников немного успокаивал: казалось, он не стихал, несмотря на атаки, следующие одна за другой.

Когда артиллерийский обстрел начался в пятый раз, Гершона вызвали в штаб на совещание. Под непрерывное дребезжание стекол, офицеры пытались решить, чем можно помочь осажденному кибуцу. Гершону предложили дать оценку обстановки.

"Я хорошо знаю расположение их укреплений и знаю людей Яд-Мордехая, - сказал он. - На них можно положиться, они будут бороться до конца. Они лучше других кибуцов, лежащих на главном шоссе, подготовлены к тому, чтобы удержать египтян. Им надо отдать все, что у нас есть".

Полковник Наум Сариг, командующий войсками Хаганы в Негеве, признал стратегическое значение Яд-Мордехая; сейчас кибуц сдерживал основную силу египтян, не давая возможности двинуться на Тель-Авив. Но полковник не располагал ни лишним оружием, ни людьми. Половина его отряда из 800 человек находилась в нижнем Негеве. Вторая половина была распределена в этом районе между пятнадцатью поселениями; солдаты занимались эвакуацией детей и охраной коммуникаций. В своем распоряжении он имел всего лишь два взвода - шестьдесят человек, - предназначенных для подкрепления.

В то время, когда они обсуждали этот вопрос, радист принес еще одно донесение из Яд-Мордехая.

18.30. Пятая атака под прикрытием пулеметов, минометов и тяжелой артиллерии отбита. Шестнадцать убитых и двадцать раненых. Нет места, чтобы их уложить. Доктор выбился из сил. Нам необходима помощь и немедленно.

"Мы это сделаем, - решил полковник Сариг. - Мы пошлем один взвод. Это все, что в наших силах; было бы ошибкой послать всех людей в осажденное место".

"А как насчет раненых?" - спросил Гершон.

"Ты знаешь не хуже меня, что все грузовики теперь заняты эвакуацией детей, - ответил полковник. - Половина детей Яд-Мордехая все еще находится в Рухаме; если бы они могли выбрать, они бы предпочли, чтобы мы, прежде всего, вывезли детей. Египтяне могут начать бомбардировку Рухамы в любой момент".

Гершону пришлось согласиться с этим.

Взвод, предназначенный для поддержки кибуца, в большинстве своем состоял из иммигрантов, недавно прибывших в страну. Они были слабо обучены и не имели никакого опыта в войне. Они не прошли закалки в дорожных схватках,

как те молодые ветераны, которыми командовал Гершон. Вооружение их составляли винтовки, пулеметы "стен" и автоматы. Они должны были захватить с собой столько боеприпасов, сколько каждый был в состоянии унести. Гершон велел Иошке, хорошо знакомому с местностью, полями провести их к кибуцу, как только зайдет луна.

К началу сражения не было никаких планов относительно захоронения убитых. Никто не подумал и о том месте, где можно было бы временно поместить павших - до тех пор, пока появится возможность их похоронить. Когда Егуди Розен, один из членов расчета "шпандау", был убит в первые же минуты боя, санитары принесли его в убежище к доктору. После того, как был установлен факт его смерти, тело вынесли наружу, где оно снова было поражено осколками бомбы. Лейб Дорфман и Алекс решили тогда укрыть убитых в прачечной, которая кое-как была защищена от обстрела небольшим холмиком.

На второй день вечером, как только начало темнеть, Алекс и Тувия пригласили к себе Лейба, чтобы решить вопрос о погребении. Они решили использовать для этой цели небольшое убежище, предназначенное для штаба и разрушенное в первое же утро артиллерийским огнем. Надо было только снять поврежденную железную крышу и использовать уже готовую яму для братской могилы.

Залмана и еще одного мужчину попросили помочь Лейбу и другим санитарам. Двадцати мужчинам и женщинам, ближайшим друзьям погибших, было разрешено присутствовать на похоронах, несмотря на случайные минометные выстрелы. Были здесь и обе вдовы - Батия, которая обошла все окопы в поисках мужа, и Ализа, чей муж, Мейлах, был убит в это утро на посту 2. Женщины уговорили Веред не ходить на похороны. Они хотели скрыть от нее, что от тела ее мужа остались для погребения всего лишь часть руки и одна нога.

Ализа рано утром получила известие, что Мейлах ранен и засыпан песком. Бой разгорался все ожесточеннее, и в течение нескольких часов не было больше никаких сообщений. Все эти часы она удивляла остальных женщин своей выдержкой. Ее беспокойство, а позже - горе, как это случается очень редко, обратились в нечто положительное. Раньше ее товарищи и не подозревали, что она способна проявлять такую нежность, - однако сейчас она вся лучилась заботливостью и материнством. Она ухаживала за ранеными, она беспокоилась о связных, под обстрелом бегущих через траншеи.

Подойдя к своему мертвому мужу, она опустилась на колени, сняла с него часы и залитый кровью патронташ. "Ему эти патроны больше не понадобятся, а кибуцу они еще нужны", - сказала она и отдала патронташ товарищу. Она

провела рукой по рыжим волосам убитого, поцеловала его в губы и помогла перенести к могиле. Залман, стоявший в яме, принял тело.

Самые изувеченные были завернуты в простыни, других хоронили в их грязной, покрытой пятнами рабочей одежде, которую они носили в окопах. Довику послужило саваном его покрывало, по поводу которого он шутил за несколько минут до смерти.

Семеро из тех, кто погибли, не были женаты; шестеро оставили вдов, которые находились вместе с детьми за пределами кибуца. Друзья, пришедшие проститься с погибшими, стояли молчаливо, без слез. Одна женщина вдруг шагнула вперед и поцеловала грязные, неприкрытые лица тех, чьи вдовы еще не знали о том, что стали вдовами. Ализа и Батия бросили традиционную горсть земли в братскую могилу. Присутствующие не стали ждать, пока похоронная команда закончит работу. Вереницей, молча они шли по траншеям. Смерд, исходящий от неубранных трупов египетских солдат, преследовал их повсюду; горе, страх и отчаяние - все смешалось в их сердцах.

Десять часов вечера. Убежище, где находился штаб, было переполнено. Вчерашнее правило, по которому в штабе могли находиться только командиры, группа радистов и ответственные за склад с оружием, было нарушено: легко раненых пришлось перевести сюда в штабное убежище. Теперь, когда с наступлением ночи стих артиллерийский обстрел, сюда пришли женщины навестить раненых, пришли и мужчины с разных постов за новостями.

В одном углу Комитет обороны проводил совещание. Залман - секретарь кибуца, и Дина, весь день исполнявшая обязанности то сестры милосердия, то связной, присоединились к Рубену, Алексу и Тувию. Пытаясь сохранить свои планы в тайне, они говорили шепотом.

Однако все находившиеся в убежище, настаивали на своем праве принять участие в совещании. Они имели право голоса во всех делах кибуца с тех пор, как собрались все вместе. Они не отказывались от своих демократических прав, когда решался вопрос - строить ли новые дома, покупать ли сельскохозяйственные машины. Как они могли отказаться от них теперь, когда стоял вопрос о жизни и смерти?

Один за другим приходили с донесениями командиры постов, вызванные на совещание. Потери были известны всем; несмотря на это, они упомянули о них. Не считая легко раненых, которые сами наложили себе повязки и вернулись обратно в окопы, двадцать человек вышли из строя. Шестнадцать были убиты.

К началу боя было 114 мужчин и мальчиков. Тридцать шесть убитых и раненых - это означало, что треть всех сил вышла из строя; на самом же деле, если брать в счет только эффективных бойцов, то боеспособных осталось около половины. О состоянии вооружения рапортовал Натек. Имелось достаточное количество ручных гранат, но было израсходовано более половины всей амуниции для различных видов оружия. Эти остатки в дальнейшем сократились из-за итальянских и чешских винтовок, оказавшихся почти непригодными. Но истинным бедствием при столь скудных запасах оружия явилась потеря двухдюймового миномета. Он был разбит в этот день после полудня на посту 1, в самый разгар артобстрела.

После рапорта Натек дискуссия стала общей, в ней принимал участие каждый из присутствующих. Некоторые пали духом. Что же делать дальше? - спрашивали они. Где мы возьмем боеприпасы? Воду? Запас воды в бочках подходил к концу. Нельзя было выкачивать воду из колодца - наполовину зарытый генератор получил повреждение при обстреле. Трупы животных попали в бассейн, вода которого сохранялась как неприкосновенный запас. Скоро она испортится и станет непригодной для употребления. А что будет с женщинами?

В течение первого и половины второго дня сражения этот вопрос - что будет с женщинами? - обходили молчанием. Мужчины не хотели пугать женщин своими тайными опасениями, а женщины старались не лишиться мужчин присутствия духа. Но к вечеру произошло нечто такое, из-за чего стало невозможным и дальше уходить от этой темы. Истеричный молодой связной прибежал с известием о том, что посты 1, 2 и 10 уже сданы и что египтяне ворвались в кибуц. В убежище всех охватила паника. Люди Яд-Мордехая считали, и не без основания, что изнасилование будет только одним из ужасов, которым победившие египтяне подвергнут женщин кибуца.

Во время необъявленной войны последних пяти месяцев арабы совершали страшные зверства - в большинстве случаев над женщинами. Несколько женщин выскочили из убежища и бросились искать Алекса. Они требовали оружия, они предпочитали смерть плену. Алекс, и сам обеспокоенный судьбой женщин, дал им ручные гранаты. Но теперь тот факт, что в руках женщин находится средство самоуничтожения, вызывал содрогание и действовал угнетающе. Было сказано немало горьких слов в адрес Хаганы за ее отказ эвакуировать женщин перед началом боя. И действительно, теория Хаганы, согласно которой эвакуация подрывает моральный дух мужчин, сейчас обратилась в свою противоположность. Страх за судьбу двух десятков женщин, теснящихся без дела в переполненных убежищах, занимающих места раненных, измученных бойцов, подрывал боевой дух мужчин.

Какой-то переполох возник у входа в убежище. Нахман Кац протиснулся в центр группы, размахивая винтовкой. "Я перестрелял всех коров, - разрыдался он. - Всех животных! Я расстрелял их. Я не мог смотреть на их муки. Все равно мы здесь погибнем, зачем мучиться животным?"

Сдавленный стон пронесся по убежищу.

"Прекратить! - скомандовал Тувия. - Ты не имел права тратить патроны без приказа".

"Я перестрелял их всех, - истерически рыдал Нахман. - Я увидел "Аристократа" - он стоял у бассейна все еще живой. Я застрелил "Аристократа", я застрелил одного мула, я перестрелял всех коров".

"Иди приляг, отдохни немного", - тихо сказал Алекс; его крупное лицо содрогнулось от жалости. Кто-то вывел Нахмана.

Стояла долгая тишина. Гибель животных была невосполнимой потерей. С какой гордостью и восторгом приобрели они "Аристократа", своего знаменитого белого скакуна! Породистые коровы являлись доказательством их растущего благосостояния. Цыплята и утки были частью многоотраслевого хозяйства, которое разворачивалось в кибуце. Дома можно было отстроить, деревья можно было посадить, но животные, о которых они так заботились и к которым так привязались, были окончательно потеряны.

"Нам надо сдаваться, - вдруг сказал кто-то высоким, напряженным голосом. - Как можем мы, несколько человек, удержать всю египетскую армию? Это невысказимо. Так зачем нам погибать? Я говорю, надо сдаваться!"

"В плену, по крайней мере, мы выживем, и наши дети не останутся без матерей", - добавила одна женщина. "Я никогда не сдамся", - крикнул Дов Ливни, которого в тот день ранило осколком в голову. Это был тот самый шестнадцатилетний парнишка из Пальмаха, который прошлой ночью, наконец, достал револьвер, свой долгожданный трофей. "Завтра я буду в полном порядке и буду биться до конца".

Тогда Алекс стал объяснять, что значит сдать в плен. Он напомнил своим слушателем о том, что случилось всего лишь неделю тому назад в Кфар Этционе. Это поселение, расположенное на одной из дорог, ведущих к Иерусалиму, несколько месяцев выдерживало осаду, а потом было атаковано Арабским Легионом. Два дня они сопротивлялись, затем на них пошли танки. Поселенцы, оставшиеся в живых, сдались; их выстроили в ряд, как бы для

фотосъемки; после этого расстреляли из пулемета (Хотя рассказы спасшихся из этой бойни не совсем ясны, этот расстрел, возможно произвели арабские нерегулярные войска, присоединенные к Арабскому Легиону. Один из оставшихся в живых фактически был спасен офицером Легиона. Но в то время это еще не было известно; защитники Яд-Мордехая имели основание для своих опасений.). Только трое спаслись в этой бойне. Может ли Яд-Мордехай после всех тяжелых потерь, нанесенных египтянам, рассчитывать на более снисходительное обращение?

"Нам обещано подкрепление, - сказал он в заключение.

- Один взвод прибудет к нам сегодня ночью после захода луны".

"Взвод! - крикнул кто-то. - Какой смысл посылать горсточку людей погибать вместе с нами? И какой это взвод? Может быть, Гершон придет со своими лучшими людьми? Или нас просто бросили на произвол судьбы?"

"Все мы - солдаты Хаганы, - повысил голос Тувия. - Нам приказано сражаться и выстоять. Не мы начали эту войну. Не мы развязали это сражение. Но мы должны выполнить свой долг. И никаких разговоров о сдаче!"

"Придет новый взвод, он заменит людей на постах, - сказал Алекс. - Всем нам нужен отдых. Пока вы будете спать, новые бойцы восстановят траншеи. Они принесут оружие и боеприпасы, и мы попросим пальмахских ребят выйти за ограду и подобрать брошенное".

Шамай, подслушивавший египетские радиопередачи, ворвался в убежище. "Египетский штаб рапортовал в Каир, - сказал он, - что их потери достигли двухсот человек. Они говорят, что не в состоянии взять это место. Они просят подкрепления".

"Подкрепления! - воскликнул кто-то. - Им еще требуется подкрепление!?"

"Они воюют не так, как мы, - объяснил Залман. - Они воюют по-книжному. Ведь их обучали англичане, - как обучали нас в Еврейской бригаде. Они не посылают в атаку отряд, если он был разбит или потерпел поражение".

"А они уже дважды наступали! - добавил Тувия. - Мы выигрываем время - время для подхода подкрепления, или время для Пальмаха, чтобы он ударил с тыла".

На этом совещание закончилось.

В два часа ночи прибыл долгожданный взвод под командованием Иошки; люди Яд-Мордехая его знали и доверяли ему. Тувия послал бойцов на посты 1, 2, 3 и 10, чтобы заменить падавших с ног людей, и в траншеи - восстановить разрушения. Иошке сообщил, что два батальона Пальмаха идут с севера в Негев. Он добавил, что слышал разговор полковника Сарига о том, что израильское правительство на днях получило несколько чешских самолетов. Иошке считал, что они будут использованы для бомбардировки египетского штаба в Газе. Новость быстро облетела все убежища. "Мы спасены!" - восклицали многие. Сам факт, что взвод добрался до них, означал, что кибуц не был полностью отрезан. И если были такие, что сомневались в возможности победы, мрачное настроение, царившее на совещании, все же рассеялось, и защитники могли с большей уверенностью встретить завтрашний день.

RATING@Mail
ru

HotLog